ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ.

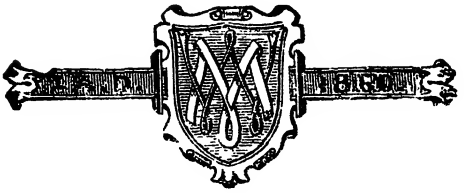
ТОМЪ II.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ II.

ВТОРОЕ, ОБЩЕДОСТУПНОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И УМНОЖЕННОЕ ИЗДАНІЕ.



ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.*

1869.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА, (ПО ФОНТАНКѢ, № 59.) ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

II. Народы греко-римскаго періода. *(Окончаніе.)*

стр.

IX. Отъ смерти Суллы до перваго тріумвирата.

1. Характеръ послѣдняго времени римской республики 1
2. Время послѣ смерти Суллы 3
3. Война съ Серторіемъ 4
4. Невольничья война 5
5. Помпей и Крассъ 8
6. Война съ морскими разбойниками 10
7. Послѣдняя война съ Митридатомъ 12
8. Заговоръ Катилины 18
9. Внутреннія событія въ Римѣ отъ заговора Катилины до перваго тріумвирата . . . 21

X. Отъ перваго тріумвирата до паденія республики.

1. Первый тріумвиратъ 24
2. Цезарь въ Галліи 29
3. Внутренняя исторія Рима до начала второй междоусобной войны 31
4. Вторая междоусобная война 34
5. Цезарь властитель Рима 40
6. Отъ смерти Цезаря до втораго тріумвирата 46
7. Отъ образованія втораго тріумвирата до битвы при Акціумѣ 50

XI. Литература и образованность римлянъ въ республиканскій періодъ.

1. Литература и образованность въ первое время республики 57
2. Литература и образованность отъ начала пуническихъ войнъ до Цицерона 60
3. Литература и образованность при Цицеронѣ 69

XII. Періодъ императоровъ отъ Августа до Адріана.

1. Октавіанъ Августъ 78
2. Германскіе народы и ихъ войны съ римлянами при Августѣ 83
3. Правленіе императоровъ изъ фамиліи Августа 89
4. Отъ смерти Нерона до восшествія на престолъ Веспасіана 105
5. Послѣдніе годы іудейскаго царства и начало христіанства 110
6. Императоры Веспасіанъ и Титъ 116
7. Состояніе римскихъ провинцій отъ Августа до Веспасіана и отношенія римлянъ къ германскимъ и британскимъ племенамъ 120
8. Римская имперія отъ смерти Тита до Адріана 126
9. Императоръ Адріанъ 133
10. Взглядъ на общественную жизнь и государственное устройство Рима при первыхъ императорахъ 137
11. Литература и образованность отъ Августа до Адріана 143
    1. Литературный вѣкъ Августа . . . . . —
    2. Литература отъ Августа до Адріана 151
12. Литература и образованность при Адріанѣ 163

стр.

XIV. Римское государство отъ смерти Адріана до Константина Великаго.

1. Общія замѣчанія о состояніи римскаго общества въ послѣднее время его существованія. 168
2. Антонинъ Пій и Антонинъ Философъ 170
3. Преемники Антонина до Александра Севера 173
4. Александръ Северъ и основаніе новоперсидскаго царства 180
5. Преемники Александра Севера до Діоклетіана 182
6. Діоклетіанъ и его соправители 189
7. Языческая литература и образованность отъ Адріана до Константина Великаго . . . 195

XV. Два послѣднія столѣтія древности.

1. Константинъ Великій 207
2. Христіанство, какъ господствующая религія въ римской имперіи 210
3. Преемники Констатина Великаго до Валента . . . . . —
4. Начало такъ называемаго переселенія народовъ 218
5. Отъ смерти Валента до вторженія Алариха въ Грецію 219
6. Переселенія готовъ и исторія римской имперіи во время этихъ переселеній. 222
7. Переселенія вандаловъ и гунновъ и исторія римской имперіи въ это время 229
8. Паденіе Западной римской имперіи. 234
9. Одоакръ и Теодорихъ Великій 237
10. Отъ смерти Теодориха Великаго до паденія остготскаго королевства 241

XVI Религія, образованность и литература двухъ послѣднихъ столѣтій древности.

1. Христіанство. 248
2. Литература и образованность послѣднихъ временъ древности . . . . . —

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I. Первыя столѣтія среднихъ вѣковъ.

I. Исторія народовъ и государствъ востока.

1. Византійская имперія и Новоперсидское царство до паденія послѣдняго. 266
2. Исторія аравитянъ до Мухаммеда 274
3. Мухаммедъ 276
4. Исторія аравитянъ въ правленіе первыхъ четырехъ халифовъ 284
5. Исторія аравійскаго государства отъ смерти Али до завоеванія Испаніи. 294
6. Исторія вестготовъ во Франціи и Испаніи 300
7. Исторія аравитянъ отъ завоеванія Испаніи до паденія Омеядовъ 306
8. Омеяды въ Испаніи и основаніе новыхъ христіанскихъ государствъ на полуостровѣ . 314
9. Очерки исторіи мухаммеданскихъ государствъ въ Африкѣ до XI столѣтія 326
10. Исторія Аббасидовъ до конца девятаго столѣтія 332
11. Исторія Аббасидовъ и болѣе значительныхъ династій на востокѣ мухаммеданскаго міра до эмирата Буидовъ 339
12. Исторія мухаммеданскихъ династій въ Азіи съ полбвины десятаго до половины одиннадцатаго столѣтія 346
13. Образованность и литература цвѣтущей эпохи мухаммеданскихъ государствъ. . . . 353
    1. Древнѣйшая эпоха до Аббасидовъ . . . . . —
    2. Эпоха Аббасидовъ и Газнавидовъ. 357
    3. Дальній Востокъ и дальній Западъ въ цвѣтущую эпоху арабской образованности 360

II. Исторія сѣверныхъ народовъ въ первый періодъ среднихъ вѣковъ.

1. Древнѣйшая эпоха скандинавскихъ народовъ 363
2. Исторія Британскихъ острововъ до Свенона Счастливаго 371
3. Исторія скандинавовъ и англосаксовъ отъ Свенона Счастливаго до Вильгельма Завоевателя. 386
4. Исторія норманновъ во Франціи до завоеванія ими Англіи 392
5. Образованность и литература сѣвера Европы во время перехода ея къ христіанству среднихъ вѣковъ. 398
    1. Введеніе . . . . . —
    2. Героическая поэзія древнѣйшей эпохи Шотландіи, Британіи и Скандинавіи . . 400
    3. Англосаксская литература. 401

III. Исторія Италіи и Франковъ въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ.

1. Франки до смерти Хлодвига I. 408
2. Франки отъ смерти Хлодвига I до Пипина Ланденскаго 411

стр.

3. Франки отъ Дагоберта I до паденія Меровинговъ 420
4. Италія отъ вторженія лонгобардовъ до Пипина Короткаго и царствованіе Пипина послѣ принятія имъ королевскаго титула 428

II. Время отъ Карла Великаго до начала крестовыхъ походовъ.

I. Отъ Карла Великаго до эпохи салическихъ императоровъ.

1. Карлъ Великій 439
2. Людовикъ Благочестивый и его сыновья до верденскаго договора 456
3. Каролинги отъ верденскаго договора до смерти Людовика Нѣмецкаго 465
4. Византійская имперія при императорахъ—иконоборцахъ 472
5. Исторія Каролинговъ отъ смерти Людовика Нѣмецкаго до Людовика Дитяти 479
6. Послѣдніе Каролинги въ Италіи и Франціи 487
7. Первые Капетинги 497
8. Италія отъ смерти Беренгара I до Оттона Великаго 500
9. Германія отъ конца каролингской эпохи до возстановленія сношеній съ Греціей . . . 502
10. Византійская имперія отъ Василія Македонянина до эпохи Оттона Великаго 515
11. Исторія германской и греческой имперій при Оттонахъ 522
12. Германская имперія при Генрихѣ II 533
13. Образованность и литература періода отъ Карла Великаго до франконскихъ императоровъ 537
Введеніе . . . . . —

II. Время франконскихъ или салическихъ императоровъ.

1. Первыя поселенія норманновъ въ нижней Италіи и послѣдніе годы жизни Генриха II 550
2. Исторія нѣмцевъ, бургундцевъ, венгровъ и итальянскихъ норманновъ при Конрадѣ II 552
3. Императоръ Генрихъ III 560
4. Обзоръ византійской исторіи отъ Василія II до Алексѣя I Комнена и исторія норманновъ въ концѣ этой эпохи 566
5. Исторія папъ отъ Льва IX до Григорія VII 578
6. Царствованіе Генриха IV до смерти его противника, Рудольфа 582
7. Робертъ Гискаръ, Григорій VII и Генрихъ IV 604
8. Германская имперія въ послѣднія двадцать лѣтъ царствованія Генриха IV 609
9. Германская имперія и папы въ царствованіе Генриха V 615
10. Образованность и литература до Гогенштауфеновъ 623
А. Народный языкъ, образованность и поэзія . . . . . —
1. Древнѣйшая поэзія и преданія на нѣмецкомъ языкѣ . . . . . —
2. Образованность у народовъ романскаго племени 624
Б. Школьное образованіе или успѣхи отраслей человѣческаго знанія, обработывавшихся на латинскомъ языкѣ 627
1. Школы, науки и философія до конца IX столѣтія . . . . . —
2. Исторія и государственныя науки 633

III. Время крестовыхъ походовъ.

I. Исторія восточныхъ мухаммеданскихъ государствъ передъ началомъ крестовыхъ походовъ.

1. Введеніе 639
2. Исторія сельджуковъ въ Персіи 640
3. Исторія Фатимидовъ въ Египтѣ до крестовыхъ походовъ 646
4. Окайлиды, Келабиды и первые Атабеги въ Сиріи 652

II. Первый крестовый походъ и королевство Іерусалимское.

1. Общее обозрѣніе 655
2. Поводы и приготовленія къ первому крестовому походу 656
3. Первый крестовый походъ 658
4. Королевство Іерусалимское въ первое время своего существованія 662
5. Ассасины 664
6. Духовные рыцарскіе ордена и королевство іерусалимское до втораго крестоваго похода 666

III. Исторія главнѣйшихъ европейскихъ государствъ до третьяго крестоваго похода.

1. Германская имперія при Лотарѣ II 671
2. Германская имперія при Конрадѣ III 674
3. Германская имперія при Фридрихѣ Барбароссѣ до усмиренія Генриха Льва . . . 680

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО МІРА.

II. НАРОДЫ ГРЕКО-РИМСКАГО ПЕРІОДА.

(ОКОНЧАНІЕ.)

X. ОТЪ СМЕРТИ СУЛЛЫ

ДО ПЕРВАГО ТРІУМВИРАТА.

1. Характеръ послѣдняго времени римской республики.

Исторія ста лѣтъ, предшествовавшихъ введенію въ Римѣ монархіи, важна и поучительна въ двухъ отношеніяхъ, представляя намъ въ одно и то же время и высшую степень процвѣтанія, и высшую степень нравственнаго упадка римскаго народа. Оба эти явленія, какъ показываетъ исторія всѣхъ государствъ, находятся въ тѣсной связи между собою. Но развращеніе нравовъ не бываетъ, какъ это нерѣдко думаютъ, слѣдствіемъ цвѣтущаго состоянія образованности, а представляетъ собою только одновременное и параллельное ей явленіе, происходящее отъ однѣхъ съ нею причинъ. Возрастаніе народнаго богатства, умножая средства къ наслажденіямъ и производя неравенство состояній, увеличиваетъ массу наслажденій и усиливаетъ разнообразіе общественныхъ отношеній и духовныхъ стремленій народа. Такимъ образомъ уровень нравственности падаетъ въ обществѣ въ то самое время, какъ оно достигаетъ высшей степени умственнаго и политическаго развитія. Притомъ извѣстныя политическія отношенія не могутъ мириться съ строгою нравственностью, потому что иначе лучшій гражданинъ сдѣлался бы жертвою худшаго.

Убѣдившись въ истинѣ этихъ неоспоримыхъ положеній, мы легко поймемъ нѣкоторыя печальныя явленія этой эпохи жизни римскаго народа. Не нужно, впрочемъ, упускать изъ виду того важнаго обстоятельства, что въ своихъ сужденіяхъ о нравственномъ развращеніи высшихъ классовъ Греціи и Рима мы легко можемъ впасть въ большую ошибку, потому что въ древности развратъ былъ гораздо открытѣе, чѣмъ въ наше время испорченность аристократическихъ классовъ и столицъ. Теперь обыкновенно стараются молчать объ общественной безнравственности и всѣми способами препятствовать раскрытію внутренней жизни и истинныхъ побужденій, руководящихъ дѣйствіями господствующихъ классовъ. Въ древности же съ полною откровенностью выказывались не только всѣ явленія общественной жизни, но и взаимныя отношенія и домашняя жизнь частныхъ лицъ. Поэтому даже при поверхностномъ обзорѣ древней исторіи становится видимымъ то, что въ наше время можетъ быть извѣстно лишь однимъ посвященнымъ. Только тотъ можетъ вѣрно судить о нравственномъ состояніи современнаго общества, въ сравненіи съ древнимъ міромъ, кто знакомъ съ жизнью и такъ называемыми мемуарами большаго свѣта. Для этого нужно прочесть не только цѣлую библіотеку мемуаровъ, собранныхъ во Франціи въ семидесяти осьми томахъ, но и мемуары матери регента, принцессы пфальцской, записки всѣхъ современниковъ Людовика XV, дочери Фридриха Вильгельма I, графини Лихтенау и ея сообщниковъ, Ланга и многіе другіе. Нужно изучить записки объ эпохѣ двухъ послѣднихъ Стюартовъ, двухъ первыхъ королей ганноверскаго дома, принца Уэльскаго и его жены, участниковъ англійскихъ оргій, Генріетты Уильсонъ, извѣстнаго Уврара и т. п. Наконецъ необходимо еще прослѣдить шагъ за шагомъ судебные процессы

въ Англіи и Франціи и самому видѣть жизнь европейскихъ столицъ, германскихъ минеральныхъ водъ и игорныхъ домовъ. Едва ли кто въ состояніи выполнить всѣ эти требованія. Но какъ много глупостей и подлостей могъ бы открыть міру историкъ который описалъ бы расточительность, распутство, и вообще весь образъ жизни высшихъ классовъ Лондона, Парижа, Неаполя, Гамбурга и другихъ большихъ городовъ, съ такими подробностями, съ какими римскіе писатели изобразили намъ нравы и обычаи своихъ современниковъ.

Состояніе нравственности въ послѣднія времена римской республики только соотвѣтствовало соціальному и политическому состоянію государства. Но рядомъ съ пороками, неизбѣжными и естественными въ подобную эпоху, тогдашній Римъ представлялъ и добродѣтели, какихъ мы не видимъ ни въ одномъ изъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ то самое время, когда государство и нравственность падали, и обнаружилось въ полномъ блескѣ вліяніе правилъ и учрежденій древности на духъ общественной жизни и характеры частныхъ лицъ. Не смотря на нравственный упадокъ, въ римлянахъ послѣдней эпохи республики видна благородная гордость и патріотизмъ, выражавшійся въ горячемъ сочувствіи къ славѣ отечества; въ то время люди, имѣвшіе значеніе въ обществѣ, дѣйствовали всегда на основаніи твердыхъ, сознанныхъ правилъ: высшіе классы руководствовались въ своей жизни философіею, а низшіе—здравымъ смысломъ. Можно ли найти эти качества въ новыхъ европейскихъ обществахъ, и ужъ конечно трудно допустить, чтобы какое-нибудь изъ современныхъ правительствъ могло соединять въ себѣ столько талантовъ и знаній, какъ римскій сенатъ того времени. Даже въ Греціи едва ли являлась когда-нибудь въ такомъ блескѣ сила воли, блестящее образованіе и близкое приложеніе философіи къ жизни, какъ мы видимъ все это въ римской аристократіи послѣднихъ годовъ республиканскаго періода. Права рожденія хотя и не потеряли еще тогда своего значенія, но сами по себѣ они не давали рѣшительно никакого вліянія и преимуществъ: безъ образованія и практическихъ способностей никто не могъ выдвинуться впередъ и пріобрѣсть власть и уваженіе. Знатное происхожденіе, внѣшній блескъ, мнѣніе большинства не помогали никому, потому что нѣсколько сотъ фамилій съ одинаковыми средствами и одинаковыми правами боролись за первенство. Карьера каждаго зависѣла отъ него самого. Талантъ, образованіе и жизнь, основанная на твердыхъ правилахъ, имѣли на общество такое вліяніе, что, не смотря на тогдашнюю испорченность нравовъ, каждый благоговѣлъ предъ стоическою строгостью Катона Младшаго и совершенно римскою практическою мудростью Кассія и Брута. Конечно, по самому духу времени, вліяніе нѣкоторыхъ лицъ, пріобрѣтаемое талантомъ и образованіемъ, могло быть продолжительнымъ только въ томъ случаѣ, когда они, кромѣ природныхъ дарованій, имѣли еще значительныя связи или большое состояніе.

Высокое образованіе римской аристократіи послѣднихъ временъ республики нельзя объяснить ни знаніемъ права, отличавшимъ всегда римлянъ. ни книжною ученостью грековъ, около этого времени начавшею распространяться въ римскомъ обществѣ. Причину этого явленія скорѣе можно искать въ томъ, что римляне, обладавшіе всѣмъ тогдашнимъ историческимъ міромъ, могли знакомиться съ жизнью изъ самой жизни и воспитывались въ школѣ, которую открывала для нихъ война и управленіе провинціями. Господствуя надъ одними народами или воюя съ другими, римляне приходили въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными народностями. Множество римлянъ, въ качествѣ должностныхъ лицъ и воиновъ, было разсѣяно во всѣхъ странахъ тогдашняго міра. Эти люди, при легкости пріобрѣтенія рабовъ, свободные отъ всѣхъ грубыхъ обыденныхъ занятій и сознававшіе свое превосходство надъ жителями провинцій, легко знакомились со всѣми искусствами и изобрѣтеніями и научались понимать жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ и потребностяхъ. Такимъ источникомъ жизненнаго опыта и знанія была преимущественно Малая Азія; тамъ, близъ колыбели человѣчества, древнеазіатская образованность встрѣтилась съ греческою, а полуварварскіе народы, прежде населявшіе эту страну, были вытѣснены частью оружіемъ, но въ особенности непреодолимою силою цивилизаціи.

Образованность, таланты и сила воли — вотъ что сдѣлало римское государство могущественнымъ и такъ долго поддерживало его республиканскую свободу.

Эти свѣтлыя стороны римской жизни въ эпоху упадка республики составляютъ главную прелесть исторіи послѣднихъ временъ республиканскаго періода. Не смотря на нѣкоторыя мрачныя черты частной жизни, государственная жизнь является въ полномъ блескѣ. Хотя нельзя не согласиться, что честолюбіе и своекорыстіе составляли тогда душу римскаго общества, что деньги были главною движущею силою въ государствѣ и что ненасытная жажда къ наслажденіямъ приближала націю къ безднѣ погибели, но за то, съ другой стороны, среди всеобщаго разврата, во всемъ блескѣ представляются намъ характеръ древности и духъ, возвысившіе римлянъ на степень первоклассной націи. Такимъ образомъ послѣдніе годы римской республики принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ и поучительныхъ эпохъ всемірной исторіи.

2. Время послѣ смерти Суллы.

Кровавыя реформы Суллы возвратили римской аристократіи утраченныя ею силы и значеніе, но не въ состояніи были дать прочной поддержки высшему сословію и государству, и тотчасъ же, по смерти диктатора, начали повторяться прежнія сцены. Его учрежденія скоро пали, государству постоянно грозили новые перевороты и началось продолжительное революціонное броженіе, окончившееся послѣ сильныхъ потрясеній и кровавыхъ междоусобныхъ войнъ установленіемъ монархіи. Преемники Суллы не отличались блестящими дарованіями и скоро стали въ непріязненныя отношенія другъ къ другу. Разногласіе между ними дало одному молодому человѣку, Каю Юлію Цезарю, возможность незамѣтнымъ образомъ возвыситься надъ ними. Цезарь, далеко превосходившій ихъ умомъ и талантами, не стремился блистать въ рядахъ аристократіи, а положилъ себѣ задачею стать выше ея и достигнуть единовластія. Изъ примѣра Суллы Цезарь понялъ, что на Римъ можно дѣйствовать только средствами, какими самъ онъ достигъ владычества надъ вселенной, или, другими словами, что только народная любовь, военные подвиги и умѣнье пользоваться минутой — могутъ доставить ему верховную власть надъ Римомъ. На Цезарѣ и на четырехъ знаменитѣйшихъ людяхъ изъ партіи Суллы сосредоточивается почти вся исторія тридцати или сорока лѣтъ, непосредственно по смерти Суллы. Эти четыре человѣка, занимавшіе при жизни Суллы такое же положеніе, какъ маршалы Наполеона во французской имперіи, были: Лукуллъ, Помпей, Крассъ и Метеллъ Пій. Изъ нихъ Помпей былъ самый вліятельный, Крассъ самый богатый, Лукуллъ самый блистательный, а Метеллъ самый благородный до тѣхъ поръ, пока, предводительствуя войсками въ Испаніи, не отдалъ дани испорченности нравовъ своего времени.

Въ самый годъ смерти Суллы въ Римѣ снова вспыхнули безпорядки. Одинъ изъ консуловъ, Марій Эмилій Лепидъ, желая воспользоваться смертью единовластителя, чтобы образовать для себя могущественную партію, предложилъ уничтожить всѣ законы и постановленія Суллы, вызвать бѣжавшихъ и изгнанныхъ изъ отечества и возвратить имъ отнятыя имѣнія. Осуществленіе этой мысли неизбѣжно вызвало бы революцію, которая могла быть столь же кровавою, какъ и революція Суллы. Опасаясь дурныхъ послѣдствій, всѣ сенаторы и товарищъ Лепида по консульству, Квинтъ Лутацій Катуллъ, не согласились на предложеніе Лепида; но онъ и послѣ отказа сената не отступилъ отъ своего намѣренія, и только измѣнилъ планъ. До окончанія срока своего консульства, онъ удалился въ не задолго предъ тѣмъ предоставленную ему провинцію — Цизальпинскую Галлію (Верхнюю Италію), чтобы набрать тамъ войско и силою уничтожить своихъ противниковъ въ Римѣ. Къ нему примкнули многіе бѣглецы и изгнанники, и онъ явился предъ воротами города съ довольно сильнымъ войскомъ. Отбитый съ урономъ, онъ скоро собралъ новое войско и занялъ крѣпкую позицію въ Этруріи. Противъ него былъ посланъ тогда преемникъ Суллы въ военной власти, Помпей, который потушилъ возстаніе кровью. Лепидъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, а оставшееся послѣ него войско, подъ начальствомъ изгнанника Марка Перперны, удалилось въ Испанію. По римскимъ законамъ человѣкъ, незанимавшій никакой государственной должности, не могъ быть предводителемъ войска; но Помпей велъ эту войну

не будучи должностнымъ лицемъ, и притомъ окончилъ ее чрезвычайно скоро. Успѣхи его доставили ему въ Римѣ такое положеніе, какого до сихъ поръ еще не занималъ никто и развили въ немъ страшную самонадѣянность. Льстивые друзья, а можетъ быть, и самъ Сулла, дали когда-то Помпею прозваніе «великаго,» и въ его головѣ родилась химерическая мысль — подражать Александру Великому. Стремясь въ продолженіе всей своей жизни къ диктаторской власти Суллы, онъ не хотѣлъ пользоваться средствами, къ какимъ прибѣгалъ бывшій диктаторъ, и не приступалъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, какъ будто изъ опасенія потрясти государственное устройство.

Не смотря на подавленіе возстанія Лепида, порядокъ въ римскомъ государствѣ не могъ возстановиться на долго; равновѣсіе силъ и взаимныя отношенія знатныхъ фамилій были такъ натянуты, что нельзя было и думать о продолжительномъ спокойствіи. Нѣкоторые народные трибуны, тотчасъ же послѣ побѣды надъ Лепидомъ, начали искать случая возвратить себѣ древнія привиллегіи, отнятыя Суллою. Въ 75 г. до р. Хр. имъ было возвращено право назначенія на высшія должности, — и такимъ образомъ званіе трибуновъ снова сдѣлалось для честолюбцевъ средствомъ поддѣлываться къ народу и пролагать себѣ путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Уже одного этого обстоятельства было достаточно для того, чтобы потрясти въ самыхъ основаніяхъ аристократическое устройство, данное государству Суллою.

3. Война съ Серторіемъ.

Въ то время, когда друзья и сторонники Суллы подвергались въ самомъ Римѣ опасности со стороны Лепида и трибуновъ, имъ грозила еще большая опасность извнѣ. Въ Испаніи собрались мало-по-малу остатки партіи Марія и составили новое ополченіе, въ особенности опасное потому, что находилось подъ начальствомъ опытнаго полководца. Квинтъ Серторій, незадолго до возвращенія Суллы назначенный намѣстникомъ Испаніи, сражался противъ него въ войскѣ консула Луція Корнелія Сципіона Азіатскаго и попалъ къ нему въ плѣнъ, когда войска Сципіона перешли къ Суллѣ. Сулла даровалъ ему свободу, и Серторій, возвратясь въ Испанію, жители которой были расположены къ нему, опять вступилъ въ управленіе провинціею. За такой самовольный поступокъ Сулла подвергнулъ его проскрипціи, и силою выгналъ изъ Испаніи. Отчаяваясь въ спасеніи республики, Серторій рѣшился бѣжать изъ границъ извѣстнаго тогда міра и искать спасенія и защиты на такъ называемыхъ Счастливыхъ островахъ (теперешнихъ Канарскихъ). Но, получивъ на пути извѣстіе о возстаніи въ Мавританіи, онъ измѣнилъ свое намѣреніе, чтобы подать помощь возмутившимся. Не желая терять изъ виду тогдашняго міра, онъ рѣшился поселиться въ Мавританіи, которая по своему положенію была ближе къ Европѣ, чѣмъ почти неизвѣстные тогда Канарскіе острова. Высадившись въ Мавританіи, Серторій разбилъ мавританскаго царя и римское вспомогательное войско, посланное Суллою, и остался въ Мавританіи ожидать перемѣны обстоятельствъ. Дѣйствительно, вскорѣ его опять вызвали въ Европу. Непокорные лузитанцы, притѣсняемые намѣстникомъ Суллы въ Испаніи, думая найти въ опытномъ Серторіи новаго Виріата, отправили къ нему посольство съ просьбою прибыть въ Лузитанію и быть ихъ предводителемъ. Серторій согласился на ихъ предложеніе и съ большимъ успѣхомъ сражался съ войсками намѣстника. Сулла сначала не обращалъ на него вниманія, но наконецъ нашелся вынужденнымъ послать противъ него одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ, Метелла Пія (79 г. до р. Хр.).

Искуство, съ которымъ Серторій велъ войну противъ приверженцевъ Суллы, вскорѣ привлекло къ нему множество эмигрантовъ и проскриптовъ; даже остатки войскъ Марія, побѣжденныхъ Помпеемъ въ Африкѣ, и пять легіоновъ изъ войска Лепида, спасшіеся подъ предводительствомъ Перперны, собрались вокругъ Серторія. Онъ вскорѣ собралъ у себя многихъ опальныхъ сенаторовъ, такъ что могъ утверждать, что не новый сенатъ Суллы въ Римѣ, а старый, составившійся въ Испаніи, долженъ управлять римскимъ государствомъ. Съ талантами и опытностью римскаго полководца Серторій соединялъ въ себѣ всѣ лучшія качества Виріата и велъ

образъ жизни совершенно сходный съ нравами и обычаями лузитанцевъ. Кромѣ своихъ римскихъ легіоновъ Серторій сформировалъ войско изъ испанцевъ, обучивъ его по римски и, смотря по обстоятельствамъ, употреблялъ въ войнѣ то испанское войско, которое сражалось по своему, то составленное изъ своихъ соотечественниковъ, и сражавшееся по римски. Метеллъ не могъ одолѣть Серторія потому, что ни самъ онъ, ни его солдаты не въ состояніи были переносить трудностей войны, и Серторій становился все опаснѣе для римскихъ аристократовъ. Безпокойство ихъ дошло до того, что они рѣшились наконецъ послать для войны съ Серторіемъ человѣка, который былъ поставленъ высоко самимъ Суллою и уже успѣлъ подавить возстаніе Лепида. Помпей, все еще не занимавшій никакой государственной должности, отправленъ былъ, въ качествѣ проконсула и во главѣ новаго войска, въ Испанію, гдѣ онъ долженъ былъ раздѣлять начальство надъ войскомъ съ Метелломъ (76 г. до р. Хр). Быть можетъ, при этомъ имѣли въ виду и тайное намѣреніе удалить изъ Италіи человѣка, сдѣлавшагося слишкомъ могущественнымъ. Помпей, выступивъ противъ Серторія, тотчасъ же увидѣлъ, что имѣетъ дѣло не съ Папиріемъ Карбономъ или Домиціемъ Агенобарбомъ; сдѣлавъ попытку освободить одинъ осажденный городъ, онъ потерялъ много людей и принужденъ былъ оставить свое намѣреніе. Четыре года сражался Серторій противъ двухъ лучшихъ полководцевъ изъ школы Суллы. Противники его терпѣли не столько отъ его военнаго искусства, сколько отъ самой природы Испаніи; нѣсколько разъ они даже были не въ состояніи доставлять своимъ войскамъ необходимое продовольствіе. Помпей, употребивъ на войну съ Серторіемъ большую часть собственнаго состоянія (74 г. до р. Хр.), уже сталъ отчаяваться въ своемъ счастіи, и вернулся бы въ Италію, если бы Лукуллъ, изъ личныхъ видовъ желавшій продлить отсутствіе Помпея, не употребилъ всего своего вліянія для того, чтобы снабдить его необходимыми подкрѣпленіями и денежными пособіями.

Серторій наконецъ погибъ, но не отъ талантовъ своихъ противниковъ, а отъ безразсуднаго высокомѣрія одного изъ своихъ приближенныхъ. Честолюбивому Перперне удалось возмутить противъ Серторія испанцевъ, и даже составить заговоръ противъ него между римлянами. Въ войскѣ Серторія обнаружились взаимное недовѣріе и раздоры; многіе изъ его солдатъ перешли на сторону непріятеля, а самъ онъ, вслѣдствіе того, сдѣлался мраченъ, суровъ и даже жестокъ. Все это увеличивало число недовольныхъ, и наконецъ самъ Перперна съ своими сообщниками лишилъ Серторія жизни на одномъ пиру (72 г. до р. Хр.). Перперна сдѣлавшись главнокомандующимъ, надѣялся продолжать съ успѣхомъ войну или заключить выгодный миръ, но вскорѣ увидѣлъ, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Испанцы отказались повиноваться убійцѣ своего предводителя, а съ одними римлянами онъ не могъ бороться противъ Помпея и Метелла. Разбитый Помпеемъ, Перперна былъ взятъ въ плѣнъ и немедленно казненъ. Послѣ этого римлянамъ уже легко было покорить испанскія племена, союзныя съ Серторіемъ (71 до р. Хр.). Помпей долженъ былъ раздѣлить съ Метелломъ честь окончанія этой опасной войны, но любовь народная склонялась преимущественно на его сторону. Встрѣчая вездѣ удачу, Помпей умѣлъ придать своимъ посредственнымъ способностямъ видъ врожденнаго величія души, а масса, какъ извѣстно, всегда ослѣпляется только внѣшнимъ блескомъ и счастіемъ, почти не замѣчая истинныхъ заслугъ.

4. Невольничья война.

Въ то время, когда Помпей уничтожалъ противниковъ аристократіи въ Испаніи, другой полководецъ той же партіи, Маркъ Лициній Крассъ, оказалъ большую услугу римскому государству, окончивъ въ Италіи страшную невольничью войну, которая легко могла сдѣлаться очень опасною для Рима. Войска правительства должны были въ одно и то же время вести войну противъ трехъ враговъ государства: Митридата, Серторія и сильныхъ киликійскихъ морскихъ разбойниковъ. Кромѣ того, возмущеніе невольниковъ производило застой въ сельскомъ хозяйствѣ, и даже, въ случаѣ счастливаго окончанія, могло совершенно подорвать его, по-

тому что непзбѣжныя послѣ побѣды казни невольниковъ естественно должны были уменьшить число рабочихъ рукъ. Невольничья война была страшнымъ мщеніемъ рабовъ за грубыя насилія римскихъ аристократовъ, пріобрѣтавшихъ на государственный счетъ огромныя помѣстья и обработывавшихъ ихъ при помощи многихъ тысячъ невольниковъ. Въ Сициліи и Италіи свободное сельское сословіе было большею частью уничтожено и замѣнено огромнымъ числомъ рабовъ, подобно тому, какъ въ наше время часть фабричныхъ работниковъ замѣнена машинами. Въ послѣднее время опасность, грозившая государству отъ рабовъ, увеличилась еще болѣе. Расположеніе народа къ гладіаторскимъ играмъ и стремленіе знатныхъ римлянъ превзойти другъ друга въ устройствѣ для народа этихъ ужасныхъ удовольствій необыкновенно размножили число рабовъ, отличавшихся силою и дикостію нравовъ. Во Ѳракіи, Галліи и другихъ нецивилизованныхъ странахъ рабы покупались цѣлыми толпами, пріучались къ гладіаторскимъ битвамъ и продавались для боя на жизнь и смерть особеннымъ должностнымъ лицамъ, завѣдывавшимъ общественными увеселеніями: продажа рабовъ составляла даже особенный родъ промышленности. Торговцы невольниками разсчитывали при этомъ и на гражданскія безпокойства. Выбирая сильныхъ и отважныхъ невольниковъ и пріучая ихъ къ битвамъ, они продавали ихъ честолюбивымъ народнымъ трибунамъ и другимъ нарушителямъ общественнаго спокойствія, которые и употребляли ихъ вмѣсто своей стражи, для того, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ нужды, прибѣгнуть къ открытой силѣ. Главныя заведенія для воспитанія бойцевъ находились въ Равеннѣ и Капуѣ, потому что въ обоихъ этихъ городахъ жизнь была гораздо дешевле, чѣмъ въ Римѣ и другихъ мѣстностяхъ. О выгодахъ этой промышленности мы можемъ судить потому, что даже многіе свободные люди поступали въ гладіаторы, а нѣкоторые сенаторы и всадники не считали унизительнымъ для своего достоинства заводить гладіаторскія школы и лично руководить упражненіями невольниковъ. Впрочемъ, гладіаторство въ сущности едва ли грубѣе боксированія, распространеннаго въ Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, существуютъ особенныя школы бокса, и гдѣ кулачные бои находятъ знатоковъ и цѣнителей даже въ высшихъ классахъ.

Страшная невольничья война, возгорѣвшаяся въ 73 году до р. Хр., началась въ одной изъ школъ для бойцевъ, въ Капуѣ. Семьдесятъ три невольника бѣжали изъ тюрьмы, въ которую были заключены своимъ жестокимъ владѣльцемъ, Лентуломъ Батуатомъ, для обученія гладіаторскому искусству. Бѣглецы захватили въ сосѣднихъ харчевняхъ и мясныхъ лавкахъ ножи и вертела, освободили своихъ собратій и удалились изъ города. Выходя оттуда, они намѣревались или достигнуть одного изъ вольныхъ городовъ, или же, въ случаѣ крайности, съ оружіемъ въ рукахъ дорого продать жизнь свою, вмѣсто того, чтобы жертвовать ею для забавы жестокаго народа. Недалеко отъ города имъ случайно попался транспортъ съ оружіемъ, назначенный для ихъ владѣтелей. Овладѣвъ транспортомъ, они заняли крѣпкую позицію при подошвѣ Везувія, отбили войска, посланныя за ними въ погоню, и захватили бывшее у нихъ оружіе. Послѣ того невольники избрали предводителемъ ѳракійца Спартака, главнаго виновника ихъ освобожденія. Выборъ ихъ былъ чрезвычайно удаченъ: Спартакъ обладалъ талантами полководца, превосходно зналъ мѣстность и умѣлъ искусно пользоваться ею. Подъ начальствомъ Спартака возмутившіеся рабы разрушили нѣсколько темницъ, въ которыхъ были заключены невольники, и привлекли на свою сторону даже многихъ свободныхъ гражданъ, жаждавшихъ грабежа или доведенныхъ нуждою до отчаянія. Въ короткое время число возмутившихся увеличилось до такой степени, что они въ состояніи были захватить и ограбить многіе города Кампаніи. Примѣру ихъ послѣдовали многіе невольники, которые въ городахъ до самой Луканіи пасли стада римскихъ аристократовъ. Пастухи и бѣдные горцы, занимавшіеся тѣмъ же промысломъ, могли быть очень полезны бѣжавшимъ невольникамъ; это были люди, закаленные въ непогодахъ и чрезвычайно способные для войны въ горахъ. Число возставшихъ рабовъ возрасло наконецъ до семидесяти тысячъ человѣкъ, состоявшихъ преимущественно изъ ѳракійцевъ и жителей Галліи. Послѣднихъ было въ особенности много; составивъ, подъ предводительствомъ своихъ вождей, Эномая и Крикса, отдѣльный отрядъ, они производили въ странѣ такія же ужасныя

опустошенія, какъ впослѣдствіи во время крестьянской войны и французской революціи ожесточенная толпа народа опустошала южную Германію и Францію.

Спартакъ разбилъ нѣсколько посланныхъ противъ него римскихъ отрядовъ и, захвативъ ихъ оружіе, вооружилъ свои толпы, какъ регулярное войско. Но онъ напрасно старался ввести между своими ордами дисциплину и правильную организацію; возставшіе невольники продолжали опустошать страну, и война, какъ и всѣ подобныя возмущенія, принимала страшный характеръ. Самъ Спартакъ долженъ былъ нерѣдко прибѣгать къ жестокостямъ для удовлетворенія жажды мщенія своихъ подчиненныхъ. Рабы поступали съ римлянами такъ же, какъ въ послѣднее время возмутившіеся негры на Санъ-Доминго съ европейцами, или какъ поступали римляне съ ними самими. Они устроивали торжественныя игры въ честь своихъ павшихъ собратій, и сотни плѣнныхъ римлянъ должны были сражаться другъ съ другомъ, какъ гладіаторы.

Не смотря на недостатокъ дисциплины въ войскѣ невольниковъ, Спартакъ велъ войну съ большимъ искусствомъ и въ продолженіе двухъ лѣтъ удерживалъ засобою всю полосу земли, занимаемую нынѣ провинціями Базиликатою и Калабріею. Наконецъ убѣдясь, что съ этими толпами нельзя ожидать ничего хорошаго въ будущемъ, Спартакъ сталъ уговаривать войско воспользоваться своими побѣдами, чтобы бѣжать изъ Италіи и соединенными силами пробиться къ Альпамъ, откуда каждый съ отнятыми сокровищами могъ возвратиться на родину. Галльскіе невольники воспротивились намѣренію Спартака, и войско раздѣлилось на двѣ части. Большая часть галловъ подъ предводительствомъ Крикса отправилась по восточному берегу Италіи, а Спартакъ съ остальными двинулся по подошвѣ Аппениновъ къ Верхней Италіи. Первые вскорѣ были встрѣчены римскою арміею и совершенно уничтожены. Побѣдитель ихъ, одинъ изъ двухъ консуловъ 72 г. до р. Хр., тотчасъ послѣ битвы поспѣшилъ соединиться со своимъ товарищемъ, который во главѣ другаго войска шелъ противъ Спартака; но послѣдній преградилъ ему путь и въ одинъ и тотъ же день нанесъ пораженіе обоимъ консуламъ. Черезъ нѣсколько времени онъ разбилъ въ Верхней Италіи еще двѣ арміи, находившіяся подъ начальствомъ проконсула и претора. Теперь ничто не могло воспрепятствовать благополучному окончанію похода къ Альпамъ, но Спартакъ, ослѣпленный счастіемъ, оставилъ свой, почти уже исполненный планъ и рѣшился идти на Римъ. Римское войско, намѣревавшееся остановить его движеніе, было разбито на голову; но побѣда эта была послѣднею побѣдою Спартака. Послѣ пораженія римляне поручили веденіе войны Марку Лицинію Крассу, хотя не отличавшемуся природными дарованіями, но пріобрѣвшему въ школѣ Суллы опытность въ военномъ дѣлѣ. Крассъ принадлежалъ къ числу предводителей господствовавшей тогда олигархіи; поэтому онъ могъ располагать гораздо большимъ числомъ войскъ, нежели всѣ его предшественники, и пользовался вліяніемъ, необходимымъ для возстановленія приведенной въ крайнее разстройство дисциплины, что было у римлянъ неизбѣжно во всѣхъ несчастныхъ войнахъ. Однихъ этихъ условій было довольно для того, чтобы дать войнѣ другой оборотъ; но кромѣ того Крассъ считался тогда великимъ полководцемъ, и въ Римѣ полагали, что Сулла былъ обязанъ ему своею послѣднею и самою значительною побѣдою. Пользуясь своею репутаціею, Крассъ легко могъ призвать къ оружію ветерановъ Суллы, и такимъ образомъ придать своему многочисленному войску силу, какой не имѣли арміи его предшественниковъ.

Спартакъ скоро увидѣлъ, что имѣетъ дѣло не съ прежними полководцами и войскомъ; онъ тотчасъ же оставилъ планъ движенія на Римъ и направился съ своими толпами къ Луканіи. Крассъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Оба военачальника съ одинаковымъ искусствомъ избѣгали рѣшительнаго сраженія; но Крассъ уничтожалъ всѣ непріятельскіе отряды, отважившіеся отдѣляться отъ главныхъ силъ, отрѣзывалъ имъ подвозы продовольствія и гналъ невольниковъ все далѣе къ югу. Тогда Спартакъ вошелъ въ переговоры съ морскими разбойниками, надѣясь, при помощи ихъ, переправить свое войско въ Сицилію, гдѣ невольниковъ было еще болѣе чѣмъ въ Италіи.

Морскіе разбойники взяли условленную плату за переѣздъ въ Сицилію, но удалились отъ берега, какъ только сокровища возмутившихся невольниковъ были нагружены на ихъ корабли, и оставили Спартака съ его толпами на итальян-

скомъ берегу. Обманутые невольники направились къ лѣсистой горѣ Силѣ (Sila) въ Бруттіи. Здѣсь Крассъ такъ тѣсно окружилъ лагерь валами и окопами, что Спартаку оставалось только погибнуть голодною смертью или стремительно прорваться сквозь непріятельскія укрѣпленія. Онъ избралъ послѣднее и счастливо пробился чрезъ окопы Красса. Римляне пришли сначала въ такое смятеніе, что думали даже вызвать изъ Испаніи Помпея, но скоро успокоились, увидѣвъ, что, до сихъ поръ согласные между собою, невольники разсорились, и галлы снова отдѣлились отъ войска. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Крассъ всѣми силами старался устранить прибытіе Помпея, который въ такомъ случаѣ пожалъ бы плоды его трудовъ. Напавъ прежде всего на галловъ и совершенно истребивъ ихъ, Крассъ поставилъ войско Спартака въ такое критическое положеніе, что ему не оставалось никакого другаго исхода, какъ добровольно отдаться въ руки непріятелей, или вступить въ битву при самыхъ неблагопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. Спартакъ рѣшился на послѣднее, но былъ разбитъ и умеръ желанною смертью героя. Крассъ преслѣдовалъ разсѣянныя толпы рабовъ, истребляя ихъ безъ всякой пощады. Римскій полководецъ не щадилъ даже плѣнныхъ и повѣсилъ шесть тысячъ изъ нихъ на деревьяхъ по большой дорогѣ изъ Капуи въ Римъ (71 г. до р. Хр.). Число рабовъ, погибшихъ въ этой войнѣ, простиралось болѣе чѣмъ до семидесяти тысячъ.

Крассъ возвращался въ Римъ съ полною увѣренностью, что освободилъ отечество отъ великой опасности. Онъ не предвидѣлъ, что Помпею, который шелъ тогда изъ Испаніи чрезъ Верхнюю Италію, придется собрать остатки его жатвы. Въ отдаленнѣйшей части Луканіи осталось небольшое число возмутившихся невольниковъ, съ которыми соединились значительныя толпы бѣглецовъ, спасшихся отъ послѣдней битвы, такъ что вся масса ихъ простиралась до пяти тысячъ человѣкъ. Эта толпа искала спасенія за Альпами, но совершенно случайно была настигнута и разбита Помпеемъ. За эту пустую схватку Помпей открыто предъявлялъ притязанія на свою долю въ славѣ Красса. Донося Сенату о своемъ мнимо-геройскомъ подвигѣ, Помпей говорилъ, что Крассъ разбивалъ невольниковъ въ правильныхъ битвахъ, но что онъ вырвалъ самый корень возстанія. Это необходимо должно было посѣять раздоръ между Помпеемъ и Крассомъ, тѣмъ болѣе, что и прежде изъ зависти и честолюбія они не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли другъ на друга.

5. Помпей и Крассъ.

Въ то время, какъ Помпей и Крассъ послѣ своихъ подвиговъ возвращались въ Римъ, Лукуллъ, одинъ изъ людей, раздѣлявшихъ съ ними власть, былъ занятъ войною съ царемъ Митридатомъ, а другой, Метеллъ Пій, изнѣжился въ Испаніи и потерялъ наслѣдственную репутацію справедливаго и простаго человѣка. Такимъ образомъ Помпей и Крассъ остались одни во главѣ римской аристократіи. Оба они имѣли приверженцевъ въ высшемъ сословіи и располагали голосами высшихъ гражданъ, пріобрѣвшихъ подъ ихъ знаменами славу и добычу. Но Помпей пользовался гораздо большимъ вліяніемъ и, благодаря своему счастью, сдѣлался идоломъ народа. Въ слѣдующемъ году (70 г. до р. Хр.) Помпей и Крассъ искали консульства и получили его. До того Помпей еще не занималъ никакой общественной должности, хотя, какъ частный человѣкъ, нѣсколько разъ командовалъ войсками; онъ даже не достигъ возраста, требуемаго закономъ для избранія въ консулы, но тѣмъ не менѣе ему удалось занять эту должность. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ на обыкновенномъ пути, который избралъ для себя съ самаго начала и уже никогда не покидалъ впослѣдствіи. Примѣръ Помпея доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что древнія римскія учрежденія, не смотря на всѣ, часто жестокія, попытки Суллы возобновить ихъ, не существовали даже и по формѣ. Нѣсколько фамилій, подобныхъ княжескимъ родамъ, повелѣвали римскимъ народомъ, не обращая вниманія на законы и обычаи. Если кто-нибудь изъ среды этихъ фамилій встрѣчалъ себѣ препятствіе въ честолюбіи другихъ лицъ или фамилій, какъ это случилось съ

Помпеемъ вскорѣ по достиженіи имъ консульства, то такой человѣкъ, съ помощью приверженцевъ въ народѣ, могъ всегда одолѣть своихъ противниковъ. Помпей въ такой степени обладалъ любовью народа, что соперникъ его Крассъ рѣшился искать консульства только тогда, когда убѣдился въ согласіи на это Помпея.

Власть Помпея основывалась главнымъ образомъ на блескѣ его необыкновенныхъ подвиговъ и на его популярности. Крассъ же пріобрѣлъ вліяніе совершенно другимъ образомъ. Онъ былъ первымъ богачемъ своего времени. Богатство замѣняло для него и таланты, и народную любовь, и заслуги. Огромное значеніе, доставляемое Крассу богатствомъ, и способы, какіе онъ употреблялъ для его пріобрѣтенія и умноженія, указываютъ намъ особенную сторону тогдашняго характера римлянъ и ихъ государства. Эта сторона постепенно развивалась и становилась господствующею, и потому мы должны обратить на нее особенное вниманіе. Въ это время деньги сдѣлались въ государствѣ силою, доставлявшею богачамъ большее значеніе, чѣмъ всѣ преимущества происхожденія и заслуги. Какимъ образомъ пріобрѣтались деньги, до этого никому не было дѣла. Крассъ въ продолженіе всей своей жизни былъ возмутительно корыстолюбивъ; онъ жертвовалъ своей страсти къ деньгамъ всѣми чувствами человѣколюбія и чести и подвергался презрѣнію и насмѣшкамъ. Но тѣмъ не менѣе богатство ставило его на самое видное мѣсто въ государствѣ, пріобрѣло ему любовь народную и подчинило ему знатныя фамиліи, впавшія въ долги вслѣдствіе своей безграничной расточительности. При такомъ упадкѣ нравственности, конечно, не могло уже устоять древнее республиканское устройство Рима, примѣненное къ простому земледѣльческому быту. Поэтому не трудно понять, почему высокій здравый смыслъ римлянъ позднѣйшей эпохи и ихъ философская образованность такъ быстро перешли при императорахъ въ подлость и эгоизмъ. Объ этомъ всего лучше можно судить по тѣмъ низкимъ средствамъ обогащенія, къ какимъ прибѣгалъ Крассъ. Мы видимъ, что въ его время главнымъ источникомъ пріобрѣтенія была не промышленость и не торговая дѣятельность, а злоупотребленіе государственною властью, воровство и ростовщичество.

Почти все состояніе Красса было нажито имъ самимъ. Сначала онъ имѣлъ не болѣе четырехъ сотъ тысячъ руб. сереб.; впослѣдствіи же богатство его было такъ велико, что онъ былъ въ состояніи, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, доставлять каждому гражданину необходимое пропитаніе и однажды накормилъ весь народъ на десяти тысячахъ столахъ. Не смотря на такія огромныя издержки, Крассъ передъ парѳянскимъ походомъ, въ которомъ онъ лишился жизни, владѣлъ еще девятью съ половиною милліонами руб. сер. Какъ велика была эта сумма на наши деньги,—можно судить потому, что во времена Красса фунтъ хлѣба стоилъ обыкновенно копѣйку. Главную свою спекуляцію Крассъ произвелъ во время проскрипцій Суллы, скупивъ по дешевой цѣнѣ имѣнія проскриптовъ, а потомъ, по возстановленіи общественнаго спокойствія, продавъ эти имѣнія съ значительной выгодой для себя. Этотъ оборотъ въ короткое время доставилъ ему огромную сумму денегъ. Но Крассъ не ограничивался одною покупкою имѣній. Подобно Катилинѣ и другимъ врагамъ общественнаго спокойствія, онъ помѣщалъ въ списки проскриптовъ богачей, въ намѣреніи завладѣть ихъ имуществомъ. Кромѣ того Крассъ воспользовался опустошеніями, произведенными въ Римѣ пожарами при вступленіяхъ въ городъ Марія и Суллы. Купивъ пятьсотъ знавшихъ строительное искусство невольниковъ и скупивъ за дешевую цѣну разрушенные дома и улицы, Крассъ, по успокоеніи города, сталъ продавать мѣста для построекъ и отдавать въ наемъ своихъ строителей. Третья спекуляція Красса состояла въ торговлѣ невольниками. Это былъ самый выгодный промыселъ, въ особенности въ томъ видѣ, въ какомъ занимались имъ Катонъ Старшій и Крассъ. Онъ скупалъ множество невольниковъ, пріучалъ ихъ исправлять должности слугъ, чтецовъ, писцовъ и т. п., потомъ продавалъ знатнымъ фамиліямъ. Крассъ занимался также въ большихъ размѣрахъ горнымъ промысломъ и сельскимъ хозяйствомъ. Онъ извлекалъ для себя пользу изъ господствовавшей въ Римѣ расточительности и обогащался, отдавая въ займы свои деньги. Наконецъ для него, какъ почти и для всѣхъ римлянъ того времени, самыя государственныя дѣла служили средствомъ къ обогащенію. Такъ, напримѣръ, при концѣ своей жизни, онъ за-

ставилъ предложить себѣ начальство въ парѳянскомъ походѣ единственно съ цѣлью грабить и разбойничать въ Азіи. Дѣйствительно, во время этой войны онъ завладѣлъ большею частью сокровищъ іерусалимскаго храма на сумму болѣе пятнадцати милліоновъ руб. сер., и наложилъ на Сирію огромную контрибуцію, расчитывая, что жители откупятся за большую сумму. Впрочемъ, подобно всѣмъ большимъ ростовщикамъ и спекуляторамъ, Крассъ не занимался исключительно пріобрѣтеніемъ денегъ, но жилъ роскошно, дѣлалъ дорогіе подарки и снабжалъ вліятельныхъ людей деньгами безъ процентовъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ вліяніе на народъ, поставилъ въ зависимость отъ себя большую часть аристократіи и подчинилъ себѣ многія фамиліи, будучи въ состояніи и погубить ихъ, потребовавъ уплаты долговъ, и спасти новою ссудою.

При такомъ вліяніи на народъ Крассъ былъ опаснымъ соперникомъ Помпея, всю свою жизнь стремившагося къ единовластію. Во время своего общаго консульства, они жили въ постоянной враждѣ, и только въ концѣ его помирились публично предъ собраніемъ народа; но примиреніе это было, безъ сомнѣнія, только наружнымъ. Крассъ и другіе передовые люди аристократіи вынудили даже Помпея оставить аристократическія тенденціи и, вопреки своимъ склонностямъ, явиться демократомъ. Помпею хотѣлось не равняться съ Крассомъ, Лукулломъ и Метеллomъ, а стать выше всѣхъ ихъ. Соперники Помпея имѣли на своей сторонѣ большую часть аристократіи, и онъ естественно долженъ былъ опираться на людей, ожидавшихъ отъ него счастія, долженъ былъ искать приверженцевъ между всадниками, гражданами и простымъ народомъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался демагогомъ, и вслѣдствіе того, во время своего перваго консульства, поколебалъ учрежденія Суллы, утвержденію которыхъ самъ содѣйствовалъ убійствами и разрушеніемъ. Онъ возвратилъ народнымъ трибунамъ всю власть, какую имѣли они до диктаторства Суллы, и настоялъ на томъ, чтобы въ судебныхъ мѣстахъ, кромѣ сенаторовъ, засѣдали въ равномъ числѣ всадники и плебеи. Сдѣлавшись съ этихъ поръ идоломъ народа, Помпей спокойно господствовалъ въ Римѣ, и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ произвольно рѣшалъ всѣ дѣла государства. Онъ не хотѣлъ занять должности намѣстника, какъ это дѣлали обыкновенно консулы по окончаніи срока службы, а въ продолженіе двухъ лѣтъ оставался въ Римѣ, пока наконецъ народъ не поручилъ ему безусловнаго начальства надъ всѣмъ войскомъ, для окончанія войны съ морскими разбойниками.

6. Война съ морскими разбойниками.

Морскіе разбои, издавна производившіеся на моряхъ Греціи, въ послѣднее время республиканскаго періода Рима развились до такой степени, что корсары въ состояніи были образовать страшную конфедерацію, и, подобно флибустьерамъ XVII столѣтія, основать настоящее государство. Распространеніе греческихъ и мало-азійскихъ разбоевъ современно началу всемірнаго владычества Рима, и расширеніе римской территоріи было важнѣйшею причиною усиленія морскихъ разбойниковъ. Главныя морскія державы предшествовавшей эпохи, Коринѳъ и Карѳагенъ, были уничтожены римлянами, а радосцы, наблюдавшіе до тѣхъ поръ за безопасностью Архипелага, лишились своего военнаго флота. Сами римляне въ то время вовсе не имѣли морскихъ силъ въ восточной части Средиземнаго моря, какъ это видно изъ похода Суллы противъ Митридата. Владѣтели же Египта и Кипра покровительствовали морскимъ разбоямъ, потому что, ведя постоянную войну съ Селевкидами, они могли такимъ образомъ вредить сирійской торговлѣ. Всѣ эти обстоятельства благопріятствовали корсарамъ, и обращали морской разбой въ безопасный и выгодный промыселъ. Морскіе разбойники вступили наконецъ въ союзъ между собою и, около 144 г. до р. Хр., пользуясь тѣмъ, что распри за престолъ ослабили силы сирійскаго царства, овладѣли Киликіею, до сихъ поръ принадлежавшею Селевкидамъ, и основали въ этой странѣ свое главное мѣстопребываніе. Римляне сначала хладнокровно смотрѣли на усиленіе морскихъ разбойниковъ, потому что сами не терпѣли отъ нихъ никакого вреда, и даже получали отъ нихъ домашнихъ рабовъ греческаго, малоазійскаго и сирійскаго проис-

хожденія. Римскіе намѣстники Малой Азіи соединялись даже иногда съ корсарами и формальными контрактами выговаривали себѣ часть ихъ добычи. Торговля на Востокѣ прекратилась, а жители греческихъ острововъ и моряки малоазійскихъ, сирійскихъ и египетскихъ береговъ, по прекращеніи своего промысла, также обратились къ каперству. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что уже во время войны между Суллою и Митридатомъ морскіе разбойники были гораздо сильнѣе понтійскаго царя и римлянъ, и что Лукуллъ, имѣя флотъ, способный бороться съ морскими силами Митридата, потерялъ большую часть своихъ кораблей, вступивъ въ битву съ морскими разбойниками.

Зло возрастало годъ отъ году, и морскіе разбойники пріобрѣли страшную силу. Они не только захватывали корабли, но опустошали приморскіе города и цѣлыя прибрежныя провинціи, высаживались въ Сицилію и Италію, и уводя оттуда знаменитыхъ и богатыхъ жителей и даже римскихъ чиновниковъ, брали за нихъ огромный выкупъ. Нѣсколько разъ они заграждали подвозъ припасовъ къ Риму, и однажды, появившись въ Остіи, гавани Рима, увели оттуда стоявшій на якорѣ римскій флотъ. Разбойники составили между собою конфедерацію и организовали между собою настоящее разбойничье государство, главнымъ средоточіемъ котораго былъ киликійскій берегъ. Избранные ими начальники руководили военными предпріятіями. Конфедерація владѣла слишкомъ 1200 большихъ судовъ, и мало-по-малу овладѣла 400 укрѣпленныхъ приморскихъ городовъ. Римляне не могли долѣе терпѣть такой силы и наглости разбойниковъ, и въ 79 г. до р. Хр. начали съ ними правильную войну. Но первый полководецъ, посланный противъ пиратовъ, не могъ совершенно уничтожить ихъ, а другой—Маркъ Антоній, сынъ знаменитаго оратора того же имени, не имѣлъ никакихъ способностей; вмѣсто войны съ морскими разбойниками онъ хотѣлъ обогатиться чрезъ переговоры съ ними, и съ этимъ направилъ ввѣренныя ему силы противъ Критянъ. Маркъ Антоній былъ разбитъ критянами, и сенатъ, желавшій прежде всего отмстить за это пораженіе, послалъ противъ острова Крита флотъ подъ начальствомъ двоюроднаго брата Метелла Пія, получившаго при этомъ названіе Критскаго. Римляне, занятые войною съ критянами, не обращали вниманія на морскихъ разбойниковъ, число и сила которыхъ постоянно продолжали увеличиваться. Наконецъ дѣло дошло до того, что подвозъ припасовъ къ Риму совершенно прекратился, и дороговизна на всѣ жизненныя потребности возрасла въ страшныхъ размѣрахъ. Это обстоятельство вынудило сенатъ употребить всѣ усилія для уничтоженія морскаго разбоя. Народъ громко требовалъ принятія самыхъ энергическихъ мѣръ, и Помпей воспользовался господствующимъ настроеніемъ, чтобы снова выступить на сцену. Другъ его, трибунъ Авлъ Габиній, предложилъ (67 г. до р. Хр.) въ народномъ собраніи поручить войну противъ морскихъ разбойниковъ Помпею и для скорѣйшаго окончанія войны дать ему такую власть, какой не пользовался еще ни одинъ гражданинъ. По предложенію Габинія, Помпей долженъ былъ получить на три года главное начальство надъ всѣми сухопутными и морскими силами государства, съ правомъ безусловно распоряжаться войсками и общественными суммами для удобнѣйшаго преслѣдованія морскихъ разбойниковъ во всѣхъ мѣстахъ, и неограниченно управлять береговыми провинціями государства на десять нѣмецкихъ миль внутрь страны. Это предложеніе было принято съ восторгомъ, и такъ велико было довѣріе народа къ Помпею, что при одномъ извѣстіи объ его избраніи упали цѣны на съѣстные припасы. Оба консула, два народныхъ трибуна и многія другія значительныя лица противились этому рѣшенію, передававшему всю верховную власть въ руки одного человѣка, но всѣ усилія ихъ были тщетны. Народъ требовалъ самой скорой помощи въ нуждѣ, а Помпей наполнилъ площадь и народное собраніе своими приверженцами, чтобы устрашить всѣхъ противниковъ этого предложенія. Предложеніе Габинія не только было принято, но Помпей получилъ даже болѣе, нежели могъ предполагать Габиній.

Съ такой огромной властью Помпею не трудно было въ самомъ скоромъ времени уничтожить морскихъ разбойниковъ. Онъ распредѣлилъ свои 500 кораблей подъ начальствомъ двадцати четырехъ избранныхъ имъ адмираловъ такъ искусно, что морскіе разбойники только въ немногихъ мѣстахъ посмѣли оказать ему сопротивленіе, большая же часть ихъ сдалась добровольно. Всѣ ихъ убѣжища

были открыты и война приведена къ концу въ 49 дней. Десять тысячъ корсаровъ было умерщвлено, 20,000 взято въ плѣнъ и 120 гаваней и городовъ ихъ было разрушено. Взятыхъ въ плѣнъ Помпей разселилъ въ одномъ мѣстѣ Ахаіи и въ киликійскомъ городѣ Соли, который поэтому и получилъ названіе Помпеіополя.

Помпей былъ еще занятъ приведеніемъ въ исполненіе своихъ мѣръ къ окончанію войны и переселенію морскихъ разбойниковъ, когда критяне, съ которыми Метеллъ поступалъ самымъ жестокимъ образомъ, прислали къ Помпею депутацію съ предложеніемъ сдать ему всѣ свои города. Помпей, не обращая вниманія на то, что Метеллъ былъ законнымъ начальникомъ войска, принялъ предложеніе критянъ и приказалъ Метеллу прекратить военныя дѣйствія. Когда Метеллъ не послушался его приказанія, Помпей послалъ противъ него своего легата съ отрядомъ войска. На Критѣ началась открытая война между Метелломъ и войсками Помпея. Помпей самъ хотѣлъ было идти противъ Метелла и, не обращая вниманія на громко изъявляемое недовольство сената, употребилъ ввѣренную ему силу противъ римскаго государственнаго агента. Но въ то самое время, когда онъ готовился уже исполнить свое намѣреніе, ему поручили войну противъ Митридата.

7. Послѣдняя война съ Митридатомъ.

Возвращаясь въ Италію послѣ побѣды надъ царемъ Митридатомъ VI, Сулла оставилъ въ Малой Азіи подъ начальствомъ своего легата, Луція Лицинія Мурены, безпокойные легіоны, перешедшіе къ нему отъ Фимбріи. Мурена тотчасъ же началъ новую войну съ Митридатомъ, увлекаясь, подобно каждому римскому полководцу того времени, желаніемъ славы и обогащенія. Поводомъ къ войнѣ послужило то обстоятельство, что, вопреки условіямъ мира, Митридатъ занялъ нѣкоторыя мѣстности Каппадокіи. Мурена былъ слабѣе понтійскаго царя, и потому, отважившись проникнуть въ главный городъ послѣдняго, Синопъ, былъ прогнанъ съ урономъ въ римскую провинцію. На мѣсто Мурены Сулла послалъ въ Азію другаго легата и велѣлъ ему возстановить миръ: онъ не желалъ, чтобы страны, не присоединенныя имъ къ государству, были покорены кѣмъ-либо другимъ (81 г. до р. Хр.). Митридатъ согласился на предложенныя ему условія, но началъ тайно готовиться къ войнѣ, и нѣсколько лѣтъ спустя воспользовался положеніемъ дѣлъ въ Римѣ и Азіи, чтобы съ большими противъ прежняго силами и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ привести въ исполненіе свой давнишній планъ. Римляне вели въ то время войну съ Серторіемъ, съ возмутившимися невольниками и съ морскими разбойниками, и потому Митридатъ и Тигранъ могли дѣйствовать въ Азіи съ полнымъ успѣхомъ. Парѳяне были ослаблены внутренними раздорами; съ другой стороны, Митридатъ владѣлъ еще частью Каппадокіи, а на Виѳинію, доставшуюся римлянамъ по смерти царя Никомеда III по завѣщанію, послѣдніе изъявляли еще только свои притязанія. Сирійское царство было потрясено распрями за престолъ, а часть его подпала подъ владычество однаго сосѣдняго арабскаго владѣтеля; всѣ сѣверныя провинціи были заняты армянскимъ царемъ Тиграномъ, и только незначительная часть Сиріи оставалась во владѣніи потомка Селевка Никатора. При такомъ положеніи дѣлъ Митридатъ и Тигранъ были самыми могущественными владѣтелями передней Азіи. Оба они тѣснѣе соединились другъ съ другомъ и рѣшились преслѣдовать сообща свои честолюбивые планы. Тигранъ вторгнулся въ Каппадокію и увлекъ съ собою нѣсколько сотъ тысячъ жителей для населенія ими пустынныхъ областей своего царства (76 г. до р. Хр.), а Митридатъ занялъ своими войсками Виѳинію (75 г. до р. Хр.).

На этотъ разъ, передъ вступленіемъ въ римскія владѣнія, Митридатъ, стараясь обезопасить себя отъ превосходства римской тактики, переманилъ на свою сторону приверженцевъ Марія и заключилъ съ Серторіемъ договоръ, по которому далъ ему сорокъ военныхъ кораблей и около 4 милліоновъ руб. деньгами, получивъ отъ него за то полководцевъ и военачальниковъ, организовавшихъ его войска по римски. Жители римскихъ провинцій, видя въ войскѣ Митридата римскихъ полководцевъ и офицеровъ, могли думать, что онъ ведетъ

войну въ союзѣ съ римлянами и въ интересахъ части римскаго народа. Впрочемъ, введеніе римской тактики и вооруженія не доставили Митридату значительныхъ выгодъ; толпы, составленныя изъ безчисленныхъ народовъ востока, не теряли своего азіатскаго характера и не могли противиться римлянамъ и итальянцамъ, какъ скоро во главѣ ихъ стояли искусные полководцы. Римскій сенатъ послалъ въ Азію (74 г. до р. Х.) обоихъ консуловъ, Луція Лицинія Лукулла и Марка Аврелія Котту, съ двумя арміями. Послѣдній оказался совершенно неспособнымъ и былъ разбитъ въ самомъ началѣ войны. Напротивъ того, Лукуллъ вытѣснилъ понтійскаго царя изъ всѣхъ его позицій и поразилъ на голову въ открытомъ полѣ. Въ скоромъ времени всѣ военныя дѣйствія были поручены на нѣсколько лѣтъ одному Лукуллу, который вполнѣ оправдалъ довѣріе сената. Уже на третьемъ году войны онъ довелъ Митридата до того, что царь принужденъ былъ пожертвовать римлянамъ своими родовыми владѣніями и бѣжать въ Арменію къ Тиграну. Впрочемъ положеніе армянскаго царя было не лучше. Онъ успѣлъ распространить свое государство до предѣловъ Сиріи, но своимъ деспотизмомъ возбудилъ къ себѣ ненависть жителей всѣхъ вновь покоренныхъ имъ провинцій, и не могъ даже довѣрять своимъ кореннымъ подданнымъ. Онъ поселилъ между ними сотни тысячъ чужеземцевъ, которые, естественно, были всегда готовы перейти на сторону непріятеля. Тиграпъ, конечно, выдалъ бы своего тестя и заключилъ миръ съ Лукулломъ, если бы послѣдній не сдѣлалъ промаха въ выборѣ посла для переговоровъ: армянскій царь также мало, какъ и владѣтель Понта, цѣнилъ родство, вѣрность и долгъ. Лукуллъ послалъ къ Тиграну для переговоровъ о мирѣ самаго гордаго человѣка изъ самой гордой римской фамиліи, именно своего зятя, Публія Клодія Пульхра. По мнѣнію многихъ ученыхъ, это былъ столь знаменитый впослѣдствіи народный трибунъ Клодій. Онъ принадлежалъ къ роду Клавдіевъ, имя которыхъ перемѣнилось въ это время въ Клодіевъ. Римскій посолъ велъ себя такъ гордо и надменно, что Тиграпъ никакъ не могъ согласиться на его требованія. Лукуллъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ оружію. Имѣя только два легіона, онъ проникнулъ въ Арменію, двинулся прямымъ путемъ къ главному городу страны Тигранокертѣ и сразился въ открытомъ полѣ съ безчисленными войсками Тиграна. Не смотря на то, что непріятель въ двадцать разъ превосходилъ его числомъ, Лукуллъ нанесъ ему рѣшительное пораженіе, однимъ ударомъ уничтожилъ всѣ силы Тиграна и овладѣлъ его столицею. Такая побѣда можетъ показаться невѣроятною, если не принимать въ разсчетъ различія между безпорядочностью восточныхъ войскъ и одушевленіемъ, порядкомъ и военнымъ искусствомъ римскаго войска. Множество сокровищъ досталось въ руки побѣдителя, который въ царской сокровищницѣ Тигранокерты нашелъ около 11 милліоновъ р. сер. наличными деньгами.

Вскорѣ по взятіи Тигранокерты Лукуллъ еще разъ разбилъ соединенныя войска Митридата и Тиграна, и думалъ уже о походѣ въ Парѳію, къ повелителю которой обратились побѣжденные цари. Но, какъ бываетъ почти всегда, величайшее счастье было для Лукулла началомъ его несчастій. Его погубили не возрастающія силы противниковъ, а судьба его собственнаго отечества и нравственный духъ его времени. Прибывъ въ началѣ войны въ Малую Азію, Лукуллъ нашелъ эту страну въ самомъ отчаянномъ положеніи. Римскіе намѣстники, сборщики податей и капиталисты позволяли себѣ такія насилія съ жителями, какія можно встрѣтить въ настоящее время только въ провинціяхъ, управляемыхъ турецкими пашами. Кровожадные капиталисты прибѣгали не только къ обыкновеннымъ средствамъ обогащенія, но незамедлили воспользоваться и введенными Суллою огромными пенями за преступленія. Они давали деньги въ заемъ за неслыханные проценты, такъ что, когда Лукуллъ прибылъ въ Азію, у нѣкоторыхъ лицъ долгъ доходилъ до суммы, въ десять разъ большей первоначальнаго займа. Если такія огромныя суммы не могли быть выплачиваемы, заимодавцы принуждали гражданъ цѣлыхъ городовъ продавать статуи боговъ, утварь храмовъ и даже своихъ дѣтей, и отдавали въ рабство многихъ жителей. Иногда кредиторами бывали и должностныя лица, которыя прибѣгали къ пыткамъ, чтобы выжать у своихъ должниковъ деньги; такъ, напримѣръ, лѣтомъ въ полдень выставляли ихъ безъ одежды на солнце, а зимою въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ

держали на льду или въ болотѣ. Тотчасъ, по прибытіи въ Малую Азію, Лукуллъ обратилъ свою заботливость на улучшеніе положенія жителей страны. Къ сожалѣнію, онъ былъ также своекорыстенъ и несправедливъ, какъ почти всѣ римскіе аристократы того времени, и подвергнулся даже упрекамъ, что преслѣдовалъ кровопійцъ не изъ человѣколюбія, а единственно изъ желанія грабить одному. Едва ли впрочемъ можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Лукуллъ былъ слишкомъ уменъ и образованъ для того, чтобы основывать свое благосостояніе на разореніи ввѣренныхъ ему провинцій. Если онъ обогащался въ нихъ, то не иначе какъ только захватывая сокровища храмовъ и общественныхъ кассъ и обирая страны внутренней Азіи, уцѣлѣвшія отъ грабежа въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій. Для ограниченія насилій капиталистовъ Лукуллъ издалъ слѣдующія постановленія: 1) отмѣнилъ уплату той части долга, которая образовалась изъ наростанія процентовъ; 2) запретилъ брать болѣе 12 процентовъ въ годъ и налагать запрещеніе болѣе, чѣмъ на четвертую часть имѣнія должника; наконецъ 3) запретилъ требовать проценты подъ опасеніемъ лишенія самаго капитала.

Строгія распоряженія Лукулла имѣли для Малой Азіи то слѣдствіе, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ были уплачены всѣ городскіе и государственные долги; но самъ Лукуллъ навлекъ на себя непримиримую ненависть всѣхъ римлянъ, занимавшихся денежными дѣлами, и вскорѣ долженъ былъ раскаяться въ своихъ благодѣтельныхъ распоряженіяхъ. Самыя значительныя лица въ Римѣ всѣми силами старались погубить его. Враги Лукулла могли тѣмъ легче достигнуть цѣли, что онъ самъ навлекъ на себя ненависть солдатъ, давно уже желавшихъ его смѣны. Недовольство солдатъ обнаружилось еще въ Малой Азіи, когда Лукуллъ запретилъ грабежъ войску, главную часть котораго составляли легіоны Фимбріи, сражавшіеся только изъ-за добычи и привыкшіе къ неповиновенію и мятежамъ (Т. I. стр. 716). Къ тому же Лукуллъ ввелъ въ своемъ лагерѣ строгую дисциплину и въ началѣ войны не давалъ отдыха своему войску въ продолженіе двухъ зимъ сряду. Враги Лукулла въ Римѣ старались возмутить недовольныхъ солдатъ, употребляя въ то же время всѣ усилія, чтобы отозвать Лукулла. Они соединились съ приверженцами Помпея и демагогами, которые не терпѣли Лукулла, какъ аристократа изъ партіи Суллы, и напротивъ того считали чуть не богомъ честолюбиваго, всегда примѣнявшагося къ обстоятельствамъ, Помпея, не смотря на то, что и онъ прежде былъ строгимъ и безпрекословнымъ исполнителемъ приказаній Суллы. Немедленно послѣ послѣдней побѣды Лукулла, долго сдерживаемое недовольство войска перешло въ открытое возстаніе. Когда Лукуллъ повелъ войско въ сѣверную Арменію, солдаты заключили изъ его дѣйствій, что онъ намѣревается напасть на парѳянскаго царя и, такимъ образомъ, еще продлить и безъ того уже затянувшуюся войну. Новый походъ возбудилъ въ нихъ крайнее неудовольствіе, такъ какъ они вовсе не хотѣли служить орудіемъ честолюбію ненавистнаго полководца. Суровый климатъ сѣверной Арменіи, непроходимыя горы этой страны и дикость ея жителей послужили имъ предлогомъ къ неповиновенію. Войско отказалось слѣдовать за Лукулломъ, и онъ, разбивши союзныхъ царей еще въ одной битвѣ, долженъ былъ уступить желанію своего войска. Отъ Арменіи онъ обратился къ Месопотаміи, покорилъ здѣсь богатый городъ Нисибію, но тщетно старался возвратить себѣ расположеніе войска, отдавъ ему добычу изъ Нисибіи и обѣщая остаться на зиму въ теплой Месопотаміи. Къ довершенію его несчастія, хитрый Митридатъ, пользуясь его удаленіемъ, опять покорилъ свое прежнее царство. Принятый въ Понтѣ съ торжествомъ, онъ овладѣлъ всею страною, занялъ царство каппадокійское и одержалъ блестящую побѣду надъ однимъ изъ полководцевъ Лукулла. Лукуллъ, все еще не терявшій надежды двинуть свое войско въ походъ противъ парѳянъ, немедленно отступилъ къ Понту. Но не задолго предъ этимъ виѳинскимъ намѣстникомъ, вмѣсто Лукулла, сдѣланъ былъ консулъ Маній Ацилій Глабріонъ, и извѣстіе о его назначеніи произвело въ войскахъ открытое возмущеніе. Они отказались повиноваться своему полководцу, и Лукуллъ вдругъ увидѣлъ себя оставленнымъ почти всѣми солдатами (67 г. до р. Х.). Самъ Глабріонъ не отважился принять начальства надъ войскомъ, главную часть котораго составляли буйные легіоны Фимбрія, чувствуя себя не въ силахъ бороться съ Митридатомъ, побѣдоносно возвратившимся въ свое царство. Узнавъ, что въ Римѣ намѣреваются поручить окончаніе войны Помпею и подчи-

нить его самого послѣднему, онъ остался въ бездѣйствіи въ своемъ намѣстничествѣ, и военныя дѣйствія прекратились сами собою.

Помпей уже давно добивался случая присвоить себѣ честь окончанія войны съ Митридатомъ, точно такъ, какъ войны съ противниками Суллы въ Сициліи и Африкѣ, съ Серторіемъ и съ морскими разбойниками. Въ то время, какъ Лукуллъ былъ покинутъ своими войсками, Помпей находился во главѣ огромныхъ военныхъ силъ, данныхъ ему для усмиренія морскихъ разбойниковъ, и посредствомъ своихъ друзей въ Римѣ старался получить начальство надъ войскомъ противъ Митридата. Одинъ изъ его друзей, народный трибунъ Кай Манилій, предложилъ народу (66 г. до р. Х.) поручить Помпею главное начальство въ войнѣ вмѣстѣ съ неограниченною властью въ государствѣ. Помпей долженъ былъ, по мнѣнію Манилія, удержать всѣ права, предоставленныя ему для усмиренія пиратовъ, всѣ уже ввѣренныя ему морскія и сухопутныя силы и, сверхъ того, получить начальство надъ войсками, расположенными въ азіатскихъ провинціяхъ и неограниченную власть надъ всѣмъ Востокомъ. Это значило почти тоже, что подчинить все римское государство одному человѣку, и поставить въ зависимость отъ него всю аристократію. По этому предложеніе Манилія встрѣтило сильное сопротивленіе, но не смотря на то было принято: Помпей былъ тогда идоломъ народа и кромѣ того побѣдоносное возвращеніе Митридата въ Понтъ и Каппадокію повергло въ безпокойство и ужасъ римскихъ всадниковъ и капиталистовъ, владѣвшихъ имѣніями въ Азіи.

Получивъ въ добавокъ къ своей, и безъ того уже огромной, власти неограниченное господство надъ Востокомъ, Помпей легко могъ окончить войну со славою. Онъ началъ свои дѣйствія съ отмѣненія всѣхъ постановленій Лукулла въ Азіи. Это обстоятельство — плодъ низкой, недостойной Помпея зависти, возбудило непримиримую вражду между нимъ и Лукулломъ. Лукуллъ, хотя и праздновалъ въ Римѣ свое возвращеніе, но уже пересталъ вмѣшиваться въ государственыя дѣла и предался наслажденію своими богатствами. При взятіи Тигранокерты, онъ захватилъ такія сокровища, что въ состояніи былъ бы покрыть всѣ военныя издержки безъ всякаго вспомоществованія со стороны государственной казны. Лукуллъ зажилъ съ царской роскошью и съ этого времени не хотѣлъ уступать никому въ пышности и великолѣпіи. Онъ развелъ въ Римѣ прекрасные и громадные сады, возбуждавшіе удивленіе даже при императорахъ, когда въ Римѣ явилось множество великолѣпныхъ и огромныхъ парковъ, настроилъ дворцы и загородныя виллы, украшенныя драгоцѣнными картинами и статуями, устроилъ обширныя плотины и вырылъ огромные пруды и каналы, для того только, чтобы откармливать въ нихъ морскихъ рыбъ для своего стола. Роскошные пиры Лукулла вошли въ пословицу. Для нихъ онъ доставалъ самыя драгоцѣнныя яства и напитки со всего свѣта; но и обыденное хозяйство его было устроено не менѣе роскошно. Приводя съ собою каждый день друзей, онъ могъ всякій разъ предлагать имъ столъ, стоющій въ наше время болѣе трехъ тысячъ руб. Такимъ образомъ азіатскій походъ Лукулла имѣлъ вредное вліяніе на римскіе нравы, но за то Лукуллъ оказалъ большую услугу обществу, содѣйствуя утонченію удовольствій жизни на западѣ и распространенію реальныхъ знаній. Лукуллъ акклиматизировалъ въ Европѣ вишни и другія фруктовыя деревья, растущія въ Малой Азіи и перенесъ въ свое отечество многія полезныя изобрѣтенія востока. Уважая науки и искусства даже на войнѣ, онъ обогатилъ Римъ многими произведеніями искусствъ, книгами и механическими аппаратами, найденными имъ въ греческихъ городахъ Понта.

Исходъ военныхъ дѣйствій Помпея противъ Митридата и Тиграна не могъ быть даже сомнителенъ, такъ какъ новый военачальникъ располагалъ силами, въ десять разъ большими, чѣмъ его предшественникъ. Помпей началъ свои дѣйствія договоромъ съ парѳянскимъ царемъ Фраатомъ III, и тѣмъ лишилъ Митридата и Тиграна всякой надежды на помощь парѳянъ. Тигранъ, убивъ двухъ сыновей своихъ, поссорился съ третьимъ, открытое возмущеніе котораго по необходимости заставило его оставаться въ предѣлахъ своего государства, и Помпей могъ обратить всѣ свои силы противъ Митридата. Близъ Евфрата онъ принудилъ понтійскаго царя дать рѣшительную битву и разсѣялъ его войска (66 г. до р. Х.). Послѣ пораженія Митридатъ долженъ былъ отдать римлянамъ всѣ свои азіатскія провинціи и искать спасенія въ босфорскомъ царствѣ (Т. I. стр. 713). Помпей не спѣ-

шилъ преслѣдовать побѣжденнаго царя, и, подобно восточному владыкѣ, въ память побѣды основалъ на самомъ полѣ битвы большой городъ, названный имъ Никополемъ или городомъ побѣды. Чтобы населить городъ, онъ прибѣгнулъ къ тѣмъ же самымъ мѣрамъ, какія употребляли Навуходоносоръ и Тигранъ для умноженія населенія своихъ столицъ, и силою принуждалъ жителей другихъ странъ переносить свое мѣстопребываніе въ Никополь; кромѣ того онъ поселилъ тамъ многихъ римлянъ, которыхъ ему хотѣлось пристроить къ мѣсту.

Съ Тиграномъ Помпей управился легко. Онъ вошелъ въ переговоры съ его возмутившимся сыномъ, отнявшимъ у своего отца большую часть Арменіи, и привелъ въ отчаяніе стараго тиранна, который былъ такъ же малодушенъ въ несчастіи, какъ надменъ въ счастіи. Когда Помпей подступилъ къ крѣпости Артаксатѣ, въ которой находился Тигранъ, послѣдній съ покорностью вышелъ къ римскому полководцу, предавая себя его волѣ. Не желая усиливать младшаго Тиграна на счетъ старшаго, Помпей оставилъ старому царю обладаніе его наслѣдственнымъ царствомъ, но заставилъ его отказатся отъ сдѣланныхъ прежде завоеваній и уступить своему сыну часть Арменіи. Молодой Тигранъ, увидя себя обманутымъ, въ скоромъ времени овладѣлъ однимъ укрѣпленіемъ, рѣшившись завоевать для себя то, въ чемъ отказала ему коварная политика римлянъ. Но онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отведенъ Помпеемъ въ Римъ.

Изъ Арменіи Помпей пошелъ къ Кавказу, чтобы настичь Митридата въ его босфорскомъ царствѣ; но, дойдя до южной подошвы горъ и не имѣя мужества пробиться сквозь дикія ущелья, населенныя сильными горными народами, — онъ оставилъ свое предпріятіе и возвратился чрезъ Арменію въ Понтъ. Въ городѣ Амисѣ Помпей собралъ множество малоазіатскихъ владѣтелей и ихъ пословъ и, подобно государю, регулировалъ своею властью взаимныя отношенія государствъ, уничтожалъ цѣлыя владѣнія, учреждая на мѣсто ихъ новыя и играя коронами какъ игральными марками. Помпей былъ безкорыстнѣе Лукулла, и заботился объ обогащеніи солдатъ болѣе чѣмъ о своемъ собственномъ, но при всемъ томъ своими распоряженіями только ухудшилъ положеніе малоазійцевъ. Онъ обременилъ туземныхъ владѣтелей долгами и опять отдалъ государства и города въ руки жадныхъ римскихъ всадниковъ. Изъ Амисы Помпей отправился въ Сирію, гдѣ ему представлялись легкія завоеванія и богатая добыча. Часть Сиріи, подвластная Тиграну, была уступлена имъ римлянамъ; за обладаніе другою частью спорили два брата изъ дома Маккавеевъ — Іоаннъ Гирканъ II и Аристовулъ II, а въ третьей — господствовалъ Селевкидъ Антіохъ XIII Азіатскій. Помпей обратилъ Сирію въ римскую провинцію, оставивъ въ ней только нѣсколько небольшихъ владѣній и городовъ въ видѣ обязанныхъ данью вассальныхъ государствъ. Антіохъ удержалъ за собою небольшую область Комагену въ сѣверовосточной Сиріи, другой получилъ страну отъ Халкиды до рѣки Оронта; Іоннъ Гирканъ былъ оставленъ владѣтелемъ Іудеи, но лишился царскаго титула и долженъ былъ довольствоваться званіемъ Первосвященника. Нѣкоторымъ городамъ была дарована большая или меньшая свобода. Между ними особенно замѣчателенъ городъ Эдесса, лежавшій къ востоку отъ Евфрата, въ месопотамской области Осроенѣ, на мѣстѣ теперешней Орфы. Государство Эдесское существовало до самыхъ крестовыхъ походовъ и, не смотря на гнетъ византійскаго правительства, фанатизмъ арабскихъ халифовъ и грубое владычество сельджуковъ, въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, сохраняло свое греческое государственное устройство и образованіе.

Всѣ сирійскіе владѣтели и народности, даже арабскіе эмиры, жившіе въ Сиріи, исполняли безпрекословно рѣшенія римскаго полководца; одинъ Аристовулъ, князь іудейскій, противился его повелѣніямъ. Аристовулъ получилъ престолъ по добровольномъ отреченіи своего старшаго брата Іоанна Гиркана. Но впослѣдствіи Іоаннъ, по наущеніямъ намѣстника Антипатра, отца Ирода, бывшаго впослѣдствіи царемъ іудейскимъ, задумалъ отнять власть у своего брата. Когда явился Помпей, Аристовулъ осаждалъ своего брата въ Іерусалимѣ. Оба владѣтеля обратились къ римскому полководцу, который и рѣшилъ дѣло въ пользу Іоанна Гиркана. Аристовулъ сначала не хотѣлъ согласиться съ этимъ рѣшеніемъ, но когда Помпей явился съ войскомъ передъ Іерусалимомъ, онъ сдался ему добровольно. Впрочемъ, приверженцы его отказались отъ сдачи Іеру-

салима и, запершись въ верхней части города, защищались съ такимъ упорствомъ, что Помпей безъ успѣха осаждалъ ихъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ и, только воспользовавшись строгимъ соблюденіемъ субботы, успѣлъ овладѣть городомъ. Нѣсколько тысячъ іудеевъ лишилось при этомъ жизни. Помпей, къ величайшей скорби благочестивыхъ людей, вошелъ въ святую святыхъ храма; впрочемъ онъ не коснулся сокровищъ храма.

Въ то время, какъ Помпей рѣшалъ въ Сиріи участь государей и народовъ, судьба освободила его отъ опаснѣйшаго врага. Митридатъ, покинутый счастіемъ, долженъ былъ бороться съ измѣнами своихъ ближнихъ родственниковъ. Онъ уже умертвилъ одного изъ своихъ сыновей, возбудившаго въ немъ подозрѣніе; но другой сынъ, признанный царемъ Босфора, вступилъ съ римлянами въ переговоры и, страшась мщенія отца, лишилъ себя жизни. Третьяго сына Митридатъ умертвилъ за то, что мать его передала Помпею ввѣренную ей крѣпость съ богатыми сокровищами. Съ этихъ поръ Митридатъ не могъ болѣе имѣть довѣрія ни къ кому изъ окружающихъ и постоянно страшился за свою жизнь. Его жены и родные сыновья замышляли и даже дѣлали попытки лишить его жизни. Открывая злоумышленія, Митридатъ каждый разъ предавалъ казни нѣсколькихъ членовъ своего семейства. Наконецъ на жизнь его сдѣлалъ покушеніе его любимый сынъ, Фарнакъ. Митридатъ простилъ его, но неблагодарный сынъ снова составилъ заговоръ и осадилъ отца въ Пантикапеѣ. Семидесяти-трехлѣтній Митридатъ сражался, какъ юноша, но увидя, что борьба клонится въ пользу сына, умертвилъ себя. Фарнакъ выдалъ римлянамъ трупъ своего отца и предалъ себя во власть Помпея, который призналъ его властителемъ Босфорскаго царства.

Смертью Митридата окончился походъ Помпея, и тщеславный побѣдитель возвратился въ Римъ съ такимъ гордымъ сознаніемъ своихъ заслугъ, что впослѣдствіи хвастовство его вызывало насмѣшки надъ нимъ въ высшемъ кругу. Онъ оставилъ Азію въ 62 г. до р. Хр. и въ слѣдующемъ же году праздновалъ въ Римѣ тріумфъ, затмившій собою всѣ прежніе. Здѣсь Помпей выказалъ всю свою хвастливость, приказавъ нести предъ собою таблицы съ означеніемъ тысячи крѣпостей и девяти сотъ покоренныхъ имъ мѣстностей, тридцати девяти возстановленныхъ или вновь основанныхъ имъ городовъ и восьми сотъ захваченныхъ кораблей. Множество оружія и драгоцѣнностей и нѣсколько милліоновъ золотою монетою было выставлено на показъ народу. Въ числѣ драгоцѣнностей находились между прочимъ обдѣланные въ драгоцѣнные камни золотые кубки на девяти столахъ, три золотыя статуи, золотая гора съ животными и фруктовыми деревьями, жемчужный гротъ, въ которомъ были устроены солнечные часы, и великолѣпная умывальница съ величайшимъ въ свѣтѣ драгоцѣннымъ камнемъ. Молодой Тигранъ, нѣсколько сыновей Митридата, іудейскій царь Аристовулъ и многіе мелкіе владѣтели должны были участвовать въ тріумфальномъ шествіи, какъ плѣнники. Самъ Помпей, одѣтый въ тунику Александра Великаго, ѣхалъ въ колесницѣ, украшенной драгоцѣнными камнями. О цѣнности сокровищъ, вывезенныхъ Помпеемъ изъ Азіи въ Римъ, мы можемъ судить по подаркамъ, какіе онъ сдѣлалъ солдатамъ по случаю своего тріумфа. Каждый солдатъ въ память праздника получилъ по меньшей мѣрѣ 372 руб. и, кромѣ того, 327 рублей въ награду за усмиреніе пиратовъ.

Уже изъ этихъ немногихъ данныхъ можно видѣть, какъ гибельно дѣйствовало на нравы римлянъ покореніе Востока. Богатство и вся роскошь восточныхъ народовъ перешли въ новую столицу міра; сотни тысячъ испорченныхъ азіатцевъ явились въ римскихъ семействахъ, какъ рабы. Въ покоренныхъ странахъ, которыя, какъ, напримѣръ, провинціи: Малая Азія, Виѳинія, Киликія и Сирія, были присоединены къ римскому государству, начались притѣсненія римскихъ намѣстниковъ, сборщиковъ податей и капиталистовъ. Мелкіе цари и правители, удержавъ за собою власть, должны были за то признавать надъ собою господство какой-нибудь изъ главныхъ фамилій или даже одной личности господствующаго класса, и за ихъ покровительство платить почти баснословныя суммы. Такъ, напримѣръ, Помпей, который былъ гораздо безкорыстнѣе Лукулла и другихъ аристократовъ, получалъ отъ каппадокійскаго царя ежемѣсячно по 37,000 руб. Каппадокійскій же царь не владѣлъ ни сокровищами, ни обширною территоріею и, слѣдовательно, долженъ былъ, для удовлетворенія своего покровителя, выжимать послѣднюю

кровь изъ своихъ подданныхъ. Во всякомъ случаѣ такихъ людей, какъ Помпей и Лукуллъ, имѣвшихъ царей своими кліентами, нельзя считать за частныхъ людей. Они играли роль монарховъ, окружали себя царскимъ блескомъ и были главами множества династій, жившихъ въ Римѣ и раздѣлявшихъ между собою господство надъ міромъ.

8. Заговоръ Катилины.

Въ самый годъ окончанія войны съ Митридатомъ (63 г. до р. Хр.), Риму угрожала страшная опасность отъ одного изъ его аристократовъ. Опасность эта вызвана была неслыханною роскошью и происшедшимъ вслѣдствіе того финансовымъ разстройствомъ въ высшихъ классахъ. Богатства и наслажденія Востока, перенесенныя въ Римъ, подобно вихрю, увлекали всѣхъ въ бездну погибели. Толпы рабовъ, умѣвшихъ возбуждать замиравшую чувственность сладострастными искусствами и занимать праздный умъ остроумными разсказами, заступили мѣсто прежнихъ домашнихъ собесѣдниковъ. Вмѣсто простыхъ шутокъ и сельскихъ праздниковъ, увеселявшихъ предковъ, любимыми удовольствіями народа сдѣлались тріумфы, гладіаторскія игры и звѣриныя травли. Роскошные пиры Лукулла замѣнили простыя пирушки старины. Древняя глиняная посуда съ простою живописью, приготовлявшаяся этрусками, была замѣнена драгоцѣнною каменною посудою восточнаго издѣлья и сосудами, украшенными серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Однимъ словомъ, вся жизнь приняла восточно-греческій оттѣнокъ, вмѣсто прежняго простаго самнитскаго, а потомъ близкаго къ природѣ прекраснаго греко-европейскаго характера. Распутство и роскошь вошли въ моду; такъ что даже такіе люди изъ среды аристократіи, какъ, напримѣръ, Цицеронъ, которые не находили никакого удовольствія въ распутствѣ и не имѣли для этого средствъ, должны были изъ приличія слѣдовать безразсудной модѣ. Расточительность не ограничивалась частною жизнію; даже высшія государственныя должности были сопряжены съ значительными издержками для лицъ, занимавшихъ ихъ. Народъ требовалъ отъ эдиловъ, обязанныхъ устроивать увеселенія на собственный счетъ, болѣе и болѣе пышныхъ общественныхъ игръ. Нужно было имѣть громадныя богатства тому изъ эдиловъ, который хотѣлъ сравняться съ своими предшественниками, не говоря уже о томъ, чтобы превзойти ихъ. Такъ Маркъ Эмилій Скавръ Младшій, сынъ Марка Эмилія, прославившагося въ югуртинской войнѣ, будучи эдиломъ въ 58 г. до р. Хр., построилъ театръ, стоившій ему нѣсколько сотъ тысячъ и воздвигнутый только на короткое время его службы; театръ былъ разрушенъ когда Скавръ сложилъ съ себя званіе эдила. Этотъ театръ могъ вмѣщать въ себѣ до шестидесяти тысячъ зрителей и былъ украшенъ между прочимъ тремя стами шестьюдесятью мраморными колоннами и тремя стами бронзовыми статуями. Декораціи и костюмы соотвѣтствовали великолѣпію зданія и обошлись Скавру въ пятьдесятъ семь тысячъ рублей.

Конечно, только у немногихъ фамилій были средства для такой расточительности, и долги сдѣлались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Знаменитый Кай Юлій Цезарь, будучи эдиломъ, задолжалъ для устройства народныхъ игръ болѣе тринадцати милліоновъ рублей. Высшія должностныя лица, дѣлаясь намѣстниками или полководцами, поправляли свое состояніе на счетъ подвластныхъ имъ народовъ; но всѣ поборы и военныя контрибуціи были для большинства изъ нихъ недостаточны. Почти вся аристократія впала въ долги, не будучи въ состояніи умѣрить своей роскоши, и все болѣе и болѣе запутывалась въ нихъ. При тогдашней распущенности, задолжавшіе нисколько не стѣснялись средствами добывать себѣ деньги. Консулъ 86 г. до р. Хр. не побоялся издать законъ, по которому задолжавшіе развратники высшихъ классовъ освобождались отъ уплаты трехъ четвертей своего долга (Т. I. стр. 716). Часто повторявшіеся при Суллѣ примѣры легкаго обогащенія посредствомъ грабежа на войнѣ или участія въ городскихъ безпорядкахъ и убійствахъ должны были оказывать самое вредное вліяніе на развратный народъ. Что дѣлалъ въ большихъ размѣрахъ Крассъ во время проскрипціи Суллы, то въ меньшихъ размѣрахъ дѣлали Катилина и другіе, поль-

зуясь ими для присвоенія себѣ имущества горожанъ. По примѣру Лукулла, который, будучи главнокомандующимъ, набралъ безчисленныя сокровища, и второстепенные начальники, какъ напримѣръ центуріонъ Суллы, Луцій, пріобрѣтали иногда однимъ походомъ состояніе въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Вотъ какія обстоятельства вызвали въ 63 г. до р. Х. заговоръ Катилины. Измѣненіе формъ государственнаго устройства и введеніе новаго порядка вещей не было единственною цѣлью заговорщиковъ; имъ прежде всего хотѣлось освободиться отъ долговъ, обогатиться на счетъ гражданъ и уничтожить своихъ враговъ, а для этого возобновить ужасное время Суллы. Луцій Сергій Катилина, зачинщикъ и руководитель заговора, принадлежалъ къ числу промотавшихся аристократовъ, которые, какъ и въ наше время Мирабо, боялись огромной массы своихъ долговъ болѣе, чѣмъ правительства и его суда. Еще прежде заговора Катилина совершилъ нѣсколько убійствъ и умертвилъ своего роднаго брата (Т. I. стр. 716); но, не смотря на это, въ 69 г. до р. Х. онъ былъ назначенъ преторомъ, а въ 63 г. до р. Х., вмѣстѣ съ ораторомъ Маркомъ Тулліемъ Цицерономъ, искалъ консульства, питая надежду достигнуть своей цѣли. Въ это же время онъ вошелъ въ сношенія съ самыми отчаянными и развратными людьми Рима и Италіи, чтобы убійствами, грабежомъ и поджогами добывать средства для своего распутства. Онъ искалъ и нашелъ сообщниковъ для своего преступнаго намѣренія не въ одной черни: сама аристократія пала такъ глубоко, что большая часть заговорщиковъ принадлежала къ высшему классу. Одиннадцать сенаторовъ, пять народныхъ трибуновъ, два квестора и даже одинъ знаменитый преторъ соединились съ Катилиною. Въ сочувствіи къ заговору подозрѣваютъ и Кая Антонія Гибриду, бывшаго консуломъ вмѣстѣ съ Цицерономъ, хотя впослѣдствіи онъ силою оружія содѣйствовалъ подавленію заговора. То же думали и о Крассѣ. Самъ Кай Юлій Цезарь, бывшій въ томъ году верховнымъ жрецомъ, не слишкомъ ревностно противодѣйствовалъ заговору и мало заботился о наказаніи виновныхъ. Въ какомъ печальномъ внутреннемъ состояніи находилось аристократическое правленіе, столь блестящее извнѣ, когда лучшіе граждане изъ самыхъ знатныхъ фамилій готовы были принять участіе въ предпріятіи, направленномъ къ убійству и грабежу! Такое явленіе дѣлало еще болѣе ощутительною потребность римлянъ въ монархическомъ правленіи.

Цѣлый годъ городу угрожала опасность,—и опасность эта не была тайною: она была извѣстна всѣмъ. Лучшая часть аристократіи знала, что нѣкоторые изъ первыхъ государственныхъ людей находились въ связи съ самою низкою и развратною частью населенія, что заговорщики въ самомъ городѣ имѣютъ свои тайныя собранія и что Катилина не теряетъ даже надежды на полученіе консульства. Необходимо было положить конецъ его злодѣйствамъ, и для этого избрать въ консулы человѣка безпристрастнаго, не принадлежавшаго къ аристократіи. Поэтому аристократы, до того столь завистливые, сами оказали содѣйствіе выбору въ консулы Цицерона, который былъ врагомъ Катилины и принадлежалъ къ числу немногихъ честныхъ людей въ Римѣ. Цицеронъ, избранный вмѣстѣ съ Антоніемъ Гибридою, тотчасъ же направилъ всю свою дѣятельность на подавленіе заговора. Главная трудность состояла въ томъ, что по существовавшимъ въ Римѣ законамъ высшая полиція не могла безъ формальнаго обвиненія передъ судомъ ни привести къ отвѣтственности главныхъ виновниковъ заговора, ни остановить ихъ происковъ. Заговорщики уже условились о вооруженной помощи съ галльскимъ племенемъ аллоброговъ, посольство которыхъ случайно находилось въ Римѣ, и успѣли расположить въ свою пользу поселенныхъ въ Италіи ветерановъ Суллы, между тѣмъ какъ противъ нихъ нельзя было найти требуемыхъ уликъ. Цицеронъ наконецъ воспользовался тѣмъ средствомъ, къ которому прибѣгаютъ и въ наше время французскіе и англійскіе министры. Онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ со многими знатными дамами легкаго поведенія, и чрезъ одну изъ нихъ успѣлъ выпытать у одного заговорщика, кто были его сообщники. Такимъ образомъ онъ нашелъ желанную юридическую улику и могъ, 20 октября, открыто возстать въ Сенатѣ противъ Катилины и изобличить его. Согласно съ обычаемъ римлянъ въ такихъ случаяхъ, Цицерону и его товарищу, также горячо взявшемуся за общее дѣло, даны были всѣ средства для спасенія отечества. Но, не смотря на опредѣленіе сената, дававшее консуламъ почти диктаторскую власть,

положеніе дѣлъ не улучшилось. Катилина, по своей необыкновенной дерзости и дикой храбрости, ничего не боялся. Солдаты Суллы, въ соединеніи съ другими отчаянными людьми, взялись уже за оружіе въ Этруріи, а заговорщики въ Римѣ ожидали только ихъ прибытія, чтобы поджечь Римъ со всѣхъ концевъ и умертвить самого Цицерона съ большею частью сенаторовъ.

Когда Риму угрожала такая опасность, краснорѣчіе Цицерона сдѣлала чудеса. Своими знаменитыми рѣчами противъ Катилины онъ умѣлъ возбудить древній римскій духъ даже въ тѣхъ гражданахъ, въ которыхъ погасло всякое чувство чести и любви къ отечеству. Изъ боязни показаться участниками въ заговорѣ, люди, сочувствовавшіе Катилинѣ, подали голосъ противъ него. Первая рѣчь, произнесенная Цицерономъ въ сенатѣ, произвела такое дѣйствіе, что Катилина принужденъ былъ оставить городъ въ тотъ же день и съ толпами заговорщиковъ удалился въ Этрурію, гдѣ и возложилъ на себя знаки консульства. Вскорѣ послѣ того послы аллоброговъ объявили консулу о своихъ переговорахъ съ Катилиною. По совѣту Цицерона, аллоброги продолжали сношенія съ заговорщиками, доставляя правительству свѣдѣнія объ ихъ гибельныхъ замыслахъ, и наконецъ сообщили подписи знатнѣйшихъ заговорщиковъ. Посредствомъ этихъ документовъ главные участники заговора были изобличены въ своихъ замыслахъ. Цицеронъ приказалъ арестовать ихъ и настоялъ въ сенатѣ на томъ, чтобы они были осуждены на казнь безъ всякаго дальнѣйшаго слѣдствія. Но это предложеніе противорѣчило древнему закону, по которому всякій гражданинъ, присужденный къ наказанію за преступленіе, имѣлъ право апеллировать къ народному собранію. Этимъ закономъ воспользовался Цезарь и въ длинной рѣчи старался доказать несправедливость мнѣнія Цицерона, требуя, чтобы заговорщики были присуждены только къ пожизненному заключенію и потерѣ своего состоянія. Большая часть сенаторовъ согласилась съ мнѣніемъ Цезаря, и все краснорѣчіе Цицерона не имѣло бы успѣха, если бы на его сторону не сталъ человѣкъ, пользовавшійся вліяніемъ болѣе по своему характеру, чѣмъ по талантамъ. Это былъ Маркъ Порцій Катонъ Младшій, правнукъ Катона Цензорія. Катонъ Младшій, или, какъ его обыкновенно называютъ, въ отличіе отъ его славнаго предка, Катонъ Утическій, одинъ изъ всѣхъ современниковъ занимался государственными дѣлами изъ чистыхъ побужденій, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ. Римляне того времени, даже держась честнаго направленія, не были тверды и постоянны въ своихъ убѣжденіяхъ. Ими руководила или минутная зависть, или же, какъ Цицерономъ, страсть къ почестямъ и славѣ, а не истинно благородныя чувства и врожденная добродѣтель. Напротивъ того, Катонъ, держась строгихъ правилъ стоической философіи, былъ, среди своего развращеннаго времени, образцомъ древняго римлянина. Не смотря на всеобщую испорченность, онъ сохранилъ простоту чувствъ и нравовъ предковъ и, обладая истиннымъ величіемъ духа, всегда былъ въ состояніи противостоять вліянію времени, которому всѣ подчинялись. Чистота и твердость характера этого человѣка оказывали необыкновенное дѣйствіе въ эту эпоху самаго страшнаго разврата. Дѣйствительно, по самой природѣ человѣка, крѣпкій организмъ, въ случаѣ болѣзни, излечиваетъ самъ себя при помощи остающихся въ немъ здоровыхъ элементовъ. Такъ сильные характеры и истинный патріотизмъ, подкрѣпляемые здравымъ смысломъ, котораго едва ли можетъ когда-нибудь совершенно лишиться народъ, имѣютъ по истинѣ чудесную силу въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Поэтому, чего не могъ достигнуть Цицеронъ при всемъ своемъ талантѣ, того достигъ Катонъ вліяніемъ, которое имѣли на народъ чисто-римскіе нравы. Согласившись съ Цицерономъ въ мнѣніи о Катилинѣ, Катонъ рѣшилъ дѣло. Сенаторы произнесли смертный приговоръ противъ заговорщиковъ, и Цицеронъ не замедлилъ исполнить его. Народъ съ торжествомъ встрѣтилъ Цицерона, когда онъ, вечеромъ въ этотъ знаменитый день, возвращался домой: собравшись безчисленными толпами на площади, граждане какъ бы съ тріумфомъ проводили Цицерона до его дома и почтили его, какъ спасителя государства, именемъ отца отечества.

Дальнѣйшее преслѣдованіе заговора было совершено военною силою. Здѣсь дѣйствовалъ уже не Цицеронъ, а его товарищъ по консульству, Антоній, выступившій съ войскомъ противъ Катилины. Кровавая битва рѣшила споръ. Катилина и его солдаты сражались геройски, но послѣ отчаяннаго сопротивленія были раз-

биты: большинство изъ нихъ и самъ Катилина, пало на полѣ битвъ (62 г. до р. Хр.). Пораженіе заговорщиковъ не привело дѣла къ концу. Приверженцы Помпея, пользуясь тѣмъ, что Цицеронъ казнилъ римскаго гражданина безъ апелляціи къ народу, хотѣли извлечь выгоды для своего покровителя. Легатъ Помпея, Квинтъ Цецилій Метеллъ Непотъ, возвратившійся изъ Азіи и въ 62 году избранный въ народные трибуны, еще до побѣды надъ Катилиною называлъ рѣшеніе Цицерона противозаконнымъ. При содѣйствіи Цезаря онъ даже предложилъ немедленно вызвать въ Римъ Помпея для того, чтобы принять мѣры противъ Катилины и возстановить нарушенный Цицерономъ порядокъ. Метеллъ, для приведенія въ исполненіе своего замысла, употребилъ и насиліе. Окруживъ себя вооруженными толпами, онъ далъ своимъ противникамъ открытую битву на площади и успокоился только тогда, когда узналъ, что сенатъ уполномочилъ консула отражать силу силою. Потомъ Меттеллъ бѣжалъ къ Помпею въ Азію.

9. Внутреннія событія въ Римѣ отъ заговора Катилины до перваго тріумвирата.

Помпей возвратился изъ Азіи въ началѣ 61 г. до р. Х. Огромная власть, ввѣренная ему, и счастливое окончаніе войны на Востокѣ поставили его на необыкновенную высоту. Онъ стоялъ во главѣ побѣдоноснаго войска, обогащеннаго имъ во время войны добычею, и обладалъ всѣми необходимыми средствами, чтобы еще крѣпче привязать къ себѣ своихъ клевретовъ, раздавая имъ почетныя мѣста и деньги, и расположить къ себѣ народъ подарками, играми и внѣшнимъ блескомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ никто уже не могъ надѣяться на сохраненіе древнихъ учрежденій и свободы; вопросъ состоялъ въ томъ, будетъ ли верховное владычество находиться въ рукахъ Помпея, или у него вырветъ власть кто-нибудь другой. Помпей не съумѣлъ удержаться на той высотѣ, которой не достигалъ ни одинъ римлянинъ, не прибѣгая къ революціоннымъ средствамъ. Онъ былъ нерѣшителенъ, хотѣлъ мирнымъ и по видимому законнымъ путемъ утвердить за собою власть, которую можно было сохранить только насиліемъ и оружіемъ. Всѣ ожидали, что Помпей съ своимъ войскомъ вступитъ въ Римъ; но, прибывъ въ Италію, онъ распустилъ армію, прося только солдатъ вновь собраться для его тріумфа. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что положеніе дѣлъ въ Римѣ совершенно измѣнилось и получилъ отказъ на первое свое требованіе, —онъ, который въ Азіи, какъ неограниченный повелитель, располагалъ судьбою государствъ! Крассъ, Лукуллъ и Метеллъ Критскій, личные враги Помпея, находясь во главѣ большей части аристократіи, всѣми мѣрами старались подорвать его могущество. Катонъ оживлялъ истинныхъ римлянъ въ сенатѣ духомъ лучшихъ временъ республики и сдѣлался самымъ сильнымъ противникомъ Помпея и его приверженцевъ. Цицеронъ примкнулъ къ партіи послѣдняго и этимъ придалъ ей большой вѣсъ, потому что слава его краснорѣчія и подавленіе заговора Катилины пріобрѣли ему такое значеніе, какого до него не достигалъ никто одними мирными средствами. Число голосовъ, которыми могъ располагать въ сенатѣ Помпей, значительно уменьшилось. Помпею были оказаны всѣ наружные знаки уваженія, но онъ получилъ отказъ въ самомъ главномъ: сенатъ не утвердилъ сдѣланныхъ имъ на Востокѣ распоряженій и не позволилъ раздать земли солдатамъ. Помпей обратился къ народу; но и здѣсь враги дѣйствовали успѣшно, и Помпей вскорѣ увидѣлъ, что не можетъ достигнуть цѣли, не прибѣгая къ открытой силѣ. Впрочемъ у него не достало рѣшимости обратиться къ этому крайнему средству, и онъ отказался отъ своихъ требованій. Такимъ образомъ Помпею угрожала опасность лишиться плодовъ всѣхъ своихъ подвиговъ, т. е. потерять мирное господство надъ римскимъ государствомъ. Онъ сталъ искать средства вновь утвердить свою колеблющуюся власть и нашелъ его, соединившись съ Цезаремъ.

Кай Юлій Цезарь, старавшійся съ помощью Помпея занять первое мѣсто въ государствѣ, съ этихъ поръ становится самою значительною личностью своего времени. Поэтому мы должны на время прервать нить нашего разсказа и

коснуться прежней жизни этого человѣка. Цезарь, родившійся въ 100 г. до р. Х., происходилъ изъ древней патриціанской фамиліи. Еще въ первой молодости онъ выказалъ противъ всемогущаго Суллы такую рѣшительность и твердость, на какую не отважывался тогда и Помпей. Помпей, по повелѣнію Суллы, развелся съ своею женою и вступилъ въ бракъ съ падчерицею диктатора; Сулла потребовалъ того же и отъ Цезаря, женатаго на дочери Цинны, но Цезарь не послушался, хотя Сулла грозилъ ему смертью. Онъ бѣжалъ изъ Рима и не хотѣлъ возвращаться туда, не смотря на то, что Сулла по просьбамъ его друзей, простилъ его. Цезарь вернулся въ Римъ только по смерти диктатора, и началъ свое политическое поприще защитою своихъ кліентовъ въ судѣ. Вскорѣ послѣ того онъ отправился въ Родосъ, чтобы, подъ руководствомъ знаменитаго греческаго ритора Молона, усовершенствоваться въ политическомъ краснорѣчіи, и тотчасъ по возвращеніи оттуда пристадъ къ демократической и оппозиціонной партіи. Патрицій по рожденію, образованію и образу жизни, Цезарь скоро увидѣлъ, что демагогія и начальство надъ войскомъ служатъ въ Римѣ единственнымъ средствомъ къ достиженію единовластія. Въ 68 г. до р. Хр. отправился онъ, въ должности квестора, въ Лузитанію, а черезъ три года, получивъ должность эдила, старался расположить въ свою пользу жадный до зрѣлищъ народъ великолѣпными играми и впалъ въ огромные долги. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ должность верховнаго жреца и претора. Въ это время Цезарь изъявлялъ громкое негодованіе на строгія мѣры противъ Катилины и говорилъ о пощадѣ и снисхожденіи къ заговорщикамъ. Нуждаясь въ Помпеѣ для своего возвышенія, онъ принялъ участіе въ безпорядкахъ, возбужденныхъ, въ интересахъ Помпея, трибуномъ Метелломъ Непотомъ, и за то вмѣстѣ съ Метелломъ лишенъ былъ званія претора. Народъ хотѣлъ силою вручить ему отнятое званіе, но онъ былъ настолько благоразуменъ, что отказался отъ народной помощи, которая доставила бы ему минутное торжество, но навсегда оттолкнула бы отъ него аристократію. За такое самоотверженіе сенатъ принесъ Цезарю публичную благодарность и возвратилъ ему отнятую должность. Потомъ въ качествѣ пропретора Цезарь назначенъ былъ въ Испанію, но, обремененный долгами, могъ отправиться туда только тогда, когда Крассъ поручился за него одному изъ кредиторовъ болѣе чѣмъ на милліонъ руб. сер. О путешествіи Цезаря въ Испанію, какъ и о всѣхъ происшествіяхъ его жизни, разсказываютъ много анекдотовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, достовѣрность котораго, впрочемъ, сомнительна, потому что онъ уже слишкомъ отчетливо въ немногихъ словахъ изображаетъ характеръ этого человѣка. Когда Цезарь проходилъ съ войскомъ чрезъ одинъ маленькій городокъ Галліи, кто-то изъ спутниковъ спросилъ его: «неужели и въ этомъ бѣдномъ городкѣ такъ же, какъ въ Римѣ, происходятъ споры за преобладаніе?» На это Цезарь сказалъ: что «хотѣлъ бы лучше быть первымъ въ этомъ городѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ». Цезарь, подобно всѣмъ римскимъ вельможамъ, пользовался должностью намѣстника для собственнаго обогащенія и собралъ въ Испаніи такія богатства, что, возвратившись въ слѣдующемъ году въ Римъ, былъ въ состояніи заплатить всѣ свои долги.

Съ этого времени Цезарь началъ искать консульства и вмѣстѣ съ тѣмъ начальства надъ войскомъ, надѣясь такимъ образомъ приблизиться къ главной своей цѣли: единовластію въ Римѣ. Пользуясь любовью народа, Цезарь могъ быть совершенно увѣренъ въ успѣхѣ, но вскорѣ увидѣлъ, что, не будучи въ союзѣ съ тогдашнимъ главою государства, онъ не получитъ продолжительнаго начальства надъ однимъ и тѣмъ же войскомъ и не будетъ имѣть возможность привязать его къ себѣ, и что съ другой стороны, тѣ же сенаторы, которые старались подорвать власть всемогущаго Помпея, воспротивились бы и его собственнымъ планамъ. Поэтому Цезарь старался привлечь Помпея на свою сторону. Помпей согласился на союзъ съ Цезаремъ въ надеждѣ выхлопотать при его помощи утвержденіе своихъ распоряженій въ Азіи и удовлетворить солдатъ: по своей недальновидности онъ не догадывался, что большинство людей покланяется не заходящему, а восходящему солнцу. Между тѣмъ одного соединенія съ Помпеемъ не достаточно было для осуществленія цѣлей обоихъ. Имъ нужны были деньги, чтобы поставить въ зависимость отъ себя руководителей народа и привлечь къ себѣ безгласныхъ членовъ сената, имѣвшихъ значеніе только при подачѣ голосовъ, чуждыхъ собственнаго мнѣнія и повиновавшихся только распоряженіямъ

высшихъ, словомъ, такихъ людей, которыхъ во французскомъ національномъ конвентѣ называли брюхомъ, а теперь называютъ центромъ. По этому Цезарь обратился къ Крассу и склонилъ его на свою сторону, представивъ ему выгоды ихъ совмѣстнаго господства. Примиривъ Красса съ Помпеемъ, онъ составилъ такъ называемый т р і у м в и р а т ъ (то-есть союзъ трехъ лицъ). Такимъ образомъ деньги, приверженцы и народная любовь трехъ значительнѣйшихъ лицъ въ государствѣ соединились вмѣстѣ. Послѣ этого Цезарь, Помпей и Крассъ уже легко могли одолѣть всѣхъ Цицероновъ, Катоновъ, Метелловъ, сенатъ и народное собраніе. Но ни Помпей, ни Крассъ не предвидѣли, что этотъ союзъ былъ выгоденъ *для одного Цезаря*, и что *оба они служили только орудіями его возвышенія*. Тріумвиратъ, заключенный въ 60 г. до р. Хр., уничтожилъ древнія учрежденія римскаго государства, и вмѣсто ихъ установилъ что-то въ родѣ монархіи. Правда, монархическая власть была раздѣлена между тремя лицами, но эта была случайность. Тріумвиратъ продолжалъ существовать до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ тріумвировъ не пріобрѣлъ на столько силы, чтобы, не подвергаясь опасности, освободиться отъ прочихъ сообщниковъ.

XI. ОТЪ ПЕРВАГО ТРІУМВИРАТА

ДО ПАДЕНІЯ РЕСПУБЛИКИ.

1. Первый тріумвиратъ.

Помпей, Крассъ и Цезарь, заключая между собою союзъ, извѣстный подъ именемъ перваго тріумвирата, не имѣли въ виду продолжительнаго господства надъ римскимъ государствомъ: каждый изъ нихъ преслѣдовалъ свои особенныя цѣли. Цезарь искалъ консульства и хотѣлъ, при помощи двухъ остальныхъ союзниковъ, удержать за собою на возможно-продолжительное время званіе намѣстника и начальство надъ войскомъ. Крассъ стремился только къ удовлетворенію своего корыстолюбія. Помпей же заботился преимущественно объ утвержденіи своихъ распоряженій въ Азіи и о надѣлѣ землею своихъ солдатъ. Оба послѣдніе тріумвира, вступая въ союзъ съ Цезаремъ, не намѣрены были идти противъ аристократической партіи, къ которой принадлежали сами; Цезарю также не хотѣлось возвращать народу и его трибунамъ правительственную власть. Помпей и Крассъ хотя и достигли своихъ цѣлей, но все таки скорѣе повредили себѣ чрезъ союзъ съ Цезаремъ. Вопреки собственнымъ желаніямъ, они доставили честолюбивому Цезарю средства возвыситься надъ ними и достигнуть единовластія.

При помощи золота Красса и вліянія Помпея, Цезарь получилъ консульство, хотя Лукуллъ, Катонъ, Цицеронъ и другіе сторонники древнихъ учрежденій употребляли всѣ средства, чтобы отстранить его избраніе. Впрочемъ аристократамъ удалось назначить консуломъ, вмѣстѣ съ Цезаремъ, Марка Кальпурнія Бибула, принадлежавшаго къ ихъ партіи. Такимъ образомъ въ 59 г. до р. Хр. во главѣ государства стали два враждовавшіе другъ съ другомъ человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ способнѣе, искуснѣе и сильнѣе другаго и съ самаго начала пріобрѣлъ себѣ гораздо большее число приверженцевъ. Слѣдствіемъ такого неравенства была продолжительная борьба, кончившаяся къ невыгодѣ аристократовъ. Аристократы, интересовавшіеся болѣе роскошною жизнью, пышными пирами и рыбными прудами, чѣмъ дѣлами отечества, скоро утомились поддерживать своего консула, навлекли на него и на себя насмѣшки и презрѣніе, и доставили врагу своему, Цезарю превосходный случай упрочить за собою любовь народа. Цезарь постоянно и съ необыкновенною хитростью стремился къ своей цѣли, дѣлая въ тоже время видъ, что не ищетъ собственныхъ выгодъ. Благоразумная рѣшимость Цезаря жертвовать настоящимъ для того, чтобы выиграть въ будущемъ, болѣе всего доказываетъ его великій умъ.

Первымъ дѣломъ Цезаря въ качествѣ тріумвира было предложить новый аграрный законъ. Напрасно сенаторская партія напрягала всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать принятію этого закона; напрасно Бибулъ объявлялъ остановку теченія всѣхъ государственныхъ дѣлъ; Цезарь, съ помощію Помпея и Красса, получилъ большинство голосовъ, а приверженный ему трибунъ, Ватиній, силою принудилъ замолчать товарища Цезаря. Бибулъ подвергся нападенію среди народнаго собранія, былъ прогнанъ въ свой домъ и тамъ осажденъ толпами Ватинія. Впослѣдствіи Ватиній принудилъ консула отказаться отъ участія во всѣхъ

важныхъ государственныхъ дѣлахъ и такимъ образомъ на цѣлый годъ отнялъ у него возможность вредить Цезарю. При помощи аграрнаго закона, Цезарь выполнилъ свои обязательства къ Помпею и надѣлилъ 20,000 бѣдныхъ гражданъ государственными землями. Другой законъ, предложенный имъ, склонилъ на его сторону всадниковъ, въ которыхъ онъ нуждался для осуществленія дальнѣйшихъ плановъ. Цезарь предложилъ народу сложить откупщикамъ государственныхъ доходовъ третью часть откупной суммы. Послѣ этого ему ничего нестоило вынудить у народнаго собранія согласіе на утвержденіе всѣхъ распоряженій Помпея въ Азіи.

Устранивъ вмѣшательство Бибула въ государственныя дѣла, Цезарь сдѣлался единовластнымъ консуломъ въ Римѣ. Помпей отдѣлился отъ аристократической партіи и, ставъ въ зависимое положеніе чрезъ союзъ съ Цезаремъ, возбудилъ къ себѣ общее презрѣніе. Женившись на дочери Цезаря, Юліи, онъ подалъ поводъ еще болѣе сомнѣваться въ его самостоятельности. Аристократы ничего не могли сдѣлать противъ Цезаря, не имѣя возможности употребить противъ него рѣшительныхъ мѣръ, къ тому же Цезарь незамѣтно отнялъ у нихъ возможность вредить себѣ. Цицерону Цезарь предложилъ мѣсто въ коммиссіи, учрежденной для раздѣла земель. Ораторъ долго обдумывалъ, принять ли ему предложеніе Цезаря и примкнуть ли къ нему, но наконецъ рѣшился отказаться отъ мѣста. Въ отмщеніе за то Цезарь, соединившись съ Клодіемъ, смертельнымъ врагомъ Цицерона, въ слѣдующемъ году выгналъ его изъ города. Катонъ еще менѣе Цицерона расположенъ былъ переходить на сторону Цезаря. Поэтому Цезарь рѣшился избавиться отъ этого противника насиліемъ, и когда, во время совѣщанія объ аграрномъ законѣ, Катонъ осмѣлился возражать тріумвирамъ, онъ былъ прогнанъ изъ народнаго собранія, подобно Бибулу. Безсильныя остроты и разглагольствованія оставались единственнымъ оружіемъ противниковъ тріумвировъ. На слѣдующій годъ враги Цезаря избрали въ консулы двухъ совершенно преданныхъ себѣ людей. Сенатъ думалъ обезсилить Цезаря тѣмъ, что при концѣ срока консульства, вмѣсто начальства надъ войскомъ или намѣстничества, поручилъ ему надзоръ за дорогами и лѣсами. Но Цезарь, при помощи народнаго собранія, получилъ должность намѣстника Верхней Италіи и Иллиріи и, отмѣнивъ предписаніе закона Гракха, по которому намѣстники должны были смѣняться каждый годъ, настоялъ на томъ, чтобы обѣ провинціи были поручены ему на пять лѣтъ. Безсильное мщеніе противниковъ Цезаря высказалось тогда во всей своей силѣ. Цезарю хотѣлось взять себѣ еще третью провинцію — Галлію Транзальпинскую, и устрашенный сенатъ добровольно согласился на это требованіе, опасаясь, что народное собраніе снова предъявитъ притязанія на право назначать намѣстниковъ, принадлежавшее одному сенату, и такимъ образомъ окончательно уронитъ его значеніе.

Предоставивъ двумъ своимъ союзникамъ управленіе городомъ, Цезарь съ войскомъ отправился въ Верхнюю Италію и Галлію. Впрочемъ онъ оставался съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ и старался объ утвержденіи ихъ общей власти. Ближайшею цѣлью тріумвировъ было изгнаніе Катона и Цицерона. Не дѣйствуя подобно другимъ римлянамъ того времени, подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ и страстей, Катонъ и Цицеронъ по образованіи тріумвирата пріобрѣли огромное значеніе; тѣмъ болѣе, что аристократическая партія, во главѣ которой они стояли, сомкнулась тѣснѣе при видѣ опасности, грозившей ей со стороны тріумвировъ. Такимъ образомъ для тріумвировъ было очень важно отнять у Катона и Цицерона всякую возможность вредить имъ. Для этого они употребили Публія Клодія Пульхра, извѣстнаго, хотя и не совсѣмъ съ хорошей стороны, изъ разсказа о войнѣ съ Митридатомъ (стр. 12). Клодій глубоко ненавидѣлъ Катона и Цицерона и за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ сильно оскорбленъ послѣднимъ. Исторія отношеній Клодія къ Цицерону бросаетъ такой яркій свѣтъ на характеръ этой эпохи, что мы не можемъ пройти ее безъ вниманія. Здѣсь мы видимъ, что иногда господствующіе партіи изъ правительственныхъ разсчетовъ выставляютъ на политическую сцену безпокойнаго человѣка, желая сдѣлать потребность въ защитѣ ощутительнѣе для общества. Клодій принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ патриціанскихъ фамилій и во время заговора Катилины дѣятельно старался о прекращеніи его, но, вскорѣ послѣ того, преслѣдуемый рев-

нителями нравственности въ сенатѣ за распутство, примкнулъ къ Цезарю. Противники Клодія воспользовались одной изъ его дерзостей, чтобы погубить его. Однажды Клодій пробрался на церемонію какого-то тайнаго женскаго культа, при которой не имѣлъ права присутствовать ни одинъ мужчина. За это онъ былъ обвиненъ и преданъ суду, какъ нарушитель нравственности и противникъ государственной религіи. Клодій сначала думалъ помочь себѣ, возбудивъ въ городѣ смятеніе и безпорядокъ, а потомъ, когда судъ все-таки начался, ему удалось испугать судей множествомъ приверженцевъ въ народѣ и склонить въ свою пользу деньгами. Оправданный судьями, онъ сдѣлался всемогущимъ любимцемъ народа. Въ этомъ процессѣ Цицеронъ дѣйствовалъ противъ Клодія; этого не могъ простить ему страстный развратникъ. Чтобы отмстить Цицерону и сенату, Клодій явился соискателемъ на званіе трибуна, и такъ какъ ни одинъ патрицій не имѣлъ права занимать эту должность, то онъ рѣшился выдать себя за сына одного плебея. Впрочемъ, законное усыновленіе было связано со множествомъ формальностей, зависѣвшихъ отъ сената и представлявшихъ врагамъ Клодія удобный случай воспрепятствовать его намѣренію. Клодій не достигъ бы своей цѣли, если бы его сторону не приняли тріумвиры, желавшіе съ помощью его погубить Цицерона. Пренебрегши всѣми формальностями, тріумвиры выхлопотали Клодію усыновленіе, а въ слѣдующемъ году (58 до р. Х) и званіе трибуна.

Трибунатъ Клодія былъ едва-ли не самымъ безпокойнымъ временемъ во всѣ послѣдніе годы республики. Первымъ дѣломъ новаго трибуна было привлечь на свою сторону народъ, что, при его демократическомъ образѣ дѣйствій, не представляло для него особенныхъ трудностей. Клодій постановилъ между прочимъ четыре закона, изъ которыхъ каждый уничтожалъ какое-нибудь изъ древнихъ учрежденій. Прежде всего онъ отмѣнилъ законъ, дававшій авгурамъ и важнѣйшимъ государственнымъ сановникамъ право отмѣнять, на религіозныхъ основаніяхъ, народныя собранія, казавшіяся почему бы то ни было опасными. Вторымъ закономъ было постановлено, чтобы хлѣбъ, продаваемый прежде бѣднымъ за незначительную цѣну, былъ раздаваемъ имъ даромъ. Этотъ новый законъ не только увеличилъ ежегодные расходы государства на девять, или даже на одиннадцать милліоновъ рублей, но, что всего хуже, привлекъ въ городъ множество празднаго народа, опаснаго для общественнаго спокойствія. Третій законъ былъ самымъ благоразумнымъ дѣломъ Клодія. Онъ ограничилъ цензорскую власть, очень опасную въ тогдашнее время, когда ненависть и интересы партій преобладали надъ всѣми другими побужденіями. По закону Клодія, цензоры могли исключать гражданина изъ числа сенаторовъ только тогда, когда оба они были согласны въ необходимости такой мѣры и притомъ, чтобы они предварительно производили формальное изслѣдованіе дѣла. Такой законъ отнялъ у каждаго изъ цензоровъ возможность по собственному произволу лишать гражданъ политическаго значенія. Четвертое нововведеніе Клодія было въ высшей степени гибельно для республики. Оно нанесло страшный ударъ аристократическому элементу въ правительствѣ и, къ сожалѣнію, оставалось въ дѣйствіи долгое время, тогда какъ всѣ другіе законы Клодія были уничтожены вскорѣ по окончаніи его трибуната. Послѣдній законъ Клодія касался сходокъ разныхъ обществъ для торжественныхъ празднествъ или извѣстныхъ политическихъ цѣлей. Общества эти составляютъ одно изъ опаснѣйшихъ учрежденій, какія только могутъ существовать въ аристократическомъ государствѣ, доставляя нарушителямъ общественнаго спокойствія полную свободу дѣйствовать и открывая имъ средства, при помощи массъ, оказывать правительству сопротивленіе, невозможное для отдѣльныхъ личностей. Поэтому общества эти были запрещены въ Римѣ и могли составляться только съ особеннаго разрѣшенія сената. Клодій уничтожилъ это ограниченіе и возстановилъ прежнюю свободу сходокъ разныхъ обществъ, положилъ начало новымъ обществамъ и настоящимъ клубамъ, которые составляли какъ бы особенное государство въ государствѣ и служили для осуществленія разныхъ политическихъ цѣлей.

Для приведенія въ исполненіе задуманныхъ имъ плановъ, Клодій поступилъ такъ же какъ и всѣ вліятельные трибуны: онъ возбудилъ чернь къ насиліямъ и собралъ вокругъ себя толпы вооруженныхъ невольниковъ и свободныхъ гражданъ. Убѣдившись въ своемъ могуществѣ, Клодій началъ думать объ устраненіи двухъ своихъ главныхъ противниковъ и избралъ для этого два различныхъ пути.

Катона онъ удалилъ повидимому почетнымъ образомъ, а на Цицерона подалъ жалобу въ судъ и добился того, что онъ былъ осужденъ на изгнаніе. Катонъ, по предложенію Клодія, былъ посланъ народнымъ собраніемъ въ Кипръ, гдѣ господствовалъ въ то время одинъ изъ Птолемеевъ, еще прежде оскорбившій Клодія. На этого владѣтеля жаловались въ Римѣ нѣкоторые изъ его подданныхъ. Воспользовавшись этою жалобою, Клодій уговорилъ народное собраніе освободить жителей Кипра отъ ихъ повелителя и поручить это дѣло испытанному другу республиканской свободы, Катону. Но чтобы Катонъ не могъ слишкомъ скоро возвратиться въ Римъ, ему было еще поручено, по предложенію трибуна, возвратить въ Византію часть гражданъ этого города изгнанную другою частію, и окончить полюбовно несогласія, возникшія въ Византіи. Чтобы погубить Цицерона, Клодій воспользовался древнимъ закономъ, по которому подлежалъ смертной казни всякій правитель, осудившій какого бы то ни было гражданина на смерть, не позволивъ ему аппелировать къ народному собранію. Цицеронъ употребилъ всѣ средства, чтобы уничтожить замыслы своего противника, и даже унизился въ своемъ малодушіи до просьбы къ народу о помилованіи, хотя этимъ самымъ признавалъ себя виновнымъ. Впрочемъ, и униженіе не спасло его: Клодію втайнѣ покровительствовали тріумвиры, въ особенности же Помпей, желавшій показать аристократической партіи, что она должна держаться его стороны, если не хочетъ подчиниться смѣлому демагогу. Цицеронъ былъ приговоренъ къ добровольному изгнанію и въ послѣднихъ числахъ марта 58 г. до р. Хр., оставивъ городъ, удалился въ Ѳессалоники. По его удаленіи, Клодій привелъ въ дѣйствіе народное рѣшеніе, по которому Цицеронъ объявленъ былъ проскриптомъ и лишенъ права приближаться къ Риму на 400 римскихъ миль (около 560 верстъ). Имѣніе его было конфисковано, а домъ его разрушенъ, но въ слѣдующемъ году онъ получилъ позволеніе возвратиться, потому что Клодій уже сдѣлался опаснымъ для Помпея, и послѣдній началъ ему противодѣйствовать.

По удаленіи Катона и Цицерона, Клодій постоянно дѣлался смѣлѣе, искалъ случая соединиться съ аристократическою партіею и даже преслѣдовалъ Помпея своими вооруженными толпами, такъ что онъ не могъ безъ опасности для себя посѣщать народныя собранія. Въ октябрѣ мѣсяцѣ друзья Цицерона сдѣлали попытку склонить народъ къ отмѣнѣ рѣшенія объ его изгнаніи, но предпріятіе это не удалось. Враги Клодія прибѣгнули къ силѣ и начали дѣйствовать противъ него его же собственнымъ оружіемъ. Титъ Анній Милонъ, смертельный врагъ Клодія, привлекъ на свою сторону множество гладіаторовъ, которые и прежде нерѣдко дрались на улицахъ съ толпами Клодія. Въ началѣ слѣдующаго года одинъ изъ новыхъ консуловъ возобновилъ предложеніе о вызовѣ Цицерона, а Милонъ, избранный на мѣсто Клодія трибуномъ, вмѣстѣ съ семью своими товарищами поддержалъ это предложеніе. Клодій въ народномъ собраніи противился возвращенію Цицерона и рѣшился даже на открытую битву, въ которой былъ смертельно раненъ одинъ изъ трибуновъ и лишилось жизни множество гражданъ. Клодій совершалъ въ городѣ подобныя насилія цѣлые полгода, и только четвертаго августа съ помощью Помпея друзьямъ Цицерона удалось склонить народъ къ отмѣнѣ приговора объ его изгнаніи. Возвращеніе Цицерона было причиною новыхъ смутъ. Самъ онъ дышалъ гнѣвомъ и мщеніемъ противъ всякаго, кто держалъ себя въ отношеніи къ нему даже двусмысленно, а Клодій между тѣмъ продолжалъ преслѣдовать его и прочихъ противниковъ своими вооруженными толпами. Когда Цицеронъ, вознагражденный сенатомъ за конфискацію имущества, опять началъ строить свой разрушенный домъ, толпы Клодія напали на работниковъ; самъ Цицеронъ подвергался ихъ нападеніямъ при встрѣчахъ на улицѣ, такъ что ему постоянно угрожала опасность лишиться жизни. Цицеронъ предложилъ уничтожить всѣ сдѣланныя Клодіемъ распоряженія, но принятію этого предложенія воспрепятствовалъ Катонъ, окончившій въ это время свое порученіе. Онъ, естественно, не могъ согласиться на то, чтобы съ отмѣною этихъ постановленій были отмѣнены и его распоряженія въ Азіи.

Безпокойства продолжались и въ слѣдующемъ году. Помпей игралъ въ этомъ случаѣ самую двусмысленную роль и навлекъ на себя всеобщее презрѣніе, которое могло повредить ему болѣе, чѣмъ ненависть народа. При тогдашнихъ безпорядкахъ и смутахъ, онъ постоянно колебался и принималъ только полумѣры. По случаю дороговизны, Помпею былъ порученъ на пять лѣтъ главный надзоръ

за хлѣбною торговлею и дано еще больше власти для окончанія войны съ морскими разбойниками. Но извлекъ ли Помпей изъ этого обстоятельства какую-нибудь пользу? Онъ никогда не умѣлъ пользоваться своею властью какъ слѣдуетъ и всегда находился въ зависимости отъ обстоятельствъ. Между тѣмъ Цезарь, ведя славную войну въ Галліи, твердо и рѣшительно шелъ къ своей цѣли онъ привязалъ къ себѣ войска, а своими побѣдами и разумнымъ распредѣленіемъ добычи снискалъ себѣ уваженіе, преданность и довѣріе римскихъ гражданъ. Ему нужно было только время, чтобы утвердить за собою власть, пріобрѣтенную въ Галліи, и начать дѣйствовать вопреки желаніямъ двухъ остальныхъ тріумвировъ. Помпей и Крассъ намѣревались искать консульства на слѣдующій годъ, а потомъ, въ качествѣ проконсуловъ, получить въ управленіе провинціи и войско. Въ апрѣлѣ 56 г. до р. Хр., Цезарь имѣлъ съ Помпеемъ и Крассомъ свиданіе въ городѣ Луккѣ. Нравственный упадокъ римской знати былъ такъ великъ, что множество римскихъ вельможъ отправилось въ Лукку представляться могущественному Цезарю и его союзникамъ. Не свидѣтельствуетъ ли это обстоятельство о томъ, что государство сдѣлалось собственностью тріумвировъ или, лучше сказать, сильнѣйшаго изъ нихъ? Въ Лукку съѣхалось болѣе двухсотъ сенаторовъ; а сановниковъ, имѣвшихъ ликторовъ, было такъ много, что ликторовъ насчитывалось не менѣе ста двадцати. Тріумвиры возобновили свой союзъ и рѣшили между собою отсрочить Цезарю намѣстничество еще на пять лѣтъ, а Помпею и Крассу выхлопотать консульство на слѣдующій годъ, а по окончаніи его дать провинцію и войска.

Помпей и Крассъ съ трудомъ достигли своей цѣли, не смотря на то, что Цезарь употреблялъ въ ихъ пользу все свое вліяніе. Катонъ и другіе аристократы, даже одинъ изъ тогдашнихъ консуловъ, противодѣйствовали тріумвирамъ, такъ что, изъ опасенія неудачи, они принуждены были отложить свои требованія до окончанія срока службы враждебнаго имъ консула. На улицахъ Рима происходили драки между партіями; новый годъ начался, а консулы не были еще назначены. Наконецъ Крассъ и Помпей были избраны. Въ самомъ началѣ своего консульства, посредствомъ открытыхъ подкуповъ, они воспрепятствовали избранію въ преторы Катона, желавшаго получить эту должность съ явною цѣлію препятствовать замысламъ консуловъ. Въ комиціи, гдѣ избирались эдилы, консулы одержали верхъ, хотя противники ихъ явились туда съ вооруженными толпами и умертвили въ схваткѣ многихъ гражданъ. Распространился даже ложный слухъ, что самъ Помпей убитъ. Юлія, дочь Цезаря, была такъ испугана этимъ слухомъ, что заболѣла и умерла черезъ годъ. Получивъ консульство, Крассъ и Помпей тотчасъ же воспользовались имъ для своихъ выгодъ и чрезъ преданнаго себѣ трибуна, Требонія, предложили на разсмотрѣніе народу условіе, заключенное ими въ Луккѣ. Катонъ и нѣкоторые другіе граждане старались было помѣшать планамъ тріумвировъ, но всѣ усилія ихъ были тщетны. Помпей и Крассъ, при помощи ликторовъ, не побоялись выгнать своихъ противниковъ изъ народнаго собранія. Намѣстничество Цезаря было продолжено еще на пять лѣтъ; Крассъ получилъ въ управленіе Сирію, а Помпей—Испанію. Сверхъ того, Помпею и Крассу было поручено на пять лѣтъ начальство надъ войсками, съ правомъ требовать для своихъ войнъ какихъ угодно подкрѣпленій.

По окончаніи срока консульства Крассъ удалился въ свою провинцію Сирію, а Помпей, воспользовавшись возложенною на него обязанностью заботиться о продовольствіи столицы, остался въ Римѣ,ославъ въ Испанію своихъ легатовъ. Избирая для себя Сирію, Крассъ руководился только желаніемъ, подобно Лукуллу, обогатиться войнами въ Азіи. Для этого онъ предпринялъ походъ противъ парѳянъ, но, обманувшись въ качествахъ непріятеля, велъ войну очень неудачно, и въ первый же годъ, въ полной увѣренности, что дѣла идутъ хорошо, возвратился для зимовки въ Сирію, и, вмѣсто того, чтобы заняться необходимыми приготовленіями для втораго похода, заботился только о своемъ обогащеніи на счетъ провинцій и храмовъ (стр. 9). Въ слѣдующемъ году онъ попалъ въ засаду, устроенную ему однимъ измѣнившимъ владѣтелемъ, и при месопотамскомъ городѣ Каррѣ потерпѣлъ страшное пораженіе. Онъ былъ обращенъ въ бѣгство, взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ (въ 53 г. до р. Хр.). Преданіе говоритъ, что парѳяне залили ему ротъ растопленнымъ золотомъ.

2. Цезарь въ Галліи.

Помпей, оставшійся въ Римѣ, мало-по-малу потерялъ свое прежнее вліяніе. Крассъ между тѣмъ навлекъ на себя ненависть своихъ согражданъ, а потомъ лишился въ Парѳіи жизни, чести и превосходнаго войска. Въ это время Цезарь своими военными дѣйствіями въ Галліи прокладывалъ себѣ путь къ единовластію. Съ той минуты, какъ онъ, въ качествѣ намѣстника, отправился на пять лѣтъ въ Галлію, римская исторія представляетъ намъ удивительное сходство съ исторіею французовъ во время первыхъ войнъ Бонапарте въ Италіи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы видимъ въ столицѣ слабое республиканское правительство, колеблемое постоянными безпокойствами, и волненія, о продолженіи которыхъ различныя партіи заботятся гораздо болѣе, чѣмъ о мирѣ и спокойствіи. Въ обоихъ случаяхъ во главѣ движенія становится полководецъ, облеченный царскимъ могуществомъ и неограниченно повелѣвающій обширною страною. Въ этомъ полководцѣ мы видимъ человѣка отважнаго, пылкаго, рѣшительнаго и даже по временамъ страшно жестокаго. Держась, повидимому, демократическаго образа мыслей, онъ дѣйствуетъ совершенно монархически, управляетъ провинціею по своей волѣ и своими побѣдами, завоеваніями и добычею пріобрѣтаетъ безусловную власть надъ войскомъ.

Цезарь привелъ съ собою въ Галлію только 40 тысячъ человѣкъ; но такъ искусно умѣлъ представить сенату о необходимости частыхъ подкрѣпленій, что, съ его вѣдома, мало-по-малу увеличилъ свое войско втрое, пріучивъ его къ строгой дисциплинѣ и всѣмъ лишеніямъ и возбудивъ въ немъ полное довѣріе и повиновеніе себѣ. Во время галльскихъ войнъ, Цезарь выказалъ во всемъ блескѣ свои военные таланты и мало-по-малу расширилъ свое намѣстничество, ограничивавшееся сначала только южными береговыми землями, присоединивъ къ нему всю Галлію до Британіи и до границъ Нидерландовъ. Впрочемъ, сами жители Галліи способствовали успѣхамъ Цезаря, ведя между собою вѣчныя распри и нуждаясь очень часто въ чужеземной помощи. Къ счастію для Цезаря, онъ явился въ Галлію въ то самое время, когда союзные римлянамъ галльскіе народы были стѣснены нападеніями гельветовъ и германцевъ.

Гельветы, народъ кельтическаго племени, обитавшій на востокъ отъ горъ Юры, по неизвѣстнымъ причинамъ рѣшились оставить свою землю, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, и завоевать себѣ новое отечество въ Галліи. Въ числѣ не менѣе 350 тысячъ человѣкъ, между которыми способныхъ носить оружіе было, конечно, не болѣе 90 тысячъ, они наводнили страны сосѣднихъ галльскихъ племенъ. Племена эти призвали на помощь римское войско. Цезарь охотно исполнилъ ихъ просьбу и устранилъ опасность однимъ ударомъ. Вскорѣ ему представился другой случай защитить жителей Галліи отъ ужасовъ народнаго переселенія. Секваны, въ войнѣ съ своими сосѣдями эдуями, призвали на помощь германцевъ. По вызову секвановъ, 120-тысячная толпа германцевъ, подъ предводительствомъ избраннаго ими Аріовиста, перешла черезъ Рейнъ, и, пользуясь безсиліемъ народа, призвавшаго ихъ на помощь, вздумала овладѣть частію ихъ территоріи и поселиться на ней. Чтобы избавиться отъ непрошенныхъ гостей, секваны обратились къ Цезарю, который не заставилъ просить себя дважды. Аріовистъ былъ уже извѣстенъ римлянамъ изъ прежнихъ сношеній. Самъ Цезарь, въ бытность свою консуломъ, доставилъ ему отъ сената почетное имя друга римлянъ. Поэтому, прежде чѣмъ взяться за оружіе, Цезарь пытался вступить съ Аріовистомъ въ переговоры, но германецъ гордо отвергъ условія, предложенныя ему римляниномъ. Дѣло должно было рѣшиться сраженіемъ, которое и произошло въ 58 г. до р. Хр. не далеко отъ нынѣшняго города Безансона. Аріовистъ потерпѣлъ совершенное пораженіе и съ остаткомъ своихъ ордъ бѣжалъ за Рейнъ.

Цезарь расположилъ свои войска на зиму въ укрѣпленныхъ лагеряхъ среди освобожденныхъ племенъ, для того, чтобы защищать страну отъ германцевъ и водворить миръ между галльскими народами. Распространеніе римскаго владычества въ Галліи возбудило опасеніе племенъ сѣверозападной Франціи, состоявшихъ,

кажется, изъ смѣси кельтовъ и германцевъ, составлявшихъ между собою извѣстнаго рода союзъ и называвшихся у римлянъ общимъ именемъ бельговъ. Изъ храбрыхъ племенъ, обитавшихъ между Сеною и нижнимъ Рейномъ, извѣстнѣе другихъ были въ то время нервійцы и белловаки. Они вооружились, чтобы, въ случаѣ необходимости, отражать силу силою, но Цезарь предупредилъ ихъ, напалъ на отдѣльныя племена порознь, и послѣ упорной борьбы подчинилъ ихъ римскому владычеству. Даже аквитанцы и другіе народы западной Франціи признали власть Рима. Не смотря на то, война не прекращалась: жители Галліи, какъ и всѣ полудикіе народы, производили частыя и въ высшей степени необдуманныя попытки отложиться отъ римскаго владычества. Притомъ самъ Цезарь не упускалъ случая возобновлять военныя дѣйствія. Въ 52 г. до р. Х. галльскія племена возстали массою, и, подъ предводительствомъ Верцингеторикса, вождя арверновъ, сдѣлали попытку изгнать римлянъ изъ Галліи. Но, не смотря не геройское мужество галловъ, военное искусство и храбрость римскаго войска и замѣчательные военные таланты Цезаря одержали верхъ. На седьмомъ году по прибытіи Цезаря энергія галльскихъ народовъ была сокрушена, и вся страна ихъ подчинена римлянамъ. Въ галльской войнѣ Цезарь образовалъ опытное войско и пріобрѣлъ для себя такія сокровища, что былъ въ состояніи совершенно подчинить себѣ войска и расположить въ свою пользу продажныхъ гражданъ Рима.

Цезарь еще болѣе очаровалъ свою воинственную націю, — подобно французамъ, безусловно довѣрявшую полными реторики донесеніямъ о чудесныхъ подвигахъ своихъ полководцевъ, — двумя походами въ страны, до тѣхъ поръ едва извѣстныя по темнымъ легендамъ. Мы говоримъ о его походахъ въ Германію и Британію. О жителяхъ первой страны было только извѣстно, что это были какіе-то исполины, отличавшіеся своею дикостью, а бритты, по мнѣнію римлянъ, обитали на самыхъ сѣверныхъ оконечностяхъ земли, извѣстныхъ римлянамъ по своимъ оловяннымъ рудникамъ. Предпринимая походъ на правый берегъ Рейна и по ту сторону Ламанша, Цезарь не могъ ожидать никакихъ существенныхъ выгодъ для римскаго государства, но былъ увѣренъ, что походъ его въ совершенно неизвѣстныя страны доставитъ ему гораздо болѣе славы и популярности, чѣмъ всѣ его войны въ Галліи. Донесенія Цезаря о походахъ въ Британію и Германію имѣли для толпы всю привлекательность новизны, войны Цезаря представлялись полными чудесныхъ рыцарскихъ приключеній, самые планы его получили въ глазахъ народа величественность предначертаній Александра Великаго. Военныя дѣйствія на другомъ берегу Рейна ограничились непродолжительными рекогносцировками. Прогнавъ Аріовиста, Цезарь въ 55 г. до р. Х. еще разъ сразился въ самой Галліи съ толпами германцевъ. Болѣе 400 тысячъ тенхтеровъ и узипетовъ вторглись въ бельгійскую Галлію, но были опять отброшены Цезаремъ за Рейнъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ даже и за Рейномъ и во время своего похода напалъ на сигамбровъ, обитавшихъ между Ланомъ и Зигомъ и принявшихъ къ себѣ бѣжавшихъ узипетовъ и тенхтеровъ. Цезарь построилъ между Кобленцомъ и Бонномъ мостъ черезъ Рейнъ и своею трехнедѣльною экспедиціею привелъ сигамбровъ въ ужасъ, но, получивъ извѣстіе, что сосѣдніе свевы вооружились поголовно, возвратился опять за Рейнъ. Два года спустя, когда свевы сдѣлали нападеніе на Галлію, онъ еще разъ переправился черезъ Рейнъ, построивъ выше перваго моста другой, и опять прогналъ непріятеля за рѣку. Въ Британіи, куда Цезарь высаживался сряду два года (55 и 54 до р. Х.), онъ нашелъ народы, болѣе дикіе, чѣмъ германцы и галлы, и покорилъ племена ихъ, обитавшія въ южной части острова. Впрочемъ, не желая упускать изъ виду своего отечества, онъ предпочелъ не оставаться надолго по ту сторону океана и не оставлять тамъ войскъ для охраненія покоренныхъ земель. Онъ добровольно возвратилъ сдѣланныя въ Англіи завоеванія, прославивъ себя только тѣмъ, что при немъ римляне познакомились въ первый разъ съ сѣвернымъ океаномъ и страною, извѣстною имъ до тѣхъ поръ только по имени.

3. Внутренняя исторія Рима до начала второй междоусобной войны.

Находясь въ Галліи, Цезарь былъ постоянно занятъ обученіемъ войска и стараніями привлечь къ себѣ солдатъ. Онъ прославилъ себя между римлянами, ведя войну въ непроходимыхъ странахъ, куда до него не проникалъ ни одинъ римскій полководецъ. Но среди такой напряженной дѣятельности взоръ Цезаря былъ постоянно обращенъ къ Риму. Помпей между тѣмъ вмѣшивался въ ссоры партій, къ радости Цезаря, совершенно упуская изъ виду, что его собственная слава увядала съ такой же быстротою, съ какой возрастала слава его соперника, и что рѣшительнымъ средствомъ къ достиженію единовластія служитъ не множество приверженцевъ въ городѣ, а преданное и опытное войско. Дружескія отношенія поддерживались еще нѣсколько времени между двумя соперниками даже послѣ того, какъ смерть Юліи разорвала между ними родственную связь; но по самому ходу дѣлъ рано или поздно долженъ былъ послѣдовать разрывъ.

Въ Римѣ безпорядки и волненія продолжались еще нѣкоторое время. Въ 54 г. до р. Х., вслѣдствіе этихъ волненій, не могли состояться выборы въ консулы, и даже въ слѣдующемъ году прошло семь мѣсяцевъ, прежде чѣмъ были избраны эти первые сановники Рима. Помпей игралъ въ этомъ жалкую роль. Честолюбіе Клодія и Милона и вражда между ними были главными причинами безпокойствъ. Оба они искали высшихъ государственныхъ должностей, — одинъ должности претора, а другой консульства, — производили битвы на улицахъ и возбуждали въ городѣ величайшее смятеніе. Помпей оставался въ дружбѣ съ Клодіемъ, потому что онъ обѣщалъ выхлопотать консульство его близкому родственнику; ему не хотѣлось также быть открытымъ противникомъ Милона, который имѣлъ сильную поддержку въ сенатѣ. Всякій порядокъ, казалось, исчезъ въ государствѣ. Прежній трибунъ Авлъ Габиній, будучи намѣстникомъ Сиріи, вопреки положительному приказанію сената, силою возвратилъ одного изгнаннаго египетскаго царя въ его владѣнія, и за то взялъ съ него огромные подарки. Въ 55 г. до р. Х. консулы рѣшились самымъ постыднымъ образомъ обмануть государство. Заключивъ съ двумя знатными гражданами письменное и законнымъ образомъ составленное условіе, они обѣщались способствовать ихъ выбору въ консулы, а послѣдніе, съ своей стороны, должны были посредствомъ ложнаго свидѣтельства доставить своимъ покровителямъ извѣстныя провинціи. Объ этомъ было донесено сенату и даже представлено было заключенное ими письменное условіе; но при всемъ томъ преступленіе осталось ненаказаннымъ; Габиній былъ оправданъ единственно изъ боязни, что Помпей можетъ воспользоваться процессомъ и сдѣлаться диктаторомъ. Изъ страха диктаторства выбраны были судьями люди, готовые поступить противъ долга и совѣсти. Послѣ такихъ фактовъ, нужно ли еще доказывать невозможность дальнѣйшаго существованія въ Римѣ республиканскаго правленія? Судебная администрація составляетъ одно изъ главныхъ основаній всѣхъ свободныхъ учрежденій, и рѣшенія судебныхъ дѣлъ служатъ выраженіемъ и поддержкою закона. Конечно, иногда по человѣческой слабости, или по недостаточному знанію права, судьи произносятъ несправедливые приговоры, но это ничего не значитъ, если только судьи вообще справедливы и судебныя мѣста не подчиняются вліянію партій. Въ Римѣ этого уже не было. Нѣкоторые, впрочемъ ошибочно, сравниваютъ тогдашнее состояніе Рима въ административномъ отношеніи съ современнымъ состояніемъ Англіи. Въ Англіи, хотя и нерѣдки подкупы и волненія, подобныя тѣмъ, которыя возбуждалъ Клодій, но такъ какъ въ ней правительственная власть весьма прочна и сохраняетъ монархическій характеръ, то эти смуты прекращаются всякій разъ сами собою, не разстроивая установившагося порядка вещей. Въ Римѣ, напротивъ того, все было шатко, нетвердо, и безпокойства были возбуждаемы самимъ правительствомъ.

Изъ множества злодѣйствъ, совершившихся тогда въ Римѣ, замѣчательнѣе всѣхъ, по своимъ послѣдствіямъ, было убійство Клодія. Клодій и Милонъ, оба сопровождаемые гладіаторами, однажды сошлись случайно на дорогѣ изъ Рима въ латинскій городокъ Бовиллы. Между ихъ людьми началась драка,—и Клодій

былъ убитъ (въ началѣ 52 г. до р. Хр.). Убійство Клодія произвело въ Римѣ сильное движеніе. Двое изъ трибуновъ выставили трупъ Клодія предъ ораторскою каѳедрою и взволновали своими рѣчами чернь, которая понесла трупъ въ зданіе сената и сожгла его на кострѣ, устроенномъ изъ скамей. Все зданіе погибло въ пламени, которое распространилось и на нѣкоторые сосѣдніе дома. Жилище Милона было спасено съ большимъ трудомъ отъ разрушительной ярости толпы. Насилія вооруженныхъ шаекъ уничтожили въ городѣ всякую безопасность. Выборы консуловъ, не состоявшіеся въ предшествовавшемъ году, могли остановиться еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Чернь съ неистовствомъ требовала назначенія Помпея то въ диктаторы, то въ консулы. Дѣло окончилось избраніемъ Помпея въ консулы и притомъ безъ назначенія ему соправителя (въ мартѣ 52 г. до р. Хр.). Получивъ такимъ образомъ почти царскую власть, Помпей вскорѣ постарался возстановить спокойствіе, усмиривъ Милона. Судъ, наряженный надъ Милономъ, грозилъ ниспровергнуть все государство. Подсудимый и его друзья, при помощи гладіаторовъ, похитили изъ дома судьи раба, свидѣтельствовавшаго противъ нихъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не выпускали изъ дому ни одного гражданина, который могъ повредить имъ при слѣдствіи. Когда наконецъ начался судъ, они, съ помощію вооруженныхъ людей, грозили смертію судьѣ и даже консулу. Помпей ввелъ въ городъ солдатъ и расположилъ ихъ на площади, гдѣ производился судъ. Дѣло дошло до битвы между солдатами Помпея и толпами Милона, — и многіе граждане лишились при этомъ жизни. Наконецъ съ помощью солдатъ удалось обезопасить совершенно судей, и они могли спокойно приступить къ рѣшенію дѣла. Цицеронъ, въ присутствіи солдатъ, говорилъ въ пользу Милона, но рѣчь эта была хуже той, которую онъ изложилъ впослѣдствіи на бумагѣ; Милонъ былъ объявленъ виновнымъ и отправленъ въ изгнаніе въ Марсель.

Сдѣлавшись единственнымъ консуломъ, Помпей отдѣлился отъ Цезаря и снова присталъ къ аристократической партіи. Онъ былъ обязанъ своимъ избраніемъ не только приверженцамъ Клодія, знавшимъ его нерасположеніе къ Милону, но и аристократіи, ожидавшей отъ него защиты противъ черни. Аристократія сознавала необходимость сосредоточить власть въ однѣхъ твердыхъ рукахъ, и большая часть ея, по выраженію одного древняго историка, пришла къ убѣжденію, что нужно довѣриться одному врачу, и въ этомъ случаѣ отдали преимущество Помпею, какъ человѣку, нерасположенному къ крайнимъ мѣрамъ. Помпей рѣшительно принялъ сторону аристократіи, какъ скоро она ему довѣрилась и отдала въ его руки верховную власть. Онъ понималъ, что только въ соединеніи съ аристократіею можетъ противиться Цезарю, а съ другой стороны, къ этому соединенію побудила его женитьба на дочери ревностнаго аристократа Ц е ц и л і я М е т е л л а С ц и п і о н а, имѣвшая огромное вліяніе на образъ его мыслей. Примирившись съ аристократіей и сдѣлавшись для нея необходимымъ, Помпей, казалось, вполнѣ утвердилъ свою власть и получилъ безусловное господство въ Римѣ, а также званіе намѣстника Испаніи на слѣдующія пять лѣтъ. Но могло ли все это принести ему какую-нибудь пользу, когда чрезъ соединеніе съ аристократіей онъ обратилъ на сторону Цезаря всѣ силы народной партіи и лишилъ себя возможности измѣнить, въ случаѣ нужды, древнія формы государственнаго устройства и дѣйствовать по собственной волѣ? Цезарь владѣлъ силою, которою могъ располагать безусловно. Войско, мало-по-малу значительно увеличенное имъ, находилось къ нему въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ гвардія Бонапарте къ своему полководцу. Солдаты питали личную привязанность къ Цезарю, знали только себя и своего вождя и были готовы рѣшиться на все во имя его и воинской чести, которую онъ умѣлъ сдѣлать идоломъ своего войска.

Цезарь спокойно выжидалъ повода разрубить узелъ мечемъ, и аристократы въ Римѣ всячески содѣйствовали объявленію войны, хотя и не сдѣлали къ ней никакихъ приготовленій. Сенатъ издалъ нѣсколько распоряженій, тайно направленныхъ противъ Цезаря, и, при содѣйствіи цензора, велѣлъ исключить изъ списка сенаторовъ множество лицъ, принадлежавшихъ къ его партіи. Сенатъ зашелъ даже такъ далеко, что черезъ консула Марка Клавдія Марцелла утвердилъ предложеніе отобрать у Цезаря провинціи за годъ до окончанія срока (51 г. до р. Хр.). Такое предложеніе, конечно, не могло встрѣтить сочувствія въ народѣ.

Помпей держалъ себя такъ, какъ будто не принималъ никакого участія во всѣхъ этихъ интригахъ; но всѣ знали, что онъ имѣлъ вліяніе на распоряженія сената. Даже друзья Помпея сожалѣли о немъ, какъ о слабомъ человѣкѣ, который хотѣлъ ни къ чему не ведущими полумѣрами противиться рѣшительному и увѣренному въ содѣйствіи своего войска полководцу. Цезарь смотрѣлъ на все это спокойно и ждалъ, когда неосмотрительность противниковъ дастъ ему поводъ къ начатію военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ посредствомъ подкуповъ онъ пріобрѣталъ себѣ приверженцевъ даже въ рядахъ своихъ враговъ и такимъ образомъ расположилъ къ себѣ (въ 50 г. до р. Хр.) Луція Эмилія Павла и Кая Скрибонія Куріона, изъ которыхъ первый былъ тогда консуломъ, а второй—народнымъ трибуномъ. За Скрибонія онъ заплатилъ всѣ долги, по меньшей мѣрѣ на сумму до полумилліона руб., или, всего вѣроятнѣе, до трехъ милліоновъ рублей.

Къ несчастію, въ Римѣ не было Цицерона, назначеннаго тогда намѣстникомъ Киликіи; его вліяніе, быть можетъ, замедлило бы на нѣсколько времени явный разрывъ. Впрочемъ, аристократія сама желала приближенія кризиса. Цезарь хотѣлъ отправиться въ Римъ и искать консульства прежде окончанія срока своего намѣстничества и передачи войска въ другія руки. Въ 52 г. онъ достигъ своей цѣли, но теперь аристократы хотѣли отнять у него консульство и требовали, чтобы онъ первый распустилъ свое войско. Въ продолженіе цѣлаго года (50) обсуждался этотъ вопросъ, и наконецъ Куріонъ сдѣлалъ предложеніе въ сенатѣ, чтобы и Помпей и Цезарь оба распустили свои войска. Большинство сенаторовъ подало голосъ въ пользу этого предложенія, но не смотря на нихъ аристократы возобновили прежнее требованіе. Цезарь, двинувшійся въ это время къ южной границѣ своей провинціи Верхней Италіи, чтобы быть какъ можно ближе къ Риму, далъ отъ себя письменный отзывъ, что онъ согласенъ распустить свое войско, если Помпей сдѣлаетъ то же самое. Но друзья Цезаря едва могли настоять на томъ, чтобы письмо его было прочитано въ сенатѣ. Напрасно Куріонъ и оба расположенные въ пользу Цезаря трибуны, Квинтъ Кассій Лонгинъ и Маркъ Антоній, употребляли всѣ усилія склонить сенатъ къ принятію этого предложенія; напрасно разсудительный Маркъ Клавдій Марцеллъ, избывшій другомъ Цезаря, старался убѣдить сенатъ не приступать къ враждебнымъ дѣйствіямъ до набора рекрутъ и сформированія новаго войска; напрасно два другія лица предлагали Помпею отправиться въ свою провинцію Испанію, чтобы Цезарь не имѣлъ никакого повода начать войну:—вражда аристократической партіи не могла скрываться долѣе, и кто не хотѣлъ прослыть измѣнникомъ, долженъ былъ молчать. Помпей былъ такъ увѣренъ въ себѣ, что на вопросъ, какія войска противопоставить Цезарю, если послѣдній вздумаетъ идти на Римъ, отвѣчалъ съ надменностью, что «ему нужно только топнуть ногою о землю, и—явятся легіоны.» Сенатъ (въ январѣ 49 г. до р. Х.), въ порывѣ страсти, утвердилъ рѣшеніе, объявлявшее Цезаря врагомъ отечества, если онъ къ первому марта не оставитъ своего войска. Трибуны Антоній и Кассій наложили запрещеніе на это рѣшеніе сената, но на ихъ голосъ не обратили никакого вниманія, хотя самъ Сулла, значительно уменьшившій привиллегіи трибуновъ, сохранилъ за ними право своимъ протестомъ останавливать рѣшенія сената. Одинъ изъ консуловъ даже требовалъ съ угрозою, чтобы трибуны удалились изъ засѣданія. Сенатъ въ поспѣшности рѣшился на мѣру, которую принимали только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ: объявилъ отечество въ опасности и поручилъ консуламъ вмѣстѣ съ другими сановниками позаботиться о спасеніи отечества, дозволивъ употреблять для этого чрезвычайныя средства. Въ то же время Помпей былъ провозглашенъ главнокомандующимъ съ неограниченною властью. Антоній, Кассій и Куріонъ съ радостью воспользовались поводомъ, даннымъ имъ поступками аристократовъ, чтобы отправиться въ Равенну, гдѣ находился Цезарь, и отъ имени народа просить его взять въ свои руки управленіе государствомъ. Цезарь, видя, что противники его еще не вооружены, размышлялъ недолго, и такимъ образомъ весною 49 г. до р. Хр. началась война между Цезаремъ и аристократіею.

4. Вторая междоусобная война.

Еще прежде чѣмъ дѣло дошло до битвы, между обѣими воюющими сторонами и ихъ силами оказалась большая разница. На одной сторонѣ господствовали страсти и гордость партіи; каждый хотѣлъ повелѣвать и руководить другими; главнокомандующій, избирая второстепенныхъ начальниковъ, былъ принужденъ обращать вниманіе не на способности, а на знатность; каждое приказаніе его подвергалось пересудамъ и въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ исполнялось медленно: къ довершенію зла, эта партія не сдѣлала никакихъ приготовленій къ войнѣ. На другой сторонѣ, напротивъ того, управляла воля одного человѣка, которому никто не противорѣчилъ, и все было приготовлено къ рѣшительному удару; военные припасы были собраны заранѣе, тогда какъ приверженцы Помпея должны были выжимать ихъ у жителей Италіи. Единственное преимущество противниковъ Цезаря состояло въ томъ, что они имѣли въ своей власти государственную казну, флотъ и всѣ провинціи государства, кромѣ Галліи и Верхней Италіи. Но за то всѣ революціонные элементы эпохи были на сторонѣ Цезаря. Кромѣ того, онъ обладалъ еще преимуществомъ личной храбрости и командовалъ хорошо-обученнымъ войскомъ, тогда какъ враги его должны были вновь набирать и учить своихъ солдатъ. Помпей немедленно сталъ вербовать войска во всей Италіи и насиліемъ брать у жителей деньги, съѣстные припасы и оружіе, не щадя даже сокровищъ храмовъ. Наборъ войска и укрѣпленіе различныхъ мѣстностей Италіи были поручены нѣкоторымъ сенаторамъ. Между ними находился и Цицеронъ, не за долго передъ тѣмъ возвратившійся изъ своего намѣстничества и напрасно старавшійся помѣшать началу войны. Подобно большинству тогдашнихъ второстепенныхъ начальниковъ, Цицеронъ былъ рѣшительно неспособенъ занимать должность военачальника или даже совѣтника въ военномъ совѣтѣ.

Цезарь имѣлъ подъ руками въ Равеннѣ только одинъ легіонъ. Но, принявъ въ разсчетъ, что большая часть остальныхъ его войскъ спѣшила форсированными маршами въ Верхнюю Италію, онъ не задумался предупредить своихъ противниковъ и немедленно начать войну. Риторическіе историки, желая придать интересъ своему разсказу о началѣ второй междоусобной войны, украсили множествомъ поэтическихъ преданій вступленіе Цезаря въ Италію. По ихъ разсказамъ, подойдя съ своимъ легіономъ къ Рубикону, — пограничной рѣкѣ своего намѣстничества, Цезарь впалъ въ глубокую задумчивость и сказалъ своимъ спутникамъ: «намъ еще есть время возвратиться; но одинъ шагъ далѣе, и междоусобная война объявлена.» Спустя нѣсколько минутъ, онъ пришелъ въ себя и съ словами: «жребій брошенъ» переправился черезъ рѣку. Самъ Цезарь, оставившій намъ исторію второй междоусобной войны, а также многіе другіе историки древности, не говорятъ ни слова объ этомъ фактѣ. Весь разсказъ противорѣчитъ самому себѣ. Цезарь задолго обдумывалъ свои предпріятія. Притомъ, зная его характеръ, нельзя, кажется, предположить, чтобы въ рѣшительную минуту начатія войны онъ своимъ раздумьемъ захотѣлъ приводить войско въ уныніи. Цезарь встрѣчалъ повсюду самый торжественный пріемъ и, гоня предъ собою войска противниковъ, неудержимо стремился къ Риму. Извѣстіе о вступленіи его въ Италію распространило ужасъ и замѣшательство между его противниками, въ особенности когда первый, посланный противъ него, отрядъ перешелъ на его сторону. Все пришло въ смятеніе: между предводителями партій господствовали нерѣшительность и отчаяніе; вновь набранныя войска разбѣжались; знатные римляне, не задолго передъ тѣмъ ожидавшіе всего отъ Помпея, не думая о повиновеніи, сами съ насмѣшками повелѣвали главнокомандующимъ. Аристократическая партія убѣдилась, что не въ состояніи защищать Италію отъ приближавшихся войскъ Цезаря, и потому рѣшилась, оставивъ полуостровъ, перенести войну въ Грецію. Аристократамъ хотѣлось сдѣлать это какъ можно скорѣе, пока они еще владѣли флотомъ и провинціями всего Востока, Африкою и Испаніею, и такимъ образомъ въ случаѣ нужды могли напасть на Италію съ моря. Цезарь старался помѣшать намѣренію своихъ противниковъ и поспѣшилъ къ Брундузіуму, гдѣ Помпей, съ войскомъ,

садился на корабли. Но онъ пришелъ слишкомъ поздно. Помпей, убѣдившись въ невозможности переправить свои войска за одинъ разъ, успѣлъ укрѣпить городъ, и чрезъ это доставилъ себѣ возможность переправить въ Грецію отдѣльныя части своего войска, прежде чѣмъ Цезарь, неимѣвшій ни одного корабля, началъ правильную осаду города. Надменные представители аристократической партіи упрекали Помпея, на котораго смотрѣли какъ на простое орудіе своей партіи, — въ томъ, что онъ не рѣшился сразиться съ Цезаремъ. Но могъ ли Помпей съ немногочисленными и ненадежными войсками, оставшимися еще въ Брундузіумѣ, устоять противъ шести легіоновъ Цезаря? Упрекъ аристократовъ служитъ доказательствомъ тягостнаго положенія человѣка, который стоитъ за интересы людей, умѣющихъ только говорить и совѣтовать, а не дѣйствовать.

Въ два мѣсяца Цезарь овладѣлъ всѣмъ полуостровомъ. Убѣдившись въ невозможности удержать Сицилію и Сардинію послѣ потери Италіи, аристократы оставили и эти острова, а побѣдитель прежде похода на Востокъ рѣшился отправиться въ Испанію, гдѣ Помпей расположилъ сильную армію изъ старыхъ войскъ. Потому Цезарь весьма основательно хотѣлъ прежде всего обезопасить Италію со стороны Испаніи. Ему нужно было, по собственнымъ его словамъ, сначала побѣдить войско безъ главнокомандующаго; послѣ чего уже легко было побѣдить главнокомандующаго безъ войска. Передъ походомъ въ Испанію, онъ отправился въ Римъ, гдѣ сдѣлалъ наскоро нѣкоторыя необходимыя распоряженія и овладѣлъ государственною кассою, въ поспѣшности забытою Помпеемъ. Тотчасъ по своемъ прибытіи, Цезарь созвалъ народъ и остатки сената, успокоилъ гражданъ своею кротостію и не коснулся ни одного изъ правительственныхъ учрежденій. Благоразумный Цезарь оказалъ пощаду и снисхожденіе даже явнымъ своимъ врагамъ. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, трибунъ Луцій Цецилій Метеллъ, хотѣли отказать ему въ его требованіяхъ, на которыя онъ не имѣлъ другаго права, кромѣ права оружія, и которыя уже по этому одному нужно было исполнить. Метеллъ не хотѣлъ допустить, чтобы Цезарь овладѣлъ государственною казною, и когда старанія его не имѣли успѣха, онъ сталъ предъ дверьми казнохранилища, съ намѣреніемъ защищать его своею грудью; Цезарь приказалъ оттолкнуть его, но не наказалъ за упорство. Всѣ прославляли кротость Цезаря, но вскорѣ по удаленіи изъ Рима онъ показалъ своимъ поступкомъ съ городомъ Массиліею (Марсель), что кротость его была дѣломъ одного разсчета, и что онъ могъ быть строгимъ и даже жестокимъ, гдѣ ему покажется это нужнымъ. Когда на пути въ Испанію онъ приблизился къ Массиліи, граждане этого города заперли передъ нимъ свои ворота, желая оставаться нейтральными до рѣшенія спора между соперниками. Но Цезарь, которому нужна была ихъ гавань и корабли, осадилъ городъ, оставивъ предъ нимъ часть своего войска, и когда массилійцы, послѣ долгой и упорной защиты, принуждены были сдаться, жестоко наказалъ ихъ. Въ Испаніи онъ долженъ былъ вести трудную войну, и только съ большими усиліями удалось ему побѣдить легіоны Помпея и покорить страну.

Успѣшно окончивъ испанскую войну, Цезарь возвратился въ Римъ и провозгласилъ себя диктаторомъ, чтобы имѣть право издать нѣкоторые нужные для себя законы. Онъ позволилъ возвратиться всѣмъ изгнанникамъ, за исключеніемъ Милона; даровалъ жителямъ Верхней Италіи права римскаго гражданства и привелъ въ порядокъ законодательство о долгахъ, постановивъ послѣ добровольной оцѣнки продавать заложенныя имѣнія и вычитать уплаченные проценты изъ капитала долга. Онъ долгое время не рѣшался принять на себя санъ диктатора, ненавистный для всѣхъ и напоминавшій собою Суллу, который первый возвелъ диктатуру на степень неограниченной царской власти. Черезъ одиннадцать дней онъ отказался отъ диктатуры, провозгласивъ себя и одного изъ своихъ приверженцевъ консулами и вскорѣ послѣ того посадилъ свое войско на корабли въ Брундузіумѣ съ намѣреніемъ настигнуть своихъ противниковъ въ Греціи.

Въ то время какъ Цезарь покорялъ Италію, Сицилію, Сардинію, Массилію и Испанію, устроивалъ дѣла въ Римѣ и подъ предводительствомъ Куріона отправилъ войско въ Африку, противники его, дѣйствуя очень медленно, успѣли только выгнать изъ Далмаціи Публія Корнелія Долабеллу, намѣревавшагося занять эту страну отъ имени Цезаря, и взяли въ плѣнъ другаго непріятельскаго полководца, спѣшившаго къ нему на помощь. Цезарь безпрепятственно высадился

на восточный берегъ Адріатическаго моря, овладѣлъ большею частію Эпира и, въ ожиданіи прибытія остальныхъ войскъ изъ Брундузіума, укрѣпился близъ города Диррахіума, занятаго войсками Помпея. Долгое время не получая ожидаемыхъ подкрѣпленій, Цезарь въ бурную ночь сѣлъ въ лодку и отправился къ Брундузіуму, и когда кормчій хотѣлъ возвратиться по случаю бури, Цезарь сказалъ ему замѣчательныя слова: «Не бойся! Ты везешь Цезаря и его счастье!» Но онъ все-таки принужденъ былъ возвратиться, не достигнувъ Брундузіума. Черезъ нѣсколько времени прибыли наконецъ съ нетерпѣніемъ ожидаемыя имъ войска. Расположившись лагеремъ противъ непріятельскаго войска, Цезарь старался совершенно окружить его своими окопами; но Помпей обнаружилъ здѣсь всю опытность стараго полководца, побѣждая хитрость хитростью, и оказался столь же искуснымъ въ выборѣ и перемѣнѣ своихъ позицій, какъ и его противникъ. Онъ далъ Цезарю семь генеральныхъ сраженій, кончившихся большею частью въ его пользу. Видя невозможность держаться близъ морскаго берега, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ и того, что враги его имѣли превосходство на морѣ, Цезарь поспѣшно отступилъ отъ своего противника и, слѣдуя по труднымъ дорогамъ, прибылъ въ Ѳессалію. Помпей сдѣлалъ при этомъ важную ошибку, рѣшившись преслѣдовать Цезаря вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ флотомъ изъ пяти сотъ кораблей и переправиться въ Италію.

Даже въ Ѳессаліи, гдѣ близъ города Фарсала расположились лагеремъ оба войска (лѣтомъ 48 г. до р. Хр.), Помпей старательно избѣгалъ сраженія, находя для себя болѣе выгоднымъ медлить по возможности окончательной развязкой. Цезарю же нужно было воспользоваться первымъ случаемъ рѣшить дѣло. Но Помпей, окруженный двумя стами сенаторовъ, представлявшихъ въ Ѳессаліи римскій сенатъ, не могъ исполнить своихъ намѣреній. Въ его лагерѣ было множество знатныхъ вельможъ, которые соскучились по Римѣ, будучи принуждены въ лагерѣ подчинять свою волю и свое мнѣніе распоряженіямъ одного лица. Въ своей надменности гордые аристократы были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что уже заранѣе обсуждали плоды ея и налагали на своихъ непріятелей проскрипціи съ отнятіемъ имуществъ. Слѣдствіемъ ихъ неблагоразумія была не только потеря сраженія, но и погибель республики. Легіонамъ Цезаря, которыхъ онъ во время продолжительной войны успѣлъ прекрасно обучить и одушевить истинно воинскимъ духомъ, Помпей противопоставилъ войско изъ неопытныхъ новобранцевъ. Можно ли было сомнѣваться въ исходѣ битвы? Какую пользу могла оказать приверженцамъ Помпея многочисленность ихъ войска, вдвое превышавшаго войска Цезаря? Помпей потерпѣлъ совершенное пораженіе, и если вѣрить собственнымъ показаніямъ Цезаря, то рѣдко рѣшительная битва была выигрываема съ такою незначительною потерею: самъ онъ лишился только двухсотъ тридцати человѣкъ, тогда какъ на сторонѣ противниковъ было убито нѣсколько тысячъ; весь лагерь, двадцать четыре тысячи плѣнныхъ попали въ руки побѣдителя. Солдаты, оставшіеся въ живыхъ и невзятые въ плѣнъ, разсѣялись въ разныя стороны. Помпей бѣжалъ и счастливо достигъ берега. Цезарь не обезчестилъ своей побѣды мщеніемъ; вполнѣ полагаясь на свое войско и свою личную храбрость, онъ могъ безъ вреда для себя щадить своихъ враговъ.

Помпей, въ самомъ началѣ битвы потерявшій голову, былъ не разсудительнѣе и впослѣдствіи. Онъ удалился на свой флотъ, все еще владычествовавшій на морѣ, и отправился въ Африку, гдѣ подчиненные ему начальники, въ соединеніи съ нумидійскимъ царемъ Юбою, собрали значительное войско. Хотя незадолго предъ тѣмъ умеръ главный адмиралъ флота Помпея Маркъ Кальпурній Бибулъ, но корабли его все-таки успѣшно сражались съ флотомъ Цезаря и нанесли ему нѣсколько значительныхъ пораженій. Впрочемъ, морскія силы Помпея состояли большею частью изъ египетскихъ, финскихъ и греческихъ кораблей, которые послѣ битвы при Фарсалѣ почти всѣ возвратились на родину. Помпей отправился въ Азію, обитатели которой, само собою разумѣется, вовсе не были расположены жертвовать для него собою. Тесть его, Метеллъ Сципіонъ, въ бытность проконсуломъ Сиріи, поступалъ очень жестоко съ жителями провинціи, а большинство мало-азіатскихъ владѣтелей были слишкомъ много должны Помпею и радовались всякому случаю избавиться отъ долговъ. Очень хорошо зная это, Цезарь счелъ за лучшее настигнуть Помпея въ Малой Азіи. Еще во время пребыванія Помпея

въ Кипрѣ, родосцы отказались принять его друзей, а сирійскіе города, подъ страхомъ смертной казни, запретили являться къ себѣ всѣмъ его приверженцамъ. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ измѣнить свой планъ и, къ несчастью, вздумалъ обратиться въ Египетъ; но и тамъ преслѣдовалъ его Цезарь, скоро увидѣвшій, что противнику не слѣдуетъ давать времени собрать новое войско и что борьба его съ жалкими остатками римской аристократіи можетъ быть совершенно окончена, какъ только онъ возьметъ въ плѣнъ или умертвитъ ея главу и руководителя.

Въ Египтѣ царствовалъ въ то время тринадцатилѣтній Птолемей XII Діонисъ, подъ опекою трехъ хитрыхъ царедворцевъ, искусно употреблявшихъ въ свою пользу знаніе и образованность своего времени. Когда Помпей вышелъ на берегъ, прося убѣжища, эти три царедворца: Теодотъ, Ахиллъ и Потинъ, поступили съ нимъ согласно съ древнимъ правиломъ восточной политики, по которому считалось, что побѣдителю, желающему овладѣть тропомъ, нельзя ничѣмъ услужить болѣе, какъ умерщвленіемъ противника. Подъ видомъ дружескаго пріема, они рѣшились заманить къ себѣ Помпея и умертвить его. Ахиллъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ военачальниковъ на небольшой лодкѣ отправился къ кораблю Помпея, чтобы взять его съ собою, увѣряя, что по мелководію кораблямъ нельзя приблизиться къ берегу. Помпей не обратилъ вниманія на предостереженія своихъ друзей и спутниковъ и съ четырьмя изъ своихъ людей сѣлъ въ лодку; но едва она подошла къ берегу, какъ Ахиллъ съ своими приближенными напалъ на Помпея и умертвилъ его въ глазахъ его супруги, находившейся на кораблѣ. О помощи нельзя было и думать; даже тѣломъ его нельзя было овладѣть, потому что стоявшій вблизи военный египетскій флотъ принудилъ корабль Помпея къ поспѣшному бѣгству. Египетскіе министры отрѣзали у убитаго голову, желая представить ее Цезарю, а туловище было похоронено на морскомъ берегу однимъ изъ отпущенниковъ Помпея. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Египетъ Цезарь, и Ахиллъ поднесъ ему голову Помпея, но побѣдитель съ негодованіемъ отвернулся отъ ужаснаго зрѣлища и со слезами далъ предъ убитымъ обѣщаніе отмстить его убійцамъ. Такъ повѣствуютъ о смерти Помпея нѣкоторые писатели древности, и нужно быть въ высшей степени несправедливымъ къ Цезарю, чтобы вмѣстѣ съ англійскимъ историкомъ Фергюсономъ сомнѣваться въ истинѣ этого разсказа. Какъ ни мало чувствительности было у Цезаря, но мы не имѣемъ никакихъ основаній отрицать того, что воспоминаніе о прежней дружбѣ его съ Помпеемъ и мысль о непостоянствѣ человѣческаго величія могли извлечь у побѣдителя слезы истинной скорби при видѣ блѣдной головы врага.

Цезарь, преслѣдуя Помпея, отправился изъ Ѳессаліи къ Геллеспонту, а оттуда, чрезъ Родосъ, въ Египетъ. Легкость, съ какою онъ повсюду утверждалъ свою власть, яснѣе всего показываетъ намъ, какъ мало энергіи и единства имѣли партія и могущество Помпея. Едва Цезарь появился на Геллеспонтѣ, какъ приверженецъ Помпея, Кай Кассій Лонгинъ, сдалъ побѣдителю ввѣренные ему семьдесятъ кораблей, и вся Малая Азія покорилась Цезарю тотчасъ по высадкѣ нѣсколькихъ легіоновъ въ Вифиніи. Уменьшивъ подати, платимыя жителями Азіи, и сдѣлавъ наскоро нѣкоторыя необходимыя распоряженія, Цезарь поспѣшилъ въ Египетъ. Здѣсь онъ показалъ хитрымъ и вѣроломнымъ правителямъ, какъ сильно ошибались они въ его характерѣ. Явившись въ Египетъ господиномъ и повелителемъ, онъ принялъ сторону сестры царя, Клеопатры, которая лишена была должнаго участія въ правленіи людьми, овладѣвшими молодымъ царемъ, и приказалъ умертвить Потина, сдѣлавшаго покушеніе на его жизнь. Клеопатра, бывшая тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и извѣстная не столько своею красотою, сколько своею обаятельною прелестью, усвоила себѣ всѣ тонкости восточнаго кокетства и потому имѣла огромную власть надъ такимъ сластолюбцемъ, какъ Цезарь. Расположивъ его къ себѣ, она выпросила у него должность соправительницы царя. Ахиллъ, командовавшій египетскимъ войскомъ, началъ тогда съ Цезаремъ войну, подробно описанную намъ однимъ изъ римскихъ военачальниковъ Гирціемъ. Казалось, что Цезаря, имѣвшаго при себѣ въ то время лишь нѣсколько тысячъ солдатъ, легко было побѣдить. Дѣйствительно, эта такъ называемая александрійская война задержала Цезаря въ Египтѣ на девять мѣсяцевъ, но онъ все-таки окончилъ дѣло прежде, чѣмъ пришли къ нему подкрѣпленія изъ Азіи, и раз-

билъ на голову египетское войско. Молодой царь, Ахиллъ и прочіе участники въ убійствѣ Помпея, за исключеніемъ Теодота, пали въ битвѣ. Цезарь, объявивъ Клеопатру правительницей страны, оставилъ часть своихъ войскъ въ Египтѣ и, до возвращенія своего въ Римъ, совершилъ еще поѣздку въ Малую Азію, куда призывали его успѣшныя предпріятія Фарнака, сына и убійцы Митридата Великаго. За годъ передъ тѣмъ Фарнакъ выступилъ изъ своего босфорскаго царства, чтобы, пользуясь междоусобною войною, покорить земли, бывшія подвластными его отцу. Онъ завладѣлъ Каппадокіею, Арменіею и Понтомъ и побѣдилъ намѣстника Цезаря въ Виѳиніи. Цезарь, не смотря на то, что торопился въ Римъ, чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость стать самому во главѣ войска, выгнать Фарнака изъ Малой Азіи и опять оттѣснить его въ Босфоръ. Только такимъ образомъ могъ онъ, подобно Помпею послѣ побѣды его надъ Митридатомъ, явиться въ Азіи неограниченнымъ повелителемъ всего римскаго государства. Цезарь окончилъ все предпріятіе съ необыкновенною быстротою: разобралъ во время своего похода въ Понтъ споры азіатскихъ владѣтелей и городовъ; разбивъ Фарнака, принудилъ его къ поспѣшному бѣгству въ Босфоръ и окончилъ все въ столь непродолжительное время, что имѣлъ полное право донести сенату объ этой войнѣ въ трехъ вошедшихъ впослѣдствіи въ пословицу словахъ: veni, vidi, vici (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ).

Между тѣмъ въ Римѣ, куда Цезарь возвратился въ декабрѣ 47 г. до р. Х., происходило страшное волненіе. Тотчасъ послѣ битвы при Фарсалѣ Цезарь былъ избранъ на всю жизнь въ народные трибуны, на пять лѣтъ въ консулы и на одинъ годъ въ диктаторы. Такъ какъ городъ нуждался въ военномъ правителѣ, то Цезарь послалъ тогда, въ качествѣ своего намѣстника или magister equitum, Марка Антонія, начальствовавшаго въ битвѣ при Фарсалѣ отрядомъ его войска. Антоній былъ человѣкъ очень способный, но не отличался твердостью правилъ и строгою нравственностью, и по своему распутству и склонности къ насилію считался однимъ изъ самыхъ развратныхъ и порочныхъ людей своего времени. Онъ открыто предавался въ Римѣ разврату, возмущая всю Италію своими неприличными дѣйствіями, оргіями и безразсудными злодѣйствами. Вмѣстѣ съ нимъ государственными дѣлами управлялъ именемъ Цезаря столь же безнравственный народный трибунъ, Публій Корнелій Долабелла, не имѣвшій рѣшительно никакихъ талантовъ. Оба правителя были въ неоплатныхъ долгахъ, и Долабелла рѣшился воспользоваться тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, чтобы избавиться отъ своихъ кредиторовъ насиліемъ. Онъ предложилъ объявить всеобщее погашеніе долговъ, и когда одинъ изъ его товарищей и весь сенатъ воспротивились этому предложенію, дѣло дошло до страшныхъ сценъ. Партіи бились между собою на улицахъ и въ народномъ собраніи, кровь лилась рѣкою, какъ нѣкогда во время Сатурнина и Сульпиція, и не одна сотня гражданъ лишилась при этомъ жизни. Антоній ввелъ въ городъ войско и принялъ повелительный тонъ, но вовсе не для того, чтобы, какъ говорилъ онъ, прекратить безпорядки, а для осуществленія своего собственнаго плана. Смуты продолжались до самаго прибытія Цезаря, который встрѣтилъ въ городѣ полную готовность исполнить всѣ его требованія. Боязливый сенатъ предложилъ ему вѣнецъ, статуи, право объявлять войну и миръ и другія почести и преимущества, но Цезарь прежде всего постарался удовлетворить своихъ друзей различными знаками милости и добыть средства къ предстоявшему походу въ Африку. Онъ нашелъ ихъ въ добровольныхъ, повидимому, пожертвованіяхъ богатыхъ гражданъ и въ конфискаціи имѣній своихъ противниковъ. Своимъ любимцамъ онъ подарилъ деньги и доставилъ имъ почетныя мѣста, не обращая вниманія на требуемые закономъ возрастъ, постепенность должностей и число вакантныхъ мѣстъ.

При первой же возможности Цезарь съ частью своихъ войскъ отплылъ въ Африку. Куріонъ, посланный имъ туда противъ приверженцевъ Помпея и союзника ихъ нумидійскаго царя Юбы, былъ разбитъ ими на голову. Послѣ фарсальской битвы остатки войскъ Помпея удалились большею частью въ Африку, а между тѣмъ два сына Помпея, Кней и Секстъ Помпей, собирали новый флотъ. Главнокомандующимъ ихъ африканскаго войска былъ Метеллъ Сципіонъ, а отдѣльными отрядами командовали: Катонъ Младшій, Лабинъ, Афраній и нѣкоторые другіе. Царь Юба соединился также съ врагами Цезаря и отдалъ въ ихъ

распоряженіе всѣ свои войска. Итакъ, численностью войскъ Цезарь никакъ не могъ равняться съ своими противниками, но у послѣднихъ не доставало людей, способныхъ руководить военными дѣйствіями, хотя ихъ полководцы были бы очень хороши въ качествѣ подчиненныхъ начальниковъ. При появленіи Цезаря они старались мало-по-малу обезсилить его войско партизанскою войною, и въ продолженіе семи мѣсяцевъ африканскаго похода Цезарь нѣсколько разъ попадался въ очень опасное положеніе, но всегда умѣлъ выходить изъ него. Наконецъ ему удалось, при городѣ Тапсѣ, принудить непріятеля къ рѣшительной битвѣ (46 г. до р. Хр.). Цезарь занялъ близъ этого города такую позицію, что противникамъ его нужно было или пожертвовать ему городомъ, гдѣ находился значительный гарнизонъ, или дать сраженіе. Они избрали послѣднее, и Цезарь нанесъ имъ такое же пораженіе, какъ при Фарсалѣ, взялъ приступомъ ихъ лагерь и одною побѣдою лишилъ ихъ возможности дальнѣйшаго сопротивленія. Только незначительная часть ихъ войска спаслась въ Испанію. Метеллъ, Юба и другіе вожди сами лишили себя жизни. Ихъ примѣру послѣдовалъ и Катонъ Младшій, благороднѣйшій человѣкъ изъ всей аристократической партіи, всю свою жизнь съ необыкновеннымъ безкорыстіемъ и дѣятельностью заботившійся о сохраненіи древнихъ республиканскихъ нравовъ и свободныхъ учрежденій (стр. 20). Въ позднѣйшую эпоху древности и въ средніе вѣка на Катона смотрѣли, какъ на идеалъ справедливаго человѣка, а на философское самоубійство какъ на ободреніе въ борьбѣ за истинную свободу. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія поэтъ Данте, подъ аллегоріей путешествія по аду, чистилищу и небеснымъ сферамъ, воспѣлъ жизнь человѣка глубоко развращеннаго, потомъ возвращающагося путемъ раскаянія къ первобытной чистотѣ и возвышающагося наконецъ до созерцанія божества. Данте представляетъ Катона стражемъ горы, на которой находится земной рай. Освобожденный Христомъ изъ преддверія ада вмѣстѣ съ патріархами, Катонъ назначенъ указывать стремящимся къ добродѣтели душамъ путь христіанскаго смиренія. Лицо его сіяетъ какъ солнце отъ блеска четырехъ звѣздъ — главныхъ добродѣтелей. По словамъ Данте онъ «знаетъ цѣну истинной свободы, потому что пожертвовалъ за нее жизнію». Благородный стоикъ послѣдовалъ правилу своей философіи, учившей, что нужно самому умертвить себя, если нѣтъ возможности жить свободно, и что долгъ и истинное величіе человѣка состоятъ въ томъ, чтобы умереть, какъ жилъ. Намѣреваясь умертвить себя, Катонъ прежде всего принялъ необходимыя мѣры къ поддержанію порядка въ городѣ Утикѣ, ввѣренномъ его защитѣ, и спасенію тѣхъ, которые не хотѣли предпочесть смерть униженію. Потомъ, собравъ вокругъ себя друзей, онъ провелъ съ ними послѣдній вечеръ своей жизни и, удалившись въ спальню, почти всю ночь занимался чтеніемъ сочиненія Платона о безсмертіи души, и потомъ пронзилъ себя кинжаломъ. Конечно, съ христіанской точки зрѣнія, на самоубійство Катона надобно будетъ смотрѣть иначе, чѣмъ смотрѣла на него древность; но не нужно забывать, что Катонъ поступилъ согласно съ древними римскими понятіями, ставившими отечество и свободу выше всего, и руководился такимъ же воззрѣніемъ на жизнь, какъ и всѣ благородные люди Рима и Греціи. Сравнивая твердость и спокойствіе, съ которыми Катонъ защищалъ древнія формы правленія, и его рѣшимость умереть, съ поведеніемъ Цицерона, мы поймемъ до какой степени Катонъ былъ нравственно выше своихъ современниковъ. Цицеронъ также любилъ отечество, но любовь его была слабѣе его тщеславія, которое, не смотря на все патріотическое одушевленіе, побуждало его приспособляться къ обстоятельствамъ и подчиняться духу времени. Послѣ фарсальской битвы Цицеронъ думалъ только о томъ, чтобы заслужить милость побѣдителя, и въ тоскливомъ ожиданіи провелъ цѣлый годъ въ Брундузіумѣ. Наконецъ, по возвращеніи Цезаря изъ Египта, знаменитый ораторъ явился къ нему и былъ принятъ имъ очень ласково. Послѣ этой низости, Цицеронъ старался подлымъ раболѣпствомъ расположить въ свою пользу людей, имѣвшихъ какое-нибудь значеніе у Цезаря. «Я не перестаю,» писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, «посѣщать людей, держащихъ теперь въ своихъ рукахъ кормило правленія; въ противномъ случаѣ, что же остается мнѣ дѣлать? нужно сообразоваться съ обстоятельствами». Не смотря на то, Цицеронъ, хотя и безъ нужды, снова сталъ опасаться за свою жизнь, когда Цезарь, руководимый тѣмъ же благоразуміемъ, которое побуждало его иногда быть снисходительнымъ, нашелъ нуж-

нымъ показать въ Африкѣ примѣръ строгости, умертвивъ сражавшихся противъ него солдатъ и даже нѣкоторыхъ плѣнниковъ. Во всемъ поведеніи Цицерона видѣнъ не благородный духъ древности, а обыденная измѣнчивость тогдашняго чиновничества, подлость гостинныхъ и нравственность современнаго ему высшаго свѣта, для котораго смѣшны мужество Катона и непреклонная вѣрность его самому себѣ.

Побѣда надъ приверженцами Помпея въ Африкѣ еще не окончила собою войны. Остатки разбитой партіи собрались въ Испаніи, и тамъ снова началась война, которая была гораздо опаснѣе всѣхъ предъидущихъ. Многіе испанскіе города, выведенные изъ терпѣнія жестокими намѣстниками Цезаря, возмутились во время африканской войны и получили поддержку отъ партіи Помпея. Даже большая часть испанской арміи Цезаря отказалася повиноваться и изъ страха наказанія перешла на сторону его противниковъ. Самые храбрые начальники и лучшіе солдаты войска, уничтоженнаго въ битвѣ при Тапсѣ, отправились въ Испанію, провозгласивъ своимъ начальникомъ Секста Помпея. Цезарь, видя, что положеніе дѣлъ въ Испаніи требуетъ его личнаго присутствія, поспѣшилъ выѣхать изъ Рима, куда за четыре мѣсяца предъ тѣмъ возвратился изъ Африки. Счастіе не оставило его и въ этомъ походѣ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ сраженій, Цезарь далъ непріятелю рѣшительное сраженіе при Мундѣ и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду (въ мартѣ 45 г. до р. Хр.). Битва была очень упорна: противъ Цезаря сражался цвѣтъ испанской націи и лучшіе солдаты Рима, люди, искавшіе спасенія въ отчаянномъ бою. Первая аттака Цезаря была отбита — и онъ, какъ нѣкогда Сулла при Орхоменѣ, долженъ былъ для поправленія дѣла подвергнуть опасности свою собственную жизнь. Соскочивъ съ лошади, онъ бросился съ открытою головою, чтобъ быть узнаннымъ, въ ряды отступавшихъ ветерановъ, и съ мечомъ въ рукахъ снова повелъ ихъ на непріятеля, сказавъ солдатамъ: «неужели вы хотите выдать вашего полководца какому-то мальчишкѣ?» Ему удалось поддержать падающее мужество своихъ солдатъ, но все таки онъ проигралъ бы сраженіе, если его противники спокойно выдержали аттаку нумидійской конницы на ихъ лагерь и не разстроили боеваго порядка, желая спасти обозъ. Не смотря на свое мужество, приверженцы Помпея потерпѣли страшное пораженіе; число убитыхъ простиралось до тридцати трехъ тысячъ; самъ Кней Помпей палъ во время бѣгства. Его братъ, Секстъ, не принимавшій въ битвѣ никакого участія, нашелъ убѣжище во внутреннихъ областяхъ Испаніи, собралъ остатки побѣжденной партіи и по смерти Цезаря опять сформировалъ значительную армію.

5. Цезарь властитель Рима.

Послѣ битвы при Мундѣ Цезарь достигъ безспорнаго единовластія въ Римѣ. Личная храбрость доставила ему господство, и при помощи той же храбрости онъ надѣялся утвердить свою власть навсегда. Исторія междоусобной войны служитъ яснымъ доказательствомъ, что Цезарь превосходилъ всѣхъ современниковъ умомъ и энергіею и былъ призванъ господствовать надъ ними. Кто сомнѣвается въ этомъ, пусть обратитъ вниманіе на тѣ, отчасти смѣшныя, отличія, почести и преимущества, которыя сенатъ и народъ навязали побѣдителю тотчасъ по окончаніи африканской войны. Еще до возвращенія Цезаря изъ Африки сенатъ назначилъ его цензоромъ на три года и диктаторомъ на десять лѣтъ, хотя эту должность онъ уже занималъ въ продолженіе года. Ему была воздвигнута статуя съ надписью: «Полубогу», и, по случаю побѣды надъ Юбою, назначенъ сорокадневный праздникъ. По рѣшенію сената, Цезарь, подобно Камиллу (т. I. стр. 568), во время своего тріумфа ѣхалъ въ колесницѣ, запряженной бѣлыми конями и сопровождаемой семьюдесятью ликторами. Сенатъ оказалъ ему еще много подобныхъ почестей, большую часть которыхъ, впрочемъ, самъ Цезарь отклонилъ отъ себя. По возвращеніи изъ Африки, онъ праздновалъ четыре тріумфа, но не въ честь побѣды надъ своими согражданами, а въ память побѣдъ надъ народами Галліи и царями: египетскимъ, Понтійскимъ и нумидійскимъ. Сокровища, выставленныя на показъ и потомъ положенныя въ государственную казну, простирались однѣми наличными деньгами до восьмидесяти восьми милліоновъ р. сер. Кромѣ того онъ привезъ съ собою

двѣ тысячи восемьсотъ двадцать два золотыхъ вѣнца, вѣсомъ въ двадцать тысячъ четырнадцать фунтовъ. Носилки, на которыхъ несли эти сокровища, изображенія Массиліи и аллегорическія картины Рейна, Роны и другихъ рѣкъ и городовъ, украшавшія шествіе, были сдѣланы изъ самыхъ рѣдкихъ сортовъ дерева. Между плѣнниками, которые въ оковахъ шли предъ тріумфальною колесницею Цезаря, знаменитѣе всѣхъ были: галльскій предводитель Верцингеториксъ, сестра Клеопатры и сынъ царя Юбы. Послѣ тріумфовъ, Цезарь сдѣлалъ народу и солдатамъ богатые подарки и удовлетворилъ жаждѣ своихъ согражданъ къ зрѣлищамъ великолѣпными играми. Онъ угостилъ народъ на двадцати двухъ тысячахъ столахъ, далъ каждому изъ ста пятидесяти тысячъ гражданъ по десяти фунтовъ масла, болѣе чѣмъ по два четверика хлѣба и раздѣлилъ между ними слишкомъ три съ половиною милліона р. сер. Каждый рядовой въ пѣхотѣ получилъ болѣе тысячи двѣсти рублей, каждый центуріонъ вдвое, а каждый военный трибунъ вчетверо противъ рядоваго. Всѣ ветераны были кромѣ этого надѣлены землями. При освященіи же новаго храма Венеры (мнимой родоначальницы фамиліи Цезаря), онъ устроилъ блестящія игры, на которыхъ, между прочимъ, было выпущено четыреста львовъ, и даны примѣрное морское сраженіе и сухопутная битва, гдѣ участвовали восемьсотъ человѣкъ и двадцать слоновъ.

Конечно, уже эти поступки Цезаря показывали въ немъ блистательнаго владыку міра; но его единовластіе выказалось еще опредѣленнѣе по возвращеніи его изъ Испаніи. Съ этихъ поръ не только сенатъ и народъ наперерывъ начали льстить и оказывать ему почести, но и самъ Цезарь, желавшій прежде одной власти, сталъ стремиться къ блеску монархіи. Подобно Александру Великому и Бонапарте, онъ былъ не въ силахъ устоять противъ своего счастія и не добиваться большей власти, или, лучше сказать, пустаго блеска. Сенатъ воздвигалъ Цезарю статуи какъ богу, или какъ основателю города, и обязалъ гражданъ почитать ихъ наравнѣ со статуями другихъ боговъ. Назначивъ Цезаря на всю жизнь диктаторомъ, цензоромъ и великимъ первосвященникомъ, онъ далъ ему почетный титулъ императора (полководца). До сихъ поръ этимъ титуломъ пользовались только полководцы во время празднованія своихъ побѣдъ и опять лишались его послѣ тріумфа. Со временъ же Цезаря титулъ императора мало-по-малу пріобрѣлъ значеніе царскаго достоинства и неограниченной власти. Сенатъ далъ новому повелителю царства право носить всегда пурпуровую одежду и лавровый вѣнокъ, — два главныя украшенія тріумфаторовъ, а также сидѣть на золотомъ стулѣ въ сенатѣ и во время произношенія судебныхъ приговоровъ; онъ объявилъ личность Цезаря священною и неприкосновенною, велѣлъ чеканить его изображеніе на монетахъ (честь, которою въ Римѣ не пользовался еще никто при своей жизни), назвалъ мѣсяцъ, въ которомъ родился Цезарь, — Іюлемъ, по имени его рода, и оказалъ ему многія другія подобныя почести. Цезарь не только принялъ всѣ эти почести, но старался еще увеличить оказываемые ему знаки уваженія. Не имѣя тѣлохранителей, онъ ходилъ повсюду въ сопровожденіи военной свиты, хвалился своимъ происхожденіемъ отъ Венеры, Ромула и миѳическихъ царей Альбы Лонги, приказалъ изобразить ихъ на своей печати, и въ своихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ сенату и трибунамъ выказывалъ явное презрѣніе къ существующимъ республиканскимъ формамъ правленія, словомъ, — являлся вездѣ царемъ и владыкою, тогда какъ прежде показывалъ видъ, что желаетъ власти только для исправленія вкравшихся злоупотребленій. Перемѣна во взглядахъ Цезаря и нерасположеніе его къ свободѣ римской жизни вполнѣ обнаружились во время тріумфа по случаю испанской войны, глубоко оскорбившаго всѣхъ лучшихъ людей Рима. До тѣхъ поръ Цезарь остерегался праздновать тріумфъ надъ побѣжденными согражданами; тогда же онъ торжественно вступилъ въ городъ, празднуя свою побѣду надъ соотечественниками. Одинъ историкъ древности говоритъ: «Цезарь возвращался съ торжествомъ въ Римъ не какъ покоритель чужеземныхъ владѣтелей и народовъ, а какъ побѣдитель сыновей знаменитѣйшаго римскаго гражданина. Этимъ поступкомъ онъ всего болѣе оскорбилъ римлянъ. Всѣ ужаснулись, когда Цезарь рѣшился праздновать несчастія своего отечества и съ явнымъ сочувствіемъ относился къ такимъ дѣйствіямъ, которыя были неизбѣжнымъ зломъ, и только этимъ однимъ могли быть оправданы въ глазахъ боговъ и людей.»

Цезарь не удержался на вершинѣ своего счастія. Ошибочно понимая поло-

женіе дѣлъ, онъ повредилъ болѣе себѣ, чѣмъ своему отечеству, которое, впрочемъ могъ бы спасти учрежденіемъ конституціонной монархіи. Цезарь выказалъ большую кротость и снисхожденіе къ отдѣльнымъ личностямъ, не возобновивъ ужасныхъ насилій, которыми Сулла утвердилъ нѣкогда свою правительственную систему. Но онъ старался придать внѣшній блескъ пріобрѣтенной имъ царской власти и, презирая всѣ древнія формы государственнаго управленія, поколебалъ всѣ основанія, на которыхъ могла бы утвердиться монархія, соотвѣтствовавшая потребностямъ того времени и свободная отъ деспотизма и придворнаго раболѣпства Востока. Изъ всѣхъ дѣйствій и плановъ Цезаря въ эту эпоху его жизни видно было, что съ утвержденіемъ его власти долженъ былъ начаться новый періодъ исторіи Рима. Подобно республиканцамъ французской революціи, онъ лишился всѣхъ плодовъ своей дѣятельности, потому что не обращалъ вниманія на могущество привычки. Чудовищныя предпріятія, подобныя предпріятіямъ восточныхъ деспотовъ и іерархическихъ правителей кастовыхъ государствъ, ознаменовали собою новую эру. Таковы, напримѣръ, были проекты осушенія понтинскихъ болотъ, прорытія коринѳскаго перешейка, увеличенія Рима, долженствовавшаго сдѣлать Римъ первымъ городомъ въ мірѣ, и наконецъ похода противъ парѳянъ; походъ этотъ предполагалось совершить чрезъ неизвѣстныя страны сѣвера и такимъ образомъ способствовать къ открытію новыхъ земель. Для обращенія римлянъ изъ свободныхъ гражданъ въ поданныхъ, перемѣны республиканскихъ званій и должностей на придворныя и канцелярскія и замѣны консуловъ, преторовъ, эдиловъ и сенаторовъ министрами и совѣтниками правительства, Цезарь умножилъ число чиновниковъ, увеличилъ составъ сената до девяти сотъ членовъ, принимая въ него людей безъ всякаго вліянія и состоянія и дѣлая изъ должностей пустые титулы, и разд авалъ званія преторовъ, консуляровъ, проконсуляровъ людямъ, которые не занимали прежде никакихъ должностей. Однажды консулъ умеръ въ послѣдній день года, и Цезарь для остатка одного дня велѣлъ выбрать новаго консула. Онъ смотрѣлъ на консульство такъ же, какъ современные монархи смотрятъ на орденскіе знаки, и пренебрегалъ всѣми общественными учрежденіями, поручая иногда исполненіе своихъ предложеній людямъ, вовсе не понимавшимъ дѣла. Чтобы придать рѣшеніямъ своего сената законную форму и уваженіе, Цезарь нарочно называлъ присутствовавшими въ сенатѣ лицъ, которыя находились въ то время за нѣсколько миль отъ города. Но, не смотря на всѣ эти поступки, Цезарь не былъ деспотомъ. Онъ не руководился, подобно многимъ послѣдующимъ императорамъ, минутнымъ капризомъ и не зависѣлъ отъ своихъ приближенныхъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что онъ не сознавалъ своего назначенія и способствовалъ возобновленію ужасовъ междоусобной войны и учрежденію монархическаго правленія, въ которомъ все зависѣло отъ личности правителя и его придворныхъ.

Цезарь пользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ въ государствѣ и для осуществленія многихъ благодѣтельныхъ мѣръ. Онъ увеличилъ наказанія за подлогъ и другія преступленія и постановилъ конфискацію имѣнія у добровольныхъ изгнанниковъ; издалъ новыя и лучшія распоряженія въ отношеніи управленія провинціями, ограничилъ ста пятидесятью тысячами число гражданъ, которымъ раздавался хлѣбъ на счетъ казны, и привелъ въ порядокъ законодательство о долговыхъ обязательствахъ. Чтобы устранить неизбѣжный при подобныхъ реформахъ финансовый кризисъ, Цезарь избралъ средній путь, оказавъ помощь должникамъ, не разоряя кредиторовъ. Стараясь обуздать роскошь, Цезарь, по своемъ возвращеніи съ Востока, запретилъ употребленіе пурпура, жемчуга и носилокъ и преслѣдовалъ расточительность гражданъ на столъ. Всѣ эти распоряженія имѣли такую же участь, какъ и подобныя постановленія Суллы. Дѣйствительно, можно ли было посредствомъ однихъ законовъ устранить зло, корень котораго скрывался въ общей испорченности нравовъ? Постановленія Цезаря тѣмъ менѣе могли принести пользы, что самъ законодатель, стараясь ввести простоту нравовъ въ жизни согражданъ, въ то же время подавалъ имъ пагубный примѣръ собственною порочною жизнью и равнодушіемъ къ распутству своихъ приближенныхъ, Антонія и другихъ. Кромѣ своихъ стараній улучшить въ самыхъ основаніяхъ испорченный римскій міръ и дать государству монархическій характеръ и форму правленія, Цезарь оказалъ обществу великую услугу улучшеніемъ календаря, которымъ въ продолженіе цѣлой тысячи лѣтъ пользовалась вся христіанская Европа и часть Востока. Со времени децемвировъ римляне вмѣсто прежняго

луннаго года стали употреблять солнечный, но такъ какъ послѣдній не былъ опредѣленъ съ астрономическою точностью, то необходимо было прибѣгать къ частымъ вставкамъ, чтобы извѣстные мѣсяцы соотвѣтствовали извѣстнымъ временамъ года. Эти вставки были очень неудобны, и, что всего важнѣе, верховные первосвященники, завѣдывавшіе ими, поступали слишкомъ произвольно, и часто въ пользу намѣстниковъ или сборщиковъ податей, или по другимъ какимъ нибудь побужденіямъ, намѣренно продолжали или убавляли длину года. Отъ этого произошелъ такой безпорядокъ, что 46 годъ до р.Х. начался не около времени зимняго солнцестоянія, а во время осенняго равноденствія. Чтобы навсегда устранить подобные безпорядки, Цезарь въ 46 г. до р. Х р. совершенно измѣнилъ календарь, введя новую форму года. Эта форма года держалась во всѣ послѣдующія столѣтія древности и употреблялась всѣми христіанскими народами до 1582 г. нашей эры, и теперь еще осталась въ употребленіи у всѣхъ православныхъ, коптовъ и несторіянъ. Введенная Цезаремъ форма называется обыкновенно календаремъ стараго стиля, или, по имени ея основателя, Юліанскимъ. Улучшеніе календаря, сдѣланное Цезаремъ при помощи александрійскаго ученаго Созигена, состояло въ томъ, что мѣсяцамъ дано было то самое число дней, какое они имѣютъ у насъ и теперь, и что къ каждымъ четыремъ годамъ было постановлено прибавлять по одному дню. Юліанскій календарь имѣетъ одинъ очень важный недостатокъ. Такъ какъ періодъ времени, въ который совершается обращеніе земли около солнца, немного меньше трехъ сотъ шестидесяти пяти дней съ четвертью, то прибавленія одного дня по прошествіи каждыхъ четырехъ лѣтъ нѣсколько больше должнаго. Встрѣчающееся при этомъ отступленіе отъ нормальнаго времени, которое доходитъ теперь въ юліанскомъ календарѣ до 12 дней, заставило въ 1582 г. папу Григорія XIII вновь исправить календарь. Такимъ образомъ явился у протестантскихъ и католическихъ народовъ грегоріанскій календарь.

Какъ ни благодѣтельны были распоряженія и законы Цезаря и какъ ни полезно было утвержденіе и сохраненіе порядка въ государствѣ, но всѣ эти улучшенія не могли примирить современниковъ съ намѣреніемъ Цезаря ввести неограниченную монархію. Стремленіе къ неограниченной царской власти поставило его въ противорѣчіе съ духомъ государственныхъ учрежденій, жизни, литературы и поэзіи римлянъ. Парѳянскій походъ Цезаря, который могъ задержать его на нѣсколько лѣтъ вдали отъ Рима, и злодѣйства людей, которыхъ онъ хотѣлъ оставить въ Римѣ вмѣсто себя, возбуждавшія ужасъ и опасенія въ каждомъ честномъ человѣкѣ, заставляли ожидать военнаго террора. На время отсутствія Цезаря, безнравственный, враждебный всякой свободѣ и склонный къ насилію Антоній получилъ мѣсто консула; буйный и бездарный Долабелла сдѣланъ былъ соправителемъ Антонія, а Маркъ Эмилій Лепидъ, столь же опасный своею бездѣятельностью и неспособностью, какъ первые двое безумной страстью къ расточительности и насиліямъ, назначенъ былъ начальникомъ конницы (magister equitum). Всесильный диктаторъ, стремившійся покорить весь свѣтъ, два консула, еще прежде возбуждавшіе кровавыя безпокойства въ Римѣ, а теперь готовые на всѣ злодѣянія и кромѣ того находившіеся въ открытой враждѣ между собою, намѣстникъ диктатора, человѣкъ лѣнивый, неспособный, не имѣвшій собственной воли и потому могшій служить превосходнымъ орудіемъ всякому деспоту, — вотъ какіе люди стояли тогда во главѣ римлянъ, не отвыкшихъ еще отъ свободы! Мысль о грозившемъ деспотизмѣ пробудила въ нѣкоторыхъ друзьяхъ Цезаря и другихъ передовыхъ людяхъ угасавшій патріотизмъ, древнюю любовь къ свободѣ и остатки той республиканской гордости, которая хотя и изчезла въ массѣ народа, но тѣмъ глубже коренилась въ избранной части аристократіи. Въ ту эпоху, какъ и во всѣ времена ненормальнаго развитія образованности и нравственнаго ослабленія, внутренняя жизнь и сила духа избранной части римскаго общества развивалась въ той же степени, въ какой увеличивался развратъ большинства націи. Лучшіе представители римской аристократіи составили заговоръ для умерщвленія диктатора и возстановленія республики. Конечно, всякому человѣку покушеніе на жизнь Цезаря и самое убійство его покажутся дѣломъ безразсуднаго энтузіазма; но во всякомъ случаѣ надобно быть слишкомъ строгимъ, чтобы, подобно Данте, ставить предпріятіе заговорщиковъ на ряду съ преступленіемъ Іуды, предавшаго

Спасителя міра. Свобода, которую хотѣли возстановить заговорщики, сдѣлалась чуждою римскому міру еще со времени Гракховъ, но все-таки среди римскаго общества оставался кружокъ людей, сохранившихъ во всей чистотѣ древній римскій характеръ и воззрѣнія; эта-то лучшая часть націи погибла въ несчастномъ заговорѣ и погубила съ собою всѣ хорошіе остатки старины.

Болѣе шестидесяти человѣкъ, цвѣтъ римской аристократіи, соединились на погибель Цезаря. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: тогдашній преторъ, приверженецъ Помпея, Маркъ Юній Брутъ, съ матерью котораго диктаторъ жилъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и который послѣ фарсальской битвы былъ помилованъ Цезаремъ, Кай Кассій Лонгинъ, который вскорѣ послѣ битвы при Фарсалѣ передалъ свой флотъ Цезарю, и во время заговора занималъ въ Римѣ должность претора, тогдашній преторъ Верхней Италіи Децимъ Юній Брутъ, другъ и приверженецъ Цезаря; наконецъ Публій Сервилій Каска, также принадлежавшій всегда къ партіи Цезаря и въ 43 году избранный въ народные трибуны. Ораторъ Цицеронъ сочувствовалъ убійцамъ Цезаря, но не принималъ никакого участія въ заговорѣ: онъ былъ неспособенъ къ дѣлу, въ которомъ нельзя было ограничиваться одними совѣтами и рѣчами, а слѣдовало дѣйствовать рѣшительно. Руководители заговора, Кассій и Маркъ Брутъ, отличались отъ всѣхъ своихъ современниковъ величіемъ духа и чистотою намѣреній, соединяя въ своемъ характерѣ чисто римскія убѣжденія съ правилами греческой философіи. Бонапарте не признавалъ значенія этихъ личностей и ставилъ ихъ на ряду съ прочею аристократіею; но Бонапарте былъ недостаточно знакомъ съ древностью и имѣлъ слишкомъ мало критическаго смысла, чтобы судить о людяхъ, которые привыкли поступать по опредѣленнымъ правиламъ и соединяли съ философскимъ образованіемъ глубокое знаніе жизни. Нѣсколько сохранившихся до насъ писемъ Кассія и Брута служатъ лучшимъ доказательствомъ, что эти лица были свободны отъ аристократизма, приписываемаго имъ Бонапарте и очень обыкновеннаго у большей части сенаторской партіи. Заговорщики вовсе не хотѣли употребить свою опытность въ пользу грубой аристократіи или своей партіи. «По моему мнѣнію,» — пишетъ Брутъ въ письмѣ къ Цицерону, который былъ во главѣ сената и упрекалъ Брута въ пощадѣ и снисхожденіи, оказанномъ его противникамъ,—«гораздо благоразумнѣе и сообразнѣе съ долгомъ гражданина свободнаго государства оставить безъ преслѣдованія ослабѣвшую враждебную партію, чѣмъ исполнять неограниченныя требованія и удовлетворять корыстолюбію ея сторонниковъ, когда она въ силѣ.» Надобно замѣтить, что все это письмо написано въ самомъ оживленномъ духѣ и въ немъ нельзя подозрѣвать притворства и риторики. Слова Брута не были пустыми фразами: онъ ясно отличалъ науку отъ дѣйствій. Мы можемъ видѣть это изъ слѣдующаго мѣста письма: «великія достоинства Цицерона,» говоритъ Брутъ, «имѣютъ мало значенія въ моихъ глазахъ. Онъ нисколько не прилагаетъ къ жизни своихъ превосходныхъ словъ о любви къ отечеству, благородномъ самосознаніи, бѣдности, изгнаніи и смерти». Точно такого же образа мыслей былъ и Кассій. Въ письмѣ къ Цицерону онъ прямо говоритъ, что понятіе объ истинномъ удовольствіи тождественно съ понятіемъ объ истинной добродѣтели, достижимой въ жизни, что школа далека отъ жизни, и что привязанные къ буквѣ жалкіе поклонники философскихъ системъ имѣютъ слишкомъ мало значенія въ глазахъ всякаго благомыслящаго человѣка. Брутъ и Кассій держались совершенно противоположныхъ воззрѣній на жизнь. Брутъ былъ приверженцемъ стоической философіи, а Кассій эпикурейцемъ. Но при всемъ различіи своихъ философскихъ убѣжденій, они оба почерпали изъ своей философіи силу и мужество, всегда отличавшія ихъ въ политической жизни. Примѣръ Кассія и Брута показываетъ, что стремленіе къ благородному наслажденію жизнью и полное погруженіе въ чувство долга ведутъ къ одной и той же цѣли. Сильныя натуры, смотря по различію своего душевнаго и тѣлеснаго состоянія, непремѣнно избираютъ одно изъ двухъ: или пьютъ полнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ благороднаго и чистаго наслажденія внѣшнею жизнью въ мірѣ, или стремятся къ блаженству самосозерцанія и внутренняго сознанія собственной правоты. Слабые характеры, напротивъ того, поступаютъ очень благоразумно, всегда держась вмѣстѣ съ толпою средины; неспособные ни на какой рѣшительный шагъ, они въ крайнихъ случаяхъ теряются безъ внѣшней поддержки. Говорятъ, что Кассій и другіе заговорщики только съ

большими предосторожностями посвятили свою тайну и приняли участникомъ Марка Брута, любимца Цезаря. Но весьма сомнительно, прибѣгали ль они къ тѣмъ средствамъ, о которыхъ повѣствуютъ нѣкоторые историки. Такъ говорятъ, что заговорщики положили однажды на преторское кресло Брута записку со словами: «Брутъ, ты спишь,» а въ другой разъ написали на статуѣ основателя республики, мнимаго родоначальника Брута: «о, если бы ты былъ живъ теперь!»

Дѣло заговорщиковъ было ускорено несчастнымъ стремленіемъ Цезаря къ внѣшнему блеску и необдуманнымъ его стараніемъ пріучить народъ къ мысли о царской власти. На одномъ праздникѣ консулъ Антоній предъ собраніемъ народа предложилъ Цезарю діадему, но народъ безмолвствовалъ, вмѣсто того, чтобы привѣтствовать Цезаря восклицаніями, и Цезарь предпочелъ отказаться отъ предложеннаго ему царскаго украшенія. Въ другой разъ статуя Цезаря была увѣнчена діадемою. Наконецъ, на одной торжественной процессіи нѣсколько человѣкъ громко привѣтствовали Цезаря какъ царя. Трибуны приказали взять ихъ подъ стражу, но за то, по повелѣнію Цезаря, были лишены своихъ должностей, подъ предлогомъ, что сами произвели эту выходку съ цѣлью навлечь подозрѣніе на Цезаря. Должностныя лица, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находились книги Сивиллы (т. I. стр. 557), увѣряли, что судя по предсказанію, заключающемуся въ одной изъ нихъ, римскій народъ одержитъ побѣду надъ парѳянами только тогда, когда войскомъ будетъ предводительствовать царь. Въ слѣдствіе этого, говорятъ, сенатъ долженъ былъ, для счастливаго окончанія парѳянской войны, дать диктатору позволеніе именоваться царемъ повсюду внѣ Италіи. Все это побудило заговорщиковъ умертвить Цезаря прежде, чѣмъ они разсчитывали сначала. Они рѣшились исполнить свое намѣреніе въ собраніи сената, не смотря на то, что сенатъ состоялъ большею частію изъ креатуръ Цезаря. Имъ хотѣлось показать римскому народу, что не коварное убійство совершено ими, а что, какъ лучшіе римскіе граждане, они хотѣли на глазахъ цѣлаго міра отмстить за оскорбленіе древнихъ учрежденій республики. Не имѣя возможности наказать преступника обыкновеннымъ образомъ, потому что посредствомъ своихъ солдатъ онъ держалъ въ оковахъ самое государство и его судилища, они рѣшились прибѣгнуть къ обыкновенному средству. Избравъ убійство и кровь для достиженія своей цѣли, заговорщики должны бы были умертвить и Антонія: тогда дѣло ихъ не имѣло бы такихъ печальныхъ послѣдствій. Дѣйствительно, между ними была рѣчь объ умерщвленіи и этого опаснѣйшаго приверженца Цезаря; но дѣло не состоялось, потому что одинъ изъ заговорщиковъ, обязанный чѣмъ-то Антонію, не далъ на то своего согласія.

Пятнадцатаго марта (44 г. до р. Хр.) Цезарь, намѣревавшійся отправиться черезъ нѣсколько дней въ парѳянскій походъ, назначилъ засѣданіе сената въ священной залѣ театра, построеннаго Помпеемъ. Заговорщики воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы привести въ исполненіе свое предпріятіе. Цезарь, какъ говорятъ, былъ предувѣдомленъ объ опасности сновидѣніемъ своей жены и нѣкоторыми другими предзнаменованіями, но по своему рѣшительному характеру не обратилъ никакого вниманія на всѣ предостереженія. Безъ сомнѣнія, всѣ подобные разсказы основываются на томъ, что тогдашнее положеніе дѣлъ уже само по себѣ возбуждало опасеніе за жизнь Цезаря. Притомъ люди любятъ связывать съ необыкновенными явленіями всѣ событія. Тайна заговора не была никѣмъ нарушена, и только идя въ засѣданіе сената, Цезарь вмѣстѣ съ другими бумагами получилъ письменное донесеніе о существованіи заговора, но ему не удалось прочитать его. Каждый изъ заговорщиковъ имѣлъ подъ тогою кинжалъ. Когда засѣданіе открылось, одинъ изъ нихъ сталъ предъ Цезаремъ и просилъ его о помилованіи своего изгнаннаго брата. Другіе заговорщики также приблизились къ диктатору, какъ будто бы за тѣмъ, чтобы поддержать просьбу своимъ ходатайствомъ. Каска первый напалъ на Цезаря, но только ранилъ его. «Безбожникъ!» вскричалъ Цезарь, схвативъ его за руку, «на что рѣшаешься ты?» Въ эту минуту на него бросились съ кинжалами прочіе заговорщики. Цезарь думалъ было защищаться, но напрасно. Видя, что не остается никакого спасенія, онъ закрылъ голову тогою и, покрытый двадцатью тремя ранами, палъ у подножія статуи Помпея. Восклицаніе къ Каскѣ было послѣдними словами Цезаря. Нѣкоторые утверждаютъ, что Цезарь, видя между своими убійцами Брута, съ горестью сказалъ ему: «и ты, сынъ мой?» Но извѣстіе это прямо опровергается большин-

ствомъ историковъ древности. Съ другой стороны, согласившись съ этимъ разсказомъ, нужно было бы принять за истину и другое сказаніе, ложность котораго несомнѣнна. Извѣстно, что Цезарь находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ матери Брута. На этомъ основаніи нѣкоторые утверждаютъ, что Брутъ былъ сыномъ Цезаря, не смотря на то, что Цезарь былъ только пятнадцатью годами старше перваго. Принимая во вниманіе такую незначительную разницу въ возрастѣ и всегдашнее благоразуміе Цезаря, мы можемъ прямо сказать, что Цезарь, обратясь къ Бруту, употребилъ слово: «сынъ» только для выраженія своего дружескаго расположенія къ нему.

6. Отъ смерти Цезаря до втораго тріумвирата.

Изумленный сенатъ по умерщвленіи Цезаря разсѣялся, а убійцы диктатора, выйдя на улицу, призвали согражданъ къ свободѣ. Смерть Цезаря распространила въ городѣ ужасъ и замѣшательство. Чернь, ожидавшая отъ монархическаго правителя государства зрѣлищъ, подарковъ, удовольствій и большей свободы въ наслажденіяхъ, равнодушно слушала вызовы освободителей; къ нимъ примкнули только немногіе, а большинство даже изъявляло громкое негодованіе на смерть диктатора. Заговорщики предъ исполненіемъ своего намѣренія рѣшились объявить въ народномъ собраніи, что Цезарь присвоилъ себѣ незаконную власть, и что, слѣдовательно, должно уничтожить его законы и учрежденія, конфисковать его имѣніе и бросить трупъ его въ Тибръ; но тогда имъ нельзя было и подумать объ этомъ. Они должны были помышлять только о спасеніи самихъ себя отъ ярости черни и отступили въ Капитолій, окруживъ себя гладіаторами, которыхъ Децимъ Брутъ собралъ для предстоявшихъ игръ. Удивленіе ихъ возрасло еще болѣе, когда Антоній, сначала скрывавшійся, убѣдилъ Лепида, занимавшаго должность начальника всадниковъ, ввести въ городъ расположенныя вблизи войска и подкрѣпить его ими. Для своей защиты заговорщики также образовали изъ гладіаторовъ родъ войска. Впрочемъ, обѣ стороны не хотѣли браться за оружіе, не удостовѣрившись предварительно въ своихъ силахъ. Онѣ были согласны вступить въ переговоры другъ съ другомъ, рѣшаясь прибѣгнуть къ дипломатіи. Это обстоятельство доставило Цицерону удобный случай снова появиться на сцену. Семнадцатаго марта въ засѣданіи сената онъ сдѣлалъ воззваніе о примиреніи, предложилъ амнистію и повидимому склонилъ враждующія партіи къ сближенію. Было объявлено, что все случившееся предается забвенію.

Мнимое примиреніе должно было скоро уступить мѣсто дѣйствительной враждѣ. Нѣсколько дней спустя Антоній, воспользовавшись погребеніемъ Цезаря, раздражилъ народъ противъ его убійцъ. Погребеніе было совершено съ удивительнымъ великолѣпіемъ. Антоній говорилъ рѣчь на форумѣ и употребилъ весь свой талантъ, чтобы воспламенить чернь воспоминаніемъ о блистательныхъ заслугахъ Цезаря, его любви къ народу и о сдѣланномъ имъ въ пользу народа завѣщаніи. Предъ глазами толпы распахнувъ окровавленную тогу Цезаря, онъ указалъ на двадцать три раны, полученныя Цезаремъ въ благодарность за свои услуги. Раздраженная чернь сопровождала тѣло убитаго до костра и, сжегши на немъ тѣло, взяла изъ костра горящія головни, чтобы поджечь дома убійцъ. Заговорщики разогнали неистовую чернь съ помощью своихъ рабовъ, но вскорѣ Антоній взволновалъ и ветерановъ Цезаря. Приведя нѣсколько тысячъ ихъ въ городъ и въ окрестности, онъ образовалъ изъ нихъ родъ тѣлохранителей и хитрымъ лицемѣріемъ удержалъ заговорщиковъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ продолженіе нѣкотораго времени Антоній дѣйствовалъ какъ будто противъ приверженцевъ Цезаря, издавалъ распоряженія въ духѣ древнихъ учрежденій и т. п., но вскорѣ между нимъ и его противниками возникли сильныя распри. Враги Антонія чувствовали себя въ городѣ не вполнѣ безопасными, а представители ихъ, Маркъ Брутъ и Кассій, обязанные, въ качествѣ городскихъ преторовъ, жить въ Римѣ, просили у сената позволенія оставить городъ, а Децимъ Брутъ и нѣкоторые другіе еще прежде выѣхали изъ города и отправились въ свои провинціи. Бруту и Кассію дано было позволеніе удалиться изъ города, но Антоній настоялъ на томъ, что

съ этимъ позволеніемъ соединено было незначительное порученіе— купить хлѣба для города.

Не задолго до того Антоній, пользовавшійся вліяніемъ на вдову Цезаря, пріобрѣлъ всѣ бумаги и письма его, переманилъ на свою сторону довѣреннаго секретаря Цезаря и овладѣлъ значительною суммою денегъ, положенною имъ въ одинъ храмъ. По настоянію Антонія, сенатъ далъ законную силу всѣмъ постановленіямъ Цезаря, даже и необнародованнымъ, но которыя могли бы найтись въ оставшихся послѣ него бумагахъ. Это рѣшеніе доставило Антонію удобный случай провести всѣ нужныя для себя постановленія, подъ тѣмъ предлогомъ, что они находились въ бумагахъ Цезаря. Пользуясь похищенными милліонами, онъ умножилъ число своихъ приверженцевъ и, по удаленіи заговорщиковъ и Цицерона сдѣлался самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ городѣ. Боязливый сенатъ безмолвствовалъ предъ нимъ, какъ нѣкогда предъ Цезаремъ. Около того же времени въ Римъ явился для полученія наслѣдства Кай Юлій Цезарь Октавіанъ, внукъ сестры Цезаря, усыновленный и назначенный имъ въ наслѣдники. Появленіе его было очень непріятно для Антонія, который встрѣтилъ въ немъ сильнаго противника. Девятнадцатилѣтній Октавіанъ дѣйствовалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ и успѣлъ найти себѣ приверженцевъ въ народѣ, устроивъ для него великолѣпныя игры и выплативъ завѣщанныя Цезаремъ деньги. Такимъ образомъ онъ сдѣлался опаснымъ для Антонія и этимъ оказалъ большую пользу его противникамъ. Обстоятельство это снова придало нѣкоторое значеніе сенату, и Цицеронъ не замедлилъ блеснуть своимъ краснорѣчіемъ. Явившись въ сенатъ, онъ въ концѣ августа мѣсяца произнесъ одну изъ чертырнадцати рѣчей противъ Антонія, названныхъ по упомянутой выше причинѣ филиппиками (т. I. стр. 299). Антоній отвѣтилъ на вызовъ Цицерона суровою и колкою рѣчью, но Цицеронъ написалъ свою вторую филиппику, неуступавшую въ силѣ рѣчамъ противъ Катилины. Эта рѣчь, распространенная въ видѣ памфлета въ римской публикѣ, произвела сильное впечатлѣніе. Антоній, противъ котораго Октавіанъ началъ возмущать войско, увидѣлъ, что настроеніе умовъ измѣнилось, и рѣшился прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Онъ еще прежде призвалъ въ Италію четыре легіона, находившіеся въ Македоніи, и въ началѣ октября отправился на встрѣчу имъ въ Брундузіумъ. Три легіона отказались идти съ Антоніемъ на Римъ, а два изъ нихъ даже объявили себя за Октавіана. Это заставило Антонія измѣнить свой планъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ настоялъ въ сенатѣ на томъ, чтобы отнять Верхнюю Италію у Децима Брута и отдать ему. Теперь же Антоній, собравъ войско, отправился въ эту провинцію, чтобы выгнать низложеннаго намѣстника.

Но едва Антоній оставилъ городъ, какъ аристократическая партія снова подняла голову и соединилась съ Октавіаномъ, образовавшимъ небольшое войско изъ новобранцевъ и ветерановъ своего дѣда. По внушенію аристократіи, сенатъ одобрилъ и утвердилъ самовластный поступокъ молодаго человѣка и даже даровалъ Октавіану званіе сенатора и пропретора. Цицеронъ былъ тогда руководителемъ и главою аристократической партіи, даже самого государства, и, безспорно, игралъ тогда самую блистательную роль въ своей жизни. Безъ всякой военной извѣстности, денежнаго вліянія, семейныхъ связей и приверженцевъ, съ помощью одного своего таланта, Цицеронъ сталъ во главѣ государства и въ теченіе нѣкотораго времени удерживалъ за собою высокое положеніе. Этотъ единственный примѣръ во всей исторіи римскаго государства указываетъ намъ на величіе Цицерона. Какъ нѣкогда Демосѳенъ въ борьбѣ съ Филиппомъ Македонскимъ, Цицеронъ своимъ ораторскимъ талантомъ сдѣлался могущественнѣе Антонія съ его войскомъ. Своими филиппиками онъ лишилъ Антонія популярности между приверженцами Цезаря и такъ повредилъ ему, что съ тѣхъ поръ Антоній началъ смотрѣть на Цицерона, какъ на своего опаснѣйшаго врага, и преслѣдовалъ его до самой смерти. Въ началѣ 43 г. до р. Хр. Октавіанъ и оба консула, Авлъ Гирцій и Кай Вибій Панса, посланы были съ тремя корпусами противъ Антонія, осаждавшаго тогда Децима Брута въ городѣ Мутинѣ (Модена), и объявленнаго, по настоянію Цицерона, врагомъ отечества. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Антоній показалъ, что онъ былъ достоинъ выбора Цезаря, если только успѣвалъ освободиться и оторваться отъ своихъ преступныхъ удо-

вольствій. Онъ поодиночкѣ разбилъ консула Пансу и Октавіана и умертвилъ перваго. Но вскорѣ онъ принужденъ былъ противъ своей воли вступить въ битву съ Октавіаномъ и Гирціемъ и, разбитый на голову, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Онъ бѣжалъ съ остатками своего войска въ Галлію. Республика, казалось, торжествовала; Брутъ и Кассій, удалившіеся въ свои провинціи Македонію и Сирію, счастливо воевали съ приверженцами и войсками Антонія и овладѣли всѣмъ Востокомъ. Но возстановлявшееся господство республиканцевъ было скоро уничтожено человѣкомъ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать этого.

Вскорѣ Октавіанъ и его друзья увидѣли, что никогда не сойдутся вполнѣ съ республиканцами, а въ тоже время они могли надѣяться достигнуть верховной власти въ государствѣ. Октавіанъ располагалъ войскомъ, состоявшимъ большею частью изъ ветерановъ Цезаря. Съ нимъ соединились также разсѣянныя толпы Антонія и войска убитыхъ консуловъ. Намѣстники Испаніи и Галліи, Лепидъ, Кай Азиній Полліонъ и Луцій Мунацій Планкъ, дѣйствовали очень двусмысленно въ отношеніи къ республиканцамъ; всѣ римскія войска на Западѣ также не были вовсе расположены сражаться за республику. Къ тому же республиканская партія, послѣ пораженія Антонія, считала для себя возможнымъ освободиться отъ Октавіана и потому наносила ему страшныя оскорбленія. Продолженіе войны было поручено не Октавіану, а Децимy Бруту, и когда послѣдній одержалъ побѣду, сенатъ осыпалъ его наградами и почестями; Октавіанъ же былъ оставленъ рѣшительно въ сторонѣ и даже получилъ отказъ на свое желаніе искать консульства. Все это заставило его отстать отъ партіи, смотрѣвшей на него только какъ на орудіе своихъ цѣлей, и перейти къ людямъ, которые, стремясь, подобно ему, къ единовластію, могли быть вѣрными союзниками его до тѣхъ поръ, пока власть находилась въ рукахъ аристократовъ. Октавіанъ тайно соединился съ Антоніемъ и Лепидомъ, давно уже составившими между собою союзъ въ Галліи. Лепидъ незадолго предъ тѣмъ былъ объявленъ врагомъ отечества. Еще до свиданія съ Антоніемъ и Лепидомъ, Октавіанъ со своими войсками двинулся къ Риму, чтобы такъ или иначе достичь консульства. Въ Римѣ не было войскъ, и устрашенный сенатъ согласился на всѣ требованія Октавіана. Безпрепятственно получивъ консульство, Октавіанъ настоялъ и на томъ, чтобы, не смотря на объявленную амнистію, было наряжено слѣдствіе объ убійствѣ Цезаря. Всѣ участники въ этомъ дѣлѣ были позваны въ судъ и, неявившись туда, изгнаны изъ отечества. Продолженіе войны было поручено Октавіану. Антоній и Лепидъ вступили въ Верхнюю Италію, гдѣ съ ними соединились Мунацій Планкъ и Азиній Полліонъ. Октавіанъ двинулся туда же, но не для войны съ Антоніемъ и его союзникомъ, а для того, чтобы лично переговорить съ ними. Онъ постарался даже, чтобы немедленно по его отбытіи изъ Рима были уничтожены приговоры, состоявшіеся надъ Антоніемъ и Лепидомъ. Прибывъ въ Верхнюю Италію, Октавіанъ немедленно соединился съ Антоніемъ и Лепидомъ. Децимъ Брутъ, оставшись рѣшительно одинъ и видя, что силы его несоразмѣрны съ силами противника, хотѣлъ бѣжать въ Македонію къ Марку Бруту. Но солдаты отказались ему повиноваться; онъ бѣжалъ, былъ пойманъ всадниками Антонія и убитъ ими.

Свиданіе между Октавіаномъ, Антоніемъ и Лепидомъ состоялось на островѣ, образуемомъ небольшою рѣчкою близъ Болоньи. Послѣ трехдневныхъ совѣщаній они заключили между собою союзъ для уничтоженія республиканской партіи и раздѣленія между собою верховной власти (въ ноябрѣ 43 г. до р. Хр.). Такимъ образомъ составился такъ называемый второй тріумвиратъ. Октавіанъ, Антоній и Лепидъ, подъ предлогомъ приведенія въ порядокъ разстроенныхъ государственныхъ дѣлъ, условились захватить въ свои руки всю власть и уже заранѣе раздѣлили между собою западныя провинціи: Лепидъ получилъ Испанію и югозападъ Галліи, Антоній остальную Галлію и Верхнюю Италію, Октавіанъ Африку, Сицилію и Сардинію. Впрочемъ, ближайшею цѣлью ихъ союза было не раздѣленіе власти, а униженіе и ослабленіе республиканской партіи. Примиреніе съ нею было невозможно, это хорошо видѣлъ молодой Октавіанъ, который, по своему умѣнью достигать всѣхъ цѣлей, не прибѣгая къ ненужнымъ преступленіямъ, составляетъ необыкновенное явленіе въ исторіи. Октавіанъ заключилъ союзъ съ Антоніемъ и Лепидомъ, зная, что противная партія можетъ быть уничтожена только этимъ средствомъ. У союзниковъ не доставало денегъ для покрытія военныхъ издержекъ

и платы солдатамъ. Это вынудило ихъ прибѣгнуть къ средству, съ помощью котораго они пріобрѣли деньги и въ тоже время освободились отъ всѣхъ своихъ враговъ и слабыхъ или сомнительныхъ друзей. Союзники рѣшились возобновить по примѣру Суллы проскрипціи и конфискаціи имѣній. Въ совѣщаніяхъ объ этомъ предметѣ всего яснѣе выказались характеры тріумвировъ. Честолюбивый старикъ Лепидъ игралъ самую жалкую роль. Другіе союзники приняли его въ соучастники только потому, что надѣялись извлечь пользу изъ вліянія, которымъ онъ пользовался при жизни Цезаря. Раздѣляя вмѣстѣ съ нимъ ненависть къ нему за его преступленія, они не хотѣли дать ему воспользоваться плодами этихъ преступленій. Антоній все время думалъ болѣе о минутныхъ наслажденіяхъ, нежели о будущихъ, постоянныхъ выгодахъ: это было совершенно въ характерѣ его неукротимо страстной натуры. Одинъ Октавіанъ стремился къ отдаленной, опредѣленной цѣли и съ терпѣніемъ опытнаго старца выжидалъ исхода предстоявшей борьбы, чтобы, сообразно съ обстоятельствами, избрать для себя тотъ или другой образъ дѣйствій. Войну съ республиканцами тріумвиры поручили Октавіану и Антонію, а на это время управленіе и надзоръ надъ Римомъ и Италіею предоставили Лепиду. Чтобы привязать къ себѣ солдатъ, они обѣщали по окончаніи войны отдать имъ во владѣніе всѣ земли и строенія восемнадцати италійскихъ городовъ, и кромѣ того выдать каждому изъ нихъ по пяти тысячъ драхмъ (болѣе тысячи р. сер.).

Изъ Болоньи союзники отправились въ Римъ, извѣстивъ народъ о своемъ прибытіи манифестомъ, и тотчасъ же привели въ исполненіе задуманныя ими кровавыя мѣры. При этомъ повторились всѣ ужасы временъ Суллы: убійства, грабежи и конфискаціи имѣній продолжались всю остальную часть истекавшаго года. Судьба лучшихъ людей римской націи находилась тогда въ такой зависимости отъ изверговъ, что и самый деспотизмъ и жестокость временъ императоровъ не должны уже представлять намъ ничего удивительнаго; они кажутся необходимымъ послѣдствіемъ испорченности послѣдняго поколѣнія республики. Трупы убитыхъ валялись повсюду: въ домахъ проскриптовъ, на улицахъ, словомъ вездѣ, гдѣ могъ только настигнуть ихъ ножъ убійцы. На римскомъ форумѣ, какъ будто на воротахъ константинопольскаго сераля, были выставлены головы лучшихъ гражданъ. Каждому рабу, убившему проскрипта, обѣщано было право гражданства и денежная награда въ двѣ тысячи четыреста р. сер., а каждому свободному — семь тысячъ р. Такимъ образомъ была возбуждаема къ убійству масса черни, уже привыкшей къ кровопролитію и жадной къ деньгамъ. Но въ это время, какъ и во всѣ эпохи общественной испорченности, въ нѣкоторыхъ чистыхъ душахъ еще съ большею силою пробуждались лучшія чувства человѣческой природы. На ряду съ самыми ужасающими сценами, мы видимъ прекрасныя черты вѣрности и любви. Здѣсь сынъ спасаетъ отца своего среди невыразимыхъ трудностей и опасностей; тамъ невольникъ надѣваетъ на себя платье господина и вмѣсто его отдаетъ на жертву убійцамъ себя. Братъ Цицерона, Квинтъ Туллій Цицеронъ, былъ скрытъ отъ преслѣдованій убійцъ своимъ сыномъ. Сынъ не хотѣлъ открыть мѣстопребыванія отца даже и тогда, когда убійцы подвергли его пыткѣ; услышавъ стоны сына, отецъ не выдержалъ и самъ вышелъ къ убійцамъ. Союзники не пощадили даже своихъ ближайшихъ родственниковъ и друзей; братъ Лепида — Павелъ Эмилій Лепидъ, дядя Антонія по матери, Луцій Юлій Цезарь и покровитель Октавіана, Цицеронъ, были помѣщены первыми въ спискѣ проскриптовъ. Октавіанъ неохотно согласился на проскрипціи, и то только потому, что былъ убѣжденъ въ необходимости этой мѣры, а потомъ спасъ многихъ изъ проскриптовъ. Лепидъ спасъ по крайней мѣрѣ своего брата, котораго долженъ былъ выдать своимъ союзникамъ. Антоній же пренебрегалъ всѣми человѣческими чувствами. Страшный развратникъ преслѣдовалъ не только самихъ проскриптовъ, но и тѣхъ, которые могли оказать имъ какую-нибудь помощь. Его звѣрство доходило до того, что, во время обѣда, онъ ставилъ предъ собою на столъ головы своихъ враговъ. Жена его, Фульвія, изъ жажды мщенія, или изъ страсти къ деньгамъ, помѣстила въ спискѣ проскриптовъ людей, которые вовсе не были извѣстны ея мужу. Только послѣ долговременныхъ просьбъ матери, Антоній согласился пощадить дядю. Онъ прощалъ только тѣхъ, имѣніе которыхъ не могло доставить ему столько денегъ, сколько они обѣщали за свою жизнь. Цицеронъ также сдѣлался жертвою мстительности Антонія. Октавіанъ напрасно старался спасти

оратора. Не смотря на его просьбы, Антоній не соглашался пощадить его, потому что въ послѣднее время въ отношеніи Антонія Цицеронъ держалъ себя въ высшей степени двусмысленно. Рѣшившись истребить всякую независимость мнѣнія и всякій враждебный имъ талантъ, тріумвиры прежде всего должны были освободиться отъ Цицерона. Бѣжавъ изъ города, ораторъ долгое время блуждалъ по окрестностямъ, не зная, куда обратиться. Близъ Каіеты (Гаэты) въ то время, когда его въ носилкахъ несли къ морю, на него напалъ одинъ изъ посланныхъ противъ него отрядовъ. Начальникъ его, Попиллій Лэнъ, въ одномъ процессѣ былъ спасенъ отъ смерти краснорѣчіемъ Цицерона; но жестокій убійца не зналъ благодарности: отрубивъ голову шестидесяти-четырехлѣтняго старца, онъ поспѣшилъ съ нею въ Римъ и былъ щедро награжденъ Антоніемъ. Антоній положилъ голову Цицерона на трибуну форума, а его жена, если вѣрить анекдоту, предалась самой неумѣренной радости при видѣ мертвой головы оратора и даже исколола ея языкъ иглою.

Число всѣхъ погибшихъ неизвѣстно. Изъ сенаторовъ подверглись проскрипціи и умерщвлены, по однимъ извѣстіямъ, триста, а по другимъ — сто тридцать человѣкъ. Изъ богачей, или изъ всадниковъ погибло двѣ тысячи, а изъ низшихъ классовъ еще болѣе. Вся старинная аристократія, т. е. почти весь образованный классъ Рима былъ истребленъ тогда и національное богатство Рима перешло въ другія руки. Убійства и грабежи питали войско и доставляли тріумвирату средства привязывать къ себѣ солдатъ, удовлетворяя всѣмъ ихъ требованіямъ; но для войны съ Кассіемъ и Брутомъ награбленныхъ денегъ было недостаточно, тѣмъ болѣе, что Антоній предавался самой неумѣренной роскоши: еще до выхода изъ Италіи Октавіанъ принужденъ былъ помогать ему изъ своего собственнаго имѣнія. Для поправленія своего дѣла, тріумвиры наложили на всѣхъ жителей Италіи обременительные налоги и взяли между прочимъ въ видѣ подати со всей Италіи годовую плату за наемъ домовъ. Эти налоги были тѣмъ обременительнѣе для Италіи, что въ предшествующемъ году на вооруженіе войска, посланнаго противъ Антонія, собраны были столь же значительныя подати. Подать эта состояла въ томъ, что многіе города и частныя лица должны были безплатно доставлять оружіе и военныя потребности, каждый гражданинъ отдать одинъ процентъ стоимости своего имѣнья, а сенаторы — по 3 копѣйки съ каждаго кирпича своихъ жилищъ; богатые граждане платили еще болѣе.

7. Отъ образованія втораго тріумвирата до битвы при Акціумѣ.

Въ началѣ войны Октавіана, Антонія и Лепида съ Брутомъ и Кассіемъ, обѣ враждующія стороны были равносильны: тріумвиры владѣли западною половиною республики, а Брутъ и Кассій — восточною. Республиканскіе предводители собрали войско, по численности и искусству равное войску первыхъ. Со временъ Суллы римскіе солдаты привыкли служить не отечеству, а только своимъ выгодамъ и начальникамъ. Потому почти всѣ легіоны, находившіеся подъ начальствомъ приверженцевъ республиканской партіи, перешли на ихъ сторону. Систематическія убійства и конфискаціи имѣній принудили и большую часть богатыхъ и образованныхъ гражданъ присоединиться къ республиканцамъ. Еще Цезарь сдѣлалъ Брута и Кассія намѣстниками Македоніи и Сиріи, вскорѣ послѣ окончанія срока ихъ преторства; Антоній же въ предшествовавшемъ году вынудилъ сенатъ отдать Македонію своему брату, Каю Антонію, а Сирію, консулу Долабеллѣ. Впрочемъ, аристократы не хотѣли повиноваться распоряженіямъ сената, привлекли на свою сторону легіоны, находившіеся тогда на Востокѣ, и при помощи ихъ, осенью 44 г. до р. Хр. побѣдили обоихъ своихъ противниковъ. Кай Антоній, потерявъ битву, былъ выданъ Бруту своими войсками и послѣ долговременнаго заключенія, умерщвленъ имъ за попытку переманить къ себѣ солдатъ. Долабелла былъ осажденъ Кассіемъ въ одномъ городѣ и, не видя спасенія, лишилъ себя жизни. Послѣ того Брутъ и Кассій подчинили себѣ всю восточную часть государства, но потеряли на это много времени и не извлекли для себя никакой пользы изъ выгодъ, какія имъ доставила война въ окрестностяхъ Мутины. Подобно своимъ противникамъ, они пріобрѣтали для себя деньги ужасными притѣсненіями, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что первые угнетали богатыхъ гражданъ Рима,

а они грабили бѣдныхъ жителей провинціи. За сумму не болѣе двухсотъ тысячъ рублей, Брутъ отнялъ у одного мелкаго государства свободу, которую уважали и сохраняли персы, македоняне и до тѣхъ поръ даже римляне. Ликійцы съ давняго времени составляли свободную конфедерацію, столицею которой былъ Ксантъ; Брутъ потребовалъ отъ нихъ означенной суммы и, получивъ отказъ, осадилъ Ксантъ. Храбрый и свободолюбивый народъ послѣ упорной защиты разрушилъ свой городъ, и, какъ нѣкогда нумантинцы, погребъ себя подъ его развалинами. Такія же притѣсненія производили республиканскіе полководцы, вынуждаемые недостаткомъ денегъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ главномъ городѣ острова Родоса, Кассій собралъ не менѣе одиннадцати съ половиною милліоновъ рублей.

Всѣ эти обстоятельства, задержавъ Кассія и Брута въ Азіи, дали тріумвирамъ время занять своими войсками Македонію. Наконецъ, осенью 42 г. до р. Хр., Брутъ и Кассій переправились въ Европу; Антоній и Октавіянъ поспѣшили имъ на встрѣчу, и соперники сошлись при ѳракійско-македонскомъ городѣ Филиппахъ. Октавіанъ окружилъ своими войсками Брута, а Антоній—Кассія. Численность войскъ обѣихъ сторонъ была равна, и въ обѣихъ арміяхъ въ совокупности находилось болѣе двухъ сотъ тысячъ римскаго войска. Въ двухъ битвахъ, происшедшихъ въ равнинѣ при Филиппахъ, рѣшилась судьба государства. Въ первой битвѣ побѣда осталась на сторонѣ республиканскихъ полководцевъ. Кассій былъ разбитъ Антоніемъ и потерялъ свой лагерь, но зато Брутъ нанесъ совершенное пораженіе войску Октавіана, овладѣлъ его лагеремъ, едва не взялъ въ плѣнъ его самого и поспѣшилъ на помощь своему другу. Онъ разбилъ бы другаго противника, если бы Кассій не предался безвременному отчаянію. Увидѣвъ приближавшуюся конницу Брута и принявъ ее за непріятельскую, онъ подумалъ, что другъ его погибъ, и, чтобы не попасть въ руки непріятеля, окончилъ свою жизнь самоубійствомъ. Брутъ присоединилъ къ себѣ остатки разбитаго войска и черезъ двадцать дней далъ своимъ противникамъ вторую битву, но былъ разбитъ на голову. Слѣдуя правиламъ стоической философіи, Брутъ, какъ нѣкогда Катонъ, самъ умертвилъ себя. Войско его было уничтожено или соединилось съ войскомъ противниковъ. Антоній сжегъ трупъ Брута, а пепелъ послалъ его матери.

Съ побѣдою тріумвировъ при Филиппахъ (42 г.до р. Х.) погибла навсегда свобода римскаго народа: остатки республиканской партіи легко были уничтожены. Борьба между Октавіаномъ и Антоніемъ, на которой сосредоточивается весь ходъ событій слѣдующихъ одиннадцати лѣтъ, рѣшала уже не то, какой образъ правленія долженъ быть въ государствѣ, а кому изъ двухъ соперниковъ быть его повелителемъ. Важное значеніе побѣды надъ Брутомъ и Кассіемъ и величіе характера обѣихъ личностей подали поводъ къ разнымъ романтическимъ прикрасамъ, которыми духъ человѣческій, жадный до всего любопытнаго, любитъ украшать всякое блистательное событіе исторіи. Поэтому и ораторы разукрасили побѣду надъ Кассіемъ и Брутомъ тысячами анекдотовъ, имѣя въ виду занять воображеніе своихъ читателей или слушателей, возбудить въ сердцахъ ихъ сильныя впечатлѣнія и одушевить ихъ умъ возвышенными мыслями. Но, какъ ни важны для частныхъ цѣлей поэтовъ и декламаторовъ прикрасы историческихъ происшествій, онѣ мало доставляютъ пищи разсудку, хотя въ этомъ главнымъ образомъ и состоитъ цѣль всякой исторіи. Гибель свободнаго государства, энергіею своихъ гражданъ достигшаго господства надъ міромъ, и кровавый конецъ людей, живши хъ для одной идеи и до самой смерти не покидавшихъ своихъ убѣжденій, — это событіе само по себѣ, безъ всякихъ высокопарныхъ фразъ и всякой искусственной обстановки, можетъ имѣть самый живой интересъ для всякаго неиспорченнаго человѣка. Вся польза, какую доставляетъ нашему уму изученіе прошедшихъ событій, исчезаетъ, какъ скоро образы фантазіи становятся на ряду съ голою истиною и чувство возбуждается на счетъ разсудка. Самыя происшествія, а не драпировка ихъ, дѣйствительная внутренняя связь событій, а не искусственная завязка, сообщающая историческому происшествію видъ трогательнаго романа, — вотъ средства, съ помощью которыхъ исторія можетъ сдѣлаться учительницею человѣчества. Мы опустили бы всѣ любопытные разсказы о гибели двухъ великихъ вождей республиканской партіи, если бы они не приводились часто въ другихъ сочиненіяхъ и не были извѣстны публикѣ. Впрочемъ, разсказы эти представляютъ намъ случай показать на самомъ дѣлѣ, какъ часто самые остроумные анекдоты противо-

рѣчатъ сами себѣ. Такъ какъ добровольная смерть Брута была слѣдствіемъ того же воззрѣнія на жизнь, котораго держался Катонъ, то нѣкоторые писатели древности увѣряютъ, что и Порція, дочь Катона и супруга Брута, окончила свою жизнь самоубійствомъ. Но изъ оставшихся записокъ ея современниковъ положительно извѣстно, что эта женщина умерла отъ болѣзни еще за нѣсколько времени до пораженія Брута. Нѣкоторые анекдотисты представляютъ смерть самого Брута еще трагичнѣе, увѣряя, что его побудило къ самоубійству отчаянное сомнѣніе въ истинѣ всѣхъ высшихъ стремленій человѣческаго духа и что передъ самою смертью онъ произнесъ стихъ одного греческаго поэта: «добродѣтель! я принималъ тебя за нѣчто дѣйствительное, а ты ничто иное какъ призракъ, или скорѣе раба счастія». Не говоря уже о томъ, что одинъ очевидецъ сообщилъ подробныя и опредѣленныя свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ Брута, — вся жизнь и характеръ его противорѣчатъ этому анекдоту, представляющему совершенно въ другомъ видѣ причины, побудившія его къ самоубійству. Самый замѣчательный изъ всѣхъ риторическихъ вымысловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не требующій, по своей несообразности, даже опроверженія — это, безспорно, разсказъ о привидѣніи, которое будто бы дважды являлось Бруту. Говорятъ, что не задолго до отправленія республиканскаго войска изъ Азіи въ Европу, Бруту явился ночью призракъ, сказавшій: «я злой духъ; при Филиппахъ ты снова увидишь меня»! Въ ночь, наканунѣ послѣдней битвы Брута, явился будто бы тотъ же призракъ, но въ этотъ разъ не сказалъ уже ничего.

Послѣ пораженія Брута и Кассія, Антоній и Октавіанъ поступили съ Лепидомъ такъ, какъ онъ заслуживалъ; уступивъ ему второстепенную роль, они старались мало-по-малу совсѣмъ устранить его отъ участія въ дѣлахъ. Одинъ изъ нихъ отправился въ Азію, чтобы довершить покореніе Востока и достать деньги на жалованье солдатамъ, а другой—въ Италію, чтобы уничтожить и тамъ остатки республиканской партіи и раздѣлить между солдатами обѣщанныя имъ земли. Антоній, принявшій на себя покореніе Азіи, вполнѣ предался тамъ своему распутству. Такимъ образомъ онъ доставилъ Октавіану, далеко уступавшему ему въ талантахъ, но умѣвшему обуздывать свои страсти, возможность достигнуть господства въ римскомъ государствѣ и, что всего важнѣе, измѣнить республиканское правленіе на монархическое. Легкомысленный Антоній предавался въ Малой Азіи самой безразсудной роскоши: его безумство доходило до того, что нерѣдко онъ являлся народу въ видѣ Бахуса, сопровождаемый своею развратною свитою. Чтобы достать деньги, необходимыя для своихъ удовольствій, онъ наложилъ на бѣдныхъ жителей Малой Азіи еще большія подати, чѣмъ нѣкогда Сулла. Антоній выжалъ у жителей провинціи, которые едва были въ состояніи уплатить Бруту и Кассію издержки на содержаніе ихъ войска,—двѣсти тысячъ талантовъ или почти двѣсти семьдесятъ два милліона рублей: цифра, которой можно повѣрить, только отбросивъ нуль, или измѣнивъ слово, которое въ греческомъ языкѣ выражаетъ нуль. Въ Киликіи Антоній призвалъ на судъ египетскую царицу Клеопатру за содѣйствіе, оказанное ею Бруту и Кассію. Клеопатра явилась, но не для того, чтобы защищаться, а чтобы ослѣпить роскошнаго сластолюбца и опутать его своими сѣтями. Понимая искусство нравиться лучше всякой другой женщины того испорченнаго времени, она легко достигла своей цѣли. Антоній отправился съ нею въ Египетъ и погрузился въ распутство, доведенное при сирійскомъ и египетскомъ дворахъ до самой послѣдней степени. Потерявъ всякій стыдъ, онъ предался самому безумному разврату. Поваръ его долженъ былъ каждый часъ приготовлять ему свѣжія кушанья, для того, чтобы Антоній могъ ѣсть въ тотъ самый моментъ, когда они начинаютъ поспѣвать. Сынъ Антонія, еще почти ребенокъ, подарилъ однажды иностранному льстецу столъ съ серебряною и золотою посудою, и воспитатель его очень удивился, когда получившій подарокъ усомнился въ томъ, можетъ ли сынъ Антонія распоряжаться сокровищами своего отца. Въ своемъ образѣ жизни и поведеніи Антоній отрицалъ все римское. Онъ явственно показывалъ всему міру, что отъ него, какъ правителя, можно ожидать не сохраненія древнихъ обычаевъ, а безусловной и безграничной деспотіи. Этимъ онъ преградилъ себѣ возможность сохранить въ Римѣ положеніе, которое онъ могъ бы занимать по своимъ талантамъ. Само собою разумѣется, онъ долженъ былъ уступить Октавіану, который, при своей умѣренности, холод-

ности и хитрости, лучше приноровлялся къ духу и обстоятельствамъ эпохи. Октавіанъ не замедлилъ воспользоваться поведеніемъ союзника и началъ съ того, что приписалъ ему всѣ ненавистныя для народа распоряженія, какія онъ принужденъ былъ дѣлать.

Октавіану предстояла въ Италіи трудная задача. Онъ долженъ былъ изгонять жителей цѣлыхъ округовъ, чтобы имѣть возможность доставить солдатамъ обѣщанныя имъ земли, и выполнилъ эту задачу съ неумолимою жестокостью; но затрудненія не уменьшились; многіе солдаты считали себя обиженными, а изгоняемые жители въ нѣсколькихъ мѣстахъ обнаружили сопротивленіе. Сдѣлавшись по необходимости нищими или разбойниками, они стали слишкомъ тягостны для народа и правительства; самъ Октавіанъ терпѣлъ нужду въ деньгахъ: государственная казна была пуста, доходы изсякли, всякій, кто имѣлъ какое-нибудь состояніе, тщательно старался скрыть его. Въ такихъ обстоятельствахъ Октавіанъ былъ не въ состояніи удовлетворить недовольныхъ. Этимъ воспользовалась жена Антонія—Фульвія, охотно прощавшая своему мужу невѣрность, чтобы только управлять его именемъ и имѣть право дѣлать всякаго рода преступленія. Ей не хотѣлось позволить Октавіану ввести въ Италіи деспотическое правленіе. Кромѣ того, она имѣла въ виду, возбудивъ раздоръ между Октавіаномъ и своимъ мужемъ, вызвать послѣдняго въ Италію и управлять его именемъ. Она даже составила вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, Луціемъ Антоніемъ, заговоръ противъ Октавіана. Заговорщики приняли сторону изгнанныхъ итальянцевъ и недовольныхъ солдатъ и намѣревались даже соединиться съ Секстомъ Помпеемъ, собравшимъ вокругъ себя остатки республиканской партіи и занявшимъ островъ Сицилію. Луцій Антоній не хотѣлъ болѣе скрываться и, объявивъ себя защитникомъ древняго государственнаго устройства, призывалъ всѣхъ друзей его къ оружію. Такимъ образомъ дѣло дошло до настоящей войны. Октавіанъ поспѣшно вызвалъ изъ Испаніи шесть легіоновъ для подкрѣпленія своихъ войскъ, овладѣлъ сокровищами итальянскихъ храмовъ для покрытія военныхъ издержекъ, и принудилъ Луція Антонія оставить Римъ. Луцій бросился въ Перузію, но Октавіанъ заперъ его тамъ, отрѣзавъ у него всякое сообщеніе съ Секстомъ Помпеемъ. Терпя недостатокъ въ продовольствіи, Луцій Антоній, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ пробиться чрезъ непріятельское войско, принужденъ былъ сдаться на капитуляцію (40 до р. Хр.). Октавіанъ далъ ему свободный выходъ, но воспользовался этимъ случаемъ, чтобы истребить всѣхъ сторонниковъ древнихъ учрежденій. Весь сенатъ и должностныя лица Перузіи были умерщвлены по его приказанію. Октавіанъ велѣлъ даже лишить жизни четыреста римскихъ гражданъ, попавшихся въ плѣнъ, и между ними самыхъ уважаемыхъ людей изъ сословія сенаторовъ и всадниковъ. Фульвія бѣжала въ Грецію, а другіе приверженцы Антонія удалились къ нему, или къ Сексту Помпею.

Антоній, совершенно забывшійся въ Египтѣ, былъ исторгнутъ изъ своего усыпленія нѣкоторыми другими обстоятельствами. Парѳяне, вторгнувшись въ переднюю Азію двумя многочисленными толпами, подъ предводительствомъ Пакора, наслѣдника престола, опустошали Сирію и Палестину, въ то время какъ другое парѳянское войско, подъ начальствомъ римскаго республиканца Лабіена, проникло въ Малую Азію. Услышавъ о несчастіи своихъ родныхъ и приверженцевъ въ Италіи и объ опустошеніяхъ парѳянъ, Антоній одушевился. Сначала онъ было двинулся противъ парѳянъ, но, сообразивъ, что ему гораздо выгоднѣе устроить прежде похода свои дѣла съ Октавіаномъ,—рѣшился идти на западъ. Въ Греціи онъ встрѣтился съ своею женою и принялъ ее очень неласково; впрочемъ вскорѣ послѣ этого она умерла. Когда Антоній, съ флотомъ изъ двухсотъ судовъ, отправился въ Италію, Секстъ Помпей предложилъ ему союзъ. Антоній сначала отказался, но потомъ соединился съ нимъ, узнавъ, что Октавіанъ имѣетъ намѣреніе заградить ему входъ въ Италію. Союзники начали блокаду полуострова, угрожая ему всѣми ужасами голода и междоусобной войны. Это побудило друзей Антонія и Октавіана употребить всѣ усилія, чтобы примирить противниковъ. Старанія ихъ имѣли желанный успѣхъ. Антоній выдалъ Секста Помпея и условился съ Октавіаномъ о новомъ раздѣлѣ царства. Антоній получилъ Востокъ, Октавіанъ—Западъ, а Лепиду была предоставлена провинція Африка, которую еще заранѣе отдалъ ему хитрый Октавіанъ, чтобы соединить, его интересы съ своими. Новый союзъ былъ скрѣпленъ родствомъ. Октавіанъ еще прежде бывшій въ

родствѣ съ Антоніемъ по своей женѣ, падчерицѣ Антонія, выдалъ теперь за своего союзника и соперника прекрасную сестру свою Октавію (40 г. до р. Хр.). Секстъ Помпей, которому сильно повредилъ этотъ миръ, началъ войну съ обоими союзниками. Покоривъ Сардинію и Корсику, онъ остановилъ при помощи своихъ морскихъ силъ подвозъ припасовъ въ Италію и произвелъ въ Римѣ голодъ и возмущеніе. Доведенный до крайности народъ успокоился только тогда, когда Антоній и Октавіанъ, пятнадцать мѣсяцевъ остававшійся въ Римѣ въ бездѣйствій (39 г. до р. Хр.), вошли въ переговоры съ Помпеемъ. Союзники отдали ему итальянскіе острова, уступили даже Пелопоннесъ, обѣщали ему вознагражденіе за отнятыя у него отцовскія помѣстья и дали его приверженцамъ позволеніе возвратиться въ Римъ; Помпей же обязался снабжать Италію съѣстными припасами. Послѣ этого Антоній отправился на Востокъ и при помощи своего полководца, Вентидія Басса, прогналъ парѳянъ въ ихъ царство.

Съ этихъ поръ оба соперника Антоній и Октавіанъ, вступаютъ на два различные пути, которые впослѣдствіи привели ихъ къ совершенно различнымъ концамъ — одного къ погибели, а другаго къ единовластію. Антоній, совершивъ несчастный походъ въ Парѳію, опять предался прежнему разврату, очутился совершенно во власти Клеопатры и началъ дурно обращаться съ прекрасною Октавіею. Не такъ дѣйствовалъ Октавіанъ: онъ съ необыкновеннымъ благоразуміемъ пользовался обстоятельствами для достиженія своей главной цѣли — господства надъ всѣмъ римскимъ государствомъ. Убѣдившись въ своей неспособности управлять войскомъ, Октавіанъ возвелъ мало-по-малу изъ нисшаго сословія до высшихъ государственныхъ должностей Марка Випсанія Агриппу; этому человѣку, пользовавшемуся извѣстностью хорошаго полководца и государственнаго человѣка, онъ ввѣрилъ верховное начальство надъ войскомъ, пользуясь его совѣтами во всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Ему-то Октавіанъ и поручилъ начальство надъ войскомъ, когда въ 38 г. до р. Хр. вспыхнула новая война съ Помпеемъ. Въ это время Помпей находился въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ: онъ долженъ былъ вести войну не съ однимъ Октавіаномъ, но и Лепидъ прислалъ противъ него изъ Африки свои войска. Окруженный со всѣхъ сторонъ сильными врагами, Помпей принужденъ былъ сдаться. Онъ не имѣлъ ни мужества, ни талантовъ полководца и своимъ могуществомъ и значеніемъ былъ обязанъ тому, что къ нему присоединились всѣ приверженцы древнихъ государственныхъ учрежденій, всѣ изгнанники и офицеры, уцѣлѣвшіе изъ армій Брута и Кассія. Послѣ непродолжительной войны онъ былъ побѣжденъ, бѣжалъ въ Азію и былъ тамъ умерщвленъ по приказанію Антонія (36 г. до р. Хр.). Вскорѣ послѣ пораженія Помпея, Октавіанъ освободился и отъ Лепида, который хотѣлъ воспользоваться войною съ Помпеемъ, чтобы еще увеличить свое значеніе. Прежде окончательной битвы онъ вошелъ въ сношенія съ Помпеемъ, а когда война была окончена, потребовалъ себѣ во владѣніе Сицилію. Но Октавіанъ не только отказалъ ему въ части добычи, а отнялъ даже и то, чѣмъ онъ владѣлъ до тѣхъ поръ. Для этого не нужно было никакихъ усилій: Лепидъ былъ такъ незначителенъ, что Октавіанъ имѣлъ полное право разсчитывать на нерасположеніе къ нему войскъ, и въ этихъ видахъ отправился съ немногими воинами въ его лагерь, чтобы возмутить противъ него солдатъ. На этотъ разъ Октавіанъ обманулся въ своихъ разсчетахъ; его дерзость оскорбила солдатъ, и едва появился онъ въ лагерѣ, какъ на него посыпались каменья и стрѣлы, такъ что онъ едва спасся отъ смерти. Но зато, когда Лепидъ, окруженный Октавіаномъ, не рѣшился изъ трусости дать битву, солдаты оставили его и перешли къ Октавіану. Октавіанъ не имѣлъ нужды лишать своего соперника жизни, зная, что онъ не можетъ нисколько повредить ему, и даже не отнялъ у Лепида должности верховнаго первосвященника, такъ какъ въ Римѣ существовало правило, что верховный первосвященникъ долженъ исправлять свою должность пожизненно. Лепидъ прожилъ потомъ какъ частный человѣкъ до самой своей смерти, въ 13 г. до р. Хр.

Сдѣлавшись повелителемъ всей западной половины государства, Октавіанъ рѣшился лишить власти Антонія и подчинить себѣ Востокъ. Антоній, можно сказать, самъ отдавался въ руки Октавіану. Лишившись въ своихъ походахъ чести и войска, онъ совершенно предался распутству въ Александріи и сдѣлался послушнымъ рабомъ Клеопатры. Во время пребыванія Антонія въ Римѣ, парѳяне

сдѣлали новое вторженіе въ римскую Азію, но были опять отбиты Вентидіемъ. Вмѣсто благодарности къ своему побѣдоносному полководцу, Антоній выказалъ къ нему необыкновенную холодность. Онъ хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, чтобы пожать плоды побѣдъ Вентидія, но два похода, предпринятые имъ на слѣдующій годъ въ Парѳію, не имѣли успѣха. Антоній, обманутый союзными владѣтелями, не принялъ въ разсчетъ времени года и не обратилъ вниманія на трудности, представляемыя самою природою страны. За свои ошибки онъ поплатился большею частью войска. Покореніе Арменіи и вѣроломное взятіе въ плѣнъ армянскаго царя было единственнымъ удачнымъ дѣломъ во все продолженіе парѳянскихъ походовъ. Во время этой войны Антоній сдѣлалъ много распоряженій, ненавистныхъ для римлянъ, и съ смѣшною театральною торжественностью раздѣлилъ покоренныя земли между своими азіатскими любимцами и дѣтьми, прижитыми имъ отъ Клеопатры. Между тѣмъ Октавіанъ собралъ большое и вполнѣ надежное войско, выгнавъ, разселивъ по колоніямъ или умертвивъ всѣхъ безпокойныхъ солдатъ. Чтобы начать войну съ Антоніемъ, ему нуженъ былъ только благовидный предлогъ. Благородная Октавія напрасно старалась отвратить опасность: Антоній самымъ оскорбительнымъ образомъ отвергнулъ ея старанія. Оставленная мужемъ въ Римѣ, она все-таки успѣла еще однажды примирить его съ Октавіаномъ и, поспѣшивъ къ Антонію съ вѣстью о примиреніи, захватила съ собою для него оружіе и деньги. На пути она получила отъ своего мужа приказаніе остановиться и не ѣхать далѣе. И послѣ такого грубаго требованія, Октавія написала Антонію самое дружеское письмо, въ которомъ просила его назначить по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ она можетъ передать ему привезенные подарки. Благородный поступокъ Октавіи не остался безъ дѣйствія на Антонія, но Клеопатра умѣла опять привязать къ себѣ этого легкомысленнаго человѣка. Она употребила въ дѣло все свое кокетство: притворилась больною, увѣряла Антонія, что не можетъ жить безъ него, и называла его бракъ съ Октавіею обыкновенною дипломатическою связью, которою Октавіанъ хотѣлъ расположить его въ пользу своихъ властолюбивыхъ цѣлей. Октавія по приказанію Антонія должна была возвратиться въ Римъ. Но, не обративъ вниманія на нанесенное ей оскорбленіе, она готова была на новыя пожертвованія и не оставляла дома Антонія, хотя братъ ея требовалъ этого, и когда, наконецъ, Антоній по наущенію Клеопатры послалъ ей разводную, она приняла къ себѣ сына, прижитаго ея мужемъ отъ Фульвіи и оставленнаго имъ въ Римѣ и воспитывала его съ материнскою любовью. Даже впослѣдствіи, по смерти Антонія и Клеопатры, Октавія приняла къ себѣ ихъ дѣтей.

Октавіанъ долгое время тщетно старался склонить римскій сенатъ, большинство котораго было расположено къ Антонію, принять противъ него враждебныя мѣры. Но наконецъ ему удалось достигнуть своей цѣли, когда Антоній объявилъ сына Цезаря отъ Клеопатры, Цезаріона, законнымъ сыномъ и наслѣдникомъ диктатора, потребовалъ утвержденія своихъ распоряженій въ Азіи и сдѣланныхъ имъ подарковъ и обнаружилъ свое желаніе подчинить весь римскій міръ игу египетской царицы. Зависимость отъ Клеопатры вредила Антонію болѣе, чѣмъ всѣ его проступки. Римляне, ненавидя Клеопатру, вмѣстѣ съ тѣмъ боялись ее. Это смѣшанное чувство Клеопатра возбуждала въ римлянахъ со времени своего пребыванія въ Римѣ не задолго до смерти Цезаря. Здѣсь она держала себя слишкомъ надменно и хотѣла играть роль римской царицы. Хотя сенатъ согласился на требованіе Октавіана, но все-таки уваженіе его къ Антонію было еще такъ велико, что война была объявлена не ему, а Клеопатрѣ, а у него только отнято было верховное начальство надъ Азіею (32 г. до р. Хр.). Исходъ борьбы былъ несомнѣненъ. Октавіанъ имѣлъ на своей сторонѣ лучшія войска, а вѣрнѣйшіе друзья Антонія были оскорблены Клеопатрою. Слабый Антоній не могъ дѣйствовать быстро и предупредить своего противника, который не успѣлъ еще хорошо вооружиться. Онъ долго медлилъ въ Эфесѣ, ѣздилъ для собственнаго удовольствія въ Самосъ и потерялъ тамъ драгоцѣнное время, устроивая праздники въ честь Клеопатры. Уже до наступленія осени Антоній прибылъ въ Эпиръ; но ему не хотѣлось сдѣлать высадки на итальянскій берегъ. Расположивъ свои войска на зимнихъ квартирахъ, онъ опять предался распутству и, не смотря на то, что войска терпѣли недостатокъ, провелъ такимъ образомъ всю зиму. Октавіанъ между

тѣмъ собралъ всѣ свои сухопутныя и морскія силы на берегахъ Адріатическаго моря. Въ Амбракійскомъ заливѣ, отдѣляющемъ Акарнанію отъ Эпира, встрѣтились оба враждебные флота, а сухопутныя войска обоихъ противниковъ расположились лагеремъ на морскомъ берегу одинъ противъ другаго. Прежде всего вступили въ битву морскія силы, и послѣ нѣсколькихъ схватокъ произошло рѣшительное морское сраженіе при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ для Антонія. Въ битвѣ при Акарнанскомъ мысѣ Акціумѣ Октавіанъ, или скорѣе его полководецъ Агриппа, одержалъ самую блистательную побѣду надъ Антоніемъ (2 сентября 31 г. до р. Хр.). И здѣсь также любовь въ Клеопатрѣ была если не главною, то, по крайней мѣрѣ, одною изъ важныхъ причинъ погибели Антонія. Клеопатра сама была зрительницею битвы и, увидѣвъ, что дѣло начинаетъ клониться не въ пользу Антонія, со всѣми своими кораблями обратилась въ бѣгство. Египетскіе корабли составляли значительную часть флота Антонія и потому, едва битва начала склоняться на сторону противниковъ, Антоній, вообразивъ, что дѣло уже проиграно, бѣжалъ вслѣдъ за кораблями Клеопатры, хотя рѣшительная минута битвы еще не наступала. Заботясь только о томъ, чтобы догнать египетскую царицу, Антоній потерялъ рѣшительно всякое благоразуміе и не оставилъ никакихъ распоряженій не только для флота, но и для сухопутнаго войска, стоявшаго на сосѣднемъ берегу. Послѣ этого флотъ былъ совершенно разбитъ, а войско, напрасно прождавши семь дней возвращенія Антонія, перешло къ побѣдителю.

Изъ Акціума Октавіанъ отправился въ Малую Азію и наказалъ греческіе города, подавшіе помощь его противнику, денежными штрафами, отнятіемъ ихъ привиллегій и контрибуціями. Возстаніе его войскъ, оставшихся въ Италіи, и необходимость задобрить ихъ на будущее время обѣщаніемъ наградъ принудили его возвратиться. Наскоро успокоивъ солдатъ деньгами и новыми обѣщаніями, онъ поспѣшилъ на Востокъ, гдѣ думалъ встрѣтить гораздо болѣе сопротивленія, чѣмъ оказалось въ дѣйствительности. Антоній вмѣстѣ съ Клеопатрою прибылъ прямо въ Египетъ и оттуда уже отправился къ своему войску. Но войско не приняло ни его самого, ни его пословъ, и прямо объявило себя въ пользу его противника. Антоній снова возвратился къ своей возлюбленной. Клеопатра хотѣла снарядить флотъ на Красномъ морѣ, но устроенныя для этой цѣли верфи были, по наущенію сирійскихъ намѣстниковъ Октавіана, сожжены сосѣдними арабскими племенами. Отчаявшись въ возможности сопротивленія, Антоній и Клеопатра предались самымъ необузданнымъ наслажденіямъ, а когда Октавіанъ сталъ угрожать нападеніемъ на Египетъ со стороны Африки и Азіи, начали съ нимъ переговоры. Чтобы овладѣть ими обоими, Октавіанъ, притворяясь, что соглашается съ ними, старался затягивать дѣло. Клеопатра для собственнаго спасенія рѣшилась тайно выдать Антонія. Она одна вошла въ сношенія съ побѣдителемъ, и по вступленіи его въ Египетъ, приказала сдать важную крѣпость Пелузіумъ. Тогда Антоній рѣшился, по крайней мѣрѣ, дорого продать свою жизнь. Его первое нападеніе на Октавіана, приближавшагося къ Александріи, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; но во второмъ сраженіи Антоній былъ измѣнически преданъ своею конницею въ ту самую минуту, когда онъ повелъ ее на непріятеля; египетскій флотъ также безъ боя сдался Октавіану. Клеопатра, чтобы спасти себя, посовѣтовала Антонію окончить жизнь самоубійствомъ, и для этого послала сказать ему, что она умертвила себя. Хотя со времени послѣднихъ событій Антоній и подозрѣвалъ ее въ предательствѣ, но, получивъ это извѣстіе, пронзилъ себя мечомъ, и, узнавъ, что Клеопатра еще жива, приказалъ нести себя къ ней. Онъ умеръ на ея рукахъ. Царица надѣялась произвести на Октавіана такое же впечатлѣніе, какъ на Цезаря и Антонія, но, отправляясь на личное свиданіе съ Октавіаномъ, прибывшимъ въ Александрію, взяла съ собою на всякій случай сильнаго яду, спрятавъ его въ булавочную головку. Убѣдившись, что все ея кокетство не можетъ возбудить страсти въ Октавіанѣ, и заключая довольно основательно изъ его распоряженій, что побѣдитель желаетъ украсить ею свой тріумфъ, она лишила себя жизни (30 г. до р. Хр.). Октавіанъ, приказавъ умертвить Цезаріона и сына Антонія отъ Фульвіи, отослалъ дѣтей Антонія отъ Клеопатры въ Римъ, гдѣ Октавія приняла ихъ въ свой домъ и воспитывала вмѣстѣ съ своими дѣтьми.

ЛИТЕРАТУРА И ОБРАЗОВАННОСТЬ РИМЛЯНЪ

ВЪ РЕСПУБЛИКАНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

1. Литература и образованность въ первое время республики.

Въ древнѣйшія времена образованность Италіи покоилась совершенно на религіозныхъ основаніяхъ. Всѣ знанія, вся умственная дѣятельность была достояніемъ жрецовъ; имъ было даже предоставлено примѣненіе науки къ практической жизни. У самнитовъ возникло особенное духовное братство, руководившее земледѣліемъ, а у этрусковъ жрецы лукумоны имѣли надзоръ за составленіемъ календарей, за постройками и всѣми занятіями, требующими научныхъ свѣдѣній. Такой религіозный и жреческій характеръ имѣла и образованность римлянъ въ эпоху царей; но уже съ самаго начала въ ней была замѣтна значительная разница: воинственное направленіе римскаго государства все болѣе и болѣе отчуждало отъ науки и искусства аристократическую и жреческую касты патриціевъ,—такъ что въ дѣлахъ науки и искусства римляне рано должны были искать помощи у этрусковъ, а потомъ у грековъ Нижней Италіи. Съ началомъ республиканскаго періода древне-итальянскій характеръ быта очень скоро исчезъ у римлянъ, и мѣсто его занялъ другой родъ образованности, который, съ самаго начала до эпохи своего высшаго развитія, основывался на господствующемъ направленіи націи. Почти вся жизнь римлянъ была только внѣшнею, направленною на земледѣліе, управленіе государствомъ и войну,—жизнью, въ которой постоянно преобладало практическое, реальное, сухое, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумное и осязательное. Во главѣ правительства стояли люди, посѣдѣлые въ бояхъ и судебныхъ мѣстахъ; законы лишали права занимать должности всѣхъ, недостигшихъ извѣстнаго возраста; народъ почти всякій годъ ходилъ на войну, а въ короткій промежутокъ мира занимался земледѣліемъ, возстановленіемъ своего хозяйства, разстроеннаго войной, тяжебными процессами за долги и борьбой противъ привиллегій патриціевъ; для науки и для искусства не оставалось времени. Какъ-же могъ развиться въ Римѣ истинный вкусъ къ произведеніямъ фантазіи или теоретической дѣятельности духа? Этотъ перевѣсъ полезнаго и практически-разумнаго надъ чисто-духовнымъ характеризуетъ и весь періодъ римскаго быта и жизни. Вслѣдствіе того, чисто-національная умственная дѣятельность римлянъ ограничивалась однимъ только правовѣдѣніемъ и систематическимъ изученіемъ сельскаго хозяйства, всѣ же остальныя отрасли образованности не могли развиться ни въ нихъ, ни изъ нихъ, а были взяты у другихъ народовъ. Съ другой стороны, хотя жизнь первыхъ временъ республики, по этой причинѣ, была груба и сурова, но зато она получила основательный, серьезный тонъ и замѣчательное единство, такъ что наружныя ея явленія не только соотвѣтствовали внутреннимъ, но были тѣсно связаны съ ними. Домашнія занятія были раздѣлены между мужемъ и женой, хозяйка дома была почтенною матроной, а мужъ прилежнымъ пахаремъ, храбрымъ воиномъ или практическимъ государственнымъ человѣкомъ; онъ цѣнилъ всѣ вещи только по той стоимости, которую онѣ имѣли въ его простомъ бытѣ, а доблести его состояли въ незнаніи порока.

Преобладаніе этого направленія отразилось и на римскомъ культѣ и на его исторіи. Оно и было причиною, что изъ него не могло развиться, какъ у грековъ, ни болѣе совершенной національной поэзіи, ни философіи, проникавшей въ духъ народа. У римлянъ съ самыхъ древнихъ временъ религія была только политическимъ орудіемъ, искусное примѣненіе котораго было извѣстно только немногимъ фамиліямъ, управлявшимъ государствомъ. Аристократическая коллегія, состоявшая изъ четырехъ патриціевъ, подъ предсѣдательствомъ верховнаго первосвященника римскаго (pontifex maximus), руководила всѣми церемоніями и была высшей судебной инстанціей для всего остальнаго жречества. Всѣ пять членовъ этой коллегіи избирались изъ должностныхъ лицъ республики, отдѣльнаго же духовнаго сословія никогда не существовало въ древнемъ Римѣ. Коллегія была подчинена сенату, а потомъ, когда въ члены ея были избираемы и плебеи,— народному собранію; на ихъ приговоры можно было апеллировать въ обѣ эти высшія судебныя инстанціи, и такимъ образомъ, власть ихъ была подчинена рѣшеніямъ сената и народа. Другую духовную коллегію составляли авгуры или знатнѣйшіе изъ жрецовъ-предсказателей, обладавшихъ искусствомъ истолковывать волю боговъ по полету или по ѣдѣ птицъ, тогда какъ другіе священники предсказывали будущее по виду внутренностей жертвъ и по книгамъ Сивиллы. Авгуры, передъ искусствомъ которыхъ народъ благоговѣлъ, были не скоморохами, не жрецами, а просто государственными сановниками, преклонный возрастъ и почтенная наружность которыхъ поддерживали въ народѣ старые предразсудки, что было весьма полезно для интересовъ правительства. Остальные жрецы также не составляли духовенства въ нашемъ значеніи этого слова, а были просто гражданскими чиновниками, которые суевѣрными преданіями, праздниками и жертвами поддерживали въ народѣ старинные нравы и вели его къ цѣли, предназначенной высшими властями. Какъ все отправленіе богослуженія было дѣломъ правительства, которое занималось имъ какъ чисто свѣтскимъ предметомъ, такъ и всякая религіозная церемонія была соединена съ опредѣленными законами и предписаніями. Такимъ образомъ религія состояла собственно изъ однѣхъ только пустыхъ формъ, и формы эти соблюдались съ такою же педантичностью, какъ въ Англіи множество мелочныхъ формальностей судопроизводства. Каждая жертва должна была приноситься по правиламъ, установленнымъ государственными законами, и даже музыка и танцы, при религіозныхъ обрядахъ, были опредѣлены такъже точно, какъ формула молитвъ. Въ Римѣ не было и рѣчи о мистеріяхъ и другихъ ученіяхъ или обычаяхъ, возбуждающихъ фантазію и возвышающихъ духъ народа. Могла ли изъ такого культа возродиться поэзія, или развиться драма, какъ это было у грековъ? Конечно, по самому складу сельскаго быта,— когда на земледѣльцѣ не лежало гнета тяжелыхъ налоговъ,—въ веселыхъ праздникахъ съ деревенской музыкой и поэзіей не могло быть недостатка; но праздники эти были посвящаемы легкимъ минутнымъ удовольствіямъ и потому не могли имѣть вліянія на развитіе высшей образованности. Такимъ образомъ религія римлянъ имѣла устройство, при которомъ невозможенъ былъ обманъ жрецовъ, но съ другой стороны, она имѣла тотъ недостатокъ, что поэзія и наука не могли служить, какъ у грековъ, народной религіи, придавая формамъ и обрядамъ глубокое значеніе и возвышая человѣка надъ обыденной жизнью и ея явленіями.

У римлянъ, какъ и у другихъ народовъ, литература началась поэзіею. Но сколько мы имѣемъ о ней свѣдѣній, она состояла изъ различнаго рода пѣсенъ, дошедшихъ до насъ только въ незначительныхъ отрывкахъ. Первый отдѣлъ составляли торжественные гимны, пѣвшіеся при жертвоприношеніяхъ и на публичныхъ пирахъ. Они гораздо менѣе замѣчательны остальныхъ трехъ родовъ стихотвореній, потому что были слишкомъ тѣсно связаны съ неизмѣнно-установившимися формами богослуженія, нравами и обычаями, для того, чтобы въ нихъ могли отразиться различныя эпохи римскаго народа. Второй отдѣлъ состоялъ изъ сатирическихъ пѣсенъ, направленныхъ на извѣстныя общественныя отношенія и лица, и пѣвшихся въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Такія стихотворенія существовали и у другихъ народовъ, напримѣръ у арабовъ, славянъ и даже у дикарей Южнаго Океана, но нигдѣ они не были такъ любимы народомъ, какъ въ Италіи, жители которой всегда были склонны къ комизму. Въ Римѣ даже

солдаты въ торжественныхъ случаяхъ пѣли эти пѣсни, позволяя себѣ въ нихъ самыя ѣдкія остроты на счетъ тѣхъ полководцевъ, подвиги которыхъ прославлялись тріумфомъ. Отрывки, сохранившіеся до насъ изъ этого рода стихотвореній, большею частью непонятны, потому что всегда намекаютъ на какія-нибудь частныя обстоятельства. По этой же причинѣ они не имѣютъ никакой связи съ общимъ характеромъ образованности и ходомъ ея развитія. То же самое можно сказать и о третьемъ родѣ римскихъ стихотвореній, возникшихъ очень рано и оставшихся народной поэзіей въ продолженіе всего республиканскаго періода и даже гораздо долѣе. Это такъ называемые а т е л л а н ы, родъ драматическихъ фарсовъ съ характерными масками, писавшіеся прежде не на латинскомъ, а на оскскомъ нарѣчіи. Кромѣ этихъ грубыхъ родовъ поэзіи, древнѣйшій періодъ римской жизни представляетъ намъ еще два замѣчательныхъ рода произведеній. Одинъ состоитъ изъ дидактическихъ и поучительныхъ пословицъ, содержаніе которыхъ было взято изъ строго-нравственнаго ученія самнитскаго народа. Другой родъ была историческая поэзія или героическія пѣсни, прославлявшія дѣянія знаменитыхъ римлянъ первобытной эпохи. Какъ греки съ цитрой, такъ римляне подъ звуки флейты воспѣвали славные пѣсни своихъ предковъ; изъ этихъ-то пѣсенъ, часть которыхъ была впослѣдствіи записана, почерпались всѣ извѣстія о періодѣ царей и перваго столѣтія республики.

Всѣ эти роды поэзіи составляютъ только первые начатки позднѣйшей римской образованности, но ни въ какомъ случаѣ не основаніе ея; потому что впослѣдствіи, когда въ Римъ проникла греческая образованность, они ограничились только низшими слоями населенія и такимъ образомъ не могли имѣть вліянія ни на внутреннюю жизнь образованнаго класса, ни вообще на развитіе римской культуры и литературы. Съ ними произошло совершенно то же, что въ началѣ среднихъ вѣковъ съ древними нѣмецкими народными пѣснями, удержавшимися только въ народѣ послѣ введенія латинской образованности. Вмѣсто того, чтобы продолжать обработку этихъ первыхъ проявленій духовной дѣятельности, высшія сословія Рима предоставили ихъ необразованнымъ классамъ народа и принялись за подражаніе чужой цивилизаціи. Никогда героическія пѣсни, вполнѣ соотвѣтствовавшія воинственному и патріотическому духу римлянъ, не были доведимы до высоты національнаго эпоса,—какъ героическія пѣсни древнихъ германцевъ, соединенныя въ пѣсни о Нибелунгахъ, или древнѣйшія героическія рапсодіи грековъ, сложившіяся въ двѣ эпическія поэмы Гомера. Высшая лирическая, или драматическая поэзія и національная философія, также слабо развились изъ первыхъ произведеній умственной дѣятельности римлянъ. Историческая поэзія древности никогда не переходила у нихъ въ исторіографію, тогда какъ у грековъ она постепенно и совершенно естественно возникла изъ эпическихъ стихотвореній.

Переходя отъ древнѣйшей римской поэзіи къ пластическимъ искусствамъ, мы не найдемъ въ первыхъ столѣтіяхъ республики почти и слѣда наклонности къ нимъ римскаго народа. Да и могло-ли развиться искусство у народа, который постоянно былъ занятъ войнами или междоусобною борьбою за мое и твое и права различныхъ народовъ. Римляне довольствовались тѣмъ, что для украшенія своихъ храмовъ и площадей перевозили въ Римъ всѣ художественныя произведенія покоренныхъ этрусскихъ и грекo-итальянскихъ городовъ, но дѣлали это не изъ любви къ искусству, а просто изъ жадности къ военной добычѣ. Приходя въ соприкосновеніе съ порабощенными ими образованными народами, они не заимствовали отъ нихъ художественнаго вкуса и не думали звать въ Римъ художниковъ этихъ народовъ, чтобы новыми произведеніями ихъ украсить свою столицу. Но за то, еще до знакомства римлянъ съ греками, у нихъ проявилось самостоятельное начало реальной умственной дѣятельности, и они уже рано стали дѣлать слабыя попытки создать родъ науки, которую могли бы примѣнить къ жизни. Римляне съ самой ранней эпохи стали заниматься землемѣрнымъ искусствомъ и умѣли съ точностью раздѣлять годъ на всѣ меньшія единицы времени. Но свѣдѣнія ихъ въ математикѣ не простирались далѣе чисто практическаго примѣненія этой науки. Только въ приложеніи ея къ военному искусству видны нѣсколько большіе успѣхи (Т. I. стр. 580). Наконецъ, если мы обратимся къ ораторскому искусству, впослѣдствіи сдѣлавшемуся средоточіемъ римской образованности,—то также не найдемъ его въ древнемъ Римѣ, какъ и въ Спартѣ, не смотря

на то, что характеръ государственнаго устройства и весь строй жизни вполнѣ способствовали развитію краснорѣчія. Правда, до насъ дошли свѣдѣнія о знаменитыхъ рѣчахъ, которыя, какъ напр. рѣчь, произнесенная Аппіемъ Клавдіемъ противъ мира съ Пирромъ (Т. I. стр. 597), производили рѣшительные перевороты въ мнѣніяхъ сената или народныхъ собраній; но онѣ всегда были только плодомъ природнаго краснорѣчія, а не правилъ искусства, о которомъ римляне не имѣли рѣшительно никакого понятія въ первыя столѣтія республики.

2. Литература и образованность отъ начала пуническихъ войнъ до Цицерона.

Со временп знакомства съ греками, кромѣ правовѣдѣнія и сельскаго хозяйства, въ Римѣ достигли значительнаго развитія и другія отрасли знанія. Это вторженіе чужой образованности началось въ то время, когда государственное устройство становилось демократическимъ, неравенство состояній и образа жизни сдѣлалось значительнѣе, и всемірное владычество римлянъ распространялось такъ быстро, что развитіе внѣшней жизни не могло поспѣвать за усиливавшейся потребностью болѣе обширной образованности (Т. I. стр. 684). Между тѣмъ у грековъ образованность достигла въ то время такого совершенства, что вполнѣ соотвѣтствовала всѣмъ условіямъ, которыхъ требовалъ для высшаго римскаго общества утонченный образъ жизни и расширившійся кругъ занятій государственными дѣлами. Поэтому естественно, что со времени покоренія Нижней Италіи и Сициліи въ Римѣ явилось подражаніе греческой образованности. Но греческая образованность,—являясь не естественнымъ послѣдствіемъ успѣховъ народнаго развитія, а вызванная политическими отношеніями и болѣе утонченной общественной жизнью, —очевидно, могла быть усвоена только высшими классами. О томъ, что вторженіе этой чужой образованности въ Римъ вызвало партіи между аристократами, было сказано прежде (Т. I. стр. 685). Самымъ важнымъ слѣдствіемъ введенія въ Римъ греческой образованности, неоспоримо, было то, что образованность эта осталась навсегда достояніемъ высшаго общества и помогала только части націи на новомъ пути развитія, по которому другая часть ея не могла за ней слѣдовать. Такимъ образомъ огромная масса народа, въ отношеніи умственнаго развитія, была такъ же рѣзко отдѣлена отъ образованныхъ классовъ націи, какъ полтораста лѣтъ тому назадъ въ Германіи, когда при дворахъ владѣтелей отрекались отъ всего національнаго и принимали французскій образъ мыслей. Если бы въ то время германскій народъ не имѣлъ уже своей національной образованности и литературы, въ Германіи произошло бы то же, что и въ Римѣ: перемѣна направленія высшихъ классовъ не могла бы имѣть руководящаго и постепенно-образующаго вліянія на массы, которыя все болѣе и болѣе погружались бы въ невѣжество.

Эпоху, въ которую римская образованность подверглась этой важной перемѣнѣ, кажется, всего правдоподобнѣе отнести къ 270 году до р. Хр., потому что тогда были покорены греки Нижней Италіи и вслѣдствіе того началось постоянное соприкосновеніе греческихъ и римскихъ нравовъ. Но и тутъ, какъ при всѣхъ хронологическихъ опредѣленіяхъ въ исторіи литературы и искусства, не нужно упускать изъ виду, что духовное развитіе принимаетъ новое направленіе не вдругъ, а мало-по-малу. Нѣкоторыя обстоятельства показываютъ, что римляне еще раньше были нѣсколько знакомы съ греческой литературой. Римскіе посланники, отправленные за 12 лѣтъ предъ тѣмъ въ Тарентъ, говорили тамъ передъ народнымъ собраніемъ по-гречески, а Пирръ, безъ сомнѣнія, вмѣсто философа и государственнаго человѣка Кинеаса, послалъ бы къ воинственнымъ римлянамъ одного изъ своихъ полководцевъ, если бы уже и прежде римская аристократія не была знакома съ греческой литературой и греческими воззрѣніями.

Поэзія была первою отраслью греческой литературы, проникшей въ римскую націю или, вѣрнѣе, въ аристократическую часть ея. Это и совершенно естественно. Римлянамъ, которые еще въ то время довольствовались своимъ наслѣдственнымъ здравымъ смысломъ и строго-практической мудростью, — греческая философія не

представляла ни одной привлекательной стороны. Точно также они не нуждались въ то время ни въ политическихъ теоріяхъ, ни въ ораторскомъ искусствѣ грековъ; господство ихъ не простиралось еще на совершенно чуждыя имъ національности, а государственное устройство Рима, выработанное продолжительною внутреннею борьбою, давало всѣмъ классамъ народа практическую, нѣкоторымъ образомъ инстинктивную государственную мудрость, которая приносила такіе плоды, какихъ не принесла ни въ одномъ греческомъ государствѣ греческая наука о государственномъ управленіи. Наконецъ, гражданское право, судопроизводство и религіозная обрядность основаны были на преданіяхъ старины и только развиты сообразно съ потребностями времени; но и тутъ римляне не нуждались въ греческой наукѣ. Совершенно иную судьбу имѣли легкая литература и изящныя искусства. Знатные римляне, именно въ это-то время и начинавшіе вести утонченный образъ жизни, не находили дома удовлетворенія эстетическимъ потребностямъ; грубыя же шутки народной поэзіи были имъ невыносимо противны. Многіе образованные греки изъ Нижней Италіи, сдѣлавшіеся кліентами римскихъ вельможъ, старались войти въ милость своихъ патроновъ, сочиняя римскія стихотворенія въ греческомъ вкусѣ. Такимъ образомъ, поэзія римлянъ была впервые переработана проникшимъ въ нее греческимъ духомъ.

Первые поэты ново-римской литературы — Ливій Андроникъ, Кней Невій и Квинтъ Энній — были греческіе уроженцы. Оба первые жили около 235 г. до р. Хр., а послѣдній тридцатью годами позже. Ливій Андроникъ, родившійся, вѣроятно, въ Тарентѣ, какъ военнoплѣнный попалъ въ рабство къ римлянамъ, но былъ отпущенъ своимъ господиномъ на волю и старался снискать расположеніе своихъ знатныхъ покровителей въ Римѣ, переводами и подражаніями греческимъ трагедіямъ и комедіямъ. Представленіе одной изъ его піесъ, въ 241 или 240 г. до р. Хр., было первою попыткой поставить греческую драму на ряду съ туземными ателланами. Кней Невій, грекъ, уроженецъ Кампаніи, былъ, кажется, самымъ талантливымъ изъ трехъ названныхъ нами поэтовъ. Онъ пошелъ по другой дорогѣ, чѣмъ Ливій Андроникъ, и погубилъ себя, стараясь отвлечь римскую литературу отъ аристократическаго направленія, принятаго ею съ самаго начала, и снова сдѣлать ее народной. Такимъ образомъ, онъ писалъ не для знатныхъ фамилій, а для простаго класса, и старался перенести въ Римъ чисто политическую комедію Аристофана. Выводя на сцену Метелловъ, Сципіоновъ и другихъ первыхъ сановниковъ, Невій преслѣдовалъ ихъ насмѣшками. Какъ иностранецъ, которому не покровительствовала ни одна знатная фамилія, вполнѣ зависѣвшій отъ произвола правительствующаго класса, онъ былъ заключенъ врагами въ темницу и впослѣдствіи изгнанъ изъ Рима. Примѣръ его отнялъ и у другихъ охоту стремиться къ народной поэзіи и употреблять свои способности на что-нибудь непріятное господствующему классу. Уже ближайшій преемникъ Невія, Квинтъ Энній, уроженецъ греческаго города Рудій въ Апуліи, придя въ Римъ учителемъ греческаго языка и сдѣлавшись другомъ и кліентомъ Сципіона Африканскаго Старшаго, Катона Цензорія и другихъ важныхъ сановниковъ, избралъ совершенно противоположный путь и этимъ не только достигъ славы и довольства, но и много содѣйствовалъ тому, что новая греко-римская образованность, сдѣлалась рѣшительно модой въ высшихъ классахъ римскаго общества. Даже злѣйшаго врага ея, старика Катона Старшаго, Энній убѣдилъ въ томъ, что Римъ не можетъ уже довольствоваться древнею самнитскою и латинскою образованностью. Пронырливый грекъ умѣлъ еще и другимъ путемъ сбывать знатнымъ римлянамъ свои литературные товары. Энній показалъ имъ, что между латинскимъ, оскскимъ и греческимъ языками есть сродство, и что латинскій языкъ нельзя изучить основательно безъ знанія обоихъ этихъ языковъ. Это дало важное значеніе изученію греческаго языка въ Римѣ, потому что господствующій классъ ни о чемъ такъ не заботился, какъ объ основательномъ знаніи своего роднаго языка. Потомъ Энній составилъ героическую поэму, въ честь геройскихъ подвиговъ Сципіона Старшаго, и этимъ положилъ еще болѣе прочное основаніе новой литературѣ; знатныя фамиліи были наведены этой поэмой на мысль, что для славы ихъ недостаточно однихъ только подвиговъ, а нужно еще, чтобъ хвалители превозносили ихъ въ стихахъ и въ прозѣ. Такъ какъ въ это время не было еще, какъ при императорѣ Августѣ, толпы голодныхъ поэтовъ, занимав-

шихся стихотворствомъ какъ ремесломъ, то примѣръ, поданный Эннiемъ, естественно долженъ былъ много способствовать введенію этого новаго рода поэзіи. Эннiй переложилъ еще въ стихи римскую исторію; книга эта была также написана для людей, покровительствовавшихъ въ то время литературѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ годилась и для римскаго національнаго образованія. Эннію менѣе посчастливилось въ переводѣ на латинскій языкъ трагедіи Эврипида, гдѣ главная заслуга состоитъ въ формѣ, языкѣ и постройкѣ стиха, а въ то время римляне не были еще на столько развиты, чтобы понимать ихъ; не смотря на то, выборъ его былъ сдѣланъ удачно, потому что, изъ всѣхъ лучшихъ греческихъ трагиковъ, Эврипидъ, по своему ораторскому таланту, былъ всего доступнѣе для римлянъ.

Эннiй и его покровители окончательно упрочили въ Римѣ новое направленіе духовной жизни и сдѣлали его господствующимъ въ высшихъ классахъ римскаго общества; но оно подверглось перемѣнѣ, о которой было уже выше упомянуто. На обстоятельство это должно обратить особенное вниманіе, потому что безъ знанія его невозможно уяснить себѣ истиннаго значенія римской жизни и литературы. Въ ней произошло то же, что въ XVIII столѣтіи съ нѣмцами, послѣ вторженія къ нимъ французской литературы: знатныя фамиліи остались совершенно безучастны къ духовному развитію народа, такъ что особенно національный элементъ все болѣе и болѣе исчезалъ изъ литературы, и римская образованность, вмѣсто того, чтобы распространяться въ народѣ, оставалась только достояніемъ образованныхъ кружковъ высшаго общества. Эта меньшая часть націи, преобразовавъ всю литературу согласно своимъ потребностямъ и интересамъ, достигала все большей и большей утонченности и искала наслажденія въ искусствѣ и наукѣ; но своимъ исключительнымъ обладаніемъ высшаго образованія, она совершенно отдѣлила себя отъ остальнаго народа, который падалъ все ниже и ниже: литература его не разработывалась, всякій шагъ впередъ сдѣлался для него невозможенъ, и огромная масса римлянъ тѣмъ глубже погружалась въ грубое невѣжество, что аристократы способствовали отдаленію ея отъ сельской простоты нравовъ, забавляя ее сценами войны, зрѣлищами жестокихъ тріумфовъ, кровавыми боями гладіаторовъ и звѣриной травлей. Какъ велика была пропасть, образовавшаяся между народомъ и господствующимъ классомъ, по введеніи греческой образованности, и какъ быстро увеличивалось распаденіе римскаго народа на двѣ совершенно различныя части, ясно видно изъ сравненія двухъ знаменитѣйшихъ римскихъ комиковъ, Плавта и Теренція; они были почти современниками, но въ ихъ направленіи и во всемъ тонѣ такая огромная разница, какъ будто между ними лежитъ цѣлое столѣтіе.

Маркъ Аттій Плавтъ, жившій въ одно время съ Эннiемъ и умершій въ 184 г. до р. Хр., родился въ умбрійской деревнѣ отъ бѣдныхъ родителей и терпѣлъ всегда такую бѣдность, что долженъ былъ заниматься раскрашиваніемъ ручныхъ мельницъ и другими мелкими работами, потому что денегъ, выручаемыхъ продажею комедій, не доставало ему на пропитаніе. Изъ его комедій дошло до насъ двадцать. Самая знаменитая изъ нихъ, «Аулулярія» — сатира на скупость и замѣчательна въ особенности потому, что тотъ же порокъ осмѣивалъ и Мольеръ въ «Скрягѣ», и Лессингъ въ своемъ первомъ опытѣ для нѣмецкаго театра, такъ что съ нею связано улучшеніе комедіи и въ новое время. Всѣ комедіи Плавта — переработки греческихъ комедій и преимущественно сочиненій Дифила и Филемона (т. I стр. 508). Онъ удерживаетъ греческіе нравы и характеры, но часто вдругъ превращаетъ ихъ въ римскіе и даетъ иногда цѣлому римскій колоритъ. Острота и языкъ Плавта, вполнѣ оригинальные и чисто римскіе. Въ то время, можетъ быть, дѣйствительно всѣмъ классамъ римскаго народа можно было доставлять общее для всѣхъ ихъ развлеченіе; потому что его комедіи и народны, и вмѣстѣ съ тѣмъ предназначались для знатнаго общества. Плавтъ самъ сознается, что Невій сдѣлалъ попытку доставить римскому народу участіе въ полугреческой образованности знати, и самой образованности придать сколь возможно болѣе національнаго характера; но несчастная участь Невія постоянно носилась передъ его глазами и заставляла его быть осторожнымъ, чтобъ не подвергнуться той же опасности. Въ своихъ комедіяхъ, онъ хотя и выводилъ часто на посмѣяніе нѣкоторыя черты изъ нравовъ и стремленій окружающаго его общества, но при этомъ всегда старался не задѣвать никого лично. Плоскими и пошлыми шутками, кото-

рыя онъ, какъ и Аристофанъ, позволяетъ себѣ очень часто, — Плавтъ желалъ угодить вкусу низшаго класса; образованному же зрителю онъ нравился истиннымъ юморомъ, неподдѣльнымъ остроуміемъ и энергическимъ изложеніемъ.

Если мы вспомнимъ, что итальянцы всегда были довольно грубы, и что они чрезвычайно хладнокровно переносятъ самыя неделикатныя остроты, то попытка Плавта соединить духовное наслажденіе двухъ крайнихъ классовъ римскаго народа перестанетъ казаться намъ совершенно неисполнимою. Во времена Теренція объ этомъ нельзя было уже и думать. Напротивъ того, римская сцена перестала служить для народа и сдѣлалась забавою одного только высшаго общества. Публій Теренцій Афръ родился въ 193 г. до р. Хр., въ Карѳагенѣ, и какъ рабъ одного сенатора, былъ приведенъ въ Римъ. Отпущенный на волю своимъ господиномъ, онъ получилъ доступъ во всѣ знатнѣйшіе дома Рима и даже подружился съ Сципіономъ Африканскимъ Младшимъ и Каемъ Леліемъ Мудрымъ. Онъ умеръ на 39 году жизни. Его піесы, изъ которыхъ до насъ дошло только шесть, были вольными передѣлками комедій Менандра, которымъ пренебрегалъ Плавтъ, считая его недоступнымъ для римской публики (т. I стр. 508). Въ незначительный промежутокъ времени, между годами дѣятельности Плавта и первымъ появленіемъ Теренція, аристократія совершенно измѣнила свой образъ жизни и быстро опередила своею образованностью массу народа. Знатныя фамиліи получили характеръ владѣтельныхъ княжескихъ домовъ, и каждая изъ нихъ образовала около себя въ городѣ или въ помѣстьѣ настоящій дворъ, держала для занятій науками и искусствами особенныхъ рабовъ греческаго происхожденія, заставляя ихъ читать и представлять піесы, передѣланныя съ греческаго. Такимъ образомъ по своей обстановкѣ и образу жизни, высшее сословіе совершенно отдалилось отъ потребностей народа и достигло чрезвычайной утонченности. Поэтому Теренцій уже не могъ, подобно Плавту, думать объ удовлетвореніи обѣихъ частей націи. Его комедіи хотя еще и представлялись публично, но народъ не находилъ никакого удовольствія въ ихъ изяществѣ, разсчитанномъ для знати, а потому и не могъ принимать въ нихъ живаго участія; онъ бѣжалъ съ представленія комедій Теренція въ циркъ, смотрѣть на кровавые бои гладіаторовъ. Впрочемъ, Теренцій оставался гораздо вѣрнѣе своимъ греческимъ оригиналамъ, чѣмъ Плавтъ, и уже одно это доказываетъ, что онъ и не думалъ о позабытой массѣ народа. Въ немъ вообще нѣтъ колкой и меткой остроты, намекающей на отношенія его къ современникамъ и обусловливаемой особенностями поэта и его націи. Взамѣнъ того, онъ обладалъ въ такой высокой степени искусствомъ и изяществомъ выраженій, что преимущество это не безъ основанія приписываютъ главнымъ образомъ сношеніямъ поэта съ Леліемъ и Сципіономъ, въ кругу которыхъ онъ почти ежедневно обращался, просматривая вмѣстѣ съ ними всякую свою піесу.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что театръ не могъ процвѣтать въ Римѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ Плавта и Теренція, публичныя представленія трагедій и комедій становились все рѣже и рѣже. Правда, этому способствовали еще и другія обстоятельства, но главную причину нужно все-таки искать въ свойствѣ піесъ каждаго поэта и характерѣ аристократіи, которая благоволила этимъ піесамъ и ихъ авторамъ. Римскія драмы, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ чертъ, выводили на сцену только греческіе характеры и сюжеты и такимъ образомъ, доставляя развлеченіе только для гречески-образованной публики, скоро были вытѣснены изъ театровъ въ частные дома римской аристократіи. Поэтому мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь о другихъ поэтахъ, писавшихъ трагедіи или комедіи, во времена Плавта и Теренція, или тотчасъ послѣ нихъ, какъ Пакувій, Цецилій Стацій и Аттій. Они, такъ же какъ Плавтъ и Теренцій не могли создать въ Римѣ національнаго театра; но съ другой стороны, всѣ эти поэты оказали большія услуги римской образованности, совершенно преобразовавъ языкъ, обогативъ его новыми оборотами и способствуя этимъ основательному грамматическому изученію его, возбужденному Эннiемъ, который проложилъ дорогу къ тому, что впослѣдствіи сдѣлалось сущностью и самою характеристической чертою римской литературы; — характеристическая черта эта заключается болѣе въ формѣ изложенія, чѣмъ въ самомъ изложеніи предмета. Но прежде чѣмъ перейти къ происхожденію и развитію риторическаго характера римской ли-

тературы, мы должны упомянуть о двухъ другихъ сторонахъ ея, принадлежащихъ еще къ древнѣйшей эпохѣ, — о чисто римскомъ духѣ, господствовавшемъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, и объ успѣхахъ реальныхъ наукъ въ Римѣ.

Къ произведеніямъ чисто римской литературы принадлежатъ сочиненія Катона Старшаго, который имѣетъ для насъ значеніе еще и потому, что онъ былъ древнѣйшимъ римскимъ прозаическимъ писателемъ. Его сочиненіе о земледѣліи и нѣкоторые другіе труды, дошедшіе до нашего времени, касаются совершенно національныхъ предметовъ. Кромѣ того, Катонъ написалъ исторію, которая обнимаетъ собою событія отъ первобытной эпохи Италіи до его времени и отличается не изяществомъ, а глубокою критикою и удачнымъ выборомъ фактовъ. Какъ несамостоятельно развивалась послѣ того римская литература и въ какую зависимость стала она отъ греческой, — показываетъ судьба этого сочиненія Катона. Не смотря на то, что оно было написано въ чисто-римскомъ духѣ и съ критическою оцѣнкою фактовъ, его впослѣдствіи почти совсѣмъ перестали читать. Римскіе историки позднѣйшаго времени еще менѣе слѣдовали направленію, избранному Катономъ, и, подражая охотнѣе греческимъ историкамъ, предпочитали изъ нихъ не Θукидида, а Теопомпа и ему подобныхъ писателей (Т. I. стр. 336). Вообще послѣ Катона, ни одинъ историкъ этого періода не заслуживаетъ вниманія. Всѣ они имѣли очень узкія воззрѣнія, любили все преувеличенное и неестественное и наполняли римскую исторію сказками. Это были просто лѣтописцы и хронографы, передавшіе въ хронологическомъ порядкѣ рядъ внѣшнихъ событій, не углубляясь въ ихъ внутреннюю связь; сочиненія ихъ содержатъ въ себѣ собственно не исторію, а только матеріалы для нея. Но, и какъ сборники замѣтокъ и фактовъ, эти лѣтописи и хроники такъ же мало достовѣрны, какъ наши газеты, съ которыми ихъ можно отчасти сравнить. Какъ мало можно вѣрить этимъ бездарнымъ лѣтописцамъ, когда они пишутъ о своемъ времени, видно лучше всего изъ приговора историка Полибія надъ трудами знаменитѣйшаго изъ римскихъ лѣтописцевъ, Квинта Фабія Пиктора. Не смотря на то, что Фабій Пикторъ принималъ личное участіе во 2-й пунической войнѣ и, какъ римскій сенаторъ, могъ бы имѣть о ней самыя точныя свѣдѣнія, все, что онъ писалъ, какъ очевидецъ, объ отдѣльныхъ событіяхъ этой войны, безусловно опровергнуто жившимъ непосредственно послѣ него греческимъ историкомъ, Полибіемъ. Полибій дѣлаетъ при этомъ случаѣ слѣдующее замѣчаніе, которое нельзя не принять въ соображеніе даже и въ наше время: «Многіе, при оцѣнкѣ историческихъ извѣстій, обращаютъ вниманіе не на самое дѣло, а на разсказчика, и этимъ позволяютъ вводить себя въ заблужденіе, вѣря напр. разсказамъ Фабія о 2-й пунической войнѣ на томъ основаніи, что онъ былъ членомъ римскаго сената и современникомъ этой войны, и потому полагая, что все, что онъ ни говоритъ, должно быть вполнѣ достовѣрно. Безъ сомнѣнія, необходимо обращать вниманіе на личность историка, но на нее никогда нельзя полагаться вполнѣ, потому что главное въ томъ, чтобы читатель самъ сдѣлалъ оцѣнку разсказываемыхъ событій и выводилъ изъ нихъ заключеніе».

Реальныя науки сдѣлали въ Римѣ нѣкоторые успѣхи, благодаря знакомству съ греками и ихъ литературой, хотя римляне все еще оставались такъ далеко позади грековъ, что напр., во время войны съ Персеемъ, одинъ военный трибунъ, предсказавъ лунное затмѣніе, возбудилъ въ своихъ товарищахъ почти такое же удивленіе, какъ нѣкогда Θалесъ въ Малой Азіи, предсказавъ затмѣніе солнца. Въ военномъ и строительномъ искусствахъ, при проложеніи большихъ дорогъ и другихъ публичныхъ сооруженіяхъ, были необходимы реальныя науки, и потому римляне охотно учились имъ у грековъ. Впослѣдствіи та же потребность въ реальныхъ наукахъ доставила доступъ въ Римъ и эпикурейской философіи, которая прежде никакъ не подходила къ римскому образу мыслей, потому что религія еще глубоко коренилась въ народѣ. Аѳинянинъ Эпикуръ, жившій около 300 г. до р. Хр. снова возстановилъ исказившуюся киренейскую философію (т. I. стр. 364). По его ученію, величайшее счастье и цѣль жизни состоитъ въ наслажденіи, которое Эпикуръ хотя и ограничивалъ одними только духовными наслажденіями, но признавалъ самую душу нераздѣльною съ тѣломъ и такою же, какъ послѣднее, физическою частью человѣческой природы. Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго воззрѣнія было то, что Эпикуръ главнымъ предметомъ философіи ставилъ созер-

цаніе и изслѣдованіе природы. Поэтому и школа его имѣла такой огромный успѣхъ у практическихъ римлянъ, и, кажется, вслѣдствіе вліянія эпикурейской философіи, у нихъ уже рано стали появляться сочиненія о природѣ вещей. Но всѣ они затерялись, и древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ римскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ принадлежитъ Титу Лукрецію Кару, жившему въ началѣ послѣдняго столѣтія до р. Х. Сочиненіе его, написанное въ формѣ дидактической поэмы, обнимаетъ собою всю эпикурейскую систему философіи. Лукрецій взялъ себѣ за образецъ греческія дидактическія стихотворенія александрійской эпохи, но такъ какъ послѣднія не дошли до насъ, то мы и не можемъ опредѣлить, до какой степени трудъ его былъ самостоятеленъ. Впрочемъ, поэма Лукреція полна истиннаго вдохновенія въ мѣстахъ лирическихъ; да и вообще она поэтична, и часто въ весьма значительной степени, но только въ эпизодахъ и встрѣчающихся мѣстами отступленіяхъ отъ главнаго предмета. Мы должны еще упомянуть о другомъ поэтѣ, жившемъ въ то время, когда греческіе нравы и образованность только что начинали укореняться въ Римѣ. Кай Луцилій, римскій всадникъ изъ города Суэссы въ Кампаніи, родился въ 148 г. до р. Хр. и умеръ въ 103 г. Другъ Младшаго Сципіона, онъ, подобно Эннію, написалъ эпическую поэму въ честь Сципіоновъ, которая доставила ему славу и почетъ въ кругу римской аристократіи. Но сношенія его съ знатью, сдѣлавшейся полугреческой, не помѣшали ему писать сатиры, въ которыхъ онъ не только предпочиталъ чисто-римское остроуміе иностранному, но съ древне-римской отвагой боролся противъ всего греческаго, особенно вооружаясь противъ вошедшаго въ моду обычая молодыхъ людей хвастаться тѣмъ, что они владѣютъ греческимъ языкомъ лучше, чѣмъ латинскимъ. Сочиненія его не дошли до насъ, и потеря ихъ достойна тѣмъ большаго сожалѣнія, что въ нихъ поэтъ, съ древне-римскимъ образомъ мыслей и богато одаренный юморомъ, опытностью и здравымъ смысломъ, старался противодѣйствовать новой образованности, рѣзко очерчивая при этомъ личности и событія. Впрочемъ сатиры эти и не могли имѣть сильнаго вліянія, потому что греко-римское направленіе, въ соединеніи съ настоятельной потребностью риторики, уже окончательно проникло тогда въ римское общество.

Риторика, и до сихъ поръ считающаяся въ Италіи первою изъ наукъ, была во времена Луцилія главнымъ основаніемъ римскаго образованія. Государственное устройство Рима, переходя мало-по-малу въ несовершенную демократію, получило такую форму и направленіе, что научное краснорѣчіе и діалектика (т. I. стр. 337) стали рѣшительно необходимыми для политическихъ дѣятелей. Нуженъ былъ только толчекъ, чтобы придать всѣмъ научнымъ занятіямъ риторическое направленіе. Поводъ къ тому былъ данъ аѳинскимъ посольствомъ, которое въ 156 г. до р. Х. прибыло въ Римъ и произвело тамъ такую же революцію, какъ нѣкогда появленіе сицилійскихъ софистовъ въ Аѳинахъ (т. I. стр. 337). Тогда окончательно осуществилось то, что уже давно было подготовлено, и господствующій характеръ римской образованности опредѣлился навсегда. Аѳинское посольство прибыло въ Римъ для переговоровъ, по поводу денежной пени, наложенной на Аѳины римлянами; въ члены посольства были избраны самые искусные риторы своего времени, начальники трехъ главныхъ философскихъ школъ, — перипатетикъ Критолай, академикъ Карнеадъ и стоикъ Діогенъ Вавилонскій. Критолай, уроженецъ Фаселиды, котораго не должно смѣшивать съ упомянутымъ прежде (т. I. стр. 665) ахейскимъ стратегомъ, былъ представителемъ перипатетическаго ученія. Само собою разумѣется, что, по примѣру своего основателя, эта философская школа, съ самаго начала обратившая все свое вниманіе на практическую жизнь, продолжала ревностно заниматься діалектикой и риторикой. Карнеадъ изъ Кирены былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ основанной Платономъ академіи. Не задолго передъ нимъ, Аркесилай (т. I. стр. 353) сдѣлалъ попытку принаровить платоническую философію къ духу эпохи, отодвигая на задній планъ все отвлеченное, какъ несомнѣнное, оспаривая положенія, установленныя другими школами, и считая главною цѣлью всякой философіи дѣйствія и поступки практической жизни. Карнеадъ пошелъ еще далѣе въ этомъ направленіи и сдѣлался основателемъ третьей или новой академіи, стремясь почти исключительно къ образованію риторовъ и адвокатовъ и совершенно превративъ академію въ школу для политическихъ дѣятелей и свѣтскихъ людей. Онъ

отличался необыкновенною бѣглостью рѣчи, діалектикой и искусствомъ въ словесныхъ преніяхъ, противъ котораго никто не могъ устоять. Чисто философское ученіе Карнеада и его послѣдователей не имѣетъ никакого значенія для Всемірной Исторіи и замѣчательно развѣ только потому, что самъ онъ и другіе философы, стоявшіе во главѣ академіи и оставшіеся вѣрными главнымъ положеніямъ платонической системы, время отъ времени приводили ее въ согласіе съ господствовавшимъ духомъ эпохи и этимъ пріобрѣтали вліяніе для себя и своей школы. Стоическая философія, во главѣ которой стоялъ тогда Діогенъ Вавилонскій, была основана въ 300 г. до р. Хр. уроженцемъ Кипра Зенономъ и получила свое названіе отъ того, что любимымъ мѣстомъ сходокъ ея послѣдователей была аѳинская стоа (т. I. стр. 206). Въ существѣ своемъ, она была облагороженнымъ ученіемъ циниковъ; Зенонъ очистилъ циническую философію и ея примѣненія отъ грязи, которою запятнали эту систему ея послѣдніе приверженцы, и принаровилъ ее къ потребностямъ благородныхъ душъ. Стоическая философія, главнымъ элементомъ и настоящимъ средоточіемъ которой была мораль, не только соотвѣтствовала вполнѣ потребностямъ всѣхъ лучшихъ людей, сохранившихъ энергію и достоинство въ эпоху всеобщаго разврата, но и вообще стояла ближе къ жизни, чѣмъ ученіе Платона и Аристотеля, болѣе направленное на чистое знаніе и его примѣненія; поэтому стоицизмъ вмѣстѣ съ эпикурепзмомъ нашелъ гораздо скорѣе доступъ къ практическимъ римлянамъ, чѣмъ отвлеченное ученіе академиковъ. Вообще и стоики, по примѣру другихъ философскихъ школъ, сдѣлали главною своей задачей образованіе государственныхъ людей и ораторовъ, стремясь въ ораторскомъ искусствѣ, сообразно съ основнымъ характеромъ своей философіи, придать рѣчи преимущественно сжатую форму. Діалектика была и для нихъ главнымъ предметомъ изученія; жившій около 240 г. до р. Хр. Хрисиппъ изъ Соли, остроумнѣйшій изъ стоическихъ мудрецовъ и учитель Діогена Вавилонскаго, былъ почти такимъ же искуснымъ діалектикомъ, какъ и Карнеадъ.

Появленіе въ Римѣ трехъ аѳинскихъ риторовъ и философовъ должно было имѣть громадное вліяніе на образованность римскаго народа, такъ какъ стремленія ихъ вполнѣ согласовались и съ направленіемъ, господствовавшимъ въ народѣ, и съ измѣнившимся характеромъ государственной жизни. Къ тому же въ послѣднее время въ этомъ же духѣ дѣйствовало такъ много писателей и ученыхъ, что философы нашли для своей дѣятельности готовую и плодородную почву. Энній возбудилъ живой интересъ къ изученію грамматики. Знаменитый греческій риторъ, прибывшій въ Римъ въ качествѣ посла царя Эвмена II, во все время своего пребыванія въ Римѣ читалъ публичныя лекціи объ ораторскомъ искусствѣ. На ряду съ этими иностранцами, два римскихъ всадника открыли школу риторики. Наконецъ, за 12 лѣтъ до прибытія аѳинскаго посольства въ Италію, явилась тысяча ахейскихъ заложниковъ, люди, большею частью, научно образованные; нѣкоторые изъ нихъ, напр. историкъ Полибій и стоическій философъ Панэтій, были кромѣ того связаны тѣсною дружбою съ Младшимъ Сципіономъ, Леліемъ и другими римскими вельможами. Усвоить себѣ ново-греческую образованность сдѣлалось всеобщимъ стремленіемъ; римляне бросились на изученіе греческой литературы, стараясь перенести ее на римскую почву. Итальянцы увидѣли, какъ далеко опередили ихъ греки въ риторикѣ и діалектикѣ, и какъ полезно изученіе ихъ литературы для государственной жизни и ораторскаго краснорѣчія. Поэтому, съ прибытіемъ въ Римъ трехъ названныхъ философовъ и риторовъ, все устремилось къ нимъ, чтобы изъ знакомства съ ними, какъ изъ чистѣйшаго его источника, почерпнуть новое образованіе. Въ домахъ знати ихъ принимали съ такимъ же почетомъ, съ какимъ въ прошлое столѣтіе при дворѣ Фридриха II и другихъ нѣмецкихъ владѣтелей принимали Вольтера, д'Аламбера, Дидро, Рейналя и другихъ французовъ. Особеннымъ почетомъ пользовался Карнеадъ, выступившій въ Римѣ такимъ же точно образомъ, какъ нѣкогда Горгій и другіе софисты въ Аѳинахъ (т. I. стр. 338). Онъ привелъ римлянъ въ неописанное изумленіе, когда вызвался сказать однажды рѣчь въ похвалу справедливости, а на слѣдующій разъ въ ея порицаніе, и въ оба раза вполнѣ убѣдилъ своихъ слушателей. Римское общество такъ же, какъ и аѳиняне временъ Горгія, было совершенно увлечено мудростью и искусствомъ, съ которыми такъ много можно сдѣлать въ полу-демократической республикѣ. Въ Римѣ находили этотъ греческій обычай философствовать

о государственныхъ дѣлахъ столь заманчивымъ, что всякій желалъ научиться этому; а Катонъ Старшій, глава старо-римской партіи, всячески старался удалить скорѣе это посольство, опасное древнему римскому характеру, говоря, что гораздо лучше, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, исполнить просьбы пословъ, чѣмъ еще долѣе подвергать римскую молодежь ихъ обольщеніямъ. Но потокъ уже нельзя было удержать: съ появленіемъ трехъ греческихъ философовъ, новое направленіе римской образованности утвердилось окончательно, и хотя шесть лѣтъ спустя, старо-римская партія провела въ сенатѣ законъ объ удаленіи изъ города многихъ иностранныхъ риторовъ и философовъ, водворившихся въ Римѣ, — но дѣло осталось въ томъ же положеніи. Полицейскія мѣры конечно не годились противъ такихъ грековъ, которые, какъ Полибій и Панэтій, были приняты въ высшемъ обществѣ и своимъ умственнымъ превосходствомъ дѣйствовали гораздо сильнѣе, чѣмъ сотни дюжинныхъ греческихъ риторовъ. Кромѣ того, новый порядокъ вещей совершенно подходилъ къ сильно измѣнившемуся характеру самой римской аристократіи. Личныя выгоды, наслажденія, почетъ внѣшній, дѣятельность въ сенатѣ и въ народныхъ собраніяхъ, — составляли ежедневныя занятія знатныхъ римлянъ; такимъ образомъ, ихъ, какъ и въ новѣйшее время французовъ, болѣе занимала ф о р м а изложенія и манеры обращенія, чѣмъ народовъ, у которыхъ внутренняя жизнь идетъ рядомъ съ внѣшней.

Съ этихъ поръ греческая литература сдѣлалась основаніемъ римской образованности, а риторика ея главной характеристической чертой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все народное и коренное римское совершенно отступило на задній планъ. Вполнѣ зависящая отъ иностранной литературы и ограниченная меньшинствомъ націи, римская культура перестала развиваться сама собою, какъ органическая, составная часть жизни, и переходить изъ рода въ родъ: она сдѣлалась и съ тѣхъ поръ оставалась чужою и школьно-заученною. Краснорѣчіе, основанное на правилахъ греческой риторики, было рѣшительно необходимо для дѣятельности въ сенатѣ и передъ народомъ; полезность для внѣшней жизни и форма языка сдѣлались мѣрилами образованія и литературы; между знатью распространилось изящество тона, и вошли въ моду остроумные разговоры, философское воспитаніе и основательное знакомство съ греческою литературою; подражаніе греческимъ поэтамъ и прозаикамъ сдѣлалось наконецъ единственнымъ родомъ авторства, которое могло нравиться аристократіи. Естественно, что вслѣдствіе такого направленія культуры римскія женщины получили большое вліяніе на римскую образованность и литературу, тѣмъ болѣе, что онѣ издавна занимали въ Римѣ высокое положеніе въ обществѣ (т. I. стр. 579). Какъ французскій языкъ, въ кругу извѣстныхъ парижанокъ и отъ образованныхъ ими писателей, получилъ утонченное изящество, тонъ и остроту, которые считаются во Франціи совершеннѣйшими и образцовыми въ литературѣ, такъ и въ Римѣ были знатныя женщины и модные салоны, которые придали языку изящный тонъ. Еще до появленія лучшихъ римскихъ писателей новаго направленія, нѣкоторыя женщины достигли уже легкости и развязности языка и умѣли придать ему нѣжность и изящество. Женщины эти были К о р н е л і я, мать Гракховъ, Л е л і я, дочь Лелія Мудраго, принадлежавшія къ фамиліи Сципіоновъ, и нѣкоторыя другія женщины изъ фамиліи Лициніевъ и Муціевъ.

Какъ рѣшительно было новое направленіе римской культуры подъ конецъ этого періода и какое значеніе получила наука и литература, яснѣе всего выказалось на трехъ личностяхъ, которыя со времени Марія до Цезаря держали въ своихъ рукахъ верховную власть, — Суллѣ, Лукуллѣ и Помпеѣ. То, что мы знаемъ объ ихъ образованіи и отношеніяхъ къ литературѣ, очевидно, доказываетъ, что въ то время, для удержанія за собою положенія въ обществѣ и государствѣ, нужна была высокая степень образованности, и что образованность эта была совершенно греческою.

С у л л а, не смотря на свое превосходное умственное образованіе, былъ человѣкъ глубоко безнравственный, преданный грубымъ наслажденіямъ и, точно также какъ и всѣ его лучшіе современники, а въ новѣйшее время, многіе изъ образованнѣйшихъ людей эпохи Вольтера, — возвелъ чувственность и развратъ на степень философской системы. Онъ искалъ наслажденія во всѣхъ родахъ духовнаго развлеченія, даже самыхъ нисшихъ. Ему нравились фарсы и пантомимы, онъ дарилъ большія помѣстья людямъ, доставившимъ ему минутное удовольствіе

какой-нибудь веселой выходкой, самъ писалъ сатирическія комедіи, которыя, судя по тому, что мы объ нихъ знаемъ, должны были быть такъ же неприличны, какъ оригинальны и остроумны. Но, среди фарсовъ и пошлыхъ забавъ, онъ не пренебрегалъ и серьезными занятіями; это доказываютъ законы, изданные имъ во время своей диктатуры, написанные имъ мемуары, и наконецъ его вліяніе на распространеніе греческой литературы между римлянами. Законы, которыми Сулла старался организовать администрацію, судоустройство и обыденную жизнь народа (т. I стр. 720), показываютъ въ немъ человѣка мыслящаго, который понималъ, въ чемъ заключается корень зла, но не могъ найти настоящаго средства для его искорененія. Записки Суллы, которыя, впрочемъ, не дошли до насъ, кажется, были его любимымъ занятіемъ, потому что онъ трудился надъ ихъ послѣдней частью даже во время страшной болѣзни, которая свела его въ могилу. Онѣ были написаны по-гречески, и Сулла просилъ Лукулла, превосходно знавшаго греческій языкъ, и одного греческаго вольноотпущенника, дать его сочиненію окончательную отдѣлку, какъ Фридрихъ Великій отдавалъ свои труды на исправленіе Вольтеру, Тьебо и другимъ французамъ. Эта заботливость о формѣ и то, что Сулла такъ дорожилъ своимъ греческимъ сочиненіемъ, должны были много способствовать распространенію греческой литературы между римлянами. Наконецъ онъ оказалъ новому направленію и греческой образованности еще большую услугу, привезя въ Римъ творенія Аристотеля и приказавъ сдѣлать съ нихъ списки (т. I стр. 424). Этими книгами пользовался ученый грекъ Тираннионъ, привезенный въ Римъ Лукулломъ и Муреной: онъ учредилъ тамъ высшее учебное заведеніе и этимъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность и огромныя богатства.

У Лукулла занятія греческой литературой были тоже предметомъ роскоши и составляли для него такую же потребность, какъ внѣшнее великолѣпіе и роскошныя забавы; но этимъ самымъ онъ чрезвычайно много содѣйствовалъ умственному направленію своего времени. Лукуллъ устроилъ у себя большую библіотеку, открытую для всѣхъ; греческіе ученые имѣли доступъ въ его домъ, и онъ самъ дѣлилъ свое время между пирами, постройками, разведеніемъ садовъ и занятіемъ греческими искусствами и науками. Владѣя греческимъ языкомъ въ совершенствѣ, онъ написалъ на немъ сочиненіе объ итальянской войнѣ съ союзниками. Кромѣ того, онъ много способствовалъ введенію въ Римъ греческихъ реальныхъ наукъ, о чемъ было уже говорено выше (стр. 15). Помпей, стоявшій, впрочемъ, по своему образованію ниже Суллы и Лукулла, также много способствовалъ распространенію между римлянами полезныхъ свѣдѣній. Онъ ввелъ въ Италію, гдѣ до него знали только ручныя мельницы, водяныя и вѣтряныя мельницы, найденныя имъ въ Малой Азіи, и, поручивъ одному изъ своихъ вольноотпущенниковъ перевести на латинскій языкъ медицинскія сочиненія грековъ, оказалъ огромныя услуги врачебному искусству римлянъ. Но всѣ эти труды Помпея, какъ и его старанія ввести въ римскую жизнь философію и риторику грековъ, были совершенно другаго рода, чѣмъ труды Лукулла. Они не были связаны съ чисто-духовнымъ образованіемъ и дѣйствительнымъ, живымъ интересомъ къ нему, а просто вытекали изъ личнаго тщеславія и глупаго стремленія казаться въ глазахъ свѣта вторымъ Александромъ Великимъ. Помпей окружилъ себя всевозможными греческими учеными и одного изъ нихъ, Теофана Митиленскаго, назначилъ своимъ исторіографомъ; но, выбравъ его, онъ, конечно, не былъ счастливѣе Александра, избравшаго для того Каллистена (т. I стр. 373 и 401). Чрезвычайно замѣчательны дошедшія до насъ свѣдѣнія о посѣщеніи Помпеемъ стоическаго философа Посидонія. Возвращаясь въ Италію послѣ своего блистательнаго азіятскаго похода, Помпей посѣтилъ мимоѣздомъ больнаго Посидонія и, отбросивъ все великолѣпіе, окружавшее его какъ римскаго полководца, у постели философа громко выражалъ свое удивленіе къ его ораторскому таланту и сожалѣніе, что не можетъ испытать его лично. Какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на римское общество видъ властителя Азіи, произвольно распоряжавшагося судьбами царей и государствъ, который, отбросивъ отъ себя всѣ наружные знаки своего величія, оказывалъ такое уваженіе греческому философу!

3. Литература и образованность при Цицеронѣ.

Новая образованность римскаго народа, основанная на одной только формѣ и направленная на прямое примѣненіе ея къ политической и соціальной жизни, безъ сомнѣнія, тотчасъ же превратилась бы, подобно нравамъ римскимъ, въ театральную пышность и пустую болтовню, если бы Цицеронъ не угадалъ этой опасности и, проложивъ новый путь для римской литературы, не далъ ей твердаго и опредѣленнаго направленія. Такимъ образомъ онъ сдѣлался самою замѣчательною личностью во всей исторіи цивилизаціи римскаго народа, и потому мы должны изложить обстоятельнѣе его дѣятельность и вліяніе въ литературѣ.

Маркъ Туллій Цицеронъ родился въ 106 г. до р. Хр. въ латинскомъ городѣ Арпинумѣ, а воспитаніе получилъ въ Римѣ, куда онъ былъ привезенъ еще ребенкомъ. Учителями его были греки; даже риторъ Луцій Лициній Крассъ, который собственно и руководилъ научными занятіями Цицерона, обращалъ все его вниманіе на грековъ и ихъ литературу. Только правовѣдѣнію учился онъ у римскаго законовѣда, знаменитаго Квинта Муція Сцеволы, который, въ отличіе отъ своего отца, — человѣка тоже замѣчательнаго, — называется обыкновенно Авгуромъ (т. I стр. 685 и 705). Наконецъ и верховный жрецъ Квинтъ Муцій Сцевола, избранный въ 95 г. въ консулы (т. I стр. 706), былъ чрезвычайно полезенъ молодому Цицерону своими совѣтами. Греческими учителями Цицерона были поэтъ Архій, платоникъ Филонъ, стоикъ Діодотъ и риторъ Молонъ Родосскій. Занятія его были прерваны на короткое время союзнической войной, въ которой онъ принималъ участіе подъ начальствомъ Суллы и Кнея Помпея Страбона. На двадцать шестомъ году онъ произнесъ свою первую публичную рѣчь, выступивъ передъ судомъ защитникомъ одного всадника. Послѣ того Цицеронъ еще два года продолжалъ въ Римѣ свои ученыя занятія, но учился уже не у однихъ учителей краснорѣчія и не изъ однѣхъ книгъ, а въ школѣ государственной жизни, которая въ греческомъ и римскомъ мірѣ была главнымъ источникомъ образованія для людей, предназначавшихъ себя къ политической дѣятельности, и въ которой самъ онъ, какъ учитель римскаго народа, сдѣлалъ такъ много для развитія своей націи. Въ Римѣ суды и народныя собранія имѣли такое же устройство, какъ и въ Греціи (т. I стр. 365),—это были чисто учебныя заведенія, гдѣ всѣ классы народа изъ живаго слова политическаго оратора научались гораздо большему, чѣмъ въ наше время изъ школъ, книгъ и журналовъ. Такимъ образомъ жизнь древнихъ и ихъ общественныя отношенія были для нихъ школой обще-человѣческаго образованія, а греческіе и римскіе ораторы были публичными учителями, которые своими рѣчами давали каждому понятливому гражданину возможность образовать себя путемъ простаго опыта. Политическій ораторъ былъ адвокатомъ, дипломатомъ или риторомъ. Какъ моралистъ, онъ оживлялъ любовь къ отечеству и вообще ко всему прекрасному, доброму, благородному, распространялъ между своими согражданами знаніе правъ, государственныхъ дѣлъ и человѣческой природы, поддерживалъ въ нихъ уваженіе къ наукамъ и искусствамъ и гораздо лучше, нежели путемъ нашего книжнаго ученія, вводилъ въ жизнь результаты философіи; однимъ словомъ, онъ былъ живымъ образцомъ общаго образованія, органомъ духовной жизни своего времени и руководителемъ общественнаго мнѣнія во всемъ, что имѣло значеніе для націи.

Два года спустя послѣ своей первой публичной рѣчи, въ 79 г. до р. Хр., Цицеронъ отправился въ Грецію и Малую Азію, чтобъ ознакомиться съ греческимъ образованіемъ въ самомъ его источникѣ, и продолжалъ тамъ научныя занятія подъ руководствомъ знаменитѣйшихъ риторовъ и философовъ. Въ Греціи онъ шесть мѣсяцевъ слушалъ философа Антіоха, стоявшаго тогда во главѣ академіи, риторовъ Деметрія, Менипа, Діонисія и другихъ. Особенное вліяніе имѣла на Цицерона, и въ то время и впослѣдствіи, платоническая философія, послѣдователи которой уже со времени смерти Платона старались примѣнить науки и искусства къ государственной жизни и возвысили академію на степень главнаго учебнаго заведенія всей Греціи (т. I. стр. 352). На островѣ Родосѣ Цицеронъ

слушалъ ритора Молона, который былъ его учителемъ еще въ Римѣ, и стоическаго философа Посидонія. Окончивъ свое образованіе въ Греціи и Малой Азіи, Цицеронъ возвратился въ Римъ (77 г. до р. Хр.), и съ этого времени начинается его политическая карьера, въ теченіе которой онъ не только занималъ всѣ правительственныя должности, до консула включительно, но, какъ членъ сената и ораторъ, постоянно дѣйствовалъ въ народныхъ собраніяхъ и судахъ. Два раза онъ принималъ участіе въ управленіи провинціями, въ 75 г. до р. Х. какъ квесторъ Сицплін, а въ 51, какъ ея намѣстникъ. Его политическая дѣятельность основывалась на одномъ талантѣ и образованіи, потому что онъ не обладалъ ни богатствомъ, ни родственными связями; также мало славы и вѣса пріобрѣлъ онъ во время своего военнаго поприща, а нравственный характеръ его далеко не былъ такъ силенъ, какъ напримѣръ характеръ Катона. Ему не только не доставало древней римской твердости духа и послѣдовательности, но своей непомѣрной жадностью къ почестямъ онъ часто дѣлался даже смѣшонъ. Одно только умственное превосходство давало Цицерону первенство въ Римѣ, и его примѣръ показываетъ намъ самымъ наглядным образомъ, какъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, велико было время, оживленное такимъ духомъ.

Въ отношеніи образованности римскаго народа заслуги Цицерона, твердо и навсегда опредѣлившаго характеръ римской литературы, были еще важнѣе. Риторика была всегда главной чертой римскаго характера, которая обозначилась еще рѣзче подъ вліяніемъ греческой литературы. Цицеронъ первый угадалъ это и воспользовался этимъ. Понявъ, что единственное средство внушить римлянамъ любовь къ высшему образованію состоитъ въ риторическомъ изложеніи наукъ и искусствъ, онъ въ юности еще старался усвоить себѣ это направленіе и возбудить склонность къ нему въ умахъ лучшихъ людей своего народа. Будучи по образованію своему настоящимъ грекомъ, онъ постоянно оставался вѣренъ характеру своей націи и такимъ образомъ, соединяя греческую мудрость съ главными чертами римскаго національнаго характера, былъ въ состояніи произвести въ римлянахъ то окончательное соединеніе обоихъ элементовъ, которое легло въ основаніе естественнаго хода ихъ развитія. Другими словами, Цицеронъ и манерой своего изложенія, и направленіемъ, даннымъ имъ римскимъ писателямъ, сдѣлалъ греческое образованіе римскимъ или латинскимъ и создалъ для запада древняго міра новую литературу, не прибавивъ рѣшительно ничего новаго къ изобрѣтенному уже греками. Римлянинъ, какъ и французъ, искалъ у своихъ писателей трехъ вещей, и всѣхъ трехъ для жизни: занимательности и изящества, краснорѣчія и политической мудрости, жизненной философіи и практической дальновидности, тогда какъ греки, кромѣ того, требовали отъ писателя еще и философскаго знанія принциповъ, возведенія каждаго отдѣльнаго случая къ этимъ принципамъ, и, при помощи фантазіи, нѣкоторой возвышенности надъ обыденной жизнью. Удовлетворяя всѣмъ этимъ требованіямъ, Цицеронъ былъ въ состояніи сдѣлать національною и вмѣстѣ полезною новую греческую образованность, которая все еще казалась скорѣе роскошью, принесенною извнѣ, чѣмъ кореннымъ элементомъ духовной жизни націи. Вслѣдствіе того, онъ сдѣлался средоточіемъ и главнымъ источникомъ всей римской литературы, исключая поэзіи и исторіи. Даже на поэзію и исторіографію онъ имѣлъ такое же преобразовательное вліяніе, если и не личною дѣятельностью, то по крайней мѣрѣ указаннымъ имъ направленіемъ.

Разсматривая національное вліяніе Цицерона съ ея отдѣльныхъ сторонъ, мы можемъ очертить его ораторскую дѣятельность его же собственными словами. Цицеронъ совершенно справедливо говоритъ о себѣ, что онъ первый изъ римлянъ познакомилъ римскій народъ съ результатами греческой философіи, до тѣхъ поръ доступными только немногимъ. Онъ же установилъ тѣсную связь между риторикой, эстетическимъ образованіемъ и самой существенной отраслью собственно-римскихъ знаній — правовѣдѣніемъ, которое до него, какъ теперь у насъ, стояло внѣ общаго образованія и не годилось для цѣлей наукп краснорѣчія. Манерою своего изложенія онъ смягчилъ сухіе юридическіе термины и опредѣленія и, внеся въ науку права философію, далъ ей возможность многосторонняго и высшаго развитія. Вслѣдствіе того, правовѣдѣніе развилось до такой степени, что впослѣдствіи, во время упадка всѣхъ отраслей римской литературы, одна наука

права удержалась на прежней высотѣ, и ученые, занимавшіеся ею, остались образцовыми по способу изложенія и языку. Цицеронъ ввелъ въ моду и исторію, значеніе которой римляне не понимали до него. До тѣхъ поръ она являлась у нихъ только въ сухой формѣ лѣтописей и хроникъ и была предметомъ любопытства или средствомъ развлеченія. Цицеронъ указалъ своимъ соотечественникамъ, — придававшимъ значеніе только полезному для войны и государства, — важность исторіи, какъ источника доказательствъ для общественнаго дѣятеля; онъ, такъ сказать, вызвалъ ее на форумъ и сдѣлалъ необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ для всѣхъ ораторовъ. Кромѣ того, онъ обратилъ вниманіе римлянъ на ея другую сторону и ввелъ ее въ жизнь въ совершенно новомъ видѣ, показавъ своимъ ученіемъ и своимъ примѣромъ, какимъ прекраснымъ нравственнымъ вспомогательнымъ средствомъ для возбужденія ума и оживленія патріотизма можетъ служить исторія, излагаемая исторически. Цицеронъ возвысилъ также во мнѣніи своихъ соотечественниковъ искусство актера, находившееся до сихъ поръ въ презрѣніи, и, какъ Демосѳенъ, сдѣлалъ его необходимымъ качествомъ оратора. Драма и актеры никогда не могли возвыситься въ Римѣ до того значенія, какое они имѣли въ Греціи, хотя на нихъ, какъ и на все, что служило для увеселенія богатыхъ, расточались громадныя суммы, такъ что напр. актеръ Росцій получалъ 30,000 рублей въ годъ. Съ понятіемъ о сценической дѣятельности соединялась всегда идея объ искусствѣ, недоставляющемъ средствъ къ пропитанію, и о скоморошествѣ. Цицеронъ думалъ иначе: онъ училъ уважать искусство и въ актерѣ и оказывалъ такое вниманіе упомянутому нами Росцію, величайшему актеру своего времени, какое прежде оказывалось только государственнымъ людямъ и полководцамъ. Въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ онъ такъ удачно воспользовался драматическими сочиненіями своей націи, что его усилія непремѣнно вызвали бы новыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, если бы только греческая форма драмы когда-нибудь могла сдѣлаться туземной. Наконецъ Цицеронъ развилъ духъ и форму латинскаго языка до такой степени, до какой не могъ достичь ни одинъ писатель ни до, ни послѣ него. Форма всегда была его главною цѣлью, и онъ такъ хорошо умѣлъ владѣть всѣми средствами языка, что пріучилъ римское ухо къ музыкѣ рѣчи такъ же, какъ пріучены къ ней итальянцы нашего времени. Мы не обращали бы вниманія на это преимущество Цицерона, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не обладалъ философскимъ умомъ, знаніемъ человѣческаго сердца и необыкновеннымъ умѣньемъ дѣйствовать на страсти слушателей и читателей. Вообще, какъ далекъ былъ онъ отъ напыщенности и пустой театральной эффектности, и какую важную услугу оказалъ онъ, изгнавъ изъ Рима этотъ недостатокъ ораторскаго искусства, — ясно видно изъ сравненія его съ ближайшими и замѣчательнѣйшими его предшественниками. Изъ нихъ болѣе всѣхъ выдаются впередъ Маркъ Антоній, дѣдъ тріумвира того же имени, и Луцій Лициній Крассъ, дальній родственникъ богатаго Красса; но обоимъ имъ недоставало того соединенія образованности и познаній своего времени, безъ которыхъ никто не могъ быть совершеннымъ въ древнемъ смыслѣ этого слова; эти ораторы дали публичному краснорѣчію такое направленіе, что не будь Цицерона, оно, по всей вѣроятности, выродилось бы въ театрально-риторическіе фокусы и греко-азіатскую напыщенность.

Какое огромное вліяніе имѣлъ Цицеронъ на народъ своими политическими рѣчами, лучше всего можно видѣть изъ рѣчей, въ которыхъ онъ не занятъ своей собственной особой или стараніемъ удовлетворить своему тщеславію. Такъ напр. въ рѣчи своей противъ Кая Верреса, который, въ качествѣ правителя Сициліи, совершалъ страшныя злоупотребленія и въ 70 г. до р. Хр. былъ обвиненъ Цицерономъ, — онъ, являясь поборникомъ человѣчности и бойцомъ противъ аристократической наглости, разоблачаетъ передъ глазами римскаго народа всю испорченность тогдашней нередовой аристократіи и объясняетъ всѣ послѣдствія ея злоупотребленій по управленію государственными дѣлами или провинціями. Ораторъ указываетъ толпѣ единственно вѣрные принципы, примѣнимые для правительства, какое имѣлъ въ то время Римъ; онъ преподаетъ своимъ согражданамъ популярную мораль, которую не только основываетъ на естественномъ чувствѣ, пробужденномъ краснорѣчіемъ, но и самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ ея практическую пользу, что при испорченности того времени было, вѣроятно, гораздо дѣйствитель-

нѣе. Какое дѣйствіе произвели на сенатъ и народъ рѣчи Цицерона противъ Катилины, рѣчи, излившіяся изъ благороднаго сердца, которому дорога честь и образованность римскаго народа, — сказано нами выше (стр. 20). Десять лѣтъ спустя Цицеронъ, благодаря своему вліянію въ сенатѣ, долгое время не допускалъ разгорѣться несчастной враждѣ между Цезаремъ и Помпеемъ и поддерживалъ нѣкоторое равновѣсіе между партіями. Но въ самомъ блистательномъ видѣ является краснорѣчіе Цицерона въ его филиппикахъ, которыми онъ достигъ гораздо большихъ результатовъ, чѣмъ Брутъ и Кассій оружіемъ (стр. 47).

Какъ философъ, или лучше скасать, какъ писатель о философіи, Цицеронъ въ отношеніи всеобщаго распространенія результатовъ этой науки сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой грекъ или римлянинъ, потому что всѣ позднѣйшія поколѣнія древняго міра шли по его слѣдамъ; даже въ средніе вѣка нельзя не видѣть вліянія его сочиненій; наконецъ въ наше время, изъ изученія его твореній, вышли стремленія, которыми философія снова была введена въ жизнь. Напротивъ, для развитія философіи Цицеронъ не имѣетъ непосредственнаго значенія, не будучи ни творцемъ новой системы, ни даже оригинальнымъ мыслителемъ; вообще онъ не принадлежалъ къ настоящимъ философамъ; да и никогда не считалъ себя имъ, стараясь только познакомить своихъ соотечественниковъ съ результатами греческой философіи и сдѣлать ихъ полезными для политической и практической жизни. Такимъ образомъ заслуга его состоитъ въ способѣ, которымъ онъ, посредствомъ толкованія философіи, достигалъ этой цѣли, а не въ содержаніи его сочиненій; потому что они почти всегда цѣликомъ заимствованы имъ у грековъ. Этимъ объясняется, почему Цицеронъ былъ эклектикомъ, или, другими словами, не держался какой-нибудь опредѣленной философіи, а, колеблясь между различными системами, изъ каждой выбиралъ самое лучшее. Эклектизмъ чрезвычайно вреденъ для успѣховъ философіи, именно потому, что употребляетъ не научные пріемы; истинно или мнимо-лучшее не можетъ быть найдено, не исходя изъ какого-нибудь принципа, къ которому оно будетъ относимо, твердость-же принципа исключаетъ возможность всякаго выбора, допуская только строго послѣдовательную систему. Дѣло другое, когда рѣчь идетъ не о различныхъ научныхъ системахъ, а о практическомъ употребленіи этихъ системъ и ихъ ученія; здѣсь, смотря по различнымъ общественнымъ отношеніямъ, можетъ быть полезнѣе и дѣйствительнѣе то одно, то другое. Это приложеніе философіи и было единственной цѣлью Цицерона, и въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ колеблется между древнимъ платонизмомъ, стоическимъ ученіемъ и лучшими изъ принциповъ киренейской философіи, смотря по тому, улыбается ли ему счастье, или нѣтъ; онъ то ищетъ дѣятельности и наслажденій, то нуждается въ утѣшеніи и покоѣ. На этомъ примѣненіи къ различнымъ системамъ основывается все вліяніе и значеніе философскихъ сочиненій Цицерона. Онъ писалъ для жизни дѣятельной, преобразовывая изслѣдованія греческаго духа въ практическую мудрость римлянъ, и показалъ на себѣ, какъ полезно примѣненіе греческой мудрости въ занятіяхъ государственными дѣлами и общественныхъ и житейскихъ сношеніяхъ; благодаря его вліянію, чистый разумъ и высшія стремленія духовной жизни пріобрѣли вліяніе на воинственный народъ, который до тѣхъ поръ былъ изобрѣтателемъ только однѣхъ юридическихъ тонкостей и не преслѣдовалъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ матеріальныхъ.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что именно тѣ философскія сочиненія Цицерона, которыя (какъ напр. о государствѣ, о природѣ боговъ и о судьбѣ) по своимъ предметамъ кажутся самыми значительными, впослѣдствіи имѣли гораздо меньшее значеніе, чѣмъ посвященныя частнымъ отношеніямъ жизни, какъ напр. книги о дружбѣ, о возрастѣ и объ обязанностяхъ. Сочиненіями послѣдняго рода Цицеронъ оказывалъ самое благотворное вліяніе не только у римлянъ, но и въ продолженіе многихъ столѣтій послѣ паденія ихъ имперіи. Стараясь въ этихъ сочиненіяхъ сдѣлать умственныя занятія полезными для духа, онъ ввелъ общечеловѣческое образованіе въ жизнь римлянъ, пробудилъ и укрѣпилъ въ нихъ склонность къ философіи, перешедшую отъ нихъ и къ другимъ народамъ. Иначе откуда-бы воинственный римлянинъ и народы среднихъ вѣковъ, погруженные въ варварство и умственную нищету, заимствовали интересъ къ изящному и общечеловѣческому образованію, еслибы не были направлены къ нему Цицерономъ?

Въ этихъ сочиненіяхъ Цицеронъ, открывая благородство человѣческаго духа и внутреннюю связь всѣхъ возвышенныхъ душъ, стремящихся къ одной и той же цѣли, привелъ и всѣ лучшіе и воспріимчивые умы къ убѣжденію, что образованный умъ никогда не старѣется, что тѣло, закаленное и упражненіемъ и воздержностью, никогда не умираетъ и что порокъ и преступленіе никогда не могутъ быть полезны. Въ своемъ сочиненіи о конечной цѣли человѣка въ жизни и въ такъ называемыхъ тускуланскихъ и академическихъ изслѣдованіяхъ онъ преподаетъ свѣтскимъ и государственнымъ людямъ философію, которая могла служить имъ утѣшительницею въ превратностяхъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятнымъ и удобнымъ способомъ знакомила ихъ съ результатами ученыхъ трудовъ древности. Этимъ онъ пріобрѣлъ для науки безчисленное множество дѣятелей и въ Римѣ, и въ государствахъ среднихъ вѣковъ, и обогатилъ самую науку изъ ея прямаго источника — жизни.

Какъ риторъ, или какъ учитель краснорѣчія, Цицеронъ оказалъ почти тѣ же самыя заслуги, какъ и ораторъ. Въ своихъ риторическихъ сочиненіяхъ онъ изложилъ всю науку краснорѣчія, обработавъ даже ея историческую часть; до него никто еще не изслѣдовалъ и не излагалъ такъ тщательно. Онъ не только сохранилъ для насъ всѣ правила, бывшія въ ходу въ то время, когда риторика достигла у грековъ высшаго совершенства, но безпрерывно сопоставляетъ ихъ римскимъ, подкрѣпляя свои доводы примѣрами изъ исторіи римскаго краснорѣчія. Заслуги Цицерона для этой науки тѣмъ важнѣе, что онъ былъ единственнымъ человѣкомъ древности, соединявшимъ въ себѣ знаніе правилъ, или теорію краснорѣчія съ ея полнѣйшимъ примѣненіемъ къ практикѣ. Въ этомъ отношеніи онъ особенно превосходитъ Исократа, который умѣлъ составлять прекрасные періоды въ кабинетѣ, но не обладалъ, какъ Цицеронъ, талантомъ воодушевлять своими словами политическій организмъ, поддерживать или низвергать партіи, извлекать выгоды изъ минутныхъ случайностей и дѣйствовать на волнующуюся толпу жестами, тономъ и голосомъ, какъ оружіемъ.

Цицеронъ оставилъ еще собраніе писемъ, относящихся большею частью къ политическимъ событіямъ того времени; многія изъ нихъ принадлежатъ, впрочемъ, и другимъ аристократамъ. Эти подлинные акты не только чрезвычайно важны, какъ историческіе документы и образцы эпистолярнаго стиля, но и представляютъ намъ оживленную картину общественной жизни римской аристократіи и степени ея образованности. Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ, что многое изъ того, что намъ кажется личною особенностью Цицерона, было общею принадлежностью его времени, и что въ то время люди высшаго класса римскаго общества, даже среди самыхъ опасныхъ обстоятельствъ жизни, принимали такое же участіе въ умственной и литературной дѣятельности своей эпохи, какъ и въ политическихъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти лица выказываютъ такое изящество и ловкость выраженія, такое дѣльное умственное образованіе, что во всемъ этомъ далеко превосходятъ корифеевъ французскаго краснорѣчія эпохи такъ называемаго возрожденія. Изъ этой переписки намъ становится ясна огромная разница въ общественномъ духѣ между римской знатью временъ Цицерона и современною намъ аристократіей. Особенно поразительна для насъ одна характеристическая черта, которую и можно найти только въ древней Греціи и Римѣ: всѣ эти аристократы съ величайшимъ изяществомъ и утонченностью выраженій соединяютъ какое-то прямодушіе и откровенность, которыя были прямымъ слѣдствіемъ полнаго развитія публичной жизни.

Этотъ духъ общества, въ соединеніи съ риторическимъ направленіемъ римской націи и важностью, которую получили нѣкоторыя личности для всего государства, далъ совершенно особенный характеръ *исторіографіи* во время Цицерона и даже нѣсколько прежде него. Біографіи и мемуары заняли тогда почетное мѣсто. Этотъ родъ исторіографіи, — въ которой историкъ старается излагать не столько самыя событія, сколько ихъ причины, или событія, взятыя не въ отношеніи ихъ къ націи, а къ своей собственной личности, — былъ совершенно чуждъ древней греческой литературѣ и впервые явился только въ александрійскій періодъ. Римляне, не имѣвшіе прежде никакихъ другихъ историческихъ сочиненій, кромѣ лѣтописей и хроникъ, непосредственно отъ нихъ, и уже очень рано, перешли къ біографіямъ и мемуарамъ. Причинъ этому было много, но изъ нихъ осо-

бенно замѣчательны двѣ. Почти до самаго Цицерона у римлянъ не было никакой философіи и міросозерцанія, а это должно было имѣть самое пагубное вліяніе на эдіоріографію. Дѣйствительно, она ограничивалась сухимъ изложеніемъ событій ли остопримѣчательностей, которыя для изящно образованнаго класса послѣднихъ временъ республики должны были имѣть тѣмъ менѣе привлекательности, что въ лѣтоъписях первобытная исторія Рима ни разу не была изложена поэтически и легендарно. Когда ходъ событій сталъ обусловливаться скорѣе отдѣльными личностями, чѣмъ духомъ и характеромъ націи, разработка исторіи, оставаясь далеко позади развитія образованности и вовсе неудовлетворяя потребностямъ читающаго класса,—не могла имѣть живаго интереса для настоящаго и не заслуживала глубокаго изученія. Къ тому же римская исторія даже въ свой древнѣйшій періодъ вращалась большею частью около отдѣльныхъ личностей и фамилій, и аристократическія фамиліи должны были въ исторіи своихъ родоначальниковъ видѣть превосходное средство возвышать самихъ себя въ глазахъ народа, напоминая ему о заслугахъ предковъ. Поэтому неудивительно, что отдѣльныя личности уже рано стали излагать исторію націи въ отношеніи къ самимъ себѣ и своимъ фамиліямъ, или, другими словами, становились на индивидуальную точку зрѣнія, потому что общей точки зрѣнія не было, и она не приносила никакой выгоды. Такія записки оставили послѣ себя Квинтъ Лутацій Катулъ, товарищъ Марія по его первому консульству, Маркъ Эмилій Скавръ, знакомый намъ по югуртинской войнѣ, Публій Рутилій Руфъ, извѣстный своими благородными дѣйствіями, квесторъ Малой Азіи (т. I. стр. 712), диктаторъ Сулла и знаменитый римскій всадникъ Титъ Помпоній Аттикъ. Послѣдній изъ этихъ писателей, мемуары котораго не дошли до насъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ положеніе его въ Римѣ было единственнымъ въ своемъ родѣ. Аттикъ всю свою жизнь не занималъ никакой правительственной должности; но трудно было бы найти человѣка, который, будучи частнымъ лицемъ, обладалъ бы въ такой высокой степени довѣріемъ правительства своего времени и имѣлъ бы такое вліяніе на государственныя дѣла, какъ Аттикъ. Онъ производилъ весьма сложные денежные обороты, постоянно занимался науками и пріобрѣлъ дѣйствительно огромныя свѣдѣнія въ греческой и римской литературѣ. Его связи со всѣмъ римскимъ обществомъ, частыя путешествія, независимость и полнѣйшее безпристрастіе заставляли всѣ партіи и значительны личности заискивать его расположенія. Онъ былъ друженъ съ Суллой и въ то же время помогалъ молодому Марію деньгами; находясь въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ Цицерономъ, онъ не избѣгалъ Клодія и былъ другомъ Цезаря и повѣреннымъ плановъ Брута и Кассія. Вслѣдствіе этого разнообразія своихъ связей и отношеній онъ всегда былъ посредникомъ при переговорахъ между партіями.

Цезарь тоже написалъ свои мемуары, дошедшіе до насъ вполнѣ. Впрочемъ, въ нихъ онъ описалъ не всю свою жизнь, а только свои экспедиціи въ Галліи и войну противъ аристократической партіи. Сравненіе Анабасиса Ксенофонта (т. I. стр. 330), мемуаровъ и исторіи семилѣтней войны Фридриха Великаго съ комментаріями Цезаря чрезвычайно поучительно. Если разсматривать эти сочиненія относительно характера различныхъ эпохъ, къ которымъ они принадлежатъ, то Ксенофонтъ представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ Цезарь и Фридрихъ Великій. Онъ имѣетъ въ виду гораздо больше самое событіе, чѣмъ свою собственную личность и дѣятельность, потому что онъ не стоялъ во главѣ предпріятія, которымъ онъ руководитъ и которое описываетъ, и очень хорошо понимаетъ, что люди, которыхъ онъ ведетъ, дѣйствуютъ не по его волѣ. Цезарь же дѣйствовалъ и писалъ подъ вліяніемъ совершенно другихъ обстоятельствъ. Солдаты Цезаря сражались за его дѣло, и пріобрѣтали себѣ славу только его славой; потому и въ разсказѣ все сосредоточивается на его личности. Отъ Фридриха Великаго, находившагося въ точно такомъ же положеніи, Цезарь отличается гораздо большею откровенностью. Фридрихъ примѣшиваетъ гуманность тамъ, гдѣ ея вовсе не было; Цезарь же, напротивъ того, совершенно свободенъ отъ всякой аффектаціи нравственностью и нѣжностью, которыми онъ никогда не отличался. Всѣ угнетенія, грабежи и жестокости, которыя онъ находилъ политически необходимыми, — онъ описываетъ спокойнымъ и холоднымъ тономъ, показывающимъ намъ, что онъ былъ такъ же далекъ отъ искусственной гуманности Фридриха Великаго, какъ и отъ хвастливой заносчивости французовъ временъ имперіи. Кромѣ

того, чтобы придать своему дневнику вѣрность и изящество, Цезарь не исправлялъ его, какъ Фридрихъ Великій или Сулла, руками чужеземныхъ грамматиковъ и стилистовъ. По крайней мѣрѣ онъ изобразилъ себя такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ, и въ своей легкой небрежности кажется намъ далеко прекраснѣе Фридриха и Суллы, преображенныхъ своими учеными помощниками и такъ называемыми философами. Если даже сравнить его слогъ съ языкомъ Цицерона, считающимся самымъ высочайшимъ образцомъ латинскаго языка, — то и тогда мы найдемъ его великимъ. Цицеронъ, для возбужденія умовъ, умѣлъ пользоваться полнотой рѣчи, чисто итальянской музыкой языка, художественнымъ построеніемъ періодовъ,—Цезарь, напротивъ, рѣшительно отрекся отъ стилистическаго искусства Цицерона; но за то обладаетъ рѣдкимъ, можетъ быть, только одному ему свойственнымъ умѣньемъ соединять высочайшее изящество простоты съ величайшей небрежностью въ изложеніи.

Сочиненія историка Кая Саллюстія Криспа не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ историческою манерою Цезаря. Саллюстій жилъ отъ 86 до 35 г. до рр. Х. и на своемъ политическомъ поприщѣ, въ званіи римскаго сенатора и правителя Нумидіи, обнаружилъ характеръ, общій всему развратному, высшему классу римлянъ. Изъ историческихъ трудовъ его до насъ дошла только исторія югуртинской войны и заговора Катилины. И въ своихъ сочиненіяхъ, и въ жизни, Саллюстій является истымъ сыномъ своего высокообразованнаго, но страшно развращеннаго времени. Онъ знаетъ и изображаетъ только испорченность и съ совершенствомъ искусства соединяетъ такой недостатокъ въ естественности, что его обветшалыя слова, его философія, остроты и манера выраженія, темныя часто даже для римлянина, дѣлаютъ совершенно для насъ очевиднымъ, какъ мало участія принимали его сердце и убѣжденія въ томъ, что производилъ разсудокъ. Но тѣмъ совершеннѣе все то, что онъ создалъ, работая спокойно, и всякій, кто въ одно и то же время ищетъ въ исторіи поучительности и занимательности, кто хочетъ удивляться только художнику, а не любить человѣка,—не пройдетъ мимо его безъ удивленія. Совершенно несправедливо сравниваютъ Саллюстія съ Ѳукидидомъ, манерѣ котораго онъ старался подражать. Саллюстій не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, не смотря на то, что хотѣлъ искусственно скопировать то, что у Ѳукидида было естественнымъ результатомъ его образованія и воззрѣній. Ѳукидидъ знаетъ жизнь, но не только эгоистическую и мнимо-образованную, изящную только по внѣшности, но и жизнь благородную, проникнутую истиннымъ образованіемъ, ту жизнь, которая находитъ самое себя въ другихъ и признаетъ чисто человѣческимъ только истинное, основательное и высокое. Вѣря въ любовь, дружбу, добродѣтель и чистый патріотизмъ, онъ никогда не впадаетъ въ сатиру и, дѣйствительно зная свѣтъ, никогда не бываетъ слишкомъ требователенъ къ людямъ. Саллюстій, напротивъ, видѣлъ и дѣлалъ только зло и потому вездѣ въ человѣческой жизни видитъ однѣ страсти, слабости, злость, интриги и эгоизмъ. Онъ, какъ и остроумные французы временъ Людовика XV, описываетъ только результаты ложной образованности и нравственнаго растлѣнія, а потому объясняетъ все высокое побужденіями, не имѣющими ничего общаго съ высокимъ и благороднымъ въ человѣкѣ. Онъ говоритъ о геніальности разврата и уважаетъ талантъ безъ доблести, совершенно идеализируя ее и требуя отъ нея слишкомъ многаго. Изъ каждаго его слова видно, что онъ создалъ свои воззрѣнія на міръ и людей изъ книгъ не для употребленія въ жизни, а для разговоровъ, тогда какъ философія Ѳукидида сама собою вышла изъ его внутреннихъ убѣжденій и должна была удовлетворять его потребностямъ. Притомъ, какая огромная разница въ стилѣ! Ѳукидидъ безъ всякой преднамѣренной цѣли писалъ сжато и коротко, даже часто нѣсколько темновато, потому что хотѣлъ поучать только дѣльныхъ людей и писалъ только для истинно-образованнаго круга, которому слова его не могли казаться непонятными. Темнота же и краткость Саллюстія, напротивъ, искусственны: онъ хочетъ казаться глубокомысленнымъ и писать такъ, чтобы его фразы были эпиграммами, и чтобы отгадыванье и объясненіе его словъ доставляло такое же удовольствіе, какъ разрѣшеніе загадокъ. Наконецъ,—что ужс показываетъ и самый выборъ обоихъ его предметовъ,—Саллюстій хотѣлъ не изобразить, какъ Ѳукидидъ, вѣрную картину своего времени, а просто написать на него сатиру. Вообще очень странно, что человѣкъ, за безнравственный об-

разъ жизни изгнанный цензорами изъ сената, корчитъ изъ себя моралиста,—если только выборъ сатирическаго изложенія его исторіи не былъ просто навѣянъ на него духомъ времени. Для испорченныхъ и изнѣженныхъ людей привлекательны только крайности; все находящееся, между ними, для нихъ невыносимо скучно; поэтому въ чтеніи они точно такъ же любятъ преувеличенную строгость, какъ и непомѣрную сантиментальность, не вдаваясь въ разъисканія, серьезно или нѣтъ говоритъ авторъ. Между тѣмъ въ эпоху Саллюстія римское общество пало еще не такъ глубоко, чтобы сатирическая и эпиграмматическая исторіографія, которую избралъ Саллюстій, могла сдѣлаться господствующею; это случилось уже при императорахъ.

Совершенную противоположность трудамъ Саллюстія и ихъ цѣлямъ представляетъ сочиненіе, приписываемое Корнелію Непоту, современнику и другу Цицерона, хотя нѣкоторые и полагаютъ, что оно принадлежитъ Эмилію Пробу, жившему нѣсколькими столѣтіями позднѣе. Оно состоитъ изъ краткихъ жизнеописаній великихъ государственныхъ мужей и полководцевъ, которыя, какъ и въ Анахарсисѣ Бартелеми, составлены на скорую руку по извѣстнымъ источникамъ и имѣютъ цѣлью, какъ и французское сочиненіе, воспламенить энтузіазмъ народа и этимъ снова воскресить угасавшую жизнь. Корнелій Непотъ набросалъ свои характеристическіе эскизы, почти всѣ взятые изъ греческой исторіи, хотя и риторически, но безъ всякой пустой декламаціи. Они должны были служить образцомъ римскому юношеству, и это направленіе приноситъ много чести автору. Такимъ образомъ трудъ Непота составляетъ прямую противоположность сочиненіямъ Саллюстія. Саллюстій избралъ своимъ предметомъ отталкивающую, эгоистическую сторону значительнѣйшихъ людей своего времени; Корнелій Непотъ, напротивъ, выставляетъ блестящую и благородную сторону множества людей всѣхъ временъ. Само собою разумѣется, что Непотъ бралъ уже слишкомъ яркіе тоны, или, какъ говорятъ о Бартелеми, вся Грецiя нарисована у него розовой краской,—тогда какъ Саллюстій слишкомъ ужъ очернилъ своихъ героевъ. Для тѣхъ, кто не имѣлъ ни времени, ни охоты читать большую книгу, Корнелій Непотъ хотѣлъ составить родъ карманной книги изъ описаній великихъ и блестящихъ характеровъ, годныхъ для подражанія; онъ пытался оживить въ своихъ согражданахъ вѣру въ человѣчество, воскресить въ нихъ умершій патріотизмъ и обратить ихъ взоры отъ жалкихъ стремленій господствующей аристократіи къ великимъ цѣлямъ лучшихъ поколѣній.

Вполнѣ современнымъ произведеніемъ была по своему духу римская исторія Тита Ливія Падуанскаго, жившаго отъ 58 г. до 19 г. по р. Хр. и принадлежавшая такимъ образомъ уже къ слѣдующей эпохѣ. Эта національная исторія, состоявшая изъ ста сорока двухъ книгъ, изъ которыхъ только тридцать пять сохранились до нашего времени, назначалась не для образованной и вмѣстѣ съ тѣмъ развращенной части высшаго общества, какъ сочиненія Саллюстія, но для менѣе остроумной, но за то лучшей части его, какъ біографіи Непота,—а вообще для всей націи. Ливій не впадалъ въ сатирическій тонъ Саллюстія, который еще не сдѣлался соотвѣтственнымъ съ временемъ. Онъ далъ римлянамъ риторическую исторію, въ которой чувствовалась въ то время истинная потребность, или, другими словами, примѣнилъ манеру и правила Цицерона къ изложенію римской исторіи. Направленіе, данное римской литературѣ примѣромъ Цицерона, при Ливіи уже распространилось и на всѣ другія ея отрасли; оно сдѣлалось національнымъ, и ни одинъ писатель не могъ надѣяться заслужить одобреніе публики, не прибѣгая къ риторическимъ прикрасамъ. Ливій первый сдѣлалъ попытку обработать исторію въ томъ стилѣ, который ввелъ въ моду Цицеронъ, и сталъ такимъ образомъ первымъ вполнѣ риторическимъ историкомъ Рима. Цѣлью Ливія было разсказать отечественную исторію не для ума, а для сердца читателя, употребить ее какъ средство не для распространенія въ народѣ знаній, а для возбужденія въ немъ воодушевленія. Исторія была написана имъ такъ, какъ пишутъ и лучшіе французскіе историки нашего времени, именно въ формѣ риторическаго разсказа объ истинномъ происшествіи, который возбуждалъ бы чувство отваги въ душѣ читателя и давалъ бы толчокъ къ новымъ подвигамъ. Но Ливій имѣетъ предъ французами то преимущество, что даетъ народному сказанію, народной вѣрѣ и обычаямъ стараго времени то самое мѣсто, которое

занято у новѣйшихъ писателей остроуміемъ, забавными анекдотами, интригами и пустыми личностями. Ливій вполнѣ достигъ своей цѣли; твореніе его сдѣлалось чисто національнымъ; оно всецѣло перешло въ жизнь римлянъ, и римскій народъ понималъ свою исторію совершенно такъ, какъ изобразилъ ее Ливій. Въ этой цѣли Ливія и счастливой манерѣ изложенія и заключается единственное достоинство его книги, при оцѣнкѣ которой отнюдь не должно брать мѣриломъ ту задачу, которую исторія имѣетъ, какъ наука.

Чтобы написать національную исторію для народа, Ливій не могъ избрать себѣ образцомъ Геродота, потому что римляне уже давно удалились отъ простоты и природы; Эфоръ, Теопомпъ и другіе историки, вышедшіе изъ риторической школы Исократа (т. I. стр. 336 и слѣд.), служили ему образцами. Впрочемъ, Ливій, какъ и его учители, мѣстами сбивался съ собственно риторическаго стиля на пустую декламацію, которая вскорѣ послѣ того окончательно наводнила собою римскую литературу; этимъ онъ показалъ уже, куда необходимо должно было привести, а потомъ и дѣйствительно привело, вызванное Цицерономъ перенесеніе риторическаго элемента во всѣ отрасли знанія и мысли. Этотъ переходъ замѣтенъ между прочимъ въ томъ, что Ливій изображаетъ нѣкоторыя событія слишкомъ поэтически, часто умышленно оставляетъ безъ вниманія болѣе достовѣрные источники и при описаніи сраженій слишкомъ охотно повторяетъ небылицы; однимъ словомъ, онъ пишетъ иногда въ манерѣ позднѣйшихъ римлянъ или нынѣшнихъ итальянцевъ, которые не задумываясь приносятъ въ жертву изяществу формы истину и серьезность. Какъ быстро съ тѣхъ поръ пошли римляне по этому ложному пути, мы увидимъ ниже въ замѣткахъ о состояніи образованности и литературы въ эпоху императоровъ.

XIII. ПЕРІОДЪ ИМПЕРАТОРОВЪ

ОТЪ АВГУСТА ДО АДРІАНА.

---

1. Октавіанъ Августъ.

Побѣда надъ Антоніемъ была послѣднимъ шагомъ Октавіана къ самодержавію. Никто уже не могъ оспаривать у него этой власти, и онъ не только удержалъ ее за собою до конца жизни, но и передалъ ее своимъ родственникамъ. Поэтому, съ битвы при Акціумѣ начинается монархическій періодъ римской исторіи, продолжавшійся пять столѣтій, до самаго паденія имперіи. Октавіанъ не прямо возвратился изъ Египта въ Римъ, а заѣхалъ сначала въ Сирію и Малую Азію, гдѣ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія для управленія этими провинціями и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользовался удобнымъ случаемъ, безъ употребленія вооруженной силы, обезпечить римскія провинціи отъ опустошительныхъ вторженій парѳянъ. Парѳянскій князь Тиридатъ оспаривалъ престолъ у царя Фраата IV, и оба соперника обратились за помощью къ Октавіану. Октавіанъ, хотя и принялъ участіе въ претендентѣ и далъ ему убѣжище и защиту въ областяхъ римской имперіи, но не могъ ему пріобрѣсти престолъ, а удержавъ заложникомъ одного изъ членовъ царскаго дома, выданнаго ему Тиридатомъ, вдвойнѣ обезпечилъ свое вліяніе на дѣла парѳянскаго царства. Этой предусмотрительной мѣрой онъ доставилъ римскимъ провинціямъ отдыхъ отъ разбойническихъ вторженій парѳянъ и побудилъ парѳянскаго царя добровольно возвратить ему плѣнныхъ и знамена легіоновъ Красса, чего прежде безуспѣшно домогался Антоній.

Октавіанъ возвратился въ Римъ черезъ Грецію (въ августѣ 29 г. до р. Хр.) и праздновалъ свое прибытіе туда троекратнымъ тріумфомъ,—сначала за побѣду при Акціумѣ, потомъ за покореніе Египта и наконецъ за походъ, предпринятый имъ за нѣсколько лѣтъ до битвы при Акціумѣ противъ жителей Далмаціи и Панноніи. Римскій народъ и сенатъ, члены котораго принадлежали большею частью къ тѣмъ жалкимъ людямъ, которые привѣтствуютъ всякое восходящее свѣтило, осыпали его нѣсколько лѣтъ сряду почестями и привиллегіями, которыя онъ даже самъ находилъ чрезмѣрными. Не описывая всѣхъ этихъ почестей, состоявшихъ большею частью изъ грубой лести, мы упомянемъ только о тѣхъ, которыя имѣли какое-нибудь отношеніе къ общественному положенію Октавіана, и на которыя его преемники объявляли претензіи какъ на наслѣдственное право, потому что почести эти имѣли огромное вліяніе на духъ и форму новаго государственнаго устройства Рима. Тотчасъ послѣ перваго тріумфа сенатъ поднесъ новому самодержцу титулъ императора въ томъ смыслѣ, въ какомъ прежде получилъ его Юлій Цезарь (стр. 40), и съ тѣхъ поръ названіе это стало служить для обозначенія понятія о царской власти, соединенной съ полнымъ объемомъ военной власти. Консульское достоинство, которымъ Октавіанъ былъ облеченъ въ продолженіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ сряду, было оставлено за нимъ на неопредѣленное время. Черезъ годъ по его возвращеніи ему вручена была цензура, и поднесенъ титулъ постояннаго предсѣдателя сената, princeps

senatus. Эта должность дѣлала его законнымъ главой и руководителемъ государственнаго управленія, при чемъ слово принцепсъ (принцъ) мало-по-малу также получило понятіе о верховной власти. Вскорѣ послѣ того Октавіанъ объявилъ въ сенатѣ, что хочетъ сложить съ себя всѣ свои должности и титулы; но скоро принялъ ихъ опять, показавъ видъ, что соглашается на это только по усиленнымъ просьбамъ сената, и то на опредѣленное число лѣтъ. Эту комедію, въ которой, разумѣется, нѣтъ ничего серьезнаго, онъ повторялъ потомъ еще нѣсколько разъ. Сенатъ поднесъ ему при этомъ случаѣ почетный титулъ Августа (т. е. возвышеннаго или святаго). Титулъ этотъ, которымъ въ историческихъ книгахъ называютъ обыкновенно Октавіана, какъ императора, въ честь его былъ перенесенъ впослѣдствіи на восьмой мѣсяцъ года, такъ какъ въ этотъ мѣсяцъ онъ окончилъ междоусобную войну покореніемъ Египта. Въ то же время сенатъ раздѣлилъ съ нимъ управленіе провинціями такимъ образомъ, что для одной половины назначалъ намѣстниковъ сенатъ, а для другой Августъ. Власть, оставшаяся за сенатомъ, была пустымъ призракомъ, потому что, при замѣщеніи своихъ намѣстничествъ, онъ не только долженъ былъ согласоваться съ желаніемъ государя, но и самыя эти мѣста давались всего на одинъ годъ и заключали въ себѣ только власть гражданскую и судебную, потому что управленіе войскомъ и финансами поручалось другимъ чиновникамъ. Въ 23 г. до р. Хр. Августъ получилъ пожизненно должность трибуна, или другими словами, сосредоточилъ въ себѣ верховную власть и права народа. Консульская власть, въ которую онъ былъ облеченъ навсегда въ 19 г., соединяла въ его лицѣ всю исполнительную власть. Наконецъ, по смерти Лепида (13 г. до р. Хр.) онъ былъ сдѣланъ верховнымъ жрецомъ или главнымъ руководителемъ культа и получилъ такимъ образомъ возможность пользоваться, сообразно своимъ цѣлямъ, даже религіею съ ея обрядами.

Для римлянъ было большимъ несчастіемъ, что Августъ несовершенно уничтожилъ республиканское устройство государства и не далъ послѣднему новую конституціонную форму. Это было бы для него такъ же легко, какъ и произвольныя распоряженія, которыя онъ сдѣлалъ, передъ возвращеніемъ его въ Римъ, въ Азіи и Египтѣ, не испрашивая ни предварительнаго согласія, ни послѣдующаго утвержденія сената или народа. Не сдѣлавъ этого, онъ положилъ въ больное государственное тѣло зародышъ новаго и еще болѣе гибельнаго зла. Всѣ его стремленія были сначала направлены къ тому, чтобы скрыть новую форму государственнаго устройства, форму военной монархіи. Поэтому онъ оставилъ въ силѣ прежнее республиканское устройство, отнявъ у него всю его цѣнность и значеніе. Эта форма уже давно потеряла внутреннюю силу, и республиканская внѣшность государства сдѣлалась только призракомъ, а произволу былъ открытъ совершенный просторъ. Съ тѣхъ поръ, какъ конституція сдѣлалась пустой формальностью, участь государства стала въ полную зависимость отъ личности правителя. Пока во главѣ правительства стоялъ такой осторожный и несклонный къ насилію человѣкъ, какъ Августъ, римскій народъ былъ счастливъ, и въ новомъ военномъ правительствѣ не было ничего ужаснаго; но со вступленіемъ на престолъ Тиберія, государя, совершенно инаго характера, настоящій принципъ этого правленія обозначился очень ясно, новая система дала себя почувствовать самымъ страшнымъ образомъ, и гражданинъ, не смотря на существованіе всѣхъ республиканскихъ формъ государственнаго устройства, не находилъ рѣшительно никакой защиты противъ насилія и жестокости. Эта неестественная организація государства была вредна еще и потому, что часто обманывала и сенатъ и правителя, и вела ихъ по ложной дорогѣ. Сенатъ нерѣдко поддавался обманчивой мечтѣ, что онъ все еще то, чѣмъ былъ прежде, а императоръ, забывая иногда, что сенатъ только пустой призракъ, начиналъ смотрѣть на него съ недовѣріемъ и прибѣгалъ къ ненужной жестокости. Еще гибельнѣе было вліяніе этой политической перемѣны на нравственное состояніе націи. Все зависѣло отъ воли правителя, а между тѣмъ казалось, что имперіею управляетъ сенатъ и народныя собранія. Сколько лицемѣрія и притворства вызвало это направленіе въ государѣ, сенатѣ и всемъ народѣ, нѣкоторымъ образомъ сдѣлавъ для нихъ необходимыми эти отвратительные пороки! Какое ужасное нравственное растлѣніе было внесено особенно въ сенатъ, или въ почетнѣйшую часть націи, вынужденную прикрывать несправедли-

вости и жестокости правителя, придавая имъ форму законности! Во сколько разъ было бы лучше, если бы государство съ самаго начала, безъ всякаго маскированья и притворства, получило чисто монархическую конституцію, особенно когда римскій міръ упалъ такъ низко, что и цѣлесообразное новое государственное устройство все еще содержало бы въ себѣ довольно испорченныхъ и болѣзненныхъ элементовъ!

Разсмотрѣвъ внимательнѣе форму правленія, установленную Августомъ, мы увидимъ, что сенатъ остался по имени высшей правительственной властью, стоящей во главѣ государства, и повидимому удержалъ свое прежнее значеніе; но въ сущности онъ былъ только механизмомъ, придававшимъ распоряженіямъ властителя видъ законности. Сенаторы должны были представлять родъ пэровъ государства при лицѣ правителя, который сначала не имѣлъ ни придворнаго штата, ни представительнаго министерства. Бояться этого правительствующаго сената было рѣшительно не зачѣмъ, потому что Августъ снова уменьшилъ число сенаторовъ съ тысячи на шестьсотъ и очистилъ его троекратной переформировкой отъ всѣхъ недостойныхъ или непріятныхъ для него членовъ и позаботился о томъ, чтобы сенаторами были только одни креатуры императора. Сенаторы должны были представлять наружно возстановленную аристократію, или что-то въ родѣ имперскихъ князей, и Августъ всячески старался возвысить ихъ въ общественномъ мнѣніи, придавъ сенату призракъ власти и возстановивъ всѣ почетныя преимущества, которыми онъ пользовался прежде. Онъ возвысилъ цифру имѣнія, которое требовалось для того, чтобы быть сенаторомъ, постановилъ, чтобы на всѣхъ играхъ и зрѣлищахъ первая скамья оставлялась не занятою для сенаторовъ, далъ сыновьямъ ихъ особыя права и преимущества и пр. Но этотъ сенатъ собирался только два, много три раза въ мѣсяцъ, и въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ году не имѣлъ ровно ни какихъ занятій. Уже одно это показываетъ, что онъ служилъ только ширмой, за которой прятался самовластный правитель, потому что правительственное мѣсто, имѣющее такъ мало занятій, не могло дѣйствительно управлять государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто цѣлаго сената заступала коммиссія, которая избиралась вновь чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Эта коммиссія составляла въ одно и то же время верховный тайный совѣтъ императора и давала ему возможность изучать своихъ государственныхъ людей. Настоящими совѣтниками Августа были: Маркъ Випсаній Агриппа, Кай Цильній Меценатъ и Маркъ Валерій Мессала,—три человѣка, въ которыхъ полнѣе всего выразился духъ правленія Августа. Двое послѣднихъ, особенно Мессала, принадлежали къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени и оказали важныя услуги наукѣ и поэзіи, а имя Мецената сдѣлалось даже нарицательнымъ для всякаго благороднаго покровителя изящныхъ искусствъ. Меценатъ былъ однимъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которые по эгоизму и слабости боятся всякихъ крайнихъ мѣръ и по своей любви къ комфорту и утонченнымъ чувственнымъ наслажденіямъ ненавидятъ все, что обусловливается твердостью характера, убѣжденіями или энтузіазмомъ. Агриппа, напротивъ, былъ человѣкъ благородный и безкорыстный, горячій патріотъ, который дѣйствительно любилъ республиканскую форму правленія и старался убѣдить императора возстановить ее. Августъ дорожилъ имъ какъ хорошимъ полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ, тогда какъ болѣе сходный съ нимъ по направленію Меценатъ былъ скорѣе другомъ и товарищемъ императора, чѣмъ его министромъ.

Народныя собранія продолжали еще существовать, но дѣятельность ихъ была ограничена однимъ выборомъ должностныхъ лицъ. Августъ могъ вполнѣ предоставить это право народу, потому что избирающіеся знали, что за ними слѣдитъ зоркій глазъ императора. Уже при ближайшихъ наслѣдникахъ Августа исчезъ этотъ послѣдній остатокъ древней народной власти, и граждане собирались только для денежныхъ раздачъ и игръ. Нѣкоторыя безпокойства, возникшія на выборахъ, Августъ употребилъ въ свою пользу противъ свободы. Августъ устроилъ судопроизводство такимъ образомъ, что судебно-гражданская власть осталась въ рукахъ судей, взятыхъ изъ различныхъ классовъ гражданъ, а уголовная юстиція передана была сенату и городскимъ префектамъ. При этомъ онъ позаботился о пунктуальности и строгой точности въ судопроизводствѣ, введеніемъ формальныхъ апелляціонныхъ инстанцій поставилъ его въ зависимость отъ

государя, а иногда и самъ засѣдалъ въ судахъ. Должности мало-по-малу были доведены до значенія простыхъ почетныхъ мѣстъ. Кромѣ того, Августъ учредилъ новыя мѣста и государственныя должности, изъ которыхъ нѣкоторыя получили въ скоромъ времени весьма важное значеніе. Таковы были должности городской префектуры и префектуры гвардіи. Городской префектъ или губернаторъ Рима представлялъ особу императора во всѣхъ полицейскихъ дѣлахъ и случаяхъ, дѣйствуя его именемъ, но онъ не былъ только шефомъ полиціи, а скоро присвоилъ себѣ и всѣ дѣла, которыми завѣдывали прежнія республиканскія власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ въ свое завѣдываніе самую важную часть уголовной юстиціи и могъ, между прочимъ, въ случаѣ необходимости, приговаривать къ ссылкѣ. Префектъ преторіанцевъ, или императорской гвардіи, сдѣлался мало-по-малу еще болѣе значительнымъ лицемъ, чѣмъ городской префектъ. Чтобы не дѣлать военное насиліе слишкомъ яснымъ, Августъ поручилъ эту должность не одному человѣку и не сенатору, а раздѣлилъ ее между двумя всадниками и, кромѣ того, не присвоилъ ей никакой гражданской власти. Но все-таки уже при Тиберіи, префектъ преторіанцевъ сдѣлался первымъ лицемъ послѣ императора. Полиція и военная власть были вообще душою новаго правительства; Августъ умѣлъ только искусно прикрывать ихъ.

Войско, получившее при такой формѣ правленія особенно важное значеніе, Августъ преобразовалъ по своему, обративъ его въ постоянное. Вскорѣ послѣ побѣды при Акціумѣ, онъ очистилъ свое войско отъ всевозможной сволочи, которая набралась туда въ послѣдніе годы. Уменьшивъ число войскъ до 25 легіоновъ, онъ понизилъ окладъ жалованья, который былъ значительно увеличенъ Цезаремъ, не думавшимъ о послѣдствіяхъ, и опредѣлилъ срокъ службы для преторіанцевъ въ шестнадцать, а для прочихъ солдатъ въ двадцать лѣтъ. Потомъ онъ отмѣнилъ вредный обычай награждать солдатъ при отставкѣ государственными землями, а вмѣсто того выдавалъ имъ опредѣленную сумму денегъ: преторіанцы, выслужившіе полный срокъ службы, получали по 1,140, а всѣ остальные по 740 рублей. При Августѣ числительность всей арміи не превышала 200,000 человѣкъ, размѣщенныхъ большею частью на границахъ государства, въ постоянныхъ лагеряхъ, и время отъ времени мѣнявшихся своими квартирами. Въ остальныхъ частяхъ государства, особенно въ Италіи, были расположены только отдѣльные отряды, а въ Римѣ сначала и вовсе не было войскъ. Августъ могъ обходиться здѣсь безъ солдатъ, такъ какъ правительственныя лица были только послушными орудіями императора, а чернь, часто даримая деньгами, угощаемая хлѣбомъ и зрѣлищами, не обнаруживала никакой наклонности къ возстанію. Угодливость предъ массами и солдатами составляла постоянную политику Августа, какъ ни старался онъ скрыть ее. Онъ и въ своемъ завѣщаніи не забылъ назначить подарки черни. Сначала онъ чрезвычайно ограничилъ число гражданъ, которымъ въ извѣстное время раздавался даромъ зерновой хлѣбъ; потомъ снова довелъ число ихъ до 200,000, когда предпочелъ пріобрѣсть себѣ, на счетъ остальныхъ, любовь могучей черни того сорта, который въ настоящее время называется въ Италіи лаццарони, чѣмъ окружить себя гвардіей и играть роль военнаго деспота. Войска же, со временъ Цезаря, вообще перестали быть собственно земскимъ войскомъ и впослѣдствіи уже никогда не дѣлались имъ. Они состояли большею частью изъ людей, смотрѣвшихъ на военную службу какъ на ремесло, и служившихъ не отечеству и даже не правительству, а деньгамъ, своимъ начальникамъ и обстоятельствамъ.

Изъ всего этого само собою видно, что новый государственный порядокъ требовалъ гораздо большихъ суммъ, чѣмъ республиканское правительство. Поэтому Августъ и въ Италіи и въ провинціяхъ ввелъ новые, большею частью чрезвычайно обременительные налоги; такъ, напримѣръ, онъ опредѣлилъ сумму доходовъ только съ двухъ провинцій Египта и Галліи, по меньшей мѣрѣ, въ 78 мил. руб. Подводныя, барщинныя и другія общественныя повинности увеличились при немъ въ нѣсколько разъ. Но вообще отъ введенія монархіи, провинціи выиграли больше всего, потому что ограничивать произволъ должностныхъ лицъ и строго наказывать всякаго рода притѣсненія было въ интересахъ правителя и его двора. Намѣстники и ихъ чиновники стали получать содержаніе отъ казны, злоупотребленія при взиманіи податей исчезли, и Августъ самъ нѣсколько разъ объѣзжалъ

провинціи, разузнавая о нуждахъ ихъ жителей. Большая часть провинціальныхъ городовъ удержала свои муниципальныя права, и кромѣ того, Августъ нѣсколько разъ давалъ имъ новыя льготныя грамоты. Вообще все, что еще оставалось въ императорскій періодъ отъ прежней республиканской свободы, можно было найти только въ муниципальныхъ городахъ провинціи; они, дѣйствительно, пользовались еще значительной долей свободы, и потому въ нихъ и удержалась частица старыхъ республиканскихъ идей. Имперія, считавшая въ себѣ около ста милліоновъ жителей, въ первое время императорства кромѣ Италіи состояла изъ 24 провинцій: Сицилія, Сардинія и Корсика, провинцій Африки, Нумидіи и Мавританіи, составлявшихъ вмѣстѣ западную часть сѣвернаго берега Африки, Киренаики или нынѣшней Барки, Египта, Крита, Сиріи и Палестины, Киликіи, Виѳиніи, провинціи Азіи, обнимавшей нынѣшнюю Малую Азію до горъ Тавра и рѣки Галиса или Кизиль-Ирмака, Ѳракіи, Македоніи, Ахаіи или Греціи, Мизіи или нижнедунайскихъ земель, Паннонія или нынѣшней Нижней Венгріи, Далмаціи или Иллирика, Норика или нынѣшней Австріи, Штиріи и Каринтіи, съ частью Зальцбурга и Крайны, Реціи или Граубиндена, венеціанскаго или итальянскаго Тироля, Винделиціи, лежавшей между Реціей, Боденскимъ озеромъ, Дунаемъ и Инномъ, и наконецъ Испаніи и Галліи.

Августъ старался снова поднять Италію, которая въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій такъ глубоко пала въ матеріальномъ отношеніи; но всѣ его мѣры были направлены скорѣе на пользу торговли страны и процвѣтанія городовъ, чѣмъ на земледѣліе и собственно улучшеніе быта сельскаго населенія. Особенно заботился онъ о большихъ дорогахъ, водопроводахъ и другихъ общественныхъ сооруженіяхъ. Августъ почти совершенно уничтожилъ различіе между римскими гражданами и гражданами другихъ итальянскихъ городовъ, допустилъ итальянцевъ въ сословіе всадниковъ и ясно давалъ замѣтить, что хочетъ распространить Римъ на всю Италію. Вообще перемѣна, которой подверглось государство со введеніемъ военной монархіи, принесла ту выгоду, что распространила внѣшнее благосостояніе и довольство въ большей части имперіи. Въ Испаніи промышленность и торговля дѣлали видимые успѣхи. Зерновой хлѣбъ, вино, масло, — лучшее изъ всѣхъ тогда извѣстныхъ, — воскъ, медъ, смола, шерсть и соленая рыба, стали съ тѣхъ поръ въ огромномъ количествѣ ввозиться въ Италію изъ Испаніи. Испанское овцеводство сдѣлалось въ высшей степени прибыльнымъ, и существующія тамъ съ давнихъ временъ отрасли промышленности, какъ, напримѣръ, рудокопство и изготовленіе корабельныхъ матеріаловъ, сильно увеличились въ размѣрахъ. Гадесъ и Кордуба (Кадиксъ и Кордова) стали складочнымъ мѣстомъ огромной массы товаровъ, а новые каналы облегчили сношенія этихъ городовъ съ внутренностью страны. Торговля и промышленность Галліи, со времени Цезаря, развивалась все болѣе и болѣе. Въ Италіи снова значительно распространились винодѣліе, скотоводство, свиноводство, а также разведеніе лѣсовъ. Въ восточныхъ провинціяхъ, дѣятельность греческаго населенія получила новый толчокъ, а на сѣверозападномъ берегу Африки, въ Египтѣ и Сициліи, хлѣбопашество возвысилось до такой степени, что съ тѣхъ поръ страны эти болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлались житницами всего цивилизованнаго міра. Это возвышеніе благосостоянія, которымъ прежде преимущественно пользовались только римскіе граждане и вельможи, было во всякомъ случаѣ отраднымъ явленіемъ, но и тогда, какъ и во всѣ времена быстро развивающейся цивилизаціи, эта дѣятельно-торговая жизнь была въ высшей степени пагубна въ моральномъ отношеніи. Духъ торговли принялъ то самое направленіе, какое онъ принимаетъ, кажется, въ наши дни въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предаются торговлѣ государственными облигаціями, собираютъ суммы для широко задуманныхъ и гигантскихъ предпріятій и обѣщаніями большой прибыли стараются заманить простаковъ въ акціонерныя ловушки. Всѣмъ хотѣлось чрезмѣрно обогатиться въ короткое время, и потому всѣ стали презирать долгое, но вѣрное средство разбогатѣть: бережливость и честную прибыль. Барышничанье приняло наконецъ такіе размѣры, что капиталы удвоивались менѣе, чѣмъ въ двадцать мѣсяцевъ, а счетоводство и искусство спекулировать считалось главнымъ предметомъ первоначальнаго воспитанія. Одна изъ самыхъ существенныхъ выгодъ правленія Августа для римскаго государства,

состояла въ заботливости императора о путяхъ сообщенія и публичныхъ зданіяхъ. Августъ проводилъ дороги и воздвигалъ зданія не только самъ, на счетъ своей собственной кассы или изъ государственныхъ суммъ, но и побуждалъ къ тому своихъ родственниковъ и друзей. Въ Италіи всѣ дороги были улучшены, въ Галліи, Испаніи и другихъ провинціяхъ проложены новыя, и когда, при Августѣ, было покорено альпійское племя граубинденцевъ, то даже и ихъ страна была перерѣзана широкою дорогою. Городъ Римъ украсился новыми зданіями. Въ этомъ дѣлѣ, главнымъ помощникомъ Августа былъ Агриппа, постройки котораго напоминали бы о патріотизмѣ стараго времени, если бы онъ пріобрѣлъ свое огромное достояніе не на счетъ государства. Онъ провелъ новые, великолѣпные водопроводы; пожертвовалъ огромныя суммы для очищенія городскихъ клоаковъ и построилъ множество публичныхъ зданій, изъ которыхъ самымъ дорогимъ и знаменитымъ былъ Пантеонъ. Этотъ храмъ, украшенный статуями почти всѣхъ боговъ, былъ однимъ изъ главныхъ зданій новаго Рима и принадлежитъ къ немногимъ памятникамъ, сохранившимся до нашего времени. Въ седьмомъ столѣтіи онъ былъ обращенъ въ христіанскую церковь и носитъ теперь названіе Санта Марія Ротонда.

Какъ ни были величественны и полезны многія другія постройки и сооруженія эпохи Августа, но они были результатомъ совершенно другихъ побужденій, чѣмъ подобныя же предпріятія древнѣйшихъ временъ. Единство правленія и сознаніе зависимости отъ одного верховнаго главы должны были тяготѣть на всѣхъ частяхъ имперіи и обнаруживаться при первомъ же взглядѣ на всякій предметъ, на каждомъ шагу жизни. Всѣ общественныя предпріятія относились Августомъ и его преемниками къ особѣ правителя, а не къ государству, религіи или волѣ свободнаго народа, какъ прежде. Всѣ стремленія императора были направлены къ тому, чтобы убѣдить народъ, который до сихъ поръ самъ управлялъ собою, что гораздо удобнѣе быть управляемымъ другими и вести жизнь пріятную, занимаясь своими частными дѣлами. Послѣдствія новой системы обнаружились весьма скоро и придали частной жизни римлянъ совершенно иной характеръ. Скука и желаніе перемѣны наполнили души знатныхъ и богатыхъ. Поэтому въ высшихъ классахъ римскаго общества развилась страсть къ путешествіямъ, мучащая и нашу эпоху, потому что дома всякій чувствуетъ себя какъ-то неловко и утомляется обыкновенными впечатлѣніями. Жизнь общества не проходила, какъ прежде, въ занятіи государственными дѣлами, а состояла изъ ряда роскошныхъ пировъ и другихъ чувственныхъ наслажденій. Богатые и бѣдные предались итальянской страсти ничегонедѣланія, — ими овладѣло равнодушіе къ чести и свободѣ, сродное всѣмъ жителямъ большихъ городовъ, особенно въ южныхъ странахъ. Эгоизмъ сдѣлался единственнымъ двигателемъ всѣхъ классовъ общества и довелъ ихъ до низкопоклонства и рабской угодливости передъ личностями, стоявшими высоко по рожденію, богатству или милостямъ императоровъ.

2. Германскіе народы и ихъ войны съ римлянами при Августѣ.

Августъ положилъ себѣ за правило не раздвигать границъ имперіи далѣе черты, проведенной Цезаремъ; но въ военномъ государствѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ войнолюбивыми сосѣдями, не могло быть недостатка въ частыхъ поводахъ употреблять войско противъ внѣшнихъ враговъ. Поэтому еще при Августѣ вспыхивали нѣкоторыя войны, но всѣ онѣ, за исключеніемъ предпріятій противъ Германіи, не стоютъ упоминанія, хотя льстецы императора и прославляли его за эти походы. Августъ самъ ходилъ противъ кантабровъ и астурійцевъ, обитавшихъ въ сѣверной Испаніи; впрочемъ, хотя онъ и его полководцы цѣлый годъ воевали съ этимъ народомъ и, наконецъ, казалось, покорили его, но въ сущности кантабры такъ же мало признавали надъ собою римское владычество, какъ и воинственныя пастушескія племена сѣверной Аравіи, покореніе которыхъ Августъ поручилъ намѣстнику Египта. Гораздо значительнѣе и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ были войны съ германцами при Августѣ. Онѣ особенно замѣчательны тѣмъ, что именно въ то самое время, когда падало древнее государственное

устройство Рима, въ первый разъ страшно и грозно поднялись народы, которые нѣсколько столѣтій спустя покорили имперію. Здѣсь мы представимъ нѣсколько общихъ данныхъ о германскихъ народахъ.

Германскіе народы, послѣ грековъ и римлянъ, составляютъ самую важную вѣтвь индоевропейской семьи народовъ, потому что въ средніе и новые вѣка они получили такое же значеніе для человѣчества и его образованности, какое въ древности имѣла греко-латинская вѣтвь этой семьи. Настоящее значеніе и происхожденіе имени германовъ, которымъ народы эти обозначаются въ римскихъ сочиненіяхъ, — объяснить очень трудно. Прежде полагали, что оно происходитъ отъ старонѣмецкаго слова Ger, т. е. копье, или отъ Wehre, оружіе, или наконецъ отъ слова Wirre (Verwirrung, безурядица), которое перешло во французскій языкъ въ формѣ guerre, — и должно было вообще означать воиновъ; но всѣ эти производства такъ ясно противорѣчатъ этимологическимъ законамъ нѣмецкаго языка, что теперь уже съ ними не соглашается ни одинъ филологъ. Нѣкоторые ученые находили связь между названіемъ германцевъ и древними нѣмецкими именами Эрманъ, Германъ, Ирманъ или Ирминъ, настоящее значеніе которыхъ не менѣе загадочно. Другіе полагаютъ, что имя это не было туземнымъ, а дано нѣмцамъ римлянами, потому что въ латинскомъ языкѣ есть слово germanus, означающее брата или земляка. О происхожденіи слова Deutsche, ученые тоже несогласны между собою; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно нѣмецкаго корня. Изъ многихъ толкованій этого слова, придуманныхъ разными филологами, самыми вѣроятными кажутся намъ два. По одному, оно происходитъ отъ старонѣмецкаго слова diutan, т. е. объяснить, дѣлать понятнымъ (deuten), и должно было означать говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. По другимъ, настоящій корень слова deutsche — готское слово thiuda, т. е. народъ, — употреблявшееся для означенія людей одного народа. Наконецъ названіе тевтоновъ, нѣкогда употреблявшееся въ поэзіи вмѣсто слова Deutsche, есть названіе только одного племени, и употребленіе его основывается на томъ, что древніе римляне придавали иногда названіе тевтоновъ и другимъ германскимъ племенамъ.

Въ самую древнюю, доступную для розысканій эпоху, германскіе народы дѣлились на два главныхъ племени: скандинавское или сѣверное и собственно нѣмецкое, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; первое обитало по ту сторону Балтійскаго моря, второе же на материкѣ центральной Европы. Обѣ отрасли и теперь еще отличаются одна отъ другой тѣмъ, что различные народы одной отрасли, по своимъ діалектамъ, гораздо родственнѣе между собою, чѣмъ съ народами другой отрасли. Каждая отрасль распадалась на нѣсколько племенъ, которыхъ римляне обозначали особенными именами; но различіе между ними не удержалось, а отдѣльные народы, вслѣдствіе своихъ переселеній въ эпоху императоровъ, снова распались и, соединясь вновь, образовали новые народы. Такимъ образомъ возникли впослѣдствіи аллеманны, франки, гессы, туринги, баварыи др. Одно изъ собственно нѣмецкихъ племенъ, готское, совершенно исчезло во время своихъ переселеній; въ концѣ древнихъ вѣковъ, оно переселилось большею частью въ Испанію и Верхнюю Италію и, смѣшавшись тамъ съ негерманскими народами, получило впослѣдствіи романскій характеръ. Весьма немногіе германскіе народы сохранили свои древнѣйшія мѣстопребыванія, какъ напр. фризы. Поэтому, намъ гораздо удобнѣе познакомиться теперь же съ мѣстожительствомъ германскихъ народовъ, чѣмъ въ теченіе разсказа описывать каждое изъ нихъ поодиночкѣ; границы же земли германцевъ въ древнюю эпоху составляли Висла, Дунай, Рейнъ и Сѣверное и Балтійское моря.

О наружности, характерѣ и нравахъ германскихъ народовъ мы находимъ у римскихъ историковъ подробныя извѣстія, изъ которыхъ приведемъ только важнѣйшія. Германцы особенно поражали римлянъ своимъ огромнымъ ростомъ, синими глазами и красножелтыми волосами. Они славились тѣлесною силой и терпѣньемъ, съ которымъ переносили труды, лишенія, голодъ, жажду и холодъ; но они не могли выносить жара. Страна была мѣстами обработана, но большею частью покрыта лѣсами и болотами. Жилища ихъ стояли отдѣльно; у германцевъ не было ни городовъ, ни селъ, и всякій жилъ среди своихъ полей. Занятіями германскихъ племенъ были: земледѣліе, скотоводство, охота и война. Два первыя, предоставлялись невольникамъ и крѣпостнымъ, которые или работали по-

денно, или, получивъ поле въ полное свое распоряженіе, платили за это господамъ извѣстное количество хлѣба, скота и полотна. Охота и война были единственными занятіями свободныхъ людей, а домашнія работы и надзоръ за хлѣбопашествомъ были предоставлены женщинамъ. Германцы, если они не были на войнѣ или охотѣ, проводили свое время въ бездѣйствіи, питьѣ, ѣдѣ и играхъ, какъ и всѣ воинственные, но совершенно необразованные народы. Пиры и попойки были ихъ любимыми забавами, но кушанья и напитки были вообще очень просты. Кушанья состояли изъ дикихъ овощей, мяса и молока, напитки — изъ ячменнаго пива; нѣкоторые пограничные народы имѣли понятіе о винѣ, которое вымѣнивали у своихъ сосѣдей. Германцы любили напиваться до излишества. «Пить день и ночь безъ устали, — говоритъ римскій историкъ Тацитъ, — вовсе не считается у нихъ стыдомъ; такъ что они легче могутъ быть побѣждены этимъ порокомъ, чѣмъ оружіемъ». Къ игрѣ въ кости германцы имѣли такую страсть, что часто, проигравъ все, ставили на ставку свою личную свободу. Одежда ихъ была груба и проста: верхнее платье въ родѣ плаща, изъ шкуры убитаго на охотѣ звѣря, составляло, большею частью, единственное прикрытіе ихъ тѣла. Оружіе было главнымъ украшеніемъ мужчинъ и надѣвалось ими во всѣ собранія. Молодые люди могли носить его не прежде, какъ были признаны достойными къ тому народнымъ собраніемъ. Щитъ и копье, бывшее въ одно и то же время пикою и дротикомъ, были главнымъ оружіемъ германцевъ; панцыри и шлемы употреблялись рѣдко. Оставить щитъ свой въ сраженіи считалось у нихъ такимъ же стыдомъ и безчестьемъ, какъ и у спартанцевъ, и потерявшій щитъ не смѣлъ уже принимать участія въ народныхъ сходкахъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ; многіе предупреждали этотъ позоръ самоубійствомъ. На войну германцы выѣзжали иногда и на лошадяхъ, но главныя силы ихъ состояли въ пѣхотѣ.

Римляне хвалятъ въ германцахъ качества, общія всѣмъ полудикимъ народамъ, — напр. храбрость и гостепріимство. Но германцы всегда отличались отъ другихъ народовъ: отсутствіемъ многоженства, уваженіемъ къ цѣломудрію, и наконецъ вѣрностью и преданностью тѣмъ, которыхъ они избирали своими князьями. Кромѣ того, въ противоположность другимъ варварамъ, женщины занимали у нихъ высокое положеніе. Они не обращались съ женщиной какъ съ рабой, и, при заключеніи договоровъ, дѣвицы считались у германскихъ народовъ лучшими заложницами, чѣмъ мужчины, потому что, выдавъ ихъ, германцы еще болѣе считали себя обязанными соблюдать свое слово; кромѣ того, имъ приписывались высшія способности, и нѣкоторыя женщины, какъ напр. жившая при Веспасіанѣ Веледа, въ качествѣ Алрунъ, т. е. всевѣдущихъ или пророчицъ, играли важную роль и имѣли большое вліяніе на народныхъ сходкахъ.

Форма правленія была чисто демократическою только у фризовъ; даже въ тѣ времена, когда народъ и каждый гражданинъ принимали еще участіе въ правленіи, — мы находимъ начатки позднѣйшей свободной монархіи. На время войны германцы избирали предводителя, а во время мира управлялись выборнымъ же княземъ, облеченнымъ пожизненною и ограниченною властью. Всѣ свободные составляли народное собраніе, обсуждавшее и рѣшавшее всѣ общественныя дѣла, имѣвшее право надъ жизнью и смертью преступниковъ и избиравшее предсѣдателей судовъ отдѣльныхъ волостей. Народныя собранія происходили въ опредѣленные дни, въ новолуніе или полнолуніе, а у франковъ обыкновенно только разъ въ году, въ мартѣ, а впослѣдствіи въ маѣ. Въ каждомъ племени было нѣсколько благородныхъ, на которыхъ большею частью, хотя не всегда, падалъ выборъ; благородные совѣщались между собою и рѣшали менѣе важныя дѣла; но кажется, что преимущество это давалось имъ рожденіемъ, а не личными заслугами. Изъ среды ихъ выбирался и король, который, какъ и вообще вожди полудикихъ и воинственныхъ племенъ, былъ не повелителемъ, а только представителемъ своего племени, — почему и избирался не изъ самыхъ храбрыхъ, а изъ самыхъ знатныхъ. Войско состояло изъ всей массы свободныхъ. Кромѣ этого, такъ называемаго, ополченія (Heerbann), въ то время, когда весь народъ не велъ никакой общей войны, собирались иногда для какихъ-нибудь особенныхъ предпріятій отдѣльныя дружины, подъ предводительствомъ удалаго вождя. Они назывались его свитой и подъ его предводительствомъ добывали себѣ славу и добычу. Чѣмъ многочисленнѣе была свита благороднаго вождя, тѣмъ сильнѣе было его вліяніе въ народ-

ныхъ собраніяхъ. Въ судахъ предсѣдательствовали выборные судьи, называвшіеся графами (отъ слова grau, сѣдой, т. е. старшина), а подъ ихъ начальствомъ, засѣдало нѣсколько отцовъ семейства. На наказанія германцы смотрѣли только какъ на вознагражденіе потери, и на этомъ основаніи, даже убійство искупалось уплатой родственникамъ убитаго пени, цифра которой опредѣлялась судьями.

О религіи древнихъ германцевъ римляне сообщаютъ намъ весьма поверхностныя свѣдѣнія: она была многобожіемъ; вотъ почти все, что можно почерпнуть изъ римскихъ источниковъ. Для большей подробности, къ римскимъ извѣстіямъ присоединяютъ обыкновенно сказанія древнихъ скандинавовъ, записанныя въ средніе вѣка, хотя сомнительно, чтобы древніе обитатели собственной Германіи, о которыхъ говорится въ римскихъ сочиненіяхъ, имѣли совершенно одну и ту же вѣру и одинъ культъ съ скандинавами. Въ такомъ случаѣ главнымъ божествомъ германцевъ слѣдуетъ считать Водана или Одина; онъ былъ всѣмъ правящій богъ и отецъ всего и, какъ прародитель германскихъ племенъ, назывался также Туиско (Tuisko). Рядомъ съ нимъ стоятъ его старшіе сыновья, богъ грома, Торъ (Thor, Donner), воспоминаніе о которомъ удержалось въ названіи Donnerstag (четвергъ), и богъ войны, Тиръ или Тіу (Tyr, Tiu), отъ имени кокораго производятъ названіе вторника (Dienstag). Супругою Водана и богинею браковъ была Фрея, которой была посвящена пятница (Freytag). Другою супругою Водана была Герта или богиня земли (Erde). Кромѣ того, скандинавы поклонялись еще богу искусствъ Браги, и знаменитому красотою богу-герою Бальдеру, богинѣ юности Идунѣ, богинямъ судьбы или Норнамъ и другимъ божествамъ. Жизнь боговъ у скандинавовъ была украшена такими же поэтическими и разнообразными миѳами, какъ и у грековъ. Кромѣ боговъ, они допускали еще два невидимые міра карликовъ и гигантовъ, вѣрили въ безсмертіе души и чрезвычайно своеобразно представляли себѣ загробную жизнь. Они вѣрили, что павшіе въ битвахъ живутъ съ Воданомъ во дворцѣ Валгаллы, проводятъ время въ битвахъ, охотѣ и бражничаньѣ, и что имъ прислуживаютъ богини битвъ Валькиріи, которыя подъ звуки своей страшной пѣсни ткутъ кровавую пряжу сраженій (парки).

О богослуженіи и жрецахъ германцевъ римляне разсказываютъ больше, чѣмъ о самихъ богахъ. Германскіе жрецы пользовались большимъ почетомъ, но не составляли, какъ друиды въ Галліи, особеннаго сословія. Барды, которые существовали и въ Галліи, были не жрецами, а только поэтами и пѣвцами боевыхъ гимновъ. Германцы не имѣли изображеній своихъ боговъ и поклонялись имъ не въ храмахъ, а въ священныхъ дубравахъ, гдѣ жрецы приносили жертвы за народъ. Въ жертву приносились иногда и военноплѣнные. Воля боговъ и будущее отгадывалось разными способами, преимущественно же по ржанію священныхъ бѣлыхъ коней, которыхъ держали въ рощахъ, посвященныхъ богамъ.

Переходя отъ этого общаго обзора германскихъ племенъ къ войнамъ съ ними Августа, мы видимъ, что римляне пришли въ враждебное столкновеніе съ германцами въ одно и то же время на Рейнѣ и на Дунаѣ. Со времени Цезаря, нѣсколько германскихъ народовъ, изъ которыхъ значительнѣйшими были убіи, въ окрестностяхъ Кельна, и вангіоны, трибокки и неметы между Шлеттштадтомъ и Оппенгеймомъ, — поселились на лѣвомъ берегу Рейна и уже начали усвоивать себѣ римскіе нравы. Римляне вошли въ торговыя сношенія и съ пограничными германскими народами, жившими на правомъ берегу Рейна. Около 16 г. до р. Х. нѣсколько германскихъ дружинъ, умертвивъ пріѣхавшихъ къ нимъ римскихъ купцовъ, возобновили разбойничьи набѣги на лѣвый берегъ Рейна и разбили на голову римскаго полководца Лоллія, пытавшагося отнять у нихъ добычу. Августъ, именно въ это время задумавшій свое путешествіе въ Галлію, тотчасъ же отправился на Рейнъ и военными дѣйствіями довелъ германцевъ до того, что они дали обѣщаніе соблюдать миръ. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ, римлянамъ снова пришлось мстить за честь римскаго оружія, и Августъ назначилъ руководить этимъ препріятіемъ пасынковъ своихъ Друза и Тиберія, которые вели тогда счастливую войну съ обитавшими на югъ отъ Дуная варварами кельтическаго происхожденія и побѣдили (15 г. до р. Хр.) жителей Реціи, Винделиціи и Норики, не хотѣвшихъ исполнять какого-то приказанія римлянъ. Въ то время, какъ Тиберій проникъ въ глубь Венгріи, Друзъ покорилъ всю страну до Дуная и поло-

жилъ тамъ основаніе нѣкоторымъ укрѣпленнымъ колоніямъ, изъ которыхъ впослѣдствіи возникли значительные города, Друзомагъ (можетъ быть, нынѣшній Мемминген) и Августа Винделициковъ (Augusta Vindeliciorum, Аугсбургъ). Августъ отозвалъ Друза съ занимаемаго имъ до тѣхъ поръ поста и поручилъ ему веденіе войны въ Германіи, а Тиберій, продолжая свои завоеванія на сѣверовостокѣ, покорилъ на Дравѣ и Савѣ народы сарматскаго племени.

Почти два года (15 — 13) провелъ Друзъ въ приготовленіяхъ къ походу. Въ это время онъ обучилъ свое войско, укрѣпилъ важные въ стратегическомъ отношеніи пункты на Рейнѣ, заключилъ союзъ съ батавами, жившими между Ваалomъ и Маасомъ, и прорылъ каналъ, соединяющій Рейнъ съ старымъ Исселемъ (вѣроятно, нынѣшній новый Иссель). Потомъ отъ 13 до 9 года онъ совершилъ пять походовъ въ Германію. Ученые много занимались этими предпріятіями; но результаты ихъ розысканій не сходятся между собою, потому что извѣстія, сообщаемыя римскими историками, невѣрны, а отношенія германскихъ народовъ, о которыхъ они говорятъ, чрезвычайно неясны. Первый походъ Друза былъ предпринятъ противъ сигамбровъ и узипетовъ, жившихъ на берегахъ Зига и Лана и не задолго передъ тѣмъ сдѣлавшихъ новое нападеніе на Галлію; они были прогнаны за Рейнъ и преслѣдуемы даже въ ихъ собственной землѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, Друзъ приступилъ къ осуществленію великолѣпнаго плана, для котораго онъ и прорылъ свой рейнскій каналъ. Онъ хотѣлъ подняться по Исселю въ Зюйдеръ-Зее, оттуда осмотрѣть часть сѣвернаго берега Германіи и укрѣпиться между Эмсомъ и Везеромъ; но планъ его не удался, потому что римскіе матросы не имѣли ни искусства, ни опытности и знаній, нужныхъ для опаснаго плаванія по Сѣверному морю. При входѣ въ Эмсъ, онъ подвергся большой опасности, вслѣдствіе неожиданно застигшаго его отлива, и долженъ былъ, ничего не сдѣлавъ, прежнимъ путемъ воротиться въ Галлію. Послѣ этого, онъ совершилъ еще три похода на Рейнъ противъ сосѣднихъ германскихъ народовъ, чтобы покорить ихъ или частыми набѣгами привести ихъ въ ужасъ. Въ первый походъ, имѣвшій результатомъ покореніе узипетовъ, онъ дошелъ до Липпе, гдѣ основалъ поселеніе Ализо (нынѣшній Эльзенъ въ Падерборнской провинціи или Лисборнъ въ Мюнстерской). На обратномъ пути Друзъ наголову разбилъ сигамбровъ, а въ слѣдующемъ году предпринялъ походъ противъ каттовъ, жившихъ на пространствѣ отъ Майна до Вестфаліи; но подробности этого предпріятія неизвѣстны. Послѣдній походъ Друза былъ самымъ труднымъ и начался дѣйствіями противъ каттовъ. Друзъ разбилъ это племя, и послѣ самыхъ упорныхъ битвъ, проникъ въ Турингію, гдѣ жили гермундуры. Отсюда онъ повернулъ на сѣверозападъ, къ Гарцу, въ страну херусковъ, и, истребляя все огнемъ и мечемъ, дошелъ до Эльбы. Наступленіе зимы не позволило ему идти далѣе; онъ сталъ возвращаться на Рейнъ, но дорогой, упалъ съ лошади, сломилъ себѣ лядвею и черезъ тридцадь дней умеръ, не достигши Рейна, на тридцатомъ году своей жизни (9 г. до р. Хр.). Братъ его, Тиберій, принявшій послѣ него главное начальство на Рейнѣ, воздвигъ ему въ Эйхельштейнѣ на Майнѣ памятникъ, сохранявшійся до конца XVII столѣтія, когда онъ былъ разрушенъ французами; сенатъ, по представленію Августа, далъ Друзу и его потомкамъ почетный титулъ Германика. Самымъ важнымъ слѣдствіемъ предпріятій Друза было устройство имъ цѣлой линіи военныхъ постовъ, по обоимъ берегамъ Рейна въ горахъ Таунуса, и нѣсколькихъ укрѣпленій по Липпе и Эмсу. Къ числу этихъ постовъ принадлежалъ и городъ Могонціакумъ или Майнцъ, основаніе котораго приписывается Друзу; во всякомъ случаѣ онъ велѣлъ построить тамъ мостъ. Остатки длиннаго вала, проходящіе черезъ весь Таунусъ и извѣстные въ народѣ подъ названіемъ Pfahlsgraben — вѣроятно, были частью окоповъ Друза. Этотъ валъ, состоящій изъ каменнаго фундамента, съ наваленной на него землею и обнесенный двойнымъ рвомъ, идетъ отъ купальней Эмса, до высочайшей вершины Таунуса и потомъ по его хребту спускается къ Веттерау.

По смерти Друза, римляне обратились преимущественно противъ народовъ, жившихъ на сѣверозападѣ Германіи, неподалеку отъ Сѣвернаго моря; потому что народы эти были разъединены и побѣдить ихъ было гораздо легче, чѣмъ племена средней и южной Германіи, соединенныя тогда въ великій союзъ свевовъ. Сначала Тиберій, а потомъ двое полководцевъ, принявшіе отъ него начальство,

и затѣмъ снова Тиберій, проникали все далѣе въ глубь Германіи, сдѣлали жителей страны между Везеромъ и Рейномъ подданными римскаго императора подъ именемъ союзниковъ и пріучили ихъ къ римскимъ потребностямъ и удобствамъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ римскому праву и судопроизводству. Тиберій опять провелъ свои войска черезъ Везеръ до Эльбы и покорилъ малочисленные народы, обитавшіе между этими рѣками. Такимъ образомъ большая часть сѣверной Германіи была обращена въ римскую провинцію, и германцы этой территоріи, казалось, не только покойно сносили римское владычество, но и были еще счастливы своей зависимостью. Многіе изъ нихъ вступили въ военную службу къ римлянамъ, и Августъ даже сформировалъ себѣ въ это время германскую гвардію. Между германцами, служившими въ римскомъ войскѣ, получили вскорѣ огромное значеніе двое: князь херусковъ Арминій или Германъ, который за свои заслуги, какъ начальникъ германской конницы, получилъ званіе римскаго всадника, и Марбодъ, князь маркоманновъ, который, такъ же какъ и Германъ, научился въ этой службѣ римской политикѣ и военному искусству.

Въ то время, какъ Тиберій съ сыномъ своего брата Друза, Германикомъ, усмирялъ возмутившихся жителей Паннониі, ошибка Августа повела къ уничтоженію римскаго могущества въ западной Германіи. Ближайшій преемникъ Тиберія въ командованіи войскомъ, расположеннымъ на Рейнѣ, Сенцій Сатурнинъ, слѣдовалъ мудрому правилу, которое римляне примѣняли до тѣхъ поръ ко всѣмъ полупокореннымъ народамъ; онъ извлекалъ выгоды изъ междоусобій германскихъ племенъ, стараясь привлечь ихъ къ себѣ дружбой и соблазнами римской роскоши, переманить ихъ въ военную службу римлянъ и подчинить римскимъ законамъ. Къ несчастію, Августъ отозвалъ этого намѣстника, послалъ вмѣсто него Публія Квинтилія Вара, который, до тѣхъ поръ начальствуя войсками въ Сиріи, имѣлъ дѣло только съ изнѣженнымъ и привыкшимъ къ деспотизму населеніемъ. Варъ сталъ поступать въ Германіи такъ же, какъ поступалъ въ Сиріи; онъ обращался съ германцами съ чисто римскимъ высокомѣріемъ; налагалъ обременительныя повинности на народы, которые прежде платили только незначительную дань; ввелъ вездѣ римское судопроизводство и систему наказаній и обращался презрительно съ вождями варваровъ, искавшими у него суда. Кромѣ того, онъ предался какой-то непонятной беззаботности, доставившей оскорбленнымъ имъ народамъ прекрасный случай отомстить за его обиды. Херусскій князь Германъ составилъ изъ большей части своихъ земляковъ тайный союзъ противъ римлянъ и, чтобы погубить ихъ, прибѣгнулъ къ хитрости и лукавству, которымъ научился изъ сношеній съ ними же. Онъ составилъ планъ соединить, для уничтоженія римлянъ, народы и племена сѣверозападной Германіи въ одинъ союзъ, обмануть Вара дружелюбіемъ и льстивой угодливостью и потомъ заманить его со всѣмъ войскомъ въ страну, гдѣ римляне могли бы быть истреблены безъ всякаго труда. Весь планъ былъ основанъ на хитрости и обманѣ; но было бы не только несправедливо, а даже смѣшно требовать отъ людей, стоявшихъ еще на первой ступени образованности, морали образованнаго вѣка и судить ихъ поступки по законамъ строгой нравственности. Варъ былъ ослѣпленъ своимъ высокомѣріемъ, и обмануть его было легко. Волненія между германцами и существованія между ними заговора нельзя было не видѣть, но, не смотря на то, Варъ позволилъ завлечь себя въ ловушку, которая, конечно, была устроена гораздо хитрѣе, чѣмъ онъ могъ ожидать отъ простодушныхъ и необразованныхъ германцевъ. Даже когда другой князь херусковъ, Сегестъ, дочь котораго, Туснельда, противъ воли отца, вышла за Германа, — передалъ римскому намѣстнику планы своего зятя, Варъ не сдѣлался осторожнѣе; напротивъ, онъ именно въ это время и отдѣлилъ часть своего войска, послалъ его подавлять возстанія въ разныхъ краяхъ области, а самъ, завлекаемый Германомъ и его друзьями, двинулся въ сѣверную Вестфалію, гдѣ заговорщики возбудили возстаніе въ одномъ племени. Германъ завелъ обманутаго намѣстника въ совершенно непроходимую мѣстность Тевтобургскаго лѣса, гдѣ горы и густые лѣса, облегчали нападеніе на римское войско, движеніе котораго, затруднялось кромѣ того бурями и проливными дождями. Когда Варъ, зайдя въ окрестности Детмольда, не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, германцы тотчасъ же отдѣлились отъ его войска и напали на него, въ соединеніи съ окрестными жителями. Со всѣхъ сторонъ окруженные

и аттакованные врагами, римляне потерпѣли страшное пораженіе. Всѣ попытки Вара спасти свое войско были тщетны; его легіоны, состоявшіе болѣе чѣмъ изъ 24 тысячъ человѣкъ, были истреблены въ кровавой рѣзнѣ, продолжавшейся нѣсколько дней. Самъ онъ, въ отчаяніи пронзилъ себя мечемъ, и немногіе солдаты, избѣжавшіе смерти, попались въ плѣнъ. Германцы поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ въ такихъ случаяхъ варвары: ярость ихъ не знала предѣловъ. Множество римлянъ было принесено въ жертву богамъ; другіе были пригвождены къ деревьямъ, или избиты до смерти. Ближайшимъ слѣдствіемъ этой побѣды было разореніе римскихъ фортовъ и укрѣпленій въ Германіи, и уничтоженіе римскаго господства на правомъ берегу средняго Рейна.

Сраженіе въ Тевтобургскомъ лѣсу (9 г. по р. Хр.) было самымъ сильнымъ пораженіемъ, которое испыталъ народъ римскій со времени неудачи Красса (стр. 29). Оно распространило въ Римѣ тѣмъ большій ужасъ, чѣмъ блестящѣе были походы Друза и Тиберія, и тѣмъ тяжеле было для послѣдняго снова покорять возмутившихся жителей Паннонiи. Нужно было опасаться новаго возстанія паннонцевъ и вторженія варваровъ съ двухъ сторонъ, и если расширеніе границъ на счетъ этихъ народовъ было мѣрой неблагоразумной, то нельзя не сознаться, что съ этихъ поръ для римлянъ всякая остановка на этомъ пути или даже отступленіе сдѣлались столь же опасны, какъ и всякій шагъ впередъ. Августъ и вся столица были такъ смущены извѣстіемъ о пораженіи Вара, какъ будто бы германцы уже стояли подъ стѣнами Рима. Самъ императоръ нѣсколько дней не зналъ, какъ отдѣлаться отъ своего страха, и по словамъ одного изъ тѣхъ анекдотовъ, которыми обыкновенно стараются обрисовывать всѣ важные моменты въ исторіи, — подъ первымъ впечатлѣніемъ горя, разорвалъ свои одежды и цѣлый день сидѣлъ взаперти, постоянно повторяя: «Варъ, Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!» Онъ поспѣшилъ предотвратить грозившую опасность, приказавъ какъ можно скорѣй укомплектовать стоявшіе въ окрестностяхъ Рима легіоны. Но римляне и даже итальянцы уже давно перестали составлять ядро войскъ, которыя носили ихъ имя и защищали ихъ государство; поэтому быстрый наборъ новыхъ легіоновъ былъ соединенъ съ такими затрудненіями, что Августъ долженъ былъ прибѣгнуть къ самымъ крутымъ понудительнымъ мѣрамъ. Изъ гражданъ, достигшихъ опредѣленнаго закономъ возраста, ни одинъ не пошелъ добровольно; императоръ приказалъ бросить жребій и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что всякій, уклоняющійся отъ службы, будетъ лишенъ всего своего имѣнія и объявленъ безчестнымъ. Когда, не смотря и на это, многіе не явились на службу, императоръ велѣлъ для примѣра казнить нѣсколькихъ гражданъ. Августъ вновь призвалъ на службу даже вольноотпущенныхъ и солдатъ, выслужившихъ сроки. Съ набраннымъ такимъ образомъ войскомъ онъ послалъ на Рейнъ пасынка своего Тиберія. Тиберій счелъ безполезнымъ вновь покорять отпавшія земли; но чтобы показать варварамъ, что римляне еще не обезсилены, онъ совершилъ небольшую экспедицію за Рейнъ. Вообще за пораженіе Вара, римляне поплатились только своими владѣніями въ средней Германіи, но удержали за собою область фризовъ, въ низовьяхъ Эмса и Рейна. Германцы сами не думали пользоваться своей побѣдой, для завоеванія Галліи, потому что дикіе народы остаются соединенными только до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ своей ближайшей цѣли.

3. Правленіе императоровъ изъ фамиліи Августа.

Неудачи въ Германіи и Паннонiи опечалили императора Августа только на короткое время; но скорбь о порокахъ и несчастіяхъ его собственнаго семейства терзала его безпрестанно. Августъ былъ женатъ три раза, но имѣлъ только одну дочь, Юлію, отъ своей второй супруги Скрибоніи. Юлія, которая съ самой ранней молодости, предалась ужасному разврату и съ годами все болѣе и болѣе отбрасывала отъ себя всякій стыдъ, нравственность и приличіе, — была въ первый разъ замужемъ за Маркомъ Марцелломъ, сыномъ благородной Октавіи, отъ перваго брака ея съ Каемъ Марцелломъ. Зять и племянникъ Августа былъ, кажется, такого же характера, какъ и его мать, и всѣ окружавшіе любили моло-

даго человѣка такъ же, какъ и ее. Августъ назначилъ его своимъ преемникомъ, но Марцеллъ (23 г. до р. Хр.) умеръ преждевременною смертью, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Потомъ Августъ женился въ третій разъ, на властолюбивой Ливіи, вдовѣ Тиберія Клавдія Нерона. Ливія употребляла всевозможные происки, чтобы постановить во главѣ войска и государственнаго управленія своихъ сыновей отъ перваго брака, Тиберія и Друза. Искусная интригатнка, она хорошо понимала, какъ управлять своимъ супругомъ, не показывая вида, что вмѣшивается въ правительственныя дѣла; и не только безропотно сносила частыя невѣрности своего мужа, но иногда, чтобы вѣрнѣе воспользоваться его слабостями, даже помогала ему своимъ вліяніемъ на женщинъ. Она скоро достигла своей цѣли: мы уже видѣли, какія высокія мѣста занимали въ войскѣ ея сыновья; во всякомъ военномъ предпріятіи, во всякомъ значительномъ государственномъ дѣлѣ, Друзъ и Тиберій пользовались предпочтеніемъ предъ всѣми. Но вообще, какъ бы ни было велико вліяніе Ливіи на Августа, императоръ должно быть хорошо зналъ характеръ своихъ пасынковъ и только въ крайности рѣшился назначить ихъ своими наслѣдниками. По смерти Марцелла, онъ предпочелъ имъ своего друга Агриппу, которому былъ обязанъ побѣдой, и котораго еще прежде осыпалъ всевозможными милостями. Женивъ его на вдовѣ Марцелла, онъ смотрѣлъ на него, какъ на своего будущаго преемника. Но Агриппа, имѣвшій отъ Юліи трехъ сыновей и двухъ дочерей, умеръ (въ 12 г. до р. Х.), и тогда Тиберій, любимый сынъ Ливіи, сталъ являться вездѣ, гдѣ обстоятельства требовали присутствія полномочнаго представителя императора. Наконецъ, за него выдали и Юлію; надежда Ливіи видѣть его наслѣдникомъ престола была такимъ образомъ близка къ осуществленію, но снова рушилась, когда старшіе сыновья Агриппы, Кай и Луцій Цезарь, достигли возраста, позволявшаго имъ принять участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Къ несчастію, оба молодые человѣка не имѣли никакихъ военныхъ талантовъ, и кромѣ того, рано испорченные дурнымъ воспитаніемъ своей развратной матери и придворной лестью, не показывали ни малѣйшихъ способностей къ государственнымъ занятіямъ. Не смотря на то, смерть ихъ была несчастіемъ для всего міра, потому что Августъ принужденъ былъ передать тогда свое господство самой страшной личности изъ своего семейства, Тиберію. Печальная хроника того времени утверждаетъ, что Ливія избавилась отъ внуковъ ядомъ. Какъ бы ни было, Тиберій былъ усыновленъ Августомъ и объявленъ наслѣдникомъ, съ обязанностью, въ свою очередь, усыновить и принять въ соправители своего племянника Германика, сына Друза. Зато Августъ вскорѣ нашелся вынужденнымъ удалить единственнаго изъ оставшихся въ живыхъ родныхъ внуковъ, сына Агриппы и Юліи, Агриппу Постума, родившагося уже послѣ смерти отца. Хотя этотъ молодой человѣкъ и былъ усыновленъ Августомъ, но скоро выказалъ такія дикія и животныя наклонности и вдался въ такой необузданный развратъ, что дѣдъ долженъ былъ сослать его на одинъ пустынный островъ Средиземнаго моря. Вскорѣ послѣ того, императоръ былъ принужденъ удалить изъ Рима и мать его. За свой въ высшей степени развратный образъ жизни, она была сослана на маленькій островокъ, близъ кампанскаго берега. Августъ ужъ не видалъ болѣе Юліи, которая умерла въ нищетѣ, вскорѣ послѣ восшествія на престолъ своего третьяго супруга.

Въ 14 г. по р. Хр. семидесятилѣтній Августъ умеръ, оставивъ своему пасынку Тиберію государство, составленное изъ самыхъ разнородныхъ частей; къ несчастію, онъ не сдѣлалъ изъ него здороваго политическаго организма, направивъ его на законный путь изданіемъ конституціи. Уже само господство Августа было ближе къ настоящей деспотіи, ищущей расположенія низкихъ льстецовъ и черни и опирающейся на войско, чѣмъ къ истинной монархіи, сила которой заключается въ самомъ народѣ. Все основывалось на личности государя, и эта-то главная черта характера новой формы правленія обнаружилась со всѣми своими недостатками и ужасами, когда по смерти Августа власть перешла въ руки человѣка, преобладающими качествами котораго были зависть, робость, чувственность и жестокость. Римскіе остряки говорили, что Августъ нарочно выбралъ этого человѣка своимъ наслѣдникомъ для того, чтобы кротость его собственнаго правленія выступила еще рельефнѣе въ сравненіи съ жестокой тираніей Тиберія. Вѣрить безъ доказательствъ чему-нибудь подобному могутъ только мизантропы,

да и вообще утверждать что-нибудь, не имѣя положительныхъ основаній, есть признакъ превратнаго и больнаго разсудка. Въ назначеніи Тиберія мы скорѣе готовы видѣть дѣло Ливіи. Принудивъ же своего преемника усыновить Германика, Августъ покрайней мѣрѣ хоть на короткое время послѣ своей смерти защитилъ міръ отъ ужасныхъ послѣдствій бѣшенаго характера тирана.

Тиберій, царствовавшій съ 14 — 37 г. по р. Хр., былъ человѣкъ мрачнаго характера, склонный къ жестокости и деспотизму. Кромѣ того, по своимъ отношеніямъ къ Августу, онъ съ ранней молодости привыкъ къ такому притворству, какимъ обладали весьма немногіе государи. Онъ никогда не давалъ замѣтить, чего ему хочется, а слова и жесты его говорили скорѣе совершенно противоположное тому, что гнѣздилось въ его душѣ. Онъ всегда поступалъ дружелюбно съ тѣми, кого ненавидѣлъ, и былъ суровъ и холоденъ съ тѣми, кто ему нравился. Тѣхъ, кто его отгадывалъ, онъ преслѣдовалъ и ненавидѣлъ, и многіе во время его царствованія были казнены только потому, что поняли и разгадали его. И первымъ правительственнымъ дѣломъ Тиберія была хитрость и притворство. Тотчасъ по смерти Августа онъ призвалъ къ себѣ императорскую гвардію, отдавалъ войскамъ приказанія какъ императоръ, приказалъ умертвить Агриппу Постума, какъ опаснаго соперника, и не смотря на то, передъ собраніемъ сената показалъ видъ, что не хочетъ принимать власти, а созвалъ сенаторовъ только для того, чтобы прочесть имъ завѣщаніе Августа и посовѣтоваться съ ними о почестяхъ, какія слѣдуютъ воздать умершему. Когда Августъ, приговоромъ сената, былъ признанъ богомъ и погребенъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ, Тиберій поцеремонился еще нѣкоторое время, говоря, что не считаетъ себя способнымъ взять на себя тягостную обязанность правителя, и только послѣ формальныхъ просьбъ сената принялъ санъ императора. Первые восемь лѣтъ его правленія были вообще довольно кротки и справедливы, потому что боязнь предъ Германикомъ удерживала въ извѣстныхъ границахъ его ненависть къ людямъ. Онъ долженъ былъ опасаться своего племянника тѣмъ болѣе, что тотъ стоялъ во главѣ восьми легіоновъ, порученныхъ ему Августомъ для завоеванія Германіи, а войско такъ любило своего храбраго вождя, что тотчасъ по извѣстіи о кончинѣ Августа просило его принять санъ императора. Хотя Германикъ и отклонилъ это предложеніе, но Тиберій тѣмъ болѣе долженъ былъ остерегаться, чтобы не подать повода къ неудовольствію, что Германикъ имѣлъ блестящій успѣхъ въ Германіи, а уваженіе къ нему народа и солдатъ возрастало все болѣе и болѣе. Поэтому Тиберій въ первые годы своего царствованія исполнялъ всѣ обязанности мудраго правителя. Онъ облегчилъ налоги и отклонилъ сдѣланное ему предложеніе ввести новыя подати, сказавъ, что «добрый пастухъ долженъ стричь своихъ овецъ, а не драть съ нихъ кожу». Онъ устранилъ изъ сената жалкихъ льстецовъ, которыхъ тамъ было множество; запретилъ привѣтственныя рѣчи съ необыкновеннымъ въ Римѣ титуломъ государя, и иногда терпѣливо сносилъ ропотъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, объявляя всенародно, что въ свободномъ сенатѣ должно быть свободно и слово. Онъ принималъ приглашенія римскихъ вельможъ, отдавалъ имъ визиты и вообще во всѣхъ поступкахъ не выказывался не только деспотомъ, но даже и императоромъ. Но на дѣлѣ всѣ усилія его съ самаго начала были направлены къ тому, чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ удалить Германика отъ его германскихъ легіоновъ. Тиберій счелъ это возможнымъ въ 17 г. по р. Хр., когда германская война, стоившая уже много людей и денегъ, не принесла, кромѣ славы, ни малѣйшей выгоды. Онъ отозвалъ своего племянника въ Римъ, устроилъ ему блестящій тріумфъ, и потомъ въ качествѣ главнокомандующаго послалъ его на Востокъ. Германикъ въ продолженіе двухъ лѣтъ велъ тамъ славную войну съ пограничными народами, но былъ нѣсколько разъ оскорбляемъ римскимъ намѣстникомъ Сиріи, и наконецъ отравленъ имъ (въ 19 г. по р. Хр.). Надъ убійцей его было наряжено слѣдствіе, но обвиняемый, видя, что Тиберій хочетъ выдать его, лишилъ себя жизни, а можетъ быть, былъ убитъ и по секретному приказанію самого императора.

Съ этого времени настоящій характеръ Тиберія началъ обозначаться все яснѣе; гнусность тѣснившихся вокругъ него людей дѣлаетъ его все отважнѣе въ исполненіи задуманныхъ имъ преступленій, пока въ 23 году по р. Хр. не становится его любимцемъ С е я н ъ, который наконецъ и превращаетъ его въ совер-

шеннѣйшаго тирана. Сеянъ, сынъ Сея Страбона, командовавшаго при Августѣ гвардіей, принадлежалъ къ сословію всадниковъ. Усмиреніемъ чрезвычайно опаснаго возстанія паннонскихъ легіоновъ, онъ вошелъ въ милость къ Тиберію и по смерти отца сдѣлался префектомъ преторіанцевъ или начальникомъ гвардіи. Первымъ его распоряженіемъ по вступленіи въ новую должность была перемѣна постоянной квартиры преторіанцевъ, что имѣло весьма важныя послѣдствія. При Августѣ караулы въ Римѣ содержались только тремя когортами преторіанцевъ и небольшимъ отрядомъ германцевъ и испанцевъ, а большая часть гвардіи была размѣщена по всей Италіи. По предложенію Сеяна, Тиберій собралъ всю гвардію въ Римѣ и вмѣстѣ съ отрядами, находившимися уже въ столицѣ, расположилъ ее въ укрѣпленномъ лагерѣ у воротъ Рима. Онъ воспользовался тѣмъ предлогомъ, что иначе солдатъ трудно было бы собрать даже въ случаѣ крайней необходимости, и что отъ сношеній съ городскими жителями они бы испортились. Мѣра эта имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу всего государства, потому что, измѣнивъ отношенія преторіанцевъ и ихъ начальниковъ къ государю и къ гражданамъ, поставила императора въ зависимость отъ своей гвардіи и сдѣлала ея командира вторымъ лицемъ въ государствѣ.

Съ этихъ поръ правленіе Тиберія дѣлается совершенно деспотическимъ и военнымъ. Онъ уже не скрывался ни передъ кѣмъ, а Сеянъ являлся послушнымъ и способнымъ орудіемъ всѣхъ его замысловъ. Жестокія преслѣдованія и кровавыя казни совершались ежедневно; каждый, возбуждавшій подозрѣніе, былъ изгоняемъ или осуждаемъ на казнь; угрызенія совѣсти и тоска преслѣдовали тирана среди его занятій, составлявшихъ его развлеченія; онъ подозрѣвалъ всѣхъ: свое семейство, лучшихъ писателей своего времени, и все благородное и доброе. Сеянъ мастерски поддерживалъ этотъ тайный страхъ своего государя и не давалъ ему уклоняться отъ однажды избраннаго пути. Но ни Сеянъ, ни Тиберій не были настоящими изобрѣтателями этой ужасной правительственной системы, которая была введена тогда въ первый разъ и которой потомъ подражали всѣ жестокіе императоры. Она была скорѣе естественнымъ слѣдствіемъ нравственнаго состоянія поколѣнія, представителями котораго были Тиберій и Сеянъ. Развратъ, роскошь и праздность сдѣлались единственною цѣлью жизни большей части римлянъ: всѣ лучшія стремленія, всѣ высшія побужденія были приносимы ей въ жертву. Сенаторы уже съ самаго начала своею низкою лестью показали императору, что они готовы терпѣть всевозможный деспотизмъ, и осыпали его такими великими почестями, что онъ самъ однажды замѣтилъ имъ съ насмѣшкой, что лучше бы они подождали конца его царствованія, прежде чѣмъ рѣшиться воздавать ему такія необыкновенныя почести! Такимъ образомъ тогда, какъ и всегда, мерзость и ничтожество управляемыхъ вызвало и сдѣлало возможной эту ужасную тиранію правителя. Императоръ и его министръ не могли-бы такъ страшно злоупотреблять своею властью, если-бы не имѣли дѣла съ разслабленнымъ, безнравственнымъ, трусливымъ и малодушнымъ поколѣніемъ. Только совершенное растлѣніе, ничтожество и низость римлянъ были виною того, что въ царствованіе Тиберія люди сдѣлали настоящее ремесло изъ шпіонства, оговоровъ и доносовъ, и что это печальное занятіе развивалось все болѣе и болѣе при послѣдующихъ правительствахъ, отравляя собою всѣ жизненные соки государства. Въ самомъ дѣлѣ, едва во второй годъ царствованія Тиберія Романъ Гиспонъ, бѣднякъ изъ нисшаго слоя черни, успѣлъ пріобрѣсти богатство и вліяніе ложными наговорами и своимъ примѣромъ указалъ безчисленному множеству другихъ доносчиковъ дорогу къ богатству и знатности, какъ наговоры и ложные доносы стали дѣлаться все чаще и чаще, и каждый заслуженный или высокопоставленный человѣкъ болѣе и болѣе подвергался опасности по мѣрѣ того, какъ увеличивалось моральное растлѣніе римскаго общества. Такимъ образомъ не тираны, которые съ легкой руки Тиберія начали господствовать надъ имперіей, растлили нравы и нравственность римскаго міра, а скорѣе сами они сдѣлались такими подъ его вліяніемъ. Конечно, и здѣсь, какъ и во всемъ, было взаимодѣйствіе, и такой лицемѣрный, неспособный ни къ чему хорошему правитель, какъ Тиберій, долженъ былъ дѣйствовать чрезвычайно пагубно на поколѣніе, которое принесло въ жертву самому презрѣнному себялюбію всѣ благороднѣйшія стремленія сердца и великія воспоминанія прошлаго и не только терпѣло всякую низость, но добровольно вызывалось на

нее. Съ прекращеніемъ общественной жизни развратъ сталъ дѣлать быстрые успѣхи, а введеніе военнаго деспотизма, преслѣдованіе всего лучшаго и господство мрачнаго насилія все болѣе и болѣе погружало римскій міръ въ чувственныя наслажденія и развратъ, достигшія въ эпоху императоровъ высшей степени. Вообще примѣромъ своего собственнаго распутства Тиберій имѣлъ чрезвычайно вредное вліяніе на нравы. Въ первые лучшіе годы своего царствованія онъ старался еще обуздывать овладѣвавшую имъ страсть къ наслажденіямъ; но съ появленіемъ на сцену Сеяна онъ самъ, со дня на день, все болѣе и болѣе предавался чувственнымъ наслажденіямъ, хотя былъ уже въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ обыкновенно старается укрощать свои страсти. Его собственная натура, на которую все прекрасное, доброе и благородное не имѣло рѣшительно никакого вліянія, и интересъ тѣхъ, которые или хотѣли подслужиться къ нему изъ корысти и жажды къ удовольствіямъ, или, какъ Сеянъ, управлять имъ посредствомъ его же страстей, влекли императора къ его позорному разврату.

Мастерски пользуясь слабостями императора, Сеянъ получилъ такую власть надъ скрытнымъ и недовѣрчивымъ Тиберіемъ, что историкъ Тацитъ объясняетъ это чудомъ, приписывая его не столько искусству этого проныры, сколько гнѣву боговъ на Римъ. Ловкій начальникъ гвардіи всѣми силами старался упрочить за собою захваченную власть и съ этою цѣлью посредствомъ яда избавился отъ сына Тиберія, пробудилъ въ душѣ тирана недовѣрчивость къ членамъ его собственнаго семейства и уговорилъ его изгнать нѣкоторыхъ родственниковъ. Въ 29 году Сеяну удалось даже уговорить Тиберія удалиться изъ Рима; такимъ образомъ вліянію его открылся полный просторъ. По другимъ извѣстіямъ, Тиберій оставилъ столицу добровольно, желая скрыть отъ толпы свой позорный образъ жизни, или стыдясь показывать народу свою особу, изнуренную сладострастіемъ: подъ старость онъ сдѣлался сутуловатъ и худъ, и совершенно потерялъ волосы, лицо же его было изрыто морщинами и очень часто обкладывалось все пластырями. Но извѣстіе это не вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что говорятъ другіе историки о наружности Тиберія. Оставивъ Римъ, императоръ путешествовалъ нѣкоторое время по Кампаніи, а потомъ удалился на островокъ Капри, который обѣщалъ ему много наслажденій своей теплой зимой и прохладнымъ лѣтомъ, и кромѣ того своими неприступными берегами обезпечивалъ его отъ всякихъ нападеній. Здѣсь онъ предался самымъ позорнымъ и неестественнымъ забавамъ, въ то время какъ Сеянъ, въ качествѣ намѣстника императора, заботился объ исполненіи его звѣрскихъ предписаній и совершалъ такія же жестокости для упроченія своего собственнаго могущества. Сеянъ преслѣдовалъ во всей Италіи всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ императорской фамиліи или какимъ-нибудь образомъ старавшихся возбудить народъ противъ него или противъ тиранна; ничтожный сенатъ былъ только послушнымъ орудіемъ его замысловъ. Окруживъ всякаго сколько-нибудь уважаемаго человѣка шпіонами, Сеянъ постоянно поддерживалъ недовѣрчивость и боязнь императора; тотъ-же, кого онъ держалъ какъ будто въ плѣну, воздавалъ ему всякаго рода почести, такъ что наконецъ, по выраженію одного древняго историка, казалось, что Сеянъ былъ императоромъ, а Тиберій владѣтелемъ одного острова Капри. Уже Сеянъ чувствовалъ себя столь сильнымъ, что сталъ помышлять о томъ, какъ бы самому сдѣлаться императоромъ, и уже въ храмахъ, на площадяхъ и во многихъ частныхъ домахъ можно было видѣть его статуи подлѣ изображеній царствующей фамиліи, какъ вдругъ Тиберій охладѣлъ къ нему. Императоръ, который въ послѣдніе годы своей жизни почти всегда былъ пьянъ, однажды, — или самъ въ минуту трезвости увидѣлъ, куда онъ зашелъ, или былъ испуганъ просьбою Сеяна выдать за него императорскую принцессу, открывшую ему настоящія намѣренія временщика, или наконецъ предостереженъ вдовою его брата Друза, передавшей ему записку. Какъ бы то ни было, Тиберій тотчасъ-же рѣшился умертвить своего наперсника и полномочнаго министра. Для этого онъ употребилъ всѣ уловки своего притворства. То онъ обращался съ Сеяномъ по дружески, подавая ему надежду согласиться на желаемый имъ бракъ, и такимъ образомъ удерживалъ отъ всякаго рѣшительнаго шага человѣка, сдѣлавшагося сильнымъ и любимаго солдатами; то писалъ ему, что онъ при смерти, и непремѣнно хочетъ вернуться въ Римъ; то покровительствовалъ креатурамъ Сеяна, то отвергалъ его предложенія и выказывалъ къ нему знаки немилости. Наконецъ, приказавъ одному изъ своихъ

наперсниковъ, Макрону, котораго онъ уже напередъ прочилъ на мѣсто префекта гвардіи, арестовать Сеяна, онъ дѣйствовалъ такъ осторожно, что ни одинъ восточный деспотъ, приказывающій казнить своего визиря, не могъ бы поступить хитрѣе Тиберія. Такъ какъ трибунатъ, перенесеніемъ верховной власти народа на особу императора, получилъ гораздо большее значеніе чѣмъ прежде, то Сеянъ былъ заманенъ въ сенатъ ложнымъ извѣстіемъ, что сенаторы, по приказанію Тиберія, должны передать ему достоинство трибуна. Въ то же время Макронъ, показавъ преторіанцамъ, стоявшимъ на стражѣ у зданія сената, приказъ Тиберія о назначеніи его, Макрона, префектомъ гвардіи, велѣлъ солдатамъ снять всѣ ночные караулы, и подарилъ каждому преторіанцу, отъ имени императора, по 228 руб. Въ письмѣ же Тиберія къ сенату сначала говорилось о постороннихъ вещахъ, потомъ слѣдовало нѣсколько легкихъ упрековъ Сеяну, потомъ снова что-то другое, и наконецъ, въ самомъ концѣ — приказъ арестовать Сеяна. При малѣйшемъ движеніи въ пользу Сеяна Макронъ долженъ былъ пропустить конецъ, и могъ дать письму совершенно другой видъ. Но дѣло имѣло хорошій исходъ; тотчасъ по прочтеніи письма, Сеянъ былъ арестованъ, и въ пользу его не возвысился ни одинъ голосъ. Хотя въ письмѣ императора не говорилось ни слова о его казни, изъ опасенія бунта гвардіи, однако сенаторы, очень хорошо понимавшіе волю Тиберія, не смотря на его молчаніе, сейчасъ же велѣли казнить Сеяна (31 по р. Хр.). Потомъ, по приказанію Тиберія, были казнены невинные дѣти Сеяна, всѣ его остальные родственники и даже просто знакомые. Сначала эти жестокости были облечены въ законную форму суда, но императору показалось это слишкомъ долгимъ, и онъ устроилъ общую рѣзню, приказавъ, безъ всякаго разбирательства, казнить заразъ всѣхъ арестованныхъ друзей Сеяна.

Съ паденіемъ Сеяна жестокости слѣдовали одна за другой. Недовѣрчивость, алчность и глубокая ненависть къ людямъ овладѣли душою императора, и его правленіе стало все болѣе и болѣе опираться на одно грубое насиліе, т. е. военную власть, ужасъ и страхъ. Тиберію уже было болѣе семидесяти лѣтъ, а онъ все еще пьянствовалъ и веселился, какъ самый распутный юноша. Наконецъ, на 78 году своей жизни императоръ заболѣлъ, и видя близость смерти, заботливо старался скрыть свое положеніе. Онъ притворялся бодрымъ и здоровымъ, затѣвалъ охоты, и разъѣзжалъ по Кампаніи и морскому берегу, какъ будто собираясь вернуться въ Римъ. Однажды во время этихъ прогулокъ, онъ заболѣлъ очень серьезно: съ нимъ случился обморокъ, который всѣ приняли за смерть. Макронъ и всѣ окружавшіе Тиберія сейчасъ же присягнули Каю Цезарю Калигулѣ, сыну Германика, бывшему неразлучнымъ спутникомъ своего дѣда, товарищемъ его оргій и исполнителемъ всѣхъ его прихотей. Онъ былъ усыновленъ Тиберіемъ, и объявленъ наслѣдникомъ престола. Едва дворъ успѣлъ поздравить Калигулу императоромъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Тиберій еще живъ, и потребовалъ себѣ обѣдъ. Извѣстіе это распространило всеобщее смятеніе. Калигула погибъ бы, еслибъ не принялъ какой нибудь быстрой и рѣшительной мѣры; поэтому онъ тотчасъ же послѣдовалъ совѣту начальника гвардіи, Макрона, находившагося въ такой же опасности, и позволилъ ему задушить старика подушками (въ мартѣ 37 года).

Новый императоръ, Кай Цезарь, царствовавшій отъ 37 до 41 г., родился и воспитывался въ Галліи между солдатами, и такъ какъ, бывши еще мальчикомъ, носилъ солдатскіе сапоги (caligae), то солдаты въ шутку называли его Калигулой. Съ паденіемъ Тиберія и восшествіемъ на престолъ Калигулы, государство потеряло больше, чѣмъ выиграло, потому что Калигула, обладая жестокостью и чувственностью Тиберія, былъ человѣкъ совершенно безсильный и почти дѣтски слабый духомъ. До сихъ поръ любимой забавой его были танцы и пѣніе, да зрѣлища казней и истязаній. Еще до восшествія его на престолъ, всѣ дальновидные люди и даже самъ Тиберій предсказывали о немъ самое худшее, и Калигула, сдѣлавшись императоромъ, очень скоро оправдалъ всѣ эти предсказанія. При всей своей жестокости, коварствѣ и произволѣ, правленіе Тиберія отличалось по крайней мѣрѣ монархической энергіею, послѣдовательностью и порядкомъ въ финансахъ; со вступленіемъ же на престолъ Калигулы не только повторились всѣ бѣдствія предшествовавшаго царствованія; но ко всему этому присоединилось еще господство самаго причудливаго каприза, и вся темная сторона

правительства, зависѣвшаго отъ одной личности правителя, выказалась при Калигулѣ тѣмъ болѣе въ ужасномъ образѣ, что новый государь былъ почти полусумасшедшій. Правда, что первыя недѣли и мѣсяцы его правленія, какъ и начала многихъ и многихъ царствованій, были совершенно противоположны предшествовавшему. Въ немъ сейчасъ же обнаружился переворотъ, который обыкновенно производятъ новыя отношенія во всѣхъ слабыхъ умахъ и разсудкахъ: добрыя намѣренія и боязливая воздержность отъ всего злаго и беззаконнаго. Сначала онъ отмѣнилъ всѣ жестокія распоряженія своего предшественника и начатыя имъ уголовныя слѣдствія; наказалъ нѣсколькихъ дурныхъ должностныхъ лицъ, выгналъ изъ города множество людей, сдѣлавшихъ ремесло изъ господствовавшей тогда безнравственности, и однажды отослалъ назадъ докладъ объ открытомъ заговорѣ, со словами, что онъ не знаетъ за собой ни одного неправаго дѣла. Однако два обстоятельства, съ самаго начала его правленія, показали міру, что новый правитель будетъ гораздо хуже прежняго. Сначала онъ не призналъ завѣщанія Тиберія, потому что въ немъ умершій императоръ назначилъ справителемъ Калигулы своего малолѣтняго внука. Потомъ онъ издержалъ огромныя суммы на театральныя представленія, публичныя игры и пиры для народа, всадниковъ и сенаторовъ, расточивъ такимъ образомъ единственное добро, которое принесло государству правленіе Тиберія. Тиберій былъ очень бережливъ и, строго наблюдая за финансами, оставилъ въ казнѣ 126 милліоновъ рублей. Калигула промоталъ эти деньги въ нѣсколько лѣтъ. Дѣйствіе непривычнаго положенія и могущества, которое въ соединеніи съ чувствомъ собственной слабости дѣлало его сначала робкимъ и внушало ему добрыя намѣренія, не могло долго продолжаться, потому что онъ не имѣлъ поддержки ни въ самомъ себѣ, ни извнѣ, въ духѣ націи, и не встрѣчалъ помѣхъ въ злоупотребленіи насиліемъ. Сами римляне, въ особенности знатные, доказали и при немъ, какъ при всѣхъ подобныхъ ему императорахъ, что глубоко павшій народъ еще болѣе развращаетъ дурныхъ по природѣ государей. Жалкій сенатъ разсыпался передъ Калигулой въ ничтожной лести, а нѣкоторые довели ее до того, что однажды во время болѣзни Калигулы дали публичное обѣщаніе въ случаѣ его выздоровленія принести въ жертву самихъ себя.

Болѣзнь, которую Калигула нажилъ себѣ развратомъ на восьмомъ мѣсяцѣ своего царствованія, еще болѣе увеличила его умственную и тѣлесную слабость, и чѣмъ долѣе онъ царствовалъ, чѣмъ слѣпѣе повиновались всѣ его безумнымъ повелѣніямъ, тѣмъ быстрѣе терялъ онъ жалкій остатокъ своего ничтожнаго разсудка. Тщеславіе и жестокость, основанныя на безуміи и слабости духа, вмѣстѣ съ жаждою наслажденій и расточительностью — составляютъ съ этихъ поръ главную черту его царствованія. Онъ началъ его умерщвленіемъ внука Тиберія и точно такимъ же образомъ избавился отъ префекта преторіанцевъ, Макрона. Оба эти убійства онъ совершилъ изъ боязни и видовъ политики; но потомъ уже сталъ умерщвлять людей просто изъ прихоти. Смотрѣть на пытки и казни было для него наслажденіемъ, и часто онъ пересыпалъ свои жестокости самыми отвратительными насмѣшками и остротами. Когда одинъ римлянинъ, изгнанный Тиберіемъ, на вопросъ: «какъ онъ проводилъ свое время?» — отвѣчалъ, что безпрестанно молился о смерти Тиберія, Калигула тотчасъ же приказалъ отыскать и казнить всѣхъ изгнанниковъ. Онъ велѣлъ умертвить одного гражданина, страдавшаго частыми припадками сумасшествія, сказавъ при этомъ, что лучшее средство противъ сумасшествія — кровопусканье. Иногда Калигула приказывалъ бросать звѣрямъ на публичныхъ играхъ плѣнныхъ или приговоренныхъ къ смерти, а на празднествѣ открытія моста, построеннаго имъ черезъ морской проливъ, вдругъ отдалъ приказъ согнать въ море безчисленное множество присутствовавшаго при этомъ зрѣлищѣ народа.

До насъ дошло множество разсказовъ объ его безсмысленномъ мотовствѣ и безумныхъ выходкахъ. Выдавая себя то за того, то за другаго бога, онъ назначалъ жрецовъ для служенія себѣ и приказывалъ строить храмы, въ которыхъ ему приносились жертвы. «Какъ тѣ, — говорилъ онъ однажды, — которые пасутъ овецъ и быковъ, сами не быки и не овцы, а гораздо выше ихъ, такъ и тѣ, которые поставлены властителями людей, не люди, а боги.» Придумывая самыя сумасбродныя забавы, онъ зашелъ въ своемъ мотовствѣ такъ далеко, что искалъ

уже удовольствія просто въ одной только безцѣльной расточительности, и однажды приказалъ растворить въ соусѣ самые драгоцѣнные перлы; Калигула построилъ для своей любимой лошади, которую приводилъ иногда къ своему столу и кормилъ золоченымъ овсомъ, мраморныя стойла и ясли изъ слоновой кости и совершенно безо всякой цѣли устроилъ мостъ, имѣвшій полтора часа пути въ длину и соединявшій берегъ Кампаніи съ островомъ Баіи. При торжественномъ открытіи его вся окрестность была освѣщена впродолженіе всей ночи, и Калигула хвастался, что превратилъ море въ сушу, а ночь въ день. Съ такой же точно безполезной расточительностью онъ возстановилъ въ Сиракузахъ огромныя городскія стѣны и храмъ, сдѣлалъ приготовленія къ прорытію Коринѳскаго перешейка, хотѣлъ основать городъ на вершинѣ альповъ, и снова выстроить замокъ Поликрата на островѣ Самосѣ. Чтобы стяжать себѣ военную славу и вмѣстѣ съ тѣмъ ограбить Галлію, онъ двинулъ въ эту провинцію войска. На походѣ туда онъ посылалъ впередъ вѣстниковъ, съ приказаніемъ мести и поливать дороги, чтобъ императоръ не страдалъ отъ пыли. Въ Галліи онъ сдѣлалъ сначала большіе маневры войску, и отставилъ нѣсколькихъ начальниковъ, чтобы показать видъ, что хочетъ сохранить строгую дисциплину въ войскѣ. Потомъ онъ пошелъ на Рейнъ противъ германцевъ, но черезъ нѣсколько дней вернулся назадъ, невидавши ни одного непріятеля. Послѣ того, чтобы завладѣть имуществомъ знатныхъ гражданъ нѣкоторыхъ галльскихъ городовъ, онъ обвинилъ ихъ въ государственной измѣнѣ, и вообще всячески выжималъ деньги на издержки своего двора. Въ Ліонѣ онъ устроилъ великолѣпныя игры и другія дорогія удовольствія. Наконецъ онъ повелъ свои войска противъ бриттовъ, и выстроивъ легіоны въ боевой порядокъ, на южномъ берегу канала, приказалъ имъ собирать выброшенныя на берегъ раковины, какъ дань побѣжденнаго океана. Онъ съ тріумфомъ воротился въ Римъ; множество огромнаго роста галловъ, которыхъ онъ набралъ именно съ этой цѣлью, переодѣтые въ германцевъ, должны были, при въѣздѣ его въ столицу, представлять собою побѣжденныхъ враговъ.

Всѣ эти причуды и жестокости безумнаго государя не имѣли бы вреднаго вліянія на продолжительное время, еслибъ Калигула и его слуги не вмѣшивались, къ несчастію, въ управленіе государствомъ. Вслѣдствіе того солдаты и народъ привыкли къ полоумному мотовству императора, и преемники Калигулы тѣмъ легче могли подражать его примѣру. Калигула убивалъ людей не изъ одной жестокости, а иногда просто потому, что ему хотѣлось овладѣть имѣньемъ казненнаго; однажды, когда такое наслѣдство было найдено менѣе значительнымъ, чѣмъ ожидали, — онъ сказалъ: «а тотъ надулъ меня, онъ могъ бы остаться живъ.» Наконецъ, онъ отнялъ у приговоренныхъ къ смерти послѣднее средство укрѣпить за наслѣдниками свое имѣніе, уничтоживъ законъ, что самоубійство можетъ предотвратить конфискацію имѣнія; а позднѣйшіе императоры и не думали возвращать семействамъ самоубійцъ эту печальную привиллегію. Кромѣ того, Калигула не только учреждалъ публичные торги, на которыхъ присутствовалъ самъ и заставлялъ богатыхъ людей покупать у себя товары за громадныя цѣны, но принуждалъ ихъ подносить себѣ драгоцѣнные подарки въ извѣстные дни, когда у римлянъ было обыкновеніе дѣлать другъ другу подарки. Безумно промотавъ на роскошныя игры всю казну, онъ заставлялъ частныхъ людей давать игры на свой счетъ. Богатымъ онъ приказывалъ дѣлать въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ значительныя пожертвованія въ пользу императора, если не хотятъ худа своимъ родственникамъ, и пользовался личиною законной строгости, чтобы лишать всего имущества арендаторовъ и подрядчиковъ общественныхъ построекъ. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ оказалось, что и самые ужасные тиранны находятъ людей, которые не только соглашаются служить ихъ орудіями, но и превосходятъ ихъ въ жестокости. Неистовый тиранъ былъ до такой степени жаденъ и корыстолюбивъ, что, отбросивъ всякій стыдъ и совѣсть, велъ въ своемъ дворцѣ публичный торгъ самыми постыдными удовольствіями, учредилъ у себя игорный домъ и при этомъ употреблялъ въ дѣло всѣ обыкновенныя шулерскія плутни. Впрочемъ, эти гадости и ихъ послѣдствія продолжали существовать только при его жизни; но, къ несчастію, онъ придумалъ систематическіе грабежи, которые были слишкомъ выгодны и удобны, чтобы не найти одобренія и у послѣдующихъ императоровъ, хотя, впрочемъ, нѣкоторые налоги Калигулы и были

отмѣнены ими. Онъ обложилъ податью всѣ жизненные припасы, бралъ въ каждомъ процессѣ сороковую часть спорной суммы, заставлялъ носильщиковъ платить восьмую часть ихъ заработка, при продажѣ и покупкѣ взималъ сороковую часть продажной суммы, наложилъ подать на вступающихъ въ бракъ, и проч.

До какой степени нравственнаго упадка дошли въ то время римляне, видно уже изъ того, что этотъ сумасбродъ могъ процарствовать надъ римской имперіей четыре года, и что даже и тогда никто бы не поднялся противъ него, еслибъ онъ, въ своемъ безуміи, не заставилъ наконецъ бояться за свою жизнь даже исполнителей своей воли. Дѣйствительно, его же клевреты устроили заговоръ, въ которомъ приняли участіе всѣ знатнѣйшіе сановники двора. Для исполненія своихъ замысловъ они выбрали офицеровъ гвардіи, Херею и Сабина, и нѣкоторыхъ другихъ незначительныхъ людей, которые долгое время исполняли при Калигулѣ должности палачей, и поэтому считали себя оскорбленными. Настоящіе заговорщики чрезвычайно умно держались на заднемъ планѣ и потому остались ненаказанными даже и послѣ убійства Калигулы, между тѣмъ какъ убійцы поплатились жизнью за свой поступокъ; даже совершенно посторонніе люди, нечаянно попадавшіеся подъ руку разъяренныхъ гвардейцевъ тирана, были убиваемы ими. Однажды вечеромъ, Херея и его товарищи задушили императора въ его спальнѣ (январь, 41 г.). Узнавъ о его смерти, германская гвардія, любившая императора за его безсмысленную расточительность, ворвалась во дворецъ и въ бѣшенствѣ перебила все, что попалось ей подъ руку. Сенатъ, собравшійся въ Капитоліи, рѣшилъ наградить убійцъ и возстановить республику. Но преторіанцы предупредили это намѣреніе и предложили санъ императора дядѣ Калигулы, Тиберію Клавдію Цезарю. Бѣдный старикъ, въ то время какъ душили его племянника, испугавшись спрятался куда-то, но былъ вытащенъ солдатами изъ своего убѣжища, провозглашенъ императоромъ и дрожащій отъ страха отнесенъ ими въ преторіанскій лагерь. Сначала онъ колебался принять власть, но, повинуясь внушеніямъ друзей, перемѣнилъ свое намѣреніе и обѣщалъ значительные подарки гвардіи и остальнымъ солдатамъ, если они возведутъ его на тронъ и будутъ поддерживать его власть. Народъ, привыкшій къ играмъ и подачкамъ, громко требовалъ новаго монарха; сенатъ не смѣлъ уже противиться и на четвертый день по смерти Калигулы призналъ новаго императора, возведеннаго на престолъ солдатами. Сумма, за которую Клавдій купилъ имперію, простиралась по крайней мѣрѣ до 680 рублей на каждаго солдата. Этотъ подарокъ имѣлъ самыя вредныя послѣдствія для государства, потому что послужилъ въ высшей степени пагубнымъ примѣромъ для слѣдующихъ поколѣній: со времени Клавдія почти ни одинъ императоръ не вступалъ на престолъ, не истощивъ казны на подарки солдатамъ.

Императоръ Клавдій, царствовавшій съ 41 до 54 г., былъ родной братъ Германика и при восшествіи на престолъ имѣлъ уже пятьдесятъ лѣтъ отъ роду. Это былъ тупоумный и безхарактерный старикъ, съ которымъ всегда обращались какъ съ малолѣтнимъ, не обладавшій никакими преимуществами, кромѣ совершенно безполезнаго для практической жизни научнаго знанія латинскаго и греческаго языковъ и древностей. Его правленіе, какъ и правленіе Калигулы, казалось, началось добрыми намѣреніями. Всѣ жестокости и несправедливости прежняго государя были уничтожены, введенные имъ налоги сняты, всѣ подарки и чрезмѣрныя почести отмѣнены, изгнанникамъ было дозволено возвратиться, доносы на оскорбленіе величества не принимались, а завѣщанія въ пользу императора были запрещены. Но все это явилось только на мгновеніе, и въ первый же годъ правленіе Клавдія соединило въ себѣ всѣ мерзости царствованія сумасшедшаго Калигулы съ суровостью военнаго деспотизма, и интриги господства женщинъ съ произволомъ кабинета, управляемаго людьми безъ достоинствъ, имени и правилъ. Господство военной силы обнаружилось уже самымъ способомъ, какимъ Клавдій достигъ престола, и осталось во все время его правленія средствомъ защиты противъ ненависти народа и сената. Владычество женщинъ и вліяніе кабинета, состоявшаго изъ вольноотпущенниковъ, обусловливалось тѣмъ, что Клавдій былъ слабъ разсудкомъ и не могъ обойтись безъ того, чтобъ имъ не управляли другіе. Настоящими правителями римской имперіи были двѣ супруги императора и нѣсколько вольноотпущенниковъ. Для нихъ ничего не стоило управлять

Клавдіемъ. Пользуясь слабостью его ума и характера, они заботливо наблюдали за нимъ и пріучали его къ жестокостямъ. Онъ былъ совершенно послушнымъ орудіемъ своихъ окружающихъ, орудіемъ, которымъ дѣйствовать было тѣмъ легче, что у старика и тогда дѣломъ первой важности оставались ученыя занятія, а его по природѣ слабая память была такъ набита ненужной ученостью, что часто онъ приказывалъ приглашать къ своему столу тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ наканунѣ приказывалъ казнить.

Вольноотпущенники, захвативъ власть въ свои руки, ввели родъ визирата или ту форму правленія, которая, за исключеніемъ слабыхъ слѣдовъ при Суллѣ (т. I. стр. 722) и при Калигулѣ, была до сихъ поръ совершенно незнакома римлянамъ, но со временъ Клавдія весьма часто повторяется въ ихъ исторіи. Къ этому присоединилось еще образованіе императорскаго двора въ восточномъ смыслѣ, которое съ тѣхъ поръ и осталось уже навсегда и весьма рано придало бы всему правительству римской имперіи чисто восточный характеръ, если бы время отъ времени нѣкоторые императоры не уничтожали этого придворнаго порядка и этикета и не возстановляли бы республиканскихъ формъ. При Августѣ мы еще не встрѣчаемъ ничего подобнаго; напротивъ, нѣкоторые изъ его вельможъ гораздо болѣе, чѣмъ самъ онъ, придавали своимъ домамъ придворную внѣшность и окружали себя раболѣпной свитой кліентовъ. Тиберій, не смотря на то, что былъ неприступно гордъ, почти не измѣнялъ этого порядка. При Калигулѣ дворъ уже сталъ принимать восточный характеръ, но только при Клавдіи и его ближайшихъ преемникахъ впервые является настоящій придворный штатъ, который мало-по-малу приводится въ строгую систему. Съ тѣхъ поръ мы видимъ при императорахъ каммергеровъ, наблюдавшихъ за этикетомъ и не допускавшихъ къ императору никого, кто не имѣлъ извѣстнаго ранга или не пользовался ихъ покровительствомъ. Тогда же вошли при дворѣ въ употребленіе и внѣшнія отличія, очень похожія на наши ордена. Они состояли изъ перстня, украшеннаго портретомъ императора, и каммергеры строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы эти знаки отличія носили только получившіе ихъ, а каждый, кто надѣвалъ кольцо безъ особеннаго разрѣшенія, подвергался тяжелому наказанію.

Изъ вольноотпущенниковъ, управлявшихъ государствомъ при Клавдіи, особеннымъ вліяніемъ пользовались трое, Полибій, Палласъ и Нарциссъ. Нарциссъ былъ тайнымъ секретаремъ императора, Палласъ управлялъ финансами, а Полибій, не имѣя опредѣленной правительственной должности, но принимая постоянное участіе въ ученыхъ занятіяхъ императора, сдѣлался совершенно необходимыхъ для него лицомъ и, пользуясь этимъ, имѣлъ огромное вліяніе на государственныя дѣла. Но главнымъ лицомъ при дворѣ былъ не Полибій, Нарциссъ или Палласъ, а супруга императора, Мессалина. Отпущенники были только орудіями этой женщины, имя которой сдѣлалось постыднымъ эпитетомъ для самой развращенной женщины; отпущенники пользовались своимъ вліяніемъ преимущественно для накопленія богатства и наслажденія жизнью, помогая императрицѣ осуществлять ея планы. Сама же Мессалина подчинялась скорѣе своему властолюбію, чѣмъ своей необузданной страсти къ распутству. Не зная предѣловъ своему разврату, она продавала правительственныя должности и царскія милости, преслѣдовала людей, мѣшавшихъ ей, и губила всякаго, кто только возбуждалъ ее зависть своимъ богатствомъ, или чей образъ жизни составлялъ слишкомъ рѣзкую противоположность съ ея распутствомъ. Она добивалась отъ своего слабаго супруга согласія на всѣ эти жестокости преимущественно тѣмъ, что внезапно пугала его. Ея жизнь и примѣръ двора дѣйствовалъ особенно вредно на нравы того времени. Состояніе римскаго общества подъ владычествомъ этой безстыдной женщины и развратныхъ вольноотпущенниковъ представляетъ только ту отрадную сторону, что среди всеобщаго растлѣнія выступали еще впередъ люди, достойные лучшихъ временъ Рима: благотворное явленіе въ ту эпоху, когда добродѣтель и сила характера, казалось, готовы были совсѣмъ изчезнуть въ Римѣ. Между этими немногими благородными людьми особенно выдаются впередъ личности Аппія Силана, Арріи и Валерія Азіатика, знаменитыя своимъ истиннымъ величіемъ духа въ несчастіи. Аппій Силанъ былъ женатъ на матери Мессалины и имѣлъ несчастіе понравиться императрицѣ и возбудить ея сладострастіе. Она сдѣлала ему позорное предложеніе, а онъ имѣлъ настолько смѣлости, что

высказалъ ей публично свое омерзеніе. Тогда Мессалина вмѣстѣ съ Нарциссомъ застращала своего супруга тѣмъ, что будто бы видѣла сонъ, въ которомъ Силанъ является убійцей императора, и испуганный старикъ сейчасъ же велѣлъ казнить несчастнаго. Аррія, супруга Цэцины Пэта, приговореннаго къ смерти за участіе въ заговорѣ, рѣшилась умереть вмѣстѣ съ своимъ супругомъ и ободрить его своимъ примѣромъ. Когда Пэтъ медлилъ, она въ его глазахъ проколола себѣ грудь и подала ему кинжалъ со словами: «Пэтъ, не больно». Валерій Азіатикъ, одинъ изъ самыхъ честныхъ людей всей эпохи императоровъ, былъ обреченъ Мессалиной на смерть только за то, что былъ очень богатъ и владѣлъ садами Лукулла, которые очень хотѣлось пріобрѣсти императрицѣ. Она обвинила его въ измѣнѣ, и онъ былъ допрошенъ самимъ императоромъ, въ присутствіи своей гнусной непріятельницы. Во время допроса онъ держалъ себя такъ мужественно и благородно, что его слова произвели глубокое впечатлѣніе даже на простоватаго Клавдія и безчеловѣчную Мессалину, которая должна была выйти изъ комнаты. Но все это не могло спасти его отъ смерти; потому что люди, окружавшіе императора, подстрекали его на то, что было угодно ихъ повелительницѣ. Валерій пошелъ на смерть съ чисто-римской твердостью.

Какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ того времени являлись еще слѣды древнеримскаго духа, такъ и въ пограничныхъ войскахъ сохранялась еще старая энергія, и военная доблесть предковъ, вымиравшая въ самомъ Римѣ, жила еще въ духѣ солдатъ, защищавшихъ имперію противъ внѣшнихъ враговъ. Парѳія и Арменія должны были покориться Риму, Мавританія, послѣ кроваваго боя, была обращена въ провинцію имперіи, въ Британніи, при Клавдіи, надолго было упрочено римское господство, и императоръ самъ ѣздилъ на двѣ недѣли на этотъ островъ, чтобы пожать славу, которую пріобрѣлъ тамъ одинъ изъ его полководцевъ, и по возвращеніи въ Римъ почтить себя тріумфомъ. Въ публичныхъ постройкахъ его царствованія тоже еще удерживался характеръ римскаго величія. Особенно два предпріятія: укрѣпленіе гавани въ Остіи и отводъ Фуцинскаго озера (нынѣшнее Лаго ди Челано), выполненные при Клавдіи, дѣлаютъ его царствованіе памятнымъ для потомковъ. Еще Юлій Цезарь защитилъ отъ безпрестаннаго наноса песку гавань Остію, лежащую у устьевъ Тибра, и хотѣлъ сдѣлать ее доступною для кораблей большой вмѣстимости, но онъ долженъ былъ оставить свое намѣреніе, требовавшее громадныхъ издержекъ. Клавдій приказалъ вырыть совершенно новую гавань, прикрыть ее отъ вѣтра и наносовъ песку громадной плотиной, далеко вдающейся въ море, и кромѣ того снабдить высокимъ маякомъ по образцу александрійскаго фароса (т. I стр. 482). Это предпріятіе было чрезвычайно полезно; напротивъ, выгоды, которыя представлялъ отводный каналъ Фуцинскаго озера, рѣшительно не соотвѣтствовали издержкамъ. Чтобы отвести воду этого величайшаго озера южной половины Италіи и такимъ образомъ выгадать значительное пространство плодородной земли, Клавдій заставлялъ тридцать тысячъ человѣкъ рыть въ продолженіе одиннадцати лѣтъ каналъ, который на протяженіи цѣлыхъ четырехъ верстъ приходилось пробивать въ горахъ. Главная цѣль этой гигантской работы, — окончаніе которой праздновалось морскимъ сраженіемъ, гдѣ потеряли жизнь нѣсколько тысячъ человѣкъ, — состояла въ предупрежденіи на нѣкоторое время наводненія, угрожавшаго окрестностямъ отъ постоянно возраставшей массы воды въ неимѣвшемъ истока озерѣ, осушеніи значительной полосы плодородной земли и спасеніи нѣсколько селъ, уже почти разрушенныхъ. Поэтому въ недавнее время часто возвращались къ предположеніямъ о возобновленіи такъ называемаго эмиссарія Клавдія.

Въ то время какъ Клавдій тратилъ средства казны на свои исполинскія сооруженія, Мессалина шла все далѣе въ своемъ распутствѣ, и въ сообщничествѣ съ вольноотпущенниками цѣлыми тысячами казнила людей. Наконецъ она добилась и казни Полибія. Легкость, съ какой старикъ пожертвовалъ любимымъ товарищемъ своихъ ученыхъ занятій, заставила опасаться за свою участь и другихъ отпущенниковъ, до тѣхъ поръ раздѣлявшихъ съ Полибіемъ власть надъ Клавдіемъ. Они рѣшились предупредить Мессалину, употребивъ противъ нее та же средство, которымъ она сама такъ часто дѣйствовала на Клавдія. Имъ представился слѣдующій случай. Мессалина, уже недовольствуясь тѣмъ, что довелсвое презрѣніе ко всѣмъ приличіямъ до того, что предавалась публичному раз-

врату, какъ послѣдняя продажная женщина, разъ во время отсутствія Клавдія изъ Рима, вздумала вступить въ законный бракъ съ Каемъ Силіемъ, къ которому она уже давно благоволила. Силій не смѣлъ противиться волѣ императрицы, зная участь всѣхъ тѣхъ, которые прежде отвергали грязную страсть безстыдной женщины, а Мессалина была настолько легкомысленна и безразсудна, что публично праздновала свой бракъ, въ присутствіи сената, должностныхъ лицъ и жрецовъ. Клавдій и не узналъ бы ничего объ этомъ печальномъ фарсѣ и праздникахъ, еслибъ Нарциссъ и Палласъ не ухватились съ радостью за этотъ удобный случай погубить Мессалину. Они передали императору это происшествіе, представивъ его, какъ намѣреніе свергнуть его съ престола, и искусно возбудивъ въ Клавдіи страхъ, вынудили у него приказъ казнить императрицу и ея любовника. Приказъ этотъ тотчасъ же былъ исполненъ. Какъ доказательство тупоумія и разсѣянности Клавдія, разсказываютъ, что нѣсколько дней спустя онъ за ужиномъ спрашивалъ, отчего не приходитъ къ нему Мессалина. Мессалина оставила своему супругу сына и дочь.

Слабый Клавдій не могъ обойтись безъ жены, привыкнувъ, чтобъ имъ руководила женщина. Все зависѣло отъ того, чтобы отпущенники согласились между собою, кого выбрать въ жены императору. Разногласіе ихъ доставило случай сдѣлаться супругою Клавдія Агриппинѣ, дочери брата его Германика, хотя отпущенники, боявшіеся ея характера, и употребляли всѣ усилія, чтобы заставить императора бояться жены, которая вводила къ нему въ домъ сына отъ перваго брака. Гордость и властолюбіе составляли главныя черты ея характера и руководили всѣми ея дѣйствіями. Скоро она явно показала, что ей нужна вовсе не такая власть, какой довольствовалась Мессалина, и однажды, на праздникѣ побѣды, въ присутствіи всего народа, заняла мѣсто подлѣ императора, приказавъ плѣннымъ предводителямъ привѣтствовать ее такъ же, какъ и императора, и представивъ римлянамъ неслыханное и совершенно противное ихъ національнымъ понятіямъ зрѣлище женщины, изображавшей собою военную славу и честь націи. Съ первыхъ же дней своего замужества Агриппина направила всѣ свои усилія къ тому, чтобы доставить императорскій престолъ сыну своему отъ перваго брака, Нерону. Съ этой цѣлью она старалась отдалить сына Клавдія, Британника, и женить своего сына на дочери императора, Октавіи. Съ помощью Бурра и знаменитаго философа Сенеки она достигла своей цѣли. Первый, благодаря ея стараніямъ, былъ назначенъ начальникомъ преторіанцевъ и оказалъ ей важныя услуги на этомъ мѣстѣ; Сенека, сосланный сначала Клавдіемъ на островъ Корсику, былъ возвращенъ и получилъ званіе претора. Она поручила имъ обоимъ воспитаніе своего сына, которому было уже двѣнадцать лѣтъ, когда она вышла за мужъ за Клавдія. Октавія была уже помолвлена за одного молодаго человѣка, но помощники Агриппины до того преслѣдовали его всякаго рода клеветами, что онъ, предвидя свою участь, лишилъ себя жизни. Вскорѣ послѣ того Неронъ былъ усыновленъ императоромъ и помолвленъ за Октавію, а Британникъ съ перваго мѣста при дворѣ перешелъ на второе. Женивъ Нерона на Октавіи (53), Агриппина уже не знала предѣловъ своей гордости и избавлялась насиліемъ отъ всѣхъ, кто возставалъ противъ ея властолюбія или прельщалъ ея жадность. Нарциссъ удержалъ однако свое прежнее вліяніе на императора, притворившись, что хочетъ охранять дѣтей Мессалины отъ козней ихъ мачихи. Агриппина боялась, не безъ основанія, что не сегодня такъ завтра временщики такъ же легко уговорятъ стараго, сумасшедшаго императора погубить и вторую жену, какъ и первую — тогда какъ она могла надѣяться гораздо свободнѣе и неограниченнѣе управлять государствомъ именемъ своего сына. Поэтому она рѣшилась убить императора и его любимцевъ. Отдѣлавшись отъ стараго Клавдія съ помощью яда, она вслѣдъ за тѣмъ приказала умертвить и его любимца Нарцисса. Тотчасъ по смерти Клавдія, Британникъ и его сестра, по приказанію Агриппины, были задержаны во дворцѣ, а Бурръ повелъ Нерона въ преторіанскій лагерь и купилъ ему тамъ престолъ за ту же сумму, которую нѣкогда далъ за него Клавдій и которая съ этихъ поръ сдѣлалась постоянной таксой.

Неронъ царствовалъ отъ 54 до 68 г. Отецъ его, Кней Домицій Агенобарбъ, славился своимъ мотовствомъ, распутствомъ и жестокостью, а мать соединяла всѣ пороки, свойственные женщинѣ, и такимъ образомъ уже самое про-

исхожденіе Нерона не предвѣщало ничего хорошаго; даже отецъ его сказалъ однажды при всѣхъ, что отъ его брака можетъ родиться только чудовище. Къ тому же Неронъ росъ безъ всякаго надзора, и до двѣнадцати лѣтъ руководителями его были только танцовщикъ и цирюльникъ. Когда мать его сдѣлалась императрицею, воспитаніе его было поручено Сенекѣ; но уже на семьнадцатомъ году Неронъ сдѣлался самодержавнымъ государемъ, а Сенека сейчасъ же углубился въ политику, бросилъ ученыя занятія, сталъ хлопотать только о пріобрѣтеніи богатства и уже не могъ изгладить впечатлѣній первыхъ годовъ юности Нерона. Вообще Сенеку нельзя винить въ томъ, что Неронъ, сдѣлавшись императоромъ, слушался только голоса своихъ страстей. Недостаточность воспитанія новаго властителя оказалась въ первой же его рѣчи къ сенату. Рѣчь эту составлялъ Сенека, а Неронъ только выучилъ ее наизустъ; своей смѣшной искусственностью и философіей рѣчь эта казалась тѣмъ страннѣе въ устахъ Нерона, что въ древности все, что мы излагаемъ письменно, произносилось изустно, и до тѣхъ поръ всѣ правители государства, даже полоумный Клавдій, сами составляли свои рѣчи. Правда, молодой государь не былъ совсѣмъ необразованъ; онъ только не получилъ настоящаго воспитанія. Его живой умъ, презиравшій риторику и діалектику, былъ обращенъ на другіе предметы. Онъ довольно хорошо рисовалъ, занимался ваяніемъ, пѣлъ, ѣздилъ верхомъ и правилъ лошадьми, и даже, сочиняя стихи, доказалъ, что получилъ и школьное образованіе; но за то онъ рѣшительно не усвоилъ себѣ того, что греки и римляне считали необходимымъ для государственнаго человѣка.

Начало его правленія было хорошо, и вмѣстѣ съ первыми годами царствованій троихъ его предшественниковъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ мало должно полагаться на первыя распоряженія большей части правителей. Неронъ уничтожилъ множество злоупотребленій и безпорядковъ, уменьшилъ подати, отослалъ назадъ благодарственный адресъ сената съ замѣчаніемъ, что онъ хочетъ сначала заслужить его, и однажды, подписывая смертный приговоръ, сказалъ: «О, еслибъ я не умѣлъ писать!» Кто имѣетъ только поверхностное понятіе о человѣческой природѣ, тотъ, конечно, найдетъ, что это прекрасное начало составляетъ совершенную противоположность съ послѣдующими поступками Нерона; но для проницательнаго и опытнаго человѣка, котораго не можетъ обмануть блестящая внѣшность, для ума, изслѣдывающаго тайны человѣческой природы и проникающаго въ самую глубь ея,—будетъ совершенно понятно, что деспотъ, уже по своему рожденію неспособный ни къ чему хорошему, можетъ начинать свое царствованіе прекрасными словами и кротостью. Страшный тираннъ и на семьнадцатомъ году своей жизни получившій господство надъ міромъ, не слишкомъ скоро выказалъ свой настоящій характеръ. Первыя пять лѣтъ его правленія были еще сносны, а въ сравненіи съ послѣдующими даже хороши, потому что Сенека и Бурръ, которые прекрасно умѣли управлять молодымъ правителемъ и его дворомъ, еще сохраняли свое вліяніе на Нерона. Агриппина думала, что будетъ управлять своимъ сыномъ, но скоро ей пришлось испытать самое горькое разочарованіе: Бурръ и Сенека не могли допустить этого, да и самъ молодой императоръ рѣшительно не былъ расположенъ дѣлиться съ матерью своею властью. Разъ, когда властолюбивая Агриппина ясно дала замѣтить, что можетъ выдвинуть впередъ Британника, Неронъ сейчасъ же рѣшился избавиться отъ своего соперника. Несчастный молодой человѣкъ былъ отравленъ за императорскимъ столомъ, передъ глазами императора и его гостей, и ядъ подѣйствовалъ такъ быстро, что Британникъ палъ мертвый, едва попробовавъ отравы (55). Съ тѣхъ поръ Агриппинѣ нельзя было и помышлять о пріобрѣтеніи вліянія; напротивъ, она должна была ограничиться своимъ дворцомъ и даже лишилась гвардіи, которую до тѣхъ поръ имѣла при своей особѣ. Она была такъ оскорблена этимъ, что не могла уже скрыть своей ярости, и Неронъ убѣдился, что только ея смертью можетъ обезпечить свою власть. Бурръ и Сенека ужаснулись мысли объ этомъ злодѣйствѣ, и первый даже отказалъ въ содѣйствіи гвардіи, но одинъ изъ отпущенниковъ, Аннициетъ, обладавшій довѣренностью Нерона, взялъ на себя это дѣло. Такъ какъ Агриппина была очень осторожна, а открытаго насилія нельзя было употребить въ столицѣ, то Неронъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Агриппина подъ предлогомъ примиренія съ сыномъ была приглашена на праздникъ

въ кампанскій городъ Баіи и принята тамъ съ льстивой радостью; но когда она возвращалась въ свою виллу, ее посадили на корабль, устроенный такимъ образомъ, что на извѣстномъ мѣстѣ онъ вдругъ долженъ былъ раскрыться и потонуть. Планъ не удался; Агриппина спаслась на берегъ и Неронъ приказалъ тогда Анницету умертвить ее самымъ безчеловѣчнымъ образомъ (59). Послѣ убіенія Британника и родной матери императора, несчастной Октавіи, конечно, трудно было бы ужиться съ императоромъ, если бы даже бракъ ея и не былъ просто дѣломъ политики; соперницей ея давно уже была прекрасная, но столь-же и развратная Поппея Сабина, не уступавшая въ распутствѣ даже публичнымъ женщинамъ. Поппея не успокоилась до тѣхъ поръ, пока Октавія, осыпанная оскорбленіями и потомъ оклеветанная самымъ позорнымъ и невѣроятнымъ образомъ, не была казнена по приказанію Нерона.

Послѣ такихъ жестокостей съ членами своего семейства, Нерону нечего было уже задумываться надъ всевозможными несправедливостями съ своими подданными. Нѣкоторое время ему еще сопротивлялся Бурръ, ловкій придворный и храбрый солдатъ, и потому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Неронъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки, избавился отъ этого человѣка насиліемъ (63). Сенека по смерти Бурра потерялъ всякое вліяніе на императора и даже долженъ былъ удалиться отъ двора, а молодой императоръ, которымъ въ послѣднее время овладѣло какое-то бѣшенство жестокости, дѣлается съ этихъ поръ добычею своего безумія и пороковъ и игрушкой негодяевъ развращеннаго римскаго общества. Самые вліятельные изъ руководителей и участниковъ распутства императора были сначала Тигеллинъ и Феній Руфъ, которыхъ Неронъ назначилъ префектами преторіанцевъ вмѣсто Бурра, и дѣйствительно трудно сказать, кто былъ гнуснѣе, безчеловѣчнѣе и развратнѣе, тираннъ или его подданные. Впослѣдствіи Руфъ былъ замѣшанъ въ заговоръ и поплатился за то жизнью. Отпущенникъ Нимфидій, назначенный на его мѣсто, былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ товарищемъ Тигеллина. Наконецъ, кромѣ Анницета и совершенно подобныхъ ему Поликлета и Гелія, главную роль при дворѣ Нерона игралъ ученый и писатель Петроній Арбитръ. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ гофмаршала и maitre de plaisirs императора, вмѣстѣ съ Тегеллиномъ придумывалъ и устраивалъ разныя удовольствія, праздники, пиры и прогулки для Нерона и его свиты и до нѣкоторой степени умѣлъ облагораживать безумную и развратную жизнь двора, соединяя ее съ философіей, которая сдѣлала бы честь Аристиппу (т. I стр. 353, 340 и слѣд.), приправляя веселье и шутки остроуміемъ и серьезностью и примиряя нравы и развратъ большихъ городовъ съ принципами Діогена (т. I стр. 357). Впрочемъ, этотъ учитель Нерона въ расточительности и въ распутствѣ оставилъ сочиненіе, въ которомъ умно и вѣрно изображены жизнь и нравственныя правила того времени.

Неронъ былъ своеволенъ, жестокъ и развратенъ, какъ и большая часть его предшественниковъ и преемниковъ, но главною характеристическою чертою, отличавшею его отъ другихъ римскихъ императоровъ, было его тщеславіе, переходившее почти въ ребячество. Желая прослыть великимъ поэтомъ, музыкантомъ и возницею, онъ употреблялъ всѣ усилія стяжать себѣ эту славу и унижался даже до того, что являлся въ этихъ роляхъ публично, употребляя при этомъ всѣ уловки, которыми музыканты, пѣвцы и актеры стараются пріобрѣсти себѣ большій успѣхъ. Это было бы не прилично даже и въ наше время, а по римскимъ понятіямъ поступки Нерона были въ высшей степени возмутительны, потому что въ Римѣ артисты, являющіеся въ публикѣ, были всегда глубоко презираемы и ставились на одну доску съ фокусниками и шарлатанами. Въ какой степени уже и безъ того развратное римское общество развратилось при Неронѣ и благодаря его примѣру, можно видѣть изъ того, что императоръ заставлялъ многихъ сенаторовъ и всадниковъ, и что всего больнѣе, иногда людей безукоризненно честныхъ, какъ будто отпущенниковъ и рабовъ, выходить передъ народомъ въ роли гладіаторовъ. Онъ думалъ, что его позоръ будетъ не замѣтнѣе, когда опозорятся и другіе, и потому насильно заставлялъ появляться на сценѣ за деньги не только первыхъ лицъ въ городѣ, но и потомковъ самыхъ благородныхъ фамилій, обѣднѣвшихъ и сдѣлавшихся продажными. Самые знатные и уважаемые сановники, занимавшіе почетныя должности, и даже старики, упражнялись въ искусствѣ актеровъ и гла-

діаторовъ и не стыдились играть пантомимы, сопровождая свои пѣсни непристойными тѣлодвиженіями. Изъ толпы молодыхъ всадниковъ Неронъ образовалъ нѣчто въ родѣ claque французскихъ театровъ, т. е. толпу, единственною обязанностью которой было рукоплескать игрѣ императора. Вскорѣ обнаружилось, какое дѣйствіе должно было имѣть на нравственность, нравы и честь жителей Рима это униженіе высшаго класса римскаго общества. Такъ далеко не заходилъ еще ни одинъ изъ прежнихъ правителей; всѣ они ставили ни во что своихъ подданныхъ, но ни одинъ изъ нихъ своими поступками не попиралъ, какъ Неронъ, существующихъ обычаевъ и не ставилъ на одну ступень съ чернью классы общества, выдававшіеся впередъ своимъ рожденіемъ, богатствомъ или образованіемъ. Разрушительное вліяніе примѣра Нерона не ограничилось однимъ городомъ Римомъ. До него, по крайней мѣрѣ, въ провинціяхъ еще не обнаруживались слѣдствія подобныхъ дурачествъ, распутства и забавъ. Но Неронъ переѣзжалъ изъ Рима въ Неаполь, и ѣздилъ даже въ Грецію, чтобы тамъ, на блестящихъ праздникахъ и древнихъ играхъ, показать свои таланты ристателя, пѣвца и музыканта. Греки превознесли его таланты и поднесли ему не менѣе тысячи восьмисотъ почетныхъ вѣнковъ. Но, какъ выражается одинъ древній историкъ, никто не осмѣливался ненавидѣть несчастнаго тиранна или сострадать ему. На возвратномъ пути онъ, какъ будто побѣдоносный полководецъ, устроилъ себѣ тріумфальный въѣздъ въ Неаполь, Римъ и другіе города. Такъ, издѣваясь надъ нравственностью и честью, онъ, самымъ безсмысленнымъ образомъ расточилъ государственную казну, и, не оглядываясь назадъ, заходилъ все дальше и дальше въ своихъ безумныхъ забавахъ. По ночамъ, въ сопровожденіи своей буйной свиты, онъ ходилъ по улицамъ, совершая самыя гнусныя безчинства съ женщинами, дѣвицами и мирными гражданами. Изъ оскорбленнаго тщеславія, подозрительности, алчности, страсти къ безумнымъ забавамъ или просто по минутной прихоти и влеченію къ своеволію и тиранству,—Неронъ позволялъ себѣ самыя возмутительныя жестокости. Онъ убилъ толчкомъ ноги Поппею Сабину, такую же безумную и жестокую, какъ и онъ, развратницу, на которой женился послѣ убійства Октавіи. Ему нечего были бояться заговоровъ, пока онъ могъ разсчитывать на войска; напротивъ, каждый заговоръ, дѣйствительный или мнимый, служилъ тирану средствомъ придавать своимъ ежедневнымъ жестокостямъ видъ необходимыхъ полицейскихъ мѣръ и правосудія. Солдаты же и народъ вовсе не питали къ нему ненависти; до 64 года, когда вслѣдствіе пожара, превратившаго большую часть Рима въ пепелъ, совершился переворотъ въ общественномъ мнѣніи, войска были имъ очень довольны, а римская чернь благоговѣла передъ нимъ; первые за то, что онъ давалъ имъ большое жалованье, а народъ за то, что Неронъ не только щедро осыпалъ его деньгами и хлѣбомъ, но и давалъ ему почти всякій день невиданныя до тѣхъ поръ игры и зрѣлища. Однажды во время праздника, длившагося нѣсколько дней, когда въ одной драмѣ нужно было представить пожаръ, онъ приказалъ сжечь огромный домъ и отдалъ все его хозяйство на разграбленіе актерамъ; потомъ, всякій день раздавалъ народу золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнные камни, картины, невольниковъ, скотъ и даже корабли, дома и помѣстья.

Пожаръ 64 года, свирѣпствовавшій шесть дней и семь ночей, совершенно разрушилъ три изъ четырнадцати кварталовъ Рима; отъ семи другихъ остались только кое-гдѣ отдѣльные дома. Весь народъ подозрѣвалъ императора въ томъ, что онъ велѣлъ поджечь городъ, чтобы выстроить себѣ еще лучшую столицу. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы очистить мѣсто для своихъ построекъ, онъ препятствовалъ принятію всѣхъ мѣръ къ прекращенію пожара и приказывалъ гнать прочь тѣхъ, кто хотѣлъ остановить огонь. Поднявшись на крышу высокаго зданія онъ смотрѣлъ на пожаръ, какъ на великолѣпный спектакль, и декламировалъ стихи о разрушеніи Трои. Конечно, впослѣдствіи онъ сдѣлалъ все, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе въ поджогѣ, выпутался изъ бѣды тѣмъ, что свалилъ все несчастіе на христіанъ, которыхъ въ Римѣ обыкновенно обвиняли въ ненависти къ человѣчеству и ненавидѣли и презирали за ихъ отвращеніе ко всѣмъ обрядамъ культа, сопротивленіе выполнять по обычаю всѣ дѣйствія, тѣсно соединенныя съ религіей, и наконецъ за странность ихъ жизни и взаимныхъ отношеній. Многихъ изъ нихъ Неронъ приказалъ казнить самымъ жестокимъ образомъ. Но избіеніемъ христіанъ ему такъ же не удалось оправдать себя, какъ и возвратить своимъ

громадными постройками расположеніе черни, котораго лишилъ его пожаръ и его печальныя послѣдствія. Не обращая вниманія на права прежнихъ владѣльцевъ, онъ завладѣлъ большею частью пожарища, для того, чтобы построить себѣ великолѣпный дворецъ тамъ, гдѣ прежде жили тысячи бѣдныхъ гражданъ, и украсить городъ колоннадами и широкими улицами. Новый дворецъ, называвшійся золотымъ домомъ, былъ построенъ съ самой безумной роскошью и заключалъ въ своемъ необъятномъ пространствѣ громадныя залы, широкія терасы, озера, сады и цѣлыя рощи. Чтобы найдти средства для этой исполинской постройки, Неронъ прибѣгнулъ къ самымъ гнуснымъ грабежамъ и жестокостямъ. Италія и провинціи были опустошены, изъ храмовъ Рима, Греціи и Азіи взяты всѣ сокровища и даже нѣкоторыя изображенія боговъ. Неронъ, удержавъ жалованье у войска и показавъ ветеранамъ надежду получить заслуженныя ими деньги только въ будущемъ, сдѣлался со времени пожара ненавистенъ для его народа. Поэтому заговоры стали повторяться чаще. Самымъ важнымъ изъ нихъ былъ заговоръ Кая Пизона, замѣчательный какъ потому, что въ немъ принялъ участіе изъ ненависти къ своему товарищу одинъ изъ двухъ начальниковъ преторіанцевъ, Феній Руфъ,—такъ и по страшной рѣзнѣ, къ которой онъ далъ поводъ. Множество людей было казнено: одни за дѣйствительное участіе въ заговорѣ, другіе только потому, что это происшествіе представляло отличный случай избавиться отъ нихъ. Къ числу жертвъ этого заговора принадлежали: Сенека и знаменитый поэтъ Луканъ. Сенека, котораго императоръ и его свита уже давно ненавидѣли, былъ приговоренъ къ смерти на основаніи совершенно пустаго подозрѣнія, хотя онъ и не принималъ никакого участія въ заговорѣ, и тотчасъ послѣ пожара подарилъ императору свои заботливо собранныя сокровища. Онъ долженъ былъ принять, какъ знакъ особеннаго благоволенія, данное ему позволеніе окончить жизнь самоубійствомъ, а не отъ руки палача. Онъ приказалъ себѣ открыть вены, и такъ какъ по причинѣ его преклонныхъ лѣтъ кровь вытекала очень медленно, то онъ задушилъ себя горячими парами. Луканъ, который, впрочемъ, дѣйствительно принималъ участіе въ заговорѣ, также долженъ былъ выбрать себѣ родъ смерти и умеръ отъ кровопусканья.

Неронъ самъ не могъ надивиться слабости поколѣнія, которое такъ терпѣливо носило его гнусную тиранію; разъ онъ даже хвастался, что изъ всѣхъ государей онъ одинъ только испыталъ, какъ далеко можетъ простираться человѣческій произволъ. Еслибъ онъ понималъ, что всему на землѣ назначены предѣлы, то съ своей гвардіей, въ которую онъ принялъ много германцевъ, могъ бы еще долго держаться противъ своихъ трусливыхъ и развратныхъ подданныхъ; но наконецъ онъ простеръ такъ далеко свое дикое распутство, что нужно было опасаться порчи всего государственнаго механизма, и что не удовольствіе войска и его предводителей вспыхнуло въ одно и то же время во всѣхъ частяхъ имперіи. Самъ онъ не замѣчалъ всеобщаго неудовольствія даже и тогда, когда вездѣ стали обнаруживаться явные признаки броженія; именно тогда онъ и предпринялъ упомянутое уже нами путешествіе въ Грецію и провелъ тамъ цѣлый годъ въ пустыхъ и безсмысленныхъ забавахъ, спокойно смотря, какъ отпущенники Поликлетъ и Гелій во время его отсутствія самымъ жестокимъ и самовольнымъ образомъ распоряжались въ Римѣ и на всемъ Западѣ. Когда наконецъ въ самомъ Римѣ волненіе умовъ стало принимать опасные размѣры, Неронъ, по неотступной просьбѣ своихъ любимцевъ, воротился изъ Греціи, но пріѣхалъ въ столицу не съ намѣреніемъ предупредить вспышку всеобщаго неудовольствія осмотрительностью и кротостью, а началъ рядъ новыхъ преступленій, и такимъ образомъ самъ вызвалъ безпокойства, которыя тогда въ одно и то же время вспыхнули во всѣхъ частяхъ имперіи. Сначала поднялся намѣстникъ Галліи, Юлій Виндексъ, природный галлъ. Такъ какъ онъ не искалъ короны для себя, то обратился къ Сервію Сульпицію Гальбѣ, намѣстнику Испаніи, считавшемуся однимъ изъ опытнѣйшихъ полководцевъ и только что приговоренному Нероном къ смерти. Гальба встрѣтилъ въ своихъ солдатахъ готовность свергнуть тиранна, и едва принялъ титулъ главнаго намѣстника римскаго сената и народа, какъ большая часть войскъ и ихъ предводителей признала его въ этомъ санѣ. Между послѣдними былъ и Отонъ, прежній товарищъ развратнаго императора, бывшій намѣстникомъ Лузитаніи и разсчитывавшій возвышеніемъ уже престарѣлаго Гальбы проложить

себѣ дорогу къ престолу. Неронъ, на обратномъ пути изъ Греціи, получилъ въ Неаполѣ первое извѣстіе о возмущеніи Виндекса, но запретилъ тревожить себя во время забавъ и игръ, устроенныхъ имъ въ этомъ городѣ. Онъ даже обрадовался случаю помучить и пограбить Галлію и огорчался только тѣмъ, что Виндексъ въ своихъ прокламаціяхъ называлъ его плохимъ музыкантомъ. Возвратившись въ Римъ, онъ подъ предлогомъ войны наложилъ самыя обременительныя подати и тотчасъ же приказалъ набирать войско, въ которое однако никто не хотѣлъ вербоваться. Между тѣмъ главнокомандующій на верхнемъ Рейнѣ, Виргиній Руфъ, двинулся въ Галлію и соединился съ Виндексомъ, но несчастное недоразумѣніе, противъ воли обоихъ полководцевъ, повело къ сраженію между ихъ войсками; войско Виндекса было совершенно разбито и самъ онъ съ отчаянія лишилъ себя жизни. Виргиній былъ провозглашенъ императоромъ остатками обоихъ войскъ, но отказался отъ предложеннаго ему сана, и объявилъ, что онъ самъ не хочетъ быть императоромъ и будетъ сражаться противъ всякаго, кто назовется государемъ, не будучи признанъ сенатомъ по законной формѣ. Благородный и дальновидный Виргиній предвидѣлъ несчастныя послѣдствія, которыя неминуемо должны обнаружиться, если войска хоть разъ присвоятъ себѣ право назначать императоровъ, и вторично отказался отъ престола, предложеннаго ему солдатами по смерти Нерона.

Совершенно иначе поступилъ Нимфидій, одинъ изъ двухъ начальниковъ преторіанцевъ въ Римѣ. Видя, что Неронъ не принимаетъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, онъ задумалъ блестящими обѣщаніями склонить въ пользу Гальбы войска въ Римѣ и Италіи, надѣясь пользоватся безграничною властью при новомъ уже отжившемъ свой вѣкъ императорѣ. Преторіанцы, прельщенные обѣщаніемъ денежныхъ наградъ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ начальникомъ, Тигеллиномъ, покинули Нерона, который принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Сенатъ торжественно объявилъ его низложеннымъ и осудилъ на смерть, а императоромъ провозгласилъ Гальбу. Неронъ, бѣжавшій въ одно изъ своихъ помѣстій, не видя возможности избѣжать мщенія оскорбленнаго сената, рѣшился кончить жизнь самоубійствомъ, но не имѣлъ достаточной твердости духа, чтобы исполнить это намѣреніе. Онъ нѣсколько разъ бралъ въ руки кинжалъ, не рѣшаясь употребить его въ дѣло, и только завидѣвъ высланный противъ него отрядъ конницы, приставилъ кинжалъ къ шеѣ, но и тутъ долженъ былъ попросить своего отпущенника вонзить его въ горло. Разсказываютъ, что Неронъ и въ послѣднюю минуту своей жизни не могъ освободиться отъ своего артистическаго тщеславія и нѣсколько разъ повторялъ: «какого художника теряетъ во мнѣ міръ!» Съ нимъ пресѣкся родъ Августа (въ іюнѣ 68 г. по р. Х.).

4. Отъ смерти Нерона до восшествія на престолъ Веспасіана.

Паденіе Нерона и возвышеніе Гальбы были весьма важными моментами въ исторіи римскаго государства. Грубая форма правленія, подчинявшая все произволу правителя, двору и императорской гвардіи измѣнилась теперь еще къ худшему. Войска привыкли къ возмущеніямъ и поставили въ зависимость отъ себя избраніе императоровъ. Хотя Гальба принялъ императорскій титулъ только тогда, когда онъ законнымъ образомъ былъ предложенъ ему депутаціею сената; но примѣръ возмущенія былъ поданъ, такъ какъ своимъ возведеніемъ на престолъ Гальба въ дѣйствительности былъ обязанъ войскамъ, и только по формѣ сенату. Судьба государства стала совершенно зависѣть отъ произвола войскъ и ихъ предводителей. Съ перваго взгляда избраніе Гальбы представляется счастливымъ событіемъ для имперіи. Дѣйствительно, послѣ длиннаго ряда слабыхъ и развратныхъ правителей, власть перешла въ руки человѣка, опытнаго въ войнѣ, пользовавшагося любовью и довѣріемъ солдатъ и ненавидѣвшаго всякую роскошь и распутство. Но, при всѣхъ достоинствахъ новаго императора, старость и неразлучныя съ нею слабости отнимали у него всякую возможность принести государству пользу. Впрочемъ, недостатки Гальбы обнаружились только по прибытіи его въ Римъ

изъ Галліи, гдѣ онъ находился во время смерти Нерона, и откуда его съ нетерпѣніемъ ожидали въ Римѣ.

До прибытія Гальбы, Нимфидій, ускорившій паденіе Нерона, дѣйствовалъ какъ неограниченный повелитель. Онъ отнялъ у Тигеллина участіе въ главномъ начальствѣ надъ преторіанцами, всѣми силами старался расположить къ себѣ народъ, обращался надменно съ сенатомъ и вмѣшивался во всѣ его сношенія съ Гальбою. Нимфидію пришло даже на мысль доказать свое происхожденіе отъ Цезаря и основать на этомъ свои права на престолъ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ узналъ отъ отправленнаго къ Гальбѣ посланника, что Титъ Виній, одинъ изъ легатовъ Гальбы, пользуется неограниченнымъ вліяніемъ надъ новымъ императоромъ, что вмѣсто его самого префектомъ преторіанцевъ назначенъ Корнелій Лаконъ, и что такимъ образомъ онъ долженъ лишиться власти, какъ скоро Гальба явится въ Римъ. Въ этихъ обстоятельствахъ Нимфидій рѣшился прибѣгнуть къ крайности и при помощи преторіанцевъ провозгласить себя императоромъ. Но преторіанцы уже были предупреждены противъ Нимфидія однимъ изъ своихъ начальниковъ, и умертвили его, какъ только онъ явился въ ихъ лагерь. По прибытіи въ Римъ, Гальба казнилъ всѣхъ приверженцевъ Нимфидія. Эта жестокость и многія другія казни, вмѣстѣ съ зависимостью Гальбы отъ Винія, возбудили въ народѣ недовольство новымъ правителемъ. Къ несчастью, Гальба принужденъ былъ отказать гвардіи въ выдачѣ суммъ, обѣщанныхъ ей Нимфидіемъ отъ его имени, и кромѣ того, при самомъ вступленіи въ Римъ, принужденъ былъ перебить толпу солдатъ, вышедшихъ къ нему на встрѣчу и съ наглымъ крикомъ предъявлявшихъ свои требованія. Вступивъ на престолъ, Гальба рѣшился было править иначе, чѣмъ его предшественники, но скоро увидалъ, что въ короткое время нѣтъ никакой возможности исправить развращенный народъ и правительственными мѣрами пріучить его къ нравственности. Строгій и скупой до степени, отвратительной даже въ частномъ человѣкѣ, Гальба хотѣлъ водворить древнюю простоту и порядокъ въ Римѣ, привыкшемъ видѣть только расточительныхъ императоровъ, и этимъ сдѣлалъ себя ненавистнымъ и даже смѣшнымъ въ глазахъ народа. Слабый и вялый императоръ подчинялся тремъ любимцамъ, совершавшимъ его именемъ разныя насилія и обогащавшимся продажею должностей и наградъ. Эти любимцы были: Виній, Лаконъ и отпущенникъ Гальбы, Ицелъ. Подобное положеніе дѣлъ съ самаго начала предвѣщало непрочность владычества Гальбы. Недовольство императоромъ распространилось не только между римскою чернью, которая, какъ и вообще всякая чернь, любила наслажденія больше, чѣмъ добродѣтель и отечество, но отозвалось даже и въ самыхъ войскахъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по воцареніи Гальбы возмутились легіоны въ Верхней Германіи и потребовали отъ сената новаго императора, болѣе юнаго и энергическаго чѣмъ Гальба. Гальба думалъ утишить начинавшуюся бурю, назначивъ своимъ соправителемъ и преемникомъ Пизона Лициніана, молодаго человѣка знатной фамиліи и самыхъ безукоризненныхъ правилъ. Но, представляя войскамъ Пизона, Гальба, по своей скупости, не сдѣлалъ имъ подарковъ, вошедшихъ въ обычай со временъ Клавдія, а въ то же время въ своей рѣчи къ собранному войску явно высказалъ, что въ Германіи солдаты отказались повиноваться ему. Возбудивъ такимъ образомъ нерасположеніе въ войскахъ, Гальба самъ лишилъ себя выгодъ, которыя могъ бы извлечь изъ назначенія Пизона.

Отонъ, прибывшій въ Римъ вмѣстѣ съ Гальбою, воспользовался ошибками императора, чтобы самому захватить престолъ. Онъ уже давно заискивалъ любовь солдатъ и народа, даря нѣкоторымъ изъ нихъ цѣлыя помѣстья, и всякій разъ, когда обѣдалъ у него Гальба, награждалъ деньгами его конвой. Императоръ не замѣчалъ этого, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ его любимцевъ, Виній, на дочери котораго хотѣлъ жениться Отонъ, тайно помогалъ новому искателю престола. Составивъ заговоръ, Отонъ увлекъ солдатъ подарками и обѣщаніями и чрезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Пизона въ соправители былъ провозглашенъ императоромъ въ лагерѣ преторіанцевъ. Оттуда вмѣстѣ съ избравшими его солдатами онъ отправился въ городъ, умертвилъ Гальбу и его соправителя и былъ признанъ народомъ и сенатомъ императоромъ (15 января, 69 г.), спустя семь мѣсяцевъ и нѣсколько дней послѣ воцаренія Гальбы.

Новый императоръ удержался на престолѣ только три мѣсяца. По смерти

Гальбы всѣ провинціи и войска признали его императоромъ, за исключеніемъ легіоновъ на Рейнѣ и въ Верхней Германіи. Еще при Гальбѣ рейнскіе легіоны возмутились и провозгласили императоромъ Авла Вителлія, главнокомандующаго на нижнемъ Рейнѣ. Поводомъ къ возмущенію былъ отказъ Гальбы наградить легіоны за помощь, оказанную ему при низложеніи Нерона. Сторону Вителлія приняли и многіе другіе отряды войскъ. Впрочемъ, новый претендентъ на престолъ не былъ слишкомъ опасенъ для Отона. Вителлій былъ до того разслабленъ своею развратною жизнью, что рѣшительно потерялъ всякую способность къ дѣятельности; но за то онъ имѣлъ у себя двухъ искусныхъ полководцевъ: Фабія Валента и Авла Цецину, которые вмѣсто него начальствовали надъ легіонами. Они повели возмутившіяся войска черезъ Альпы и напали въ Верхней Италіи на Отона, который въ свою очередь, наскоро набравъ солдатъ, выступилъ противъ непріятеля. Сначала полководцы Вителлія, раздѣленные взаимными несогласіями, были слабѣе своего противника, но соединившись вмѣстѣ превзошли силами Отона. Императору нужно было бы избѣгать рѣшительной битвы до прибытія подкрѣпленій, ожидаемыхъ имъ изъ дунайскихъ провинцій. Но онъ не сдѣлалъ этого, и вообще во время всей войны выказалъ себя достойнымъ сообщникомъ Нерона. Какъ супругъ развратной Поппеи Сабины, Отонъ участвовалъ во всѣхъ распутствахъ Нерона, которыя вовлекли его въ неоплатные долги и разслабили до того, что онъ сдѣлался неспособнымъ ни къ какимъ усиліямъ. Слабость Отона обнаружилась еще въ заговорѣ противъ Гальбы. Въ самую рѣшительную минуту онъ потерялъ мужество и испортилъ бы все дѣло, если бы другіе заговорщики силою не принудили его быть твердымъ въ своемъ намѣреніи. Отонъ не отличался и талантами полководца. Войско, состоявшее большею частью изъ преторіанцевъ и солдатъ Нерона, любило Отона и не имѣло недостатка въ мужествѣ, но не довѣряло и не хотѣло повиноваться своимъ офицерамъ. Все это побудило Отона поспѣшить рѣшительною битвою, такъ какъ онъ ежеминутно опасался быть оставленнымъ своими солдатами. Впрочемъ, въ рѣшительной битвѣ, какъ и въ прежнихъ небольшихъ схваткахъ, Отонъ не принималъ личнаго участія.

Цецина и Валентъ настигли войска Отона близъ Кремоны; въ битвѣ подъ этимъ городомъ, легіоны Отона были разбиты, потерпѣли значительный уронъ и большею частью перешли на сторону противниковъ. Но дѣло Отона не было еще совершенно проиграно; преторіанцы упорно стояли за него, дунайскіе легіоны спѣшили къ нему на помощь, и весь Востокъ вмѣстѣ съ Африкою были еще для него открыты. Къ несчастью, самъ Отонъ былъ слишкомъ вялъ и слабъ для того, чтобы рѣшиться на предстоявшія усилія и труды, тѣмъ болѣе что примѣръ его разбитаго войска служилъ ему доказательствомъ, какъ непостоянна привязанность солдатъ. Отчаявшись въ спасеніи и не смотря на ободренія и просьбы друзей, Отонъ рѣшился окончить жизнь самоубійствомъ. Онъ вонзилъ себѣ въ сердце кинжалъ съ твердостью, какую рѣдко можно встрѣтить въ развратникѣ, и своимъ поступкомъ пріобрѣлъ въ потомствѣ славу искупителя мира отечества. Историки, восхваляющіе этотъ поступокъ Отона, говорятъ, что, когда друзья и родственники удерживали его отъ самоубійства, онъ будто бы сказалъ имъ: «нѣкоторые императоры пріобрѣли себѣ славу хорошимъ правленіемъ; а моя слава состоитъ въ томъ, что я желаю лучше уступить власть надъ царствомъ другому, чѣмъ вредить имперіи моимъ честолюбіемъ». Впрочемъ эти слова противорѣчатъ всей жизни и образу мыслей Отона. Зная, что Отонъ всю свою жизнь жилъ и дѣйствовалъ по правиламъ Нерона, нельзя не усомниться въ истинѣ разсказа, придающаго смерти Отона видъ прекраснаго и благороднаго поступка. Нельзя отрицать, что своею смертью Отонъ предупредилъ начало междоусобной войны и лишилъ себя жизни съ полнымъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа; но во всякомъ случаѣ къ самоубійству побуждало его не мужество и любовь къ отечеству, а слабость и отчаяніе. Римлянинъ того времени слишкомъ мало дорожилъ своею жизнью, и потому на смерть Отона нужно смотрѣть иначе, чѣмъ на подобный же поступокъ въ наше время. До чего доходило тогда презрѣніе къ жизни, видно изъ примѣра солдатъ Отона, умертвившихъ себя на его кострѣ, не изъ страха за свою будущность, а только изъ подражанія своему императору.

По смерти Отона римскій сенатъ призналъ императоромъ Вителлія и даже присудилъ объявить германскому войску благодарность за его избраніе. Въ

то время какъ полководцы Вителлія завоевывали ему престолъ, новый императоръ находился въ Галліи и послѣ побѣды не спѣшилъ вступить во владѣніе имперіею. Сначала онъ остановился въ Ліонѣ, потомъ пробылъ довольно долго въ Кремонѣ и Болоньѣ, проводя время въ пирахъ и любуясь гладіаторскими играми, и только въ іюлѣ (60 г.)., черезъ три мѣсяца, по смерти Отона, прибылъ въ Римъ. Съ воцареніемъ Вителлія возобновились преступленія и распутство Калигулы, Клавдія и Нерона, не смотря на то, что у Вителлія не было недостатка ни въ образованіи, ни въ способностяхъ. Вителлій достигнулъ власти помощью своихъ пороковъ, и привязалъ къ себѣ германскихъ солдатъ своею довѣрчивостью къ нимъ. Тупость, вялость, жестокость, невоздержность, доходившая до настоящаго обжорства, расточительность, превышавшая роскошь самого Нерона,—были главными чертами характера Вителлія и его правленія. Думая только объ удовольствіяхъ и праздномъ покоѣ, онъ еще на пути въ Римъ позволялъ своимъ войскамъ воровать и грабить что имъ угодно и не обращалъ вниманія на упадокъ въ нихъ чувства порядка и дисциплины. Въ Римѣ любимое общество его составляли отпущенники, комедіанты и шуты, и всякій, давшій ему самый роскошный пиръ, пріобрѣталъ его расположеніе. Чтобы имѣть деньги для своихъ издержекъ, Вителлій, подобно Нерону и Калигулѣ, прибѣгалъ къ самымъ безчеловѣчнымъ насиліямъ; а чтобы освободиться отъ долговъ, приказывалъ умерщвлять своихъ кредиторовъ. Одинъ гражданинъ, осужденный на смерть, въ надеждѣ на помилованіе завѣщалъ императору свое имѣніе, но, къ несчастью, вмѣстѣ съ императоромъ назначилъ и другаго наслѣдника. Вителлій умертвилъ и завѣщателя и своего сонаслѣдника, и завладѣлъ имѣніями обоихъ. Роскошь и расточительность Вителлія превосходятъ всякое вѣроятіе. Онъ принималъ рвотное, чтобы имѣть возможность обѣдать три или четыре раза въ день, и однажды истратилъ огромную сумму денегъ на приготовленіе блюда изъ языковъ самыхъ рѣдкихъ птицъ и другихъ драгоцѣнныхъ спецій. На праздникѣ по случаю прибытія въ Римъ, Вителлій обѣдалъ у брата, и на этомъ обѣдѣ было подано на столъ не менѣе двухъ тысячъ рѣдкихъ рыбъ и семи тысячъ птицъ. Мы можемъ судить о роскоши Вителлія по суммѣ, прожитой имъ въ короткое время своего царствованія и доходившей до девяти сотъ милліоновъ сестерцій, или сорока одного милліона рублей. Одинъ древній писатель говоритъ, что, если бы правленіе Вителлія продолжалось еще немного, вся римская имперія должна бы была обнищать для покрытія издержекъ на императорскій столъ. Къ счастью для государства, этого не случилось. Чрезъ восемь мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ Вителлій былъ низверженъ своими войсками.

Новое возмущеніе войскъ, — второе въ одномъ и томъ же году, — началось между легіонами, шедшими съ Дуная на помощь Отону противъ Вителлія. Узнавъ на пути о смерти Отона, дунайскіе легіоны рѣшились избрать себѣ новаго императора, и часть изъ нихъ, надъ которою незадолго предъ этимъ начальствовалъ храбрый Веспасіанъ, рѣшила дѣло въ пользу своего прежняго полководца, находившагося тогда въ Сиріи. Самъ Веспасіанъ и намѣстникъ Египта, Муціанъ, въ войскѣ котораго онъ служилъ, признали это избраніе тотчасъ по полученіи о немъ извѣстія на Востокѣ. Мало-по-малу и всѣ прочія войска и полководцы приняли сторону Веспасіана. Даже Валентъ и Цецина, главные виновники возвышенія Вителлія, покинули его, и только солдаты германскаго войска, доставившіе престолъ Вителлію, остались вѣрны своему императору. Низверженіе праздная сластолюбца не представляло никакой трудности. Еще прежде чѣмъ Веспасіанъ посадилъ свои войска на корабли, противникъ его былъ уже свергнутъ съ престола и лишенъ жизни. Дунайскіе легіоны, подъ начальствомъ Антонія Прима, вступили въ Италію, разбили при Кремонѣ войска Вителлія и двинулись къ столицѣ, которая рѣшилась было защищать императора. Антонію Приму, хотѣлось пощадить городъ, а самъ Вителлій боялся рѣшиться на отчаянное сопротивленіе. Префектомъ Рима былъ Флавій Сабинъ, братъ Веспасіана, и потому для него было легко завязать переговоры. Вителлій самымъ постыднымъ образомъ долженъ былъ сложить съ себя императорское достоинство. Но солдаты императора и участники его не хотѣли слышать объ его отреченіи и напали на Сабина, успѣвшаго уже расположить въ пользу своего брата большую часть сената, всадниковъ и городской гарнизонъ. Сабинъ съ небольшимъ числомъ сво-

ихъ приверженцевъ, принужденъ былъ бѣжать и скрыться въ Капитолій. Противники его, окруживъ это убѣжпще, взяли его самого въ плѣнъ, умертвили его приверженцевъ и намѣренно или случайно произвели пожаръ, превратившій въ пепелъ храмъ Юпитера Капитолійскаго, священнѣйшее зданіе въ Римѣ, при чемъ погибла большая часть хранившихся въ Капитоліи историческихъ памятниковъ. Напрасно Вителлій своими мольбами хотѣлъ удержать солдатъ отъ умерщвленія Сабина: насчастный Сабинъ былъ убитъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, тогда какъ одинъ изъ сыновей Веспасіана, Домиціанъ, вмѣстѣ съ Сабиномъ искавшій спасенія въ Капитоліи, къ несчастью государства избѣжалъ ярости враговъ. Свирѣпые солдаты Вителлія предались въ городѣ всякимъ неистовствамъ, слѣдуя примѣру войскъ Антонія Прима, которыя за нѣсколько недѣль предъ этимъ, послѣ своей побѣды, сожгли Кремону и подвергли истязаніямъ ея жителей. Вителлій былъ совершенно невиненъ во всемъ, происходившемъ въ Римѣ. Онъ охотно согласился бы на всѣ условія, лишь бы только спасти свою жизнь, и тотчасъ по убіеніи Сабина, отправилъ къ Антонію Приму пословъ, а чтобы убѣжденія и мольбы ихъ произвели болѣе сильное впечатлѣніе, послалъ вмѣстѣ съ ними весталокъ. Антоній Примъ отказался отъ всякихъ новыхъ переговоровъ, разбилъ чернь и солдатъ Вителлія въ кровавой битвѣ, происходившей передъ стѣнами и на улицахъ города, и, безъ всякаго сожалѣнія, перерѣзалъ всю побѣжденную чернь. Здѣсь въ самомъ ужасномъ свѣтѣ выказалась вся нравственная порча римскаго народа. Чернь такъ же хладнокровно смотрѣла на ожесточенную битву двухъ армій, какъ будто передъ нею происходилъ обыкновенный бой гладіаторовъ: рукоплескала то одной, то другой сторонѣ, схватывала воиновъ, скрывавшихся отъ побѣдителя, и отдавала ихъ на смерть. Борьба за имперію не препятствовала никому предаваться обычнымъ удовольствіямъ: бани, кабаки и другіе публичные дома, были такъ же полны развратниками и сластолюбцами, какъ и во всякое другое время. По выраженію историка Тацита, Римъ представлялъ тогда ужасную картину города, жители котораго въ одно и то же время предавались всѣмъ ужасамъ междоусобной войны и всѣмъ порокамъ изнѣженнаго народа. Вителлій умеръ такъ же, какъ жилъ. Онъ спрятался въ одной темной комнатѣ своего дворца, гдѣ обыкновенно помѣщался невольникъ, отворявшій и затворявшій двери. Найденный нѣсколькими солдатами Антонія Прима, онъ сначала думалъ спастись, выдавъ себя за невольника; но когда эта хитрость не удалась, началъ умолять солдатъ пощадить его жизнь, увѣряя ихъ, что долженъ открыть Веспасіану многое. Солдаты, не обращая никакого вниманія на просьбы Вителлія, разорвали его одежды, завязали ему назадъ руки и, накбросивъ на шею петлю, съ ужасными ругательствами таскали по улицѣ до тѣхъ поръ, пока не оторвали ему головы. Тогда тѣло его было брошено въ Тибръ (въ концѣ 69 года).

Муціанъ, прибывшій въ Римъ черезъ день послѣ умерщвленія Вителлія, началъ править въ Римѣ именемъ Веспасіана, и вмѣстѣ съ войсками Антонія Прима продолжалъ насилія всякаго рода. Кровожадный сынъ Веспасіана, Домиціанъ, также злоупотреблялъ именемъ и властью своего отца. Порядокъ, безопасность и спокойствіе въ городѣ возстановились только по прибытіи въ Римъ самого Веспасіана. Въ лицѣ новаго императора, римское общество, въ первый разъ по смерти Августа, увидѣло достойнаго и способнаго правителя. Подобно Гальбѣ, Веспасіанъ ненавидѣлъ лесть, соединялъ въ себѣ добрую нравственность съ воинскою опытностью, и, по своей прозорливости и энергіи, былъ вполнѣ способенъ выдти побѣдителемъ изъ трудныхъ обстоятельствъ того времени. Съ восшествіемъ его на престолъ, положеніе дѣлъ въ Римѣ принимаетъ совершенно другой видъ. Поэтому здѣсь мы можемъ остановиться и обратить нашъ взоръ отъ столицы государства на ту провинцію, возникновеніе въ которой христіанства произвело величайшій и важнѣйшій изъ всѣхъ переворотовъ, извѣстныхъ исторіи.

5. Послѣдніе годы іудейскаго царства и начало христіанства.

Іудейское царство, возвратившее себѣ самостоятельность при первыхъ Маккавеяхъ, въ скоромъ времени снова лишилось ея и подпало подъ владычество римлянъ (т. I. 709 и т. II. стр. 16). Несогласіе и нравственный упадокъ членовъ маккавейской династіи открыли римлянамъ свободное поприще для ихъ происковъ въ Сиріи. Эти же несогласія подчинили Палестину иноплеменнику, идумеянину Антипатру, рожденному внѣ іудейской религіи и только впослѣдствіи перешедшему въ нее. Онъ былъ всемогущимъ министромъ и руководителемъ царя Іоанна Гиркана, которому посредствомъ своего дипломатическаго искусства доставилъ господство въ Палестинѣ, когда Помпей устраивалъ дѣла передней Азіи. Братъ Гиркана, Аристовулъ, вмѣстѣ съ сыномъ и двумя дочерьми его, былъ отведенъ Помпеемъ въ Римъ. Съ этого времени римляне начали смотрѣть на Палестину, какъ на провинцію своего государства, хотя, повидимому, и признавали повелителей страны неограниченными правителями. Римскіе намѣстники въ Сиріи распоряжались Палестиною совершенно произвольно, а одинъ изъ нихъ, Крассъ, даже захватилъ сокровища іерусалимскаго храма.

Возвышеніе Іоанна Гиркана было концомъ господства династіи Маккавеевъ. Самъ Гирканъ былъ государемъ только по имени, а на дѣлѣ, государствомъ управлялъ его министръ Антипатръ. Когда Юлій Цезарь сдѣлался неограниченнымъ властителемъ Рима, вліяніе Антипатра и его фамиліи еще болѣе упрочилось. Цезарь имѣлъ сначала въ виду отнять Палестину у Іоанна Гиркана, на котораго смотрѣлъ, какъ на вассала Помпея, и сдѣлать правителемъ страны Аристовула, но враги Аристовула успѣли устранить его. Цезарь отдалъ свѣтскую власть Антипатру, оставивъ Іоанну Гиркану только первосвященничество. Вскорѣ Антипатръ назначилъ старшаго изъ двухъ своихъ сыновей, Фасаила, намѣстникомъ провинціи Іуден, а младшаго, Ирода, получившаго впослѣдствіи прозваніе Великаго, намѣстникомъ Галилеи. Результатомъ раздѣленія царства была совершенная гибель маккавейской династіи. Іуден вообще ненавидѣли правленіе Антипатра, который, чтобы добыть деньги, необходимыя для пріобрѣтенія милости римлянъ, производилъ отъ имени Гиркана неслыханныя притѣсненія. По смерти Цезаря, новый правитель былъ лишенъ жизни однимъ подчиненнымъ ему намѣстникомъ; но Иродъ отмстилъ за смерть отца умерщвленіемъ убійцы, и, удачно воспользовавшись обстоятельствами, совершенно уничтожилъ династію Маккавеевъ и вступилъ на престолъ самъ. Онъ пріобрѣлъ расположеніе Кассія и Брута, по смерти Цезаря, сдѣлавшихся на короткое время повелителями Востока, а послѣ погибели Кассія и Брута умѣлъ поддѣлаться къ Антонію, такъ что послѣдній назначилъ его и его брата Фасаила правителями іудейскаго царства, подъ именемъ тетрарховъ или четверовластниковъ, усмиривъ его противниковъ силою. Новая опасность грозила усиливавшейся фамиліи Антипатра, когда Антигонъ, младшій сынъ Аристовула, призвалъ къ себѣ на помощь парѳянъ. Парѳяне обрадовались этому призыву, наводнили Сирію и Палестину своими ордами, провозгласили Антигона властелиномъ Іерусалима и взяли въ плѣнъ Іоанна Гиркана и Фасаила. Фасаилъ умертвилъ самъ себя, а Іоанну Гиркану Антигонъ велѣлъ обрѣзать уши, чтобы онъ не могъ опять занять должности первосвященника.

Несчастье Іоанна Гиркана и іудеевъ было счастьемъ Ирода. Иродъ, женившись на внучкѣ Іоанна Гиркана, Маріамнѣ, отправился въ Римъ и, опираясь на согласіе Антонія и Октавіана, потребовалъ у сената назначенія себя въ цари іудейскіе (39 до р. Хр.). Съ помощью нѣсколькихъ легіоновъ Антонія, Иродъ взялъ Іерусалимъ, занятый Антигономъ и его партіею, и подчинилъ себѣ всю страну. Антигонъ, попавшійся въ руки римлянъ, былъ умерщвленъ по повелѣнію Антонія, которому Иродъ предложилъ значительную сумму за голову Антигона. Самъ Иродъ истребилъ пятьдесятъ пять знатнѣйшихъ приверженцевъ Антигона, такъ что уже некому было оспаривать у него власть надъ Іерусалимомъ. По смерти Антонія, онъ умѣлъ пріобрѣсть расположеніе Октавіана и былъ утвержденъ имъ на престолѣ. Впрочемъ, Иродъ въ дѣйствительности былъ только агентомъ рим-

лянъ, съ титуломъ царя, и помогалъ имъ пріучить іудеевъ къ римскому управленію. Утвердивъ за собою престолъ такими же средствами, какими пріобрѣлъ его, Иродъ дружески принялъ Іоанна Гиркана, освобожденнаго парѳянами изъ плѣна, но не возвратилъ ему сана первосвященника, и чрезъ нѣсколько времени, когда Гирканъ началъ становиться опаснымъ, лишилъ его жизни, а первосвященникомъ поставилъ молодаго зятя Гиркана, послѣдняго потомка Маккавеевъ, но только для того, чтобы погубить его. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени зять Гиркана былъ умерщвленъ. Подозрѣвая въ злыхъ умыслахъ свою супругу, Иродъ умертвилъ и ее, и даже прижитыхъ съ нею дѣтей. Такимъ же образомъ онъ освободился и отъ другихъ родственниковъ, возбуждавшихъ въ немъ подозрѣніе. Такъ же жестоко поступалъ Иродъ и съ ревнителями іудейской вѣры и со всѣмъ вообще іудейскимъ народомъ. При всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ былъ полезенъ для страны, защищая Іудею отъ хищническихъ набѣговъ арабскихъ кочевыхъ племенъ, заботясь объ улучшеніи и укрѣпленіи столицы и великолѣпнымъ образомъ возобновивъ іерусалимскій храмъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, Иродъ сдѣлался настоящимъ тираномъ, безпрестанно совершая ужасныя жестокости и лишая жизни всякаго, кто возбуждалъ въ немъ малѣйшее подозрѣніе. Лежа на смертномъ одрѣ, Иродъ издалъ приказаніе умертвить нѣсколькихъ невинныхъ гражданъ, незадолго передъ тѣмъ заключенныхъ имъ въ темницу, желая этою жестокою мѣрою удержать народъ отъ радости при его смерти. Впрочемъ и независимо отъ жестокостей Ирода, тогдашнее состояніе іудейскаго царства должно было приводить въ отчаяніе всякаго патріота. Народъ страдалъ подъ двойнымъ чужеземнымъ гнетомъ: Иродъ, будучи самъ иноплеменникомъ, купилъ свое владычество у римлянъ и рабски повиновался всѣмъ требованіямъ ихъ. Однажды онъ поставилъ на вершинѣ вновь построеннаго храма изображеніе римскаго орла, а это было тѣмъ оскорбительнѣе для іудеевъ, что законъ запрещалъ имъ изображенія всякаго рода живыхъ существъ.

Въ это печальное время, іудейскій народъ утѣшался обѣтованіями, которыми были наполнены ихъ священныя книги. Еще Моисей возвѣстилъ, что въ предопредѣленное время Богъ возставитъ пророка, подобно ему. Послѣ Моисея, прообразомъ будущаго избавителя іудейскаго народа почитался царь и пророкъ Давидъ. Давидъ происходилъ изъ колѣна Іудина, изъ котораго, по ожиданію іудеевъ, долженъ былъ явиться и обѣщанный Спаситель (Мессія). Основаніемъ этого вѣрованія служили пророчественныя слова, приведенныя въ разсказѣ о благословеніи Іакова. Слова эти въ первоначальномъ текстѣ читаются такъ: «не отымется правительственный скипетръ отъ Іуды и законоположникъ отъ чреслъ его, до тѣхъ поръ, пока не придетъ Умиритель и не покорятся ему народы.» На основаніи приведенныхъ словъ, іудеи въ лицѣ Мессіи ожидали царя, и вмѣстѣ съ тѣмъ земнаго владычества. Разсѣянные по всему римскому государству и распространяя повсюду свои ожиданія, они много способствовали первымъ успѣхамъ христіанства. Такимъ образомъ самое заблужденіе іудеевъ открыло путь истинѣ. Ожиданіе Мессіи и первый пріемъ основателя христіанской религіи показываютъ, что само провидѣніе особеннымъ образомъ устроило судьбы іудейскаго народа, и по внушенію его, пророки возвѣстили духовное спасеніе въ чувственныхъ образахъ. Появленіе множества ложныхъ пророковъ, злоупотреблявшихъ всеобщимъ ожиданіемъ, давно уже обратило взоры іудеевъ къ истинному и божественному пророку и заставило ихъ, такъ сказать, проникнуться его духомъ. Поэтому мы должны разсмотрѣть сущность и исторію вѣрованія іудеевъ въ Мессію, въ связи съ исторіею возникновенія христіанства.

Моисей предсказалъ іудеямъ, что изъ среды ихъ Господь возставитъ имъ пророка: «Я возставлю изъ среды ихъ братій такого же Пророка, какъ Ты, и вложу слова Мои въ уста его. Онъ скажетъ имъ все, что Я ему прикажу. Кто не послушаетъ словъ, которыя Онъ будетъ говорить во имя Мое, того Я строго накажу». Надежда на новаго пророка или Мессію служила и теперь еще служитъ главнымъ основаніемъ іудейской вѣры. Давидъ и всѣ пророки подтверждали это обѣтованіе, и во дни несчастія утѣшали народъ мыслію о лучшихъ временахъ, которыя принесетъ Мессія ихъ потомкамъ. Въ лицѣ новаго божественнаго посланника, іудеи ожидали духовнаго и свѣтскаго владыку, который покоритъ всѣ народы, возобновитъ вѣру въ Израилѣ, доставитъ іудейской націи господство надъ

всѣми другими и, какъ непосредственный намѣстникъ Божій, утвердитъ свой престолъ въ Іерусалимѣ, будущей столицѣ міра. Надежда на спасителя и избавителя утѣшала благочестивыхъ іудеевъ во времена несчастія и невѣрія. Чѣмъ печальнѣе становилась судьба іудейской націи, чѣмъ менѣе испортившійся народъ заслуживалъ избавленія, тѣмъ сильнѣе укрѣплялась, въ немногихъ истинныхъ чтителяхъ Моисеева закона, вѣра въ избавителя. Когда ассиріяне и вавилоняне угрожали іудейскому царству совершенною гибелью, у благочестивыхъ іудеевъ явилось вѣрованіе, что счастье должно возникнуть именно изъ несчастья, свѣтъ изъ тьмы, избраніе — изъ отверженія, прославленіе и побѣда — изъ презрѣнія и угнетенія.

Ожиданіе Мессіи особенно усилилось между іудеями со временъ Антипатра, когда они подпали двойному тяжкому гнету иноплеменниковъ. Тогда всѣ іудеи стали ожидать обѣщаннаго Спасителя еще съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ прежде. Ожиданія ихъ разнообразились по сектамъ, существовавшимъ тогда между ними. Въ то время іудеи раздѣлялись на три секты — фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ. Фарисеи держались буквы закона и не хотѣли видѣть въ будущемъ Мессіи проповѣдника служенія духомъ и истиною и исправителя Моисеевой религіи и богослуженія. Они думали, что ожидаемый Мессія будетъ царемъ строгаго обрядоваго закона, что онъ соберетъ къ себѣ всѣхъ исполнителей закона, наградитъ ихъ богатствомъ, почестями и долгою жизнью и сдѣлаетъ ихъ князьями и правителями, а всѣхъ тѣхъ, которые не исполняли буквально внѣшнихъ предписаній закона, и всѣхъ не іудеевъ, поразитъ какъ враговъ, своихъ и подчинитъ своему народу. Секта саддукеевъ состояла изъ вольнодумцевъ, которые, собственно говоря, не вѣрили въ Бога, почитали Моисееву религію только собраніемъ мудрыхъ правилъ для государственной жизни и признавали духовное блаженство и загробную жизнь выдумками фантазіи. Естественно, что и у нихъ ожиданіе Мессіи, — впрочемъ сравнительно слишкомъ слабое, — соединилось съ представленіемъ блестящаго мірскаго царства, средоточіемъ котораго должна была быть Іудея. Образъ мыслей саддукеевъ находилъ особенное сочувствіе въ высшемъ классѣ общества. Даже при дворѣ послѣднихъ Маккавеевъ, саддукейскія воззрѣнія находили себѣ покровительство, такъ что многіе приписываютъ самую гибель Маккавеевъ ихъ уклоненію отъ строгихъ религіозныхъ вѣрованій предковъ. Наконецъ, ессеи старались проникнуть въ духъ закона, почему іудейскіе историки ближайшихъ временъ послѣ Христа, сравниваютъ ихъ съ пиѳагорейцами. Это были чистые піэтисты между тогдашними іудеями. Народъ уважалъ ессеевъ за то, что, не чуждаясь обыкновенныхъ житейскихъ занятій, они въ то же время посвящали себя высшему созерцанію и внутреннему богослуженію, отличались простотою нравовъ и вели тихую и строгую жизнь. Даже Иродъ смотрѣлъ на ессеевъ съ уваженіемъ, потому что одинъ ессей еще въ дѣтствѣ предсказалъ ему его будущее величіе. Онъ уважалъ ихъ понятія относительно присяги и другихъ щекотливыхъ для ихъ совѣсти обязательствъ, точно такъ, какъ въ наше время въ образованныхъ государствахъ уважаются понятія квакеровъ и другихъ сектъ о подобныхъ предметахъ. Между ессеями, ожиданіе грядущаго Мессіи было напряженнѣе, нежели между прочими сектами. Въ своихъ благочестивыхъ собраніяхъ они большею частью разсуждали о Мессіи, о будущемъ царствѣ его и о необходимомъ для его принятія приготовленіи и улучшеніи нравственности.

Въ то время, какъ притѣсненія Ирода Великаго достигли крайней степени, — именно за одинъ годъ до смерти тиранна, — родился Іисусъ Христосъ. Рождество Его сопровождалось обстоятельствами и признаками, по которымъ окружавшіе его и всѣ вообще благочестивые іудеи легко могли узнать въ немъ посланнаго Богомъ Мессію. Впрочемъ рождество Христово падаетъ не на 754 годъ отъ построенія Рима, принятый съ самыхъ среднихъ вѣковъ началомъ христіанскаго лѣтосчисленія, а по крайней мѣрѣ за четыре года ранѣе. Послѣ рождества Христова, положеніе Іудеи сдѣлалось еще тягостнѣе. По смерти Ирода исчезла послѣдняя тѣнь національной независимости и самостоятельнаго управленія. Завѣщаніе, въ которомъ Иродъ раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями, получило силу только послѣ утвержденія его въ Римѣ. Старшій изъ сыновей и наслѣдниковъ Ирода, Архелай, не осмѣлился принять завѣщанный ему титулъ царя, хотя войска отца и признали его царемъ. Даже должность первосвященника была взята римлянами въ свое распоряженіе. Архелай отправился въ Римъ, чтобы

получить отъ Августа утвержденіе въ своемъ санѣ. Августъ, хотя и отдалъ ему большую часть страны съ главнымъ городомъ Іерусалимомъ, а именно округи Іудею, Идумею и Самарію, но, отдѣливъ нѣкоторыя части его царства, присоединилъ ихъ къ Сиріи. Архелай получилъ только титулъ этнарха (народоначальника), а два брата его — титулы тетрарховъ. Во время пребыванія Архелая въ Римѣ, іудеи подняли оружіе противъ римскаго намѣстника Сабина, поступавшаго съ ними слишкомъ жестоко. Тогдашній намѣстникъ Сиріи, Квинтилій Варъ (стр. 88), извѣстный впослѣдствіи пораженіемъ при Детмольдѣ, долженъ былъ двинуть всѣ свои войска, для освобожденія запертаго въ Іерусалимѣ Сабина. При его приближеніи іудеи разсѣялись, но это не помѣшало Квинтилію распять на крестѣ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ. Какъ ни жестоки были римляне, но іудеи все-таки предпочитали оставаться подъ непосредственнымъ ихъ управленіемъ: на Ирода они смотрѣли еще съ большимъ отвращеніемъ, чѣмъ на языческое правительство. Дѣйствительно, правленіе Архелая было такъ жестоко и самовластно, что Августъ, по просьбамъ іудеевъ, вынужденъ былъ лишить его власти (6 г. по р. Хр.) и сослать въ Галлію, а его владѣнія сдѣлалъ римскою провинціею. Палестина была соединена съ Сиріею и поручена особому прокуратору, назначаемому самими императорами и независѣвшему отъ намѣстниковъ Сиріи. Извѣстнѣйшимъ изъ этихъ прокураторовъ былъ Понтій Пилатъ, въ управленіе котораго (отъ 26 до 35 г. по р. Хр.) Христосъ явился какъ Мессія, и, по требованію ожесточенныхъ фарисеевъ, пострадалъ на крестѣ.

Явленію Христа предшествовало явленіе Іоанна Крестителя. Іоаннъ проповѣдовалъ приближеніе Мессіи и необходимое для принятія Его очищеніе нравовъ, и крестилъ всѣхъ, принимавшихъ его ученіе. Принимавшіе крещеніе исповѣдывали грѣхи свои и приготовлялись признавать за Мессію то именно лицо, которое укажетъ Іоаннъ. Іоаннъ указалъ крещеннымъ на Іисуса Христа, Сына Маріи, и своими проповѣдями проложилъ путь Его ученію. Мало-по-малу Іоаннъ приготовлялъ іудеевъ къ пониманію той истины, что ни вѣра въ извѣстныя правила, ни исполненіе извѣстныхъ обрядовъ, взятыя въ отдѣльности, не дѣлаютъ людей истинно благородными и счастливыми. Съ пламенною ревностью истины обличалъ онъ нравственное развращеніе высшихъ классовъ общества, но пострадалъ, умеръ мученически за откровенность, съ которою высказалъ Ироду Антипѣ, сыну Ирода Великаго и властителю Галилеи и Перэи, незаконность его супружества. Во время заключенія Іоанна Крестителя всѣ уже стремились къ божественному Учителю, который возвѣщалъ религію сердца, состоящую въ чистотѣ нравственности и въ прямотѣ образа дѣйствій. Около него собрались немногіе лучшіе люди іудейской націи, правильно понимавшіе духъ пророковъ. Большинство недовольныхъ надѣялось, что Христосъ освободитъ ихъ отъ римлянъ; но Христосъ не желалъ этого. Побуждая всѣхъ къ терпѣнію и повиновенію, Онъ говорилъ, что царство Мессіи, которое Онъ призванъ основать, есть царство духовное, что въ этомъ царствѣ первыми будутъ не тѣ, которые взываютъ къ Нему: «Господи, Господи,» а тѣ которые въ точности слѣдуютъ Его ученію и закону любви. Ученіе Христово проповѣдовало единаго Бога, по любви Своей создавшаго міръ, по благодати Своей прощающаго кающагося грѣшника, соединяющаго всѣхъ людей между собою узами любви и согрѣвающаго Своимъ божественнымъ духомъ благочестивыя сердца вѣрующихъ.

Іисусъ Христосъ обличалъ мнимо-благочестивыхъ фарисеевъ, книжниковъ, и вмѣсто обрядоваго закона, служившаго основаніемъ силы и господства первосвященниковъ, — вводилъ почитаніе Бога духомъ и истиною. Вѣра въ преимущества, какія, по господствующему мнѣнію, доставляло въ глазахъ Божіихъ происхожденіе и исполненіе обрядовъ, уничтожалась ученіемъ Христа о томъ, что Богъ смотритъ только на добродѣтель и истину. Послѣ этого неизбѣжно было прекращеніе жертвъ, потому что самъ Мессія долженъ былъ умереть за грѣхи людей для того, чтобы народъ вѣрилъ не въ гнѣвнаго и раздраженнаго, а въ милосердаго и прощающаго Бога. Такая религія явно угрожала власти фарисеевъ, законниковъ и всѣхъ мнимо-образованныхъ и тщеславныхъ людей. Противники новой религіи успокоились только тогда, когда успѣли склонить Понтія Пилата признать Іисуса виновнымъ въ возмущеніи и осудить на крестную смерть.

Но христоубійцы обманулись, какъ обманываются всѣ, думающіе подавить

истину преслѣдованіями, разумъ — силою, чистое знаніе — слѣпымъ упорствомъ. Ученики Распятаго съ усиленною ревностью проповѣдывали его ученіе, пріобрѣтали все болѣе и болѣе послѣдователей и устроивали повсюду общины вѣрныхъ. Члены новыхъ общинъ были соединены между собою братскою любовью, взаимно помогали другъ другу, не имѣли частной собственности, непоколебимо исполняли слова своего Господа и Учителя и ожидали Его втораго пришествія.

Сначала вѣрующіе изъ евреевъ не рѣшались допускать въ царство Мессіи язычниковъ, если они не сдѣлаются прежде обрѣзанными; но ученый іудей, Павелъ, долгое время упорно преслѣдовавшій христіанъ, будучи принятъ въ число апостоловъ, успѣлъ убѣдить своихъ единовѣрцевъ въ несовмѣстности строгаго обрядоваго закона іудеевъ съ любовью и свободою, проповѣданною Христомъ. Путешествуя по разнымъ мѣстамъ, Павелъ встрѣчалъ со стороны іудеевъ преслѣдованія, а со стороны язычниковъ внимательность, и умножилъ число вѣрующихъ во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ тогда іудеями. Христіанскія общины находились между собою въ самой тѣсной связи и устраняли всѣ матеріальныя нужды своихъ членовъ; нравственность и твердость въ преслѣдованіяхъ со стороны іудейскихъ синагогъ, отличавшія членовъ христіанскихъ общинъ, доставили имъ всеобщее уваженіе, но удаленіе ихъ отъ міра и строгая жизнь возбудили противъ нихъ ненависть, а внутреннее единство ихъ порождало боязнь въ окружающемъ ихъ обществѣ. Впрочемъ, уваженіе и ненависть язычниковъ одинаково благопріятствовали христіанству. Около времени появленія христіанства, греко-римская образованность распространилась повсюду; со времени Цицерона результаты греческой философіи проникли даже въ среду людей, довольствовавшихся простонародными понятіями о божествѣ. Слѣдствіемъ такихъ успѣховъ образованности было равнодушіе массы къ языческому ученію, имѣвшему большею частью только поэтическій смыслъ. Усилившееся невѣріе и умственная бѣдность того времени побудили римское общество обратиться къ мистическимъ ученіямъ Востока; таинствамъ египетской религіи и даже къ вѣрѣ презираемаго имъ іудейскаго народа. Могло ли послѣ этого не встрѣтить себѣ сочувствія благовѣстіе любви, вѣра въ милосердаго Бога, ученіе о почитаніи Бога духомъ и проповѣдь чистой и истинной нравственности? Безнравственность, злодѣйства, невѣріе, притѣсненіе деспотовъ и чиновниковъ не должны ли были побудить людей присоединяться къ христіанству и смыкаться въ тысячи новыхъ христіанскихъ общинъ?

По мѣрѣ своего умноженія, христіане болѣе и болѣе отдѣлялись отъ іудеевъ. Іудеи, ожидая избавителя, который долженъ былъ освободить ихъ отъ римскаго ига, приставали ко всякому фанатику, призывавшему ихъ къ возмущенію; христіане же не принимали никакого участія въ политическихъ движеніяхъ. Римляне жестоко наказывали возстанія іудеевъ и боялись ихъ, потому что Палестина лежала слишкомъ близко къ землямъ арабовъ и парѳянъ, всегда враждебныхъ римлянамъ и время отъ времени дѣлавшихъ набѣги на римскія границы. Вскорѣ, по вознесеніи Іисуса Христа, Иродъ Агриппа I, внукъ Ирода Великаго, низкою лестью и рабскимъ прислужничествомъ римскимъ деспотамъ добился власти надъ частью Палестины и получилъ отъ Калигулы титулъ царя (37 г. по р. Х.). Клавдій, благодарный Агриппѣ за содѣйствіе въ сенатѣ при восшествіи на престолъ, былъ къ нему еще милостивѣе своихъ предшественниковъ и назначилъ Агриппу правителемъ всей страны. По смерти Агриппы (44 г. по р. Х.) Палестина снова была обращена въ римскую провинцію и подчинена прокураторамъ. Частыя перемѣны правителей, само собою разумѣется, должны были усиливать волненіе умовъ; къ этому присоединились еще особенныя обстоятельства, которыя, такъ сказать, систематически подготовили послѣдующія возмущенія. Прокураторы управляли независимо, но въ извѣстныхъ случаяхъ должны были обращаться къ сирійскимъ намѣстникамъ. Тиберій возвратилъ іудеямъ право выбора первосвященниковъ, находившееся до тѣхъ поръ въ рукахъ римлянъ, а Клавдій опять отнялъ это право. Такія, противорѣчащія одно другому, распоряженія повторялись до тѣхъ поръ, пока императоръ не согласился на просьбы брата Ирода Агриппы I, бывшаго правителемъ сирійскаго округа Халкиды, и не поручилъ ему надзоръ надъ іерусалимскимъ храмомъ съ правомъ назначать и смѣнять первосвященниковъ. По смерти Агриппы I, храмъ снова попалъ въ руки римлянъ, и съ тѣхъ поръ не проходило ни одного года безъ волненій. Іудеи возставали противъ римскаго вмѣ-

шательства даже и тогда, когда Иродъ Агриппа II, сынъ царя того же имени, получилъ во владѣніе часть Палестины и во всѣхъ несогласіяхъ дѣйствовалъ какъ посредникъ между іудеями и римлянами. Страна наполнилась разбойниками и убійцами; ложные пророки являлись одинъ за другимъ. Римскіе намѣстники и прокураторы пользовались общимъ замѣшательствомъ, чтобы ловить въ мутной водѣ рыбу. Наконецъ одинъ изъ нихъ, Гессій Флоръ, довелъ іудеевъ до совершеннаго отчаянія и вызвалъ всеобщее возстаніе (65 г. по р. Х.).

Возмутившіеся іудеи умертвили всѣхъ римлянъ, находившихся по частнымъ дѣламъ въ Іерусалимѣ, и римскихъ солдатъ, попавшихся имъ въ руки. Намѣстникъ Сиріи, Цестій Галлъ, проникнулъ было въ страну съ войсками, но долженъ былъ отступить. Послѣ этого вся Палестина взялась за оружіе. Язычники отвѣчали на жестокости іудеевъ подобными же мѣрами; они такъ глубоко ненавидѣли іудеевъ, что даже и безъ слуховъ о возмущеніи ихъ готовы были на всѣ враждебныя дѣйствія противъ нихъ. Почти въ то же самое время, какъ въ Іерусалимѣ были умерщвлены римляне, греческіе жители Сиріи и Египта, гдѣ жило множество іудеевъ, возстали противъ нихъ и безжалостно перерѣзали нѣсколько тысячъ; въ одномъ Египтѣ погибло шестьдесятъ тысячъ іудеевъ. Множество іудеевъ въ Палестинѣ вооружилось на предстоявшую борьбу, въ той увѣренности, что пришло наконецъ время появленія Мессіи и освобожденія отъ чуждаго ига. Іудеи употребили всѣ средства защиты, какія только могло придумать благоразуміе и отчаяніе. Историкъ Іосифъ хотѣлъ даже вооружить и обучить на римскій манеръ грубое галилейское ополченіе. Іерусалимъ былъ окруженъ укрѣпленіями, въ городѣ открылось множество оружейныхъ заводовъ и были приготовлены необходимыя для защиты города военныя машины. Отчаянное мужество іудеевъ и число возмутившихся, простиравшееся до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, требовали значительныхъ приготовленій и со стороны римлянъ. Неронъ нашелся вынужденнымъ послать въ Палестину лучшаго римскаго полководца Флавія Веспасіана (67 г. по р. Х.). Веспасіанъ прежде всего возстановилъ дисциплину, упавшую при Цестіи, и пріобрѣлъ себѣ уваженіе и преданность солдатъ. Начальствуя надъ шестидесяти тысячнымъ войскомъ, онъ почти три года велъ опустошительную войну въ Іудеѣ. Ярость и отчаяніе возбуждали въ матежникахъ необыкновенную энергію; жители нѣкоторыхъ крѣпостей защищались съ такимъ же мужествомъ, какъ обитатели Сагунта во время второй пунической войны, или какъ граждане Сарагоссы въ послѣднее время. Такъ, при осадѣ Іотапата, защитой котораго руководилъ Іосифъ, лишилось жизни не менѣе сорока тысячъ іудеевъ, и только тысяча человѣкъ сдались римлянамъ. Веспасіанъ покорилъ большую часть страны и уже готовился осаждать Іерусалимъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе объ избраніи его въ императоры. Оставивъ Іудею (69 г. по р. Х.), онъ поручилъ начальство надъ войскомъ старшему сыну своему Титу, присоединивъ къ тремъ легіонамъ, бывшимъ у него въ распоряженіи, еще одинъ легіонъ.

Весною 70 г. Титъ повелъ свое войско къ Іерусалиму. Между тѣмъ въ Іерусалимѣ жители раздѣлились на партіи и производили тамъ страшные безпорядки. Самая фанатическая партія овладѣла наконецъ властью и ввела страшную систему терроризма. По случаю огромнаго стеченія народа, въ городѣ съ самаго начала осады обнаружился недостатокъ въ продовольствіи, и осажденные принуждены были питаться человѣческимъ мясомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя было и думать о спасеніи города, тѣмъ болѣе, что Іерусалимъ осаждали четыре римскіе легіона, въ высшей степени ожесточенные противъ іудеевъ, и кромѣ того многочисленныя войска, присланныя изъ провинцій и отъ сосѣднихъ владѣтелей. Не смотря на то, іудеи защищались съ такимъ геройскимъ мужествомъ, какимъ ознаменовали себя немногіе погибавшіе народы. Даже римляне, далекіе, конечно, отъ нашихъ христіанскихъ взглядовъ на іудейскую войну, ставили защиту Іерусалима наравнѣ съ карѳагенскою и нумантинскою войнами. Фанатизмъ и упорство осажденныхъ, поддерживаемые выгодною позиціей города, превосходили всякое вѣроятіе. Всѣ предложенія римскаго военачальника, желавшаго пощадить жизнь осажденныхъ, были отвергнуты: онъ долженъ былъ брать приступомъ каждую укрѣпленную мѣстность, осаждать каждую стѣну и даже овладѣвать порознь каждою залою храма. Іудеи, полагаясь на свой законъ и обѣтованія, до самой послѣдней минуты не теряли надежды на появленіе избавителя и, рѣшась скорѣе

умереть на развалинахъ своего святилища, чѣмъ снова подчиниться игу язычниковъ, думали побѣдить многочисленныхъ и храбрыхъ враговъ отчаянною энергіею фанатизма. Титъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ оставить въ цѣлости храмъ, но одинъ солдатъ въ пылу битвы бросилъ туда головню, и спасти зданіе было невозможно. Даже, по взятіи и сожженіи храма, іудеи не покорились. Большая часть ихъ удалилась въ такъ называемый нижній городъ, и даже послѣ того, какъ римляне заняли и сожгли его, часть народа продолжала защищать верхній городъ и нѣкоторыя укрѣпленія. Наконецъ и этотъ послѣдній кварталъ города былъ взятъ приступомъ, и весь Іерусалимъ очутился въ рукахъ римлянъ (въ сентябрѣ 70 г.). Городъ съ остатками храма казался опустошеннымъ землетрясеніемъ. Уцѣлѣло только нѣсколько зданій на горѣ храма и на Сіонѣ, нѣсколько улицъ и синагогъ. Вскорѣ, послѣ взятія Іерусалима, многіе іудеи поселились на Сіонской горѣ и чрезъ шестьдесятъ лѣтъ снова была застроена часть Іерусалима. Печальная судьба ожидала тѣхъ, которые пережили гибель города. Одинадцать тысячъ умерло, тотчасъ послѣ взятія его, отъ голодной смерти; несчастные или сами отъ горести не хотѣли принимать пищи, или были заморены римлянами. Всѣ плѣнные, моложе семнадцати лѣтъ, были проданы въ рабство. Прочіе были или отведены въ рудники, или погибли въ бояхъ съ гладіаторами и дикими звѣрями. Семьсотъ человѣкъ Титъ взялъ съ собою въ Римъ, чтобы украсить ими свой тріумфъ. Всѣхъ іудеевъ, взятыхъ въ плѣнъ и выведенныхъ изъ Палестины, было до девяноста семи тысячъ. Кромѣ того въ продолженіе пяти лѣтъ войны ихъ погибло не менѣе милліона ста тысячъ человѣкъ. Титъ праздновалъ тріумфъ надъ іудеями вмѣстѣ съ своимъ отцомъ; но ни одинъ изъ нихъ, по римскому обыкновенію, не принялъ титула «іудейскій», потому что это имя уже тогда сдѣлалось ненавистнымъ и позорнымъ.

6. Императоры Веспасіанъ и Титъ.

Правленіе Веспасіана и Тита показало римлянамъ, долгое время страдавшимъ отъ гнета деспотическихъ властителей, что есть свѣтлыя стороны и въ монархическомъ правленіи. Какъ ужасы предшествовавшихъ лѣтъ, такъ и счастливое состояніе римскаго государства при Титѣ и Веспасіанѣ, безъ сомнѣнія, зависѣли болѣе всего отъ личныхъ качествъ правителей. По этой причинѣ благодѣтельное вліяніе Веспасіана и Тита было непродолжительно, и по смерти послѣдняго римскій народъ снова подвергся всѣмъ бѣдствіямъ прежнихъ лѣтъ.

Титъ Флавій Веспасіанъ, правившій имперіею съ 69 по 79 годъ, прибылъ въ Римъ только черезъ годъ послѣ своего избранія, проведя все это время въ Александріи. Немедленно, послѣ паденія Вителлія, сенатъ формальнымъ декретомъ передалъ Веспасіану всѣ права, какими въ республиканскую эпоху обладали сенатъ и народъ. Этотъ декретъ, подобно другимъ время отъ времени обнародываемымъ декретамъ, самъ по себѣ былъ пустою формальностью, но имѣетъ для насъ особенное значеніе. Тринадцать столѣтій спустя, одинъ папскій чиновникъ, Николай Ріэнзи (Ricnzi), опираясь на этотъ декретъ, доказывалъ права народа при императорахъ и склонилъ жителей Рима учредить демократію, во главѣ которой сталъ онъ самъ въ качествѣ народнаго трибуна. Веспасіанъ началъ свое правленіе отмѣною безумныхъ распоряженій, законовъ и опредѣленій Нерона. Вообще всѣ стремленія первыхъ годовъ его царствованія были направлены къ тому, чтобы уврачевать раны, нанесенныя государству предшествовавшими ему тиранами и ихъ сообщниками. Прибывъ въ Римъ, Веспасіанъ возстановилъ порядокъ въ финансахъ и дисциплину въ войскѣ, выгналъ изъ службы развратныхъ и избалованныхъ солдатъ, находившихся въ арміи Вителлія, а остальныхъ пріучилъ къ такой же строгой дисциплинѣ, какъ и своихъ солдатъ. Веспасіанъ возобновилъ зданія и улицы, лежавшія въ развалинахъ со времени большаго пожара при Неронѣ, и приказалъ снова выставить, уничтоженныя при пожарѣ Капитолія, таблицы, на которыхъ писались рѣшенія сената и народа. Новый императоръ возвратилъ сенату прежнія права и возвысилъ уваженіе къ нему въ народѣ, исключивъ изъ него бѣдныхъ гражданъ, которые успѣли проникнуть

туда въ смутное время, или были приняты именно по своей бѣдности, чтобы уменьшить значеніе сената. Число сенаторовъ, понизившееся въ послѣднее время до двухъ сотъ, было увеличено при Веспасіанѣ до тысячи. Образовавъ изъ сената высшее правительственное мѣсто въ государствѣ, онъ обратилъ сословіе всадниковъ въ особый родъ имперскаго дворянства, а чтобы скорѣе достигнуть своей цѣли, избиралъ въ сенаторы и всадники не однихъ гражданъ Рима и Италіи, но и землевладѣльцевъ другихъ провинцій. Такимъ образомъ городъ Римъ пересталъ быть единственнымъ властителемъ міра.

Своею собственною жизнью Веспасіанъ подавалъ примѣръ строгой нравственности и, держась древней простоты въ столѣ и во всей внѣшности, не терпѣлъ пышности и роскоши въ окружающихъ. Важный и серьезный въ управленіи, но простой и ласковый въ обращеніи, онъ допускалъ къ себѣ всякаго гражданина и старался являться римлянамъ не самовластнымъ монархомъ, а только первымъ изъ сенаторовъ. Веспасіанъ былъ такъ далекъ отъ всякой гордости и высокомѣрія, что нерѣдко позволялъ себѣ шутки тамъ, гдѣ другіе непремѣнно бы выказали свое правительственное значеніе. Одинъ гражданинъ, который долженъ былъ представить императору важное донесеніе, уговорилъ везшаго его погонщика муловъ задержать его въ дорогѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что мулъ потерялъ подкову. Дѣло дошло до императора. Вмѣсто строгаго разбора дѣла, Веспасіанъ спросилъ только въ шутку у погонщика, сколько онъ получилъ за подкову, и потребовалъ участія въ барышѣ. Онъ отмѣнилъ существовавшій до тѣхъ поръ придворный этикетъ и старался возстановить древнія учрежденія вездѣ, гдѣ только было возможно. Веспасіанъ самъ производилъ судъ, самъ читалъ присылаемыя ему письма и просьбы и принималъ друзей своихъ, по примѣру древнихъ римскихъ патриціевъ до разсвѣта, а иногда даже въ постели, и безъ всякихъ церемоній допускалъ къ себѣ каждаго гражданина, имѣвшаго до него дѣло. Безпорядки въ управленіи, въ особенности же въ судопроизводствѣ, Веспасіанъ устранялъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ; но ни здѣсь, ни въ какихъ другихъ важныхъ обстоятельствахъ не позволялъ себѣ произносить окончательнаго рѣшенія, не посовѣтовавшись предварительно съ сенатомъ. Во время суда Веспасіанъ предоставлялъ полную свободу адвокатамъ и не останавливалъ ихъ часто ѣдкихъ остротъ даже и въ томъ случаѣ, когда эти остроты были направлены прямо противъ него. Но за то Веспасіанъ со всею энергіею противодѣйствовалъ распространенію демократическихъ правилъ и униженію введенной Августомъ формы правленія, по мнѣнію его совершенно сообразной съ духомъ того времени. Дѣйствуя такимъ образомъ и будучи увѣренъ въ любви народа, Веспасіанъ не боялся заговоровъ и даже не признавалъ никакого оскорбленія величества, относительно своего лица. Его упрекаютъ только въ зависимости отъ любовницы, въ нерасположеніи къ философамъ, астрологамъ и христіанамъ, въ скупости и необыкновенной строгости къ Гельвидію Приску и Юлію Сабину; но эти упреки большею частью уничтожаются сами собою. Притомъ проступки Веспасіана, на самомъ дѣлѣ, вовсе не такъ важны, какъ это кажется на первый взглядъ. Любовница его, Ц е н и д а, была почти его женою и, какъ увѣряютъ, торговала должностями и привилегіями, а Веспасіанъ не только позволялъ ей это, но даже дѣлилъ съ ней прибыль. Не смотря на это, отношенія Веспасіана къ Ценидѣ вовсе не казались римлянамъ предосудительными, и даже они очень обидѣлись, когда Домиціанъ, сынъ Веспасіана, въ одномъ случаѣ грубо оскорбилъ Цениду. Астрологи и предвѣщатели, проживавшіе въ Римѣ на счетъ вѣрившихъ имъ простаковъ, еще со временъ Августа нерѣдко подвергались изгнанію изъ города. Веспасіанъ также изгналъ ихъ и имѣлъ на это тѣмъ болѣе права, что безстыдные обманщики зашли слишкомъ далеко и начали вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Противъ христіанъ Веспасіанъ враждовалъ потому, что судилъ о нихъ по разсказамъ другихъ и смѣшивалъ ихъ съ ненавистными ему іудеями. За нерасположеніе къ философамъ также нельзя безусловно укорять Веспасіана. Онъ вовсе не питалъ ненависти къ философамъ вообще, но даже награждалъ тѣхъ изъ нихъ, которые по его мнѣнію способны были приготовлять хорошихъ государственныхъ чиновниковъ. Прочихъ онъ преслѣдовалъ за ихъ республиканскій образъ мыслей, какъ, напримѣръ, стоиковъ, или за то, что они, какъ, напримѣръ, циники, дерзко отвергали все достойное уваженія, вооружались противъ государственной религіи

и нравственнаго ученія и выдавали безстыдство за мудрость. О жадности Веспасіана къ деньгамъ, въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, есть много анекдотовъ, достовѣрность которыхъ, впрочемъ, сомнительна. Говорятъ, что онъ наложилъ новыя обременительныя подати, раздавалъ за деньги должности и даже занимался торговыми дѣлами. Разсказываютъ, что Веспасіанъ съ намѣреніемъ назначалъ корыстолюбивыхъ людей въ намѣстники провинцій, и даже однажды выразился, что они похожи на губки, которыя впитываютъ въ себя влагу, когда онѣ сухи, но изъ которыхъ потомъ можно выжать ее. Вникнувъ во всѣ эти разсказы, можно, кажется, скорѣе всего заключить о наклонности императора къ шуткамъ съ своимъ семействомъ и подчиненными. Кромѣ того, они показываютъ, въ какомъ печальномъ положеніи, даже при лучшихъ правителяхъ, находилось государство, главную основу котораго составляли деньги и войска, а не нравственная сила гражданъ. Положеніе имперіи дѣлало необходимымъ содержаніе множества войскъ, а это и заставляло Веспасіана быть бережливымъ; тѣмъ болѣе, что государственная казна была давно уже разстроена его расточительными предшественниками, и не задолго до его восшествія на престолъ была опустошена почти вся Италія. Правда, Веспасіанъ простиралъ бережливость слишкомъ далеко и доходилъ до скупости; но не надобно забывать, что этотъ самый порокъ былъ необходимымъ для государства, граждане котораго привыкли къ крайней расточительности, и что, благодаря ему, Веспасіанъ способствовалъ утвержденію народной нравственности и правительственной власти. Впрочемъ онъ былъ щедръ тамъ, гдѣ это было нужно, покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, и первый изъ правителей Рима назначилъ опредѣленное содержаніе учителямъ наукъ, необходимыхъ для государственнаго или практическаго человѣка. Поощряя все полезное, онъ щедро наградилъ, напримѣръ, изобрѣтателя машины для перевоза большихъ каменныхъ массъ, но объявилъ ему, что онъ не можетъ воспользоваться его изобрѣтеніемъ, изъ опасенія лишить работы бѣдныхъ людей. Подобно своимъ предшественникамъ, Веспасіанъ употреблялъ большія суммы на общественныя сооруженія; но предпріятія его не были вынуждаемы тщеславіемъ, какъ, напримѣръ, предпріятія Нерона, а приводились въ исполненіе въ духѣ стараго времени и для удовлетворенія общественныхъ потребностей. Возобновивъ сгорѣвшій Капитолій, Веспасіанъ соорудилъ храмъ мира, равнявшійся величиною самымъ большимъ зданіямъ древности; построилъ вновь нѣкоторые города, разрушенные землетрясеніями и пожарами, и съ большими издержками провелъ новыя дороги, не обременяя обитателей тѣхъ провинцій, чрезъ которыя онѣ проходили. Въ Римѣ Веспасіанъ построилъ огромный амфитеатръ, помѣщавшій въ себѣ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Этотъ амфитеатръ, извѣстный подъ именемъ К о л и з е я, и теперь еще составляетъ главное украшеніе Рима.

Съ Гельвидіемъ Прискомъ и Юліемъ Сабиномъ Веспасіанъ, безъ сомнѣнія, поступилъ слишкомъ строго и жестоко; но эта строгость не была, подобно жестокостямъ прежнихъ императоровъ, дѣломъ минутнаго пропзвола. Г е л ь в и д і й П р и с к ъ, назначенный Веспасіаномъ, на первомъ году правленія, въ должность претора, былъ отчаяннымъ республиканцемъ, и безъ всякой осторожности распространялъ въ народѣ свои политическіе взгляды. За это Веспасіанъ взялъ его подъ стражу, но скоро освободилъ отъ заключенія. Гельвидій снова началъ проповѣдовать тѣ же воззрѣнія, и даже изгнанный изъ города не хотѣлъ успокоиться и ѣдкими насмѣшками поносилъ императора. Выведенный изъ терпѣнія, Веспасіанъ приказалъ казнить Гельвидія, хотя онъ былъ совершенно безвреденъ. Поступокъ Веспасіана съ Ю л і е м ъ С а б и н о м ъ составляетъ самое черное пятно его правленія. Сабинъ, родомъ галлъ, соединившись съ другими значительными лицами Галліи, возмутилъ своихъ соотечественниковъ. Попытка его была неудачна. Боясь мщенья, онъ скрылся въ одной пещерѣ, гдѣ вѣрная жена его, съ величайшею опасностью, кормила его цѣлыя девять лѣтъ. Наконецъ онъ былъ найденъ и отправленъ въ Римъ. Веспасіанъ осудилъ его на смерть, и вмѣстѣ съ нимъ приказалъ умертвить и жену его. Императоръ самъ не могъ удержаться отъ слезъ, когда жена Сабина на колѣнахъ молила его о пощадѣ. Дѣтямъ Сабина дано было приличное воспитаніе на общественный счетъ.

Сынъ и преемникъ Веспасіана, носившій имя своего отца, но въ отличіе отъ него называемый только Т и т о м ъ, царствовалъ съ 79 по 81 годъ. По воз-

вращенiи изъ Палестины, онъ показалъ себя римлянамъ съ очень невыгодной стороны. Каково же было удивленiе ихъ, когда съ самаго начала своего правленiя, Титъ сталъ дѣйствовать совершенно вопреки составленному о немъ мнѣнiю. Веспасiанъ, послѣ общаго съ своимъ сыномъ тріумфа надъ iудеями, назначилъ его своимъ соправителемъ и префектомъ гвардiи. Веспасiанъ упустилъ изъ виду, что это мѣсто, предоставляемое обыкновенно всадникамъ, само по себѣ было очень важно и должно было пріобрѣсти еще большее значенiе, послѣ того, какъ его занималъ наслѣдникъ престола. Какъ префектъ гвардiи и соправитель своего отца, Титъ принималъ участiе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, выказывая при этомъ чисто деспотическую строгость. Онъ держалъ у себя людей, которыхъ подсылалъ въ театръ и лагерь, заставляя требовать наказанiя всякаго подозрительнаго человѣка. Обвиненные сыщиками, представлявшими собою голосъ народа, немедленно предавались казни. Однажды Титъ пригласилъ осужденнаго имъ на смерть гражданина къ себѣ на обѣдъ, и приказалъ лишить его жизни предъ глазами гостей. Онъ окружалъ себя негодяями, былъ корыстолюбивъ и открыто предавался самому наглому разврату и сластолюбiю. Подобный образъ жизни обѣщалъ въ немъ втораго Нерона; но едва онъ вступилъ на престолъ, какъ въ немъ произошла совершенная перемѣна, такъ что не осталось даже и слѣдовъ прежней развратной жизни. Вмѣсто новаго Нерона, римскiй міръ въ лицѣ Тита увидѣлъ правителя, соединявшаго въ себѣ доброту души съ серьезностью и справедливостью, и обладавшаго этими качествами въ такой мѣрѣ, въ какой не имѣлъ ихъ, быть можетъ, ни одинъ императоръ, ни прежде, ни послѣ него. Первый опытъ своей рѣшимости жертвовать личными привязанностями и удовольствiями, для блага ввѣреннаго ему государства, Титъ показалъ изгнанiемъ прежнихъ друзей, и тѣмъ, что бросилъ свою любовницу, Береникѣ, которая начала было держать себя, какъ императрица. Береника была дочь iудейскаго царя, Ирода Агриппы I. Титъ познакомился съ нею во время своего похода въ Іерусалимъ, привезъ ее въ Римъ и, вѣроятно, обѣщалъ жениться на ней. По вступленiи на престолъ, Титъ отвергъ ее, потому что римляне громко изъявляли свое нежеланiе повиноваться азiатской владѣтельницѣ. Впослѣдствiи Береника возвратилась въ Римъ, но уже не принимала никакого участiя въ дѣлахъ императора.

Какъ правитель, Титъ отличался такимъ милосердiемъ и кротостью, что народъ назвалъ его утѣшенiемъ и радостью человѣчества. О немъ разсказываютъ много анекдотовъ, которые были приводимы въ позднѣйшее время, въ примѣръ его неистощимой доброты и человѣколюбiя. Говорятъ, что вечеромъ одного дня, въ который ему не пришлось сдѣлать никакого добраго дѣла, онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: «друзья, я потерялъ день!» Когда однажды ему замѣтили, что онъ слишкомъ часто удовлетворяетъ просителей, онъ отвѣчалъ на это: «что отъ правителя никто не долженъ отходить печальнымъ». Принимая на себя должность первосвященника, онъ, говорятъ, выразился, «что желаетъ занять эту должность только для того, чтобъ не запятнать своихъ рукъ кровью.» Тяжкiя несчастiя, посѣтившiя въ его царствованiе Римъ и прочiя провинцiи Италiи, дали ему случай обнаружить всю полноту своего человѣколюбiя и доброты. Въ 80 г. большая часть Рима была истреблена пожаромъ, продолжавшимся три дня и три ночи, а тотчасъ послѣ пожара началась зараза, погубившая множество народу. Съ необыкновенною заботливостью старался Титъ уменьшить бѣдность, усилившуюся вслѣдствiе этихъ общественныхъ бѣдствiй, не прибѣгая къ новымъ налогамъ и не принимая пожертвованiй, которыя предлагали ему нѣкоторыя частныя лица. Чрезъ годъ, послѣ пожара и заразы, произошло изверженiе Везувiя, первое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое страшное изъ всѣхъ извѣстныхъ исторiи. Два города, Геркуланумъ и Помпея, были залиты лавою. Города эти теперь отрываются, и ихъ открытiе имѣетъ важное значенiе для исторiи. Кромѣ того найденная въ развалинахъ античная домашняя утварь способствовала возвышенiю и облагороженiю вкуса въ украшенiяхъ и формахъ, тѣмъ болѣе, что за полтораста лѣтъ тому назадъ обнаружился было значительный упадокъ во вкусѣ, замѣтный впрочемъ и теперь въ страсти къ вычурнымъ мелкимъ украшенiямъ.

При кратковременности своего царствованiя, Титъ не могъ произвести значительныхъ построекъ; онъ окончилъ только зданiя, недостроенныя его отцомъ,

а именно Колизей и большія термы или бани, отъ которыхъ до сихъ поръ сохранились значительные остатки, дающіе понятіе о громадности цѣлыхъ зданій. Въ баняхъ, устроенныхъ Титомъ, каждый, даже самый бѣдный римлянинъ, за нѣсколько копѣекъ могъ мыться съ такимъ комфортомъ, какой въ наше время доступенъ только царственнымъ лицамъ. Бани были украшены съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ; въ развалинахъ ихъ найдено множество прекрасныхъ статуй, поставленныхъ туда Титомъ, какъ, напримѣръ, группа Лаокоона. При открытіи вновь построеннаго амфитеатра и бань, Титъ устроилъ блестящій праздникъ. Такимъ образомъ, даже лучшіе и бережливые императоры смотрѣли на общественныя удовольствія, какъ на необходимое средство для поддержанія блеска своего правленія и привлеченія къ себѣ любви народа. Этимъ праздникомъ Титъ хотѣлъ превзойти Нерона и другихъ расточительныхъ правителей. Праздникъ начался большимъ морскимъ сраженіемъ; потомъ вода была отведена, и на томъ же мѣстѣ былъ устроенъ бой гладіаторовъ, на которомъ въ одинъ день спустили пять тысячъ дикихъ звѣрей.

Но не долго наслаждался римскій народъ благодѣтельнымъ правленіемъ кроткаго и добраго императора. Титъ умеръ черезъ два года и три мѣсяца по смерти своего отца. Еще до вступленія на престолъ, онъ былъ очень слабъ здоровьемъ. Можетъ быть онъ былъ отравленъ братомъ своимъ Домиціаномъ, который, съ самаго начала, заявлялъ свои притязанія на престолъ и всегда утверждалъ, что онъ, по завѣщанію отца, назначенъ въ соправители, и совершенно незаконно устраненъ отъ участія въ дѣлахъ. Съ восшествіемъ на престолъ Домиціана, повторились сцены, пережитыя римскимъ народомъ при Неронѣ и его ближайшихъ предшественникахъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ разсказу о правленіи новаго тирана, мы должны бросить взглядъ на состояніе римскихъ провинцій и описать войны въ Германіи и Британіи, при преемникахъ Августа.

7. Состояніе римскихъ провинцій отъ Августа до Веспасіана и отношенія римлянъ къ германскимъ и британскимъ племенамъ.

При Тиберіи провинціи имперіи находились подъ такимъ же гнетомъ деспотизма, какой терпѣли Римъ и Италія. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что насилія, зависѣвшія собственно отъ личныхъ качествъ императоровъ, были менѣе чувствительны въ отдаленныхъ частяхъ государства, и что вообще при императорахъ провинціи управлялись лучше, нежели въ эпоху республики. Одни только возмущенія войскъ вредили имъ болѣе, чѣмъ Риму. На права и вольности провинцій въ то время смотрѣли такъ же, какъ и на всѣ государственные законы вообще: они совершенно зависѣли отъ личности правителей. Туземные владѣтели и начальники племенъ, удержавшіе власть надъ своими землями, были совершенно подчинены произволу императоровъ и намѣстниковъ. Мы видимъ изъ примѣра іудейскаго царства, что правители имперіи то низлагали туземныхъ владѣтелей, то опять награждали ихъ возвращеніемъ прежнихъ владѣній или прибавленіемъ къ нимъ новыхъ областей, то, наконецъ, преслѣдовали ихъ съ ужасною строгостью. Изъ слѣдующаго факта можно видѣть, какъ презрительно обращались намѣстники провинцій съ мѣстными владѣтелями. Однажды Иродъ Агриппа I пригласилъ къ себѣ для совѣщанія пять малоазійскихъ царей, но сирійскій намѣстникъ, безъ всякой причины, приказалъ имъ разъѣхаться, хотя они и оказали ему всевозможныя почести. Свобода городовъ и небольшихъ государствъ въ провинціяхъ была обезпечена нѣсколько болѣе, чѣмъ власть туземныхъ владѣтелей: позволять намѣстникамъ такія же насилія надъ жителями провинцій, какія дѣлались во времена республики, — было вовсе не въ интересахъ монархіи. Впрочемъ и при императорахъ, мѣста въ провинціяхъ служили для знатныхъ фамилій, все болѣе и болѣе привыкавшихъ къ роскоши, главнымъ средствомъ обогащенія; столица въ это время, также какъ и прежде, поглощала богатства провинцій. Веспасіанъ и его преемники — Адріанъ и Траянъ, оказали огромную услугу государству, положивъ предѣлъ притѣсненіямъ чиновниковъ въ провинціяхъ. Чтобы судить объ этомъ притѣсненіи, нужно обратить вниманіе на разсказъ римскаго писателя Плинія Старшаго о богатствахъ Лолліи Паулины, любовницы Клавдія, избранной

нмъ въ супруги. Плиній говоритъ, что у Лолліи былъ уборъ, стоившій болѣе двухъ милліоновъ руб. сер.; драгоцѣнный уборъ этотъ былъ пріобрѣтенъ на деньги, награбленныя въ провинціяхъ дѣдомъ Лолліи, Маркомъ Лолліемъ, который, впрочемъ, за свои неслыханныя притѣсненія поплатился жизнью. Маркъ Лоллій былъ наказанъ; но зато десятки другихъ чиновниковъ грабили совершенно безнаказанно. Иногда самъ намѣстникъ бывалъ справедливъ, но за то правосудіе и милость продавались его женой или любимцами.

Монархическое правленіе было въ особенности благодѣтельно для провинцій, когда на престолѣ находился хорошій императоръ, или провинціей управлялъ благородный намѣстникъ. Строгій надзоръ и власть, сосредоточенные въ рукахъ одного лица, были особенно необходимы и полезны, когда безграничный эгоизмъ заглушалъ послѣдніе остатки древней нравственности и любви къ отечеству. Нѣкоторыя права и преимущества городовъ явно противорѣчили духу времени. Всякое человѣческое учрежденіе имѣетъ значеніе только въ извѣстную эпоху и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и какъ скоро измѣняются эти обстоятельства, должны измѣниться и учрежденія, въ противномъ случаѣ они становятся вредными. Такъ, при императорѣ Тиберіи, греческіе города Малой Азіи употребляли во зло свои привилегіи, и въ особенности право убѣжища, предоставленное ихъ храмамъ. Храмы наполнялись бѣглыми рабами, должниками, спасавшимися отъ своихъ кредиторовъ, и преступниками, укрывавшимися отъ преслѣдованій закона. Словомъ, вся дурная часть населенія пользовалась правомъ убѣжища, представляемымъ религіею и священными обычаями. Для искорененія зла, былъ сдѣланъ тщательный пересмотръ всѣхъ привилегій городовъ, и такимъ образомъ дѣло приведено въ порядокъ.

Около того же времени, на границахъ государства, произошла перемѣна, имѣвшая, по своимъ послѣдствіямъ, громадное вліяніе на судьбу имперіи. Къ несчастью, самъ Веспасіанъ содѣйствовалъ этому: онъ былъ солдатъ и имѣлъ обыкновенныя солдатскія понятія о чести и величіи. Перемѣна, о которой мы говоримъ, состояла въ присоединеніи къ имперіи множества азіатскихъ пограничныхъ государствъ, существовавшихъ до тѣхъ поръ, независимо отъ Рима, въ качествѣ союзныхъ державъ. Взглядъ на отношенія римскаго государства къ сосѣднимъ народамъ покажетъ намъ, какой вредъ произошелъ отъ уничтоженія самостоятельности этихъ пограничныхъ государствъ. Въ эпоху республики, римское государство было окружено множествомъ небольшихъ владѣній, находившихся въ зависимости отъ Рима и носившихъ названіе союзныхъ державъ. Изъ этихъ мелкихъ государствъ одни, какъ, напримѣръ, греческо-азіатскія, дошли до крайней степени утонченности и нравственнаго упадка, а другія, какъ, напримѣръ, въ Галліи и горахъ Испаніи, находились еще на самой низкой степени цивилизаціи. Азіатскія союзныя государства постоянно страдали отъ внутреннихъ несогласій и взаимной вражды, а европейскимъ представлялась еще менѣе возможности соединиться въ одинъ общій союзъ. Поэтому нельзя было и думать о томъ, чтобы въ Азіи или въ Европѣ могла составиться изъ пограничныхъ державъ коалиція противъ Рима. Напротивъ, они доставляли римскому государству огромную выгоду, представляя собою какъ бы рядъ крѣпостей, защищавшихъ имперію отъ нападенія дикихъ народовъ, любившихъ войну, охоту и грабежъ, и издавна населявшихъ сѣверную и среднюю Европу. Кромѣ того великіе перевороты во внутренней Азіи, приведшіе въ движеніе цѣлыя массы народовъ, время отъ времени пригоняли въ Россію, Польшу и Прусію еще новыя племена. Въ концѣ республиканскаго періода, и преимущественно при императорахъ, сдѣлана была безразсудная попытка уничтожить самостоятельность нѣсколькихъ союзныхъ державъ. Вслѣдствіе этого, римляне по необходимости пришли въ непосредственное прикосновеніе съ грубыми и враждебными всякой цивилизаціи народами, противъ которыхъ союзныя государства составляли сильный оплотъ. Такимъ образомъ вызваны были безпрерывныя войны римлянъ съ воинственными горными народами Кавказа, земли Басковъ и Атласа. Когда, въ правленіе Августа, и Египетъ былъ лишенъ остатковъ своей независимости и обращенъ въ провинцію, римляне столкнулись съ дикими эѳіопами и арабами. Въ это же время Августъ сдѣлалъ большую ошибку, начавъ тревожить германскія племена въ ихъ собственной землѣ и чащахъ ихъ лѣсовъ. Римлянамъ не страшны были раздѣленныя и враждебныя одно другому

племена Эѳіопіи и Аравіи; они сдѣлались опасны только тогда, когда ихъ соединилъ и одушевилъ фанатизмъ религіи, соотвѣтствовавшей климату и особенностямъ Востока. Но за то, со стороны Германіи, римскому государству грозила величайшая опасность, что лучше всего показало уничтоженіе легіоновъ Вара. Племена Средней и Южной Германіи сдѣлались страшны для имперіи въ особенности послѣ того, какъ римляне утвердились на Рейнѣ, въ Швабіи и Баваріи. Въ сѣверной Ѳракіи римляне, во времена республики, не дѣлали никакихъ завоеваній, и Августъ былъ настолько благоразуменъ, что не тревожилъ тамошнихъ народовъ. Отдавъ земли туземнымъ, независимымъ отъ Рима, владѣтелямъ, онъ прикрылъ такимъ образомъ дунайскія страны самостоятельными государствами. Тиберій поступилъ съ ѳракійскими владѣтелями также деспотически, какъ поступалъ и съ римлянами, пославъ во Ѳракію намѣстниковъ, которые держали себя, какъ настоящіе властители страны, позволяя себѣ безграничный произволъ въ отношеніи туземныхъ владѣтелей. Вслѣдствіе того, Ѳракія подверглась постояннымъ безпокойствамъ и набѣгамъ сосѣднихъ народовъ, продолжавшимся до тѣхъ поръ, пока Клавдій не сдѣлалъ всего южнаго берега Дуная римскою провинціею. Въ Азіи опаснѣйшими сосѣдями римскаго государства были парѳяне. Отъ этихъ враговъ долгое время защищали его царства армянское и каппадокійское. Арменія всегда была яблокомъ раздора между римлянами и парѳянами: то тѣ, то другіе назначали туда царей; впрочемъ армянскіе цари зависѣли большею частью отъ римлянъ. Каппадокія въ 17 г. по р. Хр. была лишена своей самостоятельности и, въ видѣ провинціи, присоединена къ римской имперіи. Въ правленіе Веспасіана были присоединены къ имперіи и другія азіятскія владѣнія, сохранявшія видъ самостоятельныхъ державъ, и потому бывшія лучшею защитою противъ парѳянъ, чѣмъ помѣщенные впослѣдствіи въ этихъ владѣніяхъ римскіе гарнизоны. Значительнѣйшими изъ присоединенныхъ областей были Киликія, Комагена, Халкида и Іудея.

Со времени измѣненія устройства пограничныхъ державъ, между римлянами и варварскими народами начались безпрестанныя войны, по необходимости сосредоточивавшія на себѣ все вниманіе правителей и силы народа. Эти войны, съ теченіемъ времени, получали все больше и больше вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ. Важнѣе всего были войны съ германцами, погубившія впослѣдствіи римское государство. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ похода, предпринятаго Тиберіемъ въ среднюю Германію, для возстановленія римской чести, во главѣ войскъ, оберегавшихъ рейнскія границы, поставленъ былъ сынъ Друза, Германикъ. Новый полководецъ четыре раза, отъ 14 до 17 г. по р. Хр., воевалъ съ германцами; но всѣ его экспедиціи не принесли государству никакой пользы. Германскіе походы доставили только славу и честь Германику и его войскамъ. Тиберій имѣлъ полное право смотрѣть съ нерасположеніемъ на эти походы, поглощавшіе множество денегъ и людей, но не доставлявшіе ни малѣйшей выгоды имперіи. Поэтому онъ отозвалъ Германика въ то самое время, когда тотъ готовился къ новому походу. Въ честь Германика былъ устроенъ тріумфъ, въ которомъ, къ общему удовольствію римлянъ, участвовало множество знатныхъ плѣнниковъ, и были выставлены изображенія германскихъ горъ, рѣкъ и битвъ. Между плѣнниками находилась и Туснельда, остававшаяся до самой смерти римской плѣнницею.

Послѣ этого, Тиберій уже не предпринималъ новыхъ походовъ въ Германію, разсуждая совершенно основательно, что, по возстановленіи чести римлянъ въ Германіи, имъ уже нечего бояться тамошнихъ народовъ, и что для имперіи гораздо выгоднѣе отдать эти народы на жертву внутреннимъ несогласіямъ. Къ этому же времени относится война Марбода въ Германіи и смерть Германа, нанесшаго нѣкогда пораженіе Вару. Германъ и Марбодъ до сихъ поръ еще живутъ въ памяти германскаго народа и пользуются славой, не вполнѣ впрочемъ заслуженной ими.

Отъ смерти Германа до Веспасіана, въ Германіи не случилось ни одного событія, которое имѣло бы значительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ имперіи. Но какъ скоро начались распри за престолъ между Оттономъ, Вителліемъ и Веспасіаномъ, два батавскіе военачальника, воспользовавшись тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, подготовили на нижнемъ Рейнѣ опасную для римлянъ войну. Эта война, также какъ и прежде война съ Варомъ, показала римлянамъ, что для него

опасны не коренныя германскія племена и ихъ вожди, а тѣ германцы, которые, служа въ римскомъ войскѣ, имѣли возможность научиться воинскому искусству и нерѣдко занимали важныя мѣста въ императорскихъ войскахъ. Батавы принадлежали прежде къ союзу каттовъ, но потомъ, отдѣлившись отъ него, поселились на пустынныхъ прибрежьяхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ, къ сѣверу отъ Мааса, между моремъ и Исселемъ. Удалившись отъ германскихъ народныхъ союзовъ и занявъ территорію, между римскою провинціею Галліею и землею франковъ и другихъ союзныхъ Риму германскихъ народовъ, батавы сдѣлались по необходимости союзниками Рима, и были очень полезны ему своими вспомогательными войсками. Двое изъ ихъ предводителей, Юлій Павелъ и Клавдій Цивилисъ, прославились въ войнѣ римлянъ съ бриттами и, еще будучи въ римскомъ войскѣ, составили опасный для Рима заговоръ. Фонтей Капитонъ, командовавшій при Неронѣ нижне-германскими войсками, приказалъ умертвить перваго изъ нихъ, а послѣдняго отослалъ въ Римъ въ оковахъ. Цивилисъ оставался въ плѣну до самой смерти Нерона и былъ освобожденъ только Гальбою. Возвратившись въ отечество, онъ немедленно началъ возбуждать своихъ соотечественниковъ къ возстанію. Поводомъ къ возмущенію послужилъ наборъ войскъ между батавами, для подкрѣпленія войскъ Вителлія, производившійся самымъ грубымъ, позорнымъ и оскорбительнымъ образомъ. Воззванія Цивилиса встрѣтили сочувствіе между батавами, а вскорѣ къ нимъ примкнули каннинефаты, сосѣди батавовъ съ сѣверо-запада, и фризы, жившіе къ востоку отъ нихъ. Восемь когортъ батавовъ, служившихъ римлянамъ и расположенныхъ въ Майнцѣ, отказались повиноваться римскому намѣстнику и возвратились въ свое отечество. Здѣсь они соединились съ мятежниками и составили лучшую ихъ часть войска. Цивилисъ притворялся, что онъ и соотечественники его возстали только въ пользу Веспасіана, противъ Вителлія, и подъ этимъ предлогомъ тотчасъ напалъ на римскія войска, преданныя Вителлію.

Послѣ пораженія войскъ Вителлія при Кремонѣ (въ ноябрѣ 69 г.), батавскій предводитель уже не могъ ограждать себя именемъ Веспасіана, потому что, при извѣстіи о побѣдѣ Веспасіана, всѣ войска на Рейнѣ приняли сторону побѣдителя. Это заставило Цивилиса сбросить маску и открыто разорвать свою связь съ Римомъ. Мало-по-малу, онъ успѣлъ расположить въ свою пользу узипетовъ, бруктеровъ, и другія германскія племена. Въ этомъ ему помогла Веледа, пророчица и жрица бруктеровъ, жившая въ Липпе и пользовавшаяся большимъ уваженіемъ не только въ своемъ народѣ, но и въ другихъ сосѣднихъ племенахъ. Даже галлы были, повидимому, готовы соединиться съ батавами. Галльское племя тревировъ, подъ начальствомъ Классика и Юлія Тутора, и лингоны, жившіе въ окрестностяхъ Лангра и повиновавшіеся Юлію Сабину, отложились отъ Римлянъ. Отпавшія галльскія племена старались возбудить возстаніе и въ прочей Галліи. Въ это же время, между расположенными тамъ римскими войсками, вспыхнули бунты, и множество солдатъ перешло на сторону возмутившихся. Движеніе, начавшееся между батавами, получило, такимъ образомъ, столь опасный характеръ, что историкъ Тацитъ ставитъ возмущеніе Цивилиса на ряду съ опасностями, грозившими Риму отъ Аннибала и Серторія.

Причиною возмущенія и отпаденія римскихъ войскъ въ Галліи были невѣрныя извѣстія о войнѣ между Веспасіаномъ и Вителліемъ. Носились слухи, что междусобная война распространилась по всей Италій, что въ самомъ Римѣ господствуетъ страшный безпорядокъ, что въ Мизіи, Панноніи и многихъ другихъ провинціяхъ римскія воска должны сражаться съ враждебными или отпавшими народами, и что почти всѣ римскіе легіоны перебиты. Самое сильное впечатлѣніе произвели на всѣхъ слухи о сожженіи Капитолія, почитавшимся результатомъ гибели римскаго государства. На пожаръ Капитолія смотрѣли, какъ на самое опасное предзнаменованіе, и галльскіе друиды не замедлили воспользоваться народнымъ суевѣріемъ для своихъ видовъ, припоминая, что нѣкогда предки ихъ овладѣли всѣмъ Римомъ, за исключеніемъ Капитолія, выводили изъ этого заключеніе, что судьба римскаго народа была всегда связана съ цѣлостью городскихъ святынь. Если обстоятельства войны, между Веспасіаномъ и приверженцами Вителлія въ Римѣ, имѣли столь значительное вліяніе на ходъ возмущенія въ Галліи и при-рейнскихъ странахъ, то, само собою разумѣется, побѣда партіи Веспасіана должна была имѣть рѣшительное вліяніе на исходъ возстанія. Намѣст-

никъ императора, Муціанъ, немедленно, по прибытіи въ Римъ, принялъ энергическія мѣры къ возстановленію спокойствія въ Галліи. Онъ отправилъ на Рейнъ четыре легіоны, одинъ изъ Италіи, два изъ Испаніи и одинъ изъ Британіи, поручивъ начальство надъ ними двумъ извѣстнымъ полководцамъ: Аннію Галлу и Петилію Цереалису. Еще до прибытія римскихъ войскъ, Юлій Сабинъ былъ разбитъ секванами, галльскимъ племенемъ, оставшимся вѣрнымъ римлянамъ. Войско его было разсѣяно или истреблено. О дальнѣйшей судьбѣ Сабина сказано нами выше (стр. 118). Неудача заставила отпавшіе легіоны и большую часть возмутившихся галловъ снова покориться римлянамъ; только тревиры, лингоны и нѣкоторыя другія племена продолжали войну. Римское войско обратилось тогда противъ тревировъ, разбило ихъ, сначала при Бингенѣ, а вскорѣ потомъ на Мозелѣ, и овладѣло городомъ ихъ Триромъ и столицею лингоновъ, Лангромъ. Кротость римскихъ военачальниковъ скоро уничтожила недовольство въ Галліи. Всѣ римскія войска были направлены противъ Цивилиса, съ которымъ соединились остатки возмутившихся галловъ, подъ предводительствомъ Тутора и Классика. Двинувшись къ Триру, чтобы предупредить римлянъ, Цивилисъ совершенно неожиданно напалъ на войска Цереалиса, расположившіяся въ Трирѣ и его окрестностяхъ. Римляне сначала пришли въ замѣшательство, но вскорѣ ободрились и начали упорную битву. Въ продолженіе перваго дня и нѣсколькихъ часовъ втораго, перевѣсъ былъ на сторонѣ Цивилиса, и римляне были бы совершенно разбиты, если бы случайное обстоятельство не дало другаго оборота битвѣ. Одинъ изъ римскихъ легіоновъ, занявъ выгодную позицію, съ успѣхомъ отражалъ всѣ нападенія враговъ. Батавы, никогда не могшіе противиться своей страсти къ грабежу, при первой же неудачѣ, нарушили свой боевой порядокъ и распространили паническій страхъ въ остальномъ войскѣ, не сдерживаемомъ никакою внутреннею связью.

Вскорѣ послѣ пораженія при Трирѣ, отъ батавскаго войска отдѣлились всѣ германцы, кромѣ обитавшихъ въ сѣверной Вестфаліи. Цивилисъ, снова удалившись въ батавскія болота, при помощи нижне-германскихъ народовъ, продолжалъ противиться римскимъ войскамъ. Чтобы отвлечь отъ него батавскіе народы, Цереалисъ расположилъ въ свою пользу славную Веледу. Батавскій предводитель, имѣя основаніе сомнѣваться въ продолжительной вѣрности союзниковъ, предложилъ Цереалису миръ въ то самое время, когда римскій полководецъ начиналъ уже чувствовать неудобства войны въ болотахъ Нижней Германіи и Голландіи. Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, миръ былъ заключенъ, но условія его неизвѣстны. Мы знаемъ только, что батавы, каннинефаты и фризы снова сдѣлались союзниками Рима, были освобождены отъ дани, но за то обязались по старому доставлять людей на военную службу. Пророчица Веледа была взята въ Римъ, какъ плѣнница, но неизвѣстно, была ли она отправлена туда въ началѣ войны, какъ зачинщица возстанія, или въ концѣ ея, по какой-нибудь другой причинѣ.

Попытки римлянъ утвердиться въ Британіи, населенной народами кельтическаго или галльскаго племени, были счастливѣе ихъ завоевательныхъ походовъ въ Германію. Цезарь совершилъ экспедицію въ Британію только ради славы. Въ обширныхъ планахъ завоеваній, разстроенныхъ его смертью, эта страна не упоминалась вовсе: онъ считалъ ее или незначительнымъ, или слишкомъ дорого стоющимъ пріобрѣтеніемъ. Августъ, предпріятія котораго отличались всегда строгою обдуманностью, чувствовалъ еще менѣе расположенія пускаться на другой берегъ бурнаго пролива, для покоренія дикихъ народовъ, хотя это было бы очень легко, потому что страна въ то время была раздѣлена на множество мелкихъ государствъ, и почти каждое мѣстечко составляло особую политическую общину. Тиберій былъ также слишкомъ разсудителенъ, чтобы думать о покореніи Британіи. Преемникъ его, Калигула, рѣшился было завоевать этотъ островъ, но предпріятіе это было дѣломъ минутнаго увлеченія и окончилось также неудачно, какъ и всѣ другіе планы Калигулы. Наконецъ Клавдій совершилъ то, чего не хотѣли, или не могли сдѣлать его предшественники. Войну эту началъ со славою искусный полководецъ Авлъ Плавцій, начальствуя вызванными изъ Нидерландовъ войсками, въ которыхъ, по тогдашнему обычаю, находилось множество германцевъ. Когда этотъ полководецъ уже завоевалъ югъ Британніи, самъ императоръ явился на островъ съ значительными подкрѣпленіями, въ надеждѣ пріобрѣсти безъ труда славу побѣдителя и завоевателя. Въ Британіи значительныя

услуги Клавдію оказали Гальба и Веспасіанъ. Въ особенности же показалъ свое искусство Веспасіанъ. Клавдій пробылъ въ Британніи только семьнадцать дней, но, благодаря многочисленности войска и опытности полководцевъ, ему легко было покорить значительную часть южной Англіи. Согласно желанію Клавдія, войска провозгласили его побѣдителемъ не одинъ разъ, какъ это бывало прежде, а нѣсколько. По возвращеніи въ Римъ, Клавдій праздновалъ блестящій тріумфъ.

Авлъ Плавцій пробылъ въ Британіи еще шесть лѣтъ, довершая покореніе страны. Послѣ него, начальство надъ войскомъ принялъ Осторій Скапула. полководецъ занялъ сѣверозападную часть Англіи, вмѣстѣ съ частью Уэльса, и Новый взялъ въ плѣнъ Каратака или Карадоса, знаменитаго владѣтеля силуровъ, жившихъ въ Уэльсѣ. Изъ преемниковъ Скапулы, особенно отличался Светоній Паулинъ, который направилъ свои дѣйствія преимущественно на островъ Мону или Энгльси, святыню британскихъ народовъ. На этомъ островѣ находились обители знатныхъ друидовъ, ихъ главные храмы и школы, и, какъ можно предполагать, сохранялась также большая часть ихъ сокровищъ. Римскій полководецъ въ скоромъ времени принужденъ былъ отложить свой походъ противъ Моны; всеобщее народное возстаніе, возгорѣвшееся въ Британіи, потребовало его личнаго присутствія въ завоеванной уже части острова. Движеніе началось между иценами, обитавшими въ теперешнемъ Суффолькѣ и Норфолькѣ, и было вызвано дѣйствіями римскихъ чиновниковъ и солдатъ. Катъ Деціанъ, завѣдывавшій гражданскою администраціей, страшно притѣснялъ туземцевъ, позволяя своимъ подчиненнымъ и солдатамъ всякаго рода насилія и своеволіе. Въ особенности неистовствовали ветераны, поселенные въ основанной Клавдіемъ колоніи, Камалодунумѣ, или Мольденѣ въ Эссексѣ. Покоренные бритты подвергались самымъ варварскимъ притѣсненіямъ и поборамъ. Овдовѣвшая царица иценовъ, Боадицея, была обезчещена; съ родственниками ея мужа обращались какъ съ невольниками, а всѣ лица, пользовавшіяся значительнымъ вліяніемъ на народъ, были лишены имѣній. Наконецъ ицены вооружились противъ своихъ мучителей, и возстаніе быстро распространилось по всему острову. Предводительствуя массою народа, простиравшеюся, по сказаніямъ римскихъ писателей, до ста тысячъ человѣкъ, Боадицея подступила къ Камалодунуму. Инсургенты взяли и сожгли колонію. Римскій полководецъ Цереалисъ, впослѣдствіи побѣдившій батавовъ, поспѣшилъ на помощь къ осажденному городу, но былъ отбитъ, и едва спасъ отъ погибели свое небольшое войско. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Паулинъ, въ надеждѣ на храбрость своихъ солдатъ, двинулся къ Лондону, уже бывшему тогда значительнымъ торговымъ мѣстомъ, но вскорѣ принужденъ былъ отступить: войско его не превышало десяти тысячъ человѣкъ; а съ такимъ малочисленнымъ отрядомъ онъ могъ рѣшиться на битву только въ самой благопріятной для него мѣстности. Бритты напали тогда на Лондонъ и другіе города, оставленные римскими гарнизонами, и перерѣзали тамъ не менѣе восьмидесяти тысячъ римлянъ и ихъ союзниковъ. Паулинъ отступилъ къ морскому берегу и, наконецъ, занялъ очень выгодную для себя позицію, расположившись на широкой равнинѣ, окруженной лѣсомъ. Онъ легко могъ прикрыть лѣсомъ тылъ своего войска, а на равнинѣ его закаленныя въ битвахъ, войска должны были имѣть перевѣсъ надъ безчисленными, но безпорядочными толпами непріятеля. Здѣсь произошла битва, и римляне одержали надъ бриттами побѣду, также какъ въ наше время незначительная горсть европейцевъ въ Индіи и Новой Голландіи побѣждаетъ множество дикарей. Не смотря на упорное сопротивленіе враговъ, со стороны римлянъ пало только четыреста человѣкъ; у бриттовъ же въ битвѣ, и послѣ нея, было убито не менѣе восьмидесяти тысячъ. Послѣ этого пораженія, Боадицея сама лишила себя жизни. Возстаніе было совершенно подавлено, и Паулинъ жестоко наказалъ владѣтелей и племена, принимавшія участіе въ бунтѣ.

Послѣ этого, въ Британіи не происходило ничего важнаго до тѣхъ поръ, пока въ концѣ царствованія Веспасіана не былъ посланъ туда одинъ изъ лучшихъ римскихъ полководцевъ и государственныхъ людей, Юлій Агрикола. Жизнь и подвиги этаго замѣчательнаго человѣка описалъ въ особомъ сочиненіи зять его, Тацитъ. Агрикола управлялъ Британіею въ продолженіе семи лѣтъ, съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ римскій намѣстникъ ни до него, ни послѣ его. Агрикола изучилъ военное искусство въ Британіи при Паулинѣ и другихъ

намѣстникахъ, и еще въ юности избралъ ее ареною своихъ будущихъ славныхъ подвиговъ. Сдѣлавшись намѣстникомъ, онъ началъ свое управленіе экспедиціею противъ Энгльси, результатомъ которой было быстрое и окончательное покореніе этаго острова. Заботясь не о распространеніи, а объ утвержденіи римскаго владычества, Агрикола употреблялъ совершенно другія средства, чѣмъ его предшественники. Всѣ старанія его были направлены къ тому, чтобы кротостью и правосудіемъ расположить бриттовъ къ римскому владычеству и римской цивилизаціи. Дѣйствительно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, онъ произвелъ совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи и образѣ жизни британской націи. Бритты начали усвоять себѣ языкъ и нравы римлянъ и строить по римскимъ образцамъ города, храмы, портики, бани и другія общественныя зданія. Стараніями Агриколы, Англія, въ короткое время, совершенно сроднилась съ римлянами, какъ сроднялась мало-по-малу со временъ Цезаря Галлія. Образъ жизни Агриколы рѣзко отличался отъ политики другихъ римскихъ намѣстниковъ. Даже между свободолюбивыми британскими племенами они совершали притѣсненія и злоупотребленія, не обращая вниманія на то, что благоразуміе требовало особенной осторожности въ обращеніи съ ними. Корыстолюбивые намѣстники равнодушно смотрѣли на позорныя насилія и обманы своихъ подчиненныхъ, разсчитывая воспользоваться самимъ плодами ихъ преступленій. Притѣсненія римскихъ сборщиковъ податей доходили до крайности. Требуя доставки съѣстныхъ припасовъ отъ жителей самыхъ отдаленныхъ и непроходимыхъ мѣстностей, такимъ образомъ они принуждали ихъ продавать хлѣбъ дома по самой дешевой цѣнѣ, и снова покупать его за дорогую цѣну въ магазинахъ чиновниковъ. Эти насилія прекратились со вступленіемъ Агриколы въ управленіе Британіей. Онъ ввелъ строгую и справедливую администрацію, не терпѣлъ никакихъ интригъ и притѣсненій и, опредѣляя чиновниковъ, не обращалъ вниманія ни на семейныя связи, ни на рекомендаціи и просьбы ихъ покровителей. Введя порядокъ и законность во всѣ отрасли управленія, онъ облегчилъ для жителей бремя податей, распредѣляя ихъ равномѣрнѣе и строго наблюдая за правильностью ихъ взиманія. Словомъ, Агрикола, по выраженію Тацита, направилъ дѣятельность свою и своихъ подчиненныхъ такимъ образомъ, что всѣ поводы къ несогласіямъ и возмущеніямъ устранились сами собою, тогда какъ дѣйствія его предшественниковъ были совершенно безплодны, потому что послѣ усмиренія всякаго возстанія возобновлялись прежнія притѣсненія. Семь, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, походовъ и морскихъ экспедицій помогли Агриколѣ расширить римскія владѣнія. Уже во время четвертаго похода онъ покорилъ всѣ земли отъ Эдинбурга до Глазгова. Вслѣдъ затѣмъ, Агрикола соединилъ линіею башень и укрѣпленій два залива, которые, около означенныхъ городовъ, раздѣляютъ южную Шотландію отъ средней. Новыя укрѣпленія защищали римскія завоеванія отъ набѣговъ хищныхъ скоттовъ и каледонцевъ Верхней Шотландіи (т. I стр. 469). Агрикола проникъ еще далѣе въ эту страну, и привелъ каледонцевъ въ ужасъ кровавымъ пораженіемъ соединенныхъ толпъ ихъ при подошвѣ Грампіанскихъ горъ.

Вскорѣ Агрикола долженъ былъ прекратить свои счастливыя предпріятія. Жестокій тиранъ, вступившій на престолъ по смерти Тита, не захотѣлъ оставить въ покоѣ полководца, пользовавшагося извѣстностью и уваженіемъ между войсками и самими бриттами. Въ 85 году Агрикола былъ отозванъ. Остальную часть своей жизни онъ провелъ въ отдаленіи отъ дѣлъ и умеръ чрезъ восемь лѣтъ, по возвращеніи изъ Британіи. Агрикола первый присоединилъ Англію и южную Шотландію къ римской имперіи, въ качествѣ провинцій, а послѣ него страны эти уже не выходили изъ-подъ власти римлянъ, до самаго паденія римской имперіи.

8. Римская имперія отъ смерти Тита до Адріана.

Правленіе Веспасіана и Тита важно, въ особенности, по двумъ обстоятельствамъ. При этихъ императорахъ монархическая форма правленія въ первый разъ, со временъ Августа, явилась покровительницею образованности, нравственности, внѣшняго благосостоянія и удобствъ жизни. При нихъ въ имперіи стало гораздо

ряться и политическое единство. До тѣхъ поръ римскими гражданами считались только жители Италіи, а всѣ прочіе, за исключеніемъ немногихъ городовъ и лицъ, были простыми подданными Рима. Со времени же Веспасіана и Тита, провинціи перестали быть подчиненными частями государства, и начали мало-по-малу сливаться съ имперіей. Это направленіе не прекратилось и по смерти Тита, и распространилось впослѣдствіи на всю имперію. Но благодѣтельное вліяніе на государство личныхъ характеровъ Веспасіана и Тита окончилось съ ихъ смертью. При слабости и недостаткѣ прочныхъ учрежденій, которыми страдало тогда римское общество, нужно было только явиться нѣсколькимъ дурнымъ правителямъ, чтобы все перемѣнилось къ худшему. Личный примѣръ императоровъ дѣйствовалъ на жизнь и нравственность общества сильнѣе, чѣмъ самое управленіе ихъ. Даже благонамѣренные правители не въ силахъ были дать лучшее направленіе народу. Нравственный упадокъ общества былъ такъ великъ, что всѣ готовы были преклоняться и служить самому низкому тирану, чтобы имѣть только возможность безпрепятственно предаваться своимъ порокамъ. Все это обнаружилось вскорѣ по смерти Тита, въ правленіе брата его, Домиціана. Титу, не оставившему потомства, наслѣдовалъ братъ его, младшій сынъ Веспасіана, Титъ Флавій Домиціанъ, управлявшій имперіей съ 81 по 96 г. по р. Хр. Главными недостатками Домиціана были: чрезмѣрная и даже смѣшная гордость, безграничная расточительность и почти дѣтская хвастливость. Самыя черты лица, голосъ и вообще весь внѣшній видъ Домиціана—обличали въ немъ гордую натуру деспота. Невоздержная расточительность вовлекла его въ жадность и корыстолюбіе, а боязнь мщенія, со стороны притѣсняемыхъ, расположила его къ жестокости. Домиціанъ, еще въ молодости отличавшійся распутствомъ, вступивъ на престолъ, совершенно предался своей необузданной страсти къ общественнымъ увеселеніямъ, звѣринымъ травлямъ, гладіаторскимъ играмъ, конскимъ скачкамъ и безполезнымъ постройкамъ. При такой безумной расточительности, Домиціанъ постоянно чувствовалъ недостатокъ въ деньгахъ и, по необходимости, долженъ былъ прибѣгать къ насиліямъ. Въ послѣднее время царствованія, онъ, подобно Тиберію, сталъ избѣгать общества и подвергся той же душевной болѣзни, какою страдалъ Калигула. Впрочемъ Домиціанъ не имѣлъ недостатка въ умственныхъ дарованіяхъ; въ юности онъ писалъ очень хорошіе стихи; сочинилъ стихотвореніе по случаю покоренія Іерусалима и перевелъ поэму Арата о звѣздахъ лучше даже, чѣмъ Цицеронъ и Германикъ (т. I. стр. 515). Но со времени вступленія на престолъ, онъ сталъ считать умственный трудъ унизительнымъ для своего достоинства, и единственнымъ занятіемъ его сдѣлались изученіе мемуаровъ и дневника Тиберія; онъ тяготился даже составленіемъ собственныхъ писемъ, дѣловыхъ бумагъ и рѣчей, — и обыкновенно поручалъ это другимъ.

Первые годы правленія Домиціана были лучше, чѣмъ можно было ожидать, судя по его характеру. Сперва въ немъ не было замѣтно корыстолюбія; онъ былъ даже щедръ и великодушенъ, сдѣлалъ нѣсколько благоразумныхъ распоряженій, преслѣдовалъ доносчиковъ, клеветниковъ и памфлетистовъ, строго наказывалъ пристрастныхъ судей, и вообще установилъ такой порядокъ въ судопроизводствѣ, что никто изъ чиновниковъ, ни въ Римѣ, ни въ провинціяхъ, не осмѣливался нарушать требованій закона. Историкъ Светоній, хотя и не безъ преувеличенія, говоритъ, что никогда еще должностныя лица не были такъ справедливы и неподкупны, какъ въ правленіе Домиціана. Такими поступками Домиціанъ скоро навлекъ на себя ненависть сената, состоявшаго, большею частью, изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, тѣмъ болѣе что новый императоръ еще менѣе уважалъ привилегіи высшаго класса, чѣмъ Веспасіанъ и Титъ. Замѣтивъ нерасположеніе къ себѣ сената и всей аристократіи, Домиціанъ началъ заботиться томъ, чтобы привлечь къ себѣ низшіе классы богатыми денежными наградами, общественными пирами и блестящими увеселеніями. Для этой цѣли, онъ возвысилъ жалованье солдатамъ, и при томъ въ такихъ размѣрахъ, что вскорѣ совершенно истощилъ государственную казну. Жалованье было увеличено на 25 процентовъ, а такъ какъ финансовъ было недостаточно, для пополненія новаго расхода, то Домиціанъ хотѣлъ поправить дѣло уменьшеніемъ числа войска. Но скоро онъ долженъ былъ отказаться отъ этой мысли: въ войскѣ начались волненія, а между тѣмъ границы имперіи не были защищены отъ набѣговъ варваровъ. Впрочемъ Доми-

ціану не было причины слишкомъ бояться ненависти сената. Не смотря на то, что Веспасіанъ исключилъ изъ сената недостойныхъ членовъ, замѣнивъ ихъ представителями знатнѣйшихъ римскихъ фамилій, это учрежденіе не было нисколько лучше прежняго. Всѣ преобразованія высшаго правительственнаго мѣста, предпринимавшіяся лучшими императорами, имѣли значеніе только тогда, когда во главѣ правленія стоялъ добрый и энергическій императоръ, что нисколько неудивительно, при томъ состояніи нравственнаго упадка, въ какомъ находилось тогда римское общество. Сенатъ, совершенно преобразованный Веспасіаномъ, при Домиціанѣ снова сдѣлался покорнымъ орудіемъ тирана. Однажды Домиціанъ предложилъ на обсужденіе сената вопросъ о томъ, какъ велико должно быть блюдо, на которомъ нужно было подать случайно пойманную рыбу необыкновенной величины. Сенатъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ такою серьезностью, какъ будто рѣшалъ важнѣйшее государственное дѣло. Послѣ этого мы не знаемъ, чему болѣе удивляться: наглости ли тирана или подлости высшаго правительственнаго мѣста въ государствѣ? При двухъ дѣльныхъ преемникахъ Домиціана, тѣ же самые сенаторы были гораздо благоразумнѣе и солиднѣе, и вовсе не потому, что измѣнился духъ времени, или сами они сдѣлались лучше, а единственно отъ того, что человѣкъ, стоявшій во главѣ государства, своею собственною личностью дѣйствовалъ благодѣтельно на сенатъ и сообщалъ ему лучшее направленіе.

Подробное описаніе насилій, глупостей и расточительности Домиціана слишкомъ утомительно для историка и читателя. Тщеславный Домиціанъ, подобно Калигулѣ, назвалъ себя богомъ, приказалъ приносить себѣ жертвы и во всѣхъ актахъ именовать себя повелителемъ и богомъ. Онъ тратилъ огромныя суммы на постройки, устраивалъ великолѣпныя общественныя игры и, подобно Тиберію и Нерону, предавался всѣмъ родамъ разврата. Чтобы пріобрѣсть деньги, необходимыя для такихъ издержекъ, Домиціанъ, подъ различными предлогами, конфисковалъ имѣнья богатыхъ людей, и часто даже казнилъ ихъ. Подозрительность и боязнь воспитали въ Домиціанѣ деспотизмъ и жестокость. Тиранъ осуждалъ на смерть всякаго, кто только казался ему подозрительнымъ или обнаруживалъ малѣйшую независимость въ мысляхъ и поступкахъ. Даже слугамъ и сообщникамъ въ злодѣяніи не было отъ него пощады. Въ Домиціанѣ развилась, наконецъ, такая страсть къ злодѣйствамъ, что обыкновеннымъ его занятіемъ сдѣлалось изобрѣтеніе новыхъ мученій и средствъ держать въ страхѣ дворъ и сенатъ. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ присутствовалъ при пыткахъ и казняхъ надъ плѣнными и, уставъ мучить и убивать людей, по цѣлымъ часамъ ловилъ мухъ и накалывалъ ихъ на иголки. Подобно Тиберію, Домиціанъ особенно ласково обращался съ людьми, которыхъ смерть была уже рѣшена имъ. Нерѣдко онъ произносилъ смертный приговоръ надъ тѣми, которые, по обращенію съ ними императора, ожидали себѣ награды. Такими неожиданностями Домиціанъ дѣлалъ смерть еще болѣе ужасною для осужденныхъ.

Казалось, тирана нельзя было низвергнуть никакими средствами; граждане были безоружны, сенатъ не имѣлъ никакого значенія, солдаты были расположены къ Домиціану также, какъ нѣкогда къ Нерону, и кромѣ родственниковъ и слугъ никто не смѣлъ приближаться къ императору. Дѣйствительно, съ Домиціаномъ нельзя было бы ничего сдѣлать, если бы онъ, подобно Калигулѣ, не посягнулъ на жизнь самыхъ близкихъ къ себѣ людей. Его супруга, Домиція, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ исполнителей его приговоровъ, составила заговоръ. Однажды императрицѣ случайно попался въ руки листъ, на которомъ записаны были имена приговоренныхъ къ казни; въ числѣ осужденныхъ, подозрительный тираннъ помѣстилъ и свою жену. Такъ какъ на этомъ же самомъ листѣ находились имена двухъ префектовъ гвардіи, Норбана и Петронія, и Партенія, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ императора, то для Домиціи ничего не стоило организовать заговоръ противъ мужа. Привести его въ исполненіе было нелегко. Домиціанъ былъ необыкновенно силенъ и, кромѣ того, при своей подозрительности, принималъ всѣ средства предосторожности. Тиранъ былъ застигнутъ въ спальнѣ и умерщвленъ послѣ отчаянной обороны. Гвардія была такъ ожесточена смертью Домиціана, что преемникъ его, Нерва, едва могъ защитить заговорщиковъ отъ ярости солдатъ. Не получивъ отъ императора согласія на выдачу убійцъ Домиціана, гвардія умертвила ихъ безъ вѣдома императора.

По смерти Домиціана сенатъ не могъ скрыть своей ненависти къ тирану. По его повелѣнію, статуя императора была разбита; тріумфальныя ворота его разрушены; самое имя Домиціана было уничтожено на всѣхъ общественныхъ памятникахъ. Правленіе передано было престарѣлому сенатору, Кокцею Нервѣ, котораго заговорщики, немедленно по смерти Домиціана, провозгласили императоромъ. Замѣчательно, что Нерва избранъ былъ въ императоры не по заслугамъ, а потому только, что еще при Домиціанѣ астрологи предсказали, ему въ будущемъ императорское достоинство. Такъ велико и распространено было тогда суевѣріе! Дѣйствительно, суевѣріе, вмѣстѣ съ невѣріемъ, расточительностью и отсутствіемъ нравственныхъ правилъ, составляетъ главную отличительную черту того времени. Тогда всѣ твердо вѣрили, что знаменитый философъ Аполлоній Тіанскій, обладавшій, по тогдашнимъ понятіямъ, сверхъестественными силами, находясь въ Эфесѣ, узналъ и разсказалъ всему народу о смерти Домиціана въ самую минуту умерщвленія тирана.

Новый императоръ, царствовавшій только два года, былъ такъ же умѣренъ и кротокъ, какъ предшественникъ его жестокъ. Нерва главною своею задачею поставилъ сосредоточить все управленіе въ рукахъ сената. Впрочемъ, ему не удалось выполнить своихъ намѣреній; для этого нуженъ былъ человѣкъ, который бы вмѣстѣ съ талантами администратора обладалъ еще качествами искуснаго полководца. Вообще управленіе Нервы доказываетъ, какъ необходимъ былъ для имперіи императоръ-воинъ. Самъ Нерва вскорѣ убѣдился въ этомъ. Преторіанцы и римская чернь, недовольные правленіемъ такого престарѣлаго и серьезнаго человѣка, какимъ былъ Нерва, волновались цѣлый годъ. Имъ въ особенности не нравилось то, что Нерва, въ видахъ поправленія финансовъ, очень ограничилъ общественныя игры и продалъ роскошныя коллекціи драгоцѣнностей, собранныя тщеславнымъ Домиціаномъ. Нерва скоро увидѣлъ, что ему угрожаетъ участь Гальбы, что надъ нимъ смѣются и не питаютъ къ нему никакого уваженія, и потому рѣшился избрать себѣ въ соправители храбраго и всѣми уважаемаго человѣка. Онъ былъ гораздо счастливѣе Гальбы въ своемъ выборѣ. Римскій народъ былъ очень удивленъ, когда Нерва, среди самаго разгара анархіи, назначилъ себѣ наслѣдника, избравъ его притомъ не изъ сенаторовъ, а изъ войска, гдѣ новый наслѣдникъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Избранникъ этотъ былъ Ульпій Траянъ, командовавшій въ то время нижне-рейнскими легіонами. Траянъ былъ извѣстенъ своими военными подвигами и, кромѣ того, бывши однажды въ Римѣ, возбудилъ къ себѣ уваженіе въ народѣ своимъ царственнымъ видомъ и геройскою наружностью. Съ назначеніемъ Траяна безпокойства прекратились, и даже гордые преторіанцы не оказали никакого сопротивленія, когда новый соправитель вызвалъ ихъ въ Германію и распредѣлилъ тамъ по другимъ легіонамъ. Траянъ былъ родомъ изъ Испаніи, хотя отецъ его и былъ консуломъ въ Римѣ. За пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ, римляне никакъ не согласились бы повиноваться чужестранцу, но во времена Траяна уже никто не обращалъ вниманія на происхожденіе. Вотъ какъ съ теченіемъ времени измѣнились взгляды и общественныя отношенія въ римскомъ государствѣ!

Нерва умеръ чрезъ годъ по избраніи себѣ соправителя (въ январѣ 98 г.). Новый императоръ, вступившій на престолъ еще въ цвѣтущемъ возрастѣ и царствовавшій съ 98 по 117 г., обладалъ всѣми качествами, какихъ требовали отъ правителя тогдашнее состояніе римской имперіи, духъ времени и общественное благо. У Траяна былъ только одинъ неизвинительный недостатокъ: онъ старался расширить предѣлы государства завоеваніями, и такимъ образомъ снова вывелъ римлянъ на ту дорогу, которую они, къ счастью для себя, оставили было съ самаго царствованія Августа. При благородномъ сердцѣ, Траянъ обладалъ всѣми лучшими качествами воина. Онъ получилъ военное воспитаніе и большую часть своей жизни провелъ въ лагерѣ. Военная служба лишила его возможности образовать себя въ умственномъ отношеніи, но за то онъ былъ обязанъ ей цвѣтущимъ здоровьемъ и тѣлесною силою, неприхотливая и суровая жизнь развила въ немъ твердость и прямоту характера. Чтобы править государствомъ, Траянъ, владѣя такими достоинствами, не имѣлъ нужды въ утонченномъ научномъ образованіи. Повидимому необразованный, Траянъ отличался постояннымъ уваженіемъ къ закону и справедливости, къ равенству, гражданской свободѣ, древнимъ нравамъ

и власти сената. Онъ умѣлъ выбирать себѣ въ помощники и друзья такихъ людей, какими были, напримѣръ, Плиній Младшій и Тацитъ, лучшіе писатели всей императорской эпохи. Управленіе Траяна было образцовымъ; ненавидя всякій произволъ, онъ далъ силу законамъ, отдѣлилъ законодательство отъ государственнаго управленія и всячески защищалъ провинціи отъ притѣсненій чиновниковъ. При своемъ дворѣ онъ устроилъ все такъ же, какъ было при Веспасіанѣ и Титѣ. Домиціанъ изъ смѣшнаго тщеславія ввелъ было при дворѣ этикетъ временъ Клавдія и Нерона, но Траянъ изгналъ изъ своей жизни всякую натянутость и принужденность. Съ вельможами, составлявшими обыкновенно его общество, онъ обращался, какъ съ друзьями, самъ навѣщалъ ихъ, любилъ, чтобы они безъ всякаго приглашенія приходили къ нему обѣдать, и свободно допускалъ къ себѣ всякаго гражданина, имѣвшаго до него дѣло. Траянъ шелъ по слѣдамъ Веспасіана въ заботахъ о наукѣ и образованности, постройкахъ, устройствѣ большихъ дорогъ, гаваней и другихъ подобныхъ сооруженій, приносящихъ практическую пользу. Въ этомъ случаѣ онъ сдѣлалъ даже болѣе, чѣмъ Веспасіанъ. Такъ, напримѣръ, онъ первый устроилъ въ Римѣ публичную библіотеку, названную по его имени ульпійскою и считавшуюся во всѣ остальныя столѣтія древности самою значительною въ Римѣ.

Едва ли какое-нибудь обстоятельство имѣло такое огромное вліяніе на ходъ событій при Траянѣ и послѣ него, какъ несчастная ошибка этого императора во взглядѣ его на войну. Траянъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ необходимости новыхъ завоеваній для поддержанія государства, и возбужденіе въ народѣ жажды военной славы считалъ лучшимъ средствомъ возвысить уровень общественной нравственности. Траянъ съ самой ранней молодости приготовлялся быть воиномъ и полководцемъ, во время своихъ походовъ изучилъ многіе народы и страны, терпѣливо переносилъ трудности военной службы и, даже будучи императоромъ, раздѣлялъ эти трудности съ солдатами. Во время походовъ онъ не хотѣлъ садиться на лошадь, а шелъ обыкновенно пѣшкомъ вмѣстѣ съ другими. Черезъ два года по вступленіи на престолъ, онъ началъ свои завоевательныя войны въ Дакіи, лежавшей на нижнемъ Дунаѣ. О походахъ въ Нижнюю Германію Траянъ не думалъ, хотя прежде находился въ этой странѣ цѣлые десять лѣтъ въ качествѣ намѣстника и полководца. На его взглядъ, страны нижняго Дуная и Востокъ представляли большую возможность выказать предъ цѣлымъ свѣтомъ свои военные таланты. За нѣсколько десятковъ лѣтъ до того въ Молдавіи и Валахіи поселились народы ѳракійскаго племени, изъ которыхъ замѣчательнѣе всѣхъ были даки. Новые поселенцы, соединившись между собою, нерѣдко нападали на римскую Ѳракію. Во время споровъ Вителлія и Веспасіана за престолъ, войска Веспасіана, проходя въ Верхнюю Италію черезъ Ѳракію и Мизію, отразили эти племена. Полководецъ и намѣстникъ Веспасіана, Фонтей Агриппа, для обороны отъ нихъ, устроилъ даже нѣсколько укрѣпленій на нижнемъ Дунаѣ. При Домиціанѣ же народы ѳракійскаго союза, подъ предводительствомъ Децебала, снова вторгнулись въ римское государство, разрушили нѣсколько укрѣпленій, разбили почти всюду римскія войска и произвели страшныя опустошенія. Домиціанъ дважды отправлялся на Дунай, но его войска были побѣждаемы, а по своей подозрительности онъ не хотѣлъ поручить начальство надъ ними болѣе опытному полководцу, хотя въ лицѣ Агриколы, вызваннаго изъ Британіи, имѣлъ человѣка, который былъ способнѣе всякаго другаго вести подобную войну. Даки не только оставались ненаказанными, но еще расширяли свои владѣнія на счетъ римскихъ провинцій. Децебалъ предписалъ даже Домиціану условія мира, по которымъ императоръ обязался уплачивать ему ежегодно опредѣленную сумму денегъ. Домиціанъ согласился на это позорное условіе, и при всемъ томъ римскій сенатъ провозгласилъ его побѣдителемъ даковъ и призналъ достойнымъ тріумфа. Траянъ отказался платить эту дань, и когда въ отмщеніе за то даки сдѣлали новое вторженіе въ римскія области, самъ отправился на Дунай и принялъ начальство надъ войскомъ (101 г.).

Перейдя Дунай, Траянъ отмстилъ дакамъ за ихъ опустошенія такимъ же опустошеніемъ ихъ земли, разбивая толпы враговъ при каждой встрѣчѣ. На третій годъ войны предводитель варваровъ долженъ былъ смириться и принять условія, предписанныя Траяномъ. Впрочемъ, римскій императоръ, какъ при самомъ заключеніи мира, такъ и послѣ, злоупотребилъ правомъ побѣдителя. Занявъ часть дакійской территоріи, онъ помѣстилъ гарнизонъ на быстринахъ Дуная, между

Орсовою и Гладовицею, извѣстныхъ теперь подъ именемъ Желѣзныхъ воротъ, и хотѣлъ даже, какъ видно по всему, занять горы юго-западной Трансильваніи. Поступки Траяна, конечно, раздражили даковъ и ихъ царя. Децебалъ не былъ варваромъ, какъ обыкновенно бываютъ предводители полудикихъ племенъ. Вступивъ въ союзъ съ парѳянскимъ царемъ, главнымъ врагомъ римлянъ на Востокѣ, онъ привлекъ на свою сторону многихъ римскихъ солдатъ, обучившихъ его толпы римской тактикѣ, и силою или деньгами переманилъ къ себѣ изъ пограничныхъ римскихъ провинцій искусныхъ механиковъ, при содѣйствіи которыхъ устроилъ необходимыя военныя машины. По договору съ Траяномъ, Децебалъ долженъ былъ выслать изъ своихъ владѣній всѣхъ такихъ людей. Это обстоятельство подало поводъ къ войнѣ, и Траянъ воспользовался имъ тѣмъ охотнѣе, что Децебалъ старался возмутить противъ римлянъ и сосѣдніе народы. Траянъ началъ второй дакійскій походъ построеніемъ каменнаго моста чрезъ Дунай, явно показавъ этимъ свое намѣреніе перенести римскія границы на другой берегъ рѣки. Мостъ этотъ находился въ трехъ часахъ пути ниже упомянутыхъ Желѣзныхъ воротъ, при нынѣшнемъ городѣ Чернецѣ, имѣлъ двѣ тысячи шаговъ въ длину и на обоихъ концахъ былъ снабженъ окопами, для защиты отъ нападеній враговъ. Остатки Траянова моста можно видѣть и теперь при низкой водѣ. Война въ нынѣшней Валахіи, для перехода въ которую Траянъ устроилъ новый мостъ, была сопряжена съ большими трудностями. Страна была покрыта множествомъ болотъ и большихъ рѣкъ. Преобладающая въ ней глиняная почва затрудняла движеніе войскъ. Траянъ велъ войну съ большою осторожностью: пролагалъ дороги, отводилъ рѣки изъ ихъ естественныхъ руслъ и тѣснилъ дакійскаго царя отъ одного лѣса и болота до другаго. Децебалъ убѣдился наконецъ въ невозможности противиться римлянамъ и, чтобы не попасть въ руки враговъ, самъ лишилъ себя жизни. Траянъ присоединилъ покоренную страну къ имперіи и положилъ устроить тамъ какъ можно болѣе колоній, чтобы смягчить нравы варваровъ образованіемъ. Переселивъ въ необработанныя, но плодоносныя равнины Валахіи множество людей изъ всѣхъ провинцій римскаго государства, онъ основалъ тамъ города и селенія и такъ распространилъ римскую образованность, что латинскій языкъ сдѣлался въ скоромъ времени господствующимъ въ цѣлой странѣ, и даже остается имъ до сихъ поръ. Но этими мѣрами Траянъ вызвалъ постоянные набѣги дикихъ племенъ, обитавшихъ тогда въ Польшѣ и Россіи. Всего болѣе выиграли Мизія и Ѳракія, лежавшія къ югу отъ Дуная, то есть нынѣшняя Румелія, Болгарія и Сербія: учрежденіемъ римской провинціи по ту сторону Дуная, страны эти были защищены отъ нападеній варваровъ; въ нихъ появилось множество городовъ, и онѣ скоро пришли въ цвѣтущее состояніе.

Побѣда надъ даками и впечатлѣніе, произведенное ею въ римской имперіи, казалось, совершенно измѣнили характеръ государя, занимавшагося до тѣхъ поръ только государственными дѣлами. Праздники Траяна въ Римѣ, по случаю побѣдъ, и предпринятые имъ впослѣдствіи походы на Востокъ уже не отличаются тою благоразумною умѣренностью и бережливостью, какой мы вправѣ были бы ожидать отъ него по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Возвратившись въ Римъ, Траянъ, въ память своей побѣды, воздвигнулъ великолѣпныя сооруженія и устроилъ блестящіе праздники. Онъ поставилъ знаменитую Траянову колонну, существующую еще до сихъ поръ. Эта колонна имѣетъ сто десять футовъ высоты; на внѣшней сторонѣ ея были изображены походы и подвиги Траяна, а на вершинѣ находился колоссальный бюстъ его. Кромѣ множества зданій въ Римѣ, онъ построилъ тріумфальныя ворота въ Беневентѣ и другихъ мѣстахъ и провелъ чрезъ портійскія болота дорогу, совмѣщавшую съ себѣ прочность древнихъ построекъ съ усовершенствованіями временъ Траяна. Къ чести императора, надобно отнести также устройство многихъ каналовъ и мостовъ и проведеніе большой дороги отъ Чернаго моря до берега Галліи. Но праздники Траяна въ честь побѣдъ напоминали собою безумную расточительность временъ Калигулы и Домиціана и не мало способствовали развращенію нравовъ. Общественныя игры продолжались сто двадцать три дня сряду; въ нихъ участвовало не менѣе двухъ тысячъ гладіаторовъ и было умерщвлено одиннадцать тысячъ дикихъ звѣрей. Такимъ образомъ Траянъ, принадлежавшій, безспорно, къ числу лучшихъ императоровъ, доставлялъ развра-

щеннымъ жителямъ Рима болѣе неестественныхъ и грубыхъ удовольствій, чѣмъ другіе.

Восточный походъ Траяна былъ направленъ противъ парѳянъ, которые ещё со временъ Августа страдали еще отъ внутреннихъ распрей за престолъ и часто приходили во враждебныя столкновенія съ римлянами. Поводомъ къ несогласіямъ было арменское царство, на которое оба народа смотрѣли какъ на подвластную себѣ страну. Безпокойный характеръ арменцевъ и постоянныя несогласія въ арменской династіи дѣлали неизбѣжными столкновенія двухъ сосѣднихъ державъ. Изъ лицъ, участвовавшихъ въ войнѣ между римлянами и парѳянами, въ особенности прославился римскій полководецъ Домицій Корбулонъ, посланный Нерономъ въ Арменію для защиты жителей страны отъ притѣсненій ихъ собственнаго царя и отъ преобладанія парѳянъ и выгнавшій изъ Арменіи парѳянскаго принца Тиридата I, провозгласившаго себя царемъ Арменіи и покорившаго всѣ ея области. Корбулонъ прославился своими предпріятіями не только между своими соотечественниками, но и между арменцами и парѳянами. Этотъ превосходный полководецъ принадлежалъ къ числу немногихъ, которые, во время крайняго нравственнаго упадка римлянъ, умѣли сохранить въ себѣ древнюю любовь къ отечеству и простоту нравовъ. Самъ Тиридатъ удивлялся, какимъ образомъ такой человѣкъ, какъ Корбулонъ, можетъ повиноваться императору, возбуждавшему къ себѣ одно презрѣніе. Неронъ поручилъ управленіе Арменіею одному потомку Ирода, находившемуся въ то время въ Римѣ и незадолго передъ тѣмъ перешедшему въ язычество. Новый правитель не процарствовалъ и года надъ безпокойными арменцами и парѳянами. Самъ Корбулонъ посовѣтовалъ императору возвести на престолъ изгнаннаго парѳянскаго принца, если онъ согласится явиться въ Римъ и сдѣлаться римскимъ вассаломъ. Тиридатъ принялъ эти условія и получилъ во владѣніе Арменію, въ качествѣ лена римской имперіи. Во все время правленія Тиридата Арменія была спокойна; но послѣ его смерти возобновились прежнія смуты: престолъ Арменіи сдѣлался предметомъ спора между нѣсколькими претендентами, и парѳяне опять вмѣшались въ дѣла Арменіи. Въ царствованіе Траяна престолъ арменскій занималъ кліентъ парѳянъ, Экседаръ, котораго парѳянскій царь, Козрой, поддерживалъ своимъ войскомъ, расположеннымъ въ предѣлахъ страны. Траянъ не хотѣлъ признавать Экседара; но, говоря по справедливости, ему не столько хотѣлось возстановить римское вліяніе въ Арменіи, сколько пріобрѣсти славу побѣдителя парѳянъ. Отправившись съ сильнымъ войскомъ въ Азію, Траянъ былъ встрѣченъ на пути посольствомъ парѳянскаго царя. Принужденный бороться съ внутренними волненіями, парѳянскій царь сдѣлалъ самое дружеское предложеніе римскому императору, но Траянъ, единственно изъ жажды военной славы, не согласился на миръ, хотя Козрой удалилъ изъ Арменіи Экседара и поставилъ на его мѣсто парѳянскаго князя Патамазириса, соглашавшагося признать себя римскимъ вассаломъ. Траянъ безъ всякаго труда изгналъ новаго властителя Арменіи, котораго парѳяне, занятые внутренними несогласіями, оставили безъ поддержки. Онъ преобразовалъ Арменію въ римскую провинцію подчинилъ своей власти нѣсколько мелкихъ владѣтелей между Чернымъ и и Каспійскимъ морями. Впрочемъ эти владѣтели оставались въ повиновеніи только до тѣхъ поръ, пока римское войско находилось вблизи. Дальнѣйшія предпріятія Траяна во время его перваго похода на Востокъ съ точностью неизвѣстны; мы знаемъ только, что изъ Арменіи онъ отправился въ Месопотамію, завладѣлъ нѣсколькими городами на среднемъ Евфратѣ и Тигрѣ и помогъ парѳянскому царю въ борьбѣ его съ возмутившимися подданными.

Черезъ нѣсколько времени, по всей вѣроятности, въ 114 г., Траянъ выступилъ во второй походъ противъ парѳянъ. Во время этого похода, продолжавшагося три года (до 117), онъ покорилъ знаменитый греческій городъ Селевкію, на Тигрѣ (т. I стр. 464.), и парѳянскую столицу Ктесифонъ, обратилъ Ассирію въ римскую провинцію и проникъ даже въ Аравію. Здѣсь, еще за нѣсколько лѣтъ до похода Траяна, одинъ изъ его полководцевъ сдѣлалъ значительныя завоеванія, которыя впрочемъ были потеряны такъ же скоро, какъ и пріобрѣтены. Если только вѣрить сохранившимся отъ эпохи Траяна медалямъ и баснословнымъ разсказамъ, онъ замышлялъ походъ въ Индію, и для того даже построилъ флотъ. Но это

предположеніе, подобно многимъ другимъ разсказамъ въ томъ же родѣ, кажется намъ пустою лестью, отчасти основывавшейся на томъ, что Персидскій заливъ, во время Траяна, смѣшивали съ Индійскимъ океаномъ. Судя по нѣкоторымъ медалямъ Траяна, онъ далъ парѳянамъ новаго царя; но это несправедливо. Вліяніе Траяна на парѳянъ ограничилось тѣмъ, что въ Ктесифонѣ онъ провозгласилъ царемъ одного изъ многихъ претендентовъ на престолъ, что и послужило для парѳянъ достаточнымъ основаніемъ не признавать его власти.

Самому Траяну пришлось пожать плоды своей необдуманной и въ высшей степени вредной для римскаго государства страсти къ завоеваніямъ. Въ то время, какъ онъ находился на Шатъ-эль-Арабѣ, отъ него отпали всѣ народы и города, находившіеся въ его тылу, и Траянъ, хотя уже поздно, увидѣлъ, что народы Востока не такъ легко покорить и удержать въ повиновеніи, какъ даковъ. Іудеи, жившіе въ Палестинѣ и въ городахъ Сиріи, Египта и другихъ странъ, также возмутились противъ постояннаго своего гонителя. Траянъ долженъ былъ послать противъ нихъ войско, и въ то же время снова покорять Ассирію, Селевкію, Эдессу и другія возмутившіяся области. Вскорѣ онъ занемогъ отъ трудностей безуспѣшнаго похода въ Аравію, и чтобы подъ благовиднымъ предлогомъ прекратить неудачный походъ, приказалъ сенату, по ничтожному поводу, вызвать себя въ Римъ. Передавъ войско полководцу Адріану и назначивъ его намѣстникомъ Сиріи, Траянъ отправился въ Киликію, чтобы оттуда переплыть въ Италію, но умеръ еще прежде, чѣмъ ступилъ на корабль (117 г.),

9. Императоръ Адріанъ.

Преемникомъ Траяна былъ Публій Элій Гадріанъ, или Адріанъ. Испанецъ по происхожденію, Адріанъ, по всей вѣроятности, достигъ престола съ помощью Плотины, супруги своего предшественника, находившейся съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Можно сказать положительно, что Траянъ не назначалъ себѣ преемника; но вѣроятно, по происками Плотины, тотчасъ по смерти Траяна былъ обнародованъ письменный актъ, по которому Адріанъ усыновлялся Траяномъ и назначался правителемъ государства. Новый императоръ отказался отъ завоеваній Траяна на Востокѣ, но не изъ зависти къ своему предшественнику, въ чемъ упрекали его нѣкоторые, а единственно потому, что признавалъ такую уступку необходимою для государства. Онъ отказался бы и отъ Дакіи, если бы тамъ не поселились уже многіе римскіе граждане; впрочемъ Адріанъ приказалъ разрушить мостъ Траяна на Дунаѣ, облегчавшій варварамъ набѣги на цвѣтущія области Ѳракіи.

Прибывъ въ Римъ, Адріанъ добровольно отвергъ всѣ предложенныя ему отличія, выказалъ большое уваженіе сенату и объявилъ, что будетъ раздѣлять съ нимъ всѣ свои права. Личный характеръ и вся политическая дѣятельность Адріана представляли странное смѣшеніе добра и зла, разумныхъ мѣръ и безтолковыхъ причудъ, кротости и чрезмѣрной строгости. Образованность и любовь къ наукѣ соединялась въ немъ съ пустою мечтательностью, стремленіе къ истинному, основательному знанію съ покровительствомъ педантамъ. Достоинства и недостатки Адріана происходили большею частью отъ его чрезмѣрнаго тщеславія. Онъ хотѣлъ все знать, всѣмъ управлять и во всѣхъ отношеніяхъ превосходить другихъ. Въ немъ поперемѣнно являлись то слабости ученаго педанта, то недостатки разсѣяннаго сибарита. Умнымъ людямъ трудно было сблизиться съ Адріаномъ; онъ покровительствовалъ только своимъ любимцамъ и вообще посредственнымъ дарованіямъ, превозносившимъ достоинства его съ тою цѣлью, чтобъ возвыситься чрезъ него самимъ. Ученые, бывшіе или только желавшіе быть умнѣе императора, поплатились жизнью за свое дѣйствительное или воображаемое преимущество. Еще при жизни Траяна знаменитый строитель дунайскаго моста отвергъ однажды мнѣніе Адріана, относительно его постройки, прибавивъ въ насмѣшку, что Адріану лучше бы рисовать тыквы, въ которыхъ онъ знаетъ толкъ, чѣмъ браться за архитектуру, въ которой онъ ничего не смыслитъ. Этотъ же строитель, вскорѣ

по восшествіи Адріана на престолъ, позволилъ себѣ дурно отнестись объ одномъ неудачномъ планѣ Адріана, и за свою неосторожность подвергся сперва изгнанію изъ Рима, а потомъ, по приказанію Адріана, былъ лишенъ жизни. Въ самомъ началѣ царствованія Адріанъ назначилъ префектами гвардіи своего бывшаго воспитателя Таціана, отличавшагося суровымъ нравомъ, и Симилиса, человѣка благороднаго, достойнаго представителя лучшихъ временъ Рима. Распоряжаясь такимъ образомъ, императоръ имѣлъ въ виду сложить на перваго всѣ строгости, къ какимъ нужно было прибѣгать ему самому, и извлечь выгоды изъ всеобщаго уваженія къ послѣднему. Таціанъ и Симилисъ не могли пробыть и двухъ лѣтъ на своихъ мѣстахъ; они сами начали просить Адріана объ увольненіи отъ должностей,—первый потому, что всѣ убійства, производимыя по приказанію Адріана, приписывались его распоряженіямъ, а послѣдній потому, что при своемъ благородномъ образѣ мыслей не въ состояніи былъ жить при дворѣ Адріана. На третьемъ году царствованія Адріанъ приказалъ умертвить всѣхъ возбуждавшихъ въ немъ зависть своимъ вліяніемъ и заслугами.

Вскорѣ Адріанъ отправился путешествовать по провинціямъ. Вообще онъ мало жилъ въ столицѣ, проводя большую часть времени въ путешествіяхъ. При Адріанѣ, такъ же, какъ при Траянѣ, отсутствіе въ Римѣ правителя было менѣе ощутительно, чѣмъ при другихъ императорахъ. Сенатъ, члены котораго были избираемы изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ фамилій, пользовался въ это время достаточнымъ вліяніемъ, чтобы надлежащимъ образомъ управлять государствомъ. Даже отсутствіе внѣшняго блеска императорской власти не причиняло вреда благосостоянію Рима, потому что роскошь сохранялась и безъ императора. Что же касается провинцій, то частыя посѣщенія императора были для нихъ въ высшей степени благодѣтельны. Адріанъ подвергалъ строгому изслѣдованію дѣйствія войскъ и ихъ начальниковъ, заботясь преимущественно объ украшеніи лучшихъ городовъ государства. Адріанъ объѣхалъ всю имперію отъ Испаніи и Британніи до Египта и Арменіи, и прожилъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Въ особенности замѣчательно пребываніе его въ Аѳинахъ и Египтѣ; образъ жизни его въ этихъ мѣстахъ важенъ какъ для его біографіи, такъ и для исторіи его времени. Въ Аѳинахъ Адріанъ провелъ двѣ зимы, а въ Египтѣ прожилъ сряду два года. И тамъ, и здѣсь онъ нашелъ полную возможность удовлетворить своему мистическому направленію. Въ Аѳинахъ Адріанъ заставилъ посвятить себя въ элевсинскія таинства, устроилъ блестящіе праздники, щедро надѣлилъ народъ деньгами и хлѣбомъ и украсилъ городъ великолѣпными зданіями, а въ одномъ храмѣ, построенномъ по его повелѣнію, поставилъ алтарь самому себѣ. Въ столицѣ Египта Адріанъ соорудилъ и возобновилъ множество зданій, но посвятилъ большую часть времени на занятія съ учеными музея, соединявшими въ себѣ древне-египетскую жреческую мудрость съ греческою образованностью. Египетскіе ученые, извлекшіе для себя большія выгоды изъ знакомства съ Адріаномъ, имѣли самое вредное вліяніе на императора. Чѣмъ болѣе развивалась въ Адріанѣ мечтательность, тѣмъ мрачнѣе становился онъ. Притворная лесть жрецовъ, мистиковъ и педантовъ, окружавшихъ его въ Аѳинахъ, развила въ немъ суровость, нетерпимость, зависть и вражду ко всякой свободной мысли. Въ Египтѣ Адріанъ лишился своего любимца, прекраснаго юноши Антиноя, замѣчательнаго въ исторіи искусства, какъ идеалъ юношеской красоты. Антиной, по приказанію Адріана, былъ признанъ за бога и почтенъ статуями, храмами и торжественными жертвоприношеніями.

Никогда ученые не занимали такого высокаго положенія и не имѣли столь сильнаго вліянія на дворъ и государство, никогда соединеніе науки съ жизнью и общественнымъ управленіемъ не было такъ всесторонне, какъ при Адріанѣ. Поэтому правленіе Адріана, какъ будетъ объяснено впослѣдствіи, при изображеніи хода цивилизаціи римскаго общества, имѣло громадное вліяніе на образованность и литературу послѣднихъ временъ древности. Такимъ же уваженіемъ пользовались при немъ и искусства, въ особенности архитектура. Частныя лица соперничали съ императоромъ въ любви къ искусству и въ покровительствѣ наукамъ. Адріанъ воздвигнулъ множество сооруженій въ столицѣ и въ различныхъ частяхъ государства. Онъ строилъ водопроводы, мосты, библіотеки и храмы въ Римѣ,

Аѳинахъ и во всѣхъ городахъ, пользовавшихся его расположеніемъ. Аѳины были въ этомъ случаѣ счастливѣе другихъ. Даже Египетъ, въ которомъ и безъ того было уже слишкомъ много общественныхъ зданій, былъ украшенъ новыми постройками. Самою замѣчательною изъ построекъ Адріана признается его огромная гробница, или такъ называемый замокъ Адріана въ Римѣ, сохранившійся до нашего времени и извѣстный теперь подъ именемъ замка Святаго Ангела. Гробница Адріана походила скорѣе на укрѣпленіе, чѣмъ на гробницу, и дѣйствительно всегда служила цитаделью Рима. Не менѣе замѣчательна была загородная вилла Адріана въ Тиволи. Въ этомъ зданіи самымъ нагляднымъ образомъ является предъ нами характеръ тогдашняго искусства. Древняя красота и величіе переходятъ въ пышность и мелочность украшеній; служеніе прихотямъ немногихъ лицъ и принаровленіе къ личному вкусу замѣняетъ собою главную черту античнаго искусства—служеніе пользамъ цѣлаго народа и государства. Дворецъ Адріана въ Тиволи и принадлежавшіе къ нему сады были раздѣлены на множество отдѣленій, заключавшихъ въ себѣ все, что только можно было найти въ то время роскошнаго и великолѣпнаго. Каждое изъ этихъ отдѣленій имѣло свое особенное назначеніе. Представляя собою горы, долины или равнины, отдѣленія сада и дворца носили на себѣ отличительный характеръ извѣстныхъ мѣстностей, городовъ и зданій и обозначались ихъ именами. Въ саду Адріана можно было видѣть въ малыхъ размѣрахъ лицей, академію, Темпейскую долину, египетскій городъ Каноп̀ъ и вновь застроенный Адріаномъ Іерусалимъ. Въ этой великолѣпной виллѣ находилось даже изображеніе миѳологическаго подземнаго міра, подобно тому, какъ въ садахъ владѣтельныхъ особъ восемнадцатаго столѣтія выставлялись на показъ различные храмы, лабиринты и миѳологическія сцены.

Какъ ни блестящи были эти постройки Адріана, но онѣ уничтожили послѣдніе остатки изящнаго вкуса, развивъ привычку къ пустой пышности и поставивъ искусство въ зависимость отъ личности и двора императора. Построенныя на деньги гражданъ и сельскихъ жителей, онѣ доставляли пользу и удовольствіе только однимъ правителямъ и немногимъ знатнымъ фамиліямъ. Тоже самое нужно сказать и о правленіи Адріана. Онъ дѣйствовалъ гораздо самовольнѣе Траяна, хотя въ своихъ поступкахъ и отношеніяхъ ко двору старался подражать этому императору. При вступленіи на престолъ, Адріанъ объявилъ народъ верховнымъ правителемъ государства, а народное благо единственною цѣлью своихъ заботъ, и предполагалъ всегда и во всемъ поддерживать вліяніе сената; но, не смотря на то, распоряженія его были часто произвольны и суровы, законы его отзывались деспотизмомъ, и вообще администрація его дорого стоила государству. Частыя постройки Адріана, награды ученымъ и художникамъ и вмѣшательство его въ литературу и искусства измѣнили прежній характеръ науки и искусствъ. До него ученыхъ художниковъ побуждало къ дѣятельности свободное стремленіе къ творчеству, чувство патріотизма и истинная любовь къ доброму и прекрасному, а тогда они стали трудиться только для императора и его двора. Къ числу самыхъ свѣтлыхъ сторонъ правленія Адріана надобно отнести заботливость его о правосудіи. Онъ дѣятельно старался о поддержаніи правосудія и съ безпристрастною строгостью преслѣдовалъ злоупотребленія, вкравшіяся въ общественную жизнь. При окончательныхъ рѣшеніяхъ судебныхъ дѣлъ, императоръ совѣтовался съ опытными законовѣдами, тогда какъ прежде, при выборѣ императорскихъ совѣтниковъ, обращалось вниманіе не на знаніе законовъ, а только на знатность рода. Важнѣйшею юридическою реформою Адріана было изданіе такъ называемаго постояннаго эдикта (edictum perpetuum). Это былъ ничто иное, какъ сборникъ эдиктовъ, ежегодно издававшихся преторами въ эпоху республики и заключавшихъ въ себѣ правила, которыми судьи должны были руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ. Сборникъ Адріана, составленный (т. I. стр. 59) Сальвіемъ Юліаномъ, первымъ юристомъ своего времени, и тогда же принятый въ руководство при рѣшеніи дѣлъ, былъ древнѣйшимъ кодексомъ римскихъ законовъ и внесъ въ судебное дѣлопроизводство равноправность и опредѣленность.

Во внѣшней политикѣ Адріанъ былъ очень умѣренъ и благоразуменъ, не искалъ военной славы и не заботился о расширеніи предѣловъ имперіи. Тѣмъ

не менѣе онъ не оставлялъ безъ вниманія суровыхъ народовъ Сѣвера и Востока, сбиравшихся на границахъ и съ жадностью смотрѣвшихъ на цвѣтущія провинціи римскаго государства. Адріанъ принялъ всѣ мѣры для обороны границъ, и его войска счастливо отражали нападенія окрестныхъ племенъ. Въ 120 г. онъ самъ отправился противъ роксолановъ и другихъ сарматскихъ племенъ, опустошавшихъ имперію, и отбросилъ ихъ обратно въ ихъ горы и степи. Всѣ другія нападенія были отбиты его полководцами. Даже и въ отношеніи Британніи, Адріанъ остался вѣренъ своимъ военнымъ и политическимъ воззрѣніямъ. Убѣдившись въ трудности содержать войска въ необработанной и гористой Средней Шотландіи, онъ вызвалъ ихъ изъ пограничныхъ укрѣпленій Агриколы, уступивъ скотамъ и каледонцамъ всю страну отъ рѣки Эдена въ Комберлендѣ и Тэйна въ Нортумберлендѣ и ограничился только устройствомъ новаго пограничнаго вала между устьями этихъ рѣкъ.

Такимъ образомъ Адріанъ своею умѣренностью и благоразуміемъ счастливо устранилъ опасности, грозившія границамъ государства; но за то его стремленіе увѣковѣчить свое имя основаніемъ городовъ было причиною опасной войны внутри государства. Попытка Адріана превратить Іерусалимъ въ римскую колонію вызвала опасное возстаніе іудеевъ. При Траянѣ іуден, подобно христіанамъ, которыхъ язычники принимали за іудейскую секту, подвергались сильнымъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ почти во всѣхъ частяхъ государства. Гоненія на іудеевъ были причиною многихъ возмущеній, усилившихся еще вслѣдствіе строгихъ мѣръ Траяна для усмиренія ихъ. Въ Палестинѣ, гдѣ іуден снова поселились въ значительномъ числѣ, происходили постоянныя возстанія. Адріанъ обходился съ іудеями кротко, и потому при немъ долгое время не было никакихъ безпокойствъ. Но въ концѣ своего царствованія Адріанъ послалъ въ Іерусалимъ римскихъ поселенцевъ, построилъ, вблизи разрушеннаго святилища іудеевъ, храмъ Юпитера Капитолійскаго и далъ городу новое названіе Эліи Капитолины (133). Жители Іерусалима стали сопротивляться этому намѣренію, но, бывъ побѣждены, покорились распоряженіямъ Адріана. Святыня іудеевъ была осквернена языческимъ богослуженіемъ, столица ихъ населена язычниками и лишена древняго священнаго имени. Такое насиліе ожесточило іудеевъ. Они собрались со всѣхъ сторонъ въ Палестину и примкнули къ одному фанатику, по имени Баркохеба или Баръ-Хозба, который выдавалъ себя за Мессію и былъ признанъ знаменитѣйшими изъ тогдашнихъ раввиновъ. Баркохеба призвалъ своихъ соотечественниковъ на страшную борьбу съ римлянами. Евреи сражались съ такимъ же ожесточеніемъ, какъ во время перваго покоренія ихъ римлянами, а враги ихъ опустошали страну такъ же, какъ при Веспасіанѣ и Титѣ. Наконецъ Адріанъ былъ принужденъ, для окончанія войны, вызвать изъ Британніи Юлія Севера, лучшаго изъ всѣхъ полководцевъ, не внушавшихъ зависти императору. Только на третій годъ, и цѣною страшныхъ усилій, удалось Северу усмирить возмутившихся (135). Число іудеевъ, погибшихъ во время этой войны, простиралось до девяти сотъ тысячъ человѣкъ; кромѣ того множество погибло отъ голода, огня и болѣзней. Палестина была совершенно опустошена: римскія войска разрушили пятьдесятъ сильно укрѣпленныхъ городовъ и девять сотъ восемьдесятъ пять селеній. Іерусалимъ подвергся вторичному разрушенію. Адріанъ возобновилъ городъ, но подъ смертною казнью запретилъ іудеямъ селиться въ немъ. Новый городъ получилъ названіе Эліи Капитолины, указывавшее и на родъ Адріана, и на совершавшееся въ немъ языческое богослуженіе; впрочемъ, не смотря на то, старое названіе осталось въ общемъ употребленіи.

Впавъ въ концѣ царствованія въ неисцѣлимую болѣзнь, Адріанъ рѣшился избрать себѣ преемника; но при выборѣ имъ руководила единственно его личная привязанность. Къ счастью для имперіи, избранный Адріаномъ Луцій Коммодъ Веръ умеръ еще при жизни Адріана. Другой выборъ Адріана былъ удачнѣе: новый наслѣдникъ, Аррій Антонинъ, обладалъ большими правительственными способностями. Впрочемъ Адріанъ избралъ его только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ съ своей стороны призналъ своими преемниками сына Луція Коммода Вера, носившаго имя своего отца, и другаго любимца императора, Марка Аврелія, людей совершенно различныхъ характеровъ. Больной Адріанъ со дня на день становился брюзгливѣе и грубѣе въ обращеніи и этимъ возбудилъ

къ себѣ такую ненависть, что по смерти его (138) сенатъ хотѣлъ признать недѣйствительными всѣ его распоряженія и отказать ему въ причисленіи къ богамъ,— почести, воздававшейся всѣмъ умершимъ императорамъ со временъ Августа. Впрочемъ сенатъ исполнилъ только первое свое предположеніе, отказавшись отъ послѣдняго по настоятельнымъ просьбамъ Антонина, получившаго по этому случаю, за свою сыновнюю любовь, прозвище благочестиваго.

10. Взглядъ на общественную жизнь и государственное устройство Рима при первыхъ императорахъ.

Состояніе римскаго государства въ послѣдніе годы республики представляетъ намъ двѣ совершенно различныя стороны. Съ одной — намъ бросается въ глаза нравственное развращеніе націи, постоянно усиливавшееся и доходившее до такихъ размѣровъ, что даже лучшіе правители не могли противиться разрушительному вліянію времени. Съ другой стороны насъ пріятно поражаетъ въ римскомъ государствѣ быстрое распространеніе цивилизаціи, вносившей элементы лучшей жизни даже въ совершенно варварскія страны, какими были Франція, Валахія и Испанія, и проникавшей на сѣверѣ до подошвы горной возвышенности Шотландіи. Внутреннее спокойствіе, почти непрерывавшееся при первыхъ императорахъ, привело торговлю и промышленность въ такое цвѣтущее состояніе, какое было неизвѣстно во всякую другую эпоху древности. Римляне того времени сдѣлали весьма многое для матеріальныхъ удобствъ жизни. Само правительство заботилось объ устройствѣ полиціи и улучшеніи судопроизводства во всѣхъ частяхъ имперіи, проведеніи каналовъ, большихъ дорогъ, почтъ, больницъ, заведеній для воспитанія юношества и для пособія нуждающимся. Какъ видно изъ открытій въ Геркуланумѣ и Помпеѣ, комфортъ въ постройкѣ домовъ, костюмахъ и вообще во внѣшней обстановкѣ былъ доведенъ тогда до такой высокой степени, что въ этомъ отношеніи даже современные европейцы едва ли опередили древнихъ, а въ нѣкоторомъ даже положительно отстали отъ нихъ. Поэтому, если обращать вниманіе только на внѣшнюю сторону жизни, то не трудно принять періодъ, слѣдовавшій за паденіемъ республики, за лучшую эпоху римской исторіи. Дѣйствительно, были историки, считавшіе первыя полтораста лѣтъ имперіи самою счастливою эпохою въ жизни человѣчества и превозносившіе то время не менѣе настоящаго. Но не такъ будетъ разсуждать тотъ, кто ставитъ нравственныя и умственныя цѣли человѣка выше всѣхъ удобствъ и изящества внѣшней, чувственной жизни; кто изъ человѣческихъ дѣйствій уважаетъ только тѣ, которыя запечатлѣны характеромъ самостоятельности и силы; кто, дѣлая приговоръ надъ нашимъ поколѣніемъ, не смущается внѣшними условіями, опутывающими на каждомъ шагу цивилизованнаго человѣка, а беретъ во вниманіе его нравственную силу и независимость духа. Онъ, безъ сомнѣнія, назоветъ первые полтораста лѣтъ римской имперіи самою печальною эпохою исторіи. Многіе римскіе историки и сатирики смотрѣли на тогдашнее состояніе міра съ этой именно точки зрѣнія и изображали его въ самыхъ темныхъ чертахъ. Недовольные своими современниками, они хотѣли успокоить себя представленіемъ прежнихъ лучшихъ временъ, но, принимая старину за единственный идеалъ, исказили картину своего времени, обрисовавъ многія стороны тогдашней жизни слишкомъ мрачными красками. Ихъ примѣръ служитъ доказательствомъ, какъ много зависитъ оцѣнка человѣческихъ дѣйствій отъ характера и точки зрѣнія цѣнителя, и какъ трудно произнести приговоръ о превосходствѣ одного времени предъ другимъ.

Разсматривая въ связи обѣ эти стороны римской жизни при первыхъ императорахъ, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что государствамъ, какъ и отдѣльнымъ людямъ, назначенъ опредѣленный срокъ существованія, по истеченіи котораго наступаетъ для нихъ періодъ ослабленія и упадка. Правильный образъ жизни и врачебныя пособія могутъ, конечно, на нѣкоторое время продолжить жизнь старика, но не въ состояніи возвратить ему потерянной бодрости и крѣпости силъ. Въ продолженіе этого періода во главѣ римскаго государства было много людей умныхъ, энергическихъ, желавшихъ добра своему отечеству, окру-

женныхъ притомъ отличными законовѣдами, искусными полководцами и умными администраторами, и имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи храброе и хорошо устроенное войско. Даже дурные императоры вредили болѣе столицѣ и ея окрестностямъ, чѣмъ всему государству. Но немного нужно проницательности, чтобы видѣть, какъ падало общество, какъ мало по малу исчезалъ весь блескъ древняго величія. Распространеніе цивилизаціи, развитіе искусствъ, промышленности, торговли и всего, удовлетворяющаго матеріальнымъ потребностямъ жизни, даже обновленіе нравственности ослабѣвшаго міра новою религіею не въ состояніи было поддержать умиравшее римское общество, когда древнія естественныя силы его ослабѣли, а мелкій эгоизмъ и рабская подлость заняли мѣсто любви къ отечеству и гражданскаго духа. Сдѣлавшись тѣломъ безъ души, римскій народъ не могъ уже возродиться изъ самого себя, безъ посторонняго вліянія.

При взглядѣ на римское общество временъ первыхъ императоровъ, прежде всего бросается въ глаза странное смѣшеніе республиканскихъ началъ и учрежденій съ деспотическимъ правленіемъ и придворными обычаями. Эта черта придаетъ всему тому времени особый оттѣнокъ, отличающій его отъ другихъ историческихъ эпохъ. По формѣ, правленіе оставалось республиканскимъ; провинціи не лишились своихъ привилегій, но въ сущности всѣмъ управлялъ произволъ одного лица, неограниченный никакими законами и учрежденіями. Отъ личнаго деспотизма правителя и окружавшихъ его зависѣло увеличеніе или уменьшеніе значенія республиканскихъ учрежденій. Государство находилось то въ состояніи близкомъ къ древней республиканской свободѣ, то подчинялось самому дикому и беззаконному произволу, и умѣренная монархія смѣнялась грубою деспотіею. Учрежденія, обусловливаемыя этими формами правленія, часто противорѣчили самимъ себѣ и духу господствовавшаго въ извѣстное время правительства. Для государства и гражданъ такое колебаніе было даже опаснѣе чѣмъ постоянная тиранія. Потерявъ способность развиваться сообразно съ измѣненіемъ общественныхъ отношеній, государство превратилось въ пустую формулу. Законы не доставляли защиты отдѣльнымъ лицамъ и не служили поддержкой правителямъ. Все, даже судопроизводство, зависѣло отъ личности правителя. Постоянное усиленіе безнравственности дѣлало все болѣе и болѣе необходимымъ полицейское и военное управленіе. Такимъ образомъ правительство клонилось къ монархіи и деспотизму, хотя республиканскія формы и должности продолжали еще существовать въ государствѣ.

То же самое отражалось и на нравахъ, въ которыхъ мы видимъ смѣсь и постоянную взаимную смѣну республиканскихъ и монархическихъ началъ. Впрочемъ, жизнь того времени мало по-малу принимала восточный колоритъ. Калигула, Клавдій и Неронъ первые ввели при дворѣ восточный этикетъ. Веспасіанъ и Титъ возстановили древнюю простоту. Правленіе Домиціана было повтореніемъ правленія Нерона; но ближайшіе его преемники снова пошли по стезѣ Веспасіана и Тита. Нерва, Траянъ, Адріанъ, Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій возвратили бы Римъ къ простотѣ жизни древнихъ, если бы стремленія ихъ были осуществимы. Духъ времени и вообще весь характеръ жизни совершенно измѣнились; и это измѣненіе отразилось прежде всего на взаимныхъ отношеніяхъ сословій. Богатый и сильный пересталъ считать бѣднаго и слабаго равноправнымъ себѣ гражданиномъ: непроходимая пропасть раздѣляла ихъ. Вмѣсто патроновъ и кліентовъ республиканскаго времени явились господа и рабы, владѣтели и подданные. Кліентъ и патронъ, составлявшіе прежде одну семью, какъ это видно изъ примѣра Катона Старшаго (т. I. стр. 687), стали теперь въ такія же отношенія, какія существуютъ между вельможей и мѣщаниномъ. Поэты первыхъ временъ имперіи не стыдились давать покровителямъ искусства имя царей. Сословіе всадниковъ утратило всякое значеніе и сдѣлалось пустымъ именемъ и титуломъ. Словомъ, среднее сословіе окончательно пало, потеряло свою силу и значеніе и страдало отъ грубаго насилія высшихъ классовъ.

Исчезновеніе изъ жизни всякихъ благородныхъ побужденій и исключительное погруженіе въ мучительныя заботы о мелочахъ обыденной жизни составляютъ вторую характеристическую черту изображаемой нами эпохи. Вмѣстѣ съ республиканскою простотою и естественностью исчезла и отличавшая древнихъ грековъ и римлянъ непринужденность жизни. Чтобы имѣть значеніе въ обще-

ствѣ, необходимо было сообразоваться съ модою и великосвѣтскими обычаями. При Тиберіи различныя сословія не думали еще отличать себя одеждою, обстановкою и образомъ жизни; но вскорѣ послѣ него мелочныя отличія, служащія у насъ признаками разныхъ званій и сословій, начали отдѣлять одного римлянина отъ другаго. Тонкія драгоцѣнныя одежды, мебель изъ рѣдкихъ деревъ и дорогой работы сдѣлались отличіемъ и одною изъ главныхъ потребностей всякаго вельможи; такъ что человѣкъ, неимѣвшій изящной домашней обстановки и богатой одежды, не считался принадлежащимъ къ высшему обществу. Философъ Сенека, современникъ Клавдія и Нерона, говоритъ объ этомъ слѣдующее: «У насъ никто не можетъ жить прилично, не владѣя множествомъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, не имѣя домашней утвари изъ матеріаловъ, сдѣлавшихся драгоцѣнными, въ слѣдствіе прихоти нѣсколькихъ людей, и не располагая множествомъ рабовъ, для помѣщенія которыхъ недостаточно огромныхъ дворцовъ.»

Пышность, роскошь и расточительность, замѣтныя и въ послѣднее время республики, дошли при императорахъ до крайнихъ предѣловъ, благодаря сословнымъ предразсудкамъ и тому, что чувственныя наслажденія сдѣлались самымъ важнымъ элементомъ жизни. Дорогіе ковры и матеріи стали необходимостью. Въ каждомъ значительномъ домѣ находилось нѣсколько косметовъ или парикмахеровъ, на которыхъ лежала обязанность одѣвать по модѣ своихъ господъ, сглаживать на лицѣ морщины, поддѣлывать фальшивые зубы и подкрашивать брови. Роскошь въ устройствѣ и украшеніи дворцовъ, загородныхъ виллъ и бань, многочисленность и разнообразіе слугъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Изъ находящагося у Петронія (стр. 102) описанія дома одного изъ его друзей видно, что жилища тогдашнихъ аристократовъ отличались царскимъ великолѣпіемъ и удовлетворяли всѣмъ прихотямъ, какія только могла придумать фантазія испорченныхъ развратниковъ. Серебряныя изваянія домашнихъ боговъ и цѣлый рядъ картинъ украшали входъ. Въ слѣдующихъ комнатахъ помѣщалась цѣлая канцелярія рабовъ, завѣдывавшихъ домашнимъ хозяйствомъ и счетною частью. Пріемныя комнаты были наполнены невольниками, обучившимися въ Александріи лакейскому искусству. Въ столовыхъ, жилыхъ комнатахъ и другихъ частяхъ дома были соблюдены всѣ условія комфорта. Слуги дома были хорошими пѣвцами, а во время подаванія и перемѣны кушаньевъ играла музыка и пѣлись пѣсни. Роскошь въ пищѣ и питьѣ доходила до крайности. Богачи употребляли всѣ средства, чтобы разнообразить свои кушанья, и не жалѣли огромныхъ суммъ для приготовленія самыхъ утонченныхъ и рѣдкихъ блюдъ. При Августѣ, Маркъ Апицій пріобрѣлъ себѣ всемірную извѣстность единственно своимъ гастрономическимъ вкусомъ, такъ что его имя стало нарицательнымъ для всякаго обжоры. Приличіе не позволяетъ говорить о другихъ видахъ чувственныхъ наслажденій того времени. Роскошь и любовь къ пышности преимущественно были сильны въ промежутокъ времени отъ Тиберія до Нерона, когда безнравственность, поощряемая высшими классами, какъ нѣкогда во Франціи, во времена регентства, быстро развивалась въ народѣ. Въ особенности усилился развратъ при Калигулѣ, Клавдіи и Неронѣ. По смерти Нерона, вмѣстѣ съ установленіемъ правильной монархіи, зло начало уменьшаться. Знатныя фамиліи разстроили роскошью свое состояніе, а кромѣ того на всѣхъ благодѣтельно подѣйствовалъ примѣръ Веспасіана и жителей провинцій, принятыхъ въ сенатъ. Веспасіанъ имѣлъ громадное вліяніе на гражданъ своимъ простымъ образомъ жизни, а провинціальные сенаторы перенесли съ собою въ столицу бережливость, отличавшую ихъ на родинѣ. Несмотря на все это, по самому духу времени и тогдашняго общества нельзя было и думать о возвращеніи къ древнимъ нравамъ, тѣмъ болѣе, что расточительность и развратъ составляютъ неизбѣжное зло въ богатыхъ и многолюдныхъ городахъ.

Всеобщему распространенію безнравственности въ особенности содѣйствовалъ примѣръ двора и общественныя игры. Безстыдный развратъ большинства императоровъ и ихъ дворовъ уже извѣстенъ намъ; но объ общественныхъ играхъ и ихъ вліяніи на нравственность мы должны сказать еще нѣсколько словъ. Кровопролитные бои гладіаторовъ, бывшіе еще въ республиканскую эпоху главною причиною грубости нравовъ низшихъ классовъ, со временъ императоровъ вошли во всеобщее употребленіе, такъ что даже лучшіе правители государства были принуждены удовлетворять постоянно возрастающей жаждѣ народа къ этимъ зрѣли-

щамъ. Расположеніе народа къ безчеловѣчнымъ удовольствіямъ было такъ велико, что зрители, въ числѣ которыхъ находились даже знатныя женщины, еще ночью наполняли амфитеатръ, назначенный на слѣдующій день для игръ. Однажды, въ царствованіе Калигулы, около амфитеатра было задушено въ давкѣ двадцать всадниковъ и столько же велико-свѣтскихъ женщинъ, не говоря о множествѣ лицъ изъ низшихъ классовъ. Гибельное вліяніе гладіаторскихъ игръ и травли звѣрей на нравственность, науку и искусство увеличилось еще болѣе, когда къ этимъ удовольствіямъ были присоединены сценическія представленія, извѣстныя подъ именемъ мимъ или пантомимъ, и танцы и пѣнье, а въ особенности, когда римляне, не довольствуясь своимъ національнымъ искусствомъ, перенесли въ столицу грубыя пѣсни и танцы Востока, Испаніи и другихъ странъ. По единогласному свидѣтельству всѣхъ лучшихъ писателей и государственныхъ людей, отъ Августа до Адріана, ничто такъ не способствовало упадку римскаго общества, какъ публичныя игры, проникшія мало по малу изъ столицы и въ болѣе многолюдные города провинцій.

Кромѣ гибельнаго вліянія на нравственность, общественныя игры имѣли еще самое вредное дѣйствіе на финансовое благостояніе имперіи, поглощая громадныя суммы изъ государственной казны. Если къ издержкамъ на игры присоединить расходы на содержаніе войска, на устройство новыхъ мостовъ, большихъ дорогъ, на великолѣпныя общественныя сооруженія, то не трудно понять, какъ дорого стоило управленіе государствомъ, и какъ тяжело было положеніе провинцій, платившихъ тогда, какъ и въ наше время, за блескъ столицы. Увеличеніе общественныхъ расходовъ требовало увеличенія налоговъ и податей, даже и тогда, когда государство не страдало отъ расточительности императоровъ, въ родѣ Калигулы, Нерона и Домиціана. Учрежденіе библіотекъ и другихъ подобныхъ заведеній, представлявшее лучшую сторону той эпохи, въ свою очередь было причиною увеличенія налоговъ. Подати становились все разнообразнѣе и значительнѣе, и хотя нѣкоторые благоразумные императоры отмѣняли на время тѣ или другія изъ нихъ, но эти мѣры нисколько не помогали, или оказывали очень мало помощи имперіи. Правители государства, для пріобрѣтенія нужныхъ денегъ, не могли не прибѣгать къ насиліямъ, когда сами граждане перестали смотрѣть на общественныя дѣла, какъ на свои собственныя. Веспасіана упрекаютъ въ чрезмѣрной скупости за то, что при своемъ восшествіи на престолъ онъ прямо объявилъ въ сенатѣ, что для поддержки государства нужно на первый разъ не менѣе сорока семи милліоновъ рублей.

Къ числу свѣтлыхъ сторонъ императорской эпохи принадлежитъ, безспорно, повсемѣстное распространеніе образованности. Цивилизація быстро раздвигала свои предѣлы, водворяя римскіе нравы и бытъ даже между грубыми народами, какъ бритты, галлы и испанцы. Просвѣщеніе, со всѣми улучшеніями внѣшней жизни человѣка, сосредоточивавшееся прежде только въ нѣсколькихъ городахъ и немногихъ кружкахъ избраннаго общества, становилось мало по малу общественнымъ достояніемъ. Различныя части государства уравнивались между собою, уменьшая вмѣстѣ съ тѣмъ преобладаніе Рима и Италіи. Къ концу перваго періода римляне уже равнодушно смотрѣли на то, что три императора сряду были провинціалами по происхожденію. Другое свѣтлое, хотя и дорого обходившееся имперіи, явленіе представляетъ собою учрежденіе библіотекъ и благотворительныхъ заведеній и назначеніе жалованья чиновникамъ и ученымъ. Эти учрежденія, обязанныя своимъ происхожденіемъ монархическимъ началамъ, заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія тѣмъ болѣе, что они были совершенно чужды классической древности, а со временъ Веспасіана составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Служба государству за жалованье была неизвѣстна въ древности. Всѣ занимавшіеся общественными дѣлами получали отъ правительства временныя награды и денежныя пособія, но постоянныхъ средствъ для жизни должны были искать въ частныхъ занятіяхъ. Съ царствованія Веспасіана чиновники стали получать опредѣленное жалованье, точно также, какъ въ настоящее время, и потому стали въ полную зависимость отъ императоровъ и двора и отъ состоянія государственной кассы. То же самое произошло и съ наукою. Общественнымъ учителямъ было дано опредѣленное содержаніе, ученикамъ назначены стипендіи, и нѣкоторыми императорами,

богатыми гражданами и городами сдѣланы большіе денежные вклады въ пользу учебныхъ заведеній. Даже элементарныя школы получали денежное вспомоществованіе отъ правительства, и образованіе перестало быть частнымъ дѣломъ отдѣльныхъ лицъ. Переходъ школъ изъ частныхъ рукъ въ руки правительства былъ, конечно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезенъ и даже необходимъ въ монархическомъ государствѣ; но за то онъ далъ учителямъ, также какъ чиновникамъ, поводъ смотрѣть на свои мѣста, какъ на единственное средство пропитанія: обстоятельство, чрезвычайно замедляющее ходъ образованія въ нашихъ школахъ и неизвѣстное въ древности.

Облегченіе участи бѣднаго класса, еще прежде чѣмъ оно было возведено христіанствомъ на степень религіозной обязанности, составляло предметъ заботъ многихъ лучшихъ императоровъ и частныхъ лицъ, желавшихъ увѣковѣчить свое имя не одними играми и боями. Въ древности государство и частныя лица не обращали вниманія на бѣдныхъ, но крайней мѣрѣ заботы ихъ никогда не выражались въ устройствѣ постоянныхъ заведеній для призрѣнія неимущихъ. Впослѣдствіи увеличеніе массы бѣдняковъ заставило правительство позаботиться объ ихъ судьбѣ; но эти попеченія ограничивались выселеніемъ части ихъ на государственный счетъ въ особыя колоніи. Въ послѣднее время республики установился вредный обычай снабжать бѣдныхъ пищею на общественный счетъ, а при Августѣ не менѣе двухъ сотъ тысячъ жителей столицы аккуратно получали отъ правительства необходимые жизненные припасы. Августъ сознавалъ весь вредъ этого обыкновенія, доставлявшаго тысячамъ праздныхъ гражданъ возможность существовать на счетъ трудолюбивыхъ, но не рѣшался уничтожить его, опасаясь потерять популярность и поколебать свою власть. Жестокій пасынокъ и преемникъ его былъ въ состояніи, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны римлянъ, ввести самую необузданную тиранію, попирать всякое право и долгъ, презирать всѣ требованія гуманности и добродѣтели; но когда онъ рѣшился изъ скупости прекратить раздачу хлѣба, народъ пришелъ въ страшное волненіе и нѣсколько дней сряду громко и неистово требовалъ въ театрѣ обычнаго подаянія. Раздача хлѣба въ Римѣ сдѣлалась такою же общественною необходимостью, какъ и зрѣлища, и выраженіе: panis et circenses (хлѣба и зрѣлищъ) вошло въ пословицу для обозначенія главныхъ потребностей римскаго народа. Траянъ, по своему человѣколюбію, назначилъ изъ государственныхъ доходовъ значительную сумму для воспитанія пяти тысячъ бѣдныхъ дѣтей: нововведеніе, имѣвшее такія же печальныя послѣдствія, какъ и новѣйшіе англійскіе законы о пролетаріатѣ. Примѣру императора послѣдовали многія частныя лица. Писатель Плиній Младшій, другъ Траяна, устроилъ подобное же заведеніе въ своемъ родномъ городѣ Комо, опредѣливъ на содержаніе его доходы съ одного изъ своихъ помѣстій. Такимъ образомъ, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ, содѣйствію императора и пособіямъ нѣкоторыхъ городовъ, въ различныхъ мѣстахъ Италіи явились благотворительныя заведенія, подобныя нашимъ. Адріанъ расширилъ основанное Траяномъ заведеніе для призрѣнія бѣдныхъ дѣтей, а преемникъ Адріана распространилъ его еще болѣе. Вредъ этихъ новыхъ учрежденій очевиденъ. Граждане привыкли возлагать на государство и общество заботу о своихъ частныхъ дѣлахъ, что въ особенности было гибельно при тогдашнихъ войнахъ, вторженіяхъ варваровъ и повсемѣстномъ распространеніи пауперизма: одинъ ударъ останавливалъ дѣйствіе всего государственнаго механизма. Кромѣ того много благотворительныхъ заведеній устроено насчетъ государства, принужденнаго каждый годъ платить громадныя суммы для содержанія благотворительныхъ заведеній, школъ, музеевъ и библіотекъ; даже чрезмѣрное увеличеніе налоговъ не могло пополнить убыли въ финансахъ.

Эпоха первыхъ императоровъ была благопріятна для промышлености, торговли и земледѣлія. Повсемѣстное увеличеніе роскоши дало новый толчекъ изобрѣтательности и пробудило торговую дѣятельность. Расточительность развратныхъ императоровъ — Нерона, Домиціана и другихъ, также способствовала развитію торговли. Подробное описаніе успѣховъ римской торговли, улучшеній въ винодѣліи, скотоводствѣ и вообще въ сельскомъ хозяйствѣ, преобразованій въ ремесленной техникѣ, производствѣ стекла, бумаги и домашней утвари было бы здѣсь неумѣстно; но тѣмъ не менѣе необходимо сдѣлать нѣсколько отдѣльныхъ замѣ-

чаній о торговлѣ книгами и памятниками искусства, отразившей въ себѣ духъ и направленіе времени. Литературныя занятія сдѣлались въ то время общественною потребностью, а библіотеки — необходимою принадлежностью всякаго порядочнаго дома. Поэтому книжная торговля, вмѣстѣ съ выдѣлкою бумаги, развилась болѣе другихъ промысловъ. Еще при Августѣ списываніе книгъ невольниками обратилось въ Римѣ въ особый родъ промышленности, а со временъ Веспасіана этотъ способъ распространенія литературныхъ произведеній, составлявшій главное основаніе книжной торговли, появился и въ провинціяхъ. Въ особенности процвѣтала книжная торговля въ Галліи. Въ Ліонѣ, Отенѣ и другихъ городахъ Галліи общество съ ревностью занялось римскою наукою, и въ Марсели было основано заведеніе для обученія греческой литературѣ и искусству, предпочитавшееся знатными римлянами даже аѳинскимъ школамъ. Постоянно возраставшая страсть къ чтенію и устройству библіотекъ была причиною того, что на литературные труды стали смотрѣть, какъ на особую промышленность. Гонорарій возвысился, и даже лучшіе писатели не стыдились открыто требовать громадныхъ суммъ за свои произведенія. Еще сильнѣе была въ римскомъ обществѣ страсть къ искусству. Мода сдѣлала произведенія искусства такою же необходимою принадлежностью всякаго порядочнаго дома, какъ и обыкновенная домашняя утварь. Это усилило дѣятельность множества художниковъ, способствовало развитію промышленнаго значенія искусства, и не осталось безъ вліянія даже на наше время. Лучшіе антики, найденные въ Италіи и служащіе образцами нашимъ художникамъ, явились или перенесены изъ Греціи во время первыхъ императоровъ. Но вѣкъ корыстолюбія, разврата и роскоши не могъ быть благопріятнымъ временемъ для искусства и истинной науки; и хотя въ это время явилось не мало геніальныхъ произведеній, въ состояніи науки и искусства замѣтенъ уже переходъ къ позднѣйшему безвкусію. Такъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ искусства тогдашніе римляне стали цѣнить болѣе всего матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, и потому предпочитали золотыя и серебрянныя статуи бронзовымъ. Замѣтны также старанія возбудить удивленіе громадностью размѣровъ. Такъ колоссальная статуя Меркурія, отлитая при Неронѣ жителями теперешняго Оверня, была такъ громадна, что работы надъ нею производились не менѣе десяти лѣтъ и потребовали около двухъ милліоновъ рублей, кромѣ издержекъ на матеріалъ. Впрочемъ, и не зная направленія тогдашняго искусства, объ упадкѣ его можно было бы заключить изъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о состояніи общественной жизни той эпохи: искусство никогда не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ оно сдѣлалось предметомъ моды и промышленности, и гдѣ истинное пониманіе его и требованія моды расходятся между собою.

Постройки того времени, въ особенности великолѣпныя загородныя виллы, служатъ новымъ доказательствомъ, что роскошь враждебна истинному искусству. Съ какою пышностью строились загородные дома, можно видѣть изъ описанія виллы Адріана. Между знатными римлянами вошло въ обычай собирать въ своихъ виллахъ какъ можно болѣе произведеній искусства, отъ чего на эти произведенія стали смотрѣть только какъ на рѣдкія вещи или домашнія украшенія. Не смотря на всю громадность и пышность построекъ императоровъ и вельможъ, искусство теряло характеръ благородства, изящества и простоты. Даже рабочіе и промышленные классы, для которыхъ, повидимому, всего полезнѣе были громадныя сооруженія, мало выигрывали отъ нихъ. Общественныя предпріятія могутъ быть полезны только въ томъ случаѣ, когда они обусловливаются дѣйствительными потребностями націи и свободнымъ творчествомъ. Сколько бы правительства ни пытались создать блестящіе памятники искусства, улучшить ту или другую отрасль промышленности, устроить то или другое полезное заведеніе, — всѣ эти предпріятія, вызванныя не настоятельными нуждами общества, а произволомъ лицъ, стоящихъ во главѣ его, могутъ держаться только до тѣхъ поръ, пока ихъ поддерживаетъ учредитель; являются другіе правители, не сочувствующіе намѣреніямъ предшественниковъ,—и предпріятія падаютъ, оставляя только одни слѣды напрасныхъ усилій. Тѣ же самые общественные недостатки, отъ которыхъ въ наше время страдаетъ Востокъ, тяготили во время императоровъ и римскую имперію, въ особенности же Италію. Внѣшній комфортъ, единственное свѣтлое явленіе среди печальныхъ сценъ упадка общественной нравственности и государственныхъ силъ, не проникалъ въ массу народа, и потому не могъ оказывать на низшіе классы цивилизующаго вліянія.

11. Литература и образованность отъ Августа до Адріана.

1. Литературный вѣкъ Августа.

Царствованіе императора Августа имѣетъ большое сходство съ правленіемъ Людовика XIV: и то, и другое были цвѣтущимъ временемъ литературы. Римскій императоръ и французскій король относились почти одинаково къ духовной жизни своихъ націй; и римская литература, благодаря покровительству Августа, получила тотъ же характеръ, какъ и французская подъ вліяніемъ Людовика XIV. Самъ Августъ интересовался наукою и искусствомъ столь же мало, какъ и Людовикъ XIV, и оказывалъ покровительство поэтамъ и ученымъ единственно изъ тщеславія и политическихъ видовъ. Но за то при немъ литература сдѣлалась главною потребностью утонченной жизни его приближенныхъ: Мецената, Мессалы, Азинія Полліона, и вообще всего высшаго класса римлянъ. Эта любовь римскаго общества къ литературѣ вообще подѣйствовала благодѣтельно на ея развитіе, и потому правитель, поощрявшій эту любовь, заслуживаетъ такого же уваженія потомства, какъ и Людовикъ XIV за свое покровительство, французской наукѣ, поэзіи и искусству. Вслѣдствіе этого покровительства, римская литература достигла полнаго совершенства относительно формы и научнаго знанія; но въ то же время лишилась своего внутренняго содержанія и другихъ болѣе важныхъ свойствъ всякой истинной литературы и быстро свернула на ложный путь, проложенный Цицерономъ. Уже въ правленіе Тиберія въ ней замѣтны всѣ признаки полнаго упадка. Люди образованные, посвятившіе себя наукѣ, подобно своимъ александрійскимъ предшественникамъ, обращали вниманіе только на одну форму и школьную ученость и, что всего хуже, рабски подчиняли свою мысль направленію, господствовавшему при дворѣ и въ высшемъ обществѣ столицы. Народъ потерялъ всякое вліяніе на духовное развитіе: онъ уже не управлялъ болѣе ходомъ литературы, а напротивъ, самъ слѣдовалъ небольшому кружку приближенныхъ императора. Дворъ сдѣлался для столицы, а эта послѣдняя — для народа, зяконодателями въ дѣлѣ вкуса и науки. Литература и образованность въ вѣкъ Августа подчинялись исключительно характеру двора и высшаго класса римлянъ; развращеніе нравовъ, отличавшее этотъ классъ, неизбѣжно должно было отразиться на эстетическомъ и моральномъ направленіи цѣлой націи, какъ скоро образованіе сдѣлалось всеобщею потребностью, и изъ среды немногихъ фамилій, гдѣ сосредоточивалось прежде, перешло въ открытыя народныя школы.

Римская литература временъ Августа носитъ на себѣ риторическій, ученый и, такъ сказать, аристократическій отпечатокъ. Гладкость рѣчи и эрудиція составляли главную цѣль, къ которой стремились всѣ писатели; искусственная обработка произведеній ставилась гораздо выше природнаго вдохновенія. Вообще о тогдашней литературѣ можно сказать то же самое, что было сказано объ умственномъ образованіи эпохи Птоломеевъ. Три обстоятельства помогли римской литературѣ достигнуть въ короткое время высшей степени совершенства и содѣйствовали потомъ ея переходу отъ риторства къ декламаціи, а затѣмъ ея быстрому упадку: раннее появленіе критики, постоянно и быстро возраставшее преобладаніе греческой образованности и развитіе сухой, школьной учености. Въ отношеніи перваго изъ этихъ обстоятельствъ, судьба римской литературы имѣетъ сходство съ судьбою французской. Еще прежде окончательнаго сформированія языка и литературы явилась безпокойная критика, которая, сосредоточивая все свое вниманіе на мелочахъ формы и требуя изысканности выраженій, обрѣзывала крылья свободному творчеству генія и смотрѣла на пылкихъ поэтовъ такъ же, какъ на холодныхъ прозаиковъ. Вредное вліяніе критики было тѣмъ сильнѣе, что ей давали направленіе лица высшаго класса общества, сужденія которыхъ считали оракулами. Изъ всѣхъ критиковъ эпохи Августа, болѣе другихъ имѣли значеніе Кай Азиній Полліонъ, о которомъ мы уже упомянали выше (стр. 143) въ политическомъ отдѣлѣ исторіи. Не видя никакой надежды поддержать аристократическую систему правленія, онъ удалился отъ государственныхъ дѣлъ, посвя-

тилъ себя литературнымъ занятіямъ и вошелъ въ кружокъ передовыхъ людей, дававшихъ направленіе наукѣ и искусству при дворѣ Августа. Азиній Полліонъ писалъ много самъ и былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ риторовъ своего времени. Онъ сдѣлалъ въ высшей степени мелочныя нападки на слогъ Ливія, Саллюстія и другихъ писателей, хотя въ своихъ сочиненіяхъ нерѣдко впадаетъ въ растянутость, напыщенность и искусственность, бывшія тогда въ модѣ.

Въ одно время съ появленіемъ узкой, педантической критики, сильное вліяніе на ходъ римскаго образованія пріобрѣла греческая литература. Знаніе ея сдѣлалось необходимостью для всякаго, желавшаго прослыть образованнымъ человѣкомъ. Греческій языкъ вошелъ въ моду во всѣхъ лучшихъ домахъ, и примѣшивать греческія фразы даже въ латинскій разговоръ считалось признакомъ хорошаго тона. По своему умственному образованію, народъ раздѣлился на двѣ части, изъ которыхъ одна жила греческою литературою, а другая не ощущала никакихъ духовныхъ потребностей. Къ довершенію всего, въ римскомъ обществѣ получила преобладаніе сухая ученость. Еще до Августа въ Римъ проникла педантическая эрудиція въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала у александрійскихъ грековъ, и нельзя не удивляться, что въ такомъ воинственномъ и практическомъ народѣ, какъ римляне, явился въ то время одинъ изъ трудолюбивыхъ ученыхъ всей древности, который въ самое бурное время римской исторіи нашелъ для себя возможнымъ заниматься собраніемъ замѣтокъ и спеціальными изслѣдованіями по части исторіи и археологіи. Маркъ Теренцій Варронъ, родившійся за 116 л. и жившій до 30 или 26 г. до р. Хр., написалъ четырестадевяносто сочиненій по всѣмъ отраслямъ знанія, и между ними изслѣдованія о троянцахъ, объ основаніи города Рима и тому подобныхъ предметахъ. Съ паденіемъ республики начался въ полномъ смыслѣ вѣкъ эрудиціи. Она стала душою образованности и литературы, такъ что, въ царствованіе Августа, даже поэты старались пріобрѣсти себѣ извѣстность скорѣе своимъ многознаніемъ, чѣмъ самостоятельнымъ творчествомъ и произведеніями въ національномъ духѣ. Самъ императоръ Тиберій толковалъ съ друзьями о томъ, кто была мать троянской царицы Гекубы, что пѣли сирены и т. п. Уже тогда въ Римѣ, какъ нѣкогда въ Александріи, было множество ученыхъ, смотрѣвшихъ на свои занятія, какъ на ремесло, а большинство образованныхъ людей вообще занималось науками только для пріятнаго препровожденія времени, или для того, чтобы выказать свое остроуміе въ ученыхъ разглагольствованіяхъ, подобно тому, какъ въ наше время нѣкоторые стараются показать его въ рѣшеніи загадокъ и шарадъ. Императоръ Клавдій, трудившійся надъ изслѣдованіями о самыхъ мелочныхъ и отвлеченныхъ предметахъ, представляетъ собою лучшій образецъ господствовавшаго тогда направленія. Съ этимъ явленіемъ находилось въ связи и основаніе въ Римѣ библіотекъ. Собраніе книгъ сдѣлалось даже предметомъ моды, такъ что во время Августа въ каждомъ аристократическомъ домѣ библіотека считалась такою же необходимостью, какъ и изящныя ванны, а въ большихъ городахъ составляла предметъ такой же важности, какъ судебныя мѣста и другія общественныя заведенія. Въ римскомъ государствѣ повторилось то же самое, что было по смерти Александра Великаго въ греческихъ городахъ. Публичныя библіотеки въ Греціи и Римѣ имѣли другое значеніе, чѣмъ у насъ. Онѣ назначались не только для справокъ, чтенія и выписокъ изъ книгъ, но служили также мѣстами свиданій ученыхъ и чѣмъ-то въ родѣ академій, гдѣ образованные люди, встрѣчаясь между собою, разсуждали о различныхъ научныхъ предметахъ. Уже Сулла, Лукуллъ и другіе представители послѣдней эпохи республики заводили большія библіотеки и открывали ихъ для своихъ согражданъ. Юлій Цезарь имѣлъ намѣреніе устроить, по образцу александрійской библіотеки, заведеніе, въ которомъ были бы собраны всѣ греческія и римскія литературныя произведенія; но смерть помѣшала ему осуществить это громадное предпріятіе. Азиній Полліонъ взялся за планъ Цезаря и основалъ большую публичную библіотеку. Вскорѣ потомъ Августъ устроилъ еще двѣ библіотеки, изъ которыхъ особенно большое значеніе пріобрѣла библіотека, построенная имъ на Палатинскомъ холмѣ. Со времени Августа число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, и наконецъ Траянъ устроилъ въ Римѣ самую обширную изъ всѣхъ тогдашнихъ библіотекъ, — Ульпійскую.

Такимъ образомъ, незадолго до Августа, римская литература получила опре-

дѣленный постоянный характеръ, отличительными чертами котораго были: мертвая ученость, слѣпое пристрастіе къ формѣ и забота объ однѣхъ внѣшнихъ выгодахъ и удовольствіяхъ. Другими словами: римская образованность получила исключительно ученое, формальное, риторическое и утилитарное направленіе. Она не ограничивалась однимъ Римомъ и Италіею, но вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ распространилась въ Галліи, Испаніи, Британіи и Сѣверной Африкѣ, и на цѣлый рядъ столѣтій сообщила особенный оттѣнокъ литературѣ всего Запада. Поэтому, разсматривая литературу эпохи Августа съ точки зрѣнія господствовавшаго тогда направленія, нельзя не признать ее цвѣтущимъ періодомъ римской литературы. По части пластическихъ искусствъ римляне при Августѣ, какъ вообще во все время своего историческаго существованія, не сдѣлали почти никакихъ успѣховъ. Правда, они любили искусства и старались собирать въ своихъ городахъ, дворцахъ и загородныхъ виллахъ какъ можно болѣе художественныхъ произведеній; но сами ничего не сдѣлали для искусства, за исключеніемъ развѣ немногихъ памятниковъ архитектуры. Почти всѣ пріобрѣтенныя ими вновь произведенія искусства вышли изъ рукъ грековъ; собственно же римскихъ художниковъ было очень мало. Причина такого явленія заключается въ самомъ характерѣ римскаго народа и въ особенностяхъ его духовнаго развитія. Воинственное и практическое направленіе древнихъ римлянъ помѣшало искусству возникнуть въ республиканскій періодъ. Впослѣдствіи это стало еще труднѣе, потому что римляне заимствовали у позднѣйшихъ грековъ, вмѣстѣ съ образованностью, и роскошь, всегда враждебную истинному искусству. Кромѣ того утилитарное направленіе такъ сроднилось съ характеромъ римлянъ, что они во всѣ времена уважали риторовъ, поэтовъ и историковъ гораздо болѣе, чѣмъ пластическихъ художниковъ.

Указанныя нами черты эпохи Августа отразились и на всѣхъ тогдашнихъ прозаическихъ произведеніяхъ. Писатели имѣли въ виду только матеріальную жизнь съ ея удобствами, блескъ учености, и въ особенности изложеніе предмета въ пріятной и увлекательной формѣ. Преподаватели заботились преимущественно объ изящности выраженій и о томъ, чтобы поддѣлаться подъ духъ и направленіе общества. Такъ излагаютъ въ особенныхъ сочиненіяхъ: Витрувій Полліонъ архитектуру, Теренцій Варронъ — земледѣліе, Корнелій Цельсъ — медицину. Впрочемъ, въ большей части реальныхъ наукъ римляне оставались учениками грековъ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ спеціально занимались обработкой различныхъ отраслей практическаго знанія. Цезарь, для исправленія календаря, долженъ былъ обращаться къ греческимъ астрономамъ, и греки первые устроили въ Римѣ солнечные и водяные часы. Съ архитектурою, медициною и географіею было то же самое. Витрувій говоритъ въ своемъ сочиненіи, что кромѣ его только четверо римлянъ писали объ архитектурѣ, но что греческихъ писателей по этому предмету было несравненно болѣе. Въ Римѣ, задолго до Августа, существовало медицинское училище, находившееся въ завѣдываніи отечественныхъ ученыхъ; но при императорахъ и медицина почти совершенно перешла въ руки грековъ. География также оставалась исключительнымъ достояніемъ грековъ. При Августѣ грекъ Страбонъ написалъ для образованныхъ римлянъ географію и этнографію на греческомъ языкѣ: трудъ, подобнаго которому нельзя найти не только въ древности, но даже въ средніе вѣка и большую часть новѣйшаго времени.

Ученый характеръ римской образованности, риторическое направленіе, преобладаніе формы, зависимость отъ греческой литературы и образованности отразились и на римской изящной литературѣ, золотымъ вѣкомъ которой было царствованіе Августа. Всѣ поэты этого времени писали для одного образованнаго общества, назначая свои произведенія болѣе для слуха, чѣмъ для сердца и ума. Образцами служили для нихъ произведенія греческихъ поэтовъ, и немногіе изъ нихъ, подражавшіе древне-итальянскимъ и древне-римскимъ писателямъ, руководились при этомъ не столько чувствомъ патріотизма, сколько желаніемъ доставить праздному, пресыщенному удовольствіями, великосвѣтскому обществу новый родъ развлеченія. Вообще не національныя потребности и не природное вдохновеніе управляли поэтами, а одно только желаніе угодить образованному кругу Рима. Поэтому они брали за образецъ не лучшія поэтическія творенія грековъ, а произведенія позднѣйшихъ греческихъ писателей, имѣвшихъ одну съ ними цѣль и подобно имъ

считавшихъ форму важнѣе содержанія. Если какой-нибудь писатель, какъ, напримѣръ, Горацій, и старался подражать древнимъ и лучшимъ греческимъ образцамъ, то обыкновенно держался ихъ такъ слѣпо, что на его произведенія можно только смотрѣть какъ на переводы. Хотя, вслѣдствіе этого, римская поэзія и представляетъ собою только подражаніе греческой, но при всемъ томъ она имѣетъ для насъ *большое значеніе. Произведенія поэтовъ того времени во всякомъ случаѣ* могутъ назваться мастерскими. Они всегда могутъ служить для насъ образцами, потому что въ нихъ вѣетъ классическій духъ древности, способствовавшій во всѣ времена очищенію и облагороженію вкуса, а латинскій языкъ, достигшій полнаго развитія со временъ Гракховъ, доведенъ въ нихъ до высшей степени совершенства.

Кромѣ трехъ великихъ поэтовъ вѣка Августа, въ это время, или немного ранѣе, жили и писали еще нѣсколько извѣстныхъ поэтовъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Катуллъ, Корнелій Галлъ, Тибуллъ и Проперцій. Въ произведеніяхъ всѣхъ ихъ ясно отразились характеристическія черты того времени: сухая, ученая манера и подражаніе греческимъ образцамъ позднѣйшаго періода. Эти черты замѣтны даже у Тибулла и Проперція, хотя поэзія перваго имѣетъ въ себѣ много оригинальнаго, а послѣдній близокъ къ сантиментальности и меланхоліи, которая составляетъ обыкновенное явленіе въ наше время, но была совершенно чужда полной наслажденій жизни классической древности. Три первостепенныхъ римскихъ поэта, Овидій, Горацій и Виргилій, имѣютъ всемірно-историческое значеніе. Далеко уступая въ творческомъ геніи Гомеру и Пиндару, они тѣмъ не менѣе имѣли гораздо большее вліяніе на образованный міръ, чѣмъ вся поэтическая литература грековъ. Послѣдняя представляется для историческаго развитія человѣчества важнѣе первой только по ея вліянію на римскую литературу и по тѣмъ замѣчательнымъ послѣдствіямъ, какими сопровождалось ея изученіе въ новѣйшее время. Но за то Овидій, Горацій и Виргилій были самыми *любимыми поэтами позднѣйшей древности; на нихъ и на нѣсколькихъ другихъ* поэтахъ исключительно сосредоточивалось все вниманіе ученыхъ въ средніе вѣка, въ то время, когда произведенія грековъ были оставлены безъ вниманія.

Публій Овидій Назонъ, родившійся въ 43 г. до р. Х., въ незначительномъ городкѣ Средней Италіи, принадлежалъ къ великосвѣтскому кружку Рима и велъ самую роскошную жизнь, пока около 8 г. по р. Х., не былъ сосланъ, по неизвѣстной причинѣ, въ городъ Томи, въ нынѣшней Болгаріи. Не получивъ, не смотря на всѣ просьбы и старанія, ни отъ Августа, ни отъ Тиберія позволенія возвратиться на родину, онъ умеръ въ 16 г. по р. Х., въ мѣстѣ своего изгнанія. Овидій пользовался гораздо большею славою въ потомствѣ, чѣмъ между своими современниками, которые смотрѣли на него такъ же, какъ французы на Грессе и другихъ поэтовъ въ легкомъ родѣ; его любили только какъ пріятнаго, занимательнаго и шутливаго писателя. Но вскорѣ по его смерти, когда игривая манера выраженія вошла въ моду, и страсть къ учености и игрѣ словами подавила истинное вдохновеніе, произведенія его были оцѣнены и возбудили къ себѣ всеобщее сочувствіе. Въ средніе вѣка Овидій получилъ еще большее значеніе, благодаря понятности и занимательности его твореній, сравнительно съ произведеніями другихъ извѣстныхъ поэтовъ, и былъ самымъ любимымъ писателемъ до тѣхъ поръ, пока Данте и Петрарка не возвысили въ глазахъ своихъ современниковъ Виргилія. Впрочемъ, и послѣ Данте и Петрарки нѣкоторыя изъ произведеній Овидія оставались въ школахъ главными руководствами при образованіи юношества. Въ концѣ среднихъ вѣковъ произведенія Овидія снова перешли изъ школъ въ высшее общество. Образованный классъ Италіи получилъ тогда направленіе, съ которымъ какъ нельзя болѣе гармонировали, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, произведенія Овидія, въ родѣ «искусства любви» и «лекарства отъ любви». Во всѣ эпохи, Овидія любили преимущественно за его легкую латынь и пріятную небрежность выраженій и стихосложенія, что обусловливалось природнымъ характеромъ поэта и его умѣньемъ остро и изящно говорить въ обществѣ. Поэтому для людей, получившихъ одно свѣтское образованіе, стихи Овидія должны быть гораздо понятнѣе и цѣннѣе, нежели глубже прочувствованныя и съ большимъ искусствомъ и знаніемъ написанныя произведенія другихъ поэтовъ. Творенія Овидія, запечатлѣнныя характеромъ александрійской учености, могутъ быть интересны и для научно-образованныхъ людей. Кромѣ того склонность поэта къ

нескромнымъ выраженіямъ и картинамъ дѣлаетъ его привлекательнымъ и въ глазахъ всѣхъ легкомысленныхъ сластолюбцевъ.

Имѣя въ виду разсмотрѣть произведенія Овидія, по ихъ отношенію къ цѣлой римской литературѣ и къ образованности человѣчества вообще, мы преимущественно должны обратить вниманіе на такъ называемыя «героиды», «фасты», «метаморфозы» и «элегіи». «Героиды», или поэтическія любовныя письма женщинъ миѳической эпохи къ своимъ любовникамъ, представляютъ собою полное выраженіе тогдашней школьной учености съ ея риторическими прикрасами. Главная прелесть ихъ заключается въ остроумномъ и между тѣмъ вѣрномъ рѣшеніи трудныхъ ученыхъ задачъ. Поэтому въ средніе вѣка, когда наука и поэзія скрылись въ монастырскихъ школахъ, героиды Овидія служили образцомъ для того умственнаго образованія, которое было чуждо, или по крайней мѣрѣ чуждалось природы и жизни. «Фасты» составляютъ родъ календаря, въ которомъ описаны въ стихахъ разныя религіозныя празднества римлянъ и миѳы, послужившіе имъ основаніемъ. Странное соединеніе прозы и поэзіи придаетъ этому произведенію гораздо больше значенія, чѣмъ сколько можно было ожидать отъ него на первый взглядъ. Фасты, облекая древнія римскія саги въ новую форму, освѣжили въ памяти народа забытые миѳы и оказали важную услугу новой династіи, связавъ имена ея членовъ съ прославленными въ преданіяхъ именами и національными праздниками. Изъ этого стихотворенія мы можемъ заключить о связи римской исторіи и религіи съ общественною и частною жизнью; можемъ видѣть, что въ древнемъ Римѣ общественные праздники возбуждали въ каждомъ гражданинѣ воспоминаніе о событіяхъ народной исторіи, и что самое богослуженіе клонилось къ развитію въ гражданахъ патріотизма. «Метаморфозы», или превращенія состоятъ изъ множества миѳовъ, разсказанныхъ въ формѣ эпической поэмы. Это произведеніе встрѣтило мало сочувствія въ современникахъ поэта, но зато имѣло весьма сильное вліяніе на искусство и образованность среднихъ вѣковъ и новѣйшаго времени до половины XVIII столѣтія. Излагая въ изящной формѣ древніе поэтическіе миѳы, «метаморфозы» сдѣлались настольною книгою всѣхъ поэтовъ и художниковъ, обращавшихся за помощью къ миѳологіи. Совершенно противоположна была судьба «элегій» Овидія, въ которыхъ онъ выражалъ свою скорбь объ изгнаніи. Ихъ много читали при жизни поэта, но потомство обращало на нихъ менѣе вниманія, чѣмъ на другія его произведенія. Это явленіе легко объясняется. Современники Овидія находили въ его элегіяхъ выраженіе своихъ собственныхъ чувствъ, пищу и даже иногда удовлетвореніе своему любопытству. Насъ же въ элегіяхъ Овидія непріятно поражаетъ изнѣженность вѣка Августа, сложившееся у избалованныхъ римлянъ убѣжденіе, что жизнь внѣ вѣчнаго города не жизнь, и наконецъ недостатокъ естественности, вслѣдствіе котораго и истинная скорбь выражается у поэта съ натяжкой. Все это дѣлается еще непріятнѣе, когда мы вспомнимъ, что тогда еще не исчезла въ обществѣ древняя римская энергія, не смотря на то, что она замѣтно начинала слабѣть въ отдѣльныхъ личностяхъ.

Совершенно иное вліяніе имѣлъ на общество Квинтъ Горацій Флаккъ, родившійся въ апулійскомъ городѣ Венузіи въ 65 г. до р. Хр., въ послѣднее время жизни сдѣлавшійся любимцемъ Мецената и Августа и умершій въ 9 году предъ р. Хр. Въ своихъ одахъ онъ преимущественно подражаетъ греческимъ образцамъ, ограничиваясь часто буквальнымъ ихъ переводомъ и измѣненіемъ въ одной формѣ. Впрочемъ, Горацій бралъ себѣ за образецъ не поэзію позднѣйшихъ временъ, какъ Катуллъ, Проперцій и большая часть другихъ писателей, но произведенія древнихъ, проникнутыхъ истиннымъ одушевленіемъ, греческихъ поэтовъ. Этимъ онъ оказалъ римской литературѣ такую же услугу, какъ Цицеронъ, сдѣлавъ для національной поэзіи то же, что Цицеронъ для краснорѣчія и философіи. Обоимъ этимъ родамъ умственной дѣятельности Цицеронъ умѣлъ придать форму, совершенно соотвѣтствовавшую практическому и риторическому направленію римлянъ, и такимъ образомъ изъ чуждыхъ элементовъ создалъ новое, сродное имъ образованіе. Горацій сдѣлалъ то же самое для лирической поэзіи и практической мудрости. Дѣйствительно, нѣтъ ни одного поэта, который имѣлъ бы такое вліяніе, какъ Горацій, на философію и поэтическія наслажденія высшаго круга. Обладая тонкимъ знаніемъ свѣта и людей, онъ изучилъ человѣческое сердце и потребности высшаго римскаго общества, и въ особенности характеръ тѣхъ изъ

своихъ современниковъ, которые, въ качествѣ правительственныхъ лицъ, тяготились своимъ могуществомъ и блескомъ, или, владѣя большимъ богатствомъ, чувствовали однако же всю пустоту исключительно внѣшней и роскошной жизни. Для такихъ-то лицъ Горацій и писалъ свои оды. Прилагая къ дѣлу заимствованную отъ грековъ житейскую мудрость и поэтическія формы, онъ учитъ, какъ пользоваться внѣшними благами и съ трудомъ пріобрѣтаемымъ умственнымъ образованіемъ. Подобныя наставленія были тѣмъ необходимѣе для людей высшаго класса эпохи императоровъ, чѣмъ болѣе ихъ бытъ удалялся отъ природы, чѣмъ затруднительнѣе становилось ихъ положеніе и чѣмъ опаснѣе было для нихъ чрезмѣрное богатство. Горацій одинаково далекъ отъ ригоризма одностороннихъ стоиковъ и отъ изнѣженной чувственности позднѣйшихъ эпикурейцевъ. Онъ умѣлъ искусно сочетать философію лишенія съ теоріею простаго наслажденія жизнью, и представить въ такомъ видѣ ученіе житейской мудрости и благоразумія. Въ отношеніи внѣшней формы, Горацій сдѣлалъ для литературы такъ много, что заслуги его и въ этомъ отношеніи равняются заслугамъ Цицерона въ прозѣ. Онъ отличается тонкостью выраженія, богатствомъ оборотовъ, опредѣленностью и изяществомъ языка. Заимствуя у греческихъ поэтовъ содержаніе и форму своихъ произведеній, Горацій, подобно новѣйшимъ французскимъ подражателямъ классической древности, пользовался ими настолько, насколько это согласовалось съ духомъ римскаго народа и геніемъ его языка, и избѣжалъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя такъ часто впадали нѣмцы, усвоивая себѣ чуждыя идеи и умственныя произведенія.

Въ своихъ одахъ Горацій передаетъ греческую поэзію и житейскую мудрость, приспособляя ее только къ духу римлянъ. Но за то въ сатирахъ и поэтическихъ посланіяхъ онъ совершенно самобытенъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ нихъ онъ не подражалъ никому, а образовалъ совершенно новый родъ литературы, занимающій средину между прозой и поэзіей. Въ сатирахъ и посланіяхъ, Горацій сохранилъ для потомства сокровище опытовъ современной ему жизни, точно также передалъ въ одахъ житейскую мудрость грековъ. Его сатиры и посланія рисуютъ намъ дѣйствительную жизнь, выводя на сцену живыхъ людей и ихъ свойства, и по самому своему характеру рѣзко отличаются отъ ѣдкихъ греческихъ сатиръ: онѣ, если и язвятъ, то не глубоко, а скорѣе поучаютъ подъ видомъ веселой и легкой шутки. Уча, повидимому, только пользоваться вещественными благами и преподавая придворнымъ искусство льстить и наслаждаться, онѣ тѣмъ не менѣе нечувствительно выводятъ читателя на стезю лучшей жизни, основанной на нравственности, наукѣ и искусствѣ.

Чтобы понять Горація и усвоить его наставленія, необходимо быть знакомымъ во всѣхъ подробностяхъ съ утонченнымъ общественнымъ бытомъ. Поэтому его поэзія имѣла очень слабое вліяніе въ темную эпоху среднихъ вѣковъ, когда жизнь была груба и проста; но тѣмъ замѣчательнѣе было ея дѣйствіе въ тѣ времена, когда, какъ, напримѣръ, въ продолженіе XVI вѣка, при дворахъ и въ аристократическихъ республикахъ южной Европы общественныя отношенія усложнились и потребности высшаго класса разобщились съ нуждами остальнаго общества. Эта-та эпоха преимущественно любила и читала Горація, произведенія котораго сдѣлались тогда настольною книгою всѣхъ государственныхъ дѣятелей и свѣтскихъ людей, искавшихъ въ наукѣ и искусствѣ возвышенныхъ наслажденій жизнью.

Послѣдній изъ трехъ первоклассныхъ римскихъ поэтовъ, Публій Виргилій Маронъ, родился за 70 лѣтъ до р. Хр., въ селеніи Андахъ близъ Мантуи. Онъ занималъ при дворѣ Августа такое же положеніе, какъ Горацій, и умеръ за 19 лѣтъ до р. Хр., на возвратномъ пути изъ своего путешествія въ Грецію. Ни одинъ поэтъ не имѣлъ такого громаднаго вліянія на римскую литературу, какъ Виргилій, и можно сказать положительно, что неумѣренное подражаніе ему было столь же вредно для римской поэзіи, какъ для краснорѣчія неблагоразумное подражаніе Цицерону. По своей формѣ и языку, произведенія Виргилія стоятъ на самой высшей степени совершенства, какой только достигала римская поэзія. Никто изъ римлянъ не понималъ въ такой мѣрѣ музыкальности языка, какъ Виргилій: его рѣчь течетъ плавно, безъ стремительныхъ перерывовъ: въ ней видна живость, энергія и ритмъ. Вниманіе, какое Виргилій обращаетъ въ преемствѣ словъ на различіе гласныхъ и послѣдовательность твердыхъ и мяг-

кихъ согласныхъ звуковъ, сообщаетъ его стиху благозвучіе, для котораго нашъ языкъ не имѣетъ тоновъ, а нашъ слухъ воспріимчивости. Мы, жители сѣвера, глухи для этой очаровательности поэзіи Виргилія, ощутительной только для чуткаго уха итальянцевъ. Поэтому, чтобы оцѣнить благозвучность стиха Виргилія, мы должны положиться на сужденія Данте, Петрарки и другихъ итальянскихъ поэтовъ; а въ нихъ произведенія Виргилія возбуждали удивленіе и восторгъ.

Въ первомъ своемъ поэтическомъ опытѣ Виргилій попалъ на ложный путь. Онъ началъ свою литературную дѣятельность идиллiями, тогда какъ этотъ родъ поэзіи не соотвѣтствовалъ ни собственнымъ его талантамъ, ни свойствамъ римскаго языка. Его выборъ былъ тѣмъ неудачнѣе, что онъ не хотѣлъ, подобно Геснеру, удовлетворяться изображеніемъ идеальной пастушеской жизни, но, избравъ себѣ образцомъ Теокрита, воспѣвалъ природу и истину (т. I. стр. 509). Правда, Теокритъ жилъ въ подобное же время и писалъ свои идилліи для людей, которые, подобно высшему римскому обществу временъ Виргилія, удалились отъ природы, вслѣдствіе чрезмѣрной утонченности общественнаго быта и изнѣженности; но онъ имѣлъ на своей сторонѣ ту важную выгоду, что могъ пользоваться безъискусственнымъ дорическимъ народнымъ діалектомъ и не былъ поставленъ въ необходимость влагать утонченный языкъ высшаго общества въ уста своихъ пастуховъ. Виргилій былъ лишенъ этого преимущества. Вслѣдствіе своего исключительнаго положенія въ обществѣ, римскіе поэты никогда не осмѣливались для своей возвышенной поэзіи пользоваться діалектами различныхъ частей Италіи, а еще менѣе оборотами простонародной рѣчи. Утонченный языкъ высшаго класса, или такъ называемая во Франціи академическая манера выраженія, у римлянъ, какъ и французовъ, считалась существенною принадлежностью всякаго литературнаго произведенія. Эта манера навсегда изгнала изъ литературы народный языкъ и стѣснила народную поэзію. Вычурныя и изящныя выраженія были приличны чопорнымъ, скучнымъ пастухамъ Геснеровыхъ идиллій, но ни въ какомъ случаѣ не могли нравиться ни римлянамъ, искавшимъ вездѣ жизни, энергіи и дѣятельности, ни даже самимъ грекамъ. Виргилій избралъ предметомъ своихъ идиллій самыя простыя житейскія отношенія; но уже по тому самому, что эта жизнь, далекая отъ всякой искусственности, описана модньмъ языкомъ образованнаго класса, описанія Виргилія представляютъ непріятный контрастъ между формою и содержаніемъ. Впрочемъ, сами римляне мало обращали вниманія на этотъ недостатокъ идиллій Виргилія, восхищаясь неподражаемою прелестью стиха и тѣмъ тонкимъ заискиваньемъ, съ какимъ поэтъ, по образцу своего александрійскаго предшественника, относился къ покровителямъ искусства.

Вѣнецъ произведеній Виргилія составляетъ его дидактическая поэма о земледѣліи. Виргилій одинъ изъ всѣхъ поэтовъ умѣлъ придать жизнь такому прозаическому роду поэзіи, какъ дидактическая, и написать ученое стихотвореніе, въ которомъ предметъ изображенъ вѣрно съ дѣйствительностью и притомъ поэтически. Въ своихъ «георгикахъ» Виргилій является чисто-національнымъ поэтомъ, изобразивъ въ нихъ древне-римскій бытъ и единственное занятіе, уважавшееся его соотечественниками не менѣе войны. Онъ указываетъ своимъ удалившимся отъ природы современникамъ на старину, украшая ее всею прелестью фантазіи, насколько эти украшенія мирятся съ ея простотою. Въ своей дидактической поэмѣ Виргилій является истинно-самобытнымъ художникомъ, потому что греческія произведенія въ этомъ родѣ дали ему только канву поэмы, а не служили дѣйствительными образцами для нея. Вслѣдствіе самобытности поэмы и преобладанія въ ней чисто-римскихъ элементовъ, очаровательный языкъ Виргилія въ ней совершенно умѣстенъ. Легкость изложенія, полное отсутствіе искусственности и натянутости показываютъ въ авторѣ истиннаго художника, создававшаго свои произведенія подъ вліяніемъ неподдѣльнаго вдохновенія. Въ «Энеидѣ», героической поэмѣ, воспѣвающей странствованія Энея и его поселеніе въ Лаціумѣ, Виргилій руководствовался произведеніями Аполлонія Родосскаго и другихъ александрійскихъ поэтовъ, заимствуя изъ нихъ всѣ сцены и описанія. Александрійскіе писатели хотѣли приспособить къ духу монархическаго вѣка тотъ родъ поэзіи, который можетъ явиться и имѣть успѣхъ только между простыми и вѣрными природѣ людьми гомерическаго времени. Виргилій послѣдовалъ ихъ примѣру и даже превзошелъ ихъ, оригинальнымъ образомъ сблизивъ эпосъ съ

жизнью. Онъ понималъ его такъ же, какъ Ливій исторію, и ставилъ главною цѣлью его возбужденіе патріотизма въ читателяхъ, затрогивая ихъ національные интересы. Для этого онъ избралъ предметомъ своей поэмы героя, имя котораго находилось въ тѣсной связи съ древними латинскими историческими сказаніями. Сообщивъ такимъ образомъ своему произведенію національный интересъ, Виргилій вдохнулъ въ чуждую стихотворную форму чисто-римскую жизнь и освободился отъ холодной искусственности своихъ александрійскихъ предшественниковъ.

Изъ предъидущихъ замѣтокъ видно, что процвѣтаніе римской поэзіи было искусственнымъ, и потому прекратилось, какъ скоро сошли со сцены поддерживавшіе его великіе поэты. Сухая ученость, искусственность и игра умственными предметами, — эти отличительныя черты александрійскаго направленія той эпохи, дѣлаются все болѣе и болѣе замѣтными у римскихъ писателей. Слѣдующіе за Виргиліемъ поэты самымъ выборомъ предметовъ для стихотвореній обличаютъ въ себѣ полное отсутствіе естественности и поэтическаго чувства. Всѣ ихъ старанія сосредоточивались на томъ, чтобы выказать предъ другими свое остроуміе и многознаніе и доставить образованному обществу развлеченіе своею начитанностью и оригинальными выходками. Такъ, напримѣръ, Эмилій Макръ, умершій въ 17 году до р. Х., написалъ поэму о птицахъ и змѣяхъ; Грацій Фалискъ, младшій современникъ Эмилія, описалъ въ стихахъ охоту; Манилій, жившій также въ царствованіе Августа, изложилъ въ своей поэмѣ астрономію; Германикъ, сынъ Друза, перевелъ (т. I. стр. 514) астрономическую поэму Арата. Изъ всѣхъ поэтовъ, жившихъ послѣ Виргилія, наиболѣе замѣчателенъ Федръ, ѳракіецъ, прибывшій въ Римъ невольникомъ и освобожденный Августомъ. Произведенія его не лишены оригинальности и запечатлѣны духомъ времени. Онъ или облекалъ въ римскую форму греческія басни, извѣстныя подъ именемъ Эзоповыхъ (т. I. стр. 165), или по образцу ихъ писалъ новыя. Такой безыскусственный родъ поэзіи, какъ басня, можетъ имѣть самъ по себѣ прелесть только для простаго чувства неиспорченныхъ и близкихъ къ природѣ поколѣній, а для людей избалованныхъ, удалившихся отъ естественнаго образа жизни, изъ какихъ состояло римское общество эпохи Августа, могъ получить привлекательность только вслѣдствіе искуснаго изложенія. Федръ понялъ это, и потому, подобно Лафонтену, сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ писателей своего времени. Федръ вводилъ въ свои басни соотвѣтствовавшую тогдашнимъ общественнымъ отношеніямъ мораль, неожиданно поражая читателя своими остротами, уловками и эпиграмматическою краткостью. Легкость, чистота и правильность выраженія придали стихамъ Федра необыкновенную пріятность и доставили ему уваженіе всего образованнаго римскаго общества.

Самою слабою стороною римской литературы была драматическая поэзія. Драма вовсе не соотвѣтствовала характеру римлянъ, такъ же, какъ и новѣйшихъ итальянцевъ. Золотой вѣкъ римской литературы представляетъ намъ только неудачныя попытки въ этомъ родѣ. Правда, до насъ не дошло ни одной изъ театральныхъ пьесъ того времени, но, по указаніямъ нѣкоторыхъ писателей, мы можемъ съ полною основательностью заключать о ихъ ничтожности. Сценическія представленія поражали зрителей блескомъ и громкой декламаціею, но не могли доставлять имъ истиннаго эстетическаго наслажденія и, какъ въ нашихъ операхъ, внутреннее содержаніе замѣнялось въ нихъ великолѣпіемъ внѣшней обстановки. Такъ, напримѣръ, однажды на сценѣ явилось около шестисотъ муловъ; а въ другой разъ выставлено было предъ публикою болѣе тысячи позолоченныхъ щитовъ, и цѣлые ряды конницы и пѣхоты вознаграждали зрителя за недостатокъ въ пьесѣ поэзіи. Кромѣ трагедій и комедій, переведенныхъ большею частью съ греческаго, были тогда въ употребленіи такъ называемыя «ателланы» (стр. 59). Со временемъ эти народныя шуточныя драмы до того исказились, что Тиберій вынужденъ былъ запретить ихъ. Въ дополненіе къ «ателланамъ», греческимъ драматическимъ представленіямъ, кровавымъ звѣринымъ травлямъ и гладіаторскимъ боямъ, попеременно устроивавшимся для развлеченія римскаго народа, явился во время Цезаря еще новый родъ сценическихъ представленій, такъ называемыя мимы. При Августѣ присоединились къ нимъ пантомимы, до того не виданныя въ Римѣ. Римскія мимы, подобно греческимъ (т. I. стр. 318), назначались сначала только для простонародья, къ которому принадлежали

обыкновенно и ихъ авторы, но впослѣдствіи, при Цезарѣ, они были усовершенствованы и стали употребляться не для чтенія, какъ греческіе, а для сценическаго исполненія. Мимы были родъ характеристикъ, представлявшихъ сцены изъ римской жизни и состоявшихъ большею частью изъ монологовъ, непремѣнною принадлежностью которыхъ была жестикуляція. Мы не можемъ судить теперь о вліяніи мимовъ на народъ, но надобно полагать, что оно было значительно, благодаря жестикуляціи, которою онѣ сопровождались, и въ особенности подвижности и живости натуры южно-европейскихъ народовъ. Мимы были замѣнены пантомимами, состоявшими изъ нѣмыхъ жестовъ и мѣрныхъ тѣлодвиженій, подъ звуки музыки, и въ скоромъ времени превратившимися въ обыкновенные балеты. Эти послѣдніе явились уже послѣ окончательнаго паденія древняго драматическаго искусства и не мало содѣйствовали развращенію нравовъ въ позднѣйшей византійской имперіи. Сохранившіеся до нашего времени отрывки древнихъ мимовъ состоятъ изъ остроумныхъ, но часто нескромныхъ выходокъ, и такъ называемыхъ каламбуровъ, или наконецъ изъ нравоучительныхъ сентенцій. Знаменитѣйшими мимическими поэтами были: Децимъ Лаберій, Публій Сиръ и Кней Маттій. Всѣ они жили при Цезарѣ.

2. Литература отъ Августа до Адріана.

Въ политической исторіи образованности и литературы слѣдующаго послѣ Августа столѣтія вполнѣ отразилась та эпоха жизни римскаго міра, когда, съ одной стороны, навсегда исчезли изъ него всѣ здоровые и сильные элементы, оставивъ взамѣнъ себя пустое стремленіе къ одному блеску и утилитарности, а съ другой, получили больше однообразія и единства различныя части государства. Образованіе сдѣлалось общедоступнѣе, ученость и научныя занятія стали синонимами благовоспитанности, а потребность въ нихъ ощущалась всѣми классами общества гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Распространяясь по всѣмъ областямъ римской имперіи, просвѣщеніе принимало вездѣ одинъ и тотъ же характеръ. Повсемѣстно основывались школы и, какъ прежде въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій александрійская ученость процвѣтала во всѣхъ городахъ, гдѣ говорили по-гречески, такъ съ этого времеон научныя и литературныя занятія развились на всемъ Западѣ до самыхъ крайнихъ предѣловъ извѣстнаго тогда міра. Потребность образованности была одинаково сильна въ обѣихъ частяхъ свѣта, и удовлетвореніе ей достигалось вездѣ однимъ и тѣмъ же путемъ. Повсюду въ Италіи, Галліи, Испаніи и другихъ латинскихъ земляхъ, равно какъ въ Греціи, Ѳракіи, Египтѣ, Малой Азіи, Сиріи, Месопотаміи и Арменіи занимались, хотя и на двухъ различныхъ языкахъ, однѣми и тѣми же отраслями науки и литературы.

Вообще распространеніе образованности, общедоступность ея и, вслѣдствіе того, взаимное сближеніе самыхъ отдаленныхъ народовъ составляетъ, безспорно, лучшую сторону того времени. Но если обратить вниманіе на сущность тогдашней науки, то нельзя не видѣть, что истинная цѣль всякаго образованія, развитіе внутреннихъ силъ, была упущена изъ виду, что ученость, внѣшняя сторона знанія, приложеніе его къ матеріальному быту, составляли единственную задачу всей умственной дѣятельности. Эрудиція и остроуміе были душою жизни образованнаго общества. Никогда въ римской имперіи не была такъ велика и такъ распространена повсюду масса знаній, никогда не заботились столько о школахъ и библіотекахъ, какъ въ то время. Общепринятый языкъ достигъ неслыханной прежде утонченности и щеголеватости. Но всѣ эти выгоды стоили слишкомъ дорого. Новое направленіе изгнало изъ жизни всякую энергію и естественность; наука стала средствомъ для достиженія частныхъ и общественныхъ цѣлей. Во многихъ школахъ и учители и ученики были одинаково пропитаны праздною мечтательностью и высокомѣрнымъ тщеславіемъ и отличались крайнею эстетическою неразвитостью и полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ убѣжденій. Подъ модною щеголеватостью языка и остроумной игрою понятіями, идеями и познаніями скрывалась грубость сердца, душевная пустота, своекорыстіе и большею частью поверхностное знаніе. Во всей тогдашней образованности и литературѣ

мы встрѣчаемъ только одну хорошую сторону: развитіе практическихъ наукъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ въ эпоху Птолемеевъ и Селевкидовъ. Среди этихъ печальныхъ сценъ духовной испорченности націи, пріятно остановить взоръ на нѣсколькихъ лучшихъ личностяхъ, которыя, уцѣлѣвъ отъ гибельнаго вліянія духа времени, стали въ опозицію господствовавшему направленію, и, по мѣрѣ усиленія разврата, закаляли и развивали свои внутреннія силы.

Ученость этой эпохи сосредоточивается преимущественно на двухъ пунктахъ — на объясненіи древнихъ національныхъ произведеній и разработкѣ отраслей знанія, служащихъ къ улучшенію внѣшняго быта (т. I. стр. 506 и 507). Подобно своимъ александрійскимъ предшественникамъ, римскіе ученые того времени не выходили изъ круга прежде извѣстныхъ знаній, или же посвящали все свое время занятіямъ, обѣщавшимъ однѣ матеріальныя выгоды. Намъ нѣтъ надобности распространяться объ успѣхахъ римлянъ въ первомъ, потому что они значительно ниже тѣхъ результатовъ, къ какимъ еще за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ пришли александрійскіе ученые, и вообще не имѣютъ важнаго значенія для исторіи человѣческаго развитія. Гораздо важнѣе успѣхи тогдашнихъ римлянъ въ реальныхъ знаніяхъ, особенно въ сельскомъ хозяйствѣ. Реальныя науки, до тѣхъ поръ остававшіяся исключительнымъ достояніемъ грековъ, перешли тогда къ римлянамъ, но ни одна изъ нихъ не достигла такой высокой степени совершенства, какъ наука сельскаго хозяйства. Такъ какъ эта отрасль знанія была у римлянъ вполнѣ народною и притомъ единственною, о которой заботилось правительство еще задолго до появленія другихъ родовъ духовной дѣятельности, то понятно, почему уже въ самомъ раннемъ періодѣ римской литературы писателями по сельскому хозяйству являются такіе люди, какъ Катонъ Старшій. Впрочемъ, сочиненіе Катона не содержитъ въ себѣ научнаго изложенія предмета, а заключаетъ только сборъ перешедшихъ по преданію правилъ сельскаго хозяйства. Когда, впослѣдствіи, вошло въ обыкновеніе давать ученымъ изслѣдованіямъ риторическое изложеніе, и сельское хозяйство не избѣжало этой участи. Предметъ его былъ излагаемъ въ изящной формѣ для того, чтобы доставить болѣе удовольствія изучающимъ его, и такимъ образомъ расположить ихъ къ самой наукѣ. Послѣ Катона наука сельскаго хозяйства была обогащена новыми изслѣдованіями Теренція Варрона, о которомъ мы упоминали выше. Во время своихъ путешествій онъ познакомился со многими улучшеніями въ хозяйственной практикѣ, изучилъ сочиненія карѳагенянъ и грековъ объ этомъ предметѣ, и такимъ образомъ получилъ возможность возвысить между своими современниками уровень сельско-хозяйственныхъ знаній. Виргилій, въ своей дидактической поэмѣ о земледѣліи, трогательными и живыми чертами изобразилъ древній бытъ земледѣльца, имѣя впрочемъ въ виду не столько пользу науки, сколько возбужденіе угасшаго сочувствія къ сельскимъ занятіямъ. Къ той же цѣли стремился Колумелла, знаменитѣйшій римскій писатель о сельскомъ хозяйствѣ, жившій въ правленіе Нерона. Онъ сдѣлалъ для земледѣлія то же самое, что Цицеронъ и Ливій — для философіи и исторіи. Какъ тѣ придали своимъ наукамъ сродную характеру римлянъ форму и приспособили ихъ къ потребностямъ образованныхъ людей своего времени, такъ и Колумелла ввелъ науку о земледѣліи въ систему общечеловѣческаго образованія. Убѣжденный изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ римскимъ обществомъ, что Цицеронъ и Ливій возбудили въ своихъ соотечественникахъ интересъ къ греческой философіи и исторіи единственно очаровательнымъ изложеніемъ мыслей, и что вообще слишкомъ немногіе люди способны любить науку ради ея самой,—Колумелла написалъ свое сочиненіе на самомъ чистомъ латинскомъ языкѣ и украсилъ его изящными выраженіями и оборотами рѣчи, думая придать этимъ въ глазахъ современниковъ новую прелесть сельской жизни и возбудить въ нихъ любовь къ природѣ и стариннымъ нравамъ. Хотя, вслѣдствіе превратнаго образованія народа, его нравственнаго безсилія и разобщенія съ природою, Колумелла не достигъ своей цѣли, но тѣмъ не менѣе сочиненіе его имѣетъ важность въ другомъ отношеніи. Благодаря превосходному слогу, оно читалось съ такимъ же удовольствіемъ, какъ дидактическая поэма Виргилія; изучалась въ школахъ наравнѣ съ другими классическими произведеніями, и такимъ образомъ способствовала введенію теоріи земледѣлія въ кругъ наукъ, преподававшихся въ общественныхъ школахъ. Произведеніе Колумеллы пріобрѣло

значеніе особенно въ Испаніи и Франціи, гдѣ тогда процвѣтали высшія учебныя заведенія и гдѣ оно не мало подвинуло впередъ науку о земледѣліи.

Не менѣе значительны были успѣхи римлянъ по части законовѣдѣнія; но здѣсь мы не будемъ распространяться о нихъ, потому что для этого потребовался бы значительный запасъ юридическихъ свѣдѣній. Всю остальную литературу описываемой эпохи мы раздѣляемъ на четыре класса, для болѣе удобнаго объясненія характера и различныхъ направленій тогдашней образованности.

Къ первому классу относятся писатели, которые имѣли въ виду только риторическій блескъ и ложныя украшенія и заботились объ одной декламаціи, высокопарности изложенія, звонкихъ фразахъ и искусственныхъ, но пустыхъ періодахъ. Такіе писатели составляли естественное явленіе въ тотъ вѣкъ, когда люди, вслѣдствіе ненатуральности жизни, пустоты, изнѣженности и страсти къ наслажденіямъ, утратили способность пониманія всего, что носитъ на себѣ печать простоты и истины, и находили удовольствіе только въ искусственномъ и преувеличенномъ. Подобное направленіе сообщалось римлянамъ еще въ школахъ, печальное состояніе которыхъ живо изображаютъ предъ нами лучшіе писатели той эпохи. На науку смотрѣли тамъ какъ на дѣло совершенно постороннее; вся цѣль воспитанія заключалась въ томъ, чтобы доставить дѣтямъ матеріальное обезпеченіе въ будущемъ и подготовить ихъ къ общественной жизни, и отцы съ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда дѣти ихъ сдѣлаются способными къ занятіямъ, обѣщавшимъ богатство и славу. Объ естественномъ развитіи умственныхъ способностей, объ истинномъ знаніи и образованности въ школахъ не было и рѣчи. Учащіеся не пріобрѣтали никакихъ положительныхъ свѣдѣній и съ незрѣлымъ умомъ спѣшили броситься въ жизнь. Попавъ съ юныхъ лѣтъ на ложный путь и привыкнувъ къ высокомѣрію, они сами предписывали потомъ своимъ учителямъ законы ложнаго вкуса, а эти послѣдніе изъ-за денегъ и минутной похвалы жертвовали своими убѣжденіями и основными законами ума и вкуса. Въ этомъ описаніи системы воспитанія, почти слово въ слово заимствованномъ изъ произведеній тогдашнихъ писателей, нѣтъ необходимости предполагать преувеличенія: оно на каждомъ шагу оправдывается наблюденіями надъ жизнью современнаго намъ общества.

Ложное риторическое направленіе превратнаго школьнаго образованія и духа времени отразилось одинаково и на прозаическихъ писателяхъ, и на поэтахъ. Лучшимъ образцомъ первыхъ можетъ служить Курцій Руфъ, жившій въ царствованіе Веспасіана. Онъ написалъ исторію Александра Великаго и уже самымъ выборомъ предмета обнаружилъ свой талантъ, какъ писателя. Исторія давно минувшей эпохи, относящейся къ жизни грековъ и притомъ имѣющей близкое соприкосновеніе съ исторіей Востока, чтобы остаться исторіей, непремѣнно требовала строго-научнаго и критическаго метода въ изложеніи. Но для такихъ людей, какъ Курцій, истина и жизнь не имѣли никакого значенія, что онъ и доказалъ выборомъ источниковъ и самымъ способомъ изложенія. Онъ слѣдуетъ только баснословнымъ повѣствователямъ, заимствуетъ изъ нихъ самые чудовищные, невѣроятные разсказы и самъ еще болѣе преувеличиваетъ ихъ. Во всемъ изложеніи видѣнъ изящный писатель и риторъ, владѣющій искусствомъ выражаться звонкими и разсчитанными на эффектъ фразами, но не умѣющій даже самый возвышенный предметъ заставить говорить самъ за себя. Правда, періоды Курція хорошо построены, описанія его отличаются живостью и всѣ моральныя сентенціи приведены у него кстати; но все это нисколько не вознаграждаетъ за холодное фразерство, которымъ наполнена вся книга. У Курція изложеніе предмета лишено всякой силы, а языкъ постоянно переходитъ въ стихотворный, такъ что рѣчь его представляется переложенными въ прозу стихами; писатели же лучшаго времени, при всей живости и энергіи своихъ мыслей, никогда не переступали черты, раздѣляющей прозу отъ поэзіи.

Вліяніе изнѣженности, страсть къ щеголеватости языка и звонкимъ фразамъ еще яснѣе выразились въ поэзіи. Замѣчательнѣйшимъ изъ писателей, злоупотреблявшихъ поэзіею, такъ же, какъ Курцій исторіею, то есть, желавшихъ блеснуть въ стихотворныхъ произведеніяхъ своихъ безвкуснымъ краснорѣчіемъ, былъ Силій Италикъ, современникъ Курція. Ему пришла въ голову странная мысль воспѣть въ героической поэмѣ исторію второй пунической войны. Не

имѣя ни малѣйшаго поэтическаго таланта, онъ былъ такъ же несчастливъ въ выполненіи, какъ и въ выборѣ своей задачи, и старался замѣнить недостатокъ дарованія рабскимъ подражаніемъ Виргилію, гладкими стихами и вычурнымъ слогомъ. Для насъ онъ имѣетъ значеніе только потому, что можетъ служить примѣромъ, до чего доходило въ школахъ злоупотребленіе поэзіей Виргилія и прозою Цицерона. Современники его: Валерій Флаккъ и Папиній Стацій отличались большею даровитостью. Первый написалъ героическую поэму о походѣ Аргонавтовъ, а второй воспѣлъ миѳическую исторію Ахилла и войны сыновей Эдипа, и оставилъ также нѣсколько смѣшанныхъ стихотвореній, которыя онъ, по разнообразію ихъ содержанія, назвалъ «лѣсами». И тотъ, и другой избрали образцами греческихъ поэтовъ, но были настолько же ниже послѣднихъ, насколько эпоха римскихъ императоровъ была ниже греческой древности, или даже эпохи Птолемеевъ. Впрочемъ, изъ всѣхъ позднѣйшихъ поэтовъ, Стація нужно признать лучшимъ подражателемъ Виргилія.

Названный нами выше (стр. 104) поэтъ Луканъ, воспѣвшій въ героической поэмѣ вторую междоусобную войну, по своему изящному вкусу и образу мыслей, безспорно, принадлежитъ къ лучшему времени. Правда, и онъ, какъ видно изъ самаго выбора предмета, оставилъ истинный путь и вступилъ на искусственный, но тѣмъ не менѣе его нельзя и сравнивать съ упомянутыми нами поэтами: дотого превосходитъ онъ ихъ своею основательностью, силою и природными дарованіями. Луканъ жилъ въ страшное царствованіе Нерона и принадлежалъ даже къ числу его придворныхъ; но при помощи стоической философіи, онъ успѣлъ закалить свой характеръ и, проникнутый ея духомъ, старался высказать въ стихахъ то, чего нельзя было выразить въ прозѣ. Только этимъ можно объяснить себѣ его мысль изобразить въ эпической формѣ междоусобную войну Цезаря съ Помпеемъ: въ противномъ случаѣ, нельзя не назвать сумасброднымъ его намѣреніе написать для совершенно-прозаическаго міра героическую поэму, а тѣмъ болѣе избрать ея предметомъ событіе позднѣйшей исторіи. Историческая поэма Лукана «Фарсалія» замѣчательна болѣе съ исторической, чѣмъ съ поэтической стороны. Луканъ изобразилъ событія междоусобной войны и характеры участвовавшихъ въ ней лицъ съ такою поэтическою живостью и вѣрностью, съ какою не изображалъ ихъ ни одинъ историкъ. Само собою разумѣется, что въ стихотвореніи такого рода могутъ имѣть поэтическое достоинство только частныя подробности. Но тѣмъ не менѣе истинно римскій духъ поэта, его благородное презрѣніе ко всему низкому и возвышенные уроки, которые онъ смѣло предлагалъ своимъ современникамъ, часто сообщаютъ поэмѣ болѣе поэтической высоты, чѣмъ сколько могла бы сдѣлать это величайшая сила фантазіи. Къ чести Лукана нужно еще прибавить, что версификація, музыкальность языка и краснорѣчіе выработаны имъ самостоятельно, тогда какъ позднѣйшіе поэты въ этомъ отношеніи механически подражали Виргилію.

Ко второму классу относятся писатели, которые, отвергая пустословіе, растянутость и высокопарность тогдашнихъ риторовъ, сами впали въ противоположную крайность, пристрастившись къ чрезмѣрной краткости, искусственному остроумію и точности выраженія. Появленіе такихъ писателей также характеризуетъ собою эпоху, когда всѣ, минуя прямой путь, старались достигнуть своихъ цѣлей искусственными средствами. Страсть къ сжатому, до натянутости, слогу и эпиграмматической краткости рѣчи обусловливалась двумя главными побужденіями: желаніемъ обратить на себя вниманіе общества новостью манеры изложенія, или суровостью своихъ нравственныхъ убѣжденій, съ которою болѣе всего гармонировалъ серьезный, сжатый слогъ. Изъ писателей въ этомъ родѣ первый обратилъ на себя вниманіе Веллей Патеркулъ, жившій въ царствованіе Августа и Тиберія. Онъ составилъ удобопонятный, изящно-изложенный и богатый сентенціями обзоръ римской исторіи, похожій по своему методу на многія современныя сочиненія подобнаго рода. Веллей поставилъ себѣ задачею доказать необходимость и пользу деспотической формы правленія, не противорѣча впрочемъ слишкомъ явно республиканскому складу мыслей образованнаго общества той эпохи, и исполнилъ свое дѣло съ желѣзнымъ упорствомъ и замѣчательною ловкостью. Республиканскую часть римской исторіи онъ излагаетъ съ пышными похвалами старинѣ, а событія временъ императоровъ описываетъ лакейскимъ слогомъ офи-

ціальныхъ газетъ. Такая искусственная смѣсь республиканскаго образа мыслей съ низкимъ раболѣпствомъ составляла естественное явленіе въ то время, когда истина и нравственность потеряли всякое значеніе и зависѣли отъ ловкости и эгоистическаго коварства. Подобнымъ же образомъ изложилъ исторію республиканскаго времени Флоръ, жившій въ царствованіе Траяна. Впрочемъ Флоръ руководился совершенно другою цѣлью, чѣмъ Веллей Патеркулъ: онъ хотѣлъ польстить не императору, а римской публикѣ, гордившейся древнимъ римскимъ величіемъ, не смотря на свое развращеніе. Воспользовавшись пробудившеюся при Траянѣ, хотя и не надолго, восторженною симпатіею къ республиканской эпохѣ, Флоръ, въ своемъ краткомъ историческомъ очеркѣ, изобразилъ дѣянія римлянъ согласно съ господствовавшимъ тогда направленіи, съ эпиграмматическою краткостью и высокопарною пышностью. Его сочиненіе походитъ на французскія сокращенныя исторіи (abrégés), и подобно имъ, не смотря на скромное заглавіе, содержитъ въ себѣ много дѣльныхъ знаній и искусства въ изложеніи.

Лучшимъ писателемъ въ этомъ родѣ былъ Сенека, объ отношеніяхъ котораго къ Нерону мы уже говорили выше (стр. 98). Въ характерѣ Сенеки соединялись самыя рѣзкія противоположности. Это былъ приверженецъ стоической философіи и въ то же время низкій льстецъ; человѣкъ, съ огромными талантами, и вмѣстѣ съ тѣмъ подверженный самой низкой страсти — корыстолюбію; украшенный добродѣтелью, основанной на философіи, и въ то же время отличавшійся безхарактерною уступчивостью пороку. Въ вѣкъ разврата, враждебный всякой истинѣ и правдѣ, онъ старался дѣйствовать не твердостью своихъ принциповъ, а слабымъ колебаніемъ то на ту, то на другую сторону, и раболѣпною угодливостью Агриппинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что его нравственныя цѣли были возвышенны; но онъ хотѣлъ достигнуть ихъ путемъ одного житейскаго благоразумія, и вслѣдствіе того своими поступками часто противорѣчилъ мыслямъ, высказываемымъ имъ въ своихъ сочиненіяхъ. Поэтому вліяніе сочиненій Сенеки было столь же разнообразно, какъ и сужденіе о нихъ потомства. Нравственность, проповѣдуемая имъ, искусство, съ какимъ онъ изображалъ предъ своими современниками истинное назначеніе человѣка, блаженство внутренней жизни и презрѣніе земныхъ благъ, принесли много пользы чистымъ и благороднымъ натурамъ всѣхъ временъ. Но тотъ же самый моралистъ, изъ политическихъ и практическихъ видовъ, былъ въ состояніи пресмыкаться предъ низкимъ рабомъ деспота, отпущенникомъ Полибіемъ (стр. 98), и унизить философію и науку, посвятивъ ему льстивое сочиненіе. Такое соединеніе противоположностей въ лицѣ Сенеки можно отчасти объяснить тѣмъ, что въ нравственно-испорченномъ обществѣ крайности легко соприкасаются, что самыя возвышенныя удовольствія и сильныя ощущенія наводятъ скуку и апатію, что обращеніе съ развратными людьми, неудовлетворенныя стремленія и оскорбительное самолюбіе заставляютъ умныхъ людей заключаться въ себѣ самихъ, а человѣкъ, привыкшій къ обширной политической дѣятельности, тяготится бездѣятельною жизнью частныхъ лицъ и находитъ удовольствіе въ уединенныхъ философскихъ занятіяхъ и исполненіи строгихъ нравственныхъ правилъ. По этой причинѣ философія Сенеки, съ ея взглядомъ на жизнь и людей, можетъ быть истиннымъ сокровищемъ для отжившихъ придворныхъ и всѣхъ тѣхъ, которые имѣли несчастіе видѣть свои планы и надежды разрушенными. Строгая нравственная философія Сенеки должна была привлечь къ нему и лучшихъ людей, какимъ былъ Тацитъ, потому что благородныя натуры, среди всеобщей распущенности, тѣмъ охотнѣе избираютъ для своей жизни самые строгіе принципы.

Такъ объясняется громадное вліяніе ученія Сенеки, изложеннаго имъ въ своихъ сочиненіяхъ. Но еще сильнѣе дѣйствовалъ онъ своимъ изложеніемъ, въ которомъ слѣдовалъ по пути, проложенному отцомъ его, знаменитымъ учителемъ краснорѣчія. Сенека былъ Цицерономъ своего времени, и его вліяніе на эстетическое и литературное направленіе эпохи было ни въ какомъ случаѣ не меньше вліянія Цицерона. Они различались между собою настолько, насколько были несходны между собою эпоха и люди, среди которыхъ они жили и дѣйствовали, и еще потому, что, будучи политическими дѣятелями, достигли значенія, одинъ своими способностями и добродѣтелью, а другой искусною изворотливостью и уступчивостью. Подобно принципамъ, и слогъ Сенеки находился въ противо-

рѣчіи съ господствовавшимъ тогда направленіемъ и былъ чуждъ жизни и естественности. Вмѣсто изложенія, отличавшагося пустою декламаціею, Сенека ввелъ острый, рѣзкій, сжатый и неудобопонятный образъ выраженія. Утомительность прежней манеры рѣчи, а еще болѣе страсть современниковъ Сенеки ко всему новому, необычайному и поразительному, были причиною необыкновеннаго его успѣха, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только успѣхъ французскихъ писателей восемнадцатаго столѣтія. Сердце, которое одно только, по выраженію Цицерона, образуетъ оратора, не играло тогда никакой роли въ краснорѣчіи; занятіе наукою было забавою и развлеченіемъ, и потому высшій классъ Рима, помѣшанный на удовольствіяхъ, съ жадностью брался за все, что носило на себѣ характеръ искусственности и аффектаціи.

Въ какой мѣрѣ философія Сенеки была пригодна для его времени, видно отчасти изъ того значенія, какое вскорѣ пріобрѣли въ обществѣ учители стоицизма, рѣшавшіеся, не смотря на всѣ преслѣдованія со стороны правительства, проповѣдовать республиканскія тенденціи, и изъ быстраго распространенія христіанства, которое по своему нравственному вліянію было нѣсколько схоже съ стоическимъ ученіемъ. Въ лицѣ Марка Аврелія, стоическая философія, обязанная Сенекѣ своими успѣхами, вступила даже на престолъ. Въ то время было возможно одно изъ двухъ: или полное отреченіе отъ дѣйствительной жизни и мужественная борьба съ духомъ времени, или же дикая распущенность, для которой необходимо было обладать средствами къ наслажденіямъ. Вліяніе Сенеки на лучшихъ людей его времени вполнѣ отразилось въ сочиненіяхъ историка Тацита, вступившаго на политическое поприще при Домиціанѣ и, кажется, дожившаго до временъ Адріана. Тацитъ усвоилъ себѣ философію Сенеки и даже образовалъ свой слогъ по его образцу, не подражая, впрочемъ, его искуственности и бездушности. Отъ него остались слѣдующія сочиненія: лѣтопись (annales), обнимающая собою событія отъ смерти Августа до смерти Нерона; исторія его времени (historia), описывающая время отъ Гальбы до смерти Домиціана; біографія Ариколы и небольшое сочиненіе о жизни и нравахъ германцевъ. Тацитъ принадлежалъ къ числу немногихъ благородныхъ личностей своего времени; онъ вѣрилъ въ достоинство человѣческой природы и питалъ глубокое уваженіе къ славной старинѣ, когда всякій пользовался значеніемъ лишь сообразно своимъ личнымъ качествамъ, и каждый гражданинъ, возвышаемый сознаніемъ своего личнаго достоинства, понималъ свое положеніе въ государствѣ и старался достигнуть уваженія согражданъ дѣйствительными заслугами. При всеобщемъ развращеніи того времени, подобный писатель, очевидно, не могъ разсчитывать на большое число читателей; онъ имѣлъ въ виду только немногихъ лучшихъ людей, способныхъ выслушать его серьезныя наставленія, и своими сочиненіями старался придать имъ болѣе твердости въ трудныхъ обстоятельствахъ. Къ этой же цѣли была направлена и философія Сенеки; но Тацитъ не былъ придворнымъ, какъ Сенека, или даже благородный другъ его, Плиній Младшій; онъ не хотѣлъ пользоваться обстоятельствами, гоняться за одобреніемъ свѣта и играть роль между своими современниками. Чѣмъ болѣе Тацитъ и подобные ему люди чувствовали свое одиночество, тѣмъ болѣе сосредоточивались они въ самихъ себѣ, и сочиненія ихъ невольно должны были выражать горечь души, заключенной въ самой себѣ и исполненной негодованія на окружающій развратъ. Видя вокругъ себя одну безнравственность и интриги, онъ по необходимости пришелъ къ тому взгляду на вещи, по которому, согласно съ новѣйшими французскими писателями, всѣ событія объясняются намѣреніями и характеромъ главныхъ дѣятелей. Впрочемъ Тацитъ не сомнѣвался ни въ достоинствѣ человѣческой природы, ни въ возможности добродѣтели; предъ нимъ всегда носился идеалъ истиннаго человѣка и гражданина. Это видно изъ тѣхъ мѣстъ его сочиненій, въ которыхъ онъ говоритъ объ Арріи, Сенекѣ и германскомъ героѣ — Германѣ, а что возвышенная любовь и преданность не были для него пустою мечтою, объ этомъ свидѣтельствуютъ его разсказы о смерти Арріи. Свои понятіи о свободѣ, любви къ отечеству и самопожертвованіи для него, онъ высказываетъ въ исторіи Германа. Какую философію онъ считалъ въ эти печальныя времена надежною и достойною вниманія благородныхъ людей, онъ указалъ въ возвышенномъ описаніи смерти Сенеки, гдѣ представилъ своего учителя мученикомъ за убѣжденія. Часто встрѣчающіяся у Тацита

мрачность взгляда и ѣдкость выраженія нисколько не удивительны въ немъ, какъ въ человѣкѣ, который былъ исполненъ благороднаго негодованія на тогдашній упадокъ нравственности и, желая возвратить энергію разслабленнымъ и изнѣженнымъ умамъ развращеннаго времени, обращалъ вниманіе на самую сущность событій, чуждаясь излишнихъ подробностей, строгой отчетливости и резонерства.

Отношенія Тацита къ своему времени, его оппозиція духу эпохи и самая цѣль его исторіи будутъ для насъ понятнѣе, если мы разсмотримъ внимательнѣе два небольшія его сочиненія: біографію Агриколы и записки о германцахъ. Первое произведеніе представляетъ намъ римлянина, принадлежащаго по своему характеру къ лучшимъ людямъ древняго міра и среди всеобщаго разврата остававшагося вѣрнымъ своему національному духу. Такимъ образомъ біографія Агриколы представляетъ собою яркій контрастъ съ двумя большими произведеніями Тацита, лучъ свѣта среди мрака самаго жалкаго разврата. Это произведеніе составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе и потому еще, что разрѣшаетъ задачу, которой не въ состояніи были выполнить ни Ксенофонтъ въ біографіи Агезилая (т. I. стр. 334), ни кто-либо изъ новѣйшихъ писателей. Тацитъ воздвигаетъ достойный памятникъ своему герою, не составляя ему непрерывнаго панегирика, сноснаго только при пособіи декламаціи и ораторскаго искусства, но на самомъ дѣлѣ противнаго здравому смыслу и истинному вкусу. Въ сочиненіи о германцахъ Тацитъ не имѣлъ единственною цѣлью изобразить нравы и обычаи германскаго народа, такъ же, какъ не думалъ восхвалять нравственность германцевъ, понимая, какъ историкъ и философъ, что нравственность, опирающаяся на внѣшнія обстоятельства, привычку и недостатокъ поводовъ къ порокамъ, возможна только до тѣхъ поръ, пока существуютъ подобныя отношенія. Ему представлялась гораздо высшая цѣль, чѣмъ простое идиллическое изображеніе общественнаго быта, близкаго къ природѣ, хотя нельзя не согласиться съ тѣмъ, что люди, раздружившіеся съ природою, немогутъ безъ восхищенія смотрѣть на подобныя картины. Въ описаніи германцевъ Тацитъ поставилъ себѣ задачею показать обратную сторону картины, которую онъ нарисовалъ въ двухъ большихъ своихъ произведеніяхъ. Въ нихъ онъ яркими красками изобразилъ развращеніе превратно-образованнаго и слишкомъ утонченнаго римскаго общества; въ описаніи же германцевъ Тацитъ, для контраста, представляетъ народъ по природѣ сильный, вышедшій изъ дикаго состоянія, но еще чуждый цивилизаціи, проводя вездѣ мысль, что въ этомъ именно народѣ, еще вѣрномъ природѣ и не зараженномъ никакою ложною мудростью, можно найти все то, чего нѣтъ въ римскомъ бытѣ. Религія безъ суевѣрій, дружба, вѣрность, любовь къ свободѣ и простой образъ жизни, всѣ эти особенности германскаго быта, важныя сами по себѣ, но потерявшія въ Римѣ всякое значеніе, были изображены Тацитомъ болѣе въ поэтической, чѣмъ въ исторической формѣ, и притомъ съ постоянными, хотя косвенными намеками на современное ему состояніе Рима, для того, чтобы читатель не обманулся на счетъ истинной цѣли сочиненія.

Третій классъ произведеній описываемой нами эпохи составляетъ явленіе, неизбѣжное повсюду, гдѣ только обширность придворной свиты сильнаго владѣтеля, или пышная жизнь столицы сводятъ въ одинъ кругъ значительное число праздныхъ и образованныхъ людей. Среди подобныхъ обстоятельствъ, въ духовномъ и литературномъ мірѣ обнаруживаются двѣ особенныя черты, которыя, смотря по высотѣ уровня нравственныхъ понятій націи, пріобрѣтаютъ большее или меньшее значеніе. Первая состоитъ въ появленіи ѣдкой сатиры, злобной насмѣшки или грязныхъ остротъ надъ личностями и общественными условіями, а другая — въ страсти къ анекдотамъ, пасквильнымъ разсказамъ и сплетнямъ о частной жизни правительственныхъ лицъ. Обѣ эти черты находятся въ тѣсной связи между собою, потому что и та, и другая обусловливаются дурными наклонностями общества, — желаніемъ позабавиться на счетъ ближнихъ, съ цѣлью повредить имъ.

Страсть къ анекдотамъ, собираніе и переписываньe ихъ были въ ходу еще во время Цицерона. Уже тогда находилось множество людей, которые, подобно нашимъ газетнымъ корреспондентамъ, схватывали на лету всѣ сколько-нибудь интересныя новости и сообщали ихъ другимъ за деньги. Эти люди собирали анекдоты всякаго рода, вѣсти о свадьбахъ, ссорахъ, умершихъ и другія подобныя сплетни, и потомъ продавали ихъ вельможамъ, которые, въ свою очередь, разсы-

лали ихъ на виллы своихъ знакомыхъ и въ провинцію. Въ періодъ императоровъ, когда жизнь сдѣлалась болѣе замкнутою и все вошло въ зависимость отъ двора и приближенныхъ къ нему лицъ, когда, кромѣ того, въ высшемъ классѣ чувствовалась умственная дремота, пустота жизни и потребность развлеченія, страсть къ анекдотамъ, само собою разумѣется, увеличилась еще болѣе. Тогда съ жадностью стали ловить всевозможныя извѣстія о правителѣ и его вельможахъ, соединяли ихъ вмѣстѣ, составляя такимъ образомъ что-то въ родѣ скандальныхъ хроникъ, и, какъ во Франціи, во времена страшнаго правленія регента и Людовика XV, производили ими выгодный торгъ. Такимъ образомъ явился новый родъ литературы, который можно сравнить съ многочисленными тайными исторіями французскихъ королей и такъ часто являвшимися въ XVIII столѣтіи французскими мемуарами. Сборники анекдотовъ обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно грекамъ, жившимъ при императорскомъ дворѣ. Такъ какъ возникновеніе этого новаго вида литературныхъ произведеній находится въ связи съ появленіемъ римскихъ газетъ, то мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній о публичныхъ листкахъ, или вѣдомостяхъ римлянъ. Нѣчто въ родѣ вѣдомостей явилось еще во время Цезаря, когда, имѣя въ виду привести въ порядокъ протоколы сенатскихъ засѣданій, которые велись до того времени очень неисправно, онъ желалъ постоянно предавать ихъ гласности. Августъ скоро отмѣнилъ постановленіе Цезаря, и такимъ образомъ прекратилъ этотъ первый опытъ оффиціальныхъ вѣдомостей. Но за то продолжалъ существовать другой родъ публичныхъ листковъ. Со временъ Цезаря, въ особыхъ вѣдомостяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ «дневника или дѣяній народа» (acta diurna vel acta populi), начали обнародывать извѣстія о всѣхъ дѣлахъ, производившихся въ народномъ собраніи, судахъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Эти оффиціальныя газеты, утвержденныя Августомъ, кромѣ свѣдѣній о процессахъ, родившихся и умершихъ, бракахъ, разводахъ, усыновленіяхъ и другихъ, удовлетворяющихъ одному любопытству, мелочахъ, заключали въ себѣ такія вещи, которыя отвлекали мысль народа отъ важныхъ предметовъ и государственныхъ дѣлъ, сосредоточивая ее на жизни однѣхъ знатныхъ фамилій или императорскаго дома, праздникахъ, зрѣлищахъ, постройкахъ, путешествіяхъ и т. п. Иногда, впрочемъ, въ нихъ встрѣчались и описанія происшествій въ сенатѣ. Оффиціальныя газеты, распространявшіяся во множествѣ копій, съ жадностью читались не только въ Римѣ, но даже въ провинціяхъ и войскахъ. Хотя содержаніе ихъ было въ высшей степени невинно, но тираны и ихъ полицейскіе агенты иногда прибѣгали къ нимъ какъ къ доказательствамъ противъ лицъ, осмѣливавшихся противодѣйствовать деспотамъ. Такъ, напримѣръ, при Неронѣ, сенаторъ Тразея Пэтъ своимъ молчаніемъ или прямымъ отказомъ участвовать въ рѣшеніяхъ сената оказывалъ пассивную оппозицію произволу императора. Когда онъ былъ позванъ за это въ судъ, обвинители, для того, чтобы погубить его, пользовались, между прочимъ, журнальными листками, утверждая, что Тразея своимъ образомъ дѣйствій стремился къ газетной популярности, и что либеральная партія въ государствѣ съ жадностью бросалась на каждый новый листъ газеты, чтобы только узнать поскорѣе, чего не сдѣлалъ Тразея.

Не смотря на все это, римскія вѣдомости имѣли такое же незначительное вліяніе на общественное мнѣніе, какъ и наши газеты; но понятно, что при всеобщемъ въ то время упадкѣ нравственности, упомянутыя собранія скандалезныхъ анекдотовъ пользовались особенною любовью публики и распространялись во множествѣ экземпляровъ. Эти сборники, которыхъ было очень много, удовлетворяли тогдашней страсти къ скандальнымъ и секретнымъ исторіямъ, и потому читались съ особеннымъ интересомъ. Всѣ они затеряны; но большая часть историковъ императорскаго періода пользовалась ими, какъ источниками, вмѣстѣ съ оффиціальными вѣдомостями и свѣдѣніями, извлеченными изъ публичныхъ библіотекъ и архивовъ. Такимъ образомъ возникъ новый видъ исторіографіи, въ которомъ на первомъ планѣ стали не общественныя дѣла, а приключенія, касавшіяся немногихъ частныхъ лицъ. Первымъ замѣчательнымъ писателемъ въ этомъ родѣ былъ Свѣтоній Транквиллъ, жившій при Траянѣ и Адріанѣ. Правда, еще при Тиберіи Валерій Максимъ составилъ сборникъ замѣчательныхъ случаевъ и изрѣченій; но онъ имѣлъ при этомъ въ виду нравственную цѣль,

желая не столько заинтересовать своихъ читателей анекдотами, интригами и личностями, сколько занять ихъ умы и дать имъ пищу для размышленія.

Вмѣстѣ съ этою частною, ограничивавшеюся одними анекдотами, исторіею, явилась безстыдная, ѣдкая сатира. Стремясь, повидимому, къ тому, чтобы насмѣшкою и остротами исправить нравственную испорченность націи, тогдашняя сатира на самомъ дѣлѣ только рисовала картины разврата, раздражала воображеніе читателей, знакомила ихъ съ господствующими пороками, стараясь унизить все высокое и достойное уваженія, и такимъ образомъ, въ одно и то же время, была и проводницею безнравственности, и орудіемъ эгоистической злобы, стремившейся опошлить все великое и прекрасное. Такая сатира всегда является спутницею крайняго нравственнаго упадка націи, что въ особенности рѣзко выказалось въ новѣйшее время въ лицѣ Вольтера и другихъ французскихъ сатириковъ. Въ первые годы императорскаго періода, самыми замѣчательными сатириками были Ювеналъ и Петроній. Ювеналъ, жившій около 100 г. по р. Хр., не выражая прямаго негодованія на нравственный развратъ, только бричитъ, сердится, бранится на пороки, подлости, преступленія и злодѣйства. Вмѣсто того, чтобы дѣлать на нихъ только намеки, онъ выставляетъ ихъ во всей ужасающей наготѣ и изображаетъ прекрасными, мастерскими стихами, тогда какъ въ этомъ случаѣ нужно было бы какъ можно менѣе краснорѣчія и поэзіи, если только въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ виду исправленіе нравственности. Ювеналъ съ видимымъ удовольствіемъ останавливается на описаніи безнравственныхъ сценъ, и съ поразительною ясностью рисуетъ возмутительныя картины разврата, которыя самъ Тиберій, во время своего пребыванія въ Капри, старался скрыть отъ глазъ свѣта, и которыя въ наше время даже въ самыхъ развращенныхъ городахъ Европы, къ счастью человѣчества, не смѣютъ показываться на видъ. Такимъ образомъ Ювеналъ занимался самымъ гибельнымъ родомъ сатиръ, и вмѣсто того, чтобы исправлять читателей, знакомилъ ихъ съ порокомъ, опутывая невинность сѣтями разврата и распространяя распущенность большихъ городовъ между жителями селъ и мѣстечекъ. Петроній Арбитръ, о которомъ мы уже говорили въ исторіи Нерона (стр. 102), принадлежалъ къ числу людей, соединявшихъ изящное образованіе съ ужасною нравственною испорченностью, въ родѣ извѣстныхъ во Франціи подъ именемъ «повѣсъ» (roués) и къ сожалѣнію встрѣчающихся повсюду. Онъ написалъ родъ романа, гдѣ съ большимъ умѣньемъ, неистощимыхъ остроуміемъ и изумительнымъ изяществомъ языка изобразилъ всѣ роды постыдныхъ удовольствій и пороковъ, въ которыхъ онъ участвовалъ при дворѣ Нерона. Поэтому книга его даетъ намъ болѣе вѣрное понятіе о духѣ и жизни высшаго римскаго общества, чѣмъ всѣ описанія исторіковъ. Она написана съ безнравственною рельефностью, гладкостью и искусствомъ, подобныя которымъ исторія литературы представляетъ и у другихъ народовъ. Произведеніе Петронія принадлежитъ къ тому же роду, какъ и сочиненія Петра Аретино и другихъ итальянскихъ поэтовъ, «Орлеанская дѣва» Вольтера и нѣкоторые другіе французскіе романы. Въ нѣмецкой литературѣ есть также подобныя произведенія, какъ, напримѣръ, путешествія Тюммеля и нѣкоторыя сочиненія Виланда, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что легкомыслія принциповъ и тона, какое находимъ у Петронія, Аретино и Вольтера, мы не встрѣчаемъ у нѣмцевъ. Петроній изображаетъ всѣ предметы съ смѣшной стороны, смѣется надъ комическими сценами и затрудненіями, къ которымъ приводитъ стремленіе къ удовлетворенію страсти, и хотя впадаетъ иногда въ серьезный тонъ, но только для того, чтобы яркимъ контрастомъ самой необузданной веселости и философской серьезности еще болѣе поразить и развлечь читателя. Онъ очень хорошо сознаетъ упадокъ истины и добра какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ и искусствѣ, но, не смотря на это, его насмѣшка направлена не столько противъ преступныхъ удовольствій, сколько противъ педантовъ, порицающихъ страсть къ удовольствіямъ, и бичуетъ не самый порокъ, а только неизбѣжныя притомъ смѣшныя положенія.

На ряду съ Ювеналомъ и Петроніемъ, нужно поставить Марціала, современника послѣдняго. Хотя онъ и не относится къ собственно сатирическимъ писателямъ, но тѣмъ не менѣе, въ дошедшихъ до насъ эпиграммахъ его, отражается характеръ того печальнаго времени. Подобно Петронію, Марціалъ соединяетъ въ себѣ щеголеватость, остроуміе и искусство, и воспѣваетъ Домиціана,

такъ же, какъ Нерву и Траяна. Онъ то прославляетъ добродѣтель и благородство души, то рисуетъ самые грязные предметы въ своихъ небольшихъ стихотвореніяхъ, дѣлая ихъ чрезъ это болѣе удобными для удержанія въ памяти. Впрочемъ, онъ всегда имѣлъ въ виду только матеріальныя выгоды, какъ онъ и самъ неоднократно высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ, говоря, что дорожитъ только одною прибылью и мало заботится о популярности своихъ сочиненій въ различныхъ областяхъ государства, если только она не доставляетъ ему денегъ. Злоупотребленіе изящною формою изложенія, отличавшее Марціала, Петронія и Ювенала, и безпрепятственное распространеніе распутства высшаго римскаго общества, имѣло въ страшной степени вредное вліяніе на общественную нравственность. До чего доходилъ развратъ, можно видѣть уже изъ того, что позднѣйшіе писатели избирали для себя образцемъ преимущественно Марціала, и что, по свидѣтельству историковъ четвертаго столѣтія, изъ всѣхъ сочиненій древнихъ писателей читались тогда почти только однѣ его сатиры.

За то римляне очень скоро забыли человѣка, принадлежавшаго къ даровитѣйшимъ писателямъ временъ императоровъ, но слѣдовавшаго направленію, совершенно отличному отъ Ювенала, Марціала и Петронія. Мы говоримъ о Персіи, родившемся въ 34 г. по р. Х. и умершемъ на 28 году жизни. Подобно Петронію, Персій обладалъ большимъ сатирическимъ талантомъ и долго оспаривалъ первенство у него и Марціала; но свѣтское общество, по очень понятнымъ причинамъ, скоро рѣшило споръ въ пользу Петронія. Прямодушный Персій не хотѣлъ, ради шутки, насмѣхаться надъ вѣтренною жизнью своихъ современниковъ, но тѣмъ съ большею энергіею изливалъ на нихъ долго сдерживаемое имъ негодованіе. Послѣ этого Петроній, естественно, долженъ былъ получить предпочтеніе въ глазахъ тогдашняго поколѣнія. Хотя въ пользу Персія говоритъ вѣчная истина, прирожденная человѣку, но ее понимаютъ, или хотятъ понимать только немногіе. Петроній же имѣетъ на своей сторонѣ то постоянное правило жизни, что въ свѣтѣ большею частью страдаютъ не злодѣи, а люди, неискусно начавшіе свои предпріятія и, слѣдовательно, часто лучшіе изъ нихъ. Имѣя одинаковое направленіе съ Тацитомъ, и подобно ему, возвышаясь надъ своимъ временемъ, Персій не хотѣлъ писать для одного высшаго круга, находившаго удовольствіе въ насмѣшкахъ и злорѣчіи, приправленныхъ только остротами и изяществомъ формы. Сатиры его не могли имѣть успѣха въ высшемъ свѣтѣ уже по одному тому, что ихъ нельзя было читать безъ напряженія, тогда какъ языкъ и легкая манера Петронія приходились по вкусу образованнымъ развратникамъ. Серьезный и солидный Персій имѣлъ совершенно другую цѣль и старался достигнуть ея совершенно иными средствами, чѣмъ Ювеналъ и Петроній. Поставивъ себѣ задачею раскрыть источники и причины всеобщаго разврата и указать средства къ прекращенію его распространенія, Персій не насмѣхался, подобно Петронію, то надъ добродѣтелью, то надъ слабостями людскими; а взявъ въ примѣръ Тацита, своими остротами и насмѣшками хотѣлъ въ правилахъ философіи указать немногимъ личностямъ, способнымъ читать и понимать его, средство противъ нравственной болѣзни вѣка. Такимъ образомъ ему незачѣмъ было останавливаться на изображеніи пороковъ: для своей цѣли онъ считалъ достаточнымъ одни указанія на нихъ, зная изъ опыта, что люди, предавшіеся разврату, уже неисправимы, а для другихъ гораздо полезнѣе скрывать пороки, чѣмъ порицать ихъ слишкомъ открыто. Не направляя сатиръ своихъ, какъ Ювеналъ, или въ новѣйшее время Буало, противъ частныхъ пороковъ извѣстныхъ личностей, Персій всегда имѣлъ въ виду общую испорченность и духъ всей эпохи. Наконецъ онъ никогда не обращается къ тому, что выше или ниже порицанія философовъ, а только бичуетъ недостатки, которые, хотя и глубоко лежатъ въ природѣ человѣка и при извѣстныхъ обстоятельствахъ могутъ возобновляться, но отъ которыхъ однако всегда можно освободиться посредствомъ воспитанія и образованія.

Персій принадлежалъ къ четвертому и послѣднему классу писателей описываемой нами эпохи, не попавшихъ на ложный путь, которымъ увлеклись писатели трехъ первыхъ разрядовъ. Изъ авторовъ этого рода болѣе другихъ замѣчательны: Квинтиліанъ, Плиній Старшій и Плиній Младшій. Квинтиліанъ, современникъ Плинія Младшаго, родился въ Испаніи въ 42 году и умеръ около 118 г. по р. Х. Время жизни Плинія Младшаго простирается отъ 62 до 110 года.

Плиній Старшій, дядя Плинія Младшаго, сдѣлался жертвою своей любознательности во время извѣстнаго изверженія Везувія въ 79 году. Квинтиліанъ былъ учителемъ краснорѣчія и оставилъ послѣ себя руководство по этому предмету. Для образованности своего времени и послѣдующей эпохи онъ имѣлъ важное значеніе особенно потому, что понялъ ложное направленіе современной ему литературы и противодѣйствовалъ ему со всею энергіею человѣка, имѣвшаго первый голосъ въ дѣлѣ вкуса и науки. Правда, онъ не могъ упрочить за собою уваженія соотечественниковъ и часто самъ становился на ложную дорогу, но это доказываетъ только, что никто не можетъ освободиться отъ вліянія духа времени. При своемъ выступленіи на литературное поприще, Квинтиліанъ засталъ оба направленія, отличавшія два первые описанные нами класса писателей того времени, а именно съ одной стороны страсть къ высокопарности, надутости и пустословію, съ особенною силою выразившіяся въ сочиненіяхъ Курція, а съ другой приверженность къ искусственному остроумію, рѣзкости, точности и краткости выраженія, развившуюся подъ вліяніемъ Сенеки и его отца. Эти противоположныя направленія грозили уничтожить всякій естественный способъ выраженія, когда явился въ Римѣ Квинтиліанъ и въ качествѣ учителя краснорѣчія пріобрѣлъ такое вліяніе, что могъ рѣшиться противостать имъ. Какъ выполнялъ свою задачу Квинтиліанъ, можно видѣть изъ сужденій его о Сенекѣ. Обвиняя Сенеку въ суетномъ желаніи блистать въ средѣ своихъ соотечественниковъ, онъ объясняетъ, какимъ образомъ изъ этого желанія вытекали всѣ противорѣчія его самому себѣ и разногласія между его словами и поступками. Не отнимая у Сенеки таланта, Квинтиліанъ во всѣхъ его манерахъ видитъ одно тщеславіе и укоряетъ его за то, что въ содержаніи, выраженіи и направленіи своихъ сочиненій онъ искалъ не одобренія благоразумныхъ критиковъ, а только пустой популярности между легкомысленнымъ молодымъ поколѣніемъ. Квинтиліанъ имѣлъ вліяніе на краснорѣчіе не только какъ критикъ, но и какъ преподаватель положительныхъ правилъ науки, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ оказалъ большую услугу теоріи краснорѣчія, соразмѣривъ ея объемъ съ уровнемъ образованности вѣка, и тѣмъ, что предназначалъ свои правила не для однихъ только ораторовъ и государственныхъ дѣятелей, а для всѣхъ писателей вообще. Сочиненіе Квинтиліана важно для исторіи литературы между прочимъ и потому, что итальянцы и французы взяли его въ основаніе своихъ руководствъ по части риторики.

Плиній Младшій, оставившій послѣ себя собраніе писемъ и похвальную рѣчь Траяну, принадлежалъ къ числу лучшихъ людей своего времени. Онъ и его друзья, между которыми особенно замѣчательны Тацитъ и императоръ Траянъ, ревностно трудились для распространенія просвѣщенія въ народѣ, совмѣщая въ себѣ практическую и государственную дѣятельность съ истиннымъ внутреннимъ образованіемъ. Вообще изъ писемъ Плинія мы узнаемъ, что въ его время въ высшемъ римскомъ обществѣ существовалъ кружокъ передовыхъ людей, которые, удалившись отъ всеобщаго разврата и противодѣйствуя распространенію безнравственности, съ самопожертвованіемъ занимались науками и, что еще важнѣе, смотрѣли на литературу не какъ на ремесло, а какъ на дѣятельность, вполнѣ достойную благородныхъ людей, и, чуждаясь всякихъ мелочныхъ цѣлей и побужденій, при своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ, не считали для себя унизительнымъ быть учителями своихъ согражданъ.

Въ отношеніи слога Плиній шелъ по слѣдамъ Квинтиліана и, будучи другомъ императора Траяна, противодѣйствовалъ, какъ писатель и ораторъ, вліянію высокопарной декламаторской школы и подражателей Сенеки. Письма его важны еще потому, что, при сравненіи ихъ съ письмами Цицерона, ясно видна перемѣна, происшедшая въ образованіи и тонѣ высшаго римскаго общества, въ дѣловомъ языкѣ и вообще во всемъ взглядѣ на вещи. Въ письмахъ Цицерона и его друзей господствовалъ прямой, открытый и безцеремонный тонъ, хотя бы тотъ, къ кому было адресовано письмо, принадлежалъ къ противной партіи или писавшій хотѣлъ заискать его покровительства. Въ письмахъ Плинія мы не встрѣчаемъ этого; но изъ самыхъ оборотовъ и выраженій можно догадаться о званіи и должности того лица, къ которому обращался писавшій. Въ письмахъ Цицерона, при всей ихъ тщательной обработкѣ, видна естественность; у Плинія же повсюду замѣтна искусственность. Въ его письмахъ вездѣ проглядываетъ личность автора,

и видна несносная замашка писать съ изысканнымъ остроуміемъ и изяществомъ, выставляя себя съ самой выгодной стороны, замѣтна осторожность, необходимая впрочемъ въ то время, когда каждый занимаетъ строго опредѣленное мѣсто и одинъ только человѣкъ заправляетъ всѣмъ. Словомъ, письма Плинія, служа образцомъ дѣловой и кабинетной корреспонденціи, на ряду съ другими сочиненіями того времени, служатъ доказательствомъ, какъ трудно было явиться тогда какому-либо произведенію свободнаго творчества. Это подтверждается вторымъ и послѣднимъ сочиненіемъ Плинія Младшаго—похвальнымъ словомъ Траяну, произнесеннымъ въ римскомъ сенатѣ. Плиній обнаруживаетъ въ немъ тщеславное стремленіе блистать возвышенными оборотами и остротами, свойственное вообще произведеніямъ подобнаго рода, столь многочисленнымъ во французской литературѣ. Правда, похвальная рѣчь Траяну изображаетъ преимущественно дѣйствительныя его дѣянія; но, не смотря на то, свободный человѣкъ соскучится читать длинную рѣчь, въ которой постоянно выставляется на видъ и представляется средоточіемъ всего одно лице. Притомъ, въ исторіи добродѣтель находитъ высшую славу въ себѣ самой, а прославленіе дѣяній правителя, произнесенное при его жизни, не могло не дѣйствовать вреднымъ образомъ на нравственность разслабленныхъ гражданъ падавшей имперіи, и при шаткости общественнаго мнѣнія, авторъ подобнаго рода похвальной рѣчи подалъ весьма опасный и заразительный примѣръ.

Плиній Старшій написалъ большое сочиненіе, названное имъ самимъ естественною исторіею, но по своему содержанію и цѣли заслуживающее скорѣе названія энциклопедіи. Пробужденіе въ обществѣ любви къ спеціальнымъ и практическимъ знаніямъ вызвало, такъ же какъ въ восемнадцатомъ столѣтіи во Франціи и другихъ государствахъ, потребность въ энциклопедіи, которая, представляя въ общемъ обзорѣ всѣ науки, тѣмъ самымъ содѣйствовала бы скорѣйшему ихъ изученію. Въ наше время подобныя энциклопедіи составляются обыкновенно цѣлыми учеными обществами; Плиній же предпринялъ этотъ исполинскій трудъ одинъ. Поставивъ себѣ задачею совмѣстить въ одномъ сочиненіи всѣ познанія, необходимыя для каждаго образованнаго человѣка, онъ для этой цѣли сдѣлалъ извлеченія изъ двухъ тысячъ пяти сотъ произведеній другихъ писателей. Если онъ и не выполняетъ всѣхъ условій, требуемыхъ отъ подобныхъ трудовъ, то причину этого слѣдуетъ искать въ самой громадности его предпріятія. Плиній, какъ и вообще всѣ компиляторы, страдаетъ недостаткомъ критики и нерѣдко заимствуетъ свои свѣдѣнія изъ недостовѣрныхъ источниковъ. Онъ заслуживаетъ безусловнаго довѣрія только въ ботаникѣ, гдѣ единственнымъ руководителемъ его былъ Діоскоридъ (т. I стр. 514). Но и здѣсь, чтобы польстить вкусу южныхъ народовъ, онъ допускаетъ много сказокъ и басенъ. Въ изложеніи предметовъ также замѣтно вліяніе на него духа времени; слогъ его отличается пышностью, темнотою описаній, сухостью и по мѣстамъ высокопарностью. Напыщенность рѣчи Плинія объясняется тѣмъ, что онъ иногда не совсѣмъ хорошо понималъ свой предметъ и хотѣлъ прикрыть его звонкими фразами. Бюффонъ, стараясь въ своемъ извѣстномъ сочиненіи достигнуть той же самой цѣли, какъ и Плиній, но въ противоположность ему ограничившійся одною отраслью знанія, естественными науками, называетъ трудъ Плинія—пышнымъ и изящнымъ изложеніемъ познаній о всѣхъ предметахъ и явленіяхъ природы и всѣхъ произведеніяхъ и дѣлахъ человѣка. Плиній имѣлъ благодѣтельное вліяніе на соотечественниковъ своимъ методомъ изложенія, содѣйствуя посредствомъ его возведенію естествознанія на степень философской науки. Произведеніе Плинія имѣетъ важное значеніе и для образованности всего человѣчества вообще, обнимая собою содержаніе множества сочиненій, потерянныхъ послѣ Плинія. Средневѣковые ученые, любившіе пышное и изящное изложеніе, прельщались слогомъ Плинія, и можно сказать, что въ средніе вѣка онъ былъ единственнымъ источникомъ знаній по естественнымъ наукамъ. Итальянцы, положившіе въ концѣ среднихъ вѣковъ основаніе новой науки на началахъ классической древности, также начали съ Плинія, а для исторіи древняго искусства его произведеніе и до сихъ поръ служитъ чрезвычайно важнымъ источникомъ.

12. Литература и образованность при Адріанѣ.

По своему вліянію на римскую литературу императоръ Адріанъ можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ римскихъ правителей. Получивъ скорѣе научное, чѣмъ свѣтское и практическое образованіе, онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оставался вѣренъ своему характеру. Самою любимою дѣятельностью его были научныя и литературныя занятія, а самыми приближенными людьми—ученые. Онъ и самъ старался блистать въ обществѣ въ качествѣ ритора, поэта и философа. Многостороннему образованію Адріана значительно помогала необыкновенная его память. Разсказываютъ, что онъ зналъ имена всѣхъ солдатъ въ войскѣ и, прочитавъ однажды какое-нибудь сочиненіе могъ повторить его наизусть. Впрочемъ, какъ ни велико было вліяніе Адріана на литературу, оно обусловливалось не одною его личностью, а преимущественно соотвѣтствіемъ его стремленій духу времени. Примѣръ Адріана можетъ служить яснымъ доказательствомъ, что въ развитіи народа участвуютъ совмѣстно весьма многія обстоятельства, и что одна и та же причина въ разныя времена производитъ различныя послѣдствія. Императоръ Клавдій обладалъ не меньшею ученостью и оригинальностью вкуса, но не смотря на то не могъ распространить въ обществѣ своихъ взглядовъ единственно потому, что они не согласовались съ духомъ времени.

Адріанъ находился въ близкихъ отношеніяхъ со многими литературными знаменитостями своего времени; большая часть его придворныхъ были ученые. Онъ платилъ постоянное жалованье риторамъ, грамматикамъ, поэтамъ и музыкантамъ, щедро поддерживалъ существовавшія учебныя заведенія и основывалъ новыя школы и академіи, какъ напримѣръ въ Римѣ такъ называемый Атеней или мѣсто собранія ученыхъ, которое можно сравнить съ александрійскимъ музеемъ. Поэтому его научныя и эстетическія воззрѣнія не могли оставаться безъ вліянія на образованность и литературу народа, какъ это было съ Тиберіемъ и Клавдіемъ. Онъ умѣлъ поставить себя въ такія отношенія къ наукѣ и литературѣ, что всѣ значительные писатели и учебныя заведенія проводили его взгляды. Каковы были эти взгляды, можно видѣть изъ того, что онъ предпочиталъ Катона—Цицерону, Эннія—Виргилію, отзывался съ презрѣніемъ о Платонѣ и Гомерѣ, имѣлъ страсть къ многознанію, ученымъ тонкостямъ, мистеріямъ, астрологіи и снотолкованію и т. п. Уже самая исключительность направленія Адріана должна была вредно подѣйствовать на науку и литературу; но труды Адріана были вредны и съ другой стороны. Наука и литература, на которыхъ прежде правительство вовсе не обращало вниманія или интересовалось ими только случайно, очутились съ этихъ поръ въ его рукахъ, лишились потому своей самостоятельности и свободы и стали въ полную зависимость отъ личности императоровъ и судьбы падавшаго государства. Наконецъ Адріанъ имѣлъ вредное вліяніе на римскую образованность своимъ пристрастіемъ къ греческой наукѣ. Зная греческій языкъ лучше латинскаго, онъ писалъ на этомъ языкѣ письма къ друзьямъ и даже дѣловыя бумаги; къ римской же народной литературѣ онъ не питалъ никакого сочувствія. Оказывая покровительство почти исключительно греческой литературѣ, онъ требовалъ того же и отъ другихъ, и всѣ главныя ученыя и учебныя заведенія были наполнены при немъ греками. Впрочемъ, съ нашей стороны было бы несправедливо не признать и полезной стороны въ трудахъ Адріана. Онъ приблизилъ къ себѣ нѣсколькихъ лучшихъ людей того времени, давъ имъ такое положеніе въ обществѣ, что они могли быть полезными государству, и доставивъ имъ средства для умственныхъ занятій. Эти люди съ успѣхомъ противодѣйствовали общественнымъ заблужденіямъ и превратному направленію, поддерживаемому самимъ Адріаномъ, и препятствовали распространенію суевѣрія и мистицизма, которыя, какъ постоянный спутникъ крайней утонченности общественныхъ отношеній, распутства и разврата, чрезвычайно усилились въ то время. Къ числу этихъ передовыхъ людей принадлежали Арріанъ, Фаворинъ и Плутархъ.

Разсматривая состояніе тогдашней литературы и образованности въ частности, нужно прежде всего обратить вниманіе на софистику и діалектику, для которыхъ царствованіе Адріана было самымъ цвѣтущимъ временемъ. Краснорѣчіе стало предметомъ моды и спекуляціи и, какъ всякая научная дѣятельность, обращающаяся въ ремесло, слилось съ софистикой. Отвлеченность, фантазерство, ученыя разглагольствованія, игра словами и смѣшная страсть производить эффектъ оригинальными мыслями и научными открытіями, чуждыми всякой истины и значенія, были главными чертами тогдашней научной дѣятельности. Адріанъ содѣйствовалъ развитію этого ложнаго направленія какъ вліяніемъ на своихъ придворныхъ ученыхъ, такъ и своими собственными взглядами на умственную дѣятельность. Объ истинной и свободной наукѣ не могло быть и рѣчи. Софистика, имѣвшая во время Сократа столь гибельное вліяніе на юношество и высшее общество (т. I. стр. 337), находилось по крайней мѣрѣ въ связи съ философіею; новая же софистика эпохи Адріана вращалась единственно въ бездушной сферѣ декламаціи. Пустота мыслей, недостатокъ истиннаго чувства и злонамѣренныя цѣли прикрывались у софистовъ звонкими фразами и изящною оболочкою рѣчи. Все это дѣлалось для того, чтобы прославиться и обогатиться на счетъ другихъ. Предлагая уроки за деньги, нѣкоторые изъ софистовъ пріобрѣли громадное богатство: на ихъ публичныхъ лекціяхъ точно такъ же тѣснилась публика, какъ въ нашихъ большихъ городахъ на представленіяхъ знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Болѣе другихъ софистовъ того времени были извѣстны Полемонъ, Иродъ Аттическій, Александръ, Элій Аристидъ и Адріанъ Тирскій. О тщеславіи этихъ личностей можно судить потому, что Адріанъ, финикіянинъ по происхожденію, при первомъ своемъ появленіи передъ аѳинянами, публично объявилъ, что образованіе, нѣкогда принесенное Кадмомъ въ Грецію, въ лицѣ его во второй разъ явилось къ нимъ изъ Финикіи. До какой степени было выгодно и почетно ремесло софистовъ, видно изъ извѣстій, дошедшихъ до насъ о Полемонѣ. Во время своего путешествія онъ окружалъ себя почти царскимъ блескомъ. Множество невольниковъ, лошадей, охотничьихъ собакъ слѣдовали за нимъ повсюду, а самъ онъ ѣхалъ на великолѣпной, пышно-разукрашенной колесницѣ. Императоры Траянъ и Адріанъ старались превзойти другъ другъ въ выраженіи ему своей благосклонности. Иродъ Аттическій, бывшій по рожденію однимъ изъ богатѣйшихъ лицъ своего времени, игралъ такую важную роль, что могъ увѣковѣчить свое имя многими громадными сооруженіями и учрежденіями, и составилъ проектъ о прорытіи на свой счетъ коринѳскаго перешейка.

Если такимъ образомъ успѣхъ софистовъ обнаруживалъ совершенное уклоненіе отъ истины и природы, то еще положительнѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ распространеніе фантазёрства, суевѣрія и неразлучныхъ спутниковъ его, лицемѣрія и ханжества. Мистическія мудрствованія, вѣра въ сверхъестественныя явленія и другія подобныя фантастическія бредни все болѣе и болѣе туманили головы тогдашняго поколѣнія, хотя приверженцы древняго, свободнаго, свѣтлаго и разумнаго взгляда на вещи вели сильную борьбу съ новыми мечтателями. Усилившійся мистицизмъ находилъ себѣ главную опору въ нравственномъ разслабленіи общества и въ его страсти къ оригинальности и новизнѣ; но еще болѣе благопріятствовало ему постепенное перенесеніе въ Римъ ученій, преданій и и обрядовъ Востока, по мѣрѣ упадка народной вѣры. Уже въ послѣднее время республики и при первыхъ императорахъ сдѣлалось ощутительнымъ вліяніе египетскихъ, сирійскихъ и іудійскихъ воззрѣній, которое съ этого времени все болѣе и болѣе увеличивалось, благодаря стараніямъ сирійскихъ, египетскихъ и іудейскихъ переселенцевъ, надѣявшихся воспользоваться духомъ времени для своихъ выгодъ. Восточные пришельцы хотя и знали греческій языкъ, но были совершенно чужды духа греческаго образованія и міросозерцанія. Превратно понимая воззрѣнія грековъ, они безсознательно или намѣренно искажали ихъ своими отечественными идеями. Такимъ образомъ въ греко-римской литературѣ явилось новое направленіе, усиленное впослѣдствіи распространеніемъ христіанства и въ свою очередь проложившее новому ученію путь въ высшіе классы общества. Какъ глубоко укоренилось оно уже во времена Домиціана, видно изъ сдѣланнаго нами выше замѣчанія объ избраніи Нервы (стр. 115) и изъ роли, какую игралъ въ обществѣ Аполлоній Тіанскій. Аполлонія считали какимъ-то

чудотворцемъ; о немъ разсказывали самыя невѣроятныя вещи, и самъ императоръ Адріанъ изъ благоговѣнія къ нему взялъ на себя трудъ собрать оставшіяся послѣ него сочиненія.

Изъ восточныхъ писателей, придавшихъ своими сочиненіями новый характеръ греко-римской образованности и тѣмъ проложившихъ путь христіанской литературѣ послѣдующей эпохи, особенно замѣчательны: Филонъ и Іосифъ. Будучи іудеями, оба они старались соединить греческое міросозерцаніе съ іудейскимъ. Филонъ, жившій при Калигулѣ, написалъ нѣсколько сочиненій богословско-философскаго содержанія, въ которыхъ старался сблизить ученіе пиѳагорейцевъ, платониковъ и стоиковъ съ іудейскими вѣрованіями и системами восточныхъ мыслителей. Историкъ Іосифъ, современникъ Веспасіана (стр. 115), избралъ для себя подобную же задачу. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, «Исторія іудейскихъ древностей,» онъ доказалъ ближайшую связь іудеевъ съ болѣе извѣстными римлянамъ древними народами и такимъ образомъ даровалъ презираемому прежде іудейскому народу всемірно-историческое значеніе въ глазахъ грековъ и римлянъ, такъ что священныя книги іудеевъ получили первое мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ Востока. Этого не трудно было достигнуть, если взять во вниманіе, съ одной стороны, правдоподобность и простоту писаній ветхаго завѣта, а съ другой баснословный характеръ прочихъ историческихъ произведеній Востока. Но, не смотря на то, Іосифъ для выполненія своей задачи прибѣгнулъ къ обману. Чтобы возвысить единоплеменниковъ, онъ допустилъ въ своемъ разсказѣ басни и вымыслы, искусно примѣшавъ ложь къ достовѣрной исторіи. Таково, напримѣръ, повѣствованіе о пребываніи Александра Великаго въ Іерусалимѣ, событіе, о которомъ упоминаетъ только онъ.—Намъ нѣтъ необходимости упоминать о многихъ другихъ писателяхъ, излагавшихъ исторію и философію подобнымъ же образомъ или писавшихъ объ астрологіи, снотолкованіяхъ и т. п. Со временъ Адріана въ литературѣ все яснѣе и яснѣе обнаруживается вліяніе распространившейся мечтательности и восточной вѣры въ высшую мудрость, неизвѣстнымъ образомъ сообщенную людямъ и усвояемую только посвященіемъ и подобными таинственными средствами.

Самую свѣтлую сторону образованности эпохи Адріана представляетъ возрожденіе стоицизма и его взглядовъ на божество и человѣка. Къ чести Адріана нужно сказать, что онъ не только своимъ личнымъ содѣйствіемъ оказывалъ поддержку преобразованнымъ стоическимъ принципамъ, но и открылъ имъ путь къ престолу, возвысивъ Антонина и Марка Аврелія. Стоическое ученіе, превратившееся еще до Сенеки въ пустую игру понятіями и фразами, было оживлено и очищено Эпиктетомъ, умершимъ не задолго до вступленія на престолъ Адріана. Жизнь философа дѣлаетъ честь его философіи. Родившись невольникомъ, Эпиктетъ получилъ свободу въ царствованіе Нерона и долгое время тщетно старался внушить римлянамъ лучшій взглядъ на жизнь и нравственность. Не встрѣчая никакого сочувствія, онъ жилъ въ бѣдности учителемъ небольшаго кружка учениковъ, пока наконецъ. Домиціанъ не изгналъ его изъ Рима вмѣстѣ съ другими философами. Тогда онъ отправился въ Никополь (въ Эпирѣ) и тамъ скоро собралъ вокругъ себя множество любознательныхъ учениковъ изъ различныхъ классовъ общества, стекавшихся къ нему изъ провинцій. Ученіе Эпиктета не имѣло характера философской системы, а было направлено къ дѣйствительной жизни и къ отысканію истиннаго счастья. Эпиктетъ дѣйствовалъ на своихъ послѣдователей болѣе собственнымъ примѣромъ и жизнью, чѣмъ философскими изслѣдованіями и ученостью. Его изустныя наставленія были собраны ученикомъ его Арріаномъ, малоазійскимъ грекомъ и другомъ императора Адріана, въ небольшомъ сочиненіи, «Энхиридіонъ» или ручная книга, которое должно было служить настольною книгою для дѣловыхъ людей высшаго класса, неимѣвшихъ времени заняться основательнымъ изученіемъ нравственной философіи. Правила, содержащіяся въ этомъ сочиненіи, имѣютъ такъ много сходства съ нравственнымъ ученіемъ христіанства, что это обстоятельство подало нѣкоторымъ поводъ предполагать, что Эпиктетъ былъ христіанинъ. Простота изложенія, бросающаяся въ глаза въ сочиненіи Арріана, и встрѣченное имъ сочувствіе, свидѣтельствуютъ, что древній изящный вкусъ тогда еще несовершенно исчезъ въ Римѣ и что фантазёрство и софистика не охватили еще всего римскаго общества. Воз-

становленіе стоическаго ученія о внутренемъ достоинствѣ человѣка, нравственной свободѣ и ничтожествѣ внѣшнихъ бѣдствій не мало способствовало успѣхамъ христіанства въ образованныхъ классахъ имперіи. Впрочемъ Арріанъ извѣстенъ не по одному тому, что сохранилъ для насъ Эпиктета. Онъ знаменитъ еще какъ государственный человѣкъ и полководецъ, доказавшій своею собственною жизнью достоинство правилъ, которыя онъ преподавалъ свѣту. Проповѣдуя необходимость энергіи, рѣшительности въ дѣйствіяхъ, самопожертвованія ради долга, Арріанъ доказалъ на себѣ, что внутренняя жизнь и умственныя занятія не отнимаютъ у человѣка способности къ практической дѣятельности. Въ званіи намѣстника Каппадокіи, онъ обнаружилъ значительныя правительственныя способности, а въ борьбѣ съ хищными племенами Кавказа показалъ себя искуснымъ полководцемъ. Въ этомъ же убѣждаютъ его сочиненія «о войнѣ» и «о походахъ Александра Великаго.» Послѣднее произведеніе, составляя лучшую изъ всѣхъ извѣстныхъ исторій Александра, отличается здравою критикою и отсутствіемъ романическихъ прикрасъ и риторической надутости, столь обыкновенной у тогдашнихъ писателей.

Кромѣ Арріана, значительное вліяніе на императора Адріана, государство и литературу имѣли Фаворинъ и Плутархъ. Относясь враждебно къ ученію стоиковъ, они, подобно Арріану, держались практическаго направленія и старались примѣнить школьную ученость къ жизни. Фаворинъ, родомъ изъ Галліи, подобно Адріану, владѣлъ обширными познаніями въ греческой и латинской литературѣ и усвоилъ себѣ всю ученость того времени. Онъ питалъ страстную привязанность къ многознанію, тайнымъ ученіямъ и т. п., и былъ въ нѣкоторомъ родѣ руководителемъ ученаго кружка, группировавшагося вокругъ императора, такъ что его можно было бы назвать «министромъ народнаго просвѣщенія.» Ни одно изъ сочиненій Фаворина не дошло до насъ; но по сохранившимся у его ученика Геллія извѣстіямъ о его личности и направленіи, мы можемъ составить себѣ идею о его отношеніяхъ къ образованности и литературѣ. Подобно своему царственному другу, онъ любилъ ученыя тонкости, но не смотря на то въ немъ нельзя не признать достойнаго и умнаго человѣка, который во многихъ случаяхъ противодѣйствовалъ ложному вкусу своихъ современниковъ, нападалъ на общественныя злоупотребленія, и пользуясь своимъ вліяніемъ на императора для исправленія нравственности, ратовалъ противъ предразсудковъ и господствовавшаго направленія. Въ доказательство полезной дѣятельности Фаворина, можно упомянуть о его борьбѣ противъ распространившейся страсти къ архаизмамъ въ языкѣ. Фаворину удалось исправить этотъ литературный недостатокъ, подобно тому какъ намъ приходится иногда исправлять молодыхъ писателей, смотрящихъ на языкъ средневѣковой поэзіи или философскихъ школъ какъ на какую-то неземную мудрость.

Плутархъ, изъ Херонеи (въ Беотіи), по своему направленію весьма близкій къ Фаворину, еще во времена Траяна пріобрѣлъ высокое положеніе въ государствѣ, а при Адріанѣ былъ назначенъ намѣстникомъ Греціи. Страсть Адріана къ таинственному пониманію и объясненію поэзіи, науки и искусства была развита въ немъ преимущественно Плутархомъ, который имѣлъ также очень сильное вліяніе на образованіе ближайшаго его преемника. Люди, какъ Плутархъ, руководившіе общественною жизнью въ качествѣ государственныхъ сановниковъ, пользовавшіеся большимъ уваженіемъ какъ писатели, и, наконецъ, какъ друзья императора, заправлявшіе выборомъ писателей и ученыхъ, получавшихъ поддержку отъ государства, произвели въ общественномъ духѣ рѣзкую перемѣну, вызвавшую на развалинахъ древняго греко-римскаго міра начала новой жизни. Благодаря ихъ содѣйствію, въ скоромъ времени распространились взгляды, вполнѣ согласные съ настроеніемъ духа южныхъ народовъ и нравственнымъ разслабленіемъ высшаго класса, но совершенно противоположные древнему міровоззрѣнію, сообщившему такое величіе Греціи и Риму. Новое ученіе о терпѣливомъ повиновеніи и грѣховности практической дѣятельности, проникнувъ повсемѣстно, много содѣйствовало успѣхамъ христіанства въ римскомъ мірѣ. Но собственно для государства оно было очень гибельно, потому что распространилось въ то время, когда особенно необходимо было убѣжденіе, что имперія можетъ быть спасена только рѣшительностью и энергіею гражданъ.

Плутархъ, оставившій послѣ себя много философскихъ и историческихъ сочиненій, подобно всѣмъ свѣтскимъ людямъ, не терпѣлъ крайностей. Онъ былъ отъявленнымъ врагомъ и стоиковъ и эпикурейцевъ, стараясь держаться средины между ними, и пользовался философіей для своихъ частныхъ цѣлей, какъ это дѣлаютъ иные государственные люди съ исторіею. Онъ заимствовалъ свои правила изъ различныхъ системъ, и, согласно съ духомъ времени, склонялся къ мистическимъ бреднямъ, держась впрочемъ извѣстныхъ границъ и не упуская изъ виду дѣйствительной жизни, подобно крайнимъ фантазёрамъ. Въ самомъ важномъ изъ своихъ произведеній: «Сравнительныя біографіи знаменитѣйшихъ грековъ и римлянъ» Плутархъ, какъ и Вольтеръ, не имѣлъ въ виду предлагать моральныхъ наставленій. Оба писателя хорошо понимали свое время и потребности высшаго общества, и умѣли удовлетворять имъ. Плутархъ, какъ Вольтеръ, зналъ, что высшее общество его времени, подъ вліяніемъ полученнаго имъ воспитанія, любитъ только возбужденіе фантазіи и чувства и живое остроумное развлеченіе, и въ своихъ сочиненіяхъ сообразовался съ этимъ. Онъ не утратилъ симпатіи къ славной старинѣ Греціи и Рима, а старался еще идеализировать ее при помощи поэзіи и риторики. Сравнительныя біографіи Плутарха не потеряли своего значенія и въ наше время. Историческое содержаніе этой книги не важно, но манера ея изложенія имѣла значительное вліяніе, въ особенности въ то время, когда въ Европѣ пробудилась любовь къ древности. Живымъ изображеніемъ характеровъ Плутархъ оживляетъ юношескую любовь къ древности, возвышая душу и возбуждая желаніе усвоить себѣ классическое образованіе. Правда, многочисленные анекдоты, которыми онъ пересыпаетъ свой разсказъ и сообщаетъ типичность изображаемымъ характерамъ, большею частью бросаютъ на лица и происшествія театральный свѣтъ, но тѣмъ самымъ они придаютъ имъ болѣе наглядности и занимательности, и потому сдѣлались извѣстнѣе многихъ достовѣрныхъ историческихъ фактовъ.

Третье важное обстоятельство, имѣвшее вліяніе на характеръ образованности при Адріанѣ, состоитъ въ обновленіи греческой литературы и упадкѣ римской. Уже самое предпочтеніе, оказываемое первой Адріаномъ и другими императорами, при полной зависимости государства отъ личности правителей, отодвинуло латинскую литературу на задній планъ; но еще болѣе содѣйствовалъ тому упадокъ національнаго характера римлянъ. Распутство и страсть къ развлеченіямъ все болѣе и болѣе усыпляли Римъ и Италію, тогда какъ греческая нація сохраняла свою древнюю энергію, а въ провинціяхъ Галліи, Испаніи и Британіи пробуждалась совершенно новая жизнь. Въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, предшествовавшія царствованію Адріана, большая часть лучшихъ писателей были чужеземцы. Сенека, Луканъ, Марціалъ, Квинтиліанъ, Колумелла и Фаворинъ были испанцы или галлы; со времени Адріана же получили перевесъ греки и азіатцы. Послѣдніе пересадили восточные предразсудки на почву западной литературы, а первые придали ей исключительный характеръ, вытѣснившій изъ нея все римское и итальянское.

XIV. РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ОТЪ СМЕРТИ АДРІАНА ДО КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО.

1. Общія замѣчанія о состояніи римскаго общества въ послѣднее время его существованія.

Со смерти Адріана начинается быстрый упадокъ римскаго государства, такъ что мы невольно останавливаемся на этомъ явленіи, чтобы отъ частныхъ происшествій перейти къ общимъ соображеніямъ о состояніи всей имперіи. Намъ кажется совершенно умѣстнымъ вывести здѣсь нѣсколько заключеній изъ всего изложеннаго выше и объяснить нагляднѣе истинныя причины, почему римская имперія, не смотря на всѣ усилія лучшихъ правителей, неудержимо стремилась къ погибели.

Для прочнаго существованія всякаго государства необходима извѣстная степень физической энергіи въ націи. Въ этомъ соціальномъ законѣ и надлежитъ, по нашему мнѣнію, искать причины гибели римскаго міра. При всеобщемъ распространеніи невольничества, ослабленіе физическихъ силъ въ древнемъ мірѣ было неизбѣжно, и должно было происходить гораздо скорѣе, чѣмъ у какого бы то нибыло новаго народа. Въ нашемъ обществѣ всѣ физическіе труды, исполнявшіеся у древнихъ рабами, лежатъ на низшихъ классахъ; слѣдовательно, въ этихъ классахъ всегда находится достаточный запасъ силъ, которымъ, въ случаѣ надобности, можетъ восполниться недостатокъ ихъ въ высшихъ классахъ и возбудиться новая энергія въ цѣлой націи. Невольничество лишало древній міръ этого благодѣтельнаго запаса силъ. Древніе признавали всякій физическій трудъ недостойнымъ свободнаго гражданина; каждый, кто имѣлъ возможность пріобрѣсти хотя одного невольника, поручалъ ему всѣ работы, не исключая и полевыхъ. Такимъ образомъ вся совокупность свободнаго населенія имперіи состояла изъ праздной массы, лишенной всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Войско набиралось въ отдаленныхъ странахъ, населенныхъ неиспорченными могучими племенами и въ пограничныхъ провинціяхъ. Но и это имѣло свои неудобства. Бодрые солдаты, составлявшіе рѣзкую противоположность съ изнѣженными жителями имперіи, захватили въ свои руки рѣшительное преобладаніе въ цѣломъ обществѣ. Все населеніе имперіи раздѣлилось на три класса. Къ первому принадлежало войско, набранное изъ самыхъ грубыхъ частей населенія или изъ полудикихъ варваровъ. Второй классъ состоялъ изъ рабовъ, наводнявшихъ собою всѣ провинціи и готовыхъ при первомъ удобномъ случаѣ соединиться съ врагами имперіи. Наконецъ третій составляли изнѣженные свободные граждане, избѣгавшіе всякаго напряженія силъ, чуждые всякой заботы объ общемъ благѣ и занятые единственно собою. При такомъ состояніи общества римскій міръ не могъ оживиться путемъ обыкновенной революціи; для этого необходимы были совершенно новые элементы, — нужно было радикальное обновленіе римской націи.

Замѣчанія наши о состояніи римской націи относятся въ частности и къ правительству. Императоры происходили обыкновенно или изъ испорченнаго большинства народа, или изъ массы солдатъ. Въ послѣднемъ случаѣ правленіе принимало совершенно военный характеръ, и войска становились преобладающимъ классомъ въ обществѣ. Въ первомъ же случаѣ императоры, начиная съ Тиберія, Клавдія и Нерона, подчинялись вліянію отпущенниковъ, или развратныхъ вельможъ, умѣвшихъ привязать ихъ къ себѣ; такимъ образомъ правленіе сосредоточивалось въ рукахъ людей, принадлежавшихъ къ презрѣнному въ обществѣ классу несвободныхъ, и потому самому не только оскорблявшихъ своимъ господствомъ свободныхъ гражданъ, но и намѣренно содѣйствовавшихъ упадку нравственности и національнаго духа. Было, кромѣ того, еще одно обстоятельство, значительно способствовавшее ослабленію силъ правительства. Роскошь двора, содержаніе огромнаго войска, громадные подарки солдатамъ при назначеніи императоровъ, умноженіе населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, сдѣлавшихся главными центрами роскоши, и, наконецъ, устройство множества общественныхъ заведеній, получившихъ начало со временъ Траяна и Адріана: все это въ громадныхъ размѣрахъ поглощало финансы, и по необходимости вызывало разныя насилія со стороны правительства. Къ несчастію, возвышеніе налоговъ производилось самымъ неправильнымъ образомъ, что было весьма естественно при обыкновенномъ въ древности отсутствіи всякой системы въ государственныхъ финансахъ и въ распредѣленіи гражданъ по промысламъ и имуществу. Эти безпорядки еще болѣе увеличивались замѣшательствами въ управленіи, неизбѣжными вообще при народныхъ возмущеніяхъ, нападеніями непріятеля, спорами за престолъ, словомъ, — всѣми общественными происшествіями, выходившими изъ ряда обыкновенныхъ событій.

Безъ сомнѣнія, безпорядки въ управленіи могли быть исправлены усиленною умственною дѣятельностью націи, и такимъ образомъ убыль внѣшнихъ силъ была бы восполнена напряженіемъ внутреннихъ; но, къ несчастью, со временъ Августа и эта опора общества пала безъ всякой надежды на возстановленіе. Умственное богатство, наслѣдованное римлянами отъ предковъ, еще при Адріанѣ перешло въ руки ученыхъ и аристократовъ; наука сдѣлалась формою безъ содержанія, безплоднымъ мудрствованіемъ, игрушкой изнѣженныхъ высшихъ классовъ и оторвалась отъ природы, истины и умственнаго труда. Словомъ, тогдашняя наука пала такъ глубоко, что даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы неспособна, безъ примѣси постороннихъ элементовъ, возродить націю къ лучшей жизни. Доказательствомъ этой неспособности можетъ служить возникшая на развалинахъ восточной половины римскаго государства византійская имперія; она не только не обновилась, но даже не перешла той ступени развитія, на которой стала при первыхъ императорахъ, не смотря на то, что ею часто управляли умные государи и что вообще она находилась въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Религія римскаго народа также не могла доставить ему никакой опоры. Успѣхи образованности поколебали народныя вѣрованія и вмѣстѣ съ тѣмъ отняли значеніе у національнаго богослуженія, выражавшаго въ символахъ и образахъ отвлеченныя истины религіи. Древній языческій культъ никогда не шелъ въ уровень съ образованностью націи и дѣйствительными религіозными потребностями. Главнымъ его основаніемъ была поэзія и національные обычаи; поэтому съ уменьшеніемъ значенія основныхъ элементовъ нельзя было замѣнить соображеніями разсудка того, что составляло собственно плоды фантазіи и чувства. Но такъ какъ все государственное устройство было тѣсно связано съ религіею, то и явилась настоятельная необходимость поддерживать насильственными мѣрами бездушный культъ предковъ и оживлять умиравшую вѣру правительственнымъ авторитетомъ и внѣшнимъ блескомъ. Религія и богослуженіе сдѣлались пустою внѣшнею формою, непроизводившею никакого дѣйствія на сердца людей; праздники, жертвоприношенія, мистеріи, жреческое достоинство и священныя преданія, словомъ — весь національный культъ, потеряли свое значеніе и смыслъ, и только поддерживали и умножали въ народѣ моральную инерцію, слабость и чувственность. Слѣдовательно, и съ этой стороны римскій міръ могъ возродиться только чрезъ радикальное обновленіе.

Итакъ, всѣ обстоятельства указываютъ намъ, что римская имперія быстро стремилась къ упадку. Два новыхъ элемента проникли тогда въ греко-римскій

міръ: германскія начала и христіанская религія. Эти элементы пустили свои корни на почвѣ вымиравшаго греко-римскаго человѣчества и образованности и развили новую жизнь для послѣдующихъ поколѣній. Изъ древности уцѣлѣло только то, что соотвѣтствовало духу христіанства и германскихъ племенъ и могло соединиться съ этими началами для приданія міру новой жизни.

2. Антонинъ Пій и Антонинъ Философъ.

По смерти Адріана римскою имперіею управляли Антонинъ Пій и усыновленный имъ Маркъ Аврелій, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Антонина Философа,—первый съ 138 до 161 г., а послѣдній съ 161 по 180 г. Въ ихъ правленіе, казалось осуществилось желаніе Платона, чтобы философія и наука управляли міромъ (т. I. стр. 348). Владѣя глубокимъ умственнымъ образованіемъ, сочувствіемъ ко всему высокому и доброму и истинно-благороднымъ направленіемъ, Маркъ Аврелій и Антонинъ отличались въ тоже время простотою, чистотою нравственности, справедливостью и добротою сердца. Вся система ихъ управленія основывалась на личныхъ благородныхъ убѣжденіяхъ, наукѣ и философіи. Къ несчастію, тогдашнее образованіе, запечатлѣнное школьнымъ характеромъ и далекое отъ естественности, не было въ состояніи освѣжить новою энергіею умиравшую жизнь. Къ тому-же по самому положенію дѣлъ, римскій міръ могъ поддерживаться только военною силою.

Въ правленіе Антонина Пія имперія была взволнована возстаніемъ въ Британіи, Африкѣ, Греціи, Египтѣ и Іудеѣ, но въ скоромъ времени мятежи были усмирены, и притомъ безъ всякихъ жестокихъ мѣръ. О военныхъ предпріятіяхъ въ его царствованіе мы ничего не знаемъ, кромѣ того что была ведена счастливая война съ германцами и жителями Дакіи, что Антонинъ послалъ помощь республикѣ Ольбіи на Днѣпрѣ противъ разбойничьихъ кочевыхъ племенъ, и что наконецъ его полководецъ Лоллій покорилъ Каледонію. Лоллій, занявъ Каледонію, сдѣлалъ важную ошибку тѣмъ, что отодвинулъ цѣпь пограничныхъ укрѣпленій Адріана до того мѣста, гдѣ находились прежде окопы и форты Агриколы. Этимъ онъ подалъ пограничнымъ народамъ, стѣсненнымъ на незначительномъ пространствѣ, поводъ къ набѣгамъ на римскую провинцію, и варвары успокоились только тогда, когда валъ былъ разрушенъ и жители римской Британіи снова были предоставлены на жертву ихъ хищничеству.

Въ характерѣ Антонина Пія не было ни гордости, ни склонности къ распутству; онъ не тяготился самою напряженною дѣятельностью, неизбѣжною въ его положеніи, и правилъ государствомъ правосудно и милостиво. Оставаясь частнымъ лицемъ и на тронѣ, онъ смотрѣлъ на императорское достоинство, какъ на общественную должность, и покрывалъ свои личныя издержки доходами съ своего собственнаго имѣнія; въ частной жизни Антонинъ никогда не являлся повелителемъ и съ своими друзьями обращался всегда какъ равный. Защищая свободу и права городовъ имперіи, онъ выдавалъ имъ изъ императорской казны, а еще болѣе изъ своего значительнаго имѣнія, деньги для построекъ и увеличенія содержанія должностныхъ лицъ. Подобно Траяну и Адріану, Антонинъ заботился объ устройствѣ благотворительныхъ заведеній, покровительствовалъ наукамъ, поддерживалъ учебныя заведенія, назначилъ на содержаніе школъ опредѣленныя ежегодныя суммы, и далъ жалованье и почетныя отличія учителямъ краснорѣчія и философіи во всѣхъ провинціяхъ. Антонинъ очень много заботился о правосудіи. Вопреки прежнему обычаю римлянъ, онъ поручалъ дѣятельнымъ и честнымъ чиновникамъ должности на цѣлую жизнь, а всѣ государственныя дѣла предлагалъ обыкновенно на обсужденіе своему совѣту, рѣшавшему ихъ по большинству голосовъ. Такимъ образомъ, на время своего правленія, онъ устранилъ главное зло тогдашняго римскаго государства: недостатокъ законодательнаго собранія, которое бы примѣняло древніе законы къ новымъ потребностямъ. Хотя сенатъ, повидимому, и былъ такимъ собраніемъ и сначала дѣйствительно занимался законодательствомъ вмѣстѣ съ императоромъ, но въ эпоху вступленія на престолъ Антонина онъ почти совершенно лишился своей прежней власти

и независимости. Притомъ прежніе императоры произвольно пополняли недостатокъ въ законахъ своими указами, имѣвшими одинаковую силу съ законами и даже ставившимся иногда выше ихъ. Совмѣстное существованіе въ имперіи старыхъ обычаевъ и новыхъ постановленій произвело большую запутанность во всей гражданской жизни и имѣло результатомъ очевидныя противорѣчія и несправедливости. Въ государствѣ образовались два совершенно различныхъ рода законовъ: съ одной стороны, систематическій сводъ узаконеній, наслѣдованный отъ прежнихъ временъ, основанный на исторіи и дѣйствительно существовавшихъ нѣкогда общественныхъ отношеніяхъ, а съ другой, рядъ произвольныхъ и случайныхъ распоряженій. Сумасбродныя постановленія Домиціана имѣли такую же силу, какъ и прекрасныя установленія стараго времени. Безъ сомнѣнія, позднѣйшимъ императорамъ стоило только поддержать распоряженія Антонина, и это жалкое противорѣчіе въ юридическихъ отношеніяхъ уничтожилось бы мало-помалу, въ законодательствѣ и правительственной практикѣ водворились бы порядокъ и согласіе и государственное управленіе измѣнилось бы сообразно съ обстоятельствами.

Изъ двухъ лицъ, усыновленныхъ Антониномъ Піемъ по желанію Адріана, одинъ Маркъ Аврелій, или, какъ его называютъ иначе, Антонинъ Философъ, шелъ совершенно по его слѣдамъ, а другой, Луцій Веръ, проводилъ всю жизнь свою въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Къ счастью для римской имперіи Луцій Веръ былъ такъ молодъ въ сравненіи съ Маркомъ Авреліемъ, что оставался въ сторонѣ при совмѣстномъ управленіи. Впрочемъ, оба правителя жили въ постоянномъ согласіи между собою: Луцій Веръ, по своей склонности къ распутству, охотно предоставилъ управленіе государствомъ старшему товарищу, который съ стоическимъ хладнокровіемъ терпѣлъ пороки и преступленія своего соправителя.

Въ продолженіе сорока четырехъ лѣтъ, протекшихъ со времени царствованія Адріана и Антонина Пія, римская имперія наслаждалась глубокимъ миромъ. Казалось, для нея наступило время прочнаго счастья. Государство пользовалось всѣми выгодами, которыя могутъ доставить умѣренная монархія, республиканскіе законы и прекрасныя городскія учрежденія. Искусства и науки распространялись по всѣмъ провинціямъ, и каждый гражданинъ, въ твердой надеждѣ на правительство, предавался своимъ мирнымъ занятіямъ. Но въ это время покоя и счастья на границахъ собирались тучи, разразившіяся при началѣ царствованія Марка Аврелія и до самаго конца его правленія постоянно опустошавшія имперію. На римскія владѣнія начали нападать, съ одной стороны, на Рейнѣ и Дунаѣ германцы, а съ другой — на Евфратѣ парѳяне. Оба народа, послѣ долголѣтнихъ кровопролитныхъ войнъ, были отражены, но едва эта двойная опасность была устранена цѣною лучшихъ римскихъ солдатъ, какъ въ Германіи возгорѣлась страшная война съ маркоманнами, и въ то же время внутреннія провинціи имперіи были опустошены моровою язвою, голодомъ и землетрясеніемъ. Не задолго до царствованія Марка Аврелія, въ Германіи произошелъ важный переворотъ. Въ мелкихъ племенахъ, изъ которыхъ состояли германскіе народы, исчезли долгое время господствовавшія между ними взаимныя опасенія за свою свободу. Они стали соединяться въ конфедераціи и въ этомъ видѣ сдѣлались въ высшей степени опасными для римской имперіи. Между прочимъ такой союзъ образовали маркоманны, сдѣлавшіеся вслѣдствіе того могущественнѣйшими врагами римлянъ. Къ этому народу принадлежалъ, кажется, и Аріовистъ, выгнанный Юліемъ Цезаремъ изъ Галліи (стр. 39). Маркоманны жили тогда на границахъ Гельвеціи, а спустя 50 лѣтъ мы находимъ ихъ въ сѣверной Баваріи и Богеміи. Въ это время они составили подъ начальствомъ Марбода сильный союзъ изъ различныхъ племенъ, извѣстныхъ вообще подъ именемъ маркомановъ. Марбодъ хотѣлъ основать большое маркоманнское государство, но планъ его не удался: союзъ распался, и сами маркоманны стали въ зависимость отъ Рима на тѣхъ же условіяхъ, какъ батавы, т. е. должны были подкрѣплять римлянъ своими войсками. При Домиціанѣ, во время вторженія даковъ въ римскія провинціи, маркоманны освободились отъ римскаго владычества и снова соединились со многими родственными имъ племенами. Эти племена были германскаго и частью сарматскаго происхожденія; къ первымъ принадлежали гермундуры, квады, вандалы,

лонгобарды, готины, астинги, буры, аланы и смѣшанные съ кельтами бастарны; акъ послѣднимъ языги и роксоланы. По крайней мѣрѣ ученые обыкновенно раздѣляютъ такимъ образомъ различные народы, вошедшіе въ составъ союза маркоманновъ, хотя происхожденіе всѣхъ ихъ нельзя опредѣлить съ точностью. Сосредоточивъ у себя страшныя силы, маркоманны въ правленіе Марка Аврелія, когда большая часть легіоновъ была занята на Рейнѣ и Евфратѣ, произвели ужасное опустошеніе въ придунайскихъ провинціяхъ.

Движенія народовъ на нижнемъ и среднемъ Дунаѣ занимали цѣлую жизнь благороднѣйшаго и умнѣйшаго изъ римскихъ государей и почти постоянно держали его вдали отъ Италіи. Война съ парѳянами покрыла славою защитниковъ Мизіи, Дакіи, Панноніи и Норика, но моровая язва, занесенная съ Востока, истребила множество солдатъ, и вслѣдствіе того вся обширная страна отъ Дуная до Тріестскаго залива была отдана на произволъ варваровъ. Германскія племена на Рейнѣ также стремились въ Италію. Провинціи были опустошены, римскія арміи, дѣйствовавшія отдѣльно, уничтожены, и сотни тысячъ людей отведены въ рабство. Маркъ Аврелій думалъ воспрепятствовать злу тѣмъ, что произвелъ раздоры въ варварскихъ народахъ и заключилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ миръ. Однимъ толпамъ онъ отвелъ мѣсто для поселенія въ Мизіи, Дакіи и даже Италіи, другимъ предоставилъ нѣкоторыя привилегіи и принялъ въ свое войско многихъ изъ варваровъ. Но всѣ эти мѣры не принесли никакой пользы. Приманка была слишкомъ сильна, да и вообще миръ и спокойствіе полудикихъ воинственныхъ племенъ можно упрочить только силою и систематическою строгостью. Послѣ того Маркъ Аврелій нѣсколько разъ разбилъ (172—174 г.) толпы варваровъ, почти совершенно истребилъ два небольшія племени, проникъ во внутренность Венгріи, и снова заключилъ договоры порознь съ каждымъ народомъ. Скоро (178 г.) маркоманны вторично нарушили миръ. Императоръ еще разъ отправился противъ нихъ, выигралъ значительное сраженіе (179), но въ слѣдующемъ году заболѣлъ и умеръ еще до окончанія войны.

О внутреннемъ состояніи имперіи при Маркѣ Авреліи мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что дѣло касается истинно благороднаго человѣка, который былъ вполнѣ достоинъ престола и остался вѣренъ самому себѣ какъ въ блестящіе дни счастья, такъ и въ минуты тяжкаго испытанія. Войны, моровая язва, голодъ, возмущенія опустошали провинціи въ его царствованіе; распутство и пороки соправителя сокрушали душу Марка Аврелія; супруга его, Фаустина, дочь Антонина Пія, была развратная женщина, безъ всякаго стыда и совѣсти, и при всемъ томъ онъ не могъ развестись съ нею, не желая, при печальномъ положеніи имперіи, отказаться отъ ея весьма значительнаго состоянія. Не смотря на всѣ эти бѣдствія, Маркъ Аврелій до самой смерти не измѣнялъ строгимъ принципамъ стоической философіи, которымъ былъ преданъ съ юности. Къ несчастію, ученость его была школьная, и онъ такъ много занимался философскими разсужденіями, что дѣлалъ упущенія въ нужныхъ дѣлахъ и чрезъ то далъ возможность своей безнравственной супругѣ пріобрѣсть вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Онъ предоставилъ ей даже воспитаніе своего сына и преемника. Съ одной стороны самъ онъ былъ слишкомъ озабоченъ несчастіями своего времени и философскими занятіями, съ другой, — природный складъ его души и образъ жизни съ двѣнадцати лѣтъ настроили его такъ серьезно, что онъ не видѣлъ тѣхъ опасностей, которыя могли произойти для его сына отъ баловства и изнѣженности. Во внѣшней жизни Маркъ Аврелій былъ такъ простъ и похожъ на обыкновеннаго гражданина, какъ никакой другой правитель. Главная ошибка его состояла только въ томъ, что онъ держалъ себя слишкомъ далеко отъ своего двора и даже обѣдалъ одинъ. Поступая такъ съ намѣреніемъ освободить окружавшихъ отъ принужденности въ обращеніи съ собою, онъ незамѣтно произвелъ большую перемѣну въ придворной жизни, пріучивъ царедворцевъ смотрѣть на государя, какъ на лицо, чуждое обыкновенной жизни частныхъ людей и такимъ образомъ ставить его еще ступенью выше. Нѣтъ ничего удивительнаго, что государь, считавшій для себя большою честью быть философомъ и ученымъ, чѣмъ правителемъ и императоромъ, сдѣлалъ многое на пользу науки и школъ. Въ этомъ отношеніи важнѣе всего то, что Маркъ Аврелій сдѣлалъ для Аѳинъ. Основавъ тамъ высшее учебное заведеніе, онъ снова довелъ

Аѳины до цвѣтущаго состоянія въ качествѣ университетскаго города, и придалъ ему еще разъ всемірно-историческое значеніе, опиравшееся на наукѣ и учености. Но въ Аѳинахъ Маркъ Аврелій отдалъ дань и предразсудкамъ своего времени, заставивъ посвятить себя въ таинства мистерій, имѣвшія тогда большую важность въ общественномъ мнѣніи.

О соправителѣ Марка Аврелія, Луціи Верѣ не стоитъ и говорить, потому что онъ не имѣлъ никакого вліянія на ходъ дѣлъ. Ученые обращали на него вниманіе только какъ на характеръ, живо отразившій въ себѣ самыя дурныя стороны тогдашняго времени. Луцій Веръ былъ человѣкъ въ высшей степени распутный, и по своему природному характеру и образу жизни похожій на Тиберія, Калигулу и Нерона. Склонный только къ чувственнымъ наслажденіямъ, онъ велъ расточительную и развратную жизнь, и часто давалъ праздники, продолжавшіеся дни и ночи и стоившіе иногда больше полумилліона. Подобно позднѣйшимъ Селевкидамъ, онъ окружилъ себя людьми, которые предъ глазами всѣхъ предавались самымъ гнуснымъ наслажденіямъ и хвастались своимъ открытымъ безстыдствомъ. Маркъ Аврелій хотѣлъ сначала подѣйствовать на честолюбіе развратнаго соправителя и съ этою цѣлью поручилъ ему начальство надъ войскомъ во время войны съ парѳянами; но Луцій Веръ, предоставивъ своимъ полководцамъ воинскіе труды и славу, только пировалъ въ развращенныхъ городахъ Сиріи и сталъ еще распутнѣе и беззаботнѣе, чѣмъ прежде. Императоръ-философъ вздыхалъ о неисправимости своего товарища, иногда сожалѣлъ о судьбѣ имперіи, но не подавалъ ни малѣйшаго повода къ несогласію. Къ счастью, Луцій Веръ скоро умеръ (169).

3. Преемники Антонина до Александра Севера.

Съ смертью Марка Аврелія (180) для римской имперіи начинается печальное время. Господство деспотовъ, развратныхъ женщинъ и своевольной императорской гвардіи снова дѣлается отличительною чертою правленія. Въ тоже время стала ощутительнѣе и тяжелѣе зависимость государства отъ военныхъ силъ. Государство не только постоянно нуждалось въ защитѣ отъ воинственныхъ и хищническихъ пограничныхъ народовъ, но и все управленіе и внутренняя безопасность должны были опираться на солдатъ и военную дисциплину. Вслѣдствіе того число войска чрезвычайно увеличилось. Вмѣсто 23 или 25 легіоновъ, изъ которыхъ оно состояло при Августѣ, чрезъ 20 лѣтъ по смерти Марка Аврелія оно увеличилось почти до 32 легіоновъ, или 160,000 человѣкъ. Эта цифра, по сравненію ее съ численностью войскъ въ новѣйшихъ европейскихъ государствахъ, покажется весьма незначительною; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что римскіе легіоны составляли только самую отборную часть военныхъ силъ Рима, а все прочее войско формировалось изъ жителей отдѣльныхъ провинцій и подвластныхъ народовъ, при которыхъ никогда не находилось болѣе одного или двухъ легіоновъ регулярныхъ войскъ. Солдаты жили въ укрѣпленныхъ лагеряхъ, образуя такимъ образомъ родъ военнаго государства, которое удерживалось въ повиновеніи только частыми перемѣнами начальниковъ и перемѣщеніями отдѣльныхъ легіоновъ съ одного конца имперіи на другой. Впрочемъ, въ Италіи и другихъ цивилизованныхъ странахъ государства уже почти не набирали войскъ. Изнѣженные жители этихъ странъ платили, вмѣсто военной службы, особую подать. Иллирія, Ѳракія и другія земли, населенныя полудикими племенами, были родиною большинства римскихъ солдатъ. Кромѣ того, въ войско поступало множество германцевъ и другихъ варваровъ, такъ что съ этого времени въ спискахъ римскихъ военачальниковъ все чаще и чаще встрѣчаются имена Гартмундъ, Гальденгастъ, Гильдемундъ; полководцы варварскаго происхожденія мало-по-малу начинаютъ играть главную роль и въ государственныхъ дѣлахъ. Очевидно, что отъ такихъ войскъ нельзя было ожидать ни національной гордости, ни любви къ отечеству: деньги и добыча привлекали ихъ и располагали ими. Внутри самой имперіи войска иногда свирѣпствовали, какъ въ непріятельской странѣ, а начальники и простые солдаты позволяли себѣ самыя ужасныя насилія и грабежи на римской территоріи. Другое зло, происходившее отъ

необходимости содержать такую огромную военную силу, состояло въ увеличеніи государственныхъ расходовъ. Кромѣ жалованья, ежегодно поглощавшаго значительную сумму, войско требовало еще наградъ, превышавшихъ иногда самое жалованье. Подарки, получавшіеся солдатами отъ каждаго императора при восшествіи его на престолъ, постоянно возрастали со времени Нерона. Адріанъ при своемъ восшествіи на престолъ далъ войску въ семь разъ больше, чѣмъ Августъ; Маркъ Аврелій и Луцій Веръ пошли еще далѣе, давъ каждому рядовому по 1000 руб., офицеру вдвое, а начальникамъ когортъ втрое болѣе. Кромѣ того еще изстари вошло въ обычай въ видѣ награды и въ знакъ отличія выдавать каждому солдату двойное жалованье. Само собою разумѣется, этотъ обычай еще болѣе утвердился, когда войско стало служить только за деньги. Издержки на содержаніе офицеровъ были еще значительнѣе; запасные магазины и госпитали для войска, при постоянныхъ его переходахъ съ одной границы на другую, требовали также огромныхъ суммъ. Если прибавимъ къ этимъ издержкамъ расходы на содержаніе императорскаго двора, поддержку улицъ и зданій, общественныя игры, содержаніе благотворительныхъ и учебныхъ заведеній, жалованье ученымъ и чиновникамъ, то увидимъ, что несоразмѣрность доходовъ съ расходами должна была неизбѣжно увеличиваться, не смотря на постоянное увеличеніе какъ числа, такъ и самыхъ размѣровъ налоговъ.

Коммодъ, сынъ Фаустины, вступившій на престолъ на девятнадцатомъ году жизни (съ 180 до 192 г.), былъ такъ же не похожъ на своего отца, какъ его мать — на своего. Это былъ добродушный, но слабый юноша. Окружавшіе его воспользовались его простотою и мягкостью характера и злоупотребляли добрыми качествами императора, отвлекая его отъ занятій и систематическн пріучая къ разсѣянности и распутству. Вслѣдствіе природной слабости характера и малодушія и отчасти благодаря привычкѣ, онъ становился постепенно все болѣе и болѣе жестокимъ и порочнымъ. Совершенно неопытный въ дѣлахъ государственнаго управленія, угрожаемый моровою язвою и непріятелями, онъ находился по смерти отца въ самомъ затруднительномъ положеніи. По совѣту друзей Марка Аврелія, имѣвшихъ сначала вліяніе на Коммода, онъ скоро окончилъ войну съ маркоманнами, заключивъ съ ними миръ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодный для Рима. Маркоманны и квады дали обѣщаніе не приближаться къ Дунаю на разстояніе двухъ часовъ пути, а Коммодъ срылъ крѣпость, построенную на противоположномъ берегу Дуная и отозвалъ свои войска за рѣку. Къ несчастью для себя, римляне присоединили къ условіямъ мира еще одну статью, по которой 20,000 маркомановъ должны были поступить на службу къ римлянамъ. Чрезъ это варвары познакомились съ воинскимъ искусствомъ, а римское войско приняло въ свои ряды враговъ и измѣнниковъ. Впрочемъ, миръ соблюдался маркоманнами долгое время.

Къ сожалѣнію, молодой императоръ скоро пересталъ слѣдовать наставленіямъ друзей своего отца и подчинился вліянію дурныхъ людей. Черезъ два года по вступленіи на престолъ, Коммодъ разсорился съ своими ближайшими родственниками. Родная сестра его, Люцилла, и многіе изъ сенаторовъ составили противъ него заговоръ, которымъ недостойные совѣтники императора не замѣдлили воспользоваться для возбужденія его жестокихъ инстинктовъ. Одинъ изъ заговорщиковъ направилъ противъ него кинжалъ съ словами: «вотъ что посылаетъ тебѣ сенатъ!« Съ этого времени Коммодъ сталъ подозрительно смотрѣть на сенатъ и, будучи обязанъ своимъ спасеніемъ гвардіи, довѣрялся только ей и рабамъ своихъ страстей и насилій. Сестра подверглась изгнанію, множество значительныхъ людей было казнено. Обыкновенная свита императора опять начала играть такую же роль въ государствѣ, какъ прежде при Тиберіи, Калигулѣ и Клавдіи; исторія префектовъ гвардіи снова сдѣлалась исторіею правительства. Намъ нѣтъ нужды изображать подробно безпорядочную жизнь Коммода и называть префектовъ гвардіи, которые одинъ послѣ другаго имѣли власть въ своихъ рукахъ, и паденіе которыхъ соединялось всегда съ переворотомъ въ правленіи. Коммодъ совершенно предался окружавшимъ его и своимъ страстямъ, занимался только фехтованьемъ, стрѣльбою изъ лука и травлею, и годъ отъ года тратилъ все болѣе денегъ; а чтобы открыть новый источникъ доходовъ, липилъ публичныя заведенія суммъ, отпускавшихся изъ государственнаго казначейства на ихъ содер-

жаніе. Недовольствуясь этимъ, онъ, подобно восточнымъ деспотамъ, предавалъ казни богачей, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ. Земли оставались безъ обработки и превращались въ пустыни, потому что въ тѣ времена, вслѣдствіе уничтоженія средняго сословія, земледѣліе вездѣ перешло въ руки богатыхъ землевладѣльцевъ, исправлявшихъ полевыя работы рабами. Если поэтому семейство землевладѣльца лишалось своего имущества, то земледѣліе въ его участкѣ прекращалось точно такъже какъ теперь останавливается фабрика, въ случаѣ несостоятельности ея хозяина.

Сильныя страсти все болѣе и болѣе помрачали и безъ того слабый отъ природы разсудокъ императора. Коммодъ мало-по-малу дошелъ почти до безумія, потерялъ всякое довѣріе къ людямъ и свирѣпствовалъ хуже моровой язвы, продолжавшейся во все его царствованіе. Но когда онъ рѣшился умертвить самыхъ близкихъ своихъ наперстниковъ, они предупредили его и для спасенія собственной жизни умертвили императора (въ послѣдній день 192 года). По смерти Коммода, сенатъ обнаружилъ такую же низость, какъ и прежде по смерти Домиціана. Незадолго предъ тѣмъ онъ терпѣливо перенесъ отъ Коммода жестокое оскорбленіе, и только одинъ сенаторъ, другъ Марка Аврелія, предпочелъ защиту своего человѣческаго достоинства самой жизни; но едва Коммодъ былъ умерщвленъ, какъ тотъ же сенатъ повелѣлъ сбросить его статую и истребить его имя на всѣхъ надписяхъ.

Послѣ Коммода на престолъ вступилъ бывшій префектъ города, Пертинаксъ. Онъ, вѣроятно, зналъ о заговорѣ и, быть можетъ провозглашенъ былъ императоромъ только потому, что выборомъ правдиваго, любимаго сенатомъ человѣка заговорщики хотѣли оправдать себя въ глазахъ римлянъ. Пертинаксъ, имѣвшій во время смерти Коммода уже около 69 лѣтъ, былъ честный человѣкъ, опытный воинъ, хорошій правитель, но слишкомъ скоро выказалъ въ себѣ старческую серьезность и важность; тогда какъ народъ и солдаты свыклись съ легкомысліемъ молодаго правителя и съ его страстью къ наслажденіямъ. Притомъ онъ не имѣлъ ни своей партіи, ни семейныхъ связей, и хотя пользовался расположеніемъ сената, но извлекъ изъ этого мало пользы, и еще возбудилъ къ себѣ ненависть гвардіи. Также мало помогло ему данное имъ обѣщаніе подарить каждому солдату по 700 рублей, съ трудомъ выполненное имъ посредствомъ продажи драгоцѣнностей Коммода. Чрезъ 70 или 80 дней гвардія взбунтовалась и умертвила Пертинакса, мужественно выступившаго противъ нея (193). Голова убитаго императора была принесена въ лагерь. Всеобщій ужасъ распространился въ Римѣ, когда жители узнали о смерти императора, а между тѣмъ тесть Пертинакса и сенаторъ, Дидій Юліанъ, предъявлявшіе свои притязанія на императорское достоинство, уже искали короны у солдатъ, которымъ пришло въ голову продать съ аукціона римскую корону. Одинъ солдатъ съ лагернага вала объявилъ о необыкновенномъ аукціонѣ, и когда Дидій Юліанъ согласился заплатить каждому гвардейцу по 1,500 рублей, имперія была отдана ему (28 марта 193 г.). Способъ, которымъ Юліанъ достигъ царскаго достоинства, былъ чрезвычайно соблазнителенъ, а личность новаго императора слишкомъ ничтожна, чтобы онъ могъ надолго удержать свое достоинство. Едва извѣстіе объ его возвышеніи дошло до провинцій, какъ въ одно и тоже время въ трехъ мѣстахъ легіоны объявили себя противъ него и провозгласили императорами своихъ предводителей. Въ Паннониі войска возстали подъ предводительствомъ Септимія Севера, въ Британніи подъ начальствомъ Клодія Альбина, а въ Сиріи — Песценнина Нигра. Северъ со своими войсками ворвался въ Италію, гдѣ на его сторону перешли всѣ гарнизоны; даже преторіанцы оставили Юліана, когда новый императоръ обѣщалъ имъ прощеніе. Сенатъ, узнавъ объ измѣнѣ гвардіи, немедленно провозгласилъ Септимія Севера императоромъ, велѣвъ обезглавить несчастнаго Юліана и выставить его голову напоказъ (1 іюня 193). Такимъ образомъ въ римской имперіи исчезла послѣдняя тѣнь законной власти, и еще къ счастью для нея, правленіе новаго императора отличалось чрезвычайною, даже иногда безразсудною строгостью.

Септимій Северъ, царствовавшій съ 193 до 211 г., началъ свое правленіе казнью убійцъ Пертинакса. Преторіанцы были обезоружены его солдатами, выгнаны изъ города и разсѣяны. Предстоявшая борьба съ двумя совмѣст-

никами вынудила у новаго императора нѣкоторыя льготы для солдатъ, но вообще онъ немного обращалъ вниманія на ихъ притязанія, и вмѣсто 570 рублей, какъ требовали они, роздалъ имъ, при восшествіи на престолъ, только по 113 руб. Еще передъ походомъ въ Италію онъ помирился съ однимъ изъ своихъ противниковъ, Альбиномъ, назначивъ его соправителемъ, и двинулъ все свое войско противъ другаго врага. Слабый, изнѣженный Песценнинъ Нигръ упустилъ благопріятное время и началъ вооружаться только тогда, когда услышалъ о походѣ Севера. Песценнинъ потерпѣлъ три пораженія и былъ убитъ, спасаясь бѣгствомъ послѣ третьей битвы; но его приверженцы, не ожидавшіе никакой милости отъ Севера, еще цѣлый годъ защищались въ Византіи. Возможность такого продолжительнаго сопротивленія объясняется тѣмъ что къ партіи Песценнина принадлежалъ Прискъ, одинъ изъ величайшихъ въ древности знатоковъ инженернаго искусства. Прискъ прославился также своими познаніями и изобрѣтательностью при защитѣ Византіи, какъ Димитрій Поліоркетъ при осадѣ Родоса. Но наконецъ голодъ принудилъ осажденныхъ сдаться, и Северъ поступилъ съ ними чрезвычайно жестоко: всѣ дома были сожжены, громадныя городскія стѣны разрушены, важнѣйшія правительственныя лица казнены, гарнизонъ перерѣзанъ, многіе жители умерщвлены, остальные проданы въ неволю. Только Прискъ былъ пощаженъ, потому что императоръ надѣялся извлечь для себя пользу изъ его талантовъ.

Съ Востока Северъ отправился въ Галлію противъ Альбина. Альбинъ уже давно замѣтилъ, что онъ принятъ въ соправители только для вида, и что ему также придется погибнуть. Страшная битва при Ліонѣ, стоившая римской имперіи лучшихъ воиновъ, рѣшила между противниками. Альбинъ былъ разбитъ и лишился жизни. Северъ поступилъ съ его приверженцами такъ же, какъ съ партіею Песценнина. Возвратившись въ Римъ, онъ казнилъ 84 сенатора, находившихся въ связяхъ съ Альбиномъ, и въ общемъ собраніи сената прямо объявилъ, что такіе люди, какъ римскіе сенаторы, заслуживаютъ имѣть только такихъ императоровъ, какъ Коммодъ, что кротость Помпея и Цезаря не поведутъ ни къ чему, и что въ отношеніи высшаго класса римлянъ надобно употреблять строгость Марія, Суллы и Августа. Вскорѣ Северъ вновь отправился на Востокъ, гдѣ парѳяне произвели опустошительный набѣгъ на пограничныя римскія провинціи. Они были прогнаны въ Парѳію, и главный городъ страны, Ктесифонъ, былъ отданъ на жертву ярости римскихъ солдатъ. Во время похода, Северъ, съ помощью Приска, завоевалъ расположенный среди пустыни на неприступной скалѣ месопотамскій городъ Атру, который прежде тщетно осаждалъ Траянъ.

Возвратившись въ Римъ, императоръ занялся исключительно дѣлами внутренняго управленія и обратилъ всѣ свои заботы на приведеніе въ порядокъ правосудія. И въ этомъ случаѣ его мѣры были запечатлѣны обычною строгостью, жестокостью и даже свирѣпостью. Впрочемъ, строгость и жестокость Севера скорѣе объясняются не его личнымъ характеромъ, а вліяніемъ жизни въ Африкѣ, гдѣ онъ родился и получилъ воспитаніе. Онъ былъ снисходителенъ до слабости только къ своимъ сыновьямъ, Каракаллѣ и Гетѣ, которыхъ назначилъ своими соправителями, и къ своему любимцу, префекту гвардіи, Плавціану. Благосклонность къ этому человѣку превосходила всякое вѣроятіе. Плавціанъ принималъ участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ и пріобрѣлъ такое вліяніе на императора, что положеніе его сравнивали съ значеніемъ Сеяна при Тиберіи. Онъ нарочно подстрекалъ императора къ казнямъ, потому что Северъ обыкновенно отдавалъ ему имѣнія казненныхъ. Плавціанъ пользовался большимъ почетомъ, жилъ роскошно и былъ гораздо могущественнѣе, чѣмъ самъ императоръ, или его сыновья. Желая играть роль гофмейстера при молодомъ Каракаллѣ, онъ даже думалъ женить его на своей властолюбивой и гордой дочери, но это вооружило противъ него Каракаллу и было причиною его гибели. Однажды Каракалла обвинилъ его передъ отцомъ въ заговорѣ, и когда Северъ ласково выслушивалъ обвиняемаго, по всей вѣроятности, невиннаго въ взведенномъ на него преступленіи, обвинитель предупредилъ своего отца, приказавъ стоявшему по близости солдату заколоть Плавціана предъ глазами императора (204). Но, не смотря на свою слабость къ Каракаллѣ и Плавціану, Северъ выказалъ себя мудрымъ правителемъ и администраторомъ. Мы знаемъ столько примѣровъ его кро-

тости и правосудія, что невольно извиняемъ его многіе, повидимому, жестокіе, поступки. Онъ не только возстановилъ надлежащее отношеніе между государственными расходами, но и сдѣлалъ значительныя сбереженія въ финансахъ. Чрезвычайно осмотрительный въ выборѣ чиновниковъ, Северъ никогда не позволялъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла своимъ отпущенникамъ и придворной прислугѣ, и сдѣлалъ весьма строгій выговоръ сенату, когда онъ однажды по своей низости хотѣлъ въ двухъ особыхъ декретахъ выразить публичную благодарность двумъ отпущенникамъ, пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ Севера. Лично присутствуя въ засѣданіяхъ суда и рѣшая дѣла съ неумолимою строгостью, императоръ употреблялъ всевозможныя мѣры къ уничтоженію злоупотребленій, вкравшихся въ судопроизводство. Онъ приблизилъ къ себѣ величайшихъ въ исторіи юристовъ, какъ Папиніана, Павла и Ульпіана, и пользовался ихъ совѣтами при изданіи законовъ и рѣшеніи запутанныхъ процессовъ. Папиніанъ, по умерщвленіи Плавціана, былъ назначенъ однимъ изъ префектовъ гвардіи, такъ какъ одному изъ нихъ обыкновенно ввѣрялся въ это время главный надзоръ за судебною частью въ государствѣ, а другой управлялъ военными дѣлами. Папиніанъ взялъ себѣ въ помощники Павла и Ульпіана, и, присодѣйствіи ихъ, такъ прославился своимъ правосудіемъ, что даже 250 лѣтъ спустя императоръ Валентиніанъ III, въ случаѣ несогласія между мнѣніями современныхъ правовѣдовъ относительно различныхъ вопросовъ законодательства, приказалъ придавать значеніе закона объясненіямъ Папиніана. Но за то распоряженія Севера по военной части были весьма вредны. Онъ уничтожилъ гвардію, которая тиранствовала надъ имперіею при Коммодѣ, умертвила Пертинакса и продала императорскую корону Юліану; но въ то же время учредилъ новый и еще болѣе многочисленный отрядъ тѣлохранителей, увеличилъ жалованье и раціоны войскамъ, время отъ времени давалъ имъ значительные подарки, и такимъ образомъ сдѣлалъ содержаніе арміи еще дороже и обременительнѣе для государства. Кромѣ того Северъ позволилъ солдатамъ жениться и держать своихъ женъ въ лагерѣ.

Въ глубокой старости Северъ предпринялъ походъ въ Британнію, для наказанія каледонцевъ (208). Онъ достигъ до самыхъ отдаленныхъ странъ горной Шотландіи, строилъ мосты чрезъ болота, отводилъ рѣки, потерялъ въ продолженіе трехъ экспедицій 40,000 человѣкъ, и все-таки не достигъ предположенной цѣли. Наконецъ, какъ и можно было ожидать отъ его крутаго характера, онъ рѣшился истребить все народонаселеніе Шотландіи, и только смерть помѣшала ему исполнить это намѣреніе. Во время войны, онъ построилъ на мѣстѣ вала Адріана рядъ новыхъ, гораздо сильнѣйшихъ укрѣпленій, и слѣдовательно снова обратился къ мудрымъ мѣрамъ Адріана, отъ которыхъ при Антонинѣ I отступилъ Лоллій. Замѣтныя еще на границѣ между Англіею и Шотландіею развалины фортовъ составляютъ, вѣроятно, остатки его укрѣпленій. Какъ ни безгранично любилъ Северъ своихъ сыновей, но, взявъ ихъ съ собою въ Британнію, увидѣлъ, что они отличаются только распутствомъ и что старшій изъ нихъ неисправимъ. Впрочемъ и послѣ этого онъ не могъ рѣшиться на строгія мѣры противъ своихъ дѣтей, хотя самъ укорялъ Марка Аврелія за то, что тотъ не лишилъ престола своего сына. Однажды въ Британніи Каракалла совершилъ явное покушеніе на жизнь отца. Северъ въ присутствіи двора сдѣлалъ сыну за это строгій выговоръ, но Каракалла не исправился, а отецъ и здѣсь не хотѣлъ прибѣгнуть къ строгости. Неоконченная война въ Шотландіи, несогласіе между сыновьями, смертельно ненавидѣвшими другъ друга, ихъ развратъ и дурное воспитаніе, раскаяніе въ своихъ жестокостяхъ и тяжкая болѣзнь отравляли послѣдніе часы жизни Севера. Чтобы прекратить свои мученія, онъ принялъ яду и умеръ въ 211 г. въ городѣ Іоркѣ.

Септимію Северу наслѣдовали на престолѣ его сыновья: Каракалла и Гета. Старшій, называвшійся собственно Бассіаномъ и получившій насмѣшливое прозвище Каракаллы отъ названія одежды, введенной имъ въ моду въ Римѣ, былъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ, развратныхъ, грубыхъ и безумныхъ римскихъ императоровъ. Гета былъ немногимъ лучше своего брата, хотя и имѣлъ одну похвальную сторону, не будучи, кажется, такъ суровъ и жестокъ, какъ Каракалла. Оба брата еще въ ранней юности, дошли до высокой степени

безнравственности; они всѣми способами выжимали у гражданъ деньги, дружились съ гладіаторами и ристателями, стараясь превзойти другъ друга въ безумствѣ, и вслѣдствіе дѣтской ссоры за пѣтушьи бои и гладіаторскія игры сдѣлались непримиримыми врагами. Каракалла превосходилъ брата энергіею и коварствомъ, и только заботливости своей матери, Юліи Домны, Гета былъ обязанъ тѣмъ, что не погибъ еще при жизни отца. Но въ первый же годъ правленія Каракаллы, Гета былъ убитъ имъ въ объятіяхъ матери. Мало-по-малу Каракалла истребилъ всѣхъ, кто имѣлъ хоть малѣйшія сношенія съ Гетою. Число этихъ несчастныхъ простиралось по крайней мѣрѣ до 20,000. Между ними находился и Папиніанъ.

Всѣ тираны, господствовавшіе въ римской имперіи, были обыкновенно расточительны. Каракалла въ короткое время промоталъ все, что досталось ему отъ прежнихъ правителей. Чтобы найти средства для удовлетворенія своей расточительности, онъ прибѣгалъ къ такимъ же мѣрамъ, какъ Неронъ, Домиціанъ и Коммодъ, и даже превзошелъ ихъ въ этомъ отношеніи. Онъ предпринималъ путешествія по провинціямъ для того, чтобы совершать тамъ казни и конфискаціи; предшественники же его дѣлали это только въ Италіи. Для увеличенія громадной подати, платимой римскими гражданами при освобожденіи рабовъ и полученіи наслѣдства, Каракалла даровалъ право гражданства всѣмъ жителямъ имперіи. Больше всего страдалъ отъ прихотей полубезумнаго юноши сенатъ. Каракалла заботился объ однихъ только солдатахъ, оставляя безъ всякаго вниманія другія сословія. Онъ увеличилъ жалованье войскамъ, и открыто говорилъ предъ ними, что и императоръ, и вся имперія зависитъ отъ нихъ. Окруживъ себя сарматскими и германскими варварами, Каракалла всячески старался расположить ихъ къ себѣ, перенимая ихъ нравы и обычаи, и даже носилъ бѣлокурый парикъ, чтобы походить на нихъ цвѣтомъ волосъ; все это дѣлалось имъ только для того, чтобы найти въ грубыхъ солдатахъ защиту отъ мирныхъ гражданъ, подвергавшихся его насиліямъ, а въ то же время, чтобы удержать набѣги пограничныхъ народовъ, онъ покупалъ у нихъ миръ за огромныя суммы и этимъ увеличивалъ только дерзость варваровъ, становившихся все грознѣе и грознѣе. Во время своихъ походовъ, Каракалла заслужилъ презрѣніе друзей и враговъ, какъ полководецъ и какъ императоръ, хотя исполнялъ всѣ обязанности солдата и дѣлилъ труды, лишенія и увеселенія своихъ воиновъ.

Наконецъ Каракалла предпринялъ походъ на Востокъ. Прибывъ въ Египетъ, онъ созвалъ въ Александріи собраніе гражданъ, и, окруживъ ихъ солдатами, приказалъ перебить всѣхъ безъ пощады, а послѣ того позволилъ своимъ войскамъ еще нѣсколько дней грабить городъ. Онъ ненавидѣлъ александрійцевъ за то, что однажды они позволили себѣ посмѣяться надъ нимъ, но, кажется, имѣлъ и другія побужденія къ этому злодѣйству, потому что впослѣдствіи выгналъ изъ города всѣхъ иностранцевъ и принялъ мѣры, которыя нельзя объяснить однимъ случайнымъ нерасположеніемъ его къ городу. Изъ Египта Каракалла отправился противъ парѳянъ, которые, будучи раздѣлены тогда внутренними несогласіями, не приготовились къ оборонѣ. Каракалла произвелъ страшныя опустошенія въ парѳянской провинціи Мидіи, провелъ зиму въ Эдессѣ, и хотѣлъ возобновить войну на слѣдующее лѣто, но былъ умерщвленъ предъ самымъ выступленіемъ въ походъ (217). Виновникомъ убійства былъ Макринъ, одинъ изъ префектовъ гвардіи, бывшій главнымъ блюстителемъ правосудія. Макринъ уже давно старался образовать въ Римѣ и въ войскахъ партію противъ Каракаллы, но, вѣроятно, его выдали и онъ быстрою развязкою дѣла хотѣлъ предупредить свою казнь. Нѣсколько подговоренныхъ имъ офицеровъ неожиданно напали на императора и умертвили его. Самъ Макринъ и другіе начальники заговора умѣли скрыть свое участіе въ этомъ дѣлѣ, и только одни убійцы были изрублены тѣлохранителями, обожавшими Каракаллу.

Въ продолженіе четырехъ дней имперія оставалась безъ правителя. На пятый, главнымъ участникамъ заговора удалось расположить гвардію въ пользу Макрина. Онъ былъ провозглашенъ императоромъ въ Эдессѣ, и сенатъ утвердилъ выборъ войска. Макринъ не имѣлъ талантовъ ни полководца, ни солдата, и тотчасъ же, по вступленіи на престолъ, предавшись роскоши и нерадѣнію, вооружилъ противъ себя всѣхъ благомыслящихъ людей. Кромѣ того, потерпѣвъ не-

удачу въ войнѣ съ парѳянами, онъ заключилъ съ ними договоръ, по которому обязался возвратить всѣ завоеванія Каракаллы и, сверхъ того, заплатить имъ значительную сумму денегъ въ вознагражденіе за убытки. Къ несчастью, онъ не во-время сталъ пріучать къ строгой дисциплинѣ войско, уже узнавшее объ его участіи въ убійствѣ Каракаллы. Послѣдствія всего этого обнаружились уже чрезъ годъ, по вступленіи на престолъ Макрина. Тетка Каракаллы, Меза, была отослана Макриномъ въ сирійскій городъ Эмесу, и жила тамъ съ двумя своими дочерьми, Маммеею и Соэмидою, и ихъ сыновьями, Алексіаномъ и Бассіаномъ. Бассіанъ, сынъ Соэмиды, сдѣлался верховнымъ жрецомъ сирійскаго божества солнца и отъ имени бога, которому служилъ, получилъ названіе Геліогабала. Своею красотою и блескомъ жреческаго достоинства онъ обратилъ на себя вниманіе римскихъ солдатъ, жившихъ въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ Эмесы. Разнеслась молва, что онъ сынъ Каракаллы, и три упомянутыя нами женщины были такъ безстыдны, что подтвердили этотъ слухъ. Онѣ не жалѣли денегъ, чтобы склонить въ свою пользу солдатъ, нерасположенныхъ къ Макрину, и Геліогабалъ былъ наконецъ провозглашенъ императоромъ, а высланное противъ него войско было подкуплено. Вскорѣ, послѣ того, Макринъ, выказавшій свое малодушіе и нерѣшительность, былъ покинутъ и остальною частью арміи, исключая гвардіи, и выступилъ противъ своего врага съ одними преторіанцами. Сначала битва клонилась въ его пользу, но потомъ счастье стало повидимому измѣнять ему, и онъ долженъ былъ обратиться въ бѣгство. Солдаты, цѣлый день тщетно ожидавшіе его возвращенія, наконецъ согласились на предложенія Геліогабала, и новый императоръ послалъ погоню за своимъ противникомъ. Макринъ былъ настигнутъ и умерщвленъ (218).

Геліогабалъ, которому при вступленіи на престолъ было только 15 лѣтъ, не получилъ никакого образованія и привыкъ только къ распутству и пустому блеску. Получивъ неожиданно неограниченную власть и огромное богатство, онъ не замедлилъ воспользоваться тѣмъ и другимъ, запятнавъ себя всякаго рода пороками и глупостями, какіе только можетъ внушить дикая фантазія, изнѣженная чувственность и юношеское своеволіе. Его мать, Соэмида, женщина слабая и тщеславная, еще болѣе усиливала дурныя наклонности сына. Геліогабалъ велъ себя на императорскомъ престолѣ такъ безславно и ребячески, какъ едва ли велъ себя какой-нибудь другой государь. Сластолюбивый и жестокій, онъ публично совершалъ самые постыдные поступки и не щадилъ никого, кто возбуждалъ въ немъ малѣйшее подозрѣніе. Введя въ Римѣ служеніе Ваалу и Молоху, онъ даже приносилъ человѣческія жертвы и по внутренностямъ жертвъ предсказывалъ будущее. Геліогабалъ почти каждый день надѣвалъ новое платье, ходилъ въ своемъ дворцѣ по золотому и серебряному порошку, назначилъ свою лошадь консуломъ; чтобы возбудить удивленіе къ величинѣ Рима, приказалъ собрать паутину со всего города и дѣлалъ множество другихъ безумствъ въ томъ же родѣ. Танцовщики, кучера и другіе простолюдины составляли его любимое общество и назначались имъ на самыя важныя должности. Въ его царствованіе придворная жизнь получила совершенно восточный характеръ, чему виною была впрочемъ мать его Соэмида, у которой забота о женскомъ этикетѣ простиралась до смѣшнаго. До Геліогабала женщины императорской фамиліи никогда не имѣли важнаго значенія въ государствѣ; Соэмида же основала женскій сенатъ, совѣщавшійся о придворномъ этикетѣ и издававшій законы, въ которыхъ опредѣлялись каждой женщинѣ чинъ, платье и мѣсто, соотвѣтствовавшее ея положенію при дворѣ. Геліогабалъ даже предоставлялъ женщинамъ управленіе государствомъ. Его гордая мать и властолюбивая Меза являлись въ сенатѣ, чего не смѣли дѣлать ни Ливія, ни Агриппина.

Бабка Геліогабала скоро увидѣла, что внукъ ея, благодаря своимъ ребячествамъ и неосторожности, едва ли надолго удержитъ власть въ своихъ рукахъ. Чтобы сохранить ее въ своей фамиліи, Меза рѣшилась устранить Геліогабала, но приступила къ этому съ большою предусмотрительностью и разсудительностью, и четыре года выжидала удобной минуты для выполненія своего плана. Второй внукъ ея, Алексіанъ, или какъ называли его впослѣдствіи, Александръ Северъ, былъ прекрасно воспитанъ своею матерью, Маммеею, самою благоразумнѣйшею изъ трехъ названныхъ нами женщинъ. Меза и Маммея хотѣли назна-

чить Александра Севера соправителемъ Геліогабала и наслѣдникомъ престола, не смотря на то, что ему было всего двѣнадцать лѣтъ, и склонили къ этому солдатъ; Геліогабалъ, замѣтивъ опасность, тотчасъ же рѣшился умертвить своего двоюроднаго брата, но попытка его однако не удалась. Однажды онъ отправился съ Северомъ въ лагерь преторіанцевъ, гдѣ его встрѣтили съ явными знаками неодобренія, а его совмѣстника съ восторженною радостью. Геліогабалъ хотѣлъ наказать зачинщиковъ, но они вмѣстѣ съ Маммеею подстрекнули къ противодѣйствію своихъ друзей между солдатами. Между приверженцами обоихъ правителей произошла битва: партія Геліогабала потерпѣла пораженіе, а самъ онъ былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своею матерью (222).

4. Александръ Северъ и основаніе новоперсидскаго царства.

Александръ Северъ вступилъ на престолъ очень юнымъ, и потому, по смерти Мезы (223), власть перешла въ руки его даровитой матери, которая до самой смерти Севера сохраняла надъ нимъ огромное вліяніе. Ни одно правленіе женщины, за исключеніемъ развѣ царствованія Елисаветы въ Англіи, не было такъ благотворно для человѣчества, какъ правленіе Маммеи. Если она была, какъ утверждаютъ, дѣйствительно христіанкою, то образъ дѣйствія ея на императорскомъ престолѣ служитъ прекраснымъ доказательствомъ благодѣтельнаго вліянія христіанскаго ученія. Но если Маммея и не принимала христіанства, то все-таки достовѣрно извѣстно, что она глубоко уважала и почитала великаго христіанскаго философа, О р и г е н а, трудившагося тогда надъ распространеніемъ христіанства, и въ своихъ дѣйствіяхъ руководилась началами стоической философіи, имѣвшей такъ много общаго съ христіанствомъ. Не только воспитаніе и образованіе молодаго императора, но и самое управленіе государствомъ основывалось на этихъ началахъ. Законы не выходили прямо изъ кабинета императора, какъ это было прежде, но каждый изъ нихъ предлагался предварительно на обсужденіе или всего сената, или особой коммиссіи, состоявшей изъ пятидесяти двухъ членовъ. Эта коммиссія всегда находилась подъ рукою у императора и могла немедленно быть созвана для разсмотрѣнія правительственныхъ распоряженій. Все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ государственнаго совѣта изъ 60 опытныхъ сановниковъ, у которыхъ молодой императоръ учился правительственной мудрости. Высшую судебную инстанцію составляла коллегія знаменитыхъ юристовъ. Ульпіанъ, первый юристъ и самый правосудный и честный человѣкъ своего времени, былъ другомъ Александра Севера и единственнымъ лицомъ, съ которымъ онъ разговаривалъ безъ свидѣтелей. Знаменитый ученый правовѣдъ, Павелъ, принадлежалъ также къ числу совѣтниковъ Севера. Одно вліяніе этихъ двухъ законовѣдовъ можетъ служить самою лучшею похвалою молодому императору и его матери. Въ царствованіе Александра Севера дворъ на короткое время снова возвратился къ простотѣ временъ Веспасіана. Отличаясь самъ простотою и умѣренностью въ жизни, императоръ всячески старался противодѣйствовать восточному этикету и распространенію роскоши, но не могъ возстановить прежней простоты нравовъ, потому что гораздо легче ввести новый видъ роскоши, чѣмъ уничтожить прежнюю. Частная жизнь Александра Севера, его поведеніе, домашній бытъ, пища и развлеченія, осмотрительность въ замѣщеніи должностей, покровительство ученымъ, учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ, забота о сокращеніи государственныхъ расходовъ, старанія о возстановленіи древней чистоты нравовъ — могутъ служить образцомъ для всякаго правителя. Но во всѣхъ дѣйствіяхъ императора нельзя не замѣтить поразительнаго недостатка самостоятельности и нѣкотораго педантизма. Въ его поведеніи также проглядываетъ какая-то женственная чувствительность, мягкость характера, доходящая до слабости, и вмѣстѣ съ этимъ жестокость въ преслѣдованіи безнравственныхъ поступковъ, которые можетъ судить только одинъ Богъ.

Какъ ни хорошо было правленіе Севера и его матери, но изъ всей исторіи Рима видно, что въ римской имперіи никакое учрежденіе не могло быть прочно, пока продолжалось господство солдатъ, и пока императоръ не внушалъ имъ

уваженія къ себѣ своею личной храбростью и военною опытностью. Ни Ульпіанъ, ни Северъ не могли достичь этого, хотя императоръ, во время похода на Востокъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ войско, и тщательно выставлялъ на показъ простоту своей жизни. Чтобы пріобрѣсть любовь войска и, быть можетъ, для того, чтобы царскимъ великолѣпіемъ произвести болѣе сильное впечатлѣніе на жителей Востока, Северъ окружилъ себя новою гвардіею въ 30 тысячъ человѣкъ, не считая другаго отряда тѣлохранителей, имѣвшихъ золоченые, серебряные или посеребренные щиты. Такимъ образомъ, самый миролюбивый и добродушный императоръ увеличилъ издержки на войско и далъ новую пищу высокомѣрію солдатъ. Постоянныя волненія были слѣдствіемъ этихъ распоряженій Севера, и почти не проходило года безъ того, чтобы ему не приходилось усмирять недовольныя войска или подавлять возмущенія. Иногда между гражданами и солдатами вспыхивали несогласія, превращавшіяся въ настоящія и довольно продолжительныя междоусобныя войны. Въ одной изъ такихъ кровавыхъ распрей лишился жизни Ульпіанъ. Будучи префектомъ преторіанцевъ, онъ своею строгостью раздражилъ солдатъ, и при одномъ возмущеніи былъ убитъ передъ глазами самого императора, тщетно старавшагося защитить его.

При Северѣ пало царство парѳянъ или арсакидовъ, и вмѣсто его возникло новое персидское государство. Парѳяне, никогда не покидавшіе своего кочеваго быта, по своему происхожденію, вѣроятно, не принадлежали къ вѣтви персидскихъ народовъ (т. I. стр. 59). Во время ихъ господства, древняя персидская религія и наука были забыты, и оттого позднѣйшіе персидскіе поэты и историки въ славѣ арсакидовъ не видятъ славы персовъ; они умалчиваютъ о геройскихъ подвигахъ парѳянъ, о пораженіи Красса и другихъ славныхъ войнахъ, о которыхъ сообщаютъ намъ самыя подробныя свѣдѣнія греческіе и римскіе писатели. Совершенно иначе смотрѣли они на династію Сассанидовъ, которая въ 226 г. уничтожила господство арсакидовъ и на его развалинахъ основала новое царство. Ардишіръ или Артаксерксъ I, основатель этой династіи, былъ природный персъ, и даже хвалился происхожденіемъ отъ древнихъ персидскихъ царей. Сначала онъ былъ намѣстникомъ одной парѳянской провинціи, но потомъ, возмутившись противъ Артабана IV, послѣдняго государя изъ фамиліи арсакидовъ, увлекъ за собою своихъ соотечественниковъ. Ему удалось свергнуть парѳянское иго, и первымъ его дѣломъ было возстановленіе въ основанномъ новоперсидскомъ государствѣ древней персидской религіи, жреческой касты маговъ и другихъ старинныхъ учрежденій. Покоривъ одну провинцію за другою, онъ одержалъ наконецъ блистательную побѣду надъ парѳянами, недалеко отъ нынѣшняго города Шустера. Въ этомъ сраженіи Артабанъ лишился престола и жизни. Желая возвратить своему государству внѣшніе предѣлы древней персидской монархіи, Артаксеркъ, въ 227 году, вторгся въ римскую провинцію Каппадокію, и такимъ образомъ началъ долголѣтнюю войну съ римлянами. Александръ Северъ самъ отправился противъ него. Составивъ прекрасный планъ дѣйствій и одержавъ значительныя побѣды на персами, императоръ все далѣе и далѣе углублялся въ ихъ страну, пока его мать, изъ излишней заботливости объ его жизни, не помѣшала ему осуществить вполнѣ его планы. Онъ возвратился назадъ, и во время отступленія потерялъ почти двѣ трети своего войска, но навелъ такой страхъ на персовъ, что они долго послѣ того не смѣли безпокоить римлянъ.

Вскорѣ по окончаніи войны съ Артаксерксомъ, продолжавшейся около четырехъ лѣтъ (230—234), хищническіе набѣги германскихъ народовъ потребовали личнаго присутствія императора на Рейнѣ (235). Здѣсь главнымъ начальникомъ римскихъ войскъ былъ ѳракіецъ Максиминъ, человѣкъ суровый, отличавшійся огромнымъ ростомъ, необыкновенною физическою силою, ловкостью, и изъ простаго солдата сдѣлавшійся первымъ лицомъ арміи. Когда Северъ прибылъ въ Майнцъ, онъ находился во главѣ войска только что набраннаго въ Панноніи, и, во время пребыванія императора на Рейнѣ, руководилъ всѣми военными дѣйствіями противъ германцевъ. Императоръ, всегда сопровождаемый своею матерью, не принималъ никакого участья въ трудностяхъ войны и оставался только праздными зрителемъ, ограничиваясь одними приказаніями о соблюденіи дисциплины, что возбуждало сильное неудовольствіе въ особенности въ галльскихъ войскахъ.

Когда солдаты стали тяготиться его требованіями и выговорами, онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, но этимъ произвелъ только открытое возстаніе галльскихъ войскъ. Они убѣдили Максимина занять мѣсто императора, и не далеко отъ Майнца умертвили Севера и его мать (235). Смерть Севера возбудила въ остальныхъ войскахъ всеобщую печаль, и убійцы его поплатились жизнью. Но большинство войскъ все-таки провозгласило императоромъ Максимина, который и удержалъ за собою это достоинство.

5. Преемники Александра Севера до Діоклетіана.

Грубый варваръ Максиминъ обладалъ только однимъ хорошимъ качествомъ: ненавистью ко всякой изнѣженности и роскоши, но, вооружившись противъ этихъ недостатковъ, онъ сталъ въ разладъ съ общимъ настроеніемъ и учрежденіями цивилизованныхъ римлянъ. Со вступленіемъ его на престолъ начинается самый печальный періодъ древней исторіи. Съ этого времени, на ряду съ внутренними безпорядками, обнаруживаются два главныя зловѣщія явленія: господство двухъ враждующихъ между собою армій и безпрерывныя вторженія варваровъ. Такое положеніе дѣлъ каждую минуту грозило государству совершеннымъ распаденіемъ и окончилось наконецъ отдѣленіемъ восточныхъ провинцій отъ западныхъ и основаніемъ другой столицы имперіи.

Робкій сенатъ утвердилъ избраніе германскихъ легіоновъ, между которыми находилась и большая часть гвардіи; но новый императоръ остался при войскѣ, и во время своего трехлѣтняго царствованія ни разу не былъ въ Римѣ. Составивъ обширный планъ завоеваній, онъ ходилъ съ войскомъ во внутренность Германіи, и во время походовъ и битвъ всегда былъ впереди. Во внутреннемъ управленіи онъ выказалъ чрезвычайную строгость и жестокость. Два вспыхнувшія противъ него возмущенія послужили ему поводомъ къ ужаснымъ казнямъ; такъ, напримѣръ, за первое онъ лишилъ жизни 4,000 человѣкъ. Глубоко убѣжденный въ томъ, что имперія не можетъ долго существовать безъ жестокихъ мѣръ, Максиминъ не зналъ пощады и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на слабость и изнѣженность римлянъ, ненавидя ихъ малодушіе и страсть къ наслажденіямъ. Онъ захватилъ всѣ деньги, назначенныя на предметы роскоши, травлю звѣрей и зрѣлища, неслыханнымъ образомъ оскорблялъ людей всѣхъ званій и состояній, уничтожилъ всѣ гражданскія заведенія и раздавалъ всѣ деньги самой грубой и полудикой части войска. Наконецъ, когда онъ наложилъ руку на частное имущество гражданъ и сокровища храмовъ, самые миролюбивые люди пришли въ отчаяніе. Въ Африкѣ всеобщее неудовольствіе выразилось возмущеніемъ и избраніемъ въ императоры намѣстника провинціи, восьмидесятилѣтняго Гордіана I, а въ соправители сына его, того же имени. Сенатъ тотчасъ же утвердилъ этотъ выборъ, и какъ онъ, такъ и населеніе Рима съ яростью стали преслѣдовать сторонниковъ Максимина. Къ несчастью, оба Гордіана были побѣждены и умерщвлены намѣстникомъ сосѣдней Мавританіи. Максиминъ сначала вышелъ изъ себя отъ гнѣва, потомъ предложилъ сенату прощеніе, а когда тотъ отказался, двинулся съ своимъ войскомъ въ Италію. Узнавъ о походѣ Максимина и смерти Гордіановъ, сенатъ назначилъ двухъ новыхъ императоровъ: воинственнаго Максима и ловкаго государственнаго человѣка Бальбина; такъ какъ солдаты подозрѣвали въ этомъ тайное намѣреніе снова ввести аристократическое правленіе, то Максиму и Бальбину и дали еще третьяго соправителя, тринадцатилѣтняго внука Гордіана I, Гордіана III. Максиминъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, такъ долго медлилъ своимъ походомъ въ Италію, что всѣ провинціи уже успѣли объявить себя противъ него. Наконецъ, весною, когда разливы рѣкъ затрудняли движенія арміи, онъ явился въ Верхней Италіи, но противники уже приняли противъ него мѣры, и онъ встрѣтилъ вездѣ упорное сопротивленіе. Войско его должно было бороться съ голодомъ и съ хорошо вооруженнымъ непріятелемъ. Эти неудачи до крайности раздражили Максимина; жестокость его стала невыносима даже для его собственныхъ солдатъ, и они, умертвивъ его, вмѣстѣ съ

сыномъ, около города Аквилеи, признали трехъ императоровъ, избранныхъ сенатомъ (238).

Едва побѣдители возвратились въ Римъ, какъ преторіанцы поссорились съ сенатомъ и народомъ, и, во время возмущенія, убили императоровъ Бальбина и Максима. Единственною главою имперіи остался Гордіанъ, и, къ счастью для него, немедленно послѣ бунта, префектомъ преторіанцевъ сдѣлался Миситей, человѣкъ съ большою энергіею. Выдавъ свою дочь за молодаго императора, Миситей управлялъ государствомъ отъ его имени. Вскорѣ онъ, вмѣстѣ съ Гордіаномъ, былъ принужденъ выступить противъ персовъ, которые при второмъ Сассанидѣ, Шапурѣ I (Сапорѣ), пользуясь безпорядками въ римской имперіи, напали на Месопотамію. Враги были отбиты, но, къ несчастью, во время этого похода умеръ Миситей, а преемникъ его, въ должности префекта, Филиппъ, получившій за азіятское происхожденіе прозваніе Аравитянина, при своемъ неограниченномъ честолюбіи не могъ, подобно Миситею, довольствоваться второстепеннымъ мѣстомъ. Стремясь къ престолу, онъ возбудилъ въ войскѣ недовольство Гордіаномъ и, умертвивъ его (244), провозгласилъ себя императоромъ. Сенатъ призналъ его въ этомъ достоинствѣ.

Новый императоръ тотчасъ же заключилъ миръ съ персами и поспѣшно возвратился въ Римъ. Здѣсь рядомъ великолѣпныхъ общественныхъ увеселеній онъ праздновалъ тысячелѣтіе Рима, который, по общепринятому тогда лѣтосчисленію Варрона, былъ основанъ за 754 года до р. Хр. (т. I. стр. 532). Но въ то самое время, когда въ Римѣ торжествовали тысячелѣтнее существованіе государства, оно, казалось, было совершенно готово къ распаденію. Внутри господствовали безпорядки, а извнѣ — съ одной стороны вторглись чрезъ Рейнъ и Дунай и грабили римскія области германскіе народы, съ другой же грозили завладѣть всѣмъ Востокомъ персы. Дѣйствительно, покореніе Востока не представляло бы персамъ никакой трудности, если бы они приняли правильную систему войны и завели у себя регулярное войско, потому что въ то время различныя римскія арміи избрали себѣ каждая своего императора. Пользуясь тѣмъ, что предводители войскъ воевали другъ съ другомъ за императорское достоинство, Децій, назначенный правителемъ двухъ возмутившихся провинцій, Мизіи и Панноніи, былъ возведенъ солдатами на престолъ, и тотчасъ же выступилъ противъ Филиппа. Децій, предъ отправленіемъ въ Мизію, ободрялъ своего императора, хвалилъ его за подавленіе тамошняго бунта, и даже, извѣщая его о своемъ восшествіи на престолъ, увѣрялъ, что былъ принужденъ къ этому солдатами и обѣщалъ сложить съ себя императорское достоинство, немедленно по прибытіи въ Римъ. Филиппъ, само собою разумѣется, не повѣрилъ этому льстивому обѣщанію и выступилъ противъ Деція, но былъ разбитъ имъ и лишился жизни въ сраженіи 249).

Царствованіе Деція не было счастливѣе царствованія его предшественника. Въ Галліи начались волненія. Провинціи Дакію, Мизію и Ѳракію опустошали готы, подъ предводительствомъ своего короля Книвы. Выступивъ противъ готовъ, Децій сначала одержалъ надъ ними верхъ, но въ жару преслѣдованія углубился слишкомъ далеко въ ихъ страну. Готы вдругъ окружили его и истребили все римское войско (251). Галлъ, командовавшій другимъ отрядомъ и провозглашенный императоромъ, купилъ у готовъ миръ, обѣщаясь платить ежегодную дань, но этимъ оскорбилъ гордость римлянъ и въ то же время побудилъ враговъ къ новымъ нападеніямъ на имперію, безсиліе которой явно высказалось въ послѣднемъ мирномъ договорѣ. Вскорѣ, послѣ того, начальнику войскъ въ Паннонiи, Эмиліану, двинувшемуся противъ готовъ, удалось побѣдить народъ, взявшій контрибуцію съ его императора. Онъ раздѣлилъ между солдатами отнятую у непріятеля добычу, и солдаты изъ благодарности провозгласили его императоромъ. Новый повелитель тотчасъ же двинулся въ Италію. Галлъ выступилъ противъ него, но былъ убитъ своими собственными солдатами (253). Такая же участь постигла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Эмиліана. Когда явился въ Италію Валеріанъ, собравшій для Галла войско въ Граубинденѣ и Тиролѣ, Эмиліанъ былъ умерщвленъ своими солдатами, провозгласившими императоромъ Валеріана. Могло ли что-нибудь быть печальнѣе положенія имперіи, въ которой со смерти Александра Севера такъ часто мѣнялись правители, и гдѣ солдаты,

состоявшіе преимущественно изъ полудикихъ чужеземцевъ, возводили и низвергали императоровъ по своему произволу! Но возмущенія и деспотизмъ солдатъ не были единственнымъ несчастьемъ того времени. Галлія и сѣверныя провинціи подвергались почти безпрерывнымъ опустошеніямъ варваровъ; вся имперія нѣсколько разъ страдала отъ голода, и со времени Галла въ ней свирѣпствовала страшная зараза, распространившаяся по всей имперіи и истребившая въ одномъ Римѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Къ довершенію зла, Децій началъ жестокое гоненіе на христіанъ, и вступивъ такимъ образомъ въ борьбу съ сильною, все болѣе и болѣе распространявшеюся религіею, еще сильнѣе поколебалъ государство.

Валеріанъ (253—260) уже давно былъ извѣстенъ какъ хорошій полководецъ и честный гражданинъ, и отличался простотою нравовъ, но, не смотря на то, былъ не въ силахъ возстановить порядокъ и спокойствіе въ государствѣ. Самъ онъ и сынъ его Галліенъ, принятый имъ въ соправители, отправились въ походъ противъ внѣшнихъ враговъ, и хотя нѣкоторые изъ его полководцевъ одержали нѣсколько побѣдъ надъ ними, но непріятель былъ слишкомъ многочисленъ, а границы имперіи чрезвычайно растянуты. Непріятель, отбитый съ одного конца имперіи, напиралъ еще сильнѣе съ другаго. Франки, имя которыхъ въ первый разъ встрѣчается при Валеріанѣ (стр. 48), опустошили Галлію; народы алеманнскаго союза, впервые появившіеся подъ этимъ общимъ именемъ во время Каракаллы, прорвались чрезъ Эльзасъ и Швейцарію до самаго Медіолана (Милана). Впрочемъ здѣсь Галліенъ разбилъ ихъ въ большомъ сраженіи. Паннонію, Иллирію, Мизію и Ѳракію грабили готы и другіе народы. Готы были тогда страшнѣе всѣхъ прочихъ варваровъ. Выучившись у плѣнныхъ римлянъ строить легкія лодки, они переплывали чрезъ Черное море въ Малую Азію, грабили и разоряли тамъ приморскіе города и проникали даже во внутренность страны. Не менѣе готовъ опасны были персы, покорившіе въ это время Арменію и вторгнувшіеся въ Сирію. Валеріанъ въ 258 г. отправился противъ нихъ самъ, но на дорогѣ былъ задержанъ новымъ вторженіемъ готовъ, бургундцевъ и другихъ варваровъ. Императоръ принялъ нужныя мѣры для защиты сѣверной части Малой Азіи, но варвары бросились тогда на другія страны и города, съ незапамятныхъ временъ не видавшіе непріятеля. Опустошивъ берега Архипелага, они взяли и разграбили Аѳины, проникли оттуда въ Ѳессалію и Иллирію, опустошили Эфесъ, разрушили въ этомъ городѣ знаменитый храмъ Діаны и съ огромною добычею возвратились домой. Самъ Валеріанъ, двинувшійся наконецъ къ персидской границѣ, былъ разбитъ въ одномъ сраженіи, и, обманутый непріятелемъ, попался въ плѣнъ (260). Говорятъ, что Шапуръ I, заключивъ Валеріана въ оковы, возилъ его по главнымъ городамъ своего царства и, садясь на лошадь, ставилъ обыкновенно ногу на его шею, однимъ словомъ, обращался съ нимъ такъ же грубо и безчестно, какъ тысячу лѣтъ спустя поступалъ съ султаномъ Баязетомъ I Тимуръ. Конечно, въ обоихъ разсказахъ есть доля правды, но нѣтъ сомнѣнія, что они сильно преувеличены. Воспользовавшись своимъ успѣхомъ и разстройствомъ римской имперіи, персидскій царь вторгся въ Сирію, завоевалъ и разграбилъ Антіохію, отвелъ нѣсколько тысячъ человѣкъ въ неволю и опустошилъ Киликію и Каппадокію; но наконецъ римлянамъ, подъ начальствомъ Балисты, удалось оттѣснить его.

По смерти отца, Галліенъ царствовалъ, хотя только по имени, еще восемь лѣтъ; въ различныхъ частяхъ государства появлялось множество императоровъ, такъ что число ихъ доходило иногда до 30 и даже болѣе. Это число совмѣстниковъ Галліена подало поводъ сравнивать ихъ съ 30 аѳинскими тиранами (т. I. стр. 237) и называть въ насмѣшку тридцатью тиранами Рима. Изъ нихъ знаменитѣе всѣхъ Балиста и Оденатъ на Востокѣ, Постумъ въ Галліи и Испаніи, Тетрикъ въ Галліи и Авреолъ въ Иллиріи. Эти властители, за немногими исключеніями, падали такъ же быстро, какъ и возвышались. Безъ сомнѣнія, подобное явленіе было признакомъ совершеннаго разстройства и упадка имперіи, но тѣмъ не менѣе большая часть претендентовъ на престолъ были храбрыми полководцами, успѣшно защищавшими государство отъ германцевъ и персовъ. Галліенъ въ это смутное время то утопалъ въ безпечной роскоши и тратилъ время на занятія мистическою философіей, то обнаруживалъ самую напряженную дѣятельность. Въ 268 году онъ былъ убитъ своими собственными сол-

датами, а на его мѣсто избранъ храбрѣйшій изъ его полководцевъ, Клавдій, по всей вѣроятности, участвовавшій въ убійствѣ.

Всѣ писатели восхваляютъ Клавдія, какъ энергическаго, справедливаго и предусмотрительнаго правителя. Имъ начинаются новыя, лучшія времена для имперіи. Этому императору удалось побѣдить варваровъ, мало-по-малу усмирить возмутителей и возстановить единство въ управленіи. Знаменитый полководецъ его Аврелианъ, сдѣлавшійся послѣ него императоромъ, и другіе ближайшіе его преемники, продолжали идти по его слѣдамъ, довершая начатое имъ. Сначала Клавдій поспѣшилъ на помощь Италіи, куда вторглись алеманны, и, нанеся имъ рѣшительное пораженіе около Гардскаго озера, отбросилъ за Альпы. Потомъ онъ обратился къ Востоку, гдѣ готы, певцины, ютунги, гепиды, герулы и другіе народы, обитавшіе между Дономъ и Дунаемъ, опустошали римскія владѣнія. Часть ихъ наводнила Паннонію, Иллирію, Мизію и Ѳракію, а остальные, переплывая Черное море и Дарданеллы, опустошали берега Архипелага до самаго Крита и Кипра. Варвары были побѣждены самимъ императоромъ или его полководцами; но большинство ихъ погибло отъ заразы и голода. Клавдій и его полководцы надолго обезопасили восточныя провинціи и ослабили могущество готовъ. Къ несчастью, выгоды отъ побѣды надъ пограничными народами были уменьшены тѣмъ, что множество плѣнныхъ разослано было по провинціямъ, и цѣлыя племена варваровъ съ своими начальниками были приняты въ составъ римскаго войска.

Болѣзнь, истребившая варваровъ, лишила жизни и Клавдія (270). Солдаты провозгласили императоромъ Авреліана, котораго самъ Клавдій назначилъ своимъ преемникомъ. Онъ царствовалъ до 275 года. Едва новый императоръ прибылъ въ Римъ, какъ опустошительные набѣги маркоманновъ снова отозвали его въ Верхнюю Италію. Разбивъ варваровъ и отбросивъ ихъ за предѣлы полуострова, онъ продолжалъ подвигаться въ самую глубь Паннонiи, пока извѣстіе о вторженіи въ Италію алемановъ и другихъ народовъ не принудило его къ отступленію. Онъ вторично спасъ полуостровъ; но, не смотря на всѣ побѣды, могъ возстановить миръ только на короткое время. Черезъ нѣсколько лѣтъ тѣ же самыя племена возобновили свои набѣги. Авреліанъ поступилъ весьма благоразумно, начавъ послѣ отраженія алемановъ укрѣплять Римъ. Съ тѣхъ поръ какъ альпійскія тѣснины перестали служить защитою для столицы, она не была уже въ безопасности отъ варваровъ; такъ, во время своего послѣдняго набѣга, алеманны дѣйствительно хотѣли напасть на самый Римъ, и уже проникли до Умбріи. Авреліанъ первый началъ окружать городъ стѣною, а его преемники докончили это предпріятіе.

Побѣдивъ германцевъ, Авреліанъ долженъ былъ направить свои силы противъ двухъ внутреннихъ враговъ. Въ Галліи все еще держался императоръ Тетрикъ, а большая часть Востока подпала подъ власть туземца Одената. Авреліанъ долгое время не безпокоилъ перваго, зная, что Тетрикъ находится во власти своихъ солдатъ и тяготится своимъ достоинствомъ. Государство же, основанное Оденатомъ, было такъ могущественно и опасно, что Авреліанъ тотчасъ же рѣшился напасть на него, какъ только успѣлъ отразить варваровъ. Оденатъ и его супруга Зиновія, не смотря на кратковременность своего господства, принадлежатъ къ числу знаменитѣйшихъ историческихъ личностей. Оденатъ былъ главою племени, обитавшаго въ оазѣ Пальмиры (т. I. стр. 53), столь важномъ въ древности по своей караванной торговлѣ и со временъ Траяна принадлежавшемъ римлянамъ. На этомъ оазѣ еще со временъ Соломона процвѣталъ городъ того же имени, одинъ изъ главныхъ торговыхъ пунктовъ между Персидскимъ заливомъ и Средиземнымъ моремъ. Въ правленіе Селевкидовъ Пальмира приняла греческую образованность, а греческіе архитекторы украсили ее великолѣпными храмами и другими зданіями. Когда въ царствованіе Галліена персы наводнили римскія пограничныя провинціи, Оденатъ, бывшій также гражданиномъ Пальмиры, призвалъ къ оружію все способное къ войнѣ мужское населеніе своего племени, и, соединивъ его съ гражданами Пальмиры и разсѣявшимися римлянами, прогналъ персовъ за Евфратъ. Побѣда надъ персами такъ возвысила Одената въ глазахъ его соотечественниковъ, что съ этихъ поръ онъ сталъ повелѣвать Пальмирою и всѣмъ оазомъ, какъ царь (260), и объявилъ Зиновію своею соправительницею. Оденатъ счастливо продолжалъ войну съ персами, привлекъ

на свою сторону войска римскаго военачальника Балисты, провозгласившаго себя императоромъ, и умертвилъ самого претендента. Въ благодарность за эту услугу, Галліенъ не только призналъ его главнокомандующимъ всѣхъ войскъ на Востокѣ, но даже далъ ему съ женою почетный титулъ Цезаря и Августа. Съ этихъ поръ Оденатъ сталъ повелѣвать неограниченно надъ большею частью Востока. По его смерти (267) Пальмирою управляла Зиновія, не уступавшая въ правительственныхъ способностяхъ своему мужу. Красота, обширный умъ, греческое образованіе, краснорѣчіе, а въ особенности цѣломудріе въ образѣ мыслей и поступкахъ, слишкомъ рѣдкое въ женщинахъ-правительницахъ, а на Востокѣ почти никогда не встрѣчающееся, столь же отличали Зиновію, сколько и ея храбрость, опытность въ войнѣ, ловкость въ охотѣ и другія качества, свойственныя мужчинѣ. Она носила діадему восточныхъ царей, устроила свой дворъ на восточный манеръ, и во всей внѣшней обстановкѣ любила пышность, столь обыкновенную у восточныхъ владыкъ. Одежда ея была полугреческая и полуримская, и часто Зиновія являлась народу даже въ шлемѣ. Ея пиры устраивались въ римскомъ вкусѣ. Располагая къ себѣ римлянъ и азіятцевъ, усвоивавшихъ римскіе нравы, образованною бесѣдою и изяществомъ манеръ, она въ тоже время своимъ участіемъ въ попойкахъ очень нравилась арменцамъ и персамъ, страстнымъ любителямъ вина. Зная въ совершенствѣ исторію Востока, она превосходно говорила на главнѣйшихъ восточныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на египетскомъ и греческомъ; латинскій языкъ былъ ей извѣстенъ менѣе прочихъ, хотя ея сыновья говорили обыкновенно на немъ. Кромѣ того, Зиновія чрезвычайно искусно умѣла соединять въ себѣ деспотическую строгость и скупость съ фамиліярнымъ добродушіемъ и щедростью.

При вступленіи на престолъ Клавдія, Зиновія владѣла уже всѣмъ сирійскимъ царствомъ и большею частью малоазіятскихъ провинцій, и вскорѣ, воспользовавшись возмущеніемъ въ Египтѣ, утвердилась въ этой странѣ. Когда Авреліанъ окончилъ свои германскія войны, Зиновія готовилась къ новому походу, съ цѣлью присоединить къ своимъ владѣніямъ и остальную часть Малой Азіи; но Авреліанъ предупредилъ ее, разбилъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ ея войска и изгналъ ихъ изъ Сиріи и Малой Азіи. Проигравъ рѣшительную битву при Эмесѣ или Гемсѣ, Зиновія удалилась въ Пальмиру; но и здѣсь, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ, не могла долго противиться Авреліану, обильно снабдившему свое войско необходимымъ продовольствіемъ. Она искала спасенія въ бѣгствѣ, но попалась въ плѣнъ къ римлянамъ. Жители приняли предложенное Авреліаномъ прощеніе и сами отворили побѣдителю ворота города. Авреліанъ, обыкновенно слишкомъ жестокій, на этотъ разъ оказался милостивымъ, и ограничился казнью однихъ родственниковъ и приближенныхъ царицы. Между ними находился знаменитый греческій философъ и ораторъ Лонгинъ, который возбудилъ въ царицѣ любовь къ греческой образованности, и въ качествѣ перваго министра помогалъ ей въ управленіи, ожидая отъ нея и ея царствованія новыхъ лучшихъ временъ. Авреліанъ былъ золъ на Лонгина за гордое и надменное письмо, присланное Зиновіею въ отвѣтъ на мирныя предложенія императора и приписываемое, хотя и безъ достаточнаго основанія, ея первому министру. Неблагодарная царица была такъ малодушна, что, находясь въ плѣну, для своего спасенія воспользовалась гнѣвомъ императора на Лонгина и приписала ему причину своего упорства. Благородный мудрецъ, по своимъ мыслямъ и поступкамъ не уступавшій лучшимъ личностямъ древняго Рима, вмѣстѣ со своими друзьями и сообщниками былъ осужденъ Авреліаномъ на смерть. Лонгинъ до самой послѣдней минуты остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, и запечатлѣлъ искренность своей философіи неустрашимостью, съ какою шелъ на смерть, утѣшая своихъ товарищей въ несчастьяхъ. Оставивъ небольшой отрядъ въ Пальмирѣ, Авреліанъ отправился съ плѣнною царицею въ Европу, но на пути получилъ извѣстіе, что жители Пальмиры снова возмутились и перерѣзали его гарнизонъ. Раздраженный императоръ снова возвратился въ Пальмиру, овладѣлъ ею послѣ перваго же приступа и съ безпримѣрною жестокостью наказалъ возмутившихся. Всѣ жители города, безъ различія пола и возраста, были умерщвлены, а самый городъ съ громаднымъ храмомъ солнца, равнявшимся по своей величинѣ только съ египетскими постройками, былъ преданъ разрушенію. Впослѣдствіи Пальмира была воз-

становлена, и Авреліанъ даже возобновилъ разрушенный храмъ; но тогдашняя эпоха была благопріятнѣе для уничтоженія, чѣмъ для созиданія. Въ осьмомъ столѣтіи возобновленный городъ былъ окончательно разрушенъ аравитянами. Развалины его, принадлежащія отчасти ко времени Зиновіи, были открыты европейскими путешественниками только въ началѣ прошлаго столѣтія; онѣ такъ громадны и великолѣпны, что первыя извѣстія о нихъ долгое время считались невѣроятными.

Изъ разрушенной Пальмиры Авреліанъ отправился въ Египетъ, гдѣ одинъ изъ первыхъ богачей того времени, Маркъ Фирмъ, объявилъ себя императоромъ и привлекъ на свою сторону всѣхъ бѣжавшихъ приверженцевъ Зиновіи. Императору хотѣлось какъ можно скорѣе покончить съ узурпаторомъ, потому что Фирмъ прекратилъ подвозъ припасовъ въ Италію, и этимъ привелъ въ волненіе все народонаселеніе Рима. Авреліанъ очень скоро подавилъ возмущеніе, умертвилъ Фирма и поступилъ съ египтянами, по обыкновенію, крайне жестоко. Объявляя римскимъ гражданамъ о своей побѣдѣ, императоръ прибавилъ, что они опять обезпечены необходимымъ пропитаніемъ, и могутъ беззаботно заниматься общественными играми. Такимъ образомъ самъ Авреліанъ былъ радъ, что народъ, господствовавшій надъ тогдашнимъ міромъ, имѣлъ только двѣ главныхъ потребности: «panis et circenses» (стр 141). Возвратившись на Западъ, Авреліанъ безъ труда побѣдилъ галльскаго самозванца Тетрика въ битвѣ при Шалонѣ, на Марнѣ. Утомленный зависимостью отъ солдатъ, Тетрикъ самъ предалъ себя и своихъ приверженцевъ въ руки противника. Авреліанъ праздновалъ въ Римѣ блестящій тріумфъ, въ которомъ участвовала Зиновія и Тетрикъ. Впрочемъ, послѣ тріумфа, Тетрикъ былъ отпущенъ съ почетомъ и получилъ даже намѣстничество въ Италіи. О дальнѣйшей судьбѣ Зиновіи мы ничего не знаемъ. Одни писатели говорятъ, что она умерла еще на пути изъ Азіи въ Римъ; другіе же увѣряютъ, что послѣ тріумфа она получила отъ Авреліана значительныя помѣстья въ Италіи, и долгое время жила тамъ съ своими дочерьми, какъ простая гражданка.

Въ послѣдніе годы своей жизни Авреліанъ прибѣгалъ къ необыкновенно строгимъ мѣрамъ, для водворенія порядка и спокойствія внутри имперіи. Издавъ суровые законы для гражданъ и войска, онъ съ безразсудною жестокостью наказывалъ за малѣйшее ихъ нарушеніе. Впрочемъ, при тогдашнемъ состояніи имперіи не было никакой возможности поддержать государство, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, и это обстоятельство нѣсколько оправдываетъ жестокости Авреліана. Кромѣ того, войско, состоявшее преимущественно изъ варваровъ, могло удерживаться въ порядкѣ только съ помощью варварскихъ наказаній. Большую часть послѣднихъ лѣтъ своей жизни Авреліанъ провелъ въ войнахъ. Вскорѣ послѣ тріумфа онъ отнялъ у алеманновъ не задолго предъ тѣмъ занятую ими Виндолицію, а потомъ снова отправился на Востокъ для войны съ персами. На пути туда онъ совершилъ удачную экспедицію противъ готовъ, жившихъ на Дунаѣ; впрочемъ можно полагать, что готы были покорены имъ еще прежде персидскаго похода. Не смотря на свою побѣду, Авреліанъ весьма благоразумно рѣшился отдать готамъ Дакію и снова сдѣлать Дунай границею имперіи, и на этихъ условіяхъ заключилъ миръ. Такими мѣрами Авреліанъ избавилъ Мизію, Оракію и Иллирію отъ продолжительныхъ бѣдствій. Въ слѣдующія затѣмъ пятьдесятъ лѣтъ готы гораздо рѣже вторгались въ римскія провинціи, а если и отваживались на это, то были отражаемы съ большимъ урономъ. На пути въ Византію, Авреліана застигла смерть. Секретарь императора, уличенный имъ въ обманѣ, желая избѣжать строгаго наказанія, убѣдилъ всѣхъ довѣренныхъ слугъ Авреліана, показавъ имъ поддѣльный приговоръ, что и имъ грозитъ смерть. Министры, опасаясь казни, составили заговоръ на жизнь Авреліана, и въ скоромъ времени привели его въ исполненіе (275).

Убійцы думали уменьшить свою отвѣтственность, предоставивъ выборъ новаго императора сенату; но сенатъ отклонилъ отъ себя это право, зная, какія вредныя послѣдствія могутъ произойти при тогдашнемъ состояніи имперіи и для него самого, и для избранныхъ, если войско не утвердитъ этого выбора. Нѣсколько мѣсяцевъ ни полководцы, ни сенатъ не могли согласиться между собою въ избраніи, но наконецъ сенатъ провозгласилъ императоромъ одного изъ своихъ членовъ, Тацита, человѣка пожилаго и всѣми уважаемаго (осенью 275 года). Тацитъ былъ избранъ за свое богатство и гражданскія заслуги и представляетъ

собою наглядный примѣръ ненормальнаго противорѣчія, мало-по-малу исказившаго экономическій бытъ римскихъ гражданъ. Свободное сельское населеніе и среднее сословіе постепенно исчезли, а въ тоже самое время развитіе торговли и промышленности въ постоянно возрастающей пропорціи увеличивало богатство весьма немногихъ могущественныхъ фамилій. Вслѣдствіе того все населеніе имперіи распалось на два класса — чрезмѣрныхъ богачей и совершенныхъ нищихъ: обстоятельство, повторившееся въ современной Англіи и рано или поздно долженствующее повториться во всей остальной Европѣ. Тацитъ принадлежалъ къ первому классу. Цѣнность однихъ недвижимыхъ имѣній его простиралась болѣе чѣмъ на пятнадцать милліоновъ рублей, а при восшествіи на престолъ у него было столько наличныхъ денегъ, что онъ былъ въ состояніи уплатить всему войску обычное жалованье. Подобнымъ же примѣромъ истинно царскаго богатства можетъ служить уже упомянутый выше узурпаторъ Фирмъ, обязанный, какъ и Оденатъ, всѣмъ своимъ состояніемъ торговлѣ. Фирмъ посылалъ цѣлые торговые флоты въ Индію, имѣлъ сношенія съ внутреннею Африкою и Аравіею, и получалъ отъ однѣхъ бумажныхъ и клеевыхъ фабрикъ такіе доходы, что могъ содержать на нихъ цѣлое войско.

Семидесятипятилѣтній Тацитъ при своемъ воцареніи пожертвовалъ имперіи все свое состояніе; но, не смотря на то, удержался на престолѣ только шесть мѣсяцевъ. Во время похода въ Малую Азію для отраженія набѣговъ готовъ и алановъ, онъ оскорбилъ солдатъ, и былъ убитъ ими (276). Солдаты умертвили вскорѣ и брата его, префекта гвардіи, Флоріана, назначеннаго сенатомъ въ преемники Тациту, и провозгласили императоромъ полководца Проба, избраннаго сирійскими и египетскими легіонами. Пробъ, царствовавшій отъ 276 по 282 годъ, былъ искусный полководецъ, а имперія болѣе чѣмъ когда-нибудь нуждалась тогда въ такихъ людяхъ. Малая Азія не была еще совершенно очищена отъ готовъ и алановъ. Во Франціи и Швейцаріи алеманны, франки, бургунды и вандалы наводнили всю равнину и разрушили около семидесяти городовъ. Они вторглись туда вскорѣ послѣ смерти Авреліана. Страшнѣе всѣхъ были франки, жившіе въ лѣсахъ и болотахъ Нидерландовъ и нападавшіе оттуда на Галлію. Противъ франковъ, Пробъ послалъ своихъ полководцевъ, а самъ напалъ на бургундовъ, вандаловъ и алеманновъ. Хотя Галлія была очищена отъ варваровъ, но римскія войска не осмѣлились преслѣдовать франковъ въ ихъ странѣ. Равнымъ образомъ и другіе народы были раздражены, а не усмирены своими пораженіями. Вандалы и бургунды нарушили мирныя условія немедленно послѣ ихъ заключенія, поэтому Пробъ напалъ на нихъ въ ихъ собственной территоріи, принудилъ снова платить дань и устроилъ на римскомъ берегу Рейна укрѣпленный лагерь. Кромѣ того, онъ вооружилъ на Рейнѣ флотъ для предохраненія Галліи отъ дальнѣйшихъ нападеній алеманновъ. Къ несчастью, императоръ размѣстилъ множество варваровъ между римскими легіонами и поселилъ цѣлыя толпы ихъ въ Британніи и другихъ провинціяхъ; такъ, напримѣръ, часть франковъ была поселена имъ на отдаленныхъ берегахъ Чернаго моря. Въ одной эпической поэмѣ позднѣйшаго времени было воспѣто бѣгство и возвращеніе нѣсколькихъ сотенъ франковъ съ прибрежій Чернаго моря на свою родину. Въ своемъ, полномъ приключеній и сопровождавшемся грабежами и убійствами, путешествіи бѣглецы коснулись сѣверной Африки, и, пройдя Гибралтарскій проливъ, чрезъ Испанію и Францію, возвратились къ своимъ собратьямъ въ Нидерланды. Этотъ фактъ, представляющійся съ перваго взгляда невѣроятнымъ, подтверждается свидѣтельствомъ одного греческаго историка, жившаго около пятаго или шестаго столѣтія. Очень можетъ быть, что именно дерзкое предпріятіе франкскихъ бѣглецовъ подало фризамъ, саксамъ и другимъ народамъ, жившимъ по берегамъ Сѣвернаго моря, первую мысль о морскихъ разбояхъ, которые дѣйствительно начались около этого времени и сдѣлались вскорѣ гибельными для береговъ Англіи, Франціи и Испаніи.

Пробу удалось прогнать готовъ и алановъ въ ихъ прежнія жилища; кромѣ того онъ обуздалъ на Востокѣ грабежи исаврійцевъ, заключилъ съ персами выгодный миръ и изгналъ полудикій африканскій народъ блеммійцевъ, занявшихъ часть Египта. Въ послѣдніе годы царствованія, Пробъ обратилъ все свое вниманіе на исцѣленіе ранъ, нанесенныхъ государству внутренними волненіями и постоянными набѣгами варваровъ на имперію; съ этою цѣлью онъ сталъ заботиться

о возстановленіи земледѣлія, оживленіи торговли и заселеніи опустошенныхъ провинцій. Къ несчастью, по недостатку предусмотрительности, онъ поселилъ въ самомъ сердцѣ имперіи тысячи варваровъ. Въ одной Панноніи, кромѣ множества гепидовъ, ютунговъ и вандаловъ, было водворено сто тысячъ бастарновъ. Для приведенія въ исполненіе своихъ благодѣтельныхъ намѣреній, Пробъ употреблялъ войско, заставляя его въ мирное время заниматься постройкою домовъ, устройствомъ улицъ, каналовъ и разведеніемъ виноградниковъ. Отвыкшіе отъ труда солдаты были недовольны этими занятіями, и потому Пробу пришлось усмирять нѣсколько опасныхъ возстаній въ различныхъ частяхъ имперіи. Наконецъ онъ палъ жертвою недовольства своего войска. Еще за нѣсколько времени предъ тѣмъ, Пробъ развелъ въ своей родинѣ, нынѣшней Славоніи, виноградники, доставлявшіе до самаго шестнадцатаго столѣтія лучшее венгерское вино. Потомъ онъ вздумалъ провести въ этой странѣ каналы, осушить болота и сдѣлать ее здоровѣе и удобнѣе для земледѣлія. Для этой цѣли онъ употребилъ тоже самое войско, которое, подъ его предводительствомъ, сражалось такъ счастливо съ квадами и сарматами и готовилось къ новому походу противъ персовъ. Солдаты громко изъявили свое негодованіе на то, что ихъ, подобно преступникамъ, принуждаютъ къ общественнымъ работамъ, и умертвили самого Проба, когда онъ осмѣлился сдѣлать имъ рѣзкій выговоръ.

Вмѣсто Проба, легіоны избрали императоромъ префекта гвардіи Кара, человѣка, извѣстнаго своими военными талантами и закаленнаго въ битвахъ. Новый императоръ немедленно назначилъ соправителями двухъ своихъ сыновей: Карина и Нумеріана. Положеніе имперіи требовало отъ Кара самаго напряженнаго вниманія и неутомимой дѣятельности. Еще до вступленія его на престолъ, персы нарушили не задолго предъ тѣмъ заключенный мирный договоръ; квады и сарматы, при извѣстіи о смерти Проба, снова вторглись въ римскія провинціи, а на лѣвомъ берегу Рейна возобновили свои набѣги германскіе народы. Каръ послалъ старшаго сына своего Карина противъ германцевъ, а самъ между тѣмъ усмирилъ квадовъ и сарматовъ, и потомъ, въ сопровожденіи младшаго сына, отправился противъ персовъ. Онъ побѣдоносно проникнулъ въ ихъ страну, но во время ужасной грозы былъ убитъ въ своей палаткѣ молніею, а можетъ быть и рукою тайнаго убійцы (въ декабрѣ 283 г.). Нумеріанъ былъ вскорѣ умерщвленъ своимъ тестемъ, префектомъ гвардіи Апромъ, который однако, не пользуясь значительнымъ вліяніемъ въ войскѣ, не достигъ своихъ властолюбивыхъ цѣлей. Солдаты провозгласили императоромъ Діоклетіана, бывшаго при Карѣ начальникомъ генеральнаго штаба (284), и первымъ дѣломъ новаго императора было осужденіе на смерть и собственноручное убійство префекта Апра, признаннаго безъ всякаго предварительнаго изслѣдованія убійцею Нумеріана. Потомъ Діоклетіанъ возвратился съ своимъ войскомъ въ Европу, гдѣ управлялъ дѣлами Каринъ, сначала въ качествѣ намѣстника своего брата, а потомъ отъ своего собственнаго имени. Каринъ былъ такъ безнравственъ и распутенъ, что даже самъ Каръ отказался наконецъ отъ него, и былъ принужденъ лишить его участья въ правленіи. Каринъ, успѣвъ утвердиться на Западѣ имперіи, сдѣлался самымъ опаснымъ противникомъ Діоклетіана. Семь мѣсяцевъ длилась война между двумя императорами. Каринъ одержалъ даже побѣду въ послѣдней и рѣшительной битвѣ при Маргусѣ, на границахъ Панноніи и Мизіи, но во время преслѣдованія врага былъ лишенъ жизни однимъ изъ своихъ солдатъ, честь котораго была оскорблена его распутствомъ. По смерти Карина оба войска признали Діоклетіана императоромъ (въ августѣ 285 г.).

6. Діоклетіанъ и его соправители.

Діоклетіанъ, какъ видно изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ дѣйствій его, еще задолго до восшествія на престолъ рѣшился захватить въ свои руки власть и утвердить ее за собой военною силою. Вскорѣ по смерти Карина онъ провозгласилъ своего товарища по службѣ, Максиміана, Цезаремъ или помощникомъ въ правленіи. Трудно сказать положительно, что побудило Діоклетіана къ этой мѣрѣ.

Можетъ быть, Максиміанъ былъ посвященъ въ властолюбивые планы императора, или же постоянныя войны въ удаленныхъ отъ центра государства провинціяхъ убѣдили Діоклетіана въ необходимости раздѣлить управленіе между нѣсколькими лицами и сосредоточить его въ двухъ мѣстахъ, болѣе другихъ подверженныхъ опасности со стороны внѣшнихъ враговъ. Діоклетіанъ далъ Максиміану почетное имя Августа, и назначилъ его своимъ соправителемъ и владѣтелемъ западной части государства. Максиміанъ жилъ обыкновенно въ городѣ Арлѣ на югѣ Франціи, а Діоклетіанъ избралъ своею столицею Никомедію въ Виѳиніи, гдѣ и основалъ свою резиденцію. Подобно Діоклетіану, Максиміанъ былъ искуснымъ полководцемъ и храбрымъ солдатомъ, но отличался отъ него необразованностью и грубостью. Вполнѣ сознавая превосходство Діоклетіана, Максиміанъ безусловно подчинялся ему, и потому слѣдствія раздѣленія власти не были слишкомъ ощутительны въ первое время.

Въ первые годы своего правленія Діоклетіанъ былъ преимущественно занятъ войною съ персами, снова вторгнувшимися въ имперію. Максиміану между тѣмъ предстояла обширная дѣятельность въ Галліи и Британніи. Въ Галліи онъ долженъ былъ усмирить страшное возстаніе сельскаго населенія, вызванное внутреннимъ состояніемъ провинціи. Еще со времени Цезаря между жителями Галліи установились отношенія, составлявшія бѣдствіе Европы въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и еще болѣе невыносимыя для галловъ подъ римскимъ владычествомъ. Вся нація раздѣлялась на три класса: дворянство, владѣвшее поземельною собственностью и захватившее въ свои руки всю власть, клиръ или духовенство, составившее особую касту, и для своего содержанія обременявшее низшій классъ налогами, наконецъ гражданъ и крестьянъ, которые несли всѣ общественныя повинности, страдали подъ гнетомъ грубаго произвола и насилія высшихъ классовъ. Сельскіе жители долго терпѣли всѣ притѣсненія, но наконецъ нужда и бѣдность довели ихъ до отчаянія. Подъ именемъ *багаудовъ* они начали войну, которую можно поставить на ряду со всѣми извѣстными въ исторіи крестьянскими войнами. Соединившись въ нѣсколько толпъ и приманивъ на свою сторону множество рабовъ и разнаго сброда, они стали опустошать и грабить страну. Максиміанъ началъ войну съ ними, истребляя ихъ безъ всякой пощады цѣлыми толпами. Строгость его возстановила спокойствіе, но не надолго. Причины бѣдствій несчастныхъ поселянъ не были устранены, и потому возстанія и опустошенія багаудовъ не прекращались до самаго конца римскаго владычества въ Галліи. Максиміану нужно было спѣшить усмиреніемъ внутреннихъ волненій, потому что войско требовалось для войны съ варварами. Въ это время на Галлію и Британнію начали нападать со стороны моря франки и саксы, жившіе на Сѣверномъ морѣ и научившіеся у римлянъ кораблестроенію. Чтобы предупредить новое бѣдствіе, Максиміанъ построилъ флотъ для защиты канала, и поручилъ начальство надъ нимъ искусному мореходцу, нидерланду *Карузію*. Но новый начальникъ, воспользовавшись ввѣренною ему властью и употребивъ въ дѣло военную добычу, пріобрѣлъ себѣ сообщниковъ въ Британніи, склонилъ британскія войска къ отпаденію и провозгласилъ себя императоромъ.

Положеніе государства на Востокѣ было не менѣе опасно. Діоклетіанъ долженъ былъ въ одно и то же время вести войну съ персами, дунайскими народами и явившимся въ Египтѣ самозванцемъ *Ахиллесомъ*. Это вынудило императора измѣнить существовавшее до тѣхъ поръ устройство государства (292). Но прежде чѣмъ рѣшиться на такой важный шагъ, Діоклетіанъ посовѣтовался съ своимъ товарищемъ Максиміаномъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на сенатъ. Приступая къ своимъ реформамъ, онъ хотѣлъ установить такой порядокъ, при которомъ можно было бы скорѣе и удобнѣе принимать необходимыя мѣры для успокоенія государства и предупреждать возмущенія. Предполагаемая реформа должна была состоять въ окончательномъ раздѣленіи императорской власти, начало которому было уже положено назначеніемъ въ соправители Максиміана. Но, не будучи расположенъ жертвовать другимъ частью своей власти, Діоклетіанъ назначилъ въ соправители только такихъ людей, на уваженіе и повиновеніе которыхъ могъ вполнѣ надѣяться. Такимъ образомъ раздѣленіе государственнаго управленія основывалось рѣшительно на личныхъ отношеніяхъ Діоклетіана къ своимъ соправителямъ. Уже по этому одному оно не могло быть проч-

нымъ, хотя бы даже и не противорѣчило римскимъ законамъ и гордымъ предразсудкамъ гражданъ. На первый разъ соправителями были избраны полководцы: Галерій и Констанцій Хлоръ. Они получили титулы Цезарей и были подчинены двумъ Августамъ: Діоклетіану и Максиміану. Констанцій въ зависимости отъ Максиміана управлялъ Испаніею, Британніею и Галліею, а самъ Максиміанъ имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ Италію и Африку. Галерію было ввѣрено управленіе Ѳракіею, Иллиріею и Греціею, подъ верховною властью Діоклетіана, повелѣвавшаго Востокомъ. Каждый изъ четырехъ правителей получилъ въ управленіе отдѣльныя провинціи и былъ обязанъ защищать извѣстныя части границы, но могъ распоряжаться и набирать войска въ провинціяхъ другаго; вообще всѣ правители считались однимъ лицомъ. Содержаніе четырехъ императорскихъ дворовъ и войскъ и военное управленіе четырехъ лицъ были обременительны для имперіи. При новомъ порядкѣ вещей, число чиновниковъ увеличилось, провинціи раздѣлились на мелкія части, движеніе дѣлъ стало медленнѣе и деспотическій характеръ управленія сталъ обнаруживаться даже въ самыхъ мелкихъ округахъ и селеніяхъ. Введеніе Діоклетіаномъ восточныхъ формъ управленія еще болѣе увеличило обременительность его реформъ. До него внѣшняя обстановка императоровъ, отношенія ихъ къ народу и придворная жизнь только по временамъ принимали восточный оттѣнокъ; но со временъ Діоклетіана восточный характеръ управленія утвердился на всегда. Придворный этикетъ и бюрократическая іерархія стали душою администраціи. Непроходимая бездна начала отдѣлять правителя отъ народа. Послѣ Діоклетіана отличительнымъ внѣшнимъ знакомъ государя сдѣлалась заимствованная съ Востока бѣлая повязка или діадема, тогда какъ прежде единственнымъ его отличіемъ была пурпурная одежда. Другія царскія украшенія, употребительныя на Востокѣ, впослѣдствіи были также перенесены въ Римъ Діоклетіаномъ и его преемниками. Для римской имперіи наступило дѣйствительно печальное время: честь и уваженіе, власть и вліяніе — все зависѣло отъ удачнаго искательства; патріотизмъ и стремленіе къ общему благу исчезли. Всѣ старались захватить въ свои руки власть, администрація поглотила частное благосостояніе и никто, не принадлежа къ ней, не могъ отличиться и пріобрѣсти богатство.

Трое изъ правителей были храбрые, но суровые и жестокіе воины; только одинъ изъ нихъ, Констанцій Хлоръ, отличался кротостью, знатнымъ происхожденіемъ и хорошимъ воспитаніемъ. Ему было поручено вновь присоединить къ государству Британнію. Задача была не легка, и выполненіе ея потребовало нѣсколькихъ лѣтъ. Констанцію и тремъ другимъ императорамъ предстояло, кромѣ того, много войнъ съ варварами и возмутившимися подданными Рима. Выгоднѣе всего для римскаго государства была война съ персами, начавшаяся, подобно всѣмъ почти парѳянскимъ войнамъ со временъ Нерона, спорами по поводу замѣщенія престола Арменіи. Діоклетіанъ назначилъ царемъ этой страны приверженца римлянъ; но этотъ владѣтель былъ изгнанъ персидскимъ царемъ Нарсесомъ I, и дѣло дошло до войны (294). Діоклетіанъ и Галерій рѣшились раздѣлить между собою начальство надъ войскомъ. Галерій, по своей неосмотрительности, потерпѣлъ страшное пораженіе, но вскорѣ отмстилъ за свой позоръ блистательною побѣдою и принудилъ персовъ къ миру, по которому они уступили римлянамъ нѣкоторыя провинціи на Тигрѣ и отказались отъ всякихъ притязаній на Месопотамію. Діоклетіанъ прикрылъ вновь пріобрѣтенныя земли линіею укрѣпленій.

Вскорѣ, по окончаніи персидской войны, Діоклетіанъ воздвигъ гоненіе на христіанъ (303). Такая жестокость съ перваго взгляда покажется непонятною въ разсудительномъ Діоклетіанѣ. Но изъ многихъ другихъ поступковъ императора мы видимъ, что, при всей своей осмотрительности, онъ съ необыкновенною ревностью защищалъ свое вліяніе въ государствѣ. За малѣйшее неповиновеніе или попытку къ возмущенію онъ наказывалъ съ неумолимою строгостью и жестокостью, и въ минуту гнѣва издавалъ иногда самыя вредныя распоряженія. Такъ, напримѣръ, въ Египтѣ, послѣ побѣды надъ Ахиллесомъ, онъ истребилъ всѣхъ приверженцевъ самозванца и разрушилъ до основанія нѣсколько непокорныхъ городовъ. Когда въ Сиріи нѣкто Евгеній провозгласилъ себя императоромъ, Діоклетіанъ съ страшною жестокостью наказалъ жителей Антіохіи, не смотря на то, что они сами подавили возмущеніе и выдали зачинщика. Гоненіе Діоклетіана обрушилось

прежде всего на христіанъ, служившихъ въ войскѣ. Принужденные участвовать въ языческихъ жертвоприношеніяхъ, воины-христіане осѣняли свои шлемы знаменіемъ креста, для предохраненія себя отъ враждебныхъ дѣйствій діавола, присутствовавшаго по ихъ понятіямъ при языческихъ жертвоприношеніяхъ. Жрецы, раздраженные этими поступками, вооружили противъ христіанъ императора. Сначала умный и осмотрительный Діоклетіанъ не хотѣлъ прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ, видя, что новая секта слишкомъ распространилась, и что попытки къ искорененію или ослабленію ея могутъ вызвать опасныя волненія въ государствѣ. Вѣроятно, онъ не рѣшился бы начать общее гоненіе на христіанъ, если бы къ этому не склонилъ его разными уловками Галерій, страстно преданный мистическому фригійскому культу. Первыя распоряженія Діоклетіана были направлены не столько противъ самыхъ христіанъ, сколько противъ ихъ богослуженія и общинъ. Христіанамъ запрещено было занимать общественныя должности и защищать свои права предъ судомъ; приказано было запереть и даже разрушить церкви и уничтожить кресты и иконы. Декретъ о принятіи этихъ мѣръ былъ публично выставленъ въ Никомедіи, гдѣ находились Діоклетіанъ и Галерій. Одинъ христіанинъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между своими единовѣрцами, среди бѣлаго дня, съ насмѣшкою сорвалъ этотъ декретъ. Діоклетіанъ, всегда строгій, какъ скоро дѣло касалось поддержанія его императорскаго достоинства, былъ страшно раздраженъ поступкомъ христіанина, и немедленно началъ жестокое гоненіе, уже направленное противъ самихъ христіанъ. Пожаръ во дворцѣ, не безъ основанія приписываемый мщенію христіанъ, еще болѣе усилилъ гнѣвъ императора. Исполненіе его повелѣнія было предоставлено солдатамъ и черни, и въ короткое время множество христіанъ погибло въ страшныхъ мученіяхъ. Впрочемъ, эти крайнія мѣры исполнялись только на Востокѣ, въ Африкѣ и на югѣ Европы; въ провинціяхъ же, по ту сторону Альповъ, Констанцій Хлоръ, отличавшійся врожденнымъ человѣколюбіемъ и кромѣ того державшій сторону христіанъ, ограничился только разрушеніемъ ихъ церквей.

Въ самомъ началѣ гоненія Діоклетіанъ заболѣлъ, и его болѣзнь, продолжавшаяся цѣлый годъ, приняла такой опасный оборотъ, что нѣсколько разъ распространялось извѣстіе о его смерти. По выздоровленіи у него стали обнаруживаться признаки сумасшествія, и это лишило его возможности управлять государствомъ. Въ маѣ 305 года императоръ отрекся отъ престола. То же самое сдѣлалъ и Максиміанъ, еще заранѣе запуганный угрозами Галерія. Цезари Галерій и Констанцій Хлоръ были провозглашены императорами. Галерій, не спрашиваясь своего соправителя, избралъ двухъ новыхъ императоровъ, обойдя сына Максиміана, Максенція, и сына Констанція, Константина Великаго, бывшаго впослѣдствіи императоромъ. Перваго самъ отецъ считалъ недостойнымъ престола, а Константинъ, хотя и былъ великимъ полководцемъ и пользовался расположеніемъ Діоклетіана, но отличался преданностью къ ненавистнымъ для императора христіанамъ и казался опаснымъ Галерію. Вновь избранные Цезари были простыми, грубыми солдатами, неотличавшимися никакими достоинствами и заслугами. Одинъ изъ нихъ, Северъ, получилъ въ управленіе Африку и Италію, другой, Максиминъ, Сирію и Египетъ. Діоклетіанъ и Максиміанъ, отрекшись отъ власти, удержали за собою значительныя помѣстья и другіе доходы. Максиміанъ никакъ не могъ привыкнуть къ спокойствію частной жизни, и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы снова овладѣть престоломъ. Діоклетіанъ же, удалившись на свою родину, въ Далмацію, жилъ тамъ до самой смерти (313), какъ частный человѣкъ, занимаясь садоводствомъ и постройками въ своемъ помѣстьѣ близъ нынѣшняго Спалатро. Остатки построенныхъ имъ огромныхъ зданій сохранились до сихъ поръ и свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ упадкѣ архитектуры, потерявшей прежній благородный характеръ и старавшейся затмить древнюю простоту искусственностью и пышностью.

Чрезъ годъ по отреченіи Діоклетіана умеръ Констанцій Хлоръ, давно уже разстроившій свое здоровье. Немедленно по его смерти войско провозгласило императоромъ его сына Константина, задолго предъ тѣмъ представленнаго отцомъ войску. Сначала Галерій былъ встревоженъ избраніемъ Константина, но скоро успокоился, когда новый претендентъ уступилъ Северу достоинство Августа или императора, на томъ основаніи, что онъ старше его по лѣтамъ, и удоволь-

ствовался титуломъ Цезаря. Осенью того же года отношенія властителей государства снова измѣнились. Галерій и Северъ своими жестокостями раздражили римскихъ гражданъ и солдатъ. Жители Рима возмутились и избрали императоромъ Максенція, сына Максиміана. Северъ двинулся было противъ Максенція, но былъ оставленъ своими войсками. Къ несчастью для него, Максиміанъ снова объявилъ себя императоромъ, и заперъ своего противника въ Равеннѣ. Довольно долго и совершенно напрасно прождавъ Галерія, Северъ сдался Максиміану, и, чтобы спасти свою жизнь, отказался отъ императорскаго достоинства; впрочемъ, не смотря на эту уступку, онъ въ слѣдующемъ году былъ умерщвленъ по приказанію Максиміана. Вскорѣ Галерій явился въ Италіи, но также долженъ былъ отступить. Войска были раздражены его строгостью, и притомъ привыкли служить подъ начальствомъ Максиміана; поэтому Галерій имѣлъ полное основаніе опасаться участи Севера. Возвращаясь изъ Италіи и позволивъ своимъ войскамъ грабить жителей, Галерій возбудилъ этимъ страшную ненависть къ себѣ жителей полуострова. Максиміанъ же отправился между тѣмъ въ Галлію, чтобы, соединясь съ Константиномъ, двинуться противъ Галерія. Выдавъ за молодаго Цезаря дочь свою Фаусту, онъ далъ ему почетный титулъ Августа; но ни то, ни другое не помогло ему достигнуть своей цѣли, потому что Константинъ считалъ неблагоразумнымъ начинать открытую войну съ Галеріемъ. Вскорѣ Максиміанъ, разсорившись съ своимъ сыномъ, сдѣлалъ новую попытку расположить въ свою пользу Константина, но вдругъ у него въ головѣ родилась странная мысль: сдаться Галерію. Галерій, уже давно желавшій избрать Августомъ своего стараго друга и товарища Лицинія, принудилъ даже самого Діоклетіана прибыть въ Паннонію и украсить своимъ присутствіемъ торжество коронованія Лицинія. Онъ склонилъ на это и неожиданно явившагося къ нему Максиміана, такъ что Лициній былъ провозглашенъ Августомъ въ присутствіи трехъ императоровъ (307). Не найдя сочувствія у Галерія, Максиміанъ рѣшился въ другой разъ отказаться отъ престола. Изъ Панноніи онъ отправился въ Галлію къ своему зятю, который принялъ его по-дружески, и поручилъ ему даже управленіе государственными дѣлами во время своего похода противъ германцевъ. Максиміанъ, потерявшій отъ старости всѣ способности, возымѣлъ дикую мысль воспользоваться отсутствіемъ своего зятя и самому занять его мѣсто, хотя ни Галлія, приверженная къ христіанству, ни войска Константина никогда не согласились бы предпочесть его своему повелителю. Безумная попытка Максиміана не удалась. Онъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ Константиномъ и черезъ два года казненъ за покушеніе на его жизнь (310).

Изъ шести императоровъ одного уже не стало; но на его мѣсто былъ избранъ войсками и вступилъ во владѣніе Африкой новый императоръ, робкій и престарѣлый Александръ. Онъ держался въ Африкѣ три года, но наконецъ былъ разбитъ и умерщвленъ Максенціемъ (311). Около того же времени умеръ Галерій и владѣнія его были раздѣлены между Максиминомъ и Лициніемъ. Оставалось всего четыре императора: Максиминъ, Лициній, Максенцій и Константинъ. О мирныхъ отношеніяхъ между ними нельзя было и думать. Тотъ изъ нихъ, кто имѣлъ наболѣе благоразумія, могущества и осторожности, само собою разумѣется, рано или поздно долженъ былъ побѣдить другихъ и сдѣлаться единовластнымъ повелителемъ Рима. Всѣ эти качества совмѣщались въ Константинѣ, благородный, умѣренный образъ дѣйствій котораго заслуживаетъ нашего полнаго удивленія. Главною причиною войны между императорами была разница въ ихъ отношеніяхъ къ христіанамъ. Христіане, успѣвшіе распространиться въ большомъ числѣ во всѣхъ частяхъ государства, находились между собою въ тѣсной связи, имѣли свою іерархію и соборы, тогда какъ древнія государственныя учрежденія Рима уже потеряли свою силу, и къ довершенію всего, приверженцы древней религіи раздѣлились на множество толковъ и сектъ, не имѣвшихъ между собою ни внутренней, ни внѣшней іерархической связи. Поэтому правитель, имѣвшій на своей сторонѣ христіанъ, рано или поздно долженъ былъ одержать побѣду надъ соперниками. Галерій не задолго до своей смерти убѣдился въ этомъ, и отъ своего имени и отъ имени своихъ соправителей издалъ эдиктъ, прекращавшій предписанное Діоклетіаномъ гоненіе на христіанъ. Этимъ эдиктомъ окончилась навсегда борьба государства съ церковью. Кажется, и Максенцій сознавалъ

могущество христіанъ; по крайней мѣрѣ завладѣвъ Римомъ, онъ тотчасъ же улучшилъ ихъ положеніе. Но такъ какъ его дѣйствія явно противорѣчили громкимъ словамъ эдиктовъ, то ему не повѣрили ни христіане, ни язычники, оскорбленные его высокомѣріемъ, произволомъ и жестокостью. Изъ прочихъ императоровъ одинъ Константинъ былъ открыто преданъ христіанамъ. Онъ еще долгое время оставался язычникомъ, но, не смотря на то, христіане находили сильную поддержку какъ въ немъ самомъ, такъ и въ женщинахъ, пользовавшихся вліяніемъ при его дворѣ, а именно въ женѣ Константина, Фаустѣ, матери ея, Евтропіи, и въ особенности матери Константина, Еленѣ, извѣстной своими заботами объ отысканіи честнаго креста. Кромѣ расположенія христіанъ, Константинъ имѣлъ еще то преимущество предъ другими императорами, что всегда поддерживалъ законность и порядокъ, тогда какъ другіе соправители отличались только деспотическимъ произволомъ. Онъ одинъ былъ доволенъ своею долею въ государствѣ, тогда какъ три другіе императора постоянно старались расширить свои владѣнія насчетъ прочихъ соправителей.

Константину прежде всего пришлось сразиться съ Максенціемъ. Послѣ побѣды надъ Александромъ, Максенцій сталъ слишкомъ много думать о своемъ могуществѣ, и въ надменномъ сознаніи собственнаго превосходства рѣшился напасть на Константина. Одинъ взглядъ на жизнь обоихъ императоровъ покажетъ, какъ далеко Константинъ превосходилъ Максенція и какъ безумно поступилъ его противникъ, рѣшившись начать съ нимъ войну. Максенцій никогда не командовалъ войскомъ, всю жизнь свою провелъ въ праздномъ покоѣ. Его ненавидѣли за тиранію и жестокость всѣ, кромѣ гвардіи и нѣкоторыхъ другихъ частей войскъ, которымъ онъ позволялъ безнаказанно грабить гражданъ. Напротивъ, жизнь Константина была непрерывнымъ рядомъ трудовъ и усиленной дѣятельности. Онъ съ честью служилъ сначала въ войскѣ Діоклетіана, а потомъ въ войскѣ своего отца, и долго воевалъ на Рейнѣ съ франкскими народами. Исходъ борьбы между двумя императорами былъ очевиденъ. Константинъ проникнулъ въ Италію, разбилъ на голову войска Максенція, беззаботно пировавшаго въ Римѣ, и наконецъ приблизился къ самой столицѣ. Здѣсь Максенцій впалъ въ большую ошибку, давъ своему врагу битву въ открытомъ полѣ, тогда какъ осада города могла бы быть сопряжена съ значительными опасностями для осаждающихъ (27 октября 312 г.). Предъ рѣшительною битвою, Константинъ успѣлъ возбудить энтузіазмъ христіанъ, служившихъ въ его войскѣ и въ войскѣ противника, помѣстивъ изображеніе креста на главномъ знамени римскаго войска. Между христіанами разнесся слухъ, что Константинъ видѣлъ на небѣ огненный крестъ, съ надписью: «симъ побѣдишь», и что наканунѣ битвы самъ Христосъ явился къ нему во снѣ и приказалъ ему выйти противъ непріятеля съ изображеніемъ креста. Въ день битвы крестъ и имя Спасителя были изображены на императорскомъ знамени, которое съ того времени получило названіе лабарума. Впослѣдствіи Константинъ прямо говорилъ, что видѣлъ въ облакахъ, и что только помощью Божіей побѣдилъ противниковъ.

Послѣ побѣды надъ Максенціемъ, характеръ Константина совершенно измѣнился, и въ своихъ дѣйствіяхъ императоръ сталъ нерѣдко противорѣчить своимъ собственнымъ принципамъ. Раболѣпный сенатъ, уже давно потерявшій значеніе и голосъ въ государственныхъ дѣлахъ, объявилъ Константина первымъ изъ четырехъ императоровъ, и подалъ ему мысль сдѣлаться единственнымъ обладателемъ имперіи. Покровительствуя христіанству и помѣстивъ изображеніе креста на государственномъ знамени, Константинъ изъ политическихъ соображеній принималъ участіе въ языческихъ жертвоприношеніяхъ, обращался съ вопросами къ прорицателямъ и носилъ названіе верховнаго первосвященника древней языческой религіи. Онъ откладывалъ свое крещеніе до самой смерти.

Изъ Рима Константинъ отправился въ Миланъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Лициніемъ и отдалъ за него свою сестру Констанцію. Послѣ того онъ отправился въ свою провинцію Галлію, для отраженія новыхъ вторженій германскихъ племенъ; Лицинній же двинулся противъ императора Максимина, который намѣревался отнять принадлежавшую ему часть государства, и уже занялъ города Византію и Гераклею или Перинтъ. На югѣ отъ Адріанополя между двумя императорами произошла рѣшительная битва. Лицинній, по словамъ преданія, выигралъ

битву, благодаря чуду, хотя онъ и не былъ христіаниномъ. Современники говорятъ, что Лицинію явился ангелъ, продиктовалъ ему молитву, и велѣлъ, написавъ ее, тотчасъ раздать солдатамъ. Эта молитва, пропѣтая предъ началомъ битвы, даровала Лицинію побѣду (313). Максиминъ обратился въ бѣгство, но на пути принялъ яду, и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Лициній съ ужасною жестокостью преслѣдовалъ родственниковъ и друзей Максимина и умертвилъ почти всѣхъ ихъ. Онъ лишилъ жизни даже вдову и дочь Діоклетіана и сыновей Галерія и Севера.

7. и 8. Распространеніе и состояніе христіанства до Константина Великаго. Языческая литература и образованность отъ Адріана до Константина Великаго.

При Адріанѣ греческая литература пріобрѣла рѣшительное преобладаніе надъ римскою на Востокѣ и въ центрѣ имперіи, и, казалось, готова была совершенно подавить латинскую ученость въ самой Италіи. Но, изгнанная изъ Рима, латинская ученость нашла себѣ убѣжище на Западѣ имперіи — въ провинціяхъ Африки, Испаніи и въ особенности въ Галліи. Марсель и Ліонъ остались постоянно средоточіемъ греческой науки. Римляне, желавшіе учиться въ Аѳинахъ, отправлялись въ Марсель точно такъ, какъ впослѣдствіи ѣздили въ Женеву нѣмцы, желавшіе получить французское образованіе, но не хотѣвшіе ѣхать въ Парижъ. Со времени же Траяна направленіе образованія въ Марсели, Ліонѣ и вообще во всей южной и средней Франціи совершенно измѣнилось. Латинская ученость получила перевѣсъ надъ греческою и преподавалась въ тамошнихъ школахъ съ такимъ успѣхомъ, что даже изъ Италіи молодые люди ѣздили въ Галлію для основательнаго изученія латинской литературы. Знаменитѣйшія изъ латинскихъ учебныхъ заведеній Галліи находились въ Марсели, Ліонѣ, Отенѣ, Арлѣ, Нарбоннѣ, Тулузѣ, Бордо, и съ начала четвертаго столѣтія въ Безансонѣ, Пуатье, Ангулемѣ и въ особенности въ Трирѣ, сдѣлавшемся со временъ Константина столицею Галліи. Въ этихъ школахъ, посѣщаемыхъ не только юношами, но и взрослыми людьми, изучали грамматику, риторику, юриспруденцію, философію и медицину. Учители избирались городскими властями, освобождались отъ постоевъ и другихъ общественныхъ повинностей, и получали значительное жалованье. Такъ, напримѣръ, знаменитый учитель Отенской школы, Э в м е н і й, жившій около 300-го года, получалъ болѣе семи тысячъ рублей на наши деньги.

Распространеніе образованности въ Галліи, Испаніи и Африкѣ способствовало только усовершенствованію законовѣдѣнія, но не развило ни литературы въ чисто римскомъ духѣ, ни истинной философіи. Правда, латинскій языкъ галльскихъ писателей того времени гораздо чище, чѣмъ языкъ африканскихъ риторовъ; но за то въ нихъ видна искусственность слога и постоянное смѣшеніе прозы и поэзіи. Столь же мало заслуживаетъ вниманія и содержаніе ихъ сочиненій. Стихотворцы того времени, между которыми извѣстны болѣе другихъ А в і е н ъ, Н е м е з і а н ъ и К а л ь п у р н і й, ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права на названіе истинныхъ поэтовъ; они были простыми компиляторами древнихъ авторовъ, разводя чужія сочиненія риторическими прикрасами и высокопарными фразами. Р и т о р ы также ограничивались однимъ составленіемъ похвальныхъ рѣчей на торжественные случаи, отличавшихся пустою декламаціею, смѣшными преувеличеніями и несносною лестью. Изъ латинскихъ риторовъ этой эпохи составляетъ блистательное исключеніе К о р н е л і й Ф р о н т о н ъ, жившій при Маркѣ Аврелiи и стремившійся въ своихъ сочиненіяхъ къ простотѣ и естественности, Хотя и с т о р и к и, писавшіе на латинскомъ языкѣ, и превосходятъ зараженныхъ риторикою греческихъ историковъ того времени достовѣрностью своихъ сказаній: но упускаютъ изъ виду главную цѣль исторіи—просвѣщеніе ума и возбужденіе сильныхъ чувствованій въ душѣ читателей. Заимствуя все, что можно, изъ архивовъ, протоколовъ и другихъ оффиціальныхъ источниковъ, они передаютъ собранныя ими извѣстія безъ малѣйшей переработки и располагаютъ ихъ безъ вся-

кой внутренней связи, какъ это дѣлается теперь въ нашихъ газетахъ; извѣстія эти иногда даже противорѣчатъ одно другому. Сочиненія латинскихъ историковъ, изданныя вмѣстѣ подъ именемъ «писателей исторіи императоровъ» (scriptores historiae Augustae), составляютъ очень важный источникъ для знакомства съ тогдашнимъ бытомъ имперіи, но не имѣли ни малѣйшаго вліянія на образованность своего времени или позднѣйшихъ эпохъ. Гораздо большее значеніе имѣли тогдашніе юристы. Эти ученые, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ мѣсто въ исторіи и какъ государственные дѣятели, оказали большую услугу наукѣ и практической жизни изслѣдованіемъ источниковъ, указаніемъ основаній и точнѣйшимъ опредѣленіемъ смысла существовавшаго права. Оставшіяся послѣ нихъ сочиненія составляютъ самую свѣтлую сторону литературы того времени.

Изъ прочихъ латинскихъ писателей этой эпохи только одинъ Апулей, современникъ Антониновъ, имѣлъ значительное вліяніе на свое поколѣніе. Онъ родился, получилъ воспитаніе и провелъ всю свою жизнь въ Африкѣ, и потому мы можемъ считать его сочиненія за образецъ того эстетическаго направленія, которое, получивъ начало въ Африкѣ, перешло впослѣдствіи во всю латинскую литературу. Изъ произведеній Апулея извѣстнѣе прочихъ романъ его: «исторія золотаго осла.» Въ сочиненіяхъ этого писателя ясно отразились характеристическія черты тогдашней литературы: языкъ даже болѣе чѣмъ у галльскихъ риторовъ сбивающійся на поэтическій, пустое ханжество, болтливое фантазерство, состоящее въ однихъ образахъ фантазіи, темныхъ символахъ, высокопарныхъ выраженіяхъ и суевѣрныхъ сказаніяхъ. Мѣстами у него проявляется разумный взглядъ на жизнь и природу, но во всемъ сочиненіи насъ поражаетъ необыкновенная нравственная испорченность. Желая, повидимому, отвратить своихъ читателей отъ порока, онъ разсказываетъ мечтательнымъ душамъ того времени самыя соблазнительныя вещи. Словомъ, вся дѣятельность Апулея была искусной спекуляціей на счетъ его развратныхъ современниковъ. Преслѣдуя нѣкоторыя суевѣрія, онъ самъ защищаетъ множество фантастическихъ бредней: вводитъ цѣлую систему духовъ и учитъ духовѣдѣнію въ томъ смыслѣ, какъ понимали его мистики новѣйшаго времени. Такимъ образомъ онъ самъ проложилъ путь грубому матеріализму, происшедшему именно изъ теорій, объясняющихъ чувственныя явленія сверхчувственнымъ образомъ и представляющихъ духъ чѣмъ-то газовиднымъ, а слѣдовательно тѣлеснымъ. Апулей воспользовался для своей цѣли представленіями Платона, но понялъ ихъ совершенно по своему, принявъ многія побочныя мысли Платона за главныя, и чтобы приноровить идеи этого философа къ своему суевѣрію и мистицизму, вырвалъ ихъ изъ общей связи, въ которой онѣ находились у греческаго философа. Преобразовавъ, такимъ образомъ, идеи Платона, на которыя въ то время смотрѣли какъ на сверхъестественное откровеніе, Апулей доказываетъ ими необходимость тайныхъ посвященій, мистическихъ обрядовъ и даже важность амулетовъ и т. п. Въ своей защитительной рѣчи противъ обвиненія въ чернокнижіи, Апулей ясно выказалъ всю нелѣпость вѣры въ связь, находящуюся между извѣстными явленіями природы и извѣстными дѣйствіями и стремленіями человѣка; но въ то же время допустилъ существованіе волшебства другаго рода, которое, основываясь на познаніи таинственныхъ силъ природы, доставляетъ будто бы способность предугадывать будущее и творить чудеса.

Въ то время, какъ въ Африкѣ, Испаніи и Галліи ревностно занимались латинскою литературою, въ Греціи, Азіи и Египтѣ явились цѣлыя толпы философовъ и риторовъ, превратившихъ литературу въ ремесло. Увлекая за собою безразсудную чернь, горячее и беззаботное юношество и холодныхъ эгоистовъ, у которыхъ было много ума, но не было сердца, эти обманщики искали только своихъ собственныхъ выгодъ. Во многихъ городахъ Греціи явились учебныя заведенія, въ которыхъ исключительно развилось это меркантильное направленіе со всѣми его вредными послѣдствіями. Главнымъ средоточіемъ софистики со временъ Адріана сдѣлалась аѳинская школа (стр. 163). Учители новой софистики имѣли громадное вліяніе на народъ и даже иногда на государственныя дѣла. Такъ, напримѣръ, Филостратъ Старшій, бывшій въ началѣ третьяго столѣтія преподавателемъ въ аѳинской школѣ, отправился въ Римъ и игралъ тамъ

значительную роль при дворѣ Геліогабала и Александра Севера. Кромѣ аѳинской школы на Востокѣ существовало много другихъ заведеній съ подобнымъ же направленіемъ. Греческая наука процвѣтала на берегахъ Малой Азіи, въ Сиріи и Египтѣ, и даже во внутренней Азіи, до Ефрата и Тигра и сирійскихъ пустынь, и вездѣ главными характеристическими чертами ея были риторика и софистика. Западъ также не избѣжалъ судьбы Востока. И тамъ распространилось повсюду суевѣріе, исчезъ изящный вкусъ, а наука сдѣлалась ремесломъ.

Такимъ образомъ въ эту эпоху, какъ и вообще во времена внутренняго упадка націй и ненормально развившейся цивилизаціи, въ римской имперіи учебныя заведенія получили превосходное устройство, образованіе пріобрѣло основательный научный характеръ, а знанія, требуемыя отъ образованнаго человѣка, распространились въ массѣ народа. Въ это время развились преимущественно математическія, медицинскія, естественныя, географическія и юридическія науки. Не требуя особенной возвышенности фантазіи, силы чувства и самостоятельности развитія, эти науки доставляли непосредственную пользу государству и обществу, или по крайней мѣрѣ не противорѣчили складу мыслей, требуемому въ обществѣ, управляемомъ военною силою. Кромѣ положительныхъ знаній, въ Римѣ распространена была особая тайная литература, которая осроумно и игриво затрогивала насущныя потребности.

Успѣхи положительныхъ наукъ составляютъ единственное отрадное явленіе въ эту эпоху. О законовѣдѣніи мы уже сказали выше. Медицина и соединенныя съ нею естественныя науки были обязаны своимъ развитіемъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ древности, Галену, родившемуся въ Пергамѣ въ 131 году и жившему до императора Септимія Севера. Галенъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ считался въ образованномъ мірѣ первымъ медицинскимъ авторитетомъ, и единственно на его сочиненіяхъ основывали свою врачебную науку христіане и арабы среднихъ вѣковъ. Галенъ пользовался въ древности извѣстностью, какъ врачъ и естествоиспытатель; его уважали за сдѣланныя имъ открытія и за то, что онъ снова далъ медицинѣ мѣсто въ ряду положительныхъ наукъ. Кромѣ того онъ былъ извѣстенъ какъ отличный ораторъ и философъ, и въ своихъ сочиненіяхъ много говоритъ о наукѣ и образованности вообще. Соединивъ врачебное искусство съ краснорѣчіемъ и философіею, онъ далъ риторическому направленію своего времени болѣе благородное и полезное примѣненіе, чѣмъ всѣ тогдашніе софисты и мистики. Дѣятельность его была въ высшей степени благодѣтельна для тогдашняго поколѣнія, которое съ презрѣніемъ отвернулось отъ древнихъ источниковъ мудрости и, толкуя постоянно только о сверхчувственныхъ предметахъ, явленіяхъ боговъ и объ уничтоженіи въ себѣ человѣческихъ чувствъ посредствомъ аскетизма, потеряло всякую энергію и способность къ истинному самосовершенствованію. Изъ всѣхъ произведеній Галена болѣе всего пользовалось уваженіемъ и принесло пользы его сочиненіе: «о побужденіи къ умственнымъ занятіямъ.» Впрочемъ и Галенъ не могъ устоять противъ тогдашняго суевѣрія, раздѣляя съ своими современниками вѣру въ сверхъестественныя явленія и вліянія, и даже признавая врачебную силу заговоровъ.

Почти въ одно время съ Галеномъ жилъ Клавдій Птолемей, считавшійся у христіанскихъ и арабскихъ ученыхъ среднихъ вѣковъ такимъ же авторитетомъ въ астрономіи, хронологіи и географіи, какъ Галенъ въ медицинѣ. Сочиненія Птолемея въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ были единственнымъ источникомъ математическихъ и географическихъ знаній. Птолемей и Галенъ имѣютъ между собою ту общую черту, что оба они не создали ничего новаго, а только привели въ систему, разъяснили и дополнили пріобрѣтенныя до нихъ знанія. Птолемей, подобно Галену, увлекся мистическимъ направленіемъ своего времени, и, на ряду съ астрономіею, училъ астрологіи. Заслуга его состоитъ преимущественно въ его учености и трудолюбивой разработкѣ матеріаловъ. Какъ астрономъ, Птолемей стоитъ гораздо ниже Гиппарха (т. I. стр. 516). Самъ онъ не сдѣлалъ никакихъ открытій, и даже не совсѣмъ вѣрно понималъ изслѣдованія Гиппарха; но за то владѣлъ обширными математическими познаніями и соединилъ въ одно цѣлое всѣ разбросанныя до него астрономическія свѣдѣнія. Сочиненіе Птолемея объ астрономіи носитъ названіе: «Альмагестъ», данное ему уже впослѣдствіи, и составляетъ учебникъ, заключающій въ себѣ всѣ наблюденія,

сдѣланныя въ предшествующія столѣтія. Такъ какъ сочиненія Гиппарха были затеряны, а ученые, жившіе послѣ Птолемея, были гораздо ниже его, то этотъ учебникъ имѣлъ очень важное значеніе для науки, и Птолемей долгое время былъ оракуломъ въ астрономіи, точно такъ же, какъ Аристотель въ философіи. Даже въ новѣйшія времена, когда сдѣлались извѣстными ошибки Птолемея, ученые не переставали уважать его, и Кеплеръ, величайшій астрономъ новѣйшаго времени, для объясненія разницы, замѣченной между наблюденіями Птолемея и изслѣдованіями Гиппарха и позднѣйшихъ астрономовъ, рѣшился скорѣе допустить измѣненія въ движеніи небесныхъ тѣлъ, чѣмъ обвинить въ ошибкѣ знаменитаго учителя грековъ, аравитянъ и средневѣковыхъ христіанъ. Какъ новѣйшая астрономія была основана на «Альмагестѣ» Птолемея, такъ и основаніемъ географіи служило въ средніе и новые вѣка сочиненіе его объ этой наукѣ. Птолемей сообщаетъ въ своей географіи много ложныхъ извѣстій, но главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ собралъ въ одно цѣлое и сохранилъ для потомства свѣдѣнія, которыя были разсѣяны у разныхъ авторовъ и безъ него пропали бы безъ слѣда. Какое значеніе имѣло сочиненіе Птолемея о географіи, видно изъ того, что въ одномъ шестнадцатомъ столѣтіи, кромѣ греческихъ изданій и многихъ переводовъ на новѣйшіе языки, сдѣлано было пятнадцать латинскихъ переводовъ этой книги. Издавая свой хронологическій трудъ: «канонъ царскихъ династій,» Птолемей вовсе не имѣлъ въ виду установить твердыя основанія исторической науки, а хотѣлъ только доставить астрономамъ средство для опредѣленія времени протекшаго между астрономическими открытіями, исчисленными въ его «Альмагестѣ». Онъ раздѣлилъ исторію на четыре періода, назвавъ ихъ по имени народовъ, игравшихъ въ извѣстныя времена главную роль въ исторіи. Они назывались періодами: ассирійской, вавилонской, персидской, македонской и римской всемірной монархіи. Каждый изъ этихъ періодовъ Птолемей подраздѣлилъ на меньшіе отдѣлы по годамъ правленія царей, приняв въ основаніе употребительное въ Египтѣ лѣтосчисленіе. Какое значеніе имѣлъ трудъ Птолемея для разработки и преподаванія исторіи лѣтосчисленія, можно видѣть уже изъ того, что принятое имъ раздѣленіе всемірной исторіи удержалось въ европейскихъ школахъ до самаго восемнадцатаго столѣтія.

Павсаній оказалъ исторіи греческаго искусства такую же услугу, какъ Галенъ и Птолемей для медицины и астрономіи. Этотъ ученый, жившій по всей вѣроятности въ первой половинѣ втораго столѣтія, въ описаніи своего путешествія по Греціи сообщилъ подробныя извѣстія о памятникахъ греческаго искусства, и собралъ о нихъ множество свѣдѣній, которыя безъ этого были бы потеряны для потомства. Сочиненіе Павсанія важно для насъ еще потому, что въ немъ сохранилось множество рѣдкихъ сказаній древнѣйшей эпохи. Павсаній впадаетъ въ своемъ сочиненіи въ ошибку всѣхъ новѣйшихъ путешественниковъ, говоря слишкомъ много о своихъ личныхъ приключеніяхъ; но этотъ недостатокъ вознаграждается тѣмъ, что въ его сочиненіи ясно отражается тогдашній вѣкъ. Мелочныя подробности въ описаніи памятниковъ искусства и множество приводимыхъ имъ легендъ обличаютъ въ немъ человѣка, жившаго во времена софистовъ и принадлежавшаго къ высшему римскому обществу. Слогъ его изысканъ, теменъ, кратокъ, и мѣстами переходитъ въ стихотворную рѣчь; въ сочиненіи замѣтно отсутствіе всякой критики въ описаніи предметовъ; наклонность его къ чудесному и сверхъестественному такъ велика, что нѣтъ никакой возможности вѣрить безусловно всѣмъ его сказаніямъ о глубокой древности. Но его, кажется, нельзя заподозрить въ невѣрности описаній древнихъ памятниковъ искусства. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть счастливаго стеченія обстоятельствъ въ томъ, что не задолго до совершенной гибели древней религіи, искусства и поэзіи, явился ученый, посвятившій цѣлое сочиненіе исключительно искусству, игравшему столь важную роль въ исторіи Греціи, и собравшій разныя преданія, сколько нибудь связанныя съ художественными памятниками.

Вмѣстѣ съ Галеномъ, Птолемеемъ и Павсаніемъ, бывшими въ полномъ смыслѣ дѣтьми своего вѣка, весьма замѣчательное явленіе представлялъ собою Лукіанъ, жившій такъ же, какъ и они, во второмъ вѣкѣ, и бичевавшій насмѣшками и остротами глупости своихъ современниковъ. Впрочемъ, было бы ошибочно признавать появленіе и дѣятельность Лукіана случайными. На него нужно скорѣе

смотрѣть какъ на органъ до тѣхъ поръ безмолвной партіи, недовольной дѣйствіями фантазеровъ, ханжей и писателей въ риторическомъ и мистическомъ духѣ. Судя по тому пріему, какой встрѣтилъ Лукіанъ, слѣдуетъ думать, что оппозиція господствовавшему направленію была очень сильна и нуждалась только въ предводителѣ. Такимъ образомъ Лукіанъ является представителемъ легкомысленныхъ юмористовъ, предпочитавшихъ смѣяться, вмѣсто того, чтобы плакать и, вмѣстѣ съ тогдашнимъ суевѣріемъ и фанатизмомъ, отвергавшихъ вѣру и религію вообще. Лукіанъ былъ Вольтеромъ своего времени; но онъ имѣлъ гораздо болѣе познаній и энергіи чѣмъ Вольтеръ, хотя и уступалъ послѣднему въ остроуміи и изяществѣ слога. Притомъ Лукіанъ насмѣхался надъ современнымъ порядкомъ вещей не потому, чтобы, подобно Вольтеру, находилъ удовольствіе въ отрицаніи, но своими насмѣшками думалъ возвысить уровень нравственности и распростанить истинную мудрость, что рѣшительно не входило въ соображенія французскаго философа.

Въ одномъ изъ своихъ первыхъ сочиненій (Нигринѣ) Лукіанъ представилъ каррикатуру римской жизни, и съ чрезвычайною рѣзкостью выставилъ контрастъ между истинно-человѣческою дѣятельностью и пустою жизнью знатнаго кружка. Онъ бичуетъ низкопоклонничество кліентовъ и незначительныхъ личностей и смѣшную надменность вельможъ. Безъ сомнѣнія, обличенія Лукіана относятся не къ одному только извѣстному времени и мѣсту, а могутъ быть приложены вообще къ большимъ городамъ и въ особенности столицамъ всѣхъ временъ. Въ другихъ сочиненіяхъ Лукіанъ обращаетъ свое остроуміе противъ превратнаго направленія ученыхъ и низкой лести, которую они расточали предъ вельможами и ихъ приближенными, въ надеждѣ пріобрѣсть себѣ покровителей. Эти сочиненія также не представляютъ намъ ничего новаго; изъ жизни нашихъ столицъ, въ которыхъ образованное общество и литературныя познанія сдѣлались необходимыми потребностями, мы хорошо знаемъ, какую роль играютъ ученые и софисты въ знатныхъ домахъ. Главнымъ предметомъ сатиръ Лукіана былъ религіозныя заблужденія его времени. Онъ нападалъ на язычество и на христіанство, противопоставляя той и другой естественную мораль и простой здравый смыслъ, непросвѣщенный впрочемъ наукою и неразвитый собственнымъ размышленіемъ. Пользы ѣдкой иронiи Лукіана надъ язычествомъ отрицать невозможно. Языческая религія того времени была неспособна къ усовершенствованію и вмѣстѣ съ теоріею потеряла все свое достоинство и значеніе, такъ что дѣло можно было поправить только совершеннымъ уничтоженіемъ, а не однимъ усовершенствованіемъ ея. Одно божество могло помочь людямъ, потому что сами они не могли сдѣлать ничего своими совѣтами. Насмѣшки Лукіана предшествовали гибели римскаго государства и образованности, точно такъ же, какъ иронія Вольтера была предвѣстницею французской революціи.

Презрѣніе, съ которымъ Лукіанъ отзывается о христіанахъ и ихъ религіи, легко объясняется тѣмъ, что въ его время въ христіанство уже начали проникать злоупотребленія. Лукіана можно укорять въ недосмотрахъ, но ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинить въ намѣреніи сдѣлать зло. Конечно, всякій христіански настроенный человѣкъ вправѣ требовать отъ Лукіана болѣе благороднаго воззрѣнія на христіанство и болѣе глубокаго знакомства съ его содержаніемъ. Лукіана оправдываетъ еще и то, что онъ и объ языческой древности, поэзіи и религіи отзывался такъ же презрительно, какъ и о христіанствѣ. Его остроты, направленныя противъ религіозныхъ вѣрованій, похожи на остроты новѣйшихъ писателей; Лукіанъ касается предметовъ поверхностно, не проникая въ ихъ глубь, и вызываетъ смѣхъ, не возбуждая серьезнаго размышленія. Большая часть его лучшихъ сочиненій, направленныхъ противъ господствовавшаго культа и народной религіи, не достигли предположенной цѣли: распространенія правильныхъ воззрѣній на истинное добро. Отрицая всѣ религіозно-поэтическія сказанія, Лукіанъ тѣмъ самымъ пріучаетъ своихъ современниковъ къ безплодной мечтательности, противъ которой вооружается. Съ его стороны было бы гораздо благоразумнѣе не трогать по крайней мѣрѣ древней національной вѣры. Отвергая новую религію, имѣвшую въ его время множество послѣдователей въ низшихъ классахъ, онъ долженъ былъ бы защищать старую, какъ сдѣлалъ это впослѣдствіи Юліанъ Отступникъ. Правда, Лукіанъ не касался ея нравственнаго ученія,

но тѣмъ не менѣе онъ ставилъ холодный разсудокъ на мѣсто теплаго чувства, и хотѣлъ замѣнить нагою дѣйствительностью идеальный міръ, наполняющій душу человѣка надеждами. Поэтому онъ могъ дѣйствовать только на людей, уже прежде раздѣлявшихъ его образъ мыслей. Свѣтлая практическая любовь, проповѣданная Лукіаномъ, обличеніе глупостей и предразсудковъ своего времени, стоявшее у него на ряду съ насмѣшками надъ религіей, — все это осталось безъ всякаго вліянія на современниковъ, потому что каждый, рѣшавшійся слѣдовать за Лукіаномъ, долженъ бы былъ отказаться отъ всего древняго греческаго и римскаго міра съ его обаятельной поэзіей и искусствомъ. Сочиненія Лукіана окончательно расположили тогдашнее поколѣніе, уже значительно отдалившееся отъ духа древности, къ совершенному легкомыслію и суевѣрію. Юмористическій тонъ, съ которымъ Лукіанъ представлялъ въ пошломъ и смѣшномъ видѣ все, что считалось священнымъ и возвышеннымъ въ его извращенную эпоху, выразились въ особенности въ позднѣйшихъ его сочиненіяхъ. Чтобы имѣть болѣе читателей, Лукіанъ намѣренно придалъ нѣкоторымъ изъ этихъ сочиненія нескромный характеръ, подобный «Pucelle» Вольтера и другимъ произведеніямъ новѣйшаго времени. Онъ не ошибся: послѣднія произведенія его составляли любимое чтеніе тогдашняго поколѣнія. Но уже одно это показываетъ, что для современниковъ Лукіана остались недоступными его лучшія намѣренія. Дѣйствительно, глупости и суевѣрія, осмѣянныя Лукіаномъ, и послѣ него были въ такой же силѣ, какъ прежде. Безсовѣстные плуты разыгрывали повсюду роль пророковъ и святыхъ, не смотря на то, что Лукіанъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій представилъ ихъ во всей наготѣ. Когда замолкли языческіе пророки и святые, мѣсто ихъ заступили христіанскіе еретики.

И ф и л о с о ф с к а я литература не избѣгнула тѣхъ пошлостей, которыя бичевалъ своею сатирою Лукіанъ. Въ то время въ греческихъ городахъ Европы развелось изумительное множество философовъ, занимавшихъ вмѣстѣ съ риторами и софистами мѣста преподавателей въ общественныхъ училищахъ. Впрочемъ, ревность къ философскимъ занятіямъ происходила не изъ дѣйствительной внутренней потребности знанія, а единственно изъ врожденнаго грекамъ тщеславія и ихъ безпокойнаго характера; не находя для себя пищи въ общественной жизни, они погрузились въ споры о философическихъ тонкостяхъ. Ни одинъ изъ множество тогдашнихъ софистовъ, не исключая и Марка Аврелія, не могъ возвыситься надъ духомъ своей школы. Поэтому иронія Лукіана также сильно поражала этихъ философовъ, какъ и мечтателей мистиковъ. Вообще въ то время всеобщаго упадка могла имѣть успѣхъ только одна школьная ученость. Стремленіе къ знанію для самаго знанія, — внутренняя потребность истины и увлеченіе простою духовною жизнью, — давно уже стали рѣдкими явленіями въ тогдашнемъ обществѣ.

Въ началѣ описываемой нами эпохи стоическая философія сохраняла преобладаніе надъ прочими школами. Отъ философіи, состоявшей только въ темныхъ фразахъ и преувеличенныхъ софизмахъ, лучшіе умы перешли къ теоріи вкуса и краснорѣчія и стали стремиться къ установленію твердыхъ сужденій о существующихъ произведеніяхъ умственной дѣятельности, опредѣленію понятія объ изящномъ и приведенію въ систему всего, что было написано по этому предмету послѣ Аристотеля. Наконецъ надъ другими школами возвысилась такъ называемая неоплатоническая философія, вполнѣ соотвѣтствовавшая духу того времени, а вмѣстѣ съ неоплатонзмомъ возникъ и с к е п т и ц и з м ъ, или отрицаніе всякаго человѣческаго знан — явленіе, нисколько неудивительное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Извѣстно, что во всѣ времена господства безграничной вѣры, какъ противодѣйствіе ей, является и безграничное сомнѣніе. Между скептиками, оспаривавшими достовѣрность всякаго внѣшняго свидѣтельства и научнымъ образомъ отрицавшими всякое положительное знаніе, было много умныхъ и превосходно образованныхъ людей; но всѣ они, увлекаясь духомъ времени, хотѣли придать школьную форму даже своей отрицательной философіи. Скептическая философія не нашла себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, потому что страсть къ пустой мечтательности, духъ сектъ и привязанность къ системѣ были совершенно въ характерѣ того времени, а сами скептики разрушали всякое убѣжденіе, утверждая, что можно знать только одну внѣшнюю сторону и внѣшнее бытіе предметовъ. Скептицизмъ, какъ особенная философская система, получилъ начало въ послѣднее

время процвѣтанія Греціи отъ Пиррона, ученика Анаксарха (т. I. стр. 392). Самымъ знаменитымъ приверженцемъ и защитникомъ его былъ Секстъ Эмпирикъ, явившійся въ концѣ золотаго вѣка римской образованности. Секстъ Эмпирикъ, жившій въ третьемъ вѣкѣ и пользовавшійся репутаціей ученаго врача, собралъ всѣ мысли предшествовавшихъ скептиковъ въ одно сочиненіе, гдѣ старался доказать своимъ современникамъ, что всякое заключеніе разума можно опровергнуть тѣмъ же самымъ оружіемъ, какимъ его защищаютъ. Онъ съ энергіею и остроуміемъ вооружался противъ всякаго знанія и науки; но такъ какъ, развивая свою теорію, онъ впалъ въ крайности, и кромѣ того жилъ въ самое положительное время, то старанія его были такъ же безплодны, какъ и иронія Лукіана. Надобно замѣтить, что вообще философскій скептицизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы видимъ его у Секста, можетъ явиться только въ эпоху, когда духъ человѣческій удаляется отъ простоты и естественности и бросается въ крайности. Въ подобныя времена сочиненія Секста читались съ особенною жадностью, и извѣстный скептикъ новѣйшаго времени Бэль извлекъ весьма многое изъ его сочиненій.

Между стоическими философами, ученіе которыхъ было возстановлено Эпиктетомъ, особенно замѣчателенъ императоръ Маркъ Аврелій. Онъ оставилъ послѣ себя собраніе правилъ, подъ заглавіемъ: «Къ самому себѣ.» Этотъ трудъ показываетъ въ авторѣ образованнаго, умнаго, благороднаго и благомыслящаго человѣка, не могшаго, къ несчастью, возвыситься надъ духомъ школы. При всѣхъ достоинствахъ сочиненія Марка Аврелія, въ немъ нѣтъ ничего самостоятельнаго, нѣтъ ни одной мысли, въ которой отразилась бы собственная личность писателя. Холодныя правила нравственности, пошлые совѣты, мелочныя до педантизма наблюденія надъ самимъ собою, сухія сентенціи, словомъ только одна школьная ученость составляетъ все содержаніе сочиненія. Ясно, что авторъ руководился не собственными воззрѣніями и не чистой истиной или знаніемъ, а взглядами и системою своей философской секты. Владыка всего міра, среди трудныхъ правительственныхъ занятій признававшій для человѣка возможнымъ руководствоваться въ практической жизни однажды составленными и затверженными правилами, очевидно, увлекся ко вреду своему духомъ школы и ея педантизмомъ, смѣшивая ученіе о мудрости съ самою мудростью. Первое принадлежитъ школѣ, а мудрость должна быть собственностью каждаго члена общества и государственнаго человѣка, и нѣтъ ничего гибельнѣе, какъ смѣшеніе той и другой. Изъ сочиненія Марка Аврелія мы видимъ, что Лукіанъ имѣлъ полное право преслѣдовать своими насмѣшками стоическую философію такъ же, какъ преслѣдовалъ и другія системы.

Нѣсколько примѣровъ могутъ пояснить сказанное нами. Правитель, умъ и дѣятельность котораго ясно обнаружились въ запутанныхъ обстоятельствахъ государства и опасныхъ войнахъ, долженъ былъ бы мыслить объ опасностяхъ и смерти совершенно иначе, чѣмъ школьный учитель, научившійся въ Аѳинахъ и Римѣ философствовать о никогда неизвѣданныхъ имъ трудностяхъ жизни и утѣшать себя учеными сентенціями въ опасностяхъ, всегда ревностно отстраняемыхъ имъ отъ себя. Не странно ли слышать изъ устъ императора и полководца, управлявшаго государствомъ и на каждомъ шагу встрѣчавшагося со смертью, назидательное разсужденіе о ней, начинающееся избитою мыслью, что смерть принадлежитъ къ числу естественныхъ явленій? Имя Александра Великаго всего скорѣе должно было бы вызвать въ императорѣ и полководцѣ рѣшимость увѣковѣчить себя въ памяти потомства и пріятное сознаніе, что душа великаго человѣка такъ же безсмертна, какъ боги: только школьный учитель, говоря на каѳедрѣ, или частный человѣкъ, удовлетворяющій своимъ обыденнымъ нуждамъ и чувствующій себя счастливымъ въ мирномъ кружкѣ, способенъ ограничиться назидательнымъ размышленіемъ, вспоминая имя Александра Великаго. Маркъ Аврелій въ этомъ случаѣ мыслилъ совершенно какъ частный человѣкъ. Онъ ставитъ великаго царя на ряду съ его конюхомъ, и говоритъ: «Александръ и его конюхъ сдѣлались по смерти однимъ и тѣмъ же: слились съ общимъ міровымъ духомъ, или раздробились на атомы, изъ которыхъ, по ученію Эпикура, состоитъ все.» Это мнѣніе, кромѣ его обветшалости, совершенно ложно. Для насъ Александръ Великій существуетъ до сихъ поръ, а конюхъ его не существовалъ никогда. Еще явственнѣе обнаруживается школьный взглядъ Марка Аврелія въ другомъ мѣстѣ его сочиненій, гдѣ онъ сравниваетъ между собою великихъ правителей и философовъ. Пра-

витель, располагающій судьбою государства, конечно, долженъ предпочесть творцамъ измѣнчивыхъ философскихъ системъ людей, которые преобразуютъ общества, даютъ народамъ новые законы и создаютъ исторію человѣчества. Но Маркъ Аврелій, смотрѣвшій на людей съ точки зрѣнія своей школы, говоритъ: «какъ ничтожны Александръ, Цезарь и Помпей въ сравненіи съ Діогеномъ, Гераклитомъ и Сократомъ? Эти философы изслѣдовали причины вещей и сущность матеріи, и проводили жизнь свою въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, тогда какъ о скольких предметахъ внѣшней жизни должны были заботиться первые»?

Между учеными, занимавшимися теоріею краснорѣчія или философскими изслѣдованіями объ изящномъ, замѣчательнѣе всѣхъ Гермогенъ и Лонгинъ. Гермогенъ Тарсскій, современникъ Марка Аврелія, на семнадцатомъ году своей жизни написалъ теорію искусства, которая ставитъ его на третьемъ или четвертомъ мѣстѣ послѣ Аристотеля. Гермогенъ въ своемъ сочиненіи слѣдовалъ преимущественно Аристотелю, и обнаружилъ гораздо болѣе учености, чѣмъ всѣ тогдашніе риторы вмѣстѣ. Впрочемъ, здѣсь мы не можемъ разбирать въ подробности его сочиненія, такъ какъ по своему предмету оно не относится къ всемірной исторіи. Лонгинъ, который жилъ въ Аѳинахъ и о славной смерти котораго сказано выше (стр. 186), принадлежитъ такъ же къ числу великихъ людей своего времени, какъ философъ и учитель краснорѣчія, и вмѣстѣ съ тѣмъ государственный человѣкъ и министръ Зиновій. Занимаясь философіею съ безкорыстною ревностью и дѣйствительнымъ стремленіемъ къ истинѣ, Лонгинъ искалъ успокоенія сердца и рѣшенія умственныхъ вопросовъ у Платона, сочиненія котораго служили для него главнымъ средствомъ образованія, и уже по одному тому не могъ примкнуть къ современнымъ ему школамъ и слѣдовать философскимъ направленіямъ своего времени. Чтобы, не подчиняясь духу времени, дѣйствовать во имя истины и права и способствовать усовершенствованію эстетическаго вкуса современниковъ, онъ рѣшился посвятить себя краснорѣчію. Извѣстный ученый философъ временъ Лонгина, Плотинъ, оспаривалъ у него право на названіе философа. Но по справедливому суду потомства, Лонгинъ своими сочиненіями принесъ гораздо болѣе пользы человѣчеству, чѣмъ Плотинъ и всѣ вышедшіе изъ его школы ученые, которые, живя среди испорченнаго и склоннаго къ бездѣятельной жизни поколѣнія, создали для него философію, почитавшую созерцательную жизнь высшею степенью человѣческаго совершенства. Будучи учителемъ краснорѣчія, Лонгинъ противодѣйствовалъ мечтательному направленію своего времени, и оставилъ послѣ себя сочиненіе «о высокомъ», замѣчательное по методу изложенія и заключающейся въ немъ глубокой философіи. Лонгинъ былъ въ свое время единственнымъ философомъ, трудившимся не для школы, системы и секты, а для жизни и общественной дѣятельности. Сдѣлавшись впослѣдствіи государственнымъ человѣкомъ и министромъ, онъ, въ противоположность Марку Аврелію, оправдалъ пользу практическаго направленія науки, показавъ себя въ самой смерти истиннымъ философомъ и благороднымъ, энергическимъ человѣкомъ.

Такъ называемая неоплатоническая философія получила начало еще въ первые годы императорской эпохи, и въ третьемъ столѣтіи повсемѣстно вошла въ моду. Причиною ея возникновенія было стремленіе соединить мистическую мечтательность съ философіею. Попытки найти философское основаніе языческихъ миѳовъ, аллегорій и перенесенныхъ съ Востока религіозныхъ идей заставили обратиться къ философіи Платона. Система Платона болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствовала этой цѣли. При изложеніи своего ученія, Платонъ часто пользовался религіозными символами Востока и пиѳагорейцевъ и греческими сагами (т. I. стр. 347); восточные же мистики временъ императоровъ и обращали только на нихъ свое вниманіе. У Платона поэтическія сказанія имѣли совершенно второстепенное значеніе, служа средствомъ для удовлетворенія человѣческой пытливости тамъ, куда не могъ проникнуть умъ, или же для аллегорическаго изложенія понятій, которыхъ, по самому существу своему, нельзя было облечь въ строго-научную форму. Но, упустивъ это изъ виду, преобразователи его системы не только смотрѣли на аллегоріи, какъ на истинное ученіе философа, но почитали ихъ какимъ-то сверхъестественнымъ откровеніемъ. Подобное пониманіе философіи Платона было совершенно въ духѣ того времени, и нѣтъ ничего удивительнаго, что іудеи, какъ, напримѣръ, Филонъ (стр. 165), старались связать его фи-

лософію съ ученіемъ своей религіи, а христіанскіе ученые употребляли ея начала для доказательства своихъ взглядовъ на отношенія божества къ человѣчеству. Преобразованная философія Платона была полезна для язычниковъ во многихъ отношеніяхъ. Она благопріятствовала тогдашнему стремленію къ мистицизму и мечтательности, представляя для него философскія основанія; а между тѣмъ, какъ бы ни было суевѣрно то или другое поколѣніе, оно всегда ощущаетъ на извѣстной степени образованности потребность отыскать философскія основанія для своихъ суевѣрныхъ мнѣній. Кромѣ того философія Платона придала вымирающей языческой религіи новую жизнь, и служила ей оружіемъ въ борьбѣ съ христіанствомъ, хотя въ сущности только благопріятствовала ему, а въ авторитетѣ Платона находило себѣ удовлетвореніе тогдашнее стремленіе къ положительности въ знаніи и вѣрѣ. Умствованія риторовъ были слишкомъ пусты, скептицизмъ не представлялъ никакого утѣшенія, ученіе послѣдователей Аристотеля было сухо, а стоическая и циническая системы слишкомъ скудны или искажены, — словомъ, ни одно изъ тогдашнихъ направленій въ наукѣ не могло дать обществу нравственной поддержки, въ которой оно всего болѣе нуждалось. Все это побуждало римское общество съ жадностью хвататься за философское фантазерство, которому неоплатонизмъ представлялъ полный просторъ.

Образъ пониманія и употребленія сочиненій Платона былъ приложенъ и къ ученію и сказаніямъ Пиѳагора. Неоплатоники почитали Пиѳагора святымъ, а его ученіе какими-то изрѣченіями оракула. Вскорѣ послѣ Адріана, съ такъ называемою системою Платона, при помощи искусственныхъ перетолкованій, было соединено ученіе Аристотеля и другихъ философовъ. Сложившаяся, такимъ образомъ, новая система философіи называлась неоплатонизмомъ, а впослѣдствіи неопиѳагореизмомъ. Однимъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ неоплатониковъ былъ Аммоній Саккасъ, сообщавшій свою мудрость въ видѣ тайнаго ученія только немногимъ посвященнымъ. Онъ замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что былъ учителемъ знаменитаго Лонгина и извѣстнаго неоплатоника Плотина. Лонгинъ вскорѣ отказался отъ философіи, вводившей людей въ заблужденія и отнимавшей у нихъ способность къ дѣятельности; Плотинъ же сдѣлался первымъ распространителемъ неоплатонизма между своими современниками. Этотъ философъ, родившійся въ 205 году въ Ликополѣ, въ Египтѣ, и умершій въ 270 году въ Кампаніи, цѣлыя одиннадцать лѣтъ былъ ревностнымъ ученикомъ Аммонія, но вскорѣ зашелъ такъ далеко въ своихъ мечтаніяхъ объ естествѣ божества и человѣка, что уже не могъ удовлетвориться египетско-греческимъ тайнымъ ученіемъ своего предшественника и учителя, и рѣшился познакомиться съ персидскою и индійскою мудростью. Чтобы имѣть возможность и средства проникнуть въ Персію, онъ присоединился къ войску Гордіана Младшаго. Въ одной этой чертѣ изъ жизни Плотина ясно высказывается характеръ его философіи. Углубленіе въ свое собственное существо, стремленіе къ соединенію съ божествомъ, посредствомъ внутренняго созерцанія, сухое дробленіе понятій, опредѣленіе сущности и взаимнаго отношенія вещей, основанное не на опытѣ и наблюденіи, а выведенное путемъ отвлеченнаго мышленія и умозаключеній, — всѣ эти черты съ незапамятныхъ временъ отличали индійскую и персидскую религіозныя системы. Вотъ почему всѣ мистическіе философы, не исключая и новѣйшихъ, обращались къ этому источнику ложной мудрости. Впослѣдствіи Плотинъ отправился въ Римъ, гдѣ на его счастье была сильно распространена наклонность къ восточному мистицизму, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, почти до самой своей смерти, игралъ тамъ роль пророка. Императоръ Галліенъ и его супруга покровительствовали Плотину, и думали даже по его плану основать въ одномъ итальянскомъ городѣ философское государство. Не меньше сочувствія встрѣтилъ Плотинъ и между лучшими фамиліями Рима. Нѣкоторыя изъ первыхъ лицъ въ городѣ сдѣлались его ревностными приверженцами и приняли его ученіе, какъ божественное откровеніе. Впечатлѣніе, произведенное на римлянъ Плотиномъ, и уваженіе, которымъ пользовалось его ученіе потому только, что оно было непонятно,—доказываютъ намъ лучше всего степень умственнаго и нравственнаго упадка римскаго міра и тогдашнюю наклонность къ мечтательности, аскетизму и всему сверхъестественному и чудесному. Для распространенія своего ученія, Плотинъ и его ученики прибѣгали къ тѣмъ же самымъ средствамъ, какія въ началѣ восемнад-

цатаго столѣтія употребляли во Франціи Месмеръ и Каліостро, чтобы расположить въ пользу своего мистическаго плутовства изнѣженную французскую аристократію, и къ которымъ обращались въ Германіи Розенкрейцеры, заклинатели духовъ и тому подобные пройдохи, чтобы дѣйствовать на благочестиваго прусскаго короля. Плотинъ выдавалъ себя за волшебника, вызывалъ духовъ, и, къ стыду своему, по просьбамъ знакомыхъ открывалъ виновныхъ въ мелкихъ кражахъ, занятіе, которое въ наше время можно встрѣтить только между самымъ низкимъ и презрѣннымъ классомъ народа.

Сочиненія Плотина также носятъ на себѣ характеръ пророчествъ. По свидѣтельству одного изъ извѣстнѣйшихъ учениковъ Плотина, онъ выпустилъ въ свѣтъ свои мнимо-божественныя внушенія безъ всякаго предварительнаго просмотра, и даже безъ исправленія орѳографическихъ ошибокъ. Конечно, лучшія произведенія древнихъ грековъ не составлялись такъ скоро! Въ своихъ сочиненіяхъ и изустныхъ рѣчахъ Плотинъ не обращалъ никакого вниманія на самые необходимые законы мышленія и на то, что мы называемъ методомъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ совершенно вѣренъ своему ученію, требуя отъ всякаго желающаго достигнуть философскаго знанія полнаго отрицанія самого себя и отступленія отъ обыкновенныхъ правилъ мышленія и ощущенія. Какъ темно было изложеніе Плотина, видно изъ того, что Амелій, одинъ изъ лучшихъ его учениковъ, долженъ былъ пробыть у него двадцать четыре года, прежде чѣмъ успѣлъ познакомиться съ его тайнами. Плотинъ находился въ такихъ же отношеніяхъ къ своему замѣчательному, по ясности мыслей и опредѣленности выраженія, современнику, Лонгину, какъ въ наше время какой-нибудь Яковъ Бемекъ—къ Фихте и другимъ мыслителямъ. Впрочемъ, въ сочиненіяхъ Плотина, какъ и вообще въ произведеніяхъ подобнаго рода, вмѣстѣ съ нелѣпыми химерами и странными вымыслами встрѣчается не мало глубокихъ мыслей. Чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ ученія Плотина и его вліяніи на современниковъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о содержаніи его сочиненій. По его ученію, жизнь въ обществѣ есть грѣхъ, а истинная мудрость и блаженство состоитъ только въ совершенномъ отрѣшеніи отъ чувственнаго міра, мрачномъ самоуглубленіи и созерцаніи безконечнаго. Могло ли принести какую-нибудь пользу это ученіе, ожидавшее истины и всѣхъ ея благъ свыше, — отъ мнимаго божественнаго откровенія и углубленія въ фантастическую природу міра и божества! Какъ благопріятствовало оно съ одной стороны деспотизму, а съ другой, — развившемуся вскорѣ послѣ того христіанскому аскетизму! Теорія жизни, составленная Плотиномъ и уничтожающая всякую дѣятельность, презирающая жизненный опытъ и всѣ человѣческія отношенія и, что всего важнѣе, относящаяся съ ненавистью ко всѣмъ мыслящимъ иначе, соединялась съ чисто теоретическимъ, основаннымъ на совершенно произвольныхъ умозаключеніяхъ, пониманіемъ природы. Аристотель основывалъ свои идеи о природѣ на опытѣ, наблюденіи и математикѣ; у Плотина же нѣтъ и слѣда подобныхъ пріемовъ. Принимая себя за вдохновленнаго самимъ божествомъ философа, онъ думалъ, что можетъ получать свѣдѣнія о всемъ посредствомъ внутренняго откровенія, и что ему вовсе не нужна извѣстная постепенность въ пріобрѣтеніи знаній; на крыльяхъ своей фантазіи онъ заносился выше неба. При отсутствіи истинной любви къ наукѣ и дѣятельности, составлявшемъ отличительную черту того времени, тогдашнему поколѣнію легко было увлечься мудростью, пріобрѣтаемою безъ труда и доступною только однимъ посвященнымъ, и оставить въ сторонѣ положительныя науки и даже самый опытъ.

У Плотина было трое учениковъ: Геренній, Амелій и Порфирій, которые въ своихъ сочиненіяхъ передали довольно хорошимъ слогомъ его прорицанія и сдѣлались апостолами его ученія. Всѣ они обладали значительными талантами, такъ что Лонгинъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ ихъ теоріи, противорѣчащей жизни и здравому смыслу, называетъ двухъ первыхъ писателей единственными философами, сочиненія которыхъ стоитъ читать. Какъ мало дорожили эти люди истиной, лучше всего видно изъ оставленной Порфиріемъ біографіи Плотина. Порфирій разсказываетъ о своемъ учителѣ самыя нелѣпыя басни, и, будучи самъ слишкомъ уменъ, чтобы вѣрить своимъ разсказамъ, умышленно прибѣгаетъ къ нимъ, съ цѣлью придать достовѣрность и значеніе прорицаніямъ Плотина. Что же сказать послѣ этого объ ученіи неоплатониковъ, которое пред-

писываетъ сверхъчеловѣческое совершенство и въ то же время позволяетъ своимъ проповѣдникамъ прибѣгать къ такимъ недостойнымъ средствамъ? Амелій распространялъ секту неоплатониковъ въ Азіи и Греціи, а Порфирій, въ продолженіе тридцати лѣтъ послѣ Плотина, училъ въ Римѣ, и оттуда разсѣевалъ новое ученіе по всему Западу. Вскорѣ неоплатоническая философія получила преобладаніе въ языческихъ школахъ, что весьма легко объясняется господствующимъ духомъ того времени и тѣмъ, что неоплатоническая философія, оживляя увядавшее язычество новою искусственною жизнію, служила для язычниковъ оружіемъ въ борьбѣ съ христіанствомъ. Впрочемъ, нѣкоторые христіане пользовались этимъ мутнымъ источникомъ мудрости, и люди, наклонные къ ереси, неоплатоническими мечтаніями извращали христіанское ученіе. Одинъ изъ такихъ мечтателей, жившій спустя сто лѣтъ послѣ Константина Великаго, говоритъ, что онъ въ первый разъ познакомился съ духомъ христіанскаго ученія изъ сочиненій неоплатониковъ. Дѣйствительно, важнѣйшую сторону неоплатонизма составляетъ послѣдующее вліяніе его на христіанство. Но надобно замѣтить, что это вліяніе было ощутительно только на Западѣ, благодаря западнымъ учителямъ неоплатонической философіи и латинскимъ переводамъ ихъ ученія. На Востокѣ же, а въ особенности въ Аѳинахъ, новая философія получила совершенно иное значеніе, сдѣлавшись для язычниковъ главнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ христіанствомъ. Поэтому, при императорѣ Юліанѣ Отступникѣ, аѳинская школа, благодаря своему направленію, играла даже значительную политическую роль.

Отъ философіи мы переходимъ къ двумъ остальнымъ отраслямъ греческой литературы описываемой нами эпохи: исторіи и поэзіи. Гдѣ исчезаетъ благородство чувствъ и простота жизни, тамъ истинная исторія становится невозможною. Не видя вокругъ себя ничего отраднаго, лучшіе люди обыкновенно отзываются обо всемъ съ горечью, а толпа подчиняется духу времени и судитъ не иначе, какъ только въ этомъ духѣ. Когда деспотизмъ и суевѣріе оковываютъ умы, нельзя встрѣтить безпристрастія, отсутствія предубѣжденій, здравыхъ сужденій, вѣрнаго такта и метода, словомъ, ни одного изъ качествъ, отличающихъ истиннаго историка отъ простаго разскащика и лѣтописца. Латинскіе писатели этой эпохи были, какъ уже мы сказали выше, только собирателями матеріаловъ, извлекавшими отовсюду замѣтки, извѣстія и анекдоты. Главное содержаніе греческихъ историческихъ пропзведеній составляли риторика и софистика, самыя любимыя науки того времени. Важнѣйшими историческими писателями этого періода были Діонъ Кассій и Геродіанъ. Сочиненія обоихъ историковъ одинаково полны риторики, но сами авторы отличаются одинъ отъ другаго тѣмъ, что первый изъ нихъ прилагалъ свое краснорѣчіе къ судебнымъ и государственнымъ дѣламъ, а Геродіанъ не покидалъ школьной дѣятельности. Различіе профессій придаетъ особый оттѣнокъ и ихъ сочиненіямъ. Діонъ Кассій, жившій въ началѣ третьяго вѣка, написалъ всю римскую исторію отъ построенія Рима до своего консульства, то есть до 229 года. Изъ восьмидесяти книгъ его сочиненія первыя тридцать шесть и нѣкоторыя изъ послѣднихъ затеряны. Исторія Діона Кассія по своему методу принадлежитъ скорѣе нашему времени, чѣмъ древности, и потому нельзя не сожалѣть о потерѣ первыхъ тридцати шести книгъ ея. Діонъ былъ государственнымъ человѣкомъ, обладалъ обширною начитанностью и много трудился надъ своимъ сочиненіемъ. Это даетъ основаніе предполагать, что у него былъ новый взглядъ на древнѣйшую исторію Рима, и что вообще въ его сочиненіи находились свѣдѣнія, упущенныя изъ виду другими историками. Историческія сужденія Кассія совершенно соотвѣтствуютъ его нравственному характеру: рабская боязливость и низкій образъ мыслей, отразившіеся въ его описаніи современныхъ ему событій, имѣли вліяніе и на его разсказъ, а рѣчи, которыя онъ, по обычаю древнихъ историковъ, вставляетъ въ свое повѣствованіе, показываютъ въ немъ скорѣе ритора, чѣмъ государственнаго человѣка и философа. Геродіанъ написалъ исторію своего времени отъ Марка Аврелія до Гордіана Младшаго. Онъ говоритъ, что самъ былъ свидѣтелемъ описываемыхъ имъ событій и, въ качествѣ должностнаго лица, былъ даже посвященъ въ государственныя тайны; но тѣмъ не менѣе сочиненіе его показываетъ въ авторѣ только ритора и школьнаго ученаго, или человѣка, который былъ способнѣе къ кабинетной, чѣмъ къ общественной дѣятельности. Онъ холоденъ, спокоенъ, ровенъ, и не обнаружи-

ваетъ ни своихъ симпатій, ни антипатій; но за то у него не видно ни здравой философіи, ни истиннаго сочувствія къ судьбѣ человѣчества. Кромѣ того, онъ упускаетъ изъ виду хронологію, хотя отъ него, какъ отъ сухаго ученаго, всего менѣе можно было ожидать подобныхъ ошибокъ, и передаетъ невѣрныя извѣстія о весьма многихъ фактахъ. Рѣчи его никакъ нельзя сравнить съ рѣчами Діона Кассія: это просто школьныя упражненія.

Обращаясь къ поэзіи, мы увидимъ, что и для нея какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ настало время упадка. Римское общество встрѣчало съ восторгомъ поэтическія произведенія, но это только свидѣтельствуетъ, что ученость и учебныя заведенія не развили въ римскомъ народѣ изящнаго вкуса. Повидимому каждому народу самою природою назначены въ поэзіи извѣстные предѣлы, за которыми начинается время подражанія и безплодныхъ попытокъ проложить себѣ новые пути. Тогда талантъ старается вознаградить недостатокъ творческой силы воспоминаніями о старинѣ и усидчивымъ трудомъ. Въ описываемое нами время главною причиною упадка поэзіи было чрезмѣрное множество ученыхъ. Поэтическія произведенія назначались не для всей націи, а только для образованной ея части, къ которой принадлежалъ и дворъ. Такимъ образомъ поэты поставлены были въ необходимость приноровляться ко вкусу школъ, ненавидѣвшихъ все простое; естественное и истинное, и требовавшихъ только искусственности и учености. Къ поэзіи прилагали туже самую мѣрку, по которой судили о рѣчахъ ораторовъ, и потому не удивительно, что мы встрѣчаемъ у тогдашнихъ поэтовъ стремленіе блистать искусственностью слога, аттическими выраженіями и ученостью. Самый выборъ предметовъ поэзіи указываетъ намъ ея характеръ. Въ лучшихъ поэтическихъ произведеніяхъ того времени воспѣвалась охота, ловля птицъ и тому подобное. Само собою разумѣется, что подобнаго рода произведенія не могли имѣть поэтическихъ достоинствъ и вліянія на образованность націи.

Въ этотъ періодъ упадка поэзіи возникъ новый родъ литературныхъ произведеній, — романъ, появленіе котораго всегда указываетъ на нравственный упадокъ извѣстной эпохи. Древность не знала романа. Нѣкоторые признаютъ политическимъ романомъ «Киропедію» Ксенофонта (т. I. стр. 315); но у этого произведенія не достаетъ необходимой принадлежности романа — любовной завязки. Можно думать, что у грековъ еще въ раннемъ періодѣ ихъ жизни существовалъ особый родъ повѣстей, извѣстныхъ подъ именемъ милетскихъ басенъ, и что въ мѣстахъ общественныхъ собраній народъ любилъ слушать сказочниковъ, какъ это бываетъ и до сихъ поръ въ кофейняхъ Востока; во всякомъ случаѣ подобныя повѣсти не являлись въ литературѣ до императоровъ. «Исторія золотаго осла» Апулея и разсказы Лукіана, бывшіе первыми извѣстными намъ произведеніями въ этомъ родѣ и внесшіе романъ въ греческую и римскую литературу, содержатъ въ себѣ соблазнительныя и чудесныя исторіи и вымышленные разсказы о разныхъ продѣлкахъ мошенниковъ. Въ то же время явился и романъ въ новѣйшемъ смыслѣ слова, то есть разсказъ, въ которомъ завязку составляетъ любовная интрига, а именно — исторія Родана и Синоны, написанная извѣстнымъ Ямблихомъ и дошедшая до насъ только въ небольшихъ отрывкахъ. Въ третьемъ и четвертомъ вѣкахъ появился цѣлый рядъ романовъ, перечислять которыхъ не стоитъ труда. Замѣчательно, что всѣ эти сочиненія принадлежатъ Востоку; у латинцевъ нѣтъ и слѣда подобныхъ романовъ, не смотря на то, что на Западѣ, еще задолго до появленія христіанства и господства сѣверныхъ идей, любовь приняла гораздо болѣе серьезный характеръ, чѣмъ на Востокѣ. Впрочемъ, у римлянъ романъ никогда не получалъ такого рѣшительнаго вліянія на нравы и образъ мыслей общества, какъ въ наше время, и мы не можемъ опредѣлить направленіе тогдашняго общества по тону наиболѣе читавшихся въ немъ романовъ, что было вполнѣ возможно относительно восемнадцатаго столѣтія.

XV. ДВА ПОСЛѢДНІЯ СТОЛѢТІЯ ДРЕВНОСТИ.

1. Константинъ Великій.

Послѣ паденія Максимина единственными обладателями имперіи остались Константинъ и Лициній, бывшіе между собою въ родствѣ. Но не прошло одного года, какъ они разсорились, и началась война, въ которой Константинъ, не смотря на двукратную побѣду, испыталъ такія потери, что счелъ за лучшее согласиться на мирныя предложенія Лициніа (314). При новомъ раздѣлѣ государства Константинъ расширилъ предѣлы своихъ владѣній на счетъ Лициніа, присоединивъ къ себѣ Панноніо, Иллирію, западную Мизію, Македоніо и Грецію. Въ продолженіе девятилѣтняго перемирія, заключеннаго между императорами, оба они дѣйствовали по совершенно различнымъ принципамъ, и поведеніе одного изъ нихъ было такъ же необдуманно, какъ былъ благоразуменъ образъ дѣйствій другаго. Лициній притѣснялъ своихъ подданныхъ, преслѣдовалъ христіанъ и старался всевозможными средствами награбить себѣ сокровищъ. Константинъ же издавалъ новые законы, воевалъ съ варварами, покровительствовалъ христіанамъ и преслѣдовалъ древнюю языческую религію и іудеевъ. Въ новой войнѣ, вспыхнувшей между императорами (323), Лициній потерпѣлъ два рѣшительныхъ пораженія, и принужденный сдаться побѣдителю, былъ умерщвленъ по его приказанію. Два года спустя, и малолѣтній сынъ Лициніа подвергся участи своего отца.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ, у Константина явилась мысль основать новую столицу государства. Мѣстомъ для нея онъ выбралъ городъ Византію; а чтобы увеличить ея населеніе, переселилъ туда, по обычаю восточныхъ царей, множество жителей изъ всѣхъ провинцій Востока. Для украшенія Византіи, считавшагося и въ то время необходимымъ, онъ перенесъ въ нее изъ Греціи множество статуй. Константинъ употребилъ громадныя суммы на постройку дворцовъ и церквей въ новой столицѣ, и желая придать ей исключительно христіанскій характеръ, преобразовалъ перенесенные въ Византію памятники искусства, чтобы уничтожить ихъ языческій видъ. Устройство новой столицы, избранной Константиномъ резиденціею, было окончено въ восемь лѣтъ (329—337). Константинъ далъ Византіи имя Новаго Рима, которое, впрочемъ, уже при его жизни замѣнилось мало-по-малу названіемъ «Константинополя». Возвышеніе Византіи на степень перваго города Востока и перенесеніе туда императорской резиденціи имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Основаніе новой столицы раздѣлило государство на двѣ части, удвоило число высшихъ должностей въ имперіи, и въ то же время измѣнило духъ двора и правительства. Хотя въ Константинополѣ все было устроено на подобіе Рима, но новыя учрежденія тотчасъ же получили восточный оттѣнокъ, потому что самое населеніе новаго города было набрано преимущественно на Востокѣ. Вслѣдствіе того въ новую столицу никогда не проникала римская свобода мыслей и дѣйствій.

Столь же важными послѣдствіями сопровождались и реформы Константина въ территоріальномъ раздѣленіи и устройствѣ имперіи. Эти реформы состояли

въ томъ, что имперія, еще согласно мысли Діоклетіана, была раздѣлена на четыре главныя части или такъ называемыя *префектуры*: восточную, заключавшую въ себѣ Азію, Египетъ, Оракію и часть Мизіи; Иллирикъ, въ составъ которой вошла остальная часть Мизіи съ Македоніею и Греціею; итальянскую, къ которой, кромѣ Италіи и земель верхняго Дуная, принадлежала западная Африка; и наконецъ галльскую, обнимавшую собою Галлію, Испанію и Британнію. Каждая префектура дѣлилась на извѣстное число *діоцезъ*, подраздѣлявшихся въ свою очередь на нѣсколько *провинцій*. Въ каждой префектурѣ намѣстникомъ императора былъ такъ называемый *префектъ преторіи*, который, будучи гражданскимъ чиновникомъ, не имѣлъ права распоряжаться военною силою, но, подобно восточнымъ сатрапамъ, совмѣщалъ въ своихъ рукахъ всю полицейскую и судебную власть и наблюденіе за промышленностью и взиманіемъ податей. Префектамъ были подчинены *викаріи*, по одному на каждую *діоцезу*, а викаріямъ—*ректоры*, управлявшіе провинціями. Такое государственное устройство превратило все управленіе въ сложный механизмъ, замедлило ходъ дѣлъ и умножило число чиновниковъ, притѣснявшихъ народъ. Этому устройству соотвѣтствовала новая финансовая система, организовавшаяся мало-по-малу въ періодъ времени отъ Діоклетіана до смерти Валента. Существовавшія до тѣхъ поръ подати натурою были отмѣнены въ большей части провинцій, и взамѣнъ ихъ введены новые налоги: поземельный, поголовный и налогъ на промыслы. Для сбора поземельнаго налога, каждыя пятнадцать лѣтъ вся территорія, вмѣстѣ съ принадлежавшими къ отдѣльнымъ помѣстьямъ рабами, несвободными крестьянами и животными раздѣлялась на равные участки, носившіе названіе головъ или копытъ. По этимъ-то участкамъ, въ теченіе пятнадцатилѣтняго періода или такъ-называемой *индикціи*, и собирались налоги. Правительство, раздѣливъ земли, уже не обращало вниманія на ихъ состояніе въ продолженіе цѣлой индикціи; между тѣмъ случалось, что въ самые первые годы ея въ помѣстьяхъ происходили непріятельскія опустошенія или вымирали рабы и скотъ. Поэтому введенная Константиномъ система взиманія налоговъ была чрезвычайно обременительна для землевладѣльцевъ, обязанныхъ, кромѣ собственныхъ повинностей, платить подати и за разорившихся сосѣдей. Еще вреднѣе была безпощадная строгость, съ какою взимались налоги. Каждыя пятнадцать лѣтъ, для возобновленія податныхъ списковъ и новаго распредѣленія поземельныхъ участковъ, имперію наводняло цѣлое войско безчеловѣчныхъ чиновниковъ, которые до самыхъ мелкихъ подробностей переписывали всѣ предметы, подлежавшіе налогу, даже всѣ виноградныя лозы и деревья, и съ страшною жестокостью наказывали за малѣйшую утайку. Не менѣе тягостенъ былъ и налогъ на промыслы, возобновлявшійся каждые четыре года. О стѣснительности его взиманія мы можемъ судить по слѣдующему: въ собраніи законовъ, изданномъ при императорѣ Ѳеодосіи II, существуетъ особенное постановленіе о томъ, чтобы не считать торговцемъ крестьянина, привезшаго на рынокъ свои продукты. Поголовная подать собиралась съ рабовъ и несвободныхъ крестьянъ; за первыхъ платили господа, а крестьяне, платя сами за себя требуемую сумму, вносили ее землевладѣльцамъ. Тяжесть этихъ разнообразныхъ налоговъ и другихъ государственныхъ повинностей была причиною появленія въ обществѣ новаго сословія, занимавшаго середину между рабами и свободными. Этотъ новый классъ населенія, неизвѣстный въ древности и получившій начало въ царствованіе Діоклетіана, состоялъ изъ такъ называемыхъ *колоновъ*, или несвободныхъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и обработывавшихъ поля землевладѣльцевъ, отдавая имъ извѣстную часть произведеній за право пользованія землею. Не имѣя права отлучаться отъ своихъ участковъ, они уже не подлежали военной службѣ, и такимъ образомъ были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Оттого, по мѣрѣ возрастанія налоговъ, увеличивалось число колоновъ и уменьшалось число землевладѣльцевъ. Чтобы имѣть средства къ существованію, большинство охотно жертвовало своею мнимою свободою, точно такъ, какъ и теперь въ Англіи весьма многіе, въ ущербъ своей свободѣ, пользуются вспоможеніями изъ кассы для бѣдныхъ или поступаютъ въ рабочіе дома. Эти колоны представляютъ собою первые начатки крѣпостнаго состоянія, развившагося во всей полнотѣ въ средніе вѣка.

Вмѣстѣ съ реформами въ администраціи, при Константинѣ произошла и

коренная перемѣна въ придворной жизни и распредѣленіи государственныхъ должностей, сообразномъ новому направленію, обнаружившемуся въ римскомъ мірѣ со времени Діоклетіана. Государство получило совершенно восточный характеръ; нѣкоторые изъ ближайшихъ преемниковъ Константина оффиціально говорили, что іерархическая постепенность въ раздачѣ чиновъ составляетъ необходимость въ государствѣ, и что нѣтъ ничего вреднѣе того порядка вещей, когда одинъ гражданинъ изъявляетъ притязанія на чинъ другаго, или когда членъ общества можетъ имѣть въ немъ какое-нибудь значеніе, не имѣя диплома о своихъ заслугахъ. Константинъ учредилъ множество придворныхъ должностей, находившихся въ строгой взаимной подчиненности, и установилъ настоящую табель о рангахъ, принимавшуюся въ разсчетъ при раздачѣ должностей, хотя вскорѣ, при производствѣ въ чины, перестали обращать вниманіе на то, занимаетъ ли извѣстное лицо какую-нибудь извѣстную, должность или даже оказало ли оно какую-нибудь заслугу государству. Первыми лицами въ государствѣ послѣ императора и Цезаря были такъ называемые nobilissimi, то есть принцы крови и лица, пожалованныя этимъ саномъ. За этимъ классомъ слѣдовало учрежденное еще при Діоклетіанѣ придворное званіе патриціевъ, а за патриціями стояли консулы (званіе которыхъ сдѣлалось впрочемъ пустымъ титуломъ). Кромѣ этихъ высшихъ чиновъ, были еще такъ называемые свѣтлѣйшіе (illustres), почтеннѣйшіе (spectabiles), знатнѣйшіе (clarissimi) и т. д.

Константинъ совершенно измѣнилъ организацію войска, и это также объясняется его страстью къ реформамъ и улучшеніямъ и желаніемъ разнообразить и умножать должности, соединяя западные элементы съ восточными. Послѣ побѣды надъ Максенціемъ, онъ уничтожилъ существовавшій въ продолженіе трехъ столѣтій отрядъ преторіанцевъ. Впрочемъ Константинъ оставилъ должности двухъ главныхъ начальниковъ этого отряда, до тѣхъ поръ имѣвшихъ въ рукахъ, кромѣ команды надъ войскомъ, наблюденіе за судопроизводствомъ, но отнялъ у нихъ военную власть, сдѣлавъ ихъ обыкновенными гражданскими намѣстниками префектуръ. Начальство надъ войскомъ Константинъ поручилъ особеннымъ полководцамъ, лишеннымъ всякаго участія въ гражданскомъ управленіи, и размѣстилъ по городамъ войска, помѣщавшіяся до тѣхъ поръ въ крѣпостяхъ, укрѣпленныхъ лагеряхъ и особенныхъ постоянныхъ квартирахъ. Поселившись въ домахъ гражданъ, солдаты сами изнѣжились и, что еще важнѣе, стали притѣснять гражданъ, такъ что многіе изъ нихъ принуждены были убѣгать въ непріятельскія земли, чтобы избавиться отъ обременительныхъ налоговъ и притѣсненій солдатъ. Между различными родами войскъ была также введена подчиненность, а издержки на содержаніе ихъ страшно увеличились. Во время республики, солдаты, кромѣ жалованья, получали только ячмень и пшеницу; при Августѣ имъ стали давать хлѣбъ и мясо, а со временъ Кара они начали получать овощи и вино. Во времена Константина, большинство войска состояло изъ варваровъ, полководцы зависѣли отъ солдатъ, а правительство тѣмъ болѣе заботилось о послѣднихъ, чѣмъ болѣе опасалось ихъ. Всѣ издержки на войско покрывались гражданами и крестьянами, о которыхъ никто не заботился. Участь низшихъ классовъ была тѣмъ печальнѣе, что на правительствѣ лежала другая, еще болѣе тяжкая обязанность заботиться о столичной черни; рабочіе классы должны были поддерживать разныя заведенія для бѣдныхъ, производить раздачу съѣстныхъ припасовъ, устроивать общественныя игры и, кромѣ того, содержать цѣлыя толпы чиновниковъ и придворныхъ. Если принять во вниманіе всеобщую расточительность, то легко будетъ понять причину упадка государства и его совершенной гибели чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ Константина, не прибѣгая для объясненія этого явленія къ разсужденіямъ о физическомъ и нравственномъ превосходствѣ погранічныхъ варваровъ.

Не задолго до своей смерти, Константинъ былъ вовлеченъ въ войну съ германскими и сарматскими народами на Дунаѣ. Эта война ничѣмъ не отличается отъ постоянныхъ оборонительныхъ войнъ римлянъ на сѣверныхъ границахъ имперіи. О ней не стоило бы упоминать, если бы Константинъ во время ея не пустилъ въ имперію цѣлыя орды варваровъ; не менѣе трехъ сотъ тысячъ вандаловъ и сарматовъ были поселены имъ въ римскихъ провинціяхъ или присоединены къ войску. За два года до смерти, Константинъ сдѣлалъ распоряженіе о престолонаслѣдіи. Государство должны были раздѣлить между собою три его

сына, Константинъ, Констанцій и Константъ, и два племянника—Далмацій и Аннибаліанъ. Старшему сыну Константину была предоставлена Галлія, Испанія и Британнія, Констанцій получилъ Египетъ и большую часть Азіи, а Константъ-Италію и Африку; Далмацій, съ титуломъ Цезаря, долженъ былъ управлять Ѳракіею, Македоніею, Иллиріею и Греціею; а Аннибаліанъ былъ назначенъ царемъ Понта и окрестныхъ странъ. Константинъ Великій умеръ въ Никомедіи, и уже будучи на смертномъ одрѣ, принялъ крещеніе, которое откладывалъ до послѣдней минуты.

2. Христіанство, какъ господствующая религія въ римской имперіи. 3. Преемники Константина Великаго до Валента.

Распоряженія Константина Великаго, относительно престолонаслѣдія, немедленно по его смерти были нарушены насильственнымъ образомъ. Второй изъ сыновей Константина, Констанцій, прежде другихъ явился въ новой столицѣ государства и умертвилъ двухъ своихъ двоюродныхъ братьевъ и соправителей, двухъ дядей съ отцовской стороны и пятерыхъ другихъ родственниковъ и ближайшихъ друзей отца. Изъ всего семейства Константина и его братьевъ остались въ живыхъ, кромѣ трехъ находившихся на престолѣ имераторовъ, только Галлъ и Юліанъ. Новое правительство заявило себя дѣйствіями чисто въ персидскомъ или турецкомъ духѣ. Такъ какъ два другіе сына Константина вскорѣ по смерти отца были признаны войсками за Августовъ, или неограниченныхъ правителей, то Констанцій послѣ своихъ ненужныхъ жестокостей въ Константинополѣ былъ вынужденъ приступить къ раздѣлу государства. Онъ получилъ во владѣніе Востокъ, и кромѣ того еще Константинополь съ частью Ѳракіи; Константину отдана была сѣверная часть Запада, а Константу—южная. Констанцій въ самомъ началѣ своего царствованія долженъ былъ вести войну съ персами; Константинъ же и Константъ поссорились между собою за границы своихъ владѣній, и между ними вспыхнула война; но Константинъ, въ самомъ началѣ ея, попалъ въ засаду и былъ убитъ (340). Войска его перешли къ Константу, который послѣ этого овладѣлъ всѣмъ Западомъ, не обращая никакого вниманія на Констанція.

Сдѣлавшись неограниченнымъ властителемъ, Константъ совершенно предался своимъ необузданнымъ страстямъ. Онъ утопалъ въ наслажденіяхъ, слѣдовалъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ внушеніямъ минутнаго каприза, совершалъ всевозможныя жестокости и насилія, и равнодушно смотрѣлъ на то, что любимцы его съ безразсуднымъ произволомъ управляли государствомъ. Константъ потерялъ вскорѣ расположеніе своихъ подданныхъ, оскорбилъ войска своею безразсудною скупостью и строгостью, и такимъ образомъ самъ сдѣлался причиною своей гибели. Магненцій, франкъ, родившійся въ Галліи и бывшій начальникомъ императорскихъ тѣлохранителей, которые со временъ Діоклетіана назывались іовіанцами и геркуліанцами, расположивъ въ свою пользу этихъ тѣлохранителей и часть другихъ войскъ, напалъ съ ними (въ январѣ 350 г.) на императора. Константъ обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ и умерщвленъ легкою конницею Магненція. Весьма замѣчательно для характеристики состоянія и будущей судьбы римскаго государства, что Константъ былъ свергнутъ съ престола франкомъ, умерщвленъ во время бѣгства тоже франкомъ и что наконецъ единственный слуга, до самой послѣдней минуты остававшійся ему вѣрнымъ, принадлежалъ къ той же націи. Магненцій былъ признанъ въ Италіи, Испаніи, Британніи и Африкѣ. Иллирійскіе же легіоны провозгласили императоромъ стараго полководца Ветраніона, и Магненцій не счелъ нужнымъ нападать на новаго претендента.

Война, которую велъ въ это время на дальнемъ Востокѣ Констанцій, была одинаково гибельна какъ для персовъ, такъ и для римлянъ. Обѣ стороны попеременно терпѣли пораженія и опустошали страну, не извлекая изъ этого никакой существенной для себя выгоды. Впрочемъ, къ чести Констанція надобно сказать, что онъ заимствовалъ у непріятеля нѣкоторыя превосходныя военныя учрежденія

и выстроилъ новую крѣпость для защиты границъ отъ персовъ. Какъ скоро Констанцію представилась возможность оставить театръ войны, не подвергая опасности границъ имперіи, онъ выступилъ (350) съ частью войска противъ Магненція, успѣвшаго между тѣмъ утвердиться на Западѣ. Съ твердостью, какой трудно было ожидать отъ Констанція, онъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ убійцею своего брата и призналъ своимъ соправителемъ Ветраніона. Слабый и старый Ветраніонъ вскорѣ опять перешелъ на сторону Магненція, но также скоро отказался отъ союза съ нимъ, обольщенный тѣмъ, что Констанцій вторично призналъ его въ санѣ соправителя. Переманивъ на свою сторону часть войска Ветраніона, Констанцій принудилъ его отречься отъ престола. Впрочемъ, Ветраніонъ не испытывалъ послѣ того никакихъ особенныхъ непріятностей; онъ возвратился въ Малую Азію и провелъ тамъ остатокъ своей жизни въ мирномъ спокойствіи, вдалекѣ отъ бурь, которыя тревожили Констанція даже среди счастья и славы. Послѣ низложенія Ветраніона, императоръ двинулся въ Панноніо, рѣшившись ожидать тамъ другаго, болѣе сильнаго соперника. Оба императора, начавъ междоусобную войну, оставили въ тылу своемъ страшныхъ враговъ. Восточныя границы имперіи терпѣли опустошенія отъ персовъ, а съ другой стороны самъ Констанцій побудилъ союзъ алеманновъ напасть на провинцію Галлію, оставленную Магненціемъ почти безъ войска, и тѣмъ причинилъ громадный вредъ государству: алеманны утвердились въ Галліи, и только впослѣдствіи, послѣ упорной и продолжительной войны, были изгнаны оттуда.

Война между Магненціемъ и Констанціемъ затянулась надолго. Констанцій видѣлъ, что можетъ одержать верхъ надъ войскомъ противника, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ римской и германской пѣхоты, только въ томъ случаѣ, когда сраженіе дано будетъ на равнинѣ, иначе его тяжелая и вооруженная по персидски конница не принесла бы ему ни малѣйшей пользы. Съ этою цѣлью Констанцій постоянно отступалъ предъ непріятелемъ, пока наконецъ недалеко отъ Дуная и Савы при городѣ М у р с ѣ, нынѣшнемъ Эссекѣ, въ Славоніи, не произошла рѣшительная битва (352), сдѣлавшаяся для имперіи гибельнѣе, чѣмъ самыя страшныя войны съ внѣшними врагами. Здѣсь сразились между собою лучшія войска Запада и Востока имперіи; обѣ стороны дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ и потери ихъ были чрезвычайно велики. Констанцій одержалъ наконецъ верхъ, но нѣсколько мѣсяцевъ не рѣшался преслѣдовать своего побѣжденнаго соперника до самой Италіи. Когда онъ двинулся туда, Магненцій увидѣлъ все значеніе пораженія, испытаннаго имъ при Мурсѣ. Цѣлые легіоны отказывались служить ему, и онъ былъ вынужденъ возвратиться въ Галлію, гдѣ еще разъ былъ разбитъ на голову на берегахъ Дюрансы. Замѣтивъ, что солдаты хотятъ выдать его непріятелю, Магненцій поспѣшилъ предупредить ихъ и самъ лишилъ себя жизни, приказавъ передъ тѣмъ умертвить свое семейство и многихъ изъ своихъ приверженцевъ (353). Констанцій могъ бы безъ вреда для себя и имперіи пощадить своихъ враговъ, но не сдѣлалъ этого и приказалъ казнить всѣхъ друзей и слугъ Магненція.

Послѣ своей побѣды Констанцій остался единодержавнымъ властителемъ римскаго государства. Его внутренняя политика была бы хороша, если бы только онъ не подчинялся вліянію аріанъ и ихъ покровителей при дворѣ. При немъ аріанское духовенство не замедлило воспользоваться своимъ вліяніемъ на свѣтскую власть для покровительства своимъ приверженцамъ и преслѣдованія православныхъ. Между тѣмъ какъ аріанскіе духовные и лица, обладавшія особеннымъ довѣріемъ императора, злоупотребляли властью, пользуясь ею для своихъ корыстныхъ цѣлей, государство оставалось безъ защиты на Востокѣ отъ персовъ, и на Западѣ отъ германцевъ. Въ такихъ обстоятельствахъ совершенно неожиданно пріобрѣли политическое значеніе два еще остававшіеся въ живыхъ родственника императора. Оба они были воспитаны вдали отъ двора по новой методѣ; но воспитаніе ихъ имѣло совершенно различные результаты: старшій, Галлъ, поддавшись вліянію мрачнаго міросозерцанія, сдѣлался мрачнымъ тираномъ, а младшій, Юліанъ, принужденный подавлять всегда свои сомнѣнія, сталъ самостоятельнымъ, рѣшительнымъ и насмѣшливымъ; первый сдѣлался безчувственнымъ и безнравственнымъ фанатикомъ, а послѣдній — невѣрующимъ. Констанцій, выступивъ противъ Магненція, обручилъ Галла съ своею властолюбивою и жестокою сестрою К о н с т а н т и н о ю, возвысилъ его въ званіе Цезаря и ввѣрилъ ему

управленіе Востокомъ имперіи. Поселившись въ Антіохіи, Галлъ сталъ самовластно и жестоко управлять оттуда провинціями, и въ скоромъ времени возбудилъ противъ себя подозрѣнія императора, или, лучше сказать, его министровъ и любимцевъ, возненавидѣвшихъ Галла за умерщвленіе нѣкоторыхъ подосланныхъ къ нему придворныхъ. Окруженный шпіонами и доносчиками, Галлъ, по смерти Константины, подъ личиною притворной дружбы, былъ призванъ ко двору, и тамъ лишенъ жизни по секретному приказанію, которое враги его вынудили у императора, воспользовавшись его минутною слабостью (354). Таже участь постигла бы и брата Галла, Юліана, если бы въ его судьбѣ не приняла участія императрица Евсевія. Она просила за него у императора и наконецъ успѣла настоять на томъ, что Юліану позволено было отправиться въ Аѳины доканчивать свое воспитаніе. Юліанъ еще болѣе развилъ тамъ свои превосходныя природныя дарованія, и подъ вліяніемъ языческихъ софистовъ и риторовъ воспиталъ уже давно закравшуюся въ его сердце ненависть къ христіанству. Онъ уже тогда рѣшился возстановить древнюю языческую религію и лежавшую въ ея основаніи поэзію, но до времени долженъ былъ искусно скрывать свои мысли и намѣренія. Юліанъ не пробылъ и года въ Аѳинахъ. Констанцій, по настоянію императрицы, не смотря на происки придворныхъ, вызвалъ Юліана ко двору, потому что среди опасностей, которыя грозили имперіи со стороны Галліи и Персіи, чувствовалъ себя не въ силахъ успѣшно заниматься государственными дѣлами. Юліанъ былъ провозглашенъ цезаремъ, обрученъ съ сестрою императора и назначенъ правителемъ Запада (355). Самъ Констанцій отправился въ Азію противъ персовъ, но передъ походомъ совершилъ съ своимъ войскомъ тріумфальный въѣздъ въ Римъ. Изъ сохранившагося описанія этого въѣзда можно видѣть, до чего дошла введенная Діоклетіаномъ восточная пышность императорскаго двора. Во время въѣзда, на который императоръ не щадилъ издержекъ, желая сдѣлать его какъ можно торжественнѣе, самъ онъ сидѣлъ на золотой колесницѣ, украшенной драгоцѣнными камнями, и при этомъ былъ такъ вѣренъ придворному этикету,—предписанія котораго онъ вообще считалъ закономъ,—что во все время въѣзда ни разу не пошевелилъ ни рукою, ни головою, и, какъ говорится въ описаніи, совершенно уподоблялся статуѣ.

При Юліанѣ слава римскаго имени въ послѣдній разъ поразила собою пограничные народы Запада и дальняго Востока, и потому мы должны бросить взглядъ на отношенія этихъ народовъ къ имперіи. Повидимому, для римлянъ всего опаснѣе были персы, но на самомъ дѣлѣ набѣги персовъ вредили ей гораздо менѣе, чѣмъ вторженія германскихъ и сарматскихъ народовъ. Царство персидское представляло собою деспотическую и уже дряхлѣвшую державу, и потому страдало тѣмъ же самымъ недугомъ, какъ и римская имперія. Учрежденія и нравы персовъ были менѣе всего способны развить въ ихъ государяхъ страсть къ завоеваніямъ. Наконецъ сами персы были не прочь селиться въ римскихъ провинціяхъ, и при случаѣ даже служить въ императорскомъ войскѣ. На Западѣ было иначе. Въ это время германскіе народы уже утратили многія особенности своего первобытнаго состоянія. Эти племена, занимавшіяся прежде охотою и войною, усвоили себѣ римскіе нравы и удовольствія, привыкли къ разбоямъ, и подъ начальствомъ своихъ вождей жадно бросались на всякую богатую добычу. Возвращаясь на родину, они уводили съ собою въ плѣнъ тысячи земледѣльцевъ и ремесленниковъ и заставляли ихъ работать на себя. Вслѣдствіе того Германія получила совершенно новый видъ: правый берегъ Рейна до Швабіи и Вестфаліи былъ обработанъ лучше, чѣмъ Галлія, опустошенная германскими ордами и добровольно оставленная многими изъ своихъ жителей.

Прибывъ въ Галлію, Юліанъ изъ кабинетнаго ученаго вдругъ сдѣлался отличнымъ полководцемъ и администраторомъ. Онъ вообще велъ себя скромно, хотя втайнѣ и поклонялся языческимъ идоламъ вмѣсто истиннаго христіанскаго бога. Онъ дѣлилъ свое время между военными занятіями, правительственными заботами и наукою. Въ войнѣ съ варварами ему нужна была не столько тактическая опытность и искусство, сколько терпѣнье и умѣнье переносить лишенія. Счастье ему благопріятствовало. Дружескимъ обращеніемъ, мужествомъ и участіемъ во всѣхъ трудностяхъ походовъ онъ расположилъ къ себѣ солдатъ, а благоразумнымъ управленіемъ пріобрѣлъ себѣ любовь галловъ. Устрашивъ нѣсколькими походами германцевъ, проникшихъ уже въ Галлію, онъ въ 357 году обра-

тился противъ алеманнскихъ племенъ, обитавшихъ по Рейну до самаго Майна, и не задолго до того соединившихся въ одно цѣлое подъ властью могущественнаго князя Хнодомара. Хнодомаръ, со временъ Магненція безнаказанно разбойничавшій въ Галліи, былъ не мало удивленъ, увидѣвъ въ Юліанѣ противника, который велъ войну совершенно иначе, чѣмъ прежніе римскіе полководцы. Не смотря на то, что одинъ изъ полководцевъ Юліана по зависти и упрямству отказалъ ему въ обѣщанномъ подкрѣпленіи, Юліанъ все-таки одержалъ надъ варварами при Страсбургѣ самую блестящую побѣду изъ всѣхъ, какія только были одержаны надъ ними въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Самъ Хнодомаръ былъ взятъ въ плѣнъ, а другіе вожди алеманновъ разсѣяны; Юліанъ проникъ за Рейнъ, возстановилъ прежнія римскія укрѣпленія на Таунусѣ и принудилъ алеманновъ просить перемирія. Послѣ того Юліанъ обратился противъ союза франковъ, пользовавшихся такимъ же могуществомъ на нижнемъ Рейнѣ, какъ алеманны на верхнемъ. Видя невозможность изгнать франковъ изъ мѣста ихъ жительства, Юліанъ постарался дружескимъ обращеніемъ съ ними защитить сосѣднюю провинцію отъ ихъ нападеній, но предварительно показалъ имъ, что поступаетъ такъ вовсе не изъ слабости или трусости. Онъ добровольно уступилъ франкамъ полосу земли, приносившую имперіи больше вреда, нежели пользы, и принялъ значительное число этихъ варваровъ въ римское подданство. Между тѣмъ онъ не упускалъ изъ виду аллеманновъ, союзъ которыхъ въ то время имѣлъ болѣе силъ, чѣмъ конфедерація различныхъ племенъ, носившихъ общее имя франковъ. Не проходило ни одного года, чтобы Юліанъ не совершилъ нападеній на алеманновъ въ ихъ собственной землѣ. Правда, завоеванія его не имѣли никакого значенія, и пункты, которые ему удалось занять, были покинуты въ послѣдующія за тѣмъ безпокойныя времена; но все-таки онъ заставилъ народы, жившіе по правую сторону Рейна, возвратить всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ римлянъ.

Въ то время какъ Юліанъ пріобрѣталъ себѣ общее уваженіе своими войнами съ германцами и превосходнымъ управленіемъ Галліею, придворные Констанція старались воспользоваться подозрительностью и завистью императора, чтобы погубить Юліана. Это удалось имъ. Императоръ находился тогда въ дунайскихъ провинціяхъ, опустошаемыхъ квадами, сарматами и лимигантами, разбойничьимъ племенемъ, образовавшимся изъ сарматскихъ невольниковъ. Констанцій усмирилъ лимигантовъ и принудилъ квадовъ и сарматовъ къ миру; но они ждали только отъѣзда императора, и тотчасъ по удаленіи римскихъ войскъ снова вторглись въ провинцію. Между тѣмъ Констанцій долженъ былъ спѣшить къ восточнымъ границамъ государства, потому что провинціямъ этой части имперіи грозила опасность со стороны персовъ, возобновившихъ свои нападенія. На пути онъ получилъ извѣстіе, что Юліанъ отказался повиноваться ему (360). Юліанъ уже давно имѣлъ причины опасаться судьбы своего брата Галла, но въ то же время надѣялся на близкое родство свое съ Констанціемъ. Императорскіе льстецы и совѣтники, въ которыхъ Юліанъ уже давно возбудилъ подозрѣнія, всѣми мѣрами старались погубить его. Наконецъ персидская война представила имъ удобный случай привесть въ исполненіе свои намѣренія. Они убѣдили императора вытребовать къ себѣ на Востокъ лучшую часть галльскаго войска, разсчитывая лишить такимъ образомъ Юліана большинства войска и вмѣстѣ съ тѣмъ возможности поддержать свою военную славу. Юліанъ, повидимому, послушался приказанія, и даже, когда между войсками вспыхнулъ бунтъ, возвратилъ ихъ къ повиновенію, но на самомъ дѣлѣ, кажется, онъ самъ возбудилъ втайнѣ это возстаніе. Войска должны были проститься съ Юліаномъ въ Парижѣ, но здѣсь они снова возмутились и провозгласили его императоромъ. Сначала Юліанъ отказывался исполнить требованіе войска. Цѣлую ночь солдаты стояли вокругъ дворца, желая видѣть Юліана; но онъ явился не раньше девяти часовъ слѣдующаго дня. Солдаты подняли его на щитъ, пронесли по городскимъ улицамъ и привѣтствовали, какъ императора. Вскорѣ примѣру ихъ послѣдовали и другіе галльскіе легіоны. Юліанъ погибъ бы, если бы отказался отъ предлагаемаго сана. Констанцій и его придворные навѣрное отмстили бы ему за возмущеніе войска. Поэтому онъ твердо рѣшился идти по избранному имъ пути, и тотчасъ же принялъ необходимыя мѣры, чтобы упрочить за собою престолъ. Онъ торжественно обѣщалъ войску исполнять всѣ обязанности хорошаго правителя и сдѣлалъ ему

подарки; но не смотря на то, въ самомъ началѣ правленія отказалъ многимъ требованіямъ солдатъ, не желая показать, что обязанъ имъ своимъ возвышеніемъ. Умѣренность и справедливость, выказанныя Юліаномъ при восшествіи на престолъ, остались на всю жизнь лучшими чертами его характера: онъ никого не преслѣдовалъ за приверженность къ Констанцію, и не совершилъ ни одного насилія, столь обыкновеннаго въ подобныхъ случаяхъ.

Юліанъ послалъ императору собственноручное донесеніе о всемъ случившемся, съ предложеніемъ войти съ нимъ въ переговоры. Если бы онъ имѣлъ дѣло съ однимъ бездѣтнымъ Констанціемъ, то, очевидно, все уладилось бы очень легко; но слабый Констанцій находился подъ вліяніемъ людей, боявшихся мщенія Юліана. Они убѣдили императора потребовать отъ своего противника безусловной покорности. Юліанъ, само собою разумѣется, не могъ исполнить этого требованія, не погубивъ себя и людей, рисковавшихъ для него жизнью. Чтобы рѣшить споръ, необходимо было прибѣгнуть къ оружію. Юліанъ приготовилъ свое войско и объявилъ войну Констанцію, въ то время находившемуся въ походѣ противъ персовъ. Получивъ извѣстіе, что Юліанъ приближается уже къ границамъ Ѳракіи, Констанцій выступилъ противъ него со всѣмъ своимъ войскомъ, но на пути заболѣлъ и умеръ (361). Такъ какъ никто не имѣлъ законнаго права на престолъ, то Юліанъ тотчасъ же былъ единогласно признанъ императоромъ.

Первыя правительственныя распоряженія Юліана обнаруживаютъ въ немъ человѣка скорѣе предубѣжденнаго и страстнаго, чѣмъ благоразумнаго. Вмѣсто того, чтобы объявить амнистію, онъ подвергнулъ жестокимъ преслѣдованіямъ всѣхъ враговъ своего брата Галла и своихъ собственныхъ. Еще необдуманнѣе былъ образъ его дѣйствій въ отношеніи религіи. Втайнѣ онъ уже давно обратился къ язычеству; но, сдѣлавшись императоромъ, открыто отрекся отъ христіанства, и хотѣлъ возстановить древнюю языческую религію. Этотъ рѣшительный поступокъ, за который онъ получилъ прозваніе «Отступника», былъ совершенно противенъ духу времени, болѣе благопріятнаго христіанству, чѣмъ язычеству. Посредствомъ символическихъ обрядовъ Юліанъ думалъ вдохнуть новую жизнь въ умиравшую греко-римскую религію, понимаемую имъ въ духѣ неоплатонниковъ. Но только книжный ученый, незнакомый съ дѣйствительною жизнью, въ состояніи вообразить, что призраки поэзіи, философіи и суевѣрія могутъ замѣнить религію. Юліанъ питалъ въ своемъ сердцѣ антипатію къ духовенству. Но удаливъ его отъ себя, онъ выдвинулъ на сцену жалкихъ софистовъ, пустыхъ болтуновъ и мистиковъ, которые толковали языческую миѳологію по своему и ни въ какомъ случаѣ не были лучше аріанскихъ льстецовъ, пользовавшихся расположеніемъ Констанція. Даже старанія Юліана ввести между язычниками благотворительныя заведенія и іерархическія учрежденія, придававшія такое важное значеніе христіанскому духовенству, — остались безплодными, потому что прежняя языческая религія уже совершенно потеряла свою внѣшнюю форму и внутреннюю связь. Изъ всѣхъ мѣръ, которыя предпринималъ Юліанъ противъ христіанства, самыми жестокими, безъ сомнѣнія, были: введеніе имъ полной вѣротерпимости и запрещеніе христіанамъ учиться классической литературѣ. Но и эти мѣры не имѣли желаннаго успѣха. Хотя по декрету о вѣротерпимости возвратились въ свои города и епархіи всѣ изгнанныя духовныя лица, православные и аріане, и такимъ образомъ возобновились между ними споры, но спорящіе держались въ извѣстныхъ границахъ, потому что боялись императора. Устраненіе христіанъ отъ изученія классической литературы соотвѣтствовало бы болѣе идеямъ императора, если бы могло быть выполнено на самомъ дѣлѣ. Но было ли это возможно при своекорыстіи риторовъ и софистовъ! Кто изъ нихъ согласился бы пожертвовать репутаціею и выгодами своихъ школъ для интересовъ императора и религіи! Словомъ, намѣреніе Юліана возстановить поэтическое ученіе и забытыя церемоніи прежде господствовавшей религіи (языческой) было безразсудно. Школьные ученые, жрецы языческихъ мистерій и туманные философы неоплатонической школы, были единственными лицами, на которыхъ могъ разсчитывать Юліанъ; но пустая, жалкая система ихъ падала въ прахъ предъ христіанскимъ ученіемъ о любви и милосердіи и предъ строгою нравственностью, сохранявшеюся между христіанами.

Столь же неудачна была и попытка Юліана ввести при дворѣ древнюю простоту. Востокъ любитъ, чтобы его правителя окружалъ блескъ, и тотъ, кто хо-

четъ властвовать надъ чернью, долженъ подчиняться ея предразсудкамъ. Притомъ, во времена Юліана уже совершенно исчезъ духъ старины, нравы которой онъ хотѣлъ возстановить. Уничтоживъ блестящую свиту Констанція и разогнавъ цѣлыя толпы поваровъ, парикмахеровъ, церемоніймейстеровъ и прочихъ прислужниковъ императора, Юліанъ, конечно, поступилъ очень хорошо. Но ему не нужно было впадать въ крайности, подвергая въ нищету цѣлыя семейства и доводя до смѣшнаго свою простоту въ одеждѣ, пищѣ и образѣ жизни. Къ тому же, вмѣсто безчисленной придворной толпы, жившей при Констанціи на счетъ государства, Юліанъ окружилъ себя множествомъ людей другаго рода, едва ли не болѣе вредныхъ, чѣмъ прежніе. Какъ скоро сдѣлалась извѣстна любовь Юліана къ риторикѣ, софистикѣ, мистицизму и язычеству, ко двору его явилось безчисленное множество мистиковъ, фигляровъ, обманщиковъ, остряковъ и болтуновъ. Императоръ часто забывалъ въ этомъ обществѣ обязанности своего сана, хотя никто изъ окружавшихъ, за исключеніемъ впрочемъ двухъ лицъ, не имѣлъ вліянія на государственныя дѣла. Юліанъ, подобно Фридриху Великому, находилъ болѣе удовольствія въ обществѣ вольнодумныхъ остряковъ, чѣмъ мрачныхъ и чувствительныхъ ханжей. Но въ то же время онъ, какъ и Фридрихъ, умѣлъ отличать людей пріятныхъ въ дружескомъ обществѣ отъ полезныхъ практическихъ дѣятелей.

Въ первый же годъ своего царствованія Юліанъ отправился на Востокъ, чтобы пожать новые лавры въ войнѣ съ персами. Подобное намѣреніе, очевидно, было неблагоразумно въ правителѣ-реформаторѣ, который долженъ бы былъ заботиться прежде всего объ упроченіи своихъ преобразованій. Западъ имперіи требовалъ особеннаго вниманія правительства; но Юліанъ слишкомъ много полагался на свои воинскія способности и руководился только жаждою славы. Онъ могъ бы заключить съ персами выгодный миръ, но вмѣсто того бросилъ на землю письмо, заключавшее предлагаемыя ими условія мира, сказавъ, что дымящіяся развалины римскихъ городовъ требуютъ отмщенія. Какъ ни хороша была эта фраза въ устахъ Юліана, но примѣръ Траяна долженъ бы былъ удержать его отъ похода на другой берегъ Тигра. Юліанъ не обратилъ на это вниманія и весною 363 года двинулся противъ персовъ съ лучшими легіонами Востока и Запада. Къ несчастью, онъ не составилъ опредѣленнаго плана войны и не собралъ предварительныхъ свѣдѣній о непріятельскихъ силахъ и территоріи. Кромѣ того онъ слишкомъ довѣрялся изгнанному персидскому принцу Гормиздѣ, котораго онъ взялъ съ собою въ походъ, надѣясь при его помощи возбудить между персами внутренніе раздоры. Но Юліанъ не разсудилъ, что на Востокѣ патріотизмъ является какимъ-то животнымъ инстинктомъ, и что тамъ народъ, не разсуждая, привязывается къ деспоту, попирающему право и законъ, и съ отвращеніемъ смотритъ на всякаго, кто призываетъ чужеземцевъ для порабощенія своихъ соотечественниковъ. Преодолѣвая ужасныя трудности, римское войско дошло до Тигра, но ни одинъ полководецъ, ни одинъ городъ не отпалъ отъ персидскаго царя, а царь Арменіи, котораго Юліанъ ожидалъ на Тигрѣ, не прислалъ обѣщанной помощи. Проводники завели римское войско въ пустыни, гдѣ персы, не вступая въ открытую битву, совершенно окружили его. Наконецъ, когда положеніе войска сдѣлалось слишкомъ опаснымъ, и солдаты стали громко изъявлять свое неудовольствіе, Юліанъ рѣшился отправиться въ обратный путь. Императоръ во время всего похода обнаруживалъ необыкновенную твердость, стараясь воодушевить солдатъ своимъ собственнымъ примѣромъ. Онъ самъ входилъ во всѣ мелочи, шелъ большею частью пѣшкомъ, какъ простой солдатъ переносилъ всѣ трудности, и во всякой схваткѣ съ непріятелемъ былъ въ первыхъ рядахъ. Храбрость Юліана была совершенно неумѣстна, потому что все зависѣло отъ сохраненія его жизни. Дѣйствительно, въ одной ничтожной стычкѣ онъ былъ смертельно раненъ, и вскорѣ потомъ умеръ (363).

Юліанъ не назначилъ себѣ наслѣдника, и потому солдаты сами распорядились престоломъ, провозгласивъ императоромъ своего полководца Іовіана, исповѣдывавшаго христіанскую вѣру. Это самое служитъ доказательствомъ быстраго распространенія христіанства въ томъ самомъ войскѣ, которое не задолго предъ тѣмъ возвело на престолъ язычника Юліана. Главная ошибка Іовіана состояла въ томъ, что онъ поспѣшилъ заключить миръ съ персами, которые тотчасъ, по восшествіи его на престолъ, предложили ему мирныя условія. Императоръ согла-

сился; но различными дипломатическими уловками персы затягивали переговоры до тѣхъ поръ, пока въ римскомъ войскѣ не обнаружился недостатокъ въ продовольствіи. Іовіанъ могъ бы и тогда избѣгнуть унизительнаго и безславнаго мира, если бы отсрочилъ свое отступленіе еще на пятнадцать часовъ. Но онъ предпочелъ позорный миръ, какого не заключалъ еще ни одинъ полководецъ съ самаго основанія Рима. Границы имперіи были измѣнены: нѣсколько городовъ, отличавшихся мужественною обороною противъ персовъ, уступлены непріятелю; царь Арменіи выданъ персамъ, а въ римское войско были посланы персидскіе комиссары для наблюденія за точнымъ выполненіемъ каждаго условія. Іовіанъ, вступившій на престолъ въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, умеръ въ февралѣ 364 года, не успѣвъ даже доѣхать до Константинополя.

Выборъ новаго императора былъ опять предоставленъ войску. Полководцы, болѣе другихъ имѣвшіе вліяніе на солдатъ, рѣшились провозгласить императоромъ Валентиніана I, пользовавшагося репутаціей хорошаго военачальника, любимаго солдатами и нѣсколько знакомаго съ администраціею. Такъ какъ въ имперіи уже установилось мнѣніе, что одно лицо, въ такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, не въ состояніи управлять столь обширнымъ государствомъ, то само войско принудило Валентиніана избрать себѣ соправителя. Онъ согласился на это только убѣдившись, что не подастъ этимъ вида, что уступаетъ требованіямъ солдатъ. Къ несчастью, Валентиніанъ, при избраніи соправителя, предпочелъ другимъ, болѣе достойнымъ людямъ своего брата, Валента, не обладавшаго ни однимъ качествомъ хорошаго правителя. При раздѣлѣ имперіи, Валентиніанъ взялъ себѣ Западъ, уступивъ Востокъ брату. По энергіи и твердости, съ которою новый императоръ поддерживалъ право и законъ, и защищалъ имперію отъ внѣшнихъ враговъ, онъ можетъ быть отнесенъ къ числу лучшихъ правителей послѣдней эпохи римской имперіи. Впрочемъ, въ своихъ поступкахъ Валентиніанъ обнаружилъ возмутительную суровость и жестокость, которыя были совершенно противны римскимъ законамъ и учрежденіямъ, но за то какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали духу иностранцевъ, занимавшихъ тогда многія изъ высшихъ государственныхъ должностей. Валентъ же съ самаго начала показалъ всю свою неспособность. Онъ пренебрегалъ государственными дѣлами, отличался отвратительнымъ корыстолюбіемъ при сборѣ податей и замѣщалъ самыя важныя должности совершенно неспособными и недостойными людьми. Различіе характеровъ обоихъ императоровъ отразилось и на ихъ отношеніяхъ къ церкви и ея партіямъ. Валентъ по убѣжденіямъ своей жены перешелъ въ аріанство; Валентиніанъ же до конца своей жизни оставался вѣренъ православной церкви. Не смотря на суровость своего характера, онъ держался началъ совершенной терпимости въ отношеніи язычниковъ и аріанъ. Совершенно иначе дѣйствовалъ Валентъ. Находясь въ полной зависимости отъ окружавшаго его духовенства, онъ съ одинаковою жестокостью преслѣдовалъ язычниковъ и православныхъ. На язычниковъ, въ особенности же на философовъ и толкователей мистерій, Валентъ, согласно господствовавшему тогда мнѣнію, смотрѣлъ какъ на поклонниковъ дьявола, волшебниковъ и чернокнижниковъ, и часто издавалъ противъ нихъ и противъ православныхъ самыя жестокія распоряженія, съ буквальной точностью выполнявшіяся его слугами и солдатами.

Во время раздѣла имперіи между Валентиніаномъ и Валентомъ, положеніе ея относительно внѣшнихъ враговъ было въ высшей степени опасно. Галлію и Реціо опустошали алеманны, Панноніо—сарматы и квады, Ѳракію—готы; пикты, скотты, саксы, франки и фризы грабили Британнію; мавританскіе народы опустошали провинцію Африку; а на Востокѣ персидскій царь объявилъ договоръ, заключенный съ Іовіаномъ, уничтоженнымъ смертью послѣдняго, и выказывалъ намѣреніе завладѣть Арменіею. Валентиніанъ, въ продолженіе всего своего царствованія, долженъ былъ вести войны съ варварами. Самъ онъ отправился противъ алеманновъ,ославъ своихъ полководцевъ воевать съ варварами въ Британніи, съ франками, саксами и фризами на нижнемъ Рейнѣ и Сѣверномъ морѣ и съ квадами и сарматами на Дунаѣ. Дунайскія племена въ точности соблюдали условія мира до тѣхъ поръ, пока одинъ римскій намѣстникъ въ Панноніи не далъ имъ повода возобновить набѣги, вѣроломно убивъ одного изъ ихъ князей. Не смотря на все свое искусство, Валентиніанъ не могъ побѣдить алеманновъ. Онъ проникъ

въ ихъ землю, построилъ новыя крѣпости и укрѣпленія, прибѣгнулъ къ убійствамъ и измѣнѣ, направилъ противъ алеманновъ бургундовъ, союзныхъ римлянъ и болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ другіе варвары; но всѣ эти мѣры были безуспѣшны. Независимая нація осталась непокоренною и послѣ каждаго пораженія варвары снова возстановляли свои силы, присоединяя къ себѣ другія племена. Между тѣмъ полководецъ Валентиніана, Ѳеодосій Старшій, отецъ императора того же имени, пріобрѣлъ себѣ въ Британніи такую же славу, какъ за триста лѣтъ передъ тѣмъ Агрикола. Очистивъ весь островъ отъ хищниковъ, Ѳеодосій возстановилъ тамъ римское владычество и ввелъ превосходную систему управленія. Также блистательно окончилъ онъ войну въ Африкѣ, куда послалъ его Валентиніанъ. Прежніе римскіе намѣстники, надѣясь на свои связи при дворѣ и на отдаленность провинціи отъ правительственнаго центра, производили неслыханныя притѣсненія и жестоко преслѣдовали партію донатистовъ. Этимъ воспользовался мавританскій владѣтель Фирмъ, и съ помощью сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, донатистовъ и другихъ недовольныхъ завладѣлъ большою частью страны. Ѳеодосій подавилъ возмущеніе и возстановилъ спокойствіе во всей провинціи; но вскорѣ, по какой-то неизвѣстной намъ интригѣ, окончилъ жизнь самымъ жалкимъ образомъ. Прибывъ въ Африку, Ѳеодосій взялъ подъ стражу прежняго намѣстника провинціи Романа, притѣсненія котораго были главною причиною возстанія; но правительство оставило Романа безнаказаннымъ; а Ѳеодосій, спаситель отечества и единственный человѣкъ, могшій сладить съ тогдашними обстоятельствами, былъ впутанъ въ процессъ, приговоренъ къ смерти и казненъ въ Карѳагенѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Валентиніанъ обратился противъ квадовъ и навелъ такой ужасъ на враговъ, что они послали къ нему посольство, чтобы оправдаться предъ нимъ. Императоръ съ гордостью отвергъ это посольство, перешелъ за Дунай и съ безразсудною жестокостью опустошилъ непріятельскую страну. Когда квады вторично прислали къ нему пословъ, Валентиніанъ осыпалъ ихъ страшными ругательствами, и такъ разсердился, что у него лопнулъ въ груди одинъ изъ кровеносныхъ сосудовъ. Черезъ нѣсколько минутъ императоръ умеръ (375). Гнѣвъ, суровость и деспотизмъ были какъ бы врожденными качествами Валентиніана и обнаруживались во всѣхъ его распоряженіяхъ по внутреннему управленію имперіею. Въ гражданскихъ дѣлахъ онъ поступалъ съ такою же безпощадною строгостью, какъ и на войнѣ, и ввелъ у себя восточныя формы суда; а это было тѣмъ печальнѣе, что намѣренія Валентиніана были благородны, и его ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести къ числу дурныхъ правителей, хотя и разсказываютъ, что онъ всегда держалъ близъ себя двухъ медвѣдицъ, служившихъ ему для выполненія смертныхъ приговоровъ. Преемникомъ Валентиніана былъ семнадцатилѣтній сынъ его Граціанъ, еще прежде назначенный имъ въ соправители. Нѣкоторые придворные, поддерживаемые войскомъ, тотчасъ же принудили новаго императора назначить соправителемъ своего четырехлѣтняго брата Валентиніана II, надѣясь сами царствовать именемъ дитяти.

Обращаясь къ восточной половинѣ, мы увидимъ, что здѣсь въ царствованіе бездарнаго Валента въ первый разъ возникаютъ бѣдственныя отношенія, погубившія впослѣдствіи имперію. Этотъ недостойный правитель нѣсколько лѣтъ спорилъ за престолъ съ однимъ родственникомъ Юліана, присвоившимъ себѣ императорскій титулъ, и воспользовался побѣдою надъ нимъ единственно для удовлетворенія своему корыстолюбію и жестокости; послѣ всего этого онъ предпринялъ походъ противъ готскихъ племенъ, соединившихся тогда въ двѣ главныя массы. Одни изъ готовъ, извѣстные подъ именемъ тервинговъ или вестготовъ, жили на сѣверъ отъ нижняго Дуная подъ властью нѣсколькихъ князей, между которыми особеннымъ вліяніемъ пользовался Атанарихъ; другая отрасль этаго народа носила имя грутунговъ или остготовъ, и подъ властью своего короля Германриха, въ соединеніи съ нѣсколькими подвластными народами другаго происхожденія, образовала большое государство, простиравшееся до береговъ Дона. Часть готскихъ народовъ обратилась въ христіанство и приняла аріанское исповѣданіе. Вестготскій епископъ Ульфила, желая познакомить своихъ соотечественниковъ съ христіанскими священными книгами, изобрѣлъ особенныя буквы для звуковъ готскаго языка, отличныхъ отъ греческихъ и римскихъ, и перевелъ на готскій языкъ евангеліе. Остаткомъ перевода Ульфилы считается

одна древняя рукопись, находящаяся теперь въ Упсалѣ. Валентъ цѣлые три года велъ съ вестготами славную для него, но безполезную для государства войну. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ отправился на Востокъ, гдѣ персы уже покорили всю Арменію, а между тѣмъ возмущеніе персидскаго намѣстника представляло римлянамъ случай снова овладѣть ею. Валентъ попытался было воспользоватся этимъ случаемъ, и послалъ туда свое войско, оставшись самъ въ Антіохіи. Споръ за обладаніе страною, или скорѣе за право назначать царя Арменіи, продолжался нѣсколько лѣтъ, пока вторженіе новыхъ ордъ варваровъ не отозвало императора на берега Дуная.

4. Начало, такъ называемаго, переселенія народовъ.

Около времени смерти Валентиніана I, готовъ сталъ тѣснить новый, до тѣхъ поръ неизвѣстный, азіятскій народъ, произведшій въ Европѣ движеніе, извѣстное подъ именемъ переселенія народовъ. Этотъ народъ носилъ имя гунновъ и принадлежалъ къ монгольскому племени, о чемъ можно заключить изъ описанія ихъ наружности и нравовъ, оставленнаго намъ историками того времени. Гунны вели кочевую жизнь, никогда не занимались земледѣліемъ, не имѣли никакого общественнаго устройства и никакой взаимной связи. Отдѣльныя орды были подчинены особеннымъ вождямъ, соединявшимся только для какихъ-нибудь общихъ предпріятій, до тѣхъ поръ пока въ слѣдующемъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ, Аттила, не соединилъ подъ своей властью различныхъ ордъ, подчинивъ себѣ другихъ гуннскихъ предводителей. Всѣ гунны были всадниками, жили въ палаткахъ, и отличались хищничествомъ и дикою суровостью. Подобно монголамъ среднихъ вѣковъ и бедуинамъ нашего времени, они жаждали золота и серебра, хотя не знали употребленія богатствъ и зарывали въ землю добытыя сокровища. Для пріобрѣтенія этихъ сокровищъ, гунны наводняли страны цивилизованныхъ народовъ и распространялп повсюду ужасъ своимъ внѣшнимъ видомъ, дикостью, быстротою движеній и своими ужасными опустошеніями. Набѣги ихъ были страшнѣе набѣговъ всѣхъ другихъ народовъ того времени; гунны разрушали все изъ одной страсти къ разрушенію и, обращая своихъ плѣнниковъ въ рабство, заставляли ихъ терпѣть голодъ и другія мученія. Опустошительные походы гунновъ были тѣмъ ужаснѣе, что этотъ народъ былъ такъ же безстыденъ, какъ обезьяны, на которыхъ онъ походилъ своею внѣшностью, и потому въ особенности дурно обращался съ женщинами, которыхъ германскія племена щадили даже во время своихъ набѣговъ. Если принять во вниманіе всѣ эти извѣстія и сравнить ихъ со свѣдѣніями, сообщаемыми намъ новѣйшими путешественниками о народахъ внутренней Азіи, и разсказами лѣтописцевъ о средневѣковыхъ монголахъ и татарахъ, намъ легко будетъ вообразить себѣ ужасъ, произведенный въ Европѣ появленіемъ гунновъ. Гдѣ было первобытное жилище этихъ дикихъ ордъ и что побудило ихъ къ переселенію—неизвѣстно; сказанія древнихъ объ этомъ не болѣе какъ простыя легенды, замѣняющія у всѣхъ младенчествующихъ народовъ исторію и поддерживающія въ нихъ воинскій энтузіазмъ. Можно признать за вѣрное только то, что движенія кочевыхъ народовъ восточной Азіи, преимущественно по направленію къ Западу, начались въ одно время съ переселеніями скандинавскихъ и германскихъ племенъ. Эти движенія то прекращались на время, то снова начинались, смотря потому, встрѣчали ли переселявшіеся народы сопротивленіе въ попадавшихся имъ на пути племенахъ, или увлекали ихъ за собою.

При Валентѣ гунны покорили алановъ и другіе хищническіе народы Кавказа и, соединившись съ ними, двинулись на остготское королевство, находившееся тогда въ состояніи полнаго внутренняго разложенія. Германрихъ своею необыкновенною строгостью оскорбилъ двухъ предводителей племени роксолановъ, подвластнаго остготамъ, и въ отмщеніе за обиду, былъ смертельно раненъ оскорбленными. Другія племена, покоренныя остготами, также отказались повиноваться, а когда явились гунны и аланы, король, имѣвшій уже сто десять лѣтъ отъ роду, съ отчаянія самъ лишилъ себя жизни. Преемникъ его Витимеръ, нѣсколько времени противился дикимъ ордамъ гунновъ, но наконецъ былъ убитъ въ одной

несчастной битвѣ (375), и престолъ достался малолѣтнему сыну его, подъ опекою двухъ готскихъ полководцевъ, Алатея и Сафракса, служившихъ прежде въ римскомъ войскѣ. Чтобы избавиться отъ нападеній гунновъ, остготы съ подчиненными имъ народами удалились во внутренность страны. Тервинги, или вестготы также пришли въ ужасъ, и начали переселяться. Король ихъ, еще прежде оскорбившій императора Валента, и потому не разсчитывавшій на его защиту, удалился съ частью своего народа въ горы изгнанныхъ имъ сарматовъ. Прочіе вестготы, подъ предводительствомъ Алавифа и Фритигерна, отправились къ Дунаю и просили у Валента позволенія перейти эту пограничную рѣку римскаго государства и поселиться въ необитаемой полосѣ Болгаріи. Валентъ согласился на ихъ просьбу, потому что, какъ ревностный аріанинъ, покровительствовалъ вестготамъ, и кромѣ того надѣялся усилить храбрымъ народомъ свое ослабѣвшее войско. Къ несчастію, онъ далъ свое согласіе подъ слишкомъ тяжелыми условіями: готы должны были выдать все свое оружіе, оставить большую часть своихъ дѣтей въ видѣ заложниковъ въ малоазіятскихъ городахъ и покупать у римлянъ за дорогую цѣну съѣстные припасы. Въ особенности было пагубно для императора послѣднее условіе, потому что римскіе чиновники воспользовались имъ для своего обогащенія. Число перешедшихъ римскія границы готовъ простиралось до милліона, между которыми считалось двѣсти тысячъ человѣкъ способныхъ къ войнѣ. Многіе изъ нихъ сохранили при себѣ оружіе, подкупивъ корыстолюбивыхъ римскихъ чиновниковъ. Едва готы успѣли поселиться въ римской провинціи, какъ чиновники своими притѣсненіями довели ихъ до отчаянія. Готы, обязанные покупать дурные съѣстные припасы за дорогую цѣну, были вынуждены продавать своихъ рабовъ и даже дѣтей, чтобы не умереть съ голоду. Не въ силахъ будучи терпѣть долѣе несправедливости римскаго правительства, они возмутились и начали грабить страну. Около того же времени перешли Дунай Алатей и Сафраксъ и умножили своими толпами число варваровъ, опустошавшихъ Ѳракію.

Въ крайности, Валентъ обратился съ просьбою о помощи къ Граціану, обладателю Запада; но посланныя Граціаномъ войска были задержаны случайными обстоятельствами, и явились слишкомъ поздно. Готы, къ которымъ присоединились и варвары, поселенные на югъ отъ Дуная или взятые въ плѣнъ римлянами, наводнили всю Ѳракію и Македонію, разрушая всѣ незащищенныя мѣста, грабя и захватывая въ плѣнъ жителей. Уцѣлѣли только укрѣпленные города, потому что варвары были совершенно незнакомы съ осаднымъ искусствомъ. Римскія войска уже цѣлый годъ безъ всякаго успѣха воевали съ готами, когда наконецъ Валентъ съ частью восточныхъ легіоновъ двинулся изъ Азіи. Прибывъ въ Европу, онъ получилъ извѣстіе, что Граціанъ со всѣми своими войсками двинулся во Ѳракію, но все-таки онъ не рѣшился ожидать союзника, въ надеждѣ предупредить соединеніе готовъ, раздѣлившихся на три толпы. Это не удалось ему. Фритигернъ, своимъ предложеніемъ начать переговоры, задержалъ Валента до тѣхъ поръ, пока всѣ готы не соединились вмѣстѣ. Такимъ образомъ Валентъ самъ повредилъ себѣ своею безвременною поспѣшностью и необдуманною медленностью. 9 августа 378 года, при Адріанополѣ, произошла рѣшительная битва, исходъ которой былъ такъ гибеленъ для римскаго государства, что историки справедливо сравниваютъ его съ сраженіемъ при Каннахъ. Готы, полководцы, офицеры и солдаты которыхъ научились у римлянъ военному искусству, совершенно уничтожили римское войско, лучшіе воины и полководцы котораго были изъ германцевъ. Едва третья часть арміи спаслась отъ гибели; всѣ начальники и самъ императоръ лишились жизни. Страна до самаго Константинополя сдѣлалась жертвою варваровъ, и только одни укрѣпленные города были въ состояніи отразить ихъ нападенія.

5. Отъ смерти Валента до вторженія Аларіха въ Грецію.

Съ воцареніемъ Валента начинается совершенно иная эпоха. Востокъ мало-по-малу отдѣляется отъ Запада; въ немъ образуется государство, наполненное монастырями, монахами и учеными, но чуждое свободы, науки и искусства, и

среди постоянныхъ внутреннихъ безпокойствъ, въ продолженіе тысячи лѣтъ, влачитъ свое жалкое существованіе. На Западѣ же, имперія падаетъ подъ натискомъ суровыхъ народовъ, но за то въ ея провинціи проникаетъ новая жизнь и новыя силы, и на развалинахъ древне-римской державы возникаютъ новыя государства съ новою цивилизаціею. Поэтому мы обратимся теперь исключительно къ Западу и только мимоходомъ будемъ касаться исторіи восточно-римской, или византійской имперіи, снова пріобрѣвшей значеніе только въ средніе вѣка. Намъ нѣтъ надобности вдаваться въ подробности о духѣ, жизни и характерѣ общества въ послѣднее время западной имперіи; достаточно только замѣтить, что расточительность и безразсудная страсть къ наслажденіямъ людей какъ этого, такъ и слѣдующаго поколѣнія, оставались отличительными чертами жизни той эпохи, а постоянныя церковныя распри и безпрерывныя нападенія варварскихъ народовъ занимали собою все вниманіе правительства и частныхъ лицъ.

Молодой Граціанъ, принужденный раздѣлить управленіе съ своимъ малолѣтнимъ братомъ Валентиніаномъ II, былъ воспитанъ Авзоніемъ, первымъ поэтомъ и ораторомъ своего времени. Въ началѣ своего царствованія императоръ находился подъ вліяніемъ этого умнаго и благомыслящаго человѣка, и его управленіе было вообще хорошо; но потомъ онъ совершенно предался любви къ охотѣ, проводилъ время только со псарями и оскорблялъ войска своимъ покровительствомъ аланскимъ стрѣлкамъ и другимъ варварамъ, отличавшимся на охотѣ. Надобно впрочемъ сказать, что Граціанъ, не смотря на свою слабость, самъ являлся и дѣйствовалъ вездѣ, гдѣ только государству угрожала опасность. Не задолго до битвы при Адріанополѣ, онъ даже одержалъ надъ алеманнами блестящую побѣду при Кольмарѣ. Но главная услуга, оказанная имъ государству, состояла въ томъ, что онъ назначилъ своимъ соправителемъ и послалъ во Ѳракію противъ готовъ Ѳеодосія Великаго, сына знаменитаго полководца того же имени (379). Ѳеодосій оказался вполнѣ достойнымъ своего возвышенія. Онъ спасъ государство отъ готовъ такимъ же образомъ, какъ нѣкогда Фабій Кунктаторъ спасъ Италію отъ Аннибала (т. I. стр. 638). Подобно Фабію, избѣгая битвы въ открытомъ полѣ, Ѳеодосій пользовался всякою оплошностью непріятеля, возвратилъ войскамъ потерянную ими увѣренность въ себѣ, и защищалъ отъ варваровъ укрѣпленные города. Онъ успѣлъ переманить на свою сторону нѣкоторыхъ предводителей готскаго войска и привлечь тысячи готовъ въ римскую службу, а остальныхъ поселилъ на правомъ берегу Дуная. Но не ранѣе, какъ чрезъ семь лѣтъ, удалось ему совершенно усмирить и поселить на одномъ мѣстѣ этотъ народъ, до тѣхъ поръ грабившій и опустошавшій Ѳракію, Иллирію, Македонію и Ѳессалію. Въ то время, какъ Ѳеодосій воевалъ съ готами, Граціанъ слабо и нерѣшительно управлялъ государствомъ, и наконецъ сдѣлался жертвою своей страсти къ охотѣ, лишившей его уваженія подданныхъ и любви солдатъ. Максимъ, товарищъ Ѳеодосія Старшаго, воспользовался всеобщимъ неудовольствіемъ, расположилъ въ свою пользу британскія войска и, провозгласивъ себя императоромъ, двинулся въ Галлію. Граціанъ мужественно пошелъ ему на встрѣчу, но по недостатку денегъ былъ не въ состояніи удовлетворить и безъ того нерасположенныя къ нему наемныя войска. Оставленный ими, императоръ былъ схваченъ однимъ вѣроломнымъ намѣстникомъ, и по повелѣнію Максима казненъ (383). Максимъ взялъ съ собою въ Галлію не только всѣ римскія войска, но, къ несчастью Британніи, и часть тамошней національной милиціи. Беззащитная страна снова подверглась грабежамъ и опустошеніямъ съ одной стороны пиктовъ и скотовъ, а съ другой—саксовъ и фризовъ.

Ѳеодосій, послѣ долгихъ переговоровъ, призналъ Максима своимъ соправителемъ, но только подъ условіемъ удовольствоваться провинціями по ту сторону Альповъ и уступить Валентиніану II, находившемуся подъ опекою своей матери Юстины, Италію, Африку и Иллирію. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Максимъ нарушилъ эти условія, чтобы, пользуясь борьбою аріанъ и православныхъ, освободиться отъ юнаго императора и его матери. Юстина, жившая тогда въ Медіоланѣ (Миланѣ), принадлежала къ сектѣ аріанъ, которая удержалась еще въ небольшомъ числѣ въ Верхней Италіи. Будучи супругою императора, женившагося на ней за ея красоту, она принуждена была посѣщать православныя церкви; но по смерти мужа, желая вознаградить себя за это принужденіе, она отдала своимъ едино-

вѣрцамъ нѣкоторыя православныя церкви. Это раздражило приверженцевъ Аѳанасія, и знаменитѣйшее духовное лицо того времени, Амвросій, архіепископъ Медіоланскій, возбудилъ противъ Юстины свою общину и императора Ѳеодосія. Къ счастью для Юстины, дочь ея, Галла, наслѣдовала красоту своей матери. Строгій приверженецъ ученія Аѳанасія, Ѳеодосій, подобно Валентиніану I, плѣнившись красотою дочери Юстины, не обратилъ вниманія на то, что дочь и мать были еретичками, и въ 386 г. женился на Галлѣ. Максимъ, желая воспользоваться несогласіемъ императрицы съ итальянскимъ духовенствомъ, совершенно неожиданно перешелъ чрезъ Альпы (387). Юстина съ своимъ сыномъ должна была искать спасенія въ бѣгствѣ и удалилась къ Ѳеодосію, резиденція котораго находилась въ Ѳессалоникѣ. Ѳеодосій долго не рѣшался начинать новый, сопряженный съ огромными издержками, походъ для возстановленія власти Юстины, и только узнавъ, что Максимъ своими чрезмѣрными жестокостями вооружилъ противъ себя всѣхъ жителей Италіи, двинулся туда (388 г.) съ своимъ войскомъ. Чтобы безпокоить своего противника съ тыла, Ѳеодосій побудилъ саксовъ и франковъ вторгнуться въ Галлію; а Максимъ съ своей стороны переманилъ къ себѣ варваровъ, находившихся въ войскѣ Ѳеодосія, который, въ порывѣ гнѣва, приказалъ умертвить большое число измѣнниковъ. Въ самомъ началѣ войны Ѳеодосій разбилъ на голову Максима и, взявъ его въ плѣнъ, отдалъ на жертву ярости солдатъ. Послѣ своей побѣды Ѳеодосій еще нѣсколько лѣтъ пробылъ на Западѣ, занимаясь въ это время искорененіемъ язычества и аріанства. Возвратившись на Востокъ, онъ поручилъ управленіе Западомъ своему двадцатилѣтнему зятю Валентиніану II, незадолго передъ тѣмъ лишившемуся своей матери. Впрочемъ, настоящимъ правителемъ государства былъ франкъ Арбогастъ, который служилъ при Граціанѣ и Ѳеодосіи и, назначенный намѣстникомъ Галліи, послѣ побѣды надъ Максимомъ, снова отнялъ эту страну у германцевъ. Валентиніану II скоро наскучила зависимость отъ Арбогаста, и потому между императоромъ и его первымъ министромъ начались сильныя распри. Удаленный отъ службы, Арбогастъ, въ присутствіи всего двора, объявилъ императору, что онъ былъ назначенъ въ эту должность Ѳеодосіемъ, и что поэтому никто другой не можетъ смѣнить его. Чрезъ нѣсколько дней молодой императоръ былъ найденъ мертвымъ въ постелѣ; современники говорятъ, что онъ былъ убитъ по приказанію мстительнаго франка (393). Арбогастъ не могъ надѣяться, что Ѳеодосій проститъ ему убійство своего зятя, и потому прибѣгнулъ къ крайнимъ мѣрамъ. Не рѣшаясь самъ, какъ иностранецъ, занять императорскій престолъ, онъ избралъ въ императоры одного изъ царедворцевъ Валентиніана II, Евгенія, человѣка слабаго и способнаго быть только послушнымъ орудіемъ другаго лица. Начиная войну съ новыми претендентами, Ѳеодосій удачно воспользовался суевѣріемъ своего времени, и обратясь къ одному епископу, получилъ отъ него предсказаніе о благополучномъ исходѣ войны. Арбогастъ же и Евгеній, стараясь расположить въ свою пользу многочисленныхъ еще приверженцевъ древней религіи, вооружили противъ себя итальянское духовенство. Ни одинъ изъ духовныхъ не возвысилъ своего голоса противъ убійства императора Валентиніана; но когда была объявлена терпимость въ отношеніи язычниковъ, медіоланское духовенство отлучило отъ церкви Арбогаста и Евгенія. Въ одной битвѣ оба они были совершенно разбиты Ѳеодосіемъ. Евгеній попалъ въ плѣнъ и долженъ былъ поплатиться жизнью за кратковременное наслажденіе властью. Арбогастъ же самъ лишилъ себя жизни (394).

Ѳеодосій въ продолженіе всей своей жизни жестоко преслѣдовалъ язычество и аріанство, но послѣ побѣды надъ Евгеніемъ его религіозная нетерпимость дошла до крайней степени. Онъ не только запретилъ идолослуженіе и объявилъ ересиковъ лишенными гражданскихъ правъ, но даже отнялъ у нихъ право передавать свои имѣнія другимъ лицамъ по завѣщаніямъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ со многими благодѣтельными постановленіями, удержавшими государство отъ гибели, этотъ умный правитель издалъ нѣсколько распоряженій, предоставлявшихъ полный просторъ интригамъ клерикальной партіи. Какъ далеко простиралась въ то время власть этого сословія, видно изъ поступка епископа Амвросія съ императоромъ. По случаю одного возмущенія въ Ѳессалоникахъ, Ѳеодосій слишкомъ жестоко наказалъ виновныхъ. Когда послѣ побѣды надъ Арбогастомъ и Евгеніемъ онъ прибылъ въ Медіоланъ, Амвросій вступился за права человѣчества, обли-

чилъ императора предъ лицомъ народа, и запретилъ ему вступать въ церковь до тѣхъ поръ, пока онъ не принесетъ покаянія. Императоръ сознался въ своей винѣ, и сдѣлалъ все, чего требовалъ епископъ. На нашъ взглядъ и епископъ, и императоръ играли здѣсь заранѣе придуманныя роли: Амвросій роль Наѳана, а Ѳеодосій роль Давида. Впрочемъ, древніе историки смотрѣли на это совершенно иначе, на что они, конечно, имѣли полное право. Такъ, одинъ изъ нихъ говоритъ, что въ этомъ поступкѣ выразилось все величіе епископа и императора: епископу дѣлаетъ честь мужество, съ которымъ онъ стоялъ за доброе дѣло, а императору—его раскаяніе и смиреніе. Ѳеодосій умеръ въ началѣ 395 года, назначивъ наслѣдниками двухъ своихъ сыновей, при чемъ старшій, Аркадій, получилъ восточную, а младшій, Гонорій, западную половину имперіи.

Аркадій и Гонорій при своемъ вступленіи на престолъ были еще слишкомъ молоды. Первому изъ нихъ было восемьнадцать лѣтъ, а послѣднему только одиннадцать. Оба они имѣли самыя ограниченныя природныя способности и всю жизнь оставались орудіями окружавшихъ ихъ лицъ. Къ тому же самъ Ѳеодосій испортилъ ихъ тогдашнею строго-аскетическою системою воспитанія, сдѣлавшею ихъ благочестивыми и набожными, но не давшею имъ ни осмотрительности, ни силы и энергіи. Въ первое время правителемъ государства при дворѣ Гонорія былъ Стилихонъ, а при дворѣ Аркадія Руфинъ. Стилихонъ, вандалъ по происхожденію, оказалъ Ѳеодосію такія важныя услуги на войнѣ, что императоръ поставилъ его во главѣ всѣхъ римскихъ войскъ, и даже выдалъ за него свою племянницу Серену. Онъ былъ дѣйствительно великимъ полководцемъ, и только одинъ изъ всѣхъ вельможъ имперіи могъ сладить съ тогдашними обстоятельствами. Руфинъ же, занимавшій при императорѣ Ѳеодосіи одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ государствѣ, а именно должность префекта Востока, не смотря на всю свою хитрость, былъ совершенно неспособенъ начальствовать надъ войскомъ. Впрочемъ и Руфинъ, и Стилихонъ одинаково отличались корыстолюбіемъ, злоупотребляли своимъ вліяніемъ на императоровъ, желая выдать за нихъ своихъ дочерей, и старались накопить какъ можно болѣе богатствъ, чтобы при помощи ихъ доставить своимъ потомкамъ императорскую власть. Стилихонъ съ самаго начала своего управленія сталъ стремиться къ пріобрѣтенію на Востокѣ такого же вліянія, какимъ пользовался на Западѣ. Для этого ему нужно было низвергнуть министра Аркадія, и при помощи разныхъ интригъ и убійства онъ черезъ десять мѣсяцевъ освободился отъ Руфина. Вскорѣ по смерти Ѳеодосія, готы опять разорвали союзъ съ римлянами, и подъ начальствомъ Аларіха, человѣка знатнаго происхожденія, признаннаго ими впослѣдствіи за царя, совершили набѣгъ на провинціи Ѳессалію, Македонію, Ѳракію, и Иллирію. Стилихонъ, не дожидаясь вызова византійскаго двора, поспѣшилъ съ войскомъ Западной имперіи на встрѣчу готамъ. Этотъ поступокъ возбудилъ зависть въ Руфинѣ, который отъ имени своего императора потребовалъ удаленія Стилихона изъ Восточной имперіи, но въ то же время заявилъ право Аркадія на войска и сокровища своего отца, которыми распоряжался Стилихонъ. Стилихонъ повиновался требованію Аркадія, возвратился въ Италію и послалъ требуемыя войска, но вступилъ въ тайный союзъ съ врагами и завистниками Руфина при дворѣ Аркадія. Евнухъ Евтропій, который еще прежде повредилъ Руфину, женивъ императора на Евдоксіи, дочери франка Баутона, соединился теперь съ готомъ Гайнасомъ, начальникомъ войскъ, присланныхъ Стилихономъ. Когда эти войска, по прибытіи въ Константинополь, представились императору, и Аркадій въ сопровожденіи своего министра ѣхалъ предъ ихъ рядами,—солдаты вдругъ окружили Руфина и умертвили его. Мѣсто Руфина занялъ Евтропій.

6. Переселенія готовъ и исторія римской имперіи во время этихъ переселеній.

Между тѣмъ готы продолжали свои набѣги, проникли, по удаленіи Стилихона, за Ѳермопилы и опустошали собственную Грецію. Всѣ города древней Греціи, за исключеніемъ Ѳивъ, подпали ихъ власти и подверглись грабежу. Варвары

пощадили однѣ Аѳины, добровольно покорившіяся имъ. Опустошивъ Грецію, Аларихъ двинулся къ Пелопоннесу, и безъ труда овладѣлъ знаменитыми истмійскими укрѣпленіями, которыя были оставлены трусливыми греческими солдатами, точно такъ же, какъ и прежде ѳермопильскій проходъ. Варвары овладѣли Коринѳомъ, Аргосомъ, Спартою и другими городами, и прошли весь Пелопоннесъ, грабя и опустошая все на своемъ пути. Отсюда флотъ ихъ сталъ грозить восточнымъ берегамъ Адріатическаго моря и даже Италіи. Стилихонъ не могъ оставаться безмолвнымъ зрителемъ такихъ успѣховъ варваровъ и, желая предупредить высадку ихъ въ Италію, переправился съ своими войсками въ Пелопоннесъ. Аларихъ принужденъ былъ отступить въ горы Аркадіи, но, запертый тамъ Стилихономъ, едва избавился отъ угрожавшей ему погибели. Неизвѣстно въ точности, что именно спасло Алариха: оплошность или тайныя политическія соображенія римскаго полководца? Изъ Пелопоннеса готы прошли въ Иллирію, и вдругъ, къ изумленію всѣхъ, готскій король былъ назначенъ намѣстникомъ этой пограничной провинціи, а его нестройныя толпы признаны вспомогательными войсками Восточно-римской имперіи. Евтропію хотѣлось при помощи готовъ избавиться отъ ненавистнаго Стилихона, къ которому онъ подсылалъ даже наемныхъ убійцъ.

Восточно-римская имперія находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи; большая часть провинцій была опустошена готами. Аланы и другіе варвары, поселенные въ Азіи для защиты сѣверныхъ границъ, не только не исполняли своихъ обязанностей, но даже, возмущенные своимъ княземъ Требигильдомъ, грабили страну, ввѣренную ихъ защитѣ. Возстаніе это произошло по проискамъ Гайнаса, желавшаго свергнуть Евтропія. Войско, посланное Евтропіемъ противъ готовъ, было разбито. Константинопольская чернь неистово обвиняла во всемъ министра, считая его виновникомъ пораженія войскъ и опустошенія Малой Азіи, а Гайнасъ, которому поручено было вести войска противъ Требигильда, объявилъ, что не двинется съ мѣста до тѣхъ поръ, пота Евтропій не получитъ отставки. Къ несчастью, въ это время Евтропій поссорился и съ императрицей, и потому не могъ выдержать такой бури. Онъ былъ смѣненъ и лишенъ не только имѣнія, но и жизни. Павшій министръ думалъ спастись отъ своихъ враговъ въ одной изъ церквей столицы, но Святой Златоустъ, бывшій тогда патріархомъ константинопольскимъ, тщетно хотѣлъ защитить его въ этомъ убѣжищѣ. Евтропій былъ взятъ, сосланъ сначала въ Кипръ, и наконецъ умерщвленъ въ 399 г. Послѣ паденія Евтропія, правленіемъ завладѣла императрица Евдоксія Гайнасъ, вмѣстѣ съ Требигильдомъ разбойничавшій въ Малой Азіи, заставилъ правительство вступить съ нимъ въ переговоры и выдать ему трехъ самыхъ значительныхъ должностныхъ лицъ имперіи. Имперія находилась тогда въ такомъ же состояніи, какъ теперь Турція. Къ счастью, Требигильдъ вскорѣ умеръ, но за то Гайнасъ съ своими войсками сталъ опустошать столицу и окрестности, и наконецъ вывелъ жителей изъ терпѣнія. Они вооружились и перебили болѣе семи тысячъ готовъ. Другой готъ, Фравитта, состоявшій долгое время въ греческой службѣ и вызванный въ Азію противъ Гайнаса, разбилъ на голову этого разбойника и принудилъ его удалиться съ остаткомъ своихъ войскъ къ берегамъ Дуная, гдѣ онъ былъ убитъ въ войнѣ съ гуннами.

Между тѣмъ Стилихонъ съ удивительнымъ искусствомъ управлялъ Западною имперіею, выказывая въ полномъ блескѣ свои военныя и административныя способности. Онъ прославилъ римское оружіе въ войнахъ съ франками и алеманнами, и счастливо подавилъ опасное возмущеніе, во время котораго братъ Фирма (стр. 217), Гильдонъ, овладѣлъ Африкою. Нѣкоторые историки упрекаютъ Стилихона въ намѣреніи свергнуть Гонорія и возвести на престолъ своего сына, но мы слишкомъ мало знаемъ о частной жизни Стилихона и о его нравственномъ характерѣ, чтобы судить о справедливости этого извѣстія. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, оно не заслуживаетъ вѣроятія, въ особенности, если принять въ соображеніе, что онъ выдалъ за Гонорія двухъ своихъ дочерей. Вскорѣ послѣ побѣды надъ Гильдономъ, Стилихонъ долженъ былъ спасать имперію отъ новой опасности, угрожавшей съ другой стороны. Аларихъ, воспользовавшись ввѣреннымъ ему начальствомъ надъ восточно-римскими войсками, снабдилъ своихъ готовъ оружіемъ изъ иллирійскихъ арсеналовъ, и, по наущенію константинопольскаго двора, вторгнулся въ Западную римскую имперію (400). Но по неизвѣст-

нымъ причинамъ онъ дошелъ только до Венеціанской области, и Стилихонъ имѣлъ время вооружиться и со всѣхъ сторонъ стянуть къ себѣ войска. Два года спустя, Аларихъ снова явился (402). Вся Италія трепетала; самъ императоръ удалился изъ Медіолана въ хорошо-укрѣпленную Равенну. Одинъ Стилихонъ не робѣлъ. Онъ велъ войну чрезвычайно осторожно, и не рѣшался на открытое сраженіе до тѣхъ поръ, пока не представились для этого благопріятныя обстоятельства. При городѣ Полленціи, въ Лигуріи, весною 403 года произошла рѣшительная битва. Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду; но перевѣсъ былъ очевидно на сторонѣ римлянъ: они освободили въ этой битвѣ нѣсколько тысячъ своихъ соотечественниковъ и захватили непріятельскій обозъ. Не смотря на то, готы не были совершенно побѣждены, а въ продолженіе всего лѣта, оставались вблизи Апенниновъ, держа Римъ въ постоянномъ страхѣ, и оставили Италію не ранѣе осени. Стилихонъ, убѣжденный, что бѣгущему непріятелю слѣдуетъ строить золотые мосты, не препятствовалъ ихъ отступленію, хотя они захватили съ собою и награбленную добычу. Впрочемъ, онъ внимательно слѣдилъ за отступленіемъ готовъ, стараясь привлечь на свою сторону нѣкоторыя племена, подвластныя Алариху, и наконецъ при Веронѣ далъ варварамъ новую битву. Эта битва была для готскаго короля еще гибельнѣе, чѣмъ битва при Полленціи, и онъ только съ немногочисленнымъ остаткомъ войска возвратился въ Иллирію.

Послѣ пораженія при Веронѣ, готы оставались спокойными въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но вскорѣ по удаленіи ихъ, Италія была встревожена еще болѣе опустошительнымъ набѣгомъ новыхъ германскихъ племенъ. Одинъ изъ германскихъ князей, сопровождавшихъ Алариха во время перваго его похода въ Италію, Радагайсъ, собралъ въ сѣверныхъ частяхъ нижняго Дуная значительную толпу изъ различныхъ искателей приключеній и даже цѣлыхъ племенъ. Набравъ такимъ образомъ, по однимъ извѣстіямъ, около двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, а по другимъ даже вдвое болѣе, онъ намѣревался при первой же возможности двинуться съ ними къ Риму. Походъ его, въ которомъ принимали участіе жены и дѣти, былъ настоящимъ переселеніемъ цѣлаго племени. Стилихонъ прямо нерѣшился противостать этому разрушительному потоку, и счелъ за лучшее остановить его, особеннымъ образомъ размѣстивъ свое войско. Варвары прошли чрезъ Ломбардію и Апеннины и достигли Флоренціи. Тогда Стилихонъ, слѣдившій за всѣми движеніями ихъ, занялъ всѣ горные проходы, усилилъ гарнизоны городовъ, обезпечилъ своему войску подвозъ продовольствія моремъ, и спокойно ожидалъ слѣдствій недостатка припасовъ, который рано или поздно должно было почувствовать многочисленное и неустроенное войско Радагайса. Дѣйствительно, между варварами, окруженными со всѣхъ сторонъ римскими легіонами, скоро начали свирѣпствовать болѣзни, голодъ и всякаго рода лишенія. Часть варваровъ была уничтожена Стилихономъ, но большинство погибло отъ голода и болѣзней. Этрурія была похожа на огромную могилу. Напрасно предводитель несчастной толпы старался пробиться сквозь ряды римлянъ: онъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ. Въ это время особенно важную услугу оказали имперіи аланскіе всадники, гунны, готы и другіе варвары, служившіе въ римскомъ войскѣ. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія, показывая, до какой степени пали въ то время римляне. Обитатели прекраснѣйшей страны Европы, потомки обладателей цѣлаго свѣта, призывали варваровъ для защиты себя отъ другихъ варваровъ. Никакой законъ, никакія наказанія не могли заставить нести военную службу изнѣженныхъ и привыкшихъ къ праздности и удовольствіямъ римлянъ. Они скорѣе рѣшались уродовать себя, чѣмъ подвергаться опасностямъ и трудностямъ войны для спасенія отечества.

Стилихонъ вторично спасъ Италію, и его заслуга была важнѣе заслугъ Камилла и Марія (т. I. стр. 568—569 и 696—698). Они предводительствовали воинственною націею, Стилихонъ же долженъ бы самъ созидать свои войска. Вся жизнь этого человѣка была постоянною борьбою не только цивилизаціи съ варварствомъ, но и открытой силы съ низкимъ коварствомъ. Нѣкоторые личные недостатки Стилихона нисколько не унижаютъ его политическихъ заслугъ, что нужно сказать и о другихъ герояхъ римской исторіи, въ особенности о Камиллѣ и Маріѣ. По нашему мнѣнію, качества, въ которыхъ укоряютъ Стилихона, говорятъ даже въ его пользу. Его, напримѣръ, обвиняютъ въ томъ, что онъ держалъ въ постоянной опекѣ своего императора; но по смерти Стилихона стало ясно, что для

имперіи было бы лучше, если бы Гонорій никогда не управлялъ государствомъ лично. Еще менѣе справедливо взводимое на Стилихона обвиненіе въ томъ, что вскорѣ по удаленіи Радагайса онъ сдѣлался виновникомъ упадка цвѣтущаго состоянія Галліи и Испаніи. По случаю войны съ Радагайсомъ, Стилихонъ вызвалъ къ себѣ лучшія войска изъ Галліи и удержалъ ихъ при себѣ по освобожденіи Италіи, намѣреваясь напасть на гунновъ. Этимъ воспользовались германскіе варвары и напали на Галлію (407). Квады, вандалы, свевы, аланы, герулы, саксы, бургунды, франки и другія племена вторгнулись въ несчастную страну, а въ дунайскія провинціи проникли гепиды, сарматы и гунны, и, занявъ нѣкоторыя части ихъ, поселились въ нихъ навсегда. Страсбургъ, Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, и другіе города, служившіе до сихъ поръ опорою противъ варваровъ, были разрушены. Варвары, подобно стремительному потоку, наводнили всю Галлію. Той же участи подверглась и Британія, изъ которой Стилихонъ также вывелъ войска. Оставленная на произволъ судьбы, туземная милиція, въ которой находилось очень мало римскихъ солдатъ, избрала изъ своей среды новаго императора, Константина, и отправилась подъ его предводительствомъ въ Галлію. Жители Галліи, нуждавшіеся въ вооруженной помощи, безпрекословно признали его императоромъ. Константинъ разбилъ войско, посланное противъ него Гоноріемъ подъ начальствомъ Сара, и довольно счастливо воевалъ съ варварами. Положеніе Италіи въ это время было такъ затруднительно, что Гонорій и его министръ не могли обращать вниманія на Галлію и Испанію, а Константинъ воспользовался этою минутою, чтобы подчинить и Пиринейскій полуостровъ. Религіозные споры, раздиравшіе Испанію и Африку, и преслѣдованія, которымъ подвергались донатисты и аріане со стороны православнаго Гонорія и высшаго духовенства,—облегчили предпріятіе Константина. Побѣдивъ римскія войска и милицію, онъ покорилъ почти всю страну; но къ несчастью, замѣнилъ въ своемъ войскѣ храбрую національную милицію, состоявшую изъ горныхъ жителей и защищавшую до сихъ поръ проходы чрезъ Пиренеи, своими наемниками разныхъ національностей. Войска его соединились съ варварами, напавшими на Галлію, и сдѣлались ихъ проводниками.

Константинъ, достигшій тогда вершины своего счастья, объявилъ соправителемъ своего старшаго сына Константа. Наконецъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ свергнуть Константина, Гонорій призналъ его обладателемъ Британіи, Галліи и Испаніи. Константинъ думалъ уже идти въ Италію и утвердить свою власть во всей Западной имперіи, но одна ошибка уничтожила все его могущество. Константинъ уволилъ отъ должности намѣстника Испаніи, своего полководца, Геронція, которому былъ обязанъ побѣдою надъ Саромъ и покореніемъ Испаніи. Оскорбленный Геронцій провозгласилъ императоромъ одного изъ своихъ друзей, Максима, и выступилъ съ своимъ войскомъ противъ Константина (409). Напавъ неожиданно на молодаго Константа, онъ взялъ его въ плѣнъ и умертвилъ, а самого Константина осадилъ въ Арлѣ. Въ эту минуту явилось римское войско, посланное Гоноріемъ для завоеванія Галліи и Испаніи, и предводитель его, иллиріецъ Констанцій, явился спасителемъ разрушающейся римской имперіи. Констанцій обратился сначала противъ Геронція и успѣлъ привлечь на свою сторону его войска. Выданный своими солдатами, Геронцій показалъ себя истиннымъ героемъ. Его мужество тѣмъ удивительнѣе, что римлянинъ того времени былъ гораздо способнѣе съ покорностью подчиняться бѣдствіямъ, чѣмъ бороться противъ нихъ. Вѣроломные солдаты его думали заслужить помилованіе, выдавъ своего полководца, и ночью окружили его домъ. Только немногіе рабы остались ему вѣрными. Поддерживаемый ими, Геронцій защищался съ необыкновеннымъ искусствомъ и храбростью, и положилъ на мѣстѣ не менѣе трехъ сотъ враговъ. Ему представлялась еще возможность спастись, но его удержала любовь къ своей женѣ, которую онъ не хотѣлъ оставить на произволъ судьбы. Всѣ его люди разбѣжались, и при немъ остался только одинъ аланъ, умолявшій не допустить его отдаться живымъ въ руки непріятеля. Геронцій исполнилъ эту просьбу и обезглавилъ своего вѣрнаго слугу. Потомъ онъ умертвилъ свою жену, по ея собственной просьбѣ, и наконецъ лишилъ себя жизни въ виду нападавшихъ. Возведенный имъ на престолъ, Максимъ вскорѣ послѣ того былъ взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ. Та же участь постигла и Константина,

хотя онъ и добровольно сдался полководцу Гонорія подъ условіемъ сохраненія жизни (411). Но еще прежде, чѣмъ Констанцій успѣлъ захватить его, явился новый возмутитель,—Іовинъ, провозгласившій себя императоромъ въ Майнцѣ и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ державшійся въ нѣкоторыхъ частяхъ Галліи. Эти возмущенія имѣли, безъ сомнѣнія, самыя вредныя послѣдствія для имперіи, доставивъ удобный случай вандаламъ, свевамъ и другимъ народамъ утвердиться въ Галліи, проникнуть въ Испанію, разграбить ее и даже поселиться въ ней.

Въ это время и сама Италія сдѣлалась добычею варваровъ. Стилихонъ привлекъ на свою сторону готскаго царя Алариха, находившагося на службѣ восточной имперіи, и вступилъ съ нимъ въ тайные переговоры, цѣль которыхъ впрочемъ совершенно неизвѣстна. По одному весьма недостовѣрному извѣстію, Стилихонъ хотѣлъ съ помощію готовъ Алариха неизвергнуть своего государя; а по другимъ извѣстіямъ, столь же мало вѣроятнымъ, онъ имѣлъ намѣреніе идти съ готами на Константинополь и посадить на греческій престолъ своего сына. Впрочемъ, судя по ходу дѣлъ, нельзя предполагать, чтобы они согласились въ чемъ нибудь, потому что когда Стилихонъ отправился съ войскомъ противъ Константина, Аларихъ на границахъ Италіи, жалуясь на обманъ, сталъ требовать вознагражденія. Римскій сенатъ, которому было поручено разобрать это дѣло, не хотѣлъ согласится на позорное условіе, и только настоятельныя просьбы Стилихона измѣнили его намѣренія. Этимъ воспользовались враги министра, чтобы низвергнуть его. Низкіе завистники умѣли подѣйствовать на трусливаго императора и возбудить въ немъ недовѣріе къ человѣку, который одинъ былъ въ силахъ поддержать имперію. Самъ Гонорій, его любимецъ Олимпій и полководецъ Саръ составили настоящій заговоръ противъ Стилихона, не рѣшаясь дѣйствовать открыто противъ самаго вліятельнаго человѣка въ государствѣ. По ихъ наущенію, возмутилась сначала часть войска въ Павіи, и умертвила преданныхъ Стилихону чиновниковъ и офицеровъ. Прочія войска, находившіяся въ Болоньѣ, раздраженные такимъ злодѣйствомъ, какъ кажется, требовали отъ Стилихона, чтобы онъ велъ ихъ въ Павію противъ императора. Но Стилихонъ содрогнулся предъ мыслью о междоусобной войнѣ, и отправился въ Равенну, резиденцію императора. Императоръ, находившійся въ то время въ Павіи и наградившій тамошнихъ солдатъ за ихъ возмущеніе, немедленно приказалъ схватить Стилихона и его сына и умертвить обоихъ (408). Олимпій, заступившій мѣсто павшаго министра, съ самаго начала сталъ пользоваться своею властью ко вреду имперіи. Онъ замѣщалъ военныя и гражданскія должности своими креатурами, истребилъ семейство и кліентовъ Стилихона, старался всѣми силами заслужить благосклонность властолюбиваго духовенства и простеръ свое лицемѣрное благочестіе такъ далеко, что во время опасности, грозившей Риму со стороны Алариха, назначилъ предводителемъ войска не того, кто былъ всѣхъ храбрѣе и опытнѣе, а того, кто былъ всѣхъ набожнѣе. Въ то время, когда нужнѣе всего было внутреннее единство, Олимпій склонилъ императора обнародовать цѣлый рядъ самыхъ фанатическихъ распоряженій. По новымъ постановленіямъ ни одинъ аріанинъ не могъ занимать никакой должности и присутственнымъ мѣстамъ вмѣнено было въ обязанность преслѣдовать еретиковъ. Гонорій отдалъ дѣла о ересяхъ въ завѣдываніе духовенства, и ввелъ инквизицію. Эти правила вывели изъ терпѣнія аріанъ-готовъ, служившихъ въ римскомъ войскѣ. Кромѣ того, послѣ казни Стилихона, были умерщвлены жены и дѣти иноплеменныхъ солдатъ, находившіяся въ Римѣ заложниками. Раздраженные этимъ злодѣйствомъ, нѣсколько тысячъ готовъ, алановъ и другихъ варваровъ, служившихъ въ римскомъ войскѣ, перебѣжали къ Алариху, и, умоляя его отмстить римлянамъ, предлагали свои услуги въ качествѣ проводниковъ. Какъ правитель, Олимпій былъ такъ неспособенъ, что не сдѣлалъ даже никакихъ приготовленій противъ Алариха, грозившаго Риму новымъ нашествіемъ за то, что ему не уплатили обѣщанныхъ пять тысячъ фунтовъ золота и отказали въ его новыхъ требованіяхъ.

Аларихъ (408), не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, проникъ въ Италію, грабя и опустошая все на своемъ пути, дошелъ до самаго Рима, осадилъ его и прекратилъ всякій подвозъ въ городъ съѣстныхъ припасовъ. Голодъ и болѣзни, появившіяся между римлянами, принудили сенатъ, помимо императора, начать переговоры съ Аларихомъ. Король согласился снять осаду города, если ему будетъ

заплачено тридцать тысячъ серебра, четыре тысячи шелковыхъ одеждъ, три тысячи красныхъ сафьянныхъ кожъ и три тысячи фунтовъ перца. Чтобы уплатить эту контрибуцію, каждый римлянинъ долженъ былъ пожертвовать своимъ золотомъ и серебромъ, языческіе храмы были лишены послѣднихъ украшеній и пощажены только христіанскія церкви. Часть контрибуціи была уплачена немедленно, и Аларихъ, не дожидаясь окончательной расплаты, отступилъ отъ Рима (въ концѣ 408 года). Не смотря на убѣдительныя просьбы римскаго сената, императоръ отказался выполнить этотъ договоръ; вслѣдствіе того Аларихъ снова началъ тѣснить римлянъ и открылъ въ своемъ лагерѣ убѣжище всѣмъ варварамъ, находившимся въ рабствѣ у римлянъ. Не менѣе сорока тысячъ невольниковъ убѣжали къ готамъ и оказали имъ значительныя услуги, сообщивъ важныя извѣстія о положеніи римскаго народа и о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ сословій. Семь тысячъ человѣкъ римскаго войска, посланные изъ Равенны, были настигнуты на пути и разсѣяны готами. Къ несчастью, Аларихъ получилъ въ это самое время еще новое значительное подкрѣпленіе, приведенное изъ Панноніи зятемъ его Атаульфомъ. Этими затруднительными обстоятельствами воспользовались враги Олимпія для того, чтобы низвергнуть всемогущаго министра. Мѣсто его заступилъ Іовій, прежній пріятель готскаго короля. Новый министръ самъ отправился къ Алариху, чтобы лично переговорить съ нимъ; но соглашеніе было невозможно. Аларихъ хотѣлъ быть первымъ полководцемъ въ войскѣ Гонорія, или, что одно и тоже, забрать императора въ свои руки. Вскорѣ онъ прибѣгнулъ къ другому средству для достиженія своей цѣли: склонилъ римскаго префекта, Аттала, принять отъ него императорскую корону, и овладѣлъ гаванью Остіею, въ которой находились хлѣбные запасы города. Снова угрожая Риму всѣми бѣдствіями голода, онъ принудилъ сенатъ и народъ признать избраннаго имъ императора. Впрочемъ, Аларихъ ошибся въ своихъ расчетахъ и снова очутился въ очень затруднительномъ положеніи, нисколько не достигнувъ своей цѣли. Атталъ согласился на то, на что не соглашался Гонорій, и назначилъ Алариха начальникомъ всѣхъ войскъ въ имперіи, а Атаульфа вождемъ вспомогательныхъ войскъ (въ концѣ 409). Но никто несогласился признать Алариха въ новой должности, а намѣстникъ Африки, оставшійся вѣрнымъ Гонорію, прекратилъ подвозъ припасовъ къ Риму. Гонорій же былъ такъ малодушенъ, что предложилъ Аталлу раздѣлить имперію, но получилъ отказъ. Аларихъ двинулся съ своими войсками къ Равеннѣ и осадилъ императора въ столицѣ. Здѣсь въ самомъ яркомъ свѣтѣ обнаружился характеръ тогдашняго римскаго двора и правительства. Любимецъ Гонорія, Іовій, вошелъ въ тайныя сношенія съ непріятелями и перешелъ на ихъ сторону. Преемникъ его былъ умерщвленъ въ глазахъ императора Эллобихомъ, начальникомъ иностранныхъ войскъ, и Гонорій могъ только тайнымъ убійствомъ наказать это преступленіе. Но счастье благопріятствовало императору. Намѣстникъ Африки снабдилъ осажденную Равенну деньгами и хлѣбомъ, прекративъ подвозъ продовольствія въ Римъ; наконецъ въ равеннскую гавань прибыло подкрѣпленіе изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, и Аларихъ вскорѣ увидѣлъ невозможность взять городъ и безполезность провозглашенія Аттала императоромъ. Поэтому онъ, кажется, вступилъ въ новые переговоры съ императоромъ, и выдалъ Аттала, объявивъ его низложеннымъ (въ февралѣ 410 года).

Мы имѣемъ только самыя неполныя и сбивчивыя свѣдѣнія о событіяхъ, слѣдовавшихъ за низложеніемъ Аттала. Въ теченіе переговоровъ Аларихъ находился вблизи Равенны, надѣясь подчинить своей власти Гонорія; но въ это самое время на него внезапно напалъ его злѣйшій врагъ, полководецъ Саръ, и нанесъ ему значительное пораженіе. Переговоры прекратились, и Аларихъ обратилъ всю свою ярость противъ Рима, который долженъ былъ поплатиться за всѣ потери Алариха подъ Равенною. Готскій король двинулся къ Риму съ рѣшительнымъ намѣреніемъ разграбить его. Наскоро устроенныя стѣны и изнѣженное населеніе Рима не могли долгое время защищать такого обширнаго города противъ огромнаго числа враговъ. Нѣсколько готовъ незамѣтно перелѣзли черезъ стѣну и отворили ворота своимъ соотечественникамъ (410). О судьбѣ покореннаго города мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, но достовѣрно извѣстно, что войско Алариха въ продолженіе трехъ дней грабило Римъ, и что готы,

не смотря на свою приверженность къ аріанству, пощадили церкви и духовенство господствовавшаго исповѣданія. Если принять во вниманіе, что къ готамъ еще прежде перешли сорокъ тысячъ невольниковъ различныхъ національностей и что между ними находились толпы гунновъ и другихъ дикихъ племенъ, то нельзя будетъ заподозрить въ преувеличеніи дошедшія до насъ извѣстія о тогдашнихъ пожарахъ, грабежахъ, убійствахъ, разрушеніи памятниковъ искусства и объ отводѣ въ рабство множество гражданъ. Впрочемъ разоренный городъ вскорѣ опять застроился, а число жителей даже увеличилось въ немъ въ сравненіи съ прежнимъ. Черезъ нѣсколько дней по взятіи Рима Аларихъ оставилъ его окрестности, убѣдившись по всей вѣроятности, въ невозможности держаться въ Италіи, не завладѣвъ Сициліею и Африкою. Онъ поспѣшилъ къ Мессинскому проливу, чтобы переправиться въ эти страны; но намѣреніе его не удалось: буря уничтожила въ его глазахъ всѣ заготовленныя имъ суда. Вскорѣ и самъ онъ умеръ вблизи калабрійскаго города Казенцы (410), и былъ замѣчательнымъ образомъ похороненъ готами. Они заставили плѣнниковъ отвести русло рѣки Бузенто и выкопать на днѣ ея могилу. Покрывъ тѣло короля множествомъ сокровищъ, они снова пустили рѣку въ прежнее русло и умертвили всѣхъ работниковъ, для того, чтобы мѣсто погребенія осталось неизвѣстно корыстолюбивымъ римлянамъ.

Послѣ Алариха начальство надъ вестготами принялъ зять его, Атаульфъ. Новый предводитель хотѣлъ вступить въ переговоры съ Гоноріемъ, потому что искалъ или хотѣлъ искать руки Плацидіи, сестры императора, находившіеся въ плѣну у Алариха. Эти переговоры, а также предпріятія въ первые годы его правленія, неизвѣстны намъ съ точностью. Въ 412 году Атаульфъ двинулся со своими готами въ Галлію, но подробностей этого похода мы не знаемъ. Сначала онъ хотѣлъ присоединиться къ узурпатору Іовину; но потомъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія, узнавъ, что злѣйшій врагъ его Саръ, прибывъ съ Констанціемъ въ Галлію, отложился отъ Гонорія и намѣревался перейти съ своими войсками къ Іовину. Атаульфъ съ частью своихъ готовъ пошелъ противъ Сара, одержалъ надъ нимъ побѣду, послѣ упорной защиты взялъ его въ плѣнъ и умертвилъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Между тѣмъ онъ снова вступилъ въ переговоры съ Гоноріемъ и въ то же время побѣдилъ и умертвилъ Іовина. Впрочемъ, готы не могли держаться въ опустошенной Галліи, не получая съѣстныхъ припасовъ изъ другихъ странъ. Гонорій обѣщалъ имъ прислать продовольствіе; но не сдержалъ или лучше сказать не хотѣлъ сдержать своего обѣщанія. Предоставленный самому себѣ, Атаульфъ напалъ на Марсель, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ римскимъ военачальникомъ Бонифаціемъ. Послѣдующія событія неизвѣстны. Мы знаемъ только, что Гонорій, послѣ долгихъ проволочекъ, согласился на бракъ Атаульфа съ плѣнною Плацидіею, и что готскій предводитель превосходно отпраздновалъ свою свадьбу въ Нарбоннѣ (414). Вскорѣ Атаульфъ снова разсорился съ римскимъ дворомъ. Полководецъ Констанцій, которому Гонорій еще прежде обѣщалъ руку своей сестры и который пользовался огромнымъ вліяніемъ при равенскомъ дворѣ, возобновилъ военныя дѣйствія противъ готовъ и прекратилъ подвозъ къ нимъ припасовъ. Готы не могли долѣе держаться въ Галліи и перешли въ Испанію, опустошая все на пути. Чрезъ полгода Атаульфъ (415) былъ умерщвленъ однимъ готомъ, надъ наружностью котораго онъ позволялъ себѣ насмѣхаться. По другимъ извѣстіямъ виновниками смерти Атаульфа были друзья умерщвленнаго имъ Сара, принужденные правительствомъ служить въ войскѣ Атаульфа. Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что послѣ Атаульфа королемъ сдѣлался братъ Сара, Зигрейхъ.

Во все продолженіе своего кратковременнаго правленія новый король чрезвычайно жестоко обращался со вдовою Атаульфа Плоцидіею и съ его дѣтьми отъ перваго брака. Несчастныя должны были, подобно обыкновеннымъ плѣннымъ, идти пѣшкомъ за войскомъ и передъ конемъ Зигрейха. Впрочемъ, дѣйствительно ли готскій король обращался такъ съ Плацидіею, положительно неизвѣстно. Черезъ семь дней послѣ своего избранія, Зигрейхъ былъ убитъ, а на мѣсто его избранъ изъ среды самихъ готовъ нѣкто Валлія. Новый предводитель овладѣлъ южнымъ берегомъ Испаніи и отправилъ свои корабли для завоеванія Африки. Но предпріятіе это не удалось. Въ гибралтарскомъ проливѣ флотъ былъ застигнутъ бурею, и большая часть готовъ погибло. Страдая въ опустошенной Испаніи

отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, Валлія съ радостью согласился на миръ, предложенный ему Гоноріемъ и возвратилъ Плацидію брату, который немедленно отдалъ ее въ замужество за Констанція. Король готовъ обязался изгнать вандаловъ, свевовъ и алановъ, проникшихъ въ Испанію, а Гонорій съ своей стороны послалъ готамъ необходимые съѣстные припасы и позволилъ имъ поселиться въ южной Галліи. Валлія истребилъ почти всѣхъ алановъ, и послѣ упорной борьбы оттѣснилъ въ горы Галлиціи свевовъ и вандаловъ, къ которымъ присоединилась часть алановъ. Послѣ того готы поселились на сѣверъ отъ Пиринеевъ и столицею ихъ королевства сдѣлалась Тулуза.

7. Переселенія вандаловъ и гунновъ и исторія римской имперіи въ это время.

Констанцій, послѣ своего брака съ Плацидіею, сдѣлался настоящимъ правителемъ Западной имперіи, и въ 421 году принялъ титулъ Августа. Впрочемъ, онъ вскорѣ умеръ. Вдова его, къ которой перешла по наслѣдству вся власть Констанція, вступила въ упорную борьбу съ своимъ братомъ. Подкрѣпляемая партіей готовъ, она такъ энергически стояла за свои права, что Гонорій принужденъ былъ изгнать ее изъ Италіи съ ея дѣтьми отъ втораго брака, Гоноріею и Валентиніаномъ III. Плацидія удалилась въ Константинополь, гдѣ императоръ Ѳеодосій II, сынъ Аркадія, принялъ ее съ большимъ радушіемъ. Вскорѣ, по прибытій Плацидіи въ Константинополь, умеръ и Гонорій (423), оставивъ имперію въ самомъ жалкомъ положеніи. Внутри государства происходила борьба за престолъ; извнѣ имперіи грозила не меньшая опасность. Бургунды заняли страну около Юры до самаго Лангра, алеманны—Эльзасъ и Лотарингію, а франки — весь сѣверовостокъ Франціи. Въ Британіи и Арморикѣ, а также въ странахъ между Соммою и кальвадосскими скалами, жители, оставленные римскимъ войскомъ, отказали императору въ повиновеніи. Гунны, проникшіе уже до самой Венгріи, грозили войною и грабежомъ и греческой и латинской части имперіи.

Ѳеодосій II, вступившій на престолъ въ 408 году, подобно большей части византійскихъ императоровъ, былъ слѣпымъ орудіемъ женщинъ, духовенства и придворныхъ, и проводилъ все свое время въ удовольствіяхъ и набожныхъ обрядахъ. Въ продолженіе шести лѣтъ своего царствованія онъ находился подъ опекою префекта Анѳеимія, искусно управлявшаго государствомъ. Потомъ преобладающимъ вліяніемъ на него пользовались сначала сестра его, Пульхерія, а за нею супруга его, Евдокія, ученая, образованная аѳинянка, отличавшаяся своею страстью къ пышности и внѣшнимъ благочестіемъ. Въ Равеннѣ, по смерти Гонорія, придворные избрали императоромъ бывшаго министра, Іоанна. Византійскій дворъ обѣщалъ помочь императрицѣ Плацидіи овладѣть Западною имперіею, взявъ съ нее обязательство въ вознагражденіе за то уступить Византійской имперіи часть восточныхъ пограничныхъ провинцій. Въ Италію было послано греческое войско подъ начальствомъ Аспара, но дѣло приняло опасный оборотъ. Получивъ извѣстіе о приближеніи грековъ, главнокомандующій западныхъ войскъ, Аэцій, призвалъ на помощь гунновъ. Къ счастью, гунны явились слишкомъ поздно. Посредствомъ измѣны греки овладѣли Равенною, взяли Іоанна въ плѣнъ и умертвили его. О дальнѣйшемъ ходѣ войны мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Повидимому, греки разбили Аэція и его гунновъ; но если это справедливо, то непонятно, почему вскорѣ послѣ того врагъ Плацидіи получилъ отъ нея же должность перваго полководца и министра Западной имперіи. Какъ бы то ни было, гунны возвратились домой, а Плацидія съ шестилѣтнимъ сыномъ своимъ взошла на престолъ; Аэцій же не только примирился съ императрицей, но и пріобрѣлъ значительное вліяніе при ея дворѣ.

Самымъ важнымъ слѣдствіемъ возвышенія Аэція была потеря провинціи Африки, намѣстникомъ которой былъ знаменитый полководецъ Бонифацій. Хотя онъ одинъ изъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ не призналъ императоромъ похитителя престола, Іоанна, и съ самаго начала объявилъ себя въ пользу Плацидіи и

ея сына, но, находясь издавна во враждѣ съ Аэціемъ, онъ раздражилъ еще придворное духовенство, женившись на аріанкѣ. Послѣ этого неудивительно, что въ Равеннѣ употребляли всевозможныя усилія, чтобы лишить Бонифація такой важной должности, какъ намѣстничество въ Африкѣ, и что Бонифацій, по наущенію своихъ враговъ, рѣшился прибѣгнуть къ возмущенію. О событіяхъ, сопровождавшихъ паденіе Бонифація, мы имѣемъ только извѣстія довольно недостовѣрнаго историка, который еще вдобавокъ противорѣчитъ свидѣтельствамъ другаго современнаго писателя. По словамъ этого послѣдняго писателя, Аэцій, своими низкими интригами вынудившій намѣстника Африки возстать противъ правительства, былъ человѣкъ откровенный, честный и вѣрный. Первый же историкъ говоритъ, что императрица стала подозрѣвать Бонифація и отозвала намѣстника для того только, чтобы испытать его вѣрность. Но въ то же время Аэцій тайно посовѣтовалъ своему сопернику не исполнять требованія императрицы, увѣривъ Бонифація, что она хочетъ арестовать его немедленно по прибытіи его въ Италію. Бонифацій, обманутый этою интригою, не исполнилъ требованія императрицы, и когда поступокъ его былъ сочтенъ за открытую измѣну, рѣшился произвести возстаніе. Если весь этотъ разсказъ справедливъ, то нельзя не сожалѣть о судьбѣ римской имперіи. Такія низкія средства къ удовлетворенію самолюбія употреблялъ человѣкъ, оказавшій въ послѣднее время, предъ возмущеніемъ Бонифація, важныя услуги имперіи. Со времени восшествія на престолъ Плацидіи не проходило почти ни одного года, чтобы Аэцій не отличился какимъ-нибудь славнымъ и полезнымъ предпріятіемъ. Онъ счастливо воевалъ съ бургундами, алеманнами и франками; возстановилъ славу римскаго оружія на восточныхъ границахъ Галліи, въ Норикѣ и Винделиціи; дважды отбилъ вестготовъ, осаждавшихъ одинъ римскій городъ, и разными переговорами такъ расположилъ къ себѣ гунновъ, что они перестали нападать на латинскую имперію, направляя свои набѣги преимущественно на Востокъ.

Въ то время какъ Бонифацій отказалъ императрицѣ въ повиновеніи, провинція Африка находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Недоступная для восточныхъ и сѣверныхъ варваровъ, она наслаждалась до тѣхъ поръ всѣми выгодами мира. Страсть къ литературѣ и поэзіи была здѣсь сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ имперіи. Но за то нигдѣ религіозный фанатизмъ и соединеніе мечтательной набожности съ расточительностью не развились въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, какъ въ Африкѣ. Донатисты, а въ особенности самая фанатическая часть ихъ, такъ называемые циркумцелліоны, вынужденные жестокими преслѣдованіями западнаго правительства, находившагося подъ вліяніемъ духовенства, составили настоящую политическую партію и, пользуясь своими связями и фанатизмомъ черни, производили насилія, жестокости и убійства. У донатистовъ было не менѣе пяти сотъ епископовъ, и уже одно это можетъ служить доказательствомъ, какую ошибку сдѣлало правительство, доведя до отчаянья столь многочисленную часть населенія Африки. Африка была поставлена въ такое же положеніе, какое, время отъ времени, испытываетъ теперь Ирландія. Духовенство такъ же подстрекало правительство на преслѣдованіе донатистовъ, какъ англиканскіе епископы вынуждаютъ правительство Англіи преслѣдовать ирландскихъ католиковъ. Порядокъ и безопасность совершенно исчезли въ Африкѣ. Должностныя лица, опасаясь за свою жизнь, не могли наблюдать за исполненіемъ законовъ. Донатисты разрушали церкви, мучили православныхъ, и въ особенности православное духовенство, и были такъ же изобрѣтательны на мученія, какъ впослѣдствіи въ тѣхъ же странахъ почитатели ислама. Къ несчастью, въ то же самое время на страну стали нападать извнѣ кочевые народы, а внутри частыя возмущенія намѣстниковъ уничтожили все ея благосостояніе. Въ такихъ обстоятельствахъ Бонифацію, когда онъ отложился отъ Плацидіи, нужно было и защищать провинцію отъ пограничныхъ народовъ, и отражать нападенія со стороны Италіи. Поэтому онъ рѣшился призвать на помощь вандаловъ, которые незадолго предъ тѣмъ утвердились въ южной Испаніи. Вандалы, въ жилахъ которыхъ текла смѣсь германской и сарматской крови, отличались отъ всѣхъ народовъ германскаго происхожденія своею грубостью и жестокостью, сохранившимися у нихъ до самаго конца ихъ существованія. Даже христіанство, которое они приняли во время своихъ переселеній, не измѣнило ихъ характера, а сдѣ-

лало ихъ, кажется, еще грубѣе, потому что явилось у нихъ въ формѣ аріанства. Во время Бонифація, королемъ или, лучше сказать, предводителемъ вандаловъ былъ Гейзерихъ, соединявшій въ себѣ дикость и грубость варвара съ коварствомъ и мстительностью испанца и жестокостью африканскаго тирана. По смерти брата своего Гундериха, Гейзерихъ насильственно овладѣлъ правленіемъ, умертвивъ вдову и дѣтей своего брата. Онъ принялъ приглашеніе Бонифація и переправился чрезъ Гибралтарскій проливъ съ восьмидесятью тысячами вандаловъ, между которыми, впрочемъ, было только тридцать тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе (429).

Тотчасъ по высадкѣ, вандалы, подобно стаѣ хищныхъ звѣрей, распространились по провинціи, не обращая никакого вниманія на призвавшаго ихъ Бонифація. Многіе еретики изъ туземцевъ присоединились къ нимъ и вмѣстѣ съ ними производили страшныя насилія. Объ освобожденіи провинціи отъ варваровъ нельзя было и думать, если бы даже православные жители Африки и не были ослаблены своимъ распутствомъ. Какія ужасныя муки терпѣло православное населеніе, мы можемъ видѣть въ сочиненіи одного епископа, спасшагося отъ преслѣдованія. Вандалы и ихъ союзники разрушали великолѣпныя зданія и цѣлые города, убивали людей и опустошали поля и плантаціи только для того, чтобы несчастные, спасшіеся отъ мучителей въ пещеры и ущелья, по возвращеніи оттуда, не находили средствъ существованія. Всего ужаснѣе поступали вандалы съ духовенствомъ, женщинами и лицами высшихъ сословій. Они мучили и пытали духовныхъ для того, чтобы несчастные открыли, гдѣ хранятся церковныя сокровища, а если варварамъ удавалось вынудить признаніе, то ихъ снова пытали, чтобы поживиться еще чѣмъ-нибудь. Ни одинъ священникъ не смѣлъ оставаться въ своей общинѣ. Людей знатныхъ фамилій и даже старцевъ вандалы заставляли таскать страшныя тяжести, подгоняя ихъ кинжалами, разбивали дѣтей о камни или, схвативъ ихъ за ноги, разрубали мечемъ. Не имѣя возможности, при своемъ незнаніи осаднаго искусства, овладѣть укрѣпленными городами, вандалы принуждали ихъ къ сдачѣ, прогоняя къ стѣнамъ цѣлыя толпы людей, убивая ихъ тамъ и разбрасывая гніющіе трупы около города; воздухъ заражался, являлись болѣзни и непріятель бывалъ вынужденъ сдаться. Эти жестокости не прекратились даже и тогда, когда варвары совершенно покорили страну. Они не поселились въ ней окончательно, какъ прочія германскія племена, а подобно туркамъ въ Алжирѣ составили разбойничью общину, проводя время въ грабежѣ и распутствѣ и поступая съ земледѣльческимъ и промышленнымъ классами, какъ съ гелотами (т. I. стр. 138), рожденными, по понятіямъ варваровъ, только для того, чтобы служить своимъ повелителямъ. Бонифацій скоро раскаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, потому что потерпѣлъ отъ варваромъ гораздо больше вреда, чѣмъ сколько могъ ожидать отъ римлянъ. Онъ вступилъ съ Плацидіей въ переговоры, въ которыхъ ему много содѣйствовалъ Святой Августинъ, скончавшійся вскорѣ послѣ этого, во время четырнадцати мѣсячной осады города Гиппона (430). Примиреніе состоялось; но вандалы отказались возвратиться въ Испанію, по требованію Бонифація. Для изгнанія ихъ римское правительство поручило Бонифацію начальство надъ войсками, и даже византійскій дворъ, владѣніямъ котораго въ Киренѣ также угрожали варвары, выслалъ противъ нихъ войско подъ предводительствомъ храбраго Аспара. Но ни Бонифацій, ни Аспаръ не могли изгнать вандаловъ. Оба они были разбиты и принуждены отступить съ своими войсками. Гиппонъ, Карѳагенъ и Цитра, единственные города, долго сопротивлявшіеся вандаламъ, очутились въ ихъ рукахъ. Варвары овладѣли всею провинціею.

Бонифацій, прибывъ въ Равенну, успѣлъ пріобрѣсть довѣріе императрицы, и въ то время, какъ Аэцій велъ войну съ варварами на нижнемъ Рейнѣ, получилъ отъ Плацидіи званіе верховнаго правителя имперіи. Аэцій, въ высшей степени оскорбленный этимъ, снова соединился съ гуннами и двинулся противъ Бонифація въ Италію. Между двумя полководцами произошла кровопролитная битва. Бонифацій, одержавшій побѣду, былъ смертельно раненъ (432). Аэцій же поспѣшилъ къ своимъ прежнимъ друзьямъ, гуннамъ, и, набравъ новыя войска, возобновилъ военныя дѣйствія. Себастіанъ, которому Плацидія по смерти Бонифація поручила главное начальство надъ войсками, призвалъ на помощь го-

товъ. Такимъ образомъ римскіе полководцы и войска сражались другъ противъ друга съ помощью народовъ, грозившихъ цивилизаціи и даже существованію имперіи. Себастіанъ не могъ бороться съ своимъ противникомъ, и Плацидія должна была примириться съ Аэціемъ, который послѣ того сдѣлался еще могущественнѣе, чѣмъ прежде (433). Конечно, Аэцій не могъ послѣ этого довѣрять правительству, и, само собою разумѣется, долженъ былъ поддерживать свои связи съ гуннами. Вслѣдствіе того гунны пріобрѣли вліяніе на судьбу имперіи, увеличившееся еще болѣе потому, что около этого времени они соединились подъ властью очень предпріимчиваго вождя. До тѣхъ поръ они нападали на отдѣльныя провинціи безъ всякаго опредѣленнаго плана, и потому не были опасны для имперіи и ея существованія, тѣмъ болѣе, что были раздѣлены на множество отдѣльныхъ племенъ. Но такой порядокъ вещей измѣнился, когда одинъ изъ ихъ вождей, Аттила, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Бледою, подчинилъ себѣ или умертвилъ прочихъ князей (433). Даже тѣ изъ нихъ, которые бѣжали въ греческія владѣнія, были выданы Аттилѣ и его брату по условіямъ позорнаго мира, состоявшагося между ними и Ѳеодосіемъ II. Съ этихъ поръ всѣ гуннскія орды признали власть двухъ братьевъ, которые вскорѣ покорили всѣ племена, обитавшія между Каспійскимъ моремъ и западными границами Венгріи. Еще до нашествія на имперію, Аттила вынудилъ константинопольское правительство платить ежегодную дань, а по упомянутому договору увеличилъ ее вдвое. Хотя Аэцій установилъ дружескія связи между латинскимъ правительствомъ и гуннами, но не смотря на то повелитель Западной имперіи, точно такъ же, какъ и византійскій императоръ, повиновался каждому мановенію Аттилы. Связь съ гуннами была выгодна для имперіи только потому, что на время защищала западныя провинціи отъ нападенія Аттилы. Властитель гунновъ съ своей стороны извлекъ пользу изъ этого союза, переманивъ изъ Италіи въ свою службу множество даровитыхъ и образованныхъ людей, которыхъ впослѣдствіи употреблялъ для дипломатическихъ сношеній съ образованными народами. Между перешедшими къ Аттилѣ римлянами замѣчательнѣе всѣхъ былъ Орестъ, котораго вмѣстѣ съ однимъ извѣстнымъ своею хитростью гунномъ, Эдекономъ, Аттила употреблялъ для веденія переговоровъ.

Честолюбивому Аттилѣ надоѣло наконецъ раздѣлять власть со своимъ братомъ, и потому онъ умертвилъ Бледу (около 444 г.). Съ этихъ поръ онъ сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ огромнаго варварскаго царства и значительно распространилъ его, покоривъ многія германскія племена, какъ, напримѣръ, остготовъ, впослѣдствіи сдѣлавшихся для римлянъ еще опаснѣе гунновъ. Число людей, которыхъ Аттила могъ вывести на войну, невѣроятно. Впрочемъ, покоренныя націи сохранили свои прежнія учрежденія и управленіе, и всѣ ихъ обязанности въ отношеніи къ новому повелителю ограничивались военною службою и платежемъ ежегодной подати, ничтожной въ сравненіи съ римскими налогами. Аттила строго наблюдалъ за правосудіемъ и не терпѣлъ притѣсненій чиновниковъ, и потому неудивительно, что греки и римляне, въ особенности же художники и промышленники, тысячами переходили къ Аттилѣ. Чрезъ нихъ-то гунны и познакомились со всѣми родами роскоши и комфорта. Жизнь этихъ варваровъ представляла удивительное смѣшеніе азіатскихъ нравовъ и азіатской дикости съ греко-римскою утонченностью. Дворъ Аттилы не уступалъ въ роскоши дворамъ Константинополя и Равенны. Его полководцы, придворные и многочисленныя жены привыкли къ употребленію ковровъ и бань и къ великолѣпно отдѣланнымъ комнатамъ. На торжественныхъ пирахъ подавались серебряныя блюда и греческія кушанья, и даже лошади украшались разными драгоцѣнностями. Одинъ царь оставался вѣренъ древнимъ обычаямъ: ѣлъ и пилъ изъ деревянныхъ чашъ и употреблялъ такую же пищу, какъ простые монгольскіе пастухи. Вообще Аттила вмѣстѣ съ дикостью и суровостью гуннскаго завоевателя обнаруживалъ большія правительственныя способности. Въ немъ было много твердости, благоразумія и отваги, внушавшихъ его подчиненнымъ чувство страха и уваженія къ нему. Для объясненія слѣпаго подчиненія Аттилѣ покоренныхъ имъ народовъ, намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ древней легендѣ о томъ, что Аттила нашелъ въ землѣ огромный мечъ, который, по мнѣнію гунновъ, далъ ему богъ войны, какъ знакъ его владычества надъ міромъ. Этотъ мечъ почитался, вѣроятно, священнымъ у

одного какого-нибудь племени, и Аттила только изрѣдка пользовался этимъ вѣрованіемъ для своихъ цѣлей.

Могущество вождя гунновъ было очень опасно для римской имперіи. Не смотря на договоры съ греками и платежъ ими значительной дани, Аттила часто грабилъ пограничныя провинціи и пользовался переговорами съ греками для обогащенія своихъ придворныхъ, которые, какъ послы, получали по тогдашнему обычаю богатые дары. Правительство исполняло всѣ требованія Аттилы, но его орды все-таки безпрестанно наводняли и опустошали сѣверныя провинціи греческой имперіи. Въ половинѣ пятаго вѣка Аттила разсорился съ латинскимъ правительствомъ. Исторія этого разрыва весьма романтична. Сестра Валентиніана III, Гонорія, отличалась своею страстною натурою, и потому мать ея, Плацидія, поступала съ нею съ необыкновенною строгостью. Наконецъ Гонорія получила титулъ Августы или императрицы, но подъ условіемъ оставаться безбрачною всю жизнь. Надзоръ надъ нею еще болѣе усилился, когда она сдѣлалась виновна въ одномъ проступкѣ. Чтобы освободиться отъ тяжкаго ига, эта принцесса предложила царю гунновъ свою руку, пославъ ему кольцо. Аттила потребовалъ отъ Валентиніана не только согласія на бракъ, но и часть имперіи въ приданое за его сестрою. Латинское правительство отказало въ этомъ требованіи, но Аттила упорно стоялъ на своемъ, потому что долженъ былъ прекратить свои набѣги на Востокъ и обратить свое вниманіе на Западъ, такъ какъ новый восточный императоръ, Маркіанъ, человѣкъ, отличавшійся военными талантами, дѣятельный и энергическій, успѣшно защищалъ свои владѣнія отъ гунновъ. Въ одно время съ гуннами собрались напасть на Западную имперію и вандалы. Тиранъ, управлявшій ими, старался вступить въ сношенія съ вестготами и женилъ своего сына Гунneриха на дочери вестготскаго короля, Теодориха. Но въ скоромъ времени Гейзерихъ разсорился съ своей невѣсткою и, обрѣзавъ ей носъ и уши, отослалъ къ отцу. Въ отмщеніе за то, Гейзерихъ долженъ былъ ожидать войны, которая была бы для него тѣмъ опаснѣе, что по его соображеніямъ римскій императоръ могъ соединиться съ Теодорихомъ. Поэтому Гейзерихъ старался защитить себя отъ обоихъ враговъ союзомъ съ Аттилою, который, собравъ всѣ войска подвластныхъ ему народовъ, двинулся въ Галлію. Онъ направился въ эту страну, а не въ Италію потому, что хотѣлъ прежде побѣдить царя вестготовъ, а потомъ уже напасть на римскаго императора. Аэцій тотчасъ же поспѣшилъ въ Галлію и соединилъ подъ своимъ начальствомъ вестготовъ, бургундовъ, часть франковъ и другія германскія племена Галліи для общей защиты страны.

Походъ Аттилы былъ подобенъ переселенію народовъ. Всѣ германскія и сарматскія племена, обитавшія между Рейномъ и Тиссою, были принуждены принять въ немъ участіе. Во Франціи къ Аттилѣ присоединилась часть франковъ, а остальные, подъ начальствомъ Меровея, примкнули къ Аэцію. Аттила двинулся къ сѣверо-западу Галліи и проникъ до Орлеана. Здѣсь онъ выказалъ себя опытнымъ полководцемъ. Орлеанъ послѣ продолжительной осады былъ взятъ, но Аттила немедленно оставилъ этотъ городъ, получивъ извѣстіе о приближеніи римско-вестготскихъ войскъ, и двинулся въ равнины нынѣшней Шампани, гдѣ ему представлялась возможность употребить въ дѣло всю массу своего войска и многочисленную конницу. Здѣсь на такъ называемыхъ Каталаунскихъ поляхъ произошла рѣшительная битва (451). Обыкновенно полагаютъ, что сраженіе было дано при Шалонѣ на Марнѣ; но по всей вѣроятности, поле битвы было далеко отъ этого города. Каталаунская битва, рѣшившая судьбу Запада, была одною изъ самыхъ кровопролитныхъ во всей исторіи, хотя нельзя не считать преувеличенными разсказовъ современниковъ о томъ, что на мѣстѣ сраженія осталось сто шестьдесятъ или даже триста тысячъ человѣкъ. Цѣлый день продолжалась битва на необозримой равнинѣ, и обѣ стороны постоянно вводили въ дѣло свѣжія войска. Напрасно гунны хотѣли съ обычной быстротой прорвать непріятельскій строй; они были отбиты, и Аттила только цѣною страшныхъ усилій могъ спасти окопы, за которыми находились его обозъ и лагерь. Одержавъ побѣду, римляне сочли за лучшее не нападать на лагерь Аттилы и позволили гуннамъ отступить безпрепятственно на другой берегъ Рейна. Впрочемъ, вскорѣ послѣ битвы союзное войско раздѣлилось, и вестготы, бургунды и франки, раз-

сѣясь по всей Галліи, опустошили то, что уцѣлѣло отъ гунновъ, и раздѣлили между собою почти всю страну.

Аттила не отказался отъ мысли о нападеніи на римскую имперію, а только измѣнилъ направленіе своего похода, и въ 452 г., вторгнувшись въ Италію, дошелъ до рѣки По. Аэцій принялъ всѣ мѣры, чтобы не допустить гунновъ въ среднюю Италію. Въ опустошенной Ломбардіи варвары терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, а нездоровыя мѣстности по рѣкѣ По были для нихъ гибельнѣе, чѣмъ самыя кровопролитныя битвы. Въ такихъ обстоятельствахъ Аэцій могъ ожидать многаго отъ дипломатическихъ переговоровъ, и потому отправилъ къ Аттилѣ посольство, въ которомъ находился и римскій епископъ Левъ Великій. Гунны дѣйствительно рѣшились возвратиться въ Паннонію. Преданіе объясняетъ это чудомъ и говоритъ, что молитвами папы Льва Аттилѣ явились во снѣ апостолы Петръ и Павелъ, угрожая ему судьбою Алариха, умершаго вскорѣ послѣ разграбленія Рима, и такъ устрашили Аттилу, что онъ рѣшился возвратиться. Вѣроятно, римскіе послы, чтобы возбудить страхъ въ суевѣрномъ предводителѣ гунновъ, воспользовались народнымъ повѣрьемъ, что внезапная смерть Алариха была наказаніемъ за грабежъ Рима; но главною причиною удаленія варваровъ было опасное положеніе ихъ въ Верхней Италіи. Къ счастью для имперіи, Аттила умеръ на слѣдующій годъ (453). Преемники завоевателя не обладали его личными достоинствами и талантами, и потому вся опасность со стороны гунновъ прекратилась по его смерти. Сыновья Аттилы разсорились между собою, покоренные народы освободились, великое царство ихъ распалось, и гунны удалились за Прутъ, не оставивъ въ римской имперіи кромѣ опустошеній никакихъ другихъ слѣдовъ своего пребыванія. Вмѣсто гунновъ, подвластные имъ гепиды основали обширное государство въ Венгріи, а на югѣ и востокѣ этого государства поселились остготы.

8. Паденіе Западной римской имперіи.

Послѣ пораженія гунновъ, Валентиніанъ III могъ бы возсоздать свою имперію, еслибъ только, сознавъ свою умственную слабость, безусловно ввѣрился Аэцію. Но ни Валентиніанъ, ни его придворные не были способны цѣнить заслуги по достоинству. Валентиніанъ утопалъ въ сладострастіи и роскоши и, сдѣлавшись игрушкою своихъ страстей, наносилъ самыя возмутительныя оскорбленія многимъ знатнымъ фамиліямъ. Жалкіе участники его оргій старались возбудить въ немъ подозрѣніе къ Аэцію, можетъ быть, не лишенное нѣкотораго основанія, и увѣрили императора, что Аэцій хочетъ утвердить на престолѣ свою собственную фамилію. Императоръ, кромѣ предательскаго убійства, не зналъ другаго средства избавиться отъ тягостной и ненавистной для него опеки и, задумавъ это злодѣйство, собственноручно привелъ его въ исполненіе. Въ 454 г. Аэцій лишился жизни, но въ слѣдующемъ же году и самъ Валентиніанъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ придворныхъ, Максимомъ, жену котораго онъ соблазнилъ. Убійца былъ провозглашенъ императоромъ, а вдова Валентиніана Евдоксія, дочь Ѳеодосія II и Евдокіи, была принуждена вступить въ бракъ съ виновникомъ смерти ея мужа. Желая отдѣлаться отъ ненавистнаго ей Максима, она обратилась съ просьбою о помощи къ королю вандаловъ Гейзериху, который въ послѣднее время жизни Валентиніана находился съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Просьба Евдоксіи была исполнена, и Гейзерихъ явился въ устьѣ Тибра, не заботясь впрочемъ объ интересахъ семейства Валентиніана, а разсчитывая только на богатую военную добычу. Объятые ужасомъ, римляне взбунтовались, и Максимъ, послѣ трехмѣсячнаго царствованія, былъ убитъ.

Въ то время, какъ къ нему приближались вандалы, Римъ не имѣлъ ни императора, ни войска. Напрасно посылали къ Гейзериху папу Льва, извѣстнаго своимъ посольствомъ къ Аттилѣ. Гейзерихъ не позволилъ застращать себя такъ, какъ Аттилу, и обѣщалъ только, при опустошеніи Рима, не прибѣгать къ огню и мечу. Четырнадцать дней грабили вандалы Римъ (454 г.) и перетащили на свои корабли не только все движимое имущество частныхъ лицъ, но и обще-

ственныя сокровища, древнія статуи, украшавшія улицы и площади Рима, вызолоченную кровлю Капитолія и даже священные сосуды. Во время переѣзда вандаловъ въ Африку погибли самые драгоцѣнные памятники искусствъ; впрочемъ сказаніе о томъ, что изъ всѣхъ вандальскихъ кораблей утонулъ только одинъ, нагруженный лучшими произведеніями искусства, едва ли заслуживаетъ вѣры. Но, что было всего хуже, вандалы, подобно алжирцамъ прошлаго столѣтія, смотрѣвшіе на человѣка, какъ на военную добычу, захватили въ плѣнъ множество знатныхъ гражданъ, въ надеждѣ получить отъ ихъ родственниковъ большой выкупъ. Въ числѣ плѣнныхъ была привезена въ Африку и Евдоксія съ своими дочерьми; если плѣнные не откупались, съ ними поступали самымъ безчестнымъ образомъ. Въ Африкѣ разлучали даже женъ отъ мужей и дѣтей отъ родителей, и продавали ихъ поодиночкѣ. Но это варварство дало возможность выказаться въ полномъ блескѣ трогательнымъ чувствамъ гуманности и состраданія нѣкоторыхъ лицъ, и здѣсь-то обнаружилось вполнѣ благодѣтельное вліяніе христіанской религіи. Епископъ карѳагенскій Деограцій, продавъ золотые и серебрянные церковные сосуды, употребилъ вырученныя деньги на то, чтобы по крайней мѣрѣ соединить вмѣстѣ разлученныхъ супруговъ и дѣтей, и не колеблясь, обращалъ храмы въ жилища и госпитали для выкупленныхъ плѣнниковъ. Не зная покоя ни днемъ, ни ночью, онъ посвящалъ все свое время утѣшенію и вспомоществованію несчастныхъ, возбуждая соревнованіе себѣ въ женщинахъ своей епархіи. Точно также поступилъ въ Италіи еще прежде, чѣмъ плѣнные были разсажены по кораблямъ, епископъ Нолы, Паулинъ, который наконецъ самъ отдался въ руки варваровъ, чтобы освободить сына одной вдовы, просившей у него помощи.

По удаленіи вандаловъ изъ Италіи, императоромъ сдѣлался римскій полководецъ Авитъ, находившійся въ то время у вестготовъ, куда онъ былъ посланъ Максимомъ для переговоровъ. Вестготы по смерти Максима обѣщали Авиту свою помощь, и онъ провозгласилъ себя императоромъ (455 г.). Признанный въ Галліи и Италіи, Авитъ, подобно Валентиніану III, предался наслажденіямъ, и уже въ слѣдующемъ году лишился престола. Готъ Рихимеръ, предводитель наемныхъ войскъ имперіи, и Маіоріанъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ Италіи, произвели противъ него возмущеніе и заставили его отказаться отъ престола. Рихимеръ провозгласилъ императоромъ своего друга Маіоріана, а самъ сталъ управлять его именемъ. Впрочемъ, имперія въ это время уже совершенно распалась. Въ правленіе преемниковъ Валентиніана III она ограничивалась тою только областью, гдѣ находился императоръ. Западъ былъ въ рукахъ наводнившихъ его воинственныхъ народовъ. Въ Африкѣ господствовали вандалы. На противоположномъ берегу моря вестготы мало-по-малу распространили свои владѣнія отъ Роны и Луары до западныхъ береговъ Португаліи. Владѣнія бургундовъ расширились постепенно отъ Валлиса до Лангра и Авиньона. Большую часть Швейцаріи и лѣвый берегъ Рейна до Кобленца заняли алеманны. Въ Иль-де-Франсѣ и сосѣднихъ областяхъ поселились франки. Арморика и занятая бриттами Бретань сдѣлались совершенно самостоятельными. Въ окрестностяхъ Суассона полководецъ Эгидій поддерживалъ еще господство римлянъ, но тотчасъ по смерти Маіоріана провозгласилъ себя независимымъ. Замѣчательно, что сосѣдніе франки, изгнавъ своего государя, поставили на его мѣсто Эгидія, который и передалъ власть сыну своему, Сіагрію. Жители Британіи, оставленные римлянами, въ 449 г. призвали изъ Германіи англовъ и другія саксонскія племена, чтобы найти у нихъ защиту отъ нападеній шотландцевъ. Саксы, явившіеся подъ предводительствомъ Генгиста и Горзы, уже не покидали острова, и постоянно умножались новыми толпами германскихъ выходцевъ. Такимъ образомъ бритты должны были въ одно и тоже время вести войну и съ новыми пришельцами, и съ шотландцами.

Въ то время какъ совершалось разложеніе Западной римской имперіи, энергическіе государи, Маркіанъ, и преемникъ его, Левъ I, посредствомъ радикальныхъ преобразованій, придали новыя силы Восточной имперіи. Поэтому Византійская имперія снова получила преобладающее вліяніе надъ Западомъ; Маіоріанъ и Рихимеръ присягнули даже восточному императору. Славное правленіе Маіоріана (457 — 461) замѣчательно нѣкоторыми превосходными распоряженіями императора, который отличался неутомимою дѣятельностью, но все-таки былъ не

въ силахъ поддержать развалины дряхлой имперіи. Предводители отдѣльныхъ корпусовъ войска и цѣлые отряды, составленные изъ варваровъ, не слушались его приказаній. Походъ Маіоріана противъ вандаловъ, сначала не обѣщавшій успѣха, окончился для него очень счастливо: Гейзерихъ принужденъ былъ просить мира и на время прекратилъ свои хищническіе набѣги. Всего счастливѣе дѣйствовалъ императоръ въ Галліи, гдѣ онъ отнялъ у бургундовъ, франковъ и вестготовъ часть ихъ завоеваній. Въ то время, какъ Маіоріанъ собирался возвратиться въ Римъ, Рихимеръ, желавшій ограничить вліяніе и притязанія Маіоріана, низвергнулъ и умертвилъ его съ помощью солдатъ, а императоромъ провозгласилъ Севера. Новый императоръ имѣлъ такъ мало значенія для имперіи, что ни правленіе его, ни смерть (465) не сопровождались рѣшительно никакими перемѣнами, потому что въ сущности единственнымъ правителемъ государства оставался Рихимеръ. По смерти Севера и послѣ двухлѣтняго управленія подъ именемъ греческаго императора Льва, Рихимеръ согласился отдать римскій престолъ зятю Маркіана, Анѳимію, съ тѣмъ, чтобы послѣдній отдалъ свою дочь за Рихимера. Анѳимій былъ съ восторгомъ встрѣченъ въ Италіи. Прежде всего онъ постарался защитить имперію отъ морскихъ разбоевъ вандаловъ, и для того, вступивъ въ союзъ съ императоромъ Львомъ, вмѣстѣ съ нимъ снарядилъ флотъ. Предпріятіе было счастливо начато, но успѣху его повредила измѣна греческаго полководца, который пожертвовалъ своему честолюбію ввѣреннымъ ему флотомъ. Съ своей стороны и Рихимеръ продолжалъ стремиться къ достиженію своихъ личныхъ цѣлей, въ ущербъ общественному благу. Рѣшительное паденіе всѣхъ учрежденій и общественнаго духа, которые одни сообщаютъ прочность государству, обнаруживалось повсемѣстно. Рихимеръ, жившій въ Медіоланѣ и управлявшій своею областью почти независимо отъ Анѳимія, часто находился съ нимъ въ открытой враждѣ. Греческій императоръ Левъ былъ въ такихъ же отношеніяхъ къ своему всемогущему полководцу Аспару, помогшему ему завладѣть престоломъ, но освободился отъ него посредствомъ убійства. Рихимеръ, опасаясь, можетъ быть, участи Аспара, внезапно собралъ свое войско въ Медіоланѣ, двинулся на Римъ, разбилъ Анѳимія и ворвался въ столицу (472). Анѳимій былъ умерщвленъ, а городъ разграбленъ и опустошенъ огнемъ и мечомъ, за исключеніемъ только двухъ кварталовъ, заблаговременно принявшихъ сторону Рихимера. Моровая язва, развившаяся во время осады города, дѣлала это третье опустошеніе Рима еще болѣе ужаснымъ; народъ тысячами умиралъ отъ заразы, и самъ виновникъ этого несчастья сдѣлался ея жертвою: Рихимеръ умеръ черезъ четырнадцать дней послѣ Анѳимія, а еще черезъ мѣсяцъ погибъ отъ той же болѣзни и сенаторъ Олибрій, котораго Рихимеръ провозгласилъ императоромъ (472 г.).

Государство оставалось во власти войска, опустошившаго Римъ. Римская имперія въ Италіи рушилась бы точно такъ же, какъ рушилась она еще прежде въ Галліи и Испаніи: нужно было только, чтобы какое-нибудь сосѣднее племя воспользовалось этою минутой и овладѣло Италіею. Но такого племени не было. Два римскіе полководца, варваръ Одоакръ и римлянинъ Орестъ, долгое время служившій у Аттилы, господствовали каждый въ той провинціи, гдѣ стояли ихъ войска. Въ Равеннѣ, предводитель наемнаго войска, бургундъ Гундибалъ, провозгласилъ императоромъ Глицерія. Но едва Глицерій показался въ Римѣ и признанъ былъ въ санѣ императора сенатомъ, получившимъ нѣкоторое значеніе во время этой неурядицы, какъ явился новый претендентъ на императорскую корону. Это былъ родственникъ восточнаго императора, Юлій Непотъ, котораго провозгласилъ императоромъ византійскій дворъ. Когда новый претендентъ подошелъ къ Риму, Глицерій былъ оставленъ своими солдатами и сенатомъ, выданъ Непоту и принужденъ вступить въ духовное званіе (474). Но черезъ годъ былъ низверженъ и самъ Непотъ. Вся исторія этого печальнаго времени ясно показываетъ, какъ много способствовали быстрому разложенію имперіи возстановленіе значенія сената и существованіе еще старинныхъ государственныхъ учрежденій. Эти учрежденія, уже давно замѣненныя на Востокѣ другими, противорѣчили обстоятельствамъ и духу того времени, которые требовали именно военно-деспотическаго правительства. Полководецъ Орестъ, не признававшій Глицерія, сначала присоединился къ Непоту, но потомъ отпалъ отъ него,

изгналъ его изъ Рима и поставилъ императоромъ своего, еще очень юнаго, сына, Ромула Августула (475).

Одоакръ, остававшійся спокойнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ событій, въ то время, когда рѣшалась участь Непота, велъ войну по ту сторону Альповъ. Видя, что римская имперія падаетъ, онъ убѣдилъ свою армію, состоявшую исключительно изъ германскихъ племенъ, воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы изъ наемныхъ стражей чужой собственности сдѣлаться настоящими собственниками. Войско приняло предложеніе Одоакра и провозгласило его королемъ, двинулось подъ его предводительствомъ въ Италію и безъ особеннаго труда побѣдило Ореста и его сына (476). Орестъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, а сынъ его сосланъ въ одно помѣстье въ Кампаніи. Одоакръ не принялъ императорскаго титула, но назвалъ себя королемъ Италіи и удержалъ за собой новое пріобрѣтеніе. Въ правленіе Одокра, Италія тринадцать лѣтъ наслаждалась спокойствіемъ, котораго не знала уже болѣе столѣтія.

9. Одоакръ и Теодорихъ Великій.

Исторію Западной римской имперіи обыкновенно оканчиваютъ низверженіемъ Ромула Августула; но, собственно говоря, она оканчивается только чрезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ паденія остготскаго владычества, потому что Одоакръ и остготскіе короли, господствовавшіе послѣ него въ Италіи, сохранили въ цѣлости древніе римскіе законы и учрежденія. Только послѣ вторженія лонгобардовъ и покоренія ими остготовъ, Италія распалась окончательно, и изъ существовавшей до сего времени латинской имперіи образовалось множество мелкихъ государствъ.

Одоакръ вовсе не былъ дикимъ варваромъ, опиравшимся только на военную силу. Онъ управлялъ съ благоразумною умѣренностью, и, не смотря на то, что былъ аріаниномъ, обращался кротко со своими православными подданными. Онъ не произвелъ никакой перемѣны въ администраціи и учрежденіяхъ государства; дворъ его былъ устроенъ на тѣхъ же началахъ, какъ императорскій, а должности и титулы сохранили свое прежнее значеніе. Правда, Одоакръ уступилъ своимъ воинамъ третью часть всѣхъ земель, но за то всячески старался щадить туземцевъ: водвореніе варваровъ въ Италіи представляетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что терпѣли итальянцы отъ своихъ соотечественниковъ послѣ сраженія при Филиппахъ (стр. 53). У колоновъ и немногихъ свободныхъ поселянъ земли вовсе не отнимались, а богатые собственники безъ всякаго для себя ущерба могли уступить многое, потому что земли вообще оставались въ запустѣніи. Кромѣ того, варвары, получившіе земли, составляли для Одоакра единственную военную силу; они получали жалованье только тогда, когда находились въ службѣ, такъ что выдача солдатамъ денегъ изъ государственной казны и провіанта изъ казенныхъ магазиновъ совершенно прекратилась.

На одинадцатый или двѣнадцатый годъ своего правленія Одоакръ долженъ былъ собрать всѣ свои войска, разсѣянныя по Италіи, противъ ругіевъ, которые, обитая на Дунаѣ, черезъ Альпы и Крапну проникли на полуостровъ и производили здѣсь страшныя опустошенія. Одоакръ побѣдилъ ихъ, отмстилъ имъ зломъ за зло и уничтожилъ все племя. Часть ругіевъ искала убѣжища у остготовъ, которые по смерти Аттиллы, сдѣлавшись независимыми, заселили берега Дуная отъ Вѣны до Славоніи. Съ этого времени остготы, пользуясь внутренними смутами греческой имперіи, время отъ времени появлялись тамъ какъ защитники и союзники императоровъ, или дѣлали хищническіе набѣги на дунайскія провинціи, захватывая огромную добычу и заставляя платить себѣ ежегодную дань. По договору съ византійскимъ дворомъ, семилѣтній сынъ одного остготскаго князя, Теодорихъ, впослѣдствіи прозванный Великимъ, былъ отправленъ въ Константинополь въ качествѣ заложника. Оставаясь тамъ одиннадцать лѣтъ, онъ въ это время пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія и понялъ всѣ выгоды цивилизаціи. Вскорѣ по возвращеніи на родину, Теодорихъ сдѣлался королемъ остгот-

скаго народа и продолжалъ начавшіеся еще при его предшественникахъ набѣги на греческую имперію. Къ нему-то обратился сынъ послѣдняго короля съ остатками своего народа и просилъ помощи противъ Одоакра, а въ тоже время и греческій императоръ, чтобы удалить остготовъ изъ своего сосѣдства, предложилъ имъ владѣнія Одоакра. Теодорихъ и остготы приняли это двойное предложеніе, потому что населяемая ими страна была болотиста и совершенно опустошена гуннами; притомъ же духъ бродяжничества, страсть къ приключеніямъ и желаніе военной славы составляютъ характеристическое свойство всѣхъ народовъ на той ступени образованности, на какой находились тогда остготы. Осенью 488 г. остготы, подъ предводительствомъ Теодориха, выступили въ походъ, покорили на пути гепидовъ, владѣнія которыхъ простирались отъ Дравы до Савы, и достигли до Изонцо (Isonzo) въ Италіи. Одоакръ былъ совершенно разбитъ готами сначала въ окрестностяхъ Аквилеи, а потомъ подъ Вероною; варвары проникнули до Павіи и Медіолана; но здѣсь Теодорихъ промедлилъ почти цѣлый годъ, выжидая подкрѣпленія, которое обѣщалъ ему другъ его король вестготскій. Между тѣмъ Одоакръ собралъ новую армію, и въ августѣ 490 г. выступилъ противъ остготовъ къ Аддѣ. Здѣсь онъ былъ разбитъ въ третій разъ въ кровопролитномъ сраженіи, исходъ котораго долгое время казался сомнительнымъ, и бѣжалъ въ хорошо-укрѣпленную Равенну. Готы тотчасъ же осадили этотъ городъ, но Одоакръ выдержалъ въ немъ трехлѣтнюю осаду, не теряя надежды на освобожденіе. Наконецъ онъ сдалъ городъ непріятелю, выговоривъ себѣ значительныя уступки по договору, подробностей котораго мы впрочемъ не знаемъ. Но едва Равенна перешла въ руки Теодориха, какъ этотъ поклонникъ вѣроломной византійской политики тотчасъ же поспѣшилъ избавиться отъ Одоакра, которому не могъ довѣрять. Одоакръ былъ умерщвленъ самимъ Теодорихомъ или кѣмъ нибудь другимъ по его приказанію. Многіе изъ друзей Одоакра были также казнены, а варвары, служившіе подъ его начальствомъ, усилили собой войска Теодориха (въ мартѣ 493 г.).

Италія, отчасти еще прежде занятая остготами, послѣ паденія Равенны, окончательно покорилась побѣдителю. Остготы, поселившіеся въ новомъ государствѣ Теодориха, почти совершенно усвоили себѣ римскую образованность и римскіе нравы и, подобно остальнымъ германскимъ народностямъ въ другихъ провинціяхъ имперіи, положили начало тому смѣшанному германо-романскому быту, изъ котораго впослѣдствіи выработался мало-по-малу характеръ жизни среднихъ вѣковъ. Смѣшеніе это нигдѣ не выразилось такъ ясно, какъ у остготовъ и родственныхъ имъ вестготовъ, и потому мы представимъ здѣсь обозрѣніе учрежденій остготскаго государства, но прежде сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ относительно процесса сліянія новаго со старымъ, составившаго характеристическую черту среднихъ вѣковъ. Постоянныя сношенія римлянъ съ германцами, пріемъ германцевъ въ римскую службу, поселенія ихъ въ римскихъ провинціяхъ, все это болѣе и болѣе сближало бытъ обѣихъ народностей въ продолженіе послѣднихъ двухсотъ лѣтъ. Греко-римская образованность мало-по-малу, но весьма тѣсно соединилась съ тѣмъ элементомъ, который до того времени назывался варварскимъ. Вслѣдствіе того духъ, языкъ и нравы измѣнились, и переходъ къ тому, что мы называемъ характеромъ среднихъ вѣковъ, становился очевиднѣе. Измѣнился и германскій и римскій бытъ. Даже вандалы, — самое грубое изъ германскихъ племенъ, — смягчились мало-по-малу въ римской Африкѣ. Нигдѣ однакожъ измѣненіе это не произошло такъ быстро, какъ въ Галліи. Здѣсь, у бургундовъ и вестготовъ, образъ жизни, жилища, одежда, даже вооруженіе очень близко подходили къ тому типу, который впослѣдствіи, въ средніе вѣка, перешелъ отсюда ко всѣмъ другимъ народамъ. Уже Атаульфъ праздновалъ свой бракъ съ Плацидіею по римскому обычаю, и вмѣстѣ съ своими вельможами въ римскомъ платьѣ. Дошедшія до насъ описанія торжественныхъ праздниковъ нѣкоторыхъ германскихъ королей уже довольно ясно указываютъ намъ на смѣшеніе туземнаго элемента и германскихъ нравовъ съ утонченностью и комфортабельностью, свойственными классическому міру. Впрочемъ, этотъ германо-романскій характеръ быта скоро перешелъ въ рыцарскій блескъ и средневѣковую роскошь. Сочетаніе романскаго и германскаго элементовъ поддержало торговлю и промышленость; германскіе князья и вельможи ощущали сильную нужду въ торговлѣ и считали своею обязанностью

покровительствовать ей. Но, къ сожалѣнію, германцы, какъ это обыкновенно бываетъ, вмѣстѣ съ чуждыми нравами переняли и чуждыя понятія. Впрочемъ, короли остготскіе были обкновенные смертные и не могли не подчиниться вредному вліянію римскихъ придворныхъ, отличившихся глубоко-вкоренившеюся въ нихъ лестью и особеннымъ умѣньемъ пользоваться слабостями своего государя. Не укрылось отъ вниманія германцевъ и то, какіе жалкіе люди занимали византійскій тронъ. Все это имѣло вліяніе на умы германцевъ и на ихъ понятія о государствѣ и верховной власти. Таже іерархія, тѣже различныя муниципальныя учрежденія, явившіяся въ послѣднемъ столѣтіи, даже учрежденное во время Константина достоинство дефенсоровъ или защитниковъ городовъ, явились въ новыхъ германскихъ государствахъ и еще до основанія ихъ были предвѣстниками среднихъ вѣковъ.

Но обратимся къ Теодориху и основанному имъ остготскому государству. Завоевавъ Италію, Теодорихъ взялъ на себя роль императора, и съ высокою государственною мудростью выполнялъ ее до самой кончины; но это самое отняло у остготовъ возможность утвердиться въ Италіи и основать прочное государство, подобно франкамъ и вестготамъ. Направленіе, принятое Теодорихомъ, вовлекло его въ безчисленныя противорѣчія и безплодныя хлопоты о поддержаніи того, что уже не могло болѣе существовать само по себѣ. Гнетъ стараго искусственнаго механизма и культуры, достигшей послѣдней ступени своего развитія, продолжался по прежнему и лишилъ остготовъ всѣхъ благъ, которыми пользуются нормально развивающіяся государства, не смотря на всѣ ихъ недостатки. Остготы не остались, подобно франкамъ, воинственнымъ народомъ, удерживающимъ чужую собственность тѣми же средствами, какими онъ пріобрѣлъ ее, но обратились или въ чиновниковъ чуждаго имъ по быту и учрежденіямъ государства, или въ простыхъ солдатъ и землевладѣльцевъ, испытывая въ послѣднемъ случаѣ, наравнѣ съ покоренными туземцами, все бремя податей и повинностей. Теодорихъ отдалъ своимъ готамъ ту третью часть земель, которой владѣли воины Одоакра, но обязалъ ихъ платить налоги, такъ что каждый готъ, даже находясь въ военной службѣ, несъ всѣ государственныя и общественныя повинности. Теодорихъ оставилъ также въ прежней силѣ всѣ законы и учрежденія римскаго государства. Относительно судопроизводства было не только постановлено, что готы должны судиться по готскому, а римляне по римскому праву, но послѣднее получило даже обладаніе. Теодорихъ призналъ и почетныя права греческаго императора на Италію, принявъ отъ него утвержденіе въ достоинствѣ правителя и назвавъ себя только королемъ. Между тѣмъ такая политика была гибельнѣе для Италіи, чѣмъ для другихъ провинцій — свирѣпость, грубость и безчеловѣчность завоевателей. Страданія этихъ провинцій были непродолжительны, и хотя тысячи свободныхъ гражданъ лишились своихъ правъ, сдѣлавшись рабами, но за то мѣсто ихъ заняло грубое, энергическое поколѣніе; человѣчество возродилось и возникъ совершенно новый бытъ, а бѣдствія, неразлучныя съ выродившейся древней цивилизаціей, исчезли. Въ Италіи система полумѣръ, которой строго слѣдовало правительство, замедляла агонію и увеличивала страданія разслабленнаго поколѣнія, которое должно было покончить свое существованіе. Государство, страдавшее старческою дряхлостью, могло быть сохранено только постоянными насильственными мѣрами. Такимъ образомъ остготы сами подготовили свое паденіе, войдя въ составъ погибавшаго государственнаго механизма Рима.

Численность готовъ, вторгнувшихся въ Италію, опредѣляется писателями позднѣйшаго времени въ 200,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе; но это, конечно, преувеличено. Во всякомъ случаѣ число готовъ, въ сравненіи съ туземнымъ населеніемъ, составлявшимъ отъ 20 до 30 милліоновъ душъ, было очень незначительно. Готы разселились на всемъ пространствѣ государства Теодориха, простиравшагося отъ нижняго Дуная до Роны и отъ Альповъ до южныхъ оконечностей Италіи и Сициліи. Слѣдуя своей системѣ, Теодорихъ обращался съ итальянцами не какъ съ покореннымъ народомъ, а старался привязать ихъ къ себѣ своею умѣренностью, кротостью и справедливостью. Принимая итальянцевъ въ свою службу, онъ поручалъ имъ весьма важныя дѣла. Либерію, который при Одоакрѣ стоялъ во главѣ администраціи, Теодорихъ поручилъ произвести раздѣлъ земли между остготами. Кассіодоръ, одинъ изъ бога-

тѣйшихъ итальянскихъ землевладѣльцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ благороднѣйшихъ и опытнѣйшихъ дѣятелей своего времени, занималъ должность перваго министра. Это служитъ самымъ разительнымъ доказательствомъ того, что остготскій король питалъ уваженіе къ религіи, нравственности и добродѣтели, и простиралъ свою правительственную заботливость на итальянцевъ столько же, сколько и на остготовъ. Въ 500 г., во время своего шестимѣсячнаго пребыванія въ Римѣ, Теодорихъ даже возобновилъ старинный обычай раздачи хлѣба и общественныхъ игръ въ циркѣ, какъ дѣлалъ онъ и въ своей резиденціи, Равеннѣ. Произведенія искусствъ, дворцы, церкви, водопроводы и другія публичныя зданія были предметомъ заботливости Теодориха, какъ прежде—императоровъ, и преемники Теодориха подражали ему въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ пороками старой монархіи, сохранены были и древнее искусство и промышленность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ остготы наслѣдовали и старинное зло: остготскій дворъ, подобно римскому, считалъ своею обязанностью заботиться обо всемъ и вмѣшиваться во все. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ римскими нравами и административными формами перешла къ готамъ и безнравственность. Въ короткое время въ образѣ ихъ жизни произошли замѣтныя измѣненія. Политическая мудрость и умѣренность Теодориха яснѣе всего обнаружились въ отношеніяхъ его къ иновѣрнымъ подданнымъ, и въ этомъ онъ стоитъ гораздо выше всѣхъ своихъ современниковъ. Будучи аріаниномъ, онъ поставилъ православнаго Кассіодора въ главѣ правленія, поручалъ православному епископу Епифанію веденіе важныхъ дипломатическихъ переговоровъ, не навязывалъ православной церкви епископовъ и вмѣшивался въ ея дѣла только тогда, когда его вызывали на то сами епископы; не прибѣгалъ ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы принудить итальянцевъ къ переходу въ аріанство и даже не наказывалъ готовъ, перемѣнявшихъ свою вѣру. Внѣшняя политика Теодориха была направлена преимущественно на то, чтобы связать себя родствомъ съ могущественнѣйшими изъ германскихъ государей. Одну изъ своихъ дочерей онъ выдалъ за короля бургундскаго, другую — за вестготскаго государя, Алариха II. Сестра Теодориха, Амалафрида, была выдана замужъ за вандальскаго короля, Тразамунда, а племянница — за короля тюринговъ, Германфрида. Самъ Теодорихъ женился въ другой разъ на франконской принцессѣ. При этомъ Теодорихъ съ искусствомъ политика пользовался всѣ благопріятными случаями для увеличенія своего могущества на счетъ другихъ государствъ. Онъ рѣшался браться за оружіе только тогда, когда счастливый исходъ войны былъ несомнѣненъ. Въ это время между франками все болѣе и болѣе усиливался Хлодвигъ, который въ 486 г. побѣдилъ Сіагрія, основавшаго небольшое государство въ Сѣверной Галліи, и этою побѣдою уничтожилъ послѣдніе слѣды римскаго владычества въ этой странѣ. Въ 496 г. Хлодвигъ подчинилъ себѣ большую часть алеманновъ; но когда онъ обратился на вестготовъ и бургундовъ, въ распрю вмѣшался и Теодорихъ, который, впрочемъ, былъ такъ благоразуменъ, что, не отваживаясь на войну съ франками, старался бороться съ ними оружіемъ дипломатіи. Благодаря искуснымъ переговорамъ, для веденія которыхъ Теодорихъ употреблялъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ римлянъ, миръ не былъ нарушенъ въ продолженіе девяти лѣтъ. Когда наконецъ (507) вспыхнула война между франками и вестготами, и Хлодвигъ, по смерти Алариха II, овладѣлъ частью ихъ государства, Теодорихъ вступился за своего внука Амалариха, правамъ котораго грозила опасность съ другой стороны, потому что сводный братъ его, Гезалихъ, по смерти отца, провозгласилъ себя королемъ. Теодорихъ послалъ въ Галлію войско, отнялъ у франковъ большую часть ихъ завоеваній и преслѣдовалъ Гезалиха, бѣжавшаго въ Испанію. Побѣдивъ Гезалиха, Теодорихъ объявилъ Испанію и часть южной Франціи провинціями остготскаго королевства, и управлялъ остальной территоріей именемъ своего внука. Теодорихъ велъ другую, столь же счастливую войну въ прежнемъ отечествѣ остготовъ, на которое около того же времени стали дѣлать опустошительные набѣги хищные болгары, впослѣдствіи такъ часто тревожившіе восточную имперію. Этотъ хищный народъ, по всей вѣроятности, былъ турецкаго происхожденія. Послѣ продолжительной войны съ ними, Теодорихъ, не смотря на тайное противодѣйствіе грековъ (около 506), наконецъ загналъ болгаровъ въ ихъ родныя степи.

Не смотря на свое благоразуміе и умѣренность, Теодорихъ превращался въ

страшнаго тирана при видѣ всякой мнимой попытки ограничить его власть. Это обнаружилось яснѣе всего въ концѣ его царствованія въ его звѣрскихъ поступкахъ съ жителями Рима. Поводъ къ этому былъ данъ, по всей вѣроятности, константинопольскимъ императоромъ Юстиномъ I, который началъ жестоко преслѣдовать аріанъ. Въ то же время римская аристократія, папа и все итальянское духовенство, находившееся прежде во враждѣ съ греческимъ, возобновили съ ними самыя живыя и дружественныя сношенія. Итальянцы громко выражали свое одобреніе преслѣдованіямъ аріанъ, и этимъ раздражили Теодориха, отличавшагося до тѣхъ поръ полною вѣротерпимостью. Теодорихъ заступился за своихъ единовѣрцевъ, и для ходатайства о нихъ отправилъ къ Юстину посольство, назначивъ его главою папу Іоанна. Ходатайство Теодориха не имѣло успѣха, но Іоаннъ былъ принятъ въ Константинополѣ очень дружественно и осыпанъ почестями. Это дало Теодориху основательный поводъ къ подозрѣніямъ, и Іоаннъ, по возвращеніи въ Римъ, былъ заключенъ въ темницу. Впрочемъ, всѣ эти поступки Теодориха отчасти извинительны, потому что онъ дѣйствительно имѣлъ основаніе не довѣрять Іоанну. Но яростное преслѣдованіе нѣкоторыхъ благородныхъ римлянъ, помрачившее славу величайшаго изъ остготскихъ королей, можетъ быть объяснено только его подозрительностью и гнѣвомъ. Римскій сенаторъ Альбинъ былъ обвиненъ предъ Теодорихомъ въ тайной корреспонденціи съ императоромъ Юстиномъ, и это внушило Теодориху подозрѣнія противъ всей римской аристократіи. Чтобы уничтожить эти неосновательныя подозрѣнія, сенатъ послалъ въ Верону, гдѣ жилъ тогда Теодорихъ, знатнѣйшаго, богатѣйшаго и образованнѣйшаго изъ сенаторовъ, благороднаго философа Боэтія. Къ несчастью, Боэтій, разсуждая съ королемъ о значеніи сената, забылъ, что со времени Брута римскій характеръ, духъ времени и самое значеніе словъ измѣнились, и сказалъ, что если Альбинъ дѣйствительно виноватъ, то и весь сенатъ раздѣляетъ его вину. Эти слова имѣли особенное значеніе въ устахъ человѣка, который представлялъ собою римскую аристократію. Безчестный обвинитель Альбина воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и растолковалъ Теодориху слова Боэтія въ буквальномъ смыслѣ. Въ свидѣтеляхъ, которые за деньги готовы были подтвердить что угодно, тогда, какъ и теперь, не было недостатка, и Теодорихъ, давно мучимый подозрѣніемъ, приказалъ арестовать знатнѣйшихъ сенаторовъ и подвергнуть ихъ слѣдствію. Судьи прибѣгнули къ самымъ жестокимъ мѣрамъ, чтобы вынудить нужныя для нихъ признанія, и обвинили подсудимыхъ, не выслушавъ ихъ оправданія. Боэтій и тесть его Симмахъ, знатнѣйшіе и достойнѣйшіе изъ сенаторовъ, были невинно казнены; но преслѣдованія противъ римской аристократіи и православной церкви уже не прекращались. Они совершенно измѣнили отношенія Теодориха и остготовъ къ итальянцамъ, — религіозный фанатизмъ сдѣлалъ вражду между ними непримиримою, и гоненія усиливались бы все болѣе и болѣе, если бы черезъ годъ не скончался самъ Теодорихъ (526).

10. Отъ смерти Теодориха Великаго до паденія остготскаго королевства.

Теодорихъ не имѣлъ сыновей и оставилъ престолъ своему семилѣтнему внуку, Аталариху, сыну своей дочери Амалазунты, бывшей въ супружествѣ за однимъ знатнымъ готомъ, который умеръ еще ранѣе Теодориха. Мать Аталариха, воспитанная по-римски, должна была управлять государствомъ до совершеннолѣтія сына. Женское управленіе, противорѣчившее нравамъ и обычаямъ готовъ, само собою разумѣется, должно было увеличить значеніе остготской аристократіи, которую сдерживала до тѣхъ поръ энергія Теодориха. Даже опытные и твердые правители едва ли были бы въ силахъ предупредить потря сенія, неизбѣжныя при тогдашнемъ положеніи дѣлъ. По смерти Теодориха вполнѣ обнаружилось, что остготское государство поддерживалось не римскими учрежденіями, или талантами Кассіодора, а единственно внутреннею, духовною энергіею самого Теодориха. Смерть его повлекла за собою многія перемѣны во внутреннемъ со стояніи остготскаго государства и во внѣшнихъ отношеніяхъ всего тогдашняго историческаго міра. Послѣдствія несчастнаго государственнаго устройства

въ которомъ администрація была римскою, а военное управленіе и всѣ свѣжіе и здоровые элементы сохраняли остготскій характеръ, не замедлили обнаружиться во всей силѣ. Образованная и сдѣлавшаяся почти римлянкою, Амалазунта чувствовала болѣе расположенія къ римлянамъ, чѣмъ къ своимъ единоплеменникамъ, и вступила въ тѣсныя сношенія съ константинопольскимъ дворомъ. Желая загладить несправедливость Теодориха къ римлянамъ, она раздала имъ много должностей, одарила родственниковъ Боэтія и Симмаха, и, что всего важнѣе, старалась дать своему сыну не военное, а классическое образованіе. Вслѣдствіе этого Амалазунта окончательно поссорилась съ остготскими вельможами, и, казнивъ троихъ изъ нихъ, была принуждена помышлять о бѣгствѣ въ Константинополь. Когда сынъ ея умеръ (534), еще недостигнувъ совершеннолѣтія, готы отказались повиноваться ей, и Амалазунта, для поддержанія своей власти, вступила въ бракъ съ однимъ своимъ близкимъ родственникомъ, не пользовавшимся никакимъ вліяніемъ, но котораго она знала за образованнаго человѣка и была увѣрена въ его благодарности.

Второй мужъ Амалазунты, получившій, благодаря ея выбору, остготскую корону, былъ племянникъ Теодориха, Теодатъ. Вмѣстѣ съ науками и искусствами онъ перенялъ у римлянъ и всѣ ихъ пороки, и до избранія отличался только невоздержною жизнью и сутяжничествомъ. Сдѣлавшись правителемъ, онъ не измѣнилъ своего поведенія, такъ что нельзя не пожалѣть о Кассіодорѣ, который, будучи исполненъ истинной любви къ отечеству, долженъ былъ, въ качествѣ министра, служить Теодату и своими талантами помогать ему въ его преступленіяхъ. Признанный соправителемъ, Теодатъ тотчасъ же приказалъ арестовать и потомъ умертвить королеву. Пользуясь этими обстоятельствами и смутами, терзавшими остготское королевство при Теодатѣ, преемникъ Юстина I, Юстиніанъ I, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ византійскихъ императоровъ, рѣшился снова завоевать Италію. Предпріятіе Юстиніана находится въ связи съ совершимся незадолго передъ тѣмъ паденіемъ вандальскаго государства, и потому мы должны прервать здѣсь разсказъ о событіяхъ остготской исторіи и бросить взглядъ на тогдашнее состояніе Константинополя и Африки.

Юстиніанъ и его предшественникъ Юстинъ вели частыя войны съ персами. Эти войны особенно замѣчательны потому, что воспитали двухъ полководцевъ, Велисарія и Нарсеса, покорившихъ впослѣдствіи вандаловъ и готовъ скорѣе превосходствомъ своего военнаго искусства, чѣмъ силою оружія. Велисарій окончилъ войну съ вандалами одинъ, но славу завоеванія Италіи долженъ былъ раздѣлить съ Нарсесомъ. Велисарій доказалъ свое искусство, рѣшимость и энергію въ войнѣ съ персами и въ подавленіи страшнаго возмущенія въ Константинополѣ, такъ что Юстиніанъ, составивъ планъ завоеванія Италіи и Африки, не могъ назначить главнокомандующимъ никого другаго, кромѣ Велисарія, хотя бы онъ и не былъ рекомендованъ ему всемогущею императрицею Θеодорою. Вандалы, въ правленіе Гейзериха и сына его Гуннериха (477—484), не только продолжали свои жестокости съ покоренными туземцами, но, заведя у у себя флотъ, сдѣлались страшными морскими разбойниками, подобно алжирцамъ прошлаго столѣтія. Ближайшіе преемники Гуннериха, Гунтамундъ (484—496) и Тразамундъ (496—523), были кротче и снисходительнѣе; но по мѣрѣ уменьшенія разбоевъ, между вандалами падали военное искусство и духъ предпріимчивости. Наконецъ африканскій климатъ оказалъ свое необыкновенное вліяніе: вандалы такъ изнѣжились, что не могли даже отражать нападеній туземныхъ номадовъ, и Тразамундъ, чтобы справиться съ ними, долженъ былъ просить помощи у Теодориха Великаго, который и прислалъ ему шесть тысячъ вспомогательнаго войска. Преемникъ Тразамунда, Гильдерихъ, обнародовалъ всеобщую терпимость, уничтожилъ разбои и вступилъ въ дружественныя сношенія съ Юстиніаномъ. Это возбудило неудовольствіе въ народѣ, и честолюбивому Гелимеру, двоюродному брату Гильдериха, было очень легко лишить его престола (530). Греческій императоръ вступился за несчастнаго Гильдериха, который вмѣстѣ съ сыновьями былъ брошенъ въ темницу. Сначала Юстиніанъ хотѣлъ дружественными увѣщаніями побудить Гелимера возвратить Гильдериху похищенный у него престолъ и спокойно ожидать его смерти, такъ какъ Гелимеръ былъ законнымъ наслѣдникомъ Гильдериха, по порядку престолонаслѣдія, учреж-

денному Гейзерихомъ. Но Гелимеръ оскорбилъ греческаго императора своими желчными и даже презрительными отвѣтами, и тогда Юстиніанъ рѣшился оружіемъ отмстить за эту обиду, не смотря на то, что всѣ его министры противились этому рѣшенію, такъ какъ предпріятіе Юстиніана, даже въ случаѣ полнаго успѣха, не обѣщало никакихъ существенныхъ выгодъ для имперіи, и притомъ требовало значительныхъ военныхъ силъ, которыя были бы полезнѣе на Евфратѣ или на Дунаѣ.

Въ 533 г. Велисарій переправился въ Африку, и былъ дружественно встрѣченъ жителями, которымъ объявилъ, что явился къ нимъ не съ враждебными замыслами, а съ намѣреніемъ освободить низверженнаго короля. Гелимеръ отвѣчалъ на это умерщвленіемъ Гильдериха и его сыновей. Король вандаловъ далеко уступалъ въ военныхъ талантахъ Велисарію, и своею безразсудностью самъ лишилъ себя возможности продолжать войну. Велисарій же привлекъ на свою сторону предводителей туземныхъ мавританскихъ племенъ, и искусно пользовался всѣми ошибками Гелимера. Утративъ, по умерщвленіи Гильдериха, всякое довѣріе къ своимъ подданнымъ, король потерялъ голову послѣ перваго же несчастнаго сраженія; онъ упалъ духомъ и сдалъ Карѳагенъ непріятелю. Разбитый во второй разъ, Гелимеръ совершенно потерялся, и, къ удивленію грековъ, бросилъ свой укрѣпленный лагерь со всѣмъ багажемъ и сокровищами, не смотря на то, что могъ еще держаться въ немъ очень долго. Наконецъ онъ бѣжалъ въ одну горную крѣпость, хотя и неприступную, но совершенно лишенную всякихъ средствъ продовольствія. Здѣсь, оставленный своими вандалами, Гелимеръ нѣсколько мѣсяцевъ терпѣлъ ужасныя лишенія и наконецъ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію (534). Одинъ греческій историкъ весьма поэтически изобразилъ тогдашнее жалкое положеніе Гелимера, говоря, что король умолялъ греческаго полководца, державшаго его въ осадѣ, дать ему кусокъ хлѣба, губку и лиру, чтобы утолить голодъ, отереть слезы и разсѣять свою печаль музыкою. По договору, заключенному Гелимеромъ съ греками, ему была дарована жизнь, но вандалы, которыхъ хотѣли включить въ составъ греческой арміи, были переселены въ Малую Азію. Такъ былъ истребленъ этотъ народъ, который впрочемъ былъ немногочисленъ и во время завоеванія Африки Гейзерихомъ. Способные къ военной службѣ вандалы, по переселеніи въ Азію, были мало-по-малу перебиты въ войнахъ съ персами. Немногіе оставшіеся въ Африкѣ слились съ остальнымъ населеніемъ страны. Гелимеръ, съ тріумфомъ привезенный въ Константинополь, получилъ въ Малой Азіи помѣстья и кончилъ тамъ свою жизнь.

Паденіе государства вандаловъ повлекло за собою завоеваніе Италіи. Амалазунта содѣйствовала счастливому исходу предпріятія грековъ противъ Африки, позволивъ греческому флоту посѣщать сицилійскія гавани и запасаться тамъ провіантомъ; но еще до окончанія войны греки стали требовать у остготовъ уступки укрѣпленной сицилійской гавани Лилибея, принадлежавшей прежде вандаламъ. Переговоры стали принимать серьезный характеръ, и даже можетъ быть были причиною умерщвленія Амалазунты. Покоривъ Африку, Юстиніанъ рѣшился завоевать Италію, пользуясь раздоромъ между остготами и православными итальянцами, который былъ вызванъ убійствомъ Амалазунты и дурнымъ управленіемъ Теодата. Велисарій, посланный въ Сицилію, въ нѣсколько недѣль овладѣлъ всѣмъ островомъ, благодаря дурнымъ распоряженіямъ Теодата. Въ то же время другое греческое войско напало на остготовъ въ Далмаціи и завоевало эту страну (535). Побѣды грековъ такъ напугали малодушнаго остготскаго короля, что онъ уже соглашался сдѣлаться вассаломъ греческаго императора, платить ему дань и отдать готскія войска въ его распоряженіе. Но незначительный успѣхъ остготовъ въ Далмаціи снова ободрилъ Теодата, и онъ отказался отъ своего предложенія. Измѣна одного изъ близкихъ родственниковъ короля отдала въ руки Велисарія лучшіе порты Нижней Италіи, гдѣ греческій языкъ еще сохранился въ устахъ народа. Велисарій, явившись въ Италію, объявилъ себя освободителемъ народа и былъ съ восторгомъ встрѣченъ вездѣ, кромѣ одного Неаполя, оказавшаго ему сопротивленіе. Теодатъ не предпринималъ ничего для спасенія этого города, а расположился со своей арміей въ окрестностяхъ Рима, чтобы удерживать въ повиновеніи его жителей. Когда наконецъ послѣ упорнаго сопротивленія Неаполь былъ взятъ и опустошенъ дикими разноплеменными варварами, составлявшими

войска Велисарія, въ остготской арміи вспыхнуло возстаніе. Теодатъ былъ низверженъ, а королемъ провозглашенъ Витигесъ, показавшій свою храбрость и искусство еще при Теодорихѣ (536). Теодатъ хотѣлъ бѣжать, но былъ пойманъ и убитъ.

Витигесъ также былъ не въ состояніи удержать Велисарія. Онъ не смѣлъ даже занять Рима, и отступилъ къ Равеннѣ, гдѣ мало-по-малу собралось все войско готовъ. Впрочемъ Витигесъ былъ такъ малодушенъ, что рѣшился начать переговоры съ Юстиніаномъ. Велисарій выгналъ изъ Рима небольшой готскій гарнизонъ, и, сознавая невозможность вступить въ рѣшительную битву съ готами, сталъ укрѣплять городъ. Между тѣмъ въ тылу остготскаго короля явились франки, которымъ Юстиніанъ посовѣтовалъ напасть на Италію, и Витигесъ поспѣшилъ отвратить эту опасность цѣною огромныхъ пожертвованій. Уже Теодатъ велъ переговоры съ хищными князьями изъ династіи Хлодвига, а Витигесъ пошелъ еще далѣе и купилъ у нихъ миръ уступкою всѣхъ остготскихъ владѣній по ту сторону Альповъ. Но это помогло только на короткое время, потому что вскорѣ послѣ того франкскіе короли снова вступили въ союзъ съ Юстиніаномъ, а наконецъ обратили свое оружіе въ одно и то же время противъ готовъ и противъ грековъ. Франки и вскорѣ приставшіе къ нимъ аллеманы съ одной стороны, а варвары греческой арміи и сами готы съ другой, уничтожили благосостояніе Италіи, которымъ она была обязана Одоакру и Теодориху. Отвративъ опасность со стороны франковъ и сосредоточивъ вокругъ себя всѣ силы готовъ, Витигесъ двинулся на Римъ. Всѣ послѣдующія военныя дѣйствія происходили въ окрестностяхъ города. Защита Рима противъ готовъ была, безспорно, величайшимъ военнымъ подвигомъ Велисарія, имѣвшаго подъ рукою самыя ничтожныя средства. Готы въ своихъ нападеніяхъ обнаруживали полное незнаніе осаднаго искусства, а Велисарій, принимая оборонительныя мѣры, поступалъ съ Римомъ какъ съ обыкновенною крѣпостью и отослалъ въ Сицилію и Калабрію всѣхъ жителей, которые не запаслись продовольствіемъ, или не были нужны для защиты города. Цѣлый годъ (537) Велисарій защищалъ Римъ противъ готовъ, которые терпѣли отъ голоду гораздо болѣе, чѣмъ осажденные, потому что большая часть жителей была выслана изъ города, а Велисарію не нужно было заботиться такъ о римлянахъ, какъ Витигесу о своихъ готахъ. Наконецъ, осенью Витигесъ заключилъ перемиріе съ Велисаріемъ, и отправилъ въ Константинополь посольство съ мирными предложеніями. Этимъ онъ доставилъ греческому полководцу важное преимущество передъ собою, давъ ему возможность запастись продовольствіемъ и получить новыя подкрѣпленія. Срокъ перемирія окончился, а отвѣта изъ Константинополя еще не было. Весною Велисарій отдѣлилъ часть своего войска для занятія городовъ въ тылу непріятеля, а въ мартѣ 538 г. Витигесъ долженъ былъ снять осаду съ Рима и расположить часть своей арміи въ нѣкоторыхъ небольшихъ городахъ.

Въ это время отпалъ отъ готовъ Миланъ (Медіоланъ), самый населенный и цвѣтущій городъ Италіи послѣ Рима. Велисарій послалъ туда небольшой вспомогательный отрядъ. Витигесъ давно уже заплатилъ деньги франкамъ за обѣщанную ими помощь, но франки, заключивъ такое же условіе и съ греками, вмѣсто себя отправили въ Италію толпы бургундовъ и аллеманновъ, которыя, соединясь съ небольшимъ отрядомъ готовъ, осадили Миланъ. Несчастный городъ могъ бы еще выдержать осаду, если бъ въ византійской арміи не господствовало несогласій. Въ это время изъ Константинополя прибыли туда новыя подкрѣпленія подъ начальствомъ Нарсеса. Завидуя славѣ Велисарія и надѣясь на свое вліяніе при дворѣ, Нарсесъ рѣшился на открытое неповиновеніе Велисарію. Эти обстоятельства были причиною того, что Миланъ былъ выжженъ. Миланцы, тщетно ожидавшіе подкрѣпленія, съ невѣроятнымъ упорствомъ отбивали всѣ нападенія непріятеля, но наконецъ, изнуренные долговременною осадою, должны были сдаться. Участь Милана была ужасна. Всѣ жители мужескаго пола, въ числѣ болѣе ста тысячъ, были изрублены, женщины отведены въ плѣнъ бургундами и алеманнами, а всѣ зданія города разрушены. Вскорѣ послѣ того пришли на помощь готамъ франки, но сдѣлались столь же страшны для своихъ союзниковъ, какъ и для итальянцевъ и грековъ, потому что богатая добыча, съ которой бургунды и алеманны возвратились домой по завоеваніи Милана, возбудила алчность франкскаго короля и его

корыстолюбивыхъ вельможъ. Франкскій король Теодебертъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ Верхнюю Италію и сталъ грабить безъ различія всѣхъ: грековъ, итальянцевъ и готовъ. Обративъ всю Ломбардію въ пустыню, сами франки стали терпѣть во всемъ недостатокъ, и, лишившись половины своихъ людей отъ голода и болѣзней, поспѣшили обратно за Альпы.

Въ это самое время Велисарій, по отозваніи Нарсеса, осадилъ готскаго короля въ Равеннѣ и принудилъ его возобновить переговоры съ византійскимъ дворомъ, который согласился наконецъ оставить Ломбардію за остготами. Но для Велисарія, который хотѣлъ отпраздновать блистательный тріумфъ надъ готами, подобное окончаніе войны было очень непріятно, и потому въ надеждѣ на могущественное вліяніе своей жены при дворѣ онъ отказался исполнить договоръ, увѣряя, что Равенна не устоитъ, а по взятіи этого города онъ самъ предпишетъ готамъ условія мира. Велисарій, конечно, обманулся въ своихъ разсчетахъ; но нерѣшительность и малодушіе готскаго короля вывели его изъ затрудненія. Онъ достигъ своей цѣли низкими средствами, прибѣгнувъ къ обману и клятвопреступленію. Велисарій объявилъ готамъ, что если они согласятся имѣть королемъ грека, то могутъ надѣяться сохранить свои учрежденія и подъ византійскимъ владычествомъ. Готы, презиравшіе своего короля, приняли предложеніе Велисарія, и самъ Митигесъ предложилъ корону греческому полководцу. Велисарій повидимому изъявилъ на это свое согласіе и явился въ Равеннѣ (540); но, занявъ городъ, тотчасъ же сбросилъ маску, отвергнулъ всѣ предложенныя ему почести и сталъ управлять Италіею, какъ византійскій намѣстникъ, а не остготскій король. Впрочемъ принятыя имъ мѣры были весьма благоразумны. Подчиненіе готовъ могло бы совершиться мирнымъ путемъ, если бы Юстиніанъ, по недовѣрчивости къ Велисарію или зависти къ его славѣ, не отозвалъ его внезапно изъ Италіи.

Удаленіе Велисарія ободрило готовъ, и, созвавъ въ Павіи сеймъ, они избрали королемъ одного своего полководца Ильдебальда. Въ тоже время обстоятельства совершенно измѣнились. Греческій императоръ долженъ былъ направить всѣ свои усилія противъ персовъ, вторгнувшихся въ имперію. Чиновники Юстиніана совершали страшныя насилія въ покоренной части Италіи, и лишили итальянцевъ даже тѣхъ правъ, которыми они пользовались подъ властью готовъ. Несчастье благотворно подѣйствовало на самихъ готовъ: они сбросили римское иго, наложенное на нихъ Теодорихомъ, отказались отъ цивилизаціи, чтобы освободиться отъ неразлучнаго съ нею рабства, и почерпнули новую энергію, возвратившись къ своей національности. Конечно, готы не могли уже возстановить между собой прежней простоты и бѣдности. Не отказываясь отъ римскихъ пороковъ, они соединили ихъ со своею первобытною грубостью. Ильдебальдъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ поссорившійся съ приверженцами старой королевской фамиліи, былъ вскорѣ умерщвленъ, а ругіецъ Эрарихъ, насильственно или съ помощью своихъ единоплеменниковъ овладѣвшій престоломъ, былъ также убитъ на пятый мѣсяцъ своего царствованія. Противъ него готы выставили одного изъ своихъ вождей, Тотилу, который въ 541 г. и былъ провозглашенъ королемъ. Въ Тотилѣ готы нашли наконецъ способнаго полководца и правителя.

Со вступленіемъ на престолъ Тотилы, война измѣнила свой характеръ. Готы сознавали, что дѣло идетъ не о простомъ завоеваніи, а о сохраненіи ихъ національной самобытности. Между тогдашними греческими полководцами не было ни одного замѣчательнаго таланта, а готскій король былъ такъ искусенъ въ военномъ дѣлѣ, что только одинъ Велисарій могъ противостоять ему. Одержавъ при Фаенцѣ рѣшительную побѣду надъ греками, Тотила побѣдоносно проникъ до Калабріи и овладѣлъ самымъ укрѣпленнымъ городомъ Нижней Италіи, Неаполемъ. Готы производили страшныя опустошенія, но самъ Тотила обнаружилъ мягкость, снисходительность и благородство характера, которыя пристыдили грековъ, гордившихся своею религіею и цивилизаціей. По взятіи Неаполя готами, Юстиніанъ рѣшился наконецъ послать въ Италію Велисарія (весною 544), но далъ ему такое незначительное и плохое войско, что онъ не могъ предпринять съ нимъ ничего важнаго. Тотила осадилъ Римъ, и Велисарій, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ спасти города. Послѣ продолжительной осады, во время которой осажденные испытывали страшныя лишенія, Римъ былъ взятъ готами (546), ко-

торымъ Тотила долженъ былъ позволить грабежъ города. Но, благодаря прекраснымъ распоряженіямъ готскаго короля, порядокъ былъ вскорѣ возстановленъ, и только немногіе изъ римлянъ пали жертвою побѣдителей. Вмѣстѣ съ этими благородными чувствами, Тотила обнаруживалъ и всѣ качества государственнаго человѣка, что весьма рѣдко совмѣщается одно съ другимъ. Минутный успѣхъ не ослѣпилъ его, и, тотчасъ по завоеваніи Рима, онъ предложилъ грекамъ условія мира, которыя, конечно, были отвергнуты по совѣту Велисарія. Ходъ военныхъ дѣйствій заставилъ Тотилу оставить Римъ. Не желая оставлять въ немъ гарнизона, онъ разрушилъ большую часть стѣнъ, и уже хотѣлъ было срыть гробницу Адріана и другія громадныя зданія, которыя могли служить цитаделями (стр. 134), но оставилъ свое намѣреніе, когда Велисарій прислалъ парламентёра просить его пощадить великіе памятники великаго народа. Тотчасъ по удаленіи Тотилы (въ февралѣ 547), Велисарій занялъ беззащитный городъ и возстановилъ разрушенныя стѣны. При этомъ были уничтожены многія зданія вѣчнаго города, потому что Велисарій для выиграна времени приказалъ брать изъ нихъ тесаный камень. Точно также поступалъ онъ и въ другихъ городахъ, не отваживаясь вступить въ открытый бой съ непріятелемъ. Тоже самое дѣлали и готы, чтобы лишить грековъ убѣжища. Эти опустошенія, какъ необходимое средство для достиженія извѣстныхъ военныхъ цѣлей, распространялись по всей Италіи. Тогда-то были разрушены многіе храмы, гробницы, театры и другіе величественные памятники древности. Что щадили греки и готы, то уничтожали франки и алеманны. Въ продолженіе этой войны исчезла вся культура и роскошь Италіи. Прежнія нападенія варваровъ причиняли только кратковременныя бѣдствія; тогда же опустошеніе не только сдѣлалось ожесточеннѣе, но, казалось, не обѣщало и конца.

Въ то время, какъ въ Средней и Нижней Италіи война продолжалась съ удвоенною яростью, франки снова наводнили Ломбардію и распространили ужасъ, грабежи и разрушенія на всемъ пространствѣ равнины По отъ Вара до Венеціи (548). Велисарій, не получая никакой помощи изъ Константинополя, не могъ совершить ничего достойнаго своего имени, и просилъ у императора увольненія, какъ милости. Въ 549 г. онъ былъ отозванъ, а вскорѣ по его удаленіи Римъ вновь очутился во власти готскаго короля, который обошелся съ жителями еще снисходительнѣе, чѣмъ прежде. Въ тоже время Тотила вооружилъ и флотъ для завоеванія Сициліи, принадлежавшей грекамъ; но едва онъ успѣлъ утвердиться на этомъ островѣ, какъ прибытіе сильнаго греческаго флота заставило его возвратиться въ Италію. Но за то Тотила опустошилъ нѣкоторые изъ іоническихъ острововъ, перехватилъ греческіе транспортные корабли и даже овладѣлъ Сардиніей и Корсикой. Онъ уже достигъ вершины своего счастья, какъ вдругъ явилась новая, многочисленная греческая армія. Ею командовалъ любимецъ византійскаго двора Нарсесъ, пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ, и потому достаточно снабженный деньгами для найма варваровъ и заготовленія продовольствія. Тотила выслалъ противъ него войско, подъ предводительствомъ Теіи, но Нарсесъ, обойдя готскую армію и пришедшія къ ней на помощь толпы франковъ, далъ готамъ рѣшительное сраженіе при древнемъ этрусскомъ городѣ Игувіумѣ (Gubbio или Eugubbio) въ іюнѣ 552 года. Въ этой битвѣ Тотила исполнилъ все, чего можно было ожидать отъ самаго опытнаго и искуснаго полководца, а его подданные сражались съ удивительнымъ мужествомъ. Нарсесъ одержалъ побѣду, потому что въ разноплеменной арміи его были войска всевозможныхъ родовъ, въ особенности же превосходные стрѣлки изъ лука, и самъ онъ весьма искусно воспользовался этимъ преимуществомъ, тогда какъ готы, не имѣя вовсе легкихъ войскъ и вооруженные мечами и копьями, могли сражаться только на близкомъ разстояніи. Шесть тысячъ готовъ, лучшая часть военныхъ силъ Тотилы, пали въ битвѣ. Вскорѣ умеръ и самъ Тотила отъ раны, полученной имъ въ этомъ сраженіи.

На сеймѣ въ Павіи готы избрали королемъ Теію (552). Положеніе ихъ было весьма затруднительно: готская армія была разрѣзана на двѣ части, изъ которыхъ одна стояла въ Верхней, а другая въ Нижней Италіи. Но Теія искусно обманулъ грековъ, соединилъ разбросанныя части своихъ силъ и, навербовавъ у алемановъ вспомогательное войско, до его прибытія уклонялся отъ сраженія. При этомъ онъ выказалъ такое знаніе военнаго дѣла, которое возбудило бы удивле-

ніе и въ наше время, когда военное искусство достигло столь высокой степени развитія. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ держался въ одной крѣпкой позиціи у подошвы Везувія, лишая непріятеля возможности произвести на него нападеніе съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ. Наконецъ послѣ измѣны начальника своего флота, до тѣхъ поръ доставлявшаго ему продовольствіе, Теія не могъ уже долѣе защищаться. Ему оставался выборъ между капитуляціей и отчаянною битвою. Не смотря на всѣ невыгоды своего положенія, Теія избралъ послѣднее. Въ этой битвѣ, рѣшившей судьбу одной изъ важнѣйшихъ германскихъ народностей, готы сражались съ безпримѣрнымъ мужествомъ. Теія погибъ смертью героя въ концѣ перваго дня битвы. Готы рѣшились защищаться до послѣдней капли крови и продолжали сражаться до вечера слѣдующаго дня, хотя уже не могли и думать о побѣдѣ. Нарсесъ, не желая изнурять безъ нужды свое войско, предложилъ отчаяннымъ воинамъ весьма снисходительныя условія мира. По договору, заключенному между враждебными сторонами, готы получили позволеніе возвратиться въ свои помѣстья и сохранили право на свою собственность. Тысяча готовъ, не принявшіе этихъ условій, съ мечами въ рукахъ проложили себѣ дорогу въ Верхнюю Италію, гдѣ и соединились съ франками и алеманнами, которые, въ числѣ 70,000, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ, Буккеллина и Лейтариса, перешли Альпы и проникли въ Среднюю и Нижнюю Италію, опустошая все на своемъ пути. Понимая невозможность открытаго сопротивленія такому множеству воинственныхъ варваровъ, Нарсесъ принялъ очень благоразумныя мѣры. Размѣстивъ свои войска по крѣпостямъ, онъ отдалъ на жертву непріятеля всѣ открытыя мѣстности, выжидая того времени, когда климатъ долженъ былъ оказать свое вредное вліяніе на варваровъ, и рѣшился дать сраженіе только при самыхъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ. Онъ не ошибся въ разсчетѣ: варвары почти всѣ погибли отъ климата, недостатка въ продовольствіи и греческаго оружія, — такъ что изъ всей толпы ихъ только пять алеманновъ возвратились въ отечество. Послѣ того греческому полководцу уже не трудно было покорить остальныхъ готовъ, сопротивлявшихся еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (до 555 или 563 г.), и чрезъ нѣкоторое время Италія сдѣлалась провинціей византійской имперіи. Нарсесъ, въ качествѣ императорскаго намѣстника, продолжалъ управлять ею на тѣхъ же началахъ, какъ прежде Одоакръ и Теодорихъ.

XVI. РЕЛИГІЯ, ОБРАЗОВАННОСТЬ И ЛИТЕРАУРА ДВУХЪ ПОСЛѢДНИХЪ СТОЛѢТІЙ ДРЕВНОСТИ.

1. Христіанство.

2. Литература и образованность послѣднихъ временъ древности.

Литература послѣднихъ вѣковъ древности заслуживаетъ нашего вниманія не по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, а только по ея историческому значенію. Въ ней видно съ одной стороны совершенное исчезновеніе своеобразнаго направленія, составлявшаго отличительный характеръ древней литературы, но за то замѣтны начатки научной и поэтической образованности, развившейся въ средніе вѣка. Новая христіанская цивилизація родилась изъ смѣшенія іудейскихъ и христіанскихъ понятій, идей и преданій съ находившеюся тогда въ состояніи упадка языческою поэзію, древнимъ краснорѣчіемъ, превратившимся въ пустое фразерство, и греко-римскою философіею, исказившеюся въ діалектику и мистицизмъ. Какъ ни странно покажется наше мнѣніе, но мы думаемъ, что эта образованность вполнѣ соотвѣтствовала обстоятельствамъ и общественнымъ отношеніямъ той эпохи. По нашему мнѣнію, она была гораздо ближе, чѣмъ образованность грековъ и римлянъ, къ научнымъ и поэтическимъ представленіямъ, вынесеннымъ изъ своей родины наслѣдниками римлянъ, германцами и аравитянами.

Впрочемъ въ описываемую нами эпоху, на ряду съ возникавшей христіанской литературой продолжала существовать и противоположная ей языческая, на которую мы и должны прежде всего обратить наше вниманіе. Прежнія учебныя заведенія продолжали свое существованіе, и къ чести правительства надобно сказать, что въ то время, когда падали всѣ основанія древней образованности, оно, въ особенности на Западѣ, ревностно заботилось о школахъ. При Юліанѣ изученіе языческой древности процвѣтало преимущественно въ собственной Греціи и передней Азіи, но послѣ вторженія Алариха въ Грецію почти всѣ школы были перенесены въ самыя отдаленныя азіатскія провинціи, гдѣ и продержались до временъ аравитянъ. Изъ греческихъ школъ болѣе всего имѣла значенія аѳинская. Сюда стекались со всѣхъ концовъ имперіи молодые люди, желавшіе усвоить себѣ древнюю образованность, не смотря на то, что изъ нея уже давно исчезъ духъ древности. Вся Греція принимала участіе въ спорахъ аѳинскихъ учителей, и, какъ нѣкогда на олимпійскія игры, греки стремились въ Аѳины, чтобы присутствовать при диспутахъ соискателей на различныя ученыя должности. Вся энергія угасшей политической жизни сосредоточилась на литературѣ и аѳинской школѣ. Наплывъ народа и вражда партій въ этомъ городѣ были иногда такъ велики и опасны для общественнаго спокойствія, что намѣстники Греціи бывали принуждены прибѣгать къ полицейскимъ и судебнымъ мѣрамъ. Безъ сомнѣнія, тогда истинная наука уже совершенно исчезла; всѣ занятія учителей, обучавшихъ древней литературѣ и извѣстныхъ подъ именемъ софистовъ, сосредоточивались на краснорѣчіи, діалекти-

ческихъ тонкостяхъ, мистическомъ объясненіи древняго религіознаго ученія и мнимой философіи, соотвѣтствовавшей общему направленію тогдашней учености. Не смотря на то, погибавшіе остатки древней образованности были еще рѣшительно необходимы для государственной дѣятельности, а на Востокѣ даже для частной жизни. Поэтому и христіанскіе императоры, какъ Константъ и Констанцій, не только не преслѣдовали, но еще награждали языческихъ софистовъ, презрѣніе къ которымъ проповѣдывалось имъ на каждомъ шагу. Въ какой тѣсной связи съ практическою жизнью находилась въ то время наука въ Греціи, видно изъ участія, съ какимъ относилось общество ко всѣмъ важнымъ явленіямъ въ литературѣ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и изъ того уваженія, которымъ пользовались софисты и духовные христіанскіе проповѣдники. Самыми замѣчательными изъ тогдашнихъ софистовъ были Либаній и императоръ Юліанъ, на которыхъ мы и должны обратить особенное вниманіе.

Сочиненія императора Юліана можно раздѣлить на четыре отдѣла. Первый содержитъ въ себѣ софистическія сочиненія, которыя самъ Юліанъ называетъ рѣчами. Произведенія втораго отдѣла, между которыми находится нѣсколько сатиръ, написанныхъ въ подраженіе Лукіану, касаются отношеній автора къ наукѣ и своимъ современникамъ. Къ третьему отдѣлу принадлежатъ его оффиціальная переписка и частныя письма къ друзьямъ и знакомымъ. Изъ четвертаго отдѣла, заключавшаго въ себѣ сочиненія Юліана противъ христіанства, остались только отрывки. Всѣ эти сочиненія замѣчательны во многихъ отношеніяхъ, потому что касаются самыхъ задушевныхъ стремленій одного изъ замѣчательныхъ римскихъ императоровъ. Они проливаютъ много свѣта на духъ и характеръ Юліана, его развитіе и намѣренія, на состояніе образованности и вообще на жизнь того времени, раскрываютъ предъ нами тѣ преобразовательныя стремленія, при помощи которыхъ Юліанъ хотѣлъ превратить древне-языческое суевѣріе въ мистическисимволическую религію, которая противодѣйствовала бы христіанству, достигшему тогда преобладанія.

Утѣшительно видѣть изъ сочиненій Юліана, что авторъ ихъ былъ человѣкъ, проникнутый, среди общаго эгоизма, слабости и распутства, искреннимъ удивленіемъ къ классической древности и стремившійся къ идеальной цѣли. Читая ихъ, мы научимся цѣнить императора, презиравшаго блескъ, которымъ людская угодливость окружала императорскую власть, и искавшаго славы только въ наукѣ и литературѣ; въ нихъ мы видимъ всю энергію его убѣжденій и истинную скромность, происходившую изъ благородства его души. Это послѣднее качество тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего удивленія, что оно было одинаково далеко отъ высокомѣрнаго лицемѣрія тогдашнихъ языческихъ софистовъ и униженнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ ложнаго, смиренія ихъ противниковъ. Такъ, напримѣръ, письмо Юліана къ аѳинянамъ, въ которомъ онъ извѣщаетъ объ отпаденіи своемъ отъ Констанція, по своей простотѣ, скромности и искренности рѣзко отличается отъ другихъ оффиціальныхъ актовъ подобнаго рода. Между прочимъ оно служитъ намъ новымъ доказательствомъ, что занятія древностью не оставались безплодными и въ школахъ этой эпохи упадка. Впрочемъ, въ сочиненіяхъ Юліана отражается и вредное вліяніе того времени. Въ нихъ обнаруживается ошибочное стремленіе возстановить навсегда миновавшійся порядокъ вещей. Въ слогѣ его замѣтна искусственность и страсть къ украшеніямъ; внѣшняя форма представляется ему гораздо важнѣе, чѣмъ самая мысль и содержаніе. Образованіе Юліана было софистически-дипломатическое, и поэтому неудивительно, что онъ не могъ уберечься отъ вліянія своей рабской, деспотической, развратной эпохи.

Что касается до стремленій Юліана поддержать падавшее язычество, этой важнѣйшей стороны его дѣятельности, то нельзя не сказать, что Юліанъ впалъ при этомъ въ ошибки и заблужденія своего времени. Онъ не знаетъ природы человѣка, и ошибается въ опредѣленіи характера и направленія тогдашняго общества. Чтобы оживить умиравшія національныя вѣрованія, онъ старался замѣнить простой смыслъ древней поэтической и чувственной религіи мечтаніями неоплатониковъ, противопоставляя простому ученію Христа, доступному для всякаго, имѣющаго здравый смыслъ, религіозную систему, принципы которой были понятны только ученымъ и оставались тайною для всѣхъ непосвященныхъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ Юліанъ противодѣйствовалъ самъ себѣ. Христіанскій мисти-

цизмъ, согласный съ общимъ направленіемъ той эпохи и усвоивній себѣ все, что оставалось хорошаго въ язычествѣ, былъ гораздо полезнѣе для того времени. Юліанъ рѣшительно не понимаетъ различія между христіанскимъ ученіемъ, не терявшимъ, не смотря на всѣ искаженія, своего практическаго характера, — и чисто научною системою мистическихъ философовъ неоплатониковъ. Онъ смѣшиваетъ сущность христіанства съ его второстепенными сторонами, придаетъ слишкомъ много значенія суевѣріямъ христіанъ и противопоставляетъ ихъ религіи философски-поэтическую систему, безполезную для жизни, ничего не говорящую уму, непонятную для простаго здраваго смысла и безплодную для дѣятельной любви. Кромѣ того Юліанъ много повредилъ себѣ дерзостью и ѣдкостью, съ какими онъ нападалъ на ненавистную для него религію противниковъ. Онъ показалъ себя такимъ же фанатикомъ, какъ и враги, противъ которыхъ вооружался. Впрочемъ, онъ самъ невольно слѣдовалъ христіанскому духу времени, хотя и возставалъ противъ него. Такъ, напримѣръ, онъ отдаетъ созерцательной жизни преимущество предъ дѣятельною, и предпочитаетъ извѣстность въ наукѣ славѣ великихъ правителей и героевъ. Излагая въ одномъ сочиненіи свои мнѣнія о римскихъ императорахъ, онъ ставитъ выше всѣхъ Марка Аврелія за его философію и ученость. Безплодныя усилія Юліана разными полицейскими мѣрами ввести у язычниковъ благотворительныя учрежденія, подобныя христіанскимъ, ясно показываютъ, что не помощи правительства и не искусству духовенства обязано было христіанство своимъ преобладаніемъ, а что, напротивъ, христіанское ученіе о безкорыстной любви и равенствѣ всѣхъ предъ Богомъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало обстоятельствамъ и потребностямъ того времени.

Либаній, родившійся около 314 года и дожившій до царствованія Аркадія, былъ учителемъ въ Константинополѣ, Никомедіи и въ своемъ родномъ городѣ, Антіохіи на Оронтѣ. Кромѣ множества писемъ, отъ Либанія осталось два рода сочиненій: риторическія упражненія, составленныя имъ для своихъ учениковъ, и софистическія сочиненія, написанныя въ формѣ рѣчей. Какъ учитель и писатель, онъ былъ дѣятельнѣе всѣхъ своихъ современниковъ, и старался о поддержаніи литературы и науки классической древности съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ святые Василій и Григорій и другіе христіанскіе ученые того времени трудились для новой христіанской науки. Либаній всю свою жизнь, до царствованія Аркадія и Гонорія, пользовался огромнымъ, почти единственнымъ въ своемъ родѣ вліяніемъ; онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что всѣ три части свѣта и всѣ острова, до столбовъ Геркулеса, были наполнены его учениками; и это вовсе не было пустымъ хвастовствомъ. Поэтому жизнь и сочиненія Либанія имѣютъ для насъ огромную важность. Мы знакомимся чрезъ нихъ съ внутренней исторіей того времени, а въ особенности съ характеромъ образованности и состояніемъ учебныхъ заведеній въ греческой половинѣ имперіи. Не смотря на суевѣріе и отсутствіе изящнаго вкуса, которыхъ нельзя не замѣтить у Либанія, его мнѣнія и сообщаемые имъ факты важны особенно потому, что онъ принадлежалъ къ числу немногихъ людей тогдашней эпохи, которые неизмѣнно слѣдовали однажды избранному направленію и имѣли твердый и опредѣленный взглядъ на вещи. Даже въ отношеніи къ Юліану, Либаній сохранялъ свою самостоятельность и поддерживалъ достоинство науки, хотя и оказывалъ ему самое глубокое уваженіе. Онъ искусно умѣлъ соединять въ себѣ преданность этому императору съ отвращеніемъ ко двору и держаться въ сторонѣ отъ ученой сволочи, злоупотреблявшей въ свою пользу любовью Юліана къ наукѣ.

Изъ сочиненій Либанія видно, что въ его время наука еще не лишилась всего своего значенія, и общество не обратилось исключительно къ духовенству и монахамъ; но Либанію суждено было дожить до того времени, когда древній духъ и древняя наука уступили мѣсто восточно-христіанскимъ идеямъ, пустому формализму. Императоры, важнѣйшіе сановники и городскія власти продолжали еще покровительствовать наукѣ и образованію, а слѣдовательно только сами ученые и духъ времени виноваты въ томъ, что уровень образованности падалъ все ниже и ниже. Самъ Либаній указываетъ на этотъ упадокъ высшаго умственнаго образованія, и весьма остроумно и опредѣленно обсуждаетъ сущность этого явленія и значенія его для жизни. Ученые все болѣе и болѣе проникались духомъ ремесла и пошлостью низшихъ классовъ общества, и не только утратили само-

стоительность воззрѣній и сознаніе своего личнаго достоинства, но потеряли даже свое внѣшнее значеніе въ обществѣ. Ставъ въ полную зависимость отъ публики и отъ своихъ учениковъ, учителя стали заботиться не о самомъ знаніи, а о томъ вліяніи, какое оно можетъ доставить; ученики же ихъ, занятые одною формою, не обращали вниманія на самыя мысли. Изъ сочиненій Либанія видно также, что и домашнее воспитаніе находилось тогда въ упадкѣ; что главною цѣлью его было не образованіе ума и изящнаго вкуса, а одно пріобрѣтеніе средствъ для жизни. Эти явленія находились, конечно, въ тѣсной связи съ общимъ упадкомъ государства и правительства. Разлагающаяся римская имперія страдала тѣмъ же самымъ зломъ, которое чувствуется теперь въ новѣйшихъ монархическихъ государствахъ, въ особенности же въ Германіи. Управленіе, жизнь, здравый смыслъ были погребены подъ грудами бумагъ. Поэтому всего скорѣе могъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ тотъ, кто имѣлъ хорошую память, механическую ловкость и неутомимое прилежаніе. Люди, отличавшіеся бойкостью пера, знаніемъ дѣлопроизводства и обыкновенныхъ канцелярскихъ формъ, занимали всѣ высшія мѣста, доступныя прежде только истинно-даровитымъ и дѣятельнымъ людямъ. Истинно образованные и способные люди оставлялись въ сторонѣ. Удивительно ли, что родители считали безполезнымъ учить своихъ дѣтей свободнымъ искусствамъ и наукамъ?

Обращаясь къ языческой литературѣ латинской половины имперіи, мы находимъ, что она имѣла гораздо болѣе важности и значенія для образованности человѣчества, чѣмъ греческая, потому что составляетъ непосредственный переходъ къ научному образованію среднихъ вѣковъ. Изслѣдованіе этого переходнаго состоянія интересно особенно потому, что при этомъ повторились тѣже явленія, какъ и при самомъ возникновеніи римской литературы. Какъ въ началѣ, греческая литература была измѣнена итальянцами сообразно ихъ личнымъ качествамъ и природѣ, такъ и римская и христіанско-восточная литература была преобразована германцами, учениками римлянъ. Впрочемъ остатки древней литературы, наслѣдованные германцами, можно назвать только тѣнью того, что создали нѣкогда греки и римляне въ эпоху своего высшаго умственнаго развитія. Напыщенность выраженій, сухая ученость памяти, игра понятіями и непонятная философія, скрывавшаяся подъ покровомъ аллегорій, мистицизма и символики, составляли отличительный характеръ выродившейся древней образованности, переданной новымъ народамъ. Какъ ни важенъ былъ для нихъ этотъ готовый путь къ образованности, онъ все-таки на цѣлыя столѣтія замедлилъ пробужденіе умственной жизни у средневѣковыхъ народовъ. Человѣчество все болѣе и болѣе удалялось отъ истины, природы и простоты древняго греко-римскаго быта, пока наконецъ не воспрянуло отъ усыпленія въ четырнадцатомъ столѣтіи.

Мы не будемъ останавливаться на каждомъ изъ писателей позднѣйшей древности и судить по сочиненіямъ ихъ о ходѣ тогдашней образованности. Для насъ будетъ достаточно назвать имена ихъ и сдѣлать нѣсколько общихъ замѣтокъ о дальнѣйшемъ развитіи, или, лучше сказать, упадкѣ литературы. Значительнѣйшими римскими писателями четвертаго и пятаго вѣка были: грамматикъ Макробій, ораторъ Симмахъ, котораго не должно смѣшивать съ сенаторомъ Симмахомъ, умерщвленнымъ по повелѣнію Теодориха; поэты Авзоній (стр. 220) и Сидоній Аполлинарій, хотя бывшій христіаниномъ, но получившій языческое воспитаніе, и наконецъ христіанскіе поэты Сальвіанъ, Пруденцій и Проспферъ, оплакивавшіе бѣдствія того времени. Эти поэты, не смотря на христіанское содержаніе своихъ произведеній, по своему духу относятся скорѣе къ древне-латинской, чѣмъ къ новой христіанской культурѣ.

Всѣ латинскіе писатели изображаемой эпохи слѣдовали по ложному пути, указанному нами выше. По тому же пути пошли и новые народы, заступившіе мѣсто и наслѣдовавшіе образованіе римлянъ. Этимъ объясняется то странное явленіе, что въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ жизнь и знаніе были чужды другъ другу, а послѣднее было только однимъ скелетомъ науки. По этой же причинѣ народная поэзія среднихъ вѣковъ находилась въ постоянной борьбѣ съ школьною образованностью, и шла по совершенно противоположному пути. Въ школахъ высокое находили въ патетическихъ и трогательныхъ оборотахъ рѣчи, въ умѣньи говорить благозвучно и во внѣшнемъ искусствѣ дѣйствовать на сердца.

Въ народѣ же жила безъискусственная поэзія природы, дѣйствовавшая на сердца людей посредствомъ простаго изображенія естественныхъ чувствъ, и касавшаяся истинно высокихъ сторонъ человѣческой натуры. Такимъ образомъ, въ школахъ среднихъ вѣковъ и послѣдняго періода древности не было мѣста для истинной и естественной поэзіи; въ нихъ могло процвѣтать только риторическое и искусственное стихотворство. Это направленіе держалось не только въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, когда учебныя заведенія попали въ руки монаховъ и духовенства, но перешло даже въ жизнь новыхъ народовъ, и долго сохранялось во французской, англійской и нѣмецкой поэзіи.

Особенно важными послѣдствіями сопровождалось то обстоятельство, что при концѣ древняго періода образовался взглядъ на науку, какъ на что-то замкнутое само въ себѣ. Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній, перешедшихъ и въ средніе вѣка, наука измѣнила свой характеръ и потеряла то огромное значеніе, которымъ пользовалась въ древности. Переставъ быть источникомъ истиннаго образованія и главнымъ элементомъ внутренней жизни, она сдѣлалась сухою школьною мудростью,—дѣломъ одной памяти. Въ послѣднія столѣтія древняго міра общество удовлетворялось однимъ собираніемъ матеріаловъ; всѣ знанія были заключены въ энциклопедіи и учебники. Подобное состояніе науки неизбѣжно должно было отразиться и на воспитаніи юношества. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ сочиненіяхъ Макробія и другихъ, подобныхъ ему, писателей мы находимъ все то, что увидимъ впослѣдствіи въ устройствѣ, направленіи и ходѣ преподаванія средне-вѣковыхъ школъ. У Макробія уже упоминается раздѣленіе учебныхъ предметовъ на семь свободныхъ искусствъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на два отдѣла, и основанное на немъ различіе между высшимъ и низшимъ классами (trivium и quadrivium). Въ концѣ древняго міра перестали обращать вниманіе на приложеніе наукъ къ умственному развитію и жизни, и тогдашнія педагогическія сочиненія признаютъ необходимыми для учениковъ только одни опредѣленія или объясненія словъ. Такимъ образомъ уже въ послѣднія столѣтія древняго міра возникла школьная наука, удовлетворявшая умственнымъ потребностямъ человѣчества до самаго пятнадцатаго столѣтія.

Не менѣе значительныя перемѣны произошли въ эту эпоху въ философіи и въ такъ-называемыхъ точныхъ или математическихъ и физическихъ наукахъ. Философія, давно превратившаяся въ пустое мудрствованіе и мечтательность, стала въ полное соотвѣтствіе съ печальнымъ состояніемъ той эпохи, избравъ себѣ задачею врачеваніе страждущихъ душъ. Впослѣдствіи христіанскіе ученые связали ее съ ученіемъ церкви и іерархическими и аристократическими отношеніями, возникшими у германскихъ народовъ. Эта философія или, лучше сказать, эти философско-поэтическія мечтанія со времени Макробія самымъ страннымъ образомъ были соединены съ точными науками. Математика, астрономія и естествознаніе такъ тѣсно слились съ философскимъ фантазерствомъ, что средне-вѣковые ученые не могли себѣ представить точныхъ наукъ внѣ этой связи, и нужно было пройти нѣсколькимъ столѣтіямъ, прежде чѣмъ эти науки снова обратились на путь опыта. Такъ, напримѣръ, въ математикѣ явилась теорія пространства и времени, или ученіе о тайнахъ чиселъ, составившаяся изъ нѣкоторыхъ указаній опыта, изъ вымысловъ фантазіи и логическихъ заключеній. Эта система легла въ основаніе теоріи музыки и прочихъ искусствъ, и даже западнаго богословія и богослужебной символики. Странное смѣшеніе мечтательной философіи съ математикою и естественными науками замѣтно у всѣхъ средне-вѣковыхъ философовъ и поэтовъ, не исключая Данта и Петрарки, у многихъ, такъ называемыхъ, платониковъ пятнадцатаго столѣтія, и даже у величайшаго астронома новѣйшаго времени, Іоанна Кеплера.

Вліяніе христіанской литературы на образованность начинается не со времени появленія книгъ новаго завѣта, а нѣсколько позднѣе. Новый завѣтъ и сочиненія ближайшихъ преемниковъ апостоловъ содержатъ въ себѣ только религіозное ученіе и исторію религіи, не касаясь науки и литературы. Взаимное вліяніе другъ на друга христіанскаго направленія и господствовавшихъ въ тогдашнемъ обществѣ идей впервые обнаружилось въ такъ называемыхъ апологіяхъ или защитительныхъ сочиненіяхъ, которыя стали появляться у христіанъ со временъ Адріана. Какъ скоро христіанство проникло въ высшее сословіе,

возникла, само собою разумѣется, и потребность защищать новую религію отъ обвиненій, взводимыхъ на нее язычниками, въ особенности учеными, а это имѣло послѣдствіемъ, что христіанское ученіе, доступное только одному сердцу, стали подтверждать логическими доводами. Такимъ образомъ христіанское ученіе вошло въ тѣсную связь съ научными понятіями и философіей древности, и чрезъ то усвоило себѣ направленіе тогдашней образованности. Тогда же стало замѣтнымъ сліяніе восточныхъ представленій о религіи, божественномъ вдохновеніи, государственномъ устройствѣ, законѣ и необходимости существованія отдѣльнаго духовнаго сословія со взглядами грековъ и римлянъ на человѣческую мудрость, міроустройство, пророческое, вдохновенное и логическое мышленіе. Изъ этого смѣшенія развились впослѣдствіи новое направленіе и новая литература, характеръ которыхъ сталъ опредѣляться именно въ описываемое нами время. Древнѣйшимъ апологическимъ писателемъ, сочиненія котораго сохранились до нашего времени, былъ Юстинъ, умершій мученическою смертью при Маркѣ Авреліи и получившій за то названіе мученика. Сочиненія Юстина могутъ служить для насъ самымъ наглядньшъ объясненіемъ, какимъ образомъ съ самыхъ раннихъ поръ языческія идеи стали въ тѣсную связь съ христіанствомъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что законы языческой религіи были установлены падшими ангелами, и что греческіе и римскіе боги происходятъ отъ этихъ ангеловъ. Слѣдовательно, Юстинъ принимаетъ ученіе Порфирія и другихъ неоплатониковъ о духахъ, упуская изъ виду, что этимъ самымъ онъ уничтожаетъ нравственныя основанія христіанскаго міросозерцанія. Совершенно въ другомъ духѣ разсуждаетъ Юстинъ объ отношеніи вѣры къ ученію объ обязанностяхъ. Эта часть сочиненій его открываетъ намъ многія утѣшительныя стороны въ жизни первобытныхъ христіанъ. Излагая свои собственныя мнѣнія, Юстинъ высказываетъ самыя странныя мысли; но говоря о религіи, онъ не скрываетъ, что истинная вѣра заключается въ христіанскомъ образѣ жизни и добрыхъ дѣлахъ, и что самъ Христосъ и апостолы даютъ самой вѣрѣ только второстепенное мѣсто.

Однѣ апологіи, чуждыя научнаго метода, были не въ состояніи ввести христіанское ученіе въ кругъ тогдашняго общечеловѣческаго образованія. Эту задачу выполнили два знаменитые церковные учителя въ Александріи: Климентъ и Оригенъ, произведшіе въ началѣ третьяго вѣка важныя преобразованія въ христіанствѣ (стр. 180). Одаренный обширнымъ природнымъ умомъ, живымъ сердцемъ и пылкою фантазіею, Климентъ отличался и многостороннею ученостью. Получивъ образованіе въ аѳинскихъ и малоазіятскихъ школахъ софистики, онъ познакомился въ Египтѣ съ самыми источниками неоплатонической философіи. Слѣдовательно, Климентъ былъ въ состояніи воспользоваться общею склонностью къ мистицизму, чтобы создать новую духовную жизнь и вызвать новый родъ духовной дѣятельности. Въ то время объясненіе древнихъ писателей и искусство, основанное на древней религіи и поэзіи, повидимому было совершенно исчерпано; кругъ тогдашнихъ человѣческихъ знаній казался тѣснымъ, а идеи древности уже болѣе не соотвѣтствовали общественнымъ учрежденіямъ и правительственной системѣ. Климентъ, ученикъ его Оригенъ и другіе слѣдовавшіе имъ учители церкви расширили область человѣческихъ стремленій, весьма искусно соединивъ Востокъ и его историческія преданія съ литературою Запада. Современники Климента готовы были встрѣтить съ сочувствіемъ такъ называемый неоплатонизмъ, слить въ одно цѣлое поэзію и философію и признать христіанство, — которое въ сущности было усовершенствованіемъ іудейской религіи. Необходимо было представить новое ученіе въ научной формѣ и особеннымъ образомъ доказать его истину ученымъ, чего не въ силахъ былъ сдѣлать лишенный научнаго образованія Юстинъ и подобные ему писатели. Всего лучше могъ выполнить это Климентъ Александрійскій, а въ особенности необыкновенно даровитый ученикъ его Оригенъ. Краснорѣчивый фанатикъ и неутомимый труженникъ, онъ обладалъ всѣми необходимыми качествами для того, чтобы расположить въ свою пользу высшія сословія. Климентъ положилъ твердыя основанія новому взгляду, а Оригенъ развилъ его далѣе. Съ какимъ успѣхомъ продолжалъ онъ дѣло Климента, можно судить по тому уваженію, съ которымъ христіане смотрѣли на его сочиненія даже черезъ сто лѣтъ по его смерти. Одинъ христіанскій писатель той эпохи говоритъ, что Оригенъ проникъ въ самую глубину божескаго естества,

изслѣдовалъ его тайны и разъяснилъ все оставшееся непонятнымъ для прежнихъ философовъ.

Мы не будемъ разсматривать въ подробности сочиненій Климента и Оригена и на основаніи ихъ судить о дѣятельности самихъ писателей, а ограничимся только замѣчаніемъ, что Климентъ и Оригенъ приблизили христіанское ученіе къ духу времени, сдѣлавъ изъ него науку и превративъ его въ систему мистицизма, удовлетворявшаго тогдашней склонности къ мечтательности. Они сдѣлались творцами новой науки и новаго искусства, продолжавшихъ существовать послѣ нихъ во всѣ средніе вѣка. Главная особенность ихъ направленія заключалась въ ихъ взглядѣ на христіанство, какъ на единственную истинную философію и поэзію, и какъ на ученіе, скрытое въ произведеніяхъ всѣхъ лучшихъ мыслителей и поэтовъ древности. Климентъ и Оригенъ искусно воспользовались господствовавшимъ направленіемъ своего времени и идеями неоплатониковъ для того, чтобы представить христіанство съ философской и поэтической стороны, и, перенеся въ новую религію мистическое ученіе древности и облекши ее въ научную форму, въ такомъ видѣ противопоставили ее народной вѣрѣ и безсознательному суевѣрію, какъ истинную философію, поэзію и чистѣйшую религію древности. Они отдѣлили христіанскую религію отъ ученія Христа, совершенно доступнаго здравому смыслу каждаго, но за то положили основаніе наукѣ и литературѣ, стремившимся сохранить въ новыхъ формахъ духъ древности, и впослѣдствіи, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, распространившимся въ народѣ, при посредствѣ средневѣковыхъ ученыхъ школъ. Конечно, эта примѣсь поэтическаго и философскаго элемента не вполнѣ согласовалась съ практическими и нравственными цѣлями христіанства, но не должно забывать, что этотъ новый элементъ былъ совершенно современенъ. Во всякомъ случаѣ, онъ гораздо скорѣе могъ привиться къ новому ученію, чѣмъ къ греко-римскому язычеству, которое подобнымъ же образомъ старались преобразовать тогдашніе неоплатоники. Климентъ и Оригенъ вызвали къ жизни сдѣлавшійся впослѣдствіи господствующимъ христіанскій мистицизмъ, или аллегорическое и символическое объясненіе христіанскаго религіознаго ученія, и созерцательное и мечтательное направленіе, по которому самоистязаніе и мрачное углубленіе въ себя считалось высочайшею мудростью и добродѣтелью. Вскорѣ эти воззрѣнія распространились по всей римской имперіи, вошли въ жизнь новыхъ народовъ и пользовались въ средніе вѣка повсемѣстнымъ господствомъ.

Климентъ и Оригенъ изобрѣли новый методъ изъясненія священнаго писанія и создали христіанскую философію и мистицизмъ; творцомъ же христіанской исторіи былъ современникъ Константина Великаго, Евсевій, епископъ кесарійскій. Сочиненія его въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ оставались главнымъ источникомъ хронологическихъ и историческихъ знаній. Важнѣйшими произведеніями Евсевія считаются: хронологія, исторія христіанской церкви до 324 года, хроника всемірной исторіи и богословское сочиненіе, извѣстное подъ именемъ «Евангельскаго приготовленія.» Вліяніе Евсевія особенно важно въ томъ отношеніи, что, благодаря ему, вся исторія приняла богословское направленіе. Съ этихъ поръ въ ней совершенно исчезло философское направленіе древнихъ историковъ и все стало разсматриваться съ религіозной точки зрѣнія; іудейская исторія и іудейское міросозерцаніе легли въ основаніе всѣхъ историческихъ взглядовъ. Кромѣ того сочиненія Евсевія служатъ намъ главнымъ источникомъ для изученія исторіи первыхъ вѣковъ христіанства. Стараясь доказать превосходство божественной мудрости христіанства предъ всякою философіею, Евсевій собралъ въ своемъ «Евангельскомъ приготовленіи» лучшіе матеріалы для исторіи философскихъ мнѣній и богословскихъ преданій.

Средоточіемъ всѣхъ событій въ исторіи Евсевія является христіанская церковь. Поэтому, само собою разумѣется, онъ смотрѣлъ на факты и представлялъ ихъ иначе, чѣмъ греки и римляне и современные намъ историки. Впрочемъ, не смотря на всю свою односторонность, сочиненія Евсевія имѣютъ огромное значеніе, въ особенности для исторіи церкви. Онъ составлялъ всѣ свои сочиненія по документамъ, и постоянно вводилъ въ свое изложеніе отрывки изъ оффиціальныхъ актовъ и свидѣтельствъ. Евсевій плохой критикъ и вовсе не старается казаться безпристрастнымъ. Такъ, напримѣръ, въ одной книгѣ онъ хвалитъ не-

счастнаго сына Константина, Криспа, а въ другой, не смотря на то, что самая связь событій требуетъ повторить прежде сказанное, пропускаетъ всѣ эти похвалы потому только, что это могло бы омрачить славу Константина. Чтобы доказать согласіе іудейской исторіи со всѣми древними преданіями Востока, Евсевій составилъ изъ поднѣйшихъ восточныхъ историческихъ сочиненій сборникъ легендъ, жреческихъ сказаній и другихъ фактовъ, перешедшій потомъ во всѣ средневѣковыя хроники и много вредившій успѣхамъ исторической науки. Со времени Евсевія христіанскіе историки начали придавать огромное значеніе такимъ именамъ и извѣстіямъ, которыя для политической исторіи также не нужны, какъ имена и исторія мелкихъ владѣтелей внутренней Африки. Подобныя сочиненія, очевидно, не достигаютъ истинной цѣли исторіи, то есть не развиваютъ ума и не возбуждаютъ живаго участія ко всему истинно-человѣческому, но за то они доставляли обильную пищу для безплодныхъ занятій отрѣшившимся отъ жизни школьнымъ ученымъ среднихъ вѣковъ и позднѣйшаго времени.

Послѣ Евсевія литература и воспитаніе въ греческой части имперіи приняли тотъ исключительный характеръ, который сохранился въ нихъ и до нашего времени. Въ нихъ замѣтно не только чисто-богословское, но даже аскетическое направленіе, проповѣдывавшее умерщвленіе чувственности. Вслѣдствіе того литература и воспитаніе были заключены въ извѣстныя рамки. Представителями этого направленія были два знаменитые епископа и учителя церкви: Василій Великій и Григорій Назіанзинъ. Печальныя событія того времени должны были оказать особенное вліяніе на этихъ людей. Оба они жили во время Юліана, получили воспитаніе въ школѣ языческихъ софистовъ, почитали Либанія своимъ идеаломъ и примѣнили къ духовному краснорѣчію правила, изобрѣтенныя софистами для свѣтскаго ораторскаго искусства. Василій Великій и Григорій Назіанзинъ отличались отъ Либанія и другихъ подобныхъ ему ораторовъ тѣмъ, что избрали другой путь для достиженія своей цѣли, и вполнѣ вѣрили въ то, что говорили, тогда какъ софисты заботились только о внѣшности. Оба они имѣли огромныя дарованія, занимали важныя мѣста въ христіанской іерархіи Востока и пользовались большимъ вліяніемъ въ государствѣ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что примѣръ ихъ не остался безъ важныхъ послѣдствій на умственную жизнь восточныхъ христіанъ. Но вліяніе ихъ зависѣло не столько отъ ихъ сочиненій, сколько отъ личныхъ качествъ, а въ особенности отъ проповѣдей этихъ писателей.

Сочиненія Василія Великаго и Григорія Назіанзина весьма важны для изученія внутренняго состоянія ихъ эпохи. Изъ нихъ мы видимъ, до какой степени распространилась въ то время наклонность къ созерцательной жизни и монашеству, и какъ богословскіе интересы занимали собою людей всѣхъ половъ, возрастовъ и состояній. Василій Великій и Григорій Назіанзинъ съ такимъ успѣхомъ и такъ усердно содѣйствовали распространенію византійскихъ понятій, увеличенію вліянія духовенства на государственную и семейную жизнь и низшіе классы, что сочиненія ихъ могутъ облегчить дальновидному историку пониманіе причинъ паденія всѣхъ древнихъ учрежденій на Востокѣ. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ писателей и ученыхъ, воспитанныхъ въ школахъ, устроенныхъ по ихъ указаніямъ, на Востокѣ распространились тѣ убѣжденія, которыми до сихъ поръ отличаются греки.

Около того же времени и на Западѣ стало обнаруживаться вліяніе христіанства на литературу и образованность, хотя древній методъ обученія продолжалъ еще существовать въ школахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только столѣтіемъ позже Амвросій и Августинъ создали и для латинскаго населенія имперіи христіанскую науку, поэзію и искусство, продолжавшія развиваться въ средніе вѣка и имѣвшія значительно вліяніе на литературу и жизнь позднѣйшихъ эпохъ. Два древнѣйщіе изъ знаменитыхъ отцовъ западной церкви, дѣйствовавшихъ на Западѣ, Иринеи и Тертулліанъ, жили въ началѣ третьяго вѣка. О нихъ мы можемъ и не упоминать, потому что они не имѣли большаго вліянія на общество, и писали только для читателей, находившихъ удовольствіе въ богословскихъ занятіяхъ. Арнобій и Лактанцій, современники Діоклетіана, первые изъ отцовъ западной церкви обратили вниманіе на народъ и стали передавать христіанское ученіе на латинскомъ языкѣ. Арнобій примѣнилъ свѣтское

краснорѣчіе къ духовнымъ предметамъ и обратилъ вниманіе общества на христіанскія религіозныя идеи, подобно тому, какъ нѣкогда Цицеронъ указалъ римлянамъ на греческую философію. Еще вліятельнѣе былъ Лактанцій, находившійся въ такомъ же отношеніи къ латинской литературѣ, какъ Григорій и Василій къ греческой. Впрочемъ Лактанцій не могъ равняться съ названными нами греческими отцами церкви, потому что уступалъ имъ въ дарованіяхъ, знаніи древней философіи и вліяніи на современниковъ. Между прочимъ онъ написалъ сочиненіе о христіанской вѣрѣ, подражая манерѣ и слогу философскихъ сочиненій Цицерона. Въ этомъ сочиненій Лактанцій старается доказать превосходство христіанства предъ другими религіями и, чтобы расположить въ пользу его обитателей латинской половины имперіи, усиливается разными риторскими уловками скрыть отъ читателей всѣ іудейскіе и иностранные элементы, вошедшіе въ христіанство. Хотя творенія Лактанція не такъ утомительны и педагогически-учены, какъ сочиненія Григорія, но за то въ нихъ ясно отражается пустота и безвкусіе тогдашней латинской литературы. По всему видно, что латинскій риторъ стоитъ гораздо ниже грека.

Знаменитѣйшими латинскими отцами церкви были святой Амвросій и святой Августинъ, имѣвшіе огромное вліяніе на средневѣковую христіанскую литературу, искусство и церковь. Поэтому мы должны сказать о нихъ гораздо подробнѣе.

Амвросій происходилъ изъ знатной римской фамиліи, со славою занималъ нѣкоторое время должность перваго свѣтскаго сановника въ Ломбардіи, и наконецъ въ 437 году избранъ былъ епископомъ Милана (Медіолана). Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ западныхъ епископовъ, которые не искали для себя никакихъ матеріальныхъ выгодъ, а напротивъ жертвовалъ многимъ, чтобы только имѣть возможность бороться за свои убѣжденія. Получивъ классическое образованіе, но чуждый пустой софистики и сухой школьной учености, Амвросій отличался свѣтлымъ умомъ, краснорѣчіемъ, практическою опытностью и неутомимою дѣятельностью. Впрочемъ, онъ былъ клерикаломъ въ полномъ значеніи этого слова, и искренно вѣрилъ въ истину того, что проповѣдывалъ. Такой человѣкъ, сдѣлавшись епископомъ и духовнымъ ораторомъ, конечно, долженъ былъ имѣть громадное вліяніе на своихъ современниковъ и послѣдующія поколѣнія. О значеніи Амвросія, какъ епископа, мы уже упоминали въ политической исторіи. Какъ могущественный духовный владыка, онъ иногда составлялъ оппозицію противъ свѣтскаго главы государства и умѣлъ пользоваться массами для достиженія своихъ церковно-политическихъ цѣлей. Предъ Ѳеодосіемъ Великимъ, императрицею Юстиною и узурпаторомъ Евгеніемъ онъ игралъ такую же роль, какую играли нѣкогда пророки предъ іудейскими царями, и своимъ вліяніемъ и примѣромъ подготовилъ на Западѣ преобладаніе духовенства, утвержденное уже на Востокѣ Василіемъ и Григоріемъ. Тогдашняя эпоха какъ нельзя болѣе благопріятствовала такому повороту общественнаго мнѣнія въ пользу духовенства. Сочиненія Амвросія особенно интересны для насъ потому, что объясняютъ перемѣны, происшедшія въ гражданской жизни римлянъ, и возникновеніе въ новыхъ германскихъ государствахъ средневѣковыхъ учрежденій. Въ то время политическое направленіе древняго міра превратилось въ чисто-религіозное, точно такъ, какъ религіозное направленіе шестнадцатаго, семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій въ концѣ этого послѣдняго вѣка смѣнилось политическимъ. Какое рѣзкое различіе существуетъ между сочиненіемъ Амвросія о нравственности и сочиненіемъ о томъ же предметѣ Цицерона! Амвросій подчиняетъ политическій элементъ богословскому, перемѣшиваетъ мораль Цицерона съ христіанскими разсужденіями, и вмѣсто примѣровъ изъ жизни греческихъ и римскихъ героевъ приводитъ событія изъ вѣтхозавѣтной исторіи. Взамѣнъ политической философіи, излагаемой Цицерономъ, у Амвросія является ученіе о вѣрѣ и любви, а вмѣсто краснорѣчиваго убѣжденія въ необходимости гражданской дѣятельности—благочестивыя назиданія. Словомъ, сочиненіе Амвросія обличаетъ собою время, когда смиреніе и милость заступили мѣсто энергической дѣятельности и заслуги.

Главное значеніе Амвросія заключается въ томъ, что при помощи созданнаго Климентомъ и Оригеномъ мистицизма онъ распространилъ на Западѣ поэтическій и аллегорическій взглядъ на христіанство. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Амвросій проводитъ ту идею, что во всякомъ чувственномъ проявленіи нужно

искать сверхъ-чувственнаго значенія, и что всѣ безъ исключенія мѣста священнаго писанія, которыхъ нельзя объяснить буквально, слѣдуетъ понимать какъ аллегоріи. Этотъ взглядъ господствовалъ во всѣхъ средневѣковыхъ сочиненіяхъ, стихотвореніяхъ, произведеніяхъ живописи и архитектуры. Амвросій предполагаетъ въ своихъ читателяхъ безусловную вѣру, и при помощи свѣдѣній, почерпнутыхъ у Оригена, іудея Филона (стр. 165) и Василія Великаго, старается сдѣлать привлекательнѣе и, такъ сказать опоэтизировать эту вѣру. Въ самыхъ обыкновенныхъ повѣствованіяхъ еврейскихъ и христіанскихъ священныхъ книгъ онъ находитъ особенную философію и поэзію, превращаетъ въ какое-то новое ученіе слова пророковъ и апостоловъ, не нуждающіяся ни въ какомъ толкованіи и совершенно ясныя сами по себѣ. Остроумное и блестящее изложеніе, а быть можетъ, и духовная власть Амвросія замѣняли для его слушателей и современниковъ недостатокъ основательности въ его воззрѣніяхъ. Послѣдующія поколѣнія приняли на вѣру всѣ его идеи, какъ скоро на Западѣ воздвиглось новое зданіе церковнаго ученія и основанной на немъ іерархіи. Распространенію взглядовъ Амвросія много способствовалъ и его слогъ, въ которомъ видѣнъ дѣловой человѣкъ, писавшій не только для ученыхъ, но и для массы народа. Амвросій былъ слишкомъ занятъ и слишкомъ много писалъ, чтобы заботиться объ отдѣлкѣ своихъ сочиненій, но самая небрежность эта приближала его къ понятіямъ малообразованныхъ средневѣковыхъ писателей, а широкая натура его вполнѣ соотвѣтствовала духу тогдашняго духовенства, которое легко могло подражать ему. Примѣромъ манеры Амвросія изъяснять священное писаніе, при чемъ онъ преимущественно имѣлъ въ виду назиданіе своихъ слушателей, можетъ служить придуманное имъ аллегорическое объясненіе библейскихъ сказаній объ Авраамѣ, Исаакѣ и Іаковѣ. Совершенно не понимая простоты и естественности патріархальнаго быта, Амвросій старался представить Авраама олицетвореніемъ вѣры, Исаака—образомъ чистой души и духа человѣческаго, соединившагося съ Богомъ, а Іакова—идеаломъ терпѣнія и постоянства въ трудѣ. Изъ женъ Іакова—Рахиль служитъ для него символомъ созерцательной, а Лія—дѣятельной вѣры. Подобныя, совершенно произвольныя выдумки, явившіяся прежде всего въ Александріи, встрѣтили особенное сочувствіе у средневѣковыхъ писателей, ораторовъ и поэтовъ, любившихъ назидательныя размышленія. Вообще сочиненія Амвросія въ средніе вѣка, удаляя людей отъ священнаго писанія и его простаго пониманія, уносили ихъ въ область мечтаній, лежавшихъ въ основѣ церковнаго устройства до тѣхъ поръ, пока реформація не потрясла этого шаткаго основанія.

Не менѣе заслугъ оказалъ Амвросій и церковной музыкѣ: онъ первый ввелъ на Западѣ правильное хоровое пѣніе и содѣйствовалъ развитію этой части богослуженія, заставляя пѣть не только древніе псалмы и гимны, но и сочиняя самъ церковныя пѣсни. Такимъ образомъ онъ сдѣлался образцомъ для духовныхъ поэтовъ, сочинявшихъ слова для церковной музыки.

Гораздо важнѣе заимствованныхъ у грековъ размышленій Амвросія были сочиненія Августина, которыя въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ были главнымъ источникомъ христіанской философіи и богословія, и имѣли могущественное вліяніе на литературу и даже на политическую исторію новыхъ народовъ. Чтобы представить нагляднѣе отношенія Августина къ обще-человѣческой образованности и исторіи, достаточно указать на различныя религіозныя волненія, которыя въ разныя времена были вызываемы учениками и приверженцами Августина. Такъ, напримѣръ, знаменитый богословскій споръ, происходившій въ двѣнадцатомъ вѣкѣ между Абеляромъ и святымъ Бернаромъ, касался главныхъ основаній философіи Августина. Споръ между кальвинизмомъ и лютеранствомъ о томъ же предметѣ былъ причиною раздѣленія протестантской церкви. Борьба янсенистовъ, волновавшая въ продолженіе полутораста лѣтъ французское католичество и бывшая одною изъ причинъ революціи, также находилась въ тѣсной связи съ ученіемъ и взглядами Августина. Самые недостатки его сочиненій, повсюду проявляющаяся въ нихъ африканская натура, горячность и страстность его рѣчи, располагали въ его пользу отдѣльныя личности и цѣлыя школы, тѣмъ болѣе что въ то время здравый смыслъ древности уступилъ мѣсто прорицательской мудрости Востока и пылкому воинственному одушевленію новыхъ народовъ. Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ сочиненіяхъ Августина было болѣе истинной

поэзіи, чѣмъ въ длинныхъ проповѣдяхъ и толкованіяхъ. Вліяніе сочиненій Августина объясняется тѣмъ, что самыя обстоятельства жизни его возбудили въ немъ вѣру въ справедливость требованій человѣческаго сердца. Родившійся въ провинціи Африкѣ и воспитанный своею матерью въ правилахъ благочестія, онъ еще въ ранней юности, увлекаемый страстями, предался чувственнымъ удовольствіямъ и сдѣлался приверженцемъ безумныхъ идей манихейской секты. Въ это же время онъ усвоилъ себѣ латинскую образованность, имѣвшую въ Африкѣ такое же множество почитателей, какъ и римскіе пороки и безнравственность. Въ особенности понравились Августину краснорѣчіе и философія Цицерона. Только тогда, когда Августинъ достигнулъ тридцатилѣтняго возраста и послѣ долгаго пребыванія въ Римѣ поселился въ Миланѣ, въ сердцѣ его произошла нравственная перемѣна, выведшая его на другую дорогу. Объясненія священнаго писанія, мистицизмъ и аллегоріи, заимствованные Амвросіемъ у Оригена и совершенныя имъ преобразованія въ богослуженіи, увлекли молодаго Августина. Въ тоже время ученіе неоплатониковъ произвело рѣшительную перемѣну въ его взглядахъ и направленіи. Онъ началъ вести строго-нравственный образъ жизни и обратился отъ языческой философіи и искусства Цицерона, заблужденій манихеевъ и мистицизма неоплатониковъ къ новой мудрости Амвросія, вѣрѣ Аѳанасія и мистицизму Оригена. Вскорѣ онъ такъ усвоилъ себѣ православное ученіе, что въ состояніи былъ бороться съ британскимъ монахомъ Пелагіемъ оспаривавшимъ ученіе о наслѣдственности грѣха и доказывавшимъ возможность дѣлать добрыя дѣла однѣми собственными силами. Августинъ защищалъ ученіе Апостола Павла объ оправданіи человѣка вѣрою, и признавалъ предопредѣленіе, то есть неизмѣнное предназначеніе человѣка къ блаженству или къ осужденію, однимъ изъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры. У человѣка, одареннаго способностями и силою чувства и притомъ развившагося такимъ оригинальнымъ образомъ, какъ Августинъ, не могло быть недостатка въ богатствѣ и разнообразіи мыслей. Дѣйствительно, своими сочиненіямм онъ имѣлъ громадное вліяніе на современниковъ, и самъ того не замѣчая, создалъ новую христіанскую литературу, искусство и міросозерцаніе.

Одно изъ главныхъ сочиненій Августина, носящее названіе «о градѣ Божіемъ» (de civitate Dei) и составленное по образцу сочиненія Платона о государствѣ (т. I. стр. 348), основывается на той главной мысли, что человѣчество состоитъ изъ двухъ частей: изъ рабовъ своей плоти, осужденныхъ на проклятіе, и изъ людей, живущихъ духомъ и призванныхъ къ блаженству. Отсюда Августинъ выводитъ идею о существованіи въ мірѣ двухъ царствъ, изъ которыхъ одно погибнетъ въ день страшнаго суда. Царствомъ гибели управляетъ дьяволъ; главное основаніе его—эгоизмъ, приводящій человѣка къ забвенію Бога. Другое небесное царство, находящееся подъ управленіемъ божіимъ, основывается на любви къ Богу и ведетъ къ забвенію самого себя. Такимъ образомъ Августинъ противопоставляетъ видимый міръ, какъ царство грѣха, міру вѣры и блаженства набожныхъ душъ; но, признавая человѣческую природу испорченною и всякую внѣшнюю дѣятельность грѣховною и допуская, что Богъ сверхъестественно управляетъ земными дѣлами чрезъ своихъ уполномоченныхъ, Августинъ, самъ того не понимая, предоставляетъ во внѣшнемъ мірѣ полный просторъ грубости и насилію. Предметъ этого сочиненія такъ обширенъ, что далъ Августину возможность заключить въ его рамки все нравственное и догматическое ученіе западной церкви и множество другихъ матеріаловъ, а его приверженцамъ—возможность извлекать изъ этой книги самые разнообразныя представленія и взгляды. По мнѣнію Августина, весь древній Римъ, какъ грѣховное земное государство, находился подъ властью дьявола. Чтобы подтвердить свой взглядъ, онъ обращается къ исторіи римскаго государства и старается доказать исторически, что счастье такого государства не есть истинное счастье, которое находится только въ государствѣ Бога. Но будучи скорѣе риторомъ, чѣмъ историкомъ, и смотря на исторію съ чисто-теологической точки зрѣнія, Августинъ уже по одному этому впадаетъ въ односторонность. Во всей римской исторіи онъ видитъ только непрерывный рядъ несправедливостей и жестокостей, упуская изъ виду, что во всякое время существуютъ извѣстнаго рода убѣжденія и учрежденія. Такъ чувственная религія и строго восточный взглядъ на жизнь были возможны въ греческой и римской древ-

ности, а въ позднѣйшее время необходимо должны были развиться сверхъчувственное ученіе и восточное міросозерцаніе. Августинъ очень основательно доказываетъ несостоятельность древней религіи и философіи и правильно передаетъ историческую связь различныхъ причинъ паденія республики; но воззрѣнія его на исторію доказываютъ совершенное непониманіе хода событій. Въ его сочиненіи героическій и политическій характеры древней исторіи остаются незамѣтными; но зато рѣзко выдаются впередъ религіозный и іерархическій элементы. Зная печальное положеніе имперіи во время Августина и грубость среднихъ вѣковъ, мы поймемъ, что взглядъ его могъ находить себѣ особенное сочувствіе въ эту эпоху и сдѣлаться господствующимъ въ средніе вѣка. Въ тогдашнихъ грустныхъ обстоятельствахъ люди не могли найти себѣ успокоенія въ древней философіи и политической свободѣ. Скорѣе имъ могла помочь слѣпая вѣра, полицейская сила деспотизма и іерархія. Вслѣдствіе этого остроумное и строго-благочестивое твореніе Августина о «градѣ Божіемъ» опредѣлило на нѣсколько вѣковъ впередъ христіанскія воззрѣнія на язычество, его религію, философію и исторію.

Сочиненіе Августина служило главнымъ источникомъ и многихъ другихъ средневѣковыхъ воззрѣній. Земное или языческое государство, по мнѣнію Августина, управляется дьяволами, философами и почитателями злыхъ духовъ, а небесное или христіанское—святыми, ангелами и духовенствомъ. Августинъ подробно говоритъ объ ангелахъ и дьяволахъ, о святыхъ и злыхъ духахъ. При этомъ онъ излагаетъ ученіе, которымъ впослѣдствіи пользовались средневѣковые художники и поэты до самаго Мильтона. Ученіе Августина о наказаніяхъ, которымъ подвергнутся всѣ исключенные изъ царства божія при концѣ міра, вполнѣ соотвѣтствовало понятіямъ народовъ, поселившихся вскорѣ послѣ того въ предѣлахъ римской имперіи. Эта теорія легла въ основаніе поэзіи средневѣковыхъ писателей и содѣйствовала облагороженію грубыхъ, чисто-чувственныхъ понятій о загробной жизни.

Также много имѣло читателей и такимъ же вліяніемъ на исторію новѣйшей образованности и литературы пользовалось другое сочиненіе Августина, такъ называемыя «Признанія». Какъ бы исповѣдуясь предъ Богомъ, онъ изображаетъ въ этомъ сочиненіи ходъ своего внутренняго развитія отъ юности до упомянутой нами перемѣны въ образѣ мыслей и вѣрованіяхъ, совершившейся въ немъ въ 400 году. «Признанія» Августина были одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ среднихъ вѣковъ. Это сочиненіе значительно облегчаетъ намъ пониманіе одного изъ важнѣйшихъ церковныхъ писателей и представляетъ ясное изображеніе духа того времени, тогдашняго воспитанія, нравственнаго состоянія провинціи Африки и характера тамошнихъ ученыхъ школъ. Поэтому «Признанія» Августина весьма важны въ историческомъ отношеніи. Впрочемъ, чтобы извлечь надлежащую пользу изъ сочиненія Августина, нужно бы было привести его вполнѣ или подробно изложить его содержаніе.

Чтобы представить нагляднѣе вліяніе сочиненія Августина на потомство, мы приведемъ одно мѣсто изъ «Признаній», гдѣ Августинъ говоритъ о смерти своей матери. Эта благочестивая женщина, въ продолженіе всей жизни съ изумительною заботливостью, энергіею и самопожертвованіемъ старавшаяся внушить сыну свои понятія о блаженствѣ, умерла вскорѣ послѣ совершеннаго обращенія Августина. Поэтому, говоря о переходѣ своемъ къ истинной вѣрѣ, Августинъ посвящаетъ біографіи своей матери цѣлый рядъ очаровательныхъ главъ. Онъ восхваляетъ ея характеръ, описываетъ ея неутомимыя заботы о сынѣ и свою скорбь о ея потерѣ, и въ заключеніе, высказывая увѣренность въ томъ, что молитвы другихъ христіанъ могутъ доставить блаженство и въ другой жизни, проситъ своихъ читателей, если только они сознаютъ его пользу, какъ учителя и писателя, не забывать въ молитвахъ его отца и мать. Изъ этого можно видѣть, что мечтательные взгляды Августина, переданные среднимъ вѣкамъ въ такомъ привлекательномъ сочиненіи, не мало содѣйствовали превращенію всего католическаго богослуженія въ мертвый механизмъ.

Кромѣ этихъ сочиненій, Августинъ написалъ еще подъ заглавіемъ «Разговоры съ самимъ собою», нѣчто въ родѣ продолженія «Признаній». Въ нихъ авторъ стремится доказать, что все счастье жизни зависитъ отъ такъ называемыхъ богословскихъ добродѣтелей: вѣры, надежды и любви. И это сочиненіе заслужи-

ваетъ порицанія въ томъ отношеніи, что, заключая въ себѣ изліянія сердца, написано, подобно «Признаніямъ», искусственнымъ, а не простымъ и приличнымъ языкомъ. Но не нужно забывать, что въ эпоху Августина античныя эстетическія понятія и слогъ древнихъ классиковъ уже не соотвѣтствовали настроенію общества и, что еще важнѣе, были недостижимы; искусственность же вполнѣ согласовалась съ духомъ того времени и направленіемъ, преобладавшимъ въ школьномъ образованіи. Августинъ понималъ все это, и, быть можетъ, потому именно сочиненія его имѣли такое громадное вліяніе.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще объ одномъ твореніи Августина, которое стоитъ едва ли не выше всѣхъ другихъ его сочиненій, потому что принадлежитъ не къ ученой, а къ всеобщей литературѣ и имѣло огромное вліяніе на послѣдующія поколѣнія. Это — книга Августина объ истинной религіи. Она важна въ нашихъ глазахъ уже потому, что на основаніи ея католическая церковь доказывала протестантамъ истинность своего ученія о преданіи и церковномъ авторитетѣ. Въ сочиненіи о сущности религіи, написанномъ въ опроверженіе еретиковъ, особенно ясно высказывается стремленіе Августина доказать тождество христіанской и церковной истины. Избравъ себѣ задачею изложить читателямъ сущность христіанскаго ученія, Августинъ находитъ ее не въ нравственныхъ цѣляхъ христіанства, но въ исторіи откровенія и сообщенія божественной благодати, неопредѣленномъ и неопредѣлимомъ преданіи и въ проявленіяхъ божества посредствомъ пророчествъ и чудесъ, замѣняя внутреннія доказательства божественной истины внѣшними. Но въ то же время онъ отрицаетъ слѣпую вѣру, основанную на авторитетѣ, а вмѣсто нея предлагаетъ философію религіи. Въ сочиненіи «о сущности религіи», написанномъ для всѣхъ классовъ общества, нельзя искать ни строгаго логическаго порядка, остроумія и опредѣленности, ни сжатаго и связнаго изложенія. Но въ подобныхъ сочиненіяхъ самая неопредѣленность выраженій и туманность положеній обусловливаютъ ихъ успѣхъ, хотя эти качества и даютъ противникамъ авторовъ поводъ возражать противъ нихъ подобнымъ же образомъ и въ такихъ же общихъ и темныхъ выраженіяхъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, крайности сходятся.

Послѣ Августина римское общество получило совершенно теологическое направленіе. Умственные, научные и вообще духовные интересы отступаютъ на задній планъ предъ суевѣріемъ, насиліемъ и матеріальными потребностями жизни. Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ образованность, наука и литература мало по малу получили исключительный характеръ, выработавшійся и утвердившійся преимущественно подъ вліяніемъ дѣятельности Августина. Чтобы познакомиться съ этимъ переходнымъ временемъ, необходимо бросить взглядъ на литературу остготскаго періода и разобрать сочиненія двухъ писателей, приблизившихъ древнюю литературу къ средневѣковому направленію науки и на долгое время давшихъ опредѣленный тонъ тогдашнему образованію и воспитанію. Мы говоримъ о Кассіодорѣ, бывшемъ министромъ остготскаго короля до самаго взятія Равенны Велисаріемъ, и Боэтіи, первомъ и самомъ вліятельномъ римскомъ сенаторѣ временъ Теодориха. Древнія свѣтскія заведенія для обученія риторикѣ, философіи и законовѣдѣнію, павшія вмѣстѣ съ паденіемъ остготскаго королевства, потому что уже не достигали своей цѣли, а учителя ихъ не встрѣчали сочувствія въ обществѣ и поддержки со стороны правительства, еще процвѣтали при Теодорихѣ. На ряду съ этими свѣтскими учебными заведеніями, Кассіодоръ основалъ на Западѣ первую чисто-богословскую школу, приспособивъ въ ней остатки древней образованности къ чисто-теологическимъ потребностямъ своего временй. Новое заведеніе послужило образцомъ средневѣковыхъ духовныхъ школъ, и даже всѣ новыя школы были устроены по плану Кассіодора, точно такъ же, какъ вся научная образованность Запада была основана на учебникахъ, составленныхъ Боэтіемъ. Такимъ образомъ Кассіодоръ и Боэтій, какъ основатели средневѣковаго устройства школъ и системы воспитанія, имѣютъ всемірно-историческое значеніе.

Въ концѣ своей жизни, когда увяли лучшія его надежды, Кассіодоръ удалился въ монастырь, и близъ своего роднаго города, Сквиллачи, основалъ обитель, которая должна была служить убѣжищемъ для людей, утомленныхъ жизнію и искавшихъ спокойствія и удобнаго мѣста для умственныхъ занятій и полезныхъ

трудовъ, — а вмѣстѣ и образцомъ духовной школы. Для такихъ людей Кассіодоръ написалъ сочиненіе, съ цѣлью научить ихъ искусству соединять скудное общее образованіе того времени и занятія классиками съ аскетическою, созерцательною жизнью и полезными физическими упражненіями. Въ своемъ сочиненіи, принятомъ впослѣдствіи въ основаніе при учрежденіи всѣхъ лучшихъ западныхъ монастырей, Кассіодоръ проводитъ ту мысль, что при паденіи всѣхъ древнихъ учебныхъ заведеній христіанству и монашеству, для своихъ собственныхъ выгодъ, необходимо воспользоваться хотя частью исчезающихъ знаній и наукъ. Изъ воззрѣній Кассіодора на свѣтскую образованность и науку можно вывести самыя вѣрныя заключенія о духѣ того времени и характерѣ новой культуры. Образованность, вытѣснившая собою остатки древней цивилизаціи, была до того проникнута теологическимъ характеромъ, что даже Кассіодоръ въ своемъ сочиненіи считаетъ необходимымъ защищать себя и своихъ отшельниковъ противъ обвиненій въ свѣтскости ихъ научнаго направленія. Основанія, которыя онъ выставляетъ, рекомендуя духовнымъ лицамъ занятія свѣтскими науками, чрезвычайно замѣчательны. Онъ доказываетъ пользу и необходимость этихъ знаній для христіанскаго богослова преимущественно примѣрами святыхъ и уважаемыхъ отцовъ церкви. Напримѣръ, онъ рекомендуетъ математику потому, что нѣкоторые отцы церкви признавали занятія ею превосходнымъ средствомъ отвлекать душу отъ чувственныхъ предметовъ и направлять ее къ сверхъчувственному. Въ доказательство этого онъ приводитъ примѣръ Моисея, изучавшаго египетскую мудрость. Замѣчательно, что Кассіодоръ прямо говоритъ, что предлагаетъ свои правила не для того, чтобы обременять ими разсудокъ, но единственно для того, чтобы обогатить память, и что вообще духовнымъ лицамъ нужно болѣе всего заботиться о развитіи памяти и голоса и усовершенствованіи произношенія. По его мнѣнію, первое необходимо при объясненіи священнаго писанія, а послѣднее при изустной проповѣди и пѣніи псалмовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, такой способъ доказательствъ долженъ казаться страннымъ; но каждая эпоха отличается своимъ особеннымъ характеромъ и взглядами на вещи. Подобныя наставленія не могли, конечно, сообщить средневѣковымъ монахамъ ничего полезнаго, но за то они указали имъ средство скрывать свое невѣжество подъ начитанностью и пустыми умствованіями. Что касается предметовъ школьнаго преподаванія, Кассіодоръ одобряетъ тѣ же самыя науки, какія еще прежде признаны были однимъ языческимъ грамматистомъ за совокупность всѣхъ необходимыхъ знаній, — именно такъ называемыя trivium и quadrivium, или семь свободныхъ искусствъ. Этимъ же семи искусствамъ, по примѣру Кассіодора, обучали въ школахъ въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и даже въ восемнадцатомъ столѣтіи они долгое время составляли въ католическихъ странахъ весь кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ школахъ. Trivium или науками низшаго класса были: грамматика, риторика и діалектика, а quadrivium или учеными предметами высшаго класса: ариѳметика, музыка, геометрія и астрономія.

Кромѣ скудныхъ остатковъ древней науки, Кассіодоръ восхвалялъ еще занятія сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ. Доводы, приводимые имъ для доказательства этой мысли, весьма убѣдительны, и, вѣроятно, въ средніе вѣка побуждали не одного монаха быть полезнымъ обществу и чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ молитвы. «Заботы о сельскомъ хозяйствѣ, скотоводствѣ и огородничествѣ», говоритъ Кассіодоръ, «на первый разъ кажутся слишкомъ суетными, но на самомъ дѣлѣ ихъ нельзя не признать небесными, вспомнивъ, какое утѣшеніе можно доставить этими занятіями странникамъ и больнымъ. Какъ отрадно успокоить утомленнаго путника сладкимъ плодомъ или повеселить его свѣжимъ виноградомъ, напитать хорошею рыбою или полакомить сладкимъ медомъ». Изъ чисто-механическихъ занятій Кассіодоръ ставитъ выше всего переписываніе книгъ, при чемъ онъ сравниваетъ тростникъ, на которомъ подносили желчь распятому Христу, съ тростникомъ, посредствомъ котораго переписчикъ переноситъ на пергаментъ божественныя слова. Въ этой пошлой антитезѣ высказалось все безвкусіе среднихъ вѣковъ.

Изъ остальныхъ сочиненій Кассіодора особенное значеніе для среднихъ вѣковъ имѣла его хроника, написанная въ видѣ руководства къ хронологіи и составлявшая хоть что-нибудь похожее на историческую науку, которая въ произведеніяхъ послѣдующихъ столѣтій приняла совершенно легендарный характеръ и

превратилась въ историческій романъ. Кассіодоръ написалъ еще церковную исторію, или, вѣрнѣе, перевелъ и соединилъ въ одной книгѣ творенія трехъ греческихъ церковныхъ историковъ. Не смотря на множество недостатковъ въ отношеніи слога и внѣшней формы, исторія Кассіодора имѣетъ за собою достоинства поучительности и основательности, и хорошо было бы, если бы средневѣковые монастырскіе писатели излагали предметы хоть такъ, какъ они изложены у Кассіодора. Наконецъ разныя письма и статьи Кассіодора интересны какъ превосходный матеріалъ для исторіи образованности послѣднихъ временъ римскаго государства и ея отношеній къ жизни, и какъ образецъ дѣловаго слога въ средніе вѣка. Впрочемъ, средневѣковые писатели переняли у Кассіодора только вычурность его слога, не заимствуя у него чистоты языка и изящества оборотовъ рѣчи.

Гораздо значительнѣе и обширнѣе было вліяніе другаго знаменитаго писателя остготскаго періода, Боэтія. Онъ такъ обстоятельно изложилъ главные предметы, преподававшіеся въ школахъ среднихъ вѣковъ, что Кассіодоръ въ своемъ наставленіи преподавателямъ совѣтуетъ имъ учиться у Боэтія и что монахи, имѣя подъ руками его сочиненія, считали всѣ другія книги излишними. Боэтій изложилъ геометрію, ариѳметику, музыку, риторику и діалектику не только въ поверхностныхъ очеркахъ, какъ Кассіодоръ, но въ особенныхъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, составлявшихъ въ средніе вѣка главныя пособія при школьномъ преподаваніи. Но это было не единственною заслугою Боэтія предъ новыми христіанскими школами. Онъ перевелъ еще на латинскій языкъ многія сочиненія Аристотеля, и средневѣковыя школы довольствовались этими уважавшимися не менѣе оригинала переводами до самаго двѣнадцатаго столѣтія, когда аравитяне познакомили ихъ и съ другими сочиненіями великаго учителя философіи. Наконецъ, Боэтій изложилъ еще въ особенныхъ сочиненіяхъ ученіе о св. Троицѣ и естествахъ въ Христѣ, которыми и ограничивалось все средневѣковое богословіе. Боэтій, благодаря своимъ произведеніямъ и переводамъ Аристотеля, былъ основателемъ настоящей средневѣковой философіи или такъ называемой схоластики.

Какъ ни значительно было вліяніе всѣхъ этихъ сочиненій Боэтія, но ни одно изъ нихъ, и даже, можетъ быть, ни одно изъ произведеній другихъ древнихъ писателей, не имѣло такого благодѣтельнаго вліянія на средневѣковое человѣчество, какъ сочиненіе его о философскомъ утѣшеніи, написанное имъ въ темницѣ (стр. 241) незадолго до казни. Боэтій былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ римскомъ сенатѣ того времени, владѣлъ блестящими дарованіями, наслаждался счастьемъ въ супружеской жизни съ дочерью одного знаменитаго римскаго гражданина и въ старости, будучи консуляромъ, имѣлъ счастье видѣть двухъ сыновей своихъ консулами. Зависть придворныхъ и подозрительность Теодориха низринули его съ этой высоты величія въ бездну несчастья. Безвинно заключенный въ темницу, Боэтій нашелъ единственное утѣшеніе въ своей энергіи и образованности, и записалъ мысли, доставлявшія ему ободреніе и поддержку, въ сочиненіи, подъ заглавіемъ «философское утѣшеніе въ несчастіи». Это сочиненіе — единственная латинская книга, заслуживающая вниманія на ряду съ подобными же твореніями Цицерона, Сенеки и Августина. Но что всего важнѣе, «философское утѣшеніе» Боэтія составляло единственный опытъ популярной философіи среднихъ вѣковъ. Изложенные въ этомъ произведеніи взгляды перешли въ сознаніе народа, и до самаго восемнадцатаго столѣтія доставляли отраду и утѣшеніе цѣлымъ тысячамъ людей. Всѣ неудовлетворявшіеся сухою схоластикою и механическимъ богослуженіемъ среднихъ вѣковъ находили въ сочиненіи Боэтія истинное успокоеніе для сердца и ума. Его твореніе въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ считалось лучшей книгой послѣ библіи, и нельзя не видѣть особеннаго счастія въ томъ, что подобное сочиненіе могло сохраниться и распространялось въ средніе вѣка между грудами пустѣйшихъ богословскихъ и схоластическихъ сочиненій. Исполненный глубокихъ чувствъ и истинно-образованный, Боэтій, по нашему мнѣнію, стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ безчисленныхъ писакъ погибавшей древности и среднихъ вѣковъ, сочувствовавшихъ только пустому знанію, безплоднымъ тонкостямъ и ученымъ перебранкамъ. Въ эпоху паденія древней культуры Боэтій насадилъ для позднѣйшихъ поколѣній сѣмена истинно-прекрасной благородной мечтательности, смягчавшей варварство и фанатизмъ. Въ грубые средніе вѣка Боэтій вливалъ отраду въ сердца цѣлыхъ тысячъ страдальцевъ за

истину, и когда деспоты грозили имъ такъ же, какъ ему, страшною смертью, онъ указывалъ имъ на отверзтое небо, которое носитъ въ себѣ каждая благородная натура. Онъ одинъ обращалъ къ счастливой странѣ идеаловъ взоры несчастныхъ путниковъ въ безплодныхъ степяхъ суровой дѣйствительности и указывалъ имъ вѣчно-зеленѣющія поля надежды и любви тамъ, гдѣ дикій эгоизмъ полуварваровъ превращалъ все въ страшную пустыню.

Сочиненіе «о философскомъ утѣшеніи» написано въ формѣ разговора между заключеннымъ въ тюрьмѣ Боэтіемъ и олицетворенной философіей, и состоитъ изъ стиховъ и риторической, нерѣдко поэтической, но нисколько впрочемъ не высокопарной, прозы. Подобная смѣсь производитъ на душу совершенно особенное впечатлѣніе. Выражая въ стихахъ душевныя состоянія, которыхъ нельзя выразить въ прозѣ, и даже мысли, которыя удобно было бы изложить прозаическимъ языкомъ, Боэтій впадаетъ въ лирическое настроеніе духа. Удивительно, что человѣкъ, ограничившій всю христіанскую вѣру однимъ ученіемъ о троичности и такъ много содѣйствовавшій приданію особеннаго направленія средневѣковой теологіи, въ своемъ сочиненіи о философскомъ утѣшеніи не приводитъ ни одного мѣста изъ Библіи, не ставитъ въ примѣръ истинной твердости ни Іисуса Христа, ни кого бы то ни было изъ христіанскихъ мучениковъ, и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на собственно христіанскую философію и принципы, лежащіе въ основаніи христіанскаго утѣшенія. Въ книгѣ Боэтія нѣтъ даже и слѣдовъ христіанскаго элемента: рѣчь идетъ только о томъ утѣшеніи, какое можетъ доставить человѣку научная философія, независимо отъ всякой религіи. Причины такого оригинальнаго взгляда на предметъ нужно искать не въ самой формѣ сочиненія, несообразной, правда, съ христіанскими воззрѣніями, а скорѣе въ особенностяхъ умственнаго образованія и научнаго направленія самого автора: тѣмъ болѣе, что въ своемъ сочиненіи онъ намекаетъ на упреки, которыми осыпали его ханжи тогдашней аскетической эпохи за то, что онъ проводитъ время не въ упражненіяхъ молитвы, а въ занятіяхъ философіей.

Мы не можемъ излагать подробно содержаніе этого сочиненія Боэтія и проводить параллель между его идеями и господствовавшими взглядами тогдашняго и послѣдующихъ поколѣній, зная, какъ далеко отстоятъ наши читатели отъ тогдашней эпохи и по времени, и по уровню своей образованности. Мы ограничимся только немногими общими замѣчаніями, характеризующими направленіе всего сочиненія. Боэтій не терпитъ общія мѣста и воспоминанія объ утраченныхъ радостяхъ, которыми обыкновенно успокоиваютъ несчастныхъ, и смѣется надъ подобными утѣшеніями. Вмѣсто того онъ сначала пробуждаетъ въ читателѣ мысль о человѣческомъ достоинствѣ и величіи духа, открывающихся въ несчастьи, и подтверждаетъ ее великими примѣрами нѣкоторыхъ древнихъ римлянъ. Утѣшенія свои онъ располагаетъ такимъ образомъ, что сначала облегчаетъ душу, заставляя ее высказать свое горе, и пользуется этимъ случаемъ, чтобы разсказать исторію своихъ собственныхъ страданій, при чемъ то, что онъ говоритъ объ остготскомъ владычествѣ въ Италіи, вполнѣ раскрываетъ намъ печальное положеніе страны, подчиненной полуримскому, полуварварскому правительству. Потомъ, посредствомъ легкихъ утѣшеній и обыкновенныхъ способовъ успокоенія, Боэтій повергаетъ душу въ глубокое размышленіе о природѣ божества и человѣка и вытекающихъ изъ нихъ источникахъ душевнаго спокойствія. Онъ напоминаетъ страдальцу о его заслугахъ, обращаетъ его вниманіе на руку промысла, на судьбу всего земнаго и на различную цѣнность человѣческихъ благъ, и говоритъ о томъ, что осталось для него самаго драгоцѣннаго въ жизни послѣ тюремнаго заключенія, т. е. о чести своего имени, любви къ своей благородной женѣ и о другихъ вѣчныхъ благахъ. Всѣ эти мысли изложены съ изяществомъ, но безъ всякой искусственности и аффектаціи, столь обыкновенныхъ въ его время, и потому тѣмъ успокоительнѣе дѣйствовали на лучшіе и благороднѣйшіе умы въ печальный періодъ среднихъ вѣковъ. Послѣ того Боэтій переходитъ къ болѣе глубокимъ размышленіямъ, говоритъ о цѣли бытія, объ истинномъ благѣ человѣка, ничтожности внѣшнихъ благъ и мнимаго счастія, и о различіи между призраками и истиною, между внѣшнимъ чувственнымъ міромъ и невидимымъ царствомъ духа. Здѣсь онъ основывается главнымъ образомъ на Платонѣ, примѣняя къ злымъ людямъ вообще то, что писалъ этотъ философъ въ «Политикѣ» о несчастномъ

положеніи тирана (т. I. стр. 349). Изъ одного этого можно видѣть, почему сочиненіе Боэтія такъ много читали въ средніе вѣка,—въ этотъ періодъ борьбы насилія съ правомъ и законностью, борьбы неравной и почти всегда оканчивавшейся въ пользу силы. Страдальцамъ и угнетеннымъ было пріятно убѣдиться, что каждый притѣснитель бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Высказавъ мысль, что злой человѣкъ всегда несчастливъ, и что всякое зло уже само по себѣ есть наказаніе, а добродѣтель—благо, Боэтій развиваетъ ее далѣе и доказываетъ, что счастье и награда добродѣтели заключаются въ ней самой. Въ двухъ послѣднихъ главахъ своей книги онъ переходитъ къ главному предмету средневѣковой философіи и поэзіи, къ вопросу объ отношеніи человѣческой свободы къ божественной мудрости и ея вѣчнымъ предопредѣленіямъ. Но здѣсь мы оставимъ автора, такъ какъ вопросъ этотъ входитъ въ область строго-научной теологіи.

Въ средніе вѣка книга «о философскомъ утѣшеніи» имѣла множество читателей, въ особенности въ Италіи, Нижней Германіи и Англіи, и была нѣсколько разъ переводима и передѣлываема. Изъ нихъ замѣчательнѣе всего переработка, сдѣланная англо-саксонскимъ королемъ Альфредомъ Великимъ, жившимъ въ девятомъ вѣкѣ, потому что она показываетъ намъ, какимъ образомъ сочиненіе Боэтія примѣнялось тогда къ самымъ разнообразнымъ обстоятельствамъ жизни. Альфредъ находился въ такомъ же положеніи, какъ римскій сенаторъ, съ тою только разницею, что послѣдній не былъ королемъ: Альфредъ достигъ высоты славы и власти, но несчастье свергло его съ этой высоты. Тогда онъ рѣшился заняться передѣлкою сочиненія Боэтія, чтобы въ предлагаемыхъ въ этой книгѣ утѣшеніяхъ почерпнуть новую бодрость и терпѣніе среди собственныхъ несчастій, и въ то же время познакомить съ практическою философіею лучшихъ языческихъ мудрецовъ—своихъ англосаксовъ, которымъ ученые клерикалы выдавали различныя догматическія тонкости за самую сущность христіанскаго ученія. Альфредъ преобразовалъ сочиненіе Боэтія въ популярную философію; то же самое повторялось еще нѣсколько разъ въ средніе вѣка и до сихъ поръ повторяется въ Италіи. Естественно, что одна порядочная переработка подобнаго сочиненія должна была имѣть гораздо болѣе вліянія на народное образованіе и христіанскую поэзію, чѣмъ цѣлыя сотни самыхъ ученыхъ трактатовъ. Для того, чтобы видѣть различіе въ направленіи и потребностяхъ двухъ эпохъ Боэтія и Альфреда, было бы необходимо разсмотрѣть подробнѣе трудъ англосакскаго короля; но для этого нужно заняться спеціальнымъ разборомъ содержанія произведеній обоихъ авторовъ и привести или сравнить между собою цѣлые отрывки изъ сочиненій. Мы замѣтимъ только вообще, что Альфредъ придалъ языческому и строго-философскому сочиненію Боэтія христіанскій, и даже въ извѣстной степени теологическій характеръ, для того, чтобы приноровить понятія Боэтія къ пониманію своихъ полуобразованныхъ англосаксовъ. Альфредъ развиваетъ мысли Боэтія, сообщаетъ имъ болѣе соотвѣтствующую своимъ цѣлямъ форму и нерѣдко включаетъ въ текстъ свои собственныя сужденія. Вслѣдствіе того рѣчь Боэтія дѣлается хотя слабѣе, но за то проще и понятнѣе, самое изложеніе принимаетъ христіанскій характеръ, чего нѣтъ у Боэтія, а его философское ученіе преобразовывается въ особый родъ народной морали. Вообще переработка, сдѣланная Альфредомъ, свидѣтельствуетъ намъ объ умѣ и практической опытности англосакскаго короля; притомъ, Альфредъ, перетолковывая слова Боэтія въ христіанскомъ духѣ, вовсе не сочувствуетъ его аскетическому взгляду на жизнь. Такъ, напримѣръ, Боэтій презиралъ людскую славу, а Альфредъ, жившій въ героическій періодъ, предпочитаетъ ученіе языческой древности монастырскому презрѣнію ко всему человѣчеству и считаетъ добрую славу драгоцѣннымъ и непреходящимъ благомъ. Короче сказать, глубоко прочувствованное твореніе Боэтія сдѣлалось подъ рукою Альфреда народною книгою, его философскія замѣтки—нравственнымъ кодексомъ, и переработанное имъ сочиненіе должно было дѣйствовать на современное ему поколѣніе какъ умная и назидательная проповѣдь.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I. ПЕРВЫЯ СТОЛѢТІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

I. ИСТОРІЯ НАРОДОВЪ

И ГОСУДАРСТВЪ ВОСТОКА.

I. Византійская имперія и Новоперсидское царство до паденія послѣдняго.

Послѣ жалкихъ царствованій Аркадія и сына его Ѳеодосія II, господство надъ Восточной римской имперіей перешло въ руки энергическаго ѳракійца, Маркіана (450), которому наслѣдовалъ Левъ I (457), человѣкъ столь же твердаго характера и также варварскаго происхожденія (стр. 246). По смерти этого императора зять его, Зенонъ, завладѣлъ правленіемъ, и до самой смерти (491) поддерживалъ себя на престолѣ интригами, предательствомъ и насиліемъ. Преемникомъ его былъ старый царедворецъ, Анастасій I, женившійся на вдовѣ Зенона. Будучи врагомъ православія, Анастасій долженъ былъ постоянно бороться съ внутренними волненіями, въ то время какъ войны съ дикимъ горнымъ народомъ, исаврами, съ персами и болгарами требовали напряженія всѣхъ силъ государства. По смерти Анастасія (518) престоломъ овладѣлъ старый ѳракійскій полководецъ, Юстинъ I; получивъ деньги, для того, чтобы доставить престолъ другому, онъ завладѣлъ ими и приказалъ умертвить тѣхъ, которые думали воспользоваться имъ какъ орудіемъ. Не смотря на свои преклонныя лѣта (68 лѣтъ) и на недостатокъ образованія, Юстинъ оказалъ большія услуги государству и благоразумными и полезными мѣрами облегчилъ своему преемнику выполненіе его блистательныхъ предпріятій. Отличаясь бережливостью и строгою нравственностью, онъ снова привелъ въ порядокъ войска и финансы, облегчилъ тягости подданныхъ и пріобрѣлъ уваженіе сосѣднихъ владѣтелей.

Наслѣдовавшій ему на престолѣ племянникъ его, Юстиніанъ I, — съ юныхъ лѣтъ принимавшій участіе въ управленіи государствомъ, — въ теченіе всего своего 38 лѣтняго царствованія (527—565) выказывалъ неутомимую дѣятельность, и, возстановивъ уваженіе къ императорской власти, возвысилъ этимъ значеніе государства. Дѣятельною помощницею его во всѣхъ предначертаніяхъ была жена его, Ѳеодора. Отличаясь необыкновеннымъ умомъ и энергіею, она оказала важныя услуги императору и государству, и въ самомъ началѣ царствованія Юстиніана, черезъ пять лѣтъ по смерти Юстина, спасла престолъ и жизнь мужа во время одного возстанія, прозваннаго Ника.

Возмущеніе это лучше всего доказываетъ до какой степени нравственнаго упадка дошли потомки древнихъ римлянъ, составлявшіе населеніе Константинополя. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ установился обычай, что во время публичныхъ ристаній зрители дѣлились на партіи, которыя получали названія по цвѣту одеждъ возничихъ на колесницахъ. Съ теченіемъ времени взаимная вражда и зависть между партіями усилились до того, что игры въ циркѣ стали занимать народъ гораздо болѣе, чѣмъ самыя важныя государственныя дѣла. Стычки между партіями нерѣдко доходили до кровопролитія, и вражда ихъ проявлялась даже и во вседневной жизни. Въ правленіе Анастасія I, во время драки, завязавшейся однажды между партіями голубыхъ и зеленыхъ, въ Константинополѣ погибло до трехъ тысячъ голубыхъ. При Юстиніанѣ, поддерживавшемъ также голубыхъ,

ожесточенная борьба партій длилась пять лѣтъ. Когда же императоръ рѣшился наконецъ уничтожить зло, дѣло дошло до настоящей междоусобной войны. Рѣшительныя мѣры, принятыя правительствомъ для подавленія этой неурядицы, повели только къ тому, что обѣ партіи соединились противъ властей и Константинополь цѣлые пять дней былъ сценой пожаровъ и убійствъ. При этомъ сгорѣло и лучшее зданіе столицы, великолѣпная церковь св. Софіи, построенная Константиномъ Великимъ. Во время возстанія, называемаго Ника (побѣждай!) по боевому крику сражавшейся черни, правительство лишилось всякаго авторитета. Напрасно старался Юстиніанъ успокоить разъяренную толпу уступчивостью и объявленіемъ прощенія; народъ даже провозгласилъ императоромъ одного царедворца, находившагося въ немилости при дворѣ. Юстиніанъ палъ духомъ и хотѣлъ бѣжать, но Ѳеодора ободрила его своей непоколебимой твердостью и указала на Велисарія, какъ на человѣка, способнаго подавить возмущеніе. Велисарій, пріобрѣвшій извѣстность въ войнѣ съ персами, пользовался большимъ вліяніемъ при императорскомъ дворѣ, благодаря дружбѣ императрицы съ его умной женой Антониной, которая вела такой же развратный образъ жизни, какъ и царица. Вліяніе это Велисарій сохранялъ долгое время, не смотря на всѣ происки враговъ. Его-то и вызвала Ѳеодора для спасенія императора. Соединившись съ другимъ военачальникомъ, Мундомъ, Велисарій собралъ подъ своимъ начальствомъ три тысячи ветерановъ, и въ скоромъ времени искусными и рѣшительными дѣйствіями подавилъ возстаніе. Число погибшихъ простиралось, по меньшей мѣрѣ, до тридцати тысячъ человѣкъ, и уже одна эта цифра показываетъ, какая опасность угрожала государству и какъ велика была заслуга Велисарія, усмирившаго возмущеніе.

Вслѣдъ затѣмъ, по настоянію Ѳеодоры, Велисарій былъ назначенъ главнокомандующимъ въ войнѣ противъ вандаловъ. Результатомъ этой войны, продолжавшейся очень недолго, было возвращеніе провинціи Африки въ составъ имперіи (стр. 242). Но покореніе греками этой страны не улучшило жалкаго положенія ея жителей. Вскорѣ завязалась борьба между греками и дикими кочевыми маврами, которые вмѣстѣ съ остатками вандаловъ стали тревожить провинцію набѣгами. Изъ Константинополя явилась толпа чиновниковъ, которые заботились только о соблюденіи административныхъ формъ и хотѣли собирать налоги по прежнимъ росписаніямъ податей, въ томъ же количествѣ, въ какомъ взимались они до вторженія вандаловъ, когда провинція находилась еще въ цвѣтущемъ состояніи. Но списки эти были уничтожены во время владычества вандаловъ, и потому при взиманіи податей господствовалъ самый возмутительный произволъ. Кромѣ того, греки, строго запрещая аріанское богослуженіе, оскорбляли самымъ чувствительнымъ образомъ не только большую часть населенія Африки, но и многихъ солдатъ арміи, занимавшей эту страну. Наконецъ, приказавъ конфисковать всѣ имущества вандаловъ, Юстиніанъ раздражилъ своихъ солдатъ и офицеровъ, женившихся на вдовахъ и дочеряхъ вандаловъ и считавшихъ конфискованныя имѣнія своей наслѣдственной собственностью. Эти правительственныя ошибки вызывали одно возмущеніе за другимъ, и спокойствіе возстановилось только по совершенномъ опустошеніи провинціи.

Италія, освобожденная отъ остготовъ Велисаріемъ и Нарсесомъ, пользовалась спокойствіемъ только во время управленія Нарсеса, продолжавшаго слѣдовать политикѣ Одоакра и Теодориха. Стараясь поддерживать прежнее управленіе и законодательство, онъ не вводилъ ихъ снова въ тѣ мѣстности, гдѣ населеніе и языкъ успѣли уже измѣниться. Но всего болѣе заботился онъ о томъ, чтобы прервать всѣ сношенія варваровъ, поселившихся въ Италіи, съ ихъ одноплеменниками, бродившими около границъ полуострова. Такую же осторожность соблюдалъ онъ и въ отношеніи дѣлъ церкви. Въ то время споры о догматахъ между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ, епископами римскимъ и константинопольскимъ, аріанами и православными не прекращались ни на минуту.

Положеніе Нарсеса, совершенно чуждаго этихъ распрей, но осаждаемаго просьбами всѣхъ партій, было чрезвычайно затруднительно: то константинопольское правительство требовало отъ него вмѣшательства въ дѣла церкви, то сами преслѣдуемые раздражали его запальчивостью и открытымъ сопротивленіемъ. Посреди этой борьбы, онъ держалъ себя съ большимъ тактомъ и, не прибѣгая къ

жестокости, не обращая вниманія на безсильные крики, сдерживалъ страсти спорящихъ. Главнымъ предметомъ богословскихъ споровъ былъ вопросъ о двухъ различныхъ естествахъ въ Христѣ. Еще въ предшествовавшемъ столѣтіи этотъ споръ сильно волновалъ Востокъ. Около 430 г. константинопольскій патріархъ, Несторій, проповѣдуя объ отдѣльности двухъ естествъ (божескаго и человѣческаго) въ Христѣ, возбудилъ противъ себя Кирилла, патріарха александрійскаго, и въ церкви составились двѣ враждебныя партіи: несторіанцевъ и монофизитовъ (признававшихъ въ Христѣ одно только естество божеское). Обѣ партіи съ ожесточеніемъ преслѣдовали другъ друга. Юстиніанъ, имѣвшій несчастную привычку вмѣшиваться во всѣ дѣла, желая помирить спорящихъ, вмѣшался и въ эту распрю, но запутался въ интригахъ и спорахъ. Думая пріобрѣсти расположеніе одной партіи, не оскорбивъ вмѣстѣ съ тѣмъ другой, онъ отмѣнилъ три статьи постановленій одного изъ прежнихъ соборовъ; но мѣра эта имѣла совершенно противоположное дѣйствіе. Тогда Юстиніанъ собралъ, въ 553 году, многочисленный вселенскій соборъ въ Константинополѣ и заставилъ папу Вигилія признать постановленія этого собора, не смотря на то, что все западное духовенство отвергало ихъ. Насильственныя мѣры не принесли однако никакой пользы, потому что ни императорскіе декреты, ни преслѣдованія не могли уничтожить различныхъ сектъ, а когда, вскорѣ послѣ того, по смерти Вигилія вновь избранный папа добровольно принялъ постановленія константинопольскаго собора, то не нашлось и трехъ епископовъ, которые согласились бы посвятить его.

Кромѣ этихъ внутреннихъ религіозныхъ распрей, волновавшихъ государство, въ правленіе Юстиніана имперія подвергалась частымъ нападеніямъ внѣшнихъ враговъ, съ востока и сѣвера. Лонгобарды,—которымъ были уступлены земли, принадлежавшія прежде остготамъ,—гепиды, болгары, различныя славянскія племена и другіе сѣверные народы безпрерывно производили опустошительные набѣги на пограничныя провинціи и доходили нѣсколько разъ до самаго Константинополя. Въ 559 году столица имперіи едва не была взята болгарами; но старикъ Велисарій сталъ во главѣ испуганныхъ жителей, и своею рѣшимостью снова спасъ императора и его столицу.

Персы, въ войнѣ съ которыми Велисарій пріобрѣлъ извѣстность, также не разъ подвергали опасности греческую имперію. Въ 531 г. на персидскій престолъ вступилъ знаменитѣйшій изъ царей династіи Сассанидовъ, Хозрой I, прозванный на Востокѣ Нуширваномъ (Справедливымъ), хотя правленіе его отличалось жестокостью и произволомъ, и онъ былъ справедливъ только тогда, когда считалъ это выгоднымъ для себя. Въ 540 году Хозрой предпринялъ опустошительный набѣгъ на греческую имперію; неспособные греческіе полководцы, стоявшіе во главѣ слабаго войска, не могли бороться съ персидскими полчищами. Персы опустошили всю Сирію и почти совершенно разрушили столицу ея, Антіохію. Удовольствовавшись обѣщаніемъ ежегодной дани, Хозрой согласился наконецъ отступить, но на возвратномъ пути въ Персію все-таки опустошилъ страны, черезъ которыя проходилъ. Юстиніанъ два раза посылалъ противъ него Велисарія, который возстановилъ честь греческаго оружія и заставилъ персидскаго царя отступить; но въ то время, когда не оставалось почти сомнѣнія въ благополучномъ окончаніи войны, у Велисарія было отнято начальство надъ войскомъ и онъ отозванъ въ Константинополь. Юстиніанъ не довѣрялъ ни одному изъ лучшихъ полководцевъ, и греческое войско, находившееся въ самомъ жалкомъ состояніи, было легко разбито персами; послѣ новаго постыднаго пораженія, императоръ принужденъ былъ купить перемиріе за деньги (544 г.). По окончаніи его, онъ заключилъ, послѣ непродолжительной войны, новый мирный договоръ, по которому снова уплатилъ персамъ деньги и уступилъ имъ спорныя части горной страны лазовъ или Колхиды. По этому миру, продолженному впослѣдствіи еще на пять лѣтъ, Юстиніанъ, тѣснимый съ одной стороны дунайскими варварами, а съ другой еще не побѣжденными остготами въ Италіи, обязался платить персидскому царю ежегодную дань.

Во всѣхъ войнахъ Юстиніана ходъ дѣлъ зависѣлъ болѣе отъ придворныхъ интригъ, чѣмъ отъ духа, господствовавшаго въ войскахъ. Ѳеодора управляла императоромъ; отъ нея и ея любимцевъ зависѣло назначеніе главнокомандующихъ и большій или меньшій объемъ предоставляемой имъ власти. Даже Велисарій,

столько разъ доказывавшій свои военные таланты и пользовавшійся полнымъ довѣріемъ войска, держался только вліяніемъ Антонины, которая развратничала самымъ постыднымъ образомъ. Но и знаменитый полководецъ, ставившій выше всего придворную политику и ловкость, не устоялъ противъ недовѣрчивости императора. Подозрѣваемый въ участіи въ одномъ заговорѣ, Велисарій, черезъ три года послѣ спасенія имъ столицы отъ болгаръ, былъ арестованъ по приказанію императора (562 г.). Вскорѣ ему была возвращена свобода и прежнія почетныя должности; но когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Велисарій умеръ, Юстиніанъ конфисковалъ все его имущество, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не оставилъ наслѣдниковъ. Впослѣдствіи, разсказъ объ опалѣ Велисарія былъ совершенно искаженъ различными вымыслами, не заслуживающими даже опроверженія, потому что писатели современной ему и слѣдующей эпохи вовсе не упоминаютъ объ этомъ. Говорили, что Велисарій былъ ослѣпленъ и лишенъ всего имущества по приказанію раздраженнаго императора и, чтобы сдѣлать этотъ разсказъ еще трогательнѣе, прибавляли, что старый полководецъ, котораго рабъ водилъ по улицамъ Константинополя, долженъ былъ снискивать пропитаніе милостынею.

Неутомимая дѣятельность Юстиніана не ограничивалась церковными дѣлами и войнами на всѣхъ границахъ имперіи. Желая прославить свое имя самыми разнородными предпріятіями, онъ старался оживить торговлю съ Индіей и способствовалъ развитію въ государствѣ шелководства, до того времени извѣстнаго только въ одномъ Китаѣ. Своею щедрою поддержкою онъ далъ двумъ христіанскимъ монахамъ возможность тайно провезти въ Европу яйца шелковичныхъ червей, вывозъ которыхъ изъ Китая былъ строго запрещенъ. Такимъ образомъ, со времени Юстиніана, шелководство стало распространяться сначала на Востокѣ, а потомъ въ Сициліи, Италіи и южной Франціи. Не смотря на плачевное состояніе финансовъ, императоръ строилъ во всѣхъ провинціяхъ государства крѣпости, мосты, водопроводы, церкви и другія зданія, и употребилъ огромныя суммы на возобновленіе въ Константинополѣ софійскаго собора, сгорѣвшаго во время возстанія Ника. Но всего болѣе прославился онъ изданіемъ свода законовъ или, вѣрнѣе, собранія всѣхъ римскихъ законовъ, которое было гораздо полнѣе и лучше сборника, изданнаго при Ѳеодосіи Младшемъ. Исполненіе этого труда было ввѣрено юристу Трибоніану, который окончилъ свою работу въ 528 году. Собраніе это было обнародовано подъ именемъ свода законовъ Юстиніана (codex Justinianeus) и всѣмъ судебнымъ мѣстамъ имперіи было велѣно руководствоваться имъ при рѣшеніи дѣлъ. Черезъ три года къ нему было присоединено собраніе объясненій знаменитыхъ прежнихъ юристовъ, извѣстное подъ именемъ пандектъ или дигестъ, и учебникъ дѣйствующаго права или такъ называемые институты (Institutiones). Все это Юстиніанъ дополнилъ новеллами, т. е. собраніемъ новыхъ законовъ, изданныхъ въ его царствованіе. При составленіи этого свода, юристы выпускали изъ него все, что напоминало собою принципы древней римской свободы, и оставляли только то, что было сообразно съ новыми понятіями о правахъ государя. Оттого-то введеніе римскаго права между германцами было чрезвычайно важно въ научномъ отношеніи, въ политическомъ же имѣло самое гибельное вліяніе. Впослѣдствіи все это собраніе получило названіе Corpus juris. Духовенство, государи, ихъ раболѣпные слуги и подкупленные ученые старались всѣми силами о томъ, чтобы римское право было принято всѣми христіанскими государствами среднихъ вѣковъ въ формѣ, данной ему при Юстиніанѣ. Въ одной Англіи оно было принято только въ церковныхъ судахъ, во всѣхъ же прочихъ судебныхъ мѣстахъ служило только пособіемъ въ случаѣ недостатка германскихъ законовъ или какъ теорія права.

Не смотря на весь блескъ царствованія Юстиніана, на его дѣятельность, трудолюбіе и относительную мягкость, имперія испытывала при немъ всѣ невыгоды, сопряженныя со всѣми слишкомъ блистательными царствованіями и излишнею дѣятельностью самихъ государей. Во многихъ отношеніяхъ про Юстиніана можно сказать то же, что и про французскаго короля Людовика XIV, съ которымъ его часто сравниваютъ. Оба они выказали ту же неутомимую дѣятельность и стремленіе заниматься дѣлами, и тотъ и другой дѣйствовали одинаково подъ вліяніемъ ханжества и подчинялись господству женщинъ. Страсть къ военной славѣ и чрезмѣрной роскоши, поддерживаемой обременительными налогами, вы-

звали въ византійской имперіи тѣ же явленія, какъ и во Франціи, и византійскій императоръ испыталъ такую же участь, какъ и французскій король. При всѣхъ своихъ хорошихъ стремленіяхъ и неутомимой дѣятельности, Юстиніанъ встрѣчалъ непреодолимыя затрудненія. Собраніемъ законовъ и стараніемъ облегчить изученіе права онъ сдѣлалъ ему гораздо болѣе вреда, чѣмъ всѣ прежнія неясности и трудности законодательства. Желая прекратить религіозные споры и примирить духовенство, онъ только усилилъ вражду между партіями. Выслушивая совѣты опытныхъ государственныхъ людей своего времени, императоръ не только дѣлался ихъ игрушкой, но даже вдавался въ явныя противорѣчія. Завоевавъ провинцію Африку, онъ разорилъ ее въ конецъ, и, освободивъ Италію отъ чужеземныхъ властителей, не могъ защитить страну отъ новыхъ варваровъ, покорившихъ ее вскорѣ по его смерти. Въ старости Юстиніанъ сдѣлался эгоистомъ, но до послѣднихъ дней (онъ умеръ на 83 г.) сохранилъ всю прежнюю энергію. Ѳеодора умерла 17-ю годами раньше его.

Юстиніану, не оставившему дѣтей, наслѣдовалъ болѣзненный и слабоумный племянникъ его, Юстинъ II, при которомъ все управленіе государствомъ перешло въ руки жены его, Софіи. Въ царствованіе этого императора у грековъ была отнята большая часть Италіи и начались опустошительныя вторженія въ имперію аваровъ, народа татарскаго или тюркскаго племени, поселившагося на сѣверѣ отъ Дуная. Италія сдѣлалась добычей лонгобардовъ, которые, обитая въ Венгріи, покорили геруловъ и, соединясь съ аварами, истребили гепидовъ. Въ то время лонгобардами предводительствовалъ искусный Альбоинъ, счастливыя предпріятія котораго сдѣлались впослѣдствіи предметомъ многихъ героическихъ поэмъ. Подобно остготскому королю Теодору, знаменитый вождь лонгобардовъ устремился въ 568 году на Италію. Лонгобарды уже были знакомы съ Италіею, куда нѣкогда были призваны Нарсесомъ на помощь противъ остготскаго короля Тотилы. Но, побѣдивъ съ ихъ помощью остготовъ, Нарсесъ тотчасъ же послѣ побѣды отпустилъ обратно эти дикія орды, незнавшія никакой дисциплины и совершавшія страшныя злодѣйства. Послѣ того, отыскивая болѣе удобныя мѣста для поселенія, чѣмъ венгерскія болота, они часто переходили за Альпы, совершая набѣги во внутренность Венеціанской области. Уже одно это обстоятельство вполнѣ объясняетъ причины ихъ вторженія въ Италію; къ тому же Альбоинъ былъ однимъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ людей своего времени и во многихъ отношеніяхъ имѣлъ большое сходство съ завоевателемъ Галліи, Хлодвигомъ, и Теодорихомъ, покорившимъ Италію. Поэтому нѣтъ никакого основанія вѣрить неправдоподобному преданію о томъ, что вторженіе лонгобардовъ въ Италію вызвано мстительностью Нарсеса. Около этого времени Нарсесъ, въ продолженіе четырнадцати лѣтъ бывшій намѣстникомъ въ Италіи, былъ лишенъ этой должности, по проискамъ императрицы Софіи. Разсказываютъ, что Софія, намекая на прежнее занятіе Нарсеса, сказала однажды въ насмѣшку, что ему слѣдовало воротиться къ женской прялкѣ. Узнавъ объ этомъ оскорбленіи, Нарсесъ отвѣтилъ, что спрядетъ ей такую нитку, съ которой ей придется долго возиться, и въ отмщеніе призвалъ лонгобардовъ въ Италію. Лонгобарды, къ которымъ присоединились еще двадцать тысячъ семействъ саксовъ, двинулись, весной 568 года въ страну, названную съ тѣхъ поръ по ихъ имени Ломбардіей, и уже въ сентябрѣ того же года завладѣли всею сѣверною Италію, кромѣ приморскихъ мѣстностей и города Павіи. Павія выдержала трехлѣтнюю осаду, и упорнымъ сопротивленіемъ такъ раздражила лонгобардскаго короля, что онъ поклялся разрушить городъ и перерѣзать всѣхъ жителей. По взятіи города, побѣжденные были избавлены отъ этой страшной участи однимъ воиномъ королевской дружины, который обратилъ вниманіе Альбоина на то, что лошадь его споткнулась при въѣздѣ въ городъ и, объясняя это какъ знакъ божескаго гнѣва, убѣдилъ короля отмѣнить жестокое приказаніе.

Альбоинъ не долго пользовался плодами побѣды, онъ погибъ насильственною смертью въ 573 году. Разсказы о его смерти, заимствованные историками изъ героическихъ поэмъ лонгобардовъ, имѣютъ романическій характеръ. Еще до похода въ Италію, Альбоинъ, какъ говоритъ преданіе, принудилъ дочь убитаго имъ гепидскаго короля, Розамунду, выйти за него за мужъ, и однажды заставилъ ее выпить изъ черепа ея отца, который, по обычаю многихъ дикихъ на-

родовъ, служилъ ему чашею. Въ отмщеніе за это Розамунда уговорила одного молодаго королевскаго оруженосца, Гельмихиса, умертвить Альбоина, обѣщая ему свою руку и питая въ немъ надежду, что, женившись на ней, онъ пріобрѣтетъ право и на корону. Гельмихисъ вмѣстѣ съ другимъ молодымъ и знатнымъ лонгобардомъ, котораго Розамунда склонила на свою сторону подобною же уловкою, умертвили Альбоина въ его спальнѣ. Лонгобарды были сильно раздражены убійствомъ своего короля, и только поспѣшное бѣгство спасло отъ наказанія Розамунду и ея сообщниковъ. Она отправилась къ греческому экзарху или намѣстнику въ Равеннѣ, Лонгину, который убѣдилъ Розамунду отравить своего любимца Гельмихиса. Но, Гельмихисъ, выпивъ половину кубка съ ядомъ, догадался объ ея замыслѣ и, обнаживъ свой мечъ, принудилъ Розамунду выпить остальную половину кубка. Завладѣвъ по смерти ихъ сокровищами Альбоина, похищенными королевою, Лонгинъ отправилъ ихъ въ Константинополь, вмѣстѣ съ дочерью Розамунды. Лонгобарды же избрали королемъ одного изъ своихъ военачальниковъ, Клефа, который черезъ полтора года былъ убитъ за свою жестокость. По смерти его лонгобарды въ теченіе десяти лѣтъ не избирали короля, и государство ихъ распалось на нѣсколько небольшихъ округовъ, управляемыхъ знатными лонгобардскими фамиліями. Не смотря на разъединенность лонгобардовъ и свое чрезвычайно выгодное положеніе въ Италіи, греки все-таки не могли возвратить потерянныхъ областей. Въ ихъ власти находились всѣ приморскіе города и многія гористыя мѣстности внутри страны; кромѣ того, лонгобарды, какъ полудикіе варвары и аріане, обращались самымъ ужаснымъ образомъ съ несчастными православными итальянцами, и вслѣдствіе своей жадности окончательно разсорились со своими союзниками саксами, которые вернулись въ свое прежнее отечество. Но неспособность императора, интриги при византійскомъ дворѣ и новая война съ персами помѣшали грекамъ воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами. Мало по малу они лишились всѣхъ своихъ владѣній, и лонгобарды завоевали въ скоромъ времени всю сѣверную и среднюю Италію.

По смерти Юстина II на византійскій престолъ вступилъ сначала ѳракіецъ Тиверій (578 — 582), а потомъ римлянинъ Маврикій (582 — 602), прославившійся своими военными дарованіями. Оба они должны были воевать не только съ персами, но и съ аварами, которые не разъ доходили до стѣнъ Константинополя и принуждали греческихъ императоровъ платить имъ дань. Внутренняя политика Маврикія не отличалась благоразуміемъ и осмотрительностью. Своими поступками онъ раздражилъ духовенство, возбудилъ неудовольствіе въ солдатахъ и поставилъ себя въ такое затруднительное положеніе, что лишился возможности воспользоваться возникшими тогда волненіями въ персидскомъ царствѣ.

Въ Персіи, владѣнія которой простирались до предѣловъ Аравіи, царствовалъ Гормуздъ или Гормизда IV, сынъ Хозроя Нушірвана. Съ самаго начала царствованія Гормизда положеніе его было чрезвычайно опасно: онъ родился отъ дочери одного тюркскаго владѣтеля, а огнепоклонники персы ненавидѣли тюрковъ и всѣхъ номадовъ, жившихъ на сѣверъ отъ Персіи, считая ихъ нечистыми и безбожными варварами. На несчастье Гормизды, всѣ его внѣшнія войны сопровождались постоянными неудачами. Греческія войска переправились черезъ Евфратъ съ намѣреніемъ снова завладѣть землями, уступленными имъ при Юстиніанѣ; предводители арабскихъ племенъ, до тѣхъ поръ платившіе дань персамъ, взялись за оружіе, а съ сѣвера вторглись въ Персію дикія кочевыя племена. Сначала Гормизда искалъ спасенія въ отступленіи, а потомъ послалъ полководца, Бахрама, съ отборнымъ войскомъ противъ враговъ, угрожавшихъ ему съ сѣвера. Бахрамъ разбилъ тюрковъ, но, обиженный недовѣрчивостью царя и публично оскорбленный имъ послѣ пораженія, нанесеннаго ему греками, поднялъ противъ него знамя возстанія. Персы ненавидѣли царя, какъ человѣка нечистой крови, и возстаніе быстро распространилось въ большей части персидскихъ провинцій. Гормизда былъ сверженъ съ престола, ослѣпленъ и черезъ нѣсколько времени убитъ. Сынъ его, Хозрой II Парвизъ, признанный сначала царемъ, вскорѣ былъ вынужденъ бѣжать отъ Бахрама и обратился къ грекамъ съ просьбою о помощи. Маврикій вступился за него, изгналъ Бахрама и возстановилъ

Парвиза на престолѣ (591). Но Парвизъ отплатилъ за это неблагодарностью и, воспользовавшись возникшими въ имперіи раздорами, освободился отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи къ грекамъ, сохраняя въ то же время наружный видъ справедливости. Желая ввести нѣкоторыя преобразованія въ войскахъ, для возстановленія въ нихъ дисциплины, но не достигнувъ своей цѣли, Маврикій рѣшился прибѣгнуть къ коварной уловкѣ и въ войнѣ съ аварами съ намѣреніемъ подвергнулъ опасности часть своихъ непокорныхъ войскъ. Это произвело открытое возмущеніе; солдаты провозгласили вождемъ одного изъ своихъ военачальниковъ, Фоку, человѣка низкаго происхожденія и безнравственнаго, и подъ его предводительствомъ двинулись къ Константинополю, гдѣ тотчасъ же вспыхнуло возстаніе. Маврикій былъ свергнутъ съ престола, а императоромъ провозглашенъ Фока (602).

Новый императоръ началъ царствованіе казнью Маврикія и его сыновей, а черезъ нѣсколько лѣтъ приказалъ умертвить его жену и дочерей. Въ его царствованіе, отличавшееся звѣрскою жестокостью и необузданнымъ распутствомъ, имперія пришла въ совершенное разстройство; пользуясь этимъ, персидскій царь возобновилъ опустошительные набѣги. Въ то время какъ Парвизъ съ своими толпами опустошалъ азіатскія области имперіи, прочія провинціи государства въ продолженіе восьми лѣтъ оставались жертвою произвола правителя, находившаго удовольствіе въ зрѣлищѣ самыхъ жестокихъ мученій и расточавшаго доходы государства на грубыя чувственныя наслажденія. Наконецъ сынъ африканскаго намѣстника, Гераклій, возмутилъ своихъ соотечественниковъ противъ тирана, и ненавидимый всѣми Фока былъ свергнутъ съ престола (610). Приказавъ казнить его, Гераклій завладѣлъ престоломъ.

Вслѣдствіе успѣховъ персидскаго оружія положеніе новаго императора было вначалѣ весьма затруднительно. При самомъ вступленіи его на престолъ Парвизъ окончилъ покореніе Сиріи взятіемъ Антіохіи, а черезъ нѣсколько лѣтъ (614) персы взяли и разграбили Іерусалимъ. Парвизъ проникъ даже до Египта, опустошилъ всю Малую Азію, и во второй разъ явился подъ стѣнами Константинополя (616). Значительная часть Аравіи еще прежде признала его власть, въ благодарность за избавленіе ея отъ тяжкаго иноземнаго гнета. Неизвѣстно, въ какую эпоху проникло іудейство въ Аравію: въ окрестностяхъ Медины и въ Геджасѣ возникло нѣсколько небольшихъ іудейскихъ государствъ, а около 300 года перешелъ въ іудейскую вѣру одинъ изъ сильнѣйшихъ владѣтелей Іемена. Въ его управленіе христіане, жившіе тамъ въ небольшомъ числѣ, пользовались полною свободою, но его преемники, при которыхъ число іудеевъ въ Іеменѣ быстро увеличилось, слѣдовали другой политикѣ и этимъ навлекли на себя большую опасность. Абиссинцы или эѳіопляне, основавшіе христіанское государство по ту сторону Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, вступились за своихъ единовѣрцевъ, переправились въ Аравію и, покоривъ южную ея часть (530), подчинили жителей тяжкому игу. Не смотря на продолжительныя и постоянныя войны съ сосѣдними арабскими племенами, владычество абиссинцевъ въ Аравіи прекратилось не ранѣе 611 года, когда персидскому царю Парвизу удалось наконецъ изгнать ихъ оттуда. Пріобрѣтя такимъ образомъ въ Аравіи уваженіе, какимъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ, Парвизъ не умѣлъ воспользоваться своимъ вліяніемъ, а напротивъ, ослабилъ его, притѣсняя христіанъ и снова возбудивъ вражду между ними и аравійскими іудеями. Все это облегчило успѣхъ только что появившемуся тогда пророку аравитянъ. Вообще Парвизъ умѣлъ завоевывать страны, но не удерживать ихъ за собою, и во всѣхъ предпріятіяхъ выказывалъ себя недальновиднымъ и легкомысленнымъ правителемъ. Новопокоренные народы ненавидѣли его за хищничество и насиліе, а коренные персы за деспотизмъ, жестокость и безразсудную трату всѣхъ силъ государства. Вслѣдствіе того онъ не только лишился своихъ завоеваній, но и былъ причиной собственнаго паденія.

Совершенно другія качества обнаружилъ въ себѣ греческій императоръ Гераклій. Тѣснимый персами и аварами въ самой столицѣ, онъ не падалъ духомъ, не смотря на то, что государство страдало отъ голода и моровой язвы (617). Вмѣсто того, чтобы помышлять о бѣгствѣ въ Африку, какъ это говорятъ нѣ. которые нерасположенные къ нему историки, онъ придумалъ, хотя медленное, но единственное вѣрное средство для спасенія государства, и заключилъ невыгодный

миръ съ персами и аварами, чтобы имѣть время собрать свои силы. Возобновивъ войну съ Парвизомъ, Гераклій, прежде чѣмъ рѣшился двинуться далѣе, въ продолженіе двухъ лѣтъ обучалъ свои войска въ Малой Азіи. Вступивъ потомъ въ союзъ съ злѣйшими врагами персовъ—племенами, кочевавшими у Каспійскаго моря, онъ проникъ до самой столицы персидскаго царя и захватилъ тамъ огромную добычу. Побѣды грековъ и жестокость Парвиза произвели между персами возстаніе. Парвизъ былъ свергнутъ, а на престолъ вступилъ сынъ его, Сирой или Шируехъ (628), принимавшій участіе въ заговорѣ противъ отца. Сирой, начавшій свое царствованіе умерщвленіемъ отца и почти всѣхъ братьевъ, немедленно заключилъ миръ съ Гераклiемъ и возвратилъ ему всѣ завоеванныя персами провинціи. Онъ умеръ черезъ семь мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ. По смерти его персидское царство пришло въ совершенное разстройство и черезъ девять лѣтъ, въ теченіе которыхъ на престолѣ смѣнилось девять царей, сдѣлалось легкою добычею аравитянъ, воспламененныхъ ученіемъ Мухаммеда.

По окончаніи персидской войны, Гераклій, вмѣшавшись въ споры, возникшіе между духовенствомъ Сиріи и Палестины, возбудилъ новыя смуты въ этихъ странахъ, въ то самое время, когда въ сосѣдней Аравіи Мухаммедъ съ одушевленіемъ мечтателя уже проповѣдовалъ свое ученіе, украшенное всею прелестью восточной поэзіи. Гераклію суждено было дожить до того времени, когда ученіе Мухаммеда проникло въ греческую имперію и послѣдователи его завоевали часть ея провинцій. Онъ умеръ въ 641 году.

2. Исторія аравитянъ до Мухаммеда.

Занимая пространство вчетверо болѣе Германіи, Аравія почти вся находится въ жаркомъ поясѣ. Почти вся внутренность ея состоитъ изъ плоской возвышенности, соединяющейся на сѣверѣ съ сирійской пустыней, а съ запада, юга и востока отъ[illegible]ющейся отъ моря скалистыми горными цѣпями и узкой полосой береговой низ[illegible]ости. Почти всѣ рѣки этой обширной страны не болѣе какъ дождевые потоки, совершенно высыхающіе въ извѣстныя времена года; въ нѣкоторыхъ частяхъ Аравіи дожди не идутъ по нѣскольку мѣсяцевъ, и встрѣчаются мѣстности, гдѣ ихъ не бываетъ ни разу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вслѣдствіе этихъ климатическихъ особенностей страны, почва большей части Аравіи состоитъ изъ пустынь и голыхъ утесовъ, и только немногія полосы земли имѣютъ постоянную растительность. Къ числу этихъ благословенныхъ природою мѣстностей принадлежитъ и страна Іеменъ, которая поэтому съ глубокой древности носитъ названіе Счастливой Аравіи. Она лежитъ на самой югозападной оконечности полуострова, на берегу Чермнаго моря, т. е. въ той части Аравіи, которая всегда имѣла болѣе густое населеніе, чѣмъ всѣ остальныя мѣстности полуострова. Берегъ Чермнаго моря состоитъ изъ узкой, преимущественно пустынной равнины и голой цѣпи горъ, въ которой только немногія долины покрыты растительностью и удобны для обработки. Этотъ берегъ называется Геджасомъ или Пустынной Аравіей и заключаетъ въ себѣ два самые знаменитые города Аравіи: Мекку и Медину. Къ сѣверной части Геджаса примыкаетъ такъ называемая Каменистая Аравія—пустынная страна, покрытая горными хребтами, которые, начинаясь на югѣ у Синая, соединяются на сѣверѣ съ Ливаномъ. Изъ этого видно, что Аравія по своему климату и почвѣ представляетъ наиболѣе удобствъ для кочевой жизни. Только въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ могъ развиться земледѣльческій бытъ и цивилизація, основанная на земледѣліи, промышленности и торговлѣ. Поэтому вся исторія Аравіи и ограничивается этими мѣстностями. Кочевыя племена не имѣютъ исторіи, и общественное состояніе ихъ остается неизмѣннымъ до тѣхъ поръ, пока они сохраняютъ свой прежній наслѣдственный бытъ.

По своему языку, аравитяне принадлежатъ къ семитическому племени. Арабскія легенды производятъ ихъ отъ евреевъ и объясняютъ это происхожденіе двоякимъ образомъ. Всѣ аравитяне, живущіе въ Геджасѣ, во внутренности полуострова и въ пустыняхъ отъ Египта до Евфрата, называютъ себя потомками Измаи-

ла, сына Авраама; жители Іемена и всего южнаго берега до самаго Персидскаго залива считаютъ своимъ родоначальникомъ Іоктана, одного изъ ближайшихъ потомковъ Сима, сына Ноя. Обѣ вѣтви аравитянъ, измаильтяне и іоктаниды, изстари питаютъ другъ къ другу страшную племенную вражду. Почти всѣ измаильтяне удержали кочевой бытъ; большая же часть іоктанидовъ уже давно перешла къ осѣдлой жизни, и потому они одни составляютъ предметъ древнѣйшей исторіи Аравіи, которая начинается событіемъ, не имѣющимъ, собственно говоря, никакого значенія. Часть іеменскихъ іоктанидовъ, жившихъ у Саабы или Мареба, отведя нѣсколько ручьевъ въ одну большую и глубокую долину, окружила ее стѣною и плотиною и пользовалась водою ихъ для орошенія своихъ полей. Такимъ образомъ имъ удалось превратить пустыню въ плодородную землю, которую они изображали раемъ. Но вдругъ вода неожиданно прорвала плотину и опустошила всю страну (около 170—150 г. до р. Х.). Бѣдствіе это вынудило іоктанидовъ къ переселенію. Они раздѣлились и основали нѣсколько колоній, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны три: царство Гира на берегу Евфрата, подпавшее впослѣдствіи подъ власть персовъ, царство гассанидовъ, на югъ отъ Дамаска, подвластное сначала римлянамъ, а потомъ византійцамъ, и колонія, основанная ими подъ предводительствомъ Амру бенъ Лохая близъ Мекки. Правители ея хузаиты завладѣли впослѣдствіи Меккой, и этимъ завоеваніемъ пріобрѣли всемірно-историческое значеніе.

Въ Меккѣ съ самой глубокой древности почитался, какъ святыня, черный камень, поклоненіе которому находится въ связи съ преданіемъ объ Адамѣ. Мѣсто, въ которомъ онъ находился, было окружено четырьмя стѣнами и называлось такъ же, какъ и самый камень, Каабой. Надзоръ надъ Каабой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господство надъ Меккою, долгое время принадлежали одному племени измаильтянъ, пока наконецъ оно не было лишено и того и другаго джорамидами, отраслью іоктанидовъ. Измаильтяне соединились тогда съ хузаитами, основавшими по близости Мекки колонію, и изгнали джорамидовъ; но они не возвратили себѣ ни господства надъ Меккой, ни надзора надъ Каабой, потому что хузаиты удержали всѣ эти преимущества за собою, предоставивъ своимъ союзникамъ важное право назначать по своему усмотрѣнію одинъ изъ четырехъ священныхъ мѣсяцевъ, или тѣхъ временъ года, когда всѣмъ аравитянамъ запрещалось вести войну другъ противъ друга. Только около 464 года одному изъ измаильтянскихъ куреишитовъ удалось изгнать хузаитовъ, завладѣть Каабой и пріобрѣсти господство въ Меккѣ. Съ теченіемъ времени куреишиты распались на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ особенно замѣчательно племя гашимитовъ, потому что изъ него произошелъ основатель новой религіи, Мухаммедъ. До появленія въ Меккѣ хузаитовъ, религія почитателей Каабы въ сущности оставалась вѣрою Авраама, чуждою всякаго грубаго идолопоклонства. Единственное отступленіе отъ этой религіи состояло въ томъ, что жители, переселявшіеся изъ Мекки въ другія страны, брали съ собою камни изъ стѣнъ Каабы и поклонялись имъ въ своемъ новомъ отечествѣ. Во время господства куреишитовъ древняя религія исказилась въ многобожіе, и въ Каабу стали ставить идоловъ, число которыхъ возросло наконецъ до трехъ сотъ. Впрочемъ какъ прежде, такъ и послѣ того, всѣ аравитяне, не бывшіе іудеями и христіанами, чтили Каабу какъ святыню. Туда стекались богомольцы со всѣхъ концовъ Аравіи, при чемъ старинный обычай, по которому всѣ войны прекращались на четыре мѣсяца въ году, не только охранялъ безопасность богомольцевъ, но, наравнѣ съ общимъ почитаніемъ Каабы, много способствовалъ сближенію между собою различныхъ племенъ. Куреишиты занимались торговлей и поэзіей. Большая ярмарка, ежегодно собиравшаяся въ городѣ Оказѣ, недалеко отъ Мекки, привлекала множество аравитянъ. Кромѣ обмѣна товаровъ, на этой ярмаркѣ происходили торжественныя публичныя состязанія ихъ поэтовъ, которые въ присутствіи толпы воспѣвали свои собственные подвиги и славу своего племени. Получавшіе награду на этихъ состязаніяхъ пользовались глубокимъ уваженіемъ во всей Аравіи и пріобрѣтали огромное вліяніе въ своемъ племени. Ихъ стихотворенія вышивались шелкомъ и вывѣшивались въ Каабѣ, почему они и называются моаллякатами, т. е. вывѣшенными. До насъ дошли имена семи поэтовъ, удостоенныхъ этой почести, и потому болѣе другихъ прославляемыхъ арабами. Но высокое значеніе, котораго достигла у древ-

нихъ аравитянъ поэзія, не даетъ никакого основанія предполагать, что они уже успѣли достигнуть сколько-нибудь значительной степени образованности или выработать какую-нибудь отдѣльную отрасль знанія. Арабскія письмена были изобрѣтены только незадолго до Мухаммеда, а матеріалами для письма служили пальмовые листья, кожи, камни и другія подобныя вещества, на которыхъ были написаны отдѣльныя мѣста изъ корана и которыя не могли вмѣщать въ себѣ сочиненій значительнаго объема. Впрочемъ, не только іудейство и христіанство, но и поклоненіе звѣздамъ было значительно распространено въ Аравіи. Аравитяне были вообще очень разъединены, потому что между нѣкоторыми племенами, не смотря на ихъ религіозное единство, часто вспыхивали кровавыя распри: право кровной мести, существовавшее у нихъ въ полной силѣ, давало возможность найти всегда удобный поводъ къ войнѣ. Вообще нравственныя понятія аравитянъ и ихъ нравы, обусловливавшіеся народною религіею, носили на себѣ отпечатокъ грубости, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ у нихъ и нѣкоторыя хорошія черты: гостепріимство, щедрость, добросовѣстное исполненіе даннаго слова, уваженіе къ храбрости и нерѣдко великодушіе къ побѣжденнымъ. И такъ аравитяне, для образованія политическаго единства, нуждались не только въ религіозномъ переворотѣ, но въ нравственномъ толчкѣ и новомъ центрѣ соединенія.

3. Мухаммедъ.

Мухаммедъ, правнукъ Гашима, родоначальника гашимитовъ, родился въ Меккѣ, въ 571 году. Онъ происходилъ изъ рода куреишитовъ, именно изъ той отрасли этого племени, которая мало-по-малу лишилась большей части правъ, сопряженныхъ съ надзоромъ надъ Каабой: надзора надъ святынею, предсѣдательства въ совѣтѣ, собиравшемся въ Меккѣ, и предводительства на войнѣ. Права эти перешли къ другой отрасли куреишитовъ, и гашимиты удержали за собою только право принимать странниковъ. Мухаммедъ не могъ даже пользоваться и этимъ правомъ гашимитовъ, потому что оно было предоставлено не отцу его, Абдаллѣ, а его дядѣ, Аббасу. Абдалла занимался торговлею, но былъ очень бѣденъ и не пользовалси большимъ вліяніемъ. Онъ умеръ вскорѣ послѣ рожденія сына, которому оставилъ въ наслѣдство только домъ, одну невольницу, пять верблюдовъ и нѣсколько овецъ. На шестомъ году Мухаммедъ лишился матери, и воспитывался сначала у дѣда съ отцовской стороны, а потомъ у дяди, Абу-Талиба. Еще въ самой ранней юности онъ совершилъ со своими родственниками нѣсколько путешествій съ торговой цѣлью въ Сирію и южную Аравію, и въ одно изъ этихъ путешествій познакомился съ христіанскимъ монахомъ, Георгіемъ или Сергіемъ, который, по словамъ мухаммеданскаго преданія, первый призналъ въ немъ будущаго пророка и сдѣлался его первымъ наставникомъ въ христіанствѣ. Но это послѣднее сказаніе ничѣмъ не доказано. Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Мухаммедъ нѣкоторое время снискивалъ себѣ пропитаніе, пася овецъ жителей Мекки, хотя куреишиты уже давно покинули кочевой образъ жизни. Потомъ онъ занимался торговлею, а на двадцать пятомъ году сдѣлался главнымъ прикащикомъ одной богатой купеческой вдовы, Хадиджы. Послѣ нѣсколькихъ путешествій въ Сирію и южную Аравію, предпринятыхъ по ея торговымъ дѣламъ, онъ женился на ней, и съ тѣхъ поръ оставался въ Меккѣ, продолжая заниматься торговлей. Мало-по-малу Мухаммедъ прожилъ приданое своей жены, но за то пріобрѣлъ глубочайшее уваженіе своихъ соотечественниковъ, которые часто избирали его судьею въ спорныхъ дѣлахъ, просили даже рѣшить споръ касательно одного почетнаго права при возобновленіи сгорѣвшаго во время пожара храма Каабы, и позволили собственноручно вдѣлать въ стѣну священный камень.

Съ этого времени Мухаммедъ предался благочестивымъ занятіямъ и размышленіямъ, все чаще и чаще удалялся въ уединеніе и по нѣскольку ночей сряду, а иногда и цѣлые мѣсяцы проводилъ въ пещерѣ. Чувствуя отвращеніе къ идолопоклонству, въ которое превратилась религія Авраама, и къ поклоненію звѣздамъ, существовавшему у нѣкоторыхъ аравійскихъ племенъ, онъ, въ своихъ уеди-

ненныхъ размышленіяхъ, пришелъ наконецъ къ мысли о возстановленіи въ Аравіи древняго поклоненія единому Богу. Вслѣдствіе природной мечтательности Мухаммеда и склонности его къ поэзіи, очень можетъ быть, что ему, какъ человѣку въ высшей степени раздражительному и съ самаго ранняго возраста страдавшему судорожными припадками, дѣйствительно представлялись видѣнія. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія считать его религіозную пропаганду за основательный и преднамѣренный обманъ; напротивъ, онъ самъ былъ, по всей вѣроятности, убѣжденъ въ своемъ божественномъ посланіи и въ томъ, что былъ вдохновляемъ непосредственно самимъ Богомъ. Іудейская вѣра и христіанство имѣли вліяніе на его религіозныя воззрѣнія; но трудно опредѣлить съ точностью, насколько онъ былъ знакомъ съ этими ученіями и какимъ образомъ познакомился съ ними. Вѣроятно, онъ приходилъ въ часгыя столкновенія съ іудеями и христіанами во время своихъ путешествій. Можно также предполагать, что на него имѣлъ вліяніе двоюродный братъ его жены, Варака, который изъ отвращенія къ арабскому идолопоклонству перешелъ сперва въ іудейство, а потомъ въ христіанство, прочелъ новый и вѣтхій завѣтъ, и перевелъ даже на арабскій языкъ нѣкоторые отрывки новаго завѣта. При своемъ стремленіи къ болѣе возвышенной, по его понятіямъ, религіи, Мухаммедъ не могъ удовлетвориться ни іудействомъ, ни христіанствомъ, которыя казались ему искаженіями простаго и чистаго богопочитанія. Считая обѣ религіи божественными откровеніями, а ихъ основателей, Моисея и Христа, дѣйствительными пророками, онъ все-таки проповѣдывалъ, что необходимо новое, болѣе совершенное откровеніе, и что онъ избранъ Богомъ для этой цѣли. Припомнивъ то, что было сказано о религіозномъ состояніи аравитянъ, мы легко поймемъ, что религіозный переворотъ, задуманный Мухаммедомъ, былъ въ сущности только возвращеніемъ къ простой патріархальной вѣрѣ и богослуженію Авраама.

По мухаммеданскимъ преданіямъ, новому основателю вѣры было сорокъ лѣтъ, когда онъ получилъ отъ Бога первое откровеніе черезъ архангела Гавріила. Прежде всѣхъ его приверженцами сдѣлались Хадиджа и Варака, а въ теченіе трехъ слѣдующихъ лѣтъ его ученіе приняли двоюродный его братъ Али, котораго Мухаммедъ принялъ къ себѣ ребенкомъ и воспитывалъ какъ сына, рабъ его Зеидъ, Абу-Бекръ, сдѣлавшійся впослѣдствіи его тестемъ, Османъ, бывшій потомъ халифомъ, и многіе другіе изъ его родственниковъ и друзей. Почти всѣ они были бѣдны, не имѣли никакого вліянія, и къ концу третьяго года число ихъ не превышало сорока человѣкъ. Только они признавали Мухаммеда ниспосланнымъ отъ Бога возстановителемъ вѣры Авраама, которую исповѣдывали во всей ея чистотѣ ихъ предки. Всѣ же прочіе аравитяне, знавшіе воззрѣнія Мухаммеда, считали его рьянымъ противникомъ идолопоклонства, столь несообразнаго съ ихъ характеромъ, и отличнымъ поэтомъ, придавшимъ своему родному языку неслыханную до того времени прелесть и умѣвшимъ соединить вымыслы своей собственной фантазіи съ мудростью христіанской поэзіи, съ восточной простотой поэзіи еврейской, и фантастически чудеснымъ характеромъ древнихъ арабскихъ стихотвореній. Только черезъ три года выступилъ Мухаммедъ въ первый разъ передъ народомъ какъ поэтъ, и началъ проповѣдывать новую вѣру своимъ единоплеменникамъ куреишитамъ; но его ученіе не понравилось имъ, и онъ былъ осмѣянъ. Когда же онъ назвалъ насмѣшниковъ заблуждающимися и невѣрными, его стали преслѣдовать и грозить смертью. Къ счастью Мухаммеда, дядя его, Абу-Талибъ, взялъ его подъ свое покровительство, и при содѣйствіи прочихъ гашимитовъ защитилъ отъ преслѣдованій куреишитовъ, которые съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе озлоблялись противъ Мухаммеда, какъ противъ безпокойнаго революціонера. Но приверженцы новаго ученія, не принадлежавшіе къ могущественнымъ фамиліямъ, не могли устоять противъ преслѣдованій враговъ, и, по совѣту Мухаммеда, покинувъ Аравію, удалились къ христіанскому царю Абиссиніи, который принялъ ихъ ради того, что они высоко уважали Христа. Самъ Мухаммедъ съ трудомъ спасъ жизнь отъ покушеній куреишитовъ, которые торжественно отреклись отъ всѣхъ брачныхъ и торговыхъ сношеній съ его родомъ, гашимитами, и, написавъ эту клятву на доскѣ, поставили ее въ Каабу. Они отмѣнили свой приговоръ только тогда, когда эта доска была изъѣдена червями, и слѣдовательно, какъ бы самъ Богъ разрѣшилъ ихъ

отъ клятвы. На десятомъ году реформаторскаго поприща, Мухаммедъ лишился жены Хадиджы и покровителя Абу-Талиба. Напрасно искалъ онъ тогда защиты у своихъ родственниковъ въ одномъ сосѣднемъ городкѣ: его изгнали оттуда каменьями. Безоружный и преслѣдуемый врагами, онъ не могъ вернуться въ свой родной городъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ вліятельныхъ тамошнихъ жителей не обѣщалъ принять его подъ свою защиту. Къ этому трудному для него времени, когда гибель его казалась неизбѣжной и онъ возлагалъ всю надежду и утѣшеніе на Бога, относится, безъ сомнѣнія, самое знаменитое изъ всѣхъ чудесныхъ видѣній, которыя будто бы имѣлъ Мухаммедъ. Это чудо, впослѣдствіи какъ священная легенда, вѣроятно, еще болѣе украшенное вымысломъ, состояло въ путешествіи Мухаммеда на крылатомъ конѣ въ іерусалимскій храмъ, а оттуда черезъ различныя небеса къ престолу божію, гдѣ прежніе пророки и ангелы привѣтствовали его какъ самаго возлюбленнаго изъ всѣхъ пророковъ, и гдѣ самъ Богъ назвалъ его благороднѣйшимъ изъ созданій.

Вскорѣ Мухаммеду удалось привлечь къ своему ученію нѣсколькихъ жителей Медины, съ которыми онъ сошелся во время пребыванія ихъ въ Меккѣ. Они стали распространять новое ученіе въ своемъ родномъ городѣ, жители котораго давно завидовали благосостоянію Мекки и охотно воспользовались этимъ случаемъ, чтобы повредить ей. Черезъ два года, число обращенныхъ мединцевъ возразло до такой степени, что они заключили съ Мухаммедомъ наступательный и оборонительный союзъ и пригласили его и всѣхъ меккскихъ мухаммеданъ переселиться въ Медину. Такой успѣхъ новаго ученія въ Мединѣ усилилъ ненависть куреишитовъ къ Мухаммеду. Меккскіе мухаммедане приняли это приглашеніе, и искали убѣжища въ Мединѣ. Только самъ Мухаммедъ и немногіе изъ его приверженцевъ остались въ Меккѣ; но вскорѣ жизнь пророка подверглась серьезной опасности. Куреишиты, рѣшившись умертвить его, окружили его жилище ночью; Мухаммеду удалось однако выйти изъ дому и хитростью избѣжать опасности. Онъ бѣжалъ изъ города и, преслѣдуемый врагами, съ трудомъ достигъ Медины. Мухаммедане считаютъ бѣгство своего пророка или г е д ж р у (13 сентября 622 г.) за одно изъ самыхъ важныхъ событій его жизни, потому что оно не только было похоже на чудо, но и содѣйствовало, какъ это мы увидимъ ниже, распространенію новаго ученія. Отъ него мухаммедане ведутъ свое лѣтосчисленіе, начинающееся впрочемъ не со дня бѣгства Мухаммеда, а съ перваго дня того года, въ которомъ произошло это событіе, т. е. съ 15 или 16 іюня 622 г. по р. Х. Мухаммеданское лѣтосчисленіе отличается отъ нашего еще тѣмъ, что въ немъ принятъ за основаніе лунный годъ, изъ 354 дней, что чрезвычайно затрудняетъ переводъ мухаммеданской хронологіи на христіанскую. О бѣгствѣ Мухаммеда изъ Мекки въ Медину разсказывается множество чудесъ. Къ числу замѣчательнѣйшихъ преданій объ этомъ событіи принадлежитъ разсказъ о спасеніи Мухаммеда въ одной пещерѣ, потому что въ связи съ этою легендою находится одно знаменитое его изрѣченіе. Онъ три дня скрывался вмѣстѣ съ Абу-Бекромъ въ одной пещерѣ, и спасся отъ преслѣдованія куреишитовъ благодаря только тому, что при входѣ въ пещеру паукъ раскинулъ паутину, а голуби свили гнѣздо. Увидѣвъ это, враги его заключили, что въ пещеру уже давно никто не входилъ, и потому не обыскали ее. Когда Абу-Бекръ потерялъ надежду на спасеніе, Мухаммедъ ободрилъ его слѣдующими словами: «Ты думаешь, что насъ только двое; знай же, что съ нами самъ Богъ, защищающій насъ отъ враговъ».

Въ Мединѣ Мухаммедъ основалъ священное братство изъ сорока пяти меккскихъ эмигрантовъ и такого же числа правовѣрныхъ мединцевъ. Союзъ этотъ былъ столь тѣсенъ, что вступавшіе въ него становились наслѣдниками другъ друга, помимо всѣхъ кровныхъ родственниковъ. Спустя нѣсколько времени, когда распространилось и утвердилось новое ученіе, братство это было отмѣнено, и прежній родовый бытъ аравитянъ возстановленъ во всей силѣ. Мухаммедъ выстроилъ въ Мединѣ и мечеть. Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ послѣ своего бѣгства, онъ всего болѣе старался объ обращеніи въ новую вѣру жившихъ въ Аравіи евреевъ. Изъ угожденія имъ, онъ назначилъ Іерусалимъ киблой, т. е. мѣстомъ, къ которому должно было обращаться лицомъ во время молитвы, удержалъ нѣкоторые изъ законовъ Моисея и соблюдалъ еврейскіе посты. Не смотря на все это, ученіе Мухаммеда привлекло къ себѣ только небольшое число евре-

евъ и потому пророкъ не долго дѣйствовалъ въ этомъ духѣ. Впослѣдствіи киблой назначена была Мекка, а вмѣсто іудейскаго поста назначенъ священный у аравитянъ мѣсяцъ рамаданъ, въ продолженіе котораго каждый правовѣрный долженъ былъ отъ восхода до заката солнца воздерживаться отъ всякаго чувственнаго удовольствія. Что касается призыва къ молитвѣ, то Мухаммедъ съ намѣреніемъ отступилъ отъ обычая іудеевъ и христіанъ. Правовѣрные созывались на молитву пять разъ въ день, не трубами и колоколами, а голосомъ муэззина, провозглашавшаго съ высоты минарета слѣдующія слова: «Богъ — Всевышній! Я исповѣдую, что Богъ единъ, а Мухаммедъ его пророкъ. Приходите на молитву. Явитесь ко спасенію! Богъ — Всевышній! Есть только одинъ Богъ».

Находясь въ Мединѣ, Мухаммедъ въ первый разъ прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ для распространенія своего ученія. По арабскому обычаю, онъ началъ съ куреишитами родовую вражду, и по этому случаю установилъ заповѣдь о войнѣ противъ всѣхъ невѣрныхъ. Во главѣ своихъ мединскихъ приверженцевъ онъ часто нападалъ на жителей Мекки, но, по своей относительной незначительности, набѣги эти были скорѣе разбойническими нападеніями на караваны враговъ, чѣмъ настоящими военными экспедиціями. При этомъ вся невыгода была на сторонѣ куреишитовъ, потому что небезопасность дорогъ вредила ихъ торговлѣ, и даже при самомъ благополучномъ исходѣ дѣла они ничего не выигрывали отъ этой вражды. Бѣдные же и не занимавшіеся торговлею мединцы, умирая побѣжденными, получали, по ихъ убѣжденію, награду въ раю, а въ случаѣ успѣха обогащались и въ здѣшнемъ мірѣ. Между тѣмъ эти нападенія, доставлявшія нерѣдко богатую добычу принимавшимъ въ нихъ участіе, увеличивали число приверженцевъ Мухаммеда и доставляли ему выгодные союзы съ нѣкоторыми племенами. Первая значительная побѣда Мухаммеда надъ куреишитами была одержана при Бедрѣ, гдѣ 340 его поклонниковъ обратили въ бѣгство караванъ изъ 950 человѣкъ и захватили огромную добычу. Куреишиты, превосходившіе своихъ противниковъ числомъ, вели съ собою 100 лошадей и 700 верблюдовъ, тогда какъ у мухаммеданъ было всего двѣ или три лошади и семьдесятъ верблюдовъ, что у арабовъ считается признакомъ величайшей бѣдности. Побѣда эта, одушевивъ правовѣрныхъ и внушивъ имъ увѣренность въ свои силы, доставила пророку уваженіе между многими племенами. Послѣ нея, Мухаммедъ предпринялъ настоящій походъ противъ одного еврейскаго племени, поселившагося по близости Медины: онъ уничтожилъ своихъ враговъ, захватилъ все ихъ имущество и прогналъ ихъ въ Сирію. Вскорѣ послѣ того въ одной битвѣ съ куреишитами, по близости Медины, онъ уже могъ вывести въ поле тысячу человѣкъ; но въ этомъ сраженіи, названномъ по имени горы Оходъ, Мухаммедъ былъ разбитъ непріятелемъ, почти втрое превосходившимъ его числомъ и гораздо лучше вооруженнымъ. Онъ былъ обращенъ въ бѣгство и получилъ въ битвѣ рану. Также неудачно окончились и нѣкоторыя другія предпріятія мухаммеданъ; но всѣ они не были опасны для пророка, потому что противники его, по обычаю арабскихъ племенъ, не пользовались своими побѣдами. Побѣда же надъ однимъ іудейскимъ племенемъ и его изгнаніе изъ Аравіи возстановили вскорѣ уваженіе къ пророку его соотечественниковъ. Этотъ походъ замѣчателенъ еще и въ томъ отношеніи, что Мухаммедъ во время осады одной крѣпости запретилъ своимъ послѣдователямъ,— что было чрезвычайно полезно для такого страстнаго народа какъ аравитяне, — употребленіе вина и азартныя игры. Также счастливо кончился для него походъ, предпринятый противъ Медины въ 627 г. куреишитами въ союзѣ съ многими другими племенами, въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ. Не рѣшаясь сражаться съ ними въ открытомъ полѣ, Мухаммедъ окружилъ городъ широкимъ ровомъ и засѣлъ въ немъ съ тремя тысячами человѣкъ. Не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ, ему удалось выдержать трехъ-недѣльную осаду и посредствомъ хитрости возбудить несогласіе между своими противниками, которые съ наступленіемъ холодной и бурной погоды должны были удалиться, не достигнувъ своей цѣли. По снятіи осады Мухаммедъ двинулся изъ города для наказанія одного іудейскаго племени, предпринимавшаго вмѣстѣ съ куреишитами походъ противъ Медины. Іудеи были побѣждены и всѣ взяты въ плѣнъ. Мужчины ихъ были перебиты, а женщины и дѣти обращены въ рабство. Чтобы возвысить себя во мнѣніи аравитянъ и придать своимъ приверженцамъ болѣе нравственной силы, про-

рокъ рѣшился, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ экспедицій, совершить во главѣ своихъ приверженцевъ путешествіе въ Мекку, во время одного изъ священныхъ мѣсяцевъ, и отправился туда въ сопровожденіи семисотъ человѣкъ. Вполнѣ понимая, что этотъ поступокъ возвыситъ Мухаммеда въ глазахъ его соотечественниковъ, куреишиты рѣшились не пускать ненавистнаго имъ противника ни въ Мекку, ни къ Каабѣ, избѣгая однако всякихъ военныхъ дѣйствій въ теченіе всего священнаго времени. Они преградили ему путь въ Мекку, а когда онъ приблизился къ ней другой дорогой, пытались угрозами и военными приготовленіями напугать его и принудить къ отступленію. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ заключено было (682 г.) перемиріе на десять лѣтъ. По этому договору Мухаммедъ долженъ былъ тотчасъ же удалиться, не видавъ Мекки, но ему и его приверженцамъ было дозволено въ слѣдующемъ году провести тамъ три дня и совершить торжественный обходъ вокругъ Каабы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ далъ торжественное обѣщаніе по первому востребованію отсылать назадъ всѣхъ переходящихъ къ нему куреишитовъ. Противники его не были обязаны этимъ договоромъ выдавать мухаммеданскихъ перебѣжчиковъ; однако вскорѣ и это условіе было измѣнено согласно началамъ равенства. Вообще миръ былъ выгоднѣе для пророка, чѣмъ для куреишитовъ. Этимъ договоромъ онъ избавился отъ самыхъ сильныхъ и злѣйшихъ враговъ, имѣлъ возможность безпрепятственно распространять свое господство по другимъ направленіямъ и даже войти въ сношенія съ куреишитами, а слѣдовательно, могъ надѣяться привлечь часть ихъ на свою сторону. Прежде всего Мухаммедъ обратился противъ одного изъ государствъ, основанныхъ въ Аравіи іудеями. Въ непродолжительное время онъ завладѣлъ восемью замками, окружавшими непріятельскую столицу, Хейбаръ, но самый городъ долго сопротивлялся его войскамъ. Во время болѣзни Мухаммеда, одинъ изъ куреишитовъ, Омаръ, уже давно перешедшій на его сторону, и Абу-Бекръ два дня сряду безуспѣшно водили правовѣрныхъ на приступъ. На третій день пророкъ поручилъ начальство надъ войскомъ Али, который, убивъ іудейскаго героя Мархаба, принудилъ Хейбаръ сдаться на капитуляцію. Іудеямъ было оставлено ихъ имущество, но подъ условіемъ ежегоднаго платежа половины доходовъ и съ обязательствомъ быть готовыми выселиться изъ Аравіи по первому востребованію.

Съ этихъ поръ Мухаммедъ сдѣлался грознымъ завоевателемъ и пріобрѣлъ такое вліяніе и могущество, что часть мухаммеданъ, бѣжавшая въ Абиссинію, рѣшилась возвратиться къ нему. Надѣясь на свои силы, онъ потребовалъ и отъ другихъ властителей принятія его ученія, и съ этою цѣлью отправилъ письма къ персидскому царю Хозрою Парвизу, къ императору Гераклію, къ греческому намѣстнику въ Египтѣ, къ Гассаниду Амру, подвластному византійской имперіи, къ царю Абиссиніи и къ нѣкоторымъ мелкимъ сосѣднимъ владѣтелямъ. Испуганные этими требованіями, они отослали пословъ съ учтивыми отвѣтами. Только Парвизъ разорвалъ письмо пророка, а Амру осмѣялъ пословъ и казнилъ одного мухаммеданскаго миссіонера. Парвизъ былъ проклятъ Мухаммедомъ и умеръ вскорѣ послѣ того; противъ Амру Мухаммедъ выслалъ три тысячи человѣкъ подъ начальствомъ своего бывшаго раба Зеида. Но войско это, встрѣтившись съ превосходными силами непріятеля, потерпѣло пораженіе и лишилось въ битвѣ своего предводителя и двухъ другихъ вождей. Не смотря на эту неудачу, мухаммедане благополучно возвратились въ Медину (629) подъ начальствомъ Халеда, которому пророкъ, за его военныя способности, далъ названіе меча божія.

Мухаммедане давно уже ждали съ нетерпѣніемъ конца десятилѣтняго перемирія съ куреишитами и были очень рады, когда куреишиты, вѣроятно, ободренные исходомъ войны съ Амру, оскорбили союзниковъ Мухаммеда и сами дали ему желанный поводъ къ возобновленію враждебныхъ дѣйствій. Онъ двинулся въ походъ противъ жителей Мекки, и совершенно неожиданно явился передъ городомъ съ десятью тысячами войска. Сопротивленіе было невозможно, и Мухаммедъ почти безъ боя завладѣлъ Меккой (630). Впрочемъ онъ милостиво обошелся съ побѣжденными, признавшими его своимъ повелителемъ и пророкомъ, и велѣлъ казнить только четырехъ человѣкъ. Снова объявивъ Мекку священнымъ городомъ и такимъ мѣстомъ, которое не должно быть оскверняемо никакими насиліями, Мухаммедъ разрушилъ всѣхъ идоловъ, находившихся въ Каабѣ. Успѣхи новаго ученія обратили вниманіе всѣхъ языческихъ племенъ Геджаса на грозившую имъ

опасность; они соединились и общими силами начали войну. Въ полутора миляхъ отъ Мекки произошло сраженіе, тѣмъ болѣе опасное для Мухаммеда, что онъ не могъ полагаться на вѣрность двухъ тысячъ куреишитовъ, находившихся въ его войскѣ. Послѣ упорнаго боя, въ началѣ котораго его поклонники были обращены въ бѣгство, онъ одержалъ однако побѣду, но за то въ продолженіе трехъ недѣль безуспѣшно осаждалъ крѣпость Таифъ, куда бѣжала часть побѣжденныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ многія арабскія племена добровольно подчинились Мухаммеду, который со времени завоеванія Мекки сдѣлался страшенъ для всѣхъ сосѣдей. Нѣкоторыя племена были принуждены къ покорности силою, и вскорѣ почти вся Аравія признала его своимъ главою. Тогда Мухаммедъ задумалъ походъ противъ византійцевъ, чтобы вымѣстить на нихъ пораженіе, нанесенное ему Амру. Предпріятіе это онъ оставилъ однако въ самомъ началѣ, потому что его приверженцы, явясь въ относительно маломъ числѣ, шли на эту войну неохотно, и удовольствовался только покореніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ пограничныхъ вассаловъ Византійской имперіи.

Этотъ походъ былъ послѣднимъ военнымъ предпріятіемъ Мухаммеда. Вскорѣ послѣ того, въ десятый годъ геджры, онъ предпринялъ большое путешествіе въ Мекку, въ которомъ принимало участіе по однимъ извѣстіямъ до сорока, а по другимъ до ста четырнадцати тысячъ правовѣрныхъ. При этомъ Мухаммедъ издалъ много новыхъ постановленій, изъ которыхъ самыми важными было уничтоженіе навсегда права родовой мести и постановленіе, чтобы впредь всѣ преступленія были преслѣдуемы законными судьями, а не людьми, заинтересованными въ дѣлѣ. Изъ Мекки онъ снова воротился въ Медину, гдѣ тяжело заболѣлъ. Болѣзнь свою онъ объяснялъ дѣйствіемъ яда, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ даннаго ему изъ чувства мести одною хейбарскою еврейкою. Во время болѣзни Мухаммедъ часто приказывалъ приносить себя въ мечеть, проповѣдывалъ тамъ народу, увѣщевая его жить въ согласіи, быть твердымъ въ вѣрѣ, и объявилъ, что готовъ удовлетворить каждаго, кого онъ обидѣлъ какимъ-нибудь образомъ, говоря при этомъ, что лучше покаяться въ этой жизни, чѣмъ въ будущей. Передъ смертью онъ назначилъ Усаму, сына Зеида, начальникомъ войскъ, съ которыми намѣревался отправиться въ новый походъ къ византійской границѣ, и указалъ правовѣрнымъ на своего тестя Абу-Бекра, какъ на лучшаго своего друга, подобно тому, какъ во время послѣдняго путешествія изъ Мекки въ Медину указалъ имъ на своего зятя Али. Преемника себѣ Мухаммедъ не назначилъ. Еще въ послѣдній день онъ велѣлъ принести себя въ мечеть на молитву. Незадолго до смерти, Мухаммедъ отпустилъ на волю своихъ рабовъ, а немногія бывшія у него наличныя деньги велѣлъ раздать бѣднымъ. Послѣднія слова его были: «ко всевышнему товарищу въ рай». Онъ умеръ въ іюнѣ 632 года. Изъ дѣтей Мухаммеда пережила его только дочь его отъ Хадиджы Фатима, бывшая замужемъ за Али. О погребеніи Мухаммеда возникъ жаркій споръ; жители Мекки требовали, чтобы тѣло его было перенесено въ ихъ городъ, мединцы хотѣли удержать его у себя. Наконецъ, на основаніи одного мнимаго изъявленія воли Мухаммеда, рѣшено было похоронить пророка тамъ, гдѣ онъ умеръ. Такимъ образомъ тѣло его было похоронено на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла его постель во время болѣзни. Домъ же его находился возлѣ построенной имъ мечети. Впослѣдствіи мечеть эта была увеличена, такъ что теперь гробъ Мухаммеда находится внутри самаго зданія.

Сдѣлавшись властелиномъ почти всей Аравіи, Мухаммедъ остался, какъ и первые его преемники, вѣренъ нравамъ и простотѣ жизни своего народа. Онъ часто самъ приготовлялъ себѣ кушанья, чинилъ свое платье, убиралъ комнаты и доилъ козъ. Его обыкновенной пищей были ячменный хлѣбъ и финики, а питьемъ вода; въ домѣ его иногда по цѣлому мѣсяцу не зажигался огонь. Одежда его была столь же проста. Какъ пророкъ и правитель, Мухаммедъ не имѣлъ никакихъ притязаній на особенныя почести. Посѣщая товарищей, онъ не позволялъ имъ вставать передъ собою и часто повторялъ имъ: «я такой же слуга божій, какъ и вы, ѣмъ и пью, какъ вы, и сажусь какъ всякій другой человѣкъ». Вообще на Мухаммеда должно смотрѣть какъ на вождя полу-кочеваго народа, сохранявшаго еще патріархальный бытъ, не знавшаго общественнаго неравенства и у котораго еще сглаживались всѣ внѣшнія и внутреннія особенности отдѣльныхъ личностей. Оттого добродѣтели и недостатки Мухаммеда были въ то же время

чертами національнаго характера, проявлявшимися у него только рѣзче, чѣмъ у прочихъ аравитянъ. Мухаммеданскіе писатели въ особенности восхваляютъ щедрость и благотворительность Мухаммеда и его первыхъ преемниковъ; но эти добродѣтели обусловливались не столько ихъ личнымъ характеромъ, сколько обстоятельствами и народными нравами. Онъ самъ нуждался въ немногомъ, а матеріальныя выгоды и добыча, сила и личное превосходство привязываютъ простой воинственный народъ къ своему предводителю гораздо сильнѣе, чѣмъ блескъ и роскошь. Мухаммедане не безъ основанія ставятъ въ заслугу своему пророку умѣнье владѣть собою; будучи по природѣ раздражительнымъ и страстнымъ, онъ обыкновенно сдерживалъ свой гнѣвъ и всегда старался исправлять свои необдуманные поступки. Но если съ одной стороны характеръ Мухаммеда представляетъ прекрасныя и заслуживающія уваженія черты, то съ другой, онъ не всегда былъ безукоризненъ и не всегда можетъ служить примѣромъ. Не во всѣхъ обстоятельствахъ выказывалъ Мухаммедъ ту храбрость, за которую восхваляютъ его приверженцы; напротивъ, часто онъ впадалъ въ отчаяніе и трусилъ. То же самое можно сказать и про его прославленную правдивость. Въ его словахъ встрѣчается ложь, происходившая не отъ его личныхъ заблужденій, а очевидно сказанная сознательно и съ намѣреніемъ. Хотя, по всей вѣроятности, онъ и былъ сначала убѣжденъ въ своемъ божественномъ призваніи, однако многія изъ его позднѣйшихъ ученій и дѣйствій проистекали изъ его властолюбія и хитрости. Не смотря на его энергію и рѣшительность, мы видимъ слабости и противорѣчія: напримѣръ, не дозволяя ни одному изъ своихъ послѣдователей имѣть болѣе четырехъ женъ, самъ онъ имѣлъ ихъ одиннадцать, увѣряя, что Богъ предоставилъ ему въ этомъ отношеніи полную свободу.

Во всякомъ случаѣ Мухаммедъ, какъ основатель новой религіи, оказалъ большія услуги своему народу и всему міру. Онъ не только первый соединилъ въ одинъ народъ раздѣленныхъ на множество племенъ аравитянъ и указалъ имъ путь къ владычеству надъ Востокомъ, но навсегда укоренилъ въ народѣ, погрязшемъ въ грубомъ идолопоклонствѣ, вѣру въ единаго Бога, загробную жизнь и нравственное назначеніе человѣка, и при помощи своихъ приверженцевъ распространилъ свое, болѣе чистое ученіе между многими другими народами. Онъ прекратилъ между своими соотечественниками произволъ, самоуправство и обычай кровной мести, заставивъ ихъ признать одинъ общій законъ, обязательный для всѣхъ, и своимъ ученіемъ внушилъ аравитянамъ и многимъ другимъ народамъ лучшіе и болѣе благородные нравственные принципы. При его появленіи, аравитяне, не смотря на свое великодушное гостепріимство, вѣрность данному слову и рыцарскую храбрость, были настоящими разбойниками; женщина не имѣла у нихъ никакой защиты противъ произвола и дурнаго обращенія, и нерѣдко случалось, что родители убивали дочерей, чтобы избавить ихъ отъ нищеты. Своими постановленіями Мухаммедъ уничтожилъ многіе безнравственные обычаи аравитянъ, опредѣлилъ закономъ положеніе женщины въ обществѣ, обезпечилъ бѣдныхъ отъ нужды и старался по возможности уравнять всѣхъ, какъ равноправныхъ братьевъ.

Религія Мухаммеда называется *исламомъ*, т. е. преданностью, а послѣдователи ея — *мослеминами*, т. е. преданными Богу. Въ сущности его ученіе было только провозглашеннымъ, какъ новый законъ, поэтическимъ изложеніемъ національнаго быта аравитянъ, который Мухаммедъ хотѣлъ основать на древней вѣрѣ въ единаго Бога и на болѣе чистой нравственности. Главные догматы этой религіи состоятъ въ вѣрѣ въ единаго невидимаго Бога, въ откровеніе его посредствомъ Мухаммеда и другихъ предшествовавшихъ ему пророковъ, и въ страшный судъ, послѣ воскресенія мертвыхъ, на которомъ добрые и благочестивые будутъ награждены, а злые и невѣрующіе наказаны. Хотя Мухаммедъ и считается за совершеннѣйшаго изъ всѣхъ пророковъ, но послѣдователи его не смотрятъ на него какъ на посредника или примирителя между Богомъ и человѣчествомъ. По ихъ мнѣнію, онъ былъ только орудіемъ, избраннымъ Богомъ для возвѣщенія своего послѣдняго и высшаго откровенія. Мослемины не считаютъ даже его жизнь чистымъ и совершеннымъ образцомъ добродѣтели. Кромѣ догматовъ вѣры, Мухаммедъ проповѣдывалъ на Востокѣ лучшую и болѣе чистую нравственность, которая уступаетъ только христіанству. Съ этимъ ученіемъ онъ соединилъ цѣлый

рядъ предписаній, касавшихся не только богослуженія и обрядовъ (напримѣръ, посты, пятикратная ежедневная молитва и путешествіе въ Мекку, которое каждый правовѣрный долженъ былъ совершить хотя одинъ разъ въ жизни), но и настоящіе государственные законы относительно податей, взаимныхъ правъ гражданъ, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Поэтому коранъ или священная книга, содержащая въ себѣ ученіе Мухаммеда, вмѣстѣ съ изрѣченіями и постановленіями первыхъ его преемниковъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ мухаммеданъ сводомъ законовъ и отчасти основаніемъ ихъ государственнаго устройства. Очевидно, что въ этомъ-то и заключается главнѣйшій недостатокъ мухаммеданства, потому что смѣшеніе государственной жизни съ религіей задерживаетъ въ развитіи первую и даетъ возможность злоупотреблять послѣднею, отдаляя ее на второй планъ. Обязанность мосленимовъ силою распространять свою религію, или данное имъ повелѣніе вести войну противъ невѣрныхъ, составляетъ тоже одну изъ самыхъ вредныхъ сторонъ исламизма. Въ своихъ владѣніяхъ мухаммеданамъ было даже запрещено терпѣть какихъ бы то ни было иновѣрцевъ кромѣ христіанъ и евреевъ, но и этихъ въ томъ только случаѣ, если они подчинятся и будутъ платить дань. Такимъ образомъ исламизмъ не только дѣлается вполнѣ исключительною религіею, но, возбуждая въ своихъ послѣдователяхъ духъ нетерпимости, поддерживаетъ въ нихъ воинственную грубость и страсть къ завоеваніямъ, и отчуждаетъ ихъ отъ остальнаго человѣчества. Какъ по этимъ, такъ и по другимъ причинамъ, во всѣхъ мухаммеданскихъ государствахъ съ самаго начала укоренился деспотизмъ, не смотря на то, что самъ Мухаммедъ старался особыми постановленіями обезпечить жизнь и имущество правовѣрныхъ отъ произвола и насилія. Многоженство и чисто чувственное изображеніе будущей жизни, возбуждая въ его послѣдователяхъ чувственность и воображеніе, поддерживаетъ грубость чувствъ. Впрочемъ въ Европѣ аравійскому пророку несправедливо ставятъ въ вину то униженіе, въ которомъ находится женщина у всѣхъ мухаммеданъ. Точно также несправедливо утверждаютъ многіе христіанскіе историки, будто бы онъ не признавалъ у женщинъ души и исключилъ ихъ изъ рая. Послѣднее положительно опровергается изрѣченіями самого Мухаммеда, а общественное положеіне женщины на Востокѣ обусловливается не его ученіемъ, а обычаемъ многоженства, которое еще до него господствовало у аравитянъ. Мухаммедъ, напротивъ, ограничилъ число женъ, которое дозволено было имѣть мужчинѣ. Конечно, ученіе его, вслѣдствіе грубо-чувственнаго характера нѣкоторыхъ частей его и грубаго воинственнаго направленія, даннаго имъ своимъ послѣдователямъ, не осталось безъ вліянія на положеніе женщины. Столь же вредное вліяніе имѣлъ и фатализмъ или распространенная у мухаммеданъ вѣра въ неизмѣнно-предопредѣленную и независимую отъ свободной человѣческой воли необходимость извѣстныхъ дѣйствій и судьбы человѣка. Самъ Мухаммедъ не проповѣдывалъ фатализма, но вѣрованіе это совершенно естественно развилось изъ его стремленій внушить своимъ послѣдователямъ самую твердую увѣренность въ волю Божію и возвысить ихъ мужество до самопожертвованія для распространенія вѣры. Самое же вредное вліяніе Мухаммеда заключалось въ томъ, что онъ выдавалъ свое ученіе за идеалъ духовнаго развитія и образованности, и, для предупрежденія всякаго возврата къ многобожію и идолослуженію, запретилъ правовѣрнымъ дѣлать изображенія какихъ бы то ни было живыхъ существъ. Этимъ Мухаммедъ затруднилъ свободное развитіе духа, ограничилъ область философскаго образованія и совершенно стѣснилъ искусство, слѣдовательно, уничтожилъ главное средство облагороженія духа и самую возможность возвыситься до нравственной свободы и самостоятельности. Взвѣсивъ всѣ эти недостатки ученія Мухаммеда, мы увидимъ, что оно, не смотря на свою, болѣе чистую нравственную цѣль и утвержденіе вѣры въ единаго Бога, должно было снова возстановить у восточныхъ народовъ древній восточный характеръ ихъ быта со всѣми его недостатками.

По смерти Мухаммеда ученіе его было изложено въ собраніи его откровеній, называемомъ к о р а н о м ъ. Вѣроятно, самъ пророкъ не умѣлъ ни читать, ни писать, но еще при жизни велѣлъ записать слово въ слово большую часть своихъ откровеній, которыя, какъ онъ утверждалъ, получилъ сверхъестественнымъ образомъ отъ Бога. Прочія же откровенія были удержаны въ памяти его восторженными послѣдователями. По смерти Мухаммеда, всѣ эти отрывки, написанные на

пергаментѣ и кожѣ или на пальмовыхъ листахъ, костяхъ и камняхъ, находились въ различныхъ рукахъ и были собраны первымъ преемникомъ пророка, Абу-Бекромъ, который составилъ цѣлую книгу изъ нихъ и изъ его изреченій, сохранившихся въ памяти его послѣдователей. Но въ скоромъ времени въ спискахъ этого сочиненія обнаружились разные варіанты, и, для предупрежденія всякихъ споровъ, третій халифъ или повелитель мухаммеданъ, Османъ, велѣлъ сдѣлать новое изданіе, а всѣ списки, несогласные съ нимъ, сжечь. Хотя и нѣтъ никакого сомнѣнія, что при этомъ изрѣченія Мухаммеда были искажены различными измѣненіями и прибавками, но всѣ эти перемѣны были незначительны, потому что Абу-Бекръ и Османъ предприняли вышеупомянутый трудъ вскорѣ по смерти Мухаммеда, слѣдовательно, въ такое время, когда еще были живы многіе изъ сподвижниковъ пророка, помнившіе его изрѣченія. Во всякомъ случаѣ, мухаммедане смотрятъ на коранъ какъ на дѣйствительное слово Божіе, данное міру черезъ пророка. Не смотря на то, въ коранѣ не мало противорѣчій, такъ что многія повелѣнія и запрещенія взаимно уничтожаютъ другъ друга, да и самъ Мухаммедъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ отмѣнилъ нѣкоторые стихи корана для замѣны ихъ другими лучшими. Эти противорѣчія, очевидно, происходятъ не столько отъ двукратной редакціи книги, хотя, вѣроятно, Абу-Бекръ и Османъ дѣлали вставки и выпуски, но преимущественно отъ того, что самъ Мухаммедъ не стѣснялся соображать и измѣнять свое ученіе съ обстоятельствами. Такъ, напримѣръ, стараясь привлечь къ себѣ іудеевъ, жившихъ въ Аравіи, онъ объявилъ Іерусалимъ киблой, а впослѣдствіи, измѣнивъ свой планъ, назначилъ киблой К а а б у в ъ М е к к ѣ.

Вообще въ коранѣ, раздѣленномъ на сто четырнадцать суръ или главъ, встрѣчается множество повтореній и господствуетъ величайшій безпорядокъ въ расположеніи различныхъ откровеній, которыя помѣщены одно за другимъ безъ всякой хронологической или внутренней связи. Изъ этого можно заключить, что, при составленіи книги, лица, которымъ было поручено это дѣло, располагали матеріалы въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они попадались имъ подъ руки. Доказано даже, что части нѣкоторыхъ отдѣльныхъ суръ относятся къ совершенно различнымъ временамъ.

4. Исторія аравитянъ въ правленіе первыхъ четырехъ халифовъ.

Хотя ученіе Мухаммеда казалось твердо укоренившимся, но по смерти пророка значительная часть аравитянъ отпала отъ новой религіи. Въ Аравіи стали появляться новые пророки, желавшіе разыгрывать роль Мухаммеда, а между самими послѣдователями ислама обнаружилось неудовольствіе на установленный въ пользу бѣдныхъ налогъ. Всего опаснѣе для новой религіи было возобновленіе стариннаго соперничества между отдѣльными племенами, которыя хотѣли повиноваться каждое только вождю, принадлежавшему къ ихъ роду. Не только большая часть жителей Мекки была готова отпасть отъ новаго ученія, но даже между самыми вѣрными приверженцами Мухаммеда едва не возникла опасная вражда по случаю назначенія ему преемника. Ближайшими родственниками пророка были: Абу-Бекръ, отецъ его жены Аиши, и Али, сынъ Абу-Талифа, усыновленный Мухаммедомъ. Оба они происходили изъ рода куреишитовъ, а потому на ихъ сторонѣ были жители Мекки; мединцы хотѣли имѣть правителемъ человѣка изъ своего племени, но были несогласны между собою на счетъ избранія и потому не достигли своей цѣли. Какъ двоюродный братъ и зять пророка, Али не только имѣлъ болѣе правъ наслѣдовать Мухаммеду, но и заслуживалъ этого болѣе другихъ мухаммеданъ превосходствомъ своего характера и образа мыслей. Истинно благородный и благочестивый человѣкъ, онъ отличался необыкновенной кротостью и человѣколюбіемъ. Самъ Мухаммедъ называлъ его своимъ Аарономъ, братомъ въ этой и будущей жизни и вратами обиталища науки. Въ одномъ дошедшемъ до насъ собраніи изрѣченій Али изложилъ свои благородныя правила и воззрѣнія на жизнь, хотя и не вполнѣ достовѣрно, чтобы дѣйствительно ему принадлежало составленіе этого сборника. Еще болѣе доказалъ онъ свое благородство

своею жизнью. Но, при избраніи преемника Мухаммеду, не эти преимущества рѣшали дѣло; оно зависѣло скорѣе отъ энергіи и ловкости. Все, что касалось вѣры и нравственности, одинъ разъ навсегда было твердо установлено и завершено пророкомъ. Теперь необходимо было упрочить, и въ нѣкоторомъ отношеніи создать вновь государство, возникшее вслѣдствіе реформаторской дѣятельности Мухаммеда. Для этой цѣли благородный, восторженный и кроткій Али былъ не такъ способенъ, какъ осмотрительный и хитрый старикъ Абу-Бекръ. Поэтому-то всѣ старѣйшіе мослемины тотчасъ же признали его халифомъ, т. е. преемникомъ пророка. Въ союзѣ съ ними, ему не трудно было преодолѣть слабую оппозицію несогласныхъ между собою мединцевъ. Самъ Али призналъ его власть, не смотря на то, что у него было не мало горячихъ приверженцевъ, а одинъ изъ старѣйшихъ сотоварищей пророка даже обнажилъ за него мечъ. Тотчасъ по избраніи Абу-Бекра, Омаръ посланъ былъ овладѣть домомъ Али, который спокойно вышелъ къ нему на встрѣчу и призналъ своего противника халифомъ.

Получивъ власть, Абу-Бекръ приказалъ собравшемуся подъ начальствомъ Усамы войску отправиться въ предположенный еще Мухаммедомъ походъ къ сирійской границѣ. Во время этого похода, въ короткое время и счастливо оконченнаго Усамою, халифъ былъ занятъ войной съ нѣкоторыми возставшими племенами по близости Медины, а по возвращеніи Усамы отправилъ всѣ готовыя къ выступленію въ походъ войска, подъ начальствомъ одиннадцати полководцевъ, для покоренія болѣе отдаленныхъ отложившихся племенъ. Послѣ многихъ упорныхъ битвъ, возставшія племена были мало-по-малу усмирены и нѣкоторыя изъ нихъ жестоко наказаны. Халедъ, одинъ изъ одиннадцати полководцевъ, особенно отличался при этомъ жестокостями, обезславившими его побѣды.

Послѣ покоренія Аравіи Абу-Бекръ сталъ стремиться къ распространенію исламизма внѣ предѣловъ своего отечества, и съ этой цѣлью послалъ Халеда въ ближайшую провинцію Персіи. Халедъ, въ самомъ началѣ войны, разбилъ непріятеля въ сраженіи, извѣстномъ подъ именемъ битвы цѣпей. Происхожденіе этого названія объясняютъ тѣмъ, что персидскій главнокомандующій, не довѣряя одной части своего войска или желая удержать ее отъ бѣгства передъ сраженіемъ, приказалъ заковать ее въ цѣпи. Нѣсколькими другими побѣдами Халедъ проложилъ себѣ путь въ персидскую область Иракъ на Евфратѣ, а оттуда пошелъ къ городу Гирѣ, находившемуся по близости древняго Вавилона и бывшему столицею подвластнаго персамъ христіанско-арабскаго государства. По покореніи этого государства, побѣдоносному полководцу аравитянъ подчинились и нѣкоторые другіе подвластные Персіи владѣтели. Вскорѣ онъ одержалъ еще нѣсколько побѣдъ надъ персами и надъ ихъ аравійскими вспомогательными войсками, и распространилъ господство халифа до низовьевъ Евфрата, но среди своихъ побѣдъ былъ отозванъ Абу-Бекромъ. По приказанію халифа, другое войско аравитянъ напало на византійскую провинцію Сирію, но было отражено греческимъ полководцемъ Сергіемъ. Тогда халифъ рѣшился пріостановить на время завоеванія на Востокѣ и направить всѣ свои силы противъ Сиріи. По прибытіи Халеда, дѣло дѣйствительно приняло другой оборотъ; но поворотъ этотъ произошелъ уже въ правленіе преемника Абу-Бекра.

Престарѣлый Абу-Бекръ умеръ въ 634 г., послѣ двухлѣтняго управленія государствомъ. Предоставивъ веденіе войны людямъ болѣе молодымъ, онъ оказалъ государству другую важную услугу, приказавъ составить сборникъ всѣхъ откровеній пророка, какъ записанныхъ, такъ и передававшихся изустно; этимъ онъ далъ религіи Мухаммеда твердыя основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сводъ законовъ новому государству. Другими словами, онъ положилъ предѣлы распространенію лжи и преданій, упрочивъ новое аравійское государство законами, которые, какъ изрѣченія пророка, были неотмѣнимы, и потому на нѣкоторое время избавили мухаммеданъ отъ гибельныхъ потрясеній. Абу-Бекръ оказалъ молодому мухаммеданскому государству еще другую услугу, назначивъ себѣ передъ смертью преемника. Безъ этого распоряженія у мухаммеданъ, быть можетъ, вспыхнула бы междоусобная война, которая была бы для нихъ тѣмъ гибельнѣе, что въ то время они вели войны съ двумя государствами. Впрочемъ избраніе преемника Абу-Бекра опредѣлилось само собою. Омара, при содѣйствіи котораго Абу-Бекръ достигъ халифатства, нельзя было обойти, не смотря на его вражду съ Халедомъ, потому

что Абу-Бекръ во время своей болѣзни назначилъ его имамомъ, т. е. чтецомъ молитвъ и духовнымъ главою; къ тому же Омаръ постоянно имѣлъ огромное вліяніе на управленіе. И такъ Али былъ вторично обойденъ; на этотъ разъ устранить его было еще легче, потому что духовное званіе считалось существенною принадлежностью повелителя правовѣрныхъ, и слѣдовательно Омаръ, какъ имамъ, имѣлъ преимущество на своей сторонѣ. Для характеристики новаго аравійскаго государства и его первыхъ правителей замѣтимъ, что Абу-Бекръ, не смотря на богатую добычу, присылаемую ему его полководцами, не покидалъ простой пастушеской жизни и не терпѣлъ того блеска, который по восточнымъ понятіямъ необходимъ для внѣшней обстановки царскаго достоинства. Сдѣлавшись халифомъ, онъ даже продолжалъ нѣкоторое время заниматься торговлей и самъ пасъ свои стада.

Халифъ Омаръ I, еще при Абу-Бекрѣ управлявшій дѣлами, обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы дать прочное основаніе мухаммеданскому государству и расширить его предѣлы. Въ теченіе своего десятилѣтняго правленія (634—644) онъ оказалъ ему большія услуги. Однимъ изъ его первыхъ дѣйствій было устраненіе Халеда отъ начальства надъ войскомъ, расположеннымъ въ Сиріи; впрочемъ онъ удалилъ его не за его ужасныя жестокости въ Иракѣ и Сиріи, а по личной къ нему ненависти. Появленіе Халеда въ Сиріи, не задолго до воцаренія Омара, проложило мухаммеданамъ путь въ эту страну, въ особенности потому, что ему съ самаго начала удалось прекратить несогласія и соперничество между мухаммеданскими полководцами. Послѣ того завоевателямъ легко было проникнуть въ Сирію, такъ какъ тамошніе христіане, обезсиленные лѣнивою и чувственною жизнью, раздѣленные на секты и не знавшіе ни любви къ отечеству, ни чувства чести, охотно соглашались платить невѣрнымъ поголовную подать, лишь бы только въ замѣнъ того ихъ оставляли въ покоѣ и не обязывали военною службою; къ деспотизму же они и безъ того давно привыкли. Вскорѣ по прибытіи Халеда въ Сирію произошла рѣшительная битва при рѣкѣ Ярмукѣ или Шаріатъ Мандурѣ, къ югу отъ Тиверіадскаго озера. Около восьмидесяти тысячъ грековъ, вступивъ въ битву съ тридцатью шестью тысячами мухаммеданъ, были разбиты на голову. Этимъ успѣхомъ мухаммедане были обязаны не столько своей храбрости, сколько измѣнѣ греческаго полководца Сергія, который, перейдя во время сраженія къ непріятелямъ, произвелъ страшное замѣшательство между своими. Въ сраженіи при Ярмукѣ погибло три тысячи мухаммеданъ и значительная часть греческой арміи. Слѣдствіемъ этой побѣды, одержанной уже въ халифатство Омара, было паденіе важнаго города Дамаска. Жители его выдержали продолжительную осаду, но, потерявъ всякую надежду на спасеніе, предложили сдаться на капитуляцію. Во время переговоровъ кровожадный Халедъ проникъ въ городъ черезъ небрежно охранявшіяся ворота и произвелъ въ городѣ страшную рѣзню. Тотчасъ по занятіи Дамаска, онъ былъ отрѣшенъ отъ званія главнокомандующаго, а на его мѣсто назначенъ кроткій Абу-Убейда. Халедъ охотно служилъ и подъ его начальствомъ, отличаясь такою же ревностью къ распространенію мухаммеданской вѣры, какъ и жестокостью.

Мухаммедане овладѣли также городами Гемсомъ, Антіохіею, Баальбекомъ и вообще всею сирійскою провинціею. Только Іерусалимъ и Кесарія оказали имъ болѣе упорное сопротивленіе. Іерусалимъ соглашался сдаться, но не иначе какъ самому халифу, а такъ какъ и мослемины считали его священнымъ городомъ, то Абу-Убейда согласился на это желаніе изъ опасенія, что этотъ городъ будетъ оскверненъ его воинами. Онъ уговорилъ Омара прибыть въ Сирію для принятія ключей Іерусалима. Омаръ явился и заключилъ капитуляцію, всѣ условія которой были добросовѣстно выполнены. По этимъ условіямъ, жителямъ была оставлена жизнь и имущество, и дозволено впредь открыто исповѣдывать христіанскую вѣру; но за то они должны были платить поголовную подать, угощать три дня каждаго мусульманскаго странника, снять съ церквей кресты, отмѣнить колокольный звонъ, носить отличную отъ мухаммеданъ одежду и допускать каждаго изъ нихъ въ свои церкви. Путешествіе Омара въ Іерусалимъ и его появленіе въ этомъ городѣ замѣчательны во первыхъ потому, что они возвысили святость Іерусалима во мнѣніи мухаммеданъ, а еще болѣе потому, что чрезвычайная простота его путешествія составляла разительный контрастъ съ блескомъ и пышностью

позднѣйшихъ халифовъ. Онъ везъ мѣхъ съ водой и мѣшки съ хлѣбомъ и финиками для своего пропитанія на томъ же верблюдѣ, на которомъ самъ ѣхалъ, дорогой ѣлъ изъ одного блюда съ своими спутниками, и собственноручно наказывалъ всякаго виновнаго, котораго встрѣчалъ на пути. Въ Іерусалимѣ Омаръ велѣлъ выстроить мечеть на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда находился храмъ Соломона. Мечеть эта была докончена при его преемникахъ и до сихъ поръ считается одною изъ важнѣйшихъ святынь мухаммеданскаго міра.

Немного спустя по завоеваніи у грековъ Сиріи (639), мухаммедане завладѣли также важною провинціею, Египтомъ, жители котораго раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи. К о п т ы, или собственно туземцы, происходившіе отъ потомковъ древнихъ египтянъ и отъ переселившихся въ страну нубійцевъ, абиссинцевъ, негровъ и евреевъ, составляли классъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, купцовъ и низшихъ чиновниковъ и принадлежали къ сектѣ монофизитовъ (стр. 269). Число ихъ простиралось до шести милліоновъ душъ. Римляне же и греки, поселившіеся въ Египтѣ, а также часть императорскихъ войскъ и высшіе чиновники, къ большому неудовольствію природныхъ египтянъ всегда назначаемые къ нимъ изъ другихъ провинцій, принадлежали къ сектѣ несторіанцевъ, которой покровительствовали при дворѣ. Число ихъ не превышало трехсотъ тысячъ человѣкъ. Обѣ партіи ненавидѣли другъ друга не только какъ ревностные послѣдователи различныхъ сектъ, но и какъ различныя націи. При этомъ копты, не смотря на свое численное превосходство, всегда должны были уступать своимъ противникамъ, которые обыкновенно назывались м е л ь к и т а м и (роялистами) и, имѣя въ своихъ рукахъ власть, пользовались ею для притѣсненія коптовъ. Греческіе епископы брали себѣ всѣ доходы церкви, преслѣдовали коптское духовенство, и за нѣсколько лѣтъ до появленія аравитянъ подвергли опалѣ коптскаго патріарха, В е н і я м и н а, который долженъ былъ скрываться, какъ преступникъ. Такимъ образомъ во время вторженія мухаммеданъ жители Египта были разъединены между собою вслѣдствіе взаимной ненависти сектъ и народностей. Большинство же народонаселенія, не чувствуя никакой привязанности къ императорскому правительству, ожидало приближающагося непріятеля какъ желаннаго избавителя отъ гнета и преслѣдованій. Неудивительно, что аравитяне, не имѣя ни одного корабля, легко овладѣли страной, которую при другихъ обстоятельствахъ невозможно было бы завоевать и удержать за собою съ одними сухопутными войсками.

По покореніи Сиріи (639) Омаръ послалъ для завоеванія Египта искуснаго полководца А м р у съ войскомъ, не превышавшимъ четырехъ тысячъ человѣкъ. Однако же вскорѣ послѣ того халифъ, считая опаснымъ нападать на густо населенную страну съ такими ничтожными силами, велѣлъ своему полководцу воротиться назадъ. Но Амру не повиновался, потому ли, что онъ уже вступилъ въ Египетъ, когда получилъ приказаніе Омара, или потому, что ясно видѣлъ легкость завоеванія этой важной страны. Только когда Амру уже одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ греческими войсками, онъ получилъ отъ Омара подкрѣпленіе изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ З у б е й р а, одного изъ сподвижниковъ Мухаммеда. Тогда всѣ копты отложились отъ ненавистнаго имъ византійскаго правительства, а ихъ изгнанный патріархъ или, по другому извѣстію, М у к а в к а, бывшій прежде императорскимъ намѣстникомъ и отвѣтившій богатыми подарками на приглашеніе Мухаммеда перейти въ исламизмъ, заключилъ формальный договоръ о подчиненіи всей страны аравитянамъ. Копты согласились платить поголовную подать, налагаемую на всѣхъ немухаммеданъ, и кромѣ того еще особую поземельную подать. Но оба эти налога были чрезвычайно умѣренны, такъ что подъ владычествомъ аравитянъ они пользовались гораздо большей свободой и терпимостью, чѣмъ подъ управленіемъ грековъ. Аравитяне предоставили имъ полную независимость во всѣхъ дѣлахъ вѣры и церковныхъ учрежденіяхъ, оставили за ними всѣ ихъ имущества и земли, обезпечили ихъ личность отъ всякихъ насилій и даже позволили оставить на церквахъ кресты. Видя въ коптахъ главное средство поддержать свое господство въ завоеванной странѣ, хитрый Амру обходился съ ними и ихъ патріархомъ чрезвычайно ласково и даже льстилъ ему. Дѣйствительно, копты весьма ревностно поддерживали его во всѣхъ предпріятіяхъ. Греческія войска были разбиты еще нѣсколько разъ, и, оставивъ наконецъ всю страну на произволъ судьбы, удалились въ Александрію. Амру долгое

время тщетно осаждалъ этотъ городъ, который, получая всѣ съѣстные припасы моремъ, съ успѣхомъ отражалъ смѣлыя нападенія аравитянъ. Чтобы сохранить въ своихъ рукахъ ключъ къ странѣ, которая была почти потеряна для него, Гераклій всѣми силами помогалъ осажденнымъ александрійцамъ изъ Константинополя. Мосльмины взяли Александрію только по смерти Гераклія (весною 641 года), когда въ Константинополѣ возникли распри за престолонаслѣдіе и осажденная Александрія была забыта. Не смотря на то, она держалась еще до декабря 641 года. По свидѣтельству нѣкоторыхъ позднѣйшихъ арабскихъ историковъ, при взятіи города погибла знаменитая александрійская библіотека (т. I. стр. 484). Говорятъ, что Амру, завладѣвъ городомъ, спросилъ у халифа, что ему дѣлать съ нею, и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Если книги этой библіотеки согласны съ кораномъ, то онѣ безполезны и сохранять ихъ не для чего. Въ противномъ же случаѣ, онѣ вредны и ихъ должно уничтожить.» Вслѣдствіе того Амру, какъ утверждаютъ, приказалъ сжечь библіотеку. Всѣ книги пошли на отопленіе александрійскихъ бань; ихъ было, говорятъ, такъ много, что ими въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ поддерживали огонь во всѣхъ баняхъ этого многолюднаго города. Но весь этотъ разсказъ выдуманъ, потому что большая часть знаменитой библіотеки Птолемеевъ сгорѣла еще во время похода Цезаря въ Египетъ, а незначительный ея остатокъ погибъ гораздо ранѣе мухаммеданскаго завоеванія. Наконецъ, судя по состоянію тогдашней греческой образованности, можно принять за достовѣрное, что у жителей Александріи давно уже не оставалось почти никакихъ языческихъ рукописей.

Амру расположился съ своимъ войскомъ близъ древняго Мемфиса. Эта главная квартира аравитянъ. названная Фостатомъ, т. е. палаткой, мало-по-малу превратилась въ большой городъ, получившій черезъ нѣсколько столѣтій названіе Каиро, т. е. города побѣды. Для мухаммеданъ завоеваніе Египта было не только первымъ шагомъ къ покоренію всей сѣверной Африки, но имѣло важность и въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ страна эта служила житницей для Аравіи, почва которой почти совершенно безплодна. По этой причинѣ Омаръ и велѣлъ провести отъ Нила къ Чермному морю каналъ, при прорытіи котораго аравитяне воспользовались прежними полузасыпанными каналами Нехао, Дарія, Гистаспа и другихъ властителей Египта. Амру, оставшійся намѣстникомъ страны, покорилъ еще Барку и распространилъ свои завоеванія до Триполи.

Успѣхи мухаммеданскаго оружія на Востокѣ и на Западѣ, обогащавшіе воиновъ и привлекавшіе этимъ подъ знамена вѣры тысячи людей и даже цѣлыя арабскія племена, должны были съ завоеваніемъ новыхъ странъ произвести обратное дѣйствіе на новое аравійское государство и его учрежденія. До тѣхъ поръ въ немъ не было никакой системы въ управленіи, но это не могло продолжаться долѣе. Съ того времени какъ были завоеваны цѣлыя страны, обязанныя платить подать, устроены въ различныхъ мѣстахъ постоянные лагери, и тысячи вѣрующихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду были заняты войной, чувствовалась въ особенности необходимость въ опредѣленныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ. Мухаммедъ предписалъ, чтобы четыре пятыхъ добычи были раздѣляемы между воинами, а остальное отдавалось бы ему и его роднымъ и распредѣлялось между бѣдными, сиротами и странниками. Предписаніе это исполнялось въ точности, и Мухаммедъ, какъ и Абу-Бекръ, распоряжались доставшеюся имъ частью сообразно съ потребностями минуты. При Омарѣ же, когда значительно увеличились не только эта пятая часть, но вмѣстѣ налогъ въ пользу бѣдныхъ, наложенный на мухаммеданъ, и подати иновѣрцевъ, необходимо было ввести болѣе правильное управленіе финансами. Онъ велѣлъ сдѣлать перепись всѣмъ мухаммеданамъ и иновѣрцамъ и составить подробный списокъ государственныхъ доходовъ, обративъ такимъ образомъ прежнюю милостыню и неопредѣленную дань въ настоящую подать. При Омарѣ государственные доходы шли преимущественно на содержаніе родственниковъ пророка и на опредѣленное жалованье войскамъ. Вслѣдствіе того, число лицъ, стремившихся въ военную службу, постоянно увеличивалось, потому что сверхъ добычи, количество которой не могло быть опредѣлено, военная служба доставляла имъ постоянныя выгоды. Новыя учрежденія Омара послужили также первымъ поводомъ къ введенію вышеупомянутаго мухаммеданскаго лѣтосчисленія (стр. 278). Такъ какъ для веденія податныхъ списковъ необходимъ былъ

счетъ по годамъ, то за начало лѣтосчисленія и было принято бѣгство Мухаммеда изъ Мекки. Но, чтобы не перепутать обыкновеннаго счета мѣсяцевъ, годы стали считать не со дня бѣгства, а съ перваго дня того года, въ которомъ произошло это событіе.

Въ правленіе Омара мухаммедане, кромѣ греческихъ провинцій Сиріи и Египта, завоевали и персидское царство. Уже черезъ годъ по смерти Мухаммеда они, подъ предводительствомъ Халеда, вторгнулись въ персидскую провинцію Иракъ въ низовьяхъ Евфрата, но война въ Сиріи заставила перваго халифа вызвать оттуда своего полководца съ частью войскъ; послѣ того мухаммедане были вытѣснены почти изъ всѣхъ завоеванныхъ ими странъ. Съ самаго начала правленія Омаръ обратилъ все свое вниманіе на войну съ Персіею. Въ этой войнѣ на сторонѣ мухаммеданъ было то важное преимущество, что правитель ихъ былъ человѣкъ твердаго и энергическаго характера, тогда какъ ихъ противники были ослаблены частыми спорами за престолъ, а въ послѣдніе годы войны испытали на себѣ весь вредъ слабаго женскаго правленія въ царствованіе Бурань, сестры Хозроя Парвиза. Когда персы избавились наконецъ отъ нея, власть перешла въ руки Іездегерда, послѣдняго изъ Сассанидовъ, который, не смотря на свою молодость, тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ отраженію враговъ. Въ то же время халифъ послалъ значительныя подкрѣпленія мухаммеданскому войску, которымъ предводительствовалъ отличный полководецъ, Саадъ, одинъ изъ старѣйшихъ сподвижниковъ пророка. Персидскій полководецъ Рустумъ составилъ превосходный планъ дѣйствій противъ непріятеля, опаснаго по своей численности, тѣлесной силѣ, религіозному фанатизму и врожденному мужеству. Рустумъ держался за Евфратомъ и нѣсколько мѣсяцевъ избѣгалъ сраженія съ непріятелемъ, разсчитывая, что войско аравитянъ, расположенное лагеремъ на краю сирійской пустыни, неминуемо придетъ въ разстройство вслѣдствіе недостатка въ продовольствіи. Планъ персидскаго полководца не удался, по неблагоразумію двадцатилѣтняго Іездегерда. По приказанію царя, Рустумъ долженъ былъ перейти Евфратъ и вступить въ битву съ непріятелемъ. При Кадесіи произошло сраженіе (635 или 636 г.), продолжавшееся три дня сряду и окончившееся на четвертый полной побѣдой аравитянъ. Персы были разбиты, большая часть ихъ войска вмѣстѣ съ предводителемъ погибла въ битвѣ, а остатки его разсѣяны; но и со стороны аравитянъ погибло слишкомъ семь тысячъ человѣкъ. Вслѣдствіе этого пораженія вся страна на западъ отъ Тигра была отнята у персовъ. Послѣ того военныя дѣйствія на время прекратились, и аравитяне воспользовались этимъ отдыхомъ, чтобы упрочить за собою господство надъ завоеванною страною. Тогда же на мѣстѣ одного изъ ихъ лагерей, на Шатъ-эль-Арабѣ, возникъ городъ Бассра или Бассора, сдѣлавшійся впослѣдствіи столь знаменитымъ.

По возобновленіи войны, аравитяне переправились черезъ Тигръ и послѣ нѣсколькихъ битвъ завладѣли столицей персидскаго царства Ктесифономъ, лежавшимъ на лѣвомъ берегу рѣки и называвшимся въ то время Мадаиномъ (637). Въ этомъ городѣ они захватили такую богатую добычу, что при ея раздѣлѣ каждый изъ шестидесяти тысячъ мосленимовъ, находившихся въ войскѣ, получилъ, какъ говорятъ, по двѣнадцати тысячъ диргемовъ (диргемъ равняется приблизительно 30 коп. серебромъ). Разсказы о найденныхъ въ этомъ городѣ сокровищахъ и произведеніяхъ искусства, не смотря на всѣ преувеличенія, доказываютъ высокую степень образованности, богатства и процвѣтанія погибавшаго персидскаго царства. Особенно замѣчательны описанія великолѣпія и блеска тамошняго дворца, построеннаго отцомъ Нушировна и сохранившагося въ развалинахъ до нашего времени. Въ этомъ, такъ-называемомъ бѣломъ дворцѣ, были найдены золотой тронъ, драгоцѣнная корона, множество произведеній искусствъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, и превосходный коверъ въ триста локтей длины и шестьдесятъ ширины. На этомъ коврѣ былъ вытканъ садъ, деревья, цвѣты и плоды котораго были составлены изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ. По взятіи Мадаина, который съ того времени сталъ мало-по-малу приходить въ запустѣніе, Саадъ расположился лагеремъ въ низовьяхъ Евфрата, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникъ впослѣдствіи знаменитый городъ Куфа.

Овладѣвъ Мадаиномъ, аравитяне преслѣдовали спасавшагося бѣгствомъ персидскаго царя. Разбитый въ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженіяхъ, онъ

долженъ былъ наконецъ удалиться въ лежащій близъ Тегерана городъ Реи, гдѣ хранился самый древній священный огонь персовъ. Цѣлыя провинціи персидскаго царства перешли въ руки аравитянъ, но нѣкоторыя изъ этихъ областей снова были у нихъ отняты и аравитянамъ пришлось завоевывать ихъ во второй разъ, потому что восточные народы не такъ легко привыкаютъ къ иноземному игу, какъ западные. Кромѣ того въ 639 году голодъ и чума истребили въ войскѣ аравитянъ до двадцати четырехъ тысячъ человѣкъ, и война затянулась на нѣсколько лѣтъ. Рѣшительное сраженіе произошло только въ 642 г., близъ города Негавенда, лежащаго на югъ отъ Гамадана. Здѣсь тридцать тысячъ аравитянъ вступили въ битву со ста пятидесятью тысячами персовъ, которыми начальствовалъ старый и опытный полководецъ Фейрузанъ. Аравитяне побѣдили хитростью, и своею побѣдою нанесли послѣдній ударъ существованію персидскаго царства. Завоеватели проникли черезъ Испаганъ до самыхъ границъ Индіи, а съ другой стороны черезъ Адзербиджанъ, Мазандеранъ и Хоразанъ распространили свое господство до Кавказа и рѣки Окса или Джигуна. Іездегердъ переправился черезъ эту рѣку и искалъ убѣжища у хакана или верховнаго властителя турокъ. Получивъ отъ него помощь войсками, персидскій царь снова возвратился въ свое государство, но, не будучи въ силахъ устоять противъ непріятеля, долженъ былъ вторично бѣжать изъ своихъ владѣній и въ 651 году былъ убитъ, неизвѣстно гдѣ и какъ. Аравитянамъ пришлось, однако, еще долго бороться съ покоренными персидскими провинціями. Жители этихъ странъ не могли привыкнуть къ господству надъ ними народа, совершенно чуждаго имъ по своимъ нравамъ и религіи, не смотря на то, что завоеватели не преслѣдовали огнепоклонниковъ, хотя и считали ихъ язычниками. Вдобавокъ, побѣжденные съ первыхъ же дней завоеванія должны были терпѣть отъ произвола и грабительства аравійскихъ намѣстниковъ.

Одинъ простой персъ, Фирузъ, отмстилъ несчастному халифу за бѣдствіе своихъ соотечественниковъ, и однажды, когда онъ отправлялся въ Мединѣ въ мечеть, напалъ на него съ кинжаломъ и нанесъ ему смертельную рану, отъ которой Омаръ умеръ черезъ нѣсколько дней (644). Въ то время мухаммедане уже владѣли всѣми странами отъ Триполи въ Африкѣ до Индіи и отъ Индѣйскаго океана до Джигуна и Кавказа, а потому мы и должны считать Омара настоящимъ основателемъ всемірнаго владычества мухаммеданъ. Расширеніе границъ мухаммеданскихъ владѣній и введеніе правильной системы управленія составляютъ главную заслугу Омара. По своему личному характеру онъ былъ способнѣе другихъ поддержать и укоренить новое ученіе. Хотя большинство мухаммеданскихъ историковъ, безъ сомнѣнія, уже слишкомъ превозносятъ первыхъ преемниковъ пророка, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Омаръ дѣйствительно обладалъ тѣми главными чертами характера, которыя они восхваляютъ въ немъ. Отличаясь необыкновенной простотой и умѣренностью, онъ назначилъ большое содержаніе отставнымъ воинамъ и родственникамъ Мухаммеда, подарилъ первымъ послѣдователямъ пророка великолѣпный коверъ, найденный во дворцѣ Сассанидовъ, о которомъ мы говорили, и позволялъ обогащаться своимъ намѣстникамъ, но самъ пренебрегалъ всякимъ мірскимъ величіемъ и до самой смерти жилъ такъ же просто, какъ и прежде, будучи бѣднымъ пастухомъ. Ежедневная его пища состояла изъ ячменнаго хлѣба, оливовъ и воды, а платье его было постоянно въ заплаткахъ. Сдѣлавшись подъ конецъ своей жизни властителемъ обширнаго государства и покоривъ самыя цвѣтущія страны историческаго міра, онъ всегда питалъ полное равнодушіе къ богатству, пышности и роскоши. Объ отношеніяхъ же человѣка къ тому, что во всѣ времена свѣтъ называлъ счастьемъ и несчастьемъ, Омаръ имѣлъ болѣе вѣрныя понятія, чѣмъ многіе изъ самыхъ прославленныхъ религіозныхъ реформаторовъ и философовъ. Онъ говорилъ, что «Богъ даетъ намъ земныя блага для удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей, а не въ награду за наши добродѣтели, которая ожидаетъ насъ въ будущей жизни». Глубоко проникнутый этими воззрѣніями, Омаръ былъ щедръ, благотворителенъ, гостепріименъ въ такой степени, въ какой это можно встрѣтить только на Востокѣ. Разсказываютъ, что однажды онъ съ другомъ своимъ, Абд-Эррахманомъ, сторожилъ всю ночь имущество каравана, пришедшаго въ Медину поздно вечеромъ и расположившагося на торговой площади. Вообще онъ былъ

чрезвычайно справедливъ и безпристрастенъ, хотя и допускалъ нѣкоторыя притѣсненія и позволялъ себѣ жестокости. Омаръ представлялъ собою образецъ истиннаго смиренія, и, не смотря на свой блескъ и могущество, нисколько не измѣнилъ своего прежняго образа мыслей и своихъ чувствъ. Однажды во время путешествія, придя въ долину, гдѣ въ юности пасъ стада, онъ вспомнилъ о тяжелой, но добродѣтельной пастушеской жизни своей молодости, и сказалъ спутникамъ: «Богъ всемогущъ, и каждому даетъ то, что считаетъ нужнымъ. Нѣкогда, въ шерстяной одеждѣ, я пасъ въ этой долинѣ стада моего строгаго и суроваго отца, который часто безъ вины наказывалъ меня побоями и лишеніемъ пищи; теперь же я стою такъ высоко, что между мною и Богомъ нѣтъ никого». Подобный образъ мыслей и такіе поступки должны были возбуждать необыкновенное воодушевленіе въ народѣ, находящемъ истину только въ фантазіи и въ то время еще обладавшемъ неиспорченнымъ природнымъ чувствомъ. Примѣръ такого главы и правителя былъ несравненно полезнѣе для распространенія и укрѣпленія новой вѣры, чѣмъ какіе бы то ни было тонкіе богословскіе доводы, придуманные для доказательства ея истины. Нѣтъ ничего удивительнаго, что разсказы о жизни Омара украшены самыми небывалыми преданіями и что такимъ образомъ въ религіи Мухаммеда явились вскорѣ чудеса и чудотворцы. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что однажды во время продолжительной засухи по молитвѣ Омара внезапно собрались дождевыя тучи, а въ другой разъ, когда одинъ изъ его враговъ хотѣлъ убить его, онъ былъ спасенъ двумя львами, явившимися изъ земли.

Омаръ не назначилъ себѣ преемника, приказавъ только шестерымъ оставшимся еще въ живыхъ сподвижникамъ Мухаммеда: Абд-Эррахману, Али, Осману, Зубеиру, Тальху и Сааду избрать халифомъ одного изъ своей среды. Еще прежде Омаръ хотѣлъ назначить халифомъ своего друга Абд-Эррахмана, но онъ отклонилъ отъ себя это назначеніе, и по смерти Омара отказался до выборовъ отъ всякихъ притязаній на власть. Вслѣдствіе отказа Абд-Эррахмана избраніе халифа зависѣло совершенно отъ него, и онъ рѣшилъ бы дѣло въ пользу Али, если бы этотъ пылкій человѣкъ согласился допустить толкованія и поправки въ коранѣ. Еще при Абу-Бекрѣ, Али не одобрялъ составленія корана, говоря, что такимъ образомъ живое слово обратится въ мертвую букву; теперь онъ прямо объявилъ Абд-Эррахману, что будетъ держаться правилъ и ученій двухъ первыхъ халифовъ настолько, насколько это будетъ согласоваться съ его личными убѣжденіями, т. е. другими словами, что не будетъ признавать никакого другаго авторитета, кромѣ корана. Этотъ протестъ не согласовался съ видами Абд-Эррахмана, ожидавшаго спасенія только въ безусловномъ повиновеніи первымъ халифамъ, и потому, отстранивъ Али, онъ назначилъ преемникомъ Омару—Османа. Избраніе это было во многихъ отношеніяхъ неудачно: Османъ, сдѣлавшись халифомъ, сталъ расточать государственные доходы въ пользу своихъ друзей и родственниковъ и покровительствовать имъ въ ущербъ самымъ достойнымъ людямъ. Своими дѣйствіями онъ съ самаго начала оттолкнулъ отъ себя Али, Тальху и Зубеира, которые пользовались огромнымъ вліяніемъ, какъ старѣйшіе сподвижники Мухаммеда и самыя богатыя лица въ Мединѣ. Османъ былъ кромѣ того очень гордъ и оскорблялъ всѣхъ вѣрующихъ, обходясь съ ними какъ повелитель, что было для нихъ особенно чувствительно послѣ притворной простоты Абу-Бекра и истиннаго смиренія Омара. Вскорѣ повсюду обнаружились неудовольствіе и волненія. Недовольные публично упрекали халифа въ мечети, а это еще болѣе возбуждало его къ насиліямъ. Волненія эти впрочемъ не мѣшали аравитянамъ продолжать завоеванія. Муавія, сынъ Абу-Софіана, бывшій еще при Омарѣ намѣстникомъ Сиріи и принадлежавшій къ числу немногихъ, у которыхъ Османъ не отнялъ должностей, чтобы передать ихъ своимъ любимцамъ, завоевалъ у грековъ нѣкоторые малоазійскіе города и принудилъ островъ Киприъ, хотя и не надолго, платить дань аравитянамъ. Въ то же время мухаммедане распространили свое господство и религію по берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей; но за то, вслѣдствіе внутреннихъ безпокойствъ, они едва не лишились покоренныхъ ими странъ въ сѣверной Африкѣ. Впослѣдствіи они однако не только удержали за собою эти земли, но и распространили свое господство еще далѣе. Османъ, сдѣлавшись халифомъ, вызвалъ изъ Египта завоевателя и намѣстника этой страны, Амру, и назначилъ на его мѣсто своего молочнаго

брата, Абдаллу. Когда вскорѣ послѣ того греки завладѣли Александріею, Османъ былъ принужденъ снова послать Амру въ Египетъ; но едва онъ изгналъ ихъ изъ Египта, какъ былъ снова отозванъ, а на его мѣсто опять назначенъ Абдалла, который, впрочемъ, оказался достойнымъ этого назначенія. Онъ распространилъ границы государства въ сѣверной Африкѣ (648), завоевалъ часть нынѣшнихъ Варварійскихъ владѣній, коренные жители которыхъ, кочевые берберы, занимавшіеся разбоемъ, еще прежде находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ мухаммеданами. Берберы, къ потомкамъ которыхъ принадлежатъ извѣстные въ наше время кабилы, были тѣмъ самымъ народомъ, который подъ именами нумидійцевъ или мавританцевъ такъ часто упоминается въ римской исторіи. Языкъ ихъ, насколько мы можемъ судить о томъ, не относится ни къ одной изъ извѣстныхъ намъ филологическихъ группъ; по своему образу жизни и нравамъ берберы имѣли большое сходство съ аравійскими бедуинами, и такъ же какъ послѣдніе ненавидѣли всѣ народы, жившіе въ городахъ и въ постоянныхъ жилищахъ. Эти общія черты національнаго характера способствовали ихъ сближенію съ аравитянами. Когда въ правленіе Омара Амру, *идя съ войскомъ въ Барку*, пришелъ въ первый разъ въ столкновеніе съ нѣкоторыми племенами берберовъ, они прислали къ нему пословъ, которыхъ онъ велѣлъ отправить въ Аравію къ халифу. Омаръ и его приближенные тотчасъ поняли всю важность союза съ берберами для распространенія границъ государства. Они ласково приняли пословъ, и, примѣнивъ къ нимъ одно изрѣченіе пророка, заставили аравитянъ считать ихъ за давно-обѣщанныхъ союзниковъ и своихъ единоплеменниковъ. Когда эти послы, отвѣчая на вопросъ Омара, сказали, что они пастухи и ненавидятъ осѣдлую жизнь, онъ воскликнулъ, что понимаетъ теперь слова пророка, которыми онъ утѣшалъ его во время скорби о медленномъ распространеніи ислама: «Не плачь, Омаръ, Богъ даруетъ намъ наконецъ союзниковъ въ одномъ изъ африканскихъ народовъ, у котораго нѣтъ ни городовъ, ни постоянныхъ жилищъ, ни рынковъ.» Вѣроятно, аравитяне видѣли въ потомкахъ нумидійцевъ единоплеменниковъ одного изъ извѣстныхъ имъ народовъ, жившаго у Чермнаго моря и походившаго на берберовъ своимъ именемъ и нравами, а потому и смѣшали ихъ имена. По крайней мѣрѣ имя берберовъ, неизвѣстное кореннымъ жителямъ Варварійскихъ владѣній, является въ Африкѣ только со времени завоеванія ея аравитянами. Впослѣдствіи, союзъ съ берберами проложилъ мухаммеданамъ путь до самаго Атлантическаго океана.

Неудовольствіе противъ Османа продолжало постоянно возрастать, и наконецъ привело къ открытому возстанію. Предводители недовольныхъ собрались изъ различныхъ провинцій въ Медину, чтобы принудить халифа къ перемѣнѣ системы своего управленія. Ихъ прибытіе поставило Османа въ чрезвычайно затруднительное положеніе; онъ всѣми силами старался успокоить ихъ, но успѣлъ въ этомъ только при посредничествѣ Али. Османъ изъявилъ раскаяніе и обѣщалъ исполнить все, что отъ него требовали, но тотчасъ по отъѣздѣ предводителей недовольныхъ отмѣнилъ всѣ распоряженія, сдѣланныя по ихъ требованію. Вслѣдствіе того они вскорѣ воротились въ Медину, но на этотъ разъ уже въ сопровожденіи слишкомъ тысячи самыхъ энергическихъ революціонеровъ. Проникнувъ въ городъ, они напали въ мечети на халифа и его приверженцевъ, нанесли ему множество ранъ, и ошеломленный ударомъ камня Османъ былъ унесенъ безъ чувствъ домой. Послѣ того они нѣсколько недѣль сряду осаждали халифа въ его жилищѣ, все еще не рѣшаясь убить его. Наконецъ, быть можетъ, изъ опасенія, что намѣстникъ Сиріи Муавія явится съ войскомъ на его защиту, заговорщики подожгли жилище Османа, ворвались туда черезъ сосѣдній домъ и убили восьмидесяти двухъ лѣтняго старика (656).

Недовольные провозгласили халифомъ Али, который хотя и не былъ соучастникомъ убійства, но очевидно не хотѣлъ и препятствовать ему, что, безъ сомнѣнія, могъ бы сдѣлать, благодаря своему вліянію, въ то время, когда Османъ въ продолженіе трехъ недѣль былъ осаждаемъ въ своемъ домѣ. Такимъ образомъ власть перешла наконецъ въ руки человѣка, который изъ всѣхъ халифовъ имѣлъ наиболѣе правъ на нее. Вслѣдствіе того значительная часть мухаммеданъ, такъ называемые шіиты, до сихъ поръ признаютъ его первымъ законнымъ преемникомъ Мухаммеда, тогда какъ другая часть, сунниты, признаютъ такими же законными халифами и троихъ его предшественниковъ. Однако Али не могъ спо-

койно пользоваться своею властью. Враги обвинили его въ убіеніи Османа, и неудивительно, что, при сохранившихся у аравитянъ, не смотря на всѣ старанія Мухаммеда, привязанности къ своимъ родственникамъ и обычаѣ кровной мести, двоюродный братъ Османа, Муавія, успѣлъ въ короткое время составить сильную партію противъ новаго халифа. Али сначала совѣтовали предотвратить грозящую опасность, оставивъ на мѣстахъ всѣхъ намѣстниковъ Османа, которые, незаконно пользуясь властью, были главными виновниками возстанія; но онъ былъ слишкомъ вспыльчивъ, слишкомъ ненавидѣлъ всякое притворство, чтобы прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, и отрѣшеніемъ намѣстниковъ отъ должности ожесточилъ ихъ противъ себя. Муавія употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы ниспровергнуть ненавистнаго Али; ему не трудно было начать войну съ новымъ халифомъ, потому что сирійскія войска были безусловно преданы своему начальнику и не имѣли никакого довѣрія къ Али, полагавшемуся только на самого себя и на Бога. Въ своихъ рѣчахъ къ войску, Муавія воспользовался окровавленной одеждой Османа, точно такъ же и съ такимъ же успѣхомъ, какъ нѣкогда Антоній тогою Цезаря (стр. 46). Аиша, вдова Мухаммеда, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ у правовѣрныхъ, тоже объявила себя противъ Али, съ которымъ была во враждѣ. Даже Тальха и Зубеиръ, наиболѣе уважаемые изъ мосленіновъ и сами желавшіе сдѣлаться халифами, отпали отъ Али, хотя сначала по необходимости и признали его. На сторонѣ же новаго халифа были всѣ тѣ, которые признавали Мухаммеда только за пророка, а не за основателя свѣтскаго государства.

Али прежде всего двинулся въ Иракъ, куда удалились Тальха, Зубеиръ и Аиша. Онъ встрѣтился съ ними недалеко отъ Бассры, у незначительнаго городка Хурейбы, гдѣ произошло кровопролитное сраженіе, названное битвой верблюдовъ, потому что Аиша разъѣзжала передъ рядами воиновъ на верблюдѣ, чтобы воодушевить своихъ защитниковъ (657). Послѣ кровопролитнаго сраженія, въ которомъ по самымъ умѣреннымъ показаніямъ историковъ пало до десяти тысячъ мосленіновъ, Али одержалъ побѣду. Тальха и Зубеиръ были убиты, а Аиша взята въ плѣнъ. Благородный Али обошелся съ ней съ почтеніемъ и большою снисходительностью, не смотря на то, что она была его непримиримымъ врагомъ. По его приказанію, ея братъ, приверженецъ халифа, отправилъ ее въ Бассру, а оттуда, въ сопровожденіи рабынь и въ мужскомъ платьѣ, въ Медину. Еще до сраженія и во время самой битвы, Али запретилъ своему войску проливать безъ нужды кровь противниковъ, а послѣ побѣды помиловалъ многихъ изъ своихъ злѣйшихъ враговъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ.

Послѣ этой побѣды Али сдѣлался полнымъ властелиномъ Ирака, Аравіи и Египта, гдѣ намѣстникъ его, Кейсъ, мало-по-малу принудилъ почти всѣхъ признать его халифомъ. Но Али предстояло еще побѣдить Муавію, который,—имѣя хорошее войско и постоянные доходы и пріобрѣтя въ лицѣ перешедшаго на его сторону Амру опытнаго совѣтника и полководца, — былъ самымъ опаснымъ противникомъ халифа. Муавія выступилъ противъ Али съ восьмидесяти тысячнымъ войскомъ. Непріятели, почти равные числомъ, встрѣтившись близъ Р а к к и, на Евфратѣ, стояли другъ противъ друга нѣсколько мѣсяцевъ, избѣгая рѣшительной битвы. Въ теченіе этого времени произошло столько небольшихъ стычекъ, что мало-по-малу въ войскѣ Али осталось, какъ говорятъ, всего до двадцати пяти тысячъ человѣкъ, а у противниковъ до сорока пяти тысячъ. Огорченный гибелью столькихъ правовѣрныхъ, Али предлагалъ своему противнику рѣшить дѣло единоборствомъ, но Муавія не принялъ его вызова. Наконецъ перевѣсъ сталъ видимо клониться на сторону Али, и Муавія, не надѣясь на благополучный исходъ войны, прибѣгнулъ къ хитрости и обману. Онъ предложилъ своему противнику рѣшить третейскимъ судомъ, кто изъ нихъ, на основаніи предписаній корана, долженъ быть халифомъ. Али хорошо понималъ, что это была только хитрость, придуманная для того, чтобы избѣжать рѣшенія спора оружіемъ, которое, по всей вѣроятности, окончилось бы въ его пользу, и съ цѣлью посѣять раздоръ въ его войскѣ. Но часть войска халифа, которую Муавія различными обѣщаніями расположилъ въ свою пользу, принудила Али согласиться на это предложеніе. Эти же самые измѣнники устроили дѣло такъ, что со стороны войска Али судьей назначенъ былъ человѣкъ, самъ принимавшій тайное участіе въ заговорѣ или котораго легко было перехитрить; противная сторона выбрала хитраго Амру. Въ войскѣ

халифа очень многіе были крайне недовольны этимъ выборомъ и вообще всѣми переговорами. Такимъ образомъ Муавія достигъ своей цѣли и между приверженцами Али произошелъ раздоръ.

Судьи рѣшили, что ни одинъ изъ соперниковъ не долженъ быть халифомъ, а Абу-Муза, избранный со стороны Али, торжественно объявилъ обоимъ войскамъ, что онъ лишаетъ Али сана халифа. Вмѣсто того, чтобы объявить тоже самое относительно Муавіи, Амру сказалъ своимъ воинамъ: «Вы слышали, что даже судья, избранный Али, лишилъ его халифатства; я дѣлаю тоже самое, и вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашаю правителемъ Муавію, какъ единственнаго законнаго преемника пророка». Али не призналъ этого рѣшенія и рѣшился оружіемъ отмстить за обманъ; но часть его войска отложилась отъ него. Амру, которому Муавія въ награду за его услугу уступилъ Египетъ, предоставивъ нѣкоторую независимость въ уиравленіи, тотчасъ же изгналъ оттуда намѣстника Али, а вскорѣ послѣ того и самъ Муавія одержалъ верхъ въ Иракѣ и Аравіи. Въ войскѣ Али была толпа фанатиковъ, въ глазахъ которой всякій третейскій судъ казался мѣрой противной религіи, потому что по ихъ понятіямъ всѣ сомнѣнія должно было разрѣшать на основаніи корана. Фанатики эти, называвшіеся *хариджитами*, т. е. отступившими или недовольными, отложились отъ Али и объявили какъ его, такъ и Муавію невѣрующими. Али разогналъ ихъ силою оружія, но не могъ устоять въ борьбѣ съ Муавіей. Наконецъ три фанатика рѣшились насильственно прекратить эту междоусобную войну и, чтобы уничтожить самую причину несогласій и междуцарствія, поклялись другъ другу убить въ одинъ и тотъ же часъ всѣхъ трехъ виновниковъ зла: Али, Муавію и Амру. Одинъ изъ заговорщиковъ, Буракъ, взялся убить Муавію, другой, Абд-Эррахманъ, родомъ изъ Египта,— Али, третій, Амру, сынъ Бекра, вызвался умертвить египетскаго намѣстника Амру. Буракъ только ранилъ Муавію; Амру избѣжалъ смерти, благодаря тому, что убійца по ошибкѣ умертвилъ вмѣсто него другаго; Абд-Эррахману же удалось поразить Али кинжаломъ въ ту минуту, когда онъ входилъ въ мечеть. Али умеръ черезъ два дня (661). Его первая жена, Фатима, дочь пророка, умерла гораздо ранѣе его.

5. Исторія аравійскаго государства отъ смерти Али до завоеванія Испаніи.

По смерти Али его приверженцы тотчасъ же признали халифомъ старшаго его сына, Гасана, вокругъ котораго въ скоромъ времени собралось въ Иракѣ до сорока тысячъ человѣкъ. Но у Гасана было слишкомъ мало энергіи, чтобы устоять противъ настойчиваго и рѣшительнаго Муавіи. Подобно своему отцу, глубоко проникнутый сознаніемъ ничтожества всего человѣческаго, онъ никогда не могъ удержать при себѣ своихъ приверженцевъ, и совершенно упалъ духомъ, когда часть его войска была разбита при первой же встрѣчѣ съ войскомъ Муавіи. Оскорбленный своими приближенными, онъ вступилъ въ переговоры съ противниками, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ заключенъ формальный договоръ, по которому Гасанъ отрекался отъ всѣхъ своихъ притязаній на халифатство. Взамѣнъ того всѣмъ его роднымъ и друзьямъ было даровано полное прощеніе, а ему самому выдана значительная сумма изъ государственной казны и обѣщано ежегодное содержаніе. Когда же по совѣту Амру, Муавія потребовалъ, чтобы онъ публично объявилъ о своемъ отреченіи, Гасанъ исполнилъ это требованіе такимъ образомъ, что вовлекъ въ погибель все свое семейство: онъ объявилъ въ собраніи мослеминовъ, въ Куфѣ, что отрекается отъ сана халифа, наскучивъ властью и желая прекратить кровопролитіе. Видя въ этихъ словахъ намѣреніе сохранить права на халифатство въ пользу своего семейства, Муавія объявилъ, что этимъ договоръ уже нарушенъ, и онъ не считаетъ себя болѣе обязаннымъ соблюдать его. Гасанъ удалился въ Медину, гдѣ и провелъ остатокъ жизни, отличаясь благочестіемъ и расточительной благотворительностью. Онъ умеръ спустя семь или восемь лѣтъ, быть можетъ, отравленный по приказанію Муавіи, но и въ послѣднія минуты выказалъ благородство души, руководившее его при отреченіи отъ власти.

Умирая, онъ просилъ брата, Гуссейна, не мстить за свою смерть, и при этомъ сказалъ: «Наша здѣшняя жизнь есть ночь, которая исчезаетъ. Пусть живетъ мой убійца до тѣхъ поръ, пока я не встрѣчусь съ нимъ передъ престоломъ Бога».

Въ лицѣ Муавіи I въ управленіе халифатомъ вступаетъ родъ Омеядовъ (661), и съ этого времени власть халифа дѣлается наслѣдственною въ его семействѣ. Фамилія Омеядовъ, къ которой принадлежалъ и халифъ Османъ, происходила отъ Абд-Шемса, брата-близнеца Гашима, и получила свое названіе отъ Омеи, сына Абу-Шемса. Муавія и его потомки избрали своей столицей Дамаскъ. Вскорѣ умеръ (664) Амру, намѣстникъ Египта, который одинъ только могъ быть опасенъ для Муавіи. Вмѣсто него халифъ назначилъ Окбу, который съ успѣхомъ продолжалъ завоеванія въ западной части Африки. О предпріятіяхъ его мы будемъ говорить послѣ въ связи съ событіями, вслѣдствіе которыхъ исламъ распространился до самой Испаніи.

У Муавіи было много враговъ между мосленинами, изъ которыхъ многіе были преданы семейству Али, какъ потомкамъ Мухаммеда; Муавія же былъ сынъ того самаго Абу-Софіана, который такъ долго преслѣдовалъ пророка и даже поклялся убить его. Не найдя другаго средства обезоружить своихъ противниковъ, Муавія утвердилъ Зіяда въ должности намѣстника восточной Персіи, которую онъ занималъ при Али, присоединивъ къ его намѣстничеству и западную Персію. Зіядъ, одинъ изъ самыхъ жестокихъ и хитрыхъ людей своего времени, сначала не признавалъ новаго халифа, но потомъ пожертвовалъ вѣрностью честолюбію. Чтобы возвысить въ общественномъ мнѣніи Зіяда, котораго презирали какъ сына рабыни, халифъ прибѣгнулъ къ обману и объявилъ его побочнымъ сыномъ Абу-Софіана, слѣдовательно своимъ роднымъ братомъ. Поставивъ себѣ задачей истребить приверженцевъ семейства Али, Зіядъ дѣйствовалъ съ величайшей жестокостью, не обращая ни на что вниманія, и первый ввелъ у мухаммеданъ деспотизмъ, всегда составлявшій отличительный характеръ восточныхъ государствъ и до сихъ поръ господствующій въ мухаммеданскихъ странахъ. Окруживъ себя тѣлохранителями, онъ обратилъ все управленіе страной и правосудіе въ полицейское насиліе, и предавалъ казни не только всѣхъ подозрительныхъ людей, но ихъ родственниковъ и друзей. Саморахъ, правая рука Зіяда, поступалъ еще свирѣпѣе. Однажды, въ отсутствіе Зіяда изъ Бассра, онъ въ теченіе полугода казнилъ слишкомъ восемь тысячъ человѣкъ. Но всѣ подобныя жестокости безсильны противъ фанатизма: преслѣдованія только болѣе воспламеняютъ его, а оставленный въ покоѣ онъ вымираетъ самъ собою. Можетъ быть, понимая это, Муавія и рѣшился при помощи внѣшнихъ войнъ направить фанатизмъ въ другую сторону. Онъ велѣлъ продолжать завоеванія въ Африкѣ и на отдаленномъ Востокѣ, и напалъ на византійскую имперію въ самомъ ея центрѣ.

Окба, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, съ успѣхомъ воевалъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ, а на Востокѣ мухаммедане распространили свои завоеванія до Бухары, Самарканда и рѣки Инда. Чтобы дѣйствовать свободнѣе противъ Али, Муавія заключилъ позорный договоръ съ византійскимъ императоромъ Константомъ, но, сдѣлавшись халифомъ, нарушилъ миръ съ греками. Ему легко было разграбить Малую Азію, потому что императоръ отправился тогда въ Италію для войны съ лонгобардами, а грубыя наемныя войска грековъ, находившіяся въ Малой Азіи, соединились съ аравитянами для грабежа страны. Въ правленіе Константина Погоната, сына Константа, грабежи эти не только продолжались, но аравитяне стали дѣлать набѣги и на приморскія провинціи имперіи. Они высаживались въ Сициліи, похищали оттуда тысячами жителей и въ теченіе семи лѣтъ дѣлали высадки въ окрестностяхъ Константинополя для нападеній на самую столицу (669—676). Нападенія эти, часто несправедливо называемыя семилѣтней осадой Константинополя, были безуспѣшны, потому что бури и недостатокъ средствъ очень много вредили аравитянамъ, а греки получили неожиданное средство спасенія въ незадолго предъ тѣмъ изобрѣтенномъ греческомъ огнѣ. Одинъ сирійскій грекъ, Каллиникъ, изобрѣлъ составъ, который, будучи брошенъ на непріятельскіе корабли, зажигалъ ихъ, и дѣйствовалъ тѣмъ разрушительнѣе, что могъ горѣть подъ водою. Муавія, заставившій своего сына и будущаго наслѣдника престола, Іезида, принять участіе въ походахъ противъ Константинополя, не скоро и только послѣ значительныхъ потерь рѣшился оставить безполез-

ное предпріятіе. Въ 677 онъ заключилъ съ Константиномъ миръ, объ условіяхъ котораго мы знаемъ только то, что Муавія согласился платить ежегодную дань.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, халифомъ по смерти своего отца сдѣлался Іезидъ I (680), который еще прежде былъ назначенъ наслѣдникомъ престола. Многихъ мухаммеданъ нужно было принуждать силою къ признанію этого права престолонаслѣдія; особенно же враждебно смотрѣли на это потомки Али и другіе гашимиты. Если бы братъ Гасана, Гуссейнъ, которому перешло наслѣдство Фатимы, обладалъ умомъ и опытностью въ такой же степени, какъ важностью, благородствомъ и благочестіемъ, то Іезидъ, преданный пьянству и чувственнымъ удовольствіямъ, не могъ бы противиться ему. Но Гуссейнъ, не зная людей, поступалъ слишкомъ благородно, и потому не устоялъ противъ своихъ враговъ. Вскорѣ по смерти Муавіи безпокойные жители Ирака пригласили его въ Куфу, чтобы провозгласить халифомъ. Принявъ ихъ приглашеніе, онъ прибылъ туда прежде чѣмъ успѣли собраться болѣе надежные приверженцы его фамиліи. Лучшіе друзья Гуссейна предостерегали его, напоминая ему, что эти же самые жители Ирака своею невѣрностью погубили его отца и брата. Муслимъ, другъ Гуссейна, посланный имъ въ Куфу, нашелъ было тамъ поддержку, но Убейдъ-Аллахъ, сынъ жестокаго Зіяда, льстивыми обѣщаніями снова привлекъ къ себѣ непостоянныхъ жителей Ирака, захватилъ Муслима въ плѣнъ и велѣлъ казнить его. Узнавъ о случившемся, большинство приверженцевъ Гуссейна, который въ то время ѣхалъ въ Куфу, покинуло его. Вскорѣ послѣ того высланное противъ него войско Убейдъ-Аллаха окружило его со всѣхъ сторонъ: ему оставалось только сдаться въ плѣнъ или пасть въ сраженіи. Предвидя свою судьбу, Гуссейнъ рѣшился умереть смертью героя; тщетно умолялъ онъ своихъ проводниковъ оставить его и спасаться бѣгствомъ, они объявили, что хотятъ раздѣлить его участь. Послѣднюю ночь онъ провелъ съ ними въ молитвѣ, ободряя сестру словами вѣры: «Сестра, говорилъ онъ, не допускай злаго духа лишить тебя мужества! Надѣйся только на Бога и положись на утѣшеніе, которое онъ ниспосылаетъ! Знай, что всякій человѣкъ долженъ умереть, что и воинство небесное не вѣчно; что все проходитъ, и не прекращается только присутствіе Бога, который все создалъ и снова оживитъ своимъ могуществомъ. Мой отецъ, мать, братъ были лучше меня, но какъ для нихъ, такъ и для всякаго мослемина посланникъ Божій долженъ служить примѣромъ». На слѣдующее утро Гуссейнъ и не многочисленные его спутники, прикрываясь палатками и рвами, вступили въ бой съ нѣсколькими тысячами непріятелей. Они сражались до полудня, и наконецъ, совершенно изнеможенные, погибли всѣ смертью героевъ. Вмѣстѣ съ Гуссейномъ, день кончины котораго мухаммедане до сихъ поръ празднуютъ на его могилѣ, пали самые благородные и лучшіе изъ аравитянъ. Опора религіи была потрясена и всѣ истинно благочестивые сокрушались о его смерти. Голова Гуссейна была отправлена къ жестокому Убейдъ-Аллаху, который ударилъ ее палкой по рту. «Перестань!» воскликнулъ одинъ старикъ, присутствовавшій при этомъ, «я видѣлъ, какъ нѣкогда губы пророка прикасались къ этимъ устамъ.» Іезидъ велѣлъ обходиться какъ можно почтительнѣе съ женами и дѣтьми Гуссейна, попавшимися въ плѣнъ, и отправить ихъ въ Медину, гдѣ они и ихъ потомки жили въ уединеніи. Съ теченіемъ времени они очень размножились и впослѣдствіи пользовались во всѣхъ мухаммеданскихъ земляхъ особенными почетными правами. Число ихъ значительно увеличилось разными обманщиками, выдававшими себя за потомковъ пророка, чтобы своимъ священнымъ происхожденіемъ придать себѣ какое нибудь значеніе или болѣе блеска своему правленію.

Погибель Гуссейна и жестокость, съ которою преслѣдовали приверженцевъ его семейства, были причиною возстанія въ Меккѣ, распространившагося и въ Мединѣ. Возставшіе объявили Іезида низложеннымъ и провозгласили халифомъ Абдаллу, сына Зубеира. Послѣ тщетныхъ переговоровъ, Іезидъ послалъ въ Аравію войско подъ начальствомъ Муслима, который, завладѣвъ Мединою, ее отдалъ на произволъ необузданной ярости своихъ воиновъ: священный городъ въ теченіе трехъ дней испытывалъ всѣ ужасы, какіе только могли бы позволить себѣ самыя дикія орды невѣрующихъ. Вслѣдъ за тѣмъ Муслимъ осадилъ Мекку. Во время этой осады храмъ Каабы былъ на половину разрушенъ каменьями и горючими веществами, которые бросали въ него осаждающіе съ помощью своихъ метатель-

ныхъ машинъ. Мекка должна была бы сдаться, если бы извѣстіе о смерти Іезида (683) не принудило Муслима удалиться въ Сирію. Абдалла былъ тотчасъ же признанъ халифомъ въ Аравіи, а вслѣдъ за тѣмъ въ Иракѣ и Хоросанѣ.

Наслѣдникъ Іезида, юный сынъ его, Муа́вія II, былъ воспитанъ тайнымъ шіитомъ, внушившимъ своему воспитаннику, что Омеяды незаконно пользуются властью. Оттого-то Муавія II думалъ, что, принимая власть халифа, поступаетъ противъ совѣсти, и не позволялъ себѣ никакихъ дѣйствій и распоряженій, которыя по закону могъ дѣлать только глава правовѣрныхъ. Онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отца. Тогда во главѣ колеблющейся династіи сталъ Мерванъ I, дальній родственникъ Муавіи, правнукъ Омеи, бывшій намѣстникомъ Медины въ правленіе Іезида. Онъ принудилъ всѣхъ преверженцевъ Омеядовъ признать свою власть, какъ регента малолѣтняго брата Муавіи II, Халеда, и вскорѣ потомъ женился на его матери. Но уже въ самомъ началѣ положеніе его было такъ затруднительно, что онъ намѣревался даже признать Абдаллу халифомъ: ему приходилось бороться не только съ самимъ Абдаллою, но и съ честолюбивыми людьми своей партіи. Черезъ два года по смерти Муавіи, Мерванъ палъ жертвою своего властолюбія. Онъ былъ убитъ (685) своею женою, матерью Халеда, за то, что въ ущербъ послѣднему назначилъ преемникомъ сына своего, Абд-Альмалика.

Абд-Альмаликъ, тотчасъ же захватившій правленіе въ свои руки, былъ гораздо болѣе своего отца склоненъ поддерживать свою власть убійствами. Въ жестокомъ Гадджаджѣ онъ нашелъ превосходное орудіе своей воли. Два анекдота лучше всего обрисовываютъ различіе въ характерахъ его и его отца. Когда Мервану объявили о побѣдѣ надъ опаснымъ врагомъ, голову котораго ему принесли, онъ воскликнулъ: «Неужели я, старикъ, сдѣлавшійся почти скелетомъ, который скоро обратится въ прахъ, долженъ еще собирать войска; истребляющія другъ друга!» Про сына разсказываютъ, что, получивъ извѣстіе о кончинѣ отца во время чтенія корана, онъ тотчасъ же положилъ его въ сторону, сказавъ: «Прочь отъ меня книга, мнѣ съ тобой болѣе нечего дѣлать!»

Въ началѣ правленія Абд-Альмалика мухаммеданскому государству грозило распаденіе. Не только въ Сиріи и Аравіи явились два халифа, но и въ самой Куфѣ провозгласилъ себя правителемъ Мухтаръ, властвовавшій именемъ Махди-Мухаммеда, младшаго сына Али. Въ Иракѣ снова поднялись хариджиты (стр. 294), разсѣянные Мухаллабомъ, полководцемъ Абдаллы, но снова собравшіеся и взволновавшіе страну. Во всѣхъ частяхъ государства господствовали смятеніе, раздоръ и кровь правовѣрныхъ лилась ручьями. Абд-Альмаликъ совершалъ страшныя жестокости въ Сиріи и Египтѣ, Абдалла въ Аравіи, Персіи и другихъ подвластныхъ ему провинціяхъ, а Мухтаръ рѣзалъ въ Иракѣ всѣхъ принимавшихъ хотя бы косвенное участіе въ погибели Гуссейна. Болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ погибло по его приказанію отъ руки палача. Счастье сначала благопріятствовало Мухтару: искусный полководецъ, Ибраги́мъ, разбилъ на голову высланное противъ него войско Абд-Альмалика. Но, аттакованный со стороны Бассры братомъ другаго халифа Абдаллы, Муссабомъ, и со стороны Персіи полководцемъ его Мухаллабомъ, Мухтаръ, совершенно разбитый ими, долженъ былъ искать спасенія въ крѣпости города Куфы: онъ былъ осажденъ тамъ и погибъ въ одной вылазкѣ. Послѣ побѣды надъ Мухтаромъ, войска Абдаллы были заняты въ продолженіе девяти мѣсяцевъ войною съ хариджитами, вновь возставшими на Евфратѣ и въ Персіи.

По усмиреніи хариджитовъ, Абд-Альмаликъ, воевавшій въ то время съ византійцами, вторгнувшимися въ Сирію, поспѣшилъ заключить миръ съ греческимъ императоромъ и отправился въ Иракъ противъ войскъ Абдаллы. Онъ склонилъ къ измѣнѣ непостоянныхъ жителей этой страны, и Муссабъ, рѣшившійся вступить съ нимъ въ бой, сдѣлался жертвою предательства своего войска (690). Видя, что все потеряно, онъ предпочелъ смерть позору, и погибъ въ пылу сраженія. Передъ боемъ онъ тщетно умолялъ своего сына, Ису, спасаться бѣгствомъ: «Я не хочу,» отвѣчалъ ему Иса, «чтобы куреишитскія женщины говорили обо мнѣ, что я покинулъ моего отца.» Оба они погибли одинаковою смертью. Весь Иракъ снова подчинился сирійскому халифу, на сторону котораго перешелъ и Мухаллабъ со своимъ войскомъ.

Послѣ того Абд-Альмаликъ, рѣшившись напасть на своего соперника въ самомъ центрѣ его владѣній, послалъ противъ Мекки войско подъ начальствомъ Гадджаджа. Для Абд-Альмалика Гадджаджъ, начавшій съ того времени свое кровавое поприще, былъ тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда Зіядъ для Муавіи. Гадджаджъ былъ храбръ и справедливъ, но до того жестокъ, что для насъ, родившихся подъ другимъ небомъ и среди другаго народа, характеръ его кажется непонятнымъ и возбуждаетъ ужасъ. Даже сами его соотечественники выдумали про него басню, характеризующую ихъ взглядъ на кровожаднаго полководца: они говорили, что въ младенчествѣ онъ питался кровью вмѣсто молока матери, и потому впослѣдствіи не могъ провести ни одного дня безъ кровопролитія. Когда Гадджаджъ прибылъ въ Аравію, Медина была уже завоевана другимъ полководцемъ Абд-Альмалика; онъ пошелъ прямо на Мекку и окружилъ ее. Лишивъ жителей подвоза съѣстныхъ припасовъ, онъ, при помощи метательныхъ машинъ, началъ разрушать всѣ городскія зданія не щадя и самой святыни. Жители Мекки, приведенные въ отчаяніе, стали толпами выселяться изъ города, и даже два сына Абдаллы перешли на сторону непріятеля. Семидесятитрехлѣтній халифъ, видя неминуемую гибель, рѣшился дорого продать жизнь, и, сдѣлавъ вылазку съ горстью преданныхъ ему людей, мужественно палъ въ битвѣ. Вслѣдъ за тѣмъ городъ былъ занятъ Гадджаджемъ и Аравія подчинилась сирійскому халифу (692). Изъ всѣхъ должностныхъ лицъ Абдаллы только намѣстникъ Хорасана не соглашался еще признавать Абд-Альмалика халифомъ, но и онъ былъ побѣжденъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда все мухаммеданское государство подчинилось Омеяду Абд-Альмалику.

Гадджаджъ, оставшійся намѣстникомъ Аравіи, возстановилъ по приказанію Абд-Альмалика храмъ Каабы и водворилъ въ странѣ спокойствіе; но все это было достигнуто самыми жестокими мѣрами. Два или три года спустя, когда безпокойные жители Ирака снова возмутились, Абд-Альмаликъ послалъ противъ нихъ Гадджаджа, считая его способнымъ подавить возстаніе. Гадджаджъ возстановилъ въ странѣ не спокойствіе, а тишину могилы; нельзя вполнѣ вѣрить разсказамъ о томъ, что во время своего пребыванія въ Аравіи и Ираѣ онъ казнилъ сто двадцать тысячъ мужчинъ, заморилъ въ тюрьмѣ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, и умертвилъ до тридцати тысячъ женщинъ. Гадджаджу пришлось также усмирять въ персидскихъ провинціяхъ хариджитовъ и возмутившагося намѣстника Мадаина. Только черезъ нѣсколько лѣтъ достигъ онъ желанной цѣли. Но когда спокойствіе, казалось, было возстановлено, возмутился назначенный Гадджаджемъ намѣстникъ Седжестана, Абдъ-Эррахманъ. Онъ быстро распространилъ свои завоеванія до Бассры и Куфы, нанесъ нѣсколько пораженій привыкшему къ побѣдамъ Гадджаджу, и былъ побѣжденъ только послѣ большихъ усилій. Гадджаджъ двадцать лѣтъ оставался намѣстникомъ Ирака, неограниченно управляя оттуда Востокомъ, назначая намѣстниковъ провинцій и, безъ согласія халифа, предпринимая походы въ отдаленныя страны.

Возстановивъ, наконецъ, спокойствіе въ восточныхъ областяхъ государства, Абд-Альмаликъ сталъ замышлять о расширеніи его предѣловъ на западѣ, и напалъ на византійскую имперію съ двухъ различныхъ сторонъ: въ Малой Азіи и Арменіи, и въ сѣверной Африкѣ. Война въ Малой Азіи и Арменіи, веденная съ перемѣннымъ счастіемъ, не привела ни къ какому положительному результату. Совсѣмъ иное значеніе имѣла война въ Африкѣ, окончившаяся полнымъ покореніемъ страны и подготовившая распространеніе ислама въ Европѣ. Еще въ правленіе Омара и Османа, Амру проникъ до Триполи и заключилъ союзъ съ племенами берберовъ, а Окба, полководецъ Муавіи (стр. 291), разграбилъ страну Феццанъ, и распространилъ господство аравитянъ до нынѣшнихъ Тунискихъ владѣній. Переселивъ на югъ отъ города Туниса, столицы государства, жителей города Каираванa (Каирванъ), основаннаго однимъ изъ его предшественниковъ и лежавшаго далѣе на востокъ, онъ вновь основалъ эту арабскую столицу сѣверовосточной Африки. Мѣсто для нея было такъ удачно избрано, что Каирванъ, считающійся и до сихъ поръ первымъ городомъ послѣ Туниса и святынею африканскихъ мухаммеданъ, сдѣлался средоточіемъ всей внутренней караванной торговли Африки и однимъ изъ самыхъ большихъ городовъ аравійскаго государства. Впослѣдствіи Окба проникнулъ даже до восточ-

ныхъ предѣловъ Марокко, и, какъ говорятъ, первый изъ мухаммеданъ увидѣлъ Атлантическій океанъ. Разсказываютъ, что, достигнувъ его берега, онъ въѣхалъ въ море по самую шею лошади и, поворотивъ ее назадъ, воскликнулъ: «Господи! будь свидѣтелемъ, что я не могу идти далѣе; но если бы море не помѣшало мнѣ, я не остановился бы до тѣхъ поръ, пока не принудилъ бы всѣ народы земли признать твои заповѣди». Окба сдѣлалъ большую ошибку, не желая слѣдовать политикѣ Амру въ отношеніи берберовъ, и раздражилъ ихъ своимъ покровительствомъ осѣдлымъ жителямъ страны и войнами съ нѣкоторыми берберскими племенами. Соединившись съ греками, берберы убили Окбу и истребили его войска. Аравитяне лишились Каиравана и всѣхъ своихъ завоеваній на западъ отъ Барки, но въ 683 году жестоко отомстили за это пораженіе, одержавъ побѣду надъ берберскимъ племенемъ, участвовавшимъ въ истребленіи войскъ Окбы. Не ранѣе однако какъ черезъ одиннадцать лѣтъ Абд-Альмаликъ могъ снова приступить къ завоеванію отнятыхъ у него африканскихъ владѣній. Онъ послалъ туда съ многочисленнымъ войскомъ Гасана, который, измѣнивъ систему своихъ предшественниковъ, прежде всего началъ войну не съ берберами, а съ греческими приморскими городами. Завоевавъ всѣ земли до самаго Карѳагена и завладѣвъ столицей провинціи Африки, онъ только тогда обратилъ свое оружіе противъ берберовъ, снова соединившихся съ греками. Въ то время берберами управляла воинственная женщина, Кагина или Дамія, считаемая ими за пророчицу и соединившая многія берберскія племена. Въ союзѣ съ греками разбивъ Гасана на голову и принудивъ его удалиться въ Барку, Кагина со своими ордами начала опустошать всѣ города и колоніи, желая обращеніемъ этой страны въ пустыню сдѣлать ее недоступною для непріятеля. Вслѣдствіе того она пришла во враждебныя столкновенія съ греками, и, когда Гасанъ снова появился съ войскомъ въ Африкѣ, была побѣждена имъ и убита. Гасанъ снова занялъ всѣ земли, принадлежавшія прежде аравитянамъ, а по отозваніи его изъ Африки (697), греческій полководецъ Іоаннъ, посланный изъ Константинополя, опять изгналъ аравитянъ. Счастіе не долго впрочемъ благопріятствовало грекамъ; въ слѣдующемъ году (698) намѣстникъ Египта послалъ туда войско подъ начальствомъ Музы, которому удалось навсегда утвердить господство мухаммеданъ въ греческихъ африканскихъ владѣніяхъ. Опустошая огнемъ и мечомъ всѣ страны, гдѣ онъ встрѣчалъ сопротивленіе, Муза истребилъ нѣсколько берберскихъ племенъ, загналъ нѣкоторыя изъ нихъ въ пустыню и, по свидѣтельствамъ арабскихъ историковъ, вѣроятно преувеличеннымъ, обратилъ въ рабство до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Всѣ берберы, не удалившіеся въ неприступныя мѣстности, обратились въ мухаммеданство тотчасъ же послѣ покоренія страны или вскорѣ послѣ того и вмѣстѣ съ тѣмъ признали надъ собою господство аравитянъ, которое было для нихъ несравненно сноснѣе владычества грековъ, потому что новые завоеватели не стѣсняли ихъ быта. Кромѣ того изъ всѣхъ народовъ, поселявшихся въ Варварійскихъ владѣніяхъ, только аравитяне по своимъ нравамъ и характеру образованности, не составляли рѣзкаго контраста съ берберами, а, напротивъ, во многихъ отношеніяхъ имѣли съ ними большое сходство. Впослѣдствіи нѣкоторыя берберскія племена приняли и самый языкъ завоевателей. Еще въ правленіе Абд-Альмалика аравитяне покорили сѣверную Африку до предѣловъ Марокко и открыли доступъ къ этому послѣднему остатку греческой провинціи Африки. При Велидѣ I, наслѣдовавшемъ своему отцу въ 705 году, Муза завоевалъ всю сѣверную Африку до береговъ Атлантическаго океана. Городскіе жители и земледѣльцы или потомки древнихъ карѳагенянъ и поселившихся тамъ грековъ и римлянъ съ теченіемъ времени отступили отъ христіанства и, перейдя въ исламъ, слились съ поселившимися тамъ аравитянами. Такимъ образомъ произошла въ Варварійскихъ владѣніяхъ та часть населенія, которую впослѣдствіи стали называть въ Европѣ маврами, для отличія ея отъ берберовъ и бедуиновъ, т. е. кочевыхъ арабовъ этихъ странъ, хотя маврами слѣдовало бы собственно называть только берберовъ. Вскорѣ послѣ покоренія Варварійскихъ владѣній мухаммедане переправились въ Испанію и распространили исламъ въ Европѣ. Поэтому, прежде чѣмъ продолжать исторію аравитянъ, мы должны бросить взглядъ на перемѣны, происшедшія въ Испаніи отъ паденія Западной римской имперіи до завоеванія ея аравитянами.

6. Исторія вестготовъ во Франціи и Испаніи.

Утвердившись въ южной Франціи подъ предводительствомъ своего короля Валліи, вестготы, какъ уже было сказано (стр. 228) основали тамъ государство, названное Тулузскимъ, по имени ихъ главнаго города Толозы или Тулузы. Теодориху I, сыну и преемнику Валліи, павшему въ битвѣ на поляхъ Каталаунскихъ (451), наслѣдовалъ его старшій сынъ, Торизмундъ, а черезъ два года на престолъ вступилъ братъ Торизмунда, Теодорихъ II, царствовавшій съ 453 по 466 годъ. Упрочивъ владычество вестготовъ во Франціи, онъ завоевалъ и нѣкоторыя части Испаніи, гдѣ покорилъ свевовъ, которые со времени удаленія вандаловъ были господствующимъ народомъ на полуостровѣ. Только немногія племена ихъ сохранили нѣкоторую независимость, удалившись въ горы. Братъ и преемникъ Теодориха, Эйрихъ, (466—484), значительно расширилъ предѣлы вестготскаго царства, занявъ во Франціи Провансъ и всю страну до Лоары и завоевавъ весь Пиринейскій полуостровъ, кромѣ сѣверозападной его части, оставшейся во власти свевовъ. Въ правленіе сына его, Алариха II (484—507), женатаго на дочери остготскаго короля Теодориха Великаго, франкскій король Хлодвигъ едва не разрушилъ вестготскаго королевства. Аларихъ былъ убитъ въ рѣшительной битвѣ съ франками при Пуатье, а по смерти его вестготы раздѣлились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ признала королемъ малолѣтняго наслѣдника престола, Амалариха, другая—его побочнаго брата, Гезалиха, уже достигшаго совершеннолѣтія. Если бы Теодорихъ Великій не вступился энергически за своего внука Амалариха, франкамъ, вѣроятно, удалось бы совершенно покорить вестготовъ. Войска Теодориха отняли востготское королевство у франковъ и побѣдили Гезалиха (стр. 240). Присоединивъ Испанію и часть Франціи къ своимъ владѣніямъ, Теодорихъ управлялъ остальными частями вестготскаго королевства, какъ опекунъ своего внука. По смерти дѣда Амаларихъ сталъ самъ управлять государствомъ и снова присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Испанію, но не не устоялъ противъ нападенія франковъ (531). Франки заняли значительную часть вестготскихъ владѣній на сѣверъ отъ Пиренеевъ, а остготъ Тейдъ, управлявшій прежде именемъ Амалариха и сдѣлавшійся королемъ по его смерти, долженъ былъ перенести свою столицу въ Испанію (531).

Съ этого времени господство вестготовъ ограничивалось одною Испаніею и небольшой полосой земли во Франціи. Вестготское царство особенно замѣчательно тѣмъ, что оно было первымъ изъ германскихъ государствъ, въ которомъ погибавшая образованность древняго міра снова пустила корни. Вестготы всегда отличались отъ прочихъ германскихъ народовъ большимъ расположеніемъ къ осѣдлой жизни; они ранѣе другихъ приняли римскую образованность и еще во время существованія тулузскаго королевства рѣзко отличались отъ своихъ грубыхъ сосѣдей франковъ. Этому много способствовало и географическое положеніе ихъ: вестготы заняли именно ту часть Франціи, гдѣ болѣе процвѣтали и долѣе держались древняя литература и римскія училища. Даже среди постоянныхъ несчастій, постигшихъ вестготовъ по смерти Алариха II, они сохранили свое стремленіе къ высшему образованію и покровительствовали латинскимъ школамъ. Уже въ правленіе Эйриха существовавшее до тѣхъ поръ обычное право германцевъ было замѣнено писанными законами, и въ его царствованіе полуримлянинъ, полу-галлъ, Левъ, игралъ въ государствѣ такую же роль, какъ впослѣдствіи при остготѣ Теодорихѣ Великомъ итальянецъ Кассіодоръ (стр. 239). Жестокость же, съ которою вестготы, какъ ревностные аріане, преслѣдовали въ Испаніи и Франціи своихъ аѳанасіянскихъ или православныхъ подданныхъ, проистекала не изъ ихъ національнаго характера, а была слѣдствіемъ духа той эпохи.

Удалясь въ Испанію, Тейдъ избралъ своей резиденціей Барселлону. Оттуда, лѣтъ черезъ двадцать, столица королевства была перенесена въ Толедо,

который и остался навсегда главнымъ городомъ вестготскаго царства. Тейдъ старался упрочить господство вестготовъ въ Испаніи кротостью въ отношеніи коренныхъ жителей страны, исповѣдывавшихъ православіе, прекратилъ преслѣдованія и предоставилъ имъ полную свободу вѣроисповѣданія, дозволивъ даже ихъ епископамъ составлять ежегодно сборы. Онъ выказалъ себя хорошимъ правителемъ и во внѣшней политикѣ, успѣшно охраняя свои владѣнія за Пиринеями отъ нападенія франковъ. Отъ внутреннихъ враговъ Тейдъ старался оградить себя тѣмъ, что созвалъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ государства и заставилъ ихъ торжественно признать себя королемъ. Съ того времени вельможи стали предъявлять притязанія на право избирать королей, и всѣ попытки слѣдующихъ государей сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ были безуспѣшны. Такимъ образомъ въ вестготскомъ королевствѣ утвердилось избирательное правленіе. Тейдъ погибъ отъ руки убійцы (548), а почти черезъ полтора года (550) такая же участь постигла его преемника, Теодискла, избраннаго въ короли вельможами. При выборѣ ему преемника ясно обнаружилось, что избирательное правленіе дѣлало государство жертвою произвола честолюбцевъ и измѣнниковъ. Большинство вельможъ избрало Агилу, меньшинство, недовольное этимъ выборомъ, провозгласило королемъ Атанагильда. Слишкомъ слабый въ сравненіи съ своимъ соперникомъ, онъ призвалъ къ себѣ на помощь грековъ, которые, владѣя въ то время провинціей Африкой и почти всѣми островами Средиземнаго моря, были рады случаю завладѣть нѣкоторыми приморскими городами Испаніи. Греческія войска, пришедшія на помощь къ Атанагильду, побѣдили Агилу. Приверженцы его, увидѣвъ, что ихъ противники сильнѣе и что греки хотятъ воспользоваться несогласіями готовъ, измѣнили королю и убили его, думая заслужить этимъ расположеніе Атанагильда (554). Атанагильдъ тотчасъ же обратился противъ своихъ бывшихъ союзниковъ, но не могъ отнять у нихъ всѣхъ занятыхъ ими приморскихъ городовъ; только черезъ восемьдесятъ лѣтъ преемникамъ его удалось совершенно изгнать грековъ изъ Испаніи. По смерти Атанагильда (567) произошли споры за престолъ, неизбѣжные при избирательномъ правленіи. Въ продолженіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ вельможи не могли согласиться, кого провозгласить королемъ, и наконецъ избрали на сѣверъ отъ Пиренеевъ тамошняго намѣстника Ліуву I, а въ Испанію брата его, Леовигильда. Чтобы удержать за собою владѣнія во Франціи, Ліува по договору уступилъ (569) Испанію брату; по смерти Ліувы (572) Леовигильдъ соединилъ въ одно обѣ части вестготскаго королевства.

Государство, ослабленное соперничествомъ и раздорами вельможъ, снова усилилось въ правленіе Леовигильда. Онъ побѣдоносно сражался съ греками и коренными жителями горъ сѣверной части полуострова, басками, не хотѣвшими признать его государемъ, и потомъ энергическими и благоразумными мѣрами возстановилъ уваженіе къ правительству. Знатные, благодаря своему участію въ избраніи короля, утратившаго почти всякое значеніе, пріобрѣли вредное вліяніе на законодательство. Вслѣдствіе того смирный, трудолюбивый и не лишенный образованія испанско-готскій народъ мало-по-малу подпалъ подъ тяжелый гнетъ небольшаго числа своевольныхъ вельможъ. Леовигильдъ уничтожилъ это зло энергическими мѣрами, и снова далъ силу существовавшимъ законамъ, пополнивъ ихъ новыми постановленіями и отмѣнивъ тѣ, которыя были введены изъ угодливости къ знати. Онъ старался и внѣшнимъ блескомъ возвысить достоинство королей, которые до него стояли почти наравнѣ съ вельможами. Чтобы утвердить престолонаслѣдіе въ своей фамиліи, онъ еще задолго до смерти назначилъ соправителями двухъ своихъ сыновей: Германегильда и Реккареда, заставивъ вельможъ признать это распоряженіе. Поступокъ короля вызвалъ рядъ волненій, которыя были тѣмъ опаснѣе, что Леовигильдъ, вооруживъ противъ себя вельможъ, въ то же время слишкомъ увлекся аріанскимъ ученіемъ. Его жена, православная гречанка, втайнѣ склонила своихъ сыновей къ православію, которое исповѣдывали всѣ жители римскаго и испанскаго происхожденія, т. е. большая и образованнѣйшая часть народа. Не смотря но то, Леовигильдъ оставался нѣкоторое время въ хорошихъ отношеніяхъ съ своими сыновьями и вообще не выказывалъ сначала особеннаго рвенія къ аріанству. Къ несчастью, онъ женился во второй разъ на ревностной аріанкѣ, Гозвинтѣ, которая, на-

ходясь подъ вліяніемъ своего духовенства, старалась возбуждать и поддерживать въ королѣ ненависть къ православнымъ, и поселила раздоръ между отцомъ и сыновьями. Герменегильдъ женился на франкской княжнѣ, Ю г у н д ѣ, мать которой, Брунгильда, дочь Атанагильда, играла позорную роль между франками. Эта православная княжна, своевольная и гордая, какъ ея мать, и упорно сопротивлявшаяся всѣмъ попыткамъ обращенія въ аріанство, стала вскорѣ въ самыя враждебныя отношенія съ Гозвинтой, такъ что однажды Гозвинта схватила ее за волосы и прибила до крови. Чтобъ прекратить эти гнусныя семейныя сцены, король назначилъ Герменегильду для жительства особенную область въ Андалузіи. Удалившись отъ двора, Герменегильдъ тотчасъ же отрекся отъ аріанства и принялъ православіе. По религіозно-сектаторскимъ воззрѣніямъ того времени, поступокъ этотъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ отступничествомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Герменегильдъ не только выказалъ себя рѣшительнымъ противникомъ отца, но и вошелъ въ тѣсныя сношенія съ главными врагами вестготовъ, греками, владѣвшими еще нѣкоторыми приморскими городами въ Испаніи, и свевскимъ королемъ, господствовавшимъ надъ Галиціей, Португаліей и частью Астуріи. Когда по смерти Аллариха II споры за престолъ и войны съ греками и франками ослабили государство вестготовъ, свевы опять соединились подъ властью короля Р е м и з м у н д а и снова стали независимыми. Преемникъ Ремизмунда, К а р р а р и х ъ, царствовавшій съ 550 по 559, упрочилъ существованіе новаго свевскаго королевства, отрекшись отъ аріанства, вслѣдствіе чего греки и франки сдѣлались его естественными союзниками. Т е о д е м и р ъ I, сынъ и преемникъ Каррариха (559—569), докончилъ начатое его отцомъ обращеніе свевовъ въ православіе, и какъ искусный правитель умѣлъ поддерживать мирныя сношенія съ вестготами. Наслѣдникъ его, Т е о д е м и р ъ II или, какъ его обыкновенно называютъ, король М и р ъ, войдя въ сношенія съ сыномъ Леовигильда, сдѣлался причиною паденія королевства свевовъ.

Леовигильдъ поспѣшилъ силою оружія усмирить сына, прежде чѣмъ греки и свевы успѣли оказать ему помощь, но вскорѣ долженъ былъ возвратиться вслѣдствіе возстанія православнаго населенія одной провинціи и грозившей ему войны съ двумя франкскими королями. Возстаніе было подавлено съ страшной жестокостью; франкскихъ же королей онъ не допустилъ до Испаніи только тѣмъ, что женилъ своего втораго сына, Реккареда, на дочери одного изъ нихъ, Р и г у н т ѣ. Тогда Леовигильдъ осадилъ Герменегильда, который заперся въ Сивильѣ, напрасно ожидая помощи отъ грековъ. Свевскій король Миръ поспѣшилъ туда съ вспомогательнымъ войскомъ, но былъ окруженъ Леовигильдомъ и получилъ свободу, признавъ себя вассаломъ вестготскаго короля. Послѣ продолжительной осады, Леовигильдъ овладѣлъ наконецъ Севильей; сынъ его спасся бѣгствомъ въ Кордову, но греческій намѣстникъ этого города выдалъ его вестготамъ за большую сумму денегъ. Леовигильдъ велѣлъ отправить его въ оковахъ сначала въ Толедо, а потомъ сослалъ въ Валенсію. Послѣ того готскій король воспользовался спорами, возникшими въ свевскомъ королевствѣ за престолонаслѣдіе, чтобы совершенно подчинить его. На возвратномъ пути изъ Севильи Миръ заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Сынъ и преемникъ его, Э б о р и х ъ, тотчасъ по вступленіи былъ свергнутъ зятемъ своимъ, А н д и к о й, и заключенъ въ монастырь. Событіе это представило Леовигильду желанный поводъ положить конецъ существованію свевскаго королевства. Онъ легко покорилъ народъ, раздѣленный на партіи, и, сославъ въ монастырь похитителя престола, объявилъ страну вестготской провинціей (583). Завладѣвъ всѣмъ Пиренейскимъ полуостровомъ, кромѣ нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ, еще занятыхъ греками, Леовигильдъ старался прежде всего предупредить безпорядки, которые могли бы возникнуть по его смерти, вслѣдствіе того, что Герменегильдъ своимъ отступничествомъ вооружилъ противъ себя вестготскую часть населенія. Онъ предложилъ ему снова перейти въ аріанство, и когда Герменегильдъ отказался, велѣлъ судить его и казнить (585). Вслѣдъ затѣмъ вспыхнула война съ франками, которыхъ прежде Леовигильдъ не допустилъ подать помощь Герменегильду, женивъ сына на Ригунтѣ, но которыхъ впослѣдствіи оскорбилъ неисполненіемъ своего обѣщанія. Франки, ожесточившіе противъ себя своими страшными опустошеніями все населеніе, были безъ труда отражены ко-

ролемъ. Вскорѣ, умеръ и самъ Леовигильдъ, безспорно величайшій государь изъ преемниковъ Теодориха II (586).

Смерть Леовигильда составляетъ важную эпоху въ исторіи вестготскаго королевства, потому что онъ былъ послѣднимъ аріанскимъ королемъ вестготовъ. Его сынъ и преемникъ, Реккаредъ I, который велъ себя гораздо осторожнѣе Герменегильда, на четвертомъ году своего правленія открыто перешелъ въ православіе. Переходъ его въ православіе возбудилъ въ вестготахъ сильное неудовольствіе и былъ причиной многихъ заговоровъ и волненій, усмиренныхъ Реккаредомъ строгими и суровыми мѣрами. При этомъ онъ могъ вполнѣ полагаться не только на свевовъ, римлянъ и коренныхъ жителей Испаніи, т. е. на большинство своихъ подданныхъ, но и на многихъ вестготовъ, послѣдовавшихъ его примѣру. Царствованіе его (586 — 601) было однимъ изъ счастливѣйшихъ. Въ то время какъ остальной историческій міръ представлялъ картину всеобщаго распаденія, въ государствѣ Реккареда единственной заботой правителя были церковныя учрежденія, законодательство и судопроизводство. Онъ всего болѣе старался о сліяніи различныхъ народностей, составлявшихъ населеніе страны, дозволилъ браки между вестготами и римлянами, постановилъ, чтобы оба народа судились по однимъ законамъ, и ввелъ въ вестготское управленіе и судопроизводство многія изъ постановленій римскаго права. Возстановивъ также римскія административныя должности и названія, онъ положилъ начало замѣненію вестготскаго языка римскимъ.

Ему наслѣдовалъ сынъ его, Лиува II, который черезъ два года былъ свергнутъ съ престола и убитъ вслѣдствіе заговора аріанъ. Глава заговорщиковъ, Виттерихъ, завладѣлъ престоломъ, но черезъ семь лѣтъ былъ самъ убитъ заговорщиками (610), провозгласившими королемъ православнаго Гондемара. По смерти Гондемара, умершаго черезъ два года (612), королемъ былъ избранъ Сизебутъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ правителей; къ несчастью, мы имѣемъ о немъ весьма мало свѣдѣній. Онъ нѣсколько разъ разбивалъ греческія войска и достигъ того, что императоръ Гераклій уступилъ ему по договору всѣ греческія владѣнія въ Испаніи, исключая не многихъ городовъ въ Альгарвіи. Сизебутъ былъ человѣкъ очень кроткій и его несправедливо обвиняютъ въ жестокости за два декрета о преслѣдованіи евреевъ: оба эти постановленія были изданы не вслѣдствіе религіозной нетерпимости короля, а скорѣе по другимъ причинамъ. Въ то время почти во всѣхъ странахъ правомъ и законодательствомъ занимались преимущественно духовные; къ тому же евреи мало-по-малу такъ размножились въ Испаніи, что пріобрѣли наконецъ вредное вліяніе на все остальное населеніе. Особенно замѣчательно, что въ обоихъ декретахъ Сизебута заключается проклятіе противъ тѣхъ его преемниковъ, которые будутъ оказывать снисхожденіе къ евреямъ. Изъ этого видно, что еще въ тѣ времена свирѣпствовали въ Испаніи религіозный фанатизмъ и духъ преслѣдованія.

По смерти Сизебута готы избрали его сына, Реккареда II, умершаго черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а послѣ него возвели на престолъ одного изъ его военачальниковъ, Свинтилу (621), который оказалъ важную услугу націи, совершенно изгнавъ грековъ изъ Испаніи. Но, назначивъ себѣ въ соправители своего сына Рицимера, Свинтила возбудилъ противъ себя неудовольствіе подданныхъ, которые не хотѣли уступать своего права избирать королей. Къ тому же король не пользовался большимъ уваженіемъ и, владѣя незначительнымъ личнымъ имуществомъ, получалъ мало доходовъ. Всѣмъ этимъ воспользовался честолюбивый вельможа, Сизенандъ, нашедшій себѣ приверженцевъ въ народѣ и помощника въ лицѣ бургундскаго короля Дагоберта, которому онъ обѣщалъ большія сокровища изъ имущества готскихъ королей. Свинтила былъ покинутъ своими приверженцами (631), и церковный соборъ призналъ королемъ Сизенанда, который предоставилъ за то духовенству огромныя преимущества. Онъ умеръ, поцарствовавъ пять лѣтъ. Послѣ него былъ избранъ королемъ Хинтила, который почти все время своего царствованія долженъ былъ бороться съ честолюбцами, домогавшимися престола. Передъ смертью (640) онъ передалъ власть своему молодому сыну, Тульгѣ, который уже черезъ годъ (641) долженъ былъ уступить престолъ другому вельможѣ, Хиндасвинту. Хиндасвинтъ назначилъ соправителемъ своего сына, Реццесвинта, которому вскорѣ и предоставилъ все управленіе.

До этого времени вестготы не смотрѣли, какъ франки и христіанскіе народы Востока на своихъ королей со страхомъ и почтеніемъ, но считали ихъ только первыми между знатными. Поэтому въ Испаніи король могъ всегда отказаться отъ престола, не сдѣлавъ чрезъ это своего преемника своимъ непримиримымъ врагомъ. Такимъ образомъ и Свинтила, и Тульга, сверженные съ престола, остались живыми. Но такое положеніе дѣлъ, поддерживая и усиливая безпорядки, заставило Хиндасвинта дѣйствовать иначе. Слѣдуя политикѣ восточныхъ царей, онъ умерщвлялъ не только возставшихъ противъ него или навлекавшихъ на себя его подозрѣніе, но даже и родственниковъ ихъ. Вслѣдствіе того многіе вельможи бѣжали изъ государства, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ вернуться въ отечество съ оружіемъ въ рукахъ, и потому Хиндасвинтъ на одномъ сеймѣ издалъ строгіе законы противъ эмигрантовъ. Впрочемъ, онъ и сынъ его, Рецесвинтъ, оказали большія услуги законодательству. Желая выполнить и дѣйствительно выполнивъ то, къ чему часто стремились его предшественники, Рецесвинтъ безпрестанно созывалъ сеймы и издалъ гораздо болѣе законовъ, чѣмъ кто либо изъ прежнихъ королей. Въ его правленіе изъ вестготскихъ законовъ, дополненныхъ римскими, былъ составленъ полный сводъ, служившій съ того времени основаніемъ вестготскаго судопроизводства. Съ появленіемъ этого сборника, у вестготовъ прежде всѣхъ европейскихъ народовъ уничтожилась неравноправность гражданъ, происходившая отъ различія ихъ національностей и еще господствовавшая во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы. Рецесвинтъ въ особенности заслуживаетъ похвалъ за то, что самъ ограничилъ свои права на взиманіе податей и объявилъ право избирать королей основнымъ закономъ вестготскаго государства. Постановленіе это, ослабивъ силу правительства, было одною изъ главныхъ причинъ паденія цвѣтущаго королевства. При немъ въ первый разъ свѣтскіе вельможи были допущены на вестготскіе духовные соборы, которые съ того времени дѣлаются настоящими государственными сеймами и законодательными собраніями. На этихъ собраніяхъ церковныя дѣла были предоставлены одному духовенству, въ рѣшеніи же прочихъ вопросовъ принимали участіе и палатины, т. е. свѣтскіе вельможи. Но такъ какъ на этихъ сеймахъ духовенство всегда превышало число свѣтскихъ лицъ, то очевидно, что оно имѣло громадное вліяніе и на государственныя дѣла. Главное же отличіе вестготскаго государственнаго устройства отъ учрежденій прочихъ германскихъ народовъ состояло въ томъ, что намѣстничества не были ланами, а оставались всегда должностями, раздаваемыми королемъ по своему усмотрѣнію. Но за то въ Германіи преимущество придворныхъ должностей передъ прочими утвердилось гораздо позже, чѣмъ въ Испаніи, гдѣ оно было введено вмѣстѣ съ римскимъ придворнымъ церемоніаломъ, заимствованнымъ вестготами у остготовъ. Впрочемъ нѣкоторыя данныя и сохранившіяся до насъ сочиненія того времени заставляютъ предполагать, что вестготы уже отличались въ эту эпоху нѣкоторою утонченностью образованія и что въ Испаніи наука и искусство достигли такой степени развитія, какого мы не находимъ въ то время ни въ одномъ изъ прочихъ германскихъ государствъ; все это заставляетъ насъ еще болѣе сожалѣть о порабощеніи ихъ аравитянами.

По смерти Рецесвинта (672) королемъ былъ избранъ **Вамба**. Вестготы, жившіе на сѣверной сторонѣ Пиренеевъ и не участвовавшіе въ его избраніи, не хотѣли ему повиноваться, а посланный противъ нихъ полководецъ самъ провозгласилъ себя королемъ. Не прошло однако и года, какъ Вамба одолѣлъ всѣхъ своихъ противниковъ. Въ его правленіе обнаружилось вредное вліяніе преобладавшаго въ государствѣ высшаго духовенства. Епископы изъ руководителей и блюстителей церкви сдѣлались вельможами, которые старались повергнуть народъ въ глубокое суевѣріе и держать въ рабствѣ самихъ королей. Всѣ важнѣйшія должности сдѣлались наслѣдственными въ семействахъ епископовъ и палатиновъ, а естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что нѣкоторыя отдѣльныя лица въ государствѣ, пользуясь безнаказанностью, стали болѣе и болѣе притѣснять другихъ, нравы начали портиться и вслѣдствіе продолжительнаго мира нація совершенно изнѣжилась. Несправедливыя и жестокія притѣсненія, которымъ часто подвергались евреи, были вполнѣ согласны съ духомъ религіи, господствовавшей тогда въ Испаніи и удержавшейся въ ней до сихъ поръ. Христіанство обратилось въ фанатизмъ, суевѣріе и простое выполненіе обрядовъ. То, въ чемъ слѣ-

довало обвинять учителей, стали приписывать самому ученію, а потому впослѣдствіи мухаммеданство, проповѣдуемое хотя нѣсколько разумно, весьма легко принималось въ Испаніи. Избирательное правленіе, ставя королей все въ болѣе и болѣе затруднительное положеніе, только увеличивало зло и вело государство къ погибели. Число фамилій, предки которыхъ были королями, увеличилось до такой степени, что уваженіе къ королевской власти значительно ослабѣло; недовольные всегда могли отыскать человѣка, который имѣлъ бы столько же, если не болѣе, правъ на престолъ, чѣмъ царствующій король.

Вамба кончилъ жизнь печальнымъ образомъ. Заболѣвъ, онъ назначилъ соправителемъ любимца своего, молодаго палатина, Эрвига, котораго осыпалъ почестями и богатствомъ. Эрвигъ заплатилъ ему за эту любовь такъ же, какъ и всѣ недостойные любимцы. Онъ поднесъ больному королю яду, отъ котораго тотъ едва не умеръ. Можетъ быть, все это точно такъ же, какъ и многое другое въ этомъ родѣ, не болѣе какъ выдумка, но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что король на время болѣзни передалъ власть Эрвигу, который съ своими приверженцами воспользовался случаемъ, чтобы отнять у Вамбы престолъ. По выздоровленіи короля онъ не допустилъ его до участія въ правленіи и принудилъ вступить въ монастырь, гдѣ Вамба прожилъ еще нѣсколько лѣтъ (680). Новый король, уже заранѣе пріобрѣвшій себѣ многочисленныхъ приверженцевъ, обнародовалъ актъ отреченія своего предшественника, а архіепископъ толедскій, Юліанъ, принадлежавшій къ партіи Эрвига, какъ примасъ вестготскаго духовенства, помазалъ его на царство тотчасъ послѣ низверженія Вамбы. Не считая себя и послѣ этого вполнѣ безопаснымъ, Эрвигъ не только принудилъ нѣсколько сеймовъ признать и подтвердить свои притязанія, но даже заставилъ ихъ объявить неприкосновенными себя и свое семейство, угрожая противникамъ отлученіемъ отъ церкви. Духовнымъ и палатинамъ за ихъ содѣйствіе онъ даровалъ различныя права, которыя нанесли глубокія раны государству. Онъ отдалъ на произволъ духовенства евреевъ, изъ которыхъ многіе отличались ученостью и образованіемъ и такъ сильно дѣйствовали противъ христіанства духовнымъ оружіемъ, что даже архіепископы считали нужнымъ писать противъ нихъ. Вельможамъ Эрвигъ даровалъ такія привилегіи, что роль короля ограничивалась только утвержденіемъ и обнародованіемъ постановленій. Наконецъ онъ снялъ съ нѣкоторыхъ округовъ безчестіе и лишеніе правъ, которыми они были наказаны въ правленіе Вамбы за уклоненіе отъ военной службы, не смотря на то, что черезъ это провинціи эти находились въ зависимости отъ короля. Впрочемъ, всѣ событія правленія Эрвига не совсѣмъ ясны, и потому намъ непонятно, отчего онъ не передалъ престола одному изъ своихъ сыновей, а долженъ былъ уступить его Эгицѣ, сыну Вамбы, за котораго отдалъ свою дочь. Что Эрвигъ сдѣлалъ это по принужденію, видно изъ того, что онъ заставилъ Эгицу дать ему торжественную клятву не притѣснять семейства своего предшественника.

Но едва Эгица, по смерти Эрвига (687), вступилъ на престолъ, какъ тотчасъ же принудилъ государственный сеймъ и соборъ духовенства снять съ него клятву, подъ тѣмъ предлогомъ, что это обѣщаніе противорѣчитъ его болѣе священной обязанности быть одинаково справедливымъ ко всѣмъ своимъ подданнымъ, такъ какъ легко могло случиться, что кто-нибудь принесъ бы справедливую жалобу на родственника Эрвига. Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, Эгица ни разу не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, и хотя удалилъ свою жену, но взялъ себѣ въ соправители прижитаго отъ нея сына, Витицу, поручивъ ему управленіе двумя областями государства. Изъ многихъ распоряженій Эгицы, намъ достовѣрно извѣстно, что онъ долженъ былъ бороться съ различными заговорами.

По смерти его (701) Витица сталъ править государствомъ одинъ, и можно было думать, что наконецъ королевское достоинство утвердится въ одномъ семействѣ; но Витица рѣшительно не былъ способенъ на это и старался возстановить и утвердить свои королевскія права насиліемъ. По крайней мѣрѣ этимъ послѣднимъ предположеніемъ вполнѣ объясняются принятыя имъ мѣры. Созвавъ государственный сеймъ и церковный соборъ для установленія совершенно новаго порядка, онъ, очевидно, хотѣлъ достичь этого насиліемъ и коварствомъ, потому что вскорѣ рѣшенія этого собранія были отмѣнены, какъ противорѣчащія прежнимъ постановленіямъ и учрежденіямъ. Мы не знаемъ съ точностью, въ чемъ

состояли нововведенія Витицы, но важнѣйшимъ его распоряженіемъ, безспорно, было запрещеніе епископамъ ссылаться на римскаго папу для истолкованія церковныхъ законовъ; такимъ образомъ духовенство было подчинено власти короля. Духовенство лишилось также части своихъ имѣній, которыя были отданы въ распоряженіе короля и розданы имъ своимъ свѣтскимъ приверженцамъ. Витица прекратилъ преслѣдованіе евреевъ, позволивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ возвратиться изъ изгнанія. Наконецъ, онъ ограничилъ и права главы испанскаго духовенства, архіепископа толедскаго, передавъ примаство Испаніи своему брату, О п п а с у, бывшему до тѣхъ поръ архіепископомъ севильскимъ. Хотя важность и цѣль всѣхъ этихъ преобразованій сдѣлали короля въ высшей степени ненавистнымъ духовенству и вызвали разныя клеветы и ложныя толкованія, но нѣтъ основаній предполагать, чтобы всѣ разсказы о его жестокости и несправедливости были одною выдумкою.

Еще при жизни Эгицы за участіе въ заговорѣ сосланъ былъ въ Кордову одинъ изъ сыновей Рецесвинта; Витица велѣлъ ослѣпить его за неоднократное участіе въ безпорядкахъ. Сынъ Витицы, Р о д е р и х ъ, соединившись съ нѣсколькими вельможами и духовными, внезапно напалъ на короля и свергнулъ его съ престола (710). Дальнѣйшая судьба Витицы неизвѣстна. Онъ или былъ убитъ своими врагами въ сраженіи, или погибъ отъ руки убійцы. По другимъ источникамъ, Витица принялъ въ соправители Родериха, который лишилъ власти его сыновей только по смерти короля. Какъ бы то ни было, Родерихъ, сдѣлавшись въ 710 году королемъ, не умѣлъ ни помириться съ семействомъ своего предшественника, ни лишить его средствъ вредить себѣ. Этимъ онъ навлекъ на разстроенное вестготское королевство гибельный ударъ, который грозилъ ему изъ Африки со времени появленія въ ней Музы.

7. Исторія аравитянъ отъ завоеванія Испаніи до паденія Омеядовъ.

По завоеваніи западной Африки Музою вестготы, владѣвшіе тамъ городомъ Сеутой съ довольно значительною территоріею, пришли въ непосредственное столкновеніе съ аравитянами. Около того же времени, подъ предводительствомъ двухъ полководцевъ, М у х а м м е д а и К у т е й б ы, аравитяне распространили свое господство на самомъ отдаленномъ Востокѣ: съ одной стороны за предѣлы Туркестана до Кашгара, а съ другой въ Индіи до Мультана. Поэтому неудивительно, что они стали помышлять о нападеніи на вестготскія владѣнія въ Африкѣ и о переправѣ въ Испанію. Къ этому побуждало ихъ и самое положеніе дѣлъ въ вестготскомъ королевствѣ, тѣмъ болѣе, что одна изъ тамошнихъ партій звала ихъ въ Испанію. Но, безъ сомнѣнія, они не могли бы удержать въ своей власти такую далекую страну, отдѣленную притомъ отъ Африки моремъ, если бы въ самой Испаніи дворъ и вельможи не впали въ изнѣженность, а народъ не предался бы исключительно мирнымъ занятіямъ, пренебрегая обязанностями военной службы. Первое нападеніе аравитянъ было все-таки неудачно. Отправляясь съ береговъ Атлантическаго океана въ столицу своего намѣстничества Каираванъ, Муза передалъ главное начальство надъ войскомъ на самомъ отдаленномъ западѣ Т а р и к у, который въ 708 году произвелъ неудачное нападеніе на Сеуту, защищаемую съ большимъ искусствомъ вестготскимъ намѣстникомъ, графомъ Ю л і а н о м ъ. Вскорѣ однако самъ графъ Юліанъ соединился съ обоими сыновьями сверженнаго короля Витицы, и вмѣстѣ съ ними обратился къ Тарику съ просьбою о помощи противъ узурпатора Родериха. Тарикъ согласился на это, и въ 711 году переправился въ Испанію съ войскомъ, не превышавшимъ въ первое время двѣнадцати тысячъ человѣкъ; впрочемъ съ самаго начала къ нимъ присоединились войска Юліана, а потомъ и другіе недовольные.

Отразивъ тотчасъ по высадкѣ небольшой вестготскій отрядъ, Тарикъ расположился лагеремъ на одной горѣ, названной по его имени Джебель-аль-Тарикомъ или Гибральтаромъ, т. е. горой Тарика. Занявъ эту позицію, онъ нѣкоторое время съ успѣхомъ сражался противъ слабыхъ непріятельскихъ отрядовъ, собранныхъ наскоро, до прибытія короля Родериха съ болѣе многочисленнымъ

войскомъ. Узнавъ о высадкѣ Тарика, Родерихъ со всевозможною поспѣшностью собралъ войско, численность котораго арабскіе писатели показываютъ различно, колеблясь между сорока и девяносто тысячами человѣкъ, и большую часть котораго составляли не вестготы, а наемники. Съ этимъ войскомъ король, находившійся въ то время на крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ государства, форсированнымъ маршемъ двинулся противъ Тарика. Родерихъ съ самаго начала войны до конца ея выказывалъ такую храбрость, что никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ писателей, утверждавшихъ, что онъ былъ трусъ. Его можно обвинять только въ недальновидности, въ томъ, что онъ, не давъ остыть первому пылу аравитянъ и не принудивъ ихъ подвергнуться опасностямъ осадъ и дѣйствію климата въ горахъ и на возвышенныхъ равнинахъ внутреннихъ частей страны, не ожидая подкрѣпленія, прямо вступилъ въ битву съ врагами и такимъ образомъ далъ имъ возможность сразиться въ открытомъ полѣ, по своему. Родерихъ упустилъ изъ виду, что имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, уступавшимъ вестготамъ только числомъ людей, а не числомъ сражающихся. Притомъ природная пылкость, привычка къ войнѣ и твердая рѣшимость—побѣдить и захватить большую добычу или неминуемо погибнуть въ случаѣ пораженія—дѣлали аравитянъ непобѣдимыми. Не далеко отъ Кадиса, на поляхъ Хереса-де-ла Фронтеры, произошла рѣшительная битва, продолжавшаяся съ 19 по 26 іюля 711. Семь дней сряду обѣ стороны сражались съ одинаковой настойчивостью и одинаковымъ счастьемъ. На восьмой—король Родерихъ исчезъ, неизвѣстно какимъ образомъ, войско же его, упавъ духомъ и придя въ замѣшательство, разсѣялось и обратилось въ бѣгство. Большая часть его погибла или взята въ плѣнъ. Побѣда эта хотя и стоила аравитянамъ девяти тысячъ человѣкъ, но за то имъ былъ открытъ теперь свободный путь во внутрь Испаніи. Кромѣ того, тотчасъ послѣ сраженія къ нимъ присоединились цѣлыя толпы единовѣрцевъ, прибывшія изъ Африки, жаждя войны и добычи. Цвѣтущія провинціи: Андалузія, Гренада и Мурсія были въ короткое время заняты аравитянами и тысячи жителей этихъ областей обращены въ исламъ. Уже въ вербное воскресенье 712 года Тарикъ вступилъ въ Толедо, столицу государства. Аравитяне, какъ здѣсь, такъ и при дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, пріобрѣли огромную добычу, изъ которой замѣчателенъ былъ такъ называемый Соломоновъ столъ, подаренный нѣкогда Торизмунду римскимъ полководцемъ Аэціемъ: столъ этотъ былъ сдѣланъ изъ золота на триста шестидесяти пяти ножкахъ и украшенъ отличнѣйшимъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Въ то время какъ Тарикъ продолжалъ завоеваніе сѣверныхъ областей полуострова, Муза, завидуя его славѣ, самъ явился въ Испаніи съ десяти тысячнымъ войскомъ. Онъ взялъ Севилью и другіе оставленные въ сторонѣ Тарикомъ города южной Испанію, какъ говорятъ, при содѣйствіи архіепископа Оппаса, забывшаго въ спорѣ о первенствѣ съ другимъ епископомъ свои обязанности къ отечеству.

Быстрые успѣхи оружія и ученія аравитянъ на крайнемъ западѣ Европы нисколько неудивительны, потому что въ характерѣ древнихъ испанцевъ было много африканскаго, а исламъ давалъ одинаковую свободу всѣмъ своимъ послѣдователямъ, обрекая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ на одинаковое рабство. Кромѣ того, у вестготовъ только высшія духовныя и свѣтскія лица были представителями націи; масса же народонаселенія, томясь въ неволѣ, значительно выигрывала, принимая исламъ, и, даже не перемѣняя вѣры, подъ владычествомъ аравитянъ она не была обременяема никакими налогами, кромѣ обыкновенной поголовной подати. У аравитянъ, по крайней мѣрѣ по принципу, всѣ были равны предъ закономъ; напротивъ, у вестготовъ всѣ свободные раздѣлялись на множество классовъ, изъ которыхъ каждый пользовался особыми правами, большая же часть народа находилась въ крѣпостной зависимости, въ томъ смыслѣ, какой она имѣетъ въ римскомъ правѣ, основанномъ на другихъ нравахъ, а потому гораздо болѣе тягостномъ, чѣмъ германское. Все это очень благопріятствовало аравитянамъ. Наконецъ, покореніе Испаніи не было временнымъ завоеваніемъ или военнымъ занятіемъ страны: многіе аравитяне и берберы поселились тамъ навсегда, а евреи, встрѣтивъ завоевателей какъ избавителей отъ нищеты и преслѣдованій, сильно содѣйствовали имъ въ покореніи Испаніи. Тысячи евреевъ, изгнанныхъ въ послѣднее время въ Африку, при паденіи вестготскаго королевства возвратились на родину.

Множество евреевъ, вынужденныхъ, оставаясь въ Испаніи, принять для виду христіанство, отреклись отъ него при появленіи аравитянъ; они не только помогали имъ всѣми средствами при покореніи страны, но и сдѣлались посредниками между прежними жителями Испаніи и новымъ населеніемъ, явившимся изъ Африки. Въ короткое время вся Испанія была покорена аравитянами, и только болѣе свободные горцы Галлиціи, Астуріи и Бискаіи удержали свою независимость. Къ нимъ присоединились тѣ изъ вестготовъ, которые ставили вѣру и честь выше земныхъ благъ; они-то и основали въ тѣхъ странахъ нѣсколько христіанскихъ государствъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась христіанская Испанія.

Но оба полководца, подъ предводительствомъ которыхъ мухаммедане покорили полуостровъ, не воспользовались плодами своей побѣды. Сокрушивъ силу вестготовъ и положивъ начало владычеству мусульманъ въ Испаніи, Тарикъ оказалъ несомнѣнную услугу своимъ соотечественникамъ. Муза же всячески старался присвоить себѣ всю честь этой заслуги, и потому, получивъ извѣстіе объ успѣхахъ Тарика въ Испаніи, поспѣшилъ туда съ войскомъ, отправивъ напередъ приказаніе своему побѣдоносному полководцу не ходить далѣе Кордовы. Тарикъ не послушался этого приказанія, даннаго, очевидно, изъ зависти и соперничества и исполненіе котораго могло лишить аравитянъ всѣхъ выгодъ первой побѣды. Прибывъ въ Испанію, Муза обошелся съ нимъ какъ съ простымъ воиномъ и даже заключилъ его въ темницу. Вскорѣ однако Тарикъ былъ освобожденъ по приказанію халифа Велида, къ которому его друзья обратились съ жалобой, и вмѣстѣ съ Музой докончилъ покореніе Испаніи. Но тотчасъ по завоеваніи ея, халифъ, опасаясь, чтобы Муза не основалъ тамъ независимаго государства, вызвалъ его къ себѣ въ Дамаскъ. Съ своей стороны и Муза не довѣрялъ халифу, а потому при отъѣздѣ передалъ завоеванныя земли своимъ сыновьямъ въ видѣ залога, назначивъ одного изъ нихъ намѣстникомъ Испаніи, а другихъ намѣстниками въ западной Африкѣ. Онъ отправился въ Дамаскъ, въ 713 году, со всѣми захваченными имъ драгоцѣнностями и съ цѣлой толпой плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ, какъ говорятъ, находилось до четырехъ сотъ вестготскихъ вельможъ королевскаго происхожденія. Стараясь выиграть время, онъ медлилъ какъ самымъ отправленіемъ въ путь, такъ и во время дороги, и прибылъ въ Сирію только чрезъ годъ. Въ Тиверіадѣ онъ получилъ извѣстіе о болѣзни халифа и вмѣстѣ письмо отъ его брата и наслѣдника, Сулеймана, который просилъ Музу не въѣзжать въ Дамаскъ до смерти Велида, чтобы вступленіе на престолъ отпраздновать побѣдами, одержанными на Западѣ. Муза не исполнилъ его просьбы, хотя зналъ, что имѣлъ при дворѣ много враговъ, которые съ радостью хватались за всякій случай, чтобы погубить его, и не разъ приносили на него жалобы покойному халифу. Этой непонятной ошибкой Муза погубилъ себя. Прибывъ въ Дамаскъ почти въ то самое время, какъ умеръ Велидъ и на престолъ вступилъ Сулейманъ (714 г.), онъ нашелъ новаго халифа сильно раздраженымъ противъ него. Музу обвинили въ неповиновеніи халифу и въ обманѣ, такъ какъ въ своихъ донесеніяхъ онъ присвоивалъ себѣ заслуги Тарика. Тарикъ, прибывшій тогда въ Дамаскъ, также обвинялъ Музу за весь его образъ дѣйствій въ Испаніи. Сулейманъ велѣлъ заключить Музу въ темницу и приговорилъ его къ уплатѣ большой денежной пени. Судьба Музы отразилась и на его сынѣ, оставшемся правителемъ Испаніи. Опасаясь мести, халифъ приказалъ убить его и, говорятъ, былъ такъ жестокъ, что послалъ семидесятивосьмилѣтнему отцу голову сына, съ вопросомъ, знаетъ ли онъ убитаго. «Да, я его знаю, отвѣчалъ Муза; но знаю за человѣка рано вставшаго для молитвы и многопостившагося. Да поразитъ его проклятіе Божіе, если его убійца лучше его.» Впрочемъ весь этотъ разсказъ не подтверждается достовѣрными свидѣтельствами и, кажется, не болѣе какъ простая прикраса этого печальнаго происшествія. Муза умеръ вскорѣ послѣ того во время пилигримства въ Мекку, или между своими единоплеменниками, у которыхъ онъ просилъ уплаты денежной пени, наложенной на него халифомъ. О судьбѣ Тарика арабскіе историки не сообщаютъ намъ никакихъ извѣстій.

Такая же участь постигла и завоевателей Индіи и Туркестана. Одного изъ нихъ, Мухаммеда, увѣнчаннаго славой, подозрительный Сулейманъ не только лишилъ званія полководца, но и поступилъ съ нимъ какъ съ преступникомъ, за то, что онъ былъ приверженцемъ Гадджаджа, ненавистнаго новому халифу. То

же самое грозило и завоевателю Туркестана; но Кутейба рѣшился на открытое возмущеніе, и палъ съ оружіемъ въ рукахъ, оставленный большинствомъ своихъ приверженцевъ. Гадджаджъ умеръ за годъ до Велида.

Важнѣйшимъ предпріятіемъ Сулеймана была война съ византійцами, въ которой главнокомандующимъ былъ назначенъ братъ халифа, Маслама. Внутреннее состояніе греческой имперіи сначала чрезвычайно благопріятствовало дѣйствіямъ аравитянъ. Императоръ Юстиніанъ II, сынъ Константина Погоната, былъ свергнутъ съ престола вслѣдствіе возмущенія войскъ, и хотя черезъ десять лѣтъ при помощи болгаръ снова овладѣлъ властью, но въ 711 г. былъ убитъ взбунтовавшимися солдатами. Вмѣсто него, они избрали армянина Филиппика, который черезъ два года былъ тоже свергнутъ съ престола, а императоромъ, подъ именемъ Анастасія II, провозглашенъ его государственный секретарь, Артемій, вскорѣ испытавшій ту же участь. Войско, посланное противъ войска Сулеймана, отказалось ему повиноваться и возвело на престолъ императорскаго чиновника, Θеодосія. Анастасій добровольно сложилъ съ себя санъ императора (716 г.), выдержавъ въ Константинополѣ шестимѣсячную осаду. Тоже самое сдѣлалъ и Θеодосій, когда главнокомандующій азіатскими войсками, Левъ Исаврієцъ, отказался признать его императоромъ и двинулся съ своимъ войскомъ къ столицѣ (717 г.). Въ лицѣ Льва на византійскій престолъ вступаетъ новая дѣятельная и энергическая династія, что вскорѣ и должны были почувствовать аравитяне. Въ правленіе Θеодосія Левъ обманывалъ ихъ переговорами и подъ видомъ вѣрнаго и преданнаго союзника заключилъ съ ними договоръ. Но, вступивъ въ Константинополь, онъ тотчасъ же сбросилъ съ себя маску и явился такимъ страшнымъ противникомъ аравитянъ, какого они еще не встрѣчали ни въ одной изъ своихъ войнъ съ византійцами. Поэтому аравитяне со всѣми силами двинулись къ Константинополю и, не ограничиваясь, какъ прежде, нападеніями отъ времени до времени на городъ, окружили его съ моря и суши и начали правильную осаду. Но всѣ ихъ усилія были безуспѣшны. Во главѣ осажденныхъ стоялъ императоръ, человѣкъ энергическій и опытный въ военномъ дѣлѣ, а голодъ, моровая язва, греческій огонь и необыкновенно суровая для того климата зима наносили много вреда флоту и войскамъ мухаммеданъ. Напрасно Маслама просилъ у своего брата позволенія снять осаду. Сулейманъ не соглашался на это, даже послѣ истребленія греческимъ огнемъ всего флота, и уступилъ по необходимости только тогда, когда одно изъ отличнѣйшихъ войскъ, какія только высылали аравитяне, было почти совершенно уничтожено. По другимъ извѣстіямъ, даже не Сулейманъ, а его преемникъ разрѣшилъ отступить отъ Константинополя. Говорятъ, что во время этой осады, продолжавшейся цѣлый годъ (717), погибло болѣе ста тысячъ мухаммеданъ.

Сулейманъ, умершій въ 717 году, былъ чрезвычайно жестокимъ правителемъ и даже въ частной жизни отличался только дурными наклонностями и привычками, въ особенности же невоздержностью въ пищѣ. Его вѣра была чѣмъ-то въ родѣ естественной религіи: онъ считалъ коранъ не заповѣдью божества, а прекраснымъ поэтическимъ произведеніемъ, вѣру же мослеминовъ не откровеніемъ, а просто національною религіею. Передъ смертью онъ назначилъ своимъ преемникомъ Омара II, племянника Абд-Альмалика, но не столько потому, что онъ былъ старшій изъ всѣхъ Омеядовъ, находившихся тогда въ Дамаскѣ, а скорѣе по разсчету, надѣясь, что благочестивѣйшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ сирійцевъ, Омаръ, не будетъ опасенъ дѣтямъ своего предшественника, которыхъ другой на его мѣстѣ непремѣнно бы умертвилъ. Впрочемъ, назначая себѣ преемника, Сулейманъ распорядился, чтобы братъ его, Іезидъ, сдѣлался халифомъ по смерти Омара. Омаръ отличался благочестіемъ, кротостью, справедливостью и чрезвычайно простымъ образомъ жизни. Считая себя только управителемъ имущества бѣдныхъ и нуждающихся, онъ не позволялъ себѣ издержекъ, превышавшихъ расходы простаго подданнаго, имѣлъ всегда одну одежду и спалъ на звѣриной кожѣ подъ простымъ бумажнымъ одѣяломъ. У него была всего одна жена, исполнявшая при немъ и обязанности прислуги. Какъ повелитель правовѣрныхъ, онъ не думалъ новыми завоеваніями увеличивать славу государства, заботясь гораздо болѣе объ обращеніи въ исламъ покоренныхъ уже народовъ. При этомъ Омаръ никогда не прибѣгалъ къ насилію и даже запретилъ своимъ намѣстникамъ

разрушать церкви, синагоги и храмы огнепоклонниковъ. Онъ уничтожилъ введенный Муавіей обычай проклинать въ мечетяхъ съ каѳедры Али и его потомство и этой мѣрой возбудилъ противъ себя ненависть даже своихъ родственниковъ. Проклятіе это онъ замѣнилъ прекрасными словами корана: «Богъ повелѣваетъ быть справедливымъ, добрымъ и благосклоннымъ къ роднымъ, и запрещаетъ брань и несправедливость.» Впослѣдствіи одинъ благочестивый мусульманинъ восхвалялъ его за все это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «О, Омаръ, если-бы я плакалъ о какомъ-нибудь изъ Омеядовъ, то, конечно, о тебѣ: ты снялъ съ насъ позоръ и проклятіе; если-бы я могъ, то спасъ-бы тебя.» Многіе историки, не смотря на то, что прекращеніе этого отвратительнаго обычая было совершенно въ духѣ Омара, сомнѣваются въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ уничтоженъ. Во всякомъ случаѣ обыкновеніе проклинать потомковъ Али снова было введено по смерти Омара, и окончательно уничтожилось только послѣ паденія династіи Омеядовъ.

Такія возвышенныя понятія о справедливости и такая простота жизни была совмѣстны съ саномъ халифа, когда столицей была еще Мекка и мухаммеданами управлялъ Омаръ I, дѣдъ Омара II со стороны матери, но все это было неумѣстно въ Дамаскѣ, при той роскоши, которую давно уже ввели при своемъ дворѣ тамошніе халифы, и при алчности войска и его безчисленныхъ предводителей. Поэтому тотчасъ-же по восшествіи Омара на престолъ стали говорить, что новый халифъ умѣетъ только молиться, а не управлять. Мы повѣрили бы, что такой благородный образъ мыслей доставлялъ Омару душевное спокойствіе и радостную надежду на другую, лучшую жизнь, даже въ томъ случаѣ, если-бы собственныя его слова и поступки не служили лучшимъ тому доказательствомъ. Омаръ всегда думалъ, что принадлежитъ другому міру, и потому, умирая, не выказалъ ни чувства страха, ни негодованія на свое семейство, которое подозрѣвали въ отравленіи его. Изъ чистой преданности волѣ Божіей онъ отказался отъ всякаго лекарства, и когда его предупреждали въ замыслахъ родныхъ и совѣтовали быть осторожнѣе, отвѣчалъ: «Гдѣ мои предшественники, не смотря на всю свою осторожность? Господи, если я боюсь какого-нибудь другаго дня, кромѣ дня твоего суда, то не отвращай отъ меня того, чего я боюсь.»

Омаръ умеръ въ 720 году, по всей вѣроятности, отравленный своимъ преемникомъ, Іезидомъ II. Іезиду, покровительствовавшему семейству Гадджаджа и его приверженцамъ, противники которыхъ пользовались большимъ вліяніемъ въ правленіе Сулеймана, пришлось бороться съ опасными волненіями, начавшимися при вступленіи его на престолъ. Противники Гадджаджа возмутились, когда Іезидъ, овладѣвъ правленіемъ, началъ преслѣдовать ихъ. Возстаніе распространилось въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ, и только при помощи храбраго полководца Масламы, сдѣлавшагося извѣстнымъ со времени осады Константинополя, халифу удалось побѣдить ихъ. На восточныхъ и сѣверныхъ предѣлахъ государства также вспыхнули возстанія, такъ что часть земель, завоеванныхъ при Велидѣ, пришлось покорить вновь. Въ Африкѣ поступки намѣстника Іезида были причиною заговора, вслѣдствіе котораго онъ былъ убитъ, а на его мѣсто народъ назначилъ новаго намѣстника. Въ Испаніи дѣла шли лучше, потому что къ общему удивленію Іезидъ не отставилъ отъ должности отличнаго намѣстника Самаха, назначеннаго Омаромъ вмѣсто Ал-Горра или Алагора, котораго всѣ ненавидѣли за его жестокость. Но при такомъ смѣшанномъ населеніи, состоявшемъ изъ обращенныхъ и необращенныхъ германцевъ, древнихъ испанцевъ, евреевъ, аравитянъ и берберовъ, въ Испаніи было весьма трудно ввести твердость и единство въ управленіи. Это затрудняло борьбу съ независимыми вестготами, жившими въ горахъ на сѣверѣ Испаніи, и препятствовало успѣху попытокъ распространить владычество мухаммеданъ на сѣверъ отъ Пиренеевъ. Еще Алагоръ произвелъ въ 718 году вторженіе во франкское королевство, но предпріятіе его кончилось тѣмъ, что онъ возвратился въ Испанію съ богатой добычей. Самахъ возобновилъ ту же попытку въ 720 или 721 годахъ и даже проникнулъ до Тулузы, но здѣсь былъ разбитъ франкскимъ герцогомъ Эвдомъ. Въ этомъ сраженіи Самахъ былъ убитъ, большая часть его войска истреблена, и только благодаря искусству Абд-Эррахмана, принявшаго начальство послѣ Самаха, остатки его были спасены отъ погибели.

Въ то время какъ полководцы Іезида были заняты трудными войнами на отдаленномъ Востокѣ и Западѣ, самъ халифъ думалъ только о сладострастныхъ удовольствіяхъ и музыкѣ; безпечно предаваясь веселой жизни и не подозрѣвая, что приверженцы дома Али въ тайнѣ подготовляли паденіе Омеядовъ. Блескъ и веселіе царствовали при его дворѣ, окружавшіе его поэты пѣли любовныя пѣсни, которыя такъ же славятся у аравитянъ, какъ славились пѣсни Анакреона у грековъ. Воспоминаніе о веселыхъ праздникахъ Іезида сохранилось до нашихъ дней во многихъ истинныхъ и вымышленныхъ разсказахъ. Арабскіе поэты часто воспѣвали его сумасбродную любовь къ прекрасной рабынѣ Хабабѣ. Разсказываютъ, что по смерти Хабабы, Іезидъ, не обращая вниманія на строгія правила своихъ соотечественниковъ, три дня держалъ ея тѣло въ своемъ домѣ. Говорятъ даже, что потеря любимой женщины была причиной его смерти.

Братъ и преемникъ Іезида, Гишамъ, получилъ перстень съ печатью и посохъ пророка въ одномъ мѣстечкѣ на западѣ отъ Евфрата, гдѣ до тѣхъ поръ онъ жилъ въ неизвѣстности. Кого Іезидъ не вооружилъ еще противъ своего дома сладострастіемъ и роскошью, тѣхъ оскорбилъ Гишамъ корыстолюбіемъ и скупостью. Онъ не былъ ни рожденъ для управленія государствомъ, ни подготовленъ къ этому воспитаніемъ. Скряжничество, самый опасный изъ всѣхъ недостатковъ для деспота, въ особенности на Востокѣ, сдѣлало его презираемымъ въ глазахъ подданныхъ, а накопленныя имъ сокровища дали его преемнику средства предаться еще большей расточительности. Тучи, уже давно собиравшіяся надъ династіею Омеядовъ, становились все болѣе и болѣе грозными въ правленіе Гишама. Приверженцы Али, во главѣ которыхъ стояли въ то время Аббасиды, т. е. потомки Аббаса, дяди Мухаммеда, старались посредствомъ эмиссаровъ склонить на свою сторону народъ и во многихъ странахъ имѣли большой успѣхъ. Вспыхивавшія въ разныхъ мѣстностяхъ возмущенія тотчасъ же подавлялись, но огонь продолжалъ тлѣть подъ пепломъ.

Войска Гишама съ успѣхомъ сражались въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ предѣлахъ государства подъ начальствомъ Асада и другаго полководца, сдѣлавшагося впослѣдствіи халифомъ, подъ именемъ Мервана II. По ту сторону Окса или Джигуна они снова покорили давно отложившуюся Фергану, а изъ окрестностей Дербента вмѣсто дани вывели множество рабовъ, потому что, какъ извѣстно, на Кавказѣ люди до послѣдняго времени составляли родъ товара. Противъ византійцевъ аравитяне предпринимали разбойническіе набѣги съ моря и съ сухаго пути, оканчивавшіеся по большей части успѣшно. Въ Испаніи, уже съ самаго начала походившей на отдѣльное государство, во главѣ котораго былъ намѣстникъ, назначаемый халифомъ, сами жители избрали намѣстникомъ, вмѣсто Самаха, Абд-Эррахмана, спасшаго войско, разбитое при Тулузѣ. Іезидъ II не утвердилъ его въ этой должности и послалъ туда Анбасу; но возникшіе вслѣдствіе того внутренніе безпорядки, угрожавшіе владычеству аравитянъ, принудили халифа Гишама снова назначить намѣстникомъ Абд-Эррахмана (731 г.). Абд-Эррахманъ предпринялъ въ 732 г. новый походъ во Францію, гдѣ за шесть лѣтъ до него Анбаса разграбилъ весь югъ страны и проникъ до Бургундіи. Для этого похода Абд-Эррахманъ собралъ всѣ мухаммеданскія войска, находившіяся въ Испаніи, и съ огромными силами перешелъ чрезъ Пиренеи. Побѣдивъ на Дордони герцога Эвда, онъ проникъ чрезъ Пуатье до Тура, гдѣ встрѣтился съ соединенными силами франковъ, подъ предводительствомъ Карла Мартелла. Этому храброму и искусному полководцу суждено было положить конецъ нападеніямъ аравитянъ на Францію и вообще остановить ихъ успѣхи въ Европѣ. Если бы аравитяне прежде, вмѣсто набѣговъ, устремились всею массою на Францію, они непремѣнно покорили бы ее, такъ какъ франки въ то время не имѣли предводителя, способнаго противиться имъ. Притомъ между ними господствовали такіе раздоры, что имъ нельзя было и думать предпринять что-нибудь общими силами. Распространеніе же ислама въ Европѣ потрясло бы ее гораздо болѣе, чѣмъ Азію, потому что мухаммеданство и арабскій бытъ столь же противоположны характеру европейцевъ, сколько они соотвѣтствуютъ климату и нравамъ Востока. Соединивъ между Туромъ и Пуатье различныя народности Франціи противъ врага ихъ вѣры, Карлъ Мартеллъ нанесъ аравитянамъ страшное пораженіе; самъ Абд-Эррахманъ и большая часть его войска погибли въ бою, остальные въ безпорядкѣ бѣжали за

Пиренеи (октябрь 732 г.). Въ этой битвѣ, если вѣрить баснословнымъ хваламъ франкскихъ хроникъ и позднѣйшихъ рыцарскихъ романовъ, пало до трехсотъ семидесяти пяти тысячъ мухаммеданъ; но показанія эти преувеличиваютъ болѣе чѣмъ втрое самое большее число убитыхъ, какое только было возможно. Возмущенія въ Испаніи помѣшали аравитянамъ тотчасъ же отмстить за пораженія. Только черезъ два года они снова вторгнулись во Францію и, завладѣвъ нѣкоторыми мѣстностями на югѣ ея, дошли до Бургундіи, разоряя и грабя повсюду. Карлъ Мартеллъ снова отнялъ у нихъ большую часть завоеванныхъ ими земель и оттѣснилъ ихъ до Нарбонны. Вскорѣ послѣ того въ Испаніи возникли новые безпорядки, которые были несравненно опаснѣе всѣхъ пораженій, нанесенныхъ франками. Коренные жители страны, поселившіеся аравитяне, берберы и войска, посланныя туда изъ Сиріи, начали враждовать другъ съ другомъ. Ссоры ихъ обратились въ настоящую междоусобную войну, и только въ правленіе преемника Гишама удалось намѣстнику Абулъ-Хаттабу возстановить въ странѣ спокойствіе и порядокъ.

Въ то время какъ безпорядки и распри, а отчасти и тайные происки Аббасидовъ колебали всюду владычество Омеядовъ, самъ Гишамъ, не понимая того, содѣйствовалъ паденію своей династіи. Желая собрать какъ можно болѣе богатствъ, онъ отказывалъ даже въ самомъ необходимомъ своему племяннику, Велиду II, котораго Іезидъ II назначилъ преемникомъ Гишама. Этимъ онъ надѣялся исправить развратнаго молодаго человѣка, но сдѣлалъ его еще легкомысленнѣе и распутнѣе. Удаленный отъ двора и устраненный отъ занятія дѣлами, Велидъ разъѣзжалъ съ своими товарищами по Сиріи, предаваясь оргіямъ и убійству, и тотчасъ по смерти дяди (743 г.) сталъ расточать накопленныя Гишамомъ богатства. Онъ тратилъ огромныя суммы на безумныя увеселенія и былъ до того безразсуденъ, что увеличилъ жалованье войскамъ, не сообразивъ, какъ трудно будетъ уменьшить впослѣдствіи этотъ расходъ и въ какое финансовое затрудненіе онъ ставитъ этимъ государство, которому приходилось содержать въ разныхъ странахъ множество солдатъ. Впрочемъ, ему не столько повредила его расточительность, сколько безстыдство въ удовлетвореніи страстей и пренебреженіе ко всѣмъ приличіямъ, чѣмъ онъ раздражалъ противъ себя тѣхъ лицъ, которыхъ старался привлечь на свою сторону подарками. Уже черезъ четырнадцать мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ, сынъ Велида I, бывшій впослѣдствіи халифомъ подъ именемъ Іезида III, составилъ себѣ въ войскѣ и между жителями Дамаска такую сильную партію; что недоставало только воззванія, для того, чтобы низвергнуть всѣмъ ненавистнаго и безстыднаго халифа. Велидъ вступилъ въ битву съ недовольными, но, оставленный своими приверженцами, былъ убитъ въ 744 году.

Найдя государственную казну пустою, новый халифъ, Іезидъ III, былъ принужденъ убавить жалованье войску и этимъ навлекъ на себя ненависть солдатъ. Кромѣ того, тотчасъ же по восшествіи его на престолъ, возникли безпорядки въ Палестинѣ, Иракѣ и Хорасанѣ; всего же опаснѣе для него былъ могущественный и опытный въ военномъ дѣлѣ намѣстникъ Арменіи и Адзербиджана, Мерванъ II, внукъ халифа того же имени. Отказавшись повиноваться ему, онъ предъявилъ права на халифатъ малолѣтнихъ сыновей Везида II, заключенныхъ въ дамасскую тюрьму. Не смотря на справедливость этого требованія, предпріятіе Мервана было дурнымъ предзнаменованіемъ для него самого и его семейства, потому что онъ хотѣлъ оружіемъ рѣшить споръ о наслѣдіи пророка. Мерванъ двинулся съ войскомъ въ Месопотамію и уже стоялъ на западной ея границѣ, какъ вдругъ умеръ Іезидъ, послѣ шестимѣсячнаго правленія (осенью 744 г.). Братъ его, Ибрагимъ, тотчасъ провозглашенный халифомъ, послалъ Сулеймана съ двѣнадцати тысячнымъ войскомъ противъ Мервана, шедшаго на Дамаскъ. Но Мерванъ, не смотря на то, что имѣлъ менѣе войска, разбилъ и разсѣялъ своихъ враговъ въ кровопролитномъ сраженіи. Сулейманъ и Ибрагимъ обратились въ бѣгство, приказавъ предварительно убить сыновей Велида; этимъ они проложили своему противнику путь къ престолу. Мерванъ, тотчасъ по въѣздѣ въ Дамаскъ, провозгласилъ себя халифомъ; Ибрагимъ, не имѣя возможности поддержать своихъ притязаній оружіемъ, примирился съ нимъ.

Правленіе Мервана было занято непрерывною борьбой съ его личными врагами и врагами его династіи или же съ непокорными членами его семейства. Во всѣхъ частяхъ государства вспыхнули возмущенія, даже въ самой Сиріи, гдѣ до тѣхъ поръ было всего болѣе приверженцевъ Омеядовъ. Кровь лилась повсюду, но въ продолженіе шести лѣтъ счастье такъ благопріятствовало Мервану, что онъ преодолѣлъ всѣ затрудненія и усмирилъ одно возстаніе за другимъ. Въ этихъ войнахъ погибли друзья его дома, сражаясь за него или противъ него, и Мерванъ своей храбростью и военными талантами только проложилъ путь къ престолу своимъ непримиримымъ врагамъ — Аббасидамъ, главою которыхъ былъ старый имамъ Мухаммедъ, правнукъ Аббаса, дяди пророка. Благочестіе и мудрость прославили Мухаммеда между всѣми противниками дома Омеядовъ. Утверждали даже, хотя потомки Али, какъ кажется, никогда не хотѣли согласиться съ этимъ, что одинъ изъ внуковъ Али, извѣстный своей благочестивой жизнью, не только подарилъ ему священныя книги, принадлежавшія его семейству, но формально передалъ ему права дома Али. Враги Омеядовъ часто уговаривали Мухаммеда предъявить свои права; но онъ смотрѣлъ на несчастную судьбу фамиліи Али какъ на предостереженіе себѣ и дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью. Когда, наконецъ, положеніе дѣлъ въ Хорасанѣ, гдѣ водворилась совершенная анархія, стало повидимому благопріятствовать рѣшительному шагу, онъ послалъ туда отъ имени своего старшаго сына Ибрагима пылкаго молодаго человѣка, Абу Муслима. Соединивъ всѣхъ приверженцевъ своей партіи подъ чернымъ знаменемъ Аббасидовъ, Абу Муслимъ изгналъ Нассра, намѣстника Мервана, и проникъ на западъ до Гамадана. Но за этотъ успѣхъ Аббасидъ Ибрагимъ поплатился жизнью. Получивъ извѣстіе о происшествіяхъ въ Хорасанѣ, халифъ велѣлъ арестовать Ибрагима, который умеръ вслѣдствіе дурнаго обращенія съ нимъ или отъ яда. Оба брата его, Абулъ Аббасъ и Абу-Джіафаръ-аль-Мансуръ, благополучно достигли Ирака и скрывались тамъ до тѣхъ поръ, пока партія ихъ не одержала верхъ и въ этой странѣ. Часть аббасидскихъ войскъ благополучно прибыла изъ Хорасана въ Иракъ, разбила и прогнала войско Мервана и наконецъ въ Куфѣ торжественно провозгласила халифомъ молодаго Абулъ-Аббаса. Между тѣмъ Мерванъ со сто двадцати тысячнымъ войскомъ отправился въ Курдистанъ, куда вторгнулся другой отрядъ аббасидскихъ войскъ. При рѣкѣ Большомъ Забѣ онъ встрѣтился съ непріятелями, которыми начальствовали Абу-Аунъ и Абдалла, дядя Абулъ-Аббаса. У Мервана было почти втрое болѣе войска, но счастье измѣнило Омеядамъ, и ни храбрость, ни искусство Мервана не могли воротить его. Въ самомъ началѣ сраженія часть его войскъ перешла на сторону непріятеля, а когда по несчастному случаю разнесся ложный слухъ, что самъ Мерванъ убитъ, все его войско, подъ вліяніемъ паническаго страха, разбѣжалось въ безпорядкѣ (январь 750 г.). Не имѣя возможности собрать разсѣявшее войско, онъ поспѣшно бѣжалъ въ Дамаскъ, но и здѣсь ему нельзя было долго оставаться, потому что всѣ города, не исключая и самаго Дамаска, сдались побѣдителю. Мерванъ снова долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Гонимый съ мѣста на мѣсто и не находя убѣжища ни въ одной крѣпости, онъ съ трудомъ спасся отъ преслѣдованій непріятеля. Наконецъ, ему удалось собрать въ Египтѣ новое войско, съ которымъ онъ хотѣлъ опять попытать счастья; но всѣ усилія были напрасны. Разбитый и преслѣдуемый, Мерванъ искалъ спасенія въ одной христіанской церкви, но былъ убитъ тамъ фанатикомъ хорасанцемъ (августъ 750 г.).

По смерти Мервана господство надъ мухаммеданами перешло къ халифамъ изъ династіи Аббасидовъ. Паденіе Омеядовъ сопровождалось такими жестокостями, какимъ не подвергалась почти ни одна низверженная династія, и потому первый аббасидскій халифъ, Абулъ-Аббасъ, былъ прозванъ ель-Саффахомъ, т. е. кровопійцемъ, не смотря на то, что самъ онъ былъ человѣкъ очень кроткій и не участвовалъ въ этихъ жестокостяхъ. Преступленіе, совершенное его дядей Абдаллою, было началомъ цѣлаго ряда злодѣйствъ. Объявивъ въ Дамаскѣ амнистію, онъ обманулъ этимъ девяносто владѣтелей изъ рода Омеядовъ. Присягнувъ ему, они были приглашены имъ на обѣдъ, но когда было принесено кушанье, по данному знаку вошли убійцы и перебили ихъ. Съ безчувствіемъ каннибала, Абдалла велѣлъ разложить надъ убитыми коверъ, на которомъ, при стонѣ умирающихъ, продолжалъ свой отвратительный пиръ. Это чудовище, приказавшее разрыть мо-

гилы халифовъ изъ династіи Омеядовъ и разсѣять ихъ прахъ по вѣтру, получило впослѣдствіи достойное возмездіе за свои злодѣянія отъ тѣхъ лицъ, въ пользу которыхъ оно работало. Обнаруживъ по смерти своего племянника намѣреніе лишить престола его брата, Абдалла былъ посаженъ въ темницу, устроенную такъ, что она должна была обрушиться и задавить его. Несчастныхъ Омеядовъ преслѣдовали и убивали всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ государства, не щадя при этомъ и грудныхъ дѣтей. Сторонники сверженной династіи составляли повсюду заговоры и возбуждали возстанія, усмиряемыя жестокими мѣрами и убійствами; кровь лилась по всему государству — отъ Индіи до Атлантическаго океана. Даже по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ Аббасиды преслѣдовали и казнили тѣхъ, которымъ въ первое время посчастливилось спастись. Говорятъ, что изъ всѣхъ Омеядовъ остался въ живыхъ одинъ Абд-Эррахманъ, внукъ халифа Гишама. Удалившись на Западъ, онъ отнялъ у Аббасидовъ провинцію Испанію и основалъ тамъ новое независимое государство.

8. Омеяды въ Испаніи и основаніе новыхъ христіанскихъ государствъ на полуостровѣ.

Покоривъ часть Европы въ правленіе шестаго халифа изъ династіи Омеядовъ, аравитяне должны были бороться съ трудностями троякаго рода. Въ Испаніи часто вспыхивали внутреннія волненія вслѣдствіе разноплеменности населенія, а въ особенности дикости поселившихся въ ней берберовъ, вызывавшихъ и поддерживавшихъ эти безпорядки. Съ востока франкское королевство, достигшее тогда полнаго единства и имѣвшее чрезвычайно способныхъ правителей, составляло не только непреодолимую преграду къ распространенію господства аравитянъ, но становилось даже опаснымъ для него. Наконецъ, на сѣверѣ Испаніи толпы вестготовъ и древнихъ испанцевъ, отстоявшихъ свою независимость, постоянными вторженіями тревожили аравитянъ въ ихъ новой провинціи. Христіане въ сѣверной Испаніи, сначала очень слабые, мало-по-малу окрѣпли въ борьбѣ съ аравитянами и, все болѣе и болѣе распространяя свои владѣнія въ ущербъ мухаммеданамъ, сдѣлались наконецъ опаснѣйшимъ врагомъ ихъ въ Европѣ. Поэтому намъ необходимо познакомиться съ исторіею образованія новыхъ христіанскихъ государствъ Испаніи, прежде чѣмъ перейти къ исторіи государства аравитянъ на этомъ полуостровѣ.

При паденіи вестготскаго королевства, въ непроходимыхъ горахъ Астуріи и Бискаіи собралось много бѣжавшихъ готовъ и прежнихъ жителей Испаніи; они отстояли свою независимость и, постоянно сражаясь съ аравитянами, пріучились къ войнѣ. Изъ первыхъ предводителей, подъ начальствомъ которыхъ они отражали нападенія аравитянъ и нерѣдко вторгались въ ихъ владѣнія, имена двухъ, Петра и Пелагія, въ особенности сохранились въ памяти потомства. Петръ предводительствовалъ многочисленными толпами бѣглецовъ въ Бискаіи, Пелагій жилъ въ Астуріи. Оба они принадлежали къ вестготской аристократіи и вѣроятно были королевскаго происхожденія. Отличаясь передъ прочими предводителями счастливыми предпріятіями, они мало-по-малу соединили вокругъ себя большую часть вестготовъ и сдѣлались въ своихъ горахъ независимыми владѣтелями. Поэтому преданіе называетъ Петра герцогомъ Кантабріи (т. е. Бискаіи и Наварры), а про Пелагія говоритъ, что онъ за свою храбрость былъ избранъ въ короли жителями Астуріи. По весьма недостовѣрнымъ преданіямъ того времени, сохранившимся у испанскаго народа, Пелагій и Петръ не только отражали всѣ нападенія мухаммеданъ, но даже истребляли цѣлыя мухаммеданскія войска, и уже въ первыя десятилѣтія владычества аравитянъ основали два христіанскихъ государства. Говорятъ, что Пелагій, умирая, передалъ Астурію своему сыну, Фавилѣ, какъ цѣльное и независимое государство, и что, черезъ два года по смерти Фавилы, астурійскіе вельможи избрали королемъ сына Петра, герцога Кантабрскаго и зятя Фавилы, храбраго Альфонса. Счастливыми войнами съ аравитянами Альфонсъ расширилъ границы своихъ владѣній до рѣки Дуеро, а по смерти своего брата, Фройлы, соединилъ въ одно оба христіанскія государства, кото-

рыя однако вскорѣ снова раздѣлились. Впрочемъ исторія Фавилы относится уже къ тому времени, когда въ Испаніи произошли важныя перемѣны вслѣдствіе паденія династіи Омеядовъ.

Въ правленіе послѣднихъ халифовъ этой династіи въ мухаммеданской части полуострова постоянно возникали распри между аравитянами, маврами и берберами, оканчивавшіяся кровопролитными войнами. Всѣ намѣстники Испаніи, назначаемые намѣстникомъ Африки или халифомъ, или же избираемые партіями, были свергаемы послѣ кратковременнаго правленія, и неурядица господствовала въ цѣломъ государствѣ. Наконецъ, куреишиту Юссуфу удалось при помощи жителей чисто арабскаго происхожденія, сдѣлаться намѣстникомъ Испаніи и упрочить за собою власть (746 г.). Послѣ паденія Омеядовъ онъ объявилъ себя независимымъ и удержалъ въ своей власти страну, не смотря на открытое возмущеніе части мухаммеданскаго населенія. Затруднительнымъ положеніемъ мухаммеданъ воспользовались христіанскіе подданные аравитянъ по ту сторону Пиренеевъ, чтобы свергнуть ненавистное иго. Они отдались подъ покровительство франкскихъ королей. Юссуфъ не могъ вполнѣ возстановить порядка и спокойствія въ Испаніи. Онъ былъ занятъ усмиреніемъ одного сильнаго возстанія, какъ внезапно явилась новая опасность съ той стороны, откуда ее всего менѣе можно было ожидать. Омеядъ Абд-Эррахманъ, какъ говорятъ, единственный оставшійся въ живыхъ изъ всего своего рода, удалился въ Африку и, спасаясь отъ преслѣдованій враговъ, нашелъ тамъ убѣжище и покровительство у одного могущественнаго племени берберовъ. Берберы эти, къ которымъ присоединились вскорѣ и другія племена, побудили его воспользоваться положеніемъ Испаніи и завладѣть ею. Они вошли въ сношенія съ врагами Юссуфа, также изъявившими готовность признать правителемъ изгнаннаго Омеяда и содѣйствовать ему въ низверженіи Юссуфа. Абд-Эррахманъ отправилъ въ Испанію довѣреннаго человѣка, вольноотпущенника Бедра, который дѣйствовалъ у враговъ Юссуфа такъ искусно, что повелитель его, приставъ (755 г.) съ небольшимъ войскомъ къ берегу Андалузіи, былъ радостно принятъ народомъ и тотчасъ же провозглашенъ халифомъ въ Малагѣ и Севильи. Юссуфъ выступилъ противъ него съ большимъ войскомъ, но былъ разбитъ въ сраженіи, прямымъ слѣдствіемъ котораго была потеря Кордовы, мѣстопребыванія намѣстниковъ Испаніи. Новая побѣда, одержанная Абд-Эррахманомъ, принудила бывшаго правителя Испаніи покориться своему противнику. Абд-Эррахманъ пощадилъ его жизнь, но Юссуфъ долженъ былъ поселиться навсегда въ Кордовѣ. Впослѣдствіи, бѣжавъ оттуда и собравъ вокругъ себя приверженцевъ, Юссуфъ хотѣлъ еще разъ испытать счастья, но, снова побѣжденный, палъ въ сраженіи, а можетъ быть погибъ отъ руки измѣнившаго ему друга (759).

Абд-Эррахманъ I, принявшій титулъ эмира или князя, въ теченіе всего своего правленія (759—788 г.) долженъ былъ бороться съ внутренними волненіями. Приверженцы и сыновья Юссуфа нѣсколько разъ возставали противъ него. Одинъ мавританецъ, называвшій себя потомкомъ Фатимы и Али, возбудивъ и въ Испаніи старинную вражду между Алидами и Омеядами, думалъ такимъ образомъ захватить въ свои руки власть. Аббасиды также послали въ Испанію войско, но Абд-Эррахманъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій и нанесъ сильное пораженіе войскамъ аббасидскаго халифа Мансура, потерявшаго при этомъ до семи тысячъ человѣкъ. Послѣ этого сраженія, Абд-Эррахманъ послалъ въ Кайраванъ голову непріятельскаго главнокомандующаго и въ насмѣшку Аббасидамъ велѣлъ выставить ее ночью на рынкѣ. Въ испанско-арабскихъ историческихъ сочиненіяхъ находится извѣстіе, по всей вѣроятности вымышленное, что Абд-Эррахманъ послалъ эту голову въ Мекку, гдѣ въ то время находился Мансуръ, велѣвъ прибить ее къ воротамъ дворца халифа. Узнавъ объ этомъ, Мансуръ, говорятъ, воскликнулъ: «Я радъ, что море отдѣляетъ меня отъ этого чорта». Наконецъ, приверженцы Юссуфа старались низложить Абд-Эррахмана съ помощью могущественнаго франкскаго императора Карла Великаго. Во главѣ ихъ стоялъ сарагосскій намѣстникъ, лишенный должности за измѣны. Карлъ обѣщалъ имъ помощь, и въ 788 году отправилъ въ Испанію два войска, проникшія на полуостровъ чрезъ Пиренеи съ двухъ сторонъ: съ востока и съ запада. Франки обратили въ бѣгство армію Абд-Эррахмана, взяли приступомъ Сарагоссу,

и покорили всю страну между Эбро и Пиренейскими горами, за исключеніемъ двухъ укрѣпленныхъ городовъ. Карлъ присоединилъ эту страну къ своей имперіи подъ именемъ испанской мархіи, назначивъ правителями ея изгнаннаго намѣстника и нѣкоторыхъ другихъ мухаммеданскихъ вельможъ, которыхъ заставилъ сперва принести себѣ ленную присягу. Но завоеваніе франковъ было непрочно; вниманіе Карла отвлекали другія части его государства, и черезъ нѣсколько лѣтъ Абд-Эррахманъ изгналъ его вассаловъ.

Въ кратковременные промежутки мира Абд-Эррахманъ предпринималъ большія постройки, вводилъ правильную систему управленія и заботился объ улучшеніи благосостоянія Испаніи. Онъ и его преемники жили въ Кордовѣ, которая съ того времени, какъ столица Омеядовъ, сдѣлалась самымъ большимъ и цвѣтущимъ городомъ Испаніи. Здѣсь Абд-Эррахманъ выстроилъ для себя дворецъ, названный Альказаромъ, и развелъ при немъ великолѣпные сады. Но всего болѣе увѣковѣчилъ онъ свое имя постройкой большой кордовской мечети, оконченной только при его сынѣ и преемникѣ. Мечеть эта, одинъ изъ лучшихъ памятниковъ мухаммеданской архитектуры, обращенная теперь въ христіанскую церковь, при Абд-Эррахманѣ имѣла двѣсти двадцать пять локтей въ длину и сто пять въ ширину. При его преемникахъ она была увеличена почти на 105 локтей въ длину и на восемьдесятъ въ ширину. Первоначально внутренность ея состояла изъ одиннадцати крытыхъ галлерей, расположенныхъ одна подлѣ другой; впослѣдствіи къ нимъ было пристроено еще восемь. Этимъ галлереямъ соотвѣтствовали девятнадцать главныхъ входовъ. Въ мечети было отъ тысячи двухсотъ девяносто трехъ до тысячи четырехсотъ девяти колоннъ. Главная башня, какъ говорятъ, была въ двѣсти пятьдесятъ футовъ вышиною, а башня, построенная седьмымъ преемникомъ Абд-Эррахмана и уцѣлѣвшая до сихъ поръ, имѣла въ вышину семьдесятъ два локтя или сто сорокъ четыре фута. Каждую ночь мечеть освѣщалась четырьмя тысячами семью стами лампами; для самой большой изъ нихъ требовалось семьдесятъ два фунта масла. Впослѣдствіи въ мечети зажигали и восковыя свѣчи.

Абд-Эррахманъ назначилъ преемникомъ своего любимаго сына Гишама I, помимо двухъ старшихъ сыновей, которые не хотѣли повиноваться брату и начали съ нимъ войну. Гишамъ принудилъ ихъ къ покорности, и, уплативъ имъ деньги, заставилъ переселиться въ Африку. Гишаму часто приходилось усмирять и возмущенія намѣстниковъ. Эти волненія и жестокія наказанія, къ которымъ иногда прибѣгалъ Гишамъ, не совсѣмъ согласуются съ человѣколюбіемъ, простотою и справедливостью, за которыя его прославляютъ; при этомъ однако не нужно забывать, что часть населенія состояла изъ дикихъ африканцевъ, отличающихся необузданными страстями. Гишамъ, говорятъ, велъ счастливыя войны съ Франціею, но результаты его побѣдъ намъ неизвѣстны. Тоже самое можно сказать и о его нападеніяхъ на владѣнія астурійскихъ королей, Бермудеса I и Альфонса II, построившаго тогда новую резиденцію — Овіедо. По извѣстіямъ христіанскихъ лѣтописей, короли эти одерживали даже побѣды надъ Гишамомъ. Его сынъ и преемникъ, Гакемъ I (796—822), въ первое время своего царствованія, долженъ былъ бороться еще съ большими затрудненіями. Оба его дяди воротились изъ Африки съ многочисленнымъ войскомъ. Одинъ изъ нихъ отправился въ Ахенъ просить помощи у Карла Великаго, который въ 797 г. отправилъ въ Испанію войско и вошелъ въ сношенія съ Альфонсомъ II; Гакемъ, занятый усмиреніемъ и другихъ возмущеній, былъ со всѣхъ сторонъ стѣсненъ врагами, но успѣлъ однако побѣдить всѣ затрудненія. Одинъ изъ его дядей палъ въ сраженіи, другой былъ прогнанъ назадъ въ Африку. Астурійцы не были для него опасны, потому что союзъ ихъ короля съ могущественнымъ франкскимъ государемъ заставлялъ ихъ самихъ опасаться за свою свободу. Всего долѣе продолжалась война съ франками, которыми начальствовалъ Людовикъ Аквитанскій, сынъ Карла Великаго. Важнѣйшимъ результатомъ этихъ войнъ, состоявшихъ почти исключительно въ набѣгахъ на непріятельскія земли, было завоеваніе франками Барселоны (801), впослѣдствіи подавшее поводъ къ образованію графства Барселонскаго или Каталоніи, чрезвычайно важнаго для исторіи торговли и цивилизаціи среднихъ вѣковъ. Личный характеръ Гакема былъ главною причиною большей части внутреннихъ безпокойствъ. Любя наслажденія и

роскошь, онъ обременялъ подданныхъ налогами, чтобы добыть деньги для удовольствій и постоянныхъ войнъ. Всѣ благочестивые мухаммедане возмущались его склонностью къ пьянству, а это дало недовольнымъ самое опасное оружіе противъ него. Однако онъ успѣшно подавлялъ всѣ возмущенія, нерѣдко впрочемъ самыми жестокими мѣрами.

Не смотря на наклонность къ роскоши, Гакемъ любилъ науки, искусства и гражданскій порядокъ. Онъ возводилъ множество построекъ, покровительствовалъ музыкѣ и занимался науками. Въ государствѣ Гакемъ произвелъ нѣкоторыя перемѣны, имѣвшія впослѣдствіи гибельные результаты. Его вниманіе было преимущественно обращено на преобразованія по военной части: онъ замѣнилъ всеобщее ополченіе постояннымъ войскомъ, учредилъ магазины для оружія и провіанта и завелъ у себя многочисленную гвардію тѣлохранителей, изъ которыхъ три тысячи были набраны изъ христіанскихъ ренегатовъ, а двѣ тысячи изъ рабовъ, купленныхъ въ отдаленныхъ странахъ. Но, безспорно, важнѣйшимъ его дѣломъ было сооруженіе въ Средиземномъ морѣ сильнаго испанскаго флота. Уже халифы изъ династіи Омеядовъ, для поддержанія сообщеній между Сиріей, Испаніей и Африкой построили флотъ, командиръ котораго назывался а м и р ъ - а л ь м а или а д м и р а л ъ, т. е. главнокомандующій на морѣ. Въ правленіе Юсуфа испанскій флотъ пришелъ въ совершенный упадокъ, и хотя Абд-Эррахманъ I снова велѣлъ строить корабли, но число ихъ было все-таки незначительно, пока наконецъ высадка изъ Африки дядей Гакема не заставила этого халифа обратить вниманіе на важность флота для Испаніи и заняться постройкою большаго числа кораблей. Такимъ образомъ Гакемъ былъ настоящимъ основателемъ испанско-арабской морской силы, которая еще при немъ стала опасною для сосѣдей. Его корабли опустошали берега Корсики и Сардиніи, Ниццы и Чивитта-Векки, и наводили ужасъ на всю западную часть Средиземнаго моря.

А б д - Э р р а х м а н ъ II, сынъ и преемникъ Гакема (822—852), подобно своимъ предшественникамъ, занятъ былъ усмиреніемъ возмущенія и войнами съ франками и христіанскими государствами на сѣверѣ Испаніи. Въ борьбѣ съ христіанами онъ почти никогда не имѣлъ успѣха, но войны съ франками были счастливѣе, потому что ему благопріятствовало внутреннее состояніе франкской имперіи. Для нападенія на испанскую мархію онъ воспользовался раздорами между франкскимъ императоромъ Людовикомъ Благочестивымъ и его сыновьями, ссорившимися и съ отцомъ и другъ съ другомъ, а также жалкимъ правленіемъ Карла Лысаго, которому при раздѣлѣ имперіи въ 843 г. досталась Франція и испанская мархія. Изъ этихъ войнъ онъ однако не извлекъ никакой другой выгоды кромѣ взятія нѣсколькихъ городовъ, изъ которыхъ тотчасъ же удалился, разграбивъ ихъ и уничтоживъ укрѣпленія. При Абд-Эррахманѣ въ первый разъ появились до тѣхъ поръ неизвѣстные въ Испаніи скандинавы или норманны, впослѣдствіи часто посѣщавшіе ее. За нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ они начали свои смѣлые разбойничьи набѣги, удовлетворявшіе ихъ алчности и страсти къ приключеніямъ и битвамъ. Разъѣзжая на легкихъ судахъ, они высаживались на берега Британніи, Германіи, Испаніи и Франціи, слѣдуя вверхъ по теченію рѣкъ, вторгались внутрь странъ, убивая, разоряя и грабя, и возвращались домой обогащенные добычей, чтобы черезъ нѣсколько времени снова явиться въ тѣхъ же мѣстахъ. Въ 843 г. скандинавы въ первый разъ появились на берегахъ Испаніи, безнаказанно производя въ ней опустошенія. Но Абд-Эррахманъ тотчасъ же принялъ мѣры для защиты береговъ, и послѣ того нападенія ихъ были всякій разъ отражаемы.

При Абд-Эррахманѣ флотъ, заведенный Гакемомъ, былъ увеличенъ, и испанскіе аравитяне, у которыхъ появились смѣлые морскіе разбойники, стали угрожать всѣмъ прибрежнымъ жителямъ Средиземнаго моря. Пиратство, начавшееся при Гакемѣ, при Абд-Эррахманѣ усилилось до того, что испанскіе или, какъ ихъ обыкновенно называютъ а н д а л у з с к і е к о р с а р ы, стали появляться даже въ греческихъ моряхъ, завоевали тамъ островъ Критъ и на нѣкоторое время завладѣли городомъ Александріей въ Египтѣ. Италія также терпѣла отъ этихъ разбойниковъ и отъ флота Абд-Эррахмана, а въ 846 г. аравитяне произвели нападеніе на самый Римъ. Впрочемъ, трудно сказать опредѣлительно, кто именно производилъ эти набѣги, африканскіе или испанскіе аравитяне, потому

что и тѣ, и другіе занимались этимъ ремесломъ; христіанскія же лѣтописи того времени называютъ маврами и сарацинами безъ различія и африканскихъ и испанскихъ аравитянъ. Въ то время обоими этими именами въ Европѣ обыкновенно называли мухаммеданъ, жившихъ на Западѣ. Стало быть маврами (стр. 294) называли въ этомъ смыслѣ не только предковъ берберовъ и городскихъ жителей Варварійскихъ владѣній, но и другіе народы. Значеніе имени сарациновъ неизвѣстно; по всей вѣроятности, оно произошло отъ арабскаго слова шаракайнъ, т. е. житель Востока. Союзъ Абд-Эррахмана съ такимъ отдаленнымъ отъ Испаніи правителемъ, какъ византійскій императоръ Ѳеофилъ, объясняется тѣмъ, что халифы изъ династіи Омеядовъ были страшны своей морской силой. Ѳеофилъ отправилъ къ Абд-Эррахману посольство, приглашая его дѣйствовать вмѣстѣ противъ Аббасидовъ. Испанскій эмиръ отвѣчалъ ему тѣмъ же, снарядивъ посольство въ Константинополь; но предпріятіе это не состоялось.

Абд-Эррахмана восхваляютъ за великолѣпіе его двора, величественность его сооруженій, за любовь къ поэзіи, музыкѣ и наукамъ. Но покровительство наукамъ не мѣшало ему, такъ же какъ и его современникамъ Аббасидамъ, быть фанатикомъ: Абд-Эррахманъ жестоко преслѣдовалъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, чему впрочемъ не мало содѣйствовали ихъ склонность къ возмущеніямъ и явно выражаемое презрѣніе къ исламу. По приказанію Абд-Эррахмана многіе христіане были казнены за неуваженіе къ пророку. Впрочемъ въ политическомъ отношеніи положеніе христіанъ, находившихся подъ арабскимъ владычествомъ, или мозарабовъ (т. е. смѣшанныхъ съ арабами), какъ ихъ обыкновенно называютъ за частые браки съ мухаммеданами, было лучше положенія простаго народа во время господства вестготовъ. Они открыто отправляли свое богослуженіе, въ противность мухаммеданскимъ предписаніямъ, имѣли колокола, платили менѣе податей, чѣмъ прежде, и судились въ своихъ судахъ, съ христіанскими графами или предсѣдателями, рѣшавшими дѣла не по предписаніямъ корана, а на основаніи вестготскихъ законовъ.

Абд-Эррахману II наслѣдовалъ сынъ его, Мухаммедъ I (852—886), а потомъ одинъ за другимъ его внуки, Мундхиръ (886—888) и Абдалла (889—912 г.). Объ этихъ трехъ правителяхъ, замѣчательныхъ только своей ученостью и образованіемъ, арабскіе историки мало упоминаютъ. Притомъ же внутреннія волненія и постоянные успѣхи христіанъ въ Испаніи затмѣвали ихъ славу. Безпорядки эти сдѣлались совершенно обыкновеннымъ явленіемъ; впрочемъ они имѣли и хорошія послѣдствія, поддерживая дѣятельность и бдительность въ правителяхъ. Преслѣдованія христіанъ также продолжались. Все это производило въ государствѣ страшную неурядицу, тѣмъ болѣе, что и въ Испанію проникъ въ то время духъ религіозныхъ сектъ. Уже въ правленіе Мухаммеда I малекиты и ханбалиты, двѣ изъ четырехъ главныхъ суннитскихъ сектъ, спорили между собой о томъ, какъ должно толковать коранъ, и халифъ былъ вынужденъ приказать имъ успокоиться. Мухаммедъ поддерживалъ мирныя сношенія съ франками, силы которыхъ были ослаблены дурными правителями и честолюбіемъ вельможъ, и находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Карломъ Лысымъ. Между тѣмъ христіанскія государства въ Испаніи, ведя съ мухаммеданами счастливыя войны, усилились и расширили свои предѣлы. Въ Астуріи, Альфонсъ III или Великій, вступившій на престолъ 866 г., въ теченіе своего сорока четырехлѣтняго царствованія (до 910) болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ усилилъ государство и раздвинулъ его предѣлы. Еще до него астурійское королевство простиралось до верховьевъ Дуеро, гдѣ образовалась область Бардулія, получившая впослѣдствіи названіе Кастиліи, по множеству построенныхъ въ ней небольшихъ крѣпостей. Въ одинъ изъ набѣговъ Альфонсъ проникнулъ до Гвадіаны, а въ 901 г. нанесъ мухаммеданамъ въ сраженіи при Заморѣ страшное пораженіе. Передъ смертью онъ раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями: старшаго изъ нихъ, Гарсію, назначилъ главою всего государства, второму сыну, Ордоньо II, далъ Галлицію, третьему, Фройлу, Астурію. Будучи главою государства лишь по имени, Гарсія пользовался королевскою властью только въ Леонѣ, Кастиліи и Бискаіи; такимъ образомъ астурійское королевство, по смерти Альфонса, распалось на три части. Гарсія перенесъ свою столицу изъ Овіедо въ Леонъ, а потому и все его государство получило названіе Леонскаго ко-

ролевства. Онъ умеръ чрезъ четыре года, а его братъ и преемникъ, Ордоньо, соединивъ Леонъ и Галлицію, былъ довольно могущественъ, чтобы заставить уважать себя, какъ правителя всего государства. Почти въ тоже время возникло новое независимое христіанское государство въ Наварръ, до этого времени бывшей то независимой, то находившейся подъ властью франкскихъ королей или Омеядовъ. Мало-по-малу изъ нея образовалось самостоятельное владѣніе, и уже въ началѣ X вѣка Санчо I принялъ королевскій титулъ. Владѣтели барселонской мархіи также пріобрѣли независимость къ концу IX вѣка и сдѣлались основателями Каталонскаго государства, соединившагося впослѣдствіи съ Арагоніей, образовавшейся изъ Наварры.

Абдаллѣ наслѣдовалъ (912 г.) его внукъ, Абд-Эррахманъ III, величайшій и знаменитѣйшій изъ всѣхъ Омеядовъ. Его правленіе было однимъ изъ самыхъ блистательныхъ. Свѣдѣнія о его войнахъ съ христіанскими государствами въ Испаніи до того противорѣчатъ одно другому, что невозможно доискаться въ нихъ истины; поэтому мы ограничимся лишь краткимъ перечнемъ ихъ. Но съ другой стороны, должно обратить особенное вниманіе на то чрезвычайно странное явленіе, что въ царствованіе Абд-Эррахмана христіанскія государства скорѣе усилились, чѣмъ ослабѣли, не смотря на частыя кровавыя войны и внутреннія несогласія, на блескъ, которымъ былъ окруженъ Абд-Эррахманъ, и на необыкновенное благосостояніе государства при этомъ халифѣ. Между тѣмъ король леонскій, Санчо I, внукъ Ордоньо II, держался на престолѣ, не смотря на оппозицію вельможъ, только при помощи мухаммеданъ. Вскорѣ по смерти Абд-Эррахмана возникло новое христіанское государство: около 964 г. графъ Фернандо Гонсалесъ сдѣлался независимымъ владѣтелемъ Кастиліи, бывшей до тѣхъ поръ провинціей Леона. Абд-Эррахманъ велъ продолжительныя войны и съ мухаммеданами въ сѣверозападной Африкѣ, окончившіяся покореніемъ всей Мавританіи.

Зная, какъ дорого обходились всѣ эти войны, мы невольно удивляемся пышности, окружавшей Абд-Эррахмана, которому кромѣ того часто приходилось еще усмирять возмущенія. Счастье однако постоянно благопріятствовало ему и онъ не только подавилъ всѣ возстанія, но снова доставилъ правительству единство и силу, которыхъ оно давно лишилось. Въ то время испанскій халифъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ свѣтѣ. Главная причина этого заключалась въ необыкновенномъ благосостояніи страны. Доходы государства, не превышавшіе въ правленіе первыхъ Омеядовъ шестисотъ тысячъ дукатовъ, при Абд-Эррахманѣ III возрасли почти до невѣроятной суммы двѣнадцати милліоновъ девяти сотъ сорока пяти тысячъ дукатовъ. Говорятъ, что доходы одной Кордовы составляли три милліона дукатовъ. Мухаммеданская часть Испаніи, въ составъ которой входили въ то время только нынѣшнія провинціи Арагонія, Валенсія, Новая-Кастилія, Аурсія, Эстремадура, Андалузія, Гренада и южная половина Португаліи, въ царствованіе Абд-Эррахмана III и его преемниковъ была самою населенною страною Европы. Въ настоящее время въ этихъ провинціяхъ считается не болѣе девяти милліоновъ жителей, а въ то время число ихъ простиралось отъ двадцати пяти до тридцати милліоновъ. Въ этихъ странахъ процвѣтала торговля, а земледѣліе, горная промышленность и фабрики находились въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какого они послѣ того никогда не достигали въ Испаніи. Главными произведеніями промышленности были шелкъ сырецъ, шелковыя и шерстяныя матеріи, сахаръ, оливковое масло и оружіе. При такомъ благосостояніи страны понятно необыкновенное богатство и пышность халифовъ, о которыхъ говорятъ арабскіе писатели, хотя, безъ сомнѣнія, нельзя безусловно вѣрить ихъ словамъ. Они, конечно, преувеличиваютъ, разсказывая, что однажды хаджибъ (первый министръ) Ахмедъ и его братъ визирь (предсѣдатель государственнаго совѣта) Абд-Альмаликъ подарили халифу Абд-Эррахману четыреста сорокъ пять тысячъ дукатовъ золотомъ, двѣсти тысячъ рублей серебромъ (на наши деньги), нѣсколько сотъ фунтовъ алоэ, амбры и камфоры, тридцать золотыхъ и серебряныхъ вещей, тысячу щитовъ, восемьсотъ панцырей, восемь тысячъ стрѣлъ, сто пятнадцать богато украшенныхъ лошадей и большое количество различныхъ другихъ вещей. Въ государствѣ считалось шесть главныхъ городовъ: Кордова, Толедо, Сарагосса, Валенсія, Аурсія и Севилья. Изъ

нихъ Кордова была самымъ большимъ и богатымъ. Говорятъ, что она простиралась на $2^1/_2$, а по другимъ извѣстіямъ на 5 миль въ длину и на $1^1/_2$ мили въ ширину. По разсказамъ арабскихъ историковъ, въ ней находилось двѣсти двѣнадцать тысячъ зданій, не считая лавокъ и каравансераевъ (дома для пристанища странниковъ), число которыхъ простиралось до восьмидесяти пяти тысячъ. Въ числѣ городскихъ зданій Кордовы было шестьсотъ мечетей. Трудно повѣрить всѣмъ этимъ даннымъ, но, сравнивая старую Кордову съ большими европейскими городами нашего времени, не должно упускать изъ виду, что въ ней не было, какъ, напр., въ Парижѣ, шести и семи-этажныхъ домовъ.

Зданія, сооруженныя Абд-Эррахманомъ, даютъ намъ лучшее понятіе о блистательномъ правленіи этого халифа. Самымъ величественнымъ и знаменитымъ изъ нихъ былъ его дворецъ въ Кордовѣ, названный Аззехрой въ честь его любимой рабыни. Аззехра состояла не изъ одного зданія, но была настоящей резиденціей, въ восточномъ смыслѣ этого слова, т. е. отдѣльной частью города, состоявшей изъ множества зданій. До насъ дошло нѣсколько арабскихъ описаній Аззехры, но всѣ они страшно преувеличены и похожи на извѣстныя сказки тысячи и одной ночи. Они представляютъ намъ Аззехру какимъ-то волшебнымъ замкомъ, а не резиденціей правителя, и при томъ были составлены въ то время, когда дворецъ уже не существовалъ. Судя по этимъ описаніямъ, въ Аззехрѣ было до четырехъ тысячъ трехсотъ двѣнадцати каменныхъ колоннъ, подаренныхъ греческимъ императоромъ Львомъ, франкскими князьями и африканскими властителями. Главное зданіе Аззехры простиралось въ длину на двѣ тысячи семьсотъ, а въ ширину на тысячу пятьсотъ локтей. Полы и даже крыши этого зданія были мозаичной работы, а стѣны и потолокъ главной залы украшены золотомъ и жемчугомъ. По срединѣ этой такъ называемой залы халифа находился большой фонтанъ изъ яшмы, окруженный двѣнадцатью массивными изображеніями звѣрей изъ золота, украшенными драгоцѣнными каменьями. Главное же украшеніе этой комнаты составляла драгоцѣнная жемчужина, находившаяся на потолкѣ и подаренная халифу греческимъ императоромъ Львомъ Философомъ. Также чудны и преувеличены описанія обширныхъ садовъ, окружавшихъ Аззехру. Но, какъ бы мало вѣроятія мы ни придавали этимъ описаніямъ, несомнѣнно, что Абд-Эррахманъ тратилъ ежегодно на однѣ постройки по триста тысячъ дукатовъ, потому что по его повелѣнію во многихъ мѣстностяхъ государства были сооружены мосты, водопроводы и другія постройки. При этомъ легко однако понять, почему Омеяды, не смотря на удивительное благосостояніе Испаніи, должны были постоянно бороться съ внутренними безпокойствами. Кромѣ огромныхъ суммъ, тратившихся на постройки, содержаніе блестящаго двора и многихъ ученыхъ заведеній, основанныхъ и поддерживаемыхъ Абд-Эррахманомъ и другими правителями, требовало еще большихъ издержекъ. По дошедшимъ до насъ, хотя и не вполнѣ достовѣрнымъ, извѣстіямъ въ мухаммеданской Испаніи считалось семьдесять библіотекъ и семнадцать большихъ учебныхъ заведеній, мало-по-малу возникшихъ на полуостровѣ. Учебныя заведенія эти были отлично устроены, и многія изъ нихъ имѣли свои капиталы и зданія для помѣщенія учащихся. Кромѣ университетовъ и школъ были еще собственно ученыя собранія (наши ученыя академіи), которыя учреждались дворомъ или богатыми частными лицами. Абд-Эррахманъ и его первые сановники окружали себя учеными, въ особенности же поэтами. Замѣчательнымъ и неслыханнымъ явленіемъ у восточныхъ народовъ было то, что у испанскихъ аравитянъ женщины также получали образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ писали даже стихи, по которымъ учились въ школахъ и которые надписывались на стѣнахъ большаго дворца Абд-Эррахмана.

Слава халифата, исчезнувъ на востокѣ мухаммеданскаго міра, постоянно увеличивалась въ Испаніи, и Абд-Эррахманъ имѣлъ полное право принять титулъ эмиръ-аль-муменина, т. е. главы правовѣрныхъ, который носили аббасидскіе халифы. Объявивъ себя этимъ законнымъ халифомъ, онъ придалъ себѣ еще другой титулъ, Анназира Лединилаха, т. е. защитника вѣры. Всѣ его предшественники, не смотря на вражду съ Аббассидами, постоянно довольствовались титуломъ эмира, означавшимъ только господство въ своей землѣ. Абд-Эррахманъ первый изъ испанскихъ Омеядовъ приказалъ чеканить на монетахъ свое имя, тогда какъ его предшественники, уже со времени Абд-Эррахмана II

чеканя собственную монету, всегда выставляли на ней изображеніе и надпись восточныхъ халифовъ. Сношенія Абд-Эррахмана почти со всѣми христіанскими и мухаммеданскими правителями будутъ для насъ понятны, если мы примемъ въ соображеніе, что онъ царствовалъ около пятидесяти лѣтъ (912—961 г.), прославился какъ воинственный государь и покровитель наукъ, поэзіи и искусства, и что дѣла его были гораздо блистательнѣе всего, что представлялось въ то время въ другихъ странахъ. Греческій императоръ Константинъ Порфирородный, одинъ изъ могущественнѣйшихъ преемниковъ Льва Философа, германскій императоръ Оттонъ Великій, короли французскій, бургундскій, венгерскій и многіе другіе правители обмѣнивались съ Абд-Эррахманомъ почетными посольствами. Изъ всѣхъ этихъ дипломатическихъ сношеній особенно замѣчательны его сношенія съ Оттономъ, хотя они и не были особенно почетны для германскаго императора, пословъ котораго Абд-Эррахманъ принималъ не лучше, чѣмъ пословъ мелкихъ христіанскихъ государствъ. Испанскій халифъ первый отправилъ къ Оттону почетное посольство, передавшее ему вмѣстѣ съ богатыми подарками письмо, наполненное оскорбительными выраженіями противъ христіанства. Оттонъ три года удерживалъ въ Германіи пословъ халифа, и отпустивъ ихъ обратно въ сопровожденіи германскаго посольства, назначилъ главою его умнаго и ученаго Іоанна, аббата монастыря Гёрцъ въ Лотарингіи. Онъ далъ ему сочиненное архіепископомъ кельнскимъ письмо, заключавшее въ себѣ защиту христіанской вѣры и сильныя нападки на исламъ. Въ Кордовѣ германское посольство болѣе года не могло представиться халифу, которому было извѣстно содержаніе письма. Основываясь на томъ, что его послы были задержаны у Оттона три года, Абд-Эррахманъ считалъ себя въ правѣ дать аудіенцію германскому посольству только черезъ девять лѣтъ. Іоаннъ выхлопоталъ наконецъ новое письмо изъ Германіи, но тогда возникли затрудненія по тому поводу, что аббатъ не хотѣлъ представляться халифу иначе, какъ въ одеждѣ своего ордена. Предполагая, что Іоаннъ жалѣетъ расходовъ на пышную одежду, Абд-Эррахманъ послалъ ему денегъ; но, узнавъ настоящую причину, позволилъ аббату явиться въ монашеской рясѣ. Когда послы шли на аудіенцію, по всей дорогѣ отъ дома Іоанна до дворца халифа были разставлены войска, которыя безпрестанно дѣлали движенія, какъ будто бы желая напасть на нихъ. Абд-Эррахманъ принялъ посольство въ комнатѣ, доступной только немногимъ избраннымъ, а Іоанну протянулъ руку для поцѣлуя, что считалось знакомъ особаго благоволенія. Послѣ того онъ имѣлъ съ аббатомъ разговоръ, доказывающій высокую степень его образованности. Хотя Абд-Эррахманъ и не могъ составить себѣ яснаго понятія о государствѣ Оттона, но всѣ вопросы и замѣчанія о состояніи Германіи выказывали его свѣтлый умъ и проницательность. Съ несравненно большею пышностью принялъ халифъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ посольство греческаго императора, который, какъ врагъ Аббасидовъ, былъ, конечно, гораздо важнѣе для Абд-Эррахмана, чѣмъ Оттонъ.

Впрочемъ, всѣ эти посольства служили Абд-Эррахману только цѣлью показать иностранцамъ свой блескъ, внушить подданнымъ уваженіе къ себѣ и доставить придворной хроникѣ матеріалъ для прославленія халифа. Но при всемъ могуществѣ Абд-Эррахманъ не былъ счастливѣе царя Соломона, съ которымъ вообще имѣлъ много сходства и на котораго походилъ еще тѣмъ, что царство его постигла почти таже участь, какъ и царство израильское. Разсказываютъ, что передъ смертью халифъ сталъ считать дни, въ которые былъ совершенно счастливъ, и насчиталъ ихъ не болѣе четырнадцати, не смотря на весь блескъ, богатство и славу. Арабскій писатель, который передаетъ этотъ анекдотъ, прибавляетъ: «Замѣть это, мужъ разума, и познай, какъ мало истиннаго счастья доставляетъ тебѣ міръ даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Халифъ Абд-Эррахманъ Анназиръ, наслѣдникъ счастья, могущество и слава котораго обратились въ пословицу, въ теченіе своего пятидесятилѣтняго правленія насчиталъ только четырнадцать вполнѣ счастливыхъ дней. Хвала тому, чья слава живетъ вѣчно и чье могущество никогда не проходитъ! Нѣтъ другаго Бога, кромѣ него!»

Преемникомъ Абд-Эррахмана былъ сынъ его, Гакемъ II (961—976 г.). Въ первые годы своего царствованія онъ велъ войны съ христіанскими государствами на сѣверѣ Испаніи, изъ правителей которыхъ болѣе всѣхъ прославился, Фернандо Гонсалесъ кастильскій. Всѣ эти войны не имѣли важныхъ послѣдствій

а Гакемъ не сдѣлалъ никакихъ значительныхъ завоеваній. Но многіе изъ христіанскихъ владѣтелей и вельможъ, — отчасти вслѣдствіе раздробленія государства на нѣсколько отдѣльныхъ владѣній и стремленія Фернандо упрочить свою власть, частью же вслѣдствіе набѣговъ норманновъ, опустошавшихъ преимущественно сѣверные берега Испаніи, — стали заискивать дружбы халифа и являлись какъ вассалы при его дворѣ. Предпріятія Гакема въ сѣверной Африкѣ, о которыхъ будетъ говорено впослѣдствіи, были гораздо важнѣе его войнъ съ христіанами. Всего болѣе значенія пріобрѣлъ Гакемъ своей страстной любовью къ наукамъ и поэзіи, которыя въ его царствованіе достигли большаго процвѣтанія, чѣмъ въ какой-бы то ни было другой періодъ испанской исторіи. Онъ употреблялъ большую часть громадныхъ доходовъ государства на пріобрѣтеніе самыхъ рѣдкихъ и дорогихъ сочиненій Востока, увеличилъ кордовскую библіотеку до шестисотъ тысячъ томовъ и, еще до вступленія на престолъ, самъ составилъ подробный каталогъ ея. Конечно, при этомъ опять не нужно забывать, что арабскіе историки постоянно преувеличивали, говоря о процвѣтаніи наукъ въ Испаніи. Гакемъ, подобно своимъ предшественникамъ, старался увѣковѣчить свое имя громадными постройками и улучшеніями по части земледѣлія.

По смерти Гакема (976 г.) халифомъ былъ провозглашенъ его десятилѣтній сынъ, Гишамъ II, именемъ котораго правила его мать, Собейха. Она ввѣрила управленіе дѣлами своему секретарю Мухаммеду, болѣе извѣстному подъ именемъ Альманзора, т. е. защитника, которое было дано ему впослѣдствіи, во время войнъ съ христіанами. Собейха возвела его въ санъ визиря, а потомъ въ званіе хаджиба, и такимъ образомъ сравняла съ прежнимъ хаджибомъ Джіафаромъ. Вскорѣ однако Альманзоръ отдалилъ свою покровительницу на второй планъ, лишилъ власти всѣхъ вліятельныхъ людей, и самъ сдѣлался единодержавнымъ правителемъ. Для достиженія своей цѣли онъ соединился сначала съ хаджибомъ Джіафаромъ и съ тестемъ своимъ Галибо́мъ, начальникомъ тѣлохранителей. Не нуждаясь болѣе въ союзникахъ, онъ ниспровергъ ихъ обоихъ: Джіафара погубилъ съ помощью тестя, и, умертвивъ потомъ Га-Галиба, сдѣлался настоящимъ восточнымъ деспотомъ. Почти всѣ родственники халифа и люди, преданные его дому, были изгнаны, умерщвлены или погибли въ нарочно возбужденныхъ распряхъ. Такая же участь постигла и тѣлохранителей халифа. Этотъ отрядъ состоялъ изъ купленныхъ славянъ, которыхъ, какъ и другихъ рабовъ, мухаммедане получили отъ венеціянцевъ. Число тѣлохранителей простиралось обыкновенно отъ четырехъ до шести тысячъ. Изъ нихъ восемьсотъ, содержавшіе караулы внутри дворца, были умерщвлены по наущенію Альманзора, который завелъ для себя новую стражу. Заключивъ халифа въ Аззехрѣ, онъ занялъ стражею всѣ входы зданія и не впускалъ никого во дворецъ. Всѣми дѣлами государства Альманзоръ управлялъ одинъ и отъ своего имени. О Гишамѣ не упоминалось ни въ одномъ повелѣніи. Изъ всѣхъ почестей, слѣдовавшихъ халифу, онъ дозволилъ только чеканить имя Гишама на монетахъ и упоминать о немъ въ хотьбѣ, или торжественной молитвѣ, совершавшейся по пятницамъ. Но вмѣстѣ съ халифомъ велѣно было молиться и за Альманзора, имя котораго выставлялось также на монетахъ и государственной печати. По близости Аззехры, Альманзоръ выстроилъ себѣ дворецъ, который тоже составлялъ цѣлый городъ и назывался Аззахирой. Въ своей резиденціи онъ назначилъ квартиры министрамъ, членамъ государственнаго совѣта и начальникамъ войска, перенесъ туда казначейство, арсеналы и другіе магазины. Альманзоръ ввелъ во всѣхъ городахъ военное управленіе и на всѣ мѣста, даже самыя ничтожныя, назначилъ родственниковъ. Управляя со всѣмъ величіемъ халифа, безъ малѣйшаго на то права, онъ удержался однако въ этомъ положеніи до самой смерти, благодаря своимъ личнымъ качествамъ. Чрезвычайно коварный, хитрый и ловкій, онъ отличался вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливостью, храбростью и снисходительностью, и обладалъ военными талантами и научнымъ образованіемъ, считавшимся въ то время необходимой принадлежностью каждаго вельможи. Подобно халифамъ изъ рода Омеядовъ, онъ увѣковѣчилъ свое имя покровительствомъ наукамъ. поэзіи, искусству и сооруженіемъ величественныхъ зданій.

Упрочивъ свою власть, Альманзоръ тотчасъ же обратилъ всѣ силы государства на войну и завоеванія, и увеличилъ войско до нѣсколькихъ сотъ тысячъ

человѣкъ, составивъ его большею частью изъ негровъ и берберовъ, кавказцевъ и другихъ сильныхъ горцевъ, купленныхъ имъ на невольничьихъ рынкахъ Египта. Съ отборной частью этого войска онъ двинулся въ 977 г. противъ христіанъ, пославъ старшаго сына, Абд-Альмалика, съ остальной арміей для завоеваній въ Африкѣ. Четыре испанско-христіанскихъ государства: королевства Леонъ и Наварра и графства Кастилія и Барселона находились въ самомъ затруднительномъ положеніи, когда Альманзоръ напалъ на нихъ, разъединенныя между собой вслѣдствіе взаимнаго соперничества и ослабленныя неспособностью или малолѣтствомъ своихъ государей и стремленіями честолюбивыхъ вельможъ. Напавъ на эти земли, Альманзоръ совершенно опустошилъ ихъ и причинилъ имъ значительныя потери. Арабскіе историки прославляютъ его за пятьдесятъ сраженій съ христіанами, которыя всѣ почти кончились въ его пользу. Все это, можетъ быть, и несправедливо, но даже испанско-христіанскіе историки, обыкновенно неохотно упоминающіе о неудачахъ своихъ соотечественниковъ, сознаются въ томъ, что онъ разрушилъ до основанія столицу Леонъ и долгое время занималъ все графство Кастильское. Альманзоръ завладѣлъ также городомъ Барселоной; но христіанскому владѣтелю ея, графу Бореллю, удалось снова отнять его у аравитянъ. Однимъ изъ послѣднихъ предпріятій Альманзора было завоеваніе знаменитаго въ Галлиціи мѣстечка Сент-Яго-ди-Компостелла, святыни испанскихъ христіанъ. Происхожденіе этого мѣстечка относится ко временамъ Альфонса II (791—842), когда въ одномъ астурійскомъ мѣстечкѣ, гдѣ, по мѣстному преданію, находилась гробница апостола Іакова, который, какъ говорятъ, первый проповѣдывалъ христіанство въ Испаніи, Альфонсъ велѣлъ построить надъ нею церковь. Вскорѣ туда стало приходить множество благочестивыхъ богомольцевъ для поклоненія святыни и мало-по-малу изъ незначительнаго мѣстечка образовался большой городъ. Завладѣвъ имъ въ 994 г., Альманзоръ разрушилъ его до основанія и сжегъ даже церковь, но, какъ говорятъ, не тронулъ гробницы апостола.

Общія бѣдствія примирили наконецъ враждовавшихъ между собой христіанъ. Въ 1002 г. всѣ христіанскія государства, соединившись вмѣстѣ, дали Альманзору битву въ верховьяхъ Дуеро, при городѣ Калатъ Анносорѣ. Христіане остались побѣдителями и нанесли страшное пораженіе мухаммеданамъ, потерявшимъ, по позднѣйшимъ преувеличеннымъ извѣстіямъ, до ста тысячъ человѣкъ. Альманзоръ былъ тяжело раненъ и умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія. Онъ пользовался до послѣднихъ дней неограниченной властью и титуломъ хаджиба, которые и передалъ своему старшему сыну, Абд-Альмалику, тотчасъ же вступившему въ должность отца, не прося даже утвержденія халифа. Абд-Альмаликъ, уже въ Африкѣ отличавшійся мужествомъ, со славою продолжалъ войну противъ христіанъ и пользовался такою же неограниченною властью, какъ и его отецъ; въ 1008 году онъ передалъ управленіе своему брату, Абд-Эррахману. Абд-Эррахманъ тотчасъ принялъ титулъ Анназира-Лединиллаха, который носилъ Абд-Эррахманъ III, и принудилъ Гишама, бывшаго халифомъ только по имени, признать его своимъ преемникомъ въ халифатѣ; но онъ не былъ похожъ на отца и брата ни характеромъ, ни нравами. Въ то время какъ Абд-Эррахманъ, жаждя военной славы, двинулся въ Галлицію, въ Кордовѣ вспыхнуло возмущеніе, во главѣ котораго сталъ Мухаммедъ II, правнукъ Абд-Эррахмана III, извѣстный подъ имевемъ аль-Магади-Биллаха. Возставшіе разграбили Аззахиру, и Абд-Эррахманъ, поспѣшившій въ Кордову съ войсками, былъ покинутъ своею арміею, которая почти вся состояла изъ берберовъ. Одинъ изъ нихъ отрубилъ ему голову и передалъ ее Магади; такимъ образомъ кончилось четырехмѣсячное правленіе Абд-Эррахмана (1009 г.).

Магади, провозгласившій себя халифомъ, не долго пользовался плодами своей побѣды. Жители Кордовы ненавидѣли перешедшія на его сторону войска Абд-Эррахмана за ихъ грубость и наглость. Они возбудили подозрительность и опасенія даже въ самомъ Магади, который запретилъ имъ ѣздить по городу и носить оружіе безъ особеннаго приказанія. Народъ сталъ тогда смѣяться надъ ними, что до крайности раздражило солдатъ, страшныхъ своей многочисленностью и привыкшихъ къ тому, чтобы имъ оказывали почтеніе, какъ героямъ и властителямъ. Рѣшившись отмстить, они возмутились, но послѣ кровопролитнаго сра-

женія были изгнаны изъ города. Снова соединившись, подъ начальствомъ своего полководца Солимана, они осадили Кордову, обратившись вмѣстѣ съ тѣмъ съ просьбою о помощи къ графу кастильскому, Санчо Гарсесу, который прислалъ имъ помощь, взявъ съ Солимана обѣщаніе уступить ему нѣкоторыя крѣпости. Магади былъ совершенно разбитъ въ кровопролитномъ сраженіи и съ остатками своего войска бѣжалъ въ Толедо. Оттуда онъ послалъ просить помощи у графа Барселоны или Каталоніи, Раймунда, который за большую сумму денегъ прислалъ ему черезъ нѣсколько мѣсяцевъ каталонское войско. Между тѣмъ Солиманъ, вступивъ въ Кордову съ берберскими и кастильскими войсками, провозгласилъ себя халифомъ. Побуждаемый національною и религіозною ненавистью жителей Кордовы, онъ отпустилъ христіанскія войска, щедро наградивъ ихъ, но этимъ такъ ослабилъ себя, что уже не могъ устоять противъ Магади, явившагося подъ Кордовою съ войскомъ изъ христіанъ и мослеминовъ. Разбитый на голову, Солиманъ бѣжалъ черезъ Кордову въ Альхесирасъ. Его дикіе африканцы разграбили передъ отступленіемъ столицу, не пощадивъ даже и мечетей, опустошивъ еще до рѣшительнаго сраженія всѣ цвѣтущія окрестности Кордовы. Магади преслѣдовалъ непріятеля, обратившагося въ бѣгство, но, не смотря на многочисленность своей арміи, былъ разбитъ на голову Солиманомъ. Вслѣдствіе этого пораженія вспомогательныя христіанскія войска покинули его, и преслѣдуемый Солиманомъ онъ былъ осажденъ въ Кордовѣ. Магади сложилъ съ себя санъ правителя и провозгласилъ халифомъ несчастнаго Омеяда Гишама, котораго держалъ до тѣхъ поръ въ темницѣ подъ стражею, принудивъ его назначить себя хаджибомъ. Этимъ средствомъ онъ думалъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія; но Гишамъ, сдѣлавшись правителемъ, тотчасъ же приказалъ казнить его (1010).

Солиманъ продолжалъ осаду и противъ законнаго халифа; но жители города защищались съ величайшей энергіей и твердостью. Обѣ стороны обратились съ просьбой о помощи къ графу кастильскому Санчо, который предпочелъ помочь Гишаму, обѣщавшему возвратить ему всѣ кастильскія крѣпости, завоеванныя Альманзоромъ. Обейдаллахъ, сынъ Магади, бывшій тотда властителемъ Толедо и по смерти отца заключившій союзъ съ Солиманомъ, былъ убитъ при помощи христіанъ. Но Солиманъ завладѣлъ-таки Кордовой (1013 г.), войдя въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ жителей. Его дикія африканскія орды жестоко отмстили жителямъ города, которые, по изгнаніи ихъ изъ Кордовы, умертвили оставшихся тамъ женъ и дѣтей ихъ. Они грабили и рѣзали въ продолженіе трехъ дней и разрушили самыя большія и лучшія городскія зданія. Одинъ арабскій историкъ утверждаетъ, что съ того дня Кордова стала приходить въ упадокъ. Несчастный халифъ Гишамъ былъ также убитъ по приказанію Солимана. Побѣдитель, вторично принявшій титулъ халифа, достигъ теперь цѣли своихъ желаній, но черезъ три года лишился престола и жизни. Предводители его африканскихъ войскъ требовали себѣ земель въ награду. Онъ исполнилъ ихъ желаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ роздалъ имъ въ потомственное владѣніе разныя намѣстничества. Войска были щедро награждены, отпущены по провинціямъ и подчинены особымъ начальникамъ, выбраннымъ изъ ихъ же соотечественниковъ. Нѣкоторые изъ этихъ африканцевъ заняли безъ разрѣшенія халифа различные города, въ которыхъ властвовали неограниченно. Такимъ образомъ уже въ то время подготовлялось распаденіе испанско-арабскаго государства на нѣсколько мелкихъ владѣній. Вскорѣ невыгоды такого раздробленія сдѣлались ощутительны, и тогда обратились къ опытному въ военномъ искусствѣ Али-бенъ-Гамуду, потомку рода Эдризидовъ, происходившаго отъ Али и Фатимы, управлявшему городомъ Сеутою въ качествѣ намѣстника испанскаго халифа или независимаго властителя. Онъ быстро собралъ войско, высадился въ Испанію, и, найдя много приверженцевъ, тѣмъ легче могъ сразиться съ Солиманомъ, что нѣкоторые изъ его намѣстниковъ, воспользовавшись положеніемъ дѣлъ, объявили себя независимыми. Одержавъ верхъ въ кровопролитномъ сраженіи, Али-бенъ-Гамудъ взялъ въ плѣнъ Солимана и собственноручно отрубилъ ему голову (1016 г.).

Принявъ названіе Мотавакела, Али-бенъ-Гамудъ былъ провозглашенъ въ Кордовѣ халифомъ, но черезъ два года былъ умерщвленъ. Намѣстники Севильи, Толедо, Мериды и Сарагоссы, считавшіе себя независимыми, не отвѣтили

на требованіе признать надъ собою власть Али-бенъ-Гамуда, поссорившагося вскорѣ и съ тѣми, которые помогли ему въ войнѣ съ Солиманомъ, и пріобрѣвшаго всеобщую ненависть за свое корыстолюбіе и жестокость. Враги его, провозгласивъ халифомъ Омеяда Абд-Эррахмана IV Альмортади, правнука Абд-Эррахмана III, подкупили нѣсколькихъ слугъ Али, которые по ихъ приказанію задушили его (1018). Приверженцы Али не признали Альмортади и провозгласили халифомъ брата убитаго властителя, Касима, поссорившагося за это съ властолюбивымъ Ягіей-ель-Моатели, сыномъ Али. Между тѣмъ какъ Эдризиды воевали между собой, счастье опять стало благопріятствовать Омеядамъ. Впрочемъ и они истребляли другъ друга. Альмортади погибъ въ одномъ сраженіи (конецъ 1023 г.), а назначенный вмѣсто него халифомъ Абд-Эррахманъ V Альмостадиръ, братъ халифа Магади, процарствовавъ только полтора мѣсяца, былъ убитъ двоюроднымъ братомъ, Мухаммедомъ III Мостакфи, который, сдѣлавшись халифомъ, безпечно предался наслажденіямъ, между тѣмъ какъ народъ былъ доведенъ до отчаянья тяжелыми налогами и неурядицей въ государствѣ, постепенно распадавшемся. Черезъ семнадцать мѣсяцевъ (1025) въ Кордовѣ вспыхнуло возмущеніе. Мостакфи едва спасся бѣгствомъ, но вскорѣ былъ убитъ врагами. Халифомъ былъ вторично провозглашенъ изгнанный Эдризидъ Ягія, который между тѣмъ взялъ въ плѣнъ и по всей вѣроятности умертвилъ своего дядю Касима. Намѣстники провинцій не признали и его власти; онъ выступилъ въ походъ противъ нихъ, но въ одномъ несчастномъ сраженіи лишился жизни (1026 г.). Сынъ его, Эдризъ, остававшійся нѣсколько лѣтъ властителемъ небольшой территоріи Малаги, также не избѣжалъ участи своего отца, дѣда и двоюроднаго брата: онъ былъ убитъ однимъ честолюбивымъ сановникомъ. Съ его смертью прекратилось въ Испаніи кратковременное господство Эдризидовъ (1031 г.).

Въ Кордовѣ по смерти Ягіи провозгласили халифомъ Гишама III, брата Альмортади. Онъ долго не соглашался принять санъ халифа, обратившійся въ одинъ только титулъ, который однако опасно было принять, и вскорѣ раскаялся въ своей уступчивости. Многочисленныхъ независимыхъ намѣстниковъ нельзя было принудить къ покорности ни кротостью, ни силой. Въ самой Кордовѣ жители не повиновались халифу, и выгнали его отъ себя за попытку строгостью принудить городъ къ повиновенію (1031 г.). Онъ спасся бѣгствомъ къ намѣстнику или скорѣе владѣтелю Сарагоссы, который принялъ его радушно и назначилъ ему для жительства одинъ изъ замковъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ немъ провелъ Гишамъ остатокъ дней своихъ; онъ умеръ 1037 г. Съ паденіемъ его навсегда прекратилось господство Омеядовъ. Мухаммеданская Испанія осталась раздѣленною на нѣсколько небольшихъ государствъ, вся исторія которыхъ состоитъ въ постоянныхъ войнахъ между собою и съ христіанскими государствами полуострова.

Для христіанскихъ государствъ распаденіе мухаммедаискаго царства было явленіемъ очень отраднымъ, тѣмъ болѣе, что, когда окончательно пресѣклась династія Омеядовъ, они снова соединились на нѣкоторое время. Война съ Альманзоромъ, продолжавшаяся двадцать пять лѣтъ, совершенно опустошила христіанскія земли, и если бы второй сынъ Альманзора былъ похожъ на своего отца и брата, то независимости христіанскихъ государствъ угрожала бы страшная опасность. Но неспособность этого человѣка и междоусобныя войны, начавшіяся по его низверженіи, спасли христіанскую Испанію. Нѣкоторыя христіанскія государства очень скоро оправились отъ опустошеній Альманзора и не только возвратили отнятыя у нихъ земли, но даже расширили свои предѣлы. Имъ было легко извлечь выгоды изъ междоусобныхъ войнъ мухаммеданъ, которые безпрестанно призывали на помощь христіанскихъ владѣтелей, дорого продававшихъ свои услуги. Хотя и христіане нерѣдко враждовали другъ съ другомъ, но ихъ распри не были такъ гибельны, потому что не влекли за собою, какъ у мухаммеданъ, распаденія одного государства, а, напротивъ способствовоовали развитію силъ государствъ, съ самаго начала жившихъ самостоятельною жизнью. Во время этихъ войнъ одному изъ христіанскихъ владѣтелей удалось около 1030 г. подчинить себѣ всѣ земли своихъ испанскихъ единовѣрцевъ. Санчо Маіоръ или Великій, король небольшаго королевства Наварры, искусно воспользовавшись обстоятельствами, подчинилъ себѣ Астурію, Галлицію, Леонъ и Аррагонію, а

сыну своему Фердинанду доставилъ господство надъ Кастиліей. Передъ смертью онъ раздѣлилъ государство между своими сыновьями. Старшій изъ нихъ, Гарсія, получилъ Навару и Бискаію; второй, Фердинандъ I, удержалъ за собою Кастилію, а черезъ два года сдѣлался владѣтелемъ Галлиціи, Астуріи и Леона, женившись на наслѣдницѣ этихъ земель; третьему сыну, Гонсалесу, досталось графство Собрарве въ Аррагоніи; наконецъ самый младшій, Рамиро I, получилъ остальную часть Аррагоніи съ титуломъ короля. Черезъ нѣсколько лѣтъ къ Аррагонскому королевству присоединилось и Собрарве, а сто лѣтъ спустя и Каталонія, съ тѣхъ поръ навсегда оставшаяся соединенною съ Аррагоніею.

9. Очерки исторіи мухаммеданскихъ государствъ въ Африкѣ до XI столѣтія.

Въ Аравіи, 785 г., потомки Али возстали противъ аббасидскаго халифа, но были побѣждены и почти всѣ перебиты. Въ числѣ бѣжавшихъ находился Эдризъ I, настоящій или мнимый внукъ Гасанна, сына Али, спасшійся съ своимъ вѣрнымъ слугою, Рашидомъ, въ Варварійскихъ владѣніяхъ, называвшихся у аравитянъ Магребомъ. Берберы, обитавшіе въ окрестностяхъ нынѣшняго Феца, приняли его и признали своимъ имамомъ и эмиромъ, т. е. духовнымъ и свѣтскимъ главою. Такимъ образомъ онъ основалъ царство Эдризидовъ (789 г.), но черезъ четыре года былъ отравленъ по приказанію аббасидскаго халифа. Слуга его Рашидъ склонилъ племена, подчинившіяся Эдризу, признать правителемъ сына его, Эдриза II, родившагося послѣ смерти отца, а себя его опекуномъ. Для изгнанія Эдризидовъ халифъ назначилъ въ 799 г. каирванскимъ намѣстникомъ предпріимчиваго Ибрагима-бенъ-Аглаба, который стремясь сдѣлаться независимымъ, истребилъ всѣхъ туземныхъ вельможъ, препятствовавшихъ его намѣренію, и старался снискать расположеніе жителей обходительностью и льготами въ платежѣ податей. Онъ достигъ своей цѣли и основалъ въ восточной части Магреба или въ нынѣшнемъ Тунисѣ новое государство, съ столицею Каирваномъ, власть надъ которымъ перешла по смерти Ибрагима-бенъ-Аглаба въ руки его потомковъ Аглабитовъ. Стараясь расширить предѣлы своихъ владѣній на западъ, онъ велѣлъ убить Рашида (803 г.); но народъ остался вѣренъ молодому Эдризу, котораго любилъ за справедливость, кротость и храбрость. Его превосходное правленіе привлекло даже многія арабскія племена изъ Испаніи въ Африку. При такихъ условіяхъ Эдризу не трудно было удержать за собою власть, тѣмъ болѣе, что въ государствѣ халифа возникли въ то время волненія, а Ибрагимъ-бенъ Аглабъ былъ занятъ подавленіемъ возстаній въ своихъ владѣніяхъ. Въ 807 г. Эдризъ основалъ въ одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей новую столицу, нынѣшній Фецъ, который оставался центромъ государства при Эдризидахъ и даже при смѣнившихъ ихъ династіяхъ, и до сихъ поръ считается однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ сѣверной Африки.

Государство Эдризидовъ быстро достигло цвѣтущаго состоянія: не только многіе изъ испанскихъ арабовъ, побуждаемые частыми волненіями въ отечествѣ, бѣжали въ Африку, но и значительная часть мосленновъ переселилась изъ отдаленныхъ странъ Азіи въ Магребъ, чтобы присоединиться къ мнимому или дѣйствительному потомку почитаемаго ими Али. Эдризу II наслѣдовалъ Мухаммедъ (828 — 836), старшій изъ его двѣнадцати сыновей, который совершенно противъ правилъ восточной политики роздалъ своимъ одиннадцати братьямъ области въ ленное владѣніе. Это возбудило въ нѣкоторыхъ изъ нихъ честолюбивые замыслы и было причиною междоусобныхъ войнъ, во время которыхъ Мухаммедъ спасся отъ смерти только благодаря энергическому содѣйствію одного изъ братьевъ, Омара. Омаръ замѣчателенъ еще какъ родоначальникъ двухъ Эдризидовъ — Али и Касима, царствовавшихъ нѣкоторое время въ Испаніи по паденіи государства Эдризидовъ (стр. 325). Мухаммеду, снова соединившему всю страну подъ своею властью, наслѣдовали одинъ за другимъ два его сына — Али I и Ягія I; въ правленіе Ягіи II, сына Ягіи I, государство стало кло-

ниться къ упадку. Развратный и жестокій тиранъ, Ягія II былъ убитъ своими подданными. Его преемникъ, Ягія III, сынъ Омара, пренебрегая государственными дѣлами, предался однимъ ученымъ занятіямъ; онъ былъ тоже убитъ во время одного возстанія (905 г.). Ему наслѣдовалъ его двоюродный братъ, Ягія IV, считавшійся самымъ справедливымъ и умнымъ изъ всѣхъ Эдризидовъ. Не смотря на то, онъ подчинился чужой власти, какъ мы это увидимъ впослѣдствіи. Чтобы понять быстрый упадокъ царства Эдризидовъ, стоитъ только обратить вниманіе на частую перемѣну правителей, постоянно сопровождавшуюся волненіями. Въ теченіе шестидесятидевяти лѣтъ, отъ смерти Мухаммеда до вступленія на престолъ Ягіи IV, царствовало пять государей. изъ которыхъ двое были низвержены насильственнымъ образомъ.

Царство Аглабитовъ находилось не въ лучшемъ положеніи. Абулъ-Аббасъ-Абдалла (811 — 817), сынъ Ибрагима, отличался своею жестокостью и былъ, кажется, убитъ во время возстанія. Его братъ и преемникъ, Зеядатъ Аллахъ I, такой же жестокій тиранъ, тринадцать лѣтъ боролся съ опасными внутренними волненіями. Подавивъ наконецъ возстанія, онъ сдѣлался кротокъ и снисходителенъ изъ политическихъ видовъ и великодушіемъ къ побѣжденнымъ доказалъ пониманіе своихъ интересовъ. Стараясь высказать себя человѣкомъ, заботящимся о благѣ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивымъ, онъ строилъ мосты, проводилъ дороги, и, построивъ въ столицѣ Кайраванѣ великолѣпнѣйшую мечеть, назначилъ на содержаніе ея восемьдесятъ тысячъ дукатовъ въ годъ. Гораздо замѣчательнѣе было одно изъ внѣшнихъ предпріятій Зеядата Аллаха, имѣвшее самыя важныя послѣдствія. Чтобы избавиться отъ безпокойныхъ войскъ, привыкшихъ къ междоусобной войнѣ и похожихъ на дикихъ звѣрей, онъ позволилъ имъ попытать счастья въ Сициліи. Въ союзѣ съ испанско-арабскими корсарами они покорили большую часть острова. Зеядатъ Аллахъ и его потомки или вѣрнѣе сицилійскіе эмиры, считавшіеся ихъ вассалами, завоевали всю остальную часть Сициліи и, утвердившись въ южной Италіи, производили набѣги до самаго Рима, грабя и опустошая страну.

Первые преемники Зеядата Аллаха, до Ибрагима Абу-Ишака Злаго, замѣчательны только тѣмъ, что продолжали завоеванія въ Италіи и Сициліи. При Абу-Ишакѣ, царствовавшемъ съ 875 — 902 г., Тулуниди сдѣлались независимыми владѣтелями сосѣдняго Египта. Ахмедъ, сынъ Тулуна, аббасидскій намѣстникъ Египта, завладѣлъ этой страной незадолго до вступленія на престолъ Абу-Ишака и завоевалъ Сирію. Съ жестокостью подавляя всякую попытку возстанія, онъ, какъ говорятъ, умертвилъ до десяти тысячъ человѣкъ. Впрочемъ, Ахмедъ гораздо болѣе извѣстенъ богатствомъ, чѣмъ жестокостью, хотя въ этомъ отношеніи никакъ нельзя довѣрять восточнымъ извѣстіямъ, потому что на Востокѣ вообще любятъ преувеличивать всякій блескъ и пышность. Разсказываютъ, что Ахмедъ получалъ до трехъ сотъ милліоновъ дукатовъ въ годъ, соперничалъ съ фараонами въ сооруженіи великолѣпныхъ зданій, раздавалъ еженедѣльно нищимъ по три тысячи дукатовъ и, не смотря на все это, оставилъ въ казнѣ десять милліоновъ золотыхъ монетъ. Арабскія историческія сочиненія наполнены также разсказами о богатствѣ и величіи его сына и преемника, Хамаруеха (884 — 896 г.); по смерти котораго наступило господство солдатъ, какъ впослѣдствіи въ Египтѣ при мамелюкахъ. Начальники войскъ возвели на престолъ малолѣтняго сына Хамаруеха и обезглавили его дядю, задумавшаго свергнуть племянника. Но уже черезъ девять мѣсяцевъ солдаты убили и новаго правителя, а на престолъ возвели его малолѣтняго брата, который также былъ убитъ однимъ властолюбивымъ родственникомъ въ то время, когда противъ Египта было послано войско аббасидскаго халифа. Египетъ снова подчинился халифу, приказавшему умертвить всѣхъ Тулунидовъ (904 г.). Тулуниды старались распространить свое господство и на западѣ, но были отражены Аглабитомъ Абу-Ишакомъ; занятые послѣ того войнами съ халифами и возмущеніями своихъ войскъ; они уже не могли быть для него опаснымй. Абу-Ишакъ управлялъ съ ужасной строгостью, и жестокостью, и однажды собственноручно перерѣзалъ пятьсотъ плѣнныхъ, за одинъ легкій проступокъ велѣлъ умертвить триста своихъ слухъ и съ яростью тигра преслѣдовалъ своихъ родственниковъ. Онъ умертвилъ по самому бездоказательному подозрѣнію восьмерыхъ братьевъ и почти

всѣхъ своихъ дѣтей приказывалъ душить тотчасъ же послѣ рожденія. Однажды его мать, воспользовавшись минутой, когда онъ былъ веселъ, показала ему шестнадцать дѣвушекъ, которыхъ она тайно спасла отъ смерти и воспитала, но онъ тотчасъ же велѣлъ убить ихъ. Опасаясь волненія въ Каираванѣ, Ишакъ перенесъ свою столицу въ Тунисъ, гдѣ воздвигнулъ огромныя зданія. Для защиты противъ частыхъ возстаній своихъ подданныхъ онъ, говорятъ, содержалъ войско изъ ста тысячъ негровъ невольниковъ; но число что, конечно, преувеличено. Когда войска не были нужны для подавленія волненій, онъ посылалъ ихъ въ Сицилію и Италію. Подавивъ одно опасное возстаніе, онъ казнилъ главныхъ зачинщиковъ, а остальныхъ участниковъ выслалъ въ Сицилію, и такимъ образомъ усилилъ тамошнее войско отрядомъ рѣшительныхъ людей. Въ 901 г. онъ самъ отправился въ Сицилію, чтобы насладиться кровью христіанъ, и по завоеваніи Таормины, предавъ всѣхъ христіанъ, безъ различія возраста и пола, самымъ ужаснымъ истязаніямъ, любовался зрѣлищемъ предсмертныхъ мукъ епископа таорминскаго. Изъ Сициліи Абу-Ишакъ переправился въ Калабрію, но къ радости христіанъ, смотрѣвшихъ на него какъ на божеское наказаніе, умеръ тамъ отъ моровой язвы (902), открывшейся въ войскѣ. Его сынъ, Абулъ-Аббасъ-Абдалла, послѣ девяти мѣсяцевъ царствованія былъ убитъ своимъ сыномъ, Абу-Нассромъ Зеядатомъ Аллахомъ III, съ помощью нѣсколькихъ дворцовыхъ рабовъ (903). Новый владѣтель Туниса началъ свое правленіе настоящимъ восточнымъ деспотомъ, велѣвъ сначала умертвить убійцъ своего отца, а потомъ своихъ братьевъ. Онъ не долго пользовался плодами своихъ преступленій; черезъ нѣсколько лѣтъ одинъ Фатимидъ умертвилъ его и истребилъ весь родъ Аглабитовъ.

Большинство мослеминовъ вѣрило въ существовавшее съ давнихъ поръ у послѣдователей Мухаммеда преданіе, что для укрѣпленія на землѣ мухаммеданскаго господства будетъ появляться отъ времени до времени ангелъ или двѣнадцатый потомокъ пророка, называемый Магади, который явится въ послѣдній разъ при кончинѣ міра, чтобы вмѣстѣ съ Христомъ и Иліей истребить все земное. Этимъ народнымъ преданіемъ часто пользовались смѣлые мечтатели или обманщики, какъ средствомъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ. При Абу-Нассрѣ имъ воспользовались для низверженія Аглабитовъ два настоящихъ или мнимыхъ Алидовъ: Абу-Абдаллаи Обейдаллахъ. Абу-Абдалла, выдавая себя за Магади, собралъ партію недовольныхъ этой династіей, изгналъ Абу-Нассру, который вскорѣ умеръ въ Египтѣ (909 г.), и самъ сдѣлался владѣтелемъ Туниса. Между тѣмъ Обейдаллахъ также питалъ честолюбивые замыслы, основываясь на своемъ мнимомъ происхожденіи отъ Али и Фатимы. Но планы его не удались: онъ долженъ былъ бѣжать въ марокканскій городъ Седжельмессу, гдѣ былъ узнанъ и посаженъ въ темницу. Абу-Абдалла освободилъ его, когда, по изгнаніи послѣдняго Аглабита, покорилъ часть западныхъ земель. Но Обейдаллахъ отплатилъ своему избавителю низкою неблагодарностью. По возвращеніи въ Каираванъ, онъ умертвилъ Абдаллу и завладѣлъ царствомъ Аглабитовъ.

Такимъ образомъ Обейдаллахъ сдѣлался основателемъ новой африканской династіи — Фатимидовъ. Онъ, правда, не принялъ титула халифа, но называлъ себя эмиръ-аль-мумениномъ, т. е. повелителемъ правовѣрныхъ, и считалъ себя, такъ же какъ и всѣ его потомки, единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ пророка. Сунниты, считая его обманщикомъ и еретикомъ, глубоко ненавидѣли его и прозвали шіитомъ или раскольникомъ. Все это не мѣшало ему владычествовать въ землѣ Аглабитовъ и даже распространить свое господство, придавъ религіозный характеръ войнамъ, предпринимаемымъ съ завоевательными цѣлями. Какъ кажется, сицилійскіе мухаммедане покорились ему добровольно; но отъ Аббасидовъ онъ не могъ отнять Египта, на который три раза нападалъ. За то походъ противъ Эдризовъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Ягія IV былъ побѣжденъ и обязался платить ежегодную дань (918 г.). Вскорѣ послѣ того онъ возсталъ противъ Обейдалаха, но былъ вторично побѣжденъ и свергнутъ съ престола. Впослѣдствіи въ Фецѣ часто возникали безпорядки, въ которые вмѣшивались Омеяды. Эти событія были причиною множества войнъ и дѣленій государства, которыя однако не составляютъ предмета всемірной исторіи.

Обейдаллахъ, основавшій новую столицу Магадію, умеръ въ 934 г. Его сынъ и преемникъ Кайемъ, въ продолженіи цѣлаго года скрывалъ смерть отца, вѣроятно потому, что оба они выдавали себя за Магади. Въ правленіе Кайема, который всѣми силами старался поддержать еще не упрочившееся значеніе династіи Фатимидовъ, возникали частыя волненія. Въ Сициліи возстали и христіане и мухаммедане, принужденные къ покорности только послѣ пятилѣтней войны. Едва было подавлено это возстаніе, какъ въ самой Африкѣ вспыхнуло новое возмущеніе, угрожавшее гибелью не только Фатимидамъ, но и господству въ этой странѣ ислама. Абу-Язидъ, сынъ бербера и негритянки, основавъ новую религіозную секту, объявилъ всѣхъ мосленовъ невѣрующими и привлекъ къ себѣ значительное число послѣдователей, проповѣдуя, что человѣку должно грабить и убивать иновѣрцевъ. Завладѣвъ многими городами и разбивъ высланныя противъ него войска, онъ разграбилъ Кайраванъ и наконецъ осадилъ Кайема въ Магадіи. Къ счастію Фатимидовъ, Кайемъ умеръ во время осады, а по смерти его (945 г.) дѣла приняли другой оборотъ. Сынъ его, Мансуръ, былъ одаренъ всѣми качествами, которыя могли спасти государство. Онъ тоже скрывалъ смерть отца и объявилъ о ней только послѣ пораженія фанатиковъ. Загнавъ разбойниковъ въ горы, онъ два года велъ съ ними войну и, наконецъ, не смотря на отчаянное съ ихъ стороны сопротивленіе, истребилъ ихъ. Между тѣмъ жители Сициліи снова возстали и Мансуръ отправилъ туда сначала Гасана, а потомъ сына его, Ахмеда, которые подавили возмущеніе. Ахмедъ оказалъ большія услуги Сициліи и своему повелителю, стараясь устранить причины возстанія и содѣйствуя, насколько это было возможно мирнымъ путемъ, распространенію ислама на островѣ. Онъ одержалъ также нѣсколько побѣдъ надъ флотами грековъ и испанскихъ аравитянъ и былъ основателемъ значительныхъ морскихъ силъ. Подъ его управленіемъ Сицилія достигла высокой степени благосостоянія, напоминавшаго лучшія времена древнихъ Сиракузъ и Агригента (т. I стр. 123). Мансуру наслѣдовалъ сынъ его, Моезъ (953). Съ самаго начала своего царствованія онъ долженъ былъ вести войны въ западной части Африки, гдѣ Омеяды и Абд-Эррахманъ III покорили всѣ земли, входившія въ составъ бывшаго царства Эдризидовъ. Моезъ послалъ туда своего храбраго полководца Джавхера или Джевара, который свирѣпствовалъ противъ непріятелей и въ короткое время подчинилъ себѣ всю страну. Но когда Моезъ, готовясь къ походу въ Египетъ, отозвалъ къ себѣ войска, Абд-Эррахманъ III снова завладѣлъ всей западной Африкой. Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Абд-Эррахмана III, Эдризидъ Гасанъ-ель-Кенузи, вассалъ Омеядовъ, отложился отъ нихъ и, велѣвъ перебить всѣхъ ихъ родственниковъ и приверженцевъ, призналъ надъ собою владычество Фатимидовъ. Моезъ, занятый въ то время покореніемъ Египта, не могъ оказать Гасану значительной помощи, и омеядскій халифъ Гакемъ II снова завладѣлъ всей западной Африкой.

Египетъ, противъ котораго въ 969 г. Моезъ послалъ своего полководца Джавхера, по истребленіи Тулунидовъ, не долго оставался во власти Аббасидовъ. Еще въ 935 г. Абу-Бекръ Мухаммедъ I, назначенный намѣстникомъ Египта и Сиріи, сдѣлался самостоятельнымъ правителемъ обѣихъ провинцій. Производя свой родъ отъ древнихъ правителей Ферганы, Абу-Бекръ принялъ титулъ аль-Икшида, т. е. царя царей, какъ называли себя правители Ферганы. Поэтому и династію его называютъ Икшидами. Абу-Бекра, какъ и первыхъ Тулунидовъ, прославляютъ за несмѣтныя богатства и за многочисленныя войска, состоявшія изъ четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ и восьми тысячъ мамелюковъ или рабовъ, обученныхъ военному искусству и служившихъ тѣлохранителями. Можетъ быть, въ частности извѣстія эти преувеличены, но въ общемъ они заслуживаютъ не менѣе вѣры какъ и подобные же разсказы о первыхъ Тулунидахъ, потому что въ то время Египетъ, по всей вѣроятности, былъ необыкновенно богатой страной, будучи не только главнымъ рынкомъ для остъиндскихъ и арабскихъ товатоваровъ, но и средоточіемъ сношеній между Востокомъ и Западомъ, и кромѣ того главнымъ невольничьимъ рынкомъ, на которомъ даже Омеяды отдаленной Испаніи покупали своихъ дворцовыхъ стражей.

Абу-Бекръ Мухаммедъ I въ 946 году передалъ царство сыну своему Мухаммеду II Абулъ-Касему Ануджуру, за котораго, по его молодо-

сти, управлялъ негръ Кафура. Кафуръ, бывшій сначала рабомъ, отличился въ войнахъ Абу-Бекра и оказалъ важныя услуги династіи Икшидовъ. Управляя государствомъ съ твердостью и энергіей, онъ подавлялъ всѣ попытки къ возстаніямъ. По смерти своего повелителя (960 г.) онъ почти самовластно распоряжался страною, оставивъ только титулъ государя его брату и преемнику, Али-Абулъ Гасану, который умеръ въ 965 г. почти въ неизвѣстности. По его смерти Кафуръ уже успѣлъ упрочить за собою власть, и впослѣдствіи въ теченіе двухъ лѣтъ и четырехъ мѣсяцевъ безпрекословно управлялъ отъ своего имени. Этотъ негръ, отличавшійся, какъ говорятъ, ужаснымъ безобразіемъ, оказался способнымъ правителемъ и обнаружилъ стремленія и черты характера, рѣдко встрѣчающіяся у властителей черной породы. Отличаясь храбростью, проницательностью, благоразуміемъ и благородствомъ мыслей, онъ уважалъ науки и искусства. При немъ жилъ въ Египтѣ одинъ талантливый грекъ, бывшій любимецъ Абу-Бекра и потому пользовавшійся большимъ уваженіемъ. Другіе восточные правители устранили бы его какъ опаснаго соперника, но Кафуръ осыпалъ его почестями и, обходясь съ нимъ самымъ почтительнымъ образомъ, доказалъ этимъ удивительную проницательность и необыкновенное въ жителѣ Востока вниманіе къ заслугамъ. Однажды одинъ фанатикъ въ присутствіи Кафура доказывалъ въ мечети ничтожество всего земнаго тѣмъ, что Богъ все это предалъ въ руки отвратительнаго негра раба. Кафуръ, которому понравилась эта мысль, вмѣсто того, чтобы наказать его за дерзость, сдѣлалъ ему дорогой подарокъ. Онъ не только чрезвычайно щедро покровительствовалъ наукамъ и искусствамъ, но и обнаруживалъ дѣйствительное расположеніе къ нимъ, могъ судить о нихъ и обладалъ познаніями. Такъ, напримѣръ, однажды онъ узналъ одного знаменитаго поэта по стиху, который онъ произнесъ. Изъ всѣхъ странъ Востока одинъ Египетъ пользовался тогда постояннымъ миромъ въ теченіи восемнадцати лѣтъ, и это обстоятельство значительно способствовало процвѣтанію въ немъ наукъ и искусствъ.

Впрочемъ, говоря вообще, и при Кафурѣ господствовали мамелюки или, другими словами, власть находилась въ рукахъ избранныхъ рабовъ, покупавшихся на обширномъ египетскомъ невольничьемъ рынкѣ и составлявшихъ большинство войска, офицеровъ и первыхъ сановниковъ государства. Это обнаружилось по смерти Кафура (968 г.) самымъ очевиднымъ образомъ. Начальники мамелюковъ одни распорядились не занятымъ престоломъ и возвели на него одиннадцатилѣтняго внука перваго Икшида, назначивъ регентство и ясно выказавъ этимъ свое намѣреніе поставить правительство еще въ большую зависимость отъ себя. Ихъ дѣйствія возбудили большое неудовольствіе между жителями, а Фатимидъ Моезъ, который уже давно обратилъ свое вниманіе на Египетъ, пріобрѣлъ въ странѣ многочисленныхъ приверженцевъ; многія вліятельныя лица отправились къ нему и указали средства и способы завладѣть страной. Предпріятіе это должно было имѣть успѣхъ, тѣмъ болѣе что Моезъ напалъ на Египетъ съ сухаго пути и съ моря. Джавхеръ, храбрый побѣдитель Эдризидовъ, проникнувъ въ страну (969 г.) съ стотысячнымъ войскомъ, въ короткое время завоевалъ ее и всѣдъ за тѣмъ покорилъ и Сирію. Моезъ, принявшій тогда титулъ халифа, перенесъ свою резиденцію въ Египетъ (973 г.), построивъ тамъ новую столицу. Не рѣшаясь избрать своей резиденціею Фостатъ или Мизръ, бывшій до того времени столицей страны и населенный суннитами, онъ основалъ по близости его новый городъ, названный Кагирой или Каиромъ, т. е. городомъ побѣды. Тамъ поселились всѣ приверженцы Фатимидовъ. Моезъ перенесъ въ Египетъ не только все великолѣпіе Магадіи, но и гробы своихъ предковъ, и эта страна сдѣлалась съ тѣхъ поръ главной провинціей царства Фатимидовъ. Если бы сунниты не считали еретикомъ тогдашняго правителя этого царства, то весь мухаммеданскій міръ долженъ бы былъ привѣтствовать его какъ Богомъ посланнаго возстановителя царства правовѣрныхъ, потому что только онъ, властвовавшій надъ сѣверомъ Африки и надъ Сиріей, могъ быть настоящимъ защитникомъ ихъ. Аббасидскій халифъ былъ властителемъ только по имени. Греки вторгались въ пограничныя страны государства и даже священныя пилигримства въ Мекку были задерживаемы дикими ордами, господствовавшими въ пустыняхъ. Впрочемъ Моезъ оказывалъ необыкновенную вѣротерпимость, велѣлъ возобновить разрушенныя христіанскія церкви и наказывалъ своихъ фана-

тическихъ, единовѣрцевъ, препятствовавшихъ исполненію этого приказанія. Умирая (975 г.), онъ передалъ власть своему сыну, Азизу.

Моезъ способствовалъ основанію въ Африкѣ новаго государства, въ которомъ на мѣсто совершенно погибавшихъ въ то время Эдризидовъ утвердилась новая династія. По завоеваніи Египта Фатимидъ, кажется, понялъ, что ему будетъ трудно изъ отдаленной новой резиденціи управлять своими прежними владѣніями, и потому, въ 972 г., отдалъ ихъ въ управленіе Юссуфу Балькину, сыну Зейри-бенъ-Мунада, основавшему въ этой странѣ новую африканскую династію, называемую по имени его отца Зейридами или по имени его внука Бадисидами. Мы будемъ называть ее послѣднимъ именемъ, потому что въ то же время въ Фецѣ возникла новая династія, которая тоже называлась Зейридами. Зейри—отецъ Юссуфа Балькина—пріобрѣлъ много приверженцевъ между номадами, жившими на берегахъ Варварійскихъ владѣній, и основалъ городъ Аширъ въ нынѣшей Алжиріи, но палъ въ битвѣ съ предводителемъ омеядской партіи, который за это былъ благосклонно принятъ Омеядами. Опасаясь болѣе всего всего династіи Омеядовъ, оба величайшіе правителя которой были его современниками, Моезъ поступилъ весьма благоразумно, отдавъ оставленную имъ землю въ ленное владѣніе Юссуфу Балькину, сыну Зейри, на которомъ лежала обязанность отмстить за смерть отца. О правленіи Юссуфа мы почти ничего не знаемъ, кромѣ того, что время отъ времени покоренныя племена возмущались и снова были подчиняемы имъ. Нельзя сказать ничего особеннаго и объ его сынѣ и преемникѣ, Абулъ Касемѣ Мансурѣ (984—996), который тоже признавалъ своимъ верховнымъ главою фатимидскаго халифа, и прославился лишь сооруженіемъ великолѣпныхъ зданій въ своей резиденціи Кайраванѣ и истинно каннибальской жестокостью; но тѣмъ замѣчательнѣе былъ Бадисъ, сынъ Абула Касема, первый дѣйствительно независимый государь этой династіи, по имени котораго она и называется совершенно основательно Бадисидами (996—1016). Завладѣвъ съ самаго начала Сардиніей, онъ самъ отправился на этотъ островъ, чтобы оттуда руководить очень выгодными и вмѣстѣ съ тѣмъ славными въ глазахъ его единовѣрцевъ предпріятіями противъ европейскихъ христіанъ. Всѣ берега Италіи и южной Франціи были подвержены постояннымъ нападеніямъ мухаммеданъ, потому что не только бадисидскіе корабли, но и сицилійцы, находившіеся въ нѣкоторой зависимости отъ Бадиса, грабили и разоряли эти земли. Бадисъ назначилъ своего дядю, Гаммада, правителемъ Ашира, вѣроятно чувствуя необходимость положить преграду Омеядамъ, угрожавшимъ ему съ этой стороны, такъ какъ на самомъ отдаленномъ Западѣ положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось еще въ правленіи Юсуфа.

Зейри-бенъ-Атія, глава берберскаго племени зенетовъ или зенатовъ, основатель настоящей династіи Зейридовъ, распространилъ свои владѣнія въ ущербъ Омеядамъ въ странѣ Марокко и завоевалъ самый городъ Фецъ. Въ это самое время одинъ могущественный вассалъ испанскаго халифа, завладѣвшій съ помощью Омеядовъ частью бадисидскаго царства, отложился отъ своего верховнаго главы и перешелъ подъ покровительство Фатимидовъ. Альманзоръ, правившій тогда царствомъ Омеядовъ, по своему личному характеру не могъ позволить оскорблять себя безнаказанно, и поэтому началъ переговоры съ Зейри-бенъ-Атіей и не только призналъ его правителемъ, но даже обѣщалъ ему уступить въ ленное владѣніе земли возмутителя, если онъ поможетъ ему усмирить его. Зейри-бенъ-Атія согласился на предложеніе Альманзора, и подкрѣпляемый испанскимъ войскомъ достигъ предположенной цѣли. Признавъ себя вассаломъ омеядскаго халифа, онъ сдѣлался владѣтелемъ значительной области на Западѣ (991) и по свойственному восточнымъ правителямъ тщеславію основалъ для себя новую резиденцію, до сихъ поръ еще процвѣтающій городъ Вуджду. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поссорился съ Альманзоромъ, который послалъ въ Африку войско подъ начальствомъ своего сына Абд-Альмалика, для изгнанія Зейри-бенъ-Атіи. Владѣнія Зейри, побѣжденнаго въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, были заняты войсками Омеядовъ, а самъ онъ былъ принужденъ искать убѣжища у одного племени небольшой страны Сандхаджи. Впослѣдствіи онъ снова сталъ правителемъ незначительной области, но вскорѣ послѣ того умеръ (1001). Сынъ его Муизъ помирился съ Омеядами и получилъ въ управленіе Фецъ и Маври-

таніи, обѣщавшись платить имъ дань. Его потомки управляли страной до 1070 г., когда ихъ свергла новая династія Морабетовъ.

Обращаясь снова отъ исторіи фецскихъ Зейридовъ къ исторіи Зейридовъ каираванскихъ и аширскихъ или къ Бадисидамъ, мы увидимъ, что еще во время Бадиса они раздѣлились на двѣ линіи. Бадисъ обѣщалъ своему дядѣ, Гаммаду, назначить его наслѣдникомъ престола, но нарушилъ свое слово, когда дядя спасъ его отъ опасности, грозившей со стороны Омеядовъ. Гаммадъ возмутился и началъ войну, которая по смерти Бадиса (1016) окончилась тѣмъ, что Гаммадъ сдѣлался владѣтелемъ небольшаго государства въ нынѣшней Алжиріи. Такимъ образомъ произошла побочная линія Гаммадитовъ, сохранявшая свою независимость нѣсколькими годами долѣе главной линіи Бадисидовъ. Послѣдняя особенно замѣчательна своими отношеніями къ Сициліи. Моезъ, сынъ и преемникъ Бадиса, помогалъ сицилійцамъ въ ихъ возстаніи противъ своего фатимидскаго намѣстника и, пользуясь этимъ случаемъ, укрѣпился на островѣ. Владѣнія мухаммеданъ въ Сициліи вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ начали въ то время распадаться на нѣсколько небольшихъ владѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ сталъ угрожать извнѣ новый опасный врагъ. Въ началѣ XI столѣтія въ южной Италіи поселились норманны и, пользуясь положеніемъ дѣлъ въ Сициліи, начали дѣлать тамъ завоеванія. Въ правленіе Тамина (1061—1108), сына Моеза, они не только покорили весь островъ, но стали угрожать и Бадисиду въ его собственныхъ владѣніяхъ и принудили его заплатить имъ золотомъ за то что они удалились. Норманны стали возобновлять свои нападенія и потомъ, когда Бадисиды очутились въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе возмущеній въ своемъ государствѣ и успѣховъ Морабетовъ. Въ правленіе Гасана (1121 — 1148), правнука Тамина, норманны покорили наконецъ все царство Бадисидовъ и Гассанъ долженъ былъ искать убѣжища у Гаммадидовъ, которыхъ нѣсколько лѣтъ спустя низвергли Морабеты.

10. Исторія Аббасидовъ до конца девятаго столѣтія.

Аббасиды, изъявлявшіе притязанія на духовное и свѣтское владычество надъ всѣми мухаммеданскими государствами, не были въ состояніи поддерживать своихъ правъ, какъ это можно видѣть изъ того, что въ Испаніи и Африкѣ возникли независимыя династіи. Не смотря на принятый ими съ самаго начала титулъ халифовъ, они остались привителями только части мухаммеданскаго міра, который никогда уже болѣе не сливался въ одно цѣлое; напротивъ, могущество Аббасидовъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе падало. Здѣсь мы видимъ тѣ же явленія какъ и въ исторіи Омеядовъ, всѣхъ африканско-мухаммеданскихъ государствъ и вообще всѣхъ странъ Востока: произволъ и деспотизмъ властей, ослѣпительный блескъ двора и столицы, присвоеніе намѣстниками феодальныхъ правъ, разслабленіе царствующаго дома и господствующей расы, старанія правительства поддерживать себя невольниками и наемниками, набранными изъ дикихъ народовъ. Цѣлыя провинціи отпадали отъ государства, увлекаемыя намѣстниками и смѣлыми искателями приключеній, или предводителями сосѣднихъ воинственныхъ племенъ; начальники наемныхъ войскъ и визири также пользовались всякимъ случаемъ ограничивать власть Аббасидовъ; вскорѣ за халифами осталось только имя правителей.

Глава этой династіи, Абулъ-Аббасъ, прозванный ель-Саффа, или кровопіецъ (стр. 313), царствовалъ отъ 750 до 754 г. Онъ не жилъ въ Дамаскѣ, ненавидя этотъ городъ за его приверженность къ Омеядамъ. Впрочемъ, онъ и не имѣлъ постоянной резиденціи и сначала жилъ въ Гирѣ, потомъ въ городѣ Анбарѣ, на Евфратѣ, и наконецъ въ Гадшеміи, отстоявшей на нѣсколько часовъ пути отъ Анбара. Уже Аббасъ сталъ вводить восточныя формы управленія, и вмѣсто простаго секретаря учредилъ при особѣ халифа должность визиря, т. е. высшаго сановника, уполномоченнаго дѣйствовать именемъ халифа. Этимъ онъ открылъ полный просторъ произволу и честолюбію. Замѣчательно, что по смерти перваго визиря должность эта перешла къ Халеду, сыну Бармека, и нѣсколько поколѣній оставалась въ этой фамиліи, что вообще весьма рѣдко слу-

чается на Востокѣ; вслѣдствіе того домъ Бармекидовъ съ теченіемъ времени пріобрѣлъ огромное значеніе.

Аббасъ назначилъ себѣ преемникомъ брата, Абу-Джіафаръ-аль-Мансура, обойдя роднаго сына. Дядя Абу-Джіафара, Абдалла, истинный основатель могущества Аббасидовъ, сдѣлалъ попытку отнять власть у своего племянника, но, какъ уже сказано выше (стр. 314), поплатился жизнью за свое честолюбіе. Абу-Муслимъ, подобно Абдаллѣ способствовавшій возвышенію Аббасидовъ, былъ коварно умерщвленъ за то, что, разсчитывая на свое вліяніе, не подчинялся новому халифу. Такъ же отдѣлался Аль-Мансуръ и отъ фанатической секты равендитовъ, принадлежавшей къ партіи Абу-Муслима и собиравшейся въ Гаджеміи. Равендиты проповѣдывали, между прочимъ, о какомъ-то переселеніи душъ халифовъ и вѣрили, что духъ преемника пророка переходитъ изъ умирающаго халифа въ его наслѣдника. Не смотря на то, что этотъ догматъ дѣлалъ для нихъ особу Аль-Мансура священною, они возбудили его подозрѣнія своимъ фанатизмомъ. Своими преслѣдованіями онъ довелъ ихъ до возмущенія и тогда велѣлъ перерѣзать всѣхъ ихъ въ числѣ шести тысячъ человѣкъ. Опасность, грозившая халифу въ Гаджеміи, вслѣдствіе сосредоточенія тамъ равендитовъ, отбила у него охоту жить въ этомъ городѣ; потому онъ перенесъ свое мѣстопребываніе ближе къ провинціямъ, гдѣ преобладали приверженцы Аббасидовъ, и основалъ знаменитый Багдадъ, сдѣлавшійся резиденціею его династіи. Нельзя было выбрать болѣе удобной мѣстности для новой столицы, которая и была заложена въ 763 г., при рѣкѣ Тигрѣ, близъ развалинъ Мадаина. Къ сожалѣнію, скупость внушила Аль-Мансуру несчастную мысль разрушить знаменитый бѣлый дворецъ въ Мадаинѣ (стр. 289) и употребить его мраморъ на постройку новаго города. Необычайная величина камней помѣшала ихъ переноскѣ и заставила халифа отказаться отъ своего намѣренія; но великолѣпный памятникъ древности все-таки былъ окончательно разрушенъ. Вскорѣ и новый городъ, лежащій нынѣ въ развалинахъ, показался халифу слишкомъ населеннымъ, и онъ заложилъ на восточномъ берегу Тигра городъ Руфасу, служившій преимущественно мѣстомъ расположенія многочисленныхъ войскъ. На мѣстѣ Руфасы возникъ нынѣшній Багдадъ. Кромѣ того, Аль-Мансуръ употребилъ огромныя суммы на укрѣпленіе Куфы и Бассры и на другія дорого стоющія сооруженія, иногда выказывая при этомъ щедрость, доходившую до расточительности, но иногда вдаваясь въ самое мелочное скряжничество; такъ, при постройкѣ Багдада, онъ лично наблюдалъ за работами и вычиталъ изъ платы каждаго работника, опаздывавшаго на работу. Впрочемъ, это сочетаніе противоположныхъ качествъ становится понятнымъ, когда мы вспомнимъ, какъ отличны восточные нравы отъ нашихъ и какая разница существуетъ вообще между національностями. Скупость внушала иногда Аль-Мансуру, и безъ того склонному къ тиранству и несправедливости, самыя стѣснительныя для его подданныхъ распоряженія; чтобы узнать число жителей Куфы, онъ приказалъ выдать каждому изъ нихъ по пяти диргемовъ на душу (около двадцати копѣекъ) и, узнавъ такимъ образомъ цифру населенія, наложилъ на каждаго по пятнадцати диргемовъ подати. Умирая, онъ оставилъ не менѣе шести сотъ милліоновъ диргемовъ и, кромѣ того, двадцать четыре милліона дукатовъ.

Аль-Мансура постигла обыкновенная участь скупыхъ отцовъ: сынъ его, Мухаммедъ I Магади, наслѣдовавшій ему въ 775 г., былъ мотомъ. Правда, онъ выказалъ похвальную щедрость въ отношеніи наукъ, искусствъ и полезныхъ учрежденій; но за то подавалъ весьма дурной примѣръ чрезмѣрною роскошью. По всей дорогѣ отъ Багдада въ Мекку, онъ велѣлъ устроить караван-сараи или гостинницы, поставить дорожные столбы и исправить древніе водоемы; но въ то же время истратилъ, какъ увѣряютъ, шесть милліоновъ червонныхъ на одну поѣздку въ Мекку и, не взирая на издержки, приказалъ привезти туда снѣгу, единственно потому, что въ Меккѣ его никогда не видывали. Внѣшнія предпріятія его ограничиваются однимъ походомъ его сына, славнаго Гаруна-аль-Рашида, противъ византійской императрицы Ирины. Это предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ, благодаря безпечности греческихъ полководцевъ, и Ирина должна была сдѣлаться данницею халифа. Фамилія Бармекидовъ была у Магади въ такой же милости, какъ и у обоихъ его предшественниковъ. Онъ отдалъ въ управленіе Бармекиду Халеду почти всю Персію, сынъ послѣдняго, Ягія, былъ назначенъ воспита-

телемъ сыновей халифа, а одинъ изъ внуковъ Халеда, Фадль былъ молочнымъ братомъ сына Магади, Гаруна. По смерти Магади въ 785 г., ему наслѣдовалъ старшій изъ двухъ его сыновей, Муза-аль-Гади; а младшій, Гарунъ, былъ назначенъ соправителемъ. Онъ уже тогда вполнѣ заслуживалъ, данное ему впослѣдствіи, прозваніе аль-Рашида, т. е. справедливаго. Когда умиралъ старый халифъ, Муза-аль-Гади находился далеко отъ Багдада, и Гаруну легко было бы захватить всю власть въ свои руки; но онъ не сдѣлалъ этого и самъ велѣлъ провозгласить халифомъ своего брата. Не смотря на то, Муза впослѣдствіи не хотѣлъ дѣлить съ нимъ власти и Гарунъ остался соправителемъ, только благодаря увѣщаніямъ Бармекида Ягіи, слабому здоровью халифа и заботамъ его о своемъ сынѣ. По смерти Музы, царствовавшаго всего пятнадцать мѣсяцевъ, сынъ его былъ удаленъ отъ наслѣдія и вся власть, нераздѣльно, перешла къ Гаруну. Мы уже сказали выше, какимъ образомъ въ Африкѣ, въ правленіе Музы, потомокъ Али, Эдризъ, и позднѣе при Гарунѣ, Аглабитъ Ибрагимъ свергнули господство Аббасидовъ (стр. 326).

Гарунъ-аль-Рашидъ, царствовавшій до 809 г., былъ самымъ блистательнымъ государемъ изъ дома Аббасидовъ. Его личныя качества составили ему на Востокѣ такую же славу, какою пользовался, на Западѣ, современникъ его, Карлъ Великій. Впрочемъ, эти качества состояли столько же изъ добродѣтелей, сколько и изъ пороковъ, свойственныхъ восточнымъ государямъ; подобно персидскому царю Нуширвану (стр. 269), Гарунъ былъ, въ одно и то-же время, деспотиченъ, неумолимо жестокъ, справедливъ и уменъ. Репутаціею справедливаго онъ преимущественно обязанъ мудрому и ученому Абу-Юссуфу, который съ 782 г. былъ верховнымъ судьею и оставался въ этомъ званіи въ царствованія Музы и Гаруна. Что справедливость Гаруна была чисто восточная, доказывается, между прочимъ, его поступкомъ съ однимъ возмутившимся потомкомъ Али, которому онъ письменно обѣщалъ сохранить жизнь и котораго, не смотря на это обѣщаніе, велѣлъ умертвить, одержавъ надъ нимъ верхъ. Большею долею своей славы и успѣховъ Гарунъ былъ обязанъ какъ Бармекидамъ, ученымъ, поэтамъ и сказочникамъ, которыхъ онъ располагалъ къ себѣ своею щедростью, такъ и позднѣйшимъ писателямъ, для которыхъ онъ является идеаломъ справедливаго и мудраго государя. Много также способствовало славѣ и блеску его имени и то обстоятельство, что съ его царствованія началось процвѣтаніе арабской литературы, принявшей совершенно новое направленіе вслѣдствіе чужеземнаго и въ особенности персидскаго вліянія.

Впрочемъ, если Гарунъ и заслуживалъ чѣмъ—нибудь имя Справедливаго, то никакъ не своими поступками съ Бармекидами, въ отношеніи къ которымъ онъ выказалъ себя жестокимъ деспотомъ. Бармекиды, происходившіе отъ древнихъ персидскихъ царей, подобно всѣмъ персіанамъ, не были такими фанатиками, какъ аравитяне, и считались даже у послѣднихъ безбожниками. Въ началѣ, Гарунъ необыкновенно возвысилъ эту фамилію. Джіафаръ, сынъ Ягіи, знаменитѣйшій изъ Бармекидовъ, былъ визиремъ и любимцемъ халифа; его мудрость, дѣятельность и справедливость прославляются въ арабскихъ сказкахъ и повѣстяхъ наравнѣ съ царственымъ величіемъ самаго Гаруна. Второй сынъ Ягіи, Фадль, уже какъ молочный братъ халифа пользовался его расположеніемъ и, кромѣ того, репутаціею храбраго и искуснаго полководца. Остальные два ихъ брата, Муза и Мухаммедъ, были назначены намѣстниками значительнѣйшихъ провинцій. Но чѣмъ выше стояли Бармекиды въ милости у Гарана, тѣмъ неожиданнѣе и страшнѣе было ихъ паденіе. Трудно указать на истинную причину этого событія. Арабское преданіе говоритъ, что главнымъ поводомъ къ тому была ревность Гаруна, влюбленнаго въ сестру свою Аббасу. Онъ выдалъ ее замужъ за Джіафара, но съ тѣмъ чтобы она была его женою, только по имени; когда же у нея родился отъ Джіафара сынъ, то Гарунъ почувствовалъ непримиримую ненависть къ бывшему любимцу. Кому извѣстенъ характеръ восточныхъ правительствъ и дворовъ, тотъ легко отыщетъ самъ болѣе основательное объясненіе поступковъ Гаруна; но извѣстно, что съ паденіемъ Бармекидовъ, Гарунъ утратилъ долю своей популярности и въ государствѣ начались, съ той поры, волненія, такъ что самъ халифъ не смѣлъ долѣе оставаться въ Багдадѣ. Ясно, что значеніе и могущество Бармекидовъ сдѣлались опасны для государя, и не имѣя возможности отнять у нихъ вліяніе

Гарунъ прибѣгнулъ къ чисто-восточному способу: къ внезапному убійству. Онъ приказалъ схватить и немедленно казнить вліятельнѣйшаго изъ нихъ, Джіафара, (803 г.), а остальныхъ, вмѣстѣ съ ихъ слугами и семействами, бросить въ темницу. Даже приверженцевъ этой фамиліи Гарунъ жестоко преслѣдовалъ во всѣхъ провинціяхъ. Только одинъ изъ Бармекидовъ, Мухаммедъ, избѣгнулъ участи своего дома.

Около этого времени вспыхнула война съ византійскима императоромъ Никифоромъ I, который самымъ грубымъ и обиднымъ образомъ отказался платить дань (802 г.). Гарунъ отвѣчалъ ему въ томъ же тонѣ и отправилъ къ нему слѣдующее письмо: «Гарунъ, повелитель правовѣрныхъ, къ Никифору, римскому собакѣ. Я прочелъ письмо твое, о сынъ невѣрующей матери. Отвѣтъ мой ты увидишь, а не услышишь!» Не смотря на всѣ способности греческаго императора, внутреннія обстоятельства его государства не позволили ему успѣшно бороться съ Гаруномъ, и халифъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны снова принудилъ его платить дань. Во время этой войны, Гарунъ сдѣлалъ великую ошибку, раздѣливъ свое государство и положивъ этимъ начало злу, которое особенно развилось во всемъ послѣдующемъ періодѣ. Гарунъ, еще въ 791 г. провозгласилъ наслѣдникомъ престола старшаго сына своего, Амина, хотя ему было не болѣе пяти лѣтъ, и силою заставилъ народъ присягнуть ребенку. Но еще безразсуднѣе поступилъ онъ, вздумавъ, въ 802 г., совершенно иначе распорядиться своимъ наслѣдіемъ. Онъ раздѣлилъ свое государство такимъ образомъ, что Аминъ, вмѣстѣ съ титуломъ халифа и верховною властью, получалъ всѣ провинціи на западъ отъ Месопотаміи; восточная-же часть халифата предзначалась Мамуну и Мутамену, сыновьямъ Гаруна отъ другой жены; одинъ изъ нихъ получилъ южныя и центральныя, а другой — сѣверныя провинціи этой части государства. Кромѣ того, Мамунъ назначался преемникомъ Амина. Этотъ раздѣлъ вскорѣ по смерти Гаруна сдѣлался причиною кровавыхъ распрей (809 г.).

Аминъ былъ совершенно неспособенъ царствовать, имѣя склонность только къ чувственнымъ наслажденіямъ. Любимыми занятіями его было уженье рыбы и игра въ шахматы, которая еще во времена Нуширвана перешла изъ Индіи въ Персію, а оттуда, вмѣстѣ съ арабскимъ владычествомъ, распространилась до крайняго запада. Онъ любилъ буйныя оргіи; не смотря на строгое запрещеніе Мухаммеда, пьянство уже тогда вошло въ обычай при дворѣ и Мамунъ открыто предавался этому пороку. Изнѣженному и безпечному халифу не было дѣла ни до чего, кромѣ своихъ обычныхъ наслажденій, и чтобы безмятежно предаваться имъ, онъ предоставилъ все управленіе своему визирю. Къ несчастью, ему, или его любимцу, пришла мысль выключить имя брата его, Мамуна (810 г.), изъ хотбы, или публичной молитвы, замѣнивъ его именемъ своего сына. Это повело къ войнѣ между братьями. Войска ихъ встрѣтились и, не взирая на превосходство силъ Амина, Мамунъ остался побѣдителемъ, благодаря своему искусному полководцу Тагеру. Одержавъ побѣду, Тагеръ подошелъ къ самому Багдаду и началъ его осаду. продолжавшуюся цѣлый годъ. Во все это время, безпутный Аминъ съ дѣтскою безпечностью предавался своимъ обычнымъ удовольствіямъ. Наконецъ, Тагеръ овладѣлъ городомъ и Аминъ былъ умерщвленъ (813 г.). Новый халифъ, Мамунъ, къ большому неудовольствію жителей Багдада, остался жить въ восточной Персіи, предоставивъ управленіе всѣми западными провинціями Тагеру, который выказалъ при этомъ ужасную жестокость. Потомки Али и ихъ приверженцы, число которыхъ было очень велико, начали снова волноваться; въ то же время возникло много другихъ сектъ, вслѣдствіе сильнаго распространенія занятій науками и, между прочимъ, астрологіею, магіею и т. п. Въ самомъ халифѣ, на ряду со склонностью къ пьянству, развилась страсть пускаться въ тонкости діалектики и заниматься рѣшеніемъ мелочныхъ вопросовъ, упуская изъ виду дѣла истинной важности. Онъ сталъ покровительствовать такому направленію и при дворѣ, и въ государствѣ. Все это возбудило въ странѣ безпорядки и волненія, усиливаемыя еще тѣмъ, что визирь и любимецъ Мамуна, Фадль, имѣя пристрастіе къ потомкамъ Али, возбуждалъ въ своемъ повелителѣ теологическія сомнѣнія въ законности правъ Аббасидовъ. Возстаніе потомковъ Али, вспыхнувшее въ разныхъ частяхъ государства, хотя и было подавлено, но затрудненія не уменьшались, а напротивъ, еще удвоились, когда Фадль изъ личнаго расположенія къ потомству

Али или изъ желанія примирить партіи, убѣдилъ халифа замѣнить черный цвѣтъ Аббасидовъ зеленымъ, противной партіи, взять себѣ въ соправители и назначить своимъ преемникомъ вліятельнѣйшаго изъ потомковъ Али, Ридду. Эта мѣра заставила присоединиться къ недовольнымъ всѣхъ друзей и сродниковъ Аббасидовъ, и они немедленно провозгласили халифомъ Ибрагима, одного изъ братьевъ Гаруна-аль-Рашида. Только тогда Мамунъ опомнился и сознадъ свою ошибку. Онъ отправился, въ сопровожденіи Тагера, въ Багдадъ, велѣвъ умертвить своего визиря; въ то же время былъ убитъ и Ридда, вѣроятно также по распоряженію халифа. Ибрагимъ бѣжалъ, покинутый своими приверженцами, а Мамунъ, по пріѣздѣ въ Багдадъ, снова замѣнилъ зеленый цвѣтъ на знаменахъ и одеждахъ—чернымъ.

Тагеръ оставался при дворѣ нѣсколько времени; но, замѣтивъ, что халифъ видитъ въ немъ соперника, выпросилъ себѣ намѣстничество въ восточной Персіи, гдѣ вскорѣ основалъ новую династію, Тагеридовъ. Однако онъ еще нѣсколько лѣтъ продолжалъ признавать власть Мамуна, которому, во время внутреннихъ раздоровъ, оставшійся при немъ сынъ Тагера, Абдалла, оказалъ важныя услуги. Мамунъ самъ подавалъ поводъ къ несогласіямъ своею страстью къ догматическимъ словопреніямъ; въ то время возникли повсюду школы утонченныхъ теологовъ; народъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ихъ спорами, и каждый теологическій споръ, въ случаѣ вмѣшательства въ него правительства, становился опаснымъ. Двое знаменитыхъ ученыхъ, Бешръ-аль-Гафи и Мухаммедъ Шафи, спорили между собою о томъ, созданъ-ли Коранъ, или нѣтъ. По этому поводу поднялись повсюду жаркія пренія и этотъ голословный вопросъ произвелъ между аравитянами такое же волненіе, какъ въ семнадцатомъ столѣтіи, во Франціи, споръ янсенистовъ съ іезуитами. Къ несчастью, Мамунъ злоупотреблялъ своею силою, поддерживая одну изъ этихъ партій. При дворѣ его пріобрѣлъ большое вліяніе одинъ знаменитый ученый, Ибнъ-Абу-Дауду, принадлежавшій къ партіи мотазалитовъ, которые утверждали, что Коранъ былъ созданъ, и Мамунъ постановилъ его ученіе закономъ для всѣхъ. На противниковъ его поднялись страшныя гоненія, вокорѣ всѣ темницы наполнились этими несчастными. Такія несправедливости были тѣмъ поразительнѣе, что онѣ совершались человѣкомъ, нелишеннымъ хорошихъ качествъ и выказавшимъ терпимость даже въ отношеніи къ христіанамъ; Мамунъ, первый изъ халифовъ, приказалъ перевести на счетъ казны на арабскій языкъ сочиненія Аристотеля, Эвклида и другихъ древнихъ языческихъ писателей. Впрочемъ, въ такомъ сочетаніи противоположныхъ стремленій нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ при дворѣ этого самаго государя роскошь и изнѣженность дошли до такой степени, что съ тѣхъ поръ всѣ члены царствующаго дома оказывались отъ рожденія неспособными къ правленію.

Множество возмущеній, вызванныхъ большею частью гоненіями Мамуна, сильно потрясали государство внутри, способствуя Тагеридамъ и Аглабитамъ утвердиться въ своихъ намѣстничествахъ. На Тигрѣ снова возмутились фанатическіе сектаторы, хариджиты, но были силою оружія усмирены сыномъ Тагера, Абдаллою. Въ Египтѣ, гдѣ жестокость намѣстника давно уже возбудила волненія, андалузскіе корсары (стр. 318), пользуясь междоусобіями и утвердившись на островѣ Критѣ, стали дѣлать частые набѣги на страну, захватывая въ неволю множество людей. Патріархъ коптовъ однажды выкупилъ у нихъ за разъ шесть тысячъ своихъ единовѣрцевъ. Наконецъ андалузцы, соединившись съ недовольными въ самомъ Египтѣ, овладѣли Александріею и совершенно опустошили ее. Это вынудило Мамуна отправить въ Египетъ сначала Абдаллу, а потомъ своего брата, Мотассема, вручивъ обоимъ почти неограниченную власть. Андалузцы были, наконецъ, прогнаны; но христіане, еще прежде возставшіе вслѣдствіе притѣсненій, продолжали держаться въ неприступныхъ частяхъ страны и были покорены только голодомъ и оружіемъ. Около Каспійскаго моря появился между тѣмъ страшный фанатикъ, Бабекъ Хорреми, истребившій, какъ говорятъ, не менѣе трехъ-сотъ тысячъ человѣкъ. Мамунъ, вызвавъ изъ Египта Абдаллу, послалъ его противъ этого изверга, и только послѣ продолжительной войны фанатическія шайки Бабека были разсѣяны; остатки ихъ нашли убѣжище въ византійской имперіи, что и было поводомъ къ войнѣ, длившейся съ перемѣннымъ счастіемъ до слѣдующаго царствованія. Мамунъ самъ выступилъ въ

походъ и показалъ себя грекамъ опаснымъ противникомъ. Вообще этотъ халифъ былъ способенъ къ правительственной дѣятельности, хотя и ввелъ при своемъ дворѣ разсѣянную, пресыщенную удовольствіями жизнь, поручая почти всѣ предпріятія своимъ полководцамъ и слишкомъ довѣряя визирямъ. Онъ умеръ внезапно въ 833 г.

Мамуну наслѣдовалъ не сынъ его, Аббасъ, а четвертый братъ его, Мотассемъ. Первый былъ умерщвленъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, по распоряженію своего дяди. Мотассемъ, вообще кроткій, щедрый и снисходительный, преслѣдовалъ съ неумолимою жестокостью всѣхъ, кто не признавалъ, что коранъ былъ созданъ. Онъ, подобно многимъ восточнымъ государямъ, старался возвысить блескъ своего двора различными сооруженіями, украсилъ мѣстность выше Багдада, въ ту пору самую населенную въ мірѣ, великолѣпными садами, основалъ тамъ городъ Самарахъ и выстроилъ въ немъ великолѣпный дворецъ. Въ войнѣ съ греками онъ былъ не такъ счастливъ, какъ его предшественники. Царствованіе его наиболѣе замѣчательно тѣмъ, что онъ первый изъ Аббасидовъ организовалъ для себя наемную гвардію и этимъ подвергнулъ государство всѣмъ бѣдствіямъ владычества преторіанцевъ (стр. 317). Не довѣряя аравитянамъ и жителямъ Ирака, терпѣвшимъ отъ него гоненія, онъ набралъ себѣ тѣлохранителей изъ отпущенниковъ, большею частью турецкаго происхожденія. Отличаясь физическою силою и не имѣя родственныхъ связей въ странѣ, эти люди, казалось, могли быть вполнѣ надежными защитниками халифа. Но Мотассемъ не разсудилъ, что эти толпы, сдѣлавшись хранителями особы государя, неминуемо должны были стать его повелителями. Дѣйствительно, уже первый начальникъ ихъ, Вассифъ, пріобрѣлъ огромное вліяніе и власть при дворѣ. По смерти Мотассема, зло это продолжало развиваться, пока наконецъ начальники гвардіи не сдѣлались неограниченными повелителями государства, дѣйствуя именемъ халифа.

Ватекъ, сынъ Мотассема (842 — 847), слабый и больной, совершенно запуталъ государственныя дѣла своею неумѣстною набожностью, отдавая явное предпочтеніе уроженцамъ Мекки и Медины предъ персами и жителями Ирака, потому что приписывалъ первымъ болѣе святости. Ватекъ покровительствовалъ потомкамъ Али и съ такимъ фанатизмомъ держался ученія о созданіи корана, что однажды, при размѣнѣ плѣнныхъ между аравитянами и греками, выкупилъ только тѣхъ, которые держались этого догмата. По его смерти, Вассифъ и верховный кади, или первый багдадскій судья, провозгласили халифомъ презрѣннаго брата его, Джіафара, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Мотавакеля, который, (847 — 861) былъ бы лучшимъ изъ всѣхъ государей, если бы такъ же заботился о своей нравственности, какъ объ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ ислама. Онъ былъ отъявленнымъ противникомъ потомковъ Али, къ которымъ были расположены родной сынъ его и другіе члены его фамиліи, и только изъ ненависти къ нимъ велѣлъ прекратить гоненія на мотазалитовъ. Мотавакель приказалъ, чтобы евреи и христіане носили особые внѣшніе знаки и ѣздили только на ослахъ и мулахъ, а на домахъ христіанъ велѣлъ выставить изображенія идоловъ, обезьянъ и свиней. Одного ложнаго пророка онъ осудилъ быть забитымъ до смерти его же собственными послѣдователями и т. п. Онъ и визирь его, Фатахъ, были развратнѣйшими людьми во всемъ государствѣ, и поэтому покровительствовали только мусульманскимъ теологамъ и докторамъ, которые одни могли спасти ихъ души и тѣла, послѣ того какъ сами они дѣлали все, чтобы погубить ихъ. Всѣ остальныя сословія терпѣли отъ нихъ ужасныя гоненія. Восемьдесятъ тысячъ человѣкъ были казнены за возстаніе въ Арменіи и Адзербиджанѣ; государственные доходы тратились на турецкую гвардію и на пышныя и безполезныя постройки. Въ особенности украшалъ Мотавакель Дамаскъ, куда онъ перенесъ свою резиденцію; но когда турки принудили его вернуться въ Самарахъ, онъ построилъ въ Махурѣ громаднѣйшій дворецъ, вокругъ котораго образовался цѣлый городъ. Кровожадность Мотавакеля обратилась наконецъ и на бывшихъ любимцевъ его, турецкихъ военачальниковъ Вассифа, Богу и Багера; но они предупредили его и Багеръ умертвилъ Мотавакеля на пиру тою же самою саблею, которую онъ подарилъ ему когда-то, заплативъ за нее девять тысячъ рублей.

Неизвѣстно, добровольно или по принужденію участвовалъ въ убійствѣ отца Монтасеръ (861 — 862), сынъ и наслѣдникъ Мотавакеля; съ этихъ поръ исторія халифовъ теряется внутри гарема и принимаетъ иногда сказочный характеръ. Извѣстно только, что Монтасеръ былъ рабомъ своей турецкой гвардіи. Сложивъ всю вину въ убійствѣ отца на визиря Фатаха, онъ приказалъ умертвить его, обнародовавъ его преступленіе; но никто не повѣрилъ ему и, вмѣсто оправданія, поступокъ его съ визиремъ навлекъ на него еще бо́льшія обвиненія. Угрызенія совѣсти преслѣдовали его до самой смерти, и на смертномъ одрѣ, на вопросъ матери, какъ онъ себя чувствуетъ, Монтасеръ отвѣчалъ: «Мнѣ кажется, и тотъ, и этотъ міръ меня отталкиваютъ.» Онъ явно выказалъ свою зависимость отъ гвардіи, когда, вынужденный турками, заставилъ обоихъ братьевъ отказаться отъ участія въ управленіи, къ которому они были призваны завѣщаніемъ Мотавакеля. «Не думайте, сказалъ имъ Монтасеръ, что я отрѣшаю васъ въ надеждѣ дожить до совершеннолѣтія моего сына. Я вовсе не разсчитываю на это, но турки принуждаютъ меня удалить васъ.» Смерть Монтасера доказала всю справедливость его словъ. Турки не допустили до трона ни братьевъ, ни сына его, а провозгласили халифомъ Мостаина, внука Мотассема. При этомъ халифѣ (862—866) греки вели счастливыя войны съ аравитянами и проникли до Месопотаміи. Въ Табарестанѣ, или въ нынѣшнемъ Мазандеранѣ, провозгласилъ себя независимымъ государемъ потомокъ Али, Гасанъ, а въ Седжестанѣ утвердилась независимая династія Соффаридовъ. Въ Багдадѣ, народъ и туземное войско соединились противъ турецкой гвардіи, выведенные изъ терпѣнія ея своеволіемъ, освободили узниковъ и сожгли казначейство и архивъ, но послѣ страшной рѣзни, были снова усмирены своими противниками. Турецкіе военачальники, Багеръ и Атамишъ, захватили въ свои руки все управленіе, но противъ нихъ возстали Вассифъ и Бога Младшій, и умертвили ихъ. Вслѣдствіе этого началась новая рѣзня. Турецкая гвардія окружила дворецъ въ Самарахѣ, гдѣ находился халифъ и оба убійцы и, когда Мостаинъ бѣжалъ въ Багдадъ, провозгласили халифомъ Мотацца, одного изъ сыновей Мотавакеля, брошенныхъ въ темницу послѣ ихъ насильственнаго отреченія. Мостаинъ надѣялся удержаться въ Багдадѣ съ помощью Тагеридовъ Мухаммеда и Солимана, которымъ онъ когда-то оказалъ важныя услуги. Онъ поручилъ имъ начальство надъ войсками, но Тагериды выдали его врагамъ, которые умертвили его послѣ того, какъ онъ торжественно объявилъ, что добровольно отрекается отъ престола (866).

Едва вступивъ на тронъ, Мотацъ велѣлъ умертвить своего брата, котораго думали противопоставить ему турки, и старался потомъ избавиться отъ докучнаго надзора турецкихъ военачальниковъ, посѣвая между ними несогласія; но обстоятельства не благопріятствовали ему, и хотя ему удалось погубить Вассифа и Богу Младшаго, но Бога Старшій и сынъ Вассифа, Салехъ, воспользовались денежными затрудненіями халифа, чтобы погубить его. По наущенію своихъ начальниковъ, турки стали съ угрозами требовать уплаты имъ пятидесяти тысячъ червонныхъ; Мотацъ тщетно обращался за ними къ своей скупой матери, захватившей всю государственную казну. Хищные варвары приняли его бѣдность за упорство, и вытащивъ его изъ дворца, побоями принудили отречься отъ престола и умертвили его, промучивъ три дня голодомъ (869). Вмѣстѣ съ нимъ погибла столь же ужасною смертью и безчеловѣчная мать его. Скрытыя сокровища ея были отысканы; кромѣ несмѣтнаго количества драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, они состояли изъ полутора милліона червонныхъ. Мотади, сынъ Ватека, возведенный на престолъ тѣлохранителями, выказалъ болѣе рѣшительности, чѣмъ его предшественникъ, и составилъ твердое намѣреніе энергическими мѣрами положить конецъ неурядицѣ, потрясавшей государство. Мотади не только самъ велъ простую и умѣренную жизнь, но и старался ввести ее при своемъ дворѣ. Вино было строжайше запрещено; фигляры, пѣвцы и другіе потѣшники были прогнаны изъ дворца; халифъ сталъ лично и строго наблюдать за исполненіемъ законовъ и государственными дѣлами и облегчилъ бремя налоговъ, владѣя сокровищами, накопленными матерью Мотацца. Но всѣ эти стремленія были безуспѣшны, потому что Мотади, подобно своему предшественнику, погибъ отъ дикой турецкой солдатчины. Чрезъ годъ по вступленіи на престолъ, онъ рукою Музы, сына Боги, умертвилъ могущественнаго Салеха, которому былъ обязанъ властью,

и готовилъ туже участь Музѣ, чрезъ посредство другаго турка, Баикіала. Но Баикіалъ показалъ его приказъ Музѣ и оба они соединились вмѣстѣ для низверженія халифа. Но съ Мотади было не такъ легко справиться, какъ съ Мотаддомъ. Онъ приказалъ немедленно схватить и умертвить Баикіала и бросить его голову возмутившимся туркамъ, а самъ, съ мечомъ въ рукѣ и съ кораномъ на груди, выступилъ имъ на встрѣчу во главѣ другихъ своихъ наемныхъ войскъ. Къ несчастью, войска его далеко уступали туркамъ въ числѣ и храбрости. Послѣ кровавой битвы, въ которой пало четыре тысячи чѣловѣкъ, Мотади попался въ руки враговъ. Они избили его, принуждая отречься отъ власти, и не побѣдивъ его упорства, умертвили самымъ ужаснымъ образомъ (870). На престолъ былъ призванъ изъ темницы четвертый сынъ Мотавакеля, Мотамедъ. Почти все его царствованіе (870 — 892) состояло изъ ряда междоусобій и возмущеній. Всѣ нити, сдерживавшія государство, казалось, были готовы разорваться въ то самое время, когда арабская культура достигла своего высшаго развитія. На Востокѣ происходили важныя перемѣны, которыя привели бы государство къ совершенному распаденію, если бы въ этой части страны уваженіе къ духовному значенію сана халифа не было сильнѣе, нежели на Западѣ, гдѣ уже не стѣснялись и этимъ. Эта разница между двумя половинами мухаммеданскаго государства происходила отъ того, что на Западѣ преобладаніе было на сторонѣ тѣхъ, кто сомнѣвался въ законности правъ Аббасидовъ, а на Востокѣ люди этой партіи составляли угнетенную часть населенія.

11. Исторія Аббасидовъ и болѣе значительныхъ династій на востокѣ мухаммеданскаго міра до эмирата Буидовъ.

Мы сказали выше (стр. 336), что около 820 г. возникла династія Тагеридовъ, властвовавшая въ Хорасанѣ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ нимъ провинціяхъ. Основатель этой династіи, полководецъ Мамуна, Тагеръ, не задолго до своей смерти исключилъ даже имя халифа изъ хотбы или общественной молитвы, но сынъ его, Талага (822 — 828), снова подчинился Мамуну. По смерти Талаги, Мамунъ самъ назначилъ намѣстникомъ Хорасана брата его, Абдаллу, который постоянно оставался вѣренъ халифу и оказалъ Мамуну такія же услуги, управляя ввѣренной ему провинціею, какъ и до того своими военными талантами, водворившими спокойствіе въ государствѣ. О сынѣ его, Тагерѣ II (844 — 862), извѣстно только, что онъ, какъ и всѣ вообще владѣтели этого дома, былъ кротокъ и добродушенъ. Мухаммедъ, сынъ Тагера II (862 — 873), былъ тоже добръ, но слабъ характеромъ и слишкомъ любилъ музыку и вино, чтобы быть хорошимъ правителемъ. Въ лицѣ его фамилія Тагеридовъ была низвергнута, и Хорасанъ подпалъ власти Соффаридовъ.

Соффариды происходили отъ Лейта, бывшаго мѣдникомъ въ Седжестанѣ. Одинъ изъ сыновей его, Якубъ, прозванный Соффаромъ, т. е. кузнецомъ, занимался въ началѣ разбоемъ, а потомъ поступилъ на службу къ одному седжестанцу, возставшему противъ Тагеридовъ, и, по смерти его, сталъ во главѣ возставшихъ. Вскорѣ онъ покорилъ весь Седжестанъ, Табарестанъ и Балкъ, проникнулъ даже до Фарсистана и потребовалъ, чтобы халифъ уступилъ ему въ ленное владѣніе три первыя провинціи. Требованіе его было исполнено; но потомъ, вторично ворвавшись въ Фарсистанъ (870), онъ былъ отраженъ храбрымъ Моваффекомъ, братомъ халифа Мотамеда; тогда Якубъ обратилъ всѣ свои силы противъ Индіи. Овладѣвъ Кабуломъ, онъ, чтобы задобрить халифа, послалъ ему часть захваченной тамъ добычи, и по своемъ возвращеніи напалъ на Тагерида Мухаммеда, который жилъ въ безразсудной безпечности и былъ на столько простъ, что послалъ спросить у Соффарида, какія онъ имѣетъ права на Хорасанъ. Якубъ вмѣсто отвѣта указалъ на свою саблю. Мухаммедъ, покинутый почти всѣми своими приближенными, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Седжестанъ со всею роднею (873); жизнь его была однако пощажена побѣдителемъ. Вслѣдъ за тѣмъ Якубъ обратился противъ потомка Али, Гасана, отнявшаго передъ тѣмъ у Тагеридовъ Джорджанъ и Табарестанъ, вытѣснилъ

его изъ его владѣній и преслѣдовалъ до самаго Гиляна; но здѣсь въ войскѣ открылась моровая язва, похитившая у Якуба сорокъ тысячъ человѣкъ. Тогда онъ охотно принялъ бы отъ халифа утвержденіе въ присвоенной имъ власти; но халифъ объявилъ его бунтовщикомъ, хотя въ то же время не могъ управиться съ возставшимъ намѣстникомъ Фарсистана. Якубъ бросился на послѣдняго, изгналъ его изъ этой провинціи и двинулся прямо на Багдадъ, откуда халифъ тщетно предлагалъ ему тогда требуемую имъ инвеституру на покоренныя провинціи. Но храбрый Моваффекъ, выступивъ съ войскомъ противъ Соффарида, одержалъ надъ нимъ побѣду. Однако Якубъ снова собралъ войско, отвергъ миръ, вновь предложенный халифомъ, и грозилъ овладѣть самимъ Багдадомъ. Смерть не дала ему времени исполнить эту угрозу (879). Братъ его, Амру, вступивъ въ переговоры съ халифомъ, получилъ отъ него покоренныя Якубомъ провинціи.

Такимъ образомъ власть Аббасидовъ на востокѣ почти совершенно перешла къ персидскимъ династіямъ Тагеридовъ и Соффаридовъ, и въ то же самое время Египетъ былъ отнятъ у нихъ Ахмедомъ, основателемъ династіи Тулунидовъ (стр. 327), а внутри государства происходили опасныя волненія. Всѣ эти затрудненія были не по силамъ халифу Мотамеду и онъ принялъ въ соправители брата своего, Моваффека (872). Послѣдній одинъ поддерживалъ еще, сколько могъ, колеблемое со всѣхъ сторонъ могущество халифата. Одно изъ самыхъ важныхъ возстаній было возбуждено обманщикомъ Али-аль-Хабитомъ, который, выдавъ себя за потомка Али, привлекъ къ себѣ шайки разбойниковъ, обитавшія въ степяхъ вокругъ Бассры, и во главѣ ихъ совершалъ величайшія злодѣйства. Приверженцы его, называвшіеся зенгерами, могли выставить до восьмидесяти, а по другимъ извѣстіямъ—до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, способныхъ носить оружіе. Съ этою многочисленною и кровожадною ордою онъ разбилъ войска халифа и свирѣпствовалъ въ продолженіе двадцати лѣтъ на обширномъ пространствѣ вокругъ Бассры, и напавъ однажды на этотъ городъ, самый многолюдный послѣ Багдада, перерѣзалъ тамъ, какъ говорятъ, всѣхъ жителей. Моваффекъ нѣсколько разъ терпѣлъ отъ него пораженія и только по смерти Хабита (883) можно было снова привесть въ повиновеніе зенгеровъ. Вскорѣ по смерти Мотамеда возникла новая секта фанатиковъ, основанная выходцемъ изъ Хузистана. Эта секта была опаснѣе всѣхъ прежнихъ и можетъ быть сравниваема только съ аравійскими вехабитами нашего времени. Приверженцы ея приняли названіе карматійцевъ. Распространившись, они сильно потрясали спокойствіе государства при ближайшихъ преемникахъ Мотамеда.

Моваффекъ оказалъ еще важную услугу государству, уничтоживъ по смерти Боги турецкія войска; но, къ сожалѣнію, безъ этихъ сильныхъ и смѣлыхъ людей нельзя было обойтись, и при слѣдующемъ же халифѣ образовалась новая турецкая гвардія. Однако вліяніе и уваженіе, которыми пользовался Моваффекъ, возбудили наконецъ основательныя опасенія въ его слабомъ братѣ, и Мотамедъ задумалъ отдѣлаться отъ него коварнымъ образомъ. Въ Сиріи возстали намѣстники Тулунидовъ и признали надъ собою власть Моваффека. Мотамедъ же изъ зависти къ брату соединился съ Тулунидомъ Ахмедомъ и, вѣроятно, внушилъ ему не только исключить изъ молитвы имя Моваффека, но и велѣлъ проклинать его во всѣхъ мечетяхъ Египта. Онъ хотѣлъ даже отдаться подъ покровительство Ахмеда и назначить своимъ преемникомъ его сына, но его братъ не допустилъ этого. Мотамедъ умеръ въ 892 г. черезъ годъ по смерти Моваффека, и назначилъ своимъ преемникомъ его сына, Мотада (892—902). При этомъ государѣ пали могущество и значеніе Тулунидовъ и Соффаридовъ, но на мѣстѣ послѣднихъ возникла въ Персіи новая династія Саманидовъ, а секта караматійцевъ продолжала распространяться въ государствѣ. Въ 902 г. Мотаду наслѣдовалъ сынъ его, Моктафъ, царствовавшій до 908 г., и отнявшій Египетъ у Тулунидовъ. На востокѣ, гдѣ Саманидъ Измаилъ ограничилъ владѣнія Соффаридовъ однимъ Седжестаномъ, обстоятельства также начинали, повидимому, благопріятствовать Аббасидамъ, но въ дѣйствительности, Саманиды вскорѣ сдѣлались для нихъ страшнѣе самихъ Соффаридовъ.

Саманиды, выдававшіе себя, какъ и всѣ персидскія династіи, за потомковъ Сассанидовъ, еще во времена халифа Мамуна владѣли четырьмя персидскими намѣстничествами. Одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Ахмедъ, по смерти

своихъ братьевъ и съ согласія сосѣднихъ Тагеридовъ, соединилъ всѣ эти провинціи подъ своимъ управленіемъ и потомъ раздѣлилъ ихъ, какъ наслѣдственныя намѣстничества, между семью сыновьями. Послѣ паденія Тагеридовъ, сыновья Ахмеда, какъ подчиненные владѣтелямъ сосѣдняго Хорасана, а не халифу, объявили себя самостоятельными правителями; но перессорились между собою и распря ихъ окончилась тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, Измаилъ, соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ владѣнія своей фамиліи, т. е. все пространство отъ Каспійскаго моря до Бухаріи (892). Вскорѣ затѣмъ Измаилъ воспользовался случаемъ завладѣть и достояніемъ Соффаридовъ, изъ которыхъ одинъ, Амру, пріобрѣтя отъ халифа инвеституру, предъявилъ свои притязанія на владѣнія Измаила. Но онъ взятъ въ плѣнъ, и Измаилъ, въ видѣ довольно страннаго доказательства своей покорности, отправилъ его къ тому самому халифу, инвеституроюкотораго такъ гордился его побѣжденный противникъ (900). По другимъ же извѣстіямъ, самъ халифъ поручилъ Измаилу низложить Амру. Какъ бы то ни было, но Амру по приказанію Мотада, былъ брошенъ въ темницу. Съ нимъ пало владычество Соффаридовъ; только въ небольшой провинціи Седжестанъ династія эта продержалась еще около ста лѣтъ. Измаилъ въ тотъ же самый годъ побѣдилъ и одного мнимаго потомка Али, завладѣвшаго Табарестаномъ, послѣ низверженія Амру. Такимъ образомъ, вся Персія снова соединилась подъ властью одного лица, скорѣе вслѣдствіе сознаваемой всѣми потребности въ защитѣ, чѣмъ вслѣдствіе стремленія Саманидовъ къ завоеваніямъ. Измаилъ призналъ однако надъ собою власть халифа и даже явился къ нему на помощь въ Иранъ. Ему подчинилась также часть Туркестана. Онъ умеръ въ 907 году, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ за могущество и любовью за справедливость и доброту. Халифу Моктафу удалось, между тѣмъ, отнять Египетъ у Тулунидовъ и разбить караматійцевъ, которые снова дѣлались опасными для государства. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, Египетъ опять былъ потерянъ, а караматійцы, уже при ближайшемъ преемникѣ Моктафа, снова выступили на сцену, въ большемъ числѣ и съ удвоенною энергіею. Подобныя явленія указывали на неминуемое паденіе государства; а между тѣмъ, въ эту же эпоху, у мухаммеданъ было необыкновенно много писателей, при дворѣ господствовали утонченность нравовъ и образованіе, науки и искусства процвѣтали на всемъ пространствѣ отъ Инда до Египта. При этомъ намъ невольно приходятъ на память времена Птолемеевъ, Августа и Людовика XIV, и мы скорѣе готовы задуматься надъ судьбою людей, чѣмъ пожалѣть о нихъ. Въ эту же эпоху при дворѣ халифа жилъ арабскій Вольтеръ, Ахмедъ-бенъ-Ягіа, обыкновенно называемый Ибнъ-аль-Раванди, т. е. Ибнъ-Еретикомъ.

Когда умеръ Моктафъ (908), визирь его, не спрашивая,—какъ это дѣлалось прежде,—ни верховнаго кади, ни начальниковъ тѣлохранителей, возвелъ на престолъ тринадцатилѣтняго брата покойнаго халифа, Моктадера. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ часть тѣлохранителей, оскорбленная пренебреженіемъ къ ней, взбунтовалась, убила визиря и провозгласила халифомъ Абдаллу, сына бывшаго халифа Мотадда, человѣка, замѣчательнаго своими нравственными качествами и поэтическимъ талантомъ. Противная партія одолѣла приверженцевъ Абдаллы, предоставившихъ его на произволъ судьбы, и онъ долженъ былъ поплатиться жизнью за тѣнь власти, которою пользовался въ продолженіе однѣхъ сутокъ. Съ этихъ поръ вся власть перешла въ руки турецкихъ тѣлохранителей, которые заняли всѣ высшія должности, оставивъ молодаго халифа расти среди женщинъ, евнуховъ и невольниковъ, вдали отъ государственныхъ дѣлъ и отъ общества. Къ этому же времени относятся удачныя предпріятія грековъ противъ мухаммеданъ. Войска императора Константина Порфиророднаго проникли до самой Месопотаміи, и были бы еще опаснѣе для аравитянъ, если бы нападенія болгаръ не вынудили греческое правительство отозвать свою армію въ Европу и вступить съ халифомъ въ переговоры о мирѣ (917). При этомъ случаѣ Моктадеръ выказалъ передъ греческими послами весь блескъ и восточную роскошь своего двора, превосходившую, даже въ эту эпоху, все что могъ представить въ этомъ родѣ Константинополь. Въ честь пословъ, въ Багдадѣ былъ сдѣланъ парадъ полутораста тысячъ войска; во время торжественной аудіенціи передъ дворцомъ были выставлены семь тысячъ евнуховъ и семьсотъ привратни-

ковъ; придворные слуги были въ богатѣйшей одеждѣ, украшенной золотомъ и драгоцѣнными каменьями. На одно украшеніе дворца пошло двѣнадцать тысячъ пятьсотъ кусковъ шелковой парчи. На дворѣ стояли прикованными сто львовъ и, между прочими украшеніями, въ главной залѣ дворца было выставлено дерево, вылитое изъ массивнаго золота, съ восемнадцатью большими вѣтвями, покрытыми золотыми и серебряными птицами, которыя, посредствомъ особеннаго механизма, издавали звуки. Но миръ длился не долго, и, когда война возобновилась, мухаммедане снова были побѣждены, такъ что неизвѣстно, чему слѣдуетъ приписать снисходительность Моктадера въ отношеніи къ христіанамъ, обязательству ли, наложенному на него мирнымъ договоромъ съ греками, или вообще смягченію нравовъ и образованности его двора, скорѣе персидскаго, чѣмъ арабскаго. Впрочемъ, послѣднее вѣроятнѣе.

Непрерывныя волненія, возбуждаемыя дурными правителями, лжеучителями и честолюбивыми вельможами, угрожали халифату близкимъ паденіемъ, которое и послѣдовало-бы неизбѣжно, если бы его не поддерживала еще сила общественнаго мнѣнія. Чтобы дать понятіе о произвольномъ и безразсудномъ образѣ дѣйствій министровъ, довольно сказать, что визирь Мухаммедъ, въ продолженіе двадцати дней перемѣнилъ семь намѣстниковъ въ Куфѣ. Поступокъ съ Галаагомъ, явившимся въ 920 г., служитъ доказательствомъ, какія безразсудныя мѣры были принимаемы противъ лжеучителей, и какъ дурное правительство само способствуетъ развитію расколовъ. Галаагъ былъ замученъ до смерти за то, что, вмѣстѣ съ однимъ знаменитымъ учителемъ, говорилъ, что милостыня можетъ замѣнить путешествіе къ святымъ мѣстамъ. Этотъ человѣкъ могъ быть лицемѣромъ, но ни въ какомъ случаѣ не заслуживалъ казни. Страшнѣе всѣхъ было никогда и ничѣмъ неискореняемое ученіе караматійцевъ, подрывавшее самый принципъ, на которомъ основывалось могущество халифата. Эта секта состояла, большею частью, изъ кровожадныхъ разбойниковъ. Тогдашній предводитель ихъ, Абу-Тагеръ, взялъ и разграбилъ городъ Бассру (923) и два раза, въ продолженіе двухъ лѣтъ, отдавалъ Куфу на жертву своимъ дикимъ ордамъ. Разбивъ съ гораздо меньшими силами высланное противъ него войско, онъ подступилъ было къ Багдаду, но къ счастью, орды его, состоявшія преимущественно изъ бедуиновъ, которыхъ болѣе прельщалъ грабежъ, чѣмъ завоеванія, предпочли, оставивъ въ покоѣ хорошо укрѣпленный городъ, направиться къ прежней столицѣ Самараху. Разрушивъ ее и пробуйствовавъ нѣкоторое время по берегамъ Евфрата, они двинулись въ Аравію и овладѣли тамъ священнымъ городомъ Меккою. Умертвивъ въ ней болѣе тридцати тысячъ жителей и разграбивъ Каабу, они взяли оттуда черный камень и перенесли его въ городъ Геджеръ, гдѣ Абу-Тагеръ основалъ свою резиденцію. Чрезъ двадцать одинъ годъ камень этотъ былъ обратно перенесенъ въ Мекку, но при этомъ отъ него отбили кусокъ и вставили его въ порогъ дворца халифовъ въ Багдадѣ. Это доставляло халифу внѣшній признакъ уваженія со стороны еретиковъ и шіитовъ, такъ какъ съ того времени всякій, вступившій во дворецъ, считалъ тяжкимъ грѣхомъ не пасть ницъ и не облобызать его порога. Абу-Тагеръ до самой смерти удерживалъ въ своей власти часть Аравіи и Иракъ (943). Халифъ не имѣлъ силы защитить отъ грабежа и опустошенія даже главныхъ провинцій своего государства, въ то время, когда въ самой резиденціи происходили опасныя волненія, а на сѣверѣ утвердились двѣ новыя династіи. Когда караматійцы угрожали Багдаду (929), начальникъ турецкой гвардіи, Мунасъ, рѣшился пожертвовать халифомъ, чтобы укротить неистовство солдатъ и народа, принудилъ его отречься отъ трона, и, отдавъ дворецъ на разграбленіе туркамъ, возвелъ на тронъ брата Моктадера, Кагера. Низверженный халифъ былъ выданъ хитрому Мунасу, который черезъ три дня, собравъ другихъ солдатъ, на которыхъ могъ положиться, направилъ ихъ на дворецъ. Самъ онъ, въ продолженіе всѣхъ этихъ страшныхъ сценъ, благоразумно скрывался вдали и повелъ дѣло такимъ образомъ, что солдаты принудили его снова возстановить низвергнутаго халифа. Кагеръ былъ переданъ подъ надзоръ своей мачихи.

При Моктадерѣ возникли новыя могущественныя династіи—Гамаданиды или Талебиды, въ Месопотаміи и Сиріи, и Дилемиты, въ Гилянѣ. О послѣднихъ мы будемъ говорить впослѣдствіи; первые же, не смотря на ограниченность своихъ владѣній, играли важную роль въ въ исторіи. Основатель ихъ,

Гамаданъ, арабъ изъ племени Талеба, былъ, въ 892 г., владѣтелемъ города Мареддина и вассаломъ халифа Мотада. Впослѣдствіи онъ возсталъ противъ его власти и былъ взятъ въ плѣнъ. Далѣе о немъ ничего неизвѣстно. Сынъ его, Абулъ-Гиджія, получилъ отъ халифа Моктафа начальство надъ войскомъ и, кромѣ того, города Алеппо, Діарбекиръ, Мосулъ и другіе въ ленное владѣніе. Въ 920 г. Гиджіи наслѣдовалъ сынъ его, Абу-Мухаммедъ-Гасанъ, получившій впослѣдствіи почетное прозвище Наср-эд-Даулъ, т. е. защитника государства; онъ почти былъ независимъ и только платилъ Моктадеру ежегодную дань. Когда Мунасъ, поссорясь съ халифомъ въ 932 г., задумалъ низвергнуть его и отправился въ Мосулъ, чтобы собрать недовольныхъ, халифъ просилъ Насръ-эд-Даулу не пускать въ городъ мятежника. Но онъ не былъ въ силахъ исполнить воли Моктадера и самъ былъ изгнанъ Мунасомъ изъ Мосула на цѣлые девять мѣсяцевъ. Мунасъ, собравъ въ этомъ городѣ сильное войско, двинулся съ нимъ къ Багдаду. Услыхавъ о его приближеніи, Моктадеръ хотѣлъ было бѣжать, но приближенные убѣдили его выступить на встрѣчу бунтовщику въ мантіи Мухаммеда, въ сопровожденіи духовенства и приказавъ нести передъ собою коранъ. Этимъ способомъ они надѣялись обезоружить приверженцевъ Мунаса, внушивъ имъ состраданіе и уваженіе къ человѣку, который столько лѣтъ считался главою правовѣрныхъ. Однако, ничто не помогло, и Моктадеръ былъ убитъ африканскими солдатами, которые считали его, какъ Аббасида, еретикомъ (932). У Моктадера не было недостатка въ хорошихъ качествахъ, и къ чести его нужно сказать, что въ его царствованіе процвѣтали науки и что онъ покровительствовалъ нѣкоторымъ изъ знаменитыхъ арабскихъ астрономовъ и врачей.

Мунасъ притворился сильно огорченнымъ смертью халифа, но возвелъ на престолъ не сына его, а брата, того самаго Кагера, котораго мы уже видѣли халифомъ, въ продолженіе трехъ дней. Онъ началъ свое правленіе ужаснѣйшими жестокостями надъ своими родственниками, отъ которыхъ хотѣлъ вынудить указанія скрытыхъ сокровищъ. Онъ вполнѣ заслужилъ свою участь: предоставивъ ему утопать въ однихъ чувственныхъ наслажденіяхъ, Мунасъ держалъ его во дворцѣ какъ узника. Поэтому халифъ составилъ противъ него заговоръ, но былъ выданъ своему врагу и тотъ умертвилъ бы его непремѣнно, еслибы не почувствовалъ вдругъ угрызеній совѣсти. Мунасъ пощадилъ соучастниковъ Кагера, а тотъ, въ благодарность, подослалъ къ нему убійцъ. Оставшись самодержавнымъ властителемъ, Кагеръ, вполнѣ выказывавшій свое ничтожество, не долго продержался на престолѣ. Онъ отплатилъ убійцамъ Мунаса неблагодарностью и тѣ, подговоренные визиремъ Ибнъ-Моклою, отставленнымъ Кагеромъ, низвергнули его съ престола (934). Халифъ казался до того ничтожнымъ, что его даже не лишили жизни и онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, служа живымъ примѣромъ того, какъ иногда бываетъ кратокъ путь отъ высшей точки земнаго величія до глубочайшаго паденія. Ибнъ-Мокла приказалъ ослѣпить Кагера и бросить его въ темницу, гдѣ онъ пробылъ десять лѣтъ. Потомъ онъ до самой смерти (950) жилъ въ крайней нищетѣ, питаясь подаяніемъ. Одѣтый въ лохмотья, онъ становился по пятницамъ у мечети и протягивалъ руку, говоря входящимъ: «Подайте, правовѣрные! я былъ когда-то вашимъ халифомъ, а теперь сталъ нищимъ». Во время его краткаго царствованія возникла новая династія Буидовъ.

Многочисленные приверженцы потомковъ Али нашли себѣ убѣжище въ Дилемѣ, т. е. въ неприступныхъ горахъ, опоясывающихъ съ юга лежащую при Каспійскомъ морѣ провинцію Гилянъ, гдѣ сохранялось еще древне-персидское огнепоклонство. Пользуясь въ этихъ горахъ совершенною независимостью, они однако долгое время тщетно старались утвердиться и внѣ ихъ. Только въ 913 г. имъ удалось наконецъ покорить Гилянъ и часть прилегающей къ нему страны, гдѣ они и основали отдѣльное государство, существовавшее около тринадцати лѣтъ подъ властью династіи Дилемитовъ. Эта династія испытала обычную участь всѣхъ восточныхъ государствъ; нѣкоторые изъ подданныхъ отдѣлились отъ нихъ и основали самостоятельныя владѣнія. Одинъ изъ ихъ намѣстниковъ, Магкамъ, захватилъ себѣ власть въ Джорджанѣ и покорилъ Табарестанъ, но былъ изгнанъ Саманидами. Мардавиджъ (927—935), одинъ изъ полководцевъ Саманидовъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы покорить Дилемъ, Ги-

лянъ, Табарестанъ и другія страны и сдѣлался родоначальникомъ новой династіи, Зіядовъ. Она нашла себѣ опасныхъ соперниковъ въ Буидахъ. Въ войскѣ Мардавиджа служили трое сыновей одного искателя приключеній, Буи, выдававшаго себя за потомка персидскихъ царей, Али, Гасанъ и Ахмедъ. Овладѣвъ, во имя Мардавиджа, Фарсистаномъ (934), они утвердились тамъ и основали новую персидскую династію, подъ именемъ Буидовъ. Признавъ себя вассалами халифа Ради, преемника Кагера, они получили право чеканить монету и самостоятельно управлять завоеванными владѣніями. Спустя десять, или одиннадцать лѣтъ, халифъ Мостакфи далъ имъ особенные почетные титулы, подъ которыми они извѣстны въ исторіи. Али былъ названъ Эмадъ-эд-Даулою, т. е. опорою государства; Гасанъ—Рокнъ-эд-Даулою, или столбомъ государства, а Ахмедъ—Моэзъ-эд-Даулою, т. е. счастьемъ государства. Буиды распространили свои владѣнія на счетъ Саманидовъ, властвовавшихъ въ Хорасанѣ, и Зіядовъ, которые, кромѣ Дилема, владѣли тогда Гиляномъ и Табарестаномъ. Двое старшихъ Буидовъ раздѣлили покоренныя земли такимъ образомъ, что вначалѣ верховнымъ властителемъ былъ Эмадъ-эд-Даула, а по смерти его сдѣлался имъ Рокнъ-эд-Даула. Первый получилъ Фарсистанъ и избралъ своею столицею Ширазъ; второй владѣлъ персидскимъ Иракомъ и жилъ въ городѣ Реи. Третій же братъ, Моэзъ-эд-Даула, получилъ западную часть Хузистана и занялъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, важную должность при дворѣ халифа.

Въ то самое время, когда Буиды покорили себѣ Фарсистанъ, въ Багдадѣ былъ низвергнутъ ничтожный Кагеръ и на тронъ вступилъ сынъ Моктадера, Ради (934). Онъ нашелъ халифатъ въ такомъ жалкомъ состояніи, что для поддержанія его счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ необыкновеннымъ мѣрамъ. Отъ прежняго блеска и величія халифовъ не осталось почти ничего, какъ говоритъ арабскій историкъ Абульфеда; у главы правовѣрныхъ были отняты почти всѣ провинціи и даже въ столицѣ онъ пользовался самою ничтожною властью. Казна была пуста; намѣстники или вовсе не платили ежегодной дани, или высылали ее неисправно. Въ Испаніи, которая уже два столѣтія пользовалась независимостью, владычество Омеядовъ достигло тогда величайшаго блеска, при халифѣ Абд-Эррахманѣ III. Почти въ одно время съ вступленіемъ на тронъ Ради, въ Сиріи и Египтѣ основалась династія Ихшидовъ, а остальная часть Африки и островъ Сицилія повиновались Фатимидамъ. Караматійцы владѣли значительною частью Аравіи; а Гамаданиды—восточною Сиріею и Месопотаміею. Бассра и Вазетъ находились во власти турка Ибнъ-Райека. Въ восточномъ Хузистанѣ утвердилась незначительная династія, принявшая названіе Баридовъ, такъ какъ глава ея занималъ должность шабихъ-аль-барида, т. е. государственнаго почтмейстера. Фарсистанъ достался Буидамъ, распространившимъ свое господство еще далѣе на сѣверъ. Наконецъ Хорасаномъ и Керманомъ владѣли Саманиды, а Табарестаномъ, Дилемомъ и Гиляномъ — Зіяды. Положеніе новаго халифа было тѣмъ затруднительнѣе, что турецкая гвардія вскорѣ принудила его удалить ловкаго и хитраго визиря Ибнъ-Моклу, которому онъ былъ обязанъ престоломъ. Отыскивая вокругъ себя какой-нибудь опоры или друга, который помогъ бы ему силою оружія собрать хотя самыя необходимыя подати, онъ напалъ на счастливую или несчастную мысль ограничить свою дѣятельность одними религіозными дѣлами, предоставивъ другому лицу всю свѣтскую власть, главное начальство надъ войскомъ и надзоръ надъ государственными доходами. Такой помощникъ, какъ правитель имперіи и представитель халифа, долженъ былъ упоминаться вмѣстѣ съ нимъ въ молитвахъ. Ради призвалъ на эту новую должность Ибнъ-Райека, владѣтеля Вазета и Бассры, давъ ему титулъ эмира-аль-омра, т. е. князя князей. Съ учрежденіемъ этого званія, исторія халифата приняла новое направленіе, личность халифа отодвинулась на второй планъ и эмиры-аль-омра сдѣлались неограниченными властителями.

Отправляясь въ Багдадъ, Ибнъ-Райекъ передалъ свои владѣнія въ Вазетѣ и Бассрѣ, вмѣстѣ съ расположенными тамъ войсками, другому турку, Бахаму, который тотчасъ же сталъ домогаться мѣста своего начальника и для этого вступилъ въ союзъ съ бывшимъ визиремъ Ибнъ-Моклою (938). Заговоръ былъ однако открытъ и Ибнъ-Мокла поплатился за несчастную попытку страшными истязаніями и смертью въ темницѣ. Такимъ образомъ кончилъ жизнь этотъ человѣкъ,

знаменитый не только какъ поэтъ, но и какъ изобрѣтатель скорописныхъ буквъ, замѣнившихъ древнее куфическое письмо и донынѣ остающихся въ употребленіи. Участь Ибнъ-Моклы не испугала Бахама; онъ двинулся съ войскомъ на Багдадъ, изгналъ Ибнъ-Райека и наслѣдовалъ ему въ званіи эмира-аль-омра. Халифъ Ради умеръ черезъ два года (940), и Багдадъ испыталъ, по его смерти, всѣ бѣдствія военнаго господства. Бахамъ созвалъ, для избранія новаго халифа, первыхъ лицъ въ городѣ, вмѣстѣ съ законовѣдами, духовными, судьями и всѣми случившимися на лицо Аббасидами и потомками Али, а самъ, во время ихъ совѣщаній, совершенно ограбилъ дворецъ. Къ новоизбранному халифу Моттаки, брату Ради, онъ приставилъ каммергера, или скорѣе тюремщика, которому было приказано держать его узникомъ во дворцѣ. Вскорѣ потомъ Бахамъ умеръ (941) и халифъ тотчасъ завладѣлъ оставленными имъ сокровищами. Но радость его была непродолжительна. Добычу уже сторожилъ другой хищникъ, глава Баридовъ Обейдаллахъ, желавшій захватить въ свои руки званіе эмира. Онъ овладѣлъ Багдадомъ, черезъ нѣсколько дней за свою жестокость былъ изгнанъ оттуда жителями, а мѣсто его занялъ турокъ Кутекинъ. Но Кутекинъ удержался не надолго. Ибнъ-Райекъ, низвергнутый Бахамомъ и успѣвшій основать въ Сиріи небольшое государство, внезапно явился съ войскомъ въ Багдадъ, взялъ въ плѣнъ Кутекина и вторично получилъ званіе эмира-аль-омра. Однако онъ былъ не въ силахъ бороться съ Обейдаллахомъ, который вскорѣ явился передъ Багдадомъ съ значительнымъ войскомъ. Халифъ былъ вынужденъ бѣжать, вмѣстѣ съ своимъ эмиромъ-аль-омра, а Обейдаллахъ съ неслыханною жестокостью свирѣпствовалъ въ Багдадѣ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Бѣглецы искали убѣжища у Гамаданида Абу-Мухаммеда, властителя Мосула, имѣвшаго сильную опору въ своемъ братѣ Абулъ-Гасанѣ, властителѣ Алеппо. Абу-Мухаммедъ велѣлъ умертвить Ибнъ-Райека и поручилъ своему брату, Абулъ-Гасану, водворить халифа въ Багдадѣ, откуда Обейдаллахъ былъ изгнанъ безъ всякаго труда (942). Въ награду за свои услуги Абу-Мухаммедъ получилъ званіе эмира-аль-омра и титулъ Насръ-эд-Даулы, защитника государства, а братъ его, Абулъ-Гасанъ, названіе Сейфъ-эд-Даулы, или меча государства. Дочь Абу-Мухаммеда вышла замужъ за сына халифа, и новый эмиръ потребовалъ, въ видѣ приданаго за женихомъ, такую огромную сумму, что у халифа не хватило его наличныхъ денегъ и онъ долженъ былъ продать не только свои помѣстья, но даже имѣнія своей матери. Это возмутило турецкихъ солдатъ, опасавшихся за свое жалованье и вообще неблагопріятно смотрѣвшихъ на грабежи другихъ. Они разграбили домъ Насръ-эд-Даулы, во время поѣздки его въ Мосулъ, и заставили его брата искать спасенія въ бѣгствѣ. Халифу оставалось только предаться во власть туркамъ, и потому онъ назначилъ эмиромъ-аль-омра ихъ предводителя, Туруна (943). Новый эмиръ-аль-омра обращался съ Моттаки до того деспотически и жестоко, что халифъ, при первомъ удобномъ случаѣ, бѣжалъ изъ Багдада и искалъ убѣжища у Гаманидовъ. Но Гаманиды предпочли употребить свои силы на расширеніе собственныхъ владѣній, а не на достиженіе непрочной власти въ Багдадѣ. Хотя они и приняли халифа въ Мосулъ, но не выказали большаго участія къ нему и дали ему только незначительное войско, которое и было разбито Туруномъ. Моттаки перешелъ изъ Моссула въ Ракку, откуда вступилъ въ переговоры съ Туруномъ, который искалъ случая заманить его въ свои сѣти. Довѣрясь слову противника, Моттаки вернулся въ Багдадъ, но былъ низвергнутъ Туруномъ съ престола, ослѣпленъ и брошенъ въ темницу (944).

Въ то время какъ свѣтская власть халифа сдѣлалась игрушкою буйныхъ солдатъ и смѣлыхъ искателей приключеній, духовное значеніе его также служило яблокомъ раздора между тщеславными и задорными мухаммеданскими богословами. Когда, вслѣдствіе высшаго умственнаго развитія, исламизмъ пересталъ быть дѣломъ вѣры и сердца и обратился въ предметъ замысловатыхъ толкованій, онъ сдѣлался достояніемъ школъ и ученыхъ и остался для жизни только средствомъ и внѣшнею формою. Такимъ образомъ вѣрующіе стали чисто-формалистами и это, а въ особенности духъ времени, дали явное превосходство ихъ соперникамъ, защитникамъ невѣрія, которые, въ свою очередь, уступали защитникамъ вѣры, лишь только дѣло касалось простой истины. Еще въ концѣ восьмаго столѣтія, между сунитами, или правовѣрными, къ которымъ принадлежали и Аббасиды,

возникли четыре главныя секты: ханифитовъ, малекитовъ, шафеитовъ и ханбалитовъ; первые изъ нихъ были мухаммеданскими раціоналистами. Между этими сектами происходили жаркіе споры, и борьба была тѣмъ упорнѣе, чѣмъ менѣе предметъ ея имѣлъ значенія для религіи и для человѣчества. Такъ, напримѣръ, при халифѣ Моктадерѣ, глава ханжей ханбалитовъ, Абу-Бекръ-Марвазъ, спорилъ съ другими богословами о томъ, что именно означаетъ извѣстное мѣсто въ коранѣ:—то ли, что Мухаммедъ будетъ возсѣдать, въ день суда рядомъ съ Богомъ, на небесномъ престолѣ, или что онъ будетъ тогда, предъ лицомъ его, ходатаемъ и защитникомъ правовѣрныхъ. Этотъ споръ не только взволновалъ всѣхъ ученыхъ, но, сдѣлавшись предметомъ всеобщихъ толковъ, произвелъ въ Багдадѣ волненія и кровопролитіе. Въ 935 г., фанатическое лицемѣріе ханбалитовъ зашло такъ далеко, что они, подъ предлогомъ исправленія нравовъ, нападали въ Багдадѣ на своихъ противниковъ, врывались въ ихъ дома, выливали на улицу всѣ находимое тамъ вино, разбивали музыкальные инструменты, разоряли и расхищали магазины и т. д. Тысячи людей лишились жизни изъ-за этого догматическаго спора и правительство долго не могло прекратить этихъ безчинствъ.

Тотчасъ по низложеніи Моттаки, Турунъ сталъ думать о замѣщеніи упраздненнаго трона. Мостакфи, сынъ умершаго въ 907 г. халифа Моктафа, прельстился этимъ саномъ, — сдѣлавшимся уже не болѣе какъ пустымъ титуломъ и грозившимъ одними бѣдствіями тому, кто его носилъ, — и купилъ за огромную сумму свое несчастіе (944). Турунъ вскорѣ умеръ и турки назначили эмиромъ-аль-омра другаго изъ своихъ вождей, Зайрада. Что это былъ за человѣкъ и какимъ образомъ турки распоряжались съ той поры все еще сохранявшимъ нѣкоторое уваженіе къ себѣ халифатомъ, можно видѣть изъ того, что Зайрадъ обѣщалъ покровительство и безнаказанность одному страшному разбойнику, съ тѣмъ, чтобъ тотъ выплачивалъ ему каждый мѣсяцъ пятнадцать тысячъ золотыхъ монетъ, и аккуратно получалъ эти деньги. Впрочемъ этотъ негодяй продержался всего нѣсколько мѣсяцевъ. Буидъ Моэзъ-эд-Даула, овладѣвъ странами къ востоку отъ Багдада, явился съ сильнымъ войскомъ предъ столицею. Турки бѣжали при его приближеніи, а халифъ на время скрылся, но потомъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, принялъ его какъ своего освободителя, возвелъ въ званіе эмира-аль-омра, прибавивъ къ нему новыя права, и даровалъ Моэзу и двумъ его братьямъ (стр. 344) титулы, о которыхъ уже было говорено выше (945). Назначеніе Моэза-эд-Даулы эмиромъ-аль-омра произвело важныя перемѣны въ халифатѣ. Буиды сдѣлали это званіе наслѣдственнымъ въ своей фамиліи и такимъ образомъ оно перешло къ персіанамъ, которые, конечно, были лучше турокъ. Власть халифовъ до того уменьшилась, что нѣкоторое время они пользовались только почетомъ этого сана, правомъ подписывать дипломы и совершать богослуженіе въ главной мечети. Вся правительственная власть перешла къ эмирамъ-аль-омра, которые распоряжались и казною, такъ что еще Моэзъ-эд-Даула назначилъ халифу на содержаніе его двора всего около тысячи рублей въ день, что было скудною милостынею при восточныхъ понятіяхъ о роскоши, богатствѣ страны и блескѣ, къ которому привыкли ея властители. Жалкое положеніе халифовъ вполнѣ обозначалось арабскою поговоркою: «за нимъ осталась лишь хотба (упоминаніе въ молитвѣ), да право чеканить монету». Только черезъ полвѣка значеніе халифа снова возвысилось.

12. Исторія мухамеданскихъ династій въ Азіи съ половины десятаго до половины одиннадцатаго столѣтія.

Во времена эмирата Буидовъ, въ исторіи халифата играютъ главную роль не халифы, а Буиды и другія азіатскія династіи. Въ 946 г. Мостакфи былъ низложенъ Моэзомъ-эд-Даулою и ему наслѣдовалъ сначала третій сынъ Моктадера, Мути (946—974); потомъ на престолъ вступилъ сынъ послѣдняго, Таіи (974—991), а за нимъ внукъ Моктадера, Кагеръ (991—1031), и наконецъ сынъ Кагера, Каіемъ Беамриллахъ (1031—1075). Положеніе

мухаммеданскаго Востока представляло тогда самое утѣшительное зрѣлище. Всѣ династіи: Буиды, Саманиды, Гаманиды, Фатимиды и вновь возникшая тогда владѣтельная фамилія Газнавидовъ дѣйствовали совершенно на иныхъ началахъ, чѣмъ нынѣшнія персидское и турецкое правительства. Всѣ онѣ старались ввести порядокъ въ управленіи и соперничали другъ съ другомъ въ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ. Отъ предѣловъ Индіи и Татаріи до внутренней Африки, Сициліи и Испаніи появился цѣлый рядъ разсадниковъ высшей образованности. Благодаря легкости сообщенія, они находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ и связи между собою. У аравитянъ уже въ самую славную эпоху Аббасидовъ были хорошія дороги съ каравансераями, или гостиницами; въ пустыняхъ поддерживались источники и еще со временъ халифа Муавіи были учреждены почты. Кромѣ того, правительство содержало пѣшихъ казенныхъ курьеровъ, которые отправлялись чрезъ каждые восемь или десять дней и проходили по десяти нѣмецкихъ миль въ сутки. Частныя лица учились или преподавали по очереди въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ династій и, не взирая на вражду между владѣтелями, великіе ученые находили повсюду почетъ и покровительство. Во всѣхъ значительныхъ городахъ были устроены библіотеки, которыя своимъ богатствомъ могли поспорить съ новѣйшими. Повсюду проявлявшееся уваженіе къ образованію и учености содѣйствовало распространенію поразительной у мухаммеданъ терпимости къ христіанамъ и огнепоклонникамъ. Такъ, напримѣръ, почти всѣ придворные врачи были огнепоклонники и къ той же религіи принадлежалъ и секретарь двухъ первыхъ эмировъ изъ фамиліи Буидовъ, не только писавшій всѣ ихъ декреты, но и завѣдывавшій ихъ частною кореспонденціею.

Буиды, исторія которыхъ, какъ самой замѣчательной династіи, должна быть изложена прежде всего, были шіиты, и потому уже Моэзъ-эд-Даула по низверженіи Мостакфи хотѣлъ возвести на престолъ халифовъ одного изъ потомковъ Али, но друзья убѣдили его, что изгнаніе Аббасидовъ было бы слишкомъ смѣлымъ поступкомъ. Моэзъ до самой смерти велъ почти непрерывную войну съ Гамаданидами Насромъ и Сейфъ-эд-Даулою. Сынъ его, Бохтеяръ Аззъ-эд-Даула былъ низверженъ въ 978 г. своимъ двоюроднымъ братомъ, Адхадъ-эд-Даулою, сыномъ Рокнъ-эд-Даулы. Адхадъ наслѣдовалъ также бездѣтному Эмедъ-эд-Даулѣ и соединилъ въ своихъ рукахъ власть всего государства Буидовъ. Хотя ему и пришлось раздѣлить съ двумя братьями, Муядомъ-эд-Даулою и Факръ-эд-Даулою, наслѣдіе своего отца, но, какъ старшій, онъ все-таки сохранилъ надъ нимъ верховную власть и, съ званіемъ эмира-аль-омра, принялъ опеку надъ халифомъ. Между братьями возникли раздоры, вслѣдствіе того, что Адхадъ покровительствовалъ Муяду въ ущербъ Факру. По смерти Адхада, въ его семействѣ, какъ и всегда на Востокѣ, по неопредѣленности наслѣдственныхъ правъ, возникъ споръ за обладаніе властью. Между его сыновьями и Бохтеяромъ началась распря, настоящими властителями государства сдѣлались ихъ наемныя войска, состоявшія изъ турокъ и дилемптовъ. Это продолжалось до 1055 г., когда наконецъ сельджуки положили конецъ господству Буидовъ.

Вникая въ частности исторіи Буидовъ, мы убѣдимся, что эта династія имѣла огромное вліяніе на развитіе цивилизаціи человѣчества. При первыхъ Буидахъ въ Персіи снова разцвѣли образованность и искусства, и хотя въ то время и въ другихъ мухаммеданскихъ государствахъ занятія науками получили необыкновенный толчокъ впередъ, но и въ этомъ отношеніи первенство оставалось за Персіею. Ширазъ, Испаганъ, Керманшахъ и Гамаданъ соперничали со столицами другихъ государствъ не только богатствомъ и населенностью, но и числомъ своихъ училищъ и библіотекъ. Первые Буиды отличались передъ другими династіями и своею мудро приспособленною къ тогдашнимъ обстоятельствамъ формою управленія. Самые умные властители этой династіи никогда не думали набирать, подобно своимъ сосѣдямъ, чужеземныхъ солдатъ, потому что эти наемники своею алчностью истощали самые громадные доходы государствъ, доводили подданныхъ до отчаянья, а ихъ начальники своимъ властолюбіемъ становились опасными для самихъ государей. Это объясняетъ намъ, почему Буиды продержались полувѣкомъ долѣе Саманидовъ и были низвергнуты не внутренними волненіями, а превосходною силою внѣшнихъ враговъ.

. Моэзъ-эд-Даула, въ званіи эмира-аль-омра, отличался особенною суровостью къ халифамъ и суннитамъ; но преемникъ его, Бохтеяръ, превзошелъ его въ этомъ отношеніи. Первый приказалъ публично проклинать всѣхъ принимавшихъ нѣкогда участіе въ отнятіи халифата у преемниковъ Мухаммеда, и злоупотреблялъ своею властью для явнаго поруганія суннитовъ, число которыхъ было гораздо значительнѣе на западѣ, чѣмъ на востокѣ Азіи. Окруживъ себя турецкою гвардіею, онъ притѣснялъ халифа, продавалъ высшія должности и вмѣсто того, чтобы употреблять доходы государства на войну съ византійцами, проникшими до самой Сиріи и Месопотаміи, тратилъ ихъ на свои прихоти. Братъ его Рокнъ-эд-Даула, управлялъ въ Персіи гораздо разумнѣе и счастливыми войнами расширилъ свои владѣнія. Но величайшимъ человѣкомъ изъ династіи Буидовъ и лучшимъ правителемъ въ Азіи былъ, безспорно, сынъ его, Адхадъ-эд-Даула (976 — 983). По низверженіи его двоюроднаго брата, Бохтеяра, владѣнія Адхада простирались на сѣверъ до Низибы, а на югъ, внизъ по Эвфрату и Тигру, до горъ, отдѣляющихъ Макранъ отъ Кермана и Седжестана. Багдадъ, начинавшій приходить въ упадокъ, снова оживился. Адхадъ освободилъ, на нѣсколько лѣтъ, его жителей отъ всѣхъ налоговъ, учредилъ въ городѣ, такъ же, какъ и въ своей резиденціи, Ширазѣ, обширную больницу, привлекалъ къ своему двору поэтовъ и ученыхъ, щедро поддерживалъ училища, даровалъ полную свободу вѣроисповѣданія христіанамъ и даже поощрялъ ихъ строить новыя церкви, помогая имъ, въ случаѣ недостатка средствъ, изъ своихъ собственныхъ доходовъ. Даже халифъ Таіи признавалъ его достоинство и уступилъ ему, оставшееся до тѣхъ поръ за главою правовѣрныхъ, право въ каждую третью пятницу отправлять публичную молитву и ежедневно звуками трубъ возвѣщать наступленіе пяти временъ молитвы.

Во время смутъ, происшедшихъ вслѣдствіе раздоровъ потомковъ Адхадъ-эд-Даулы съ ихъ родственниками, халифы поднялись мало-по-малу изъ униженія, въ которое впали съ потерею свѣтской власти; но все-таки имъ пришлось испытать еще много обидъ отъ послѣднихъ Буидовъ, которые обращались съ ними самымъ оскорбительнымъ образомъ. Халифъ Моти былъ просто заключеннымъ въ сералѣ рабомъ Моэза и Бохтеяра, которые едва давали ему средства къ жизни. Сынъ его, Таіи, хотя и получавшій, повидимому, лучшее содержаніе и имѣвшій нѣкоторую долю участія въ управленіи, въ дѣйствительности распоряжался только молитвами и подписывалъ дипломы. Не таковъ былъ преемникъ его, Кадеръ, который еще въ молодости бѣжалъ отъ ненависти своего предшественника и на нѣкоторое время присталъ къ шайкѣ разбойниковъ. Такимъ образомъ его не коснулась изнѣженность придворнаго воспитанія и, сдѣлавшись потомъ халифомъ, онъ въ трудныхъ обстоятельствахъ выказалъ необыкновенную твердость характера. Воспользовавшись раздорами Буидовъ, онъ ускользнулъ изъ-подъ опеки своего эмира-аль-омра, и потомъ, когда знаменитый персидскій поэтъ Фердуси бѣжалъ отъ двора Газнавидскаго султана, Махмуда I, подъ его защиту, доставилъ ему убѣжище и поддержалъ его своимъ покровительствомъ. При этомъ онъ далъ прежнему властителю Фердуси, хваставшему своимъ могуществомъ, отвѣтъ, который тѣмъ болѣе дѣлаетъ ему чести, что ему, какъ главѣ правовѣрныхъ, подобало защищать талантъ и образованіе. Сынъ и преемникъ Кадера, Каіемъ Беамриллахъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, совершенно освободился отъ опеки Буидовъ, вслѣдствіе появленія турокъ-сельджуковъ.

Династія Саманидовъ также сохраняла нѣкоторое время свой блескъ и могущество. При нихъ, на сѣверо-востокѣ бывшаго персидскаго государства, въ Хорасанѣ и Туркестанѣ, снова разцвѣли прежняя роскошь и образованность, которыми край этотъ славился въ эпоху существованія древнѣйшей Бактріи (т. I. стр. 60) и по смерти Александра Македонскаго (т. I. стр. 475). Столица Саманидовъ, Бухара, и города Самаркандъ, Балкъ, Меру, Нихапуръ и Гератъ сдѣлались центромъ обширной торговли, промышленности, наукъ и искусствъ, такъ что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было отъ семи сотъ тысячъ до полутора милліона жителей. Самымъ замѣчательнымъ изъ Саманидовъ былъ Измаилъ, котораго и слѣдуетъ считать настоящимъ основателемъ этой династіи. Его сынъ и преемникъ, Ахмедъ (907 — 914), стоялъ далеко ниже отца, какъ правитель, но былъ отличнымъ полководцемъ, и не только расширилъ завоеваніями границы своего государства, но старался также различными мѣрами поддерживать въ своемъ

народѣ воинственный духъ. Какъ признакъ различія между политическими принципами Саманидовъ и другихъ восточныхъ деспотовъ, замѣчательно въ особенности то, что Ахмедъ старался водворять порядокъ въ государствѣ и въ своей семьѣ исключительно кроткими мѣрами, что рѣшительно противорѣчило государственной рутинѣ Востока. Противъ обыкновенія, онъ далъ членамъ своего дома неограниченную свободу и даже нѣкоторое участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Такъ, напримѣръ, когда дядя его, Ишакъ, управлявшій Самаркандомъ, вздумалъ сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ, Ахмедъ сначала удалилъ его, но потомъ, окончательно утвердивъ свою собственную власть, снова назначилъ его намѣстникомъ этой страны. Хотя все это совершенно чуждо восточнаго характера, но за то онъ рѣзко проявляется въ концѣ жизни Ахмеда; ему случилось однажды, не безъ тайныхъ опасеній, расположиться на ночлегъ, не имѣя при себѣ стражи, и онъ былъ убитъ своими рабами, боявшимися наказанія. Такимъ образомъ и его постигла обыкновенная участь восточныхъ деспотовъ: страшное предчувствіе и насильственная смерть.

Со смертью Ахмеда, для династіи Саманидовъ начинается новый періодъ существованія, который, рано или поздно, наступаетъ для всѣхъ военно-аристократическихъ правительствъ, поддерживаемыхъ одною военною силою. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ войскъ, собравшись для совѣщанія о выборѣ правителя, возвели на престолъ восьмилѣтняго сына умерщвленнаго государя. Это былъ самый знаменитый изъ Саманидовъ. Имя его, Насръ, или скорѣе прозвище эмиръ-эс-саидъ, т. е. счастливый князь, встрѣчается въ тысячѣ разсказовъ и пѣсенъ, прославляющихъ его набожность, храбрость и великодушіе. При немъ могущество Саманидовъ достигло высшаго своего развитія. Бухара, Самаркандъ, Балкъ и другіе города сдѣлались, въ это время, центрами всемірной торговли. Обработка почвы усилилась въ необыкновенной степени; въ Персіи, страдавшей недостаткомъ дождя и большихъ рѣкъ, было устроено такое множество каналовъ и водохранилищъ, что въ одномъ нишапурскомъ округѣ ихъ насчитывали до двѣнадцати тысячъ. Во всѣхъ большихъ городахъ занимались науками съ неизвѣстнымъ до той поры рвеніемъ. Подъ покровительствомъ Насра, высшія училища и обсерваторіи Бухары и Самарканда вошли въ сношенія съ учеными учрежденіями Александріи и Дамаска, и на основаніи ихъ наблюденій и вычисленій были составлены персидскія таблицы, остававшіяся краеугольнымъ камнемъ мухаммеданской астрономіи до самаго пятнадцатаго вѣка. Знаменитый поэтъ Рудеки былъ другомъ Насра и лучшимъ пѣвцомъ его подвиговъ. Произведенія Рудеки могутъ считаться цвѣтомъ трехъ литературъ: арабской, персидской и индійской, которыя съ давнихъ поръ находились въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Онъ перевелъ также на персидскій языкъ знаменитыя индійскія басни Бидпаи, которыя, еще при Мансурѣ, были переведены на арабскій и въ этомъ видѣ впервые стали извѣстны европейцамъ. Набожность Насра имѣла такое же значеніе для востока, какъ для германцевъ набожность Людовика Благочестиваго и Генриха Святаго. Подобно тому какъ эти государи упрочили въ Германіи господство монаховъ, такъ и Насръ привилъ къ восточнымъ шіитамъ, въ ту пору еще не бывшимъ фанатиками, зороастро-браминскія понятія; незадолго до смерти, онъ устроилъ родъ мужскихъ монастырей, гдѣ набожные люди могли невозмутимо предаваться благоговѣйнымъ созерцаніямъ и молитвѣ, и этимъ положилъ начало распространенію дервишей, или мухамеданскихъ монаховъ.

Послѣ Насра государство Саманидовъ стало быстро клониться къ упадку. Преемники его вступили въ безконечную борьбу съ Буидами и своими намѣстниками въ Хорасанѣ, а престолъ ихъ сдѣлался игрушкою въ рукахъ военачальниковъ. Одно изъ этихъ военныхъ избирательныхъ собраній было причиною окончательнаго паденія Саманидовъ (961). Турокъ Альптекинъ предложилъ въ государи одного изъ старшихъ членовъ владѣтельнаго дома, но другіе полководцы избрали несовершеннолѣтняго Мансура. Впослѣдствіи Мансуръ призывалъ Альптекина ко двору, но тотъ, не довѣряя ему, собралъ войско изъ смѣлыхъ турецкихъ искателей приключеній и перешелъ съ ними чрезъ Гинду-Ку, въ Кабулъ, съ намѣреніемъ завоевать тамъ себѣ независимое владѣніе. Овладѣвъ крѣпостью Газною или Гизни, онъ собралъ вокругъ себя множество удальцовъ, которымъ близость Индіи сулила богатую добычу, а укрѣпленный городъ и неприступныя

горы — защиту отъ нападеній Саманидовъ. Такимъ образомъ, на границахъ Индіи возникла новая мухаммеданская династія, Газнавидовъ. По смерти Альптекина, солдаты избрали султаномъ Газны зятя его, Себектегина (975). Вскорѣ послѣ того умеръ Саманидъ Мансуръ; сынъ его, Нухъ II, возымѣлъ несчастную мысль вмѣшаться въ раздоры Буидовъ, а Себектегинъ, между тѣмъ, проникъ въ Индію, побѣдилъ тамъ слабыхъ раджей и, ограбивъ богатыя пагоды, привлекъ къ себѣ множество хищныхъ, по храбрыхъ афгановъ и турокъ, значительно усилившихъ его могущество. Между тѣмъ Саманидъ Нухъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла Буидовъ возбудилъ неудовольствіе войска и раздоры при дворѣ и, въ дополненіе всего, испыталъ на себѣ неблагодарность того самого Буида, котораго онъ поддерживалъ. Наконецъ, отъ него отложился намѣстникъ Хорасана, Абу-Али, и соединился съ Гаруномъ Багра-Ханомъ, страшнымъ предводителемъ татарскихъ, т. е. монгольскихъ и терецкихъ ордъ, владычествовавшихъ отъ Кашгара до самаго Китая. Нухъ не могъ устоять противъ такихъ превосходныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что сами подданные измѣнили ему. Враги заняли его владѣнія и онъ былъ принужденъ скрыться; но неожиданное счастье избавило его отъ самыхъ опасныхъ его противниковъ: дикія, кочевыя орды Багра-Хана стали сильно рѣдѣть отъ климата Бухаріи и отъ непривычныхъ имъ наслажденій столицы, и остатки ихъ поспѣшили вернуться въ свои степи (993). Нухъ, вышедшій изъ своего убѣжища, былъ съ восторгомъ встрѣченъ своими подданными въ Бухарѣ и Самаркандѣ; но, къ несчастью, ему измѣнилъ одинъ изъ его высшихъ придворныхъ, Фаіекъ, и соединился съ Абу-Али и съ другими бунтовщиками. Эта новая опасность принудила Нуха искать помощи у Газнавида Себектегина, только что вернувшагося изъ Индіи.

Себектегинъ не отказалъ ему въ помощи, разбилъ и прогналъ его враговъ и въ награду за то получилъ Хорасанъ. Въ этой войнѣ, Абу-Али былъ взятъ въ плѣнъ и до самой смерти томился въ темницѣ Газнавидовъ. Но Фаіеку удалось бѣжать въ Татарію къ сыну Багра-Хана, Илекъ-Хану, котораго онъ и подстрекнулъ предпринять новый походъ въ Бухарію (995). Себектегинъ счелъ неблагоразумнымъ начинать, за чужое дѣло, войну съ татарами и, не спрашивая Нуха, заключилъ миръ съ Илекъ-Ханомъ. Они согласились раздѣлить между собою владѣнія Саманидовъ, за исключеніемъ Бухары, которую оставили за Нухомъ; Фаіекъ, какъ вассалъ татарскаго хана, получилъ въ управленіе Самаркандъ. Вскорѣ послѣ того Нухъ и Себектегинъ умерли въ одинъ и тотъ же годъ (997), и смерть ихъ возбудила новыя распри въ ихъ государствахъ.

Послѣ Себектегина, между сыновьями его, Махмудомъ и Исмаиломъ, начались раздоры изъ-за престола, а въ Бухарѣ, вельможи, провозгласивъ государемъ сына Нуха, Мансура, перессорились между собою. Махмудъ одержалъ верхъ надъ братомъ и тридцать четыре года управлялъ государствомъ Газнавидовъ. Онъ немедленно вступилъ въ переговоры съ Саманидами, тѣснимыми со всѣхъ сторонъ врагами. Это возбудило подозрѣнія въ властолюбивомъ Фаіекѣ и другихъ вельможахъ; они низвергли Мансура и возвели на тронъ малолѣтняго брата его, Абдъ-Альмалика (999). Такимъ образомъ Махмудъ получилъ основательный предлогъ присвоить себѣ владѣнія Саманидовъ и завладѣть большею частью ихъ; остальная досталась Илекъ-Хану (999). Послѣдній изъ Саманидовъ, Монтассеръ, сдѣлалъ вторичную попытку возвратить потерянное, но, преслѣдуемый несчастьемъ, палъ отъ руки убійцы, который вмѣсто ожидаемой награды былъ казненъ Махмудомъ (1004). Газнавидъ получилъ отъ халифа въ ленное владѣніе всѣ отнятыя имъ земли и выказалъ ему свою признательность, отвергнувъ всѣ предложенія Фатимидовъ заключить съ ними союзъ противъ Аббасидовъ. Махмудъ сдѣлалъ свою столицу Газну блестящею резиденціею пышнаго двора; но городъ этотъ процвѣталъ только при его жизни. Газна, расположенная на высотѣ, имѣетъ здоровый, горный воздухъ, но зима тамъ слишкомъ сурова, а окрестности пустынны и безлѣсны; поэтому городъ пришелъ въ совершенный упадокъ, и теперь на мѣстѣ его осталось только бѣдное мѣстечко, съ какою нибудь тысячью бѣдныхъ семействъ. Столица же Саманидовъ, Бухара, лежащая въ плодородной мѣстности, не смотря на нездоровый климатъ, процвѣтала даже подъ владычествомъ татаръ; впослѣдствіи сельджуки, овладѣвъ ею, сдѣлали изъ

нея пышную столицу. Потомъ она сдѣлалась столицею династіи ховарезмійцевъ и монголовъ, и донынѣ еще остается значительнымъ городомъ.

Послѣ паденія Саманидовъ, Газнавидъ Махмудъ обратилъ все оружіе противъ Индіи, куда еще прежде дѣлалъ успѣшныя вторженія его отецъ. Занявъ, въ 1001 году, Кабулъ и Пешауеръ, Махмудъ проникнулъ до Инда, покорилъ весь Мультанъ и почти всѣ страны верхняго Инда. Но первыя предпріятія его въ Индіи были прерваны Илекъ-Ханомъ, который, пользуясь отсутствіемъ Махмуда, ворвался въ Хорасанъ и покорилъ большую часть этой провинціи. Махмудъ тотчасъ же обратился противъ него и между ними началась война, въ которой боролись другъ противъ друга не войска, а цѣлыя націи. Илекъ-Ханъ наводнилъ Бухарію своими ордами и соединился съ Кадеръ-Ханомъ, могущественнымъ повелителемъ татаръ, обитавшихъ на сѣверъ отъ Тибета, въ странѣ Хотанѣ. Близъ Балка произошла страшная битва, въ которой Махмудъ остался побѣдителемъ, но не могъ далеко преслѣдовать враговъ; ему нужно было спѣшить въ Индію, гдѣ всѣ раджи, отъ Инда до Ганда (1009.), заключили между собою союзъ. Махмудъ немедленно отправился туда, разбилъ несмѣтныя толпы индійцевъ, покорилъ, въ короткое время, весь Пенджабъ и вернулся въ Газну съ огромною добычею. Вскорѣ послѣ того онъ обратилъ свое оружіе противъ владѣтеля Гура, грабившаго торговые караваны на пути между Индіею и восточной Персіею. Этотъ походъ болѣе всего доказываетъ необыкновенный умъ Махмуда. Въ покровительствѣ наукамъ и искусствамъ ему не уступали Буиды, Саманиды и другія династіи, но война его съ Гуромъ принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ предпріятіямъ, для которыхъ нужно имѣть глубокую политическую предусмотрительность. Покоривъ весь Гуръ, Махмудъ возстановилъ торговыя сношенія, имѣвшія важное значеніе для всѣхъ народовъ. Съ той поры, не только промышленность и торговля, но и самыя науки получили въ древней Бактріанѣ и Согдіанѣ, небывалое до той поры развитіе.

Махмудъ выказывалъ себя мудрымъ и кроткимъ въ продолженіе всей своей жизни, и только во время войнъ съ Индіею измѣнилъ своему характеру, предпринявъ эти войны во имя своего невидимаго Бога противъ идоловъ. Онъ расширилъ свое государство съ одной стороны до Ганга и полуострова Гузурата, а съ другой до Адзербиджана. Въ Седжестанѣ онъ низвергнулъ въ 1002 г. послѣдняго Соффарида, на берегахъ Джигуна покорилъ Саманидовъ, на югѣ Каспійскаго моря завладѣлъ землями Зіядовъ, отдавъ ихъ одному изъ нихъ въ ленное владѣніе, и простилъ потомъ этому вассалу двойную измѣну. У Буидовъ онъ также отнялъ большую часть ихъ владѣній. Съ побѣжденнымъ владѣтелемъ Горджестана, въ восточномъ Хорасанѣ, Махмудъ обошелся съ такимъ великодушіемъ, какое несвойственно даже новѣйшимъ завоевателямъ: въ то время, когда восточные деспоты завладѣвали обыкновеннно всѣмъ имѣніемъ побѣжденнаго врага, Махмудъ заплатилъ сполна владѣтелю Горджестана за всѣ его помѣстья. Онъ завоевалъ и Ховарезмію, лежавшую между Каспійскимъ моремъ, Аральскимъ озеромъ и рѣкою Джигунъ. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ завоеваній было распространеніе въ этой части Азіи наукъ, искусствъ и болѣе кроткой системы управленія, проникшей въ самыя степи за Джигуномъ. Города одинъ за другимъ возникали въ пустыняхъ, и даже дикія орды кочевыхъ татаръ поддались вліянію персидской религіи и индійской образованности. Вліяніе это уже замѣтно на татарскомъ владѣтелѣ Илекъ-Ханѣ, имѣвшемъ репутацію набожнаго человѣка и покровителя наукъ и ученыхъ. Тоже самое видно и изъ блестящихъ побѣдъ брата и преемника Илекъ-Хана, Тагапъ-Хана, надъ несмѣтными ордами кочевыхъ народовъ, нагрянувшими изъ Китая на богатые города западной Азіи. Онъ былъ обязанъ этимъ успѣхомъ дисциплинѣ и порядку, къ которымъ пріучилъ свои войска, и тактическому умѣнью выбирать позиціи (1017). Тагапъ-Ханъ всегда оставался въ дружбѣ съ Махмудомъ.

Между тѣмъ Махмудъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ въ Индіи Кашмиръ, уничтожилъ идоловъ въ столицѣ Пенджаба и распространялъ исламъ все далѣе и далѣе. Въ 1018 г. онъ снова отправился въ Индію, овладѣлъ на Гангѣ городомъ Кануджомъ, или знаменитою древнею Палиботрою, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (т. I. стр. 462), побѣдилъ всѣхъ своихъ противниковъ и возвратился съ нѣсколькими милліонами добычи. Онъ употребилъ часть ея на постройку въ Газнѣ великолѣпной мечети и огромнаго зданія для академіи и библіотеки.

Въ 1022 г. Махмудъ предпринялъ новый походъ въ Индію для защиты одного изъ подвластныхъ ему раджей отъ нападеній его соотечественниковъ. Въ эти дни онъ впервые испыталъ неудачу и принужденъ былъ отступить, съ большою потерею, отъ двухъ значительныхъ крѣпостей, которыя онъ пытался взять, не имѣя достаточнаго количества осадныхъ машинъ. Онъ вознаградилъ себя за эту неудачу смѣлымъ вторженіемъ на полуостровъ Гузуратъ, гдѣ овладѣлъ несмѣтными сокровищами укрѣпленнаго храма въ Суммать, хотя всѣ окрестные индійцы поспѣшили на защиту угрожаемой святыни. Махмудъ покорилъ весь Гузуратъ, и, поручивъ управленіе имъ одному брамину, вернулся, въ 1027 г., черезъ Мультанъ, въ Газну. Потомъ онъ предпринялъ походъ противъ Буидовъ, бывшій послѣднимъ его предпріятіемъ. Махмудъ низвергнулъ съ престола одну отрасль этой династіи (1029 г.), а другая, потомство Адхада-эд-Даулы, была изгнана сельджуками, спустя двадцать шесть лѣтъ.

Года черезъ два Махмудъ умеръ (1031 г.). Не смотря на образъ его дѣйствій во время индійскихъ походовъ, нельзя сказать, чтобы опустошеніе было единственною цѣлью его завоеваній; это видно изъ всѣхъ его политическихъ стремленій. Онъ понималъ свое время, цѣнилъ и поощрялъ всѣми средствами пробудившуюся въ Персіи любовь къ поэзіи, исторіи, философіи, математикѣ и астрономіи, и оказывалъ покровительство и почетъ всѣмъ ученымъ и великимъ людямъ. При немъ жили и дѣйствовали десять ученыхъ, считающихся у арабовъ величайшими теологами и законовѣдами древности. Знаменитый Абу-Насръ-бенъ-Гирмадъ-аль-Фараби подъ покровительствомъ Махмуда составилъ полный арабскій словарь, который и до сихъ поръ служитъ въ Европѣ важнымъ пособіемъ при изученіи арабскаго языка. При дворѣ Махмуда, кромѣ многихъ другихъ историковъ и поэтовъ, жилъ и знаменитый персидскій поэтъ Фердуси, воспѣвшій, по просьбѣ Махмуда, исторію древнихъ персидскихъ царей, отъ которыхъ производили себя и Газнавиды, въ длинной героической поэмѣ Шахъ-Наме. Впрочемъ, Фердуси разошелся впослѣдствіи съ султаномъ и перешелъ ко двору халифа Кадера. Какъ высоко цѣнилъ Махмудъ науку и какое превосходство имѣлъ тогда Востокъ передъ Западомъ въ числѣ и достоинствѣ ученыхъ, лучше всего видно изъ того, что Махмудъ вмѣсто всякой дани потребовалъ отъ своего вассала въ Ховарезміи знаменитаго врача и философа Авиценну и трехъ другихъ ученыхъ. Историческія извѣстія и сочиненія этихъ ученыхъ ясно доказываютъ, что Авиценна далеко не былъ первымъ изъ нихъ, хотя произведенія его и считаются на Западѣ образцомъ мудрости. Эти четыре ученыхъ были: Абу-Насръ, Абу-Сагалъ, Абу-Риганъ и Авиценна.

Покровительствуя наукамъ, Махмудъ особенно старался содѣйствовать сближенію между собою литературъ арабской, индійской и ламайской (т. I. стр. 11). Въ то же время онъ поддерживалъ и искусства, въ особенности своимъ стремленіемъ сдѣлать изъ Газны новый Багдадъ. Громадныя постройки придали этой, самой по себѣ довольно скучной, мѣстности такое великолѣпіе, какого не достигала, въ позднѣйшія времена, въ самую цвѣтущую свою пору, и Дели, знаменитая столица англо-индійской имперіи. Арабы передали намъ множество разсказовъ о великодушіи и справедливости Махмуда. Впрочемъ въ восточныхъ разсказахъ необходимо умѣть отличать романическое и преувеличенное отъ истины, а также не судить о достоинствахъ прославляемыхъ въ нихъ государей по нашимъ западнымъ понятіямъ. Любовь къ войску и страсть собирать сокровища, проявившіяся въ Махмудѣ въ послѣдніе годы его жизни, представляютъ разительное сходство между его исторіею и концомъ царствованія втораго прусскаго короля, насколько, впрочемъ, бережливый Фридрихъ Вильгельмъ I могъ походить на расточительнаго Махмуда. За два дня до смерти этотъ государь велѣлъ принести изъ сокровищницы всѣ мѣшки съ золотомъ и драгоцѣнностями и, со слезами полюбовавшись ими, снова приказалъ ихъ спрятать. Потомъ онъ сдѣлалъ смотръ всему своему войску, велѣлъ вывести слоновъ, верблюдовъ, лошадей и экипажи; осмотрѣвъ ихъ, онъ снова заплакалъ при мысли о близкой разлукѣ со всѣмъ этимъ, и съ грустью вернулся во дворецъ.

Царство Газнавидовъ стало приходить въ упадокъ тотчасъ по смерти Махмуда и погибло окончательно вслѣдствіе раздоровъ между владѣтельнымъ домомъ и двумя новыми династіями: турецкою — Сельджуковъ, и персидскою — Горидовъ.

Махмудъ, самъ того не предчувствуя, подготовилъ могущество этихъ двухъ фамилій; родоначальнику послѣдней онъ далъ важную должность въ своемъ войскѣ, а первыхъ принялъ въ Хорасанъ, чтобы имѣть возможность набирать войска для своихъ индійскихъ походовъ изъ подвластныхъ имъ ордъ. Исторія этихъ династій такъ тѣсно связана съ исторіею крестовыхъ походовъ, что конецъ владычества Газнавидовъ можетъ быть разсказанъ только впослѣдствіи, точно такъ же, какъ и дальнѣйшая судьба египетскихъ Фатимидовъ.

Двое первыхъ Гамаданидовъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, утвердили свою власть въ большей части Сиріи и передали ее своему потомству, образовавшему двѣ вѣтви. Первая, происходившая отъ Насръ-эд-Даулы, властвовала въ Мосулѣ; а вторая, потомство Сейфъ-эд-Даулы, въ Алеппо. Обѣ онѣ продержались не долго: одна, до 991, а другая, до 1001 г. Небольшія владѣнія ихъ лежали на границѣ между Византійскою имперіею и халифатомъ и потому были безпрестанно вовлекаемы въ войны между этими державами. Кромѣ того, Гамаданидамъ часто приходилось бороться съ Буидами на сѣверо-востокѣ, и Фатимидами на юго-западѣ. Не смотря на то, при кроткомъ правленіи этой династіи, для Сиріи возвратились отчасти времена первыхъ Селевкидовъ (т. I. стр. 463). Въ Мосулѣ, Дамаскѣ и другихъ городахъ, находящихся нынѣ въ упадкѣ, процвѣтали науки, въ особенности политическія и математическія; а въ Алеппо, на ряду съ науками и искусствами, развилась торговля въ такихъ размѣрахъ, что одинъ этотъ городъ вмѣщалъ въ себѣ богатства цѣлаго государства. Алеппо былъ въ эту эпоху главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ всего Востока и сохранилъ свое всемірное торговое значеніе и во всѣ послѣдующія времена. По нѣкоторымъ даннымъ, доходы государства съ одного этого города составляли, въ 1212 г., до десяти милліоновъ руб. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, въ немъ считалось до двадцати шести тысячъ домовъ, большею частію каменныхъ, и въ томъ числѣ триста мечетей.

Въ Мосулѣ Гамаданиды не могли удержаться противъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ и были низвергнуты эмиромъ Абулъ-Даудомъ, изъ племени Окайла (991), который и основалъ въ этой столицѣ новую династію, Окайлидовъ. Другая отрасль Гамаданидовъ, покинувшая впослѣдствіи свою столицу Алеппо, сдѣлавшуюся добычею грековъ и египтянъ, была лишена власти однимъ отпущенникомъ, захватившимъ управленіе въ свои руки, какъ опекунъ несовершеннолѣтняго государя, и прогнавшимъ въ Египетъ послѣднихъ потомковъ Гамаданидовъ. Но сынъ этого узурпатора, Мансуръ, былъ въ свою очередь низвергнутъ другимъ отпущенникомъ, который предалъ Алеппо Фатимидамъ. Однако, впослѣдствіи, одинъ изъ Гамаданидовъ снова утвердился въ Алеппо, но былъ вскорѣ послѣ того умерщвленъ своимъ невольникомъ. Чрезъ три года (1025), эмиру арабскаго племени келабъ, Салегъ-бенъ-Мардашу, удалось овладѣть городомъ, и его потомки, Мардаширы или Келабиды, продержались тамъ, среди всевозможныхъ волненій и переворотовъ, до 1080 г., когда ихъ вытѣснили оттуда сосѣдніе Окайлиды.

13. Образованность и литература цвѣтущей эпохи мухаммеданскихъ государствъ.

1. Древнѣйшая эпоха до Аббасидовъ.

Когда изъ государства аравитянъ возникъ новый мухаммеданскій міръ, образовавшійся изъ смѣшенія различныхъ восточныхъ народовъ, Востокъ снова пріобрѣлъ важное значеніе для всемірной цивилизаціи и еще разъ сталъ во главѣ человѣчества на пути развитія наукъ, искусствъ и просвѣщенія. Эта новая восточная культура привилась, послѣ крестовыхъ походовъ, и къ европейскимъ народамъ, наслѣдовавшимъ римскую образованность. По своему основному характеру и происхожденію, она вовсе не была чисто арабскою, а возникла въ то время,

когда въ Азіи, Африкѣ и Испаніи арабская литература слилась съ греческою, философія же, поэзія и астрономія перешли къ аравитянамъ, поселившимся внѣ предѣловъ Аравіи, отъ персовъ и индійцевъ. Исторія этой арабско-мухаммеданской культуры и ея постепеннаго развитія имѣетъ огромную важность, потому что только при помощи ея изученія могутъ быть объяснены многія явленія среднихъ вѣковъ. Но здѣсь мы должны однако ограничиться однимъ бѣглымъ обзоромъ ея, такъ какъ подробныя указанія не входятъ въ планъ нашей книги. Еще менѣе должны мы останавливаться на предшествовавшей этой эпохѣ чисто арабской литературѣ, которая имѣетъ всемірно-историческое значеніе не сама по себѣ, а единственно какъ введеніе къ цвѣтущей эпохѣ новѣйшей восточной или арабско-мухаммеданской культуры.

Арабскій языкъ отличался своимъ богатствомъ и гибкостью еще въ ту пору, когда для него не было изобрѣтено удобныхъ письменъ и арабы употребляли для письма самые первобытные матеріалы. Древнѣйшія арабскія стихотворенія имѣютъ поэтому двойной интересъ для оріенталистовъ, потому что языкъ и выраженія ихъ иногда до того темны, что объясненіе ихъ требуетъ особенныхъ познаній. Самыя древнія изъ дошедшихъ до насъ произведеній арабской литературы принадлежатъ къ эпохѣ, предшествовавшей Мухаммеду. Это были стихотворенія, которыя, подобно пѣснямъ древнихъ греческихъ поэтовъ, читались въ народныхъ собраніяхъ и удостоивались національныхъ наградъ (стр. 275). Эта награда состояла въ томъ, что увѣнченное стихотвореніе, вытканное золотомъ на шелковой матеріи, вывѣшивалось въ Каабѣ, и называлось поэтому молалакатъ, т. е. вывѣшеннымъ, или малабатъ, т. е. золотымъ. Семеро изъ этихъ древнѣйшихъ арабскихъ поэтовъ извѣстны намъ и по своимъ произведеніямъ, переведеннымъ въ новѣйшее время на европейскіе языки. Это были: Амролькаисъ, Тарафа, Зогеиръ, Лебидъ, Антара, Амру и Харетъ; къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще Ашу и Набегу.

Поэзія Корана, вдохновеніе и краснорѣчіе Али возбудили и оживили арабскую литературу, хотя мы и не можемъ утверждать, что превосходныя сентенціи Али приписываются ему основательно. Уже во времена пророка страсть къ изученію языка и поэзіи была такъ сильна, что многія племена занимались собраніемъ своихъ національныхъ пѣсенъ съ такимъ же стараніемъ, какъ и генеалогіею своихъ вождей и благородныхъ коней. Такимъ образомъ, когда съ появленіемъ Корана распространилось употребленіе письменъ, племенныя преданія и старинныя пѣсни стали записываться въ одно время съ Кораномъ и собираться въ такъ называемые диваны, или антологіи отдѣльныхъ племенъ. Въ 800 году, Абу-Теманъ составилъ полную арабскую антологію, въ которой чрезъ пятьдесятъ лѣтъ Бохтери сдѣлалъ значительное дополненіе. Мы не станемъ подвергать разбору эти стихотворенія, такъ какъ эстетическая критика здѣсь не у мѣста, но ограничимся одною замѣткою, относящеюся ко всей позднѣйшей арабской поэзіи и краснорѣчію. Утонченность и вычурность были издавна характеристическою чертою арабовъ, и потому они придавали много цѣны грамматическимъ и просодическимъ мелочамъ, размѣру, созвучію буквъ и слоговъ, составу и размѣщенію словъ, словопроизводству, склоненіямъ и удареніямъ. Всѣ эти правила соблюдались такъ строго, что изъ риторики сдѣлали фокусничество. Изъ друзей и послѣдователей пророка, поэтами назывались по преимуществу племянникъ и зять его, Али, и вмѣстѣ съ нимъ Саабъ-бенъ-Зубеиръ, Гасанъ-бенъ-Табетъ и Хотеія.

Вмѣстѣ съ арабскими поэтическими произведеніями эпохи, предшествовавшей греческому, персидскому и индійскому вліянію на нее, сохранились и нѣкоторые образцы краснорѣчія, нѣсколько историческихъ памятниковъ и остатки многихъ грамматическихъ и лексикографическихъ трудовъ. По части краснорѣчія, мы имѣемъ отрывокъ рѣчи, приписываемой халифу Али, который можно поставить на ряду съ лучшими образцами греческаго и римскаго краснорѣчія. Изъ древнѣйшихъ арабскихъ историковъ слѣдуетъ назвать прежде всего Ибнъ-Дораида и Ибнъ-Кутейбу, описавшихъ подвиги древнихъ героевъ и свои собственные. Къ сожалѣнію, сочиненія ихъ еще неизвѣстны намъ вполнѣ, хотя и служатъ единственнымъ достовѣрнымъ источникомъ для изученія древнѣйшей исторіи арабовъ. Выселяясь цѣлыми племенами изъ отечества, по смерти Мухам-

меда, арабы старались въ письменныхъ памятникахъ передать потомству вмѣстѣ съ ученіемъ Корана и свои племенныя преданія и юридическіе обычаи. Такимъ образомъ возникли историческія и юридическія собранія, между составителями которыхъ особенно славится, принадлежавшій къ такъ называемымъ апостоламъ пророка, Абу Хорайра, прозванный по имени своего племени, Аль Дусси. Онъ собралъ историческія и юридическія преданія Іемена, и изъ послѣднихъ возникла впослѣдствіи важная отрасль арабской учености, получившая потомъ названіе Экремаха. Грамматика и словотолкованіе должны были также рано обратить на себя вниманіе арабовъ, потому что языкъ ихъ такъ труденъ, что даже сами арабы проводятъ всю свою жизнь въ изученіи его и все-таки затрудняются многими выраженіями и оборотами. Поэтому преданіе и говоритъ, что уже Али поручилъ Абулъ-Асваду-аль-Дали составить первый планъ грамматики арабскаго языка.

Чужеземное вліяніе на арабскую литературу начинается съ эпохи Омеядовъ, когда греческая культура начала сливаться съ арабскою. Этотъ важный переворотъ произошелъ не потому только, что Муавія I перенесъ резиденцію въ Дамаскъ, столицу чисто-греческой Сиріи, но имѣетъ еще и другую причину, скрывающуюся въ самой исторіи государства аравитянъ. При Муавіи, халифатъ пересталъ быть патріархальнымъ, отдѣлился отъ Аравіи съ ея бедуинами и превратился въ имперію, глава которой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мухамеданскимъ папою: Новый дворъ и новая система управленія требовали знакомства съ наукою и организаціей римско-византійской имперіи. Поэтому, уже въ царствованіе Муавіи счетоводство, финансовое управленіе, межеваніе, веденіе кадастра и развитіе врачебной науки и зодчества были предоставлены грекамъ и сирійцамъ, у которыхъ мухаммедане переняли впослѣдствіи и всѣ искусства образованныхъ народовъ. Все это подтверждается именами врачей и математиковъ того времени и зодчихъ, строившихъ мечети Муавіи. У грековъ же заимствовалъ Муавія и введенныя имъ въ своемъ государствѣ почты, которыя были устроены совершенно по-гречески (стр. 346). Роспись налоговъ и счетныя книги дамасскаго халифа также писались греческими числовыми знаками.

Сначала сами аравитяне боролись съ византійско-греческимъ вліяніемъ и оставались вѣрны своей древней литературѣ. Но неудовольствіе правовѣрныхъ на то, что сынъ Абу-Софіана притѣснялъ потомковъ Али и дяди пророка, породило между ними насмѣшниковъ: явились невѣрующіе, которые выступили съ сатирами противъ халифа и правовѣрныхъ и съ смѣлымъ скептицизмомъ нападали на Коранъ и его ученіе. Даже супруга Муавіи, Майсума, оскорбила халифа такою ѣдкою сатирою, что онъ отослалъ ее обратно къ ея племени, кельбъ. Между этими-то скептиками и сатириками Дамаска воспитался преемникъ Муавіи, Іезидъ I, принадлежавшій къ племени, издавна отвергавшему достоинства Корана въ отношеніи какъ его содержанія, такъ и языка. Сродники Іезида разбирали слогъ и поэзію Корана и осмѣивали въ эпиграммахъ и острыхъ рѣчахъ содержащіеся въ немъ богословскіе догматы. Такимъ образомъ между арабами распространился страшный скептицизмъ, и въ то время, гораздо прежде знакомства ихъ съ Аристотелемъ, образовалась собственная схоластическая теологія, или родъ теологическо-философическихъ мудрствованій. Творцемъ ея считается Васель-ебнъ-Ата, жившій въ началѣ восьмаго столѣтія; достовѣрно извѣстно, что около 746 г. теологическія тонкости были причиною возникновенія секты мотазалитовъ, которое повело къ большимъ смутамъ въ государствѣ. Шіиты и сунниты сильно ненавидѣли и преслѣдовали другъ друга; а съ восьмаго столѣтія (между 767 и 795) сама секта суннитовъ, вслѣдствіе схоластическихъ тонкостей и безполезныхъ споровъ, не имѣющихъ внѣ школъ никакого значенія, распалась на четыре донынѣ существующія секты: малекитовъ, ханифитовъ, шафеитовъ и ханбалитовъ (стр. 345).

Такимъ образомъ образовалась тогда мухаммеданская теологія, которая по своимъ научнымъ пріемамъ очень походитъ на христіанскую. Двѣнадцать друзей пророка считались апостолами; изрѣченія ихъ — священнымъ преданіемъ и каждая изъ четырехъ главныхъ сектъ смотрѣла на изобрѣтателей ея догматовъ какъ христіане среднихъ вѣковъ на своихъ Скота, Ѳому Аквинскаго, Ломбарда и др. Чтобы понять требованія арабской теологіи, мы должны обратить вниманіе

на подготовку, которая считалась необходимою для свѣдущаго богослова. Прежде всего нужно было начинать учиться съ пяти лѣтъ, потому что арабское чтеніе и произношеніе представляло такія трудности, что для того, чтобы выучиться читать Коранъ, требовалось четыре года. Слѣдующія восемь лѣтъ посвящались его основательному изученію и ученикъ начиналъ писать только на шестнадцатомъ году. Знаменитый Авиценна (стр. 352) считался необыкновеннымъ ребенкомъ по одному тому, что *десяти* лѣтъ могъ уже читать Коранъ. Только съ изученіемъ письма приступали собственно къ наукѣ. Арабскія истолкованія Аристотеля служили основаніемъ діалектики христіанскихъ схоластиковъ, ихъ диспутовъ и разногласій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ христіанскихъ школъ двѣнадцатаго, тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій, образовавшихся по образцу мусульманскихъ школъ богословія; поэтому мы считаемъ не лишнимъ представить краткій очеркъ метода, которому слѣдовали въ богословскихъ школахъ халифата при изученіи Корана и схоластической теологіи. Мы заимствуемъ его изъ сочиненія одного арабскаго ученаго, который, по всѣму вѣроятію, былъ членомъ одного изъ большихъ духовныхъ училищъ халифата. Для пониманія Корана онъ требуетъ изученія не менѣе двадцати пяти предметовъ, а именно: грамматическаго производства словъ; долготы слоговъ и значенія буквъ; умѣнья исправлять ошибки переписчиковъ; твердаго знанія числа суръ, главъ, стиховъ, словъ и буквъ, содержащихся въ Коранѣ; такого же знанія мѣстъ текста, на которыхъ слѣдуетъ останавливаться при чтеніи; умѣнья отличать одно отъ другаго однозначащія слова по смыслу, и по тому какъ они написаны; знанія комментаріевъ, старинныхъ оборотовъ рѣчи и малоупотребительныхъ выраженій, грамматической конструкціи или словосочиненія; умѣнья правильно произносить слова, не измѣняя буквъ, если буквы, различно произносимыя, придаютъ слову различный смыслъ; знанія всѣхъ варіянтовъ Корана, или подробной исторіи его текста; объясненія точнаго и переноснаго значенія словъ, намековъ и сравненій, пониманія изящества и красоты рѣчи, указанія на все оригинальное, возвышенное или изящное въ смыслѣ и языкѣ Корана; умѣнья тотчасъ же указать родъ этихъ красотъ, не задумываясь въ пріисканіи подобныхъ имъ примѣровъ; способности находить въ самомъ Коранѣ доказательства его божественнаго происхожденія; знанія искусства полемики; указанія связи между отдѣльными строфами Корана; знанія хронологіи божественныхъ откровеній; умѣнья отличать обветшавшее само собою отъ уничтоженнаго духовными властями; объясненія видимыхъ противорѣчій; знанія историческихъ фактовъ, къ которымъ относится каждый стихъ; знанія ѳики или нравственной философіи Корана; знакомства съ преданіями и знанія логики, метафизики, мухаммеданскаго церковнаго права и, наконецъ, мистическаго, аллегорическаго и теологическаго смысла словъ, отличнаго отъ обыкновеннаго. — Законовѣдѣніе арабовъ было также сложно и запутанно. Оно начало процвѣтать еще въ ту эпоху, когда резиденція халифовъ находилась въ Дамаскѣ, и по своему происхожденію и изложенію имѣетъ много общаго съ богословіемъ; подобно тому, какъ богословіе отыскало себѣ апостоловъ въ двѣнадцати друзьяхъ Мухаммеда, такъ и основателями науки права уже около 700 года стали считать семерыхъ ученыхъ, признаваемыхъ въ ней такими же авторитетами, какъ первые въ дѣлахъ вѣры и совѣсти.

Въ одно время съ этими двумя науками процвѣтала при дворѣ омеядскихъ халифовъ, особенно при Іезидѣ II, игривая и свободная сатирическая поэзія. Чужеземцу невозможно оцѣнить ея достоинствъ, потому что тонкости и красоты ея, плѣняющія араба, могутъ быть поняты только при совершенномъ знаніи языка. Тогда Дамаскъ не только былъ наполненъ поэтами, но мода и придворные обычаи вмѣняли въ обязанность всякому писать стихи и, въ особенности, импровизировать. Историки, говоря почти о каждомъ халифѣ, полководцѣ, государственномъ мужѣ, приводятъ и его стихи, или изрѣченія, сказанныя или сочиненныя имъ при извѣстныхъ случаяхъ. Гораздо важнѣе этой всеобщей склонности современниковъ Омеядовъ къ поэзіи и философскимъ бреднямъ то, что съ этого времени реальныя и философскія науки стали развиваться на началахъ, которыя были положены имъ въ Александріи, и человѣчество могло сдѣлать шагъ впередъ. Греческіе и сирійскіе переводчики старались сдѣлать доступными жителямъ Востока красоты Софокла и другихъ греческихъ поэтовъ и ораторовъ, но не имѣли

успѣха, потому что поэзія и краснорѣчіе Востока имѣютъ свой отличительный характеръ, противоположный греческому духу. Тѣмъ легче нашли себѣ доступъ науки грековъ, имѣвшія внѣшнее и практическое примѣненіе. Придворные врачи халифа Абд-Альмалика, Ѳеодунъ и Ѳеодокъ, основали въ Дамаскѣ спеціальную медицинскую школу, изъ которой вышелъ одинъ изъ величайшихъ врачей и естествоиспытателей среднихъ вѣковъ, Ф о р а т ъ - и б н ъ - Ш д и н а т а; а Велидъ I, задумавъ, въ 716 г., построить большую мечеть въ своей столицѣ, созвалъ для этого художниковъ изъ всѣхъ частей греческой имперіи. Имъ было поручено не только построить мечеть, но и образовать изъ арабовъ архитекторовъ и основать новую арабско-византійскую школу архитектуры.

2. Эпоха Аббасидовъ и Газнавидовъ.

Мы и здѣсь должны ограничиться краткимъ обзоромъ этой эпохи, потому что обращаемъ вниманіе только на ту отрасль человѣческихъ знаній, которая, возникнувъ въ древности, заглохла въ варварствѣ начала среднихъ вѣковъ, потомъ получила дальнѣйшее развитіе у аравитянъ и впослѣдствіи, во время возрожденія Запада, перешла въ Италію, Сицилію и Испанію, къ народамъ латинскаго племени. Пускаясь въ частности, мы должны были бы коснуться и собственно школьной учености, высшихъ отраслей астрономіи и математики и чисто теоретической и философской части естественной исторіи, что совершенно не входитъ въ планъ нашего сочиненія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что, съ перенесеніемъ резиденціи халифовъ въ Багдадъ, арабская литература приняла ту форму, подъ которою она перешла къ христіанамъ и имѣла непосредственное вліяніе на развитіе наукъ. Въ Багдадѣ подъ вліяніемъ греческой литературы образовалась сначала совершенно особенная, арабско-греческая ученость, въ которую вошли потомъ персидскій и индійскій элементы. Возникшая такимъ образомъ совершенно новая наука распространилась по Египту, Африкѣ и Сициліи, до самой Испаніи, а оттуда проникла въ христіанскую Европу, гдѣ форма ея примѣнилась къ потребностямъ пробуждавшихся къ умственной жизни богатырскихъ поколѣній среднихъ вѣковъ.

Греческій элементъ впервые проникъ въ арабскую литературу изъ высшихъ училищъ Византійской имперіи въ Низибѣ, Антіохіи, Беритѣ и Эдессѣ. Первымъ звѣномъ соединенія между греками и арабами были сирійцы, языкъ которыхъ имѣетъ сходство съ арабскимъ. Прежде всего распространилась между арабами греческая медицина. Она процвѣтала въ упомянутыхъ училищахъ, и такъ какъ польза ея осязательна, то и мусульманскій фанатизмъ не могъ удержать халифовъ отъ принятія къ себѣ на службу греческихъ врачей. Тогда же были переведены и распространены между арабами медицинскія книги и заимствована у нихъ математика и соединенныя съ нею, или происходящія отъ нея науки, необходимыя для такихъ цвѣтущихъ государствъ, какими съ 760 г. сдѣлались Багдадъ и другія независимыя владѣнія, образовавшіяся на дальнемъ Востокѣ и на Западѣ. Труды греческихъ математиковъ были также переведены на арабскій языкъ, и математика съ астрономіею сдѣлались вскорѣ предметомъ ревностнаго изученія въ мухаммеданскихъ школахъ. Математическія науки получили такое развитіе у арабовъ, что впослѣдствіи этому народу приписывалось даже изобрѣтеніе алгебры. Только въ наше время, познакомившись съ неизвѣстною до тѣхъ поръ книгою грека Діофанта, мы пришли къ убѣжденію, что честь этого открытія принадлежитъ грекамъ. Въ химіи аравитяне съ самаго начала оказали весьма значительныя услуги; знаменитѣйшій арабскій химикъ, Г е б е р ъ или Д ж і а ф а р ъ, жилъ около 765 г., и уже тогда эта наука была такъ распространена между аравитянами, что и ее готовы были считать ихъ открытіемъ. Вообще математическія науки, проложивъ себѣ однажды путь, развивались съ особенною быстротою. При халифѣ Мамунѣ, несторіанецъ Хонаинъ перевелъ, по его порученію, Эвклида и астрономію Птолемея, которая получила хотя и звучащее по арабски, но собственно исковерканное греческое имя А л ь м а г е с т а. Эвклидъ былъ переведенъ еще и другимъ ученымъ, сабеемъ или огнепоклонникомъ, Теби-

томъ. Черезъ посредство знаменитаго византійскаго ученаго, Іоанна, жившаго нѣкоторое время въ Багдадѣ въ качествѣ греческаго посланника, Мамунъ вступилъ въ формальные переговоры съ императоромъ Ѳеофиломъ на счетъ обмѣна произведеній искусствъ и наукъ, ученыхъ и художниковъ. Сирійскій писатель, Абульфараджъ, положительно утверждаетъ, что Мамунъ выпросилъ у греческаго двора и получилъ отъ него книги, которыя желалъ видѣть у себя въ переводѣ. Уже при этомъ халифѣ аравитяне опередили грековъ въ астрономіи и геометріи, какъ это видно изъ ихъ тогдашнихъ стараній опредѣлить математически пространство земли. Удивительное измѣреніе градуса широты въ Санджарской пустынѣ было произведено въ присутствіи Мамуна извѣстными математиками, сыновьями Музы, Мухаммедомъ, Хосаиномъ и Ахмедомъ, и для точности повторено еще разъ. Мамунъ собралъ мастеровъ для изготовленія астрономическихъ инструментовъ и устроилъ въ Шемасіи, близъ Багдада, обсерваторію. Здѣсь было положено начало наблюденіямъ и вычисленіямъ, которыя впослѣдствіи провѣрялись и пополнялись во всѣхъ частяхъ средневѣковой имперіи аравитянъ. Они послужили для составленія тѣхъ таблицъ движенія небесныхъ тѣлъ, безъ которыхъ Кеплеръ и Ньютонъ не могли бы основать новѣйшей астрономіи. Въ числѣ астрономовъ багдадской обсерваторіи особенно славился въ средніе вѣка у латинцевъ и грековъ Ахмедъ-ибнъ-Котаиръ, или, какъ его называли, Альфраганъ. Правда, въ своемъ сочиненіи о началахъ астрономіи онъ не сдѣлалъ ни одного шага далѣе Птолемея, но трое друзей и сотрудниковъ его, Габашъ, Гассебъ-эль-Мерузи и Ибнъ-Набактъ, составивъ три тома астрономическихъ таблицъ, положили этимъ основаніе новѣйшей астрономіи. Изъ Багдада страсть къ астрономіи проникла въ Сирію, къ Гамаданидамъ и въ страны верхняго Евфрата. Во многихъ городахъ этихъ мѣстностей возникли астрономическо-математическія училища и обсерваторіи, изъ которыхъ болѣе всего прославилась антіохійская, гдѣ дѣлалъ наблюденія Альбатани или Альбатегній (собственно Мухаммедъ-бенъ-Джеберъ). Изъ трудовъ этого ученаго христіанскіе астрономы среднихъ вѣковъ почерпали всѣ свои свѣдѣнія. Альбатани съ недоступною для древнихъ грековъ точностью опредѣлилъ наклоненіе эклиптики и, кромѣ того, вычислилъ довольно вѣрно положеніе солнца на небѣ въ различныя времена года.

Аристотель произвелъ совершенный переворотъ въ наукѣ аравитянъ, а въ особенности въ теологіи. Сочиненія его были безчисленное множество разъ переводимы на арабскій языкъ съ объясненіями. Вліяніе этого великаго философа и діалектика его на острый умъ арабовъ было такъ сильно, что они считали его чуть не за втораго пророка. Вслѣдствіе этого вліянія, философія ихъ получила совершенно особенное направленіе, весьма впрочемъ далекое отъ истиннаго духа философіи Аристотеля. Отъ аравитянъ она распространилась по всему Западу и дала начало новой науки, связанной съ именемъ Аристотеля, хотя въ ней было весьма мало Аристотельскаго. Творенія греческаго философа сдѣлались, нѣкоторымъ образомъ, душою мухаммеданскаго, христіанскаго и іудейскаго міра. Арабы искусственно развили изъ его ученія особенную систему научныхъ пріемовъ и изложенія и основали на ней свою теологію. Отъ нихъ система эта перешла сначала въ Испанію, къ евреямъ, а отъ евреевъ, подъ названіемъ схоластическаго богословія, и въ западную Европу, къ христіанамъ. У послѣднихъ она до того распространилась, что весь ходъ христіанскаго просвѣщенія среднихъ вѣковъ находится въ тѣсной связи съ исторіею переводовъ и толкованій Аристотеля. Эпоху распространенія его философіи можно раздѣлить на два періода: одинъ, до тринадцатаго столѣтія, когда Аристотель былъ извѣстенъ только въ переводахъ и комментаріяхъ на арабскомъ и дурномъ латинскомъ языкѣ; и другой, наступившій со времени знакомства съ греческимъ оригиналомъ. Мы не будемъ пускаться въ подробную оцѣнку всѣхъ тонкостей арабскаго богословія; довольно сказать, что оно, какъ нельзя больше походитъ на христіанское богословіе среднихъ вѣковъ и что даже діалектическія и теологическія пренія, этотъ родъ умственныхъ турнировъ, перешли въ европейскіе университеты отъ арабскихъ послѣдователей Аристотеля. Знаменитѣйшій богословскій диспутъ происходилъ между двумя учителями школы шафеитовъ, Бехромъ-аль-Гафи и Мухаммедомъ Шафи, по вопросу о томъ, есть ли Коранъ произведеніе человѣческаго ума, или созданъ вдохновеніемъ свыше (стр. 336). Для этого былъ собранъ цѣлый совѣтъ богослововъ; но мнѣнія, по

обыкновенію, раздѣлились, распря еще болѣе усилилась, и споръ окончился убійствомъ и кровопролитіемъ.

О грамматической учености аравитянъ, которою особенно отличалась школа Халиля, слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще короче, чѣмъ объ ихъ богословіи; но необходимо сказать нѣсколько словъ объ арабской философіи, имѣвшей огромное вліяніе на Западъ. Особенно важное значеніе для ея характера и развитія имѣло то обстоятельство, что персидскія и индійскія воззрѣнія поколебали мухаммеданскій фанатизмъ и породили особенный взглядъ на вещи, распространившійся, въ десятомъ столѣтіи, по Ираку, Персіи и Индіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Ахмедъ-бенъ-Ягія, жившій при дворѣ халифа Аоктафа, около 905 г. Его иногда называли просто аль-Раванди, т. е. еретикъ, а лѣтописи, наполненныя примѣрами его дерзкихъ отзывовъ объ ученіи и баснях Корана, называютъ его не иначе какъ безбожникомъ. Сочиненія его содержатъ въ себѣ много заимствованій изъ индійской теологіи, считаются потому глубокомысленными и темными, и, не смотря на дурную славу ихъ автора, признаются однимъ изъ лучшихъ учебныхъ руководствъ. Всѣ они имѣютъ аллегорическія заглавія, какъ напримѣръ, Кадибъ-эд-дагабъ, золотая лоза; Китабъ-ель-Ламе, блестящая книга; Китабъ-эль-Фериндъ, яркое сверканіе меча; Китабъ-эль-Зомрода, книга-изумрудъ. Вмѣстѣ съ аль-Раванди слѣдуетъ назвать Мухаммеда-ибнъ-Заккарію-аль-Рази, знаменитаго смотрителя больницы въ Багдадѣ и придворнаго врача халифа Кагера. Медицина была тѣсно связана съ философіею и толкованіями Аристотеля, и въ концѣ одиннадцатаго вѣка процвѣтала вмѣстѣ съ ними въ Бухарѣ, Газнѣ и на берегахъ Тигра. Мухаммедъ-ибнъ-Заккарія такъ славился своею ученостью, что къ нему стекались ученики со всѣхъ концовъ свѣта. Онъ написалъ болѣе двухъ сотъ томовъ и его система практической медицины была еще въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ вѣкахъ предметомъ ревностнаго изученія итальянскихъ ученыхъ. Еще извѣстнѣе и знаменитѣе былъ Абу-Али-Хосаинъ-бенъ Абдалла-ибнъ-Сина, или, какъ называютъ его европейцы, Авиценна. Онъ считался и у мухаммеданъ, и у христіанъ, первымъ философомъ послѣ Аристотеля и величайшимъ учителемъ медицины. Аравитяне называли его Шейхъ-Райесъ, т. е. княземъ врачей. Онъ родился близъ Бухары, получилъ образованіе въ этомъ городѣ и былъ призванъ (стр. 352) въ Газну великимъ султаномъ Махмудомъ, но, не принявъ этого приглашенія, отправился въ Персію, гдѣ училъ и занимался науками преимущественно во владѣніяхъ Буидовъ и Зіядовъ. Онъ создалъ, по Галену и Мухаммеду-ибнъ-Заккаріи, новую систему медицины и хирургіи, стараясь утвердить ее на философскихъ началахъ. Впослѣдствіи, эта система пользовалась уваженіемъ, какъ какое-нибудь божественное откровеніе, и сохраняла свой авторитетъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ отношеніи философіи, Западъ и Востокъ смотрѣли на него какъ на оракула относительно комментаріевъ на Аристотеля и Платона, а его система логики и метафизики считалась въ Азіи важнѣйшимъ произведеніемъ литературы. Бухара была средоточіемъ всего развитія тогдашней мусульманской литературы, и султанъ Махмудъ вызвалъ оттуда въ Газну, кромѣ Авиценны, еще трехъ другихъ ученыхъ, творенія которыхъ изучались въ средніе вѣка европейцами въ плохихъ переводахъ (стр. 352). Изъ этихъ трехъ лучезарныхъ звѣздъ газнавидскаго двора, Абу-Насръ и Абу-Сагаль мало извѣстны въ Европѣ, но тѣмъ лучше знаемъ мы Абу-Ригана, бывшаго не только философомъ, но и великимъ математикомъ. Онъ написалъ теорію неподвижныхъ звѣздъ и трактатъ о поверхностяхъ шарообразныхъ тѣлъ; подъ покровительствомъ Махмуда и его преемника сорокъ лѣтъ путешествовалъ по Индіи и составилъ всеобщую географію, на которую нерѣдко ссылаются позднѣйшіе ученые.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ родѣ сочиненій, которымъ обогатилась народная литература аравитянъ въ эпоху Аббасидскихъ халифовъ. Мы говоримъ о сказкахъ. Со времени Гарунъ-аль-Рашида, онѣ не рѣдко появлялись въ сборникахъ, изъ которыхъ болѣе всего извѣстенъ намъ одинъ, подъ названіемъ Тысячи и Одной Ночи. О другой отрасли литературы, баснѣ, трудно сказать положительно, существовала ли она у арабовъ издавна, или была занесена къ нимъ изъ Персіи, потому что хотя къ намъ и перешли арабскія басни поэта Локманна, но къ какому времени онѣ относятся — неизвѣстно. Новѣй-

шія же изслѣдованія положительно доказали, что при Аббасидахъ къ аравитянамъ были занесены изъ Индіи басни Бидпаи, или, какъ ихъ называютъ чаще, книга Калида и Димна. Это собраніе нашло у нихъ много подражателей и потому, относительно позднѣйшаго времени, басня у аравитянъ можетъ считаться индійскаго происхожденія. Мы можемъ не упоминать объ остальныхъ родахъ арабской поэзіи, какъ совершенно чуждыхъ духу западной литературы и вообще имѣющихъ мало значенія для исторіи человѣческой культуры. Изъ нихъ можно назвать только полуописательныя, полудидактическія стихотворенія, изъ которыхъ наиболѣе извѣстенъ въ Европѣ Макаменъ Харири; ихъ можно отчасти сравнивать съ произведеніями провансальской литературы въ Испаніи, южной Франціи и Италіи. Замѣчателенъ еще «Естественный человѣкъ,», стихотвореніе испанскаго араба Джіафара-ибнъ-Тафаэля, въ которомъ авторъ старается изложить исторію развитія человѣческихъ способностей отъ состоянія самаго дикаго животнаго до высшей ступени образованности.

3. Дальній Востокъ и дальній Западъ въ цвѣтущую эпоху арабской образованности.

Когда Саманиды перенесли свою резиденцію въ Бухару и Самаркандъ, древнеперсидская образованность слилась съ новѣйшею арабскою, и на рубежѣ между пустынею и владѣніями Буидовъ возникли университеты, большія ученыя коллегіи, библіотеки, обсерваторіи, и все это въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что съ ними могутъ сравниваться только немногія изъ подобныхъ учрежденій нашего времени. Даже дикіе сельджуки, овладѣвшіе халифатомъ, считали необходимымъ, подобно кровожаднымъ тиранамъ Италіи четырнадцатаго вѣка, поощрять, изъ тщеславія, науки и искусства. Низамъ-эль-Мулькъ, визирь втораго и третьяго правителя изъ династіи сельджуковъ, основалъ въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Меру, Нишапурѣ и Гератѣ огромныя академіи, гдѣ содержалось на счетъ государства множество ученыхъ, учредилъ въ Багдадѣ богословскую академію, названную, по его имени, низамскою, и тратилъ на нее такія огромныя суммы, что блескъ ея превзошелъ все, что было сдѣлано до той поры халифами для своей столицы.

Изъ всѣхъ наукъ, на Востокѣ мухамеданскаго міра лучше всего привились математика и астрономія; тамъ-же были исправлены таблицы, на которыхъ основывается новѣйшая астрономія. Около 1080 г. одинъ изъ астрономовъ сельджукскаго султана Малекъ-Шаха, Омаръ Хеянъ, въ первый разъ вычислилъ, почти до секундъ, продолжительность солнечнаго года, а Самарканду мы обязаны превосходными астрономическими таблицами на персидскомъ языкѣ, встрѣчающимися иногда въ нашихъ библіотекахъ. Даже въ эпоху страшнаго опустошенія Багдада, въ 1258 г. грозный Гулагу, или Илекъ-Ханъ, позаботился объ астрономіи и велѣлъ астроному Насиреддину созвать математиковъ и астрономовъ въ одинъ изъ городовъ Адзербиджана, для составленія новыхъ исправленныхъ таблицъ. Насиреддинъ исполнилъ этотъ трудъ съ помощью директора дамасской обсерваторіи, аль-Муяда-аль-Ареди, и директоровъ обсерваторій въ Моссулѣ, Тифлисѣ и Казвинѣ, аль-Факра-аль-Мараги, аль-Факра-аль-Халати и Нагмеддинабенъ-Дебирана. Такимъ образомъ были составлены, въ двѣнадцать лѣтъ, знаменитыя таблицы Илекъ-Хана, которыя впослѣдствіи были исправляемы еще нѣсколько разъ. Въ нихъ не только указаны орбиты планетъ, ихъ длина, ширина и восхожденіе, но помѣщенъ еще каталогъ неподвижныхъ звѣздъ и опредѣлены различныя эры. Намъ извѣстенъ длинный рядъ лицъ, управлявшихъ подобными и другими учеными учрежденіями въ Татаріи въ продолженіе четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій. Одинъ изъ внуковъ Тимура или Тамерлана, Улугъ Бегъ, царствовавшій на сѣверѣ Индіи и въ части Татаріи, покровительствовалъ ученымъ, трудившимся надъ дѣломъ, еще до нынѣ приносящимъ пользу. Учителемъ его былъ Салагеддинъ, директоръ самаркандскаго училища, который въ первый разъ со временъ Гиппарха возымѣлъ великую мысль составить полный каталогъ неподвижнымъ звѣздамъ. Салагеддинъ умеръ еще до окончанія своего труда, который довершилъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Али-Кушги, Гаятед-

динъ Джемшидъ, еще прежде исправившій таблицы Насиреддина. Такимъ образомъ явились еще новыя астрономическія таблицы, названныя по имени Улугъ Бега и написанныя сначала на арабскомъ, а потомъ на персидскомъ языкѣ.

Персидскій историкъ и поэтъ Фердуси (стр. 352) оставилъ поэму, заключающую въ себѣ древнѣйшую исторію страны и называющуюся книгою царей или Шахъ-Наме. Въ новѣйшее время она являлась въ столькихъ переводахъ и передѣлкахъ на европейскихъ языкахъ, что о ней достаточно только упомянуть. Стихи и разсказъ совершенно въ персидскомъ вкусѣ, и европейцу трудно примириться съ этими фантастическими и высокопарными стихами. Мы соглашаемся, что Фердуси можетъ назваться персидскимъ Гомеромъ, но западный или сѣверный умъ не можетъ находить никакой прелести въ персидской напыщенности и восточной безпорядочности.

Отъ литературы крайняго Востока мы должны обратиться къ тому, что дѣлалось у аравитянъ для науки и искусства на крайнемъ Западѣ, при испанскихъ Омеядахъ. Упрочивъ свое владычество, Омеяды основали свою резиденцію въ Кордовѣ, гдѣ дворъ ихъ не уступалъ въ блескѣ, роскоши и величіи двору Аббасидовъ. По восточнымъ понятіямъ, поэты, ученые и художники были необходимою принадлежностью подобнаго двора, и на государствѣ лежала обязанность привлекать ихъ къ себѣ своею щедростью. Замѣчательнѣй всѣхъ въ этомъ отношеніи былъ Гакемъ II. Онъ пригласилъ къ себѣ съ Востока цѣлыя толпы ученыхъ и, подобно Птолемеямъ, учредилъ особенныя заведенія, гдѣ сотни писцовъ переписывали ученыя сочиненія подъ надзоромъ особыхъ ученыхъ корректоровъ. Неудивительно, что такимъ образомъ библіотека Кордовы имѣла при Гакемѣ до шести сотъ тысячъ томовъ; впрочемъ, извѣстно, что арабы любятъ сильно преувеличивать; удивительнѣе, что Гакемъ собственноручно дѣлалъ на каждой книгѣ отмѣтку о ея содержаніи, авторѣ и времени изданія. При аравитянахъ образованіе и поэзія были такъ распространены въ Испаніи, что даже женщины сочиняли и писали стихи. Келамъ, любимая султанша Гакема II, извѣстна своими историческими и поэтическими сочиненіями; кромѣ того намъ извѣстенъ цѣлый рядъ знаменитыхъ испанско-арабскихъ писательницъ. Музыка сдѣлала также большіе успѣхи въ Испаніи при Омеядахъ, гдѣ почерпнулъ свои музыкальныя познанія знаменитый Гербертъ, учитель императора Оттона III. Итальянецъ Гвидо Арреццо, который изобрѣлъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ такъ называемые сольфеджіи и ввелъ въ Европѣ систему нотъ и линій, вмѣсто употреблявшихся до той поры буквъ, вѣроятно также обязанъ этими открытіями испанскимъ аравитянамъ. Въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ съ Кордовою уже могли поспорить въ значеніи Гранада, Севилья, Толедо и Валенсія. Въ то время, когда народы латинскаго племени не имѣли еще ни одной порядочной библіотеки и всего два университета, заслуживавшихъ этого имени, въ Испаніи считалось до семидесяти большихъ библіотекъ, со многими тысячами томовъ, и до шестнадцати высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ между испанскими учеными явился комментаторъ Аристотеля, совершенно противорѣчившій Авиценнѣ, такъ что послѣдователи того и другаго вели между собою такую же борьбу, какъ христіанскіе философы среднихъ вѣковъ, ѳомисты и скотисты. Этотъ медикъ и философъ, уроженецъ Кордовы, былъ Мухаммедъ-Абулъ-Валидъ-эбнъ-Ахмедъ-эбнъ-Рошдъ; аравитяне сократили его длинное имя въ Эбнъ-Рошдъ, а христіане передѣлали его въ Аверроэсъ. Даже христіанскія школы приняли отчасти его теорію и до четырнадцатаго столѣтія раздѣлялись, по вопросу объ отношеніи души къ тѣлу, на авиценнистовъ и аверроистовъ. Аверроэсъ написалъ комментаріи и на Платона и издалъ знаменитое сочиненіе, гдѣ старался соединить философію Галена съ философіею Аристотеля и защитить послѣдняго противъ перваго. Немного позже Аверроэса жилъ знаменитый ботаникъ и естествоиспытатель Эбнъ Байтаръ, уроженецъ Малаги, впослѣдствіи оставившій Испанію и умершій въ 1248 г. директоромъ ботаническаго сада въ Дамаскѣ, не имѣвшаго тогда ничего подобнаго себѣ. Онъ изучалъ естественныя науки по нынѣшней методѣ, дѣлая научныя наблюденія, объѣхалъ всѣ государства аравитянъ и Грецію и, судя по тому, что онъ написалъ, заимствовалъ у грековъ все, что могло быть полезно. Его книга о растеніяхъ и о простыхъ лекарствахъ долгое время служила и въ латинскихъ школахъ руководствомъ для ученыхъ врачей.

Европа безконечно обязана мухаммеданской Испаніи успѣхами въ различныхъ отрасляхъ естественныхъ наукъ, а особенно въ астрономіи, оптикѣ и архитектурѣ. Мы могли бы неопровержимо доказать это, еслибы намъ позволялъ планъ нашей исторіи; но чтобы не уклоняться отъ него, мы ограничимся одними краткими указаніями. Оптика была уже съ шестнадцатаго вѣка предметомъ ревностнаго изученія въ Германіи; но до Коперника, Галилея, Тихо де Браге и Кеплера, сдѣлавшихъ въ ней новыя открытія, единственными руководствами для посвятившихъ себя этой наукѣ были арабско-испанскіе учебники. Главное изъ этихъ руководствъ, «энциклопедія оптики» Риснера, появившаяся около 1572 г., состояла собственно изъ латинскаго перевода арабской теоріи оптики Аль-Хазена. Вителло, жившій, вѣроятно, въ тринадцатомъ вѣкѣ, точно также заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ арабскихъ источниковъ, хотя и почерпнулъ ихъ не у испанскихъ, а у сицилійскихъ аравитянъ. Астрономія была въ Испаніи предметомъ такого же ревностнаго изученія, какъ и на Востокѣ. Наблюденія и вычисленія, благодаря которымъ новѣйшая астрономія сдѣлала большіе успѣхи въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, сдѣлались извѣстными въ Европѣ чрезъ посредство испанскихъ арабовъ. Уже въ 1080 г. одинъ арабскій астрономъ, въ Толедо, составилъ такъ называемыя толедскія таблицы, которыя въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ считались за самыя полныя и точныя. Въ тринадцатомъ вѣкѣ, кастильскій король Альфонсъ X, носившій титулъ германскаго императора, воспользовался всѣми астрономическими трудами восточныхъ ученыхъ для составленія такъ называемыхъ альфонсовыхъ таблицъ, на которыхъ основалась новѣйшая астрономія. Вмѣсто того, чтобы прозвать его за это ученымъ, ему дали незаслуженное имъ прозваніе мудраго; но если онъ дѣйствительно употребилъ, — чего, впрочемъ, мы не можемъ утверждать — не менѣе четырехъ сотъ тысячъ червонныхъ на составленіе таблицъ, то это предпріятіе, конечно, вполнѣ достойно латинскаго и христіанскаго государя. Впрочемъ, при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что участіе христіанъ въ этомъ трудѣ было весьма незначительно; хотя они въ немъ и участвовали, но главными руководителями при этомъ были толедскій первый раввинъ Исаакъ, сынъ Сеида, и арабскіе ученые Абенъ-Рагель и аль-Кабизъ. Альмагестъ Птолемея, служившій въ среднихъ вѣкахъ популярнымъ руководствомъ астрономіи, былъ также исправленъ въ Испаніи, сообразно съ успѣхами аравитянъ въ этой наукѣ, и перешелъ въ этомъ видѣ къ христіанамъ, у которыхъ употреблялся въ шестнадцатомъ вѣкѣ какъ школьное руководство. Эти поправки сдѣлалъ въ немъ Джеберъ-бенъ-Афла.

ИСТОРІЯ СѢВЕРНЫХЪ НАРОДОВЪ

ВЪ ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

---

1. Древнѣйшая эпоха скандинавскихъ народовъ.

Скандинавская исторія, подобно греческой (т. I. стр. 82 и 83), начинается героическимъ періодомъ, отличительный характеръ котораго состоитъ въ героической храбрости и воинственномъ духѣ. Эта эпоха оканчивается развитіемъ болѣе высокой культуры. Исторія подобныхъ періодовъ обыкновенно передается потомству въ народныхъ сказаніяхъ, облеченныхъ въ форму поэтическихъ вымысловъ. Не смотря на обиліе свѣдѣній, заключающихся въ этихъ сказаніяхъ, историку все-таки невозможно, посредствомъ ихъ, прослѣдить въ частности ходъ событій. Но за то эти преданія чрезвычайно драгоцѣнны для насъ, потому что раскрываютъ характеръ и бытъ народовъ, такъ какъ въ подобныя эпохи различные классы общества весьма мало отличаются между собою и все имѣетъ одинъ опредѣленный, общій характеръ. Поэтому предметомъ историческаго изученія героическихъ эпохъ должны быть не подвиги царей и героевъ, о которыхъ повѣствуется въ преданіяхъ, а общее настроеніе и характеръ этихъ поэтическихъ образовъ.

Основываясь на нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ и древнихъ преданіяхъ, можно заключать о существованіи въ Скандинавіи двухъ различныхъ племенъ: собственно скандинавовъ, или, какъ ихъ называютъ въ Германіи и Франціи, норманновъ, и финскаго племени. Обѣ эти народности принадлежатъ къ кавказской расѣ, но первые составляютъ вѣтвь германскаго племени, тогда какъ финны не только не принадлежатъ къ индо-европейской семьѣ народовъ (т. I. стр. 12), но вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими племенами составляютъ совершенно отдѣльную группу національностей, называемую финскою. Наиболѣе замѣчательные народы этой отрасли: финны, лапландцы (лопари), ливы, эсты и мадьяры или венгры. До насъ дошли только преданія германской части обитателей Скандинавіи; о финскомъ-же племени мы имѣемъ одни отрывочныя свѣдѣнія, заключающіяся въ скандинавскихъ преданіяхъ. Но изъ нихъ все-таки можно заключить, что нѣкогда финны стояли на болѣе высокой степени образованности. Племя ихъ, мало-по-малу оттѣсненное германскими пришельцами въ негостепріимныя страны сѣвера, сначала обитало на всемъ пространствѣ отъ юга Скандинавіи до внутренности Сибири и еще въ девятомъ столѣтіи нашей эры благосостояніе и промышленность были развиты у нихъ гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ.

Скандинавская исторія начинается, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, миѳическими разсказами о жизни боговъ и происхожденіи человѣчества. Скандинавская миѳологія говоритъ, что міръ былъ создаваемъ нѣсколько разъ, въ опредѣленные періоды времени, и каждый разъ предшествовавшій міръ былъ истребляемъ. Міръ, въ которомъ началась героическая эпоха сѣверныхъ народовъ, былъ созданъ двѣнадцатью главными миѳическими божествами скандинавовъ, азами, во главѣ которыхъ стоитъ Одинъ. Азы прибыли въ Скандинавію изъ какой-то

далекой страны, уничтожили прежній міръ, прогнали его боговъ и богатырей на край земли, создали человѣчество и разселили его по землѣ, которая въ скандинавскихъ миѳахъ и называется Мангеймомъ, т. е. жилищемъ человѣка. Одинъ былъ не только родоначальникомъ всѣхъ скандинавскихъ героическихъ фамилій, но вмѣстѣ съ азами считался и творцемъ всякой образованности, порядка и искусствъ, на которыхъ основывается благосостояніе народовъ. Изъ этихъ боговъ, имена которыхъ мы уже упоминали выше (стр. 86), самымъ могущественнымъ, послѣ Одина, былъ Торъ, богъ грома, вооруженный топоромъ, какъ символомъ молніи и непобѣдимой силы. Самымъ справедливымъ, благороднымъ и кроткимъ изъ боговъ, по понятіямъ скандинавовъ, былъ Бальдеръ, не имѣвшій никакого особеннаго назначенія и отчасти представлявшій собою олицетвореніе нравственнаго благородства. Боги жили въ городѣ Асгардѣ, находившемся въ центрѣ вселенной и заключавшемъ въ себѣ дворецъ Валгаллу, куда переносились, къ Одину всѣ свободные люди, умиравшіе на полѣ битвы; умершіе естественною смертью отправлялись въ Нифльгеймъ, холодное, мрачное царство тумановъ, гдѣ тѣни ихъ вели самую печальную жизнь. Души женщинъ шли къ богинѣ Фрейѣ, а рабы—къ богу Тору. Въ обществѣ боговъ тѣни героевъ продолжали вести свою прежнюю бранную жизнь, сражаясь и охотясь вмѣстѣ съ ними. Въ часъ обѣда, павшіе въ битвѣ снова возвращались къ жизни, и весело пировали, слушая пѣсни Браги, скальда или барда боговъ, воспѣвавшаго подвиги древнихъ героевъ. Скандинавы поклонялись богамъ не только подъ открытымъ небомъ, какъ германцы, но и въ особыхъ храмахъ, изъ которыхъ самымъ древнимъ и замѣчательнымъ было деревянное капище въ Упсалѣ. По скандинавской миѳологіи, міръ Одина долженъ былъ также имѣть конецъ. Прежніе боги и герои вернутся изъ изгнанія и вступятъ въ страшную борьбу съ азами. Звѣзды померкнутъ, страшный волкъ поглотитъ солнце и мѣсяцъ, и всѣ герои и люди падутъ въ битвѣ, усѣявъ землю своими трупами. Но міръ исчезнетъ не навсегда; добрый Бальдеръ и нѣкоторые другіе боги снова оживутъ, явится новая земля, лучше прежней, и ее заселитъ новое, лучшее племя. Эта вѣра въ позднѣйшее, нравственное улучшеніе міра и поклоненіе богу Бальдеру служитъ доказательствомъ, что, не смотря на свой страшный, дикій и воинственный характеръ, сѣверная миѳологія не лишена и нравственной идеи.

Такія же чистыя и возвышенныя понятія появляются и въ самомъ бытѣ скандинавовъ, хотя, вслѣдствіе преобладанія у нихъ воинственнаго направленія, они были весьма грубы и съ теченіемъ времени одичали еще болѣе. Занятіями сѣвернаго героя были война, охота и военныя упражненія; люди благороднаго происхожденія не занимались никакимъ трудомъ, предоставляя земледѣліе и скотоводство своимъ рабамъ. Благородные считали себя рожденными только для войны и съ самой ранней юности вели боевую жизнь, внѣ которой они находили удовольствіе лишь въ охотѣ, веселыхъ пирахъ и попойкахъ и въ поэтическихъ разсказахъ о подвигахъ древнихъ богатырей. Эти наслажденія полудикой жизни удовлетворяли ихъ вполнѣ. Разсказы, которыми пѣвецъ тѣшилъ скандинавскихъ героевъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, вовсе не походили на подобные же разсказы древнихъ грековъ. У скандинавовъ героическія преданія имѣютъ мрачный и печальный колоритъ, потому что въ основаніи самой религіи ихъ лежала идея о борьбѣ божественныхъ силъ съ силами природы и между собою, а вслѣдствіе того разсказы ихъ вертятся только на битвахъ и побѣдахъ, а еще чаще на ошибкахъ и страшной гибели воспѣваемыхъ героевъ. Столь же рѣзкое различіе между этими двумя народами представляетъ и равнодушіе скандинавовъ къ жизни. Они придавали ей очень мало цѣнности, въ противоположность веселымъ грекамъ, и считали высшею добродѣтелью не только храбрость, но и холодное презрѣніе къ смерти. Смерть отъ старости или отъ болѣзни считалась позоромъ, и, чтобы избѣжать его, скандинавы кончали жизнь самоубійствомъ. Высшее геройство состояло въ томъ, чтобы встрѣтить смерть съ улыбкою на устахъ. Случалось даже, что воины кидались въ битву безъ всякаго оборонительнаго оружія, снявъ съ себя даже платье. Эта безумная храбрость называлась бѣшенствомъ берсеркеровъ и считалась у скандинавовъ неодолимою.

У такого воинственнаго и дикаго народа, войны съ сосѣдними племенами и разбойничьи набѣги на отдаленныя страны были, разумѣется, самымъ естествен-

нымъ явленіемъ. Кромѣ того, у скандинавовъ, какъ и у всѣхъ воинственныхъ племенъ, стоящихъ на низкой степени образованности, кровная месть вмѣнялась въ священную обязанность, а потому въ примѣрахъ наслѣдственной, фамильной вражды не было недостатка. Впрочемъ, во время большихъ празднествъ, когда, по обычаю, весь народъ собирался для общественныхъ жертвоприношеній, или для совѣщаній, наступало перемиріе, а храмы и во всякое другое время служили убѣжищами для преслѣдуемыхъ. Хищные набѣги предпринимались обыкновенно смѣльчаками княжескаго происхожденія, къ которымъ приставали толпы охотниковъ, потому что настоящая національная война начиналась только съ согласія всѣхъ свободныхъ людей. Вслѣдствіе увеличенія населенія и возрастанія грубости нравовъ эти смѣлыя предпріятія становились все чаще и чаще. Причиной этого увиличенія населенія и неразрывно связаннаго съ нимъ недостатка въ средствахъ существованія была чрезмѣрная плодовитость браковъ у древнихъ скандинавовъ. Учащенію хищныхъ набѣговъ способствовало еще и то обстоятельство, что наслѣдникомъ всего отцовскаго имущества считался только одинъ изъ всѣхъ сыновей, а остальные должны были сами пріобрѣтать или завоевывать себѣ богатство. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, выселенія и набѣги сдѣлались такъ часты, что вошли наконецъ въ обычай и обратились въ настоящее ремесло, которое какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало всему строю скандинавской жизни, какъ это видно изъ самыхъ понятій ихъ о загробной жизни. Норманны думали, что къ Одину не слѣдуетъ отправляться бѣднымъ, и что чѣмъ болѣе п р і о б р ѣ т е н н ы х ъ сокровищъ клали на костеръ покойника, тѣмъ болѣе наслажденій ожидало его въ Валгаллѣ. Впрочемъ, набѣги были сначала предпринимаемы только для взаимнаго грабежа между различными скандинавскими племенами; но потомъ они стали направляться преимущественно въ чужіе и далекіе края. Предводители назывались в о ж д я м и (Heerkönige), или м о р с к и м и к о р о л я м и (Seekönige), смотря по тому, сухимъ путемъ, или моремъ предпринимался походъ. Морскіе набѣги, или такъ называемые п о х о д ы в и к и н г о в ъ сдѣлались вскорѣ преобладающими и повели скандинавовъ къ берегамъ Нѣмецкаго моря, въ Британнію, къ Оркадскимъ и Фарёрскимъ островамъ, въ Нидерланды, Францію, Испанію и Португалію, а потомъ и далѣе, за Гибралтарскій проливъ. Эти набѣги предпринимались на легкихъ ладьяхъ, вмѣщавшихъ въ себѣ не болѣе ста двадцати человѣкъ; суда нерѣдко погибали отъ бурь, но смерть на морѣ считалась у скандинавовъ столь же славною, какъ и смерть въ бою. Корабли ихъ не имѣли парусовъ, а приводились въ движеніе веслами, которыхъ обыкновенно бывало по пятнадцати паръ, и не рѣдко были очень красиво сдѣланы, обиты мѣдью или желѣзомъ и раскрашены. Мѣриломъ силы для участниковъ въ экспедиціи было весло въ тринадцать локтей длиною, и кто не могъ управлять имъ, не принимался въ товарищество. Обыкновенно въ походъ отправлялись отъ двѣнадцати до ста судовъ. Пираты не только опустошали морскіе берега, но и проникали иногда во внутренность странъ, слѣдуя вверхъ по теченію рѣкъ; если имъ преграждали обратный выходъ въ море, то они перетаскивали на плечахъ свои суда, вмѣстѣ съ добычею, къ другой рѣкѣ и спускались по ней въ море. Особенно часто повторялись эти набѣги въ девятомъ столѣтіи нашей эры. Скандинавы возвращались изъ нихъ со множествомъ съѣстныхъ припасовъ, драгоцѣнностей и невольниковъ и заносили въ свое отечество многія полезныя ремесла и искусства. Морскіе походы не мѣшали скандинавамъ дѣлать набѣги и на сушѣ, и неудивительно, что при своей изумительной предпріимчивости, жаждѣ опасностей и необыкновенной физической силѣ норманны еще въ началѣ шестаго столѣтія проникли, черезъ Россію, до береговъ Чернаго моря, и подъ именемъ в а р я г о в ъ (т. е. наемниковъ) вступали въ службу греческихъ императоровъ, тѣлохранители которыхъ долгое время набирались преимущественно изъ нихъ. Воинственный, дикій норманнъ столь же мало дорожилъ жизнью другихъ, какъ и своею собственною. Онъ былъ жестокъ съ побѣжденнымъ врагомъ и жителями странъ, которыя опустошалъ своими набѣгами; случалось даже, хотя и не очень часто, что онъ приносилъ своимъ богамъ человѣческія жертвы, для которыхъ выбирались обыкновенно плѣнные, невольники и осужденные на смерть преступники; но, въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій, отецъ приносилъ иногда въ жертву своего сына, или народъ своего царя. Кромѣ того, у скандинавовъ, какъ у древнихъ грековъ и римлянъ всѣхъ и

вообще языческихъ народовъ, отецъ имѣлъ право умерщвлять своего новорожденнаго ребенка, и это право, или вѣрнѣе обычай, всегда соблюдался, когда дѣти имѣли какой-нибудь тѣлесный недостатокъ.

Всѣ эти характеристическія черты скандинавскихъ и норманнскихъ нравовъ служатъ признаками высшей загрубѣлости чувствъ, обыкновенной у всѣхъ дикихъ и воинственныхъ народовъ. Къ концу своей героической эпохи, норманны еще болѣе одичали и, наконецъ, стали совершать во время своихъ морскихъ походовъ самыя страшныя злодѣйства и самымъ звѣрскимъ образомъ. обращаться съ женщинами побѣжденныхъ, чего никогда не дѣлали германскія племена. Не смотря на то, они не были совершенными дикарями, и, какъ всѣ вообще германцы, отличались, въ особенности въ началѣ, болѣе возвышенными чувствами. Такъ, напримѣръ, кровная месть была у нихъ ограничена весьма рано, они всегда свято соблюдали данное слово, уважали честь женщины, чего мы не находимъ у варваровъ не германскаго происхожденія, и, наконецъ, не были чужды и другихъ возвышенныхъ стремленій, которыя проявляются въ ихъ любви къ поэзіи и въ самомъ содержаніи ихъ пѣсенъ. Хотя кровная месть считалась у скандинавовъ священнымъ долгомъ, и ближайшій родственникъ убитаго былъ обязанъ мстить убійцѣ, но, въ противоположность арабамъ и другимъ народамъ, у нихъ существовалъ полезный и вполнѣ соотвѣтствовавшій древне-германскимъ понятіямъ обычай, по которому наказаніе имѣло значеніе вознагражденія за причиненный вредъ. Долгъ мести считался исполненнымъ, если убійца уплачивалъ родственнику убитаго деньгами или натурою извѣстную пеню, которая, по предварительной оцѣнкѣ, считалась равною цѣнности убитаго. Вѣрность слову соблюдалась у скандинавовъ такъ свято, что даже одинъ весьма нерасположенный къ нимъ христіанскій писатель начала среднихъ вѣковъ говоритъ, что они безпощадны, пока не связали себя словомъ; но не легко нарушаютъ свою клятву, и что это ихъ единственная добродѣтель. Клятва во всѣ времена считалась у нихъ священнымъ и ненарушимымъ обязательствомъ, и нарушеніе ея принадлежало къ числу преступленій, отъ которыхъ нельзя было откупиться пенею, а приходилось отвѣчать жизнью. Чувство преданности вождю было въ нихъ такъ сильно, что нѣкоторые изъ нихъ нерѣдко сами лишали себя жизни, не желая пережить своего вождя. Также свято наблюдалось и братство по оружію между двумя героями, связавшими себя взаимнымъ обѣщаніемъ мстить за смерть своего товарища, если бы даже убійца былъ ближайшимъ родственникомъ оставшагося въ живыхъ. Хотя женщины и не занимали у скандинавовъ такого высокаго положенія, какъ у большей части другихъ германскихъ племенъ, но бракъ существовалъ у нихъ издавна и пользовался гораздо бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ незаконныя связи. Правда, что въ этомъ и заключалось единственное преимущество скандинавской женщины, пока на смѣну героической эпохи не явилось христіанство, установившее новые законы и нравы. Мужъ былъ неограниченнымъ властелиномъ семьи и имѣлъ *право держать* наложницъ вмѣстѣ съ женою, которая обязана была соблюдать вѣрность мужу, подъ страхомъ смертной казни. Незаконные дѣти не были лишаемы своей доли въ наслѣдствѣ. Впрочемъ, наложницы были довольно рѣдки: онѣ встрѣчались только у знатныхъ и никогда не пользовались правами законной жены. Что касается поэзіи, то она была у норманновъ единственнымъ самостоятельнымъ стремленіемъ духа, но не сдѣлалась, какъ у грековъ, средствомъ для дальнѣйшаго развитія народа. Въ отношеніи чувства изящнаго и гармоніи, норманны далеко уступали грекамъ; впрочемъ, ихъ поэзія не лишена чувства, полноты образовъ, энергіи, глубины фантазіи и величественной простоты, и скандинавскіе поэты прославляли не только геройское мужество, но и подвиги справедливости, вѣрности и великодушія, хотя войны и битвы составляли все-таки центръ, около котораго вращалась поэзія и вся жизнь норманновъ. *Скальды* или поэты пользовались у нихъ такимъ же почетомъ, какъ и греческіе пѣвцы героической эпохи; сами князья занимались этимъ искусствомъ, потому что изобрѣтеніе поэзіи также приписывалось Одину, миѳическому творцу всей культуры. Поэтическія произведенія передавались изустно, хотя, вѣроятно, въ Скандинавіи уже издавна существовалъ родъ письменъ, извѣстный подъ именемъ *рунъ*, и, кажется, употреблявшійся только для надписей и чародѣйскихъ заклинаній. Руническое письмо состояло изъ прямыхъ чертъ, различавшихся по своему положенію, и сохранялось въ употребленіи

еще долгое время послѣ введенія христіанства. Большая часть уцѣлѣвшихъ памятниковъ этого письма принадлежитъ христіанской эпохѣ.

Населеніе Скандинавіи раздѣлялось на множество мелкихъ племенъ, управлявшихся каждое своимъ особымъ королемъ и распадавшихся на нѣсколько подраздѣленій, управляемыхъ ярлами, которые были подчинены королю и въ свою очередь властвовали надъ герзами, или начальниками небольшихъ округовъ. Королевскій санъ былъ наслѣдственнымъ и имѣлъ почти такое же значеніе, какъ и у германцевъ (стр. 86): король былъ первосвященникомъ, верховнымъ судьею и предводителемъ на войнѣ, но надъ нимъ стояла еще высшая власть тинга (сейма), или собранія всѣхъ свободныхъ гражданъ. Этотъ сеймъ имѣлъ право верховнаго суда и высшей законодательной власти. Какъ и въ Германіи, короли были могущественны только тогда, когда были окружены большою свитою (стр. 87). Принадлежать къ этой свитѣ или находиться въ родствѣ съ королевскимъ домомъ было важнымъ преимуществомъ, которое, впрочемъ, основывалось не на правахъ, а на общественномъ мнѣніи. Въ героическую эпоху въ Скандинавіи не было и слѣдовъ настоящей родовой аристократіи, а еще менѣе касты жрецовъ, или какого-бы то ни было жреческаго сословія. Жертвоприношенія могли быть совершаемы королями, ярлами и герзами, и вообще всякимъ представителемъ какой-нибудь общины.

Таково было состояніе скандинавовъ въ героическую эпоху; впрочемъ дошедшія до насъ преданія объ этомъ времени не восходятъ далѣе начала христіанской эры. Мы уже указали, въ чемъ состояло главное различіе этихъ сагъ отъ греческихъ преданій такого же періода. Это различіе основывается на особенностяхъ національнаго характера, изъ которыхъ наиболѣе значенія для исторіи человѣчества имѣла страсть древнихъ скандинавовъ къ путешествіямъ. Однако это стремленіе не побуждало ихъ, какъ германцевъ, къ выселенію цѣлыми племенами, хотя Скандинавія, уже во времена переселенія народовъ, называлась колыбелью и мастерской націй (vagina nationum et officina gentium). Изъ всѣхъ свѣдѣній, какія мы имѣемъ о древнѣйшей эпохѣ скандинавской исторіи, мы можемъ заключить, что всѣ хищническіе набѣги, продолжавшіеся цѣлыя столѣтія, были предпринимаемы отдѣльными толпами охотниковъ. Главнымъ побужденіемъ къ подобнымъ экспедиціямъ былъ предпріимчивый духъ норманновъ и часто повторявшіеся въ Скандинавіи голодные годы. Въ девятомъ вѣкѣ, когда набѣги норманновъ сдѣлались особенно часты, къ этимъ причинамъ присоединилось еще неудовольствіе народа на расширеніе королевской власти.

Преданія о древнѣйшей эпохѣ скандинавской исторіи особенно богаты разсказами о династіи Инглинговъ, господствовавшей въ Швеціи, населенной двумя слившимися впослѣдствіи германскими племенами, готовъ и шведовъ. Въ разсказахъ о послѣднихъ инглингахъ упоминается уже датское государство, со столицею Ледрою, на островѣ Зеландіи. Въ седьмомъ столѣтіи родъ инглинговъ прекращается и мѣсто его заступаетъ родъ Ивара Видфаме (многообъемлющаго). Если вѣрить преданію, этотъ король не только господствовалъ надъ Швеціею и Даніею, но и покорилъ почти всѣ южные берега Балтійскаго моря. Еще знаменитѣе Ивара былъ внукъ его по женскому колѣну, Гаральдъ Гильдетанъ (боевой зубъ), правнукъ— Сигурдъ Рингъ, и сынъ послѣдняго — Рагнаръ Лодброкъ. Преданіе описываетъ множество похожденій и подвиговъ этихъ королей, въ особенности же Рагнара Лодброка; но свѣдѣнія эти очень отрывочны. Рагнаръ Лодброкъ прославился преимущественно своими смѣлыми походами и геройскою смертью. Послѣ многихъ набѣговъ на Англію и Шотландію, онъ попалъ въ руки своихъ враговъ, былъ брошенъ ими въ яму, наполненную змѣями, и съ геройскою твердостью встрѣтилъ мучительную смерть. Отъ позднѣйшаго времени до насъ сохранилась предсмертная пѣснь, которая приписывается этому герою, и въ которой онъ насмѣхается надъ своими врагами и придуманными ими для него мученіями.

Не болѣе историческихъ свѣдѣній заключается и въ другихъ преданіяхъ о королевскихъ родахъ и ихъ предпріятіяхъ. Въ девятомъ столѣтіи совершаются два чрезвычайно важныя событія. Набѣги на восточныя и западныя страны дѣлаются чаще и страшнѣе, а въ Скандинавію начинаетъ проникать христіанство. Одновременность этихъ явленій мѣшала успѣхамъ христіанства у норманновъ, потому что удачные походы снова возбудили дикій, безпокойный духъ этихъ

племенъ и доставляли имъ массу богатствъ и матеріальныхъ наслажденій, тогда какъ христіанство запрещало имъ грабить христіанскія страны и не сулило такихъ радостей, которыя могли бы вознаградить дикихъ богатырей за наслажденія Валгаллы. Однако, правдоподобная исторія скандинавовъ начинается именно съ этого періода.

Вслѣдствіе своихъ походовъ на саксовъ, Карлъ Великій вступилъ, съ 777 г., въ сношенія съ ютландскимъ королемъ Сигфридомъ, къ которому нѣсколько разъ обращался за помощью предводитель саксонскій Виттекиндъ. Франки воевали впослѣдствіи и съ преемникомъ Сигфрида, Готтфридомъ, а когда, по смерти его, въ Ютландіи возникли между членами королевскаго дома распри за престолъ, одинъ изъ нихъ, Гаральдъ Клакъ, обратился за помощью къ сыну Карла, Людовику Благочестивому (814). Получивъ желаемую помощь, онъ вступилъ во владѣніе государствомъ, но впрочемъ долженъ былъ раздѣлить свою власть съ двумя сыновьями Готтфрида. За это онъ дозволилъ франкамъ прислать въ Данію христіанскихъ миссіонеровъ, во главѣ которыхъ находился Эббонъ, архіепископъ реймскій. Такимъ образомъ, съ 823 г., въ королевствѣ Гаральда язычники начали обращаться въ христіанство, и самъ король, въ 826 г. крестился въ Майнцѣ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Возвращаясь въ Данію, онъ взялъ съ собою Св. Ансгарія, для продолженія дѣла, начатаго архіепископомъ Эбономъ. Этотъ знаменитый миссіонеръ былъ монахъ Корбійскаго монастыря, въ Пикардіи, и въ 823 г. перешелъ въ новый монастырь Корвей, основанный на р. Везерѣ Людовикомъ Благочестивымъ. Ансгарій устроилъ въ южной Ютландіи школу для двѣнадцати, большею частью купленныхъ имъ, мальчиковъ, чтобы образовать изъ нихъ будущихъ проповѣдниковъ христіанства. Но дѣла его шли очень плохо, потому что подданные Гаральда ненавидѣли новое ученіе и нѣсколько разъ изгоняли Ансгарія. Однако онъ не пугался этихъ препятствій и впослѣдствіи заслужилъ себѣ имя апостола Сѣвера. Ему удалось даже расположить, если не къ своему ученію, то, по крайней мѣрѣ, къ самому себѣ соправителя Гаральда, Гориха или Эриха I, одного изъ сыновей Готтфрида. Въ 829 г. онъ предпринялъ поѣздку въ Швецію для обращенія тамошнихъ язычниковъ. Одинъ изъ тогдашнихъ королей Швеціи, Біёрнъ, благосклонно принялъ Ансгарія, который провелъ въ Швеціи цѣлый годъ, окрестилъ нѣсколькихъ жителей и, между прочимъ, обратилъ въ христіанство одного придворнаго, вскорѣ послѣ того построившаго первую скандинавскую церковь. По возвращеніи изъ Швеціи, Ансгарій былъ назначенъ императоромъ въ архіепископы и получилъ новую епархію, Гамбургъ, учрежденную для обращенія въ христіанство сѣверныхъ народовъ. Ансгарій продолжалъ свое трудное дѣло съ непоколебимымъ мужествомъ и рвеніемъ, подобныя которымъ можно встрѣтить только между проповѣдниками первой эпохи среднихъ вѣковъ. Новообращенные подвергались гоненіямъ отъ своихъ согражданъ. Гаральдъ отпалъ отъ новой религіи, и въ 845 г. самому Ансгарію пришлось бѣжать отъ толпы датчанъ, которые явились на судахъ въ Гамбургъ, разорили и сожгли городъ, перебили и захватили въ плѣнъ множество жителей. Чрезъ тринадцать лѣтъ, значеніе и вліяніе Ансгарія сильно возросло, вслѣдствіе того, что папа Николай I навсегда присоединилъ къ гамбурской епархіи епископство бременское, послѣдній архіепископъ котораго былъ въ постоянной враждѣ съ апостоломъ Сѣвера. Послѣ соединенія двухъ епархій, мѣстопребываніе архіепископа было перенесено въ Бременъ.

Между тѣмъ Ансгарій предпринялъ вторичную поѣздку въ Швецію; на этотъ разъ собственными усиліями и чрезъ другихъ миссіонеровъ онъ успѣлъ проложить христіанству болѣе легкій доступъ въ эту страну, а съ той поры счастье начало благопріятствовать ему и въ Даніи. Ансгарій убѣдилъ Эриха, которому угрожалъ опасный соперникъ, заключить союзъ съ германцами и своими стараніями способствовалъ заключенію мира между Эрихомъ и Людовикомъ, что еще болѣе увеличило расположеніе и довѣріе къ нему императора. Многіе изъ датчанъ обратились въ христіанство и Эрихъ разрѣшилъ даже постройку въ Шлезвигѣ первой христіанской церкви въ Даніи. Но всѣ эти успѣхи грозили остаться безплодными, когда по смерти Эриха (854) совѣтники его юнаго сына, Эриха II, направили всѣ свои усилія противъ новаго ученія и его послѣдователей. Впрочемъ, ловкій епископъ вскорѣ пріобрѣлъ такое вліяніе и на новаго

государя, что не только прекратились всякія преслѣдованія, но и разрѣшено было построить вторую церковь (въ Рипенѣ). Ансгарій умеръ въ 865 г., и тогда же обнаружилось, какъ слабы были корни, пущенные на сѣверѣ христіанствомъ, и какъ, не взирая на обращеніе нѣкоторыхъ князей, былъ непрочень союзъ между скандинавами и христіанскими государствами Германіи. Въ слѣдующее же десятилѣтіе, датскіе князья стали дѣлать набѣги на эти государства, совершая при этомъ ужаснѣйшія злодѣйства. Такъ, напримѣръ, въ 881 г., толпа датскихъ хищниковъ опустошила огнемъ и мечемъ всю страну между Шельдою и Соммою. Еще страшнѣе свирѣпствовали они нѣсколько лѣтъ спустя, по берегамъ Сены до самой Бургундіи.

Сѣмена христіанства, насажденныя Ансгаріемъ и его преемниками въ Шлезвигѣ и Ютландіи, были совершенно истреблены, когда, въ концѣ девятаго столѣтія, Гормъ Старый, бывшій въ началѣ властителемъ одной Зеландіи и Шоніи, изгналъ изъ Даніи остальныхъ князей и соединилъ всю страну подъ своимъ владычествомъ. Ненавидя христіанское ученіе, Гормъ старался искоренить его въ своемъ государствѣ, муча и убивая его послѣдователей. Въ Швеціи, куда, послѣ ближайшаго преемника Ансгарія, въ продолженіе семидесяти лѣтъ не пускался ни одинъ миссіонеръ, христіанство также почти совершенно исчезло. Впрочемъ, со временъ Горма, исторія Даніи соединяется тѣснѣе съ исторіею Германіи. Своимъ нападеніемъ на Фрисландію, Гормъ вооружилъ противъ себя отважнаго германскаго короля, Генриха I, который объявилъ ему войну, побѣдоносно проникъ, въ 934 г., въ Ютландію, вынудилъ датчанъ платить дань и возстановилъ нѣмецкую пограничную провинцію, которая подъ именемъ Датской мархіи образовалась, вѣроятно, еще при Карлѣ Великомъ. Генрихъ принудилъ датскаго короля дозволить одному германскому епископу проповѣдывать евангеліе въ его владѣніяхъ. Сынъ и преемникъ Горма, Гаральдъ Синій Зубъ (Блаатандъ), наслѣдовавшій отцу въ 936 г., оставался вѣрнымъ данникомъ германскаго короля только до тѣхъ поръ, пока не обезпечилъ себя съ другихъ сторонъ. Въ началѣ своего царствованія онъ отправился на помощь къ норманнамъ, которые за нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ поселились въ странѣ, названной по ихъ имени Нормандіею, и были тѣснимы въ то время французскимъ королемъ, а потомъ воспользовался случаемъ присоединить къ своимъ владѣніямъ и Норвегію.

Кромѣ множества ярловъ, едва повиновавшихся своимъ государямъ, въ Норвегіи насчитывалось прежде около тридцати мелкихъ королей. Сверхъ того, во всѣхъ частяхъ страны жили непокорные землевладѣльцы, которые, уединясь со своими вассалами, не признавали надъ собою никакой власти и не искали ни у кого защиты, полагаясь на свои собственныя силы. Столь-же мало подчинялись чьей-бы то ни было власти и владѣтели острововъ. Но и въ эту дикую и неустроенную страну должны были, наконецъ, хотя медленно и съ трудомъ, проникнуть образованность и государственный бытъ. Начало этому положено было около того времени, когда Гормъ Старый соединилъ подъ своей властью всѣ датскія государства. Уже передъ тѣмъ одинъ изъ королей южной Норвегіи, Гальфданъ, производившій свой родъ отъ инглинговъ, покорилъ нѣсколько мелкихъ княжествъ. Сынъ его, Гаральдъ Гаарфагръ (Прекрасноволосый), современникъ Горма Стараго, продолжая слѣдовать той же политикѣ, мало-по-малу покорилъ всю Норвегію. Такое счастливое и быстрое подчиненіе этого храбраго и воинственнаго народа тѣмъ болѣе поразительно, что Гаральдъ, отнимая у всѣхъ побѣжденныхъ князей ихъ частное имущество и налагая тяжелыя подати на ихъ подданныхъ, долженъ бы былъ встрѣтить отчаянное сопротивленіе. Впрочемъ, ему не трудно было привлечь къ себѣ толпы искателей приключеній, потому что тогда скандинавы готовы были слѣдовать за каждымъ смѣлымъ и счастливымъ вождемъ, не разбирая его правъ и имѣя въ виду только богатую награду и добычу. Кромѣ того, съ каждымъ завоеваніемъ онъ увеличивалъ число своихъ вассаловъ, а покорявшіеся ему короли пользовались тою выгодою, что, опираясь на его силу, сами могли болѣе прежняго притѣснять другихъ. Но встрѣчались и люди, для которыхъ наслѣдственная свобода была дороже жизни и состоянія и которые выселялись, въ надеждѣ найти независимость на чужой землѣ. Такимъ образомъ, властолюбіе Гаральда было причиною основанія множества новыхъ норманнскихъ

колоній. Тогда были открыты и заселены Исландія, Фарерскіе, Оркадскіе и Шетлендскіе острова. Цѣлыя толпы норвежцевъ уходили на датскіе острова или перебирались въ Англію, Шотландію и Ирландію, уже давно знакомыя скандинавамъ. Король Рольфъ отправился, со многими изъ своихъ подданныхъ, во Францію, гдѣ основалъ упомянутое нами выше герцогство Нормандію, и весьма вѣроятно, что уже тогда смѣлые скандинавскіе мореплаватели проникли въ Гренландію.

Намъ необходимо изложить подробнѣе исторію открытія и заселенія Исландіи, потому что этотъ островъ получилъ впослѣдствіи важное значеніе для исторіи Скандинавіи. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что Исландія была открыта ирландцами еще въ концѣ восьмаго столѣтія нашей эры, а въ 861 г. туда уже высадился первый норманнъ, Надоддъ; но первое заселеніе Исландіи относится къ 874 г., когда на этотъ островъ высадились два норвежскіе искателя приключеній, Ингульфъ и Лейфъ, и другіе поселенцы, и островъ сдѣлался убѣжищемъ для всѣхъ, не желавшихъ признавать надъ собою чьей-либо власти. Въ Исландіи съ самаго начала возникла строго аристократическая республика, потому что поводы къ выселенію изъ отечества могли имѣть только князья и сильные землевладѣльцы. Сѣверное положеніе острова не могло пугать закаленныхъ скандинавовъ, съ самаго нѣжнаго возраста привыкавшихъ ко всѣмъ трудамъ и лишеніямъ; къ тому-же Исландія была еще покрыта тогда обширными лѣсами, представляла удобства для хлѣбопашества и имѣла климатъ не холоднѣе климата сѣверной полосы Норвегіи. Въ настоящее время, на ней не растетъ никакихъ деревьевъ, кромѣ мелкаго березняка; единственные земледѣльческіе продукты состоятъ изъ картофеля, капусты и рѣпы. Эта перемѣна климата объясняется движеніемъ на югъ полярныхъ льдовъ и истребленіемъ лѣсовъ, которые прежде защищали островъ отъ сѣверныхъ бурь и поддерживали зимою влажность воздуха. Впрочемъ, и въ прежнія времена скотоводство, птицеловство и рыболовство были главными промыслами жителей острова, которые уже въ ту пору не могли обходиться безъ сплавнаго лѣса, прибиваемаго волнами къ берегамъ Исландіи, а голодные годы были извѣстны и первымъ норманнскимъ поселенцамъ. Съ 1000 года христіанство распространилось уже по всему острову, но, не смотря на то, въ Исландіи продолжали держаться и даже получили новое развитіе древнія скандинавскія преданія и поэзія. Любознательность, любовь къ чтенію и историческимъ повѣствованіямъ были всегда и остаются донынѣ характеристическою чертою исландцевъ; величественный, романтическій и чудесный характеръ старинныхъ преданій замѣнялъ для жителя бѣднаго и холоднаго острова наслажденія красотами природы, въ которыхъ ему было отказано. Потому большая часть скальдовъ, которые впослѣдствіи воспѣвали при христіанскихъ дворахъ Скандинавіи подвиги древнихъ героевъ, были исландцы, и въ Исландіи-же были составлены два полныя собранія древнихъ сагъ, получившія названія древней и новой Эдды и составляющія главный источникъ скандинавской легендарной исторіи. Первую изъ нихъ составилъ Семундъ, умершій въ 1133 г.; а вторую—Снорре Стурлесонъ, умершій въ 1241 г. До сихъ поръ еще разсказы изъ древней исторіи страны составляютъ для исландца любимый предметъ разговоровъ, и нигдѣ, кромѣ Женевы, не распространена въ такой степени любовь къ наукѣ и серьезному чтенію, какъ на этомъ островѣ. Отважные норманны и оттуда продолжали предпринимать морскіе походы. Эрикъ Рауда открылъ въ 932 или 982 г. Гренландію, а въ 986 г. тамъ уже поселились исландскіе колонисты.

Норманны, бѣжавшіе изъ Норвегіи отъ Гаральда Гаарфагра, старались мстить врагу частыми набѣгами на свою древнюю родину, а это побуждало Гаральда время отъ времени тревожить ихъ и въ новомъ убѣжищѣ. Въ одинъ изъ такихъ походовъ норманновъ онъ вступилъ въ сношенія съ англосакскимъ королемъ Ательстаномъ и за десять лѣтъ до своей смерти отправилъ къ нему, на воспитаніе, своего младшаго сына, Гакона Добраго. Остальные сыновья Гаральда перессорились между собою еще при его жизни; думая примирить ихъ другъ съ другомъ, онъ далъ каждому изъ нихъ владѣніе, назначивъ старшаго сына королемъ; но этимъ только усилилъ вражду. Старшій изъ нихъ Эрихъ, за умерщвленіе двухъ братьевъ получившій прозвище Кровавой Сѣкиры (Блодексе), наслѣдовалъ отцу въ 936 г. Убивъ двоихъ братьевъ, онъ изгналъ остальныхъ, но былъ свер-

женъ съ престола въ самый годъ смерти своего отца. Грубый и жестокій Эрихъ пересталъ держаться политики Гаральда, уважавшаго права нѣкоторыхъ ярловъ и герзовъ; одинъ изъ этихъ вассаловъ, ярлъ Дронтгейма, Сигурдъ, убѣдилъ Гакона Добраго сдѣлать нападеніе на Норвегію. Поддерживаемый своимъ воспитателемъ, Гаконъ явился въ Норвегію и принудилъ Эриха спасаться бѣгствомъ. Эрихъ удалился въ Англію, гдѣ вскорѣ и умеръ, а сыновья его нашли убѣжище у датскаго короля Гаральда Синяго Зуба. Гаконъ, крещенный въ Англіи и воспитанный въ христіанской вѣрѣ, думалъ распространить ее и въ своемъ государствѣ, и этимъ, а еще болѣе своими успѣхами ввести въ странѣ новое устройство и законы, возбудилъ противъ себя своихъ подданныхъ, которые сначала приняли его съ радостью. Даже его рѣдкое мужество, за которое скальды воспѣвали его впослѣдствіи, какъ героя Валгаллы; не взирая на то, что онъ былъ христіанинъ, возбуждало только удивленіе, но не привлекало къ нему подданныхъ, потому что не соединялось съ хищничествомъ и не доставляло имъ случая къ грабежу. Поэтому сыновьямъ Эриха, наслѣдовавшимъ кровожадность отца, не трудно было найти себѣ приверженцевъ, когда они произвели изъ Даніи нападеніе на ненавистнаго короля. Гаконъ нѣсколько разъ отражалъ ихъ нападенія и преслѣдовалъ въ самой Даніи, но наконецъ былъ убитъ въ одной битвѣ, въ которой уже одерживалъ побѣду (951). Сыновья Эриха раздѣлили между собою Норвегію; но господство ихъ было не продолжительно. Они умертвили ярла Сигурда, призвавшаго Гакона Добраго, и принудили его сына, Гакона Богатаго, бѣжать къ датскому королю Гаральду Синему Зубу, который принялъ его очень радушно и оказалъ ему поддержку, когда Гаконъ вздумалъ воспользоваться раздорами въ Норвегіи. Съ помощью Гаральда, онъ прогналъ сыновей Эриха (960) и вступилъ на норвежскій престолъ, въ качествѣ вассала датскаго короля.

Вскорѣ послѣ того самъ Гаральдъ поссорился съ своимъ верховнымъ владѣтелемъ, Оттономъ Великимъ. Не смотря на помощь Гакона, онъ былъ не въ силахъ сопротивляться императору, потерпѣлъ сильное пораженіе и долженъ былъ снова признать себя вассаломъ Оттона и принять христіанство. Гаконъ былъ также принужденъ креститься, но вскорѣ отпалъ отъ христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ своего новообращеннаго государя. Потеря Норвегіи была не единственнымъ ударомъ, нанесеннымъ Даніи Оттономъ Великимъ. Вскорѣ по его смерти, Гаральдъ осмѣлился начать войну съ его сыномъ и преемникомъ, Оттономъ II, но снова потерпѣлъ неудачу. Послѣдствіемъ ея было не только дальнѣйшее распространеніе христіанства въ Даніи, но и сильныя распри между Гаральдомъ и сыномъ его, Свеномъ Счастливымъ, который былъ окрещенъ Оттономъ Великимъ въ одно время съ своимъ отцемъ. Впослѣдствіи Свенонъ отрекся отъ христіанства и этимъ привлекъ къ себѣ всѣхъ датчанъ, оставшихся язычниками, или принявшихъ христіанство по принужденію. Свенонъ поднялъ оружіе противъ своего восьмидесятилѣтняго отца, который былъ побѣжденъ и вскорѣ послѣ того умеръ (986), и, вступивъ на престолъ, сталъ жестоко преслѣдовать своихъ христіанскихъ подданныхъ. Впослѣдствіи онъ покорилъ Англію, и потому мы должны прервать здѣсь разсказъ о событіяхъ въ Скандинавіи и обратиться къ древней исторіи Британніи.

2. Исторія британскихъ острововъ до Свенона Счастливаго.

Какъ ни скудны дошедшія до насъ свѣдѣнія о древнихъ языческихъ жителяхъ британскихъ острововъ, мы все-таки знаемъ, что и у бриттовъ, населявшихъ Шотландію и Ирландію, была своя героическая эпоха; но сохранившіяся до нашего времени пѣсни и преданія ихъ принадлежатъ не къ первымъ столѣтіямъ британской исторіи, а къ позднѣйшимъ временамъ римскаго владычества или началу среднихъ вѣковъ. Племена, о которыхъ говорятъ эти преданія, не германскаго происхожденія, какъ скандинавы, а составляютъ, какъ и всѣ первобытные обитатели британскихъ острововъ, особую вѣтвь кельтическаго племени (т. I стр. 469). Остатки ихъ легендъ состоятъ изъ пѣсенъ на верхне-шотландскомъ или гальскомъ нарѣчіи, собранныхъ подъ названіемъ пѣсенъ знаменитаго шотландскаго барда

Оссіана. Изъ этихъ пѣсенъ мы узнаемъ, что у жителей Англіи и Шотландіи, которые назывались у римлянъ пиктами, скотами и каледонцами, была своя героическая эпоха, какъ у грековъ и скандинавовъ; но онѣ не знакомятъ насъ съ исторіею британскихъ острововъ, а даютъ только общее понятіе объ общественномъ бытѣ древняго населенія этихъ странъ. Даже и въ этомъ отношеніи мы не можемъ безусловно довѣриться сказаніямъ о первобытной эпохѣ шотландскихъ и ирландскихъ племенъ, такъ какъ сказанія передаютъ ее намъ въ туманныхъ, поэтическихъ образахъ, по которымъ невозможно составить себѣ опредѣленнаго понятія о ней. Къ тому же эти пѣсни перешли къ намъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а испытавъ значительныя измѣненія въ устахъ позднѣйшихъ поколѣній. Въ пѣсняхъ Оссіана воспѣваются битвы Фингала, Оскара, самаго Оссіана, прославившагося какъ герой и какъ пѣвецъ, и другихъ витязей Морвены и Эрина съ храбрыми воинами Лохлина. Если бы, не опасаясь перемѣшать исторію съ поэзіею, мы могли питать болѣе довѣрія къ этимъ пѣснямъ сомнительной древности, то представили бы сантиментальныхъ героевъ Оссіана, какъ самый рѣзкій контрастъ съ суровыми богатырями Скандинавіи. При всемъ томъ, основываясь на поэтическихъ памятникахъ шотландцевъ, нельзя опровергать того, что жители сѣверной части Шотландіи соединяли съ простотою нравовъ поэтическую мечтательность и мужество безъ варварства, и что герои ихъ нашли себѣ Гомера въ Оссіанѣ.

Южная Шотландія и нынѣшняя Англія составляли въ послѣдніе вѣка древности одну изъ самыхъ цвѣтущихъ провинцій римской имперіи; римская образованность привилась къ ея жителямъ, и христіанство весьма рано распространилось между ними; но страна постоянно нуждалась въ войскахъ для обороны отъ скотовъ и пиктовъ, отличавшихся только воинственнымъ духомъ, а не кротостью и великодушіемъ героевъ Оссіана. Необходимость этой обороны возрастала съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ съ развитіемъ у нихъ мирныхъ искусствъ бритты становились изнѣженнѣе и не могли уже защищаться сами. Они очутились въ крайне-опасномъ положеніи, когда, во время переселенія народовъ, римляне отозвали свои войска съ острова, предоставивъ бриттовъ самимъ себѣ. Покинутые бритты раздѣлили свой островъ на нѣсколько округовъ, поставивъ надъ каждымъ отдѣльнаго начальника съ наслѣдственною властью. Вскорѣ одинъ изъ этихъ мелкихъ князей, Вортигернъ, вытѣснивъ другихъ, захватилъ въ свои руки власть надъ всею страною, но не могъ удержать ее за собою и, въ то же время, защищаться отъ дикихъ пиктовъ и скотовъ. Принужденный искать помощи извнѣ, Вортигернъ счелъ за лучшее призвать саксовъ, жившихъ по берегу Нѣмецкаго моря и уже давно извѣстныхъ бриттамъ за отважныхъ моряковъ и морскихъ разбойниковъ. Страна ихъ, тогда еще не защищенная отъ моря плотинами, подвергалась частымъ наводненіямъ осенью и во время приливовъ, такъ что населеніе жило на холмахъ, или искусственныхъ возвышенностяхъ, устроенныхъ посреди моря, подобно нынѣшнимъ жителямъ небольшихъ острововъ у береговъ Ютландіи и Шлезвига. Поэтому древніе саксы съ дѣтства жили болѣе на лодкахъ, чѣмъ на сушѣ, и для такихъ искусныхъ моряковъ, какъ они, было не трудно, при плохомъ состояніи мореходства у римлянъ, дѣлать вторженія на берега Галліи и Британніи и добывать себѣ грабежомъ средства къ жизни; набѣги ихъ были такъ часты, что позднѣйшее римское правительство было вынуждено завести особый флотъ на Нѣмецкомъ морѣ. Но какъ видно, новому британскому королю Вортигерну пикты и скоты казались страшнѣе саксовъ. Обратившись за помощью къ нѣкоторымъ изъ предводителей саксовъ, онъ поступилъ точно такъ, какъ нѣкогда, въ подобномъ же положеніи, одинъ изъ египетскихъ царей (т. I. стр. 494), призвавшій противъ своихъ соперниковъ и подданныхъ греческихъ и карійскихъ пиратовъ. Вортигернъ заключилъ съ вождями саксовъ, Генгистомъ и Горзою, договоръ, по которому онъ уступилъ имъ и ихъ спутникамъ небольшой англійскій островъ, съ тѣмъ, чтобы они приняли на себя защиту его государства отъ хищныхъ сѣверныхъ сосѣдей (44).

На нѣкоторое время цѣль Вортигерна была достигнута; но вскорѣ саксы, число которыхъ постоянно возрастало, замѣтили, что они гораздо сильнѣе бриттовъ, предавшихся исключительно мирнымъ занятіямъ. Они стали предъявлять наглыя требованія и, получивъ отказъ, начали дѣлать вторженія въ страну, которая призвала ихъ для своей защиты. Вступивъ въ союзъ съ пиктами и скотами,

они вытѣснили бриттовъ изъ всѣхъ равнинъ острова; завоеваніе страны предоставляло для нихъ тѣмъ менѣе трудностей, что они были значительно сильнѣе бриттовъ. Саксы безпрестанно усиливались толпами новыхъ пришельцевъ изъ ихъ родины, но должны были имѣть перевѣсъ на своей сторонѣ и потому уже, что война была всегда ихъ исключительнымъ занятіемъ, а одинаковость ихъ образа жизни и стремленій соединяла ихъ въ одно могущественное цѣлое. Бритты же, вслѣдствіе своего новаго государственнаго устройства, постоянно страдали отъ внутреннихъ раздоровъ; по своей изнѣженности они считали матеріальныя удобства жизни и утонченную роскошь высшими благами жизни, а не средствомъ къ достиженію ихъ; духовенство, вмѣсто того чтобы проповѣдывать имъ чувство христіанской любви другъ къ другу и поддерживать ихъ въ борьбѣ съ язычниками, вовлекало ихъ въ гибельные споры о догматахъ и этимъ только усиливало вражду партій. Но силы, утраченныя въ праздности и нѣгѣ, снова вернулись къ бриттамъ, когда, вытѣсненные со всѣхъ равнинъ острова, они должны были искать убѣжища въ горахъ запада. Здѣсь, т. е. въ нынѣшнемъ Уэльсѣ и Корнваллисѣ, они вступили въ упорную борьбу съ саксами. Ихъ поддерживали жители Бретани, населенной ихъ соплеменниками еще до паденія римской имперіи и потомъ новыми бѣглецами изъ Британніи, отъ которыхъ эта страна и получила свое нынѣшнее названіе. Вскорѣ бритты, не ограничиваясь обороною въ горахъ, стали выходить изъ своего убѣжища и нападать на саксовъ, такъ что одно время казалось, что вся Британнія снова сдѣлается ихъ достояніемъ. Въ этотъ кратковременный періодъ нравственнаго пробужденія бриттовъ наиболѣе всѣхъ прославились мужествомъ бриттъ Артуръ и потомокъ одной поселившейся въ Британніи римской фамиліи, Амвросій. Оба они предводительствовали бриттами, первый до 508 или 515, а второй до 542 г. Хотя имъ и не удалось упрочить свободу своей родины, но ихъ дѣянія сохранились въ памяти потомства, какъ образцы рыцарскихъ подвиговъ. Пѣсни и лѣтописи позднѣйшихъ поколѣній превозносятъ ихъ выше всѣхъ другихъ героевъ среднихъ вѣковъ, не исключая и Карла Великаго. Исторія этихъ двухъ вождей, благодаря баснословнымъ прикрасамъ романтической поэзіи, нерѣдко даже переходитъ границы вѣроятности. Изъ нихъ особенною славою у поэтовъ послѣдующихъ поколѣній пользовался Артуръ, которому не только приписываются самые блистательные подвиги, но и сообразно съ нравами позднѣйшаго рыцарства, блестящіе пиры, турниры и даже учрежденіе избраннаго рыцарскаго общества, извѣстнаго подъ именемъ рыцарей Круглаго Стола. «Такимъ образомъ, — мѣтко и основательно выражается одинъ историкъ среднихъ вѣковъ, — затерялась въ баснословныхъ бредняхъ память о человѣкѣ, заслуживавшемъ искреннюю похвалу исторіи за то, что долгое время защищалъ свою погибавшую родину и поддерживалъ потухавшее мужество соотечественниковъ.» По смерти Артура, бритты, населявшіе Уэльсъ и Корнваллисъ, раздѣлились на множество незначительныхъ владѣній и нѣкоторое время сохраняли еще свою независимость, но уже не могли и думать о сохраненіи своей самостоятельности или о возвращеніи отнятыхъ у нихъ земель. Саксы навсегда утвердились въ Британніи, которая впослѣдствіи получила имя Англіи отъ одного изъ переселившихся въ нее сакскихъ племенъ. По этой же самой причинѣ и сами завоеватели были названы англосаксами, въ отличіе отъ ихъ германскихъ соплеменниковъ.

Саксы, завоевавъ Англію, не образовали одного государства; каждая толпа ихъ, съ своимъ предводителемъ, составила отдѣльное владѣніе, число которыхъ уменьшилось впослѣдствіи до семи, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ англосакской гептархіи. Въ составъ этой гептархіи входили провинціи: Кентъ, Суссексъ или южная Саксонія, Уэссексъ или западная Саксонія, Эссексъ или восточная Саксонія, Нортомберлендъ, Ост-Англія и Мерція. Собственно государствъ было восемь, потому что въ началѣ Нортомберлендъ долгое время раздѣлялся на два владѣнія, Дейру и Бернпцію, а слѣдовательно, вѣрнѣе было бы называть ихъ октархіею. Въ новомъ своемъ отечествѣ саксы сохранили свое старинное управленіе, законы и обычаи своей родины, отчего покоренные бритты страдали вдвойнѣ. Вообще германскій элементъ сталъ преобладающимъ, а христіанство, римская культура и языкъ были совершенно искоренены саксами въ завоеванной ими странѣ. Вслѣдствіе того, саксы вполнѣ сохранили всѣ особенности своей національности, тогда какъ германцы, поселившіеся въ Италіи и въ Испаніи, заимствовавъ римскіе

нравы и просвѣщеніе, совершенно усвоили себѣ такъ называемый романскій характеръ.

Христіанство было занесено въ Англію и распространилось между жителями только черезъ полтораста лѣтъ послѣ вторженія туда англосаксовъ. Оно не могло прійдти ни съ запада, гдѣ на границѣ англосакскаго государства жили свободные бритты, ни съ юга, изъ Галліи, отъ ближайшихъ сосѣдей англосаксовъ, франковъ. Если бы оно явилось отъ первыхъ, ему помѣшала бы коренная вражда и ненависть къ бриттамъ англосаксовъ, особенно придворныхъ и женщинъ, безъ содѣйствія которыхъ христіанство не утверждалось ни въ одной странѣ. Что касается полудикихъ франковъ, то у нихъ самихъ едва мерцалъ слабый свѣтъ истины и не имъ было передавать его другимъ народамъ. Зная положеніе дѣлъ въ Англіи, мы не можемъ не видѣть чудеснаго дѣйствія Провидѣнія въ томъ, что въ концѣ шестаго столѣтія папа римскій Григорій Великій возымѣлъ мысль отправить въ Англію миссіонеровъ. Въ ту пору папа не былъ еще признаваемъ верховнымъ главою всего западнаго христіанства, слѣдовательно, поступая такимъ образомъ, Григорій руководствовался чисто личными побужденіями, и тѣмъ удивительнѣе, что онъ обратилъ свое вниманіе на столь отдаленную страну. Вѣроятно, онъ впервые былъ наведенъ на эту мысль видомъ красивыхъ англосакскихъ невольниковъ, продававшихся на римскомъ рынкѣ. Какъ бы то ни было, извѣстно, что только его неутомимое рвеніе побудило нѣсколькихъ римскихъ монаховъ, во главѣ которыхъ находился Августинъ, впослѣдствіи первый епископъ Кентербёрійскій, предпринять трудную попытку обращенія англосаксовъ (596). Успѣху этого предпріятія способствовалъ бракъ тогдашняго кентскаго короля Этельберта, подчинившаго себѣ всѣхъ англосакскихъ князей, кромѣ короля Нортомберлендскаго, съ франкскою принцессою Бертою. Онъ уже прожилъ нѣсколько лѣтъ въ супружествѣ съ христіанкою, не думая объ обращеніи въ ея вѣру, какъ вдругъ совершенно неожиданно явились въ Англію посланные Григоріемъ проповѣдники. Сначала Этельбертъ принялъ ихъ за чародѣевъ и, по повѣрью своего народа, не хотѣлъ говорить съ ними, иначе какъ подъ открытымъ небомъ; но Берта наконецъ убѣдила его, что эти люди заслуживаютъ благодарности за свои старанія распространить въ такой отдаленной странѣ благодатное ученіе. Онъ разрѣшилъ имъ открыто проповѣдывать христіанство и проповѣдь ихъ имѣла необыкновенно быстрый успѣхъ. Въ 597 г. крестился самъ Этельбертъ.

Это поразительно быстрое, въ сравненіи съ обращеніемъ скандинавовъ, распространеніе христіанства между воинственными англосаксами слѣдуетъ прежде всего приписать кротости римскихъ миссіонеровъ и ихъ умѣнью взяться за дѣло. Сравнивая характеръ и пріемы этихъ монаховъ съ характеромъ ирландскаго и уэльскаго духовенства, нельзя не согласиться, что послѣдніе никакъ не могли быть проповѣдниками у англосаксовъ и что только мысль Григорія прислать итальянскихъ монаховъ могла открыть христіанству доступъ къ этому народу. Въ своей скалистой и туманной родинѣ, ирландскіе и уэльскіе монахи совершенно усвоили себѣ характеръ героевъ, воспѣтыхъ Оссіаномъ: всѣ мысли ихъ были направлены къ будущей жизни; отъ настоящей же, со всѣми ея наслажденіями, они отрекались въ надеждѣ будущихъ благъ, которыя уже предвкушали мысленно. Они отличались отъ мечтательныхъ и лѣнивыхъ монаховъ юга своей чрезвычайно строгой монастырской дисциплиной, невѣроятнымъ ограниченіемъ своихъ потребностей и неутомимымъ трудолюбіемъ, позволявшимъ имъ жить трудами своихъ рукъ. Римское воззрѣніе на монашество въ началѣ было совершенно чуждо британскимъ христіанамъ, и впервые было введено св. Патрикіемъ, апостоломъ Ирландіи, въ 432 г. Ирландскіе монахи, проповѣдывавшіе евангеліе по южной Шотландіи, Англіи и Франціи, установили и въ этихъ странахъ строжайшую монастырскую дисциплину, о которой можно составить себѣ понятіе изъ уставовъ двухъ бангорскихъ монастырей, въ Уэльсѣ и Ирландіи. Въ нихъ монахи образовали цѣлыя мѣстечки и раздѣлялись на семь отдѣленій изъ трехсотъ человѣкъ каждое. Они были обязаны не только соблюдать частые посты и испытывать всевозможныя лишенія, но и добывать въ потѣ лица все необходимое для жизни. Уставы ихъ отличались чисто военною строгостью; самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ было тѣлесное, которое присуждалось за самые ничтожные проступки; такъ, напримѣръ, кто во время трапезы забывалъ перекрестить свою ложку, по-

лучалъ шесть ударовъ; кто ронялъ свою лампаду,—двѣнадцать; кто забывалъ зажигать ее—двадцать пять. Не смотря на эти аскетическія странности, британскіе монахи значительно способствовали развитію земледѣлія, обративъ много дикихъ и пустынныхъ мѣстностей въ плодородныя поля; но что гораздо важнѣе, монастыри ихъ, благодаря развившемуся въ нихъ серьезному направленію, сдѣлались разсадниками учености и образованія для первыхъ просвѣтителей германскихъ племенъ. Въ этомъ отношеніи, Германія и Франція много обязаны ирландскимъ и британнскимъ монахамъ, но эти заслуги относятся уже къ позднѣйшему времени. Строгая дисциплина и мрачное, суровое ученіе этихъ монаховъ могли найти легкій доступъ къ британнскимъ потомкамъ древнихъ галловъ, такъ какъ у нихъ, можетъ быть, сохранились еще слѣды нравственнаго вліянія друидовъ и языческихъ жрецовъ, имѣвшихъ, какъ отдѣльное сословіе, особенное значеніе въ глазахъ народа и сообщавшихъ юношеству сухія знанія, обогащавшія только память. Но подобные учители должны были оттолкнуть отъ новой вѣры дикихъ саксовъ, привыкшихъ къ необузданной свободѣ; для нихъ лучшими проповѣдниками евангелія были кроткіе и проникнутые благоразумною умѣренностью итальянскіе миссіонеры, которые, предписывая строгость монашеской дисциплины только для самихъ себя, пользовались особеннымъ уваженіемъ саксовъ. Съ новокрещенными же они обращались чрезвычайно кротко и снисходительно, по возможности смягчая для нихъ всѣ обязанности и уставы церкви. Они могли бы сдѣлать еще болѣе добра, если бы, не подчиняясь духу сектъ, не разжигали и безъ того уже сильной вражды саксовъ къ бриттамъ, до такой степени, что, воюя съ бриттами, саксы забывали долгъ любви къ ближнему и считали себя въ правѣ истреблять враговъ своей вѣры. Конечно, и бритты, проникнутые тѣмъ же духомъ, вслѣдствіе незначительной разницы въ обрядахъ, не хотѣли видѣть въ обращенныхъ саксахъ своихъ братьевъ по Христу. Вскорѣ однако и британнскіе монахи приняли участіе въ распространеніи христіанства между англосаксами и ревностно принялись за это дѣло въ Нортомберлендѣ.

Новое ученіе дѣлало въ Англіи чрезвычайно быстрые успѣхи. Древнѣйшія эпархіи, Кентерберійская и Іоркская, донынѣ остающіяся самыми важными епископствами англійской церкви, были учреждены весьма рано. Хотя сынъ и преемникъ Этельберта, Идбальдъ, и племянникъ его, король Эссекса, отреклись отъ христіанства и стали преслѣдовать миссіонеровъ, не соглашавшихся смягчить въ ихъ пользу христіанскихъ заповѣдей, но англосаксы уже слишкомъ свыклись съ понятіями о высшемъ промыслѣ и съ благоговѣніемъ передъ нимъ, чтобы отказаться отъ вѣры, уже укоренившей въ нихъ чувственныя представленія о царствѣ небесномъ разсказами о чудесахъ и ангелахъ и картинами рая и ада. Особенно важно и богато послѣдствіями было то обстоятельство, что первые христіанскіе короли англосаксовъ, предоставивъ духовенству полную независимость во внутреннихъ дѣлахъ церкви и даровавъ ему особыя права и льготы, доставили епископамъ огромное значеніе въ государствѣ. Къ тому же, возстановленныя съ принятіемъ новой религіи сношенія съ Римомъ, гдѣ все еще сохранялись остатки древней культуры, были въ высшей степени полезны для англосаксовъ; но эта польза могла обнаружиться только впослѣдствіи, потому что въ началѣ нравы были еще слишкомъ грубы, и эта грубость поддерживалась постоянными войнами съ бриттами и горными шотландцами и междоусобіями отдѣльныхъ провинцій. Сближеніе съ Римомъ становится дѣйствительнымъ и прочнымъ только въ концѣ седьмаго вѣка. Въ это время между англосакскими королями установился сильно способствовавшій развитію просвѣщенія въ Англіи обычай ходить, при концѣ жизни, на поклоненіе въ Римъ, въ одеждѣ кающагося; почти всѣ короли, исполнявшіе его, принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ; британскій климатъ оказалъ свое вліяніе и на англосаксовъ, у которыхъ, какъ у бриттовъ временъ Оссіана, чувство военной чести и стремленіе къ славѣ по смерти смѣшивались съ сознаніемъ ничтожества и непрочности всего земнаго. Въ восьмомъ столѣтіи отправлено было въ Римъ на воспитаніе нѣсколько молодыхъ людей. Для нихъ въ одномъ изъ предмѣстьевъ Рима было учреждено особое училище или академія, на содержаніе которой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на призрѣніе англосакскихъ пилигримовъ, былъ установленъ правильный, ежегодный налогъ. Эта школа дала Англіи многихъ основательно образованныхъ духовныхъ лицъ, и нѣкоторыя изъ нихъ,

въ томъ числѣ другъ Карла Великаго, Алькуинъ, имѣли огромное вліяніе на распространеніе высшей образованности и въ другихъ странахъ. Налогъ въ пользу этого училища, взимавшійся непосредственно римскими епископами, обратился впослѣдствіи въ ихъ личный доходъ и взимался во всей Англіи подъ именемъ динарія св. Петра. Онъ собирался со всѣхъ домовъ, имѣвшихъ свыше тридцати шиллинговъ дохода, и составлялъ одну тридцатую часть всего дохода.

Изображеніе судьбы и отношеній семи англосакскихъ государствъ, до соединенія ихъ въ одно цѣлое, не составляетъ предмета всемірной исторіи. Слитіе ихъ совершилось въ началѣ девятаго столѣтія, при Эгбертѣ, королѣ Уэссекса. Преобладающее положеніе въ гептархіи занималъ сначала Кентъ, потомъ Нортомберлендъ и, наконецъ, Мерція; но если бы послѣдняя не была родовымъ владѣніемъ Эгберта, то она еще не скоро бы слилась съ остальными англосакскими провинціями. Главную характеристическую черту исторіи англосаксовъ до Эгберта составляетъ врожденное этому народу чувство гражданственнаго порядка, и потому еще на самой низкой степени развитія англосакской культуры нѣкоторымъ изъ государей легко было ввести правильную организацію во внутреннее устройство страны: у англосаксовъ, чаще чѣмъ у какого-нибудь другаго народа, являются государи съ подобными стремленіями. Такъ, напримѣръ, король Нортомберленда, Эдвинъ не только возстановилъ забытые со времени завоеванія Англіи древніе законы саксовъ, но и учредилъ полицейскій надзоръ за безопасностью страны и даже позаботился объ удобствахъ для путешественниковъ. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи король Уэссекса, Ина (688—726), который издалъ ясные, соотвѣтствовавшіе духу народа законы, учредилъ школы для распространенія просвѣщенія и съ мѣткимъ политическимъ тактомъ старался совершить слитіе между саксами и покоренными бритами посредствомъ брачныхъ союзовъ между обѣими національностями; прежде о подобномъ сліяніи нельзя было и думать: ненависть побѣдителей къ побѣжденнымъ была такъ велика, что знатные англосаксы предпочитали брать себѣ въ жены язычницъ, изъ своей прежней родины, чѣмъ жениться на британкахъ. Конечно, не всѣ подобныя стремленія нѣкоторыхъ государей имѣли успѣхъ, потому что постоянныя войны англосаксовъ поддерживали между ними грубость нравовъ; но все же эти попытки, въ соединеніи съ всегдашнею наклонностью этого народа къ поэзіи и быстро возраставшею въ немъ любовью къ просвѣщенію и христіанству, служатъ доказательствомъ того, что англосаксы были оживлены совершенно другимъ духомъ, чѣмъ, напримѣръ, тогдашніе франки. Правда, и въ Англіи, какъ у франковъ, мы видимъ примѣры убійствъ, пьянство, сладострастіе и другіе пороки, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ проявляются и нѣкоторыя возвышенныя стремленія, тогда какъ у франковъ не раздавалось еще въ то время ни одной національной пѣсни.

Эгбертъ, съ котораго мы начинаемъ изложеніе исторіи англосаксовъ, въ юности былъ принужденъ бѣжать изъ своего наслѣдственнаго владѣнія Уэссекса, которымъ завладѣлъ одинъ изъ его подданныхъ, Бритерихъ. Эгбертъ отправился ко двору Карла Великаго и вернулся въ Уэссексъ только по смерти Бритериха. Народъ тотчасъ же призналъ его королемъ (800), а впослѣдствіи, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, Эгберту удалось покорить и остальныя англосакскія провинціи (около 827 г.). Такимъ образомъ имъ первымъ начинается общая исторія Англіи, которая и становится извѣстною подъ этимъ именемъ только съ его царствованія. Правленіе Эгберта могло бы считаться началомъ величія Англіи, если бы съ той поры не начали тревожить островъ частыми набѣгами тѣ самые морскіе разбойники, которые впослѣдствіи сдѣлались столь страшными для Франціи. При его предшественникѣ начались вторженія въ Англію норманновъ, болѣе извѣстныхъ въ исторіи Англіи подъ именемъ датчанъ. Первые набѣги, о которыхъ говорятъ скандинавскія преданія, не простирались далѣе Шотландіи и пограничнаго съ нею Нортомберленда. При Эгбертѣ норманны долгое время не безпокоили Англіи, но наконецъ стали являться ежегодно и въ большомъ числѣ. Не смотря на то, что счастье не всегда благопріятствовало Эгберту, ему удалось нѣсколько разъ отражать ихъ нападенія и отклонять отъ страны грозившую ей опасность. Онъ совершилъ также нѣсколько удачныхъ походовъ и противъ бриттовъ Уэльса. Въ отношеніи его внутренней политики, мы должны сказать, что онъ не изгонялъ прежнихъ владѣтелей изъ всѣхъ покоренныхъ имъ провинцій

и не уничтожилъ витенагемотовъ или собраній, на которыхъ короли, вмѣстѣ съ благородными, обсуживали и рѣшали важныя общественныя дѣла. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что единодержавіе Эгберта не состояло въ окончательномъ присоединеніи къ Уэссексу остальныхъ провинцій, и нельзя не пожалѣть, что судьба не дала ему болѣе энергическаго преемника, который съумѣлъ-бы упрочить новую монархію. Покоренные князья и племена не могли забыть своей прежней зависимости, а при слабомъ государѣ нечего было и думать о сохраненіи единства и энергіи въ правительственныхъ распоряженіяхъ. Между тѣмъ это было необходимо для тогдашней Англіи, потому что опасность со стороны дикихъ датчанъ становилась все страшнѣе и грозила ей такими же несчастіями, какія, вслѣдствіе слабости послѣднихъ Каролинговъ, испытывали въ то время Нидерланды и Франція.

Эгбертъ умеръ въ 836 г., передавъ все свое государство старшему сыну, Этельвульфу. Отъ природы слабый и безпечный, Этельвульфъ выросъ въ монастырѣ и получилъ чисто монастырское воспитаніе; поэтому царствованіе его страдало именно тѣми недостатками, которые всего вреднѣе въ новыхъ государствахъ и въ виду необходимости вести войну съ могущественными внѣшними врагами. Вступивъ на престолъ, онъ тотчасъ же раздѣлилъ власть съ своимъ старшимъ сыномъ, Ательстаномъ, и хотя этотъ соправитель вскорѣ умеръ, но силы правительства нисколько не увеличились. Пристрастіе Этельвульфа къ своему младшему сыну Альфреду возбудило зависть двухъ старшихъ братьевъ его, а къ этому присоединились еще попытки покоренныхъ королей свергнуть съ себя иго и опустошительныя вторженія датскихъ пиратовъ, повторявшіяся все чаще и чаще и сдѣлавшіяся, вслѣдствіе разныхъ причинъ, гораздо опаснѣе, чѣмъ прежде. Вопреки мнѣнію своего совѣта, Этельвульфъ освободилъ отъ военной службы всѣхъ духовныхъ съ ихъ вассалами и такимъ образомъ лишилъ себя значительной части своихъ силъ. О поголовномъ вооруженіи нельзя было и думать, потому что для этого главѣ правительства необходимы были энергія и дѣятельность, которыхъ не доставало у Этельвульфа. Вслѣдствіе всего этого, датчанамъ приходилось сражаться только съ милиціями отдѣльныхъ мѣстечекъ и округовъ. Поэтому они стали ежегодно являться въ Англію, и, высаживаясь то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, производили страшныя опустошенія, а наконецъ, въ 851 г., въ первый разъ провели въ Англіи цѣлую зиму и сдѣлали попытку утвердиться на островѣ. Въ то самое время, какъ усиливались бѣдствія страны, Этельвульфъ отправился на поклоненіе въ Римъ (855), и этимъ повредилъ себѣ вдвойнѣ: во первыхъ, онъ упросилъ папу помазать на царство своего сына Альфреда, которому было всего семь лѣтъ, хотя и неизвѣстно, какой смыслъ придавали этой церемоніи король и папа, а во вторыхъ, на обратномъ пути въ Англію, женился во Франціи на дочери Карла Лысаго, Юдиѳи. Оба эти поступка возбудили подозрѣнія старшаго сына его, Этельбальда, которому на время отсутствія короля было поручено управленіе государствомъ. Этельбальдъ, соединясь съ однимъ епископомъ и нѣкоторыми изъ знати, возсталъ противъ своего отца, и Этельвульфъ, слишкомъ слабый и набожный, чтобы спорить о земной власти, согласился заключить съ сыномъ договоръ, по которому Этельбальдъ получилъ лучшую часть государства, а самъ король удовольствовался худшею восточною половиною своихъ владѣній, наиболѣе подверженною нападеніямъ норманновъ. Все это объясняется личнымъ характеромъ Юдиѳи, и весьма понятно, что Этельбальдъ и знатные саксы постарались предохранить себя отъ вредныхъ для нихъ послѣдствій новаго брака царствующаго короля. Поэтому для пониманія всѣхъ этихъ событій стоитъ только бросить взглядъ на послѣдующую жизнь этой королевы. По смерти Этельвульфа, она вышла замужъ за своего пасынка, Этельбальда, а лишившись въ скоромъ времени и втораго мужа, продала свою вдовью часть въ Англіи и отправилась обратно во Францію, гдѣ позволила графу фландрскому Бальдуину увезти себя, и до самой смерти позорила свое имя безпорядочною, развратною жизнью.

Этельвульфъ завѣщалъ свою долю въ государствѣ (858) второму сыну, Этельберту, который, по смерти Этельбальда (въ 860 г.), соединилъ всю Англію подъ своимъ скипетромъ; но самъ онъ умеръ въ 866 г., и престолъ наслѣдовалъ третій братъ, Этельредъ I. Новый король въ продолженіе всего своего царствованія долженъ былъ бороться съ датскими пиратами, которые все въ большемъ

и большемъ числѣ являлись въ Англію. Не смотря на всю свою храбрость, Этельреду было тѣмъ труднѣе отражать ихъ, что они искусно пользовались распрею двухъ нортомберлендскихъ князей за наслѣдство; тщетно думалъ король откупиться деньгами отъ ихъ опустошительныхъ набѣговъ: платежъ дани только поощрялъ ихъ къ новымъ вторженіямъ. Вторгнувшись въ Нортомберлендъ, они заняли большую часть его и основали тамъ англо-норманнское государство. Оттуда они врывались въ различныя мѣстности Англіи, не щадя ничего святаго и совершая самыя возмутительныя злодѣйства. Примѣромъ ихъ страшнаго звѣрства можетъ служить участь Кройлендскаго монастыря. Они перебили всѣхъ его обитателей, подвергнули нѣкоторыхъ изъ нихъ страшнымъ мукамъ въ надеждѣ заставить ихъ указать скрытыя сокровища, и изъ алчности разрывали даже могилы. Однако англосаксы выказали гораздо болѣе мужества и стойкости въ борьбѣ съ этими хищниками, чѣмъ столь же часто посѣщаемые норманнами франки. Саксы имѣли на своей сторонѣ ту невыгоду, что жили на островѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ нападеніямъ норманновъ. Какъ бы часто ни истребляли они цѣлыя толпы своихъ заклятыхъ враговъ, новые пришельцы продолжали являться изъ Даніи, тогда какъ въ Англіи начиналъ уже ощущаться недостатокъ въ людяхъ и жизненныхъ припасахъ. При плохомъ состояніи военнаго искусства у англосаксовъ, милиція, собираемая нѣкоторыми князьями и вельможами, не смотря на всю свою храбрость, не могла держаться противъ датчанъ. Долѣе всѣхъ оборонялась провинція Уэссексъ, такъ какъ чувство преданности къ Этельреду было тамъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ страны; самъ король, вмѣстѣ съ доблестнымъ братомъ своимъ Альфредомъ, дѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ него при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но наконецъ и Этельредъ увидѣлъ себя не въ силахъ отражать, съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, постоянно прибывавшія толпы враговъ, которые пріобрѣли уже осѣдлость въ Англіи. Терять имъ было нечего, а выиграть они могли весьма многое. Этельредъ въ продолженіе одного года далъ имъ три сраженія; въ первомъ, онъ побѣдилъ ихъ; во второмъ, долженъ былъ отступить; а въ третьемъ, самъ испыталъ пораженіе и вскорѣ послѣ того умеръ, до послѣдней минуты защищая противъ норманновъ каждый клочокъ своего государства. Онъ назначилъ своимъ преемникомъ младшаго брата (871 г.).

Новый король, Альфредъ Великій, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей въ исторіи, соединялъ въ себѣ необыкновенную государственную мудрость, хитрый умъ, ученость, чувство порядка и справедливости и искреннюю набожность съ удивительною храбростью и настойчивостью. Въ борьбѣ съ датчанами, опустошившими почти всю Германію и Францію, онъ показалъ міру, что можетъ сдѣлать умъ и воля одного человѣка противъ самаго рѣшительнаго превосходства матеріальныхъ силъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Альфредъ измѣнилъ систему войны съ врагами, непобѣдимыми по своей богатырской силѣ, храбрости и привычкѣ къ войнѣ. Альфредъ принялъ къ себѣ въ службу другихъ пиратовъ и, построивъ большіе корабли, сталъ нападать на морѣ на датчанъ, имѣвшихъ одни легкія суда. Этимъ способомъ Альфредъ хотѣлъ лишить датчанъ, поселившихся въ Англіи, подкрѣпленій, безпрестанно прибывавшихъ къ нимъ изъ Скандинавіи; но у него не хватило силъ продолжать неравную борьбу. Число враговъ росло, не смотря на всѣ ихъ потери, и стало, наконецъ, несмѣтнымъ; англосаксы, которымъ еще въ первый годъ царствованія Альфреда пришлось дать восемь большихъ сраженій, совершенно упали духомъ, и каждый сталъ помышлять только о своемъ собственномъ спасеніи. Убѣдившись вскорѣ, что государство нельзя спасти обыкновенными мѣрами, Альфредъ рѣшился на время совершенно прекратить борьбу и выжидать дѣйствія отчаянія, зная, что для угнетеннаго народа, подъ предводительствомъ искуснаго вождя, становится возможнымъ даже невозможное. Съ нѣсколькими друзьями и немногими служителями, онъ скрылся въ болото и топи Соммерсетшира, гдѣ онъ укрѣпился и жилъ долгое время въ страшной нуждѣ. Преданіе украсило романическими вымыслами этотъ періодъ жизни Альфреда, какъ украшаетъ всѣ необыкновенные случаи въ жизни великихъ людей. Оно говоритъ, напримѣръ, что Альфредъ, неузнанный никѣмъ, жилъ нѣкоторое время у бѣднаго пастуха и что однажды подвергся страшной брани жены пастуха за то, что далъ подгорѣть порученнымъ его надзору хлѣбамъ. Въ другой разъ, онъ въ одеждѣ минестреля или барда пробрался въ датскій лагерь, распѣвая

пѣсни, высмотрѣлъ все, что ему было нужно, и, наскоро собравъ своихъ подданныхъ, сдѣлалъ неожиданное нападеніе на враговъ и совершенно разбилъ ихъ. Подобные разсказы, несвойственные дѣйствительной жизни, не заслуживаютъ довѣрія уже по одному своему поэтическому колориту; кромѣ того, мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ жизни и подвигахъ Альфреда не было ничего чудеснаго, а что онъ дѣйствительно съ небольшимъ числомъ приближенныхъ удалился въ одну болотистую мѣстность и укрѣпился тамъ.

Изъ своего убѣжища Альфредъ началъ вести съ датчанами такъ называемую малую войну; совершая набѣги на рыскавшихъ по странѣ враговъ, онъ возвратилъ своимъ воинамъ утраченное ими довѣріе къ самимъ себѣ и пріобрѣлъ средства для содержанія болѣе многочисленныхъ войскъ. Саксы собирались вокругъ него все въ большемъ и большемъ числѣ и вскорѣ у него составилось войско до того многочисленное и возбужденное жаждою мщенія, что Альфредъ могъ уже рѣшиться на битву со всѣмъ датскимъ войскомъ, которымъ предводительствовалъ король Гутрумъ (878). Англосаксы стѣснили со всѣхъ сторонъ своихъ враговъ и Альфредъ принудилъ Гутрума дать ему клятву въ покорности и обратиться въ христіанство; на этихъ условіяхъ онъ дозволилъ датчанамъ поселиться въ Нортомберлендѣ и въ восточной Англіи. Чтобы раздѣлить враговъ и очистить отъ нихъ свое государство, Альфредъ охотно уступилъ имъ провинціи, въ дѣйствительности никогда не принадлежавшія его династіи, и черезъ годъ принудилъ присоединиться къ подданнымъ Гутрума еще одну толпу пиратовъ, угрожавшую югу Англіи. Освободивъ такимъ образомъ отъ враговъ большую часть своихъ владѣній, Альфредъ снова прибѣгнулъ къ своей прежней политикѣ, т. е. сталъ строить корабли и набирать фрисландцевъ, нидерландцевъ и другихъ морскихъ разбойниковъ, которые тѣмъ охотнѣе поступали къ нему на службу, что подъ его защитою могли обогащаться, грабя самихъ скандинавовъ. Изъ этихъ людей Альфредъ составилъ себѣ флотъ, который вскорѣ пріобрѣлъ господство на морѣ. Къ тому же и самыя обстоятельства благопріятствовали англійскому королю; въ это время датчане избрали главною цѣлью своихъ набѣговъ владѣнія слабыхъ преемниковъ Карла Великаго и только на пути высаживались на англійскіе берега. Благоразумная бережливость Альфреда позволила ему организовать себѣ и регулярныя войска, кромѣ флота, который содержалъ себя самъ. Наградивъ способнѣйшихъ воиновъ помѣстьями, оставшимися безъ владѣльцевъ, Альфредъ вскорѣ возстановилъ разрушенные города и замки, построивъ въ особенно важныхъ приморскихъ мѣстностяхъ государства новые для защиты страны отъ пиратовъ.

Такимъ образомъ, освободивъ страну отъ враговъ и упрочивъ ея безопасность, Альфредъ обратилъ свое вниманіе на приведеніе въ порядокъ ея внутренняго устройства. Онъ возобновилъ и улучшилъ уничтоженное древне-германское дѣленіе страны на графства (ширы—shires), и на этомъ раздѣленіи основалъ новую систему судебнаго, полицейскаго и военнаго управленія. Англосакская нація состояла изъ такъ называемыхъ керловъ (Keorle), или свободныхъ гражданъ и земледѣльцевъ, и изъ дворянъ, которые по степени своего значенія дѣлились на два класса, ирловъ и тановъ. Два послѣднія сословія не только занимали высшія должности, но и пользовались преобладающимъ вліяніемъ въ витенагемотѣ или сеймахъ, давно уже замѣнившихъ старинныя собранія всего народа. Альфредъ возвратилъ низшему сословію участіе въ судебномъ и полицейскомъ управленіи, такъ что въ этомъ отношеніи государство было организовано на демократическихъ началахъ, сохраняя въ законодательствѣ и государственномъ управленіи свой прежній аристократическо-монархическій характеръ. Высшая судебная власть сосредоточивалась, разумѣется, въ рукахъ короля, но десятки, сотни и графства имѣли свои суды, состоявшіе изъ опредѣленнаго числа отцевъ семействъ. Въ каждое графство или область король назначалъ двухъ графовъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ дѣлами управленія, а другой предсѣдательствовалъ въ областномъ судѣ, состоявшемъ изъ гражданъ и крестьянъ. Этотъ судъ былъ въ то же время аппеляціонною инстанціею для судовъ десятковъ и сотенъ. Военную повинность Альфредъ распредѣлилъ такимъ образомъ, что все населеніе извѣстной мѣстности дѣлилось на двѣ половины, изъ которыхъ одна предназначалась для защиты собственныхъ жилищъ, а другая могла быть употребляема и внѣ предѣловъ графства; отвѣтственность за общественный порядокъ и безопасность

была возложена на десятки, сотни и области, которые должны были отвѣчать за всякое случавшееся у нихъ преступленіе и, въ случаѣ невозможности наказать виновнаго, вознаграждать за причиненные имъ убытки. При такомъ устройствѣ, начальство каждой административной единицы ради своей чести должно было строго слѣдить за каждымъ нарушителемъ общественнаго спокойствія; народъ ревностно содѣйствовалъ ему въ этомъ, какъ въ дѣлѣ, непосредственно касавшемся личныхъ интересовъ каждаго, а король могъ безъ особеннаго труда имѣть верховный надзоръ надъ всѣмъ государственнымъ организмомъ и быть безпристрастнымъ защитникомъ, помощникомъ и совѣтникомъ своихъ подданныхъ. Государственный механизмъ дѣйствовалъ самъ собою, и королю приходилось вмѣшиваться только въ случаѣ его остановки. Въ этомъ обновленномъ и сообразномъ съ духомъ христіанства и измѣнившимися обстоятельствами государственномъ устройствѣ Альфредъ далъ своему народу новыя силы, порядокъ и свободу. Онъ хотѣлъ царствовать надъ свободною націею, которая управлялась бы сама собою и сама сохраняла бы у себя порядокъ и дисциплину, а не надъ толпою, которая сдерживается только матеріальною силою и безсознательно ходитъ на помочахъ. До какой степени было полезно и сообразно съ духомъ сѣверныхъ націй это государственное устройство, доказывается тѣмъ, что главныя черты его и донынѣ сохраняются въ англійскихъ учрежденіяхъ, и что датчане, а потомъ французскіе норманны, овладѣвъ островомъ, тотчасъ по сліяніи съ побѣжденными возвратились къ поколебленнымъ ими сначала учрежденіямъ Альфреда, какъ къ главнымъ гарантіямъ свободы. Послѣ всего сказаннаго, намъ нѣтъ нужды доказывать, что Альфредъ сильно возвысилъ значеніе и могущество англосаксовъ. Благотворное дѣйствіе его учрежденій и личное вліяніе этого великаго короля на нравы народа проявляются ярче всего въ той необыкновенной безопасности, какою пользовалась въ его время Англія; эта безопасность была тѣмъ прочнѣе, что въ тѣ времена король могъ оказывать собственности болѣе дѣятельную защиту противъ козней и насилія, чѣмъ при нынѣшней англійской конституціи, которая не въ такой степени, какъ прежняя, основывается на личномъ надзорѣ и вліяніи главы государства. При Альфредѣ, Англія пользовалась такою безопасностью, что, по словамъ лѣтописей, прохожій, потерявъ вечеромъ на большой дорогѣ кошелекъ, могъ спокойно заснуть, въ увѣренности найти его по утру, на томъ же мѣстѣ. Впрочемъ, подобные разсказы не слѣдуетъ принимать буквально, потому что это ничто иное какъ особый способъ выраженія, для того, чтобы нагляднѣе обрисовать состояніе полной безопасности страны. До какой степени Альфредъ возвысилъ свое личное значеніе, силу и славу, даровавъ самостоятельность и свободу своему народу, можно видѣть изъ всѣхъ послѣдующихъ событій его жизни.

Въ 893 г. два сильные датскіе флота произвели одновременную высадку на англійскіе берега, и въ то же время возстали поселенные въ Нортомберлендѣ и восточной Англіи варвары, король которыхъ, Гутрумъ, умеръ не задолго передъ тѣмъ. Но какъ ни страшна была эта тройная опасность, она не могла потрясти существованія Англіи, которой Альфредъ успѣлъ уже придать необыкновенную силу и прочность. Послѣ трехлѣтней войны, враги были оттѣснены во Францію, или въ Нортомберлендъ и восточную Англію, и впослѣдствіи при жизни короля уже ни разу не покушались повторять свои нападенія. Не довольствуясь отраженіемъ враговъ отъ береговъ Англіи, Альфредъ отправилъ двухъ опытныхъ моряковъ, Отера и Вульфстана, для изслѣдованія странъ дальняго сѣвера, откуда являлись эти безчисленныя толпы хищниковъ. Описаніе этого путешествія до сихъ поръ служитъ самымъ достовѣрнымъ источникомъ свѣдѣній о первобытномъ состояніи крайней сѣверной полосы Европы.

Какъ это предпріятіе, имѣвшее цѣлью не одно только внѣшнее благосостояніе народа, такъ и многія другія распоряженія Альфреда доказываютъ, что въ немъ было живо сознаніе высшихъ потребностей человѣческаго духа. Подобно Карлу Великому, онъ приказалъ собрать старинныя пѣсни своего народа, на которыхъ самъ былъ воспитанъ въ молодости, и сочинялъ новыя пѣсни, подражая языку и духу этихъ героическихъ поэмъ. Онъ возстановилъ нѣкогда столь цвѣтущія англійскія школы, погибшія при разореніи церквей и монастырей, уже въ зрѣломъ возрастѣ выучился латинскому языку и старался возобновить сношенія съ Римомъ и возстановить находившуюся тамъ англосакскую школу. Конечно, онъ

преимущественно имѣлъ въ виду образованіе духовенства, но основательный, смѣтливый умъ его не позволялъ ему пренебрегать и практическою стороною жизни. Это доказываютъ, между прочимъ, его заботы объ устройствѣ школы для дворянъ и старанія во что бы то ни стало заставить должностныхъ лицъ учиться грамотѣ. Эти заботы Альфреда высказываются еще опредѣлительнѣе въ его географическихъ сочиненіяхъ, ревностныхъ занятіяхъ исторіею и переводами съ латинскаго многихъ сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшимъ была книга Боэтія о философіи (стр. 264), и въ выборѣ ученыхъ, которыхъ онъ приглашалъ въ Англію. Главною цѣлью его литературной дѣятельности было распространеніе въ Англіи знакомства съ иностранной литературой и ея достоинствами; онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своимъ сочиненіямъ, что они написаны съ единственною цѣлью не дать исчезнуть въ Англіи всякой любознательности и любви къ возвышенному и прекрасному, до тѣхъ поръ пока вновь не пробудится рвеніе къ изученію латинскаго языка. У Альфреда нѣтъ и тѣни гордости, которая такъ свойственна знаменитымъ писателямъ, обыкновенно пользующимся трудами ученыхъ только для того, чтобы составить свою собственную репутацію и ослѣпить толпу умомъ и ученостью. Альфредъ же скромно и честно принимается за свое дѣло, приписывая всѣ заслуги своихъ сочиненій ученымъ, призваннымъ имъ изъ Франціи и Уэльса. Знаменитѣйшими изъ нихъ были Плегмундъ, Ательстанъ, Ассеръ, оставившій намъ біографію Альфреда, Гримбальдъ и Іоаннъ Скотъ Эригена. Если Альфредъ и не всегда былъ счастливъ въ выборѣ, то это слѣдуетъ скорѣе приписать не ему, а тому особому отпечатку, который ученость, сдѣлавшаяся ремесломъ, кладетъ на всѣхъ своихъ поклонниковъ. Первые трое изъ названныхъ нами лицъ были вполнѣ достойными людьми, Гримбальдъ же и Іоаннъ Скотъ своимъ педантствомъ вызвали сильную оппозицію противъ своихъ ученій и возбудили жаркіе споры; впрочемъ, въ этомъ отчасти виноваты и мало развитые въ умственномъ отношеніи англосаксы, непонимавшіе методы этихъ ученыхъ. Добрый король старался личнымъ вмѣшательствомъ уладить распри Гримбальда съ оксфордскими монахами, слѣдовавшими старинной методѣ; но вскорѣ убѣдился, что съ учеными педантами труднѣе справиться, чѣмъ съ дикими датчанами. Однако Альфредъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не обратилъ монастырей къ ихъ настоящему назначенію: служить учебными заведеніями и убѣжищемъ для всѣхъ, наскучившихъ жизнью и желавшихъ посвятить себя на служеніе Богу и наукѣ. Впрочемъ, все это имѣло второстепенное значеніе въ глазахъ Альфреда, стремившагося прежде всего упрочить на твердыхъ основаніяхъ всеобщее благосостояніе своего народа. Зная, что не одни монастыри и молитва могутъ проложить ему и его націи путь на небо, онъ преимущественно старался охранять права и законы, поддерживать порядокъ и дѣятельность между своими подданными и развивать въ нихъ чувство свободы, законности и семейственности, прирожденныхъ германскому племени.

Въ этомъ отношеніи онъ самъ могъ служить лучшимъ примѣромъ для своего народа. Школа несчастья, лучшій наставникъ человѣчества, какъ онъ выражается самъ, развила его сердце и дала ему опытность и знаніе людей, такъ что онъ одинъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ соединялъ въ себѣ набожность, храбрость и умъ. Всѣ его нравственныя силы были направлены ко благу націи и высшимъ интересамъ его собственной души. Не смотря на всегдашнюю слабость своего здоровья, онъ неутомимо работалъ до самой смерти и самъ училъ своихъ приближенныхъ разнымъ ремесламъ и искусствамъ, составлялъ планы для своихъ построекъ и придумывалъ чертежи кораблей, которые были бы удобнѣе для преслѣдованія датчанъ въ морѣ. Ведя воздержную и строго правильную жизнь, онъ устранялъ препятствія къ дѣятельности, казавшіяся неизбѣжными при слабости его здоровья. День его былъ раздѣленъ на три равныя части: одна изъ нихъ посвящалась ѣдѣ и физическому отдохновенію; другая, государственнымъ дѣламъ, а третья, молитвѣ и ученымъ трудамъ. Въ своихъ издержкахъ онъ соблюдалъ такую же экономію, какъ и во времени, и въ послѣдніе годы своей жизни, когда государство наслаждалось внутреннимъ и внѣшнимъ спокойствіемъ, сталъ даже дѣлать сбереженія для своего преемника. Улучшеніе судопроизводства, свобода и самостоятельность его подданныхъ способствовали тому, что государственные доходы превышали расходы; монастыри и соборы покрывали издержки на народное

образованіе, а обезпеченіе страны отъ датчанъ и новое, основанное на административномъ раздѣленіи народа, устройство милиціи значительно уменьшили расходы на содержаніе войска. Такимъ образомъ, Альфредъ, еще при жизни щедро одаривъ церкви, монастыри, духовенство и ученыхъ, могъ завѣщать своимъ приближеннымъ и весьма значительную сумму. Онъ умеръ въ 901 г.

Сынъ и преемникъ его, Эдуардъ I, въ первые годы своего царствованія долженъ былъ бороться съ однимъ изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, который, съ помощью датчанъ, хотѣлъ отнять у него Нортомберлендъ и восточную Англію, но наконецъ былъ убитъ въ сраженіи. Впрочемъ и впослѣдствіи датчане дѣлали попытки къ возстанію, и это легко объясняется несправедливымъ и тягостнымъ различіемъ, которое дѣлалъ Эдуардъ между ними и англосаксами. Норманны, около этого времени поселившіеся на сѣверѣ Франціи, также стали вторгаться въ Англію, но были всегда удачно отражаемы Эдуардомъ, потому что порядокъ, заведенный его отцомъ, продолжалъ держаться во всей силѣ. Эдуардъ велъ войны съ бриттами и шотландцами и населеніемъ Мерціи, имѣвшей еще независимыхъ королей; Мерція была окончательно покорена имъ, а короли Уэльса, Нортомберленда, Шотландіи и восточной Англіи были принуждены, хотя только по формѣ, признать себя вассалами англосаксказго короля.

Эдуарду, умершему въ 924 г., наслѣдовалъ сынъ его, Ателыстанъ, храбрѣйшій воинъ своего времени. Подобный государь былъ необходимъ тогда саксамъ, потому что, вслѣдствіе распространенія образованности, они начинали изнѣживаться, а датчане, составлявшіе большинство населенія въ сѣверныхъ частяхъ страны, начинали уже селиться внутри ея и въ Ирландіи и имѣли на берегахъ нѣсколько значительныхъ колоній, населеніе которыхъ постоянно умножалось вновь прибывавшими толпами скандинавовъ, племенная же вражда бриттовъ и шотландцевъ къ англосаксамъ продолжала существовать въ полной силѣ. Понятно, что охраненіе государства съ такими незначительными средствами противъ трехъ враговъ, грозившихъ ему со всѣхъ сторонъ, требовало отъ правителя ума и храбрости, какіе рѣдко бываютъ соединены въ одномъ человѣкѣ. Тщетно Ательстанъ думалъ выйти изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, выдавъ одну изъ своихъ сестеръ замужъ за короля Нортомберленда, Сигтрика; варваръ вскорѣ прогналъ отъ себя жену и вернулся къ язычеству. Ательстанъ немедленно двинулся въ Нортомберлендъ, занялъ его своими войсками и изгналъ оттуда сыновей Сигтрика, умершаго не задолго передъ этимъ. Одинъ изъ сыновей Сигтрика, Олафъ или Анлафъ, бѣжавшій въ Ирландію къ своимъ соотечественникамъ, былъ избранъ ими предводителемъ и во главѣ ихъ вернулся въ Англію; къ нему присоединился одинъ изъ самыхъ значительныхъ шотландскихъ владѣтелей, Константинъ; глава Кумберлендскихъ бриттовъ, Евгеній, также воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возвратить себѣ земли, отнятыя у него Эдуардомъ. Наконецъ возстали и многіе изъ поселившихся въ Англіи датчанъ, между вождями которыхъ особенно славился изгнанный изъ Норвегіи сынъ Гаральда Гаарфагра, Эрихъ Кровавая Сѣкира (стр. 370). Всѣ эти враги соединились вмѣстѣ и дали англосаксамъ рѣшительное сраженіе при Брунабургѣ (937). Англосаксы, уступавшіе имъ въ числѣ и силѣ, но имѣвшіе превосходныхъ полководцевъ въ Ательстанѣ и братѣ его, Эдмундѣ, одержали блистательную побѣду, на долго водворившую въ ихъ странѣ спокойствіе, котораго она не знала съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Альфреда. Имена Ательстана и Эдмунда сохранялись съ того времени въ народныхъ пѣсняхъ саксовъ, и кровавый бой при Брунабургѣ воспѣвался, подъ именемъ великой битвы, не только у нихъ, но и въ далекой Скандинавіи. Говорятъ, что передъ битвой, Олафъ, въ одеждѣ миннестреля или барда, пробрался въ лагерь Ательстана и вывѣдалъ расположеніе враговъ; но, вѣроятно, этотъ разсказъ имѣетъ одинаковое происхожденіе и также мало заслуживаетъ вѣроятія, какъ и подобный же анекдотъ объ Альфредѣ. Но и какъ простой поэтическій вымыселъ, онъ служитъ доказательствомъ, что въ ту пору еще существовалъ повсемѣстно обычай воспѣвать подвиги древнихъ героевъ. Поэты прославили имя Ательстана по всей Европѣ, и память о немъ особенно долго сохранялась у сѣверныхъ скальдовъ, цѣнившихъ храбрость и въ своихъ врагахъ. Такимъ образомъ, подвиги Ательстана воспѣвались и въ Норвегіи, и на берегахъ Балтійскаго моря. Послѣ битвы при Брунабургѣ, Ательстанъ завладѣлъ всей Англіей;

но его успѣхи возбудили въ немъ безразсудное стремленіе къ военной славѣ. Онъ обременилъ бриттовъ тяжелою данью, принудилъ нортомберлендскихъ датчанъ избрать новаго правителя и этимъ подготовилъ своему преемнику тягостныя войны. Но удивительно, что при такомъ воинственномъ направленіи онъ ненарушимо сохранялъ государственное устройство, установленное Альфредомъ, и даже дополнилъ его новыми законами. Особенно замѣчательно одно изъ его постановленій, по которому каждый купецъ, совершившій три морскія путешествія, получалъ званіе тена. Впрочемъ, хотя это и доказываетъ уваженіе къ промышленности и стараніе оживить торговлю, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что тены только спустя сто лѣтъ пріобрѣли значеніе бароновъ, а при Ательстанѣ лица, носившія это званіе, были немногимъ выше простыхъ гражданъ. По свидѣтельству одного лѣтописца, Ательстанъ умертвилъ, изъ подозрѣнія, своего своднаго брата Эдвина; но другія лѣтописи не упоминаютъ объ этомъ, хотя тяжелое покаяніе, которое наложилъ на себя Ательстанъ, и основаніе имъ многихъ новыхъ монастырей и могутъ быть объяснены стараніемъ примириться съ совѣстью.

Ательстанъ умеръ въ 941 г., передавъ власть младшему брату, Эдмунду, столь же храброму и счастливому, какъ и онъ самъ; славу Эдмунда раздѣлялъ аббатъ Туркетуль, близкій родственникъ королевскаго дома, доказавшій свое геройство въ битвахъ и искусство и опытность въ государственныхъ дѣлахъ, которыми онъ управлялъ съ послѣднихъ годовъ царствованія Эдуарда. Вскорѣ по восшествіи на престолъ Эдмунда, Олафъ снова явился изъ Ирландіи и на нѣкоторое время завладѣлъ Нортомберлендомъ, гдѣ былъ провозглашенъ королемъ; но жители этого края уже привыкли къ правильному государственному устройству. Олафъ внушилъ имъ къ себѣ такую ненависть своимъ варварствомъ, что Эдмунду стоило только показаться съ своимъ войскомъ, чтобы нортомберлендцы тотчасъ же покинули датчанина и приняли новаго правителя отъ англосаксовъ. Эдмундъ удержалъ отъ союза съ Олафомъ и шотландцевъ, уступивъ королю ихъ, Малькольму, въ ленное владѣніе Кумберлендъ, населенный бриттами, платившими дань англосаксамъ. Важною политическою мѣрою Эдмунда было выселеніе датчанъ изъ всѣхъ городовъ внѣ Нортомберленда и восточной Англіи и водвореніе вмѣсто нихъ англосаксовъ. Впрочемъ, не смотря на полезность многихъ мѣръ Эдмунда, въ поступкахъ его замѣтна незрѣлость молодости, и наконецъ одинъ пылкій порывъ стоилъ ему жизни. Однажды онъ давалъ большой пиръ, на которомъ, по обычаю того времени, присутствовало много неприглашенныхъ. Въ числѣ ихъ явился и изгнанный за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ одинъ предводитель разбойниковъ. Смѣлость его была тѣмъ удивительнѣе, что Эдмундъ, вмѣсто существовавшаго у англосаксовъ обычая откупаться за всякое преступленіе деньгами, постановилъ за разбои смертную казнь. Замѣтивъ за своимъ столомъ дерзкаго, Эдмундъ въ бѣшенствѣ бросился на него и повалилъ его на полъ, но въ это время разбойникъ, выхвативъ кинжалъ, закололъ короля (946).

Со вступленіемъ на престолъ брата Эдмунда, Эдреда, все управленіе перешло въ руки святаго Дунстана, уже давно пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Принадлежавшій къ знатной фамиліи и съ самой ранней юности предназначенный къ духовному званію, Дунстанъ не имѣлъ ни малѣйшей наклонности къ монашеской жизни и занимался преимущественно свѣтскими науками, въ которыхъ вскорѣ пріобрѣлъ такія обширныя познанія, что еще въ молодости прославился своею ученостью и талантами. Но по своей природѣ онъ былъ болѣе расположенъ къ созерцательной жизни, и потому одинъ епископъ, его близкій родственникъ, во время тяжкой болѣзни, безъ труда уговорилъ его поступить въ монастырь. На этомъ новомъ поприщѣ онъ уже на двадцатомъ году жизни сдѣлался аббатомъ и прославился безпощадною строгостью къ самому себѣ и своими заботами о возстановленіи древнихъ монастырскихъ уставовъ. Молва о его святости, основывавшаяся на его образѣ жизни, его необыкновенныя способности и покровительство Туркетуля доставили ему доступъ ко двору Эдмунда, гдѣ онъ сталъ получать разныя порученія. Но его молодость, страшная строгость и односторонность характера и талантовъ не могли доставить ему много друзей, тѣмъ болѣе, что самъ онъ составилъ планъ вытѣснить женатое духовенство изъ всѣхъ значительныхъ церковныхъ должностей и замѣнить его монашествующимъ. Вскорѣ онъ былъ удаленъ отъ двора. Призванный вновь Эдмундомъ, онъ продолжалъ,

хотя и безуспѣшно, преслѣдовать свои планы относительно духовенства, которые онъ успѣлъ однако привить и Туркетулю. Со вступленіемъ на тронъ Эдреда, Дунстанъ сталъ во главѣ управленія, на мѣсто Туркетуля, удалившагося въ монастырь. Дунстанъ, по своимъ нравственнымъ достоинствамъ, равнялся своему предмѣстнику, но уступалъ ему въ знаніи свѣта, и потому не могъ утвердиться также прочно на своемъ новомъ мѣстѣ. Впрочемъ, значеніе и вліяніе его и другихъ духовныхъ лицъ были такъ велики, что по смерти Эдреда (955), онъ и Одонъ, архіепископъ Кентерберійскій, не имѣя на то никакого права, но пользуясь своимъ духовнымъ саномъ, захватили въ свои руки опеку надъ молодымъ королемъ Эдви, сыномъ Эдмунда. Дунстанъ съ самаго начала подготовилъ свое паденіе неумолимою строгостью и рѣзкостью, съ какою онъ позволялъ себѣ оскорблять легкомысленнаго короля. Чтобы освободиться отъ этой тягостной опеки, Эдви потребовалъ отъ него отчета въ управленіи за все время царствованія Эдреда. Дунстанъ не былъ обязанъ давать его, да при тогдашней системѣ дѣлопроизводства и не могъ бы исполнить этого удовлетворительно, и потому отказался исполнить требованіе короля. Эдви только и желалъ этого, чтобы имѣть поводъ избавиться отъ опекуна, и ненавистный монахъ былъ изгнанъ изъ государства. Но изъ всего царствованія Эдви можно заключить, что Дунстанъ былъ совершенно не виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Въ царствованіе этого короля государство, волнуемое раздорами партій, испытывало безпрерывныя бѣдствія, которыхъ невозможно приписать исключительно преобладанію монаховъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что Одонъ, другъ Дунстана, игралъ во всемъ этомъ не совсѣмъ почетную роль. Главнымъ виновникомъ зла былъ все-таки самъ Эдви и его безразсудный, чувственный характеръ. Любовница его, Эльгива, своею красотою пріобрѣла такое вліяніе на короля, что въ самый день своей коронаціи онъ, къ великому неудовольствію собравшейся знати и духовенства, вышелъ изъ-за стола и удалился къ ней. Эдви, къ явному соблазну своихъ подданныхъ, не прерывалъ связи съ этой женщиной, оскорбляя этимъ англійскій народъ, который и до сихъ поръ скорѣе будетъ переносить зло отъ государя, котораго онъ уважаетъ какъ человѣка и семьянина, чѣмъ останется безмолвнымъ свидѣтелемъ разврата правителя, хотя бы и имѣющаго нѣкоторыя достоинства. Неудовольствіе возросло наконецъ до такой степени, что Эльгива была вынуждена спасаться бѣгствомъ. Попавшись въ руки своихъ озлобленныхъ враговъ, она испытала страшныя насилія, и впослѣдствіи, пойманная во вторичной попыткѣ вернуться въ Англію, была замучена ими до смерти. Новѣйшіе историки приписываютъ этотъ варварскій поступокъ Дунстану совершенно неосновательно, потому что онъ находился тогда въ изгнаніи и жилъ въ монастырѣ, въ бельгійскомъ городѣ Гентѣ. Вся вина падаетъ на архіепископа Одона, человѣка грубаго и суроваго и датчанина по происхожденію. Родившись въ язычествѣ, онъ долго жилъ между своими воинственными соплеменниками, только въ преклонныхъ лѣтахъ принялъ христіанство и былъ сдѣланъ архіепископомъ, единственно изъ политическихъ видовъ. Король Эдви былъ принужденъ уступить всю страну на сѣверъ отъ Темзы своему тринадцатилѣтнему брату, Эдгару, приближенные котораго немедленно вызвали изъ изгнанія Дунстана. Само собою разумѣется, что между двумя частями государства начались непрерывные раздоры, но къ счастью, чрезъ два года (959), смерть Эдви положила конецъ междоусобіямъ, и Эдгаръ сдѣлался единодержавнымъ королемъ Англіи.

Правителемъ государства былъ назначенъ Дунстанъ, который вскорѣ послѣ того получилъ санъ архіепископа кентерберійскаго и соединенный съ нимъ титулъ примаса королевства. Онъ воспользовался этимъ, чтобы привесть въ исполненіе свой давнишній планъ относительно замѣщенія духовныхъ должностей; но это удалось ему только черезъ десять лѣтъ. Какъ бы то ни было, Дунстану нельзя отказать ни въ нравственной энергіи и умѣ, ни въ искренней набожности, и хотя онъ слишкомъ настойчиво навязывалъ націи свои убѣжденія, но за то въ другихъ отношеніяхъ постоянно заботился о ея благѣ. По единогласному свидѣтельству историковъ, онъ успѣшно охранялъ Англію отъ нападеній пиратовъ и привелъ торговлю въ такое цвѣтущее состояніе, что, какъ увѣряютъ, она уже въ то время стала оказывать явное вліяніе на нравственное состояніе народа; преобладаніе коммерческаго духа, быстрое возрастаніе благосостоянія и частыя сношенія съ

чужими краями замѣтно смягчили нравы и расширили понятія англосаксовъ. Овцеводство, главный предметъ промышленности Англіи, также получило при Дунстанѣ большое развитіе, хотя и нельзя вѣрить разсказамъ, что вмѣсто денежной дани онъ наложилъ на уэльсскихъ бриттовъ ежегодную подать въ триста волчьихъ головъ и этимъ способствовалъ истребленію этихъ животныхъ въ Англіи. Однако Дунстанъ никогда не упускалъ изъ виду своей главной цѣли и причинилъ много вреда, приведя ее въ исполненіе. Взиманіе церковной десятины и динарія св. Петра и празднованіе воскресенья были обращены имъ въ строжайшій законъ, а потомъ, послѣ долгихъ усилій, ему удалось утвердить и нераздѣльное господство монашествующаго духовенства. Искусно пользуясь для своихъ цѣлей слабостями пылкаго и необузданнаго Эдгара, Дунстанъ готовъ былъ глядѣть сквозь пальцы на его развратную жизнь, если она не подавала повода къ явному соблазну. Но когда однажды Эдгаръ похитилъ одну монахиню, или, можетъ быть, просто дѣвушку, скрывшуюся въ монастырѣ отъ его преслѣдованій, Дунстанъ наложилъ на него тяжелое покаяніе, запретилъ въ теченіе семи лѣтъ надѣвать корону и принудилъ помочь себѣ въ осуществленіи своего любимаго плана. Съ 969 г. духовныя должности стали замѣщаться монахами, а гдѣ этого нельзя было сдѣлать, Дунстанъ заставлялъ бѣлое духовенство отказываться отъ вступленія въ бракъ. Въ то же время Дунстанъ всѣми мѣрами старался сдѣлать духовенство независимымъ отъ свѣтской власти и этимъ совершенно отдалъ и церковь, и государство въ руки ирловъ и теновъ, которымъ однимъ предоставлялся тогда свободный выборъ занятій для своихъ дѣтей. То и другое имѣло вредныя послѣдствія. Кромѣ того, по смерти Эдгара (975), Дунстанъ совершенно произвольно распорядился короной и безсознательно подготовилъ гибель своей родины. Вторая жена Эдгара, Эльфрида, единственная, признававшаяся законною, своимъ властолюбіемъ возбудила подозрѣнія Дунстана, который вслѣдствіе того устранилъ отъ престола обоихъ ея сыновей и содѣйствовалъ избранію въ короли Эдуарда Святаго, сына Эдгара отъ перваго брака.

Но Эльфрида, имѣвшая сильную партію, сохраняла и при Эдуардѣ огромное вліяніе на дѣла и наконецъ заставила Дунстана, все еще управлявшаго государствомъ, согласиться на то, чтобы въ нѣкоторыхъ частяхъ страны у монаховъ были отняты церковные приходы и розданныя имъ передъ тѣмъ должности, и снова возвращены бѣлому духовенству. Несправедливыя мѣры противъ бѣлаго духовенства были бы, можетъ быть, совершенно отмѣнены на сеймѣ въ Вильтширѣ, если бы этому не помѣшало одно случайное происшествіе. Комната, гдѣ происходило засѣданіе, внезапно обрушилась и при этомъ лишились жизни многіе изъ противниковъ Дунстана, который спасся самъ какимъ-то чудомъ. Этотъ случай, неосновательно приписываемый многими историками коварству Дунстана, былъ принятъ народомъ за изъявленіе воли божіей и еще болѣе усилилъ вліяніе Дунстана. Вскорѣ послѣ того, Эдуардъ былъ умерщвленъ (978 г.); былали замѣшана въ этомъ преступленіи Эльфрида, неизвѣстно; но свидѣтельства всѣхъ современниковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это было дѣломъ какой-нибудь партіи. На окровавленный престолъ вступилъ десятилѣтній сынъ Эльфриды, Этельредъ II, рѣшительно неспособный носить корону. Видя неспособность малолѣтняго короля и зная средство, доставившее ему корону, старый, опытный Дунстанъ, удалившійся отъ дѣлъ и скончавшійся въ 988 г., весьма основательно могъ предсказывать государству страшныя бѣдствія. При Этельредѣ, на англійскіе берега возобновили свои набѣги скандинавскіе пираты, предводимые уже не простыми искателями счастья, а могущественными королями, избравшими этотъ островъ цѣлью своихъ глубоко обдуманныхъ предпріятій. Наконецъ, датскому королю Свенону Счастливому, наслѣдовавшему въ 986 г. своему отцу, Гаральду Синему Зубу, удалось покорить Англію.

3. Исторія скандинавовъ и англосаксовъ отъ Свенона Счастливаго до Вильгельма Завоевателя.

Вступленіе на престолъ Свенона находится въ тѣсной связи съ основаніемъ замѣчательной республики морскихъ разбойниковъ, Іомсбурга или Виннеты, о которой мы должны сказать нѣсколько подробнѣе. Неизвѣстно, что именно заставило датскаго вождя Пальнатоке основать это независимое государство, но одно скандинавское преданіе приписываетъ это враждѣ, вспыхнувшей между Пальнатоке и Гаральдомъ Синимъ Зубомъ, присоединяя къ этому анекдотъ о стрѣльбѣ изъ лука, разсказываемый и про другихъ скандинавскихъ героевъ и, вѣроятно, послужившій тэмою для легенды о швейцарцѣ Вильгельмѣ Теллѣ. Пальнатоке, говоритъ сага, хвалился однажды передъ Гаральдомъ, что онъ лучшій стрѣлокъ на свѣтѣ. Гаральдъ подъ страхомъ смерти приказалъ ему выстрѣлить въ яблоко, положенное на голову его роднаго сына. Пальнатоке повиновался, но вмѣсто одной стрѣлы взялъ изъ колчана двѣ и на вопросъ удивленнаго короля отвѣтилъ, такъ же какъ и Вильгельмъ Телль ландфохту Геслеру, что въ случаѣ, если бы онъ промахнулся и попалъ въ сына, то другою стрѣлою убилъ бы его самого. Каковы бы ни были причины, заставившія смѣлаго Пальнатоке удалиться изъ Даніи, но во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что онъ, съ нѣсколькими другими смѣльчаками, основалъ при устьѣ Одера разбойническое государство Іомсбургъ и далъ ему весьма оригинальныя учрежденія, поддерживаемыя строгими законами. Морскіе разбои были единственнымъ занятіемъ жителей Іомсбурга, а захваченная добыча становилась всеобщимъ достояніемъ; всѣ пираты Балтійскаго моря находили у нихъ радушный пріемъ, если только могли доказать свою храбрость. Женщины вовсе не допускались въ Іомсбургъ. Это разбойничье государство сдѣлалось страшнымъ для всѣхъ нѣмецкихъ поселеній на берегахъ Балтійскаго моря, хотя вскорѣ послѣ основанія Іомсбурга толпа шведовъ подъ предводительствомъ Стирбіёрна Сильнаго, сына шведскаго короля Олафа, овладѣвъ Іомсбургомъ на короткое время, вытѣснила оттуда Пальнатоке съ его товарищами. Гаральдъ Синій Зубъ, побѣжденный въ войнѣ съ своимъ сыномъ Свеноном, прибѣгнулъ подъ защиту Стирбіёрна, но вскорѣ былъ убитъ Пальнатоке, вступившемъ въ союзъ съ Свеноном. Вслѣдъ за тѣмъ Стирбіёрнъ началъ войну со своимъ дядею, Эрихомъ Побѣдоноснымъ, королемъ Швеціи, но былъ разбитъ въ одной кровопролитной битвѣ и лишился жизни вмѣстѣ съ своими спутниками.

Свенонъ Счастливый, вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, поссорился съ іомсбургцами, дважды попадалъ къ нимъ въ плѣнъ и получалъ свободу только за огромный выкупъ, но потомъ примирился съ ними. На роскошномъ пиру, устроенномъ имъ по случаю заключенія мира въ своей столицѣ Роскильдѣ, онъ хвастался, что свергнетъ съ престола англосакскаго короля Этельреда; а Сигуальдъ, тогдашній предводитель іомсбургцевъ, объявилъ, что сдѣлаетъ тоже самое съ норвежскимъ королемъ, Гаконом Богатымъ. Іомсбургцы немедленно снарядили флотъ изъ шестидесяти кораблей и отправились въ Норвегію; но Гаконъ нанесъ имъ такое пораженіе, что только половина ихъ успѣла спастись бѣгствомъ. Немедленному же исполненію обѣщанія Свенона помѣшалъ шведскій король Эрихъ Побѣдоносный, который съ превосходными силами напалъ (987) на Данію, разбилъ Свенона въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, прогналъ его изъ государства и покорилъ всю Данію, которою и владѣлъ, какъ кажется, до самой смерти (около 1000 года). Изгнанный изъ своего королевства, Свенонъ началъ заниматься разбоями въ Нѣмецкомъ морѣ и вступилъ въ союзъ съ другимъ предводителемъ пиратовъ, Олафомъ Триггвасономъ, правнукомъ Гаральда Гаарфагра Норвежскаго, и вмѣстѣ съ нимъ опустошилъ берега Англіи. Жалкій Этельредъ, неспособный ни предводительствовать войскомъ, ни управлять государствомъ, будучи не въ силахъ защитить свои владѣнія отъ набѣговъ пиратовъ, рѣшился наконецъ откупаться отъ нихъ деньгами и назначилъ на это употребленіе всю подать, которая прежде, подъ названіемъ данегельд

(датскихъ денегъ), собиралась для платы защитникамъ государства. Несмѣтныя богатства, пріобрѣтенныя Свеномъ, доставили ему между датчанами прозвище Счастливаго. Богатство дало ему возможность собрать многочисленное войско и снова овладѣть своими наслѣдственными владѣніями. По смерти Эриха, Свенонъ вернулся въ Данію и женился на вдовѣ шведскаго короля, молодой сынъ и преемникъ котораго, Олафъ Шоскнигъ (Скетконунгъ), призналъ его королемъ Даніи. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Олафъ Тригвасонъ также овладѣлъ верховною властью въ своемъ отечествѣ. Гаконъ Богатый, заслужившій ненависть подданныхъ своимъ сладострастіемъ, своеволіемъ и насиліями, едва держался на престолѣ, тѣмъ болѣе что норвежцы, уважавшіе знатность рода, съ самаго начала неохотно признавали его королемъ, какъ человѣка, не принадлежавшаго къ старинной, королевской фамиліи. Въ то же самое время, въ странѣ воспѣвали и прославляли Олафа Тригвасона, потомка Гаральда Гаарфагра, походы котораго заносили его не только на британскіе острова и въ Исландію, но и въ Россію и Грецію. Гаконъ встревожился и послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ въ Ирландію, гдѣ находился тогда Олафъ. Но посланный передался Олафу и сталъ подстрекать его предъявить свои права на Норвегію. Въ 996 году Олафъ неожиданно высадился въ Норвегію, и Гаконъ былъ убитъ своими подданными.

Олафъ Тригвасонъ, крестившійся во время своихъ походовъ, сдѣлавшись королемъ, распространилъ новую религію по всей Норвегіи, но при этомъ дѣйствовалъ такъ насильственно, что возбудилъ всеобщее неудовольствіе, и своимъ способомъ распространенія христіанства только оттолкнулъ всѣхъ отъ новаго ученія. Кромѣ того онъ оскорбилъ вдову шведскаго короля Эриха, въ то самое время когда искалъ ея руки, и за то она, выйдя замужъ за Свенона, подстрекнула его начать войну съ Норвегіею. Двое бѣжавшихъ сыновей низвергнутаго Гакона съ своей стороны также употребляли всѣ усилія, чтобы склонить Свенона и Олафа Шоскнига объявить войну Олафу Тригвасону. Оба короля заключили наконецъ союзъ противъ своего сосѣда, которому грозила тѣмъ большая опасность, что онъ былъ женатъ на женѣ вендскаго князя Бурислейфа рюгенскаго, сестрѣ Свенона, убѣжавшей отъ своего мужа, который, вслѣдствіе того, присталъ къ его врагамъ. Соединенный флотъ ихъ неожиданно напалъ на Олафа, который, не смотря на храбрость своихъ норвежцевъ, потерпѣлъ полное пораженіе и, видя, что все потеряно, бросился въ море (1000). Преданіе говоритъ, что онъ не погибъ, а достигнувъ вплавь острова Рюгена, переодѣтый, отправился оттуда, чѣрезъ Римъ и Іерусалимъ, въ Египетъ, гдѣ сдѣлался настоятелемъ монастыря и прожилъ еще болѣе сорока лѣтъ. Свенонъ и Олафъ Шоскнигъ раздѣлили между собою его государство, отдавъ почти всю страну въ ленное владѣніе двумъ сыновьямъ Гакона Богатаго.

Послѣ пораженія Олафа слабый англійскій король Этельредъ, уступая внушеніямъ своихъ приближенныхъ, вздумалъ перерѣзать всѣхъ датчанъ, жившихъ въ Англіи, и этимъ навлекъ на свое королевство месть ихъ соотечественниковъ, которая была тѣмъ опаснѣе для страны, чѣмъ тѣснѣе были въ эту пору сношенія ея съ Скандинавіею. Опасность, грозившая Англіи, увеличивалась еще тѣмъ, что значеніе Свенона сильно возросло со времени покоренія имъ Норвегіи, а англосаксы уже успѣли глубоко пасть въ нравственномъ отношеніи. Система управленія измѣнилась къ худшему; между знатью господствовали раздоры и измѣна, а масса народа пала въ нравственномъ отношеніи такъ глубоко, что большинство шло на войну только по принужденію и со страхомъ. До какой степени упрочились и развились сношенія между этими странами, можно видѣть изъ того, что въ Скандинавіи всѣ занимавшіеся выдѣлкою металловъ были англичане, ленная система была учреждена по англійскому образцу и въ законодательство вошло много англосаксскаго, а когда, черезъ двадцать лѣтъ, король Олафъ Святой задумалъ распространять въ Норвегіи христіанство, то, не прибѣгая къ помощи Рима, осуществилъ свой планъ чрезъ посредство англійскихъ и германскихъ миссіонеровъ. Съ другой стороны, и въ Англіи вся королевская стража состояла изъ датчанъ, и всѣ должности, требовавшія военнаго навыка, были занимаемы ими же. Они глядѣли на англосаксовъ какъ на низшій классъ людей, составляя, относительно ихъ, родъ дворянства, при каждомъ набѣгѣ своихъ

соотечественниковъ служили имъ путеводителями и помощниками и оказывали имъ радушный пріемъ. Поэтому Этельредъ поступилъ и безразсудно и жестоко, приказавъ перерѣзать въ одинъ день всѣхъ датчанъ, поселившихся между англосаксами, назначивъ для этого 13 ноября 1002 г. Можетъ быть, ему придалъ смѣлости бракъ его съ Эммою, сестрою могущественнаго нормандскаго герцога Ричарда II, союзъ, хотя и дававшій надежду на сильную помощь, но въ тоже время угрожавшій Англіи новою зависимостью отъ чужеземной власти. Можетъ быть, Этельреда склонилъ къ этому безумному рѣшенію всеобщій голосъ его народа, страдавшаго отъ своеволія и буйства датчанъ. Какъ бы то ни было, но въ назначенный день англосаксы, по приказанію своего государя, бросились на всѣхъ жившихъ среди нихъ датчанъ, точно такъ же какъ впослѣдствіи дѣлалось это во многихъ странахъ съ ненавистными евреями. Нѣсколько тысячъ датчанъ лишились жизни въ этой всеобщей рѣзнѣ; долго страдавшій народъ, утративъ мужество, необходимое въ открытомъ бою, былъ тѣмъ ужаснѣе въ своей мести. Даже жены и дѣти ненавистныхъ мучителей были умерщвляемы самымъ возмутительнымъ образомъ. Эта рѣзня была тѣмъ безразсуднѣе, что братья убитыхъ, поселенные въ восточной Англіи, Нортомберлендѣ, Ирландіи и на британскихъ островахъ, остались цѣлы и невредимы и были на столько сильны, что могли-бы справиться съ англосаксами безъ посторонней помощи. Кромѣ того, для датскаго короля Свенона, послѣ его успѣховъ въ Норвегіи, ничто не могло быть болѣе кстати, какъ этотъ случай напасть на Англію извнѣ, пользуясь содѣйствіемъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, жившихъ внутри страны. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ являться на островъ не менѣе одного раза въ каждые два года, высаживался въ разныхъ мѣстностяхъ и опустошалъ одинъ край за другимъ. Въ началѣ онъ не думалъ ни о непримиримой мести, ни о покореніи всего острова, какъ это видно изъ того, что въ 1007 г. онъ позволилъ англосаксамъ откупиться отъ опустошенія за громадную сумму денегъ. Впрочемъ, на поступокъ Свенона нельзя смотрѣть какъ на пренебреженіе къ памяти убитыхъ братьевъ, потому что хотя кровавая месть и считалась у сѣверныхъ народовъ священною обязанностью, но въ то же время у нихъ существовалъ благодѣтельный обычай, позволявшій убійцѣ заглаживать свое преступленіе уплатою родственникамъ убитаго извѣстной суммы денегъ. Во время набѣговъ датчанъ, англосаксы показали себя достойными своей участи; между всѣми ихъ вельможами едва ли нашелся одинъ, не запятнавшій себя измѣною и малодушіемъ; даже зять Этельреда поддерживалъ тайныя сношенія съ врагами. Хотя одинъ изъ датскихъ вождей, Туркиль, братъ Сигуальда іомсбургскаго, поссорившись съ Свеноном, и поступилъ на службу къ Этельреду, но отъ этого положеніе англосаксовъ не улучшилось, потому что Туркиль грабилъ страну точно также, какъ и непріятели. Даже чрезмѣрныя усилія, съ которыми Этельредъ создалъ,въ 1009 г., огромный, еще никогда не виданный въ Англіи, флотъ, не принесли желанныхъ результатовъ, потому что экипажъ кораблей состоялъ изъ тѣхъ же англосаксовъ, утратившихъ всякое чувство чести и патріотизма. Датчане продолжали расширять свои завоеванія въ Англіи и опустошать страну, пока наконецъ Свенонъ не довершилъ, въ 1013 г., покоренія всего острова. Этельредъ бѣжалъ къ своему тестю, въ Нормандію.

Свенонъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого событія (1014), оставивъ двухъ сыновей, Канута Великаго и Гаральда, которыхъ прижилъ съ одною польскою княжною, христіанкою. Овладѣвъ Норвегіею, онъ сталъ оказывать терпимость и покровительство христіанской религіи, которую сыновья его и приняли вскорѣ по его смерти. Канутъ, находившійся во время смерти отца въ Англіи, не могъ удержать при себѣ спѣшившихъ съ добычею на родину ярловъ и герзовъ, которые не были обязаны принудительною службою, и защищать съ немногочисленными остатками войскъ покоренную имъ страну противъ Этельреда, явившагося изъ Нормандіи. Канутъ возвратился въ апрѣлѣ 1014 года въ Данію для раздѣла съ братомъ владѣній отца. Гаральдъ удержалъ за собою Данію, а брату обѣщалъ флотъ и войско для завоеванія отдаленной страны, предназначенной ему отцемъ въ наслѣдство. Канутъ могъ надѣяться на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что Туркиль, съ которымъ онъ тогда примирился, принялъ всѣ мѣры, чтобы облегчить датчанамъ высадку на островъ. Канутъ отправился въ Англію съ шестнадцатитысячнымъ войскомъ (1015); а его флотъ изъ двухъ сотъ военныхъ кораблей,

подобно флоту его отца, снаряженный съ величайшею роскошью, можетъ служить доказательствомъ, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилось въ ту пору мореплаваніе у сѣверныхъ народовъ и какъ любили скандинавы предпринимать морскія экспедиціи. На этотъ разъ датчане встрѣтили въ Англіи сильный отпоръ, не взирая на измѣну одного изъ самыхъ могущественныхъ англосаксскихъ князей, Эдрика, владѣтеля Мерціи. Канутъ только черезъ полгода могъ добраться до Лондона и напасть на Этельреда. Къ счастью англосаксовъ, Этельредъ умеръ именно въ это время (весною 1016 г.), а храбрый сынъ и преемникъ его, Эдмундъ Желѣзный Бокъ, дѣйствовалъ гораздо энергичнѣе и рѣшительнѣе. Къ сожалѣнію, новый король былъ окруженъ предателями и трусами; Эдрикъ также вкрался къ нему въ довѣріе, хотя уже въ войнѣ съ Свеномъ измѣнилъ своему отечеству. Эдмундъ заставилъ датчанъ отступить отъ Лондона, выигравъ у нихъ пять сраженій; но тщетно вызывалъ Канута на рѣшительный поединокъ. Имѣя въ своей власти только нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстностей, и не смотря на новую измѣну Эдрика, храбрый король продолжалъ держаться противъ датчанъ и наконецъ добился того, что Канутъ долженъ былъ раздѣлить съ нимъ государство. Вскорѣ за тѣмъ Эдмундъ палъ отъ руки убійцы (1017 г.), и голосъ народа, не смотря на отсутствіе всякихъ доказательствъ, приписалъ его смерть измѣннику Эдрику и Кануту. Убійство Эдмунда можно объяснить тайнымъ намѣреніемъ отдать его врагу все государство, потому что вскорѣ послѣ того Канутъ женился на королевѣ Эммѣ, вдовѣ Этельреда.

Этотъ бракъ, упрочившій за датскимъ королемъ обладаніе страною и отнявшій у англосаксовъ надежду на помощь Нормандіи, служитъ доказательствомъ, что Канутъ, обладая тонкимъ умомъ и политическимъ тактомъ, не хотѣлъ опираться, подобно Свенону, на одну грубую силу. Это подтверждается также его наружнымъ рвеніемъ къ христіанству, строгимъ запрещеніемъ языческихъ обычаевъ и тѣмъ, что онъ выказывалъ особенное уваженіе къ одному святому, пользовавшемуся глубокимъ уваженіемъ у англосаксовъ, хотя вовсе не былъ легковѣренъ и даже смѣялся надъ иными пустыми обрядами. По смерти Эдмунда, Канутъ раздѣлилъ Англію на четыре большихъ округа и наградилъ ими своихъ важнѣйшихъ приверженцевъ, надѣясь впослѣдствіи найти случай снова отнять у нихъ ихъ участки. Удержавъ для себя одну часть страны, онъ роздалъ остальныя въ ленное владѣніе измѣннику Эдрику, датчанину Туркилю и своему зятю, Эриху, имѣвшему уже владѣнія въ Норвегіи и оказавшему ему сильное содѣйствіе при покореніи Англіи. Перваго изъ своихъ вассаловъ Канутъ предалъ казни въ томъ же году. Эрихъ умеръ естественною смертью, а Туркиль черезъ четыре года былъ убитъ однимъ поселяниномъ. Канутъ съ самаго начала постарался отвратить отъ себя опасность, грозившую ему со стороны потомковъ англосаксскаго королевскаго дома, велѣвъ убить брата Эдмунда и отправивъ двухъ сыновей покойнаго короля къ своему сводному брату, королю Швеціи, который послалъ ихъ къ венгерскому двору, гдѣ одинъ изъ нихъ вскорѣ и умеръ. Только двое сводныхъ братьевъ Эдмунда, сыновья Этельреда и Эммы, Альфредъ и Эдуардъ, оставаясь въ Нормандіи, были въ безопасности отъ Канута.

Въ 1018 г., по смерти своего брата Гаральда, Канутъ, пріобрѣлъ и Данію, гдѣ тотчасъ же началъ вводить религію, нравы и законы Англіи, значительно облегчавшіе управленіе государствомъ; но въ особенности старался онъ слить совершенно эти націи, чему много способствовало сходство языковъ. Онъ энергически распространялъ въ Даніи христіанство, въ началѣ изъ политическихъ видовъ, а подъ старость изъ набожности; но религіозное рвеніе не помѣшало ему воевать въ Норвегіи съ величайшимъ поборникомъ христіанства, потомкомъ Гаральда Гаарфагра, Олафомъ Святымъ, по смерти Эриха завладѣвшимъ не только его наслѣдіемъ, но и шведскими и датскими владѣніями въ Норвегіи. Олафъ, окрещенный еще въ дѣтствѣ и сражавшійся въ Англіи за Этельреда, послѣ покоренія Канутомъ этого острова, далъ у себя убѣжище всѣмъ бѣжавшимъ англосаксамъ и съ помощью ихъ окончательно упрочилъ въ Норвегіи христіанство. Но, обращая подданныхъ въ христіанство, Олафъ своими жестокостями возбудилъ ихъ неудовольствіе и этимъ облегчилъ осуществленіе замысловъ своего врага. Съ шведскимъ королемъ, Олафомъ Шоскёнигомъ, который былъ радъ всякому случаю ослабить могущество Канута, Олафъ норвежскій помирился очень скоро, и чтобы

упрочить за собою его помощь, женился на шведской принцессѣ. Но самымъ опаснымъ противникомъ Олафа былъ Канутъ, противъ котораго онъ могъ держаться только до тѣхъ поръ пока ему нечего было бояться внутреннихъ враговъ, хотя соединенные флоты Норвегіи и Швеціи и были сильнѣе датскаго. Богатство Канута одержало верхъ; шведы покинули норвежцевъ, и Канутъ, высадившійся въ Норвегію, былъ радостно встрѣченъ народомъ. Олафъ, покинутый своими подданными, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ (1028 г.), но въ слѣдующемъ же году вернулся въ Норвегію и былъ убитъ тамъ въ одномъ сраженіи (1030 г.). Сначала Канутъ управлялъ покоренною страною черезъ намѣстника, а потомъ поручилъ управленіе ею сыну, Свенону Младшему.

Изъ трехъ государствъ, доставшихся Кануту, счастливѣе всего была подъ его управленіемъ Англія, учрежденія, законы и нравы которой онъ вводилъ и въ другихъ странахъ. Значительно расширивъ предѣлы этого государства подчиненіемъ шотландскихъ и комберлендскихъ владѣтелей, Дункана, Малькольма и Макбета, Канутъ обогатилъ его сокровищами другихъ своихъ владѣній. При немъ Англія не страдала отъ угнетеній своевольныхъ завоевателей, потому что Канутъ изъ политическихъ видовъ ограничивалъ ихъ произволъ. Англосаксы снова окрѣпли духомъ въ походахъ, которые они должны были предпринимать вмѣстѣ съ датчанами и вслѣдствіе частыхъ браковъ и сношеній съ этимъ сильнымъ и энергическимъ народомъ. Какъ нація, только что вступившая на путь образованности, датчане по закону природы должны были слиться съ болѣе образованною націею. Такое сближеніе имѣло благотворное дѣйствіе и на англосаксовъ. Все это достаточно подтверждается фактами; такъ, напримѣръ, Канутъ возстановилъ въ полной силѣ старинные англійскіе законы, а войско, учрежденное имъ для охраненія страны, было устроено по образцу датской стражи англосаксскихъ королей. Это войско, состоявшее въ Англіи изъ трехъ, а въ Даніи изъ шести тысячъ человѣкъ, набиралось преимущественно изъ датчанъ и только пополнллось отборными воинами другихъ націй. Канутъ издалъ для него особое уложеніе, подъ названіемъ Витерлагсретъ. Эти воины, или какъ ихъ называли, хускарлы или тингманны (Huskarle — домашніе), при вступленіи на службу, связывались взаимною клятвою и составляли, такимъ образомъ, родъ священнаго легіона; судъ надъ совершаемыми въ средѣ ихъ преступленіями былъ предоставленъ имъ самимъ; самъ Канутъ подчинился ихъ приговору, убивъ однажды одного изъ нихъ, и заплатилъ по скандинавскому обычаю денежную пеню. Управляясь своими особыми законами, войско это составило родъ дворянства, и позволяло себѣ разныя насилія, но, по крайней мѣрѣ, Англія терпѣла отъ нихъ менѣе Даніи. Канутъ имѣлъ еще обыкновеніе объѣзжать всѣ англійскія провинціи, выслушивая жалобы подданныхъ на угнетенія и дѣлая по нимъ удовлетворенія; обычай этотъ былъ очень обременителенъ для народа, потому что часть свиты короля, которая не могла помѣститься въ близъ лежащихъ королевскихъ замкахъ, располагалась постоемъ у жителей городовъ и деревень.

При Канутѣ, Данія не воспользовалась никакими преимуществами передъ Англіею, за исключеніемъ введенія христіанства, которое только такимъ человѣкомъ и могло быть распространено тамъ. Но эти преимущества были весьма незначительны въ сравненіи съ тѣмъ бременемъ, которое лежало на странѣ. Датчане платили кровью за славу своего государя. Почти всѣ законы, изданные Канутомъ, имѣли цѣлью увеличеніе военныхъ силъ и утвержденіе королевской власти. На самого Канута христіанство, не смотря на его набожность въ старости, не имѣло никакого благотворнаго вліянія, по крайней мѣрѣ оно не искоренило въ немъ двухъ главныхъ его недостатковъ: страсти къ завоеваніямъ и чувственности. Возвратясь въ 1026 или 1027 г. съ богомолья въ Римъ, къ мощамъ апостоловъ Петра и Павла, онъ тотчасъ же возобновилъ свои нападенія на Олафа Норвежскаго, мѣшая, такимъ образомъ, религіознымъ стремленіямъ этого государя; явно предоставилъ своей любовницѣ, Альфгивѣ, права законной жены, которая была еще жива, и позволялъ ей подписывать свое имя на королевскихъ указахъ подлѣ его имени; но за то онъ уважалъ внѣшніе обряды христіанской церкви, до тѣхъ поръ пока они не мѣшали его личнымъ и политическимъ интересамъ, и доказалъ это во время своего путешествія въ Римъ. Во всѣхъ странахъ, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, самымъ блистательнымъ образомъ выказывалъ свою щедрость, щедро

одарилъ церковь и папу и снова возвратилъ ему постоянные доходы, получавшіеся имъ прежде съ Англіи и, вѣроятно, прекратившіеся въ послѣднее время; но за то заставилъ уменьшить уже и въ то время слишкомъ высокую плату за утвержденіе въ епископскомъ санѣ. Во время своего пребыванія въ Римѣ, Канутъ присутствовалъ на коронаціи римскаго императора Конрада II, на которой находился и послѣдній король Верхней Бургундіи, Рудольфъ III. Канутъ потребовалъ отъ обоихъ государей уменьшенія пошлинъ и различныхъ сборовъ, взимавшихся съ англійскихъ богомольцевъ, которые отправлялись въ Италію, и особенно обременительныхъ въ альпійскихъ проходахъ. Во всѣхъ этихъ переговорахъ, Канутъ имѣлъ въ виду одну Англію, на которую смотрѣлъ, какъ на свое родовое государство, и гдѣ обыкновенно жилъ со времени покоренія Норвегіи.

Канутъ умеръ въ 1035 г. и съ его смертью основанное имъ государство распалось. Причиною этому былъ онъ самъ, а отчасти и самый ходъ событій. Онъ оставилъ послѣ себя отъ брака своего съ Эммою законнаго сына, Гардиканута, и двухъ побочныхъ сыновей отъ Альфгивы, уже извѣстнаго намъ Свенона Младшаго и Гаральда, прозваннаго, за быструю походку, Заячьею Лапою. Въ Даніи Гардиканутъ безпрепятственно наслѣдовалъ своему отцу; но въ Англіи, право на престолъ оспаривалъ у него Гаральдъ Заячья Лапа. Свенонъ, съ 1028 г. царствовавшій въ Норвегіи, былъ изгнанъ оттуда еще при жизни, или вскорѣ по смерти своего отца, сыномъ Олафа Святаго, Магнусомъ. Магнусъ, названный такъ въ честь Карла Великаго, вторгнулся изъ Швеціи въ Норвегію, и норвежцы тотчасъ же признали его своимъ законнымъ государемъ (1035 г.). Легкость низверженія Свенона объясняется тѣмъ, что Канутъ издалъ для Норвегіи весьма строгіе законы, постановивъ между прочимъ, что свидѣтельство одного датчанина должно имѣть болѣе вѣса, чѣмъ свидѣтельство десяти норвежцевъ. Изгнанный Свенонъ удалился въ Данію, и тамъ вскорѣ умеръ (1036 г.). Братъ его, Гардиканутъ, предъявилъ права своего дома на Норвегію и сталъ готовится къ походу на Магнуса, но отношенія его къ брату, Гаральду Заячьей Лапѣ, принудили его покончить это дѣло миролюбиво и заключить съ Магнусомъ договоръ (1039 г.), по которому оба государя признали обоюдныя права на престолъ и назначили другъ друга своими наслѣдниками.

На Англію Гардиканутъ, какъ сынъ Эммы, имѣлъ гораздо больше правъ на престолъ, чѣмъ Гаральдъ Заячья Лапа, и сначала именемъ его управляла его мать, но ни англосакская, ни датская аристократія страны не хотѣла признавать его правъ. Одни желали видѣть на тронѣ одного изъ сыновей Этельреда, жившихъ въ Нормандіи, а другіе Гаральда Заячью Лапу, такъ какъ мать его была дочерью одного поселившагося въ Англіи датскаго графа. Нѣкоторое время Гардиканутъ, занятый приготовленіями къ войнѣ съ Магнусомъ, не могъ отстаивать своихъ правъ на англійскую корону, и потому Гаральдъ Заячья Лапа, пользуясь этимъ, получилъ надъ нимъ перевѣсъ и былъ почти единодушно провозглашенъ королемъ въ сѣверныхъ провинціяхъ. Королева Эмма дѣйствовала при этомъ весьма сомнительно, вступивъ въ переговоры съ Гаральдомъ, хотя на югѣ продолжали признавать королемъ Гардиканута; а архіепископъ Этельнотъ, англосаксъ по происхожденію, отказался короновать Гаральда, объявивъ, что признаетъ законными наслѣдниками Канута только сыновей Эммы. Во время переговоровъ съ Гаральдомъ, Эмма вызвала изъ Нормандіи своихъ сыновей отъ перваго брака; одинъ изъ нихъ, Альфредъ, вскорѣ по прибытіи въ Англію, погибъ отъ руки Гаральда, и, какъ говорятъ, съ вѣдома Эммы, а другой, Эдуардъ, не довѣряя своей матери, снова бѣжалъ въ Нормандію. Если даже этотъ упрекъ неоснователенъ, то все же Эмма возбуждаетъ противъ себя сильныя подозрѣнія, тѣмъ болѣе, что вскорѣ потомъ, вынужденная Гаральдомъ бѣжать изъ Англіи, она удалилась не въ Нормандію, а во Фландрію, гдѣ впослѣдствіи къ ней присоединился и сынъ ея, Гардиканутъ. Такимъ образомъ Гаральдъ сталъ повелителемъ всей Англіи. По заключеніи мира съ Магнусомъ, Гардиканутъ выступилъ въ походъ противъ брата, но, не успѣвъ еще высадиться въ Англію, получилъ извѣстіе о внезапной смерти Гаральда (1039 г.). Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, онъ овладѣлъ Англіею и излилъ свою месть на трупѣ брата, приказавъ вырыть его изъ могилы, отрубить ему голову и бросить ее въ Темзу. Не довольствуясь этимъ, узнавъ, что ее отыскали и похоронили, онъ приказалъ повторить это позорное дѣло.

Гардиканутъ, отличавшійся только распутствомъ и корыстолюбіемъ, отъ котораго терпѣли его подданные, умеръ отъ пьянства въ 1042 г., не оставивъ наслѣдниковъ, и на англійскій престолъ вступилъ сводный братъ его, Эдуардъ III, прозванный за свою монашескую жизнь Исповѣдникомъ. Данію, по заключенному съ Гардиканутомъ договору о престолонаслѣдіи, завладѣлъ Магнусъ Норвежскій, который задумалъ даже подвести подъ условія этого договора и Англію, и отправить туда флотъ; но смерть похитила его въ самомъ началѣ войны, а преемнику его нельзя было и думать о ея продолженіи. Во всѣхъ отношеніяхъ неспособный управлять государствомъ, Эдуаръ Исповѣдникъ всю жизнь оставался въ зависимости отъ окружавшихъ. Прежде всего его именемъ управлялъ могущественный датскій графъ Годвинъ, котораго считали предателемъ и убійцею брата короля, Альфреда. Онъ навязалъ Эдуарду свою дочь и съ тѣхъ поръ неограниченно властвовалъ надъ королемъ, раздавая всѣ высшія военныя должности и самыя значительныя графства своимъ честолюбивымъ и корыстолюбивымъ родственникамъ. Впрочемъ дѣла могли бы еще идти сносно, еслибы Эдуардъ повиновался во всемъ одному Годвину; но, по обыкновенію всѣхъ слабыхъ людей, онъ слушался и своихъ англосаксскихъ соотечественниковъ, ненавидѣвшихъ датчанина Годвина, и многихъ норманновъ, пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Франціи. Между ними особенное вліяніе на него имѣли бывшіе учителя его, Робертъ и Вильгельмъ, изъ которыхъ одного онъ сдѣлалъ епископомъ Кентербёри, а другаго,—епископомъ лондонскимъ. Нѣкоторое время власть оставалась еще въ рукахъ Годвина и его сыновей, пока наконецъ слабый король, по наущенію нѣсколькихъ знатныхъ лицъ, не воспользовался удобнымъ случаемъ освободиться отъ слишкомъ сильнаго временщика. Годвинъ вмѣстѣ съ сыновьями былъ изгнанъ изъ Англіи, а королева, его дочь, была заключена въ монастырь (1052 г.). Изгнанники, собравъ въ Ирландіи и Фландріи толпы разбойниковъ, стали тревожить Англію до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ вельможъ, недовольные расположеніемъ короля къ норманнамъ, заставили его сначала удалить этихъ пришельцевъ, а потомъ возвратить въ отечество изгнанную фамилію. Годвинъ, снова достигшій прежняго могущества, вскорѣ умеръ (1053 г.); но мѣсто его занялъ сынъ его, Гаральдъ, и почти вся страна, вмѣстѣ съ особою короля, очутилась во власти одной фамиліи. Гаральдъ питалъ надежду наслѣдовать бездѣтному королю, хотя тотъ и вызвалъ изъ Венгріи своего племянника, посланнаго туда еще при Канутѣ, единственнаго потомка англосаксскихъ королей. Надежды Гаральда еще усилились, когда этотъ принцъ умеръ вскорѣ по прибытіи въ Англію; оставивъ послѣ себя и совершеннолѣтняго сына, Эдгара Этелинга, слишкомъ юнаго, чтобы наслѣдовать Эдуарду. Поэтому едва умеръ Эдуардъ (1066 г.), какъ Гаральдъ, собравъ вельможъ королевства, заставилъ ихъ провозгласить себя королемъ. Онъ былъ достоинъ этого титула, но счастье ему не благопріятствовало, и онъ потерялъ корону вмѣстѣ съ жизнью въ войнѣ съ герцогомъ нормандскимъ Вильгельмомъ II.

4. Исторія норманновъ во Франціи до завоеванія ими Англіи.

Мы уже сказали выше (стр. 370), что завоеваніе Норвегіи Гаральдомъ Гаарфагромъ послужило поводомъ къ основанію многихъ норманнскихъ колоній, и что въ числѣ бѣжавшихъ отъ Гаральда вождей находился Рольфъ или Роллонъ. Высадившись въ 876 г. на сѣверный берегъ Франціи, Рольфъ сталъ предпринимать опустошительные набѣги во всѣ стороны. Страшныя бѣдствія, которымъ подвергалась отъ него Франція, не прекратились и послѣ побѣды, одержанной надъ нимъ франками; напротивъ, изъ мести, норманны стали неистовствовать еще болѣе. Эти бѣдствія, а можетъ быть и надежда найти въ Рольфѣ помощь противъ другихъ норманнскихъ пиратовъ и нѣкоторыхъ слишкомъ могущественныхъ вельможъ, заставили французскаго короля, Карла Простаго, изъ дома Каролинговъ, вступить въ переговоры съ норманнскимъ предводителемъ, и въ 911 г. заключить съ Рольфомъ договоръ, по которому послѣдній получилъ въ супружество дочь Карла, Гизелу, и въ приданое за нею всю страну между

Бретанью и рѣкою Эрою. Рольфъ же обязался принять христіанство и признать себя вассаломъ французской короны. Такимъ образомъ возникло герцогство Нормандія. Владѣтели его менѣе всѣхъ другихъ вассаловъ признавали себя подданными французскаго короля, оказывая ему только внѣшніе знаки уваженія, состоявшіе въ церемоніяхъ, смысла которыхъ вначалѣ они даже не понимали. Рольфъ, названный при крещеніи Робертомъ, обратилъ свое новое пріобрѣтеніе въ настоящую колонію норманновъ, раздѣливъ страну между соотечественниками и подчинивъ имъ, какъ вассаловъ, немногихъ уцѣлѣвшихъ жителей края, старался оживить земледѣліе, возстановить разрушенные города и защитить ихъ отъ нападеній другихъ норманнскихъ пиратовъ. Изданіемъ мудрыхъ законовъ и постановленій онъ до такой степени обезпечилъ порядокъ и спокойствіе страны, что о немъ, какъ и объ Альфредѣ Великомъ (стр. 380), разсказывали впослѣдствіи, что однажды, повѣсивъ въ лѣсу золотые браслеты, онъ черезъ три года нашелъ ихъ нетронутыми. Но за то сосѣдняя Бретань, ничѣмъ не защищенная со стороны материка, страдала отъ набѣговъ жителей новаго герцогства, и наконецъ была покорена норманнами.

Роберту, умершему въ 931 г., наслѣдовалъ сынъ его, Вильгельмъ I, получившій прозваніе Длиннаго Меча, по средневѣковому обычаю давать особыя прозвища всѣмъ историческимъ лицамъ. Вильгельмъ I былъ одною изъ благороднѣйшихъ личностей этого дѣйствительно желѣзнаго вѣка и прославился своимъ великодушіемъ и мужествомъ, оставаясь постоянно вѣренъ своему королю, Людовику IV, сыну Карла Простаго, и принимая всѣхъ угнетенныхъ подъ свою защиту, до тѣхъ поръ пока самъ не сдѣлался жертвою своего великодушія. Графъ Арнульфъ Фландрскій отнялъ у графа Герлюина замокъ Монтрёль; Вильгельмъ вступился за него и возвратилъ ему замокъ, но за это былъ предательски убитъ Арнульфомъ (942). Неблагодарный Людовикъ IV, пользуясь несовершеннолѣтіемъ сына Вильгельма, Ричарда I, прозваннаго Длинною Ногою, рѣшился завладѣть герцогствомъ, и подъ предлогомъ необходимости дать лучшее воспитаніе молодому герцогу, велѣлъ привезти его къ своему двору, въ Ланъ. Это раздражило норманновъ; они увезли своего герцога, и потомъ выискали случай не только вырвать изъ рукъ короля многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые находились у него на службѣ и, при случаѣ, могли быть задержаны вмѣсто заложниковъ, но и получить отъ него ручательство въ томъ, что онъ не имѣетъ никакихъ намѣреній противъ Нормандіи. Для этого они прибѣгнули къ помощи датскаго короля Гаральда Синяго Зуба, который еще при жизни Вильгельма помогъ имъ во время возстанія Бретаніи и получилъ за это отъ норманскаго герцога Котантенъ. При содѣйствіи Гаральда, норманны разставили французскому королю сѣть, въ которую тотъ и попался. Обманувъ Людовика клятвами въ вѣрности и покорности и убѣдивъ его явиться на свиданіе съ Гаральдомъ, они захватили его въ плѣнъ и освободили не прежде, какъ взявъ съ него клятву исполнить всѣ требованія норманновъ относительно молодаго герцога и дать имъ въ заложники своего сына, Карломанна (945 г.). Хотя въ слѣдующемъ же году Людовикъ сдѣлалъ попытку освободиться отъ этихъ стѣснительныхъ условій съ помощью своего зятя, германскаго императора Оттона I, но всѣ усилія его были тщетны. Оттонъ, сначала окружившій норманновъ въ ихъ столицѣ Руанѣ, былъ вынужденъ отступить вслѣдствіе измѣны графа Арнульфа, убійцы Вильгельма I.

Достигнувъ совершеннолѣтія, Ричардъ I сдѣлался непримиримѣйшимъ и могущественнѣйшимъ врагомъ короля Людовика и его преемниковъ, и много способствовалъ возвышенію дома Капетовъ, низвергнувшихъ Каролинговъ съ французскаго престола. Онъ находился въ союзѣ еще съ основателемъ этой династіи, Гуго Великимъ, на дочери котораго, Эммѣ, женился въ 960 г., а потомъ былъ вѣрнѣйшимъ другомъ его сына и преемника, Гуго Капета, вступившаго въ 987 г. на французскій престолъ. Тщетно предпослѣдній каролингскій король Лотарь старался, въ 963 г., съ помощью другихъ своихъ вассаловъ, ослабить могущество Ричарда. Норманнскій герцогъ призвалъ на помощь своего стараго друга Гаральда Синяго Зуба съ воинственными датчанами, и принудилъ враговъ просить мира. Ричардъ, умершій въ 996 г., постоянно поддерживалъ сношенія съ датчанами, и объявивъ своими наслѣдниками сыновей, прижитыхъ имъ съ любовницею, датчанкою Гуморъ, на которой впослѣдствіи женился, обвѣнчалъ

одного изъ нихъ, Вильгельма, на дочери датчанина Туркиля, о которомъ было уже сказано выше.

Сынъ его, Ричардъ II (996—1027), славился великодушіемъ, набожностью и храбростью; но всѣми его поступками руководилъ хитрый разсчетъ, а набожность его подчинялась политикѣ. Такъ, напримѣръ, давъ защиту и убѣжище сестрѣ Эммѣ и мужу ея Этельреду, онъ въ то же время поддерживалъ дружественныя сношенія съ ихъ врагами, датчанами. На епископства онъ, подобно своимъ преемникамъ, смотрѣлъ, какъ на лены, которыми можно было дарить друзей и родственниковъ, не обращая вниманія на ихъ способности. Народъ былъ въ его глазахъ, точно такъ же какъ и въ глазахъ другихъ французскихъ феодаловъ, законною собственностью, непокорность которой онъ укрощалъ силою; но это было въ духѣ того времени, и потому историки Ричарда еще прославляютъ его за это. Феодальное дворянство установило тогда законъ, отнявшій у гражданъ и крестьянъ ихъ старинное право участія въ дѣлахъ управленія и сдѣлавшій ихъ собственностью знати, начавшей съ того времени глядѣть на народъ, какъ на домашнихъ животныхъ. Еслибы мѣсто позволяло намъ передать нѣкоторыя подробности о тогдашнемъ обращеніи съ народомъ, то читатель легко бы убѣдился, что и бароны присвоили себѣ свои права такими же насиліями, съ какими впослѣдствіи вырывали у нихъ крестьяне. Положеніе бароновъ, которые не имѣли силы противостоять болѣе могущественнымъ сосѣдямъ, было тоже не лучше. Герцоги и сильные владѣтели поступали съ ними безъ всякаго уваженія къ праву. При Ричардѣ II эти насилія и произволъ вызвали значительную эмиграцію, вслѣдствіе которой въ Италіи образовалось еще одно норманнское государство, о которомъ впослѣдствіи мы скажемъ подробнѣе; всѣ безпокойные люди были вынуждены Ричардомъ покинуть Нормандію.

По смерти Ричарда II обнаружились пагубныя слѣдствія недостатка опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія. У норманновъ обычай не опредѣлялъ положительно, какіе именно изъ сыновей герцога должны считаться законными и какіе побочными. Впослѣдствіи эта неопредѣленность подавала поводъ къ большимъ безпорядкамъ и войнамъ. Желая упрочить власть за старшимъ сыномъ, Ричардомъ III, Ричардъ II помолвилъ его съ несовершеннолѣтнею дочерью французскаго короля, и кромѣ того, передъ смертью, созвавъ норманнскихъ бароновъ, въ присутствіи ихъ передалъ ему власть. Но едва онъ умеръ, какъ второй его сынъ, Робертъ II, сталъ оспаривать права брата на престолъ. Усмиривъ его оружіемъ, Ричардъ предписалъ ему весьма умѣренныя условія; но вскорѣ онъ умеръ (1028), и не смотря на то, что молва называла Роберта виновникомъ его смерти, онъ былъ избранъ баронами въ герцоги. Робертъ заслужилъ впослѣдствіи прозваніе Дьявола, вѣроятно, за жестокость съ своими вассалами и своевольными французскими феодалами, принудившими короля Генриха I искать защиты у герцога норманнскаго. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Робертъ, въ послѣдніе годы своей жизни, ѣздилъ въ Іерусалимъ. Вѣроятнѣе всего, что онъ совершилъ эту поѣздку по совѣтамъ одного изъ своихъ родственниковъ, Ричарда, аббата верденскаго, который еще при жизни считался святымъ и пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на Роберта. Передъ отъѣздомъ, герцогъ взялъ съ норманнскихъ вельможъ обѣщаніе признать преемникомъ сына его Вильгельма, бывшаго тогда еще ребенкомъ. Это былъ столь знаменитый впослѣдствіи Вильгельмъ II, получившій, за завоеваніе Англіи, прозваніе Завоевателя, а въ Англіи называемый Вильгельмомъ I, какъ основатель новой династіи. Отецъ его умеръ на возвратномъ пути изъ Палестины, когда Вильгельму не было еще и десяти лѣтъ (1035).

Робертъ поручилъ сына покровительству французскаго короля Генриха I, обязаннаго ему престоломъ, полагая, что этимъ упрочитъ лучше всего его судьбу; кромѣ того, назначилъ его опекуномъ ближайшаго своего родственника со стороны матери, Вальтера, и ввѣрилъ его защитѣ самыхъ храбрыхъ изъ придворныхъ, которые впослѣдствіи дѣйствительно почти всѣ пали въ битвахъ за молодаго герцога. Вильгельмъ былъ привезенъ ко двору французскаго короля, гдѣ въ немъ и развилась изумительная врожденная хитрость, которою онъ отличался впослѣдствіи. Въ его несовершеннолѣтіе герцогство подверглось сильнымъ волненіямъ и опасностямъ, и первыя двадцать лѣтъ по смерти Роберта прошли въ заговорахъ непокорныхъ владѣтелей и въ честолюбивыхъ замыслахъ

родственниковъ герцога. Съ своей стороны и король Генрихъ былъ такъ недобросовѣстенъ, что воспользовался затруднительными обстоятельствами Нормандіи; нѣкоторое время онъ распоряжался ею, какъ собственностью французской короны, поддерживалъ непокорныхъ вассаловъ Вильгельма, и когда потомъ обратился противъ нихъ, то заставилъ Нормандію заплатить за свою помощь уступкою нѣсколькихъ крѣпостей. Только неусыпному надзору своего дяди Вальтера Вильгельмъ былъ обязанъ тѣмъ, что, будучи ребенкомъ, избѣжалъ преступныхъ покушеній родственниковъ; опасность бывала иногда такъ велика, что Вальтеръ нерѣдко долженъ былъ скрывать своего питомца въ какой-нибудь бѣдной хижинѣ, пока собирались вѣрные ему вассалы. Трудныя обстоятельства, въ которыхъ вырось Вильгельмъ, и печальное положеніе Нормандіи во время его несовершеннолѣтія внушили молодому герцогу мысль, что спокойствіе можно сохранять только грозными мѣрами, и поэтому, вступивъ въ управленіе герцогствомъ, онъ началъ дѣйствовать по плану, выполнить который можно, подчиняя постоянно свою нравственность политикѣ. Убѣдившись, что родственники его съ отцовской стороны были природными его врагами, а дружба французскаго короля весьма опасна, онъ сталъ угнетать первыхъ, обезпечивъ себя со стороны втораго сильнымъ союзомъ, а въ самомъ герцогствѣ искалъ опоры въ родственникахъ съ стороны матери и своихъ сводныхъ братьяхъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ отдалъ одному изъ нихъ, Одону, упразднившееся епископство Баіё; а другому, Роберту, отдалъ въ ленное владѣніе графства Э и Мортэнъ, изгнавъ изъ нихъ прежнихъ владѣтелей, внуковъ Ричарда I. Потомъ одного за другимъ онъ лишилъ и прочихъ родственниковъ съ отцовской стороны ихъ леновъ и эпархій. Отъ Генриха французскаго Вильгельмъ обезпечилъ себя тѣснымъ союзомъ съ могущественнымъ Балдуиномъ, графомъ фландрскимъ, женившись на его дочери, Матильдѣ, хотя она была въ такомъ близкомъ родствѣ съ нимъ, что, по уставамъ церкви, не могла вступить съ нимъ въ бракъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ (1054 г.) Вильгельмъ началъ открытую войну съ французскимъ королемъ и остался въ ней побѣдителемъ. Онъ построилъ новыя крѣпости, отнялъ у врага отошедшія было къ нему норманнскіе города и удержалъ ихъ за собою при заключеніи мира (1059).

Вильгельмъ, не заботившійся о соблюденіи церковныхъ уставовъ относительно брака, поступалъ также произвольно и во всѣхъ прочихъ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ, а между тѣмъ хвалился, что призванъ обуздать неукротимый духъ норманновъ. Смѣлость, съ какою Вильгельмъ отстаивалъ оспариваемую церковью законность его брака съ Матильдою, доказываетъ, какъ мало значенія придавалъ онъ духовенству и римскому главѣ его, передъ которымъ всѣ трепетали тогда. Вѣрный совѣтникъ Вильгельма и настоятель бекскаго монастыря, Ланфранкъ, прославившійся, впослѣдствіи, какъ философъ и епископъ кентерберійскій, тщетно уговаривалъ его, еще до брака съ Матильдою, не возбуждать гнѣва папы противозаконнымъ союзомъ; но Вильгельмъ обратилъ также мало вниманія на представленія ученаго аббата, какъ и на отлученіе отъ церкви, которымъ поразилъ его папа Николай II. Ланфранкъ отправился послѣ того въ Римъ и убѣдилъ папу, что Вильгельма невозможно смирить, и что отъ отлученія терпятъ только его подданные и духовенство Нормандіи. Николай былъ на столько благоразуменъ, что снялъ отлученіе и призналъ законнымъ бракъ Вильгельма, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ построилъ нѣсколько новыхъ монастырей. Не болѣе пользы принесло, нѣсколько лѣтъ спустя, одному обиженному Вильгельмомъ аббату обращеніе его къ папѣ. Герцогъ объявилъ папскимъ посламъ, присланнымъ вмѣстѣ съ аббатомъ, что хотя онъ и признаетъ въ дѣлахъ вѣры верховную власть ихъ святаго отца, но что если какой-нибудь монахъ осмѣлится волновать его подданныхъ, то онъ прикажетъ вздернуть его на первую осину. Не добившись ничего отъ Вильгельма, послы поспѣшили возвратиться въ Римъ вмѣстѣ съ испуганнымъ аббатомъ.

Всѣ эти поступки Вильгельма можно еще извинять духомъ времени и тогдашними обстоятельствами; но нападеніе его на Англію, въ 1066 г., обнаруживаетъ въ немъ человѣка, не обращавшаго никакого вниманія на право, если только случай и средства позволяли ему содержать толпы смѣлыхъ выходцевъ, привлекаемыхъ къ нему его славою. Такъ какъ англійскій король Эдуардъ Ис-

повѣдникъ былъ бездѣтенъ, а Эдгаръ Этелингъ, послѣдняя отрасль англосакской династіи, былъ слишкомъ молодъ, чтобы наслѣдовать ему, Вильгельмъ, еще задолго до смерти Эдуарда, составилъ тайный планъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ овладѣть Англіею. По общепринятому мнѣнію и по словамъ самого Вильгельма, Эдуардъ, въ благодарность за убѣжище, которое онъ находилъ у отца и дѣда Вильгельма, назначилъ герцога норманнскаго своимъ преемникомъ; но это болѣе чѣмъ невѣроятно, потому что не только Вильгельмъ не предъявлялъ никогда этого документа, но ни у одного изъ сѣверныхъ и германскихъ народовъ не существовало обычая передовать престолъ по завѣщанію, а въ случаѣ пресѣченія царствующей династіи избраніе новаго короля принадлежало самой націи. Легко можетъ быть, что Эдуардъ, окруженный явными врагами, принадлежавшими почти безъ исключенія къ ненавистному датскому племени, обѣщалъ корону сыну и внуку своихъ благодѣтелей, всегда дружески къ нему расположенному и въ 1051 г. посѣтившему его въ Англіи; такое предложеніе всегда останется простою догадкою, и очень сомнительно уже по одному тому, что Вильгельмъ всячески старался распространять и поддерживать слухъ о назначеніи его англійскимъ королемъ по завѣщанію Эдуарда. Еще менѣе основанія имѣетъ другое увѣреніе Вильгельма, будто бы Гаральдъ, овладѣвшій тономъ тотчасъ по смерти Эдуарда, еще прежде лично уступилъ ему свои права на Англію и даже обѣщалъ ему содѣйствіе. Но вообще, Вильгельмъ разсчитывалъ скорѣе на свою силу, чѣмъ на всякія дѣйствительныя или мнимыя права: особенно пригодилась ему его конница, славившаяся по всей Европѣ, благодаря его заботамъ о коннозаводствѣ, которымъ до сихъ поръ отличается Нормандія.

Вильгельмъ заранѣе распространилъ слухъ о своемъ предпріятіи, и такъ какъ онъ считался другомъ всѣхъ храбрецовъ Европы и заключилъ еще много новыхъ союзовъ, стараясь въ то-же время упрочить прежніе, то ему легко было собрать значительное войско. При томъ ему благопріятствовало тогдашнее положеніе дѣлъ въ Англіи и во Франціи. Во Франціи царствовалъ несовершеннолѣтній Филиппъ I, опекунъ котораго, Балдуинъ VI, графъ фландрскій, былъ близкимъ родственникомъ Вильгельма. Изъ французскихъ феодаловъ только одинъ Конанъ бретанскій былъ врагомъ Вильгельму и могъ-бы даже сдѣлаться весьма опаснымъ, во время его отсутствія; но и онъ умеръ весьма кстати для Вильгельма, что и подало поводъ къ распространенію слуха, будто бы герцогъ норманнскій лишилъ его жизни, пославъ ему отравленную перчатку. Сынъ же Конана, подобно нѣкоторымъ другимъ французскимъ графамъ, вступилъ въ сношенія съ Вильгельмомъ. Въ Англіи, въ пользу Вильгельма въ особенности послужило то обстоятельство, что Гаральдъ, вѣроятно, желая расположить къ себѣ народъ, еще при жизни Эдуарда содѣйствовалъ изгнанію своего роднаго брата, Тости, графа нортомберлендскаго, угнетавшаго своихъ подданныхъ. Чтобы отмстить брату, Тости вступилъ въ союзъ съ дядею норвежскаго короля Магнуса, Гаральдомъ Жестокимъ, который, по смерти племянника (1047 г.), вступилъ на норвежскій тронъ и, подобно Тости, проводилъ почти всю свою жизнь въ отважныхъ предпріятіяхъ и походахъ. Оба они высадились въ Англію въ то самое время, когда Вильгельмъ готовился къ осуществленію своего завоевательнаго плана. Но не одно счастье благопріятствовало Вильгельму въ этомъ предпріятіи. Благодаря своей хитрости, онъ обратилъ въ свою пользу всѣ обстоятельства и заинтересовалъ въ предпріятіи даже самого папу, котораго прежде такъ жестоко оскорбилъ дерзостью и непокорностью. Аналійскій дворъ и духовенство находились въ постоянномъ раздорѣ съ Римомъ, и Вильгельмъ искусно воспользовался этимъ, чтобы добыть отъ папы Александра II подтвержденія своихъ правъ на Англію.

Тотчасъ по смерти Эдуарда, Вильгельмъ сталъ готовиться къ нападенію. Его слава привлекла къ нему отовсюду множество искателей приключеній, такъ что собранное имъ войско простиралось по крайней мѣрѣ до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Однако въ подобныхъ случаяхъ всѣ числовыя данныя нужно уменьшать на половину, третью, или по крайней мѣрѣ шестую часть. Всѣ эти приготовленія не могли остаться неизвѣстными королю Гаральду, и онъ немедленно принялъ всевозможныя мѣры къ защитѣ. Зная, что флотъ Вильгельма состоитъ изъ множества мелкихъ судовъ, которыя легко могутъ быть потоплены, онъ рѣшился аттаковать его въ открытомъ морѣ; но, къ несчастью, перемѣнилъ свое намѣ-

реніе, узнавъ о неожиданной высадкѣ Тости и Гаральда Жестокаго на сѣверѣ острова, и предпочелъ обратиться сначала противъ этихъ враговъ, которыхъ вовсе нельзя было уничтожить или можно было уничтожить безъ флота. Эта ошибка рѣшила участь Англіи. Въ битвѣ при Бэттльбриджѣ (25 сентября 1066 г.) Гаральдъ побѣдилъ дерзкихъ выходцевъ, разбившихъ передъ тѣмъ два англійскихъ отряда, подъ начальствомъ нѣсколькихъ графовъ; Тости и Гаральдъ были убиты въ сраженіи, но почти въ то же самое время (29 сентября) Вильгельмъ, удерживаемый до тѣхъ поръ противными вѣтрами, совершалъ высадку на южный берегъ Англіи. Хотя Гаральдъ возбудилъ большое неудовольствіе несправедливымъ раздѣломъ добычи, взятой при Бэттльбриджѣ; но когда впослѣдствіи, хотя уже слишкомъ поздно, онъ призвалъ подданныхъ къ поголовному ополченію на норманновъ, англичане единодушно откликнулись на его призывъ, доказавъ этимъ, что они понимали все значеніе грозившей имъ опасности. Враги встрѣтились при Гестингсѣ 14 октября 1066 г. Вильгельмъ, превосходившій всѣхъ современниковъ военнымъ искусствомъ, хитростью и даже познаніями, выдвинулъ впередъ свою пѣхоту, построивъ ее въ двѣ линіи, а самъ, во главѣ всего воинственнаго норманскаго дворянства, къ которому присоединились всѣ, жаждавшіе славы и и приключеній, рыцари Франціи, Фландріи и Германіи, составилъ вмѣстѣ съ конницею третью боевую линію. Вступая въ бой, норманны запѣли пѣснь о храбромъ Роландѣ. Въ этотъ послѣдній бой англосаксы геройски отстаивали свою самостоятельность и національность. Англосакская пѣхота встрѣтила двѣ первыя линіи норманновъ, сомкнувшись въ тѣсные ряды и сдвинувъ щиты, и уже стала тѣснить ихъ, какъ вдругъ распространился слухъ, вѣроятно пущенный по приказанію Вильгельма, что онъ убитъ. Тогда англосаксы раздвинули свои ряды, чтобы удобнѣе преслѣдовать и тѣснить ослабѣвавшихъ враговъ; но Вильгельмъ, съ обнаженною головою, бросился на нихъ во главѣ своего третьяго отряда. Храбрость ихъ не выдержала этого натиска. Король Гаральдъ, вмѣстѣ съ двумя братьями, палъ на полѣ битвы, и къ концу этого кроваваго дня норманнскій герцогъ выигралъ сраженіе вмѣстѣ съ государствомъ. Но эта побѣда была куплена имъ дорогою цѣною: на полѣ битвы осталось около пятнадцати тысячъ норманновъ, а подъ самимъ герцогомъ было убито три лошади.

И послѣ битвы побѣжденные не оставили мысли о сопротивленіи чужеземцамъ, но не могли согласиться между собою относительно мѣръ, которыя слѣдовало принять; могущественные нортумбрскіе графы Эдви и Моркаръ немедленно удалились въ свои отдаленныя графства; Эдгаръ Этелингъ, провозглашенный въ Лондонѣ королемъ, былъ слишкомъ молодъ, чтобы стать во главѣ подданныхъ; архіепископъ кентербёрійскій, Стигендъ, находился въ ссорѣ съ папою и не былъ имъ признанъ, а другое высшее духовное лице въ королевствѣ, Этельредъ іоркскій, передался Вильгельму. Прежде чѣмъ саксы успѣли на что-либо рѣшиться, Вильгельмъ овладѣлъ всѣмъ югомъ и внезапно явился передъ Лондономъ; здѣсь ему подчинились почти всѣ свѣтскіе и духовные сановники, а вмѣстѣ съ ними и Эдгаръ Этелингъ, съ которымъ Вильгельмъ обошелся очень ласково, стараясь показать всѣмъ, что отнимаетъ у него корону по праву не завоевателя, а законнаго наслѣдника. Вслѣдъ затѣмъ созвавъ въ Лондонъ англійскихъ вельможъ и вмѣстѣ съ ними своихъ норманновъ, онъ заставилъ ихъ избрать себя въ короли и былъ тотчасъ же коронованъ архіепископомъ іоркскимъ (26 декабря). Норманны уже въ этотъ самый день стали обнаруживать свойственную имъ дикость нравовъ, которую они и впослѣдствіи сохраняли очень долго. Послѣ коронаціи, Вильгельмъ былъ повсемѣстно признанъ королемъ, и завоеваніе Англіи было довершено въ трп мѣсяца. Но это завоеваніе было только первымъ шагомъ къ совершенному подчиненію страны; Вильгельму еще много разъ приходилось потомъ усмирять возстанія саксовъ; въ подобныхъ случаяхъ, онъ поступалъ съ страною какъ завоеватель, истребляя всѣ знатныя англосакскія фамиліи и отдавая ихъ должности и помѣстья своимъ норманнскимъ баронамъ. Положеніе страны совершенно измѣнилось: норманны, какъ господствующее сословіе, заступили мѣсто сакскаго и датскаго дворянства; Вильгельмъ установилъ строгую и послѣдовательную во всѣхъ частностяхъ феодальную систему, какой тогда не существовало еще ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, и не только лишилъ свободы народъ, но и самыхъ норманнскихъ бароновъ подчинилъ суровому игу

военно-деспотической монархіи. Даже языкъ и нравы совершенно преобразовались подъ норманно-французскимъ вліяніемъ; но такъ какъ вліяніе всѣхъ этихъ перемѣнъ обнаружилось только впослѣдствіи, то и болѣе подробный обзоръ ихъ должно отложить до изображенія послѣдующей исторической эпохи.

5. Образованность и литература сѣвера Европы во время перехода ея къ христіанству среднихъ вѣковъ.

1. Введеніе.

Считая излишнимъ углубляться въ изысканія относительно характера древнѣйшей образованности кельтическихъ и германскихъ племенъ, мы удовольствуемся только немногими критическими замѣтками о литературныхъ произведеніяхъ этой эпохи. До насъ дошло очень много стихотвореній подъ именемъ пѣсенъ шотландскихъ, британскихъ и скандинавскихъ бардовъ, но этимъ мнимымъ памятникамъ старины не слѣдуетъ довѣрять безусловно, потому что они дошли до насъ не въ первобытномъ своемъ видѣ. Съ почти повсемѣстнымъ распространеніемъ христіанства на сѣверѣ Европы, многіе патріоты и любители поэзіи стали записывать сохранившіяся въ памяти народа преданія и пѣсни языческой эпохи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только облекли ихъ въ новыя формы, но и ввели въ нихъ нѣкоторыя познанія и воззрѣнія, занесенныя на сѣверъ христіанствомъ или усвоенныя ими въ путешествіяхъ. Такимъ образомъ изъ этихъ поэмъ мы почерпаемъ только общее понятіе о состояніи сѣверныхъ народовъ въ ихъ первобытную эпоху; для изученія же ея въ частностяхъ онѣ представляютъ намъ только весьма скудный источникъ свѣдѣній. Кромѣ того, тамъ, гдѣ нѣтъ развитія, нѣтъ и исторіи, а въ этихъ памятникахъ незамѣтно ни малѣйшаго шага впередъ, или даже измѣненія въ духовной жизни народа. Всѣ эти преданія и пѣсни имѣютъ одинаковый характеръ и внѣшнія формы; они показываютъ намъ только состояніе, а не ходъ развитія или исторію сѣверныхъ народовъ. Настоящее историческое значеніе древняя образованность сѣвера получаетъ только съ того времени, когда съ распространеніемъ христіанства въ Скандинавіи и Британіи она стала оказывать вліяніе на христіанское ученіе и слилась съ римскимъ образованіемъ послѣднихъ вѣковъ древности. Это-то слитіе сѣверной культуры съ христіанско-римскою и слѣдуетъ имѣть преимущественно въ виду при изученіи этой эпохи.

Прежде чѣмъ перейти къ изображенію характера древней сѣверной образованности, намъ нужно упомянуть о литературныхъ ея памятникахъ. Шотландскія или гэльскія пѣсни, извѣстныя подъ именемъ пѣсенъ Оссіана (стр. 372), стали извѣстны лѣтъ сто тому назадъ, послѣ изданія ихъ шотландцемъ Макферсономъ въ англійскомъ переводѣ. Ихъ появленіе произвело необыкновенное впечатлѣніе на весь образованный міръ и имѣло большое вліяніе на новѣйшую литературу, особенно на германскую, въ эпоху Клопштока и Гердера. Вся Европа дивилась новооткрытому шотландскому Гомеру, и мнимыя творенія его не только были тотчасъ же переведены на всѣ европейскіе языки, но и сдѣлались предметомъ подражанія для поэтовъ многихъ народовъ. Однако, вскорѣ послѣ того, явились сомнѣнія въ подлинности этихъ поэмъ, и англійскіе и нѣмецкіе критики прямо объявили, что ихъ сочинилъ самъ Макферсонъ. Споры эти продолжались весьма долго, и хотя впослѣдствіи пѣсни Оссіана стали извѣстны въ ихъ гэльскомъ оригиналѣ, но все же вопросъ этотъ еще не разъяснился вполнѣ. Впрочемъ, въ настоящее время почти всѣми признано, что поэмы Оссіана написаны не Макферсономъ, а только исправлены и значительно измѣнены имъ и другими шотландскими патріотами. Уэльскіе и корнвалійскіе бритты также оставили героическія пѣсни о своей борьбѣ съ англосаксами, и эти пѣсни имѣютъ большое сходство съ шотландскими и скандинавскими. Онѣ, точно такъ же какъ и шотландскія, были собраны и изданы, въ новѣйшее время, уэльсскими патріотами, которые, однако, далеко не имѣли той удачи, какъ Макферсонъ, потому что не передѣлывали этихъ пѣсенъ и оставили въ нихъ странныя для уха имена. Эти древне-

британнскія стихотворенія и разсказы собраны въ одну книгу подъ заглавіемъ: «Археологія Уэльса.»

Отъ скандинавовъ осталось множество историческихъ пѣсенъ и преданій (сагъ), сочиненныхъ или записанныхъ въ Исландіи въ эпоху непродолжительнаго процвѣтанія тамошней норманнской колоніи. Онѣ не только гораздо многочисленнѣе преданій другихъ древне-германскихъ племенъ, но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ англосаксскихъ пѣсенъ составляютъ единственныя преданія германцевъ, сохранившіяся до насъ на ихъ коренномъ языкѣ. Преданія другихъ германскихъ народовъ переданы намъ на латинскомъ языкѣ, въ лѣтописяхъ Павла Варнефрида, Іорнанда, Григорія Турскаго и другихъ историковъ, и сквозь риторическій, библейскій и поэтическій слогъ этихъ латинскихъ писателей мы часто съ трудомъ различаемъ слѣды первобытной древности. Скандинавскія же преданія дошли до насъ на своемъ родномъ языкѣ, и нельзя не признать великой заслуги датскихъ ученыхъ, изучившихъ и издавшихъ ихъ, въ наше время, въ ихъ первобытной формѣ. Кромѣ того, для исторіи скандинавской древности мы имѣемъ латинскія лѣтописи, основанныя, какъ и лѣтописи другихъ германскихъ племенъ, на древнихъ преданіяхъ и пѣсняхъ бардовъ. Такимъ образомъ писали исторію Даніи Адамъ Бременскій, въ одиннадцатомъ, и Саксонъ Грамматикъ, въ двѣнадцатомъ столѣтіи, а нѣсколько позднѣе, исторію Норвегіи Торфей. Всѣ они старались писать изысканнымъ, риторическимъ слогомъ временъ Сенеки, и потому изображеніе страшной, варварской и героической эпохи выходитъ у нихъ слишкомъ страннымъ. Не смотря на то, Торфей, Грамматикъ и Адамъ Бременскій своимъ историческимъ разсказомъ производятъ на насъ какое-то особенное впечатлѣніе, быть можетъ, именно вслѣдствіе контраста между содержаніемъ и латинскою, изысканною формою своихъ сочиненій. Въ этихъ латинскихъ переработкахъ нельзя не узнать духа и характера героической эпохи Скандинавіи; но они представляются намъ гораздо яснѣе въ оригинальныхъ исландскихъ стихотвореніяхъ, дошедшихъ до насъ на коренномъ языкѣ. Изъ сборниковъ этихъ пѣсенъ знаменитѣе всѣхъ изданный подъ именемъ Геймскринглы Снорре Стурлесономъ, уже упомянутымъ нами издателемъ новѣйшей Эдды (стр. 271), и дополненный другими. Желающіе изучить историческую связь скандинавскихъ преданій должны обратиться къ сочиненію Петра Эразма Мюллера, изданному въ 1823 г. на датскомъ языкѣ въ Копенгагенѣ, подъ заглавіемъ Исторіи датскихъ народныхъ преданій. Мы особенно указываемъ на это произведеніе историка, бывшаго въ тоже время глубокимъ мыслителемъ, потому что онъ подробно разработалъ на основаніи этихъ сагъ первобытную исторію Скандинавіи; въ нашемъ сочиненіи мы не можемъ вдаваться въ подробности объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, чтобы составить себѣ понятіе о необыкновенномъ богатствѣ преданій, перешедшихъ къ намъ отъ исландскихъ норманновъ, достаточно взять одно изъ многочисленныхъ собраній ихъ и прочесть оглавленіе содержащихся въ немъ сагъ.

Отъ англосаксовъ сохранилась до нашего времени цѣлая литература, которая еще не вся издана и до сихъ поръ остается ненапечатанною въ англійскихъ собраніяхъ рукописей. Въ этой литературѣ мы не находимъ ни одного образчика языческихъ сказаній, хотя и убѣждены, что она древнѣе всего, что представляетъ намъ скандинавская литература. Впрочемъ, говоря о глубокой древности англосаксскихъ сочиненій, доказывать которую здѣсь не мѣсто, мы должны замѣтить, что скандинавы только въ одиннадцатомъ вѣкѣ, и то не вполнѣ, приняли христіанскую вѣру. О тогдашней образованности англосаксовъ и ихъ постепенномъ развитіи вообще, можно судить гораздо положительнѣе, чѣмъ о первобытномъ состояніи скандинавовъ, бриттовъ и шотландцевъ, потому что о первыхъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, и къ тому же, въ новѣйшія времена, англійскій ученый Турнеръ такъ тщательно изучилъ и разъяснилъ ихъ исторію, что мы можемъ вполнѣ положиться на его изслѣдованія. Это тѣмъ пріятнѣе, что англосаксы имѣли гораздо большее вліяніе на средневѣковое развитіе Франціи и Германіи, чѣмъ ихъ британскіе и шотландскіе сосѣди, или скандинавы. Они давно уже находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Римомъ, имѣли тамъ свой университетъ (выражаясь по нынѣшнему), получали оттуда учителей и были первымъ германскимъ народомъ, литература котораго совершенно измѣнилась и преобразовалась подъ вліяніемъ римской цивилизаціи. Потому-то Карлъ Великій, король

франковъ, для образованія своихъ подданныхъ обращался за учителями и книгами преимущественно въ Англію, а англосаксы не только сдѣлались учителями франковъ, но и привели ихъ къ тому полу-римскому и полу-германскому, полу-христіанскому и полу-языческому образованію, которое и легло въ основаніе характера первой половины среднихъ вѣковъ.

2. Героическая поэзія древнѣйшей эпохи Шотландіи, Британніи и Скандинавіи.

Шотландскія стихотворенія, дошедшія до насъ подъ названіемъ пѣсенъ Оссіана, конечно, никакъ нельзя считать за произведенія новѣйшей эпохи; но и послѣ изданія ихъ въ оригиналѣ историческая критика возстаетъ противъ преобладающихъ въ нихъ сантиментальности и стройности, никакъ не согласующихся съ понятіемъ о первобытной, героической эпохѣ. Оставивъ въ сторонѣ рѣшеніе труднаго вопроса о подлинности нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, мы замѣтимъ только, что, вѣря безусловно заключающимся въ нихъ свѣдѣніямъ, мы должны отнести воспѣваемыхъ въ нихъ героевъ къ тѣмъ временамъ, когда югъ и средняя часть Британніи находились подъ римскимъ владычествомъ. Во всякомъ случаѣ, не вдаваясь въ излишнія сомнѣнія, можно сказать положительно, что герои Оссіана и барды, о которыхъ онъ упоминаетъ, не были произведеніями его фантазіи, потому что рисуемая имъ картина жизни горцевъ очень близко подходитъ къ позднѣйшимъ прозаическимъ свѣдѣніямъ о нихъ. Однако мы не будемъ останавливаться на этихъ поэтическихъ произведеніяхъ, потому что въ нихъ незамѣтно никакого развитія, а съ перемѣною обстоятельствъ исчезла вся идиллія близкаго къ природѣ быта, и поэты замолкли. Въ Ирландіи, какъ намъ извѣстно, гэльскія пѣсни бардовъ все еще живутъ въ устахъ народа, тогда какъ ихъ уже давно не слышно въ горной Шотландіи. Въ Ирландіи эти произведенія даже записывались, и историкъ древнѣйшей англійской поэзіи, Уартопъ, говоритъ что апостолъ ирландскій св. Патрикій велѣлъ сжечь триста свертковъ древнихъ языческихъ стихотвореній.

До насъ не дошло ничего изъ преданій и поэзіи древнихъ бриттовъ и изъ тѣхъ тысячъ стихотвореній, которыя, по словамъ Цезаря, Лукана и другихъ достойныхъ вѣры писателей, были выучиваемы наизустъ въ школахъ друидовъ. Намъ извѣстна только литература христіанскихъ бриттовъ, которые во время римскаго владычества усвоили себѣ цивилизацію и образованность своихъ побѣдителей, но впослѣдствіи, загнанные саксами въ горы Уэльса и Корнваллиса, одичали въ постоянныхъ войнахъ и низошли до той же степени варварства, на которой стояли ихъ враги. Это замѣтно въ ихъ пѣсняхъ и хроникахъ того періода, имѣющихъ много сходства съ шотландскими и скандинавскими. Судя по остаткамъ этой литературы, собраннымъ и изданнымъ въ новѣйшее время уэльсскими патріотами, она возникла и развилась среди войнъ, и тѣ, которые такъ заботились о сохраненіи этихъ образчиковъ британско-уэльсской поэзіи, увѣряютъ, что они гораздо оригинальнѣе всего, оставшагося намъ отъ англосаксовъ. Однако мы не станемъ разсматривать ихъ такъ же подробно, какъ произведенія литературы англосаксовъ, потому что народы кельтическаго племени, къ которымъ принадлежали и бритты, никогда не участвовали въ развитіи цивилизаціи среднихъ вѣковъ. Въ нихъ незамѣтно никакого стремленія впередъ, никакого развитія, а изображеніе подобной неподвижности не представляетъ никакого интереса для историка. Впослѣдствіи, когда намъ придется говорить о позднѣйшей народной поэзіи и прослѣдить провансальскую и швабскую поэзію во всѣхъ ея отрасляхъ, мы снова обратимся къ этой литературѣ, потому что столь часто встрѣчающіяся въ средневѣковой поэзіи пѣсни о рыцаряхъ Круглаго Стола и св. Граалѣ обязаны своимъ происхожденіемъ бриттамъ. Изъ британскихъ поэтовъ, упоминаемыхъ уэльсскими археологами, на материкѣ Европы пользуется извѣстностью только одинъ Таліезинъ; остальные извѣстны лишь новѣйшимъ уэльссамъ и немногимъ англичанамъ. Кромѣ Таліезина, котораго можно назвать Фингаломъ бриттовъ, упоми-

наются имена: Мейліера, Гуальчмая, Синддельва, Блейуарча-апъ-Мока, Казнодина, Дафпда-эй-Кодъ и Гриффита-апъ-Маредъ.—

Для исторіи Сѣвера весьма важны скандинавскія саги и историческія пѣсни, переданныя намъ исландскими норманнами. Если бы даже онѣ не имѣли большаго значенія, какъ изображеніе быта, подтверждающееся само собою, то все-таки остались бы важными историческими документами, хотя многія изъ нихъ и принадлежатъ уже къ позднѣйшей христіанской средневѣковой эпохѣ. Личности и приключенія, воспѣваемыя скальдами, уже такъ давно приняты въ исторіи Сѣвера за дѣйствительныя, что передъ ними безсильна всякая критика. Что же касается до подробностей и обстоятельствъ, упоминаемыхъ въ нихъ, то каждый, кто изучалъ нравы скандинавовъ позднѣйшихъ эпохъ и исторію норманновъ, поселившихся въ разныхъ странахъ Европы, повсюду найдетъ въ нихъ характеристическія черты, встрѣчающіяся въ пѣсняхъ скальдовъ. У нихъ нѣтъ и слѣда мечтательности и чувствительности героевъ Оссіана; грубая сила и прокезское презрѣніе къ физической боли обнаруживаются у нихъ на каждомъ шагу. Даже подъ несообразною щеголеватою отдѣлкою, въ которой являются эти преданія у Саксона Грамматика, Адама Бременскаго и Торфея, нельзя не узнать духа и характера героической эпохи. Они изображаютъ человѣчество стоящимъ на той же степени развитія, на какой оно находится повсюду, гдѣ не только богатство и порода, но и физическая сила и умственное превосходство составляютъ необходимое условіе пользованія аристократическими преимуществами, гдѣ ограбить слабѣйшаго или чужеземца считается дѣломъ не только позволительнымъ, но и славнымъ. Вся жизнь сословія, изображаемаго въ скандинавскихъ сагахъ и пѣсняхъ, была или непрерывною битвою, или нескончаемымъ пиромъ, на которомъ ѣда, пьянство и вдохновенное пѣніе чередуются съ лѣнивымъ бездѣйствіемъ, потому что всякій трудъ считался у этихъ героевъ постыднымъ. Тѣже самыя черты видимъ мы и у древнихъ грековъ, обитателей острововъ Южнаго океана, шотландскихъ горцевъ и у большей части германскихъ племенъ. Чтобы такой бытъ могъ сохраняться долгое время, страна непремѣнно должна имѣть малочисленное населеніе, чуждое всякихъ эстетическихъ потребностей и притязаній на удобства жизни.

3. Англосаксская литература.

У англосаксовъ мы также не можемъ указать ни на одно замѣчательное произведеніе, которое бы подвинуло впередъ науку или поэзію; но незначительные повидимому труды англосаксскихъ монаховъ, перевочдиковъ и подражателей имѣютъ огромное значеніе, потому что показываютъ намъ, какимъ образомъ древняя цивилизація и христіанскія понятія слились съ германскою жизнью; они тѣмъ любопытнѣе для насъ, что Карлъ Великій, перенося въ Германію римское образованіе и изъ Италіи, ввѣрилъ заботы о распространеніи его между своими подданными англосаксу Алькуину, а не призваннымъ имъ итальянцамъ. Поэтому англосаксы имѣютъ такое же значеніе для первой эпохи среднихъ вѣковъ, какое итальянцы для позднѣйшей. Въ средніе вѣка новѣйшіе европейскіе народы получали дважды совершенно различное направленіе: сначала цивилизація была принесена изъ Рима на сѣверъ монахами, а потомъ, въ тринадцатомъ столѣтіи, преимущественно въ Германію и во Францію, учителями греческаго и латинскаго языковъ изъ большихъ итальянскихъ городовъ. Сѣверъ познакомился въ первый разъ съ позднѣйшею литературою почти исключительно чрезъ посредство англосаксскихъ монаховъ, которые оттѣснили на второй планъ древнюю поэзію и исторію своихъ соотечественниковъ и на ихъ мѣсто ввели мало-по-малу романскій элементъ; такимъ же образомъ измѣнили они характеръ и образованность въ государствѣ франковъ, куда Карлъ Великій выписывалъ учителей и книги изъ Англіи.

Все это необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи англосаксской литературы; но прежде чѣмъ показать, какимъ образомъ произошли всѣ упомянутыя нами преобразованія, мы должны замѣтить, что у англосаксовъ была такая же литература, какъ и у шотландцевъ, бриттовъ и скандинавовъ. Это видно не только изъ

сохранившихся до нашего времени разсказовъ о юности Альфреда Великаго, но и изъ другихъ уцѣлѣвшихъ произведеній древней героической поэзіи англосаксовъ. Въ біографіи Альфреда Великаго, составленной англосакскимъ ученымъ Ассеромъ, упоминается, что этого государя заставили учиться грамотѣ, обративъ его вниманіе на старинныя рукописи, содержавшія въ себѣ героическія пѣсни и разсказы англосаксовъ. Кромѣ того, монахъ Уилльямъ Мальмсбёри, жившій въ двѣнадцатомъ столѣтіи, оставилъ намъ написанную поэтическою прозою и съ риторическою высокопарностью латинскую хронику, въ которой мы также легко можемъ различить слѣды англосакскихъ героическихъ поэмъ, на которыхъ она основана, какъ и скандинавскія преданія въ хроникахъ Саксона Грамматика и Адама Бременскаго. Уилльямъ Мальмсбёри даже говоритъ положительно, что слѣдовалъ въ своемъ разсказѣ этимъ поэтическимъ образцамъ. Но изъ нихъ только весьма немногія сохранились до нашего времени на англосакскомъ языкѣ. Всѣ онѣ принадлежатъ къ эпохѣ христіанства и новѣйшей цивилизаціи, которыя проглядываютъ въ нихъ, не взирая на всѣ усилія поэтовъ скрыть ихъ слѣды. Впрочемъ, онѣ все-таки остаются единственными, дошедшими до насъ памятниками англосакской литературы, не подвергшимися вліянію романской, то есть римской и христіанской цивилизаціи. Онѣ написаны совершенно въ духѣ скандинавской поэзіи, и въ нихъ явно преобладаетъ манера древнихъ скальдовъ, обнаруживающаяся въ самомъ содержаніи этихъ стихотвореній. Впрочемъ, въ скандинавскихъ и въ шотландскихъ пѣсняхъ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ англосакскихъ, въ которыхъ поэтическая форма ограничивается соединеніемъ нѣсколькихъ короткихъ и длинныхъ фразъ, часто не связанныхъ никакими частицами рѣчи, въ аллитераціи, или повтореніи начальныхъ буквъ и словъ, въ созвучіи ихъ окончаній и ритмѣ. Но все это не вполнѣ, или даже почти вовсе не замѣняетъ риѳмы и просодіи, а изложеніе ихъ часто бываетъ простымъ отрывистымъ дѣтскимъ лепетомъ.

Изъ этихъ героическихъ стихотвореній только одна романтическая поэма и двѣ пѣсни сохраняютъ вполнѣ манеру древнѣйшей эпохи. Четвертое стихотвореніе о Канутѣ Великомъ, написанное въ одиннадцатомъ столѣтіи, также на англосакскомъ языкѣ, уже вполнѣ проникнуто духомъ этого столѣтія, когда стала образовываться изъ различныхъ элементовъ рыцарская, средневѣковая поэзія. Новѣйшій историкъ англосаксовъ, Турнеръ, полагаетъ, что это стихотвореніе представляетъ собою древнѣйшую попытку настоящей драматической баллады на англосакскомъ языкѣ; мы не станемъ опровергать этого предположенія, потому что эстетическая критика совершенно не входитъ въ программу нашего чисто-историческаго труда. Изъ трехъ другихъ произведеній, одна романтическая поэма была напечатана въ первый разъ въ 1815 г.; а остальныя двѣ пѣсни были извѣстны еще въ прошломъ столѣтіи, но изданы въ своемъ первобытномъ видѣ только Турнеромъ. Мы приведемъ содержаніе одной изъ этихъ пѣсенъ вкратцѣ, а содержаніе поэмы нѣсколько подробнѣе. Въ пѣснѣ воспѣвается побѣда Ательстана при Брунабургѣ (стр. 382). Сначала въ ней перечисляются подвиги Ательстана и его брата, превозносятся жители Уэссекса и Мерціи, одержавшіе побѣду, и описывается участь враговъ. Затѣмъ поэтъ разсказываетъ о бѣгствѣ и спасеніи Олафа и Константина, сынъ котораго палъ въ сраженіи; воспѣваетъ наконецъ непобѣдимую силу своихъ согражданъ, слѣдуетъ за побѣжденною арміею въ Дублинъ и описываетъ возвращеніе побѣдителя въ Уэссексъ. Заключеніе состоитъ изъ тривіальной замѣтки по поводу хищныхъ птицъ, слетѣвшихся во множествѣ на поле битвы, и изъ столь же тривіальнаго возгласа, что эта побѣда блистательнѣе всѣхъ когда-либо одержанныхъ въ Англіи. Турнеръ первый познакомилъ насъ и съ пѣснью на смерть Эдгара, но это произведеніе такъ безцвѣтно, что о немъ рѣшительно нечего сказать.

Упомянутая намп романтическая поэма прославляетъ и разсказываетъ подвиги героя Беовульфа, который по преданію былъ убитъ въ Ютландіи въ 340 г.; для изученія характера поэзіи древнихъ скальдовъ это произведеніе гораздо важнѣе чѣмъ три остальныя стихотворенія, потому что не только по содержанію, но и по самому языку принадлежитъ столько же скандинавамъ, сколько и англосаксамъ. Языкъ этого поэтическаго произведенія до такой степени похожъ на языкъ скандинавскихъ сагъ, сохранившихся у исландцевъ, что Торкелинъ, въ первый разъ издавшій это стихотвореніе въ 1815 г., прямо называетъ его датскимъ; но мы предпочитаемъ держаться мнѣнія новѣйшаго историка англосаксовъ, который при-

писываетъ стихотвореніе имъ. По словамъ этого ученаго, оно написано въ десятомъ вѣкѣ, когда начала образовываться новѣйшая эпическая поэзія. Если это справедливо и герой поэмы дѣйствительно жилъ въ началѣ четвертаго вѣка, то, слѣдовательно, поэтъ, подобно скальдамъ, переноситъ себя въ эпоху, когда происходили описываемыя имъ событія, и поэма его принадлежитъ къ числу произведеній поэзіи, процвѣтавшей на сѣверѣ отъ десятаго до двѣнадцатаго столѣтія, въ которыхъ извѣстнымъ героямъ приписывались вымышленные подвиги и приключенія. Впрочемъ, оба эти предположенія не имѣютъ, кажется, прочнаго основанія. Подробнѣйшія изслѣдованія были бы совершенно излишни въ нашемъ трудѣ, если бы даже онъ и предназначался для ученыхъ, потому что мы имѣетъ цѣлью дать только общее понятіе о ходѣ развитія просвѣщенія и литературы на сѣверѣ. Точно также неумѣстно было бы вдаваться въ изысканія о томъ, составляетъ ли это литературное произведеніе настоящую историческую поэму, или только романсъ въ новѣйшемъ значеніи этого слова; во всякомъ случаѣ, мы находимъ въ немъ то, что намъ нужно: правдоподобное изображеніе нравовъ и жизни героической эпохи; что же касается описываемыхъ въ немъ фактовъ, то намъ вовсе нелюбопытно знать, дѣйствительны ли они, или вымышлены поэтомъ.

Мы приведемъ вкратцѣ содержаніе этой поэмы, потому что она не такъ извѣстна и доступна публикѣ, какъ пѣсни Оссіана, или безчисленныя поэмы скальдовъ, и даетъ намъ полное понятіе о характерѣ и манерѣ англосакскихъ и скандинавскихъ разскащиковъ. Поэтъ начинаетъ свою поэму описаніемъ приготовленій къ походу морскаго короля Гротгара, сына и преемника славнаго датскаго короля, Гальфдана. Онъ описываетъ корабль Гротгара со всѣмъ, что находится на немъ, до знаменъ, развивающихся надъ головами воиновъ. Потомъ является самъ Гротгаръ и созываетъ воиновъ въ свое жилище, гдѣ есть большая зала, называемая поэтомъ залою короля Георта. Во время пира приходитъ извѣстіе, что гостямъ угрожаетъ одинъ враждебный демонъ. Непосредственно слѣдующія за тѣмъ слова поэта служатъ доказательствомъ, что онъ, какъ и почти всѣ скальды, переносится въ другую чуждую ему эпоху, знакомъ съ библейскими разсказами и христіанско-латинской поэзіей, и пользуется ими, стараясь, подобно скальдамъ, сохранить колоритъ воспѣваемой имъ эпохи. По старинному обычаю, на пиру Гротгара онъ выводитъ на сцену пѣвца (скопа), который поетъ о сотвореніи міра по Моисею, о Каинѣ и Авелѣ и злыхъ демонахъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Грендель, является дѣйствующимъ лицомъ въ поэмѣ. Этотъ демонъ нападаетъ на спящихъ воиновъ, называемыхъ въ поэмѣ Тегнами (Thegns, — Degen—мечъ), и убиваетъ тридцать человѣкъ. Съ этого дня всѣ начинаютъ ненавидѣть и подозрѣвать короля Гротгара, потому что онъ не предотвратилъ этого преступленія и не отмстилъ за него. Двѣнадцать зимъ длится ненависть народа и скорбь короля, пока наконецъ не является къ нему на помощь Беовульфъ съ войскомъ и не устраиваетъ похода для отысканія и наказанія Гренделя за его все еще продолжающіяся ночныя убійства.

Беовульфъ походитъ скорѣе на паладиновъ Карла Великаго, или рыцарей круглаго стола Артура, чѣмъ на скандинавскаго викинга; онъ называется то Тегномъ, то Геортъ-и Беодъ-Генестомъ (Haus-und Bettgenosse — застольнымъ и постельнымъ товарищемъ) короля Гигелака, а также повелителемъ Ссильдинги. Отецъ его называется Экгтеофомъ, а подданные—гитами или ютами. При этомъ нужно замѣтить, что поэтъ описываетъ подвиги англосаксовъ еще до прибытія ихъ въ Англію, такъ какъ жизнь и подвиги Беовульфа относятся къ первой половинѣ четвертаго столѣтія. Герой собираетъ своихъ товарищей и отправляется съ ними въ путь на парусномъ суднѣ, легкій бѣгъ катораго описывается поэтомъ; корабль пристаетъ къ владѣніямъ Гротгара, охраняемымъ его тегнами, и описаніе этой береговой стражи и переговоровъ ея съ Беовульфомъ также доказываетъ, что поэтъ принадлежалъ къ тому времени, когда вооруженіе было уже рыцарскимъ. «Кто ты, ведущій сюда по волнамъ толпы закованныхъ въ броню людей?» спрашиваетъ одинъ изъ стражей. «Пришелъ ли ты изъ-за моря, чтобы нарушить миръ страны? Я охраняю этотъ берегъ, чтобъ ни одинъ врагъ датчанъ не могъ опустошать его, привезя на корабляхъ войско.» Беовульфъ, съ своей стороны, говоритъ Вульфгару Венду (vom Wendel-Volk), что желаетъ переговорить съ его Ильдоромъ, который и есть самъ Гротгаръ. Приведенный къ нему Беовульфъ

восклицаетъ: «Хвала тебѣ, Гротгаръ! Я кровный другъ Гигелака, тегнъ по рожденію и совершилъ уже въ юности много подвиговъ. Тотъ, кому повинуется моя родина, открылъ мнѣ совершенное Гренделемъ и т. д.» Его принимаютъ съ радушіемъ: въ залѣ разстанавливаютъ скамьи, начинается пиръ, является пѣвецъ и поетъ. На этотъ разъ все мирно въ Геортѣ; но Гунфертъ завидуетъ Беовульфу и попрекаетъ его въ томъ, что онъ, какъ викингъ, занимался разбоями и убійствомъ. «Пустыя слова произносишь ты, другъ мой Гунфертъ, опьяненный пивомъ,» отвѣчаетъ ему на то Беовульфъ и перечисляетъ затѣмъ свои славные подвиги. Когда Беовульфъ кончаетъ разсказъ, является королева и подноситъ ему почетный кубокъ съ медомъ. Потомъ продолжается описаніе пиршества. Королева, «увѣнчанная золотомъ,» садится подлѣ своего мужа и остается до тѣхъ поръ, пока онъ со своими товарищами не уходитъ спать. Тогда королева обращается съ молитвою къ царю славы противъ Гренделя, и управитель Гротгара отводитъ Беовульфа въ назначенную для него спальню.

Здѣсь начинается развязка; Грендель снова готовится къ ночному убійству: появленіе его описывается очень подробно. Беовульфъ просыпается въ ту минуту, когда демонъ разбиваетъ булавою голову одному изъ его товарищей. Герой вступаетъ въ бой съ Гренделемъ и прогоняетъ его. Народъ ликуетъ и въ честь героя устраивается новый пиръ. Король подноситъ ему почетные дары: мечъ Гальфдана, золотое знамя, шлемъ и панцырь. Герою поднесли его большой, разукрашенный мечъ; а на шлемѣ, защитѣ его головы, былъ сдѣланъ вѣнецъ, чтобы о него притуплялось лезвее мечей. Потомъ привели восемь коней съ богатыми сѣдлами и сбруею, и внесли другіе дары. Затѣмъ слѣдуетъ небольшое отступленіе, въ видѣ морали, и эпизодъ изъ похода на финновъ, пропѣтый пѣвцомъ Гротгара «передъ столомъ пившихъ медъ.» Наконецъ на пиръ является съ привѣтливою рѣчью королева, окруженная дѣтьми и ихъ молодыми друзьями. Послѣ того пѣніе продолжается и, когда пѣвецъ кончаетъ, королева говоритъ передъ собраніемъ: «Прими это запястье, дорогой Беовульфъ; да будетъ оно предзнаменованіемъ твоей будущей награды! Прими и эти дорогія одежды и полюбуйся ихъ богатствомъ и т. д.» Послѣ пира всѣ расходятся спать; на этотъ разъ убійцею является уже не Грендель, а мать его, и убиваетъ не товарища Беовульфа, а одного изъ друзей Гротгара. «Погибъ Эшере, сынъ Иринелата,» восклицаетъ Гротгаръ, «братъ старшинъ, одинъ изъ моихъ рунъ-витау, одинъ изъ моихъ редбора.» Беовульфъ отправляется отыскивать Гренделя, взявъ съ собою знаменитый мечъ, называемый Грунтингомъ, и на прощаніи проситъ Гротгара, въ случаѣ если его похититъ Гильда, богиня войны, прислать полученные имъ дары властелину его, Гигелаку. Борьба съ Гренделемъ и его матерью принадлежитъ области чудесныхъ приключеній и совершенно во вкусѣ позднѣйшихъ романовъ. Мать Гренделя нападаетъ на героя подъ видомъ морскаго волка; его знаменитый мечъ не рубитъ, и Беовульфъ уже повергнутъ на землю; но его спасаетъ волшебный мечъ работы великановъ. Беовульфъ убиваетъ имъ мать Гренделя и приноситъ Гротгару голову самого Гренделя.

Поэма еще длиннѣе, но мы полагаемъ, что и приведеннаго нами достаточно, чтобы показать, къ какому роду литературныхъ произведеній слѣдуетъ отнести ее. Очевидно, что она принадлежитъ къ тому роду скандинавской, или вообще сѣверной литературы, которую англосаксы вынесли изъ своей родины и на которую мы хотимъ указать мимоходомъ, хотя, собственно говоря, мы останавливаемся на литературѣ англосаксовъ только потому, что они перенесли въ Германію римскую литературу и дали ей значеніе въ сѣверныхъ странахъ.

Римскія школы англосаксовъ и образовавшіеся тамъ учителя очень скоро вытѣснили древнюю поэзію и нравы вмѣстѣ съ соотвѣтствовавшимъ имъ бытомъ, потому что англосаксы, подобно римлянамъ, достигли совершенства въ законодательствѣ, въ государственномъ устройствѣ и управленіи, и вообще въ политикѣ, но за то были такъ слабы въ поэзіи, что можно было безъ труда замѣнить ихъ древнія, по содержанію и по формѣ, прозаическія стихотворенія другими, сходными съ ними. Это и было сдѣлано монахами, забравшими въ свои руки литературу; остановивъ послѣ Альфреда переписку и распространеніе произведеній древней поэзіи, они замѣнили ее библейскими, или покрайней мѣрѣ христіанскими стихотвореніями. Изъ произведеній этого рода мы прежде всего укажемъ на ро-

мансъ «Юдиѳь,» авторъ котораго, духовное лицо, самъ сознается, что, взявъ сюжетъ изъ вѣтхаго завѣта, онъ не слѣдовалъ въ точности исторіи, а передѣлалъ іудейскій разсказъ въ англосакскую поэму. Послѣ сказаннаго нами о древней поэзіи, или о поэтахъ, писавшихъ въ духѣ древности, и ознакомясь ближе съ содержаніемъ и формою поэмы «Юдиѳь», всякій согласится, что для англосаксовъ было все равно, шла ли рѣчь о Юдиѳѣ и Олофернѣ, или о приключеніяхъ Беовульфа съ Гренделемъ и его матерью.

Другой сюжетъ для чудеснаго разсказа былъ взятъ монахомъ Каэдмономъ изъ догматическаго ученія объ отпаденіи Люцифера и изъ церковной легенды о борьбѣ ангеловъ, послѣдовавшихъ за Люцифером, съ Богомъ и Его ангелами. Сюжетъ былъ выбранъ удачно, потому что миѳологическое преданіе о борьбѣ титановъ и гигантовъ служило неисчерпаемымъ источникомъ для поэтовъ греческой древности. Если вѣрить англійскимъ изслѣдователямъ, то самъ Мильтонъ сдѣлалъ въ своей поэмѣ «Потерянный Рай» заимствованія изъ Каэдмона, и нельзя не пожалѣть, что онъ не придерживался его ближе, потому что тогда его демоны и ангелы не употребляли бы пороху и пушекъ. Поэма Каэдмона извѣстна подъ названіемъ Парафразы, такъ какъ разсказъ объ отпаденіи ангеловъ служитъ собственно введеніемъ къ парафразѣ повѣствованія Моисея о сотвореніи міра и жизни патріарховъ. Каэдмонъ описываетъ сотвореніе міра, разсказываетъ объ Адамѣ и Еввѣ, о Каинѣ, всемірномъ потопѣ, Авраамѣ и Моисеѣ; а такъ какъ поэма его, какъ и всѣ языческія пѣсни, должна была описывать войну и военныя приключенія, то онъ заключаетъ ее разсказомъ о Давидѣ и Навуходоносорѣ.

Подобныя произведенія должны были способствовать распространенію народнаго образованія и развитію цивилизаціи, представляя въ соотвѣтствовавшей тогдашнимъ обстоятельствамъ формѣ духовную пищу умамъ народа, для котораго поэзія и чтеніе составляли одну изъ главнѣйшихъ потребностей. У этого народа германскаго племени возникла даже латинская поэзія, которую, вмѣстѣ съ находящеюся съ нею въ связи латинскою ученостью, Карлъ Великій перенесъ въ свои владѣнія, когда задумалъ превратить свое германское государство въ римскую имперію. У англосаксовъ съ конца седьмаго столѣтія возникаетъ латинская школьная образованность и поэзія, въ теченіе многихъ вѣковъ принимавшая за образцы бездарнѣйшія произведенія римской литературы, изучавшая ихъ въ школахъ и подражавшая имъ; отъ этого часть націи, воспитывавшаяся въ школахъ, стала глядѣть съ презрѣніемъ на превосходнѣйшія народныя преданія и поэзію. Если бы нашъ трудъ предназначался собственно для ученыхъ, то мы привели бы здѣсь произведенія ученыхъ писателей, создавшихъ, въ восьмомъ столѣтіи, англо-латинскую поэзію, распространенную Алькуиномъ на материкѣ Европы; но для нашей цѣли достаточно будетъ упомянуть только о самыхъ извѣстныхъ писателяхъ этой литературы. Между людьми, создавшими искусственную латинскую поэзію, не только англосаксовъ, но и вообще среднихъ вѣковъ, первое мѣсто занимаетъ умершій въ 709 г. епископъ Альдгельмъ, стихотворенія котораго считались и въ остальной Европѣ образцовыми и породили много подражаній. Онъ изобрѣлъ тысячи фокусовъ съ буквами и слогами, анаграммами и аллитераціями, и его знаменитый четвероугольный стихъ (quadratum carmen) представляетъ собою образецъ стихотворной замысловатости монаховъ. Объясненіе этихъ стихотворныхъ игрушекъ завело бы насъ слишкомъ далеко; но мы не можемъ умолчать о томъ, что изъ стиховъ Альдгельма оказывается, что риѳма, совершенно неизвѣстная въ древности, заимствована западною и особенно латинскою поэзіею не у арабовъ; Альдгельмъ употребляетъ риѳму очень рѣдко, но за то у слѣдующихъ за нимъ поэтовъ (отъ 700 до 750), между прочимъ и у апостола Германіи, Бонифація, она встрѣчается очень часто. Мы должны назвать здѣсь этихъ монастырскихъ поэтовъ, потому что произведенія ихъ въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ составляли любимое чтеніе образованныхъ классовъ общества. Изъ нихъ, кромѣ Альдгельма, всѣхъ знаменитѣе и извѣстнѣе: Беда, Бонифацій, Леобгита, Цена и Этпильвальдъ. Къ числу ихъ принадлежитъ и другъ Карла Великаго, Алькуинъ; впрочемъ, заслуги его принадлежатъ другой отрасли литературы и другой странѣ, и мы коснемся ихъ въ одномъ изъ послѣдующихъ отдѣловъ. Здѣсь же мы только упомянемъ, что онъ, вмѣстѣ съ другими учеными,

вызванными Карломъ изъ Италіи, способствовалъ распространенію у франковъ искусственнаго латинскаго стихотворства. Но въ то самое время, когда оно дѣлалось господствующимъ на материкѣ Европы, у англосаксовъ чрезъ сто лѣтъ послѣ Алькуина, Альфредъ Великій снова ввелъ въ моду національный языкъ.

Альфредъ Великій, къ которому мы должны снова обратиться, много содѣйствовалъ просвѣщенію англосаксовъ, и не только однихъ духовныхъ и вельможъ, но и вообще всей націи. Этотъ король избралъ вѣрный путь къ достиженію своей цѣли; съ помощью латинской литературы онъ создалъ новую, національную, а не чуждую массамъ, іерархическо-аристократическую, какъ Карлъ Великій и его преемники. При вступленіи его на престолъ, благосостояніе и политическая самостоятельность націи были почти уничтожены; литература, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ переводу пастырской книги (liber pastoralis) Григорія, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, а грамотность начинала приходить въ упадокъ. Очистивъ страну отъ непріятелей и приведя въ систематическій порядокъ древнія національныя учрежденія, законодательство и оборонительныя средства страны, какъ необходимыя условія всякой цивилизаціи, Альфредъ обратилъ свою заботливость на развитіе и усовершенствованіе народнаго образованія. Впрочемъ, у англосаксовъ образованность и въ то время находилась не въ такомъ жалкомъ состояніи, какъ у франковъ при Карлѣ Великомъ, и Альфреду не зачѣмъ было, подобно Карлу Великому, призывать къ себѣ учителей изъ чужихъ странъ. Онъ пригласилъ къ своему двору изъ Мерціи англосакскихъ ученыхъ, вустерскаго епископа Вернфрита, Плегмунда и Ателстана, для того чтобы докончить свое образованіе подъ ихъ руководствомъ; чужеземныхъ же ученыхъ онъ призывалъ уже впослѣдствіи. Одинъ изъ нихъ, Гримбальдъ, родомъ изъ Франціи, считался знаменитымъ музыкантомъ, какъ сочинитель многихъ римскихъ церковныхъ гимновъ, которые Карлъ Великій чрезъ посредство итальянцевъ старался распространять между франками; но, повидимому, онъ былъ не очень миролюбиваго характера. Ирландецъ Іоаннъ Скотъ Эригена положилъ при Альфредѣ начало тонкимъ философско-теологическимъ изслѣдованіямъ, которыя впослѣдствіи, въ норманнскій періодъ, благодаря Ансельму и Ланфранку, сдѣлались главнымъ предметомъ изученія въ школахъ. Альфредъ вызвалъ къ себѣ, изъ западной части Уэльса, и монаха Ассера, которому мы обязаны самыми точными и подробными свѣдѣніями о жизни и дѣятельности этого государя.

Во всѣхъ стремленіяхъ Альфреда проявляется правительственная мудрость безъ всякой примѣси монашеской ограниченности. Въ переводимыхъ и распространяемыхъ имъ между народомъ латинскихъ сочиненіяхъ онъ заботился объ удовлетвореніи требованіямъ чувства, понимая, что германскому племени, подъ туманнымъ небомъ Британніи, необходима пища не только для ума, но и для сердца. Въ то же время онъ не упускалъ изъ виду и практическихъ познаній, угадавъ, что благосостояніе и безопасность страны могутъ основываться только на промышленности и мореплаваніи. Все это выказывается какъ нельзя опредѣлительнѣе въ выборѣ и изложеніи сочиненій, которыя онъ переводилъ самъ, или заставлялъ переводить другихъ. Пастырскую книгу (liber pastoralis) Григорія Великаго, Альфредъ перевелъ самъ, желая показать въ ней духовенству, какъ слѣдуетъ распространять въ народѣ нравственность. Недостатки этого произведенія казались въ ту пору ничтожными, а вліяніе католическаго духовенства, основанное на шпіонствѣ и выпытываніи, было безвредно при тогдашнихъ англійскихъ учрежденіяхъ. Бесѣды этого папы были переведены не самимъ Альфредомъ, а епископомъ Вернфритомъ; Альфредъ же написалъ къ нимъ только предисловіе, которое замѣчательно тѣмъ, что въ немъ подробно излагается взглядъ автора на литературу вообще и на современную англосакскую въ особенности. Выборъ этой книги, наполненной чудесными разсказами, объясняется нравоучительнымъ характеромъ нѣкоторыхъ частей ея и внутреннимъ убѣжденіемъ Альфреда въ томъ, что одичалый народъ слѣдуетъ вести къ религіи не тѣмъ путемъ, какимъ идетъ къ ней образованное или изнѣженное поколѣніе. Къ замѣчательнѣйшимъ сочиненіямъ, переведеннымъ на англосакскій языкъ самимъ Альфредомъ, принадлежатъ «Признанія» св. Августина (стр. 253) и «Философское Утѣшеніе,» Боэтія (стр. 262). Отъ перевода перваго изъ нихъ до насъ дошло всего нѣсколько строкъ, а послѣднее издано

вновь англичаниномъ Роулисономъ вполнѣ и съ подлинныхъ рукописей. Впрочемъ, это произведеніе не переводъ, а скорѣе подражаніе; Альфредъ воспользовался именемъ Боэтія, чтобы развить свою собственную чисто-практическую и исполненную чувства философію. Въ этомъ сочиненіи онъ учитъ своихъ подданныхъ, какъ сквозь оболочку христіанской религіи, которую они находятъ въ бесѣдахъ Григорія, добраться до ея сущности, а въ особенности, какимъ образомъ практически прилагать теологію и философію къ обстоятельствамъ и потребностямъ жизни и стѣсненному положенію государства, окруженному со всѣхъ сторонъ опасностями (стр. 264). Впрочемъ, желающіе ближе познакомиться съ философіею Альфреда и его способомъ изложенія могутъ принять въ руководство исторію англосаксовъ Турнера, гдѣ помѣщены и необходимыя извлеченія изъ этого сочиненія.

Посредствомъ упомянутыхъ нами сочиненій и другихъ произведеній, которыхъ мы не называемъ, великій король старался съ помощью способныхъ людей распространить въ народѣ образованность и нравственность, не забывая, въ то же время, знакомить англосаксовъ съ исторіею, географіею и математическими науками. Онъ перевелъ всеобщую исторію Орозія и исторію англосаксовъ Беды, и въ видѣ необходимаго дополненія къ своему переводу Боэтія, написалъ біографію Теодориха Великаго. Что касается реальныхъ наукъ, то многія мѣста изъ перевода Боэтія могутъ служить доказательствомъ обширныхъ познаній Альфреда въ астрономіи. Кораблестроительное искусство, повидимому, было также хорошо знакомо Альфреду Великому; это доказывается лучше всего тѣмъ, что онъ могъ создать флотъ для обороны береговъ государства и предпринимать экспедиціи географическихъ открытій въ отдаленныхъ странахъ сѣвера. Любопытный отчетъ о результатахъ путешествія, предпринятаго, по приказанію Альфреда, Отеромъ, для изслѣдованія земли лапландцевъ и финновъ, или какъ они названы тамъ, беорму (Біарміи русскихъ историковъ) и терфиновъ, сохранился до нашего времени вмѣстѣ съ донесеніемъ Вульфстана, который былъ отправленъ имъ въ Балтійское море. Оба эти отчета заключаютъ въ себѣ древнѣйшія и достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о странахъ и народахъ дальняго сѣвера Европы и береговъ Балтійскаго моря.

III. ИСТОРІЯ ИТАЛІИ И ФРАНКОВЪ

ВЪ ПЕРВЫЯ СТОЛѢТІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

1. Франки до смерти Хлодвига I.

По своему происхожденію франки не были какимъ-нибудь особеннымъ племенемъ, а составились изъ смѣси многихъ германскихъ народностей, начавшихъ слагаться въ одно политическое цѣлое со втораго столѣтія нашего лѣтосчисленія (стр. 84). Они образовались изъ бруктеровъ, хамавовъ, каттовъ, сигамбровъ и другихъ народовъ и сдѣлались извѣстными только въ третьемъ столѣтіи. Франки издавна дѣлились на двѣ вѣтви: франковъ рипуарскихъ, владѣвшихъ берегами нижняго Рейна, отъ Лана внизъ по теченію, и салическихъ, поселившихся по Ваалу и Маасу. По преданію, въ царствованіе римскаго императора Гонорія королемъ рипуаровъ былъ Фарамундъ. При его сынѣ и наслѣдникѣ, Клодіонѣ, рипуарскіе и салическіе франки соединились, какъ кажется, въ одинъ народъ; но по смерти Клодіона (около 450 г.) они снова раздѣлились. Власть надъ салическими франками перешла къ меньшему сыну Клодіона, Меровею, а старшій, имя котораго неизвѣстно, сдѣлался королемъ рипуаровъ. Въ битвѣ римлянъ съ Аттилою при Шалонѣ на Марнѣ (стр. 233), салическіе франки сражались вмѣстѣ съ римлянами, а рипуарскіе находились на сторонѣ Аттилы. Впослѣдствіи, изгнавъ сына Меровея, Хильдериха, оскорблявшаго подданныхъ своимъ высокомѣріемъ, франки провозгласили своимъ королемъ римлянина Эгидія, который и основалъ въ странѣ около Суассона независимое владѣніе (стр. 236.). Франки признали власть Эгидія на такихъ же условіяхъ, на какихъ подчинялись прежде власти римскихъ императоровъ, предоставили ему титулъ короля и обязались нести военную службу, оставаясь совершенно самостоятельными во внутреннемъ управленіи. Старанія Эгидія отнять у франковъ независимость и заставить ихъ платить подати были причиною его паденія. Франки прекратили съ нимъ всякія сношенія и снова признали королемъ Хильдериха, возвратившагося изъ изгнанія. Эгидій скоро умеръ (464), а его сынъ, Сіагрій, былъ не въ состояніи возвратить власть, потерянную его отцомъ. Впрочемъ, Хильдерихъ царствовалъ только надъ частью салическихъ франковъ, а другія племена имѣли своихъ особенныхъ вождей. При сынѣ Хильдериха, Хлодвигѣ I, наслѣдовавшемъ ему въ 481 г., всѣ салическіе и рипуарскіе франки снова соединились и основали великое франкское государство, изъ котораго, спустя четыре столѣтія, образовались Франція и Германія. Съ Хлодвига начинается и положительная исторія франковъ. Его наслѣдники, продолжавшіе царствовать до восьмаго столѣтія, называются Меровингами, по имени своего родоначальника, Меровея.

При воцареніи Хлодвига, франки занимали всѣ земли по нижнему Рейну и Бельгію до Соммы. Между Соммою, Па-де-Кале и Атлантическимъ океаномъ, или въ такъ называвшейся Арморикѣ, поселились бритты, вышедшіе изъ Англіи и образовавшіе нѣчто въ родѣ конфедераціи. Страною на югъ отъ Луары до Испаніи съ одной стороны и до Пиренеевъ съ другой — владѣли вестготы. На востокъ отъ нихъ и на югъ отъ франковъ жили бургунды, распростра-

нившіеся мало-по-малу отъ Валлиса до Лангра, Авиньона и даже до верховьевъ Луары; они исповѣдывали христіанство. Между ними, франками и вестготами лежали владѣнія Сіагрія, составившіяся изъ остатковъ не задолго передъ тѣмъ погибшей западной римской имперіи. Наконецъ на востокѣ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна, отъ устьевъ Лана до границъ Бургундіи, владѣли алеманны. Кромѣ того, алеманны владѣли правымъ берегомъ Рейна, большею частью Швейцаріи и всею страною на западъ до Леха. Здѣсь они граничили съ германскимъ народомъ, боіарами или баварами, жившими между Лехомъ, Дунаемъ и Энномъ. Къ сѣверу отъ баваровъ обитали тюринги, поселнія которыхъ тянулись отъ границъ франковъ, алеманновъ и баваровъ до Гарца. Къ сѣверу отъ нихъ почти всѣ земли между Эльбою и франками занимали племена саксовъ а по берегамъ Сѣвернаго моря, отъ Зюйдеръ-Зее до Везера, жили фризы, отдѣльныя поселенія которыхъ встрѣчались и далѣе на востокъ до береговъ Ютландіи.

Жадный и властолюбивый Хлодвигъ I имѣлъ для провинцій распавшейся римской имперіи такое же важное значеніе, какъ лонгобардъ Альбоинъ и король остготскій Теодорихъ Великій. Уже съ первыхъ лѣтъ царствованія Хлодвигъ началъ стремиться къ распространенію своихъ владѣній. Поддерживаемый нѣкоторыми другими франкскими королями, онъ напалъ сначала на Сіагрія и, одержавъ надъ нимъ полную побѣду при Суассонѣ (въ 486 г.), изгналъ его изъ его владѣній. Сіагрій бѣжалъ къ вестготскому королю Алариху II, который былъ такъ малодушенъ, что выдалъ его, испугавшись угрозъ франкскаго короля. По приказанію Хлодвига, Сіагрій былъ тайно умерщвленъ. Помолвленный уже прежде на дочери бургундскаго короля, Хлодвигъ согласился жениться, только сдѣлавшись послѣ этого завоеванія владѣтелемъ обширнаго государства. Бургундіею правили тогда четыре брата, изъ которыхъ двое пали въ междоусобной борьбѣ. Одинъ изъ нихъ оставилъ послѣ себя дочь Родгильду, или, какъ ее обыкновенно называютъ, Клотильду, находившуюся въ плѣну у своего дяди, Гундобальда, умертвившаго ея отца, мать и братьевъ. Хлодвигъ угрозами заставилъ Гундобальда отдать за него замужъ племянницу (493). Не смотря на то, что Клотильда была христіанкою и притомъ самою ревностною послѣдовательницею православія, супругъ ея оставался язычникомъ. Впрочемъ, онъ позволилъ крестить своего перваго сына, но когда этотъ послѣдній умеръ, то приписалъ его смерть совершенному надъ нимъ церковному обряду и едва позволилъ крестить втораго сына. Скоро и самъ Хлодвигъ принялъ христіанство, послѣ того какъ Богъ христіанскій, по его мнѣнію, помогъ ему въ одной войнѣ. Призванный на помощь королемъ рипуарскихъ франковъ, Сигбертомъ, жившимъ въ Кёльнѣ, Хлодвигъ въ рѣшительной битвѣ при Цюльпихѣ (496 г.) далъ обѣтъ креститься, если Богъ христіанъ даруетъ ему побѣду. Обѣщаніе это Хлодвигъ исполнилъ въ томъ же году, крестившись въ Реймсѣ вмѣстѣ съ тремя стами франковъ. Примѣру Хлодвига послѣдовали и всѣ его подданные. Принятіе франками православной вѣры помогло римской церкви одержать въ короткое время побѣду надъ аріанствомъ, и потому неудивительно, что въ послѣдующія столѣтія крещеніе Хлодвига было украшено различными баснословными преданіями. По словамъ одной изъ этихъ сагъ или легендъ, во время крещенія бѣлый голубь, посланный съ неба, принесъ въ церковь сосудъ съ мѵромъ. Впослѣдствіи этотъ сосудъ показывали въ Реймсѣ во время коронованія французскихъ королей. На самомъ же дѣлѣ обращеніе Хлодвига состояло только въ замѣнѣ языческихъ обрядовъ христіанскими; о перемѣнѣ взглядовъ и нравственности не могло быть и рѣчи. Хлодвигъ по прежнему былъ грубъ и жестокъ, и его крещенію могли радоваться тольло одни христіане, жившіе въ Галліи. Само тогдашнее духовенство ожидало добрыхъ плодовъ отъ христіанства только въ будущемъ поколѣніи.

Послѣ цюльпихскаго сраженія алеманны принуждены были заключить союзъ съ франками и признать своимъ повелителемъ Хлодвига. Жители Арморики тоже отдались подъ его покровительство. Стараясь расширить свои владѣнія на югѣ въ ущербъ бургундскихъ королей, Хлодвигъ вступилъ въ тайный союзъ съ королемъ Годегизилемъ, владѣвшимъ Женевою и искавшимъ случая освободиться изъ-подъ власти своего брата, Гундобальда, резиденціею котораго былъ Ліонъ. Вслѣдствіе предательства Годегизиля, разбитый Хлодвигомъ при Дижонѣ, Гундо-

бальдъ бросился въ укрѣпленный Авиньонъ, но и здѣсь былъ до того стѣсненъ противникомъ, что для спасенія своей жизни и части владѣній съ радостью согласился уступить Годегизилю нѣкоторыя области и платить франкскому королю ежегодную дань. Въ слѣдующемъ году Гундобальдъ опять двинулся противъ брата, поддерживаемаго франкскими войсками, и, напавъ врасплохъ на городъ Віеннъ, къ величайшей радости всей Бургундіи, умертвилъ Годегизиля и его клевретовъ. Съ этихъ поръ Гундобальдъ (516) оставался до самой смерти единодержавнымъ владѣтелемъ всего бургундскаго королевства. Для того, чтобы привязать къ себѣ своихъ подданныхъ, онъ, будучи самъ аріаниномъ, воспитывалъ сына въ православіи и издалъ законы, предоставлявшіе подвластнымъ ему римлянамъ права и преимущества, которыми они не пользовались ни у франковъ, ни у вестготовъ. Хлодвигъ оставлялъ бургундскаго короля въ покоѣ по многимъ причинамъ, и между прочимъ потому, что былъ занятъ въ то время покореніемъ алеманновъ, нетерпѣливо сносившихъ франкское владычество и окончательно подчинившихся ему только чрезъ восемь лѣтъ послѣ сраженія при Цюльпихѣ (504). Между тѣмъ въ продолженіе всего этого времени франки враждовали съ вестготскимъ королемъ Аларихомъ II. Когда вражда эта дошла наконецъ до открытой войны, вестготы были разбиты, самъ Аларихъ палъ въ сраженіи, и всѣ его владѣнія на сѣверъ отъ Пиренеевъ были покорены франками (стр. 241.). Завоеванія Хлодвига не ограничились бы этимъ, если бы тесть Алариха, вестготскій король Теодорихъ Великій, не выслалъ противъ него войско. Хлодвигъ, разбитый при Арлѣ, принужденъ былъ, послѣ продолжительной войны, отказаться отъ части занятыхъ имъ вестготскихъ владѣній. Провансъ достался Теодориху, нынѣшній Лангедокъ удержали за собою вестготы, а всѣ прочія области остались во власти Хлодвига. Хлодвигъ тѣмъ легче могъ утвердиться въ этихъ странахъ, что православное римское населеніе ихъ встрѣтило его съ радостью, считая себя несчастными подъ владычествомъ аріанъ вестготовъ.

До сихъ поръ Хлодвигъ былъ скорѣе верховнымъ предводителемъ, а не властителемъ всѣхъ франкскихъ племенъ; но счастье, благопріятствовавшее ему на войнѣ, подало ему мысль домогаться и послѣдняго. Для достиженія этой цѣли Хлодвигъ не стѣснялся на ряду съ обыкновенными средствами прибѣгать къ лицемѣрію, вѣроломствамъ и убійствамъ. Сначала онъ обратился противъ короля рипуарскихъ франковъ, Сигберта. Честолюбивый сынъ Сигберта, которому казалось, что отецъ его живетъ слишкомъ долго, слѣдуя внушеніямъ Хлодвига, умертвилъ отца, но потомъ самъ былъ убитъ тайно, по приказанію своего коварнаго совѣтника. Созвавъ послѣ этого народное собраніе рипуарскихъ франковъ, Хлодвигъ былъ безъ всякаго противорѣчія признанъ ими королемъ, потому что у Сигберта не оставалось болѣе потомства, а Хлодвигъ былъ могущественнѣе другихъ князей. Притомъ франки не думали обвинять Хлодвига за смерть сына Сигберта, считая ее только справедливымъ наказаніемъ за убійство отца. «Такъ предавалъ Богъ въ руки Хлодвига враговъ его, потому что онъ ходилъ предъ Богомъ съ чистымъ сердцемъ,» писалъ жившій нѣсколько позднѣе епископъ турскій Григорій. Впрочемъ, мы ошибемся, если примемъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ, потому что они сказаны св. Григоріемъ, по обычаю современныхъ ему писателей, только для красоты слога и для того, чтобы окончить разсказъ нравоучительною фразою. Григорій описываетъ всѣ дѣла Хлодвига съ такою же откровенностью и правдивостью, какъ и только что упомянутое нами злодѣйство, показывая этимъ, какъ далекъ онъ былъ отъ мысли хвалить христіанскую нравственность короля и видѣть въ его дѣлахъ особенное проявленіе благодати Божіей. Въ убійствѣ Сигберта и его сына Хлодвигъ съумѣлъ сохранить по крайней мѣрѣ приличіе; но не такъ легко было сдѣлать это при низверженіи другихъ наслѣдственныхъ князей франковъ. Отъ короля Рахнахара онъ избавился тѣмъ, что подкупилъ его вассаловъ, которые и перешли во время сраженія на сторону Хлодвига. Рахнахаръ, взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ братомъ, былъ собственноручно умерщвленъ Хлодвигомъ за то, что позволилъ заковать себя въ цѣпи и этимъ унизить достоинство фамиліи Меровинговъ. Потомъ Хлодвигъ убилъ и его брата за то, что онъ допустилъ Рахнахара до такого безчестія. Вассалы умерщвленнаго короля получили отъ Хлодвига награду фальшивою монетою (какъ это оказалось уже по смерти Рахнахара) и когда они стали укорять его за этотъ обманъ, Хлодвигъ

отвѣчалъ имъ, что предатели своего короля не стоятъ настоящаго золота. Такимъ образомъ Хлодвигъ истребилъ почти всѣ знатнѣйшія владѣтельныя фамиліи франковъ и вынудилъ у своихъ хищныхъ соплеменниковъ признаніе его правъ на владѣнія и имущества низверженныхъ князей. Такъ какъ право носить длинные волоса принадлежало только Меровингамъ и лишеніе этого права, по понятіямъ франковъ, означало потерю власти, то Хлодвигъ, пощадивъ менѣе значительныхъ князей, приказалъ остричь ихъ. Однажды, въ кругу своихъ вельможъ, Хлодвигъ жаловался, что онъ рѣшительно одинъ между чужими и не имѣетъ родственниковъ, которые бы, въ случаѣ нужды, могли защитить его. «Это говорилъ онъ,» присовокупляетъ Григорій турскій, «не изъ сожалѣнія о погибели многихъ близкихъ отраслей своего дома, а съ намѣреніемъ обмануть оставшихся еще въ живыхъ родственниковъ и имѣть возможность устранить ихъ съ своей дороги.» Впрочемъ, Хлодвигъ, совершая разныя злодѣйства, не думалъ о сохраненіи единства и могущества монархіи; иначе онъ принялъ бы мѣры, чтобы по его смерти, въ 511 году, государство его не было раздѣлено между его сыновьями.

Принятіе франками христіанства и грубыя наслажденія легко добываемыми въ цивилизованныхъ странахъ благами жизни, съ которыми они не были прежде знакомы, произвели значительную перемѣну въ характерѣ и нравахъ франковъ. Эта перемѣна могла бы быть еще значительнѣе, если бы германскія племена не держались такъ упорно старинныхъ обычаевъ. Прежніе нравы и отношенія совершенно измѣнились, и мало-по-малу у франковъ также возникли учрежденія, изъ которыхъ впослѣдствіи развился истинный характеръ средневѣковыхъ германскихъ государствъ. Тогда же появились у франковъ и письменные законы, сохранившіеся до нашего времени подъ именемъ с а л и ч е с к и х ъ. Сюда вошли частью древніе судебные обычаи, а частью и новыя постановленія, обусловливавшіяся новыми отношеніями. Впрочемъ франки принадлежали къ тѣмъ германскимъ племенамъ, которыя, подобно бургундамъ и вестготамъ, не истребляли въ занятыхъ ими земляхъ римскаго населенія, имѣвшаго на нихъ многостороннее вліяніе. Даже ихъ природный языкъ былъ мало-по-малу вытѣсненъ латинскимъ.

2. Франки отъ смерти Хлодвига I до Пипина Ланденскаго.

Хлодвигъ оставилъ четырехъ сыновей: Т и д е р и х а, отъ первой жены, и Х л о д о м і р а, Х и л ь д е б е р т а I и К л о т а р я I, отъ Клотильды. Братья раздѣлили между собою государство. Тидерихъ взялъ такъ называемую А в с т р а з і ю, или восточныя области, т. е. всѣ владѣнія франковъ на правомъ берегу Рейна и на лѣвомъ до Мааса. Столицею его былъ городъ Мецъ. Изъ остальныхъ западныхъ провинцій государства, носившихъ имя Н е й с т р і и, большую часть, а именно весь берегъ съ главнымъ городомъ Парижемъ, получилъ Хильдебертъ. Хлодоміръ, имѣвшій свою резиденцію въ Орлеанѣ, владѣлъ югомъ государства, а Клотарь получилъ земли около Суассона. Дѣля между собою государство и округляя свои владѣнія, франкскіе короли ни тогда, ни впослѣдствіи не обращали вниманія на разноплеменность населенія, такъ какъ въ ту эпоху думали только о власти и владычествѣ, а не объ управленіи. При тогдашнемъ всеобщемъ варварствѣ, раздѣленіе монархіи между сыновьями Хлодвига непремѣнно должно было породить безчисленныя ссоры. Къ счастью, Клотильда долгое время поддерживала между ними согласіе, а миръ съ вестготскимъ королемъ Амаларихомъ, сыномъ Алариха II, былъ упроченъ женитьбою его на сестрѣ франкскихъ королей. Только Бургундія и Тюрингія представляли тогда удобное поприще для набѣговъ. Съ 516 г. въ Бургундіи царствовалъ сынъ Гундобальда, Сигмундъ, воспитанный въ православіи. Онъ приказалъ снова пересмотрѣть законы своего отца и скрѣпить ихъ подписями предсѣдателей областныхъ судовъ (Gau-Gerichte). Получивъ порядочное образованіе, Сигмундъ поощрялъ изученіе римскаго права и старался посредствомъ наемныхъ учителей распространять между бургундами занятія римскою и даже греческою литературою. Уже имѣя отъ своей первой жены, Остроготы, дочери Теодориха Великаго, сына С и г р е й х а, Сигмундъ же-

нился во второй разъ на женщинѣ изъ простаго сословія. Сигрейхъ, оскорбивъ однажды свою мачиху, нарушилъ семейное спокойствіе и, по приказанію отца, былъ лишенъ жизни въ 522 году, а оскорбленные его казнью остготы прервали дружественныя сношенія съ Сигмундомъ. Пользуясь этимъ, король Нейстріи задумалъ напасть на Бургундію. Сигмундъ вскорѣ горько раскаялся въ своемъ поступкѣ, сталъ дѣлать богатыя пожертвованія на церкви и заставилъ монаховъ основаннаго имъ монастыря св. Маврикія въ Валлисѣ, день и ночь пѣть за него покаянные псалмы. Конечно, всѣмъ этимъ онъ возвратилъ себѣ расположеніе духовенства, заслужилъ даже названіе святаго, но не могъ избѣжать послѣдствій своей ошибки и въ слѣдующемъ же году поплатился за нее жизнью. Франки, поддерживаемые остготами, напали на Бургундію, и Сигмундъ, проигравъ два сраженія, долженъ былъ бѣжать. Онъ скрылся въ монастырь св. Маврикія, но узнанный тамъ и подъ монашескою рясою былъ выданъ Хлодомиру вмѣстѣ съ женою и дѣтьми и, по приказанію его, лишенъ жизни. Остготы и франки раздѣлили между собою его владѣнія; но едва главныя силы ихъ успѣли возвратиться домой, какъ бургунды увидѣли, что сдѣлали ошибку, предавъ короля, ничѣмъ ихъ не оскорбившаго. Провозгласивъ королемъ брата Сигмунда, Годомара, они прогнали враговъ изъ своей земли, и Хлодомиру снова пришлось покорять бургундовъ. Въ этой войнѣ король Нейстріи лишился жизни, а Годомаръ еще десять лѣтъ оставался королемъ Бургундіи. Хлодоміръ оставилъ трехъ несовершеннолѣтнихъ сыновей, которыхъ бабка ихъ, Клотильда, взяла къ себѣ. Но въ томъ же году двое изъ нихъ были умерщвлены своими нейстрійскими дядями, а третій принужденъ былъ остричь волоса и идти въ монастырь.

Такія злодѣйства считались самымъ обыкновеннымъ дѣломъ у грубыхъ франковъ, весьма рѣзко отличавшихся этимъ отъ большинства германскихъ народовъ. Грубость ихъ правовъ особенно бросается въ глаза при сравненіи образа жизни ихъ королей и вельможъ съ исторіею другихъ германцевъ, или ихъ законовъ о смертоубійствѣ, поврежденіи членовъ, о крѣпостномъ правѣ и покоренныхъ жителяхъ Галліи съ несравненно болѣе кроткими и чистыми постановленіями бургундскихъ законовъ о тѣхъ же предметахъ. Франкскіе короли не стыдились даже цѣнить серебро выше своей чести. Тидерихъ сдѣлалъ однажды покушеніе на жизнь своего брата, Клотаря, и когда планъ его разстроился, примирился съ нимъ,ославъ ему въ подарокъ серебряное блюдо. Впрочемъ, Тидериху стало жаль этого подарка, и онъ послалъ своего сына упросить Клотаря отдать назадъ блюдо. Кажется, тюринги, противъ которыхъ соединились Тидерихъ и Клотарь, были еще грубѣе франковъ, какъ можно заключить изъ словъ, влагаемыхъ франкскими писателями въ уста Тидериху, когда онъ, возбуждая свой народъ къ войнѣ съ этимъ племенемъ, напоминалъ франкамъ объ истязаніяхъ, которымъ подвергались ихъ жены и дѣти во время нападеній тюринговъ. Въ этой войнѣ къ франкскимъ королямъ присоединились саксы, и тюринги были разбиты въ кровопролитномъ сраженіи (529 г.) при Унштрутѣ. Послѣ этого, между тюрингскимъ королемъ Германфридомъ и франками произошло, какъ кажется, дружское свиданіе, потому что вслѣдъ затѣмъ Германфридъ отправился къ Тидериху и былъ радушно принятъ имъ. Король тюринговъ вскорѣ послѣ того (530 г.) умеръ, и многіе приписываютъ его смерть коварному Тидериху. Небольшая часть Тюрингіи перешла къ саксамъ, а остальными завладѣлъ Тидерихъ, который предписалъ тюрингамъ гораздо болѣе тяжкія условія, чѣмъ другимъ народамъ Германіи.

Почти въ это же время Хильдебертъ напалъ на вестготовъ и отнялъ у нихъ большую часть ихъ владѣній, а по окончаніи войны съ ними заключилъ союзъ съ Клотаремъ противъ бургундовъ. Годомаръ былъ не въ силахъ устоять противъ полчищъ обоихъ франкскихъ королей, и потому въ 534 г. былъ побѣжденъ и взятъ имъ въ плѣнъ, а его владѣнія присоединены къ франкскому государству; впрочемъ, жители ихъ удержали за собою свои прежніе законы и учрежденія. Вслѣдъ затѣмъ франки, пользуясь внутреннимъ разстройствомъ остготскаго государства, распространили свое владычество и за Альпы, и стали опустошать Италію хищническими набѣгами (стр. 214). Уже тогда у нихъ была замѣтна страшная испорченность нравовъ, соединенная съ простотою, свойственною героическимъ временамъ. Характеръ франковъ сложился подъ различными вліяніями, потомучто, познакомившись съ римскимъ и греческимъ распутствомъ, вѣроломъ-

ствомъ и испорченностью слишкомъ образованныхъ народовъ, они удержали особенности германскаго быта и древніе національные обычаи. Характеръ этотъ съ теченіемъ времени становился все хуже и хуже и сталъ измѣняться къ лучшему только тогда, когда все старое или уничтожилось, или совершенно слилось съ новымъ. Народной нравственности особенно вредило то обстоятельство, что король былъ только предводителемъ войска, и часто, не владѣя свободно латинскимъ языкомъ, предоставлялъ государственныя дѣла своимъ галло-римскимъ подданнымъ. Кровавыя распри между братьями, непримиримая ненависть между отцомъ и сыномъ, повсемѣстное господство насилія, неумѣренная роскошь, развратъ или двоеженство, постоянно усиливавшіяся злоупотребленія при занятіи духовныхъ должностей и безнравственность высшаго духовенства были самыми обыкновенными явленіями. Лѣтописи и легенды франковъ только и наполнены описаніемъ подобныхъ ужасовъ, такъ что весь этотъ народъ представляется намъ какою-то толпою разбойниковъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что все это относится не къ цѣлой націи, а только къ той части ея, которая является дѣйствующею въ этихъ разсказахъ. Мы уже видѣли примѣръ вражды и ненависти между братьями въ покушеніи Тидерпха на жизнь Клотаря; но и за другими примѣрами не нужно ходить далеко. Сынъ Тидерпха, Тейдебертъ, въ 534 году наслѣдовавшій отцу въ Австразіи, на третьемъ году своего царствованія соединился съ дядею Хильдебертомъ противъ Клотаря; они безъ всякаго повода объявили ему войну, и только необыкновенныя усилія матери Клотаря, Клотильды, возстановили между ними миръ. Еще два раза долженъ былъ Клотарь защищать свою жизнь и тронъ противъ покушеній своего сына Храмна; захваченный въ плѣнъ во время вторичной попытки къ возстанію, Храмнъ, по приказанію Клотаря, былъ сожженъ живымъ вмѣстѣ съ женою и дочерьми. Грубая чувственность франкскихъ королей допускала не только господствовавшій тогда обычай держать наложницъ, но заимствовала съ Востока и многоженство. Распущенность брачныхъ узъ была такъ велика, что звѣрство необходимо должно было укорениться въ подобномъ обществѣ. Франкскіе историки, не стѣсняясь, называютъ наложницъ своихъ королей ихъ женами, такъ какъ обычай обратился наконецъ въ законъ. Отношенія Клотаря къ двумъ сестрамъ, Арегундѣ и Ингундѣ, могутъ служить образцомъ этого неестественнаго разврата, и исторія этого мрачнаго времени въ особенности интересна по характеру самаго разсказа Григорія турскаго. Напоминая намъ собою то время, когда евреи были еще погружены въ варварство кочевыхъ народовъ, она, кромѣ того, указываетъ намъ, гдѣ нужно искать начала и объясненія знаменитымъ библейскимъ выраженіямъ и восточнымъ взглядамъ на королей и жрецовъ. Однажды жена Клотаря, Ингунда, похвалила ему красоту своей сестры Арегунды и просила его найти ей приличнаго жениха. Этого было достаточно для того, чтобы возбудить въ сластолюбивомъ Клотарѣ желаніе овладѣть Арегундою; онъ отправился къ ней въ домъ и тотчасъ же перевелъ ее къ себѣ. «Я старался, сказалъ онъ Ингундѣ, исполнить твою неотступную просьбу, и искалъ для твоей сестры богатаго и умнаго человѣка, но, не найдя никого лучше себя, взялъ ее себѣ въ жены; думаю, что это тебѣ будетъ пріятно.» «Пусть господинъ мой дѣлаетъ, что ему угодно,» отвѣчала Ингунда, «лишь бы только его рабыня продолжала пользоваться его любовью и милостью.» — Между франками хищничество было такъ велико и такъ распространено, что короли часто даже противъ воли должны были отвергать самыя выгодныя предложенія народовъ, съ которыми собирались воевать, потому что не имѣли достаточно вліянія, чтобы устоять противъ требованій массъ, сгаравшихъ желаніемъ грабежа. Однажды Клотарь отказался сдѣлать набѣгъ на саксовъ, но принужденъ былъ къ этому формальнымъ возмущеніемъ своихъ подданныхъ, хотѣвшихъ грабить безпрестанно, и потерпѣлъ такое пораженіе, какого франки уже давно не испытывали. Жизнь высшаго франкскаго духовенства, получавшаго свои мѣста не по выбору, а по назначенію короля или вельможъ, отличалась самою возмутительною безнравственностью. Вліяніе его на остальные классы общества было громадно, потому что у франковъ, какъ и у вестготовъ, духовенство уже съ самаго начала входило въ составъ аристократіи и имѣло мѣсто и голосъ на сеймахъ. По словамъ Григорія турскаго, епископъ Каутинъ, жившій при Клотарѣ, не обнаруживалъ никакихъ слѣдовъ благочестія и религіи, и своимъ поведеніемъ заслужилъ всеобщее проклятіе; онъ былъ преданъ

самому отвратительному пьянству и однажды, желая завладѣть чужимъ имѣніемъ, покушался на жизнь другаго духовнаго лица. Подобныя черты честолюбія, любви къ роскоши, распутства и предательства сообщаютъ намъ и о другихъ епископахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такой деморализаціи господствующихъ классовъ все болѣе и болѣе увеличивался упадокъ нравственности и запутанность въ дѣлахъ государства. Къ тому же въ характерѣ франковъ обнаруживалась тогда еще одна черта, свойственная только эпохамъ, когда образованность принимаетъ ложное направленіе: грубое суевѣріе совмѣщалось у нихъ съ самымъ отчаяннымъ невѣріемъ. Причина этого явленія кроется въ невѣжествѣ народа и въ остаткахъ язычества, державшагося еще долгое время, не смотря на всѣ усилія благочестивой Клотильды истребить его. Впрочемъ, вглядываясь въ нравственное состояніе франковъ, мы не можемъ не видѣть божественнаго промысла, управляющаго всѣмъ. Не смотря на всѣ тогдашніе ужасы, христіанство удержалось между франками. Папа Григорій Великій и другіе дѣятели, руководясь не своей коварною политикою, какъ говорятъ обыкновенно, а какимъ-то инстинктивнымъ чувствомъ, сами основывали христіанство на суевѣріи, а франкское государство, не взирая на всѣ дѣленія, сохраняло единство.

Изъ сыновей Хлодвига I только Тидерихъ и Клотарь I оставили послѣ себя потомство; но единственный сынъ Тидериха, Тейдебертъ, и внукъ, Тейдебальдъ, умерли еще въ молодости. Поэтому въ 558 г. государство снова соединилось подъ властью Клотаря I. Впрочемъ, вскорѣ Клотарь умеръ (561), и его сынъ, Хильперихъ I, сдѣлалъ попытку завладѣть сокровищами и всѣмъ государствомъ отца. Но три другіе брата, Харибертъ I, Гунтрамъ (Гонтранъ) и Сигбертъ I, принудили его раздѣлить государство; это подало поводъ къ новой враждѣ и новымъ злодѣйствамъ. Въ 568 году умеръ Харибертъ, и его владѣнія были раздѣлены между братьями. Съ этого времени Сигбертъ владѣлъ Австразіею съ главнымъ городомъ Мецомъ, Хильперихъ царствовалъ въ Суассонѣ, а Гунтрамъ въ Орлеанѣ. Всѣ они не имѣли недостатка въ научномъ образованіи, такъ какъ древняя образованность поддерживалась во Франціи поселившимися тамъ римскими фамиліями, торговлею съ восточною имперіею, путешествіями въ Іерусалимъ и наконецъ тѣмъ, что нѣкоторые изъ франковъ воспитывались въ Константинополѣ. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ троихъ братьевъ не извлекъ никакой существенной выгоды изъ своихъ знаній; образованіе не произвело перемѣны въ ихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Хильперихъ былъ ученѣе другихъ, хорошо зналъ латинскій языкъ, обладалъ богословскими познаніями и имѣлъ нѣкоторый поэтическій даръ. Онъ изобрѣлъ даже особенныя письмена, которыя тщетно старался ввести въ употребленіе. Лучшимъ изъ нихъ, безспорно, былъ Гунтрамъ, но тупоуміе и слабость воли ставили его въ совершенную зависимость отъ придворныхъ. Сигбертъ отличался отъ другихъ тѣмъ, что одинъ обуздывалъ въ себѣ общую наклонность Меровинговъ къ распутству.

По смерти Хариберта, вражда между братьями запылала съ новою силою, и двѣ женщины, Брунегильда и Фредегунда, мало-по-малу раздули ее еще болѣе: Брунегильда, дочь вестготскаго короля Атанагильда, была женою Сигберта, и, по своему знатному происхожденію, красотѣ и богатству, пользовалась особеннымъ уваженіемъ франковъ, которые благоговѣли предъ подобными качествами. Поэтому Хильперихъ тоже сталъ искать себѣ подобной невѣсты, и женился на Галесвинтѣ, старшей сестрѣ Брунегильды, давъ обѣщаніе удалить своихъ наложницъ. Но вскорѣ послѣ брака Хильперихъ опять взялъ къ себѣ прежнюю наложницу, Фредегунду, и сталъ оказывать ей болѣе уваженія, чѣмъ своей законной женѣ. Этотъ поступокъ былъ причиною постоянныхъ ссоръ между Галесвинтой, Хильперихомъ и Фредегундой. Галесвинта внезапно умерла, и смерть ея приписали честолюбивой Фредегундѣ, которую Хильперихъ чрезъ нѣсколько дней торжественно объявилъ своею женою. Брунегильда, женщина чрезвычайно мстительнаго характера, и ея мужъ, Сигбертъ, съ этого времени поклялись мстить Фредегундѣ, которая однакожъ съумѣла защищаться отъ своихъ враговъ. Она такъ удачно выбирала годныя для себя средства, что невольно удивляешься ея природному здравому смыслу и находчивости. Сначала враги Фредегунды торжествовали, потому что франки уважали Сигберта болѣе прочихъ братьевъ; но вскорѣ гордость Брунегильды сдѣлалась для франковъ несноснѣе всѣхъ злодѣйствъ

Фредегунды. Фредегунда выпутывалась изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и удачно отражала нападенія своихъ враговъ. Она далеко превосходила характеромъ Хильпериха, которому, при всей его образованности и учености, не доставало способности примѣняться къ обстоятельствамъ, которою въ высшей степени обладала Фредегунда. Хитрость и ловкость ея были такъ велики, что для усиленія могущества своего мужа, она стала даже помышлять о введеніи у франковъ нѣкоторыхъ налоговъ. Короли франкскіе брали подать съ однихъ покоренныхъ жителей римскаго происхожденія, но отъ коренныхъ франковъ, кромѣ взноса установленной части судебной пошлины, получали только добровольные подарки. Свои расходы они покрывали преимущественно доходами съ королевскихъ имѣній (доменовъ), въ различныхъ частяхъ государства, управленіе которыми было возложено на особыхъ управляющихъ. Если бы Фредегунда достигла своей цѣли, то значительныя издержки короля на содержаніе двора покрывались бы государственною казною. Но планъ этотъ не удался, вслѣдствіе самаго способа его выполненія и отвращенія франковъ ко всякаго рода налогамъ.

Въ этой борьбѣ двухъ братьевъ и ихъ женъ, Гунтрамъ, ненавидя Фредегунду, склонялся болѣе на сторону Сигберта. Слабый умомъ и лишенный всякихъ воинскихъ способностей, онъ былъ однако счастливѣе своихъ союзниковъ. Гунтрамъ былъ набоженъ, покровительствовалъ церкви и духовенству и пользовался его благосклонностью, тогда какъ Хильперихъ, преслѣдовавшій духовенство насмѣшками и, что всего важнѣе, отнимавшій имущества, завѣщанныя церкви, былъ ненавистенъ этому сословію. Съ другой стороны, и Гунтрамъ отдалилъ отъ себя своихъ подданныхъ жестокостями, которыя часто допускалъ по ограниченности ума и слабости воли, и которыя послѣ того напрасно старался загладить снисходительностью и милосердіемъ. Слабость Гунтрама выразилась и въ его отношеніяхъ къ братьямъ. Сначала онъ воевалъ съ Сигбертомъ, желавшимъ отнять у него Арль, но, побѣдивъ Сигберта, по своей добротѣ возвратилъ ему свои завоеванія. Потомъ онъ соединился съ нимъ противъ Хильпериха, послалъ ему на помощь свои войска и помогъ Сигберту завладѣть Пуату. Когда же Сигбертъ, одержавъ нѣсколько побѣдъ на правомъ берегу Рейна, сталъ опасенъ для него своимъ вліяніемъ на германскіе народы, Гунтрамъ присталъ къ Хильпериху, но, опасаясь Сигберта, вскорѣ разорвалъ этотъ союзъ. Сознавая, что онъ недостаточно могущественъ, чтобы предложить свое посредничество, Гунтрамъ спокойно смотрѣлъ, какъ Хильперихъ, изгнанный изъ своихъ владѣній, былъ запертъ въ городѣ Турнэ (Доорникѣ). Недовольные подданные Хильпериха провозгласили королемъ Сигберта. Онъ былъ уже близокъ къ цѣли и могъ исполнить месть Брунегильды надъ своимъ братомъ и его женою, но былъ умерщвленъ въ ту самую минуту, когда франки Хильпериха, по древнему обычаю, подняли его на щиты и провозгласили королемъ (576 г.).

Въ тѣ времена средства освящались цѣлью, и противъ врага позволялось употреблять всякое оружіе; поэтому Фредегунда уговорила двухъ друзей своего мужа умертвить Сигберта посреди его подданныхъ. Тогда Хильперихъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда отправилась Брунегильда, и захватилъ ее въ плѣнъ; но малолѣтній Хильдебертъ II, единственный сынъ Сигберта, ускользнулъ отъ него, благодаря заботливости одного австразійскаго вельможи, который счастливо привезъ его въ Мецъ, гдѣ его и признали наслѣдникомъ убитаго отца. Брунегильда была заключена въ одномъ изъ замковъ Хильпериха близъ Руана, но нашла себѣ освободителя въ лицѣ Меровея, сына Хильпериха отъ перваго брака. Очарованный Брунегильдою, молодой человѣкъ рѣшился на ней жениться, и дѣйствительно женился безъ вѣдома и противъ воли отца. Впослѣдствіи Брунегильда была или освобождена изъ заключенія по требованію вельможъ своего сына, или спаслась бѣгствомъ въ Мецъ. Меровей, остриженный по приказанію отца и принужденный вступить въ духовное званіе, хотѣлъ было бѣжать къ Брунегильдѣ, но ему запретили являться туда. Несчастный молодой человѣкъ сдѣлался жертвою ненависти своей мачихи, умертвившей его мать и единственнаго брата. Долгое время скитался онъ какъ бѣглецъ и наконецъ былъ пойманъ; его отправили къ отцу, но на дорогѣ онъ упросилъ своего друга, чтобы тотъ лишилъ его жизни.

Въ государствѣ Хильдеберта II, на котораго Брунегильда имѣла мало вліянія, управляли вельможи. Правленіе ихъ было чисто въ меровингскомъ духѣ. Такъ,

напримѣръ, Хильдебертъ, или, точнѣе, вельможи, правившіе его именемъ, за извѣстную сумму денегъ обѣщали византійскому императору Маврикію прислать въ Италію помощь противъ лонгобардовъ, но, получивъ деньги впередъ, не сдержали своего слова, и, явившись въ Италію для грабежа, снова возвратились домой, не отвѣчая даже на письма обманутаго ими императора. Послѣ того, соединившись съ Хильперихомъ, они обратились противъ слабаго дяди Хильдеберта, Гунтрама, но какъ скоро обстоятельства перемѣнились, снова вспомнили старую вражду съ Хильперихомъ. Когда Хильперихъ выдавалъ дочь свою Ригунту за вестготскаго короля Реккареда I, они не позволили ему дать ей приданое изъ родовыхъ имѣній и сокровищъ фамиліи Меровинговъ, потому что считали его не собственникомъ ихъ, а только временнымъ владѣльцемъ. Впрочемъ, бракъ этотъ, какъ уже сказано выше, не состоялся. Участь Ригунты, которая должна была отправиться въ Испанію въ сопровожденіи блестящей свиты изъ четырехъ тысячъ человѣкъ, была самая жалкая. Въ дорогѣ ея спутники самымъ безжалостнымъ образомъ грабили жителей страны, а услыхавъ о смерти Хильпериха, оставили его дочь на произволъ судьбы, и, отнявъ у ней предварительно всѣ ея сокровища, спокойно возвратились домой. Одинъ пограничный франкскій намѣстникъ заключилъ покинутую Ригунту въ монастырь, изъ котораго она не скоро освободилась и прибыла къ матери, Фредегундѣ. Хильперихъ умеръ въ 584 г. отъ кинжала убійцы. Нѣкоторые обвиняютъ въ его смерти Брунегильду и даже его жену, имѣвшую непозволительную связь съ съ однимъ вельможей. Но и то и другое несправедливо. Единственный достовѣрный историкъ этого времени, Григорій турскій, не говоритъ ничего подобнаго. Хильперихъ же, ненавидимый франками, окончательно вооружилъ противъ себя подданныхъ, когда, не соблюдая обычая франковъ, назначилъ содержаніе четырехтысячной свитѣ своей дочери не изъ доходовъ своихъ имѣній, а установилъ для того особую подать натурою, ничѣмъ не обезпечивъ дочери.

Хильперихъ оставилъ послѣ себя сына, Клотаря II, родившагося за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. Большинство вельможъ такъ ненавидѣло Фредегунду, что по смерти мужа она должна была искать спасенія въ церкви, и Клотарь неминуемо погибъ бы, если бы его не защитилъ Гунтрамъ, который поспѣшилъ съ войскомъ въ Парижъ, гдѣ находился Клотарь съ матерью и отбилъ Хильдеберта, тоже явившагося туда съ своими честолюбивыми вельможами. Какъ человѣкъ кроткій и добросердечный, онъ оплакалъ погибшаго брата, который не за долго предъ тѣмъ заключалъ противъ него союзы со всѣми, отдалъ своему племяннику суассонское королевство и даже назначилъ слѣдствіе объ убійствѣ брата, но, вѣроятно, не могъ найти уликъ противъ Фредегунды, потому что иначе не согласился бы быть крестнымъ отцомъ ея сына. Впрочемъ, Гунтрамъ приказалъ Фредегундѣ жить безвыѣздно въ одномъ изъ королевскихъ помѣстій. Возстаніе, не задолго предъ тѣмъ вспыхнувшее на югѣ и принявшее большіе размѣры, на нѣкоторое время возвратило Фредегундѣ ея прежнее вліяніе. Это возстаніе возбудилъ нѣкто Гундобальдъ, выдававшій себя за внука Хлодвига I, отъ сына его Клотаря I. Дѣйствительно, при многоженствѣ франкскихъ королей его родство съ династіею Меровинговъ очень правдоподобно. Гундобальдъ, которому прежде никто не вѣрилъ, бѣжалъ въ Константинополь; признанный здѣсь законнымъ сыномъ короля, онъ спокойно и въ довольствѣ жилъ при византійскомъ дворѣ, пока недовольные франкскіе вельможи не посовѣтовали ему домогаться своихъ правъ въ странѣ франковъ. Думая только о своихъ выгодахъ, они хотѣли съ помощью его ограбить себѣ богатствъ и потомъ предать его врагамъ. Гундобальдъ явился въ южную Францію и нашелъ тамъ много приверженцевъ. Гунтрамъ, испуганный этимъ возстаніемъ, счелъ необходимымъ торжественно усыновить своего племянника, Хильдеберта, и провозгласить его наслѣдникомъ престола; но при этомъ не забылъ и своего крестника, Клотаря II, которому назначилъ нѣкоторые города, для того чтобы не подать вида, что Клотарь лишенъ его наслѣдства. Скоро Гундобальдъ сдѣлался жертвою предательства своихъ приверженцевъ. Всегда подозрѣвая Брунегильду и Фредегунду въ тайной поддержкѣ возстанія, Гунтрамъ былъ особенно золъ на Брунегильду, что, впрочемъ, не помѣшало ему, по новому договору съ Хильдебертомъ, въ 587 г., отдать ей имѣнія ея сестры, Галесвинты. Получивъ извѣстіе, что австразійскіе посланники везутъ богатые подарки въ Испанію и думая, что эти подарки назначены сыну Гундо-

бальда, находившемуся въ Испаніи, Гунтрамъ приказалъ занять всѣ дороги, чтобы перехватить ихъ; но когда оказалось, что подарки эти были назначены вестготскому королю Реккареду, помолвленному на дочери Брунегильды, справедливый Гунтрамъ приказалъ тотчасъ же освободить задержанныхъ имъ посланниковъ.

Это былъ одинъ изъ немногихъ случаевъ соблюденія международнаго права. Подобные примѣры были рѣдки не потому, что для нихъ не представлялось случая; напротивъ, не смотря на незначительность дружественныхъ сношеній съ другими государствами и почти на совершенное отсутствіе у франковъ прочнаго государственнаго устройства и экономическихъ знаній, они все-таки имѣли сношенія съ остальнымъ міромъ. Гунтрамъ нѣсколько разъ отправлялъ посольства въ Константинополь, а Хильдебертъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ византійскимъ дворомъ. Торговыя связи съ Востокомъ никогда не прекращались совершенно, а древняя Массилія, или Марсель все еще вела очень значительную торговлю съ Италіею и византійскою имперіею. Главная причина смутъ и безпорядковъ во Франціи заключалась въ самомъ управленіи. Тогда государи не считали своею обязанностью блюсти справедливость и защищать права гражданъ, а только старались ограничивать насиліе и произволъ такимъ же насиліемъ и произволомъ. Къ тому же вмѣстѣ съ христіанствомъ къ франкамъ нашли доступъ и особенныя библейскія понятія о царской власти, совершенно противорѣчившія національнымъ нравамъ и быту франковъ. Единственнымъ источникомъ знанія былъ ветхій завѣтъ; король и народъ слушали проповѣди, написанныя въ его духѣ, въ которыхъ имъ совѣтовали располагать всѣ свои дѣла сообразно его предписаніямъ и съ самаго начала стали смѣшивать исторію божественнаго откровенія съ самимъ откровеніемъ. Укоренившіяся такимъ путемъ понятія и церемоніалъ, заимствованный у константинопольскаго двора, дурно согласовались съ обычаями и образомъ жизни франковъ, дѣйствительною властью королей и ихъ денежными средствами, которыя ограничивались доходами съ лично имъ принадлежавшихъ доменовъ. Хотя они получали еще подать съ своихъ подданныхъ римскаго происхожденія, но система взиманія ея не была приведена въ порядокъ, такъ что, разъ прекратившись, налогъ этотъ съ трудомъ могъ быть возстановленъ. Къ тому же цѣлые округи и города были свободны отъ податей, и вообще сборъ ихъ считался грѣхомъ, потому что ихъ должны были платить и бѣдные. Послѣднее особенно смущало справедливаго и богобоязненнаго Гунтрама. Жадное духовенство и своевольные вельможи воспользовались этимъ, чтобы освободиться отъ платежа податей и сдѣлаться независимыми, а это было для бѣдныхъ и слабыхъ тяжелѣе всякихъ налоговъ.

По смерти Гунтрама (593 г.), владѣнія его достались Хильдеберту. Овладѣвъ такимъ образомъ двумя третями всего государства, Хильдебертъ сталъ думать объ отнятіи наслѣдства у Клотаря II, котораго не хотѣлъ признать сыномъ Хильпериха. Но Фредегунда воодушевила нейстрійцевъ, явившись съ сыномъ въ ихъ рядахъ; воины Клотаря сражались съ такимъ мужествомъ, что австразійцы должны были со стыдомъ и огромною потерей отказаться отъ своего намѣренія. Черезъ нѣсколько лѣтъ (596 г.) Хильдебертъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей, Тейдеберта II и Тидериха II, раздѣлившихъ между собою австразійское государство. Первый получилъ собственно Австразію съ столицею Мецомъ и нѣкоторыя мѣстности южной Франціи, а другому, жившему попеременно то въ Шалонѣ, то въ Орлеанѣ, досталась часть прежняго Бургундскаго королевства и страны между Луарой и Пиренеями. Фредегунда поспѣшила воспользоваться этимъ дѣлежомъ австразійскаго государства и малолѣтствомъ его правителей; она быстро овладѣла Парижемъ и отразила Брунегильду, хотѣвшую вести войну именемъ своихъ внуковъ. Вникая во внутреннее состояніе и внѣшнія отношенія франкскаго государства, мы увидимъ, какъ печально было его положеніе. Благочестивые и трудолюбивые британскіе монахи, селившіеся тогда во многихъ мѣстностяхъ Галліи, основывая новые монастыри, обработывая опустѣлыя земли и уча жителей земледѣлію (стр. 374), не только находили многія мѣстности совершенно безлюдными, но и видѣли совершенное отсутствіе всякой церковной дисциплины и порядка, такъ что даже самое имя и внѣшнія формы религіи исчезли почти повсюду. Христіанство было главнымъ основаніемъ господства франковъ надъ другими германскими племенами, и потому съ паденіемъ его поколебалось и ихъ могущество.

Тюринги едва повиновались франкамъ; бавары и алеманны имѣли своихъ собственныхъ герцоговъ, а остальными племенами Германіи и Австразіи, ненавидѣвшими Брунегильду, пользовались вельможи для того, чтобы производить возстанія и безпорядки. Вельможи Нейстріи тоже отказывались повиноваться королю, лишившемуся того уваженія, которымъ пользовался Хлодвигъ и его сыновья.

По смерти Хильдеберта, Брунегильда надѣялась господствовать въ Австразіи именемъ своего внука, Тейдеберта; но вскорѣ, изгнанная оттуда знатью, явилась съ тѣми же намѣреніями къ младшему внуку, въ Бургундію. Здѣсь также не имѣли причинъ быть довольными ею, потому что съ теченіемъ времени честолюбіе Брунегильды продолжало усиливаться, дѣлая ее все болѣе и болѣе неразборчивѣе въ выборѣ средствъ. Несравненно счастливѣе ея была Фредегунда, умершая въ 597 г., достигнувъ апогея своего могущества. Брунегильда сдѣлалась вскорѣ ненавистною родному своему внуку, Тейдеберту, который, находясь подъ вліяніемъ жены и вельможъ, съ своей стороны старался вредить ей. Но за то Тидерихъ Бургундскій былъ обязанъ ей тѣмъ, что Клотарь, по смерти Фредегунды, долженъ былъ возвратить земли, входившія прежде въ составъ королевства Хильдеберта, и уступить Парижъ, хотя австразійцы и не поддерживали бургундовъ въ ихъ войнѣ съ сыномъ Фредегунды. Не смотря на то, Брунегильда была по прежнему ненавидима въ Бургундіи, и ненависть эта еще усилилась вслѣдствіе того, что она жестоко мстила своимъ врагамъ и отдавала важнѣйшія должности въ государствѣ галламъ, которые, конечно, могли лучше приноровляться къ ея характеру. Даже высшая должность въ государствѣ, званіе маіордома, или палатнаго мэра, управлявшаго всѣми дѣлами государства, была отдана человѣку римскаго происхожденія. Примѣру Брунегильды, умерщвлявшей всѣхъ, мѣшавшихъ вліянію ея самой и ея приверженцевъ, слѣдовала и противная партія. Когда Тидерихъ, уговоренный матерью, началъ противъ воли знати первую войну съ братомъ, воины ворвались въ палатку короля, въ намѣреніи убить ненавистнаго маіордома, приверженца Брунегильды, желавшаго войны, и одинъ герцогъ, высланный королемъ остановить бунтовщиковъ, объявилъ раздраженнымъ войскамъ, что король приказалъ имъ убить маіордома. Палатка несчастнаго маіордома была изорвана въ клочки и самъ онъ убитъ; король же долженъ былъ возвратиться домой. Все это напоминаетъ намъ турецкихъ янычаръ и московскихъ стрѣльцовъ, и мы по неволѣ задаемъ себѣ вопросъ: можетъ ли правитель возстановить при такихъ обстоятельствахъ какой-нибудь порядокъ, не сдѣлавъ того же самаго, что сдѣлалъ турецкій султанъ или Петръ Великій? Впрочемъ, не смотря на ненависть бургундской аристократіи, Брунегильда не погибла бы, если бы не вооружила противъ себя духовенства. Уговоривъ сына отослать назадъ свою жену, дочь вестготскаго короля Витериха, она поощряла распутство молодаго короля и требовала для его незаконныхъ дѣтей права престолонаслѣдія. Монахи и бѣлое духовенство имѣли полное право осуждать подобный образъ дѣйствій. Они были тогда весьма опасными противниками, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ св. Колумбанъ и другіе ирландскіе и шотландскіе духовные ввели истинно спартанскую строгость нравовъ, дисциплину и самоистязаніе въ монастыри Франціи и этимъ возвысили духовенство въ глазахъ народа. Они стали враждовать противъ Брунегильды съ упорствомъ, которое можно было подавить только самыми жестокими и несправедливыми мѣрами. Преслѣдованія духовенства еще болѣе усилили всеобщее неудовольствіе и вызвали смуты, которыя, въ связи съ ненавистью къ Брунегильдѣ вельможъ, потрясли, а чрезъ нѣсколько лѣтъ окончательно уничтожили ея могущество.

Въ отношеніи къ внукамъ Брунегильда дала полную свободу мстительности и честолюбію, благопріятствуя ихъ враждѣ и раздорамъ, вмѣсто того чтобы поддерживать между ними миръ и согласіе. Одинъ изъ нихъ погибъ въ этихъ войнахъ. Тейдебертъ, приказавшій около этого времени убить свою жену, чтобы имѣть право жениться на другой, въ 608 г. заключилъ противъ брата союзъ съ Клотаремъ нейстрійскимъ, лонгобардами и королемъ вестготовъ, оскорбленнымъ его противникомъ. Союзъ этотъ, какъ обыкновенно бываетъ съ подобными союзами, скоро распался, но война между братьями не прекращалась. Съ помощью алемановъ, которыхъ даже тогдашніе франки считали дикими варварами, жившими только грабежемъ и войною, Тейдебертъ отнялъ у брата Эльзасъ и при-

нудилъ его уступить нѣкоторыя земли въ Швейцаріи. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ возвратить потерянное, Тидерихъ разбилъ Тейдеберта въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ (613) и взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ сыномъ. Обстоятельства ихъ смерти неизвѣстны, и хотя, безъ сомнѣнія, Брунегильда принимала въ этомъ участіе, мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, чтобы она была единственною виновницею всего зла. Съ другой стороны, изъ ея переписки съ папою Григоріемъ Великимъ видно, что въ соединеніи съ римскимъ дворомъ она старалась смягчить господствовавшее тогда варварство, и только нелюбовь въ ней ея подданныхъ препятствовала успѣху ея стараній.

Тидерихъ, царствовавшій по смерти брата и въ Австразіи, вскорѣ умеръ, и Брунегильда провозгласила королемъ одного изъ побочныхъ сыновей его, Сигбёрта II, надѣясь управлять его именемъ. Но всеобщая ненависть къ ней дошла до высшей степени. Австразійскіе вельможи, подъ предводительствомъ Радо, вошли съ сношенія съ Клотаремъ нейстрійскимъ; примѣру ихъ послѣдовали и бургунды подъ начальствомъ Варнахара. Они отказались защищать Бургундію противъ Клотаря и выдали ему всю королевскую фамилію. Сигбертъ съ тремя братьями былъ умерщвленъ; другіе сыновья Тидериха спаслись бѣгствомъ; одинъ изъ нихъ пропалъ безъ вѣсти, а другой, крестный сынъ Клотаря, получилъ пощаду и былъ воспитываемъ, какъ частный человѣкъ. Онъ также вскорѣ умеръ. Брунегильду, за всѣ ея преступленія, доказанныя и недоказанныя, предали суду, или вѣрнѣе, подъ видомъ справедливости, принесли ее въ жертву мести Клотаря и другихъ ея враговъ. Самъ Клотарь обвинилъ ее въ убійствѣ десяти человѣкъ меровингской фамиліи, и народное собраніе франковъ осудило обвиняемую на смерть. Казнь ея была ужасна. Послѣ трехдневной пытки, ее провезли предъ всѣмъ войскомъ на верблюдѣ, привязали потомъ къ хвосту дикой лошади и такимъ образомъ лишили ее жизни (613). Заговорщики, Радо и Варнахаръ, сдѣлались маіордомами, или первыми министрами Австразіи и Бургундіи.

Со смертью Брунегильды и ея фамиліи опять возстановилось единство франкской монархіи, и франки соединились подъ властью одного короля. Но честолюбіе, безнравственность и малоспособность правителей переходили по наслѣдству. Члены королевской фамиліи, подобно Пелопидамъ миѳической Греціи, питали другъ къ другу непримиримую ненависть. Сцены вражды и междоусобій повторялись по прежнему. Внѣшнія и внутреннія силы правительства ослабѣвали, а вельможи пріобрѣтали все болѣе и болѣе могущества и независимости. Еще въ царствованіе Клотаря II достоинство маіордома сдѣлалось совершенно независимымъ отъ короля, и по смерти Варнахара Клотарь предложилъ бургундамъ избрать самимъ новаго маіордома. Вообще при этомъ слабомъ и распутномъ королѣ монархическая власть пала весьма низко. Онъ едва удерживалъ Эльзасъ въ покорности силою оружія и не могъ отмстить вельможамъ и одному епископу, когда они убили герцога Эрпо, старавшаго поддержать миръ и порядокъ въ Швейцаріи. Границы государства постепенно съуживались. Клотарь отказался отъ дани въ двѣнадцать тысячъ червонцевъ, платимой ему лонгобардами, за уплату по тысячи червонцевъ каждому изъ трехъ посланныхъ для переговоровъ вельможъ и за единовременный взносъ въ королевскую казну 35 тысячъ червонцевъ.

Клотарь сдѣлалъ большую ошибку, раздѣливъ, въ 622 г., въ угоду австразійцамъ, правленіе съ своимъ сыномъ, Дагобертомъ I, для того, чтобы онъ еще до вступленія на престолъ познакомился съ управленіемъ. Онъ провозгласилъ несовершеннолѣтняго Дагоберта королемъ Австразіи, а руководителями молодаго правителя, походившаго на отца и характеромъ, и способностями, назначилъ двухъ умныхъ вельможъ, маіордома Пипина Ланденскаго и епископа мецскаго Арнульфа. Этимъ распоряженіемъ Клотарь только повредилъ себѣ и сыну. Передавъ управленіе въ руки такихъ умныхъ людей, Клотарь самъ сдѣлалъ сына неспособнымъ къ власти и самостоятельности и окончательно унизилъ вліяніе и важность королевскаго достоинства. Семейныя распри между отцомъ и сыномъ возобновились съ прежнею силою. Дагобертъ приказалъ умертвить одного изъ любимцевъ отца, хотя прежде торжественно обѣщался Клотарю пощадить жизнь, а вскорѣ послѣ того силою заставилъ отца возвратить ему нѣсколько округовъ, принадлежавшихъ прежде къ Австразіи (625 г.). Австразія и Нейстрія дѣйствовали вмѣстѣ только противъ саксовъ и вендовъ. Вендами назывался народъ

славянскаго племени, пришедшій съ востока въ эпоху переселенія народовъ и мало-по-малу занявшій всю страну отъ Каринтіи до саксонской Саалы, населенную прежде германскими племенами, двинувшимися далѣе на югъ и на западъ. Къ востоку отъ вендовъ жили а в а р ы, народъ тюркскаго племени, также явившійся изъ Азіи и занявшій Венгрію, оставленную лонгобардами. Отсюда они тѣснили вендовъ, саксовъ, тюринговъ и баваръ. О походахъ франковъ противъ саксовъ, во время которыхъ одно изъ сакскихъ племенъ было совершенно истреблено, почти ничего неизвѣстно. Но замѣчательно, что два германскихъ народа, постоянно враждебные другъ другу, саксы и франки, забывали свою вражду и соединялись вмѣстѣ, когда приходилось сражаться противъ вендовъ. Клотарь и его сынъ очень хорошо понимали, что государствомъ управлять труднѣе, чѣмъ предводительствовать войскомъ, но думали, что сущность управленія заключается въ изданіи распоряженій, а не въ исполненіи ихъ. Сознавая понимаемую даже и въ тѣ варварскія времена пользу торговли, они, вмѣсто того, чтобы покровительствовать ей, затрудняли ее тяжелыми пошлинами. Желая произвесть реформы въ духовенствѣ, они въ тоже время допустили вельможъ и ихъ дѣтей занимать епископства и увеличили вліяніе духовныхъ на свѣтскія дѣла, что отвлекло ихъ еще болѣе отъ исполненія апостольскихъ обязанностей. Могло ли помочь дѣлу возобновленіе Клотаремъ закона Гунтрама, по которому франкскіе епископы должны были собираться чрезъ каждые три года на соборъ, для совѣщанія о церковныхъ дѣлахъ. Духовенство, возвышенное Гунтрамомъ, пользовалось большимъ вліяніемъ и вѣсомъ, и это вліяніе, уравновѣшивавшее могущество грубой и деспотической аристократіи, было въ высшей степени благодѣтельно и необходимо. Но могли ли быть полезны всѣ постановленія соборовъ, вошедшія потомъ въ законы государства, когда правителю не доставало энергіи, чтобы заставить исполнять ихъ? Гораздо дѣйствительнѣе было постановленіе Клотаря, возстановлявшее древній юридическій обычай, по которому каждый долженъ быть судимъ только лицами одного съ нимъ происхожденія.

3. Франки отъ Дагоберта I до паденія Меровинговъ.

По смерти отца (628), Дагобертъ завладѣлъ Нейстріей и Бургундіей, не обращая ни малѣйшаго вниманія на права меньшаго брата, Х а р и б е р т а II. Это было тѣмъ несправедливѣе, что въ тѣ времена существованіе младшихъ сыновей государей обезпечивалось только извѣстной долей отцовскихъ владѣній. Насильственный поступокъ Дагоберта возбудилъ въ государствѣ волненія, и онъ долженъ былъ уступить брату Аквитанію, или земли между Луарою и Пиренеями, и часть Прованса. Харибертъ принялъ королевскій титулъ и избралъ столицею Тулузу. По смерти Хариберта и его старшаго сына, Дагобертъ тщетно пытался отнять владѣнія у двухъ своихъ малолѣтнихъ племянниковъ; дядя ихъ со стороны матери принялъ ихъ подъ свое покровительство, и послѣ опустошительной войны Дагобертъ долженъ былъ возвратить племянникамъ ихъ наслѣдство, оставивъ за собою только верховную власть и выговоривъ платежъ извѣстной ежегодной дани. Земли эти, подъ именемъ г е р ц о г с т в а А к в и т а н і и, остались во владѣніи ихъ потомковъ, которые основали династію, сдѣлавшуюся потомъ могущественною и славною, тогда какъ уже внуки Дагоберта впали въ совершенное ничтожество.

Дагобертъ былъ распутенъ, какъ вообще всѣ Меровинги; онъ изгонялъ изъ государства духовныхъ, возставшихъ противъ его безнравственности, но пожертвовалъ огромныя богатства въ монастырь Сенъ-Дени, для того, чтобы монахи молились за него. Впрочемъ, Дагобертъ прославился въ потомствѣ изданіемъ свода древнихъ законовъ алеманновъ и баваровъ. Законы эти приведены были въ порядокъ, пересмотрѣны, дополнены и получили силу государственныхъ законовъ. Подобно салическимъ законамъ, собраннымъ при Хлодвигѣ I, это были древніе, сохранившіеся по преданію, судебные обычаи, нѣсколько измѣненные соотвѣтственно тогдашнимъ обстоятельствамъ и дополненные многими постановленіями, заимствованными изъ римскаго права, и должны были служить главнымъ основаніемъ при рѣшеніи дѣлъ. Впрочемъ, изустные законы долгое время предпочита-

лись писаннымъ, потому что послѣдніе были написаны на латинскомъ языкѣ, знакомомъ только немногимъ судьямъ и правителямъ. Образованнѣйшіе изъ нихъ, т. е. умѣвшіе читать, могли пользоваться ими только въ нѣмецкихъ переводахъ, съ комментаріями. Эти примѣчанія и комментаріи (глоссы), сохранившіяся до нашихъ дней, называются мальбергскими примѣчаніями, потому что были назначены для употребленія въ мальбергахъ, или судебныхъ мѣстахъ.

Въ 633 г. недовольные австразійцы принудили Дагоберта дать имъ въ короли четырехлѣтняго сына его, Сигберта III. Пипинъ Ланденскій, котораго Дагобертъ назначилъ маіордомомъ своего сына, заслужилъ всеобщее расположеніе австразійцевъ. Особенно прославился онъ во главѣ австразійскаго войска; венды должны были прекратить свои непріязненныя дѣйствія, а саксы стали заискивать дружбы франковъ. Самъ Дагобертъ былъ занятъ усмиреніемъ басковъ въ Гасконіи и жителей Бретани, стремившихся къ независимости. Для того, чтобы смягчить ненависть, которую многіе питали къ должности всемогущаго маіордома, Пипинъ, въ 630 г., когда Арнульфъ Мецскій отказался принимать участіе въ управленіи, пригласилъ на его мѣсто Куниберта, епископа кельнскаго. И въ званіи перваго сановника Сигберта, какъ прежде въ должности совѣтника Дагоберта, Пипинъ превосходно управлялъ государствомъ, но этимъ самымъ навлекъ на себя неудовольствіе Дагоберта, пытавшагося даже умертвить его. Не смотря на то, Пипинъ честно исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ Сигберту. По смерти Дагоберта (638) Нейстрію и Бургундію наслѣдовалъ малолѣтній Хлодвигъ II, сводный братъ Сигберта. Мать Хлодвига захватила для сына всѣ королевскія сокровища, но Пипинъ принудилъ ее подѣлиться ими съ австразійскимъ королемъ. Къ несчастію Сигберта, маіордомъ его вскорѣ умеръ, оплаканный австразійцами болѣе, чѣмъ многіе короли. Твердость, обнаруженная Пипиномъ, какъ правителемъ государства, дѣйствительно замѣчательна; онъ мужественно защищалъ австразійское государство, тогда какъ баски въ Гасконіи и бритты въ Бретани успѣли сдѣлаться независимыми отъ нейстрійскаго короля. По смерти Пипина, между австразійскими вельможами начались сильные споры о томъ, кому быть регентомъ Сигберта, сыну ли Пипина, Гримоальду, поддерживаемому Кунибертомъ, или Оттону, воспитателю молодаго короля. Къ несчастію, въ это время вспыхнула война съ тюрингскимъ герцогомъ Радульфомъ, желавшимъ сдѣлаться независимымъ. Гримоальдъ потерпѣлъ сначала неудачу, но когда въ войнѣ съ тюрингами король очутился въ опасности, онъ выказалъ такую заботливость о немъ, что получилъ при дворѣ рѣшительный перевѣсъ надъ своимъ соперникомъ. Вскорѣ послѣ того король, по внушенію своихъ приближенныхъ, приказалъ алеманнскому герцогу Лейтарису поссориться съ Оттономъ и убить его. По смерти Оттона, Гримоальдъ, назначенный маіордомомъ, сдѣлался неограниченнымъ правителемъ Австразіи.

Не смотря на грубость франковъ и совершенное ничтожество меровингскихъ правителей, около этого времени начинаетъ обнаруживаться борьба порядка и дисциплины, сдѣлавшихся тогда необходимыми вслѣдствіе коренныхъ перемѣнъ въ самомъ бытѣ націи, съ варварствомъ и дикостью, перенесенными франками изъ своей древней родины или заимствованными на чужбинѣ. Мы замѣчаемъ постепенное, хотя и медленное усиленіе вліянія христіанства и жизни въ странѣ, бывшей нѣкогда образованною. Эта борьба выказалась не только въ упомянутыхъ нами реформахъ древняго законодательства при Дагобертѣ I, но и во многомъ другомъ. Авдоенъ, канцлеръ, или по тогдашнему референдарій, Хлодвига II, призывалъ къ себѣ ученыхъ духовныхъ и заботился о собираніи книгъ; но труды его не всегда имѣли успѣхъ, потому что при недостаткѣ постоянныхъ учебныхъ заведеній все зависѣло тогда отъ случая и отдѣльныхъ личностей. Онъ покровительствовалъ и святому Елигію, отличавшемуся искусствомъ въ обработкѣ металловъ и въ другихъ ремеслахъ. Елигій замѣчателенъ не только своими чудными произведеніями изъ золота и драгоцѣнныхъ камней, но и тѣмъ, что обратилъ въ христіанство языческія племена фризовъ, жившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи. Племена эти, принявъ христіанство, забыли свое прежнее варварство, мало-по-малу соединились въ деревни и города и дѣлали плодородными болотистые лѣса Бельгіи. Въ другихъ частяхъ государства монахи сдѣлали тоже самое, и нѣкоторые монастыри мало-по-малу обратились въ города. Въ этомъ

же столѣтіи начали обработываться даже самыя пустынныя долины и горныя ущелья, какъ, напр., Дизентисъ въ Граубинденѣ, Маурмюнстеръ въ Эльзасѣ, Мюнстерская долина въ Юрѣ, окрестности Зальцбурга и долина рѣки Агонта въ Лангедокѣ. О монахахъ этой послѣдней долины говорится въ лѣтописи: «что они построили тамъ три хижины изъ бревенъ, земли и листьевъ и проводили время въ молитвахъ, постѣ, бдѣніи и трудахъ.» Но чѣмъ болѣе образовывались франки, тѣмъ скорѣе угасалъ родъ Меровинговъ, недождавшихся цвѣтущаго состоянія цивилизаціи своего государства. Необузданные и дикіе, они передавали власть сыновьямъ, большею часть неспособнымъ къ управленію. Поэтому ихъ наслѣдственныя имѣнія мало-по-малу переходили въ руки духовенства, которое, за немногими исключеніями, постоянно заботилось о распространеніи своихъ помѣстій и увеличеніи власти. Хотя вслѣдствіе того много выиграло землевлѣдіе, но съ другой стороны, власть королевская падала и ослаблялась. Церковная дисциплина между духовенствомъ разстраивалась по мѣрѣ того, какъ это сословіе становилось богаче и вліятельнѣе. Наконецъ короли перестали созывать и народныя ополченія, и на войну отправлялась только всегда вооруженная и готовая въ походъ свита вельможъ. Это придало аристократіи огромное значеніе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что возникшія тогда богатыя и могущественныя фамиліи герцоговъ сдѣлались главными дѣятелями въ исторіи государства.

Ни одна изъ этихъ фамилій не имѣла такого вліянія на судьбу франковъ, какъ фамилія Арнульфа, епископа мецскаго, сынъ котораго, Ансегисъ, женился на сестрѣ Гримоальда и сдѣлался родоначальникомъ Пипина Геристальскаго, сына его, Карла Мартелла, и внука, Пипина Короткаго. Фамилія Арнульфа достигла наконецъ того, къ чему тщетно стремился Гримоальдъ, который думалъ отнять престолъ у Меровинговъ и возвести на мѣсто ихъ своихъ потомковъ. Когда умеръ (656 г.) двадцатисемилѣтній Сигбертъ III, Гримоальдъ старался обмануть австразійцевъ, утверждая, что король, умирая, назначилъ своимъ преемникомъ сына его, Хильдеберта. Однако, это ему не удалось; Сигбертъ самъ имѣлъ сына и даже до его рожденія не могъ сдѣлать никакихъ распоряженій о престолонаслѣдіи, потому что былъ молодъ и могъ разсчитывать на потомство. Франки уже привыкли смотрѣть на королевскую фамилію и право престолонаслѣдія, какъ на нѣчто священное, и потому насильственное устраненіе Меровинговъ отъ престола не могло остаться безнаказаннымъ. Гримоальдъ тотчасъ же по смерти Сигберта провозгласилъ королемъ Австразіи своего сына, отославъ малолѣтняго Дагоберта II, сына Сигберта, въ Ирландію, гдѣ его отдали на воспитаніе монахамъ какого-то монастыря. Похититель престола былъ вскорѣ наказанъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ австразійцы возстали противъ честолюбиваго маіордома, схватили его и предали въ руки нейстрійскаго короля Хлодвига II. По приказанію короля, Гримоальдъ былъ казненъ; сына его постигла та-же участь, и Хлодвигъ соединилъ тогда подъ своею властью всѣ земли франковъ. Не смотря на продолжительное устраненіе отъ власти, фамилія Гримоальда пользовалась глубокимъ уваженіемъ между австразійцами. Сестра его, Гертруда, настоятельница нивелльскаго монастыря, основаннаго ея матерью, почиталась всѣми за святость своей жизни. Другая сестра Гримоальда была женою Ансегиса, сына епископа Арнульфа, знаменитаго могуществомъ и святостью. Братъ Ансегиса, Клодульфъ, также сдѣлался, по смерти отца, епископомъ мецскимъ.

Хлодвигъ II умеръ вскорѣ по низверженіи Гримоальда (656 г.); а вслѣдъ за нимъ умеръ и маіордомъ, Эрхиноальдъ, управлявшій всѣми государственными дѣлами. Тогда именемъ старшаго сына Хлодвига, Клотаря III, стала управлять королевствомъ мать его, англосаксонка Бальтильда, бывшая прежде невольницею Эрхиноальда, у котораго въ первый разъ увидалъ ее Хлодвигъ. По смерти мужа, управляя при помощи епископовъ государствомъ, она заслужила признательность подданныхъ изданіемъ человѣколюбивыхъ распоряженій, старалась искоренить злоупотребленія, господствовавшія при замѣщеніи духовныхъ мѣстъ, ограничила торговлю невольниками, которою занимались тогда евреи, уменьшила налоги, наложенные на римскихъ жителей государства и сдѣлавшіеся наконецъ столь обременительными, что многіе изъ бѣдности убивали своихъ дѣтей, чтобы не платить за нихъ. Графъ Эброинъ, котораго она приказала нейстрійскимъ и бургундскимъ вельможамъ избрать своимъ маіордомомъ (660 г.), надѣялся

управлять и Австразіей, но встрѣтилъ тамъ сильную оппозицію; австразійцы желали имѣть королемъ законнаго наслѣдника престола, находившагося тогда въ Ирландіи; поэтому Эброинъ избралъ себѣ другой путь. Расположивъ къ себѣ вдову Сигберта, Гиммихильду, онъ помолвилъ ея дочь за Хильдериха II, меньшаго брата Клотаря III, объявилъ Хильдериха королемъ Австразіи и такимъ образомъ достигъ своей цѣли, хотя Вульфгальдъ уже носилъ титулъ маіордома Австразіи. Бальтильда принуждена была заключиться въ монастырь, а графъ Эброинъ сдѣлался правителемъ всѣхъ трехъ франкскихъ государствъ. Его произвольныя и деспотическія распоряженія возбудили сильное неудовольствіе въ Нейстріи и Бургундіи и подорвали его вліяніе въ Австразіи, когда Хильдерихъ, достигнувъ совершеннолѣтія, не хотѣлъ уже терпѣть надъ собою опекуна. Въ Нейстріи и особенно въ Бургундіи ропотъ противъ Эброина былъ такъ силенъ, что онъ, по необходимости, долженъ былъ дать бургундамъ обѣщаніе не являться ко двору безъ особеннаго дозволенія. Недовольство возрасло еще болѣе, когда, по смерти Клотаря III (670 г.), Эброинъ провозгласилъ государемъ меньшаго брата короля, Тидериха III, но при этомъ не исполнилъ обычая, который, при увеличеніи могущества богатыхъ землевладѣльцевъ, пересталъ быть простою формальностью, и не созвалъ народнаго собранія для признанія наслѣдника престола королемъ. Нейстрійцы и бургунды воспользовались этимъ предлогомъ къ возстанію, схватили Эброина и Тидериха и провозгласили королемъ Хильдериха II Австразійскаго. Если бы и этотъ насильственный переворотъ сопровождался обыкновенными въ этихъ случаяхъ злодѣйствами, то государство избѣгнуло бы большаго несчастья. Подкупивъ нѣкоторыхъ епископовъ, Эброинъ получилъ позволеніе пойти въ монастырь. Тидерихъ же былъ остриженъ и заключенъ въ монастырь Сенъ-Дени, но не былъ принужденъ вступить въ монашество.

Съ низверженіемъ Эброина начались смуты, угрожавшія государству большими опасностями. Быть можетъ, эта бѣда была бы отвращена, еслибы святой Леодегарій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при дворѣ Хильдериха, съумѣлъ поддержать свое значеніе; но своею нравственною строгостью и въ особенности осужденіемъ противозаконнаго брака короля, онъ сталъ ненавистенъ распутному Хильдериху и былъ, по его приказанію, заключенъ въ монастырь. Едва только Леодегарій удалился отъ двора, какъ Хильдерихъ, ненавидимый всѣми за его деспотизмъ, былъ убитъ. Король приказалъ однажды умертвить самымъ постыднымъ образомъ одного изъ знатнѣйшихъ франковъ, но вельможа, осужденный на смерть, убилъ самого короля (673 г.). Маіордомъ его спасся въ Австразію и, по соглашенію съ Гиммихильдою, вызвавъ изъ Ирландіи сына Сигберта III, Дагоберта II, провозгласилъ его королемъ. Между тѣмъ убійцы Хильдериха провозгласили Тидериха III королемъ Нейстріи и Бургундіи. Эброинъ и Леодегарій были вызваны изъ монастырей. Эброинъ провозгласилъ королемъ мнимаго сына Клотаря III, Хлодвига, а Леодегарій принялъ сторону Тидериха и старался сдѣлать маіордомомъ своего приверженца, Лейда, сына Эрхиноальда. Наконецъ Эброинъ одержалъ верхъ надъ противникомъ, убилъ Лейда, завладѣлъ Тидерихомъ и, бросивъ Хлодвига, принудилъ Тидериха назначить себя маіордомомъ; потомъ онъ какъ дикій звѣрь неистовствовалъ противъ друзей и непріятелей. Леодегарій тоже сдѣлался жертвою его насилія и былъ преданъ самой мучительной смерти. Лица, гонимыя Эброиномъ, спасались отъ преслѣдованій бѣгствомъ въ Аквитанію, гдѣ потомки Хариберта II, пользуясь постоянными распрями другихъ Меровинговъ, которыхъ они были вассалами, сдѣлались независимыми герцогами и продолжали распространять свои владѣнія. Тидерихъ III, или скорѣе его маіоръ домъ Эброинъ, велъ постоянную войну съ королемъ австразійскимъ, Дагобертомъ II; бѣдствія пограничныхъ областей обоихъ государствъ были невыносимы. Въ этой войнѣ лишились жизни Дагобертъ и его сынъ (678 г.). Рѣшившись мстить за смерть короля, которую сами могли бы отвратить, австразійцы продолжали войну и назначили своими главнокомандующими сына Клодульфа мецскаго, Мартина, и сына Ансегиса, Пипина, названнаго по имени одного изъ его помѣстьевъ Геристальскимъ. Впрочемъ, австразійцы потерпѣли кровавое пораженіе, и Мартинъ, обманутый ложными клятвами Эброина, былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своими спутниками. Тогда Эброинъ, казалось, побѣдилъ всѣ препятствія, преграждавшія путь его честолюбію, и могъ бы распространить свою власть

и на Австразію; но вскорѣ онъ палъ жертвою такого же коварства, которое такъ часто употреблялъ противъ другихъ. Одинъ знатный франкъ, Эрманфридъ, у котораго Эброинъ конфисковалъ имѣніе и, какъ говорятъ, хотѣлъ отнять и самую жизнь, предательски убилъ его въ королевскомъ дворцѣ (681 г.). Весьма вѣроятно, что намѣреніе Эрманфрида было извѣстно Пипину, потому что убійца, бѣжавшій въ Австразію, былъ щедро награжденъ имъ.

Нейстрійцы избрали себѣ новаго маіордома, Варатто, который за платежъ ежегодной дани призналъ Пипина герцогомъ Австразіи. Не обладая ни энергіею, ни дьявольскою хитростью своего предшественника, Варатто только съ помощью Пипина и могъ защищаться противъ роднаго сына. Это доставило Пипину огромное вліяніе между нейстрійцами, и когда, по смерти Варатто, при новомъ маіордомѣ, Бертаритѣ, между Нейстріею и Австразіею вспыхнула война, онъ могъ надѣяться найти себѣ приверженцевъ въ Нейстріи. Подъ предводительствомъ Пипина, австразійцы напали на нейстрійцевъ при Тестри, близъ Сенъ-Кантеня, и послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя одержали наконецъ рѣшительную побѣду (687 г.). Пипинъ разсѣялъ нейстрійское войско, преслѣдовалъ бѣжавшаго короля Тидериха и захватилъ его въ плѣнъ въ Парижѣ. Оставивъ ему королевскій титулъ, Пипинъ взялъ его подъ свою опеку и съ этихъ поръ сталъ управлять отъ его имени всѣми тремя государствами франковъ. Такимъ образомъ пало господство древней королевской фамиліи и, если вѣрить друзьямъ дома Пипиновъ, то Меровинги сдѣлались просто недорослями-помѣщиками, занимавшимися только охотою и сельскимъ хозяйствомъ, предоставивъ все управленіе маіордомамъ. Но это свидѣтельство вѣрно только относительно частной жизни и ежедневныхъ занятій королей; иные изъ нихъ, даже состоя подъ опекой маіордомовъ, сами занимались нѣкоторыми государственными дѣлами, и только послѣдніе Меровинги на самомъ дѣлѣ пользовались лишь однимъ титуломъ королей. Послѣ сраженія при Тестри, Пипинъ съумѣлъ возвысить свое могущество въ ущербъ власти короля, а его потомки, назвавшіеся по знаменитѣйшему изъ нихъ, Каролингами, не только захватили въ свои руки высшую государственную должность и королевскую власть, но, чрезъ сорокъ восемь лѣтъ по смерти Пипина, завладѣли и самымъ престоломъ устраненныхъ отъ власти Меровинговъ.

Впрочемъ Пипину было трудно упрочить за собою пріобрѣтенную имъ власть. Алеманны и Аквитанія отказали ему въ повиновеніи, а въ то же время фризы, жившіе на берегахъ Сѣвернаго моря, стали, подъ начальствомъ храбраго Ратбода, угрожать пограничнымъ областямъ франкскаго государства. Алеманны, противъ которыхъ постоянно сражались самъ Пипинъ и другіе франкскіе вельможи, отстояли свою независимость; аквитанскіе герцоги также остались самостоятельными, но фризовъ Пипинъ принудилъ если не креститься, то по крайней мѣрѣ платить дань. Фризы съ неодолимымъ упорствомъ противились миссіонерскимъ попыткамъ, которыя особенно дѣлало тогда британское духовенство, и только съ большимъ трудомъ и опасностями успѣли эти благочестивые люди обратить въ христіанство самую незначительную часть ихъ. О Ратбодѣ разсказываютъ слѣдующій, хотя вымышленный, но очень характеристическій анекдотъ. Когда Ратбодъ согласился наконецъ креститься и уже опустилъ ноги въ купель, ему вдругъ пришло въ голову спросить: въ раю или въ аду будутъ его предки? Услыхавъ отвѣтъ, что они, какъ и всѣ язычники, будутъ въ аду, Ратбодъ сказалъ: «и я хочу быть тамъ, гдѣ такъ много храбрыхъ людей!» и выскочилъ изъ купели. Пипинъ былъ такъ увѣренъ въ своемъ могуществѣ, что поручилъ управленіе Нейстріею другому лицу, конечно подчинивъ его себѣ, и только по смерти этого соправителя поставилъ на его мѣсто своего сына, Гримоальда. Еще задолго до своей смерти онъ рѣшился раздѣлить государство, которое считалъ своимъ, между двумя сыновьями, Дрогономъ и Гримоальдомъ. Перваго онъ хотѣлъ сдѣлать маіордомомъ Австразіи, а другаго Нейстріи. Оба они были сыновья баварской принцессы, Плектруды, законной жены Пипина. Но Пипинъ имѣлъ еще двухъ побочныхъ сыновей, Карла Мартелла и Гильдебранда; первый изъ нихъ былъ совершеннолѣтенъ, а другой еще ребенокъ; обоихъ ихъ Пипинъ лишилъ наслѣдства. Дрогонъ и Гримоальдъ умерли еще при жизни отца, и Пипинъ по внушенію Плектруды объявилъ наслѣдникомъ своего внука, Теодвальда, который былъ еще ребенокъ и, какъ побочный сынъ Гримоальда, имѣлъ менѣе

права на наслѣдство, чѣмъ Карлъ и Гильдебрандъ. Пипинъ умеръ въ томъ же году, въ которомъ сдѣлалъ это распоряженіе (714 г.).

Къ большому неудовольствію многихъ австразійцевъ, Плектруда стала управлять именемъ своего внука, и приказала заключить Карла Мартелла въ темницу. Нейстрійцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сдѣлаться независимыми отъ власти австразійскаго маіордома, взялись за оружіе, разбили войска Плектруды, внукъ которой вскорѣ за тѣмъ умеръ, и избрали маіордомомъ нейстрійца Рагинфрида, а по смерти короля отдали престолъ какому-то духовному лицу, который былъ выданъ за Хильпериха II, мнимаго сына Хильдериха II, хоть быть можетъ, и не принадлежалъ къ фамиліи Меровинговъ. Соединившись съ языческими фризами и страшнымъ предводителемъ ихъ, Ратбодомъ, Рагинфридъ вторгнулся въ Австразію, и Плектруда только за огромную сумму денегъ могла купить у нихъ миръ. Между тѣмъ Карлъ Мартеллъ освободился изъ темницы и сталъ во главѣ многочисленной партіи недовольныхъ въ самой Австразіи. Разбитый въ сраженіи съ фризами, онъ сдѣлалъ однако счастливое нападеніе на нейстрійскія войска, возвращавшіяся домой, разбилъ ихъ и преслѣдовалъ до самаго Парижа (717 г.), но вмѣсто того, чтобы воспользоваться до конца побѣдою, обратился противъ мачихи и заставилъ ее удалиться въ Баварію. Плектруда возвратила ему сокровища его отца только тогда, какъ австразійцы уже признали Карла своимъ герцогомъ. Карлъ провозгласилъ королемъ какого-то неизвѣстнаго, назвавъ его Клотаремъ IV и выдавъ его за меровингскаго принца, но хищныя нападенія саксовъ помѣшали ему двинуться въ походъ противъ нейстрійцевъ, маіордомъ которыхъ призвалъ на помощь герцога аквитанскаго, Эвда. Карлъ, оттѣснивъ саксовъ до Везера и опустошивъ ихъ страну, отмстилъ имъ за набѣги на рейнскія земли и только послѣ этого поспѣшилъ противъ соединенныхъ войскъ нейстрійцевъ и аквитанцевъ Близъ Суассона онъ нанесъ имъ такое пораженіе, что Рагинфридъ и его король бѣжали въ Аквитанію, предоставивши Нейстрію на произволъ судьбы (719 г.). Заставивъ признать себя маіордомомъ Нейстріи и Бургундіи, Карлъ вступилъ въ переговоры съ герцогомъ аквитанскимъ и обоими его союзниками. Враги имѣли между собою личное свиданіе и заключили миръ. Карлъ призналъ Эвда герцогомъ Аквитаніи, Рагинфридъ получилъ графство Анжу, а король нейстрійскій, Хильперихъ II, отдалъ Карлу свои богатства и возвратился въ Нейстрію, гдѣ жилъ въ почетномъ заключеніи, пользуясь титуломъ короля. Въ 720 г., по смерти Хильпериха, Карлъ провозгласилъ королемъ малолѣтняго Дагоберта III, сына Тидериха IV, и послѣдующія десять лѣтъ провелъ въ войнахъ съ восточными сосѣдями государства: описаніе хода этихъ войнъ не составляетъ предмета всемірной исторіи. Достаточно замѣтить, что онъ вторично наказалъ саксовъ и фризовъ, усмирилъ баваровъ и, нанеся нѣсколько пораженій алеманнамъ, снова заставилъ ихъ нести военную службу по прежнему. Вообще до самой смерти Карлъ почти каждый годъ велъ войны съ этими народами, потому что трудно покорить себѣ людей, которымъ нечего терять.

Въ 731 г., когда Карлъ, соединивъ въ своихъ рукахъ власть надъ всѣмъ государствомъ франковъ, со славою и успѣхомъ окончилъ дѣла съ народами, жившими на восточныхъ границахъ, испанскіе мухаммедане, сосредоточивъ всѣ свои силы, рѣшились произвести вторженіе за Пиренеи. Если бы они напали на франкское государство нѣсколькими годами раньше, то при полномъ внутреннемъ распаденіи они покорили бы его такъ же легко, какъ и вестготское королевство въ Испаніи. Но имъ было суждено встрѣтить въ Карлѣ Мартеллѣ человѣка, который долженъ былъ положить предѣлъ ихъ завоеваніямъ въ Европѣ. Съ 718 г., когда мухаммедане въ первый разъ перешли Пиренеи, до 731 г., когда Абд-Эррахманъ повелъ противъ Карла всѣ свои войска, враждебныя дѣйствія ихъ противъ франковъ ограничивались только болѣе или менѣе удачными набѣгами. Набѣги эти были такъ незначительны, что даже аквитанскій герцогъ Эвдъ безъ посторонней помощи сдерживалъ ихъ завоевательныя стремленія, а въ 721 г. даже нанесъ имъ сильное пораженіе (стр. 312). Карлъ успѣлъ счастливо и со славою окончить войны съ фризами, саксами, алеманнами и баварами, прежде чѣмъ мухаммедане двинули на франковъ всѣ свои силы. Они даже сами облегчили противникамъ эту борьбу, заставивъ герцога Эвда предаться въ руки ненавистнаго ему Карла Мартелла, такъ что Карлъ могъ выступить противъ нихъ съ соединенными силами

всей націи. Не задолго предъ тѣмъ Эвдъ, желая освободиться изъ-подъ власти Мартелла, заключилъ съ аравитянами тѣсный союзъ, и отдалъ въ гаремъ одного изъ второстепенныхъ намѣстниковъ Испаніи свою дочь, въ жилахъ которой текла кровь Меровинговъ. Этотъ намѣстникъ навлекъ на себя подозрѣнія Абд-Эррахмана и былъ низложенъ имъ, прежде чѣмъ Эвдъ могъ подоспѣть къ нему на помощь. Когда вслѣдъ за тѣмъ Абд-Эррахманъ вторгнулся въ Аквитанію, Эвдъ, за годъ предъ тѣмъ разбитый Карломъ, могъ противопоставить ему только незначительныя силы, и, проигравъ сраженіе, оставилъ Аквитанію на жертву непріятеля, а самъ съ остатками войска искалъ помощи и покровительства у Карла. Противъ несмѣтныхъ полчищъ враговъ Карлъ двинулъ соединенныя силы всего государства, и встрѣтившись съ ними между Туромъ и Пуатье (въ октябрѣ 732 г.), одержалъ надъ ними такую рѣшительную побѣду, что большая часть непріятельской арміи осталась на полѣ сраженія, а остальные должны были возвратиться въ Испанію (стр. 311). За эту побѣду Карлъ получилъ прозвище Мартелла, или молота. Поспѣшное бѣгство мухаммеданъ, полученное имъ извѣстіе о новомъ нападеніи фризовъ и самый составъ его войска помѣшали Карлу преслѣдовать бѣгущаго врага. Войско франковъ состояло не изъ наемныхъ солдатъ и такъ называемой королевской свиты, а изъ народнаго ополченія или свободныхъ людей, собравшихся по всеобщему призыву (стр. 87), и этими войсками Карлъ не могъ распоряжаться такъ же произвольно, какъ своею вооруженною свитою, повсюду слѣдовавшею за своимъ предводителемъ въ надеждѣ грабежа и добычи. Во время отступленія, мухаммедане страшно опустошили страну, чрезъ которую проходили, и только чрезъ два года снова явились во Франціи. Карлъ поручилъ отразить ихъ герцогу Эвду, съ которымъ онъ примирился и котораго дѣло это касалось ближе, а самъ двинулся противъ фризовъ.

Нѣсколько лѣтъ сряду воюя съ фризами, баварами, алеманнами и саксами, Карлъ не былъ въ состояніи покорить ихъ, пока въ 737 г. не напалъ на нихъ со стороны моря. Въ одномъ кровавомъ сраженіи онъ умертвилъ ихъ герцога, Поппо, опекуна сыновей Ратбода, предводительствовавшаго фризами, и опустошилъ ихъ землю огнемъ и мечемъ. Это обстоятельство и постоянное распространеніе между фризами христіанства, наконецъ принудило ихъ къ спокойствію и покорности. Неимовѣрная ревность и истинно геройское терпѣніе британскихъ монаховъ въ дѣлѣ распространенія христіанства способствовали достиженію этого результата по меньшей мѣрѣ столько же, сколько храбрость и политическій умъ Карла. Но въ то время, какъ христіанство и франкское господство распространялось и упрочивалось извнѣ, внутри государства господствовали невѣжество и грубость. Это, съ перваго взгляда странное явленіе не должно удивлять насъ, потому что франки должны были воевать безпрерывно то съ аравитянами, пылкими по природѣ, фанатическими по вѣрѣ, то съ варварами восточныхъ границъ государства, преданными язычеству и сильными своею грубостью. Впрочемъ, самъ Карлъ способствовалъ упадку нравственности, раздавая многимъ изъ своихъ вассаловъ аббатства или епископства, для того, чтобы имѣть возможность наградить ихъ заслуги церковными имуществами, и подъ страхомъ лишенія сана и приходовъ заставлялъ воевать многихъ духовныхъ.

Войны съ мухаммеданами дали всемогущему маіордому возможность выказать себя настоящимъ правителемъ, а не намѣстникомъ или представителемъ Меровинговъ, и поставить на Ронѣ, Гароннѣ и Луарѣ своихъ собственныхъ, а не меровингскихъ вассаловъ. Мухаммедане, желая отмстить за пораженіе при Пуатье, предприняли новый походъ въ Аквитанію, окончившійся впрочемъ весьма неудачно, и напали на сыновей Эвда, Гунольда и Гаттона, (733 г.), по смерти отца раздѣлившихъ между собою герцогство Аквитанское. Карлъ рѣшился воспользоваться этимъ для распространенія своей власти, и обратился сначала противъ аквитанскихъ герцоговъ. Видя себя стѣсненными со всѣхъ сторонъ, и чтобы избѣгнуть совершенной погибели, они присягнули франкскому маіордому, и къ тому же лично ему самому, а не царствовавшему по имени Меровингу. Это привело въ ужасъ вельможъ Бургундіи, которымъ Карлъ еще прежде насильно навязалъ множество австразійскихъ графовъ, герцоговъ, аббатовъ и землевладѣльцевъ. Подобно аквитанцамъ, въ одно и тоже время угрожаемые Карломъ и мухаммеданами и опасаясь Карла болѣе, чѣмъ мухаммеданъ, они соединились съ послѣдними.

Послѣ этого Карлъ имѣлъ полное право поступить съ Бургундіею, какъ съ непріятельской страной, тогда какъ прежде всѣ его распоряженія въ ней казались незаконными. Выславъ впередъ своего брата, Гильдебранда, съ войскомъ, онъ вскорѣ и самъ явился на театръ войны, разбилъ мухаммеданъ и покорилъ всѣ земли до рѣки Оды на западъ и до Марсели на югъ. Такимъ образомъ невѣрные удержали за собою на сѣверъ отъ Пиренеевъ только незначительную полосу земли, а бургундцы снова должны были покориться Карлу. Въ этихъ предпріятіяхъ ему помогали лонгобарды, съ которыми онъ заключилъ союзъ. Въ то же самое время Карла звалъ на помощь и римскій епископъ, тѣснимый лонгобардами и не поддерживаемый греческими императорами, вслѣдствіе невозможности или нежеланія. Отправивъ въ Римъ торжественное посольство и роскошные подарки, Карлъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ папскимъ престоломъ, но не могъ извлечь изъ этого никакой выгоды, потому что умеръ во время самыхъ переговоровъ (741 г.).

Когда Карлъ Мартеллъ умеръ, о меровингскихъ корояхъ не было и рѣчи. Еще за четыре года до своей смерти, когда умеръ Тидерихъ IV, Карлъ не провозглашалъ новаго короля и потомъ, не обращая вниманія на существовавшія еще отрасли королевской фамиліи, раздѣлилъ государство между двумя своими сыновьями отъ первой жены, Карломаномъ и Пипиномъ Короткимъ, и Гриномъ, сыномъ второй жены, плѣнной баварки. Тотчасъ по смерти отца Карломанъ и Пипинъ отняли у Гриппона его владѣнія, сослали его мать въ монастырь и заключили его въ темницу. Впослѣдствіи Пипинъ освободилъ Гриппона и возвратилъ ему его участокъ, но Гриппонъ удалился къ саксамъ, желая возвратить свое наслѣдство силою оружія. Побѣдивъ саксовъ, Пипинъ двинулся на баваровъ, къ которымъ удалился Гриппонъ послѣ пораженія саксовъ; бавары были также покорены, и Гриппонъ снова захваченъ въ плѣнъ. Освобожденный и надѣленный помѣстьями, онъ снова бѣжалъ къ аквитанскому герцогу Вайфару, сынъ Гунольда, и не найдя у него поддержки, отправился въ Италію искать защиты и помощи у лонгобардовъ, но былъ перехваченъ на дорогѣ воинами Пипина.

Изгнавъ брата, Карломанъ и Пипинъ раздѣлили между собою все государство. Первый получилъ Австразію, а Пипинъ Нейстрію и Бургундію. Сначала они вели войну съ баварами, хотѣвшими воспользоваться перемѣною въ правленіи и, съ помощью саксовъ и аллеманновъ, освободиться отъ наложенной на нихъ Карломъ Мартелломъ обязанности нести военную службу при франкскомъ войскѣ. Къ тому же родная сестра Карломана и Пипина, по совѣту своей мачихи, согласилась выйти, противъ воли родныхъ братьевъ, за герцога баварскаго, Одилона. Прежде чѣмъ начать эту войну, Пипинъ и Карломанъ, для упроченія своей власти между франками, провозгласили (742 г.) королемъ взятаго изъ монастыря Меровинга Хильдериха III, сына Хильдериха II, и потомъ двинули противъ баваровъ всѣ военныя силы франковъ, потому что позиція, избранная Одилономъ на Лехѣ и прикрытая рвами, окопами и болотистою мѣстностью, была такъ сильна, что нельзя было и думать о нападеніи на нее съ собственными и наемными войсками маіордомовъ. Однако герцогъ испугался приготовленій франковъ и просилъ мира, но Пипинъ и Карломанъ отвергнули всѣ его предложенія, ворвались въ лагерь баваровъ, разбили ихъ на голову и преслѣдовали до Инна. Передъ этимъ рѣшительнымъ сраженіемъ папскій посланникъ, котораго Одилонъ уговорилъ быть посредникомъ, именемъ апостола Петра и его преемника грозно требовалъ прекращенія военныхъ дѣйствій. Послѣ сраженія Пипинъ съ насмѣшкой сказалъ ему, что по исходу сраженія можно видѣть, чье дѣло Богъ считаетъ правымъ, и что, слѣдовательно, посланникъ не могъ говорить отъ имени Петра и святаго отца. Пятьдесятъ два дня франки грабили и разоряли землю баваровъ, пока возстаніе аквитанскихъ герцоговъ, Гунольда и Гаттона, не заставило ихъ возвратиться. Пипинъ и Карломанъ еще прежде совершили опустошительный походъ въ Аквитанію, потому что аквитанцы, считая себя вассалами одного Карла Мартелла, не хотѣли признавать власти его сыновей. Заключивъ союзъ съ Одилономъ, они вторглись въ землю франковъ, въ то время когда всѣ силы ихъ были заняты въ Германіи; но едва Карломанъ и Пипинъ двинули противъ нихъ свои войска, какъ аквитанцы, испытавъ пораженіе, присягнули имъ въ вѣрности. Аквитанскіе герцоги скоро поссорились между собою, и Гунольдъ, ослѣпивъ своего брата, завладѣлъ всѣмъ герцогствомъ. Впослѣдствіи онъ самъ пошелъ въ мона-

стырь, передавъ правленіе своему сыну, Вайфару. Новое нападеніе саксовъ опять отозвало на востокъ обоихъ Каролинговъ, и едва племя это было усмирено, какъ неукротимое честолюбіе герцога алеманновъ, Теобальда, потребовало ихъ присутствія въ Эльзасѣ и Швабіи. Такимъ образомъ до 746 г. они должны были вести безпрерывныя войны.

Эти войны и особенно жестокость, съ какою было отмщено алеманамъ за нарушеніе мира, были противны Карломану, не столь кровожадному по природѣ, какъ его родственники. Поэтому, передавъ власть сыну своему, Дрогону, онъ удалился въ монастырь. Дрогонъ вскорѣ исчезаетъ изъ исторіи, такъ какъ Пипинъ, съ этихъ поръ называемый всѣми историками единственнымъ правителемъ государства, всячески старался оттѣснить его. Карломанъ поселился сначала въ Римѣ, а потомъ перешелъ въ монастырь Монте-Кассино, потому что франки, во множествѣ являвшіеся на поклоненіе въ Римъ, оскорбляли его смиреніе выраженіями вѣрноподданическихъ чувствъ. Онъ умеръ въ 754 году въ Вьеннѣ, посланный къ Пипину своимъ настоятелемъ для переговоровъ о лонгобардскихъ дѣлахъ. Въ это время Пипинъ велъ войны съ саксами, баварами и алеманнами, и старался возстановить порядокъ въ церкви возвращеніемъ духовенству имѣній, отобранныхъ при его отцѣ, и другими мѣрами. Онъ считалъ заслуги свои на столько важными, что могъ уже требовать у государства и церкви королевскаго достоинства, какъ должнаго. Онъ и его отецъ держали франковъ въ такомъ страхѣ и, раздавая имѣнія приверженцамъ своего дома, сдѣлались такъ могущественны, что Пипинъ могъ безопасно принять королевскій титулъ. Это было тѣмъ легче, что интересы христіанскаго ученія, выгоды его служителей и особенно самого папы были тѣсно связаны съ интересами Пипина. Въ 751 г. Пипинъ приказалъ двумъ духовнымъ сановникамъ спросить у папы Захаріи, согласно ли волѣ Божіей называть королемъ человѣка, ничего не дѣлающаго, или же титулъ этотъ долженъ принадлежать тому, кто несетъ на себѣ всѣ заботы и труды правленія. Папа, уже давно тѣснимый лонгобардами и ожидавшій отъ франкскаго правителя многихъ выгодъ для церкви и самого себя, далъ желанный отвѣтъ. Пипинъ сообщилъ папское объясненіе народному собранію франковъ, созванному въ Суассонъ, и франки, какъ это можно было предвидѣть, низложивъ Хильдериха III, передали державныя права его Пипину (752 г.). Низверженный король былъ лишенъ длинныхъ волосъ и вмѣстѣ съ другими Меровингами заключенъ въ монастырь. Основываясь на томъ, что намѣстникъ Христа важнѣе первосвященника іудейскаго, перенесшаго нѣкогда право Саула на Давида, епископъ Бонифацій утвердилъ и освятилъ авторитетомъ папы опредѣленіе франкскаго народа. Впрочемъ, мы ошибемся, если будемъ думать, что франки приняли это рѣшеніе изъ уваженія къ папѣ. Для грубыхъ франковъ толкованіе папы имѣло также мало значенія, какъ и папское благословеніе, переданное Бонифаціемъ новому королю, такъ какъ они издавна привыкли не спрашиваться папы, когда дѣло касалось ихъ собственныхъ выгодъ.

Фамилія Каролинговъ успѣла упрочить за собою власть еще при отцѣ и дѣдѣ Пипина, и принятіе имъ королевскаго титула, само собою разумѣется, было только простою формальностью. Но по этому поводу они вошли въ самыя тѣсныя сношенія съ Римомъ, а этотъ союзъ, повлекши за собою войну Каролинговъ съ лонгобардами, стремившимися въ то время къ завоеванію Рима и утвержденію своего господства на всемъ полуостровѣ, имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ событіямъ царствованія Пипина, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть исторію Италіи и римскаго епископства.

4. Италія отъ вторженія лонгобардовъ до Пипина Короткаго и царствованіе Пипина послѣ принятія имъ королевскаго титула.

Государство, основанное по ту сторону Альповъ лонгобардами подъ предводительствомъ Альбоина, обнимало собою большую часть Верхней и Средней Италіи, а впослѣдствіи и герцогство Беневентское въ Нижней Италіи. Греческіе гарнизоны удерживали еще въ своей власти приморскіе города и многія мѣстности

въ горахъ. Поэтому у лонгобардовъ легко было отнять часть ихъ завоеваній и, подавъ помощь несчастнымъ итальянцамъ, тѣснимымъ этими полудикими и притомъ аріанскими народами, вознаградить ихъ за опустошенія, которымъ подверглась ихъ страна при изгнаніи остготовъ. Но этому препятствовало положеніе дѣлъ при византійскомъ дворѣ, и итальянцы, не смотря на то, что греки владѣли приморскими городами, испытывали самую печальную судьбу. Нѣкоторые изъ нихъ эмигрировали, остальные сдѣлались рабами или принуждены были отдавать третью часть доходовъ съ своихъ полей поселившимся между ними лонгобардамъ, или же, отдавъ завоевателямъ большую часть своихъ имѣній, должны были платить подати съ оставшагося у нихъ имущества. Только впослѣдствіи лонгобардскіе короли издали нѣкоторыя постановленія въ пользу итальянцевъ, что съ самаго начала сдѣлали остготы. Въ это несчастное время на папскій престолъ вступилъ человѣкъ, который нравственною строгостью, благочестіемъ, политическимъ тактомъ, знаніемъ людей и опытностью въ мірскихъ дѣлахъ, и даже (согласно духу времени) грубымъ суевѣріемъ и благочестивою ложью на столько возвысилъ значеніе римскаго папы, что онъ одинъ считался тогда утѣшителемъ угнетенныхъ, покровителемъ и защитникомъ туземныхъ жителей отъ варваровъ и посредникомъ въ сношеніяхъ ихъ съ греками. Это былъ Григорій I или Великій, потомокъ древне-римской патриціанской фамиліи Анпіевъ. Сначала Григорій былъ префектомъ города Рима, въ которомъ основалъ семь монастырей, содержавшихся на его собственный счетъ, а потомъ самъ поступилъ въ монахи. Папа Пелагій I отправилъ его уполномоченнымъ въ Константинополь, гдѣ онъ въ совершенствѣ изучилъ государственныя дѣла, а въ 590 г. былъ избранъ римскимъ епископомъ и папою, и занималъ римскій престолъ до 604 г. Григорій прославился и своимъ вліяніемъ на развитіе нѣкоторыхъ частей ученія церкви, и трудами по части внѣшняго богослуженія, въ особенности же церковной музыки; но все это не относится до нашего предмета.

Еще до вступленія Григорія на папскій престолъ, лонгобарды, государство которыхъ угрожало распасться на множество незначительныхъ владѣній (стр. 271), сознавая необходимость внутренней связи и единства, избрали себѣ короля (584 г.). Выборъ ихъ палъ на Автариса, сына Клефа, который, если вѣрить преданію, при избраніи себѣ новой супруги показалъ себя образцомъ энергіи, вѣжливости и нѣжности. Историкъ лонгобардовъ, Павелъ Варнефридъ, современникъ Карла Великаго, разсказываетъ о немъ слѣдующее. Автарисъ выбралъ себѣ въ супруги дочь баварскаго герцога Гарибальда, Теодолинду, и, явившись къ ней подъ именемъ перваго посланника лонгобардскаго короля, лично просилъ ея руки; неузнанный никѣмъ, онъ получилъ согласіе, и просилъ позволенія взглянуть на Тейделинду, чтобы имѣть возможность похвалить ея красоту своему повелителю. Когда Тейделинда явилась и по его просьбѣ поднесла ему кубокъ вина, онъ, возвращая кубокъ, тихо пожалъ ей руку и поцаловалъ ее незамѣтно для другихъ. Поэтому Тейделинда узнала своего прекраснаго жениха, такъ какъ кромѣ Автариса никто другой не осмѣлился бы сдѣлать этого. Автарисъ открылся прочимъ только на границѣ баварской земли, когда, на прощаньи съ сопровождавшими его баварами, онъ глубоко вонзилъ въ дерево свою сѣкиру, сказавъ: «Вотъ какіе удары наноситъ король лонгобардовъ.»

Автарисъ добросовѣстно и ревностно исполнялъ обязанности короля. Тейделинда получила надъ нимъ такое вліяніе, что онъ, умирая (590 г.), предоставилъ ей выборъ наслѣдника. Тейделинда предложила корону вмѣстѣ съ своею рукою одному изъ лонгобардскихъ вельможъ, Агилульфу. Королева была ревностною православною, хотя и не могла проникнуться духомъ христіанства въ своемъ отечествѣ, гдѣ, цѣлымъ столѣтіемъ позже, мы находимъ язычество еще въ полной силѣ. Она была даже православнѣе, чѣмъ самъ папа Григорій Великій, и, не смотря на увѣщанія Григорія, старавшагося охладить ея религіозную ревность, хотѣла низложить епископовъ, принявшихъ опредѣленіе великаго юстиніановскаго собора 553 г. (стр. 268). Не далеко отъ Милана, въ городѣ Монцѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился когда-то дворецъ Теодориха Великаго, Тейделинда построила великолѣпную церковь, часто упоминаемую въ исторіи, и между прочимъ подарила этой церкви знаменитую желѣзную лонгобардскую корону, сдѣланную изъ золота, но заключавшую внутри желѣзное кольцо, скованное будто бы изъ гвоздей отъ креста Господня. Агилульфъ приходилъ въ

постоянныя непріязненныя столкновенія съ греками, франками и папою Григоріемъ, съ которымъ жена его вела интимную переписку, и переселялъ въ Италію цѣлыя толпы аваровъ, желая усилить ими ряды лонгобардовъ и безъ того немногочисленные, но еще болѣе порѣдѣвшіе вслѣдствіе постоянныхъ войнъ. Агилульфъ нѣсколько разъ угрожалъ папѣ въ его собственной, почти совершенно обезлюдѣвшей столицѣ. Григорій спорилъ въ это время съ греческимъ императоромъ, который требовалъ для константинопольскаго патріарха титула экуменическаго или вселенскаго, на что Григорій никакъ не могъ согласиться, потому что самъ не хотѣлъ носить этого титула, называя себя рабомъ рабовъ Божіихъ. Его благочестіе часто ставило его въ ложное положеніе; такъ, напримѣръ, изъ значительной суммы денегъ, присланной ему для раздачи бѣднымъ, онъ назначилъ половину на выкупъ невольниковъ, а остальныя употребилъ на содержаніе трехъ тысячъ монахинь, жившихъ тогда въ Римѣ и старавшихся снискивать себѣ пропитаніе не трудомъ, а молитвою.

Агилульфъ нѣсколько разъ нападалъ на Римъ и принудилъ даже греческаго императора платить себѣ ежегодную дань. Въ его правленіе могущество лонгобардовъ весьма усилилось и сдѣлалось страшно для Италіи. Къ несчастію, тогдашніе греческіе императоры, Маврикій, Фока и Ираклій, были заняты другими войнами и не имѣли времени заботиться о защитѣ Италіи, которая, конечно, сдѣлалась бы добычею лонгобардовъ, если бы ближайшіе преемники Агилульфа шли по его слѣдамъ. По смерти Агилульфа, 615 г., престолъ достался его сыну, Аделъвальду, находившемуся подъ вліяніемъ своей православной матери, Тейделинды, и, слѣдовательно, ненавистному для аріанъ лонгобардовъ, какъ врагъ ихъ секты; они не терпѣли его еще за то, что онъ препятствовалъ имъ грабить греческія владѣнія въ Италіи, и вскорѣ по смерти Тейделинды (625 г.), избавились отъ него посредствомъ яда. Вельможи возвели на престолъ зятя его, Аривальда, участвовавшаго въ заговорѣ на жизнь своего предшественника. При Аривальдѣ и его преемникѣ, Ротарисѣ (636 — 652 г.), начало обнаруживаться вліяніе на лонгобардовъ теплаго климата, болѣе утонченнаго образа жизни и постоянныхъ столкновеній съ людьми, находившимися на довольно высокой ступени цивилизаціи. Подобно тогдашнимъ вестготамъ, бургундамъ, франкамъ и баварамъ, они начали сознавать потребность внести болѣе порядка и правильности въ государственное устройство и управленіе. Дѣйствительно, въ это время у лонгобардовъ въ первый разъ является сборникъ писанныхъ законовъ, составленныхъ изъ юридическихъ обычаевъ, принесенныхъ ими изъ первобытнаго отечества, и новыхъ заимствованій изъ законодательства побѣжденныхъ итальянцевъ.

Это первое изданіе лонгобардскихъ законовъ было начато при Ротарисѣ и окончено на восьмомъ году его царствованія (644 г.). Ротарисъ издалъ при этомъ мудрое постановленіе, существовавшее и въ древнемъ Римѣ, относительно преторскихъ эдиктовъ (т. I. стр. 573), объявивъ, что его преемники всегда могутъ дѣлать измѣненія въ обнародованныхъ имъ законахъ. Такъ и было. Король Гримоальдъ (662 — 671 г.) первый сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ законахъ Ротариса, собравъ для этого только судей своего народа; послѣдующія перемѣны дѣлались уже въ общихъ собраніяхъ всѣхъ свободныхъ людей. Особенно король Луитпрандъ (712 — 744 г.) выказалъ свои старанія упрочить мудрыми законами существованіе государства, которое возвысилъ и распространилъ личною храбростью. Его новыя постановленія заключали въ себѣ болѣе точное опредѣленіе гражданскихъ правъ, изложенныхъ весьма неполно въ законодательствѣ Ротариса, различныя дополненія, сдѣлавшіяся необходимыми при успѣхахъ цивилизаціи, и наконецъ формы судопроизводства. Рахисъ (744 — 749 г.) и Айстульфъ (749 — 756 г.) дополнили эти законы еще нѣсколькими главами. Въ постановленіяхъ Рахиса, опредѣляющихъ смертную казнь за развѣдываніе и разглашеніе королевскихъ тайнъ, еще не видно успѣховъ законодательства; но старанія Айстульфа ограничить притязанія монастырей, церквей и духовенства, при господствѣ въ лонгобардскихъ земляхъ ложныхъ понятій о святости монашеской жизни, показываютъ значительную степень гражданскаго развитія. Такимъ образомъ, у лонгобардовъ мало-по-малу явились законы, дѣйствовавшіе въ Италіи въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій на ряду съ римскимъ правомъ, имѣвшимъ

силу относительно многихъ муниципальныхъ городовъ и даже частныхъ лицъ. Законодательство это продолжало существовать и послѣ паденія лонгобардскаго королевства и даже употреблялось въ то время, когда бургундское, баварское и франкское права были извѣстны только однимъ ученымъ Зная характеръ этихъ народовъ и эпохи, мы не должны удивляться смѣшенію въ этихъ законахъ гражданскаго права съ уголовнымъ. Точно также нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что, за исключеніемъ преступленій противъ государства, наказываемыхъ смертью, всякое другое преступленіе влекло за собою только наказаніе денежною пеною; иначе, въ случаѣ замѣны этого древне-германскаго обычая римскимъ правомъ, нужно было бы каждую минуту убивать значительнѣйшихъ вельможъ или воевать съ ними, или наконецъ, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ во время Драконa (т. I. стр. 149), оставлять всѣ преступленія безнаказанными. Эти денежныя пени, платившіяся виновными казнѣ, не превышали 900 шиллинговъ, но эта сумма платилась только за убіеніе свободнаго человѣка, между тѣмъ какъ за голову самаго искуснаго несвободнаго слуги платилось только 50 шиллинговъ. Подобное различіе человѣка отъ человѣка и соединеніе полной свободы съ состояніемъ глубочайшаго униженія возмутительны въ высшей степени. Впрочемъ, самое сильное увѣчье наказывалось легче, чѣмъ ничтожнѣйшее воровство. Насиліе и похищеніе женщинъ наказывалось точно такъ же, какъ убійство, потому что, по древнимъ понятіямъ лонгобардовъ, впрочемъ значительно измѣнившимся въ Италіи, цѣломудріе стоило жизни.

Не смотря на всю грубость, нравы лонгобардовъ смягчились въ Италіи; но успѣхи цивилизаціи были бы несравненно значительнѣе, если бы престолъ оставался наслѣдственнымъ въ одной и той же династіи. Частые переходы королевской власти отъ одной фамиліи къ другой лишали лонгобардскихъ королей нѣкоторой доли привязанности, питаемой всѣми германскими племенами къ своимъ древнимъ наслѣдственнымъ властителямъ, и въ тоже время затрудняли для нихъ поддержаніе мира и порядка. Бѣглецы, безъ всякаго состоянія, приходившіе изъ другихъ странъ, или такъ называемые вильдфанги позднѣйшаго германскаго права и бистерфреи саксовъ, занимали между лонгобардами совершенно особенное положеніе, обусловливаемое необходимостью для лонгобардовъ пополнять свои ряды чужеземными искателями приключеній. У саксовъ они считались совершенно безправными и не могли вступать въ законный бракъ. Напротивъ, у лонгобардовъ эти выходцы, если только были способны къ военной службѣ, пользовались всѣми правами свободныхъ людей, могли завѣщать свое имущество дѣтямъ, а впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ получили за свои заслуги тѣ же самыя льготы, которыми пользовались въ землѣ лонгобардовъ, на правахъ сосѣдей, франки, алеманны и бавары, или, на основаніи обычая, покоренные жители римскихъ городовъ, т. е. имѣли право управляться своими собственными, національными законами. Но въ случаѣ бездѣтности они не могли распоряжаться своимъ имуществомъ. Другая характеристическая черта лонгобардскихъ законовъ состояла въ томъ, что колдовство, считавшееся въ салическихъ законахъ дѣйствительнымъ преступленіемъ, признавалось ими совершенною нелѣпостью, и убійство колдуньи наказывалось точно такъ же, какъ обыкновенное убійство. Относительно поединковъ, которые, при недостаточности другихъ законныхъ доказательствъ, считались у всѣхъ германскихъ народовъ судомъ божьимъ, Лунтпрандъ высказалъ положеніе, сдѣлавшееся господствующимъ въ остальной Европѣ только нѣсколько столѣтій спустя и лишь съ трудомъ укоренившееся въ сознаніи германскихъ народовъ и ихъ аристократіи. Допуская судебные поединки, онъ дѣлаетъ слѣдующую оговорку. «Мы сомнѣваемся, дѣйствительно-ли они составляютъ выраженіе суда божія, слыша, что многіе проиграли на поединкѣ совершенно правыя дѣла; но такъ какъ этотъ древній обычай допускается законами лонгобардовъ, то мы не можемъ запретить его.»

Мы ограничимся только нѣсколькими краткими замѣтками объ отдѣльныхъ событіяхъ исторіи лонгобардовъ. Нерѣдко случалось, что лонгобардскіе короли были насильственно низвергаемы съ престола и снова возводимы на него другими вельможами. Эти перевороты ослабляли авторитетъ и могущество государей и лишали ихъ возможности достигнуть господства надъ всею Италіею, къ чему стремились лонгобардскіе короли еще со временъ Альбоина. Послѣ того какъ

Рахисъ завладѣлъ Генуею и остальными городами генуезскаго берега, война съ греческимъ императоромъ и римскимъ епископомъ прекратилась на довольно продолжительное время. Сохраненію мира благопріятствовало еще то обстоятельство, что нѣкоторые лонгобардскіе короли были православными, и православіе мало-помалу распространялось между лонгобардами. Военныя дѣйствія возобновились только при Луитпрандѣ, который воспользовался спорами, возникшими между греческими императорами и римскими папами относительно иконопочитанія. Луитпрандъ завоевалъ столицу греческаго экзарха, или намѣстника, Равенну, но не удержалъ ее за собою. Лонгобардскій король поставилъ папъ, Григорія II и Григорія III, въ такое затруднительное положеніе, что послѣдній въ самый годъ смерти Карла Мартелла принужденъ былъ обратиться за помощью къ франкамъ. Не смотря на то, что Луитпранду часто приходилось усмирять непокорныхъ вельможъ, римскій епископъ и его городъ подпали бы тогда или нѣсколько позже власти лонгобардовъ, если бы только не помѣшали этому благочестіе самого Луитпранда и интересы франкскаго государя. Въ 742 г., при личномъ свиданіи съ преемникомъ Григорія III, Захаріею, Луитпрандъ, убѣжденный хитрымъ папою, воспользовавшимся его набожностью, заключилъ съ Римомъ миръ. Впрочемъ, король умеръ черезъ два года, и по смерти его лонгобарды, возобновивъ непріязненныя дѣйствія противъ императора и папы, до того стѣснили римскаго епископа, что онъ для своей защиты непремѣнно долженъ былъ искать чужой помощи. Съ греческимъ императоромъ, который и безъ того былъ плохимъ защитникомъ, папа и Римъ находились во враждѣ за иконоборство, а въ послѣднее время папа даже совсѣмъ отпалъ отъ константинопольскаго правительства, и поэтому могъ ожидать помощи только отъ однихъ франковъ.

Племянникъ и преемникъ Луитпранда, Гильдебрандъ, былъ низверженъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ, а на его мѣсто избранъ уже извѣстный намъ Рахисъ, герцогъ фріульскій. Овладѣвъ Перуджіей и нѣкоторыми другими городами, Рахисъ, въ 749 г., передалъ власть брату, Айстульфу, а самъ поступилъ въ монастырь. Айстульфъ рѣшился сдѣлать послѣдній шагъ къ достиженію господства надъ всею Италіею, изгналъ изъ Верхней Италіи послѣдніе остатки грековъ и съ соединенными силами обратился противъ Рима и папы. Видя единственное спасеніе въ помощи франковъ, Захарія постарался тѣснѣе скрѣпить связь между римскою и франкскою церквами. Старанія его нашли дѣятельную поддержку въ англійскихъ миссіонерахъ, неутомимо занимавшихся тогда распространеніемъ христіанства на восточныхъ границахъ франкскаго государства. По этой причинѣ папа принялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ миссіонеровъ, велъ почти безпрерывную переписку съ франкскимъ дворомъ, руководясь при этомъ не только политическими соображеніями, но и чувствомъ человѣколюбія и ревностью къ вѣрѣ, утвердилъ епископства, основанныя въ Германіи англійскими монахами, возвелъ въ архіепископство майнцскую каѳедру, когда ее занялъ святой Бонифацій, и всѣми силами содѣйствовалъ восшествію на престолъ Пипина. Тогдашніе германскіе миссіонеры имѣли такое вліяніе на установленіе связи римскаго престола съ новою франкскою династіею и вслѣдствіе того на судьбу лонгобардскаго королевства Италіи, что мы должны, прервавъ разсказъ о послѣдующихъ событіяхъ въ Италіи, изложить исторію миссіонерской дѣятельности англійскихъ монаховъ въ Германіи.

Епископства, основанныя въ послѣднія столѣтія Западной римской имперіи на лѣвомъ берегу Рейна въ Страсбургѣ, Шпейерѣ, Вормсѣ, Майнцѣ, Кольнѣ и другихъ мѣстностяхъ, были совершенно опустошены постоянными нападеніями германцевъ, и британскіе монахи снова должны были насаждать здѣсь христіанство. Миссіонеры, явившіеся съ юга изъ Италіи, основали епископство тріентское, хурское, виндское и лорхское, перенесенное въ 597 году въ Пассау, бриксенское и констанцское. Эти миссіи пополнялись проповѣдниками изъ Италіи, но посѣянныя ими сѣмена христіанства снова заглохли. Ревность британскихъ монаховъ еще при Меровингахъ просвѣтила и воодушевила галльское духовенство. Въ Англіи, какъ и въ наше время въ Исландіи, бѣдность поддерживала въ лучшихъ умахъ любовь къ знанію и серьезному изученію, и въ различныхъ государствахъ, основанныхъ на этомъ островѣ, школы и церкви никогда не приходили въ совершенный упадокъ. Поэтому въ Англіи всегда было много умныхъ и дѣятельныхъ духовныхъ,

а желаніе славы и нужда заставляли цѣлыя толпы англійскихъ монаховъ покидать отечество, для распространенія христіанства въ Германіи, гдѣ они, какъ саксы, могли успѣшнѣе, чѣмъ франки, проповѣдывать новое ученіе сакскимъ племенамъ. Еще прежде, Колумбанъ, Галлъ, Киліанъ и другіе британскіе проповѣдники изъ Уэльса, Ирландіи и Шотландіи проповѣдывали христіанство въ окрестностяхъ Брегенца, С. Галлена, Вюрцбурга и въ другихъ мѣстахъ, и основали тамъ знаменитыя впослѣдствіи епископства, а послѣ того дѣломъ просвѣщенія Германіи свѣтомъ христіанскаго ученія занялись почти исключительно англосаксіе монахи.

Самымъ ревностнымъ и счастливымъ изъ нихъ былъ Винфридъ изъ Эссекса, впослѣдствіи святой Бонифацій, современникъ Карла Мартелла и Пипина, названный апостоломъ Германіи. Церковь и новая династія франковъ были обязаны ему болѣе, чѣмъ думали Пипинъ и папа. Это видно даже изъ поверхностнаго перечисленія его подвиговъ. Получивъ, въ 718 г., отъ папы Григорія II позволеніе проповѣдывать евангеліе, Бонифацій отправился сначала въ Фрисландію и помогалъ тамъ своему соотечественнику, святому Виллиброрду. По прошествіи трехъ лѣтъ онъ перешелъ въ Тюрингію и Гессенъ и съ успѣхомъ проповѣдывалъ тамъ новое ученіе. Около 723 г. Бонифацій возвратился въ Римъ, гдѣ папа возвелъ его въ санъ епископа, и въ письмѣ къ Карлу Мартеллу и франкскимъ епископамъ просилъ оказывать ему поддержку. Дружески принятый франками, Бонифацій снова отправился въ Тюрингію и Гессенъ, гдѣ посѣянное имъ сѣмя опять погибло. Съ прежнею ревностью, энергіею и опытностью, Бонифацій снова принялся за дѣло обращенія язычниковъ, срубилъ, недалеко отъ нынѣшняго Оберъ-Гейсмара, дубъ Водана и опять обратилъ въ христіанство жителей этой страны. Онъ учредилъ въ тюрингскомъ городѣ Ордруффѣ училище для миссіонеровъ, въ которомъ воспитанниковъ обучали не только догматамъ религіи, но также земледѣлію и садоводству, которыми они должны были заниматься, по правиламъ своего ордена, а въ 744 г. основалъ монастырь Фульду и другія миссіи. Окончательно упрочивъ христіанство въ Гессенѣ и Тюрингіи, Бонифацій въ третій разъ отправился въ Римъ, гдѣ папа Григорій III сдѣлалъ его архіепископомъ. Потомъ онъ прошелъ чрезъ Баварію, герцогъ которой, Одилонъ, поручилъ ему возстановить порядокъ въ баварской церкви. Тамъ основалъ онъ четыре и теперь существующія епархіи: зальцбургскую, регенсбургскую, фрейзингенскую и нассаускую, а для пограничныхъ восточныхъ областей франкскаго государства учредилъ епископства эйхштадтское и вюрцбургское, гдѣ, по примѣру своего наставника, трудились потомъ два лучшихъ его ученика, Буркгардъ и Вилибальдъ. Такими распоряженіями Бонифацій упрочилъ въ Германіи франкское господство, которое и могло только основываться на распространеніи христіанства между этими племенами, и въ тоже время много содѣйствовалъ усиленію могущества и вліянія папы, поставивъ новыя епископства въ зависимость отъ Рима и дѣятельно поддерживая папскую власть на соборахъ, созываемыхъ въ Австразіи. Въ 745 г. Бонифацій получилъ новую архіепископскую каѳедру въ Майнцѣ. Еще прежде чѣмъ Бонифацій распространилъ такъ далеко на востокъ предѣлы христіанства, франки стали сознавать неудобства управлять церковью изъ Вормса, тогдашняго главнаго епископства на востокѣ государства. Поэтому они назначили Кёльнъ мѣстопребываніемъ митрополита, или, какъ его называли впослѣдствіи, архіепископа; но мѣсто это скоро нашли неудобнымъ, и при первомъ же случаѣ перенесли митрополію въ другой городъ. Бонифацій постоянно занятый обращеніемъ язычниковъ, устройствомъ миссій, основаніемъ новыхъ церквей и возстановленіемъ церковной дисциплины, возложилъ это дѣло на соборъ, созванный франками по его настоянію. На собравшемся для этой цѣли въ 745 г. соборѣ, оказалось, что епископство майнцское, представлявшее всего болѣе удобствъ для учрежденія митрополіи, какъ по своему выгодному положенію для устройства миссій, такъ и для интересовъ самого короля и новообращенныхъ, находится въ рукахъ недостойнаго человѣка, и что мѣсто это слѣдуетъ передать въ другія, болѣе достойныя руки. Майнцскій епископъ, предававшійся только грубымъ удовольствіямъ и запятнавшій себя вѣроломнымъ убійствомъ, былъ низложенъ, на его мѣсто возведенъ Бонифацій, а епископство получило права митрополіи. Папа утвердилъ впослѣдствіи это распоряженіе собора (748 г.). Въ новомъ

архіепископствѣ, основанномъ независимо отъ кёльнскаго, преимущественно для обращенія язычниковъ, центральнымъ разсадникомъ миссіонеровъ сдѣлался городъ фульда, которому Бонифацій далъ большія привилегіи и который вскорѣ далеко превзошелъ Кицингенъ, щедро одаренный Карломъ Мартелломъ и его сыновьями. И въ самой глубокой старости Бонифацій принялъ однажды личное участіе въ дѣлѣ обращенія язычниковъ; въ 752 г. онъ передалъ архіепископство майнцское Луллу, а самъ отправился къ несовершенно еще обращеннымъ фризамъ и крестилъ многихъ изъ нихъ, но въ 754 г. былъ умерщвленъ язычниками. Такъ погибъ истинный основатель христіанства въ Германіи. Современныя сужденія о немъ часто бываютъ слишкомъ односторонни, потому что критики, досадуя на его связи съ римскимъ дворомъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, оставляютъ безъ вниманія его достойное уваженія простодушіе, твердую вѣру и вообще весь его личный характеръ.

Въ то самое время, когда въ Германіи Бонифацій распространялъ христіанство и просвѣщеніе, въ Италіи начинало преобладать варварство, и христіанская церковь въ лицѣ своего главы находилась въ опасности. Опасность эта была однако отвращена, потому что интересы римскаго епископа соединились съ интересами Каролинговъ, а Бонифацій доставилъ ему значеніе первенствующаго епископа церкви. Безъ помощи франковъ папа изъ независимаго епископа, уважаемаго въ своемъ городѣ, какъ покровитель и отецъ, обратился бы въ подданнаго и слугу лонгобардовъ. Но эта помощь была получена только, благодаря вліянію, которое доставилъ папѣ по ту сторону Альповъ Бонифацій. Даже самое разрѣшеніе папы, котораго просилъ Пипинъ предъ принятіемъ въ 751 г. королевскаго титула, могло имѣть для франковъ значеніе только вслѣдствіе перемѣны въ ихъ отношеніяхъ къ римскому двору. Въ 753 г., по завоеваніи Равенны, Айстульфъ послалъ къ папѣ Стефану II одно за другимъ нѣсколько грозныхъ писемъ, требуя покорности, и, наконецъ, двинулся къ Риму. Все было бы потеряно, если бы не явились на помощь франки. Это подтверждается и плачевными письмами Стефана II и его ближайшихъ преемниковъ къ королямъ франковъ. Стефанъ даже самъ ѣздилъ къ Айстульфу, чтобы умилостивить его, но, какъ видно изъ тѣхъ же самыхъ писемъ, поѣздка его не имѣла успѣха. Къ счастью папы, Айстульфъ, чувствуя свое безсиліе и могущество покровительствовавшихъ папѣ франковъ, позволилъ ему ѣхать во Францію. Впослѣдствіи онъ понялъ свою ошибку, но не могъ догнать папы. Пипинъ, только что передъ тѣмъ блистательно окончившій войну съ мухаммеданами на западѣ и язычниками саксами на востокѣ, видя въ появленіи Стефана прекрасный случай торжественнымъ папскимъ мѵропомазаніемъ придать себѣ новый блескъ и священный характеръ, котораго не имѣли сами Меровинги, предложилъ папѣ помазать на царство себя и обоихъ сыновей. Помазанный на царство и названный патриціемъ, или гражданиномъ-правителемъ Рима, Пипинъ этимъ самымъ принялъ на себя обязанность защищать папу противъ его враговъ и идти за Альпы со всѣмъ народнымъ ополченіемъ франковъ. Во всякое другое время франки не согласились бы на это, потому что они, особенно въ правленіе Пипина, должны были предпринимать безпрестанные походы противъ мухаммеданъ и аквитанцевъ, герцогъ которыхъ, Вайфаръ, давъ убѣжище Гриппону, оскорбилъ франкскаго короля, то наконецъ противъ саксовъ, и не смотря на свои успѣхи, не предвидѣли ни конца войнѣ, ни малѣйшей пользы отъ нея. Въ 754 г., на народномъ собраніи въ Бріеннѣ, рѣшено было идти въ Италію, если Айстульфъ не захочетъ просить мира. Какъ мало расположенъ былъ къ этому походу самъ Пипинъ, видно изъ того, что онъ предпочиталъ выкупить у лонгобардскаго короля завоеванные имъ города за значительную сумму денегъ и двинулся въ Италію только тогда, когда Айстульфъ отвергнулъ его предложенія.

Вытѣснивъ лонгобардовъ изъ альпійскихъ проходовъ, франки совершенно опустошили непріятельскую землю, и заставили Айстульфа немедленно вступить въ переговоры. Условія мира, заключеннаго съ Айстульфомъ, также служатъ доказательствомъ, что Пипинъ явился въ Италію неохотно: лонгобарды должны были возвратить папѣ занятые ими города и выдалц франкамъ только сорокъ заложниковъ въ вѣрности. Тотчасъ по отступленіи Пипина, Айстульфъ нарушилъ миръ и, укрѣпивъ горные проходы Савоіи, быстро двинулся къ Риму, надѣясь

взять городъ, прежде чѣмъ Пипинъ соберетъ снова свои войска. Но римляне, выдержавъ трехмѣсячную осаду, дали франкамъ время еще разъ перейти чрезъ Альпы и заставить Айстульфа отступить отъ Рима: франки разбили высланное противъ нихъ войско, еще болѣе прежняго опустошили Лонгобардію и наконецъ осадили Павію, столицу лонгобардовъ. Айстульфъ предложилъ невыгодныя для себя условія мира, и тогда же (755 г.) получилъ его, потому что Пипинъ, находившійся тогда въ войнѣ съ Вайфаромъ, угрожаемый маврами и саксами и притомъ неуспѣвшій еще упрочить за собою престола, не могъ думать о завоеваніи Италіи. Лонгобардскій король обязался платить ежегодную дань, отдать треть своихъ сокровищъ и уступить еще больше городовъ, чѣмъ прежде. Города эти Пипинъ отдалъ подъ покровительство папы и положилъ такимъ образомъ начала притязаніямъ римскихъ епископовъ на независимую свѣтскую власть, постоянно впрочемъ оспариваемымъ то греческими, то нѣмецкими императорами. Миръ этотъ соблюдался до самой смерти (756 г.) Айстульфа, а новый лонгобардскій король, Дезидерій, сражаясь противъ другихъ претендентовъ на престолъ, самъ нуждался въ помощи папы. Дезидерій оставилъ папу въ покоѣ, но вскорѣ непріязненныя дѣйствія возобновились.

Въ это время Пипинъ распространялъ границы своего государства на востокѣ и на западѣ. Саксы были принуждены платить дань, а испанскіе невѣрные и герцогъ Аквитаніи, Вайфаръ, были побѣждены. Мухаммедане не могли снабдить новымъ населеніемъ завоеванные ими города въ южной Франціи и, за исключеніемъ немногихъ крѣпостей, получившихъ испанскіе гарнизоны, почти всѣ они были оставлены на различныхъ условіяхъ во власти вестготскихъ графовъ. Не задолго предъ лонгобардскимъ походомъ Пипина, одинъ изъ этихъ графовъ, призвавъ на помощь франковъ, изгналъ мухаммеданъ почти изъ всѣхъ городовъ южной Франціи и получилъ ихъ въ ленное владѣніе отъ Пипина (752 г.). Только одна Нарбонна осталась въ рукахъ мавровъ; но Пипинъ оставилъ передъ городомъ войска и три года держалъ его въ осадѣ, пока наконецъ жители, которымъ обѣщано было сохраненіе ихъ древнихъ законовъ и учрежденій, перебивъ гарнизонъ, не отворили франкамъ воротъ. Такимъ образомъ вытѣснены были мухаммедане изъ Франціи, и Пипинъ, какъ кажется, распространилъ границы своего государства до Барселоны, потому что заставилъ одного изъ мусульманскихъ намѣстниковъ по ту сторону Пиренеевъ присягнуть ему въ вѣрности. Съ этого времени началась опасная война съ Вайфаромъ, герцогомъ аквитанскимъ, неохотно повиновавшимся Пипину, и, по убѣжденіямъ своихъ вассаловъ, не хотѣвшимъ возвратить епископамъ ихъ имѣнія. По праву короля франковъ и защитника церкви, Пипинъ безпрерывно опустошалъ Аквитанію, выказывая при этомъ страшную жестокость, такъ какъ Вайфаръ, тотчасъ же по уходѣ франковъ, каждый разъ нарушалъ данное имъ обѣщаніе, срывалъ воздвигаемыя ими укрѣпленія и при появленіи Пипина удалялся въ непроходимыя мѣста. Вайфаръ съ своей стороны могъ разсчитывать на вѣрность и привязанность къ себѣ своихъ подданныхъ, которые ненавидѣли франковъ за ужасныя опустошенія ихъ страны. Походы въ Аквитанію повторялись такъ часто и были такъ трудны, что въ 763 г. племянникъ Пипина, баварскій герцогъ Тассилонъ, не дожидаясь конца войны, оставилъ франкское войско, женился на одной лонгобардской принцессѣ, и этимъ поставилъ въ затруднительное положеніе своего дядю и сюзерена. На вормскомъ сеймѣ, въ 764 г., Пипинъ получилъ даже отказъ въ походѣ въ Аквитанію и Баварію, а на слѣдующій годъ долженъ былъ совсѣмъ прекратить войну, не смотря на то, что аквитанцы опустошили почти всѣ страны на сѣверъ отъ Луары. Только въ 776 г. могъ онъ возобновить войну; и на этотъ разъ ополченія луарскихъ провинцій шли за нимъ тѣмъ охотнѣе, что аквитанцы опустошили ихъ собственныя земли. На третій годъ войны аквитанцы были окончательно покорены, крѣпости ихъ срыты, сестра и мать Вайфара взяты въ плѣнъ, а самъ Вайфаръ предательски умерщвленъ своею свитою, которая надѣялась заслужить этимъ милость Пипина. Удержавъ за собою часть Аквитаніи, Пипинъ отдалъ остальное двоюродному брату и зятю Вайфара, Лупу I, отецъ котораго, Гаттонъ, былъ нѣкогда низверженъ съ престола и ослѣпленъ отцомъ Вайфара.

Пипинъ умеръ въ самый годъ окончательнаго покоренія Аквитаніи. При немъ всѣ силы запада сосредоточились въ рукахъ Каролинговъ, и если считать

началомъ господства каролингскаго дома полученіе Пипиномъ королевскаго титула, то подчиненіе Каролингамъ всего запада произошло въ томъ же самомъ году, когда востокъ подпалъ власти Аббасидовъ. Не задолго до смерти Пипинъ вступилъ въ сношенія съ этою династіею, вѣроятно вслѣдствіе своихъ отношеній къ испанскимъ Омеядамъ и изъ желанія доставить покровительство торговли, которую вели съ Африкой и Египтомъ Марсель и другіе приморскіе города Франціи. Но всего вѣроятнѣе, что при этомъ, какъ и въ сношеніяхъ съ греческимъ императоромъ, Константиномъ Копронимомъ, онъ руководился желаніемъ принимать при своемъ дворѣ пышныя посольства иностранныхъ государей и облегчить частыя путешествія западныхъ христіанъ въ Іерусалимъ. Онъ первый отправилъ посла къ халифу Мансуру, или аббасидскому намѣстнику Африки. Халифъ въ 767 г. отвѣчалъ Пипину такимъ же посольствомъ, которое было принято франкскимъ королемъ въ Зальцѣ. Чтобы поставить папу въ затруднительное положеніе, греческій императоръ еще за десять лѣтъ передъ тѣмъ вступилъ въ сношеніе съ Пипиномъ и отправилъ къ нему посольство, поднести ему въ видѣ подарка первый видѣнный на западѣ органъ. Всѣ эти дипломатическія посольства Пипина имѣли такіе же незначительные результаты, какъ сношенія его съ Аббасидами, но они были постоянно поддерживаемы, и посольства съ обѣихъ сторонъ возобновлялись время отъ времени.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

II. ВРЕМЯ ОТЪ КАРЛА ВЕЛИКАГО

до

НАЧАЛА КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

I. ОТЪ КАРЛА ВЕЛИКАГО

ДО ЭПОХИ САЛИЧЕСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ.

---

1. Карлъ Великій.

Карлъ, старшій сынъ Пипина, названный впослѣдствіи Великимъ, въ годъ смерти отца (768 г.) имѣлъ только двадцать шесть лѣтъ отъ роду. По завѣщанію Пипина, государство должно было раздѣлиться между Карломъ и братомъ его, Карломаномъ. Братья, дѣйствительно, раздѣлили государство по завѣщанію, но съ самаго начала не ладили другъ съ другомъ. Большинство аквитанцевъ, недовольныхъ господствомъ франкскихъ королей, воспользовалось этимъ раздоромъ, чтобы возвратить свою независимость. Оба короля двинулись противъ бунтовщиковъ, но Карломанъ возвратился еще до начала войны, предоставивъ брату всю честь усмиренія аквитанцевъ. Уже одно это служило доказательствомъ непріязни между братьями, угрожавшей перейти въ междоусобную войну. Мать ихъ, Берта или Бертрада, съ трудомъ возстановила между ними согласіе. Желая также помирить своихъ сыновей съ Тассилономъ баварскимъ и Дезидеріемъ лонгобардскимъ, она сама ѣздила къ Тассилону, Дезидерію и папѣ, и рѣшилась женить своихъ сыновей на лонгобардскихъ принцессахъ, а сыновей Дезидерія на своихъ дочеряхъ; но всѣ эти предположенія имѣли общую участь человѣческихъ плановъ: вмѣсто того, чтобъ возстановить, Берта только нарушила миръ. Бракъ лонгобардскихъ принцевъ не состоялся. Карлъ хотя и женился на Дезидератѣ, дочери лонгобардскаго короля, разведясь съ первою женою, но черезъ годъ (771 г.) разошелся и съ Дезидератою и женился на алеманкѣ, Гильдегардѣ, единственной женщинѣ, которой онъ былъ вѣренъ и которую уважалъ, и любилъ до самой ея смерти. Болѣе всѣхъ былъ недоволенъ бракомъ Карла съ лонгобардскою принцессою и болѣе всѣхъ радовался его расторженію папа, всегда видѣвшій въ лонгобардахъ своихъ злѣйшихъ враговъ. Преемникъ Стефана II, Павелъ I, снова поссорился съ Дезидеріемъ, и ссоры эти не прекращались и послѣ его смерти. Въ то время въ избраніи папы принимали участіе духовные, незначительные землевладѣльцы римской области и народъ: поэтому въ поводахъ къ кровавымъ распрямъ не могло быть недостатка, тѣмъ болѣе, что папы были тогда уже свѣтскими владѣтелями, и выборъ ихъ зависѣлъ отъ грубой и невѣжественной толпы. Когда умеръ Павелъ, незначительное число римлянъ возвело на папскій престолъ нѣкоего Константина, но оба патриція и одно высшее духовное лице призвали противъ него лонгобардскія войска. Константинъ былъ изгнанъ; впрочемъ его противники поссорились между собою: одинъ изъ нихъ провозгласилъ новаго папу и желалъ занять городъ лонгобардскимъ гарнизономъ. Тогда патриціи съ помощью франковъ прогнали этого папу, а на его мѣсто избрали Стефана III, человѣка справедливаго, но при этомъ случаѣ оскорбили самымъ возмутительнымъ образомъ поселившихся въ городѣ лонгобардовъ и ихъ приверженцевъ (768 г.). Вскорѣ партія патриціевъ заставила самого Стефана прибѣгнуть къ помощи лонгобардскаго короля, Дезидерія. Дезидерій явился съ войскомъ передъ Римомъ, но въ вознагражденіе за это и на покрытіе военныхъ издержекъ

отобралъ находившіяся въ его владѣніяхъ имущества римской церкви. Споръ этотъ еще не былъ совершенно улаженъ, какъ въ тоже время, къ величайшему огорченію папы, Карлъ женился на лонгобардской принцессѣ. Весьма понятно, что, когда бракъ этотъ надоѣлъ Карлу, папа, не взирая на каноническія правила, съ удовольствіемъ разрѣшилъ разводъ.

При преемникѣ Стефана, Адріанѣ I, къ непріязненнымъ отношеніямъ между папою и лонгобардами присоединилась еще новая ссора, неразрывно связавшая судьбу Италіи съ судьбою государства франковъ. Въ томъ самомъ году, когда Карлъ отослалъ Дезидерату къ ея отцу, умеръ Карломанъ. Карлъ чрезъ посредство архикапеллана, или министра духовныхъ дѣлъ, Фольрада, и его помощника, Фольхарда, расположилъ къ себѣ духовенство, и благодаря содѣйствію Вирина и Адельгарда, племянника Пипина—свѣтскихъ вельможъ въ государствѣ Карломана, былъ провозглашенъ на сеймѣ единственнымъ властителемъ государства. Но племянники Карла имѣли многочисленныхъ приверженцевъ, и ему пришлось силою завладѣвать государствомъ брата. Нѣкоторые новѣйшіе историки обвиняютъ Карла въ смерти Карломана; но это подозрѣніе ничѣмъ не подтверждается и основано только на томъ, что Карлъ извлекъ для себя выгоду изъ смерти брата. Вдова Карломана съ дѣтьми и нѣкоторыми приверженцами бѣжала къ Дезидерію, который принялъ ихъ и хотѣлъ заставить папу мѵропомазать принцевъ, не для возвращенія имъ права на престолъ, которое пріобрѣталось только избраніемъ франкскаго народа, а единственно для того, чтобы оградить вельможъ, сопровождавшихъ принцевъ, отъ обвиненій въ государственной измѣнѣ. Предусмотрительный Адріанъ отказалъ Дезидерію и вслѣдствіе этого вошелъ въ самыя дружественныя сношенія съ Карломъ, грозившія большою опасностью для лонгобардовъ, такъ какъ король франковъ рожденъ былъ для войны и никогда, а въ особенности въ юности, не обращалъ вниманія на политическія соображенія и надежды въ отдаленномъ будущемъ.

Въ 772 г. Карлъ началъ походомъ противъ саксовъ длинный рядъ войнъ своего царствованія и потомъ воевалъ съ этимъ народомъ не менѣе тридцати двухъ лѣтъ, пока наконецъ не покорилъ его. Саксы, подобно алеманнамъ и другимъ народамъ, составляли одну изъ федерацій нѣсколькихъ племенъ, которыя мало-по-малу образовались въ Германіи (стр. 85). Впрочемъ политическая связь между саксами была весьма слаба, и только при Карлѣ Великомъ общая опасность соединила эти племена неразрывными узами для единодушнаго сопротивленія врагу. По словамъ позднѣйшихъ историковъ франковъ, вся федерація саксовъ раздѣлялась на три главныя группы: вестфаловъ, на Везерѣ, остфаловъ, по обоимъ берегамъ Эльбы, и энгровъ, между двумя первыми. Какъ у цѣлаго союза, такъ и у каждаго отдѣльнаго племени не было ни верховныхъ вождей, ни правильнаго государственнаго устройства. Намъ извѣстно только, что въ опредѣленное время года депутаты всѣхъ волостей, или племенъ, собирались на союзный сеймъ. Каждое племя состояло изъ эделинговъ, или благородныхъ, фрилинговъ, или свободныхъ, и лассовъ или лейдовъ, т. е. полусвободныхъ людей, обязанныхъ исполнять извѣстныя повинности въ пользу двухъ первыхъ сословій. Эделинги не пользовались никакими особенными преимуществами кромѣ введеннаго впослѣдствіи права имѣть при себѣ свиту (дружину) и быть избираемыми представителями народа во время мира и предводителями на войнѣ. Преимущество это не давало имъ никакой опредѣленной власти надъ прочими; на войнѣ власть эта ограничивалась только предводительствомъ, а въ мирное время правомъ суда. Но и этимъ правомъ обладали только свободные, и по выбору свободныхъ же. Чѣмъ естественнѣе и свободнѣе были учрежденія саксовъ, тѣмъ энергичнѣе должны были они сопротивляться усиліямъ франкскихъ королей подчинить ихъ себѣ и ввести у нихъ правильное государственное устройство, которое уничтожало ихъ національную религію и лишало значительной доли свободы, обязывая ихъ соблюдать извѣстные законы, повиноваться государю и платить подати. Этимъ вполнѣ объясняется непоколебимая твердость саксовъ, такъ долго сопротивлявшихся завоевательнымъ стремленіямъ франкскаго короля. Въ первый походъ, Карлъ отправился противъ племенъ, жившихъ на Везерѣ, и началъ войну взятіемъ крѣпости, построенной ими въ непроходимой мѣстности на скалистой высотѣ и служившей имъ во время отступленія убѣжищемъ, гдѣ они выжидали, пока ихъ пре-

слѣдователи снова возвратятся къ мирнымъ занятіямъ. На мѣстѣ ея была построена впослѣдствіи знаменитая франкская крѣпость Эресбургъ на Димелѣ. Потомъ Карлъ разрушилъ главную святыню саксовъ, такъ называемую Ирмензейле (столбъ Ирмы). Ученые до сихъ поръ еще спорятъ о томъ, изъ чего именно состояла эта святыня, находившаяся въ рощѣ; впрочемъ, люди всегда охотнѣе ищутъ свѣта тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не смотрятъ туда, гдѣ онъ находится. Углубившись далѣе въ страну, Карлъ принудилъ саксовъ просить мира и дать двѣнадцать заложниковъ. Впрочемъ, онъ самъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что, побѣдивъ часть саксовъ, еще не окончилъ войны. Ведя войну, Карлъ имѣлъ въ виду совсѣмъ другую цѣль, чѣмъ его предшественники, которые и не помышляли о совершенномъ и прочномъ подчиненіи саксовъ и введеніи у нихъ христіанства, ненавистнаго для нихъ само по себѣ и притомъ налагавшаго неслыханную у нихъ церковную десятину. До Карла франки и саксы вели войны только ради чести; только одни пограничныя племена были вынуждаемы, въ знакъ подчиненія франкамъ, платить подати коровами и лошадьми, и для поддержанія мира являлись иногда на ихъ сеймы. Карлъ же, едва побѣдивъ саксовъ, тотчасъ послалъ къ нимъ толпы миссіонеровъ, которые, руководясь только своею ревностью о вѣрѣ, въ ущербъ благоразумію, хотѣли обращать саксовъ въ христіанство силою. Съ этихъ поръ взаимныя отношенія между саксами совершенно измѣнились. Свободный народъ соединился тѣснѣе между собою и съ сосѣдними фризами, еще не совершенно обращенными, и началъ упорную борьбу за свои національные нравы, понятія и обычаи. Едва Карлъ, окончивъ первый походъ, отправился въ Италію, какъ побѣжденные саксы возстали и вторгнулись во владѣнія франковъ. Тоже самое повторялось и послѣ каждаго похода въ землю саксовъ.

По окончаніи перваго похода, Карлъ созвалъ франковъ и объявилъ имъ походъ противъ лонгобардовъ. Просьбы Адріана о помощи служили только благовиднымъ предлогомъ къ этой войнѣ, потому что самъ Карлъ рѣшился завоевать лонгобардское королевство. Въ 773 г. онъ вторгнулся въ Италію, и появленіе его было тѣмъ неожиданнѣе, что лонгобарды не предвидѣли этой опасности, такъ какъ отецъ Карла, не смотря на многіе поводы къ войнѣ, постоянно старался избѣгать ея, и самъ Карлъ не задолго предъ этимъ былъ занятъ войною въ отдаленной провинціи своего государства. Не отваживаясь сразиться съ франками въ открытомъ полѣ, лонгобарды заперлись въ своей столицѣ Павіи. Послѣ семимѣсячной осады городъ принужденъ былъ сдаться (774 г.). Карлъ, уже прежде принявшій имя лонгобардскаго короля, оставилъ имъ ихъ прежніе законы и устройство, заставивъ только дать присягу на подданство и обязаться нести военную службу. Лонгобардскаго короля, Дезидерія, и его семейство, Карлъ отправилъ во Францію и заключилъ въ монастырь. Старшій сынъ Дезидерія, Адельгисъ, бѣжалъ въ Константинополь, откуда нѣсколько разъ дѣлалъ тщетныя попытки возвратиться въ отечество. Послѣ покоренія лонгобардовъ Карлъ опять обратился противъ саксовъ, которые разрушили Эресбургъ и совершили опустошительный набѣгъ на Гессенъ. Въ маѣ онъ созвалъ въ Дюренъ обыкновенный государственный сеймъ и оттуда съ многочисленнымъ войскомъ двинулся противъ саксовъ. Въ самое непродолжительное время Карлъ отнялъ у саксовъ Эресбургъ и лежавшую по близости крѣпость Зигбургъ, и оттѣснилъ ихъ до самой Эльбы. Возстаніе лонгобардовъ заставило его вернуться въ Италію (776). Лонгобардскій герцогъ, Ротгаудъ, которому Карлъ поручилъ оберегать проходы юлійскихъ Альпъ и маркіи фріульскую и тревизскую, вошелъ въ сношенія съ другимъ лонгобардскимъ вассаломъ Карла и съ непокореннымъ еще герцогомъ Беневента и, вмѣстѣ съ ними, составилъ планъ возстановить лонгобардское государство съ помощью бѣжавшаго Адельгиса и поддерживавшихъ его грековъ. Съ Везера Карлъ поспѣшилъ на Адижъ, чтобы подавить возстаніе, и приказалъ лишить жизни Ротгауда, но не имѣлъ времени усмирить другихъ его сообщниковъ. Чрезъ Вормсъ, куда созванъ былъ государственный сеймъ, Карлъ возвратился на Везеръ. Ему удалось убѣдить сеймъ созвать противъ саксовъ все поголовное ополченіе франковъ. Изъ Вормса Карлъ поспѣшилъ въ Саксонію спасать осажденный саксами Зигбургъ, возстановилъ при этомъ уже два раза разрушенный Эресбургъ и заложилъ новое укрѣпленіе при истокѣ Липпе. На этотъ разъ неустрашимые саксы прибѣгнули ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы обмануть Карла, и когда (777 г.) онъ собралъ сеймъ въ тогда

еще незначительномъ городѣ Падерборнѣ, чтобы дать саксамъ франкскіе законы, они явились туда въ большомъ числѣ, присягнули на подданство, изъявили желаніе креститься и согласились платить подати и десятину. Но покорность саксовъ была только наружною, и по одному тому не могла быть продолжительною, что знаменитѣйшій предводитель саксовъ, Виттекиндъ, нехотѣвшій покориться франкамъ, со всѣми своими приверженцами бѣжалъ къ датскому королю, Зигфриду. Въ продолженіи цѣлаго года спокойствіе не было нарушено, но вѣроятно въ это время саксы успѣли соединиться между собою такъ тѣсно, какъ это только возможно для непостоянныхъ варваровъ.

Послѣ того Карлъ направилъ свое оружіе на противоположныя границы своего государства, куда его звало посольство противниковъ испанскихъ Омеядовъ, явившееся къ нему въ Падерборнъ (стр. 316). Нельзя предположить, что Карлъ пустился въ это отдаленное предпріятіе, потому что былъ обманутъ мнимымъ спокойствіемъ саксовъ; его славолюбивому духу было просто пріятно это приглашеніе въ Испанію. Въ 778 г. онъ поднялъ всѣ силы государства и раздѣлилъ ихъ на два отряда: одинъ, которымъ командовалъ онъ самъ, двинулся чрезъ Гасконію, а другой, подъ начальствомъ его полководцевъ, переправился въ Испанію чрезъ самую восточную часть Пиренеевъ и соединился съ главными силами франковъ при Сарагоссѣ. Карлъ покорилъ всѣ земли между Эбро и Пиренеями и, подъ именемъ испанской мархіи, присоединилъ ихъ къ франкскому государству. Мухаммеданскіе феодальные владѣтели, призвавшіе Карла на помощь, были оставлены имъ въ прежнихъ своихъ намѣстничествахъ въ качествѣ франкскихъ вассаловъ, франки заняли горные проходы и захватили несмѣтную добычу. На возвратномъ пути франкское войско проходило чрезъ владѣнія басковъ, принадлежавшія къ герцогству Аквитанскому. Жители этой бѣдной страны, прельщенные богатой добычей и оскорбляемые франками во время прохода чрезъ ихъ землю, напали въ долинѣ Ронсесваллесъ на франкскій арріергардъ, прикрывавшій обозъ со всею добычею и находившійся подъ начальствомъ самыхъ лучшихъ вождей. Легкое вооруженіе басковъ и свойства мѣстности доставили имъ значительный перевѣсъ надъ тяжело вооруженными франками; баски перебили множество франковъ, овладѣли всѣмъ обозомъ и потомъ разошлись по своимъ долинамъ и горамъ. Между убитыми находились первый стольникъ или трухзессъ королевскаго двора, Эггардъ, пфальцграфъ или представитель короля въ свѣтскихъ дѣлахъ, Ансельмъ, и графъ или намѣстникъ береговъ Ламанша, Рутландъ, или Роландъ. Лица эти, особенно послѣдній, сдѣлались впослѣдствіи знаменитыми; ихъ имена и подвиги воспѣвались въ поэтическихъ легендахъ среднихъ вѣковъ и образовали цѣлый циклъ легендарной поэзіи, составившійся изъ воспоминаній о Карлѣ Великомъ. Этотъ король съ своими боевыми товарищами, подобно британскому герою Артуру съ его рыцарями круглаго стола, сдѣлался главнымъ предметомъ романическихъ произведеній среднихъ вѣковъ. Герцогъ аквитанскій, Лупъ II, сынъ Вайфара и наслѣдникъ двоюроднаго брата Лупа I (769 г.), поплатился жизнью за преступленія подданныхъ. Нѣкоторые изъ его сыновей получили въ пожизненное владѣніе помѣстья, а остальныя земли были конфискованы Карломъ, а герцогъ казненъ безъ всякаго суда. Изъ Аквитаніи, Карлъ опять образовалъ королевство для сына Людовика, и въ этомъ-то, вѣроятно, и состояла вся вина Лупа, который былъ притомъ сыномъ Вайфара.

Еще до возвращенія Карла изъ Испаніи, саксы, возбужденные Виттекиндомъ, снова возстали; франкскія войска, истомленныя войною съ мухаммеданами, были отброшены до самаго Рейна, и саксы опустошили всѣ земли отъ Кельна до Фульды. Карлъ для отраженія ихъ выслалъ войско, а въ слѣдующемъ (779) году двинулся противъ нихъ самъ. Разбивъ при Бохгольцѣ вестфаловъ, онъ проникъ до Эльбы, и когда саксы изъявили желаніе покориться, снова заключилъ съ ними миръ, потому что въ то время его занимали совсѣмъ другіе планы. Карлъ полюбилъ просвѣщеніе и желая исправить недостатки своего первоначальнаго воспитанія, съ удовольствіемъ слушалъ чтеніе произведеній древнихъ и особенно римскихъ писателей, призывалъ къ своему двору ученыхъ, которые могли бы руководить занятіями, награждалъ ихъ такъ же щедро, какъ и своихъ воиновъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые умѣли искусно льстить, дарилъ значительныя конфискованныя имъ помѣстья. Такимъ образомъ Карлъ пріобрѣталъ обширныя знанія, привыкалъ къ

новому роду занятій, и все болѣе и болѣе знакомился съ древними римлянами и ихъ національнымъ характеромъ. Слава и память въ потомствѣ получили для него совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ то, какое придавали имъ его грубые предшественники. Но чѣмъ больше слышалъ Карлъ о подвигахъ римлянъ и пристрашался къ ихъ литературѣ, тѣмъ сильнѣе влекло его въ Италію, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ прославиться подобно древнимъ героямъ Рима и дать своему государству размѣры римскаго. Къ этой цѣли были направлены всѣ его походы за Альпы, повторявшіеся все чаще и чаще; дружба его съ ученымъ папой становилась тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ болѣе превозносили его папа, духовенство и ученые, и самъ онъ замѣчалъ, что ему за это прощались нѣсколько разъ преступленія противъ его священныхъ обязанностей въ отношеніи къ семейству, націи и человѣчеству. Въ концѣ 780 г. онъ ѣздилъ въ Италію, праздновалъ въ Павіи Рождество, а въ Римѣ Пасху и предложилъ папѣ короновать обоихъ своихъ сыновей, Пипина и Людовика, перваго королемъ лонгобардовъ, а втораго королемъ Аквитаніи. Этотъ церемоніалъ долженъ былъ вознаградить жителей обѣихъ странъ за потерю своихъ національныхъ государей. Папа короновалъ сыновей Карла, не спрашивая согласія народа, и за то Карлъ уважилъ ходатайство папы за Тассилона, герцога баварскаго, который за свой двусмысленный образъ дѣйствій и за бракъ съ дочерью лонгобардскаго короля Дезидерія уже давно былъ въ немилости у короля франковъ. Адріанъ взялъ на себя роль посредника, и Карлъ далъ баварскому герцогу заложниковъ въ томъ, что если Тассилонъ явится къ нему принести присягу, Карлъ не сдѣлаетъ ему никакого зла. Вслѣдъ за тѣмъ герцогъ явился въ Вормсъ, принесъ присягу и далъ Карлу двѣнадцать заложниковъ. Но, женатый на лонгобардской принцессѣ, Тассилонъ имѣлъ болѣе строгія понятія о святости брака, чѣмъ Карлъ, и потому примиреніе не могло быть продолжительно. Они разошлись еще недовольнѣе другъ другомъ, чѣмъ прежде, и Тассилонъ отказался отъ участія въ обременительной войнѣ, доставлявшей Карлу одну славу, но вредившей его вельможамъ.

Саксы во все время пребыванія Карла въ Италіи были вообще спокойны. Поэтому онъ думалъ, что они даже могутъ помочь франкамъ въ войнѣ, и для этой цѣли созвалъ на сеймъ въ Падерборнъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ, которые въ тоже время были и вождями, и объявилъ походъ противъ гольштинскихъ норманновъ, взбунтованныхъ Виттекиндомъ, и противъ славянскаго племени сорабовъ, обитавшихъ на берегахъ Эльбы и саксонской Саалы. Опыты новѣйшихъ кругосвѣтныхъ путешественниковъ и особенно печальная участь знаменитаго англійскаго мореплавателя Кука достаточно показали, какъ осторожно нужно довѣряться дружбѣ варваровъ, которые не отступаютъ предъ вѣроломствомъ и преступленіями, въ виду опасности, или когда имѣютъ дѣло съ иностранцемъ. Это испыталъ и Карлъ. Довѣряясь вполнѣ саксамъ и не обращая вниманія на то, что Виттекиндъ можетъ явиться во всякое время и снова возмутить соотечественниковъ, Карлъ отправилъ къ нимъ съ незначительнымъ числомъ франковъ трехъ придворныхъ, для того чтобы они, соединившись съ саксами, двинулись къ Эльбѣ и прогнали бы ворвавшихся въ Тюрингію сорабовъ. Войска Карла еще не дошли до Эльбы, какъ саксы уже возстали, убивая или прогоняя франкскихъ миссіонеровъ, и поставили войска Карла въ весьма затруднительное положеніе. На помощь имъ поспѣшилъ съ Рейна графъ Теодорихъ, но франки, недождавшись этой помощи, вступили въ сраженіе съ саксамы при горѣ Зунтелѣ въ Брауншвейгѣ и потерпѣли пораженіе, подобнаго которому уже давно не испытывали (782 г.). Тогда-то и обнаружилось, какъ далеко превосходилъ Карлъ друзей и враговъ дальновидностью и энергіею. Возстаніе, такъ счастливо начатое саксами, имѣло своимъ результатомъ не освобожденіе, а еще большее угнетеніе ихъ. Къ несчастью, Карлъ позволилъ себѣ увлечься раздражительностью, которая повела за собою обыкновенныя послѣдствія и разрушила то, что было достигнуто превосходствомъ его разума и энергіи. Онъ поспѣшилъ къ саксамъ и однимъ появленіемъ навелъ на всѣхъ ужасъ; Виттекиндъ опять принужденъ былъ бѣжать, и саксы вскорѣ снова подпали франкскому игу. Четыре тысячи пятьсотъ саксовъ добровольно явились къ раздраженному Карлу, разсчитывая избѣгнуть наказанія, благодаря своей многочисленности. Но Карлъ думалъ, что строгость будетъ имѣть благодѣтелное вліяніе, и быть можетъ не ошибался въ этомъ, но только пере-

ступилъ границы умѣренности, приказавъ при нынѣшемъ Верденѣ изрубить всѣ четыре тысячи пять сотъ человѣкъ. Само собой разумѣется, что друзья и родственники убитыхъ и вся нація были оскорблены и раздражены этою казнью, такъ что даже племена, певоевавшія до сихъ поръ, поднялись противъ ненавистныхъ имъ франковъ. Подъ начальствомъ Виттекинда, возвратившагося изъ изгнанія, саксы возобновили борьбу мести и ожесточенія, въ которой Карлъ могъ разсчитывать только на пзящныя похвалы своего придворнаго стихотворца, Павла Діакона, который въ прекрасныхъ стихахъ утѣшалъ въ тройной потерѣ (783 г.) Карла, лишившагося благородной матери Берты, любимой и всѣми уважаемой жены Гильдегарды и наконецъ столь же прекрасной дочери.

Три года Карлъ огнемъ и мечемъ усмирялъ саксовъ. Выигравъ нѣсколько сраженій и проникнувъ до Лауэнбурга, онъ возстановилъ свою честь и наконецъ принялъ всѣ необходимыя мѣры для совершеннаго покоренія саксовъ, но ему приходилось сражаться въ мѣстностяхъ, которыя въ иныя времена года были рѣшительно непроходимы, и его побѣды доставались ему дорогою цѣною. Во время этихъ войнъ обѣднѣли многія франкскія фамиліи, главы которыхъ въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ задерживались на войнѣ, вдали отъ своихъ семействъ, истощали свои средства на военныя издержки и должны были жертвовать лучшею частью достоянія — самостоятельностью своихъ маленькихъ владѣній и личною независимостью. Это вызвало большое неудовольствіе между восточными франками и тюрингами, которые жили по близости театра военныхъ дѣйствій и должны были постоянно участвовать въ походахъ. Къ счастью, проницательный Карлъ, расположивъ наконецъ въ свою пользу главныхъ предводителей саксовъ, вестфала Виттекинда и остфала Альбоина, посѣялъ между врагами недовѣріе и разъединеніе и только этими средствами возстановилъ спокойствіе (785 г.). Въ этомъ случаѣ Карлу благопріятствовало счастье, потому что при обширности территоріи и особенностяхъ политическаго устройства саксовъ нельзя было думать о всеобщемъ мирѣ съ ними. Государству франковъ, составленному изъ народностей съ совершенно противоположными интересами, учрежденіями и законами, постоянно грозили опасности то съ той, то съ другой стороны. Къ этому присоединились неудовольствія при собственномъ дворѣ Карла, возбужденныя несносною гордостью его новой супруги, Фастрады, и имѣвшія своимъ результатомъ то, что Карлъ не былъ безопасенъ даже въ кругу родныхъ. Бѣжавшихъ за Эльбу предводителей саксовъ Карлъ расположилъ въ свою пользу при посредствѣ хитрыхъ сакскихъ депутатовъ, отдѣливъ ихъ частныя выгоды отъ интересовъ ихъ націи. Прельщенные обѣщаніемъ матеріальныхъ выгодъ, Виттекиндъ и Альбоинъ въ 785 г. явились къ Карлу въ городъ Аттиньи въ Шампани и приняли тамъ крещеніе. Съ этого времени они уже не упоминаются въ исторіи, и намъ даже неизвѣстно, возвратились ли они въ свое отечество. Саксы покорились и оставались спокойными въ продолженіе восьми лѣтъ.

Карлъ является великимъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами и внутреннимъ бытомъ своего государства; въ его намѣреніяхъ и дѣлахъ обнаруживается во всемъ блескѣ творческая сила человѣческаго духа, но онъ сдѣлалъ бы міру много зла, если бы все созданное имъ сохранилось и упрочилось. Нельзя не удивляться правителю, который, напр. въ Италіи, противодѣйствовалъ особенными законами ложно понимаемому благочестію, а у саксовъ насильно вводилъ христіанство; который въ Нейстріи поддерживалъ національные нравы силою, а въ другихъ мѣстахъ, особенно у тюринговъ и саксовъ, мѣняя территоріальныя дѣленія, нарушалъ всѣ формы суда, составляющія жизнь и душу всякаго государственнаго организма, подрывалъ національныя учрежденія и насильственно прививалъ къ нѣмцамъ римскую образованность. Мы должны благодарить Провидѣніе, которое, избравъ своимъ орудіемъ слабость и апатію благочестиваго сына и преемника Карла, предохранило народы Запада отъ преждевременнаго развитія у нихъ наукъ и искусствъ, которое въ угоду одного человѣка было бы куплено слишкомъ дорогимъ пожертвованіемъ древнихъ національныхъ нравовъ и духа. Это вполнѣ обнаруживается въ наказаніяхъ, которымъ подверглись участники одного неудачнаго заговора, открытаго по окончаніи послѣдней сакской войны между нѣсколькими тюрингами и восточными франками, въ соединеніи съ нѣкоторыми изъ придворныхъ Карла. Само по себѣ дѣло это не совсѣмъ ясно; но нѣтъ сомнѣнія, что

заговорщики покушались на жизнь короля и что самый заговоръ былъ вызванъ насиліями и жестокостью Карла и гордостью бездушной Фастрады, управлявшей королемъ. Карлъ самъ изрекъ приговоръ заговорщикамъ, не предавая ихъ суду ни обыкновенныхъ судей, ни народнаго сейма франковъ; всѣ виновные и подозрѣваемые въ покушеніи на жизнь короля были ослѣплены или лишены жизни, а имѣнія ихъ конфискованы.

Въ концѣ 786 г. Карлъ отправился въ Италію, гдѣ принудилъ лонгобардскаго герцога Беневента признать надъ собою его власть, и потомъ принималъ въ Римѣ посланниковъ Тассилона баварскаго, за исключеніемъ саксовъ, единственнаго человѣка во всемъ государствѣ, неподчинявшагося Карлу. Карлъ имѣлъ много причинъ негодовать на Тассилона, а въ особенности упрекалъ его въ неисполненіи военной повинности, которая была тѣмъ обременительнѣе для баваровъ, что, постоянно угрожаемые съ востока дикими аварами, они сами нуждались въ войскахъ. О примиреніи нельзя было и думать, и Карлъ воспользовался миромъ съ саксами, чтобы, быстро стѣснивъ со всѣхъ сторонъ баварскаго герцога, принудить его къ покорности. Тассилонъ выдалъ заложникомъ своего сына и наконецъ самъ явился на государственный сеймъ франковъ, собравшійся въ Ингельгеймѣ (787 г.). Карлъ приказалъ судить Тассилона; но это было сдѣлано только для вида, потому что участь его была уже рѣшена заранѣе. Его осудили на смерть по обвиненію въ самовольномъ оставленіи войска, что, по законамъ франковъ, наказывалось смертью, и потомъ, впрочемъ довольно неосновательно, въ клятвопреступленіи, заключавшемся будто бы въ томъ, что Тассилонъ, давъ своихъ дѣтей въ заложники, говорилъ, что охотнѣе пожертвуетъ десятерыми дѣтьми, чѣмъ будетъ терпѣть рабство. Однако смертный приговоръ не былъ исполненъ, и Карлъ приказалъ только заключить Тассилона въ монастырь, но чрезъ шесть лѣтъ, на церковномъ и государственномъ сеймѣ во Франкфуртѣ, Тассилонъ долженъ былъ еще разъ признаться въ своихъ преступленіяхъ и выслушать свой приговоръ. Такъ какъ подданные Тассилона тоже считались виновными, то Карлъ совершенно произвольно распорядился ихъ землею, и, не назначая имъ новаго герцога, раздѣлилъ Баварію на нѣсколько небольшихъ округовъ, подчинивъ ихъ, подобно остальнымъ областямъ государства, управленію графовъ; доходы двухъ такихъ округовъ были назначены на содержаніе Тассилона.

По низверженіи Тассилона, Карлъ обратился противъ славянскаго племени, *вильцевъ*, жившихъ въ Бранденбургской мархіи на правомъ берегу Эльбы. Заключивъ противъ нихъ союзъ съ другимъ славянскимъ народомъ, *оботритами*, жившими въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ, онъ присоединилъ къ своимъ войскамъ фризовъ и саксовъ, построилъ на Эльбѣ два моста и заставилъ могущественнѣйшихъ князей или предводителей вильцевъ дать присягу въ вѣрности и поднести ему дары. Усмиряя на сѣверо-востокѣ вильцевъ и заключая съ оботритами союзъ, Карлъ въ тоже время долженъ былъ защищать отъ норманнскихъ пиратовъ прибрежныя области своего государства, наблюдать за могущественнымъ врагомъ своимъ на западѣ, халифомъ кордовскимъ, оборонять восточныя границы отъ набѣговъ дикихъ и хищныхъ аваровъ, и наконецъ зорко слѣдить на югѣ за лонгобардскими герцогами. Притомъ предполагаемый бракъ дочери Карла, Ротруды, съ греческимъ императоромъ, обѣщавшій особенно дружественныя сношенія съ Грецією, не состоялся, и греческій императоръ сдѣлался для Карла опаснымъ врагомъ, мѣшавшимъ утвержденію его власти въ Италіи. Не смотря на множество и разнообразіе дѣлъ, требовавшихъ особеннаго вниманія и напряженной дѣятельности, Карлъ находилъ время заниматься управленіемъ собственныхъ имѣній, усовершенствованіемъ церковнаго пѣнія, распространеніемъ римской науки и своимъ личнымъ образованіемъ. Мы не можемъ не удивляться, какъ въ одно и тоже время Карлъ могъ заниматься всѣми этими разнохарактерными дѣлами. Впрочемъ, война все-таки была главнымъ занятіемъ Карла, а управленіе дѣлами, не касавшимися его личныхъ выгодъ, было предоставлено пфальцграфамъ. Эти многостороннія занятія Карла объясняются постоянною дѣятельностью его духа въ то время, когда его тѣло требовало покоя. Но высказывающееся во всемъ этомъ величіе Карла было бы еще поразительнѣе, если бы въ его дѣлахъ не проглядывала постоянная мысль, что онъ *сознаетъ* и *выполн*-

няетъ то, что собственно нуждалось для своего осуществленія въ одномъ только покровительствѣ.

Получивъ отъ саксовъ помощь противъ вильцевъ (789 г.), Карлъ былъ такъ увѣренъ въ ихъ спокойствіи, что понадѣялся и на помощь остфальскихъ саксовъ въ войнѣ, которую онъ хотѣлъ вести на границахъ Греческой имперіи. Походъ этотъ былъ направленъ противъ аваровъ, жившихъ на востокъ отъ Баваріи въ нынѣшней Венгріи и Австріи и имѣвшихъ до сихъ поръ дѣло только съ баварскими войсками. Авары, поселившіеся въ этихъ мѣстностяхъ еще въ эпоху переселенія лонгобардовъ въ Италію, дѣлали постоянные набѣги на сосѣдей и укрѣпили свою, и безъ того непроходимую во многихъ мѣстахъ страну засѣками, палисадами и рвами. Внутри ихъ поселеній, состоявшихъ изъ огромныхъ круговъ, окруженныхъ частоколами, жилища аваровъ размѣщались такимъ образомъ, что звукъ трубы былъ слышенъ отъ одного жилища до другаго. Франки совершили противъ нихъ въ разное время семь походовъ, подъ начальствомъ самого Карла или его полководцевъ, и каждый разъ отнимали у нихъ часть несмѣтныхъ сокровищъ, награбленныхъ ими въ цивилизованныхъ странахъ. Участвовавшіе въ этихъ походахъ саксы, находя, что эта богатая добыча куплена ими слишкомъ дорогою цѣною ихъ крови и разлуки съ отечествомъ, въ 793 г. снова отпали отъ франковъ, и Карлъ очутился точно въ такомъ же положеніи, какъ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ. Въ то время, какъ саксы взялись за оружіе, война съ аварами еще не была окончена, со стороны запада снова угрожали мухаммедане, и наконецъ сами придворные составили заговоръ на жизнь Карла. Этотъ заговоръ былъ, подобно первому, вызванъ гордостью и наглостью Фастрады и ея кліентовъ. Оскорбляя франковъ и издѣваясь надъ побочнымъ сыномъ Карла, Пипиномъ, за его происхожденіе, Фастрада и ея приверженцы этимъ самымъ вызвали ихъ месть. Оскорбленные рѣшились убить короля; но заговоръ ихъ былъ случайно открытъ однимъ монахомъ, который потомъ получилъ въ награду богатое аббатство С. Дени. Карлъ, по обычаю восточныхъ деспотовъ, предалъ виновныхъ и подозрѣваемыхъ смертной казни. Сыну Карла подарили жизнь, но заключили его въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ монахомъ.

Карлъ находился въ то время въ весьма затруднительномъ положеніи; но величіе духа, являющееся во всемъ своемъ блескѣ только въ трудныхъ обстоятельствахъ, выказалось и здѣсь, и Карлъ вышелъ изъ нихъ еще съ большею славою. Опасность съ запада и новое возстаніе саксовъ были необходимымъ слѣдствіемъ обширности завоеваній Карла и его отдаленныхъ войнъ, во время которыхъ онъ бывалъ принужденъ оставлять беззащитною одну границу, чтобы прикрывать другую. Считая Аквитанію и Италію, подобно герцогству баварскому, завоеванными странами, не составлявшими нераздѣльныхъ частей франкской монархіи, Карлъ желалъ образовать изъ нихъ отдѣльныя королевства для своихъ сыновей, Людовика и Пипина, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутымъ, и поэтому послалъ перваго изъ нихъ въ Аквитанію, а втораго въ Италію, для того чтобы они познакомились съ нравами и обычаями этихъ странъ. Съ давнихъ поръ привыкшіе къ самостоятельности и кромѣ, того, помня свое вестготское происхожденіе, неспокойные аквитанцы неохотно подчинялись франкскому владычеству и приняли это распоряженіе съ удовольствіемъ, какъ милость, тѣмъ болѣе, что Людовикъ, никогда въ своей жизни не бывшій самостоятельнымъ, получилъ отъ отца превосходныхъ руководителей. Поэтому они охотно отпускали своихъ сыновей съ Людовикомъ въ саксскіе и аварскіе походы и съ готовностью послѣдовали за нимъ, когда въ 793 г. Карлъ послалъ его въ Италію, чтобы въ соединеніи съ Пипиномъ усмирить непокорнаго герцога беневентскаго, Гримоальда. Пользуясь отсутствіемъ Людовика, халифъ Испаніи, Гишамъ I, отнялъ у франковъ владѣнія ихъ на югъ отъ Пиренеевъ, а полководецъ его, Абд-Альмаликъ, перейдя Пиренеи, проникъ въ самую глубь Лангедока. Къ счастью для франковъ, графъ тулузскій, Вильгельмъ Куртне, хотя и оставленный всѣми, далъ мужественный отпоръ мухаммеданамъ и нанесъ имъ въ одномъ сраженіи такой уронъ, что устрашенный Абд-Альмаликъ не осмѣлился ожидать возвращенія короля изъ Италіи. Мавры поспѣшно удалились за Пиренеи, предавъ огню предмѣстья Нарбонны и уведя въ плѣнъ многочисленныя толпы христіанъ, которыхъ

они употребляли вмѣсто вьючныхъ животныхъ при постройкѣ славной кордовской мечети. По возвращеніи Людовика, война прекратилась на нѣсколько лѣтъ.

Такимъ образомъ Карлъ легко справился съ испанскими мухаммеданами и ихъ войсками, но не имѣлъ такого успѣха въ богословскихъ спорахъ съ испанскими христіанами. Первыхъ онъ усмирилъ или удовлетворилъ безъ посторонней помощи, послѣднихъ же не могъ успокоить, не смотря на призывъ англійскихъ духовныхъ и личное вмѣшательство въ это дѣло. При всѣхъ своихъ недостаткахъ Карлъ отличался благочестіемъ, и придавалъ этимъ дѣламъ такую же важность, какъ усмиренію саксовъ, уничтоженію необразованности и суевѣрія духовенства. Весь споръ возникъ вслѣдствіе того, что благочестивый и ученый Феликсъ, епископъ г. Ургеля въ Каталоніи, принадлежавшаго къ владѣніямъ Карла, объясняя божественное естество Христа, называлъ его не единороднимъ сыномъ Божіимъ, а только усыновленнымъ, и склонилъ въ пользу своего мнѣнія и Элипанда, епископа толедскаго. Двое другихъ духовныхъ христіанской Астуріи, найдя въ этомъ ученіи вредную ересь, обратились къ Карлу и возбудили вслѣдствіе того жаркій теологическій споръ, который грозилъ произвести на Западѣ такія же волненія, какъ иконоборство на Востокѣ, еслибы этому не помѣшали неразвитость и равнодушіе западныхъ христіанъ къ схоластикѣ. Карлъ принялъ ревностное участіе въ спорѣ и, вызвавъ къ себѣ Феликса, отправилъ его въ Римъ для оправданій. Епископъ отрекся отъ своего мнѣнія; но, возвратившись въ Испанію, снова сталъ распространять свое ученіе, опровергая противниковъ въ своихъ сочиненіяхъ и, какъ прежде, нашелъ себѣ помощника въ Элипандѣ, независѣвшемъ отъ Карла и небоявшемся его гнѣва. Для опроверженія лжеучителей, Карлъ упросилъ англосакскаго ученаго, Алькуина (стр. 405), съ которымъ познакомился въ Италіи (781 г.) и котораго прежде тщетно приглашалъ остаться во Франціи и навсегда поселиться въ его владѣніяхъ. Это имѣло весьма важныя послѣдствія. Хотя ученіе объ усыновленіи Христа, не смотря на ссылку Феликса въ Ліонъ, не было совершенно искоренено, потому что самъ Алькуинъ питалъ глубокое уваженіе къ епископу ургельскому, и послѣдователи его, жившіе въ мухаммеданской Испаніи, не опасались гнѣва Карла и папы, но вліяніе Алькуина на образованность франковъ было громадно.

Алькуинъ былъ прежде начальникомъ знаменитаго высшаго учебнаго заведенія въ Іоркѣ, которое обладало одною изъ немногихъ библіотекъ, существовавшихъ тогда на западѣ, и въ которомъ почти всѣ тогдашніе ученые передавали ученикамъ всѣ свои знанія по части высшихъ наукъ и теологіи и, что несравненно важнѣе, свою ревность къ наукѣ, религіи и обращенію язычниковъ, которою они были воодушевлены и которую послѣ доказали на дѣлѣ. Приближаясь къ старости, Карлъ, какъ другъ ученаго папы Адріана, вмѣсто повѣствованій о римскихъ и греческихъ герояхъ, сталъ читать назидательныя книги, и, находя въ нихъ много непонятнаго, вызвалъ и долгое время держалъ при своемъ дворѣ Алькуина. Не имѣя силъ противиться частымъ и неотступнымъ просьбамъ франкскаго короля, Алькуинъ переселился во Францію и жилъ тамъ до самой смерти. Не смотря на то, что Алькуинъ не былъ монахомъ, Карлъ назначилъ ему доходы съ многихъ богатыхъ монастырей, и не принуждая его жить постоянно при императорскомъ дворѣ, благосклонно смотрѣлъ на то, что онъ поселился въ Турѣ, принималъ тамъ знатныхъ лицъ, хотѣвшихъ научиться у него высшимъ знаніямъ, и, отправляясь ко двору, бралъ ихъ съ собою. Сочиненія его о методѣ преподаванія наукъ, въ которыхъ онъ излагаетъ нѣкоторые предметы въ формѣ разговора, могутъ служить доказательствомъ, насколько этотъ человѣкъ, не жертвуя здравымъ смысломъ, умѣлъ приноровиться къ духу того времени и тогдашнимъ понятіямъ. Поэтому неудивительно, что Алькуинъ пользовался глубокимъ уваженіемъ Карла и его придворныхъ. Король даже называлъ его любезнымъ своимъ учителемъ во Христѣ. Престарѣлый и кроткій Адельгардъ, прежній графъ Эльзаса и части Швабіи, поступившій впослѣдствіи въ духовное званіе и назначенный воспитателемъ сына Карла, Пиппина итальянскаго, называлъ себя также ученикомъ Алькуина. Сыновья, дочери и сестры Карла съ удовольствіемъ носили имена сыновей и дочерей Алькуина. Наконецъ Карлъ гордился его дружбою болѣе, чѣмъ всѣмъ своимъ королевствомъ. На блестящемъ сеймѣ въ 794 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, имѣвшемъ значеніе церковнаго собора и государствен-

наго сейма, Карлъ представилъ его сейму, какъ своего друга, и заставилъ внести эту рекомендацію въ сводъ постановленій сейма. Открыто говоря Карлу правду, когда всѣ молчали, Алькуинъ въ тоже время привязывалъ его къ себѣ своею ласкою и похвалами. Онъ побудилъ Карла основать изъ его ученыхъ друзей общество для усовершенствованія наукъ. Общество это имѣло устройство ордена, и каждый членъ его назывался именемъ какого нибудь древняго писателя или другаго знаменитаго человѣка. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда образованіе народа зависѣло отъ нѣсколькихъ лицъ, нельзя не считать особеннымъ счастьемъ, что Карлъ избралъ въ свои руководители такого независимаго человѣка, какъ Алькуинъ, внушавшій къ себѣ уваженіе и нѣкоторый страхъ даже въ самомъ Карлѣ и его архикапелланѣ, или министрѣ духовныхъ дѣлъ. Впрочемъ еще до совершеннаго переселенія Алькуина во Францію, Карлъ оказалъ много услугъ образованію народа. Въ 787 г. онъ вызвалъ изъ Италіи учителей пѣнія, чтобы ввести между франками римское церковное пѣніе; но эти учители встрѣтили много затрудненій, вслѣдствіе грубости и неразвитости голосовъ франковъ. Карлъ пытался также, при помощи итальянскихъ ученыхъ, ввести въ франкскихъ училищахъ того времени римскій методъ изученія древнихъ и, наконецъ, особеннымъ указомъ приказалъ всѣмъ епископамъ и аббатамъ заводить училища при церквахъ и монастыряхъ. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ указы не всегда достигали своей цѣли, и Карлъ самъ высказываетъ это, говоря въ своемъ указѣ, что: «учителями должно назначать тѣхъ, которые имѣютъ охоту и способности учиться и желаніе учить другихъ». Въ другомъ указѣ во всемъ блескѣ является величіе Карла, который говоритъ въ немъ, что самъ исправлялъ всѣ ошибки въ книгахъ ветхаго и новаго завѣта, происшедшія отъ невѣжества переписчиковъ. Вообще онъ охотно и много занимался науками, читалъ латинскихъ и греческихъ писателей, изучалъ подъ старость различныя науки, и постоянно носилъ при себѣ дощечку для записыванія мыслей, которыя могли придти ему въ голову. Карлъ пошелъ еще дальше: употребляя свое императорское вліяніе въ дѣлахъ науки и пользуясь своей властью, онъ приказалъ однажды духовенству признать вѣрнымъ исправленный имъ текстъ одной книги. Впрочемъ, онъ сознавалъ подобный образъ дѣйствій вреднымъ для науки, и въ свое оправданіе ссылался въ указахъ на примѣръ іудейскаго царя Іосіи, который сдѣлалъ то же самое съ священными книгами своего народа.

Кромѣ Алькуина Карлъ призывалъ къ себѣ другихъ ученыхъ, желая съ помощью ихъ образовать себя и свой народъ; но замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ все-таки былъ Алькуинъ. Между этими учеными находились историкъ лонгобардовъ. Павелъ Діаконъ или Павелъ Варнефридъ, Петръ Пизанскій, Эгингардъ, оставившій намъ біографію Карла, Ангильбертъ и уже извѣстный намъ знаменитый аббатъ Адельгардъ, родственникъ Карла. Съ помощью ихъ и другихъ ученыхъ, большею частью иностранцевъ, Карлъ старался распространить между франками науки и образованность. Конечно, истинная религіозность, нравственность, справедливость распространялись медленнѣе. Карлъ пересаживалъ на германскую почву иностранную цивилизацію и положилъ ее въ основаніе новой образованности, которая привилась только къ лучшимъ умамъ высшихъ сословій и отдѣлила ихъ отъ народа. Все сдѣланное Карломъ собственно для туземнаго и національнаго образованія не имѣло большаго значенія. По совѣту своего друга и біографа Эгингарда, Карлъ пытался написать нѣмецкую грамматику, приказалъ собрать франкскія героическія пѣсни и далъ мѣсяцамъ и временамъ года новыя названія, которыя сохранились отчасти и до нашего времени. Въ послѣднее столѣтіе этимъ трудамъ Карла стали придавать больше значенія, чѣмъ они заслуживаютъ, потому что, оставивъ въ сторонѣ названія мѣсяцевъ и временъ, мы должны сказать, что планъ составленія грамматики не былъ никогда приведенъ въ исполненіе, а собраніе народныхъ поэмъ, сдѣланное Карломъ, не могло заключать въ себѣ ничего важнаго, потому что иначе какой-нибудь лѣтописецъ собралъ бы и сохранилъ для насъ эти преданія. Хотя справедливо и то, что при нескончаемыхъ войнахъ Карла и при недостаткѣ самыхъ существенныхъ элементовъ образованности, учрежденія Алькуина были скорѣе блестящи, чѣмъ полезны, но все-таки образованность самого Карла имѣла вліяніе на государственное управленіе. Это замѣтно между прочимъ въ проек-

тахъ Карла, оставшихся невыполненными только вслѣдствіе необразованности второстепенныхъ правительственныхъ лицъ и неискусства работниковъ. Прежде всего былъ составленъ проэктъ о прорытіи канала для соединенія Дуная и Майна посредствомъ Редница и Альтмюля. Работы, только-что начатыя, должны были быть прекращены вслѣдствіе неспособности распорядителей, непонимавшихъ необходимости отводить воду, стекавшую въ каналъ изъ болотистыхъ мѣстъ, и поддерживать обрушивающіяся стѣны канала; они даже не имѣли понятія о нивеллировкѣ. Другой большой проэктъ Карла о постройкѣ моста на Дунаѣ, для отраженія аваровъ и саксовъ, тоже не былъ исполненъ. Эти и другія подобныя предпріятія, дѣйствительно исполненныя, служатъ доказательствомъ, что Карлъ понималъ, какъ и чѣмъ можно смягчить нравы своихъ подданныхъ. Сюда относятся и его заботы о поддержаніи торговли и постройкѣ дворцовъ, или пфальцевъ. Въ странѣ, какою была тогда Германія, нельзя было и думать о большихъ дорогахъ; поэтому Карлъ старался оживить торговлю посредствомъ водяныхъ сообщеній, и самъ употреблялъ этотъ способъ путешествія; такъ, напримѣръ, онъ часто ѣздилъ внизъ и вверхъ по Майну, а въ аварскій походъ—даже по Редницу; въ Аквитаніи онъ плавалъ по Гароннѣ, а въ Нейстріи по Луарѣ. Какъ оживлено было тогда рѣчное судоходство, можно видѣть изъ таможенныхъ привилегій, розданныхъ сыномъ Карла, Людовикомъ I, монастырямъ, находившимся внутри страны, при чемъ о повозкахъ и телѣгахъ упоминается только вскользь, а говорится преимущественно о судахъ. На Майнѣ Карлъ построилъ деревянный мостъ, надъ постройкою котораго трудились десять лѣтъ. За годъ до смерти Карла мостъ этотъ сгорѣлъ, и Карлъ рѣшился выстроить на мѣсто его каменный. Дворцы Карла находились между прочимъ въ Ингельгеймѣ, Аахенѣ и на франкской Саалѣ, такъ какъ онъ чаще всего жилъ на востокѣ королевства и считалъ Австразію главнымъ центромъ государства. Дворецъ на Саалѣ скоро сгорѣлъ, но за то два другихъ остались главными резиденціями Карла. Надъ постройкою ихъ трудились итальянскіе архитекторы; колонны и другіе матеріалы тоже привозились изъ Италіи. Одинъ поэтъ оставилъ намъ описаніе дворца въ Ингельгеймѣ. Въ этомъ описаніи говорится о большихъ картинахъ, изображавшихъ дѣянія Карла и его предковъ и сцены изъ римской, греческой и древне-восточной исторіи. Мы не должны, впрочемъ, приписывать художественныхъ достоинствъ этимъ картинамъ, какъ и двумъ рисункамъ на серебряныхъ столахъ, которыми, по увѣренію Эгингарда, владѣлъ Карлъ и которые представляли Римъ и Константинополь. По всей вѣроятности, изображенія эти были такъ несовершенны, что узнать ихъ можно было развѣ только по находившимся на нихъ надписямъ: «Это — Римъ, это — Константинополь.» Аахенскій дворецъ заключалъ въ себѣ помѣщенія для всѣхъ придворныхъ, а въ нижнихъ этажахъ — комнаты для ихъ слугъ и дворцовой стражи, и если вѣрить словамъ одного изъ тогдашнихъ лѣтописцевъ, то комната Карла была расположена такъ, что изъ нея видны были всѣ выходы дворца. Кромѣ дворца Карлъ построилъ здѣсь еще церковь, для которой папа Адріанъ подарилъ мраморныя колонны и мозаическія украшенія изъ разрушеннаго императорскаго дворца въ Равеннѣ. Карлъ любилъ жить въ Аахенѣ, вѣроятно привлекаемый здѣшними теплыми источниками. Разсказываютъ, что онъ особенно любилъ аахенскія ванны, и наслаждался купаньемъ въ обществѣ сыновей и придворныхъ.

Среди всѣхъ плановъ и предпріятій, Карлъ чувствовалъ иногда гнетъ собственнаго величія, потому что не могъ всегда съ одинаковымъ успѣхомъ и безъ вреда для своихъ подданныхъ вести войны съ аварами и саксами. Безпрерывные походы обрушивались всею своею тяжестью на его подданныхъ, особенно въ отдаленныхъ частяхъ государства, жители которыхъ, наравнѣ со всѣми другими, сами должны были заботиться о вооруженіи и своемъ содержаніи во все время перехода къ противоположнымъ границамъ королевства. По распоряженію Карла, всякій владѣлецъ извѣстнаго поземельнаго участка долженъ былъ лично являться на войну. Бѣдные соединялись по двое, четверо или пяти человѣкъ, смотря по величинѣ своихъ владѣній, и выставляли всѣ вмѣстѣ одного ратника, платя общими силами издержки на его содержаніе. Уклонявшіеся отъ военной службы платили денежный штрафъ, который хотя и былъ для бѣдныхъ менѣе, чѣмъ для богатыхъ, но все-таки былъ весьма стѣснителенъ для нихъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ графы округовъ стали получать третью часть этихъ денегъ и

вслѣдствіе того стали строго наблюдать за ихъ взиманіемъ. Бѣглые наказывались смертью.

Изъ двухъ снова вспыхнувшихъ войнъ на Везерѣ и Дунаѣ, самою трудною была война съ саксами. Для войны съ аварами, уже лишившимися прежней энергіи и неумѣвшими пользоваться выгодами своей страны, долгое время достаточно было однихъ итальянскихъ и баварскихъ войскъ. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда часть аваровъ покорилась и приняла христіанство. Жестокость и варварство, съ которыми побѣдители взимали церковную десятину, какъ первую и самую важную обязанность каждаго христіанина, истощили терпѣніе народа и довели его до отчаянія. Наконецъ въ 796 г. авары окончательно подчинились франкамъ и были безпощадно ограблены побѣдителями. Такимъ образомъ были пущены въ оборотъ громадныя сокровища, изъ которыхъ одну часть получили вельможи Карла и папы, а остальныя были употреблены на постройку церквей, монастырей и дворцовъ. Изъ страны, отнятой у аваровъ, образовалась впослѣдствіи австрійская монархія.

Совершенно иначе шла война съ саксами. Долгое время Карлъ ежегодно совершалъ экспедиціи въ ихъ страну, но не могъ окончательно покорить ихъ. Поводъ или сигналъ къ новому возстанію саксовъ поданъ былъ тѣмъ, что графъ Карла, предводительствовавшій саксами въ аварскую войну и производившій между ними новый наборъ войскъ, былъ въ 793 г. неожиданно аттакованъ саксами, которые совершенно истребили войска, приведенныя имъ изъ Фрисландіи. Война получила тогда совершенно иной характеръ. Конечно, съ того времени какъ Альбоинъ и Виттекиндъ уже не стояли во главѣ саксовъ, нечего было и думать о единодушномъ возстаніи этихъ племенъ, но тѣмъ не менѣе франки, съ которыми Карлъ каждый годъ ходилъ на Везеръ, не смотря на всю свою жестокость съ непріятелемъ, теряли такъ же много, какъ и саксы. Саксы жили большею частью разсѣянно, отдѣльными дворами, и потому франки не могли ни оставаться въ большихъ массахъ, ни раздѣляться на мелкіе отряды. Каждый годъ, страна, чрезъ которую проходилъ Карлъ, присягала ему въ вѣрности; но какъ скоро враги удалялись, жители выходили изъ своихъ болотъ и лѣсовъ и, хорошо зная мѣстность и время, легко истребляли отдѣльныя толпы возвращавшихся изъ похода франковъ. Въ 797 г. союзники франковъ, оботриты, подъ предводительствомъ франкскихъ полководцевъ, вторгнулись въ землю саксовъ съ сѣверо-востока, а самъ Карлъ, дойдя до устьевъ Везера и Эльбы, устроилъ на Везерѣ укрѣпленный лагерь и остался тамъ зимовать. Но саксы, претерпѣвая охотнѣе всѣ жестокости и разоренія и позволяя цѣлыми тысячами разселять себя по разнымъ частямъ франкскаго государства, не соглашались принимать чужихъ законовъ и нравовъ.

Карлъ былъ счастливѣе на западныхъ границахъ государства, гдѣ безпокойный духъ испанскихъ мухаммеданъ и взаимная вражда сектъ и партій не позволяли кордовскому халифу свободно распоряжаться могуществомъ и богатствами Испаніи, самаго цвѣтущаго государства тогдашней Европы. Гишамъ I отнялъ у франковъ ихъ провинціи на югъ отъ Пиренеевъ, но со вступленіемъ на престолъ его сына, Гакема I (796 г.), между мухаммеданами начались новыя безпокойства, давшія франкамъ поводъ къ новымъ и болѣе значительнымъ завоеваніямъ. Противъ Гакема возмутилось нѣсколько намѣстниковъ и оба дяди халифа, изгнанные при Гишамѣ въ Африку (стр. 317), но возвратившіеся тогда назадъ и утвердившіеся въ Испаніи. Одинъ изъ нихъ ѣздилъ даже въ Падерборнъ просить помощи Карла. Въ 797 г. Карлъ послалъ къ границамъ Испаніи съ аквитанскими войсками своего сына Людовика, котораго незадолго предъ этимъ вызвалъ къ себѣ. Людовикъ заставилъ покориться испанскаго намѣстника Барселоны; хотя этотъ намѣстникъ отпалъ отъ франкскаго короля, когда Гишамъ побѣдилъ своихъ дядей, но аквитанцы послѣ двухлѣтней осады овладѣли Барселоною, изгнали оттуда мосленновъ и вмѣсто ихъ населили городъ христіанскими готами (801 г.). Во власти франковъ очутились также Гуэска и Балеарскіе острова, которые были присоединены къ Барселонѣ, и такимъ образомъ составили новый несокрушимый оплотъ христіанства, Каталонію. Честь этихъ завоеваній приписывали юному Людовику, хотя онъ почти не участвовалъ въ войнѣ и не былъ способенъ ни къ чему замѣчательному. Добродушный и миролюбивый по природѣ, Людовикъ вмѣ-

стѣ съ тѣмъ былъ безсиленъ и несамостоятеленъ, и нуждался всю свою жизнь въ посторонней поддержкѣ. Карлъ могъ это видѣть изъ слабости, съ которою Людовикъ, часто къ собственному вреду, позволялъ все своимъ друзьямъ; но онъ самъ увеличилъ зло, обременивъ молодаго человѣка множествомъ инструкцій и давъ ему въ руководители талантливыхъ людей, которые дѣлали за него все, вели войны и подавляли его своимъ личнымъ превосходствомъ, тогда какъ блескъ ихъ подвиговъ озарялъ его славою только до тѣхъ поръ, пока они находились при немъ. Людовикъ и его руководители нѣсколько разъ воевали противъ мухаммеданъ; но время всѣхъ этихъ экспедицій, въ одну изъ которыхъ была завоевана Тортоза, невозможно опредѣлить съ точностью.

Зная, какія услуги оказалъ Карлъ христіанству своими войнами съ мухаммеданами и язычниками, мы поймемъ, что первый епископъ христіанства могъ считать его достойнымъ всякаго титула и всякаго сана, которые могли бы увеличить его вліяніе. Чтобы не быть неблагодарнымъ, папа, постоянно имѣвшій въ виду свои личныя выгоды, вздумалъ оказать франкскому королю почесть, которая сначала изумила его, но потомъ польстила его великому духу и гордости. Почесть эта состояла въ томъ, что преемникъ Адріана, папа Левъ III, въ 800 г. провозгласилъ возстановленіе, по имени, Западной римской имперіи, о которомъ со времени Ромула Августула никто уже не думалъ, и возложилъ высокій титулъ западнаго императора на франкскаго короля. И Левъ, и Карлъ придавали императорскому титулу только значеніе простой почести, не имѣя въ виду никакихъ новыхъ правъ, которыя впослѣдствіи сами собою соединились съ этимъ званіемъ. Левъ избранъ былъ папою по смерти Адріана (795 г.), и Карлъ, отправившій съ своимъ другомъ, Ангильбертомъ, подарокъ изъ аварской добычи папѣ Адріану, какъ своему ученому сотруднику, приказалъ посланному передать эти дары новому папѣ. Ясно, что Карлъ былъ доволенъ избраніемъ Льва, но вскорѣ однако образъ дѣйствій новаго папы подалъ поводъ его врагамъ требовать его низложенія. Они составили противъ папы сильную партію и однажды, напавъ на него во время процессіи, такъ сильно изувѣчили его, что сначала всѣ думали, что онъ ослѣпнетъ и лишится употребленія языка (799 г.). Однако Левъ выздоровѣлъ и съ помощью сполетскаго герцога бѣжалъ отъ своихъ враговъ въ Римъ и потомъ въ сопровожденіи множества франкскихъ епископовъ отправился въ Падерборнъ, гдѣ жилъ тогда Карлъ. Карлъ принялъ папу съ большимъ почетомъ и приказалъ проводить его въ Римъ, надѣясь, что страхъ предъ его именемъ доставитъ папѣ дружественный пріемъ въ этомъ городѣ. Папу приняли, но противная партія была могущественна, а представленныя противъ Льва обвиненія бросали на него невыгодный свѣтъ. Папа, а еще болѣе Алькуинъ просили Карла съѣздить самому въ Римъ, чтобы прекратить неурядицу, продолжавшуюся уже четыре года. Отправляясь въ Римъ, Карлъ принялъ благоразумныя мѣры къ поддержанію спокойствія и порядка въ государствѣ, во время своего отсутствія. Онъ позаботился о построенныхъ имъ на Везерѣ укрѣпленіяхъ, съѣздилъ потомъ по дѣламъ приморскихъ провинцій въ Аахенъ, посѣтилъ Бретань, гдѣ не задолго передъ тѣмъ вспыхнуло возстаніе, тотчасъ же подавленное, и поѣхалъ въ Италію не ранѣе, какъ приведя въ порядокъ, вмѣстѣ съ Алькуиномъ, всѣ церковныя дѣла въ своемъ государствѣ. Карлъ отправился въ Италію чрезъ Майнцъ, гдѣ въ августѣ мѣсяцѣ собралъ чрезвычайный сеймъ, чтобы окружить себя во время путешествія особеннымъ блескомъ и многочисленною военною свитою.

Пріѣхавъ въ 800 г. въ Римъ, Карлъ тотчасъ же назначилъ торжественный судъ надъ папой, чтобы дать ему возможность открыто защищаться противъ публичныхъ обвиненій. Истинныя мысли и намѣренія Карла извѣстны были всѣмъ, поэтому, естественно, никто не рѣшился быть обвинителемъ папы, и такимъ образомъ Левъ, посредствомъ очистительной клятвы, могъ сложить съ себя всѣ обвиненія. Римъ, какъ резиденція главы христіанства, былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ націй; жители его, какъ видно изъ письма Алькуина къ Карлу, уже въ то время пользовались между нѣмцами репутаціею вѣроломства и непостоянства, оставшеюся за ними и до нашего времени. Не смотря на это, Карлъ, бывшій до тѣхъ поръ только патриціемъ римскимъ, принялъ отъ римскаго народа титулъ императора. Когда въ праздникъ Рождества Христова онъ преклонилъ колѣна предъ алтаремъ соборнаго храма, папа возложилъ на него знаки императорскаго

достоинства, а несмѣтная толпа народа, по предложенію папы, провозгласила франкскаго короля римскимъ императоромъ. Странно, но замѣчательно, что имя вѣчнаго Рима и память его прежняго величія давали еще гражданамъ этого глубоко павшаго города такое значеніе, что ни папа безъ нихъ, ни они безъ папы, не рѣшились бы увѣнчать сѣвернаго героя угасшимъ блескомъ древней имперіи. Впрочемъ, Карлъ не очень добивался этого заимствованнаго блеска; онъ не придавалъ никакого значенія великолѣпію и внѣшнему блеску, всегда носилъ обыкновенное франкское платье и только въ торжественныхъ случаяхъ замѣнялъ его украшеніями и драгоцѣнными одеждами. Но современники Карла удивлялись больше блеску и великолѣпію его императорскаго достоинства, чѣмъ величію духа и его всеобъемлющему уму. Точно также смотрѣли они и на сношенія Карла съ блистательнымъ аббасидскимъ халифомъ и патріархомъ константинопольскимъ. Во всякомъ случаѣ, сношенія эти имѣли тотъ результатъ, что Карлъ, покровитель западныхъ христіанъ на Востокѣ, могъ оказывать болѣе покровительства пилигримамъ, уже тогда въ большомъ числѣ отправлявшимся въ Іерусалимъ. Отъ іерусалимскаго патріарха, къ которому Карлъ посылалъ одного монаха, онъ получилъ ключи отъ гроба Господня и Голгоѳы. Въ 797 г. Карлъ отправилъ къ аббасидскому халифу Гаруну-аль-Рашиду двухъ пословъ въ сопровожденіи одного еврея; первые двое умерли во время дороги, но еврей чрезъ четыре года возвратился къ Карлу съ послами отъ Гаруна и основателя династіи Аглабитовъ (стр. 327). Въ числѣ подарковъ, присланныхъ обоими государями франкскому королю, особенное любопытство возбуждалъ слонъ. Второе посольство Гаруна привезло въ подарокъ Карлу драгоцѣнную палатку, различныя благовонія, металлическіе водяные часы и другія вещи, а само получило отъ Карла одежды фризовъ, испанскихъ лошадей и муловъ, и франскихъ охотничьихъ собакъ.

Сдѣлавшись западнымъ императоромъ, Карлъ, само собою разумѣется, вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія съ греками, съ которыми тридцать лѣтъ тому назадъ заключилъ было союзъ, обѣщавшій много выгодъ. Греческая императрица Ирина, управлявшая Византійскою имперіею именемъ своего сына, Константина IV, желала женить его на дочери Карла, Ротрудѣ. Карлъ согласился было на это предложеніе, но не могъ перенести мысли о разлукѣ съ дочерью; притомъ сама императрица, искавшая союза съ Карломъ, для своихъ особенныхъ цѣлей, не смотрѣла на это дѣло серьезно. Такимъ образомъ планъ этотъ не состоялся. Ирина снова дала у себя убѣжище лонгобардскому принцу Адельгису и деньгами и войсками поддерживала возстанія противъ Карла въ Беневентѣ и другихъ мѣстностяхъ Италіи. Впрочемъ, и безъ этихъ непріязненныхъ отношеній, Карлъ не добился бы отъ греческихъ императоровъ признанія своего титула. И послѣдующіе западные императоры не имѣли въ этомъ успѣха, потому что признаніе ихъ тѣмъ или другимъ узурпаторомъ не имѣло никакого значенія. Напротивъ, принятіе Карломъ императорскаго титула еще въ его царствованіе подало поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между греками и франками въ Нижней Италіи, Далмаціи и Венеціи; но столкновенія эти по своей незначительности не заслуживаютъ упоминанія.

На этотъ разъ Карлъ прожилъ въ Италіи до самаго лѣта, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ этой страны и наказывая злоупотребленія графовъ и центенаріевъ, т. е. начальниковъ округовъ и волостей. Вообще замѣтно, что съ этого времени Карлъ какъ будто рѣшился посвятить послѣдніе годы своей жизни не только Богу и себѣ, но и заботамъ о благѣ подданныхъ, разоренныхъ его безпрерывными войнами. Онъ основалъ особенныя заведенія для распространенія образованности, наукъ, искусствъ и религіи и издалъ много распоряженій относительно улучшенія внутренняго порядка, суда и государственнаго устройства. Проживая почти всегда въ своихъ имѣніяхъ, которыя изъ мызъ обратились мало-по-малу въ города, Карлъ имѣлъ случай изучить земледѣліе и издать дѣльныя распоряженія относительно хлѣбопашества, скотоводства, сельскаго хозяйства и охоты. Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы стали подробно описывать всѣ заботы Карла о внутреннемъ благосостояніи государства. Мы должны упомянуть только о томъ, что необходимо для пониманія его характера и того, насколько стремленія Карла соотвѣтствовали духу его времени и обстоятельствамъ.

Всѣ важнѣйшія государственныя дѣла рѣшались на имперскомъ сеймѣ, собиравшемся весною, обыкновенно въ маѣ, а не въ мартѣ, какъ это было прежде. На немъ, кромѣ свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ, присутствовали и простолюдины, но въ совѣщаніяхъ и подачѣ голосовъ участвовали только два первыхъ сословія; народъ же только подтверждалъ ихъ рѣшенія всеобщими восклицаніями. Опредѣленія сейма назывались капитуляріями. Церковныя дѣла обсуждались тоже на сеймѣ, но только одними духовными, и рѣшенія ихъ нуждались въ королевскомъ утвержденіи. Управленіе и судъ въ провинціяхъ были устроены на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ каждой отдѣльной волости Карлъ поставилъ графа, а для центовъ или сотенъ (подраздѣленій волости) назначалъ центенаріевъ. На границахъ, для лучшей защиты отъ враговъ, многія волости были подчинены одному графу, носившему названіе маркграфа, которое, впрочемъ, встрѣчается уже послѣ Карла. Графы были военными начальниками волостей, представителями гражданской власти и предсѣдателями судовъ. Изъ должностныхъ лицъ королевскаго двора большимъ значеніемъ пользовались архикапелланъ и пфальцграфъ, занявшіе мѣсто прежняго маіордома. Первый былъ духовнымъ лицомъ и управлялъ церковными дѣлами и придворною канцеляріею, а послѣдній—свѣтскими дѣлами и судебною частью. Въ каждой волости и сотнѣ народные суды состояли подъ предсѣдательствомъ графа или центенарія изъ такъ называемыхъ шеффовъ, т. е. свободныхъ гражданъ волости, избиравшихся при Карлѣ Великомъ народомъ. На рѣшеніе сотеннаго и волостнаго суда можно было аппелировать къ особому должностному лицу и на опредѣленія послѣдняго къ королю или къ королевскому пфальцграфу. При Карлѣ епископы также получили свѣтскую власть, или права графовъ въ своихъ епархіяхъ. Кромѣ того Карлъ учредилъ особую высшую должность, превративъ прежнее, только въ особенныхъ случаяхъ возобновлявшееся, учрежденіе въ постоянное. Для нѣсколькихъ волостей вмѣстѣ Карлъ назначалъ ежегодно двухъ особенныхъ коммисаровъ: одного свѣтскаго и другаго духовнаго, называвшихся missi dominici, или зендграфами. Они обязаны были по нѣскольку разъ объѣзжать свои провинціи, разсматривать всѣ дѣла, принимать на особенныхъ народныхъ сеймахъ жалобы на графовъ, сотниковъ и епископовъ, назначать низшихъ чиновниковъ, наблюдать за исполненіемъ предписаній относительно сбора ополченія и обо всемъ этомъ доносить королю. Зендграфы наблюдали такимъ образомъ за всѣмъ и, какъ представители короля, защищали права королевской власти отъ притязаній графовъ и епископовъ, потому что и тѣ и другіе были опасны для королевской власти, первые, какъ предводители войска, предсѣдатели судовъ и начальники полиціи и финансоваго управленія, а вторые,—какъ главы церкви и начальники духовенства каждой провинціи. Само собою разумѣется, что народная свобода находила защиту въ такомъ контролѣ только до тѣхъ поръ, пока на престолѣ былъ энергическій человѣкъ. Учрежденіе этихъ коммисаровъ имѣло огромную важность для народа; но они были дѣйствительно страшны могущественнымъ графамъ и епископамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда король имѣлъ силу и вліяніе; власть и значеніе ихъ стали уменьшаться вмѣстѣ съ уменьшеніемъ могущества и авторитета короля. Преемники Карла упустили изъ виду истинное назначеніе этихъ коммисаровъ, передавая часто эту должность самимъ графамъ и епископамъ, и этимъ самымъ уничтожили контроль, установленный Карломъ, такъ что многіе перестали являться въ народное собраніе, потому что именемъ короля эти собранія ничего не могли добиться отъ епископовъ и графовъ, отъ которыхъ они могли во всякое время сдѣлаться зависимыми и лишиться свободы.

Заботы и дѣятельность Карла не ограничивались однимъ общимъ надзоромъ за управленіемъ. Карлъ слѣдилъ и за всѣми частностями его и усердно занимался своимъ домашнимъ хозяйствомъ, приказывая представлять себѣ подробные отчеты о доходахъ съ дворцовыхъ имѣній, составлявшихъ главную часть королевскихъ доходовъ. До насъ сохранилась подробная инструкція Карла объ управленіи имѣніями, въ которой онъ опредѣляетъ до самыхъ мелочей обязанности управителей и передаетъ различныя указанія относительно всѣхъ частей земледѣлія, садоводства, сельскаго и домашняго хозяйства и охоты. Будучи самъ образцомъ порядка и умѣренности, Карлъ старался особенными полицейскими мѣрами искоренять пьянство и другіе грубые пороки, предпринималъ строгія мѣры

противъ разбоевъ, заботился о призрѣніи бѣдныхъ, издавалъ законы о торговлѣ и т. д. Конечно, онъ впадалъ при этомъ въ обыкновенныя ошибки правителей и администраторовъ, и издавалъ иногда распоряженія, которыя еще болѣе увеличивали зло. Такъ, напримѣръ, въ 794 г. Карлъ приказалъ продавать хлѣбъ по одной опредѣленной и постоянной цѣнѣ. Вообще въ основаніи распоряженій Карла лежатъ, встрѣчающіяся и у лучшихъ греческихъ и римскихъ императоровъ, современныя намъ понятія объ администраціи, которыя могутъ быть вѣрны только относительно черезчуръ образованнаго человѣчества или же изнѣженныхъ и избалованныхъ дѣтей. У него повсюду проглядываетъ мысль, что хорошіе писанные законы и сильная рука правителя, то натягивающая, то ослабляющая узду, составляютъ необходимые элементы хорошаго государственнаго устройства, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно можетъ быть хорошо только тамъ, гдѣ господствуютъ лучшіе нравы и гдѣ существуетъ довѣріе управляемыхъ къ правительству,—различіе, которое въ древности Ликургъ, Залевкъ и Харондъ понимали гораздо лучше, чѣмъ мудрые Птолемеи. Къ сожалѣнію, эта ошибка имѣла своимъ необходимымъ послѣдствіемъ уничтоженіе многихъ хорошихъ началъ, вынесенныхъ германцами изъ ихъ лѣсовъ и болотъ, и появленіе на ихъ мѣсто новыхъ. Въ прежнюю языческую эпоху графъ и шеффы не связывались никакими предписаніями, потому что тогда довѣряли ихъ честности и доброй волѣ. Между тѣмъ въ салическихъ законахъ, возобновленныхъ Карломъ, замѣтно сильное желаніе ограничить ихъ власть: въ нихъ заключается множество предписаній для всѣхъ отдѣльныхъ случаевъ. Такая заботливость доходитъ иногда до нелѣпости; такъ напр., въ этихъ законахъ назначенъ былъ опредѣленный денежный штрафъ, если кто-нибудь назоветъ другаго зайцемъ. При такомъ стремленіи уничтожить всякій произволъ, имѣвшемъ своимъ послѣдствіемъ господство мертвой буквы и формализма, судьи были связаны, но злоупотребленія продолжались. Такъ, за названіе кого-нибудь зайцемъ назначенъ былъ штрафъ въ шесть золотыхъ гульденовъ, а за обвиненіе кого либо въ томъ, что онъ бѣжалъ, бросивъ щитъ, платилось только три гульдена. Карлъ оставилъ въ прежней силѣ и древнее постановленіе, по которому свободный человѣкъ, какъ бы ни было сильно взводимое на него обвиненіе, не могъ быть представленъ къ графу связаннымъ; но хотя въ его время общественныя отношенія совершенно измѣнились, онъ возобновилъ другой старый законъ, по которому человѣкъ римскаго происхожденія, безъ законныхъ основаній заковавшій франка въ цѣпи, долженъ былъ заплатить тридцать гульденовъ, тогда какъ франкъ платилъ въ подобномъ случаѣ только половину.

Впрочемъ, не всѣ новыя узаконенія и постановленія, вышедшія подъ именемъ Карла, принадлежатъ ему самому, точно такъ же какъ и остготскіе законы, изданные Теодорихомъ Великимъ съ помощью Кассіодора (стр. 239 и слѣд.), не всѣ принадлежатъ этому государю. Должно однако признаться, что большую часть этихъ случайныхъ и частныхъ постановленій, издаваемыхъ народными сеймами, нельзя ставить въ вину самому Карлу, тогда какъ всѣ узаконенія, имѣющія болѣе общій характеръ, не могутъ быть приписаны никому, кромѣ его. Карлъ обнималъ своимъ умомъ все и обращалъ вниманіе на то, что было необходимо и важно въ извѣстныхъ случаяхъ. Но когда дѣло шло о благѣ государства, онъ не дѣлалъ различія между врагами и друзьями, какъ это можно видѣть изъ писемъ Алькуина, человѣка, бывшаго Карлу отцомъ, совѣтникомъ и другомъ, въ которыхъ онъ едва осмѣливается просить у Карла за осужденныхъ преступниковъ. Всеобъемлющій умъ Карла и его здравый практическій взглядъ на вещи обнаруживаются особенно въ узаконеніяхъ послѣднихъ годовъ его жизни, какъ, напримѣръ, въ учрежденіи должности королевскихъ коммисаровъ и постановленіяхъ, имѣвшихъ цѣлью напоминать уже успѣвшему развратиться монашеству его древній образъ жизни и вообще удерживать въ границахъ духовенство, имѣвшее огромное политическое значеніе для Карла и часто употребляемое имъ для достиженія его цѣлей. Въ одномъ изъ послѣднихъ капитуляріевъ Карлъ приказалъ коммисарамъ предложить епископамъ слѣдующій вопросъ: «Состоитъ ли отреченіе отъ міра исключительно въ томъ, чтобы не носить оружія и не вступать въ брань? Отрекся ли отъ міра тотъ, кто только и думаетъ день и ночь объ увеличеніи своего богатство и для достиженія этой цѣли угрожаетъ адомъ или обѣщаетъ царство небесное, заставляя такимъ образомъ простодушныхъ бѣдняковъ и богачей отда-

вать себѣ свое законное наслѣдство, а потомъ пускаться на воровство и разбои? Отрекся ли отъ міра тотъ, кто изъ корыстолюбія прибѣгаетъ къ подкупу, чтобы заставить другихъ быть клятвопреступниками и лжесвидѣтелями; кто, побуждаемый жадностью къ деньгамъ, для управленія свѣтскими дѣлами своего епископства, избираетъ человѣка несправедливаго, небогобоязненнаго, жестокаго и корыстолюбиваго? и т. д.»

Не смотря на всѣ узаконенія и постановленія, которыми Карлъ хотѣлъ водворить миръ и порядокъ въ своемъ государствѣ, онъ не могъ даже при своей жизни поддержать въ немъ спокойствіе: этому, впрочемъ, препятствовала и самая обширность имперіи и безпокойный характеръ ея сосѣдей. Карлъ не былъ вполнѣ безопасенъ даже отъ покушеній внутреннихъ враговъ. Кромѣ походовъ, предпринимаемыхъ его графами въ Венгрію, Богемію и Бранденбургъ, вниманіе Карла, особенно въ четвертое десятилѣтіе его царствованія, занимали саксы и норманны, жившіе въ Голштиніи, Шлезвигѣ и Ютландіи. Норманны, соединившіеся тогда подъ властью Готтфрида (стр. 367), еще при Виттекиндѣ, вступивъ въ союзъ съ саксами, угрожали сѣвернымъ границамъ государства, и въ соединеніи съ своими норвежскими и шведскими единоплеменниками ограбили сѣверныя приморскія области имперіи. Въ это самое время населявшіе Бретань бритты, недовольные строгимъ управленіемъ Карла, требовали себѣ національнаго правительства, которое и получили при слабыхъ преемникахъ Карла. Противъ норманнскихъ хищниковъ, опустошавшихъ берега Германіи и Франціи до самой Аквитаніи, Карлъ снарядилъ флотъ, а въ 803 г. рѣшился покончить и съ своими сильнѣйшими врагами, саксами, созвавъ поголовное ополченіе, въ ряды котораго долженъ былъ стать и Людовикъ Аквитанскій съ своими войсками. Но Людовикъ, еще не дойдя до Рейна (804 г.), получилъ приказаніе возвратиться, потому что война съ саксами уже окончилась. На этотъ разъ Карлъ снова прибѣгнулъ къ прежней политикѣ, съ тою только разницею, что, не ограничиваясь переселеніемъ отдѣльныхъ лицъ, какъ прежде, лишилъ цѣлые округа туземнаго населенія, переведя всѣхъ жителей на земли франковъ, поселивъ въ Лауэнбургѣ своихъ союзниковъ, оботритовъ, и основавъ франкскую колонію между Везеромъ и Эльбою. Такимъ образомъ сообщеніе между саксами было прервано, а колоніи, основанныя франками, подобно римскимъ колоніямъ въ Самніумѣ, вполнѣ обезпечивали спокойствіе страны. Благодаря этимъ мѣрамъ и распространенію христіанства, съ 804 года уже не слышно ничего болѣе о нападеніяхъ саксовъ. Если вѣрить нѣкоторымъ историкамъ, то въ 804 г. саксы сами просили мира и соглашались покориться на извѣстныхъ условіяхъ; но эти писатели были введены въ заблужденіе непониманіемъ фактовъ. Саксы, дѣйствительно, покорились тогда, и Карлъ предписалъ имъ весьма тягостныя условія. Они, подобно франкамъ, остались свободными отъ податей и сохранили право судиться своими выборными судьями, подъ предсѣдательствомъ королевскаго графа, но непремѣнно должны были принять христіанство и платить десятину церкви и ея служителямъ. Не говоря уже о десятинѣ, которая, вслѣдствіе непреодолимой ненависти германскихъ племенъ къ налогамъ всякаго рода, была для нихъ въ высшей степени обременительна, даже самое условіе принятія христіанства казалось имъ весьма тягостнымъ, такъ какъ не только за возвращеніе къ язычеству, но и за несоблюденіе сорокадневнаго поста и другихъ церковныхъ обрядовъ была положена смертная казнь.

Король Даніи, Готтфридъ, оставался всю жизнь врагомъ Карла. О могуществѣ Готтфрида можно судить по экспедиціямъ, которыя онъ началъ предпринимать съ 808 года. Въ этомъ году, собравъ многочисленное войско, онъ въ союзѣ съ вильцами напалъ на оботритовъ, союзниковъ Карла, и покорилъ часть ихъ, а въ 810 г. послалъ къ берегамъ Фрисландіи сильный флотъ, опустошившій эту страну. Карлъ уже двинулся съ войскомъ, чтобы отмстить за это нападеніе, какъ внезапная смерть Готтфрида и моровая язва, истребившая весь вьючный скотъ франкскаго войска, сдѣлали дальнѣйшія военныя дѣйствія ненужными и невозможными. Такимъ образомъ счастье снова освѣтило послѣдніе годы жизни франкскаго короля славою, которая не бываетъ никогда удѣломъ одного ума и энергіи. Съ этихъ поръ до конца жизни счастье не измѣняло Карлу и увѣнчало его такимъ вѣнцомъ, который мудрый Солонъ признавалъ единственнымъ признакомъ достиженія цѣли земной жизни (т. I стр. 63). Норманны, между которыми

по смерти Готтфрида начались междоусобія, вмѣстѣ съ своими союзниками вильцами, не задолго передъ тѣмъ взявшими приступомъ построенные Карломъ окопы, должны были подчиниться требованіямъ франковъ и оботритовъ. Саксы навсегда остались покорными, и франки удержали всѣ прочія завоеванія Карла. Около этого же времени халифъ Гарунъ-аль-Рашидъ прислалъ къ франкскому королю новое посольство съ подарками, которые служили лучшимъ доказательствомъ тогдашняго промышленнаго и техническаго превосходства Востока надъ Западомъ. Наконецъ, давъ ему слабаго наслѣдника, судьба контрастомъ его ничтожества еще болѣе увеличила блескъ энергическаго правленія Карла. Изъ всѣхъ враговъ императора только одни греки могли, благодаря превосходству своего флота, заключить съ франками почетный для себя миръ. Въ 803 г. Карлъ уступилъ имъ Калабрію, Неаполь и приморскіе венеціанскіе и далматскіе города, а въ 810 г., послѣ новой войны съ ними, подтвердилъ тѣ же самыя условія.

Еще въ 806 г. Карлъ раздѣлилъ государство между тремя сыновьями, Карломъ, Пипиномъ и Людовикомъ. Но онъ былъ такъ же несчастливъ въ своемъ семействѣ, какъ и Августъ. Еще при жизни Карла два старшіе сына умерли, и въ живыхъ остался только младшій, Людовикъ, и сынъ Пипина, Бернгардъ. Въ 813 году Карлъ передалъ императорскій титулъ Людовику, какъ единственному законному наслѣднику своей власти, назначивъ Бернгарду Италію съ титуломъ короля, подъ верховною властью Людовика. Карлъ скончался въ январѣ 813 г., семидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и на сорокъ шестомъ году царствованія.

2. Людовикъ Благочестивый и его сыновья до верденскаго договора.

Людовикъ I, прозванный за строгое исполненіе церковныхъ обрядовъ Благочестивымъ, съ перваго же раза выказалъ больше добродушія и справедливости, чѣмъ предусмотрительности и опытности. Смягчивъ строгую военную дисциплину, введенную его отцомъ и необходимую для грубой и воинственной націи, онъ самъ предался исключительно удовольствіямъ охоты, занятіямъ церковными правилами и обрядами и изученію богословія. Строгія постановленія Карла относительно военной службы и злоупотребленія нѣкоторыхъ графовъ, епископовъ и аббатовъ отняли у многихъ простолюдиновъ свободу и состояніе. Поэтому Людовикъ приказалъ коммисарамъ изслѣдовать эти злоупотребленія и, не обращая ни на кого вниманія, возстановить все въ прежнемъ порядкѣ. Въ этомъ случаѣ Людовикъ выказалъ слишкомъ много горячности; но еще строже и необдуманнѣе поступилъ онъ съ сестрами, которыя не задолго до смерти Карла, окруживъ себя многочисленнымъ дворомъ и великолѣпіемъ, страшно обременительнымъ для государства и вреднымъ для нравственности, вели самую безпорядочную жизнь съ своими любовниками. Тотчасъ по прибытіи въ Аахенъ Людовикъ удалилъ отъ двора всю лишнюю женскую прислугу и отослалъ сестеръ въ монастыри, назначенные для нихъ отцомъ, не отнимая, впрочемъ, у нихъ ничего, завѣщаннаго имъ Карломъ. Вредныя послѣдствія несамостоятельности императора, совершенно зависѣвшаго отъ своей свиты, выказались съ самаго начала. Канцлеръ Фредегисъ и аббадъ Бенедиктъ Аніанскій сдѣлались главными его руководителями. Фредегисъ былъ лучшимъ и любимѣйшимъ ученикомъ Алькуина, не смотря на то, что они часто не сходились въ мнѣніяхъ, и Фредегисъ возражалъ ему съ замѣчательною рѣзкостью и неуступчивостью; такъ, напр., въ одномъ письмѣ онъ хотѣлъ доказать Алькуину, что ничто есть понятіе и потому нѣчто дѣйствительно существующее. Бенедиктъ, монахъ, склонный къ созерцательной жизни и ставившій выше всего монашескую жизнь и добрыя дѣла, былъ тѣмъ болѣе любимъ такимъ человѣкомъ, какъ Людовикъ, который ненавидѣлъ людей съ практическимъ взглядомъ на вещи. Изъ этого можно видѣть, что Фредегисъ и Бенедиктъ были совершенно не на своемъ мѣстѣ при дворѣ императора.

Людовикъ, вслѣдствіе слабости своей натуры и злоупотребленій другихъ лицъ его добродушіемъ и благочестіемъ, сдѣлалъ много несправедливостей и промаховъ. Назначая Людовика своимъ преемникомъ, Карлъ поручилъ его заботливости побочныхъ сыновей: Дрогона, Гуго и Теодориха, и внука Бернгарда. Но

Людовикъ лишилъ первыхъ отцовскаго наслѣдства и, вызвавъ Бернгарда изъ Италіи по подозрѣнію, все время держалъ его при себѣ. Потомъ оттолкнулъ отъ себя двухъ лучшихъ людей своей фамиліи, Адельгарда (стр. 440) и его брата, Валу, лишивъ ихъ должностей и приказавъ имъ удалиться въ монастырь.

За то духовенство и монастыри сдѣлались главнымъ предметомъ заботъ Людовика и въ первые годы его царствованія болѣе всего обращали на себя его вниманіе. Монашество упрочилось на Западѣ не ранѣе первой половины шестаго столѣтія, когда итальянскій аббатъ, св. Бенедиктъ Нурсійскій, далъ ему опредѣленное устройство и уставъ. Бенедиктъ начерталъ для монастырей, находившихся подъ его началомъ, такъ называемыя правила или особыя предписанія относительно образа жизни монаховъ. Эти правила укоренили на Западѣ восточныя понятія о заслугахъ жизни, проводимой въ лишеніяхъ, покаяніи, воспитаніи дѣтей и занятіи полезными ремеслами. Правила Бенедикта мало-по-малу были приняты почти во всѣхъ западныхъ монастыряхъ. Но нельзя не сознаться, что у франковъ монашество никогда не принимало такого благороднаго направленія, какъ въ Англіи. Для этого достаточно сравнить образъ жизни ихъ духовенства съ подвигами англосаксскихъ монаховъ, ведшихъ суровую, трудовую жизнь и исполненныхъ ревностью къ наукѣ и обращенію язычниковъ (стр. 374). Вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ франкскіе монастыри должны были падать болѣе и болѣе, сдѣлавшись при Меровингахъ и Каролингахъ политическими темницами и мѣстами почетной ссылки. Для возстановленія порядка и монастырскаго устава, Бенедиктъ Аніанскій, другъ Людовика, начерталъ для монастырей новыя правила, въ дополненіе правилъ Бенедикта Нурсійскаго. Они отличались отъ прежнихъ преимущественно тѣмъ, что итальянскій аббатъ имѣлъ въ виду только истребленіе въ себѣ всѣхъ пожеланій, тогда какъ франкъ допускалъ умѣренное наслажденіе жизнью. Въ 817 г. императоръ приказалъ свѣтскимъ и духовнымъ сановникамъ разсмотрѣть эти правила на сеймѣ въ Аахенѣ и ввести ихъ въ государственные законы. Впослѣдствіи Людовикъ самъ нарушилъ возстановленный его друзьями монастырскій уставъ, дѣлая монастырямъ богатые подарки. Императоръ, съ дѣтства смѣшивавшій благочестіе съ суевѣріемъ, и въ этомъ отношеніи не отличался ничѣмъ особеннымъ, кромѣ механическаго исполненія обрядовъ и пзлишней щедрости къ монастырямъ и церквамъ Аквитанскаго королевства. Въ Аквитаніи Людовикъ между прочимъ уничтожилъ одно весьма важное постановленіе отца, по которому духовенство и монахи, хотя и были лично свободны отъ военной службы, но обязывались выставлять воиновъ изъ принадлежавшихъ имъ имѣній и вооружать и содержать ихъ на свой счетъ. Людовикъ освободилъ отъ этой обязанности всѣ аквитанскіе монастыри. На сеймѣ въ 817 г. онъ, уже какъ императоръ, освободилъ отъ этой повинности еще шестнадцать монастырей, а другіе пятьдесятъ четыре монастыря получили право не платить податей. Кромѣ того онъ понемногу раздарилъ духовенству множество королевскихъ имѣній, съ доходовъ которыхъ содержали себя тогдашніе короли, такъ какъ ихъ прочіе доходы и ежегодно получаемые ими, по старинному обычаю, подарки отъ дворянства, были весьма незначительны. При этомъ легкомысліе Людовика доходило до того, что онъ, какъ увидимъ потомъ, ежегодно дарилъ церквамъ и монастырямъ по десяти, а иногда по двадцати помѣстьевъ.

На этомъ же замѣчательномъ сеймѣ Людовикъ, не понимавшій своихъ обязанностей къ государству, только-что доставшемуся въ его руки, раздѣлилъ имперію между тремя еще несовершеннолѣтними сыновьями, и сдѣлался самъ виновникомъ всѣхъ несчастій, постигшихъ его впослѣдствіи. Старшій сынъ его, Лотарь I, получилъ императорскій титулъ и сдѣлался представителемъ и наслѣдникомъ власти отца; другой—Пипинъ, сталъ правителемъ Аквитаніи, а третій, Людовикъ I, прозванный впослѣдствіи Нѣмецкимъ, былъ назначенъ королемъ Баваріи. Эта преждевременная мѣра Людовика поставила въ самое затруднительное положеніе его племянника, Бернгарда, который, какъ законный наслѣдникъ отца, могъ искать императорскаго титула, разсчитывая на поддержку многихъ вельможъ. До 815 г. Людовикъ держалъ Бернгарда при себѣ, пока поведеніе папы Льва III не потребовало его присутствія въ Римѣ. Левъ постоянно ссорился съ римскою аристократіею, и такъ какъ посланники Карла не всегда могли его под-

держивать и этимъ навлекали на себя его гнѣвъ, то наконецъ никто не хотѣлъ болѣе быть въ Римѣ уполномоченнымъ императора. Въ 814 г. Левъ открылъ заговоръ римскихъ вельможъ и приказалъ казнить всѣхъ участниковъ; Людовикъ оскорбился этимъ, потому что папа могъ назначать такое наказаніе только съ его разрѣшенія, такъ какъ предавать смертной казни имѣлъ право только одинъ императоръ, а притомъ Людовикъ думалъ, что духовное лицо должно подавать собою примѣръ милосердія. Бернгардъ былъ посланъ въ Римъ изслѣдовать это дѣло, и Левъ принужденъ былъ послать къ императору уполномоченныхъ для своего оправданія. Скоро въ Римѣ вспыхнулъ новый бунтъ, и папа былъ спасенъ только поспѣшнымъ появленіемъ Бернгарда. Чрезъ шесть мѣсяцевъ Левъ умеръ (816), а его преемникъ, Стефанъ IV, вступилъ въ самыя дружескія связи съ Людовикомъ и ѣздилъ во Францію для вторичнаго коронованія Людовика, который, по приказанію умирающаго отца, самъ совершилъ надъ собою этотъ обрядъ.

Раздѣлъ государства между сыновьями Людовика былъ въ высшей степени обиденъ для юнаго короля Италіи, Бернгарда. Онъ рѣшился оружіемъ возвратить себѣ наслѣдство; но намѣренія его были сообщены императору графомъ Брешіи и епископомъ веронскимъ. Людовикъ направилъ противъ племянника всѣ силы имперіи. Нѣсколько знатныхъ людей, подосланныхъ императрицею Ирменгардою, уговорили Бернгарда лично просить прощенія у императора, обѣщая ему совершенную безопасность. Бернгардъ послушался ихъ и на колѣняхъ просилъ у императора помилованія; но враги его постарались раздражить Людовика (что весьма легко сдѣлать со всякимъ слабымъ человѣкомъ), и императоръ отдалъ своего племянника на судъ вельможъ. Они приговорили къ смерти Бернгарда и его единомышленниковъ, изъ которыхъ многіе принадлежали къ свитѣ самого Людовика. Не смотря на то, что императоръ противился исполненію этого приговора, Бернгардъ поплатился жизнью за свое легкомысліе. Можетъ быть даже, безъ вѣдома императора, по приказанію Ирменгарды или одного изъ должностныхъ лицъ, Бернгардъ былъ ослѣпленъ и вскорѣ умеръ отъ послѣдствій этой операціи. По другимъ источникамъ, Бернгардъ, когда хотѣли его ослѣпить, выхватилъ мечъ и былъ убитъ послѣ отчаянной защиты. Его приверженцы были ослѣплены и заключены въ монастыри или наконецъ сосланы въ отдаленныя провинціи, а имущества ихъ конфискованы. При этомъ случаѣ подозрѣнія Людовика пали и на трехъ побочныхъ сыновей Карла Великаго, незадолго предъ этимъ призванныхъ ко двору; ихъ снова заключили въ монастырь. Людовикъ раскаялся въ своей несправедливости, когда узналъ это дѣло въ его истинномъ свѣтѣ. Конечно, подобнымъ самоуниженіемъ онъ представилъ новое доказательство своего благочестія, но съ другой стороны обнаружилъ всю свою слабость. На сеймѣ въ 822 г. онъ торжественно признался въ своей ошибкѣ и наложилъ на себя церковное покаяніе. Такъ какъ раскаяніе это обнаружилось уже по смерти Ирменгарды и спустя четыре мѣсяца послѣ новаго брака императора (819 г.), и притомъ всѣ очень хорошо понимали, что оно было скорѣе слѣдствіемъ его слабости, чѣмъ доброты, то это излишнее и безполезное самоуниженіе императора только причинило ему тройной вредъ. Съ этихъ поръ Людовикъ сталъ осыпать милостями своихъ незаконныхъ братьевъ; двое изъ нихъ, Дрогонъ, епископъ мецскій, и Гуго, аббатъ нѣсколькихъ богатыхъ монастырей, играли важную роль при его дворѣ. Еще прежде, въ 821 г., Людовикъ возвратилъ приверженцамъ Бернгарда свободу и имущества. Оба родственника императора, Вала и Адельгардъ, были снова вызваны ко двору, а изъ нихъ послѣдній былъ другомъ Карла и воспитателемъ Пиппина, по смерти котораго принялъ горячее участіе въ судьбѣ Бернгарда. Желаніе поправить свою ошибку внушило Людовику многія неосторожныя мѣры. Вала, приставленный къ юному Лотарю, назначенному между тѣмъ королемъ Италіи, внушилъ своему питомцу такое же дурное мнѣніе объ отцѣ, какое имѣлъ о немъ самъ. Вліяніе Валы было такъ же вредно, какъ и вліяніе графа Гуго турскаго, незадолго предъ тѣмъ выдавшаго свою дочь за Лотаря.

По смерти Ирменгарды Людовикъ думалъ поступить въ монастырь, но болѣе честолюбивые изъ его свиты помѣшали его намѣренію и заставили императора жениться во второй разъ. Изъ этого можно видѣть, какъ съ лѣтами исчезалъ у Людовика здравый смыслъ и какіе люди управляли имъ. Новая императрица, дочь баварскаго графа Вельфа, Юдиѳь, родившая въ 823 году сына, который подъ

именемъ Карла Лысаго игралъ впослѣдствіи такую жалкую роль въ исторіи, не умѣла привязать къ себѣ своихъ подданныхъ и навлекла на себя всеобщую ненависть, вступивъ въ связи съ герцогомъ Септиманіи, Бернгардомъ, потомкомъ Гильдебранда, брата Карла Мартелла, и устранивъ съ помощью его людей, до тѣхъ поръ управлявшихъ императоромъ. Она руководилась при этомъ желаніемъ доставить сыну извѣстную часть уже раздѣленнаго государства; герцогъ, съ своей стороны, хотѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ при дворѣ и имѣть преобладающее вліяніе на всѣ государственныя дѣла. Въ то время какъ при дворѣ занимались интригами, положеніе дѣлъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ пунктахъ государства требовало особеннаго вниманія правительства. Въ Шлезвигѣ и Ютландіи по смерти Готтфрида вспыхнули безпокойства и начались гоненія на христіанъ (стр. 368); въ Бретани одинъ изъ вельможъ былъ провозглашенъ королемъ и только походъ, предпринятый противъ него самимъ Людовикомъ, принудилъ его къ покорности. Въ Каринтіи, Карніоліи и Кроаціи воинственный славянскій князь, Лютвитъ, воевалъ съ франками въ продолженіе трехъ лѣтъ, пока, наконецъ, въ 822 г., оттѣсненный ими въ Далмацію, не былъ убитъ тамъ. Наконецъ, въ 826 г., возмутился испанскій вассалъ Людовика, вестготъ Айзонъ, и, поддерживаемый мухаммеданскими войсками, вторгнулся въ Септиманію. Императоръ послалъ противъ него войска, но франкскіе полководцы, графы Гуго и Матфридъ, находились въ враждѣ съ герцогомъ Септиманіи. Не смотря на то, что при арміи находился молодой король Аквитаніи, Пипинъ, они такъ медлили походомъ, что помощь подоспѣла къ септиманцамъ слишкомъ поздно. Нѣкѣмъ не безпокоимые, мухаммедане опустошили почти всю страну и, узнавъ о приближеніи франкскихъ войскъ, воротились въ Испанію, обремененные добычею. Матфридъ и Гуго были обвинены имперскимъ сеймомъ въ нерадѣніи къ своимъ обязанностямъ и приговорены къ лишенію леновъ (828 г.).

Между тѣмъ Юдиѳь неутомимо трудилась надъ осуществленіемъ своей цѣли, пока наконецъ императоръ Лотарь согласился дать своему сводному брату королевскій титулъ и часть областей имперіи. Но когда пришлось исполнять это обѣщаніе, молодой императоръ одумался и началъ склоняться на сторону противниковъ мачихи, Гуго и Матфрида. Тогда Юдиѳь заставила своего слабаго супруга противопоставить нежеланію Лотаря и его братьевъ вліяніе ея друга, Бернгарда, герцога Септиманіи. Бернгардъ былъ назначенъ государственнымъ казначеемъ, но употребилъ все свое вліяніе въ свою пользу (829 г.), злоупотребляя властью, неограниченность которой еще больше раздражала нѣкоторыхъ. Къ междоусобной войнѣ недоставало только повода; но и онъ былъ данъ Пипиномъ, находившимся подъ вліяніемъ противниковъ Бернгарда и считавшимся главнокомандующимъ въ томъ походѣ, гдѣ обезчестили себя Гуго и Матфридъ. Съ своими аквитанскими войсками Пипинъ неожиданно напалъ на Людовика, принудилъ Бернгарда бѣжать въ Септиманію и захватилъ въ плѣнъ отца и мачиху. Императоръ былъ подвергнутъ заключенію, Юдиѳь же, вслѣдствіе жестокаго обращенія и угрозъ, принуждена была уговорить мужа вступить въ монашество и потомъ сама заперта въ монастырь. Когда дѣло было уже кончено, явился изъ Италіи и Лотарь, и приверженцевъ Бернгарда постигла страшная месть. Эти жестокости и дальнѣйшій образъ дѣйствій сыновей Людовика будутъ намъ понятны, если мы вспомнимъ, что именемъ Пипина дѣйствовалъ Матфридъ и что старый Вала и бывшій вліятельный канцлеръ, аббатъ Элисахаръ, соединявшій репутацію святости съ обладаніемъ множествомъ монастырей и предводительствомъ надъ войскомъ, умѣли придать поведенію сыновей императора наружный видъ справедливости.

Лотарь и Пипинъ съ своими итальянцами, аквитанцами и нейстрійцами уже торжествовали, какъ вдругъ явился съ своими нѣмцами, у которыхъ было болѣе чувства справедливости и долга, третій сынъ императора, Людовикъ. Нѣмцы и монахи, которые должны были уговаривать Людовика вступить въ монашество, скоро увидѣли, что и послѣ переворота положеніе дѣлъ не улучшилось и что управленіе Лотаря было гораздо тягостнѣе управленія его отца. Поэтому они постарались придать дѣлу другой оборотъ. Одинъ изъ монаховъ, Гунтбальдъ, вступилъ въ тайные переговоры съ Пипиномъ и Людовикомъ Нѣмецкимъ и убѣдилъ ихъ принять сторону отца. Съ другой стороны, и голосъ духовенства сталъ склоняться въ пользу стараго императора, потому что въ правленіе Лотаря ду-

ховные успѣли убѣдиться, что уже прошло то время, когда они съ такою легкостью пріобрѣтали королевскія имѣнія. По требованію друзей Людовика, дѣло его было представлено на разсмотрѣніе сейма, собраннаго въ октябрѣ въ городѣ Нимвегенѣ. Назначая сеймъ въ такое время года и въ такомъ отдаленномъ городѣ, приверженцы Людовика разсчитывали, что при тогдашнемъ состояніи путей сообщенія на сеймѣ будетъ очень немного итальянцевъ и аквитанцевъ. И дѣйствительно, на этомъ сеймѣ императоръ Людовикъ съ самаго начала пріобрѣлъ столько вліянія, что могъ отстранить Валу и прежняго архикапеллана, Гильдуина, который, какъ аббатъ трехъ важнѣйшихъ монастырей Франціи, былъ очень могущественъ и только изъ зависти сдѣлался главнымъ виновникомъ распри; Людовикъ одержалъ надъ ними перевѣсъ, не смотря на то, что Гильдуинъ имѣлъ безстыдство явиться на сеймъ съ вооруженною свитою. Сеймъ единогласно рѣшилъ возвратить императору прежнюю власть и отдать ему жену, которая должна была очистить себя клятвою отъ взведенныхъ на нее обвиненій, а заговорщики, какъ измѣнники отечеству, были осуждены на смерть. Но слабый Людовикъ и тогда принялъ только нерѣшительныя полумѣры, и потомъ самъ снова поставилъ себя въ прежнее безвыходное положеніе. Слишкомъ милостивый къ однимъ и слишкомъ строгій къ другимъ, онъ не возбуждалъ ни въ комъ ни благодарности, ни страха. Вскорѣ интриги при дворѣ еще усилились; Лотарь былъ лишенъ званія соправителя императора и долженъ былъ ограничиться одною Италіею; но его друзья снова появились при дворѣ. Пиппинъ и Людовикъ Нѣмецкій вскорѣ увидѣли, что были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ монахами. Гунтбальдъ, начавшій все дѣло, не пріобрѣлъ желаемаго вліянія; свиту императора образовали люди, интересы которыхъ взаимно противорѣчили, и изъ которыхъ каждый, имѣя свои взгляды и намѣренія, заботился только о себѣ, пользуясь своимъ кратковременнымъ вліяніемъ на Людовика. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ на трехъ сеймахъ, собиравшихся въ одномъ и томъ же году (831), были изданы многія постановленія, противорѣчившія одно другому, и что самъ Бернгардъ могъ возвратиться ко двору. Но онъ уже не могъ возвратить себѣ прежняго вліянія, въ особенности, когда разошелся, повидимому, съ Юдиѳью. Поэтому онъ соединился съ недовольнымъ Пипиномъ, быть можетъ, потому именно, что Гунтбальдъ, пріобрѣвшій вліяніе при дворѣ, не хотѣлъ подѣлиться съ нимъ властью. Вскорѣ всѣ три сына снова вступили въ открытую вражду съ отцомъ. Ліонскій епископъ, Агобардъ, поддерживалъ ихъ во враждебныхъ замыслахъ противъ Людовика. Этотъ пылкій и властолюбивый епископъ,—заслуживающій, впрочемъ, уваженіе за постоянную и тщетную борьбу противъ безплодной религіозной схоластики и введенія у франковъ божественнаго суда,—завелъ наконецъ съ Фредегисомъ горячій споръ о разныхъ безплодныхъ философскихъ вопросахъ. На императора онъ былъ раздраженъ за то, что его ученый противникъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ. Агобардъ обнародовалъ противъ императрицы посланіе, въ которой, основываясь только на слухахъ и злоупотребляя св. писаніемъ, обвинялъ ее въ ужасныхъ преступленіяхъ, оправдывалъ поведеніе принцевъ относительно отца, и, цитируя нѣкоторыя мѣста изъ библіи, открыто поощрялъ ихъ къ возмущенію. Во что же должна была обратиться религія, которою такъ злоупотребляли!

Наконецъ императоръ приказалъ схватить Пипина (832 г.) и значительно ограничилъ вліяніе Людовика Нѣмецкаго. Пипинъ бѣжалъ, а Юдиѳь была такъ неосторожна, что тогда же заставила императора, который отнялъ герцогство у Бернгарда, отнять Аквитанское королевство и у Пипина и присоединить его къ землямъ, назначеннымъ въ удѣлъ Карлу Лысому. Тогда противъ отца возстали всѣ три сына (833 г.), и, склонивъ на свою сторону Агобарда съ его приверженцами и даже папу Григорія IV, соединились въ Эльзасѣ, куда съ превосходными силами двинулся императоръ. Недостойные поступки сыновей и неловкое вмѣшательство папы возбудили такое неудовольствіе, что епископы, находившіеся въ лагерѣ стараго императора, думали даже низложить папу. Григорій, явившійся изъ Италіи вмѣстѣ съ Лотаремъ, предложилъ свое посредничество. Но въ то время какъ императоръ терялъ время въ безплодныхъ переговорахъ, Вала и архіепископъ реймскій, Эббонъ, до тѣхъ поръ остававшійся вѣрнымъ императору, подъ разными благовидными предлогами отвратили отъ него духовенство и многихъ свѣтскихъ вельможъ, такъ что слабый Людовикъ преждевременно отчаялся

въ своемъ дѣлѣ и самъ предалъ себя въ руки сыновей. По ихъ приказанію, императрица была отправлена въ Тортону, сынъ ея былъ заключенъ въ монастырь Прюмъ, а самъ императоръ въ одинъ монастырь въ Суассонѣ. Во время заключенія, императора постоянно увѣщевали вступить въ монашество; но отъ этого удержала Людовика его любовь къ Юдиѳи и нѣжная заботливость о малолѣтнемъ сынѣ. При помощи духовенства и ложнаго толкованія христіанскаго смиренія Лотарь наконецъ принудилъ его торжественно сложить съ себя въ церкви оружіе и всенародно прочесть признаніе въ своихъ ошибкахъ, въ которомъ искусно была перемѣшана истина съ ложью, и обречь себя на постоянное покаяніе. Послѣ того Лотарь отвезъ Людовика въ Аахенъ и стерегъ его тамъ съ особенною заботливостью.

Къ счастью Людовика, единодушіе между его дѣтьми разстроилось, какъ скоро дѣло коснулось раздѣла государства; а наконецъ и голосъ совѣсти заговорилъ въ народѣ. Наблюденіе за исполненіемъ эпитеміи, наложенной на себя его отцомъ, Лотарь возложилъ на людей, которые своими рѣчами обманули Агобарда и Валу. Вскорѣ они почувствовали состраданіе къ несчастному императору; во всѣхъ частяхъ государства начались опасныя волненія. Изъ сыновей императора одинъ только Людовикъ Нѣмецкій понялъ, какъ безчестно было поступлено съ его отцемъ, какъ скоро его дяди, Дрогонъ и Гуго, дѣятельно хлопотавшіе объ освобожденіи императора, перемѣнили его прежній образъ мыслей. Людовикъ просилъ за отца у Лотаря, и когда его просьбы остались безуспѣшными, послалъ къ императору посольство, котораго Лотарь не могъ не принять (834 г.). Послы могли говорить съ императоромъ только въ присутствіи друзей Лотаря, но все-таки успѣли дать ему понять, что онъ можетъ надѣяться на помощь. Вскорѣ и съ другихъ сторонъ стали требовать освобожденія Людовика. Людовикъ Нѣмецкій вооружился для освобожденія отца, и даже Пиппинъ, изъ зависти къ Лотарю, собралъ войско и перешелъ съ нимъ чрезъ Луару. Все государство громко выражало свое неудовольствіе, а Бернгардъ, герцогъ Септиманіи, у котораго Людовикъ за два года передъ тѣмъ отнялъ герцогство, привлекъ на его сторону другихъ бургундскихъ вельможъ. Лотарь испугался и, освободивъ отца, поспѣшилъ уѣхать въ Вѣнну, поближе къ Италіи, которую онъ хотѣлъ удержать за собою, въ случаѣ самаго неблагополучнаго исхода войны. Впослѣдствіи, когда его приверженцы, подъ предводительствомъ графовъ Матфрида и Лантберта, одержали нѣсколько побѣдъ надъ противниками, онъ снова возвратился на сѣверъ; но враги его такъ быстро соединились, что онъ не посмѣлъ сразиться съ ними. Онъ поспѣшилъ просить прощенія у отца, былъ прощенъ имъ, но лишился всѣхъ владѣній внѣ Италіи. Его приверженцы, въ томъ числѣ старый Вала, бѣжали въ Италію. Счастливѣе всѣхъ друзей Лотаря былъ совѣтникъ его, Агобардъ, который черезъ два года снова занялъ свою епископскую каѳедру, тогда какъ реймскій архіепископъ Эббонъ, пойманный врагами, до самой смерти Людовика томился въ заключеніи и впослѣдствіи испыталъ еще большія несчастія. Судьба его служитъ новымъ доказательствомъ, что только полное совершенство и въ добрѣ и въ злодѣйствѣ можетъ привести къ желаемой цѣли. Такъ какъ въ то время народъ имѣлъ болѣе значенія, чѣмъ теперь, то возстановленіе Людовика было довершено церковною церемоніею, и императоръ облекся въ свое достоинство еще съ большею торжественностью, чѣмъ когда терялъ его, совершая всенародное покаяніе. Какъ только Лотарь бѣжалъ въ Вѣнну, нѣсколько епископовъ торжественно возложили въ церкви Сенъ-Дени на низложеннаго императора его оружіе и королевскія украшенія, а черезъ годъ (835 г.) въ Мецѣ знатнѣйшія духовныя лица, придя съ нимъ въ церковь, объявили поступки его враговъ беззаконными и, при радостныхъ кликахъ, возложили на его голову императорскую корону. Сравнивая это торжество съ прежнимъ короноваціемъ Людовика, мы убѣдимся, что при возстановленіи титула римскаго императора никто не имѣлъ въ виду какой-нибудь опредѣленной цѣли, и что при тогдашнихъ формахъ администраціи и суда нельзя было и думать о какой-нибудь системѣ въ управленіи, хотя въ наше время ученые стараются найти и то и другое въ историческихъ событіяхъ той эпохи. Карлъ Великій просилъ папу короновать королемъ Аквитаніи Людовика, но, провозгласивъ его императоромъ и своимъ преемникомъ, онъ приказалъ ему самому возложить на себя корону. Чрезъ два года по смерти Карла,

папа Стефанъ IV случайно пріѣхалъ во Францію, Людовикъ, уже коронованный, снова приказалъ короновать себя. Когда онъ былъ принужденъ сложить корону, никто и не подумалъ о папѣ, а вслѣдствіи, получивъ ее обратно, Людовикъ и не спрашивался папы.

Разсматривая событія предшествовавшихъ годовъ правленія Людовика, мы не можемъ не изумляться, что такой благочестивый, образованный и ученый правитель, какъ Людовикъ, могъ быть такъ неискусенъ и неспособенъ, и что въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ могли уцѣлѣть имперія и учрежденія, только что начинавшія развиваться. Для пониманія перваго изъ этихъ явленій мы должны уяснить себѣ отношенія характера Людовика къ требованіямъ тогдашней эпохи. Людовикъ жилъ въ такую эпоху, продолжавшуюся долгое время и послѣ него, когда всѣ государственныя дѣла должны были зависѣть исключительно отъ особы правителя; онъ же былъ совершенно лишенъ энергіи и самостоятельности. Кромѣ того, ему внушили ошибочныя понятія объ обязанности правителя, слѣдуя которымъ онъ могъ ограничиваться одними наставленіями и приказаніями, предоставляя исполненіе ихъ своимъ слугамъ. Охота, молитва и ученыя занятія поглощали все его время, тогда какъ онъ долженъ бы былъ прежде всего объѣзжать имперію, чтобы лично повѣрять дѣйствія должностныхъ лицъ, которыя такъ легко дѣлались тогда господами и тиранами. Цѣлые мѣсяцы проходили въ забавахъ, охотѣ и употребительныхъ въ то время благочестивыхъ упражненіяхъ. Людовикъ понималъ по-гречески и по-латини, но читалъ исключительно ученыя сочиненія и, судя обо всѣхъ произведеніяхъ только съ научной точки зрѣнія, ненавидѣлъ языческую поэзію, съ которою познакомился еще въ молодыхъ лѣтахъ, но за то онъ съ большимъ удовольствіемъ занимался чтеніемъ псалмовъ и другихъ священныхъ книгъ. Привыкнувъ обдумывать всякое дѣло въ его подробностяхъ, Людовикъ не предпринималъ ничего необдуманно, но обыкновенно терялъ при этомъ изъ виду главное и подчинялся вліянію придворныхъ. Что же касается имперіи, то, разсматривая правленіе Карла Великаго, мы часто изумляемся энергическому пробужденію и чрезвычайно быстрому развитію юнаго и сильнаго ума націи, не смотря на почти постоянныя войны съ сосѣдями. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Карла все измѣнилось; прежнее варварство опять сдѣлалось господствующимъ, и лучшіе монастыри снова достались грубымъ аббатамъ, способнымъ только къ войнѣ. Для того, чтобы сохранить хотя тѣнь прежней церковной дисциплины, духовенство само должно было прибѣгать къ помощи свѣтской власти. Училища, основанныя Карломъ, совершенно опустѣли. Въ какой упадокъ пришли по смерти Карла всѣ его учрежденія, можно видѣть изъ словъ одного современника, аббата Лупа Феррьерскаго, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что при Карлѣ занятія наукой доставляли почетъ, а въ то время на ученыхъ смотрѣли какъ на лишнихъ людей въ обществѣ, и каждый замѣченный между ними порокъ приписывали не человѣческой слабости, а наукѣ. Конечно, подобный взглядъ имѣлъ тогда нѣкоторыя основанія, потому что съ ученостью неразрывно былъ связанъ педантизмъ. Ученые были злѣйшими врагами Людовика и основывали свои притязанія на учености, которая не только не приносила никакой пользы дѣйствительной жизни и сердцу, но, какъ это обнаружилось на самомъ императорѣ, только лишала ихъ того довѣрія, которое питаетъ варваръ къ своимъ собственнымъ силамъ. Въ такомъ же положеніи находились администрація и дипломатическія сношенія имперіи. Каждый графъ желалъ быть неограниченнымъ властелиномъ своего округа. Бретань возмущалась нѣсколько разъ и наконецъ почти совершенно отдѣлилась отъ имперіи; аквитанцы настоятельно требовали себѣ отдѣльнаго государя, а норманны, къ которымъ присоединились всѣ разбойничьи шайки въ государствѣ, грабили не только приморскія, но и внутреннія области. Итальянскіе берега страдали отъ набѣговъ африканскихъ, сицилійскихъ и испанскихъ мухаммеданъ, а когда въ Беневентѣ вспыхнула междоусобная война, мухаммеданскіе корсары были даже призваны туда въ качествѣ союзниковъ. Все это было слѣдствіемъ слабости Людовика и раздоровъ, которыми только и ознаменовалось его правленіе.

Впрочемъ, несчастье не образумило Людовика, и Юдиѳь, еще до усмиренія Лотаря покинувшая свое заключеніе въ Тортонѣ, снова пріобрѣла прежнее вліяніе на императора. Она, быть можетъ, и не употребляла его во зло, но ея слѣпая

материнская любовь была причиною новыхъ смутъ въ государствѣ. Черезъ годъ по возвращеніи изъ Италіи, Юдифь уже стала добиваться увеличенія владѣній Карла, и, составивъ планъ новаго раздѣла имперіи, оскорбила этимъ Пипина и Людовика, цѣлость владѣній которыхъ подвергалась опасности, вслѣдствіе безпрерывныхъ разсужденій о новомъ раздѣлѣ. Такъ какъ Лотаря нельзя было отстранить отъ участія въ этомъ дѣлѣ, то союзъ съ нимъ казался Юдиѳи самымъ выгоднымъ для безопасности Карла. Лотарь дѣйствительно согласился на предложенія императора и поручилъ вести переговоры старому Валѣ, который и при концѣ жизни еще разъ хотѣлъ сдѣлать что-нибудь хорошее. Вала заключилъ договоръ, но исполненіе его было на время отложено, отчасти вслѣдствіе внезапной смерти Валы, хлопотавшаго объ этомъ, и болѣзни самого Лотаря, а отчасти потому, что возмущеніе бретонцевъ и моровая язва, появившаяся въ Италіи, помѣшали императору посѣтить Лотаря. Вскорѣ Лотарь, забывъ свое обѣщаніе, явился на свиданіе съ братомъ, Людовикомъ, гдѣ, вѣроятно, было говорено никакъ не въ пользу прежняго договора. Какъ бы то ни было, дѣло приняло неблагопріятный оборотъ для Людовика Нѣмецкаго, слишкомъ рано обнаружившаго свои намѣренія. Моровая язва похитила у Людовика Матфрида, Гуго, Лантберта и другихъ приверженцевъ, которые умѣли возстановить Лотаря противъ его отца; старый императоръ зимою, 838 года, выступилъ противъ него съ войскомъ, и въ то же самое время умеръ третій братъ, Пипинъ Аквитанскій. Оставленный всѣми подчиненными ему народами, кромѣ баваровъ, Людовикъ принужденъ былъ просить помилованія. Тогда Юдиѳь возобновила переговоры съ Лотаремъ и потребовала у молодаго императора согласія на новый раздѣлъ, который былъ еще несправедливѣе и обиднѣе прежняго. Лотарь согласился на требованія Юдиѳи, и, явившись на сеймъ въ Вормсъ, согласился съ отцомъ лишить сыновей Пипина владѣній ихъ отца и оставить Людовику Нѣмецкому одну Баварію, раздѣливъ остальныя земли между имъ и Карломъ.

Это распоряженіе повлекло за собою возстаніе аквитанцевъ, самыхъ безпокойныхъ подданныхъ имперіи, и одна партія изъ туземной аристократіи провозгласила королемъ старшаго сына Пипина, носившаго имя отца. Императоръ двинулся въ Аквитанію; но вдругъ получилъ извѣстіе, что Людовикъ Нѣмецкій вторгнулся въ Тюрингію и рѣшился съ помощью баваровъ защищать свои права. Императоръ съ главными силами обратился противъ сына и, перейдя черезъ Рейнъ, поспѣшно двинулся въ Гессенъ, чтобы напасть на него съ тыла; но Людовикъ выпутался изъ этого затруднительнаго положенія, купивъ у богемскихъ славянъ (чеховъ) позволеніе пройти чрезъ ихъ землю. Такъ какъ къ этому времени созванъ былъ въ Вормсѣ сеймъ, то императоръ, не преслѣдуя далѣе сына, вернулся назадъ. Пробывъ нѣсколько дней во Франкфуртѣ на Майнѣ, императоръ заболѣлъ, и велѣлъ перевезти себя на лодкѣ на одинъ изъ острововъ Рейна, близъ Ингельгейма. Здѣсь, 20 іюня 840 г., Людовикъ Благочестивый скончался въ своей палаткѣ на рукахъ набожнаго Дрогона, который, какъ братъ, другъ и епископъ, усладилъ послѣднія минуты этого добродушнаго человѣка; своимъ постояннымъ присутствіемъ, неутомимыми заботами и молитвами онъ утѣшилъ Людовика, скорбѣвшаго объ отсутствіи дѣтей. По просьбѣ Дрогона, императоръ простилъ сыновей, но и въ послѣднія минуты придумывалъ средства, чтобы заставить Лотаря исполнить его обѣщаніе, и поручилъ Карла его заботамъ. Умирая, онъ приказывалъ убѣдительно просить объ этомъ Лотаря и подъ этимъ условіемъ завѣщалъ ему свою корону, мечъ и императорскій скипетръ, украшенный золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Лотарь тотчасъ же доказалъ, какъ мало вниманія обращалъ онъ на волю покойнаго отца. Перейдя Альпы, онъ обратился сначала противъ Людовика Нѣмецкаго, расположившагося со своими баварами у Франкфурта; но вскорѣ, увидавъ, что для него будетъ невыгодно напасть на него на другомъ берегу Рейна, двинулся на Карла Лысаго, который былъ оставленъ отцомъ въ Аквитаніи, и лучшею защитою котораго было неудовольствіе франкской аристократіи противъ Лотаря. Найдя и этого противника гораздо сильнѣе, чѣмъ ожидалъ, Лотарь отступилъ и, проходя имперію по всѣмъ направленіямъ, страшно опустошалъ окрестности, но не могъ найти себѣ приверженцевъ, такъ что старый другъ Лотаря, Эббонъ, которому на сеймѣ въ Ингельгеймѣ онъ возвратилъ епископство

реймское, былъ принятъ въ своей эпархіи съ большимъ неудовольствіемъ и снова обвиненъ на сеймѣ въ Суассонѣ. Одинъ только Бернгардъ, герцогъ Септиманіи, вступилъ въ союзъ съ Лотаремъ; но и его Карлъ принудилъ къ покорности. Между тѣмъ Людовикъ старался привлечь къ себѣ нѣмцевъ, и Лотарь, для того чтобы не дать ему усилиться въ Германіи, въ то время, какъ онъ самъ воевалъ во Франціи, снова перешелъ черезъ Рейнъ, оставивъ часть войскъ на берегахъ Сены, чтобы не дать войскамъ Карла перейти чрезъ эту рѣку. Ни одна изъ его надеждъ не исполнилась, хотя въ Германіи онъ дѣйствовалъ такъ безсовѣстно, что заставилъ самыя дикія племена саксовъ поднять оружіе противъ своихъ болѣе образованныхъ соплеменниковъ и противъ Людовика. Карлъ разсѣялъ войска Лотаря, оставленныя на Сенѣ, и Лотарь долженъ былъ возвратиться за Рейнъ, чтобы помѣшать соединенію братьевъ, о чемъ, не смотря на затруднительность сообщеній и громадность разстояній, они уже переписывались другъ съ другомъ. Людовикъ пробился черезъ Рейнъ близъ Вормса и недалеко отъ Туля соединился съ Карломъ. Оба государя желали заключить миръ съ Лотаремъ, но онъ до тѣхъ поръ медлилъ начать переговоры, пока не подоспѣлъ къ нему на помощь Пипинъ со своими аквитанцами. Тогда онъ сбросилъ съ себя маску и въ іюнѣ 841 г., близъ Фонтенайля, въ разстояніи семи часовъ пути отъ Оксерра, далъ имъ сраженіе, рѣшившее судьбу франкскаго государства, но не окончившее междоусобныхъ распрей братьевъ. Въ этой битвѣ обѣ стороны сражались съ такимъ ожесточеніемъ и испытали такія огромныя потери, что ослабленные этою битвою франки были уже не въ состояніи защищать отъ варваровъ свои границы и имущества. Людовикъ и Карлъ одержали побѣду, но не могли извлечь изъ нея никакой пользы. Людовикъ долженъ былъ двинуться на нижній Рейнъ и противъ саксовъ, а Карлъ пустился преслѣдовать Пипина, который поспѣшно отступилъ въ Аквитанію. Такимъ образомъ Лотарь имѣлъ время завладѣть всею страною до самаго Парижа. Оставленный сакскимъ дворянствомъ, которое до тѣхъ поръ охотно за нимъ слѣдовало, Лотарь вооружилъ противъ него сословіе свободныхъ и полусвободныхъ (фрилинговъ и лассовъ, стр. 441), которые, подъ именемъ штеллинговъ (Stellinger), поднялись всею массою, стараясь силою возстановить старинныя, уничтоженныя Карломъ Великимъ, формы общественнаго устройства и быта; но Людовикъ вскорѣ жестоко отмстилъ имъ за эту попытку.

Во время этого похода Лотарь отдалъ на разграбленіе своимъ войскамъ имущества противниковъ и даже произведенія искусствъ, собранныя Карломъ въ Аахенѣ, не обращая вниманія на увеличеніе бѣдности и жалкое положеніе страны. Но подобными мѣрами онъ не пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ, и усилія Пипина и епископа майнцскаго, О т г а р а поддержать вліяніе Лотаря въ Аквитаніи и на Рейнѣ были тщетны. Послѣ многихъ искусныхъ стратегическихъ движеній Людовикъ и Карлъ, въ февралѣ 842 г., соединились близъ Страсбурга, и здѣсь въ виду всѣхъ войскъ поклялись другъ другу въ вѣрности, произнеся клятву каждый на языкѣ своего союзника. Эти клятвы чрезвычайно замѣчательны, какъ древнѣйшіе памятники нѣмецкаго и французскаго языковъ. Но относительно послѣдняго должно замѣтить, что языкъ его, называемый романскимъ, имѣетъ весьма мало сходства съ нынѣшнимъ французскимъ, но за то очень похожъ на нынѣшнія нарѣчія гасконцевъ, провансальцевъ и жителей Пуату. Изъ Страсбурга оба короля двинулись въ Вормсъ и отсюда еще разъ отправили къ брату посольство съ предложеніемъ мира, но Лотарь не согласился. Когда, наконецъ, народъ сталъ громко выражать свое неудовольствіе на нескончаемую войну, братья согласились устроить между собою съѣздъ, мѣстомъ котораго былъ назначенъ одинъ островъ на рѣкѣ Сонѣ, близъ города Макона (842 г.). Здѣсь они поклялись не прибѣгать къ оружію до тѣхъ поръ, пока сто двадцать коммисаровъ, избранныхъ поровну отъ каждой изъ трехъ сторонъ, не произведутъ окончательнаго раздѣла государства. Вслѣдствіе различныхъ недоразумѣній эти коммисары никакъ не могли согласиться, и, съѣхавшись еще два раза въ Мецѣ и Кобленцѣ, разошлись, не рѣшивъ дѣла. Впрочемъ, ропотъ народа, епископовъ, герцоговъ и графовъ, изнуренныхъ войной, заставили наконецъ братьевъ свидѣться еще разъ въ Верденѣ (въ августѣ 843 г.) и согласиться между собою относительно раздѣла государства. По в е р д е н с к о м у д о г о в о р у, Людовикъ Нѣмецкій получилъ всю Германію на востокъ Рейна, восточную и среднюю часть Швейцаріи и за рейн-

скія епископства Вормсъ, Шпейеръ и Майнцъ. Фрисландія досталась императору, Лотарю, который, кромѣ Италіи, получилъ еще земли между Рейномъ, Шельдою Маасомъ, Соною и Роной, и наконецъ небольшую полосу земли по ту сторону Роны. Карлъ взялъ себѣ всѣ земли къ западу отъ владѣній Лотаря, т. е. Нейстрію, Аквитанію, испанскую мархію, Септиманію и часть Бургундіи. Владѣнія Карла получили названіе франкскаго государства, или Франціи, а владѣнія Лотаря—Лотарингіи. Изъ провинцій, доставшихся Людовику, образовалась впослѣдствіи Германская имперія.

По окончаніи раздѣла имперіи и возвращенія всѣхъ по домамъ, обнаружились всѣ вредныя послѣдствія междоусобныхъ войнъ. То счастливое время, когда государство составляло одно цѣлое, уже миновалось, и жители всѣхъ частей имперіи увидѣли себя въ самой страшной нищетѣ. Въ приморскихъ областяхъ свирѣпствовали норманны и мухаммедане, сѣверозападъ Франціи грабили снова возмутившіеся бретонцы, а войны трехъ братьевъ такъ опустошили внутреннія провинціи государства, что, по словамъ одного лѣтописца, жители Франціи въ теченіи еще многихъ лѣтъ терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и должны были примѣшивать въ муку землю.

3. Каролинги отъ верденскаго договора до смерти Людовика Нѣмецкаго.

Недостатокъ въ населеніи и невозможность собрать, въ случаѣ опасности, значительное войско, съ особенною силою ощущались во владѣніяхъ Карла, такъ какъ земли обоихъ государей граничили или перекрещивались между собою. Людовикъ и его нѣмцы съ успѣхомъ воевали противъ восточныхъ сосѣдей, славянъ; но, начавъ, подобно Карлу, войну съ датскими норманнами и ихъ союзниками, кончили ее немногимъ счастливѣе Карла. Впрочемъ, какъ ни печально было положеніе всѣхъ трехъ государствъ, самыя войны сыновей Людовика Благочестиваго и упадокъ всѣхъ учрежденій, охраняющихъ право и законъ, повидимому, снова доставили вліяніе совѣтамъ такихъ благоразумныхъ людей, какъ Дрогонъ, и заставляли братьевъ, время отъ времени, съѣзжаться на совѣщанія другъ съ другомъ. Мы даже видимъ, что они рѣшаютъ нѣкоторыя дѣла сообща и нѣсколько разъ помогаютъ другъ другу; но все это было только случайнымъ явленіемъ. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ этихъ совѣщаній было то, что Лотарь на третьемъ изъ такихъ съѣздовъ, какъ кажется, совершенно отказался отъ сношеній съ Пипиномъ, котораго до тѣхъ поръ тайно поддерживалъ.

Пипинъ продолжалъ еще держаться въ части Аквитаніи и послѣ казни Бернгарда, попавшагося въ руки Карла. Пипинъ имѣлъ на своей сторонѣ ту выгоду, что аквитанцы, упорно отстаивавшіе свои древнія права и учрежденія и ненавидѣвшіе господство Карла, не хотѣли слиться съ франками и исчезнуть между ними; но, выказавъ себя недостойнымъ любви своей партіи, онъ никогда не могъ обезпечить за собою спокойное обладаніе престоломъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачъ, въ 864 г. онъ былъ выданъ аквитанцами Карлу Лысому и погибъ въ темницѣ. Его недостойный образъ дѣйствій въ связи съ нелюбовью аквитанцевъ къ правленію Карла Лысаго, въ 853 г. возбудили новую войну между сыновьями Людовика Благочестиваго. Аквитанцы предложили корону Людовику Нѣмецкому собственно потому, что онъ пользовался во Франціи особеннымъ уваженіемъ, какъ предводитель храбрыхъ баваровъ и саксовъ. Уваженіе къ доблестямъ его подданныхъ было такъ велико, что и при послѣднихъ Каролингахъ знаніе нѣмецкаго языка считалось необходимымъ для болѣе образованнаго класса населенія Франціи. Людовикъ послалъ въ Аквитанію сына, но вмѣшательство Лотаря и другія обстоятельства заставили его бросить это предпріятіе, а послѣ того прекратились и возникшія по этому поводу неудовольствія съ Карломъ. Впослѣдствіи Карлъ думалъ успокоить аквитанцевъ, назначивъ сына независимымъ королемъ Аквитаніи. — Жители Бретани были для Карла Лысаго стольже опасными врагами, какъ и аквитанцы. Пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ освободиться изъ-подъ владычества франковъ, они подъ начальствомъ Номиное вторгались

въ сосѣднія графства и были усмирены только силою оружія, да и то на короткое время. По смерти Номиное, Карлъ даже принужденъ былъ дать королевскій титулъ сыну его, Эриспоё.

Но самыми злѣйшими врагами Карла были норманны, не оставлявшіе въ покоѣ и владѣній двухъ другихъ братьевъ. Сѣмена христіанства, посѣянныя св. Ансгаріемъ въ Шлезвигѣ и Ютландіи, не принесли обильныхъ плодовъ (стр. 368). Получивъ во время споровъ Людовика Благочестиваго съ сыновьями доступъ къ французскимъ берегамъ, норманнскіе пираты сдѣлались гораздо смѣлѣе и, уничтоживъ въ своемъ отечествѣ всѣ слѣды христіанства, стали предпринимать безпрерывные набѣги на сѣверныя провинціи франкской имперіи. Повидимому, гоненія на христіанство и опустошеніе франкскихъ владѣній нѣкоторое время было дѣлаемо имп съ опредѣленною цѣлью и притомъ въ связи одно съ другимъ. Съ этихъ же поръ норманнскіе хищники получаютъ важное историческое значеніе для Европы. Впрочемъ, сначала они опустошали владѣнія всѣхъ троихъ братьевъ. Изъ Ютландіи они вторгались въ Германію, опустошали Фрисландію и другіе берега и острова на сѣверъ отъ владѣній Лотаря и приставали къ устьямъ рѣкъ сѣверной и западной Франціи до самой Аквитаніи, а нѣсколько шаекъ норманнскихъ хищниковъ еще въ половинѣ девятаго столѣтія проникли до береговъ Прованса и сѣверной Италіи. Больше всѣхъ страдала отъ нихъ Франція, гдѣ они встрѣчали самый слабый отпоръ, тогда какъ въ Германіи и Нидерландахъ были отражаемы съ большимъ урономъ. Въ 845 г. норманнамъ удалось разрушить вновь основанный Гамбургъ, но саксы пустились за ними въ погоню и, перебивъ многихъ изъ нихъ, отняли часть добычи. Во Франціи же они появлялись несравненно чаще и, поднимаясь на своихъ небольшихъ судахъ вверхъ по Шельдѣ, Сенѣ, Луарѣ и Гароннѣ, проникали въ самую глубь страны; освободиться отъ нихъ можно было только деньгами. Все это было слѣдствіемъ личнаго характера самого Карла, а отчасти и внутренняго состоянія государства. Подобно отцу, Карлъ былъ человѣкъ весьма ученый, но ему не доставало только практической смѣтливости и военныхъ талантовъ. Кромѣ того, по смерти Людовика Благочестиваго, Карлъ купилъ слишкомъ дорогою цѣною покорность своего дворянства, совершенно подчинившись ему, такъ что скорѣе онъ зависѣлъ отъ своихъ вассаловъ, чѣмъ они отъ него. Однажды въ войнѣ съ норманнами войска отказались повиноваться Карлу и не хотѣли вступить въ сраженіе. Эриспое съ своими бретонцами постоянно отражалъ норманновъ, но за то, соединившись съ туземными разбойниками, служившими для нихъ проводниками, они безнаказанно опустошали берега Сены и другія мѣстности во владѣніяхъ Карла. Кромѣ этихъ враговъ Карла безпокоили еще бретонцы и аквитанцы; наконецъ ко всему этому присоединилась бѣдность населенія, уменьшившагося вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ.

Въ то время какъ Карлъ былъ занятъ норманнами, Людовикъ Нѣмецкій почти каждый годъ долженъ былъ воевать съ славянскими народами, облегавшими восточныя границы Германской имперіи отъ Мекленбурга до Моравіи и причинявшими много вреда своими частыми набѣгами. Войска Людовика, иногда предводительствуемыя его сыновьями, нерѣдко проникали въ самую средину ихъ поселеній; вообще война съ славянами была довольно удачна, но набѣги ихъ все-таки не прекращались. Для защиты отъ славянъ, жившихъ на восточныхъ границахъ Тюрингіи и въ Брандербургской мархіи и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ вендовъ, Людовикъ назначилъ особеннаго маркграфа и герцога, которому были подчинены всѣ графы округовъ или мархій, и который могъ по крайней мѣрѣ защищаться отъ нападенія верхнесаксовъ и чеховъ. Но мѣра эта раздражила многихъ графовъ, которые до тѣхъ поръ зависѣли непосредственно отъ верховнаго главы государства.

Въ это самое время, Лотарь долженъ былъ бороться съ лонгобардскимъ герцогомъ Беневента и греками Нижней Италіи, которые призвали къ себѣ на помощь аравитянъ, завоевавшихъ въ 827 г. Сицилію. Впрочемъ, Лотарю не было дѣла до того, какой вредъ наносили эти войны его итальянскимъ владѣніямъ, потому что, подобно своимъ предшественникамъ, онъ удерживалъ Италію ради чести, а не ради матеріальныхъ выгодъ или власти. Герцогъ беневентскій, Гримоальдъ I, принужденный Карломъ Великимъ къ покорности, съумѣлъ однакожъ сохранить въ силѣ древнее устройство герцогства, въ которомъ мы находимъ первые слѣды

привилегій, которыми пользовались владѣтели замковъ и графствъ. Его преемникъ, Сиконъ (817 — 832), началъ войны, которыя на нѣкоторое время совершенно уничтожили преобладаніе франковъ въ нижней Италіи. Желая завладѣть Неаполемъ, имѣвшимъ особенное военно-аристократическое правленіе и находившимся въ номинальной зависимости отъ греческаго императора, онъ произвелъ нападеніе на этотъ городъ, но былъ отбитъ греческимъ полководцемъ, Андреемъ. Сынъ и преемникъ его, Сикардъ, не смотря на то, что неаполитанцы получили помощь отъ франковъ, былъ нѣкоторое время счастливѣе отца, потому что Лотарь, занятый на сѣверѣ отъ Альповъ, не могъ усмирить воинственнаго герцога, хотя и носилъ императорскій титулъ, имѣвшій важное значеніе въ Италіи. По настоянію греческаго полководца, неаполитанцы призвали изъ Сициліи аравитянъ, и война затянулась надолго. Не имѣя средствъ вести продолжительную войну, Сикардъ долженъ былъ угнетать своихъ подданныхъ и былъ за то убитъ ими (839 г.). Граждане Беневента раздѣлились тогда на двѣ партіи, изъ которыхъ одна провозгласила герцогомъ казначея Сикарда, Радельгиса, и овладѣла городомъ Беневентомъ, а другая, возведя на престолъ брата убитаго герцога, Сиконульфа, заняла города Салерно и Амальфи. Между обоими претендентами вспыхнула кровопролитная война. Въ это самое время Лотарь, готовясь къ войнѣ съ братьями, вывелъ изъ Италіи всѣ войска, и этимъ положеніемъ дѣлъ въ Италіи воспользовались для завоеванія полуострова сицилійскіе аравитяне африканскаго происхожденія и равно враждебные имъ и христіанамъ испано-мухаммеданскіе пираты, грабившіе Средиземное море. Италія, со всѣхъ сторонъ окруженная моремъ и раздѣленная на многія мелкія независимыя владѣнія, представляла имъ чрезвычайно легкую добычу. Въ 846 г. они проникли до самаго Рима и ограбили церкви этого города. Только тогда Лотарь принялъ противъ нихъ рѣшительныя мѣры, не смотря на то,что еще за два года передъ тѣмъ заставилъ папу короновать своего сына. Людовикъ II ,коронованный лонгобардскимъ королемъ, привелъ Сиконульфа въ такой ужасъ, что герцогъ беневентскій явился въ Римъ, присягнулъ императору въ вѣрности и заплатилъ ему значительную сумму денегъ. Людовикъ двинулся противъ морскихъ разбойниковъ со всѣми находившимся въ Италіи войсками франковъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и казнилъ мухаммеданъ, оставшихся въ Беневентѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ и споръ Сиконульфа съ Радельгисомъ: Радельгисъ долженъ былъ уступить Беневентъ противнику, а Людовикъ получилъ за это Салерно и Капуу. Лотарь I умеръ въ 855 г. Незадолго до смерти, мучимый угрызеніями совѣсти, онъ постригся въ монахи, раздѣливъ государство между тремя сыновьями. Старшій, Людовикъ II, коронованный императоромъ еще въ 852 г., получилъ Италію, а средній, Лотарь II, всѣ земли на сѣверъ отъ Альповъ, кромѣ Прованса, который вмѣстѣ съ графствами Ліонскимъ и Савоіею достался меньшему брату, Карлу. Когда въ 863 г. Карлъ умеръ бездѣтнымъ, земли его были раздѣлены между старшими братьями.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти Лотаря (858) Карлъ Лысый лишился на нѣкоторое время своего государства. Нѣсколько французскихъ вельможъ, негодуя на неспособность и робость, обнаруженныя Карломъ въ походѣ противъ норманновъ, предложили корону Людовику Нѣмецкому. Людовикъ явился во Францію, и Карлъ долженъ былъ бѣжать въ Бургундію; но когда Людовикъ, полагая, что новыя владѣнія его совершенно безопасны отъ Карла, отослалъ домой своихъ нѣмцевъ, тѣже самые люди, которые предали ему брата, измѣнили и ему самому. Пока Людовикъ беззаботно присутствовалъ на сеймахъ и раздавалъ своимъ приверженцамъ аббатства, графства и королевскія имѣнія, Карлъ, войдя въ сношенія съ своимъ племянникомъ, Лотаремъ II, быстро двинулся съ войскомъ изъ Бургундіи въ то самое время, когда Людовикъ получилъ изъ Германіи извѣстіе о новомъ нападеніи вендовъ. Людовикъ, процарствовавъ во Франціи не болѣе четытехъ мѣсяцевъ, долженъ былъ возвратиться въ Германію. Карлъ снова утвердился на престолѣ, а черезъ нѣсколько времени согласіе между братьями было возстановлено посредствомъ различныхъ переговоровъ и личныхъ свиданій между ними, на которыхъ они совѣщались также о дѣлахъ Лотаря II, имѣвшихъ весьма важное значеніе для исторіи среднихъ вѣковъ.

Страсти и ослѣпленіе Лотаря II втянули его въ пагубный споръ, въ которомъ онъ не только лишился своей чести, но и далъ поводъ римскому папѣ,

занимавшему только первое мѣсто между епископами, превратить свое первенство въ настоящее господство надъ ними и распространить его даже на свѣтскія дѣла. Лотарь, какъ и его братья, наслѣдовалъ отъ отца сильную наклонность къ распутству и совершенно предался въ руки преступной и честолюбивой любовницы своей, Вальрадѣ. Для того, чтобы не стѣсняться ничѣмъ, онъ, вскорѣ по смерти отца, удалилъ отъ себя свою жену, Тіетбергу, на которой женился по его приказанію и изъ политическихъ видовъ, а не по любви. Такъ какъ его вельможи нашли этотъ поступокъ несправедливымъ, то Лотарь чрезъ нѣсколько времени снова взялъ ее ко двору, продолжая жить съ Вальрадою. Расположивъ къ себѣ Людовика II уступкой ему части нынѣшней Швейцаріи, Лотарь, чтобы имѣть благовидный предлогъ развестись съ женою, обвинилъ ее въ ужасныхъ преступленіяхъ и предложилъ это обвиненіе на обсужденіе и рѣшеніе свѣтскихъ судей, т. е. аристократіи, служившей представительницею народа. Вельможи приговорили обвиненную къ испытанію горячею водою, однимъ изъ способовъ божьяго суда, который издавна употреблялся у германскихъ народовъ, для доказательства невинности, въ случаѣ неимѣнія фактическихъ доказательствъ. Испытаніе это состояло въ томъ, что обвиняемый или вмѣсто его другое лицо доставало обнаженною рукою что-нибудь изъ кипящей воды; руку потомъ обвязывали и по прошествіи трехъ дней снова открывали, и если она обожжена, то это считалось знакомъ божественнаго осужденія. Тіетберга представила вмѣсто себя другаго человѣка, и такъ какъ рука его оказалась невредимою, ее признали невинною. Но она осталась подъ властью мужа и ея соперницы и терпѣла отъ нихъ такія униженія, что на другой годъ сама стала просить о разводѣ. По крайней мѣрѣ такъ утверждали на созванномъ для этой цѣли соборѣ два знатнѣйшихъ архіепископа государства, сдѣлавшіеся орудіями Лотаря: грубый и суровый Гюнтеръ кёльнскій и простодушный Теотгаудъ трирскій, которыхъ Лотарь обольстилъ при помощи епископа мецскаго, Адвенція. Своими клеветами они добились того, что Тіетберга была объявлена виновною и осуждена на пожизненное покаяніе въ монастырѣ, а Лотарь, разведенный съ нею, получилъ позволеніе обвѣнчаться съ Вальрадою (862 г.). Мы перестанемъ изумляться такому жестокому преслѣдованію слабаго и безпомощнаго существа важнѣйшими духовными лицами государства, если вспомнимъ другіе примѣры нравственнаго упадка того поколѣнія. Дочь Карла Лысаго, Юдиѳь, о которой мы уже говорили выше (стр. 377), вела самую позорную жизнь. Сестра Лотаря II, согласившись бѣжать съ человѣкомъ, который былъ отвергнутъ ея отцомъ, нашла себѣ покровительство у своего дяди Карла. Одинъ сынъ Карла Лысаго нѣкоторое время открыто грабилъ и разбойничалъ во владѣніяхъ отца и наконецъ былъ ослѣпленъ за свои злодѣйства. Другой сынъ Карла и сынъ Людовика Нѣмецкаго бѣжали: первый къ предводителю бретонцевъ, а другой — къ одному славянскому князю, надѣясь съ помощью ихъ свергнуть съ престола своихъ родителей. Замѣтимъ, что папа казался тогда народу покровителемъ и защитникомъ отъ насилій королей, варваровъ и ихъ слугъ, такъ какъ и лучшіе люди того времени считали выше всего вѣчныя права человѣческой природы, а не положительные законы. Поэтому споръ о законности брака Лотаря получилъ всемірно-историческое значеніе, послуживъ поводомъ къ увеличенію и упроченію той замѣчательной власти, которую пріобрѣли папы въ первую половину среднихъ вѣковъ.

Епископы, предложившіе Лотарю свои услуги и помощь для осуществленія его постыднаго желанія, совершенно основательно опасались гнѣва папы. Къ довершенію всего, они съ ужасомъ узнали, что Тіетберга бѣжала изъ своего монастыря къ Карлу Лысому и нашла покровительство у него и его епископовъ. Потому они употребили всѣ усилія, чтобы привлечь на свою сторону самаго вліятельнаго изъ французскихъ епископовъ, Гинкмара реймсскаго, и обратились къ нему съ письмомъ, въ которомъ они выставляли свою постыдную ложь и несправедливость согласными съ требованіями божественнаго права. Гинкмаръ съ своемъ отвѣтѣ опровергъ всѣ ихъ доводы, и, принявъ въ дѣлѣ самое горячее участіе, заставилъ даже папу Николая I обратить вниманіе на это дѣло. Папа не могъ равнодушно смотрѣть на это, тѣмъ болѣе, что въ этотъ споръ вмѣшался и Карлъ Лысый, оскорбленный Лотаремъ, оказавшимъ покровительство его дочери, бѣжавшей съ графомъ Балдуиномъ, и принесъ жалобу римскому

престолу; а наконецъ и Тіетберга и даже самъ Лотарь обратились къ нему. Такое стеченіе обстоятельствъ было тѣмъ благопріятнѣе для папы, что около этого времени получили значеніе истинныхъ древнихъ постановленій церкви такъ называемыя декреталіи Лжеисидора. Происхожденіе этихъ декреталій приписывается испанскому епископу Исидору, жившему будто бы за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ и составившему собраніе церковныхъ законовъ; въ дѣйствительности же декреталіи были написаны и обнародованы незадолго передъ тѣмъ, для того чтобы посредствомъ увеличенія власти папы освободить христіанскую церковь изъ-подъ вліянія грубыхъ варваровъ. Въ то время никто не сомнѣвался въ подлинности этихъ декреталій, составленныхъ весьма искусно съ цѣлью преобразовать, подъ прикрытіемъ авторитета Исидора севильскаго, республиканско-церковное права, основанное на постановленіяхъ древнихъ соборовъ, въ абсолютномонархическое, папское. Поэтому, когда Николай I смѣло и рѣшительно вступился за Тіетбергу, всѣ были убѣждены, что онъ имѣлъ полное право мстить за угнетенную невинность и нарушеніе требованій справедливости. По его желанію, въ 863 году для обсужденія дѣла Тіетберги созванъ былъ въ Мецѣ соборъ подъ предсѣдательствомъ двухъ папскихъ легатовъ. Впрочемъ легаты, подкупленные Лотаремъ, дѣйствовали согласно его указаніямъ, а его главные сообщники, архіепископы Гюнтеръ и Теотгаудъ, даже послали въ Римъ постановленія собора на утвержденіе папы. Раздраженный этимъ безстыдствомъ, папа Николай низложилъ обоихъ епископовъ и произнесъ надъ ними проклятіе (864 г.). Гюнтеръ, человѣкъ чрезвычайно горячаго характера, тотчасъ же отправился къ Людовику II, брату Лотаря, который шелъ съ войскомъ въ нижнюю Италію, и убѣдилъ его повернуть на Римъ, чтобы наказать папу за присвоеніе себѣ права суда, котораго Людовикъ не давалъ ему, тѣмъ болѣе, что обоихъ епископовъ можно было считать послами Лотаря, пріѣхавшими на соборъ съ его дозволенія; папа удалился изъ своего дворца въ храмъ св. Петра и долженъ былъ быть свидѣтелемъ того, какъ упрямый Гюнтеръ положилъ на гробъ св. Петра свой протестъ противъ постановленія папы. Войска Людовика производили въ Римѣ страшныя злодѣйства, и папѣ необходима была необыкновенная твердость духа, чтобы остаться непреклоннымъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Въ дѣйствительности побѣда все-таки осталась на его сторонѣ. Почувствовавъ наконецъ всю несправедливость поведенія брата и уступая ходатайствамъ своей жены за Тіетбергу, Людовикъ, изнуренный лихорадкою, которою захворалъ въ Римѣ, бросилъ дѣло низверженныхъ епископовъ, отослалъ ихъ назадъ и самъ оставилъ Римъ. Гюнтеръ, оставленный своими приверженцами и жалкимъ Лотаремъ, который, чтобы не разлучаться съ Вальрадою, пожертвовалъ папѣ епископами, долженъ былъ позаботиться о себѣ самъ. Адвенцій мецскій обратился къ папѣ и получилъ у него прощеніе. Теотгаудъ былъ такъ безвреденъ, что папа не имѣлъ никакихъ причинъ отказать ему въ прощеніи, но все-таки онъ не получилъ обратно своего епископства. Прочіе лотарингскіе епископы были также прощены; одинъ Гюнтеръ не дождался помилованія, хотя еще разъ ѣздилъ въ Римъ. Такимъ образомъ, по наружности и справедливость и законность были соблюдены, но положеніе дѣла не измѣнилось, потому что Лотарь не хотѣлъ разставаться съ Вальрадою. Эта слабость лотарингскаго короля была очень выгодна для папы; но измѣненіе въ отношеніяхъ папы къ свѣтскимъ государямъ произошло не вслѣдствіе этихъ самыхъ событій, которыя только облегчили и отчасти содѣйствовали осуществленію стремленій папскаго престола. Лотарь, признавъ папу судьею своихъ епископовъ и самого себя, а папа, ободренный его слабостью и выставлявшій себя защитникомъ божественнаго права, сталъ предъявлять свои требованія такимъ рѣшительнымъ тономъ, къ которому тогда еще не привыкли. Онъ угрожалъ королю проклятіемъ и, не обращая вниманія на законы страны, чрезъ своихъ легатовъ приказывалъ ему объявить законною женою и снова короновать Тіетбергу. Въ то же время Вальраду присудили съѣздить въ Римъ на покаяніе и тамъ примириться съ церковью (865 г.). Но Лотарь снова сталъ оскорблять свою несчастную жену до того, что она сама письменно просила папу о разводѣ. Когда въ 867 г. умеръ Николай, Лотарь опять призвалъ къ себѣ Вальраду, надѣясь встрѣтить болѣе снисходительности у новаго папы, Адріана II. Только боязнь передъ Карломъ Лысымъ и Людовикомъ Нѣмецкимъ, которымъ онъ не могъ довѣрять, заставила его наконецъ отправиться въ Италію, куда уже

прежде поѣхала Вальрада. Въ 869 г. папа примирился съ нимъ и, по ходатайству императора Людовика, даровалъ ему отпущеніе грѣховъ, но подъ условіемъ, чтобы Вальрада осталась навсегда въ томъ монастырѣ въ который переѣхала. Она вскорѣ умерла тамъ, а самъ Лотарь заболѣлъ и умеръ, на возвратномъ пути изъ Италіи (869 г.). Тіетберга умерла монахинею въ Мецѣ, и отказала нѣсколько помѣстій одной церкви въ Піяченцѣ, гдѣ былъ погребенъ ея недостойный супругъ, завѣщавъ молиться за упокой его души.

Лотарь не имѣлъ законныхъ дѣтей. Въ то время, какъ онъ умиралъ, Людовикъ Нѣмецкій былъ болѣнъ, а вниманіе императора Людовика II было обращено на Италію; поэтому Карлъ Лысый, столь же сильно одержимый страстью къ пріобрѣтенію владѣній, какъ и неспособностью защищать ихъ, хотѣлъ воспользоваться удобнымъ случаемъ захватить земли, которыя по праву и завѣщанію должны были принадлежать брату Лотаря. Онъ еще прежде очень искусно привлекъ на свою сторону епископа мецскаго Адвенція и польстилъ честолюбію Гинкмара, и эти люди повели дѣло такимъ образомъ, что по крайней мѣрѣ подданные Лотаря не выказали явно своего неудовольствія, когда Карлъ неожиданно завладѣлъ всею Лотарингіею. Онъ оставлялъ безъ вниманія увѣщанія и угрозы папы Адріана, желавшаго возвратить императору его собственность, но испугался нѣмцевъ, когда выздоровѣвшій Людовикъ, не думая о своихъ племянникахъ, чрезъ пословъ предложилъ Карлу или подѣлиться съ нимъ пріобрѣтеніями, или начать войну. Карлъ, само собою разумѣется, предпочелъ первое, не будучи въ состояніи защитить отъ Людовика своихъ наслѣдственныхъ владѣній, тѣмъ болѣе, что ни французскіе, ни лотарингскіе вассалы не имѣли никакого интереса въ этой войнѣ, касавшейся лично одного Карла. Послѣ многихъ переговоровъ, оба брата въ 870 г. съѣхались вмѣстѣ и утвердили договоръ, по которому Людовикъ получилъ лѣвый берегъ Рейна отъ Базеля до Меца и Аахена, а Карлъ — остальныя владѣнія Лотаря, такъ что границею обоихъ государствъ сдѣлалась рѣка Маасъ.

Впрочемъ, Карлу нѣкогда было заботиться о новоприобрѣтенныхъ владѣніяхъ. Онъ былъ очень несчастливъ въ семействѣ, и поведеніе членовъ его фамиліи даетъ намъ вѣрное понятіе о характерѣ этого грубаго и желѣзнаго вѣка. Одинъ изъ сыновей Карла былъ убитъ еще въ молодости, когда по юношескому легкомыслію напалъ на какого-то человѣка единственно для того, чтобы неузнанному испытать его храбрость. Другой — Карломанъ, котораго отецъ принуждалъ поступить въ духовное званіе, нѣсколько разъ поднималъ возстаніе и съ толпою разбойниковъ бродилъ по странѣ, страшно опустошая владѣнія духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ. Ослѣпленный, по приказанію отца, Карломанъ бѣжалъ къ своему дядѣ Людовику и получилъ отъ него аббатство, въ которомъ наконецъ и умеръ. Третій сынъ короля, Людовикъ, возсталъ противъ отца и, войдя въ сношенія съ жителями Бретани, заставилъ его отдать ему одно графство. Дочь Карла, Юдиѳь, своею безнравственною жизнью навлекла на себя ненависть всего свѣта. Племянникъ Карла, Пипинъ Аквитанскій, постоянно безпокоя своего дядю, присоединился наконецъ къ норманнамъ и, какъ говорятъ, перешелъ даже въ язычество. Самъ Карлъ, не ограниченный никакою конституціею, царствовалъ чрезвычайно деспотично, и почти каждый годъ долженъ былъ воевать съ непокорными вассалами. Извнѣ ни одна часть государства не была безопасна отъ нападеній норманновъ, а бретонцы, по смерти (857 г.) Эриспое избравшіе своимъ вождемъ Саломона, держали Францію въ постоянномъ страхѣ. Карлъ не смѣлъ преслѣдовать слишкомъ энергически непокорныхъ подданныхъ, потому что они всегда могли передаться Людовику или его сыновьямъ. Онъ спокойно смотрѣлъ на то, что сильные тѣснили и угнетали слабыхъ, и что франками точно такъ же управляло ихъ дворянство, какъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка управляли Египтомъ беи, едва повиновавшіеся безсильному пашѣ, уважаемаго только по имени, султана, а сельскіе и городскіе жители, казалось, существовали только для того, чтобы ихъ грабили.

Положеніе Людовика Нѣмецкаго было нѣсколько лучше. Норманны, такъ безпокоившіе Карла, не были самыми опасными врагами Людовика, потому что Германія представляла имъ мало богатой добычи, а прибрежные жители Германіи и сосѣдственные съ Даніею саксы были воинственнѣе всѣхъ другихъ береговыхъ

жителей Европы. Но за то ему часто приходилось воевать съ славянскими племенами, утвердившимися къ востоку отъ Эльбы и Бомервальда и распространявшимися отгуда далѣе на югъ. Эти племена, подобно аварамъ, дѣлали опустошительные набѣги на пограничныя нѣмецкія земли. Въ первые годы своего царствованія Людовикъ могъ легко отражать или предупреждать ихъ нападенія, потому что между славянами не было никакой внутренней связи и правильной организаціи; но впослѣдствіи въ Богеміи и Моравіи при князѣ Ратиславѣ и его племянникѣ, Цвентибольдѣ (Святополкѣ), образовалось весьма опасное для нѣмцевъ государство, признававшее надъ собою номинальную власть германскаго короля. Соединеніе славянъ и поступки сына Людовика, Карломана, могли дать дѣлу гораздо болѣе опасный оборотъ, чѣмъ оно могло имѣть само по себѣ. Людовикъ не былъ счастливѣе Карла въ своихъ сыновьяхъ, но перенесъ съ твердостью это несчастье и умѣлъ соединить нѣжность отца съ достоинствомъ короля. Карломанъ, уже давно поставленный отцомъ во главѣ баваровъ и алеманновъ, былъ очень недоволенъ, когда его меньшимъ братьямъ, Людовику II и Карлу Толстому, отдана была Швабія и часть славянскихъ границъ, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на свою собственность. Взявшись за оружіе, онъ отправился къ злѣйшему врагу нѣмцевъ, герцогу Ратиславу моравскому, и воевалъ вмѣстѣ съ нимъ противъ отца (861 г.). Война могла кончиться весьма дурно для нѣмцевъ, потому что Ратиславъ, кромѣ многочисленнаго славянскаго войска, нанималъ еще толпы воиновъ другихъ національностей. Людовикъ отвратилъ эту опасность, вступивъ въ переговоры съ своимъ сыномъ; онъ простилъ Карломана и увеличилъ его владѣнія. Вельможи, принимавшіе участіе въ возстаніи Карломана, были наказаны отнятіемъ леновъ.

Это расположеніе короля къ старшему сыну возбудило неудовольствіе меньшаго, Людовика. Безразсудный и пылкій молодой человѣкъ задумалъ соединить тюринговъ, саксовъ и языческихъ славянъ Богеміи, которые всѣ питали къ франкамъ непремиримую племенную ненависть; но отецъ предупредилъ его замыслы и энергическими мѣрами заставилъ сына просить помилованія (866 г.). Людовикъ обнаружилъ замѣчательную мудрость въ раздѣлѣ государства, доказавъ при этомъ умѣнье пользоваться опытомъ своей жизни. Онъ не далъ ни одному изъ сыновей власти надъ другими, какъ это обыкновенно бывало до тѣхъ поръ при раздѣлахъ государства, и раздѣлилъ между ними владѣнія не по пространству областей и количеству доходовъ. Главою саксовъ и франковъ въ Германіи онъ назначилъ Людовика II, пользовавшагося между ними популярностью и еще передъ тѣмъ умѣвшаго возстановить между ними согласіе. Надъ баварами и ихъ аварскими и итальянскими сосѣдями онъ поставилъ Карломана, хорошо знакомаго съ характеромъ этихъ народовъ, а надъ алеманами — Карла Толстаго. Самымъ способнымъ правителемъ изъ сыновей Людовика оказался Карломанъ. Карломанъ храбро воевалъ съ норманнами, а когда Ратиславъ и его племянникъ составили въ Силезіи, Богеміи, Моравіи и части Венгріи могущественный союзъ славянскихъ племенъ или, такъ называемое, королевство Моравское, онъ совершилъ подвиги, достойные жить въ памяти народа. Двоюродный братъ Карломана, императоръ Людовикъ II, будучи самъ бездѣтнымъ, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ; но мы уже видѣли, что Карлъ Лысый отнялъ у него это наслѣдство. Людовикъ Нѣмецкій умеръ въ 876 году.

I. ОТЪ КАРЛА ВЕЛИКАГО
ДО САЛИЧЕСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ.

---

4. Византійская имперія при императорахъ-иконоборцахъ.

Византійская или греческая имперія быстро оправилась, когда, въ 717 году, вступилъ на императорскій престолъ Левъ Исаврієцъ (стр. 309). и удачною защитою столицы отъ арабовъ показалъ себя достойнымъ престола. Мужественный и умный Левъ Исаврієцъ возстановилъ въ войскѣ порядокъ и дисциплину и снова оживилъ упавшее мужество гражданъ, ослабленныхъ физически и морально. Но, къ несчастью, вздумавъ искоренить между подданными почитаніе св. иконъ, онъ опять повергъ въ новыя смуты только что успокоившееся государство. На одиннадцатомъ году царствованія императоръ, подъ опасеніемъ тяжкаго наказанія, запретилъ держать иконы во всѣхъ церквахъ, вовсе не думая, что рискуетъ лишиться власти, вступая въ борьбу съ людьми, которымъ нечего было терять. Даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, на успѣхъ нельзя было надѣяться, потому что Левъ имѣлъ дѣло съ религіозными вѣрованіями народа, которыя не легко было истребить. Своимъ поступкомъ онъ не только раздражилъ масы народа и бѣлое духовенство, но и нажилъ себѣ страшнаго врага въ безчисленномъ множествѣ греческихъ монаховъ, которые жили цѣлыми общинами, по сту человѣкъ и болѣе, и съ непоколебимою настойчивостью держались догмата иконопочитанія, будучи притомъ тѣсно связаны со всѣми классами общества посредствомъ родственныхъ и другихъ связей. Съ самаго начала въ имперіи произошло опасное волненіе, которое императоръ, раздраженный открытымъ неповиновеніемъ, хотѣлъ подавить силою и жестокостями; но власть его была безсильна противъ убѣжденій народа. Въ Италіи, гдѣ папы тоже не хотѣли уничтожать церковныхъ украшеній и предметовъ, издавна почитаемыхъ священными, все населеніе явно противилось ненавистному императору, и нѣкоторыя изъ итальянскихъ областей совершенно отпали отъ имперіи. Нападенія аравитянъ, моровая язва, землетрясенія и прямое слѣдствіе этихъ народныхъ бѣдствій — увеличеніе налоговъ, которые и прежде платились неохотно, усилили еще болѣе неудовольствіе народа, и раздраженные греки стали во всемъ этомъ обвинять императора. Ненависть къ нему современниковъ перешла и въ потомство.

Сынъ и преемникъ Льва, Константинъ III Копронимъ (741—775 г.), воспитанный въ понятіяхъ отца, долженъ былъ нѣсколько лѣтъ бороться съ претендентами, искусно пользовавшимися нерасположеніемъ грековъ къ иконоборческой исаврійской династіи, но, наконецъ, побѣдилъ опасныхъ соперниковъ и своимъ мужествомъ заслужилъ любовь войска, которое, впрочемъ, и самъ онъ очень любилъ. Въ Италіи онъ тоже пользовался популярностью за свои военные таланты. Между тѣмъ несчастныя, хотя и независѣвшія отъ него, обстоятельства дали жестоко преслѣдуемымъ имъ защитникамъ иконъ новый поводъ выставлять императора человѣкомъ ненавистнымъ Богу и караемымъ имъ, совершенно забывая, что во время войнъ Омеядовъ съ Аббасидами Константинъ расширилъ предѣлы государства и воевалъ съ болгарами счастливѣе всѣхъ императоровъ слѣдующаго

столѣтія. Болгары, народъ турецкаго племени, вмѣстѣ съ другими народностями пришедшій въ Европу во время нашествія гунновъ и поселившійся на Дунаѣ, своими набѣгами наводили ужасъ на окрестныя страны и нерѣдко заставляли трепетать самую столицу имперіи, такъ что императоръ Анастасій I для защиты отъ нихъ построилъ близъ города большую стѣну. Наконецъ въ VII столѣтіи болгары основали особое государство въ нынѣшней Болгаріи и съ этихъ поръ стали постоянно участвовать во всѣхъ внутреннихъ смутахъ греческой имперіи, служа за деньги то той, то другой партіи. Съ этого же времени они начали брать и ежегодные подарки съ императоровъ. Константинъ Копронимъ отказался исполнить этотъ унизительный обычай, и чтобы навсегда воспрепятствовать нападеніемъ этихъ варваровъ, устроилъ противъ нихъ нѣсколько укрѣпленныхъ колоній. Побѣдивъ болгаръ въ вспыхнувшей вслѣдствіе того войнѣ, онъ принудилъ ихъ дать въ заложники ихъ дѣтей и, когда они еще разъ подняли оружіе противъ имперіи, войско Константина, сформированное имъ для обузданія монаховъ и иконопочитателей изъ храбрыхъ, но полудикихъ людей, стало дѣйствовать противъ болгаръ съ страшнымъ ожесточеніемъ, не щадя даже плѣнныхъ. Принужденный все-таки отказаться отъ мысли окончательно подчинить этотъ народъ, Константинъ, какъ опытный и предусмотрительный полководецъ, устроилъ на границахъ государства линію укрѣпленій, для наблюденія за варварами и для того, чтобы въ тоже время угрожать имъ съ тылу. Предпринявъ, въ 775 году, новый походъ противъ болгаръ, императоръ заболѣлъ и умеръ.

О нравственномъ характерѣ Константина трудно составить себѣ истинное и вѣрное понятіе. Всѣ его поступки носили на себѣ характеръ насилія, и потому намѣренія его не были поняты современниками, съ предубѣжденіемъ смотрѣвшими на всѣ его дѣйствія. Его обвиняютъ въ жадности и скупости; но онъ не жалѣлъ издержекъ для возобновленія водопровода, построеннаго нѣкогда императоромъ Валентомъ между Халкидономъ и Константинополемъ и разрушеннаго во время осады столицы при Гераклія. Ни одинъ изъ преемниковъ Гераклія не имѣлъ достаточныхъ средствъ для возобновленія водопровода, тогда какъ Константинъ исправилъ его въ одно лѣто, употребивъ на это до семи тысячъ инженеровъ и рабочихъ, издержки на содержаніе которыхъ были уплачены изъ собственной казны императора.

Слабый сынъ Константина, Левъ IV, наслѣдовавшій отъ отца и дѣда только ненависть къ иконопочитанію, не могъ сладить даже съ женою, знаменитою аѳинянкою Ириною, которая еще при жизни мужа вошла въ сношенія съ партіею духовенства, отстаивавшею догматъ иконопочитанія. Узнавъ объ этихъ сношеніяхъ, Левъ IV хотя и простилъ жену, но удалилъ ее изъ дворца. Положеніе Ирины и ея послѣдующій образъ дѣйствій дали поводъ къ молвѣ, что она не была совершенно невинна въ преждевременной и внезапной смерти (780 г.) императора. Къ несчастію для имперіи, Левъ оставилъ своимъ наслѣдникомъ несовершеннолѣтняго сына, Константина IV Порфиророднаго. Большинство сената и начальниковъ войска принадлежало къ партіи иконоборцевъ, и потому противники ихъ постарались доставить регентство императрицѣ Иринѣ, характеръ которой представлялъ самое счастливое соединеніе властолюбія съ тогдашними понятіями о религіи. За исключеніемъ Пульхеріи (стр. 229), Ирина была единственною женщиною, которая могла долгое время управлять греками. Сначала Ирина была только регентшею Константина IV, но потомъ стала управлять собственнымъ именемъ. Переговоры съ Карломъ Великимъ о бракѣ Константина съ франкскою принцессою Ротрудою не кончились ничѣмъ, потому что Ирина не предоставляла сыну никакой самостоятельности. Соборъ, созванный ею въ Константинополѣ для возстановленія иконопочитанія, былъ разогнанъ солдатами, по наущенію духовенства противной партіи. Однако Ирина не испугалась этого и въ 787 году созвала соборъ въ Никеѣ, на которомъ было отвергнуто все, что только было сдѣлано иконоборцами въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Ей трудно было достигнуть своей цѣли, потому что въ теченіе этихъ шестидесяти лѣтъ образовалось новое поколѣніе, фанатически вооруженное противъ иконъ; по крайней мѣрѣ почти все войско состояло изъ иконоборцевъ, даже многіе достойные, уважаемые и ученые люди принадлежали къ этой партіи. Поэтому, не смотря на многочисленность иконопочитателей, Ирина принуждена была противною партіею уступить власть

сыну (790 г.). Но этотъ молодой человѣкъ обнаружилъ вскорѣ всю неспособность и чрезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ снова пригласить мать къ участію въ дѣлахъ государства. Завидуя и враждуя между собою, они въ продолженіе шести лѣтъ управляли имперіею вдвоемъ. Наконецъ, воспользовавшись несчастьемъ Константина, Ирина нашла случай достигнуть своей цѣли и заставить сына играть по прежнему роль несовершеннолѣтняго. Императоръ не могъ вынести этого униженія и бѣжалъ въ Азію, надѣясь возвратиться въ столицу съ войскомъ, находившимся тогда на границахъ Аравіи, но былъ схваченъ и, по приказанію матери, ослѣпленъ (797 г.). Послѣ того Ирина еще шесть лѣтъ управляла имперіею. Съ перваго взгляда намъ должно показаться удивительнымъ, что женщина могла долго управлять государствомъ; но не слѣдуетъ терять изъ виду того могущественнаго вліянія, какимъ пользовалось въ греческой имперіи расположенное къ императрицѣ духовенство. Не смотря на эту поддержку, императрица была низвержена (803 г.) государственнымъ казначеемъ Никифоромъ, который сослалъ ее на островъ Лесбосъ, гдѣ она вскорѣ и умерла.

Никифоръ вступилъ на престолъ въ то самое время, когда Ирина вела съ Карломъ Великимъ переговоры о союзѣ обоихъ христіанскихъ государствъ противъ мухаммеданъ и язычниковъ. Онъ продолжалъ поддерживать сношенія съ Карломъ и даже заключилъ съ нимъ мирное соглашеніе относительно итальянскихъ дѣлъ, но вскорѣ послѣ того поссорился съ императоромъ и до самой смерти оставался его врагомъ, Никифоръ отказалъ халифу Гарунъ-аль-Рашиду въ платежѣ дани, на которую должна была согласиться Ирина (стр. 333 и 335), но не смотря на личную храбрость и энергію, не могъ противиться арабамъ. Гарунъ опустошилъ всю страну до самаго Константинопольскаго пролива и принудилъ грековъ согласиться на еще болѣе постыдныя условія (806 г.). Къ тому же императоръ навлекъ на себя ненависть народа, прибавивъ къ тяжкимъ поземельнымъ и личнымъ податямъ, значительно возвышеннымъ, еще разные косвенные налоги и возобновивъ прежнюю военную подать. Подъ конецъ своего царствованія Никифоръ началъ войну съ болгарами и велъ ее такъ удачно, что болгары, казалось, должны были совершенно подчиниться владычеству грековъ; но непредусмотрительность императора, который довелъ болгаръ до крайности, послужила поводомъ къ новой войнѣ, окончившейся гибелью его самого и лучшихъ его войскъ (811 г.). Враги, преслѣдуя остатки греческаго войска, опустошили Ѳракію, а въ это самое время въ Константинополѣ спорили о престолѣ сынъ и зять погибшаго императора. Впрочемъ, первый вскорѣ умеръ отъ раны, полученной имъ въ войнѣ съ болгарами, а его соперникъ былъ совершенно неспособенъ управлять государствомъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и чрезъ девять мѣсяцевъ, когда болгары приблизились къ столицѣ, по необходимости уступилъ престолъ своему полководцу, Льву (813 г.).

Левъ V Армянинъ думалъ избавиться отъ варваровъ, проникшихъ до самаго Константинополя, посредствомъ низкой хитрости, приказавъ во время переговоровъ о мирѣ убить вѣроломнымъ образомъ ихъ князя, Крема или Крума. Спасшись отъ смерти, Крумъ жестоко отмстилъ за это вѣроломство. Всѣ города, которыми могли завладѣть болгары, были сравнены съ землею, а жители ихъ отведены въ плѣнъ. Эти несчастные, число которыхъ впослѣдствіи увеличилось толпами греческихъ плѣнниковъ, съ теченіемъ времени слились съ потомками римскихъ колонистовъ, жившими на лѣвомъ берегу Дуная, и изъ такого соединенія ѳракійцевъ, славянъ и остатковъ другихъ поселившихся тамъ народовъ, произошли, какъ полагаютъ, нынѣшніе влахи или валахи (т. I стр. 80). Болгары еще нѣсколько лѣтъ продолжали опустошать греческую имперію, пока, наконецъ, не увѣнчалась успѣхомъ одна смѣлая стратагема греческаго императора, который, заманивъ болгаръ въ ущелье и окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, почти совсѣмъ истребилъ непріятельское войско. Однако Крумъ, лишившійся всѣхъ своихъ завоеваній, продолжалъ до самой смерти (815 г.) войну съ греками и даже еще разъ явился предъ Константинополемъ. Но его наслѣдникъ, стѣсненный со стороны Аваріи франкскими графами, заключилъ миръ на тринадцать лѣтъ. Впрочемъ, Льву, какъ старому воину, можно извинить его жестокость. Онъ могъ бы сдѣлаться хорошимъ правителемъ, но воспитанный во время господства исаврійской династіи, былъ горячимъ против-

никомъ иконопочитанія. Этимъ обстоятельствомъ весьма искусно воспользовался для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ его старый другъ и сподвижникъ, Михаилъ II Косноязычный, которому онъ былъ обязанъ престоломъ. Оказавъ однажды неповиновеніе императору, Михаилъ былъ арестованъ и приговоренъ верховнымъ судомъ къ смерти. По случаю наступившаго праздника рождества Христова, казнь была отложена, и Михаилъ нашелъ воможность извѣстить своихъ соучастниковъ, что онъ ихъ выдастъ, если они не постараются спасти его. Угрожаемые неминуемою гибелью, заговорщики во время ранней обѣдни, одѣвшись въ церковныя облаченія и замѣшавшись въ толпѣ священнослужителей, убили Льва въ самомъ алтарѣ (820 г.).

Тотчасъ по смерти Льва императоромъ былъ провозглашенъ Михаилъ, освобожденный изъ темницы и неуспѣвшій еще снять оковъ. Желая успокоить партію иконопочитателей и ихъ противниковъ, Михаилъ немедленно объявилъ, что не будетъ принимать никакого участія въ спорахъ о почитаніи иконъ: но уже одного этого было довольно, чтобы раздражить первыхъ, и иконопочитатели, возбудивъ въ народѣ волненіе, заставили императора сдѣлаться съ этого времени самымъ ревностнымъ преслѣдователемъ иконъ. Независимо отъ этого, Михаилъ въ продолженіе трехъ лѣтъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ своимъ давнишнимъ противникомъ, опытнымъ полководцемъ Ѳомою, который наконецъ осадилъ императора въ самой столицѣ, но, по малочисленности своихъ силъ, долженъ былъ снять осаду. Приверженцы его ушли духомъ и выдали предводителя императору, который приказалъ умертвить его самымъ жестокимъ образомъ. Возмущеніе Ѳомы, послужившее поводомъ къ страшному опустошенію окрестностей Константинополя, повлекло за собою еще большее бѣдствіе. Въ то время, какъ Михаилъ и его сынъ были заняты войной съ претендентомъ, испанско-мухаммеданскіе пираты завладѣли островомъ Критомъ и удерживали его въ своихъ рукахъ болѣе ста лѣтъ. Но за то Михаилъ мужественно защищалъ отъ Аглабитовъ островъ Сицилію (стр. 327). Впрочемъ, онъ не могъ спасти острова, потому что враги его всегда могли получать помощь изъ своихъ африканскихъ владѣній, а греки, кромѣ того, должны были защищать границы имперіи отъ аравитянъ на востокѣ и варваровъ на сѣверѣ. По крайней мѣрѣ Михаилъ оспаривалъ у Аглабитовъ каждый клочокъ земли на островѣ, и пока были живы онъ и сынъ его, Сицилія оставалась еще въ рукахъ грековъ.

Сынъ Михаила, Ѳеофилъ, вступившій на престолъ въ 829 году, тотчасъ же началъ войну съ халифомъ Мамуномъ; но, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ просить мира и съ этою цѣлью отправилъ, въ 832 г., къ халифу блестящее посольство. Во главѣ греческаго посольства находился Іоаннъ Грамматикъ, человѣкъ, одинаково достойный уваженія, какъ политическій дѣятель и ученый. Если бы Мамунъ не умеръ въ это самое время, между обоими государствами, вѣроятно, былъ бы заключенъ миръ и торговые трактаты, чего сильно желали и императоръ, и халифъ. Оба они были очень образованы и покровительствовали наукамъ и искусствамъ. Мамунъ старался исправить недостатки арабской литературы, знакомя подданныхъ съ греческою наукою, и щедро награждалъ переводчиковъ греческихъ сочиненій (стр. 357). Ѳеофилъ, въ свою очередь, покровительствовалъ ученымъ, устроилъ новыя учебныя заведенія и заботился о собираніи и переписываніи древнихъ произведеній, находившихся долгое время въ совершенномъ забвеніи. Іоаннъ, бывшій въ этомъ дѣлѣ совѣтникомъ и помощникомъ императора, пріобрѣлъ вліяніе и при дворѣ халифа и велъ переговоры весьма счастливо до тѣхъ поръ, пока смерть Мамуна не разрушила всего. Преемникъ Мамуна, халифъ Мотассемъ, былъ тоже любителемъ и покровителемъ наукъ, походилъ на Ѳеофила своею страстью къ постройкамъ и механическимъ искусствамъ и, какъ истинный сынъ востока, старался возвысить на степень науки астрологію и астрономію, преподававшіяся тогда въ Константинополѣ въ особыхъ училищахъ. Но онъ имѣлъ съ греческимъ императоромъ еще другое сходство, которое и помѣшало установленію дружественныхъ сношеній между обоими монархами. Мотассемъ, такъ же какъ и Ѳеофилъ, былъ въ разладѣ съ большинствомъ своего духовенства, принуждая его считать коранъ созданнымъ (стр. 353); цѣлыя тысячи мухаммеданскихъ духовныхъ бѣжали отъ преслѣдованій Мотассема за границы государства, и Ѳеофилъ воспользовался этими изгнанниками для своихъ завоеваній. Впрочемъ,

и Мотассемъ, какъ кажется, возбуждалъ иконопочитателей противъ императора. Ѳеофилъ мужественно выдерживалъ нападенія халифа и Аглабитовъ, старавшихся завладѣть остальными владѣніями его въ Сициліи, и вообще, по своимъ стараніямъ улучшить финансы, полицію, архитектуру и училища и поставить во главѣ духовенства ученаго человѣка, можетъ быть названъ однимъ изъ лучшихъ правителей. Но его слава была помрачена неразумною ненавистью къ иконопочитателямъ, которыхъ онъ предавалъ жестокимъ истязаніямъ и приказывалъ клеймить, какъ преступниковъ, завистью къ заслугамъ всякаго другаго, которыя могли затмить его собственныя, и наконецъ его завѣщаніемъ, въ которомъ онъ пожертвовалъ благомъ государства любви къ своему семейству. По завѣщанію Ѳеофила, регентшею его малолѣтняго сына и наслѣдника, Михаила III, была назначена императрица Ѳеодора, женщина чрезвычайно набожная, но мало способная быть правительницею (842 г.).

Преданная иконопочитанію, Ѳеодора находилась во власти монаховъ, а потому считала первою обязанностью тотчасъ по смерти мужа возстановить почитаніе иконъ. Она старалась также примирить восточную и западную церкви, отдѣлившіяся при Михаилѣ II и Ѳеофилѣ по случаю возобновленія ими преслѣдованій противъ иконопочитателей, и расположить къ себѣ римскаго папу. Все это было очень благоразумно съ политической точки зрѣнія, но Ѳеодорѣ и ея партіи не слѣдовало пренебрегать расположеніемъ войска, которое было необходимо для императрицы, какъ это показываетъ потеря Сициліи въ 846 г. Какъ мало подобная политика соотвѣтствовала намѣреніямъ умершаго императора, можно видѣть изъ самаго состава государственнаго совѣта, даннаго имъ въ помощь императрицѣ, не смотря на всю любовь его къ ней, хотя Ѳеодора, чтобы имѣть болѣе успѣха въ своихъ стремленіяхъ возстановить иконопочитаніе, и распустила молву, что Ѳеофилъ раскаялся предъ смертью въ ненависти къ иконамъ. Членомъ государственнаго совѣта былъ, между прочимъ, и честолюбивый братъ императрицы, Вардасъ, который изъ видовъ политики считалъ необходимымъ поддерживать иконопочитателей; но вмѣстѣ съ нимъ членами этого совѣта были храбрый полководецъ Мануилъ и энергическій канцлеръ Ѳеоктистъ, явные враги иконопочитателей. Не смотря на то, Ѳеодора, съ помощью хитраго Вардаса, съ успѣхомъ выполнила свой планъ и навсегда уничтожила партію иконоборцевъ. Соборъ (842 г.), составленный ею изъ людей, мнѣнія которыхъ ей были извѣстны, возстановилъ иконопочитаніе, низложилъ патріарха Іоанна Грамматика, принадлежавшаго къ противной партіи, и поставилъ на его мѣсто Меѳодія. Такимъ образомъ Ѳеодора заслужила у восточныхъ христіанъ славу возстановительницы иконопочитанія.

Обращеніе въ христіанство болгаръ, совершившееся въ ея царствованіе, было полезно для имперіи, хотя и сдѣлалось причиною усиленія вражды между восточною и западною церковью. Введеніе христіанства между болгарами было тѣсно связано съ обращеніемъ турецкаго племени хазаръ и моравскихъ славянъ, потому что только примѣръ этихъ сосѣднихъ народовъ заставилъ тогдашняго предводителя болгаръ, Богориса, принять христіанство. Заслуга обращенія всѣхъ трехъ народовъ принадлежитъ двумъ греческимъ монахамъ, братьямъ Кириллу и Меѳодію, которые должны быть причислены къ благодѣтелямъ человѣчества, потому что провели всю свою жизнь между варварами, стараясь знакомить ихъ не съ обрядами, а съ истиннымъ ученіемъ вѣры. Одинъ изъ нихъ, Меѳодій, проповѣдовалъ болгарамъ еще въ 845 г., но безъ успѣха; вскорѣ послѣ того, братъ его, Кириллъ, обратилъ въ христіанство почти цѣлую орду хазаръ, обитавшихъ въ нынѣшнемъ Крыму. Изучивъ тогда славянскій языкъ и научивъ ему брата, Кириллъ вмѣстѣ съ нимъ отправился къ славянскому князю Ратиславу въ Моравію. Здѣсь оба брата съ успѣхомъ трудились четыре съ половиною года надъ обращеніемъ язычниковъ, и Кириллъ изобрѣлъ для новообращенныхъ особенную азбуку, годную для всѣхъ славянскихъ нарѣчій, которою и воспользовался при переводѣ библіи и греческихъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ (863 г.). Послѣ такихъ блестящихъ успѣховъ христіанства между хазарами и моравами, крестился и Богорисъ; но своимъ обращеніемъ возбудилъ противъ себя вражду большинства болгаръ, которые сознавали, что, сдѣлавшись христіанами, уже не могутъ заниматься по прежнему грабежомъ. Греки были не въ состояніи

поддерживать Богориса, и вслѣдствіе безумной расточительности Михаила не могли даже прислать новообращеннымъ необходимой церковной утвари, священныхъ одеждъ и другихъ драгоцѣнностей. Богорисъ обратился за ними къ нѣмцамъ и папѣ, хотя греческое духовенство уже утвердилось въ его странѣ. Поэтому Болгарія стала въ болѣе близкія отношенія къ западной церкви, тогда какъ князь Моравіи, ненавидѣвшій христіанство франковъ, своихъ притѣснителей, вступилъ въ самую тѣсную связь съ греками. Папа послалъ въ Болгарію итальянскихъ миссіонеровъ, которые проповѣдывали съ одинаковою ревностью и противъ грековъ, и противъ язычества. Такимъ образомъ люди, которые должны были бы принести варварамъ благовѣстіе вѣчнаго мира, братской любви и страха Божія, вовлекли своихъ послѣдователей въ споры о первенствѣ въ христіанской церкви, и это самое обстоятельство дало поводъ римскому папѣ придать этому несогласію характеръ политическаго событія, которое и повело за собою совершенное раздѣленіе церкви. Впрочемъ, болгары вскорѣ опять присоединились къ восточной церкви. Греки были къ нимъ ближе, чѣмъ франки, постоянно занятые чѣмъ-нибудь другимъ, и вслѣдствіе того въ Болгаріи вліяніе патріарховъ получило перевѣсъ. Во время этого спора только Кириллъ и Меѳодій доказали, что они трудились для вѣры и по убѣжденію. Они защищали употребленіе славянскаго языка при богослуженіи моравовъ противъ римскаго папы, требовавшаго ихъ къ себѣ на судъ, и достигли своей цѣли.

Поводомъ къ этимъ несогласіямъ церкви была сама личность императора, прежде мало заботившагося о дѣлахъ религіи; поэтому мы должны обратить особенное вниманіе на царствованіе Михаила III, человѣка жестокаго, чрезвычайно чувственнаго и не получившаго никакого образованія. Будучи еще ребенкомъ, онъ хотѣлъ играть роль императора, и, едва достигнувъ юношескаго возраста, приказалъ убить (854 г.) Ѳеоктиста, единственнаго способнаго человѣка въ государственномъ совѣтѣ, котораго онъ боялся, какъ друга своего отца; а чрезъ два года заточилъ въ монастырь и мать, братъ которой, Вардасъ, втайнѣ помогалъ императору во всѣхъ злодѣйствахъ. Ставъ самостоятельнымъ, Михаилъ сдѣлался рабомъ своихъ страстей и грубыхъ пороковъ, и въ 862 году передалъ правленіе Вардасу съ титуломъ кесаря. Верховая ѣзда, ристаніе и борьба были любимыми занятіями Михаила, окружавшаго себя людьми самыхъ низшихъ классовъ черни. Михаилъ былъ расточителенъ до невѣроятности и кощунствовалъ надъ церковными обрядами. Но Вардасъ, не смотря на свою двуличность, управлялъ государствомъ довольно хорошо; какъ умный и образованный человѣкъ, онъ покровительствовалъ вмѣстѣ съ Михаиломъ начинавшемуся тогда возрожденію наукъ и искусствъ и мужественно отражалъ нападенія арабовъ. Онъ уничтожилъ павликіанъ, превратившихся изъ преслѣдуемой еретической секты въ хищныхъ разбойниковъ, и, вмѣстѣ съ аравитянами, нападавшихъ на Грецію, изгналъ ихъ изъ горныхъ ущелій на малоазійской границѣ, гдѣ они поселились. Но, не смотря на всѣ правительственныя способности, Вардасъ своею гордостью оскорблялъ самолюбіе всякаго, тѣмъ болѣе, что управлялъ отъ имени такого недостойнаго императора. Противъ Михаила, неуважавшаго никакихъ человѣческихъ правъ и издѣвавшагося надъ церковью, патріархъ Игнатій, преемникъ Меѳодія, хотѣлъ употребить духовную власть, и однажды, публично отказавъ Вардасу въ причастіи, настоялъ на своемъ, не смотря на всѣ угрозы императора. Императоръ и кесарь рѣшились низложить неустрашимаго патріарха. Имъ не трудно было придать дѣлу видъ законности, потому что у Игнатія было много враговъ даже между духовенствомъ, ненавидѣвшимъ его за строгую нравственность; Фотій же, избранный орудіемъ мести, человѣкъ честолюбивый, одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ государствѣ и любимецъ Вардаса, имѣлъ много приверженцевъ между своими учениками. Въ 857 году Игнатій былъ сверженъ съ патріаршаго престола, а на мѣсто его возведенъ Фотій, и для подтвержденія его избранія былъ созванъ соборъ. Но этотъ поступокъ правительства имѣлъ самыя вредныя послѣдствія, такъ какъ духовенство, какъ единственное сильно организованное сословіе въ государствѣ, гдѣ произволъ одного управлялъ всѣми, обладало могуществомъ и вліяніемъ. Оно раздѣлилось на двѣ партіи, и въ одномъ и томъ же городѣ, въ одной церкви поминали патріархомъ Фотія, а въ другой — Игнатія, уже закованнаго въ цѣпи по приказанію Вардаса.

Эти распри въ духовенствѣ поставили честолюбиваго Фотія въ самое непріятное положеніе. Сознавая свою несправедливость, онъ старался вовлечь въ свои интересы римскаго папу и съ помощью его достигнуть на вселенскомъ соборѣ того, чего не могъ добиться на соборѣ однихъ греческихъ епископовъ. По разнымъ причинамъ между патріархомъ и папою уже давно прекратились всякія сношенія. Патріархъ константинопольскій не могъ согласиться на притязанія римскаго епископа на первенство его въ церкви, какъ намѣстника Петра. При императорахъ иконоборцахъ папу лишили даже значительныхъ помѣстій, принадлежавшихъ его престолу въ Сициліи, Луканіи и Калабріи. Теперь же Вардасъ и Фотій стали посылать папѣ Николаю I почетныя посольства съ приглашеніемъ принять участіе во вселенскомъ соборѣ, выказывая при этомъ намѣреніе возвратить ему отнятое и дать ему первое мѣсто на соборѣ. Впрочемъ, этотъ планъ не удался. Папа Николай I видѣлъ въ этихъ обстоятельствахъ удобный случай поставить себя въ такое положеніе и на Востокѣ, какое онъ занялъ на Западѣ во время спора о бракѣ Лотаря (стр. 468). Впрочемъ, оба римскіе посла, изъ которыхъ одинъ нѣсколько позже поступилъ также безчестно и въ дѣлѣ Лотаря, подкупленные Вардасомъ и Фотіемъ, подтвердили приговоръ надъ Игнатіемъ и избраніе Фотія. Тогда Николай, узнавъ всѣ обстоятельства дѣла, собралъ въ Римъ (863 г.) своихъ епископовъ, неодобрявшихъ распоряженій собора, и объявилъ Фотія и его приверженцевъ лишенными сана, угрожая имъ проклятіемъ въ случаѣ неповиновенія. По этому поводу завязалась горячая переписка между папою и греческимъ правительствомъ, окончившаяся формальнымъ разрывомъ, вслѣдствіе явныхъ стремленій Николая распространить свою власть на Востокѣ, какъ между франками. Конечно, это было невозможно: средоточіемъ религіи, въ ея тогдашнемъ состояніи, былъ не одинъ Константинополь, но и Римъ, и Фотій былъ такъ уменъ, что умѣлъ представить свое дѣло дѣломъ всей націи. Поддерживаемый Вардасомъ, Фотій съ своей стороны осудилъ римскаго епископа на соборѣ греческихъ епископовъ, три раза обвинялъ западную церковь въ разныхъ ересяхъ, упрекалъ римлянъ въ томъ, что они изъ честолюбія присвоили себѣ Болгарію и этимъ воспламенили вражду между церквами. Послѣ всего сдѣланнаго Фотіемъ не могло быть и рѣчи о соединеніи или даже только о примиреніи церквей.

Въ то самое время, какъ началась ожесточенная борьба между главами восточной и западной церкви, греческій императоръ поссорился съ Вардасомъ и приказалъ предательски умертвить его (866 г.). Мѣсто его занялъ любимецъ Михаила, Василій Македонянинъ, человѣкъ низкаго происхожденія, но возвысившійся до званія одного изъ первыхъ придворныхъ сановниковъ. Не получившій никакого образованія, Василій имѣлъ много природныхъ способностей и сдѣлался любимцемъ императора за свое искусство въ гимнастикѣ и верховой ѣздѣ. Умѣя приноравливаться ко всѣмъ порокамъ и прихотямъ императора, Василій мало-помалу вошелъ къ нему въ такую милость, что императоръ едва не женилъ его на своей сестрѣ, Евдокіи, и назначилъ его кесаремъ на мѣсто убитаго Вардаса. Съ тѣхъ поръ Василій сталъ настоящимъ правителемъ государства во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ, а во время патріаршества Фотія столь же произвольно распоряжался и церковными; императоръ же, бросивъ всѣ занятія, думалъ только объ удовлетвореніи своихъ низкихъ страстей. Государство находилось въ самомъ печальномъ положеніи: Сицилія была окончательно потеряна, а въ Италіи, города, еще державшіеся до тѣхъ поръ, подпали власти аравитянъ или лонгобардовъ. Аравитяне стремились распространить свои владѣнія до Адріатическаго моря и уже овладѣли Рагузой. Попытка возвратить Критъ, находившійся во власти невѣрныхъ, совершенно не удалась, а наконецъ, въ 865 году, толпы норманновъ, впослѣдствіи извѣстныхъ въ Греціи подъ именемъ россовъ, спустившись по Днѣпру къ Черному морю, ограбили прибрежныя страны и острова и даже подступили къ столицѣ греческаго государства. Къ счастью, буря, разбившая норманнскія суда, заставила ихъ удалиться. Не смотря на всѣ эти бѣдствія, Михаилъ еще долго бы удержался на престолѣ, если бы не заставилъ новаго любимца опасаться за свою жизнь. Василій давно уже предвидѣлъ, что Михаилъ погубитъ самъ себя и потому, сдѣлавшись кесаремъ, тотчасъ же перемѣнилъ политику. Эта перемѣна и титулъ, который носилъ Василій, имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ, что императоръ и его кесарь стали съ недовѣріемъ смотрѣть другъ

на друга. Василій еще сдерживался чувствомъ благодарности къ императору, но самъ Михаилъ далъ ему право смотрѣть иначе на свои отношенія къ нему, объявивъ ему однажды, что и всякій другой можетъ быть на его мѣстѣ и что Василій только созданіе его императорской прихоти. Вскорѣ послѣ того Михаилъ палъ жертвою заговора (867 г.), во главѣ котораго находился Василій. Впрочемъ, Василій, повидимому, неохотно согласился на умерщвленіе Михаила.

Съ воцареніемъ Василія I на константинопольскій престолъ вступила новая, такъ называемая, македонская династія. Сдѣлавшись императоромъ, Василій дѣйствовалъ такъ хорошо, что всякій разсудительный человѣкъ охотно бы забылъ объ участіи его въ порочныхъ забавахъ Михаила и о его низкомъ происхожденіи. Первымъ дѣломъ его было удалить Фотія и возстановить Игнатія. Этою мѣрою онъ надѣялся не только примирить съ правительствомъ духовенство и монаховъ, но и возобновить дружескія сношенія съ папою и чрезъ него помириться съ своими сосѣдями. Впрочемъ, достигнувъ цѣли и утвердившись окончательно на престолѣ, Василій перемѣнилъ политику. Споръ между церквами возобновился и по смерти Игнатія, Фотій, приверженцы котораго занимали почти всѣ высшія духовныя должности, снова занялъ патріаршій престолъ, и хотя преемникъ Василія опять низложилъ его, но возстановленіе единства христіанской церкви сдѣлалось навсегда невозможнымъ.

5. Исторія Каролинговъ отъ смерти Людовика Нѣмецкаго до Людовика Дитяти.

Стараніями императора Василія I утвердиться на константинопольскомъ престолѣ посредствомъ союза съ папою воспользовался императоръ Людовикъ II для осуществленія своихъ намѣреній относительно Италіи. Онъ уже старался отнять у аравитянъ Бари, самый укрѣпленный городъ на берегахъ Южной Италіи, и тщетно цѣлыхъ три года осаждалъ этотъ городъ. Флотъ Людовика, состоявшій изъ далматскихъ корабліей, не могъ ничего сдѣлать, и Бари былъ взятъ только тогда, когда Василій, вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ соображеній, послалъ свой флотъ на помомощь Людовику (871 г.) Но вслѣдствіе этого общаго предпріятія, между греческимъ и римскимъ императорами снова вспыхнула старая вражда, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Василій своими интригами разстроилъ всѣ планы Людовика относительно Италіи. Людовикъ былъ даже захваченъ въ плѣнъ своимъ вассаломъ, герцогомъ беневентскимъ, Адельгисомъ, и содержался подъ строгимъ присмотромъ до тѣхъ поръ, пока ие поклялся возвратить Беневенту конституцію, данную Гримоальдомъ (стр. 466). Затѣмъ Адельгисъ помогъ грекамъ утвердиться въ нижней Италіи въ то самое время, когда аравитяне распространяли свои владѣнія въ окрестностяхъ Салерно, такъ что по смерти Людовика греки завладѣли и городомъ Бари.

Когда Людовикъ II умеръ, въ 875 г., не оставивъ наслѣдниковъ мужескаго пола, на упразднившійся императорскій престолъ и владѣнія въ Италіи предъявили притязанія сыновья Людовика Благочестиваго: Карлъ Лысый и Людовикъ Нѣмецкій. Карлъ быстро двинулся въ Италію, а Людовнкъ, пославъ туда сыновей, Карломана и Карла Толстаго: самъ съ третьимъ своимъ сыномъ вторгнулся во Францію. Карлъ Лысый, сторону котораго держалъ и папа, обманулъ одного изъ своихъ племянниковъ ложными обѣщаніями, а другой, дойдя до Бергамо, долженъ былъ отступить самъ, потому что грабежи его войскъ вывели жителей изъ терпѣнія и произвели всеобщее возстаніе. Такимъ образомъ Карлъ предупредилъ брата и его сыновей и получилъ въ Римѣ императорскую корону, но долженъ былъ поспѣшить во Францію, созвавъ передъ отъѣздомъ государственный сеймъ и верховный судъ въ Павіи, для того чтобы оставить въ какихъ-нибудь актахъ и документахъ воспоминаніе о своемъ непродолжительномъ пребываніи въ Италіи. Во Франціи онъ нашелъ бы въ братѣ болѣе опаснаго соперника, если бы тотъ не умеръ вскорѣ послѣ того (876 г.). Карлъ думалъ извлечь выгоду изъ неожиданной смерти брата и присоединить къ себѣ часть его владѣній; но нѣмцы не были расположены повиноваться кому-нибудь другому,

кромѣ своихъ наслѣдственныхъ государей, и Карлъ, разбитый ими на голову при Андернахѣ, потерялъ въ этой битвѣ почти всю армію, лагерь и довольно богатую казну.

Эта потеря, безпрерывныя нападенія норманновъ и пристрастіе императора къ блеску поставили его въ весьма затруднительное положеніе. Источники доходовъ стали изсякать, и когда Іоаннъ VIII, тѣснимый греками и аравитянами, звалъ Карла въ Италію, императоръ для улучшенія финансовъ долженъ былъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Такъ какъ это предпріятіе было личнымъ дѣломъ императора, нисколько не касавшимся государства, то Карлу необходимо было задобрить вельможъ тяжкими пожертвованіями. Возвышеніе налоговъ усилило бѣдствія всѣхъ классовъ населенія, а потворство Карла дворянству имѣло результатомъ то, что во Франціи въ его царствованіе графы изъ предсѣдателей судовъ и предводителей войска впервые сдѣлались настоящими владѣльцами и правителями округовъ. Но Карла несправедливо обвиняютъ въ томъ, что онъ формально подтвердилъ это и ввелъ въ законодательство принципъ наслѣдственности графскихъ владѣній. Отправляясь въ Италію, Карлъ назначилъ временнымъ правителемъ государства сына, Людовика Косноязычнаго, но въ данной ему инструкціи, какъ и всегда, обратилъ болѣе вниманіе на свои личныя выгоды, чѣмъ на благо государства: въ этой инструкціи говорится болѣе всего объ охотѣ. Избирая себѣ наслѣдника, Карлъ точно такъ же располагалъ государствомъ совершенно произвольно, какъ будто своею собственностью, не обращая никакого вниманія на желанія и согласіе народа, хотя не задолго предъ тѣмъ самъ формально призналъ право народа избирать королей.

Прибывъ въ 877 году въ Верхнюю Италію, куда на встрѣчу ему выѣхалъ папа, Карлъ съ ужасомъ узналъ, что противъ него идетъ съ сильнымъ войскомъ Карломанъ, который, примирившись, послѣ кровопролитной войны, съ моравскимъ княземъ Святополкомъ и получивъ отъ него сильное вспомогательное войско, сдѣлался самымъ опаснымъ противникомъ французскаго короля. Узнавъ, что войско Карломана значительно сильнѣе его собственнаго, Карлъ тотчасъ же воротился назадъ, не отваживаясь попытать счастья въ битвѣ. Нѣмцы назвали отступленіе Карла трусостью, но они могли бы назвать и самый походъ его безуміемъ, потому что Карлъ былъ рѣшительно неспособенъ выполнять свои предпріятія и не имѣлъ необходимыхъ для этого средствъ. Всѣ ничтожныя средства Франціи были недостаточны для отраженія норманновъ. Впрочемъ, возвращаясь во Францію, Карлъ имѣлъ въ виду дать время охладиться первому пылу итальянцевъ и подождать въ южной франціи, пока дикія толпы Карломана не начнутъ грабежей, а папа, не расположенный къ нѣмцамъ, не пріобрѣтетъ снова утраченнаго имъ вліянія. На возвратномъ пути Карлъ неожиданно умеръ (октябрь, 877 г.), и, согласно духу тогдашняго времени, говорятъ, что онъ былъ отравленъ своимъ лейбъ-медикомъ, евреемъ.

Іоаннъ VIII охотно согласился бы дать императорскую корону сыну Карла, Людовику Косноязычному, наслѣдовавшему во Франціи послѣ отца; но сынъ Карла, слабый и болѣзненный, съ трудомъ управлялъ и одною Франціею. Баварскаго короля Карломана Іоаннъ не хотѣлъ признать императоромъ, такъ какъ во главѣ его партіи въ Италіи стояли могущественные владѣтели, Ламбертъ Сполетскій и Адельбертъ Тусційскій (Тосканскій), отъявленные враги папы. Іоаннъ находился въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны, онъ не былъ безопасенъ отъ нападеній мухаммеданъ даже въ своей резиденціи и долженъ былъ обязаться платить имъ ежегодную дань. Съ другой— Ламбертъ и Адельбертъ, неожиданно проникнувъ въ Римъ (878 г.), принудили аристократію города присягнуть въ вѣрности баварскому королю и долгое время держали папу въ заключеніи. Въ этой крайности папа напалъ на мысль предложить корону Италіи павійскому герцогу Бозону, бывшему прежде намѣстникомъ Карла Лысаго въ Италіи. Но Бозонъ имѣлъ мало приверженцевъ и не былъ достаточно могущественъ, чтобы отражать внѣшнихъ враговъ. Іоаннъ долженъ былъ признать Карломана королемъ Италіи, но, когда умеръ Людовикъ Косноязычный (879 г.), Бозонъ съ помощью папы нашелъ удобный случай достигнуть королевской власти инымъ путемъ. Въ южной Франціи епископы издавна пользовались еще большею свѣтской властью, чѣмъ во всѣхъ другихъ про-

винціяхъ. Папа и Бозонъ дали имъ понять, что для нихъ же будетъ выгоднѣе доставить независимость своему герцогу и избавить отъ необходимости участвовать во всѣхъ войнахъ франковъ. Епископы созвали на одной изъ равнинъ Дофинэ многолюдный сеймъ, на которомъ положено было образовать новое королевство и передать корону герцогу Бозону. Въ благодарность за то, Бозонъ одарилъ духовенство большими помѣстьями, а дворянъ освободилъ отъ обязанности нести службу. Его наслѣдникъ также долженъ былъ слѣдовать его примѣру, и такимъ образомъ сдѣлался самымъ бѣднымъ и безсильнымъ изъ тогдашнихъ владѣтелей. Новое королевство, — носившее имя Прованса и неправильно называемое позднѣйшими историками а р е л а т с к и м ъ, по городу Арлю, или, въ отличіе отъ другихъ бургундскихъ владѣній, Ц и с ъ - ю р а н с к о ю и н и ж н е ю Б у р г у н д і е ю,—заключало въ себѣ, кромѣ провинціи Дофинэ, часть Лангедока, Савои и Бургундіи, окрестности Ліона, Франшъ-Контэ и окрестности Лозанны.

Отпаденіе Бозона еще усилило несчастія падающей каролингской династіи, которая послѣ того никогда уже не могла возстановить прежняго величія; но послѣдствія насилій ея основателей обнаружились не ранѣе, какъ цѣлое столѣтіе спустя. Изъ законныхъ наслѣдниковъ Карла Великаго оставалось въ живыхъ только шесть: три сына Людовика Нѣмецкаго—К а р л о м а н ъ, Л ю д о в и к ъ III и К а р л ъ Т о л с т о й, и сыновья Людовика Косноязычнаго — Л ю д о в и к ъ III, К а р л о м а н ъ и К а р л ъ П р о с т о д у ш н ы й. Пятеро изъ нихъ погибли отъ неизвѣстной руки, и только Карлъ Простодушный, родившійся по смерти отца, могъ бы быть счастливѣе, если бы не умеръ въ раннихъ лѣтахъ. Способнѣйшій изъ нихъ, Карломанъ Баварскій, разбитый въ 878 году параличемъ, лишился употребленія языка и до самой смерти (880 г.) находился въ этомъ печальномъ положеніи. Карломанъ не оставилъ послѣ себя другихъ наслѣдниковъ, кромѣ одного побочнаго сына, доблестнаго А р н у л ь ф а, герцога к а р и н т с к а г о. Братъ Карломана, Людовикъ III, король средней и сѣверной Германіи, имѣлъ несчастье быть свидѣтелемъ пораженія своихъ храбрѣйшихъ вассаловъ въ войнахъ съ норманнами. Хотя самъ онъ при каждой встрѣчѣ разбивалъ этихъ хищниковъ, но, болѣзненный по природѣ, не могъ дѣлать постоянныхъ усилій и въ 882 г. скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, не оставивъ послѣ себя и наслѣдниковъ. Третій братъ, Карлъ Толстой, герцогъ швабскій, еще въ юности сходившій съ ума, впослѣдствіи окончательно лишился разсудка. Получивъ отъ папы императорскую корону, онъ, въ 881 году, по смерти роднаго и двоюродныхъ братьевъ, соединилъ подъ своею властью каролингскія государства, но, не будучи въ состояніи управиться и съ однимъ своимъ герцогствомъ, тѣмъ менѣе могъ нести на себѣ все бремя управленія обширнымъ государствомъ и умеръ (888 г.) въ неизвѣстности. Изъ трехъ Каролинговъ французской линіи, несчастный Карлъ Простодушный еще долгое время влачилъ свое жалкое существованіе и умеръ въ глубокой старости. Людовикъ III и Карломанъ не были лишены военныхъ дарованій и прославились своими войнами съ норманнами; но судьба не благопріятствовала имъ: оба они умерли вскорѣ по кончинѣ отца. Внутри государства связь между подданными и правителемъ, ослабленная еще Карломъ Лысымъ, теперь, казалось, окончательно распалась. Бозонъ, отторгнувъ отъ Франціи лучшія провинціи, объявилъ себя независимымъ; пиренейскія области были также потеряны, хотя по имени и продолжали признавать власть Каролинговъ. Б е р н г а р д ъ В о л о с а т ы й и его сынъ, В и л ь г е л ь м ъ Б л а г о ч е с т и в ы й, основали самостоятельное маркграфство барселонское, а герцоги аквитанскіе и графы тулузскіе управляли своими землями какъ независимые владѣтели, не обращая никакого вниманія на короля. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе такого положеніе дѣлъ авторитетъ правительства долженъ былъ ослабѣть; Людовикъ III и Карломанъ не могли побѣдить Бозона, не смотря на то, что еще Карлъ Толстой помогалъ имъ своими нѣмецкими войсками (880 г.). Еще менѣе можно было думать объ отраженіи норманновъ, страшно опустошавшихъ тогда владѣнія Каролинговъ.

Въ 884 г., по смерти Людовика III и Карломана, когда изъ всѣхъ Каролинговъ остались въ живыхъ только двое: Карлъ Толстой, владѣвшій Германіею и Италіею, и его двоюродный братъ, несовершеннолѣтній Карлъ Простодушный, французскіе вельможи вручили императорскую корону Карлу Толстому. Такимъ образомъ на человѣка, который едва могъ носить самъ себя, возложили все бремя

управленія имперіею и тремя королевствами. Если бы даже Карлъ имѣлъ обыкновенныя человѣческія способности, то и тогда онъ не могъ бы ничего сдѣлать въ эпоху, когда правитель долженъ былъ быть всѣмъ или ничѣмъ, когда всѣ важныя дѣла могли быть разрѣшаемы только имъ самимъ, когда не было и слѣдовъ порядка, а норманны наводили ужасъ своими набѣгами. Бозонъ остался владѣтелемъ королевства Бургундіи и даже передалъ его сыну, Людовику, который, будучи впослѣдствіи ослѣпленъ, получилъ прозвище Слѣпаго. Карлъ согласился наконецъ уступить ему королевскій титулъ, и за то Людовикъ, въ свою очередь, призналъ себя его вассаломъ. Въ Германіи графъ Поппонъ, называвшій себя герцогомъ тюрингскимъ, надѣясь на вліяніе своего брата, умнаго маркграфа Генриха, который былъ всемогущъ при дворѣ Карла, дѣйствовалъ въ высшей степени произвольно. Онъ до того оскорбилъ саксонцевъ, что графъ ихъ, Эгенонъ, безъ вѣдома императора началъ съ нимъ войну и побѣдилъ его въ трехъ кровопролитныхъ сраженіяхъ. Сынъ Лотаря II, полудикій Гуго, соединился въ 885 г. съ норманнскимъ предводителемъ Готтфридомъ, получившимъ отъ Карла послѣ обращенія въ христіанство княжество Фрисландію, и вмѣстѣ съ нимъ совершалъ страшныя опустошенія. Карлъ избавился отъ нихъ хитростью, предательски захвативъ ихъ во время переговоровъ и приказавъ одного изъ нихъ умертвить, а другаго ослѣпить и заключить въ монастырь. Въ Италіи никто не хотѣлъ повиноваться императору, а Карлъ не могъ довѣрять тамъ ни одному изъ своихъ родственниковъ. Въ 883 г. онъ самъ отправился въ Италію, потому что папа, по случаю новой распри съ греческой церковью и непріязненныхъ отношеній къ честолюбивому Гвидо, герцогу сполетскому, снова очутился въ опасномъ положеніи. Карлъ изгналъ Гвидо и вмѣсто него возвысилъ Беренгара I, маркграфа фріульскаго, который, какъ сынъ Гизелы, дочери Людовика Благочестиваго, былъ очень близкимъ родственникомъ императора. Въ благодарность за то, Беренгаръ вѣроломно покинулъ императора въ одномъ изъ его походовъ и соединился съ Гвидо. Только племянникъ Карла, Арнульфъ, герцогъ каринтскій, доказалъ въ эти смутныя и печальныя времена свою энергію и вѣрность императору. Еще въ 882 г., овладѣвъ Баваріей, онъ все-таки призналъ Карла верховнымъ главою и продолжалъ защищать границы государства отъ моравскихъ славянъ и поддерживать оружіемъ интересы своего дяди. Поэтому и франкскіе графы Венгріи, тѣснимые Святополкомъ, отдались подъ его покровительство, а наконецъ и самъ Святополкъ, опасаясь быть аттакованнымъ съ двухъ сторонъ, Арнульфомъ и Карломъ, призналъ себя вассаломъ императора.

Истиннымъ несчастіемъ для императора была потеря его доблестнаго полководца, маркграфа Генриха, умершаго въ половинѣ втораго года царствованія Карла. Генрихъ велъ за него его войны, а французы только потому и предложили корону Карлу, что надѣялись въ его нѣмецкихъ и итальянскихъ войскахъ найти себѣ защиту отъ норманновъ, которые стали угрожать самому Парижу. Какъ уже сказано выше, Карлъ освободился отъ герцога норманнскаго Готтфрида и его союзника, Гуго, съ помощью вѣроломства. Вскорѣ послѣ того, вѣроятно, въ намѣреніи отмстить за это вѣроломство, безчисленныя толпы норманновъ, подъ предводительствомъ Зигфрида, одного изъ родственниковъ Готтфрида, вторглись во Францію и осадили Парижъ. Вельможи и окрестные вассалы несвязанные между собою ничѣмъ, спокойно удалились, какъ будто бы война эта вовсе не касалась ихъ. Храбрый маркграфъ Генрихъ, высланный Карломъ противъ норманновъ, былъ разбитъ ими. Самъ Карлъ, появившись на короткое время вблизи города, въ припадкѣ уныніе и горести, а можетъ быть, и не считая себя безопаснымъ даже среди своего народа, снова удалился. Съ норманнами заключенъ былъ договоръ, по которому не только окрестные города, но и вся Бургундія была отдана имъ для грабежа (886 г.). Само собою разумѣется, что послѣ этого французы отпали отъ Карла и избрали королемъ мужественнаго Одона, графа парижскаго, который спасъ тогда народъ и страну, тогда какъ Карлъ нѣкоторымъ образомъ самъ освободилъ отъ присяги своихъ французскихъ подданыхъ, лишивъ ихъ своего покровительства. Нѣмцамъ, которые уже давно потеряли къ нему уваженіе, скоро наскучило его управленіе. По смерти Генриха, ведшаго за него всѣ его войны, и удаленіи отъ двора архиканцлера Ліутварда, управлявшаго всѣми гражданскими дѣлами, онъ окончательно сошелъ съ ума или, точнѣе, безуміе

его сдѣлалось очевиднѣе. Это побудило наконецъ всѣ сословія германскаго народа, собравшіяся осенью 887 г. на сеймъ въ Трибурѣ, объявить Карла неспособнымъ къ власти и предложить корону его племяннику, Арнульфу, который, происходя отъ Каролинговъ, въ тоже время имѣлъ достаточно энергіи, чтобы удержать въ соединеніи распадающееся государство. Карлъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Говорятъ, что послѣ низверженія онъ впалъ въ крайнюю бѣдность и, какъ нищій, долженъ былъ вымаливать пропитаніе у своего племянника и преемника; но разсказъ этотъ, кажется, вымышленъ, для того чтобы придать его исторіи трагическій конецъ, представивъ потомка знаменитой фамиліи и въ тоже время владѣтеля трехъ королевствъ и западныхъ имперій оставленнымъ всѣми и умирающимъ въ нуждѣ и бѣдности. По крайней мѣрѣ низверженіе Карла не было причиною его нищеты, потому что, удержавъ за собою одно изъ своихъ помѣстій, онъ при этомъ не имѣлъ нужды заботиться о людяхъ, которые оставили его всѣ до одного, а къ тому же и самъ скончался вскорѣ послѣ низверженія.

Со смертью Карла установился, повидимому, новый порядокъ вещей. Имперія распалась на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ. Арнульфъ былъ признанъ королемъ германскимъ и лотарингскимъ, а Одонъ Парижскій былъ избранъ королемъ Франціи. Беренгаръ I Фріульскій принялъ титулъ короля Италіи, сынъ Бозона, Лодовикъ Слѣпой, за котораго управляла его умная мать, дочь императора Людовика II, владѣлъ всею страною отъ вершинъ Юры до Роны, а Рудольфъ I, внукъ дочери Людовика Благочестиваго, сдѣлался королемъ странъ между Юрою и Тиролемъ, которыми онъуже двѣнадцать лѣтъ управлялъ съ титуломъ герцога или намѣстника и которыя съ этихъ поръ стали называться Верхнею или Трансъ-юранскою Бургундіею. Арнульфъ могъ предъявить притязаніе и на всю имперію, но это потребовало бы громадныхъ усилій, и онъ съ благоразумною умѣренностью отказался отъ нѣкоторыхъ частей имперіи, довольствуясь тѣмъ, что Одонъ и Людовикъ уступили ему первенство; за это онъ призналъ за ними независимость ихъ владѣній. Въ Италіи же и Трансъ-юранской Бургундіи Арнульфъ долженъ былъ поддерживать свою верховную власть силою оружія. Впрочемъ, нѣмцы не могли принудить къ покорности владѣтеля этой страны, который удалился въ горы, гдѣ былъ въ безопасности отъ враговъ, и Арнульфъ могъ возстановить свою власть только въ равнинахъ. Въ Италію же Арнульфъ предпринялъ походъ не прежде, какъ по совершенномъ усмиреніи своихъ страшнѣйшихъ враговъ — норманновъ и моравовъ.

Въ то время безчисленныя толпы норманновъ, къ которымъ, по бѣдности, любви къ хищничеству и войнѣ, присоединилось много разной сволочи, напали на Нидерланды, страшно опустошили страну и уничтожили при Люттихѣ германское войско, выступившее противъ нихъ подъ предводительствомъ епископа майнцскаго и другихъ вождей. Арнульфъ собралъ противъ нихъ алеманновъ и западныхъ или рейнскихъ франковъ; но первые не захотѣли идти такъ далеко и король долженъ былъ выступить въ походъ только съ франками и вооруженною свитою своихъ друзей. Между тѣмъ норманны укрѣпились подъ Лувеномъ и, окруживъ лагерь рвомъ, сдѣлали эту болотистую мѣстность еще неприступнѣе. Здѣсь они въ полной самоувѣренности ожидали приближеніе короля, который не могъ вредить имъ своимъ войскомъ, состоявшимъ почти изъ одной конницы. Но Арнульфъ приказалъ своимъ спутникамъ спѣшиться и, взявъ приступомъ лагерь норманновъ, истребилъ ихъ почти всѣхъ (891 г.). Къ несчастью, отразивъ сѣверныхъ варваровъ, Арнульфъ самъ призвалъ въ свою землю другихъ враговъ общественнаго спокойствія. Послѣ побѣды надъ норманнами, обратившись противъ моравскихъ и богемскихъ славянъ (чеховъ), онъ думалъ усмирить ихъ съ помощью дикихъ мадьяровъ, но этимъ самымъ подвергнулъ государство еще большему бѣдствію, чѣмъ то, которое угрожало ему со стороны норманновъ. Мадьяры стали нападать на наименѣе защищенныя части Германіи, тогда какъ набѣги норманновъ были направлены только на тѣ области государства, гдѣ они всегда могли встрѣтить энергическій отпоръ. Мадьяры или угры, принадлежащіе къ финскому племени (стр. 363), были полудикій и грубый кочевой народъ, въ родѣ тѣхъ номадовъ, которые и теперь еще кочуютъ въ низовьяхъ Волги. Выйдя изъ Азіи, мадьяры перекочевали сначала къ рѣкѣ Тереку и потомъ заняли страну между Дономъ и Днѣпромъ, которую незадолго передъ тѣмъ оставили

болгары, нашедшіе болѣе привольныя для себя мѣстности въ низовьяхъ Дуная. По описаніямъ современниковъ Арнульфа, мадьяры, какъ и всѣ неосѣдлыя племена древнихъ скиѳовъ, кочевали въ крытыхъ телѣгахъ, въ которыхъ перевозили съ одного мѣста на другое женъ и дѣтей и которыя въ тоже время служили имъ жилищами. Одѣтые въ звѣриныя шкуры, они питались молокомъ и сырымъ мясомъ рыбъ и дикихъ животныхъ и отличались на войнѣ звѣрскою лютостью. Около 834 г. печенѣги или печенѣры, кочевой народъ турецкаго племени, побѣдивъ мадьяръ, оттѣснили ихъ въ Бессарабію, Молдавію и Валахію. Здѣсь мадьяры познакомились съ греками и нѣмцами и даже помогали императору Василію I въ войнѣ его съ болгарами. Въ войнѣ съ моравскими славянами Арнульфъ хотѣлъ искать помощи не мадьяровъ, а болгарскаго царя Симеона; но его послы нашли, что мадьяры охотнѣе болгаръ соглашались на этотъ хищническій набѣгъ, и потому пригласили ихъ. Безчисленныя толпы мадьяровъ вторгнулись въ Моравію, и Арнульфъ, побѣдивъ съ помощью ихъ моравскаго князя Святополка, принудилъ его платить дань и отдать въ заложники сына. Послѣ этого мадьяры хотѣли возвратиться на родину, но, узнавъ, что ее заняли въ то время печенѣги и болгары, бросились въ нынѣшнюю Галицію. По смерти Арнульфа, они, подъ предводительствомъ Арпада, проникли въ Панноніо или Венгрію; франкскіе графы этой области, не получая помощи изъ Германіи, не могли отразить варваровъ, которые и поселились по теченію Тиссы. Впослѣдствіи (894 г.), когда при сынѣ Святополка моравское государство распалось, они распространили свои завоеванія на востокъ до Трансильваніи и на западъ до Грана и Моравы. Съ этихъ поръ мадьяры стали предпринимать набѣги на нѣмцевъ, опустошая, какъ дикіе звѣри, всѣ страны до Эльбы, Рейна и Мааса и, доходя иногда до Роны и Луары, нападали на славянъ, жившихъ между Венгріею и Италіею и нерѣдко даже проникали на Апеннинскій полуостровъ. Поэтому одинъ историкъ десятаго столѣтія не совсѣмъ безосновательно обвиняетъ Арнульфа въ томъ, что будто бы для достиженія императорской короны и подчиненія Италіи посредствомъ побѣды надъ моравами онъ призвалъ на помощь дикій, хищный народъ и этимъ навлекъ новыя бѣдствія на государство франковъ.

Съ воцареніемъ Беренгара I (888 г.), Италія нѣкоторое время наслаждалась спокойствіемъ, потому что Гвидо Сполетскій отправился тогда во Францію, гдѣ надѣялся быть избраннымъ въ короли на мѣсто Карла Толстаго. Но, видя, что надеждамъ его не суждено исполниться, онъ въ концѣ 888 года возвратился въ Италію и, поддерживаемый своими французскими приверженцами, началъ войну съ Беренгаромъ. Нѣсколько разъ разбитый противникомъ, Беренгаръ принужденъ былъ просить помощи у Арнульфа. Арнульфъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ весьма осторожно, и хотя послалъ на помощь Беренгару, съ которымъ былъ въ роднѣ, своего побочнаго сына, Цвентибольда или Святополка, но отклонилъ всѣ предложенія итальянцевъ и папы, не желая вооружить противъ себя обоихъ претендентовъ. Святополкъ, какъ грубый варваръ, позволилъ Гвидо подкупить себя, и если даже обвиненіе это несправедливо, то во всякомъ случаѣ поведеніе его было такъ двусмысленно, что Беренгаръ долженъ былъ еще разъ прибѣгнуть къ помощи Арнульфа; но Арнульфъ и на этотъ разъ не рѣшался идти въ Италію. Наконецъ Гвидо добился того, что въ 891 году папа Стефанъ V, расположенный въ его пользу, короновалъ его римскимъ императоромъ и заставилъ епископовъ, за три года передъ тѣмъ торжественно признавшихъ королемъ его противника, присягнуть ему въ вѣрности. Не смотря на то, Арнульфъ все еще не являлся въ Италію, и преемникъ Стефана, Формозъ, долженъ былъ рѣшиться на неслыханный поступокъ и короновать императорскою короною малолѣтняго сына Гвидо, Ламберта какъ соправителя отца (892 г.). Гвидо господствовалъ въ Верхней и Средней Италіи около двухъ лѣтъ. Беренгаръ долженъ былъ запереться въ своихъ замкахъ, и въ это же время греки и аравитяне распространяли свои завоеванія въ южной Италіи. Положеніе папы, стѣсненнаго со всѣхъ сторонъ, становилось со дня на день затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что тогда возобновились и споры съ греческою церковью.

Усмиривъ моравовъ, Арнульфъ явился наконецъ въ Верхнюю Италію (894 г.), но, повидимому, только съ намѣреніемъ напасть со стороны Тичино на главнаго врага своего, Рудольфа Верхне-бургундскаго, съ которымъ онъ воевалъ безуспѣшно

на сѣверѣ. Планъ этотъ не удался. Дойдя до Пьяченцы, Арнульфъ долженъ былъ возвратиться за Альпы: жаркій климатъ, неумѣренность нѣмцевъ и въ особенности нездоровый воздухъ береговъ похитили у него большую часть войска. Его сынъ, Святополкъ, посланный имъ въ горы, не имѣлъ успѣха, потому что Рудольфъ по прежнему скрылся въ свои альпійскіе ледники. Единственная выгода, извлеченная Арнульфомъ изъ этого похода, состояла въ томъ, что срытіемъ и занятіемъ нѣкоторыхъ крѣпостей онъ облегчилъ себѣ новый походъ въ Италію. Вскорѣ по удаленіи нѣмцевъ Гвидо умеръ, и Арнульфъ вторично явился въ Италію (895 г.). На этотъ разъ онъ предпринялъ походъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завладѣть страною и высказалъ это такъ ясно, что даже Беренгаръ, отпавъ отъ него, заключилъ союзъ съ зятемъ Гвидо, маркграфомъ тосканскимъ Адельбертомъ. Положеніе Италіи сдѣлалось еще печальнѣе, чѣмъ можно было ожидать; она испытывала еще большія бѣдствія, чѣмъ Франція и пограничныя области Германіи, положеніе которыхъ было ужасно. На сѣверѣ отъ Альповъ отсутствіе всякаго благоустройства соотвѣтствовало по крайней мѣрѣ суровости климата и необразованности населенія. Италія же, въ особенности сѣверная часть ея, наслаждавшаяся долголѣтнимъ миромъ подъ своимъ голубымъ небомъ, все еще стояла выше, по своей образованности, чѣмъ прочія части прежней римской имперіи. Когда Арнульфъ вторично явился въ Италію, греки, единственный народъ, наслаждавшійся тогда миромъ и, не смотря на разстройство государства, имѣвшій довольно сносное правительство, возобновили свои притязанія на южныя оконечности полуострова, желая вознаградить себя за потерю Сициліи. Незадолго передъ тѣмъ, подъ начальствомъ Никифора Фоки и Симватія, они нанесли аравитянамъ нѣсколько пораженій и, завладѣвъ снова всѣмъ берегомъ Калабріи, принудили вступить въ союзъ съ ихъ императоромъ города Салерно, Амальфи и Капуу, а въ 891 году завоевали и Беневентъ, который, впрочемъ, вскорѣ послѣ того былъ отнятъ у нихъ Гвидо. Епископъ Неаполя, Аѳанасій, провозгласивъ себя герцогомъ, вошелъ въ сношенія съ арабскими хищниками и вмѣстѣ съ ними предпринималъ разбойничьи набѣги на окрестности Рима, гдѣ въ то время папа Формозъ съ самаго дня своего избранія спорилъ съ антипапою Сергіемъ. Наконецъ въ Верхней Италіи, вдова Гвидо, Ингельтруда, насильственно завладѣла императорскою коропою для своего малолѣтняго сына. Къ довершенію всего, явились еще нѣмцы, отъ которыхъ Италія терпѣла страшныя бѣдствія, такъ какъ она не могла доставить такого изобилія съѣстныхъ припасовъ, къ которому привыкли суровые сыны сѣвера, а съ другой стороны представляла имъ наслажденія, о которыхъ они не имѣли понятія дома. Господствовавшее въ ту эпоху варварство и рѣшительное отсутствіе всякихъ понятій о дисциплинѣ и порядкѣ сдѣлали войска Арнульфа настоящимъ бичомъ страны. Привыкнувъ къ современному состоянію цивилизаціи, мы не можемъ представить себѣ всѣхъ совершавшихся тогда ужасовъ. О правѣ и справедливости, за немногими исключеніями, не могло быть и рѣчи; повсюду господствовало одно насиліе и грубыя наслажденія цѣнились тѣмъ выше, чѣмъ меньше были ослаблены тогда физическія силы людей. Впрочемъ, понятно, что въ такую эпоху, когда существованіе было возможно только для характеровъ, одаренныхъ въ высшей степени энергическою индивидуальностью, являлись отдѣльныя личности, столь же удивляющія насъ благочестіемъ, нравственнымъ величіемъ и возвышенностью стремленій, какъ и массы народа поражаютъ насъ своею грубостью и варварствомъ.

Въ Верхней Италіи Арнульфъ встрѣтилъ самое незначительное сопротивленіе, но тѣмъ труднѣе было овладѣть Римомъ, гдѣ Ингельтруда имѣла многочисленныхъ приверженцевъ и приготовилась къ упорной защитѣ, а папа Формозъ былъ совершенно стѣсненъ своимъ соперникомъ. Чтобы войти въ Римъ, король долженъ былъ сломать ворота и часть стѣны и могъ овладѣть городомъ только по удаленіи Ингельтруды и многочисленныхъ противниковъ папы. Занявъ городъ, Арнульфъ строго наказалъ враговъ: нѣкоторые изъ нихъ были казнены, а оба патриція (первые сенаторы) схвачены и отосланы въ Баварію. Формозъ короновалъ Арнульфа императоромъ. Непонятно, какимъ образомъ папа могъ рѣшиться на этотъ поступокъ и признать недѣйствительнымъ совершенное имъ за годъ передъ тѣмъ коронованіе Ламберта. Итальянцы имѣли тѣмъ болѣе права считать коронованіе Арнульфа пустою церемоніею, что самъ Арнульфъ, заболѣвъ въ

Италіи, долженъ былъ для поправленія здоровья возвратиться въ Германію (896 г.), а Беренгаръ заключилъ съ Ламбертомъ союзъ, чтобы съ помощью его отнять у нѣмцевъ завоеванное ими герцогство Фріульское. По удаленіи нѣмцевъ, Ламбертъ, дѣйствительно, достигъ спокойнаго обладанія владѣніями отца, а Беренгаръ удовольствовался своимъ герцогствомъ и титуломъ короля.

Къ счастью для Германіи, Арнульфъ, по возвращеніи изъ Италіи, оставилъ мысль о завоеваніи этой страны. Заключивъ миръ съ греками и славянами, онъ обратилъ все вниманіе на охраненіе правосудія и порядка въ королевствѣ, созывая для того сеймы въ различныхъ городахъ; но болѣзнь помѣшала его заботамъ о поддержаніи внутренняго спокойствія въ его владѣніяхъ. Болѣзнь и вскорѣ послѣдовавшая смерть императора были большимъ несчастіемъ для государства, внутреннее состояніе котораго требовало энергическаго и неутомимо дѣятельнаго правителя. Вышедшее изъ употребленія со времени Карла Великаго обыкновеніе соединять обширныя области, а иногда и цѣлыя національности подъ управленіемъ одного графа или герцога, и тогда еще, за немногими исключеніями, не было вводимо снова. Управленіе королевскими имѣніями, охраненіе королевскихъ правъ, судъ и наблюденіе за исполненіемъ военной повинности находились въ рукахъ особыхъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ въ каждый отдѣльный округъ и на опредѣленное время. Подобное государственное устройство требовало отъ правителя неутомимой дѣятельности, его личнаго присутствія, постояннаго контроля и наблюденія за своими подчиненными. Аристократическая гордость и родовое чувство господствовали тогда во всей силѣ; притомъ у воинственныхъ вельможъ была всегда на глазахъ Франція, гдѣ графы сдѣлались совершенно независимыми владѣтелями. Арнульфъ умеръ въ 899 г. Судя по тѣлосложенію и долговременной болѣзни императора, смерть его, кажется, была естественною; но при дворѣ ходили слухи о томъ, что онъ былъ отравленъ, потому что тогда проникло уже изъ Италіи въ южную Германію ужасное искусство приготовленія ядовъ.

Нѣмцы, не смотря на то, что сознавали тогда настоятельную потребность въ твердомъ правительствѣ, все-таки избрали императоромъ шестилѣтняго сына Арнульфа, Людовика Дитятю, потому что архіепископъ майнцскій, Гаттонъ, объявилъ, будто бы, согласно германскимъ обычаямъ, при избраніи слѣдуетъ принимать въ соображеніе родство съ умершимъ королемъ. У Арнульфа было еще двое побочныхъ сыновей, иодинъ изъ нихъ, Святополкъ, за годъ до смерти императора былъ назначенъ королемъ Лотарингіи. Но оба они отличались необузданностью, а Святополкъ ознаменовалъ себя только хищничествомъ, убійствами и насиліями и, черезъ годъ по смерти Арнульфа, былъ убитъ подданными во время одного изъ своихъ бѣшенныхъ припадковъ. Именемъ малолѣтняго Людовика управляли дѣлами архіепископъ Гаттонъ и старый графъ или герцогъ саксонскій, Оттонъ. Впрочемъ, власть ихъ встрѣчала сильное сопротивленіе, не потому, что оба они заботились только о себѣ, а вслѣдствіе того, что въ Германіи повторилось одно политическое явленіе, которое, при двойственности власти и стремленій правителей, еще болѣе затруднило управленіе государствомъ. Когда, вслѣдствіе нападеній норманновъ и славянъ, стала ощущаться потребность въ дѣятельной и энергической защитѣ границъ, въ Германіи образовались мало-по-малу болѣе обширныя графства и герцогства, намѣстники которыхъ старались обратить свои должности въ наслѣдственныя. Въ то же самое время важнѣйшіе епископы въ государствѣ, связанные съ графами родствомъ, также стали пользоваться свѣтскою властью для распространенія могущества своихъ фамилій. Такимъ образомъ возвысились многіе князья во Фрисландіи, Саксоніи, Тюрингіи и Австріи. Самыми замѣчательными княжескими династіями того времени были: сыновья франкскаго графа Вернера, изъ которыхъ особенно былъ могущественъ и уважаемъ Рудольфъ, епископъ вюрцбургскій, и фамилія Бабенберговъ, называвшаяся такъ по имени своего главнаго замка и состоявшая изъ трехъ сыновей франко-тюрингскаго марк-графа Генриха, управлявшаго имперіею при Карлѣ Толстомъ. Между этими фамиліями еще при Арнульфѣ началась сильная распря за преобладаніе въ Гессенѣ и Франконіи, тѣмъ болѣе затруднявшая регентовъ Людовика, что одинъ изъ нихъ, Оттонъ, находился въ близкомъ родствѣ съ Бабнебергами. При Арнульфѣ сыновья Вернера проиграли дѣло, но черезъ

три года по смерти Арнульфа Рудольфъ выигралъ рѣшительное сраженіе, въ которомъ хотя и палъ одинъ изъ его братьевъ, Эбергардъ, но за то одинъ изъ Бабенберговъ былъ убитъ, а другой взятъ въ плѣнъ и тотчасъ же казненъ врагами. Впрочемъ, третій Бабенбергъ, Адельбертъ, изгналъ Рудольфа изъ его епископства, отнялъ у сыновей Эбергарда ихъ обширныя владѣнія, а потомъ побѣдилъ и умертвилъ другаго брата Рудольфа, Конрада, сынъ котораго, также Конрадъ, сдѣлался впослѣдствіи германскимъ королемъ и страшно разорилъ Франконію и Гессенъ. Только по прошествіи семи лѣтъ правительство приняло необходимыя мѣры, чтобы заставить уважать себя. Адельбертъ былъ призванъ на судъ сейма, собраннаго въ Трибурѣ. Когда онъ отказался повиноваться, король двинулся противъ него въ сопровожденіи Гаттона. Адельбертъ заперся въ одномъ изъ своихъ замковъ, но, принужденный сдаться, былъ казненъ, какъ возмутитель (905 г.). Въ то время подобный поступокъ съ графомъ казался столь поразительнымъ и неслыханнымъ, что тогдашніе лѣтописцы, чтобы запятнать въ глазахъ потомства имя Гаттона, котораго при жизни всѣ ненавидѣли за его гордость, приписываютъ ему слѣдующій вѣроломный поступокъ. Чтобы заставить Бабенберга лично просить прощенія у юнаго короля, онъ объявилъ, что ему будетъ позволено безпрепятственно возвратиться въ замокъ; но, когда по исполненіи этой церемоніи, Адельбертъ возвращался домой, Гаттонъ убѣдилъ его вернуться назадъ, чтобы позавтракать, и, войдя съ нимъ въ домъ въ сопровожденіи своей свиты, приказалъ схватить его. Помѣстья и ленныя владѣнія Адельберта были конфискованы и розданы другимъ вельможамъ. По истребленіи бабенбергской фамиліи преобладаніе въ рейнской Франконіи перешло въ руки уже упомянутаго нами Конрада и его сыновей, съ помощью которыхъ Гаттонъ одинъ поддерживалъ въ государствѣ порядокъ и принудилъ къ покорности многихъ другихъ лотарингскихъ графовъ, которые даже при самомъ Арнульфѣ дѣйствовали, подобно Адельберту; съ помощью ихъ онъ усмирилъ и епископа тульскаго, который продолжалъ разбойничать и грабить по прежнему, не смотря на то, что еще при Арнульфѣ былъ подвергнутъ за это позорному наказанію.

Распри и разбои вельможъ составляли только ничтожную долю бѣдствій, испытываемыхъ государствомъ, въ которомъ королемъ былъ дитя, а епископами свѣтскіе владѣтели. Къ запутанности дѣлъ и внутреннему распаденію государства присоединились еще нападенія чуждыхъ народовъ. Мадьяры не только вторгались безпрестанно въ Богемію и Моравію, но и нападали на Тюрингію, Саксонію и Швабію, обозначая свой путь убійствами, грабежами и пожарами и уничтоживъ въ трехъ сраженіяхъ высланныя противъ нихъ нѣмецкія войска. Среди этихъ ужасныхъ бѣдствій государства, колеблемаго внутренними раздорами и внѣшними врагами, умеръ король Людовикъ, не успѣвъ еще показать, былъ ли онъ способенъ къ правленію (911 г.). Съ его смертью пресѣклась въ Германіи династія Каролинговъ. Впрочемъ, къ этой же фамиліи принадлежали, по женскому колѣну, и двое ближайшихъ преемниковъ его, которыхъ на этомъ именно основаніи князья и избрали въ короли.

6. Послѣдніе Каролинги въ Италіи и Франціи.

Въ Италіи императоръ Ламбертъ до самой смерти спокойно владѣлъ Ломбардіей и пограничными областями. По его смерти (898 г.), Беренгаръ I, недовольствуясь наслѣдственными землями, сдѣлалъ новую попытку завладѣть упразднившимся королевствомъ, но встрѣтилъ оппозицію многихъ вельможъ, во главѣ которыхъ стоялъ его зять, маркграфъ иврейскій, Адельбертъ. Адельбертъ призвалъ на помощь Людовика Слѣпаго, короля Прованса, или такъ называемой Цисъ-юранской Бургундіи. Впрочемъ, Беренгару удалось отразить Людовика и взять съ него обѣщаніе никогда не возвращаться въ Италію; но, собравъ всѣ войска на западъ, онъ открылъ восточныя границы государства для опустошительныхъ набѣговъ мадьяровъ. Разбитый на голову мадьярами, Беренгаръ въ тоже самое время поссорился съ могущественнымъ маркграфомъ тосканскимъ, Адельбертомъ и, благодаря непостоянству итальянцевъ, лишился всѣхъ плодовъ

побѣды надъ Людовикомъ, который возвратился въ Италію (901 г.) и даже получилъ отъ папы императорскую корону. Въ Италіи новый титулъ не доставилъ Людовику болѣе могущества, чѣмъ сколько онъ имѣлъ въ своемъ наслѣдственномъ государствѣ, гдѣ настоящими правителями были внукъ Лотаря II, Гуго, и архіепископъ арльскій, которые въ отсутствіе короля сдѣлались еще могущественнѣе. Наконецъ Людовикъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимавшійся въ Италіи только выдачею дипломовъ, воспользовался болѣзнью Беренгара, чтобы овладѣть Вероною. Онъ, дѣйствительно, достигъ свой цѣли, но, предавшись самой безразсудной безпечности, подвергнулся внезапному нападенію Беренгара, былъ ослѣпленъ и отосланъ въ Провансъ (905 г.). Въ Провансѣ Гуго, называвшій себя прежде только графомъ и маркграфомъ, а потомъ герцогомъ и, съ согласія Людовика, управлявшій государствомъ, оставилъ королю только одинъ титулъ правителя, а сынъ Людовика, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, лишился даже и этого.

По изгнаніи Людовика, Беренгаръ вторично сдѣлался единственнымъ обладателемъ Италіи; въ дѣйствительности же онъ только носилъ титулъ короля: значеніе его было ничтожно. Верхняя и Средняя Италія находилась во власти множества мелкихъ тирановъ-разбойниковъ. Даже города, сохранившіе древнія права, съ трудомъ отстаивали свою свободу и были принуждаемы принимать въ число гражданъ владѣтельныхъ рыцарей, которые впослѣдствіи дѣлались ихъ мучителями. Въ то время, какъ въ сѣверной половинѣ Италіи господствовалъ всякій, кто только былъ жестокъ, вѣроломенъ, богатъ и отваженъ, судьба самаго Рима, вслѣдствіе дурнаго устройства избранія папы, находилась въ рукахъ самыхъ грубыхъ классовъ населенія. Въ Нижней Италіи свирѣпствовали греки и ихъ войска, набранныя изъ полуварваровъ, а несчастные жители полуострова и на сѣверѣ и на югѣ страдали отъ набѣговъ мухаммеданъ. Въ избраніи папы участвовали не только духовенство и аристократія, но и весь римскій народъ. Въ дѣйствительности вліяніемъ пользовалось только одно духовенство, находившееся въ родственныхъ связяхъ съ аристократіей; народъ же и мелкое дворянство находились въ подчиненіи у вельможъ, пользуясь или надѣясь воспользоваться благодѣяніями знатныхъ фамилій. Въ римскомъ духовенствѣ никогда не было единодушія, и потому въ городѣ постоянно господствовали волненія и раздоры, а мухаммедане угрожали тогда не только Риму, но и большей части остальной Италіи. Они утвердились въ трехъ пунктахъ полуострова: близъ горы Гаргано, на берегу Адріатическаго моря, при устьѣ рѣки Гарильяно, впадающей въ гаэтскій заливъ, и близъ г. Монако, въ нынѣшнемъ французскомъ департаментѣ приморскихъ Альповъ. Толпы ихъ, утвердившіяся при Гаргано, грабили Адріатическое море и восточные берега Италіи, со стороны рѣки Гарильяно они дѣлали набѣги на окрестности Рима, а монакскіе мухаммедане, господствуя надъ Провансомъ, генуэзскими и западноальпійскими проходами, грабили путешественниковъ, отправлявшихся въ Римъ съ запада. Беренгаръ не могъ защитить Италію отъ этихъ разбойниковъ, сильныхъ преимущественно на морѣ, и поэтому римляне приняли какъ благодѣяніе то, что было позоромъ для христіанства. Въ 914 г. архіепископъ равеннскій, Іоаннъ X, достигъ папскаго престола съ помощью такихъ средствъ, которыя считаются постыдными при достиженіи духовной власти, но за то находятся во всеобщемъ употребленіи между практическими людьми. Іоаннъ былъ обязанъ своею тіарою тремъ женщинамъ, игравшимъ тогда важную роль въ Италіи. О томъ, какъ онѣ воспользовались своимъ вліяніемъ, можно судить потому, что правленіе ихъ приверженцевъ въ Римѣ называлось правленіемъ мясниковъ. Это были Теодора и двѣ ея дочери, Марозія и Теодора Младшая, которымъ мать дала воспитаніе, совершенно соотвѣтствовавшее ихъ ролп. Теодора Старшая была прежде любовницею Іоанна, а потомъ вышла замужъ за одного римскаго сенатора. Старшая изъ ея дочерей, Марозія, была выдана замужъ за Альбериха, маркграфа камеринскаго а другая за одного знатнаго римлянина. Имѣя огромное состояніе и будучи римскимъ патриціемъ и могущественнѣйшимъ владѣтелемъ въ Средней Италіи, Альберихъ имѣлъ преобладающее вліяніе при выборѣ папъ и вообще въ управленіи Римомъ. Съ помощью его Теодора Старшая, у которой было болѣе отваги, чѣмъ у любаго мужчины, доставила Іоанну папскую тіару и потомъ поддерживала его

на престолѣ, которымъ онъ завладѣлъ вопреки всѣмъ каноническимъ правиламъ. Впрочемъ, какъ ни дуренъ былъ Іоаннъ въ нравственномъ отношеніи, онъ все-таки былъ полезенъ отечеству, изгнавъ невѣрныхъ, поселившихся на Гарильяно. Для этого предпріятія онъ соединилъ всѣ силы Италіи. Беренгара Іоаннъ расположилъ къ себѣ уступкою ему императорской короны, и потому могъ воспользоваться его войсками. Съ лонгобардскими герцогами Беневента и другихъ городовъ онъ еще задолго передъ тѣмъ заключилъ самый тѣсный союзъ. Силы Средней Италіи были въ рукахъ его Теодоры. Съ греками же Іоаннъ примирился очень скоро, прекративъ всѣ мелочные споры своихъ предшественниковъ съ греческими императорами. Ставъ вмѣстѣ съ Альберихомъ во главѣ соединенныхъ итальянскихъ войскъ, папа изгналъ мухаммеданъ изъ ихъ разбойничьяго гнѣзда при Гарильяно (916 г.). Впослѣдствіи его осуждали за то, что онъ самъ принялъ начальство надъ войскомъ, хотя гораздо прежде сдѣлалъ тоже самое папа Іоаннъ VIII, послѣдовавшій примѣру епископовъ Германіи, Франціи и Ломбардіи.

Съ принятіемъ императорскаго титула могущество Беренгара не увеличилось. Онъ былъ даже принужденъ призвать въ свою службу мадьяровъ, но ихъ грубость и жестокость только лишили его расположенія подданныхъ, котораго онъ заслуживалъ своею щедростью, благочестіемъ и другими прекрасными качествами. Беренгаръ возстановилъ противъ себя и вельможъ, стараясь защищать мелкихъ вассаловъ отъ ихъ насилій. Вельможи составили противъ него заговоръ, въ которомъ приняли участіе зять его, Адельбертъ, маркграфъ иврейскій, и внукъ его, сынъ Адельберта, Беренгаръ II. Заговорщики рѣшились низвергнуть ненавистнаго имъ императора и возвести на престолъ Рудольфа II, короля верхнебургундскаго. Избраніе въ короли чужеземца имѣло свои основанія. При королѣ-чужеземцѣ было удобнѣе ловить рыбу въ мутной водѣ и злоупотреблять именемъ короля, чѣмъ при государѣ, родившемся и воспитанномъ въ странѣ; кромѣ того, скупые итальянцы принимали на разсчетъ, что въ противномъ случаѣ имъ пришлось бы содержать короля на свой счетъ, потому что онъ постоянно жилъ бы въ ихъ странѣ. Въ борьбѣ за итальянскую корону Рудольфъ былъ поддерживаемъ своимъ тестемъ Буркардомъ, который, сдѣлавшись владѣтелемъ вновь возстановленнаго герцогства Алеманніи или Швабіи, пользовался почти королевскою властью. Первое появленіе его въ Италію было неудачно, вслѣдствіе храбрости венгерскихъ войскъ Беренгара, который послѣ того сдѣлалъ попытку расположить къ себѣ вельможъ великодушіемъ, но былъ осмѣянъ и преданъ ими. Рудольфъ во второй разъ явился въ Италію и, побѣдивъ противника въ одномъ рѣшительномъ сраженіи, получилъ корону Италіи (923 г.) изъ рукъ архіепископа миланскаго, Ламберта, который тоже участвовалъ въ заговорѣ противъ Беренгара. Беренгаръ возвратился въ свои наслѣдственныя владѣнія, въ намѣреніи выждать тамъ, пока Рудольфъ, немогшій надолго оставить Бургундію, долженъ будетъ возвратиться назадъ, и пока охладѣетъ первый пылъ его приверженцевъ. Но въ слѣдующемъ же году онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, незадолго передъ тѣмъ осыпаннымъ его милостями. Со смертью его итальянскую вѣтвь Каролинговъ можно считать пресѣкшеюся, потому что внукъ его, Беренгаръ II, сдѣлавшійся впослѣдствіи королемъ Италіи, уже основывалъ свои права не на родствѣ съ нимъ.

Угасая въ Италіи и Германіи, родъ Каролинговъ сталъ, повидимому, снова оживать во Франціи; но жизненныя силы и энергія этой династіи уже перешли къ другимъ. Когда Карлъ Толстой долженъ былъ выпустить изъ рукъ французскую корону, вельможи, тѣснимые норманнами, избрали въ короли не единственнаго оставшагося въ живыхъ Каролинга, восьмилѣтняго Карла Простодушнаго, а Одона, графа парижскаго, мужественнаго защитника города (888 г.). Одонъ одержалъ еще одну побѣду надъ норманнами и принудилъ къ покорности нѣкоторыхъ вельможъ, не хотѣвшихъ признавать его королемъ. Не смотря на то, власть его простиралась только на незначительную часть Франціи, и онъ такъ же мало, какъ и его предшественники, могъ поддерживать въ Бретани древнія права французскихъ королей на эту землю. Одонъ заботился болѣе всего о поддержаніи расположенія къ себѣ германскаго короля Арнульфа. Ему удалось возстановить дружескія связи съ нимъ, и это имѣло результатомъ примиреніе съ Одономъ графа Пуатье, Райнульфа, владѣвшаго почти всею Аквитаніей и при-

надлежавшаго къ партіи Карла Простодушнаго. Впослѣдствіи Одонъ воевалъ съ норманнами съ перемѣннымъ счастіемъ. По смерти Райнульфа, нѣсколько могущественныхъ вассаловъ, составивъ противъ него союзъ, провозгласили королемъ юнаго Карла, а реймсскій архіепископъ Фулькъ торжественно помазалъ на царство новоизбраннаго (893 г.). Въ письмѣ къ Арнульфу по этому поводу Фулькъ выставляетъ на видъ тѣ же самыя основанія, которыми руководствовались нѣмцы при выборѣ Людовика Дитяти, придавая имъ значеніе древне германскаго обычая и доказывая это нѣмецкими лѣтописями. Обѣ партіи искали помощи Арнульфа; но онъ остался нейтральнымъ. Въ продолжительной войнѣ, вспыхнувшей вслѣдъ за тѣмъ между этими партіями, Одонъ такъ стѣснилъ противника, что Карлъ Простодушный обратился наконецъ къ несчастной мысли отдаться въ руки норманновъ. Этому, впрочемъ, воспрепятствовали его друзья и посовѣтовали ему примириться съ своимъ противникомъ. Одонъ принялъ Карла дружески, далъ ему часть его владѣній и поступилъ великодушно даже съ его приверженцами. Вообще въ эту варварскую эпоху только одинъ Одонъ является намъ образцомъ истинной религіозности и великодушія къ побѣжденнымъ врагамъ. Если бы онъ прожилъ долѣе, то своимъ мужествомъ и христіанскими добродѣтелями могъ бы еще возвратить потрясенному государству спокойствіе, законный порядокъ и религію; но онъ умеръ на десятомъ году царствованія (898 г.).

По смерти Одона, Фулькъ, заступавшій Карлу Простодушному мѣсто отца, легко добился того, что вся аристократія Франціи признала Карла королемъ. Юный правитель не обладалъ ни умомъ, ни опытностью, ни силою воли, ни даже деньгами и богатствомъ, необходимыми для пріобрѣтенія друзей и содержанія многочисленной свиты. Само собою разумѣется, что въ его правленіе графы и герцоги сдѣлались полными собственниками земель, отданныхъ ихъ отцамъ только въ управленіе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ находились въ близкомъ родствѣ съ королевскою фамиліею. Такъ, Гербертъ I, графъ Вермандуа въ Шампаньи, производилъ свой родъ отъ внука Карла Великаго, Бернгарда; графъ Робертъ Парижскій, братъ Одона, былъ сынъ дочери Людовика Благочестиваго, а мать Людовика Слѣпаго Прованскаго была дочерью императора Людовика II, происходившаго отъ сына Людовика Благочестиваго, Лотаря. Впрочемъ, въ стремленіи къ власти и самостоятельности обстоятельства гораздо болѣе благопріятствовали французскимъ вельможамъ, чѣмъ нѣмецкимъ, находившимся съ ними въ одинаковомъ положеніи. Въ Германіи этимъ стремленіямъ аристократіи препятствовали отчасти различія, господствовавшія между отдѣльными племенами, чего не было во Франціи, а древнее государственное устройство, по которому всѣ собственники имѣли голосъ на сеймѣ, не могло исказиться такъ быстро въ Германіи, гдѣ государственные и провинціальные сеймы созывались гораздо чаще, чѣмъ во Франціи. Въ царствованіе Карла Простодушнаго между французскими вельможами особенно выдавались своимъ могуществомъ и вліяніемъ: Бальдуинъ, графъ фландрскій, Робертъ Парижскій и Гербертъ Вермандуа. Будучи гораздо могущественнѣе короля, они старались отнять у него и тѣ незначительныя владѣнія, которыя еще ему принадлежали, спорили за обладаніе богатыми аббатствами, которыя часто отнимались у тѣхъ, кому незаконно принадлежали, и доставались другимъ, которые имѣли на нихъ еще менѣе правъ. Единственною надежною опорою короля былъ Фулькъ, но въ 900 г. онъ былъ умерщвленъ по наущенію оскорбленнаго имъ Бальдуина, и съ этихъ поръ Карлъ сдѣлался игрушкою своихъ вассаловъ. Онъ не отважился даже наказать убійцъ Фулька, которые, разсчитывая на могущество Бальдуина, смѣялись надъ судомъ короля и надъ проклятіемъ, которому подвергли ихъ папа и епископы. Главный изъ убійцъ не признавалъ даже своего поступка грѣхомъ, и когда ему прочли проклятіе, хладнокровно объявилъ, что не знаетъ за собою никакой вины, потому что убійство совершено имъ изъ чувства преданности къ своему законному феодальному сюзерену. Такъ склонны люди считать своими обязанностями только то, что предписываютъ имъ приличія, внѣшность и писанный законъ, заглушая въ себѣ всѣ требованія совѣсти! Впрочемъ, текстъ этого проклятія можетъ служить образцомъ того, какъ пользовалась тогда церковь своею божественною властью. Подобныя проклятія налагались тогда весьма часто. «Такъ какъ убійцы,—сказано въ этой формулѣ проклятія, торжественно произносимаго епископами,—совершили злодѣй-

ство, неслыханное между христіанами, то именемъ Отца и Сына и святаго Духа, властью, данною епископамъ отъ Бога чрезъ верховнаго апостола Петра, извергаемъ ихъ изъ лона общей матери нашей святой церкви и отлучаемъ ихъ вѣчнымъ проклятіемъ отъ всякаго сношенія и общенія съ христіанами. Да будутъ прокляты они въ городѣ и въ полѣ! Да будуть прокляты ихъ жилища и все имущество ихъ! Да будетъ проклятъ плодъ ихъ тѣла, какъ плодъ ихъ полей и стада коровъ и ягнятъ! Да будетъ проклятъ входъ и выходъ ихъ! Да будутъ прокляты они въ своихъ домахъ и не имѣютъ пристанища въ полѣ! Да снидетъ на нихъ проклятіе, изреченное Богомъ своему народу чрезъ Моисея, за неисполненіе Его закона! Да снидетъ на нихъ проклятіе Маранаѳа, т. е. да погибнутъ они при второмъ пришествіи Спасителя! Да падутъ на нихъ всѣ проклятія, которымъ, по законамъ церкви и опредѣленіямъ мужей апостольскихъ, подвергаются убійцы и согрѣшающіе противъ церкви! Ибо тотъ злодѣй, кто поднимаетъ руку на служителя Божія! Да снидетъ на нихъ къ ихъ вѣчной погибели праведное слово суда Божія! Да не осмѣлится никто изъ христіанъ сказать имъ слово утѣшенія! Да не дерзнетъ никто изъ священниковъ выслушать исповѣдь и дать имъ св. причастія! Да будутъ они по смерти погребены какъ ослы и брошены на пометъ, какъ примѣръ позора и проклятія для нынѣшнихъ и будущихъ поколѣній! И какъ гаснутъ эти факелы, падающіе изъ нашихъ рукъ, такъ да угаснетъ свѣтъ ихъ на вѣки!»

Положеніе безсильнаго короля Карла нѣсколько улучшилось, когда, по смерти послѣдняго изъ германскихъ Каролинговъ (911 г.), лотарингы, подъ предводительствомъ герцога Райнера, отдѣлились отъ Германіи и подчинились французскому королю, какъ потомку каролингской династіи. Лотарингіею называлась тогда только незначительная часть прежняго лотарингскаго королевства, обнимавшая собою земли, доставшіяся по смерти Лотаря I (855 г.) сыну его, Лотарю II, т. е. все пространство между Маасомъ, Нѣмецкимъ моремъ и Рейномъ, кромѣ Шпейера, Вормса и Майнца (стр. 467). При послѣдующихъ политическихъ перемѣнахъ границы страны, называвшейся Лотарингіею, мало-помалу съуживались, а съ пресѣченіемъ дома Каролинговъ въ Германіи, она даже перестала называться королевствомъ и получила титулъ герцогства. Черезъ тридцать лѣтъ, при германскомъ королѣ Оттонѣ I, она раздѣлилась на два герцогства: Верхнюю и Нижнюю Лотарингію, изъ которыхъ первое обнимало собою мѣстности по обоимъ берегамъ Мозеля, а второе—всѣ земли внизъ по Маасу до моря. Впослѣдствіи названіе Лотарингіи удержалось только за первымъ изъ этихъ герцогствъ.

Подчиненіе герцога лотарингскаго увеличило только внѣшній блескъ, а не политическое могущество Карла Простодушнаго, который оставался по прежнему игрушкою своихъ вассаловъ, владѣвшихъ почти всѣми провинціями королевства. Провансъ и юговосточныя области повиновались Людовику Слѣпому. Въ странѣ отъ Дордони до Средиземнаго моря и Пиренеевъ господствовалъ его зять, Вильгельмъ Благочестивый, съ титуломъ маркграфа Готіи, герцога Аквитаніи и графа Оверни. Вильгельмъ соблюдалъ еще наружные знаки подчиненія и уваженія къ призраку королевскаго достоинства, но дѣлалъ это только потому, что жилъ вдалекѣ отъ резиденціи короля. Вассалы же, владѣнія которыхъ были въ близкомъ сосѣдствѣ съ столицею короля, какъ, напримѣръ, графы и герцоги Парижа, Пуатье, Анжу и Бретани, обращались къ Карлу лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли подтвердить именемъ короля свои притязанія или насильственные захваты церковныхъ имѣній. Изъ нихъ, могущественный герцогъ собственной Бургундіи, Рихардъ, господствовалъ въ самомъ центрѣ королевства, графъ Фландрскій на сѣверныхъ границахъ его, Гербертъ Вермандуа въ Шампаньи, а хитрый и храбрый Райнеръ Лотарингскій на востокѣ. Слѣдовательно, подъ властью короля оставалась только назначительная часть Франціи. Каждый герцогъ или графъ заботился только о защитѣ собственныхъ владѣній, а король, съ одними своими войсками, былъ не въ состояніи отражать разбойничьи нападенія норманновъ. Поэтому, рано или поздно, должна была почувствоваться необходимость избрать въ короли одного изъ могущественнѣйшихъ вассаловъ королевства, которые одни имѣли въ своемъ распоряженіи значительныя войска, тогда какъ Каролинги должны были постоянно вымаливать себѣ помощь.

Къ числу могущественныхъ феодальныхъ владѣній во Франціи, въ 911 году, присоединилось новое герцогство, владѣтели котораго, съ самаго начала, повиновались королю еще менѣе чѣмъ остальные вассалы Карлъ формальнымъ договоромъ уступилъ одной толпѣ норманновъ, вторгнувшейся тогда во Францію подъ предводительствомъ Рольфа (стр. 379), нѣкоторое пространство сѣвернаго берега Франціи, обязавъ ихъ защищать страну отъ набѣговъ своихъ соотечественниковъ. Быть можетъ также, что Карлъ имѣлъ при этомъ намѣреніе воспользоваться Рольфомъ и его толпами противъ непокорныхъ вельможъ. Такимъ образомъ возникло въ 911 году герцогство Нормандія, съ основаніемъ котораго прекратилися во Франціи опустошенія норманновъ, продолжавшіяся въ Англіи еще цѣлое столѣтіе, но за то возникла новая опасность для королевской власти, безсиліе которой обнаружилось самымъ печальнымъ образомъ въ переговорахъ съ Рольфомъ. Рольфъ долгое время грабилъ Францію, пока наконецъ не былъ въ двухъ сраженіяхъ разбитъ на голову герцогомъ бургундскимъ и графомъ Робертомъ Парижскимъ. Послѣ этихъ пораженій онъ бросился на королевскія владѣнія по нижней Сенѣ. Будучи не въ состояніи отразить норманновъ и вынуждаемый жалобами подданныхъ, Карлъ предложилъ Рольфу руку своей дочери, Гизелы, и часть прибрежныхъ владѣній, но подъ условіемъ, чтобы Рольфъ и его товарищи приняли христіанство. Рольфъ согласился на это, но, не хотѣлъ взять предлагаемой ему Карломъ Фландріи, потому что она была покрыта болотами и ее еще нужно было завоевывать вновь. Поэтому ему былъ уступленъ весь берегъ между рѣкою Эрою и Бретанью, который, какъ любимое мѣсто высадокъ норманновъ тоже цѣлое столѣтіе находился въ запустѣніи и представлялъ Рольфу ту выгоду, что давалъ ему полную возможность распространить свои владѣнія на счетъ сосѣдней Бретани. Перейдя вмѣстѣ съ товарищами въ христіанство, онъ получилъ при крещеніи имя Роберта, развелся съ своею женою, язычницею, и женился на Гизелѣ (912 г.). Мы уже говорили выше (стр. 275), на какихъ разумныхъ началахъ онъ устроилъ свою новую колонію и какъ мало, онъ и его преемники, считали себя обязанными повиноваться Французскому королю, на основаніи присяги, которую Рольфъ далъ своему тестю.

Вскорѣ между Карломъ Простодушнымъ и вассалами вспыхнула война, поводъ къ которой былъ данъ его приближеннымъ, Гаганономъ, и сыномъ Райнера Лотарингскаго, Гизельбертомъ. Гаганонъ, управлявшій всѣми дѣлами короля по смерти Фулька, не принадлежалъ къ благородному сословію, но пользовался полнымъ довѣріемъ Карла именно потому, что былъ обязанъ ему всѣмъ и выставлялъ передъ нимъ въ истинномъ свѣтѣ притязанія аристократіи. Вельможи негодовали на вліяніе Гаганона и, вѣроятно, не безъ основанія жаловались на надменность королевскаго любимца. Этимъ неудовольствіемъ воспользовался герцогъ Лотарингіи Гизельбертъ для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Изъ всѣхъ французскихъ вассаловъ только одинъ отецъ Гизельберта не могъ основывать своей герцогской власти на наслѣдственномъ правѣ, завѣщанномъ предками, такъ какъ онъ былъ обязанъ своими владѣніями и могуществомъ только одному Карлу. По смерти Райнера, въ 916 году, Карлъ, слѣдуя совѣту Гаганона, рѣшился извлечь выгоду изъ этого обстоятельства и вознаградить себя за потерю всѣхъ остальныхъ владѣній новыми пріобрѣтеніями въ Лотарингіи, гдѣ онъ и проводилъ большую часть времени. Онъ передалъ молодому Гизельберту всю власть, которую отецъ его имѣлъ надъ Лотарингіей, но потребовалъ возвращенія всѣхъ королевскихъ леновъ въ этой странѣ, раздачею которыхъ онъ хотѣлъ расположить къ себѣ другія фамиліи. Гизельбертъ отказался исполнить это требованіе и, изгнанный Карломъ изъ герцогства, прибѣгнулъ къ заступничеству могущественнаго герцога саксонскаго, Генриха, сдѣлавшагося впослѣдствіи (919 г.) германскимъ королемъ. Своимъ посредничествомъ Генрихъ помогъ Гизельберту возвратиться въ Лотарингію, но не согласился на его предложенія снова присоединить это герцогство къ Германіи и и не оказалъ ему помощи, когда, вскорѣ послѣ того, между лотарингскимъ герцогомъ и его сюзереномъ возникъ новый споръ. Тогда Гизельбертъ употребилъ всѣ усилія, чтобы возстановить противъ короля его могущественныхъ вассаловъ. Онъ легко достигъ своей цѣли, такъ какъ Робертъ Парижскій желалъ самъ овладѣть престоломъ, а всѣ прочіе были раздражены противъ надменнаго

Гаганона. Къ несчастью короля, въ это время умеръ самый справедливый и честный изъ его вассаловъ, Рихардъ Бургундскій, сынъ котораго, Рудольфъ, былъ женатъ на дочери Роберта. Карлъ былъ низложенъ и на мѣсто его избранъ королемъ Робертъ (922 г.). Несчастный король нашелъ однако поддержку въ лотарингцахъ, которые хотя и не славились своею вѣрностью, но заступились за него, вѣроятно, потому, что дѣло касалось ихъ ленныхъ владѣній. Получивъ отъ нихъ помощь, Карлъ поспѣшно двинулся къ Суассону, гдѣ расположились лагеремъ Робертъ и его сынъ, Гуго Великій или Бѣлый. Въ кровопролитной битвѣ подъ Суассономъ Робертъ лишился жизни, но сынъ его, вмѣстѣ съ Гербертомъ, одержалъ рѣшительную побѣду (923 г.). Союзники избрали тогда королемъ Рудольфа Бургундскаго, а Карлъ, обратившись къ герцогу нормандскому съ тщетною просьбою о помощи, сдѣлался, вслѣдствіе этого поступка, еще ненавистнѣе для своихъ подданныхъ.

Новый король, который, конечно, не былъ сначала признанъ ни герцогомъ Нормандіи, ни лотарингцами и владѣтелями по ту сторону Луары, старался привязать къ себѣ приверженцевъ раздачею имъ леновъ; тогда какъ Карлъ съ той минуты, когда ему было нечего раздавать имъ, былъ оставленъ всѣми своими подданными. На развалинахъ упадшаго дома Каролинговъ поднялись и утвердились новые властители, потомки которыхъ потеряли однако пріобрѣтеныя ими владѣнія почти такимъ же образомъ, какъ и получили ихъ. Самый жадный изъ всѣхъ вассаловъ, Гербертъ, получилъ отъ Рудольфа городъ Перонн и нѣкоторыя другія церковныя и свѣтскія владѣнія за то, что предательски заманилъ въ Сенъ-Кантенъ несчастнаго Карла и тамъ захватилъ его въ плѣнъ; Вильгельмъ Аквитанскій продалъ Рудольфу свое признаніе за нѣсколько королевскихъ имѣній; Гуго Великій получилъ графство Мансъ, а народъ былъ обманутъ—и молчалъ. Несчастья Карла не кончились его паденіемъ; онъ долженъ былъ испить до послѣдней капли чашу своихъ страданій. Безжалостный Гербертъ четыре года держалъ его въ заключеніи въ одной башнѣ близъ Шато-Тьерри, а на четвертый годъ онъ долженъ былъ служить орудіемъ мщенія своего мучителя. Когда Рудольфъ отказался наконецъ удовлетворять его ненасытной жадности, Гербертъ освободилъ плѣнника и призвалъ на помощь противъ Рудольфа норманновъ. Но Гуго Великій, надѣясь по смерти своего бездѣтнаго зятя Рудольфа получить корону, поспѣшилъ примирить враговъ, и Карлъ былъ снова посаженъ Гербертомъ въ темницу. Несчастный оставался тамъ до самой смерти. Онъ умеръ въ 929 году, оставивъ послѣ себя сына, Людовика IV, который бѣжалъ въ Англію вмѣстѣ съ матерью, сестрою англосаксскаго короля Ательстана. Его назвали Заморскимъ (d'Outremer), потому что онъ былъ снова призванъ изъ Англіи во Францію, когда по смерти отца враги его династіи перессорились изъ-за похищенныхъ ими владѣній. Гербертъ вскорѣ опять поссорился съ Рудольфомъ и Гуго, и нѣсколько лѣтъ воевалъ съ ними. Онъ соединился наконецъ съ Гизельбертомъ, незадолго передъ тѣмъ снова присоединившимъ Лотарингію къ Германіи, и, женившись на дочери германскаго короля Генриха I, получилъ и отъ него обѣщаніе значительной помощи. Но, еще до появленія нѣмцевъ, Рудольфъ и Гуго заключили съ нимъ перемиріе (934 г.), которое впрочемъ немогло быть продолжительно, потому что Гербертъ, выдавъ одну изъ дочерей замужъ за герцога Вильгельма I Нормандскаго, а другую за Арнульфа Фландрскаго, благодаря этимъ связямъ, сдѣлался слишкомъ могущественъ. Видя несбыточность своихъ надеждъ на полученіе престола, Гуго тотчасъ по смерти Рудольфа, въ 936 году, вызвалъ изъ Англіи сына Карла Простодушнаго и провозгласилъ его королемъ. Но при этомъ онъ, кажется, имѣлъ намѣреніе лишить брата Рудольфа, Гуго Чернаго, герцогства бургундскаго, полученнаго имъ въ наслѣдство. Съ помощью герцога нормандскаго, котораго англійскій король успѣлъ привлечь на свою сторону, Людовикъ IV возвратился во Францію и получилъ королевскую корону (936 г.).

Гуго Великій, сдѣлавшись насильно опекуномъ молодаго короля, тотчасъ же напалъ на герцога Гуго Бургундскаго, отнялъ у него часть владѣній и, вступивъ вскорѣ послѣ того въ бракъ съ Гедвигой, сестрой германскаго короля Оттона I, сдѣлался еще могущественнѣе. Не смотря на то, Людовикъ IV, человѣкъ отъ природы энергическій и дѣятельный, вскорѣ успѣлъ освободиться отъ опеки Гуго. Черезъ годъ послѣ своего коронованія онъ объявилъ себя совер-

шеннолѣтнимъ и въ короткое время успѣлъ достигнуть въ своемъ королевствѣ, гдѣ его фамиліи оставалось едва нѣсколько шаговъ земли, такого значенія, какого никогда не имѣлъ его отецъ. Конечно, при этомъ ему приходилось бороться съ большими затрудненіями. Гуго и Гербертъ, до тѣхъ поръ раздѣленные между собою различіемъ своихъ интересовъ, соединились вмѣстѣ. Къ ихъ союзу принадлежалъ и Вильгельмъ I Нормандскій, тогда какъ мы находимъ Арнульфа Фландрскаго въ числѣ ихъ враговъ. Безпокойный Гизельбертъ, поссорившійся съ германскимъ королемъ Оттономъ I, также присоединился къ Людовику и подавалъ ему надежду снова присоединить Лотарингію къ французскому королевству; но черезъ это Людовикъ пріобрѣлъ въ Оттонѣ I новаго и дѣйствительно опаснаго врага. За то его поддерживалъ, хотя слабо, своимъ флотомъ англійскій король. Изъ французскихъ вассаловъ Гуго Черный Бургундскій, графъ Раймундъ Понсъ Тулузскій, называвшій себя герцогомъ Аквитаніи, и графъ Вильгельмъ Пуатье, которому Людовикъ, по смерти Раймунда, уступилъ его герцогство, приняли рѣшительно сторону короля. Вообще за Луарой сохранились еще, по крайней мѣрѣ по формѣ, понятія о правѣ и законности, тогда какъ Гуго, Гербертъ, Гизельбертъ и другіе вассалы въ сѣверной Франціи нисколько не заботились о нихъ. Но эта помощь вассаловъ помогла королю Людовику побѣдить своихъ противниковъ и, не смотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, возвысить свое значеніе. Этимъ онъ былъ обязанъ своему личному мужеству и умѣнью самому управлять своими дѣлами. Отнять у нѣмцевъ Лотарингію было невозможно; потому, по смерти Гизельберта, Людовикъ, оставивъ эту мысль, женился на вдовѣ Гизельберта, Гербергѣ, сестрѣ короля Оттона I, и такимъ образомъ нашелъ союзника и друга въ одномъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ своихъ. Оттонъ примирилъ его и съ другимъ своимъ зятемъ, Гуго Великимъ, который съ трудомъ отражалъ тогда нападенія язычниковъ норманновъ и потму неимѣлъ уже охоты повелѣвать своимъ королемъ. Наконецъ умеръ Гербертъ (943 г.), и его владѣнія были раздѣлены между четырьмя его сыновьями. Эти обстоятельства и личныя способности Людовика все болѣе и болѣе содѣйствовали увеличенію его могущества, такъ что не только аквитанскіе вельможи, но и герцоги Бретани и Нормандіи признали его своимъ сюзереномъ; даже въ Вьеннѣ, резиденціи его вассала, короля прованскаго, онъ былъ принятъ съ большими почестями. Но одно противозаконное дѣйствіе снова поставило его въ положеніе, изъ котораго онъ не могъ выйти безъ ущерба для чести и королевскаго достоинства. По смерти герцога нормандскаго назначенный опекуномъ его малолѣтняго сына, Людовикъ, пользуясь опекунской властью надъ молодымъ герцогомъ, вздумалъ лишить его наслѣдства, но этимъ вооружилъ противъ себя воинственныхъ норманновъ. Положеніе короля было тѣмъ опаснѣе, что Гуго снова соединился противъ него съ сыновьями Герберта, и къ этому союзу присталъ даже король Оттонъ I. Людовикъ, какъ мы сказали выше (стр. 293), былъ самымъ коварнымъ образомъ захваченъ въ плѣнъ норманнами и получилъ свободу только тогда, когда исполнилъ ихъ требованія и отдалъ имъ въ заложники одного изъ своихъ сыновей. Норманны отдали его въруки Гуго, который не посовѣстился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы получить хитростью и обманомъ, чего напрасно добивался оружіемъ. Онъ цѣлый годъ держалъ короля въ заключеніи, не смотря на заступничество Оттона и англійскаго короля Эдмунда, и выпустилъ его не ранѣе, какъ получивъ Ланъ, важнѣйшій городъ въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Людовика, возвращенныхъ имъ назадъ.

Эта потеря была слишкомъ чувствительна, и потому жена Людовика убѣдила своего брата, Оттона, помочь одному изъ своихъ зятей противъ другаго; но, не смотря на многочисленность войска Оттона, и ихъ опустошенія, главная цѣль похода, завоеваніе Лана, не была достигнута, потому что, испытавъ при осадѣ Руана значительную потерю, германскій король не рѣшался потомъ на наступательныя дѣйствія. Помощь Оттона имѣла результатомъ только то, что архіепископъ Артальдъ Реймскій, низложенный герцогомъ Гуго, былъ снова возвращенъ въ свое епископство, и Людовикъ нашелъ въ немъ новую поддержку. Впослѣдствіи Людовикъ самъ овладѣлъ Ланомъ, сдѣлавъ нечаянное нападеніе на городъ, но въ рукахъ непріятеля остался одинъ находившійся недалеко оттуда

замокъ, такъ что гарнизонъ города едва могъ выходить за городскія ворота. За нѣсколько лѣтъ передъ смертью, Людовикъ изъ семейныхъ видовъ помирился съ предателемъ Гуго и поручилъ свое семейство человѣку, преслѣдовавшему прежде его самого. Такимъ образомъ родъ Карла Великаго дошелъ до того, что даже одинъ изъ самыхъ способныхъ, дѣятельныхъ и умныхъ потомковъ его,— соединенный притомъ узами крови съ могущественною династіею саксонскихъ императоровъ, которые впослѣдствіи распространили славу нѣмецкаго имени до самыхъ отдаленныхъ странъ извѣстнаго свѣта,—долженъ былъ искать у враговъ покровительства для своего семейства! Людовикъ самъ представилъ властолюбивому Гуго сына Лотаря и жену Гербергу, которые тотчасъ по смерти отца, (954 г.) сами предались въ руки могущественнаго вассала, чтобы спастись отъ насилія другихъ и сохранить за собою одинъ королевскій титулъ.

Имѣя только четырнадцать лѣтъ отъ роду, король Лотарь считался не болѣе какъ простымъ орудіемъ Гуго, такъ что изъ ненависти къ этому послѣднему, его не признали даже одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ Людовика, Вильгельмъ Аквитанскій. Гуго постарался извлечь выгоду и изъ этого обстоятельства и, заставивъ молодаго короля обѣщать ему владѣнія Вильгельма, рѣшился овладѣть ими силою; но, не смотря на одержанную имъ побѣду, не могъ достичь цѣли. Точно также онъ не могъ защитить своихъ подданныхъ и отъ мадьяровъ, нападавшихъ тогда на Францію, хотя и владѣлъ двумя значительными герцогствами, собственной Франціей (т. е. Парижемъ и его окрестностями) и Бургундіей, и предъявилъ свои притязанія на третье. Разбойническія орды мадьяровъ нѣсколько разъ разрушительнымъ потокомъ прорывались черезъ Лотарингію и проникали во внутренность Бургундіи. Въ тоже время сами французы свирѣпствовали другъ противъ друга не менѣе мадьяровъ. Королевская фамилія, уже не имѣвшая почти ни одного клочка земли, кромѣ Лана, очутилась бы въ самомъ печальномъ положеніи, если бы Герберга не пробрѣла снова отданныхъ ей Гизельбертомъ владѣній отъ своего младшаго брата, архіепископа кельнскаго, Бруно, которому Оттонъ I далъ герцогскую власть надъ всею Лотарингіей. Благодаря доходамъ съ этихъ владѣній и поддержкѣ Бруно, Лотарь могъ держаться самостоятельно по крайней мѣрѣ въ Ланѣ. По смерти Гуго (956 г.), сыновья его признали Лотаря своимъ номинальнымъ феодальнымъ главной (сюзереномъ) и принесли ему присягу. Старшій изъ трехъ сыновей Гуго, также Гуго, носившій знаменитое впослѣдствіи, но неизвѣстное по своему значенію, прозвище Капета, получилъ герцогство Францію; второй, Одонъ, получилъ Бургундію, которая по смерти его досталась младшему брату, Генриху. Народъ мало-по-малу привыкъ къ господству герцоговъ и графовъ, и короли были бы совсѣмъ забыты, если бы публичные суды и ихъ формы, глубоко вкоренившіеся въ нравы и обычаи народа, не дѣлали необходимыми дипломовъ, которые, по крайней мѣрѣ, напоминали народу о существованіи высшаго главы государства. Впрочемъ, требованія на дипломы съ каждымъ годомъ становились рѣже и рѣже. Церковные приходы раздавались почти вездѣ за всевозможныя, даже военныя, заслуги. Во времена Карла Лысаго мы еще встрѣчаемъ вклады и завѣщанія, дѣлавшіяся дѣйствительно съ благочестивыми цѣлями и на разумныхъ условіяхъ, но въ концѣ господства династіи Каролинговъ мы не находимъ и слѣдовъ чего-нибудь подобнаго.

Изъ родства съ могущественными германскими королями, Оттонами I и II, Лотарь также не могъ извлечь желаемыхъ имъ выгодъ, потому что братъ перваго, Бруно, который бы долженъ былъ быть помощникомъ Лотаря, видѣлъ своихъ племянниковъ въ сыновьяхъ Гуго Великаго, одна изъ сестеръ которыхъ вышла замужъ за нормандскаго герцога Ричарда I, а другая за Фридриха Баварскаго, которому Бруно отдалъ во владѣніе герцогство Верхнюю Лотарингію. Къ этому присоединились еще волненія въ Нижней Лотарингіи, повлекшія за собой войну между Франціей и Германіей. Лотарингскіе графы, Ламбертъ и Райнеръ, изгнанные Бруно, бѣжали во Францію и вступили въ бракъ, одинъ съ племянницею Лотаря, а другой съ дочерью Гуго Капета. По смерти Бруно и Оттона I, они съ помощью французовъ снова завоевали свои наслѣдственныя владѣнія и стали нападать на сосѣднія графства, стараясь присоединить къ Франціи всю Лотарингію. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны, видя, что союзъ ихъ съ Франціей не даетъ ему возможности усмирить ихъ, Оттонъ II предложилъ Нижнюю Лотарингію, въ ка-

чествѣ лена германской имперіи, тестю одного изъ нихъ, брату Лотаря, Карлу, который, какъ сынъ Герберги, находился съ нимъ въ близкомъ родствѣ. Карлъ, ничѣмъ не владѣвшій во Франціи и, какъ всѣ Каролинги, зависѣвшій отъ милости вельможъ, съ радостью принялъ предложеніе, которое не только давало ему самому власть надъ цѣлою страною, но и позволяло надѣться, по господствовавшему уже въ то время обычаю, передать ее своимъ потомкамъ. Къ несчастью, онъ не замѣтилъ, какъ чувствительно оскорбилъ своею присягою германскому королю національную гордость французовъ, которые уже и тогда не могли простить подобнаго поступка и впослѣдствіи лишили герцога Карла правъ простолонаслѣдія, какъ человѣка, пожертвовавшаго для личныхъ интересовъ честью и выгодами націи. Чѣмъ важнѣе были преступленія Карла противъ отечества, тѣмъ живѣе пробудилось національное чувство французовъ послѣ его клятвы королю Оттону; они съ радостью примкнули къ своему королю, когда онъ рѣшился не только отмстить брату, но и потребовалъ для французской короны всей Лотарингіи. Лотарь, обладавшій всѣми качествами хорошаго правителя и полководца, велъ войну очень счастливо, занялъ всю страну и едва не взялъ въ плѣнъ короля Оттона. Но уваженіе къ королю Германіи было тогда такъ велико, что всѣ вассалы и владѣтели собрались по первому же призыву, чтобы отомстить за оскорбленіе ихъ государя. Оттонъ возвратился въ Лотарингію съ шестидесятитысячнымъ войскомъ, вытѣснилъ изъ нея французскаго короля и вторгнулся въ его собственныя владѣнія. Овладѣвъ безъ большаго труда Ланомъ, Суассономъ и другими королевскими резиденціями, онъ послѣ непродолжительнаго сопротивленія взялъ Парижъ и остался три мѣсяца въ самой срединѣ французскаго государства (978 г.). Къ несчастью, онъ слишкомъ поздно сталъ думать о возвращеніи и совершенно упустилъ изъ виду, что въ то время, какъ самъ онъ, по обычаю нѣмцевъ, былъ оставленъ на зиму частью своего войска, французы стали собираться вокругъ Лотаря и Гуго Капета. Если бы онъ подумалъ обо всемъ этомъ и зналъ, какъ трудно бываетъ арміи отступать черезъ страну, жители которой раздражены противъ нея, то походъ его во Францію остался бы однимъ изъ самыхъ славныхъ его подвиговъ. Но, пробывъ во Франціи до декабря, Оттонъ этимъ самымъ доставилъ побѣду врагамъ. Принужденный возвратиться въ Германію, онъ при самомъ началѣ отступленія не могъ отыскать брода на рѣкѣ Энѣ и потерялъ много людей при переправѣ; затѣмъ онъ былъ настигнутъ французами на Маасѣ и лишился въ одномъ неудачномъ сраженіи почти всего войска, не смотря на значительный уронъ непріятеля. Черезъ два года (980 г.) Лотарь и Оттонъ, съѣхавшись въ Реймсѣ, заключили миръ, условія котораго въ точности неизвѣстны. Впрочемъ, французскій король уступилъ Лотарингію нѣмцамъ, а братъ его остался вассаломъ Оттона и герцогомъ нижней части этой страны. Французскіе вельможи были недовольны этимъ миромъ, обвиняя Лотаря въ томъ, что онъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлалъ слишкомъ много уступокъ, и подозрѣвали существованіе между нимъ и германскимъ королемъ другаго тайнаго договора. По смерти Оттона, Лотарь возобновилъ свои притязанія на Лотарингію и занялъ Люттихъ и Вердёнъ, но германскіе императоры удержали свою власть надъ Лотарингіей, и Лотарь, вскорѣ послѣ того, долженъ былъ возвратить завоеванные имъ города.

Предпріятія Лотаря противъ Лотарингіи были, по крайней мѣрѣ, безвредны для его чести; но война, вызванная его стараніями расширить свои владѣнія на счетъ нормандскаго герцога Ричарда I, навлекла на него одинъ позоръ. Сначала онъ хотѣлъ обманомъ захватить въ плѣнъ герцога и, когда это не удалось, началъ съ нимъ войну, поддерживаемый Гуго Капетомъ и другими могущественными вассалами (963 г.). Въ своемъ стѣсненномъ положеніи, Ричардъ призвалъ на помощь язычниковъ датчанъ, подъ предводительствомъ Гаральда Синяго Зуба (Блаатанда) и такъ страшно опустошалъ съ ними сосѣднія графства и владѣнія, что Лотарь и его союзники должны были просить мира и согласиться на самыя тяжелыя условія, чтобъ только избавиться отъ этихъ варваровъ.

Лотарь умеръ въ 986 году, а черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ него скончался и сынъ его, Людовикъ Лѣнивый, признанный королемъ безъ всякихъ противорѣчій со стороны вассаловъ. Въ живыхъ оставался тогда только одинъ потомокъ каролингской династіи, братъ Лотаря, Карлъ, съ своимъ сыномъ; но,

сдѣлавшись вассаломъ германскаго короля, Карлъ возбудилъ противъ себя ненависть націи, и Гуго Капетъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы присвоить себѣ корону. Еще прежде, чѣмъ Карлъ успѣлъ явиться изъ Лотарингіи, Гуго собралъ своихъ вассаловъ и приверженцевъ, принудилъ ихъ провозгласить себя королемъ и короновался въ Реймсѣ. На сѣверъ отъ Луары, гдѣ господствовали въ Бургундіи его братъ, а въ другихъ странахъ его родственники, или люди, которые его боялись, онъ былъ тотчасъ же признанъ почти всѣми. Но герцоги и графы, господствовавшіе на западѣ Франціи, уже пріобрѣли при послѣднихъ Каролингахъ, которымъ они оказывали наружно величайшія почести, всѣ права владѣтельныхъ государей (право чеканить монету, раздавать лены и право верховнаго суда), и поэтому отказались подчиниться новой династіи, которая могла бы потребовать отъ нихъ болѣе, чѣмъ одного признанія королевскаго титула. Они покорились только впослѣдствіи, уступивъ силѣ оружія. Между тѣмъ Карлъ съ своими лотарингскими вассалами явился во Францію и потребовалъ себѣ престола. Поддерживаемый герцогомъ Арнульфомъ Фландрскимъ и нѣкоторыми другими приверженцами его династіи, Карлъ завоевалъ Ланъ, послѣдній остатокъ своихъ родовыхъ владѣній; но, къ несчастью, храбрый Арнульфъ умеръ еще до начала войны, и самъ онъ повредилъ себѣ своимъ образомъ дѣйствій со вдовой Лотаря, Эммой. Ненавидя ее по разнымъ причинамъ, онъ обращался съ нею, какъ съ плѣнницею, и обвинялъ ее въ властолюбивыхъ замыслахъ, безпорядочной жизни и даже въ отравленіи мужа. Этимъ преслѣдованіемъ Карлъ нажилъ себѣ многочисленныхъ враговъ въ духовенствѣ, особенно въ лицѣ довѣреннаго секретаря Эммы, знаменитаго аббата Герберта, и его приверженцевъ. Вслѣдствіе того архіепископъ Адельберо Реймскій, не смотря на занятіе Карломъ этого города, отказалъ ему въ муропомазаніи, которое, при отсутствіи правильнаго избранія, одно могло дать ему корону. Хотя Адельберо умеръ, а Арнульфъ, сдѣлавшійся архіепископомъ при вторичномъ завоеваніи Реймса Гуго Капетомъ, перешелъ на сторону Карла и недостойной уловкой передалъ въ его руки городъ, но Карлъ вслѣдъ за тѣмъ былъ осажденъ въ Ланѣ и выданъ измѣннически своему противнику (989 г.). Заключенный вмѣстѣ съ женою въ башню, онъ оставался въ ней до самой смерти (991 г.). Сынъ его, Оттонъ, которому передъ походомъ во Францію онъ отдалъ Нижнюю Лотарингію, умеръ въ 1005 г.; но два другіе сына его, родившіеся въ плѣну, нашли себѣ убѣжище въ Германіи и умерли тамъ въ неизвѣстности.

7. Первые Капетинги.

На мѣсто угасшаго рода Каролинговъ, съ Гуго Капетомъ на французскій престолъ вступаетъ новая династія, получившая названіе капетингской. И при этой новой династіи Франція еще долгое время оставалась раздѣленною на множество феодальныхъ владѣній, зависимыхъ и соединенныхъ только по имени. Занятая междоусобными войнами и управляемая слабыми королями, она рѣдко вмѣшивалась въ ходъ міровыхъ событій. Поэтому исторія Франціи при первыхъ Капетингахъ не нуждается въ подробномъ изложеніи, тѣмъ болѣе, что все, что можетъ быть сказано о французахъ этой эпохи и возрожденіи ихъ отечества, гораздо удобнѣе можетъ быть соединено съ изложеніемъ ихъ исторіи въ слѣдующемъ періодѣ.

Заботясь болѣе всего о сохраненіи престола въ своей фамиліи, Гуго Капетъ еще въ 988 году провозгласилъ наслѣдникомъ престола своего сына, Роберта I, и, не смотря на свою щедрость къ церквамъ и монастырямъ, владѣнія которыхъ, въ случаѣ нужды, обращались снова на пользу государству, былъ достаточно благоразуменъ, чтобы не раздавать родовыхъ имѣній друзьямъ и вассаламъ. Особенное вниманіе его обращали на себя дѣла реймскаго архіепископства. Вскорѣ послѣ взятія въ плѣнъ Карла онъ собралъ соборъ изъ нѣсколькихъ епископовъ и аббатовъ и заставилъ ихъ низложить измѣнника Арнульфа и избрать на его мѣсто Герберта (991 г.). Папа, основываясь на поддѣльныхъ церковныхъ постановленіяхъ Лже-Исидора (стр. 469), по которымъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ

принадлежало исключительно одному ему, отвергъ постановленіе собора; но на его требованія возразили постановленіями соборовъ, которыя не были поддѣланы никакимъ обманщикомъ, и Гуго велѣлъ держать епископа Арнульфа по прежнему въ тѣсномъ заключеніи. Пока Гуго былъ живъ, Гербертъ сохранялъ архіепископское достоинство; но папа и всѣ строгіе католики смотрѣли на него, какъ на узурпатора, подчиненные ему духовенство и міряне находились въ сомнѣніи и заботахъ, и какъ только вниманіе Гуго было отвлекаемо чѣмъ-нибудь другимъ, епископство становилось добычей хищныхъ сосѣдей. Поэтому Гербертъ, для успокоенія вѣрующихъ, самъ сложилъ съ себя этотъ санъ, а благочестивый преемникъ Гуго, Робертъ I, тотчасъ же по вступленіи на престолъ (997 г.), уступилъ требованіямъ папы.

Робертъ былъ воспитанникомъ Герберта и заимствовалъ отъ него не только глубокія познанія въ латинскомъ языкѣ, математикѣ и механикѣ, но и свои политическія правила и строгую набожность. Поэтому въ дѣлѣ реймсскаго епископства, Робертъ оставилъ политику отца, и снова назначилъ Арнульфа архіепископомъ. Французскіе епископы обнаружили въ этомъ дѣлѣ много твердости и здраваго смысла и, не смотря на уваженіе къ римскому престолу, не явились ни на одинъ изъ соборовъ, которые папа, для рѣшенія этого спора, созывалъ въ Германіи; поэтому покорность Роберта много содѣйствовала сохраненію и поддержанію во Франціи папской власти. Въ другомъ спорѣ набожный король изъ уваженія къ первому изъ апостоловъ, преемникомъ котораго, по его мнѣнію, былъ римскій епископъ, также подчинился волѣ папы и этимъ, самъ того не зная, еще болѣе увеличилъ его притязанія. Онъ женился на Бертѣ, вдовѣ графа Одона Шампанскаго, съ которою находился не только въ кровномъ, но и въ духовномъ родствѣ, какъ крестный отецъ одного изъ ея сыновей. Папа Григорій V объявилъ этотъ бракъ недѣйствительнымъ и, когда, не смотря на то, Робертъ не хотѣлъ разлучиться съ Бертой, отлучилъ его отъ церкви (998 г.). Тѣмъ не менѣе король долго оставался вѣренъ женѣ и защищалъ ее противъ папы и французскаго духовенства съ большею твердостью, чѣмъ прежде отстаивалъ духовенство противъ папы. Онъ не обращалъ вниманія на отлученіе отъ церкви и на положенное на него церковное наказаніе, но преждевременные роды его жены такъ напугали благочестиваго короля, что онъ наконецъ разошелся съ нею. Разсказы о его дѣйствіяхъ во время отлученія очень разнорѣчивы и недостовѣрны, и мы даже не можемъ опредѣлить съ точностью года, когда онъ развелся съ Бертою. Къ несчастью, послѣ развода Робертъ вступилъ въ новый бракъ, поставившій его и его сыновей въ весьма затруднительное положеніе. Онъ женился на Констанціи, дочери одного аквитанскаго графа, которая была такъ же горда, властолюбива и скупа, какъ набоженъ, добръ и щедръ былъ самъ Робертъ. Сначала она вполнѣ подчинила себѣ короля, но, при столь рѣзкомъ противорѣчіи ихъ натуръ, между нею и ея мужемъ возникли такія дурныя отношенія, что Робертъ, не смотря на свое благочестіе, нѣкоторое время открыто жилъ въ двойномъ бракѣ, стараясь получить отъ папы позволеніе снова соединиться съ Бертой. Его подданные тоже были недовольны характеромъ новой королевы, отталкивавшей отъ себя всѣхъ своимъ нравомъ и своей свитой, привезенной ею изъ Аквитаніи.

Свое значеніе въ государствѣ Робертъ старался упрочить тѣсной дружбою съ норманнами; но верховною судебною властью, которая одна могла приблизить къ нему слабыхъ и наводить страхъ на сильныхъ, онъ пользовался, смотря по обстоятельствамъ или съ большой строгостью, или являясь только мудрымъ посредникомъ. Его справедливость и умѣренное благоразуміе производили на всѣхъ чрезвычайно выгодное впечатлѣніе и потому были полезны для него самого, такъ какъ только, благодаря этимъ качествамъ, онъ успѣлъ доставить одному изъ своихъ сыновей герцогство Бургундію. Въ 1002 году, по смерти бездѣтнаго герцога, оно должно было достаться королю, но бургундцы не хотѣли и слышать о сліяніи съ жителями Франціи. Напрасно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Робертъ старался покорить ихъ при помощи нормандскаго герцога Ричарда II; наконецъ онъ отказался отъ мысли присоединить Бургундію къ короннымъ владѣніямъ, и, оставивъ ее отдѣльнымъ герцогствомъ, отдалъ своему сыну Генриху. Назначенный впослѣдствіи соправителемъ и наслѣдникомъ короля, Генрихъ долженъ былъ уступить Бургундію младшему брату, Роберту, который и остался ея владѣтелемъ

и сдѣлался родоначальникомъ древнѣйшей линіи герцоговъ бургундскихъ, продолжавшей управлять страною до 1361 года. Въ нѣкоторыхъ частяхъ государства король, при всей благоразумной строгости, не могъ поддержать своего значенія. Такъ было въ Шампаньи, Шартрѣ и Турѣ, гдѣ никакія усилія не могли привести къ повиновенію графа Одона Младшаго, сына Берты отъ перваго брака. Точно также Робертъ не могъ усмирить и пылкаго графа Фулька-Нерры Анжуйскаго, который то свирѣпствовалъ противъ родственниковъ и друзей, совершая грабежи и убійства, то отправлялся босой и въ цѣпяхъ на поклоненіе святому гробу.

Подобно отцу, Робертъ старался сохранить въ своемъ родѣ престолъ, который долгое время оставался избирательнымъ, но вскорѣ снова долженъ былъ сдѣлаться наслѣдственнымъ. Не смотря на нежеланіе подданныхъ, онъ еще при жизни избралъ наслѣдникомъ старшаго сына, Гуго, подававшаго большія надежды (1017 г.). Но Констанція, изъ скупости и нелѣпаго предпочтенія младшему сыну, Роберту, не хотѣла согласиться на то, чтобы молодому наслѣднику престола было назначено приличное содержаніе. Поэтому Гуго вмѣстѣ съ другими молодыми людьми началъ вести такую же жизнь, какъ и большинство тогдашнихъ рыцарей, т. е. постоянно скитался съ мѣста на мѣсто, приходя въ непріязненныя столкновенія со всѣмъ свѣтомъ и грабя каждаго, кто не могъ защищаться. Онъ умеръ въ цвѣтѣ молодости (1025 г.), примирившись съ отцомъ, который, съ согласія вельможъ, назначилъ тогда преемникомъ втораго сына, Генриха, и короновалъ его въ Реймсѣ; однако Констанція снова возбудила несогласія и раздоръ въ королевской фамиліи, такъ что вскорѣ и Генрихъ очутился въ томъ же положеніи, какъ и его братъ, Гуго. Даже младшій сынъ короля, Робертъ, любимецъ матери, соединился съ Генрихомъ противъ отца.

Нарушивъ такимъ образомъ спокойствіе послѣднихъ годовъ жизни мужа, Констанція, по его смерти (1031 г.), навлекла еще большую опасность на Генриха I. Стараясь присвоить себѣ какъ можно болѣе королевскихъ имѣній, она возбуждала вельможъ противъ Генриха и привела его въ такое безвыходное положеніе, что онъ долженъ былъ бѣжать къ нормандскому герцогу Роберту II и, только благодаря его благородной поддержкѣ, могъ удержаться на тронѣ. Къ счастью, Констанція умерла черезъ годъ по смерти мужа. Генрихъ отплатилъ своему избавителю неблагодарностью и за то, какъ уже сказано выше (стр. 394), былъ строго наказанъ сыномъ его, Вильгельмомъ Завоевателемъ. Вильгельмъ не ограничился однимъ этимъ урокомъ неблагодарному королю, и нанесъ много вреда ему и его преемникамъ, когда завоевалъ Англію и соединилъ ее съ Нормандіей. Это завоеваніе сдѣлало нормандскихъ герцоговъ гораздо страшнѣе всѣхъ другихъ сосѣдей и вассаловъ французскихъ королей. Вскорѣ послѣ этого власть короля Франціи была ограничена только предѣлами одного незначительнаго герцогства и признаніемъ его номинальнаго первенства предъ другими вассалами. Это приняло бы еще большіе размѣры и, быть можетъ, королевская власть погибла бы навсегда, если бы всѣ капетингскіе короли не обладали здравымъ умомъ, дѣятельностью и личнымъ мужествомъ и, благодаря этимъ личнымъ качествамъ, не возстановили наконецъ своего преобладанія. Они храбро сражались съ мелкими вассалами, съ строгимъ безпристрастіемъ творили судъ и расправу, даже противъ людей, принадлежавшихъ къ ихъ собственной фамиліи, и иногда нарочно ссорили другъ съ другомъ вассаловъ, чтобы потомъ явиться между ними посредниками.

Генрихъ женился на Аннѣ, дочери русскаго великаго князя Ярослава I. Эти связи съ далекою страною, при тогдашней рѣдкости международныхъ сношеній, показались бы намъ еще страннѣе, если бы мы не знали, что Анна принесла съ собой богатое приданое, въ которомъ бѣдный король весьма нуждался. Впрочемъ, бракъ французскаго короля не былъ простымъ семейнымъ дѣломъ, потому что по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, касавшихся королевскихъ имѣній, для приданія рѣшенію законной силы, необходимо было, хотя и для одной формы, согласіе королевы и принцевъ.

Генрихъ, подобно отцу и дѣду, еще при жизни короновалъ сына, но сдѣлалъ это, по всей вѣроятности, только почувствовавъ уже близость смерти. Онъ умеръ черезъ годъ послѣ того (1060 г.). Наслѣдникъ его Филиппъ I, былъ еще ребенкомъ и, по обычаю, во главѣ управленія стала мать его, Анна. Она передала правленіе графу Бальдуину V Фландрскому, который исполнялъ свою

обязанность благородно, храбро и благоразумно. Молодой король вступилъ въ управленіе государствомъ только по смерти Бальдуина (1067 г.).

8. Италія отъ смерти Беренгара I до Оттона Великаго.

По смерти Беренгара I (924 г.), королемъ Ломбардіи былъ признанъ всѣми Рудольфъ II Верхне-Бургундскій (стр. 489), но вскорѣ и его постигла участь его предшественника. Архіепископъ Ламбертъ Миланскій, который самъ призвалъ и короновалъ его, черезъ годъ послѣ того пригласилъ въ Италію владѣтеля Цисъюранской Бургундіи, Гуго (стр. 488), предлагая ему корону. Гуго, вѣроятно, поддерживали и его сводные братья, Гвидо и Ламбертъ, сыновья могущественнаго владѣтеля Тосканы, Адельберта. Съ появленіемъ его въ Италіи, Рудольфъ, оставленный всѣми, долженъ былъ удалиться въ Верхнюю Бургундію. Хотя вслѣдъ за тѣмъ онъ снова возвратился оттуда въ сопровожденіи тестя, Буркарда Швабскаго, но навсегда оставилъ полуостровъ, когда Буркардъ былъ убитъ въ Верхней Италіи (926 г.). Впослѣдствіи, когда измѣнчивые итальянцы снова пригласили его на престолъ, онъ имѣлъ достаточно благоразумія, чтобы не прельститься этимъ и предоставить врагу пустой титулъ короля въ замѣнъ дѣйствительныхъ выгодъ. Покоривъ своей власти итальянскихъ владѣтелей и видя въ Рудольфѣ единственнаго опаснаго соперника, Гуго постарался избавиться отъ него, пожертвовавъ ему Карломъ Константиномъ, сыномъ Людовика Слѣпаго. Онъ заключилъ съ нимъ договоръ, по которому Рудольфъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Италію и въ замѣнъ того получилъ Прованскъ или Нижнюю Бургундію. Такимъ образомъ въ 933 г. оба бургундскія королевства соединились; Карлъ Константинъ удержалъ за собою одинъ городъ Вѣнну и долженъ былъ признать надъ собою власть не только капетингскихъ королей, но и Рудольфа II.

Какъ умно поступилъ бургундскій король, можно видѣть изъ судьбы Гуго и его преемника. Утвердившись на престолѣ, Гуго сталъ думать объ императорскомъ титулѣ и вступилъ въ сношенія съ знаменитой Марозіей (стр. 488). Эта женщина, владѣвшая въ Римѣ крѣпостью св. Ангела и потому повелѣвавшая городомъ, уже давно самымъ постыднымъ образомъ злоупотребляла властью, пріобрѣтенною злодѣяніями и коварствомъ, и, вмѣстѣ съ своими приверженцами, смѣялась надъ всѣмъ благороднымъ и возвышеннымъ. Вообще въ Италіи того времени ученіе и заповѣди религіи лишились значенія, нравы — чистоты и порокъ—стыда; если бы добродѣтель и религія не лежали внѣ круга тѣхъ предметовъ, которые можетъ уничтожить человѣкъ, то они совершенно исчезли бы тогда въ Италіи. Конечно, нельзя вѣрить безусловно всѣмъ разсказамъ объ этомъ печальномъ времени, потому что они принадлежатъ людямъ, развращенному воображенію которыхъ нравилось только дурное и необыкновенное и въ глазахъ которыхъ всякая исторія становится романомъ, всѣ владѣтели тиранами и всѣ женщины развратницами; но самое безстыдство, съ которымъ разсказываются эти вещи, можетъ лучше всего доказать намъ испорченность высшихъ классовъ тогдашняго общества въ Италіи. Марозія, вступившая во второй бракъ съ братомъ Гуго, Гвидо, не успѣвъ подчинить своей волѣ папу Іоанна X, заключила его въ тюрьму и держала его тамъ до самой смерти (928 г.). Два ближайшіе преемника его умерли одинъ вскорѣ послѣ другаго и, какъ кажется, точно такимъ же образомъ. Тогда Марозія возвела на папскій престолъ своего сына отъ перваго брака, подъ именемъ Іоанна XI (931 г.), а другой, Альберихъ Младшій, вмѣстѣ съ нею сталъ управлять въ Римѣ свѣтскими дѣлами, и такъ какъ Гвидо уже умеръ, то, вступивъ въ сношенія съ Гуго, она вышла за него замужъ; но сынъ ея, Альберихъ, нисколько не заботившійся объ интересахъ матери, выгналъ его изъ Рима. Гуго своими преступленіями показалъ себя достойнымъ фамиліи, съ которой онъ соединился. Захвативъ и ослѣпивъ своего своднаго брата, Ламберта, который по смерти Адельберта владѣлъ Тосканой, онъ посадилъ на его

мѣсто своего роднаго брата, Бозона, но вскорѣ послѣ того заключилъ въ темницу и его. Опасаясь болѣе всего короля бургундскаго, Гуго по смерти Рудольфа женился на его вдовѣ и обручилъ ея дочь, Адельгейду, съ своимъ сыномъ, Лотаремъ, котораго еще прежде объявилъ соправителемъ. Но при этомъ нигдѣ не говорится, чтобы онъ разорвалъ тогда связь съ Марозіей, которая, быть можетъ, и не была никогда его законною женою. Марозія вмѣстѣ съ сыномъ, папой Іоанномъ XI, была заключена въ темницу Альберихомъ. Гуго тщетно старался изгнать его изъ Рима; но за то принудилъ внука и наслѣдника Беренгара I, Беренгара II Иврейскаго, женатаго на дочери низверженнаго Бозона, оставить Италію и искать убѣжища у германскаго короля Оттона I.

Въ Италіи, гдѣ уже съ давнихъ поръ не было ни одного центра соединенія, нельзя было и думать о какомъ нибудь правильномъ и законномъ правительствѣ, и итальянскіе короли почти невольно становились тиранами. Но Гуго дѣйствовалъ уже слишкомъ деспотически, и потому самъ приготовилъ свое паденіе, особенно, когда занялъ всѣ епископства своими родственниками, не обращая вниманія на ихъ нравственныя достоинства; это ожесточило духовенство, которое одно только и могло составлять тогда публичныя собранія. Духовные возстали наконецъ противъ Гуго и вошли въ сношенія съ Беренгаромъ. Гуго вскорѣ увидѣлъ себя вынужденнымъ, для отвращенія опасности, согласиться на всѣ требованія духовенства и дозволить Беренгару возвратиться въ Италію. Это навсегда поколебало его могущество: Беренгаръ захватилъ всю власть въ свои руки, а Гуго и его сынъ оставались королями только по имени, и недовольнымъ было не трудно совершенно освободиться наконецъ отъ ненавистнаго короля. Въ 946 году они принудили Гуго возвратиться со своими сокровищами въ Провансъ; сынъ его, Лотарь, ненавидимый менѣе отца, остался въ Италіи, но черезъ четыре года скоропостижно умеръ (950 г.), и вслѣдъ за тѣмъ, а можетъ быть, и за нѣсколько дней до смерти Лотаря, былъ избранъ королемъ Беренгаръ. Это навлекло на Беренгара подозрѣніе въ томъ, что онъ ускорилъ смерть своего предшественника, тѣмъ болѣе, что его дальнѣйшая жизнь вполнѣ подтверждаетъ это подозрѣніе. Вдова Лотаря, Адельгейда, была вполнѣ убѣждена въ этомъ. Такъ какъ у нея оставались еще значительныя и независимыя владѣнія, въ составъ которыхъ входила и Павія, то Беренгару хотѣлось женить на ней своего сына, Адельберта; но Адельгейда ненавидѣла короля и все его семейство и постоянно отвергала его предложенія. Она даже открыто высказывала свою ненависть къ Беренгару и его женѣ, и это еще болѣе, чѣмъ несбывшаяся надежда присвоить своему роду ея значительныя владѣнія, побудило ихъ къ жестокому преслѣдованію Адельгейды. Они захватили ее въ плѣнъ и старались насильно принудить къ браку съ Адельбертомъ. Адельгейда осталась вѣрна своему намѣренію и была, наконецъ, заключена въ уединенную башню, откуда бѣжала при помощи одного духовнаго лица. Во время бѣгства она нѣсколько дней скрывалась въ болотѣ, дѣля скудную пищу бѣднаго рыбака, пока, наконецъ, ей не удалось прибыть къ вѣрному другу ея семейства, графу Аццо, который проводилъ ее въ свой неприступный замокъ Каноссу. Когда пребываніе ея въ этомъ замкѣ сдѣлалось всѣмъ извѣстнымъ, она, чрезъ посредство своихъ друзей, обратилась за помощью къ германскому королю Оттону Великому, предложивъ ему свою руку и соединенныя съ нею права на итальянскую корону (951 г.). Адельгейда достигла своей цѣли, и такимъ образомъ снова дала германскимъ королямъ поводъ возобновить, къ несчастью для Германіи, свои притязанія на достоинство римскаго императора. Въ лѣтописяхъ, бѣгство Адельгейды и ея сношенія съ Оттономъ описаны весьма романически, но, по всей вѣроятности, эти приключенія принадлежатъ къ числу вымысловъ, которыми тогдашніе лѣтописцы старались придать своимъ повѣствованіямъ такой же интересъ, какой умѣлъ сообщить историческому разсказу Геродотъ (т. I. стр. 325).

9. Германія отъ конца каролингской эпохи до возстановленія сношеній съ Греціей.

Въ то время, когда съ Людовикомъ Дитятей династія Каролинговъ прекратилась въ Германіи, большая часть страны, раздѣленная на небольшіе округи, управлялась такъ называемыми каммерботами или королевскими уполномоченными, которые посылались туда только на извѣстное время для предсѣдательства въ судахъ, начальствованія надъ войскомъ и наблюденія за королевскими имѣніями. Въ другихъ же частяхъ Германіи, управленіе было поручено могущественнымъ и вліятельнымъ вельможамъ, которые назывались преимущественно герцогами и уже въ то время стремились сдѣлать данную имъ власть наслѣдственною въ своихъ фамиліяхъ. Впрочемъ, раздѣленіе на графства и герцогства основывалось главнымъ образомъ на различіи нарѣчій, которое тогда было гораздо замѣтнѣе, чѣмъ теперь. Самыми могущественными герцогствами были Франконія, заключавшая въ себѣ также Гессенъ и часть рейнскихъ земель, и Саксонія, простиравшаяся по всей сѣверной границѣ государства, начиная отъ Мейссена (Мисніи), потому что сосѣдство норманновъ и славянъ дѣлало необходимымъ сосредоточіе оборонительныхъ средствъ въ однѣхъ энергическихъ рукахъ. Франконіею владѣлъ Конрадъ I, сынъ графа того же имени, убитаго въ бабенбергской войнѣ, а герцогомъ саксонскимъ былъ тотъ самый Оттонъ, который вмѣстѣ съ Гаттономъ Майнцскимъ управлялъ государствомъ при Людовикѣ Дитяти. Въ Баваріи былъ свой особый владѣтель, носившій титулъ герцога; но этотъ герцогъ, Арнульфъ Злой, постоянно занятый войною съ сосѣдними венграми, не пользовался никакимъ вліяніемъ въ имперіи. Страна алеманновъ или швабовъ, въ которой находились весьма значительныя королевскія имѣнія, была раздѣлена на множество графствъ подъ управленіемъ каммерботовъ, самыми могущественными изъ которыхъ были братья Бертольдъ и Эркангеръ. Поэтому по смерти Людовика Дитяти (911 г.), при избраніи новаго короля, могла быть рѣчь только о франконскомъ герцогѣ Конрадѣ и саксонскомъ Оттонѣ, тѣмъ болѣе что оба они были въ ближайшемъ родствѣ съ угасшимъ мужскимъ поколѣніемъ Каролинговъ. Королемъ былъ избранъ Конрадъ, вѣроятно, потому, что былъ моложе и энергичнѣе Оттона.

Положеніе новаго короля было затруднительно: онъ никакъ не могъ заставить уважать королевскую власть во всемъ государствѣ и вообще былъ могущественъ только тогда, когда становился во главѣ франковъ, что случалось очень часто, или когда раздавалъ дипломы духовнымъ вассаламъ. Въ самомъ началѣ царствованія онъ лишился Лотарингіи, которою овладѣлъ слабый Каролингъ, господствовавшій тогда во Франціи. Предоставивъ франконскому герцогу королевское достоинство, Оттонъ удержалъ въ своихъ рукахъ такую обширную власть, что тотъ имѣлъ полное право смотрѣть на него съ завистью. Саксонцы живѣе всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ племенъ сознавали свою національность, и соединенные подъ одной властью составляли сомкнутую и неодолимую силу. Въ 912 году, по смерти Оттона, Конрадъ сдѣлалъ тщетную попытку подчинить себѣ его сына, Генриха I; саксонцы упорно держали сторону молодаго герцога, и Конрадъ, разбитый при одномъ нападеніи на Генриха, долженъ былъ признать его владѣтелемъ всей Саксоніи и уступить ему королевскіе лены въ этой странѣ. Въ Швабіи, Конрадъ также не могъ долго поддерживать королевской власти, хотя и подавилъ наиболѣе опасныя волненія, вызванныя однимъ изъ его друзей, епископомъ констанцскимъ и аббатомъ санктгалленскимъ, Саломономъ. Саломонъ, стихотворенія котораго сохранились до нашего времени, былъ человѣкъ ловкій и образованный и, находясь постоянно при королѣ, лучше всѣхъ умѣлъ занимать и забавлять его своими шутками и, исполняя при Конрадѣ должность канцлера, забывалъ всѣ свои обязанности, какъ архикапеллана (стр. 453). Конрадъ такъ увлекся этимъ человѣкомъ, что, не переговоривши съ швабскими графами, передалъ ему коронныя владѣнія и права, принадлежавшія собственно графамъ, и такимъ образомъ Саломонъ, какъ аббатъ знаменитаго санктгалленскаго монастыря, епископъ и министръ, пріобрѣлъ вскорѣ громадное вліяніе въ государствѣ. Его значеніе

и расточительность раздражили противъ него двухъ могущественнѣйшихъ графовъ Швабіи, Эркангера и Бертольда, которые враждовали съ нимъ еще прежде. Захвативъ врасплохъ высокомѣрнаго епископа, они подвергли его самымъ недостойнымъ оскорбленіямъ и заключили въ оковы въ одномъ изъ своихъ замковъ. Но Саломонъ былъ необходимъ для короля и, такъ какъ не задолго передъ тѣмъ были захвачены точно такимъ же образомъ два другіе епископа, изъ которыхъ одинъ былъ ослѣпленъ, а другой убитъ, то дѣло это обратило на себя всеобщее вниманіе, и Конрадъ не могъ оставить этого преступленія безнаказаннымъ, хотя оба графа и были въ свойствѣ съ нимъ. По этому случаю онъ созывалъ два собора, но удовольствовался тѣмъ, что изгналъ графа Эркангера, который былъ схваченъ однимъ изъ вассаловъ епископа (914 г.). Чрезъ нѣсколько времени Эркангеръ безъ согласія короля вернулся въ Швабію и даже сталъ называть себя герцогомъ алеманнскимъ. Тогда Конрадъ собралъ своихъ вѣрныхъ слугъ и, присоединивъ къ нимъ многочисленныхъ приверженцевъ Саломона, двинулся противъ обоихъ братьевъ, взялъ ихъ въ плѣнъ и, обвинивъ ихъ на государственномъ сеймѣ въ оскорбленіи величества, приказалъ предать казни (917 г.). Не смотря на то, противъ него возсталъ вскорѣ одинъ изъ ихъ друзей и товарищей, Буркардъ I, который — неизвѣстно, противъ воли или съ согласія Конрада — былъ избранъ швабскими владѣтелями въ герцоги. Энергически охраняя герцогскія права и ведя счастливыя войны въ Верхней Бургундіи, владѣтель которой, Рудольфъ II, наконецъ помирился съ нимъ и женился на его дочери, онъ снова возвысилъ значеніе швабовъ. Буркардъ умеръ, какъ мы уже сказали выше (стр. 500), въ одномъ изъ своихъ походовъ въ Италію вмѣстѣ съ Рудольфомъ. Пасынокъ Конрада, Арнульфъ Баварскій, также вооружился противъ своего отчима, былъ изгнанъ имъ изъ Баваріи и бѣжалъ къ венграмъ, которые производили тогда страшныя опустошенія, проникая до самаго Базеля.

При концѣ жизни Конрадъ находился въ самомъ жалкомъ положеніи: во всѣхъ частяхъ Германіи, кромѣ Франконіи, власть его была почти номинальною. Саксонцы, съ которыми онъ въ самомъ началѣ царствованія велъ неудачную войну, едва повиновались ему по имени. Баварцы, вслѣдствіе изгнанія своего герцога, считали себя угнетаемыми королемъ. Алеманны, очевидно, были также раздражены противъ Конрада, потому что взяли себѣ въ герцоги ревностнаго приверженца Эркангера и Бертольда. Поэтому Конрадъ, умирая, весьма благоразумно посовѣтовалъ брату, Эбергарду, добровольно предложить могущественному герцогу саксонскому королевскій престолъ, котораго самъ онъ не могъ бы удержать за собою, и этимъ оказать услугу будущему главѣ государства. Эбергардъ послѣдовалъ совѣту брата, передалъ тотчасъ по смерти его (918 г.) знаки королевскаго достоинства герцогу Генриху и вступилъ съ нимъ въ самыя дружескія сношенія.

Чрезъ полгода (919 г.) Генрихъ I, послѣ того, какъ Эбергардъ сообщилъ ему о согласіи франковъ, принялъ королевскій титулъ въ собраніи саксонцевъ. Историки восхваляютъ его за смиреніе и скромность, съ которыми онъ отклонилъ отъ себя муропомазаніе, которое хотѣлъ совершить надъ нимъ архіепископъ майнцскій; но какъ мало основанія имѣетъ эта похвала, можно видѣть уже изъ того, что прежде онъ нисколько не задумывался вести войну съ своимъ законнымъ королемъ Конрадомъ. Точно также основательна и похвала его великодушію, которое многіе приписывали ему, утверждая, что онъ установилъ порядокъ престолонаслѣдія единственно потому, что заботился о благосостояніи государства, а не о блескѣ своей фамиліи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ясно видно, какъ мало нужно довѣрять въ исторіи всѣмъ голословнымъ похваламъ или порицаніямъ, потому что большинство писателей всегда заботится только о томъ, чтобы произвести сильное впечатлѣніе на читателя, и думаетъ поразить его краснорѣчивыми фразами. Генриху I дали прозвище Птицелова, потому будто бы, что Эбергардъ, явясь къ нему съ знаками королевскаго достоинства, засталъ его занятымъ ловлею птицъ; объ этомъ прозвищѣ не упоминаетъ однако ни одинъ изъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ.

Со вступленіемъ на престолъ Генриха I, королевское достоинство отъ франковъ, которымъ однимъ принадлежало оно прежде, перешло къ саксонцамъ, и этотъ переходъ вполнѣ объясняется преимуществами, какія имѣли послѣдніе

передъ первыми. Саксонцы занимали огромное пространство тогдашней Германіи, населяя всю страну отъ Сѣвернаго моря и Эйдера до Фихтель-Гебирге (Сосновыхъ горъ) и Веттерау и отъ Рейна до Эльбы. Франки и алеманны были образованнѣе ихъ, но за то у саксонцевъ сохранилось болѣе единства и первобытной энергіи, а ихъ древнее общественное устройство еще существовало у нихъ во всей силѣ и чистотѣ. Къ тому же въ Саксоніи, во главѣ управленія уже давно стояла одна фамилія, которая отличалась столько же храбростью, какъ будто наслѣдственной въ ея членахъ, сколько и обширностью своихъ владѣній. Впрочемъ, швабы и баварцы были недовольны этимъ избраніемъ, въ которомъ участвовали только саксонцы и франки. Но и тѣ, и другіе были безсильны противъ нихъ. Герцогъ Буркардъ I Швабскій протестовалъ противъ этого избранія, но Генрихъ тотчасъ же напалъ на него и черезъ годъ заставилъ его признать себя королемъ. Арнульфъ Баварскій, по смерти Конрада возвратившійся изъ Венгріи, долженъ былъ воевать съ Генрихомъ и покориться ему; Генрихъ предложилъ ему выгодныя условія, желая сохранить миръ внутри государства, чтобы остановить опустошенія венгровъ, а также обезопасить и расширить свои саксонскія владѣнія, которыя одни были дороги его сердцу. Но еще прежде, чѣмъ удалось ему осуществить эти намѣренія, несчастное состояніе Франціи дало ему возможность распространить свою власть и на Лотарингію, хотя это и не могло обойтись безъ войны съ французами. Вступивъ, какъ мы уже сказали выше (стр. 492), въ союзъ съ герцогомъ Гизельбертомъ Лотарингскимъ, онъ нѣсколько разъ являлся въ эту страну съ саксонцами, но и здѣсь дѣйствовалъ чрезвычайно умѣренно и не извлекъ никакой выгоды изъ этого завоеванія, хотя и былъ признанъ леннымъ владѣтелемъ Нижней Лотарингіи.

Болѣе важные результаты имѣли предпріятія Генриха на противоположныхъ границахъ государства противъ норманновъ, славянъ и венгровъ. Особенно замѣчательны по своему значительному вліянію на внутреннее состояніе Германіи войны его съ венграми. Венгры или мадьяры, главнымъ предводителемъ которыхъ по смерти Арпада (907 г.) сдѣлался сынъ его, Цультанъ, уже не довольствуясь набѣгами на Баварію, Швабію, Италію и Бургундію, проникли даже и въ сѣверныя области государства, доходя до Лотарингіи. Въ 908 году, побѣдивъ въ союзѣ съ однимъ славянскимъ народомъ тогдашняго герцога тюрингскаго, они проникли и въ страну саксовъ. Главной причиной безнаказанности ихъ опустошительныхъ набѣговъ были особенности ихъ вооруженія и способа веденія войны, которыми они превосходили германцевъ; даже Генрихъ, не смотря на свою храбрость и искусство, потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе и обязанъ былъ своимъ спасеніемъ только тому, что могъ отступить къ одной изъ ближайшихъ крѣпостей. Венгры почти всѣ сражались на коняхъ, тогда какъ все германское войско состояло преимущественно изъ пѣхоты. Кромѣ того, главнымъ оружіемъ нѣмцевъ были тяжелыя сѣкиры и молоты, а венгры были вооружены легкими луками и, какъ номады и искусные наѣздники, были очень быстры въ движеніяхъ. Они появлялись всегда внезапно и грабили страну, не встрѣчая нигдѣ преградъ, потому что на востокѣ и во внутренности Германіи почти вовсе не было укрѣпленныхъ или окруженныхъ стѣнами городовъ, а только одни разсѣянные кое-гдѣ замки. Генрихъ оказалъ народу ту услугу, что, понимая важность этихъ обстоятельствъ, дававшихъ венграмъ такой перевѣсъ надъ врагами, принялъ необходимыя мѣры, чтобы встрѣтить ихъ, какъ слѣдуетъ. Счастливый случай доставилъ ему необходимые для этого время и досугъ. Одинъ изъ венгерскихъ предводителей попалъ въ плѣнъ къ саксонцамъ и Генрихъ согласился освободить его только подъ условіемъ девятилѣтняго перемирія, которое онъ, впрочемъ, съ своей стороны, долженъ былъ купить довольно дорого, обязавшись дѣлать имъ ежегодные подарки (924 г.).

Этимъ отдыхомъ Генрихъ воспользовался, чтобы улучшить вооруженіе войска, обучить его военнымъ эволюціямъ, необходимымъ для войны съ венграми, и укрѣпить нѣкоторыя мѣстности, которыя могли бы служить мѣстами убѣжища или сборными пунктами въ случаѣ набѣга венгровъ. Наконецъ, обезопасивъ сѣверо-восточныя границы государства усмиреніемъ славянскихъ сосѣдей, онъ могъ вызвать оттуда войска и вести ихъ противъ самаго опаснаго врага—нѣмцевъ. Двѣ первыя изъ этихъ мѣръ имѣли очень важное вліяніе не только на

исходъ войны съ венграми, но и на весь періодъ среднихъ вѣковъ. Обыкновенно, о нихъ судятъ весьма ошибочно, неправильно понимая дѣйствія Генриха по устройству крѣпостей и полагая, что онъ поступалъ при этомъ точно такъ же, какъ полтораста лѣтъ тому назадъ строилъ въ Россіи города Петръ Великій. Это было бы совершенно невозможно въ тогдашней Германіи, гдѣ верховная власть вовсе не имѣла той энергіи и единства, какъ въ самодержавныхъ государствахъ, тѣмъ болѣе, что систематическія дѣйствія вовсе не были въ характерѣ той эпохи. Генрихъ не заботился о постройкѣ городовъ, хотя, конечно, многіе изъ нихъ были обязаны ему своимъ происхожденіемъ. Выведя своихъ саксовъ въ восточную часть страны, онъ только селилъ ихъ въ мѣстечкахъ, окруженныхъ стѣнами, тогда какъ прежде войска располагались въ неукрѣпленныхъ мѣстахъ или въ отдѣльныхъ домахъ. Точно также нельзя приписывать мѣрамъ, принятымъ Генрихомъ противъ венгровъ, происхожденіе правъ и учрежденій, благодаря которымъ средневѣковые города достигли такого важнаго значенія. Все это объясняется тѣмъ, что почти всѣ укрѣпленныя имъ мѣста перешли впослѣдствіи подъ покровительство епископовъ или аббатовъ, которые не только сдѣлали ихъ вольными городами, но и выхлопотали для нихъ королевскія грамоты, запрещавшія содержать въ нихъ узниковъ, какъ въ замкахъ могущественныхъ владѣльцевъ, и предоставлявшія всякому пользоваться въ стѣнахъ этихъ городовъ всѣми правами и защитою закона. Такимъ образомъ, духовенство съумѣло мало-по-малу доставить покровительствуемымъ имъ городамъ и многія другія привилегіи, изъ которыхъ образовались постепенно учрежденія и льготы нѣмецкихъ городовъ въ средніе вѣка. Гораздо значительнѣе по своимъ послѣдствіямъ были преобразованія, сдѣланныя Генрихомъ въ вооруженіи и обученіи саксонскихъ войскъ, находившіяся въ тѣсной связи съ вооруженіемъ и способомъ веденія войны всѣхъ христіанскихъ народовъ слѣдующаго періода. Онъ создалъ новую конницу и посредствомъ новой тактики и перемѣны вооруженія старался сдѣлать войско болѣе способнымъ къ войнѣ съ легкими войсками, изъ которыхъ состояли главныя военныя силы венгровъ и славянъ. Въ чемъ собственно заключались эти мѣры, съ точностью опредѣлить нельзя; извѣстно только, что вооруженіе войскъ и тактика позднѣйшаго періода среднихъ вѣковъ получили свое начало при Генрихѣ и что тогда же стало образовываться сословіе рыцарей, первый шагъ къ которому былъ уже сдѣланъ при Карлѣ Мартеллѣ и Карлѣ Великомъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи мѣрамъ Генриха приписывали слишкомъ большое значеніе, и сильно ошибаются позднѣйшіе поэты и лѣтописцы, видящіе начало турнировъ въ упражненіяхъ, которыми онъ пріучалъ свою конницу къ правильнымъ битвамъ съ венграми.

Походы Генриха, во время перемирія съ венграми, противъ славянъ, не только доставили ему ожидаемыя матеріальныя выгоды, но и были причиною распространенія нѣмецкихъ поселеній и обычаевъ на другомъ берегу Эльбы отъ границъ нынѣшняго Бранденбурга до Моравіи. Въ промежутокъ времени отъ 927 до 930 года онъ покорилъ далеминцевъ, чеховъ и другіе славянскіе народы, основалъ въ ихъ странахъ крѣпости, поселилъ тамъ нѣмецкихъ колонистовъ, а для удержанія этихъ завоеваній и защиты сосѣднихъ нѣмецкихъ областей учредилъ маркграфства Мейссенъ и Сѣверную Саксонію или нынѣшній Альтмаркъ. Но въ Бранденбургѣ распространеніе нѣмецкихъ обычаевъ и господства подвигалось впередъ очень медленно, какъ вслѣдствіе системы, которой держались нѣмцы при введеніи тамъ христіанства, такъ и вслѣдствіе сосѣдства разбойнической колоніи Іомсбурга (стр. 386) и близости капища одного знаменитаго славянскаго божества. Впрочемъ, Генрихъ столько же заботился и объ оборонѣ сѣверныхъ предѣловъ государства противъ датчанъ. Онъ снова возстановилъ датскую мархію (стр. 370) и хотя заботы его о распространеніи въ этихъ странахъ государства не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій, но своими походами онъ обезпечилъ спокойствіе нѣмецкихъ поселенцевъ въ Голштиніи и не допустилъ датчанъ вмѣшаться въ его войны съ мекленбургскими славянами.

По истеченіи перемирія (933 г.) венгры снова потребовали ежегодной дани, и, получивъ отъ Генриха отказъ, въ огромномъ числѣ вторглись въ Саксонію, чтобы силою принудить короля платить дань (934 г.). Но Генрихъ, встрѣтивъ ихъ близъ Мерзебурга, нанесъ имъ такое ужасное пораженіе и отразилъ ихъ

съ такимъ урономъ, что съ тѣхъ поръ они уже не рѣшались безпокоить Саксоніи. За то Баварія, Швабія все еще продолжали подвергаться ихъ нападеніямъ, такъ такъ каждая народность государства должна была сама защищать свою территорію.

У Генриха было четыре сына и двѣ дочери. Старшій изъ нихъ, Танкмаръ, родился отъ перваго его брака съ дочерью одного тюрингскаго графа. Трое остальныхъ, Оттонъ I, Генрихъ и Бруно, и дочери, Герберга, жена герцога Гизельберта Лотарингскаго, и Гедвига, жена Гуго Великаго, герцога Франціи, были рождены имъ отъ Матильды, дочери одного вестфальскаго графа. Генрихъ считалъ Танкмара неспособнымъ къ престолу и даже не далъ ему доли въ родовыхъ имѣніяхъ своей фамиліи, а назначилъ своимъ преемникомъ Оттона I, хотя Матильда изъ пристрастія ко второму сыну и желала доставить корону Генриху. Четвертый сынъ короля, Бруно, готовился въ духовное званіе и сдѣлался впослѣдствіи архіепископомъ кёльнскимъ. Не задолго до смерти, Генрихъ созвалъ въ Эрфуртѣ германскихъ вельможъ, чтобы заставить ихъ признать королемъ Оттона, который и былъ избранъ ими въ 936 г., по смерти Генриха.

Оттонъ I или, какъ его обыкновенно называютъ, Оттонъ Великій не уклонялся, какъ его отецъ, отъ коронованія, а напротивъ, заставилъ исполнить эту церемонію въ Ахенѣ съ необыкновенною пышностью. Священный обрядъ совершалъ архіепископъ майнцскій, а четыре герцога, которые послѣ владѣтеля Саксоніи были самыми могущественными князьями Германіи, Эбергардъ Франконскій, Германъ Швабскій, наслѣдникъ Буркарда I, Арнульфъ Баварскій и Гизельбертъ Лотарингскій, исправляли во время этого торжества въ первый разъ упоминаемыя тогда придворныя должности и прислуживали королю; съ тѣхъ поръ должности эти навсегда остались въ употребленіи. Генрихъ былъ скорѣе могущественнымъ герцогомъ Саксоніи, чѣмъ всѣми уважаемымъ королемъ Германіи; Оттонъ же стремился быть настоящимъ королемъ и снова возвысить значеніе монархической власти. Подобно древнимъ королямъ Германіи, онъ въ знакъ своего владычества творилъ самъ судъ и расправу во всѣхъ частяхъ государства и этимъ причинилъ себѣ множество безпокойствъ. На этомъ же основаніи онъ не удержалъ за собою и Саксоніи, но поставилъ во главѣ саксонскаго войска уважаемаго и храбраго саксонца, Германа, сына Биллунга, сначала на время своего отсутствія, а потомъ передалъ ему и герцогскую власть, которая долгое время послѣ того оставалась наслѣдственною въ фамиліи Германа.

Кромѣ войнъ съ внѣшними врагами, Оттону приходилось вести серьезную борьбу и внутри государства. Сначала онъ долженъ былъ воевать съ Танкмаромъ, который, не смотря на свое старшинство, не имѣлъ никакого законнаго права на престолъ, потому что Германія сдѣлалась избирательнымъ государствомъ. Въ 937 году, по смерти одного родственника Танкмара со стороны матери, Оттонъ, неизвѣстно почему, отдалъ находившееся въ его управленіи графство не ему, а другому. Этотъ поступокъ могъ быть объясненъ просто нелюбовью къ брату; но вскорѣ послѣ того образъ дѣйствій его относительно императорскихъ вассаловъ въ Баваріи и Франконіи возбудили къ нему всеобщее недовѣріе. По смерти Арнульфа онъ совершенно произвольно отдалъ Баварію не сыновьямъ Арнульфа, а ихъ дядѣ, Бертольду. Во Франконіи онъ тяжко оскорбилъ герцога Эбергарда, который строго наказалъ нѣсколькихъ саксонцевъ за то, что они, добровольно сдѣлавшись его вассалами, пренебрегли своими обязанностями и отправились на службу короля. За это Оттонъ наложилъ на герцога Эбергарда денежную пеню, а приверженцевъ его присудилъ къ наказанію, хотя употребительному, но тѣмъ не менѣе постыдному, заставивъ ихъ принести въ королевскій лагерь по собакѣ. Разгнѣванный этимъ Эбергардъ соединился съ недовольнымъ Танкмаромъ, произвелъ вмѣстѣ съ нимъ одновременное возстаніе въ Саксоніи и Франконіи и захватилъ въ свои руки Генриха. Но неосторожность Танкмара съ самаго начала повредила успѣху предпріятія, а вскорѣ самъ онъ былъ убитъ въ одномъ сраженіи. Послѣ этого Эбергардъ, освободивъ плѣннаго Генриха, помирился съ королемъ, благодаря посредничеству архіепископа майнцскаго, но вскорѣ возбудилъ новое и еще болѣе опасное возстаніе. Повидимому, онъ успѣлъ вооружить противъ Оттона его втораго брата, Генриха, убѣдивъ его во время

плѣна въ томъ, что онъ имѣетъ больше правъ на корону, потому что, когда онъ родился, мать его была уже не герцогинею, а королевою; Генрихъ составилъ тайный заговоръ съ Эбергардомъ и вскорѣ послѣ освобожденія началъ войну противъ брата. Хотя большинство саксонцевъ было за него, но, постоянно тревожимые безпокойными сосѣдями, они не могли оказать ему дѣятельной поддержки, и потому онъ обратился къ своему зятю, лотарингскому герцогу, Гизельберту, который охотно вступилъ въ союзъ съ Генрихомъ и Эбергардомъ, предпочитая имѣть сюзереномъ слабаго короля французскаго, Людовика Заморскаго, чѣмъ могущественнаго Оттона Германскаго. Французскій король, приглашенный Гизельбертомъ, также двинулся противъ Оттона въ Эльзасъ, и такимъ образомъ германскому государству угрожали заразъ и внутренніе, и внѣшніе враги; опасность возрасла еще болѣе, когда на восточной границѣ поднялись славяне, а епископы Фридрихъ Майнцскій и Роттадъ Страсбургскій перешли на сторону возставшихъ. Только твердый и вмѣстѣ съ тѣмъ иногда суровый и злой человѣкъ, какимъ былъ Оттонъ, могъ удержаться на престолѣ при такихъ обстоятельствахъ, хотя въ его распоряженіи и находились довольно значительныя средства. Кромѣ рейнскихъ войскъ, часть которыхъ покинула его вмѣстѣ съ названными нами епископами, на помощь къ королю явились Бертольдъ Баварскій, Германъ Швабскій, братъ его Удо, и бургграфъ вормсскій, Конрадъ, въ то время какъ Германъ Биллунгъ отражалъ славянъ. Не смотря на эту помощь, Оттонъ одержалъ наконецъ верхъ не столько силой оружія, сколько благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ. Король Людовикъ Французскій долженъ былъ возвратиться домой, получивъ извѣстіе о намѣреніи епископа ланскаго передать этотъ городъ наслѣдственному врагу его дома, Герберту Вермандуа, а герцоги, Гизельбертъ и Эбергардъ, расположившіеся на нижнемъ Рейнѣ, потерпѣли пораженіе вслѣдствіе своей собственной неосторожности и быстроты движеній швабовъ. Они были захвачены врасплохъ Конрадомъ и Удо во время переправы черезъ Рейнъ при Андернахѣ. Эбергардъ былъ убитъ, а Гизельбертъ утонулъ въ Рейнѣ (939 г.). Послѣ этого пораженія всѣ остальные противники короля упали духомъ и покорились ему добровольно, прося у него помилованія. Измѣнники епископы были сосланы въ монастыри; Генрихъ получилъ прощеніе. Оттонъ не мстилъ молодому сыну Гизельберта за вину его отца и даже возвратилъ ему герцогство Лотарингію, назначивъ надъ нимъ опекуна; но за то отдалъ Франконію графу Конраду Вормсскому, женивъ его на своей дочери, Луитгардѣ. Въ 940 году, желая наказать короля Людовика, онъ вторгнулся во Францію, но не имѣлъ успѣха. Впрочемъ, тотчасъ послѣ того онъ вступилъ въ дружескія сношенія съ Людовикомъ, который женился на его сестрѣ Гербергѣ, вдовѣ Гизельберта, а впослѣдствіи, какъ уже сказано выше (стр. 494 и 394), принялъ дѣйствительное участіе въ спорахъ его съ французскими вельможами.

Въ 941 году Генрихъ снова отпалъ отъ Оттона и вступилъ въ заговоръ съ саксонскими вельможами, недовольными вліяніемъ при дворѣ швабовъ и франковъ. Но заговоръ былъ открытъ и Генрихъ долженъ былъ бѣжать. Благодаря заступничеству Матильды, онъ былъ вторично помилованъ, а въ 947 г., по смерти Бертольда Баварскаго, даже получилъ отъ Оттона герцогство Баварское, вѣроятно, вслѣдствіе просьбы Матильды и намѣренія самаго короля присвоить такимъ образомъ своему дому господство надъ Баваріей, тѣмъ болѣе, что у Бертольда не осталось дѣтей, а Генрихъ былъ женатъ на дочери прежняго герцога, Арнульфа Злаго. Съ тѣхъ поръ Генрихъ оставался въ дружбѣ съ братомъ; но за то поссорился съ матерью, любимцемъ которой онъ былъ, и отплатилъ этой доброй женщинѣ, которой былъ отчасти обязанъ баварскимъ герцогствомъ, самою черною неблагодарностью. Матильда употребляла почти всѣ доходы со своихъ огромныхъ владѣній на монастыри и на бѣдныхъ и, быть можетъ, слишкомъ далеко простирала свою щедрость. Поэтому и самъ Оттонъ, и Генрихъ старались ограничить ея подарки; но, останавливая ее, Генрихъ поступалъ съ нею слишкомъ дерзко, сурово и жестоко. Впрочемъ, вскорѣ послѣ того Оттонъ присоединилъ къ владѣніямъ своего дома и герцогство Швабію, женивъ старшаго сына, Людольфа, на дочери швабскаго герцога Германа, не имѣвшаго сыновей, а по смерти его, въ 948 году, сдѣлалъ Людольфа его наслѣдникомъ. Еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по смерти младшаго сына, Гизельберта, онъ пе-

редалъ Лотарингію своему зятю, Конраду Вормсскому, управлявшему и Франконіей. Такимъ образомъ Оттонъ доставилъ своей фамиліи необыкновенное могущество: изъ пяти герцогствъ Германіи четыре находились въ рукахъ его родственниковъ, а пятое, Саксонія, была въ управленіи у человѣка, не имѣвшаго фамильныхъ связей и вполнѣ зависѣвшаго отъ Оттона. Онъ старался присоединить къ Германіи королевство Бургундію, предложивъ по смерти Рудольфа II (937 г.) въ опекуны малолѣтнему королю своего друга, Конрада.

Быть можетъ это обстоятельство и было причиной того, что бургундская партія въ Италіи обратилась къ Оттону, предлагая ему несчастное Ломбардское королевство (стр. 501) вмѣстѣ съ рукою Адельгейды, которая была сестрою Конрада. Оттонъ принялъ это предложеніе и, не обращая вниманія на тогдашнее состояніе государства, отправился, въ 951 году, въ Италію. Этотъ шагъ его можетъ быть понятенъ для насъ только въ томъ случаѣ, если характеристика Оттона, оставленная намъ однимъ достойнымъ довѣрія писателемъ, вполнѣ справедлива. Саксонскій лѣтописецъ Виттихиндъ, жившій около 1000 года, говоритъ объ Оттонѣ слѣдующее: «Онъ былъ очень набоженъ, щедръ и всегда веселъ, если не имѣлъ надобности прибѣгалъ къ строгости. Онъ спалъ очень мало, но постоянно говорилъ во снѣ, такъ что можно было думать, что онъ не спитъ. Онъ обладалъ удивительно воспріимчивымъ умомъ и хотя до смерти своей первой жены (947 г.) былъ совершенно чуждъ всякаго школьнаго образованія, но послѣ того занимался такъ прилежно, что могъ не только читать, но и совершенно понимать всякую книгу. Онъ говорилъ по-латини и по-славянски, но, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, пренебрегалъ этими языками. Оттонъ часто забавлялся охотою, любилъ хорошій столъ и прогуливался иногда верхомъ, соблюдая однако при этомъ королевскую важность. Его наружность соотвѣтствовала его сану: у него были сѣрые волосы, свѣтлые блестящіе глаза и румяное лицо; бороду онъ носилъ длиннѣе, чѣмъ издавна носили всѣ нѣмцы. Походка его была то быстра, то медленна, но онъ всегда носилъ національную одежду и никогда не надѣвалъ иноземной.» На человѣка съ такими физическими и нравственными качествами жажда славы и минутное увлеченіе должны были дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ холодный разсчетъ; въ противномъ случаѣ, онъ едва ли бы оставилъ свое государство, которому угрожали французы, лотарингцы, датчане, славяне и венгры, чтобы погнаться за тѣнью господства въ странѣ, отдѣленной отъ его родины непроходимыми горами. Прежде чѣмъ выступить въ походъ самому, онъ послалъ Людольфа занять альпійскіе проходы въ Тиролѣ и Граубинденѣ, принадлежавшіе не Бургундскому королевству, а алеманнамъ. Не встрѣтивъ нигдѣ значительнаго сопротивленія, Оттонъ проникъ тогда въ Италію и въ Павіи обвѣнчался съ Адельгейдою. Отсюда онъ послалъ въ Римъ для переговоровъ съ папой архіепископа Фридриха Майнцскаго, съ которымъ снова примирился. Но папа вовсе не желалъ видѣть германскаго короля въ Римѣ; дѣйствительно, Оттонъ туда не ѣздилъ и уже въ февралѣ 952 года возвратился въ Германію.

Бракъ съ Адельгейдой имѣлъ самыя несчастныя послѣдствія для Оттона, который перессорился изъ-за этого съ своимъ сыномъ Людольфомъ и зятемъ Конрадомъ. Ихъ несогласіе перешло вскорѣ въ открыто возмущеніе и междоусобную войну. Людольфъ, которому передъ тѣмъ Оттонъ весьма опрометчиво обѣщалъ наслѣдство, съ завистью смотрѣлъ на новый бракъ короля, его новыя пріобрѣтенія и надежды на полученіе императорскаго титула, все это, по страннымъ понятіямъ того времени, могло нарушить права молодаго человѣка. Конрадъ былъ вдвойнѣ оскорбленъ Оттономъ послѣ брака его съ Адельгейдой. Оставленный королемъ въ Италіи, чтобы принудить Беренгара къ выдачѣ владѣній Адельгейды, Конрадъ весьма скоро заставилъ его вступить въ переговоры и признать себя вассаломъ Оттона. Но когда Беренгаръ въ сопровожденіи сына явился въ Германію, Адельгейда не могла удержаться отъ мелочнаго мщенія, а Оттонъ былъ такъ слабъ, что согласился сдѣлаться ея орудіемъ въ этомъ дѣлѣ. Гордые итальянцы должны были ждать три дня, пока были допущены къ королю, хотя Конрадъ обѣщалъ имъ радушный пріемъ. Само собою разумѣется, что этимъ поступкомъ Оттонъ оскорбилъ Конрада, къ которому до тѣхъ поръ былъ чрезвычайно благосклоненъ. Въ то же время онъ обидѣлъ его еще другимъ образомъ. Получивъ отъ Беренгара и его сына клятву въ вѣрности, Оттонъ отдѣлилъ отъ

Ломбардіи веронскую и аквилейскую маркіи, чтобы открыть для себя тамошніе горные проходы, и присоединилъ ихъ къ баварскому герцогству своего брата, Генриха, который съумѣлъ поддѣлаться къ Адельгейдѣ. Это должно было тѣмъ болѣе оскорбить Конрада, что Генрихъ былъ съ нимъ въ ссорѣ и старался отнять у него восточную Франконію. Вслѣдствіе того онъ соединился съ Людольфомъ, который также считалъ себя обиженнымъ, и оба они, вмѣстѣ съ другими недовольными, составили противъ Оттона страшный заговоръ (953 г.), который тѣмъ легче было привести въ исполненіе, что Оттонъ и оба брата его завладѣли почти всѣми должностями и землями государства. Изъ послѣднихъ, Баварія, Австрія и двѣ пограничныя провинціи Италіи принадлежали Генриху; другой братъ Оттона, Бруно, былъ аббатомъ богатаго монастыря Лорха и архиканцлеромъ королевства, а въ то время, когда вспыхнуло возстаніе Людольфа и Конрада, получилъ и архіепископство кёльнское. Самъ Оттонъ, недовольствуясь титуломъ короля Германіи и подстрекаемый Адельгейдою, помышлялъ объ императорскомъ достоинствѣ, а Адельгейда вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждала его присвоить себѣ богатую Ломбардію, и даже королевство Бургундское. Заговорщики были очень сильны: Людольфъ былъ герцогомъ швабскимъ, а Конрадъ владѣлъ герцогствами Франконіей и Лотарингіей, и такимъ образомъ они были также могущественны на западѣ государства, какъ Генрихъ на востокѣ. Число ихъ приверженцевъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Коварный архіепископъ майнцскій Фридрихъ, самое вліятельное духовное лицо въ Германіи, присоединился къ ихъ союзу; даже саксонцы, которые одни могли помочь королю, стали колебаться, и когда при началѣ возстанія Оттонъ вызвалъ къ себѣ саксонскія войска, они на дорогѣ перешли къ заговорщикамъ. Но все это повело только къ тому, чтобы въ полномъ блескѣ обнаружить правительственные таланты Оттона. Онъ принялъ самыя дѣятельныя и успѣшныя мѣры къ подавленію возстанія. Послѣ трехмѣсячной неудачной осады Майнца, онъ отправился въ Саксонію, чтобы собрать тамъ войска, оставивъ своего, столь же храбраго и умнаго, сколько ученаго, брата Бруно съ болѣе чѣмъ королевскою властью охранять мѣстность отъ Мозеля и Нижняго Рейна до моря и не допускать къ Конраду помощи изъ Лотарингіи. Когда Оттонъ явился съ саксонцами на Рейнѣ и вмѣстѣ съ Генрихомъ вторично осадилъ Майнцъ, его противники прибѣгнули къ средствамъ, которыя служатъ намъ лучшимъ доказательствомъ, какъ ужасно страдалъ народъ въ эту мрачную эпоху отъ того, что ихъ предводители не привыкли подчинять своихъ грубыхъ страстей тому тонкому разсчету, который называютъ государственной мудростью, а напротивъ, подобно массамъ, слѣдовали однимъ минутнымъ увлеченіямъ. Поднявъ оружіе противъ Оттона, Людольфъ и Конрадъ призвали къ себѣ на помощь хищныхъ мадьяровъ и открыли имъ путь во внутренность Лотарингіи. Кромѣ того, Людольфъ принудилъ къ возстанію и сына прежняго баварскаго герцога Арнульфа, оставленнаго Генрихомъ въ Баваріи, въ качествѣ намѣстника, помогъ ему овладѣть герцогствомъ и такимъ образомъ пожертвовалъ дядей сыну злѣйшаго врага своей фамиліи. Характеръ тогдашней эпохи обнаружится еще яснѣе, когда мы скажемъ, что самъ архіепископъ зальцбургскій сталъ во главѣ страшныхъ мадьярскихъ грабителей и что за это Генрихъ впослѣдствіи не только выкололъ ему глаза, но вмѣстѣ съ тѣмъ изуродовалъ и совершенно невиннаго патріарха аквилейскаго. Впрочемъ, всѣ усилія заговорщиковъ были безплодны противъ мѣръ, принятыхъ Оттономъ. Поэтому Людольфъ и Конрадъ съ своими приверженцами добровольно подчинились королю (954 г.); только одинъ сынъ Арнульфа не хотѣлъ сдаваться и продолжалъ сражаться до самой смерти. Простивъ бунтовщиковъ, Оттонъ отнялъ у нихъ владѣнія, чтобы обезпечить себя со стороны юга и запада, прежде чѣмъ приступить къ громаднымъ предпріятіямъ на сѣверныхъ и восточныхъ границахъ государства. Швабію получилъ Буркардъ II, сынъ Буркарда I и зять Генриха. Лотарингія была раздѣлена на двѣ части, Верхнюю и Нижнюю Лотарингію (стр. 492); первая изъ нихъ отдана графу Фридриху Барскому, женатому на племянницѣ Оттона и Бруно, дочери Гуго Великаго, а послѣдняя оставалась еще нѣсколько времени въ управленіи Бруно и потомъ была отдана другому племяннику Оттона, Карлу, послѣднему французскому королю изъ династіи Каролинговъ.

Тотчасъ по окончаніи этой опасной междоусобной войны, мадьяры снова вторгнулись въ южную Германію, а саксонцы, въ тоже самое время, испытали нападеніе ожесточенныхъ противъ нихъ славянскихъ племенъ. Если вѣрить преданіямъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ весьма рѣдко заслуживаютъ довѣрія, число мадьяровъ, наводнившихъ тогда Баварію и Швабію, простиралось по крайней мѣрѣ до 100,000 человѣкъ, раздѣленныхъ на три толпы, подъ начальствомъ особыхъ вождей. Оттонъ тотчасъ же двинулся изъ Саксоніи противъ грабителей и далъ имъ сраженіе при Лехфельдѣ, близъ Аугсбурга (955 г.). Онъ былъ такъ счастливъ, что могъ наконецъ соединить помирившихся между собою нѣмцевъ для войны противъ венгровъ. Передніе и самые густые ряды войска состояли, само собою разумѣется, изъ баварцевъ, землю которыхъ опустошали варвары; впрочемъ, герцогъ ихъ, Генрихъ, былъ тяжко болѣнъ и вскорѣ послѣ того умеръ. Конрадъ и самъ Оттонъ, во главѣ франковъ и саксовъ, занимали центръ боевой линіи; Буркардъ Швабскій, съ своими подданными и тысячью чеховъ, прикрывалъ обозъ. Побѣда была облегчена тѣмъ, что венгры, вмѣсто того, чтобы напасть на нѣмцевъ соединенными силами, отправили одну изъ своихъ ордъ для опустошенія всей страны до Фульды. Но, не смотря на это, легкая венгерская конница все-таки имѣла перевѣсъ надъ тяжеловооруженными нѣмцами, и венгры, конечно, одержали бы побѣду, если бы не были простыми разбойниками, безъ всякаго понятія о военномъ искусствѣ. Они не рѣшились напасть на нѣмцевъ спереди, а, обскакавъ ихъ съ тылу, разсѣяли чеховъ, ограбили обозъ и отбросили задніе ряды нѣмцевъ. Побѣда, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ сраженіяхъ и при безпорядкѣ, произведенномъ неожиданнымъ нападеніемъ, дважды переходила изъ рукъ въ руки; но въ первый разъ Конрадъ, а во второй самъ Оттонъ поддержали честь нѣмецкаго оружія. Венгры обратились наконецъ въ бѣгство, потерпѣвъ страшное пораженіе, потому что нѣмцы рубили ихъ безъ пощады, и даже, не жалѣя собственныхъ городовъ, жгли ихъ вмѣстѣ съ скрывавшимися тамъ варварами. Оба венгерскіе предводителя и всѣ плѣнники были повѣшены нѣмцами, въ отмщеніе за что предводитель третьей орды предалъ казни и своихъ плѣнныхъ. Зная свирѣпость тогдашнихъ нѣмцевъ, мы можемъ повѣрить словамъ національнаго историка венгровъ, Кезы, жившаго нѣсколько столѣтій спустя, который увѣряетъ, что изъ 60,000 человѣкъ венгровъ возвратились на родину только семь, и то съ обрѣзанными ушами: эта война была настоящею рѣзнею, которая, впрочемъ, могла быть извинительна противъ людей, сдѣлавшихся хищными звѣрями. Третій предводитель варваровъ, воротившійся въ Венгрію съ нѣкоторою добычею, испыталъ бы, конечно, ту же участь, если бы Оттонъ вскорѣ послѣ того не долженъ былъ выступить противъ славянъ. Потеря нѣмцевъ была также велика; въ числѣ убитыхъ находился и Конрадъ, искупившій прежнюю вину геройскою смертью. Но какъ ни дорого была куплена побѣда при Лехфельдѣ, она навсегда обезопасила нѣмцевъ со стороны мадьяровъ; съ тѣхъ поръ венгры, напуганные этимъ ужаснымъ пораженіемъ, обратили свое оружіе на востокъ, противъ грековъ.

Предпріятія Оттона противъ славянъ и датчанъ увѣнчались такою же славою, какъ его война съ мадьярами. Чехи напрягали тогда всѣ усилія, чтобъ отклонить отъ себя господство нѣмцевъ, и такъ какъ при Оттонѣ они не только окончательно перешли въ христіанство, но и навсегда были присоединены къ Германіи, то здѣсь будетъ кстати разсказать въ немногихъ словахъ прежнюю исторію этого народа. Народное преданіе обратило имя этого народа въ имя общаго родоначальника всего племени, Чеха, который будто привелъ своихъ единоплеменниковъ въ оставленную германцами Богемію и основалъ тамъ главный городъ Прагу. Затѣмъ, по словамъ преданія, въ народѣ начались внутреннія несогласія, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока одинъ предвѣщатель, сдѣлавшійся княземъ чеховъ, не возстановилъ между ними единства и порядка. Послѣ него власть перешла къ его дочери, Любушѣ, также предвѣщательницѣ. Когда народные старшины принуждали ее взять себѣ мужа, она объявила имъ, что выйдетъ замужъ за человѣка, котораго посланные ею люди найдутъ въ полѣ за плугомъ. Такимъ образомъ поселянинъ Премыслъ сдѣлался мужемъ Любуши и королемъ Чехіи. По смерти Любуши, женщины возстали противъ его господства и начали такъ называемую чешскую женскую войну, продолжавшуюся семь лѣтъ и окончив-

шуюся усмиреніемъ женщинъ. Власть осталась наслѣдственною въ потомствѣ Премысла. Всѣ эти разсказы принадлежатъ къ миѳическому періоду исторіи.

Первыя, сколько-нибудь достовѣрныя извѣстія о чехахъ мы находимъ въ разсказахъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ о войнахъ Каролинговъ со славянами и въ сказаніяхъ византійскихъ писателей о первыхъ столкновеніяхъ грековъ съ пограничными славянскими племенами. По этимъ извѣстіямъ, первыя сѣмена христіанства между славянами были насаждены при послѣднихъ германскихъ Каролингахъ. Чешскій князь Борживой (Буривой), прося однажды помощи у великаго князя моравскаго Святополка, встрѣтилъ у него греческаго монаха Меѳодія (стр. 470 и 476) и крестился отъ него вмѣстѣ съ женою своей, Людмиллой (около 870 г.). При Борживоѣ и его ближайшихъ преемникахъ новое ученіе распространялось чрезвычайно медленно, а зависимость, въ которую чешскіе князья были поставлены послѣдними Каролингами, нерѣдко должна была быть возстановляема войнами. Въ 936 году герцогъ Вячеславъ, котораго Генрихъ I, незадолго до своей послѣдней войны съ венграми, снова принудилъ платить себѣ дань, былъ низвергнутъ съ престола и убитъ братомъ, Болеславомъ I, который послѣ того отпалъ отъ германскаго короля и, произведя нападеніе на сосѣднюю Саксонію, опустошалъ ее до тѣхъ поръ, пока наконецъ Оттонъ не поставилъ во главѣ саксовъ храбраго Германа Биллунга. Германъ совершенно изгналъ чеховъ изъ Саксоніи; Болеславъ былъ взятъ въ плѣнъ, но его княжество оставалось еще нѣкоторое время въ рукахъ сына его, Болеслава II, или Благочестиваго, который также былъ знаменитъ своею ревностью къ христіанству, какъ отецъ его ненавистью къ этой религіи.

Остальные славянскіе народы, жившіе на восточной границѣ, также пользовались въ правленіе Оттона, всѣми поводами къ грабежамъ и завоеваніямъ, какіе представляло имъ тогдашнее состояніе Германіи. Самъ Оттонъ нѣсколько разъ совершалъ противъ нихъ походы; но всего болѣе отличился въ этихъ продолжительныхъ и кровавыхъ войнахъ саксонецъ Геро, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и опытныхъ воиновъ своего племени. Ему Германія была обязана окончательнымъ завоеваніемъ восточной Саксоніи, или нынѣшняго Лаузица (Лузаціи), маркграфомъ которой и сдѣлалъ его Оттонъ. Впрочемъ, въ этихъ предпріятіяхъ Геро выказалъ не только свою храбрость и военную опытность, но, подобно спартанцу Лисандру (т. I. стр. 232), въ случаѣ необходимости, прибѣгалъ и къ хитрости, соединяя при этомъ холодную жестокость съ безпримѣрнымъ коварствомъ. Однажды онъ умертвилъ около тридцати знатныхъ славянъ, казавшихся ему опасными, пригласивъ ихъ на пиръ и напоивъ допьяна. Такой образъ дѣйствій, вѣроятно, возбудилъ въ немъ наконецъ угрызенія совѣсти, потому что онъ впослѣдствіи отказался отъ власти, отправился въ Римъ и провелъ тамъ остатокъ своей жизни въ благочестивыхъ упражненіяхъ. Впрочемъ, предпріятія Оттона и его вельможъ имѣли наконецъ тотъ результатъ, что славяне восточныхъ границъ Германіи, не смотря на продолжительное и упорное сопротивленіе, были приведены къ покорности, а нѣкоторые изъ нихъ обратились въ христіанство. Конечно, насильно навязанная религія не могла укорениться между славянами до тѣхъ поръ, пока они поддерживали тѣсныя сношенія съ своими единоплеменниками язычниками. Оттонъ раздѣлилъ однако завоеванную страну на епархіи и сдѣлалъ мѣстопребыванія епископовъ крѣпостями, вмѣнивъ ихъ защиту въ религіозную обязанность всѣмъ новообращеннымъ и старымъ христіанамъ. Эти новыя славянскія епископства были: Мерзебургъ, Цейцъ, Мейссенъ, Бранденбургъ и Гафельбергъ. Для наблюденія надъ ними и распространенія христіанства, проповѣдники котораго уже поселились во всей странѣ отъ Лузаціи до Эльбы, Гафеля, Шпрее и Мекленбурга, онъ учредилъ архіепископство магдебургское. Кромѣ славянскихъ народовъ, Оттонъ воевалъ на сѣверѣ и съ датчанами, предводитель которыхъ, Гаральдъ Блаатандъ (стр. 72), не хотѣлъ платить дани германскому королю и запрещалъ проповѣдывать христіанство въ своихъ владѣніяхъ. Оттонъ заставилъ его креститься и согласиться на всѣ его требованія. По словамъ преданія, германскій король побѣдоносно проникъ во внутренность Ютландіи и опустошилъ всю страну. Эти славныя и счастливыя войны съ датчанами и славянами такъ прославили имя Оттона на сѣверѣ и востокѣ, что русская княгиня Ольга, какъ говорятъ, обратилась къ нему съ просьбою о присылкѣ въ Россію христіан-

скихъ проповѣдниковъ. Но это посольство было, вѣроятно, въ родѣ тѣхъ мнимыхъ посольствъ, которыя въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія являлись въ Европу изъ Японіи и другихъ отдаленныхъ странъ; какъ бы то ни было, дѣло это, само собою разумѣется, не кончилось ничѣмъ.

Къ несчастью, во время славной борьбы противъ славянъ и датчанъ, Оттонъ увлекся мыслью возстановить римско-германскую имперію, совершенно забытую послѣ Арнульфа. Завоеваніе Лонгобардскаго королевства Карломъ Великимъ навело папу на мысль возстановить Римскую имперію и вмѣстѣ съ императорскимъ титуломъ передать могущественному королю франковъ господство надъ Италіей. Арнульфъ, послѣдній изъ Каролинговъ, носившій этотъ титулъ, предоставилъ итальянцевъ на произволъ судьбы, и съ этого времени многіе итальянскіе и бургундскіе владѣтели пользовались на короткое время императорскимъ титуломъ и преобладаніемъ въ Италіи. Самъ Оттонъ въ первый походъ свой въ Италію, не принимая титула короля лонгобардовъ, ограничился только занятіемъ весьма значительныхъ частныхъ владѣній Адельгейды и взятіемъ присяги съ короля Беренгара II и его сына, Адельберта. Но вслѣдъ за тѣмъ Беренгаръ сталъ тѣснить итальянскихъ вельможъ и строить крѣпости, для того, чтобы лучше держать ихъ въ рукахъ. Это заставило вельможъ, и безъ того всегда склонныхъ къ перемѣнамъ, пригласить въ Италію Оттона, въ надеждѣ освободиться съ помощью его нѣмцевъ отъ господства Беренгара. Епископы и, въ особенности, папа чрезъ своихъ пословъ выражали королю Оттону желаніе видѣть его въ Италіи. Оттонъ послѣдовалъ ихъ приглашенію и послалъ сначала въ Италію Людольфа (956 г.), который, можетъ быть, и по своей собственной волѣ отправился въ Италію искать приключеній и умеръ тамъ на слѣдующій годъ. Положеніе Италіи было тогда тѣмъ печальнѣе, что съ начала 956 года единственная власть, которая могла обуздывать тирановъ, власть духовная, находилась въ рукахъ юноши, который менѣе всякаго другаго заслуживалъ папскаго достоинства. Это былъ папа Іоаннъ XII, сынъ Альбериха Младшаго и внукъ знаменитой Марозіи. При вступленіи на папскій престолъ онъ имѣлъ только девятнадцать лѣтъ отъ роду и принадлежалъ къ числу папъ, которые подъ постыднымъ вліяніемъ развратныхъ женщинъ до того унизили ввѣренную имъ духовную власть, что правленіе римскихъ епископовъ того времени называли правленіемъ мясниковъ и даже выдумали басню о томъ, что будто бы въ 855 году папскій престолъ былъ занятъ женщиною подъ именемъ папы Іоанна. Приличіе запрещаетъ намъ приводить черты изъ жизни Іоанна, которыя сообщаютъ тогдашніе лѣтописцы, и мы должны удовольствоваться одною замѣткою, что Іоаннъ съ наглымъ безстыдствомъ предавался всевозможнымъ порокамъ и былъ еще ужаснѣйшимъ тираномъ, чѣмъ Беренгаръ, который, по крайней мѣрѣ, не безчестилъ себя постыдными пороками и неслыханными злодѣйствами.

Отправляясь въ Италію, Оттонъ ввѣрилъ управленіе Германіей Матильдѣ, передалъ ей и своего шестилѣтняго сына Оттона II, котораго назначилъ своимъ наслѣдникомъ и короновалъ (961 г.) еще передъ отъѣздомъ, поручивъ воспитаніе его своему брату, благородному архіепископу кёльнскому Бруно и побочному сыну, архіепископу майнцскому Вильгельму. Такъ какъ Оттонъ владѣлъ альпійскими проходами и явился въ Италію съ отличнымъ войскомъ, то Беренгаръ, не отваживаясь на борьбу съ нимъ, удалился въ свои крѣпости, и германскій король безъ всякаго сопротивленія достигъ Милана. Принявъ тамъ ломбардскую корону, онъ отпраздновалъ рождество въ Павіи, настоящей столицѣ итальянскаго королевства, а въ началѣ слѣдующаго года (962 г.) отправился въ Римъ и тамъ приказалъ папѣ Іоанну XII короновать себя римскимъ императоромъ, не обращая вниманія на соблазнъ, причиняемый поступками этого папы. Мы нигдѣ не находимъ извѣстій о томъ, чтобы новый императоръ потребовалъ отъ папы перемѣны поведенія; онъ только заставилъ его дать обѣщаніе не вступать ни въ какія сношенія съ Беренгаромъ, который оставался въ бездѣйствіи въ своихъ крѣпостяхъ и спокойно ожидалъ того времени, когда вассалы Оттона, выслуживъ свой срокъ или истощивъ денежныя средства, вернутся по обычаю на родину, чтобы снова овладѣть оставленною ими страною. Нѣмцы научились тогда изъ его примѣра, какъ можно противиться требованіямъ справедливости за толстыми стѣнами, и

многіе изъ германскихъ вассаловъ показали вскорѣ послѣ того свое умѣнье извлечь пользу изъ этого урока опытности.

Въ то время, когда Оттонъ переходилъ съ одного мѣста на другое, осаждая разныя крѣпости Беренгара, многіе итальянскіе вельможи, наскучивъ господствомъ чужеземцевъ, предложили корону спасавшемуся бѣгствомъ сыну Беренгара, Адельберту, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы его отецъ согласился сложить ее съ себя. Папа также присоединился къ Адельберту и призвалъ его въ Римъ. Узнавъ объ этомъ, Оттонъ тотчасъ же поспѣшилъ въ Римъ, чтобы наказать папу за его измѣну, и на этотъ разъ уже выступилъ на сцену защитникомъ церковнаго благочинія и порядка противъ того самаго человѣка, поведеніе котораго еще очень недавно, когда Оттонъ принималъ отъ него императорскую корону, не противорѣчило въ его глазахъ достоинству папы. Выслушавъ жалобы на безнравственную жизнь папы, онъ созвалъ соборъ, низложившій Іоанна и избравшій на его мѣсто одного почтеннаго человѣка, подъ именемъ Льва VIII (963 г.). Къ несчастью, Льву не доставало нѣкоторыхъ качествъ, требуемыхъ каноническимъ правомъ, и это было тѣмъ хуже, что многіе предпочитали безнравственность Іоанна строгости Льва. Поэтому партія Іоанна была достаточно могущественна, чтобы произвести народное возстаніе во время пребыванія въ Римѣ самого Оттона; однако императоръ усмирилъ волненіе оружіемъ нѣмцевъ, которые перерѣзали безъ разбора и возмутителей, и мирныхъ гражданъ. Хотя это средство и не могло внушить къ нему полнаго довѣрія, однако Оттонъ, выступивъ вскорѣ послѣ того противъ Беренгара, согласился, по просьбѣ Льва, возвратить римлянамъ взятыхъ имъ заложниковъ. Вслѣдствіе того Іоаннъ, вернувшись въ Римъ, могъ легко выгнать оттуда соперника и, не смотря на свои пороки, нашелъ необходимое число духовныхъ лицъ, чтобы, собравъ соборъ, законнымъ, повидимому, образомъ объявить недѣйствительнымъ рѣшеніе предшествовавшаго собора. Онъ жестоко отмстилъ своимъ противникамъ и даже замучилъ до смерти двухъ знатнѣйшихъ римлянъ, принимавшихъ участіе въ прежнемъ соборѣ, и если не убилъ, а только предалъ истязаніямъ остававшагося въ Римѣ епископа шпейерскаго, то единственно потому, что предполагалъ, что Оттонъ будетъ заботиться о своемъ нѣмецкомъ епископѣ болѣе, чѣмъ объ упомянутыхъ нами двухъ римлянахъ. Но Оттонъ слишкомъ ревниво охранялъ свои права, чтобы оставить все это безъ наказанія, тѣмъ болѣе, что незадолго передъ тѣмъ захватилъ въ плѣнъ самого Беренгара. Онъ тотчасъ же двинулся къ Риму. Іоаннъ, еще до его прибытія, скоропостижно умеръ (964 г.); а римляне, не признавая изгнаннаго папу Льва, бѣжавшаго къ Оттону, избрали новаго, Бенедикта V. Раздраженный императоръ осадилъ Римъ и прекратилъ туда подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Римляне, доведенные до крайности, должны были сдаться. Левъ снова сдѣлался папой, а Бенедиктъ былъ сосланъ въ Гамбургъ, гдѣ вскорѣ и умеръ. Беренгаръ былъ также отправленъ въ Германію и черезъ два года скончался въ Бамбергѣ; сынъ его, Адельбертъ, бѣжалъ въ Корсику. Устроивъ такимъ славнымъ образомъ всѣ дѣла въ Италіи, Оттонъ возвратился (964 г.) въ Германію.

Одушевляемый желаніемъ увидѣть еще разъ свою дряхлую мать, Матильду, императоръ отправился прежде всего въ Кёльнъ, гдѣ собралъ все свое семейство, жившее тогда въ полномъ согласіи, и видѣлся въ послѣдній разъ съ братомъ Бруно, который вскорѣ умеръ. Послѣ этого блестящаго собранія въ Кёльнѣ императоръ отправился въ основанный его матерью монастырь Нордгаузенъ, чтобы тамъ на свободѣ провести съ ней одной восемь дней. Въ этомъ послѣднемъ свиданіи съ матерью, какъ и во всѣхъ его поступкахъ съ нею, весьма ясно высказалась благородная натура Оттона и его чисто-нѣмецкій характеръ. Еще прежде смерти отца, онъ оставлялъ за ней всѣ отказанныя ей имѣнія до тѣхъ поръ, пока она не стала злоупотреблять ими; но едва онъ ограничилъ ея права, какъ въ немъ снова заговорила совѣсть, и онъ опять возвратилъ ей все. О его послѣднемъ свиданіи съ Матильдой до насъ сохранились подробныя извѣстія. Видя, какія прекрасныя чувства обнаружилъ при этомъ Оттонъ, мы должны согласиться, что у него было благородное сердце и что суровость и жестокость, которыя онъ часто выказывалъ, происходили изъ убѣжденія, что желѣзными натурами можетъ управлять только желѣзная рука. Поэтому мы охотнѣе останавливаемся на этой минутѣ его жизни, чѣмъ на его геройскихъ подвигахъ и обширныхъ завоеватель-

ныхъ планахъ. Въ послѣдній день, слушая вмѣстѣ съ сыномъ обѣдню, Матильда сказала императору: «Не забывай ни одного изъ тѣхъ словъ, которыми я поручаю эти мѣста заботамъ твоей любви и вѣрности. Здѣсь я жила счастливо и съ Божіею помощью два раза вынесла опасности родовъ; здѣсь я родила твоего брата, Генриха, котораго такъ любила, потому что онъ носилъ имя отца; здѣсь родилась твоя сестра, Герберга. Но зачѣмъ говорить много? пусть послѣдній взглядъ твоей матери всегда будетъ защитой моего монастыря!» Тронутый императоръ обѣщалъ матери исполнить всѣ ея просьбы. Послѣ этого они вмѣстѣ оставили церковь; на паперти они остановились, обнялись и заплакали. Всѣ присутствующіе рыдали при этомъ зрѣлищѣ. Когда Оттонъ оторвался, наконецъ, отъ матери, она провожала его глазами до тѣхъ поръ, пока онъ сѣлъ на коня, и тогда вернулась въ церковь, стала на мѣстѣ, которое онъ занималъ во время обѣдни и, упавъ на колѣни, со слезами на глазахъ цѣловала слѣды удалившагося сына. Нѣкоторые изъ его свиты, остававшіеся еще въ храмѣ, видѣли это и, глубоко тронутые, пошли сказать объ этомъ императору. Онъ тотчасъ же соскочилъ съ коня и, рыдая, бросился въ церковь, гдѣ увидѣлъ мать, молящуюся со слезами на томъ же мѣстѣ. Тогда онъ бросился къ ея ногамъ и воскликнулъ: «О, уважаемая повелительница! чѣмъ могу я вознаградить тебя за эти слезы?» Еще немного поговоривъ съ сыномъ, королева, наконецъ, сказала: «Къ чему намъ медлить дольше? Мы должны разстаться, хотя и противъ воли, и твой видъ не уменьшитъ моей горести, а только увеличитъ ее. Ступай теперь съ миромъ! Ты болѣе не увидишь меня въ этомъ грѣшномъ мірѣ. Все, что было у меня на сердцѣ, я уже поручила твоей любви. Оставь только мнѣ надежду, что всегда будешь помнить это мѣсто.» Послѣ того императоръ уѣхалъ.

Оттонъ оставилъ Италію только для того, чтобы увидѣться съ матерью и собрать новыя войска; смуты, возникшія въ этой несчастной странѣ, вскорѣ заставили его вернуться туда снова. Чтобы преградить императору путь въ Италію, безпокойные ломбардцы призвали къ себѣ Адельберта и его брата Гвидо, а Іоаннъ XIII, избранный папою по смерти Льва (965 г.), долженъ былъ бѣжать изъ Рима отъ вельможъ. Правда, ломбардцы уже въ самомъ началѣ были снова усмирены Буркардомъ Швабскимъ, который убилъ въ сраженіи одного изъ сыновей Беренгара и заставилъ другаго бѣжать въ Константинополь; но римляне не были еще наказаны и приведены къ покорности, и Оттонъ, заботившійся въ особенности о господствѣ надъ Римомъ и Нижней Италіей, непремѣнно долженъ былъ спѣшить туда (966 г.) Онъ двинулся прямо на Римъ и тотчасъ по прибытіи въ этотъ городъ хотѣлъ подавить безпокойный духъ его жителей жестокими мѣрами. Вообще во всѣхъ возстаніяхъ Оттонъ привыкъ предпочитать строгость кротости, а въ Италіи эта рѣзкая суровость была особенно нужна, потому что нравственность и чувство порядка страшно упали въ этой странѣ, и даже духовенство было испорчено до такой степени, что цѣлые монастыри брались иногда за оружіе противъ враговъ, или отдѣлывались ядомъ отъ наскучившаго имъ аббата. Поэтому Оттонъ назначилъ въ Римѣ строгій судъ надъ виновными и, между прочимъ, повѣсилъ тринадцать римскихъ вельможъ. Но въ то же время онъ показалъ себя великодушнымъ къ папѣ, и не только снова посадилъ его на папскомъ престолѣ, но даже постарался возвратить ему потерянное имъ вліяніе внѣ Рима тѣмъ, что снова отдалъ ему нѣкоторыя, прежде отнятыя у него, владѣнія.

Съ этихъ поръ Оттонъ сталъ стремиться къ осуществленію своихъ обширныхъ и блестящихъ предпріятій. Онъ хотѣлъ покорить всю Италію, упрочить тамъ спокойствіе и вытѣснить проникшихъ туда мухаммеданъ, и составилъ планъ, съ помощью папы и грековъ, окружить свою династію самымъ высшимъ блескомъ императорскаго достоинства. На этомъ основаніи онъ вступилъ въ сношенія съ византійскимъ императоромъ и сватался греческую принцессу для своего юнаго сына, Оттона II, котораго привезъ въ Италію и котораго папа короновалъ императоромъ (967 г.). Ему было лестно быть признаннымъ императоромъ отъ другаго императора, но въ то же время имъ руководило и желаніе овладѣть всею Нижнею Италіей, столь важной тогда для европейской торговли. Такимъ образомъ, чрезъ Оттона Великаго между нѣмцами и хитрыми греками возстановились сношенія, совершенно прекратившіяся со вступленія на престолъ Василія Маке-

донянина. Оттонъ въ особой граматѣ сообщилъ храброму саксонскому народу о своихъ планахъ и о блескѣ, который долженъ придти къ нимъ съ юга и востока, и саксонцы приняли его посланіе съ восторженной радостью, не предчувствуя, что изъ Италіи и Греціи, какъ изъ ящика Пандоры, изольются на германскіе народы всевозможныя бѣдствія. Правда, новый союзъ принесъ ту матеріальную выгоду, что оживилъ торговыя сношенія между Германіей и Греціей; но зато тѣмъ вреднѣе подѣйствовалъ онъ на духъ и нравы нѣмцевъ. Вслѣдствіе сношеній съ греками у нѣмцевъ къ той обстоятельности и точности въ переговорахъ, которыя основывались на ихъ характерѣ и формахъ правленія, прибавилась позднѣе и страсть къ жалкому щегольству и мелочному придворному этикету, совершенно чуждая ихъ природному характеру. Блистательные планы Оттона, составленные имъ послѣ третьяго похода его въ Италію, имѣли значительное вліяніе и на нѣмецкій языкъ, потому что, вслѣдствіе отношеній Оттона и его преемниковъ къ Италіи и византійскому государству, въ нѣмецкій языкъ вошли греческій и римскій элементы. Наконецъ, этимъ же самымъ Оттонъ онъ не мало способствовалъ утвержденію въ государствѣ вліянія женщинъ, которое коренилось въ самомъ характерѣ нѣмцевъ и выставляется еще Тацитомъ, какъ главная характеристическая черта германцевъ. При немъ, его сынѣ и внукѣ играли весьма значительную роль женщины королевскаго семейства: его мать, Матильда, жена Адельгейда, жена его сына, Теофано или Теофанія, дочь его, Матильда, и племянница Герберга; а такъ какъ одна изъ нихъ (Адельгейда) была итальянка, а другая (Теофанія) гречанка, то тѣмъ легче могла проникнуть ко двору, а отъ него и въ народъ, чужеземные нравы и обычаи, исказившіе чисто нѣмецкій національный бытъ.

10. Византійская имперія отъ Василія Македонянина до эпохи Оттона Великаго.

Чтобы вѣрнѣе понять значеніе плановъ Оттона и его преемниковъ и тоношенія нѣмцевъ къ Италіи, необходимо представить здѣсь исторію византійскихъ императоровъ, потому что со временъ Оттона I они стали въ самое близкое соприкосновеніе съ германскими королями. Это тѣмъ необходимѣе, что и въ другомъ отношеніи судьбы и состояніе греческой имперіи и ея жителей имѣли огромное вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій. Въ то время греки все болѣе и болѣе отчуждались отъ народовъ Запада. Увеличеніе значенія римскихъ папъ и латинской церкви раздражало греческаго патріарха, народъ, и раздѣленные съ X вѣка христіане Востока и Запада уже перестали признавать себя за одну религіозную общину. Это не только открыло мухаммеданамъ путь къ обѣимъ столицамъ христіанства, но и много способствовало къ расширенію могущества папъ. Если бы соединеніе между Западомъ и Востокомъ продолжалось, то папы, конечно, не достигли бы, или не сохранили бы за собою власти, сдѣлавшейся впослѣдствіи столь обширною, потому что образованное и дальновидное греческое духовенство и его императоры, которымъ нечего было бояться римскихъ отлученій отъ церкви, постарались бы поддержать равновѣсіе. Быть можетъ, папы сознавали это и потому не слишкомъ ревностно заботились о возстановленіи и сохраненіи религіознаго единства, не смотря на все свое желаніе воспользоваться греческими флотами для отраженія отъ Италіи арабскихъ пиратовъ.

Василій Македонянинъ былъ благодѣтелемъ своего народа, хотя и не совсѣмъ достойнымъ образомъ достигъ престола (стр. 476). Онъ уничтожилъ государство еретиковъ павликіанъ (стр. 477), сдѣлалъ свое имя страшнымъ для аравитянъ и варварскихъ народовъ сѣвера, отнялъ у первыхъ далматскій берегъ и поддержалъ во всей силѣ преобладаніе грековъ надъ Венеціей и Рагузой. Но еще приноситъ болѣе чести его дѣятельность по внутреннему управленію государства. Благодаря своей бережливости, онъ умѣлъ удовлетворять потребностямъ государства, не притѣсняя подданныхъ, и въ тоже время заботился и о благосостояніи рабочаго класса, и объ искусствахъ, производя болѣе построекъ, чѣмъ какой-нибудь другой императоръ. Его попытка возстановить изученіе римскаго

права, сохранившагося въ преданіяхъ, но впавшаго въ совершенное противорѣчіе съ самимъ собою и жизнью, также показываетъ въ немъ мыслящаго и достойнаго короны правителя, хотя на дѣлѣ это было только прекрасною мечтою, которую едва ли возможно было осуществить въ тогдашней греческой имперіи. Впрочемъ, затруднительное и бѣдственное положеніе греческихъ императоровъ можно видѣть всего яснѣе изъ того, что даже такому кроткому и справедливому государю угрожали два раза весьма опасные заговоры. Но при этомъ весьма замѣчательна та откровенность и глубокое чувство законности, съ которыми дѣйствовалъ Василій во время слѣдствія и при наказаніи заговорщиковъ, тогда какъ въ греческой имперіи, при наказаніи подобныхъ преступленій, не обращали никакого вниманія на юридическія формы.

Василій умеръ въ 886 году, и едва сынъ его, Левъ VI, по прозванью Мудрый (или философъ), успѣлъ взойти на престолъ, какъ уже снова возникли споры съ главою греческой церкви. Левъ тотчасъ призвалъ къ суду одного духовнаго, Сантаварена, интриговавшаго противъ него въ царствованіе Василія, и замѣшалъ въ этотъ процессъ самого патріарха Фотія. Но слѣдствіе противъ обоихъ духовныхъ лицъ кончилось къ невыгодѣ императора, потому что эти люди, основываясь на своемъ духовномъ правѣ, такъ искусно выпутались изъ этого дѣла, что императоръ явился въ глазахъ всѣхъ гонителемъ, а сами они гонимыми. Не достигнувъ своей цѣли законнымъ путемъ, Левъ велѣлъ ослѣпить и сослать Сантаварена, а чтобы отмстить патріарху, заставилъ духовенство постановить противъ него гнусный приговоръ. Хотя Фотій вовсе не былъ виновенъ въ преступленіи, за которое его призвали къ суду, духовенство все таки осудило его на низложеніе, и судьи дошли даже до того, что омочили перья, которыми былъ подписанъ приговоръ противъ Фотія, въ святой чашѣ, которая, по ученію ихъ самихъ, была чашей примиренія, а не орудіемъ осужденія. Кто не содрогнется надъ положеніемъ страны, гдѣ религія и нравственность открыто попирались служителями церкви и гдѣ низложеніе духовнаго лица считалось чрезвычайно важнымъ государственнымъ дѣломъ? Чрезъ нѣсколько лѣтъ Фотій умеръ въ одномъ монастырѣ.

Впослѣдствіи императоръ Левъ снова началъ опасную ссору съ главами духовенства по поводу своихъ излишествъ въ любовныхъ наслажденіяхъ; но настоящая причина этой ссоры скрывалась въ постоянномъ нарушеніи имъ постановленій греческой церкви. Вообще слабость, съ которой онъ подчинялся увлеченіямъ чувствительности и, не смотря на негодованіе подданныхъ, предавался любовнымъ наслажденіямъ, была главнымъ порокомъ этого императора. Кромѣ того, онъ не обладалъ военными талантами, необходимыми для всякаго византійскаго императора, и слишкомъ много занимался своими сочиненіями, забывая для этого на цѣлые годы важныя дѣла. Не смотря на всѣ эти ошибки, государство было довольно счастливо въ его управленіе, благодаря его бережливости и миролюбію. Старательныя и прилежныя занятія наукою вызывали много хорошихъ послѣдствій. Сочиненія Льва, въ числѣ которыхъ наибольшею извѣстностью пользовалось сочиненіе о тактикѣ, были, конечно, безполезны и по своему предмету и методу изложенія даже недостойны императора; но изъ состоянія науки и языка въ слѣдующую эпоху видно, что Левъ своею наклонностью къ умственной дѣятельности сдѣлалъ много полезнаго. Тоже самое можно сказать и о его заботахъ о законодательствѣ и изученіи права. Онъ окончилъ начатое его отцомъ собраніе древнихъ римскихъ законовъ и велѣлъ перевести на греческій языкъ тѣ изъ нихъ, которые въ его время имѣли еще силу въ судахъ имперіи. Хотя это и не имѣло практическаго значенія, но было само по себѣ очень похвально, потому что оказало весьма благопріятное дѣйствіе на духъ подданныхъ Льва, которые уже переставали тогда быть греками вслѣдствіе своего постепеннаго сліянія со славянами и другими племенами, поселившимися въ имперіи. Изданное имъ собраніе законовъ или, такъ называемыя юристами, базилики, дѣйствовали, впрочемъ, такъ же какъ и его новыя распоряженія, только до его смерти и, разсматриваемыя съ юридической точки зрѣнія, не представляютъ никакихъ достоинствъ; они безполезны даже для объясненія римскихъ законовъ, потому что при изысканіи для нихъ основаній Левъ не сознавалъ ни вліянія историческаго развитія, ни генія великихъ людей, которыми были созданы эти за-

коны. Тѣмъ не менѣе усилія его имѣли результатомъ возобновленіе изученія нрава, совершенно упавшаго при Василіѣ, и если своими передѣлками онъ только испортилъ древность, которую хотѣлъ исправить, то этимъ онъ повредилъ не столько имперіи, сколько самому себѣ.

Вообще, планы и намѣренія Льва были не совсѣмъ дурны, но его безпорядочная страсть и чрезмѣрная наклонность къ ученымъ занятіямъ мѣшали его личному наблюденію за ихъ исполненіемъ. Почти всѣ внѣшнія предпріятія его имѣли печальный исходъ. Только въ одной Италіи счастье благопріятствовало греческому оружію: герцоги беневентскіе должны были на нѣсколько лѣтъ принять въ свою столицу греческій гарнизонъ (стр. 485), а Венеція снова признала покровительство византійскаго императора. Свое пониманіе истинной государственной мудрости Левъ доказалъ тѣмъ, что отправилъ въ нижнюю Италію греческихъ поселенцевъ, чтобы снова сдѣлать полезными страны, опустошенныя безпрерывными войнами. За то въ это самое время въ Сициліи Аглабиты сдѣлали быстрые успѣхи (стр. 328). Также несчастны были войска и флоты Льва въ борьбѣ съ болгарами, русскими и арабскими морскими пиратами, появившимися во множествѣ во всѣхъ частяхъ Средиземнаго моря. Въ это время болгары уже утратили дикую воинственность своихъ предковъ, занялись торговлей и сдѣлались отъ того миролюбивѣе и изнѣженнѣе. Они были посредниками въ торговлѣ юга и востока съ дальнимъ сѣверомъ, но эта торговля сдѣлалась также причиной ихъ несогласій со Львомъ, потому что императоръ, для поддержанія одной вновь основанно и греческой торговой компаніи, не обращая вниманія на прежніе трактаты, перенесъ болгарскій рынокъ изъ Константинополя, бывшаго въ то время центромъ всемірной торговли, въ Ѳессалонику, гдѣ обороты были затруднительнѣе и таможенный тирафъ гораздо стѣснительнѣе. Тогда болгарскій царь Симеонъ возобновилъ опустошительные набѣги на греческія провинціи (888 г.) и, не смотря на то, что Левъ призвалъ противъ него хищныхъ мадьяровъ, вскорѣ принудилъ его заключить миръ на предписанныхъ имъ условіяхъ.

Великій князь русскій Олегъ, незадолго передъ тѣмъ утвердившійся въ Кіевѣ, также предпринялъ походъ противъ Льва и сдѣлалъ нападеніе на самый Константинополь. Греческій императоръ откупился отъ него большими деньгами. Хотя греческимъ лѣтописямъ, которыя распространяются объ этомъ очень подробно, нельзя вполнѣ довѣрять, но, какъ бы то ни было, изъ ихъ извѣстій можно заключить, что между русскими и греками завязались оживленныя торговыя сношенія и что греки были такъ слабы, что подчинялись постыднымъ требованіямъ враговъ, которыхъ могли уничтожить. Что касается русскаго народа, то частная исторія его въ средніе вѣка не имѣетъ важнаго значенія для всемірной исторіи, потому что онъ имѣлъ сначала слишкомъ мало вліянія на ходъ всемірныхъ событій. Можно, кажется, принять за достовѣрное, что къ славянскимъ элементамъ русскаго народа, упоминаемаго впервые въ IX вѣкѣ, примѣшаны были элементы скандинавскіе; по крайней мѣрѣ происхожденіе русскаго государства находится въ связи съ извѣстными разбойничьими походами скандинавскихъ искателей приключеній, которые проникли въ восточную Европу, точно также какъ въ западную, и были извѣстны тамъ подъ именемъ варяговъ. Эти смѣлые воины около 860 года завоевали страну, между Двиной, Окой и Бѣлымъ моремъ, и вмѣстѣ съ славянскими жителями ея образовали могущественный народъ, который принялъ имя руссовъ (у грековъ россы). Впослѣдствіи они распространились по Днѣпру далѣе на югъ и стали угрожать оттуда греческой имперіи и Константинополю. Такимъ образомъ произошли два русскія княжества, изъ которыхъ въ одномъ былъ столицею Новгородъ, а въ другомъ Кіевъ. Первымъ великимъ княземъ Новгорода былъ одинъ изъ главныхъ предводителей варяжскихъ пришельцевъ, Рюрикъ, правленіе котораго относятъ обыкновенно къ 862—879 годамъ. Рюрикъ оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Игоря, вмѣсто котораго управлялъ, въ качествѣ опекуна, Олегъ, удержавшій за собою власть до самой смерти (912 г.). Покоривъ и другое русское княжество, Олегъ перенесъ столицу въ Кіевъ (892 г.), совершилъ въ 907 г. уже упомянутый нами походъ на Константинополь и незадолго до смерти Льва заключилъ торговый договоръ съ греками. Его питомецъ и наслѣдникъ, Игорь, правившій до 945 года, также оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Святослава; именемъ его до 964 года управляла вдова Игоря,

Ольга, о которой уже упомянуто выше въ исторіи германскаго короля Оттона I (стр. 512).

Важнѣе сношеній Льва съ русскими были столкновенія его съ арабскими пиратами, имѣвшія вліяніе на всѣ дѣла имперіи. Левъ, неизвѣстно почему, пренебрегалъ флотомъ, который ему было бы такъ легко поддерживать въ силѣ, благодаря географическому положенію государства, множеству острововъ и лѣсистыхъ странъ и сношеніямъ его съ Далмаціей и Венеціей. Поэтому морскіе разбойники становились все могущественнѣе и могущественнѣе въ восточной части Средиземнаго моря, и императоръ, нѣсколько разъ высылавшій противъ нихъ флотъ, не могъ обуздать ихъ. Пираты заняли Лемносъ и многіе другіе острова, откуда они еще удобнѣе могли производить разбои; они проникали до Константинополя, грабили Геллеспонтъ и берега Мраморнаго моря, а наконецъ овладѣли и городомъ Ѳессалоникой, который по богатству и роскоши уступалъ въ европейской части имперіи только одной столицѣ (904 г.). Варвары страшно опустошили завоеванный городъ, перерѣзали всѣхъ жителей, негодившихся въ невольники, и сравняли бы Ѳессалонику съ землею, еслибы одинъ греческій полководецъ не выкупилъ города за 150 фунтовъ золота.

Въ то время какъ внѣшнія дѣла имперіи находились въ самомъ плохомъ положеніи, при дворѣ Льва интриги усилились до такой степени, что описаніе ихъ заняло бы собою цѣлые томы; лишиться милости императора можно было такъ же легко, какъ и заслужить ее. Въ особенности отличился своими интригами и лукавствомъ одинъ изъ его любимцевъ, Самонадъ. Но эти интриги, по нашему мнѣнію, не заслуживаютъ никакого вниманія, точно такъ же какъ и безпрерывные заговоры противъ императора, и мы не станемъ говорить о нихъ, потому что они не имѣютъ исторической важности и составляютъ самое обыкновенное явленіе въ византійской исторіи. Мы не упоминали бы также и о любовныхъ похожденіяхъ и супружескихъ отношеніяхъ Льва, если бы онъ не разсорился вслѣдствіе ихъ съ духовенствомъ и не старался по этой причинѣ возстановить соединеніе греческой церкви съ римской. Хотя древнѣйшіе греческіе законы допускали, по смерти первой жены, второй и даже третій бракъ, но, по господствовавшимъ понятіямъ, это считалось грѣхомъ и церковь наказывала его продолжительнымъ отрѣшеніемъ отъ причастія. Сначала самъ Левъ издалъ законъ, запрещавшій третій бракъ, но, по смерти первой жены, женился на любовницѣ, съ которой жилъ въ открытой связи еще при жизни своей жены, а впослѣдствіи вступилъ даже въ бракъ въ третій и четвертый разъ. Уже при второмъ своемъ бракѣ онъ долженъ былъ согласиться на растрйженіе духовныхъ лицъ, совершавшихъ этотъ обрядъ, а когда захотѣлъ вступить въ четвертый бракъ, то патріархъ Николай старался препятствовать этому всѣми средствами, которыя давалъ ему его духовный санъ. Императоръ не только не могъ получить церковнаго благословенія на этотъ бракъ, но даже долженъ былъ подвергнуться церковному наказанію. Однако онъ продолжалъ жить съ своей любовницей Зоей, какъ съ законной женою, а Самонадъ, опытный во всѣхъ интригахъ восточнаго двора и бывшій тогда въ милости у Льва, помогъ ему выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ очень искусно воспользовался этимъ случаемъ для достиженія своихъ личныхъ выгодъ. По совѣту его, Левъ началъ переговоры съ римскимъ папой, который, по правиламъ западной церкви, не только не находилъ такого брака непозволительнымъ, но даже формально одобрилъ его. Съ помощью того же Самонада Левъ низложилъ наконецъ патріарха и возвелъ на его мѣсто другаго. Новый патріархъ снова принялъ императора въ лоно церкви и даже короновалъ, какъ соправителя, сына его отъ Зои, Константина V (911 г.). Дѣло это обѣщало, повидимому, имѣть важные результаты для имперіи, потому что могло повести къ соединенію западной и восточной церквей и доставить папѣ прежнее вліяніе въ Константинополѣ; но въ дѣйствительности вышло совершенно противное. Николай былъ ревностнымъ приверженцемъ ученія Фотія (стр. 478), и его низложеніе представлялось поэтому нарушеніемъ этого ученія и должно было еще больше возстановить греческій міръ противъ римскаго папы. Кромѣ того, слабый и занятый безплодными умствованіями, императоръ, почувствовавъ на смертномъ одрѣ угрызенія совѣсти, возвратилъ

изгнаннаго патріарха и этимъ вызвалъ новыя несогласія между обѣими церквами. Тотчасъ по смерти Льва Николай осудилъ и проклялъ дѣйствія своего предшественника и пригласилъ папу Іоанна X сдѣлать тоже самое; но какъ ни дуренъ былъ папа въ нравственномъ отношеніи и въ качествѣ владѣтеля Рима, однако какъ епископъ римскій, окруженный совѣтомъ знатнѣйшихъ духовныхъ лицъ и первыхъ ученыхъ своего времени, онъ никакъ не могъ рѣшиться на подобный поступокъ. Онъ не согласился на настоятельныя требованія патріарха, и соединеніе двухъ главныхъ церквей христіанства было снова разорвано.

Императоръ умеръ въ 912 году. Несмотря на то, назначая своего сына соправителемъ, Левъ никакъ не могъ исключить изъ наслѣдства брата, Александра, котораго еще Василій назначилъ его соправителемъ, тѣмъ болѣе, что Константину было только семь лѣтъ. Поэтому, по смерти Льва, на престолъ вступилъ Александръ, который еще прежде отличался только грубымъ развратомъ и дерзкими оскорбленіями народныхъ вѣрованій, и, вступивъ на престолъ, скоро показалъ всѣмъ, что спокойный и педантическій человѣкъ, какъ Левъ, со всѣми ошибками изнѣженнаго человѣка, былъ для греческой имперіи гораздо лучшимъ правителемъ, чѣмъ вольнодумецъ и любитель грубыхъ чувственныхъ наслажденій. Онъ предоставилъ управленіе дѣлами жалкимъ и неспособнымъ любимцамъ, которые довели имперію до того, что болгары и аравитяне безнаказанно грабили страну; къ счастью, Александръ умеръ черезъ годъ (913 г.). Ему наслѣдовалъ юный Константинъ V, который, подобно всѣмъ греческимъ императорамъ, родившимся въ царствованіе своихъ отцовъ, былъ прозванъ Порфирогенетомъ (т. е. родившемся въ порфирѣ). На время его несовершеннолѣтія было учреждено регентство, между членами котораго преобладающемъ вліяніемъ пользовались патріархъ Николай и одинъ ученый законовѣдъ. Регенты императора тотчасъ приняли всѣ мѣры, чтобы удалить отъ него мать его, Зою. Вскорѣ послѣ того молодой императоръ настоялъ на возвращеніи матери, и Николай, оставшійся по прежнему ея врагомъ, долженъ былъ уступить ей свое мѣсто. Зоя привела съ собой своихъ братьевъ и другихъ людей безъ всякихъ дарованій и заслугъ, такъ что полководцы, игравшіе прежде главную роль въ имперіи, съ неудовольствіемъ видѣли во главѣ правительства женщинъ, придворныхъ и юристовъ. Патріархъ Николай чрезвычайно искусно воспользовался этимъ неудовольствіемъ и двое главныхъ полководцевъ имперіи, Константинъ Дука и Романъ Лекапинъ, сдѣлали одинъ за другимъ попытку положить конецъ этому жалкому правительству. Первый дѣйствовалъ слишкомъ неискусно и погубилъ всѣхъ своихъ приверженцевъ. За то другой ловко воспользовался обстоятельствами и достигъ своей цѣли. Подробности этого событія не совсѣмъ ясны для насъ, по неимѣнію аріадниной нити, чтобы проникнуть въ лабиринтъ византійскихъ придворныхъ интригъ, которыя были также таинственны, коварны и запутаны, какъ и интриги азіятскихъ сералей. Достаточно сказать, что Романъ, командовавшій флотомъ на Черномъ морѣ и въ 919 году, вслѣдствіе одной придворной интриги, явившійся въ Константинополь, выступилъ тамъ защитникомъ императора, выдалъ за него дочь Елену и овладѣлъ правленіемъ съ титуломъ отца императора, придуманномъ еще при императорѣ Львѣ. Противники его были побѣждены и жестоко наказаны, друзья императора и мать его изгнаны. Затѣмъ Романъ велѣлъ провозгласить императорами сначала себя, потомъ своихъ старшихъ сыновей, Христофора, Стефана и Константина, заперъ своего зятя, какъ плѣнника, во дворцѣ и занялъ первое мѣсто въ этомъ общемъ управленіи. Онъ только потому не рѣшался низложить императора, получившаго второе послѣ него мѣсто, что многочисленные и всегда неудачные заговоры показывали ему, какъ сильно нація привыкла къ наслѣдственной власти.

Въ то время, какъ въ имперіи господствовали придворныя интриги и внутреннія несогласія, а ея повелители соперничали въ безумной роскоши съ халифами (стр. 342), болгарскій царь Симеонъ извлекалъ для себя величайшія выгоды изъ затруднительнаго положенія своихъ сосѣдей. Нарушивъ миръ, заключенный съ греками, онъ ограбилъ окрестности Адріанополя и Византіи, и, совершая повсюду ужасныя опустошенія, проникъ и въ болѣе отдаленныя части собственной Греціи, которыя однако было бы такъ легко защитить. Напрасно правительство соединилось съ печенѣгами, которые перенесли тогда свои кочевья въ Молдавію,

и приглашало ихъ перейти черезъ Дунай въ Болгарію: самолюбіе и раздоры греческихъ полководцевъ помѣшали осуществленію этого плана; печенѣги возвратились назадъ, а вслѣдъ за тѣмъ болгары почти совершенно истребили одну греческую армію и снова появились передъ воротами Константинополя. По воцареніи Романа, болгары удержали въ своей власти большую часть страны и нерѣдко появлялись въ окрестностяхъ столицы; такъ какъ Романъ вынесъ изъ своего происхожденія и воспитанія не силу и энергію, какъ Левъ Исаврієцъ (стр. 472), а суевѣріе, которое, совпадая съ испорченностью нравовъ, одинаково вредитъ развитію энергической дѣятельности, какъ и истинной религіозности. Романъ строилъ церкви и больницы, водился почти съ однимъ духовенствомъ, бѣлымъ и чернымъ, раздавалъ монахамъ, узникамъ и т. п. щедрую милостыню, и съ покорностью позволялъ грубымъ монахамъ говорить себѣ самыя оскорбительныя вещи, а сдѣлавшись императоромъ, пересталъ являться во главѣ войска, въ которомъ служилъ съ самой юности, не пользовался изъ подозрительности талантами своихъ искусныхъ полководцевъ, исключая одного, или удалялъ ихъ отъ себя подъ предлогомъ заговоровъ. Поэтому неудивительно, что болгары безпрепятственно продолжали свои опустошенія, тогда какъ вскорѣ послѣ того ихъ безъ особеннаго труда и искусства могъ побѣдить немногочисленный народъ хорватовъ. Малодушіе и трусость правительства, какъ обыкновенно бываетъ, отразились и на народѣ. Полководцы и начальники флотовъ одинъ за другимъ обращались въ бѣгство, оставляя защитниковъ многолюдныхъ городовъ на жертву ярости грабителей, и безпрепятственно позволяли непріятелю жечь верфи и постройки вокругъ Константинополя, а лѣтописцы разсказываютъ обо всемъ этомъ съ такимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, какъ будто бы это не составляло позора для ихъ націи. Наконецъ непріятели сожгли одинъ за другимъ два дворца въ Константинополѣ, обложили одни изъ главныхъ воротъ столицы и стали угрожать городу штурмомъ. Это должно бы было заставить наконецъ императора Романа стать во главѣ войска; на онъ ограничился тѣмъ, что отправился къ болгарскому царю вымаливать у него миръ. Но чтобы убѣдиться въ томъ, что весь позоръ долженъ былъ падать на предводителей, а не на командуемыя ими войска, достаточно обратить вниманіе на предпріятія грековъ противъ аравитянъ. Въ самый годъ осады Константинополя болгарами, смѣлый завоеватель Ѳессалоники потерпѣлъ сильное пораженіе отъ грековъ, а еще прежде войска императора побѣдоносно проникли до Месопотаміи (стр. 340); наконецъ Іоаннъ Куркуасъ, единственный способный полководецъ, котораго подозрительный императоръ держалъ при войскѣ, былъ въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ ужасомъ аравитянъ и отнялъ у нихъ значительныя области по Евфрату и Тигру.

Въ 927 году умеръ страшный болгарскій царь Симеонъ, и такъ какъ въ тоже время власть Романа была упрочена подавленіемъ многихъ возстаній, то съ этихъ поръ въ имперіи начинаетъ устанавливаться лучшій порядокъ вещей. Болгары, которымъ угрожала война съ сосѣдними народами, просили мира и получили его. Венгры, вторгнувшіеся въ 934 году въ имперію, хотя и были побуждены къ возвращенію домой только деньгами, но все-таки испытали прежде нѣсколько пораженій. Новое нападеніе русскихъ при Игорѣ также было отбито съ такою славою, что уже изъ одного этого событія мы можемъ видѣть, какъ много внутреннихъ силъ, даже при дурномъ правительствѣ, всегда сохраняетъ образованный народъ. Въ 946 году Игорь съ безчисленнымъ множествомъ людей явился при входѣ въ Босфоръ, и войска его страшно свирѣпствовали противъ жителей; но греческіе полководцы Куркуасъ, Ѳеофанъ и Вардасъ Фока уничтожили почти всѣ русскія суда вмѣстѣ съ ихъ экипажемъ. Это сдѣлало варваровъ осторожнѣе, и послѣ того съ ними былъ заключенъ мирный и торговый договоръ, по которому они совершенно очистили Тавриду, столь важную для грековъ и ихъ столицы, и открыли доступъ въ свою страну христіанству, которое съ тѣхъ поръ сдѣлало между ними значительные успѣхи. Въ Италіи лонгобардскіе владѣтели, господствовавшіе въ южной части полуострова, вступили въ болѣе тѣсныя сношенія съ греческой имперіей и охотно принимали пустой титулъ патриціевъ, не думая о томъ, что это влекло за собой зависимость отъ Константинополя. Съ другой стороны, къ византійскому правительству примкнулъ тѣснѣе и король Гуго (стр. 500), который обручилъ въ 944 году свою дочь Берту съ пятилѣт-

нимъ сыномъ Константина и внукомъ Романа, и послалъ ее въ Константинополь, гдѣ она черезъ нѣсколько лѣтъ умерла. Франкскіе спутники Берты составили тамъ часть свиты при матери жениха, Еленѣ, и были ей очень полезны, такъ какъ старшій братъ ея, Христоферъ, бывшій тестемъ болгарскаго князя Петра, для усиленія вліянія своей фамиліи, собралъ вокругъ себя толпу болгаръ. Сыновья Романа даже поставили Константина на самомъ послѣднемъ мѣстѣ между императорами. Константинъ не обращалъ на это вниманія; онъ былъ доволенъ тѣмъ, что могъ на свободѣ рисовать буквы, собирать книги, дѣлать изъ нихъ извлеченія и заниматься другими подобными вещами; но его честолюбивая жена негодовала на то, что должна была занимать послѣднее мѣсто на всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ, и потому интриговала противъ братьевъ у своего отца. Хитрость Елены и спокойный характеръ ея мужа заставили императора возвратить первое мѣсто ея сыну. Это оскорбило сыновей Романа, которымъ, быть можетъ, уже наскучило дѣлить власть съ отцомъ; они внезапно велѣли схватить его (944 г.) и сослали на одинъ маленькій островъ, гдѣ онъ и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ. Константинъ раздѣлилъ бы участь тестя, если бы его не защитили привязанность къ нему народа и франкская свита Берты. По смерти Романа онъ, уступая убѣжденіямъ жены, сталъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе, нарочно возбудилъ съ своими зятьями споръ о первенствѣ, въ которомъ одержалъ верхъ, и приказалъ арестовать ихъ. Они были сосланы на два различныхъ острова, откуда уже болѣе не возвращались, и Константинъ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ имперіи (945 г.)

Константинъ написалъ множество ученыхъ сочиненій, большею частью заимствованныхъ изъ древнихъ книгъ, и образованный несчастьемъ и научными занятіями, былъ одушевленъ прекрасными намѣреніями, изъ которыхъ и привелъ въ исполненіе многія. Онъ постоянно заботился о наукѣ, искусствѣ и промышленности и имѣетъ право на нашу признательность, какъ одинъ изъ главныхъ покровителей восточнаго просвѣщенія, которое при Оттонѣ Великомъ стало распространяться и на Западѣ. Онъ образовалъ многихъ ученыхъ, которые прибыли въ Германію съ его внучкою, супругой Оттона II, или были вызваны туда впослѣдствіи. Это свѣтлая сторона характера и правленія Константина прикрывала собою ограниченность и мелочность его ума и слабость характера. Константинъ любилъ удовольствія стола и вино, былъ очень вспыльчивъ и часто впадалъ въ жестокость. Онъ рѣшительно не былъ воспитанъ для власти и, какъ настоящій педантъ, не замѣчалъ иногда великаго, стараясь не пропустить чего-нибудь ничтожнаго. Однако онъ завязалъ дружескія сношенія съ отдаленными государствами и народами, которые могли быть ему полезны противъ враговъ, и хотя его сношенія съ могущественнымъ владѣтелемъ Испаніи имѣли своею цѣлью не столько матеріяльныя выгоды, сколько славу обоихъ государей (стр. 321), но, съ другой стороны, связи его съ русскими принесли дѣйствительную пользу имперіи, а въ отношеніи его къ Оттону Великому и Беренгару II почти вся честь выпадаетъ на долю греческаго императора. Чтобы наказать одинъ сосѣдній народъ, русская великая княгиня Ольга искала мира съ греками, и въ 957 году крестилась въ Константинополѣ, что имѣло послѣдствіемъ установленіе дружескихъ связей между ея народомъ и греками, которыя были очень выгодны, по крайней мѣрѣ, для константинопольской торговли. Въ южной Италіи и въ Азіи положеніе дѣлъ благопріятствовало тогда грекамъ, потому что обладаніе этими странами безпрестанно переходило изъ рукъ въ руки. Поэтому войска Константина имѣли тамъ блистательный успѣхъ. Это дало Оттону Великому новый поводъ желать брака своего сына на греческой принцессѣ, потому что онъ могъ надѣяться получить въ приданое за нею права греческихъ императоровъ на Италію. Быть можетъ, Константинъ и не задумался бы отдать руку внучки могущественному германскому государю; но, когда началось это сватовство, его уже не было на свѣтѣ.

Юный сынъ его, Романъ II, наслѣдовавшій ему въ 959 году, думалъ только объ удовольствіяхъ. Дѣлами управляла за него императрица Теофанія, женщина низкаго происхожденія, энергическаго характера, и хитрый придворный Іосифъ. Два сына Вардаса Фоки, бывшаго при Константинѣ начальникомъ войскъ на востокѣ, Никифоръ Фока и Левъ Фока, своими счастливыми войнами противъ мухаммеданъ пріобрѣли огромное вліяніе въ имперіи и такъ

прославили греческое оружіе, что, благодаря ихъ подвигамъ, царствованіе младшаго Романа можно было бы назвать самымъ славнымъ послѣ правленія Льва Исаврійца. Они снова возвратили имперіи въ 961 г. островъ Критъ, уничтожили находившійся тамъ разбойничій притонъ и одержали рядъ побѣдъ надъ Гамаданидами въ Месопотаміи и Сиріи (стр. 343). Никифоръ и Левъ Фока взяли Алеппо и шестьдесятъ другихъ городовъ и наполнили казну имперіи множествомъ сокровищъ, взятыхъ ими въ Сиріи и на островѣ Критѣ.

По смерти Романа (въ мартѣ 963 года) регентшею его сыновей, Василія II и Константина VI, сдѣлалась мать ихъ Теофанія. Но она не пользовалась тѣмъ вліяніемъ, котораго желала имѣть, потому что противъ нея интриговалъ Іосифъ и аристократія сената, которая, наконецъ, снова пріобрѣла прежнее значеніе въ государствѣ. Поэтому правительница старалась достигнуть цѣли при содѣйствіи Никифора, съ которымъ она вступила въ сношенія, какъ кажется, еще при жизни мужа. Іосифъ напрасно противился ея стараніямъ сдѣлать Никифора начальникомъ восточныхъ войскъ имперіи, т. е. самымъ важнымъ должностнымъ лицомъ въ имперіи; патріархъ Поліевктъ, врагъ царствовавшаго императорскаго дома, поддерживалъ Теофанію, и Никифоръ, уже черезъ мѣсяцъ по смерти Романа, получилъ эту должность. Онъ поспѣшилъ въ столицу и, отпраздновавъ тамъ тріумфъ, тотчасъ же вернулся на востокъ, чтобы съ помощью солдатъ самому овладѣть престоломъ. Переманивъ на свою сторону величайшаго полководца того времени, Цимисхія, онъ уже въ іюлѣ 963 года былъ провозглашенъ солдатами императоромъ; въ Константинополѣ, куда онъ прибылъ въ августѣ, никто не смѣлъ отказать ему въ коронованіи. Женившись на императрицѣ Теофаніи, онъ возвысилъ своего престарѣлаго отца въ достоинство кесаря и окружилъ себя родственниками. Сдѣлавшись императоромъ, онъ умѣлъ сохранить свою прежнюю военную славу. Войска его почти съ непрерывнымъ счастьемъ сражались противъ мухаммеданъ въ Азіи. Правда, предпріятіе его адмирала Никиты противъ Сициліи не увѣнчалось успѣхомъ, но Фатимиды, къ царству которыхъ принадлежалъ тогда этотъ островъ и передъ которымъ его предшественники унизились до платежа дани, такъ уважали этого императора, что безъ всякаго выкупа возвратили ему плѣнниковъ. Наконецъ онъ отказалъ болгарамъ въ требуемыхъ ими обычныхъ подаркахъ и потомъ, чтобы укротить этихъ враговъ, съ помощью другихъ варваровъ, деньгами склонилъ русскаго князя Святослава, сына Ольги, начать съ ними войну. Поэтому неудивительно, что предпріимчивый и сильный императоръ велъ себя съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и въ отношеніи къ германскому императору Оттону.

II. Исторія германской и греческой имперій при Оттонахъ.

Когда Оттонъ Великій въ свой третій итальянскій походъ остановился въ Равеннѣ, его привѣтствовало тамъ почетное посольство императора Никифора, которое еще болѣе утвердило его въ мысли получить отъ византійскаго двора, посредствомъ брака своего сына съ греческой принцессой, признаніе за своей династіею императорскаго титула и права на Нижнюю Италію. Но, ища дружбы грековъ, онъ въ то же самое время оскорбилъ ихъ тѣмъ, что поддерживалъ противъ нихъ владѣтеля Капуи и Беневента, Пандульфа, основавшаго могущественное государство въ Нижней Италіи, и, переговариваясь съ греками о мирѣ, даже посылалъ свои войска сражаться съ греками. Какъ можно было при такихъ обстоятельствахъ ожидать принятія дружественныхъ предложеній отъ государя съ характеромъ Никифора! Къ тому же Оттонъ, кажется, не умѣлъ выбрать способныхъ людей для двухъ посольствъ, которыя онъ отправлялъ къ Никифору. Это видно изъ того, что главой втораго посольства онъ назначилъ бездарнаго историка Люитпранда, который хотя и былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ и придворными обычаями, но былъ слишкомъ надутъ и тщеславенъ, чтобы исполнить достойнымъ образомъ это дипломатическое порученіе. Всего яснѣе обнаруживается это въ донесеніи Люитпранда Оттону о своемъ посольствѣ. Его насмѣшливый, но совершенно неидущій къ дѣлу разсказъ о личности Никифора, его пренебре-

женіи къ внѣшности, которое было очень естественно въ храбромъ и выросшемъ въ лагерѣ человѣкѣ, и о его отвращеніи ко всякой пустой пышности, которое даже дѣлаетъ ему честь, — разсказъ этотъ достоинъ презрѣнія, точно такъ же, какъ и его похвалы германскому императору на счетъ греческаго составляютъ самую грубую лесть, которая во всякомъ другомъ, кромѣ полуварвара, возбудила бы только отвращеніе къ жалкому льстецу. Кромѣ того, Люитпрандъ долженъ былъ показаться подозрительнымъ императору Никифору, потому что еще прежде принялъ на себя подобное же порученіе къ греческому двору отъ Беренгара II, врага Оттона. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что императоръ во время своего пребыванія въ Византіи Люитпранда оказалъ дружеское вниманіе посланникамъ Адельберта, сына Беренгара II, а посламъ западнаго императора предложилъ такія условія, что Оттонъ долженъ былъ принять ихъ за насмѣшливый отказъ на всѣ предложенія. Когда переговоры были прерваны (968 г.), вопросъ объ обладаніи Италіей, само собою разумѣется, долженъ былъ рѣшиться мечомъ, и Оттонъ тотчасъ же прибѣгнулъ бы къ этому средству, если бы имѣлъ въ войскѣ больше нѣмецкихъ вассаловъ, такъ какъ Никифоръ послалъ въ Италію очень небольшое и ненадежное войско, отправившись съ лучшими своими войсками въ Сирію. Но итальянцы, составлявшіе почти все войско Оттона, не могли и не хотѣли окончить это дѣло. Кромѣ того, не имѣя флота, Оттонъ долженъ былъ такимъ образомъ нападать на приморскіе города съ сухаго пути; поэтому войска его не имѣли значительныхъ успѣховъ въ этой войнѣ.

Къ счастью Оттона, въ слѣдующемъ году, послѣ насильственной смерти Никифора, политика византійскаго двора совершенно измѣнилась. По внушенію брата, Никифоръ удалилъ отъ начальства надъ войскомъ Цимисхія, которому былъ обязанъ короною, и этимъ оскорбилъ многихъ солдатъ. Придворные были недовольны его строгостью и простотою. Народъ чувствовалъ себя утомленнымъ безпрестанными войнами, а духовенство было раздражено противъ него тѣмъ, что онъ не только присвоилъ себѣ право назначенія епископовъ, но и запретилъ на будущее время дѣлать въ пользу церкви завѣщанія на недвижимыя имѣнія. Наконецъ и жена его, Теофанія, наскучила жить съ нимъ и любила Цимисхія, хотя другіе говорятъ, что она вошла съ нимъ въ сношенія только потому, что хотѣла сохранить престолъ и жизнь своимъ сыновьямъ отъ Романа II, которыхъ Никифоръ хотѣлъ отстранить отъ власти въ пользу брата. Противъ императора составился заговоръ, во главѣ котораго стали Цимисхій и Теофанія; съ помощью ея Цимисхій и его сообщники напали ночью на Никифора и умертвили его (969 г.). Умирая, онъ остался вѣренъ своему характеру и достоинству. Цимисхій былъ на другой же день признанъ императоромъ.

Если только въ христіанскомъ государствѣ возможно примѣненіе правила Цезаря, что право можетъ быть нарушаемо только ради власти, то Цимисхій заслуживалъ бы нашей безусловной похвалы, потому что, какъ императоръ, онъ дѣйствовалъ во всѣхъ отношеніяхъ сообразно своему происхожденію, принадлежа къ самымъ знатнымъ фамиліямъ имперіи. Никакая жестокость не запятнала его царствованія; онъ торжественно объявилъ соправителями юныхъ сыновей Романа, Василія II и Константина VI, удаливъ на одинъ островъ, быть можетъ, не безъ тайнаго удовольствія, Теофанію, на которой хотѣлъ прежде жениться. Ее обвиняли въ убійствѣ двухъ первыхъ ея мужей, а патріархъ не хотѣлъ разрѣшить ей третьяго брака. Своими счастливыми войнами Цимисхій заставилъ грековъ забыть его незаконное вступленіе на престолъ, а такъ какъ у него и безъ того было много дѣла съ аравитянами, то, не желая начинать новой войны съ Оттономъ Великимъ, онъ самъ возобновилъ съ нимъ переговоры, и Оттонъ, остававшійся все это время въ Италіи, въ 972 году получилъ, наконецъ, для своего сына, Оттона II, столь желаемую Теофанію, шестнадцатилѣтнюю сестру соправителей Цимисхія, Василія и Константина. Для встрѣчи невѣсты былъ избранъ не тщеславный Люитпрандъ, продолжавшій еще пользоваться милостью Оттона, а нѣсколько нѣмецкихъ вельможъ и въ томъ числѣ епископъ Теодорихъ Майнцскій, близкій родственникъ императора и одно изъ самыхъ достойныхъ духовныхъ лицъ въ имперіи, получившій свое образованіе въ прекрасномъ учебномъ заведеніи Бруно въ Кёльнѣ. Отпраздновавъ въ Римѣ свадьбу сына (на пасхѣ 972 года), Оттонъ воротился съ нимъ въ Германію, гдѣ еще во время

пребыванія въ Италіи основалъ епископство Мейссенъ и архіепископство магдебургское. Споръ между герцогомъ Мечиславомъ I Польскимъ и маркграфомъ Удономъ Лузацкимъ тотчасъ же отозвалъ его къ сѣверо-восточнымъ границамъ государства. Не смотря на привязанность къ христіанству и женитьбу на дочери христіанскаго герцога Богеміи, Мечиславъ былъ сильно оскорбляемъ маркграфомъ Удономъ. Императоръ успокоилъ его радушнымъ пріемомъ его посольства и справедливымъ рѣшеніемъ противъ маркграфа, и за то Мечиславъ призналъ его своимъ сюзереномъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того Оттонъ умеръ (въ маѣ 973 г.), среди занятій по устройству своихъ славянскихъ завоеваній.

Ему наслѣдовалъ сынъ его, Оттонъ II, который еще за шесть лѣтъ передъ тѣмъ былъ коронованъ римскимъ императоромъ. Воспитанный своей бабкою, Матильдой, и архіепископами Бруно и Вильгельмомъ, слѣдовательно, женщиной и духовными, онъ, можетъ быть, и превосходилъ отца познаніями, но не могъ сравниться съ ними въ энергіи характера. Какъ ни благороденъ былъ Бруно, соединявшій въ своей личности истинную и пламенную любовь къ наукѣ съ дарованіями правителя и военными талантами, но въ короткое время, на которое было ввѣрено ему воспитаніе Оттона, онъ заботился преимущественно о его научномъ образованіи, а не о приготовленіи его къ управленію государствомъ, которымъ могъ повелѣвать только человѣкъ вполнѣ рыцарскаго характера. Къ несчастью, ко всему этому присоединилось соперничество между матерью Оттона, итальянкою Адельгейдою, и его женою, гречанкою Теофаніею, окончившееся удаленіемъ первой. Это сильно повредило молодому императору, особенно въ Италіи, гдѣ его мать была очень извѣстна и любима и могла бы быть весьма для него полезна. Она отправилась въ свои вдовьи владѣнія, которыя Оттонъ I отказалъ ей на границахъ Бургундіи вмѣстѣ съ ея большими наслѣдственными имѣніями въ Италіи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи на престолъ Оттонъ былъ вовлеченъ баварскимъ герцогомъ Генрихомъ II Задорнымъ въ безславную борьбу съ Богеміей. Участвовала ли въ этомъ дѣлѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, мать Оттона, неизвѣстно съ точностью; но очень можетъ быть, что вмѣстѣ съ Генрихомъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ князей того времени, она составляла партію, противодѣйствовавшую грекамъ, ихъ гордости, пышности и обычаямъ и была поэтому удалена отъ двора. Генрихъ велъ тогда споръ о границахъ съ герцогомъ Оттономъ Швабскимъ, сыномъ Лудольфа, и когда Адельгейда должна была оставить дворъ, онъ, какъ нарушитель спокойствія, былъ задержанъ, но вскорѣ бѣжалъ и уговорилъ чешскаго князя Болеслава II начать войну противъ императора. Это поставило Оттона въ самое затруднительное положеніе, потому что въ тоже время начались опасныя волненія въ Италіи, а на западныя и сѣверныя границы имперіи напали французы и датчане. Оттонъ былъ несчастливъ въ войнѣ съ Генрихомъ и его союзниками, и враждебныя дѣйствія прекратились только тогда, когда Генрихъ былъ взятъ въ плѣнъ (977 г.), а Баварія отдана герцогу Оттону Швабскому. Призванный на судъ саксонскихъ вельможъ, Генрихъ былъ осужденъ ими на продолжительное заключеніе. Среди этихъ безпокойствъ внутри государства, Оттонъ приступилъ къ упомянутымъ нами выше предпріятіямъ противъ французовъ и датчанъ (стр. 496 и 371). Ни тѣ, ни другія не доставили государству никакихъ прочныхъ выгодъ, потому что предпринятый Оттономъ, изъ мщенія, походъ во Францію не обезпечилъ обладанія Лотарингіей, а датчане уже черезъ нѣсколько лѣтъ разрушили крѣпость, построенную противъ нихъ Оттономъ.

Возстановивъ спокойствіе во всѣхъ краяхъ Германіи, Оттонъ поспѣшилъ въ Италію, гдѣ тотчасъ по смерти его отца изгнаны были всѣ германскіе духовные, получившіе тамъ аббатства и епископства, и гдѣ, повидимому, стали вообще совершенно пренебрегать властью императора. Въ Римѣ, сынъ Теодоры Младшей (стр. 489), Кресценцій, достойный потомокъ своей фамиліи по характеру и нравственности, захватилъ въ свои руки власть и не только заключилъ въ тюрьму, но и велѣлъ задушить папу Бенедикта VI, а на его мѣсто возвелъ одного изъ своихъ приверженцевъ, подъ именемъ Бонифація VII (974 г.). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бонифацій былъ снова изгнанъ своими противниками, и послѣ него, въ самое короткое время, были избраны одинъ за другимъ еще

двое папъ. Второй изъ нихъ, Бенедиктъ VII, находился еще на папскомъ престолѣ, когда явился въ Италію Оттонъ (980 г.). На пути императоръ, чтобы привлечь къ себѣ ломбардцевъ, помирился съ матерью и потомъ отправился въ Римъ, гдѣ съ большимъ великолѣпіемъ отпраздновалъ пасху 981 года. Но настоящей цѣлью его похода въ Италію было не обладаніе Римомъ, и ему не приходило даже въ голову наказывать виновниковъ тамошнихъ событій: онъ хотѣлъ прежде всего утвердить въ Италіи мнимыя права жены на южныя части полуострова и потому, оставивъ Римъ, поспѣшилъ въ Кампанью.

Положеніе греческой имперіи, казалось, благопріятствовало этому походу, потому что Цимисхій, одинъ изъ самыхъ способныхъ византійскихъ императоровъ, умеръ еще въ 976 году, а преемникъ его находился въ весьма затруднительномъ положеніи. Цимисхій былъ чуждъ тщеславія, роскоши и жестокости, обыкновенныхъ пороковъ восточныхъ государей, и очень хорошо сознавалъ недостатки, угрожавшіе медленной гибелью всѣмъ деспотическимъ государствамъ, а въ особенности греческой имперіи. Вскорѣ по вступленіи на престолъ онъ вызвалъ къ себѣ почти всѣ итальянскіе гарнизоны, чтобы двинуться противъ болгаръ, венгровъ и русскихъ, которые, соединившись вмѣстѣ, напали на имперію и проникли до Адріанополя, и показалъ себя въ этомъ походѣ искуснымъ и опытнымъ полководцемъ. Разбивъ русскихъ и болгаръ, онъ посѣялъ между ними раздоры и покорилъ совершенно послѣднихъ, дозволивъ первымъ возвратиться домой со всей добычей. Добыча была гибельна для русскихъ, потому что на дорогѣ на нихъ напали хищные печенѣги, и они потерпѣли ужасное пораженіе, въ которомъ погибъ и великій князь Святославъ (972 г.). Цимисхій обратилъ Болгарію въ греческую провинцію и раздѣлилъ ее на округи, которые были отданы въ управленіе туземнымъ воеводамъ. Затѣмъ онъ поспѣшилъ на востокъ. Отнявъ у Фатимидовъ и Гамаданидовъ большую часть Сиріи, онъ составилъ уже планъ похода въ Арменію и придалъ бы другой видъ цѣлому востоку, если бы смерть не остановила его среди побѣдъ. Власть перешла къ его соправителямъ, Василію II и Константину VI; впрочемъ, настоящимъ властителемъ былъ только первый изъ нихъ. Василій былъ весьма энергическимъ правителемъ, но нѣкоторое время обстоятельства препятствовали ему думать объ Италіи. Онъ долженъ былъ усмирять двухъ возставшихъ противъ него полководцевъ и вести войну съ болгарскими воеводами, также возмутившимися въ надеждѣ возвратить своему народу потерянную имъ независимость. Первые овладѣли всей Азіей, а болгары на нѣкоторое время возстановили свое царство и простерли свои опустошенія до самаго Пелопоннеса.

Василій боролся еще съ своими врагами, когда Оттонъ II, не имѣя на то никакихъ правъ, вздумалъ лишить его владѣній въ Италіи. Въ 981 году Оттонъ вторгнулся въ Апулію и Калабрію и, хотя съ нимъ было лишь небольшое число нѣмцевъ, разбилъ при Тарентѣ грековъ и призванныхъ ими изъ Сициліи аравитянъ, но позволилъ послѣднимъ заманить себя въ засаду и потерялъ при этомъ всѣхъ спутниковъ. Самъ онъ избавился отъ плѣна какимъ-то чудомъ, спасшись на греческій корабль, который находился случайно вблизи поля битвы и долженъ былъ отвезти ежегодную подать съ Калабріи, отданную на откупъ одному жиду, также находившемуся на кораблѣ. Оттонъ умѣлъ внушить ему и его матросамъ глубокое уваженіе къ себѣ, напомнивъ имъ о своемъ близкомъ родствѣ съ греческими императорами, и приказалъ имъ отвезти себя въ Константинополь. Затѣмъ онъ воспользовался корыстолюбіемъ еврея, чтобы попасть не къ грекамъ, а къ своей женѣ, находившейся тогда въ Россано. Приблизившись къ этому городу, подъ предлогомъ взять съ собою деньги и драгоцѣнности, Оттонъ вдругъ бросился въ море и, какъ хорошій пловецъ, счастливо достигъ берега (982 г.).

Оттонъ считалъ, кажется, это пораженіе постыднымъ для себя и потому тотчасъ сталъ дѣлать новыя и болѣе обширныя приготовленія къ войнѣ, но при этомъ, не ограничиваясь однимъ мщеніемъ, очевидно, расширилъ и всѣ свои планы. Въ 983 году онъ созвалъ въ Веронѣ имперскій сеймъ, заставилъ его объявить новый походъ противъ сарациновъ и грековъ и ожидалъ только войскъ, спѣшившихъ въ нему на помощь изъ Германіи. Впрочемъ, сеймъ въ Веронѣ имѣетъ еще особенную важность для внутренней исторіи германской имперіи, потому что на немъ, вѣроятно, въ первый разъ было постановлено отдѣлить отъ Баваріи маркграфство Австрію, до тѣхъ поръ бывшее всегда соединеннымъ съ

нею. Оттонъ отдалъ ее графу Леопольду I, изъ извѣстной фамиліи Бабенберговъ (стр. 486), потомки которой оставались въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій владѣтелями этой страны.

Такъ какъ швабы и баварцы сильно пострадали въ предшествовавшемъ году, то главныя силы Оттона состояли изъ саксонцевъ. Герцогъ ихъ, Бернгардъ, дѣйствительно выступилъ со своими людьми въ Италію, но долженъ былъ вернуться для защиты самой Саксоніи, потому что сѣверные венды и датчане возстали, съ страшной жестокостью истребляя введенное между ними христіанство, сожгли Гамбургъ и произвели ужасныя опустошенія по всей нижней Эльбѣ. Въ тоже время возмутились и венды, жившіе въ Бранденбургской мархіи, выгнали изъ страны всѣхъ христіанъ и разрушили городъ Гафельбергъ и епископство бранденбургское, основанное за 30 лѣтъ до Магдебурга. Опасность была бы еще значительнѣе, еслибы бранденбургскіе венды соединились со своими соплеменниками на сѣверѣ. Впрочемъ, война съ этими народами продолжалась до самой смерти Оттона, и хотя она заняла собою всѣ силы саксонцевъ, однако Оттонъ взялъ многихъ изъ нихъ въ Италію. Швабы, герцогъ которыхъ за годъ передъ тѣмъ сдѣлался жертвою итальянскаго климата, также должны были явиться въ Италію, такъ что вокругъ императора собралось весьма значительное число войскъ. Невозможно было предполагать, что всѣ эти громадныя вооруженія предназначались только противъ слабыхъ государствъ Нижней Италіи и немногочисленнаго греческаго войска. Ясно, что онъ хотѣлъ отмстить за свое пораженіе совершеннымъ изгнаніемъ мухаммеданъ изъ Сициліи. Это подтверждается и ссорою Оттона съ венеціанцами, возникшею, по всей вѣроятности, вслѣдствіе того, что венеціанцы, какъ торговый народъ, обезпеченный своимъ географическимъ положеніемъ, отказали императору въ корабляхъ на томъ основаніи, что должны были угождать болѣе грекамъ, чѣмъ нѣмцамъ, которые не имѣли флота и могли получать товары востока только черезъ Венецію. Такъ какъ войну должно было вести въ странах , гдѣ непріятель былъ гораздо сильнѣе и числомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, то, конечно, она не имѣла бы благопріятнаго исхода; но, къ счастью для Германіи, Оттонъ умеръ въ Римѣ до начала ея (983 г.), едва достигнувъ 29 лѣтъ отъ роду.

Сужденія о немъ современниковъ, за немногими исключеніями, неблагопріятны для него. Въ особенности упрекали его въ излишней торопливости и недостаткѣ обдуманности. Самымъ важнымъ изъ заслуженныхъ имъ упрековъ могло быть то, что онъ покровительствовалъ введенію чужеземныхъ обычаевъ. Въ Германіи все ненавистное приписывали его женѣ, которую никто не терпѣлъ; нѣмцы въ особенности оскорблялись тѣмъ, что послѣ пораженія Оттона аравитянами она открыто радовалась неудачѣ императора. Поэтому Оттонъ поступилъ очень непредусмотрительно, передавъ ей регентство надъ трехлѣтнимъ сыномъ своимъ, Оттономъ III. Онъ самъ предвидѣлъ возникшія впослѣдствіи безпокойства и заставилъ избрать и короновать королемъ малолѣтняго сына, котораго онъ передъ смертью отослалъ въ Германію, назначивъ въ помощь Теофаніи архіепископа Варина Кельнскаго, но этимъ онъ не отстранилъ бѣдствія, которое хотѣлъ предупредить. Съ самаго же начала противъ малолѣтняго короля и иностранки, подъ вліяніемъ которой онъ находился, возстала многочисленная и могущественная партія. Генрихъ Задорный, герцогъ баварскій, освобожденный, вѣроятно, Оттономъ II изъ заточенія, овладѣлъ молодымъ королемъ и потребовалъ себѣ сначала регентства, а потомъ и самаго престола. Но это послѣднее домогательство показалось многимъ вельможамъ слишкомъ наглымъ, и они вызвали въ Германію бабку молодаго короля, Адельгейду, которая до тѣхъ поръ управляла дѣлами Италіи. Послѣ этого было созываемо нѣсколько сеймовъ для опредѣленія порядка управленія государствомъ, и на одномъ изъ нихъ приверженцы Генриха открыто провозгласили его королемъ, но черезъ годъ должны были добровольно, или уступая силѣ, дать присягу Оттону III, и Генрихъ принужденъ былъ вернуться въ свое герцогство.

На мѣсто Варина, участіе въ надзорѣ за воспитаніемъ ребенка и управленіи государствомъ принялъ тогда архіепископъ майнцскій Виллигисъ, а по смерти матери его, Теофаніи, членами опеки надъ малолѣтнимъ королемъ сдѣлались бабка его, Адельгейда, и тетка его, Матильда, аббатисса Кведлинбургская.

Такое значительное вліяніе женщинъ въ эту эпоху объясняется извѣстными намъ нравами и обычаями нѣмецкаго племени. Для государства это было едва ли выгодно, потому что личныя ссоры между женщинами возбуждали распри въ самомъ государствѣ; но для воспитанія и образованія молодаго короля, вліяніе ихъ, конечно, было весьма полезно. Образованіе Оттона было поручено тремъ величайшимъ ученымъ того времени: епископу Бернварду Гильдесгеймскому, придворному капеллану, а потомъ епископу падерборнскому, Мейнверку, и, въ послѣднее время, знаменитому Герберту. Впрочемъ, эти три человѣка замѣчательны не только по своему вліянію на образованіе Оттона, но и въ другихъ отношеніяхъ. Двое первыхъ принадлежали къ искуснѣйшимъ механикамъ своего времени и много содѣйствовали развитію искусства. О Бернвардѣ разсказываютъ, что онъ усовершенствовалъ живопись, ювелирное мастерство, ваяніе и архитектуру изученіемъ иностранныхъ художественныхъ произведеній и собственными своими изобрѣтеніями, и обучалъ даровитыхъ молодыхъ людей искусствамъ и ремесламъ. Наконецъ Гербертъ былъ, безспорно, ученѣйшимъ человѣкомъ той эпохи и славился своимъ тонкимъ умомъ. Родившись и получивъ воспитаніе въ Оверни, онъ сдѣлался сначала монахомъ, но потомъ, изъ отвращенія къ монастырской жизни, или изъ жажды къ славѣ и знанію, убѣжалъ изъ монастыря, отправился въ Барселону и пріобрѣлъ тамъ основательныя свѣдѣнія въ математическихъ наукахъ, процвѣтавшихъ у испанскихъ мухаммеданъ. Потомъ, прибывъ въ Римъ, познакомился тамъ съ Оттономъ, который зналъ людей, а потому часто пользовался Гербертомъ, особенно въ дѣлахъ, требовавшихъ большаго искусства, и сдѣлалъ его аббатомъ въ Боббіо. Но Гербертъ, какъ человѣкъ, назначенный на это мѣсто германскимъ королемъ, сдѣлался ненавистенъ итальянцамъ и по смерти Оттона былъ изгнанъ ими. Сначала онъ отправился въ Римъ, а потомъ во Францію и сдѣлался секретаремъ и довѣреннымъ лицомъ Эммы, дочери Адельгейды отъ перваго брака, бывшей за мужемъ за французскимъ королемъ Лотаремъ изъ династіи Каролинговъ. Съ Адельгейдой, которая жила въ Италіи и управляла тамъ дѣлами, онъ находился въ тѣсной дружбѣ. Нѣкоторое время Гербертъ завѣдывалъ школой въ Реймсѣ, руководилъ воспитаніемъ Роберта I, бывшаго первымъ капетингскимъ королемъ, получилъ, какъ уже сказано выше (стр. 497), достоинство архіепископа реймсскаго и особенно прославился въ это время, потому что изъ-за него начался между папой и французской церковью споръ, въ которомъ онъ вполнѣ обнаружилъ свои блистательные таланты. Черезъ нѣсколько времени онъ добровольно отказался отъ архіепископства и отправился къ нѣмецкому двору, гдѣ принялъ большое участіе въ образованіи и воспитаніи Оттона III, но имѣлъ также и очень вредное вліяніе на его характеръ, потому что былъ такъ же безнравственъ по своимъ понятіямъ и направленію, какъ и знаменитъ своимъ умомъ и знаніями. Гербертъ держался всегда той стороны, куда дулъ вѣтеръ, умѣлъ льстить чрезвычайно тонко и превосходилъ всѣхъ другихъ хитростью и ловкостью.

Мужчины и женщины, руководившіе воспитаніемъ Оттона и отъ его имени управлявшіе государствомъ, дѣйствовали и въ томъ и другомъ случаѣ не вполнѣ сообразно съ господствовавшими тогда понятіями и обычаями. Хитрые духовные пинаравлялись ко всѣмъ, старались дѣйствовать убѣжденіемъ вмѣсто силы, но въ то же время поддерживали деспотизмъ изреченіями изъ вѣтхаго завѣта; это часто не нравилось грубымъ, но честнымъ нѣмцамъ. Обѣ иностранки, Адельгейда и Теофанія, охотно желали бы счистить жесткую скорлупу нѣмецкаго прямодушія, къ которой онѣ не могли привыкнуть, не жалѣя даже находившагося подъ нею здороваго ядра. Поэтому, благодаря ихъ вліянію, Оттонъ уже рано сталъ пристращаться къ чужеземнымъ нравамъ и воззрѣніямъ. Мальчика научили очень многому, и онъ безъ труда усвоилъ себѣ три совершенно различные языка: итальянскій, греческій и нѣмецкій, такъ что нѣмцы стали называть его чудомъ свѣта. Но, при всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что какъ его учители, такъ и женщины, управлявшія его воспитаніемъ, не считали для него достаточнымъ одного умственнаго образованія и часто еще въ дѣтскомъ возрастѣ отпускали Оттона въ походы, предпринимавшіеся тогда противъ венгровъ. Войны эти, благодаря саксонскому оружію и союзу съ однимъ изъ сильнѣйшихъ славянскихъ князей, имѣли счастливый исходъ, но въ тоже самое время на югѣ Германіи народъ

присвоилъ себѣ право самовольно избирать своихъ герцоговъ, а сыновья графовъ, управлявшихъ императорскими имѣніями, по смерти своихъ отцовъ, овладѣвали этими имѣніями, не спрашивая согласія правительства, заключали между собой союзы, что до тѣхъ поръ было не слыхано въ Германіи, и вели одинъ съ другимъ кровопролитныя войны, какъ будто бы въ имперіи уже не было надъ ними никакой высшей власти. Такъ было и въ Баваріи, гдѣ по смерти Генриха Задорнаго, сынъ его, впослѣдствіи императоръ Генрихъ II, былъ избранъ народомъ въ короли и, подобно отцу, рѣшалъ свои споры съ сосѣдями силою оружія. Въ тоже время аристократическая гордость все болѣе и болѣе укоренялась въ имперіи, уничтожая мало-по-малу старинное начало равенства на сеймахъ. Епископъ мецскій, вслѣдствіе своего родства съ королевскимъ домомъ, считалъ себя выше другихъ духовныхъ лицъ и вскорѣ потомъ, при наслѣдникѣ Оттона, потребовалъ себѣ на сеймѣ мѣста выше архіепископовъ. Правда, понятіе о преимуществахъ знатнаго происхожденія съ самаго начала было свойственно германцамъ, но злоупотребленіе имъ, въ которомъ особенно упрекали нѣмцевъ и французовъ, проявляется во всей полнотѣ только при Оттонѣ II. При немъ благородные громко роптали на то, что церковныя должности и званія, которыя они считали уже собственностью и наслѣдственнымъ достояніемъ знатныхъ фамилій, раздавались наравнѣ съ ними и другимъ. Почти всѣ свѣтскія должности сдѣлались наслѣдственными, но за то духовныя мѣста Оттонъ Великій раздавалъ всегда самъ, не спрашиваясь никого, хотя и необыкновенно щедро надѣлилъ помѣстьями и привилегіями новые основанные на сѣверѣ монастыри и епископства, а это еще болѣе прельщало знатныя фамиліи. Оттонъ II не смущался этими притязаніями и, между прочимъ, отдалъ первое архіепископство въ имперіи Виллигису, человѣку простаго происхожденія.

Въ то время, когда на сѣверо-восточной границѣ Германіи и внутри государства, въ Швабіи и Баваріи, велись кровопролитныя войны, въ Италіи безпорядокъ дошелъ до того, что безъ чужеземной помощи нельзя было и думать о возстановленіи спокойствія. По возвращеніи нѣмцевъ, греки снова распространили или скорѣе вновь основали свое могущество, а въ Римѣ надъ главою христіанства совершались самыя постыдныя злодѣйства. Владѣльцы въ окрестностяхъ Рима, надѣясь на защиту своихъ замковъ, притѣсняли народъ и воевали другъ съ другомъ. Могущественнѣйшимъ изъ нихъ былъ Кресценцій, владѣвшій замкомъ св. Ангела, самымъ укрѣпленнымъ пунктомъ въ Римѣ, и державшій при себѣ наибольшее число наемниковъ. Папа, не имѣвшій или не могшій имѣть на жалованьѣ вооруженныхъ людей, находился совершенно въ его власти. Кресценцій неограниченно господствовалъ надъ городомъ съ титуломъ консула, долгое время держалъ въ заключеніи папу Іоанна XIV и замучилъ его до смерти, когда въ 984 году возвратился въ Римъ Бонифацій VII, изгнанный за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Бонифацій вмѣстѣ съ Кресценціемъ въ продолженіе семи или одиннадцати мѣсяцевъ угнеталъ народъ, который впослѣдствіи совершилъ надъ его трупомъ позднее мщеніе: раздраженная чернь разорвала на части тѣло ненавистнаго папы и протащила его по улицамъ города. Преемникъ Бонифація, Іоаннъ XV, находился также въ совершенной зависимости отъ римскаго тирана и наконецъ былъ вынужденъ бѣжать изъ города (987 г.). Но въ самомъ жару спора, неожиданное прибытіе въ Италію Теофаніи заставило ихъ помириться между собою. Мать молодаго короля явилась тогда въ Италіи вовсе не для поддержанія тамъ его значенія, а, вѣроятно, только съ намѣреніемъ отнять часть вліянія у своей свекрови, Адельгейды, которая управляла дѣлами въ Италіи и слишкомъ явно противилась ей. Поэтому, пріѣхавъ въ Римъ, она не потребовала отчета ни отъ папы, ни отъ Кресценція, но при посредствѣ перваго доставила прибывшимъ съ нею грекамъ самыя важныя мѣста, что подало новый поводъ къ несогласіямъ съ Адельгейдой. Когда она умерла черезъ годъ по возвращеніи (991 г.), Адельгейда поспѣшила въ Германію, но не смотря на то, что ея вѣрный союзникъ, Гербертъ, пустилъ тогда въ ходъ все свое искусство, не могла удержаться при дворѣ, и вскорѣ снова должна была удалиться, потому что ея внуку внушили мысль, что она желаетъ держать его въ вѣчной зависимости отъ себя.

Гербертъ сначала также удалился отъ двора, но снова возвратился туда по изгнаніи Адельгейды (992 г.). Само собою разумѣется, коварный и хитрый Гер-

бертъ былъ милостиво принятъ молодымъ королемъ, который былъ всегда окруженъ женщинами, учеными, придворными, епископами, греками и итальянцами и слишкомъ привыкъ къ лести. Зная характеръ Герберта, мы поймемъ, что этотъ человѣкъ долженъ скоро пріобрѣсти значительное вліяніе на короля. Нѣкоторыя средства, употребленныя для этого Гербертомъ, были весьма безчестны для духовнаго, обладающаго такимъ обширнымъ образованіемъ и бывшаго уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Такъ, напримѣръ, въ посвященіи одной книги мальчику, дѣдъ котораго уже пользовался его совѣтами, онъ не постыдился сказать слѣдующее: «твой божественный духъ выразилъ божественными словами ощущенія и мысли, которыя онъ развилъ въ себѣ въ тишинѣ, и высказалъ идеи, которыя Аристотель и другіе великіе люди изложили въ труднѣйшихъ изрѣченіяхъ, такъ что должно удивляться, какъ кто-либо изъ смертныхъ, среди приготовленій къ славянскимъ войнамъ, могъ найти въ себѣ сосредоточенность, необходимую для такихъ философскихъ размышленій.» Самый умный совѣтъ, который могъ дать молодому, честолюбивому королю Гербертъ, состоялъ бы, конечно, въ томъ, чтобы онъ воспользовался могуществомъ, основаннымъ счастливыми войнами на сѣверѣ, для того, чтобы совершенно уничтожить безпокойства на востокѣ и поставить твердый оплотъ противъ сѣверныхъ разбойниковъ. Это послѣднее было бы въ особенности нужно, такъ какъ датчане, вѣроятно, соблазняемые тогдашними успѣхами въ Англіи, возобновили нападенія на Германію и опустошили страны по Эльбѣ, Везеру, Аллеру и Лейнѣ, такъ что всѣ главные города нижней Саксоніи нужно было обнести стѣнами и устроить новыя укрѣпленія; изъ этихъ укрѣпленій образовались города, которые впослѣдствіи сдѣлались самостоятельными раньше всѣхъ другихъ. Но обо всемъ этомъ Гербертъ нисколько не заботился: онъ льстилъ только тщеславію мальчика, котораго выхваляли слишкомъ много съ самаго дѣтства, и совершенно привлекъ мысли его къ Италіи, возбуждая въ немъ удивленіе къ Риму и древнему римскому величію, которое и безъ того слишкомъ рано было внушено ему. Удивительно ли, что первымъ дѣломъ Оттона было поднять всю Германію и вести ее въ Италію. Наконецъ, вѣроятно, тотъ же самый Гербертъ возбудилъ въ пятнадцатилѣтнемъ королѣ мысль, что самой достойной невѣстой для него была бы какая—нибудь греческая принцеса; по крайней мѣрѣ въ выборѣ людей, посланныхъ имъ для этого въ Константинополь, Оттонъ руководился его совѣтами.

Когда Оттонъ двинулся въ Италію (996 г.), власть императора была такъ велика, что никто въ имперіи не воспротивился его походу и что даже саксонцы, въ ущербъ которымъ онъ возстановилъ миръ съ венграми, въ большомъ числѣ сопровождали его за Альпы. На пути Оттонъ получилъ извѣстіе о смерти папы Іоанна XV. Привыкнувъ въ Германіи раздавать епископства по своему личному усмотрѣнію, онъ, не спрашиваясь римлянъ или какого-нибудь духовнаго лица, назначилъ преемникомъ Іоанна своего родственника, Бруно, который происходилъ отъ франкскаго герцога Конрада и дочери Оттона Великаго, но былъ, впрочемъ, весьма достойнымъ человѣкомъ. Римляне безъ сопротивленія приняли новаго папу, Григорія V, потому что за нимъ шелъ Оттонъ съ своимъ войскомъ. Бруно короновалъ юношу императоромъ и, чтобы пріобрѣсти расположеніе римлянъ, убѣдилъ Оттона не только не наказывать опаснаго Кресценція, но и оставить за нимъ обладаніе замкомъ св. Ангела. Бруно жестоко обманулся, потому что, тотчасъ по возвращеніи императора въ Германію, хитрый римлянинъ вышелъ изъ своего замка, изгналъ изъ города нѣмецкаго папу, поставилъ на его мѣсто другаго и вообще сталъ совершать еще болѣе несправедливостей и насилій, чѣмъ прежде. Впрочемъ, въ этомъ походѣ Оттонъ не проникалъ далѣе Рима, вѣроятно потому, что не хотѣлъ, подобно своему дѣду, мѣшать успѣху переговоровъ его посольства при византійскомъ дворѣ поступками, которые возбудили бы подозрѣніе въ грекахъ.

Около того же времени молодой императоръ имѣлъ несчастіе въ одинъ и тотъ же годъ потерять двухъ самыхъ вѣрныхъ друзей своихъ: епископа вюрцбургскаго, Бернварда, и Адальберта, архіепископа пражскаго. Бернвардъ назначенъ былъ Оттономъ главой перваго посольства его въ Константинополь и умеръ отъ заразительной болѣзни; второй былъ убитъ язычниками пруссами. Смерть Адальберта была несчатьемъ не только для самого Оттона, въ воспитаніи

котораго онъ принималъ участіе, но имѣла также весьма вредное вліяніе на спокойствіе восточной границы государства. Адальбертъ происходилъ отъ одной очень знатной чешской фамиліи и былъ, слѣдовательно, вполнѣ знакомъ съ языкомъ и обычаями славянскихъ народовъ. Будучи же архіепископомъ Праги и миссіонеромъ между своими соплеменниками славянами и дѣйствительно отличаясь благочестіемъ, искреннимъ смиреніемъ и истинной ревностью къ христіанскому ученію, онъ оказывалъ чрезвычайно важныя услуги христіанству у покоренныхъ нѣмцами славянскихъ народовъ. Въ особенности много сдѣлалъ онъ для утвержденія христіанства въ Польшѣ, и оказалъ бы еще большія услуги человѣчеству, если бы не рисковалъ слишкомъ неосторожно своею жизнью среди варваровъ. Онъ искалъ мученической смерти и нашелъ ее у пруссовъ, еще совершенно дикаго народа литовскаго племени, котораго онъ хотѣлъ обратить въ христіанство. Онъ упорно сопротивлялся требованіямъ пруссовъ, которые не хотѣли, чтобы онъ своимъ новымъ ученіемъ нарушалъ ихъ древнія національныя воззрѣнія, и за то былъ умерщвленъ ими въ 997 году. Польскій герцогъ Болеславъ I за огромную сумму купилъ у пруссовъ его тѣло и предалъ его землѣ въ городѣ Гнѣзнѣ. Адальбертъ былъ причтенъ римской церковью къ лику святыхъ.

Въ 997 году Оттонъ снова нашелъ себя вынужденнымъ явиться въ Италію, гдѣ вліянію его грозило совершенное уничтоженіе. Изгнанный папа Григорій V, который, достигнувъ Павіи, отлучилъ отъ церкви римлянъ и ихъ повелителя, настоятельно просилъ императора о помощи; но Кресценцій не только заставилъ избрать папою, подъ именемъ Іоанна XVI, епископа піаченцскаго, Филагата, родомъ грека, которому сильно покровительствовала Теофанія и котораго самъ Оттонъ назначилъ членомъ своего посольства въ Константинополь, — но обвинилъ Григорія и самого императора въ желаніи отдать всю Италію въ руки грековъ. Еще осенью 997 года Оттонъ оставилъ Германію и направился прямо на Римъ. Здѣсь онъ силой возстановилъ своего папу, но дѣйствовалъ при этомъ съ страшною жестокостью, которая тѣмъ менѣе удовлетворяла требованіямъ благоразумія и права, что самъ Григорій сдѣлался ненавистнымъ для римлянъ по своей юношеской вспыльчивости и строгости, непривычной для итальянцевъ. Дѣйствія Оттона нельзя извинить даже и въ томъ случаѣ, если взять въ соображеніе упомянутый выше измѣнническій планъ его главныхъ противниковъ, который, быть можетъ, приписывали имъ совершенно несправедливо. Не смотря на настоятельныя просьбы почтеннаго девятидесятилѣтняго аббата Нила, который нарочно прибылъ въ Римъ, чтобы удержать Оттона и Григорія отъ жестокостей противъ Іоанна, этому послѣднему были выколоты глаза, отрѣзанъ носъ и языкъ, послѣ чего его водили по улицамъ города и предали на поруганіе черни. Кресценцій, который заперся въ своемъ замкѣ и только послѣ упорнаго сопротивленія попался въ руки враговъ, подвергся такому же чисто революціонному суду. Оттонъ безъ всякаго слѣдствія велѣлъ отрубить ему голову, а потомъ повѣсить за ноги на висѣлицѣ. Всѣ дѣйствія императора и обнаруженное имъ тогда равнодушіе къ расположенію жителей въ высшей степени непонятны для насъ, потому что онъ съ самаго ранняго дѣтства привыкъ къ римской лести, великолѣпію и этикету и, вслѣдствіе вліяній своей матери и бабки, считая Германію варварской страной, отдавалъ явное предпочтеніе итальянцамъ, бургундцамъ, аквитанцамъ, а въ особенности римлянамъ. Поэтому его суровость и жестокость были бъ необъяснимы для насъ, если бы мы не знали, что въ самомъ Римѣ считалось за правило, что римляне могутъ быть управляемы только съ помощью строгости. Прямымъ слѣдствіемъ его поступковъ было то, что въ слѣдующемъ же году Григорій былъ вторично изгнанъ римлянами. Онъ умеръ вскорѣ послѣ того (999 г.), а императоръ, не смотря на двукратное изгнаніе Григорія, не могъ воздержаться отъ того, чтобъ не навязать римлянамъ новаго папы. Это былъ знаменитый Гербертъ, въ предшествовавшемъ году назначенный императоромъ въ архіепископы равенскіе и вступившій на папскій престолъ подъ именемъ Сильвестра II. Въ началѣ 1000 года Оттонъ возвратился въ Германію, и тотчасъ отправился на поклоненіе ко гробу св. Адальберта. Не смотря на наружное благочестіе императора, путешествіе это, въ дѣйствительности, было предпринято имъ изъ политическихъ видовъ. Вѣроятно, онъ желалъ крѣпче привязать къ себѣ герцога польскаго; во всякомъ случаѣ, онъ увеличилъ блескъ своего двора, установивъ съ тѣхъ поръ постоянныя сношенія съ

Польшей. Во время этого странствованія онъ основалъ также новое архіепископство, столицей котораго сдѣлался городъ Гнѣзно.

Почти въ одно и тоже время умерли: бабка Оттона, Адельгейда, не смотря на удаленіе отъ двора, сохранявшая вліяніе на государственныя дѣла; его тетка, Матильда, которой онъ передъ послѣднимъ походомъ въ Италію передалъ управленіе Германіей, и маркграфъ Гуго Тосканскій, уже давно жившій при германскомъ дворѣ и такъ державшій въ рукахъ молодаго императора, что при извѣстіи о его смерти Оттонъ съ радостью воскликнулъ: «Теперь моя узда разорвана, и я свободенъ!» До тѣхъ поръ Оттонъ все еще долженъ былъ сдерживать себя, но по смерти Гуго и обѣихъ родственницъ, въ поступкахъ и обхожденіи его стало болѣе и болѣе высказываться высокомѣріе молодаго и гордаго государя. Нѣмцевъ онъ оскорблялъ пристрастіемъ къ итальянцамъ и кружку своихъ приближенныхъ, состоящему почти изъ однихъ римлянъ, и вооружилъ противъ себя многихъ, велѣвъ открыть себѣ въ Ахенѣ гробницу Карла Великаго, на что тогда смотрѣли, какъ на нарушеніе покоя этого императора. Вслѣдъ за тѣмъ (лѣтомъ 1000 года) онъ опять отправился въ Италію, въ намѣреніи остаться тамъ навсегда и сдѣлать эту страну средоточіемъ всемірной имперіи, какъ во времена древнихъ римлянъ. Онъ избралъ своей резиденціей Римъ и этимъ совершенно отдалилъ отъ себя нѣмцевъ, не успѣвъ, въ тоже время, привлечь къ себѣ итальянцевъ. Почти всѣ нѣмцы его свиты оставили его, и, кажется, въ самой Германіи стали помышлять тогда объ избраніи другаго короля для того, чтобы имперія не сдѣлалась провинціей Рима. Вскорѣ онъ самъ почувствовалъ, какъ необдуманно оставилъ онъ для Италіи своихъ вѣрныхъ нѣмцевъ, о которыхъ въ отдаленіи отъ нихъ онъ составилъ себѣ лучше понятіе. Особенно ясно обнаружилось это при встрѣчѣ его съ достойнымъ учителемъ его, епископомъ Бернвардомъ Гильдесгеймскимъ, который по поводу спора съ другимъ епископомъ прибылъ въ Римъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Оттонъ принялъ его съ искренней радостью и радушіемъ, которыя дѣлали ему величайшую честь. Положеніе дѣлъ въ Римѣ скоро доставило честному епископу случай быть полезнымъ императору не только совѣтами, но и своею личною храбростью. Жители сосѣдняго города, Тиволи, отказывались повиноваться императору и были усмирены только послѣ упорнаго сопротивленіе; Оттонъ простилъ ихъ по просьбѣ Бернварда, который помогалъ ему привести ихъ къ покорности. Это оскорбило римлянъ, враждовавшихъ съ жителями Тиволи; они заперли ворота города для войска Оттона, окружили его дворецъ и угрожали даже его жизни, но Бернвардъ своей молитвой и личнымъ примѣромъ воодушевилъ свиту императора, которая сдѣлала рѣшительную вылазку, и вѣроломный народъ доженъ былъ положить оружіе. Послѣ того Оттонъ оставилъ городъ и призвалъ къ себѣ нѣмцевъ; но пока они мало-по-малу собирались къ нему, онъ заболѣлъ и умеръ въ одномъ замкѣ Романьи, на двадцать второмъ году жизни (1002 г.). Римляне старались мстить ему даже по смерти, и три раза нападали на нѣмцевъ, которые везли тѣло его въ Ахенъ, такъ что они до самой Вероны должны были бороться съ величайшими опасностями. Второе посольство, посланное Оттономъ въ Константинополь и имѣвшее, кажется, желанный успѣхъ, возвратилось въ Германію только по его смерти.

Оттонъ не оставилъ ни потомства, ни распоряженій о престолонаслѣдіи, и потому въ Германіи открылись виды на престолъ для другой династіи; но нѣмцы имѣли такое пристрастіе къ наслѣдственнымъ государямъ изъ старинныхъ владѣтельныхъ родовъ, что и тогда отстранены были отъ престола могущественнѣйшіе герцоги, стремившіеся къ коронѣ, а королемъ былъ избранъ человѣкъ слабаго характера, потому только, что былъ ближайшій родственникъ саксонскаго дома. Если, прежде чѣмъ перейти къ правленію наслѣдниковъ Оттона, мы взглянемъ на состояніе націи въ царствованіе королей саксонской династіи, то увидимъ въ немъ нѣкоторыя весьма значительныя перемѣны. Времена Оттоновъ принадлежатъ къ числу самыхъ блистательныхъ эпохъ германской исторіи, потому что только въ одной Германіи королевская власть имѣла нѣкоторое значеніе въ то время, когда она падала въ другихъ странахъ, и такъ какъ притомъ первые саксонскіе короли умѣли соединить вокругъ себя герцоговъ и графовъ, то эти могущественные вассалы служили защитою націи противъ короля, а король—защитою низшихъ сословій противъ нихъ. Другая замѣчательная черта періода саксонскихъ импе-

раторовъ состоитъ въ болѣе и болѣе замѣтныхъ успѣхахъ развитія и образованности германской націи, при чемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что главная, инициатива въ этомъ дѣлѣ исходила отъ самихъ Оттоновъ. Эта важная перемѣна, по своему происхожденію и внѣшнимъ явленіямъ, обнаруживается въ слѣдующихъ отдѣльныхъ фактахъ. Во-первыхъ, открытіе серебряныхъ рудниковъ въ Гарцѣ и увеличеніе отъ того массы денегъ, обращавшихся въ Германіи, имѣло значительное вліяніе на развитіе торговли и образованности. Чтобы яснѣе понять это, необходимо припомнить, что въ то время не были извѣстны и доступны для христіанскихъ народовъ никакія другія горы съ рудниками благородныхъ металловъ, потому что богатыя руды Испаніи находились въ рукахъ невѣрныхъ. Съ этимъ умноженіемъ денегъ стоитъ въ связи и расширеніе торговли, въ особенности денежныхъ оборотовъ, и распространеніе евреевъ и ломбардцевъ по всей Германіи. Въ глазахъ воинственныхъ нѣмцевъ торговля издавна считалась неблагороднымъ занятіемъ. Но въ то время два обстоятельства много содѣйствовали измѣненію ихъ національныхъ воззрѣній: война все болѣе и болѣе становилась ремесломъ отдѣльнаго сословія, а частыя сношенія съ Италіей доставили большее значеніе торговлѣ. Итальянцы ревностно занимались ею, а ломбардцы довели банкирскіе обороты до высокой степени развитія, и, распространившись тогда по Германіи, старались тамъ, какъ и вездѣ, привлечь въ свои руки всѣ капиталы. Вмѣстѣ съ ними, но еще въ большемъ числѣ, явились въ Германію евреи, которые были приняты императорами подъ защиту, какъ ихъ собственность, потому что имъ, какъ не христіанамъ, не давали никакихъ привилегій и не позволяли вступать ни въ одно изъ свободныхъ сословій имперіи. Они занимались торговлей и селились обыкновенно тамъ, гдѣ господствовало болѣе роскоши, т. е. по близости ко двору. При всемъ томъ, уже при первыхъ двухъ Оттонахъ бывали примѣры, что евреевъ дарили нѣкоторымъ вельможамъ.

Три другіе замѣчательные факта заключались въ учрежденіи болѣе обширныхъ училищъ, началѣ развитія въ Германіи механическихъ искусствъ и основаніи и процвѣтаніи многихъ городовъ на сѣверѣ имперіи. Особенныя заслуги по развитію училищъ, процвѣтавшихъ еще при Оттонѣ I въ нѣкоторыхъ епископскихъ городахъ западной Германіи, оказалъ братъ императора, Бруно Кёльнскій, который дѣйствовалъ собственнымъ примѣромъ и вліяніемъ на образованіе многихъ изъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ. Школа, основанная имъ въ Кёльнѣ, была лучшею въ свое время и даже сохранила значеніе въ слѣдующія столѣтія. Бруно содѣйствовалъ также и развитію механическихъ искусствъ; но наиболѣе вліянія на это имѣли, какъ уже было сказано прежде, Мейнверкъ Падерборнскій и Бернвардъ Гильдесгеймскій. Впрочемъ, развитіе этихъ искусствъ находится въ тѣсной связи съ размноженіемъ школъ и распространеніемъ образованности между духовенствомъ, потому что учителями разныхъ искусствъ были монахи. Наконецъ, основаніе и процвѣтаніе городовъ на сѣверѣ имперіи обусловливалось отчасти необходимостью имѣть укрѣпленныя мѣста для защиты отъ датскихъ грабителей, и тѣмъ огромнымъ вліяніемъ, которое должно было имѣть на образованность сѣверной Германіи открытіе гарцскихъ рудниковъ, оживленіе торговли и господство саксонской династіи. Изъ этихъ городовъ особенную важность имѣли Магдебургъ, Бардевикъ въ Люнебургской области, Галле и Бременъ, особенно два первые, потому что Магдебургъ былъ при Оттонахъ главной резиденціей королевскаго двора, а Бардевикъ служилъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ для чрезвычайно оживленной тогда торговли съ славянами.

Наконецъ при Оттонахъ обнаруживается еще одно явленіе, находящееся въ тѣсной связи съ ходомъ событій въ послѣдующую эпоху до Генриха IV. Мы говоримъ о благодѣтельномъ вначалѣ, но крайне вредномъ впослѣдствіи вліяніи духовенства на управленіе государствомъ. Уже при первыхъ Оттонахъ высшія духовныя должности стали считаться принадлежностью извѣстныхъ фамилій, и хотя Оттонъ II не обращалъ никакого вниманія на эти притязанія, какъ это видно изъ назначенія архіепископомъ майнцскимъ Виллигиса, сына извощика, а Оттонъ III не спрашивалъ совѣта духовенства даже при назначеніи папы, но эти воззрѣнія распространялись болѣе и болѣе и впослѣдствіи обратились даже въ законъ. Кромѣ того, какъ это видно изъ примѣра Бруно, уже при Оттонѣ I съ духовной властью стала соединяться иногда и довольно значительная свѣтская власть. Вліяніе выс-

шаго духовенства на государственное управленіе обнаруживается всего разительнѣе при Оттонѣ III, когда архіепископъ Виллигисъ нѣсколько лѣтъ завѣдывалъ управленіемъ и при томъ дѣйствовалъ болѣе духовнымъ, чѣмъ свѣтскимъ оружіемъ. Это должно было сильно способствовать возвышенію и усиленію духовенства въ особенности потому, что между дамами, принимавшими участіе въ государственныхъ дѣлахъ, были двѣ женщины духовнаго званія, изъ которыхъ одна, тетка Оттона, Матильда, была аббатиссой кведлинбургской, а другая, дальняя родственница этого императора, Г е р б е р г а, аббатиссой гандерсгеймскою.

12. Германская имперія при Генрихѣ II.

Наслѣдникомъ Оттона III былъ герцогъ Г е н р и х ъ II Баварскій, признанный чрезъ 120 лѣтъ по своей смерти святымъ и потому обыкновенно называемый С в я т ы м ъ и въ исторіи. Онъ былъ обязанъ престоломъ только своему близкому родству съ умершимъ королемъ, какъ сынъ Генриха Задорнаго, отецъ котораго, также Генрихъ, приходился братомъ Оттону Великому. Между тѣмъ Генрихъ II не безъ труда достигъ обладанія германскою короной, которую оспаривали у него два могущественныхъ князя. По смерти Оттона III казалось даже, что каждое изъ нѣмецкихъ племенъ предъявляло притязанія на королевское достоинство, потому что общаго собранія для избранія короля не было, и Генрихъ долженъ былъ вести переговоры отдѣльно съ каждымъ герцогомъ о признаніи своего титула. Впрочемъ, только двое изъ нихъ вступили съ нимъ въ соперничество: храбрый Э к а р д ъ, герцогъ тюрингскій и маркграфъ мейссенскій, и Г е р м а н ъ II, герцогъ алеманскій или швабскій, владѣнія которыхъ были тогда весьма обширны. По понятіямъ того времени, Генрихъ имѣлъ надъ своими соперниками два важныхъ преимущества: онъ былъ ближайшимъ родственникомъ угасшаго рода Оттоновъ и не только завладѣлъ знаками королевскаго достоинства, къ которымъ питали глубокое уваженіе, но и въ самомъ началѣ убѣдилъ архіепископа кёльнскаго передать ему священное копье, которое, благодаря одному древнему нѣмецкому обычаю, получило особенное значеніе. Копье это, которымъ будто бы пронзенъ былъ на крестѣ Спаситель, еще со времени Меровинговъ служило знакомъ верховной власти. Къ счастью для Генриха, черезъ четыре мѣсяца по смерти Оттона, Экардъ былъ убитъ двумя своими личными врагами. Съ Германомъ Швабскимъ Генрихъ нѣсколько времени воевалъ безъ всякаго успѣха; но когда Бернгардъ Саксонскій присягнулъ королю, а нѣкоторые другіе князья послали ему свои войска, Германъ былъ принужденъ покориться. Не смотря на то, Генрихъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, что и этотъ сильный соперникъ умеръ на слѣдующій годъ.

Едва Генрихъ достигъ спокойнаго обладанія короной, какъ тѣже самые князья которые поддержали его въ борьбѣ съ Германомъ, возстали противъ него за неисполненіе ихъ требованій. Обѣщавъ могущественному маркграфу Г е н р и х у-Швейнфуртскому герцогство Баварію, которое простиралось тогда почти до Спес, сарта, онъ вслѣдъ за тѣмъ отдалъ его своему зятю, графу Генриху Люксембургскому, подъ тѣмъ предлогомъ, что не могъ распоряжаться Баваріей по собственной волѣ, такъ какъ это герцогство имѣло право само избирать себѣ герцоговъ. Раздраженный маркграфъ рѣшился прибѣгнуть къ оружію, и тотчасъ же нашелъ между вельможами имперіи двухъ союзниковъ въ недовольныхъ маркграфахъ, Э р н с т ѣ Австрійскомъ и родномъ братѣ короля, Б р у н о, который изъ корыстолюбія требовалъ, кажется, слишкомъ многаго отъ Генриха. Кромѣ того онъ соединился съ могущественнымъ герцогомъ Б о л е с л а в о м ъ I Польскимъ и Чешскимъ. Въ Богеміи Б о л е с л а в ъ III, по смерти отца (999 г.), сталъ притѣснять и наконецъ изгналъ свою мать и двухъ братьевъ, Я р о м и р а и У л ь р и х а, и своими жестокостями такъ раздражилъ чеховъ, что они, выгнавъ его въ 1002 году изъ своей земли, выбрали своимъ герцогомъ польскаго принца, сына сестры Болеслава II, Добравки. Когда по прошествіи полугода онъ умеръ, Яромиръ и Ульрихъ поспѣшили въ Богемію, но были снова выгнаны братомъ съ помощью польскаго герцога Болеслава I. Этотъ мужественный, хитрый и предпріимчивый государь, получившій прозвище Х р а б р а г о, тотчасъ же послѣ того ослѣпилъ

князя, который былъ подъ его покровительствомъ, и самъ овладѣлъ Богеміею. Совершенно основательно считая германскаго короля своимъ врагомъ, онъ произвелъ опустошительный набѣгъ на Мейссенъ, проникъ до Мерзебурга и вступилъ въ сношенія съ противниками Генриха въ самомъ сердцѣ имперіи. Король находился въ очень затруднительномъ положеніи, потому что въ одно и тоже время Болеславъ напалъ на Тюрингію и Саксонію, маркграфъ Генрихъ на Франконію, а Эрнстъ и Бруно на Баварію. Оттѣснивъ перваго въ Богемію, онъ обратилъ тогда свое оружіе противъ возставшихъ имперскихъ князей; но ему удалось усмирить ихъ только въ 1004 году. Они получили прощеніе, а Бруно чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ даже назначенъ епископомъ аугсбургскимъ. Наконецъ Генрихъ еще разъ двинулся на чеховъ, но, предпринявъ этотъ походъ въ неблагопріятное время года и найдя на границѣ непріятеля совершенно приготовившимся къ нападенію, скоро долженъ былъ отказаться отъ осуществленія своего предпріятія и ограничился только устройствомъ пограничныхъ укрѣпленій противъ чеховъ и другихъ славянскихъ народовъ.

Возвратясь изъ этого похода, онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Италію, куда настоятельно звали его на помощь его друзья и приверженцы въ этой странѣ. По смерти Оттона III вся Италія возстала противъ нѣмецкаго господства, и еслибы между итальянскими владѣтелями не начались, какъ всегда, несогласія, то королю Генриху было бы очень трудно, если не совершенно невозможно, поддержать тамъ свое значеніе. Епископы Ломбардіи устроили новое избраніе короля, чтобы предоставить корону туземному владѣтелю, и уже черезъ мѣсяцъ по смерти Оттона былъ провозглашенъ королемъ маркграфъ Ардуинъ Иврейскій, грубый молодой человѣкъ, который былъ при Оттонѣ пфальцграфомъ, но потомъ подвергся изгнанію за убійство одного епископа. Набравъ себѣ совѣтниковъ изъ такихъ же молодыхъ людей, какъ онъ самъ, и варварски злоупотребляя властью, Ардуинъ оскорбилъ вельможъ, изъ которыхъ многіе и безъ того были съ самаго начала недовольны его избраніемъ. Объявивъ этотъ выборъ не дѣйствительнымъ, они призвали на помощь германскаго короля Генриха и позволили Оттону Каринтскому и Эрнсту Австрійскому занять альпійскіе проходы. Но Оттонъ и Эрнстъ были такъ неосторожны, что, не имѣя при себѣ значительнаго войска, дали сраженіе маркграфу иврейскому, и, потерпѣвъ отъ него пораженіе, снова должны были очистить горные проходы Альповъ (въ декабрѣ 1002 года). Генрихъ въ это самое время былъ вовлеченъ въ распрю съ Генрихомъ Швейнфуртскимъ и потому только около пасхи 1004 года былъ въ состояніи отправиться въ Италію. Онъ безъ всякаго сопротивленія вступилъ въ Ломбардію. Приверженцы Ардуина отступили въ западную часть Ломбардіи, выжидая, когда нѣмецкія войска Генриха станутъ, по обыкновенію, возвращаться домой при началѣ зимы. Поэтому Генрихъ угрожалъ тяжкимъ наказаніемъ каждому, который покинетъ его въ томъ походѣ; но мы не знаемъ, подѣйствовало ли на нѣмцевъ его запрещеніе. Съ другой стороны, разсказываютъ, что войска его предавались въ Ломбардіи грабежу и насиліямъ. Поэтому Генрихъ выказалъ большую благосклонность къ жителямъ Павіи, когда, желая остаться на нѣсколько времени въ этомъ городѣ, взялъ съ собой только то число людей, которое было необходимо для охраненія дворца; прочія войска расположились лагеремъ передъ стѣнами города. Жители Павіи очень дурно отплатило королю Генриху за его заботливость о нихъ, и, когда однажды вечеромъ въ городѣ произошло случайное смятеніе, напали на королевскій дворецъ, который, какъ и всѣ большіе дома того времени, былъ похожъ на крѣпость, но имѣлъ очень немногихъ защитниковъ. Генрихъ вздумалъ сначала пробиться чрезъ возмутившуюся толпу, но, къ счастью, осторожный архіепископъ кельнскій удержалъ его отъ этого и такимъ образомъ спасъ его отъ большей опасности. Въ продолженіе всей ночи дворецъ подвергался нападеніямъ жителей. Въ то время, когда его храбро защищалъ небольшой отрядъ, бывшій при королѣ, поднялись и войска, находившіяся въ лагерѣ, и напали на городъ. Ярость нѣмцевъ была такъ велика, что жители Павіи могли надѣяться на пощаду только въ томъ случаѣ, еслибы король находился въ ихъ рукахъ. Для этого они прибѣгли къ самому отчаянному средству и подожгли дворецъ, чтобы овладѣть королемъ. Въ то самое время нѣмцы, находившіеся внѣ городскихъ стѣнъ, наконецъ проложили себѣ путь въ городъ. Павія, старинная резиденція ломбардскихъ королей, сдѣлалась жертвой кровожадности и

хищничества нѣмцевъ; кровь лилась ручьями, королевскій дворецъ и большая часть города сдѣлались добычею пламени и королю не скоро удалось удержать своихъ освирѣпѣвшихъ нѣмцевъ. Какъ скоро въ городѣ возстановилось спокойствіе, Генрихъ оставилъ Павію и воротился въ Германію, преимущественно потому, что участь Павіи произвела очень дурное впечатлѣніе на всю Италію. Но онъ избралъ для этого другой предлогъ. Впрочемъ, жители Павіи должны были выстроить для короля новый дворецъ вмѣсто сгорѣвшаго.

Герцогъ Болеславъ Польскій и Чешскій занялъ между тѣмъ Лузацію и грозилъ нападеніемъ на земли по лѣвому берегу Эльбы. Генрихъ быстро спустился по Рейну до Майнца, двинулся оттуда на Мерзебургъ, желая побѣдить хитростью коварнаго и ловкаго польскаго князя, который даже при дворѣ германскаго короля имѣлъ на своемъ жалованьѣ нѣсколько очень вліятельныхъ лицъ. Генрихъ, предводительствуя саксонцами, сдѣлавъ такое движеніе, какъ будто бы хотѣлъ напасть на Польшу, и вдругъ вторгнулся съ баварцами въ Богемію. Правда, весь этотъ планъ былъ, какъ кажется, дурно исполненъ; но такъ какъ чехи были недовольны польскимъ господствомъ, то германскому королю было не трудно изгнать поляковъ изъ Богеміи и сдѣлать владѣтелемъ ея Яромира. Этимъ война и кончилась, потому что, хотя Яромиръ съ своими чехами и поддерживалъ короля, но противъ Болеслава ничего не было сдѣлано, такъ что поляковъ даже нельзя было удержать отъ вторженій въ имперію. Они продолжали свои нападенія и тогда, когда вслѣдствіе пораженія въ Лузаціи должны были согласиться на миръ. Поляки доходили до Магдебурга и нижней Эльбы и уводили въ плѣнъ самыхъ храбрыхъ людей. Генрихъ соединился наконецъ съ русскими, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на Болеслава; но и это не имѣло успѣха. Въ русской землѣ, незадолго передъ тѣмъ, произошли важныя перемѣны. Сынъ Святослава, Владиміръ Великій, соединивъ послѣ побѣды надъ обоими братьями все государство подъ своею властью (980 г.), счастливыми войнами распространилъ его предѣлы, принялъ святое крещеніе и, женившись на греческой царевнѣ Аннѣ, сестрѣ римской императрицы Теофаніи, сталъ силой искоренять язычество въ своемъ государствѣ. Еще при жизни онъ назначилъ каждому изъ своихъ двѣнадцати сыновей по особому удѣлу, которые они удержали и по смерти его, въ 1015 году; тотъ изъ нихъ, который господствовалъ въ Кіевѣ, имѣлъ первое мѣсто и родъ верховной власти надъ ними. Одинъ изъ нихъ, Ярославъ I, князь новгородскій, возставшій противъ отца еще при его жизни, продолжалъ войну съ великимъ княземъ кіевскимъ Святополкомъ I. Святополкъ, какъ зять польскаго герцога Болеслава, получилъ отъ него поддержку и, будучи однажды изгнанъ изъ Кіева, возвратился съ его помощью въ свои владѣнія. Но, не смотря на поддержку Болеслава, Святополкъ долженъ былъ уступить, въ 1019 году, Кіевъ и первенство между князьями Ярославу и бѣжать изъ русской земли.

Въ это время въ Богеміи Яромиръ былъ низверженъ своимъ братомъ Ульрихомъ (1012 г.). Могущественный и хитрый герцогъ польскій вмѣшался и въ это дѣло, потому что и въ Богеміи поддерживалъ тайныя сношенія съ недовольной партіей, точно такъ же какъ держалъ шпіоновъ при дворѣ германскаго короля. Онъ вступилъ даже въ переговоры съ самими баварцами, когда король увидѣлъ себя вынужденнымъ низложить герцога этой земли, брата своей жены. Въ 1008 году герцогъ баварскій соединился въ тайнѣ съ двумя своими братьями, чтобы помочь третьему завладѣть, противъ воли короля, незанятымъ тогда архіепископствомъ трирскимъ. Вслѣдствіе этого началась многолѣтняя война, окончившаяся тѣмъ, что Генрихъ лишилъ своего шурина герцогскаго достоинства. Впослѣдствіи однако онъ снова воротилъ ему свою милость и владѣнія (1017 г.). Паденіе Яромира повлекло бы за собою большія опасности для нѣмцевъ, если бы новый владѣтель Богеміи не заботился болѣе о своихъ собственныхъ выгодахъ, чѣмъ о выгодахъ своихъ племянниковъ. Болеславъ Польскій составилъ планъ противопоставить несогласнымъ между собою нѣмцамъ обширный союзъ славянскихъ народовъ и послалъ своего сына, впослѣдствіи польскаго короля, Мечислава II, къ Ульриху, чтобы склонить его къ вступленію въ союзъ; но Ульрихъ, перешедшій уже на сторону нѣмецкаго короля, который даже выдалъ ему изгнаннаго Яромира, отклонилъ предложенный ему союзъ и захватилъ коварнымъ образомъ польскаго принца. Наконецъ, въ 1018 году, между Болеславомъ и королемъ Генрихомъ былъ

заключенъ миръ, не совсѣмъ выгодный для нѣмцевъ; не смотря на то, Болеславъ по окончаніи войны нѣсколько разъ затѣвалъ различныя несогласія на восточной границѣ германскаго королевства. Впрочемъ, исторія польскаго народа, въ первый разъ вступающаго при Болеславѣ на поприще всемірной исторіи, почти до самаго воцаренія этого государя покрыта мракомъ неизвѣстности. По народному преданію польскій народъ произошелъ точно такъ же какъ чехи (стр. 511); родоначальникомъ древнѣйшей польской династіи считается крестьянинъ П я с т ъ, отъ котораго въ позднѣйшую эпоху, когда государство сдѣлалось избирательнымъ, и всѣ прочіе туземные короли Польши получали названіе Пястовъ. Начало болѣе достовѣрной исторіи Польши относится къ временамъ Оттона Великаго, когда отецъ Болеслава I, Мечиславъ, царствовавшій до 992 года, долженъ былъ признать надъ собою нѣмецкое господство (973 г.) и началъ вводить у себя христіанство (стр. 524). Сынъ его, храбрый завоеватель Болеславъ I, первый доставилъ Польшѣ историческое значеніе.

Всѣ эти отношенія нѣмцевъ къ полякамъ и чехамъ служатъ яснымъ доказательствомъ, какъ дурно шли дѣла на восточной границѣ государства. Въ тоже время на югѣ все болѣе и болѣе ощущалась необходимость личнаго присутствія германскаго короля въ Италіи, если онъ хотѣлъ сохранить тамъ свое значеніе. На западной границѣ волновались лотарингцы, которые не пустили къ себѣ поставленнаго Генрихомъ епископа трирскаго, отбили королевскія войска и были приведены къ повиновенію только въ 1017 году. Еще прежде (1006 г.) графъ Бальдуинъ Фландрскій занялъ самовольно городъ Валансьенъ въ нижней Лотарингіи, и король, безуспѣшно воевавшій противъ него, долженъ былъ отдать грабителю его добычу въ ленное владѣніе. Зная всѣ эти отношенія, безпокойный и горячій характеръ вассаловъ государства и ихъ наклонность рѣшать всѣ споры оружіемъ, мы вдвойнѣ будемъ удивляться, что Генрихъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ постоянно преданъ одной странной мысли: основать новое епископство въ франконскомъ городѣ Б а м б е р г ѣ, принадлежавшемъ къ его родовымъ владѣніямъ. Въ 1007 году онъ съ большимъ трудомъ осуществилъ, наконецъ, этотъ планъ; но образъ его дѣйствій въ этомъ дѣлѣ, во многихъ отношеніяхъ, сильно повредилъ нѣмцамъ, хотя нельзя отрицать, что съ основаніемъ бамбергскаго епископства страна, до тѣхъ поръ покрытая лѣсами, превратилась въ край, который съ того времени сталъ знаменитъ своими плодами и овощами. Генрихъ, встрѣтивъ противорѣчіе со стороны епископа вюрцбургскаго, къ епархіи котораго принадлежалъ Бамбергъ, и который не хотѣлъ уменьшить своей епархіи, вынудилъ наконецъ его согласіе только обѣщаніемъ сдѣлать Вюрцбургъ архіепископствомъ. Но впослѣдствіи этого не удалось сдѣлать, и Генрихъ, чтобы побѣдить сопротивленіе епископа, долженъ былъ обратиться къ собору, но при этомъ сдѣлалъ важную ошибку, униженно прося собравшееся духовенство рѣшить дѣло противъ желанія епископа вюрцбургскаго. Этимъ онъ не только унизилъ самого себя, но сдѣлалъ епископовъ, и безъ того отличавшихся чисто мірской гордостью, еще болѣе надменными. За это его можно бы упрекнуть и въ другомъ отношеніи, если только онъ дѣйствительно — что, впрочемъ, невѣроятно — имѣлъ тщеславное намѣреніе придать новому епископству особенный блескъ тѣмъ, что раздачею богатыхъ леновъ побудилъ имперскихъ князей Богеміи, Баваріи, Саксоніи и Бранденбурга сдѣлаться вассалами епископства бамбергскаго и взять на себя первостепенныя должности мундшенка, стольника (трухзеса), маршала и каммергера при епископскомъ дворѣ. Наконецъ Генрихъ поступилъ очень неосторожно, пригласивъ въ Германію папу Б е н е д и к т а VIII для торжественнаго освященія епископской церкви въ Бамбергѣ и принявъ главу церкви (1020 г.) съ такими церемоніями, которыя унизили и его, и нѣмецкую націю. Подобный образъ дѣйствій долженъ былъ чрезвычайно возвысить значеніе римскаго епископа въ глазахъ массы, и безъ того ослѣпленной необыкновенностью и великолѣпіемъ зрѣлища, а такъ какъ къ этомъ случаѣ все зависѣло отъ общественнаго мнѣнія, то неосторожность Генриха должна была придать духовному оружію гораздо болѣе могущества, чѣмъ всѣ декреталіи Исидора (стр. 468). Это было тѣмъ болѣе странно, что тотъ же Генрихъ II, среди польской войны и внутреннихъ безпокойствъ въ Германіи, съ собственнаго согласія папъ установилъ свое право суда надъ ними. Въ концѣ 1012 года изгнанный римлянами другой папа, про-

тивникъ Бенедикта VIII, прибылъ въ Германію, чтобы получить утвержденіе отъ Генриха и побудить его къ походу въ Римъ. Генрихъ отказалъ ему, но въ тоже время столь же неблагосклонно отзывался о Бенедиктѣ. Послѣ того онъ отправился въ Италію (1013 г.), предварительно купивъ у Болеслава цѣною значительныхъ уступокъ короткое перемиріе и удовлетворивъ нѣкоторыя безпокойныя головы въ Германіи герцогскими и графскими ленами. Найдя альпійскія ущелья открытыми, онъ безъ малѣйшаго сопротивленія проникъ въ Ломбардію, гдѣ Ардуинъ не могъ никогда пріобрѣсти значительнаго вліянія. Въ Римѣ Бенедиктъ возложилъ императорскую корону на него и его супругу, Кунигунду (въ Февралѣ 1014 г.). Но и здѣсь своей непредусмотрительностью онъ снова причинилъ большой вредъ государству тѣмъ, что при короновании надавалъ папѣ множество обѣщаній, положившись безусловно на увѣренія духовенства, что это было всегдашнимъ обычаемъ. Но эти обѣщанія были изложены въ такой формѣ, что кромѣ обѣщаній, которыя, дѣйствительно, давалъ каждый императоръ, они заключали въ себѣ постороннія вещи, которыя впослѣдствіи были объяснены какъ форменныя уступки императора. При коронованіи Генриха, папа не только взялъ съ него слово быть покровителемъ и защитникомъ римской церкви, но и спрашивалъ его также, будетъ ли онъ во всемъ вѣренъ ему и его преемникамъ. Императоръ отвѣчалъ на это утвердительно, не подумавъ, что такой вопросъ предлагался обыкновенно вассаламъ. Относительно военныхъ дѣйствій, второй походъ Генриха въ Италію также не представлялъ ничего замѣчательнаго. Онъ оставилъ нѣкоего Іоанна, игравшаго въ Римѣ роль тиранна, спокойно владѣть своимъ замкомъ и возвратился въ Германію, не принявъ ни малѣйшихъ мѣръ противъ Ардуина, который даже осмѣлился выйти въ поле, не дожидаясь удаленія императора, и тотчасъ послѣ того изгналъ епископа Льва Верчелльскаго изъ его епископства. Но скоро счастливый случай избавилъ императора отъ этого противника. Во время одной болѣзни Ардуину наскучила его безпокойная жизнь и онъ поступилъ въ монастырь, гдѣ и умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1015 г.). Послѣ него никто уже не осмѣливался оспаривать у германскаго короля ломбардскую корону, а въ тоже время всѣ маленькія итальянскія государства и папа почувствовали необходимость покровительства и помощи противъ постоянно возраставшаго могущества африканскихъ мухаммеданъ, и потому снова примкнули къ германскому императору. Но уже при Генрихѣ началось утвержденіе въ Нижней Италіи норманнскаго могущества, которое совершенно измѣнило порядокъ вещей въ Италіи. Не получая помощи отъ германскихъ императоровъ, папы по необходимости обратились къ этимъ новымъ пришельцамъ, а начавъ вскорѣ послѣ того продолжительную и трудную борьбу съ свѣтскимъ главой западнаго христіанства о своей внѣшней власти въ церковныхъ дѣлахъ, нашли себѣ въ итальянскихъ норманнахъ близкую и надежную опору и такимъ образомъ поставили и германскаго императора и весь Западъ въ совершенно новыя политическія отношенія. Появленіе норманновъ въ Италіи дало поводъ самому Генриху, за три года до смерти, въ третій разъ отправиться за Альпы. Но прежде чѣмъ мы послѣдуемъ за нимъ въ этомъ походѣ, необходимо коснуться начала норманнскаго господства въ Нижней Италіи.

13. Образованность и литература періода отъ Карла Великаго до франконскихъ императоровъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Успѣхи аравитянъ, скандинавовъ и англосаксовъ на пути цивилизаціи и начало сліянія древне-римской и христіанской литературы съ сѣверною и англосаксскою были уже указаны въ предыдущихъ отдѣлахъ столь подробно, сколько это было нужно для цѣли нашего сочиненія, предназначаемаго для цѣлаго народа, а не для ученыхъ. Теперь намъ слѣдовало бы сказать тоже самое о древнихъ саксахъ, баварцахъ, франкахъ, алеманнахъ, бургундахъ и лонгобардахъ; но если бы мы захотѣли коснуться при этомъ нѣкоторыхъ подробностей, то это повело бы

насъ слишкомъ далеко. Такъ какъ эти народности не имѣли ни одного національнаго писателя, то мы должны были бы говорить о поэзіи ихъ первобытной древности и о характерѣ нѣмецкаго языка и его нарѣчій, чтобы доказать, что германскія племена никогда не были варварами или дикарями, но одичали или сдѣлались варварами и разбойниками только во время войнъ съ римлянами. Мы боимся однако пускаться въ эту область знаній, не вполнѣ намъ знакомую, потому что мы всегда слѣдили только за успѣхами современнаго развитія и литературы, которыя со введеніемъ христіанства неизмѣримою пропастью отдѣляются отъ первобытной культуры, такъ что даже нѣмецкій языкъ отчасти сдѣлался изъ германскаго романскимъ и почти во всѣхъ дѣлахъ и въ литературѣ долженъ былъ уступить мѣсто латинскому, и такимъ образомъ былъ задержанъ въ своемъ развитіи. Поэтому мы только въ слѣдующемъ періодѣ скажемъ о собственно народномъ образованіи и въ особенности поэзіи въ романскихъ земляхъ и на всѣхъ многочисленныхъ нарѣчіяхъ романскихъ языковъ, отъ Каталоніи до Апуліи и отъ Апуліи до самыхъ крайнихъ сѣверозападныхъ предѣловъ Франціи, и уже отъ нихъ перейдемъ къ германскому народному образованію и рыцарской поэзіи. Этотъ порядокъ кажется намъ самымъ естественнымъ, потому что соединеніе германской имперіи съ бургундскимъ и итальянскимъ королевствами придало совершенно новый характеръ германской рыцарской поэзіи даже въ германскихъ земляхъ, такъ что швабскіе поэты снова овладѣли предметами, уже прежде обработанными романскими поэтами, или усвоили себѣ уже извѣстные циклы ихъ сказаній о святой чашѣ (св. Гралѣ), Артурѣ, Троѣ, Александрѣ и Карлѣ Великомъ. Величественная романская поэзія идеальной любви и идеальной вѣры, связанная съ идеальнымъ рыцарствомъ, возникла только послѣ крестовыхъ походовъ, когда мистицизмъ, символика и мечтательность каталонскихъ, провансальскихъ и лимузенскихъ поэтовъ распространили до самой Италіи новый родъ любви и новое вдохновеніе. Это было началомъ новой эпохи въ Италіи, гдѣ Гвидо Гвиничелли, Гвидо Кавальканти, Петрарка и Данте основали на провансальской поэзіи новую литературу. Это говоритъ самъ Данте въ одномъ изъ своихъ сочиненій (De vulgari eloquentia) и особенно въ одномъ мѣстѣ своего «Чистилища,» гдѣ онъ вводитъ въ свою поэму Арнольда и Жиро де Бернейля. Особенное развитіе романской и германской рыцарской поэзіи начинается, какъ извѣстно, только послѣ похода христіанскихъ рыцарей противъ Толедо, около 1085 года, и послѣ перваго крестоваго похода въ Палестину, предпринятаго десять лѣтъ спустя. До этого существовали только народная поэзія и народныя легенды, о которыхъ мы не говоримъ, потому что занимаемся здѣсь только тѣми эпохами, въ которыя видоизмѣненія и успѣхи образованности оказываютъ благодѣтельное или вредное вліяніе на общество. Поэтому, чтобы вѣрнѣе понять особенности образованія эпохи послѣ Карла Великаго, мы полагаемъ, что народная образованность была вытѣснена съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ Великій, король Альфредъ, папа и все духовенство, въ то время неограниченно господствовавшее надъ умами, избрали латинскую литературу, какъ единственное средство распространить цивилизацію и утвердить христіанство у одичавшихъ германскихъ народовъ; вмѣсто древней національной культуры поощрялось только монашеское школьное образованіе. Древняя образованность, терявшаяся все болѣе и болѣе, вслѣдствіе того что высшіе классы общества состояли или изъ духовныхъ, или были образованы духовенствомъ, сохранилась по преданію въ сагахъ, языкѣ, поэзіи, а въ особенности въ правѣ и судебныхъ и административныхъ обычаяхъ; новая образованность передавалась людямъ привилегированнымъ въ школахъ и должна была почерпаться изъ книгъ. На этотъ разъ мы будемъ говорить только о ней одной, и лишь въ слѣдующемъ періодѣ возвратимся къ древней германской культурѣ. Что книжная мудрость, и впослѣдствіи римская реторика и педантство въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ и вообще все чужое преобладало въ VII столѣтіи надъ туземнымъ вездѣ, кромѣ южной Франціи и Италіи, точно такъ же неудивительно, какъ и то, что въ XVII и XVIII столѣтіи нѣмецкій элементъ вездѣ и во всемъ уступалъ французскому. Тогдашнему поколѣнію казалось, что гораздо легче усвоить себѣ чуждую цивилизацію и литературу, чѣмъ выработать свои національныя изъ элементовъ, существовавшихъ въ народѣ. Народная поэзія, юридическія, историческія легенды, формы суда и администраціи напоминали о древней свободѣ,

которая мало-по-малу стѣснена была сословіемъ рыцарей, духовенствомъ и могущественными феодалами. Поэтому образованность временъ христіанскихъ римскихъ императоровъ, которую рекомендовало тогдашнее духовенство, была съ радостью принимаема королями, князьями, графами и господствующимъ сословіемъ, такъ какъ книги, изъ которыхъ почерпалась эта образованность, проповѣдовали безусловную покорность и послушаніе къ духовенству и властямъ, какъ избранникамъ неба, и заключали въ себѣ юридическую систему, которою нельзя было пользоваться безъ чиновниковъ и ученыхъ. Вслѣдствіе того переворотъ въ литературѣ, начавшійся въ XIII и окончившійся въ XIV столѣтіи, имѣлъ въ то же время и политическое значеніе. Всѣ города и государства Италіи боролись за свою гражданскую свободу, потому что воротились наконецъ отъ императорско-римской литературы къ республиканской, и отъ чистой эгоистической и аристократической литературы римлянъ къ идеальной и демократической литературѣ грековъ.

§ I.

Если бы мы захотѣли говорить въ подробности о той образованности, которая изъ школъ и книгъ погибшей Римской имперіи распространилась между племенами, пришедшими съ сѣвера и востока, то должны были бы распредѣлить весь этотъ періодъ на три отдѣла. Первый изъ нихъ долженъ бы былъ заключать въ себѣ весь ходъ образованности въ Западной Европѣ, до знакомства съ арабской литературой, и всѣ событія, способствовавшія усвоенію литературы позднѣйшей эпохи римскихъ императоровъ обратившимися въ христіанство германцами. Второй отдѣлъ обнималъ бы собою писателей, которые обратили все школьное образованіе въ однѣ тонкости или, какъ ихъ называютъ, діалектику, опираясь при этомъ на непонятаго аравитянами Аристотеля, съ сочиненіями котораго они были знакомы только въ плохихъ переводахъ. Въ третьемъ отдѣлѣ, который, однако, не касается предмета этого сочиненія, мы должны бы были говорить о побѣдѣ діалектики или, такъ называемой, схоластической философіи, пріобрѣвшей господство въ богословіи и во всѣхъ другихъ отрасляхъ знанія. Мы послѣдуемъ и здѣсь этому порядку; но, чтобъ не утомить читателя, коснемся нѣкоторыхъ пунктовъ слегка.

Что касается самаго начала заимствованія римской образованности, то мы должны припомнить, что школьное обученіе находилось въ самой тѣсной связи съ церквами и монастырями, гдѣ только и можно было найти книги. Такъ было во всѣ средніе вѣка, потому что духовнне завѣдывали тогда не только церковными, но и всякими другими дѣлами, требовавшими грамотности или положительныхъ знаній. Этимъ и объясняется, почему впослѣдствіи въ Парижѣ, Болоньѣ и Прагѣ собирались цѣлыя тысячи студентовъ, изъ которыхъ можно было бы составить настоящія войска. Книги, употреблявшіяся въ то время для передачи знаній древности христіанско-германскимъ племенамъ, состояли, большею частью, изъ сочиненій, о которыхъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ (стр. 471), т. е. изъ полуплатоническихъ, полуаристотелевскихъ произведеній писателей позднѣйшей эпохи, какъ-то Боэтія и Марціана Капеллы и нѣкоторыхъ сочиненій св. Августина. Изрѣдка читались также Виргилій и Овидій, какъ это можно видѣть изъ сочиненій Григорія Турскаго. Бесѣды папы Григорія Великаго (стр. 406) принадлежатъ къ совершенно другому роду и имѣютъ болѣе практическій, чѣмъ научный характеръ. На ряду съ религіею и моралью, удобопонятными для людей добродушныхъ, но совершенно одичавшихъ, онѣ заключаютъ въ себѣ разныя сказки о чертяхъ и привидѣніяхъ и наводящіе страхъ разсказы о томъ, какъ невѣрующіе или непокорные духовенству страшно наказываются чудесными явленіями или дьяволомъ, исполняющимъ волю Божію. Между германцами, писавшими по-латини, мы назовемъ только немногихъ, дѣйствовавшихъ на пользу цивилизаціи, каждый въ своемъ отечествѣ, но просвѣщавшимъ и цѣлый Западъ, такъ какъ латинскій языкъ былъ языкомъ всего образованнаго класса.

Мы должны упомянуть прежде всего объ Исидорѣ Севильскомъ, писавшемъ лѣтъ за восемьдесять до вторженія аравитянъ въ Испанію между вестготами, у которыхъ еще сохранялась римская образованность. Онъ старался рас-

ространить, посредствомъ извлеченій, знакомство съ слишкомъ обширными произведеніями отцовъ церкви, и какъ ни бѣдны покажутся намъ эти извлеченія, но, при тогдашнемъ недостаткѣ въ книгахъ и любви къ занятіямъ, они могли дать нѣкоторое понятіе о содержаніи этихъ сочиненій. Въ послѣдніе годы существованія римскихъ школъ у вестготовъ онъ написалъ такую же энциклопедію тогдашнихъ знаній, какъ и Боэтій въ государствѣ остготовъ. Его двадцать книгъ смѣшаннаго содержанія, неизвѣстно почему названныя «Этимологіями», удержались во многихъ школахъ до самаго XVI столѣтія. Его готская хроника имѣетъ историческое значеніе, а новѣйшіе филологи не рѣдко пользуются и теперь восемью отдѣльными сочиненіями его объ языкѣ.

Въ предыдущемъ томѣ мы уже замѣтили, что, когда погибли вестготскія школы для изученія древней образованности, въ Англіи возникли новыя. Поэтому мы ограничимся здѣсь лишь немногими замѣтками о значеніи тогдашнихъ англійскихъ училищъ для цѣлаго Запада. Прежде всего мы должны замѣтить, что, кромѣ римскихъ ученыхъ, въ Англіи были учителями и греки, и что въ извѣстнѣйшемъ историкѣ первой норманнской эпохи, Уильямѣ Мальмсбёри, мы ясно видимъ вліяніе африканской напыщенности, которую въ VII столѣтіи аббатъ Адріанъ и ученый архіепископъ Теодоръ занесли къ англосаксамъ, любившимъ реторическія украшенія рѣчи. Уильямъ говоритъ даже положительно, что его соотечественники любятъ пышность и блескъ рѣчи. Около 668 года папа назначилъ архіепископомъ кентербёрійскимъ аббата одного монастыря въ окрестностяхъ Неаполя, африканца Адріана; но онъ отказался отъ этого сана и на его мѣсто назначенъ былъ грекъ Теодоръ, родомъ изъ Тарса въ Малой Азіи; потомъ они вмѣстѣ отправились въ Англію. Кромѣ другихъ греческихъ и латинскихъ книгъ, Теодоръ привезъ съ собой въ Кембриджъ произведенія еврейскаго историка Іосифа, а въ Кентербёри—написанный на бумагѣ экземпляръ Гомера и бесѣды Іоанна Златоуста, написанныя на пергаменѣ. Изъ одной рукописи, гдѣ «Отче нашъ» на греческомъ языкѣ былъ написанъ по выговору латинскими буквами, мы можемъ также видѣть, какой методъ чтенія былъ принесенъ тогда въ Англію и какими хорошими учителями были люди, основывавшіе первыя школы на западѣ и на сѣверѣ. Кромѣ того, основываясь на манускриптахъ, такъ называемой, Бодлеянской коллекціи Британнскаго музея, мы можемъ сказать, что отъ VIII до XI столѣтія переписывались и собирались, а слѣдовательно, читались и были распространены классики лучшей эпохи римской литературы. До насъ сохранились два экземпляра комедій Теренція, множество сочиненій Цицерона, отрывокъ «Энеиды», Ливій, Флоръ, Квинктиліанъ, Горацій, кромѣ одъ, которыя и въ самой Италіи считались болѣе вредными, чѣмъ сатиры, какъ можно, кажется, догадываться изъ намека въ Данговомъ «Адѣ», гдѣ Горацій является только какъ сатирикъ. Въ одно время съ помянутыми учеными, которые своими трудами вызвали основаніе знаменитой школы и небольшой библіотеки въ Іоркѣ, Беда Достопочтенный (Venerabilis), умершій около 735 года, старался создать самъ новую христіанскую литературу. Число его сочиненій, возбуждавшихъ удивленіе въ средніе вѣка и читавшихся во всей Европѣ, простирается до семидесяти восьми, и еще въ 1688 году находили нужнымъ издать ихъ въ восьми фоліантахъ. Здѣсь не мѣсто перечислять эти сочиненія, и мы только замѣтимъ, что первые два тома этого изданія заключаютъ въ себѣ все, чему обучали въ школахъ до Альфреда по части хронологіи, астрономіи, естествознанія и грамматики, и что третій томъ, содержащій пять книгъ церковной исторіи англосаксовъ, представляетъ замѣчательнѣйшее историческое произведеніе перваго періода среднихъ вѣковъ. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ исторію религіи въ Англіи отъ Юлія Цезаря до VIII столѣтія и превосходитъ своими достоинствами не только хроники Григорія Турскаго и Фредегарія, но и хроники временъ Каролинговъ. Это—систематически расположенная исторія, написанная не неровнымъ слогомъ и не латинью хроникъ, заимствованною изъ вульгаты, или латынскаго церковнаго перевода библіи, и изъ древнихъ поэтовъ, а на особенномъ, по крайней мѣрѣ не неправильномъ, латинскомъ языкѣ автора. Конечно, и онъ приводитъ баснословные разсказы для того, чтобы выставить преимущество римскихъ обрядовъ богослуженія передъ британнскими, но за то меньше занимается политикой и гораздо религіознѣе, чѣмъ Григорій Турскій. Въ исторіи же введенія христіанства въ Англіи онъ излагаетъ намъ исторію цивилизаціи

своихъ соотечественниковъ. Очень привлекательно также извлеченіе, сдѣланное Бедой изъ путешествія франкскаго епископа Аркульфа чрезъ Сицилію въ Константинополь, Александрію и Дамаскъ, хотя судя по заглавію (libellus de locis sanctis), можно ожидать отъ этого сочиненія только описанія Палестины. Беда говоритъ, что онъ составилъ болѣе изящное извлеченіе изъ двухъ книгъ, которыя епископъ, занесенный на возвратномъ пути въ Англію, продиктовалъ пресвитеру Адемару, а этотъ записалъ ихъ въ весьма отрывочной (lacinioso) формѣ. Объ успѣхахъ образованія между англосаксами мы уже говорили и указали при этомъ на заслуги Альфреда въ распространеніи между германскими племенами цивилизаціи грековъ и римлянъ. Поэтому здѣсь мы упомянемъ только о томъ, что было сдѣлано при Карлѣ Великомъ и его сынѣ для римско-франкской цивилизаціи.

Новая школьная образованность перешла къ франкамъ, которые, при вступленіи на престолъ Карла, находились въ одичаломъ состояніи, изъ Британніи и отчасти изъ Италіи, и учебное заведеніе въ Іоркѣ доставило императору новоримской имперіи по сю сторону Альповъ наставниковъ и книги. Четыре человѣка: англичанинъ Алькуинъ и три итальянца, Петръ Пизанскій, филологъ или грамматикъ Паулинъ и лонгобардъ Павелъ Варнефридъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Павла Діакона, оживили ревность къ изученію латинскаго языка и науки не только при дворѣ, гдѣ образовался родъ высшей аристократической школы, но и во всемъ государствѣ. Изъ нихъ Павелъ Варнефридъ, прозванный Павломъ Діакономъ, написалъ латинскою поэтическою прозою исторію своего народа по лонгобардскимъ преданіямъ и пѣснямъ, такимъ образомъ, что его исторія лонгобардовъ легко можетъ быть возстановлена въ своемъ первоначальномъ видѣ. Петръ Пизанскій, до вызова ко двору Карла, училъ въ Павіи, тогдашней столицѣ лонгобардскихъ королей. Алькуина Карлъ Великій только съ большимъ трудомъ убѣдилъ оставить Іоркъ и явиться во Францію. Сочиненія всѣхъ этихъ ученыхъ и даже самого Алькуина представляютъ уже слишкомъ мало интереса для нашего времени, для того, чтобы мы стали говорить объ нихъ подробно; но что касается заслугъ ихъ, какъ учителей, то о нихъ свидѣтельствуетъ цвѣтущее состояніе школъ въ Фульдѣ, Корбіи и основанномъ корбійскими монахами корвейскомъ монастырѣ, школы въ Аніанѣ, учрежденной при Людовикѣ Благочестивомъ знаменитымъ Бенедиктомъ Аніанскимъ, реформаторомъ ордена бенедиктинцевъ (стр. 457 и 458), и высшей школы въ Турѣ. Изъ этихъ школъ вышли писатели, которыхъ въ средніе вѣка уважали наравнѣ съ отцами церкви и которые и теперь еще очень важны для католической догматики, исторіи церкви и церковной дисциплины, какъ, напримѣръ, Рабанъ Мавръ, Валафридъ Страбонъ, Ансегисъ, Адельгардъ (стр. 448 и 449), Фредегисъ (стр. 456), Гинкмаръ Реймсскій (стр. 468), Лупъ Серватъ, Геррикъ, Ангильбертъ (стр. 448), Агобардъ (стр. 459), Регинонъ, Гримбальдъ, Рутгардъ и многіе другіе, сочиненія которыхъ исчислены въ обширной литературной исторіи Франціи, начатой бенедиктинцами. Въ это время образовалась такъ называемая схоластика, т. е. хитросплетенная логика, посредствомъ которой положительное ученіе вѣры должно было выводиться изъ изслѣдованія о сущности разума. Это пробовалъ сдѣлать еще Алькуинъ въ сочиненіи о Троицѣ; Агобардъ и Фредегисъ, совершенно не сходившіеся между собою въ принципахъ и писавшіе одинъ противъ другаго полемическія статьи, были однако равносильны въ анализѣ понятій и въ образованіи и соединеніи силлогизмовъ, или въ такъ называемомъ искусствѣ діалектики; Рабанъ Мавръ, основываясь на Новомъ Завѣтѣ, въ восьмидесяти шести главахъ изложилъ въ опроверженіе евреевъ ѳеику, физику и логику. Изъ спора, возникшаго въ IX столѣтіи между Пасхазіемъ Радбертомъ и Ратрамомъ о пресуществленіи хлѣба и вина въ таинствѣ причащенія, произошелъ тотъ родъ философскаго богословія, который и теперь вновь стали преподавать въ разныхъ мѣстахъ, какъ самую глубокую мудрость. Для объясненія нашей мысли мы приведемъ одно мѣсто изъ сочиненія Радберта о вѣрѣ, которое случайно попало въ руки Лейбница, было отыскано въ его бумагахъ библіотекаремъ Эккардомъ и затѣмъ напечатано Пецомъ. Радбертъ доказываетъ свое искусство находить философскія основанія для всѣхъ догматовъ церкви тонкимъ различіемъ между вещами, которымъ слѣдуетъ вѣрить и которыя слѣдуетъ познавать разумомъ. «Вѣрить, говоритъ онъ, должно извѣстіямъ о вещахъ случившихся и

всему, что происходитъ на свѣтѣ, потому что при этомъ не можетъ быть и рѣчи объ изслѣдованіи; но есть, однако, вещи, которыя становятся знаніемъ, какъ только имъ повѣрятъ; другія сами по себѣ могли бы быть и предметомъ вѣры, и предметомъ изслѣдованія, но вѣра въ этомъ случаѣ должна предшествовать.» Этимъ способомъ Радбертъ сдѣлался могущественной опорой западной церкви, велъ ожесточенный споръ съ Ратрамомъ и заставилъ Іоанна Эригену Скота бѣжать изъ отечества. Іоаннъ нашелъ убѣжище у короля Альфреда, который далъ ему мѣсто въ Оксфордѣ (стр. 380), и сдѣлался основателемъ философско-мистической школы схоластики, изъ которой впослѣдствіи вышелъ Бонавентура, возбуждавшій удивленіе средневѣковыхъ идеалистовъ и истинныхъ мистиковъ всѣхъ временъ. Имъ поэтически воспользовались Петрарка, Данте и другіе философы-поэты Италіи. Впрочемъ, этого перваго шотландскаго философа не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ Іоанномъ, котораго, по мѣсту его рожденія (Дунстанъ) называли Дунсомъ, и по происхожденію—Скотомъ (шотландцемъ); Іоаннъ Эригена Скотъ былъ вдохновенный мыслитель, а Іоаннъ Дунсъ Скотъ, жившій въ XIII столѣтіи, былъ простымъ педантическимъ, варварскимъ и сухимъ діалектикомъ. Дунсъ былъ францисканецъ и основалъ философскую систему, которая преподавалась въ школѣ его ордена; Ѳома Аквинскій составилъ другую систему для доминиканцевъ, и въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ споръ ѳомистовъ и скотистовъ занималъ собою всѣ школы ученыхъ и производилъ кровавыя столкновенія въ Болоньѣ и Парижѣ, а въ XV столѣтіи и въ Прагѣ. Іоаннъ Эригена Скотъ былъ, напротивъ, творцомъ мистико-философскаго ученія о безконечномъ возвышеніи внутренняго человѣческаго созерцанія и о разрѣшеніи конечнаго созерцательнаго мышленія въ безконечный свѣтъ божественной природы. Какъ запутанно или, по нынѣшнему выраженію, научно излагалъ онъ свой предметъ, можно видѣть изъ самыхъ заглавій книгъ, на которыя Іоаннъ Эригена раздѣлилъ свое сочиненіе объ естествѣ (De divisione naturae). Въ первой книгѣ онъ говоритъ о томъ, что создаетъ и не создается, во второй, что создаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создается само, въ третьей, что создается и само не создаетъ, наконецъ въ четвертой, что не создаетъ и не создается, и о возвращеніи всего созданнаго въ несозданное. Съ этого времени началась борьба остроумія и глубокомысленности въ школахъ, которыя имѣли своихъ Росцелина и Ансельма, Ѳому Аквинскаго и Дунса Скота, какъ аѳинскія школы временъ Платона (стр. 388) своихъ Горгіевъ, Протагоровъ и т. д. Благодаря имъ, человѣческій духъ упражнялся въ мысли и для нея проложены были новые пути, хотя въ настоящее время мы и называемъ насмѣшливо людей, которыхъ опровергалъ Платонъ, софистами, а богословскимъ философамъ среднихъ вѣковъ даемъ презрительное имя схоластиковъ. Что изъ этой школы выходили отличныя головы и умные люди, можно видѣть изъ примѣра Лессинга, котораго, конечно, нельзя заподозрить въ неразвитости, но который по этому самому, отыскавъ погребенное въ Вольфенбютлерской библіотекѣ сочиненіе схоластика этой эпохи, Беренгара Турскаго, напечаталъ его и въ IV и XIII томахъ своихъ сочиненій поставилъ достойный памятникъ этому смѣлому мыслителю.

Съ XI столѣтія начался новый періодъ средневѣковой философіи, которая въ то время, когда не было никакихъ другихъ средствъ къ образованію, кромѣ духовныхъ школъ, имѣла на богословіе и развитіе жизни совершенно иное вліяніе, чѣмъ въ наше время, когда школьные ученые часто стоятъ далеко позади людей, образовавшихъ себя другимъ путемъ. Поэтому въ слѣдующемъ томѣ мы упомянемъ вкратцѣ объ успѣхахъ философскаго образованія, а здѣсь коснемся только мимоходомъ вліянія испанско-мавританскихъ школъ въ эпоху саксонскихъ императоровъ и успѣховъ искусствъ и исторіографіи до франконскихъ императоровъ, потому что чужеземныя искусства и наука еще при Оттонѣ II и Оттонѣ III сильно распространились на сѣверъ отъ Альповъ. Правда, писатели того времени жалуются на то, что вмѣстѣ съ мавританскими искусствами и ремеслами, итальянскою образованностью и византійской ученостью сѣверъ усвоилъ себѣ и испорченность юга; но это было естественнымъ послѣдствіемъ цивилизаціи и развитія, о которомъ мыслящій человѣкъ не будетъ печалиться точно такъ же, какъ о свободѣ воли, которая дѣлаетъ возможнымъ преступленія, или о существованіи на

ряду съ добромъ зла, составляющаго необходимое условіе жизни разумнаго и чувствующаго существа.

§ 2.

Изъ людей, которые въ монастырскихъ и церковныхъ школахъ X столѣтія преподавали, кромѣ созерцательной философіи и реальныхъ наукъ, математику, физику, а также практическую механику и возбуждали соревнованіе въ наставникахъ, или вознаграждали ихъ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть о любимомъ учителѣ Оттона III, Гербертѣ, сдѣлавшемся потомъ папою подъ именемъ Силвестра II. Мы уже говорили прежде, что этотъ знаменитый воспитанникъ школы, процвѣтавшей въ Орильякѣ, въ Оверни, выучился въ Испаніи по-арабски и пріобрѣлъ изъ арабскихъ книгъ и отъ мавританскихъ учителей знанія, которыя сдѣлали его чудомъ своего времени; но все это ложно. Ученый французъ Журденъ, написавшій удостоенное преміи сочиненіе объ изученіи и переводахъ Аристотеля въ средніе вѣка, доказалъ, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Гербертъ зналъ по-арабски; изъ писемъ же его видно только, что онъ былъ посланъ въ испанскую мархію къ графу Борелю Барселонскому и учился у одного епископа, Гайтона. Потомъ онъ путешествовалъ по Испаніи и обучался, хотя и не арабскому языку, но тѣмъ наукамъ и искусствамъ, которыя преподавались въ мавританскихъ школахъ или университетахъ гораздо лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь на свѣтѣ. Онъ упоминаетъ въ особенности о философіи, геометріи и астрономіи. Впослѣдствіи къ познаніямъ, пріобрѣтеннымъ въ Испаніи, Гербертъ прибавилъ тѣ свѣдѣнія о наукахъ древности, какія можно было пріобрѣсти въ школахъ Италіи и Рима. Гайтонъ и Борель, отправляясь въ Римъ, взяли его съ собой, и онъ прожилъ тогда въ Италіи довольно долго, потому что Оттонъ I сдѣлалъ его аббатомъ въ Боббіо. Потомъ онъ ѣздилъ еще разъ въ Римъ, но былъ такъ недоволенъ жизнью въ Боббіо, что бѣжалъ оттуда въ Реймсъ. Въ этомъ городѣ была школа, гдѣ, кромѣ философіи, которую изучали вездѣ, какъ вспомогательную науку богословія, преподавались и реальныя науки и ихъ приложенія къ искусствамъ. Какъ наставники этой школы и какъ люди, занимавшіеся болѣе полезными искусствами, чѣмъ схоластикою, славились въ X столѣтіи монахъ Бернеръ и Аббо де-Сен-Флери; въ этой школѣ пріобрѣлъ свои познанія и любовь къ наукѣ Адельберо, котораго Гербертъ нашелъ тамъ архіепископомъ. Адельберо, бывши архіепископомъ и канцлеромъ французскаго короля, поставилъ Герберта во главѣ цвѣтущаго реймсскаго училища, гдѣ, какъ разсказываетъ самъ Гербертъ въ своихъ письмахъ, онъ съ большимъ стараніемъ преподавалъ искусства, математику, всѣ знанія, пріобрѣтенныя имъ въ Испаніи и Италіи, и даже медицину. Какъ умный начальникъ школы, онъ очень дѣятельно заботился объ элементарномъ академическомъ образованіи, самъ преподавалъ высшую грамматику, ариѳметику и геометрію, написалъ популярный учебникъ риторики, собиралъ вѣрные списки произведеній древнихъ писателей и распространялъ ихъ во множествѣ копій. Гербертъ самъ говоритъ, что пріобрѣлъ для библіотеки училища сочиненія Цицерона, Юлія Цезаря, какого-то Евграфія, совершенно неизвѣстнаго автору этой исторіи, Плинія, Свѣтонія, Стація, Манилія, Аврелія, Ритора Викторина, Клавдіана, діалектику и астрологію Боэтія, и, не довольствуясь этимъ, досталъ также нѣкоторыя новѣйшія книги, достоинства которыхъ онъ выучился цѣнить въ Испаніи. Въ числѣ ихъ онъ называетъ ариѳметику испанца Іосифа и астрологію Луппція Барселонскаго. Гербертъ былъ наставникомъ короля Роберта Французскаго и Фульберта Шартрскаго, ученѣйшаго человѣка XI столѣтія, сдѣлался впослѣдствіи другомъ и учителемъ Оттоновъ, первымъ архіепископомъ саксонцевъ, которымъ принадлежала тогда имперія, затѣмъ первымъ архіепископомъ Италіи (въ Равеннѣ) и наконецъ папой. Излишне было бы поэтому доказывать, что для образованія всѣхъ среднихъ вѣковъ Гербертъ имѣлъ болѣе значенія, чѣмъ всѣ императоры и короли его эпохи. Онъ занимался теоретически и практически астрономіей, вычислилъ, по методѣ аравитянъ, орбиты земли и другихъ планетъ, дѣлалъ небесные и земные глобусы и солнечные часы, устроивалъ инструменты и своими опытами, въ Магдебургѣ, столицѣ архіепископства, такъ изумилъ своего ученика Оттона III, что нѣмецкіе князья и рыцари, знавшіе болѣе толку въ оружіи и винѣ (конечно,

только въ кисломъ), чѣмъ въ физикѣ, сочли его за колдуна. Поэтому не удивительно, что его считали также изобрѣтателемъ стѣнныхъ часовъ; но Гамбергеръ, въ исторіи часовъ, и Бекманъ въ исторіи изобрѣтеній доказали, что это невѣрно. Вѣроятнѣе, что Гербертъ и другъ его, монахъ Константинъ изъ Сен-Флери и Орильяка и аббатъ его Аббо много способствовали введенію арабскихъ цифръ вмѣсто римскихъ, что значительно облегчило механическую часть счисленія. Впрочемъ, другіе еще съ большей вѣроятностью относятъ введеніе въ употребленіе цифръ къ эпохѣ развитія торговли между Италіей и Африкой.

Біографическія подробности о нѣсколькихъ архіепископахъ, епископахъ и аббатахъ той грубой эпохи, когда все рѣшалось перевѣсомъ физической силы, доказали бы намъ, какъ благодѣтельно было въ эти времена существованіе многихъ княжескихъ владѣній и высшихъ должностей, право на которыя давалось не однимъ только рожденіемъ или матеріяльнымъ могуществомъ, но которыя по закону должны были доставаться самымъ образованнымъ и знающимъ людямъ. Конечно, этого не случалось иногда цѣлыя столѣтія; тогда все помрачалось и исчезала всякая образованность, какъ въ Германіи послѣ паденія Гогенштауфеновъ; но пока при Оттонахъ отдавалось предпочтеніе заслугамъ, умственная жизнь разцвѣтала. Отвергать полезное вліяніе духовенства въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ было бы преступно и нелѣпо; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что по этой самой причинѣ средневѣковыя учрежденія могли бы годиться и для новѣйшей эпохи. Кромѣ Герберта, въ эпоху Оттоновъ оказали большія заслуги своею любовью къ искусствамъ и наукамъ еще два нѣмецкіе епископа. Они были воспитаны, какъ Гербертъ, во французскихъ школахъ, но не осквернили, какъ онъ, благородный домъ перваго Оттона ядомъ рабской и подлой лести. При всемъ томъ эти епископы: Мейнверкъ Падерборнскій и Бернвардъ Гильдесгеймскій оказали безсмертныя услуги образованію своего времени. Объ ихъ государственной и военной дѣятельности было уже сказано выше, въ политическомъ отдѣлѣ исторіи (стр. 527); здѣсь же мы должны бы были упомянуть, со словъ дошедшихъ до насъ ихъ біографій, о заслугахъ ихъ въ дѣлѣ образованія художниковъ, архитекторовъ и писателей; но объемъ сочиненія заставляетъ насъ ограничиться лишь немногими указаніями. Мы только замѣтимъ, что въ X столѣтіи въ Германіи высшія власти умѣли уже уважать и цѣнить общее образованіе, тогда какъ даже теперь они обращаютъ вниманіе только на дѣловыя способности людей, оставляя въ сторонѣ ихъ внутреннія качества. Жизнеописатель Мейнверка говоритъ о своемъ героѣ, что онъ былъ въ родствѣ съ королевскимъ семействомъ и за изящество манеръ (morum elegantia) былъ призванъ ко двору и сдѣланъ придворнымъ капелланомъ, — какъ въ наше время сдѣлали бы его каммергеромъ, — чтобы онъ, какъ предназначаемый къ занятію высшихъ духовныхъ должностей, сдѣлался извѣстнымъ духовной и свѣтской аристократіи. Впослѣдствіи, будучи епископомъ падерборнскимъ, онъ оказалъ много услугъ архитектурѣ и другимъ искусствамъ и ремесламъ; такъ нѣмецкіе художники, занимавшіеся постройкою и украшеніемъ церквей и ихъ утвари, образовались подъ руководствомъ иностранцевъ, которыхъ Мейнверкъ приглашалъ въ Падерборнъ. Ихъ приглашалъ въ Магдебургъ и Гербертъ, который, основываясь на указаніяхъ Витрувія, какъ извѣстно, ввелъ въ употребленіе гидравлическіе органы.

Біографъ Бернварда Гильдесгеймскаго восхваляетъ этого епископа, какъ собирателя книгъ, но въ особенности какъ покровителя и знатока искусствъ и человѣка, который избралъ себѣ задачей образовать для своего отечества художниковъ и дать имъ случай усовершенствоваться въ своемъ предметѣ изученіемъ иноземныхъ образцовъ. Онъ покровительствовалъ, по словамъ біографіи, не только живописцамъ, мебельщикамъ, искуснымъ столярамъ, золотыхъ дѣлъ мастерамъ и ювелирамъ, но пріобрѣталъ для себя каждое художественное произведеніе или вещь, имѣвшія въ себѣ что-нибудь особенное, для того, чтобы имѣть въ нихъ образцы для нѣмецкихъ художниковъ. Такимъ образомъ, когда императорскому двору присылали въ подарокъ какое-нибудь иностранное произведеніе, онъ тотчасъ заставлялъ туземныхъ художниковъ снимать съ нихъ копіи. Въ свои далекія путешествія онъ всегда бралъ съ собой нѣсколькихъ искусныхъ и опытныхъ молодыхъ работниковъ, которые должны были копировать все, что онъ встрѣчалъ при посѣщаемыхъ имъ дворахъ. Его біографъ особенно превозноситъ его за то,

что онъ заставлялъ подъ личнымъ своимъ руководствомъ дѣлать мозаичные полы и изобрѣлъ особенную массу для устройства потолковъ (плафоновъ). Музыка также должна была сдѣлать въ эту эпоху значительные успѣхи, потому что ею такъ прилежно занимались Гербертъ и всѣ писатели и учители этого времени; но мы не рѣшаемся говорить о томъ, какого рода были эти успѣхи. Странно только, что Гербертъ не вывезъ въ Германію изъ Испаніи изобрѣтенія, которое около 1030 года было принесено оттуда въ Италію двумя монахами изъ монастыря Помпозы, Михаиломъ и Гвидо Ареццо. Изъ нихъ въ особенности извѣстенъ послѣдній, хотя рукописи главнаго его произведенія, такъ называемаго микролога, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія валялись въ пыли библіотекъ и были напечатаны не такъ давно. Мы должны бы были разобрать подробнѣе этотъ микрологъ, въ которомъ говорится о музыкѣ, если бы хотѣли говорить объ успѣхахъ, какіе сдѣлала музыка, благодаря этому монаху, обучавшемуся въ Испаніи; но мы упомянемъ только объ одномъ его изобрѣтеніи. Гвидо ввелъ такъ называемое сольфеджіо (ut, re, mi, sol, fa) и началъ обозначать ноты точками, расположенными на линейкахъ и между ними, тогда какъ прежде онѣ обозначались буквами или другими еще болѣе неудобными способами.

§ 3.

Знакомство съ греками, пристрастіе Оттоновъ и ихъ знаменитаго учителя къ древней римской литературѣ и къ Италіи, гдѣ она все еще сохранялась и была любима, но болѣе всего этого блескъ дѣяній Оттоновъ возвратили и самой исторіографіи часть ея прежнихъ достоинствъ. Къ сожалѣнію, въ Италіи и Германіи, разсказывая о событіяхъ своего времени, лѣтописцы старались перенимать слогъ, языкъ и манеру древнихъ писателей. Часто это дѣлалось весьма не искусно, потому что тогдашнія событія и общественныя отношенія не соотвѣтствовали латинскимъ оборотамъ рѣчи. Между тѣмъ взглядъ на начало и успѣхи бытописанія (потому что мы не рѣшаемся назвать исторіей всего того, что писалось на западѣ до Оттона фонъ Фрейзингена и Дино Компаньи) покажетъ намъ, что усилія упомянутыхъ нами личностей и ихъ школы не остались безъ благодѣтельнаго вліянія и на исторію.

Лѣтописи первыхъ столѣтій среднихъ вѣковъ не заслуживаютъ никакого вниманія по своей внѣшней формѣ, составляя просто сборники замѣтокъ и фактовъ, которыми съ большею или меньшею увѣренностью могутъ пользоваться позднѣйшіе историки. Но изъ нихъ, быть можетъ, болѣе всего заслуживаетъ упоминанія именно та самая, языкъ которой почти совершенно не понятенъ для насъ и разсказъ не имѣетъ никакой формы; это хроника Исидора Паценскаго (Isidorus Pacensis, т. е. Исидоръ изъ Бехи, а не изъ Бадахоса, какъ утверждаютъ), обнимающая собою исторію Испаніи съ 610 по 754 годъ. Сколько намъ извѣстно, Исидоръ былъ единственнымъ христіанскимъ очевидцемъ нашествія и завоеванія мавровъ. Эта лѣтопись напечатана въ первый разъ около 1631 года, но сдѣлалась столь рѣдкою, что по сю сторону Пиренеевъ только въ немногихъ мѣстахъ можно встрѣтить ея экземпляры; содержаніе ея, однако, такъ важно, что Паджи въ своей критикѣ лѣтописей Баронія перепечаталъ изъ нея важнѣйшія мѣста, а два позднѣйшіе писателя среднихъ вѣковъ занялись ея передѣлкою. Лука де Тюи первый сдѣлалъ попытку переложить эту хронику на болѣе понятный латинскій языкъ, но онъ часто самъ не понималъ подлинника, и потому въ XIII столѣтіи Родриго Толедскій еще разъ передѣлалъ это сочиненіе. Правда, въ его на удачу составленныхъ грамматическихъ и реторическихъ фигурахъ часто совершенно нельзя узнать фактовъ, просто и сухо разсказанныхъ въ лѣтописи; но, не смотря на то, передѣланный имъ «Исидоръ» все еще остается лучшимъ источникомъ для исторіи Испаніи въ послѣдніе годы владычества вестготовъ.

Въ Италіи историкомъ остготовъ и ихъ гибели сдѣлался римлянинъ Кассіодоръ. Этотъ министръ Теодориха Великаго (стр. 239 и 250) — какъ это видно съ перваго взгляда, по напыщенному и намѣренно-темному слогу его писемъ и дѣловыхъ бумагъ — всего менѣе былъ способенъ сдѣлаться историческимъ писателемъ, потому что знатокъ ищетъ въ исторіи не фразъ, а фактовъ. Правда,

исторія остготовъ Кассіодора не дошла до насъ въ подлинникѣ, но о формѣ и содержаніи этого произведенія можно судить по извлеченію, которое сдѣлалъ изъ этого сочиненія готъ Іорнандъ или вѣрнѣе Іорданъ, такъ какъ особенности оригинала перешли цѣликомъ въ извлеченіе, какъ характеръ сочиненія Іустина въ исторію Помпея Трога. Сочиненіе Кассіодора: «О происхожденіи и дѣяніяхъ готовъ,» очевидно, должно было служить къ возвеличенію готскаго имени, какъ книги Ливія къ восхваленію древнѣйшій эпохи Рима (стр. 76); въ основѣ обоихъ сочиненій, очевидно, лежатъ историческія пѣсни или реторическія передѣлки древнихъ сказаній. Такимъ образомъ Іорнандъ сдѣлалъ для остготовъ тоже самое, что впослѣдствіи для лонгобардовъ Павелъ Діаконъ.

Въ Британіи и земляхъ франковъ явился сначала тотъ родъ историографіи, который только и возможенъ на мертвомъ языкѣ. Во всѣхъ лѣтописяхъ, написанныхъ по-латыни, чуждый языкъ сковываетъ умъ и рѣчь, и языкъ или перо не могутъ сказать или написать того, чѣмъ исполнено сердце. Мы не будемъ пересчитывать сухихъ лѣтописей, какъ сдѣлали бы это, если бы хотѣли объяснить ученымъ переходъ отъ простаго записыванія отдѣльныхъ событій, генеалогій и хронологическихъ вычисленій къ истинной исторіи; мы начнемъ поэтому съ Григорія Флоренція, извѣстнаго подъ именемъ Григорія Турскаго. Предназначеніе его исторіи франковъ ясно высказывается не только въ самомъ слогѣ его книги, но и въ подлинныхъ словахъ автора, и цѣль эта была такова, что къ ней могъ бы стремиться скорѣе эпическій поэтъ, чѣмъ историкъ. По словамъ самого Григорія, «онъ желалъ разсказать о войнахъ королей, о борьбѣ мучениковъ съ язычниками и язычествомъ, о спорахъ истинно-вѣрующихъ съ еретиками и о жизни святыхъ.» Этотъ предметъ онъ раздѣлилъ на два сочиненія. Въ первомъ изъ нихъ говорится о славѣ мучениковъ, и поэтому оно, какъ и второе, составляетъ важный источникъ для древнѣйшей исторіи франковъ. Второе и главное свое произведеніе Григорій назвалъ церковной исторіей, но, собственно говоря, долженъ былъ бы назвать его франкскими лѣтописями. Эта книга, какъ и большая часть средневѣковыхъ хроникъ, начинается съ сотворенія міра и обнимаетъ такимъ образомъ всю всемірную исторію; но всеобщей исторіи посвящена только одна книга, въ другихъ же доведена до 594—597 года исторія франковъ. Григорій никогда не упускаетъ изъ виду нравственной цѣли произведенія и всячески заботится о назидательности сочиненія и внушеніи читателю христіанскихъ воззрѣній. Чтобы заставить забыть древнія языческія сказанія, находившіяся въ связи съ древней естественной религіей германцевъ, онъ искусно вплетаетъ въ свой разсказъ множество чудесныхъ и часто романическихъ христіанскихъ легендъ, а чтобы придать значеніе внѣшнему христіанскому богослуженію и внушить уваженіе и послушаніе къ духовенству, представляетъ христіанскихъ духовныхъ чѣмъ-то въ родѣ іудейскихъ жрецовъ, цѣликомъ заимствуя фразы и слова изъ вульгаты. Не уступая въ наивности Гомеру и Геродоту, онъ съ такою же искренностью и простодушіемъ разсказываетъ о возмутительной грубости и свирѣпости одичавшихъ франковъ и о ихъ жестокостяхъ, съ какой говоритъ о переходящихъ всякую мѣру подвигахъ благочестія и покаянія разбойниковъ и убійцъ, которые господствовали у франковъ въ качествѣ королей или полководцевъ. Стиль его совершенно соотвѣтствуетъ предмету и цѣли его сочиненія. Говоря о дѣяніяхъ и преступленіяхъ, подобныя которымъ такъ часто встрѣчаются въ книгахъ Судей, Самуила и Царствъ, онъ передаетъ ихъ словами и выраженіями, взятыми изъ церковнаго перевода этихъ книгъ, а изображая сраженія и героическіе подвиги франковъ, вставляетъ въ свой разсказъ стихи Виргилія или Лукана такимъ образомъ, что часто въ цѣлыхъ главахъ его прозы легко можно было бы возстановить ихъ первоначальный стихотворный размѣръ.

Продолжатель Григорія, называемый Фредегаріемъ, потому что такъ назвали его, хотя и безъ достаточнаго основанія, три ученые (Рюинаръ, Скалигеръ и Фрегеръ), представилъ исторію эпохи отъ 600 до 641 года въ совершенно другомъ родѣ. Трудъ Фредегарія уже не народная исторія, а одна изъ тѣхъ хроникъ, какія велись впослѣдствіи почти въ каждомъ монастырѣ и авторы которыхъ списывали буквально какую-нибудь другую хронику, присоединяя къ ней продолженіе, или даже ничего не прибавляя. Фредегарій начинаетъ отъ сотворенія міра и въ трехъ первыхъ книгахъ доводитъ исторію до Юстиніана; четвертая книга

составляетъ простое извлеченіе изъ Григорія Турскаго, и только съ пятой начинается изложеніе послѣдующихъ событій, доведенное до 641 года. Къ счастью для исторіи, въ монастыряхъ, гдѣ разъ была начата лѣтопись, всегда заботились о томъ, чтобы она была продолжаема; имя продолжателя часто не называлось при этомъ, хотя всѣ эти продолженія разныхъ авторовъ можно тотчасъ узнать по ихъ слогу. Такъ было и съ хроникой Фредегарія. Первое продолженіе ея, отъ 641 до 680 года, весьма плохо; второе, отъ 680 до 736, нѣсколько лучше, а третье, отъ 736 до 454, написано довольно хорошо и важно для исторіи, въ особенности потому, что въ самомъ началѣ ея сказано, что оно составлено по приказанію Гильдебранда, дяди короля Пипина Короткаго. Поэтому имъ можно пользоваться только какъ придворнымъ журналомъ. Тоже самое нужно сказать и о послѣднемъ продолженіи Фредегарія, которое составлено по приказанію Нибелунга, сына Гильдебранда, и обнимаетъ собою періодъ времени отъ 752 по 768 г.

Длинный рядъ лѣтописцевъ каролингской эпохи доказываетъ, что Карлъ и сынъ его, Людовикъ, заботились и объ исторіи, и что мы обязаны имъ весьма многимъ. Для первыхъ временъ Каролинговъ мы имѣемъ не только цѣлый рядъ анналистовъ, о которыхъ упомянемъ ниже, но и важныхъ въ историческомъ отношеніи жизнеописателей святыхъ (гагіографовъ) того времени. Изъ нихъ мы должны упомянуть о монахѣ Іонѣ, написавшемъ біографію святаго Колумбана; Гукбальдѣ, составившемъ жизнеописаніе святаго Лебуина или Ліафвина, о біографѣ Вильфрида, Эддонѣ Стефанѣ, и біографѣ святой Салаберги, составленной Алькуиномъ, жизни апостола фризовъ Вилиброда и двухъ жизнеописаніяхъ святаго Бонифація, изъ которыхъ одно составлено Вилибальдомъ, а другое Отло. Изъ анналистовъ имѣютъ нѣкоторое значеніе, какъ источники, только Аймуинъ, котораго несправедливо считаютъ писателемъ IX столѣтія, Маркульфъ, Фрекульфъ и Гинкмаръ. Совершенно другое значеніе имѣютъ лѣтописи, носящія имя Эгингарда и обнимающія время отъ 741 по 829 г. Онѣ приписываются знаменитому секретарю Карла Великаго, кажется, на томъ только основаніи, что написаны лучшимъ латинскимъ языкомъ, чѣмъ обыкновенныя хроники, и имя ихъ настоящаго автора неизвѣстно. За то ему несомнѣнно принадлежитъ жизнь Карла Великаго, написанная совершенно въ духѣ и слогомъ Светонія. Это искусно написанное сочиненіе скорѣе панегирикъ, чѣмъ біографія. При чтеніи его мы, къ нашему удивленію, находимъ, что въ правленіе Карла римская образованность привилась къ германцамъ такъ сильно, что Эгингардъ могъ представлять все римское какъ источникъ мудрости и знанія, а напротивъ, все германское варварствомъ и считать всѣ древніе народные обычаи и учрежденія остатками этого варварства. Всего ближе къ Эгингарду въ отношеніи къ слогу и манерѣ, хотя не по исполненію, стоитъ внукъ Карла Великаго, отъ Берты, Нитгардъ, написавшій исторію своего дяди, Людовика Благочестиваго, съ намѣреніемъ бросить на него тѣнь, тогда какъ Эгингардъ исключительно представляетъ намъ только свѣтлую сторону характера Карла Великаго. Въ совершенно другомъ направленіи излагаетъ біографію Людовика Теганъ, который, изъ благодарности къ Людовику и полный негодованія на поступки его сыновей, написалъ апологію несчастнаго государя. Между ними стоитъ одинъ монахъ, Астрономъ. Наивностью и простотой разсказа и часто довольно здравыми сужденіями онъ нравится намъ болѣе двухъ первыхъ съ ихъ изысканнымъ и искусственнымъ изяществомъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ можно, впрочемъ, легко догадаться о мѣстѣ, гдѣ онѣ были написаны. Бертинскія лѣтописи, названныя такъ по монастырю св. Бертина, написаны въ высшей степени небрежнымъ слогомъ, потому что въ нихъ каждую минуту встрѣчаешься съ варварскими словами и оборотами рѣчи; но за то онѣ достовѣрнѣе всѣхъ другихъ относительно тѣхъ предметовъ, которые могъ знать монахъ, жившій и писавшій въ монастырѣ св. Бертина. Мецскія лѣтописи написаны лучшимъ слогомъ; но Каролинги особенно благодѣтельствовали монастырю, гдѣ онѣ велись, и онъ стоялъ въ совершенно исключительныхъ отношеніяхъ ко двору; поэтому лѣтопись его составляетъ родъ придворной хроники. Фульдскія лѣтописи, въ которыхъ всего болѣе говорится о событіяхъ въ Германіи, написаны въ духѣ нѣсколько враждебномъ всему галлофранкскому. Съ 714 до 753 онѣ состоятъ изъ однѣхъ короткихъ замѣтокъ, но потомъ становятся подробнѣе и отличаются въ особенности тѣмъ, что авторъ ихъ не заставляетъ, подобно другимъ лѣтописцамъ, своихъ героевъ говорить рѣчи со-

ставленныя имъ самимъ по какому-нибудь древнему писателю, съ которымъ ихъ легко сличить, но, напротивъ, часто съ большимъ трудомъ старается передать то, что было дѣйствительно сказано. Замѣтна также его ненависть къ франкскимъ братьямъ за Рейномъ, которыхъ онъ всегда называетъ галлами (Galli), и короля которыхъ, Карла Лысаго, осыпаетъ бранью и ругательствами. Какъ этотъ фульдскій монахъ отличается площадной грубостью, такъ санкт-галленскій лѣтописецъ обращаетъ на себя вниманіе шутливостью, часто весьма плоской, но вообще замѣчателенъ оригинальной веселостью и хорошимъ расположеніемъ духа.

Многіе изъ историковъ эпохи послѣднихъ Каролинговъ и ихъ ближайшихъ преемниковъ, при составленіи своихъ лѣтописей, слѣдовали чрезвычайно оригинальному способу, выбирая за образецъ какого-нибудь римскаго писателя и излагая весь свой разсказъ его слогомъ и выраженіемъ. По времени первымъ изъ этихъ лѣтописцевъ былъ Регинонъ Прюмскій. Онъ взялъ себѣ за образецъ Юстина и для передачи своего содержанія выбиралъ изъ него на удачу цѣлые отрывки. До чего простирались эти заимствованія, можно видѣть изъ того, что для описанія нашествія мадьяровъ на Германію и изображенія характера этого народа онъ буквально переписалъ то, что Юстинъ говоритъ о скиѳахъ. Исторія его обнимаетъ собою конецъ IX столѣтія и доходитъ до 906 года. Главное достоинство ея заключается въ томъ, что самъ историкъ участвовалъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ. Впрочемъ, онъ самъ очень хорошо указалъ разницу въ положеніи участника и очевидца событій и позднѣйшаго писателя, который можетъ разбирать событія съ критической и философской точки зрѣнія. «Я старался,—говоритъ онъ подъ 899 годомъ,—разсказывать вполнѣ правдиво только то, что происходило, не пускаясь въ изслѣдованіе причинъ событій. Если я и говорилъ коротко и съ осторожностью о дѣлахъ, въ которыхъ не принималъ самъ никакого участія, то тѣмъ болѣе долженъ поступать такъ же, говоря о событіяхъ, въ которыхъ участвовалъ самъ.»

Слѣдующій за нимъ по времени лѣтописецъ, Люитпрандъ, далъ своей хроникѣ пышное заглавіе: «Исторія дѣяній королей и императоровъ моего времени». Хвастаясь своимъ знаніемъ греческаго языка, онъ называлъ себя также греческимъ именемъ: Антаподозисъ. Во время Тритгейма, который жилъ за триста пятьдесятъ лѣтъ до насъ и первый разработалъ литературно-исторически нѣмецкія лѣтописи, были извѣстны, кажется, семь книгъ этой хроники; но до насъ сохранились только шесть, и кромѣ того послѣднія главы шестой книги принадлежатъ другому автору. Седьмой книгой считаютъ обыкновенно разсказъ Люитпранда о его посольствѣ въ Константинополь (стр. 525), который онъ, судя по заглавію, представилъ Оттону I и его женѣ, Адельгейдѣ. Люитпрандъ имѣетъ большія претензіи на ученость и на изящество изложенія, но представляетъ собою полное выраженіе эпохи, въ которую онъ жилъ, и итальянцевъ, среди которыхъ онъ выросъ. Съ извѣстной степенью оригинальности и энергіи тогдашніе итальянцы соединяли грубую чувственность и низкое корыстолюбіе, которыя просвѣчиваютъ и въ каждомъ словѣ Люитпранда. Онъ смотритъ на все съ самой пошлой точки зрѣнія, ищетъ причины всѣхъ событій въ самыхъ ничтожныхъ и низкихъ побужденіяхъ и притомъ съ явнымъ удовольствіемъ и безъ всякой пощады разсказываетъ самыя грязныя исторіи и соблазнительные анекдоты. Онъ раболѣпно льститъ германскимъ Оттонамъ и въ тоже время осыпаетъ самыми площадными ругательствами греческихъ императоровъ, Никифора и Цимисхія, къ которымъ былъ посланъ и которые принадлежатъ къ числу самыхъ лучшихъ правителей. Вовсе не скрывая своихъ корыстолюбивыхъ побужденій, Люитпрандъ бранитъ и Беренгара II за то, что онъ забылъ его въ своемъ завѣщаніи, и откровенно признается, что раздраженъ противъ греческаго правительства, потому что оно отняло у него контрабанду, которую онъ хотѣлъ ввезти въ Константинополь.

Всѣ другіе писатели исторіи Оттона или принадлежали къ царствовавшей династіи, или были родомъ изъ Саксоніи, а тогдашніе саксонцы восхищались Оттономъ I точно такъ же и по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и нынѣшніе французы восхищаются Наполеономъ. Мы причисляемъ къ нимъ въ особенности монахиню Росвиту, которая была знаменита также своими драматическими произведеніями и, по порученію Оттона II, описала леонинскими стихами (родъ рие-

мованныхъ стиховъ) блистательные подвиги Оттоновъ до 967 года. Это поэтическо-историческое восхваленіе Оттона она посвятила сестрѣ Оттона II, Гербергѣ, седьмой настоятельницѣ гандерсгеймскаго монастыря, гдѣ жила она сама. Ни стихи, ни самое содержаніе этого произведенія не стоютъ болѣе подробнаго разбора. Виттихиндъ, слѣдующій за ней, поступаетъ съ Саллюстіемъ точно такъ же, какъ Регинонъ съ Юстиномъ, и облекаетъ германскую исторію въ латинскую одежду, не заботясь о томъ, идетъ ли она къ ней, или нѣтъ, а наскучивъ оборотами Саллюстія, начинаетъ говорить словами и фразами вульгаты. Виттихиндъ былъ современникомъ, но не очевидцемъ событій, которыя онъ, будучи монахомъ, описалъ около 980 г. въ трехъ книгахъ дѣяній саксовъ. Онъ соперничаетъ съ Росвитой въ восхваленіи Оттоновъ и саксонцевъ и часто несправедливо унижаетъ западныхъ франковъ, говоря о походахъ нѣмцевъ во внутренность Франціи. Пристрастіе его обнаруживается въ томъ, что онъ то умалчиваетъ о неудачахъ саксонцевъ, то преувеличиваетъ значеніе ихъ побѣдъ. При этомъ заимствованный слогъ и чуждый ему языкъ такъ стѣсняютъ его, что онъ жертвуетъ формѣ самымъ предметомъ. Что изъ этого происходитъ, можно видѣть изъ того, что обыкновенный разсказъ о происхожденіи городовъ Германіи при Генрихѣ I, теперь уже оставленный историками (стр. 505), обязанъ своимъ происхожденіемъ слишкомъ буквальному пониманію словъ Витихинда. Въ подражаніе Саллюстію онъ заставляетъ нѣмцевъ послѣ побѣды при Лехѣ провозглашать короля, по римскому обычаю, императоромъ, а передъ сраженіемъ, чистый нѣмецъ Оттонъ I воодушевляетъ у него воиновъ рѣчью, написанною совершенно въ томъ же духѣ и такимъ же слогомъ, какъ у Саллюстія рѣчь Катилины къ своимъ приверженцамъ передъ битвой. Совершенную противоположность Виттихинду представляетъ собою Дитмаръ Мерзебургскій, котораго восемь книгъ о дѣяніяхъ пяти императоровъ обнимаютъ собою періодъ времени въ 107 лѣтъ, или правленіе императоровъ, Генриха I, трехъ Оттоновъ и Генриха II. Это произведеніе составляетъ главный, если не единственный, источникъ для древнѣйшей исторіи Мейссена, Польши, Венгріи и западныхъ славянъ. Самъ Дитмаръ, въ качествѣ епископа мерзебургскаго, какъ и отецъ его, графъ Зигфридъ Вальбекскій, принималъ дѣятельное участіе въ этихъ событіяхъ и, безспорно, гораздо лучше умѣлъ владѣть мечомъ, чѣмъ перомъ; поэтому онъ заставляетъ говорить своихъ героевъ такъ, какъ думалъ онъ самъ, и описываетъ событія своими собственными словами, а не реторическими выраженіями, взятыми у какого-нибудь древняго писателя. Въ его отдѣльныхъ разсказахъ можно подмѣтить героическое настроеніе того времени, и именно, благодаря неловкости его выраженій, въ его словахъ и рѣчахъ ясно выражается истинно религіозный духъ энергическаго, еще незараженнаго софистикою народа, искренно благочестивый характеръ котораго, къ сожалѣнію, слишкомъ часто употреблялся во зло хитрымъ духовенствомъ. Поэтому, какъ Дитмаръ говоритъ о чудесахъ, видѣніяхъ и сверхестественныхъ предметахъ, которымъ онъ безусловно вѣритъ, или пускается въ археологію и отыскиваетъ на Эльбѣ римскія зданія, ему, конечно, не слѣдуетъ довѣрять; но тѣмъ правдивѣе и достовѣрнѣе его разсказы о событіяхъ, въ которыхъ принимали участіе онъ самъ и его родственники.

Къ самымъ значительнымъ историческимъ памятникамъ временъ саксонскихъ императоровъ (Виппонъ и другіе должны быть упомянуты уже въ исторіи слѣдующаго періода) принадлежатъ многія жизнеописанія разныхъ личностей этого времени, которыя, впрочемъ, всѣ страдаютъ излишкомъ реторики и фразъ. Мы причисляемъ къ нимъ въ особенности жизнеописаніе Адельгейды, второй жены Оттона I, и принадлежащія разнымъ авторамъ біографіи брата его, Бруно, епископа Мейнверка Падерборнскаго, епископа Бернварда Гильдесгеймскаго и епископа Дитриха Мецскаго.

II. ВРЕМЯ ФРАНКОНСКИХЪ

ИЛИ САЛИЧЕСКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ.

1. Первыя поселенія норманновъ въ нижней Италіи и послѣдніе годы жизни Генриха II.

Нижняя Италія все еще оставалась греческой провинціей, но въ ней уже утвердились аравитяне и, кромѣ того, образовалось нѣсколько лонгобардскихъ княжествъ, самыми значительными изъ которыхъ были Беневентъ и Капуя. Властители ихъ или совсѣмъ не признавали верховной власти греческихъ императоровъ, или подчинялись имъ только на время. Страна много терпѣла отъ грабежей аравитянъ и властолюбія и хищничества лонгобардскихъ владѣтелей, но еще болѣе отъ самовластія и деспотизма греческихъ правителей. Притѣсненія ихъ нерѣдко вызывали страшныя возстанія, изъ которыхъ въ особенности замѣчательно одно, потому что оно имѣло послѣдствіемъ появленіе въ Италіи норманнскихъ хищниковъ. При Оттонѣ II одинъ знатный лонгобардъ изъ Апуліи, Мелъ, возсталъ противъ греческаго правителя, но былъ побѣжденъ имъ и бѣжалъ въ Капую. Здѣсь онъ соединился съ нѣсколькими изъ тѣхъ отважныхъ скандинавовъ, которые, поселившись во Франціи, продолжали предпринимать экспедиціи въ Средиземное море. По словамъ преданія, достовѣрность котораго не можетъ быть опредѣлена въ точности, онъ познакомился съ одною толпой норманновъ во время благочестиваго странствованія на гору Гаргано, въ Апуліи, и, указавъ имъ на богатую добычу и возможность поселиться въ прекрасной странѣ, склонилъ ихъ обѣщать ему помощь противъ грековъ. Тогдашнихъ норманновъ легче, чѣмъ всякій другой народъ, можно было соблазнить приманкою новыхъ приключеній; поэтому, возвратясь домой, они безъ большаго труда нашли между своими земляками множество охотниковъ принять участіе въ походѣ и въ слѣдующемъ году (1016 г.) отправились съ ними въ южную Италію. Здѣсь, подъ предводительствомъ Мела, они начали войну съ греческимъ намѣстникомъ; но въ этой войнѣ греки имѣли надъ ними перевѣсъ, потому что на византійскомъ престолѣ находился тогда человѣкъ, который былъ въ состояніи управлять государствомъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Василій II (стр. 525), прозванный Болгароубійцею, не только усмирилъ нѣсколькихъ отличныхъ полководцевъ, возставшихъ противъ него, но и снова покорилъ болгаръ, поддержалъ честь греческаго оружія въ Азіи и завоевалъ большую часть Далмаціи. Изъ этой страны войска его, находившіяся въ Нижней Италіи, легко могли получать подкрѣпленіе, и потому Мелъ, не смотря на помощь норманновъ, былъ окончательно разбитъ греками (1019 г.) и принужденъ снова бѣжать изъ Италіи. Онъ отправился въ Германію просить помощи у императора Генриха II, но умеръ еще до похода Генриха въ Италію. Его норманны вскорѣ усилились новыми толпами пришельцевъ изъ ихъ родины и предпріимчивыми лонгобардами и послѣ пораженія Мела занялись грабежами или поступили въ службу къ разнымъ лонгобардскимъ владѣльцамъ этой части полуострова.

Не задолго до Мела явился въ Германію и папа Бенедиктъ VIII для освященія епископской церкви въ Бамбергѣ. Онъ также старался склонить императора къ новому походу въ Италію, надѣясь съ помощью нѣмцевъ обезопасить себя отъ враговъ и возвысить свою фамилію. Генрихъ отпустилъ его назадъ, не сдѣлавъ никакихъ приготовленій къ походу, потому что въ это самое время долженъ былъ усмирять нѣкоторыхъ непокорныхъ герцоговъ въ самой Германіи и только по пріѣздѣ Мела рѣшился, хотя и не вдругъ, возстановить честь имперіи въ Италіи. Въ 1021 году онъ двинулся туда во главѣ значительной арміи и, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, достигъ окрестностей Неаполя, гдѣ къ нему присоединились норманны. Хотя императоръ завоевалъ въ нижней Италіи нѣсколько городовъ и заставилъ одного изъ сильнѣйшихъ лонгобардскихъ князей признать свою власть, но походъ этотъ не доставилъ никакихъ выгодъ государству. Напротивъ, Германія лишилась лучшихъ своихъ воиновъ, погибшихъ отъ болѣзней, вслѣдствіе непривычнаго климата, и императоръ еще лѣтомъ слѣдующаго года долженъ былъ возвратиться за Альпы. Только папа и люди, которые вмѣсто истинной религіи желали бы водворить презрѣнное суевѣріе, могли находить выгоду въ этомъ походѣ. Одинъ монахъ прославляетъ Генриха за то, что онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не позаботиться о постройкѣ или украшеніи и обогащеніи какой-нибудь церкви. Въ самомъ дѣлѣ, страсть строить церкви, дѣлать богатые подарки монастырямъ не оставляла его и въ Италіи. Но каковы были характеръ этихъ людей и отношенія къ нимъ Генриха, обнаруживается всего яснѣе въ его свиданіи съ святымъ Ромуальдомъ, основателемъ ордена камальдуловъ. Онъ представился императору въ Веронѣ, но не сказалъ ему ни слова, потому что надѣялся сдѣлать особенно пріятное Богу тѣмъ, что отказывался отъ употребленія дара слова, Богомъ же данная человѣку, какъ орудіе разума. При входѣ Ромуальда, императоръ тотчасъ же вскочилъ съ своего мѣста и воскликнулъ:» О, если бы моя душа могла жить въ твоемъ тѣлѣ!» Не смотря на настоящую просьбу короля, этотъ святой человѣкъ никакъ не хотѣлъ говорить съ нимъ въ тотъ день. Когда на другое утро онъ снова явился во дворецъ, нѣмцы, составлявшіе королевскую свиту, окружили его, смиренно преклонили передъ нимъ головы и стали съ жадностью отрывать клочки звѣриной шкуры, составлявшей одежду Ромуальда, и старательно берегли ихъ, чтобы принести домой, какъ святыню. На этотъ разъ Ромуальдъ говорилъ съ императоромъ именно о томъ, что, по его мнѣнію, было необходимо для блага церкви, и благочестивый императоръ подарилъ ему два монастыря для того, чтобы онъ могъ собрать многочисленныхъ учениковъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, Генрихъ, благочестіе и слабость характера котораго съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усиливались, думалъ, что заботится о своемъ государствѣ. Подобно Людовику Благочестивому, онъ пріобрѣлъ себѣ славу перваго распространителя монашества между нѣмцами; къ чести его должно, впрочемъ, сказать, что, будучи самъ полумонахомъ, онъ очень строго наблюдалъ за чистотою монашеской жизни. Онъ показалъ свое расположеніе къ церкви и другимъ образомъ, энергически поддерживая въ послѣднее время жизни нѣмецкихъ епископовъ, постановившихъ на одномъ соборѣ, что ни одинъ мірянинъ безъ позволенія своего епископа не можетъ отправляться въ Римъ для полученія отъ папы индульгенцій. Это запрещеніе было въ высшей степени благоразумно, потому что противодѣйствовало громадному вліянію, которое мало-по-малу получили папы надъ всѣми другими епископами; оно препятствовало также увеличившемуся вліянію папы уничтожать и ослаблять благодѣтельное вліяніе мѣстныхъ епископовъ и священниковъ на вельможъ и народъ и мѣшало людямъ, столь склоннымъ къ произволу и насилію, избѣгать единственнаго наказанія, котораго они еще боялись,—наказанія церковнаго.

Кромѣ окончанія бургундскихъ дѣлъ, о которыхъ мы упомянемъ ниже, и новыхъ подарковъ церквамъ, Генрихъ, по своемъ возвращеніи изъ Италіи, не предпринималъ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго и даже не сдѣлалъ никакихъ распоряженій о престолонаслѣдіи, а въ 1024 году, умирая бездѣтнымъ, передалъ знаки императорскаго достоинства своей женѣ, Кунигундѣ, для передачи ихъ новому, свободно избранному королю Германіи.

2. Исторія нѣмцевъ, бургундцевъ, венгровъ и итальянскихъ норманновъ при Конрадѣ II.

По смерти Генриха II нѣмцы рѣшились оставить королевскую власть за саксонской династіей; оставалось только рѣшить, кому изъ двухъ оставшихся въ живыхъ потомковъ Оттона Великаго слѣдовало предложить корону. Этими претендентами были: Конрадъ II и его родственникъ того же имени, правнукъ бургграфа Конрада Вормсскаго, котораго Оттонъ Великій сдѣлалъ герцогомъ франконскимъ и женилъ на своей дочери, Люидгардѣ, и который умеръ потомъ славной смертью въ одной битвѣ съ венграми. Конрадъ II происходилъ изъ одной фамиліи салическихъ франковъ и поэтому назывался у историковъ XIV столѣтія Салійцемъ. Будучи только графомъ рейнской Франконіи, онъ далеко уступалъ въ могуществѣ и значеніи своему родственнику, герцогу франконскому. Нѣмецкіе князья, собравшіеся съ своими войсками въ Оппенгеймѣ на Рейнѣ, долго колебались между обоими претендентами, пока, наконецъ, архіепископъ майнцскій Арибонъ не рѣшилъ дѣла въ пользу Конрада II (въ сентябрѣ 1024 г.). Въ этомъ случаѣ имперія въ первый разъ является избирательною, потому что тогда въ первый разъ образовался избирательный сеймъ могущественныхъ вассаловъ, на которомъ совѣщались о выборѣ новаго короля и потомъ произвели этотъ выборъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Впрочемъ, въ это самое время были еще признаваемы права народа на участіе въ этомъ дѣлѣ, потому что, избравъ Конрада, князья представляли его собравшемуся народу, который выразилъ свое одобреніе радостными кликами. Здѣсь же (по мнѣнію большинства ученыхъ) нація въ первый разъ является раздѣленной на шесть военныхъ отрядовъ, или—по тогдашнему—Heerschilde, войсковыхъ щитовъ, въ которымъ вскорѣ былъ присоединенъ и седьмой. Первый отрядъ, имѣвшій знамя имперіи, состоялъ изъ конныхъ вассаловъ короля; второй изъ духовныхъ владѣтелей съ ихъ людьми; третій изъ герцоговъ; четвертый изъ графовъ; пятый изъ свободныхъ людей (Mittelfreien), или тѣхъ, которые не причислялись, какъ первые четыре отдѣла, къ высшему дворянству и не пользовались правами феодальныхъ владѣтелей, но могли имѣть вассалами свободныхъ; наконецъ, въ шестомъ отдѣлѣ были всѣ простые рыцари. Эти шесть отрядовъ и составляли всю націю; остальной народъ считался неодушевленною массою, а пѣшее войско уже потеряло тогда все свое значеніе. Но еще въ это же царствованіе образовалось новое сословіе, неизвѣстное прежде: городскіе ремесленники и купцы были признаны сословною частью націи наравнѣ съ воинами и составляли седьмой отрядъ, къ которому, какъ тогда говорилось, принадлежалъ каждый законнорожденный и не принадлежавшій другому лицу, т. е. каждый гражданинъ (Bürger).

Съ Конрадомъ II на германскій престолъ вступила новая франконская или салическая династія. Тотчасъ по избраніи, Конрадъ объѣхалъ всю Германію, чтобы возвысить блескъ своего достоинства принятіемъ присяги различныхъ нѣмецкихъ племенъ и упрочить свою власть, творя подданнымъ судъ и расправу, составлявшіе часть верховныхъ правъ императора. Потомъ онъ принялъ мѣры, чтобы обезпечить за собою обладаніе Бургундіей, гдѣ вскорѣ должна была пресѣчься владѣтельная династія. Поэтому мы должны возвратиться къ исторіи Бургундіи, которую необходимо знать для яснаго пониманія событій, придавшихъ всемірно-историческое значеніе царствованію Конрада. На двѣнадцатомъ году своего правленія, Конрадъ далъ итальянской части имперіи устройство, которое до самаго послѣдняго времени оказывало сильное вліяніе на всю Европу; но онъ едва ли бы рѣшился на это, если бы не встрѣтилъ нѣчто подобное еще въ Бургундіи.

Мы уже сказали выше (стр. 480 и 483), какимъ образомъ почти одновременно возникли королевства Цисъ-юранской и Трансъ-юранской Бургундіи. Первая съ самаго начала раздѣлилась на небольшіе округа, владѣтели которыхъ не обращали никакого вниманія на своего сюверена. Внукъ перваго короля, Карлъ Константинъ, имѣлъ уже такъ мало значенія, что одинъ изъ его вельможъ, Гуго, управлявшій за него совершенно неограниченно, не спрашивая согласія своего

законнаго короля, по формальному договору, передалъ государство королю Трансъюранской Бургундіи, Рудольфу II (стр. 489 и 500). Такимъ образомъ въ 933 году соединились оба бургундскія королевства. Карлъ Константинъ, удержавшій за собой только незначительныя владѣнія около города Вьенны, долженъ былъ признать Рудольфа II своимъ сюверенемъ. Юный сынъ и преемникъ Рудольфа, Конрадъ Миролюбивый (937—993 г.), опекуномъ котораго былъ нѣкоторое время Оттонъ Великій, былъ совершенно неспособенъ управлять бургундскимъ королевствомъ. Самое прозваніе его уже показываетъ, что онъ не могъ быть порядочнымъ правителемъ въ тѣ времена, когда имѣла значеніе только одна матеріяльная сила. Но въ самомъ началѣ царствованія онъ доказалъ, однако, свою храбрость и хитрость противъ венгровъ и мухаммеданъ, которые въ одно и то же время напали на его владѣнія и страшно опустошили ихъ. Онъ обѣщалъ помощь и тѣмъ и другимъ, а потомъ напалъ на нихъ и разбилъ ихъ. Самъ онъ истребилъ толпы венгровъ, а братъ, Вильгельмъ I Арльскій, одинъ изъ его вассаловъ, уничтожилъ мухаммеданъ. Но какъ счастливо дѣйствовали бургундцы при Конрадѣ противъ внѣшняго врага, такъ печально было внутреннее состояніе ихъ государства. Страна была раздроблена на множество леновъ, владѣльцы которыхъ не привыкли къ повиновенію и единодушію; вслѣдствіе вліянія природы и климата, жители были склонны къ безпокойствамъ, а вслѣдствіе полнаго господства безправія, всѣ до того привыкли къ насилію, что намъ почти непонятны многіе разсказы современниковъ о событіяхъ того времени. Однажды могущественный графъ Вильгельмъ Пуатье затравилъ собаками, какъ дикаго звѣря, одного епископа, получившаго ленъ отъ германскаго императора. Королевская власть существовала только по имени, и судьба страны была совершенно въ рукахъ враждовавшихъ между собою вельможъ. Слабость Конрада увеличивала зло. Въ послѣдніе годы своей жизни, думая объ однихъ мирныхъ занятіяхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ, онъ совершенно потерялъ способность управлять государственными дѣлами и, кромѣ того, имѣлъ еще неосторожность роздать своимъ многочисленнымъ родственникамъ столько леновъ и привилегій, что ставилъ освоему сыну и преемнику, Рудольфу III, только весьма немногія помѣстья.

Новый король, царствовавшій съ 993 до 1032 г., былъ еще менѣе отца способенъ поднять упавшее значеніе короля. Онъ однажды попробовалъ сдѣлать это и воротить себѣ розданныя имѣнія, но вельможи тотчасъ же взялись за оружіе и обратили Рудольфа въ бѣгство, такъ что онъ потерялъ и послѣдній остатокъ своей власти. Съ тѣхъ поръ онъ часто нуждался даже въ самомъ необходимомъ и держался на престолѣ только благодаря расположенію духовенства, которое, впрочемъ, не всегда могло, или хотѣло помогать ему. Потомки Вильгельма, который при Конрадѣ уничтожилъ вторгнувшихся въ Бургундію мухаммеданъ, совершенно освободились тогда отъ власти бургундскихъ королей и основали независимое графство провансское.

Рудольфъ III былъ послѣднимъ представителемъ мужской линіи королевской бургундской династіи. Поэтому онъ весьма рано сталъ заботиться о выборѣ себѣ преемника и остановился на императорѣ Генрихѣ II, сынѣ старшей сестры его. Гизелы, помогавшемъ ему деньгами во время его несчастій. Изъ двухъ остальныхъ сестеръ его, старшая, Берта, была замужемъ сначала за графомъ Одономъ I Шампанскимъ, а потомъ за французскимъ королемъ Робертомъ I; младшая же, Герберга, была за герцогомъ Германомъ II Швабскимъ; у каждой изъ нихъ было по сыну. Одонъ Младшій, сынъ Берты, съ самаго начала сталъ противиться притязаніямъ Генриха, который предпринялъ походъ въ Бургундію, окончившійся такъ же неудачно, какъ и экспедиціи его противъ поляковъ. Когда онъ умеръ бездѣтнымъ, король бургундскій и его вельможи, признавая заключенный съ Генрихомъ договоръ недѣйствительнымъ, назначили Одона законнымъ наслѣдникомъ бургундской короны, какъ ближайшаго родственника короля; но новый король германскій, Конрадъ II, не имѣя на то никакого права, потребовалъ Бургундію для себя и для германской имперіи. Хотя онъ женился на дочери Герберги, Гизелѣ Младшей, но она еще отъ перваго брака имѣла сына, Эрнста Швабскаго. Столь же мало правъ на Бургундію имѣлъ онъ и какъ наслѣдникъ Генриха въ Германіи, потому что Рудольфъ предоставилъ ему Бургундію не какъ

германскому королю, а какъ сыну своей старшей сестры, и вообще, по тогдашнимъ законамъ и обычаямъ, не могъ распоряжаться государствомъ, какъ личной собственностью. Конрадъ не обращалъ ни на что вниманія, видя во всемъ этомъ удобный случай увеличить предѣлы германской имперіи; въ 1025 году онъ вторгнулся съ войскомъ въ Бургундію, взялъ пограничную крѣпость ея, Базель, и чрезъ два года принудилъ короля Рудольфа назначить его своимъ наслѣдникомъ. Вслѣдствіе того онъ поссорился съ Эрнстомъ Швабскимъ, который съ тѣхъ поръ постоянно замышлялъ противъ него возстанія, и еще въ томъ же, 1025 году, соединился противъ него съ лотарингскими вельможами, которые ненавидѣли короля, предвидя, что онъ не удовольствуется однимъ наружнымъ повиновеніемъ, какое лотарингцы до тѣхъ поръ оказывали императору. Король смирилъ однако пасынка и его союзниковъ, такъ что по прошествіи двухъ лѣтъ Эрнстъ, при содѣйствіи Гизелы, долженъ былъ помириться съ Конрадомъ, и при этомъ получилъ отъ него въ ленное владѣніе аббатство Кемптенъ.

Но еще до окончанія войны съ Эрнстомъ, Конрадъ долженъ былъ предпринять походъ въ Италію, гдѣ ломбардцы отказывались признавать власть короля, избраннаго нѣмцами. Присутствія Конрада въ Италіи требовали и многія другія обстоятельства. Графы, маркграфы, герцоги и епископы, даже города и простые землевладѣльцы силой овладѣли собственностью своихъ болѣе слабыхъ сосѣдей и королевскими имѣніями и не хотѣли признавать надъ собою никакой верховной власти. Жители Павіи тотчасъ по смерти Генриха II разрушили въ городѣ вновь выстроенный имъ королевскій дворецъ и выгнали пфальцграфа, предсѣдательствовавшаго отъ имени короля въ ихъ судахъ; наконецъ, нѣкоторые владѣтели Верхней Италіи предложили ломбардскую корону сначала французскому королю, Роберту I, а потомъ сыну его, Гуго. Но ни тотъ, ни другой не приняли короны, не довѣряя итальянцамъ или не имѣя достаточной силы защищать свои права противъ Конрада. Тогда итальянцы обратились къ герцогу Вильгельму IV Аквитанскому, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Одономъ Шампанскимъ, былъ могущественнѣйшимъ феодальнымъ владѣтелемъ во Франціи. Корыстолюбивые итальянцы имѣли на него и другіе виды. Во время своихъ частыхъ странствованій на богомолье, Вильгельмъ пріобрѣлъ всеобщую извѣстность богатствомъ и обнаруживалъ при этомъ сильную наклонность къ роскоши и расточительности, которою издавна отличались аквитанцы и за которую ихъ всегда считали хвастунами, какъ и нынѣшнихъ гасконцевъ. Кромѣ того итальянское духовенство склонялось болѣе на сторону человѣка, принадлежавшаго къ одному съ ними племени, завидовало нѣмецкимъ епископамъ, поставленнымъ въ Италіи Генрихомъ II, и желалъ бы видѣть ихъ изгнанными. Но Вильгельмъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы необдуманно вмѣшаться въ итальянскія дѣла. Онъ не принялъ предложенной ему короны, но и не отвергнулъ ея, а постарался сначала извлечь для себя выгоду изъ всѣхъ тогдашнихъ обстоятльствъ и въ особенности поднять лотарингцевъ, чтобы задержать Конрада въ Германіи. Планъ его вполнѣ удался, и онъ отправился въ Италію, гдѣ надѣялся преимущественно на ловкаго и вліятельнаго епископа, Льва Верчелльскаго, изгнаннаго изъ своего епископства Ардуиномъ. Но вскорѣ видя, что итальянцы хотѣли сдѣлать его только орудіемъ своего властолюбія и жадности, Вильгельмъ покинулъ Италію и возвратился въ Аквитанію еще до прибытія Конрада.

Узнавъ о возстаніи въ Лотарингіи, Конрадъ быстро отправился туда съ войскомъ, усмирилъ вельможъ и отбросилъ отъ границы французовъ (1025 г.), явившихся на помощь лотарингцамъ, а въ слѣдующемъ году съ своимъ пасынкомъ, Эрнстомъ, отправился въ Италію. Архіепископъ миланскій Гериберт ъ вступилъ съ нимъ въ сношенія еще гораздо прежде, а себялюбиваго Льва Верчелльскаго онъ склонилъ на свою сторону тѣмъ, что снова возвратилъ ему епископство; союзъ этотъ продолжался впрочемъ не долго, потому что Левъ умеръ еще въ 1026 году. Это было скорѣе счастьемъ, чѣмъ несчастіемъ для нѣмцевъ, потому что Левъ былъ человѣкъ чрезвычайно ненадежный и даже, находясь въ союзѣ въ Конрадомъ, переписывался съ Вильгельмомъ. Получивъ въ Миланѣ корону изъ рукъ Гериберта, Конрадъ прямо двинулся противъ Павіи, жители которой напрасно старались умилостивить короля, отправивъ къ нему на встрѣчу посольство. Не имѣя достаточнаго числа войскъ для осады города, онъ ограничился однимъ

опустошеніемъ его окрестностей и, встрѣтивъ сопротивленіе въ Тусціи, возвратился чрезъ Равенну на сѣверъ, чтобы дождаться тамъ подкрѣпленій. Въ концѣ зимы онъ снова явился передъ Павіей (1027 г.), которая наконецъ сдалась ему послѣ новаго опустошенія окрестностей. На этотъ разъ ему покорилась и Тусція, а затѣмъ императоръ двинулся къ Риму, гдѣ около пасхи папа Іоаннъ XIX съ необыкновенной торжественностью короновалъ его императоромъ. При этой церемоніи присутствовали, кромѣ архіепископовъ миланскаго и равенкскаго, король бургундскій и могущественный властитель Англіи и Даніи, Канутъ Великій. Не смотря на всю эту торжественность, въ Римѣ и другихъ мѣстахъ вражда между нѣмцами и итальянцами возрастала болѣе и болѣе и была причиною частыхъ кровавыхъ столкновеній, при чемъ нѣмцы одерживали верхъ въ открытомъ бою, а итальянцы побѣждали ихъ въ засадахъ; въ Римѣ и Равеннѣ многіе изъ нѣмцевъ были убиты на глазахъ самого императора. Изъ Рима Конрадъ отправился въ Нижнюю Италію, гдѣ отчасти добровольно, отчасти по принужденію покорились ему Беневентъ и другіе города съ ихъ владѣтелями. Важнѣйшимъ дѣйствіемъ его въ Нижней Италіи было подтвержденіе дара, сдѣланнаго незадолго передъ тѣмъ герцогомъ неаполитанскимъ Сергіемъ предводителю норманновъ, Райнульфу. Сергій, изгнанный изъ своего герцогства, воротился туда съ помощью Райнульфа и за то далъ ему въ ленное владѣніе графство Аверсу. Это распоряженіе Конрада сдѣлало норманновъ вассалами имперіи. Пріобрѣтеніе графства Аверсы составляетъ въ сущности первое прочное поселеніе норманновъ въ Италіи и первый шагъ къ распространенію ихъ владычества въ этой странѣ.

Съ наступленіемъ весны Конрадъ долженъ былъ пуститься въ обратный путь, потому что новыя безпокойства требовали его личнаго присутствія въ Германіи. Отпущенный въ Германію, герцогъ Эрнстъ Швабскій напалъ на Эльзасъ и Бургундію; другъ его, швабскій графъ Вельфъ, родоначальникъ знаменитаго дома Вельфовъ, опустошилъ земли своего непріятеля, епископа Бруно Вюрцбургскаго; родственникъ императора, герцогъ Конрадъ Франконскій, дѣйствовалъ на Рейнѣ какъ совершенно независимый владѣтель; герцогъ нижней Лотарингіи, Фридрихъ, велъ переговоры съ Франціей, и даже родной братъ императора, Гебгардъ, поднялъ противъ него оружіе. Появленіе Конрада и строгія мѣры его быстро успокоили волненія. Подобно могущественнымъ королямъ прежняго времени, онъ созвалъ имперскій сеймъ въ Ульмѣ для суда надъ швабскими бунтовщиками. Эрнстъ явился туда, надѣясь на многочисленную толпу своихъ вассаловъ, но эти люди, вѣрно и не задумываясь служившіе ему противъ лучшихъ друзей его отца, отказали въ повиновеніи, когда дѣло коснулось императора; Эрнстъ долженъ былъ просить помилованія у отчима. Конрадъ сослалъ его въ замокъ Гибихенштейнъ, близъ Галле, и тамъ держалъ его нѣкоторое время въ заключеніи; его сообщники также покорились и были наказаны. Братъ императора, Гебгардъ, долженъ былъ поступить въ духовное званіе, Конрадъ Франконскій, добровольно явившійся на судъ, былъ лишенъ герцогства и изгнанъ, но, тронутый его покорностью, Конрадъ чрезъ нѣсколько лѣтъ далъ ему герцогство Каринтію.

Конрадъ уже давно старался обезпечить за своимъ потомствомъ обладаніе престоломъ. Предъ походомъ въ Италію онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ восьмилѣтняго сына, Генриха III, а по возвращеніи, не только отдалъ ему герцогство Баварское, но и велѣлъ, съ согласія имперскихъ князей, торжественно помазать и короновать его въ Ахенѣ, какъ германскаго короля (1028 г.). Къ Баваріи принадлежала тогда значительная часть нынѣшней Австріи, и, вѣроятно, желаніе дать сыну вліяніе на восточной границѣ и было причиной, почему императоръ началъ въ 1030 г. войну съ венграми. Со времени пораженія при Лехѣ венгры сдѣлались осторожнѣе. Съ этихъ поръ они стали нападать на сосѣдей лишь немногочисленными разбойничьими шайками и не только искали подкрѣпленій у печенѣговъ и другихъ дикарей, но и прибѣгали къ другимъ средствамъ къ защитѣ страны. По примѣру аваровъ, (стр. 179), они сдѣлали совершенно непроходимыми пустыни, болота, озера и лѣса западной границы, укрѣпивъ ихъ валами, рвами и засѣками, чтобы обезопасить отъ нѣмцевъ западныя границы своей страны, уже защищенной со стороны Польши Карпатами. На южной границѣ Венгріи обитали племена смѣшаннаго происхожденія, жившія также грабежомъ и охотно приставшія къ венграмъ, когда они дѣлали быстрые набѣги

на раздѣленную междоусобіями прекрасную Верхнюю Италію и находившуюся въ такомъ же положеніи южную Францію или когда они грабили жителей греческой, имперіи, что и случалось всего чаще послѣ пораженія венгровъ въ Германіи. Мы знаемъ положительно, что сынъ, наслѣдникъ Цультана, Таксони (946—972 г.), проникнулъ весьма далеко въ провинціи Византійской имперіи и соединился противъ грековъ даже съ русскими, но вмѣстѣ съ ними потерпѣлъ пораженіе отъ императора Цимисхія. Сынъ его, Гейза I (972—997 г.), имѣлъ большое значеніе для Венгріи вслѣдствіе того, что привлекъ въ свою землю переселенцевъ изъ Болгаріи, принесшихъ съ собою духъ торговой предпріимчивости и нѣкоторыя искусства, и положилъ начало введенію христіанства, которое при немъ стало проповѣдываться въ Венгріи. Онъ самъ не понималъ христіанскаго ученія и даже затруднялъ распространеніе его въ Венгріи, признавъ новыя толпы печенѣговъ, которыя усилили еще болѣе необразованность венгровъ; но онъ понялъ, кажется, внѣшнія выгоды новой религіи, и доказалъ это не только покровительствомъ христіанскимъ миссіонерамъ въ Венгріи, но и тѣмъ, что допустилъ своего сына, Стефана I, принять крещеніе апостола пруссовъ, Адальберта (стр. 529).

Ученый и ревностный Адальбертъ содѣйствовалъ, кажется, и образованію Стефана; по крайней мѣрѣ, сдѣлавшись королемъ (997—1038 г.), Стефанъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы ввести въ своемъ королевствѣ христіанскую религію. Въ этомъ стремленіи, Стефана поддерживали еще бракъ его на благочестивой Гизелѣ, сестрѣ императора Генриха II, и тѣсный союзъ съ Оттономъ III. Вѣроятно также, что онъ лучше своего предшественника понималъ вліяніе, которое должно было имѣть христіанство и образованность на увеличеніе его могущества; хотя впослѣдствіи ему дали названіе Святаго, но при введеніи христіанства онъ думалъ, по крайней мѣрѣ, столько же объ усиленіи своей королевской власти, сколько и о распространеніи новаго ученія. Призвавъ въ свое королевство монаховъ и духовенство, онъ позволялъ имъ основывать монастыри и учреждать епископства, но вмѣстѣ съ тѣмъ окружилъ себя толпой храбрыхъ нѣмцевъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ его народомъ и смотрѣвшихъ на интересы короля, какъ на свои собственные. Для себя онъ надѣялся отъ христіанства королевскаго титула, признаннаго всѣми европейскими владѣтелями, и неограниченной власти, которая съ нимъ соединялась; но венгры не ожидали отъ новой религіи никакихъ выгодъ: они ясно сознавали, какъ можетъ быть вредна для ихъ древнихъ обычаевъ и нравовъ дружба Стефана съ нѣмцами. Поэтому они всячески противились введенію христіанства и даже подняли оружіе противъ короля, но Стефанъ одержалъ надъ ними верхъ, и они должны были подчиниться новому порядку. Въ этомъ ихъ едва ли могъ утѣшить блескъ королевскаго титула, который папа и императоръ признали за ихъ властителемъ. Въ законахъ, изданныхъ имъ послѣ принятія христіанства и королевскаго титула, Стефанъ имѣлъ въ виду двойную цѣль: уничтожить могущество родовыхъ князей, среди которыхъ король считался прежде только первымъ между равными, и ввести болѣе правильную администрацію и болѣе кроткіе нравы. Наконецъ его нѣмецкая гвардія служила ему такъ, какъ обыкновенно служатъ чужеземные наемники: они помогали ему не только покорить поселившихся въ странѣ печенѣговъ, но и притѣснять его собственныхъ родственниковъ, господствовавшихъ въ Семиградіи (Трансильваніи). На добычу, пріобрѣтенную такимъ способомъ, Стефанъ учреждалъ благотворительныя заведенія и увеличивалъ блескъ венгерскихъ епископствъ и ихъ церквей.

Таково было положеніе дѣлъ въ Венгріи, когда Конрадъ рѣшился въ 1030 г. напасть на нее. Походъ его былъ очень непродолжителенъ: недоступность страны на западѣ затрудняла движеніе нѣмецкихъ войскъ, которыя вслѣдствіе того, стали выказывать неудовольствіе, и въ тоже время въ Швабіи начались новыя безпокойства, требовавшія присутствія императора въ Германіи. Конрадъ вернулся, опустошивъ только пограничныя страны; баварцы именемъ своего малолѣтняго герцога заключили съ Стефаномъ миръ, подтвержденный Конрадомъ. Не смотря на рвеніе и могущество короля Стефана, большинство венгровъ было все еще предано язычеству, и когда Стефанъ по смерти сына назначилъ преемникомъ своего племянника, Петра, венгры рѣшились избрать себѣ государя

между болѣе грубыми родственниками Стефана, въ надеждѣ, что новый властитель уничтожитъ ненавистныя для нихъ нововведенія. Начавшіеся вслѣдъ за тѣмъ споры о престолонаслѣдіи поставили впослѣдствіи Венгрію въ такую же зависимость отъ Германіи, въ какой уже тогда находились Богемія и Польша, вслѣдствіе ихъ взаимной вражды.

Въ 1030 г. Эрнстъ Швабскій, выпущенный на свободу послѣ двухлѣтняго заключенія, получилъ отъ Конрада и свое герцогство. Императоръ требовалъ отъ него за то помощи въ войнѣ противъ его прежняго союзника, графа Вернера Кибургскаго, какъ противъ врага имперіи. Эрнстъ отказывался отъ этого, и потому былъ самъ объявленъ на имперскомъ сеймѣ врагомъ государства, лишенъ герцогства и всѣхъ владѣній и даже отлученъ епископами отъ церкви. Эрнстъ съ немногими приверженцами бѣжалъ къ своему родственнику, Одону Шампанскому, но, не получивъ помощи, вернулся назадъ и, укрѣпившись въ одномъ горномъ замкѣ Шварцвальда, велъ тамъ полуразбойническую жизнь. Стѣсненный, наконецъ, вассалами своего отчима, онъ оставилъ замокъ и былъ убитъ со всѣми своими приверженцами въ одной кровопролитной схваткѣ (августа 1030 г.). Чтобы утѣшить его мать, императоръ отдалъ герцогство Швабію второму пасынку, Герману IV.

Едва успѣвъ окончить венгерскую войну и успокоить волненіе, поднятое сыномъ, Конрадъ долженъ былъ выступить противъ славянскихъ народовъ, обитавшихъ на восточныхъ границахъ Германіи. Поводъ къ этой войнѣ былъ данъ Польшей и Богеміей. Болеславъ I Польскій, принявшій подъ конецъ своей жизни королевскій титулъ, умеръ въ 1025 году. Сынъ его, Мечиславъ II, тотчасъ по смерти отца началъ враждовать съ двумя братьями за обладаніе престоломъ, и Ульрихъ Чешскій воспользовался этимъ, чтобы возвратить себѣ Моравію, отнятую Болеславомъ. Мечиславъ два раза (1028 и 1030 г.) дѣлалъ нападенія на пограничныя нѣмецкія области, и Конрадъ оба раза выступалъ противъ него: но въ первый разъ онъ не имѣлъ большаго успѣха, вслѣдствіе внутреннихъ волненій въ Германіи; во время же втораго похода, заключивъ союзъ съ братомъ Мечислава, Оттономъ, онъ принудилъ польскаго короля къ миру, по которому Мечиславъ долженъ былъ уступить ему Лузацію. Вскорѣ послѣ того Мечиславъ, свергнутый съ престола Оттономъ, бѣжалъ къ Ульриху Чешскому, который былъ тогда не въ ладахъ съ императоромъ. Ульрихъ предложилъ Конраду выдать ему Мечислава, но Конрадъ былъ такъ благодаренъ, что отвергнулъ это предложеніе, сказавъ, что не хочетъ покупать врага у врага. Оттонъ навлекъ на себя ненависть подданныхъ своею жестокостью и въ 1032 году былъ убитъ народомъ. Мечиславъ тотчасъ же возратился въ Польшу, но сдѣлался гораздо уступчивѣе, увидѣвъ невозможность продолжать борьбу въ нѣмцами, и подчинился императору. Конрадъ охотно возвратилъ ему Лузацію, потому что заключеніе мира съ Польшей лишало всякой поддержки славянскій народъ лютичей, жившій по Эльбѣ. Лютичи, доведенные до отчаянія притѣсненіями саксонскихъ герцоговъ, не только страшно опустошили сосѣднія области Германіи, но и перебили въ своей странѣ всѣхъ священниковъ и разрушили церкви. Конрадъ повелъ противъ нихъ саксонцевъ; но едва онъ успѣлъ начать войну, какъ извѣстіе о смерти бургундскаго короля, Рудольфа (1032 г.), заставило его пріостановить военныя дѣйствія, чтобы предъявить свои права на Бургундію. Одонъ Шампанскій тотчасъ же поспѣшилъ въ Бургундію и занялъ почти всю страну. Конрадъ, собравъ въ сѣверной Германіи войско, однимъ своимъ появленіемъ въ Бургундіи привелъ къ повиновенію жителей (1033 г.), а напавъ на Шампань, принудилъ и своего соперника заключить договоръ, по которому Одонъ отказался отъ всѣхъ притязаній на Бургундію (1034 г.). Хотя впослѣдствіи Одонъ еще нѣсколько разъ предъявлялъ свои права на это королевство, но всѣ его усилія были тщетны, и съ тѣхъ поръ Бургундія, какъ и Италія, сдѣлалась частью германской имперіи. Послѣ того Конрадъ снова обратился противъ лютичей и велъ съ ними кровавую войну, въ которой часто оказывалъ подвиги храбрости, сражаясь въ болотахъ, гдѣ лошадь его вязла почти до самаго сѣдла. Послѣ упорнаго сопротивленія лютичи были снова покорены въ 1035 году.

Тогда Конрадъ снова рѣшился отправиться въ Италію, гдѣ во время продолжительнаго отсутствія императора сильные землевладѣльцы вздумали присвоить

себѣ власть надъ мелкими вассалами короля, отъ которыхъ они до тѣхъ поръ отличались только богатствомъ и пользовались своимъ вліяніемъ для того, чтобы предаваться произволу и насиліямъ. Прежде всего въ Верхней, а потомъ и въ остальной Италіи немногіе сильные владѣльцы захотѣли одни представлять собою имперію, считая всѣхъ другихъ своими, а не императорскими вассалами. Такимъ образомъ мелкіе тираны должны были быть поглощены большими; участь ихъ могла бы возбудить въ насъ сожалѣніе, если бы мы не знали, что они злоупотребляли своею властью противъ владѣльцевъ небольшихъ участковъ земли, которые были прежде совершенно свободны, и что, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ королей, они угнетали этихъ мелкихъ владѣльцевъ, точно такъ же какъ въ описываемое нами время притѣсняли ихъ самихъ могущественные князья. Къ числу этихъ тирановъ въ Верхней Италіи принадлежали епископы и между ними преимущественно архіепископъ Герибертъ Миланскій. Имъ помогало въ особенности то обстоятельство, что въ то время въ Ломбардіи появилось много еретиковъ, — прекрасный случай увеличить могущество епископовъ. Эти еретики, появившіеся тогда и въ другихъ странахъ Европы, не только проповѣдывали ученіе, слишкомъ несходное съ понятіемъ того времени, и сопротивлялись духовенству, но угрожали гибелью всей внѣшней формѣ тогдашняго христіанства. Поэтому ихъ необходимо было истребить, чтобы фанатизмъ не уничтожилъ вмѣстѣ съ духомъ религіи и слабыхъ еще тогда началъ государственнаго быта. Поэтому свѣтскіе владѣтели были такъ ожесточены противъ этихъ еретиковъ, что нерѣдко преслѣдовали ихъ еще съ большею ревностью, чѣмъ само духовенство.

Въ 1035 году ожесточеніе мелкихъ землевладѣльцевъ противъ ихъ притѣснителей перешло, наконецъ, въ открытую войну, и могущественные феодалы очутились въ такомъ затруднительномъ положеніи, что должны были обратиться за помощью къ императору. Конрадъ явился въ 1037 году и принятъ былъ въ Миланѣ съ большимъ великолѣпіемъ и торжественностью; но вскорѣ призвавшіе его увидѣли себя обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ. На сеймѣ Павіи Конрадъ разобралъ дѣло и, найдя, что епископы, а въ особенности Герибертъ, присвоили себѣ множество коронныхъ имѣній, рѣшился энергически вступиться за свои права, а когда Герибертъ продолжалъ упорствовать, приказалъ заключить его въ темницу. Этотъ поступокъ взволновалъ всю Италію. Хитрые итальянцы прекратили свои распри, соединились противъ Конрада и вступили въ сношенія съ Одономъ Шампанскимъ, снова напавшимъ на Бургундію. Къ несчастью, Герибертъ вскорѣ бѣжалъ изъ заключенія и былъ съ восторгомъ принятъ миланцами; положеніе императора сдѣлалось бы очень затруднительно, если бы Одонъ не былъ въ это время случайно убитъ въ одномъ набѣгѣ на Лотарингію. Рѣшившись наказать прежде всего миланцевъ, Конрадъ выступилъ противъ этого города и, не будучи въ состояніи взять его, страшно опустошилъ окрестности. Звѣрство нѣмцевъ испытала на себѣ и Парма, гдѣ императоръ провелъ зиму. Слѣдующею весною (1038 г.), Конрадъ отправился въ среднюю и южную Италію, для того, чтобы снова возвести на престолъ безнравственнаго Бенедикта IX, сдѣлавшагося папой въ 1033 году, на десятомъ году жизни, и не задолго передъ тѣмъ изгнаннаго римлянами, а также чтобы защитить жителей Нижней Италіи отъ притѣсненій страшнаго тирана Капуи, Пандульфа IV, и помирить ихъ съ безпокойными норманнами. И то и другое удалось ему безъ труда. Возвративъ въ Римъ папу, онъ отправился въ Нижнюю Италію, и изгнавъ Пандульфа изъ Капуи, отдалъ ее владѣтелю Салерно, Ваймару, устроилъ дѣла съ норманнами и подтвердилъ за ними владѣніе графствомъ Аверсой, желая, чтобы они, какъ вассалы его и имперіи, защищали Ваймара. Такъ зло шутила тогда судьба надъ несчастными жителями Нижней Италіи! Сначала ихъ верховный властитель, по договору съ Пандульфомъ, отдалъ ихъ въ руки этого страшнаго тирана и низложилъ его только тогда, когда тотъ не выплатилъ ему обѣщанныхъ денегъ, а потомъ избралъ въ ихъ защитники разбойниковъ. Впрочемъ, всѣ распоряженія Конрада въ Нижней Италіи существовали не долго: черезъ девять лѣтъ Ваймаръ лишился Капуи, владѣльцемъ которой сдѣлался сынъ Пандульфа IV, а норманны вскорѣ снова принялись за грабежи. Въ Верхней Италіи, куда спѣшилъ императоръ, никто не хотѣлъ слушаться архіепископа Амвросія, поставленнаго на мѣсто Гериберта, и не

обращалъ вниманія на церковное проклятіе, наложенное на него папой; самъ Конрадъ не имѣлъ успѣха противъ Гериберта и его ожесточенныхъ миланцевъ. Епископъ вооружилъ все населеніе своей епархіи и старался придать борьбѣ съ нѣмцами характеръ священной войны. Онъ выдумалъ особенную національную святыню, которая, подобно израильскому ковчегу завѣта, должна была служить для его воиновъ точкой соединенія и своимъ видомъ воспламенять ихъ мужество въ сраженіи. Это было такъ называемое к а р о ч ч і о, оставшееся въ употребленіи у миланцевъ и впослѣдствіи; оно состояло изъ высокаго шеста, утвержденнаго на красной повозкѣ, запряженной волами; на верху его было золотое яблоко и два бѣлыхъ знамени, а въ срединѣ большое распятіе. Конрадъ вскорѣ былъ принужденъ возвратиться въ Германію, потому что многіе изъ его лучшихъ полководцевъ и солдатъ погибли отъ заразительныхъ болѣзней, обыкновеннаго слѣдствія итальянскаго климата (1038 г.). Передъ уходомъ онъ взялъ клятву съ своихъ приверженцевъ, что они будутъ продолжать войну съ миланцами.

Отношенія между могущественными и мелкими владѣльцами, бывшія истинною причиною его вторичнаго похода въ Италію, Конрадъ привелъ въ порядокъ тѣмъ, что весной 1037 года, во время осады Милана, издалъ древнѣйшее, извѣстное въ исторіи феодальное уложеніе. Этимъ закономъ онъ обезпечилъ всѣмъ вассаламъ могущественныхъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей наслѣдственное обладаніе ихъ помѣстьями, такъ что эти имѣнія могли быть отняты у нихъ не иначе, какъ по приговору суда, составленнаго изъ ихъ равныхъ, а назначеніе суда было предоставлено императору и его намѣстникамъ. Онъ постановилъ также, что вассалы обязаны нести для императорскаго войска только тѣ повинности, которыя были установлены еще прежде его предшественниками. Это постановленіе Конрада составляетъ основаніе писаннаго леннаго права, окончательно развившагося впослѣдствіи, хотя оно и не имѣло никакой обязательной силы, потому что ему недоставало согласія многихъ итальянскихъ вельможъ. Другое важное учрежденіе, которому Конрадъ старался дать силу закона, былъ, такъ называемый, м и р ъ б о ж і й; впрочемъ, ввести его въ нѣмецкомъ государствѣ удалось только его преемнику, Г е н р и х у III. Конечно, это распоряженіе не было сдѣлано непосредственно имъ самимъ, и своими стараніями объ немъ онъ, быть можетъ, нанесъ больше вреда, чѣмъ сдѣлалъ пользы, потому что это учрежденіе только увеличило запутанность отношеній между духовной и свѣтской властью. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ мало-по-малу формально установилось военное положеніе, потому что во всякомъ дѣлѣ нужно было спрашиваться согласія могущественныхъ вассаловъ, которые въ тоже время были воинами и занимались войною, убійствами и грабежомъ, какъ ремесломъ; государь не могъ издать безъ нихъ ни одного закона, а сами они не заботились ни о законѣ, ни о порядкѣ, но всего чаще рѣшали свои споры оружіемъ. При такомъ порядкѣ вещей внутреннее спокойствіе могло поддерживаться только вліяніемъ церкви, и благочестивые люди, весьма естественно, пришли къ мысли воспользоваться для этой цѣли суевѣріемъ. Эта мысль прежде всего пришла въ голову епископамъ Аквитаніи, Бургундіи и Нидерландовъ, гдѣ происходили самыя ожесточенныя феодальныя войны; настоящимъ изобрѣтателемъ ея считается святой О д и л о н ъ, аббатъ монастыря Клюньи. Чтобы поддержать внутри государства постоянный миръ, духовенство рѣшилось налагать церковныя наказанія за каждое его нарушеніе и за каждое насиліе частнаго человѣка. Это было однако не такъ легко; благоразумные люди изъ духовенства скоро увидѣли, что такое вмѣшательство духовнаго суда въ свѣтскія дѣла можетъ подвергнуть опасности самую церковь, потому что привычка къ самоуправству и склонность къ насилію въ ту эпоху были гораздо сильнѣе власти и значенія церкви, и послѣдняя скоро должна была бы предать отлученію большинство своихъ членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ феодальныя войны снова сдѣлались такимъ же обыкновеннымъ явленіемъ, какъ и прежде. Тогда духовенство рѣшилось прибѣгнуть къ другому способу: оставивъ то, чего нельзя было уничтожить, оно старалось только смягчить его, и съ этой цѣлью постановило на нѣсколькихъ соборахъ, что въ теченіе тѣхъ дней недѣли, которые предназначаются для богослуженія или для приготовленія къ нему, т. е. съ вечера среды до утра поне-

дѣльника, должно соблюдать такъ называемое treuga Dei, т. е. перемиріе Божіе, или другими словами, что въ эти дни оружіе должно быть снято, и каждый, который не откажется на это время отъ войны, подвергнется отлученію или другимъ церковнымъ наказаніямъ. Это постановленіе было принято повсюду, и такъ какъ высшіе свѣтскіе владѣтели также изъявили на это согласіе, то мало-по-малу перемиріе Божіе было введено во многихъ странахъ.

Воротившись изъ Италіи, Конрадъ предпринялъ новое путешествіе по Германіи, чтобы въ качествѣ верховнаго судьи производить судъ и расправу. Во время путешествія онъ, между прочимъ, останавливался на нѣсколько времени въ Госларѣ, гдѣ онъ, а въ послѣдствіи и сынъ его, оставался особенно охотно по причинѣ близости очень богатыхъ тогда серебряныхъ рудниковъ Гарца. Объѣхавъ Саксонію и спустившись по Рейну, императоръ заболѣлъ и умеръ въ Утрехтѣ (въ іюнѣ 1039 г.); тѣло его было привезено въ Шпейеръ и положено въ соборѣ, который былъ начатъ имъ и оконченъ двумя его преемниками.

3. Императоръ Генрихъ III.

Двадцатидвухлѣтній сынъ Конрада, давно уже помазанный на царство, Генрихъ III, тотчасъ же взялъ въ свои руки управленіе государствомъ и велъ его такъ самодержавно и твердо, какъ, можетъ быть, ни одинъ изъ прежнихъ императоровъ. Завоеванія его отца на востокѣ и западѣ вовлекли его въ нескончаемыя войны, которыя онъ самъ умножилъ тѣмъ, что хотѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Венгрію и возымѣлъ несчастную мысль вмѣшиваться въ избраніе папъ и доставлять папскій престолъ нѣмцамъ. Почти постоянно занятый этими внѣшними войнами, Генрихъ внутри государства держался строгой монархической системы и поддерживалъ ее произволомъ и насиліемъ; это самовластіе и вмѣшательство его въ дѣла папскаго престола вызвали тѣ запутанныя отношенія, которыя впослѣдствіи поставили въ такое затруднительное положеніе его сына и преемника. Главной цѣлью всѣхъ его стремленій было замѣнить прежнее, отживавшее тогда государственное устройство самовластіемъ и деспотизмомъ, или, другими словами, прекратить внѣшней силой запутанную борьбу страстей, которыя однѣ дѣйствовали тогда; онъ, безъ сомнѣнія, уничтожилъ бы старинныя права нѣмцевъ, если бы не умеръ слишкомъ рано. Что для этого у него было достаточно энергіи, доказывается не только его манерою распоряжаться епископствами, графствами и папскимъ престоломъ и его дѣйствіями въ Италіи, гдѣ одно его имя имѣло болѣе значенія, чѣмъ оружіе прежнихъ королей, но въ особенности тѣмъ произволомъ, который онъ позволялъ себѣ, не смотря на встрѣчаемое имъ иногда сопротивленіе. Онъ чрезвычайно грубо обошелся съ своимъ роднымъ дядей, архіепископомъ Гебгардомъ Регенсбургскимъ, обвиненнымъ въ измѣнѣ; велѣлъ своему любимцу, архіепископу Герману Кёльнскому, короновать своего сына, не слушая даже архіепископа майнцскаго, защищавшаго свое право совершать эту церемонію, и безъ всякаго законнаго предлога отнялъ герцогство у Конрада Баварскаго. Однимъ словомъ, онъ распоряжался епископствами и герцогствами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на обычай и право, и если увеличилъ свѣтскую власть епископовъ, то единственно потому, что принадлежавшія имъ владѣнія не могли быть наслѣдственными.

Первый случай обнаружить свои военныя дарованія молодой король нашелъ въ Богеміи и Польшѣ. Въ 1034 г., по смерти Мечислава II, управлять государствомъ отъ имени своего сына, Казиміра I, стала вдова его, дочь пфальцграфа Эцо, но вскорѣ она была изгнана, и въ странѣ начались нескончаемыя смуты. Пользуясь этимъ, Бржетиславъ I Чешскій, сынъ Ульриха, наслѣдовавшій ему въ 1037 году, рѣшился отмстить Польшѣ, и, напавъ на нее, занялъ и страшно опустошилъ всю Силезію. Но этимъ онъ раздражилъ противъ себя нѣмецкаго короля, при дворѣ котораго жилъ Казиміръ съ своею матерью, тѣмъ болѣе, что Генрихъ съ самаго начала царствованія стремился къ тому, чтобы поддерживать во всей силѣ свою власть надъ покоренными народами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи на престолъ Генрихъ двинулся въ Богемію;

Бржетиславъ тотчасъ же сталъ просить мира и получилъ его, выдавъ заложниковъ и давъ обѣщаніе подчиниться всѣмъ приказаніямъ короля. Но война возобновилась въ слѣдующемъ же году, такъ какъ онъ не выдалъ, по требованію Генриха, драгоцѣнностей, похищенныхъ имъ въ Польшѣ. Этотъ походъ былъ одинъ изъ самыхъ неосторожныхъ и несчастныхъ предпріятій того времени. Генрихъ потерялъ въ лѣсахъ и засѣкахъ Богеміи лучшихъ своихъ воиновъ и обязанъ былъ спасеніемъ только тому, что нашелъ въ Чехіи нѣмецкаго монаха, который хорошо зналъ страну и благополучно вывелъ его оттуда. Въ слѣдующемъ году (1041 г.) король загладилъ этотъ позоръ новымъ походомъ и совершенно подчинилъ себѣ чешскаго герцога. Впрочемъ, еще во время первой чешской войны Генрихъ послалъ въ Польшу молодаго Казиміра, который, при содѣйствіи нѣмецкаго вспомогательнаго войска, мало-по-малу овладѣлъ всѣмъ королевствомъ отца.

Вскорѣ по окончаніи третьей чешской войны Генрихъ обратился противъ венгровъ, чтобы, по примѣру Польши и Богеміи, подчинить ихъ власти германскаго императора. Королемъ Венгріи по смерти Стефана сдѣлался племянникъ его, Петръ, который навлекъ на себя ненависть подданныхъ пристрастіемъ къ иноземнымъ обычаямъ и ожесточилъ противъ себя народъ самовластіемъ и жестокостью. Въ 1041 году онъ былъ изгнанъ, а королемъ избранъ Аба, женатый на одной изъ сестеръ Стефана. Изгнанный король бѣжалъ къ маркграфу австрійскому, который за это долженъ былъ испытать опустошительный набѣгъ Абы. Это послужило для Генриха желаннымъ поводомъ къ войнѣ. Въ 1042 г. онъ вторгнулся въ Венгрію, завоевалъ часть страны и заставилъ венгровъ избрать королемъ другаго родственника Стефана, такъ какъ Петръ былъ всѣми ненавидимъ. Тотчасъ по возвращеніи Генриха въ Германію, Аба изгналъ новаго короля, и Генрихъ въ 1043 году вторично двинулся въ Венгрію. Видя невозможность вытѣснить Абу, онъ согласился заключить миръ, по которому Аба уступилъ нѣмцамъ часть земли на австрійской границѣ, заплатилъ извѣстную сумму денегъ и обѣщалъ не тревожить болѣе границъ имперіи. Но въ слѣдующемъ же году Генрихъ вынужденъ былъ снова предпринять походъ въ Венгрію, потому что свирѣпый венгерскій король, призвавъ къ себѣ полудикихъ кумановъ, народъ тюркскаго племени, съ такою жестокостью преслѣдовалъ христіанъ, что многіе венгры бѣжали въ Германію и просили помощи и защиты у германскаго короля. Въ сопровожденіи этихъ бѣглецовъ Генрихъ въ 1044 году снова вторгнулся въ Венгрію и въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ одержалъ такую блистательную побѣду надъ венграми, что Аба, оставленный подданными, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Генрихъ сдѣлалъ королемъ венгерскимъ Петра, который, въ благодарность за то, объявилъ независимую до тѣхъ поръ Венгрію леномъ германской короны. Согласившись на эти условія, Петръ, и безъ того навлекшій на себя ненависть подданныхъ и неспособный управлять венграми, лишился всякой возможности удержаться на престолѣ, хотя и освободился отъ своего противника Абы. Въ 1046 году венгры призвали двухъ князей своей владѣтельной династіи, Андрея I и Белу I, изгнанныхъ Петромъ тотчасъ по смерти Стефана и нашедшихъ убѣжище въ Россіи и Польшѣ. При первомъ ихъ появленіи, Петръ и множество нѣмецкихъ поселенцевъ были убиты; старшій изъ братьевъ, Андрей, былъ провозглашенъ королемъ, а младшій получилъ третью часть королевства. Слишкомъ занятый въ другихъ областяхъ государства, Генрихъ не могъ отмстить за своего вассала и убитыхъ соотечественниковъ, и когда наконецъ приготовился къ новому походу, Андрей уже успѣлъ утвердиться на престолѣ. Кромѣ того онъ предложилъ ему платить ежегодную дань, и Генрихъ тѣмъ охотнѣе согласился на миръ, что положеніе дѣлъ требовало его присутствія въ другихъ частяхъ имперіи. Паденіе Петра едва не вовлекло императора въ новую войну съ Польшей. Бела былъ женатъ на дочери польскаго короля Казимира I, который вслѣдствіе того сталъ во враждебныя отношенія къ Германіи; но Генрихъ такъ напугалъ его своими приготовленіями къ походу въ Польшу, что онъ вскорѣ сталъ самъ просить мира. Въ 1051 году безпокойный и самовластный епископъ Гебгардъ Регенсбургскій, дядя Генриха, раздражилъ Андрея своимъ разбойническимъ нападеніемъ на Венгрію. Въ отмщеніе за это Андрей, въ свою очередь, предпринялъ опустошительный набѣгъ на Австрію,

послужившій поводомъ къ новой войнѣ. Отправившись въ Венгрію въ позднее время года, Генрихъ, вслѣдствіе этой неосторожности, очутился въ такомъ затруднительномъ положеніи, что долженъ былъ, съ опасностью собственной жизни и теряя множество людей, пробивать себѣ путь къ отступленію въ Германію. И на слѣдующій годъ онъ не имѣлъ успѣха въ Венгріи, а послѣ того его присутствіе было такъ необходимо въ другихъ частяхъ имперіи, что онъ до самой смерти не могъ и думать о Венгріи.

Внутреннія событія, занимавшія собою этого энергическаго и неутомимаго императора и часто среди войны вызывавшія его въ противоположные края имперіи, находились въ тѣсной связи съ его личнымъ характеромъ и всѣми его стремленіями. Онъ желалъ снова сдѣлать нѣмецкихъ герцоговъ и графовъ простыми чиновниками имперіи и строго поступалъ съ каждымъ, кто не подчинялся его волѣ. Въ особенности онъ не оставлялъ никогда безъ наказанія того, кто брался за оружіе для защиты своихъ правъ, и такъ какъ эта привычка сдѣлалась второй природой нѣмецкихъ князей, то Генриху, само собою разумѣется, пришлось безпрестанно воевать и наказывать. Всего больше хлопотъ надѣлала ему Лотарингія. Конрадъ II, желая противопоставить своему сопернику въ Бургундіи, графу Одону Шампанскому, сильнаго и облагодѣтельственнаго имъ сосѣда, соединилъ снова обѣ части Лотарингіи въ одно герцогство и отдалъ ее герцогу Гозелону I. По смерти Гозелона Генрихъ уничтожилъ распоряженіе отца и раздѣлилъ страну между двумя сыновьями Гозелона. Старшій изъ нихъ, герцогъ Верхней Лотарингіи, Готтфридъ Бородатый, требовалъ всей страны и поднялъ оружіе противъ императора (1044 г.). Онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но черезъ годъ выпущенъ на свободу и снова получилъ свое герцогство. Въ 1047 году онъ возсталъ вторично, заключилъ противъ Генриха союзъ съ Бальдуиномъ V Фландрскимъ и другими нидерландскими графами, разрушилъ старый императорскій дворецъ въ Нимвегенѣ, сжегъ почти весь городъ Верденъ и сильно безпокоилъ императора, занятаго тогда войной съ венграми. Генрихъ низложилъ его и отдалъ его герцогство сначала графу Альберту, а потомъ, когда Альбертъ былъ убитъ Готтфридомъ, эльзасскому графу Гергарду, потомство котораго до прошлаго столѣтія владѣло Верхней Лотарингіей и уже болѣе ста лѣтъ, какъ владѣетъ престоломъ Австрійской имперіи. Война съ возставшими князьями, отнимавшая у императора много времени и много людей, была очень затруднительна, какъ потому, что происходила въ болотистой мѣстности, такъ и потому, что во время отлучекъ Генриха въ Венгрію непокорные князья всегда имѣли возможность снова собирать свои силы. Въ 1050 году папа Левъ IX, искавшій тогда помощи противъ норманновъ, установилъ наружный миръ между императоромъ и Готтфридомъ, но послѣдній не могъ получить обратно Лотарингіи. Впослѣдствіи онъ отправился въ Италію и, женившись тамъ на богатѣйшей наслѣдницѣ въ Италіи, Беатриче Тосканской, снова сдѣлался чрезъ это опаснымъ врагомъ императора. Французы также нѣсколько разъ дѣлали попытки вмѣшаться въ споры Генриха съ его нидерландскими вассалами, возобновляя притязанія на Лотарингію; но Генрихъ постоянно отражалъ ихъ. При послѣднемъ свиданіи съ Генрихомъ I Французскимъ онъ предложилъ ему доказать свое право на Лотарингію поединкомъ, но французскій король тотчасъ же послѣ того отправился домой.

Какъ ни занятъ былъ императоръ внутренними дѣлами Германіи и войною съ Венгріей, Италія также требовала его присутствія, независимо отъ необходимости для него ѣхать туда для полученія императорской короны. Его ждали тамъ какъ избавителя, потому что ни одинъ германскій король не занимался такъ прилежно судомъ и очень немногіе умѣли такъ хорошо поддерживать оружіемъ свои распоряженія и приказы. Въ Ломбардіи, гдѣ Конраду не удалось возстановить спокойствія, вмѣсто закона господствовали насиліе и угнетеніе; въ Римѣ папскій престолъ сдѣлался продажнымъ и три папы спорили другъ съ другомъ о правѣ первенства надъ христіанскимъ Западомъ; наконецъ въ Нижней Италіи норманны изъ вассаловъ имперіи сдѣлались разбойниками и завоевателями. Хотя въ Ломбардіи, по полученіи извѣстія о смерти Конрада II, война съ Герибертомъ и миланцами тотчасъ же прекратилась, и Герибертъ отправился въ Германію, чтобы принести присягу новому королю, но вскорѣ послѣ того въ Миланѣ вспыхнула кровавая вражда между аристократіей и угнетенными ею горожанами; аристократія

вмѣстѣ съ архіепископомъ должна была оставить городъ и начала постоянную войну съ оставшимися въ немъ горожанами, во главѣ которыхъ стоялъ одинъ предпріимчивый вельможа, Ланцо, съ самаго начала отдѣлившійся отъ своего сословія. Въ 1043 году, когда миланцы были совершенно стѣснены осаждавшими, Ланцо отправился искать помощи въ Германіи. Въ отношеніи къ ломбардскому дворянству Генрихъ поступилъ благоразумнѣе своего отца: онъ оказалъ покровительство Ланцо и его партіи и обѣщалъ прислать имъ 4000 рыцарей, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы миланцы впустили ихъ въ городъ, платили имъ жалованье до его прибытія въ Италію и помогали ему противъ всѣхъ его враговъ. Послѣ этого Ланцо безъ труда возстановилъ миръ между горожанами и дворянствомъ. Чрезъ нѣсколько времени спустя умеръ Гиберть (1045 г.), и Генрихъ, отдавъ архіепископство миланское преданному ему и опытному въ свѣтскихъ дѣлахъ миланцу Гвидо, положилъ прочное основаніе своему вліянію въ Италіи. Въ слѣдующемъ году онъ самъ съ сильнымъ войскомъ отправился въ Италію.

Во время этого похода онъ преимущественно обратилъ свое вниманіе на споры папъ и немедленно собралъ въ Павіи соборъ, для совѣщанія съ епископами и архіепископами о дѣлахъ папскаго престола. Объ обладаніи папскимъ престоломъ уже нѣсколько лѣтъ спорили двѣ партіи римскихъ вельможъ, и трое папъ, изъ которыхъ ни одинъ не получилъ своего достоинства законнымъ путемъ, предавали другъ друга церковнымъ проклятіямъ. Папа Бенедиктъ IX, развратникъ, принадлежавшій къ одной могущественной римской фамиліи, разъ уже изгнанный и возвращенный потомъ императоромъ Конрадомъ, въ 1044 году долженъ былъ уступить мѣсто избраннику противной партіи, Сильвестру III, и хотя вскорѣ послѣ того онъ возвратился въ Римъ, но, не будучи въ состояніи удержаться тамъ, продалъ папское достоинство Григорію VI и отправился въ свои владѣнія.

Григорій, хотя и получившій папство также неправильно, былъ, безспорно, самымъ достойнымъ изъ всѣхъ соперниковъ; онъ отличался такой честностью, ученостью и опытностью, что впослѣдствіи умнѣйшій человѣкъ своего времени, Гильдебрандъ, не только сопровождалъ его въ ссылку въ Германію, чтобы пользоваться его поучительными указаніями, но, сдѣлавшись папой, принялъ даже въ честь его имя Григорія VII. Сознавая свои заслуги, Григорій VI безстрашно выѣхалъ на встрѣчу Генриху, который принялъ его дружелюбно, но не хотѣлъ признать его настоящимъ папой и предоставилъ рѣшеніе этого вопроса собору, созванному имъ въ Сутри. Собравшіеся епископы объявили всѣхъ трехъ папъ незаконными. Тогда Генрихъ отправился въ Римъ и здѣсь, съ согласія епископовъ, свѣтскихъ вельможъ и народа, назначилъ папой епископа Свидгера Бамбергскаго, подъ именемъ Климента II. Приказавъ ему короновать себя императоромъ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія относительно Италіи, Генрихъ лѣтомъ 1047 года возвратился въ Германію. Григорій VI, взятый имъ съ собою, вскорѣ послѣ этого умеръ; Сильвестръ возвратился къ частной жизни, а Бенедиктъ IX, жившій во время пребыванія короля въ Римѣ въ своихъ замкахъ, осенью того же года снова явился въ Римъ и по внезапной смерти Климента II еще разъ овладѣлъ папскимъ престоломъ; его обвиняютъ даже, что онъ отравилъ Климента. Строгость императора произвела однакожъ впечатлѣніе въ Италіи, и римляне, не рѣшаясь поддерживать противъ него Бенедикта, выбрали нѣмецкаго епископа, заранѣе назначеннаго Генрихомъ въ преемники Клименту и, когда этотъ епископъ умеръ черезъ двадцать три дня по избраніи, признали папою, подъ именемъ Льва IX, другаго нѣмца, присланнаго императоромъ (1049 г.).

Еще до возвращенія императора изъ Рима Левъ отправился въ Нижнюю Италію, гдѣ между тѣмъ норманны произвели значительныя перемѣны въ политическомъ состояніи страны. Города Гаэта, Амальфи и Неаполь возвысились тамъ до такой же степени благосостоянія, какъ Венеція на сѣверѣ полуострова. Какъ послѣдняя занималась доставкою произведеній и промышленныхъ издѣлій Византійской имперіи въ Испанію и черезъ Германію на сѣверъ, такъ эти города снабжали всѣ страны Средиземнаго моря сдѣлавшимися для нихъ необходимыми товарами Египта и, вѣроятно, также Индіи, а Италію преимущественно произведеніями береговъ Чернаго моря. Во время безпрестанныхъ войнъ въ Византійской имперіи, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ которыхъ было стѣсненіе греческой торговли, эти торговые города пріобрѣли огромныя выгоды, потому что торговля малень-

кихъ государствъ во время безпокойствъ и войнъ большихъ державъ развивается гораздо быстрѣе, чѣмъ во время продолжительнаго мира и ненарушимаго спокойствія. Поэтому венеціанцы всегда оставались вѣрными союзниками грековъ, которые, въ свою очередь, дорожили ими, а жители Гаэты, Амальфи и Неаполя спокойно подчинялись господству греческихъ катапановъ или намѣстниковъ, подъ властью которыхъ находилась тогда почти вся Нижняя Италія. Политическія отношенія и вообще положеніе дѣлъ на югѣ полуострова совершенно измѣнились вслѣдствіе того, что поселившіеся тамъ норманны изъ авантюристовъ и разбойниковъ сдѣлались наконецъ завоевателями.

Въ царствованіе Конрада II къ норманнамъ графства Аверсы, подчиненнымъ въ качествѣ вассаловъ Ваймару, князю салернскому и капуанскому, прибыли изъ Нормандіи новыя толпы пришельцевъ искать счастья въ Италіи. Предводителями ихъ были Вильгельмъ Желѣзная Рука, Дрогонъ и Гумфридъ, сыновья незначительнаго владѣтеля Танкреда д'Отвилля. Сначала они поступили на службу къ салернскому князю, а потомъ, подъ начальствомъ лонгобарда Ардуина, перешли къ греческому полководцу Маніаку, который былъ посланъ въ Италію императоромъ Михаиломъ IV и, пользуясь раздорами между сицилійскими мухаммеданами, думалъ снова завоевать этотъ островъ. Предпріятіе удалось, но, вслѣдствіе интригъ своего товарища, Стефана, Маніакъ былъ отозванъ и мѣсто его занялъ Стефанъ. Аравитяне вскорѣ опять отняли у него весь островъ до самаго города Мессины. Преемникъ Стефана, Докеанъ, остановилъ дальнѣйшіе успѣхи невѣрныхъ, но своимъ мелкимъ корыстолюбіемъ еще болѣе повредилъ имперіи, чѣмъ Стефанъ своей трусостью и неспособностью. Онъ не только отказалъ норманнамъ въ слѣдовавшей имъ части добычи и отдалъ ее всю грекамъ, но схватилъ и оскорбилъ Ардуина, когда тотъ сталъ поддерживать справедливыя требованія норманновъ. Раздраженные этимъ, норманны стали съ этой минуты заклятыми врагами грековъ, и такъ какъ греческіе полководцы были большею частью неспособны, то смѣлые скандинавы безъ всякаго труда могли распространить свои завоеванія въ Нижней Италіи. Они снова вступили въ службу къ Ваймару и завоевали для него важный городъ Амальфи, котораго, однако, онъ вскорѣ снова лишился, потому что въ Нижней Италіи, какъ нѣкогда въ древней Греціи, господствовало тогда вѣчное колебаніе между побѣдою и пораженіемъ и безпрестанныя перемѣны въ границахъ государствъ. Поссорившись вскорѣ съ Ваймаромъ, норманны разграбили его владѣнія и, заключивъ формальный договоръ съ своими соотечественниками, имѣвшими лены въ Аверсѣ, основали отдѣльное разбойничье государство въ городѣ Мельфи, лежавшемъ въ плодородной мѣстности и окруженномъ крутыми горами, глубокими оврагами и недоступными дорогами. Отсюда они грабили и друга и недруга: привыкнувъ жить на счетъ другихъ и признавая только права меча, они совершенно равнодушно смотрѣли на грабежи, пожары, убійства, развратъ и всякія насилія; они повиновались только внушеніямъ своего корыстолюбія и не отступали ни предъ какими опасностями. Вмѣсто того, чтобы двинуться на нихъ со всею арміею, греки имѣли неосторожность выслать противъ нихъ отдѣльные отряды; норманны безъ труда одержали верхъ надъ разъединенными и малочисленными войсками, а эти побѣды еще болѣе возвысили ихъ военную славу. Будучи еще не въ силахъ бороться заразъ противъ грековъ и лонгобардскихъ князей страны, они прибѣгли къ хитрости и, грабя однихъ, поступали на службу къ другимъ, пока, наконецъ, не одержали верхъ надъ греками въ одной рѣшительной битвѣ (1042 г.) и могли сбросить маску. Послѣ этого они приступили къ дѣлежу завоеваній. Сыновья Танкреда призвали остальныхъ своихъ братьевъ; каждый изъ нихъ основалъ въ горахъ по особому разбойничьему гнѣзду, и молва объ ихъ счастьѣ такъ распространилась въ Нормандіи, что ихъ корыстолюбивыхъ соотечественниковъ съ трудомъ можно было удержать отъ переселенія цѣлыми толпами въ Италію. Главными предводителями были Вильгельмъ Желѣзная Рука, а по смерти его, Дрогонъ; оба они назывались уже графами Апуліи. Въ 1047 году, когда императоръ Генрихъ III явился въ Нижнюю Италію, Дрогонъ получилъ въ ленное владѣніе завоеванную страну за большую сумму денегъ, потому что нѣмцы не уступали въ корыстолюбіи норманнамъ. Графъ Аверсы, Райнульфъ, потомство котораго впослѣдствіи должно было уступить

власть сыновьямъ Танкреда, былъ признанъ, также за деньги, вассаломъ имперіи. Генрихъ охотно согласился, потому что самъ никогда не владѣлъ землей, отданной этимъ разбойникамъ; норманны же, становясь за деньги вассалами императора, поступали весьма расчетливо: они искали законности, и утвержденіе Генриха на самомъ дѣлѣ давало имъ право считать себя законными владѣтелями страны; имѣлъ ли самъ императоръ право поступить такимъ образомъ, было не ихъ дѣло, а дѣло императора.

Вскорѣ послѣ того эти люди, обнаруживъ единственный разъ въ жизни чувство вѣрности и дружбы, были вознаграждены за это неблагодарностью и обманомъ, что еще болѣе должно было убѣдить ихъ въ пользѣ насилія. Храбрый завоеватель Сициліи, Маніакъ, снова получившій начальство въ Италіи, былъ вынужденъ, вслѣдствіе интригъ одного византійскаго придворнаго, прибѣгнуть къ возстанію (1042 г.), и императоръ Константинъ VII послалъ противъ него Аргира, сына того самаго Мела, которому норманны обязаны были первыми своими успѣхами. Одна толпа норманновъ пристала къ Аргиру и помогла ему выгнать Маніака; вслѣдъ за тѣмъ они вмѣстѣ съ Аргиромъ отправились въ Константинополь и тамъ, во время одного возстанія, оказали важныя услуги императору. Аргиръ представилъ послѣ того императору планъ совершенно отдѣлаться отъ норманновъ, воспользовавшись ихъ корыстолюбіемъ. Возвратившись въ Италію, онъ сталъ уговаривать ихъ отказаться за большую сумму денегъ отъ своихъ итальянскихъ владѣній въ пользу императора и, поступивъ къ нему на службу, отправиться на войну противъ персовъ. Убѣдившись въ томъ, что норманны вовсе не желаютъ оставлять Италіи, Аргиръ прибѣгнулъ къ интригамъ и убійствамъ, и соединился съ папой Львомъ IX, который, также опасаясь норманновъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы удалить ихъ изъ Италіи. Узнавъ объ этомъ, норманны помѣшали ихъ свиданію, но, впрочемъ, позволили папѣ безпрепятственно воротиться назадъ. Вскорѣ послѣ этого Дрогонъ былъ убитъ (1051 г.), и норманны приписывали смерть его Аргиру или Льву, или обоимъ вмѣстѣ. Впрочемъ, подозрѣнія ихъ на папу были неосновательны, потому что Левъ, какъ человѣкъ честный и благородный, едва ли бы рѣшился на такое средство. Аргиръ, если онъ дѣйствительно былъ виновникомъ убійства, ничего не выигралъ этимъ поступкомъ, а только ускорилъ осуществленіе плана норманновъ. Имъ уже нельзя было колебаться: Левъ и Аргиръ были ихъ явными врагами. Мѣсто Дрогона занялъ Гумфридъ и послѣ него во всѣхъ нормандскихъ разбойничьихъ шайкахъ сталъ самый смѣлый и хитрый человѣкъ своего времени, братъ Гумфрида, Робертъ, по прозванью Гискаръ, т. е. хитрецъ.

Левъ IX отправился въ Германію просить помощи у императора, который, впрочемъ, былъ и безъ того слишкомъ занятъ на границахъ и внутри государства, чтобы еще идти въ Италію. Поэтому папа, набравъ въ Швабіи и Эльзасѣ около 700 волонтеровъ, возвратился съ ними въ Римъ, въ намѣреніи однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить войну съ норманнами. Онъ встрѣтился съ соединенными силами трехъ главныхъ предводителей: Гумфрида, Роберта Гискара и Ричарда Аверсскаго при Чивителлѣ въ Капитанатѣ, но потерпѣлъ совершенное пораженіе и самъ былъ взятъ въ плѣнъ (1053 г.). Норманны выказали къ нему почтеніе и вскорѣ послѣ того выпустили на свободу, заставивъ его только снять наложенное на нихъ проклятіе. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ, и императоръ, назначивъ преемникомъ ему другаго нѣмца, епископа Гебгарда Эйхштедтскаго, подъ именемъ Виктора II, весной 1055 года отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Италію. Осенью того же года онъ возвратился назадъ, такъ что, повидимому, ѣздилъ въ Италію только для герцога Готтфрида Лотарингскаго, который, какъ мужъ Беатриче, угрожалъ вліянію императора на полуостровѣ. Беатриче, послѣ перваго мужа, маркграфа Бонифація, владѣла въ Тосканѣ большими ленами и наслѣдственными землями, хотя, собственно говоря, они принадлежали не ей, а ея сыну отъ Бонифація, и въ случаѣ его смерти, дочери ея, Матильдѣ. Явившись въ Италію, Генрихъ потребовалъ къ себѣ Готтфрида и Беатриче. Первый отказался явиться къ императору, но Беатриче приняла этотъ вызовъ и, схваченная по приказанію Генриха, отправлена была въ Германію, за то, что безъ согласія императора вышла замужъ за его смертельнаго врага. Сынъ ея въ это время умеръ, и Генрихъ, отнявъ у нея всѣ имперскіе лены и владѣнія ея мужа, взялъ

съ собой въ Германію дочь ея, Матильду. Готтфридъ отправился къ своему старому другу, Бальдуину Фландрскому, и въ союзѣ съ нимъ продолжалъ враждебныя дѣйствія противъ тѣхъ, кто занялъ его земли. Генрихъ перенесъ свою ненависть и на брата Готтфрида, который былъ другомъ и канцлеромъ Льва IX и не задолго до его смерти былъ посланъ имъ въ Константинополь. Преслѣдуемый Генрихомъ по возвращеніи изъ Византіи, Фридрихъ избѣгнулъ опасности только тѣмъ, что поступилъ монахомъ въ монастырь Монтекассино.

Генрихъ умеръ черезъ годъ по возвращеніи изъ Италіи (1056 г.). Намъ неизвѣстно положительно, точно ли этотъ энергическій и неутомимый императоръ принималъ участіе въ планѣ архіепископа Адельберта Бременскаго, желавшаго играть въ сѣверной Германіи роль папы; но, вѣроятно, онъ хлопоталъ объ этомъ у Льва IX. Планъ Адельберта состоялъ въ слѣдующемъ. Бременскіе архіепископы имѣли прежде непосредственный надзоръ за епископами всего сѣвера; но когда христіанство, благодаря поддержкѣ могущественнаго Канута Великаго (стр. 388), распространилось между всѣми сѣверными народами германнскаго племени, а торговля и образованность быстро развились на сѣверѣ вслѣдствіе сношеній скандинавовъ съ Англіей и нѣмецкими городами, въ этихъ странахъ стала ощущаться потребность въ отдѣльныхъ митрополіяхъ и архіепископствахъ для болѣе близкаго надзора за епископами и священниками. Это сознавалъ и самъ Адельбертъ; но, желая сохранить свои привилегіи на сѣверѣ, онъ стремился получить титулъ патріарха и родъ высшаго надзора надъ сѣверными архіепископами. Могущественный владѣтель сѣвера, Свенонъ III Эстритсонъ, король датскій, не противился этому. Левъ IX, всегда расположенный къ своимъ нѣмецкимъ соотечественникамъ, также благопріятствовалъ его желаніямъ, и они не имѣли успѣха только вслѣдствіе преждевременной смерти папы.

Генрихъ III оставилъ престолъ шестилѣтнему сыну, Генриху IV, уже прежде избранному и помазанному въ короли. Опекунами и воспитателями его были назначены духовные. Это обстоятельство и положеніе, въ которомъ находился въ отношеніи къ духовенству Генрихъ III, имѣли послѣдствіемъ то, что сынъ его, едва достигнувъ совершеннолѣтія, долженъ былъ начать борьбу съ тѣми изъ нихъ, которые хотѣли вынудить у него признаніе независимости духовной власти отъ свѣтской. На этомъ спорѣ вертится вся исторія Генриха IV, потому что съ другими врагами онъ могъ бы легко управиться. Поэтому, прежде чѣмъ говорить объ его царствованіи, необходимо разсказать исторію папъ до страшнаго врага Генриха, Григорія VII, а для ея объясненія, исторію норманновъ и тѣсно связанныя съ ней событія въ греческой имперіи. Мы начнемъ съ послѣднихъ.

4. Обзоръ византійской исторіи отъ Василія II до Алексѣя I Комнена и исторія норманновъ въ концѣ этой эпохи.

Императоръ Василій II (стр. 525), по смерти Цимисхія единовластно управлявшій греческой имперіей за себя и брата (976 — 1025 г.), шелъ по слѣдамъ двухъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, но дѣйствовалъ, можетъ быть, еще благоразумнѣе. Оставивъ мысль о продолженіи, хотя не трудныхъ, но безполезныхъ, завоеваній на востокѣ и планы сдѣлать вѣчно безпокойныхъ и столько разъ уже покоряемыхъ болгаръ изъ хищныхъ сосѣдей мирными подданными, онъ, однако, не пренебрегалъ совершенно востокомъ, а напротивъ, начавъ уже войну съ болгарами и побѣдивъ двухъ своихъ соперниковъ, обезпечилъ и сѣверную границу Малой Азіи пріобрѣтеніемъ горной кавказской страны Иберіи, принудилъ мухаммеданскихъ эмировъ Сиріи платить себѣ дань и прекратилъ набѣги на эту страну кочующихъ арабовъ. Болгары, свергнувъ съ себя греческое иго, подъ предводительствомъ отважнаго Самуила овладѣли сосѣдними провинціями и ограбили всю страну до самаго Пелопоннеса. Выбравъ свободное время, Василій выступилъ противъ нихъ и почти безпрерывно, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, велъ съ ними войну. Передавать въ подробности событія этой войны и перечислять всѣ совершавшіяся во время ея жестокости было

бы и утомительно, и возмутительно; тѣмъ болѣе, что и то и другое легко себѣ представить, зная, что греки, отъ природы горячіе и ожесточенные ненавистью, страшно мстили своимъ врагамъ, употребляя для войны съ ними самыя дикія и свирѣпыя наемныя войска. Наконецъ Василій совершилъ жестокость, безпримѣрную въ исторіи и почти невѣроятную, приказавъ однажды ослѣпить 15,000 плѣнныхъ болгаръ. Это навело на болгаръ ужасъ; кромѣ того, сынъ и наслѣдникъ Самуила былъ убитъ однимъ вельможей и завоеваніе опустошенной и обезлюдѣвшей страны сдѣлалось, наконецъ, возможнымъ. Въ 1018 году Василій завоевалъ всю Болгарію, и въ тоже время, принудивъ присягнуть себѣ хорватовъ (кроатовъ) и сербовъ, занялъ весь восточный берегъ Адріатическаго моря. Но всѣ эти счастливыя предпріятія имѣли и свои невыгоды. Вслѣдствіе ихъ Василій былъ вовлеченъ въ новыя непріязненныя столкновенія съ венграми, разсорился съ своими союзниками венеціанцами и долженъ былъ защищать отъ печенѣговъ и другихъ сосѣднихъ варваровъ свою болгарскую провинцію, которая прежде могла обороняться отъ нихъ сама. Василій умеръ во время приготовленія къ походу противъ Сициліи. Само собою разумѣется, что эти вѣчныя войны и пагубное обыкновеніе содержать наемныя войска были весьма обременительны для народа, но съ другой стороны, увеличеніе славы и значенія имперіи и содержаніе самаго сильнаго въ то время флота умножили доходы государственной казны и способствовали увеличенію вывоза греческихъ произведеній и развитію торговли, въ особенности въ приморскихъ городахъ Нижней Италіи.

Братъ Василія, Константинъ VI, пережившій его только тремя годами, до самой смерти управлялъ государствомъ одинъ; но, оставаясь слишкомъ долго въ бездѣйствіи и не имѣя никакого значенія, не могъ быть способнымъ правителемъ. Передъ смертью онъ заставилъ одного знатнаго византійца, Романа Аргира, жениться на своей дочери Зоѣ и назначилъ его наслѣдникомъ престола (1028 г.). Такимъ образомъ, Романъ противъ воли сдѣлался мужемъ сорока восьми-лѣтней женщины и повелителемъ имперіи. По словамъ писателя той эпохи, Михаила Пселла, онъ болѣе другихъ вельможъ былъ достоинъ этой чести, хотя, безспорно, предпочиталъ мирныя занятія войнѣ. Поселлъ говоритъ, что онъ избралъ своимъ образцомъ Августа и Антониновъ. Впрочемъ, сходство между нимъ и этими императорами ограничивается тѣмъ, что онъ умѣлъ окружать себя способными людьми, выполнявшими его планы; онъ отличался только книжно-педантической ученостью и скорѣе походилъ на Адріана, чѣмъ на Антониновъ, съ той только разницею, что не былъ такъ неблагодаренъ и завистливъ (стр. 133 и 170). Въ самомъ началѣ царствованія, онъ началъ опасную войну съ однимъ княземъ изъ династіи Келабидовъ (стр. 353) и,ославъ туда съ войскомъ зятя, сталъ самъ готовиться къ походу. До тѣхъ поръ все шло прекрасно, но когда этотъ князь предложилъ покориться ему и платить дань, то, зная свои ограниченныя дарованія, ему не слѣдовало бы упускать случая заключить славный миръ. Къ несчастью, онъ не сдѣлалъ этого, воображая, что созданъ полководцемъ и, не смотря на совѣты благомыслящихъ людей, рѣшился продолжать войну, которая окончилась именно такъ, какъ ожидали его военачальники. Онъ былъ совершенно окруженъ непріятелемъ, потерпѣлъ страшное пораженіе и со стыдомъ бѣжалъ въ Константинополь (1030 г.). Его храбрый полководецъ, Георгій Маніакъ, уже извѣстный намъ изъ исторіи Нижней Италій, тотчасъ же доказалъ, что это несчастье слѣдуетъ приписать самому императору и его распоряженіямъ. Онъ не только разбилъ враговъ, побѣдившихъ императора, и отнялъ захваченную ими добычу, но впослѣдствіи, управляя провинціями въ верховьяхъ Тигра, сдѣлался ужасомъ невѣрныхъ, потому что былъ знакомъ съ ихъ способомъ веденія войны и умѣлъ употреблять его въ дѣло. Романъ умеръ въ 1034 году. Въ Константинополѣ такъ привыкли вѣрить убійствамъ, что хотя Романъ уже давно былъ боленъ, однако по его смерти распространился слухъ, что онъ былъ отравленъ и потомъ задушенъ въ банѣ Зоею и ея любовникомъ, придворнымъ банкиромъ Михаиломъ изъ Пафлагоніи. Извѣстно, впрочемъ, что Зоя еще при жизни Романа предпочитала ему Михаила, но она, вѣроятно, не совсѣмъ хорошо знала его характеръ, потому что страшно ошиблась, когда по смерти Романа избрала его мужемъ и императоромъ: вмѣсто красиваго, крѣпкаго и здороваго мужчины, за котораго она хотѣла выйти, она нашла въ мужѣ че-

ловѣка, страдавшаго припадками сумасшествія, а потомъ водяной. При этомъ она ошиблась и въ другихъ своихъ разчетахъ, потому что власть перешла въ руки брата Михаила, Іоанна, который держалъ ее взаперти и удалилъ отъ нея всѣхъ ея друзей.

Правленіе Михаила IV Пафлагонянина (1034—1041 г.) въ высшей степени замѣчательно по предпріятіямъ полководца Маніака въ Сициліи и успѣхамъ норманновъ въ Нижней Италіи, такъ какъ вскорѣ послѣ того при Гогенштауфенахъ обѣ эти страны получили важное значеніе для Германіи, а со времени Карла Анжуйскаго—и для всей Европы; даже въ царствованіе Михаила, благодаря вліянію Амальфи и Салерно, онѣ имѣли гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по ихъ величинѣ и матеріальнымъ средствамъ. Къ сожалѣнію, намъ извѣстны только придворные анекдоты, а не исторія этого времени. Сицилійское мухаммедане отложились отъ фатимидскихъ халифовъ, и островъ раздѣлился на множество маленькихъ княжествъ, постоянно враждовавшихъ между собою стр. 331). Видя въ этомъ удобный случай завоевать давно потерянныя владѣнія въ Сициліи, византійское правительство вызвало изъ Азіи Георгія Маніака и послало его въ Италію съ многочисленными войсками и обширною властью. Маніакъ необыкновенно счастливо сражался въ Сициліи и покорилъ почти весь островъ, не смотря на то, что африканскіе мухаммедане дѣятельно поддерживали своихъ единовѣрцевъ; но то, что было пріобрѣтено умомъ и храбростью Маніака, было снова потеряно вслѣдствіе придворныхъ интригъ. Подъ начальствомъ Маніака находился въ качествѣ адмирала очень вліятельный царедворецъ, Стефанъ, женатый на сестрѣ императора; вѣроятно, изъ зависти къ возраставшей славѣ начальника, онъ не слушался его приказаній, и наказанный за то Маніакомъ, обвинилъ его въ измѣнѣ передъ своимъ шуриномъ, Іоанномъ, управлявшимъ тогда имперіею. Маніакъ былъ отозванъ, а Стефанъ, получивъ главное начальство надъ арміей, потерялъ Сицилію такъ же скоро, какъ она была завоевана его предшественникомъ. Изъ всѣхъ городовъ на островѣ только Мессина была спасена храбростью одного греческаго военачальника. Преемникъ Стефана, Докеанъ, какъ было уже сказано выше, причинилъ имперіи еще болѣе вреда: своею скупостью онъ возбудилъ возстаніе норманнскихъ наемниковъ и потомъ, вслѣдствіе дурныхъ своихъ распоряженій, отдалъ войска на жертву отважнымъ и хитрымъ норманнамъ. Кромѣ того въ правленіе Михаила грекамъ было много хлопотъ съ болгарами, сербами и печенѣгами. Съ русскими, князь которыхъ, Владиміръ, еще въ 988 году женился на сестрѣ императора Василія, греки находились уже въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ, что даже занимали на Руси не только высшія духовныя, но и свѣтскія должности, требовавшія умѣнья писать, дѣловой опытности или искусства льстить.

Въ 1041 году Михаилъ IV, отказавшись отъ міра, поступилъ въ монастырь и тамъ вскорѣ умеръ. При его отреченіи Зоя, усыновивъ своего племянника, сына Стефана, Михаила V, велѣла провозгласить его императоромъ. Этотъ человѣкъ, не имѣвшій никакихъ особенныхъ достоинствъ, какъ правитель и частный человѣкъ, получилъ отъ черни насмѣшливое прозвище Конопатчика, потому что прежде занимался, какъ говорятъ, судостроеніемъ. Лишенный всякой энергіи, онъ сдѣлался послушнымъ орудіемъ Зои и, задумавъ однажды освободиться отъ этого ига, былъ свергнуть съ престола Зоей и сестрой ея, Ѳеодорой (1042 г.), которыя и присвоили себѣ власть. Но женщины не могли долго властвовать въ государствѣ, окруженномъ варварскими народами и угрожаемомъ въ то время гюркскимъ племенемъ сельджуковъ, которые уже заняли тогда всѣ страны отъ Джигуна до Сиріи. Вскорѣ Зоя и Ѳеодора, принужденныя назначить кого-нибудь въ императоры, избрали одного изъ родственниковъ императорской фамиліи, Константина VII Мономаха, который и женился на престарѣлой Зоѣ. Выборъ былъ неудаченъ, потому что вся жизнь Константина можетъ служить доказательствомъ, что этотъ человѣкъ былъ неспособенъ управлять государствомъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, хотя и обладалъ всѣми прекрасными качествами души: онъ, безспорно, совершилъ много славнаго и, когда въ началѣ правленія не увлекался какой-нибудь страстью и капризомъ, умѣлъ даже поддержать внутреннее и внѣшнее спокойствіе имперіи. Къ числу его хорошихъ качествъ слѣдуетъ отнести также благоразуміе и твердость, благодаря которымъ онъ пред-

упреждалъ исполненіе направленныхъ противъ него заговоровъ и возстаній, хотя, въ сущности, въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ счастья. Важнѣйшими изъ этихъ возмущеній были возстанія храбраго Маніака, Льва Торникія и Ѳеофила Эротика. Первый, снова получивъ отъ Зои начальство въ Италіи, былъ побужденъ къ возстанію гнусными интригами его придворныхъ враговъ. Онъ провозгласилъ себя въ Италіи императоромъ, но, побѣжденный съ помощью норманновъ, перешелъ въ Болгарію и умеръ тамъ отъ раны (1043 г.). Во время возстанія Льва Торникія, родственника Константина, императоръ получилъ помощь отъ Аргира и его норманновъ (стр. 567), но бунтовщики были усмирены преимущественно благодаря храбрости и рѣшительности императора. Возмущеніе полководца Ѳеофила Эротика замѣчательно въ особенности тѣмъ, что императоръ подвергнулъ захваченныхъ въ плѣнъ бунтовщиковъ весьма легкому наказанію, тогда какъ обыкновенно государственныя преступленія были наказываемы съ чрезвычайною строгостью.

Важнѣйшими событіями царствованія Константина были походъ русскаго великаго князя Ярослава на Константинополь и перемѣна въ отношеніяхъ печенѣговъ къ ихъ сосѣдамъ. Ярославъ (стр. 499), который, вытѣснивъ брата, сдѣлался властителемъ всей русской земли, находился въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ греками. Но когда одинъ изъ его бояръ былъ убитъ въ Константинолѣ во время ссоры съ греками, Ярославъ такъ оскорбился этимъ, что рѣшился предпринять, въ отмщеніе, большой походъ противъ столицы греческой имперіи. Принявъ въ свою службу множество сѣверныхъ авантюристовъ, варяговъ (стр. 365), онъ, по примѣру предковъ, спустился на безчисленныхъ маленькихъ лодкахъ по Днѣпру и вдоль береговъ Чернаго моря къ самому Константинополю (1043 г.). Этотъ походъ могъ бы показаться намъ невѣроятнымъ, если бы мы не знали, что Черное море, еще въ самой глубокой древности извѣстное своими бурями, обыкновенно бываетъ опасно только отъ ноября до апрѣля, а въ прочія времена года становится спокойнѣе всѣхъ другихъ извѣстныхъ морей. Походъ Ярослава окончился неудачно вслѣдствіе сильнаго теченія въ Босфорѣ, опаснаго даже для большихъ кораблей, наступленія осеннихъ бурь, искусства грековъ въ морскомъ дѣлѣ и употребленія ими греческаго огня (стр. 295). Въ самомъ началѣ буря разсѣяла большую часть русскаго флота, а остальныя ладьи были уничтожены греческимъ огнемъ адмирала Василія. Только весьма немногіе изъ русскихъ спаслись на своихъ лодкахъ, другіе отправились въ обратный путь тою же дорогою, но на Дунаѣ наткнулись на греческое войско подъ начальствомъ Катакало и были истреблены или взяты имъ въ плѣнъ.

Въ это время печенѣги, тѣснимые соплеменными имъ половцами, куманами и узами, перессорились между собой. Одинъ изъ ихъ предводителей, Кегенъ, былъ принужденъ бѣжать и съ 20,000 подданныхъ обратился къ грекамъ. Константинъ позволилъ ему поселиться въ Болгаріи и безпокоить оттуда своихъ враговъ. Тогда главный ханъ печенѣговъ переправился со всѣмъ своимъ народомъ черезъ замерзшій Дунай, но его погубила именно многочисленность его орды. Печенѣги были истреблены голодомъ и болѣзнями, а соплеменникъ ихъ, Кегенъ, указалъ грекамъ лучшій способъ побѣдить ихъ въ открытомъ полѣ. Впослѣдствіи Кегенъ еще разъ оказалъ грекамъ услугу противъ единоплеменниковъ, но, не смотря на то, императоръ, подозрѣвая его въ измѣнѣ, велѣлъ схватить его. Послѣ того печенѣги, переведенные имъ въ Болгарію, поспѣшили на родину и сдѣлались для своихъ ожесточенныхъ соотечественниковъ отличными проводниками въ знакомыя уже имъ страны греческой имперіи. Многочисленныя толпы печенѣговъ неожиданно появились подъ Андріанополемъ и нанесли греческому войску такое пораженіе, что императоръ для защиты столицы отъ варваровъ долженъ былъ со всевозможною поспѣшностью отозвать франкскихъ и варяжскихъ наемниковъ, посланныхъ имъ противъ сельджуковъ. Константинъ старался также склонить печенѣжскихъ предводителей на свою сторону блистательнымъ пріемомъ ихъ при дворѣ; но этотъ пріемъ и послѣдовавшее вскорѣ послѣ того освобожденіе Кегена имѣли совершенно неожиданное дѣйствіе: дружеское обращеніе съ предводителями только послужило для нихъ поощреніемъ къ новымъ нападеніямъ и грабежамъ, и Кегенъ, вздумавшій заключить миръ съ греками, былъ изрубленъ въ куски своими соотечественниками. Посланные противъ нихъ полководцы

отличались только трусостью и неспособностью, и греки, потерпѣвъ пораженіе въ двухъ рѣшительныхъ битвахъ (1049 г.), отдали всю Ѳракію на жертву варваровъ. Восточная граница была вновь лишена защиты, для того чтобы изгнать полудикаго непріятеля изъ окрестностей столицы. На этотъ разъ Константинъ былъ счастливѣе въ выборѣ начальника: Никифоръ Вріенній и предводитель варяговъ, Михаилъ, разсѣяли разъединенныя толпы печенѣговъ, но, не смотря на пораженія, варвары еще два года грабили имперію и, согласившись, въ 1053 году, заключить съ греками тридцатилѣтній миръ, удержали завоеванную ими крѣпость Переяславецъ, пока, наконецъ, не были изгнаны куманами и узами (1057 г.).

Такимъ образомъ часть европейскихъ провинцій имперіи сдѣлалась добычей дикихъ печенѣговъ, въ то время какъ на востокѣ необходимо было защищаться отъ сельджуковъ, а на западѣ свирѣпствовали норманны. Принимая во вниманіе этотъ напоръ варваровъ на разныя провинціи имперіи и зная, что правительство не имѣло ни правильной системы взиманія податей, ни организованной администраціи, и что все зависѣло отъ отдѣльныхъ личностей, нельзя не удивляться, что находились еще люди, которые, не имѣя понятія о любви къ отечеству, о которомъ они не заботились, брались за защиту имперіи. Съ другой стороны, нельзя не назвать нелѣпостью того, что Константинъ, при такомъ положеніи дѣлъ, тратилъ средства имперіи на постройку пышныхъ зданій и въ особенности на устройство одного огромнаго заведенія, которое, въ одно и тоже время, было монастыремъ, странноприимнымъ и рабочимъ домомъ и богадѣльней для стариковъ, — какъ бы ни было само по себѣ полезно это заведеніе.

По смерти Константина, въ 1054 году, Ѳеодора, носившая до тѣхъ поръ титулъ соправительницы, стала во главѣ правленія. Ея управленіе — кому бы ни принадлежала эта заслуга: ей самой или ея министрамъ — было однимъ изъ лучшихъ, подобныхъ какимъ уже давно не видала имперія. Министры ея, желая обезпечить свое вліяніе на случай смерти Ѳеодоры, убѣдили ее назначить наслѣдникомъ престола дряхлаго и неспособнаго Михаила VI Стратіока. По смерти Ѳеодоры, въ 1056 году, онъ, дѣйствительно, былъ признанъ императоромъ, но, издавъ нѣсколько нелѣпыхъ распоряженій, самъ погубилъ себя, потому что, какъ извѣстно, для правителя гораздо опаснѣе казаться смѣшнымъ, чѣмъ быть ненавистнымъ. Катакало и другіе начальники азіатской арміи рѣшились свергнуть его съ престола и провозгласили императоромъ Исаака I Комнена, который былъ прежде полководцемъ на востокѣ. Михаилъ выставилъ противъ нихъ гораздо меньшее число войскъ, предназначенныхъ для защиты запада, но, потерявъ, благодаря искусству Катакало, рѣшительное сраженіе, вступилъ въ переговоры съ бунтовщиками. Ему едва не удалось поколебать рѣшимость соперника обѣщаніемъ цесарскаго достоинства и усыновленія, если бы Катакало, уже спасшій однажды имперію пораженіемъ возвращавшихся домой русскихъ, почти силой не принудилъ Исаака отвергнуть эти предложенія. Тогда Михаилъ добровольно отказался отъ престола (1057 г.); и противникъ его былъ признанъ всѣми императоромъ.

Исаакъ былъ вполнѣ достоинъ престола. Онъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе финансовъ, растраченныхъ его предшественниками, и занимался этимъ съ такою неутомимою ревностью, съ какой братъ его, Іоаннъ, получившій главное начальство надъ западными войсками, заботился о безопасности границъ. Усиленная заботливость о финансахъ, навлекшая на новаго императора упрекъ въ скупости, побудила его ограничить нѣсколько дрховенство и помѣшать увеличенію его владѣній; потому что, по его мнѣнію, во время управленія женщинъ много императорскихъ денегъ доставалось клиру. Умноженіе числа имѣній духовенства сопровождалось на востокѣ еще болѣе вредными послѣдствіями, чѣмъ на западѣ, потому что на западѣ обогащеніе духовенства уменьшало только число имѣній, платившихъ государству подати, тогда какъ на востокѣ можно было кромѣ того опасаться со стороны монаховъ притѣсненія и вреда для сосѣднихъ имѣній частныхъ лицъ, платившихъ подати. При всемъ томъ нельзя вполнѣ одобрить деспотическихъ пріемовъ и средствъ, употребленныхъ императоромъ для достиженія цѣли; это былъ единственный поступокъ, за который его ненавидѣли подданные.

Впрочемъ, нельзя не пожалѣть о недостаточности дошедшихъ до насъ объ этомъ періодѣ византійской исторіи извѣстій, болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ жалкія придворныя хроники, потому что при Исаакѣ и его ближайшихъ наслѣдникахъ въ Греціи вновь пробудилась необыкновенная ревность къ наукамъ, или тому, что называлось тогда этимъ именемъ. Самъ Исаакъ, его наслѣдникъ, два современныхъ ему патріарха и предсѣдатель государственнаго совѣта, Михаилъ Пселлъ, принадлежатъ къ числу знаменитыхъ ученыхъ. Въ Константинополѣ было тогда въ модѣ даже неслыханное на востокѣ образованіе женщинъ. Въ эту и послѣдующую эпоху было много ученыхъ женщинъ, изъ которыхъ наибольшею извѣстностью пользуются Евдокія, жена императора Константина Дуки и Романа Діогена, и Анна Комнена, дочь императора Алексѣя I. При замѣщеніи низшихъ мѣстъ въ государственномъ управленіи тогда обращали также вниманіе и на извѣстное умственное развитіе, которое, впрочемъ, ко вреду государства, часто смѣшивали съ бюрократическими способностями. Нѣтъ сомнѣнія, что иногда извѣстный родъ образованности бываетъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, и самый поразительный примѣръ этого представляетъ въ ту эпоху Михаилъ Пселлъ, который долгое время находился во главѣ всего ученаго міра имперіи, а при Исаакѣ управлялъ всѣми государственными дѣлами. Взглядъ на характеръ его образованности и его дѣйствія можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить намъ многія особенности того времени, которыхъ мы не найдемъ въ лѣтописахъ. Михаилъ Пселлъ началъ учиться еще на пятомъ году жизни и впослѣдствіи хвалился, что еще съ этого времени сталъ чувствовать постоянно возраставшую въ немъ жажду просвѣщенія. Его юношеское образованіе могло быть не такъ дурно, какъ онъ разсказываетъ, потому что едва ли бы языкъ его сочиненій былъ такъ чистъ и онъ могъ бы, при совершенномъ отсутствіи поэтическаго дарованія, писать такіе сносные стихи; конечно, въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы пріобрѣсти довольно обширныхъ познаній въ математикѣ, которыя онъ пріобрѣлъ не самостоятельнымъ изученіемъ предмета. Несчастная манера каждой эпохи, когда пишется много книгъ и когда, чтобы быть замѣчательнымъ, нужно впадать въ странности, а также ложное направленіе, приданное опытнымъ наукамъ господствовавшей тогда философіей Аристотеля, совратили и Пселла съ того пути, по которому вели его въ юности. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ съ насмѣшкою отзывается о человѣкѣ, который училъ его въ дѣтствѣ грамматикѣ, математикѣ и тому подобнымъ предметамъ. Пселлъ стремился къ многосторонности знаній и хотѣлъ писать такъ же хорошо о золотыхъ издѣліяхъ, бредняхъ халдеевъ и мнимой силѣ драгоцѣнныхъ камней, какъ и объ исторіи, медицинѣ, политикѣ и древностяхъ, которыя всѣ входятъ въ составъ его сочиненія; онъ переложилъ въ стихи даже гражданскіе законы, и это переложеніе, незамѣчательное въ поэтическомъ отношеніи, имѣетъ нѣкоторое значеніе для характеристики тогдашнихъ воззрѣній на древнее право. Чтобы составить себѣ понятіе объ этой нелѣпой многосторонности, достаточно знать, что въ одномъ изъ своихъ произведеній, составляющихъ родъ энциклопедіи, Пселлъ, начавъ съ догматики и морали, излагаетъ вкратцѣ всѣ науки и кончаетъ поваренымъ искусствомъ. Въ своемъ затруднительномъ положеніи, какъ византійскій придворный, онъ прибѣгалъ къ двусмысленнымъ средствамъ и восхвалялъ людей, которые нравились при дворѣ; поэтому очевидно, что его вліяніе и возбужденная имъ ревность къ образованію не могли пробудить ослабѣвшей нравственности, хотя съ этого времени греческая имперія начинаетъ снова находить способныхъ дѣятелей, какъ это вскорѣ ясно обнаружилось среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ. Между прочимъ Пселлъ былъ главнымъ орудіемъ императора Исаака во время спора его съ сварливымъ патріархомъ Михаиломъ Керуляріємъ. Къ патріарху пристало все духовенство столицы, и Пселлъ, не смотря на краснорѣчіе, не могъ привлечь его на сторону императора. Впослѣдствіи, когда Исаакъ велѣлъ варяжскимъ наемникамъ, бывшимъ язычниками, или очень плохими христіанами, выгнать патріарха изъ самаго алтаря, Пселлъ снова, но столь же напрасно, пустилъ въ ходъ все краснорѣчіе, чтобы убѣдить упрямое духовенство признать патріархомъ поставленнаго императоромъ Лихнуда, человѣка, извѣстнаго своей ученостью. Желаніе императора было исполнено только по смерти Керулярія.

Гораздо болѣе славы, чѣмъ въ этомъ спорѣ съ патріархомъ, пріобрѣлъ Исаакъ въ войнахъ съ венграми и печенѣгами; поспѣшно двинувъ войска на сѣверъ противъ первыхъ, онъ заключилъ съ ними мирный договоръ, а счастье помогло ему освободиться и отъ печенѣговъ. Союзъ различныхъ ордъ, извѣстныхъ подъ именемъ печенѣговъ, распался во время перемирія, заключеннаго Константиномъ VII, и Исааку пришлось имѣть дѣло только съ отдѣльными толпами этихъ варваровъ (1058 г.). Не смотря на слабое тѣлосложеніе, онъ принималъ личное участіе въ войнѣ, и такъ какъ, при назначеніи наслѣдника, онъ не бралъ въ расчетъ выгодъ собственнаго семейства, которое по господствовавшему мнѣнію могло считать престолъ своей собственностью, то подданные прощали ему его скупость, въ которой иногда справедливо упрекали его. Остранивъ всѣхъ родственниковъ, онъ назначилъ своимъ преемникомъ Константина VIII Дуку, который казался ему самому и его храброму брату, Іоанну, достойнѣе всѣхъ прочихъ претендентовъ, и еще при жизни передалъ ему управленіе (1059 г.). Новый императоръ пошелъ по слѣдамъ предшественника; но софисты, которыхъ было тогда очень много, пріобрѣли при дворѣ еще болѣе вліянія, потому что самъ Константинъ имѣлъ слабость считать себя ораторомъ, а супруга его, Евдокія, превосходившая его ученостью, занималась почти исключительно однѣми науками. Чтобы составить себѣ понятіе о тогдашней образованности и покровительствѣ, оказываемомъ дворомъ наукѣ, достаточно знать, что всѣ ученые того времени не находили достаточно похвалъ императрицѣ Евдокіи за то, что она, вмѣсто того, чтобы слѣдовать голосу природы и самой воспитывать своихъ дѣтей, сочиняла книги или вѣрнѣе кропала самыя жалкія компиляціи изъ произведеній писателей предшествовавшихъ эпохъ. При наклонности грековъ къ созерцательнымъ тонкостямъ, эта мода должна была имѣть весьма вредное вліяніе, въ особенности, когда самъ императоръ слишкомъ много занимался гражданскими, судебными и финансовыми дѣлами, тогда какъ прежде мѣсто правителя было всегда въ первыхъ рядахъ войска. Это имѣло гораздо болѣе вредныя послѣдствія, чѣмъ думаютъ многіе. Въ то время какъ внѣшніе враги все болѣе и болѣе тѣснили имперію, число ея защитниковъ уменьшалось, а размножались одни адвокаты.

Передъ смертью, Константинъ назначилъ преемниками трехъ своихъ юныхъ сыновей (1067 г.), предоставивъ регенство надъ ними Евдокіи, съ которой однако взялъ обѣщаніе не вступать во второй бракъ, и заставилъ патріарха и сенаторовъ подписать актъ, по которому они клятвенно обѣщались сохранить престолъ за его дѣтьми. Черезъ семь мѣсяцевъ по смерти Константина эта клятва была нарушена. Полководецъ Романъ Діогенъ, осужденный за покушеніе на измѣну, произвелъ такое сильное впечатлѣніе на императрицу своей наружностью, а на сенатъ своими талантами и славою прежнихъ подвиговъ, что былъ освобожденъ изъ оковъ и сдѣлался мужемъ Евдокіи (1068 г.). Одни вѣрные варяги заступились за сыновей Константина и успокоились только тогда, когда старшій изъ нихъ, Михаилъ VII Парапинакъ, объявилъ имъ, что одобряетъ бракъ матери.

Желая упрочить за собою престолъ побѣдами и завоеваніями, Романъ отправился въ Азію, чтобы лично вести войска противъ сельджуковъ, которые, до тѣхъ поръ занятые войной съ аравитянами, опасались грековъ, но стали тогда гораздо отважнѣе. Романъ совершилъ противъ нихъ два счастливыхъ похода, но третій окончился самымъ страшнымъ пораженіемъ, потому что льстецы ввели императора въ заблужденіе относительно численности его войска и силъ непріятелей. Въ 1071 году онъ былъ совершенно разбитъ и попалъ въ плѣнъ. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до Константинополя, Іоаннъ Дука, дядя дѣтей Константина VIII, добился того, что императоръ былъ объявленъ низложеннымъ, а преемникомъ его провозглашенъ Михаилъ VII. Ему тѣмъ легче было достигнуть этой цѣли, что Романъ съ самаго начала возненавидѣлъ ученыхъ придворныхъ своего предшественника и старался поднять фамилію Комненовъ противъ фамиліи Дука. Подъ предлогомъ требованій государственнаго интереса всѣ отвергли данную клятву, и Евдокія отказалась отъ священнѣйшихъ обязанностей женщины. Сельджуки поступили совершенно иначе съ мужественнымъ воиномъ, которому измѣнило его счастье, и обращались съ нимъ не только весьма чело-

вѣчно, но и оказывали ему императорскія почести; наконецъ они дали ему свободу за обѣщанный имъ выкупъ и въ обезпеченіе потребовали только его императорскаго слова. Романъ тотчасъ же написалъ своей супругѣ, и она дѣйствительно обнаружила желаніе снова принять его какъ императора. Это грозило опасностью главнымъ виновникамъ переворота, поэтому они возмутились, исключили Евдокію изъ участія въ правленіи и заперли ее въ монастырь. Тогда Романъ созвалъ приверженцевъ и началъ войну, но несчастье его преслѣдовало и наконецъ его друзья сами заставили его отдаться въ руки враговъ. Хотя онъ сдался, заключивъ формальный договоръ, по которому отъ него требовалось только отреченія отъ престола и вступленія въ монастырь, но съ нимъ поступили такъ возмутительно, какъ рѣдко случается даже у самыхъ дикихъ варваровъ. Одѣтый въ монашеское платье и съ остриженной головой, онъ долженъ былъ на дрянномъ мулѣ проѣхать часть Малой Азіи; послѣ того его ослѣпили, и даже не перевязали выколотыхъ глазъ; голова его распухла, на ранахъ появились черви и онъ умеръ въ самомъ жалкомъ положеніи (1071 г.). Романъ съ твердостью и спокойствіемъ переносилъ всѣ мученія до самой послѣдней минуты и этимъ вдвойнѣ пристыдилъ своихъ безчувственныхъ убійцъ, изъ которыхъ каждый отрекался впослѣдствіи отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Конечно, Пселлъ, какъ ловкій придворный, въ своихъ сочиненіяхъ снимаетъ всякую вину съ императора Михаила, при которомъ онъ завѣдывалъ всѣми дѣлами, и даже заставляетъ его, при полученіи извѣстій объ этой жестокости, проливать слезы василиска!

Съ своимъ роднымъ братомъ и соправителемъ, Константиномъ, Михаилъ поступилъ какъ человѣкъ безъ всякаго сердца и чувства чести и все время своего правленія держалъ его въ строгомъ заключеніи. Заботясь почти исключительно объ однѣхъ книгахъ и школьной учености, онъ прилежно перенималъ у Пселла всякаго рода ученый хламъ. Пселлъ пріобрѣлъ такое вліяніе на императора и его дворъ, что, если бы даже Михаилъ и имѣлъ какія-нибудь природныя дарованія, то все-таки изъ него ничего не могло бы выйти. Конечно, при господствѣ такого человѣка, при такомъ направленіи императора и при множествѣ ученыхъ, его окружавшихъ, военное искусство пришло въ упадокъ, и при дворѣ совершенно забыли, что имперія, стѣсненная варварскими народами Дуная, сельджуками и норманнами, снова стала походить на осажденный городъ. Пока дядя императора, Іоаннъ Дука, сохранялъ еще нѣкоторое вліяніе, дѣла шли сносно; но когда, по его удаленіи, все перешло въ руки людей, незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, зло стало непоправимымъ. Такъ какъ поводъ къ удаленію Іоанна былъ данъ однимъ изъ нижне-итальянскихъ норманновъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ и перемѣнѣ династіи, то мы должны прервать исторію византійской имперіи и перейти къ разсказу о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ окончательное утвержденіе норманнскаго господства въ Италіи и Сициліи.

Послѣ побѣды при Чивителлѣ (стр. 566) норманны распространили свои завоеванія въ Апуліи и Калабріи еще далѣе, но перессорились другъ съ другомъ, когда имъ пришлось дѣлить эти пріобрѣтенія. Гумфридъ и Робертъ Гискаръ разошлись между собою, и послѣдній, по смерти Гумфрида (1057 г.), выгналъ его обоихъ сыновей изъ ихъ владѣній. Въ 1059 году онъ принялъ отъ папы Николая II ленную инвеституру на Калабрію и Апулію и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ титулъ герцога, который уже считался тогда первымъ послѣ королевскаго. О томъ, какимъ образомъ папа могъ распорядиться этими странами, какъ леномъ, нечего и спрашивать, потому что въ то время съ папскимъ достоинствомъ соединяли такія неопредѣленныя понятія, что Роберту Гискару легко могло прійти съ голову обмануть этимъ другихъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ хотѣлъ только получить юридическія права на свои владѣнія, и потому, не задумываясь, произнесъ предложенную ему папою ленную присягу съ обѣщаніемъ ежегодной дани: къ этимъ обязательствамъ онъ былъ довольно равнодушенъ и выполненіе ихъ зависѣло совершенно отъ его воли. Но Николай II и его другъ, Гильдебрандъ, сдѣлавшійся потомъ папой подъ именемъ Григорія VII, имѣли въ виду совершенно другое, болѣе важное, чѣмъ споръ съ норманнами, и желали пріобрѣсти въ нихъ союзниковъ на будущее время. Николай отдалъ въ ленъ Роберту Гискару и Сицилію съ титуломъ герцога; по тогдашнимъ понятіямъ, онъ могъ сдѣлать это безъ всякаго труда, потому что дѣло шло только о владѣніяхъ невѣрныхъ. Господство

аравитянъ въ Сициліи, которая, при усиленіи Фатимидовъ, досталась этой династіи (стр. 328), уже съ первыхъ десятилѣтій XI вѣка было колеблемо безпрестанными внутренними волненіями. Отдаленность острова отъ Египта, средоточія власти Фатимидовъ, стремленіе Бадисидовъ увеличить свое могущество (стр. 331—332) и составъ фатимидскихъ войскъ въ Сициліи, набранныхъ изъ негровъ, буйныхъ африканскихъ аравитянъ и всякой египетской сволочи и потому незнакомыхъ съ дисциплиною,—все это постоянно производило внутренніе раздоры и смуты на островѣ; полководцы и правители разныхъ областей присвоивали себѣ верховную власть, и Бадисидъ Моэзъ также утвердился на островѣ; однимъ словомъ, мухаммеданское населеніе раздѣлилось на множество незначительныхъ и враждебныхъ другъ другу государствъ. Въ царствованіе Михаила Пафлагонянина это повело къ кратковременному завоеванію Сициліи Маніакомъ, въ походахъ котораго участвовали и норманны (стр. 564), а потомъ внушило такую же мысль брату Роберта Гискара, Рожеру I, который рѣшился сдѣлаться изъ разбойника христіанскимъ героемъ и представилъ составленный имъ съ братомъ планъ нападенія на Сицилію папѣ Николаю. Этотъ планъ вполнѣ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ самого папы, который, какъ мы уже сказали выше, въ 1059 году, еще до завоеванія Сициліи отдалъ Роберту Гискару въ ленъ этотъ островъ съ титуломъ герцога. Рожеръ, поддерживаемый братомъ, началъ войну завоеваніемъ Мессины (1061 г.). При извѣстіи объ этомъ въ Африкѣ снова проснулась прежняя ревность къ вѣрѣ, и Бадисидъ Таминъ (стр. 333) употребилъ всѣ свои усилія, чтобы спасти островъ; но Рожеръ былъ неодолимъ, и Таминъ вскорѣ былъ вынужденъ прекратить съ нимъ войну, потому что въ его собственномъ царствѣ начались волненія. Черезъ семь лѣтъ послѣ перваго появленія на островѣ, Рожеръ владѣлъ уже сѣверными и восточными берегами Сициліи и могъ уже начать осаду столицы острова, Палермо. Черезъ четыре года городъ сдался, и съ наденіемъ Агригента (1089 г.) завоеваніе острова можно было считать совершенно оконченнымъ. Съ удивительною храбростью побѣдитель соединялъ и кротость къ мухаммеданамъ, а такъ какъ норманны всегда руководились болѣе корыстолюбіемъ, чѣмъ религіозною ревностью, и отличались врожденнымъ политическимъ тактомъ, то Рожеръ щадилъ богатства и силы острова, чтобы впослѣдствіи дѣйствовать съ большей энергіей и успѣхомъ въ Италіи.

Въ то время, какъ Рожеръ завоевывалъ Сицилію, Робертъ Гискаръ началъ приводить въ исполненіе свои обширныя предпріятія. Онъ хотѣлъ завоевать всѣ лонгобардскія государства нижней Италіи, совершенно вытѣснить оттуда грековъ, потомъ напасть на нихъ на другомъ берегу и сдѣлаться властителемъ Адріатическаго и Средиземнаго морей. Онъ безъ большаго труда выгналъ изъ Нижней Италіи грековъ, и уже въ 1071 году отнялъ у нихъ всѣ ихъ итальянскія владѣнія. Покореніе лонгобардовъ было нѣсколько труднѣе. Въ 1058 году онъ развелся съ первой женой, чтобы жениться на сестрѣ салернскаго князя Гизульфа, Сикильгайтѣ, которая пошла за него неохотно, потому что намѣренія его были ясны. Затѣмъ, подчинивъ себѣ одинъ за другимъ всѣ лонгобардскіе города, онъ, въ 1077 году, выгналъ изъ Салерно Гизульфа и, не отступая ни предъ какимъ насиліемъ и коварствомъ, когда обстоятельства того требовали, покорилъ всю Нижнюю Италію до границъ Церковной Области. Одинъ Неаполь оставался еще нѣсколько времени во власти лонгобардскихъ князей, и Робертъ только впослѣдствіи изгналъ норманнскую фамилію, господствовавшую въ Капуѣ и соединенномъ съ нею графствѣ Аверса. Беневентъ онъ оставилъ папѣ, который издавна предъявлялъ на него притязанія.

Между тѣмъ многіе итальянскіе норманны, разсчитывая на болѣе выгодную службу, или недовольные властью, присвоенной сыновьями Танкреда, или, наконецъ, какъ изгнанные сыновья Гумфрида, надѣясь отмстить при случаѣ Роберту Гискару, переселились въ Грецію, гдѣ они стали играть значительную роль. Одинъ изъ нихъ, Робертъ Криспенъ, сынъ нормандца Гизельберта де-Тиллье, потомство котораго до послѣдняго времени владѣло этимъ городомъ, при самомъ вступленіи въ греческую службу сталъ производить возмущенія, нанося страшныя пораженія всѣмъ высылаемымъ противъ него полководцамъ. За это онъ былъ два раза изгоняемъ изъ имперіи, и, по возвращеніи туда, отравленъ по приказанію Романа Діогена. Это озлобило его товарищей, и другой знаменитый норманнъ,

Юрсель, изъ фамиліи де-Бальель, произвелъ новое возмущеніе и, опустошивъ одну область въ Малой Азіи, доставилъ придворнымъ въ Константинополѣ желанный случай освободиться отъ мѣшавшаго имъ Іоанна Дуки. Іоаннъ посланъ былъ противъ Юрселя съ войскомъ, составленнымъ изъ азіатцевъ, варяговъ и норманнскихъ наемниковъ, но въ первой же битвѣ потерпѣлъ пораженіе и попался въ руки непріятеля. Юрсель, видя невозможность удержаться въ опустошенной имъ странѣ, убѣдилъ своего плѣнника провозгласить себя императоромъ, и Іоаннъ согласился на это. Тогда враги его при дворѣ возстановили противъ него сельджукскихъ турокъ, которые взяли въ плѣнъ и Іоанна, и Юрселя. Первый изъ нихъ былъ выкупленъ племянникомъ, императоромъ Михаиломъ VII, и попался такимъ образомъ въ руки своихъ константинопольскихъ враговъ, но не подвергся ни смертной казни, ни конфискаціи имѣній, а добровольно удалился въ монастырь. Изъ этого обращенія съ Іоанномъ можно заключить, что утонченное образованіе и болѣе мирныя занятія нѣсколько смягчили варварскій духъ византійскаго двора, потому что прежде въ греческой имперіи съ родственниками правителя, которые казались для него опасными, поступали совершенно иначе.

Съ удаленіемъ Іоанна (1071 г.), какъ мы уже сказали выше, управленіе имперіей перешло совершенно въ руки людей неспособныхъ, которые ввѣрили защиту имперіи двумъ племянникамъ императора Исаака Комнена. Одинъ изъ нихъ, также Исаакъ, занялъ важную должность правителя Антіохіи, а другой, Алексѣй, сдѣлавшійся впослѣдствіи императоромъ, посланъ былъ противъ смѣлаго Юрселя, который былъ выкупленъ изъ плѣна женой, и, собравъ разбойническую шайку, снова началъ опустошать византійскія владѣнія. Въ борьбѣ съ этимъ врагомъ, противъ котораго ничего не могли сдѣлать знаменитѣйшіе полководцы имперіи, Алексѣй обнаружилъ всѣ качества, доставившія ему впослѣдствіи императорскій престолъ. Искусно расположивъ и раздѣливъ войска, онъ заставилъ Юрселя отдаться въ руки сельджуковъ, а потомъ убѣдилъ ихъ выдать его; но, смотря на своего плѣнника какъ на орудіе, полезное для имперіи противъ ея враговъ, обращался съ нимъ очень кротко. Нравственное разслабленіе грековъ, вслѣдствіе ихъ перезрѣлой образованности и деспотизма, было такъ велико, что даже самъ Алексѣй считалъ необходимымъ такого человѣка, какъ Юрсель! Враги тѣснили имперію со всѣхъ сторонъ. Въ Италіи Робертъ Гискаръ отнялъ у грековъ почти всѣ владѣнія. Въ Малой Азіи свирѣпствовали сельджуки, которымъ правилъ тогда энергическій государь. Наконецъ на Дунаѣ, имперіи угрожали венгры, кроаты и болгары; но, къ счастью, эти народы не были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, какъ сельджуки. Въ Венгріи престолъ былъ раздѣленъ тогда между Гейзой II, сыномъ Белы I, и Саломономъ, сыномъ Андрея I, изъ которыхъ первый былъ приверженцемъ грековъ и православія, а второй держался нѣмцевъ и католицизма. Неблагоразуміе одного греческаго намѣстника было причиною войны между греками и венграми, въ которой первые въ 1072 г. потеряли уже важную въ то время крѣпость Бѣлградъ. Гейза отослалъ на родину греческихъ плѣнниковъ, и Михаилъ отвѣчалъ на эту любезность посылкой короны, которая до сихъ поръ хранится венграми какъ національная святыня и символъ ихъ политическихъ правъ. Считая это измѣной, Саломонъ рѣшился отмстить грекамъ, и, собравъ войско, присталъ съ нимъ къ сербскому князю, который въ тоже время возмутилъ и болгаръ. Къ счастью для грековъ, Саломонъ пріостановилъ первое нападеніе, получивъ извѣстную сумму денегъ, а вслѣдъ за тѣмъ (1074 г.) былъ вытѣсненъ Гейзой, который, вѣроятно, въ это время возвратилъ грекамъ и самый Бѣлградъ. Такимъ образомъ первая буря, угрожавшая имперіи со стороны Дуная, разсѣялась. Вторая опасность грозила со стороны кроатовъ, съ которыми, быть можетъ, соединились и босняки; но предпріятіе ихъ кончилось такъ несчастно для нихъ самихъ, что они предпочитаютъ въ своихъ лѣтописяхъ совершенно умалчивать объ этомъ событіи. Третья опасность, грозившая грекамъ на Дунаѣ, заключалась въ общемъ нападеніи на имперію сербовъ и болгаръ; эта опасность, угрожавшая грекамъ гораздо большими бѣдствіями, была счастливо отстранена только благодаря неблагоразумію самого непріятеля. Союзники проникли съ двухъ сторонъ до самыхъ окрестностей Константинополя (1073 г.), но сдѣлали при этомъ важную ошибку, не овладѣвъ на походѣ ни одной крѣпостью и не оставивъ позади себя наблюдательнаго отряда, чтобы помѣшать соединенію греческихъ гар-

низоновъ, остававшихся у нихъ въ тылу. Случилось то, что должно было предвидѣть: гарнизоны отрѣзали другъ отъ друга разъединенные отряды непріятельскаго войска, перебили множество непріятелей и послали предводителей ихъ плѣнниками въ Антіохію (1075 г.).

Около этого времени логоѳетъ или министръ финансовъ, управлявшій всѣмъ въ Константинополѣ, своимъ корыстолюбіемъ и присвоеніемъ себѣ монополіи торговли хлѣбомъ, навлекъ на себя и на императора такую ненависть, что народъ далъ императору насмѣшливое прозвище Парапинака (ловкій обиратель), хотя слабый Михаилъ, вѣроятно, ничего не зналъ о постыдномъ ремеслѣ любимца. Вызванныя этимъ волненія и чувство собственной безопасности заставили Михаила взять себѣ соправителя, и выборъ его палъ на полководца Никифора Вріенніа, блистательнымъ образомъ доказавшаго тогда свои дарованія въ Иллиріи. Сербы и кроаты напали на эту провинцію, жители которой возстали еще во время отреченія Іоанна Дуки, и имперія рисковала лишиться страны, которая служила для нея ключемъ къ господству надъ Адріатическимъ моремъ и по своимъ укрѣпленнымъ морскимъ городамъ и непроходимымъ горамъ составляла оплотъ противъ грозившихъ каждую минуту нападеній Роберта Гискара. При завоеваніи Иллиріи Никифоръ Вріенній обнаружилъ удивительную прозорливость, энергію и смѣлость: благоразумными распоряженіями онъ умѣлъ успокоить солдатъ, которые боялись быть отрѣзанными въ этой дикой горной и лѣсистой странѣ, и рѣшился напасть на кроатовъ и далматинцевъ въ ихъ собственной странѣ, гдѣ природа соотвѣтствовала ихъ обыкновенной тактикѣ; наконецъ, соорудивъ сильный флотъ противъ морскихъ разбойниковъ, наполнявшихъ тогда Адріатическое море, и уничтоживъ ихъ, онъ возвратилъ тамошней торговлѣ безопасность, которой она давно не имѣла. Всѣ эти заслуги и выгоды не могли однако замѣнить недоставшаго Никифору расположенія двора, а Михаилъ не имѣлъ достаточно энергіи, чтобы противиться приближеннымъ, не желавшимъ его возвышенія. Кто были противники Никифора, можно видѣть изъ того, что единственная могущественная при дворѣ фамилія, оказавшая дѣйствительныя заслуги имперіи, именно фамилія Комненовъ, одобряла выборъ императора. Никифоръ Вріенній былъ даже лишенъ своего мѣста, когда братъ его изъ-за этихъ интригъ возмутился противъ императора. Тогда онъ также взялся за оружіе, склонилъ на свою сторону посланнаго противъ него полководца Василака, заперевъ его въ Ѳессалоникахъ, и позволилъ провозгласить себя императоромъ, хотя неохотно и почти противъ воли (1077 г.). Вслѣдъ затѣмъ онъ двинулся противъ Константинополя, но, не имѣя флота и достаточнаго числа войскъ, не могъ осадить города. Такъ какъ почти всѣ его войска состояли изъ норманнскихъ наемниковъ, то министры Михаила выпустили на свободу норманна Юрселя, приведеннаго въ Константинополь Алексѣемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ со стѣнъ города убѣдилъ соотечественниковъ перейти на его сторону. Хотя это и не удалось, но Юрсель принялъ участіе въ защитѣ подъ главнымъ начальствомъ Алексѣя, которому передано было предводительство надъ императорскимъ войскомъ. Впрочемъ, Никифоръ Вріенній былъ вскорѣ принужденъ отступить отъ Константинополя.

Между тѣмъ передъ стѣнами столицы появился другой полководецъ, который сталъ въ Азіи во главѣ партіи, недовольной министромъ финансовъ, и былъ провозглашенъ императоромъ почти въ одинъ день съ Никифоромъ Вріенніемъ. Это былъ Никифоръ Вотоніатъ, человѣкъ старый и холостой, открывавшій поэтому и другимъ виды на престолъ, и уже по одной этой причинѣ имѣвшій въ Константинополѣ больше приверженцевъ, чѣмъ Никифоръ Вріенній. Императоръ Михаилъ, тѣснимый заразъ двумя соперниками и чувствуя свою слабость, добровольно сложилъ съ себя порфиру, чтобы избѣжать болѣе жестокой участи, и пошелъ въ монастырь (1078 г.). По праву власть должна была перейти къ его брату, Константину, котораго онъ со своими клевретами, во все время своего царствованія, не допускалъ до участія въ правленіи и держалъ въ заключеніи. Но Константинъ не рѣшился принять короны, и тогда въ Константинополѣ провозгласили императоромъ Никифора Вотоніата и открыли ему городскія ворота. Онъ тотчасъ приказалъ выдать себѣ ненавистнаго министра финансовъ и поступилъ съ нимъ такъ, какъ обыкновенно поступали на востокѣ съ государственными преступниками. Соперникъ его, Никифоръ Вріенній, и союзникъ Никифора, Василакъ, были

побѣждены и усмирены Алексѣемъ, которому императоръ ввѣрилъ начальство надъ войскомъ (1078 г.): взятые въ плѣнъ, они оба были ослѣплены въ Константинополѣ безъ вѣдома императора и Алексѣя. Жена Вріеннія отдала свою руку дряхлому новому императору и, какъ говорятъ, даже сама способствовала паденію перваго мужа, чтобы только остаться императрицей. Сраженіе, которымъ былъ рѣшенъ споръ двухъ Никифоровъ о престолѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что не только открываетъ печальное состояніе греческой арміи, но и показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какая тайная сила заключается въ установившемся однажды порядкѣ древняго государства: имперія могла еще просуществовать цѣлыя столѣтія, хотя уже и въ томъ видѣ была лишена всякихъ внутреннихъ силъ. Печенѣжскія орды выиграли сначала сраженіе въ пользу Никифора Вріеннія, но, побѣдивъ непріятеля, бросились на обозъ своего императора и, забывъ о побѣдѣ и товарищахъ, поспѣшили съ добычей на родину. Тогда къ Алексѣю, сражавшемуся до сихъ поръ съ отрядомъ, вооруженнымъ по франкскому образцу панцырями, пришли на помощь давно ожидаемыя имъ турецкія войска и выиграли сраженіе. Такимъ образомъ сражаются одни варвары, а греки, побѣдители или побѣжденные, дѣлаются жертвой грабителей. Панцырный отрядъ Алексѣя былъ, впрочемъ, изобрѣтеніемъ ненавистнаго министра финансовъ прежняго императора: онъ понялъ выгоду, которую въ извѣстныхъ случаяхъ доставляло рыцарское вооруженіе франковъ, и потому сформировалъ отрядъ изъ воиновъ, покрытыхъ съ ногъ до головы латами и пріученыхъ владѣть копьемъ. Впрочемъ, не смотря на все зло, сдѣланное этимъ человѣкомъ, надобно отдать ему справедливость въ томъ, что онъ понималъ управленіе государствомъ лучше большинства современниковъ. Конечно, онъ ошибался, думая, что можно увеличить государственные доходы, возвышая цѣну первыхъ потребностей жизни, но за то при немъ расходы не превышали государственныхъ доходовъ и даже бывали иногда менѣе ихъ. Никифоръ Вотоніатъ, напротивъ, очутился вскорѣ въ очень затруднительномъ положеніи, хотя и нашелъ государственную казну полною; онъ прибѣгнулъ къ средству, которое было не такъ странно, какъ монополія хлѣба, но за то было гораздо разорительнѣе, именно къ поддѣлкѣ монеты. Однако и это средство не помогло. Впрочемъ, Никифоръ только отчасти былъ виноватъ въ этомъ, потому что европейскія провинціи, сначала даже вовсе не принадлежавшія ему, были опустошены варварами и междоусобіями, а когда онъ со всѣми войсками востока двинулся къ Константинополю, по слѣдамъ его шли сельджуки, такъ что онъ не могъ брать податей съ самыхъ богатыхъ провинцій имперіи. Что Никифоръ совершенно не понималъ искусства правленія государствомъ, доказывается еще тѣмъ, что онъ необдуманно раздавалъ почетныя званія и титулы, которые у тщеславныхъ грековъ замѣняли нынѣшніе ордена и пенсіи, хотя при благоразумномъ правительствѣ они и доставляли ту выгоду, что давали возможность безъ всякихъ издержекъ вознаграждать заслуженныхъ людей.

Послѣ побѣды Никифора надъ соперникомъ, исторія его теряется во мракѣ придворныхъ интригъ; въ особенности сильно и дѣятельно было тогда вліяніе женщинъ и придворныхъ, этихъ гибельныхъ участниковъ власти въ образованныхъ и изнѣженныхъ государствахъ. Вскорѣ начались волненія, и въ то самое время, какъ Робертъ Гискаръ присталъ къ иллирійскому берегу, а сельджуки распространяли свои завоеванія въ Малой Азіи, полководцы Никифора, Алексѣй и Мелиссенъ, отказали императору въ повиновеніи, одинъ въ Ѳракіи, а другой на азіатскомъ берегу Босфора. Трудно сказать положительно, что было причиной паденія Никифора, Комнены ли, вліяніе которыхъ могло казаться опаснымъ старому и оттого угрюмому и робкому императору, или особенныя милости, которыя онъ оказывалъ двумъ чужеземцамъ, или, наконецъ, предательство его жены, сына которой отъ перваго брака онъ устранилъ отъ престола. Мелиссенъ и Алексѣй неожиданно явились передъ столицей, и Алексѣй, провозглашенный императоромъ (1081 г.), овладѣлъ Константинополемъ, благодаря измѣнѣ одного чужеземнаго отряда и Георгія Палеолога, командовавшаго, кажется, императорскимъ флотомъ. Приверженцы Комнена разграбили городъ, какъ будто бы взяли его приступомъ, и на самыхъ улицахъ его началось бы сраженіе, если бы патріархъ, которымъ случайно былъ тогда не рабскій приверженецъ двора, а одинъ благочестивый монахъ, пользовавшійся уваженіемъ обѣихъ партій, не удержалъ ихъ отъ крово-

пролитія. Впослѣдствіи тотъ же самый патріархъ наложилъ на Алексѣя церковное покаяніе для искупленія преступленій, совершенныхъ имъ при вступленіи на престолъ. Онъ постановилъ сорокодневный постъ и дни покаянія, что, хотя и не возвратило горожанамъ разграбленнаго, но, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствовало внѣшнимъ требованіямъ приличія. На дымящихся развалинахъ столицы утвердился довольно шаткій сначала престолъ фамиліи Комненовъ, владѣвшихъ имъ въ продолженіе болѣе ста лѣтъ. Алексѣй старался поддержать его раздачею титуловъ и почестей, въ которыхъ онъ былъ очень изобрѣтателенъ; къ титулу свѣтлости (севастосъ) онъ прибавилъ еще титулъ высокой и высочайшей свѣтлости. Самъ онъ носилъ закрытую корону, а брату Исааку и Мелиссену позволилъ носить открытую. Мелиссенъ получилъ титулъ кесаря, а для Исаака былъ учрежденъ новый титулъ севастократора, средній между кесарскимъ и императорскимъ. Едва императоръ успокоилъ внутреннія волненія, какъ новая величайшая опасность стала угрожать имперіи со стороны Роберта Гискара.

5. Исторія папъ отъ Льва IX до Григорія VII.

Императоръ Генрихъ III хотѣлъ покорить своей волѣ государство и церковь въ то самое время, когда господствовали самыя странныя понятія о свободѣ. Намѣреніе Генриха имѣло бы чрезвычайно важныя послѣдствія, если бы удалось; но по этому самому оно и не могло удасться. Правда, Римъ долженъ былъ покориться императору, но искусный политикъ Гильдебрандъ, составлявшій гордость епископовъ, и простодушный монахъ, еще при жизни считавшійся святымъ, Петръ Даміани, идолъ монаховъ, въ тиши и каждый по своему, работали противъ императора. Петръ Даміани, судившій о людяхъ и ихъ дѣятельности только по ограниченнымъ понятіямъ монаха и ждавшій спасенія отъ однѣхъ монастырскихъ добродѣтелей, былъ орабуломъ толпы, простодушныхъ духовныхъ и суевѣрныхъ вельможъ, которыхъ онъ занималъ чудесными легендами. Гильдебрандъ, напротивъ, видѣлъ въ церкви поставленную самимъ Богомъ защитницу міра отъ злоупотребленій свѣтской власти и потому требовалъ для нея какъ внѣшней независимости, такъ и внутреннихъ достоинствъ и силы; на его сторонѣ стояли папа, толпы монаховъ и безбрачнаго духовенства и всѣ разсудительные люди, которые проникались его стремленіями и удивлялись его изящному и энергическому слогу и чистотѣ его жизни. Петръ проложилъ ему дорогу къ достиженію цѣли, но впослѣдствіи Гильдебрандъ увлекся въ своихъ стремленіяхъ отъ справедливаго къ несправедливому, а отъ несправедливости къ тиранству. Гильдебрандъ родился въ Сіенѣ въ Тусціи, учился въ юности у одного ученаго аббата и, уже сдѣлавшись монахомъ, сталъ въ Римѣ ученикомъ и другомъ папы Григорія VI, знаменитаго своими познаніями и опытностью. Чтобы пользоваться назидательными совѣтами папы, онъ сопровождалъ его въ 1047 году въ ссылку, въ Германію. Тамъ присоединился онъ къ Бруно, или Льву IX, котораго Генрихъ III назначилъ въ 1048 году папою, сопровождалъ его въ Римъ, былъ его совѣтникомъ въ запутанныхъ дѣлахъ Италіи и съ того времени сдѣлался душою всего римскаго двора. Еще въ Германіи онъ убѣждалъ Льва признать назначеніе императора только предварительнымъ и подвергнуться въ Римѣ новому избранію или получить утвержденіе на папскомъ престолѣ отъ римлянъ. Это очень естественно и вѣроятно, хотя честный Левъ и не думалъ предпринимать ничего противъ императора, отъ котораго ожидалъ себѣ помощи. По совѣтамъ того же Гильдебранда, Левъ тотчасъ началъ ратовать противъ браковъ высшаго духовенства и такъ называемой симоніи, т. е. покупки и продажи духовныхъ должностей, или достиженія ихъ посредствомъ подкупа. Симонія, уже давно запрещенная церковными законами, не смотря на то, такъ усилилась повсюду, что на первомъ соборѣ, собранномъ имъ въ Римѣ, Левъ не могъ исполнить своего намѣренія и объявить недѣйствительными посвященія, которыя были сдѣланы епископами, виновными въ симоніи: даже строго нравственные духовные объявили ему, что въ такомъ случаѣ всѣ главныя церкви лишились бы священниковъ. Поэтому онъ долженъ былъ удовольствоваться возобновленіемъ прежнихъ церковныхъ законовъ

противъ симоніи и объявленіемъ всѣхъ священниковъ, поставленныхъ этими епископами, неспособными къ занятію высшихъ церковныхъ должностей. Что касается до браковъ духовенства, то съ теченіемъ времени, уже давно составившееся мнѣніе о предпочтительности безбрачія укоренялось все болѣе и болѣе, такъ что въ самой церкви образовалась партія, которая, основываясь на этихъ понятіяхъ, ревностно защищала необходимость безбрачія всѣхъ священниковъ. Левъ, или скорѣе его первый совѣтникъ, Гильдебрандъ, очень благоразумно ограничилъ сначала и эту мѣру, такъ же какъ первую, однимъ высшимъ духовенствомъ; постановленія Льва и его ближайшихъ преемниковъ не упоминаютъ о священникахъ, но они были изложены въ такихъ двусмысленныхъ и общихъ выраженіяхъ, что впослѣдствіи на нихъ можно было сослаться, при дальнѣйшемъ развитіи этого плана. Впрочемъ, мѣры, принятыя противъ симоніи, вслѣдствіе крайняго злоупотребленія въ раздачѣ приходовъ, встрѣтили величайшее сочувствіе во всемъ западномъ христіанствѣ.

Вниманіе Льва было преимущественно обращено на норманновъ. Чтобы получить противъ нихъ помощь, онъ три раза ѣздилъ въ Германію и даже старался склонить грековъ къ союзу съ нимъ противъ дикихъ разбойниковъ; но отъ нѣмцевъ онъ получилъ очень слабую поддержку, а успѣху своихъ переговоровъ съ греками самъ помѣшалъ тѣмъ, что опять возобновилъ несчастный споръ между обѣими церквами. При Константинѣ Мономахѣ нѣсколько греческихъ епископовъ, написавъ рѣзкое сочиненіе противъ вѣры, или скорѣе, обрядовъ латинской церкви, взволновали весь западъ. Въ этотъ споръ вмѣшался и патріархъ Михаилъ Керулярій (стр. 572) и ревностно вооружился противъ латинянъ. Въ то же самое время Константинъ Мономахъ и въ особенности преемникъ его, Михаилъ VI, приняли совѣты Аргира (стр. 565), предлагавшаго вступить въ союзъ съ папой противъ норманновъ и, не смотря на сопротивленіе патріарха, Михаилъ употребилъ всевозможныя усилія, чтобы поддержать дружбу съ папой. Льву не слѣдовало бы возбуждать тогда церковныхъ распрей, а обратить все вниманіе на осуществленіе политическаго союза съ греками; но даже, если бы самъ онъ былъ хладнокровнѣе, ему все-таки было бы невозможно сдѣлать этого при господствовавшемъ тогда на западѣ ожесточеніи противъ греческой церкви. Онъ написалъ самъ объясненія спорныхъ пунктовъ и высказалъ при этомъ осторожность и обширныя свѣдѣнія, дѣлающія большую честь училищамъ того времени, потому что и теперь немногія могли бы исполнить съ успѣхомъ подобный трудъ. Кардиналъ Гумбертъ и вмѣстѣ съ нимъ глава всѣхъ западныхъ ученыхъ, опытный въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, архіепископъ Амальфи, Петръ, знаменитый заботами о прекрасной школѣ своего города, и кардиналъ Фридрихъ, братъ безпокойнаго Готтфрида, герцога лотарингскаго, уже давно бывшій канцлеромъ папы, должны были отвезти это сочиненіе въ Константинополь и тамъ устно защищать его. Михаилъ, конечно, долженъ былъ принять съ почетомъ такое блестящее посольство, и къ чести его нужно сказать, что онъ всѣми средствами старался прекратить распрю; но патріархъ вооружилъ духовенство и народъ противъ латинянъ и даже противъ защищавшаго ихъ императора, а сами уполномоченные латинской церкви, не рѣшаясь признать правильными нѣкоторыхъ особенностей, цѣлые вѣка господствовавшихъ по преданію въ восточной церкви, не хотѣли уступать грекамъ. Они до того забылись, что предали проклятію настойчивый греческій клиръ въ самомъ его отечествѣ и даже въ его главной церкви: явившись однажды въ Софійскій соборъ, они въ глазахъ народа положили на главный алтарь собора текстъ папскаго проклятья и, выходя изъ церкви, отрясли прахъ со своихъ ногъ. Само собою разумѣется, что разрывъ между церквами еще болѣе усилился, и впослѣдствіи, во время крестовыхъ походовъ, ясно обнаружилось, до чего дошла въ то время ненависть грековъ къ западнымъ христіанамъ. Михаилъ только съ большимъ трудомъ могъ благополучно отправить пословъ Льва за предѣлы государства.

Въ продолженіе этихъ переговоровъ Аргиръ и Левъ сохраняли еще дружественныя отношенія, но норманны, ревниво заботившіеся о своихъ выгодахъ, открыли ихъ замыслы и помѣшали соединенію. Впослѣдствіи Левъ, поддерживаемый немногочисленнымъ отрядомъ нѣмцевъ, напалъ на норманновъ, но былъ ими разбитъ (стр. 566) и взятъ въ плѣнъ, и умеръ вскорѣ послѣ осво-

божденія (1054 г.). Норманны грозили нападеніемъ Риму, жители котораго были раздѣлены въ то время на партіи; всѣ церковныя имѣнія ихъ города и даже римская территорія находились въ большой опасности. Видя, что имъ можно было ожидать спасенія только отъ нѣмцевъ, они просили у императора Генриха III назначить новаго папу, котораго онъ, конечно, долженъ бы былъ защищать, и приняли безъ всякаго сопротивленія избраннаго имъ архіепископа Гебгарда Эйхштедтскаго, который и назвался Викторомъ II. Самъ императоръ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Италію, впрочемъ не столько противъ норманновъ, сколько для того, чтобы помѣшать опасному для него браку Готтфрида Лотарингскаго съ Беатриче Тосканской. Викторъ пользовался такимъ довѣріемъ Генриха, что императоръ, предоставивъ ему совершенно итальянскія дѣла, приглашалъ его въ Германію, желая въ нѣкоторыхъ случаяхъ воспользоваться его совѣтами; но тотчасъ по пріѣздѣ въ Германію Виктора императоръ умеръ (1056 г.). Присутствіе папы и его расположеніе къ шестилѣтнему сыну Генриха и его матери, Агнесѣ, было для нихъ весьма счастливымъ обстоятельствомъ, потому что по смерти императора всѣ дѣла находились въ чрезвычайно запутанномъ положеніи. Въ Венгріи еще продолжались волненія, во Фландріи и Лотарингіи Готтфридъ и Бальдуинъ взялись за оружіе, а саксонцы, испуганные постройкой крѣпостей въ ихъ странѣ, составили планъ всеобщаго возстанія, который не удался только по случаю. Наконецъ Агнеса, сдѣлавшаяся регентшею сына, при всей своей добротѣ, не могла думать ни о воспитаніи сына, ни объ управленіи государствомъ. Викторъ сдѣлалъ все, что было возможно въ этихъ обстоятельствахъ, помиривъ Бальдуина и Готтфрида съ малолѣтнимъ королемъ, и отправился въ Италію въ сопровожденіи Готтфрида, который снова соединился съ Беатриче и получилъ обратно маркграфство Тосканское.

Вслѣдъ затѣмъ Викторъ умеръ (1057 г.), и мѣсто его занялъ братъ Готтфрида, Фридрихъ, подъ именемъ Стефана IX. Его подозрѣвали въ стремленіи доставить брату корону Италіи и, хотя старанія его не имѣли успѣха, Готтфридъ сохранилъ тѣмъ не менѣе свое вліяніе, потому что впослѣдствіи, когда въ Римѣ девять мѣсяцевъ властвовалъ одинъ неправильно выбранный папа, онъ безъ всякаго сопротивленія съ чьей нибудь стороны пользовался всѣми императорскими правами. Когда подросла его падчерица, Матильда, которой принадлежали по праву имѣнія Беатриче, онъ возвратился въ Германію (1065 г.), но не получилъ своего герцогства Верхней Лотарингіи, а сдѣлался герцогомъ Нижней Лотарингіи по смерти Фридриха Люксембургскаго, которому Генрихъ III отдалъ эту страну. Въ 1070 году онъ оставилъ ее въ наслѣдство своему сыну отъ перваго брака, Готтфриду Горбатому, женившемуся впослѣдствіи на своей сведенной сестрѣ Матильдѣ, которая, подобно Адельгейдѣ Суэзской, искусно управляла значительными владѣніями, полученными ею въ наслѣдство отъ отца, и даже выйдя замужъ, не уступала своихъ правъ мужу, почему онъ и не обращалъ на нее вниманія.

Эту владѣтельную фамилію Тосканы, особенно старшаго Готтфрида и Матильду, избралъ своею опорою Гильдебрандъ, руководитель римскаго двора, благодаря которому въ это время въ первый разъ смерть папы не произвела никакихъ потрясеній во внѣшнемъ управленіи церковью. Гильдебрандъ основывалъ на этой фамиліи свою надежду сдѣлать папу независимымъ отъ свѣтской власти, не обращавшей ни малѣйшаго вниманія на требованія его духовнаго сана; но приступилъ весьма осторожно къ осуществленію своего плана. Въ это время установился обычай, что папа назначался императоромъ и только потомъ подвергался пустой формальности избранія въ Римѣ. Чтобы передать попрежнему назначеніе папы въ руки однихъ римлянъ, Гильдебрандъ, посланный Стефаномъ въ Германію, въ 1058 году, упросилъ своихъ друзей, въ случаѣ смерти Стефана во время его отсутствія, задержать избраніе новаго папы до его возвращенія. Но противная партія, къ которой принадлежала масса народа, по смерти Стефана (1058 г.), тотчасъ же избрала папою перваго попавшагося человѣка. Новый папа, Бенедиктъ X, пользовался очень дурною репутаціею и имѣлъ противъ себя всѣхъ порядочныхъ людей, такъ что не могъ даже собрать должнаго числа епископовъ для своего посвященія. Гильдебранду и его партіи легко было изгнать его. Тѣмъ не менѣе этотъ случай обнаруживаетъ очень ясно, какое значеніе

имѣлъ, какъ частное лицо, Гильдебрандъ, лишь незадолго передъ тѣмъ сдѣлавшійся кардиналомъ. Во время отсутствія Гильдебранда, Бенедиктъ безпрепятственно управлялъ Римомъ, но тотчасъ же по его пріѣздѣ былъ свергнуть съ престола. Гильдебрандъ, находившійся еще прежде въ хорошихъ отношеніяхъ съ архіепископомъ Ганноном Кельнскимъ, въ рукахъ котораго было тогда владычество надъ Германіей, обратился къ Гиберту, который, въ качествѣ канцлера Агнесы, управлялъ итальянскими дѣлами и пользовался полномочіемъ императрицы. Потомъ, устроивъ новые выборы, онъ помогъ избранію въ папы епископа Гергарда Флорентинскаго, родомъ изъ Лотарингіи, привезеннаго въ Италію Готтфридомъ и, безъ сомнѣнія, получившаго при своемъ восшествіи на папскій престолъ поддержку отъ своего покровителя. Бенедиктъ долженъ былъ уступить войскамъ Готтфрида, и Гильдебрандъ съ новымъ папой, принявшимъ имя Николая II, въ январѣ 1059 года вступилъ въ управленіе духовными дѣлами западнаго христіанства.

Сначала оба они весьма благоразумно обратили вниманіе на управленіе и свободу церкви, и уже въ апрѣлѣ 1059 года издали слѣдующій замѣчательный декретъ: «По смерти папы кардиналы (т. е. знатнѣйшее духовенство города Рима) должны приступить къ избранію новаго папы, съ сохраненіемъ должнаго уваженія къ возлюбленному нашему сыну, Генриху, нынѣшнему королю, а впослѣдствіи, какъ мы надѣемся, быть по волѣ Божіей и императоромъ (на что мы, при посредствѣ канцлера его, Гиберта, уже согласились), и съ должнымъ уваженіемъ къ его преемникамъ, которые лично пріобрѣтутъ это право отъ апостольскаго престола. Этотъ декретъ, оригинальный текстъ котораго, составленный, вѣроятно, въ болѣе общихъ выраженіяхъ, неизвѣстенъ намъ въ точности, долженъ былъ уничтожить вмѣшательство императоровъ въ избраніе папъ и, слѣдовательно, устранить и самый споръ объ ихъ правахъ на это, потому что, хотя папы признавали это право лично за тогдашнимъ государемъ и предоставили себѣ призиавать это право и за его наслѣдниками, но на каждый новый случай готова была лазейка. Второе, на что обратили вниманіе Николай и Гильдебрандъ, было сдѣлать норманновъ изъ прежнихъ враговъ папы его друзьями и союзниками, чтобы, въ случаѣ нужды, разсчитывать на ихъ помощь. Поэтому Николай самъ отправился къ Роберту Гискару, далъ ему въ ленъ Калабрію, Апулію и Сицилію, но заставилъ его дать такую присягу, что съ наступленіемъ болѣе благопріятнаго времени папскій престолъ снова могъ предъявить свои права на владѣнія и земли, переданныя норманнскому герцогу. Установивъ порядокъ папскихъ выборовъ и обезпечивъ себѣ помощь норманновъ, папа и его совѣтники постарались склонить на свою сторону монаховъ и посредствомъ безбрачія поставить клиръ въ уединенное положеніе, о чемъ папы ревностно заботились еще со временъ Льва IX. Какъ многочисленны и могущественны были въ то время монахи, которымъ теперь исключительно или преимущественно открывались надежды на полученіе приходовъ, можно видѣть изъ того, что тогдашній аббатъ монастыря Клюньи, предшественникъ котораго, святой Одилонъ (стр. 558), могъ считать себя независимымъ государемъ, такъ расширилъ свою церковь, что она могла вмѣщать тысячу братій. Но какъ нелѣпо было насильно налагать обѣтъ безбрачія на многія тысячи священниковъ, не говоря уже о здравомъ смыслѣ, ясно для каждаго серьезнаго человѣка, который читалъ хоть сочиненіе простодушнаго Петра Даміани о порокахъ современнаго ему духовенства. Этотъ ревностный монахъ представляетъ намъ такую отвратительную картину нравственнаго состоянія духовенства того времени, что легко видѣть, въ какую пропасть безнравственности должно было повести его насильственное воздержаніе отъ браковъ. Впрочемъ, тогдашнія отношенія церкви и государства вовсе не были, какъ обыкновенно говорятъ, послѣдствіемъ интригъ или результатомъ лукавства одного человѣка; напротивъ, скрытая сила, ведущая и управляющая человѣческими дѣлами, таинственный смыслъ которыхъ мы рѣдко угадываемъ и никогда не узнаемъ, привела обстоятельства къ той точкѣ, на которой долженъ былъ рѣшиться вопросъ о томъ, будетъ ли Римъ еще разъ главой и бичомъ цѣлаго міра? Черезъ нѣсколько лѣтъ (1061 г.), по смерти Николая II, многіе уже съ боязнью задавали себѣ вопросъ: къ чему приведетъ политика папъ, развивавшаяся тогда съ такимъ спокойствіемъ, твердостью и коварствомъ? Во главѣ людей, заботившихся

о сохраненіи королевскаго достоинства и предлагавшихъ корону Италіи Генриху, стоялъ канцлеръ Гибертъ; главою другой партіи былъ Гильдебрандъ, которому норманны уже въ это время оказывали помощь противъ его враговъ. Избраніе новаго папы было совершено римскими кардиналами, которые, не обращая вниманія на приверженцевъ короля, исключили изъ списка избирателей епископовъ, пользовавшихся прежде этимъ правомъ, и Гильдебрандъ склонилъ ихъ избрать папою честнаго епископа луккскаго, Ансельма, принявшаго на папскомъ престолѣ имя Александра II. Противники его и между прочимъ, всѣ ломбардскіе епископы, никогда не признававшіе постановленій, отнимавшихъ у нихъ право участія въ выборахъ, произвели другой выборъ, менѣе удачный, потому что епископъ пармскій, Кадолай, провозглашенный ими папою, подъ именемъ Гонорія II, не смотря на опытность въ государственныхъ дѣлахъ и расположеніе къ нему императрицы Агнесы, при тогдашнихъ обстоятельствахъ не годился въ папы. Агнеса велѣла безстыдному епископу Ланцо де Альба ввести его въ Римъ, но не могла избрать болѣе неудачнаго средства противъ такой партіи, какъ партія Гильдебранда. Ломбардскій папа удержался въ Римѣ не долго, и хотя впослѣдствіи занялъ еще разъ городъ ломбардскими войсками, но долженъ былъ вскорѣ снова очистить его, потому что насильственное удаленіе императрицы Агнесы лишило его единственной поддержки при нѣмецкомъ дворѣ. Епископъ Ганнонъ Кельнскій, который сдѣлался тогда единственнымъ регентомъ короля, предпочелъ Александра любимцу Агнесы и старинному другу императорской фамиліи, Гиберту, и въ 1067 году призналъ Александра II законнымъ папой. Дальнѣйшая исторія папъ до смерти Александра, когда на папскій престолъ вступилъ, подъ именемъ Григорія VII (1073 г.), Гильдебрандъ, и исторія этого папы, самаго знаменитаго изъ всѣхъ, находится въ тѣсной связи съ ходомъ событій въ Германіи при Генрихѣ IV.

6. Царствованіе Генриха IV до смерти его противника, Рудольфа.

Въ положеніи Германіи по смерти Генриха III скрывалось множество причинъ къ безпокойствамъ, и для того, чтобы они могли разразиться, недоставало только повода. Генрихъ завѣщалъ корону ребенку, и воспитаніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе государственными дѣлами, перешло къ женщинѣ и духовному лицу. Кромѣ того покойный императоръ уже напередъ устроилъ бракъ своего сына и наслѣдника и, вѣроятно, также бракъ своей очень юной дочери, Матильды. Шестилѣтній Генрихъ IV былъ обрученъ съ Бертой, дочерью маркграфа суэзскаго или савойскаго и піемонтскаго, вѣроятно, потому что императоръ надѣялся, что вмѣстѣ съ ея рукой сынъ его получитъ часть наслѣдственныхъ имѣній ея матери, Адельгейды. Сестра его, Матильда, была обѣщана отцомъ графу Рудольфу Рейнфельденскому, и это послѣднее тотчасъ же подало поводъ къ несогласію и раздорамъ. Когда вдова императора, Агнеса, не захотѣла исполнить обѣщанія мужа, Рудольфъ похитилъ принцессу, и Агнеса, повиновавшаяся, какъ почти всѣ женщины, минутному капризу, не только согласилась на этотъ бракъ, но въ своей материнской заботливости зашла такъ далеко, что, въ удовольствіе Рудольфу, оскорбила одного храбраго воина, за что Рудольфъ отплатилъ ей неблагодарностью. Она отдала будущему зятю герцогство Швабію (1058 г.), хотя мужъ ея обѣщалъ его графу Бертольду Церингенскому. Къ счастью, въ слѣдующемъ году сдѣлалось свободнымъ герцогство Каринтія, и Агнеса отдала его оскорбленному Бертольду взамѣнъ Швабіи.

Тотчасъ по смерти отца молодой король подвергся другой опасности. Своей строгостью и суровыми мѣрами Генрихъ III раздражилъ противъ себя саксонцевъ, вообще недовѣрявшихъ всѣмъ франкамъ и въ особенности недовольныхъ его постройками въ городѣ Госларѣ, его обыкновенной резиденціи. Приказавъ построить тамъ дворецъ и укрѣпленіе, онъ поручилъ это дѣло Беннону, бывшему впослѣдствіи епископомъ въ Оснабрюкѣ, и другимъ людямъ, которые, хотя и отличались познаніями, вкусомъ и искусствомъ, но были избраны Генрихомъ только потому, что вполнѣ подчинялись его волѣ. Эти люди, вмѣсто того, чтобы спра-

ведливостью въ распредѣленіи работъ пріобрѣсти довѣріе саксонцевъ, и безъ того опасавшихся такихъ построекъ въ своей странѣ, поступали съ ними съ чрезвычайною суровостью, такъ что саксонцы стали соединять съ постройками въ Госларѣ идею объ угнетеніи и рабствѣ. Ихъ ожесточеніе еще болѣе усилилось, когда Беннонъ, при Генрихѣ III понявшій ихъ на работу палкою, при сынѣ его сталъ завѣдывать и постройкой другихъ замковъ въ окрестностяхъ Гослара. Потому тотчасъ по смерти Генриха они задумали возстаніе и рѣшились убить молодаго короля; во главѣ заговорщиковъ сталъ предпріимчивый братъ умершаго маркграфа сѣверной Саксоніи Вильгельма, Оттонъ, требовавшій себѣ уступки этой страны, и дѣло могло кончиться очень дурно для короля, если бы Оттонъ не былъ убитъ въ одной стычкѣ двумя родственниками короля, Экбертомъ и Бруно Брауншвейгскимъ. Неожиданная смерть предводителя испугала саксонцевъ, и замыслы ихъ разрушились за неимѣніемъ другаго значительнаго предводителя.

Въ тѣ времена женщина для воспитанія своего сына и для управленія дѣлами государства могла выбрать только духовнаго. Одинъ благородный швабъ изъ дома Пфуллингенъ, Ганнонъ, какъ архіепископъ кельнскій и архиканцлеръ государства, болѣе всѣхъ остальныхъ имѣлъ право на это мѣсто; но прежде того онъ былъ старшимъ священникомъ собора въ Гальберштадтѣ и находился въ тѣсной дружбѣ съ саксонцами; кромѣ того онъ былъ непріятенъ императрицѣ потому что требовалъ серьезнаго, строгаго и, къ сожалѣнію, также мрачнаго и суроваго воспитанія юнаго короля. Потому Агнеса предпочла епископа Генриха Аугсбургскаго, человѣка по природѣ уступчиваго. Угадавъ характеръ своей повелительницы и предоставивъ мальчику полную свободу, онъ пріобрѣлъ такое довѣріе императрицы, что вскорѣ объ ихъ отношеніяхъ стали говорить очень дурно, и доставилъ своей фамиліи почести и имѣнія, которыхъ Ганнонъ добивался для своихъ родственниковъ. Такъ какъ короля въ самомъ дѣлѣ воспитывали весьма плохо, то Ганнону было очень легко составить партію противъ Генриха и императрицы. Главнымъ его союзникомъ былъ Оттонъ Нордгеймскій, незадолго передъ тѣмъ получившій отъ императрицы герцогство Баварію. Рѣшено было захватить молодаго короля силою и совершенно устранить отъ правленія его мать. Этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе посредствомъ гнусной хитрости (1062 г.). Послѣ веселаго пира на одномъ изъ острововъ Рейна, близъ Кейзерсверта, заговорщики подъ предлогомъ показать корабль Ганнона заманили туда молодаго короля и, когда онъ взошелъ на него, быстро отплыли отъ берега. Испуганный мальчикъ бросился въ воду и едва не погибъ, если бы его не спасъ съ большой опасностью для себя Экбертъ Брауншвейгскій, одинъ изъ участниковъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ. Заговорщики отвезли Генриха въ Кельнъ и стали управлять его именемъ. Повидимому, они были такъ низки, что уменьшили даже владѣнія его матери, удалившейся впослѣдствіи въ Римъ, хотя справедливость требуетъ сказать, что въ то время очень трудно было переводить въ Римъ доходы съ недвижимыхъ имѣній, и что Агнеса, какъ и прежде Адельгейда при Оттонахъ, повинуясь своему тщеславію и благочестію, слишкомъ щедро распоряжалась своими доходами и этимъ возбуждала противъ себя неудовольствіе подданныхъ. Негодованіе націи на Ганнона и его сообщниковъ стало вскорѣ выражаться очень громко, и онъ вынужденъ былъ сдѣлать хоть что-нибудь, чтобъ отклонить отъ себя упрекъ въ своеволіи и властолюбіи. Онъ постановилъ поэтому, что заботы о воспитаніи короля каждый разъ должны быть предоставлены тому епископу, въ епархіи котораго онъ будетъ находиться. Такъ какъ дворъ содержался только на натуральныя повинности областей, то молодой король не могъ оставаться долгое время въ одной и той же мѣстности. Это должно было имѣть весьма дурное вліяніе на воспитаніе Генриха, въ особенности потому, что при такихъ обстоятельствахъ епископамъ было выгодно поддерживать въ немъ испорченность, и если воспитаніе его было нехорошо и прежде, то теперь стало еще хуже. Генрихъ росъ безъ всякаго надзора; на его шалости не обращали вниманія и позволяли ему дѣлать все, что угодно, злоупотребляя его именемъ для обогащенія себя и своихъ родственниковъ. Это было главнымъ источникомъ несчастій, постигшихъ впослѣдствіи короля и государство, и этимъ самымъ объясняются и всѣ слабости его характера.

Черезъ годъ послѣ похищенія мальчика его взяли въ походъ противъ венгровъ. Король Андрей I (стр. 561), освободившись отъ нѣмецкаго господства, назначилъ въ 1058 г. наслѣдникомъ своего шестилѣтняго сына, Саломона, но, короновавъ его, вооружилъ противъ себя большинство подданныхъ и брата, Белу I, не хотѣвшаго подчиняться ребенку. Бела обратился къ королю польскому Болеславу II, на теткѣ котораго былъ женатъ; Андрей же могъ разчитывать лишь на помощь нѣмцевъ. Онъ отказался поэтому отъ только что пріобрѣтенной независимости, обручилъ сына съ сестрой Генриха IV, Юдиѳью, и тѣмъ еще болѣе оскорбилъ подданныхъ. Помощь нѣмцевъ не спасла его; сначала они сражались довольно счастливо, но по неосторожности своихъ предводителей потеряли рѣшительную битву, въ которой и самъ Андрей лишился жизни (1062 г.). Черезъ годъ умеръ Бела; сынъ его, Гейза II, не могъ удержаться на престолѣ и бѣжалъ съ своимъ братомъ, Владиславомъ, въ Польшу; тогда въ Венгрію привезли изъ Германіи молодаго Саломона. Короля Генриха также взяли въ походъ, имѣвшій цѣлью торжественное возстановленіе его зятя, и это блестящее предпріятіе, въ которомъ онъ участвовалъ, конечно, однимъ именемъ, было единственнымъ славнымъ событіемъ его жизни. Походъ этотъ замѣчателенъ также тѣмъ, что въ немъ принимали участіе Оттонъ Нордгеймскій и его злѣйшій врагъ, Адельбертъ Бременскій, могущественный архіепископъ сѣверной Германіи (стр. 566), превосходившій всѣхъ князей числомъ и великолѣпіемъ свиты и съ этой минуты получившій преобладающее вліяніе на молодаго короля. Это послѣднее объясняется довольно легко. Послѣ насильственной разлуки съ матерью Генрихъ возненавидѣлъ мрачнаго Ганнона и властолюбиваго Оттона и дружился только съ легкомысленными молодыми людьми, которые пробуждали въ немъ печальныя воспоминанія и поддерживали его ненависть; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ вполнѣ отдался единственному человѣку, который показался ему блестящимъ, дружелюбнымъ и ласковымъ. Адельбертъ усилилъ его ненависть къ мрачной суровости Ганнона и передалъ ему свою собственную нелюбовь къ гордости и упрямству саксонцевъ.

Это заранѣе составленное мнѣніе о саксонцахъ, оставшееся у Генриха на всю его жизнь, и вліяніе Адельберта имѣютъ важное значеніе для всей его исторіи. Поэтому мы должны обратиться къ ближайшимъ предшественникамъ Адельберта въ бременскомъ архіепископствѣ, чтобы объяснить, почему интересы сильнѣйшихъ владѣльцевъ Саксоніи сталкивались съ выгодами бременскихъ архіепископовъ и какимъ образомъ распространеніе епархіи послѣднихъ вызвало между Кёльномъ и Бременомъ споры, которые поддерживались и продолжались каждымъ архіепископомъ. Епископство бременское или гамбургское заключало всѣ земли сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ славянъ, исключая принадлежавшихъ къ магдебургской епархіи; но при корыстолюбіи сосѣднихъ саксонцевъ, распространять христіанство между славянами было очень трудно. При Генрихѣ II, герцогъ саксонскій Бернгардъ II, внукъ Германа Биллунга, такъ притѣснялъ славянъ, что, прибѣгнувъ къ возстанію, они уничтожили всѣ слѣды христіанства на сѣверъ отъ Эльбы и разрушили городъ Гамбургъ. Вскорѣ послѣ того архіепископъ бременскій, Унванъ, началъ снова водворять въ этой странѣ христіанскихъ поселенцевъ; но въ тоже самое время Бернгардъ вторгнулся туда съ оружіемъ въ рукахъ и снова сталъ обременять налогами покорившихся ему славянъ. Только впослѣдствіи Унвану удалось убѣдить его въ необходимости лучшаго обращенія со славянами, возстановить разрушенныя церкви и поднять изъ пепла Гамбургъ. Такъ какъ его благочестіе,—какъ почти у всѣхъ духовныхъ, получившихъ монастырское воспитаніе,—соединялось съ наружнымъ смиреніемъ и знаніемъ свѣта, то епископство бременское достигло при немъ огромнаго значенія. Его поддерживалъ также могущественный современникъ его, Канутъ Великій, подчинившій ему всѣ епископства скандинавскихъ государствъ. Корыстолюбіе саксонцевъ и ихъ герцоговъ снова остановило успѣхи христіанства между славянами. Дѣло приняло нѣсколько лучшій оборотъ, когда Бернгардъ II и Канутъ Великій, состарѣвшись, сдѣлались набожнѣе и старались загладить грѣхи своей юности и когда въ тоже время нѣмецкіе императоры поддерживали усилія бременскихъ архіепископовъ и возвышали ихъ значеніе. Конрадъ II жестоко отмстилъ за опустошенія, совершенныя язычниками въ христіанскихъ городахъ и селахъ, и вмѣстѣ со своимъ преемникомъ до такой

степени увеличилъ власть бременскихъ архіепископовъ, бывшую до тѣхъ поръ только духовною, а тогда сдѣлавшуюся и свѣтскою, что если бы не грубое корыстолюбіе саксонцевъ, то даже ближайшій предшественникъ Адельберта, Бенцелинъ Альбрандъ, пользовался бы на сѣверѣ еще большей духовной властью, чѣмъ какой-нибудь другой епископъ. Но это вовлекло архіепископовъ бременскихъ въ споры съ саксонскими герцогами и графами, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило зависть архіепископовъ кельнскихъ, а Адельбертъ долженъ былъ казаться Ганнону Кельнскому тѣмъ непріятнѣе, что Ганнонъ вообще не терпѣлъ соперниковъ.

Адельбертъ происходилъ изъ старинной саксонской фамиліи Гозекъ, одной изъ могущественнѣйшихъ и знатнѣйшихъ въ странѣ и пользовавшейся наслѣдственнымъ достоинствомъ пфальцграфа или императорскаго судьи въ Саксоніи. Онъ былъ сначала епископомъ въ Гальберштадтѣ, а потомъ въ продолженіе тридцати лѣтъ завѣдывалъ архіепископствомъ бременскимъ, и въ этомъ званіи цѣлыя двадцать восемь лѣтъ съ рѣдкимъ счастьемъ игралъ самую блестящую роль на сѣверѣ. Онъ былъ великодушенъ, щедръ и отличался истиннымъ смиреніемъ въ отношеніи къ бѣднымъ и простолюдинамъ, но за то былъ чрезвычайно гордъ и упрямъ въ сношеніяхъ съ вельможами и князьями. Онъ хотѣлъ, какъ мы уже сказали выше, играть роль сѣвернаго папы, и успѣлъ бы въ этомъ намѣреніи, если бы покровитель его, Левъ IX, не умеръ въ самую минуту осуществленія его плана. Но умно и энергически проповѣдуя и защищая правила, которыя совершенно подходили къ понятіямъ Генриха III объ императорской власти, онъ достигъ если не вожделѣннаго патріархата, то во всякомъ случаѣ огромнаго внѣшняго вліянія, потому что былъ любимецъ императора, хотя, конечно, это самое дѣлало его еще ненавистнѣе для саксонцевъ, которые, впрочемъ, должны были скрывать свое нерасположеніе. Онъ утверждалъ, хотя, вѣроятно, руководствуясь не совсѣмъ чистыми побужденіями, что почти королевская власть саксонскихъ герцоговъ въ странахъ, лежащихъ по Эльбѣ, не основывается ни на какихъ правахъ, и что герцоги и графы должны отказаться отъ присвоеннаго ими права суда, какъ скоро этого потребуетъ императоръ. Онъ самъ присвоивалъ себѣ эти права въ своей епархіи, несправедливо присоединялъ къ своему престолу многія имѣнія и даже монастыри, но за то принималъ съ своими вассалами участіе во всѣхъ походахъ Генриха и истощилъ средства епископства на безполезныя предпріятія, начатыя не государствомъ, а Генрихомъ III. Саксонцы приходили въ ярость, но должны были молчать предъ могущественнымъ императоромъ, потому что самъ братъ ихъ герцога подвергся опалѣ изъ-за Адельберта. Какъ дружба его къ императору основывалась не на одной безкорыстной любви къ отечеству, такъ точно пользовался онъ для достиженія своихъ цѣлей и чужеземцами, и охотно призналъ за датчанами ихъ права на саксонскія земли къ сѣверу отъ Эльбы, потому что датчане уважали его значеніе, а герцоги, называвшіе эту область своей, всѣми средствами старались ограничить его. Даже храбрый и знаменитый князь вендовъ, Готтшалькъ, отпавшій, при Конрадѣ II отъ христіанства, а при Генрихѣ III соединившій всѣ племена своего народа въ одно могущественное государство, былъ другомъ Адельберта и помогалъ ему пристраивать духовныхъ, которые теряли свои мѣста и для полученія епископствъ обращались къ архіепископу бременскому. Готтшалькъ возвратился къ христіанству и всячески способствовалъ его распространенію.

Еще при Генрихѣ III все это навлекло общую ненависть на Адельберта, и потому, по смерти императора, его сначала совершенно исключили изъ участія въ управленіи. Но такъ какъ молодой король сталъ всего чаще останавливаться въ Госларѣ, принадлежавшемъ къ епархіи Адельберта, то послѣднему удалось овладѣть расположеніемъ мальчика. Архіепископъ Трирскій былъ слишкомъ старъ и жилъ слишкомъ далеко; Зигфридъ Майнцскій не пользовался значеніемъ и въ то время отправился на богомолье въ Іерусалимъ, такъ что вся власть оставалась исключительно въ рукахъ Адельберта и Ганнона. Впрочемъ, гордый Ганнонъ не былъ намѣренъ терпѣть возлѣ себя патріарха, какимъ хотѣлъ быть Адельбертъ, и потому сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Въ тоже время саксонцы убѣдились, что Адельбертъ возбуждаетъ противъ нихъ ненависть короля. Впрочемъ, вражда Ганнона и саксонцевъ къ Адельберту, какъ впослѣдствіи вражда

гвельфовъ и гибеллиновъ въ Италіи и въ новѣйшее время виговъ и тори въ Англіи, основывалась не на однѣхъ личныхъ и внѣшнихъ причинахъ, но являлась также борьбой за принципы и основанія, на которой каждая партія старалась построить свое величіе. Адельбертъ на развалинахъ свободы хотѣлъ возстановить единовластіе, императорскій произволъ и затѣмъ могущество придворныхъ любимцевъ; Ганнонъ же и саксонскіе князья хотѣли на развалинахъ императорскаго престола основать господства мѣстныхъ князей, въ которомъ должны были получить свою долю и мелкіе владѣльцы, потому что партія нуждалась въ ихъ содѣйствіи. Обѣ стороны не знали ни себя, ни государства, и потому трудно сказать, которая изъ нихъ была ближе къ истинѣ; но что обѣ онѣ ошибались и куда ихъ вели ихъ ошибки, видѣлъ только Гильдебрандъ, и папа, смотрѣвшій его глазами.

Расположеніе избалованнаго мальчика невозможно было сохранить, не поддерживая его слабостей, и потому тогдашніе писатели довольно основательно приписываютъ легкомысліе и нравственность Генриха IV преимущественно епископу Адельберту. Онъ одинъ доставлялъ королю деньги, нужныя для его безразсудныхъ забавъ, а чтобы достать ихъ, переплавилъ въ монету всю утварь бременскихъ церквей, и любовницы Генриха щеголяли въ драгоцѣнныхъ камняхъ, вынутыхъ изъ церковныхъ сосудовъ. Чтобы предохранить себя отъ соперниковъ, Адельбертъ въ 1065 году въ Вормсѣ велѣлъ объявить пятнадцатилѣтняго юношу способнымъ носить оружіе, или, другими словами, совершеннолѣтнимъ. Въ свитѣ короля, кромѣ нѣсколькихъ распутныхъ юношей, онъ терпѣлъ только присутствіе людей, подобныхъ безразсудному графу В е р н е р у, который по своему характеру и дикой необузданности походилъ на короля и не имѣлъ значенія въ имперіи, или Беннону Оснабрюкскому, о суровости котораго при постройкахъ въ Госларѣ мы уже упоминали выше, и который, по словамъ его біографа, не только самъ обладалъ милостью двора, но и могъ доставить ее, кому хотѣлъ. Генрихъ былъ задержанъ въ Госларѣ, гдѣ онъ находился ближе всего къ архіепископу, и здѣсь Беннонъ долженъ былъ составлять безпрестанно новые планы и строить на различныхъ возвышенностяхъ этой мѣстности новые замки противъ саксонцевъ, довольно громко обнаруживавшихъ свое недовольство; замки эти были заняты королевскими войсками. Такъ какъ Генрихъ долгое время оставался въ одной и той же области, то доходы его скоро истощились, поставки прекратились, друзья его разсѣялись по своимъ имѣніямъ, и онъ, наконецъ, былъ принужденъ жить доходами однихъ аббатствъ и другихъ приходовъ, едва доставлявшихъ ему самое необходимое, потому что саксонцы были увѣрены, что въ то время онъ еще не можетъ поддержать своихъ притязаній оружіемъ. Въ этихъ обстоятельствахъ недовольные, въ отсутствіе короля, собрались, подъ предводительствомъ Ганнона, въ Трибурѣ, а когда король явился туда, отказали ему въ повиновеніи, если онъ не удалитъ отъ себя Адельберта, наконецъ съ оружіемъ въ рукахъ принудили его къ поспѣшному бѣгству (1066 г.). Король, оставленный всѣми друзьями, долженъ былъ согласиться на возстановленіе прежняго порядка вещей, по старому объѣзжать государство и каждый разъ пользоваться совѣтами того епископа, въ епархіи котораго находился. Такъ какъ по изгнаніи Адельберта онъ жилъ въ Нидерландахъ, слѣдовательно въ кёльнской епархіи, то Ганнонъ вторично забралъ въ свои руки завѣдываніе дѣлами. На слѣдующій годъ онъ, какъ будто полновластный повелитель императора и имперіи, отправился въ Италію, гдѣ Гонорій, поддерживаемый Адельбертомъ, все еще спорилъ о престолѣ съ Александромъ. Здѣсь, на соборѣ въ Мантуѣ (1067 г.), онъ призналъ Александра законнымъ папою, заставивъ его при этомъ дать формальное объясненіе относительно объема папской власти, которое, по мнѣнію его, совершенно обезпечивало права императора. Гонорій, хотя и не отказался отъ папскаго достоинства, но лишился всякаго значенія и умеръ въ неизвѣстности. Паденіе его, безъ сомнѣнія, находится въ тѣсной связи съ паденіемъ Адельберта.

Между тѣмъ въ имперіи повсюду обнаруживались печальныя слѣдствія неустройства, раздора и властолюбія, господствовавшихъ по смерти Генриха III. Въ особенности кажутся намъ двусмысленными дѣйствія Ганнона. Онъ еще ревностнѣе Генриха Аугсбургскаго старался доставлять родственникамъ имѣнія и епископства, помогъ своему племяннику Буркарду, человѣку жестокому, привык-

шему рѣшать всѣ дѣла оружіемъ, пріобрѣсти епископство гальберштадтское, а своему гордому и суровому брату, Вецилону или Вернеру, — архіепископство магдебургское (1063 г.). Ставъ во второй разъ во главѣ управленія, онъ хотѣлъ доставить другому племяннику, Конраду, архіепископство трирское, но трирцы, не хотѣвшіе принимать къ себѣ архіепископа отъ кёльнцевъ, возстали, разбили королевскія войска и убили новаго архіепископа; впослѣдствіи Ганнонъ оставилъ ихъ злодѣйство безнаказаннымъ, потому что они выбрали архіепископомъ одного изъ его родственниковъ, У д о н а. Какъ мало заботились тогда о королевскомъ достоинствѣ, всего лучше доказываетъ споръ, который начался въ Рождество 1062 года между епископомъ Гецилономъ Гильдесгеймскимъ и аббатомъ Видерадомъ Фульдскимъ и окончился кровопролитіемъ въ Духовъ день, 1063 года. При этомъ случаѣ ясно обнаружилось, что въ это время въ имперіи господствовала страшная путаница въ понятіяхъ о духовномъ и свѣтскомъ. Монастырская дисциплина пришла въ такой упадокъ, что въ это и слѣдующее за нимъ столѣтіе необходимо было основывать одинъ орденъ за другимъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько приблизить монастыри къ ихъ первоначальному назначенію; тогдашнее правительство считало монастыри своею добычею, раздавало ихъ духовнымъ и свѣтскимъ владѣтелямъ, пользовавшимся расположеніемъ двора, и вело торговлю епископствами. Такимъ образомъ, около 1063 года архіепископы Адельбертъ и Ганнонъ получили каждый по два аббатства, а Зигфридъ Майнцскій, герцоги Оттонъ Баварскій и Рудольфъ Швабскій—по одному. Участникъ въ королевскихъ распутствахъ, Вернеръ, получилъ тогда помѣстье, принадлежавшее герсфельдскому аббатству; монахи напрасно хлопотали объ его возвращеніи и когда наконецъ установили для этого постъ и молебны, Вернеръ позволилъ себѣ явно насмѣхаться надъ ними, говоря, что онъ заслуживаетъ большой благодарности, потому что нашелъ дѣйствительное средство принудить лѣнивыхъ монаховъ исполнять свои обязанности. Споръ между епископомъ гильдесгеймскимъ, Гецилономъ, и аббатомъ фульдскимъ, Видерадомъ, былъ простымъ споромъ о старшинствѣ. Однажды, когда король праздновалъ въ Госларѣ Рождество, люди Гецилона и Видерада перессорились изъ-за мѣста въ церкви, схватились за церковныя скамьи и подножки и долгое время дрались между собою, пока наконецъ герцогу Оттону Баварскому не удалось возстановить тишину; но на слѣдующій годъ, въ праздникъ святаго Духа, когда король и его вельможи опять собрались въ той же церкви, ссора вспыхнула вновь. Графъ Экбертъ Брауншвейгскій, спрятанный Гецилономъ за алтаремъ съ вооруженными людьми, неожиданно бросился на людей аббата и выгналъ ихъ изъ церкви; тогда рейтары, приведенные Видерадомъ, ворвались въ церковь и вступили съ ними въ формальное сраженіе, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ легло много людей; самъ король, напрасно умолявшій разъяренныхъ подданныхъ, лишился бы жизни въ этой свалкѣ, если бы не былъ спасенъ нѣкоторыми друзьями. Правда, на другой день произведено было слѣдствіе, но, по обыкновенію того времени, Экбертъ остался безнаказаннымъ, потому что былъ близкимъ родственникомъ короля, а всю вину свалили на аббата фульдскаго, котораго ненавидѣли за его гордость: его заставили заплатить огромную денежную пеню. Раздраженные противъ Видерада монахи его монастыря, пользуясь его опалою, возстали и были усмирены только вмѣшательствомъ свѣтской власти. Наказаніе ихъ объясняетъ намъ, какое понятіе имѣли тогда о человѣческихъ правахъ даже въ монастыряхъ: монахи, по выраженію современнаго историка, подверглись различнымъ наказаніямъ не по степени ихъ вины, но по знатности ихъ происхожденія. Въ такомъ печальномъ положеніи находились тогда всѣ понятія о нравственности, образованіи, обычаѣ и правѣ. Но къ чести человѣчества нужно сказать, что и въ это время являлись благородные и вполнѣ развитые люди, которые могли бы быть украшеніемъ и всякой другой эпохи, какъ, напримѣръ, два историка того времени: Г е р м а н ъ К о н т р а к т ъ и Л а м б е р т ъ ф о н ъ А ш а ф ф е н б у р г ъ, обладавшіе основательною ученостью и истиннымъ образованіемъ и при этомъ отличавшіеся не только церковнымъ благочестіемъ, но и прямотой своихъ понятій, чистотою жизни и удивительнымъ простодушіемъ. Ламбертъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ, напримѣръ, о странствіи въ Іерусалимъ, которое онъ, будучи монахомъ, предпринялъ безъ позволенія своего аббата: «Возвратясь изъ странствія, я еще нашелъ своего аббата въ живыхъ, о чемъ въ

особенности молилъ Бога во время всего путешествія, потому что отправился безъ его благословенія и боялся, что сдѣлаюсь виновнымъ въ тяжкомъ грѣхѣ, если онъ умретъ, не примирясь со мной. Но и по возвращеніи домой меня не оставили благодать и милосердіе Бога, во время продолжительнаго пути отклонявшія отъ меня величайшія опасности. Я нашелъ аббата въ живыхъ, онъ простилъ меня и съ благословеніями заключилъ въ объятія, какъ будто я воскресъ отъ смерти къ жизни. Его жизнь какъ бы чудомъ была сохранена именно ради моего душевнаго спасенія, потому что въ тотъ день, когда онъ простилъ меня, онъ заболѣлъ и послѣ осмидневныхъ ужасныхъ страданій окончилъ жизнь свою и умеръ во Господѣ».

Между тѣмъ король Генрихъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, но, какъ и слѣдовало ожидать при подобной системѣ воспитанія, не имѣлъ ни твердыхъ убѣжденій, ни энергіи. Обладая всѣми качествами рыцаря, онъ въ то же время былъ очень дикъ и грубъ, предавался съ своими пріятелями самому гнусному разврату, ненавидѣлъ Ганнона и его друга, Оттона Нордгеймскаго, и ждалъ только случая дать имъ почувствовать свою ненависть. Надѣясь положить конецъ его безпутной жизни, они побудили его вступить въ бракъ съ Бертой, которая была обручена съ нимъ еще при жизни отца. Онъ сдѣлалъ это неохотно и тѣмъ положилъ начало своимъ несчастіямъ (1066 г.). Уже въ слѣдующемъ году онъ всѣми способами старался отдѣлаться отъ нелюбимой жены и, быть можетъ, для этой цѣли еще сильнѣе предался распутству и окончательно разошелся съ Ганноном. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ постоянно думать о разводѣ съ женою. Генрихъ считалъ архіепископа Зигфрида Майнцскаго наиболѣе способнымъ исполнить его желаніе; но сильно ошибся въ немъ, потому что Зигфридъ былъ изъ числа людей, которые любятъ гоняться за двумя зайцами и обыкновенно упускаютъ обоихъ. Зигфридъ имѣлъ распрю съ тюрингцами, земля которыхъ принадлежала къ его епархіи, но съ которыхъ архіепископы майнцскіе еще со временъ св. Бонифація не получали десятины. Предшественникъ его потребовалъ снова платежа этой десятины и самъ Зигфридъ всѣми способами старался возстановить свое мнимое право. Поэтому онъ согласился помочь Генриху въ дѣлѣ о разводѣ, когда король съ своей стороны обѣщалъ силой возвратить ему тюрингскую десятину. Но разсчеты ихъ оказались невѣрными, а Генрихъ сверхъ того нажилъ себѣ въ тюрингцахъ новаго врага. Чтобы помѣшать разводу, папа послалъ въ имперію Петра Даміани, котораго понятія, образованіе, образъ жизни и способъ выражаться должны были представлять много привлекательнаго для людей, одушевленныхъ слѣпой вѣрой, и Петръ, дѣйствительно, умѣлъ помѣшать осуществленію намѣреній Генриха. Около этого времени явился при дворѣ и Адельбертъ Бременскій; по смерти друга его, Готтшалька, убитаго вендами, христіанство на сѣверѣ отъ Эльбы было еще разъ подавлено, а Гамбургъ подвергся вторичному разрушенію. Въ 1069 году Адельбертъ снова пріобрѣлъ милость двора, но, не успѣвъ достигнуть своей задушевной цѣли, впалъ вскорѣ послѣ того въ состояніе полусумасшествія, въ которомъ и прожилъ еще два года (до 1072 г.).

Государство находилось тогда въ самомъ жалкомъ положеніи. Саксонцы, тюрингцы и баварцы стали ожесточенными врагами короля. Имъ недовольны были и швабы, сохранившіе королевскіе лены только подъ условіемъ дѣлать большія поставки и доставлять королю рейтаровъ для его походовъ; они съ жадностью искали случая освободиться отъ этой тяжкой обязанности и присвоить себѣ королевское добро. Весь порядокъ и свѣтское правосудіе въ Германіи пришли въ страшный упадокъ. Замѣтивъ это, папа потребовалъ къ суду двухъ первыхъ епископовъ имперіи; они повиновались и подчинились наложенной на нихъ денежной пени, чувствуя, что имѣютъ единственную поддержку въ папѣ. Самъ король ни о чемъ не думалъ и попрежнему продолжалъ вести развратную жизнь. Въ 1070 году онъ рѣшился какимъ бы то ни было средствомъ погубить ненавистнаго ему Оттона Нордгеймскаго, пользовавшагося большимъ вліяніемъ, чѣмъ онъ самъ. Нѣкто Эгенонъ обвинилъ Оттона въ томъ, что онъ убѣждалъ его убить короля; неизвѣстно, сдѣлалъ ли онъ это по собственному побужденію, или наученный другими, но Генрихъ поступилъ въ отношеніи обвиненнаго съ рѣзкостью, которая ясно показывала, что обвиненіе было для него очень пріятно. По старинному германскому обычаю, онъ предложилъ герцогу Оттону очистить

себя отъ обвиненія судебнымъ поединкомъ. Оттонъ, оскорбленный тѣмъ, что король повѣрилъ такому гнусному обвиненію, отказался сражаться съ низкимъ обвинителемъ. Тогда Генрихъ объявилъ его лишеннымъ всѣхъ леновъ. Все это было, конечно, совершенно сообразно съ тогдашними нравами, но Генрихъ отнялъ у него и его наслѣдственныя владѣнія въ Саксоніи, которыя былъ бы обязанъ оставить за нимъ, и отдалъ герцогство Баварію сыну итальянскаго маркграфа Аццо д'Эсте, Вельфу IV; хотя Аццо по своему происхожденію и принадлежалъ къ нѣмецкому дворянству и фамилія его занимала тогда мѣсто въ ряду вельможъ имперіи, но при этомъ случаѣ онъ обнаружилъ все неблагородство своего характера, вѣроятно развившееся въ немъ еще въ молодости, когда онъ былъ подъ вліяніемъ отца своего въ Италіи. Повидимому, совершенно довольный своей женой, дочерью Оттона, онъ сначала старался отвратить бурю, угрожавшую его тестю; но когда это не удалось, предалъ Оттона, бросилъ жену и хитростью пріобрѣлъ себѣ владѣніе бывшаго тестя. Генрихъ отдалъ ему герцогство, не спросясь баварцевъ, и тѣмъ нарушилъ обще-германское и баварское право, которымъ пренебрегалъ его отецъ, но которое уважалъ его дѣдъ (стр. 537). Впрочемъ, Вельфъ IV происходилъ отъ того Вельфа, который прославился, какъ товарищъ сына Конрада II, герцога Эрнста Швабскаго, и владѣлъ помѣстьями въ Баваріи. Онъ оставилъ послѣ себя сына и дочь, но первый умеръ бездѣтнымъ, а дочь, выйдя замужъ за маркграфа Аццо д'Эсте, получила всѣ родовыя владѣнія своей фамиліи. Вельфъ IV былъ ея сыномъ и наслѣдовалъ эти владѣнія, а второй сынъ Аццо отъ Фулькъ, другой его жены, получилъ владѣнія дома д'Эсте.

Оттонъ старался противиться королю силой, и, найдя въ Саксоніи значительную поддержку не только въ своихъ собственныхъ вассалахъ, но и въ Магнусѣ, сынѣ саксонскаго герцога Ордульфа, разбилъ войска Генриха при Эшвеге. Предвидя, что ему не выдержать продолжительной борьбы, онъ принялъ посредничество, предложенное графомъ Эбергардомъ Нелленбургскимъ, который имѣлъ довольно благородства, чтобы остаться вѣрнымъ королю во всѣхъ превратностяхъ судьбы, не смотря на основное различіе ихъ жизни и нравственныхъ правилъ. Онъ клятвенно обѣщалъ возставшему герцогу выхлопотать ему у короля помилованіе и добиться возвращенія ему владѣній, если только онъ покорится королю. Для соблюденія королевскаго достоинства, Оттонъ и Магнусъ явились въ Гальберштадтъ и на нѣсколько времени были, кажется, подвергнуты заключенію. Но Генрихъ, не думая объ исполненіи обѣщанія, даннаго имъ Эбергарду, цѣлый годъ держалъ Оттона въ заключеніи и выпустилъ его не прежде, какъ тотъ уступилъ ему многія изъ своихъ наслѣдственныхъ имѣній; герцога Магнуса онъ старался принудить къ отказу отъ правъ на герцогство его отца, умершаго въ то время, и такъ какъ тотъ не соглашался на это требованіе, держалъ его подъ крѣпкой стражей въ Гарцбургѣ, выстроенномъ близъ Гослара. Замѣчая всеобщее неудовольствіе подданныхъ, Генрихъ передалъ управленіе государственными дѣлами въ руки Ганнона, но Ганнонъ не могъ, однако, одобрять дѣйствій молодаго короля и скоро совсѣмъ отказался отъ участія въ управленіи (1072 г.). Положеніе дѣлъ со дня на день становилось запутаннѣе. Зять Генриха, Рудольфъ Швабскій, который по смерти Матильды женился на сестрѣ гонимой супруги короля, разсорился съ нимъ давно. Храбрый Бертольдъ Церингенскій также удалился отъ двора, и король былъ такъ неблагоразуменъ, что, отнявъ у него герцогство Лотарингію, отдалъ ее графу Марквард у. Въ тоже время часть сѣверной Германіи сдѣлалась добычей свирѣпыхъ вендовъ, и при Лимарѣ, преемникѣ Адальберта, исчезъ весь блескъ его архіепископства. Наконецъ возстали саксонцы, герцогъ которыхъ уже два года находился въ заключеніи, и вступили въ союзъ съ тюрингцами (1073 г.), которымъ король угрожалъ самыми ужасными наказаніями за отказъ платить десятину майнцскому епископу.

Въ это самое время умеръ папа Александръ II; римскіе кардиналы воспользовались запутанностью дѣлъ въ Германіи и, не спросивъ предварительно Генриха, избрали папою Гильдебранда, принявшаго тогда имя Григорія VII; нѣмецкому двору они послали простое извѣщеніе объ его избраніи. Впослѣдствіи Генрихъ открыто упрекалъ папу Григорія въ томъ, что этотъ выборъ былъ совершенъ безъ соблюденія установленнаго порядка и законовъ, но если бы это было и справедливо, то король имѣлъ бы тогда вдвойнѣ право воспротивиться избра-

нію. Правда, онъ послалъ въ Римъ вѣрнаго Эбергарда, но хитрый Григорій преклонился на минуту предъ королевскою властью и былъ за то утвержденъ Эбергардомъ. Онъ объявилъ ему, что принялъ папское достоинство только по принужденію и рѣшительно не соглашался на посвященіе, не получивъ сначала согласія короля Германіи; это объясненіе вполнѣ удовлетворило пословъ Генриха.

Противъ короля возстали всѣ саксонцы, исключая епископовъ Эппона Цейцскаго, Беннона Оснабрюкскаго и Лимара Бременскаго. На этотъ разъ возстали не одни князья съ ихъ вассалами, но весь саксонскій народъ, потому что первые въ своихъ жалобахъ противъ Генриха не забыли и того, что касалось народа, и требовали вознагражденія за назначенный королемъ походъ противъ Польши, такъ какъ саксонцы день и ночь должны были быть на сторожѣ противъ вендовъ. Возстаніе сдѣлалось поэтому повсемѣстнымъ и, по словамъ одного лѣтописца, дома остались только женщины и дѣти; но подъ конецъ бѣдный народъ, какъ и всегда, былъ опять обманутъ. Къ счастью, венды не могли воспользоваться этимъ возстаніемъ для набѣга на Саксонію: и Генрихъ, и саксонскіе князья пріобрѣли себѣ между ними сторонниковъ, такъ что венды сами перессорились другъ съ другомъ. Саксонцы въ числѣ 60,000 человѣкъ неожиданно двинулись на Госларъ; Генрихъ, уже довольно зрѣлый, чтобы дѣйствовать обдуманно, потерялъ однако голову и поступилъ такъ, что лишился всякаго уваженія своихъ подданныхъ. Сначала онъ думалъ склонить на свою сторону герцога Бертольда пошлымъ обманомъ, который могъ только внушить ему презрѣніе къ королю; онъ пытался увѣрить герцога, что Марквардъ завладѣлъ Каринтіей безъ его согласія. Затѣмъ, во время переговоровъ съ саксонцами, которые предлагали ему условія мира, онъ прибѣгнулъ къ жалкимъ уловкамъ и, когда ему нельзя уже было долѣе держаться, тайно бѣжалъ изъ Гарцбурга. Саксонскіе епископы, Эппонъ Цейцскій, Беннонъ Оснабрюкскій и Лимаръ Бременскій, которые одни стояли за него, были выгнаны саксонцами изъ ихъ владѣній и должны были послѣдовать за Генрихомъ. Если бы король рѣшился тогда же оставить всѣ свои замки, онъ предупредилъ бы многія несчастія; но онъ отвергнулъ совѣтъ князей, къ которымъ обратился въ своемъ затруднительномъ положеніи, и старался склонить къ походу въ Саксонію тѣхъ герцоговъ, епископовъ и графовъ, которыхъ онъ созвалъ для предполагаемой будто бы войны съ Польшей. Но тѣ, желая воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ удовлетворить многимъ жалобамъ на самовластіе молодаго короля и не отказываясь вовсе отъ вооруженнаго посредничества между имъ и саксонцами, осаждавшими тогда поодиночкѣ его замки, потребовали, чтобы онъ предложилъ имъ справедливыя условія и возможность оправдаться законнымъ путемъ. Вслѣдствіе этого было много собраній и сеймовъ, на которыхъ, по обыкновенію нѣмцевъ, очень пространно толковали о дѣлахъ, говорили длинныя рѣчи, обсуждали множество предложеній и приступали къ разнымъ приготовленіямъ; но все это ни къ чему не повело. Наконецъ король рѣшился прибѣгнуть къ полумѣрѣ, повредившей обѣимъ сторонамъ. Въ февралѣ 1074 года онъ помирился съ саксонцами при посредничествѣ Оттона Нордгеймскаго, которому обѣщалъ возвратить Баварію, и заключилъ съ ними договоръ, по которому признавалъ справедливыми всѣ ихъ требованія и, въ случаѣ нарушенія договора съ его стороны, давалъ саксонцамъ право снова взяться за оружіе. Такой договоръ былъ гибеленъ и для короля, и для саксонцевъ. Первый терялъ потому, что лишался прежняго значенія, будучи принужденъ оставить всѣ свои замки въ Саксоніи, и потому что саксонскіе князья, долго находившіеся у него въ заключеніи и выпущенные тогда на свободу, стали лучшими предводителями своего народа въ новой неизбѣжной войнѣ. Саксонцамъ же этотъ договоръ повредилъ тѣмъ, что они не окончательно примирились съ королемъ и проиграли въ глазахъ другихъ нѣмецкихъ племенъ, потому что, рѣшивъ свой споръ не на общемъ имперскомъ сеймѣ, гдѣ были бы предъявлены жалобы всѣхъ племенъ Германіи, доказали тогда предъ лицомъ всей имперіи, что болѣе думали о себѣ, чѣмъ о всемъ германскомъ народѣ. Это не понравилось въ особенности швабамъ, которые за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ предлагали саксонцамъ союзъ, чтобы принудить короля къ перемѣнѣ его образа жизни и управленія. Такое соединеніе могло бы тогда, законнымъ образомъ и сообразно старинному обычаю нѣмцевъ, помирить короля съ народомъ; къ сожалѣнію, оно не

состоялось. Швабы были раздражены еще болѣе, увидя, что саксонцы вынудили у короля уступки только для себя однихъ.

Еще во время войны съ саксонцами ненависть и презрѣніе націи къ молодому королю дошли до того, что нѣкоторые изъ князей, въ октябрѣ 1073 года, рѣшились избрать королемъ Рудольфа Швабскаго, и послѣдній былъ бы дѣйствительно избранъ, если бы можно было созвать имперскій сеймъ, потому что Рудольфъ, связанный своей клятвой и честнымъ словомъ, соглашался принять корону только отъ такого собранія. Къ этому присоединилась еще другая опасность для короля. Одинъ изъ его приближенныхъ, Регингеръ, подвергнувшись опалѣ, сталъ публично утверждать, что король вызывалъ его и нѣсколькихъ другихъ на убійство Рудольфа. Очень можетъ быть, что король говорилъ безнравственнымъ и легкомысленнымъ людямъ своей свиты, что тотъ, кто убьетъ Рудольфа, окажетъ ему большую услугу; но едва-ли онъ дѣйствительно поручалъ это Регингеру. Не смотря на то, князья потребовали отъ короля, чтобы онъ оправдался отъ этого обвиненія, и Генрихъ упалъ такъ низко, что для своего оправданія принялъ поединокъ. Но такого униженія, казавшагося страшнымъ позоромъ Оттону, не захотѣлъ допустить Ульрихъ фонъ Косгеймъ, одинъ изъ приближенныхъ короля. Онъ взялъ на себя поединокъ съ Регингеромъ, но послѣдній умеръ до назначеннаго дня, что, по тогдашнимъ понятіямъ, считалось признакомъ невинности Генриха.

По заключеніи договора саксонцы согласно условію тотчасъ же срыли замки Генриха; но чернь, употребленная на это дѣло, при разрушеніи Гарцбурга не пощадила церкви и гробницъ королей. Это показалось лучшимъ людямъ того времени столь возмутительнымъ поступкомъ, что Генрихъ получилъ возможность отмстить саксонцамъ за свое личное униженіе. Но онъ не съумѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ не столько по недостатку энергіи и ума, сколько по неосторожности и неблагоразумію. Какъ вообще мало умѣлъ онъ пользоваться обстоятельствами и какъ легкомысленно отдавался минутнымъ увлеченіямъ, доказываетъ венгерскій походъ, предпринятый имъ до войны, которою онъ хотѣлъ отмстить саксонцамъ. Нѣмцы были очень расположены къ войнѣ съ венграми, и Генрихъ могъ бы при этомъ случаѣ возстановить свою популярность и честь, но неискусными распоряженіями испортилъ все дѣло и уже во время приготовленій къ походу вмѣшался, изъ чувства личной ненависти, въ споръ кёльнскихъ горожанъ, въ которомъ не могъ ничего выиграть даже при самомъ счастливомъ исходѣ дѣла. Въ Венгріи снова появились Гейза II и Владиславъ, бѣжавшій въ началѣ правленія Генриха въ Польшу, а ихъ родственникъ, Соломонъ, помирившись съ ними, уступилъ Гейзѣ свои владѣнія и королевскія почести. Но Гейза и Соломонъ вскорѣ разсорились по поводу войны съ византійцами (стр. 575); между ними вспыхнула кровопролитная междоусобица, и Соломонъ долженъ былъ искать помощи у своего зятя Генриха (1074 г.). Обязавшись предъ нимъ сдѣлать Польшу леномъ германской имперіи, Соломонъ получилъ отъ него обѣщаніе сильной поддержки, но за то заслужилъ суровый выговоръ отъ папы Григорія VII, имѣвшаго странное намѣреніе подчинить свѣтскую власть духовной даже въ свѣтскихъ дѣлахъ, сдѣлать изъ папы христіанскаго Далай ламу и начать это дѣло съ короля, имѣвшаго только призракъ власти. Генрихъ, не смотря на обѣщанную имъ помощь зятю, не особенно заботился объ этомъ дѣлѣ, и когда наконецъ черезъ годъ предпринялъ походъ въ Венгрію, то у него оказался недостатокъ въ людяхъ и продовольствіи. Поэтому онъ вернулся назадъ, не достигнувъ никакихъ результатовъ, а Соломонъ бѣжалъ въ Германію, и впослѣдствіи былъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что Григорій VII, какъ видно изъ одного письма его, обѣщалъ женѣ Соломона милостыню. Гейза остался королемъ Венгріи, и Григорій въ письмѣ увѣрялъ его, что такъ устроилъ самъ Богъ, потому что Соломонъ покорился нѣмцамъ, что никакая нація не должна зависѣть отъ другой, и что только Богъ и Его намѣстникъ на землѣ, папа, стоитъ выше всѣхъ королей.

Кёльнскій споръ, въ который хотѣлъ вмѣшаться и Генрихъ, имѣетъ особенную важность для знакомства съ совершившимся непосредственно послѣ того у нѣмцевъ переворотомъ въ понятіяхъ, нравахъ и гражданскихъ отношеніяхъ. Народъ жилъ прежде хотя и бѣдно, но былъ свободенъ; земледѣліе пользовалось уваженіемъ; каждый умѣлъ владѣть мечомъ, и развращающее вліяніе торговли было еще незамѣтно, а знатное происхожденіе или древность рода, хотя и поль-

зовались уваженіемъ, но не были соединены съ унизительными и вредными для другихъ сословій привилегіями. Въ описываемую нами эпоху наступилъ другой порядокъ вещей. Свободный поселянинъ вездѣ, кромѣ развѣ Фрисландіи и немногихъ другихъ мѣстностей, подпалъ позорной зависимости отъ рыцарей; духовенство, сдѣлавшееся свѣтскимъ и подчиненное господству Рима, стало чуждымъ какъ отечеству, такъ и религіи; императоръ сталъ игрушкою вельможъ; благородная свобода искала убѣжища въ стѣнахъ городовъ между лавочниками и ремесленниками, у которыхъ трудъ изъ-за денегъ убиваетъ тѣло и душу; кровь проливалась не потому, что избытокъ энергіи не давалъ покою юношескимъ силамъ націи, какъ это было прежде, а потому, что сильные стремились къ пріобрѣтенію пустыхъ выгодъ жалкаго господства и угнетенію вѣчныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка, а города, исключительно по внушеніямъ корыстолюбія, отстаивали свою независимость. Все это начало обнаруживаться именно въ эту эпоху. Въ особенности сильно проявляется съ того времени значеніе сословія горожанъ въ исторіи. Повидимому, одни только города смотрѣли на духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, какъ на чиновниковъ короля, чѣмъ они собственно и были; за то они пользовались покровительствомъ императоровъ и, въ случаѣ нужды, помогали имъ противъ вельможъ. Упорство горожанъ замѣтно возрастало вмѣстѣ съ высокомѣріемъ вельможъ. Однажды, когда въ Кёльнѣ слугамъ Ганнона понадобилась лодка для гостя, они захватили судно одного изъ горожанъ и выбросили вонъ находившійся на немъ товаръ (1074 года). Горожане отразили силу силою, и эта стычка повлекла за собою другія, пока наконецъ чернь не выгнала архіепископа изъ города и не напала на его приверженцевъ. Черезъ четыре дня Ганнонъ снова овладѣлъ городомъ и прибѣгнулъ къ мѣрамъ строгости противъ бунтовщиковъ. Болѣе шести сотъ богатѣйшихъ купцовъ бѣжали изъ города (изъ этой цифры можно видѣть, какъ былъ уже значителенъ Кёльнъ въ это время) и обратились къ королю за помощью; но войско Ганнона разграбило ихъ дома и самымъ наглымъ образомъ оскорбляло оставшихся въ городѣ. Чтобы еще болѣе раздражить короля, и безъ того нерасположеннаго къ епископу, бѣглецы распространили слухъ, что Ганнонъ призвалъ на помощь изъ Англіи Вильгельма Завоевателя, и если вспомнить, что Вильгельмъ былъ норманнъ, что онъ насильственно завладѣлъ Англіею, воспользовавшись ея смутами, и что войско его состояло не изъ однихъ норманновъ, а также изъ нидерландцевъ и нѣмцевъ, то распространеніе такого слуха покажется намъ довольно естественнымъ. Генрихъ поспѣшилъ въ Кёльнъ, но, заботясь только о себѣ и своихъ мелкихъ страстяхъ, ничѣмъ не могъ помочь кёльнскимъ горожанамъ. Онъ выслушалъ въ Кёльнѣ жалобы противъ архіепископа и потребовалъ отъ него отмѣны церковнаго отлученія, произнесеннаго имъ противъ бѣглецовъ, а также выдачи заложниковъ въ обезпеченіе вѣрности на будущее время. Ганнонъ упорно отказывался, и король былъ такъ слабъ, что отступился отъ всѣхъ своихъ требованій. Это было для него тѣмъ позорнѣе, что когда въ слѣдующемъ году Ганнонъ умеръ, кёльнскіе горожане были сами въ состояніи помочь себѣ.

Въ то время, когда сынъ императора, незнавшаго никакихъ предѣловъ своей власти, впалъ въ такое безсиліе и сталъ дѣйствовать заодно, монахъ Гильдебрандъ, сдѣлавшись папой, необыкновенной энергіею своего духа возвысился надъ всѣми державными представителями свѣтской власти и наконецъ, теряя власть надъ страстями, сталъ выказывать презрѣніе къ своему покровителю, которому народы и самъ онъ клялись въ вѣрности. Чтобы быть справедливымъ къ нему, нужно вспомнить, что пока его гордость не стала внушать ему слишкомъ высокомѣрныхъ требованій, его стремленія вполнѣ соотвѣтствовали истинной и всѣми сознававшейся тогда потребности. Умноженіе злоупотребленій, а въ особенности совершенный упадокъ нравственности между духовными и легкомысліе, съ которымъ Генрихъ и его придворные распоряжались духовными должностями, возбуждали въ каждомъ, кто дорожилъ религіей и нравственностью, желаніе реформъ, и Григорій, если не первый увидѣлъ необходимость прекратить такое вопіющее зло, то, по крайней мѣрѣ, первый взялся за это съ хорошими побужденіями. Одинъ писатель этого времени говоритъ слѣдующее, и говоритъ это спокойнымъ тономъ, не допускающимъ сомнѣній: «Никто въ государствѣ не могъ сдѣлаться епископомъ или аббатомъ, если не имѣлъ денегъ, не участвовалъ въ порокахъ Генриха или не благопріятствовалъ имъ. По крайней мѣрѣ, на образъ мыслей и нравственность не обра-

щали никакого вниманія, а напротивъ, гнушались религіей, истиной и справедливостью и хвалили всего больше тѣхъ священниковъ, у которыхъ было самое великолѣпное платье, самый роскошный столъ и самая красивая любовница; изъ воиновъ славились только тѣ, которые раза три или четыре нарушали клятву.« Принимаясь за исправленіе недостатковъ церкви, Григорій дѣйствовалъ искренно и съ чистымъ намѣреніемъ. Видя затруднительность положенія Генриха, онъ пошелъ быстрѣе по тому пути, который, по его собственнымъ указаніямъ, проложили ему предшественники. Уже Александръ II призывалъ въ Римъ двухъ важнѣйшихъ епископовъ Германіи, по обвиненію въ симоніи, но вмѣсто наказанія удовлетворился однѣми деньгами. Григорій же за подобное преступленіе дѣйствительно низложилъ многихъ епископовъ и не признавалъ другихъ. Такъ какъ зло было слишкомъ распространено, то Григорій становился, конечно, въ такое же положеніе, въ какое сталъ бы англійскій народъ, если бы вздумалъ исключить изъ парламента всѣхъ его членовъ, получившихъ мѣста за деньги; но съ другой стороны, онъ имѣлъ ту выгоду, что у него не было недостатка въ людяхъ, которые съ нетерпѣніемъ ждали низложенія епископовъ, чтобы самимъ получить ихъ мѣсто. Во многихъ случаяхъ Генрихъ нисколько не противился энергическимъ распоряженіямъ папы, потому что, касаясь многихъ изъ его собственныхъ противниковъ, они часто соотвѣтствовали его желаніямъ; онъ испугался только тогда, когда очередь дошла до его любимца, архіепископа Лимара Бременскаго. Но и въ этомъ случаѣ по его поступкамъ съ папой и его легатами можно было замѣтить, что совѣсть его находилась въ состояніи усыпленія. Весной 1074 года къ Генриху явилось четверо папскихъ посланниковъ, которые должны были объявить въ Германіи возобновленныя Григоріемъ распоряженія противъ симоніи и противъ брака духовенства; ихъ сопровождала мать Генриха, которую папа уговорилъ дѣйствовать на сына. Эти легаты прежде всего потребовали отъ Генриха удаленія пятерыхъ изъ его приближенныхъ, которыхъ еще Александръ II отлучилъ отъ церкви за торговлю духовными должностями. Генрихъ повиновался, но чрезъ нѣсколько времени опять возвратилъ къ себѣ этихъ людей, какъ будто для того, чтобы яснѣе выказать свою слабость. Другое требованіе заключалось въ томъ, чтобы онъ дозволилъ созвать въ Германіи соборъ для принятія папскихъ распоряженій. Но этому воспротивились нѣмецкіе епископы, особенно Лимаръ Бременскій, настойчиво защищавшій основныя права нѣмецкой церкви, по которымъ архіепископъ майнцскій заступалъ въ Германіи мѣсто папы, такъ что церковный соборъ могъ быть собранъ тамъ только этимъ архіепископомъ, а не папскими легатами. Императоръ принялъ, правда, сторону архіепископа противъ егатовъ, но отпустилъ ихъ съ богатыми подарками, не смотря на то, что онилотрѣшили архіепископ отъ должности, и далъ имъ письмо къ папѣ, въ которомъ совершенно упустилъ изъ виду свое положеніе и достоинство. Не обладая ни малѣйшей долей благоразумія и думая всегда только о настоящей минутѣ, онъ обратилъ все вниманіе на Саксонію, не сознавая важности предстоявшихъ событій, и вмѣсто того, чтобы исключительно заняться настоятельными требованіями Григорія относительно симоніи и брака духовенства, поставилъ папу въ самое выгодное положеніе, обвинивъ въ письмѣ къ нему самого себя въ симоніи и непослушаніи и позволивъ своей матери и другимъ женщинамъ надавать ему разныхъ обѣщаній, а затѣмъ тотчасъ же обратился противъ саксонцевъ.

Саксонцы уже нѣсколько разъ посылали къ нему посольства, прося прощенія; но онъ тянулъ дѣло цѣлый годъ, пока не получилъ клятвеннаго обѣщанія отъ всѣхъ сословій государства, что они отмстятъ за его королевскую честь, которая, по признанію самихъ саксонцевъ, была грубо оскорблена ими. Тогда онъ обнаружилъ, наконецъ, свои планы и, съ презрѣніемъ отославъ назадъ новое посольство саксонцевъ, выступилъ въ походъ противъ нихъ. Войско его было весьма многочисленно, тогда какъ саксонцы, находившіеся подъ начальствомъ низложеннаго герцога баварскаго, Оттона Нордгеймскаго, пфальцграфа Фридриха, брата Адельберта Бременскаго и нѣсколькихъ саксонскихъ епископовъ, могли противопоставить ему только незначительныя силы; заключивъ прежде миръ безъ своихъ союзниковъ, они не могли на этотъ разъ привлечь на свою сторону ни одного племени, кромѣ тюрингцевъ; даже оскорбленный Рудольфъ Швабскій перешелъ на сторону Генриха и привелъ ему свои войска. Король очень строго наблюдалъ за исполненіемъ древ-

няго закона о народномъ ополченіи и дѣйствительно собралъ всѣ военныя силы государства. Въ первомъ же сраженіи, данномъ при Унштрутѣ (1075 г.), саксонцы, не смотря на упорное сопротивленіе, потерпѣли страшное пораженіе: они потеряли 8,000 человѣкъ убитыми; впрочемъ непріятель также лишился болѣе 5,000 человѣкъ. Генрихъ обязанъ былъ побѣдой преимущественно герцогу лотарингскому, Готтфриду Горбатому, мужу богатой Матильды Тосканской, съ которой, впрочемъ, онъ жилъ уже нѣсколько времени врозь. Послѣ битвы побѣдитель вторгнулся въ Саксонію и самымъ ужаснымъ образомъ опустошилъ страну. Прежде чѣмъ распустить по домамъ войско, онъ взялъ съ князей клятвенное обязательство снова явиться къ нему въ началѣ зимы, чтобъ окончательно покорить Саксонію, болота которой были доступны только при морозахъ. Правда, на этотъ разъ герцоги Рудольфъ Швабскій, Вельфъ Баварскій и Бертольдъ Каринтійскій не явились; но остальные прибыли, а Готтфридъ Лотарингскій привелъ съ собою чрезвычайно многочисленное войско. Страхъ огромнаго королевскаго войска, а еще болѣе убѣжденія Готтфрида, которому поручено было вести переговоры, предложенные саксонцами, побудили этотъ народъ безусловно покориться Генриху, когда Готтфридъ обѣщалъ имъ помилованіе. Въ октябрѣ 1075 года саксонцы сложили оружіе и всѣ ихъ князья и епископы отдались въ руки Генриха. Ему предстояли теперь два пути: онъ могъ уничтожить бунтовщиковъ, не смотря на обѣщанія, данныя его именемъ, но это казалось ему слишкомъ суровымъ и деспотическимъ; или онъ долженъ былъ помиловать всѣхъ, но этого не позволяли ему его гнѣвъ и боязливость. Поэтому онъ навлекъ на себя новое и еще худшее бѣдствіе, разославъ плѣнныхъ предводителей въ разные отдаленные замки и освободивъ самаго опаснаго между ними, Оттона Нордгеймскаго, съ котораго взялъ только заложниковъ. Впослѣдствіи онъ даже избралъ его своимъ совѣтникомъ, не подумавъ о томъ, что ожесточенный врагъ рѣдко можетъ сдѣлаться истиннымъ другомъ. Въ то же время Бертольдъ, Вельфъ и Рудольфъ вступили въ переговоры съ папой, и Григорій, будучи умнѣе ихъ всѣхъ, понялъ, что настало время возвысить церковь надъ государствомъ и Римъ надъ Германіей.

Еще при своихъ ближайшихъ предшественникахъ Григорій ревностно трудился надъ тѣмъ, что онъ считалъ нужнымъ для блага церкви. Желая сдѣлать ее совершенно независимою, онъ старался установить законъ, чтобы ни одному свѣтскому лицу не позволялось раздавать духовныя мѣста, и чтобы ни одинъ духовный не могъ вступать въ бракъ. Безбрачіе духовенства, еще за долго до Григорія, было довольно обыкновеннымъ явленіемъ, какъ это видно изъ того, что еще прежде однимъ изъ главныхъ упрековъ, дѣлаемыхъ восточной церковью западной, была безбрачная жизнь священниковъ западнаго христіанства. Греки ссылались при этомъ на слова новаго завѣта. Порицанія съ ихъ стороны могъ скорѣе заслуживать соблазнительный конкубинатъ, который дозволялся латинскому духовенству и противъ котораго съ огнемъ и мечомъ возставалъ теперь Григорій, и слишкомъ большая терпимость латинцевъ, допускавшихъ иногда, въ противность древнему обычаю, женатыхъ епископовъ. Григорій хотѣлъ, чтобы все это совершенно исчезло, и не допускалъ ни извиненій, ни отсрочекъ. Не довольствуясь строгой чистотой жизни, онъ требовалъ ангельской нравственности отъ слабыхъ смертныхъ, жизнь которыхъ составляетъ одно мгновеніе между двумя вѣчностями. Далѣе онъ думалъ, что для достиженія цѣли можетъ играть коронами, и хотѣлъ подчинить управленіе цѣлымъ міромъ и всѣми народами первосвященнику, который, какъ бы ни былъ мудръ и благочестивъ, все-таки остается человѣкомъ. Онъ забылъ, что, быть можетъ, одинъ только разъ въ цѣлое столѣтіе раждается такой всеобъемлющій и повелительный умъ, какъ его, и что когда онъ является, то ни міръ не выноситъ его, ни онъ не выноситъ міра. Что самъ Григорій былъ такимъ человѣкомъ, доказываютъ нѣкоторыя черты изъ его жизни. Искусно пользуясь обстоятельствами, онъ вынудилъ для папскаго престола верховное, хотя и номинальное, ленное право надъ Венгріей. Онъ побуждалъ испанцевъ и ихъ королей подчинить свою церковь Риму, и они повиновались. Въ Богеміи, во время спора герцога Вратислава II съ его вельможами, онъ безъ всякой просьбы явился рѣшительнымъ судьей враждующихъ сторонъ. Русскаго великаго князя Димитрія, исповѣдывавшаго православную вѣру, онъ старался склонить на свою сторону дружескими рѣчами, а герцогу Болеславу II Польскому гордо предписывалъ, какъ ус-

троить церковь въ его государствѣ, и велѣлъ ему возвратить сокровища, отнятыя имъ у русскаго великаго князя. Онъ издавалъ законы для Швеціи, Норвегіи и Даніи и далъ короля славонцамъ (словенамъ) и кроатамъ, а въ Далмаціи рѣшалъ споры воинственныхъ и вѣчно враждовавшихъ между собою морскихъ разбойниковъ и горцевъ. Съ одной стороны, онъ призывалъ вѣрующихъ противъ невѣрныхъ на востокѣ и въ Испаніи, а съ другой — былъ въ самой тѣсной дружбѣ съ мухаммеданскимъ владѣтелемъ Мавританіи, Анзиромъ, который вступилъ съ нимъ въ переписку и изъ уваженія къ нему отпустилъ на волю находившихся въ его владѣніяхъ христіанскихъ невольниковъ. Могущественный и хитрый англійскій король Вильгельмъ Завоеватель, еще при Николаѣ II обнаружившій непоколебимую твердость противъ притязаній папскаго престола (стр. 396), запретилъ епископамъ возить деньги въ Римъ; Григорій, всегда называвшій его своимъ лучшимъ другомъ, сначала прибѣгнулъ къ угрозамъ, но, когда Вильгельмъ, опираясь на грубую силу, не хотѣлъ подчиниться, хитрый папа, даже уступая ему, продолжалъ говорить языкомъ, удовлетворявшимъ его самолюбію. Королю Филиппу I Французскому, открыто нарушавшему всѣ требованія нравственности и ограбившему итальянскихъ купцевъ, Григорій угрожалъ отлученіемъ отъ церкви, но, увидѣвъ, что Филиппъ смѣется надъ угрозами, благоразумно оставилъ это дѣло. Даже норманнъ Робертъ Гискаръ, оставшійся вскорѣ его единственной опорой, былъ преданъ имъ отлученію за то, что завладѣлъ церковными землями.

Нельзя не удивляться человѣку, который, происходя изъ простаго званія, своими заслугами и особенно добродѣтелями достигъ такого высокаго сана и на этой страшной высотѣ, хотя, какъ человѣкъ, не избѣжалъ ошибокъ, но всегда оставался благороденъ, добродѣтеленъ, рѣшителенъ и прозорливъ, пока это было возможно. Кто, видя, какъ онъ падалъ ниже и ниже, не признаетъ со смиреніемъ, что назначеніе человѣка—оставаться въ среднихъ сферахъ, что на вершинѣ, близкой къ небу, его охватываетъ головокруженіе свѣтской или духовной гордости, и что тогда гнѣвъ божества свергаетъ его съ высоты, на которую онъ поднялся? Даже пылкій противникъ Григорія, Генрихъ Трирскій, въ лучшемъ манифестѣ, какой только былъ изданъ противъ этого папы, говоритъ, что Григорій съ самой ранней молодости отличался чистотой нравовъ, благочестіемъ, образованностью, ученостью и ревностью къ церкви, что за свои превосходныя дарованія онъ принятъ былъ въ число кардиналовъ и за добросовѣстное, достойное похвалы, исправленіе своей обязанности достигъ высшаго сана въ христіанскомъ мірѣ, на который и прежде былъ избираемъ нѣсколько разъ, но всегда уклонялся отъ этой почести.

Не довольствуясь одними приказаніями относительно безбрачія духовенства, Григорій занялся приведеніемъ ихъ въ исполненіе, разослалъ повсюду легатовъ, возложилъ отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ на епископовъ и воспользовался монахами для возбужденія народа. Повсюду начались смятенія и стали совершаться возмутительныя насилія и даже кровопролитія; сотни духовныхъ лицъ были разлучены съ ихъ семействами, и народъ жестоко расправлялся съ тѣми изъ нихъ, которые, по его нелѣпымъ понятіямъ о святости, были объявлены судомъ и закономъ недостойными священства. Въ Германіи этому новому закону противились въ особенности три епископа: Зигфридъ Майнцскій, Оттонъ Констанцскій и Лимаръ Бременскій. Первый изъ нихъ, человѣкъ нерѣшительный и богомольный, напуганный угрозами Григорія, еще прежде малодушно отказался отъ правъ нѣмецкой церкви, которыя такъ смѣло защищалъ Лимаръ; но теперь эта самая слабость вызвала его на сопротивленіе папскимъ повелѣніямъ, потому что его испугала трудность уничтоженія браковъ духовенства, которые еще были всеобщимъ обычаемъ въ Германіи. Епископъ Оттонъ Констанцскій, епархія котораго была чрезвычайно обширна, противился папскому повелѣнію по принципу: не желая отнимать единственной радости въ жизни у своихъ священниковъ, живущихъ въ отдаленныхъ приходахъ, неприступныхъ горахъ и деревняхъ, окруженныхъ лѣсами, и лишить ихъ единственнаго предохранительнаго средства противъ безнравственности. Лимаръ не подчинялся въ этомъ Григорію, потому что былъ съ нимъ въ ссорѣ со времени своего отрѣшенія и, вѣроятно, не видѣлъ никакой возможности привести этотъ законъ въ исполненіе, потому что бракъ былъ такимъ общимъ обычаемъ между духовенствомъ его епархіи, что въ рядахъ его

неженатые составляли исключеніе. Эти три епископа говорили на соборахъ противъ постановленій Григорія, но напрасно. Ослѣпленный народъ, возбужденный монахами, думалъ, что только неженатый священникъ можетъ быть чистъ. Вельможи боялись потери духовныхъ доходовъ. Монахи были ожесточены и мстили свѣтскому духовенству, которое возставало противъ ихъ безнравственности и стремилось къ возобновленію древнихъ правилъ монашескихъ орденовъ. Сами священники не имѣли на соборахъ никакого голоса, а немногіе епископы, заступавшіеся за свое духовенство, были пересилены множествомъ допущенныхъ на соборъ аббатовъ; наконецъ изъ двухъ могущественнѣйшихъ епископовъ Германіи одинъ, Лимаръ, былъ нелюбимъ, какъ другъ Генриха, а другой, Зигфридъ, не имѣлъ мужества защищать противъ папы свои убѣжденія. Воля Григорія исполнилась. Но прекратить продажу должностей было для Григорія гораздо труднѣе. Въ 1075 году онъ возсталъ противъ такъ называемой инвеституры, т. е. права свѣтскихъ владѣтелей ставить въ ленную зависимость отъ себя епископовъ и аббатовъ, вручая имъ кольцо и посохъ, или, другими словами, права свѣтскихъ лицъ раздавать духовныя должности. Этой мѣрой онъ возстановилъ противъ себя всѣ свѣтскія власти, но до самой смерти не уступилъ ни шагу и далъ своимъ преемникамъ возможность привести это дѣло къ окончанію. Съ непоколебимой твердостью настаивая на своихъ требованіяхъ, Григорій сдѣлался настоящимъ повелителемъ свѣта, но не могъ удержаться на той громадной высотѣ, на которую поднялся; его властолюбіе, вмѣстѣ съ суровостью, ожесточило противъ него многихъ изъ его прежнихъ друзей. Частная жизнь его осталась такъ же чиста, какъ была прежде; въ этомъ сознаются даже злѣйшіе враги его, и мы находимъ жалкою и смѣшною клевету, разсѣянную противъ него, будто бы дружба его съ Матильдой Тосканской въ послѣднее время превратилась въ непозволительную связь. До нашего времени сохранилась книга подъ заглавіемъ «Диктаты Гильдебранда,» въ которой вся система Григорія изложена ясно и въ простыхъ выраженіяхъ и гдѣ принципъ папскаго всемогущества доведенъ до крайности. Сомнительно, чтобы эта книга была написана имъ самимъ, но во всякомъ случаѣ она заключаетъ въ себѣ изложеніе его плановъ и мыслей.

Государственная мудрость Григорія ни для кого не была такъ губительна, какъ для германскаго короля Генриха IV, который имѣлъ безуміе надѣяться на поддержку папы для осуществленія своихъ плановъ; вывѣдавъ чрезъ своихъ легатовъ общественное настроеніе въ Германіи, Григорій вступилъ въ тѣсныя сношенія съ саксонскими епископами и втайнѣ присоединился къ Рудольфу, Вельфу и Бертольду, которые опасались высокомѣрія Генриха. Надѣясь на этотъ союзъ, новые легаты, посланные Григоріемъ представить свои замѣчанія о порядкѣ замѣщенія духовныхъ должностей и требовать отъ короля исполненія его обѣщаній, упрекали его въ томъ, что, гордясь своею побѣдой, онъ не исполняетъ обязательствъ, принятыхъ имъ на себя два года тому назадъ, когда былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и даже настаивали, подъ угрозой отлученія отъ церкви, чтобы онъ явился въ опредѣленный день въ Римъ дать отвѣтъ папѣ, какъ бы судьѣ своему (1076 г.). Это заставило молодаго и вспыльчиваго короля прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ съ насмѣшками отослалъ отъ себя папскихъ легатовъ и созвалъ епископовъ въ Вормсъ для совѣщаній относительно притязаній папы. Поступокъ его былъ бы понятенъ и похваленъ, если бы онъ сдѣлалъ это съ намѣреніемъ обдумать вмѣстѣ съ духовенствомъ средства спасти независимость германской короны и германской церкви отъ грозившей имъ опасности; но единственной цѣлью его было произвести слѣдствіе надъ всѣмъ поведеніемъ папы, а это было неблагоразумно, противозаконно и нагло. Не говоря уже о томъ, что можно было оспаривать право Генриха такъ самовластно распоряжаться въ Италіи, потому что онъ еще не былъ коронованъ тамъ и не получилъ присяги отъ итальянцевъ, Григорій и по многимъ другимъ причинамъ могъ не признавать суда, созваннаго Генрихомъ. Впрочемъ, перваго Генрихъ, кажется и не подозрѣвалъ, потому что, при раздачѣ епископствъ, дѣйствовалъ неблагоразумнѣе всего въ Италіи, и, насмѣхаясь надъ обѣщаніемъ, еще прежде даннымъ папѣ, назначилъ архіепископомъ миланскимъ священника Тебальда, отвергнутаго Григоріемъ и всѣми его приверженцами, и даже, не спросясь папы, замѣстилъ епископства Фермо и Сполето, находившіяся въ самомъ близкомъ со-

сѣдствѣ съ Римомъ. Это было, конечно, самымъ благоразумнымъ распоряженіемъ Генриха, потому что Григорій имѣлъ враговъ не только въ Римѣ, гдѣ хотѣлъ ввести строгое полицейское управленіе, но и во всей Италіи, за намѣреніе ввести порядокъ и дисциплину между испорченнымъ духовенствомъ страны. Въ самомъ Римѣ и его окрестностяхъ, во времена Григорія VI и его антипапъ, возникли злоупотребленія, уничтожившія всякое спокойствіе и безопасность. Въ самомъ городѣ строились башни и замки, и такъ какъ правительство не могло разрушить этихъ разбойничьихъ притоновъ, то все мирное населеніе сдѣлалось жертвой произвола и корыстолюбія немногихъ феодаловъ. Одинъ изъ этихъ разбойниковъ, Ченчи, въ концѣ 1075 года позволилъ себѣ неслыханную до тѣхъ поръ выходку противъ папы. Чтобы получить отъ Григорія обѣщаніе неприкосновенности для себя, онъ рѣшился овладѣть папой и воспользоваться для этого минутой, когда Григорій, довѣряясь своему духовному могуществу и торжественности одного большаго праздника, находился въ церкви безъ стражи. Напавъ на него съ своей толпой наканунѣ Рождества во время всенощной, онъ велѣлъ схватить его въ самомъ алтарѣ и заключить въ башню. На слѣдующій день злодѣяніе это было отомщено: ожесточенный народъ взялъ и разрушилъ замокъ разбойника и освободилъ папу. Ченчи бѣжалъ съ приверженцами къ архіепископу Гиберту Равеннскому, который, какъ почти все ломбардское духовенство, противился Григорію и его планамъ и былъ главой его враговъ въ Верхней Италіи.

Нѣмецкіе епископы, собранные въ Вормсѣ, дѣйствительно начали судить Григорія и, выдумавъ всевозможныя обвиненія, низложили человѣка, котораго не имѣли даже права призывать къ суду. Постановленіе вормсскаго собора, составленное въ самыхъ наглыхъ выраженіяхъ, было отправлено съ особымъ посольствомъ сначала къ ломбардскимъ епископамъ, а потомъ, когда на соборѣ въ Піаченцѣ они объявили себя въ пользу этого постановленія, въ Римъ самому папѣ. Совершенно основательно видя въ этомъ постановленіи только выраженіе безсильнаго гнѣва, Григорій сначала держалъ себя съ достоинствомъ; но когда потомъ вспыльчивость его взяла верхъ, онъ до того забылся, что для низверженія врага не пренебрегъ даже предосудительными средствами и началъ возбуждать епископовъ и князей противъ короля и народа, такъ что, говоря словами библіи, сломилъ и безъ того гнувшійся тростникъ и совершенно угасилъ едва мерцающій свѣтильникъ, вмѣсто того, чтобы, по словамъ своего учителя, снова выпрямить согнувшійся тростникъ и дать новую пищу потухающему пламени. Поэтому его справедливо причисляютъ къ врагамъ человѣчества. Когда явились къ нему посланники вормсскаго и піачевцскаго соборовъ, онъ собралъ своихъ приверженцевъ на соборъ въ Римѣ и съ помощью ихъ отмстилъ германскому королю въ томъ же духѣ. Не только были преданы проклятію друзья Генриха, которыхъ Григорій еще раньше отлучилъ отъ церкви, архіепископъ майнцскій, глава германскаго духовенства, и всѣ епископы, подавшіе голосъ противъ папы, но и самъ король подвергся той же участи и былъ объявленъ лишеннымъ королевскаго достоинства; Григорій рѣшился на неслыханный до того времени поступокъ, освободилъ отъ присяги всѣхъ подданныхъ Генриха, что должно было, по его мнѣнію, послужить сигналомъ для партіи не довольныхъ въ государствѣ. Это рѣшеніе было объявлено въ Германіи публично легатами, или тайно въ письмахъ къ врагамъ Генриха, ожидавшимъ только предлога къ отпаденію; кромѣ того Григорій далъ легатамъ власть освобождать отъ церковнаго проклятія всѣхъ духовныхъ, обвиненныхъ прежде въ симоніи и другихъ преступленіяхъ, какъ скоро они оставятъ короля и перейдутъ на сторону его противника.

Рѣшеніе папы и постановленіе Генриха, по внушенію котораго епископъ утрехтскій пропзнесъ еще особое отлученіе папы отъ церкви, произвели въ разныхъ краяхъ государства различное впечатлѣніе, смотря по господствовавшему тамъ настроенію умовъ. Въ Италіи, гдѣ папу ненавидѣли, ломбарцы уже признали судъ Генриха, а въ Германіи герцоги швабскій, баварскій и каринтійскій тотчасъ же возстали и составили союзъ противъ Генриха. Большинство другихъ свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ послѣдовало примѣру сильнѣйшихъ владѣтелей. Къ врагамъ Генриха присоединился даже Оттонъ Нордгеймскій, пользовавшійся тогда его довѣріемъ и получившій отъ него въ управленіе Саксонію. Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что тогдашнему поколѣнію не доставало вѣрнаго и

яснаго пониманія значенія церковнаго проклятія, и что они не видѣли безсмысленности разрѣшенія отъ присяги, даннаго имъ озлобленнымъ папой; нѣтъ, для противниковъ Генриха оно было только предлогомъ къ возстанію, и если они воспользовались тѣмъ, который далъ имъ папа, то точно также воспользовались бы и всякимъ другимъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ благородный и достойный ученый того времени, Гвенрихъ Трирскій, который ясно, опредѣлительно и спокойно разсуждаетъ о дѣйствіяхъ Григорія; сказавъ о главномъ противникѣ Генриха въ Германіи, Рудольфѣ Швабскомъ, что своимъ нравомъ онъ нисколько не былъ лучше Генриха, Гвенрихъ продолжаетъ такимъ образомъ: «Есть и другіе, которые кровью проложили себѣ дорогу къ престолу, украсили голову окровавленной діадемой, утвердили свое господство убійствами, грабежомъ и казнями; есть люди, убивавшіе своихъ родственниковъ и государей, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ. Всѣ они называются друзьями папы, всѣ они почтены его благословеніемъ и привѣтствуются имъ, какъ побѣдоносные князья. За то Генрихъ, рѣшившійся поддержать свое господство, наслѣдованное имъ отъ отца и дѣда, объявляется злодѣемъ, осуждается неслыханнымъ образомъ и предается проклятію. Если бы даже онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такъ безбоженъ и дуренъ, если бы даже папа могъ упрекнуть его въ чемъ-нибудь еще худшемъ, развѣ я долженъ поэтому нарушать данную ему клятву и только отъ того, что онъ дуренъ, сознательно навлекать на себя вѣчное осужденіе за клятвопреступленіе? Нѣтъ, я не рѣшаюсь на это, потому что читалъ въ священномъ писаніи, что святые отцы и достохвальные исповѣдники и служители Божіе не только давали присягу людямъ злымъ и безбожнымъ, но и исполняли ее съ величайшей добросовѣстностью».

Германскіе князья и епископы собрались въ Трибурѣ, чтобы рѣшить судьбу Генриха, который собралъ своихъ приверженцевъ на другомъ берегу Рейна. Они тѣмъ охотнѣе готовы были пожертвовать королемъ, что папа давалъ имъ возможность свалить всю вину на Генриха. Григорій объявилъ имъ чрезъ легатовъ, что, за исключеніемъ короля, онъ возвратитъ свою милость всѣмъ отлученнымъ, которые перейдутъ на сторону папы. Генрихъ оставался одинъ: вѣрный другъ его, Готтфридъ Лотарингскій, незадолго передъ тѣмъ умеръ, а большинство другихъ князей его покинуло. Онъ долженъ былъ бы показать тогда величіе души, которое обнаружилъ впослѣдствіи; но испугался и подчинился приказаніямъ вассаловъ. Князья рѣшили дать королю годовой срокъ для примиренія съ папой и пригласить папу выслушать жалобы противъ короля на имперскомъ сеймѣ въ Аугсбургѣ черезъ четыре мѣсяца, и быть его судьею; въ случаѣ, еслибы Генрихъ не былъ оправданъ папою, то терялъ всѣ права на корону, а до рѣшенія дѣла долженъ былъ отказаться отъ управленія и жить частнымъ человѣкомъ. Это рѣшеніе было направлено единственно къ тому, чтобы низвергнуть короля съ наружнымъ соблюденіемъ законности. Генрихъ, по слабости согласившійся на все, не обманывался на счетъ цѣли этого рѣшенія; но всего опаснѣе былъ для него имперскій сеймъ въ Аугсбургѣ, гдѣ не только обвинителями, но и судьями его должны были быть непримиримые враги его, саксонцы, а также Рудольфъ и его товарищи, которые, измѣнивъ королю однажды, никогда уже не могли сдѣлаться его истинными друзьями. Генрихъ видѣлъ это, и такъ какъ важнѣе всего было получить папское разрѣшеніе, то онъ преимущественно обратилъ вниманіе на послѣднее. Надѣясь добиться отъ Григорія прощенія цѣною незначительныхъ уступокъ, онъ зимою, безъ свиты, поспѣшилъ въ Италію. Горные проходы со стороны Германіи были заняты измѣнившими ему герцогами, и онъ долженъ былъ пуститься окольной дорогой черезъ Франшъ-Контэ и Савоію. Съ нимъ были только его жена, маленькій сынъ и простой слуга, потому что онъ напрасно просилъ денегъ на поѣздку у тѣхъ, кого нѣкогда осыпалъ благодѣяніями; такимъ образомъ цѣною печальнаго опыта узналъ, какъ несчастье отгоняетъ отъ себя людей и какъ толпа бросаетъ самихъ королей, когда они не могутъ ничего давать ей. Даже его богатая теща, вдовствовавшая маркграфиня Адельгейда Сузская, и сынъ ея, Амадей, были такъ низки, что только за уступку клочка земли продали стѣсненному другу и родственнику позволеніе пройти чрезъ ихъ владѣнія.

Узнавъ о рѣшеніи, постановленномъ его германскими друзьями, Григорій тотчасъ же отправился въ Германію и былъ уже на сѣверѣ Апенниновъ, когда

послѣ опаснаго зимняго переѣзда черезъ Монъ-Сени явился въ Италію Генрихъ, около котораго тотчасъ собрались многочисленныя толпы ломбардцевъ. Такъ какъ германскіе князья не послали папѣ свиты для сопровожденія его черезъ враждебную Ломбардію, онъ немедленно обратился за защитой къ своей пріятельницѣ, Матильдѣ Тосканской, и отправился въ принадлежащій ей неприступный замокъ Каноссу въ Апеннинахъ. Здѣсь онъ ожидалъ, чтобы Генрихъ смиренно просилъ у него прощенія. Не довѣряя болѣе насильственнымъ средствамъ, король, вмѣсто того, чтобы во главѣ ломбардцевъ напасть на папу, просилъ примирить себя съ Григоріемъ свою родственницу, графиню Матильду, тещу Адельгейду, сына ея Амадея, своего крестнаго отца Гуго, аббата Клюньи, и маркграфа Аццо д'Эсте, которые пользовались большимъ вліяніемъ у папы. Григорій непремѣнно хотѣлъ сдержать слово, данное германскимъ союзникамъ, и соединить свое дѣло съ ихъ дѣломъ. Разсорившись окончательно съ Генрихомъ, онъ только этимъ путемъ могъ достигнуть цѣли; но всѣ, проснвшіе теперь за короля, были необходимы Григорію. Они отправились къ нему и настоятельно просили его снизойти на просьбу Генриха, желавшаго, во что бы то ни стало, получить разрѣшеніе отъ церковнаго проклятія. Григорій не могъ высказать предъ ними своихъ политическихъ разсчетовъ, но отказъ былъ бы безжалостенъ и обнаружилъ бы враждебное расположеніе, какого не долженъ былъ имѣть намѣстникъ Христа на землѣ. Что же оставалось папѣ, какъ не постановить такія условія, на которыя бы не могъ согласиться даже человѣкъ, не такъ высоко стоящій, какъ Генрихъ? Но легкомысленный король не имѣлъ понятія о личномъ достоинствѣ, или о достоинствѣ государства; онъ хотѣлъ только получить прощеніе и нисколько не задумывался надъ способомъ добиться его. Такимъ образомъ 25-го января 1077 году въ Каноссѣ произошла постыдная сцена. Папа требовалъ, чтобы король для искупленія своей вины противъ главы церкви подвергся суровому покаянію и, для исполненія этого, Генрихъ былъ приведенъ въ Каноссу, окруженную тройной стѣною. Здѣсь, въ продолженіе трехъ сутокъ, съ утра до вечера, онъ стоялъ на дворѣ между второй и третьей стѣной безъ свиты и безъ королевскихъ украшеній, въ одеждѣ кающагося и съ голыми ногами, не принимая пищи, и какъ обыкновенный грѣшникъ просилъ папу о разрѣшеніи. Наконецъ на четвертый день папа разрѣшилъ его отъ проклятія по настоятельной просьбѣ маркграфини Матильды, когда аббатъ Клюньи съ нѣсколькими другими духовными лицами и князьями поручились за Генриха. Но папа далъ свое разрѣшеніе не вполнѣ и въ двусмысленныхъ выраженіяхъ. Генрихъ еще до имперскаго сейма долженъ былъ явиться къ папѣ, чтобы защищаться передъ нимъ противъ взводимыхъ на него обвиненій и тогда, по приговору папы, сохранить или потерять корону; до тѣхъ поръ онъ долженъ былъ не надѣвать королевскихъ украшеній, не принимать на себя управленія дѣлами и оставить свободными отъ присяги всѣхъ подданныхъ; въ случаѣ возвращенія короны, онъ обязывался всячески помогать папѣ въ утвержденіи церковнаго порядка въ государствѣ, и наконецъ, въ случаѣ нарушенія хотя одного изъ этихъ предписаній, объявлялся осужденнымъ, разрѣшеніе теряло свою силу и, князья получали право выбрать новаго короля.

Итальянскіе епископы, за исключеніемъ собственно римскаго духовенства и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, желали и ожидали совершенно другаго исхода дѣла, потому что ихъ выгоды не сходились съ выгодами германскихъ князей, которые скорѣе хотѣли повиноваться далекому папѣ, чѣмъ близкому къ нимъ королю. Итальянцы, напротивъ, предпочитали отдаленнаго короля, который, въ случаѣ нужды, могъ защитить ихъ противъ хищныхъ графовъ и феодальныхъ владѣтелей, чѣмъ близкаго главу церкви, который былъ слишкомъ требователенъ и нуждался самъ въ вооруженной помощи. Самыми ожесточенными врагами Григорія въ Италіи были вліятельнѣйшія лица страны: архіепископы Гибертъ Равеннскій и Тебальдъ Миланскій, предшественники которыхъ долгое время оспаривали первенство римскаго престола. Григорій нуждался въ вооруженной поддержкѣ уже противъ однихъ этихъ архіепископовъ, потому что Гибертъ Равеннскій былъ настоящимъ главою его противниковъ въ Италіи, а миланская церковь уже лѣтъ девять была въ полномъ разрывѣ съ Римомъ. Въ послѣднее время въ Италіи появились ревностные поборники религіознаго благочестія, которые, основываясь на ученіи манихеевъ, проповѣдовали умерщвленіе плоти, какъ принадлежащей діаволу и его

царству. Они вооружались противъ пороковъ духовенства и требовали отъ служителей алтаря строгости жизни, превосходившей человѣческія силы. Въ миланской епархіи число этихъ фанатиковъ до того увеличилось, что въ ихъ пользу пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки. Противъ браковъ духовенства возсталъ еще до запрещенія ихъ Григоріемъ вдохновенный, хотя слишкомъ увлекающійся, миланскій священникъ Аріальдъ (около 1062 г.). Онъ разсорился вслѣдствіе того съ своимъ архіепископомъ Гвидо или Видо; но папа Александръ II заступился за него и послалъ въ Миланъ двухъ злѣйшихъ противниковъ женатаго духовенства, Гильдебранда и Ансельма Луккскаго, давъ въ то же время самому вліятельному иниверженцу Аріальда, Эрлембальду, титулъ гонфалоньера или знаменоносца города Рима, титулъ, котораго впослѣдствіи добивались даже государи и который доставилъ Эрлембальду нѣкоторую власть въ миланской области. Вскорѣ послѣ того въ Миланѣ дѣло дошло до открытой войны между обѣими партіями: кровь лилась рѣкой, Аріальдъ былъ умерщвленъ разъяренными противниками, а Эрлембальдъ долженъ былъ бѣжать. Въ этихъ обстоятельствахъ престарѣлый Гвидо счелъ за нужное уступить мѣсто болѣе молодому человѣку и въ 1068 году передалъ архіепископское достоинство одному изъ своихъ друзей, Готтфриду, который за деньги получилъ отъ германскаго короля инвеституру. Но Эрлембальдъ и его партія, не уважая правъ миланской церкви, черезъ нѣсколько лѣтъ избрали архіепископомъ молодаго Атто. Раздраженное духовенство и горожане подвергли оскорбленію и выгнали изъ города новаго архіепископа, но Григорій утвердилъ его, а Эрлембальдъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить миланцевъ принять его. Почти весь городъ сдѣлался жертвой пламени и самъ Эрлембальдъ былъ наконецъ убитъ (1075 г.). Тогда миланцы обратились къ германскому королю. Генрихъ, не желая ни утвердить отвергнутаго папой Готтфрида, ни признать Атто, назначеннаго Эрлембальдомъ и покровительствуемаго Григоріемъ, заставилъ миланцевъ выбрать новаго архіепископа, Тебальда, и далъ ему королевскую инвеституру. Это происходило за девять мѣсяцевъ до княжескаго сейма въ Трибурѣ, и Тебальдъ, какъ и Гибертъ Равеннскій, находился въ открытой враждѣ съ Григоріемъ, когда король, преданный вассалами, явился въ Италію.

Трусливая покорность Генриха предъ папою произвела въ Ломбардіи всеобщее раздраженіе; особенно негодовали на него Тебальдъ, Гибертъ и другіе епископы. Города принимали его равнодушно и холодно, или даже запирали передъ нимъ ворота, а миланцы покинули своего новаго епископа и подчинились папѣ. Впрочемъ, положеніе дѣлъ вскорѣ измѣнилось. Тотчасъ послѣ событія въ Каноссѣ Григорій отправилъ къ своимъ германскимъ друзьямъ письмо, которое служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что онъ не вѣрилъ въ искренность примиренія; Генрихъ увидѣлъ тогда свою ошибку, почувствовалъ свой позоръ и снова ободрился, когда къ нему стали мало-по-малу собираться его приверженцы въ Германіи. Онъ открыто выступилъ врагомъ папы, задержалъ легатовъ, посланныхъ имъ въ Миланъ, и задержалъ бы его самого вмѣстѣ съ Матильдой, если бы они не спаслись поспѣшнымъ бѣгствомъ. Онъ уже созвалъ по старинному обычаю ломбардскій сеймъ на Ронкальскихъ поляхъ, близъ Но, когда обстоятельства принудили его поспѣшить въ Германію (въ апрѣлѣ 1077 г.). Германскіе противники его, узнавъ о событіи въ Каноссѣ, уже въ февралѣ мѣсяцѣ собрались въ Ульмъ и рѣшили принять самыя энергическія мѣры. Въ тоже время они назначили новый, болѣе многочисленный сеймъ въ Форхгеймѣ и пригласили туда папу. Генрихъ позаботился о томъ, чтобы папа не могъ туда явиться. Намѣреніе его враговъ въ Германіи было не такъ легко исполнимо, какъ они думали. Правда, болѣе могущественные князья уже давно рѣшились низложить Генриха, но только немногіе епископы послѣдовали за ними, хотя несчастный и малодушный Зигфридъ Майнцскій и подалъ примѣръ измѣны; за то низшее духовенство и народъ не оставляли короля. Его сторону держали также мелкіе владѣльцы, которыхъ Генрихъ никогда не оскорблялъ; всѣ они видѣли въ королѣ защитника, а въ сильныхъ вельможахъ, противъ которыхъ онъ боролся, своихъ собственныхъ непріятелей. Само собою разумѣется, ихъ не слушали; сеймъ въ Форхгеймѣ объявилъ престолъ вакантнымъ, и 15 марта 1077 года избралъ королемъ Рудольфа Швабскаго. Но народъ, всегда сохраняющій въ себѣ чувство справедливости, когда

не находится подъ постороннимъ вліяніемъ, тотчасъ же высказалъ свое мнѣніе объ этомъ поступкѣ. Когда Зигфридъ короновалъ въ Майнцѣ новаго короля, горожане напали на свиту Рудольфа и начали формальное сраженіе, въ которомъ было убито болѣе ста человѣкъ горожанъ. Жители Вормса тоже не хотѣли слышать о Рудольфѣ, прогнали своего епископа, принадлежавшаго къ его партіи, и не пустили въ городъ новаго короля. Точно также выгнанъ былъ изъ своего города епископъ вюрцбургскій. Противъ Рудольфа возстали даже въ Швабіи, гдѣ онъ имѣлъ наибольшее число приверженцевъ. Поэтому, когда Генрихъ вернулся въ Германію, Рудольфъ находился въ трудномъ положеніи. Несчастье и тогда еще не переставало преслѣдовать его противника; но Генрихъ, испытавъ столько затрудненій и неудачъ, сталъ энергичнѣе. Онъ сдѣлался бы великимъ и достойнымъ похвалы, если бы могъ или захотѣлъ вознаградить ту ненарушимую вѣрность, тѣ возвышенныя понятія и ту сознательную и прозорливую любовь, которой отличались Ульрихъ, Эбергардъ Гартманъ, Лимаръ Бременскій, Удонъ Трирскій, оба Буркарда, Дитрихъ Вердёнскій и немногіе другіе, забытые неблагодарными современниками. Нація всегда будетъ обвинять и проклинать суевѣріе, благодаря которому въ тотъ вѣкъ, когда могли писать одни духовные, возвышенныя понятія этихъ благородныхъ людей, ихъ вѣрность королю и другу, ихъ неизмѣнная преданность дѣлу отечества, разума и права, доказанная ими среди несчастій и бѣдствій, въ цѣпяхъ, въ изгнаніи и въ самой смерти, не только не были оцѣнены и уважены по заслугамъ, но, напротивъ, запятнаны ядомъ клерикальной ненависти. Достойные вѣчной и безсмертной славы, эти люди были бы прославлены у грековъ и римлянъ въ патріотическихъ пѣсняхъ и рѣчахъ, и память ихъ, какъ достойнѣйшихъ дѣятелей народныхъ, сохранилась бы до насъ и нашихъ внуковъ.

Оставивъ въ Италіи своего юнаго сына Конрада, какъ залогъ и центръ соединенія для своихъ приверженцевъ, Генрихъ поспѣшилъ черезъ каринтійскія ущелья въ Баварію, привлекъ на свою сторону герцога Вратислава II Чешскаго съ его полудикими подданными и въ короткое время собралъ значительное войско, которое быстро умножилось, потому что къ нему перешли многіе приверженцы Рудольфа. Герцогъ Болеславъ II Польскій воспользовался предстоявшей борьбой, чтобы на зло нѣмцамъ принять королевскій титулъ. Рудольфъ долженъ былъ уступить передъ противникомъ; швабское герцогство было страшно опустошено ворвавшимися туда чехами, и приверженцы его начали сомнѣваться въ успѣхѣ своего дѣла. Даже папа, смущенный удачею Генриха, перемѣнилъ политику и еще болѣе усилилъ колебаніе между его противниками. Ставъ между обѣими партіями и не объявляя себя ни противъ Генриха, ни противъ Рудольфа, онъ медлилъ возобновлять отлученіе Генриха отъ церкви и при этомъ употребилъ въ дѣло чисто итальянскую хитрость; на одномъ изъ собраній, созванныхъ Генрихомъ въ Швабію, патріархъ аквилейскій показывалъ поддѣланныя письма Григорія, согласно которымъ онъ долженъ былъ объявить разрѣшеніе короля отъ проклятія, а въ тоже время папскій легатъ Бернгардъ, посланный къ саксонцамъ, торжественно возобновилъ въ Госларѣ отлученіе Генриха и одобрилъ выборъ Рудольфа. Такимъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ, папа могъ обвинять того или другаго изъ подчиненныхъ въ превышеніи даннаго имъ порученія. Въ такомъ же двойномъ смыслѣ можно было толковать и вынужденныя у него объясненія. Онъ остерегался произнести окончательный приговоръ, и на соборѣ въ Римѣ (1078 г.) не возобновилъ отлученія противъ Генриха, но произнесъ его въ общихъ выраженіяхъ противъ каждаго, кто будетъ мѣшать примиренію духовнаго и свѣтскаго властителей, или будетъ препятствовать соединенію его съ нѣмцами. Такія дѣйствія вполнѣ объясняютъ намъ, почему Григорій считалъ библію опасной книгой и оставилъ доступнымъ чистое нравственное ученіе евангелія одному духовенству, увѣренный, что распространеніе его между ними не принесетъ ему никакого вреда. «Я не могу согласиться на твою просьбу», отвѣчалъ онъ однажды чешскому герцогу, просившему у него позволенія удержать для своего народа богослуженіе на славянскомъ языкѣ: «Всемогущему угодно было, чтобы нѣкоторыя мѣста священнаго писанія были темны, потому что, дѣлаясь для каждаго яснымъ и понятнымъ, оно потеряло бы свою важность и значеніе и могло бы ввести въ ошибку людей, мало знающихъ писаніе. Въ извиненіе и оправданіе твоей просьбы

нельзя приводить того, что нѣкоторые благочестивые люди согласились на это и молча терпѣли его, потому что церковь въ своемъ младенчествѣ допускала многое, что впослѣдствіи, съ утвержденіемъ и распространеніемъ христіанства, измѣнено вслѣдствіе старательнаго изслѣдованія».

Здравый смыслъ низшихъ сословій не былъ обманутъ хитростью и коварствомъ духовенства. Народъ собрался вокругъ Генриха, который съ непріученными къ войнѣ горожанами и крестьянами хотя и не могъ сравняться силами съ превосходно вооруженной и привыкшей къ битвамъ арміей Рудольфа и князей, но за то послѣ всякаго пораженія онъ являлся еще грознѣе, потому что къ нему тотчасъ же снова собирались люди, считавшіе его дѣло своимъ. Жестокости съ обѣихъ сторонъ были невѣроятны: однажды войска Рудольфа частью перерѣзали, частью страшно изуродовали 12,000 побѣжденныхъ крестьянъ. Бѣдные венды, въ большомъ числѣ поселившіеся съ Саксоніи и Франконіи, считались въ особенности выгодною добычей. Принадлежа до тѣхъ поръ королю, и будучи довольны его управленіемъ, они подняли за него оружіе и оказали ему важныя услуги. Дворянство и высшее духовенство воспользовались этимъ случаемъ, чтобы отнять у поселянъ послѣдній остатокъ свободы. Всего лучше въ это страшное время было положеніе саксонскихъ вельможъ, возвратившихся изъ изгнанія: они сдѣлались господами и повелителями страны, не испытывая никакихъ бѣдствій войны, опустошавшей Баварію, Франконію, Швабію и Рейнскія области, и овладѣли доходами епископовъ, державшихъ сторону Генриха.

Въ первый и большую часть втораго года война была ведена съ перемѣннымъ счастьемъ до рѣшительнаго сраженія при Мельрихштадтѣ, близъ Вюрцбурга (августъ 1078 г.). Крыло, которымъ командовалъ Генрихъ, разбило находившіяся противъ него войска епископовъ магдебургскаго, гальберштадтскаго, мерзебургскаго, майнцскаго, вюрцбургскаго и вормскаго и взяло въ плѣнъ Зигфрида Майнцскаго, Адельберта Вормскаго, папскаго легата Бернгарда и дядю герцога Магнуса, Германа; но Оттонъ Нордгеймскій и пфальцграфъ Фридрихъ Саксонскій разбили войска Генриха на другомъ флангѣ и отняли у него побѣду. Привыкнувъ къ несчастью, Генрихъ не унывалъ и въ этихъ обстоятельствахъ и скоро оправился отъ нанесеннаго ему удара. Вообще счастье нѣсколько разъ выручало его, не давая ему упасть совершенно, и возвысило бы его еще больше, если бы онъ слѣдовалъ совѣтамъ нѣкоторыхъ изъ благородныхъ своихъ приверженцевъ, въ особенности Дитриха Верденскаго, достойнѣйшаго епископа этой эпохи. Чтобы показать, до какой степени возвышался надъ всѣми этотъ человѣкъ, котораго современники почтили названіемъ великаго, достаточно будетъ привести нѣсколько примѣровъ. Дитрихъ никогда не возвышалъ голоса за неправду, даже изъ любви къ своему королю и другу, и потому всѣ враги боялись и уважали его. Въ началѣ этого года, когда никто не рѣшался принять на себя посольство къ Григорію, онъ отправился съ Беннономъ Оснабрюкскимъ въ Римъ. Здѣсь никто не осмѣлился его тронуть, а народъ, дворянство и духовенство были такъ настроены имъ, Гвенрихомъ, Энгельбертомъ Трирскимъ и другими учеными, краснорѣчивыми и добродѣтельными членами высшаго духовенства, что папа принялъ въ отношеніи къ нему самый мягкій тонъ; ему не приходило и въ голову угрожать чѣмъ бы то ни было Дитриху, противъ котораго проклятія его были бы безсильны. По возвращеніи въ Германію, считая назначеніе епископовъ неотъемлемымъ правомъ королевской власти, онъ помогъ королю назначить епископовъ въ Страсбургъ и Кельнъ. Вскорѣ послѣ того, по смерти архіепископа Удона Трирскаго, Дитрихъ сталъ сильно противодѣйствовать клерикальной партіи Гильдебранда въ Германіи, желавшей доставить это мѣсто одному изъ своихъ приверженцевъ, и утвердилъ въ Трирѣ достойнаго и ученаго Энгельберта, назначеннаго Генрихомъ. Но это не помѣшало ему въ томъ же году подать голосъ, вмѣстѣ съ своими противниками, противъ Генриха, когда тотъ, подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтовъ, хотѣлъ, чтобы въ Утрехтѣ было произнесено проклятіе противъ Григорія, а когда король пренебрегъ его совѣтомъ, Дитрихъ тайно удалился, чтобы не быть свидѣтелемъ или сообщникомъ дѣла, въ которомъ слово Божіе служило орудіемъ человѣческой ненависти. Не смотря на то, онъ вскорѣ снова сталъ служить королю перомъ, голосомъ и мечомъ для защиты праваго дѣла.

Генрихъ воспользовался имѣньями изгнанныхъ герцоговъ Швабіи и Баваріи, чтобы пріобрѣсти себѣ новыхъ друзей и вассаловъ и крѣпче привязать къ себѣ старыхъ. Герцогство Швабію онъ отдалъ, весной 1079 года, храброму графу Фридриху Бюренскому, фамилія котораго, по названію родоваго замка, Штауфена, получила прозвище Гогенштауфеновъ, и такимъ образомъ сдѣлался первымъ виновникомъ величія этого дома. Между тѣмъ папскіе посланники безпрестанно пріѣзжали въ Германію и уѣзжали оттуда и, какъ выражается одинъ изъ противниковъ Генриха, по римскому обычаю, брали деньги съ обѣихъ сторонъ. По мѣрѣ того, какъ дѣла стали принимать благопріятный оборотъ для Генриха, папа становился осмотрительнѣе, и Рудольфъ имѣлъ право открыто жаловаться на папу, который не хотѣлъ опредѣлительнѣе высказаться въ его пользу. Саксонцы, въ присутствіи которыхъ легатъ Бернгардъ еще въ 1077 году наложилъ новое проклятіе на короля Генриха и объявилъ Рудольфа законнымъ обладателемъ престола, были крайне раздражены, когда папа не хотѣлъ ни формально признать, ни опровергнуть поступка легата. Григорій не давалъ никакого опредѣленнаго объясненія до тѣхъ поръ, пока новая побѣда Рудольфа не вывела его изъ затрудненія. Въ январѣ 1080 года при Флархгеймѣ, близъ Мюльгаузена, произошло сраженіе, въ которомъ Генрихъ снова былъ разбитъ. И на этотъ разъ побѣда находилась уже въ рукахъ Генриха, но была исторгнута у него Оттономъ Нордгеймскимъ, всѣ распоряженія котораго обнаруживали въ немъ удивительные военные таланты. Генрихъ потерялъ даже весь обозъ. Побѣда Рудольфа, о которой папа получилъ самыя преувеличенныя извѣстія, наконецъ побудила его сдѣлать рѣшительный шагъ, который отнялъ у него всякую возможность примиренія съ Генрихомъ. Онъ возобновилъ отлученіе отъ церкви и низложеніе Генриха и послалъ его противнику, Рудольфу, корону съ надменною надписью: Petra dedit Petro, Petrus diadema Rudolpho, т. е. камень (Христосъ) далъ корону Петру, а Петръ отдалъ ее Рудольфу. Такимъ образомъ папа раздавалъ земныя царства именемъ апостола, бѣднаго рыбака Петра, заботившагося только о томъ небесномъ царствѣ, которое обѣщалъ ему вѣчный царь въ награду его бѣдности и терпѣнія, а не господства. Но Богъ христіанскій не есть Богъ тираніи, духовной или свѣтской, и это испытали на себѣ Генрихъ и Григорій. Собравъ въ маѣ соборъ въ Майнцѣ, Генрихъ подтвердилъ постановленное въ 1076 году въ Вормсѣ рѣшеніе о низложеніи Григорія, велѣлъ читать въ церквахъ и распространять въ народѣ манифесты и обличенія противъ папы и, наконецъ, на соборѣ изъ тридцати епископовъ, собранномъ въ Бриксенѣ, избралъ на мѣсто Григорія его стариннаго врага, архіепископа Гиберта Равеннскаго, подъ именемъ Климента III (іюнь 1080 г.).

Изъ Бриксена Генрихъ хотѣлъ, кажется, идти на Римъ; но успѣхи противниковъ въ Германіи начали возбуждать въ немъ опасенія. Онъ возвратился въ Франконію и собралъ тамъ столь многочисленное войско, что въ концѣ сентября могъ уже напасть на Саксонію, но при первомъ же появленіи въ этой странѣ сдѣлалъ стратегическую ошибку, которую уже нельзя было поправить никакими подвигами храбрости. Онъ занялъ при Гронѣ, недалеко отъ Цейца, позицію, на которой имѣлъ въ тылу у себя болота и рѣку Эльстеръ. Здѣсь, 15 октября 1080 г., напалъ на него непріятель подъ начальствомъ самого Рудольфа и Оттона Нордгеймскаго. Не смотря на неудобную позицію, поле битвы осталось за Генрихомъ; но и на этотъ разъ онъ долженъ былъ уступить побѣду военнымъ талантамъ Оттона. Замѣтивъ, что конница, составлявшая тогда лучшую и надежнѣйшую часть войска, ни въ какомъ случаѣ не можетъ долгое время сопротивляться хорошей пѣхотѣ, и разсчитывая на свойства мѣстоположенія и близость болота, онъ употребилъ въ дѣло пѣхоту и съ помощью ея выигралъ сраженіе въ пользу Рудольфа. Генрихъ потерпѣлъ огромный уронъ, но сдѣлался еще могущественнѣе послѣ этого пораженія, потому что противникъ его заплатилъ жизнью за свою побѣду. Въ этой битвѣ Рудольфъ показалъ себя достойнымъ своей фамиліи: лишившись сначала руки, онъ все еще продолжалъ сражаться, но потомъ получилъ такую опасную рану въ животъ, что черезъ нѣсколько дней умеръ въ Мерзебургѣ. Эту смертельную рану нанесъ ему, какъ говорятъ, Готтфридъ Бульонскій, пріобрѣтшій безсмертную славу въ первомъ крестовомъ походѣ. Разсказываютъ, что Рудольфъ на смертномъ одрѣ сказалъ окружавшимъ его епи-

скопамъ: «Смотрите, вотъ рука, которой я клялся въ вѣрности своему господину Генриху! Теперь я долженъ лишиться власти и жизни. Вы, по чьимъ побужденіямъ я рѣшился вступить на тронъ, подумайте, путемъ ли истины вы вели меня!» Правда, не всѣ лѣтописцы, разсказывающіе объ этомъ, заслуживаютъ довѣрія; но легко можетъ быть, что Рудольфъ, не смотря на его дознанную твердость, обнаружилъ при смерти сомнѣніе въ томъ, можетъ ли онъ оправдать передъ Богомъ нарушеніе своей клятвы въ вѣрности.

Черезъ нѣсколько времени послѣ сраженія при Эльстерѣ, Генрихъ объявилъ герцогу Оттону, пользовавшемуся въ Саксоніи чисто королевскою властью, за исключеніемъ только титула короля, что онъ откажется отъ престола, если его наслѣдникомъ изберутъ старшаго его сына. Оттонъ отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что видѣлъ нѣсколько разъ, что отъ дурной коровы родится дурной теленокъ, и что не хочетъ знать ни отца, ни сына. Онъ не соглашался даже на перемиріе. Генрихъ однако обезпечилъ за собой обладаніе почти всея остальной Германіей; онъ могъ ввѣрить ея защиту лицамъ, которымъ роздалъ въ лены государственныя земли, и не безпокоиться о томъ, чтобы какой-нибудь значительный князь могъ принять корону, такъ какъ обладатель ея былъ бы слугой саксонцевъ. Потому онъ рѣшился отправиться въ Италію, гдѣ въ то время, когда онъ потерялъ сраженіе въ Германіи, его друзья и вассалы одержали значительную побѣду надъ Матильдой и ея вассалами. Конечно, папа могъ разсчитывать на поддержку могущественнаго Роберта Гискара, но Робертъ былъ тогда занятъ другими предпріятіями.

7. Робертъ Гискаръ, Григорій VII и Генрихъ IV.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ Робертъ Гискаръ и братъ его, Рожеръ, хитростью и силой овладѣли почти всей Нижней Италіей и Сициліей. Рожеру пришлось при этомъ имѣть дѣло только съ мухаммеданами, а Робертъ Гискаръ долженъ былъ воевать съ греками, лонгобардскими князьями, своими соотечественниками и духовнымъ главой западнаго христіанства. Надъ землями римскаго престола онъ распространялъ свою власть, ни мало не стѣсняясь ленною своею присягою папѣ; и потому Григорій еще въ 1073 году сблизился съ зятемъ Гискара, графомъ аверсскимъ Ричардомъ, который былъ тѣснимъ Робертомъ и нуждался въ покровительствѣ; а съ другой стороны, каждый разъ отлучалъ отъ церкви Роберта, какъ только тотъ занималъ какой-нибудь городъ, на который изъявляла притязанія церковь. Робертъ не пугался однако никакихъ угрозъ, когда ему казалось нужнымъ округлить свое государство. Еще въ то время, какъ Генрихъ совершалъ покаяніе въ Каноссѣ, Григорій убѣдился, что могущественный и смѣлый норманнъ можетъ быть вдвойнѣ опасенъ для него въ спорѣ съ нѣмцами; поэтому онъ тогда же началъ переговоры съ Робертомъ, но тотчасъ же разсорился съ нимъ и еще разъ отлучилъ его отъ церкви. Въ послѣдующіе годы, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, между ними мало-по-малу возстановились миръ и согласіе. Въ спорахъ съ ломбардцами, нѣмцами и наконецъ антипапой, Григорій нуждался въ болѣе сильной поддержкѣ, чѣмъ Матильда Тосканская и графъ Ричардъ Аверсскій, а Робертъ, рѣшившись начать войну съ греческой имперіей, желалъ оставаться въ дружбѣ съ папой. Поэтому въ 1080 году они помирились. Робертъ далъ папѣ клятву въ вѣрности и покорности, какъ вассалъ, и обѣщалъ ему покровительство и помощь, а Григорій, взамѣнъ того, снова призналъ за нимъ обладаніе Калабріей и Апуліей и даже отдалъ на время ему завоеванія, которыхъ не признавалъ законными. Извѣстіе о томъ, что папа тогда же отдалъ норманнскому герцогу, или его сыну, Боэмунду I, императорскую корону, мы считаемъ не достовѣрнымъ; но за то онъ, кажется, согласился выдать Роберту сына Ричарда, Іордана, которому прежде покровительствовалъ; потому Іорданъ поспѣшилъ къ Генриху, явившемуся тогда въ Италіи.

Конечно, въ то время союзъ съ Робертомъ Гискаромъ не принесъ папѣ никакой пользы, потому что Робертъ думалъ только о походѣ въ Грецію, но

Григорій имѣлъ на своей сторонѣ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что Робертъ не присталъ къ Генриху, который тотчасъ же по прибытіи въ Италію тщетно старался вступить съ нимъ въ сношенія. Предпріятіямъ Роберта противъ Греціи благопріятствовали тогдашнія смуты въ византійской имперіи, вслѣдствіе которыхъ константинопольскимъ престоломъ овладѣлъ сначала Никифоръ Вотоніатъ, а потомъ Алексѣй I (стр. 575). Робертъ имѣлъ даже нѣкоторый предлогъ къ нападенію, потому что низверженный императоръ, Михаилъ Парапинакесъ, былъ прежде его союзникомъ и обручилъ дочь Роберта съ своимъ братомъ. Но, чтобы не показаться настоящимъ разбойникомъ и завоевателемъ, онъ выдалъ одного греческаго монаха за императора Михаила, и, вслѣдствіе невѣжества и легковѣрія грековъ, ему повѣрили въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи. Папа Григорій, угрожаемый прибытіемъ Генриха, въ угоду своему норманнскому союзнику, не только согласился отлучить отъ церкви императора Никифора, не обращавшаго вниманія на папу и всѣхъ его латинянъ, но даже особеннымъ посланіемъ убѣждалъ всѣхъ епископовъ Нижней Италіи принять сторону греческаго самозванца, обманъ котораго былъ очень хорошо ему извѣстенъ, и счастливаго разбойника, защищавшаго его. На подобные поступки рѣшался, въ случаѣ надобности, человѣкъ, старавшійся отвратить цѣлый свѣтъ отъ всѣми признаннаго короля Германіи и Италіи, сына могущественнаго императора и Агнесы, къ которой онъ былъ такъ расположенъ. Когда Генрихъ весной 1081 года вступилъ въ Италію и безъ сопротивленія достигъ Флоренціи, Григорій настоятельно просилъ помощи у Роберта, окончившаго тогда приготовленія къ походу противъ грековъ; но Робертъ отвѣчалъ, что норманны не могутъ проливать крови во время поста. У норманновъ, дѣйствительно, былъ такой обычай, но, не смотря на то, кому не покажется смѣшною эта щекотливость совѣсти свирѣпаго разбойника? Послѣ поста, Робертъ тотчасъ же посадилъ войска на корабли, чтобы переправить ихъ въ Грецію, и передъ тѣмъ объявилъ своимъ преемникомъ сына своей второй жены, Рожера Бурсу, приказавъ опекуну его, графу Лорителло, наблюдать за успѣхами Генриха и въ случаѣ крайней нужды подать папѣ помощь. Сына первой жены, Боэмунда I, не уступавшаго отцу въ храбрости, хитрости, лукавствѣ и жестокости, онъ взялъ съ собой, потому что хотѣлъ основать для него новое государство въ Греціи. Кораблей для переѣзда у него было, конечно, немного; но далматинцы, разсчитывая на прибыль, охотно дали ему свой флотъ.

Робертъ Гискаръ, занявъ островъ Корфу, отправился оттуда къ городу Дураццо и тотчасъ же сдѣлалъ попытку взять его штурмомъ (іюнь 1081 г.). Къ несчастью для него, за два мѣсяца передъ тѣмъ, императора Никифора Вотоніата вытѣснилъ Алексѣй I, съ самаго начала показавшій міру, что смѣлому норманнскому герцогу не такъ легко будетъ лишить его престола. Алексѣй, конечно, тщетно обращался къ папѣ, но успѣлъ склонить на свою сторону архіепископа Капуи и черезъ него князя Іордана, который опасался каждую минуту быть изгнаннымъ Робертомъ; убѣдилъ находившихся при его дворѣ норманнскихъ бѣглецовъ сдѣлать высадку въ Калабрію и началъ переговоры съ германскимъ королемъ; но Генрихъ воспользовался этими переговорами только для того, чтобы получить какъ можно болѣе денегъ за помощь, которую онъ обѣщалъ, но которую никакъ не могъ подать Алексѣю. Лучшими союзниками греческаго императора были венеціанцы, превосходившіе далматинцевъ и могуществомъ на морѣ, и искусствомъ въ морскомъ дѣлѣ. Отъ сельджуковъ, угрожавшихъ ему въ Азіи, онъ освободился, уступивъ имъ нѣкоторые округи. Не смотря на отчаянныя усилія Роберта и безумную отвагу его сына, нападеніе на Дураццо не удалось, потому что корабли его были слишкомъ плохи, а военныя машины еще хуже, и потому что вскорѣ передъ городомъ появился венеціанскій флотъ, отбившій съ урономъ норманновъ и доставившій осажденнымъ продовольствіе. Чрезъ нѣсколько времени въ гавань Дураццо вступилъ и греческій флотъ. Съ этого времени враги Роберта стали господствовать на морѣ; онъ лишился всѣхъ средствъ продовольствія и очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Но ни голодъ, ни язва, уничтожившая лошадей его конницы, лучшей части его войска, ни извѣстія о томъ, что самъ греческій императоръ выступилъ въ походъ, не могли заставить его снять осаду. Появленіе императора доставило ему случай одержать наконецъ блистательную побѣду. Алексѣй созвалъ поголовное ополченіе и съ огром-

нымъ, но плохо вооруженнымъ и непривычнымъ къ войнѣ и дисциплинѣ войскомъ двинулся къ Дураццо, надѣясь, можетъ быть, навести на норманновъ ужасъ многочисленностью своей арміи; но онъ забылъ, что имѣлъ дѣло съ врагами, которые не знали страха съ дѣтства и привыкли жить въ лагерѣ и на полѣ сраженія. Даже его регулярныя войска были чужды другъ другу по происхожденію, языку, религіи, обычаямъ и военнымъ пріемамъ, и за отсутствіемъ единства въ командованіи не могли дѣйствовать сообща; эти войска состояли изъ турокъ, франкскихъ, норманнскихъ и варяжскихъ наемниковъ и 18,000 еретиковъ павликіанъ (стр. 515), насильственно переселенныхъ изъ Азіи во Ѳракію. Предводитель этой арміи также не могъ равняться съ противникомъ талантами: не уступая Роберту въ храбрости, рѣшимости и энергіи, Алексѣй уступалъ ему въ хитрости и военной опытности. Приблизившись къ Дураццо, императоръ, не слушая совѣтовъ старшихъ военачальниковъ, рѣшился вступить въ битву. Варяги, отбросивъ стоявшаго противъ нихъ непріятеля, разгорячились и, увлекшись преслѣдованіемъ, помогли норманнскому герцогу одержать побѣду. Замѣчательно, что жена Роберта, лонгобардка Сикильгайта, также командовала войсками въ этомъ сраженіи. Вообще, не смотря на различное происхожденіе, она была, кажется, амазонкой, достойной своего мужа. Робертъ одержалъ рѣшительную побѣду и ночевалъ въ палаткѣ императора (октябрь 1081 г.). Послѣ сраженія городъ сдался вслѣдствіе измѣны одного венеціанца, которому Робертъ обѣщалъ деньги и руку дочери Вильгельма Желѣзной Руки. Къ счастью для Алексѣя, именно когда согласился Генрихъ сдѣлать диверсію противъ владѣній Роберта Гискара, въ то же время и норманнскіе бѣглецы произвели высадку въ Апулію. Присутствіе Роберта Гискара въ Италіи сдѣлалось необходимымъ, и весной 1082 года она возвратился въ свои владѣнія, передавъ Боэмунду начальство надъ войсками, находившимися въ Греціи.

Въ началѣ лѣта 1081 года, Генрихъ двинулся противъ Рима и расположился лагеремъ подъ стѣнами города; но, пославъ часть войска противъ замковъ Матильды, онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы начать осаду, тѣмъ болѣе, что его войско сильно пострадало отъ болѣзней. Поэтому, оставивъ въ іюлѣ мѣсяцѣ нездоровую римскую Кампанью, онъ возвратился на сѣверъ Италіи. До какой степени итальянскіе горожане были преданы королю, котораго духовные и свѣтскіе владѣльцы считали своимъ врагомъ, можно видѣть изъ примѣра города Лукки, гдѣ Генрихъ провелъ остальную часть лѣта. Въ то время, какъ епископъ Ансельмъ Луккскій жилъ у Матильды, возбуждая ея воинственное мужество, Генрихъ такъ доволенъ былъ вѣрностью и любовью луккскихъ горожанъ, что далъ имъ привилегіи и льготы, благодаря которымъ Лукка стала съ этого времени возвышаться годъ отъ года на ряду съ цвѣтущей Пизой. Зимой король опять отправился противъ Рима, и въ это время, по просьбѣ греческаго императора, сдѣлалъ движеніе на югъ, чтобы устрашить герцога Роберта.

О германскихъ дѣлахъ онъ вовсе не заботился, предоставивъ ихъ своимъ друзьямъ и имѣя въ Оттонѣ Нордгеймскомъ противника, съ которымъ хотя и самъ не могъ сравняться, но при которомъ игралъ бы печальную роль и всякій другой король, выбранный ему въ соперники. Во главѣ его партіи въ Германіи стояли два Гогенштауфена, Фридрихъ Бюренскій и его сынъ, также Фридрихъ, за котораго Генрихъ въ 1079 году выдалъ свою дочь Агнесу. Противники Генриха въ Германіи рѣшились выбрать новаго короля только потому, что хотѣли сохранить требованія приличія передъ народомъ; они отложили выборы до іюня (1081 г.), но и тогда долго не могли согласиться, пока къ этому не принудили ихъ успѣхи Гогенштауфеновъ. 9-го августа, когда войска ихъ противниковъ подъ начальствомъ младшаго Гогенштауфена уже встрѣтились съ ихъ военными силами, они выбрали графа Германа Сальмскаго въ Лотарингіи, сына могущественнаго графа Гизельберта Люцельбургскаго или Люксембургскаго. Въ самый день избранія новый король поспѣшилъ противъ враговъ, стоявшихъ въ виду противниковъ при Гохштедтѣ на Дунаѣ, въ мѣстности, знаменитой по битвамъ, и одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду. Послѣ того онъ углубился въ Швабію, гдѣ не успѣли еще утвердиться Гогенштауфены, осадилъ Аугсбургъ, державшій вмѣстѣ съ другими городами сторону Генриха, и затѣмъ отправился въ Саксонію, гдѣ хотѣлъ короноваться. Но герцогъ Оттонъ Нордгеймскій, недо-

вольный избраніемъ Германа, съумѣлъ отложить его коронованіе до слѣдующаго года, и вообще не придавалъ ему никакого значенія въ государствѣ; а Германъ, сдѣлавшись одною тѣнью короля, потерялъ и свою графскую власть, потому что ничто такъ не вредитъ, какъ высокое или даже самое высокое положеніе, если оно лишено достоинства и блеска.

Въ концѣ 1082 года Генрихъ въ третій разъ двинулся противъ Рима. Прежде всего онъ старался выгнать Григорія и утвердить въ Римѣ назначеннаго имъ папу Климента; въ случаѣ удачи, все остальное должно было уладиться само собою. Еще лѣтомъ онъ воздвигъ вокругъ города осадныя укрѣпленія, оставивъ въ нихъ и въ сосѣднемъ Тибурѣ гарнизоны, а на этотъ разъ въ продолженіе семи мѣсяцевъ стоялъ передъ Римомъ, опустошилъ его окрестности, овладѣлъ всѣми сосѣдними мѣстечками и замками и остановилъ подвозы продовольствія въ городъ. Наконецъ, овладѣвъ частью города, онъ заключилъ миръ съ римскими гражданами. Григорій удалился въ замокъ св. Ангела, и въ самой крайности оставался твердъ, какъ скала. Онъ отвергъ предложенные Генрихомъ переговоры, избѣгалъ съ нимъ всякихъ сношеній и собралъ около себя епископовъ своей партіи. Генрихъ долженъ былъ каждую минуту опасаться, что Робертъ Гискаръ, уже давно возвратившійся въ Италію, явится съ норманнами; но, къ счастью, онъ занятъ былъ дома усмиреніемъ возставшихъ городовъ. Не смотря на то, что многіе римляне поддерживали Генриха, вмѣсто того, чтобы дѣлить бѣдствія папы, Генрихъ только весной слѣдующаго года (1084 г.) успѣлъ занять весь городъ. Говорятъ, что первымъ вступилъ въ него Готтфридъ Бульонскій. 31 марта Генрихъ былъ коронованъ своимъ папою, Климентомъ. Другъ его, Дитрихъ Вердёнскій, и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своимъ правиламъ. Не признавая новаго папу, онъ стоялъ за Григорія, какъ за единственно законнаго главу церкви, и безъ позволенія его не благословилъ архіепископа трирскаго, хотя самъ помогалъ его избранію: онъ думалъ, что это будетъ также противно церковнымъ правиламъ, какъ притязанія самого Григорія.

Въ маѣ Генрихъ получилъ извѣстіе, что Робертъ Гискаръ выступилъ наконецъ съ многочисленнымъ войскомъ на помощь папѣ, осажденному въ замкѣ св. Ангела. Видя, что римляне были болѣе привязаны къ новому папѣ, чѣмъ къ старому, Генрихъ, еще прежде считавшій необходимымъ свое присутствіе въ Германіи и не имѣвшій достаточно войскъ, чтобы сразиться съ Гискаромъ, рѣшился предоставить защиту Рима партіи Климента, и въ маѣ удалился изъ города. Приблизившись къ Риму, Робертъ послалъ впередъ тысячу отборныхъ воиновъ, и двинулся за ними самъ съ 3,000 лучшаго войска, оставивъ весь остальной обозъ далеко за собой, въ ожиданіи, какъ пойдетъ дѣло. Не смотря на то, что партія, противная Клименту, была весьма могущественна еще въ присутствіи Генриха, Робертъ Гискаръ началъ нападеніе на городъ очень обдуманно и осторожно. Подведя тихонько свои войска, подъ прикрытіемъ древняго водопровода, къ самымъ воротамъ, онъ велѣлъ ночью нѣсколькимъ изъ своихъ людей взобраться по лѣстницамъ на стѣны и разбить ворота. Послѣ того онъ ворвался въ городъ и освободилъ Григорія изъ замка св. Ангела. Его свирѣпыя войска, увеличенныя незадолго передъ тѣмъ всякимъ сбродомъ и даже множествомъ мухаммеданъ, три дня страшно грабили городъ. Ожесточенные горожане схватились за оружіе и въ городѣ произошло всеобщее возстаніе, организованное такъ хорошо, что норманны были бы всѣ перебиты, если бы Робертъ не догадался поджечь городъ въ разныхъ мѣстахъ. Почти весь городъ сгорѣлъ, и римляне должны были покориться. Робертъ, остававшійся въ Римѣ еще нѣсколько дней, продалъ огромное число жителей въ рабство и увелъ съ собой многихъ другихъ. Онъ еще нѣсколько времени бродилъ вокругъ города, вмѣстѣ съ Григоріемъ, который не считалъ себя безопаснымъ въ Римѣ, вновь отнялъ у приверженцевъ Генриха захваченные ими владѣнія и замки, принадлежавшіе папѣ, и затѣмъ вернулся въ свое государство, желая окончить на свободѣ свое предпріятіе въ Греціи. Григорій отправился черезъ Монте-Кассино въ Салерно, созвалъ тамъ соборъ и наложилъ новое проклятіе на Генриха, главный врагъ котораго, Оттонъ Нордгеймскій, между тѣмъ умеръ. Епископъ Остіи, Оттонъ, въ качествѣ папскаго легата, привезъ это опредѣленіе въ Германію и созвалъ соборъ въ Кведлинбургѣ (на пасхѣ 1085 г.). Какого рода постановленія были приняты на этомъ соборѣ, можно легко догадаться изъ того, что на немъ

присутствовалъ соперникъ Генриха, Германъ. Но одинъ бамбергскій духовный, Хунибертъ, имѣлъ мужество доказывать передъ лицомъ всѣхъ противниковъ Генриха, что первенство папы есть право, присвоенное имъ совершенно произвольно, и что оно не подтверждается ни божественными, ни человѣческими законами. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ свѣтскихъ лицъ, конечно, ничего не понимавшій изъ доводовъ Хунибертa, возразилъ, что ученикъ не можетъ учить наставника, и всѣ убѣжденія должны были умолкнуть передъ возраженіемъ, которому давало силу одно лишь кулачное право.

Самъ Григорій, заболѣвшій еще въ январѣ мѣсяцѣ, умеръ въ Салерно въ маѣ 1085 г. По смерти нѣкоторые стали почитать его за святаго и мученика, а другіе проклинать, какъ виновника системы, которая поселила въ церкви раздоры, заставила недостойныхъ духовныхъ взяться за оружіе и вмѣшаться въ свѣтскія дѣла, завела толпы болѣе набожныхъ изъ нихъ въ монастырское уединеніе, разъединила на цѣлые вѣка государство и церковь и, наконецъ, съ распространеніемъ знаній и просвѣщенія, сдѣлала несостоятельнымъ прежнее церковное устройство. Самъ Григорій, умирая, помышлялъ о земномъ: онъ думалъ, — и мы желали бы, чтобы онъ думалъ это искренно, — что онъ былъ мученикомъ истины и права и держался правильныхъ понятій, которыя хотѣлъ поддерживать и по смерти, самъ указавъ себѣ преемника. Онъ умеръ съ словами: «Я любилъ право и ненавидѣлъ несправедливость, и потому умираю въ изгнаніи.» Высказавъ окружавшимъ его епископамъ и друзьямъ глубокую скорбь о положеніи церкви, онъ совѣтовалъ избрать папою одного изъ слѣдующихъ трехъ лицъ: епископа Остіи, Оттона, епископа ліонскаго, Гуго, и аббата Дезидерія изъ Монте Кассино, но въ особенности указывалъ на послѣдняго. Этотъ выборъ лучше всякихъ словъ показываетъ намъ, какой страшной твердостью духа отличался Григорій. Дезидерій, ученый и набожный монахъ, былъ другомъ и товарищемъ Григорія; однажды онъ передалъ Матильдѣ богатыя сокровища своего монастыря, чтобы доставить ей возможность содержать достаточное число наемниковъ для защиты церкви, и рѣзче, чѣмъ кто-нибудь высказывался противъ всякаго участія императоровъ и королей въ избраніи папъ. Когда епископъ Остіи заспорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ и сослался на декретъ Николая II, онъ отвѣчалъ: «На это не могъ согласиться искренно ни папа, ни епископъ, ни всякій другой человѣкъ, потому что папа нашъ господинъ, а не слуга, престолъ его не подчиненъ никому, а стоитъ выше всѣхъ, и потому никто не можетъ купить его, какъ покупаютъ раба. Если папа Николай рѣшился издать такой декретъ, то, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ это незаконно и опрометчиво; но мы не можемъ согласиться на то, чтобы церковь могла лишиться своего достоинства вслѣдствіе человѣческой необдуманности, и вообще едва ли воля Божія допуститъ когда-нибудь еще, чтобы король германскій назначалъ папу римскаго.» — Когда Оттонъ съ гнѣвомъ возразилъ на это, что если бы слова Дезидерія услышали за Альпами, то противъ него всѣ бы соединились какъ одинъ человѣкъ, Дезидерій отвѣчалъ ему: «Пускай нѣмцы, пускай цѣлый свѣтъ возстаетъ противъ этого, мы никогда не отступимся отъ своего мнѣнія. Императоръ можетъ по Божію попущенію получить на нѣкоторое время перевѣсъ и нарушить права церкви, но онъ никогда не вынудитъ на это нашего согласія.» Не смотря на эту непреклонность въ мнѣніяхъ, Дезидерій поколебался, когда Генрихъ пригласилъ его къ себѣ (1083 г.), чтобы сдѣлать его аббатство императорскимъ леномъ, и сначала вступилъ съ нимъ въ переписку, а потомъ исполнилъ его приказаніе. Сначала онъ вовсе не желалъ быть папою, потому что, по смерти Григорія, Римъ очутился во власти антипапы, и онъ видѣлъ, что долженъ сдѣлаться орудіемъ политической партіи. Онъ цѣлый годъ отказывался принять это опасное достоинство и вступилъ на папскій престолъ только по принужденію.

Перемѣна папы и многія событія въ Германіи открывали императору Генриху виды на болѣе свѣтлую будущность. Робертъ Гискаръ, единственный человѣкъ, который могъ быть его соперникомъ, только восемью недѣлями пережилъ Григорія, которому оказывалъ покровительство. Онъ умеръ въ іюлѣ 1085 г. на островѣ Кефалоніи, сдѣлавъ новое огромное приготовленіе къ походу противъ грековъ, пріобрѣтя значительный перевѣсъ надъ ними на морѣ и освободивъ отъ блокады островъ Корфу.

8. Германская имперія въ послѣднія двадцать лѣтъ царствованія Генриха IV.

Вредныя послѣдствія аристократической олигархіи въ Германіи, при обоихъ слабыхъ соперникахъ императора, сдѣлались по смерти Григорія до того очевидными, что большинство имперскихъ сословій въ Швабіи, рейнскихъ странахъ и Лотарингіи отпали отъ папы, и даже баварцы, противъ воли герцога Вельфа, перешли на сторону Генриха. За него былъ даже Конрадъ, братъ Германа Люксембургскаго. Вратиславъ II Чешскій, въ 1086 году получившій отъ Генриха королевскій титулъ, поддерживалъ его всѣми силами. На его сторонѣ было больше половины всѣхъ германскихъ епископовъ: всѣ саксонскіе епископы, за исключеніемъ Удона Гильдесгеймскаго, епископы Зальцбурга, Вормса, Вюрцбурга, Аугсбурга и назначенный папой епископъ констанцскій, всего пятнадцать епископовъ, были противъ Генриха; но его ревностно защищали Лимаръ Бременскій, поставленный по смерти Зигфрида Вецилонъ Майнцскій, Оттонъ Констанцскій, Буркардъ Базельскій, Германъ Шпейерскій, Дитрихъ Вердёнскій и еще осьмнадцать другихъ епископовъ. Борьба партій, употреблявшихъ въ дѣло и духовное и свѣтское оружіе, продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Какъ смотрѣли на нее враги Генриха, или скорѣе, въ какомъ видѣ хотѣли они представить ее, можно видѣть изъ того, что они ввели въ употребленіе въ своихъ войскахъ родъ кароччіо (стр. 558); когда дѣло доходило до сраженія, передъ ихъ войскомъ провозили огромное изображеніе распятія, утвержденное на повозкѣ и украшенное краснымъ знаменемъ. Въ 1087 году положеніе дѣлъ измѣнилось. Соперникъ императора, Германъ, чувствуя, что сдѣлался простой игрушкой саксонскихъ вельможъ, сложилъ съ себя королевское достоинство, помирился съ Генрихомъ и черезъ годъ умеръ. Во главѣ враговъ Генриха сталъ тогда маркграфъ Экбертъ Мейссенскій, желавшій, какъ прежде Оттонъ Нордгеймскій, пріобрѣсти преобладающее вліяніе на дѣла и игравшій болѣе чѣмъ двусмысленную роль. Владѣя, кромѣ Мейссена и Тюрингіи, обширными помѣстьями въ Фрисландіи и другихъ частяхъ сѣверной Германіи, онъ считался однимъ изъ могущественнѣйшихъ владѣтелей въ имперіи. Саксонцы были наконецъ утомлены войной, такъ что епископу Буркгарду Гальберштадтскому только съ большимъ трудомъ удалось заставить ихъ предпринять новые походы противъ императора. Въ 1088 году Буркгардъ былъ убитъ своими вассалами, и тогда у императора остался только одинъ страшный непріятель, Экбертъ. Генрихъ уже за два года передъ тѣмъ объявилъ его лишеннымъ леновъ, подарилъ епископству утрехтскому принадлежавшія ему фрисландскія графства Остеръ-гау и Вестеръ-гау, заставилъ тогда князей еще разъ осудить его какъ государственнаго преступника и отдалъ Мейссенъ графу Генриху Эйленбургскому. За тѣмъ онъ вступилъ съ своими войсками въ Тюрингію, но при осадѣ замка Глейхена подвергся однажды ночью врасплохъ нападенію Экберта, во главѣ всѣхъ окрестныхъ жителей, и былъ отбитъ съ огромнымъ урономъ. Это пораженіе было вдвойнѣ чувствительно для Генриха, потому что онъ лишился при этомъ двухъ старѣйшихъ и лучшихъ друзей: одинъ изъ нихъ, епископъ лозаннскій Буркгардъ, нѣсколько лѣтъ въ счастьи и несчастьи державшій его сторону, былъ убитъ, храбро сражаясь за него; другаго, Лимара Бременскаго, взяли въ плѣнъ. Впрочемъ Генрихъ былъ вскорѣ вознагражденъ за это пораженіе смертью побѣдителя, убитаго вблизи своихъ наслѣдственныхъ владѣній приверженцами Генриха. По смерти Экберта, противники императора стали склоняться къ миру, и онъ могъ отправиться въ Италію, гдѣ состояніе римской церкви обѣщало ему гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ онъ могъ надѣяться пріобрѣсти въ Германіи.

Принявъ наконецъ, противъ воли, папскій престолъ вмѣстѣ съ именемъ Виктора III (май 1086 г.), Дезидерій, черезъ четыре дня по своемъ избраніи, былъ выгнанъ изъ Рима императорскими префектами, и, сложивъ съ себя въ Террачинѣ знаки папскаго достоинства, отправился на покой въ свой монастырь Монте Кассино, гдѣ жилъ до марта 1087 года, когда съ большимъ трудомъ убѣдили его снова вступить на папскій престолъ. Но такъ какъ церковь св. Петра оста-

валась во власти антипапы Климента, на сторону котораго склонялось и большинство римлянъ, то осенью того же года, предоставивъ городъ своему противнику, онъ возвратился въ монастырь, гдѣ вскорѣ и умеръ. Будучи папой, онъ отлучилъ отъ церкви епископа Гуго Ліонскаго и его друга, аббата Ричарда Марсельскаго, бывшаго правой рукой Григорія, и назначилъ себѣ преемникомъ епископа Остіи, Оттона; оттого во время его непродолжительнаго правленія образовалась, повидимому, еще третья партія. Кардиналы тѣмъ охотнѣе послѣдовали его указанію, что Генрихъ вскорѣ по смерти Викто́ра послалъ въ Италію своего старшаго сына, Конрада. Оттонъ сдѣлался папой подъ именемъ Урбана II (мартъ 1088 г.), и поспѣшилъ обезпечить за собою поддержку со стороны графини Матильды Тосканской, руководитель и другъ которой, Ансельмъ Луккскій, къ тому времени уже умеръ, и стараго врага Генриха, могущественнаго герцога Вельфа Баварскаго. Онъ достигъ этого тѣмъ, что устроилъ бракъ между сыномъ баварскаго герцога, Вельфомъ V, и графиней тосканской, хотя молодому Вельфу, получившему тогда право на часть тосканскихъ владѣній, было всего осьмнадцать лѣтъ, а Матильдѣ уже сорокъ три года. Тѣмъ не менѣе папа сначала старался поддержать миръ, и желаніе спокойствія было тогда до того всеобщимъ, что Генриху стоило бы только отказаться отъ своего антипапы, чтобы примирить съ собой приверженцевъ Урбана; но онъ никакъ не хотѣлъ согласиться на условіе, принятіе котораго могло удалить отъ него старинныхъ друзей, не примиривъ его совершенно съ прежними врагами.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Италіи, когда явился туда Генрихъ (апрѣль 1090 г.). Онъ тотчасъ же обложилъ Мантую, главную крѣпость Матильды, и осаждалъ ее одиннадцать мѣсяцевъ, пока наконецъ жители, наскучивъ осадою, не сдали ему города. Овладѣвъ потомъ нѣкоторыми другими замками тосканской графини, онъ обратился противъ Урбана, въ защиту папы Климента, съ помощью своихъ приверженцевъ въ Римѣ, заставилъ Урбана бѣжать въ Нижнюю Италію и пріобрѣлъ такую обширную власть въ церковныхъ дѣлахъ, какой еще не имѣлъ до него ни одинъ германскій императоръ. Но и въ это время, какъ почти всегда, вслѣдствіе своего недостойнаго поведенія въ частной жизни, онъ лишился тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣлъ, какъ глава государства. Дѣло въ томъ, что онъ не только вступилъ въ соблазнительный споръ со второй своей женой, русской княжною, которой такъ же, какъ нѣкогда Бертѣ, приходилось много терпѣть отъ его грубостей, но и вызвалъ отпаденіе своего сына Конрада, начавъ отвергать законность его рожденія и, слѣдовательно, всѣхъ его гражданскихъ правъ. Королева бѣжала къ Матильдѣ и возвратилась потомъ въ Россію, гдѣ скрыла свой позоръ въ монастырѣ. Конрадъ былъ, по приказанію отца, схваченъ, но черезъ нѣсколько времени бѣжалъ, соединился съ врагами Генриха и былъ коронованъ архіепископомъ Ансельмомъ Миланскимъ, преемникомъ Тебальда, какъ король Италіи (1093 года). Города Миланъ, Кремона, Лоди и Піаченца отложились отъ императора, заключили между собою союзъ и заняли альпійскіе проходы, чтобы помѣшать нѣмецкимъ друзьямъ императора подать ему помощь. Генрихъ сталъ отчаяваться тогда въ своемъ дѣлѣ, впалъ въ уныніе и, удалившись въ уединенный замокъ, нѣсколько времени отказывался отъ всякихъ сношеній съ людьми, между тѣмъ какъ въ Италіи и Германіи господствовалъ величайшій безпорядокъ. Въ Германіи Бертольдъ II Церингенскій, выбранный противникомъ Генриха, герцогомъ швабскимъ, получилъ перевѣсъ надъ Гогенштауфенами, а въ то же время духовенство, враждебное императору, объявило на два года родъ Божьяго перемирья, которое было распространено на всѣ южныя провинціи. Въ Италіи Урбанъ II, который до тѣхъ поръ едва могъ держаться противъ Климента и его приверженцевъ, вдругъ возвратилъ себѣ свое прежнее вліяніе, начавъ проповѣдывать крестовый походъ. Онъ созвалъ церковный соборъ въ Піаченцѣ (1095 г.), на который явилось нѣсколько тысячъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ, убѣдилъ собравшуюся толпу предпринять походъ въ обѣтованную землю и возбудилъ во всей Италіи фанатическое одушевленіе, которое ни для кого не было такъ кстати, какъ для него самого. Итальянцы пристали къ нему, и съ той поры его противникъ началъ быстро терять значеніе; въ то же время многіе города, не спрашивая согласія императора и даже противъ его воли, заключили между собою союзы для охраненія безопасности торговли и правъ своихъ. Между тѣмъ Генрихъ снова обод-

рился, такъ какъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ враговъ его, Вельфъ Баварскій, вмѣстѣ съ сыномъ, перешелъ на его сторону. Графиня Матильда уже въ 1077 году завѣщала всѣ свои имѣнія римской церкви, но до тѣхъ поръ скрывала это отъ молодаго Вельфа. Узнавъ объ этомъ и видя свои ожиданія неисполнившимися, Вельфъ бросилъ жену и вмѣстѣ съ отцомъ присоединился къ партіи императора (1095 г.). Тѣмъ не менѣе Генрихъ потерялъ вскорѣ надежду на успѣхъ въ Италіи и въ 1097 году возвратился въ Германію.

Прибывъ въ Германію, онъ снова отдалъ герцогство баварское старому Вельфу и на сеймѣ князей привелъ въ порядокъ швабскія дѣла. Бертольдъ II Церингенскій уступилъ Швабію Гогенштауфенамъ; получивъ за то свое графство въ Брейсгау, онъ сдѣлался императорскимъ намѣстникомъ въ Цюрихѣ и въ странѣ между Юрой и горою Сенъ-Бернаромъ. Въ Германіи водворилась наконецъ тишина, и только немногіе владѣтели продолжали сопротивляться Генриху. Но онъ не былъ въ состояніи возвратить себѣ императорскаго значенія и былъ скорѣе номинальнымъ главой имперіи, чѣмъ дѣйствительнымъ государемъ. Единственныя заслуживающія упоминанія мѣры, принятыя имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, были направлены противъ его сына Конрада, еще прежде назначеннаго имъ и коронованнаго наслѣдникомъ. Онъ заставилъ германскихъ князей объявить его лишеннымъ права на престолъ и выбрать наслѣдникомъ втораго своего сына, Генриха V. Въ началѣ 1099 года Генрихъ V былъ коронованъ въ Ахенѣ; впрочемъ отецъ, предостереженный поступкомъ его брата, взялъ съ него передъ тѣмъ клятвенное обѣщаніе, что онъ при жизни отца никогда не будетъ домогаться правъ или владѣній императора. Несчастный Конрадъ имѣлъ печальную участь: его женили сначала на дочери графа Рожера I Сицилійскаго, которая принесла ему очень богатое приданое; но, когда отецъ его вернулся въ Германію, папская партія, снова ободрившись и возвративъ свое вліяніе, разошлась съ нимъ, потому что болѣе въ немъ не нуждалась. Неблагодарные совершенно покинули его, и смерть, постигшая его въ 1101 году, была для него скорѣе благодѣяніемъ, чѣмъ несчастьемъ. Они взяли у него даже его деньги, такъ что въ послѣдніе годы жизни ему часто приходилось терпѣть нужду. Онъ умеръ въ уединенномъ замкѣ на рѣкѣ По.

Еще до назначенія своего втораго сына наслѣдникомъ престола, Генрихъ поссорился съ архіепископомъ Рутгардомъ Майнцскимъ по поводу евреевъ. Сволочь изъ Франціи и при-рейнскихъ земель, участвовавшая въ первомъ крестовомъ походѣ, проходя черезъ Германію, напала изъ дикаго фанатизма и жадности на евреевъ, и особенно въ майнцской епархіи позволила себѣ надъ ними самыя грубыя насилія и грабежъ. Императоръ заступился за несчастныхъ и рѣшился привести въ дѣйствіе имперскіе законы противъ грабителей. По назначенному имъ слѣдствію, друзья и родственники Рутгарда были обвинены въ участіи въ разбоѣ и даже нашлись едва вѣроятныя показанія противъ самого архіепископа. Онъ убѣжалъ въ свои церковныя помѣстья въ Тюрингіи, и впослѣдствіи вошелъ въ сношенія съ противниками Генриха. Король конфисковалъ доходы майнцскаго епископства, но при этомъ сдѣлалъ большую ошибку, придавъ новый вѣсъ совершенно упавшему въ Германіи папскому вліянію тѣмъ, что позволилъ привести въ порядокъ дѣла майнцской епархіи легату папы Климента. Какъ смотрѣли тогда нѣмцы на значеніе папы, можно видѣть изъ того, что, по словамъ одного современнаго писателя, отлученіе отъ церкви совершенно потеряло силу и что многіе, бывшіе до тѣхъ поръ самыми ревностными приверженцами папы, безъ всякаго колебанія приставали къ партіямъ, отлученнымъ отъ церкви.

Волненія, возбуждаемыя Рутгардомъ, скрывавшимся въ Тюрингіи, и нѣкоторыя другія происшествія внутри имперіи помѣшали Генриху послѣдовать совѣту итальянскихъ друзей, которые приглашали его въ Италію, чтобы возможно справедливымъ миромъ покончить церковный расколъ, когда въ 1099 году, по смерти Урбана II, былъ избранъ папою Пасхалисъ II. Достигнуть этого было тѣмъ легче, что въ слѣдующемъ же году умеръ и антипапа Климентъ. Но вмѣсто того, чтобы принять этотъ умный совѣтъ, Генрихъ, по неосторожности, вовлекъ себя въ новыя затрудненія, начавъ домогаться избранія новаго антипапы, и тѣмъ побудилъ Пасхалиса возобновить противъ него отлученіе отъ церкви. Онъ прислалъ престарѣлаго, почтеннаго аббата Клюньи, Гуго, бывшаго его крестнымъ отцомъ,

пріѣхать въ Германію для возстановленія мира въ нѣдрахъ церкви, но письмо его къ этому благородному человѣку, который, конечно, своимъ появленіемъ могъ бы возвысить его значеніе, было исполнено лицемѣрія. На княжескомъ сеймѣ въ Майнцѣ (въ Рождество 1102 года), онъ сдѣлалъ обѣтъ предпринять крестовый походъ и далъ формальное обѣщаніе уступить корону своему сыну, чтобы тѣмъ облегчить примиреніе государства и церкви; но не исполнилъ ни того, ни другаго обязательства и удержалъ при своемъ дворѣ знатнѣйшихъ должностныхъ лицъ имперіи подъ предлогомъ совѣщанія, котораго никогда не было. Причины волненій въ имперіи все еще не были уничтожены, да и не могли быть искоренены совершенно, какъ вслѣдствіе пренебреженія къ старымъ обычаямъ, въ которомъ часто обвиняли императора, такъ и вслѣдствіе политики его пользоваться народомъ противъ ненавистныхъ и страшныхъ вельможъ. Въ то время безсилія закона онъ часто прибѣгалъ къ самовольной расправѣ съ болѣе могущественными владѣтелями посредствомъ горожанъ и мелкихъ вассаловъ и въ ту самую минуту, когда онъ обѣщалъ крестовый походъ и отреченіе въ пользу сына, два подобные случая вызвали всеобщее волненіе въ имперіи, сообщили возстанію наружный видъ законности и послужили какъ бы сигналомъ къ новой междоусобной войнѣ. Это было умерщвленіе Конрада Блейхингенскаго, сына Оттона Нордгеймскаго, и графа Зиггарда. Конрадъ былъ убитъ во время путешествія, и убійство это возбудило между вельможами подозрѣнія въ томъ, что все дѣло было устроено императоромъ. Зиггардъ, ненавидимый народомъ и императоромъ, былъ умерщвленъ въ Регенсбургѣ въ присутствіи самого Генриха. Случай этотъ сопровождался такими обстоятельствами, что не только родственники Зиггарда и всѣ князья обвинили императора въ его смерти, но и въ самомъ дѣлѣ, кажется, онъ отдѣлался тогда отъ своего врага безъ всякаго суда. Горожане Регенсбурга и дворцовые служители составили заговоръ противъ графа, и въ городѣ вдругъ произошло возстаніе, котораго не могло усмирить даже вмѣшательство сына Генриха. Заговорщики среди бѣлаго дня шесть часовъ сряду осаждали жилище Зиггарда, проникнули туда и отрубили ему голову, позволивъ напередъ причаститься святыхъ тайнъ. Все это происшествіе служитъ яснымъ доказательствомъ, что если императоръ и не участвовалъ въ убійствѣ, то и не мѣшалъ ему, какъ, очевидно, могъ сдѣлать. Оно произвело такое неблагопріятное впечатлѣніе, что, по словамъ лѣтописца, Генрихъ, не считая себя въ безопасности въ Регенсбургѣ, постарался при первомъ удобномъ случаѣ удалиться оттуда.

Этотъ случай вызвалъ неудовольствіе наружу. Баварцы и саксонцы взялись за оружіе, а въ тоже время императоръ замѣтилъ, что не можетъ болѣе довѣряться и родному сыну. Поэтому, отправляясь въ Саксонію, онъ взялъ его съ собой. Но на дорогѣ молодой Генрихъ оставилъ его, собралъ вокругъ себя недовольныхъ баварцевъ и швабовъ, и, по приказанію Пасхалиса, былъ освобожденъ папскимъ легатомъ отъ проклятія, которому подвергся прежде вмѣстѣ съ отцомъ. Генрихъ IV старался помириться съ папой, но тщетно, потому что лежавшее на немъ проклятіе все еще было нужно, какъ предлогъ его противникамъ, которые, такъ же какъ и его приверженцы, заботились только о сохраненіи и увеличеніи своихъ владѣній. По всей вѣроятности, это уже заранѣе было условлено между его врагами въ Германіи и папой. Но отпаденіе молодаго Генриха отъ отца объясняется не только усиліями папы и его нѣмецкихъ приверженцевъ, но отчасти и характеромъ Генриха IV. Сыну, вѣроятно, было внушено, что отецъ его никогда не исправитъ прежнихъ ошибокъ, а будетъ только увеличивать смуты въ имперіи и что этому нельзя помѣшать иначе, какъ его союзомъ съ врагами короля. Если эта догадка справедлива, то молодой Генрихъ сдѣлалъ поступокъ, который можно оправдывать по чисто политическимъ основаніямъ, хотя въ нравственномъ отношеніи онъ заслуживаетъ полнаго порицанія.

Узнавъ о возстаніи сына (въ концѣ 1104 г.), императоръ Генрихъ отправился въ Майнцъ и здѣсь вскорѣ получилъ извѣстіе, что сынъ его склонилъ къ отпаденію саксонскихъ епископовъ и намѣренъ, съ помощью тюрингцевъ, возстановить епископа Рутгарда въ Майнцѣ. Молодой король, дѣйствительно, явился подъ Майнцемъ, но предпріятіе его не имѣло успѣха, вслѣдствіе преданности, которую питали къ императору жители этого города и другихъ рейнскихъ земель. За то императоръ съ огорченіемъ убѣдился, что два другіе рейнскіе архіепископа, кёльнскій

и трирскій, также готовятся отстать отъ его партіи. Онъ пошелъ по слѣдамъ сына въ Франконію и Баварію и привлекъ на свою сторону маркграфа Леопольда IV Австрійскаго и герцога Борживоя II Чешскаго, которые оба, съ славянской частью своего войска, стали его главной опорою. Генрихъ встрѣтился съ сыномъ при рѣкѣ Регенѣ, но сраженія не было, потому что въ лагерѣ императора обнаружилась измѣна, и онъ долженъ былъ спасаться въ Богемію. Борживой принялъ его съ почетомъ и велѣлъ сорабской милиціи проводить его до Майнца. Войско императора разсѣялось послѣ его бѣгства, и самъ онъ упалъ духомъ. Когда сынъ его двинулся къ Рейну, Генрихъ, предаваемый всѣми, не рѣшился идти далѣе до Шпейера, гдѣ были спрятаны его сокровища, и молодой Генрихъ, овладѣвъ ими, погнался за отцомъ, который, не довѣряя уже никому, бѣжалъ внизъ по Рейну. Хотя императоръ не былъ еще оставленъ всѣми, но находился въ такомъ положеніи, что два знатнѣйшіе человѣка его свиты, пфальцграфъ Зигфридъ и графъ Вильгельмъ, удерживались при немъ только деньгами, и что онъ находился, слѣдовательно, во власти людей, которые во время междоусобныхъ войнъ торгуютъ своими клятвами и совѣстью. Молодой Генрихъ занялъ городъ Майнцъ, и, спустившись внизъ по Рейну, прибѣгнулъ къ хитрости. При свиданіи съ отцомъ въ Кобленцѣ онъ представился огорченнымъ, просилъ со слезами прощенія, обѣщалъ устроить примиреніе между императоромъ и государствомъ и убѣдилъ старика послѣдовать за нимъ съ незначительной свитой въ Майнцъ, гдѣ долженъ былъ собраться имперскій сеймъ. На дорогѣ императоръ, предупрежденный нѣсколькими вѣрными друзьями, сталъ подозрѣвать измѣну, но сынъ клятвами убѣдилъ его въ своей искренности и вѣрности. Въ Бингенѣ король окружилъ отца отрядомъ вооруженныхъ людей и, согласно предварительному уговору съ Рутгардомъ, получилъ ложное извѣстіе, будто бы епископъ отказывается допустить въ городъ отлученнаго отъ церкви и что въ Майнцъ прибыло множество враговъ императора изъ Швабіи и Баваріи. Подъ этимъ предлогомъ Генрихъ привезъ отца въ замокъ Бекельгеймъ близъ Крейцнаха, и здѣсь онъ еще разъ поклялся ему въ искренности своей; но едва обманутый императоръ съ тремя изъ спутниковъ вступилъ въ замокъ, какъ онъ былъ запертъ и окруженъ стражей (декабрь 1105 г.). Здѣсь императора содержали въ строгомъ заключеніи: онъ нуждался не только въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, но даже въ пропитаніи, подвергаясь кромѣ того оскорбленіямъ грубой стражи. Спустя нѣсколько дней сынъ, чрезъ посредство одного вельможи, подъ угрозой смерти заставилъ отца послать приказаніе своему гарнизону въ Гаммерштейнѣ выдать хранившіеся тамъ знаки императорскаго достоинства. Рутгардъ и двое папскихъ легатовъ, управлявшіе изъ Майнца ходомъ всего дѣла, напередъ оправдали эти поступки, какъ относившіеся къ человѣку, упорно презиравшему отлученіе отъ церкви.

Имперскій сеймъ, собранный въ Майнцѣ, долженъ былъ рѣшить споръ между престарѣлымъ императоромъ и его сыномъ; на этомъ сеймѣ присутствовало пятьдесятъ два имперскихъ князя, во главѣ которыхъ стояли Рутгардъ и легаты, но не было ни одного изъ друзей Генриха, никого, кто бы сознавалъ позоръ подобнаго обращенія съ императоромъ. Потому, народъ, само собою разумѣется, вмѣшался въ дѣло, и майнцскіе горожане принялись за это съ такой энергіей, что вельможи, въ большомъ числѣ явившіеся на сеймъ, не смотря на многочисленную свиту вассаловъ, не рѣшались продолжать въ Майнцѣ своего мнимаго суда и перенесли засѣданія въ Ингельгеймъ. Здѣсь старый императоръ испыталъ оскорбленія, которыя, быть можетъ, оправдываются съ политической точки зрѣнія тѣмъ, что благо имперіи и спокойствіе совѣсти многихъ тысячъ людей требовали удаленія императора отъ участія въ управленіи, но при разсказѣ о которыхъ возмущается человѣческое чувство. Нужно только вспомнить, что страданія и слезы отца и отреченіе несчастнаго государя не тронули ни бездушнаго сына, ни грубыхъ вельможъ: они не настояли на снятіи съ императора отлученія отъ церкви и даже не дали ему свободы и безопасности, которыя онъ хотѣлъ купить уступчивостью. Князья потребовали, чтобы онъ тотчасъ же сложилъ съ себя корону. На его вопросъ, обѣщаютъ ли ему за это безопасность, епископъ Гебгардъ Констанцскій, одинъ изъ папскихъ легатовъ, отвѣчалъ ему, что «только въ томъ случаѣ, если онъ публично сознается, что несправедливо преслѣдовалъ Григорія VII, неправильно поставилъ папой Гиберта Равеннскаго и дерзко оскорбилъ церковь». Генрихъ

неотступно просилъ, чтобы ему, по крайней мѣрѣ, дали время для оправданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что покорится тогда суду князей, а до того времени представитъ заложниковъ. Все было напрасно: ему грозили вѣчнымъ заключеніемъ, если онъ не покорится тотчасъ же, а для освобожденія отъ проклятія требовали, чтобы онъ отправился на покаяніе въ Римъ. Тогда императоръ, обратясь къ сыну, просилъ его сжалиться надъ отцомъ, который утомился властью и желаетъ одного спокойствія, и умолялъ его не допускать по крайней мѣрѣ того, что покроетъ стыдомъ его самого. Многіе изъ присутствующихъ были тронуты до слезъ словами и видомъ старика, но сынъ не имѣлъ состраданія къ отцу и когда онъ упалъ къ его ногамъ и просилъ послушаться хоть голоса природы, жестокосердый Генрихъ не удостоилъ его даже взгляда. Послѣ того императоръ отказался отъ власти и всѣхъ имѣній. Сынъ его отправился съ князьями въ Майнцъ, получилъ здѣсь имперскія регаліи и признанъ былъ королемъ Германіи (январь 1106 г.). Для переговоровъ съ папою было послано нѣсколько князей и нѣмецкихъ епископовъ, изъ которыхъ самую постыдную роль игралъ архіепископъ Бруно Трирскій; онъ получилъ епископство отъ Генриха IV, но потомъ перешелъ къ Пасхалису, считая его партію сильнѣе, и, по низложеніи императора, отправленъ былъ въ Римъ.

Народъ остался и тогда вѣренъ своему старому императору, бѣжавшему изъ Ингельгейма сначала въ Кёльнъ, а оттуда къ епископу люттихскому Отберту. Отбертъ, вмѣстѣ съ Генрихомъ герцогомъ лимбургскимъ и нижне-лотарингскимъ, не далъ ему исполнить его первоначальное рѣшеніе, искать убѣжище въ лѣсахъ и болотахъ. Горожане Люттиха, Кёльна, Бонна и другихъ городовъ подняли за него оружіе, хотя въ маѣ (1106 г.) на имперскомъ сеймѣ въ Вормсѣ благородные защитники императора и были осуждены на изгнаніе и противъ нихъ собраны имперскія войска. Напрасно молодой король нападалъ на кельнцевъ, а папа въ своемъ посланіи предоставилъ ихъ во власть діавола, напрасно оробѣвшій императоръ совѣтовалъ имъ подчиниться, а Пасхалисъ вызывалъ графа Роберта Фландрскаго наказать огнемъ и мечомъ духовенство Люттиха и Камбрэ, открыто защищавшихъ императора; помощь герцога лотарингскаго и ихъ собственное мужество поддержали кельнцевъ и нидерландское духовенство. Король и его приверженцы вынуждены были предложить переговоры и издать новый манифестъ, чтобы сколько нибудь расположить въ свою пользу общественное мнѣніе. Въ то самое время пришло извѣстіе о смерти императора, скончавшагося 7 августа 1106 года въ Люттихѣ. Народъ жалѣлъ о несчастномъ императорѣ, имѣвшемъ такой печальный конецъ, а въ лагерѣ сына раздавались громкіе крики радости, и себялюбивое духовенство, преслѣдовавшее его при жизни, продолжало гнать его и по смерти. Отбертъ похоронилъ императора въ одной церкви Люттиха, но безчеловѣчный сынъ и его епископы принудили вырыть трупъ и перенести его въ неосвященное зданіе на одномъ изъ острововъ Мааса. Здѣсь онъ нѣкоторое время оставался безъ погребенія, и возвратившійся изъ Іерусалима монахъ молился день и ночь о душѣ преслѣдуемаго императора до тѣхъ поръ, пока король не велѣлъ перенести его остатки въ Шпейеръ и положить въ тамошнемъ соборѣ. Но и здѣсь ему не дали покоя; епископъ шпейерскій снова велѣлъ вынести гробъ изъ собора и поставить его въ неосвященной капеллѣ, и только черезъ пять лѣтъ онъ былъ опять внесенъ въ соборъ и положенъ въ гробницѣ предковъ. Жители Кельна и по смерти Генриха IV противились нѣсколько времени его сыну и храбро бились съ посланнымъ противъ нихъ имперскимъ войскомъ, пока наконецъ не увидѣли невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, и къ радости королевскаго войска заплатили деньги, чтобы примириться съ королемъ. Герцогъ Генрихъ Лимбургскій былъ взятъ въ плѣнъ и лишился своего герцогства, которое занято было Готтфридомъ Лувенскимъ; но потомъ бѣжалъ изъ плѣна и герцогскія права въ лимбургской области возвратилъ себѣ, а графъ лувенскій остался при герцогствѣ брабантскомъ.

9. Германская имперія и папы въ царствованіе Генриха V.

Положеніе Генриха V при жизни отца было очень опасно, потому что народъ былъ расположенъ къ старому императору, особенно въ нижней Германіи; но по смерти его онъ сталъ совершенно въ другія условія. Царствованіе его важно въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, онъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ его отецъ, поддерживалъ достоинство главы имперіи противъ притязаній вельможъ и боролся съ господствовавшей въ государствѣ анархіей; съ другой стороны, пожертвовавъ тѣмъ, чего уже нельзя было спасти, онъ столь же твердо, какъ и искусно, охранялъ императорскія права противъ папскаго престола.

Тотчасъ по смерти отца, когда папа Пасхалисъ на соборѣ въ Гваставллѣ возобновилъ запрещеніе принимать инвеституру отъ свѣтскихъ лицъ (стр. 617), Генрихъ показалъ ему, какъ мало расположенъ онъ былъ отказываться отъ древнихъ королевскихъ правъ и подчиняться волѣ духовнаго главы христіанства. Онъ пригласилъ папу прибыть въ Германію, чтобы здѣсь на церковномъ соборѣ привести въ порядокъ взаимныя отношенія государства и церкви, и когда Пасхалисъ не принялъ этого приглашенія, Генрихъ не только сдѣлалъ своими вассалами много новыхъ епископовъ, давая имъ, въ силу своихъ королевскихъ правъ, кольцо и посохъ, и велѣлъ Рутгарду Майнскому посвятить ихъ, но даже, не смотря на папское запрещеніе, возстановилъ отлученнаго отъ церкви епископа, Удона Гильдесгеймскаго, и далъ одному аббатству настоятеля, также находившагося подъ церковнымъ проклятіемъ. Напрасно Пасхалисъ старался посредствомъ переговоровъ ввести въ законную силу правило Гильдебранда; онъ никакъ не могъ принудить короля къ уступкѣ, и наконецъ, для прекращенія споровъ, пригласилъ его на соборъ, который былъ созванъ въ Римъ (1107 г.). Вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ обратился противъ графа Роберта Фландрскаго, занявшаго, по приказанію папы, епископство Камбрэ, опустошилъ Фландрію и принудилъ его снова возвратить епископство. Послѣ того онъ старался возстановить преобладаніе нѣмцевъ въ Польшѣ, Чехіи и Венгріи, гдѣ онъ исчезло во время борьбы его отца съ церковью и вельможами. Всѣ эти страны были тогда потрясены спорами за обладаніе престоломъ. Въ Польшѣ у герцога Болеслава III оспаривалъ власть его сведенный братъ, Збигнѣвъ. Въ Чехіи Боржывой, сынъ Вратислава II, былъ въ 1107 году изгнанъ своимъ родственникомъ, герцогомъ Святоплукомъ Моравскимъ, и просилъ помощи у германскаго короля. Генрихъ заступился сначала за Боржывоя, и, потребовавъ къ себѣ Святоплука, приказалъ заключить его въ темницу; но впослѣдствіи, видя невозможность упрочить господство Боржывоя въ Чехіи, освободилъ за деньги Святоплука, призналъ его владѣтелемъ страны и тотчасъ же послѣ того отказался отъ остальной части выкупа подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ помогъ ему въ походѣ противъ Венгріи.

Въ Венгріи Гейза II во время споровъ съ Соломономъ (стр. 575) обратился за помощью къ Григорію VII, и папа потребовалъ тогда признанія верховныхъ ленныхъ правъ папскаго престола надъ Венгріей (1074 г.). Когда Гейза въ 1077 году умеръ и венгры возвели на престолъ брата его, Владислава I, папа потребовалъ отъ него формальной присяги, но Владиславъ, при всемъ своемъ благочестіи, не согласился на это. Изданіемъ мудрыхъ законовъ и приведеніемъ въ дѣйствіе многихъ полезныхъ учрежденій, онъ оказалъ большія услуги государству, а введя правильное гражданское и уголовное судопроизводство и учредивъ, въ подражаніе нѣмецкому обычаю, должность палатиновъ или пфальцграфовъ, которые, въ отсутствіе короля, заступали въ судѣ его мѣсто, — такъ какъ король все еще предсѣдательствовалъ въ судахъ собственныхъ его владѣній и тѣхъ мѣстностей, гдѣ имѣлъ свое пребываніе, — онъ чрезвычайно возвысилъ благосостояніе Венгріи. По смерти своего зятя, короля кроатскаго Звонимира, Владиславъ, надѣясь на вліяніе сестры въ этой странѣ, занялъ Кроацію, Далмацію и Иллирію и поручилъ управленіе ими своему племяннику, Альму. Умирая безъ наслѣдниковъ (1095 г.), Владиславъ, для блага подданныхъ, назначилъ его своимъ преемникомъ, обойдя другаго племянника, сына Гейзы II, Каломана, котораго онъ

считалъ неспособнымъ къ войнѣ и предназначалъ въ духовное званіе вслѣдствіе неправильности его физическаго сложенія. Но Каломанъ тотчасъ же предъявилъ свои притязанія и, съ помощью поляковъ, поддержалъ свои права на Венгрію, ограничивъ владѣнія Альма однѣми адріатическими областями. Монашеское воспитаніе Каломана имѣло вредное вліяніе на государство, потому что, въ угоду клерикальной партіи, онъ отказался отъ важныхъ преимуществъ и правъ своей націи, заключивъ съ папой договоръ, по которому согласился на уничтоженіе права инвеституры, на замѣну при богослуженіи національнаго языка латинскимъ и на запрещеніе священникамъ вступать въ бракъ. Благодаря дружественнымъ связямъ съ папой и его друзьями въ Германіи, Каломанъ, при жизни Генриха IV, былъ избавленъ отъ всѣхъ домогательствъ со стороны нѣмцевъ, но потомъ Генрихъ V воспользовался просьбой Альма о помощи, чтобы возобновить давно забытыя притязанія на верховное господство германской имперіи надъ Венгріей (1108 г.). Святоплукъ Чешскій и Моравскій выставилъ ему, для этого предпріятія, свои вспомогательныя войска, но война имѣла совершенно неожиданный исходъ. Нѣмцы нашли венгерскаго короля вполнѣ приготовившимся къ защитѣ и, какъ часто бывало и прежде, встрѣтили неодолимыя препятствія въ самой природѣ страны. Въ то же время изгнанный Борживой Чешскій воспользовался отсутствіемъ родственника, чтобы съ помощью польскаго герцога, Болеслава III, вновь завоевать государство. Тогда, возвратившись изъ Венгріи въ Богемію, Святоплукъ изгналъ противника и жестоко наказалъ его приверженцевъ, а потомъ вмѣстѣ съ Генрихомъ вторгнулся въ Польшу; но здѣсь онъ и его союзники, нѣмцы, встрѣтили еще болѣе упорное сопротивленіе, чѣмъ въ Венгріи, и должны были вернуться домой, безъ всякаго успѣха (1109 г.). На дорогѣ Святоплукъ былъ убитъ въ лагерѣ Генриха членомъ одного семейства, которое онъ безжалостно преслѣдовалъ. Съ согласія Генриха, войска Святоплука тотчасъ же провозгласили герцогомъ брата его, Оттона. Но возвратившійся изъ изгнанія Борживой и братъ его, Владиславъ I, стали каждый для себя, оспаривать у него престолъ. Вслѣдствіе того въ Чехіи началась продолжительная междоусобная война, во время которой Генрихъ, подкупленный значительною суммою денегъ, принялъ сторону Владислава и снова поставилъ Чехію въ прежнюю зависимость отъ имперіи.

Между тѣмъ споръ объ инвеститурѣ былъ еще въ полномъ разгарѣ. Свѣтскія и духовныя власти держались почти одного мнѣнія съ королемъ касательно этого предмета, а римскій дворъ не рѣшался начинать открытой вражды. Поэтому Генрихъ, давно уже помышлявшій о походѣ въ Римъ, могъ въ 1109 году отправить туда блистательное посольство сановниковъ, изъ свѣтскихъ и духовныхъ, чтобы убѣдить папу въ единодушіи націи. Это посольство достигло желанной цѣли: оно возвратилось съ мирными предложеніями папы и увѣреніями, съ его стороны, въ дружескомъ пріемѣ германскому королю. На возвратномъ пути послы были очень дружелюбно приняты и Матильдой Тосканской. Въ сентябрѣ 1110 г. Генрихъ, собравъ многочисленное войско, двинулся въ Италію черезъ Лозанну и Сенъ-Бернаръ. При самомъ вступленіи въ Ломбардію онъ уже встрѣтилъ сопротивленіе въ Новарѣ и вообще былъ дурно принимаемъ во всѣхъ городахъ. Верхнеитальянскіе города, особенно Миланъ, въ послѣднее время пріобрѣли такую самостоятельность и свободу, что рѣшились отказать королю въ повиновеніи. Въ какой мѣрѣ сознавали они въ то время свои силы, можно видѣть изъ того, что впослѣдствіи при Гогенштауфенахъ они требовали себѣ, какъ наибольшей независимости отъ имперіи, возвращенія того положенія, въ какомъ они находились при Генрихѣ V. Однако судьба Новары, съ которой Генрихъ взялъ большую денежную контрибуцію, разрушивъ кромѣ того часть стѣнъ, а также дѣйствія Генриха противъ Ареццо, лежащаго въ другомъ углу Верхней Италіи и совершенно имъ разрушеннаго, ясно показываютъ, что императоръ и его приверженцы давали чувствовать свою силу по крайней мѣрѣ слабымъ противникамъ. Съ своимъ тридцатитысячнымъ войскомъ Генрихъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, страшно наказывая огнемъ и мечомъ города, которые осмѣливались сопротивляться ему, и, проникнувъ до Тосканы, такъ напугалъ самого папу, что онъ сдѣлалъ ему наконецъ предложеніе, которое походило болѣе на уловку, чѣмъ на проготовленіе къ заключенію конкордата. Пасхалисъ предложилъ королю передать свѣтской власти

всѣ имѣнія и доходы, которыми церковь пользовалась, какъ имперскими ленами, а король, взамѣнъ того, долженъ былъ отказаться отъ притязаній на инвеституру. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа обязывался принять короля со всѣми почестями и, по старинному обычаю, короновать его императоромъ. Генрихъ принялъ это предложеніе подъ условіемъ, если получитъ на то согласіе всѣхъ князей и епископовъ, чего едва ли можно было ожидать.

Вслѣдъ за тѣмъ король отправился въ Римъ (февраль 1111 г.), и былъ торжественно встрѣченъ духовенствомъ и римскимъ народомъ, вышедшимъ къ нему на встрѣчу за городскіе ворота. По просьбѣ горожанъ, онъ подтвердилъ клятвой права и привилегіи города; но произнесеніе имъ клятвы на нѣмецкомъ языкѣ оскорбило національную гордость римлянъ. Не смотря на то, они противъ обыкновенія остались спокойны. Около церкви св. Петра, гдѣ папа и кардиналы ожидали короля, Генрихъ сошелъ съ лошади, преклонилъ колѣно предъ Пасхалисомъ, поцѣловалъ его въ губы, лобъ и глаза и исполнилъ предъ нимъ обязанность королевскаго конюшаго, подержавъ ему стремя: это было обыкновеннымъ долгомъ вѣжливости, но греки упрекали за то германскихъ императоровъ, потому что, по ихъ понятіямъ, подобный поступокъ не соотвѣтствовалъ достоинству государя. Передъ серебряными вратами церкви, Пасхалисъ, по обычаю, объявилъ, что хочетъ короновать Генриха, а король отвѣчалъ ему на это обыкновенною формулой: что онъ обѣщается передъ Богомъ и святымъ Апостоломъ Петромъ, съ Божьей помощью и по своему разумѣнію и силамъ, быть постояннымъ защитникомъ и покровителемъ римской церкви. Послѣ того двое кардиналовъ произнесли посреди церкви по молитвѣ, папа и король сѣли, и первый уже готовился совершить торжественный обрядъ, какъ вдругъ между ними возникъ сильный споръ, и начатая церемонія остановилась. Папа потребовалъ обезпеченія заключеннаго договора, но Генрихъ весьма благоразумно объяснилъ, что онъ не требуетъ отдѣленій церковныхъ имѣній отъ церковныхъ должностей, но, съ своей стороны, охотно обезпечитъ духовнымъ свободное обладаніе всѣмъ, чѣмъ они овладѣли до тѣхъ поръ. Когда же папа сталъ говорить объ уничтоженіи инвеституры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о возвращеніи принадлежавшихъ государству церковныхъ имѣній, онъ былъ прерванъ протестомъ епископовъ и свѣтскихъ вельможъ. Тогда Генрихъ объявилъ договоръ неисполнимымъ, потому что папа не можетъ получить на него согласія епископовъ, и потребовалъ, чтобы онъ короновалъ его независимо отъ условій, постановленныхъ въ договорѣ. Папа всячески старался уклониться отъ этого, но когда начались споры и совѣщанія, одинъ изъ свиты Генриха громко сказалъ: «къ чему тратить слова по пустому? нашъ государь хочетъ быть коронованнымъ!» Чтобы заставить папу исполнить это, Генрихъ велѣлъ захватить его и кардиналовъ, и такъ какъ они упорствовали вплоть до ночи, то отвести ихъ въ заключеніе. Но два кардинала ускользнули изъ рукъ нѣмцевъ и призвали римлянъ къ оружію. Ночью народъ сталъ нападать на всѣхъ нѣмцевъ, встрѣчавшихся ему по одиночкѣ, а на другое утро аттаковалъ королевское войско, расположившееся лагеремъ около церкви св. Петра, и обратилъ его въ бѣгство. Король былъ спасенъ только благороднымъ самопожертвованіемъ одного изъ князей. Поспѣшно вскочилъ полуодѣтый на лошадь, онъ поскакалъ по мраморнымъ ступенямъ церковнаго крыльца, но упалъ и могъ бы погибнуть, если бы миланскій графъ Оттонъ не уступилъ ему своей лошади и не отдался вмѣсто его врагамъ, которые, убивъ его, разорвали въ клочки его тѣло. Собравъ и ободривъ воиновъ, Генрихъ преслѣдовалъ римлянъ до замка св. Ангела и нанесъ имъ страшное пораженіе, но успѣлъ овладѣть только одной частью города. Римляне дали другъ другу торжественную клятву считать короля врагомъ, а всѣхъ, кто будетъ сражаться съ ними противъ нѣмцевъ, своими братьями. Генрихъ не могъ держаться противъ нихъ, и, оставивъ чрезъ три дня городъ, взялъ съ собой папу и почти всѣхъ кардиналовъ плѣнниками.

Послѣ того, опустошивъ окрестности города, онъ вступилъ въ переговоры съ противниками, но миръ былъ заключенъ только чрезъ два мѣсяца. Папа отказался въ пользу короля отъ инвеституры и обѣщалъ никогда не мстить за сдѣланное ему насиліе, не отлучать короля отъ церкви и короновать его по прежнему церемоніалу; вѣроятно, онъ тогда же позволилъ, на основаніи секретной

статьи договора, положить въ освященномъ мѣстѣ тѣло Генриха IV, все еще остававшееся непогребеннымъ. Взамѣнъ того, король освободилъ папу и другихъ плѣнниковъ и согласился просить у него прощенія, чтобы возстановить снова честь римской церкви. Исполненіе этого договора было подтверждено клятвою нѣмецкихъ князей и кардиналовъ: первые клялись за короля, а вторые за папу. Потомъ Генрихъ вступилъ для коронованія въ Римъ и тотчасъ послѣ этого обряда (13 апрѣля 1111 года) папа и императоръ, для подтвержденія заключеннаго договора, пріобщились смѣстѣ святыхъ тайнъ. Но, уходя изъ Рима, Генрихъ взялъ заложниковъ поруками въ томъ, что Пасхалисъ не наложитъ на него проклятія. Онъ возратился прямо въ Германію. Тотчасъ по его отъѣздѣ кардиналы, раздраженные дурнымъ обращеніемъ нѣмцевъ съ заложниками и многими другими обстоятельствами, энергически возстали противъ правъ, утвержденныхъ папою за императоромъ, и сдѣлали то, чего не хотѣлъ или не смѣлъ сдѣлать самъ папа. Не произнеся надъ Генрихомъ формальнаго отлученія, они объявили признанныя за нимъ права недѣйствительными, а на слѣдующій годъ, когда императоръ впутался въ Германіи въ новыя ссоры, архіепископъ Гвидо Вьеннскій торжественно отлучилъ его отъ церкви, соборѣ и папа одобрилъ дѣйствія Гвидо, объявивъ, что право инвеституры было признано за императоромъ только по принужденію. Впрочемъ; онъ утвердилъ отлученіе отъ церкви лишь въ общихъ выраженіяхъ и не прерывалъ своихъ отношеній къ Генриху.

Смуты, занявшія собою императора въ Германіи, начались снова съ Саксоніи. Въ 1106 году, со смертью герцога Магнуса прекратился домъ Биллунговъ, и Генрихъ отдалъ герцогство Саксонію графу Лотарю Суплинбургскому, который прославился впослѣдствіи, какъ германскій, императоръ. Соединившись съ маркграфомъ альтмаркскимъ, онъ напалъ на одного саксонскаго вельможу, захватилъ его въ плѣнъ и за то въ 1111 году, былъ лишенъ Генрихомъ своего герцогства, которое было отдано Оттону Балленштедскому, зятю послѣдняго Биллунга и родоначальнику агальтскаго дома. Поэтому Лотарь съ жадностью воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ отмстить императору. Пфальцграфъ рейнскій Зигфридъ, бывшій по женской линіи въ родствѣ съ графомъ Ульрихомъ Ваймарскимъ, предъявилъ, по прекращеніи этой фамиліи, притязанія на его наслѣдственныя владѣнія; но Генрихъ объявилъ наслѣдство Ульриха принадлежащимъ имперіи. Тогда Зигфридъ составилъ могущественный союзъ изъ саксонскихъ владѣльцевъ, къ которому присоединился и герцогъ Лотарь (1112 г.); но Генрихъ былъ сильнѣе заговорщиковъ: они были побѣждены частью имъ самимъ, частью храбрымъ его полководцемъ, графомъ Гойеромъ Мансфельдомъ. Зигфридъ лишился жизни, а нѣкоторые другіе князья были взяты въ плѣнъ. Но, употребивъ во зло побѣду, Генрихъ снова испортилъ все дѣло. Онъ страшно преслѣдовалъ побѣжденныхъ князей, велѣлъ бросить въ темницу и три года держалъ тамъ въ суровомъ заключеніи своего прежняго друга и канцлера, Альберта Саарбрюкскаго, который, будучи назначенъ Генрихомъ въ архіепископы майнцскіе, соединился съ его врагами. Не выпустивъ изъ плѣна захваченнаго имъ графа Випрехта Гройцшскаго, сынъ котораго, для освобожденія отца, сдалъ ему главный замокъ своей фамиліи, императоръ нажилъ себѣ съ молодомъ Випрехтѣ непримиримаго врага, превосходившаго Гойера хитростью и искусствомъ. Наконецъ отъ подвергнулъ несправедливому заключенію Лудвига, ландграфа тюрингскаго, который только что примирился съ нимъ и безъ всякихъ опасеній присутствовалъ на его свадьбѣ съ Матильдой, дочерью англійскаго короля Генриха I. Эти жестокости вызвали противъ Генриха тайный заговоръ. Когда императоръ, въ іюлѣ 1114 года, хотѣлъ отправиться въ Фрисландію, гдѣ присутствіе его было необходимо, заговоръ этотъ перешелъ къ открытое возмущеніе, быстро распространившееся по всей нижней Германіи. Чтобы придать дѣлу видъ законности, заговорщики воспользовались его натянутыми отношеніями къ папѣ, и, чтобы отвлечь отъ императора духовенство и народъ, кардиналъ и папскій легатъ, епископъ Пренесты, Коно или Конрадъ, нѣсколько разъ возобновлялъ противъ императора отлученіе отъ церкви. Сначала Генрихъ сражался съ возставшими на нижнемъ Рейнѣ, а потомъ перешелъ въ Саксонію; но, къ несчастію для него, Гонеръ фонъ Мансфельдъ, въ февралѣ 1115 года, не дожидаясь спѣшившихъ къ нему подкрѣпленій, вступилъ въ рѣшительную битву

съ молодымъ Випрехтомъ Гройцшскимъ, въ которой былъ разбитъ на голову и самъ лишился жизни. Вслѣдствіе этого, Генрихъ долженъ былъ отступить изъ Саксоніи и очутился бы въ такомъ же положеніи, какъ нѣкогда его отецъ при началѣ саксонской войны, если бы герцогъ Лотарь Саксонскій не былъ благоразумнѣе Оттона Нордгеймскаго и не отказался дѣйствовать противъ императора наступательно. Волненія въ имперіи продолжали усиливаться. Прибывшій въ Саксонію изъ Венгріи другой папскій легатъ, Дитрихъ, возбудилъ противъ императора все духовенство, а въ Майнцѣ, куда Генрихъ созвалъ имперскій сеймъ, горожане принудили его освободить ихъ епископа, Альберта Саарбрюккскаго. Получивъ свободу, Альбертъ, не смотря на только что данную имъ Генриху клятву, сталъ возбуждать всѣхъ противъ него и оставилъ въ Кельнѣ соборъ изъ враждебныхъ ему епископовъ. Вскорѣ никто изъ вліятельнаго духовенства не хотѣлъ служить для императора обѣдни; даже преданный ему до тѣхъ поръ епископъ Ерлунгъ Вюрцбургскій, посланный имъ въ Кельнъ и тамъ поддавшійся убѣжденіямъ его противниковъ, отказывался отъ этого и оставилъ дворъ, когда Генрихъ прибѣгнулъ къ угрозамъ. За это Генрихъ лишилъ его герцогскихъ правъ на восточную Франконію, принадлежавшихъ до тѣхъ поръ епископамъ вюрцбургскимъ. Сеймъ, предположенный въ Майнцѣ, не состоялся, потому что туда явились только немногіе имперскіе чины. Напрасны были и старанія герцога Вельфа V Баварскаго и епископа Гартвига Регенсбургскаго примирить враждовавшія партіи. Наконецъ императоръ прибѣгнулъ къ другому средству: онъ противопоставилъ союзу духовенства и саксонцевъ союзъ свѣтскихъ вассаловъ и швабовъ и, чтобы на время отдѣлаться отъ своихъ враговъ въ Германіи, рѣшился предпринять походъ въ Римъ. Передъ тѣмъ онъ отдалъ герцогство восточной Франконіи своему племяннику, К о н р а д у Гогенштауфену, братъ котораго, Фридрихъ, былъ уже герцогомъ швабскимъ. Эта мѣра, впервые придавши значеніе въ имперіи доблестной фамиліи Гогенштауфеновъ, обезпечила за императоромъ югъ Германіи, такъ какъ Вельфъ Баварскій былъ также преданъ ему. Фридрихъ Швабскій въ союзѣ со вновь назначеннымъ пфальцграфомъ Готтфридомъ фонъ Кальвомъ и тѣмъ охотнѣе дѣйствовалъ противъ рейнскихъ епископовъ, что въ предшествовавшемъ году въ Кельнѣ они отлучили его отъ церкви, вмѣстѣ съ Генрихомъ.

Императоръ явился въ Италіи весной 1116 года. Его призывали туда не только отношенія къ папѣ и церкви, но и смерть графини Матильды, умершей лѣтомъ предъидущаго года и завѣщавшей свои имѣнія римскому престолу. Генрихъ, какъ правнукъ ея двоюродной бабки, но еще болѣе какъ императоръ, имѣлъ притязанія на это наслѣдство и долженъ былъ предупредить папу. Ему тотчасъ же и безъ особеннаго сопротивленія удалось овладѣть этими землями и найти ревностныхъ защитниковъ императорскихъ правъ въ преподавателяхъ юстиніановскаго права (стр. 270), особенно въ знаменитомъ В е р н е р ѣ или И р н е р і у с ѣ Болонскомъ, который уже давно устроилъ всѣ юридическія отношенія во владѣніяхъ Матильды, соотвѣтственно принципамъ кодекса Юстиніана, и который вскорѣ послѣ того оказалъ Генриху въ Римѣ важныя услуги при избраніи папы, потому что юридическими тонкостями и формулами умѣлъ разстроивать всѣ козни римскихъ противниковъ императора. Изъ Тосканы, Генрихъ, весной 1117 года, отправился въ Римъ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ, по поводу назначенія префектовъ, папа совершенно разошелся съ народомъ, такъ что на нѣкоторое время долженъ былъ даже оставить городъ. Генрихъ нашелъ между римлянами довольно много приверженцевъ, и Пасхалисъ, при его приближеніи, оказался вынужденнымъ бѣжать въ Беневентъ. Прибывъ въ Римъ незадолго до Пасхи, императоръ хотѣлъ, по старинному обычаю, праздновать въ это время такъ называемый праздникъ короны. Средневѣковые короли имѣли обыкновеніе три раза въ годъ, на Пасху, на Духовъ день и на Рождество, собирать вокругъ себя придворныхъ и въ присутствіи ихъ съ извѣстными церемоніями, надѣвать на себя корону. Никто изъ находившихся тогда въ Римѣ кардиналовъ не соглашался надѣть корону на императора; одинъ только португальскій епископъ, М а в р и ц і й Б у р д и н ъ, остававшійся въ городѣ по порученію папы, изъявилъ готовность исполнилъ эту церемонію. Около Духова дня Генрихъ оставилъ городъ и отправился въ Верхнюю Италію, а Пасхалисъ тотчасъ вернулся въ Римъ и занялся приготовленіями къ войнѣ,

намѣреваясь выгнать противниковъ изъ занятыхъ ими частей города, но умеръ, не успѣвъ привести въ исполненіе этотъ планъ (январь 1118 г.).

Черезъ четыре дня, партія Пасхалиса выбрала папою, подъ именемъ Геласія II, папскаго канцлера Іоанна Гаэтскаго, какъ человѣка, который долженъ былъ продолжать борьбу съ императоромъ; уже при самомъ началѣ его постигла печальная участь. Едва выборы были кончены, какъ Ченчіо Франджипани, членъ изъ самыхъ знатныхъ римскихъ фамилій и принадлежавшій къ противной партіи, напалъ съ своими людьми на новоизбраннаго папу, заключилъ его въ оковы и даже подвергнулъ побоямъ. Правда, Геласій былъ немедленно освобожденъ своими приверженцами, но тогда передъ Римомъ совершенно неожиданно явился императоръ. Папа бѣжалъ и, чтобы достигнуть Гаэты, поспѣшно спустился внизъ по Тибру, въ лодкѣ. При устьѣ рѣки, преслѣдуемый нѣмцами, онъ подвергся большой опасности отъ страшной бури и только съ крайнимъ трудомъ могъ выйти на берегъ въ пустынномъ мѣстѣ, откуда кардиналъ Гуго Висконти на своихъ плечахъ перенесъ старика черезъ тибрскія болота въ Ардею; Геласій сѣлъ здѣсь на корабль и отправился въ Гаэту. Императоръ вступилъ съ нимъ въ переговоры, и при этомъ случаѣ мы видимъ, что уже въ то время, хотя еще не было и рѣчи о партіяхъ гвельфовъ и гибеллиновъ, ломбардскіе города держали сторону папы, надѣясь, съ его помощью, сохранить свою самостоятельность. Геласій предлагалъ Генриху предоставить рѣшеніе спора между государствомъ и церковью собору, но желалъ, чтобы соборъ этотъ былъ созванъ не въ Римѣ, а въ Миланѣ, или Кремонѣ. Такъ города эти и прежде не пускали къ себѣ Генриха, и онъ не имѣлъ тамъ никакого вліянія, то онъ отказался отъ предложенія папы. Но этимъ требованіемъ Геласій возстановилъ противъ себя римлянъ, и Генрихъ искусно воспользовался ихъ неудовольствіемъ. Съ помощью юриста Вернера, Генрихъ, 9 марта побудилъ духовенство и римскій народъ избрать папой того самого португальскаго епископа, который въ предшедствовавшемъ году, противъ воли Пасхалиса, взялся надѣть на него корону. Императоръ торжественно утвердилъ избраннаго папу, принявшаго имя Григорія VIII, былъ коронованъ имъ на Духовъ день и поспѣшилъ потомъ въ Германію, назначивъ свою жену намѣстницей имперіи въ Италіи. Геласій при помощи норманновъ вернулся впослѣдствіи въ Римъ, но долженъ былъ скрываться и, рѣшившись чрезъ нѣсколько времени совершить священнодѣйствіе, подвергся въ самой церкви нападенію со стороны Франджипани; его приверженцы были побѣждены въ кровопролитныхъ схваткахъ, продолжавшихся нѣсколько дней, а самъ онъ бѣжалъ изъ города, отправился черезъ Пизу во Францію, гдѣ и умеръ въ началѣ слѣдующаго года (1119 г.).

Между тѣмъ въ Германіи, гдѣ братья Гогенштауфены еще поддерживали равновѣсіе, въ отсутствіе императора начались страшные безпорядки. Враждебныя партіи варварски опустошали чужія владѣнія; повсюду образовались шайки разбойниковъ, которыя, пользуясь ссорами и анархіею, грабили страну; церкви во многихъ мѣстахъ совершенно опустѣли, а между духовенствомъ вспыхнули такіе страшные раздоры, что во многихъ мѣстностяхъ соборный капитулъ стоялъ за одну партію, а епископъ за другую. Самымъ дѣятельнымъ противникомъ императора былъ Альбертъ Майнцскій, употреблявшій всѣ усилія, чтобы придать дѣлу папы и своему собственному политическое значеніе и собиравшій по этому поводу сеймы въ Кельнѣ и Фрицларѣ. Въ Вюрцбургѣ былъ уже созванъ имперскій сеймъ, чтобы при содѣйствіи саксонцевъ осудить императора, какъ вдругъ явился въ Германію Генрихъ. Сначала онъ старался отмстить противникамъ страшными опустошеніями ихъ земель, но вскорѣ увидѣлъ, что ничего не въ состояніи сдѣлать противъ нихъ одной матеріальной силой, въ особенности, когда, по смерти Геласія II, бѣжавшіе съ нимъ кардиналы избрали папой, подъ именемъ Каликста II, архіепископа Гвидо Вьеннскаго, одного изъ самыхъ рѣшительныхъ поборниковъ системы Гильдебранда (1 февраля 1119 г.). Потому Генрихъ составилъ обширный планъ прекратить распри въ Германіи, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки, чтобы тѣмъ энергичнѣе выступить противъ папы. Съ этой цѣлью онъ собралъ сеймъ въ Трибурѣ и приготовилъ рѣшеніе въ свою пользу тѣмъ, что вступилъ въ частные переговоры съ членами сейма и, возвративъ каждому отнятыя у него владѣнія, потребовалъ отъ всѣхъ, чтобы они согласи-

лись оставить въ его рукахъ коронныя имѣнія и не говорить въ Трибурѣ о папскихъ дѣлахъ (сентябрь 1119 г.). Къ общему удивленію, одной изъ первыхъ мѣръ новаго папы была попытка примириться съ германскимъ королемъ. Онъ послалъ къ Генриху двухъ французскихъ духовныхъ, епископа шалонскаго и аббата Клюньи, чтобы условиться съ ними о возстановленіи мира и заключеніи конкордата. Первый изъ нихъ, встрѣтившись съ императоромъ въ Страсбургѣ, не только согласился на то, чтобы всѣ духовные, подвергшіеся изъ-за него преслѣдованіямъ, были по окончаніи спора снова возстановлены папой, но сдѣлалъ даже предложеніе, въ слѣдствіе котораго, по одной статьѣ конкордата, въ пользу императора были сохранены всѣ обязательства въ отношеніи къ свѣтскимъ дѣламъ, проистекавшія изъ прежней формы инвеституры. «Если ты дѣйствительно желаешь мира, — сказалъ онъ императору, — то долженъ совершенно отказаться отъ инвеституры епископовъ и аббатовъ. Но если ты хочешь убѣдиться, что это не повредитъ твоей королевской власти, то знай, что я, епископъ, во французскомъ королевствѣ, ни до моего посвященія, ни послѣ не получалъ отъ короля ни кольца, ни посоха, но, не смотря на то, вѣрно исполняю свои обязанности въ отношеніи къ королю, какъ по платежу податей, пошлинъ и по военной повинности, такъ и вообще по всему, что съ древнѣйшихъ временъ было даровано церкви королями; я исполняю ихъ точно такъ же, какъ служатъ тебѣ твои епископы, за инвеституру которыхъ ты поднялъ такую ссору и даже навлекъ на себя отлученіе отъ церкви.» — «Хорошо, отвѣчалъ король, пусть будетъ такъ. Я ничего болѣе не требую.» Какъ скоро церковь согласилась, императоръ и государство не могли упорствовать относительно уничтоженія пустой формальности. Объ этомъ составлена была письменная декларація, и легаты возвратились къ папѣ. Созванный въ Реймсѣ соборъ, на которомъ однако, кромѣ Альберта Майнцскаго и его партіи, присутствовали немногіе епископы, долженъ былъ подтвердить всѣ условія, но медлилъ изъ хитрости. Узнавъ о медленности дѣйствій собора, императоръ заставилъ герцога Вельфа, пфальцграфа Оттона и другихъ нѣмцевъ дать клятвенное обѣщаніе настаивать на условіяхъ, предложенныхъ въ Страсбургѣ, и помочь ему поддерживать ихъ. При извѣстіи объ этомъ, папа уступилъ и рѣшился, хотя неохотно, на свиданіе съ императоромъ, но послалъ впередъ двухъ кардиналовъ, чтобы исправить нѣкоторые неточные пункты страсбургскаго договора. Генрихъ не хотѣлъ допустить этого измѣненія въ текстѣ, потому что одна статья договора представляла ему отличную уловку въ сомнительныхъ случаяхъ; въ ней говорилось, что спорные пункты должны рѣшаться по церковному праву, если дѣло касается чисто духовныхъ предметовъ, и по свѣтскому въ дѣлахъ свѣтскихъ. Кромѣ того явились другія непредвидѣнныя затрудненія, какъ напримѣръ относительно того, какимъ образомъ должно быть снято съ императора отлученіе отъ церкви. Генрихъ постарался также убѣдить графа Труа, въ замокъ котораго отправился Каликстъ, задержать папу. Все это такъ напугало Каликста II, что онъ поспѣшно бѣжалъ оттуда и возвратился въ Реймсъ, гдѣ снова торжественно отлучилъ императора отъ церкви. Епископы и аббаты съ восковыми свѣчами въ рукахъ должны были встать съ своихъ мѣстъ, папа произнесъ проклятіе противъ Генриха, антипапы и ихъ приверженцевъ, и когда въ своемъ гнѣвѣ, слѣдуя воззрѣніямъ Гильдебранда на папское право, разрѣшилъ отъ присяги даже подданныхъ Генриха, всѣ присутствующіе громко повторили формулу проклятія и бросили свѣчи на полъ (октябрь 1119 г.).

Папа возлагалъ всѣ надежды на Альберта Майнцскаго и на саксонцевъ, которыхъ Альбертъ всячески старался склонить къ рѣшительной борьбѣ съ императоромъ; но Генрихъ не испугался этихъ приготовленій, хотя противъ него поднялась вся сѣверная Германія и даже нѣкоторые изъ его приверженцевъ на Рейнѣ. Имѣя на своей сторонѣ швабовъ, Франконію и Баварію, онъ оставилъ пока саксонцевъ и соединилъ всѣ силы на западѣ имперіи. Изгнавъ епископовъ изъ Вормса и Шпейера, онъ старался овладѣть Майнцемъ, чтобы господствовать надъ всѣмъ теченіемъ Рейна и такимъ образомъ отрѣзать папу отъ всякихъ сношеній съ Германіей, какъ онъ отдалилъ его отъ Италіи. Въ то время, когда онъ шелъ съ войскомъ противъ Майнца, Альбертъ съ саксонцами спѣшилъ на помощь угрожаемому городу. Оба войска стояли уже другъ противъ друга и Германія, повидимому, готова была погибнуть отъ своихъ собственныхъ силъ,

когда обѣ стороны вдругъ опомнились и рѣшились заключить миръ. Было предположено предоставить рѣшеніе спора суду двѣнадцати князей, выбранныхъ обѣими сторонами, и по прошествіи трехъ мѣсяцевъ объявить ихъ приговоръ на имперскомъ сеймѣ въ Вюрцбургѣ. Въ назначенное время обѣ стороны явились въ Вюрцбургъ, по обычаю того времени вооруженными, и расположились одна отъ другой на разстояніи дня пути (сентябрь 1121 г.). Послѣ совѣщаній, продолжавшихся цѣлую недѣлю, они согласились на слѣдующія условія: въ имперіи долженъ быть объявленъ всеобщій миръ и каждый нарушитель его наказывается смертью; всѣ королевскіе имѣнія и доходы должны остаться за королемъ, всѣ церковные за церковью; похищенная собственность возвращается ея прежнимъ владѣтелямъ, а воры и разбойники подвергаются строгому преслѣдованію; что касается до инвеституры, то все, относящееся къ Германіи, какъ къ государству, должно быть рѣшено большинствомъ голосовъ, на особенномъ имперскомъ сеймѣ, безъ согласія папы; для переговоровъ же объ остальномъ должно быть отправлено посольство къ папѣ и дѣло обсуждено на соборѣ, въ присутствіи пословъ. Въ 1120 году Каликстъ возвратился въ Римъ и, съ помощью норманновъ, захватилъ въ Сутри своего соперника, Григорія VIII, о которомъ императоръ очень мало заботился. Поступки Каликста съ Григоріемъ прекрасно характеризуютъ собою нравы того времени и тогдашія понятія о приличіи: Григорій былъ одѣтъ въ баранью шкуру, посаженъ задомъ на верблюда и въ такомъ видѣ привезенъ свитой папы въ Римъ и возимъ по всему городу на посмѣяніе черни. Потомъ Каликстъ заключилъ его въ темницу, гдѣ онъ и умеръ чрезъ нѣсколько лѣтъ, не признавъ своего противника. Оставшись единственнымъ обладателемъ папскаго престола, Каликстъ совершенно склонилъ на свою сторону и римскихъ горожанъ, но все-таки не рѣшался открыто противиться рѣшеніямъ нѣмцевъ. Не отвергая ихъ предложеній, онъ избралъ средній путь и поручилъ вести переговоры тремъ легатамъ, при посредничествѣ Альберта Майнцскаго; но Альбертъ отказался взять на себя это опасное порученіе и заставилъ ихъ уладить дѣло съ самимъ Генрихомъ и князьями въ Вормсѣ.

Возвративъ вормсскому епископу всѣ его владѣнія, Генрихъ отчасти удержалъ за собою только городъ Вормсъ; князья, собравшіеся туда для переговоровъ, были почти исключительно баварцы, франконцы и швабы, то есть друзья его; саксонцы же, по отдаленности своей родины, явились въ незначительномъ числѣ, или не рѣшились оставаться въ городѣ. При такихъ обстоятельствахъ, не видя никакой возможности доставить перевѣсъ воззрѣніямъ Гильдебранда, кардиналы старались спасти честь папы тѣмъ, что, не допуская называть инвеституру королевское право давать епископамъ знаки ленной зависимости, соглашались, чтобы и на будущее время избраніе епископовъ происходило въ присутствіи короля, слѣдовательно, подъ его вліяніемъ, чтобы въ случаѣ спора дѣло рѣшалъ не папа, а императоръ и епископы той діоцезы. Это показалось имъ однако столь опаснымъ, что, не смотря на свое полномочіе, они не рѣшались подписать договоръ, а отправились въ Римъ, чтобы сначала спросить согласія папы и кардиналовъ. Во время ихъ отсутствія, императоръ распорядился по своему. Онъ назначилъ одного еще очень молодого человѣка епископомъ вюрцбургскимъ только потому, что онъ былъ изъ хорошей фамиліи, хотя большинство канониковъ было противъ него и избрало законнымъ образомъ другаго епископа. Даже оба Гогенштауфена возстали противъ этого поступка императора, и съ оружіемъ въ рукахъ помогли епископу занять каѳедру. Императоръ излилъ свой гнѣвъ на Альберта Майнцскаго и уже осадилъ сильно укрѣпленный имъ Ашаффенбургъ, когда къ радости нѣмцевъ возвратились кардиналы съ подписаннымъ папою конкордатомъ. Обѣ граматы этого, такъ называемаго, **вормсскаго конкордата** были прочитаны и обмѣнены на открытомъ полѣ близъ Вормса въ присутствіи безчисленной толпы народа, собравшейся со всѣхъ концовъ Германіи (сентября 1122). Одна изъ граматъ была представлена папой, другая императоромъ и послѣднюю подписали архіепископы майнцскій и кельнскій, епископы бамбергскій, регенсбургскій, шпейерскій, аугсбургскій, утрехтскій и констанцскій, аббатъ фульдскій, герцоги Фридрихъ Швабскій и Генрихъ Баварскій и еще шесть другихъ князей. Когда договоръ былъ объявленъ и принятъ съ соблюденіемъ всѣхъ фор-

мальностей, одинъ изъ легатовъ совершилъ торжественное богослуженіе и снова принялъ императора и его приверженцевъ въ лоно церкви

Примирившись такимъ образомъ съ церковью безъ унизительныхъ церемоній, Генрихъ послѣ этой побѣды считалъ себя достаточно могущественнымъ для того, чтобы потребовать отъ германской націи того же, чего тесть его, Генрихъ I, требовалъ отъ англичанъ. Чтобы доставить коронѣ могущество и вліяніе, онъ хотѣлъ ввести всеобщую имперскую подать; но съ его вассалами было не такъ легко справиться, какъ съ англійскими. Столь же неудаченъ былъ и походъ, предпринятый имъ противъ короля французскаго, Людовика VI, въ отмщеніе за то, что король поддерживалъ противъ него двухъ послѣднихъ папъ. Нѣмцы явились на войну въ незначительномъ числѣ, и Генрихъ, едва дойдя до французской границы, долженъ былъ возвратиться назадъ вслѣдствіе возстанія въ Вормсѣ. Онъ умеръ въ 1125 году, не оставивъ послѣ себя ни дѣтей, ни другихъ родственниковъ мужескаго пола.

10. Образованность и литература до Гогенштауфеновъ.

А. Народный языкъ, образованность и поэзія.

I. Древнѣйшая поэзія и преданія на нѣмецкомъ языкѣ.

Соотвѣтственно цѣли нашего сочиненія, объ остаткахъ древней германской поэзіи мы будемъ говорить гораздо поверхностнѣе чѣмъ о памятникахъ романской поэзіи и языка (стр. 537). Процвѣтаніе нѣмецкой народной поэзіи и поэтическихъ воспроизведеній того, что могло еще уцѣлѣть отъ древнихъ нѣмецкихъ преданій, относится ко времени, когда во Франціи уже явилась новая романтическая поэзія; потому мы можемъ утверждать положительно, что она имѣла вліяніе на Германію, вслѣдствіе присоединенія къ имперіи Бургундіи, при Конрадѣ II, и что швабскіе поэты эпохи Гогенштауфеновъ заимствовали свои образцы изъ романской поэзіи. Изученіе остатковъ нѣмецкой поэзіи до XII столѣтія открываетъ обширное поприще для остроумія и догадокъ ученыхъ, но они не даютъ намъ возможности прослѣдить шагъ за шагомъ успѣхи образованности. Романская литература находилась въ совершенно другомъ положеніи, и ходъ ея развитія извѣстенъ намъ въ точности. Мы видимъ, по крайней мѣрѣ, какъ мало-по-малу развились различныя нарѣчія романскаго языка, и какъ возникло между пѣвцами соревнованіе. Мы видимъ, какъ постепенно каждая вѣтвь великой семьи народовъ романскаго племени получала свою національную литературу, которая, если и не была письменно, то, по крайней мѣрѣ, передавалась посредствомъ устнаго преданія.

До XII столѣтія нѣмцы предоставляли не только школьное образованіе, но и занятія поэзіею почти исключительно духовнымъ, писавшимъ свои стихи и прозу только по-латыни, потому что нѣмецкій языкъ считался языческимъ, а латинскій былъ языкомъ римскихъ императоровъ, преемниками которыхъ со временъ Карла Великаго хотѣли быть всѣ германскіе короли. Если бы мы писали для ученыхъ, то, конечно, упомянули бы о томъ, что сказалъ Гриммъ, съ своей нѣмецкой грамматикѣ, по поводу немногихъ сохранившихся до насъ отрывковъ древнѣйшей нѣмецкой литературы, на различныхъ нарѣчіяхъ нѣмецкаго языка, и разобрали бы это мнѣніе; но здѣсь мы не имѣемъ въ виду критиковъ, а для массы публики достаточно одного знакомства съ результатами ученыхъ изслѣдованій. Мы не рѣшаемся, какъ Гриммъ въ своей книгѣ, названной нѣмецкими лѣсами (alt-deutscheWälder), отыскивать въ древнѣшей эпохѣ слѣды нѣмецкой героической саги, какъ онъ ее называетъ, или какъ Гагенъ и Бюшенъ въ «Средневѣковыхъ сказаніяхъ», указывать остатки первобытныхъ нѣмецкихъ преданій въ скандинавской Эддѣ. Поэтому мы предоставляемъ читателямъ всемірной исторіи рѣшить самимъ, что можетъ быть принято за достовѣрное въ попыткахъ Геттлинга, Лейхтлена, Рюккерта и другихъ, которые старались отдѣлить въ пѣсни о Нибелунгахъ древнѣйшій текстъ поэмы отъ позднѣйшихъ вставокъ.

Примѣръ Іоганна Мюллера отбиваетъ у насъ всякую охоту повторять такого рода попытки. Этотъ человѣкъ, обладавшій чрезвычайно разнообразными талантами и знаніями и руководимый пламеннымъ желаніемъ славы, старался представить публикѣ самую привлекательную сторону среднихъ вѣковъ и пробовалъ толковать эту поэму чисто исторически, но впалъ при этомъ въ смѣшную мелочность и ребячества. Другіе были еще несчастнѣе. Но относительно Пѣсни о Нибелунгахъ, которую патріотическіе почитатели древне-нѣмецкой литературы сравниваютъ съ Иліадой Гомера, можно принять за несомнѣнное, что хотя въ своемъ настоящемъ видѣ она принадлежитъ временамъ миннезингеровъ, но главное содержаніе этой поэмы могло быть воспѣваемо еще въ пятомъ вѣкѣ тѣми пѣвцами, которые на пирахъ и праздникахъ германцевъ занимали мѣсто сѣверныхъ скальдовъ. Другія подобныя поэмы, какъ напримѣръ стихотвореніе о Гильдебрандѣ и Гадубрадѣ и романъ о Горнѣ и Ганлафѣ, принадлежатъ, по нашему мнѣнію, скорѣе англосаксской или древней британнской литературѣ, хотя въ музеѣ древняго германскаго искусства и сдѣланъ былъ неудачный опытъ отыскать во многихъ изъ древнихъ англійскихъ стихотвореній чисто нѣмецкій элементъ.

Къ числу остатковъ древнѣйшей нѣмецкой литературы принадлежатъ: упомянутое нами стихотвореніе о Гильдебрандѣ и Гадубрадѣ, Вейссенбруннская молитва, Евангеліе и пѣсни Отфрида, пѣснь Лудвига и пѣснь Анно. Судя по всему, что сдѣлано въ новѣйшее время для изученія древнегерманской литературы, мы можемъ сказать положительно, что эти литературные памятники имѣютъ значеніе, какъ образцы древняго языка, но не представляютъ ничего особенно интереснаго, какъ поэтическія произведенія. Поэтому хотя здѣсь мы и упоминаемъ о нихъ, но по многимъ причинамъ не будемъ останавливаться надъ ихъ разборомъ. Литература на нѣмецкомъ языкѣ, заслуживающая вниманія исторіи, является впервые при огенштауфенахъ; но объ ней мы будемъ говорить ниже.

2. Образованность у народовъ романскаго племени.

Германскія племена, завоевавшія себѣ новыя земли за Рейномъ или за Альпами, нашли у народовъ завоеванныхъ странъ цивилизацію, бывшую въ неразрывной связи съ языкомъ, совершенно чуждымъ для нихъ самихъ; потому вмѣстѣ съ цивилизаціей они приняли и языкъ побѣжденныхъ, но при этомъ измѣнили его настолько, насколько было необходимо для ихъ потребностей. Такимъ образомъ во Франціи, Испаніи и Италіи изъ смѣси латинскаго языка съ германскими элементами образовались, такъ называемые, романскіе языки. Преобразованіе латинскаго языка германскими племенами было однако различно не только въ этихъ трехъ странахъ вообще, но и въ каждой отдѣльной мѣстности: скорѣе образовалось нѣсколько языковъ и въ каждомъ изъ нихъ нѣсколько разныхъ нарѣчій. При этомъ между вельможами еще долго оставался въ употребленіи нѣмецкій языкъ. Для исторіи романскаго языка и его нарѣчій во Франціи въ особенности замѣчательна клятва, произнесенная сыновьями Людовика Благочестиваго, когда они наконецъ по требованію народа заключили миръ, и каждый, какъ представитель жителей своей области, произнесъ клятву на ихъ языкѣ (стр 464). Клятвы эти были критически исправлены и разобраны этимологически и грамматически, нѣмецкая — Гриммомъ, а обѣ романскія, Рокфоромъ.

Уже въ IX столѣтіи новый національный языкъ всей югозападной и сѣверной Франціи такъ развился и отдалился отъ латинскаго языка, вошедшаго при римлянахъ въ общее употребленіе въ Галліи, что тогда уже считали необходимымъ перевести на него вульгату, или латинскій текстъ библіи, который считался въ западной церкви оригинальнымъ. Вопросъ о переводѣ библіи поднятъ былъ въ первый разъ въ 813 году на турскомъ соборѣ, потомъ на соборѣ въ Майнцѣ (847 г.), на третьемъ соборѣ въ Арлѣ, въ 851 году, и еще на нѣсколькихъ другихъ. Прежде чѣмъ этотъ языкъ разбился на различныя нарѣчія и имъ воспользовались различнымъ образомъ безчисленные народные поэты, въ своихъ рыцарскихъ, насмѣшливыхъ и забавныхъ пѣсняхъ и разсказахъ, или въ пламенныхъ пѣсняхъ любви, духовные писатели уже употребляли его для поученія

народа. Двумя древнѣйшими памятниками французско-романскаго языка послѣдующей эпохи считаются: относимый къ IX столѣтію переводъ одного стихотворенія о Боэтіѣ и очень важное, во многихъ отношеніяхъ, стихотвореніе вальденсовъ, которыхъ впослѣдствіи, какъ опасныхъ еретиковъ, преслѣдовали и истребляли съ такой страшной жестокостью. Ренуаръ, историкъ трубадуровъ или провансальскихъ поэтовъ, совершенно основательно обратилъ вниманіе на это послѣднее стихотвореніе. Изученіе даже этихъ немногихъ литературныхъ остатковъ приводитъ насъ къ заключенію, которое подтверждается какъ всею исторіею позднѣйшей южно-французской поэзіи до ея распространенія въ Италіи, такъ и исторіею различныхъ ересей до Дульцина и войны, которую Симонъ де-Монфоръ долженъ былъ вести во имя папы съ альбигойцами. Дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что въ то время, какъ въ Германіи господствовалъ въ народѣ папизмъ и обряды считались религіею, — въ странахъ, гдѣ теперь господствуетъ слѣпое суевѣріе или всеразрушающее невѣріе, было разпространено библейское ученіе и религіозный энтузіазмъ. Это сдѣлается для насъ еще очевиднѣе при ближайшемъ знакомствѣ съ другими памятниками, которые приводятся изслѣдователями какъ древнѣйшіе остатки изъ эпохи образованія французскаго языка. Одинъ перечень ихъ покажетъ намъ, что духовенство южной Франціи ревностно старалось противодѣйствовать свѣтской поэзіи и ложнымъ примѣненіямъ библейскаго ученія, пользуясь для этого библейской поэзіей и вѣрнымъ переложеніемъ историческихъ книгъ св. писанія. Въ библіотекахъ уже съ XI вѣка встрѣчаются переводы книгъ Самуила и книги Царствъ, или четырехъ книгъ царствъ, какъ онѣ называются въ вульгатѣ. Эти памятники служатъ для насъ подтвержденіемъ того, что духовенство, посредствомъ библейской поэзіи, старалось противодѣйствовать поэзіи свѣтскихъ пѣвцовъ; переводчики съ удивительнымъ тактомъ употребляли то прозу, то стихи, смотря по характеру содержащихся въ этихъ книгахъ разсказовъ. Въ эту эпоху вѣчныхъ войнъ, книги Маккавеевъ были тоже переведены на народный языкъ, какъ героическія сказанія. Всѣ рукописные памятники романской литературы XI и XII столѣтій болѣе или менѣе доказываютъ, что о религіозномъ и нравственномъ просвѣщеніи народа въ южной Франціи заботились тогда гораздо болѣе, чѣмъ теперь, когда въ странахъ, обитаемыхъ романскимъ племенемъ, господствуетъ только механическое исполненіе церковныхъ обрядовъ и ханжество. Въ библіотекахъ встрѣчаются также списки комментарія на псалмы и, кромѣ перевода разсказовъ Григорія Великаго, которыми пользовались вообще для поученія варваровъ (стр. 530), попадаются опыты проповѣдей на народномъ языкѣ. Переводили также житія святыхъ и книги по части естествознанія. Даже св. Бернаръ, жившій въ XII столѣтіи и пользовавшійся нѣкоторое время бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ папа, обязанъ былъ извѣстностью въ особенности своимъ стихотвореніямъ и проповѣдямъ на народномъ языкѣ, исполненнымъ воодушевленія и поэзіи.

Еще прежде, чѣмъ чисто романтическая поэзія достигла (во время крестовыхъ походовъ) такого полнаго и многосторонняго развитія во всѣхъ нарѣчіяхъ, на народномъ языкѣ сочинялись уже священные гимны и пѣсни для религіозныхъ процессій, всевозможныхъ праздниковъ и торжественныхъ случаевъ, а колкія сатирическія стихотворенія переходили изъ устъ въ уста и казались страшнѣе, чѣмъ оружіе самыхъ страшныхъ рыцарей. Въ южной и западной Франціи не только существовалъ, какъ во времена Гомера (т. I. стр. 162), родъ рансодовъ, которые воспѣвали въ блестящихъ собраніяхъ геройскіе подвиги или жизнь разныхъ рыцарей, но происходили вмѣстѣ съ военными турнирами и настоящіе турниры поэзіи. На тѣхъ и другихъ награды раздавались дамами. Оттого къ дамамъ питали почти религіозное уваженіе, и на ряду съ чувственной любовью, столь развитой, какъ извѣстно, въ южныхъ странахъ, прославлялась духовная и совершенно чистая любовь, дѣлавшая красавицу, недоступную для поэта въ земныхъ отношеніяхъ, какимъ-то небеснымъ существомъ. Когда впослѣдствіи въ школахъ стала преподаваться мистика св. Бернара и идеальная философія св. Бонавентуры, вмѣстѣ съ ними начала еще болѣе развиваться и поэзія юга. Поэзія провансальцевъ и поэтовъ Лимузена вдохновляла Петрарку и Данте, когда они совершенно такъ же идеализировали и обоготворяли Лауру и Беатриче, какъ поэты XI столѣтія воспѣвали Мадонну. Всѣ поэты, отъ графа Аквитаніи и Пуату, Вильгельма, IX

жившаго около 1070 года и бывшаго однимъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ трубадуровъ, до Арнальдо Даніеле, воспѣвали обыкновенно любовь и рыцарство (amore e cortesia), и потому вся рыцарская поэзія эпохи крестовыхъ походовъ находится въ связи съ такъ называемыми Cours d' amour, или с у д а м и л ю б в и. Въ существованіи этихъ странныхъ трибуналовъ часто сомнѣвались, вслѣдствіе ихъ оригинальности, но лучшіе знатоки средневѣковой поэзіи, Ренуаръ и Форіель, разсѣяли всѣ сомнѣнія. Поэтому мы должны упомянуть о судахъ любви, хотя о романской и нѣмецкой рыцарской поэзіи во всемъ ея объемѣ будемъ говорить лишь въ концѣ крестовыхъ походовъ, коснувшись здѣсь только ея начала. Замѣчательнѣйшій писатель, упоминающій о судахъ любви, говоритъ, что правила или законы, по которымъ они судили, были изобрѣтены однимъ бретонскимъ рыцаремъ во времена короля Артура; но его выраженія ясно доказываютъ, что эти трибуналы и ихъ законы дѣйствительно существовали задолго до эпохи этого короля. Изъ сочиненій позднѣйшихъ историковъ трубадуровъ, конечно, не отличающихся тонкою критикой, видно, что суды любви состояли изъ знатнѣйшихъ дамъ, рыцарей и сеньоровъ, которые рѣшали предложенные имъ въ стихотворной формѣ спорные вопросы относительно рыцарства, любви и служенія дамамъ. На этихъ судахъ часто собиралось многочисленное общество. Всего чаще, рѣшенія гасконскихъ дамъ и приговоры, произведенные подъ предсѣдательствомъ виконтессы Эрменгарды Нарбоннской, королевы французской Элеоноры и графини шампанской и фландрской, въ срединѣ XI столѣтія, упоминаются съ положительнымъ и буквальнымъ указаніемъ самыхъ постановленій. Почти въ тоже время этотъ родъ поэзіи перешелъ въ сѣверную Францію. Начало развитія общественной жизни при дворахъ сѣверныхъ провинцій и процвѣтаніе всѣхъ родовъ литературы, выходящихъ изъ круга школьнаго образованія, французы всегда ставятъ въ связи съ исторіею знатныхъ дамъ. Они утверждаютъ, что бракъ ихъ короля Роберта I съ Констанціей, дочерью Вильгельма I Аквитанскаго, смягчилъ грубые нравы вельможъ сѣверной Франціи, т. е. владѣтелей, земли которыхъ лежали на сѣверъ отъ Луары, и что съ тѣхъ поръ примѣръ двора сталъ оказывать благодѣтельное вліяніе на распространеніе болѣе утонченныхъ нравовъ и открылъ доступъ на сѣверъ вѣжливымъ и изящнымъ манерамъ южныхъ провинцій. Когда Лудовикъ VII, около 1137 года, женился на Элеонорѣ, внукѣ знаменитаго трубадура Вильгельма IX Аквитанскаго, вмѣстѣ съ нею явились толпы пѣвцовъ любви и рыцарства, и съ тѣхъ поръ суды любви вошли въ употребленіе въ Нормандіи, Иль-де-Франсѣ, Фландріи и Шампани. Всѣ трубадуры воспѣвали Элеонору, а одинъ изъ знаменитѣйшихъ пѣвцовъ рыцарства, Бернаръ де Вантадуръ, посвящалъ преимущественно ей свои стихотворенія и свою преданность и обоготворялъ ее въ стихахъ даже послѣ того, какъ Лудовикъ, находя ее слишкомъ эманципированною, развелся съ ней, и она сдѣлалась женой англійскаго короля Генриха II.

Законы, по которымъ составлялись рѣшенія судовъ любви, многіе приговоры ихъ и основанное на нихъ право любви и поэзіи, а также имена дамъ и рыцарей, оказавшихъ особенныя заслуги этому искусству, и свѣдѣнія о составѣ судовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно важныхъ для тогдашней поэзіи и служенія любви, сохранены для насъ королевскимъ капелланомъ Андре въ книгѣ, подъ заглавіемъ: «Искусство любить и о противодѣйствіи любви (L'art d'aimer et de la réprobation de l'amour)». Онъ жилъ, какъ говорятъ, около 1170 года, что кажется намъ вѣроятнымъ, потому что въ этомъ согласны между собою основательный ученый Фабрицій и ученые бенедиктинцы, составившіе: «L'art de vérifier les dates»; историку же трубадуровъ, Ренуару, мы не довѣряемъ въ спорныхъ хронологическихъ вопросахъ. Предположивъ, что капелланъ Андре жилъ въ XII столѣтіи и имѣлъ основаніе ссылаться на приговоры предшествовавшаго столѣтія, мы, вмѣстѣ съ Ренуаромъ, относимъ появленіе этихъ трибуналовъ къ XI вѣку; быть можетъ, они существовали и ранѣе, но, во всякомъ случаѣ, существованіе этого учрежденія въ XII столѣтіи несомнѣнно. Изрѣченія судовъ любви Андре приводитъ для тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые хотѣли изучать законы чистой и цѣломудренной любви и старались противиться любви незаконной. Онъ поступаетъ при этомъ совершенно такъ же, какъ должны были поступать юристы его времени въ другихъ спорныхъ вопросахъ. Имъ нужно было

прежде всего знать первобытное право или обычай, а потомъ искать объясненій, приложеній, ограниченій или распространеній его въ приговорахъ свѣдущихъ судей. Первобытные законы любви и рыцарства Андре находитъ у древнѣйшаго рыцарства и его короля, т. е. у Артура и рыцарей Круглаго Стола (стр. 274); различныя его приложенія, смотря по племенамъ, странамъ и эпохамъ, онъ отыскиваетъ въ приговорахъ дамъ и рыцарей, рѣшавшихъ въ судахъ вопросы любви и служенія дамамъ, и у ихъ адвокатовъ — поэтовъ. Случалось также, что двое или болѣе трубадуровъ выступали другъ противъ друга, защищали въ особенныхъ стихотвореніяхъ, называвшихся тансонами, различные спорные пункты въ своемъ искусствѣ, толкуя ихъ различнымъ образомъ, и затѣмъ предоставляли дѣло на приговоръ суда. Это служило предметомъ ко многимъ праздникамъ и торжествамъ, и пѣсни трубадуровъ, труверовъ и другихъ пѣвцовъ разнаго рода до жонглеровъ, были названы совершенно основательно веселымъ искусствомъ (gaya ciencia).

Эта поэзія распространилась вскорѣ по всѣмъ замкамъ и бургамъ Франціи; ею занимались рыцари и дамы, и даже были люди, сдѣлавшіе изъ нея ремесло. Но такъ какъ различные роды ея возникли только мало-по-малу, то мы и откладываемъ перечисленіе ихъ до слѣдующей эпохи. Тогда мы назовемъ и нѣкоторыхъ изъ значительнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ французскаго рыцарства, а здѣсь только замѣтимъ, до какой степени была пробуждена народной пѣснью умственная жизнь на всемъ пространствѣ нынѣшней Франціи, къ которой мы причисляемъ еще Фландрію, и какимъ образомъ развитіе поэзіи на столькихъ соперничествовавшихъ другъ съ другомъ нарѣчіяхъ способствовало распространенію и обобщенію образованія. Въ то время, какъ въ Германіи только поперемѣнно то на одномъ, то на другомъ нарѣчіи являлось что-нибудь замѣчательное, и притомъ, уже гораздо позднѣе, вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, — во Франціи пѣвцы странствовали по всему государству съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ и обратно, распѣвая каждый на своемъ родномъ нарѣчіи, а роскошные турниры, свадьбы и другіе многолюдные праздники рыцарей часто соединяли въ одномъ мѣстѣ всѣхъ пѣвцовъ различныхъ нарѣчій.

Мы бы удалились отъ цѣли, если бы стали перечислять разнородныя нарѣчія романскаго языка, на которыхъ уже въ XI и XII столѣтіяхъ появляются особенные роды стихотвореній. Эти различныя нарѣчія указаны Рокфоромъ въ введеніи къ его словарю романскаго языка. Здѣсь мы представимъ только географическій и этнографическій обзоръ его изслѣдованій. Мы считаемъ всего семь нарѣчій романскаго языка, которыми пользовались писатели. Изъ нихъ, сѣверной Франціи принадлежали нарѣчія пикардское, валлонское, нормандское и парижское; нарѣчіе бургонское (bourguignon) было посредствующимъ между южнымъ и сѣвернымъ діалектами, а гасконское и провансальское, въ разныхъ смѣшеніяхъ и оттѣнкахъ, употреблялись въ провинціяхъ Лангедокѣ, Дофинэ и Бордо. Два послѣднія нарѣчія были распространены всего болѣе, на нихъ писали самые лучшіе поэты, и они удержались долѣе всѣхъ; поэтому, говоря о рыцарской поэзіи, на ряду съ каталонской называютъ преимущественно поэзію лимузенскую и провансальскую.

Б. Школьное образованіе или успѣхи отраслей человѣческаго званія, обработывавшихся на латискомъ языкѣ.

1. Школы, науки и философія до конца XII столѣтія.

Такъ какъ философія среднихъ вѣковъ исключительно принадлежитъ къ области школьной учености и богословія, то мы не упомянули бы объ ея успѣхахъ въ этомъ періодѣ, если бы умозрѣнія тогдашнихъ ученыхъ школъ, кажущіяся столь пустыми и безполезными для нашего времени, не придавали внутренней силы и прочности жизни и наукѣ той эпохи клерикальнаго господства. Наклонность къ внутреннему созерцанію и чисто умственной дѣятельности была плодомъ постоянныхъ діалектическихъ упражненій (т. I стр. 343) и философскихъ споровъ,

которыми занималось безчисленное множество философствующаго духовенства. Правда, отвлеченныя умствованія всегда вредны для практической жизни, отнимая у нея много духовныхъ силъ и лучшія головы и притупляя способности многихъ тысячъ людей; но въ средніе вѣка про нихъ можно сказать тоже самое, что и про суровое воспитаніе и трудныя упражненія рыцарства, или въ новѣйшее время про учебныя заведенія Англіи и тѣ нѣмецкія школы, изъ которыхъ вышли Клопштокъ, Лессингъ и другіе способные люди: большинство погибало и не принималось въ разсчетъ, но за то немногіе, выдерживавшіе это воспитаніе, были способны совершать невѣроятное. Въ другомъ отношеніи, конечно, имѣло дурныя послѣдствія и то, что всѣ школы были устроены на монастырскихъ началахъ, что всѣ мыслящіе люди того времени подпадали вліянію духовенства, и что каждый монастырь и даже, какъ видно изъ исторіи Абеляра, одинокія пустыни, — если только въ нихъ находился способный человѣкъ, — могли превращаться въ учебныя заведенія, въ которыя, за недостаткомъ книгъ, стекались сотни людей самаго зрѣлаго возраста. Все это давало духовенству такое же вліяніе на народное обученіе, какимъ оно пользовалось въ дѣлахъ религіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было и духовнымъ противодѣйствіемъ господствовавшему тогда кулачному праву.

Относительно философскихъ стремленій, мы уже говорили въ концѣ предыдущаго періода (стр. 540) о попыткахъ примирить человѣческій разумъ съ требованіями слѣпой вѣры и критическое изслѣдованіе съ преданіями и догматами, и показали (стр. 539), что начало такъ называемой, схоластической философіи, пытавшейся вывести догматическое ученіе христіанства изъ самого существа человѣческаго разума и основать все человѣческое знаніе на соединеніи понятій и на выводахъ, — слѣдуетъ искать въ школахъ и произведеніяхъ позднѣйшей эпохи римскихъ императоровъ и остготскаго королевства. Въ этомъ періодѣ, т. е. въ періодѣ отъ начала XI вѣка до начала XIII, мы должны прослѣдить происхожденіе особенной философіи. Основаніе новой наукѣ положили Іоаннъ Эригена и другіе, а Гербертъ или Сильвестръ II, обучавшійся въ Испаніи, училъ и писалъ уже совершенно въ духѣ позднѣйшихъ схоластиковъ (стр. 543 и 544). Чрезъ Герберта и непосредственно послѣ него европейцы познакомились съ изслѣдованіями аравитянъ объ Аристотелѣ. Этому содѣйствовали и ученые евреи въ Испаніи и Франціи, языкъ которыхъ принадлежитъ къ одной семьѣ съ арабскимъ и которые имѣли тогда цвѣтущія высшія учебныя заведенія на всемъ пространствѣ отъ Толедо до Меца и во всей южной Франціи, но въ особенности въ Тулузѣ и Мецѣ. Чрезъ нихъ Западъ познакомился съ сочиненіями Аристотеля, переведенными съ арабскаго на дурной латинскій языкъ, и съ упомянутыми нами прежде (стр. 358) знаменитыми арабскими толкователями Аристотеля, которые продолжали развивать воззрѣнія этого греческаго философа, распространивъ ихъ на опытныя науки. Благодаря усиліямъ Герберта, а отчасти и послѣ него, философія получила непосредственное вліяніе на всѣ искусства и естественныя науки, на сколько послѣднія служили вспомогательнымъ средствомъ для ремеслъ и потребностей жизни; уже по одному этому даже для тѣхъ, кто не заботится о самой наукѣ, можетъ быть любопытно знать по крайней мѣрѣ имена людей, трудившихся для нея въ это мрачное время господства монаховъ. Но есть и другое болѣе важное основаніе, чтобы прослѣдить по возможности и въ этомъ періодѣ ходъ философскаго развитія среднихъ вѣковъ, не углубляясь въ его духъ и не употребляя техническихъ выраженій и терминовъ, необходимыхъ для науки и школы, но непонятныхъ внѣ ихъ. Это основаніе заключается въ томъ, что упомянутая нами прежде поэзія заимствовала свой лучшій и чистѣйшій элементъ изъ философіи, господствовавшей въ ту эпоху. Намъ не трудно было бы доказать тѣсную связь между Абеляромъ и Данте и между Данте и Руссо, который зналъ Абеляра только по безцвѣтнымъ копіямъ, перешедшимъ черезъ нѣсколько рукъ; но во всемъ этомъ нѣтъ надобности. Стремленіе дать духовное, отвлеченное значеніе любви и рыцарству, величественный и блистательный мистицизмъ поэтовъ Каталоніи, Прованса и всѣхъ романскихъ странъ вообще, а слѣдовательно и мистика Гвидо Гвиничелли и Данте, обязаны своимъ развитіемъ схоластической философіи. Третье основаніе, заставляющее насъ назвать имена нѣсколькихъ философовъ и коснуться нѣкоторыхъ пунктовъ распространеннаго ими ученія, заключается въ

томъ, что для человѣка, который не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ философскихъ изслѣдованіяхъ и не хочетъ знать исторіи среднихъ вѣковъ, необходимо имѣть, по крайней мѣрѣ, поверхностныя свѣдѣнія о спорѣ такъ называемыхъ номиналистовъ и реалистовъ, начавшемся въ эту эпоху и продолжавшемся въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Мы уже замѣтили (стр. 543), что въ предшествующемъ періодѣ при Оттонахъ, Гербертъ или Сильвестръ II придалъ новую энергію не только философіи, но и всей западной наукѣ вообще; здѣсь мы только прибавимъ, что вслѣдъ за нимъ пріобрѣли наибольшую извѣстность четыре обширныя учебныя заведенія, привлекавшія къ себѣ учениковъ со всѣхъ концовъ Европы. Эти высшія учебныя заведенія находились въ Павіи, Авраншѣ, Пуатье и въ монастырѣ Бекъ, въ Нормандіи. Школѣ въ Бекѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ образованію цѣлой Европы оказали безсмертныя услуги два человѣка: Ланфранкъ и Ансельмъ Кентербёрійскій, изъ которыхъ одинъ занимался преимущественно богословіей и древнимъ римскимъ правомъ, а другой былъ глубокимъ мыслителемъ и признается такимъ даже философами нашего времени. Оба они были итальянцы: Ланфранкъ родился въ 1005 году въ Павіи, а Ансельмъ въ 1035 году въ піемонтскомъ городѣ Аостѣ. Они находились въ такихъ отношеніяхъ другъ къ другу, что одинъ всегда помогалъ другому тамъ, гдѣ тотъ былъ слабѣе, и Ансельмъ, наслѣдовавъ Ланфранку въ высшихъ духовныхъ должностяхъ, довершилъ то, что оставилъ неоконченнымъ его предшественникъ. Ланфранкъ получилъ образованіе въ Болоньѣ, гдѣ тогда снова стали объяснять на варварскомъ латинскомъ языкѣ римское право, такъ какъ обычное право германцевъ было уже недостаточно для новыхъ общественныхъ отношеній народовъ, занявшихъ провинціи римской имперіи, а древнее римское право никогда не исчезало совершенно въ Италіи и составляло основу, какъ вводимаго мало-по-малу папскаго законодательства, такъ и притязаній норманнскихъ судовъ на обоихъ берегахъ Ламанша. Потому мы предполагаемъ, что Ланфранкъ отправился въ Нормандію и вступилъ въ бенедиктинскій орденъ для того, чтобы преподаваніемъ римскаго права придать новый блескъ школѣ монастыря Бекъ. По крайней мѣрѣ, намъ достовѣрно извѣстно, что дѣйствительно онъ пріобрѣлъ тамъ громкую извѣстность, и что въ Бекъ являлись слушатели даже изъ Италіи. Судьба привела въ Бекъ и піемонтца Ансельма, который поступилъ въ эту монастырскую общину около 1062 года и, когда Ланфранкъ сдѣлался аббатомъ въ Канѣ, наслѣдовалъ ему въ званіи пріора этого монастыря. Когда впослѣдствіи Вильгельмъ Завоеватель, завладѣвъ Англіей, сдѣлалъ Ланфранка архіепископомъ кентербёрійскимъ, Ансельмъ, занимавшій предъ тѣмъ мѣсто аббата въ Бекѣ, наслѣдовалъ ему и въ этомъ достоинствѣ. Ревность ихъ къ наукѣ и обученію, собиранію и размноженію книгъ заслуживаетъ особенныхъ похвалъ, потому что въ то время шестьдесятъ пять книгъ считались замѣчательною библіотекою, и собраніе въ двѣсти томовъ было величайшей рѣдкостью. Богословская ревность Ансельма противъ тѣхъ, кто противопоставлялъ его началамъ другія, не всегда отличались умѣренностью и справедливостью; это обнаружилось, когда вспыхнулъ споръ о реализмѣ и номинализмѣ. Для людей, которые судятъ о вещахъ слегка, споръ реалистовъ и номиналистовъ покажется неимѣющимъ значенія, какъ пустыя пренія о логическихъ тонкостяхъ; но, вглядѣвшись въ это дѣло, всякій будетъ судить о немъ иначе, вспомнивъ, что въ то время, когда все остальное человѣчество жило вооруженнымъ, или находилось подъ тяжелымъ гнетомъ, лишь небольшой кружокъ людей, образовавшійся въ философской борьбѣ, заботился объ изслѣдованіи научныхъ правилъ и законовъ, объ управленіи и руководствѣ людьми; онъ пойметъ тогда, какимъ образомъ споръ объ отношеніи предметовъ къ человѣческимъ понятіямъ о нихъ могъ повести къ кровавымъ столкновеніямъ между сотнями сильныхъ людей, посѣщавшихъ тогдашнія немногочисленныя школы. Споръ шелъ о томъ, слѣдуетъ ли предполагать вмѣстѣ съ Платономъ, что идеи предшествуютъ вещамъ и составляютъ ихъ сущность, или, другими словами, что идея вещей, а слѣдовательно, и сущность всего внѣшняго міра заключается искони въ самомъ божествѣ, и что поэтому не слѣдуетъ ли приписывать бытіе только идеѣ и не одно ли внѣшнее его проявленіе доступно человѣку. Въ этомъ смыслѣ училъ сначала и Ансельмъ, пока не перешелъ ко взглядамъ Аристотеля. Аристотель, а вмѣстѣ съ нимъ и позднѣйшая схоласти-

ческая школа, по примѣру Ансельма, утверждали, что вещи и понятія объ нихъ существуютъ вмѣстѣ и неотдѣлимы одно отъ другаго. Этотъ взглядъ и есть то, что называется реализмомъ. Напротивъ, греческій философъ Зенонъ (стр. 66) училъ, что нашъ разумъ составляетъ идею о вещахъ только изъ самихъ вещей и образуетъ ее только изъ внѣшнихъ ощущеній, которыя должны предшествовать понятіямъ. Это послѣднее мнѣніе, которое и въ новѣйшее время защищалъ Локкъ противъ Лейбница, получило названіе номинализма. Понятно, что если проводить это ученіе послѣдовательно (чего, конечно, не было и не могло быть въ средніе вѣка), то все человѣческое знаніе сдѣлается однимъ отвлеченіемъ и все искусство схоластики, превращавшей или, какъ мы говоримъ, конструировавшей въ понятія весь міръ и его порядокъ, душу и ея свойства, падаетъ, какъ несостоятельное. Это искусство построенія идей, составляющее основу всей средневѣковой схоластики, Ансельмъ Кентерберійскій довелъ до совершенства съ такой энергіей духа, осторожностью и неутомимымъ напряженіемъ глубокаго мышленія, что мы должны причислить его къ величайшимъ людямъ всѣхъ вѣковъ, какого бы мнѣнія ни держались о результатѣ его стремленій. Мы должны сознаться, что онъ, подобно величайшимъ поэтамъ, можетъ служить примѣромъ, какимъ образомъ божество удѣляетъ слабому человѣку часть своей творческой силы. Потому неудивительно, что Ансельмъ, съ поразительнымъ остроуміемъ сводившій всю теологію къ понятію о Троицѣ, съ такой безграничной запальчивостью выступалъ въ своемъ сочиненіи о Троицѣ противъ номиналистовъ, и что послѣдніе, а особенно ихъ знаменитѣйшіе представители, подвергались жестокимъ гоненіямъ. Чтобы понять эту ярость противъ неистребимыхъ однако номиналистовъ и ихъ ученія, надобно вспомнить, что номинализмъ, собственно говоря, лежалъ также и въ основѣ ученія проклинаемыхъ повсюду французскихъ философовъ XVIII столѣтія. Творцемъ номинализма считается обыкновенно монахъ Росцелинъ, который мужественно и энергически велъ споръ съ Ансельмомъ, подвергаясь за то всякаго рода преслѣдованіямъ; онъ былъ однако, не первый, возставшій научнымъ путемъ противъ реализма и основанной на немъ схоластики. Родоначальникомъ ученія, столь ненавистнаго для Ансельма, называютъ Іоанна Софиста или Іоанна Франка, а Росцелина изъ Компьеня считаютъ его лучшимъ ученикомъ. Впрочемъ, объ нихъ обоихъ почти ничего неизвѣстно; противникамъ удалось истребить всѣ сочиненія Росцелина, такъ что мы знакомимся съ его ученіемъ только изъ сочиненій его противниковъ. Даже существованіе Іоанна Софиста считалось одно время сомнительнымъ; извѣстно однако, что Росцелинъ, основавшій одну философскую школу, родился въ Компьенѣ, въ Бретани, и былъ преслѣдуемъ, какъ еретикъ, вмѣстѣ съ Арнульфомъ Лоденскимъ и Робертомъ Парижскимъ, которые были также поборниками номинализма. Во всеобщей исторіи мы не можемъ пускаться въ подробности о гоненіяхъ, воздвигнутыхъ на Росцелина и его приверженцевъ, такъ какъ это заставило бы насъ коснуться исторіи церкви; мы не можемъ также входить въ разборъ діалектическихъ споровъ, въ которыхъ онъ такъ отличался, что его взгляды, не смотря на гоненія, распространялись повсюду. Замѣтимъ только, что его преступленіе состояло въ томъ, что онъ проповѣдывалъ опасную ересь въ ученіи о Троицѣ; не слѣдуетъ однако думать, что Росцелинъ, бывшій самъ каноникомъ св. Мартина въ Компьенѣ, опровергалъ вообще ученіе о Троицѣ; онъ нападалъ скорѣе на систему Ансельма, который, подобно нѣкоторымъ новѣйшимъ теологамъ, развивалъ изъ ученія о Троицѣ, или по крайней мѣрѣ основывалъ на немъ всю систему христіанской религіи. Какъ важно было впрочемъ значеніе Ансельма Кентерберійскаго для исторіи стремленій человѣческаго духа и основаннаго имъ богословско-философскаго метода, можно видѣть изъ того, что со временъ древнихъ языческихъ философовъ онъ первый сдѣлалъ опытъ математически доказать бытіе Бога, и что методъ и доказательства, употребленные имъ въ этомъ случаѣ, продолжали преобладать въ философскихъ школахъ до самаго Канта. Онъ изобрѣлъ такъ называемое онтологическое доказательство, которое сохранилось и впослѣдствіи, но было рѣшительно опровергнуто еще однимъ изъ его современниковъ, монахомъ Гонилономъ, и мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ только потому, что изъ любой страницы сочиненій Ансельма, перепечатанныхъ въ 1671 и 1721 годахъ (стр. 486), можно видѣть, что

время Ансельма было не только мрачнымъ и теологическимъ, но также основательно и глубоко философскимъ.

Современникомъ Ансельма былъ Вильгельмъ де-Шампо, котораго считаютъ спинозистомъ, или умозрительнымъ пантеистомъ, потому что онъ высказалъ мнѣніе, что реальная сущность всѣхъ вещей одинакова, и онѣ отличаются другъ отъ друга лишь случайными свойствами; мы знаемъ его только по ученику его, Абеляру, который впрочемъ пріобрѣлъ всемірную извѣстность не столько своей философіей, сколько любовью къ Элоизѣ и ихъ письмами другъ къ другу, переведенными на всѣ языки и возбуждающими всеобщее удивленіе, какъ образцовыя въ своемъ родѣ произведенія. Объ его философіи публика не знала ничего, а ученые очень мало до тѣхъ поръ, пока въ послѣднее время французы не стали стараться возстановить, вмѣстѣ съ своимъ Декартомъ, и честь Абеляра, какъ философа, и снова не издали его забытыхъ сочиненій. Какъ любовникъ Элоизы, онъ извѣстенъ своими несчастными приключеніями и перепиской, даже свѣтскимъ людямъ уже по одному тому, что Руссо подражалъ ему, хотя не совсѣмъ удачно, въ своемъ извѣстномъ романѣ. Въ философскомъ отношеніи его считали ученикомъ Росцелина, но противъ этого существуютъ два рѣшительныхъ довода; во первыхъ, Росцелинъ, принужденный на соборѣ въ Суассонѣ отречься отъ своихъ мнѣній и потомъ взявшій назадъ свое отреченіе, долженъ былъ бѣжать изъ Франціи въ то время, когда Абеляру было только тринадцать лѣтъ; а во-вторыхъ, Абеляръ вовсе не былъ номиналистомъ, а напротивъ, съ большимъ искусствомъ опровергалъ это ученіе.

Абеляръ и его влюбленная Элоиза своимъ примѣромъ и ревностными занятіями развили пробудившееся тогда во Франціи стремленіе къ умственному образованію и наукѣ, и на ряду со многими уже существовавшими учебными заведеніями основали свое собственное. Изъ этихъ заведеній XI и XII вѣка особенно часто упоминаются школы въ Реймсѣ, Канѣ, Ланѣ, Турнэ, Камбрэ, Суассонѣ, Шалонѣ на Марнѣ, Амьенѣ и Аррасѣ, но самыми знаменитыми изъ нихъ были школы въ Люттихѣ, Безансонѣ, Шартрѣ, Орлеанѣ и Парижѣ. Кромѣ того называютъ школы въ Мецѣ, Тулѣ, Вердёнѣ, Санѣ, Буржѣ, Пуатье, Турѣ и Анжерѣ. Въ Германіи въ тоже время славились училища въ Кельнѣ, Майнцѣ, Падерборнѣ и Брауншвейгѣ. Относительно рвенія Абеляра и его Элоизы къ научному образованію, намъ извѣстно, что еще въ юности Абеляръ своимъ, доказаннымъ публичными диспутами, искусствомъ выводить заключенія, раздѣлять и анализировать понятія, славился во всей Франціи, какъ знаменитѣйшіе рыцари его времени славились своей силой и ловкостью на турнирахъ. Элоиза получила научное образованіе еще до знакомства съ Абеляромъ, поступивъ ребенкомъ въ монастырь въ Аржантёйлѣ. Она познакомилась тамъ не только съ священнымъ писаніемъ и сочиненіями отцовъ церкви, музыкой и церковнымъ пѣніемъ, но изучала также хирургію и медицину, потому что въ то время женщины часто должны были замѣнять недостатокъ врачей. Она возвратилась въ Парижъ въ домъ своего дяди, Фульберта, цвѣтущей восемнадцатилѣтней красавицей. Въ то время Абеляръ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ Парижѣ и, какъ самъ говоритъ, получалъ много денегъ. Элоиза также желала слушать его уроки, и Фульбертъ, прельстившись деньгами, принялъ его къ себѣ на житье и совершенно предоставилъ ему воспитаніе племянницы. Элоиза выучилась у него греческому и еврейскому языкамъ, но особенно первому, которымъ, какъ положительно извѣстно, Абеляръ обладалъ вполнѣ. Онъ читалъ Аристотеля, и именно его метафизику, хотя этого и не замѣтилъ французскій ученый Журденъ, который, впрочемъ, въ своемъ, писанномъ на премію, сочиненіи о переводахъ и комментаріяхъ Аристотеля собралъ всѣ малѣйшіе слѣды знакомства среднихъ вѣковъ съ этимъ философомъ. Изъ Платона Абеляръ часто приводитъ цѣлыя мѣста; но его знакомство съ метафизикой Аристотеля ясно проглядываетъ въ его философскихъ доказательствахъ ученія о святой Троицѣ, которое онъ назвалъ введеніемъ въ теологію. Живя у Фульберга, Абеляръ забылъ свои богословскія занятія и писалъ только любовныя стихотворенія, которыя тогда очень нравились, но потомъ были уничтожены имъ самимъ; Элоиза мечтала съ нимъ надъ Платономъ и Аристотелемъ, но, увлекшись своимъ учителемъ, отдалась такой пылкой любви, что въ своихъ письмахъ едва можетъ найти слова, чтобы достаточно выразить свою

страсть. Когда у нея родился сынъ, которому она дала имя Астролябія, Фульбертъ и всѣ родственники стали требовать вступленія въ бракъ. Абеляръ былъ готовъ на это, но желалъ только сохранить бракъ въ тайнѣ, чтобы и впослѣдствіи имѣть возможность преподавать теологію; но Элоиза противилась, объявляя, что предпочитаетъ быть его любовницею, чѣмъ женой, и не желаетъ лишить свѣтъ и науку величайшаго учителя и теолога. Бракъ состоялся, но Фульбертъ мучилъ, преслѣдовалъ и даже билъ ученую племянницу за то, что она не хотѣла признавать Абеляра своимъ мужемъ. Поэтому Абеляръ отвезъ ее въ аржантёльскій монастырь, гдѣ она поступила въ монашество. Это смертельно оскорбило стараго Фульберта, думавшаго, что Абеляръ отправилъ ее туда, чтобы удалить ее отъ дяди и жить съ ней по прежнему. Онъ отомстилъ позоръ своего имени тѣмъ, что послалъ злодѣевъ, изуродовавшихъ Абеляра. Съ этого времени сношенія между Абеляромъ и Элоизой ограничились перепиской, и самъ Абеляръ, вылечившись отъ ранъ, поступилъ въ монастырь Сенъ-Дени. Аббатъ и монахи этого монастыря вели чрезвычайно развратную жизнь и сдѣлали пребываніе въ монастырѣ невыносимымъ для Абеляра, который хотѣлъ проповѣдывать имъ нравственность. Потому онъ спасся во владѣнія графа шампанскаго, гдѣ монахи города Труа уступили ему принадлежавшее имъ уединенное мѣсто, недалеко отъ города Провена. Здѣсь онъ попрежнему взялся за преподаваніе и вскорѣ собралъ вокругъ себя такое множество учениковъ, стекавшихся къ нему со всѣхъ сторонъ, что парижскіе профессора стали жаловаться, что слушатели бросаютъ ихъ, а двое лучшихъ учителей высшаго училища въ Реймсѣ искали какого-нибудь предлога, чтобы выгнать его изъ Шампани. Этотъ предлогъ они нашли въ упомянутомъ нами выше философскомъ ученіи Абеляра о Троицѣ: архіепископъ реймсскій и епископы, собранные ими на соборъ въ Суассонѣ, осудили въ 1121 году эту философію, потому что не понимали ее. Абеляръ принужденъ былъ самъ сжечь свою книгу, былъ заключенъ въ монастырѣ св. Медара и впослѣдствіи долженъ былъ воротиться въ монастырь Сенъ-Дени къ враждовавшему противъ него аббату. Когда въ этомъ монастырѣ у него вырвалось однажды историко-критическое замѣчаніе, что Діонисій Ареопагитъ и Діонисій, обратившій Францію въ христіанство, не были однимъ и тѣмъ же лицомъ, аббатъ сдѣлалъ изъ этого государственное преступленіе. Абеляръ былъ бы выданъ королю и переданъ имъ свѣтскому суду, если бы снова не бѣжалъ во владѣнія графа шампанскаго, потому что въ то время процессы съ государственными преступниками были очень непродолжительны. Между тѣмъ его злой аббатъ умеръ, и капитулъ монастыря позволилъ ему жить, гдѣ онъ пожелаетъ, если только онъ, пріобрѣвшій уже въ то время громкую извѣстность, не присоединится къ другой монастырской общинѣ. Тогда Абеляръ поселился въ одномъ уединенномъ мѣстѣ около Ножана на Сенѣ, въ епархіи города Труа, и, получивъ денежную поддержку отъ друзей, выстроилъ тамъ домикъ, превратилъ его, съ позволенія епископа, въ часовню, которую онъ посвятилъ Троицѣ, и началъ снова учить при такомъ стеченіи народа, что около его дома образовалась вскорѣ настоящая колонія. Число его учениковъ въ короткое время возросло до шестисотъ; они выстроили себѣ хижины, поселились вокругъ часовни и построили возлѣ нея изъ дерева и камня новый домъ, такъ что образовался настоящій монастырь; Абеляръ назвалъ его Параклетомъ, то есть духомъ утѣшителемъ въ пустынѣ, посвятивъ это зданіе вмѣстѣ съ часовней Святому Духу. Главные учители реймсскаго училища, Альберихъ и Лудольфъ Ломбардскій, озлобленные тѣмъ, что ученики, оставляя ихъ и священный городъ Франціи, селились въ пустыни вокругъ Абеляра, нашли въ этомъ обстоятельствѣ новый поводъ объявить его еретикомъ. Вскорѣ противъ него поднялись такіе неистовые крики, что Абеляръ долженъ былъ прекратить свое преподаваніе и принять предложенное ему мѣсто аббата въ монастырѣ Рюи въ Бретани. Здѣсь ему также приходилось терпѣть много оскорбленій отъ монаховъ и монастырскаго патрона, пока жалобы Элоизы не вызвали его снова въ восточную Францію. Аббатъ Сенъ-Дени выгналъ изъ Аржантёйля монахинь, настоятельницей которыхъ была Элоиза. Абеляръ явился къ нимъ на помощь и уступилъ имъ свою часовню Параклетъ со всѣми принадлежностями для устройства женскаго монастыря, первой аббатиссой котораго сдѣлалась Элоиза. Папа Иннокентій II въ 1130 году призналъ этотъ монастырь, который вскорѣ пріобрѣлъ значительныя

помѣстья и, какъ доказываетъ Дюканжъ, всегда имѣлъ аббатиссами дамъ изъ знатнѣйшихъ фамилій Франціи. Все это не столь важно для исторіи цивилизаціи XII столѣтія, какъ слѣдующее обстоятельство. Элоиза считала своею нравственною обязанностью учить сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, но главнымъ предметомъ ея изученія было священное писаніе. Встрѣчая затрудненія, которыхъ не могла рѣшать сама, она обращалась къ Абеляру, который имѣлъ родъ высшаго надзора надъ монастыремъ. Абеляръ написалъ, для параклетскихъ монахинь, Гексаэмеронъ, или сочиненіе о сотвореніи міра и о его шести дняхъ. По словамъ Бейля, въ воспоминаніе объ учености Элоизы, въ монастырѣ Параклетѣ, ежегодно на Троицынъ день, совершалась служба на греческомъ языкѣ. Такими знаніями обладали тогда и многія другія монахини. Это видно изъ множества латинскихъ стихотвореній, въ которыхъ ученые обращались къ монахинямъ, а также изъ того, что очень многія принцессы и знатныя дамы, именъ которыхъ мы не будемъ перечислять здѣсь, занимались реторикой и поэзіей.

Самъ Абеляръ принадлежитъ къ числу пяти ученыхъ, которые въ этомъ столѣтіи всего лучше писали по латыни. Это были; его другъ и защитникъ, Петръ Достопочтенный, аббатъ Клюньи, ученикъ его, Іоаннъ Салисбёрійскій, который былъ философомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ историкомъ философіи того времени, Арнольдъ де Лизьё и св. Бернаръ изъ Клерво. Послѣдній позволилъ сдѣлать изъ себя орудіе гоненій, которыми до самой могилы преслѣдовали несчастнаго, утомленнаго жизнью изслѣдователя истины. Передавъ Элоизѣ монастырь Параклетъ, Абеляръ, по всей вѣроятности, снова сталъ учить въ Парижѣ и вновь возбудилъ злобу завистниковъ, которые уже три раза подвергали его изгнанію. Богословы извлекли изъ его сочиненій множество еретическихъ тезисовъ. Св. Бернардъ, который былъ хорошимъ ораторомъ и поэтомъ, но плохимъ философомъ и, какъ всѣ фанатики, не могъ слышать объ употребленіи въ дѣло разума, давно уже объявилъ себя противъ ученія Абеляра. Въ 1140 году архіепископъ санскій созвалъ въ Санѣ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ король Лудовикъ VII и говорилъ св. Бернаръ. Безполезно упоминать, что Абеляръ долженъ былъ быть осужденъ. Судьями были враги обвиняемаго, имѣвшаго впрочемъ весьма значительное число приверженцевъ, или ровно ничего не понимали въ томъ, что они осуждали, какъ ересь; потому они предоставили произнести приговоръ папѣ Иннокентію II, который былъ кліентомъ Бернара. Рѣшеніе папы вполнѣ удовлетворяло желаніямъ враговъ Абеляра: Иннокентій велѣлъ сжечь его книги, посадить въ темницу его самого и не позволять ему больше излагать свое ученіе. Петръ Достопочтенный вступился за осужденнаго, далъ ему убѣжище въ своемъ монастырѣ, помирилъ его съ св. Бернаромъ и папой и не переставалъ заботиться о немъ до послѣдней минуты его жизни. Абеляръ умеръ въ 1142 году въ монастырѣ близъ Шалона на Сенѣ: тѣло его было отвезено къ Элоизѣ, которая предала его погребенію въ монастырѣ Параклетѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ансельмъ создалъ систему схоластической философіи, а Абеляръ своими философскими изысканіями направилъ все юношество Франціи къ философскимъ умозрѣніямъ и пріобрѣлъ европейскую славу, — все, что не было облечено въ научные термины и не передавалось въ формѣ выводовъ, казавшихся неопровержимыми, подверглось презрѣнію, какъ нѣчто пошлое и ничтожное; подобное явленіе повторилось въ началѣ XIX вѣка и въ Германіи. Вещи неясныя и непонятныя считались мудростью, и молодежь презирала историческое и реальное знаніе, а въ такихъ обстоятельствахъ нельзя не считать за особенное счастье, что въ школахъ вошла въ употребленіе мистика св. Бернара и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ періодѣ.

2. Исторія и государственныя науки.

Различныя обстоятельства помѣшали нѣмцамъ принять въ первыхъ горячихъ спорахъ объ умозрительной теологіи такое же живое участіе, какъ французы и англичане; но за то и въ XII столѣтіи они прилежно старались отмѣчать все, что происходило между ними. Ближе всѣхъ къ упомянутымъ нами прежде (стр. 545)

ученымъ, занимавшимся исторіей своего времени или, по крайней мѣрѣ, нѣмецкой исторіей, стоитъ Виппонъ, авторъ біографіи Конрада II. По обычаю того времени, онъ рабски подражаетъ выраженіямъ Саллюстія, тщетно стараясь прикрыть ими свою умственную бѣдность. Что онъ не былъ Саллюстіемъ, ясно видно уже изъ жалкаго собранія короткихъ нравственныхъ сентенцій, написанныхъ леонинскими стихами (стр. 254), которыя онъ составилъ по просьбѣ Конрада для сына его, Генриха, и которыя сохранились до нашего времени; но мы должны говорить только о его стилѣ и грамматикѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ чрезвычайно плохо владѣлъ латинскимъ языкомъ: онъ пишетъ неправильно и съ грамматическими ошибками; поэтому его произведенія заключаютъ въ себѣ не то, что онъ могъ бы хорошо сказать на нѣмецкомъ языкѣ, а только то, что онъ умѣлъ написать по латыни. Впрочемъ, это касается только изложенія, потому что факты онъ приводитъ совершенно вѣрно, а говоря о томъ, что самъ видѣлъ или пережилъ, нерѣдко и самъ является на сцену передъ читателемъ.

Совершенно другимъ человѣкомъ былъ швабскій графъ Германъ фонъ-Фёрингенъ, родовыя помѣстья котораго лежали близъ городка Ридлингена, около Дуная. Горбатый и не вполнѣ владѣвшій своими членами, онъ уже съ самой ранней юности предназначался къ монастырской жизни и поступилъ въ монастырь Рейхенау, въ которомъ всѣ монахи принадлежали къ знатнымъ фамиліямъ. Поэтому онъ и называется обыкновенно Германомъ Контрактомъ (стр. 587). Молва о его познаніяхъ и сочиненія, оставшіяся отъ Бруно, дяди императора Конрада II, доказываютъ, что кругъ школьныхъ познаній того времени вовсе не былъ такъ узокъ, какъ можно было ожидать, хотя мы охотно соглашаемся, что знаніе арабскаго языка, которое приписываютъ графу Герману, могло быть и не слишкомъ значительно. Бруно, епископъ вюрцбургскій, составилъ толкованія къ псалмамъ, писалъ кромѣ того о пятикнижіи Моисея, о ветхомъ и новомъ завѣтѣ, объ «Отче нашъ,» и о символѣ вѣры Аѳанасія и апостоловъ. Въ этихъ толкованіяхъ онъ обнаруживаетъ знаніе еврейскаго языка и греческой библіи семидесяти толковниковъ, съ которой онъ сравниваетъ иногда еврейскій подлинникъ. Въ псалмахъ, не ограничиваясь иносказательнымъ и аллегорическимъ смысломъ ихъ, онъ обращаетъ вниманіе и на ихъ прямое, буквальное значеніе. Германъ фонъ-Фёрингенъ былъ бы превосходнымъ писателемъ по части философіи исторіи, если только справедливы извѣстія, сообщаемыя о немъ Тритгеймомъ и подтверждаемыя другимъ свидѣтельствомъ, также впрочемъ не современнымъ: говорятъ, что онъ былъ отличнымъ философомъ и беллетристомъ (риторомъ), астрономомъ, музыкантомъ и поэтомъ и превосходно зналъ по-гречески, по-латыни и по-арабски. Но такъ какъ онъ писалъ только въ монастырѣ, не видѣлъ самой жизни и, слѣдовательно, не зналъ ея практическихъ частностей, то сдѣлалъ, можетъ быть, гораздо лучше, принявшись за всеобщую исторію, а не за исторію своего времени, потому что вполнѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ и вспомогательными науками исторіи. Избравъ себѣ за образецъ Евсевія (стр. 543), онъ раздѣлилъ всю исторію до своего времени на шесть періодовъ и заимствовалъ хронологическій разсказъ главныхъ событій этихъ періодовъ у Евсевія, его продолжателя Іеронима и у Беды (стр. 551), котораго списываетъ почти буквально. Ясно, впрочемъ, что онъ не былъ простымъ компиляторомъ; потому что не хватаетъ все, что попадалось ему подъ руку, напримѣръ чудеса и необыкновенныя легенды назидательнаго свойства, такъ нравившіяся монастырскимъ лѣтописцамъ, а напротивъ, отбрасывая все явно баснословное, включаетъ въ исторію только событія, имѣвшія дѣйствительную важность. Разнообразіе списковъ его всемірной хроники поставило издателей ея въ большое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что есть основаніе думать, что онъ самъ, просматривая различныя копіи, дѣлалъ въ нихъ измѣненія и поправки. Впрочемъ, присоединенная къ его сочиненіямъ исторія можетъ только до 1053 года считаться исторіей его времени, потому что кажется несомнѣннымъ, что Германъ умеръ въ 1054 году. Продолженіе хроники до 1062 года было составлено какимъ-нибудь другимъ монахомъ, какъ это случалось во всѣхъ монастыряхъ.

Бертольдъ Констанцскій, продолжавшій исторію Германа, хотѣлъ не столько написать исторію, сколько внести въ монастырскій протоколъ свое пристрастіе къ Григорію VII и свою нелюбовь къ Генриху IV. Хронику его, такъ

же какъ и произведенія Германа, впослѣдствіи можно было найти почти во всѣхъ монастыряхъ, и монахи, пользуясь этими книгами, дѣлали изъ нихъ родъ сборника историческихъ достопримѣчательностей и замѣтокъ о предметахъ всякаго рода, почему въ изданіяхъ помѣщаются обыкновенно въ двухъ столбцахъ два различные текста. Ламбертъ фонъ-Ашаффенбургъ (Lambertus Schaffnaburgensis), въ своей исторіи дѣяній нѣмцевъ, которую онъ самъ называетъ хроникой, сначала излагаетъ вкратцѣ всемірную исторію отъ Адама и нѣсколько подробнѣе исторію Германіи со временъ Пипина Старшаго. Весь разсказъ о событіяхъ до 1050 года Ламбертъ заимствуетъ изъ другихъ книгъ, но происшествія отъ 1050 до 1077 г. разсказываетъ самостоятельно. Произведеніе его составляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій во всѣ средніе вѣка, особенно, если сравнить его съ одностороннимъ и пристрастнымъ Бертольдомъ Констанцскимъ. Онъ откровенно и правдиво разсказываетъ объ ужасахъ своего времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ глубину чувства, простодушіе и искреннюю религіозность, которыя доказываютъ, что онъ, по своему характеру, стоялъ выше того времени, и если чувство патріота возмущается иногда разсказомъ Ламберта о тогдашнемъ положеніи нѣмецкой націи, то онъ можетъ утѣшиться мыслью, что и тогда вдали отъ мірскихъ смутъ могли жить сотни людей, подобныхъ этому человѣку. У другихъ писателей того времени, которые, какъ и Ламбертъ, занимались исторіею несчастнаго спора церкви и государства, съ перваго же взгляда можно узнать, къ какой партіи они принадлежали. Одинъ Ламбертъ, искренно сожалѣя о бѣдствіяхъ, какія этотъ несчастный споръ причинялъ Германіи, показываетъ каждой изъ двухъ партій, въ чемъ она была неправа. Онъ съ негодованіемъ повѣствуетъ намъ о юношескихъ проступкахъ Генриха IV и наглости его друзей и безпутныхъ товарищей, но, съ другой стороны, живыми красками описываетъ тѣ бѣдствія и безнравственность, которыя Григорій VII вызвалъ своими мѣрами, съ неумолимой строгостью настаивая на томъ, чтобы священники, въ то время почти всѣ женатые, разошлись съ законными женами и жили вдали отъ семействъ. Мы уже сказали выше (стр. 588), какъ трогательно выражаетъ онъ свою радость и глубокое религіозное чувство, когда послѣ странствованія на богомолье, предпринятаго безъ позволенія аббата, успѣлъ вернуться еще во время, чтобы получить разрѣшеніе отъ умирающаго настоятеля. Слогъ его отличается чистотой, достоинствомъ и естественностью и читается даже лучше, чѣмъ итальянскія исторіи XV и XVI столѣтій, которыя слишкомъ выработаны по правиламъ школьной реторики, заимствованной у древнихъ, и гдѣ главное нерѣдко дѣлается второстепеннымъ, потому что ихъ авторы заботятся гораздо болѣе о классическомъ слогѣ, чѣмъ о голой истинѣ и простомъ здравомъ смыслѣ. Изъ историковъ, писавшихъ въ духѣ извѣстныхъ партій, Отбертъ, епископъ люттихскій, который всегда, но особенно по смерти Генриха IV, выказывалъ себя вѣрнѣйшимъ его другомъ и за то былъ жестоко преслѣдуемъ, написалъ жизнеописаніе Генриха и является въ немъ самымъ ревностнымъ защитникомъ императора. За то Вальрамъ или Вальтрамъ, написавшій чисто историческую книгу о сохраненіи единства церкви, съ фанатической яростью старается возбудить противъ императора всеобщую ненависть. Исторія саксонской войны, написанная саксонцемъ Бруно, вслѣдствіе увлеченій сочинителя, безполезна для историка, хотя и имѣетъ нѣкоторыя достоинства относительно слога и языка. Бруно былъ органомъ саксонской аристократіи противъ императора, точно такъ же, какъ Вальрамъ былъ органомъ папы и духовенства. Сравненіе хроники Маріана Скота съ хроникой Германа Контракта можетъ служить намъ доказательствомъ, что въ средніе вѣка, какъ и теперь, недостатки литературныхъ произведеній зависѣли не отъ общественнаго положенія писателя и въ особенности не отъ монашеской жизни большей части изъ нихъ, но что и тогда все обусловливалось только тѣмъ, имѣлъ ли человѣкъ дарованіе, или нѣтъ. Маріанъ и Германъ жили въ монастырѣ, но одинъ изъ нихъ пишетъ и дѣлаетъ извлеченія, какъ ограниченный монахъ, а другой, хотя также монахъ, пишетъ какъ образованный человѣкъ, знающій свѣтъ и людей.

О лѣтописцахъ, описывавшихъ исторію временъ Гогенштауфеновъ, мы будемъ говорить впослѣдствіи. Здѣсь же упомянемъ только о двухъ историкахъ сѣвера. Одного изъ нихъ, Саксона Грамматика, по его классическому слогу

можно сравнить съ итальянскими стилистами; другой, Адамъ Бременскій, описавшій многія событія, какъ очевидецъ, былъ кромѣ того другомъ Канута Великаго и потому важенъ и какъ историкъ, и какъ источникъ для исторіи своего времени. Адамъ Бременскій написалъ церковную исторію отъ 755 до 1076 года, къ которой присоединилъ географическое описаніе Даніи и странъ, лежащихъ далѣе на сѣверъ. Послѣдняя часть его исторіи, гдѣ онъ разсказываетъ о томъ, что пережилъ самъ, всего важнѣе потому, что онъ разсказываетъ откровенно и просто и обнаруживаетъ въ себѣ искреннюю религіозность, а не слѣпое суевѣріе монастырскихъ писателей. О достоинствахъ его изложенія можно судить уже по одному тому, что Адамъ Бременскій понравился Кануту Великому гораздо болѣе своимъ краснорѣчіемъ, чѣмъ набожностью. Разсказы его о сѣверѣ привлекательны, какъ описаніе путешествія, потому что онъ самъ видѣлъ то, что описываетъ. Его упрекаютъ во многихъ ошибкахъ въ лѣтосчисленіи, потому что, слѣдуя собственному вдохновенію, онъ писалъ о вещахъ такъ, какъ запоминалъ ихъ, или какъ онѣ приходили ему въ голову, и слѣдовательно, пренебрегалъ обыкновенными вспомогательными средствами ученаго. Совершенно другимъ человѣкомъ представляется намъ духовный, писатель и секретарь архіепископа рёскильдскаго, извѣстный подъ именемъ Саксона Грамматика; это былъ художникъ и стилистъ до излишества. Его датская исторія обнимаетъ пространство времени отъ древнѣйшей эпохи Даніи до 1180 года, слѣдовательно, далеко не до смерти автора, которая послѣдовала только въ 1203 году. Саксонъ Грамматикъ хотѣлъ облечь древнія сѣверныя саги въ римскую, вполнѣ классическую одежду и потому не только, — какъ говорятъ обыкновенно, — обработалъ свой слогъ по Марціану Капеллѣ, принадлежавшему къ писателямъ, упомянутымъ нами выше (стр. 680), и по Валерію Максиму (стр. 158), но писалъ иногда на такомъ чистомъ латинскомъ языкѣ, какимъ не всякій владѣетъ и въ наше время. Поэтому его книга была издаваема безчисленное множество разъ и еще въ XVIII столѣтіи была напечатана Клоцомъ, который славился какъ лучшій латинскій стилистъ.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о нѣмецкихъ историкахъ до Гогенштауфеновъ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть объ одномъ духовномъ, извѣстномъ дипломатическими сочиненіями всякаго рода и познаніями въ государственныхъ наукахъ, человѣкѣ, который былъ министромъ, дипломатомъ и намѣстникомъ Гогенштауфена, Конрада III, и славился какъ великій ученый и философъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическій государственный дѣятель. Этотъ дипломатъ, писавшій государственные акты и депеши самъ, не поручая ихъ подчиненнымъ, былъ аббатъ Вибальдъ Корвейскій. Его государственныя бумаги и сочиненія собраны были Мартеномъ и Дюраномъ во второмъ томѣ ихъ обширнаго собранія рукописныхъ памятниковъ среднихъ вѣковъ и наполняютъ собою почти весь этотъ томъ. Вибальдъ былъ вполнѣ посвященъ въ таинства философіи того времени, и, кажется, нерѣдко забавлялъ императора своими софистическими демонстраціями и діалектическими фокусами. По крайней мѣрѣ въ одномъ письмѣ Вибальда къ другому ученому, схоластику Мангольду, о научномъ направленіи того времени, мы находимъ анекдотъ о томъ, что императоръ Конрадъ очень забавлялся шутками ученаго, когда Вибальдъ своими демонстраціями доказывалъ, что у него три глаза. Вибальдъ отлично зналъ по-гречески, завѣдывалъ при Конрадѣ III государственными дѣлами и во время крестоваго похода этого императора съ такимъ искусствомъ управлялъ государствомъ, что отсутствіе императора было едва замѣтно. Еще прежде онъ велъ всю переписку императора, которая, какъ мы видимъ изъ уцѣлѣвшихъ еще писемъ и депешъ его, представляла, именно въ то время, чрезвычайно много затрудненій и была ведена съ Константинополемъ, Римомъ, другими иностранными дворами и нѣмецкими епископами. Какимъ образомъ исполнилъ онъ это порученіе, мы не можемъ объяснить здѣсь въ немногихъ словахъ, потому что для этого необходимо приводить подлинные документы.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

III. ВРЕМЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

I. ИСТОРІЯ ВОСТОЧНЫХЪ МУХАММЕДАНСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ПЕРЕДЪ НАЧАЛОМЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

1. Введеніе.

Крестовые походы, — которые снова привели въ близкое соприкосновеніе Востокъ и Западъ, произвели въ обѣихъ частяхъ свѣта переворотъ и вызвали въ нихъ обильное послѣдствіями движеніе, — начались въ концѣ одиннадцатаго столѣтія. Чтобы понять причины и связь этихъ замѣчательныхъ событій, необходимо сначала ознакомиться съ состояніемъ восточныхъ мухаммеданскихъ государствъ. Перемѣны, происшедшія въ этихъ государствахъ въ то время, когда между христіанскими народами Запада распространилась заимствованная изъ Испаніи и южной Франціи особаго характера рыцарская поэзія, способствовали возникновенію крестовыхъ походовъ болѣе самыхъ проповѣдей Петра Пустынника. Давно сложенныя поэтами легенды объ Артурѣ и его Кругломъ Столѣ, о Карлѣ Великомъ и Роландѣ, о Троѣ и Александрѣ Великомъ, получили въ Испаніи и Франціи совершенно новое значеніе послѣ того, какъ въ 1084 году христіанскіе рыцари изъ Кастиліи, Наварры, Арагоніи, южной Франціи и даже Германіи отняли у испанскихъ аравитянъ городъ Толедо (стр. 538). Родриго Діасъ, прославленный въ пѣсняхъ подъ именемъ Сида, былъ Ахиллесомъ этого похода; каталонскіе и провансальскіе поэты не только ставили Родриго и его товарищей на ряду съ Артуромъ, Карломъ Великимъ, Роландомъ и другими героями преданій, но прославляли ихъ, какъ побѣдоносныхъ героевъ христіанства. Мало-по-малу и всѣмъ рыцарскимъ легендамъ и военнымъ пѣснямъ было придано почти исключительно христіанское значеніе. Когда западное рыцарство прониклось духомъ религіозности, его воинственныя стремленія обратились на борьбу съ невѣрными, и мысль о возможности славнаго похода въ далекія страны распространилась между народами юга и запада Европы; достаточно было искры, чтобы раздуть тлѣющій огонь. Этой искрой и былъ отчасти кличъ о помощи греческихъ императоровъ, столицѣ которыхъ угрожали дикіе сельджуки, но еще болѣе потрясающіе разсказы возвращавшихся изъ Палестины пилигримовъ о притѣсненіяхъ, какія претерпѣвали отъ тѣхъ же враговъ святая земля и ея жители.

Мухаммеданскій міръ, уже давно распавшійся на множество царствъ и династій, представлялъ тогда двѣ главныя группы государствъ: одна состояла изъ государствъ, основанныхъ на сѣверномъ берегу Африки и въ Испаніи, другая — изъ мухаммеданскихъ государствъ Азіи. Первыя были совершенно независимы; азіатскія же государства, если и не вполнѣ зависѣли отъ призрачнаго багдадскаго халифа, то, по крайней мѣрѣ, признавали его духовнымъ главою. Халифатъ, простиравшійся отъ восточныхъ границъ Египта и Византіи до Индіи, Сибири и Монголіи, существовалъ только по имени; въ дѣйствительности онъ составлялъ родъ феодальной монархіи, гдѣ нѣсколько владѣтельныхъ фамилій именемъ багдадскаго халифа неограниченно господствовали надъ болѣе или менѣе обширными территоріями. Сами халифы изъ повелителей правовѣрныхъ сдѣ-

лались плѣнниками и рабами эмировъ-аль-омра, которые, въ качествѣ высшихъ сановниковъ, управляли государствомъ. Съ 945 г. должность эта сдѣлалась наслѣдственною въ фамиліи Буидовъ, бывшихъ въ то же время самостоятельными владѣтелями Персіи (стр. 343 и 346). Когда искусный воинъ и правитель тюркскаго племени, Газнавидъ Махмудъ I, основалъ обширное государство на крайнемъ востокѣ мухаммеданскаго міра, Буидамъ стала грозить новая опасность. Дѣйствительно, одна линія Буидовъ была покорена Махмудомъ (стр. 357). Но черезъ два года послѣ того умеръ этотъ могущественный государь, а при его сынѣ и преемникѣ, Массудѣ I, созданное имъ государство разбилось о дикую отвагу сельджуковъ. Буиды также пали передъ этимъ, вновь выступившимъ на историческое поприще, народомъ, появленіе котораго въ передней Азіи измѣнило всѣ существовавшія до тѣхъ поръ отношенія.

2. Исторія сельджуковъ въ Персіи.

Сельджуки—народъ тюркскаго племени, которое хотя и принадлежитъ къ кавказской семьѣ народовъ, но не входитъ въ составъ индо-европейской вѣтви, а образуетъ рядомъ съ нею особую группу кавказской расы (т. I. стр. 12). Древнѣйшую исторію этого народа можно прослѣдить съ нѣкоторою достовѣрностью, начиная съ десятаго столѣтія нашего лѣтосчисленія. Въ концѣ этого столѣтія сельджуки вели бродячую жизнь въ странѣ нынѣшнихъ киргизовъ; предводители ихъ ордъ платили дань великому хану Бигу или Якгу. Въ 970 году сельджуки подъ предводительствомъ Сельджука, сына Докака, освободясь отъ этой зависимости, перекочевали въ сосѣдство Бухаріи и, чтобы найти защиту отъ сосѣднихъ татарскихъ ордъ, перешли въ исламъ; здѣсь они значительно усилились бѣглецами изъ другихъ ордъ, присоединились къ могущественному татарскому владѣтелю, Багра-Хану (стр. 349), и подъ его предводительствомъ воевали съ оставшимися въ язычествѣ единоплеменниками. Изъ ближайшихъ потомковъ Сельджука особенно замѣчательны: сынъ его, Израель или Арсланъ, — при которомъ сельджуки впервые получили прочную осѣдлость по сю сторону Джидуна,—и племянники Арслана, Ябгу, Тогрульбегъ и Даудъ Гагрубегъ, основатели могущественнаго сельджукскаго государства. Израель помогъ сыну и преемнику Багра-Хана, Илекъ-Хану, завоевать Бухару (стр. 350) и водворился въ окрестностяхъ этого города. Туда перешли и его племянники, вытѣсненные Багра-Ханомъ, которому они казались слишкомъ опасными сосѣдями. Когда вскорѣ, послѣ того, Бухара была покорена Газнавидомъ Махмудомъ I, (стр. 351 и 352, предводитель сельджуковъ, Израель, сдѣлался его вассаломъ. Считая опаснымъ Израеля, который, имѣя близкія сношенія съ степными народами, могъ всегда вторгнуться въ Персію съ несмѣтными толпами, Махмудъ велѣлъ заключить его въ темницу, но не истребилъ сельджуковъ, какъ ему тогда совѣтовали, а разсѣялъ ихъ по Хорасану.

Выведенныя изъ терпѣнія притѣсненіями и оскорбленіями намѣстниковъ Махмуда, нѣкоторыя племена, находившіяся подъ властью Израеля, снова возстали и, пройдя пустыни Когестана и горы Иракъ-Аджема, поселились въ Адзербиджанѣ. Остальныя безчисленныя орды ихъ, подъ предводительствомъ Тогрульбега и его племянниковъ, удалились за рѣку Джигунъ, нѣкоторое время бродили по Ховарезміи, владѣтель которой былъ вассаломъ Махмуда, и вскорѣ по смерти Махмуда вторглись въ Хорасанъ. Газнавидское царство было въ то время въ весьма критическомъ положеніи. По смерти Махмуда (1031 г.), старшій его сынъ, Массудъ I, случайно находился на крайнихъ западныхъ предѣлахъ царства. Всѣ были увѣрены, что отецъ назначалъ ему персидскія области, восточную же часть государства меньшому сыну, Махмуду II, который былъ провозглашенъ государемъ въ Газнѣ. Узнавъ объ этомъ, Массудъ немедленно двинулся противъ брата, и лишь онъ только появился около Газны, какъ полководцы его брата, надѣясь получить отъ него награду, выдали ему Махмуда. Массудъ велѣлъ заключить въ темницу измѣнниковъ, а брату даровалъ свободу, оставивъ за собой владычество надъ всѣмъ государствомъ. Въ первые годы его

царствованія подвластные ему народы оставались покорными; но въ 1033 году въ различныхъ частяхъ его владѣній произошли важныя событія. Въ Индіи отняли отъ Массуда газнавидскія войска, содержавшія тамъ гарнизоны; у Каспійскаго моря возстала цѣлая область, а на границѣ Хорасана сельджуки приняли угрожающее положеніе. Опытные государственные люди совѣтовали ему оставить Индію на произволъ судьбы и обратить всѣ силы государства на защиту и удержаніе въ покорности персидскихъ областей; но Массудъ, отвергнувъ ихъ совѣты, отправился въ Индію и три года боролся тамъ съ возставшими подданными. Въ это время сельджуки, предводительствуемые Тогрульбегомъ и его братьями, вторгнулись въ Хорасанъ, разбили газнавидскія войска и покорили всю страну. Когда наконецъ Массудъ выступилъ противъ нихъ со всѣми своими войсками, положеніе ихъ въ Хорасанѣ было такъ прочно, что не было такъ прочно, что не было возможности вытѣснить ихъ оттуда. Вначалѣ они, правда, не были въ состояніи сопротивляться Массуду, но, стараясь затянуть войну, хитро отступали передъ нимъ и, наконецъ, на третій годъ войны (1040 г.), нанесли Газнавиду рѣшительное пораженіе. Вслѣдъ затѣмъ Массудъ былъ свергнутъ своимъ братомъ Махмудомъ, который въ свою очередь былъ свергнутъ сыномъ Массуда, Мадудомъ I. Между тѣмъ сельджуки, воспользовавшись (1041 г.) распаденіемъ на множество отдѣльныхъ частей процвѣтавшаго при Багра-Ханѣ и Илекъ-Ханѣ татарскаго царства и присоединивъ къ себѣ нѣкоторыя племена, значительно усилились новыми пришельцами. Тогрульбегъ, быстро распространившій свои завоеванія и уже въ 1039 г. называвшій себя султаномъ восточной Персіи, передалъ брату, Гагрубегу, управленіе восточными провинціями Персіи и перенесъ свою столицу сперва въ Реи, а потомъ (1045) г. въ Гамаданъ. Онъ упрочилъ свое владычество мудрымъ управленіемъ и, особенно сначала, выказывалъ непоколебимую ревность къ религіи и заботливость о благѣ подданныхъ, качества, которымъ никогда не измѣняли ни онъ, ни его ближайшіе преемники.

Отнявъ въ 1050 году Испагань у Газновидовъ, Тогрульбегъ ожидалъ паденія западнаго царства Буидовъ, чтобы овладѣть и имъ въ благопріятную минуту. Буиды ссорились между собою, притѣсняли аббасидскихъ халифовъ Багдада, которыми повелѣвали въ качествѣ эмировъ-аль-омра, находясь сами въ зависимости отъ турецкихъ и дилемитскихъ наемныхъ войскъ, которыя они стали содержать вопреки мудрой политикѣ первыхъ правителей изъ этой династіи. Въ 1045 г. одинъ изъ нихъ, Каланджаръ, соединилъ было еще разъ все государство, но по смерти его (1048 г.) оно опять распалось. Въ то время какъ сыновья его спорили другъ съ другомъ о власти, въ Багдадѣ боролись между собой шіиты и суннниты, а грубые наемники неслыханнымъ образомъ притѣсняли жителей города и даже не щадили самого халифа, Каіемъ Беамриллаха (стр. 346). Тогрульбегъ уже хотѣлъ подавать помощь Беамриллаху, но боязливое, религіозное чувство не позволяло ему двинуться противъ священнаго города до тѣхъ поръ, пока его не призвали халифъ и его буидскій эмиръ-аль-омра, Малекъ-аль-Рахимъ. Такимъ образомъ, казалось, сама религія повелѣвала ему идти на защиту багдадскаго халифа. Въ 1055 г. начальникъ турецкой гвардіи халифа, Базазири, ревностный шіитъ, сталъ угрожать ниспроверженіемъ существующаго порядка и овладѣлъ городомъ, оставивъ буидамъ и халифамъ одни ихъ титулы; опасаясь начавшихся переговоровъ съ Тогрульбегомъ, онъ вступилъ въ союзъ съ египетскими Фатимидами и грозилъ сдѣлать господствующимъ шіитское ученіе, послѣдователи котораго были очень многочисленны въ Багдадѣ. Тогда Тогрульбегъ, призванный халифомъ и его эмиромъ-аль-омра, двинулся на Багдадъ, овладѣлъ городомъ въ отсутствіе Базазири, освободилъ халифа, и, воспользовавшись ссорой сельджукскихъ солдатъ съ приверженцами Буида, отправилъ его въ Реи, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; съ нимъ пресѣкся родъ Буидовъ. Заставивъ халифа жениться на одной изъ своихъ племянницъ, Тогрульбегъ отправился на завоеваніе остальной части царства Буидовъ. Счастливо окончивъ это предпріятіе и оставивъ намѣстникомъ въ Мосулѣ своего брата, Ибрагима Иналя, онъ возвратился въ Багдадъ и заставилъ халифа облечь себя въ высшее свѣтское достоинство (1058 г.). Церемонія эта была совершена съ необыкновенной торжественностью. Тогрульбергъ подошелъ къ окруженному знатнѣйшими лицами города халифу, сидѣвшему на возвышеніи, и, поцѣловавъ землю и руку халифа,

сѣлъ подлѣ него. Тогда халивъ возвелъ его въ званіе эмира-аль-омра, сказавъ ему черезъ верховнаго толмача: «Халифъ отдаетъ на твое попеченіе всѣ земли, которыя Богъ ввѣрилъ его власти, и, какъ своему намѣстнику, поручаетъ тебѣ защиту всѣхъ благочестивыхъ, вѣрныхъ и богобоязливыхъ. Бойся Бога при отправленіи обязанностей, которыя онъ на тебя возлагаетъ, признавай съ благодарностью милость, которую онъ тебѣ даровалъ, и будь достоинъ ея». Послѣ этихъ словъ халифъ надѣлъ на сельджукскаго султана почетную одежду эмираль-омра и далъ ему дипломъ на это званіе. Поцѣловавъ затѣмъ еще разъ руку халифа и землю, Тогрульбегъ удалился.

Между тѣмъ, въ Иракѣ Базазири провозгласилъ халифомъ Фатимида, и соединился съ братомъ Тогрульбега, Ибрагимомъ, съ которымъ и прежде Тогрульбегъ нерѣдко ссорился. Тогрульбегъ двинулся противъ брата, но былъ имъ разбитъ и осажденъ въ Гамаданѣ. Воспользовавшись его пораженіемъ и удаленіемъ, Базазири, съ помощью Окайлида (стр. 353) Кореиша, напалъ на Багдадъ и, овладѣвъ городомъ (1058 г.), не смотря на упорное сопротивленіе суннитскаго населенія, провозгласилъ Фатимида халифомъ. Несчастный Каіемъ Беамриллахъ, дворецъ котораго былъ также осажденъ, обратился съ просьбою о защитѣ къ Окайлиду и, обвѣшанный реликвіями пророка, умолялъ со стѣнъ дворца о пощадѣ. Тогда оба побѣдителя заспорили о томъ, кому владѣть халифомъ; между тѣмъ какъ самъ онъ служилъ посмѣшищемъ враговъ, его первый служитель былъ замученъ до смерти, а дворецъ разграбленъ. Наконецъ, Базазири и Кореишъ согласились передать Беамриллаха третьему лицу и отдали халифа его родственнику Могаресу, который отецъ его въ одинъ изъ городовъ на Евфратѣ. Передъ выѣздомъ изъ Багдада несчастный потомокъ пророка долженъ былъ согласиться на составленный со всѣми формальностями и подписанный свидѣтелями актъ, по которому онъ признавалъ, что ни онъ и никто изъ фамиліи Аббасидовъ не имѣетъ права на халифатъ, пока существуютъ наслѣдники Фатимы. Актъ этотъ, вмѣстѣ съ множествомъ драгоцѣнностей изъ дворца Каіемъ Беамриллаха, былъ отосланъ въ Египетъ къ фатимидскому халифу Мостансеру. Но владычество шіитовъ въ Багдадѣ продолжалось только до тѣхъ поръ, пока Тогрульбегъ былъ занятъ войною съ братомъ. По прошествіи года, Тогрульбегъ взялъ въ плѣнъ и умертвилъ Ибрагима, выгналъ Базазири и шіитовъ изъ Багдада, и снова провозгласилъ халифомъ Каіемъ Беамриллаха, который по его требованію тотчасъ же былъ освобожденъ Могаресомъ. Базазири, получавшій большія денежныя вспомоществованія отъ Фатимида, былъ совершенно оставленъ имъ послѣ паденія Багдада и вскорѣ умерщвленъ солдатами Тогрульбега. Такимъ образомъ сельджукскій султанъ сдѣлался властителемъ Персіи и Ирака. Для надзора за халифомъ Тогрульбегъ назначилъ Амида-аль-Мулька своимъ намѣстникомъ въ Багдадѣ и, не довольствуясь тѣмъ, что выдалъ за халифа одну изъ своихъ племянницъ, объявилъ (1061 г.), что хочетъ жениться на его дочери. Каіемъ Беамриллахъ никакъ не соглашался унизить до такой степени родъ Аббасидовъ, но Амидъ-аль-Мулькъ не выдавалъ халифу его доходовъ до тѣхъ поръ, пока не вынудилъ у него согласія на этотъ бракъ. Въ 1063 году семидесятилѣтній Тогрульбегъ умеръ, не успѣвъ еще жениться. Не задолго предъ тѣмъ, во время отсутствія султана изъ Багдада, его турецкіе солдаты доказали, что народъ ихъ сохранилъ въ полной силѣ всѣ черты своего пламеннаго характера: они не только выгоняли жителей изъ домовъ и всячески мучили и притѣсняли ихъ, но и оскорбляли самымъ звѣрскимъ образомъ женщинъ.

Тогрульбегъ оставилъ по себѣ славу достойнаго правителя; особенно восхваляютъ его неизмѣнное благочестіе. Сыновей у него не было, и потому престолъ наслѣдовалъ его племянникъ, Альпъ Арсланъ, сынъ Даудъ Гагрубега. Другой племянникъ его, Кадердъ, получившій отъ Тогрульбега Керманъ еще въ 1041 г., присоединилъ къ нему часть Фарсистана и упрочилъ за собой эти владѣнія, не смотря на противодѣйствія Арслана, отъ времени до времени нападавшаго на него. Новый султанъ пошелъ по слѣдамъ своего дяди и, подобно ему, стремился прославиться военными предпріятіями. Онъ покорилъ сначала Туркестанъ, потомъ подчинилъ себѣ Ховарезмію, и наконецъ выступилъ противъ грековъ и Фатимидовъ. Управленіе внутренними дѣлами государства Альпъ Арсланъ предоставилъ визирю, Незаму-эль-Мульку. Незамъ, подобно ви-

зирямъ сельджукскихъ султановъ, былъ извѣстенъ, какъ ученый и покровитель искусствъ. Уже визирь Тогрульбега, Хаверай, пріобрѣлъ славу покровительствомъ наукѣ и принадлежитъ къ тѣмъ четыремъ великимъ людямъ, которыхъ персіяне считаютъ и теперь украшеніемъ ихъ родины,—Дештъ Хаверана въ Хорасанѣ. Вторымъ изъ этихъ великихъ людей считается знаменитый богословъ Абусаидъ Мегмехъ, жившій при сыновьяхъ Альпъ Арслана; третьимъ—другой Абусаидъ, котораго называли царемъ духовной жизни; четвертымъ—поэтъ. Ануари, прославившійся въ слѣдующемъ столѣтіи при султанѣ Санджарѣ. Всѣ четверо получили воспитаніе въ школахъ, основанныхъ сельджукскими султанами.

Въ войнѣ съ греками Альпъ Арсланъ нашелъ достойнаго противника въ Романѣ Діогенѣ (стр. 572). Когда Романъ былъ взятъ въ плѣнъ сельджуками, въ обращеніи съ нимъ султана обнаружилось вліяніе болѣе возвышенной философіи ислама которую онъ усвоилъ, благодаря своему воспитателю. Альпъ Арсланъ не только поступалъ великодушно съ плѣннымъ императоромъ и даровалъ ему свободу на выгодныхъ условіяхъ, но въ разговорѣ съ Романомъ выказалъ религіозность и нравственность, рѣзкую протоположность которымъ представляли антихристіанскія воззрѣнія императора. Взятый въ плѣнъ турками, Романъ съ презрѣніемъ сказалъ султану, что онъ почувствовалъ бы свой плѣнъ, еслибъ попался въ его руки. На это Альпъ Арсналъ отвѣчалъ ему: «Я не буду подражать твоей жестокости и строгости. Я слышалъ также, что вашъ пророкъ, Христосъ, предписалъ вамъ миръ и прощеніе, онъ отвергаетъ и гордыхъ любитъ смиренныхъ!» Освободивъ императора, султанъ направилъ свое оружіе противъ фатимидскаго халифа. Мало-по-малу онъ вытѣснилъ его изъ восточной и сѣверной Сиріи, и навелъ такой страхъ на Аравію, что въ Меккѣ въ публичныхъ молитвахъ вмѣсто Фатимида снова стали поминать багдадскаго халифа. Между тѣмъ возобновилась война съ греками, не исполнившими условій договора, заключеннаго съ Романомъ Діогеномъ Рвеніе Альпъ Арслана къ распространенію ислама подало поводъ къ сильнымъ гоненіямъ и жестокостямъ противъ христіянскихъ жителей Грузіи, которыхъ онъ хотѣлъ силою обратить въ исламъ. Во время борьбы съ жителями упорно защищавшими свои укрѣпленные монастыри, событія въ Туркестанъ принудили Альпъ Арслана обратится противъ этой провинціи. Передъ отправленіемъ туда, онъ собралъ свое войско, состоявшее изъ двухъсотъ тысячъ всадниковъ, торжественно объявилъ своего сына, Малекъ-Шаха, наслѣдникомъ и передалъ ему веденіе грузинской войны. Въ самомъ началѣ туркестанскаго похода, Альпъ Арсланъ былъ убитъ (1072 г.). Упрекая одного плѣннаго въ упорномъ сопротивленіи онъ хотѣлъ собственноручно подвергнуть его жестокому наказанію, но плѣнникъ нанесъ ему смертельную рану спрятаннымъ у него кинжаломъ. Въ послѣднихъ словахъ Альпъ Арслана и въ сдѣланной надъ его гробницею надписи, выразилась вся философія его жизни; они представляютъ собою въ тоже время и результатъ высшей восточной мудрости. «Считая себя величайшимъ и сильнѣйшимъ властителемъ,» сказалъ онъ умирая, «я забылъ смиреніе передъ Богомъ; поэтому Богъ низвергъ меня съ высоты и рукою самаго слабаго и ничтожнаго изъ людей показалъ мнѣ непрочность моихъ силъ. Я молю Бога, чтобы онъ простилъ мнѣ грѣхи и ниспослалъ на меня свою милость.» Въ городѣ Меру была сдѣлана, по его повеленію, слѣдующая надгробная надпись: «Вы всѣ, видѣвшіе Альпъ Арслана въ его до небесъ возносившемся величіи, приходите въ Меру и смотрите на него, погребеннаго подъ пепломъ.»

Малекъ-Шахъ, наслѣдовавшій отцу, выгналъ своего дядю Кадерда изъ Кермана и Фарсистана и перенесъ свою резиденцію въ Испагань, бывшую центромъ государства. Позднѣйшіе персидскіе поэты и ученые прославляютъ его, какъ одного изъ величайшихъ государей,—слава, которой онъ преимущественно обязанъ опытному визирю, Незаму-эль-Мульку. Этотъ человѣкъ, въ высшей степени замѣчательный для исторіи мухаммеданской культуры и литературы, былъ воспитанъ по совершенно мухаммеданской методѣ: двѣнадцати лѣтъ онъ уже зналъ коранъ наизусть и въ каждомъ своемъ поступкѣ руководился его предписаніями, Потому онъ въ то же время былъ строгимъ и неумолимымъ судьей, благодѣтелемъ бѣдныхъ и вѣрнымъ слугою своего государя. Какъ визирь, онъ справедливо считалъ себя опорою трона; составленная имъ для поученія государей книга, заключающая въ себѣ не только мудрые совѣты, но и историческіе примѣры, до-

казываетъ, что онъ былъ опытнымъ и мыслящимъ государственнымъ человѣкомъ. На Востокѣ Незамъ до сихъ поръ извѣстенъ подъ именемъ Хуадже Рустана, т. е. учителя праведныхъ. Онъ возстановилъ въ Багдадѣ пришедшія въ послѣднее время въ упадокъ, учебныя заведенія, основалъ названную по его имени незамскую коллегію, одну изъ величественнѣйшихъ академій, извѣстныхъ во всемірной исторіи (стр. 563), и не только въ главныхъ городахъ западной Персіи, но и далѣе на востокѣ въ Гератѣ завелъ школы, подобныя тѣмъ, которыя долго существовали въ странахъ, подвластныхъ нѣкогда Саманидамъ. Неутомимо трудясь надъ распространеніемъ образованности и учености, онъ кромѣ того оказалъ великія услуги цивилизаціи, содѣйствуя приложенію точныхъ наукъ къ гражданской жизни (т. I стр. 514) и принявъ участіе во введеніи новаго лѣтосчисленія. Трудъ этотъ состоялъ въ такомъ же исправленіи календаря, какое было сдѣлано въ 1582 году, по приказанію папы Григорія XIII; надъ исправленіемъ календаря трудились восемь астрономовъ. Тогда же было введено и новое лѣтосчисленіе. Эта новая эра, начинавшаяся по астрономическимъ наблюденіямъ съ 15 марта 1079 года, получила названіе Джелаледдиновой эры, отъ Малекъ-Шаха, носившаго прозваніе Джелаль-эд-Дула-ве-эддина, т. е. украшенія государства и вѣры. Дѣятельность Незама-эль-Мулька въ пользу наукъ была такъ велика, что неудивительно, что багдадскій халифъ провозгласилъ его княземъ ученыхъ съ такою же торжественностью, съ какою Малекъ-Шаха владыкою свѣтскаго царства. Всѣ тогдашнія ученыя знаменитости были приглашены въ Багдадъ, и нигдѣ не было видано такого многочисленнаго собранія ученыхъ. Въ торжественной процессіи отправились они пѣшкомъ ко дворцу халифа; впереди ихъ ѣхалъ Незамъ-эль-Мулькъ. Халифъ выслалъ имъ на встрѣчу придворныхъ и, когда они явились во дворецъ, визирю, какъ нѣкогда султану Тогрульбегу, было назначено особое мѣсто около халифа; кромѣ того онъ получилъ великолѣпную почетную одежду и титулы ученаго, справедливаго и правителя государства.

Для политической исторіи Востока, правленіе Малекъ-Шаха важно въ двухъ отношеніяхъ. Подъ его вліяніемъ произошли въ Сиріи и Палестинѣ перемѣны, которыя послужили непосредственнымъ поводомъ къ крестовымъ походамъ, и онъ же основалъ множество вассальныхъ владѣній, раздробившихъ его царство на нѣсколько небольшихъ государствъ. О перемѣнахъ въ Сиріи можно говорить только тогда, когда будетъ извѣстна исторія Фатимидовъ. Раздѣленіе же царства на независимыя государства получило всемірно-историческое значеніе, сдѣлавшись поводомъ къ образованію различныхъ сельджукскихъ царствъ (напр. иконійско-никейскаго), вошедшихъ въ прикосновеніе съ крестоносцами. Основателемъ иконійско-никейскаго царства былъ Солиманъ I, дальній родственникъ Малекъ-Шаха, который отдалъ ему въ вассальное владѣніе всѣ земли Малой Азіи, отнятыя и которыя предполагалось еще отнять у грековъ. Воспользовавшись безпорядками въ греческой имперіи, Солиманъ завладѣлъ всей Каппадокіей, Киликіей и Исаврією, Кизикомъ, Никеей и другими, даже далеко отстоявшими другъ отъ друга, городами и областями, а Алексѣй I, выступивъ противъ Роберта Гискара (стр. 604), добровольно уступилъ ему значительныя области, чтобы только обезопасить себя со стороны страшнаго врага. Солиманъ основалъ свою столицу въ Никеѣ, и, умирая въ 1086 году, оставилъ преемникамъ государство, простиравшееся отъ Арзерума въ Арменіи до Никеи и границъ Сиріи. У сына его, Килиджъ Арслана I, крестоносцы и византійцы отняли (1097 г.) главный городъ царства и нѣкоторыя другія мѣстности; не смотря на это, онъ не только упрочилъ за собою власть, но даже освободился отъ призрачной зависимости отъ преемниковъ Малекъ-Шаха. Впослѣдствіи это облегчило христіанамъ ихъ предпріятіе противъ Іерусалима. Послѣ потери Никеи, Килиджъ Арсланъ перенесъ свою столицу въ Иконіумъ, и потому основанное его отцомъ сельджукское государство обыкновенно называютъ царствомъ иконійскимъ. Его называли также царствомъ Румъ или Романіей, какъ образовавшимся изъ греческихъ или, по оффиціальному византійскому выраженію, римскихъ странъ. Изъ другихъ вассальныхъ владѣній, которыя основалъ Малекъ-Шахъ и изъ которыхъ образовались особыя сельджукскія династіи, царство Керманъ существовало и прежде, но Малекъ-Шахъ разбилъ и умертвилъ его царя, Кадерда, а въ 1073 г. отдалъ Керманъ сыну Кадерда, Султанъ-Шаху, въ родѣ котораго

оно и осталось. Правителемъ Сиріи онъ назначилъ брата своего, Тутуша I.

Управлять одному всѣми частями такого громаднаго царства не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что страсть къ охотѣ и роскоши часто отвлекала Малекъ-Шаха отъ занятій; а въ послѣднее время его правленія, любимая султанша, Торкана, отдалила его отъ превосходнаго визиря. Онъ владычествовалъ не только надъ всѣми землями до Архипелага и внутреннихъ частей Палестины, но завоевалъ Туркестанъ и принудилъ даже властителя Кашгара и орды, бродившія за предѣлами этой страны до границъ Китая, признать его своимъ верховнымъ главою. Для забавъ охотою онъ построилъ множество замковъ и содержалъ до сорока или пятидесяти тысячъ великолѣпныхъ лошадей. Впрочемъ Малекъ-Шахъ былъ очень добродѣтеленъ и щедръ. Незамъ-эль-Мулькъ впалъ въ немилость, потому что дѣйствовалъ противъ султанши Торканы, старавшейся доставить престолъ своему сыну. Въ 1092 году Незамъ былъ убитъ, вѣроятно, по наущенію султанши, а черезъ тридцать пять дней по смерти визиря умеръ и Малекъ-Шахъ.

Смерть этого третьяго великаго сельджукскаго султана имѣла такое же важное вліяніе на ходъ крестовыхъ походовъ, какъ и введенная имъ на Востокѣ феодальная система; за ней послѣдовала борьба за престолъ, вслѣдствіе которой западная часть царства распалась на небольшія государства и лишилась поддержки восточной. Малекъ-Шахъ оставилъ четырехъ сыновей: Мухаммеда и Санджара, родившихся отъ рабыни, и Махмуда и Баркіарока, матери которыхъ были изъ рода правителей Туркестана. Мать Махмуда, любимая султанша Торкана, тотчасъ же по смерти султана заставила подданныхъ присягнуть своему пятилѣтнему сыну, получила утвержденіе халифа и приняла правленіе въ качествѣ опекунши. Противъ нея возсталъ Баркіарокъ. Сначала счастье благопріятствовало ему, но пріобрѣтенное имъ владычество было немедленно отнято владѣтелемъ Сиріи, братомъ Малекъ-Шаха, Тутушомъ, также изъявившимъ притязаніе на престолъ. Въ 1095 г. Баркіароку удалось однако убить Тутуша въ одномъ сраженіи, а смерть его своднаго брата, Махмуда, и Торканы и распри сыновей Тутуша дали ему возможность упрочить за собой обладаніе Багдадомъ и пріобрѣсти верховное владычество надъ сельджукскимъ царствомъ. Но вскорѣ онъ вступилъ въ новую борьбу за престолъ съ другимъ своднымъ братомъ, Мухаммедомъ, и не могъ помѣшать отпаденію Ховарезміи и Самарканда. Война съ Мухаммедомъ, къ которому присоединился и другой братъ, Санджаръ, длилась пять лѣтъ. Наконецъ, Баркіарокъ долженъ былъ согласиться на миръ, по которому братъ его получилъ въ полное независимое владѣніе часть государства. Въ этомъ договорѣ были, между прочимъ, включены странныя условія, по которымъ, на будущее время, оба брата должны были переписываться только черезъ своихъ визирей, а ихъ солдатамъ было дозволено переходить отъ одного брата къ другому. Умирая въ 1104 году, Баркіарокъ не могъ передать престола своему сыну, и Мухаммедъ овладѣлъ всѣмъ государствомъ. Санджаръ при жизни Мухаммеда оставался его покорнымъ вассаломъ, но лишь только онъ умеръ (1118 г.), какъ онъ началъ войну съ его сыномъ. Борьба между племянникомъ и дядей окончилась пораженіемъ племянника, который только по милости Санджара сохранилъ за собой небольшую часть отцовскихъ владѣній на западѣ. Санджаръ, владычествовавшій на востокѣ, вновь подчинилъ Ховарезмію и Самаркандъ и распространилъ свое вліяніе до границъ Индіи, гдѣ онъ защищалъ одного бѣжавшаго Газнавида, Баграма, и помогъ ему снова завладѣть престоломъ. Безумный планъ нападенія на татарскія орды китаней въ Кашгарѣ стоилъ ему потери всего войска. Черезъ двѣнадцать лѣтъ (1153 г.) онъ началъ борьбу съ другимъ степнымъ народомъ, туркоманами, которые разбили войско Санджара, взяли его самого въ плѣнъ и варварски опустошили Хорасанъ. Черезъ три года султанъ освободился изъ плѣна, но умеръ уже въ слѣдующемъ году (1157 г.). Его преемники сохранили еще нѣкоторое время титулъ повелителей царства, но государство было потрясаемо частыми возстаніями и нападеніями сосѣднихъ властителей.

3. Исторія Фатимидовъ въ Египтѣ до крестовыхъ походовъ.

Ни одна изъ владѣтельныхъ мухаммеданскихъ династій не заслуживаетъ такого вниманія, какъ фамилія Фатимидовъ, исторія которыхъ до того времени, когда они покорили Египетъ и сдѣлали его центромъ своего государства, была уже разсказана нами выше (стр. 329—331). Даже оставляя въ сторонѣ ихъ вліяніе на ходъ событій въ періодѣ крестовыхъ походовъ, — Фатимиды замѣчательны уже потому, что они одни ввели у себя администрацію, основанную на научныхъ положеніяхъ. Еще предшественники ихъ, Тулуниды (стр. 327), ввели въ Египтѣ финансовую систему, соотвѣтствовавшую естественнымъ условіямъ страны, туземнымъ нравамъ и особеннымъ требованіямъ тамошней промышленности и земледѣлія, — систему, столь же выгодную для подданныхъ, какъ для правителей. Государство, за исключеніемъ немногихъ неопредѣленныхъ источниковъ дохода, имѣло три главныя вѣтви доходовъ: пошлины, поземельный налогъ и регаліи; изъ нихъ только послѣднія отдавались на откупъ. Доходъ съ пошлинъ нельзя опредѣлить, но сумма другихъ налоговъ извѣстна изъ сохранившихся финансовыхъ росписей. Мы имѣемъ также свѣдѣнія о произведеніяхъ почвы и о тогдашнемъ состояніи земледѣлія въ Египтѣ. Изъ всего, что дошло до насъ, видно, что въ цвѣтущія времена Тулунидовъ и Фатимидовъ, въ государствѣ воздѣлывалась всѣ удобныя земли, и что тогда Египетъ былъ такъ производителенъ и густо населенъ, что, при сравненіи съ позднѣйшими временами, нами овладѣваетъ невольное удивленіе. Доходы съ поземельнаго налога и съ пошлинъ возвышались и понижались совершенно пропорціонально тому, въ какой степени господствовалъ въ извѣстное время въ государствѣ законъ или произволъ, такъ что, по возстановленію или уничтоженію нѣкоторыхъ налоговъ, можно заключить безошибочно, дурно или хорошо было управленіе. При первыхъ Фатимидахъ страна пользовалась не только превосходной внутренней администраціей, но и чрезвычайно благопріятнымъ внѣшнимъ положеніемъ. Цвѣтущія государства сѣвернаго берега Африки и Сициліи признавали Фатимидовъ сначала за своихъ верховныхъ повелителей, а потомъ долгое время за своихъ духовныхъ наставниковъ и руководителей; между ними и Египтомъ установились непрерывныя торговыя сношенія. Связь съ внутренней Азіей также вновь возстановилась, вслѣдствіе перехода Палестины и Сиріи подъ владычество Фатимидовъ. Кромѣ того, первые государи этой династіи, подчинивъ себѣ не только священные города Мекку и Медину, но и остальной берегъ Аравіи, опять направили къ Египту торговлю съ Индіею и отдаленнымъ Востокомъ. Наконецъ, войдя въ сношенія съ могущественными нубійскими народами, они возобновили пріостановившуюся при Тулунидахъ торговлю съ внутренней Африкой, сдѣлавшуюся тогда живѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Всѣ эти выгоды были отчасти пріобрѣтены первымъ египетскимъ Фатимидомъ, Моэзомъ. Но въ царствованіе его сына, Азиза (975—996 г.), Египетъ сталъ въ еще болѣе выгодныя условія, вслѣдствіе паденія въ Сиріи могущественной династіи Гамаданидовъ (стр. 353). Раздѣленные на двѣ линіи, Гамаданиды владычествовали до тѣхъ поръ отъ Мосула до египетской границы, но были тѣснимы съ разныхъ сторонъ Буидами, греками, бедуинами и Фатимидами въ то время, какъ ихъ раздѣляли семейныя вражды. Наконецъ, мосульскіе Гамаданиды, истребивъ другъ друга и лишившись значительныхъ частей своего государства, уступленныхъ грекамъ и Буидамъ, были низложены вождемъ одного аравійскаго племени, основавшимъ, на развалинахъ ихъ могущества, государство Окайлидовъ. Другую линію, избравшую столицей Алеппо, постигла нѣсколькими годами позже такая же участь. Послѣдній самостоятельный государь этой династіи, Саадъ-эд-Даула, почти всю жизнь боровшійся съ возставшими противъ него подданными, былъ изгнанъ изъ Алеппо и послѣ нѣсколькихъ битвъ снова овладѣлъ городомъ, но вскорѣ за тѣмъ умеръ (991 г.). Его сынъ былъ ничтожнымъ орудіемъ своего отпущенника Лулу. Уже при Саадъ-эд-Даулѣ, греки и египтяне старались воспользоваться распаденіемъ государства Гамаданидовъ;

египтяне овладѣли Дамаскомъ, и Азизъ не задолго передъ смертью отправился въ Сирію, для завоеванія Алеппо. Но Лулу, впослѣдствіи умертвившій своего государя и принудившій его сыновей бѣжать въ Египетъ, сохранилъ за собой владычество надъ городомъ, который перешелъ въ 1008 къ сыну его, Мансуру. Мансуръ вскорѣ долженъ былъ уступить его одному отпущеннику, Фатаху. Фатахъ подчинился владѣтелю Египта; но при второмъ преемникѣ Азиза, Алеппо снова былъ отнятъ у Фатимидовъ и перешелъ къ династіи Калабидовъ или Мардашитовъ (стр. 353).

Царствованіе Фатимида Азиза, къ исторіи котораго мы возвращаемся, замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Вопреки восточному обычаю, онъ не смѣнилъ отцовскаго визиря, обращеннаго въ исламъ еврея, человѣка очень способнаго и справедливаго. И впослѣдствіи, когда народъ возсталъ противъ этого визиря, Азизъ не выдалъ его, за свои собственныя преступленія, на жертву разъяренной толпы, какъ это дѣлали обыкновенно восточные государи, но велѣлъ спрятать преслѣдуемаго, его родственниковъ и имущество въ безопасное мѣсто, а черезъ два мѣсяца снова назначилъ визиремъ и до самой смерти оказывалъ ему уваженіе и почетъ. Азизъ особенно отличался вѣротерпимостью и любовью къ наукамъ. При назначеніи въ должности, онъ имѣлъ въ виду только способности человѣка и, не обращая вниманія на религію и происхожденіе, давалъ самыя высшія мѣста въ государствѣ христіанамъ и евреямъ. Любовь къ наукѣ онъ доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ своими попеченіями объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ арабскихъ астрономовъ, И б н ъ-Ю н и с ѣ, котораго возвысилъ и поддерживалъ. Не предаваясь, подобно персидскимъ ученымъ, астрологическимъ занятіямъ, Ибнъ-Юнисъ составилъ знаменитыя Гакемовы таблицы звѣздъ, названныя такъ по имени преемника Азиза, Гакема, которому онъ посвятилъ ихъ. Наконецъ, Азизъ заменитъ еще по сношеніямъ съ испанскими мухаммеданами, которые вели въ то время дѣятельную торговлю съ Сициліей, Италіей, Египтомъ и сирійскими берегами, и которыхъ онъ хотѣлъ заставить смотрѣть на себя, какъ на единственнаго истиннаго потомка пророка. Между нимъ и испанскимъ халифомъ возникла переписка, принявшая подъ конецъ очень оскорбительный для той и другой стороны тонъ и окончившаяся тѣмъ, что испанскій монархъ отвѣчалъ слѣдующими словами на послѣднее письмо египетскаго халифа: «Ты ругаешь насъ, потому что знаешь насъ; еслибъ мы тебя знали, то отвѣчали бы тебѣ».

Къ несчастію, Азизъ умеръ, оставивъ несовершеннолѣтняго сына Г а к е м а, и власть надъ богатѣйшей страной въ свѣтѣ перешла къ одиннадцатилѣтнему мальчику (966 г.). Царствованіе Гакема состояло изъ ряда жестокихъ и безумныхъ поступковъ. Онъ началъ свое царствованіе умерщвленіемъ назначеннаго ему отцомъ опекуна, человѣка достойнаго, хотя и слишкомъ строгаго. Однако первые годы его царствованія были славны, за исключеніемъ безразсуднаго преслѣдованія суннитовъ въ Дамаскѣ. Городъ Алеппо былъ присоединенъ къ государству, въ самомъ Египтѣ основано много новыхъ городовъ и снова возстановлены прежнія благотворительныя учрежденія, торговля оживилась, благодаря умнымъ мѣрамъ, и земледѣліе сдѣлало такіе успѣхи, что значительно пониженные въ предшествовавшее царствованіе поземельные налоги могли быть вновь увеличены. Первымъ изъ множества нелѣпыхъ поступковъ Гакема, происходившихъ отъ его самонадѣянности и доходившаго до безумія фанатизма, было жестокое преслѣдованіе суннитовъ въ Дамаскѣ (1103 г.) Фанатически преданный шіитскому ученію, онъ не обратилъ при этомъ вниманія на то, что сунниты составляли значительное большинство населенія Сиріи. Направленіе это становилось еще рѣшительнѣе и рѣзче, по мѣрѣ того какъ увеличилась его слава и значеніе. При немъ какъ бы стала осуществляться мысль, что Фатимиды должны были совершенно затмить собою верховнаго повелителя суннитовъ, халифа багдадскаго. Гакемъ былъ признанъ истиннымъ наслѣдникомъ пророка на всемъ пространствѣ отъ Мосула до Мекки, не смотря на то, что въ то время были собраны въ Багдадѣ, по повелѣнію Аббасида Кадера, всѣ потомки Мухаммеда и ученые его государства, составившіе манифестъ, объявлявшій происхожденіе Фатимидовъ отъ пророка ложнымъ (1011 г.). Даже окайлидскій владѣтель Мосула, Мадаина, Куфы и другихъ городовъ велѣлъ молится въ мечетяхъ за Гакема, называлъ его восходящимъ съ

запада солнцемъ. Такое поклоненіе должно было еще болѣе вскружить ему голову и довести его впослѣдствіи до безумія. Впрочемъ, объясненія такого настроенія мыслей должно кажется главнымъ образомъ искать въ мистическомъ ученіи измаелитской секты, въ которую еще въ юности былъ посвященъ Гакемъ. Секта эта, о которой впослѣдствіи, послѣ разсказа о первомъ крестовомъ походѣ, будетъ сказано подробнѣе, состояла изъ мечтательныхъ фанатиковъ шіитовъ и проповѣдывала систему мистицизма, основная мысль которой заключалась въ томъ, что достоинство имама (стр. 285) и вмѣстѣ съ нимъ духъ божій сдѣлались наслѣдственными въ родѣ Фатимы и переходили всегда отъ отца къ сыну. Гакемъ примѣнилъ это ученіе къ себѣ и, на основаніи его, считалъ себя въ правѣ требовать божескихъ почестей и возвѣщать божественное ученіе. Онъ выдавалъ себя за воплощенное божество, приказалъ объявить объ этомъ народу, и уже въ 1009 году послалъ своихъ даіевъ или миссіонеровъ на дальній востокъ проповѣдывать измаелитское ученіе, распространяемое въ то же время многочисленными фанатиками въ Сиріи и Аравіи.

Съ этого времени Гакемъ окончательно помѣшался. Еще прежде, подражая Нерону, онъ ввелъ полицейскую систему управленія, доходившую до полнаго безумія. Между прочимъ, чтобы уничтожить самый соблазнъ къ пьянству, онъ приказалъ истребить всѣ виноградники, запретилъ прогулки по каналу около Каира, велѣлъ задѣлать всѣ выходящія на него окна, запереть всѣ выходы къ нему и даже сосѣднія улицы; запретилъ женщинамъ не только выходить изъ домовъ, но даже показываться на крышахъ, а башмачникамъ, подъ страхомъ наказанія дѣлать женскіе башмаки. Когда однажды надъ нимъ публично смѣялись въ Каирѣ, онъ велѣлъ зажечь и разграбить городъ. Гакемъ часто самъ ѣздилъ по улицамъ на ослѣ, для наблюденія за точнымъ исполненіемъ своихъ полицейскихъ предписаній. Окончательно объявивъ себя божествомъ, онъ сдѣлался еще неистовѣе; но чѣмъ безумнѣе онъ становился, тѣмъ въ большій восторгъ приходили отъ него послѣдователи его секты, тѣмъ болѣе должны были страдать разсудительные изъ его подданныхъ отъ яростныхъ мечтателей, поклонявшихся потомку Фатимы. Особенно терпѣли евреи и христіане, которымъ онъ приказалъ отличать себя отъ правовѣрныхъ внѣшнимъ знакомъ. Когда случайно было открыто, какимъ образомъ зажигался огонь самъ собой на святомъ гробѣ въ Іерусалимѣ,—обманъ, которому простодушные пилигримы вѣрили какъ чуду,—онъ пришелъ въ такое бѣшенство, что не только запретилъ христіанамъ путешествія ко святымъ мѣстамъ, но велѣлъ разрушить всѣ церкви и синагоги въ государствѣ. Дѣйствительно, всѣ онѣ были разрушены. Даже мухаммедане, ходившіе на поклоненіе къ умершему пророку и, слѣдовательно, презиравшіе въ Гакемѣ, помазанникѣ Божьемъ, живой духъ Божій, были преслѣдуемы, а святыя мѣста ихъ разрушены. Впослѣдствіи, однако, всѣ предписанія противъ мухаммеданъ, евреевъ и христіанъ были отмѣнены. Впрочемъ, преслѣдованія христіанъ продолжались долго, такъ что жалобы возвращавшихся пилигримовъ имѣли время воспламенить весь Западъ и распространить первую мысль о крестовомъ походѣ. Фанатизмъ приверженцевъ Гакема и безуміе его дѣйствій возстановили, наконецъ, противъ него его семью, и его сестра, Ситтъ-эль-Молькъ, рѣшилась умертвить брата (1021 г.). Загадочная смерть внезапно исчезнувшаго Гакема заставила его почитателей говорить, что онъ отправился на небо или, какъ утверждали другіе, спустился въ море.

Ситтъ-эль-Молькъ овладѣла сокровищами, а съ ихъ помощью и правленіемъ, которое она приняла именемъ своего племянника, Тахера, и удерживала въ рукахъ до самой смерти (1025 г.). Послѣ нея царствовалъ Тахеръ. При немъ немъ отпали Алеппо и нѣкоторые другіе города Сиріи, но за то въ Африкѣ онъ былъ всѣми признанъ за единственнаго истиннаго халифа, и благосостояніе Египта увеличилось, благодаря хорошей администраціи. Умирая (1036 г.), онъ оставилъ семилѣтняго сына, Мостансера. Государствомъ правила его мать вмѣстѣ съ назначеннымъ ею визиремъ. Придавая громадное значеніе обладанію Сиріей, правители Египта заключили миръ съ греками, флотъ которыхъ господствовалъ въ то время на морѣ и во власти которыхъ находилась Антіохія. По этому миру греческому императору было дозволено снова построить въ Іерусалимѣ церковь воскресенія, право, принесшее всего болѣе выгодъ самимъ египтянамъ, потому что молва о новомъ храмѣ привлекла въ Палестину еще болѣе пилигримовъ,

чѣмъ прежде. Вообще при Мостансерѣ не примѣтно еще внѣшняго упадка могущества Фатимидовъ; но за то внутреннія событія и перевороты представляютъ длинный рядъ несчастій правителя, непрерывныя волненія и возстанія солдатъ и своеволіе наглыхъ невольниковъ, захватившихъ въ свои руки всю власть. Съ этихъ поръ начался въ государствѣ періодъ смутъ, который привелъ Египетъ въ такое же состояніе, какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ Багдадъ: правленіе совершенно перешло въ руки должностнаго лица, халифамъ же осталась лишь тѣнь пустыхъ почестей; только этотъ всемогущій повелитель назывался не эмиромъ-аль-омра, какъ въ Багдадѣ, а визиремъ. Позднѣе онъ даже получилъ титулъ царя и султана и, уже при Мостансерѣ, носилъ тоже почетныя прозвища, какъ и халифъ. Съ этого времени исторія фатимидскаго царства, также какъ и аббасидскаго, соединена болѣе съ именами этихъ правителей, чѣмъ съ именами халифовъ.

Первымъ визиремъ Мостансера былъ Абу Мухаммедъ Гасанъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Я з у р и, по мѣсту своей родины. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всю правительственную власть, а не задолго до своего паденія являлся всюду окруженный царскимъ блескомъ, и велѣлъ на монетахъ чеканить свое имя рядомъ съ именемъ халифа. Его правленіе совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда были уничтожены Тогрульбегомъ замыслы Базазири провозгласить Фатимидовъ и въ Багдадѣ единственными наслѣдниками пророка (стр. 641). Кажется, что опасность, угрожавшая тогда египетскому визирю, помѣшала ему подать необходимую помощь багдадскимъ шіитамъ. Впрочемъ Язури былъ искуснымъ правителемъ и всѣ его мѣры доказываютъ, что онъ умно и справедливо управлялъ государствомъ и что при немъ всѣ отрасли внутренняго и внѣшняго управленія находились въ цвѣтущемъ и благоустроенномъ состояніи. Однако, при немъ уже замѣтны слѣды упадка. По крайней мѣрѣ росписи податей того времени показываютъ, что государственные доходы значительно уменьшились, не смотря на то, что во всѣхъ распоряженіяхъ Язури видѣнъ человѣкъ, способный управлять финансами государства. Это уменьшеніе государственныхъ доходовъ объясняется отчасти продолжавшимися нѣсколько лѣтъ опустошительными набѣгами двухъ разбойничьихъ племенъ на Сирію и двухъ другихъ племенъ на восточную часть нильской долины, точно такъ же, какъ въ новѣйшее время бедуины, подобно саранчѣ, не разъ нападали на эти страны. Нападеніямъ на Египетъ Язури положилъ конецъ, склонивъ племена, опустошавшія нильскую долину, перейти черезъ нее въ западную Африку и напасть на владѣтеля тѣхъ странъ, Бадисида Моэза (стр. 332). Оскорбленіе, нанесенное египетскому визирю Моэзомъ, если только достовѣрно то, что разсказываютъ объ этомъ, чрезвычайно характеристично, потому что показываетъ намъ въ Моэзѣ чуждую вообще жителямъ фамильную гордость, заимствованную имъ, по всей вѣроятности, съ Запада, съ которымъ онъ находился въ сношеніяхъ. Говорятъ, что Бадисидъ въ письмахъ къ Язури, который былъ сыномъ поселянина, изъ гордости не употреблялъ принятой формы, «твой слуга», но писалъ всегда «твой преданный, и не измѣнялъ своей манеры, не смотря на всѣ замѣчанія и жалобы египетскаго визиря. Цѣль визиря была достигнута: арабы опустошили владѣнія Бадисида, разоривъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасную, процвѣтавшую торговлей Барку, жители которой бѣжали въ Александрію.

Въ отношеніи администраціи и правосудія Язури можетъ считаться образцомъ. Онъ заботился о быстромъ судопроизводствѣ и правильномъ отправленіи его, ввелъ свободу промысловъ, за которыми былъ однако строгій надзоръ посредствомъ конкуренціи старался всегда поддерживать низкія цѣны на первыя жизненныя потребности и, наконецъ, принудилъ скупаго Мостансера, который до тѣхъ поръ, подъ предлогомъ устройства магазиновъ на случай голодныхъ годовъ, занимался хлѣбной торговлей, направить свою корыстную дѣятельность на другіе предметы. Къ несчастью, вслѣдъ за тѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду не было полнаго наводненія Нила, и недостатокъ въ запасныхъ магазинахъ сталъ тѣмъ ощутительнѣе, что переговоры Язури съ греками, для полученія отъ нихъ хлѣба, остались безуспѣшными. Переговоры эти (около 1054 г.) вызвали продолжительные споры, изъ которыхъ, такъ же, какъ изъ твердости мухаммеданскаго визиря и непостоянства христіанскихъ министровъ, ясно видно все духовное его превосходство надъ ними. Эти же споры, слѣдствіемъ которыхъ было оскорбленіе свя-

тыни христіанъ въ Іерусалимѣ, подали новый поводъ къ крестовымъ походамъ. Язури отмстилъ грекамъ тѣмъ, что велѣлъ отобрать всѣ сокровища ихъ единовѣрцевъ, находившіяся въ іерусалимскомъ храмѣ. Замѣчательный примѣръ кротости и справедливости, господствовавшихъ при Фатимидахъ, во время управленія Язури, мы можемъ видѣть изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ смерть двухъ чрезвычайно богатыхъ родственницъ халифа, которыя жили, какъ кажется, болѣе ста лѣтъ, если судить по тому, что онѣ были сестры перваго фатимидскаго царя Египта. Въ Багдадѣ ихъ навѣрное давно умертвили бы или, по крайней мѣрѣ, ихъ несмѣтныя, сокровища попали бы въ руки халифа; въ Египтѣ же первые четыре преемника Моэза спокойно дожидались, когда богатства эти перейдутъ къ нимъ, и только четвертый законный наслѣдникъ вступилъ во владѣніе ими.

Девять лѣтъ находился Язури во главѣ управленія, и, лишенный власти, былъ изгнанъ или казненъ. Въ ближайшее послѣ него время перевороты быстро слѣдовали одинъ за другимъ, министры безпрестанно мѣнялись и всѣ превосходныя учрежденія государства пришли въ упадокъ. Наконецъ, правленіе снова перешло въ руки матери Мостансера, африканки. Не довѣряя турецкимъ наемникамъ, она образовала себѣ гвардію изъ африканцевъ; но между ними и наемниками скоро вспыхнула рѣшительная война. Во главѣ турокъ стоялъ потомокъ низвергнутой за шестьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ сирійской владѣтельной фамиліи Гамаданидовъ, Насръ-эд-Даула, игравшій въ послѣднія десять лѣтъ важную роль при дворѣ халифовъ. Призвавъ къ себѣ еще два аравійскія племени, онъ въ двухъ битвахъ разбилъ, хотя и не могъ совершенно уничтожить, овладѣвшихъ Верхнимъ Египтомъ негровъ, число которыхъ возросло до пятидесяти тысячъ (1067 г.), потомъ занялъ Александрію и принудилъ халифа, позорнымъ для него образомъ, выдать сокровища, которыя онъ и раздѣлилъ между своими друзьями и солдатами. Тщетно осаждая нѣкоторое время Мостансера, дикія орды Насръ-эд-Даулы, чтобы только добыть отъ халифа новыя суммы, разграбили даже гробницы Фатимидовъ. Онѣ ворвались также въ драгоцѣнную библіотеку фатимидскихъ халифовъ и истребили ея незамѣнимыя сокровища. Библіотека эта помѣщалась въ сорока залахъ халифскаго дворца и заключала въ себѣ несмѣтное множество книгъ, въ числѣ которыхъ находилось, между прочимъ до восемьнадцати тысячъ рукописей, обнимавшихъ собою всю науку древности, и двѣ тысячи четыреста тщательно написанныхъ и украшенныхъ золотомъ и серебромъ экземпляровъ корана. Всѣ эти сочиненія были взяты турками и проданы по самой ничтожной цѣнѣ. Вскорѣ послѣ того, изгнанный изъ Каира недовольной частью войска, Насръ-эд-Даула перенесъ столицу въ Александрію и сталъ готовиться къ войнѣ съ африканцами. Онъ призвалъ къ себѣ сорокъ тысячъ арабскихъ наѣздниковъ изъ племени леватовъ (Lewatah) и звалъ въ Египетъ Альпъ Арслана; но сельджукскій султанъ, занятый въ то время войною съ греками и приготовленіями къ походу въ Туркестанъ, не могъ исполнить его просьбы. Насръ-эд-Даула занялъ своими дикими полчищами весь Нижній Египетъ, разрушилъ тамъ всѣ произведенія древней цивилизаціи и уничтожилъ каналы и плотины, чтобы прочнѣе утвердиться въ разоренной странѣ. Ко всѣмъ бѣдствіямъ опустошительной войны присоединился еще страшный голодъ и вслѣдъ за нимъ чума, переполнившіе мѣру страданій несчастныхъ египтянъ. Трудно представить себѣ весь ужасъ тогдашняго положенія густо населенной страны, опустошаемой въ продолженіе пяти лѣтъ голодомъ, войной и чумой. Часто на золото и дорогіе камни нельзя было купить муки и хлѣба; порядокъ изчезъ; люди превращались въ бѣшенныхъ звѣрей; человѣческое мясо стало почти обыкновенной пищей; страна вокругъ Каира превратилась въ пустыню, а дворецъ халифа въ убѣжище разбойниковъ. Самъ халифъ дошелъ до совершенной нищеты и продавалъ мало-помалу всѣ остатки древняго фатимидскаго богатства, а чтобы продлить свое существованіе, долженъ былъ даже продать украшенія, еще оставшіяся на гробницахъ его предковъ, и все-таки вѣроятно умеръ бы съ голоду, еслибъ его не взяла къ себѣ одна женщина, отдававшая тогда бѣднымъ все свое громадное богатство и ежедневно посылавшая халифу чашку супу. Когда Насръ-эд-Даула завладѣлъ Каиромъ, Мостансеръ такъ упалъ духомъ, что согласился принимать ежемѣсячное подаяніе отъ своего раба. Пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ страны.

Насръ-эд-Даула захватилъ въ свои руки всю власть и уже готовился принять титулъ султана, но былъ умерщвленъ своими приверженцами (1072 г.).

Смерть тирана нисколько не измѣнила участи несчастнаго Фатимида, пріобрѣвшаго въ убійцахъ только новыхъ мучителей. Бѣдствіе и война еще два года терзали Египетъ, пока, наконецъ, Мостансеръ не призвалъ на помощь и не оставилъ во главѣ правленія Бедра, имя котораго до сихъ поръ живетъ въ памяти египтянъ. Фамилія его имѣетъ болѣе значенія для исторіи, чѣмъ послѣдніе Фатимиды, утратившіе всякое вліяніе даже на свои собственныя дѣла. По рожденію армянинъ и христіанинъ, Бедръ, какъ рабъ, перешелъ въ исламъ, былъ, согласно обыкновенію, названъ, но имени своего перваго господина, аль-Джемали и, будучи намѣстникомъ Дамаска, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣлъ всеобщую извѣстность своимъ превосходнымъ управленіемъ. Въ послѣднее несчастное время, онъ сохранилъ Фатимидамъ часть Сиріи и Палестины и, благодаря храбрости и ловкости, утвердился на своемъ мѣстѣ, не смотря на то, что Насръ-эд-Даула всячески старался его вытѣснить, а подчиненные ему намѣстники Тира, Триполи и другихъ городовъ не слушали его приказаній, и въ Сиріи также свирѣпствовали голодъ и чума. Насръ-эд-Даула наконецъ отправилъ противъ него значительное войско. Видя невозможность бороться противъ этого войска, состоявшаго изъ дикихъ наемниковъ и жестоко притѣснявшаго даже мирныхъ подданныхъ своего повелителя, Бедръ призвалъ на помощь племя ногайскихъ туркомановъ, которые подъ предводительствомъ Атзитца вторглись въ Сирію вмѣстѣ съ сельджуками. Туркоманы разбили и прогнали войско Насръ-эд-Даулы, но потомъ обратили оружіе противъ Бедра, завоевали въ 1072 г. Іерусалимъ и покорили почти всю Палестину и Сирію. Замѣчательно, что предводитель этихъ разбойничьихъ ордъ не коснулся сокровищъ главной іерусалимской церкви, а потребовалъ только отъ духовенства, чтобы оно молилось за Аббасидовъ.

Въ 1074 году Бедръ былъ призванъ Мостансеромъ въ Египетъ для управленія государствомъ и назначенъ министромъ. Положеніе страны было ужасно. «Всѣ жилища, говоритъ одинъ арабскій историкъ, стояли пустыми, чума похитила все, смерть и опустошеніе распространились по всему Египту; только немногіе остались живыми, да и тѣ носили на лицахъ блѣдную печать смерти: голодъ, чума и ужасъ, внесенный войскомъ рабовъ и чужестранцевъ, лишили ихъ человѣческаго образа. Земледѣлію не доставало рукъ, всѣ сообщенія водой и сухимъ путемъ были прерваны, и пускаться въ путь можно было только съ большимъ трудомъ, подъ военнымъ конвоемъ. Городъ Каиръ былъ разграбленъ и покинутъ, и солдатамъ Бедра приходилось строить себѣ жилища изъ камней опустѣлыхъ домовъ Фостата» (стр. 331). Не смотря на столь бѣдственное положеніе страны, Бедръ нашелъ средства облегчить ея страданія и съ помощью войскъ, приведенныхъ изъ Сиріи, возстановилъ спокойствіе и порядокъ. Къ какимъ средствамъ прибѣгалъ онъ и какъ употреблялъ ихъ въ дѣло, можно судить по одному тому, что во время войны съ остатками прежнихъ ополченій Насра, часто въ одинъ день на рынкѣ Каира выставлялось, по его приказанію, для продажи до двадцати тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Съ того дня, когда халифъ среди пышныхъ празднествъ назначилъ его визиремъ, все управленіе приняло новый и лучшій видъ. Разбойничьи орды были уничтожены, порядокъ и тишина возвратились, разрушенные каналы были возстановлены, торговля оживилась и благосостояніе страны снова возвысилось. Даже берегъ Аравіи, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ подчинившійся Аббасидамъ, снова призналъ надъ собою власть Фатимидовъ и посланный изъ Багдада коверъ для каабы былъ замѣненъ другимъ, на которомъ было вытканно имя Мостансера. Только Сирія, за исключеніемъ приморскихъ городовъ, оставалась добычею вторгнувшихся въ нее дикихъ ордъ, и притѣсненія, претерпѣваемыя отъ нихъ тамошними христіанами, вызвали крестовый походъ еще прежде, чѣмъ Египетъ вновь подчинилъ себѣ эту страну.

4. Окайлиды, Келабиды и первые Атабеги въ Сиріи.

Около начала одиннадцатаго вѣка, Гамаданиды были изгнаны Окайлидами и Келабидами (стр. 646) изъ Мосула и Алеппо, двухъ важнѣйшихъ городовъ на юго-восточной границѣ христіанскихъ владѣній. Основатель династіи Окайлидовъ. Абулъ-Давидъ, завладѣлъ въ 991 году мосульскимъ царствомъ, а его братъ и преемникъ, Мокалледъ, царствовавшій съ 996 по 1001 г., распространилъ свое владычество надъ всей Месопотаміей. Сынъ и преемникъ Мокалледа, Карвашъ, особенно замѣчателенъ тѣмъ, что, находясь между двумя могущественными династіями, нѣсколько разъ мѣнялъ своихъ верховныхъ властителей, признавая власть то Аббасидовъ, то Фатимидовъ, и переходилъ изъ шіитской секты въ суннитскую, смотря по тому, кто имѣлъ перевѣсъ въ сосѣднихъ съ нимъ владѣніяхъ: сумасшедшій ли Гакемъ, или владычествовавшіе именемъ Аббасидовъ, Буиды. Въ половинѣ XI вѣка, онъ палъ жертвою одного изъ тѣхъ переворотовъ, которые такъ часто повторяются на Востокѣ. Карвашъ былъ низвергнутъ и заключенъ въ темницу роднымъ братомъ, которому наслѣдовалъ Кореишъ, сынъ третьяго брата, владычествовавшій въ Низибѣ и игравшій важную роль въ Багдадѣ, во время возстанія Базазири (стр. 642). Сынъ и наслѣдникъ Кореиша, Муслемъ (1061 — 1085 г.), увеличилъ свои владѣнія завоеваніемъ Алеппо. Городъ этотъ, перейдя изъ-подъ власти послѣднихъ Гамаданидовъ въ руки Фатимидовъ, отдался, въ 1025 г., арабскому шейху Салеху, основавшему тамъ династію Мардашитовъ или Келабидовъ. Салехъ, значительно расширившій свои владѣнія, былъ убитъ въ 1029 г. въ сраженіи вторгнувшимися въ Сирію, подъ предводительствомъ Ануштекина, туркоманами. Ануштекинъ продолжалъ войну съ сыновьями Салеха и въ 1038 году овладѣлъ Алеппо. По смерти его, въ 1042 г., городъ снова сдѣлался яблокомъ раздора между Фатимидами и арабскими племенами и безпрестанно переходилъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, Мардашиты снова не завладѣли Алеппо (1060 г.), и владычествовали надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока не были изгнаны своимъ единоплеменникомъ, Окайлидомъ Муслемомъ. Анекдотъ, переданный дядею Муслема, Карвашемъ, показываетъ, сколько терпѣли богатые промышленные города Сиріи отъ этихъ безпрестанныхъ перемѣнъ владѣтелей и отъ такихъ повелителей, какъ аравійскіе бедуины. Муслемъ, котораго арабскіе историки называютъ мудрецомъ и хорошимъ поэтомъ, часто говаривалъ, что онъ долженъ дать отчетъ Богу только въ пяти или шести убитыхъ имъ бедуинахъ, потому что верховный судья не принимаетъ въ разсчетъ жителей городовъ. Могущество Муслема, соединившаго подъ своимъ владычествомъ Мосулъ и Алеппо, было такъ велико, что даже принадлежавшій грекамъ городъ Антіохія долженъ былъ платить ему дань. Но такое увеличеніе владѣній было гибельно для самихъ же Окайлидовъ: оно привело ихъ въ столкновеніе съ двумя сельджукскими государствами, образовавшимися въ Сиріи и Малой Азіи.

Выше было упомянуто, что незадолго передъ тѣмъ орда ногайскихъ туркомановъ, подъ предводительствомъ Атзитца, покорила почти всю Сирію и Палестину. Даже Дамаскъ, имѣвшій тогда, по крайней мѣрѣ, триста тысячъ жителей, былъ ими завоеванъ. Стремясь еще къ большему могуществу, Атзитцъ рѣшился покорить и Египетъ. Появленіе его передъ Каиромъ съ войскомъ изъ туркомановъ, курдовъ и арабовъ было такъ внезапно, что египтяне не имѣли даже времени вооружиться (1077 г.). Тогда Бедръ прибѣгнулъ къ средству, обыкновенно употребляемому восточными государями и министрами. Онъ вступилъ въ переговоры съ Атзитцомъ и обязался уплатить значительную сумму денегъ, а подъ предлогомъ сбора ихъ заключилъ перемиріе, которымъ и воспользовался, чтобы собрать войска и подкупить солдатъ Атзитца. Тогда онъ далъ сраженіе, въ которомъ все войско его противника было уничтожено. Побѣда Бедра рѣшила въ тоже время и судьбу Сиріи: преслѣдуемый египтянами и ненавидимый сирійцами, Атзитцъ обратился къ сельджукскому султану, Малекъ-Шаху, которому еще въ предшествовавшемъ году обязался платить дань. Въ то время Малекъ-Шахъ началъ основывать сельджукскія вассальныя владѣнія. Желая также основать госу-

дарство и для Тутуша, султанъ поручилъ брату поддержать Атзитца и самъ помогъ ему войскомъ. Тутушъ разбилъ египтянъ, которые окружили Атзитца въ Дамаскѣ, но вслѣдъ затѣмъ изъ союзника сдѣлался непримиримымъ врагомъ Атзитца, и умертвилъ его, когда тотъ явился къ нему (1080 г.). Такимъ образомъ въ то время, когда Окайлидъ Муслемъ завладѣлъ Алеппо, Тутушъ сдѣлался владѣтелемъ Дамаска и другихъ подвластныхъ Атзитцу городовъ. Муслемъ искалъ защиты отъ угрожавшей ему опасности въ союзѣ съ египетскимъ халифомъ; но Бедръ не посылалъ ему обѣщанной помощи, тогда какъ Тутушъ былъ поддерживаемъ войсками Малекъ-Шаха. Окайлидъ былъ разбитъ въ 1083 году при нападеніи на Дамаскъ, и потерпѣлъ такое пораженіе, что вскорѣ принужденъ былъ отдать сельджукскому султану Мосулъ и другіе города Востока и сдѣлаться его вассаломъ. Но и это не спасло его отъ гибели. Въ это же время сельджукскій владѣтель Никеи, Солиманъ I (стр. 644), завоевавъ подвластный грекамъ городъ Антіохію, владѣтель котораго платилъ дань Окайлидамъ, началъ войну съ Муслемомъ, который былъ убитъ въ сраженіи (1085 г.). Разбивъ Окайлида, Солиманъ хотѣлъ немедленно завладѣть Алеппо, но Тутушъ поспѣшилъ туда изъ Дамаска, и оба сельджукскіе предводители стали, какъ коршуны, отнимать другъ у друга добычу, пока наконецъ Солиманъ не былъ убитъ въ сраженіи. Эта побѣда не доставила Тутушу владычества надъ Алеппо: намѣстникъ Муслема храбро защищалъ городъ и обратился даже съ просьбою о помощи къ Малекъ-Шаху. Султанъ явился и раздѣлилъ Сирію такимъ образомъ, что Алеппо и Антіохія были отняты у Тутуша. Алеппо получилъ одинъ изъ храбрыхъ и жестокихъ предводителей войска Малекъ-Шаха, Аксонкоръ, а Антіохію—Баги Сеянъ, племянникъ султана. Даже фамиліи Окайлидовъ и ихъ алеппскому намѣстнику были розданы небольшія владѣнія въ Сиріи. Возлѣ этихъ маленькихъ сирійскихъ владѣтелей утвердилась еще ранѣе, около Іерусалима, одна фамилія, сохранявшая свои владѣнія до смерти Малекъ-Шаха. Въ 1084 году Тутушъ отдалъ этотъ городъ въ управленіе или, вѣрнѣе, для сбора съ жителей платимой ими подати туркоману Ортоку, оставившему свое владѣніе двумъ сыновьямъ, Сояману и Ильгази. Эти частыя перемѣны властителей и владычество грубыхъ предводителей ордъ были чрезвычайно пагубны для Сиріи: всѣ бѣдствія войнъ ложились на жителей, и варвары обращались съ людьми и произведеніями искусствъ съ истинно вандальскою грубостью; но самыя ужасныя притѣсненія терпѣли христіане и европейскіе пилигримы. Разсказы историковъ той эпохи объ участи христіанъ въ Іерусалимѣ казались бы намъ преувеличенными, если бы мы не знали, изъ описаній путешествій нашего времени, объ обращеніи турокъ съ евреями и христіанами въ Азіи и Африкѣ. Грубые турки обходились съ ними самымъ возмутительнымъ образомъ: они держали несчастныхъ христіанъ въ постоянномъ страхѣ, грабили ихъ имущества, съ криками и шумомъ врывались во время богослуженія въ ихъ церкви, садились на алтари, ругали и били священниковъ и даже патріарховъ. Той же участи подвергались и европейскіе пилигримы, жизнь которыхъ была въ постоянной опасности.

Пока былъ живъ Малекъ-Шахъ, различные владѣтели Сиріи оставались его вассалами, но лишь только умеръ султанъ, какъ Тутушъ принудилъ ихъ признать себя верховнымъ повелителемъ всей страны. Они оставались покорными ему, когда онъ вздумалъ завоевать царство своего брата, и только владѣтель Алеппо, Аксонкоръ, присоединился къ сыну Малекъ-Шаха, Баркіароку, который послалъ ему значительное подкрѣпленіе подъ начальствомъ Кербоги. Тутушъ разбилъ Аксонкора и его сановника, Кербогу, взялъ обоихъ въ плѣнъ и велѣлъ казнить владѣтеля Алеппо, а племянника заключить въ Гемсъ. Казалось, Тутушъ, покорившій Сирію и заставившій всѣ земли до Тигра признать свое владычество, образуетъ громадное царство; но въ это самое время онъ былъ разбитъ Баркіарокомъ въ одномъ рѣшительномъ сраженіи и лишился жизни (1095 г.). По его смерти произошли въ Сиріи перемѣны, имѣвшія важное значеніе для исторіи начавшагося уже въ слѣдующемъ году перваго крестоваго похода. Баги Сеянъ остался владѣтелемъ Антіохіи и подчинился Баркіароку. Сыновья Ортока, Сокманъ и Ильгази, тоже сохранили за собой власть надъ Іерусалимомъ и признали Баркіарока своимъ верховнымъ повелителемъ. Кербога, которому сыновья Тутуша возвратили свободу, вѣроятно, вслѣдствіе договора съ Баркіарокомъ, получилъ отъ

своего прежняго повелителя не только Мосулъ, но и всѣ остальные города на Тигрѣ и Евфратѣ, еще не имѣвшіе особыхъ владѣтелей; впрочемъ и большинство владѣтелей остальныхъ городовъ этой мѣстности сдѣлалось его вассалами. Сынъ Аксонкора, пожертвовавшаго жизнью за Баркіарока, Зенги, не получилъ отцовскаго владѣнія Алеппо, которымъ завладѣлъ одинъ изъ сыновей Тутуша, Родванъ; другой, Докакъ, провозгласилъ себя владѣтелемъ Дамаска. Докакъ предоставилъ управленіе своему воспитателю, старому слугѣ его отца, Тогтекину, къ фамиліи котораго перешло потомъ и владычество надъ Дамаскомъ. Оба государства постоянно враждовали между собою. Родванъ искалъ помощи противъ брата и его визиря у Фатимидовъ, владѣвшихъ приморскими городами Сиріи, и признавалъ ихъ своими верховными повелителями всякій разъ, какъ нуждался въ ихъ помощи; но, когда опасность проходила, тотчасъ же отпадалъ отъ нихъ и снова приказывалъ молиться въ мечетяхъ за Аббасидовъ. Между тѣмъ въ Египтѣ умерли дѣйствительный правитель государства, Бедръ, и вслѣдъ за нимъ халифъ Мостансеръ (1094 г.). Обоимъ наслѣдовали ихъ сыновья, раздѣлившіе между собою власть такъ же, какъ и ихъ отцы: Мостали, сынъ Мостансера, былъ провозглашенъ халифомъ и до самой смерти (1101 г.) считался правителемъ; сынъ Бедра, Ахмедъ Афдалъ, занималъ должность визиря съ такимъ же объемомъ власти, какъ и его отецъ. Чтобы придать болѣе блеска началу своего правленія, новый визирь предпринялъ походъ въ Сирію въ томъ же самомъ году, когда вожди первыхъ крестоносцевъ появились на Востокѣ. Онъ хотѣлъ покорить и внутренность страны, берега которой всегда находились во власти египетскихъ халифовъ, и прежде всего двинулся на Іерусалимъ. Владѣтели Іерусалима, Ильгази и Сокманъ, не могли бороться съ отборными войсками Афдала и послѣ непродолжительной осады сдали египтянамъ городъ (въ августѣ 1096 г.). Получивъ съ своими толпами свободный выходъ, они, послѣ разнаго рода похожденій, основали новое владѣніе на верхнемъ Тигрѣ.

Династіи, образовавшіяся на мѣсто распадавшагося государства сельджуковъ, царствовали подъ различными названіями. Владѣтели Рума, Алеппо и Дамаска и потомки Санджара въ восточной Персіи назывались султанами. Большинство другихъ носило титулъ атабеговъ, — данный еще Малекъ-Шахомъ его знаменитому визирю, Незамъ-аль-Мульку, и означавшій княжескаго отца или опекуна, т. е. соотвѣтствовавшій званію регента или правителя государства.

II. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

И КОРОЛЕВСТВО ІЕРУСАЛИМСКОЕ.

1. Общее обозрѣніе.

Когда западные христіане предприняли въ первый разъ крестовый походъ въ Палестину, положеніе дѣлъ въ Европѣ и на Востокѣ было въ высшей степени благопріятно для такого предпріятія. Чтобы понять это, достаточно бросить бѣглый взглядъ на состояніе восточныхъ государствъ и припомнить послѣднія главныя событія западнаго міра. На Востокѣ уже нѣсколько столѣтій мухаммедане были раздѣлены на двѣ враждебныя секты: шіитовъ и суннитовъ. Между шіитами были, сверхъ того, различнаго рода фанатическіе ордена, часто не имѣвшіе ничего общаго съ исламомъ; къ одному изъ такихъ орденовъ принадлежалъ фатимидскій халифъ въ Египтѣ, хотя онъ, по восточному выраженію, и носилъ одежду Алидовъ или потомковъ и приверженцевъ четвертаго халифа, котораго половина мухаммеданъ признавала за перваго законнаго наслѣдника пророка (стр. 292). Въ Багдадѣ суннитскій халифъ, изъ фамиліи Аббасидовъ, постоянно враждовалъ съ шіитами, составлявшими половину городскаго населенія. Притомъ онъ только носилъ титулъ повелителя, въ дѣйствительности же находился въ полной зависимости сначала отъ Буидовъ, а потомъ отъ своего сельджукскаго эмира-аль-омра. Такую же ничтожную роль игралъ и фатимидскій халифъ въ Египтѣ при визирѣ Ахмедѣ Афдалѣ; этотъ всемогущій министръ принадлежалъ къ числу ревностныхъ суннитовъ и всячески старался доставить преобладаніе приверженцамъ суннитской секты. Сельджукъ Кйлиджъ Арсланъ (стр. 645), царствовавшій въ Румѣ или Иконіи, Кербога на верхнемъ Евфратѣ и на Тигрѣ и Баги Сеянъ въ Антіохіи не имѣли также никакихъ сношеній ни между собой, ни съ своими единовѣрцами, и съ недовѣріемъ, страхомъ и завистью наблюдали другъ за другомъ. Еще враждебнѣе были отношенія братьевъ Родвана и Докака, господствовавшихъ въ Алеппо и Дамаскѣ. Прибрежье Сиріи принадлежало Фатимидамъ, подчинившимъ себѣ въ это время и городъ Іерусалимъ съ частью внутренней Палестины. Въ горахъ, проходящихъ по сѣверной границѣ Сиріи, господствовали христіане армяне, распространившіе свои владѣнія почти до Антіохіи; другая граница ихъ государства находилась въ тылу у турокъ иконійскихъ. Они также были раздѣлены религіозными спорами, и два патріарха ихъ занимались тѣмъ, что проклинали другъ друга. Наконецъ, далѣе на востокъ, на другомъ берегу Евфрата, лежалъ значительный и весьма населенный христіанскій городъ Эдесса, находившійся подъ покровительствомъ грековъ и управлявшійся аристократіей съ однимъ правителемъ во главѣ. Во время перкаго крестоваго похода Эдессой завладѣлъ Бальдуинъ, сдѣлавшій ее центромъ перваго христіанскаго графства, основаннаго крестоносцами въ Азіи.

Положеніе дѣлъ на Западѣ представляло изобиліе врутреннихъ и внѣшнихъ силъ, значительно облегчавшихъ борьбу съ разъединеннымъ могуществомъ мухаммедомъ въ Азіи. Воинственное настроеніе западныхъ народовъ, воспламененное

испанскимъ походомъ къ борьбѣ съ невѣрными, получило новое направленіе и новый толчекъ. Жалобные разсказы возвращавшихся на родину пилигримовъ поддерживали это воодушевленіе, и скоро повсюду распространилась идея, что будетъ заслугою передъ Богомъ идти въ обѣтованную землю для освобожденія притѣсненныхъ единовѣрцевъ отъ ига турокъ и аравитянъ и отнятія гроба Спасителя у невѣрныхъ. Наконецъ, въ главныхъ государствахъ христіанскаго міра незадолго передъ тѣмъ совершились ужасныя событія, и рыцари, видя возможность искупить свои грѣхи или сознавая, что, по возстановленіи спокойствія, у нихъ не будетъ ни занятій, ни возможности грабить, должны были съ радостью отозваться на призывъ къ крестовымъ походамъ. О движеніи, вызванномъ въ Германіи споромъ Генриха IV съ папою, было уже говорено выше. Въ Англіи и Франціи также господствовали раздоры и междоусобная вражда, и хотя событія въ этихъ странахъ не имѣли такого всемірно-историческаго значенія, какъ борьба Генриха IV съ Григоріемъ VII, но они произвели великія смуты и волненія. Филиппъ I Французскій, тотчасъ по достиженіи совершеннолѣтія (стр. 499), началъ продолжительную войну съ сыновьями и внуками своего бывшаго опекуна, а потомъ, разведясь съ женой, вступилъ въ незаконный бракъ и изъ за этого, незадолго передъ приготовленіями къ первому крестовому походу, былъ вовлеченъ въ споръ съ духовенствомъ и папою Урбаномъ II, отлучившимъ его отъ церкви. Въ Англіи Вильгельмъ Завоеватель (стр. 395), упрочивъ съ безпощаднымъ насиліемъ норманское владычество, оставилъ, умирая (1087 г.), старшему изъ сыновей, Роберту Куртгезу, Нормандію, а младшему, Вильгельму II, Англію. Вильгельмъ II, наслѣдовавшій деспотическій характеръ отца и подобно ему совершавшій всякія насилія, возбудилъ въ своемъ государствѣ значительныя волненія. Робертъ, храбрый, но легкомысленный рыцарь, не заботился ни объ управленіи, ни о правосудіи, не умѣлъ даже устроить собственныхъ дѣлъ и хозяйничалъ въ своемъ герцогствѣ такъ дурно, что охотно заложилъ его своему брату за десять тысячъ марокъ, когда призывъ къ первому крестовому походу представилъ ему удобный случай для этой сдѣлки.

2. Поводы и приготовленія къ первому крестовому походу.

Первый призывъ къ крестовымъ походамъ былъ сдѣланъ простымъ пустынниковъ норманнскаго происхожденія, Петромъ Аміенскимъ. Маленькій ростомъ и слабый тѣлосложеніемъ, Петръ посвятилъ себя отшельничеству и предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ въ то самое время, когда Палестиною владѣли грубые турки (1093 и 1094 г.). Тутъ, съ глубокой скорбью, увидалъ онъ страданія христіанъ и позорныя оскорбленія, которымъ варвары подвергали ихъ богослуженіе. Петръ обратился къ патріарху іерусалимскому и, условившись съ нимъ, рѣшился пойти проповѣдывать и умолять христіанъ Запада подать помощь своимъ восточнымъ единовѣрцамъ. Воспламененный этой мыслью, онъ провелъ одну ночь у святаго гроба, видѣлъ во снѣ Христа и ему казалось даже, что онъ слышалъ увѣщаніе съ мужествомъ и постоянствомъ приступить къ исполненію своего намѣренія. Съ письмами патріарха къ папѣ и государямъ Запада, Петръ сѣлъ на корабль, высадился въ Италіи и явился къ папѣ. Сначала Урбану II не показались слишкомъ привлекательными ни странная наружность Петра, ни его предложенія; но вскорѣ папѣ доказали, что планъ этотъ превосходно можетъ служить его цѣлямъ, а блистательный успѣхъ проповѣдей Петра не оставлялъ сомнѣній въ необходимости поддерживать его. Урбанъ велъ тогда войну съ Генрихомъ IV, долженъ былъ поддерживать сына его, Конрада, котораго уговорилъ отложиться, и имѣлъ такихъ страшныхъ враговъ въ партіи антипапы, Климента III, что нѣкоторое время боялся явиться въ Римъ, и даже, прибывъ туда, поселился въ частномъ домѣ. Что же могло быть для него пріятнѣе, какъ не овладѣвшее всѣми религіозное воодушевленіе, которое направляло воинственное чувство народовъ къ одной цѣли и дѣлало его самого руководителемъ всеобщаго движенія? Урбанъ II далъ пустыннику полномочіе призывать, отъ его имени, князей и народы къ крестовому походу въ Палестину.

По весьма понятнымъ причинамъ, Петръ всюду, преимущественно же въ южной Франціи и Бургундіи, былъ принятъ какъ святой. Вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, въ Нидерландахъ проповѣди его встрѣтили большое сочувствіе. Храбрый, могущественный и богатый графъ Робертъ Фландрскій, въ одно изъ своихъ путешествій къ святымъ мѣстамъ, познакомился съ греческимъ императоромъ, и получилъ отъ него, еще до появленія Петра, оффиціальное письмо, въ которомъ императоръ настойчиво просилъ вооруженной помощи. По сю же сторону Рейна, при хладнокровіи нѣмцевъ и при враждѣ, господствовавшей между духовной и свѣтской властью, пустынника и всѣхъ увлекавшихся имъ долгое время считали добродушными дураками.

Все значеніе проповѣдей Петра, усилившееся участіемъ, которое принялъ въ нихъ папа, выказалось еще въ мартѣ 1095 года, на соборѣ въ Піаченцѣ. Этотъ соборъ былъ многочисленнѣе всѣхъ когда либо собиравшихся, и, до тѣхъ поръ не имѣвшій никакого вліянія и презираемый всѣми, папа явился здѣсь не только какъ судья Генриха IV, вторая жена котораго представила свои непристойныя обвиненія противъ этого несчастнаго человѣка, но какъ защитникъ греческаго императора, который просилъ его о помощи противъ сельджуковъ, и послы котораго прибыли въ Піаченцу до начала собора, и, наконецъ, какъ глава боровшейся противъ ислама церкви. Число явившихся на соборъ было такъ велико, что ни одна церковь не могла вмѣстить ихъ въ стѣнахъ, и папа долженъ былъ собрать ихъ на открытомъ полѣ. То, что весною было начато въ Піаченцѣ, должно было окончиться осенью въ Клермонѣ, гдѣ Урбанъ назначилъ соборъ. Сюда стеклось невѣроятное множество людей романскаго происхожденія. Папа сказалъ рѣчь, въ которой описалъ страданія восточныхъ христіанъ, напоминалъ собравшимся о рыцарскихъ герояхъ прежнихъ временъ и убѣждалъ ихъ идти освобождать притѣсняемыхъ братьевъ. Его слова и торжественныя церемоніи, разсчитанныя на то, чтобы тронуть сердца христіанъ, произвели такое впечатлѣніе, что слушатели едва дали ему кончить рѣчь, показавъ единодушнымъ крикомъ: «Богъ того хочетъ!» что они принимаютъ предложеніе его за волю Всевышняго. Большинство присутствовавшихъ дали обѣтъ отправиться на священную войну, и разъ возбужденный энтузіазмъ увлекъ къ такому же рѣшенію людей, не бывшихъ на соборѣ. «Мужья, говоритъ одинъ историкъ того времени, оставляли женъ, отцы сыновей, сыновья отцовъ, и не было такой сердечной связи, которая могла бы противиться всеобщему воодушевленію; даже монаховъ не могли удержать въ монастыряхъ оковы, которыя они добровольно наложили на себя, изъ любви къ Богу.» Между тѣмъ сами современники разсказываютъ, что очень многіе руководились только земными разсчетами. «Многіе, прибавляетъ тотъ же писатель, надѣвали крестъ только для того, чтобы не оставить своихъ друзей; другіе — чтобы ихъ не считали малодушными; нѣкоторые — изъ безразсуднаго легкомыслія, или чтобы скрыться отъ заимодавцевъ. Первымъ епископомъ, выразившимъ желаніе принять участіе въ крестовомъ походѣ, былъ Адемаръ Пюискій, а первыми свѣтскими владѣтелями, — графъ Рожеръ II де Фуа и Раймундъ, графъ тулузскій и сенъ-жилльскій, самый богатый и могущественный владѣтель во всей южной Франціи. Ихъ примѣру послѣдовало множество другихъ французскихъ вельможъ. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: Готтфридъ Бульонскій съ двумя братьями, Евстафіемъ и Бальдуномъ, графъ Робертъ Фландрскій, легкомысленный Робертъ, герцогъ нормандскій, заложившій тогда герцогство своему брату, англійскому королю (стр. 656). и Гуго, графъ Вермандуа, братъ короля французскаго Филиппа I. Готтфридъ Бульонскій, отличавшійся въ войнахъ императора Генриха (стр. 604 и 607), былъ сынъ графа Евстафія Бульонскаго и сестры Готтфрида Горбатаго, герцога лотарингскаго, по смерти котораго онъ былъ назначенъ Генрихомъ сначала маркграфомъ антверпенскимъ, а потомъ герцогомъ лотарингскимъ. Въ Нижней Италіи, когда туда проникъ призывъ къ крестовому походу, два могущественные норманнскіе князья, Боэмундъ I Тарентскій и сынъ его сестры, маркграфъ Брундузіума, Танкредъ, также взяли крестъ. Боэмундъ, потерявъ флотъ и войско въ борьбѣ съ греками, почти въ одно время съ полученіемъ извѣстія о смерти своего отца, Роберта Гискара, принужденъ былъ немедленно возвратиться въ Нижнюю Италію. Ему досталось только княжество та-

рентское, тогда какъ его младшій братъ, Рожеръ Бурса, получилъ по волѣ отца Калабрію, Апулію и Салерно. Его племянникъ, молодой Танкредъ, былъ воодушевленъ всѣми рыцарскими добродѣтелями; его можно считать образцомъ всѣхъ молодыхъ рыцарей того времени, какъ Готтфрида Бульонскаго образцомъ всѣхъ благочестивыхъ и мудрыхъ христіанскихъ воиновъ, или, другими словами, одинъ былъ Ахиллесомъ, а другой Несторомъ перваго крестоваго похода.

Между тѣмъ какъ князья и феодалы были еще заняты вооруженіями и приготовленіями къ крестовому походу, толпы взволнованнаго и обезумѣвшаго народа спѣшили въ Палестину, не дожидаясь конца приготовленій. Одну такую толпу велъ храбрый, но бѣдный рыцарь Вальтеръ де Пережо и его племянникъ, котораго называли Вальтеромъ Голякомъ; другую самъ Петръ Пустынникъ, а третью нѣмецкій священникъ, съ береговъ Рейна, Готтшалькъ. Эти передовые отряды, состоявшіе по большей части изъ всякаго сброда, возбуждали своимъ распутствомъ и безчинствомъ насмѣшки и злобу жителей тѣхъ странъ, черезъ которыя проходили, и скоро всѣ были перебиты раздраженными ихъ своеволіемъ венграми или никейскими сельджуками. Особенно пострадали отъ пхъ прохода евреи. Грубыя толпы нападали въ соединеніи съ чернью на этотъ несчастный народъ, совершали надъ нимъ самыя ужасныя злодѣйства и умертвили нѣсколько сотъ человѣкъ. Естественно, что этотъ сбродъ приготовилъ выступившимъ вскорѣ послѣ того рыцарямъ крестоносцамъ множество затрудненій въ христіанскихъ земляхъ, черезъ которыя имъ приходилось идти. Впрочемъ, войскъ крестоносцевъ было бы во всякомъ случаѣ, слишкомъ достаточно для ниспроверженія владычества турокъ въ Малой Азіи и Сиріи, если бы только крестоносцы заранѣе условились относительно похода и выбрали предводителей. Но они не сдѣлали ни того, ни другаго.

3. Первый крестовый походъ.

Первое войско крестоносцевъ выступило въ походъ въ августѣ 1096 года подъ предводительствомъ Готтфрида Бульонскаго и въ началѣ зимы стояло уже у воротъ Константинополя. Между тѣмъ французскій принцъ Гуго отправился съ другимъ войскомъ черезъ Италію и оттуда переправился въ Дураццо, гдѣ былъ схваченъ, по приказанію греческаго императора, и привезенъ въ Константинополь. Алексѣй I былъ тѣмъ болѣе оскорбленъ высокомѣрными требованіями, которыя Гуго предъявилъ коменданту Дураццо, что въ свитѣ графа находились два греческіе чиновника, незадолго передъ тѣмъ изгнанные императоромъ. Съ плѣнникомъ обращались однако очень хорошо и впослѣдствіи ему стали оказывать даже большое вниманіе. Вскорѣ послѣ Готтфрида и Гуго прибыли въ Константинополь Боэмундъ и Танкредъ. Проходя черезъ греческія провинціи, оба предводителя крестоносцевъ дѣйствовали такъ враждебно, что нечего удивляться смущенію грековъ при видѣ такого множества сѣверныхъ рыцарей. Что думали греки о намѣреніяхъ крестоносцевъ—видно всего лучше изъ тѣхъ словъ, которыя дочь императора, Анна Комнена, влагаетъ въ уста французскому принцу, чтобы охарактеризовать наглость всего войска. Въ составленной Анной біографіи ея отца, Гуго называетъ себя царемъ царей и государемъ, которому равнаго нѣтъ на землѣ. Боэмунда греки подозрѣвали даже въ намѣреніи напасть на нихъ самихъ. Естественно, что между крестоносцами и греческимъ дворомъ возникъ рядъ недоразумѣній и ссоръ, происходившихъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что греческій императоръ, считая себя законнымъ государемъ тѣхъ странъ, которыя крестоносцы хотѣли отнять у невѣрныхъ, требовалъ отъ предводителей войска ленной присяги, которой онъ хотѣлъ оградить свое право на эти земли. Князья, собравшіеся мало-по-малу въ Константинополѣ, не хотѣли давать такой присяги, и дѣло дошло даже до кровопролитія. Наконецъ, Боэмундъ былъ склоненъ подарками согласиться на требованіе императора, а прочимъ князьямъ надоѣло дожидаться, и они послѣдовали его примѣру. Только Танкредъ и Раймундъ отказывались отъ присяги. Вскорѣ однако и Танкредъ, по просьбѣ Боэ-

мунда, присягнулъ императору, а Раймундъ далъ по крайней мѣрѣ обѣщаніе не употреблять своего оружія противъ грековъ.

Затѣмъ войска были перевезены греками на азіатскій берегъ. Число всѣхъ крестоносцевъ, со включеніемъ женщинъ, дѣтей и духовенства, простиралось, если вѣрить показаніямъ монаховъ, разсказывавшихъ о событіяхъ войны, до шести сотъ тысячъ человѣкъ,—число, которое могло только препятствовать достиженію цѣли похода. Это обнаружилось уже при самомъ началѣ во время осады Никеи, столицы сельджукскаго султана Килиджъ Арслана I (стр. 645), которому крестоносцы хотѣли прежде всего отомстить за смерть соотечественниковъ, выступившихъ въ походъ подъ предводительствомъ Петра Пустынника и Вальтера Голяка. Самъ Петръ и незначительный остатокъ его толпы соединились у этого города съ войскомъ рыцарей. Шесть недѣль осаждали крестоносцы Никею, не будучи въ состояніи отрѣзать подвоза припасовъ со стороны озера, на берегу котораго стоялъ городъ. Доведенная до послѣдней крайности, Никея была сдана, послѣ пятидесятидвухдневной осады (въ іюнѣ 1097 г.), за деньги Алексѣю, который уже съ давнихъ поръ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ султаномъ. Чтобы упрочить за собой обладаніе купленнымъ городомъ и не навлечь на себя мести раздраженныхъ крестоносцевъ, греческій императоръ, къ величайшей досадѣ ихъ, одарилъ могущественнѣйшихъ изъ ихъ предводителей; князья же, получившіе подарки, были совершенно равнодушны къ тому, что ихъ товарищи теряли слѣдующую имъ часть добычи. Разсказывая объ осадѣ Никеи, такъ же какъ и вообще о сношеніяхъ съ греками, западные лѣтописцы отзываются о нихъ очень выгодно. Но, изслѣдовавъ образъ дѣйствій латинянъ въ враждебныхъ и дружескихъ странахъ, мы должны будемъ оправдать императора Алексѣя, тѣмъ болѣе, что въ то время онъ принужденъ былъ, не смотря на совершенное истощеніе государства, прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ, для покрытія увеличившихся расходовъ. Впрочемъ, походъ крестоносцевъ усилилъ греческое государство, потому что всѣ завоеванія по сю сторону Тавра тотчасъ же подпали подъ власть императора.

Къ концу іюня крестоносцы отступили отъ Никеи. Переходъ по совершенно незнакомой странѣ, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, палящій зной и ненадежность проводниковъ погубили многія тысячи крестоносцевъ. Сверхъ того, уже въ Киликіи очень ясно выказалось различіе цѣлей и настроенія предводителей. Танкредъ и братъ Готтфрида, Бальдуинъ, предводительствовавшіе передовымъ отрядомъ, желая каждый для себя, овладѣть богатѣйшимъ городомъ этой страны, Тарсомъ, поссорились между собой. Бальдуинъ вскорѣ оставилъ крестоносцевъ и отправился искать завоеваній лично для себя. Онъ подчинилъ себѣ нѣкоторыя мѣстности на Евфратѣ, былъ принятъ какъ союзникъ въ весьма важномъ христіанскомъ городѣ Эдессѣ, притѣсняемомъ турками, и наконецъ признанъ тамъ княземъ, когда жители во время возмущенія убили своего прежняго правителя. Вслѣдъ затѣмъ ему покорились многіе изъ окрестныхъ городовъ, и такимъ образомъ онъ сдѣлался владѣтелемъ довольно значительнаго графства. Владѣнія эти составляли какъ бы оплотъ для христіанъ на сѣверовостокѣ Сиріи и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ армянскимъ царствомъ и княжествомъ антіохійскимъ, не разъ оказывали услуги государству, основанному крестоносцами въ Палестинѣ. Но въ то время удаленіе Бальдуина повредило главному предпріятію, потому что отвлекло отъ общаго дѣла много храбрыхъ рыцарей и дало поводъ Боэмунду послѣдовать примѣру Бальдуина и безъ стыда дать волю своей алчности и властолюбію.

Характеръ Боэмунда выказался особенно рѣзко во время и послѣ осады сирійскаго города Антіохіи, когда онъ и предводимое имъ войско забыли присягу и своимъ удаленіемъ принудили уменьшившихся въ числѣ крестоносцевъ отложить на время дальнѣйшій походъ, слѣдовательно — настоящую цѣль всего предпріятія. Осада Антіохіи, длившаяся нѣсколько мѣсяцевъ, въ высшей степени замѣчательна. Всѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать пилигримамъ на пути къ городу менѣе удивительны для насъ, чѣмъ терпѣніе христіанскихъ воиновъ, удаленныхъ отъ отечества, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни и не имѣвшихъ никакой возможности, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и безденежьи въ Европѣ, получать деньги съ родины; о жалованьѣ же тогда нечего

было и думать. Къ трудностямъ зимней осады присоединились голодъ и болѣзни, похитившіе тысячи крестоносцевъ. Многіе бѣжали отъ лишеній и страданій и искали спасенія въ приморскихъ городахъ, или въ Эдессѣ; въ числѣ бѣжавшихъ находился также злополучный Петръ Амьенскій, который однако вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими былъ пойманъ Танкредомъ и приведенъ назадъ въ лагерь. Наконецъ, когда другіе князья напередъ обезпечили Боэмунду обладаніе городомъ, онъ подкупилъ одного ренегата, которому Баги Сеянъ, владѣтель Антіохіи, поручилъ защиту одной изъ башенъ стѣны (іюнь 1098 г.). Взятіе Антіохіи было для крестоносцевъ началомъ новыхъ бѣдствій. Въ городѣ они нашли очень немного запасовъ, и уже на третій день по занятіи города показались передовые отряды многочисленнаго непріятельскаго войска, шедшаго къ Антіохіи. Сельджукскій султанъ Баркіарокъ еще прежде приказалъ владѣтелю Мосула, Кербогѣ (стр. 653), спѣшить со всѣмъ своимъ войскомъ на выручку города; но, къ счастью крестоносцевъ, его задержала на пути неудавшаяся попытка нападенія на Эдессу. Когда Кербога подошелъ къ Антіохіи и окружилъ городъ, христіанами овладѣло совершенное отчаяніе. Тысячи гибли отъ голода и появившейся въ городѣ чумы, другіе искали спасенія въ бѣгствѣ. Впрочемъ, хотя численность войска Кербоги была несмѣтно велика, но самъ онъ, какъ кажется, мало довѣрялъ своей безпорядочной толпѣ и ея предводителямъ. Какъ бы то ни было, но ему, вѣроятно, удалось бы заморить голодомъ осажденныхъ, если бы ихъ не спасла счастливая мысль провансальскаго монаха, Петра. Петръ объявилъ графу Раймунду, что ему явился апостолъ Андрей и сказалъ, что въ одной изъ церквей города зарыто копье, которымъ былъ пронзенъ на крестѣ Спаситель. На указанномъ мѣстѣ дѣйствительно нашли священное копье, сдѣлавшееся залогомъ божественной помощи, и почти умиравшіе съ голоду крестоносцы воодушевились новымъ мужествомъ. На двадцать седьмой день по завоеваніи Антіохіи они, какъ бы подъ покровительствомъ священнаго копья, которое несъ капелланъ Раймунда, сдѣлали отчаянное нападеніе на непріятелей. Войско Кербоги сражалось безъ всякаго порядка и единодушія; христіане, напротивъ, бились съ отчаяніемъ и религіознымъ воодушевленіемъ; на ихъ сторонѣ было, сверхъ того, то преимущество, что, не имѣя болѣе лошадей, они были принуждены сражаться пѣшіе, а въ подобной битвѣ, вслѣдствіе неблагопріятной мѣстности, турецкая конница не могла быть употреблена въ дѣло противъ тяжелой пѣхоты. При такихъ обстоятельствахъ, побѣда не могла долго оставаться сомнительной. Христіане обратили въ бѣгство безпорядочныя толпы непріятеля, перебили огромное число мухаммеданъ и овладѣли турецкимъ лагеремъ, въ которомъ нашли много драгоцѣнностей и, что еще важнѣе, изобиліе съѣстныхъ припасовъ, множество лошадей и скота. Послѣ этой блистательной побѣды, обезпечивавшей христіанамъ обладаніе Антіохіей, крестоносцы пріостановили походъ по многимъ причинамъ, въ особенности же потому, что фатимидскій халифъ Мостали или, вѣрнѣе, его могущественный министръ Афдалъ (стр. 654), незадолго передъ тѣмъ отнявшій у сельджуковъ Іерусалимъ, предлагалъ крестоносцамъ миръ и союзъ, а также и потому, что предпринятая собственно противъ сельджуковъ война не имѣла уже болѣе цѣли. Посольство, отправленное Афдаломъ къ предводителямъ крестоносцевъ, представляло сельджуковъ общими врагами христіанъ и египтянъ, и Афдалъ не только предлагалъ союзъ противъ нихъ, но хотѣлъ даже позволить странствованія въ Іерусалимъ и отправленіе въ немъ христіанскаго богослуженія. Крестоносцы отправили посольство въ Египетъ для дальнѣйшихъ переговоровъ и заключенія союза. Кромѣ происшедшей отъ того остановки, ходъ предпріятія былъ затрудненъ еще смертью епископа пюискаго, Адемара, который участвовалъ въ походѣ въ качествѣ папскаго легата и воина. Адемаръ, какъ выказало это всеобщее сожалѣніе о его смерти, пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ крестоносцевъ, и въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ умѣлъ поддерживать въ другихъ святую ревность.

Не скоро послѣ побѣды надъ Кербогою пустились крестоносцы въ дальнѣйшій путь къ Іерусалиму. Они не тронулись бы съ мѣста и долѣе, еслибы Готтфридъ, Танкредъ и оба Роберта не рѣшились, во что бы то ни стало, отнять святой гробъ у невѣрныхъ, а Раймундъ не думалъ завоеваніями въ Азіи вознаградить себя за издержки похода. Переговоры съ египтянами были прерваны, по-

тому что крестоносцы требовали полной уступки Палестины, на что Афдалъ, конечно, не могъ согласиться. Впрочемъ, только тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Египтѣ и отношеніями Афдала къ своему государю можно объяснить, почему египетскій правитель сталъ только тогда готовиться къ походу противъ крестоносцевъ, когда, отступивъ отъ Антіохіи, они стали покорять подвластные Фатимидамъ приморскіе города. Крестоносцы прошли черезъ Лаодикею, Триполи, Сидонъ, Тиръ, Акку, Эмаусъ, и наконецъ утромъ седьмаго іюня (1099 года) увидали священный городъ. Они немедленно осадили его, и черезъ пять недѣль онъ уже былъ въ ихъ рукахъ (15 іюля 1099 г.). Хотя при осадѣ города крестоносцамъ и не пришлось сражаться съ главными силами египтянъ, но все-таки завоеваніе Іерусалима, по краткости времени, въ которое оно было окончено, и по тѣмъ препятствіямъ, съ которыми имъ пришлось бороться, представляетъ единственный достойный удивленія военный подвигъ перваго крестоваго похода. Едва только увидѣли крестоносцы священный городъ, какъ съ неистовствомъ бросились на высокія стѣны, и, не смотря на то, что Іерусалимъ былъ сильно укрѣпленъ природою и искусствомъ, по всей вѣроятности, тогда же вторглись бы въ городъ, еслибъ только имѣли лѣстницы. Это тѣмъ болѣе удивительно, что число защищавшихъ Іерусалимъ войскъ и раздраженныхъ до фанатизма жителей простиралось до шестидесяти тысячъ; крестоносцевъ же было не болѣе сорока тысячъ, и изъ нихъ около половины не способныхъ сражаться. Когда, наконецъ, началась правильная осада, христіанамъ не доставало лѣсу и людей для постройки военныхъ машинъ, тогда какъ мухаммедане были отлично снабжены и тѣмъ и другимъ. Крестоносцы страдали отъ недостатка въ водѣ, и всякій день должны были опасаться, что Афдалъ явится съ значительнымъ войскомъ на выручку города. Они терпѣливо переносили жажду, жаръ и трудности войны, считая это за родъ покаянія; недостатку въ лѣсѣ помогло случайное открытіе небольшой рощи, а скоро изъ Яффы, куда пристало нѣсколько пизанскихъ и генуезскихъ кораблей, прибыли способные машинисты и строители. Сообщенное двумя взятыми въ плѣнъ египетскими гонцами извѣстіе, что черезъ четырнадцать дней появится съ огромнымъ войскомъ Афдалъ, заставило крестоносцевъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Не смотря на то, что, по общему мнѣнію, приступъ былъ невозможенъ, христіане рѣшились на эту попытку. Битва продолжалась два дня. Наконецъ, двое братьевъ, фландрскихъ рыцарей, а потомъ Готтфридъ Бульонскій, его братъ Евстафій и оба Роберта взобрались на стѣну по подъемному мосту одной изъ башенъ. Они отворили ворота и въ три часа по полудни, 15 іюля, христіане ворвались въ завоеванный городъ. Мухаммедане, послѣ долгой отчаянной битвы на улицахъ, отступили въ окруженную стѣнами мечеть Омара, которая была построена на мѣстѣ храма Соломона. Овладѣвъ этимъ укрѣпленіемъ, Танкредъ довершилъ взятіе города.

Ужасны были жестокости, совершенныя въ завоеванномъ городѣ крестоносцами, исполненными фанатизма и раздраженными всякаго рода лишеніями и долгой борьбой на жизнь и смерть. Всю ночь избивали они невѣрныхъ и безъ милосердія рѣзали или предавали истязаніямъ всѣхъ, кто имъ попадался, не щадя даже грудныхъ младенцевъ. Убійство, грабежи и другіе постыдные поступки, совершенные рыцарями, невѣроятны. Въ такой же преувеличенной формѣ, приличной скорѣе схимникамъ, чѣмъ христіанскимъ рыцарямъ, выразилось вслѣдъ за тѣмъ благочестіе и раскаяніе грубыхъ воиновъ. Но таковъ былъ характеръ среднихъ вѣковъ, и только это и придавало поэзію рыцарской эпохѣ. Воины омылись, очистили себя отъ крови и, какъ кающіеся, съ босыми ногами и открытой головой, отправились процессіею въ церковь Воскресенія, чтобы принести благодарность Богу и покаяться въ грѣхахъ. На третій день сдался гарнизонъ крѣпости и получилъ свободный выходъ. Это произвело неудовольствіе между крестоносцами, и князья могли успокоить ихъ только тѣмъ, что отдали имъ на жертву всѣхъ оставшихся въ живыхъ невѣрныхъ. Возмутительные поступки крестоносцевъ въ Іерусалимѣ исполнили негодованія весь мухаммеданскій востокъ и воодушевили проповѣдниковъ и пѣвцовъ, которые, проклиная апатію правовѣрныхъ, возбуждали ревность къ святой вѣрѣ въ лучшихъ сынахъ ислама. Эти проповѣди и пѣсни не произвели особеннаго впечатлѣнія въ то время, потому что Баркіарокъ былъ занятъ борьбою съ братьями, а седьджукскіе владѣтели

сирійскихъ городовъ не привыкли прислушиваться къ пѣснямъ и проповѣдямъ; но впослѣдствіи онѣ произвели свое дѣйствіе. Вѣчная война, начатая изъ чувства мести, возбужденнаго у правовѣрныхъ, неминуемо должна была быть гибельною христіанамъ, далеко уступавшимъ своимъ врагамъ числительностью.

4. Королевство Іерусалимское въ первое время своего существованія.

Основавъ, по завладѣніи Іерусалимомъ, новое государство, королемъ котораго былъ избранъ самый благочестивый и достойный изъ предводителей крестоноснаго войска, Готтфридъ Бульонскій, крестоносцы явно выказали намѣреніе упрочить за собой завоеванныя земли. Вскорѣ послѣ избранія короля пришло извѣстіе, что Афдалъ идетъ съ огромнымъ войскомъ изъ африканцевъ, бедуиновъ и вялыхъ египтянъ. Не удивительно, что, не смотря на многочисленность приближавшагося непріятеля, цвѣтъ европейскаго рыцарства смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ. Въ славныхъ побѣдахъ, воодушевленіи и религіозномъ фанатизмѣ, христіане почерпнули новыя силы, да и самъ Афдалъ едвали очень надѣялся на приведенное имъ войско, помня, какъ его отецъ, Бедръ, побѣждалъ тѣ же безчисленныя толпы съ небольшимъ числомъ сирійскихъ войскъ, т. е. съ сельджуками и курдами. Въ августѣ 1099 года произошла при Аскалонѣ битва, которую христіане выиграли безъ большаго усилія. Значительная добыча доставила истощенному Іерусалиму жизненные припасы, рыцарямъ — коней, въ которыхъ они чувствовали большой недостатокъ, и земледѣльцамъ—недостающій имъ рогатый скотъ, а преувеличенныя извѣстія о множествѣ добытыхъ сокровищъ увеличивали крестоносное войско новыми рыцарями изъ Европы. Впрочемъ, еще прежде чѣмъ эти извѣстія пришли въ Европу, пизанцы снарядили экспедицію изъ зависти къ генуезцамъ. Съ ихъ флотомъ прибылъ также епископъ пизанскій, Даймбертъ, избранный папою на мѣсто Адемара и впослѣдствіи, въ качествѣ патріарха іерусалимскаго, возбудившій столько несогласій и бѣдствій.

Готтфридъ умеръ черезъ годъ послѣ избранія (1100 г.). Онъ ввелъ въ новомъ государствѣ обычаи и нравы своей родины, но законы эти не были имъ написаны, какъ это обыкновенно утверждаютъ. Послѣ того въ Палестинѣ быстро развилась стройная феодальная или ленная система. Чтобы понять это, не должно упускать изъ виду различія между рыцарствомъ и феодальной системой, основанной на войнѣ и битвѣ: рыцарство погибло въ Палестинѣ, феодальная система, напротивъ, сильно развилась. Истинное рыцарство основывалось на ненависти къ малодушію, на справедливости и вѣрности, на религіи и безкорыстіи, отвращеніи къ животному сластолюбію и на защитѣ истинной любви. Нѣкоторыя изъ этихъ добродѣтелей не могли сохраниться въ климатѣ и среди нравовъ Востока; но храбрость была съ самаго начала необходима, а религія сдѣлалась для рыцарей связующимъ элементомъ противъ подвижниковъ ислама. Совершенно иное основаніе имѣлъ феодализмъ. Онъ основывался на свойственномъ тому времени государственномъ устройствѣ, при которомъ безоружные, беззащитные и слабые не имѣли никакого значенія, всѣ же другіе граждане государства, обязанные подчиняться различнымъ условіямъ, соединявшимся съ владѣніемъ опредѣленнымъ имуществомъ, были членами одной неразрывной цѣпи. Могущественнѣйшій изъ всѣхъ владѣтелей былъ концомъ и главою этой цѣпи. По основному закону такимъ главою непремѣнно долженъ былъ быть король, что однако не всегда бывало въ Европѣ. Въ Палестинѣ, напротивъ, не могло быть иначе, потому что король постоянно былъ и предводителемъ на войнѣ.

По смерти Готтфрида, одна изъ самыхъ вліятельныхъ партій въ государствѣ успѣла достигнуть того, что королемъ былъ избранъ братъ его, Бальдуинъ, владычествовавшій въ Эдессѣ. Онъ принялъ королевскій титулъ, хотя его владѣнія на Евфратѣ и Тигрѣ были значительнѣе маленькаго іерусалимскаго королевства, на половину котораго вскорѣ изъявилъ притязаніе патріархъ Даймбертъ. Княжество эдесское новый король, Бальдуинъ I, уступилъ своему ближайшему родственнику, Бальдуину Буржскому. Бальдуинъ I уже давно былъ въ непримиримой враждѣ съ Танкредомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи однимъ изъ

четырехъ великихъ бароновъ Іерусалима. Когда Бальдуинъ былъ избранъ королемъ, Танкредъ, не желавшій принести ему ленной присяги, не могъ оставаться въ странѣ. Чтобы удалиться подъ благовиднымъ предлогомъ, онъ воспользовался тѣмъ, что Боэмундъ попалъ въ плѣнъ къ одному турецкому эмиру, и отправился въ Антіохію, княжество Боэмунда. Передъ удаленіемъ, онъ уступилъ свои владѣнія Бальдуину съ тѣмъ условіемъ, что они должны быть ему возвращены, если онъ вернется въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ; въ противномъ же случаѣ они оставались за королемъ. Съ другимъ своимъ врагомъ, патріархомъ Даймбертомъ, Бальдуинъ, въ молодости самъ принадлежавшій къ духовному званію, легко справился. Онъ послалъ своихъ рыцарей разграбить богатства, собранныя корыстолюбивымъ итальянскимъ прелатомъ, и потомъ выгналъ его изъ Іерусалима. Даймбертъ отправился къ своему другу Танкреду, а Бальдуинъ извлекъ изъ его сокровищъ средства отразить новое нападеніе египтянъ.

Разсказъ объ этой первой войнѣ Бальдуина съ египтянами походитъ болѣе на поэму о Кругломъ Столѣ Артура или о паладинахъ рыцарскихъ романовъ, нежели на историческое повѣствованіе; но тѣмъ не менѣе достовѣрно извѣстно, что Бальдуинъ съ тысячью рыцарей разбилъ тридцати тысячное войско Афдала. Вслѣдъ за тѣмъ смерть халифа Мостали возбудила въ Египтѣ споры за престолъ. Такое положеніе дѣлъ и незадолго передъ тѣмъ одержанная блистательная побѣда породили въ душѣ Бальдуина мысль увеличить свое государство на счетъ Египта. При этомъ онъ надѣялся значительно усилить свое войско крестоносцами, которые, осрамивъ себя бѣгствомъ изъ осажденной Антіохіи, возвратились въ это время въ Малую Азію со множествомъ новыхъ европейскихъ пилигримовъ. Въ этотъ годъ отправились на Востокъ три новыя крестоносныя войска. Одно изъ нихъ, во главѣ котораго находились архіепископъ миланскій, маршалъ императора Генриха IV, графъ бургундскій, графъ Блуа и епископъ ланскій, подъ предводительствомъ стараго Раймунда Тулузскаго, случайно находившагося тогда въ Константинополѣ, вторгнулось въ Малую Азію, но вскорѣ потерпѣло пораженіе отъ турокъ и почти все погибло самымъ позорнымъ образомъ. Второе войско, подъ предводительствомъ графа Вильгельма Неверскаго, постигла такая же участь: изъ пятнадцати тысячъ пилигримовъ, бывшихъ съ Вильгельмомъ, только семьсотъ достигли Антіохіи. Третье войско, погибшее впослѣдствіи отъ меча турокъ, состояло изъ французовъ и нѣмцевъ; предводителями его были Гуго Вермандуа, дошедшій, какъ извѣстно, въ первомъ крестовомъ походѣ только до Константинополя, Гуго де Люзиньянъ, герцогъ баварскій Вельфъ IV, архіепископъ зальцбургскій и прославившійся какъ трубадуръ Вильгельмъ IX, герцогъ аквитанскій и графъ Пуату (стр. 626); къ этому войску присоединилась также и одна женщина, маркграфиня Ида Австрійская. Въ Малой Азіи это войско подверглось участи своихъ предшественниковъ: нѣсколько тысячъ, изъ которыхъ оно состояло, погибли вскорѣ бѣдственнымъ образомъ или попали въ плѣнъ къ туркамъ. Ида исчезла безъ всякихъ слѣдовъ. Вельфъ спасся постыднымъ бѣгствомъ; Гуго Вермандуа и Гуго де Люзиньянъ спаслись въ Тарсъ, гдѣ первый умеръ отъ ранъ; архіепископъ зальцбургскій претерпѣлъ мученическую смерть, а Вильгельмъ Пуату съ шестью спутниками достигъ одного изъ замковъ, принадлежавшихъ Танкреду. Такимъ образомъ всѣ эти огромныя войска служили только для обогащенія турокъ добычей и не принесли никакой помощи Палестинѣ, до которой добрались лишь незначительные остатки ихъ. Между тѣмъ, не взирая на то, что Афдалъ снова упрочилъ свою власть въ Египтѣ, Бальдуинъ все-таки рѣшился напасть на эту страну съ небольшимъ войскомъ. Слѣдствіемъ этой попытки было страшное пораженіе христіанъ. Но приливъ новыхъ пилигримовъ-рыцарей, поддержка итальянскихъ торговыхъ государствъ и строгая послѣдовательность, съ которой поддерживалась въ Палестинѣ феодальная система, снова подняли потрясенное могущество іерусалимскаго королевства, которое въ царствованіе Бальдуина, не смотря на упомянутое пораженіе, было однимъ изъ самыхъ сильныхъ государствъ того времени.

Бальдуина, до самой его смерти, занимали безчисленныя войны съ египтянами, съ потомками сельджукскаго султана Баркіарока и съ другими угрожавшими ему со стороны Тигра и Евфрата мухаммеданскими владѣтелями; всѣ онѣ не имѣли важныхъ результатовъ ни для той, ни для другой стороны. Отъ этихъ

войнъ выиграли только итальянскіе приморскіе города, которые помогли іерусалимскому королю овладѣть морскимъ берегомъ: они обогатились торговлею восточными товарами; перевозка пилигримовъ, за которую имъ хорошо платили, увеличила ихъ флотъ, а благосостояніе гражданъ возросло вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности. Завоеваніе Палестины имѣло огромное значеніе для процвѣтанія этихъ приморскихъ городовъ, а перевозка пилигримовъ была для нихъ такъ же важна, какъ, въ наше время, переѣздъ европейскихъ выходцевъ для бельгійскихъ и нѣмецкихъ приморскихъ городовъ. Въ концѣ царствованія Бальдуинъ, проникшій уже до Нила, можетъ быть, пріобрѣлъ бы значительныя выгоды въ новой войнѣ съ египтянами; но въ 1118 г. онъ внезапно заболѣлъ и умеръ. Сопровождавшимъ его вассаламъ король указалъ на своего двоюроднаго брата, извѣстнаго храбростью, Бальдуина Буржскаго, какъ на своего преемника. Предложеніе короля было принято, такъ какъ родной его братъ, Евстафій, возвратился въ Европу.

Царствованіе Бальдуина II (1118—1131 г.) было самымъ дѣятельнымъ и славнымъ, съ какой стороны мы ни разсматривали бы состояніе его маленькаго государства. Правда, война съ сирійскими владѣтелями была сначала ведена несчастливо: храбрый Іосцелинъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ бароновъ Іерусалима, получившій отъ Бальдуина княжество эдесское, и самъ король попали въ плѣнъ къ Балаку, изъ династіи Ортокидовъ или потомковъ Ортока (стр. 652), который взялъ даже Алеппо (1123 г.). Но, освободившись случайнымъ образомъ, Іосцелинъ, наученный опытомъ, повелъ войну правильнымъ образомъ, а послѣдовавшія затѣмъ смерть Балака и освобожденіе короля совершенно измѣнили положеніе дѣлъ. Еще прежде чѣмъ былъ освобожденъ Бальдуинъ, въ Палестину прибылъ съ большимъ флотомъ венеціянскій дожъ и заключилъ съ баронами государства договоръ, по которому венеціанцы, получивъ значительныя привилегіи въ Палестинѣ, обязались вести вмѣстѣ войну противъ египтянъ. Завоеваніе Тира (1124 г.) было первымъ слѣдствіемъ этого договора. По всей вѣроятности, христіане тогда же отняли бы весь морской берегъ у Египта, гдѣ за смертью Афдала (1121 г.) послѣдовалъ непрерывный рядъ волненій и безпорядковъ, если бы на восточной границѣ христіанскаго государства не появились двое опасныхъ враговъ: турецкій атабегъ Эмадеддинъ Зенги и государство ассасиновъ. Зенги, сынъ храбраго Аксонкора, погибшаго въ борьбѣ между Баркіарокомъ и Тутушемъ (стр. 652), назначенный сельджукскимъ султаномъ, Махмудомъ II, сначала намѣстникомъ Вазета и Ирака, а потомъ получившій въ ленное владѣніе Мосулъ, Месопотамію и Сирію (1127 г.), образовалъ мало-по-малу очень опасное для христіанъ государство. Возникновеніе страннаго государства ассасиновъ требуетъ болѣе подробнаго объясненія.

5. Ассасины.

Ассасины были одной изъ такъ называемыхъ измаелитскихъ сектъ, распространенныхъ отъ Туркестана до Пиренейскихъ горъ и получившихъ свое названіе отъ Измаила, потомка Али, котораго они считали своимъ основателемъ. Ученіе измаелитовъ возникло подъ вліяніемъ индо-персидскихъ воззрѣній и основывалось на той мысли, что имаматъ или духъ божій (стр. 650), былъ наслѣдованъ фамиліей основателя измаелитскихъ сектъ и переходитъ отъ одного главы секты къ другому. Въ основаніи этой религіозной системы лежитъ аллегорически-мистическое ученіе, по которому коранъ подлежитъ толкованію, и которое, по свидѣтельству одного знатока, разрѣшаетъ религію въ философію и ведетъ къ неограниченной свободѣ мышленія и воззрѣній. Это ученіе привело одну часть измаелитскихъ сектъ къ страшной испорченности нравовъ, а другую къ столь же невѣроятному отреченію отъ міра. Всѣ измаелитскія секты имѣли свое тайное ученіе, свои степени посвященія, свои тайныя оргіи и миссіонеровъ, которые пріобрѣтали прозелитовъ и, по большей части, работали также для политическихъ цѣлей. Непосвященные назывались рефиками, посвященные — федаями, учители и миссіонеры — даіями. Къ измаелитскимъ сектамъ принадлежали, уже нѣсколько разъ упомянутые нами, караматійцы (стр. 340 и другія мѣста), живущіе со

времени Фатимида Гакема (стр. 650) въ Ливанѣ друзы и обитающіе тамъ же нозаиры. Счастливѣе всѣхъ ихъ была секта Фатимидовъ, основанная въ Африкѣ Обейдаллахомъ, даіемъ караматійцевъ (стр. 328). Потомки этого даія, основавшіе тамъ государство, средоточіемъ котораго скоро сдѣлался Египетъ, изъявляли притязаніе на санъ верховнаго главы правовѣрныхъ, относительно непосвященныхъ, и удержали это достоинство главы секты и относительно посвященныхъ, а ихъ первый министръ юстиціи очень часто былъ въ то же время руководителемъ тайныхъ старшинъ союза и верховнымъ миссіонеромъ, или даіемъ даіевъ. Они постоянно сохраняли нѣкоторую связь съ караматійцами, которые были ими принуждаемы соблюдать внѣшнія формы ислама съ большею строгостью, чѣмъ прежде, когда еще ни одна изъ измаелитскихъ сектъ не владѣла никакимъ государствомъ.

Съ началомъ упадка караматійцевъ и паденіемъ Фатимидовъ въ Египтѣ фанатизмъ измаелитовъ, казалось, становился совершенно безвреднымъ, какъ вдругъ Гасанъ бенъ Сабахъ, основатель секты ассасиновъ, снова оживилъ его и придалъ ему исключительно политическое направленіе. Гасанъ былъ сынъ одного измаелитскаго наставника, который, такъ же, какъ впослѣдствіи и самъ Гасанъ, скрывалъ свои убѣжденія подъ личиною религіознаго созерцанія. Онъ учился въ Нишапурѣ у одного правовѣрнаго богослова и былъ товарищемъ извѣстнаго сельджукскаго визиря, Незама-ель-Мулька (стр. 642); попавъ черезъ него ко двору султана Малекъ-Шаха, онъ пытался низвергнуть Незама, и когда этотъ планъ ему не удался, сбросилъ съ себя личину притворной набожности. Послѣ этого Гасанъ присоединился къ измаелитамъ, скоро былъ признанъ ими чѣмъ-то въ родѣ пророка, и съ тѣхъ поръ превосходно пользовался для своихъ цѣлей ихъ тайнымъ союзомъ и фанатизмомъ обманутыхъ адептовъ. Полученныя имъ въ Иракѣ свѣдѣнія о тайныхъ сектахъ измаелитовъ, а еще болѣе знакомство съ ученіемъ караматійцевъ и ихъ тайными связями естественно должны были обратить его вниманіе на Египетъ, какъ на главное средоточіе секты. Гасанъ отправился туда и произнесъ одно предсказаніе, соотвѣтствовавшее цѣлямъ халифа Мостансера, который вслѣдствіе того приказалъ высшимъ сановникамъ и даію даіевъ принять его какъ святаго. Но, не смотря на такой пріемъ, онъ не могъ долго оставаться при египетскомъ дворѣ, гдѣ повелѣвалъ его врагъ, могущественный визирь Бедръ, не обращавшій вниманія ни на посвященныхъ, ни на верховнаго даія. Гасанъ принужденъ былъ немедленно выѣхать изъ Египта и только благодаря многочисленнымъ друзьямъ спасъ свою жизнь. Онъ спасся на иностранномъ кораблѣ, путешествовалъ потомъ по Сиріи и Персіи и пріобрѣлъ много приверженцевъ въ обѣихъ странахъ. Уже тогда послѣдователи его называли его не иначе, какъ «нашъ владыка», и считали предвѣстникомъ имама, который долженъ былъ скоро явиться. Преслѣдуемый визиремъ Незамомъ-ель-Мулькомъ, Гасанъ долженъ былъ долгое время скрываться, пока ему не удалось въ 1090 году овладѣть, съ помощью самыхъ рѣшительныхъ изъ своихъ послѣдователей, горною крѣпостью Аламутомъ въ странѣ Дилемъ и потомъ подчинить себѣ сосѣднія горы. Съ этихъ поръ его приверженцы стали называть его шейхомъ-аль-джебелемъ, т. е. властелиномъ горъ или, какъ перевели этотъ титулъ европейцы, старцемъ горы.

Въ Аламутѣ выказались во всей силѣ особенности личнаго характера Гасана и характера, который онъ придалъ своей сектѣ и поддерживалъ съ такой строгостью, что однажды, за нарушеніе одной изъ заповѣдей, предалъ смертной казни обоихъ своихъ сыновей. Онъ жертвовалъ всѣми радостями жизни, чтобы управлять своимъ государствомъ и владычествовать съ вершины утеса, принимая почти божескія почести своихъ подчиненныхъ. Постоянно занятый дѣлами, Гасанъ только два раза во всю жизнь показался на террасѣ укрѣпленій и никогда не выходилъ изъ самой крѣпости. Онъ привлекъ къ себѣ всѣхъ измаелитовъ изъ Персіи, съумѣлъ внушить имъ самый слѣпой фанатизмъ и образовалъ изъ нихъ толпу фанатическихъ сектантовъ, безусловно повиновавшихся повелѣніямъ представителя имама, за котораго онъ выдавалъ себя. Члены его секты, обыкновенно приводившіе себя въ состояніе восторженнаго упоенія употребленіемъ гашиша (наркотическаго вещества, добываемаго изъ сѣмени восточной конопли), получили, впослѣдствіи названіе гашишимовъ, изъ которыхъ европейцы сдѣлали ас-

сасиновъ. Венеціанскій путешественникъ тринадцатаго столѣтія, Марко Поло, разсказываетъ, что у ассасиновъ былъ устроенъ на горѣ райскій садъ, въ который приносили избраннаго для принятія въ ихъ орденъ, предварительно лишивъ его сознанія посредствомъ гашиша; тутъ, чтобы воодушевить его блаженствомъ рая, они при пробужденіи окружали его всевозможными чувственными наслажденіями, а черезъ нѣсколько дней снова выносили вонъ въ опьяненномъ и безсознательномъ состояніи. Справедливы или нѣтъ извѣстія человѣка, котораго въ его время за преувеличенные разсказы о богатствахъ, будто бы видѣнныхъ имъ на Востокѣ, называли Марко Милліони, но достовѣрно извѣстно, что, еще при жизни Гасана, его послѣдователи заслужили имя бѣснующихся отъ гашиша, которое они впослѣдствіи носили. Они совершали самые смѣлые подвиги и, изъ послушанія къ своему повелителю, умирали смѣясь. Фанатизмъ приверженцевъ Гасана дѣлалъ владѣнія его неприступными. Наконецъ, Малекъ-Шахъ и Незамъ-эль-Мулькъ рѣшились устремить противъ него всѣ силы государства; но одинъ федай ассасиновъ, въ присутствіи всего войска, нанесъ смертельный ударъ ненавистному визирю. Вскорѣ послѣ того умеръ султанъ, и такимъ образомъ задуманный противъ Гасана походъ не состоялся. Споривше между собой претенденты на сельджукскій престолъ, хотя и нападали не разъ на горныя укрѣпленія неистовыхъ фанатиковъ, но легко можно догадаться, чѣмъ они кончались, когда въ числѣ нападавшихъ были всегда и члены ордена, и когда ложный пророкъ одобрялъ всякій обманъ и называлъ геройствомъ всякое убійство, если только оно способствовало тому, что онъ считалъ добрымъ дѣломъ. Кинжалы его безумныхъ приверженцевъ поражали всѣхъ его враговъ. Одинаково опасно было и ненавидѣть и любить старца горы, потому что восточные государи приказывали умерщвлять всѣхъ, сочувствовавшихъ ему, а тайные приверженцы Гасана убивали всякаго, кого считали его врагомъ. Гасанъ не только сдѣлалъ невозможными всѣ покушенія сельджуковъ противъ Аламута, но и завладѣлъ, одно за другимъ, всѣми укрѣпленіями, лежавшими въ окрестностяхъ замка. Умирая (1125 г.), этотъ хитрый и энергическій человѣкъ передалъ основанную имъ духовно-свѣтскую власть не члену своей фамиліи, а старѣйшему и самому опытному наставнику секты, Кіа Курзуку, который, въ продолженіе своего двадцати-четырехлѣтняго правленія, съумѣлъ еще увеличить ужасъ, внушаемый ассасинами, и утвердилъ въ Аламутѣ свою династію, владычествовавшую тамъ до слѣдующаго столѣтія.

Для исторіи крестовыхъ походовъ послѣдователи этой секты, поселившіеся въ Сиріи, гораздо важнѣе, чѣмъ персидская династія ассасиновъ. Ассасины распространились въ Сиріи съ 1105 года, когда Родванъ (стр. 653) нашелъ выгоднымъ для себя призвать ихъ въ Алеппо. Они служили ему, какъ убійцы, и сдѣлали его имя страшнымъ для всѣхъ сирійскихъ владѣтелей. Частью съ его согласія, отчасти же противъ его воли, они основали въ городѣ Фаміѣ или Апамеѣ, завоеванномъ съ ихъ помощью Родваномъ, второй центръ своего владычества, гдѣ устроилъ свою резиденцію другой старецъ горы. Хотя первый изъ шейховъ сирійскихъ ассасиновъ, Абу Тагеръ, черезъ три года и былъ взятъ въ плѣнъ Танкредомъ, который завоевалъ Фамію, а впослѣдствіи христіане завладѣли другимъ замкомъ ассасиновъ и даже Родванъ былъ принужденъ помогать преслѣдованію торжественно проклятыхъ халифомъ еретиковъ,—но все это не могло помѣшать ихъ распространенію въ Сиріи. Они охотно принимали въ свою секту каждаго присоединявшагося къ нимъ отважнаго злодѣя, и такъ какъ всѣмъ была обѣщана при жизни богатая добыча, а по смерти, какъ бы она ни была заслужена, всѣ наслажденія чувственнаго рая, то число ихъ постоянно возрастало. Притомъ ихъ персидскіе братья посылали имъ не только верховныхъ даіевъ, но и энергическихъ сподвижниковъ и фанатиковъ. Когда сынъ и преемникъ Родвана хотѣлъ истребить ихъ въ Алеппо, гдѣ они неограниченно владычествовали, ассасины разбрелись по всей Сиріи и служили орудіями убійствъ властителямъ различныхъ государствъ и городовъ. Маудудъ, владѣтель Мосула, палъ (1113 г.) въ храмѣ подъ ударомъ ихъ кинжала. Во время одной торжественной аудіенціи, которую имѣлъ у багдадскаго султана Тогтекинъ, повелитель Дамаска (стр. 652), ассасины въ присутствіи всего двора принесли въ жертву своей мести одного изъ высшихъ лицъ государства. Жертвами ихъ ненависти сдѣлались намѣстникъ Алеппо и оба его сына, какъ, вѣроятно, и могущественный визирь Египта, Аф-

далъ, и фатимидскій халифъ, Амеръ, заплатившій за убійство Афдала. Точно также дѣйствовали ихъ братья въ Персіи, гдѣ одинъ ассасинъ убилъ визиря султана Санджара за то, что онъ преслѣдовалъ измаелитовъ, которыхъ его предшественникъ принялъ подъ свое покровительство. Чтобы достичь своей цѣли, фанатикъ поступилъ конюхомъ къ визирю. Войдя однажды въ конюшню, гдѣ находился ассасинъ, у котораго не было ничего на тѣлѣ, кромѣ перевязи на бедрѣ, визирь былъ убитъ кинжаломъ, спрятаннымъ въ гривѣ лошади, которую убійца держалъ за узду. Когда лошадь встала на дыбы, онъ выхватилъ кинжалъ и пронзилъ визиря. Въ Сиріи Тогтекинъ, подобно другимъ владѣтелямъ употреблявшій ассасиновъ для своихъ цѣлей, дозволилъ ихъ главѣ, Беграму, сдѣлать Дамаскъ, въ которомъ онъ самъ жилъ, своей столицей, а въ 1126 году отдалъ имъ крѣпость Баніасъ. Съ этихъ поръ ассасины стали слѣдовать въ сирійскихъ горахъ той же системѣ, которую ввелъ Гасанъ въ Дилемѣ, т. е. покоряли одну крѣпость за другою и такимъ образомъ все прочнѣе утверждались въ странѣ. Наконецъ правовѣрные предприняли религіозный походъ противъ безбожныхъ еретиковъ и преслѣдовали, какъ дикихъ звѣрей, не только ихъ, но и друзовъ, нозаири и другихъ сектантовъ. Тогда ассасины задумали отнять у мухаммеданъ Дамаскъ и отдать его франкамъ. Планъ этотъ не удался, и въ одномъ Дамаскѣ ихъ погибло до шести тысячъ. Но въ томъ же году, когда они претерпѣли такое несчастіе (1127 г.), собственно и было положено основаніе ихъ могуществу въ Сиріи. Измаилъ, преемникъ Беграма, отдалъ крѣпость Баніасъ франкамъ, которые безопасно вывели его изъ Сиріи. Приверженцы же Измаила нашли въ неприступныхъ скалистыхъ ущельяхъ лучшія убѣжища, чѣмъ ихъ прежніе замки, и уже черезъ четыре года купили себѣ крѣпость Кадмъ. Черезъ девять лѣтъ послѣ того они овладѣли, съ помощью убійства, крѣпостью Мазіафомъ въ Антиливанѣ, а потомъ покорили одну за другою прочія крѣпости въ окрестностяхъ и такимъ образомъ основали новое ассасинское государство въ Сиріи. Мазафъ сдѣлался столицею ихъ верховнаго даія или старца горы, который былъ столь же извѣстенъ и страшенъ, какъ и персидскій верховный даій. Точно также и самое государство ассасиновъ въ Сиріи имѣло не менѣе значенія, чѣмъ персидское, и погибло пятнадцатью годами позже его.

6. Духовные рыцарскіе ордена и королевство іерусалимское до втораго крестоваго похода.

Въ то время, какъ у мухаммеданъ священный союзъ измаелитовъ становился все прочнѣе и дѣлался страшенъ для господствовавшей религіи, у христіанъ возникли рыцарскіе ордена, то есть, образовались общества, такъ тѣсно связавшія съ религіей рыцарскіе военные подвиги, обратившіеся на Западѣ въ особое занятіе отдѣльныхъ сословій, что пролитіе крови стало считаться, въ извѣстномъ отношеніи, дѣломъ богоугоднымъ. Первыми рыцарскими орденами были іоанниты и тампліеры (храмовники). Еще за долго до перваго крестоваго похода было основано въ Іерусалимѣ общество для призрѣнія больныхъ пилигримовъ, получившее большія привилегіи и богатства. Члены его назывались, по имени своего патрона, іоаннитами. Въ 1118 г. рядомъ съ этимъ благотворительнымъ обществомъ возникло другое общество, образовавшееся, какъ кажется, съ прямою цѣлью создать рыцарскій орденъ. Девять (по другимъ шестнадцать) рыцарей соединились для защиты пилигримовъ и заключили союзъ, члены котораго, подобно монахамъ, наложили на себя извѣстный обѣтъ или религіозное обязательство. Король Бауль дуинъ II, считая такое учрежденіе полезнымъ для поддержанія слабаго государства, отдалъ ордену часть своего дворца, построеннаго не далеко отъ того мѣста, гдѣ прежде находился храмъ Соломона. Вслѣдствіе того и рыцари этого ордена получили названіе тамплієровъ (храмовниковъ). Патріархъ іерусалимскій призналъ ихъ духовнымъ союзомъ, духовенство уступило имъ зданія для помѣщенія ихъ слугъ и наемниковъ, а черезъ девять лѣтъ (1127 г.) орденъ тамплієровъ былъ утвержденъ соборомъ, созваннымъ папой Гонеріемъ II въ Труа. Вслѣдъ за тѣмъ соединились въ по-

добный же рыцарскій союзъ всѣ служители рыцарскаго происхожденія, при іерусалимскомъ госпиталѣ, принявъ на себя, такъ же, какъ и тампліеры, обѣтъ сражаться съ невѣрными. Скоро изъ всѣхъ христіанскихъ земель посыпались богатые дары обоимъ орденамъ. Король Арагоніи и Наварры, Альфонсъ I, въ 1131 году, формально завѣщалъ свое государство въ наслѣдство этимъ двумъ орденамъ и вновь учрежденному въ Арагоніи рыцарскому ордену, обязавшемуся защищать страну отъ мавровъ. Хотя арагонцы и наварцы, не признавшіе за королемъ права распоряжаться государствомъ какъ собственностью, и не утвердили этого распоряженія, но вслѣдствіе завѣщанія Альфонса рыцарскіе ордена все-таки получили въ Арагоніи большія права и преимущества. Лотарь Саксонскій, сдѣлавшійся, по смерти Генриха V, германскимъ императоромъ, въ 1130 году отдалъ тампліерамъ свои наслѣдственныя имѣнья въ суплингенбургскомъ графствѣ, а Генрихъ I Англійскій подарилъ имъ обширныя помѣстья.

Быстрое возрастаніе ихъ богатства и могущества принесло большую пользу іерусалимскому королевству, такъ какъ сочувствіе къ цѣли тампліеровъ привлекало въ Палестину, особенно сначала, лучшихъ рыцарей изъ Европы, для содержанія которыхъ въ Азіи употреблялись доходы съ европейскихъ имѣній. Съ помощью этихъ рыцарскихъ орденовъ и итальянскихъ приморскихъ городовъ, Бальдуинъ II былъ въ состояніи, не призывая новаго войска изъ Европы, предпринять весьма важный походъ въ Дамаскъ и Египетъ и принять подъ свое покровительство, тѣснимое невѣрными, антіохійское княжество. Первый христіанскій владѣтель княжества Антіохіи, Боэмундъ, выкупившись изъ плѣна, отправился въ Европу собирать новое войско. Не получивъ надлежащей помощи, потому что всякій охотнѣе шелъ въ Палестину, онъ отправился въ Грецію, чтобы удовлетворить своему желанію отмстить Алексѣю. Боэмундъ умеръ въ Европѣ, не видавъ болѣе Антіохіи. Танкредъ, управлявшій въ это время княжествомъ, вскорѣ также умеръ (1111 г.) передавъ Антіохію, до пріѣзда сына Боэмунда, своему двоюродному брату, Рожеру. Когда Рожеръ палъ въ битвѣ съ турками (1119 г.), Бальдуинъ II принялъ княжество подъ свое покровительство на время несовершеннолѣтія молодаго Боэмунда II, котораго женилъ на своей дочери. Боэмундъ II тоже погибъ въ одной несчастной битвѣ, и Бальдуинъ долженъ былъ вторично взять подъ свое покровительство княжество, которое жена Боэмунда хотѣла отнять у своей дочери, Констанціи. Вскорѣ послѣ того Бальдуинъ II умеръ (1131 г.), передавъ государство, съ согласія всѣхъ сословій, особенно духовенства и патріарха, мужу своей дочери Мелизенды, шестидесятилѣтнему Фульку Анжуйскому.

При вступленіи на престолъ новаго короля (1131—1143 г.) государство находилось въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, съ которымъ не могло сравниться ни одно изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ. Въ то время, какъ въ Европѣ между государствами все еще продолжалась борьба изъ-за политическаго устройства, и нерѣдко въ одной и той же странѣ существовали самые разнообразные юридическіе обычаи, большіе и мелкіе вассалы, рыцарскіе ордена и жители (сирійцы, франки и греки) городовъ Палестины пользовались твердо установленными правами и несли обязанности, опредѣленныя писаннымъ и подтвержденнымъ присягою законодательствомъ. Но и это цвѣтущее состояніе заключало въ себѣ также зародышъ порчи. Уже тогда стали обнаруживаться слѣды страшной испорченности нравовъ, заразившей государство внутри, тогда какъ извнѣ новому христіанскому обществу угрожали гибелью Зенги и ассасины, упрочившіе свое владычество на границахъ Палестины въ самый годъ вступленія на престолъ Фулька. Могущество Зенги, занятаго долгое время на востокѣ, возрастало сначала незамѣтно; но когда умеръ Іосцелинъ I Эдесскій (1131 г.), и легкомысленный сынъ и преемникъ его, Іосцелинъ II, весь предался удовольствіямъ, эмиръ сдѣлался опаснымъ для христіанъ врагомъ. Онъ объявилъ, что западные народы должны возвратить всѣ сдѣланныя ими завоеванія на Востокѣ, и этимъ заинтересовалъ весь мухаммеданскій міръ въ своей борьбѣ съ христіанами. Когда такимъ образомъ Эдесса представляла только слабый оплотъ Палестинѣ, княжество антіохійское подверглось нападенію преемника Алексѣя I, Калоіоанна, предъявившаго, никогда положительно не признанныя, права греческихъ императоровъ на Антіохію. Обманутый въ надеждѣ видѣть замужемъ за однимъ изъ князей своего дома внучку

Фулька, дочь Боэмунда II, Констанцію, выданную за Раймунда, сына Вильгельма IX графа Пуату, и оскорбленный еще болѣе самымъ способомъ совершенія брака, греческій императоръ напалъ на Раймунда, который, не смотря на помощь владѣтеля Арменіи, не могъ устоять противъ него. Фулькъ, призываемый имъ на помощь, не могъ поспѣшить къ нему, потому что долженъ былъ помогать графу триполійскому, котораго сильно тѣснилъ Зенги. Король іерусалимскій былъ разбитъ и осажденъ въ одномъ изъ замковъ. Не заботясь объ угрожавшей ему опасности, Раймундъ, среди войны съ византійцами, поспѣшилъ на помощь къ королю, на выручку котораго двинулся также и Іосцелинъ. Но оба прибыли слишкомъ поздно: Фулькъ уже сдалъ крѣпость и обязался уплатить непріятелю большую сумму денегъ. Послѣ несчастнаго исхода этого предпріятія, Раймундъ, не будучи въ состояніи ожидать поддержки отъ Фулька, заключилъ съ императоромъ миръ на самыхъ постыдныхъ условіяхъ. Онъ долженъ былъ присягнуть греческому государю, признать его верховнымъ повелителемъ Антіохіи и обязался промѣнять все свое княжество на другіе сирійскіе города, которые Калоіоаннъ намѣревался отнять у невѣрныхъ. Появленіе храбраго греческаго императора въ Сиріи и его связи съ христіанами этой страны распространили ужасъ между мухаммеданами, но не имѣли другаго послѣдствія, кромѣ взятія христіанами нѣсколькихъ небольшихъ городовъ; они скорѣй послужили только какъ бы для того, чтобы наглядно доказать міру все превосходство предводителя мухаммеданскихъ войскъ надъ христіанскими даже и тогда, когда во главѣ ихъ стояли такіе люди, какъ Калоіоаннъ и Раймундъ. Въ 1138 году греческій императоръ возвратился съ войскомъ въ Европу, и Зенги могъ безпрепятственно распространять свое владычество въ Сиріи. Онъ покорилъ всю страну около рѣки Оронта, которая и сдѣлалась границей основаннаго имъ государства. Хотя Зенги при случаѣ измѣнялъ своимъ единовѣрцамъ и жестоко обходился съ ними, но его современники мухамедане единодушно прославляли его, считая, что все это перевѣшивается тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для ислама. Его предпріятія противъ Дамаска не удались, но за то онъ проникъ до владѣній графа триполійскаго, и ждалъ только удобнаго случая, чтобы уничтожить восточный оплотъ христіанъ, Эдессу.

Вскорѣ умеръ Калоіоаннъ, снова было появившійся въ Сиріи для отнятія Антіохіи у Раймунда, который такъ же, какъ и Іосцелинъ II, поступилъ съ нимъ вѣроломно и лицемѣрно. Онъ непремѣнно привелъ бы свое намѣреніе въ исполненіе, если бы его не постигла смерть (1143 г.). Сынъ его, Мануилъ I, назначенный, помимо старшаго брата, его преемникомъ, долженъ былъ спѣшить возвращеніемъ въ Константинополь и въ первое время не могъ думать объ Антіохіи и Сиріи. Въ годъ смерти императора Калоіанна, умеръ и король Фулькъ, оставивъ тринадцатилѣтняго сына, Бальдуина III, именемъ котораго правила государствомъ, въ качествѣ регентши, мать его, Мелизенда. Это положеніе дѣлъ дало возможность могущественному Зенги осуществить давно задуманный планъ. Въ то время, какъ Іосцелинъ безпечно предавался наслажденіямъ въ Телльбашерѣ, куда онъ перенесъ свою столицу, Зенги внезапно вторгнулся въ княжество эдесское. Іосцелинъ просилъ помощи у Раймунда, не обратившаго вниманія на его просьбу, и у Мелизенды, отправившей вспомогательное войско слишкомъ поздно. Черезъ мѣсяцъ (1144 г.) Эдесса сдѣлалась добычею турокъ. Взявъ этотъ городъ, Зенги сдѣлался властелиномъ всей страны, отъ Мосула и границъ Арменіи и Антіохіи до іерусалимскаго королевства и сирійскихъ пустынь. Къ счастью несогласныхъ между собою христіанъ, ихъ враги были также не единодушны. Въ 1146 году Зенги палъ отъ кинжала убійцы, подкупленнаго однимъ эмиромъ, страшившимся его завоевательныхъ стремленій, и тотчасъ, по его смерти, Эдесса была, съ помощью жителей города, снова занята Іосцелиномъ. Изъ двухъ сыновей Зенги, младшій, Нуреддинъ, бывшій свидѣтелемъ смерти отца и получившій его благословеніе, сдѣлался владѣтелемъ Алеппо, а старшій, Сейфъ эддинъ Гази, былъ провозглашенъ правителемъ Мосула. Нуреддинъ былъ для христіанъ такимъ же опаснымъ врагомъ, какъ и Зенги. Онъ обладалъ воинственными качествами своего отца, соединяя съ ними добродѣтели частнаго человѣка; справедливость, правдивость и нелицемѣрное, свободное отъ всякаго фанатизма, благочестіе, приписываются ему одинаково и мухаммеданскими и христіанскими историками. Не смотря на всѣ эти добродѣтели, Нуреддинъ жестоко нака-

залъ жителей Эдессы за ихъ отпаденіе. Ворвавшись въ городъ среди страшнаго кровопролитія, онъ велѣлъ отдать въ рабство и вывести изъ города всѣхъ жителей, уцѣлѣвшихъ отъ меча его дикихъ воиновъ, а самый городъ срыть до основанія. Страшная участь Эдессы и ея жителей побудила западъ къ новому крестовому походу, который былъ предпринятъ уже не отдѣльными рыцарями и князьями, а цѣлыми государствами и самими королями.

Это новое предпріятіе западныхъ народовъ находится въ тѣсной связи съ тогдашнимъ положеніемъ Европы и вліяніемъ, которое имѣлъ на современниковъ св. Бернаръ; поэтому нужно прежде ознакомиться съ исторіей важнѣйшихъ государствъ, принимавшихъ участіе въ новомъ крестовомъ походѣ.

III. ИСТОРІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ ДО ТРЕТЬЯГО КРЕСТОВАГО ПОХОДА.

1. Германская имперія при Лотарѣ II.

Въ Германіи, гдѣ 1125 г. прекратился съ Генрихомъ V франконскій домъ, престола домогались два князя: Гогенштауфенъ Фридрихъ, наслѣдовавшій отъ отца, тестя Генриха, герцогство Швабію, и Лотарь, герцогъ саксонскій изъ дома Суплингенбургъ. Лотарь былъ извѣстенъ своимъ благочестіемъ и могуществомъ, Фридриха ненавидѣли духовенство и всѣ противники Генриха V. Партія папы и духовенства возвела на престолъ герцога Лотаря и этимъ доставила въ Германіи преобладаніе системѣ, совершенно противоположной системѣ умершаго императора. Фридрихъ, хотя и ожидалъ, что выборъ падетъ на него, но призналъ Лотаря законно избраннымъ главою націи. Между ними не замедлили однако возникнуть неудовольствія, потому что Лотарь хотѣлъ отнять у Гогенштауфена и передать другому порученное ему Генрихомъ V управленіе императорскими помѣстьями. Но, когда Фридрихъ началъ укрѣплять города и замки, а города Нюренбергъ, Бамбергъ, Вюрцбургъ и Шпейеръ объявили себя за него, Лотарь рѣшился начать противъ него обыкновенный процессъ и созвалъ на судъ всѣхъ князей. Фридрихъ отвергъ ихъ приговоръ, какъ недѣйствительный, потому что на княжескомъ съѣздѣ не было баварцевъ, швабовъ, остфранковъ и рейнскихъ франковъ. Въ войнѣ съ нимъ Лотарь сначала принужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи опасныхъ наемныхъ войскъ, но, наконецъ, ему удалось отдѣлить отъ Фридриха могущественнаго Вельфа, Генриха Гордаго, который въ 1126 г. наслѣдовалъ отъ отца Баварію и черезъ сестру сдѣлался свояком. Гогенштауфена. Лотарь привлекъ на свою сторону Генриха, выдавъ за него въ 1127 году единственную свою дочь и наслѣдницу, Гертруду; черезъ этотъ бракъ герцогъ баварскій присоединилъ къ своимъ владѣніямъ еще герцогство саксонское. Свою преданность къ тестю Генрихъ хотѣлъ доказать попыткою выдать коварнымъ образомъ Фридриха; но планъ его не удался. Съ этой минуты началась между домами Вельфовъ и Гогенштауфеновъ страшная вражда, впослѣдствіи цѣлыя столѣтія волновавшая Германію и еще болѣе Италію. Во время войны между Лотаремъ и Фридрихомъ, возвратился изъ Палестины братъ Фридриха, впослѣдствіи императоръ Конрадъ III, и чтобы противопоставить императорскому званію Лотаря другой титулъ, принялъ приглашеніе итальянскихъ городовъ и князей. Въ Италіи города и, въ особенности, богатый, получившій чисто демократическое устройство, Миланъ, достигли въ послѣднее время особеннаго могущества. Сознавая свою силу, Миланъ, Парма и нѣкоторые изъ князей приглашали къ себѣ Конрада, чтобы съ помощью нѣмцевъ совершенно отдѣлиться отъ Германіи. Конрадъ отправился въ Италію и согласился, чтобы его избрали ломбардскимъ королемъ, между тѣмъ какъ его братъ въ Германіи одинъ защищалъ права своей фамиліи до 1132 года; когда Лотарь предпринялъ походъ въ Италію, положеніе дѣлъ въ Германіи почти не измѣнилось: императоръ царствовалъ на

сѣверѣ, а Фридрихъ, благодаря своей храбрости и счастью, держался въ Швабіи, на Рейнѣ и въ Франконіи.

Въ Италію призвали нѣмецкаго императора города Новара, Павія, Піаченца, Кремона, Брешія, противившіеся притязаніямъ Милана и Пармы давать королей и законы другимъ городамъ и составившіе противъ нихъ союзъ. Впрочемъ, къ походу въ Италію возбудила Лотаря не столько настоятельная просьба этихъ городовъ, сколько уговоры святаго Бернара, начавшаго тогда играть роль пророка, которую онъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ разыгрывалъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Этотъ человѣкъ, происходившій изъ знатной бургундской фамиліи и замѣчательный красотой, мечтательностью, образованіемъ, краснорѣчіемъ и необыкновенной воздержностью, возбудилъ къ себѣ сильное вниманіе еще на двадцать третьемъ году жизни, по вступленіи въ орденъ цистерцинцевъ; впослѣдствіи, какъ аббатъ Клерво, онъ сталъ проповѣдывать повсюду о святости своего призванія и сдѣлался оракуломъ того времени. Пріобрѣтенію такого необыкновеннаго вліянія содѣйствовали столько же его личныя качества, сколько обширныя связи и значеніе, приданное имъ незадолго передъ тѣмъ основанному имъ самимъ ордену цистерцинцевъ. Когда по смерти Гонорія II (1130 г.) были избраны два папы, Бернаръ рѣшительно принялъ сторону одного изъ нихъ, и это-то заставило его испытать силу своего вліянія на благочестиваго Лотаря. При избраніи папы большинство голосовъ было за человѣка недостойнаго, происходившаго изъ перешедшей въ христіанство еврейской фамиліи и принявшаго, какъ папа, имя Анаклета II; другіе избрали Иннокентія II. Анаклетъ просилъ помощи у племянника Роберта Гискара и сына Рожера I, графа Рожера II Сицилійскаго, который въ 1127 году, по пресѣченіи рода Роберта Гискара, овладѣлъ его землями. Чтобы склонить на свою сторону Рожера, Анаклетъ далъ ему въ ленъ эти земли и короновалъ его въ Палермо королемъ Сициліи, за что Рожеръ, съ оружіемъ въ рукахъ, ввелъ папу въ Римъ и принудилъ Иннокентія бѣжать во Францію. Здѣсь, на одномъ соборѣ, св. Бернаръ, принявшій сторону Иннокентія, своимъ краснорѣчіемъ одержалъ полную побѣду надъ колебавшимися между двумя папами епископами и уговорилъ короля французскаго Людовика VI подать голосъ въ пользу покровительствуемаго имъ папы. Германскаго императора Бернаръ еще за нѣсколько недѣль до того свелъ съ папою и уговорилъ признать Иннокентія, не требуя, чтобы онъ отказался отъ правъ инвеституры, уступленныхъ при Генрихѣ V папскому престолу, какъ этого хотѣлъ сначала Лотарь. Оставалось самое главное — склонить Лотаря къ насильственному вмѣшательству въ пользу Иннокентія. Но опасная борьба съ Гогенштауфенами и постоянная война съ славянами на саксонской границѣ заставляли Лотаря медлить; да и сами нѣмцы, казалось, не были склонны къ такому напряженію силъ. Наконецъ, осенью 1132 г., онъ выступилъ съ небольшимъ войскомъ въ походъ, разсчитывая на св. Бернара, обѣщавшаго встрѣтить его въ Ломбардіи, и на союзниковъ, которыхъ должно было пріобрѣсти ему краснорѣчіе Бернара между итальянскимъ рыцарствомъ, епископами и въ особенности городами, соединившимися противъ Милана.

Между тѣмъ Конрадъ игралъ въ продолженіе года такую жалкую роль, что напослѣдокъ, признаваемый королемъ только въ Пармѣ и терпя нужду даже въ самомъ необходимомъ, онъ принужденъ былъ, вскорѣ по прибытіи Лотаря, оставить Италію. Впрочемъ и предпріятіе его противника не принесло чести ни ему, ни государству. Чуть не украдкою долженъ былъ пробираться Лотарь черезъ Миланъ и Парму, хотя для соблюденія формальности и созвалъ обычный сеймъ на ронкальскихъ поляхъ (стр. 601), а войско его, состоявшее приблизительно изъ двухъ тысячъ рыцарей, подвергалось на пути самымъ жестокимъ оскорбленіямъ. Только благодаря пизанцамъ и генуэзцамъ завладѣлъ онъ частью Рима, куда вступилъ въ сопровожденіи папы Иннокентія. Даже церковь, въ которой короновали обыкновенно королей, едва не попала въ руки нѣмцевъ, и Иннокентій долженъ былъ короновать императора въ соборѣ Константина (1133 г.). Онъ охотнѣе совсѣмъ не короновалъ бы его, еслибъ этого не требовалъ, сильный своимъ вліяніемъ, св. Норбертъ. Норбертъ, извѣстный какъ основатель ордена премонстратовъ, раздѣлялъ взглядъ Бернара на римскій походъ Лотаря; какъ флегматическій нѣмецъ, онъ не обладалъ жаромъ и подвижностью цистерцинскаго мо-

наха, но какъ архіепископъ магдебургскій пользовался большимъ внѣшнимъ вліяніемъ. Тотчасъ по коронованіи Лотарь, не будучи въ состояніи утвердиться въ Римѣ, отступилъ въ Верхнюю Италію; вскорѣ за нимъ послѣдовалъ въ Пизу и тѣснимый антипапой Иннокентій, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ всего похода императора не оставалось никакихъ слѣдовъ, кромѣ нѣкоторыхъ привилегій, данныхъ имъ своимъ приверженцамъ въ Италіи. Важнѣйшія привилегіи были даны жителямъ Мантуи и Болоньи. Мантуя получила право перенести свой императорскій дворецъ за стѣны города, а знаменитой болонской школѣ правовѣдѣнія были даны огромныя преимущества. Въ Нижней Италіи положеніе приверженцевъ императора и его папы сдѣлалось еще хуже. Вассалы германской имперіи, Райнульфъ Аверсскій и Робертъ Капуанскій, изгнанные Рожеромъ II, бродили съ мѣста на мѣсто; города Амальфи и Салерно подчинились Рожеру и неаполитанская республика, единственное изъ всѣхъ государствъ этой страны, державшее сторону имперіи, была бы, вѣроятно, также покорена сицилійцами, если бы пизанцы не послали ей на помощь флотъ. Скоро однако они увели свои корабли, и Неаполь былъ спасенъ отъ гибели только храбростью своего талантливаго главнокомандующаго, Сергія. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ неутомимо боролся со всѣми препятствіями, тщетно вызывая Лотаря изъ Германіи, ѣздилъ то въ Пизу, то назадъ въ Неаполь, и, не смотря на всѣ ужасы жестокой осады и голода, съумѣлъ поддерживать мужество свободныхъ гражданъ до тѣхъ поръ, пока Лотарь вторично не явился въ Италію (1136 г.) и не успѣлъ подать помощь Неаполю.

Между тѣмъ какъ въ Нижней Италіи исчезалъ послѣдній блескъ императорскаго могущества, а въ Ломбардіи города пріобрѣли почти полную независимость, въ Германіи, вслѣдствіе примиренія Лотаря съ Гогенштауфенами, имя императора снова получило значеніе, которое оно имѣло въ эпоху молодости Генриха IV. Послѣ нѣкотораго времени опустошительной внутренней борьбы, въ 1135 году, благодаря, главнымъ образомъ, стараніямъ Бернара, произошло примиреніе между враждовавшими фамиліями Вельфовъ, къ которой принадлежалъ Лотарь, и Гогенштауфеновъ. Братья Гогенштауфены сохранили за собой спорныя владѣнія какъ лены и снова обѣщали императору повиновеніе. На имперскомъ сеймѣ былъ установленъ общій миръ; тогда въ первый разъ всѣ мелкіе вассалы имперіи принуждены были соблюдать его, и такимъ образомъ возстановилось внутреннее спокойствіе. Тогда же выказалось въ полномъ блескѣ и внѣшнее значеніе императора: короли датскій и венгерскій благоговѣли передъ могуществомъ имперіи, герцогъ польскій выслалъ не выплачивавшуюся въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ дань, русскіе великіе князья прислали посольство, а греческій императоръ и папа настоятельно просили о помощи противъ короля сицилійскаго Рожера. Въ августѣ 1136 года Лотарь, надѣясь загладить прежній позоръ, предпринялъ со всѣми силами имперіи второй походъ въ Римъ. Въ Верхней Италіи города, державшіе прежде его сторону, заперли передъ нимъ ворота, тогда какъ, наоборотъ, Парма и Миланъ встрѣтили его съ тріумфомъ, потому что авангардъ нѣмцевъ велъ ихъ прежній король, Конрадъ. Первые были, вслѣдствіе того, жестоко наказаны, а со вторыми, напротивъ, было поступлено чрезвычайно милостиво. Вообще всѣ города отъ Вероны до Турина должны были предстать передъ судомъ Лотаря, который оставался весь конецъ года въ Ломбардіи не только для того, чтобы на торжественныхъ сеймахъ творить судъ и расправу, но чтобы дать также новые законы Италіи и утвердить въ ней ленную систему. Замѣчательно, что императоръ, предсѣдательствовавшій въ судѣ, разбиравшемъ частныя дѣла итальянцевъ, или не понималъ ихъ языка, или считалъ унизительнымъ для себя употребить его.

Слѣдующей весной нѣмецкое войско, подъ предводительствомъ Лотаря и Генриха Гордаго, выступило въ Нижнюю Италію двумя различными путями. Осажденный Неаполь былъ освобожденъ, и вся Калабрія и Апулія покорены. Рожеръ далъ утихнуть бурѣ, а между тѣмъ снаряжалъ новое войско въ Сициліи. Разсчетъ его былъ вѣренъ. Ряды нѣмцевъ стали рѣдѣть, вслѣдствіе вреднаго вліянія климата и отъѣзда вассаловъ, выслужившихъ срокъ службы; императоръ, отдавъ Апулію въ ленъ Райнульфу Аверсскому, вступилъ въ споръ съ папой, который считалъ это нарушеніемъ своихъ правъ; пизанцы были раздражены тѣмъ, что нѣмецкое войско взяло Салерно безъ ихъ помощи и, слѣдовательно, одно

участвовало въ грабежѣ города. Все это принудило императора оставить предпріятіе и вернуться въ Германію. На обратномъ пути онъ заболѣлъ и умеръ (1137 г.). Храбрый Райнульфъ соединилъ около себя небольшое число нѣмцевъ, добровольно оставшихся у него на службѣ, и съ ними и своими вассалами до конца жизни храбро защищался противъ Рожера. Тщетно св. Бернаръ, все время остававшійся въ Италіи, напрягалъ усилія, чтобы уговорить Рожера прекратить войну, но, хотя онъ и могъ совершать чудеса,—говоритъ одинъ историкъ,—однако былъ не въ силахъ смягчить непреклоннаго сицилійскаго короля. По смерти Райнульфа въ 1139 году, дѣла приняли другой оборотъ. Рожеръ завладѣлъ Неаполемъ, которому съ тѣхъ поръ такъ покровительствовалъ, что Салерно и Амальфи совершенно пали и процвѣталъ только Неаполь. Отлучивъ Рожера отъ церкви, Иннокентій выступилъ противъ него въ походъ, но, подобно своему воинственному предшественнику, Льву IX (стр. 566), былъ взятъ въ плѣнъ и принужденъ подчиниться условіямъ, предписаннымъ его врагомъ. Рожеръ былъ признанъ имъ королемъ и получилъ въ ленъ Апулію, Калабрію и Капую. Въ свою очередь Рожеръ призналъ Иннокентія единственнымъ законнымъ папой и принялъ лены только отъ него, не упоминая ни о германской имперіи, ни о ея правахъ. Послѣ того Рожеръ легко покорилъ остальные города, не хотѣвшіе подчиниться его власти, и образовалъ одно большое государство изъ земель, лежащихъ по обѣ стороны Мессинскаго пролива. При немъ это государство достигло цвѣтущаго состоянія, и, по единогласнымъ свидѣтельствамъ какъ враговъ, такъ и друзей Рожера, пользовалось всѣми преимуществами хорошаго управленія, тогда какъ въ прочихъ государствахъ того времени господствовала самая страшная неурядица. Враги Рожера прибавляютъ однако, что порядокъ и спокойствіе были водворены имъ посредствомъ насилія и подавленія обычаевъ, учрежденій и человѣческаго достоинства. Особенное значеніе придали норманнскому государству находившіяся въ его предѣлахъ цвѣтущія учебныя заведенія: школа медицины и естественныхъ наукъ въ Салерно, школа правовѣдѣнія въ Амальфи и постепенно увеличивавшееся училище въ Неаполѣ. Сицилія и Неаполь имѣли огромное политическое вліяніе на Италію, обнаружившееся во всей своей силѣ впослѣдствіи, во время борьбы гвельфовъ и гибеллиновъ, въ особенности потому, что въ салернской школѣ пустила корни скептическая философія аравитянъ, въ Амальфи преподавались норманнскія государственныя науки совершенно независимо отъ вліянія духовенства, а изъ неаполитанской школы распространялась на полуостровѣ итальянско-греческая наука о правѣ. Въ то время, какъ вошедшіе въ составъ новаго государства свободные города, утративъ самостоятельность, получили отъ монархическаго начала учрежденія, изъ коихъ нѣкоторыя были очень хороши, остальная Италія находилась въ самомъ хаотическомъ состояніи. Въ Тусціи или Тосканѣ господствовало сильное броженіе умовъ, угрожавшее общественной безопасности. Въ папской области, особенно въ самомъ Римѣ, готовилась совершенно необыкновенная революція, которая вскорѣ произвела важныя перемѣны. Наконецъ, города Ломбардіи враждовали между собой. Владычеству нѣмцевъ въ Италіи, казалось, насталъ конецъ, потому что во все царствованіе слѣдующаго императора нельзя было и думать о походѣ въ Римъ.

2. Германская имперія при Конрадѣ III.

Для того, чтобы лучше понять исторію германской имперіи при Гогенштауфенахъ, достигшихъ императорскаго престола по смерти Лотаря II, необходимо сперва ознакомиться съ важнѣйшими княжескими фамиліями Германіи, хотя въ то время еще не было и рѣчи ни объ одномъ владѣтельномъ домѣ, кромѣ императорскаго. Родъ Биллунговъ, въ которомъ обладаніе герцогствомъ саксонскимъ сдѣлалось наслѣдственнымъ со времени Оттона Великаго (стр. 50), прекратился въ 1106 году съ герцогомъ Магнусомъ, извѣстнымъ изъ исторіи Генриха IV. Званіе герцога саксонскаго было передано тогда королемъ Генрихомъ V, его будущему наслѣднику, Лотарю II изъ дома Суплинбургъ; домъ этотъ пресѣкся со смертью Лотаря, который оставилъ послѣ себя только одну

дочь, Гертруду. Гертруда вышла замужъ за Генриха Гордаго изъ дома Вельфовъ, а вмѣстѣ съ нею и саксонское герцогство перешло къ этой фамиліи, владѣвшей со времени Генриха IV Баваріей и уже прежде имѣвшей въ Саксоніи владѣнія, которыя были даны въ приданое матери Генриха Гордаго, одной изъ дочерей послѣдняго Биллунга. Такимъ образомъ, при Генрихѣ Гордомъ и сынѣ его, Генрихѣ Львѣ, домъ Вельфовъ владѣлъ почти цѣлымъ королевствомъ, соединивъ обширныя земли южной Германіи съ значительною частью сѣверной Германіи. Генрихъ Гордый долженъ былъ однако уступить своему брату, Вельфу VI, значительныя родовыя аллодіальныя владѣнія въ Швабіи. Уже при Генрихѣ Львѣ, какъ мы увидимъ это ниже, вельфскій домъ лишился обоихъ герцогствъ, саксонскаго и баварскаго, и въ его владѣніи остались только аллодіальныя земли. Въ это время возвысился асканійскій домъ, владѣвшій частью сѣверной Германіи. Основатель его, графъ Оттонъ Балленштедтскій, женился на второй дочери послѣдняго Биллунга, получившей въ приданое нѣкоторыя наслѣдственныя владѣнія своего дома. Его сынъ, Альбрехтъ Медвѣдь, расширилъ полученное имъ отъ императора Лотаря II маркграфство сѣверную Саксонію (стр. 505), назвалъ себя маркграфомъ бранденбургскимъ и сдѣлался основателемъ бранденбургскаго и ангальтскаго домовъ, родоначальниками которыхъ были его сыновья, раздѣлившіе между собою отцовскія владѣнія. Въ то же время значеніе герцоговъ саксонскихъ еще болѣе уменьшилось, вслѣдствіе возвышенія Мейссена и Лузаціи, доставшихся въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія графу Конраду фонъ Веттину, основателю существующихъ до сихъ поръ саксонскихъ владѣтельныхъ домовъ. О другихъ фамиліяхъ, возвысившихся на развалинахъ могущества Генриха Льва, разсказано будетъ ниже, а здѣсь мы упомянемъ только еще о церингенскомъ домѣ. Бертольтъ II Церингенскій, владѣя по наслѣдству графствомъ Брейсгау, сдѣлался, по договору съ Генрихомъ IV, императорскимъ фогтомъ (намѣстникомъ) въ Цюрихѣ и другихъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Его братъ, Германъ I, наслѣдовавшій часть отцовскихъ владѣній, былъ родоначальникомъ баденскихъ герцоговъ, а сынъ, Конрадъ, получилъ въ 1127 году отъ императора Лотаря графство Верхней Бургундіи и основалъ княжескую династію, пресѣкшуюся въ 1218 году.

Лотарь II умеръ въ декабрѣ 1137 года, и уже тогда нѣмцы такъ мало чувствовали надобность въ верховномъ повелителѣ, что отложили избраніе новаго императора до Троицы слѣдующаго года. Въ это время Генрихъ Гордый хранилъ у себя государственныя регаліи, какъ залогъ своего избранія, но надежды его не осуществились. Вассалы имперіи боялись, что ихъ прежняя свобода будетъ въ опасности, если они поставятъ во главѣ государства человѣка съ такимъ гордымъ и высокомѣрнымъ характеромъ, владѣвшаго двумя могущественнѣйшими герцогствами имперіи и громадными частными богатствами. Къ тому же въ послѣднее время вліяніе Гогенштауфеновъ снова усилилось. Ихъ притязанія на императорскій престолъ дѣятельно поддерживали два давно преданные имъ нѣмецкіе князя, герцогъ чешскій Собѣславъ I и маркграфъ австрійскій, Леопольдъ V, сынъ дочери Генриха IV, Агнесы, отъ ея втораго брака съ Леопольдомъ IV, и слѣдовательно, сводный братъ Фридриха и Конрада. Въ пользу Гогенштауфеновъ, вѣроятно, говорило также и благочестіе Конрада и видимое расположеніе къ нимъ папы и ломбардскихъ городовъ. Окончательный перевѣсъ доставилъ имъ хитрый архіепископъ трирскій, Адальберо, взявшійся, за нѣкоторое вознагражденіе, содѣйствовать избранію Конрада. За нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ, онъ созвалъ всѣхъ друзей своихъ и Гогенштауфеновъ въ Кобленцъ и устроилъ тамъ пристрастное избраніе Конрада III. Узнавъ это, саксонцы и ихъ герцогъ хотѣли сначала, согласно древнему нѣмецкому обычаю, порѣшить дѣло оружіемъ; но скоро однако смирились.

Примирившись съ саксонцами, Конрадъ былъ признанъ императоромъ всей Германіей; но ближайшимъ послѣдствіемъ его избранія были страшная война въ Нидерландахъ и непріязненныя отношенія къ Генриху Гордому. Война эта возникла вслѣдствіе того, что Конрадъ отдалъ архіепископу трирскому, за оказанную имъ услугу, аббатство св. Максимина, которымъ онъ не имѣлъ никакого права распоряжаться. Монахи аббатства призвали на помощь графа намюрскаго, который, въ качествѣ владѣтеля Люксембурга, былъ ихъ покровителемъ. Онъ на-

чалъ съ Адальберо продолжительную и кровавую войну, опустошившую владѣнія архіепископа трирскаго. Генрихъ Гордый, согласившійся послѣ присяги саксонцевъ выдать государственныя регаліи, вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ борьбу съ императоромъ, который хотѣлъ отнять у него Саксонію подъ тѣмъ предлогомъ, что ни одинъ князь не можетъ владѣть двумя герцогствами. Когда Генрихъ отказался повиноваться, Конрадъ, собравъ имперскій судъ, приказалъ лишить его правъ на Саксонію. Приговоръ этотъ былъ несправедливъ по многимъ причинамъ: судъ, произнесшій его, состоялъ только изъ немногихъ и притомъ преданныхъ Конраду князей, оправданія Генриха не были выслушаны и, наконецъ, главныя обвиненія ограничивались тѣмъ, что Генрихъ долгое время не выдавалъ государственныхъ регалій и не явился на первый имперскій сеймъ Конрада. Генрихъ полтора года храбро и счастливо защищалъ свое герцогство, которое Конрадъ подарилъ маркграфу Альбрехту Медвѣдю. Онъ защищался даже не смотря то, что императоръ отнялъ у него баварское герцогство и роздалъ бывшимъ друзьямъ Генриха его владѣнія въ Баваріи. Впрочемъ, самое герцогство Конрадъ отдалъ своему сводному брату, Леопольду V Австрійскому. Чтобы возстановить свое вліяніе въ Баваріи, Генрихъ хотѣлъ двинуться туда изъ Саксоніи, но внезапно заболѣлъ и умеръ въ Кведлинбургѣ (1139 г.). Съ его смертью Конрадъ избавился отъ самаго опаснаго противника. Генрихъ оставилъ десятилѣтняго сына, Генриха Льва, и жену, которая, управляя именемъ сына, возбудила саксонцевъ къ продолжительному и упорному сопротивленію. Въ Баваріи дядя молодаго Генриха, Вельфъ VI, вмѣстѣ съ графомъ фонъ Дахау, единственнымъ вассаломъ, защищавшимъ своего герцога, вступилъ въ борьбу съ Леопольдомъ. Онъ одержалъ надъ нимъ между Инномъ и Изаромъ побѣду (1140 г.), но черезъ четыре мѣсяца былъ разбитъ Конрадомъ у Вейнберга. Война въ Баваріи продолжалась еще нѣкоторое время, и миръ былъ заключенъ только тогда, когда жена Генриха Гордаго согласилась вступить въ новый бракъ. Генрихъ II, по прозванію Язомирготтъ, наслѣдовавшій (осенью 1141 г.) въ Австріи и Баваріи своему бездѣтному брату Леопольду, женился на этой еще молодой женщинѣ. Не смотря на то, Вельфъ все-таки продолжалъ войну въ Баваріи, но его противникъ былъ ему не по силамъ; начавъ, послѣ смерти Гертруды, новую войну, онъ все-таки не могъ достигнуть своей цѣли. Въ Саксоніи дѣла имѣли другой оборотъ. Храбрые саксонцы рѣшительно отказывались признать Альбрехта Медвѣдя, желая имѣть герцогомъ только молодаго Генриха, и когда Альбрехтъ вздумалъ употребить въ дѣло данную ему императоромъ власть, они изгнали его изъ Саксоніи, ворвались въ его наслѣдственныя владѣнія и разграбили его родовой замокъ, Ангальтъ. Чтобы возвратить себѣ маркграфство бранденбургское, онъ долженъ былъ чрезъ посредничество архіепископа майнцскаго заключить договоръ, по которому формально отказался отъ званія герцога саксонскаго.

Когда пріутихли волненія въ Саксоніи и Баваріи, Конрада стали настоятельно звать въ Римъ и Ломбардію. Анаклетъ умеръ въ 1138 году, а избранный его партіей Викторъ IV вскорѣ былъ принужденъ Бернаромъ оставить свои притязанія на папскій престолъ; но въ лицѣ молодаго Арнольда Брешіанскаго явился другой противникъ папы Иннокентія II. Ученикъ Абеляра, Арнольдъ былъ однимъ изъ немногихъ, которые пошли далѣе самого учителя по проложенному имъ пути, изучали древнихъ и, связавъ идеи Платона съ библейскимъ ученіемъ, хотѣли создать идеальную республику. Онъ явился въ Римъ и здѣсь съ большимъ успѣхомъ сталъ проповѣдывать въ народѣ, что духовенство обязано заниматься только тѣмъ, къ чему призвано, и не должно ни принимать участія въ земныхъ дѣлахъ, ни пользоваться свѣтскою властью. Арнольдъ сдѣлался совершеннымъ оракуломъ римлянъ. По примиреніи Иннокентія II съ Рожеромъ Сицилійскимъ, онъ долженъ былъ удалиться изъ Рима и жилъ нѣкоторое время въ Швейцаріи. Но и отсюда ученикъ Абеляра продолжалъ поддерживать свои сношенія съ римлянами, которые, полные воспоминаній о древней свободѣ и величіи Рима, еще при Иннокентіи стали возставать противъ папской власти, а по смерти его вступили въ открытую борьбу съ его преемниками, Целестиномъ II, Луціемъ II и Евгеніемъ III. Въ 1145 году Арнольдъ возвратился въ Римъ, сопровождаемый толпой прозелитовъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Швейцаріи. Между тѣмъ возбужденное имъ въ Римѣ движеніе продолжало усиливаться;

римляне выгнали папу Евгенія, учредили по примѣру своихъ предковъ сенатъ и возстановили всѣ формы древней республики. Обѣ стороны, и Евгеній со своимъ другомъ, Бернаромъ, и римляне, просили помощи у германскаго императора. Въ письмѣ къ нему римляне, подражая древнимъ, звали его отъ имени сената и народа римскаго (Senatus populusque Romanus). Также настоятельно звали Конрада и ломбардскіе города, чтобы обуздать своеволіе миланцевъ, хотѣвшихъ подчинить себѣ всѣхъ сосѣдей. Императоръ отклонилъ отъ себя всѣ эти предложенія, желая лучше частыми путешествіями по Германіи и собраніями сеймовъ упрочить значеніе императора, какъ верховнаго судьи, чѣмъ возвращаться въ Италію, изъ которой онъ вынесъ столько стыда. Къ тому же безпокойное германское рыцарство причиняло ему много хлопотъ, и сводный братъ его, историкъ Оттонъ фонъ Фрейзингенъ, думалъ, что настаетъ конецъ міра, такъ какъ спокойствіе не возстановлялось даже во время поста. Въ оффиціальномъ письмѣ къ итальянцамъ Конрадъ говорилъ, что принимаетъ въ нихъ большое участіе, но остерегся подтвердить свои слова дѣломъ. Почти такимъ же образомъ дѣйствовалъ императоръ относительно венгровъ и поляковъ: онъ принялъ отъ нихъ присягу, чрезвычайно дружески обращался съ королями этихъ народовъ, изгнанными своими соперниками, но не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ походу для возвращенія имъ престола. Тщетно папа умолялъ императора; напрасно старались римляне убѣдить его, что теперь самое удобное время стать во главѣ ихъ, если онъ не хочетъ, чтобы папа завладѣлъ тою властью, которою пользовались древніе римскіе императоры; напрасно писали они ему, что папа вступилъ въ союзъ съ Рожеромъ II и, чтобы получить отъ него помощь, предоставляетъ ему значительныя права надъ церковью въ его государствѣ, — Конрадъ не трогался изъ Германіи.

Изъ всѣхъ чудесъ, совершенныхъ Бернаромъ, однимъ изъ самыхъ значительныхъ было, конечно, то, что онъ успѣлъ уговорить Конрада, которому такъ не хотѣлось оставлять имперію, предпринять крестовый походъ. По порученію папы, Бернаръ (1146 г.) съ большимъ успѣхомъ проповѣдывалъ крестовый походъ во Франціи. Въ то же самое время одинъ нѣмецкій монахъ, Радульфъ, выдавая себя за уполномоченнаго Бернара, также успѣшно призывалъ къ священной войнѣ рейнскіе народы. За нимъ послѣдовали тысячи людей изъ низшихъ классовъ народа и въ припадкѣ фанатизма нападали на евреевъ. Тогда Бернаръ написалъ посланіе къ нѣмцамъ, въ которомъ напоминалъ имъ участь христіанъ, послѣдовавшихъ за Петромъ Пустынникомъ, Готтшалькомъ и другими, совѣтовалъ не довѣряться неопытнымъ предводителямъ и доказывалъ всю неосновательность преслѣдованія евреевъ. Истребленіе евреевъ, писалъ онъ, совершенно безполезно, потому что есть множество ростовщиковъ христіанъ, которые займутъ ихъ мѣсто, и къ тому же, истребляя ихъ, нѣтъ надежды, чтобы они когда-нибудь обратились въ христіанство. Даже съ язычниками, по его мнѣнію, можно было бы быть снисходительными, если бы была какая-нибудь надежда на ихъ обращеніе, и только потому, что они сами преслѣдовали христіанъ, необходимо было бы поднять на нихъ оружіе и изгнать ихъ. Замѣчательно, что въ то время, какъ Бернаръ защищалъ евреевъ отъ преслѣдованій грубой толпы, папа Евгеній распоряжался ихъ имуществомъ и деньгами самымъ возмутительнымъ образомъ, дѣйствуя какъ будто на законныхъ основаніяхъ. Евгеній издалъ буллу, въ которой папскою властью освобождалъ всѣхъ принимавшихъ крестъ отъ уплаты долговъ и отъ данной ихъ кредиторамъ клятвы. Написавъ посланіе къ нѣмцамъ, Бернаръ отправился во Франкфуртъ, гдѣ имѣлъ съ Конрадомъ свиданіе, на которомъ заклиналъ его спасеніемъ души принять участіе въ новомъ крестовомъ походѣ. Конрадъ далъ ему уклончивый отвѣтъ, и у Бернара хватило хитрости и такта, чтобы до времени не настаивать болѣе. Онъ отправился въ верхнерейнскія земли, гдѣ былъ болѣе извѣстенъ романскій языкъ, на которомъ онъ проповѣдывалъ, и рѣшился воспользоваться празднествомъ такъ называемаго дня коронаціи, который короли среднихъ вѣковъ обыкновенно праздновали въ Рождество (стр. 620), чтобы еще разъ попытаться растрогать Конрада. Въ Шпейерѣ, гдѣ Конрадъ проводилъ Рождество, Бернаръ въ одну изъ торжественныхъ минутъ богослуженія съ восторженнымъ видомъ обратился къ императору, и трогательными словами, позой и фигурой произвелъ такое впечатлѣніе на собраніе, что

Конрадъ не могъ устоять противъ всеобщаго настроенія и у алтаря смиренно принялъ изъ рукъ Бернара крестъ и знамя.

Сѣверные нѣмцы, узнавъ о рѣшеніи своихъ южныхъ соплеменниковъ, также пришли въ движеніе. Но на нихъ св. Бернаръ не имѣлъ вліянія и они не двинулись въ Палестину. По совѣту епископовъ, которые принадлежали почти всѣ къ княжескимъ или рыцарскимъ родамъ, они обратились противъ язычниковъ, жившихъ въ ихъ сосѣдствѣ и дѣлавшихъ частые набѣги на христіанскую Германію. При Генрихѣ IV, всѣ вендскія племена на сѣверной границѣ были соединены въ одно большое государство своимъ христіанскимъ княземъ Готтшалькомъ, котораго они убили въ 1066 г. и по смерти его уничтожили всякіе слѣды христіанства въ своей странѣ (стр. 585 и 588). Могущественнѣйшимъ изъ ихъ тогдашнихъ предводителей былъ Круко. Онъ утвердился въ Мекленбургѣ и сдѣлалъ своими данниками Гольштейнъ, Стормарнъ и Дитмаршенъ. Въ 1105 г. сынъ Готтшалька, Генрихъ, бѣжавшій въ Данію, убилъ Круко при содѣйствіи его жены. Сдѣлавшись повелителемъ мекленбургскихъ и гольштейнскихъ племенъ, но не довѣряя своимъ соотечественникамъ, Генрихъ соединился съ христіанами и присягнулъ герцогу саксонскому Магнусу. Этимъ онъ возстановилъ противъ себя подданныхъ, которые возмутились и были усмирены только съ помощью саксонцевъ.

Послѣ того Генрихъ сталъ еще болѣе угнетать всѣхъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, и утвердилъ свое владычество надъ ними силой оружія. Съ этихъ поръ опустошительные набѣги славянъ на сосѣднія германскія земли прекратились. Черезъ нѣсколько времени на Генриха напали рюгенцы или раны, имѣвшіе своимъ религіознымъ центромъ островъ Рюгенъ и распространившіе свое владычество до самыхъ внутреннихъ областей Пруссіи. Во главѣ этого народа, какъ и вообще у всѣхъ вендскихъ племенъ, стоялъ князь или предводитель, но у рюгенцевъ такую же роль игралъ и первосвященникъ, такъ что жреческое правленіе соединялось у нихъ съ монархическимъ. Высшимъ божествомъ рюгенцевъ былъ Святовитъ, храмъ котораго находился на островѣ Рюгенѣ: ему приносили они все добываемое золото и серебро, потому что сами не употребляли благородныхъ металловъ. Рюгенцы напали на Генриха въ Любекѣ, его тогдашней столицѣ, но были имъ разбиты и покорены вмѣстѣ со многими другими племенами, считавшими также своимъ главнымъ божествомъ Святовита, а его храмъ средоточіемъ верховной власти. Съ того времени Генрихъ господствовалъ надъ всей страной вендовъ до Гафельберга и Бранденбурга. Когда рюгенцы убили его сына, Вальдемара, которому онъ поручилъ надзоръ надъ померанскимъ берегомъ (Поморьемъ) и сборъ получавшихся съ нихъ значительныхъ пошлинъ и податей, Генрихъ, имѣя благовидный предлогъ, предпринялъ съ помощью саксонцевъ хищническій походъ противъ храма Святовита. Этотъ походъ, не сдѣлавъ рюгенцевъ бѣднѣе, доставилъ ему и саксонцамъ огромныя богатства, хотя ими были разграблены далеко не всѣ сокровища храма. Послѣ того его государство рушилось: саксонцы, занятые при Генрихѣ V и Лотарѣ въ другихъ областяхъ имперіи, не могли оказывать помощи ни ему, ни его сыновьямъ. Подчиненные народы отпадали одинъ за другимъ, и вскорѣ по смерти Генриха (1121 г.) обширное вендское государство совершенно распалось. Гольштинцы и стормарнцы, хотя и принявшіе христіанство, но охотнѣе отправлявшіе богослуженіе въ рощахъ и у ручьевъ, чѣмъ въ церквахъ, присоединились тогда къ вендамъ. Чтобы отмстить за прежнія обиды, рюгенцы возобновили опустошительные набѣги и разграбили Любекъ. Грабежи снова сдѣлались обыкновеннымъ ремесломъ жителей береговъ Балтійскаго моря; всюду господствовали неурядица и разрушеніе, не смотря на то, что Лотарь, будучи еще герцогомъ саксонскимъ, чтобы улучшить положеніе дѣлъ въ Гольштиніи, отдалъ эту страну графу Адольфу Шаумбургскому и потомъ, вступивъ на престолъ, предпринималъ нѣсколько походовъ во внутренность Шлезвига. Но ни Гольштинія, ни другія земли на Эльбѣ не были пощажены; венды нигдѣ не хотѣли принимать христіанства и образовали вплоть до Данцига нѣсколько небольшихъ языческихъ государствъ. Каждое изъ этихъ государствъ имѣло свой особенный культъ, но всѣ признавали рюгенскаго идола высшимъ божествомъ; храмъ Святовита былъ въ своемъ родѣ Дельфами соединенныхъ вендовъ, а его первосвященникъ—ихъ оракуломъ; на христі-

анъ же они смотрѣли, какъ на самыя пріятныя жертвы для грознаго идола. Въ то время Генрихъ Гордый и Альбрехтъ Медвѣдь спорили за герцогство, а Адольфъ Шаумбургскій и Генрихъ фонъ Бадевиде вели войну за Гольштинію, венды имѣли возможность основать могущественное государство, во главѣ котораго стояли два оботритскіе князя, Никлотъ и Прибиславъ. Противъ этого-то славянскаго государства направили, въ 1147 году, свой крестовый походъ нѣмецкіе князья, предводительствуемые молодымъ герцогомъ саксонскимъ, Генрихомъ Львомъ, между тѣмъ какъ Конрадъ и южные нѣмцы отправились въ Палестину.

Оба эти предпріятія кончились одинаково безславно. Крестовый походъ Конрада, какъ увидимъ ниже, имѣлъ несчастный исходъ, а экспедиція противъ вендовъ не имѣла другихъ результатовъ, кромѣ страшнаго разоренія страны, за которое венды отмстили на вестфальцахъ и голландцахъ, поселенныхъ въ Гольштиніи графомъ Адольфомъ. Напротивъ, крестовый походъ, предпринятый нѣмцами нижняго Рейна, вестфальцами и нидерландцами противъ португальскихъ мавровъ, окончился счастливо. Въ концѣ одиннадцатаго столѣтія король Кастиліи и Леона, Альфонсъ VI, отдалъ въ ленное владѣніе графу Генриху Бургундскому, пришедшему въ Кастилію съ отрядомъ храбрыхъ воиновъ и оказавшему важныя услуги въ войнѣ съ маврами, страну между Миньо и Дуэро и выдалъ за него свою дочь; такимъ образомъ было основано новое государство, получившее впослѣдствіи, отъ гавани Кале или Опорто, названіе Португаліи. Въ то время какъ крестоносцы, къ которымъ на пути присоединилось еще множество англичанъ, высадились при устьи Таго, сынъ Генриха, Альфонсъ I, осаждалъ Лиссабонъ. Они помогли ему завоевать городъ и возвратились съ богатой добычей въ свое отечество. Вскорѣ послѣ того благочестивый монахъ, Вицелинъ, своими проповѣдями сдѣлалъ въ странѣ вендовъ то, чего тщетно добивались его соотечественники оружіемъ. Онъ настойчиво и съ успѣхомъ трудился надъ распространеніемъ христіанства, которое вскорѣ снова пустило глубокіе корни у вендовъ, не смотря на то, Генрихъ Левъ, чтобы воспользоваться земными плодами духовныхъ сѣмянъ, посѣянныхъ Вицелиномъ, противопоставлялъ достойному монаху различныя затрудненія и успокоился только тогда, когда Вицелинъ призналъ его верховнымъ леннымъ государемъ бѣднаго епископтства, основаннаго имъ въ Мекленбургѣ.

Прежде чѣмъ предпринять крестовый походъ, Конрадъ назначилъ регентомъ, государства сына своего, Генриха, уже заранѣе избраннаго въ римскіе императоры; но Генрихъ управлялъ только по имени, дѣйствительнымъ же правителемъ на время отсутствія императора былъ Вибальдъ, аббатъ Стабло, Мальмеди и Корвея (стр. 636). Какъ другъ Конрада, какъ первый ученый и самый способный государственный человѣкъ, Вибальдъ пользовался въ Германіи глубокимъ уваженіемъ. За его краснорѣчіе его называли Цицерономъ того времени; при Конрадѣ и въ началѣ слѣдующаго царствованія онъ сочинялъ всѣ императорскіе граматы и документы, а его братъ сопровождалъ Конрада въ крестовомъ походѣ, въ должности канцлера. Вибальдъ, какъ уже было прежде замѣчено, принадлежалъ къ числу немногихъ лицъ, которыя ясно понимали научное направленіе своего времени и отношеніе школы къ дѣйствительной жизни: но и изъ его исторіи видно, какъ вредно было для государства и для сохраненія древнихъ обычаевъ вліяніе духовныхъ, которые, какъ единственные ученые того времени, почти исключительно занимались всѣми дѣлами, которыхъ нельзя было рѣшать оружіемъ. Преслѣдуя какую-нибудь политическую цѣль, Вибальдъ не обращалъ никакого вниманія на народные нравы и обычаи и притомъ обладалъ страшнымъ клерикальнымъ высокомѣріемъ. Въ одномъ изъ его писемъ къ одному монаху мы находимъ слѣдующія надменныя слова: «Я говорю съ тобой въ единственномъ числѣ, тогда какъ вообще въ сношеніяхъ съ монахами обыкновенно употребляю множественное; но я дѣлаю это потому, что имѣю дѣло съ ученымъ и философомъ.»

Получивъ извѣстіе, что врагъ его дома, дядя молодаго герцога саксонскаго, заключилъ союзъ съ Рожеромъ Сицилійскимъ, Конрадъ ускорилъ свое возвращеніе изъ Палестины. Вельфъ, хотя и участвовалъ въ крестовомъ походѣ, но возвратился прежде императора, и на пути заключилъ союзъ противъ Конрада съ королемъ сицилійскимъ, Рожеромъ, который боялся тѣсной дружбы Конрада съ

его заклятымъ врагомъ, императоромъ константинопольскимъ. Съ большимъ запасомъ денегъ Вельфъ отправился изъ Неаполя обратно въ Германію, вступилъ дорогой въ переговоры съ папой и ломбардскими городами и составилъ союзъ противъ Конрада съ своими родственниками въ Эсте (стр. 589). По возвращеніи въ Германію (1149 г.), Конрадъ призвалъ къ оружію всѣхъ имперскихъ князей; но еще прежде, чѣмъ подоспѣла имперская помощь, сынъ его, Генрихъ, разбилъ стараго Вельфа. Тогда приверженцы обѣихъ сторонъ предложили свое посредничество, и дѣло было кончено формальнымъ судебнымъ порядкомъ, хотя Вибальдъ настойчиво требовалъ, чтобы оно было рѣшено оружіемъ. Онъ, какъ въ новѣйшее время Лудовикъ XIV и Бонапарте, держался того мнѣнія, что приговоръ суда раздается только въ замкнутомъ кружкѣ, тогда какъ военные подвиги, если они сопровождаются блескомъ, распространяются по гораздо большему пространству земнаго шара. Едва только Конрадъ возстановилъ спокойствіе въ южной Германіи, какъ его всячески старались заманить въ Римъ. Считая, что введенное ими по образцу древнихъ новое устройство не будетъ прочно до тѣхъ поръ, пока его не утвердитъ императоръ, римляне старались представить Конраду новый сенатъ единственнымъ истиннымъ другомъ его въ Италіи, и въ письмахъ къ императору хвалились тѣмъ, что они выгнали папу и его приверженцевъ потому, что папа соединился съ Рожеромъ ко вреду достоинства и чести императора. И дѣйствительно, если судить по письмамъ Конрада и Вибальда, германскій императоръ частью раздѣлялъ главныя основанія ученія Арнольда Брешіанскаго, который стоялъ тогда во главѣ римской республики. Онъ соглашался, что духовные не должны были ни вести войнъ, ни возбуждать кровопролитій, и что ихъ призваніе ограничивается только проповѣдями и богослуженіемъ, хотя провести эту мысль въ Германіи ему было гораздо труднѣе, чѣмъ новому римскому сенату въ Римѣ. Воззрѣнія эти не нравились его министру и дипломату, Вибальду, который былъ для него необходимъ при переговорахъ, особенно съ римлянами. Въ подобнаго рода вопросахъ Вибальдъ дѣйствовалъ противъ императора; если порученіе ему не нравилось, онъ ссылался на истощеніе денежныхъ средствъ и подъ этимъ предлогомъ отклонилъ отправленіе посольства къ папѣ, такъ же какъ отказался и отъ составленія договора съ греческимъ императоромъ. Изъ этого ясно видно, на сколько положеніе германскаго императора было затруднительнѣе положенія папы или королей англійскаго и французскаго. Люди, которыхъ употребляли папы для дипломатическихъ сношеній, занимались постоянно этими дѣлами, а короли Англіи и Франціи имѣли надъ нимъ то важное преимущество, что въ ихъ государствахъ не было независимаго духовенства, и государственные люди, которыми могли быть только духовные, находились въ этихъ странахъ въ гораздо большей зависимости отъ правителей, чѣмъ въ Германіи. Германскій императоръ часто встрѣчалъ, какъ это особенно рѣзко видно изъ отношеній Вибальда къ Конраду, наибольшія затрудненія и препятствія въ своихъ совѣтникахъ и уполномоченныхъ. По этимъ причинамъ предположенный походъ въ Римъ постоянно откладывался, и Конрадъ умеръ (1152 г.), не осуществивъ его.

3. Германская имперія при Фридрихѣ Барбароссѣ до усмиренія Генриха Льва.

У Конрада было два сына: старшій, Генрихъ, умеръ двумя годами ранѣе отца, а второму, Фридриху Ротенбургскому, впослѣдствіи герцогу швабскому, исполнилось только восемь лѣтъ, когда умеръ Конрадъ. Считая болѣе выгоднымъ, при тогдашнемъ положеніи имперіи, предпочесть интересы своего дома выгодамъ сына, Конрадъ на смертномъ одрѣ передалъ государственныя регаліи не сыну, а храброму племяннику, Фридриху I Барбароссѣ. Германія еще прежде считала Фридриха болѣе достойнымъ короны, чѣмъ всѣ остальные князья, и уже черезъ семнадцать дней по смерти Конрада избирательныя сословія единогласно избрали его главою имперіи. Фридрихъ Барбаросса, одинъ изъ германскихъ князей, могъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, поддерживать блескъ, вновь приданный Конрадомъ императорскому достоинству. Положеніе дѣлъ бла-

гопріятствовало увеличенію этого блеска. Постоянно возраставшая страсть много численнаго дворянства къ грабежу и битвамъ, его борьба съ князьями съ одной стороны съ гражданами городовъ съ другой, дѣлали еще ощутительнѣе потребность въ посредникѣ-судьѣ. Многіе изъ князей охотно присоединялись къ императору; возобновленіемъ стараго обычая съѣзжаться въ извѣстные дни ко двору, Конрадъ содѣйствовалъ этому соединенію главы государства съ его членами. Князья и владѣтели, принадлежали ли они къ высшему духовенству или низшему рыцарству, должны были, согласно тому, какъ было сказано въ пригласительныхъ письмахъ, являться съ блестящей или немногочисленной свитой. Даже на архіепископовъ Конрадъ смотрѣлъ какъ на придворныхъ и во время походовъ безусловно распоряжался ими, ихъ вассалами и вассалами ихъ монастырей. Такъ, напримѣръ, однажды онъ особымъ императорскимъ повелѣніемъ снялъ съ кведлинбургскаго монастыря запрещеніе совершать богослуженіе.

Вступивъ на престолъ, Фридрихъ прежде всего устремилъ свои взоры на Италію и задумалъ снова доставить императорской власти въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ то значеніе, которое она имѣла при Каролингахъ и Оттонахъ, и возвратить имперіи ея прежнія границы. Такому плану не мало способствовали благопріятное, повидимому, положеніе дѣлъ въ Италіи и то обстоятельство, что при избраніи Фридриха въ императоры участвовали и итальянскіе князья. Города сѣверной Италіи, принимавшіе все болѣе и болѣе демократическія формы и постоянно развивавшіеся, благодаря своей цвѣтущей торговли, находились въ постоянной междоусобной враждѣ. Особенно грозное положеніе относительно другихъ городовъ принялъ Миланъ. Онъ сталъ такъ великъ и могущественъ, что уже въ 1137 г. на торжественномъ сеймѣ, который Лотарь II созывалъ на ронкальскихъ поляхъ, присутствовало до сорока тысячъ вооруженныхъ миланцевъ. Въ послѣднее время миланцы значительно распространили свое владычество и не только принудили всѣхъ землевлаѣльцевъ, если они хотѣли мирно владѣть своими имѣньями, строить себѣ дома въ Миланѣ и дѣлаться гражданами ихъ свободной общины, но усмиряли и разрушали всякій городъ, избѣгавшій тягостнаго союза съ ними. Подобную участь испытали на себѣ, какъ увидимъ ниже, Лоди и Комо. Въ Средней Италіи Пиза поддерживала непрерывную переписку съ императорскимъ дворомъ, а въ Римъ призывали императора и овладѣвшій правленіемъ народъ, и папа, чтобы разрѣшить ихъ непримиримую распрю. Въ южной Италіи Рожеръ Сицилійскій находился въ постоянной враждѣ съ греческимъ императоромъ, Мануиломъ I, который, соединясь противъ него съ Конрадомъ, уговаривалъ императора предпринять походъ въ Римъ и, чтобы побудить его къ тому, старался письмами и подарками льстить первому министру германскаго императора, Вибальду. Между тѣмъ отказъ имперскихъ князей предпринять крестовый походъ въ Венгрію убѣдилъ Фридриха въ невозможности осуществить свой завоевательный планъ относительно Италіи иначе, какъ представивъ его государственной необходимостью. Прибытіе изгнанныхъ Рожеромъ апулійскихъ вассаловъ, явившихся въ Германію просить помощи, дало къ тому прекрасный поводъ. По обычаю того времени, вассалы сами должны были просить сеймъ о помощи и тѣмъ, до нѣкоторой степени, принудить его объявить походъ въ Италію дѣломъ цѣлаго государства. Но походъ все-таки былъ отложенъ еще на два года. Безъ помощи саксонцевъ и ихъ молодаго герцога, который не хотѣлъ отказаться отъ отцовскаго герцогства Баваріи, нельзя было надѣяться на благопріятный исходъ итальянской войны, и потому Фридрихъ, снова предложивъ на обсужденіе имперскаго сейма старинный процессъ о Баваріи, потребовать отъ Генриха Австрійскаго, чтобы онъ передъ равными себѣ (пэрами) доказалъ законность своихъ притязаній. Но молодой герцогъ, считая дѣло рѣшеннымъ, не явился ни на этотъ, ни на слѣдующій сеймъ; воспользовавшись этимъ, Фридрихъ, чтобы привязать къ себѣ Генриха Льва, отдалъ ему Баварію. Зная, что успѣхъ предпріятія также много зависитъ и отъ содѣйствія высшаго духовенства, императоръ старался, чтобы епископства доставались лицамъ, которыя подавали за него голосъ на имперскихъ сеймахъ и въ содѣйствіи которыхъ былъ заранѣе увѣренъ. При этомъ онъ не обращалъ никакого вниманія ни на строгій выборъ, ни на возраженія папы, легаты котораго были имъ отвергнуты, и одинаково энергически поддерживалъ императорское значеніе какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ.

Намѣренія Фридриха высказались совершенно ясно, когда онъ примирился съ герцогомъ саксонскимъ, власть котораго была такъ же обширна въ сѣверной Германіи, какъ императорская въ имперіи. Черезъ своихъ правовѣдовъ онъ сталъ настойчиво поддерживать и проводить систему поборниковъ императорской власти, какъ противъ притязаній церкви, такъ и противъ республиканцевъ въ Италіи. Итальянскіе республиканцы или, какъ они впослѣдствіи назывались, гвельфы, создали свою собственную политическую систему: императорскимъ правамъ и власти они противопоставляли христіанство, какъ особаго рода республику, и весьма ловко связали съ системою своей гражданской свободы христіанскую іерархію, во главѣ которой стоялъ папа. Впослѣдствіи папа и республики, соединенныя общими принципами, боролись съ приверженцами императора или гибеллинами, которые, съ своей стороны, говорили, что со времени уничтоженія римской свободы Юліемъ Цезаремъ, власть и законодательство перешли отъ народа къ императору, а, слѣдовательно, всѣ права верховной власти и величіе закона должны быть предоставлены одной его волѣ. Гибеллинскія начала преобладали въ то время въ школахъ и судахъ, гдѣ кодексъ Юстиніана считался величайшей мудростью; но за то въ формахъ политическаго устройства и управленія итальянскихъ городовъ не было и слѣдовъ императорскихъ правъ. Итальянскіе города, пріобрѣтая со времени Генриха IV все болѣе свободы и правъ, образовали между собой союзы и вели войны, какъ самостоятельныя государства. Въ одну изъ такихъ войнъ, миланцы разрушили (1110 г.) Лоди, граждане котораго должны были поселиться въ шести неукрѣпленныхъ мѣстечкахъ. Такимъ же образомъ они подчинили себѣ (1127 г.), послѣ продолжительной войны, Комо, не смотря на то, что ему помогали двѣнадцать городовъ. За годъ до римскаго похода миланцы дали очень ясно почувствовать Фридриху, что значеніе императора совершенно пало въ итальянскихъ городахъ. Нѣсколько купцовъ изъ Лоди жаловались императору на страшныя притѣсненія, которымъ подвергали ихъ городъ миланцы. Фридрихъ отправилъ въ Миланъ письмо, которое жители разорвали и растоптали ногами. Въ это же время, Арнольдъ Брешіанскій и его римскіе приверженцы рѣшились избрать себѣ особаго римскаго императора, чтобы тѣмъ вѣрнѣе упрочить свои старинныя права. Оба эти обстоятельства придали значеніе государственнаго вопроса итальянскому походу, который Фридрихъ рѣшился ускорить, потому что смерть короля Рожера II (1154 г.), сынъ и преемникъ котораго, Вильгельмъ I, не имѣлъ талантовъ отца, казалось, облегчала возстановленіе императорскихъ правъ и въ южной Италіи.

Въ октябрѣ 1154 г. Фридрихъ поспѣшилъ съ небольшими силами въ Ломбардію, и, какъ нѣкогда его дядя, былъ удивленъ совершенно измѣнившимися отношеніями этой страны, благосостояніемъ ея жителей, ихъ довѣріемъ къ собственнымъ силамъ, разнообразіемъ и одушевленностью ихъ искусствъ и ремеслъ. На ронкальскихъ поляхъ былъ назначенъ многолюдный сеймъ; Фридрихъ думалъ, что миланцы не явятся на немъ и такимъ образомъ онъ будетъ имѣть предлогъ осудить ихъ. Но хитрые миланцы, вопреки ожиданію, явились и, боясь императорскаго оружія, объявили, что готовы подчиниться судебному приговору, когда города Павія, Лоди и Кремона принесли на нихъ жалобу. Ихъ принудили уплатить тысячу маронъ пени и освободить незадолго передъ тѣмъ захваченныхъ въ плѣнъ гражданъ Павіи. Но, не смотря на все это, Фридрихъ нашелъ предлогъ обвинить миланцевъ въ вѣроломствѣ и стать во враждебныя къ нимъ отношенія. Миланцы не только старались подкупить деньгами самого императора, но ихъ депутаты, которыхъ Фридрихъ взялъ въ проводники, намѣренно завели нѣмецкое войско въ пустынныя мѣстности. Фридрихъ не могъ тотчасъ же обратиться противъ Милана, но напалъ на его союзниковъ, гражданъ Кіери и Асти, и срылъ стѣны этихъ городовъ. Другаго союзника миланцевъ, городъ Тортону, отказавшагося отстать отъ союза съ Миланомъ и присоединиться къ преданной императору Павіи, постигла еще болѣе жестокая участь. Два мѣсяца осаждалъ Фридрихъ городъ и, взявъ его наконецъ, предоставилъ жителямъ Павіи и другихъ сосѣднихъ городовъ излить свою месть надъ жителями, стѣнами и зданіями Тортоны, а самъ съ нѣмцами выступилъ въ походъ противъ Рима. Съ этого времени миланцы сдѣлались непримиримыми врагами императора и употребили всѣ усилія, чтобы, на зло Фридриху, вполнѣ возстановить Тортону, большинство жи-

телей которой бѣжало къ нимъ. На вспомоществованіе Тортоны была отдана вся общественная казна, а граждане согласились поочередно отправляться къ нимъ, чтобы помогать имъ при постройкахъ и защищать рабочихъ отъ павійцевъ.

Между тѣмъ Фридрихъ короновался въ Павіи ломбардскою короною и отправился въ Римъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ Арнольдъ Брешіанскій долженъ былъ уступить папѣ Адріану IV. Уже при первой встрѣчѣ императора съ Адріаномъ между ними произошелъ споръ по поводу одной почетной церемоніи, на которую папа имѣлъ притязаніе. Въ средніе вѣка существовалъ обычай, что императоръ держалъ стремя, когда папа слѣзалъ съ лошади, — обычай не имѣвшій никакого особаго значенія, служившій только выраженіемъ вѣжливости (стр. 617). При первой встрѣчѣ съ Адріаномъ, Фридрихъ не хотѣлъ сначала подчиниться этому обыкновенію, или исполнилъ его не съ обычными формальностями и согласился на него только для того, чтобы прекратить начатый папою споръ. Но лишь только было устранено это неудовольствіе, какъ у императора возникъ еще болѣе горячій споръ съ римскимъ народомъ и сенатомъ. Римляне выслали на встрѣчу къ императору депутатовъ, требуя отъ него письменнаго признанія своихъ старинныхъ правъ и обычаевъ и пяти тысячъ фунтовъ серебра. Фридрихъ съ негодованіемъ отвергъ ихъ требованія, и, вступивъ въ Римъ, велѣлъ папѣ короновать себя. Послѣ коронаціи римляне напали на нѣмецкое войско, и произошла схватка, въ которой сами они лишились до тысячи человѣкъ убитыми и потонувшими въ Тибрѣ, тогда какъ нѣмцы не потеряли на одного человѣка. «Римъ, — восклицаетъ по этому поводу историкъ и современникъ Фридриха, Оттонъ фонъ Фрейзингенъ, — вотъ тебѣ нѣмецкое желѣзо вмѣсто арабскаго золота! Вотъ деньги, которыя предлагаетъ тебѣ твой государь за твою корону». Съ особенной яростью устремился на римлянъ Генрихъ Левъ, а какъ враждебно было тогда настроеніе папы противъ его духовныхъ дѣтей, видно изъ того, что онъ не только восхвалялъ герцога за его дѣйствія, но тотчасъ же посвятилъ произвольно поставленнаго Генрихомъ у вендовъ епископа, чего прежде не хотѣлъ сдѣлать, обращая вниманіе на законный протестъ архіепископа бременскаго. Въ пылу гнѣва противъ безсильной гордости римлянъ, императоръ принесъ въ жертву папской мести и Арнольда Брешіанскаго. Передъ вступленіемъ въ Римъ онъ, по договору, обѣщалъ папѣ уничтожить новое римское государство, вытребовать скрывшагося у своихъ друзей Арнольда и выдать его папѣ; до сихъ поръ онъ медлилъ исполненіемъ этого послѣдняго обѣщанія, но теперь велѣлъ отыскать преслѣдуемаго республиканца и выдать папѣ, который приказалъ немедленно сжечь его. Скоро однако развившаяся лѣтняя лихорадка заставила Фридриха отправиться въ Сполето, а потомъ начать отступленіе въ Германію. Онъ, вѣроятно, погибъ бы въ одномъ изъ тирольскихъ ущелій, еслибы его не спасла храбрость его знаменосца, пфальцграфа баварскаго, Оттона фонъ Виттельсбаха. Нѣмецкое войско было окружено утесами, а стоявшій на высотахъ ломбардскій отрядъ запиралъ единственный свободный выходъ: не смотря на крутизну скалъ, Оттонъ съ двумя стами тяжеловооруженныхъ рыцарей вскарабкался на возвышавшіеся надъ непріятелемъ утесы и освободилъ проходъ. Разбѣшенный вѣроломствомъ грековъ, Фридрихъ, тотчасъ по возвращеніи въ Германію, превралъ всѣ сношенія съ ними. Еще передъ походомъ въ Италію были начаты съ греческимъ императоромъ дипломатическіе переговоры по поводу норманновъ и предполагаемаго брака съ греческой принцессой, и аббатъ Вибальдъ, который велъ по этому поводу дѣятельную переписку съ Мануиломъ, долженъ былъ отправиться въ Константинополь во главѣ посольства. Но посольство это не состоялось, вслѣдствіе постоянныхъ обмановъ грековъ. Воспользовавшись во время войны съ Вильгельмомъ Сицилійскимъ находившимися въ ихъ рукахъ письмами Фридриха, за его печатью, греки заняли своими гарнизонами укрѣпленные города неаполитанскихъ имперскихъ князей и такимъ образомъ завладѣли почти всѣмъ берегомъ. Хотя города эти и были скоро отняты у нихъ Вильгельмомъ, но Фридрихъ такъ разсердился на грековъ, что не отправилъ предполагавшагося посольства въ Константинополь и долго не допускалъ къ себѣ отправленныхъ въ Германію греческихъ пословъ, приказавъ задержать ихъ на границѣ и не желая слушать никакихъ оправданій.

По возвращеніи въ Германію императоръ снова возстановилъ право и спра-

ведливость. Онъ далъ князьямъ почувствовать, что они чины имперіи и подчинены закону, заставилъ ихъ явиться на судъ и возстановлъ прежнее наказаніе «носки собакъ» (стр. 595); рейнскій пфальцграфъ, Германъ фонъ Шталекъ, позволившій себѣ самоуправство вооруженной рукой, вмѣстѣ съ десятью графами, своими соучастниками, первый подвергся этому позорному наказанію (1156 г.). За убійство и грабежи рыцарство теряло свои замки; привилегіи жителей городовъ были возобновлены; императоръ покровительствовалъ и искусствамъ. Фридрихъ понималъ и занимался процвѣтавшей тогда отъ береговъ Эбро до По провансальской поэзіей: въ 1157 г., принимая присягу Прованса, онъ отвѣчалъ на пѣсни собравшихся вокругъ него рыцарскихъ поэтовъ знаменитымъ романсомъ. Имя его сдѣлалось столь извѣстнымъ между этими пѣвцами, что одинъ изъ нихъ, принадлежавшій уже къ слѣдующему поколѣнію, когда пѣсни юга раздавались на берегахъ Луары и Сены, причисляетъ императора Фридриха къ тѣмъ мудрымъ и вдохновеннымъ государямъ, какихъ уже болѣе не было въ его время. Единственнымъ труднымъ для Фридриха дѣломъ въ Германіи было прекращеніе вновь возникшаго спора между Генрихомъ Львомъ и маркграфомъ австрійскимъ. Въ 1156 году, на имперскомъ съѣздѣ, споръ этотъ былъ рѣшенъ тѣмъ, что маркграфъ отказался въ пользу Генриха Льва отъ герцогства Баваріи, а маркграфство Австрія, увеличенное незначительною частью Баваріи, получило титулъ и преимущества герцогства. Послѣ этого князья поклялись сохранять миръ и рѣшено было направить всѣ силы имперіи противъ миланцевъ; но передъ начатіемъ національнаго похода было опредѣлительно сказано, что каждый обязывается служить только по сю сторону Апеннинъ. Незадолго до втораго итальянскаго похода, который долженъ былъ возстановить императорское значеніе на югѣ отъ Альповъ, Фридрихъ возобновилъ имперскіе сеймы въ Бургундіи и вытребовалъ отъ Польши и Венгріи дань деньгами; но обстоятельства не позволяли ему осуществить задуманный имъ планъ относительно этихъ странъ. Блестящій имперскій сеймъ, собравшійся въ 1157 г. въ бургундскомъ городѣ Безансонѣ, замѣчателенъ не только тѣмъ, что на немъ присягнули императору всѣ бургундскіе епископы до самаго Прованса, но и тѣмъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на отношенія императора къ папѣ. Угрожаемый съ одной стороны Вильгельмомъ, а съ другой недовольными римлянами, Адріанъ призналъ Вильгельма королемъ Сициліи и южной Италіи, и отдалъ ему въ ленъ эти страны. Разсерженный этимъ, Фридрихъ не высказывалъ однако своего неудовольствія приближеннымъ и вассаламъ имперіи, потому что германская имперія, уже со временъ Лотаря, отказалась отъ мнимыхъ правъ на Апулію, слѣдовательно, ея интересы не затрогивались поступкомъ папы. Но, начавъ споръ съ папою, онъ съумѣлъ заинтересовать собравшихся на сеймъ чиновъ имперіи. Одинъ шведскій епископъ, возвращавшійся изъ Рима, былъ оскорбленъ бургундскими дворянами, и по этому поводу Адріанъ написалъ императору письмо, въ которомъ осыпалъ его незаслуженными упреками за дурное управленіе имперіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы заставить почувствовать преобладаніе церкви, которое Фридрихъ началъ оспаривать, папа намѣренно прибавилъ нѣсколько сильныхъ выраженій, изъ которыхъ можно было заключить, что онъ считаетъ императорское достоинство леномъ папскаго престола. Фридрихъ велѣлъ своему канцлеру Райнольду перевести и объяснить содержаніе письма и латинскія выраженія одного изъ привезшихъ посланіе легатовъ, такъ что собравшіеся нѣмцы пришли въ ярость. При этомъ вспомнили и о картинѣ, которую Иннокентій II велѣлъ нарисовать послѣ коронаціи Лотаря II и повѣсить въ латеранскомъ соборѣ. На этой картинѣ Лотарь былъ изображенъ стоящимъ на колѣняхъ передъ папою и находились слѣдующія слова: Rex venit ante fores, jurans prius nabis honores; post homo fit papae unit quo dante coronat (король подходитъ къ воротамъ, подтвердивъ сперва клятвою права города Рима; послѣ того онъ дѣлается ленникомъ папы, отъ котораго получаетъ корону). Имперскій сеймъ былъ страшно раздраженъ притязаніями папы. Оттонъ фонъ Виттельсбахъ даже поднялъ мечъ на легата, слова котораго были переведены по нѣмецки, и навѣрно убилъ бы его, еслибы Фридрихъ не бросился между ними. Узнавъ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Германіи его письмомъ, папа страшно струсилъ. Сначала онъ старался отдѣлить нѣмецкихъ епископовъ отъ остальныхъ чиновъ имперіи и ея главы, но, получивъ неблагопріятные отвѣты,

поспѣшилъ дружескими письмами и удовлетворительными объясненіями утишить грозившую ему бурю.

Въ намѣреніяхъ Фридриха при началѣ втораго римскаго похода нельзя было сомнѣваться. Отправленные впередъ канцлеръ, говорившій въ Безансонѣ такъ рѣшительно и настойчиво противъ папы, и пфальцграфъ Оттонъ, чуть не убившій посла Адріана, должны были возстановить въ городахъ значеніе императорскихъ правъ и наказать примѣрнымъ образомъ ихъ нарушителей. Въ Италіи Оттонъ дѣйствовалъ такъ же, какъ не задолго передъ тѣмъ въ Безансонѣ: натолкнувшись однажды на итальянскихъ вельможъ, которые вели переговоры съ греками, онъ выхватилъ мечъ и привелъ ихъ въ такой ужасъ, что они подчинились его требованіямъ. Расправившись съ греками, онъ выгналъ ихъ изъ Италіи. Имперское войско, двинувшееся лѣтомъ 1158 года, раздѣлилось и вступило въ Италію различными путями. Впослѣдствіи прибылъ еще Генрихъ Левъ съ Адольфомъ Гольштинскимъ и 1500 избранныхъ рыцарей. Дорогою Генрихъ наказалъ дерзость, которую позволили себѣ два тирольскіе графа противъ папскихъ легатовъ, путешествовавшихъ съ императорскимъ конвоемъ, и обезопасилъ дорогу императорскимъ посламъ. Когда собралось все войско, Фридрихъ составилъ превосходный, раздѣленный на 25 постановленій, военный уставъ, изданный съ согласія войска и имѣвшій силу закона. Императоръ хотѣлъ тотчасъ же начать военныя дѣйствія противъ Милана, но, по совѣту находившихся въ его свитѣ римскихъ юристовъ, согласился соблюсти требованія законности и выждать срокъ, въ который миланцы имѣли бы возможность вооружиться. Дворянство и высшая буржуазія были готовы склониться передъ императоромъ, но бѣдные требовали войны, отчасти потому, что она ихъ кормила и спасала отъ тягостей обыденной жизни, отчасти же изъ зависти къ другимъ сословіямъ. Императоръ двинулся со всѣми своими войсками противъ Милана и началъ правильную осаду. Городъ упорно защищался противъ 150 тысячъ человѣкъ, въ то время, какъ павійцы и кремонцы свирѣпствовали въ его окрестностяхъ, а въ самомъ Миланѣ ощущался недостатокъ въ продовольствіи. Но, не смотря на все это, низшіе классы долго не хотѣли слышать о капитуляціи, пока, наконецъ, графъ Гвидо де Бландрите, бывшій миланскимъ гражданиномъ, членомъ миланскаго рыцарства и значительнымъ землевладѣльцевъ въ окрестностяхъ города, предложивъ свое посредничество у императора и поддержанный богатыми классами, не получилъ согласія всего народа на переговоры. Какъ ни были суровы условія, предписанныя Фридрихомъ, но они были приняты. Миланцы должны были просить прощенья, построить въ городѣ императорскій дворецъ, заплатить деньги, представить заложниковъ и, что было всего тяжелѣе, подчиниться тому, чтобы императорскія права были опредѣлены на сеймѣ, подъ предсѣдательствомъ самого императора. Послѣ того, какъ граждане Милана самымъ унизительнымъ образомъ испросили у императора прощеніе, Фридрихъ сперва наказалъ города Верону и Феррау, а потомъ созвалъ, въ день св. Мартина, итальянскій имперскій сеймъ, на которомъ должны были быть опредѣлены въ точности его права и обязанности вассаловъ и подданныхъ. Во время приготовленій къ этому сейму возникла ссора между нимъ и папою Адріаномъ IV, который не хотѣлъ утвердить назначеннаго Фридрихомъ сына графа де Бландрате епископомъ равеннскимъ. Новыя событія въ скоромъ времени до того усилили раздоръ между главами имперіи и церкви, что Адріанъ уже готовился отлучить Фридриха отъ церкви. Но въ 1159 году онъ внезапно умеръ.

Передъ открытіемъ сейма на ронкальскихъ поляхъ, Фридрихъ собралъ малый сеймъ, на который были приглашены только лица, противорѣчія которыхъ нельзя было опасаться, и черезъ римскихъ юристовъ въ Болоньи, Булгара, Мартина Гозія, Джакопо Гуголина и Гуго де Порто Равеннате, пріобрѣлъ большинство голосовъ въ пользу новаго ученія объ императорскомъ всемогуществѣ. Черезъ этихъ законниковъ онъ заявилъ предъ собравшимися консулами ломбардскихъ городовъ, что императорская воля есть единственный источникъ всякаго права и закона, или, какъ выражались болонскіе юристы, всѣ права законодательства перешли отъ народа къ императору и всякое выраженіе его воли имѣетъ силу закона. Сообразно съ этимъ основнымъ положеніемъ, принадлежавшія императору права или регаліи были весьма расширены на имперскомъ сеймѣ. Хотя Фридрихъ и не хотѣлъ безусловно пользоваться этими правами, но вскорѣ, однако, въ си-

лу произнесеннаго имъ судебнаго приговора, онъ отдѣлилъ городъ Монцу отъ Милана и, безъ предварительнаго выбора гражданъ, назначилъ консуловъ или бургомистровъ и подестъ или городскихъ старшинъ, не смотря на то, что по постановленіямъ ронкальскаго сейма долженъ былъ замѣщать эти должности съ согласія общинъ. Въ то время, какъ императоръ распоряжался такъ деспотически, уполномоченные греческаго императора, жившіе въ Венеціи, убѣждали озлобленныхъ ломбардцевъ и ихъ союзниковъ отстаивать свою свободу. Между тѣмъ нѣмецкіе коммисары, собиравшіе назначенныя императору подати, дѣйствовали такъ произвольно, что только усиливали неудовольствіе. Выведенные наконецъ изъ терпѣнья тягостнымъ положеніемъ, которое не было ни войною, ни миромъ, миланцы уже черезъ годъ послѣ ронкальскаго сейма снова взялись за оружіе. Сигналомъ возстанія было позорное изгнаніе канцлера Райнольда, свирѣпствовавшаго въ Миланѣ именемъ императора. Къ несчастью, миланцы не сочли своихъ силъ: не смотря на борьбу съ папою, Фридрихъ все-таки легко могъ справиться съ однимъ городомъ, которому невозможно было держаться долгое время противъ всего нѣмецкаго войска. Оставленный тотчасъ послѣ заключенія мира съ Миланомъ, имперскими вассалами, срокъ службы которыхъ былъ очень непродолжителенъ, императоръ долго не могъ окружить огромный городъ и начать правильную осаду, хотя ему и помогали жители Павіи, Кремоны, Лоди, Новары и Комо. Полтора года наводилъ онъ страхъ на миланцевъ опустошеніемъ ихъ владѣній и, когда, наконецъ, явились новыя войска изъ Германіи, приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Расположившись главной квартирой въ Лоди, Фридрихъ отрѣзалъ у миланцевъ всѣ сношенія съ Піаченцой и такимъ образомъ лишилъ городъ съѣстныхъ припасовъ, уничтожилъ деревья и посѣвы вокругъ Милана и обратилъ въ пустыню его окрестности. Между тѣмъ его отношенія къ главѣ церкви, вслѣдствіе спора по поводу избранія папы, принимали, казалось, благопріятный для миланцевъ оборотъ. Распавшись на двѣ партіи, кардиналы избрали по смерти Адріана, одни Александра III, жаркаго противника императора, а другіе его приверженца, Виктора IV. Для рѣшенія спора Фридрихъ назначилъ въ Павіи церковный соборъ, на который Александръ не явился; Викторъ былъ объявленъ законнымъ папою и соединился съ римскимъ сенатомъ и народомъ противъ Александра и его кардиналовъ. Папы проклинали другъ друга, и Александръ, отлучившій императора отъ церкви, соединился съ миланцами. Въ 1161 г. Фридрихъ вторично собралъ соборъ въ Лоди, гдѣ находилась его главная квартира: но соборъ принесъ такъ же мало пользы, какъ и предъидущій, потому что король французскій, Людовикъ VII, котораго Фридрихъ сначала привлекъ на свою сторону, перешелъ къ его противникамъ. Предвидя послѣдствія подобнаго суда надъ папами, Александръ отвлекъ Людовика отъ императора, или, другими словами, возбудилъ въ слабомъ страхъ передъ сильнымъ, и этимъ достигъ того, что дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Но, не смотря на все это, доведенные до послѣдней крайности миланцы были принуждены смириться и снова просить пощады у императора (весною 1162 г.).

Это было самой удобной минутой для утвержденія нѣмецкаго владычества въ Ломбардіи, если бы Фридрихъ умѣренно воспользовался своей побѣдой и употребилъ покорность миланцевъ не ко вреду ихъ, а только для устрашенія ихъ союзниковъ. Но онъ поступилъ съ ними и ихъ союзниками самымъ жестокимъ образомъ. Послѣ того, какъ все населеніе Милана такъ же, какъ за три года передъ тѣмъ, униженно молило императора о помилованіи, стѣны и главныя зданія города были разрушены, а жителямъ приказано разселиться по неукрѣпленнымъ мѣстечкамъ. Подобная участь постигла Брешію, Піаченцу и другіе союзные съ Миланомъ города, несчастную же Тортону Фридрихъ, возвращаясь въ Германію, отдалъ на жертву павійцамъ, которые срыли городъ до основанія. Съ этихъ поръ всѣ ломбардскіе города стали терпѣть отъ корыстолюбія императорскихъ фогтовъ и дерзости рыцарей, которая была для итальянцевъ тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ неограниченнѣе была ихъ прежняя свобода. Слѣдствія этого обнаружились уже въ 1164 г., когда тайные происки венеціанцевъ и греческаго императора, деньги и обѣщанія угрожаемаго Фридрихомъ короля неаполитанскаго и сицилійскаго и ободренія папы Александра III вызвали противъ германскаго императора союзъ городовъ Вероны, Тревизо, Падуи и Виченцы, извѣстный подъ именемъ веронс-

скаго союза. Союзъ этотъ поставилъ императора въ большое затрудненіе. Двинувшись осенью 1163 г. въ Италію, онъ на короткое время возвратился въ Германію, чтобы просить князей присылки новыхъ войскъ, но увидѣлъ, что нѣмцы не хотѣли жертвовать ему собой. Вмѣсто того, чтобы стараться смягченіемъ притѣсненій примириться съ врагами и покончить несогласіе безъ позора для себя, покуда нѣмцамъ еще не надоѣлъ окончательно римскій походъ, и нѣкоторые итальянскіе города, хотя слабо, но поддерживали его, Фридрихъ и его нѣмцы усилили гнетъ и этимъ довели итальянцевъ до отчаянія. Императорскіе чиновники поступали самымъ произвольнымъ и жестокимъ образомъ: они высасывали всю кровь народа податями, которыя налагали на всевозможные предметы и нерѣдко требовали тѣхъ же самыхъ податей два раза. Все это заставило отпасть отъ императора даже самые преданные ему города. 7-го апрѣля 1167 г. въ одномъ монастырѣ, между Миланомъ и Бергамо, сошлись уполномоченные Кремоны, Бергамо, Брешіи, Мантуи и Феррары и образовали ломбардскій союзъ. Даже разсѣянные въ различныхъ мѣстахъ миланцы тайно отправили пословъ на этотъ конгрессъ. Здѣсь было постановлено вновь отстроить Миланъ съ помощью союза. Рѣшеніе это было выполнено около того времени, когда императоръ двигался гоотивъ папы, и храбрость архіепископа Христіана Майнцскаго и прежняго канцлера, архіепископа кёльнскаго, Райнольда, открыла ему путь къ столицѣ его главнаго врага. Весною 1167 г. Фридрихъ вмѣстѣ съ папою Пасхалисомъ II, избраннымъ по смерти Виктора (1164 г.) на его мѣсто, выступилъ въ среднюю Италію и, осадивъ Анкону, выслалъ противъ Рима триста рыцарей подъ предводительствомъ Райнольда. Въ Тускулумѣ Райнольдъ былъ аттакованъ римлянами, число которыхъ простиралось до тридцати тысячъ, и отправилъ гонца къ императору, стоявшему передъ Анконой, настоятельно требуя помощи; но ни одинъ изъ свѣтскихъ князей, бывшихъ въ императорскомъ войскѣ, не хотѣлъ предпринимать рискованнаго дѣла. Тогда архіепископъ Христіанъ Майнцскій собралъ свое войско, деньгами и просьбами привлекъ къ себѣ еще нѣсколькихъ человѣкъ и поспѣшилъ съ небольшимъ отрядомъ (1,300 чел.) на помощь стѣсненному Райнольду. Прибывъ въ Тускулумъ, онъ скрылся въ засадѣ, и когда Райнольдъ сдѣлалъ вылазку, оба епископа съ небольшою горстью людей одержали рѣшительную побѣду надъ римлянами, которые оставили на полѣ битвы нѣсколько тысячъ убитыхъ и еще большее число плѣнныхъ. Черезъ нѣсколько времени императоръ явился передъ Римомъ со всѣмъ своимъ войскомъ, взялъ городъ и принудилъ Александра бѣжать (въ іюлѣ 1167 г.). Послѣ того онъ торжественно возвелъ на папскій престолъ Пасхалиса и заставилъ римлянъ присягнуть себѣ. Когда, казалось, господство императора, совершенно уничтоженное въ Ломбардіи, было возстановлено въ Римѣ, вдругъ развилась въ самой сильной степени римская лѣтняя лихорадка, уничтожившая вмѣстѣ съ блестящимъ войскомъ и цвѣтомъ нѣмецкаго рыцарства, сгруппировавшагося около Фридриха, и его могущество, утвержденное тридцатилѣтними усиліями. Почти всѣ воины, лучшіе предводители войска, сопровождавшіе императора, племянникъ его, Фридрихъ Ротенбургскій, архіепископъ кёльнскій Райнольдъ, служившій ему и копьемъ и перомъ, и болѣе двухъ тысячъ рыцарей сдѣлались жертвою этой опасной болѣзни.

Когда вѣсть о несчастіи, постигшемъ Фридриха, достигла Ломбардіи, всѣ города, отъ долинъ Піемонта до Адижа, подняли оружіе: даже преданный императору Лоди былъ вынужденъ примкнуть къ союзу противъ него, и только Павія крѣпко держалась за него. Но никогда Фридрихъ не являлся столь великимъ, какъ въ эту минуту. Съ небольшимъ остаткомъ войска двинулся онъ къ Павіи и здѣсь публично объявилъ войну всѣмъ составившимъ противъ него союзъ ломбардскимъ городамъ, за исключеніемъ Лоди и Кремоны. Во главѣ гражданъ Павіи и немногихъ оставшихся при немъ нѣмцевъ Фридрихъ сталъ совершать частые набѣги на другіе города, особенно на вновь выстроенный и снова разцвѣтшій Миланъ. Чтобы противодѣйствовать ему и повредить Павіи, непріятели выстроили его на равнинѣ между Асти и Павіей, при сліяніи трехъ рѣкъ, новый городъ, названный на зло императору и въ честь папы Александріей. Городъ этотъ уже черезъ два года заключалъ, въ наскоро построенныхъ соломенныхъ хижинахъ, отъ которыхъ онъ получилъ въ насмѣшку прозвище della Paglia (соломенный городъ), болѣе пятнадцати тысячъ жителей. Превосходство непріятельскихъ

силъ заставило наконецъ Фридриха поспѣшить отступленіемъ въ Германію. Онъ съ трудомъ пробрался черезъ Альпы, а въ Сузѣ, гдѣ жители окружили его дворецъ, онъ избѣгнулъ смерти только тѣмъ, что велѣлъ Германну фонъ Зибенейхену явиться въ своемъ вооруженіи и выдать себя за императора (въ мартѣ 1168 г.).

Въ Германіи всѣ заботы Фридриха были устремлены на то, чтобы прочнымъ утвержденіемъ своего владычества по сю сторону Альповъ приготовить страшное возвращеніе въ Италію, о которомъ пока нельзя было и думать. Онъ присвоилъ себѣ богатое наслѣдство своего племянника, Фридриха Ротенбургскаго, умершаго бездѣтнымъ, округлилъ покупкою и мѣною швабскія владѣнія, заставилъ избрать старшаго сына, Генриха VI, преемникомъ императорскаго престола и короновать его, роздалъ всѣмъ сыновьямъ значительныя владѣнія и доставилъ одному изъ нихъ владѣнія въ Бургундіи. Когда Фридрихъ такъ щедро надѣлялъ сыновей княжескими владѣніями, можно ли было думать, что уже его правнука постигнетъ столь жалкая участь, и что послѣдній потомокъ его дома умретъ отъ руки палача! Могущество своей фамиліи Фридрихъ расширилъ и упрочилъ въ ущербъ Генриху Льву, искусно воспользовавшись его корыстолюбіемъ. Генрихъ, по описанію одного человѣка, имѣвшаго впослѣдствіи, въ Англіи, возможность изучить его, запятналъ славу своего благороднаго происхожденія и блестящей храбрости непомѣрнымъ корыстолюбіемъ и вѣроломствомъ: онъ былъ скупъ и жаденъ до чужаго богатства, въ высшей степени надутъ и гордъ и, что въ то время болѣе всего ставилось въ позоръ князю, почти никогда не держалъ слова. Какъ ближайшій наслѣдникъ Вельфа VI, единственный сынъ котораго сдѣлался въ Римѣ въ 1167 г. жертвою заразы, Генрихъ имѣлъ надежду получить аллодіальныя владѣнія вельфскаго дома; но изъ скупости онъ поступилъ очень неосторожно, отказавъ своему дядѣ, который велъ разгульную жизнь и вошелъ въ долги, въ незначительной денежной суммѣ, которую онъ просилъ у него. Этимъ онъ принудилъ дядю обратиться съ просьбою къ другимъ и сдѣлать завѣщаніе въ ихъ пользу. Генрихъ думалъ, что никто не посмѣетъ купить себѣ его наслѣдство. Но императоръ далъ старому Вельфу денегъ и пріобрѣлъ себѣ такимъ образомъ, черезъ его завѣщаніе, вельфскія аллодіальныя владѣнія въ Германіи и итальянскія владѣнія Матильды, которыми прежде былъ надѣленъ Вельфъ, а за нанесенную Генриху потерю, онъ до нѣкоторой степени утѣшилъ его тѣмъ, что заставилъ молчать обиженныхъ имъ епископовъ и свѣтскихъ владѣтелей. Упрочивъ, независимо отъ императорскаго достоинства, свою фамилію и значеніе въ Германіи, Фридрихъ рѣшился начать новый походъ въ Италію и въ 1171 г. выслалъ впередъ съ нѣсколькими отрядами архіепископа Христіана Майнцскаго. Христіанъ, одно изъ важнѣйшихъ лицъ въ нѣмецкой исторіи, принадлежитъ безспорно къ замѣчательнѣйшимъ людямъ своего времени. Онъ обладалъ обширными политическими познаніями, былъ одаренъ, какъ обнаружилось впослѣдствіи въ Венеціи, замѣчательною способностью къ дипломатическимъ переговорамъ и отлично говорилъ по латыни, по французски, по гречески и на апулійскомъ, ломбардскомъ и брабантскомъ нарѣчіяхъ. Физическая его сила была такъ исполински велика, что въ одной стычкѣ своей страшной палицей онъ вышибъ зубы тридцати восьми ломбардцамъ. Только въ ту эпоху могъ такой человѣкъ исполнять въ тоже время какъ слѣдуетъ и свои духовныя обязанности. Дѣйствительно, тогда никому не казалось страннымъ, что онъ (1174 г.) передъ Болоньей, какъ полководецъ, въ одинъ день ранилъ собственноручно сотни человѣкъ, а потомъ на слѣдующій день, какъ архіепископъ и священникъ, тою же рукою принесъ при торжественномъ богослуженіи чистую и безкровную христіанскую жертву. — Съ большимъ искусствомъ приготовилъ Христіанъ императору путь въ Италію. Съ своими наемными войсками, для которыхъ война была ремесломъ, онъ прошелъ черезъ Ломбардію, выигралъ рѣшительную битву при Болоньѣ, явился въ Тосканѣ и съ удивительнымъ политическимъ тактомъ сталъ во главѣ соединенныхъ тосканскихъ городовъ. Самъ Фридрихъ выступилъ въ походъ осенью 1174 года. Никто не сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ предпріятія, но и на этотъ разъ несчастная запальчивость императора заставила его надѣлать ошибокъ. Сначала изъ желанія отмстить онъ слишкомъ долго оставался передъ Сузою, которую взялъ и сжегъ до тла. Потомъ расположился лагеремъ въ сырой алессандрійской равнинѣ, гдѣ

нездоровый воздухъ былъ страшно пагубенъ для него, а непріятельскіе города имѣли возможность отрѣзать войску продовольствіе. Скоро Фридрихъ почувствовалъ всю невыгоду своего положенія и увидѣлъ, что расположившіяся въ тылу ломбардскія войска легко могли прервать его сообщенія съ Павіей и задерживать подвозъ припасовъ. Страхъ передъ его именемъ былъ однако такъ великъ, что непріятели сами предложили ему заключить перемиріе и начать мирные переговоры. Онъ согласился на ихъ предложеніе. Весною 1175 года, непріязненныя дѣйствія были пріостановлены и съ обѣихъ сторонъ назначены посредники для окончательнаго рѣшенія спора. Фридрихъ, конечно, не думалъ подчиняться рѣшенію посредниковъ; онъ, очевидно, хотѣлъ только выиграть время, чтобы дождаться обѣщанныхъ Германіей подкрѣпленій и послѣ долгихъ лишеній дать отдыхъ войску. Переговоры съ ломбардцами, какъ и слѣдовало ожидать, не повели ни къ чему. Фридрихъ разсчитывалъ на помощь всей сѣверной Германіи, гдѣ, съ одной стороны, Генрихъ Левъ, противъ котораго были въ высшей степени раздражены всѣ его сосѣди, по многимъ причинамъ долженъ былъ стараться поддерживать дружескія отношенія къ императору, а съ другой—значительнѣйшіе епископы употребляли всѣ усилія, чтобы съ помощью императора ограничить законнымъ путемъ притязанія Генриха, послѣ того какъ они тщетно пытались достигнуть этого оружіемъ. Въ это время Генрихъ хотѣлъ присвоить себѣ городъ Госларъ, но императоръ не давалъ ему на то согласія, и Генрихъ не хотѣлъ послать помощи противъ Ломбардіи. Тогда Фридрихъ убѣдилъ герцога пріѣхать для переговоровъ съ нимъ въ Кіавенну, гдѣ предложилъ всевозможное, чтобы только примириться и расположить его къ себѣ. Онъ напоминалъ ему о соединявшихъ ихъ родственныхъ связяхъ, обѣщалъ ему все, что могъ, просилъ, умолялъ и обнималъ его колѣни; но все было напрасно, герцогъ остался непреклоннымъ. По разсказамъ современнаго историка, императрица выказала при этомъ гораздо болѣе негодованія и женской надменности, чѣмъ Фридрихъ—императорской гордости. «Встань, господинъ мой, и не забудь этого срама; о, еслибъ Богъ отплатилъ за это!» Фридрихъ и Генрихъ разстались навсегда врагами. Между тѣмъ епископы Вихманъ Магдебургскій и Филиппъ Кёльнскій, преемникъ Райнольда, вели значительныя войска въ Италію и при Комскомъ озерѣ соединились съ Фридрихомъ, къ которому примкнули также жители Комо. Получивъ подкрѣпленіе, императоръ выступилъ изъ Комо на соединеніе съ многочисленной милиціей Павіи. Чтобы помѣшать этому соединенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ предотвратить бѣдствія вторичной долговременной осады, миланцы рѣшились покончить дѣло битвой въ открытомъ полѣ, и подкрѣпленные жителями Брешіи, Новары, Лоди, Вероны, Піаченцы и Верчелли, загородили дорогу нѣмецкому войску, такъ что императору, для того чтобы проложить себѣ путь, не оставалось другаго средства, кромѣ битвы. Сраженіе было дано 30 мая 1176 года, при Леньяно. Сначала ломбардцы потерпѣли совершенное пораженіе и обратились въ бѣгство; даже такъ называемый отрядъ смерти, состоявшій изъ трехъ сотъ благородныхъ миланцевъ, сталъ отступать. Только миланцы, защищавшіе кароччіо (стр. 558) и давшіе клятву спасти его или умереть, продолжали еще сопротивленіе нѣмцамъ, когда оставленные въ резервѣ брешіанцы возобновили битву. Счастье измѣнило нѣмцамъ: они были разбиты и потерпѣли большой уронъ; весь ихъ обозъ достался въ руки непріятеля, а самъ императоръ, потерявъ свое знамя и щитъ, едва не лишился жизни. Нѣсколько дней никто не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось, такъ что его жена надѣла уже трауръ, когда онъ вдругъ явился въ Павіи.

Собравъ остатки войска, Фридрихъ скоро убѣдился, что дальнѣйшая борьба невозможна, и вступилъ въ переговоры. Тутъ его таланты выказались еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ, чѣмъ во всѣхъ его войнахъ и битвахъ. Онъ спасъ свою честь и выгоды, разъединивъ искусными переговорами враговъ и заставивъ каждый отдѣльный городъ, изъ боязни, что другіе заключатъ отдѣльный миръ, согласиться на условія императора. Веденіе этихъ переговоровъ, столь важныхъ для чести величайшаго изъ германскихъ императоровъ, было исполнено съ такимъ искусствомъ архіепископомъ Христіаномъ Майнцскимъ, что для его безсмертной славы не достаетъ только историка, который бы надлежащимъ образомъ описалъ его заслуги. Фридрихъ еще прежде, хотя и тщетно, старался отдѣлить папу Александра отъ ломбардцевъ; теперь онъ весьма благоразумно предложилъ ему роль

посредника; этою хитростью онъ склонилъ на свою сторону Александра и лишилъ ломбардцевъ всѣхъ выгодъ союза съ папою. Кремона и Тортона почувствовали это тотчасъ же, и въ томъ же году, когда была дана битва при Леньяно, заключили отдѣльный миръ съ императоромъ. Примѣру ихъ послѣдовали многіе другіе города, когда было принято предложеніе Фридриха о собраніи конгресса въ нейтральной Венеціи, а не въ городѣ ломбардскаго союза. На самомъ конгрессѣ (1177 г.) двадцать три города, и между ними Генуя, явились какъ союзники императора и только двадцать пять, къ которымъ присоединилась Венеція, какъ члены ломбардскаго союза. Условія, предложенныя ломбардцами, были очень умѣренны: въ главныхъ основаніяхъ они предоставляли императору тѣ права, которыми пользовались его предшественники по смерти Генриха IV. Не смотря на то, Фридрихъ не согласился на нихъ, не желая формальнымъ договоромъ съ прежними подданными связывать себѣ навсегда руки и объявить Ломбардію свободной. Онъ предпочиталъ заключить отдѣльный миръ съ папою, какихъ бы жертвъ это ни стоило ему. Попытка его удалась; Александръ и тогдашній представитель дома Эсте, главная опора папы, заключили съ императоромъ отдѣльный миръ. По условіямъ его, Фридрихъ отступился отъ своего антипапы и обѣщалъ нѣкоторыя другія уступки, на которыя онъ не согласился бы, еслибы былъ въ мирѣ съ ломбардцами; съ своей стороны папа призналъ и утвердилъ епископовъ и кардиналовъ императорской партіи, надѣлилъ антипапу аббатствомъ и отказался отъ права требовать новыхъ обязательствъ отъ императора. Для ломбардцевъ Александръ исходатайствовалъ вмѣсто ожидаемаго ими прочнаго мира только шестилѣтнее перемиріе, которое и безъ содѣйствія папы было бы заключено, вслѣдствіе истощенія силъ Фридриха и нетерпѣнія имперскихъ вассаловъ. Другое обязательство, истребованное Александромъ отъ императора по венеціанскому миру, обратилось во вредъ самому папѣ. Фридрихъ долженъ былъ обѣщать не предпринимать, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Неаполя и Сициліи, а это повело къ сближенію императора съ норманнскимъ королемъ, сближенію, котораго папа никакъ не ожидалъ и которое очень скоро дало блистательный для императора поворотъ дѣлу. Въ 1186 г. Фридрихъ, не смотря на противодѣйствіе папы, женилъ старшаго сына на наслѣдницѣ Неаполя и Сициліи и такимъ образомъ пріобрѣлъ своему дому самое цвѣтущее изъ государствъ тогдашней Европы. Заключивъ миръ съ Александромъ и освободившись отъ церковнаго отлученія, Фридрихъ отправился въ Венецію на свиданіе съ папой. Въ церкви св. Марка Александръ принялъ императора, который оказалъ ему обычные знаки почтенія: палъ передъ нимъ на колѣни, поцѣловалъ его ногу и по окончаніи богослуженія поддержалъ ему стремя.

Перемиріемъ съ ломбардцами императоръ воспользовался, какъ увидимъ ниже, для ниспроверженія нѣмецкой вѣтви вельфскаго дома. Глава этого дома, Генрихъ Левъ, нашелъ себѣ помощь въ Англіи и удержалъ за собой наслѣдственныя земли въ Германіи. Такимъ образомъ императоръ, предпринимая походы въ Италію, которые должны были дѣлаться все чаще и чаще, вслѣдствіе домогательствъ Фридриха на Неаполь и Сицилію, постоянно имѣлъ въ тылу врага. Кромѣ того, безъ дружественныхъ сношеній съ союзными ломбардскими городами, нельзя было и думать о соединеніи южно-итальянскаго государства съ Германіей. Все это заставило Фридриха, по истеченіи перемирія (1183 г.), заключить съ ломбардцами въ Констанцѣ формальный миръ, который, говоря безпристрастно, былъ одинаково выгоденъ для обѣихъ сторонъ; а впослѣдствіи, когда папа всевозможными способами противился браку старшаго сына императора съ наслѣдницею Неаполя, Фридрихъ пріобрѣлъ въ ломбардцахъ вѣрныхъ союзниковъ. Главныя условія констанцскаго мира были слѣдующія: ломбардцы сохраняли въ своихъ городахъ всѣ верховныя права, а внѣ городовъ, всѣ тѣ права и доходы, которые издавна принадлежали имъ. На будущее время консулы должны были быть утверждаемы, и притомъ безвозмездно, императорскими уполномоченными, кромѣ тѣхъ городовъ, гдѣ они назначались епископами. Въ процессахъ, предметъ которыхъ превышалъ стоимость двадцати пяти фунтовъ серебра, было предоставлено аппелировать къ императору, т. е. собственно говоря, по отдаленности разстоянія, не къ нему самому, а къ его фохтамъ въ городахъ и епископствахъ. Чтобы своимъ присутствіемъ не причинять городамъ лишнихъ издержекъ,

императоръ обѣщалъ не останавливаться ни въ одномъ городѣ или епископствѣ долѣе того времени, сколько будетъ необходимо. Наконецъ, городамъ было дозволено строить внутреннія и внѣшнія укрѣпленія и не только сохранить свой прежній союзъ, но, по мѣрѣ желанія, возобновлять его. Всѣ же договоры, заключенные изъ страха передъ императоромъ или вслѣдствіе притѣсненій его намѣстниковъ, были отмѣнены и объявлены недѣйствительными.

Пока Фридрихъ былъ занятъ итальянскими дѣлами и оставался въ Италіи, Генрихъ Левъ преслѣдовалъ свои властолюбивые планы на сѣверѣ имперіи, стремясь подчинить себѣ всю сѣверную Германію и обратить ее въ новую имперію. Не только въ Саксоніи и смежныхъ съ нею земляхъ, но и въ Баваріи, гдѣ преобладала сила его оружія, онъ жестоко преслѣдовалъ всякое сопротивленіе. Чтобы охарактеризовать образъ его дѣйствій, укажемъ на то, какъ поступилъ Генрихъ, найдя выгоднымъ для себя образовать изъ Любека значительный торговый городъ (1158 г.). Безъ дальнѣйшихъ церемоній онъ отнялъ у графа гольштейнскаго его права на этотъ городъ, принудивъ его силою уступить ихъ ему, даровалъ любекцамъ значительныя привилегіи и объявилъ въ сѣверныхъ государствахъ, что торговля съ Любекомъ освобождается отъ всякихъ пошлинъ. Съ этого времени Любекъ сталъ быстро разцвѣтать, а его населеніе увеличиваться въ громадныхъ размѣрахъ. Подчинивъ себѣ большинство вендовъ, Генрихъ переселилъ колонистовъ изъ Нидерландовъ въ Мекленбургъ и на берега Везера и Эльбы, добился отъ императора права назначить епископовъ въ покоренныхъ славянскихъ земляхъ, выхлопоталъ у папы ихъ утвержденіе, и не только построилъ въ тѣхъ странахъ многіе замки, но сдѣлалъ поставленныхъ имъ и зависѣвшихъ отъ него епископовъ владыками и повелителями вендовъ. Наконецъ, для окончательнаго покоренія вендовъ, онъ вступилъ въ союзъ съ великимъ королемъ Даніи, Вальдемаромъ I, который, съ помощью своего храбраго и мудраго друга, епископа Акселя или Авесалома, возвысилъ свое государство и, присягая императору за свои вендскія владѣнія на сеймѣ въ Безансонѣ (1162 г.), противопоставилъ попыткамъ сдѣлать его ленникомъ рѣдкую въ то время твердость и необыкновенное мужество.

Раздѣливъ съ Вальдемаромъ неправильно пріобрѣтенныя земли, герцогъ саксонскій поссорился со всѣми своими сосѣдями, на права которыхъ онъ не обратилъ никакого вниманія; но за то сдѣлался такъ силенъ, что, по выраженію одного лѣтописца, пріобрѣлъ могущество, какого никогда не имѣлъ ни одинъ изъ герцоговъ, и сталъ во главѣ князей. Чтобы противодѣйствовать общему врагу, епископы и князья сѣверной Германіи составили обширный союзъ, могущественнѣйшими свѣтскими членами котораго были маркграфъ Альбрехтъ Бранденбургскій и ландграфъ Людовикъ II Тюрингскій (въ 1166 г.). Они напали на герцога съ востока, въ то время какъ на сѣверѣ графъ Христіанъ Ольденбургскій всѣми силами поддерживалъ примкнувшаго къ союзу архіепископа бременскаго и отнялъ у герцога городъ Бременъ. Сначала положеніе Генриха было очень затруднительно: хотя онъ скоро и выгналъ изъ Бремена графа ольденбургскаго, но за то архіепископъ магдебургскій отнялъ у него Фрейбургъ въ Эрцгебирге, а когда онъ поспѣшилъ противъ архіепископа, Госларъ, бывшій, какъ кажется, очень значительнымъ вольнымъ городомъ, принялъ сторону его враговъ. Архіепископъ кёльнскій Райнольдъ, всемогущій въ Италіи при императорѣ, держалъ также сторону союзниковъ, а это было для герцога тѣмъ опаснѣе, что Фридрихъ уже тогда видѣлъ въ немъ врага имперіи и только старался не выказывать этого до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ счастью Генриха, лѣтняя римская лихорадка похитила архіепископа кёльнскаго и истребила множество людей въ войскѣ императора, который долженъ былъ изъ государственныхъ соображеній пріостановить войну въ Германіи. Еще до возвращенія изъ Италіи, Фридрихъ отправилъ къ князьямъ коммисаровъ съ приказаніемъ успокоиться и, перейдя Альпы, уничтожилъ союзъ, образовавшійся противъ Генриха. Онъ потребовалъ къ себѣ саксонскихъ князей и епископовъ, упрекалъ ихъ въ томъ, что своею распрею они поддержали возстаніе ломбардцевъ, и заставилъ ихъ уничтожить союзъ противъ Генриха и отдать ему всѣ захваченныя ими земли.

Могущество корыстолюбиваго нѣмецкаго князя возросло еще болѣе послѣ побѣды надъ его нѣмецкими врагами и по уничтоженіи ихъ союза. Онъ принудилъ воинственнаго Вальдемара, который уже тогда сталъ называться королемъ

датчанъ и вендовъ, раздѣлить съ нимъ добычу, пріобрѣтенную въ ограбленномъ имъ главномъ храмѣ рюгенцевъ (стр. 678), не смотря на то, что племя это было окончательно покорено только съ помощью датскаго флота. Хотя самъ Генрихъ еще прежде ограбилъ святыню Святовита, но храмъ и защищавшія его укрѣпленія были мало-по-малу возстановлены, и только Вальдемаръ или, вѣрнѣе, его другъ Аксель, одинаково могущественный на морѣ и на сушѣ и двинувшійся съ войскомъ и флотомъ противъ Рюгена, могъ нанести смертельный ударъ государству рюгенцевъ. Датчане одни овладѣли крѣпостями острова, одни поработили жителей Рюгена и принудили ихъ принять христіанство; но для сохраненія спокойствія Вальдемаръ все таки принужденъ былъ раздѣлить съ Генрихомъ плоды своего предпріятія (1169 г.). Вскорѣ послѣ того, чтобы отдѣлаться отъ неотвязчиваго императора, требовавшаго его помощи въ Италіи, Генрихъ совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ (1172 г.), которое обошлось ему гораздо дешевле крестоваго похода и принесло несравненно болѣе чести, потому что войскамъ противопоставляли на пути всевозможныя препятствія, тогда какъ не только греческій императоръ, но и всѣ вообще христіанскіе и мухаммеданскіе государи, черезъ земли которыхъ онъ проходилъ, какъ простой пилигримъ, принимали его, какъ одного изъ величайшихъ монарховъ Европы. Онъ возвратился (1173 г.) въ то время, когда Фридрихъ, желая начать свой главный походъ, для отмщенія ломбардцамъ, нуждался въ такомъ человѣкѣ и воинѣ, какъ Генрихъ; но герцогъ и тогда рѣшительно отказался принять участіе въ войнахъ Фридриха. Расширивъ свои владѣнія, онъ съ особеннымъ рвеніемъ продолжалъ горныя работы въ Гарцѣ, превосходно пользовался своими рудокопами при осадахъ и желалъ назвать своимъ весь Гарцъ и подчинить себѣ Госларъ. Фридрихъ не могъ и не хотѣлъ допустить, чтобы Генрихъ завладѣлъ этимъ городомъ, и, окончательно разсорившись съ герцогомъ, сталъ съ этого времени постоянно вредить ему. Въ 1176 году, незадолго до битвы при Леньяно, вражда между ними приняла открытый и непримиримый характеръ. Такъ какъ Фридрихъ въ то время не имѣлъ никакого права требовать помощи отъ герцога, то отказъ его и не могъ дать императору предлога начать непріязненныя дѣйствія. Но поводомъ къ нимъ послужила распря между Генрихомъ и его сосѣдями. Увидѣвъ настроеніе и замыслы Фридриха, архіепископъ Филиппъ Кельнскій, бывшій, подобно его предмѣстнику, Райнольду, другомъ и любимцемъ императора, тотчасъ же вторгся во владѣнія Генриха (1178 г.), увѣренный, что герцогъ отразитъ его силою; но Генрихъ, понявъ, какъ кажется, намѣреніе архіепископа, допустилъ его проникнуть до Гамельна и тогда обратился къ законному заступничеству императора. Это было сигналомъ всеобщаго движенія: всѣ враги Генриха обратились къ императору съ жалобами на него. Императоръ выказалъ свое враждебное настроеніе и тѣмъ, какъ онъ выслушивалъ и принималъ всѣ жалобы, и тѣмъ, что собралъ императорскій сеймъ, который долженъ былъ судить Генриха, въ Госларѣ, куда герцогъ не смѣлъ показаться, вслѣдствіе своей вражды съ населеніемъ этого города. Генрихъ былъ обвиненъ въ неповиновеніи и лишенъ всѣхъ почестей и леновъ. Какъ тяжела, впрочемъ, была борьба съ герцогомъ саксонскимъ, видно изъ того, что процессъ этотъ длился почти два года, а по окончаніи его герцогъ все-таки не отдалъ отнятыхъ у него владѣній, но взялся за оружіе. Оправданіемъ насильственному сопротивленію послужило для него тоже право, на основаніи котораго его обвинили: древній обычай, по которому каждый обвиненный судился только въ своемъ отечествѣ, далъ ему поводъ утверждать, что надъ нимъ, природнымъ швабомъ, не могъ быть произнесенъ приговоръ въ Госларѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ Генрихъ велъ войну, гибельную для своихъ враговъ. Наконецъ, императоръ, для выполненія того, что было признано справедливымъ, былъ принужденъ призвать еще на помощь короля Вальдемара. Такимъ образомъ число непріятелей стало слишкомъ велико, обѣщанная императоромъ добыча слишкомъ богата, и Генрихъ сдался. Потерявъ все, онъ явился къ императору и на колѣнахъ просилъ помилованія; но не былъ прощенъ.

Развалинами большаго государства, которое Генрихъ созидалъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, обогатились многія германскія династіи. Домъ Виттельсбаховъ, тогдашній глава котораго, пфальцграфъ Оттонъ, оказалъ такъ много услугъ императору, былъ надѣленъ баварскимъ герцогствомъ; могущественные графы

андехскіе получили, подъ именемъ герцоговъ меранскихъ, франконскія владѣнія; графу Бернгарду Ангальтскому, сыну Альбрехта Медвѣдя, были даны, хотя и съ значительными ограниченіями, герцогскія права въ Саксоніи; епископамъ нижней Саксоніи розданы помѣстья и права непосредственно отъ императора, такъ какъ прежде они получали ихъ черезъ герцога; вендскіе князья, Богиславъ и Казиміръ, были сдѣланы герцогами померанскими; Госларъ сохранилъ свою свободу и его владѣнія были увеличены; наконецъ Любекъ, бывшій до тѣхъ поръ герцогскимъ муниципальнымъ городомъ, сталъ такъ же, какъ и до тѣхъ поръ подчиненный герцогу баварскому Рейнсбургъ, императорскимъ вольнымъ городомъ. Поведеніе Любека, во время борьбы между Генрихомъ и его врагами, заслуживаетъ быть упомянутымъ къ чести этого города, какъ примѣръ прочности союза, основаннаго на благодарности. Любекцы остались вѣрны герцогу, которому были всѣмъ обязаны, даже и тогда, когда ихъ городъ былъ осаждаемъ Фридрихомъ и Вальдемаромъ съ моря и съ суши. Доведенные до послѣдней крайности, они отправили депутатовъ спросить у герцога, хочетъ ли онъ, чтобы граждане упорствовали въ защитѣ, и только тогда сдались императору, когда Генрихъ далъ имъ на то свое согласіе.

Глубоко униженный, Генрихъ отъ всего своего государства едва спасъ остатки старинныхъ наслѣдственныхъ владѣній своей фамиліи. Но никакая сила и никакіе уговоры не могли заставить этого непреклоннаго человѣка признать императорскій приговоръ и отказаться отъ своихъ притязаній. Впрочемъ, и самъ императоръ не имѣлъ намѣренія совершенно погубить его, но, уступая требованіямъ враговъ Генриха, долженъ былъ изгнать его на три года изъ имперіи. При этомъ всѣ пріобрѣтенныя имъ, по наслѣдству, фамильныя владѣнія, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалось герцогство брауншвейгское, были торжественно обезпечены за Генрихомъ. Герцогъ удалился (1182 г.) къ своему тестю, королю англійскому, Генриху II. Въ 1163 году, разведясь, подъ предлогомъ родства, съ своей первой женой, Клеменціей, дочерью герцога Конрада Церингенскаго, онъ женился (1167 г.) на англійской принцессѣ Матильдѣ, обольщенный ея богатымъ приданымъ. Его тесть велъ за него переговоры съ папою и императоромъ и въ 1185 г., исходатайствовалъ ему у Фридриха позволеніе возвратиться въ Германію. По всей вѣроятности, онъ выхлопоталъ ему тогда и другія права, которыми однако Генрихъ не пользовался, потому что его поведеніе, во время предпринятаго Фридрихомъ крестоваго похода, было причиною его вторичнаго удаленія (1188 г.).

Со времени усмиренія Генриха и почти одновременно заключеннаго мира съ ломбардцами, все вниманіе императора устремилось на королевство Неаполь и Сицилію, король котораго, Вильгельмъ II, не имѣлъ дѣтей и этимъ открывалъ надежду своей еще незамужней теткѣ, Констанціи, достигнуть престола. Фридрихъ задумалъ женить своего старшаго сына, Генриха, на Констанціи и этимъ бракомъ соединить по смерти Вильгельма корону неаполитанско-сицилійскаго государства съ нѣмецкою, вопреки всѣмъ противодѣйствіямъ папы: несчастная мысль, причинившая столько бѣдствій и наконецъ гибель его роду. Фридрихъ всячески старался придать сыну блескъ своего могущества и достоинство; но всѣ его старанія были напрасны, потому что природа отказала молодому принцу не столько въ талантахъ, мужествѣ и величіи, сколько въ свойствахъ благородной души. Фридрихъ велѣлъ избрать его нѣмецкимъ королемъ и короновать, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ отъ роду. Въ честь же принятія его въ рыцари и чтобы показать итальянцамъ блескъ ихъ будущаго короля, Фридрихъ устроилъ 1184 г. на майнцской равнинѣ, потому что самый городъ не вмѣщалъ множества столпившагося народу, такой великолѣпный коронаціонный праздникъ, какой едва ли когда-нибудь праздновался. Этотъ знаменитый день, на который явились многіе свѣтскіе и духовные владѣтели съ тысячами рыцарей, изъ ближнихъ и дальнихъ странъ, описанъ однимъ современнымъ нѣмецкимъ писателемъ, какъ первый и единственный національный праздникъ, подробнѣе, многихъ войнъ; у англичанъ этотъ день былъ извѣстенъ, какъ праздникъ коронаціи молодаго императора, а одинъ изъ очевидцевъ, стихотворецъ романскаго происхожденія, воспѣлъ его, по смерти Фридриха, французамъ, какъ праздникъ, который можетъ быть сравненъ только съ придворными пирами Агасвера и Есѳира, Юлія Цезаря, Артура и Александра рыцарскихъ романовъ.

Послѣ того какъ Фридрихъ примирился съ ломбардцами и устремилъ свое вниманіе на Неаполь, вспыхнула новая распря, угрожавшая разъединить навсегда церковь и имперію. Задержанная третьимъ крестовымъ походомъ и участіемъ въ немъ Фридриха, она не замедлила вскорѣ разразиться еще съ большей силой.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.